№ 61
Июль 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого сотрудника штабс-ротмистра

Федора Евгенеевича Кочетова

последовавшей после долгой и тяжкой болезни, в Германии.

СОДЕРЖАНИЕ:

Изменение правил подписки:
Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам. дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.
Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

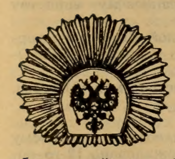
ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

12-й год издания | № 61 ИЮЛЬ 1963 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

К 150 летию 1-го Сибирского Императора Александра 1 кадетского корпуса

1/14 мая сего года исполнняется 150 лет со дня основания 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса, и мне, как бывшему воспитаннику этого корпуса и участнику празднования столетнего юбилея этой славной школы, хотелось-бы напомнить, не только своим сибирякам, но и всем бывшим кадетам Российских Императорских кадетских корпусов, одно врезавшееся в память, и так сейчас необходимое на деле, стихотворение, составленное одним из бывших кадет нашего корпуса (Н. А. Михайлов) и прочитанное на общем кадетском завтраке в день столетнего юбилея корпуса:

«Не ношу я аммуниции:
Я ведь штатский, господа,
Но кадетские традиции
Не забуду никогда.

Я кадет... Ни фрак, ни звание
Не сотрут окраски той,
Что дало мне воспитание,
И оно умрет со мной.

Школа пройдена суровая...
Что-ж, об этом спору нет,
Но там сила в нас здоровая
Зрела с самых юных лет.

Сила эта — дружба верная,
Светлый разум, здравый толк:
Их Царю любовь безмерная, —
Это первый, высший долг.

Господа, из солидарности
С тем, что я сейчас сказал,
Каждый с чувством благодарности
Пусть осушит свой бокал:

За родное заведение —
Слава, честь ему, хвала, —
Не скрывая чувств волнения,
Грянем в честь его «УРА».

В этом своем коротком стихотворении-здравице мой однокашник Н. А. Михайлов точно охарактеризовал ту подготовку, которую давал наш корпус (и все другие кадетские корпуса) своим воспитанникам: «Я кадет... ни дар, ни звание не сотрут окраски той, что дало мне воспитание, и оно умрет со мной»...

Я думаю, что с этим согласятся бывшие воспитанники всех кадетских корпусов, и вместе со мной помянут добрым словом славный 1-й Сибирский Императора АЛЕКСАНДРА I кадетский корпус в день его стапятидесятилетняго юбилея.

Вспомнят и свои родные корпуса, еще раз переживут в своей памяти лучшие годы своей жизни — свои кадетские годы, и оживят в своем сердце, начавшие уже к сожалению замирать, те заветы, которые дал и воспитал в нас кадетский корпус: верная дружба, взаимная поддержка, верность своему долгу и служба Родине-России до последняго нашего издыхания.

Описание Истории родного корпуса заняло бы слишком много времени, да это и не позволит сделать размер моей статьи, а потому, я думаю, будет достаточно напомнить лишь «Высочайшее Благоволение Корпусу» и «Высочайшую Грамоту» на пожалованное к юбилею знамя, дающие своим содержанием, краткую Историю Корпуса.

ВЫСОЧАЙШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ.

«Божиею милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая и прочая, Нашему Первому Сибирскому Императора Александра I кадетскому Корпусу.

В царствование блаженной памяти Императора Александра Первого Благословенного, 1-го мая 1813 года, на дальней окраине, в Омске, по мысли Командира Отдельного Сибирского корпуса генерала Глазенапа, было учреждено Омское войсковое казачье училище для воспитания и образования в нем сыновей сибирских казаков, открытое с небольшим комплектом учащихся.

Училище в конце 1812 года имело сотенный состав питомцев и, постепенно развиваясь, в 1819 году увеличило свой состав до 332 человек учащихся, дав в 1822 году первый выпуск офицеров, подготовленных для несения службы в казачьем войске.

Училище упрочило свое положение и, преобразованное в 1826 году в Училище Сибирского Линейного казачьего войска, заведение это было вспоследствии расширено путем присоединения к нему Азиатской школы, имевшей целью подготовлять переводчиков для сношения с местными инородцами-татарами и киргизами.

В 1845 году Омское Училище Сибирского линейного казачьего войска было преобразовано в Кадетский корпус, с наименованием его Сибирским.

Получив в том-же году одинаковое с прочими кадетскими корпусами Империи устройство, Сибирский кадетский корпус пережил с ними ряд преобразований, которые коснулись этих заведений сперва в период существования военных гимназий, а затем и в период переименования этих заведений в кадетские корпуса, причем с 1907 года Сибирский кадетский корпус стал именоваться Омским.

Втечение протекших ста лет Омский корпус подготовил сотни офицеров, с честью исполнявших свой святой долг, из коих многие запечатлели служение свое престолу и родине смертью на полях сражений.

В знаменательный день столетнего юбилея Мы с отрадным чувством изъявляем Омскому кадетскому корпусу НАШЕ МОНАРШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ и повелеваем именоваться ему впредь Первым Сибирским Императора Александра Первого кадетским корпусом. Уповаем, что в стенах сего заведения и впредь будут подготовляться крепкие в вере, сильные духом и телом, образованные и преданные долгу офицеры для нашей доблестной армии.

На подлинном собственной Его Императорского Величества рукою написано «НИКОЛАЙ».

В Царском Селе 1 мая 1913 года.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

«Божией Милостию, Мы НИКОЛАЙ II, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая и прочая и прочая.

Нашему Омскому кадетскому корпусу.

По случаю совершения ныне ста лет со времени учреждения в 1813 году в городе Омске Войскового училища, от коего ведет начало Омский кадетский корпус, Всемилостивейше жалуем сему корпусу препровождаемое при сем новое знамя с надписями «1813—1913», повелеваем знамя сие, освятив по установлению, употреблять на службу Нам и Отечеству, с верностью и усердием Российскому воинству свейственными».

На подлинной собственной Его Императорского Величества рукою написано «НИКОЛАЙ».

В Царском Селе 1-го мая 1913 года.

Это второе знамя, пожалованное родному корпусу, — первое было пожаловано 12-го ноября 1903 года.

В годы революции и последовавшей за ней гражданской войны, 18-го ноября 1918 года, когда власть в Сибирии перешла в руки Адмирала А. В. Колчака, корпус был восстановлен с переименованием в 1-й Сибирский кадетский корпус (сделал один выпуск), остававшийся в Омске до 30 августа 1919 года, когда под тем-же наименованием был эвакуирован в г. Владивосток. Сделав там три выпуска, корпус, в 11 часов утра 25 октября 1922 года покинул Россию и был эвакуирован из Владивостока в Шанхай (Китай), где дал еще два выпуска.

6-го ноября 1924 года корпус был переброшен из Шанхая в Югославию, где и закончил свое существование как самостоятельное отдельное военно-учебное заведение. Все его воспитанники были распределены по уже ранее прибывшим в Югославию с Юга России корпусам: младшие классы попали в Донской корпус, а 7-й класс — в Русский корпус с Сараево.

Этот последний этап жизни 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса коротко описан в последнем приказе по корпусу, отданном его последним Директором, Полковником В. И. Поповым-Азотовым, 1-го февраля 1925 года:

«Дорогие кадеты-Александровцы. Сегодня 1-го февраля 1925 года, воспитывавший вас 1-й Сибирский Императора Александра I кадет-

ский корпус прекращает свое существование.

Как спаянная любовью семья стремится продлить дни находящегося на смертном одре любимого прадеда, так и мы, да будет это нам в утешение, сделали все от нас зависящее, чтобы отдалить на несколько лет оказавшуюся, увы, неизбежной кончину дорогого нам корпуса.

Сохраните же навсегда незапятнанной светлую память об орлином гнезде-питомнике героев, 112 лет дарившем Родине самоотверженно-стойких и безупречно верных работников на всех поприщах Государственного служения.

Запечатлейте, как святыню, в своих юных сердцах вензель А 1, который вы с гордостью носили на погонах, и да останется он для вас навеки эмблемой чести и благородства, которыми как драгоценный бриллиант, блистал Венценосный Рыцарь, Основатель корпуса. Да будет этот вензель, выкованный в жгучем пламени любви к нашей страдалице-Родине, которым, знаю, горят детски-чистые сердца ваши, той ладанкой, которой прадед-корпус благословляет вас на жизненный подвиг. В этой ладанке кристаллизовались священные заветы старины Русской и традиции, которыми корректировали свою жизнь деды и отцы ваши.

Спасибо вам, дорогие сотрудники г. г. офицеры, до конца исполнившие свой долг. Когда наступит радостный день возвращения на Родину, а он, верю, близок, убежден в неминуемости, в ряду других, и нашего славного корпуса. Будущий историк страдного периода его существования не забудет увековечить ваши имена.

Пока же не наступил этот вожделенный день, работайте, кадеты, не покладая рук, спешите обогатить ваш ум знаниями, закаляйте вашу волю, приумножайте ваши физические и духовные силы. Помните, что Родина-мать ждет вас, нуждается в вашей помощи. Но нужны ей не слабосильные робкие полузнайки, а могучие душой и вооруженные знаниями богатыри.

Только таким по плечу поднять с одра тяжкой затянувшейся болезни нашу страдалицу мать. Прочь пошлые, своекорыстные, себялюбивые расчеты, не место им в этом святом деле и не к лицу они Александровцам.

Итак, с Богом родные Александровцы, вперед за работу и да благословит вас Господь».

И. Д. Директора 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса

Полковник Попов-Азотов.

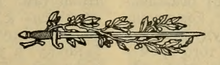
Заканчивая эту короткую памятку о родном нам 1-м Сибирском Императора Александра I кадетском корпусе, я хочу напомнить, нетолько моим однокашникам кадетам-Александровцам, но и бывшим воспитанникам всех остальных Российских кадетских корпусов о том, какое обязательство приняли мы на себя, включившись в эту, одну на всю Великую Россию, кадетскую семью. Хочу напомнить им о том, что хотя по воле Божьей, мы и не получили возможности служить своей Родине-России и Ее Венценосным Государям в рядах славной Императорской Российской Армии до конца своих дней и сейчас обретаемся за границей на правах беженцев-эмигрантов, мы все-же имеем возможность и должны продолжать свое офицерское служение, защищая свою Родину-Россию от клеветы и наветов, которые незаслуженно и очень щедро сыплются на нее со всех сторон. Собирая по крупицам, записывая и публикуя в прессе правду и истину о России, о Ее Государях и о Ее славной Армии, мы тем самым противопоставим чистую правду о России той гнусной лжи и неправде, которые столь щедро предподносятся миру в иностранной прессе угодливыми слугами «настоящего момента».

Честь и хвала Председателю Обще-кадетского объединения во Франции А. А. Герингу, и его сотрудникам, которые, в исключительно тяжелой обстановке, все-же нашли возможным издавать орган «защиты Императорской России и Ее Армии» — «Военную Быль». Они дают и нам возможность выполнить наш долг и от нас самих зависит сделаем мы это или останемся неблагодарными своей школе, учившей нас даже «полагать живот свой за Родину;.

Если мы, впитавшие в себя еще в стенах корпуса, идею Великой Национальной России, не скажем о Ней слова защиты и правды, то кто-же сделал это!? В этом заключается наш долг. Этим мы не только оправдаем свое пребывание в стенах родной военной школы, но и отблагодарим ее за то, что она сделала нас русскими, сделала нас людьми верными своему долгу и не уклоняющимися от своих служебных обязанностей.

Слава Родному Корпусу, слава всем Российским кадетским крпусам! Слава их Венценсным Основателям!

Г. С. Челпанов

Члены полковой семьи

«Наш полк — чарующее слово...» все знают это стихотворение нашего незабываемого поэта и воспитателя Великого Князя Константина Константиновича .

Я прибавлю к этому — «наша семья», и это всецело понятно только тому, кто знал старые русские полки, особенно те, которые своей кровью берегли границы родной земли. Только в этих полках можно было встретить те навсегда исчезнувшие типы, о которых я даю этот краткий очерк. Я не пристрастен и далек от мысли приукрашивать и наделять их идеальными качествами. Читатель поймет, что, при всех недостатках каждого, люди эти жили исключительно интересами родного полка и, выйдя в отставку, продолжали быть членами полковой семьи. Всеми прежде всего руководило чувство долга перед Родиной и чувство тесной взаимной дружбы.

1. **Анна Михайловна Бухановская**. — Ее так и звали — «наша Анна Михайловна». История ее в то время, время войны с горцами, казалась обыкновенной, такие примеры можно найти в романах из кавказской жизни Мордовцева или Немировича-Данченко (Старый Закал, Горе забытой крепости, Горные орлы и т. д.). Ее история — это часть истории полка, при котором она начала свою жизнь.

Окончив один из институтов в России, она, сирота, приехала на житье к своему семейному брату, штабс-капитану Самурского полка Бухановскому, в штаб-квартиру полка, захолустье с крепостью, запирающей выход из гор. Вероятно, начитавшись в институте про Аммалат-Бека и др., она и раньше мечтала об интересной жизни бурного Кавказа, среди схваток с горцами и разных приключений. И вот молоденькая Аня трагически прошла чрез все это.

В 1873 г. началось восстание в Дагестане в связи с назревавшей войной с Турцией. Память о необыкновеном вожде мюридизма Шамиле не заглохла среди горцев, и полчища восставших, вырезавших всех до последнего, осаждали почти все небольшие крепости. Батальоны и даже отдельные роты, идя форсированным маршем, не успевали приходить на помощь осажденным крепостям и постам. Досталось тогда многострадальному кавказскому воину! Сколько их погибло, знала только полковая история. Нам же, очевидно, не суждено будет и знать.

4-й батальон полка, освободив от осаждавших его полчищ горцев гор. Дербент, комендантом крепости которого был мой будущий дед со стороны матери в большом, для того времени, чине майора, получил сведения чрез специальных гонцов о том, что штаб-квартира полка также подверглась нападению восставших. Гарнизон ее был очень небольшой и состоял главным образом из нестроевых команд под командой штабс-капитана Бухановского. Батальон бросился на выручку своего родного гнезда, форсированным маршем за сутки прошел 53 версты, а последние 20 верст бегом. Штаб-квартира освобождена, район очищен, но жертв много. Среди них штабс-капитан Бухановский, который был зарезан со всей своей семьей на глазах только что прибывшей из института Анички. Как она уцелела — неизвестно, но она осталась сиротой без средств и без всякого жизненного опыта.

Край успокоился, полк вошел в нормальную жизнь. Аничку не бросили, она стала дочерью полка. Ей дали комнату и какое-то пособие. Но она, пережив трагедию, ушла в себя, отказалась от личной жизни и всю свою неизрасходованную любовь и нежность отдала детям. Она занялась учением и воспитанием буквально всех детей полка и не только полка, но и детишек поселенцев, которые жили около полка, и горцев мирных, и горских евреев. Разницы она не делала никакой. Все, что ей приносили, она тратила на детей. Жила она в маленькой комнатушке, но и ту отдала под свою школу, а сама ютилась за занавеской в передней. Я помню ее уже седой старой девой с несколько смешными манерами, одевавшейся старомодно и носящей на голове какую-то чудовищную шляпку, на которой были цветы и овощи всех времен года и, вдобавок, наверху сидела причудливая птица. Но смеяться над ней никто не пытался, слишком добрым ангелом была она для всех детей. Собствено говоря, у нее была не школа, а детский сад. В теплый день и летом Анна Михайловна, окруженная малышами обоего пола с корзинками и пакетами, как наседка оберегая каждого, спускается, бывало, в большой полковой сад или за речку, и все матери, имея на руках еще грудного, довольны избавиться хотя бы на день от ребенка. Деторождаемость же у семейных офицеров была нормальная в то время, т. е., по 5-6 чел. детей. Как только малыш начинал сам ходить и торчать на улице, то приставал к матери, прося отпустить его к Анне Михайловне. Ничего не помогало и вот, снабдив ребенка запасными штанишками, маленьким ранцем и прочими атрибутами детского учения, отправляли его «учиться» к Анне Михайловне. Бывало, сама просила отпустить к ней поиграть Колечку или Тиночку, а уже оттуда ребенка нельзя было вытянуть. Готовила детей она хорошо — все читали и писали, а для дальнейшего учения —

подготовки в средне-учебное заведение — дети переходили к другой профессиональной учительнице, которая была строга, но ее ученики редко не выдерживали вступительного экзамена. Бывало, войдешь в комнату — класс Анны Михайловны — нет места, но все читают, пишут, потом играют, что-то рассказывают и завтракают. Все свои скудные заработки, а плата была условлена 1 рубль в месяц, она тратила на детей, никогда ничего не просила и каждому ребенку делала подарок ко дню его рождения или именин. Иная мать, за многочисленностью потомства, забудет, но является Анна Михайловна с подарком и напоминает, что сегодня ее Олечка именинница. Весь зимний сезон она наполняла детскими спектаклями и елками. Выписывала почти всю детскую литературу, вернее, сам полк делал это для нее. Без «Задушевного слова» ни один ребенок у нее не воспитывался. Если почему-либо давно не было детского спектакля, то публика волновалась и спрашивала: «Что же, Анна Михайловна, когда будет спектакль?» Она же была и режиссер и суфлер и администратор импровизированной труппы. По воскресеньям и по праздничным дням Анна Михайловна шла по главной улице, которая, как и в каждом гарнизоне, называлась «офицерской», и собирала детишек в церковь. Бывало, малыш, увидав в окно качающийся огород на шляпе Анны Михайловны, кричит: «Скорее, мама, уже Анна Михайловна пошла, а я еще не готов...» и догонял ее, окруженную толпою детишек. В церкви она ставила всех детей отдельно впереди и учила, как молиться и вести себя в церкви.

О святая женщина, сколько поколений ты довела до институтов и кадетских корпусов! И часто приехавший на каникулы в родные места юнкер или произведенный молодой офицер спешил навестить Анну Михайловну, и та, застенчиво показывая его детворе, говорила: «вот Боречка был маленький-маленький, как и вы все, но учился и стал офицером», причем конфузилась и плакала.

Она была в каждой семье своим человеком, и никто никогда плохо о ней не говорил. Такой она была до конца жизни полка в этом местечке и, когда полк перевели на северный Кавказ, никто не узнал, куда же она делась. Вероятно, ей трудно было расстаться с дорогими могилами, а, может быть, она уехала в Россию к своим дальним родственникам, но о своей личной жизни Анна Михайловна никому не говорила, да вряд ли и была она у нее. Теперь, наверно, нет в живых Анны Михайловны, раз мне, ее питомцу, 70 лет, но думаю, что память о ней до смерти не изгладится у ее учеников. Она заслужила почетное место на военном кладбище полка, но полка нет, нет и кладбища, и то место, где мы родились, место, политое обильно кровью кавказских воинов, исчезло навек, предварительно превратясь в груду развалин... На его месте появился поселок с чужими людьми, названный нелепым именем «Сергокала».

Мир праху этой замечательной русской женщины!

2. **Дедушка Буданов**. — Нас малышей, не слушавшихся родителей, пугали словами: «Вот подожди, отдам тебя Буданову. Когда он приедет ночью, он посадит тебя в свою бочку и увезет». В какую бочку — мы знали, и читатель ниже узнает также...

Отслужив все положенные сроки и сверхсроки, этот николаевский солдат, шевронист, украшенный «регалиями», исколесивший ногами весь Дагестан, очутился в чистой отставке. Куда ему деваться? С родной деревней связь потеряна давно, военная служба не давала времени обзавестись семьей и вот старик приткнулся к родному полку. Ротные плотники сколотили ему в слободке хатенку. Полк давал ему от себя какую-то пенсию, и ему дали «дело». Если бы он был обучен грамоте, то, может быть, имел бы в канцелярии маленькое место, но дед был неграмотен. «Дело», которое ему поручили, было, говоря современным языком — дело начальника санитарной части, попросту, ассенизатора. Дали ему старого мерина, также участника походов, который, как стал на ноги, так и стоял неподвижно, пока его уговорами не потянули куда нужно; дали большую бочку и прерогатив власти — большой черпак. Да простит меня читатель за неэстетическую сторону рассказа. Старик работал, конечно, только ночью и не было ему отбоя от клиентов. Какие-то денежки сыпались ему в карман, и он был очень доволен своей участью, но к старику иногда невозможно было подойти — не его вина была в этом.

Это — его служба, его будничная жизнь. Другая же жизнь начиналась под праздники, которые он свято чтил, ибо был очень набожен. В субботу вечером и в воскресенье утром, чисто одетый, в стареньком мундире, увешанном медалями, среди которых была медаль за взятие Гуниба, дедушка Буданов шел в полковую церковь нарочно по главной улице.

В церкви он — свой человек и величина — стоял возле клироса и подпевал, потом в сопровождении другого отставного солдата, старика Коломейцева, обходил молящихся с кружкой, собирая пожертвования, и, низко кланяясь каждому, говорил: «Спаси вас Христос и Царица Небесная». Собирал свечи и уходил последним. Идя мимо гауптвахты, перед которой после церковной службы всегда сидели офицеры полка, главным образом старые и охотники, дедушка останавливался, становился во фронт и

здоровался: «Здравия желаю, Ваше Высокородие». С ним долго разговаривали и спрашивали: «Ну что, дед, и сегодня напьешься?» На что старик отвечал: «Как же можно без того, ведь нонче ограмаднейший праздник», и шел дальше, козыряя всем и становясь во фронт перед теми кому полагалось. Привычка, вкоренившаяся по самую смерть. Но вот день кончается. Вдруг дикий топот солдатских кованых сапог и появляется фигура нашего деда, качающегося от одной стороны улицы к другой. Ежеминутно останавливаясь, дед здоровается с невидимыми батальонами и ротами. — «Здорово, славные самурцы!» — «Спасибо за служжбу!» И сам за всех отвечает и командует себе: «Шагом марш!»

Все детишки выскакивают на улицу смотреть на парад Буданова, но не смеют смеяться над ним, так как он был грозой для непослушных малышей; они были уверены, что он, действительно, может каждого посадить в свою страшную бочку и увезти далеко от папы и мамы.

Так жил, вернее, кончал жить этот незаметный герой Кавказа. Как-то, отчего неизвестно, вероятно от общей старости деда, его бочки и мерина, бочка лопнула, и все наше местечко надолго было отравлено.

Я уже был не дома, а в корпусе, когда дедушка Буданов исчез с горизонта и перешел на военное кладбище. В детстве мы любили посещать это кладбище, знали, кто где похоронен, и помнили почти всех известных героев полка, имена коих записаны в книгу «История 83 пехотного Самурского полка».

---

3. **Капитан Васильев.** — Отчего он был такой толстый? — Ломали мы себе голову, и наша мама, которой мы задавали этот глупый вопрос, отмахивалась от нас. Ведь походная жизнь ротного командира не располагала к полноте. Может быть, в молодости он был другим, тонким, стройным, но мы помнили его всегда высоким, толстым и на коротких ножках. Когда его рота шла походом , он сбоку трусил на маленькой линейке. Но он был знаменит не толщиной, а способностью легко танцевать мазурку. Никто лучше его не мог ее протанцевать. Несмотря на толщину, легкость его движений была особенной. Когда под конец танцевального вечера в полковом собрании, заказывали мазурку, то молодежь входила в карточную комнату и вытаскивала из-за стола игравшего в винт Васильева. Он выбирал себе даму под стать, не молодую, не худую, но не громоздкую. На эту пару все сходились посмотреть, а молодежь поучиться, даже гулющие на бульваре бежали, зная, что не всегда увидишь такое зрелище. Особенно легко Васильев выкидывал свою ножку и становился на колено. Шпор у него не было, не было и шума, все бесшумно и грациозно. Как очарованные, все смотрели на танцующих, стараясь не пропустить ни одного па. Заморив даму и поцеловав ручку, Васильев шел в буфет выпить рюмку водки и опять садился играть в винт до утра.

Одно обстоятельство смущало нас детей, а именно то, что его крестники — дети другого капитана, находившегося уже в отставке, были удивительно похожи на него, крестного отца. Когда мы выросли, то поняли это «странное явление». Но все это не мешало жить всем в дружбе, без драм и без дуэлей. Все это были пустяки...

(Окончание следует)

Б. Кузнецов

Переход через Байкал

Переход через район Тулуна и Черемхово, перешедших на сторону красных еще в конце декабря 1919 г., совершался в чрезвычайно тяжелых условиях. Частям Сибирской армии буквально приходилось пробивать себе дорогу на восток. Каждая стоянка для отдыха, каждый ночлег добывались с боя, который приходилось вести головным частям колонны. Разбитые белыми авангардными частями красные не уходили назад, а рассеивались и снова нападали на сзади идущие части; везде был фронт, не было простой возможности спокойно отдохнуть после тяжелого перехода в суровую сибирскую зиму.

Шли несколькими колоннами, причем кавалерия обычно двигалась проселочными дорогами, к северу и к югу от «большого сибирского пути», по которому шла пехота и санитарные обозы. Разбитые на главном тракте красные, откатившись в стороны, неизменно встречались с белыми кавалерийскими колоннами. «2-я батарея» (3-й взвод Офицерской сотни) поочередно с другими взводами сотен и полков, составлявших Сибирскую каз. бригаду, то

шла в голове колонны, как разведка, то несла сторожевое охранение на местах ночлегов. Наряды эти бывали почти ежедневно и окончательно выматывали людей и лошадей.

Кажется 9-го февраля 1920 года, Сибирская казачья бригада еще до полудня вышла на «большак» и вошла в огромное село (Усолье?). После ночного перехода каждый предвкушал заслуженный отдых, тем более, что село прямо кишело частями и обозами (трудно было в то время отличить, где кончалась воинская часть и начинался обоз), то-есть была полная возможность, хоть на некоторое время, не попасть в наряд и спокойно отдохнуть раздетым.

Однако, эти ожидания не оправдались: только успели задать корм лошадям и сами уселись за неприхотливую, наскоро приготовленную, но горячую еду, как ординарец из штаба привез приказание — через 2-3 часа готовиться к выступлению под Иркутск.

К Иркутску шли ускоренным маршем, почти не делая привалов, иногда шли даже рысью и к вечеру подошли к ст. Иннокентьевка (верстах в 7 от Иркутска). Мы не знали в то время, что адмирал Колчак был передан «союзниками» в руки красных и уже расстрелян в Иркутске дня за два до этого (7-го февраля).

В Иннокентьевке опять было объявлено, что это только лишь привал и что через несколько часов мы выступаем дальше. Снова спешно кормили измученных лошадей, а сами старались тоже хоть немного отдохнуть, лежа на полу своей хаты. Кто-то приходил к нам и мы слышали сквозь дремоту, что на станционном складе можно получить одеяла и даже кое-какое обмундирование и белье; но даже и это, столь заманчивое, приглашение мало трогало нас, так как усталость брала свое: отдых был дороже всех прочих земных благ.

Уже в темноте выступили из Инокентьевки и двинулись вдоль полотна железной дороги по направлению к Иркутску. Вдали мелькали огни большого города, но неприветливо было это мигание, ведь город был в руках красных. То и дело на железно-дорожном полотне встречались чешские бронепоезда, прислуга которых находилась на своих «боевых» постах и недружелюбно смотрела на проходившую колонну белых бойцов. Их орудия и пулеметы были направлены в нашу сторону. Почему? Как нам пояснили потом, между «союзниками» и красным иркутским правительством было заключено временное соглашение, по которому нам было предоставлено право «пройти мимо Иркутска, не заходя в него». По этому соглашению каждая сторона, открывшая огонь, будь-то белые или красные, должна была немедленно попасть под огонь «братушек» и их бронепоездов.

Проходим Глазковское предместье. Вот и мост через Ангару, столь знакомый мне за время моего учения в Иркутске (в Оренбургском военном училище) всего лишь год тому назад. Приказано не курить и не останавливаться. Идем, как автоматы, не только потому, что безумно устали и мы, и наши кони, но гнетет еще и мысль: почему мы не заходим в Иркутск?, почему мы его не берем, а идем по его окраине, не имея права даже курить и останавливаться?

Еще два часа беспрерывного движения. Идем уже по какой-то глухой проселочной дороге, кругом непроходимая тайга. Чтобы не заснуть, большую часть пути идем пешком, хотя ноги уже почти отказываются двигаться. Вдруг впереди послышалось несколько винтовочных выстрелов. Колонна остановилась, сна как не бывало. Но остановка была очень кратковременной, через несколько минут движение возобновилось и мы увидели причину остановки: 3-4 мертвых красных, повидимому, их разведка или дозор, следивший за нами, неосторожно обнаруживший себя... Расчет короткий: обмен выстрелами и более сильный двигается дальше, не обращая внимания на трупы убитых.

Уже на рассвете вышли мы на Ангару, где-то у ст. Михалево. Здесь год тому назад, на полигоне, еще юнкером артиллерийского училища, я проходил выпускную стрельбу из орудий. Тогда мы были полны надежд на счастливое будущее, расчитывали на скорую победу над красными и на восстановление прежней великой и могучей России. Сейчас, на рассвете 10-го февраля 1920 года, мы входим в это небольшое селение усталыми, измученными, полу-изгнанниками своей Родины, так как после позорного «обхода» Иркутска, без права постоять за себя на своей земле, мы иначе и не могли себя рассматривать. Колонна остановилась. Объявлено, что будем кормить лошадей и отдыхать до полудня.

«Будем кормить». А чем? На это нам ответить не могли. Клочки соломы и сенная труха, добытые в деревушке, и овес, запасенный еще в Иннокентьевке, до некоторой степени разрешили этот вопрос. Сами разбрелись кто-куда, стараясь найти теплый угол. Маленькая деревушка не могла вместить нас всех, поэтому на улицах зажглись костры, около которых грелись промерзшие люди. Офицеры «2-ой батареи» сумели забраться на какую-то небольшую баржу, «зимовавшую» во льду Ангары у этой деревушки. Без особой охоты обитатели баржи, угрюмо косясь на наше оружие, сварили нам картошки и, когда голодные непрошенные гости набросились на эту неприхотливую еду, они услышали впервые красную «агитку»: «куда идете, товарищи?» — «зачем», — «ведь дальше будет еще хуже», «утонете или померзнете на Ангаре». «А дальше — Байкал, куда пойдете?» «Оставайтесь с нами, мы вас прокормим до вес-

ны, а весной будете работать с нами на барже».

То ли неожиданность такого разговора, то ли подсознательное чувство благодарности к этим людям, накормившим и обогревшим нас после тяжелого, более чем стоверстного перехода, то ли простая усталость явились результатом того, что хозяева наши остались целы и невредимы, а мы успели поспать часа 2-3, до нового приказания выходить дальше. Но на наше место уже входили новые постояльцы, а мы двинулись вдоль Ангары к Байкалу. Где-то переходили через эту реку, шли по льду, нередко покрытому водой, так как быстрая река местами не застыла, несмотря на сильнейшие морозы, и из этих незастывших «ям» шел морозный пар. В ушах все еще звучали слова наших «михалевских» хозяев — «замерзнете или утонете в Ангаре, а дальше — Байкал загородит вам дорогу». Можно было, действительно, утонуть в Ангаре, провалившись в какую-нибудь полынью, но мы не утонули и под вечер вошли в Листвиничную на берегу Байкала.

Стемнело быстро. Едва успели задать скудный корм лошадям, как наступила темная ночь. Мы замертво полегли спать по избам. «В желудке были одни незабудки», как живописует русская поговорка», но даже простая возможность спать «в избе», хотя и с пустым желудком, была большим утешением.

Проспали всю ночь. Рано утром получили от сотенного артельщика и фуражира очень скромные порции сена для лошадей и немного гречневой крупы для себя, а из штаба получили предупреждение, что около полудня выступаем на север, вдоль берега Байкала и что «там» никакого фуража и продуктов мы не найдем: «запасайтесь здесь». Где запасаться и как? В приказании по этому пункту никаких указаний не было, а артельщик и фуражир объявили, что достать ничего и ни за какие деньги нельзя. Потуже подтянул свой пояс и со вздохом положил в перемётные сумы свою порцию гречневой крупы, оставив ее для лошади: ей предстояла работа везти меня дальше... в неизвестность.

Шли до позднего вечера вдоль берега озера по избитой, проселочной дороге. «Красавец Байкал!» А я его и не заметил, хотя и шел в течение полдня по его берегу: мысли были где-то там... впереди, в близком уже неизвестном. Что там ожидало меня? Куда мы идем? Почему сошли с «большака» и идем проселком? Снова невольно вспомнились слова «михалевцев»: «а там Байкал загородит вам дорогу, куда пойдете?» Вот и загородил дорогу и пошли мы по его берегу туда, куда вело нас «начальство».

Не буду идеализировать, да теперь и не помню, что нас в то время толкало двигаться все дальше и дальше, даже не зная куда. Думаю, что чувство самосохранения и стадности играло в то время немалую роль: остановись — и ты в руках красных, а раз передние идут, значит — есть еще какой-то выход.

Ночью вошли в Голоустное. В утренние часы мы рассмотрели эту небольшую, бедную рыбацкую деревушку, но в ту ночь мы ее не видели: ведь электрического освещения на улице этой, забытой Богом и людьми, деревеньки не было, а кругом шумела мрачная, непроходимая тайга, да слышался гул ломавшегося байкальского льда.

«2-ой батарее» все же посчастливилось: всунулись в какую-то избу, где, не раздеваясь, улеглись вповалку на полу, вплотную друг к другу. Лошадей кормить не было надобности, так как кормить их было нечем, и наши четвероногие друзья и помощники, согнувшись в дугу, тряслись на морозе, хотя и прикрытые всяким тряпьем и одеялами, имея «на ужин» лишь пригоршни гнилой соломы и камыша, которые сумели найти в Листвянке и привезли с собой их заботливые хозяева.

Несколько часов не сна, а тревожной дремоты, и наступило утро. Никто не будит нас, не торопит. Мы сами выскакиваем наружу в поисках хоть какого-нибудь фуража для своих лошадей. Снова клочки полугнилой соломы и камыша с крыш изб и бань и моя «железная» порция гречневой крупы несколько подбодрили моего друга-коня. Из штаба передают: осмотрите лошадей, главным образом подковы, перед обедом выступаем... через Байкал, куда ночью уже двинулись передовые части. Осмотреть подковы нетрудно, но исправить обнаруженные недочеты невозможно, так как своей кузницы нет, нет и запасных подков.

Еще в Листвянке мы оставили своих тяжело-больных раненых, так как брать их с собой в этот переход через Байкал было невозможно. Остались там и те, кто не нашел в себе больше сил и воли идти «в неизвестность», и притом с риском погибнуть от мороза на льду озера или в одной из его трещин, может быть, от пули красного врага, который мог ожидать нас на том берегу.

С опустошенной недавно пережитыми событиями душой, с жутко-щемящим страхом смерти вступили мы на лед озера Байкал еще до обеда 12-го февраля 1920 года. Это было «еще до обеда» в смысле определения времени, в прямом же смысле слова мы тронулись в поход даже «до завтрака», так как не имели утреннего чая, а на обед у нас тоже не было ни крошки съестных продуктов. Там, по ту сторону Байкала, мы могли ожидать пищи и пристанища или-же смерти, другого выбора не было.

Дороги нет, идем по жалким останкам следов от копыт и полозьев саней головной колонны, вышедшей в поход еще ночью. Где они сейчас, что с ними? Ветер гонит снежную пыль,

заметая эти следы, но вскоре мы и без них можем точно определить направление, так как то и дело попадаются брошенные сани со скарбом, мертвые трупы лошадей и людей, не выдержавших перехода. Они, как вехи, указывают нам путь. Куда? К весьма сомнительному пристанищу или смерти? Этот вопрос нас только и интересует. Большую часть пути приходится идти пешком, так как усталые, полуголодные кони сами едва передвигают ноги по скользкому льду. Садиться на коня можно только лишь на занесенных снегом «плешинках» и то с соблюдением величайших предосторожностей, чтобы лошадь не поскользнулась и не упала, а сил и у самих уже почти не оставалось. Беспрерывно дующий ветер насквозь пронизывает изношенное обмундирование и на коне долго не просидишь, опять ищешь подходящее место и слезаешь с коня, стараясь на ходу хоть немного разогреться.

Впереди ничего не видно, кроме ровной глади, казалось, — бесконечного озера. Невольно оглядываешься назад. Там, вдали, чернеют уже еле видной полоской Голоустное и прилегающая к нему тайга и горы. Они все дальше и дальше отодвигаются от нас.

Мертвые «вехи» попадаются все чаще и чаще. Часто слышны и громоподобные раскаты, вначале пугавшие нас: это ломался Байкальский лед, открывая трещины-пропасти, которые иногда тотчас же, а иногда немного позднее, начинали снова сходиться, захватывая в свои мертвые объятия все, что не успело выскочить из них. Через незакрывшиеся трещины проходим по каким-то доскам, повидимому, оставленным головной колонной или имевшимся в голове нашей колонны. Попадаются сани и лошади, зажатые в подобных трещинах, и мы сами каждую минуту ждем, что вот-вот раскроется бездна и под нашими ногами, увлекая нас под лед, который немедленно покроет нашу ледяную могилу.

Шли молча, сосредоточенно, не обращая внимания ни на что, кроме своего коня. Это было шествие обреченных на смерть людей, в сердцах которых только чуть теплилась искра надежды: а вдруг удастся перейти Байкал и найти убежище на том берегу!? Скрылось Голоустное. Теперь уже кругом, куда только хватает глаз, до самого горизонта, видна гладь холодного, мертвого льда. Шли целый день, не останавливаясь для привала. Наступили сумерки, а мы все еще не видели конца нашего перехода. Беспрерывная цепь черных «мертвых вех» продолжала показывать нам путь. Шли «по инерции», напряженно вглядываясь усталыми глазами вперед, в ночную тьму. Ничего не видно. Попрежнему бухает ломающийся лед, попрежнему дует холодный ветер, но мы уже «вмерзлись» и ко всему относимся безразлично.

Вдруг впереди послышались какие-то выкрики. Невольно прислушиваемся к ним: «огоньки, огоньки». Напрягаем зрение и, действительно, различаем где-то далеко-далеко слабые мерцающие огоньки. Значит, приближаемся к противоположному берегу озера-моря. Колонна даже как-то оживилась, казалось, и лошади заметили эти мерцающие огоньки и быстрее зашевелили усталыми ногами. Изредка слышались разговоры, но «черные мертвые вехи» попадавшиеся все чаще и чаще, упорно напоминали нам, что еще не окончен наш крестный путь и мы можем не дотянуть до этих огоньков. Огоньки мелькают уже довольно отчетливо и их появляется все больше и больше. Не отрывая от них уставших глаз, мы шли еще добрых два-три часа, теперь уже задумываясь о другом: что нас ждет там, у этих огоньков. Будет ли это дружеская встреча или последний, неравный бой, принимая во внимание нашу полную измученость и непригодность к принятию этого боя.

Колонна снова затихла. Огоньки неожиданно исчезли. Что это такое? Неужели нам только казалось, что мы видим огоньки жилищ, а это был мираж? Но вот скрытые от нас сугробами снега, наметенными около берега озера беспрерывными ветрами, замелькали они уже совсем-совсем близко. Еще несколько минут движения и... перед нами освещенные окна домов, слышен лай собак, чувствуется запах дыма. В голове колонны слышны выкрики, слышатся даже какие-то команды. Слышим и мы команду: «Офицерская сотня, ко мне!» Стрельбы не слышно. Значит нас встречают друзья. Поспешно насколько позволяют силы коня, двигаемся на голос командира сотни. Какие-то квартирьеры ведут нас по квартирам. Еще несколько минут движения по селу и мы во дворе своей «квартиры».

Разместились без скученности, ибо пришедшая раньше нас головная колонна, вступившая в Мысовую двенадцать часов тому назад, уже вышла из села и разместилась в соседних поселках, освободив для нас столь необходимое нам тепло и заготовив для нас фураж и продукты питания. Быстро получили корм для лошадей и... в теплую хату. Приветливая хозяйка уже вскипятила самовар, на столе жареная рыба, картошка, хлеб: все то, чего мы так давно не видели; все то, о чем мы могли лишь только мечтать во время движения в обход Иркутска и дальше по Ангаре и на Байкале. Кто-то где-то узнал, что на станции стоит даже бронепоезд японцев. Чувство полного покоя и безопасности охватило нас, оттаяло промерзшее на морозе тело и, благодаря в душе Господа Бога за дарованное нам чудесное спасение, мы полегли спать в теплой избе и... даже раздетыми, не выставляя охранения. Через не-

сколько минут все спали мертвым сном.

Уже по привычке, проснулись рано утром. Сразу же сытная кормежка для лошадей и вкусный горячий завтрак для нас. Хорошо отдохнувши за ночь, мы вспоминали, как кошмарный сон, только что закончившийся переход через Байкал. Кто-то даже успел сбегать на станцию и подтвердил, что там стоит японский бронепоезд. Казалось, что мы были в полной безопасности: ведь попрежнему гулко ломавшийся лед Байкала отделял нас своей сорокапятиверстной полосой от преследовавших нас красных, а рядом «под боком», если не союзник, то все же и не враги — японцы и эшелоны чехов, поляков и сербов, двигавшихся по Кругобайкальской железной дороге. Мы уже строили планы, как, дойдя до Читы, остатки нашей армии будут снова приведены в порядок, и мы сможем возобновить вооруженную борьбу с красными.

Как мы ошибались, не зная действительной обстановки...

В тот момент мы еще не знали, что части Атамана Семенова сидели в Забайкалье под крылышком японцев, в районе Читы, но не могли уходить и на сотню верст в сторону Байкала, так как район этот кишел красными партизанами и нас ожидали уже почти на следующий день «Кабанье» и другие села и деревни разбросанные во все стороны от железной дороги, через которые нам пришлось «пробивать» себе дорогу к Чите.

Сравнительно безопасна была лишь линия железной дороги, по которой двигались на восток бесконечные эшелоны «интервентов», увозившие с собой из России награбленное ими русское добро. Они шли во Владивосток, а оттуда.. к себе на Родину. Мы для них были чужие, и наши нужды их не трогали.

Прекрасно одетые в форму, сшитую из нашего русского сукна, сытые и лоснящиеся от довольства и «легкой жизни», они пожирали массу самых разнообразных и лучших по качеству продуктов, если и купленных, то на наши же русские деньги, изъятые ими из наших банков и казначейств. В конских вагонах кавалерийских и артиллерийских частей лениво жевали русское сено и овес сытые, закормленные наши — русские лошади. На вагонах-площадках стояли наши — русские орудия и обозные повозки, а в вагонах-теплушках, прекрасно оборудованных, с беспрерывно-топившимися печами, с комфортом размещались «братушки» и проч., вооруженные нашими — русскими винтовками, пулеметами и револьверами.

Они чувствовали себя и держали себя, как хозяева, а мы — русские — настоящие хозяева России, в это время плелись вдоль линии железной дороги в оборванном, прожженном обмундировании, заедаемые вшами, полуголодные, ведя в поводу «подобие лошадей», деливших с нами общее горе на голодном пайке. Наши раненые и больные домерзали, валяясь на санях обоза, прикрытые всяким тряпьем, но мы не имели возможности поместить их в санитарный поезд по той простой причине, что таких поездов у нас не было: весь подвижной состав и паровозы были в руках «интервентов».

Захватив в свои руки подвижной железнодорожный состав, «братушки» добили Белую Армию Сибири и внесли в нее дезорганизацию. Они ограбили Россию, они предали в руки красных Верховного Правителя, адмирала Колчака, они заставили нас идти походом в суровую сибирскую зиму целые тысячи верст, неся бесчисленные жертвы убитыми, ранеными обмороженными. Они явились одной из причин провала вооруженной белой борьбы в Сибири.

Но «Бог правду видит, хоть и нескоро скажет», говорит русская поговорка, а другая добавляет — «отольются волку овечьи слезки», и чешское предательство 1919-го года через двадцать лет было отомщено, хотя и чужими, не русскими руками, и они пережили такой же кошмар, какой они создали нам на нашей Родине.

Е. М. Красноусов.

Из войны 1914-1917 г. г.

Черты подлинного русского геройства.

При объявлении мобилизации 1914 года судьба сыграла со мною плохую шутку. Из г. Орла, где я был начальником 2-ой Отдельной Кавалерийской бригады (полки: 17-й гус. Черниговский и 18-й Нежинский), мне, по мобилизационному наряду, пришлось пропутешествовать в г. Екатеринодар для формирования 2-й Кубанской казачьей дивизии. По приезде туда выяснилось, что «произошла ошибка», и я должен возвратиться к своей бригаде, которая уже находилась на нашей границе с Австро-Венгрией, в районе южнее гор. Грубешова.

Это удивительное двухнедельное путешествие [1]) через всю центральную и южную Россию, охваченную мобилизационной горячкой, заставило меня с головой окунуться в совершенно необычайный, ни с чем несравнимый, стихийный подъем, охвативший тогда всю Россию. Он заразил нас всех и наложил свой отпечаток на все наши военные действия первых месяцев войны. За счет этого подъема, так ярко вскрывшего всю бездонную глубину 1000-летней души нашего русского народа, мы живем и по сей день.

После всевозможных мытарств и долгих поисков моей бригады, я вновь вступил в командование ею 1-го августа (все даты по ст. ст.) накануне весьма серьезной и ответственной операции [2], где она должна была принять участие вместе с 3-й Отд. Кав. бригадой (полки: 16-й ул. Новоархангельский и 17-й ул. Новомиргородский), с которою она составила «Сводную Кавалер. дивизию генерал-майора Ванновского (Сергея).

После разрушения важного железно-дорожного узла **Рава-Русска**, 6-го августа, на рассвете, нами был взорван самый большой железно-дорожный мост у **Камионки-Струмиловой.** Теперь нужно было, не теряя времени, собрать все отдельно действовавшие части, многочисленные команды специального назначения и разъезды и уходить по добру по здорову, так как противник (2-я Авст.-Венг. Кавал. дивизия и 2 отряда егерей) начал нас окружать, чтобы не выпустить из лесисто-болотистого района, в котором действовала дивизия.

Но это оказалось не так просто. Вывод частей, участвовавших во взрыве моста, был задержан огнем противника из 2-х-этажной каменной казармы, окруженной палисадом. Попытка овладеть ею нахрапом — не удалась. Генерал Ванновский был смертельно ранен, а командир Нежинского тусарского полка полковник Витковский — убит.

Получив донесение о положении дела, я выехал на место боя. Меня сопровождал трубач 17-го гусарского Черниговского полка унтер-офицер Иван Гороховец, с которым я, с этого рокового дня, никогда больше не расставался. И для него, и для меня это было наше первое серьезное боевое крещение.

Под укрытием железно-дорожного полотна мы спешились, передали лошадей одному из бывших здесь гусар и выползли на полотно железной дороги, с которого ясно можно было разглядеть в бинокль положение наших частей, атаковавших казарму. Редкие цепи улан и гусар лежали, прижавшись вплотную к палисаду. На каждую попытку двинуться вперед или назад сыпались ружейные пули из бойниц палисада и окон обоих этажей. Офицеры ползком пробирались между кочанами капусты, чтобы вытащить стрелков, находившихся впереди. А время все уходило и каждая потерянная минута ухудшала общее положение дивизиона.

Я вызвал конно пулеметную команду 2-ой бригады и приказал начать обстрел окон и бойниц казармы, а трубачу Ивану Гороховец трубить сигнал «назад».

Услышав сигнал, наши цепи начали отходить. Австрийцы открыли бошеный огонь, но наши пулеметы заставили их замолчать. Скоро между нами и нашим противником установился неписанный договор: пока ты молчишь, и мы тебя трогать не будем; но на каждую твою пулю, ты получишь несколько десятков наших. В силу этого договора все участники боя были благополучно выведены и присоединены к своим частям.

Меня поразил Гороховец. Точно он был не на войне, а на маневрах мирного времени. Для подачи сигнала он выходил на насыпь, становился в традиционную ухарскую позу трубача, с трубой задранной кверху и левой на бедре и отчетливо трубил сигнал за сигналом. После второго раза он обернулся ко мне и спросил: «Ваше Превосходительство, отчего это, каждый раз, как я прикладываю трубу к губам, мне кажется, что пуля влетит мне в рот?» Не потому ли он и держал трубу поднятой квер-

---

[1]) Было мною описано в Белградском «Русском Голосе» в 1939 г.

[2]) Операция эта подробно мною описана в Югославянском Кавалер. Журнале: «Коньички Гласник». Кн. III и IV, 1930.

ху, чтобы она, своим раструбом не собирала всех летавших вокруг него пуль? Я ему ответил что-то вроде: «А чего ей, дуре, тебе в рот лезть? Разве ей мало места кругом?... Труби с Богом!«

В тот же день, в самый разгар солнечного затмения, Гороховцу пришлось еще раз трубить сигнал «сбор», но уже в иной обстановке, когда окруженная со всех сторон дивизия, в конном строю, шла на прорыв из неприятельского кольца. Этот сигнал дал возможность собрать дивизию, растянувшуюся на забитых лесных дорогах, по которым передача приказаний через ординарцев оказалась невозможной.

За все мое 9-месячное командование кавалерийскими соединениями мне никогда больше не пришлось прибегать к сигналам.

***

Прошло три месяца непрерывных боев и передвижений. После вторичного нашего перехода через р. Сан и преследования отходившей Авст.-Венг. армии, Сводный кавалерийский корпус (Сводная кавалерийская и 3-я Донская казачья дивизия) занял 8-го ноября город **Новый Сандец**, а 10-го выбил из **Старого Сандеца** арьергард австрийцев, прикрывавший отход в Карпатские ущелья главных сил противника. В нашу задачу не входило преследование далеко на юг и поэтому части, выбившие австрийцев из Ст. Сандеца, пройдя через город, остановились у его южной окраины и продолжали преследовать отходящего противника огнем. Был очень холодный день с ледяным ветром. Резервы укрылись по дворам. На главной улице стоял взвод конно-пулеметной команды с пулеметами на двуколках. Прислуга понемногу разбрелась, оставив при запряжках по одному ездовому. Австрийцы отходили, отстреливаясь, и время от времени бросали в город свои гранаты с характерным бело-розовым димком при разрыве. Ничего ни серьезного, ни интересного день не обещал. Начальники всех степеней сидели на балконе школы и мирно беседовали. Внизу лестницы сидел Гороховец, держа в поводу мою и свою лошадь.

Неожиданно все переменилось...

Шальная граната разорвалась позади самого пулеметного взвода. Лошади шарахнулись, сбили с ног державшего передний унос ездового и полным ходом понеслись по улице в сторону противника. Все обомлели. Ни одной команды, ни одного распоряжения не было дано, а обе запряжки, с пулеметами, неслись к противнику и были от него не дальше 800-1000 шагов... Никто не заметил, как Гороховец, бросив моего коня, вскочил на своего и пустил его полным ходом вслед за пулеметами. Обогнав их, стал впереди первой запржки и некоторое время продолжал итти, не убавляя хода, к противнику. Не доходя, примерно, 400-500 шагов, он начал медленно заходить налево кругом; за ним пошла вся колонна.

Через несколько минут Гороховец, уже спокойной рысью, привел пулеметы назад, не потеряв ни одной лошади и сохранив в целости и невредимости оба пулемета. Все произошло так молниеносно, что даже австрийцы опомнились и открыли сильный огонь только тогда, когда все уже было кончено.

Гороховец, взволнованный и сконфуженый, не знал куда деваться от благодарностей и похвал, которые сыпались на него со всех сторон. Он как будто не сознавал, что все это сделал именно он — Гороховец... Никогда он не мог передать своих внутренних переживаний: как вселилась в него такая счастливая мысль, а в особенности — мгновенная решимость, не знавшая ни сомнений, ни колебаний...

Я часто рассказывал в наших офицерских беседах об описанном олучае с пулеметами и задавал вопрос — как поступили бы слушатели в подобном случае? Ни разу я не получил ни одного удовлетворительного ответа. Только артиллеристы предлагали расстрелять беглым огнем лошадей, а потом, ночью, в темноте, вывезти пулеметы, но шансы спасти пулеметы были минимальные и даже самая возможность расстрела лошадей была весьма гадательна, так как при системе стрельбы с закрытых позиций, по указаниям наблюдателя, все внимание которого обращено на действия противника, несущаяся с нашей стороны к противнику запряжка могла быть взята под огонь только перед самым носом противника, то-есть слишком поздно, чтобы можно было спасти пулеметы.

Гороховец, несомненно, мог бы взять патент на свое изобретение.

В ожидании такового, он вечером того же дня приказом по Сводно-Кавалерийскому корпусу был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени.

***

В апреле 1915 года я был назначен командиром IX корпуса и с большим сожалением расстался с моим верным стремянным, не чая его больше видеть. Но судьба решила иначе.

В конце того же года готовился первый большой прорыв укрепленной неприятельской позиции на Юго-Западном фронте, на р. Стрипе. Для преследования противника, в случае удачи, была собрана под моим начальством внушительная масса из 4-х кавалерийских дивизий: (9-я, 12-я, Кавказская и Сводная: полки Л. гв. Уланский Его Величества, Гродненский гусарский и Заамурская конная бригада).

Прорыв фронта не удался. Операция была отменена, кавалерийский корпус был расфор-

мирован, и я, не солоно хлебавши, возвращался в свой IX-й армейский корпус, стоявший на фронте, в районе Минска.

На станции Казатин я сел ужинать в ресторане. Ко мне подошел швейцар и сказал, что на платформе построились солдаты из проходившего эшелона и просят меня к ним выйти. Я вышел. Раздалась команда: «смирно, глаза направо». Ко мне подошел Гороховец и отрапортовал: «Ваше Превосходительство, гусары, уланы и артиллеристы 16-ой кавалерийской дивизии*) едут в отпуск к себе домой. Мы узнали, что вы находитесь на станции и хотели с вами поздороваться...» Мы обнялись с Гороховцем как старые, закадычные друзья. После дружного ответа на мое приветствие они меня обступили со всех сторон и начали, захлебываясь, наперебой, рассказывать через какие мытарства они прошли после того, как мы расстались, Среди них оказалось несколько солдат других частей, которые раньше меня и в глаза не видели, но, тем не мене, не знали, как высказать свое внимание.

Воинский поезд готовился к отходу. Наше свидание пришлось прекратить, но на меня оно произвело впечатление, которое не изгладилось и до сего дня...

**
*

Всякая кавалерийская операция сколько-нибудь широкого размера, в особенности имеющая характер «набега» (поиска), складывается из большого числа специальных предприятий, в которых фрезвычайно важную, хотя и невидную, роль исполняют отдельные чины и мелкие партии, выполняющие на свой страх и риск весьма ответственные задачи, имеющие громадное значение для успеха главной операции.

Какая невероятная сила духа, какое самоотвержение, выносливость, находчивость, бесстрашие и чисто-звериная способность ориентироваться в местности нужны всаднику, везущему донесение из разъезда в штаб Отряда, иногда за несколько десятков верст, среди враждебного иностранного населения, при невозможности пользоваться населенными пунктами для отдыха, разыскивая дорогу в лучшем случае по весьма примитивному наброску карандашом на клочке бумажки, за которую ему грозит быть захваченным в плен. И все это при условии, что сам штаб уже не находится там, откуда был выслан разъезд, а переместился в неизвестном направлении. И, несмотря на все эти, казалось бы, непреодолимые трудности, донесения приходили по назначению с поразительной регулярностью и случаи их пропажи были чрезвычайно редки. Поэтому, чрезвычайное впечатление произвела пропажа, в ноябре 1914 года, во время операции под Краковым, целого разведывательного эскадрона 17 уланского полка, из которого вернулись только около 20 улан. Этот случай долго оставался загадкой, пока о нем не рассказал, в начал 30-ых годов, маршал Пилсудский в своей книге «Mes premiers combats». Но об этом эпизоде когда-нибудь в другой раз.

Не менее трудна была работа и маленьких партий особого назначения (разрушение железных дорог, порча телеграфных линий, служба связи, всевозможные нападения, фуражировки и т. п.), которые в большинстве случаев разрешались самолично, по своему разумению, и хитростью их начальников, знавших, что ни на какую помощь они расчитывать не могут.

Все это приводило к проявлению геройства, совершенно изумительного, но о котором громадное большинство исполнителей сами даже и рассказать не умели и смотрели на него. как на что-то вполне естественное, само-собою разумеющееся...

При настойчивых расспросах, всегда выяснялось главное качество всех действий этих безчисленных героев: это — крайняя, солдатская **простота приема**, которым они пользовались; **находчивость**, за которою чувствовался какой-то очень большой, многовековый опыт борьбы за существование, по наследству передававшийся из поколения в поколение, глубоко лежащий в **подсознании** и сам собою выходящий наружу в минуты крайнего волевого напряжения; **необычайная скромность** и полное отсутствие бахвальства. И над всем этим, никогда ясно не выражаемая словами, всегдашняя **забота об интересах общего дела**, глубокое сознание важности той задачи, кторая была на него возложена.

А. Драгомиров

*)Так называлась теперь бывшая сводно-кав. дивизия.

Из прошлого Кавалергардов

НА ОХРАНЕ Ж.-Д. СТАНЦИИ КАЗАТИН.

5-го мая военным и морским министерством был назначен Керенский. Началась новая эпоха, эпоха неудержимого развала армии. Не понимая или не желая понять всего происходящего в армии, правительство, различные комитеты и партии продолжали посылать на фронт всевозможные депутации и делегации, которые передавали привет «свободной армии» и просили «граждан солдат углублять завоевания революции». И не только свои русские. Этим также рьяно занималась и заграница. Так, например, шотландский масонский орден приветствовал армию и народ с «избавлением от изменников родины», выражал свой восторг перед всеми действиями Государственной Думы и призывал всех присоединиться к ним «для распространения общих идей», а социалистическая фракция французской Палаты Депутатов послала в Россию целую делегацию во главе с министром труда Албером Тома. Делегация побывала в обеих столицах, в различных крупных центрах страны и объехала фронт. Повсюду было сказано и выслушано бесчисленное количество речей.

Мне пришлось быть свидетелем, и отчасти участником, проезда этой делегации через станцию Казатин. 20 мая я находился со своим эскадроном в наряде по охране Казатинского ж.-д. узла и ловле дезертиров. Ночь была утомительная. На станцию пришло одновременно несколько поездов, в которых было задержано более 200 дезертиров. Пользуясь наступившим затишьем, Кавалергарды дремали в вагонах.

Около 9 утра ко мне в вагон пришел вестовой станционного комендантского управления и доложил, что «комендант приказал вам передать, что Альбер приехал». Я был в полном недоумении. — «Что за чепуха? Какой Альбер?». — «Не могу знать, так что, говорят, французский». — «Ничего не понимаю, что за Альбер французский» и, надев аммуницию, я пошел на вокзал узнать в чем дело.

Оказалось, что на станцию недавно подошел вагон с французской делегацией. Как это случалось сплошь да рядом, вместо нескольких минут поезд стоял уже добрых полчаса. Понемногу у министерского вагона стала собираться толпа зевак: железнодорожные служащие, рабочие соседнего депо, пассажиры и солдаты застрявших на станции ночных поездов.

О приходе поезда станционный комитет узнал слишком поздно, чтобы приготовить соответствующую этому случаю торжественную встречу... Несмотря на поздний утренний час, занавески в окнах были спущены и никто из вагонов. не выходил. В толпе слышались разные замечания, шутки и остроты по адресу министра. — «Хорош министр труда, уж скоро 10 часов, а он все дрыхает». — «Тоже скажешь, может, он всю ночь трудился, разные декларации писал. А ты — дрыхает». — «Ну там трудился или не трудился, нам неизвестно, а посмотреть любопытно, что за министр такой». — «Надо, братцы, по нашему, по рассейски, «ура» ему крикнуть. Небось проснется!». Сказано, сделано. Могучее «ура», подхваченное всей толпой, пронеслось по вокзалу.

Штора в одном окне поднялась, рама опустилась и в окно выглянула какая-то фигура. «Ура» загремело с удвоенной силой. Фигура оказалась проводником вагона. Толпа загоготала. — «Вот так министр. Так это же Гаврила!». А под Гаврилами на солдатском языке почему-то подразумевалась вся поездная прислуга. «Крути, Гаврила. Не замай!»

Через несколько мгновений в пролете окна появился действительно французский министр труда Альбер Тома. Мятая рубашка сомнительной чистоты, галстук, сбитый куда-то вбок, черная с проседью борода и всклокоченная прическа произвели на толпу неожиданное и странное впечатление.

Из толпы выскочил какой-то телеграфист. «Дорогой товарищ Альбертома», сливая оба слова в одно, начал он свое приветствие министру. — «Товарищи железнодорожники безмерно рады, что товарищи французские социалисты прислали к нам своего дорогого товарища Альбертому». И в этом духе, захлебываясь от охватившего его волнения и восторга, вставляя с неимоверной быстротой через каждые три слова «товарища», продолжал телеграфист свою речь.

Рядом с министром стоял французский офицер, пытавшийся переводить слова оратора. Это ему плохо удавалось: «Ce n'est pas un homme, c'est une mitrailleuse» сказал он в свое оправдание министру. Видя его затруднение, я

предложил свои услуги в качестве переводчика.Они были приняты с благодарностью.

Телеграфист кончил свою речь· Стали кричать: «Депутата от войск! Депутата от войск!» Никакого депутата от войск не было. Но так как крики с требовнием такового не прекращались, то кто-то из толпы вытолкнул вперед какого-то солдата: «Валяй, Андреич. Не подкачай!»

В грязной растегнутой шинели, с болтавшимся на одной пуговице хлястиком и с поднятым воротником, в каком-то замусленном подобии папахи выступил Андреич с речью. Растянутым, певучим голосом, с сильным выговором на «о», начал он благодарить министра, «товарища Альбертому», за ту высокую честь, которую он оказал русским солдатам, приехав к нам в Казатин. «Такая честь, что ни в сказке сказать, ни пером не описать!». Он жаловался, что им плохо в окопах; холодно, сыро, есть нечего, да и немцы стреляют, и просил министра «явить Божескую милость освободить их поскорее домой». Кончил он совсем неожиданно. «И всем сибирякам ура!». В толпе раздался гул одобрения. «Ай да Андреич! Не подкачал. Правильно все доказал французу!»

Наконец сам министр обратился к толпе с речью. Фразу за фразой переводил я его слова. Он говорил избитые истины о свободе и о том, какие она налагает обязанности, чтобы быть воспринятой не во вред, а на пользу народу; о том, что война еще продолжается, что враг не разбит. Он говорил также и о том тяжелом положении, в котором находится его страна и что надо продолжать войну до победного конца.

Министр кончил· Толпа молчала. Затем тихо, а потом все громче и громче раздались из разных мест крики. — «Чего еще! Опять кровь проливать? Ну, это врешь! А еще министра труда! Сказано без анекций и контрибуций и никаких. Шабаш! Не хотим больше воевать». Больше всех волновался сибиряк Андреич. — «Тебе хорошо весь день дрыхать, да кофеи в вагонах распивать. А нам каково в окопах! Со вшами, не пимши, не емши, да без баб. Иди сам воевать. А не хочешь, тикай себе во Францию!». «Господин капитан», — обратился он ко мне: — «Вы уже потрудитесь все это объяснить французу. Так что мы на войну больше не согласны».

Но объяснять французу мне ничего не пришлось. Паровоз свистнул и поезд, как пришел без всякого предупреждения, так и ушел, увозя французского министра труда и делегацию социалистической фракции французского парламента.

В. Н. Звегинцов

С Волжской батареей под Ином

Кратко и четко Б. Филимонов в своей книге «Белоповстанцы» описал действия Волжской батареи в ночном бою 10-го января 1922 года на разъезде Ольгохта. К сожалению, описание это очень мало соответствует действительности· Кто ввел его в заблуждение, я не знаю. Хочу только исправить эту досадную неточность, вкравшуюся в его описание Хабаровскаго похода.

Стоял жгучий мороз и была почти абсолютная тишина...

Волжская имени генерала Каппеля батарея, в которой в то время я был младшим офицером, стояла на позиции слева от станционных путей, немного не доходя разъезда Ольгохта. По приказанию командира батареи, я с несколькими солдатами ставил ночную точку отметки. Почти все остальные чины батареи находились по другую сторону путей и грелись в железнодорожной будке, лежавшей немного на отлете от остальных строений разъезда.

Вдруг, совершенно неожиданно, поднялась сильная ружейная стрельба, застучали пулеметы, и пули роями, со свистом, понеслись над нашими головами. Вдоль станционных путей начали рваться одиночные снаряды, а впереди, на небосклоне, были видны вспышки орудий обстреливавшего нас Красного бронепоезда.

Красный Троицкосавский полк, воспользовавшись темнотой, прошел, никем не замеченный, по руслу реки Ольгохта и, подойдя вплотную, неожиданно справа от полотна атаковал разъезд. Наступления красных никто не ждал.

На путях сейчас же показался наш командир, подполковник Ильичев, бежавший к нам. За ним, перегоняя один другого, неслись остальные батарейцы. Спустившись в выемку, шедшую справа от позиции, на которой стояли

орудия, командир, стараясь перекричать пронзительный вой несущихся пуль, подал несколько раз подряд команду: «На картечь, огонь!» Бывшие на позиции дежурные номера бросились к орудиям. Огонь на картечь открывать было нельзя, и я их остановил, крикнув: «отбой!», и пошел навстречу уже бежавшему ко мне командиру, которому я доложил, что совсем недавно в прикрытие батареи пришла сотня от Пластунского полка и расположилась на опушке перелеска, лежавшего как раз против наших орудий — не дальше, чем в 150-ти шагах. Только я успел окончить мой доклад, как справа разалось громкое «ура» и стало постепенно удаляться... Уфимцы, которые только что прибыли на поезде и еще не успели выгрузиться, прямо из вагонов, не произведя ни одного выстрела, бросились в контр-атаку... Стрельба почти сразу прекратилась, и наступила опять тишина.

Никто из нас в эту ночь не спал. Да и негде было. Ходили только по очереди греться все в ту же отведенную для батареи будку, окна и дверь которой давно были выбиты и зияли темными пятнами на фоне снежной ночи. От толпившихся внутри солдат и офицеров было настолько тесно, что приходилось всем стоять. В будке, кроме сложенной вдоль одной из стен плиты, в которой бойко, слегка потрескивая, горели остатки выломленной двери, ничего не было. Шедший от плиты довольно сильный жар быстро растворялся в ледяном воздухе, легко проникавшем снаружи, и мороз давал всем чувствовать, что и здесь хозяин — он.

На плите стоял большой чайник, а на краю ее у стенки, совсем некстати, лежала санитарная сумка. Наш батарейный фельдшер, придя одним из первых, когда плита была еще холодной, положил туда сумку и, чем-то отвлекшись, совершенно про нее забыл. Фамилию его я не помню да, кажется, никогда ее и не знал. В батарее, как офицеры, так и все солдаты, звали его Сократ. Кроме прямых своих обязанностей, он исполнял множество других, до орудийного номера включительно. Не замечали сумки и приходившие погреться батарейцы, жадные взоры которых были устремлены только на шумевший чайник, в котором кипятили воду (снег).

Всеми забытая и не привлекавшая ничьего внимания сумка, касаясь одним своим краем до раскаленной железной части плиты, от долгого лежания на ней нагрелась до того, что загорелась и, вспыхнув ярким пламенем, осветила всех присутствующих. Солдат, стоявший около плиты, успел во-время ее схватить и вышвырнуть наружу. За окном моментально раздался сильный взрыв. Внутри все вздрогнули и, не понимая, что случилось, продолжали стоять в недоумении. Стоявшие близко у дверей выскочили наружу, но за окном ничего подозрительного не нашли. Не нашли и горящей сумки. Ее и след простыл. «Хороши медикаменты у Сократа!» — раздался чей-то громкий возглас. Все разом дружно засмеялись... Нашли и самого виновника, и все сразу разъяснилось: в сумке лежали две ручныя гранаты, около которых еще долго после этого в будке вертелся разговор. В душе все были довольны, что так легко отделались, но от своей судьбы ушли не все..

Когда начало рассветать, командир предложил мне пойти в Штаб к генералу Сахарову узнать обстановку, и я ушел. Среди солдат Волжской батареи Сахаров пользовался большой популярностью, да и сам он относился к батарейцам не плохо и довольно часто заходил проведать их и побеседовать. Больше разговаривал с солдатами, которые за глаза, почему — не знаю, всегда величали его «Сахар-Паша».

Придя в Штаб, я застал там Пашу очень расстроенным, нервно шагавшим взад и вперед и нещадно бранившим полковника Аргунова за его медлительность. Видя такую обстановку, я не решился к нему подойти и остался стоять в стороне и ждать. Немного еще погорячившись и, повидимому, дав себе отчет, что делу этим не поможешь, генерал Сахаров решил действовать сам и отдал распоряжение собираться и выступать.

Пластуны, Уфимцы, Камцы и Волжская батарея двинулись по времянке, которая шла справа от полотна железной дороги в сторону Ина. Около 8-ми часов утра прошли мимо Глуткинской батареи, стоявшей на позиции почти на самой дороге. Выдвинувшись дальше вперед, полки начали развертываться и продвигаться в сторону, занятой уже красными, второй будки, около которой маячил бронепоезд, обстреливавший редким огнем наше расположение. Волжская батарея, пройдя по дороге еще немного вперед, на ней же стала на позицию. Командир батареи, выбрав наблюдательный пункт слева от орудий, на насыпи полотна, сейчас же открыл огонь по красному бронепоезду, который то появлялся, то уходил за поворот и прятался за находившийся там лесок.

Впереди послышалась ружейная и пулеметная стрельба: пластуны и Уфимцы наткнулись на противника.. Бой разгорался... Одиночные пули стали залетать на батарею. но больше ложились около наблюдательного пункта, на котором находился командир батареи с несколькими разведчиками. Я стоял на насыпи немного впереди их и старался разглядеть, где ложатся наши снаряды. Лесок, за которым прятался красный бронепоезд, сильно мешал наблюдению, и большинства разрывов не было видно совсем. Это сильно затрудняло пристрелку, даже делало ее почти невозможной. Луч-

шего наблюдательного пункта поблизости не было, да никто его не искал. Все считали, что мы стоим здесь временно и с минуты на минуту должны двинуться вперед.

Красный бронепоезд, нарушая все правила стрельбы по открытым целям, почему-то вел огонь шрапнелью на удар и стрелял одиночными выстрелами. Шрапнели рвались все больше перед нашей Волжской батареей, не причиняя ей никакого вреда. Только стаканы, рикошетируя о промерзлую землю, пролетали с сильным воем через нас и падали около Глудкинской батареи, стоявшей почти что нам в затылок. Глудкинцы их подбирали, складывая в кучу, которая сравнительно быстро росла.

Стрельба впереди все усиливалась. Появились раненые, проходившие мимо нас в тыл на перевязочный пункт. От них мы узнали, что наши продвинуться вперед не смогли и несли большие потери.

Командир батареи продолжал стоять на насыпи и караулить красный бронепоезд, который теперь не выскакивал из-за будки, а держался где-то за поворотом, и его не было видно. Иногда, когда дым из трубы паровоза выдавал его положение, наша и другие баратеи открывали по нему огонь. Насколько этот огонь был действительным — судить было трудно, но бронепоезду на месте стоять не давали, и он все время менял свои позиции, двигаясь то взад, то вперед. Положение у него не было особенно веселым. Минувшей ночью разведчики из отряда полковника Аргунова, одетые в белые халаты, незаметно подкрались к железнодорожному полотну и сзади его взорвали мост, отрезав ему путь отступления на станцию Ин.

Стреляла больше Волжская батарея, а остальные чего-то ждали, а чего — нашему младшему командному составу тогда, да и теперь, осталось неизвестным.

Вторая будка, которую занимали красные, находилась от нашего наблюдательного пункта не дальше трех верст, и я, стоя на насыпи, очень часто посматривал в ее сторону. Мое внимание привлекало происходившее там какое-то движение: было видно много лошадей. Я стал внимательно присматриваться, и мне показалось, что два орудия выехали и стали на позицию правее ее. Я сообщил об этом командиру батареи, но, как мне тогда показалось, он не придал особенного значения моим словам, хотя все же ответил: «Я сейчас им покажу!» и продолжал следить за бронепоездом. Ждать нам долго не пришлось. Красные открыли огонь по нашей батарее. Несколько снарядов разорвалось перед батареей — недолеты, два были перелеты, один попал в штабель шпал, сложенный на откосе насыпи, около наблюдательного пункта, и обстрел прекратился.

Насколько я был прав, судить не берусь. Может быть, это стрелял красный бронепоезд, выслав вперед наблюдателя, но из-за будки он не показывался. Это место было пристреляно всеми нашими батареями — шесть орудий, и если бы он показался, то хоть одна из них ему бы всыпала.

Было обеденное время. Увидя, что на батарее пили чай, я поспешил присоединиться. К чаю, кроме черного хлеба, буханки которого настолько промерзли, что поддавались только топору, ничего больше не было. Желающих держать во рту кусок льда на лютом морозе почти не находилось, и невольно все придерживались суворовского завета и держали «брюхо в голоде». Налив себе в кружку чаю, я подошел к старшему офицеру, штабс-капитану Козловскому, который находился на батарее, и посоветовал ему пойти к командиру батареи и попросить его переменить позицию, так как красные взяли в вилку, и нам не сдобровать.

Козловский отнесся к моему совету как-то безучастно, сказав мне только: «Идите и просите сами». Я пошел, и успел только сделать несколько шагов, как сзади меня раздались взрывы. Красные, споловинив вилку, дали очередь по нашей батарее и перенесли огонь дальше в тыл — по другим. Сколько снарядов разорвалось на батарее, в этот момент определить было невозможно: все произошло так неожиданно и быстро. Во всяком случае, не меньше двух, но и этого было достаточно: двое солдат были убиты, несколько ранены и перебито несколько, стоявших около позиции, лошадей. Потери для нашей батареи были настолько значительны, что пришлось просить пополнения.

Я сразу подбежал к дровням, стоявшим шагах в десяти сзади орудий, на которых лежали ящики со снарядами, и вместе с другими батарейцами мы стали их сбрасывать. На их место уложили раненых, которых я прикрыл, сняв с себя бекешу. Сделано это мною было потому, что раненые умирали, главным образом, не от ран, а, лишенные возможности двигаться, быстро замерзали. Раненых, без промедления, отправили в тыл, в санитарную летучку.

В это время к батарее подошел генерал Сахаров и отдал приказание сниматься с позиции и отходить. Но это не было так просто: несколько орудийных лошадей выбыло из строя, и их нужно было заменить. Заменив их верховыми, батарея двинулась по дороге в сторону Ольгохты. Генерал Сахаров пошел вместе с батареей.

Становилось все холоднее и холоднее. И особенно это чувствовал я, будучи в хромовых сапогах, которых уже больше суток не снимал. Батарея выступила на фронт так неожиданно и быстро, что не успели получить никакой теплой обуви, — вернее, ее и не было. Все щеголяли в том, что кто имел. Ноги мои сильно мерз-

ли. Газета, которой они были обернуты, перестала согревать, повидимому, истерлась.

Пройдя по дороге небольшое расстояние, батарея остановилась против горящего, сложенного из шпал, железнодорожного мостика, и я, воспользовавшись случаем, пошел к нему погреться. Около него стояла, греясь, довольно большая группа солдат и офицеров (как тогда просто называли — «белоповстанцев»). Среди них оказался генерал Провахенский — командир Пластунской бригады, который подошел к генералу Сахарову и сообщил ему, что он занимается перевозкой раненых и устройством санитарной летучки. От горевших шпал шел такой сильный жар, что подойти к ним близко было невозможно, и все стояли на довольно почтительном расстоянии от них.

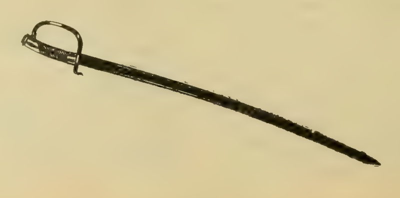
Красные продолжали обстреливать нас артиллерийским огнем. Когда я подошел к группе белоповстанцев, наслаждавшихся теплом, очень близко от горевшего мостика разорвался снаряд, довольно крупный, осколок которого со свистом пролетел между ними и, к счастью, никого не задев, ударился о горевшую шпалу, но рикошетировал от нее и, все-таки, попал одному из близко стоявших в живот. К общему изумлению всех присутствовавших, осколок отскочил и, шлепнувшись в снег, зашипел. Все невольно рассмеялись. Белоповстанец, придя в себя от неожиданного и сильного удара, счастливо улыбаясь, поднял его и положил к себе в карман — на память. Полушубок спас.

Батарея, немного постояв, двинулась дальше. Я ее догнал, когда она подходила к Ольгохте. Здесь, в стороне от дороги, лежало несколько убитых красноармейцев, оставшихся после вчерашней ночной атаки Ольгохты. Генерал Сахаров увидев меня в одной ватной телогрейке, спросил: «Почему?» Когда я ему объяснил, он, указывая на одного из убитых, предложил мне снять с него полушубок, но я отказался — стаскивать с промерзшего трупа полушубок не хотелось, и я побежал в санитарную летучку, стоявшую на разъезде в вагонах. Быстро найдя свою бекешу, я вернулся к батарее, которая уже стояла в Ольгохте. Вскоре нам было объявлено, что Поволжская бригада отводится в резерв на станцию Волочаевка. Бригадой она была только по названию. По количеству бойцов она представляла собой три роты пехоты и артиллерийский взвод, да и то не полных составов, но гордо продолжавших именоваться полками и батареей. Начало смеркаться, когда мы выступили. Шли очень быстро, все спешили добраться до теплых халуп. Спешил и я, стараясь всеми способами согревать свои ноги. Что только я ни делал — и бежал, и подпрыгивал, но, несмотря на все мои старания, пройдя больше чем полдороги, я почувствовал, что ступней у меня нет, а есть какие-то колодки, на которых очень неудобно и трудно было идти, и все мои упражнения ничему не помогали. Я стал понемногу отставать от батареи. Мне нехватало воздуха; он был настолько холодный, что мне трудно было дышать. Пройдя еще немного, я остановился, чувствуя, что идти дальше не могу. Мне как-то стало все безразлично, и захотелось присесть и отдохнуть.

В этот момент я услышал оклик: «господин поручик, что с вами?» Передо мною стояли два батарейных разведчика, которые, заметив, что я отстал, подъехали ко мне. Успел я только им сказать, что отморозил ноги и дальше идти не могу, как они меня подхватили, посадили на случайно проходившие мимо дровни и мигом доставили в Волочаевку. Батарея уже разошлась по квартирам, а меня ввели в халупу, в которой остановился командир батареи. Посадили на стул. Командир сам бросился снимать с меня сапоги, но не тут-то было: они примерзли к ногам, и, чтобы их снять, пришлось разрезать голенища. Так пропали мои новые хромовые сапожки. Ноги мне стали оттирать спиртом и так энергично, что они очень скоро покраснели, но зато так распухли, что ничего на них нельзя было надеть. Хозяйка халупы дала гусиного сала, которым густо намазали мои ноги и, отпоров от полушубка рукава, засунули их туда.

В этот же вечер на бронепоезде «Волжанин», который уходил на свою базу, меня отправили в Хабаровск.

Н. Голеевский.

НАШИ ТУРКЕСТАНСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ

Генерал ЛЕШ.

Генерал-лейтенант Леш был командиром 2-го Туркестанского корпуса. От старших офицеров полка мы, молодежь, слышали о нем, что он очень добрый человек, умный и распорядительный начальник, противник всякой рутины и формалистики. Инспектировал он части своего корпуса совершенно неожиданно для их командиров для того, чтобы видеть части настоящими в их быту, а не специально для того приготовленными.

В Русско-Японскую войну 1904-1905 г.г. он был командиром 1-го Сибирского стрелкового полка, отличился со своим полком в боях и был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Это особено украшало и возвышало генерала Леш перед теми офицерами, которые никогда еще не участвовали в войне.

Было воскресенье. Мертв и скучен наш маленький городок Мерв Закаспийской области. Мы сидим на скамейках у своих квартир с полковыми дамами, перебрасываясь шутками, разговорами, в полном покое праздничного дня. В домах багатого армянина Тер-Аракельянца, построенных на весь фасадный квартал лицом к городу, жили несколько семейств офицеров нашего 1-го Кавказского полка Кубанскго войска и мы, четыре молодых хорунжих. Мы в черкесках, при кинжалах и револьверах. Это был наш повседневный костюм-мундир.

Было жаркое после-обеденное время. Видим, как через большую песчаную площадь, перерытую канавами, отделяющими наш квартал от города, бешеным карьером, по диагонали площади скачут вестовые казаки, имея в поводу офицерских лошадей.

«Тревога в полку!» — выкрикнул передний из них, бросив столь страшные и приятные военному сердцу слова.

Схватить шашку в квартире и прыгнуть в седло — дело нескольких секунд, и мы несемся карьером в расположение полка через те же канавы и рытвины по диагонали площади. Мы в полку. Там сотни уже ждали своих офицеров в конном строю и при винтовках. Кто вызывает и почему? Мы не знали.

Широким наметом (галопом) по узким и кривым улицам города, перескочив через деревянный мост полустоячей речки Мургаба, обе сотни полка — 3-я есаула Котляра Зиновия и 6-я есаула Флейшера Николая, учебная команда подъесаула Алферова и хор трубачей с полковым адъютантом сотником Гридиным Иваном, поднимая столбы песку, появились на гарнизонной площади «в новом городе», где квартировала бригада Туркестанских стрелков, вся их артиллерия и саперный батальон подполковника Тер-Окопова. На ней — ни души. И только высокий, могучего телосложения, мне незнакомый генерал, одетый в китель и при кавказской шашке, смотрел на часы с улыбкой, измеряя время. При нем два или три офицера.

— Генерал Леш, — произнес мой начальник, подъесаул Алферов.

— Так вот он какой! — радостно подумал я.

После короткой церемонии «встречи» и рапорта нашего командира полка полковника Д. А. Мигузова — генерал Леш подошел неспеша к сотням, по-отечески поздоровался с ними, поблагодарил за быстроту по тревоге и потом произнес весело:

— Ну, а теперь — справа по-одному, с джигитовкою и господами офицерами — скачите в свое расположение!

Все это было так неожиданно, так приятно. Конечно, джигитовка с винтовкой за плечами, при шашках для казаков была больше чем неудобна. «Номера» исполняли — кто как может. Застоявшиеся кабардинцы неслись стрелой и на очень коротких дистанциях: — 5-8 лошадей. А где г.г. офицеры?... Для 40-летних есаулов это было и «дико» и невозможно. Они были «старики», довольно грузные, да и с молодости не были наездниками, как и многие 30-35-летние подъесаулы. И только мы, молодежь хорунжие, кое-что выполнили, более или менее сносно. Все это заняло не больше 10-15 минут.

Штаб корпуса находился в Асхабаде. И вот генерал Леш, как всегда, в одном вагоне при паровозе, совершенно секретно прибыл в Мерв, избрав именно день праздничный, когда всех можно было застать врасплох. Прибыв на станцию Мерв, он лично позвонил по телефону дежурному по полку офицеру, приказав полку по тревоге прибыть на гарнизонную площадь.

Нам, молодежи, это очень нравилось.

На второй день назначена была стрельба всего гарнизона по появляющимся мишеням.

Гарнизон на стрельбище. Кругом песчаные буруны пустыни. Колючие кустарники. Сухая палящая жара, но все офицеры и стрелки «в выходных формах одежды». Казаки в черкесках. Гимнастерок в казачьих частях тогда еще не было.

Как всегда бывает при инспекторских смотрах, все подчиненные начальники волнуются, дают много распоряжений, указаний, цукают своих подчиненных и находятся как бы в трансе. Мы же, молодежь, воспитанная в духе личной инициативы, только тихонько посмеиваемся над своими волнующимися старшими начальниками.

Генерал Леш сигналом горниста-стрелка и трубача-казака, наряженных к нему, сзывает всех офицеров к себе, предлагает стоять «вольно» и говорит:

— Господа!... идет жестокий бой... все младшие офицеры выбыли из строя убитыми и ранеными... их должны заменить немедленно же и в бою унтер-офицеры и урядники... а посему: — немедленно же дать в мое распоряжение по одному взводу от каждого полка, и я посмотрю, как руководят огнем заместители офицеров?

Сказал и утих, но мы заметили, как «вытянулись» лица некоторых начальников от такой неожиданности. Боевой и опытный в прошедшей войне начальник, нормально, хотел познакомиться с боевою подготовкою частей своего корпуса, а не с парадной его стороной. Но все же — такого сюрприза никто не ожидал, в особенности мы, казаки.

Туркестанские стрелки были отличные части и стрельба у них была поставлена блестяще. Мы же казаки — конница. Стрельба у нас на втором плане. Кроме того, — при штабе полка в Мерве стояли только две сотни, которые несли весь полковой наряд по разным постам через сутки. Было не до строевых занятий. Да и командир полка не утомлял этим сотни, редко выходя на плац из своего затворничества в полковом доме в глубине плаца, на пустыре. А для экономии — отдыхающая сотня, под командой урядников, без седел («охлюпью»), перевозила ячмень из железно-дорожных вагонов в свой полк. И офицерам и казакам это было очень приятно. На далеких Российских границах, где квартировали казачьи полки, это было совершенно нормально.

Генерал Леш, видимо, понимал это и от нашего полка хотел посмотреть стрельбу только учебной команды. В ней я был помощником начальника команды, почему и уловил пугливо-недоуменный взгляд подъесаула Алферова, который был больше чем не силен и по уставам, и по строевому делу.

Наша полковая учебная команда была в 36 человек, то-есть составляла один лишь взвод казаков, но в ней были отличные три урядника — Бородычев, Толстов и Наумов. Вахмистр Бородычев ушел только что на льготу (сейчас он войсковой старшина и проживает под Нью-Йорком). Толстов Дедан назначен вместо него. Он окончил Ташкентскую окружную гимнастическо-фехтовальную школу. Был ловкий, живой, распорядительный и любил военную службу. Рассыпав свой взвод в цепь и наблюдая в бинокль Цейса, он удивительно быстро замечал между кустарниками и бурунами «появляющиеся на момент» мишени защитного цвета в бюст человека, быстро определял расстояние до них, назначал прицел и открывал огонь.

Учебная команда, уже прошедшая весь курс обучения, молодецкая и гибко-послушная «словам команды», засыпала мишени своим метким огнем.

«Вынь патрон, перестань стрелять!» — дал кавалерийский сигнал генерал Леш о прекращении огня и подозвал к себе вахмистра Толстова, который был в звании старшего урядника.

Полы серой черкески круто подоткнуты за пояс. Небольшая папаха, от жары, далеко заброшена на затылок, открывая бритый лоб. Черкеска, шаровары, ноговицы — все в песке и в репьях-кожушках. Легко подбежав к генералу «на носках», щелкнув пятками своих чевяк и одновременно приставив винтовку «у ноги», Толстов густым красивым низким баритоном запевалы-песельника смело произнес:

— Чего изволите, Ваше Превосходительство? — спросил и замер в положении воинской стойки «смирно».

— Молодец ты... твой взвод дал даже больший процент попадания, чем мои славные Туркестанские стрелки. Спасибо, братец, — мягко, чисто по-отечески, произнес командир 2-го Туркестанского корпуса генерал-лейтенант Леш.

— Рад стараться, Ваше Превосходительство! — молодецки ответил старший урядник Толстов, Федор Иванович, казак станицы Темижбекской, и, бросив в сторону г.г. офицеров своего полка лишь на один миг свой глаз, чем сказал, дескать — «Не подвел свой славный полк!» — он круто повернулся «кругом» по всем правилам строевого устава, в несколько скачков был уже перед строем своих казаков-учебнян, дружески, коротко поведуя, что ему сказал генерал Леш.

***

Стрельба закончена. Генерал Леш наотрез отказался от всех почестей и обеда в гарнизонном собрании и в тот же день выехал поездом в свой Асхабад.

Это было перед праздниками Св. Пасхи 1914 года.

***

С началом войны 1914 года, командующий Туркестанским военным округом генерал-от-кавалерии Самсонов, генерал Леш и генерал Редько — все трое были вызваны в Ставку и

получили назначения на Западный фронт. Это было сделано потому, что по мобилизационному плану войска Туркестанского военного округа должны были оставаться на своих местах. Боевых же их генералов, отличившихся в Русско-Японской войне, вызывали на фронт. Мы очень жалели об этом, как и были огорчены, что нас оставили на старых местах, что война может окончиться «без нас», и мы не понюхаем и пороху. Но 25-го августа наш полк, сосредоточившись в Мерве, погрузился в вагоны и был направлен на Красноводск, что на восточном берегу Каспийского моря. Об этом в другой раз.

На Западном фронте генерал Леш принял в командование корпус. Потом был назначен командующим армией. После краха Белого движения, как сльшал, он жил в Югославии, был инвалидом (потерял ногу) и там умер.

Тяжело сознавать, что такие отличные военачальники так незаметно ушли в небытие и умерли в неизвестности. Но мы, их подчиненные, тогда молодые офицеры, — тепло храним о них светлую память.

А что-же урядник Толстов?... Его дальнейшая служба во время 1-ой Великой и гражданской войн прошла не только на моих глазах, но провел он этот героический период в моем подчинении. Великую войну закончил Георгиевским кавалером, подхорунжим и вахмистром моей 2-й сотни 1-го Кавказского полка. Наше восстание против большевиков в марте 1918 года — и он в моем конном отряде. Разбили нас... В гражданской войне получил чин хорунжего. Отступил к Грузии и там остался с сданной Кубанской армией. В августе 1920 года, тремя поездными эшелонами, с шестью тысячами Кубанской военной и гражданской интеллигенции, был отправлен в район Архангельска, где, по сведениям, все они погибли в том же году, расстрелянные в баржах на Северной Двине.

Полковник **Елисеев.**

Атака под Шавлями

Война тянется почти год, а конца ее, как будто, не видно. Все бои да походы. Скоро совсем потеряем человеческий облик и окончательно отвыкнем от культурной жизни нормальных людей.

Как хорошо теперь в родных краях! Прилетели жаворонки и скворцы. Поля и луга покрываются изумрудной зеленью... Вырваться хоть бы на недельку из этого ада и отдохнуть среди родных, близких и друзей!

Отпуск — заветная мечта офицера. Но в апреле 1915 г. наша 5-ая кавалерийская дивизия получила приказ: «Прекратить какие бы то ни было отпуска». Вторым распоряжением было: «Двигаться на север».

Закончив железнодорожный маршрут и выгрузившись у города Поневеж, дивизия ускоренным аллюром, 26. апреля, подошла к городу Шавли, который только что, после тяжелого кровопролитного боя, был занят нашей пехотой. Выбитые из города немцы, обойдя болото, укрепились в ближайшей к городу деревне. Болото, за которым была деревня, было непроходимо, поэтому, утомленный напряженным переходом штаб дивизии, подойдя близко к болоту, расположился на ночлег тут же на фольварке.

Наскоро поужинав, чины штаба расставили кровати и быстро заснули. Но их сон продолжался не более двух часов, так как около полуночи немецкая легкая артиллерия из-за болота, может быть даже из-за деревни, начала беспорядочный, но энергичный обстрел фольварка. Зазвенели разбитые стекла окон, со стен посыпалась штукатурка. От обстрела почти никто не пострадал, если не считать обычного в таких случаях переполоха.

По тревоге через какие-нибудь 25-30 минут дивизия была на сборном пункте у дороги.

Соблюдая возможную для кавалерии тишину, с большими предосторожностями, дивизия двинулась колонной в обход большого болота. Пройдя верст 5-6 и, таким образом, очутившись на фланге занятой немцами деревни, дивизия свернула с дороги прямо на поле влево. По приглушенной команде, передаваемой полушопотом, при полной тишине и темноте, ориентируясь по двухверстной карте, дивизия построилась в боевой порядок фронтом на деревню. Позади полков, на соответствующем расстоянии и полагающемся интервале одной от другой, построилисль 9-я и 10-я шести-орудийные

конные батареи.

Как только начал брезжить свет, с правого фланга, где находился штаб дивизии, разрывая тишину, как рвется новая материя, издалека, но совершенно ясно, послышался сигнал штабного трубача: «Шагом марш»! Как в мирное время на конном учении, спокойно, прямо по полю, зашуршали по траве орудийные колеса, лениво клекая на ухабах. А через короткое время с некоторым ускорением, один за другим, еще более отчетливо, чем первый сигнал, разнеслось по полю: «рысью» — «галопом» — «в атаку» «марш-марш»...

В первый момент сигнал: «В атаку» — показался и неожиданным и невообразимым для целой дивизии в полном составе. Почти не веря своим ушам и глазам, переводя в галоп своего «Дуплета», я спросил скачущего неподалеку всеми уважаемого батарейного вахмистра:

— Игнатов, в атаку?

— Так точно, Ваше Благородие, — отчеканил вахмистр.

В утренней синеватой мгле уже виднелись скачущие и рассыпавшиеся веером в лаву, как на смотру, полки дивизии. Вслед за ними, соблюдая равнение, грозно громыхая колесами, скакали две конные батареи.

Это море скачущих всадников представляло величественную, незабываемую по своей красоте картину.

Со стороны не ожидавшей и теперь уже хорошо видимой деревни, раздались сначала беспорядочные ружейные выстрелы, после которых ненадолго застрочили пулеметы.

В этот момент конные батареи, как одна, на полном ходу повернули «налево кругом», снялись с передков и моментально открыли огонь по тылам противника, через головы своей скачущей конницы. Центр кавалерии, проскакав заставы, ворвался в деревню, рубя бегущих немцев. Наш правый фланг уходил в обход деревни.

На левом фланге, частью скрытым кустарником, некоторое время продолжалась истерическая стрельба немецких пулеметов. Но вот и она затихла. Откуда-то издалека беспорядочно и редко стреляла немецкая батарея. Но вскоре и она замолкла. Деревня взята.

Шедший крайним на левом фланге наш 5-й уланский Литовский полк, перед самой деревней, врезался в конец болота. С разгона далеко заскакавшие в болото уланы стали глубоко вязнуть, а сидевшие на другом берегу немцы расстреливали тонущих. Правда, это продолжалось недолго. Обошедшие немцев драгуны их порубили.

Благодаря стремительной и неожиданной для врага атаке, дивизия взяла укрепленную деревню с большими трофеями и массой пленных.

3-й эскадрон наших улан серьезно пострадал: в нем уцелело всего 37 человек.

Маленьким осколком шального немецкого снаряда очень легко, в мякоть икры, был ранен прапорщик 10-й конной батареи Резвов. Мы видели, как ему делалась перевязка. Возбужденный и радостный, что так дешево отделался, он бодро курил папиросу, вызывая нашу искреннюю зависть.

— Поеду на Волгу, она теперь в полном разливе... В Самаре теперь разгар весны... Покатаюсь на лодке с девушками, — мечтал раненый.

Его увезли в лазарет. Через четыре дня нам сообщили, что бедняга умер от заражения крови. А еще так недавно мы завидовали ему.

Василий Вырыпаев.

Бой Каспийского полка

Многие, бывшие в боях, наблюдали или чувствовали наступление «психологического момента» — напряженной критической минуты боя, когда в разгар действий достаточно сравнительно незначительного обстоятельства, чтобы поколебать стойкость одного из противников и вызвать его поражение.

Такие моменты труднее и реже наблюдаются в позиционной войне; в маневренной они чаще и различнее. Одним из таких боев с ясно выраженным, как мне казалось, «психологическим моментом» — сдачей роты австрийцев на виду у своих — был бой 29 августа 1915 года 148 пехотного Каспийского полка, западнее города Тарнополя.

Все лето, с конца мая 1915 года, войска II-ой армии отходили на восток. Первые недели отступление велось под давлением противника с непрестанными дневными боями и ночными маршами. Люди были изнурены и полки иногда не проявляли должной устойчивости. Но в середине июня энергия противника уменьши-

лась, части постепенно вновь окрепли и на рубежах рек Гнилая, Золотая Липа и Стрыпа оказали сопротивление, задержавшее наступление австро-германцев на несколько недель. В конце июля наш отход — «стратегическое выравнивание» — продолжался, и в середине августа войска II-ой армии генерала Щербачева оказались на линии реки Серета, западнее Тарнополя. Вскоре стал известен приказ о прекращении дальнейшего отхода, о переходе к активной обороне и отдельным наступательным действиям. Это известие было принято с радостью; хотелось сбить спесь с «зазнавшихся австрияков», избалованных трехмесячным наступлением, и показать, что их боевые качества играли последнюю роль в нашем отходе.

27 августа командир дивизиона (4-го Сибирского горного артиллерийского) вызвал меня и приказал со 2-ой батареей, которой я временно командовал, отправиться в распоряжение начальника среднего боевого участка, занятого 148 Каспийским полком, для содействия ему в предстоящей атаке. При этом впервые за много недель было получено разрешение расходовать снаряды «в меру надобности», голодный паек — 7 патронов на орудие — отошел в прошлое.

Командир полка просил энергично помочь артиллерийским огнем в подготовке атаки и сопровождать его полк в наступлеии. Он рекомендовал о подробностях сговориться с командирами атакующих батальонов.

Я отправился на западную опушку леса, вдоль которой проходила наша пехотная позиция. Оттуда открывался чудесный вид на все расположение противника. Шагах в 500 проходила передовая линия его окопов, с одним-двумя рядами проволочного заграждения; примерно в таком же расстоянии далее шла вторая, видимо основная, линия, окопы которой соединялись с передовыми ходами сообщения, маскированными мелким кустарником. Далее местность полого поднималась к западу и была наблюдаема на протяжении 1-1,5 верст, представляя собою поля сжатого хлеба. Тишина стояла почти полная; лишь за гребнем слышались выстрелы двух легких батарей, изредка стрелявших по опушке, левее моего места наблюдения. Уже беглое сравнение окопов обеих сторон говорило о значительном превосходстве нашей позиции, с обширным кругозором и прекрасными секторами обстрела ближних и дальних подступов. Австрийская позиция была ниже и весь ближайший тыл ее на протяжении одной-полутора верст был открыт для нашего наблюдения и огня. Такое положение австрийцев указывало на недомыслие или, может быть, на пренебрежение к нам: приученные в течение трех месяцев к нашему отходу, они и теперь ожидали его и готовились в конце августа, то- есть почти одновременно с нами, перейти в наступление, поэтому и выдвинули свои передовые окопы для более выгодного исходного положения. 29-го утром была назначена атака. В течение двух предшествующих дней я подробно ознакомился с расположением окопов, ходов сообщения и пулеметных гнезд, к которым пристрелялся исподволь и осторожно, чтобы «не спугнуть». Позиция батареи в 350-400 саженях от пехоты, прикрытая лесом, позволяла глубокое обстреливание тыла противника. Командир батальона и его рот просили подготовить им для атаки ближайший, сравнительно небольшой участок, а позже, с началом атаки, обрушиться на пулеметы, уничтожить их, или, по крайней мере, держать их в молчании. Сообразно с этим я предполагал вести сначала комбинированный огонь батареей, а позже полубатареями, гранатами бить по пулеметным гнездам.

В назначенный день утром я отправился на командирский наблюдательный пункт. Все уже было готово: большая «двурогая» труба возвышалась на треноге и гордо всматривалась вдаль, разведчики и телефонисты, во главе со старшим фейерверкером Ушаковым, проверяли телефонные аппараты, укрепляли «кантаки» и делились своими впечатлениями с батареей; двойные телефонные провода обеспечивали связь с батареей и боковым наблюдением. Впереди раздавались, как обычно, редкие выстрелы.

Подошел командир батальона, молодой подполковник.

— Через час перехожу в наступление, сказал он.

— У меня все готово, сейчас открою огонь.

— По цели № 1, прицел 40, трубка 40, батареею, огонь! — через несколько секунд характерный вой над головой и шесть облачков равномерно распределились впереди.

— Ваше благородие, с бокового передают — хорошо, перед окопами.

— Гранатою! Огонь! — опять завыло, и на этот раз шесть черных воронок вблизи и в самых окопах.

— Правее 2.0! Полминуты выстрел! Огонь!

— Смотрите, Ваше Благородие, «он» влево подается, к ходу сообщения теснится!» Дествительно, австрийцы на участке обстрела по одному перебегали влево и в тыл. Подошли ближайшие офицеры и ротный командир, довольные, улыбающиеся: «Вот хорошо-то. Так их!».

Стрелки в окопах тоже одобряли:

— Будет знать, с. с...!

— Ему хуже — нам лучше! Небось не радуется! Должно и обед позабыл!

Батареи противника, обеспокоенные нашим огнем и чуя недоброе, начали обстреливать опушку леса левее наблюдательного пункта.

Время атаки приближалось. Офицеры, чуть взволнованные предстоящим боем, отдавали последние распоряжения. Некоторые подошли ко мне.

— Вы уж, пожалуйста, поддержите нас! Куда лучше, когда слышишь свои орудия.

— Через 5 минут я трогаюсь, сказал подполковник.

— Первая полубатарея, цель № 2, вторая — цель № 3. Гранатою! Пять секунд выстрел! Огонь!

Длинные воронки и резкий звук разрывов. Гранаты ложились точно по пристрелянным пунктам.

Раздались свистки и славные роты Каспийцев поднялись и вышли из окопов. Ружейный огонь из второй линии окопов усилился, справа застучал пулемет, один, другой. Люди кое-где попадали.

— Ваше Благородие, видите, пулемет правее цели № 2, это оттуда! Еще вчера его не было. Он стрелял во фланг наступающим Каспийцам, ряды которых редели. Цепи залегли. До австрийских окопов от них оставалось не больше 150-200 шагов. Нужно было спешить. Я сделал поправку.

— Два патрона! Беглый огонь! Три патрона! Беглый огонь! Трескотня пулеметная затихла, но ружейная пальба из дальних окопов еще более усилилась. Пули визжали по всем направлениям и с звучным щелканьем шлепались о деревья. Трудно, казалось, при таком обстреле поднять людей. Но вот, снова раздались свистки, команда, крики. Цепи поднялись.

— Два патрона! Беглый огонь! Три патрона! Беглый огонь! Беглый огонь! — Снаряды без перерыва проносились над нашей цепью и грохались. «Ура, а, а» раздалось дикое, порнзительное, оглушающее. Такой же неистовый крик рядом со мной на опушке — и от нее отделились и побежали новые цепи — роты резерва. Вот передние подбегают к окопам противника и занимают их. Я перенес огонь на вторую линию и дальний конец хода сообщения, где заметно большое движение. Казалось, вот-вот последует контр-атака.

— Три патрона! Беглый огонь! Беглый огонь! Батареи противника поняли, наконец, в чем дело и с бешенством повели огонь, впрочем, как всегда на «журавлях», по окопам, занятым нашими. Вторя им, откуда-то с тыла и с боков захлебывались пулеметы. Нашей пехоте предстояла следующая, самая трудная часть — овладеть второй линией. Справятся-ли?

— Гляньте, гляньте, Ваше Благородие, руки подымают!...

В ближайшем конце хода сообщения виднелись поднятые руки; вот один выскочил на бруствер, за ним другой, третий... Целая толпа, на виду у наших и своих. Каспийцы бежали к ним и снова раздалось «ура».

Вдруг, вся вторая линия противника зашевелилась и из окопов, ходов сообщения и кустов выскочили люди и бросились... в тыл. Весь скат на громадном пространстве покрылся серо-голубыми фигурами.

— Прицел 50, трубка 50, два патрона, беглый огонь!

Снаряды рвались над головами бегущих. Часть из них попадала, часть повернула назад к окопам, остальные продолжали убегать. Через 15 минут бой окончился. Доблестные Каспийцы взяли несколько пулеметов, тысячи пленных, и продолжали наступление.

Это было началом крупной победы II-ой армии генерала Щербачева, которая своевременно подняла настроение наших войск и жестоко наказала «зазнавшихся австрияков».

Д. С.

«СУЛТАН»

Всем, кто, хоть немного, знаком с военным бытом, известно, что в каждой воинской части, будь это рота, эскадрон или батарея, общими любимцами были собаки. Наша батарея не являлась исключением — у нас было две: громадный чистокровный Сен-Бернар Лорд и его сын, плод жаркой любви с соседней дворняжкой, Султан, который удался весь в папашу, только был немного меньше.

Лорд держал себя всегда очень солидно, спокойно разгуливал по двору, заглядывал в конюшни, понапрасну не лаял, со всеми чинами был очень ласков, но у него был один недостаток, от которого его с трудом вылечили — он терпеть не мог женщин! Заметив издали особу в женском одеянии, он считал это непорядком и со всех ног, с лаем, бросался навстречу и не позволял двигаться дальше. Правда, он ни разу никого не укусил, но напугал очень многих. Попытки отучить его от этой привычки не увенчались успехом. Наши дамы жаловались и просили посадить Лорда на цепь, но фельдфебель ни за что не соглашался лишить свободы своего любимца, обещая вылечить его своим способом.

Однажды во дворе появилась женщина в

длинном черном плаще. Увидев ее, Лорд, по обычаю, с лаем бросился к ней и был поражен, что она совсем не испугалась, а, выдернув толстую палку из-под плаща, несколько раз огрела его ею. Узнав в женщине переодетого фельдфебеля, чувствуя себя виноватым, Лорд терпеливо принял заслуженное наказание и только жалобно повизгивал. С тех пор он не обращал никакого внимания на дам, а если и видел их, то отворачивался, чтобы не соблазняться...

В отличие от Лорда, Султан бил очень легкомыслен, часто выбегал со двора, гонялся за велосипедистами, вступал в драку со всеми собаками — не нападал только на Лорда, вероятно, из почтения к родителю. Всех своих офицеров и солдат он великолепно знал и считал своим долгом к каждому подойти и по-собачьему приветствовать. По запаху он сразу отличал стрелков соседнего полка от своих канониров и не любил, когда кто-нибудь из них появлялся в нашем районе.

Перед погрузкой для отправки на фронт возник вопрос — что делать с собаками? Солдаты умоляли взять их с собой, а не оставлять чужим людям. Просьба была уважена. Решено было на фронте держать их при обозе. Но собаки решили по-своему: они удрали из обоза и, по следам, догнав батарею, радостно виляя хвостами, появились перед командиром, когда мы были уже верстах в 25 от обоза. Пришлось помириться с этим и взять собак на позицию...

К орудийной стрельбе Султан относился довольно равнодушно, Лорд же при первом выстреле скрылся в землянке и вышел оттуда только, когда все затихло. На другой день Лорд исчез. Искали его повсюду, но не нашли. Позднее мы узнали, что он прикомандировался к кухне Саперного батальона, где было безопаснее. Султан остался верен батарее и, даже будучи ранен в ногу, после перевязки, хромая, вернулся на позицию.

В январе 1915 года нас перебросили из Восточной Пруссии в Карпаты и мы оказались под Козювкой. Здесь каждый взводный командир получил самостоятельную задачу и батарея должна была разделиться. Один за другим, взводы отправлялись на свои позиции, а Султан растерянно смотрел и не мог решить, к какому взводу ему присоединиться. И когда двинулся последний взвод, он увидел, что ему ничего другого не остается, как пойти с ним... Этот взвод занял позицию в 22 верстах от меня. Мы были связаны телефоном.

Прошла ровно неделя, был понедельник. Погода была «артиллерийская» — туман настолько густой, что никаких наблюдений за противником не могло быть. Воспользовавшись этим, я не пошел на наблюдательный пункт, а сидел у себя в халупе и занимался корреспонденцией. Услышав, что кто-то скребется, я открыл дверь и в тот-же момент Султан радостно бросился ко мне и чуть не свалил меня, лизнув в лицо. Я приласкал его, угостил сахаром. После визита ко мне он побежал на кухню, где в то время раздавали обед. Из соседнего взвода мне по телефону сообщили, что Султан пропал и очень обрадовались, когда узнали, что он у меня.

Точно через неделю, в понедельник, Султан покинул и мой взвод. Я думал, что он вернулся на свое первое местопребывание, справился по телефону, но оказалось, что он был уже на следующем взводе. Так он проделывал каждую неделю, меняя место и всегда в понедельник.

Вероятно, у него был свой собачий календарь!

Во время отхода из Карпат Султан был вторично ранен осколком в бок. Рана была серьезная, но ветеринар заботливо ухаживал за ним и вскоре он снова появился на позиции. Особенно радовало его, что вся батарея опять была в сборе — он бегал от орудия к орудию, старательно обнюхивая и ласкаясь к каждому канониру. Не меньше его радовались и солдаты, подкармливая его, чем только могли.

Несмотря на два ранения, Султан не боялся выстрелов. Во время обстрела батареи солдаты пытались скрывать его в земленке, но он не хотел оставаться в одиночестве и всегда был у орудий.

В одном из боев в Галиции Султан был третий раз ранен пулей в грудь. Он только взвизгнул и упал на бок. Солдаты подбежали к нему — истекая кровью он лежал и грустными, виноватыми глазами смотрел на окружающих... Перевязав рану, его бережно уложили в землянке. Когда кто-нибудь подходил к нему, он, как бы в благодарность, старался лизнуть руку. Никакие старания врача не помогали и на другой день жизнь Султана прервалась... Как это ни странно, но и потери в людском составе не производили на солдат такого сильного впечатления, как смерть их верного четвероногого друга. Не слышно было ни обычных острот, ни веселья — все как-то присмирели и молча исполняли свои обязанности.

Закопали Султана во время затишья на опушке леса, на нашей позиции. При этом присутствовала вся батарея. У большинства на глазах я видел слезы...

Покидая и эту позицию, солдаты, оглядываясь, с грустью прощались с маленьким холмиком, под которым вечным сном спал их любимец.

А. Космодель.

Военные училища в Сибири

(1918—1922).

Военные Училища в Сибири, 1918-1922 г.г., были создаваемы, жили и работали на основании учебной техники и практики, которые вырабатывались в течение войны 1914-1918 г.г. Поэтому, прежде чем кратко изложить их историю, необходимо упомянуть об этой технике и практике и их результатах.

Российская Армия вступила в войну 1914-1918 г.г. с составом в 105 пехотных дивизий, 18 стрелковых бригад, 36 кавалерийских дивизий — 2.500.000 чел. и в тылу — 208 зап. батальонов-полков и 118 бригад государственного ополчения — всего 2.000.000 человек. Эти новые формирования потребовали громадного количества офицеров, из коих 36.000 в строю. Призванных из запаса и отставки было слишком мало — немного больше — 50.000; так например, до войны 1904-1905 г.г. прапорщиков запаса производилось по 1.200 чел. в год. Поэтому были приняты спешные меры по обучению и выпуску новых офицеров в строй. К существовавшим 11 пехотным военным училищам, 5-ти кавалерийским и казачьим, 3-м артиллерийским и 1-му инженерному, были открыты еще 144 школы прапорщиков — двухротного состава и одно пехотное училище (в Ташкенте). Военные училища увеличили свой состав по размеру имеющихся помещений: так Александровское воен. училище — до 12-ти ротного состава, Алексеевское воен. уч. — 8-ми ротного, Новочеркасское — со 140 юнекорв до 300 и т. д.; Оренбургское казачье училище осталось при своем штате — 120 юнкеров. Курс и военных училищ и школ прапорщиков был установлен в 4 месяца для пехоты и 6 месяцев для специальных (артиллерийских и инженерных училищ).

В общей сложности, эти 166 военных училища и школ прапорщиков, выпустили около 600.000 молодых офицеров, и все же, несмотря на это, офицерский состав был в постоянном некомплекте, так как, кроме больших боевых потерь, новые и новые формирования требовали массы офицеров: армия в 1917 году имела 228 пех. дивизий, 11 стрелковых бригад и 52 конных дивизии, состав коих дошел до 9 мил. человек при 320.000 офицеров, что показывает, что наши потери в офицерском составе превзошли все расчеты военной статистики, которая («Наука о войне» ген. Головина) дает норму убитых офицеров в 3 раза большую — в процентном отношении, чем солдат.

Сформированные школы прапорщиков были разбиты на две части — одна подчинялась Гл. Упр. Военно-Учебн. завеедний, вторая — Командующему военных округов. Комплектование также не было организовано по одной системе: в то время как одни прямо со школьной скамьи попадали в военные училища или школы прапорщиков, большинство проходило длинный и сложный путь: запасного батальона с 6-ти недельным обучением, затем «команды 30» — с двухмесячным обучением вольноопределяющихся в размере учебной команды или учебной команды с тремя месяцами обучения; затем назначение в маршевую роту, с этой ротой на фронт, пребывание в строевой части на фронте, затем по истечении 2-3 месяцев откомандирование в команду пополнения, пребывание в этой команде до 2-х месяцев, наконец, — школа прапорщиков или военное училище с 4-мя месяцами обучения.

Таким образом кандидаты в офицеры находились до производства на службе от 11-ти до 13-ти месяцев. В теории, они на практике знакомились со службой и обращению с людьми, обстреливались на фронте, а затем, в течение последних 6 месяцев, получали необходимое военно-техническое обучение. На деле же, для средней массы получалась скачка с препятствиями, которые надо было пройти. Поэтому многие и обходили стороной самый неприятный этап — фронтовую службу. Дитя оказывалось у семи нянек, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Каково было положение с этой стороны дела показывает доклад Дежурного Генерала Управл. военно-учебн. заведений — ген. Адамовича, напечатанный во второй половине 1916 года отдельной книгой, с пометкой «секретно» — «Об осмотре школ подготовки прапорщиков запаса» и разосланной для сведения и руководства всем командирам и курсовым офицерам военных училищ и школ прапорщиков. При осмотре каждой школы, указывались общие недостатки: большой процент командируемых нижних чинов с фронта без боевого опыта, командирование ефрейторов и нижних чинов без прохождения учебной команды; нахождение в каждой школе по два десятка юнкеров без прав по образованию; командирование обозных нестроевых нижних чинов, командирование писарей; при «студенческом» (т. е. имеющем полное среднее образование) составе отмечается (1-я Петергофская школа 20-23 июня 1916 г.) «слабость физическая и малая культура»; в

3-й Московской (30 июня и 1-го июля 1916 г.) «студенческой» — ..«при взаимном обращении слышно, думается, значущее «товарищ»... при отсутствии данных для недоверия, среда их не дает решительных признаков твердости и надежности настроения, необходимых офицерскому составу»... — много юнкеров даже в строю носят пенснэ (1-я Петергофская, 16 и 17-го июля 1916 г.), только Киевские школы прапорщиков, особенно 3-я, 4-я и 5-я оценены хорошо: ... «юнкера-студенты оказались более прирученными, нежели в школах Петроградского и Московского военных округов» — «принесение в дар школе очень хорошего портрета Государя Императора с Наследником одним из юнкеров, собственной его работы» — 4-я Киевская. Но 3 Одесские плохи: казарменная серость и убожество, неважная еда, клопы в кроватях; в 3-й Одесской — 5 офицеров не пошли на фронт. В хорошо оцененных Киевских — 3-й, 4-й и 5-й указывается, что кадровый состав — строевой и боевой, поэтому в этих школах — одежда отличная, еда хорошая, видна живость и втянутость в работу всего состава. Как правило, повсюду нищета и убожество в материальной части, вооружения, а часто и помещения: «... один пуд колючей проволоки... один пулемет... 20 ручных гранат... мало шанцевого инструмента...» отмечается во всех школах и только в 1-й Петергофской отмечено: — ...«Школа обеспечена оружием и пособиями блестяще»... При осмотре 1-й Ораниенбаумской отмечается: «... Площадь пола недостаточна... все классные занятия ведутся в спальных, причем юнкера сидят частью на кроватях... Устройство двухярусных нар, принятых в школах Омского и Иркутского округов, где школы наилучше оборудованы»... во 2-й Ораниенбаумской: ...«пища, судя по расписанию, скудная... обстановка стола тяжелая, столовая тесна и грязна...». Хорошая работа Киевских школ прапорщиков особенно оттеняется неудовлетворительным составом пополнений школ из команды пополнения (28.7.1916): ... «обучение ведется по 8-ми недельной программе... внешнее впечатление мало благоприятное — чрезвычайно развиты самовольные отлучки... подготовительная работа команды вызывает сомнение в ее успешности, в ней: а) назначенных с фронта 721 чел., б) из запасных частей 490 чел.., со всех сторон ведется в школы все негодное, ищущее не дела офицерского, а звания и избежания иной, солдатской доли... в офицерские ряды хлынула большая доля негодных людей, а неразумное покровительство стало им открывать путь...».

Каково же было качество офицеров прошедших свой обычный, в течение года, — длительный путь к офицерским погонам? Кавказский гренадер кап. Попов, в своих записках, так отзывается о нем: «... что касается личного состава отправившихся маршевых рот, то офицерская его часть лучше всего характеризовалась тем, что по прибытии в действующие части всех молодых прапорщиков отправляли на дополнительные армейские курсы, где их основательно доучивали...». В дневнике ген. Будберга «упоминается такая школа, дается ее курс и указывается срок — 2 месяца». Таким образом, пройдя 7 различных инстанций, 7 разных начальников, подавляющая часть новых прапорщиков, — после 13-15 месяцев перекочевок из одних рук в другие, не получила нужного воинского воспитания и, по сути дела, являлась массой «с улицы», чья непереработанная психология сохраняла в себе все влияния вредной в государственном отношении нашей программы средних учебных заведений.

Начиная с графа Толстого, когда в России был взят за основу «классицизм» — т. е. изучение древних языков — латинского и греческого, выходившие из средней школы были воспитаны на примерах древних римлян и греков, — образцовых республиканцев. Техническая часть программы — математики, физики, химии, естественных наук — строилась на сугубо материалистической основе. В истории — новой, — восхвалялись достижения французской революции. Таким образом в течение десятилетий — почти 45 лет — в России, в стране с монархическим направлением, шла открытая подготовка республиканской идеологии, которая охватывала всех, кто имел аттестаты зрелости. Противодействие этой идеологии было случайным, основанным только на историческом воспитании части населения — таковым было, например, настроение подавляющего числа кадет в кадетских корпусах, части казачества. Армия — офицеры — держалась за монархическую идеологию только на основании присяги, дисциплинарного устава и Свода положений о военнослужащих. Защитой монархической идеологии, ее преимуществ, — занимался только Корпус жандармов по долгу службы. Погром армии, который устроила ей, непониманием задач, первая Ставка — 1914-1915 года, вызвал в рядовой офицерской массе глухое возмущение и заставил ее прислушиваться к демагогии революционных заправил из Государственной Думы. Все это отзывалось на составе юнкеров. Поэтому то, когда в 3-й Московской школе прапорщиков (30 июня-1-июля 1916 год)а — студенческой, — ген. Адамович задал вопрос, странный для нас теперь, — каково их мнение о суровости военной службы после ознакомления с ней на опыте, то услышал в ответ: — «... об этом надо еще потолковать между собою...», — что показывает на существование в ней какой-то организации.

Доклад ген. Адамовича указывает на политическую ненадежность состава юнкеров уже в

1916 году, поэтому вполне ясно и понятно исключительно пассивное отношение всех школ прапорщиков и военных училищ к подавлению февральского бунта 1917 года. Все действия революционных «военминов» — Гучкова и Керенского, отбили всякую охоту у начальников училищ и школ прапорщиков содействовать усмирению восстания большевиков 25.7.1917 года, вполне оправданного происшедшими позднее событиями, так как революционные начальники гарнизонов своими действиями — провокациями, — только подводили веривших им юнкеров под напрасные потери и естественные репресии большевиков-победителей; в Петрограде ли — Полковников, в Москве ли — Рябцев, в Иркутске ли — Краковецкий, поступали совершенно одинаково: начав бой с большевиками, затем закючали с ними перемирие и соглашались на сдачу оружия, — разоружение, — о отсюда, — сдача на милость или немилость красных.

Как пример положения, бывшего тогда в военных училищах и школах прапорщиков во время октября 1917 года, из целого ряда боевых столкновений в Сибири — 1.12.1917 юнкеров в Омске, сотника Ситникова 3.12.1917 в Томске и 9-17.12.1917 года в Иркутске и т. д. возьмем наиболее крупное по числу участников — Иркутское, которое было и самым характерным по ходу действий и результату.

Октябрь 1917 г., — политически — борьба за власть двух революционных партий: с.-р. — стоявших у власти и с.-д. большевиков, получивших возможность претендовать на нее и захватить её.

Ц. К. партии с.-р. запрещал категорически своим организациям вооруженную борьбу с большевиками и выступления против красных производились по личному почину членов военной секции партии с.-р. — Соколова, Лебедева, Фортунатова, Краковецкого, Солнышкова и других. Поэтому-то, даже успешные боевые действия не давали никаких результатов, так как главари после перемирия разбегались и оставляли массу, шедшую за ними, на растерзание озверелых победителей.

Из расположенных в Иркутске военного училища и 3-х школ прапорщиков отказалась выступить 3-я целиком, в военном училище и 2-х других отказчиков также набралось около 100 человек, которые были разоружены и находились во время боев на положении арестантов. В училище и школах прапорщиков была только половина штатного состава, так как незадолго до 9.12.1917 года был очередной выпуск молодых прапорщиков и налицо находился только младший курс, а нового пополнения не было получено.

Когда Иркутский совдеп потребовал разоружения училища и школ, то в них были собраны митинги для решения, — драться или подчиниться. Характерным оказалось и поведение большинства кадров: на 90 проц. они уклонились от всякого участия в событиях; поэтому юнкерам приходилось или становиться под команду случайных офицеров (напр., пор. Худякова — организатора захвата здания прогимназии, Гайдука, сопротивлявшегося около понтонного моста и там же убитого 12.12.1917) или же выбирать себе начальников.

В какой мере прилагали свои руки к организаици выступления пресловутый Краковецкий и полк. Скипетров не очень ясно, но на них лежит вина за такой пропуск — как уход 3-х запасных батарей с 18-ю орудиями на сторону красных, вследствие чего юнкера оказались в крайне невыгодном положении, имея только два десятка пулеметов и два, три бомбомета. Всеми операциями управлял комроты 2-ой школы — полк. Лесниченко.

Таким образом против запасных полков — 9-го, 11-го и 12-го, укомплектованных в значительной части бывшими ссыльно-каторжниками и присоединившимися к ним 4.000 рабочими Черемовских копей — всего приблизительно 20.000 человек, оказалось около 800 юнкеров и сотни-полторы добровольцев.

Иркутский казачий дивизион оплел свои казармы проволокой и заявил о своем нейтралитете.

Как известно, в то время как юнкера захватили большую часть города, развивали наступление, теснили красных и дальше, Краковецкий и Скипетров, на девятый день боя, заключили трехдневное перемирие, затем согласились разоружиться и распустить участников боев.

В этом случае все характерно: подбивание из-за кулис эсерами юнкеров на выступление, уклонение кадра училищ и школ прапорщиков от руководства юнкерами и событиями и, наконец, боевая настроенность юнкерской массы, готовой итти на бой в почти совершенно безнадежной обстановке, не имея никакой руководящей и ясной цели.

Это настроение юнкеров нельзя считать за защиту своих военно-профессиональных интересов: при посещении 6-й Московской школы прапорщиков (4-6 июля 1916 г.) генерал Адамович задал вопрос — кто предполагает остаться на военной службе после окончания войны — утвердительных ответов последовало только 5 проц.

Выступление Иркутских юнкеров было общим отзвуком на действия, практику и идеологию большевиков, шедших к власти не только силой, но и путем массовых совершенно бессмысленных и ненужных жестокостей; юнкера — как представители части Российского населения — интинктивно противились превраще-

нию России в базу — человеческую и материальную — мировой коммунистической революции.

Эти настроения начали проявляться позже среди всего населения части России, — на восток от Волги, когда, начиная с февраля 1918 года, вспыхнувшие восстания — в Оренбургской губернии, в Прикамье, на Урале, в Семиречье и т. д. — получили организующее ядро в виде выступления корпуса чехословаков.

Когда воставшие были организованы в русские воинские части и создались фронты, то, во всей остроте, встал вопрос о пополнении убывающего в боях офицеркого состава, а поэтому самотеком, в разных местах стали открываться военные училища.

По времени открытия училища были созданы:

1. Оренбургское Казачье военное училище — от августа 1918 года.

2. Хабаровское военное училище — 18.10. 1918 г.

3. Читинское, Атамана Семенова, военное училище — 14.11.1918 г.

4. Школа Нокса (Русский Остров — Владивосток) — ноябрь 1918 г.

5. Инструкторские школы:

а) Екатеринбургская;

б) Челябинская;

в) Томская;

г) Иркутская (начало апреля 1919 г.);

д) Тюменская.

6. Морское военное училище во Владивостоке — ноябрь 1918 г.

7. Челябинская кавалерийская школа — май 1919 г.

8. Омское артиллерийское военное училище — 1.6.1919 г.

9. Омское артиллерийское техническое военное училище — 1.6.1919 г.

10. Юнкерская сотня Уральского Каз. Войска — июль 1918 г.

11. Иркутское военное училище — 1919 г.

12. Корниловское военное училище — октябрь 1921 г.

Собранные сведения о части военных училищ дают ясную картину их работы, жизни. О других имеются только их имена, отрывочные данные, — по участию в боях; что, напр., представляла собой юнкерская сотня Уральского Каз. Войска, — судить очень трудно, так как единственным указанием на ее существование является случайно оброненная фраза в книге ген. Толстова «От красных лап в неизвестность» о ее гибели 20.12.1919 г. при внезапном нападении Алаш-Орды, причем только упоминание, что ее начальником был ген. Мартынов, позволяет предполагать, что это было военное училище.

Мысль о сборе материала и первые данные пирнадлежат инженеру Е. А. Леонтьеву — бывшему юнкеру Омского артил. училища. Остальной материал собран мной от бывших юнкеров и офицеров существовавших училищ. Некоторые, — напр. сотник Красноусов, автор книги «2-я батарея», давали сведения весьма обстоятельно и охотно, другие давали ответы отрывочно, скупо, стараясь остаться анонимами, неохотно, враждебно.

Как бы то ни было, но кое-какие данные, —пусть и скупые — собраны и страница прошлого написана, которая, возможно, пригодится при формировании Российской Национальной Армии после свержения коммунизма в России.

Изложение истории военных училищ будет дано хронологически, по времени их возникновения.

Справка к общей части. — Николаевское кав. училище имело ускоренные выпуски: в 1914 году в корнеты после 14 месяцев обучения, в прапорщики — два по 4 месяца, один в 6, один в 8, дальше в один год с производством в корнеты. Это было возможно потому, что хотя наша кавалерия и дралась доблестно — и в пешем и в конном строю, но не имела таких потерь, как пехота, сменившая от 4 до 11 комплектов людей, а потому и могла увеличить курс воен. училищ.

Уральская Школа Прапорщиков.

Уральская школа прапорщиков была сформирована в августе 1918 года для подготовки смены офицерского состава из числа лиц, имеющих права вольноопределяющихся 1 и 2 разрядов. Первоначально, состав школы состоял из сотни, пехотной роты, пулеметной команды и взвода артиллерии. Срок обучения, вначале, был установлен в 8 месяцев, но, позднее, обстановка изменила все предположения и потому два выпуска, которым, еще юнкерами, пришлось больше быть в боях, чем учиться, не имели точного времени курса.

Вначале, до оставления Уральска, в январе 1919 года, школа размещалась в войсковой столице, затем она была прикомандирована к штабу армии. Комбриг Кутяков, в своей книге о пресловутом Чапаеве, упоминает об участии школы в боях под станицей Сломихинской в начале марта 1919 года, когда было остановлено продвижение на юг 22-й советской дивизии и фронт стабилизировался.

Ведал формированием школы и ею коман-

довал полковник Исаев, который, позднее, сдал ее полковнику Донскову.

К концу 1919 года, в Школе осталось только сотня и пулеметная команда. Юнкеров числилось — 30, из которых часть была в тифу.

Школа принимала участие в боях при сдаче Уральска красным, когда был смертельно ранен герой Уральского Войска генерал Матвей Филаретович Мартынов, бывший в это время с юнкерской сотней, которой командовал тогда есаул Мясников. После падения Уральска, в момент полного упадка, охватившего казаков, атаманом был выбран генерал В. С. Толстов, который при помощи юнкеров сотни разогнал митинг,созванный казаками для переговоров о сдаче, и приказал есаулу Яганову с юнкерами расстрелять главарей. Таким образом, и здесь юнкера удержали в порядке казачью массу, готовую еще раз поверить красным делегатам и разойтись, распылиться по домам, где бы их, как и год назад, переловили бы по одиночке и порасстреляли.

Школа отходила, пешим порядком, с армией из Гурьева по пустой и голодной Прикаспийской степи, в пургу и морозы. В поселке Прорва, большая часть казаков решила сдаваться красным. Начальник пулеметной команды Школы есаул Карташев, взяв с собой желающих и могущих итти 2 офицеров, 4 казаков и 5 юнкеров, Войсковое Знамя и 4 пулемета, ночью двинулся на форт Александровск, куда спустя месяц и дошел благополучно. Начальник Школы полковник Донсков, больной тифом, и помощник Атамана по хозяйственной части генерал Мартынов — были, в числе других, расстреляны красными.

Сведения даны Начальником пулеметной команды Школы есаулом Карташевым.

Оренбургское Казачье Военное Училище.

Оренбургское Казачье военное училище было основано в 1890 году, со штатом в 120 юнкеров, для подготовки офицеров во все казачьи вйска, за исключением Донского.

С началом войны 1914-1918 г.г. училище перешло на 4-хмесячный курс обучения. В августе 1914 года училище было дублировано пехотной школой прапорщиков, размещенной в здании Оренбургской мужской гимназии на Николаевской улице. После событий 1.12.1917 г., школа прапорщиков, т. е. ее старший курс, — примерно 200 юнкеров — демобилизовалась и от нее осталось только 20 юнкеров под командой поручика Студеникина.

Последний набор юнкеров 1917 г. в сотню Оренбургского казачьего воен. училища был усиленным, поэтому к октябрьским событиям училище имело 150 юнкеров — 60 на старшем и 90 на младшем курсе. С конца октября занятия прекратились, так как юнкера несли караульную службу в банках, на складах, в арсенале и т. д.

При обозначившемся наступлении на Оренбург красных под командой Кобозева, 23.12. 1917 года, 24 декабря 64 юнкера были спешно двинуты на ст. Каргала (первая ж.-д. станция на запад в сторону города Бузулук), на которой уже было несколько мелких партизанских отрядов, составлявших фронт против красных.

25.12.1917 г. приехавшие юнкера выгрузились и двинулись сначала в село Павловку, откуда перешли в станицу Донецкую. Это движение создало угрозу обхода красных, так как все разъезды и следующая за ст. Каргала — ст. Сырт были в руках красных. 26.12.1917 г. красные повели наступление на ст. Каргала, но были отбиты, хотя и обстреливали ее из орудий, поставленных на платформах, и многочисленных пулеметов. Прибытие юнкеров в станицу Донецкую подняло дух казаков, и станичная дружина перешла к активным действиям. В ночь на 27.12.1917 г. юнкера, вместе с казаками ст. Донецкой, разобрали путь в тылу красных и обстреляли ст. Сырт с тыла. Поэтому красные стали спешно отходить назад, обстреляли, при откате, ст. Донецкую из артиллерии и ушли дальше на станцию Новосергиевку. После того как к нашим прибыло одно орудие из Каргалы. 28.12.1917 г., наши двинулись дальше и заняли станцию Переволоцкую, станицу Мамалевскую и остановились на ст. Платовка, так как дальше границы Войска казаки не пошли и фронт закрепился на ст. Мамалаевской.

4.1.1918 г. юнкера на фронте были сменены другими, а бывшие на фронте поздней ночью 5.1.1918 г. вернулись в училище. После первых успехов казачьи дружины разошлись по домам, а красные, подтянув новые силы (800 матросов с «Гангута»), — 14.1.1918 г. повели наступление, которое сотне юнкеров и добровольцев партизан не удалось сдержать. Что произошло на фронте и в Оренбурге 17.1.1918 г. требует отдельного разбора. Из 64 юнкеров, бывших на фронте, 12 вернулись в училище перед самым его выступлением на Илецк. Остальные остались в тылу у красных и частью погибли, частью успели разойтись по домам. Атаман Дутов с комендантом станции Оренбург пор. Румянцевым успел выскочить из города на случайно захваченном извозчике. В первой станице к ним присоединилось еще 6 молодых офицеров: 8 человек, двинувшиеся на Верхне-Уральск после падения Оренбурга, было все, что осталось от фронта, хотя бы и в кавычках.

Оренбургское военное училище и отряд полк. Студеникина — остатки Оренбургской школы прапорщиков, — двинулись на Илецк — в пределы Яицкого войска. Здесь был произведен выпуск старшего курса в хорунжие, которые разъехались по своим войскам. За ними разъехался и младший курс, так что осталось только 20-25 юнкеров и добровольцев, задержавшихся около кадра училища.

Восстание, начатое 23.2.1918 г. в поселке Буранном, возглавленное хорунжим Петром Чигвинцевым, расширилось позже по всей области Оренбургского войска. Выступление чехословацкого корпуса 25.5.1918 г. расширило и связало воедино казачьи, крестьянские и рабочие восстания Поволжья, Урала и Сибири.

17.6.1918 г. Оренбург был освобожден казачьими частями, под командой войскового старшины Красноперцева. К началу июля кадр училища с бывшими при нем юнкерами и добровольцами вернулся в Оренбург.

Июль 1918 г. прошел в организационной работе — выяснению, что осталось от имущества после хозяйничанья красных. В августе 1918 г. был объявлен набор и прием в училище новых юнкеров. Обстановка требовала расширения училища, так как на восток от Волги оно было единственным военным училищем. Поэтому, при сотне 75 юнкеров, был еще сформирован эскадрон, — 75 юнкеров, пехотная рота — 120 юнкеров, полубатарея — 60 юнкеров, инженерный взвод — 80 юнкеров.

Хозяйственная часть справилась с обмундированием, и юнкера были одеты в форму — защитные рубахи, синие галифе и кожаные сапоги, хотя форма была грубо сшита.

На вооружении оказались: трехлинейные винтовки, шашки, пики, 3 пулемета разных систем, для обучения, и 2 трехдюймовые пушки.

Личный состав был укомплектован как окончившими в 1918 году средне-учебные заведения, так и юнкерами военных училищ и школ прапорщиков, не закончивших обучения из-за разыгравшихся событий. Командный состав: ротой командовал кавказец полк. Петров, батареей — полк. Мякутин, мл. офицеры есаулы Горохов и Новишков, в эскадроне были шт. ротмистры кн. Трубецкой и Махнин, сотней командовал есаул Баженов, фамилий остальных не удалось установить.

Курс обучения был установлен в один год. Попыток увеличить боевую силу училища созданием общe-образовательного курса не было сделано, а эта мера могла бы довести состав училища до тысячи человек. Возможно, что действовала обстановка, так 1-я армия Тухачевского, наступавшая на Оренбург зимой, имела 120.000, а оборонявшаяся Оренбургская всего 10.000 человек.

С политической стороны училище прочно обеспечивало власть: когда в ночь на 2-ое декабря 1918 г. возглавитель Башкурдистана Валидов попытался поднять восстание, то оно было сорвано только наличием в городе училища.

Занятия и жизнь училища в Оренбурге шли нормально и строго по уставу. Эта рабочая жизнь была нарушена слабостью Оренбургской армии, не смогшей отстоять города от красных. В середине января — по новому стилю — была начата эвакуация города. Училище было разбито на два эшелона: первый — сотня, эскадрон и инженерный взвод, второй — рота и полубатарея, вместе с 10-м Оренбургским казачьим полком*) позже. При сборе второго эшелона на Форштадтской площади произошел характерный для того времени инцидент: казачий полк замитинговал — уходить или оставаться? Участник того момента — сотник Красноусов — отметил: «если бы казаки решили остаться, то мы попали бы в руки красных».

Орудия полубатареи были поставлены на сани-платформы, с сидениями для номеров. Платформы не годились для движения по глубокому снегу оренбургской степи, поэтому на походе полубатарея отстала вначале в хвост колонны, а затем осталась одна. К обеду, выбиваясь из сил, полубатарея прошла станицу Сакмарскую, в которой шел бой. По окончании боя какие-то казачьи части вышли на дорогу и ушли вперед. Положение стало серьезным: с боку находился поселок, занятый красными, а орудийные упряжки и обоз стали, так как лошади выбились из сил. Тогда полк. Мякутин приказал бросить часть обоза, осводившихся лошадей впречь в уносы, и только тогда смогли пройти мимо занятой красными станицы **Сакмарской**. Так шли до позней ночи, пока лошади не стали окончательно в полуверсте от какой-то заимки. Пушки и обоз были оставлены на дороге, а голодные юнкера ушли спать по хатам. На утро пушки и обоз были запряжены и полубатарея двинулась вперед. В первом поселке вошли в связь с оренбургцами и уже спокойно продолжали поход. Через два дня было приказано сдать орудия казачьей батарее; дальнейший поход до станции Полтавской, где грузились на поезд, был проделан быстро и легко.

На путь до Иркутстка потребовался почти месяц. Во время пути в эшелоне вспыхнула эпидемия тифа, и часть юнкеров лежала в бреду. При проезде через Омск училище представлялось адмиралу Колчаку.

По прибытии в Иркутск, у начальника училища произошло несколько скандалов с комендантом города ген. Сычевым, который, где только было можно ставил училищу палки в коле-

---

*) Точно не установлено — возможно, что и 14-ый.

са, напр., в организации довольствия, настаивая на том, что юнкера и могут, и должны обходиться солдатским пайком. Необходимо отметить, что ген. Сычев в мирное время, за свои красные убеждения, был отчислен от лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка.

В Иркутске училище было размещено в казармах артиллерийского дивизиона, на Первушиной Горе. Оборудование помещений, классов, спален и столовой было удовлетворительным, только в столовой нехватало личной посуды — тарелок, поэтому суп ели, по армейской старинке, из медных бачков на пять человек. Во время обеда и ужина в столовой играл салонный оркестр из 6 пленных австрийцев. Еда была хорошая, хлеб — белый.

Подготовка и сдача репетиций велась по учебникам, вывезенным из Оренбурга и по записскам, которые велись во время лекций. Материальная часть полубатереи изменилась — вместо сданных на походе орудий образца 1902 года было получено 4 клиновых пушки, с которыми и производились занятия. Сотня, эскадрон и полубатарея имели для конных занятий 30 лошадей, сиротливо стоявших в отличных и огромных конюшнях; поэтому, только конные учения велись посменно.

Для строевых занятий окраинное положение училища было благодеянием, отмечает сотник Красноусов: «огромный казарменный двор, прекрасный полигон поблизости и «Чистое поле» в сторону деревень Большая и Малая Разводная, — на реке Ангаре, — давали огромные преимущества при занятиях в поле. Однако, в отпуск и из отпуска приходилось ходить группами, так как район был красный...»

Вспоминая училищную жизнь, сотник Красноусов указывает: «...жизнь в училище была «потугой» на прежнее: юнкера, хотя и однообразно, но были одеты плохо, жизнь и занятия шли размеренно и строго, по уставу, кроме воскресений, когда частенько выезжали на проездку лошадей по Ангаре, — это был своего рода пикник. Май-июнь 1919 года были посвящены усиленным занятиям в поле, на полигоне, топографии и окопному делу. В последних числах июня, полубатарея была переведена на станцию Михалево, где получила во владение орудия и лошадей от запасной батареи и провела экзаменационную стрельбу из 3-х-дюймовых пушек. 2-го июля стрельба была спешно закончена, ночью нас вернули в училище, а 3-го было производство в подпоручики, хорунжие и корнеты...» При производстве были выданы подъемные — 2800 рублей и огромные пистолеты Кольта без кобуры. Переменив юнкерские погоны на офицерские, 5-го июля молодые офицеры спешно отправились по местам своего назначения.

Новый прием юнкеров начал свои занятия по отъезде молодых офицеров. Так как выпускные уехали в своем обмундировании, то строй молодых юнкеров запестрел — шинели теперь были и русские и японские, часть была в полушубках, то же самое и с сапогами, — были и русские и японские, даже часть винтовок была переменена на японские, несмотря на то, что в цейхгаузе Иркутского казачьего дивизиона было 5000 винтовок. Из 4-х орудий только одна трехдюймовка была в порядке, трех других никак не могли починить. Жизнь в училище продолжала идти своим чередом и новый выпуск, ускоренный, намечался в январе 1920 года.

В начале декабря месяца был произведен 3-й прием юнкеров. Училище было в некомплекте и насчитывало: в сотне — 100 юнкеров, в эскадроне — 70, батарее — 100, в пехотной роте — 80 и в инженерном взводе — 50. Новый прием начал занятия 15. 12. 1919 г.

24. 12. 1919 г., в 6 часов вечера, когда юнкера мылись в бане, началось восстание в Глазкове. Установить точно, что делали части училища от 26. 12. 1919 г. до 5. 1. 1920, не удалось. Например, сотня под командой есаула Баженова 27. 12. 1919 г. была выслана к гостинице «Модерн», где размещалось правительство, откуда вышла для очистки от красных 1-ой мужской гимназии, но нашла ее пустой, со следами боя. Затем сотню вернули обратно в «Модерн», где разместили в ресторане. Голодные и промерзшие юнкера попросили их накормить, однако в ужине было отказано и только, после переговоров есаула Баженова с заведующим рестораном возмущенным юнкерам дали чай. Негодование юнкеров усиливалось тем, что члены правительства и служащие его жили весело и пьяно, в ресторане было много дам, смахивавших на явных шансонеток. Сюда в «Модерн» явились два юнкера, бывшие в отпуску, — один из них — племянник капитана Калашникова, — главного бунтовщика в Иркутске. Эти отпускные, одетые во все новенькое обмундирование, принялись агитировать за переход на сторону красных, указывая в качестве аргумента на хорошее отношение к ним эсеров, тепло, хорошо и щегольски их одевших. Целый час их молча слушал есаул Баженов, а затем приказал арестовать и отправить в училище; на другой день изменники были расстреляны в овраге за училищем.

После ночевки в ресторане «Модерн», сотня принимала участие в боях за старое здание Иркутского кадетского корпуса — на площади и по Граф Кутайсовой улице, при захвате штаба восставших на Солдатской улице. В этих боях юнкерам приходилось туго: стояли свирепые предкрещенские морозы, а вести бои и нести службу приходилось в кожаных сапогах — хозяйственная часть не выдала юнкерам валенок, находившихся в цейхгаузе; не заботи-

лась и о их довольствии на фронте. Эту задачу, однако, выполняли Оренбургские институтки и Иркутские гимназистки, самоотверженно приносившие юнкерам еду от себя, под огнем красных.

Годная для стрельбы пушка била с Первушиной горы по красным: юнкера, в боевой обстановке, производили стрельбу не по надуманным задачам, а по требованию боевой обстановки. То, что пушка была одна, весьма снижает высокопарные рассуждения ген. Жанена о запрещении им стрельбы по Военному Городку и Глазкову.

По возвращении сотни в училище, начальник училища ген. Слесарев собрал всех юнкеров и сообщил, что явно пьяный ген. Сычев приказал сделать десант на катере «Св. Николай» на станцию Иркутск, укрепленную в сторону города поездными составами, под которыми были укрытия из мешков с землей. Ввиду неисполнимости этой задачи, ген. Слесарев предложил послать в обход Глазкова около 80 юнкеров — пехотной роты и сапер, что и было выполнено. Эти юнкера приняли участие в атаке вместе с семеновцами; атака была отбита огнем 2-х чешских пулеметов из тыла, при этом около 20 юнкеров было убито.

4.1.1920 года две роты семеновцев, бывшие в городе, получили приказание отходить, приблизительно около 18 часов. Возле училища они стали на привал, и их командир предложил ген. Слесареву уходить вместе. Так как к эвакуации ничего не было подготовлено, то начался сбор подвод, собирать которые были отправлены наряды юнкеров. Часа через три было их пригнано около трех десятков; на них начали погрузку всего необходимого и вещей семей кадра. Сбор семьями своего скарба задерживал выступление, и семеновцы пошли одни на село Лиственничное. Видя, что сбор скарба семей губит училище, командиры взводов эскадрона шт.-ротмистры кн. Трубецкой и Махнин предложили своим юнкерам выступить немедленно, что и было ими выполнено.

Выступление училища произошло после 11 часов ночи. Колонна растянулась на полторы версты, впереди ехал ген. Слесарев. Дорога шла по берегу Ангары. Слева от дороги тянулся глубокий лог. Верстах в 2-х от училища из этого лога неожиданно выскочили иркутские казаки, началась было стрельба, колонна остановилась и смешалась, но вскоре от начальника училища прискакал связной с приказом прекратить сопротивление во избежание потерь среди семей. Колонна повернула и под конвоем красных пошла обратно в училище, которое было окружено как иркутскими казаками, так и солдатами 53-го полка. Оружие было с юнкерами.

Войдя в училище, юнкера увидели, что рабочая команда, — австрийцы, пытались взломать дверь цейхгауза, выходившую в столовую. Австрийцы были разогнаны и юнкера сами открыли цейхгауз, который был переполнен синим и зеленым сукном, полушубками, валенками, словом все тем, в чем так нуждались юнкера. Запасы цейхгауза были разыграны юнкерами.

Утром 5.1.1920 года пришли представители эсеров и потребовали сдать оружие, что и было выполнено в спальнях. Четыре дня юнкера были в училище, а затем их под конвоем отвели в Иркутское военное училище.

В этом здании отношение эсеров к пленным юнкерам было самое отличное: кормили очень хорошо, по старому играл оркестр за обедом и ужином, было выдано по два комплекта нового обмундирования, выход в город по увольнительным запискам — без всяких ограничений, желающие могли строем совершать прогулки, — впрочем, таковых не оказалось, — прислуга попрежнему были пленные австрийцы. Такое отношение продолжалось до боя у станции Зима — 2.2.1920 г.

Перед боем у ст. Зима к оставшимся 250 юнкерам обоих училищ — из 800 — пришла комиссия Соколова из 10 человек (Соколов — красный комендант города). Все были собраны в главный зал и здесь Соколов весьма вежливо указал на хорошеее отношение к пленным юнкерам, предложил помочь в обороне города от каппелевцев у ст. Зима. Представители юнкеров попросили разрешения в течение получаса обсудить это положение самим, без присутствия комиссии. Наедине представители указали, что драться с каппелевцами не рука: ведь там свои близкие люди. Комиссии было заявлено о категорическом отказе выступить, а власть вольна с ними делать, что угодно.

Соколов согласился с доводами, пожалел об отказе и предложил в течение 4-х дней разойтись по иркутским частям, а кто останется после этого в здании и дальше — пусть пеняет на себя. Однако, уже на третий день, даже не дав пообедать, всех оставшихся в здании спешно угнали в пересыльную тюрьму. В тюрьме юнкера были предупреждены, что в случае штурма города, они будут перебиты. 7.2.1920 г. красные ушли из города, в пустой Иркутск привезли в госпиталя много тифозных и обмороженных каппелевцев; при подходе советской бригады Грязнова 3.3.1920 г. им предложили, — кто мог двигаться, — разбегаться и скрываться.

Последнее, о чем можно упомянуть, — судьба ген. Слесарева: вначале его поставили работать в пекарню — рубить дрова и носить воду; затем он был отправлен в Омск и назначен начальником школы курсантов комсостава. После

первого выпуска курсантов в марте 1921 года, во время полыхавшего восстания Западной Сибири, был арестован и расстрелян по обвинению в связи с повстанцами.

Хабаровское Атамана Калмыкова Военное Училище.

Хабаровское военное училище было основано 18.10.1918 года, для окончивших кадет Хабаровского кадетского корпуса, выпускных Хабаровского реального училища и молодежи отряда атамана Калмыкова. Вначале военное училище именовлось школой. Первым начальником училища был директор Хабаровского кадетского корпуса ген. майор Никонов, его помощником полк. Грудзинский, позже ставший начальником училища.

Училище размещалось и довольствовалось в Хабаровском кадетском корпусе. Форма училища была — зеленые защитные рубахи, синие шаровары с желтым, уссурийским, лампасом, папаха и зеленые шинели. На вооружении юнкеров были русские трехлинейные винтовки и шашки.

Имелись и все учебные пособия. Конский состав был в комплекте. Курс училища был установлен в полтора года. По роду оружия училище было кавалерийским. Особеностью училища быал его нелегальность — до инспекции ген. Хорвата в августе 1919 г., только после этого оно было признано адмиралом Колчакм, и первый, ускоренный, выпуск дал молодых хорунжих в части на Урале, на Амуре и в отряд атамана Калмыкова.

Вследствие последнего условия, первый прием имел только 22 юнкера, закончили курс 21, а один был исключен за проступок в нетрезвом виде. Второй прием имел уже 80 юнкеров, а, кроме того, были сформированы артиллерийские курсы — 60 юнкеров под командованием полк. Грабского. Курсы своей материальной части не имели и изучали ее при артиллерии отряда.

Когда в ноябре 1919 года 4 китайские канонерки пытались, в нарушение русско-китайского договора о плавании по рекам Амур и Сунгари, самовольно пройти в Сунгари, то были встречены орудийным огнем отряда атамана Калмыкова у Хабаровска. После 6-ти часового боя одна канонерка была потоплена, после чего остальные ушли обратно в Николаевск на Амуре. В этом бою юнкера принимали самое деятельное участие.

14.2.1920 года наши войска принуждены были оставить город Хабаровск. Двинулись в поход на юг по реке Уссури: военное училище, отряд атамана Калмыкова, морская рота под командой контр-адмирала Безуара, верные уссурийские казаки, часть офицеров и солдат 36-го полка и беженцы. . Выступившим пришлось пробивать дорогу с боем под станицами Казакевичи, Невельской и поселком Чиркино, но у пос. Куколевского окружение стало таким тесным, что пришлось отходить за китайскую границу. Отход по Китаю был невероятно тяжелым: при наступивших морозах пришлось идти четыре дня по снежной пустыне, без дорог и жилья. Всей группой командовал ген. Суходольский. Положение осложнилось разногласием командования: ген. Суходольский настаивал на прорыве с оружием в руках в Харбин — около 400 верст. Контр-адмирал Безуар — на сдаче оружия китайцам. В результате произошло разделение: ген. Суходольский с частью людей пошел на Харбин, а контр-адмирал Безуар — к ближайшему большому китайскому городу Фугдину на реке Сунгари. В отряде было очень много обмороженных, два юнкера, например, замерзли на смерть. Китайцы при первой же возможности арестовали атамана Калмыкова. Ген. Суходольский со своими людьми ушел на Харбин. Оставшиеся — обмороженные и здоровые, но истощенные люди оказались одни в Фугдине. В каких условиях жили люди показывают хотя бы операции обмороженных: ампутации производились под «соловья», тоесть фельдшер, приготовив инструменты, командовал: «запевай!». Человек шесть кидались на больного и держали его, а остальные начинали лихо петь, с присвистом, соловья, который продолжался до конца операции. Кто мог и хотел, — имел деньги или вещи для продажи, или просто шел на авось, — бежали в Харбин. Кто остался, тот был арестован китайцами, отправлен под конвоем по льду Сунгари в станицу Михайло Семеновскую на реке Амур. Там их передали красным, которые их зверски замучили. Полк. Грабский был старшим офицером из преданных. Больные и оперированные дождались в Фугдине навигации и на пароходе были перевезены в Харбин.

Заканчивая, надо сказать несколько слов об атамане Калмыкове. Никто из вождей белого движения не имел такой плохой славы, как он. Если бы этим занималась красная пропаганда, то было бы понятно. Гораздо сложнее дело с воспоминаниями с нашей стороны. Характерным для Сибири является то, что во главе всех наших организаций тогда не было ни одного генерала. Отсюда естественная неприязнь к тем, кто оказывался во главе действия. Атаман Калмыков, понятно, был повинен в таком, напр., деле, как

убийство полковника Февралева — соперника на атаманскую булаву Уссурийского казачьего войска. Но его поведение — отказ от комфортабельного переезда в поезде в безопасное место под охраной японцев, как выехал, напр. штаб Приамурского военного округа. И поход с отрядом, под командой старшего начальника ген. Суходольського, вызывает к нему симпатию. Попав в китайскую тюрьму, он не верит в международные законы, в их незыблимость, а при первой возможности бежит из нее. Больной скрывается в доме русского консульства в Гирине, но, кем-то преданный, обнаруживается китайскими жандармами — китайцы перестали стесняться с экстерриториальностью наших дипломатических учреждений в Китае —, 25 августа увозится ими и после этого исчезает навеки.

Характерно, что только случайно спасшийся от ликвидации коммунист В. Голионко, сидевший в вагоне смертников в Хабаровске и написавший книгу о тех временах «Годы борьбы», ни слова не говорит о расстрелах невиновных: все, кого ликвидировала хабаровская разведка, состояли в организации красных и, следовательно, получили заслуженное ими.

Все это рисует атамана Калмыкова в другом виде: честного и беспощадного врага красных, чьи ошибки и прегрешения были не больше и не меньше ошибок и прегрешений других возглавителей того времени.

Сведения даны юнкером Савицким.

(Продолжение следует)

А. Еленевский

Соприкосновение с армией

В 1912 году приказом Главного Управления Военно-Учебными Заведениями выпускные кадеты задерживались после сдачи экзаменов на 4 недели для строевых занятий при общем войсковом лагерном сборе частей своего гарнизона. В дополнение к приказу было разъяснено, что мера эта направлена не столько на строевую подготовку кадет,что ждало их еще в Военных Училищах, сколько на ознакомление с полевой жизнью войск, распорядком жизни, укладом быта и т. д. Это разъяснение открывало Директорам известное поле инициативы, которая могла проявляться сообразно местным условиям.

В этом, 1912 году шла война между Турцией и балканскими славянами — Сербией, Болгарией и Черногорией. Война для Славян была победоносна и их войска стояли уже на аталджинских позициях, откуда последним ударом открывался путь в Константинополь. Эта военно-политическая ситуация открывала для России соблазнительную возможность вмешательства в войну, которая могла бы привести к разрешению исторической задачи — овладению проливами. Старый лозунг — «Крест на Святую Софию» снова стал национальным символом, находящим широкий отклик в патриотических кругах. Одесский Военный Округ, включающий в себя 7-й и 8-й армейские корпуса, расположенные в бассейне Черного моря, был частично мобилизован и в войсках началась подготовка к десантной операции, в тесном контакте с Черноморским флотом.

Как известно, усилиями мировой политики, сохранявшей так наз. «Европейское равновесие» и всегда враждебной России, таковое вмешательство было не только остановлено, но и Балканские союзники были поссорены между собой, вследствие чего между Болгарами и Сербами возгорелась война. Прямым последствием ее было выступление Болгарии через 2 года против России на стороне Центральных держав.

В эти дни «боевые» настроения кадет были особенно приподняты и из Одесского корпуса было немало попыток бегства на войну. Все эти обстоятельства, в связи с подготовкой войск к военной операции, помешал в первый год точно привести в исполнение приказ Главного Управления. Однако приказ все-таки надо было исполнить. И он был исполнен самым неожиданным образом. После сношения со Штабом Командующего Черноморским флотом, кадетская рота была погружена на пришедший специально за нею минный крейсер и отправлена в Севастополь. Кадеты видели все эскадренные эволюции флота, артиллерийскую и минную стрельбу и т. д. Наконец, на шлюпках были высажены «десантом» около Балаклавы», откуда

походным порядком прошли до Севастополя. Посетили Инкерман, древний Херсонес, с его раскопками, замечательный по живописности Георгиевский монастырь и обошли всю линию «Обороны», с ее знаменитым Малаховым курганом. Очень сильное впечатление произвела Панорама обороны, работы знаменитого Рубо, на Историческом бульваре на 4-м бастионе. Ночевали эти дни на крейсере и на нем же были доставлены обратно в Одессу.

В 1913 году на правом фланге лагерного сбора Одесских войсковых частей уже был выстроен специальный барак, и кадеты включились, наравне с войсками, в армейскую жизнь, неся всю тягость полевой службы. Однако, и здесь инициатива Директора внесла оживляющее разнообразие. С согласия Штаба Округа Директор снесся с Начальником 14-й пех. дивизии, вследствие чего кадетская рота была погружена в поезд и привезена в Бендеры, где стоял лагерь дивизии. Кадет принял 56-й пех. Житомирский полк, как располагающий самым большим и наиболее благоустроенным Офицерским Собранием. Кадеты прибыли в воскресенье. Конечно, в этот день никаких занятий не полагалось. Но никто не ожидал, что полк встретит кадет великолепным обедом, а вечером веселым летним балом, на который собрались все барышни дивизии, жившие на прилагерных дачах. Чудесный большой зал Собрания, прекрасный парк вокруг с беседкой, фонтаном, уютными уголками, гирлянды разноцветных фонариков, гремящая музыка и, наконец, радушное гостеприимство г. г. офицеров — все это создало незабываемую атмосферу. Кадеты почувствовали семью армии и для них стало ясным, что когда, через 2-3 года, по окончании Военных училищ они приедут в полки молодыми офицерами, они сразу войдут в «свой дом». Бал затянулся до 12 час. ночи. Спать кадеты отправились в солдатские палатки, предусмотрительно разбитые для них распоряжением командира полка. Спать однако пришлось недолго. В 5 час. утра запели горнисты и кадеты узнали, что дружба-дружбой, а служба-службой. Еще только несколько часов тому назад они танцевали и веселились, а сейчас надо становиться в строй и на жаре, в поту, в пыли и жажде на целый день включиться в маневры дивизии.

Распоряжением командира полка кадетская рота была придана 1-му батальону и с ним выступила в поход. Начальник дивизии решил, однако, иначе. Он нашел, что, если кадеты наряду с войсками будут участвовать в маневрах, то они ничего не увидят, кроме своих собственных действий. Между тем охват всего маневра мог бы дать им поучительную картину. Поэтому он приказал кадетской роте состоять при его штабе, чтобы в решительную минуту столкновения двух бригад быть на его наблюдательном пункте. Таким образом кадеты были очевидцами всего двухстороннего развертывания боевых действий, ориентацию штаба, методов войскового управления, получая разъяснения от штабных офицеров. Видели перебежки цепей, накапливание, передвижения резервов и т. д.

Маневры были двухдневные. Поэтому к вечеру первого дня штаб расположился на ночлег в каком-то обширном молдаванском селе, где для ночлега кадет было отведено место в большом фруктовом саду. Ординарцы штаба разбили для кадет палатки, привезли воз соломы и кадеты начали устраиваться. Страда целого дня, жара, пыль, духота и огромная масса впечатлений почти заставили забыть о голоде. Каким же приятнейшим сюрпризом оказалась подъехавшая вдруг походная кухня, из которой струился изумительно аппетитный запах борща. Обед был обыкновенный, солдатский — щи и каша. К этому великолепный черный ржаной хлеб. Много позже, уже в эмиграции, поседевшие бывшие кадеты узнали, что наш русский солдатский хлеб в Европе называется «Пумперникель» и продается как деликатес, нарезанный тонкими квадратными ломтиками и тщательно упакованный в серебряную станиолевую бумагу. Русский солдат получал такого хлеба 3 фунта в день. Никогда потом, в самых изысканных ресторанах никому не казались блюда более вкусными, чем эта солдатская, слегка продымленная, крутая гречневая каша с поджаренным луком и с грубым говяжьим салом, по армейски называемым «сбой». Но главное очарование было, конечно, в порции мяса, нанизанного на палочку, с додатками для веса в 22 золотника. И какое наслаждение было потом долго мыться холодной колодезной водой, которую сами поднимали в деревянном ведре на длинном скрипучем «журавле», выливая ее в длинный желоб, из которого поили скот. Была, конечно, предпринята разведка сада, в надежде добавить к обеду также и дессерт. Но все было еще совсем зеленое и кадетские животы слава Богу, остались без неприятных последствий.

Утомленные, возбужденные воинским пафосом и счастливые, кадеты вскоре заснули мертвым сном, а на заре снова запели горнисты и начался второй день маневров. Опять жара, опять пыль и пот, опять перебежки, накопления, подход резервов и, наконец, генеральная атака. К этому моменту Начальник дивизии отослал кадет обратно к Житомирскому полку, и в составе 1-го батальона кадеты, с неистовым криком «ура», пошли в штыки.

Затем при штабе кадеты прослушали весь разбор маневров, с докладами начальников отдельных частей, данных разведки, решения местных задач и т. д. К вечеру вернулись в полковой лагерь. Был тот же солдатский обед, или

ужин. Для разнообразия картофельный суп с лапшей.

Снова крепкий, здоровый сон, а на утро опять в поле. Кадеты присутствовали при стрельбе. Хотелось и самим пострелять, но не дали. А вечеорм в парке у Собрания собралось много нарядных дам и полковых барышень и многие кадеты тут же решили через два года выходить именно в этот полк, так как сердца были «до гроба» пронзены кудрявыми Верочками, Танечками и Ирочками.

На утро был назначен обратный поход. Правда, не до Одессы, до которой было почти пять уставных переходов, а только до Тирасполя, куда от лагеря было всего 14 верст и где должны были погрузиться в вагоны. Полк, как всегда, с утра был на занятиях, и только хозяин Собрания приветствовал кадет завтраком. Пришел командир полка. Поблагодарил кадет за доставленное полку удовольствие принимать их гостями и выразил надежду, что через два года, по окончании училища, многие из них выйдут в славный 56-й Житомирский полк.

После завтрака рота выступила. Попутно осмотрели старую, почти неразрушенную турецкую крепость на берегу Днестра. Подивились на ее неприступные стены и башни и с трудом могли вообразить, как могли взять ее с налета, одним коротким штурмом доблестные войска Румянцева.

Перешли двухэтажный Днестровский мост и расположились привалом на широком плёсе, куда выходили огороды и баштаны села Парканы. Началось купание. Кадетский привал был немедленно окружен толпой деревенских мальчиков. Пришел и местный священник. — Куда же вы, по такой жаре? Пойдем ко мне на усадьбу, хоть по кружечке кваску грушевого или хлебного выпьете!...

Начальство отказалось, ссылаясь на необходимость во время прийти в Тирасполь, чтобы попасть к поезду. Священник ушел. А через полчаса, когда кадетская колонна, вытягиваясь из села, выходила на широкую, пыльную дорогу, сзади нее оказалась повозка с укутанным рогожами боченком. Мальчишка, правивший невзрачной лошаденкой, все время весело кричал: — Кваску, кваску, паничи! Шипучего, поповского!

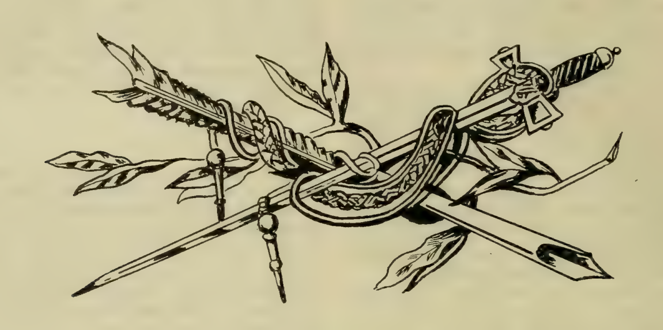
Подойдя к Тирасполю, были встречены конным ординарцем, который доложил, что командир полка приказал господам кадетам «завернуть» в казармы на обед. В обширных и очень благоустроенных казармах Житомирского полка, представлявших целый городок, на лето оставалась нестроевая рота, производившая ремонт, чистку и т. д. У входа в городок кадеты были встречены командиром этой роты и приглашены на обед в садик Офицерского Собрания, где уже были накрыты столы и около них хлопотало несколько дам — офицерских жен, не выехавших в прилагерные дачи. Обед был самый простой — борщ и котлеты, но неожиданно он закончился мороженым. После короткого отдыха, рота сверх 14 верст перехода сделала еще 3 версты до вокзала и погрузилась в вагоны. Нечего и говорить с каким огромным и поучительным багажем кадеты вернулись в корпус. Нечего и говорить также, какую огромную и воспитательную пользу принесло им это близкое соприкосновение с армией, куда через 2-3 года они сами должны будут влиться молодыми офицерами.

**
*

Было это в 1913 году. Немного времени прошло с тех пор, как эти юноши, с кадетскими погонами на плечах, проделывали такие романтические походы, где для них разбивали палатки, угощали мороменым и устраивали балы. Через год, в 1914-м уже гремели орудия войны, а с 1915-го эти самые строевые кадеты уже отбывали свой лагерный ценз в ближайших боевых тылах. Многие возвращались с Георгиевскими медалями, а были и те, кто гордо носил на своей груди и солдатский крестик. Были и раненые и убитые. И возвращались они уже не в Военные Училища, а в ускоренные школы прапорщиков, откуда через 6, а в последствии даже и через 4 месяца выходили новоиспеченными офицерами и, виду огромной убыли в офицерском составе, почти сразу же получали в командование роты. Но прошло еще немного времени и эти скороспелые ротные командиры вновь стали в строй простыми рядовыми, имея своими соседями и старых заслуженных полковников, а иногда даже и генералов Жестокая и кровавая страда гражданской войны уровняла всех. Границы были стерты. Все стали только солдатами за Россию. Над всем царила беспредельная жертвенность, вера и сверхчеловеческое напряжение воли. И в эти небывалые железные ряды широким потоком полились струи уже не возмужалых юношей, готовых завтра стать юнкерами, а 13-ти, 14-ти летних мальчиков, едва только вышедших из детского возраста. Они говорили басом, чтобы казаться старше. Они изнемогали под тяжестью солдатской пехотной винтовки. Они не мечтали о балах и мороженом. Они совершали огромные, никакими уставами не предусмотренные переходы. Они тонули в реках, замерзали в снегах, безропотно голодали, переживали отчаяние безнадежности... Они усеивали своими детскими костями просторы Дона, Кубани, Таврии... Они ходили в штыковые атаки, метали ручные гранаты, сидели на пулеметах, на орудиях, на бронепоездах... Они обессмертили свое имя, ибо слово «Кадет» стало самым ненавист-

ным и самым яростным символом для революционной черни. И национальная история России впишет, уже вписала их безвестные имена в самые светлые и самые жертвенные скрижали своей героики. И новые поколения очистившейся и возрожденной России почтительно склонят головы перед их бессчетными и безымянными могилами.

Владимир Новиков.

« История Елисаветградского кавалерийского училища »

В марте с. г. штабс-ротмистр 1-го уланского Петроградского полка Анатолий Николаевич Василевский прислал мне, для ознакомления, рукопись «История Елисаветградского кавалерийского училища». Трудно было прдположить, что в теперешних условиях, исключительно трудных, можно было бы так удачно подобрать материалы. На долю шт.-ротм. Василевского выпало много труда и забот при составлении этого труда. Он крайне умело разместил весь собранный им от юнкеров материал. Свой труд Анатолий Николаевич пишет не от своего имени, а постоянно ссылаясь на свидетельские показания, с указанием фамилий и даты показания. Начинает он повесть со времен еще Елисаветградского юнкерского училища, выпускавшего эстандарт-юнкеров.

Мне кажется, что нужно выразить нашу признательность и глубокую благодарность шт-ротм. Висилевскому и всем тем, кто принял участие в его работе и с настойчивостью и любовью продолжают выполнять эту работу. Большое спасибо им всем.

На мой вопрос Василевскому — не пора ли приступить к печатанию, а то ряды бывших юнкеров редеют с каждым днем, Анатолий Николаевич ответил: «...жду еще нескольких отзывов, а тогда начнем окончательно приводить в порядок и шлифовать кое-какие места. С Божией помощью, может быть, закончим и издадим».

Чтение этой рукописи навеяло на меня воспоминания детства и юности. Я в Елисаветграде окончил и реальное и кавалерийское училище. Елисаветград остался для меня любимым городом на всю жизнь — таким, каким я его знал в годы юности, когда и на душе и в самой жизни было столько радости и красоты.

Выпуск 24 марта 1906 года из Елисаветградского училища был большой. Произведено в корнеты — 146 юнкеров и среди них были трое — взводный портупей-юнкер Сергей Ряснянский и юнкера Владимир Варун-Секрет и Александр Рябинин. Все мы были 1-го взвода 2-го эскадрона и всю жизнь мы не «теряли чувства стремени» и поддерживали связь. И вот теперь, на самом последнем этапе нашего трудного пути, мы снова связались и на этот раз, кажется, крепко и до конца. Из нашего выпуска в эмиграции я еще знаю в Париже подполковника Шукевича. Дружба и любовь к Родине, заложенная в нашем родном училище, живет в нас и до сих пор.

Я уверен, что «Историю Елисаветградского кавалерийского училища» прочтут не только бывшие юнкера, но и доблестные воины иных родов оружия и Русские люди, любящие Великую Россию.

Полк. **Александр Рябинин.**

Курьезный эпизод

Из воспоминаний старого улана.

В каждом кавалерийском полку выбраковывалось ежегодно известное количество лошадей, закончивших свою «строевую службу». Лошади эти продавались с торгов, и к назначенному дню в районе полка собирались «специалисты» по покупке выбракованных лошадей — извозчики и барышники.

Нужно заметить, что в довоенное время в Литве, в частности в приграничной полосе, хотя автобус уже и имелся, совершая, например, регулярные рейсы между Кибартами-Вержболовым - Вильковишками - Мариамполем-Кальварией и Сувалками, все же главным средством передвижения была «карета», пользовавшаяся преимуществом, так как могла быть использована во всякое время дня и ночи. Кто из служивших в свое время в гарнизонах этой местности не помнит этого замечательного средства передвижения? Это была, действительно, самая настоящая карета, правда, весьма «допотопного» вида, на больших колесах, с музейными рессорами, обшитая внутри замусленным дешевым ситцем. Запряженная парой довольно «пожилых» лошадей, это подобие рыдвана с грохотом и треском катилось по шоссе. На облучке гордо восседал всегда готовый к вашим услугам какой-нибудь Янкель, Мовша или Сруль, в длиннополом лапсердаке, ермолке и пейсах, с внушительно длинным бичем. Зимой это «чудовище» переставлялось на специальные полозья и, ныряя по ухабам и сугробам, вызывало морскую болезнь и украшало голову неизбежными шишками.

Так как движение между полковыми стоянками, а также станциями железной дороги было очень оживленное — ездили в гости, в отпуск, на вечеринки, к приятелям и т. д. — то и спрос на это «средство передвижения» был большой, и их хозяева, эти самые Янкели и Мовши, были главными покупателями выбракованных лошадей.

3-й уланский Смоленский Императора Александра III полк был расквартирован на окраине небольшого еврейского городка Вильковишки, Сувалкской губернии, в пяти верстах от станции железной дороги того же названия, в так называемом Александровском Штабе. По тому времени казармы были оборудованы вполне добропорядочно, с нужным числом открытых манежей, тиров и т. п. Полковое же учебное поле находилось в полутора верстах от казарм между городом и железной дорогой. Оно было обширное и одной своей стороной примыкало к шоссе, тянувшемуся от станции железной дороги в город.

Ежегодно, в конце весны, по окончании одиночного обучения, наступал период взводных, эскадронных и полковых учений. Эскадроны выходили каждодневно ранним утром на учебное поле на эти учения, заканчивавшиеся обыкновенно к 11 часам дня. Приблизительно около этого времени проходил и скорый поезд Петербург-Вержболово.

В начале лета 1914 года период полковых учений уже подходил к концу. В одно прекрасное утро, готовясь к смотру, полк усердно занимался на учебном поле и командир полка полковник фон Крузенштерн наводил «последний лоск». Уже были проделаны всевозможные перестроения, и под конец, желая проверить лихость и быстроту сбора, командир полка рассыпал эскадроны по всему полю. Обозначив собой центр фронта он подал сигнал «сбор», затем «галоп» и «построение резерной колонны». Подхваченные эскадронными трубачами сигналы были непосредственно приняты эскадронами и они со всех концов обширного поля неслись галопом к командиру полка, перестраиваясь на ходу во взводные колонны.

В это же самое время, со стороны шоссе, появилась вдруг «карета» и полным галопом понеслась к строящемуся полку, подозрительно мотаясь по неровностям поля. Янкель, истерически выкрикивая «ой вей мир» и стараясь удержаться на своем высоком облучке, беспомощно махал руками, пытаясь задержать своих лошадей, — но безрезультатно. Из кареты слышались вопли и визг.

Несмотря на все Янкелевские усилия, лошади неслись галопом к строящемуся полку и, не доезжая нескольких шагов до командира полка, остановились как вкопанные за его спиной. Янкель, описав «прекрасную кривую», очутился на земле рядом с командиром полка, в сидячем положении. В этот момент полк как раз закончил свое построение и замер, разразившись оглушительным хохотом. Из окон кареты показались две прекрасные женские головки в слегка съехавших на бок широких соломенных шляпах с бантами. На их раскрасневшихся лицах можно было прочесть и страх, и недоумение, переходившие постепенно в улыбку. И о

ужас! Воздух вдруг прорезали два полуотчаянных-полувеселых крика: «Алик», «Ника». Все это произошло в несколько мгновений, но картина получилась очаровательная.

Педантичный командир полка, недоумевая, что означает сей взрыв хохота в строю полка и эти два странных возгласа, оглянулся и увидел только карету и неподвижно замершего рядом с ним, на земле, Янкеля. Улыбнувшись в свою очередь, он скомандовал «полк за мной», «песенники вперед», и шагом двинулся на шоссе, к казармам. Проезжая мимо кареты, он заглянул в окно, приложил два пальца к большому козырьку своей фуражки, пробормотав в бороду нечто вроде извинений. В приподнятом настроении возвращался полк в казармы и только выражение двух лиц — «Алика» и «Ники» осталось серьезным до конца.

Что же произошло?

«Алик» и «Ника», два неразлучных приятеля и ловеласа, пригласили как-то раз в гости из Вильно, из шантана Шумана, двух «дам нашего круга». И «дамы», желая устроить сюрприз, не сообщив ничего о своем приезде, прибыли, наняли на станции «каретку» с Янкелем и приказали везти их в единственную в городе гостиницу. Везя «карету» мимо полкового учебного поля как раз в тот момент, когда раздался сигнал «сбор», Янкелевы кони, купленные им осенью из последнего брака, услышали знакомую трубу и почувствовали себя снова в «своей среде». Повернув резко направо, они взяли чисто, вместе с каретой, широкую придорожную канаву и приступили к исполнению поданного сигнала — галопом понеслись к полку.

Но все хорошо, что хорошо кончается.

Полковник фон Крузенштерн принял все за «курьезный эпизод», а молодежь постаралась наверстать и с избытком использовать время в столь редком для города Вильковышки обществе. За пережитый испуг и «контузию» невыразимой части своего тела Янкель был побарски награжден, а его коням за «безупречное исполнение приказа начальства» была отпущена из «корнетских сумм» добавочная порция овса в течение целого месяца.

П. С. Бассен-Шпиллер

Морунгенский трофей (1807 г.)

В сражении 14 июня 1800 г., у Маренго, французская армия нанесла полное поражение Австрийцам. Особенно отличилась в этот день 9-я полубригада легкой пехоты, сражавшаяся на глазах у ген. Бонапарта, который тут же дал ей лестное прозвище «Несравненная».

Торжественная церемония имела место в саду Тюльерийского дворца. Став перед развернутым фронтом полубригады, великий полководец громко сказал: «Солдаты 9-й легкой, вот ваши знамена. Будьте достойны надписи, которую я приказал сделать на них. Никогда знамена 9-й легкой не попадут в руки врага. Клянитесь отдать вашу жизнь защищая их». Одним голосом ответила полубригада: «Клянемся».

В 1804 г. своим полкам, переименованным из полубригад, Наполеон дал новые знамена, увенчанные императорскими орлами. Повидимому, для 9-го легкого полка, имевшего с 1802 года особые почетные знамена, было сделано исключение. Республиканские знамена были ему оставлены, но на их древки были поставлены императорские орлы. Подтверждения этому мы не отыскали в исторических источниках, но из того, что следует, факт этот кажется несомненным.

Через год, 11 ноября 1805 г., знамена эти с честью приняли участие в кровопролитном сражении под Кремсом. 9-й легкий полк поддержал свою боевую репутацию. Беглым шагом стремился он на выручку отряда маршала Мортье, взятого в тиски между русскими колоннами Милорадовича и Дохтурова и яростно ударил в штыки на Вятский пехотный полк, прикрывавший, фронтом на запад, г. Дюренштейн. Один из батальонов этого полка был сброшен в Дунай, причем в рукопашной схватке он потерял свои два знамени. Отбили их капитан Леблан и барабанщик Драпье. Русские знаменщики, подпрапорщики Торопов и Калушин были убиты, «храбро защищая до конца свои знамена», как о том свидетельствует сам маршал Мортье. Раненый командир Вятского полка, полковник Бибиков, был взят в плен. Французы не определили, какому полку принадлежали отбитые знамена. В рапортах об этом

деле, полковник Бибиков назван командиром «Верского» полка. Отмечено и то, что Бибиков, хотя и в совершенстве владел французским языком, но категорически отказался давать какие-либо показания.

О потере этих знамен нет ровно ничего в современных русских донесениях ни в исторических трудах. Только, в появившихся в 1865 г. воспоминаниях ген. Ермолова, есть признание этой потери. Но если русские умолчали о ней, они ее не забыли. Император Александр I-й пожаловал всем бойцам, участвовавшим в Кремском сражении по рублю серебром, но сделал исключение для Вятского полка, который ничего не получил. Император Николай I-й впоследствии расформировал Вятский полк. Но, как говорят, «и на старуху бывает проруха».

Война продолжалась. 6 января 1807 г. в бою у Морунгена, 9-й легкий полк вновь повстречался с русской пехотой. Его батальоны храбро шли вперед, охватывая левый фланг войск генерала Анрепа и тесня русских стрелков. Чтобы остановить его, был брошен в атаку 25-й егерский полк полковника Вуича. Полк был молодой, еще не обстреленный. Встреченный штыками, он дал тыл. На смену ему явился подполковник Панчулидзев, с 6-ю ротами Екатеринославских гренадер и 2-мя 5-го егерского полка. Без выстрела, бросились эти роты в штыки на 2-й батальон 9-го легкого полка. В свою очередь батальон этот был обращен в бегство, потеряв при этом до 300 человек. Три раза батальонное знамя переходило из рук в руки, так как три знаменщика были последовательно убиты. Тщетно пытался его спасти четвертый знаменщик. Его заметил капитан фон-Рейценштейн, бывший верхом во главе своей роты 5-го егерского полка. Он пришпорил коня, бросился на знаменщика, ударил его шпагой, но знамя схватить не смог. Раненый француз бросил знамя через изгородь, а капитан был сам тяжело ранен и свалился с лошади. Бежавший за ним, подпрапорщик Василий Бородкин, тоже 5-го полка, перескочил изгородь и схватил знамя.

Взятие знамени в бою большой подвиг. Бородкин получил знак отличия Военного Ордена № 4.498 и был произведен в офицеры.

Но знамя оказалось без орла. По счастливой для фрацузов случайности, он, за несколько дней перед боем, отломался от подставки и с тех пор возился в одной из полковых повозок в ожидании случая для его починки. В полку тяжело переживали потерю знамени, но утешали себя тем, что орел, т. е. главная часть знамени, находился в обозе. Каково же было отчаяние, когда вечером этого дня узнали, что весь полковой обоз, за исключением одной повозки, попал в руки казаков, захвативших г. Морунген. Потерю скрывали, как могли, но соседи стали поговаривать, что в 9-м полку недостает одного орла.

Через день, спасенная повозка была доставлена в полк. Открыли крышку и, к общей радости, нашли в ней своего орла. Его поместили на новое древко и распространили версию, что знамя было, действительно, в русских руках, но что оно было вновь отбито в рукопашной схватке. Эту версию доложили Наполеону, а в Бюллетене Великой Армии ее разукрасили подробностями. Получился сверх-геройский эпизод, который и вошел в историю. Впоследствии указывали и имя лейтенанта, будто-бы отбившего его обратно от русских. История русско-французских войн изобилует такими примерами «святой лжи».

Между тем, отбитое Бородкиным знамя, с древком и подставкой от орла, на которой стояла накладная цифра «9», осмотрели русские офицеры. Нам удалось отыскать их свидетельства. На полотнище была необычайная для полков Императорской Армии надпись: «Французская Республика» и «Несравненная». Таким образом Бородкин отбил одно из знамен, которые были даны в 1802 г. 9-му легкому полку.

Знамя это отправили в С.-Петербург и поместили в Петропавловском соборе. Оно было доставлено туда Фл.-Адъют. полковником Савицким, 3 февраля 1807 г. вместе с орлами, отбитыми в сражении при Прейсиш-Эйлау. 18 октября 1812 г. в собор явился полковник Касторский и, по поручению Аракчеева, взял оттуда все французские знамена. Куда они были перевезены, неизвестно. След их потерялся.

Интересно отметить ошибку, которую сделал ген. Геккель. В его труде, посвященном трофеям 1812-14 г.г. есть указание и о тех, которые хранились раньше в Петропавловском Соборе. Он пишет: «31 марта 1807 г. доставлен в Собор орел 9-го пехотного полка. Это был только один орел, с верхнею от коробочки дощечкой. Взят в сражении при Морунгене отрядом ген. Анрепа».

Тут все неверно. Во-первых, речь идет не о 9-м пехотном, а о 9-м легком полку. Полк этот потерял не орел, а знамя, орел же остался в руках французов. Орел, о котором пишет ген. Геккель, обозначен в описании Петропавловского Собора, как взятый «после Пултусского сражения». Этот орел, без древка и без подставки (коробочки) остался неопознанным, так как номер полка стоял всегда на подставке, которой как раз недоставало. Видно, что ген. Геккель привел свой личный вывод, который в данном случае не соответствовал действительности.

Через два года после Морунгенского боя, Наполеону передали на утверждение список полковников, представляемых к генеральскому чину. На нем стояла и фамилия командира

9-го полка легкой пехоты. Император взял карандаш и зачеркнул ее: «Нет, он под Морунгеном потерял знамя». Об этой потере Император Французов узнал из русских газет.

Сохранился рисунок проекта почетного знамени 9-го полка, исполненный в 1802 г. для Бонапарта известным Шайо-де-Прюсс. По странной случайности, он изображает как раз знамя 2-го батальона, т. е. то, которое попало в руки 5-го егерского (впоследствии 95-го пехотного Красноярского) полка.

С. Андоленко.

Еще об офицерском нагрудном знаке роты Его Величества лейб-гвардии Преображенского полка

Письмо многоуважаемого Е. С. Молло, относительно офицерского нагрудного знака роты Его Величества, меня, увы, не убедило.

Действительно, судя по одной фотографии, существует экземляр такого знака с надписью на нем «1741 NO 25». Весьма возможно что знак этот был пробный, правильно-же надпись писалась именно так как я собщал: «1741 НО 25». Об этом свидетельствовует Справочная книга Императорской Главной Квартиры «Императорская Гвардия», изд. 2-е 1910 г. Вот что мы там находим:

«Ныне эти знаки восстановлены в своей почти первоначальной форме и, вместе с тем, на знаках чинов, числящихся в роте Его Величества, восстановлена надпись «1741 НО 25», пожалованная Императрицей Елизаветой Петровной офицерам Лейб-Кампании, в память содействия вступлению Ее на престол».

Это подтверждает и оригинальный знак, принадлежавший Сергею Александровичу Мещеринову, служившему в роте и 1 августа, выступившему в поход, в ее рядах, в чине поручика. На нем, именно, не «N» а «Н». Следует отметить что, при установлении Императором Петром I русского печатного алфавита, буква «Н», вначале, писалась «N». Одно время думали, что надпись отличия «1700 NO 19» была латинской, что не соответствует действительности.

А что гренадерская рота, впоследствии, была отчислена от полка, то это, конечно, верно, однако **исторически** отделять Лейб-Кампанию от полка — трудно. Император Николай II Высочайше повелел — знамя Лейб-Кампании, хранившееся в СПБ арсенале, передать в Преображенский полк. Возвела Императрицу Елизавету на престол ведь не Лейб-Кампания, а гренадерская рота лейб-гв. Преображенского полка, «отчисление» произошло после этого события. Вот почему, решение вернуть знамя и надпись, пожалованные за эту услугу, именно Преображенскому полку, кажется вполне обоснованным.

Отметим также, что три Российских Фельдмаршала, граф Алексей Разумовский, графы Александр и Петр Шуваловы, никогда в полку не служившие, были все-таки удостоены внесением в полковые списки Преображенского полка.

С. Андоленко

Из истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка

В старом русском, так называемом «передовом» и «интеллигентном» обществе существовало совершенно превратное представление о военной среде, ее жизни и быте, и мне представляется чрезвычайно полезным, как вклад в «малую» историю, дать картину полковой жизни лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, в изображении историка этого полка, в тот период, когда полк стоял на глухой стоянке.

Слишком 30-летнее пребывание полка (после первого восстания и до начала второго), на Волхове, в Селищенских казармах Новгородской губернии представлялось исключительной, по своим свойствам, стоянкой, имевшей и свои хорошие стороны. Это время полковой жизни является интересным во многих отношениях. Само расположение полка было чрезвычайно оригинально и не подходило под общую рубрику стоянок нашей конницы. Это был, действительно, гусарский монастырь.

Гусары вскоре пустили корни на новом месте и не только освоились, но и полюбили свою стоянку, которая принесла немало пользы полку. Она развила превосходный дух товарищества, а отсутствие городских развлечений привлекало офицеров к службе.

С другой стороны, условия жизни вдали от большого города содействовали развитию у офицеров многосторонних талантов кои, в вихре столичной жизни и жизни больших городов, неминуемо бы заглохли.

Так, например, Н. Н. Цейдлер оказался выдающимся скульптором, — некоторые его произведения были посланы на Лондонскую выставку. А. И. Арнольд рисовал акварелью, выставляя свои талантливые работы в столицах. Поручик Г. отличался большим талантом к карикатурам. Н. А. Краснокутский — очень образованный человек, владевший многими европейскими языками, прекрасно играл на корнете. Многие офицеры играли на рояле, из них Пауфер был и композитором и его романсы, в свое время, были известны всей России. Безобразов и Герлях избрали своей специальностью гитару, а Литинский — скрипку. Если в этом перечне Лермонтов помещен последним, то только вследствие краткости его пребывания в полку.

Когда в 1840 г. Наследник Цесаревич Александр Николаевич приехал в полк, то за завтраком он заметил: «однако, господа, у вас здесь должна быть порядочная скука». На эти слова Начальник дивизии ответил, что в полку много талантов, и это обстоятельство украшает текущее время.

Долгое время, по субботам, в полку выходил юмористический журнал. При полку имелась библиотека, и по одному из сохранившихся реестров можно сделать весьма лестное заключение о литературных вкусах тогдашних офицеров полка, которые, как это видно, более склонны были к чтению серьезных исторических трудов, чем легкой литературы.

Из полковых командиров более других оживляли полк генералы Штрандман и Эссен, супруга которого вносила в полк много веселья и оживления. Постоянно устраивались карусели, домашние спектакли, балы. Большим развлечением для офицеров были репетиции каруселей с амазонками, которым очень доставалось от строгого и методичного генерала Эссена. Число полковых дам не превышало 16-ти и из них много было выдающихся по красоте, уму и светскости, что имело большое воспитательное значение для офицеров.

Кроме всех этих удовольствий, многие офицеры занимались охотой с ружьем, гончими и борзыми, хаживая и на медведей. В 1859 году, Наследник Цесаревич присутствовал на облаве медведей, устроенной Гродненцами.

Толчек, данный Пушкиным и Лермонтовым литературе, сильно отразился вообще в военной среде, которая дала своих представителей и в литературе и в области изящных искусств.

1858 год ознаменовался в России первым шагом к освобождению крестьян от крепостной зависимости. Повсеместно были учреждены комитеты по этому предмету; к ним были привлечены и офицеры Гвардии, причем из Гродненского полка первым, получившим такое назначение был поручик Боровков, оставшийся в Комитете до самого конца его деятельности. Кроме него, из полка еще два офицера работали по крестьянским делам.

Новый, злополучный, 1863 год Гродненцы встретили уже готовые к разлуке со своим тихим приютом, вступая на новый этап своего существования:

Крутя перед бокалом
Свой ус, как лунь, седой,
Гусар сказал гусару —
«Заутра, братец, в бой...»

В изложении, я не придерживался точно текста истории полка, но фактическая сторона целиком взята из этой книги.

А. Левицкий.

ЗА РУБЕЖОМ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

В настоящем номере нашего журнала, Редакция открывает этот новый Отдел, назначение которого дать картину работы, проделанной нашей военной эмиграцией за рубежом.

Своей работой, своим трудом, русская военная эмиграция показала что она ушла заграницу не на отдых и не на исключительное устройство своей личной жизни. Работа проделана ею огромная и совершенно необходимо чтобы следы этого труда «на пользу Отечества» не пропали во тьме веков.

Русская военная эмиграция не должна уйти с исторической сцены с ложной репутацией — мы работали, работали много, часто не в меру своих сил и оставляем следующим поколениям плоды наших трудов, нашей работы во славу нашего Отечества.

На страницах нашего журнала уже было описано создание и работа Военно-Научных Курсов генерала Головина, дана полная картина «Русской Зарубежной Морской Библиотеки», мы обращаемся теперь с просьбой к Полковым Объединениям, к Объединениям Военно-учебных заведений, к представителям всех военных организаций за рубежом — откликнуться на наш призыв и прислать для напечатания на страницах журнала краткие описания деятельности наших Объединений и Организаций за рубежом.

Редакция с искренней благодарностью обращается к Объединению лейб-Егерей, первому отозвавшемуся на наш призыв. Будем надеяться, что на него откликнутся и все остальные наши организации.

Алексей Геринг

1. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛЕЙБ-ЕГЕРЕЙ

В Белграде, под редакцией бывшего командира полка генерала Буковского, издавался «Егерский Вестник». До 1939 года вышло 14 номеров. Вторая война прекратила это издание и генерал Буковский скончался.

В Париже, до второй войны, издавался «Осведомитель Лейб-Егерей». Орган информации и поддержания связи. Было выпущено — 40 номеров. Война 1939 года приостановила это издание и после ее окончания, Объединение стало выпускать его вновь в количестве 50 экземпляров, примерно 25-32 стр., на ротаторе. Последний номер вышел в июле 1962 года, в главной своей части посвященный описанию Бородинских торжеств в 1912 году. Кроме того, в этом-же «ОСВЕДОМИТЕЛЕ» печатались воспоминания бывшего Костромского губернатора сенатора П. П. Стремоухова, полковника Иевреинова о поездке в Тобольск, для спасения Царской Семьи, генерала Геруа и иные. Журнал этот издается под редакцией В. А. Каменского.

Сборник материалов «Лейб-Егеря в войну 1914-1918 гг.» был составлен также В. А. Каменским. Этот труд напечатан в количестве 60 экземпляров на ротаторе. С дополнением всего 264 стр. и свыше 70, раскрашенных от руки, схем и 5 листов фотографий.

Полковник Н. В. Ротштейн издал в эмиграции книгу рассказов из жизни полка и книгу военных рассказов «Синие дали».

Генерал Б. В. Геруа написал свои воспоминания, начиная с момента поступления в кадетский корпус и кончая жизнью эмигранта в Англии. К сожалению, его труд (1214 стр.) напечатан на машинке в количестве только 4-х экземпляров и никогда не был издан.

Офицер полка, поручик В. В. Бутчик, получил в 1951 году «Академические Пальмы» во Франции, за свои работы по литературе и библиографии. Им была составлена библиографя всех книг, переведенных с русского языка на французский и особая хрестоматия для французов.

Другой офицер полка, Отец Александр Семенов-Тянь-Шанский выпустил в Чеховском Издательстве книгу «Отец Иоанн Кронштадтский».

В 1938 году, в издании «Общества ревнителей Русской изящной словесности», в количестве 300 экземпляров вышла иллюстрированная поэма «Гибель Атлантиды», принадлежавшая перу офицера полка Г. В. Голохвастова.

Бывший офицер лейб-гвардии Егерского полка, впоследствии командир лейб-гвардии Волынского А. В. Геруа написал и издал книгу «Полчища» — опыт военной психологии. (См. «Мат. к Русской военной библиогр. за рубежом» — «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»).

В. Каменский.

Хроника «Военной Были»

НЕОБЫКНОВЕННАЯ БОЕВАЯ НАГРАДА.

За исполнение важных функций во время боя лин. кор. «Евстафий» с германо-турецким лин. кр. «Гебен» 15 апреля 1915 г. около Дарданелл, по совместному представлению Морского министра и министра Иностранных дел, младший дипломатический чиновник Тухолка был произведен из титулярных советников в коллежские ассесоры.

Сообщил **А. Л.**

ЕДИНОРОГИ.

В старой артиллерии состояли на вооружении пушки и единороги, последние — прообраз будущих гаубиц. По этому поводу, существует такой рассказ.

В конке, по Литейному проспекту в Петербурге, едет профессор Артиллерийской Академии генерал Шкляревич. Напротив него сидят две барышни. Навстречу конке идет артиллерийская часть. Одна из барышень говорит другой: «Катя, посмотри, пушки едут». Катя поправляет — «не пушки, а единороги». Генерал встает, по-штатски, снимает фуражку и произносит, обращаясь к девушке, внесшей поправку: «Позвольте представиться — профессор Шкляревич. В первый раз мне удалось встретить умную женщину».

А. Л—ий.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ЖУРАВЛЕЙ».

Кем были сочинены известные «журавли» кавалерийских полков?

Трудно ответить на этот вопрос, но, повидимому, их следует считать творчеством коллективного автора. Видимо, «журавли» появлялись постепенно, то для одного, то для другого полка, или, может быть, то для одной, то для другой группы полков.

К какому времени следует отнести появление первого «журавля» или первых «журавлей»?

Просматривая как-то материалы к творчеству В. К. Тредьяковского, мы наткнулись на сноску о Державине, взятую из записок Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». Здесь мы находим сперва общее указание о том, что, став весной 1762 года солдатом Преображенского полка и живя в Петербургской казарме, Державин по ночам «читал книги, какие где достать случалось, немецкие и русские и марал стихи без всяких правил...». Далее, мы находим более конкретное указание: «Кто бы мог угадать, какой был первый опыт творца «Водопада»? — Переложение в стихи или, лучше сказать, на рифмы площадных прибасок насчет каждого гвардейского полка!...» (стр. 64 указанных записок).

Таково, нам кажется, происхождение «журавлей», во всяком случае первых из них.

М. З.

ИЗ СТАРОГО КАТАЛОГА МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ.

В дореволюционное время, в Московской Оружейной Палате хранились следующие предметы, имеющие отношение к русской военной истории (см. «Оружейная Палата» Ю. В. Арсеньева и В. К. Трутовского). В современных советских путеводителях они не встречаются.

1) Портрет Императора Александра I во весь рост, в мундире, работы Лауренса. Под портретом: группа из 18 знамен польских линейных полков с вышитыми одноглавыми белыми орлами и вензелем Александра I. Под этими знаменами, по Высочайшему Повелению Императора Николая I помещалась следующая надпись: «Император Александр I благодетель Польши пожаловал знамена сии своей Польской армии. Великодушию отвечала измена; храбрая верная Российская армия знамена сии возвратила, взяв приступом и пощадив Варшаву 25 и 26 августа 1831 года».

2) «Зеркало — прославление Петра Великого за Полтавскую победу, писанное красками на обороте. В центре, в овале, портрет юного Императора, помещенный на груди двуглавого орла; кругом латинская надпись: «Petrus Alexiewitz Magnus Dominus Tzar et Magnus Dux Moscowiae»; над портретом между трех корон орла: «Славою и честию венчаюся». Кругом, по сторонам, в лентах следующие надписи: а) Яко орел покры гнезда свои; б) Обновится яко орля юность твоя; в) Упою мечь мой в крови неприятельской; г) Пожену враги моя и постигну я и не возвращуся дондеже скончаются; д) Виват истребителю гордости свейские; е) Виват отомстителю крове христианской. Под портретом год 1709 и ниже надпись, как-бы на дощечке: «Торжествует во славу Бога, победоносно знамя орла славно гордо смиря льва». В самом низу зеркала: налево — усмиренный шведский лев, в голову которого уперлось знамя с Российским орлом, направо — коленопреклоненные придворные».

Сообщил **Н. Скрябин.**

Письма в Редакцию

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Под покровительством Объединения Императорской Конницы и Конной Артиллерии в Париже, в неустанной работе его секретаря, ротмистра М. А. Колосовского, и инициатора всего начинания ротмистра А. А. Скрябина, проведена в жизнь большая часть работы по увековечению в памяти потомства нашей «военной истории в звуках» — изданию дисков полковых маршей Российской Императорской Армии. Теперь, на склоне лет, многие из нас смогли еще раз услышать не только полковые марши своих родных полков ,но и Русский Народный Гимни сопровождавший каждого воина в могилу, гимн «Коль славен».

У меня, невольно, набежали слезы, когда, получив диск № 2, я услышал величественные и могучие звуки нашего Гимна. Давно я не слышал эти звуки, и былое живо воскресло в моей памяти: славное прошлое, которое я так люблю и о котором бережно храню память в душе своей, любовь к России, к создателям ее величия. Проснулась любовь ко всем милым образам прошлого, которые и доныне живут во мне, ко всему тому, что меня связывает с Ней, с моей любимой Родиной.

В октябре 1962 года, я получил диски №№ 3 и 4 с маршем, родного мне, полка Елисаветградских гусар. В полку у нас существовало мнение, ничем, однако, до последнего времени не подтвержденное, что марш этот был написан нашим Шефом, второй дочерью Государя Николая Павловича, Великой Княжной Ольгой Николаевной, отличной музыкантшей· Шли бесконечные споры между нашими гусарами и Лейб-Атаманцами, имевшиеи тот же марш, о том, кто его у кого перенял? И вот, только теперь, появились в печати на немецком языке «Воспоминания Великой Княжны Ольги Николаевны», где ясно говорится, что это именно Она написала марш для нашего полка, Шефом которого она состояла с 1 января 1845 года. (По некоторым сведениям Издательство «Военная Быль» собирается выпустить эти Воспоминания на русском языке, что можно только приветствовать).

Невозможно старому офицеру без слез слышать звуки своего родного полкового марша. Как живой встает передо мной наш доблестный полк. Все полковые марши, как говорится, «один лучше другого», но все же как-то свой кажется лучше, он ближе и роднее. Нельзя не отметить из зарегистрированых маршей исключительно красивый и музыкальный марш лейб-гвардии Семеновского полка.

Благодарю Бога, что Он послал мне, на склоне лет, возможность еще раз услышать наш Гимн и мой родной полковой марш. За все это большая благодарность от нас, старых офицеров, А. А. Скрябину и М. А. Колосовскому.

Полковник **А. Рябинин**

К «МАТЕРИАЛАМ ПО РУССКОЙ ВОЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ ЗА РУБЕЖОМ»

В № 58 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» описание «Вестника первопоходника» — вкралась ошибка. Прошу все описание заменить другим, следующим:

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА» посвящен 1-му Кубанскому походу, истории Белых армий и жизни первопоходников. Издается Калифорнийским Обществом Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова похода в Лос-Анжелосе под редакцией коллегии из 4-х лиц. Журнал печатается на ротаторе и выходит ежемесячно. Основан в сентябре 1961 года. Тираж — 250 экземп. Начиная с № 8 печатаются иллюстрации и фотографии.

Сердечно благодарю редакцию журнала за исправление и присылку точной и подробной информации.

Алексей Геринг.

К СТАТЬЕ С. АНДОЛЕНКО: «ПОЛКОВЫЕ НАГРУДНЫЕ ЖЕТОНЫ И ЗНАКИ».

В своей прочувствованной статье С. Андоленко учит нас ценить полковые знаки, эти символы ушедших в вечность полков Российской Императорской Армии. Тема, затронутая С. Андоленко, еще весьма мало изучена, а посему желательно, чтобы он ее продолжил и дал нам подробное описание всех полковых знаков, многие из которых, как например, знаки армейской пехоты до сего времени еще не описаны. С. Андоленко может отлично выполнить эту задачу, так как он является не только выдающимся военным историком, но и обладателем лучшего за рубежом собрания нагрудных знаков.

Однако, мы не можем согласиться с С. Андоленко, что первым, по времени учреждения, нагрудным знаком, был «Кавказский Крест». Первым, по времени учреждения, мы считаем учрежденный 22 августа 1827 года «Знак Отличия Беспорочной Службы». Вторым, по времени учреждения, нагрудным знаком мы почитаем «Вензелевое изображение имени в Бозе почившего Императора Николая Павловича», ношение которого на левой стороне груди было установлено приказом по Военному Ведомству за № 42 1885 года. Третьим, по тому-же признаку, был «Милиционный Крест» (или Бляха у нехристиан), ношение которого «на груди без ленты» было установлено 11 апреля 1856 года, и лишь четвертым, по времени учреждения, был учрежденный в 1864 году «Кавказский Крест».

Подобные же нагрудные знаки существовали и в других армиях. Так, например, прусский «Железный Крест» 1-й степени, учрежденный в 1813 году. Он также носился «на груди без ленты». В Пруссии существовал и «Знак Отличия Беспорочной Службы» и свои прусские «Вензелевые изображения» имени королей, которые также носились на левой стороне груди, но появились они уже после установления подобных же знаков в России и были заимствованы от нас.

Все эти знаки, кроме способа ношения, не имеют ничего общего с появившимися лишь в XX веке полковыми знаками. Следует поэтому разделить нагрудные знаки на несколько отдельных категорий: знаки наградные, знаки академические (к которым мы относим все знаки, свидетельствующие об успешном окончании курса наук в том или ином военно-учебном заведении), вензелевые изображения имени Государей, знаки юбилейные и, наконец, полковые знаки. Желательно было бы, чтобы каждой из этих категорий была посвящена особая статья.

Е. Молло.

К моей статье о нагрудных знаках.

Благодаря сведениям, любезно мне данным Е. С. Молло и П. В. Пашковым, я могу уточнить, что первыми нагрудными знаками в Русской армии были, как будто, «Вензелевое изображение в Бозе почившего Императора Николая Павловича», установленное приказом по Военному Ведомству 1855 г.за № 42 и «Милиционный крест или бляха у нехристиан», ношение которых установлено 11 апреля 1856 года.

Что-же касается знаков, носивших наградной характер, то «Кавказскому Кресту» предшествовал учрежденный 22 августа 1827 г. «Знак отличия беспорочной службы». Следует также отметить введенную в 1783 г. для кадет Артиллерийского и Инженерного корпуса (впоследствии 2-й кадетский) серебряную медаль (жетон) «За прилежное и хорошеее поведение». В 1789 г. устав об этой медали (жетоне) был напечатан отдельной книжкой.

Исправляю, допущенную мною в описании знака лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Ве-Величества полка, ошибку: на щитке орла не Мальтийский, а белый Георгиевский крест. Таким образом, на знаке этого полка фигурировали и офицерский и солдатский Георгиевские кресты.

Цифра «349» находилась на особом жетоне в память обороны Севастополя. На указанных мною знаках находился целиком упомянутый жетон (крест и цифра 349 в лавровом венке).

С. Андоленко.

От Редакции. — Подробное описание медали (жетона) Артиллерийского и Инженерного корпуса см. № 1 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» статья В. фон-Рихтера — «Медали кадетских корпусов».

«ПОПРАВКА К ПОПРАВКЕ».

В № 58 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» — январь 1963 года на стр. 41-й в Письме в Редакцию сказано «... сформирован его первым командиром полк. Григорковым 49 драгун. Архангелогородский полк...». Мой отец А. А. Григорков был, в это время, в чине подполковника помощником командира этого полка. Первым командиром 49 драгун. Архангелогородского полка был Ген. Штаба полковник Бобырь.

В. Григорков.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В № 59 журнала в моей заметке о ген. М. М. Плешкове, помещено, что я прибыл в Ковель в 1913 году, на самом же деле это происходило в 1909 г. Не откажите в любезности внести это исправление, иначе получается несообразность в изложении заметки.

А. Левицкий.

К СТАТЬЕ С. АНДОЛЕНКО: «ЗАБЫТЫЕ ОТЛИЧИЯ»

В статье С. Андоленко «Забытые отличия», в № 58 «Военной Были», во втором абзаце, сказано: «только Анна Иоанновна изменила этот обычай. Она также приняла звание полковника Преображенского полка 23 января 1730 года, но уже 23 июля того же года она стала полковником Конной Гвардии, в декабре 1731 г. — Семеновского полка и, наконец, 15 августа 1735 года — Измайловского».

Эти сведения не совсем исторически правильны, так как Императрица Анна Иоанновна числилась полковником также и в Лейб-Кирасирском полку (впоследствии л.-гв. Кирасирский Ее Велчества), с 1 ноября 1733 г. С 25 ноября 1741 г. числилась его полковником Императрица Елизавета Петровна, а 5 июля 1762 — Императрица Екатерина II. Все три Императрицы числились полковниками в полку по день их смерти, фактические же командиры полка числились вице-полковниками.

Полковник **Иван Рубец.**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

По поводу статьи «Свете тихий» в № 52 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», считаю своим долгом сказать нижеследующее.

Автор Н. Иениш пишет: «... один из бригадных генералов (Никитин), ограниченный, бездарный...».

Генерал Никитин был в Порт-Артуре начальником полевой артиллерии (десять батарей). Он был кавалером Ордена Св. Георгия 4-й ст. за Турецкую войну 1877-78 гг. Высочайше был пожалован Орденом Св. Георгия 3-й ст. Об этой награде, генерал Никитин говорил: «это не я заслужил, а мои артиллеристы...». Впоследствии, генерал Никитин занимал в армии ответственные должности и, перед началом мировой войны, в 1914 году, был Командующим войсками Одесского Военного округа. Мне кажется, что называть его «ограниченный и бездарный» нет никаких оснований.

Защитник Порт-Артура,
Алексей Михайлович Юзефович.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В № 53 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», в отделе «Вопросы и ответы» помещен вопрос, касательно фотографии офицера лейб-гвардии Конного полка, держащего обнаженный палаш в **левой руке.**

Такой случай держания холодного оружия в строю или карауле мог иметь место в очень редком и, возможно, единственном случае, когда, проходящий мимо, высокий по рангу командир или начальник пожелает, по какому-либо особому случаю, подать руку офицеру. В этом случае, при держании офицером холодного оружия «на-караул» или «на плечо» обнаженным, таковое временно передавалось в **левую** руку в положение «на плечо» и, по окончании рукопожатия, передавалось им обратно в **правую**, так, как он его держал бы, если бы за это время не было подано новой, общей команды.

Не знаю было ли это положение закреплено приказом по Военному Ведомству, но, как кадровый офицер, я знаю, что, может быть, по какому-то неписанному закону, так «полагалось» делать. Мне лично раз пришлось подать рапорт Командующему Войсками Одесского Военного округа (вне строя), имея холодное оружие «на-караул». При подаче мне генералом Н. руки, я передал оружие в **левую** руку «на-плечо» и после рукопожатия перешел в «первобытное» положение. Жизнь показала как надо сделать, но было ли это по какому-либо Уставу или Приказу, не знаю.

Так что, по-моему, фотография правильна для этого особого случая.

Стр. офицер Константиновского артиллер. училища гвардии капитан и член Об-ва Любителей Русской Военной Старины

Б. Николаев.

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

№ 62

Сентябрь 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ.

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью извещает о кончине своего дорогого сотрудника полковника

Якова Антоновича Демьяненко

последовавшей в Инвалидном Доме в Монморанси.

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью извещает о кончине своего многолетнего представителя в Англии

Владимира Васильевича Барачевского

СОДЕРЖАНИЕ:

Изменение правил подписки:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам. дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55*

12-й год издания | № 62 СЕНТЯБРЬ 1963 Г. | **BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs**

СТАРИННЫЕ РУССКИЕ МОНЕТЫ

Я вас люблю, старинные монеты,
Осколки прошлого, давно минувших лет,
На вас, как памятник осталися портреты
Царей Руси, величья и побед.
На вас орлы двуглавые с короной,
Старинных слов и шрифта образцы,
Вас бедняки держали за иконой,
В подвалах прятали сибирские купцы.
В вас тени прошлого сплетаются узором
Из вас глядят минувшие века.
Знакомы вы со счастьем и позором,
На кон вас ставила дрожащая рука.
Бывали вы предметом жарких споров,
Рублем смыкалися болтливые уста.
И поднял раз Светлейший Князь Суворов
Царицын рубль сменившися с поста.
Лежали вы в чулке у куртизанки,
В кабак носил вас гатчинский капрал,
За шейку смуглую красавицы-цыганки
Вас опускал шутливо генерал.
Звенели вы в камзолах и сермягах,
Знакомы вам кибитка и фрегат,
За вас дрались на саблях и на шпагах,
На вас охотился разбойник и пират.
Вы много видели и знаете вы ближе
Сердца людей в интимный жизни час...
Вы были в Данциге, Берлине и Париже
И слава русская еще горит на вас!
Я вас люблю старинные монеты,
Осколки прошлого, давно минувших лет,
Вы словно хвост промчавшейся кометы
Тех славных дней такой блестящий след.

Полковник **В. Петрушевский**

Мое первое знакомство с генералом Деникиным

(Ночь на 7-ое октября 1915 г.).

Эта статья является продолжением статьи «Мост на Стыри у дер. Новоселки» в № 54 «Военной Были».

После встречи в глухом и болотистом лесу с 5-м стрелковым полком и короткого разговора с его командиром, мое движение на запад шло беспрепятственно. Примерно через каждые четыре версты мы оставляли пост «летучей почты» (четырех улан). Вышли на большую поляну, где справа виднелось два-три дома, отвечавших на моей карте отметке «Хут.». Именно здесь отдыхал этот 5-й полк, числившийся по нашему приказу в «корпусном резерве» и, как и весь корпус, не получивший никаких распоряжений из штаба корпуса, но и без этих распоряжений выполнявший то, что оказывалось нужным по обстановке.

Не задерживаясь здесь, мы двигались дальше до дер. Кукли. От командира 5-го полка я уже знал, что штаб 4-ой Стрелковой дивизии (знаменитые еще по Русско-Турецкой войне «Железные Стрелки») ночует в этой маленькой лесной деревушке.

Начальником этой дивизии был генерального штаба генерал-лейтенант Деникин, с которым я до того времени еще никогда не встречался. Он не имел еще всероссийской известности, но среди офицеров генерального штаба на Юго-Западном фронте его имя было хорошо известно, причем молодые офицеры ген. штаба его обыкновенно называли «наш Антон Иванович». Он отвечал нашим молодым военным идеалам [1]) — всегда «вперед», всегда «маневр» и, зачастую — борьба со своим старшим, очень часто вялым и пассивным начальством. И в штабах начали весьма побаиваться этого энергичного и сурового, но и строптивого генерала. Должен здесь прибавить, что и противник наш оценил генерала Деникина еще раньше и выше, чем мы. Так, я допрашивал одного взятого в плен австрийского командира роты, который мне сказал: «мы знаем этого страшного генерала». Позже австрийский генерал писал в своем приказе: — «Будьте бдительны — против нас самый активный генерал русской армии и он может напасть на нас в любое время». И угадал, ибо и самый приказ этот был захвачен Железными Стрелками!

И вот мне предстояло явиться ему и в какой обстановке!

Штаб корпуса загнал его с железными стрелками в глубокий тыл неприятеля, оставил там без связи, не мог обеспечить единственный мост в его тылу, а сам сидел за 60 верст и даже не знал точно, что делалось у него на фронте!... Весь законный гнев генерала обрушится теперь на мою бедную голову...

С такими мыслями я подъезжал к Кукли.

— Стой, кто идет? — раздался от стены первого строения голос невидимого часового.

— Офицер из штаба корпуса. Где штаб 4-й Стрелковой?

Подчасок подошел, чтобы убедиться, в русской ли мы форме.

— Направо пятый дом. В окне увидите свет, Ваше Высокоблагородие.

Света в окне я не увидал, но чуть светилось под подворотней скотного двора. Халупа была очень бедная и маленькая: одна комнатка, даже без сеней, вход через скотный двор. Здесь, на лесенке в избу стоял телефонный аппарат и сидел телефонист, что-то писавший при свете жестяной керосиновой лампочки. Узнав, кто я такой, он взял лампу и повел меня в избу. В комнате с одной стороны спали на полатях, рядком, накрывшись бурками, офицеры штаба, с другой — за небольшим крестьянским столом стояла походная койка, на ней лежал, накрывшись до пояса буркой, генерал с черной, чуть седеющей бородой. Он был в защитном мунди-

---

[1]) В Русской армии, с 1907 г., стала происходить смена нашей «школы» военного искусства 19-го века на новую, отвергавшую оборону и требовавшую возможно более активных и решительных действий. В сущности, это было возвращением к суворовским взглядам 18-го века. Перемена эта, проводимая и в военных уставах, и в преподавании в училищах и в Военной Академии, усваивалась молодежью, но старшие поколению офицеров в громадном своем большинстве совершенно не поддавались «перевоспитанию». Это касалось и представителей «старого» и «молодого» Генерального Штаба.

ре с орденом Георгия на груди.

— Простите, Ваше Превосходительство, что бужу вас... — начал я.

— Ничего. Я приказываю будить меня каждые полчаса, чтобы не избаловаться.

Я начал представляться уставным рапортом.

— Что! — и вдруг загремел генерал, вскакивая на ноги: — Вы из штаба корпуса? Да что вы там думаете, в вашем штабе?! Мои стрелки не кавалерийская дивизия, чтобы совершать рейды по тылам противника. И почему вы сидите за рекой, в 80 верстах от нас??!

— Ваше Превосходительство, у нас нет провода, а командующий армией ген. Брусилов запретил нам отрываться от него, но мы отлично понимаем всю нелепость нашего поведения...

— Еще того лучше! — кричал генерал, — вы еще оправдываетесь! Да кто вас после этого будет слушаться?!

Я замолчал, окончательно сбитый с толку. К тому же я теперь только сообразил, что внешний мой вид более, чем странный: мой резиновый плащ был сплошь залит грязью, так же как и моя борода и лицо; все это замерзло и теперь, в теплой избе, тает и стекает мутными ручьями...

Наконец я доложил генералу обстановку в его тылах. Он глядел на меня пристально своими красивыми глазами, и мне казалось, что глаза эти блестят гневом.

— Какое же распоряжение вы мне привезли?

— Командир корпуса предполагает, что вверенная Вашему Превосходительству дивизия могла бы завтра (то-есть теперь уже сегодня) ударить на юг, овладеть переправой у Колков и выйти в тыл противнику, находящемуся перед фронтом 30-го корпуса...

Я отлично помнил, что командир корпуса, отправляя меня за мост у дер. Новоселки, ничего подобного мне не говорил. Наоборот, он сказал: «Я не могу давать начальникам дивизий указаний, не зная их обстановки», но он, однако, дал мне превышающее закон право, отдавать приказания его именем [2]) и, учитывая такое полномочие, я излагал свой собственный план: ген. Деникин уже научил меня «приказывать»!

Но генерал опять зашумел.

— Ваш командир корпуса положительно считает нас кавалерией. Да разве возможно пехоте делать такие прыжки?!

В эту минуту появился телефонист и доложил, что штаб 2-й Стрелковой дивизии, имеющий телефон с Чарторийском, дал это местечко на-прямую и что там на телефоне командир корпуса. Я бросился на скотный двор. У телефона в Чарторийске оказался начальник штаба корпуса ген. Скобельцын. Я доложил ему обстановку и все, мною виденное, а также и предложенный мною ген. Деникину план действий.

— Что же ген. Деникин?

— Он возражает.

— Немедленно доложите ему, что командир корпуса отменяет свое предложение. Пусть Деникин делает так, как находит лучшим: он, а не мы, под угрозой окружения.

Я вернулся в избу. Антон Иванович ходил из угла в угол и что-то говорил сам себе — весь его штаб попрежнему спал мертвым сном, на полатях.

— Командир корпуса отменяет свое решение. Он просит вас действовать так, как вы считаете нужным в данной обстановке, — доложил я.

— Да вы там все с ума сошли! — закричал Деникин. — То приказываете, то сейчас же отменяете свои приказания. Это же разврат!! — И он вдруг бросился ко мне, схватил за плечи и стал меня трясти, выкрикивая: «Да вы поймите, капитан, что это же будет конфетка, а не наступление! Мы же их всех там заберем!!».

Я поспешил обратно к телефону. Но слышно было уже очень плохо. Ген. Скобельцын не мог меня расслышать, и я кричал в трубку, все повышая голос:

— Надо на Колки! Вы слышите — на Колки! На Колки!!

Наконец Скобельцын расслышал и ответил, что командир корпуса согласен.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся. За мной стоял ген. Деникин и смеялся.

— Побойтесь Бога, капитан: нельзя же так кричать на начальство! — Мы вернулись в избу...

— Уговорили? — спросил он.

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— Ну и хорошо. А теперь, капитан, для порядка и отчетности, изложите мне все это письменно, чтобы мой штабоначальник, когда проснется, мог подшить это к делу № 13.

Я вынул из сумки книжку бланков «Приказ... 40-му армейскому корпусу» и, исправив «приказ» на «приказание», стал писать:

«Командир корпуса приказал... и подписался: «За начальника штаба капитан...» [3]).

Тем временем генерал приказал телефонисту вызвать к нему командира бригады генера-

---

[2]) По уставу, отдавать приказание именем командира имеет право только начальник его штаба (тоесь в данном случе — ген. Скобельцын, а не другие офицеры штаба).

[3]) Я не помню теперь (через 47 лет), что именно я написал в этом «приказании», но предполагаю, что, вероятно, оно звучало, примерно, так: «командир корпуса приказал: имея в виду, что переправа у Новоселки обеспечена копусным резервом (5-м Стрелковым полком), 4-й Стрелковой дивизии овладеть переправой у Колков и нанести удар в тыл противника, находящегося перед фронтом 30-го армейского корпуса».

ла Станкевича и командиров полков. Беря из моих рук «приказание», он сказал, улыбаясь:

— Спасибо. Теперь я буду знать, как у вас корпусом командуют...

Должен сказать, что в дальнейшем, почти годовом, пребывании генерала Деникина в составе 40-го армейского корпуса, у нас, в штабе корпуса, ни разу не выходило с ним ни малейшего недоразумения — наш корпус управлялся «по-новому»: всегда «вперед», всегда «маневр» и никогда — вмешательства в компетенцию подчиненных (т. е. дивизий). Сам ген. Деникин потом отмечал это.

Вскоре телефонист доложил, что «командиры» собрались. Было очевидно, что вся дивизия ночевала «в кулаке» вокруг Куклей. Ген. Деникин предложил мне прослушать те распоряжения, которые он отдает полкам, чтобы я мог доложить это командиру корпуса.

Вошли: ген. Станкевич (герой Таку и Пекина в 1900 году), 4 командира полков (13-го — полк. С. Л. Марков, впоследствии легендарный герой Первого похода Добровольческой Армии; 14-го — полк. Н. К. Келлер; 15-го — флигель-адъютант, полк. Сухих; 16-го — полк. Н. П. Бирюков) и артиллеристы.

Генерал меня им представил, а затем громко и отчетливо прочел им мое «приказание»..., не огласив, впрочем, подписи.

Затем он расстелил на столе карту, пригласил собравшихся подойти к столу и начал говорить резким, суровым, отрывистым голосом:

— Приказываю!

— **Первое**. Полковник Марков!

— Я, Ваше Превосходительство!

— 13-ый Стрелковый полк, 4 орудия. Смотрите на карту: отсюда и досюда. (Палец генерала сделал на карте полукруг от середины фронта дивизии до стыка с полосой 2-й Стрелковой дивизии). — Десять верст. **Умереть! Но удержать!** Вы меня поняли, полковник?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— **Второе**. Полковник Бирюков.

— Я, Ваше Превосходительство.

— 16-ый Стрелковый полк, 4 орудия. В 6 ч. утра начнете **наступать** от отметки 90.0 на Комарово (под этим «наступать» таким образом подразумевалось движение назад на 15-20 верст для очищения своего тыла от проникших туда австрийцев). Всех, кого вы там встретите, вы отправите в штаб корпуса. К 18 часам вы вернетесь к отметке 90.0 и поддержите действия ген. Станкевича. Вы меня поняли, полковник?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— **Третье**. Генерал Станкевич..

— Я, Ваше Превосходительство.

— 14-ый и 15-ый Стрелковые полки, 4-й Стрелковый артиллерийский дивизион, дивизион 84-й артиллерийской бригады [4]), Отдельная Донская казачья бригада, Донской конно-артиллерийский дивизион, 3-й Сибирский горный артиллерийский дивизион.

— **Смотрите карту! Сюда — дроздов!** (Палец Деникина перечертил зигзагообразно леса к западу от Куклей). **Сюда — жука!** Рука генерала сделала резкое движение на юго-запад, за рамку карты. **А сюда** (Деникин указал на главное направление, на Колки) — **это вы сами знаете, генерал: мне вас учить не приходится!**

«Вы свободны, господа!»

Командиры защелкали шпорами и двинулись к двери...

— Постойте!! — Вдруг, точно что-то вспомнив, остановил их Деникин. Командиры обернулись. Деникин, сильно возвысив голос, выкрикнул:

— **Знамена к полкам! Идите!!**

Командиры, не произнеся ни слова, быстро исчезли за дверью. Через две минуты откланялся и я.

. . . .

Описанная сцена, понятная офицеру генерального штаба, требует пояснений для рядового читателя. Я был потрясен и понял, что слушал приказ вождя «милостью Божией». Это — боевой приказ, а не совещание и уговаривание. Только **наступление** (даже при движении в тыл). Задачи подчиненных ясны и кратки до предела. Полное доверие к подчиненным. На фланговых участках только по одному полку и 4 орудия, а на главном (на Колки) — первоначально половина пехоты, почти 7/8 артиллерии и вся конница, но к концу или в разгар боя к ген. Станкевичу подойдут части Бирюкова, и тогда у него окажется 3/4 пехоты, 10/11 артиллерии и вся конница.

Правда, генералу Санкевичу поставлены и второстепенные задачи: «дрозды» и «жук» (эти неуставные термины Железным Стрелкам были, очевидно, понятны); эти задачи, по существу своему, не усложняют задачу Станкевича, а сводят ее на одни только Колки, эти задачи обеспечения его северного фланга уже осуществлены начальником дивизии, но только силы, которые для этого уже указаны, подчинены Станкевичу.

---

4) 84-я артиллерийская бригада (ген. м. Новицкий Игн. Валент., бывший в 1901-1904 гг. моим курсовым офицером в Константиновском артиллерийском училище) была вооружена японскими пушками системы Арисака, с которыми Япония вела с нами войну 1904-1905 гг. и которые в 1915 г. были ею уступлены России вместе с значительным боевым комплектом для, хотя бы частичного, облегчения русского снарядного «голода». Наша горная артиллерия также имела больше снарядов, нежели полевая, которая с января 1915 г. почти не имела снарядов (в декабре 1914 г. было секретно указано делать в среднем не более одного!! выстрела на батарею в сутки). Новые заказы из-за границы могли начать поступать только с осени 1915 г.

А резерв? То-есть то, что оставляется вне боя, «на всякий случай»? А его нет вовсе! «Идешь в бой», учил Суворов, «снимай посты, спорожняй коммуникации». Он под Кинбурном даже денщиков и хлебопеков бросил в последнюю атаку и... победил!

А вспомним, что, например, при 3-м штурме Плевны (30 августа 1877 г.) в резерве было оставлено 50 процентов всех сил, там бывших... и, кроме безумных потерь, — никакого успеха...

Наконец, «командирам» надо дать понять, что дивизия, несмотря на необычайную дерзость предстоящей операции, находится сама под угрозой окружения. Но это лучше всего сделать очень коротко и иносказательно. И вот:

«Знамена к полкам» (а они в этой войне уже держались в тылу — при обозе первого разряда) — и «Идите», то-есть — «ни слова больше»!

. . . .

Я вышел с остатком своих улан и их поручиком в обратный путь широкой рысью «справа по три». Еще был полный мрак, только впереди, на востоке, начинало едва сереть небо. Мы шли среди редких, невысоких кустарников, по торной, подмерзшей дороге. Прошли с версту. Вдруг мне показалось, что чуть обрисовывавшийся на фоне сереющего неба куст, из которого вверх подымается тонкое деревцо, движется нам навстречу... Вот мы с ним равняемся... И тут я понял, что это за почти невидимый куст, и, поняв, инстинктивно скомандовал:

— Смирно! Равнение налево! Господа офицеры!

А из темной массы «куста», как эхо, ответил солдатский голос:

— Смирно! Равнение налево!

— Чье знамя?

— 15-го Стрелкового Короля Черногорского Николая I-го полка, Ваше Высокоблагородие!

Прошли еще с полверсты... Опять куст с тонким деревцом... Те же команды...

— Чье знамя?

— 13-го Стрелкового Генерал-Фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полка, Ваше Высокоблагородие!

И я понял, что приказы генерала Деникина исполняются его стрелками с молниеносной быстротой.

. . . .

Взошло солнце 7-го октября и леса западнее Куклей ожили. Хотя никакого противника там не оказалось, но «дрозды» (команды разведчиков) играли там в войну: быстро переходили с места на место, кричали ура и неожиданно открывали ружейный огонь... «Жук» дей-

ствовал изумительно решительно: Отдельная Донская бригада под командой старшего из командиров полков, полковника Звегинцева (начальник бригады генерал Жерар-де-Сукантон за старостью и простудой остался «дома»), уже до полудня заняла Копыли, в следующей излучине Стыри, верстах в 7-ми юго-западней Колков, и оттуда ее артиллерия на предельной дальности огня обстреливала тылы Колков, а ее сильные разъезды после полудня взрывали мосты на железной дороге Ровно-Ковель (у Рожища и на Стоходе) то-есть в 40-50 верстах от Куклей.

Полковнику Маркову не пришлось умирать: на его фронте неприятель не показывался. Полковник Бирюков к полудню занял Комарово и тех, кого он там встретил, то-есть батальона два австрийцев, отогнанных туда ночью Микеладзе от моста у Новоселок, а теперь без особого сопротивления положивших свое оружие, отправил под конвоем своих стрелков через тот же мост «в штаб корпуса».

Но на главном направлении, у Колков, оказалось труднее: на северном берегу Стыри, впереди Колков, оказалась укрепленная позиция — даже с применением бетона. Брать такие укрепления с налета, да еще при условии, что эти укрепления оборонялись, повидимому, германскими, а не австрийскими войсками, было невозможно. Генерал Станкевич должен был вести детальную разведку и постепенно сближаться с противником для предстоящего штурма. Генерал Деникин отложил этот штурм на предрассветные часы следующего дня...

Но ночью на 8-ое октября произошли новые, хотя и предвиденные им, события.

Но это уже новая тема...

Б. Н. Сергеевский,
Генер. штаба полковник.

Козловорудские леса

(Из воспоминаний).

В углу, который образует около Ковно река Неман, поворачивая вдруг глубоким и широким руслом с юго-северного направления на запад, неся теперь свои воды в сторону Восточной Пруссии, находятся громадных размеров леса, покрывающие площадь более 30.000 десятин. Эти леса известны как Козловорудские леса и в первый год войны 1914-1917 гг. не раз упоминались в официальных сообщениях Ставки Верховного Главнокомандующего.

В 1915 г. леса эти были очень запущены, не прочищены от дико-растущего молодняка и разного кустарника. Дорог там было вообще очень мало, а главными путями сообщения были запущенные и заросшие узкие лесные дорожки и тропы, пересекающие это лесное пространство в самых разнообразных направлениях.

Когда в конце марта 1915 г. пришлось мне пересечь со своим разъездом это лесное пространство от Немана к северу от Козловорудских лесов, природа спала еще своим зимним сном. Было тогда в этих лесах хотя и угрюмо и жутко, но, по крайней мере, можно было тогда все же разглядеть на несколько десятков шагов то, что происходит вправо и влево от дороги.

В конце же мая, когда деревья и кустарники оделись густым покровом листьев, а дикорастущая некошеная трава и разнородный кустарник вдоль лесных дорожек и тропинок достигли уже значительных размеров, — Козловорудские леса стали трудно проходимы — совсем, как дремучие леса. В них было сумрачно, благодаря сплошной крыше из зеленых ветвей, которая в течение теплых месяцев, вплоть до осеннего листопада, не пропускала солнечных лучей. Было холодновато-сыро, а буйно разросшиеся разные заросли и кустарники не давали возможности разглядеть, что творится вправо и влево даже всего лишь на несколько шагов. Извилистые же дороги и тропинки закрывали перспективу как вперед, так и назад. Эти леса пересекались во всех направлениях разными ручьями и речушками, которые приходилось проходить вброд, а в стороне от лесных путей то и дело попадались малопроходимые или даже совсем недоступные болота разных размеров, которые не успевали высохнуть до зимы.

Если же ко всему этому прибавить еще и то важное обстоятельство, что карты, которыми располагали войска, совершенно не отвечали действительности, нанесенные на них дороги или же вообще не существовали или же проходили совсем иначе, чем это было показано на

этих картах, а десятки существовавших в действительности троп, дорожек и т. д. вообще на них отсутствовали, станет ясным, в каких тяжелых условиях приходилось действовать войсковым соединениям в этих глухих лесах.

Так вот Кавалергардский полк, оперировавший всю зиму, начиная с февраля, несколько десятков верст южнее Козловорудских лесов, получил вдруг 20-го мая 1915 года приказание совместно с Конной Гвардией и 1-ой Лейб-Гвардии Конной батареей немедленно же спешить туда. Действительно, давно уже было пора выслать, наконец, в Козловорудские леса, лежавшие на западных подступах к крепости Ковно и своей восточной стороной доходившие почти до передовых фортов этой крепости, боеспособные войска.

Наше высшее командование, с каким-то поразительным упорством, не проявляло никакого интереса к этому участку фронта. Несмотря на урок, полученный всего лишь в начале февраля, стоивший русской армии четырех дивизий, погибших в Августовских лесах, Главнокомандующий северо-западным фронтом ген. Рузский и его оперативный вдохновитель Бонч-Бруевич, будущий создатель большевицкой красной армии, все еще не хотели верить в то, что здесь может грозить нам опасность, несмотря на всего лишь два месяца перед тем полученную ими науку о том, что, охотно пользуясь большими лесами на флангах неприятеля, немцы сосредоточивают в них свои крупные силы, чтобы оттуда ударить во фланг и тыл противника. Так было в конце января с Ландененскими лесами. Тогда Бен-Бруевич утверждал, что немцы никогда не решатся ударить оттуда во фланг нашей 10-ой армии. Возможно, что теперь предполагал он, что уже самое название «крепость Ковно» отстранит их от активных действий против Козловорудских лесов. Эти наши военоначальники совершенно недооценивали той опасности, которую скрывали в себе, своим положением, Козлорудские леса. Однако, расположение здесь обеих воюющих сторон, а также количественное и качественное соответствие их сил сздавало тут известную аналогию тому, что произошло в конце января этого же года на рубеже Ландененских лесов. Не говоря уже здесь о том, что, если бы немцы захотели только этого, они уже в минувшем марте могли бы лихим набегом овладеть Ковно (моя статья «Из воспоминаний об одной дальней разведке» в № 55 «Военной Были».

До сих пор, все обширное пространство Козловорудских лесов защищали всего лишь одна второочередная Кубанская казачья бригада, один третьеочередной донской казачий полк и несколько совершенно небоеспособных, вооруженных берданками, ополченских дружин, которые при малейших признаках приближения противника разбегались.

Однако, согласно непрерывно поступающим от войсковой разведки сведениям, немцы, без сомнения, готовились теперь к захвату Козловорудских лесов. Вдоль западной окраины этого лесного пространства сосредоточивали они в последнее время значительные силы. Тут было установлено уже в последние дни присутствие частей германской 79-ой резервной дивизии, 40-го резервного корпуса, Кенигсбергской ландверной дивизии и всех шести бригад 1-ой и 4-ой германских кавалерийских дивизий (германская кавалерийская дивизия имела 3 бригады). А близость границы Восточной Пруссии, за которой, как известно, находилась широко развитая железно-дорожная сеть Германии, допускала возможность прибытия сюда в кратчайший срок еще и больших соединений.

Значительно увеличившаяся в последние дни активность немцев на этом участке фронта, побудила, наконец, командование нашей 10-ой армии бросить в Козловорудские леса то, что имело оно в данный момент под рукой — две гвардейские кавалерийские бригады. А именно, 1-ую бригаду 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии и 2-ую бригаду 2-ой Гвардейской кавалерийской дивизии. И тут опять русское командование осталось верным своей скверной привычке. Оно не нашло возможным или просто не нашло нужным избежать так излюбленной в нашей армии и часто так пагубной импровизации. Вместо того, чтобы выслать туда одну из двух находившихся в то время на правом фланге армии гвардейских кавалерийских дивизий целиком с ее начальником и штабом дивизии, была именно импровизирована дивизия из двух бригад двух разных дивизий, без начальника и без штаба под командой старшего из находившегося тут генералов. В это время оба начальника этих обеих дивизий со своими штабами находились как бы «не у дел» прн оставшихся на местах остальных бригадах этих дивизий. Если чрезвычайная спешка переброски этих бригад в Козловорудские леса не позволяла туда выслать сразу целую дивизию в ее органическом составе, то, по крайней мере, следовало бы назначить одного из начальников этих дивизий со штабом и командиром конно-артиллерийского дивизиона, подчинив ему эти обе бригады.

Так вот, 21-го мая Кавалергардский полк прибыл в местечко Вейверы, лежащее на юго-восточном краю Козловорудских лесов. На следующий день, 22-го мая, двинулся он вместе с Конной Гвардии и 1-ой батареей гвардейской Конной Артиллерии на присоединение к находившейся уже в лесах 2-ой бригадой 2-ой Гвардейской Кавалерийской дивизии. Вечером этого дня полк расположился в д. Кордаки в глуши Козловорудских лесов. Нам невольно при-

поминался Августовский период этой войны — сентябрь 1914-го года, когда в подобных условиях оказались мы в диких, почти безлюдных, Августовских лесах; без дорог, без возможности применить на деле наши кавалерийские качества, часто лишенные поддержки нашей конной артиллерии, не имевшей возможности из-за густого леса открывать огонь, и, наконец, без продовольствия для людей и фуража для коней.

23-го мая уже в 3 часа утра полк был двинут в направлении деревни Лузня, имея задачу отобрать у немцев только что захваченную ими соседнюю деревню Курас.

Движение туда узкой лесной дорожкой было чрезвычайно затруднительно и медленно. Ширина этой дорожки не позволяла эскадронам идти по три. Они бесконечно тянулись, часто задерживаясь, двигаясь иногда даже гуськом. Особенно тяжело было для нашей конной батареи, которой то и дело приходилось очищать дорогу от разных препятствий, иногда даже рубя лежавшие деревья. Все это страшно замедляло движение бригады.

Выбить немцев из деревни Курас не удалось. Наоборот, скоро выяснилось, что сбитая неприятелем со своего участка, находившаяся к северу Кубанская казачья бригада дала ему возможность зайти в тыл находившейся вправо от нас Конной Гвардии. Одновременно с этим стало известно, что значительные силы противника накапливаются на нашем левом фланге. Имея в своем распоряжении всего лишь четыре эскадрона нашего полка, которые в нашем строю представляли слишком слабую, по сравнению с противником, силу, и не будучи в состоянии из-за густого леса использовать свою артиллерию, временно командующий бригадой наш командир кн. Эристов решил отвести ее обратно в Кардаки, оставляя меня со взводом от 3-го эскадрона прикрывать этот отход и продолжать наблюдать.

Оставшись тут один со своим взводом, я спешил его и, заняв вдоль опушки поляны, в прикрытии крупных деревьев, стрелковую позицию, постоянно поддерживаемым, хотя и редким огнем, старался создать у противника впечатление, что наш полк еще тут. Конечно, выставил я необходимое наблюдение на флангах. Однако, густой заросший молодняком лес лишал нас возможности достаточно далеко наблюдать за этими флангами. Но пока что все было сравнительно спокойно. На наш огонь противник отвечал как-то вяло и его огонь не причинял нам вреда.

Прошло таким образом, вероятно, часа полтора-два, как вдруг справа, все из того же участка леса, засвистал над нашими головами густой и долгий рой неприятельских пуль. На нас посыпался целый град листьев и веток с деревьев. Сразу же высланный мною в направлении выстрелов пеший разведчик доложил, что, насколько можно разобраться в лесных зарослях, там накапливается германская пехота и что, повидимому, ее там немало. Я решил выдвинуть туда часть своих спешенных кавалергардов, в качестве заслона. Но еще не успел я их туда выслать, как и слева посыпались на нас выстрелы. Ясно, что мы обойдены с обоих флангов. Поэтому, взяв книжку донесений, написал я командиру полка, что, так как неприятель вышел на оба мои фланга, я вынужден постепенно отходить в глубь леса, держа направление на Кардаки.

Не успел высланный с донесением кавалергард далеко отдалиться от нас, как мы услышали страшную ружейную трескотню в своем тылу — ясно было, что это по моему кавалергарду. Но вот и он уже вернулся обратно и донес мне, что и за нами находится цепь противника, обращенная в нашу сторону, и что дорога на Кардаки также уже в руках противника. Таким образом мой взвод оказался окруженным со всех сторон.

Я совершенно не имел желания уже кончить войну в германском плену, а поэтому скомандовал своим людям: «взвод к коням, садись», а потом: «шашки вон, пики к бою, в рассыпную за мной, к полку»! Всего лишь несколько секунд и, выхватив сам шашку, устремился на своем «Герое» в сторону Кардаки, мои люди за мной. Помню, что перед моими глазами между деревьями промелькнули зеленоватые силуэты немецких егерей, испуганно выглядывающих из-за деревьев, а потом опять непрерывное жужжание пуль нам в догонку. Вероятно, немцы не ожидали «кавалерийской атаки» и в первый момент растерялись.

Проскакав галопом с две версты, я остановился и начал собирать своих людей. Однако целых десяти кавалергардов не мог досчитаться. Опечаленный потерей целого ряда очень дельных людей и прекрасных лошадей, продолжал я с остатком взвода, теперь уже шагом, движение на Кардаки. Вскоре догнал меня разведчик, ефрейтор Банько, и еще один кавалергард, которые, нарвавшись на целую германскую роту, обходным (кружным) путем догнали нас. К ним присоединилось три коня без всадников. Теперь потери моего взвода уменьшились до 8 кавалергардов и 5 лошадей.

Вскоре вышли мы на сторожевое охранение полка, выставленного в направлении деревни Лузня.

К этому времени на усиление нашей «сводной дивизии» прибыл в Кардаки батальон 30-го Сибирского стрелкового полка. Как отрадно было видеть, наконец, хорошую пехотную часть. Опрятный и подтянутый вид этих сибиряков производил самое лучшее впечатление.

Этот сибирский батальон сразу же нашел себе применение и в боевом отношении показал себя с самой лучшей стороны. В ночь на 24-ое мая я имел возможность наблюдать, как одна из сибирских рот, занимавшая к северу от Кардаки небольшую возвышенность, отбила с большими потерями для противника их ночную атаку, подпустив их вплотную. Также этой ночью на сторожевое охранение моего эскадрона вышли еще два кавалергарда из моего окруженного взвода. При прорыве потеряли они своих коней. Таким образом окончательный итог потерь моего взвода сводился теперь к 6 кавалергардам и 5 коням. Один из попавших в плен, кавалергард Пронин, призыва 1913 года, позже в письме, пропущенном германской цензурой, подробно описал, как, придавленный упавшим конем, он не смог вырваться, чтобы присоединиться к эскадрону.

Следующие за этими событиями ближайшие дни, пока не вышли мы из Козловорудских лесов, были для нас полны самых тяжелых испытаний. В эти дни мы наглядно поняли всю бессмысленность посылать кавалерию в дремучие леса, какими в то время были Козловорудские.

Неприятельская пехота энергично наступала на всем лесном фронте, имея огромное численное превосходство перед нами. Нам приходилось, отстреливаясь, медленно отходить в сторону окраины леса. Мы могли действовать исключительно в пешем строю. Бездорожье, густые заросли, растущие тесно бок о бок деревья исключали всякое действие в конном строю. Даже высылка небольших конных разъездов для выяснения направления и сил наступающего противника была в большинстве случаев совершенно бесцельной. Не только пики всадников были препятствием для движения, но даже и винтовки, которые цеплялись за сучья и ветки, то и дело задерживали всадника или грозили высадить его из седла, не говоря уже об опасности сорвать с винтовки мушку.

Но не менее обременительны были действия и в пешем строю. В этих лесах наши кони были страшнейшей обузой для нас. Половина наличных людей превращалась в коноводов, так как в густом лесу коновод с трудом мог справиться с двумя конями — со своим и своего соседа. И тут все те же пики лишали коноводов малейшей подвижности. Кони то и дело цеплялись седлами за сучья деревьев, обрывая разные части седловки. Спешившимся людям мешала при перебежках и вообще при всяком движении болтающаяся между ногами шашка. Придерживать ее левой рукой люди не могли, так как эта рука им была нужна для расчистки себе дороги в зарослях. Ориентация в густом лесу была трудна и без компаса вообще невозможна. Поддержание связи с соседями было сопряжено с неимоверными трудностями Посылаемые для связи люди часто блуждали в глухом лесу и теряли напрасно массу времени.

Получив приказание с боем отходить на восток, части «сводной дивизии» страшно перемешались между собой в непроглядной лесной глуши. Так, например, мой взвод, оторвавшись от эскадрона, вел огневой бой и отходил вместе с полуэскадроном Лейб-гусар и взводом Конной гвардии, также оторвавшихся от своих. Все эти дни ночевали мы под открытым небом, скорее — под зеленой крышей ветвей, где-нибудь на лесной полянке или тут же в лесу, опершись спиной о какое-нибудь дерево. Ни продовольствия для людей, ни фуража для коней не было никакого. Мы питались тем, что удавалось еще найти в седельных сумах, а наши голодные кони щипали всюду, где только удавалось, придорожную траву или листья кустарников. Только пять суток длилось наше пребывание в Козловорудских лесах, но эти пять суток показались нам вечностью и сохранились в моей памяти как один из самых тяжелых эпизодов все йвойны.

27-го мая вышли мы, наконец, на восточную окраину Козловорудских лесов и каждый из нас с облегчением глубоко вздохнул, увидя опять яркое и жаркое весеннее солнце, которого совсем не видели мы во время пребывания в этих страшных лесах.

Теперь, наконец, появился начальник 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии генерал Эрдели со своим штабом, чтобы вступить в командование нашей «сводной дивизией».

Несколько дней несли мы, попеременно, сторожевую службу впереди ковенских фортов, пока 8-го июня не получили нового задания, которое заставило нас пройти походом через Ковно. Вид этой крепости на одиннадцатый месяц войны, крепости, которая не имела еще до сих пор в своей непосредственной близости противника, произвела на нас самое удручающее впечатление.

Тут позволю себе передать это впечатление словами В. Н. Звегинцова из его «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну», причем подчеркиваю, что мой дорогой однополчанин, автор этого чрезвычайно ценного и очень интересного с исторической точки зрения труда, отнюдь не является сторонником критики для таковой. Наоборот, он старается найти всему оправдательное объяснение. Таким образом, приведенные мною ниже его слова следует рассматривать скорей как очень осторожное определение того, что творилось и происходило в то время в Ковно, за какие-нибудь две недели до захвата его 10-ой германской армией.

Так вот, что говорит В. Н. Звегинцов о Ковно в начале июня 1915 года: «Снова прошел полк через линию крепостных фортов, мимо

которых неоднократно проходили Кавалергарды в конце августа и начале сентября (1914 г.), когда стояли они в крепости Ковно. Целых десять месяцев прошло с тех пор и невольно поражало, как мало было сделано за это время для окончательного приведения крепости в оборонительное состояние. Еще всюду рылись окопы, устанавливались засеки и проволочное заграждение, прокладывались подъездные пути и телефонные линии».

После того в каком состоянии увидали мы Ковно и понюхали, чем там пахнет, вероятно, ни у кого из нас не было больше сомнения в том, что долго эта крепость сопротивляться немцам не будет.

Что наше командование послало в Козловорудские леса вместо пехоты кавалерию, можно еще себе объяснить тем, что, вероятно, в то время свободной и боеспособной пехоты оно под рукой не имело. Ему надо было, наверно, во что бы то ни стало выиграть хотя бы только несколько дней для перегруппировки и, благодаря таковой, наскоро собрать гарнизон для крепости Ковно, который тогда все еще отсутствовал.

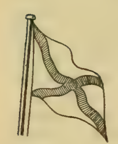
Но то, что в течение 11 месяцев от начала войны Ковно, которое за это время уже не раз могло быть втянуто событиями на фронте в район непосредственных боевых действий, не было еще приведено в оборонительное состояние, а также тот факт, что лежащие на непосредственных подступах к этой крепости Козловорудские леса совершенное не были приспособлены для обороны — это одно из величайших преступлений Главнокомандующего армиями северо-западного фронта генерала Рузского, который за десять месяцев своего командования не потрудился даже заинтересоваться тем, в каком состоянии находится обороноспособность этой крепости и что, вообще, происходит в ее районе.

Как известно, после начала германской атаки Ковно не продержалось даже несколько дней. Может быть, следовало бы вычеркнуть его как крепость, но раз было решено, что Ковно остается крепостью, то уже с самого начала войны должна была бы эта крепость приведена в необходимое оборонительное состояние и обеспечена боеспособным гарнизоном.

Стоило ли в данном случае подвергать риску, жертвам и значительным потерям в личном составе четыре гвардейских кавалерийских полка в непрохоидмых Козлорудских лесах для того только, чтобы всего лишь на пять дней замедлить приближение немцев к этой «крепости» Ковно — этот вопрос предоставляю исследованию будущего историка.

В. Кочубей.

Неудачный поход

С наступлением темноты выскользнули из бухты. Когда проходили боны, мимо стоящих по сторонам портовых катеров, услышали голос отдающий какую то команду, лязг железа на палубе, но в полной, чернильной темноте, ничего не было видно. Ночь. непроглядная ночь, залегла над берегом, окутала затаившийся Севастополь. Резко прозвучал звонок машинного телеграфа и две узких, серых, стальных полосы, разрезав прибрежный мрак, рванулись вперед и потонули в слившихся безднах моря, неба и ночи. Эскадренные миноносцы «Быстрый» и «Пылкий», в начале весны 1916 года, вышли в очередной боевой поход.

Пройдя Херсонесский маяк и минные заграждения, у точки «А» определились и легли курсом на Босфор. Бежали легко, весело и бодро. В голове «Быстрый», имея на борту начальника дивизиона. «Пылкий» держался в кильватер, вплотную, «висел на отводе», боясь оторваться и потеряться в темноте. Тишина, царившая в открытом море, почти полный штиль и мрак, создавали впечатление какой то особенной настороженности и неприятное чувство потерянности, одиночества.

Начальник 2-го дивизиона эскадренных миноносцев, капитан 1-го ранга Б..., плотный, бравый, средних лет мужчина, застегнув пальто

на все пуговицы и заложив руки за спину, прохаживался по мостику «Быстрого». Он не должен был участвовать в этом походе т. к. свой брейд-вымпел держал на другом миноносце дивизона («Поспешный»), который оставался в Севастополе, но любитель боевых походов, операций и возможных авантюр, бравый командир не упускал удобных случаев. Так и в этот раз он перенес свой брейд-вымпел на «Быстрый», взяв с собою на поход своего флаг-офицера, мичмана Михаила Безкровного и флагманского штурмана лейтенанта Б. С. Шагая по мостику он радовался, что покинул беспокойный порт, оторвался от начальства и наслаждался вдыхая полной грудью соль моря, волю и простор. Вспомнил приятно проведенное время на берегу, но мысли быстро и привычно перешли к окружающей обстановке. Любовно подумал о своем дивизионе. Какой восторг, какое наслаждение плавать на таких прекрасных кораблях, командовать ими, воевать. Четыре новейших, быстроходных истребителя, построенных русскими руками на русских заводах. Повернулся к корме и старался в темноте рассмотреть силуэт бегущего сзади «Пылкого». Но миноносец тонул в темноте. Только временами белый треугольник пены, от буруна взметаемого его острым форштевнем, то приближался к корме «Быстрого», то отходил. Подумал о том напряжении, которое сейчас переживает вахтенный начальник на «Пылком». Усталые глаза не отрываются от чуть белеющей кильватерной струи, рука все время лежит на кнопке сигнального звонка в машину... «Пять оборотов меньше, пять оборотов больше, пять меньше»...

— Хорошо держится «Пылкий», обратился к командиру стоявшему у машинного телеграфа. Тот обернулся.

— Дааа... — медленно протянул. И сейчас же заговорила ревность командира за свой миноносец.

— Ему не так уж трудно. Мы все время держим постоянное число оборотов.

Начальник дивизиона понял, усмехнулся, поторопился успокоить.

— Конечно, конечно. Я сейчас не нужен, спущусь к себе, с рассветом пошлите мне доложить.

С рассветом пришли в видимость берега, где то между Шили и Кара-Бурну. Правее, неясной, туманной массой, темнел вход в Босфор. Мертвое, пустынное море. На всем горизонте ни одного паруса, ни дымка дозорного турецкого миноносца, ни жужания в воздухе аэроплана разведчика. Все, как по сигналу, спряталось и притаилось и, быть может, только перископ подводной лодки, не успевшей выйти на позицию, следил за двумя хищниками, пришедшими в неприятельские воды за добычей.

А погода заметно портилась, холодело, ветер усиливался, его порывы крепчали и мелкая волна с раздражением, суетливо билась в стальной борт миноносцев. Ничего не найдя в районе Босфора, повернули к Осту и пошли вдоль Анатолийского побережья. Море продолжало оставаться пустынным. Очевидно неприятельская разведка предупредила о набеге миноносцев. И только уже не далеко от Синопа, заметили идущий под берегом парусный, палубный турецкий баркас, тонн в пятьдесят водоизмещением. Заметив миноносцы, турки повернули круто к берегу, стараясь укрыться в одной из маленьких бухт. Догнать и подойти к баркасу миноносцы не могли из-за мелководья. На мостике все бинокли были направлены на удирающий маленький парусник. На полубаке, у носового орудия, стояла прислуга и исполнявший должность артиллерийского офицера мичман Гавришев. Всех интересовало — уйдет турок, или нет. Начальник дивизиона повернулся к командиру:

— Прикажите носовому орудию дать выстрел по баркасу, чтобы он остановился.

Почему то мичману пришла в голову блестящая идея самому дать этот выстрел и отведя рукой комендора-наводчика в сторону, он прильнул к оптическому прицелу наводя орудие на удирающий парус. Грянул выстрел и зрителям, в поле видимости биноклей и наблюдающим просто зоркими глазами, представилась неожиданная картина. Снаряд попал в самый центр парусника и он исчез в белом столбе взрыва и взметнувшейся воды. Видно было как из этого столба вылетела вверх матча, а перегоняя ее и подымаясь все выше и выше, летел человек вниз головой, с ногами раздвинутыми в стороны. Дойдя до какой то точки, человечек остановился и полетел вниз не изменяя положения. Все это внезапно опустилось и на поверхности моря не осталось следа ни от парусника, ни от людей. Все молчали, невольно переживая неприятный осадок от совершенно ненужно разыгравшейся трагедии смерти, быть может маленьких людей. Кто то протянул:

— Ммм... дааа..., бывает...

— Кто их знает, быть может везли оружие, почему так удирали?

В этих словах начальник дивизиона хотел найти оправдание факту, уже ставшему прошлым, неизбежным случаем в жестоком, бескомпромисном ходе войны.

Отошли немного в море и опять пошли вдоль берега. Непрерывно усиливался ветер и быстро наростала крутая волна. Сумеречный свет ложился на воду и сумеречно-синие миноносцы скользили с гребня на гребень. Уменьшалась видимость горизонта. С мостика наблюдали, как все кругом внезапно задергивалось мглой и в этой мгле силуэты кораблей, мачты,

трубы, становились неясными, расплывчатыми. Невидимое море глухо шумело внизу и волна, разрезаемая миноносцами, ударяясь в их скулы, взметалась высоко вверх и осыпала дождем холодных брызг людей стоявших на мостике. Сложившаяся обстановка исключала смысл дальнейшего похода. Начальник дивизиона решил возвращаться. Но определив свое место и установив количество оставшейся нефти увидели, что расстояние до Севастополя больше чем до Батума и что переход в Севастополь, при недостаточном количестве нефти, в свежую погоду, является рискованным. В воздух полетела зашифрованная радиограмма — просьба Командующему Флотом разрешить миноносцам зайти в Батум, отстояться от шторма и пополнить запасы нефти. Скоро приняли разрешение и, проложив курс на Батум, заспешили вперед двадцати-узловым ходом.

Флаг-офицер начальника дивизиона, мичман Бескровный, блаженствовал. Штормовая погода, ночь, качка и холод, разогнали обитатетелй миноносца по каютам и койкам. В кают-компании было пустынно и тускло горела дежурная лампочка. В огромном, кожаном кресле, которое молодежь звала «самосон» за его особое свойство любезно принять посетителя, ласково пригреть и усыпить, уютно устроился флаг-офицер Миша Бескровный. Где то, совсем рядом, за тонким бортом, шумела штормовая погода. Временами неприятно чувствовалось, как принимая удары волн, скользя и изворачиваясь между ними, длинный миноносец «ходил» своими соединениями вдоль продольной оси, а временами, взлетая на высокий и острый гребень, провисал кормой и носом, дрожал, будто вот-вот сломится под своей собственной тяжестью.

«Почему не уменьшают ход?», подумал Миша засыпая.

Но блаженство юного мореплавателя продолжалось не долго. Из царства грез и сновидений его вывела чья то твердая рука вежливо, но настойчиво встряхнувшая за плечо. Первым впечатлением после пробуждения было странное ощущение тела, делающегося то тяжелым и вжимающимся в кожу кресла, то необыкновенно легким, воздушным, взлетающим. Перед проснувшимся мичманом стоял старший офицер миноносца старлейт С.

— Очень сожалею, что пришлось вас разбудить, но вам придется в двенадцать часов вступить на вахту. Наш судовой офицер внезапно заболел и начальник дивизиона разрешил воспользоваться вашей помощью.

— Укачался, а не заболел, — проворчал про себя мичман.

— Есть, — и поплелся в каюту одеваться.

Без пяти минут двенадцать мичман выбрался на палубу. Ослепленный темнотой некоторое время держался за протянутый штормовой леер. Когда глаза немного привыкли и он увидел отсвет белой пены выжимаемой бортами корабля, начал осторожно пробираться на мостик. Быстро сменил закоченевшего вахтенного начальника и осмотрелся. Был характерный, весенний, черноморский шторм. Ветер нес снег смешанный с дождем. В этом хаосе беснующейся стихии миноносцы продолжали мчаться с попутным штормом двадцати узловым ходом. Какое то невольное, подсознательное беспокойство овладело постепенно мичманом. Простояв около четверти часа рядом с рулевым, он убедился, что видимость равна нулю. С мостика нельзя было рассмотреть носовое орудие. Послал вахтенного доложить командиру (капит. 2-го ранга П.) и попросить его подняться на мостик. Пришедший командир приказал ход не уменьшать, а поставить на полубак добавочных впередсмотрящих.

Прошло пол часа томительного напряжения. Обстановка не менялась и, напряженные до боли, глаза старались проникнуть сквозь серую, снежную пелену окружавшую миноносцы. Молодой офицер нервничал будто чувствуя приближение невидимой опасности. Вдруг ему показалось, что на однообразном, сером фоне вырисовывается более темное пятно величиною в серебряный рубль. Недоверяя себе, спросил сигнальщика:

— Видишь ли что нибудь прямо по носу?

— Как будто так что, что то показывается, Вашбродь, — ответил тот.

Прошло может быть только десять-пятнадцать секунд и пятно из рубля стало размером в иллюминатор. Неожиданно для себя, повинуясь какому то молниеносному рефлексу, Бескровный скомандовал рулевому — «право на борт» и рывком бросил обе ручки машинного телеграфа на «стоп». Почти одновременно вырвался из мрака полный испуга и тревоги голос, кричащий в рупор «кудааааа»... А затем страшный удар и все потонуло в грохоте и скрежете раздираемой стали, ломающихся стоек, срываемых с креплений частей и предметов на палубе. Грянул глухой взрыв и через мостик перекатилась плотная волна огня, заставившая всех находившихся на нем пригнуться к палубе. Когда выпрямились, то отшатнулись от темной, громадной массы, которая проносилась мимо, ломая и коверкая все, что выступало за бортом. Несколько секунд темноты, а затем вспыхнул яркий ослепительный свет, осветивший, как днем, всю картину разыгравшейся трагедии.

По борту «Быстрого» проносился военный транспорт «Святогор». Он сорвал у него моторный катер и пробив бак с бензином, принайтовленный перед рострами левого борта, перебросил огонь на миноносец. Когда мичман повер-

нулся, автоматически следя глазами за «Святогором», он увидел, что вся палуба «Быстрого», до кормового орудия, пылала ярким костром. Горел бензин, разлившийся по палубе.

Без сигнала тревоги весь экипаж вылетел на свои места. «Святогор» описывал широкую циркуляцию с положенным на берт рулем. На полубаке у него пылал пожар освещавший все кругом. Остановившийся «Быстрый» стал лагом к волне, переваливаясь с борта на борт. Пожар на нем быстро потушили. Командир немедленно послал Бескровного осматривать пробоину в носовой части миноносца. Спустившись в кубрик, тот уже застал там боцмана и плотника с матросами заделывающих, или вернее забрасывающих досками и цементом громадное, зияющие отверстие в которое можно было въехать на тройке, и потом старавшихся подвести пластырь. Пробоина была, к счастью, вся надводная и только при качке в нее попадало, сравнительно немного, воды. Но нос был свернут на сорок пять градусов. Листы обшивки, перемешанные с битенгами, якорем и канатом, большим комом бросило под мостик. Как спаслись вперед-смотрящие, так никто, никогда и не понял.

«Быстрый» и «Святогор» столкнулись скулами, пролетев друг у друга по борту. От удара загорелись бидоны с бензином, находившиеся на полубаке «Святогора». Огонь распространился с неимоверной быстротой и был настолько силен, что рулевой и помощник капитана должны были покинуть мостик. Оставшись без управления, «Святогор» продолжал двигаться описывая циркуляцию. На корабле началась паника.

Кроме экипажа, на «Святогоре» находилось большое число военных, солдат и офицеров, отпускных и находящихся в служебной командировке. В трюмах, скрывшись от холода, страдая от качки, сбилось около трехсот турок, пленных солдат-аскеров, которых перевозили на работы в прифронтовой полосе. Вся эта масса людей при ударе выбежала на палубу в паническом испуге, не имея возможности понять случившееся, ослепленная огнем пожара корабля. Машинная команда оставила свои места и выбежала на палубу не остановив машину. Комендант и капитан не могли, из за огня добраться до мостика и оттуда руководить спасением корабля. Экипаж оказался разделеным на отдельные группы, без общего руководства, среди массы обезумевших людей. И тогда началось самое страшное. Кто то бросил в толпу турецких пленных предположение, что это германские подводные лодки напали на транспорт с целью освободить их. С дикой яростью бросились турки на русских, стараясь их обезоружить. Затрещали выстрелы, загрохотали взрывы ручных гранат, настал хаос криков и стонов.

«Алла... Алла... Алла..!

«Бей... урррра... вперед... братцыыыыы...!»

«Алллa... Алллла... Алла...!»

В мертвой схватке люди катались по палубе, сверкали кинжалы, грохотали выстрелы, душили друг друга руками, попадали в разлитый безнзин, вспыхивали как факелы и обезумевшие, часто не разжимая смертельных объятий, бросались вместе за борт, где и гибли. Тщетны были попытки экипажа спасти положение и отступая, шаг за шагом, он отходил к полуюту, свободному еще от огня. Давление пара упало и «Святогор» остановился. На нем начали рваться ящики с патронами.

Благополучно избежавший столкновение «Пылкий» остановился в полу-кабельтове. Видно было как на «Святогоре» набились люди в шлюпку висевшую на талях (не спущенную на воду). Носовые тали не выдержали, лопнули и все люди высыпались в воду. Попадая в воду, они быстро гибли от разрыва сердца т. к. вода была ледяная. На сильной волне с трудом подбирали тонувших. Пожар на «Святогоре» разгорался и освещал море покрытое тонувшими людьми, но из-за рвавшихся патронных ящиков гребцы на шлюпках оробели и боялись подходить близко к горевшему кораблю. Мичман Гавришев, пустив в ход кулаки, старался вывести их из оцепенения и заставить войти в сферу огня.

На «Святогоре» горела уже вся палуба вплоть до полуюта. На этом полуюте, как на острове, среди бушующего огня, сбилось около ста человек. Шанс на спасение у них был ничтожный. Оставалось выбрать смерть в огне, или в ледяной бездне. И тогда последовал «галантный», блестящий, маневр «Пылкого». Командир (Капитан 2-го рангн О.), быстро и решительно, на большой волне, бросил свой миноносец вперед, подведя его полубак под взлетевшую вверх корму »Святогора», с которой вся маса людей буквально скатилась вниз. Многие упали в воду. Не потеряв лишней секунды, «Пылкий» отпрянул назад, увернувшись от падавшего вниз огненного чудовища.

На рассвете подошли спасательные суда из Батума. Они взяли на буксир «Быстрый» и под конвоем «Пылкого» осторожно довели его до Батума, где и пришвартовали у мола. На берег сошли спасшиеся, около 200 человек. В братской, бездонной, холодной могиле, нашли покой 300 человек. Шторм отпел по ним панихиду и долго еще, огромной, панихидной свечей, пылал над этой могилой горящий «Святогор».

К следующему утру «Святогор» отнесло к устью реки Чорох, недалеко от Батума, где он стал на якоря, автоматически отдавшиеся от пожара. В трюме у него было около 6.000 ящиков

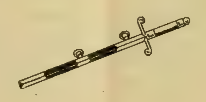
с артиллерийскими снарядами. И когда жадное пламя дошло и до этой последней пищи, грянул взрыв. Взметнувшийся вверх столб медленно упал вниз, ветер развеял дым, волны разметали обломки крушения и вышедшее из-за туч солнце ласково улыбалось успокоившемуся, нежному, детски невинному морю.

. . . .

А потом был суд. На госпитальном судне «Петр Великий», за столом покрытым зеленым сукном, возседали судьи-адмиралы, прибывбывшие из Севастополя. Судили начальника Дивизиона миноносцев, командира, штурмана и вахтенного начальника «Быстрого». Кроме них судили Начальника Восточного Отряда Судов Черного Моря (Навостота) и его флаг-офицера. Начальник Дивизиона получил выговор по флоту за то, что шел большим ходом на подходах к порту ночью, без огней. Более серьезное наказание получил «Навостот», штаб которого находился в Батуме и не дал извещение о том, что «Святогор» находится в море, в квадрате шедших в Батум миноносцев. За это упущение по службе адмирал и его флаг-офицер получили «Высочайший» Выговор.

«Быстрому» не везло. Через несколько дней какая то тряпка попала под клапан кингстона, вода залила палубу кают-компании, корма порядочно села. Спустили водолаза и дело обошлось без серьезных последствий. Дня через три зазвенела по миноносцу пожарная тревога. Загорелось в машине развешенное для посушки белье. А через неделю опять тревога. Загорелась нефть в нефтяных ямах. Пришлось подымать пар и тушить-давить пожар паром. На всякий случай вызвали городских пожарных. Палуба, в некоторых местах, так накалилась, что нельзя было на ней стоять даже в обуви. Пожар потушили. Затем налетел шторм на сравнительно открытый Батумский рейд. Всю ночь напролет боролись с непогодой и с опасностю быть разбитыми об стенку мола. Заводили стальные концы и якорные канаты на пушки. В результате на юте вырвало битенг с листом палубы. К утру утихло. Все это взвинтило нервы экипажа до последней степени. Радикальнее всех разрядил напряженную атмосферу Миша Бескровный. Он сошел на берег и закутил. Закутил крепко, громко с неприятными последствиями. Кончилось все это арестом при каюте, не долгим и без приставления «пикадора» т. е. часового. После этого все несчастия моментально прекратились. Зачинив свои раны, миноносцы ушли в Севастополь для капитального ремонта.

Леонид Павлов

Бой 12-й роты Лейб-Гвардии Егерского полка под дер. Кухары

29 июля 1916 года.

Деревня Кухары находится немного восточнее железнодорожной линии Ковель-Ровно и несколько севернее р. Стохода, на которой 15 июля гвардейская пехота, наступая по болоту, под убийственным огнем противника, понесла тяжелые потери.

. . . .

После обеденного перерыва окопы 12 роты подверглись усиленному обстрелу и число раненых в роте начало быстро возрастать. Беспокойство за вверенных ему людей, за занимаемый участок и желание отдать себе отчет в действительном положении вещей заставили подпоручика фон-Кеддинга неоднократно обойти участок своей роты. Около часу дня, при одном из обходов, он был ранен в бедро и около двух часов, снова, на этот раз в голень. Воспоминания об этом втором ранении долго путешествовали с подпоручиком Кеддингом: только часть осколков была извлечена на месте, остальные извлекались в Эстонии, Венецуэле, словом во всех странах, куда судьба занесла участника боя под Кухарами. (А. И. фон-Кеддинг скончался в 1943 году в Аргентине).

Последовавшие двадцать лет жизни, полной переживаний, не могли изгладить из его памя-

ти впечатление от обхода окопов. Вот что он пишет: «Иногда было совершенно темно, а солнца вообще не было видно. Я двигался в темноте и в дыму и натыкался на изуродованные тела убитых егерей. Сам в крови, я все время соприкасался с кровью других и она оставалась на моей одежде, смешиваясь с моей. Окопов уже не было. После своего второго ранения, я двигался медленно, кругом гремели разрывы шрапнелей, несколько раз меня обдавало песком и каменьями. Потом я упал. Раненая нога больше не повиновалась, мне казалось, что она совершенно парализована. Я собрал все силы и продолжал двигаться. Около четырех часов, я снова был ранен — теперь в легкое. Кровь пошла из уха и из горла. Я потерял сознание, но у меня осталось впечатление, что, порою, сознание возвращалось и что меня кто-то старался тащить. Когда я очнулся, около меня находился старший унтер-офицер Субботин. На моих глазах он упал, убитый осколком последнего снаряда, выпущенного немцами на нашем участке. Быстро ко мне подошел пулеметчик унтер-офицер Рудаков. Он меня поднял и доложил, что начинается атака. Я сразу почувствовал в себе огромные силы и какую-то необыкновенную радость... Наконец-то!... К этому времени, на месте, где еще утром были окопы, виднелись лишь бугры свежей земли и воронки от снарядов. Очень небольшое число людей осталось в живых и все, кого я видел, были ранены.

Баварская гвардия, рассчитывая, что противника на этом участке больше не существует, вышла из окопов и спокойно, сомкнутыми линиями, стала приближаться к расположению лейб-егерей. Но, если на участке 12-ой роты почти не было защитников, то там была доблесть и эту высокую доблесть показала горсточка егерей и молодой офицер, их командир.

Два пулеметчика, состоявшие при пулеметах, приданных роте, старший унтер-офицер Рудаков и другой, фамилия которого не сохранилась в памяти участников боя, помогли тяжело раненому подпоручику фон-Кедингу подойти к месту, где стояли пулеметы, засыпанные песком и землею. С молниеносной быстротой их привели в порядок, кожух одного из них, пробитый осколками снаряда, быстро сбили щепками от блиндажа и дополнили воду собранной в кружку мочой. Три пулемета неожиданно заработали; ими управляли трижды раненый офицер и два пулеметчика, — больше пулеметчиков не осталось. На участке соседней 11-й роты тоже заработали пулеметы. Огонь их, с близкого расстояния, косил продвигавшиеся баварские линии. Этих линий было много, одна за другой выкатывались они из леса, но ни одной не удалось дойти до цели.

После шести вечера поле боя замерло. Понеся огромные потери, баварская гвардия отошла в лес, из которого она дебушировала. Масса трупов валялось между нашей и немецкой линиями.

Старший унтер-офицер Рудаков, кавалер трех степеней Георгиевского Креста, за этот бой, получил 1-ю степень, был произведен в подпрапорщики и затем в прапорщики. Каким-то чудом он не был ранен. Из 230 егерей 12-й роты, к концу боя, осталось 18, из которых только три не раненых. Подпоручик фон-Кеддинг оставался на своем посту, с остатками 12-й роты, до позднего вечера и только по занятии участка ротами II батальона он был вынесен с места боя. Придя в себя, он пожелал идти сам.

Около 11 часов вечера, III батальон закончил вынос своих раненых и убитых а, когда ходы сообщения освободились, он был сменен II батальоном, который энергично принялся восстанавливать окопы.

На следующий день после этого боя наступила сильная жара. Пространство между нашими окопами и немецкими было заполнено трупами как наступавших накануне немцев, так и шедших на них измайловцев. Через день или два, по нашей ли инициативе или по немецкой, было заключено перемирие на два часа, и для уборки трупов с обоих сторон были высланы санитары.

Во время этого перемирия германцы передали нашим санитарам вещи и деньги, найденные ими на убитом во время атаки измайловце поручике Обручеве. Насколько я помню, среди вещей были часы, бумажник с деньгами и письмо к его невесте. Как мне кажется, вернули они и его оружие, и орден. Убит поручик Обручев был в районе германских окопов и похоронен немцами до перемирия. Трупы большинства убитых были похоронены на тех местах, где лежали.

Потери баварской гвардии были чрезвычайно велики, впрочем, это не имеет значения для оценки доблести, проявленной егерями в этом бою. Этот бой 12-й роты, связанный с именем временно командующего ротой подпоручика фон-Кединга, должен навеки сохраниться в летописи полка. Орден Св. Владимира 4-й ст. был наградой доблестному офицеру. Его ранения отнесены к разряду тяжелых. Кроме ран в бедро и голень, у него был поврежден спинной хребет, легкое и правое ухо, с полной утратой слуха.

В. А. Каменский

Две встречи

Родным симбирцам, павшим смертью храбрых за славу и честь Родины в 1-м Кубанском походе, посвящаю эти строки.

По окончании Симбирского кадетского корпуса, нас девять человек вышло в Константиновское военное училище (1-ое Киевское). После производства в офицеры троих из нас — Диму Шнарковского, Павлика Житецкого и меня — оставили при училище. Шел 1917 год с его бескровной и октябрьской революциями.

26 октября и в Киеве, по примеру Москвы, большевики пытались захватить власть. Рота Георгиевских кавалеров, юнкера нашего и других военных училищ и киевских школ прапорщиков, оставшиеся верными своему долгу и Родине, эту попытку подавили. В происшедших на улицах боях наше училище понесло особенно большие потери: выбыло из строя убитыми — 2 офицера и 40 юнкеров и ранеными — 1 офицер и 60 юнкеров.

Воспользовавшись поражением большевиков, в Киеве воцарилась Украинская Рада, провозгласившая независимость Украины. Новая власть предложила всем воинским частям, не пожелавшим «украинизироваться», покинуть пределы страны. Представитель Кубанского Войска на шедшем в то время в Киеве Съезде представителей Казачьих Войск, предложил желающим офицерам и юнкерам эвакуироваться на Кубань. Начальник училища принял это предложение и в конце октября мы выступили в поход. Раненому в боях Шнарковскому пришлось остаться в госпитале; Житецкий, по каким-то причинам, тоже застрял в Киеве. Перед самым Ледяным походом, первый, переодевшись «товарищем», пробрался к нам в Екатеринодар, Житецкий же присоединился только после 2-го Кубанского похода.

Не могу не отдать должного нашему училищу, вставшему одним из первых на защиту поруганной Родины. С октября 1917 года, оно прошло все фазы борьбы Белой армии: защита Екатеринодара, 1-й и 2-й Кубанские походы, защита Крыма в войсках генерала Слащева, десант на Кубань, Галлиполи и, наконец, Болгария, где было последнее производство юнкеров в офицеры. Недаром училищным девизом было: «Где Константиновец — там долг исполнен».

На Кубани, в Отряде Спасения Кубани, юнкера-Константиновцы, вместе с офицерами, реалистами, гимназистами и немногими стариками кубанцами, защищали Екатеринодар от наступавших со всех сторон красных. Казаки, вернувшиеся с фронта, держали нейтралитет. В бою 12 февраля 1918 г., у разъезда Потаенный, Владикавказской железной дороги, меня тяжело ранило и контузило.

. . . .

После гибели генерала Корнилова, ночью на 1 апреля 1918 года, начался отход частей, штурмовавших Екатеринодар, а из станицы Елизаветенской потянулся обоз, на телегах которого лежало и сидело около полутора тысяч раненых и больных. Часть тяжело раненых пришлось оставить, под опекой медицинского персонала, в станице. Заняв ее, красные всех их зверски перебили. По бокам двигавшихся повозок обоза шла редкая цепочка пехоты — его охрана. На одной из телег везли тела нашего первого вождя генерала Корнилова и полковника Нежинцева.

На коротком привале я с Димой Шнарковским, шедшим в цепочке рядом с моей повозкой, присели у обочины дороги и, прикрывшись бурками, закурили. Покуривая, обсуждали наше положение: убит наш вождь, наша надежда на спасение России — генерал Корнилов. В сердцах храбрых закрадывалось сомнение в успехе нашего дела. Убит и полковник Нежинцев, любимец генерала, убиты двое — лучшие из лучших. В это время, обгоняя нас, мимо проходил конный отряд. Услышав знакомый нам слегка картавый выговор нашего однокашника симбирца Жоржа Шишкина, мы оба, в один голос крикнули: «Жорж! это ты?» — Это был он. Быстро соскочив с седла, Жорж

подбежал к нам и мы обнялись. После первых, обычных вопросов: где кончил училище? в какой полк вышел? разговор перешел на родной корпус. Но, увы, долго поговорить нам не удалось — перебил возница, позвав садиться. Передние подводы уже тронулись. Прощаясь, выразили надежду, что встреча будет не последней. Жорж вскочил на коня и, торопясь нагнать свой отряд, быстро исчез в темноте. Встреча была последней. Во 2-м Кубанском походе, Жорж пал смертью храбрых, ушел в вечность, оставшись навсегда в моей памяти.

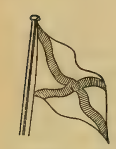
. . . .

Через несколько дней после занятия станицы Дядьковской, мы двинулись дальше. Проезжая в телеге по станице, я, в дверях школы, увидел раненого, голова и руки которого были забинтованы. Какое-то внутреннее чувство подсказало мне задержать повозку и подбежать к нему. Я подвел его к нашей повозке и, потеснившись, мы усадили его между нами. Лица раненого, из-за бинтов, не было видно. Объясниться с ним было невозможно, он не мог ни говорить, ни писать. На следующем большом привале, в станице Журовской, мы все отправились на перевязку. Стояли с нашим новым спутником и ждали очереди. Дошла она и до нас, сестра разбинтовала голову нашего незнакомца и что-же я увидел? Передо мной стоял мой однокашник симбирец Алеша Елисеев. Радость встречи была омрачена — он не мог говорить. Не расставался я с ним до села Лежанка, Ставропольской губернии, где я вернулся в строй. Алешу, с обозным лазаретом, через станицу Егорлыцкую, отправили в Новочеркасск. Выйдя из госпиталя, он провел отпуск у моих родных. В это время я был на фронте и свидеться с ним больше не пришлось. Алеша так же, как Дима Шнарковский и Жорж Шишкин, пал в бою.

В отряде Чернецова, при защите Ростова на Дону, был убит еще один мой однокашник, симбирец Петя Лензин.

Много лет прошло, но пережитое и эти последние встречи с дорогими однокашниками-симбирцами никогда не изгладятся из моей памяти. Пусть эти несколько строк моих воспоминаний будут венком на их неизвестные могилы.

Г. Алексеев

Эпизоды моих плаваний на судах гвардейского Экипажа

Тяжело больному, на койке госпиталя, мне невольно приходят в голову различные эпизоды из моей службы на судах Гвардейского экипажа. На закате дней моих, я постараюсь зафиксировать их на бумаге в надежде, что воспоминания мои могут быть интересны не только моим сослуживцам по Гвардейскому экипажу.

Первое мое плавание было на Императорской яхте «Полярная Звезда» в 1900 году. Яхта эта, обычно, отдавалась в распоряжение Императрицы Марии Феодоровны для Ее ежегодных летних визитов к своей семье в Дании. Мне часто приходилось слышать о необыкновенном царственном обаянии Императрицы. Мой отец Павел Владимирович, шталмейстер Двора Его Величества, в молодые годы, командовал Кавалергардским Ее Величества полком и ему случалось на придворных балах танцевать с Императрицей. Он часто рассказывал нам о ее необыкновенном обаянии, в чем мне пришлось лично убедиться во время пребывания яхты в Копенгагене. Во время стоянки в этом порту, Императрица несколько раз приглашала всех офицеров кают-компании к Царскому столу завтракать. После одного из завтраков меня позвали к Императрице. Она стояла на юте и с ней рядом был командир яхты кап. 1-го р. барон Штакельберг. Я подошел к Императрице и она меня спросила по-французски: «Ваш брат, кажется, скоро женится на м-лль Нарышкиной?» (Вопрос касался моего брата Александра, офицера Кавалергардского полка). На мой утвердительный ответ Императрица сказала, обращаясь к командиру: «барон, отпустите Родзянко в Петербург на свадьбу его брата». Мне осталось только поблагодарить Императрицу за такое внимание. Могут сказать — это мелочь... да, но мелочь незабываемая и, если вся жизнь состоит из мелочей, то возможно, что и

троны, иногда, держатся на таких мелочах.

Во время перехода яхты из Кронштадта в Копенгаген, случилось одно событие, которое могло окончиться драматически. При выходе яхты из Финского залива в Балтийское море, мы попали в такой туман, что в одном кабельтове ничего не было видно. Дали малый ход, завыли сирены, наш командир барон Штакельберг, прекрасный моряк, совершивший несколько кругосветных плаваний на парусных судах, пошел на самый бак, к бушприту, чтобы лучше видеть, и оттуда давал приказания на мостик. Внезапно с левого борта раздалась сирена, и из тумана вылез пароход-купец. Командир скомандовал (по тогдашней системе): «Лево на борт», и яхта покатилась вправо, и вот тут-то перед нами оказался другой пароход. Командир командует «Полный назад... Водяная тревога!» Корма яхты сильно затряслась. Встревоженная Императрица вышла на палубу. Мы благополучно разошлись с пароходами. Императрицу успокоили, но дело могло кончиться совсем иначе и трагично. Кстати, мне припомнилось, как, во время тревоги, молодые матросы, а их было порядочно на яхте, забегали не зная, что им делать. Тогда же мне ясно представилась недопустимость назначения новобранцев на Императорские яхты. В Англии на королевские яхты назначаются только старослужащие матросы, много лет проплававшие, знакомые с практикой морского дела. И у нас таких было достаточно. Припоминаю возвращение из кругосветного плавания крейсера Гвардейского экипажа «Рында» с прекрасной командой.

В порту Копенгагена жизнь на яхте протекала довольно однообразно. Кроме чистки и приборки, да вахт, службы, в отсутствие Императрицы, почти не было. Но, в конце лета, к Датскому Королю Христиану IX, не помню по какому случаю, со всех концов Европы, съехалась его Царственная Семья.

Императрица пригласила всех этих родственников на прием, на яхту. Помню, как мы поднимали на стеньге один за другим пять штандартов: русский — Императрицы, английский — Королевы Английской, датский — Датского Короля, греческий — Короля Греческого и, наконец, шведский — Короля Объединенных, в то время, Швеции и Норвегии. После приема Царственные родственники стали уезжать и один за другим выходили на палубу. К трапу подали наш паровой катер, в который Царственные особы стали поочередно спускаться. Со стеньги, также по-очереди, стали спускаться королевские штандарты и поднимались на носовом флагштоке катера. Оркестр наш играл гимны, на берегу датчане принимали гостей с музыкой, караулами и торжественными церемониями. Все это было великолепно и красиво.

Осенью меня назначили на миноносец «Сом», Гвардейского экипажа, уходивший на Дальний Восток. К переходу на Восток было назначено пять миноносцев: «Сом», отличный миноносец английской постройки, а остальные четыре построенные в Германии: «Кит», «Скат», «Дельфин» и «Касатка». Немецкие миноносцы имели несколько больший ход, но, зато, «англичанин» лучше держался на волне. Помню, когда мы проходили Бискайским заливом, а всем известно, что такое осенью этот залив, ветер был очень крепкий и волна огромная. Меня чуть не снесло с мостика в море, едва успел удержаться за поручни. Так вот, в этот шторм, мы пришли в Виго на сутки раньше «Кита» и «Ската».

Вообще, это плавание было чрезвычайно интересно и увлекательно. Выйдя из Кронштадта, мы зашли в Киль, Кильским каналом вышли в Северное море, пошли в Дувр, Шербург, Брест, Виго, Алжир, Мессину, Коринфским каналом в Пирей, затем в Кипр, Порт-Саид, прошли Суэцким каналом в Красное море, зашли в Коломбо, Шанхай и, наконец, последний переход в Порт-Артур. Во время этих переходов нас неоднократно сильно трепало и были моменты трудные. Меня не укачивало и я эти «трепки» любил, несмотря на то, что нас было двое и приходилось стоять на две вахты с Воеводским, что было тяжело. Что значит юность!...

В Порт-Артуре мы вступили в состав Тихоокеанской эскадры. «Сом» вскоре был введен в док для осмотра и перемены правого винта, одна лопасть которого была сломана в дороге. Командир кап. 2-го р. А. Гирс и старший офицер лейтен. Н. Философов, оба, вернулись в Петербург, миноносец был переведен в Сибирский экипаж, а мичман Воеводский, я и вся команда переведены на Гвардейского экипажа крейсер «Адмирал Нахимов», только что пришедший из Владивостока.

Командовал крейсером кап. 1-го р. Стеман, старшим офицером был кап. 2-го р. Петров-Чернышин, офицерский состав: лейтенанты Племянников, С. Трухачев, Мазуров, Лодыгин, Долгов, Мальцев, Беша Эллис, барон Иван Черкасов и мичман граф Игнатьев. Жизнь потекла обычная, эскадренная: занятия, учения, эскадренные маневры, вместе с вахтами, заполняли все дни. В кают-компании мы играли в рекомендованную начальством военно-морскую игру. Противником нашим в этой игре всегда были японцы и, каждый раз, результатом этой мирной войны было разбитие нашего флота японским.

Должен сказать, что было полным недомыслием в то время считать Порт-Артур базой для флота в военное время. Возможно, что через десять-пятнадцать лет, при огромной настойчи-

вости и планомерной работе, он и сделался бы таковой, но в то время, в 1901 году, за три года до войны с Японией, в порту не было дока достаточной величины для броненосцев, вход судов в бассейн был возможен только во время отливов и приливов, иначе большие суда были заперты в гавани, без возможности выхода в море.

Вскоре, из Морского Штаба пришла новая выдумка, весьма умная, видимо в целях экономии: корабли стали ставить по очереди в резерв на шесть месяцев, иначе говоря, обрекали на абсолютное бездействие, как офицеров, так и команду, что чрезвычайно вредно отзывалось на морали тех и других.

По приходе в Артур броненосца «Пересвет» с него были переведены на «Адмирал Нахимов» Вел. Князь Кирилл Владимирович — старшим офицером, вместо Петрова-Черныщина, лейтенанты П. Дурново, Кубе, мичмана Ива Эллис и Гавря Волков и инженер-механик князь Гагарин. По выходе из резерва, жизнь потекла обычным порядком. «Нахимов» был послан в Японию с визитом. Надо сказать, что в это время на Дальнем Востоке Германия полностью поддерживала нашу восточную политику, поэтому немецкий адмирал, командовавший в это время небольшой эскадрой, стоявшей на рейде Иокогамы, оказал нам все знаки морской вежливости и внимания, а также сделал визит Великому Князю. Мы также проявили по отношению немцев полное дружелюбие и у нас был устроен большой обед, на который были приглашены немецкие офицеры. Все было, как полагается — закуска с водкой, обед с шампанским, оркестр, балалаечники, потом пунш, ужин и, в конце концов, немцы остались на крейсере на ночь. Утром адмирал прислал за ними катер с офицерами. Мы их немедленно тоже затащили в кают-компанию и пошла потеха, которая кончилась только на другой день. Немцы решили нам ответить и устроили, как у них полагается, «бир-абенд» с отличным оркестром, а чудное баварское пиво — большая редкость на Дальнем Востоке. От этого «бир-абенда» мы испытали настоящее мучение. В самом деле, целую ночь, под крики «хох», нужно было вливать в себя по бокалу пива. К утру, мы просто распухли, оставшись трезвыми. Удовольствия, в общем никакого.

Мы были приглашены во дворец в Токио, а Великий Князь сделал визит Микадо.

В середине 1903 года было решено вернуть «Нахимов» в Кронштадт. На переходе из Шанхая в Сайгон, скончался от разрыва сердца наш командир кап. 1-го р. Стеман. По приходе в Сайгон, он был похоронен на французском военном кладбище. Довольно долго мы простояли в Сайгоне, ожидая нового командира, которым был назначен кап. 1-го р. Бухвостов.

По возвращении в Кронштадт, мы все получили отпуск, после которого, я был назначен на яхту Гвардейского экипажа «Стрела», генерал-адмирала Великого Князя Алексея Александровича. Яхта эта часто ходила с Великим Князем из Петербурга в Петергоф, для докладов генерал-адмирала Государю, а иногда с ним же в Кронштадт. Переходы эти проходили при мне спокойно, без особых инцидентов. Припоминаю, из этого периода, забавный случай: у Великого Князя поваром служил знаменитый Зеест. Обыкновенно, Великий Князь заранее, заказывал ему на сколько персон приготовить завтрак, но однажды, не предупредив заранее, сказал ему, что завтракать будет что-то чуть ли не 30 человек. Зеест был в полном отчаянии но, взяв себя в руки, собрал все, что нашел из провизии как в кают-компании, так и у команды, и устроил, совершенным чудом, превосходный завтрак.

Мне рассказывал Н. Волков, адъютант Великого Князя, что на заседании у Государя, по поводу посылки 2-й эскадры, большинство адмиралов, в том числе и Рожественский, были против посылки. Принятое решение о посылке эскадры нельзя назвать иначе, как абсурдным. Кроме пяти еле достроенных современных броненосцев, все остальные суда были старые «калоши», и было полной бессмыслицей расчитывать на коэффициент их артиллерийского огня. Если можно было еще как-то объяснять этот поход до падения Артура, эскадра Рожественского могла, скажем, соединиться с 1-й, но с Мадагаскара, после падения Артура сам командующий адмирал Рожественский доносил в Петербург о дальнейшей бессмысленности похода, но в ответ получил приказание «идти вперед», а также извещение, что к нему послана еще третья эскадра, из судов береговой обороны, непригодных даже к простому океанскому плаванию (гениальная выдумка кап. 2-го р. Кладо — этого злого гения Тихоокеанской драмы).

Считаю справедливым и нужным сказать, что самый поход из Кронштадта до Японии был исключительным морским подвигом. Пройти свыше 20.000 миль, без права захода в порты, с угольными погрузками в море, без возможности ремонта судов и не потерять при этом ни одного корабля — случай совершенно исключительный в анналах флотской истории. Финал же этого беспримерного подвига был предрешен — полный разгром 2-й эскадры.

В состав эскадры входил Гвардейского экипажа эск. бронен. «Император Александр III», офицеры и команда которого, в большей части, состояли из моих старых соплавателей по «Сому» и «Адмиралу Нахимову». Я был назначен на него после Гулльского инцидента и списания в распоряжение комиссии Гаври Волкова и Ивы

Эллиса, двух мичманов, говорящих по- английски. Мне нужно было догонять эскадру через Париж, но там я получил телеграмму о назначении меня старшим офицером на транспорт «Иртыш», для замены списанного в срочном порядке «знаменитого» лейтенанта Шмидта.

Описание моего плавания на «Иртыше» не входит в заданную мною себе задачу. Скажу только, что плавание это под знойными лучами тропического солнца, при постоянных погрузках угля в открытом море было более, чем тяжелым. Мы кормили эскадру не только углем, но и многим необходимым, включая даже свежую провизию. Прибыв на Мадагаскар, я явился адмиралу Рожественскому и просил о переводе меня на «Александр III», но адмирал мне ответил: «вы мне нужнее на «Иртыше», на что я сказал, что, как офицеру Гвардейского экипажа, мое место на боевом корабле, а не на транспорте, в тылу. «Кто вам сказал это? «Иртыш» идет в бой», — был ответ адмирала, перед которым мне осталось только смириться. Это обстоятельство и дало мне возможность написать эти записки, потому что с «Алексадра III» не спасся ни один человек.

Во время самого боя, после выхода из строя «Суворова», доблестный командир «Александра III» кап. 1-го р. Бухвостов поднял сигнал «следовать за мной» и на курсе, указанном адмиралом NO 23, сделал смелую попытку прорваться к северу на Владивосток. Около 15 ч. 30 м. «Александр III», подбитый, временно вышел из строя, но затем выровнялся и снова вступил головным в колонне броненосцев. Уже к вечеру около 18 ч. 30 м. мимо «Иртыша», идущего малым ходом с четырьмя затопленными отделениями, кабельтовах в 8-10 по правому траверзу прошли три горящие броненосца «Император Александр III», «Бородино» и «Орел». Я ясно видел, как около 18 ч. 45 м., «Император Александр III» дав последний залп из кормовой башни, как бы прощальный салют, начал медленно переворачиваться на левый борт и вскоре, остался плавать вверх килем. Было видно, как несколько десятков людей карабкались и влезали на обнаженный киль. Проплавав вверх килем минут 20, корабль затонул.

Так геройски погиб доблестный броненосец Гвардейского экипажа со всей своей блестящей командой и славным офицерским составом во главе со своим командиром кап. 1-го р. Бухвостовым. Воистину, тогда погиб цвет Гвардейского экипажа и почти весь его офицерский состав. Один наш боцман Неманов чего стоил — морской волк, если можно так выразиться, морское чудище, бывший боцман «Рынды», старший боцман-кондуктор последовательно на «Нахимове» и «Александре III». Человек высокого роста, страшной физической силы, имевший всегда на команду большое и благотворное влияние. Мир праху вашему, герои Гвардейского экипажа, покоящиеся на дне Цусимского пролива! Вечная вам память доблестные моряки-гвардейцы! Родина потеряла в вас своих верных сынов, а я лично — моих дорогих друзей и соплавателей в среде как офицеров, так и команды.

Лично я, на другой день, на полубаркасе затонувшего «Иртыша», имея на этой шлюпке одних только раненых матросов, сам был контужен и, пробыв год в японском плену, вернулся в Россию после подписания мира.

Капитан 2-го ранга **В. П. Родзянко**

Светлой памяти Великого Князя Константина Константиновича

Посвящается Ее Высочеству Княжне Вере Константиновне.

Много, в свое время, писалось и в Российской Империи, и здесь, за рубежом, как о личности Великого Князя Константина Константиновича, так и о его большой и многогранной деятельности на пользу Родины и русского народа, который он так горячо любил.

Где бы Великий Князь ни появлялся, за что бы ни брался — все процветало и шло вперед к общему благу. Он — Президент Академии аук — и в первое же десятилетие открыты новые пути, знание науки и литературы для Родины и народа подняты на большую высоту; Великий Князь — Главный Начальник а затем Генерал-Инспектор Военно-учебных заведений — и наступает перелом, давно желательный и необходимый в военных школах, в области воспитательной и образовательной; поэт К. Р. — яркий представитель Пушкинской школы чистого искусства, лирик чистой воды, ставил творчество свое выше всего в жизни. По натуре своей, Великий Князь всегда был равнодушен к власти, силе, золоту и роскоши; звуки его песен не заглохли, не умерли, они достигли человеческих сердец, и этим он, как поэт, заслужил доверие и любовь русского народа.

А личность Великого Князя: скромный, простосердечный, простой в обращении, доброжелательный ко всем людям, независимо от их положения, но особенно близкий к бедным, угнетенным и страдающим, что у него отражалось и в лирике и в жизни. Вот об этом последнем я и хочу написать в моей небольшой и, может быть, слабо отражающей большую христианскую любовь покойного Великого Князя, статье.

. . . .

1913 год. Я откомандирован из Перми с пушечных заводов, по служебным делам, в Петербург на 8-9 месяцев. По причине моего слабого здоровья и неподходящего петербургского климата, я, по указанию врачей, поселился в так называемой Новой Деревне, что против Каменного Острова, а на этом последнем, во время прогулок, я увидел среди парка прекрасное здание, в котором помещался Агрономический Институт, находившийся в ведении Главного Управления Землеустройства и Земледелия. Увидев на программах интересующий меня предмет — биологию, — которую читал там молодой талантливый профессор Полянский, я зашел в канцелярию и представился Директору Института проф. Н. И. Каракаш, который просмотрев мои документы, предложил мне, хотя бы на 9 месяцев, зачислиться действительным студентом Института, что я и сделал.

Кроме биологии, я взял еще зоологию, которую читал тогда известный професор Шмидт, систематику растений (проф. Генкель) и физику, хотя она у меня и была сдана ранее, но ее здесь читал крупнейший профессор Томсон.

Скоро по вступлении в Институт, меня вызвал в кабинет проф. Каракаш и представил присутствовавшему там чиновнику особых поручений при Главном Упр. Земледелия и Землеустройства Томскому. Последний просил меня уделить воскресные дни от 12 до 5-6 вечера для посещения с подростками различных петербургских музеев и чтения им там популярных лекций или проведения бесед. Собирается эта молодежь обоих полов в манеже Мраморного Дворца, где, в этот день, их кормят, а нуждающимся выдается одежда, белье и обувь. После завтрака, священник беседует с ними на религиозные темы, а затем, разбившись на отряды, по 100-150 человек в каждом (отряды назывались «флаги») они едут в тот или иной музей и руководитель «Флага» с двумя или тремя помощниками дает им объяснения в музее, проводит беседу или читает популярную лекцию. Дети набирались преимущественно из бедных семейств и все расходы по этому делу производились за счет Великого Князя, который сам часто появлялся или в музее, где был какой-нибудь «Флаг», или в самом манеже. Помогала ему, насколько я помню, покойная ныне, княгиня С. А. Шаховская, жена его адъютанта. Часто сам Великий Князь беседовал с тем или другим или с целой группой подростков и, как я узнал впоследствии, где оказывалась нужда — появлялась щедрая помощь Великого Князя.

По мере прохождения этих собраний и экскурсий, Великий Князь и руководители присматривались к посещавшей их молодежи и ежегодно, человек 60 лучших выбирались для поступления в среднее Сельско-Хозяйственное училище, выпускавшее агрономов и, полностью, содержавшееся на средства супруги Великого Князя Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны.

Все время моей командировки в Петербург, я был руководителем «Синего Флага» и, кроме того, по приглашению Великой Княгини, вечерами, преподавал в ее Сельско-Хозяйственом училище геометрию, алгебру и физику. Ребята, в возрасте 16, 17 и 18 лет, работая днем для по-

мощи семье, вечерами учились в этом училище и как прекрасно учились! Жадно ловили все, что им выкладывал учитель, и вполне сознательно усваивали преподаваемое.

Хочу еще рассказать о двух беседах моих, в которых я лично хорошо познакомился с Великим Князем. Читал я популярную лекцию о рациональной крестьянской избе, которая тут же в музее (это было в Сельско-Хозяйственном музее, что на Мойке) стояла в натуральную величину, но разрезанная пополам, чтобы можно было видеть все части строения. Во время чтения, вошел Великий Князь с петербургским Городским Головой. От неожиданности или от некоторого испуга у меня упал голос, но, подошедший ко мне чиновник Томский, успокоил меня, и я благополучно, достаточно звучным голосом, закончил лекцию и был представлен Великому Князю. Расспросив меня о моих родителях, о полученном мною образовании, Великий Князь пригласил меня на вечерню в Мраморный Дворец и потом на чашку чая.

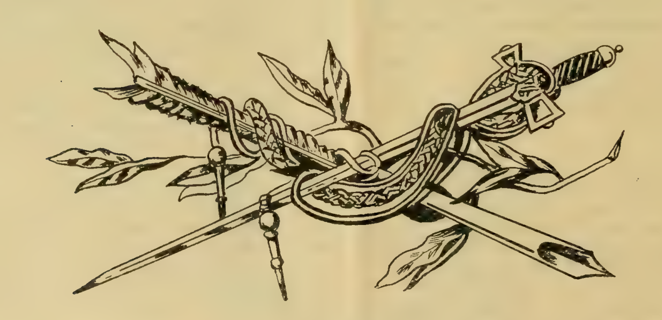
В церкви была Великая Княгиня, Князь Олег и Княжна Вера Константиновна. Я читал на клиросе стихиры на «Господи воззвах». За этим чаем Великая Княгиня и пригласила меня взять, хотя бы на зиму, уроки математики и физики в ее Училище, а Великий Князь, на этот раз расспрашивал меня о моем родном городе Златоусте, об изготовлении там холодного оружия и о прочем, сего касающемся.

В другой раз Великий Князь прочел свою элегию «Ореанда», там были развалины сгоревшего в 1881 году дворца его отца Великого Князя Генерал-Адмирала Константина Николаевича. Немного позднее, я бывал на этих развалинах и всегда вспоминал, как с грустью читал Великий Князь:

«А ныне я брожу среди развалин,
Обрушился балкон, фонтан разбит,
Обломками пол каменный завален,
Побеги роз мне преградили путь!
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновалась грудь».

В этом кратком очерке мне хотелось бы только подчеркнуть особенную любовь Великого Князя к бедному люду. Я повторяю — много и везде написано об этом незаурядном человеке, и пусть эти мои строки дополнят то, чего не хватало еще к описанию личности Великого Князя Константина Константиновича, и посвящая их Ее Высочеству Княжне Вере Константиновне в воспоминание большого великого благодеяния ее Царственного отца.

Протоиерей **Симеон Стариков**

Царский взвод

Военное училище волнуется. Собираются кучки юнкеров и в курилке, и в спальне, и в коридорах. О чем-же они рассуждают? Волнуются, глаза горят, видно, что-то важное случилось. В чем-же дело? — Разнесся слух, что от училища должен быть наряжен один взвод, при офицере, для несения караульной службы в Московском Кремле, во время торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых, на которых будет присутствовать Государь Император со своей семьей. — Каждому хочется попасть в «Царский взвод»...

Наконец пришло приказание: от Училища нарядить один взвод в 50 человек, 3 портупей-юнкера при караульном начальнике офицере. В один прекрасный день, приказано построиться 1-й и 2-й ротам. Волнение юнкеров неописуемо, каждому лестно быть выбранным... Приходит комиссия — Начальник училища, батальонный командир, все ротные командиры и кое-кто из младших офицеров. Выбрать 50 человек и, на всякий случай, двух-трех запасных немалая задача. Выбираются наиболее рослые, по возможности, красивые и, конечно, лучшие строевики. Нельзя ударить в грязь лицом перед Государем.

Выбор сделан. Много разочарования и огорчения у не попавших в «Царский взвод». Начинается подготовка к караулу, пригонка нового обмундирования, усиленные строевые занятия. Хотя и так мы были достаточно вымуштрованы, но оказалось — мало. Нелегко было Царскому взводу выдержать эту усиленную муштру, но старались — «Честь-то какая! Охранять Государя!»

В назначенный день взвод, принявши знамя, с оркестром музыки идет в Большой Николаевский дворец, на смену караула. Нам пришлось сменять караул от 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Не буду описывать караул гренадер. Это была истинная выставка мужской красоты и силы. Сплошь — богатыри-красавцы... Наш караул был, по виду, скромнее, но превосходил выправкой и отчетливостью.

Приняли караул. Заняли посты. В караульном помещении сидели в креслах, не выпуская из рук винтовок, так часто вызывали караул «в ружье» для отдания чести приезжавшим Особам Царской Фамилии и различному начальству. Через некоторое время после смены караула, вдруг, в караульное помещение вбегает маленький Цесаревич Алексей Николаевич. Команда — «Караул в ружье! Стройся! Слушай на-краул!» «Здорово, молодцы!» — детским голосом здоровается Наследник. «Здравия желаем Ваше Императорское Высочество». Ответ вполголоса — во дворце во весь голос отвечать было нельзя. В этот момент, приоткрывается дверь и чья-то властная рука утягивает Наследника в ту комнату, из которой он выбежал. Через короткое время, Наследник опять входит. Снова «Караул в ружье!» и т. д. и только Царевич собрался поздороваться, как в помещение входит сам Государь. Берет Наследника за руку и деланно сердитым голосом говорит ему: «Я тебе, Алексей, запретил входить сюда, иди в комнату, я с тобой там поговорю...» Как ни старался Государь сделать сердитое лицо и страшные глаза, любовь и ласка светилась в его серо-голубых глазах. Видно было, как сильно он любил своего сына. «А вы, — обратился он к караульному начальнику, — не вызывайте больше ему караула в ружье». Положение караульного начальника оказалось щекотливое — с одной стороны — Устав, с другой — приказание Государя. Больше за эти сутки, Цесаревич к нам не приходил. Очевидно, хорошо за ним следили.

Довольствие нам, во время караула, отпускалось от Дворцового Ведомства. Лакеи в придворных ливреях приносили нам обед, ужин, чай, завтрак. Когда же была сделана попытка подать нам водки и вина, то и караульный начальник и все юнкера категорически отказались от спиртного, и сконфуженный лакей поспешил скрыться с подносом, на котором стояли различные бутылки. Как это так — в карауле пить? Обычно, за один только запах вина у юнкера следовало строгое наказание, включительно до перевода в 3-й разряд, а тут, в карауле, да еще в каком!!! Конечно, нечего и думать пить.

На следующий день после смены, юнкера очень довольные, что все прошло так хорошо, возвратились в стены училища. Расспросов, рассказов было много, и еще несколько дней спустя, кое-кто из бывших в карауле делился с товарищами своими переживаниями и кое-кто тем, что он видел во дворце.

Н. Е. Взоров

Члены полковой семьи

(Окончание)

4. **Темир-Хан-Шура.** — Теперь некоторые не смогут даже выговорить это название, а оно очень простого происхождения: Шура-Озень — это горная речушка, на которой стоял аул, построенный ханом Темиром. В 1834 г., по приказу ген. Ермолова (вернее, согласно его плану — постройки ряда крепостей для защиты береговой полосы от набегов горцев воинствующего мюридизма), генералом Клюге фон-Клюгенау, командовавшим тогда действующим отрядом, аул этот был перемещен на другое место, а на его месте, на возвышенности была построена крепость со слободкой, разросшейся потом в городок.

Так вот, этот городок трудно было себе представить без его родного полка, Дагестанского конного, который комплектовался добровольцами-горцами всех округов Дагестана. Каждый горец, кое-как окончивший реальное училище в Темир-Хан-Шуре или в Ставрополе, мечтал, пройдя военное училище, выйти в Дагестанский конный полк, появиться в своем родном ауле в красочной форме с офицерскими погонами, с богатым оружием и быть предметом зависти и разговоров, в городе же, в свободное от занятий время, торчать на бульваре и гипнотизировать проходящих женщин, главным образом гимназисток. Но это не мешало им быть доблестными русскими офицерами и проливать кровь свою за Россию.

Одной из красочных фигур моего времени был ротмистр Алтай Нахибашев, про которого ходило много анекдотов и который, оставшись в Дагестане, не уцелел и погиб в застенках НКВД во время чистки по делу Тухачевского. Высокий, гибкий, настоящий аварец, он, хотя и с трудом, основательно проходя курс по два года в каждом классе, кончил, наконец, реальное училище. Про него рассказывали такой анекдот: на выпускном экзамене, отчаявшись получить от него какой-нибудь положительный ответ, один из преподавателей, указывая на висевший в углу образ Св. Иоанна, сказал: «Вы, хотя и мусульманин, но пробыли столько лет в этих стенах и, может быть, знаете, кто изображен там в углу?» Нахибашев замялся и, слыша сзади подсказку — «Иоанн...», ляпнул — «Иоанн Грозный».

Бывали случаи, когда кончавшего реальное училище горца, после долгосидения, догонял его собственный сын, поступивший в приготовительный класс.

Дагестанский конный полк был красив только в конном строю, в пешем же сильно проигрывал. Когда приказом по гарнизону, — а в гарнизон входили пехотный полк (сперва Апшеронский, а потом Ново-Баязетский) и три батареи артилл. бригады, — назначался парад и от Дагестанского полка назначался один пеший взвод, то это обстоятельство порождало в полку много неприятностей. Картина: врывается в полковую канцелярию ротмистр Алтай Нахибашев и говорит взволнованно адъютанту полка:

«Слушай, почему ты меня без кинжала режешь? Почему ты назначаешь пеший взвод от моего эскадрона? Разве ты не знаешь, что они не могут ходить в ногу?»

«Не волнуйся, Алтай», — отвечает адъютант: «никто у нас в полку не умеет ходить в ногу, но все равно надо назначить, раз приказ. «Аллах не выдаст, свинья не съест», — говорит пословица, — «все пройдет благополучно, и ты поставишь мне бутылку кумторкалинского вина».

День парада. Начальник дивизии человек новый и очень требовательный. Нахибашев стоит в свите Начальника дивизии сзади и, когда мимо проходит его взвод в болтающихся черкесках и не в ногу, он в ужасе закрывает глаза, но... чудо, слышит: «спасибо дагестанцы» и в ответ громко на всех наречиях гор несется что-то вроде «хала-бала».

«Не понимаю, говорит он адъютанту: «почему он похвалил взвод?»

«Ведь я тебе говорил, Алтай, что все будет хорошо. Ну идем пить твое вино», отвечает адъютант.

Но вот совсем другая картина: несется пронзительный звук зурны. Весь полк в конном строю проходит нарочно чрез город. Впереди командир полка со штандартом и хором трубачей, но последние молчат, дав место национальным инструментам. Зурначей два — один, сидя как-то боком, бьет в барабан, а другой зурнач, надув щеки до отказу, дует во всю мочь, вызывая зависть у бегущих, как всегда, сбоку мальчишек. Все жители бросают работу и спешат посмотреть на свой полк. Даже женская гимназия, не говоря о реальном училище, иногда прекращает занятия, чтобы полюбоваться своими знакомыми и родственниками. Здесь критика уже бессильна. Эскадроны все различной масти. Командиры их каждый в своем роде. Рыжий Бутаев едет мрачно, с восточным равнодушием, Нахибашев, наоборот, кра-

суется перед толпой, горяча коня и принимая на себя восхищение зрителей.

Вечером, в дни праздников, перед казармами полка на утоптанной площадке кружок всадников и лезгинка.

Я, как Гоголь, спрошу у вас: «Знаете ли вы что такое настоящая лезгинка?» И отвечу: «Нет, господа, вы не знаете». То, что вы видите часто на балах, вечерах и в балетах, это не есть настоящая народная горская лезгинка. В ней много трюков, цирковщины, но нет чувства поэзии. В Дагестане она родилась и в различных округах танцуется несколько различно в зависимости от темпа барабана. Лезгинок в Дагестане насчитывается более 20-ти. Есть аварская лезгинка, есть андийская, даргинская, казикумухская и пр. Когда выступает горец танцевать, то сразу говорят, какого он аула. Особенно интересно, когда танцует пожилой лезгин — у него нет резких движений, он всегда спокоен, полон достоинства. Выходя на площадку, он садится на землю, снимает чувяки и танцует в кожаных чулках. Без партнерши-дамы лезгинка не полна, так как в танце инсценируется вся история любви, ухаживания, уклонения и похищения. В настоящей лезгинке нет ненужного бряцания оружием, нет рамахивания кинжалами; только, когда танцует одиночка, кинжалы втыкаются в землю и танцор ловко на носках лавирует между ними. Я помню раз в одной семье офицера-мусульманина девочка лет 5-6 упросила маму устроить ей русскую елку. Мать, конечно, исполнила желание крошки и пригласила других детей. Первое, что пришло девочке в голову — это протанцевать лезгинку. Импровизированная музыка, хлопание в ладоши, и девочка-клопик в своей национальной горской одежде, длинном платьице, чарде, закрывающей личико до половины, стала танцевать. Ее никто никогда не учил, но она танцевала, как взрослая. Ее глазенки-черешенки блестели от удовольствия, маленькие ножки едва касались пола, она плыла. Вся эта грация и умение пришли стихийно от природы ее гор. Чтобы уметь танцевать лезгинку, надо родиться в горах, всосать их воздух и уметь карабкаться по уступам над пропастью. То, что мы привыкли видеть — это пародия. Каждый из кавказских народов переделал лезгинку на свой лад, но это не та, что родилась в Дагестане. Теперь, пожалуй, и там она исчезла, а если и есть, то это не то. Дух убит и своеобразный быт горцев безвозвратно уничтожен советским режимом.

Горец, по привычке, любит гарцевать на коне и горячить его зря, чтобы привлечь на себя внимание. С этим офицеры полка всегда боролись, особенно офицеры, переведенные из регулярной кавалерии, а их было немало. Больно кавалеристу смотреть, как дагестанский всадник скачет по булыжной мостовой, нахлестывая коня. Однажды мимо группы офицеров, сидевших под чинарами на бульваре, ехал шагом всадник Дагестанского полка. Один офицер, недавно переведенный из какого-то гусарского полка, пораженный необыкновенным зрелищем, воскликнул: «Первый раз вижу нашего всадника, едущего шагом. Стой, иди сюда, молодец. Какого эскадрона? На тебе рубль, ступай, молодец». — «Ай, спасибо», сказал всадник и, повернув круто коня, взмахнул нагайкой и с места пошел галопом по камням, подымая огненные брызги копытами коня... — «Стой, стой с... с..., давай рубль обратно», кричит корнет... но было поздно.

Офицеры-мусульмане Дагестанского полка очень чтили наши православные праздники, и елка на наше Рождество была почти в каждом мусульманском доме, что было вполне естественно, так как этот обычай приемлем для детей всех народов и религий. Пасха особенно радовала наших кунаков, ибо им нравилась наша торжественная служба, много офицеров-мусульман присутствовали на заутрени и шли потом разговляться с нами. Что им нравилось — это обычай христосоваться, и тот же Алтай Нахибашев по нескольку раз заходил в тот же дом и христосовался, начиная с денщика и горничной. Этот праздник дружно справлялся всем населением Темир-Хан-Шуры.

Относительно пребывания Дагестанского конного полка на фронте во время I-й мировой войны сложилось немало рассказов иногда фантастического характера. Привожу три из них, взятых мною из неизданных записок недавно умершего офицера этого полка.

Галиция. Эскадрон находится в боевой линии в окопах. Идет общее отступление. Всадники приносят на бурках в лес для погребения только что убитых двух своих. Спешно вызван мулла, для совершения обряда погребения, но его долго нет, уехал хоронить других. Бросить убитых — позор для мусульман, а время не терпит. В том же лесу православный священник-иеромонах наспех отпевает убитых русских солдат. Дагестанский офицер, обращаясь к священнику, спрашивает его, может ли он прочесть молитву над убитыми мусульманами. «Отчего же, ведь Бог один для всех, спросите ваших людей». — Офицер передал слова священника своим всадникам. Всадники, посоветовавшись, ответили: «Ну что же, раз русский мулла сказал, что можно, то пусть читает молитву над нашими убитыми».

Пришел знаменитый приказ № 1-й, отменяющий чинопочитание и пр. Отдавать честь — только по желанию, а становиться во фронт — отменяется. Командир Дагестанского полка, идя по улице селения, где расквартирован его полк, встречает урядника-горца, который бря-

кает ему во фронт. Удивленный, спрашивает, почему он становится во фронт, раз был приказ, отменяющий это. Ответ: «Тебе большое уважение делаем».

Бродячая группа пропагандистов, разъезжая по фронту и разъясняя солдатам смысл революции и пользу от нее народу, посетила и расположение Дагестанского конного полка. Дежурный офицер пытался их не допустить, но командир полка приказал собрать всех свободных всадников и выстроить их на площади. Довольные агитаторы вошли в середину сидящих всадников и три часа упражнялись в красноречии перед молчаливой аудиторией. Когда же кончили, то предложили задавать вопросы. Гробовое молчание. Хитро улыбаясь, командир полка пояснил, что никто из аудитории по-русски не понимает. Сконфуженные агитаторы исчезли.

Привожу несколько куплетов песни Дагестанского полка сложенной во время I-й мировой войны:

1. Вот едут лихо Дагестанцы
На поле ужасов войны
И провожают их веселой
Любимой звуки их зурны.

2. Смелей, смелее, Дагестанцы,
На вас ведь смотрит весь Кавказ
Ведь знают вас уже австрийцы,
Вы их бивали и не раз.

3. Поля Галиции видали
Сияние алых башлыков,
И даже венгры испытали
Набеги диких удальцов.

4. Вперед, вперед, сыны Кавказа,
Покажем Русскому Царю,
Что не боялись мы ни разу
И что несем мы смерть врагу.

5. Пусть вся Россия уповает
На свой народ, а с ним на нас,
Пусть каждый всадник также знает,
Что Сам Аллах в войне за нас.

(Автор стихов известен пишущему этот очерк).

---

5. **Княжна Варвара Александровна Аргутинская-Долгорукова.**

Вроде княжны Мери из «Героя нашего времени» Лермонтова. Она была достопримечательностью не только Темир-Хан-Шуры, но всего Кавказа. Старое поколение особенно ее уважало. Я застал ее в возрасте за 60 лет, вечной барышней, совершенно седой, но более привлекательной, чем другая молодая женщина. Ее звали за глаза «вечной невестой». В молодости у нее был, говорили, неудачный роман с губернатором Дагестана, кажется князем Барятинским, но замуж почему-то она не вышла, хотя ее род был аристократическим; он образовался от слияния двух родов — Князей Долгоруковых и армянского Аргутинского. Освободитель и усмиритель горцев Дагестана, ген. князь Аргутинский, памятник которому стоял в центре г. Темир-Хан-Шуры, был ее дядей или, вообще, родственником.

У княжны Вари был свой особенный шарм, глаза ее блестели, лицо было очень моложаво и она была всегда окружена молодыми офицерами. Беда, если вновь прибывший в Шуру не представился ей, она деспотически требовала новичка к себе. Она была очень остроумна и всегда весела, но осталась навсегда старой девой. Ее знали на курортах и в Тифлисе, у Наместника она была свой человек. Что же удерживало ее в такой глуши? Вероятно воспоминания молодости. Она была живой свидетель истории Дагестанского полка, в котором служил и ее брат. Революция сразу прибила ее, и она исчезла без следа. Во всяком случае, во время хаоса и гражданской войны в Дагестане ее не было видно.

Б. М. Кузнецов

Военные училища в Сибири

(1918-1922)

(Продолжение)

ЧИТИНСКОЕ АТАМАНА СЕМЕНОВА ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Читинское Атамана Семенова военное училище было основано 14 ноября 1918 года. Описывая обстановку того времени, один из тогдашних юнкеров вспоминал: «... казенного обмундирования еще не было и мы явились в том, что носили у себя в частях или дома... пестрота одеял на кроватях и обилие «собственных вещей» разложенных у стен, без всякого порядка, дополняли впечатление табора... на первых порах жилось нам довольно скучно. Отпусков не было, занятий не производилось, и мы целыми днями сидели на кроватях или бродили по коридорам...».

Тогда, это безделье не было понятно юнкерам, они считали, что попали в военное училище, на самом же деле, в эти дни, только решалась судьба его — быть ли ему военным училищем или учебной школой для унтер-офицеров. Этим обстоятельством объясняется и то, почему училище, первое время, именовалось школой и почему оно имело все роды оружия.

Первое время кадр и юнкера размещались в помещении гостиницы «Селект», откуда, только в половине ноября, перешли в здание училища, в котором и был отдан приказ по училищу № 1 от 25 ноября 1918 года. Приказом по войскам Отдельной Восточной Сибирской Армии № 134, от 17 апреля 1919 года, Читинская Военная Школа переименована в Военное Училище. Производство первого выпуска состоялось приказом Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского Военного Округа № 141 от 1 февраля 1920 года.

Формирование происходило во время полной разрухи, — ни материальной части, ни обмундирования, ни учебных пособий не имелось. Все надо было создавать и заводить наново. Тяжелая задача была задана начальнику училищ полк. М. М. Лихачеву, помощнику его по строевой части полк. Дмитриеву, инспектору классов полк. Хилковскому, командирам пехотной роты полк. Буйвиду, сотни — полк. Кобылкину, пулеметной роты полк. Вдовенко, инженерного взвода, позднее роты, полк. Данину и другим офицерам и военным чиновникам училища. Однако, они с этой задачей справились, хромала только одна хозяйственная часть у полк. Данилина. Батарея долго меняла своих командиров — есаул Новиков, затем подполк. Перекрестов и, наконец, полк. Масюков, который и пробыл в училище до его конца.

Училищным праздником был избран день Св. Архистратига Михаила — 21 ноября.

Формирование части — нелегкая работа даже при налаженной государственной машине, при готовых кадрах, наличии интендантских и артиллерийских складов, посылке воинскими начальниками тысячных партий людей, оборудованных казармах, депо конского состава; теперь же не было ничего, кроме твердой воли начальников к осуществлению задачи, данной им приказом Атамана Семенова.

Начальником училища был назначен молодой офицер — выпуска 1912 года — полковник Михаил Михайлович Лихачев. В том, что начальником училища был назначен строевой офицер, не было никакой предвзятости, ибо, как показали иркутские события в декабре 1917 года, на опытных начальников школ прапорщиков с трехлетним опытом (например, полковник Хилковский), в случае сложной обстановки рассчитывать было трудно, поэтому выбор пал на офицера, в чьей твердости не было сомнений.

Училище было размещено в двух зданиях: Читинской учительской семинарии на Николаевской улице, где находились пехотная рота, пулеметная команда, батарея, классы, столовая, околодок, гимнастический зал, канцелярия училища, церковь, офицерское собрание. Сотня, инженерная рота и рабочая команда размещались в здании мужской гимназии на Уссурийской улице; в марте 1920 года, когда пришли каппелевцы, в нижнем этаже была размещена Челябинская кавалерийская школа до ухода на Сретенский фронт.

Трудность созидания нового, крепкого, сильного, стойкого особенно была трудной в психологическом отношении, так как это было время государственного разложения, революционного развала крайнего развития психологии вседозволенности и революционной безнаказанности преступлений, то-есть полного освобождения от основ морали и этики во время не то вооруженной интервенции иностранцев, не то просто оккупации «союзниками» нашего Дальнего Востока и Сибири, которая тяжко давила на национальное сознание, глубоко оскорбляла народную гордость превосходством вооружения

и навязыванием нам политически чуждых идеолгий и вредных настроений, выгодных интервентам.

Не менее тяжелым и трудным было психологическое состояние и представления нашей интеллигенции, которая своею молодежью комплектовала добровольческие отряды, а из них военные училища. Сто лет систематической пропаганды материалистических идей гуманизма, пацифизма, социализма, идеализированного представления демократии, как основы республики, и идеализирования республики, полное охаивание своих народных представлений и исторически создавшейся своей государственной системы.

Война шла с безбожием и марксизмом, но идейного противовеса ему не было: от коммунизма-большевизма отталкивались не по идейным убеждениям, а в силу уголовной коммунистической практики — бессудных и зверских убийств, когда расстрел был наиболее легкой формой смерти, грабежа, насилий и разрушения привычных, веками слагавшихся, форм жизни.

Добровольцы, из учащейся молодежи, зародившихся полков Сибирской армии блуждали в трех соснах, волновались и не могли найти в себе достаточно силы, не имея нужных знаний для осмысливания своего положения и места в происходящих событиях. Подпоручик 1-го выпуска И. И. Шитников — кадет иркутянин, — вспоминая в 1920 году, в Даурии, те дни и настроениия, говорил: «...не то было важно, что приходили добровольцы-студенты, гимназисты всякие и не умели даже явиться по форме, ну что возьмешь со шпака?, а было скверно, что рассуждали все неладно — мы, дескать, с братьями деремся, против трудового рабочего воюем... А я фельдфебелем в роте был, на меня косились, так что спать ложился с винтовкой, намотав ремень на руку...»

Поэтому то было важно не только собрать твердых надежных людей в отдельную воинскую часть, но и начать подготовку из них новой смены массы офицеров, редеющей с каждым днем. Установив в ноябре 1918 года двухгодичный курс обучения, основатели и руководители училища показали, что они правильно понимали задачу, стояли на верной дороге, но не считались с обстановкой, поэтому-то первые два выпуска пришлось сделать после обучения в 14 месяцев.

Состав юнкеров 1-го выпуска так описан одним из них: «...Среди всевозможных гимнастерок, френчей, бушлатов виднелись, странные в этой военной обстановке, тужурки двух-трех студентов и учащихся средне-учебных заведений... В огромном большинстве это был «тертый», боевой народ, прошедший суровую школу гражданской войны и хорошо умевший держать винтовку в руках. Среди нас были и почти мальчики и солидные отцы семейств. Много было кадет из Иркутского, Хабаровского и Сибирского корпусов... Дисциплина сразу же была установлена железная и, что важнее всего, курсовые офицеры и преподаватели стремились привить юнкерам лучшие традиции военно-учебных заведений былых времен. Большую услугу в этом отношении оказали училищу многочисленные кадеты. Они принесли с собой дисциплину и выучку и, заняв портупей-юнкерские должности, способствовали установлению того истинно-воинского духа, которым так отличалось Читинское военное училище от обычных школ прапорщиков военного времени...»

Отмена в 1915 году черты оседлости де-факто привела в училище евреев: в батарее — Гавриловича, в пехотной роте — Горбулева, в сотне — Кавалерчика, георгиевского кавалера, юнкера Иркутского военного училища, участника боев за Иркутск, в декабре 1917 года; караим Гусинский — фельдфебель 1-го выпуска, позднее в Шандуне китайской службы подполковник.

Цель формирования юнкерам представлялась так: «...Нам казалось, что мы кончили период «кустарной войны» и должны готовить себя к службе в настоящей, быть может, общерусской армии... Прибывшие добровольцы из частей создали политически монолитную массу...»

Революционные события отозвались даже на домах: здание училища было попорчено и постепенно его приводили в порядок, электричество перестало гаснуть, исправлено было отопление, оттаяли стекла в окнах.

Пестрота обмундирования была изжита после того, как училищу был передан вещевой склад читинской областной тюрьмы и, хотя не очень-то красиво, но строй получил однообразие: широкие, серого солдатского сукна, шаровары, серые фланелевые гимнастерки, солдатские сапоги, полушубки и папахи. Как ни странно, в недалекой полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, где, казалось, можно было бы купить все, что надо, на деле оказывалось или ничего, или такое, как знаменитая синяя форма из крашеной мешковины, которую после двухнедельного ношения пришлось изъять, так как она не только пачкала белье, но и вызывала накожные заболевания. Внешний вид юнкеров оставался непрезентабельным и хозяйственной части пришлось много потрудиться, пока, наконец, удалось добыть приличное обмундирование.

В преодолении этой трудности сказывалось не только налаживание хозяйства, но и понимание психологии: ген. Краснов в своих лекциях, читаных в 1918 году в Новочеркасском

военном училище, особенно подчеркнул, какое сильное психическое воздействие на войска оказывает красивая форма из хорошо сшитого материала.

В конце концов, появились хорошо сшитые и аккуратно пригнанные шинели желтого сукна и черная форма — мундиры и шаровары читинской конвойной команды, сразу сделавшие заметными на улицах Читы и других городов отпускных юнкеров читинцев.

С работой налаживался и порядок: была приведена в порядок церковь, открылся «околодок», зубоврачебный кабинет, появилась лавка для юнкеров, в гимнастическом зале были поставлены все гимнастические снаряды. По вечерам в столовой устраивали дополнительные лекции на богословские и культурно-просветительные темы. Было введено преподавание танцев. Можно сказать, что те, кто бросал нам, читинцам, пренебрежительный вопрос: «Читинское военное училище? Было такое? Ну, какое же это училище», навряд ли знали об этой трудной организационной работе, а своим тоном и и оценкой смыкались с коммунистическими агитаторами, которые до боя «станции Доно» дали юнкерам презрительную кличку — «сенькины ребята», от которых им пришлось отходить в глухую бездорожную тайгу.

В общем к 1919 году все было налажено: на батарею и сотню был получен конский состав и упряжь, получены два орудия — поршневая пушка образца 1887 года и орудие образца 1900 года. Пулеметная рота получила пулеметы Максима, Шварцлозе, Кольта, Гочкиса, легкие пулеметы Бергмана и Шоша и 8, никуда негодных, французских Сентьена.

Инженерный взвод получил полный шанцевый инструмент и на проверке бойко и бодро расчитывался на «кирко-мотыгу, лопату-топор».

В первых числах декабря начались строевые занятия на расчищенном плацу, перед боковым фасом здания училища. Одновременно начались и классные занятия, которые довольно долго велись по запискам, пока не были разысканы, дополнены по опыту войны 1914-1918 года, — все потребные учебники, наставления и уставы. Курс, при переименовании школы в училище, был расширен. Короче — за неполных три месяца — была налажена вся организация, снабжение и работа училища. Срок этот, при трудности работы, надо признать минимальным. Вскоре молодое училище стало гордостью и политическим оплотом Дальнего Востока. Теперь в училище и откомандировывались, и сами просились самые лучшие, образованные и талантливые офицеры, выковавшие из трудного, по революционным временам, человеческого материала счастливых, щеголявших выправкой, дисциплиной и лихостью юнкеров.

За выполнение этой задачи приказом № 25 от 22. I. 1919 года по войскам Отдельной Восточно-Сибирской армии полковник Лихачев был произведен в генерал-майоры.

Насколько трудной была работа по воспитанию показывает приказ № 29 от 29. I. 1919 года по Читинскому военному училищу: «...Прикомандированные для прохождения курса в батарее прапорщики Головинский, Рославлев и Жильцов за полное несоответствие разжаловываются в рядовые и откомандировываются в дисциплинарную роту О.М.О...».

Или другой случай: накануне Нового, 1919, гда патруль поручика Кузнецова, будучи в наряде, зашел обогреться во 2-ое Общественное Собрание города Читы. В Собрании находился помощник Атамана Семенова генерал Скипетров. Узнав о присутствии юнкеров, он вышел к ним, поздоровался и приказал накрыть для них стол с новогодним угощением. Когда о поведении патруля стало известно в училище, то поручик Кузнецов, ожидавший производства в штабс-капитаны, был разжалован в рядовые и направлен на службу в Особую Манчжурскую дивизию.

Были и организационные промахи: полное пренебрежение повторительным офицерским отделением, которое было необходимо для освежения военных знаний, утверждения воинского духа и дисциплины, как отдых от тяжелой фронтовой службы. Как правило, войска на фронте деградируют в военном деле, переставая выполнять уставные положения, заметно падает дисциплина и, благодаря этому, резко снижается боеспособность. Так, например, окопная война на западном фронте в 1915 году совершенно разучила немецкие войска воевать с винтовкой и Людендорфу пришлось потратить много труда, чтобы снова приучить войска к винтовке. Не было принято к выполнению и формирование общеобразовательного курса, что вдвое увеличило бы силу училища мобилизацией старших классов средне-учебных заведений и было бы видом политического заложничества: родители мобилизованных, бурча и негодуя на командование, волей или неволей тянули бы за нас в политическом отношении.

В конце мая 1919 года был произведен прием новичков на младший курс. К 15-му июня прием был закончен и в училище влилось еще 200 молодых юнкеров. Эти юнкера существенно отличались от первого набора: формы откомандированных от полков резко выделялись в массе ученических рубах молодежи, попавшей в училище прямо со школьной семьи. Это различие могло сгладиться только в хорошей бое-

вой операции, которая спаяла бы оба курса воедино. Такая операция уже назревала.

. . . .

К 15 июля выяснилось, что все было готово для перехода всей 1-ой Забайкальской казачьей дивизии к красным. Дивизия стояла в станице Доно, в 84 верстах на север от железно-дорожной станции Борзя, что в случае успеха давало возможность перерезать железнодорожную линию и удерживать ее в своих руках на неделю — двадцать дней, а после вынужденного отхода привести в такое состояние, которое потребовало бы еще, по крайней мере, три недели на восстановление всех разрушений, то есть, практически, перерыв подвоза со всеми вытекающими отсюда последствиями.

15-го июля 1919 года 1-ый Забайкальский казачий полк 1-ой Забайкальской казачьей дивизии, стоявший в поселке Грязном, взбунтовался, перебил своих 14 офицеров и перешел к красным. Остальные полки 1-ой дивизии, стоявшие в станице Доно, также находились под влиянием красной агитации и готовились, с минуты на минуту, перейти к красным.

Спешно был сформирован отряд для исправления положения. В него вошли Читинское военное училище, рота 2-го Манджурского полка, укомплектованная мобилизованными забайкальцами-солдатами под командой капитана Арсеньева, взвод конной батареи Особой Манджурской дивизии, укомплектованной плен ными красноармейцами — пермяками под командой войского старшины Иванова и Колчинская дружина. По дороге до Борзи юнкера батареи, свободные от обслуживания орудий, были сведены в отдельный пехотный взвод. Отъезд училища из Читы был произведен в строгом секрете из опасения безудержной паники в городе. Из Борзи отряд спешно двинулся на подводах в станицу Доно, откуда начальник дивизи генерал Мациевский слал одно тревожное сообщение за другим.

На второй день отряд прошел Доно в пешем строю, с песнями, и стал на квартиры в выселках. Когда юнкера с песнями проходили Доно, то было видно, что донесения ген. Мациевского были верными: казаки 1-мй дивизии кричали проходящим юнкерам «золотопогонники», «сенькины ребята», «сволочь».

На другой день, посел обеда, из Доно приехал отряд, человек в 40 казаков 1-ой дивизии «за получением обмундирования» — это были зачинщики — коноводы, готовившие уход дивизии к красным. Их арестовали и расстреляли на глазах населения. Дивизия, лишенная заправил, стала в недоумении — что же ей делать?

19-го июля, в 2 часа ночи, наши дозоры обнаружили красную разведку. Немедленно, по тревоге, юнкера были подняты и отряд приведен в боевую готовность. Силы красных — 5 конных полков и два орудия. Красные разделились на две колонны — главную и обходную, атака должна была начаться на рассвете, по сигналу — пушечному выстрелу. Красных не смущало превосходство нашей артиллерии — около 10 орудий, они рассчитывали, что при дружной атаке к ним перекинутся остальные три полка 1-ой дивизии, хотя бы и лишившиеся своих заправил.

Перед рассветом ген. Лихачев послал связного юнкера Сороковникова на батарею, приказав не открывать огня до особого приказа, но юкер Сороковников, хотя и знал устав очень хорошо, все же решил, что он не понял, все перепутал и надо передать как раз наоборот. Поэтому, прискакав на батарею, передал капитану Бельскому, что можно открыть огонь и умчался обратно доложить, что приказание выполнено. Капитан Бельский, не спеша, подумал: «Куда же начать стрелять сначала?», затем дал направление и дистанцию и скомандовал: «Первое, огонь». В это время Сороковников примчался к штабу и доложил, что приказание исполнено. А с батареи донесся гром первого выстрела. По разборе дела, когда была выяснена история выстрела, взбешенный генерал Липачев приказал сейчас же поставить Сороковникова под шашку. Старший командир связных подвел злополучного Сороковникова к крыльцу штаба, остановил, повернул направо и скомандовал: «Шашку вон! На плечо!» И только хотел произнести последнее: «Смирно!», как на северной заставе неуверенно щелкнул выстрел, сразу заполнивший всю предутреннюю тишину тревожным ожиданием, которое мгновенно исчезло, так как в тот же миг на всех заставах на севере и востоке часто и дробно затрещала ружейная стрельба. Бой под станицей Доно начался.

Сражение было выиграно. Красные чуть не потеряли свои пушки и не решились атаковать потому, что не были уверены в настроении 1-ой Забайкальской казачьей дивизии, ставшей уступом за нашим левым флангом. В этом бою с юнкерами соперничали в доблести и мобилизованные забайкальцы роты Арсеньева, вооруженные берданками, и пленные красноармейцы — пермяки войскового старшины Иванова, и, особенно, непримиримые к красным казаки Калгинской станичной дружины.

За отступавшими красными наши двинулись вперед, а на кладбище в Доно остались белеть кресты над могилами портупей-юнкера Усова, юнкеров Николаева, Костикова, Кемриц, Калиниченко и Ананьина. Затем пошли бои под Аргунской, где были убиты Перфильев и Кузменко, под Колочи, под Шаки, Нерчинским Заводом и, наконец, трехдневный бой, 28. 9. — 1. 10. 1919 года под Богдатской, где красные

были разгромлены. Одних только командиров красных полков было убито из пяти — четыре. Училище потеряла убитыми Ушакова, Калашникова и Комогорцева. После боя у Богдатской 3 000 красных, еще уцелевших, прорвали наше кольцо и ушли с энергией отчаяния, решив или погибнуть или прорваться. Но практически, как боевая сила, они перестали существовать. Часть из них ушла на север, таежными тропами на Алашары, по реке Уров, в глухую и голодную тайгу, большая же часть перешла Аргунь и расположилась по глухим китайским заимкам. Китайские власти их не преследовали и не разоружали — из ненависти к японцам. После боя у Богдатской, училищу уже нечего было делать в Восточном Забайкалье и его вернули обратно в Читу — до Сретенска походным порядком, а оттуда по железной дороге.

Приход училища был красочным: выгрузившись на станции Чита 2-ая, юнкера строем вышли на Атаманскую площадь, где был парад, награждение отличившихся; затем, после церемониального марша, они вернулись в здание училища, где дамский комитет уже приготовил в корридоре и на поверечной площадке обильное угощение. После этого юнкера были отпущены в отпуск. В этот день они были почетными гостями всех ресторанов, кондитерских и кино: их всюду приветствовали, угощали и нигде не хотели брать ни копейки. Город радостно приветствовал своих родных героев.

В январе 1920 года начался 3-ий прием юнкеров. Теперь в училище стали собираться те, кто уцелел от разных катастроф: три-четыре оренбурца, из Фугдина портупей-юнкер Игорь Чеславский вывел 12 юнкеров Хабаровского училища, из Владивостока приехал почти весь выпуск 1919 года (все кадетские корпуса в Сибири начали заниматься с 1-м классом сразу же по окончании 1918-1919 учебного года для того, чтобы дать ускоренный выпуск к новому 1920 году). Во главе омичей был их корпусный фельдфебель Потанин. Но дальше — новичков не было и поэтому из полков откомандировывали всех подходящих. Пониженный образовательный ценз потребовал организации общеобразовательного курса, на котором вначале было более 50 юнкеров, но затем число это быстро съехало до 30.

Новички попадали сначала в команду «вновь прибывающих» юнкеров, которую разместили в актовом зале, поставив там временно громадные во всю длину зала нары; старшим команды был назначен портупей-юнкер Зимин. Когда 1-го февраля 1920 года был проведен 1-ый выпуск молодых подпоручиков и новички были отправлены по своим ротам, — это вызвало среди них неописуемую радость: в громадном двухсветном зале был собачий холод.

Через неделю начались занятия. Если обычные лекции шли своим порядком, то к программе общеобразовательного курса не нашли правильного подхода: вместо двух-трех офицеров, которые вели бы дело, его поручили двум преподавателям из женской гимназии, которые у юнкеров не пользовались никаким авторитетом, не смогли заинтересовать их, смотрели на преподавание, как на сине куру, получили прозвища Кутейкина и Цифиркина, на занятиях занимались только рассказами о гимназистках. Выходило, что к преподаванию, кроме жалования, привлекла их главным образом помпа: громовая команда старшего юнкера Зуева — «Встать! Смирно!», а затем рапорт дежурного.

Но нормальные занятия все же не налаживались: едва схлынули наглые чешские интервенты, как за ними сразу же подошла Народная Революционная Армия только что нарезанной Ульяновым-Лениным Дальне-Восточной республики. В конце марта 1920 года был сдан Верхнеудинск и красные пошли на Читу. Училищу была дана боевая задача оборонять город с юга. 25 марта училище выступает на свой второй фронт — Ингодинский.

Погрузившись в эшелон в 16 часов, в 18 двинулись в путь и вскоре прибыли на разъезд Дровяной, где до утра нам пришлось мерзнуть в холодных вагонах, так как в них печей не было. В 8 часов 26-го марта выгрузились из вагонов и пошли походным порядком, на подводах, по маршруту: Татаурово - Черемхово - Кадахта - Блатуканы - Гарцакан - Николаевское - Танга - Ново Салия. Уже через два дня в Кадахте встретили красных партизан. 3-го апреля бегущие партизаны, получив подкрепление со станции Хилок, дивизион 5-го кавалерийского красного полка, пытались выбить налетом из Новой Салии стоявший там дивизион 1-го конного Атамана Семенова полка, но были отбиты. На следующий день, 5-го апреля, к красным подошли новые части: 13-ый и 14-ый Иркутские советские полки и весь 5-ый кавалерийский. Училищу, с приданной ему ротой 1-го Манджурского полка, — около 70 штыков и 1-ым конным Атамана Семенова полком, пришлось отойти. Не так были сильны красные, как у нашего командования, не хватало воинского дерзания, не было умения использовать свое преимущество в артиллерии. Не так уж и было страшно кольцо красных, которое уже готово было сомкнуться. В этом бою училище потеряло четырех убитых: хорунжего Нескусил, юнкеров Турчина, Дамаскина и Ефремова. Наш отход продолжался до пос. Кадахта, куда подошло подкрепление: батальон японцев с бомбометами. Красные, подтянув к себе 1-ый и 2-ой Чикойские добровольческие

полки, теперь силою в 4 пехотных и один кавалерийский полк, атаковали 10-го апреля, но были отбиты, и на их плечах училище двинулось вперед и захватило пос. Больэой, в котором простояло до 12-го. Японцы после боя у Кадахты двинулись сами в другом направлении, попали в тайгу, были окружены и в упорном бою уничтожены до последнего.

Обнаруженное движение красных, стремившихся отрезать училище, вызвало необходимость отхода на Кадахту - Черемхово - Татаурово и через, тяжко проходимый весной, Оленгуйский хребет на пос. Верхне Нарымский, по ненадежному льду на левый берег Ингоды. Здесь училище, считавшееся погибшим, получило приказ о возвращении в Читу, и двинулось через поселок Елисаветинский-Александровский на станцию Кручину. 22-го апреля училище вернулось обратно и после недельного отдыха продолжало учебную, строевую и гарнизонную службу.

Жизнь стала входить в свою колею. На Пасху под Читой красные были разбиты на голову, главным образом благодаря стойкости и выдержке японских частей. Фронт отодвинулся к станции Могзон, и в темные ночи из окон верхнего этажа были видны зарницы артиллерийской стрельбы. Начались налеты красных самолетов. Первый сбросил две бомбы — одну у вокзала, другую на Атаманской площади. Первый раз это прошло для него безнаказанно, к другим налетам уже подготовились: на плацу поставили подвижную раму, на раму поставили орудие, в стороне подготовили яму для зенитной стрельбы пулеметом. После этого красные самолеты встречались орудийным и пулеметным огнем; впрочем, это продолжалось не долго; произошла очень странная вещь — по требованию японцев с красными было заключено перемирие.

В эти дни училище достигло вершины своего развития: почти 600 юнкеров в строю, батарея развернулась в дивизион, одной батареей командовал полк. Бельский, второй — полк. Иванов, так лихо громивший красных из своей французской пушки под Тангой и Кадахтой, командиром дивизиона стал командир батареи полк. Масюков. Из 1-го Сибирского кадетского корпуса приехало на летние каникулы 60 кадет. Их направили в училище. Наличие в их среде многих музыкантов дало возможность производить вечернюю поверку с зарей. Однако, кадетам суровая училищная дисциплина скоро наскучила и они, пробыв в училище около месяца, перекочевали на бронепоезда. Летняя форма, новая, щеголеватая выгодно выделяла строй. Юнкера, не имевшие шинелей, к летней форме получили короткие кавалерийские коричневые американские шинели.

В середине лета, как-то неожиданно, начальник училища ген. Лихачев был заменен генералом Тирбахом. Тем самым Тирбахом, чьим именем красные пугали своих детей. Генерал Тирбах оказался чрезвычайно заботливым начальников и сразу же подтянул хозяйственную часть, которая у полк. Данилина хромала на все четыре ноги. Экономия на довольствии отпускных юнкеров была пресечена в корне: отпускные могли являться на обед и ужин, не являясь дежурному офицеру из отпуска. На стол подавались все порции на всех довольствующихся юнкеров. В будние дни было разрешено после поверки до 10 часов выходить в садик напротив, что привело в восхищение всех влюбленных, Одновременно был отдан приказ: «...Для уничтожения снобизма юнкеров сотенцев и артиллеристов перед юнкерами пехотинцами приказываю уборку лошадей производить самим...». Тогда еще никто не подозревал, что странная форма приказа была началом подготовки к расформированию училища, началом свертывания борьбы с красными, проводимом по настоянию японцев.

В конце июля была назначена эвакуация. Золотой запас, хранившийся в училище, был погружен ночью в багажный вагон, прицепленный в середину бронепоезда «Семеновец». Золото перевозилось на грузовиках: 10 ящиков золота, 7 юнкеров конвоя и грузовик, рыча мотором и поднимая кучу пыли, мчались к вокзалу, в поперечных улицах наши пешие и конные патрули; погрузкой распоряжался полк. Данилин. В вагоне с золотом поехали юнкера инженерной роты, пулеметная разместилась в броневых коробках, пехотная рота, батарея полк. Бельского и хозяйственная часть в другом эшелоне. Сотня и батарея полк. Иванова остались в Чите: начиналась агония училища.

Утром «Семеновец» и эшелон двинулись в путь, быстро пролетели Карымскую, знаменитую петлю у Аги, немного задержались на заставленной эшелонами 3-го корпуса и страшно загаженной станции Оловянной, переползли по восстановленному деревянному мосту через пенящийся и бешено мчавшийся по камням Онон и помчались к станции Даурия. За Ононом начиналось царство железного барона генерала Унгерн-фон-Штернберга. Это было сразу же заметно: на станциях чистота и порядок, перед последней к Даурии станцией — Шарасун, по сторонам дороги, показались разъезды Азиатской дивизии, наблюдавшие за окрестностями. 500 верст пути были проделаны и никто раньше не позаботился об охране такого важного груза.

Станция Даурия маленькая — 6 путей. На север от станции — ряды красных кирпичных казарм. На юг — маленький поселок, где периодически вспыхивали чумные заболевания: жители охотились на тарбоганов — небольших

степных зверьков ради их шкурки и ели их мясо, а тарбоганы — переносчики чумы.

Большинство казарм пустовало: на Азиатскую дивизию, 1000-1200 человек много помещений не требовалось. В казармах, стоявших по краям городка, были замурованы кирпичем все окна и двери нижнего этажа и попасть наверх можно было только по приставной лестнице. Часть крыши с них была снята и там стояли орудия образца 1877 года. На форту № 6 был верх возможной техники: крепостной прожектор; на этом форту сразу же обосновалась инженерная рота. Пулеметная рота осталась в броневых коробках бронепоезда, на ветке, проходившей посредине города и около церкви, окруженной громадными штабелями снарядных ящиков.

Порядок, чистота, дисциплина здесь были заметны в каждой мелочи. О бароне рассказывали чудеса: что он спит на досках, поставленных на два ящика с золотом, покрытых потником, с конским седлом в голове. Потом от связных, носивших пакеты барону, узнали, что это вранье: квартира у него — как квартира и кровать хорошая, даже с пружинным матрасом.

Барона боялись: юнкера Савельева, зазевавшегося с отданием чести, он отправил на губу бегом, поэтому, как только где-либо усматривали барона, так опрометью кидались в боковую коробку, закрывали дверь и через бойницы следили, куда продвигается опасность. Зимой барон не сажал на губу: арестованный, одетый в теплую доху, выпроваживался на крышу и там, особенно в пургу, судорожно цеплялся за печную трубу, чтобы не быть сдутым с 20-метровой высоты на чуть припорошенную снегом промерзшую даурскую землю. Трое суток такого сидения превращали в образцовых солдат самых распущенных и недисциплинированных людей.

В день приезда училища погода была холодная, ветреная, затем разветрилось и наступили теплые, ясные дни. Через неделю после нашего прихода Азиатская дивизия ушла в поход, — мимо бронепоезда прошли отлично одетые в зеленые рубахи и шаровары сотни. У каждого солдата за плечами по две винтовки. После ухода дивизии, пехотная рота разместилась в первой, ближней к бронепоезду, казарме, наша — в офицерском флигеле, между этой казармой и фортом № 6. После второго выпуска 11. 9. 1920 года нашу роту — юнкеров и молодых подпоручиков перевели в казарму, на второй этаж, над пехотной ротой. Это время было самым сумбурным: все время переселения, наряды в караул к золоту, в дежурство на броневую коробку. Генерал Тирбах решил, что организовать довольствие, как следует, невозможно и поэтому приказал в ротах поставить мешки с белой мукой и банки с смальцем, все с увлечением стали стряпать подобие блинов: беря, где только можно щепок, месили тесто, разводили костер и на печных вьюшках, за неимением сковородок, с увлечением пекли блины, от которых в нормальное время получили бы заворот кишек.

Выпускные экзамены и первого и второго выпуска пехотинцев, сотенцев, пулеметчиков, сапер и железнодорожников происходили без всяких приключений. Первый выпуск артиллеристов также провел без осложнений свою боевую стрельбу на прекрасном пасчанском полигоне, но у второго выпуска в Даурии на стрельбу приехал сам начальник артиллерии полк. Карамышев. На его красочной фигуре необходимо несколько задержаться. Офицер 4-ой Сибирской артиллерийской бригады, он в войну 1904-1905 года, при обороне Порт-Артура, своей стрельбой снискал у японцев такое уважение, что они ходатайствовали о награждении его орденом св. Георгия, которое было уважено, и капитан Карамышев стал георгиевским кавалером. Этот случай любопытен по рыцарскому взаимоотношению воюющих сторон в те времена. Всю 1-ую Великую войну полк. Карамышев провел с 4-ой Сибирской артиллерийской бригадой. Затем он был на Волге, дрался с красными, проделал Великий Сибирский поход и пришел к каппелевцам в Читу — место стоянки 4-ой Сибирской артиллерийской бригады. Его несколько раз производили в генералы, он он не признавал этих производств. Теперь на боевой стрельбе 2-го выпуска судьба его столкнула со своим сослуживцем по 4-ой Сибирской артиллерийской бригаде — полковником Бельским. Рознь между каппелевцами и семеновцами уже легла прочно, теперь от начальника артиллерии — каппелевца — ожидали не только строгой, придирчивой оценки стрельбы, но и возможных подвохов, тем более, что приказ о стрельбе и задачах был доставлен в училище точно в пять часов утра, ко времени выступления. На стрельбу собралось все училищное командование. Первым стрелял юнкер Вульф — в прошлом юнкер Михайловского артиллерийского училища, не закончивший его вследствие революционных событий. Как ни искал упущений полк. Карамышев, однако единственным его замечанием было указание, что наблюдатели находятся слишком близко к противнику, что было отпарировано словами полк. Бельского: «Наблюдатели находятся в пехотных цепях, как это было принято, например, в 4-й Сибирской артиллерийской бригаде во время Великой войны, что показало себя крайне полезным, и именно этот метод применялся при обучении в Читинском военном училище».

1-го октября 1920 года Читинское Атамана Семнова военное училище было расформиро-

вано. Оставшиеся юнкера были зачислены в Отдельный Стрелковый личного конвоя Атамана Семенова дивизион. В этом дивизионе уцелевшие от эвакуаций и оставшиеся в живых юнкера (дивизион сильно пострадал в десанте при взятии Владивостока 26-го мая 1921 года и позднее при стычках с хунхузами летом) — в числе 55, были произведены 8-го сентября 1921 года — младший курс в подпоручики, обще-образовательный — в прапорщики.

Приказом № 64 от 1-го октября 1920 года было расформировано военное училище, просуществовавшее 23 месяца и давшее армии 597 молодых подпоручиков и прапорщиков. То, что тогда современникам казалось простым и неизбежным, теперь, в исторической перспективе, выглядит совсем иначе; какие бы ни были тогда основания для расформирования училища, оно должно было бы быть сохранено до ухода за границу. Расформирование произошло под давлением японцев, стремившихся к свертыванию борьбы с красными. Поэтому начинался отбор наиболее верных и непримиримых. Так, в Чите было объявлено, что желающие остаться при отходе наших войск не будут преследоваться; бегство всегда начинается с задних рядов. Этим правом воспользовался, например, старший офицер пехотной роты полковник Мефодий Соловьев, в прошлом кадровый офицер 4-ой Сибирской дивизии, и десяток, не больше, юнкеров, например, пулеметчики Ждаахин и Распопин. Приказ этот был издан под сурдинку, без огласки, а потому для многих оставался неизвестным очень долгое время.

Однако, каковы бы ни были решения командования, рядовая масса бойцов не склонна считаться с ними, и она, и в других условиях, продолжает эту борьбу, выдвигая уже из своей среды новых возглавителей, новые организационные формы. Поэтому-то, после отступления за границу, именно снизу — бывшие юнкера начинают организацию общества юнкеров Читинцев. Юнкера Соловьев, Гречихин, Бентхен, Дунаев, Улыбин, Корякин, Базанов, Васильев, Шнайдер ведут это дело — издают журнал «Подчасок», а позднее бюллетень «Читинец».

Подводя итог, все же нельзя сказать, что вся работа шла без сучка и без задоринки: время и события на все накладывали свой отпечаток. Теневые стороны, оборотная сторона медали, благодаря времени, выступили особенно ярко и выпукло. Распущенность, самоубийства были, если можно так выразиться, нормальными и не выходящими за пределы, даваемые общественной психологией, разница была в реакции на них: проступки, в обычное время наказуемые мягко, теперь взыскивались очень строго. Здесь играла роль память о былых методах воспитания — постановка под ружье и шашку, муштра и не всегда оправданная отправка в дисциплинарную роту. Это отметили в «Звериаде» 1-го выпуска: «Прощай начальничек ты строгий, ты генерал наш Лихачев, в дисциплинарку очень многих своих ты сплавил юнкеров».

Самоубийства или попытки к нему были не намеренными, а или бесшабашной игрой со смертью, или любовными историями. Божовский стрелялся, играя «в судьбу» — с заряженным одним патроном наганом, два раза повезло, в третий — глупый выстрел унес веселого и храброго юнкера в могилу. Юнкера Волков и Ермолаев стрелялись, имея по два патрона в револьвере, пугая барышень, отказывавших им во взаимности. Волков потерял только глаз, Ермолаев ушел из жизни. Эти случаи особенно характерны игрой с жизнью, презрением к смерти, и так сторожившей юнкеров на каждом шагу.

В военных училищах мирного времени молодым юнкерам давалось время осмотреться и решить — подходящим ли для него будет поприще офицера. Кто не выдерживал первых шагов — попадал в «декабристы» и мог до присяги, без последствий уйти из училища, почему училища не знали дезертирства. Теперь отчисление от училища могло быть или в дисциплинарку или в часть рядовым.

Однако, в гражданской войне каждый юнкер был на счету и поэтому никаких льгот не давалось. Было несколько случаев дезертирства, так летом 1920 года из инженерной роты бежал юнкер Михаил Альбрехт, был пойман, судим и оправдан, так как доказал, что бежал от притеснения фельдфебеля роты. В Уссурийский дивизион, при переброске его в Гродеково, сбежал юнкер Мамлеев. Бежал юнкер Канарский в Манчжурию, вместе с братом капитаном Канарским, получившим от хозяйственной части училища 8000 рублей золотом для закупок в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги.

Военное дело — путь славы или смерти, древние говорили: «Со щитом или на щите», указывая для воина только две возможности: или смерть, или победу. Смерть или победа добываются в бою, победа сопровождается павшими, смертью венчанными.

Краток и очень неполон был скорбный синодик Читинцев, который удалось собрать в эмиграции по памяти. Где только не вырастали безыменные могилы, не всегда даже отмеченные крестами: под станциями Яблоновой, Кручиной, Агой, Даурией, 82-м разъездом, разъездом Ольгохтой, под Падями, Рассыпной, Карантинной и Черной, в Амурской флотилии, во Владивостоке, Хабаровске, Красном Куте, на Камчатке, под Полтавкой, Монастырищами,

Верхним Спасским и самой страшной станцией Ин, где чужой негодный командир полка — Ктиторов — подвел конвойцев под расстрел. В этом побоище из 85 убитых — 20 читинцев, легших на опушке Инского леса, да так и застывших с винтовками в руках, с лицом, обращенным к врагу, оправдывая замечание, что «русского мало убить, его надо еще и повалить».

События не дали возможности читинцам дойти в России до штаб-офицерских чинов, но они дошли до этих чинов в китайской армии, когда дрались в шандунских частях против красных китайцев Чан-кай-ши. Из 29 юнкеров и двух из кадра училища оказались полковником один — Репчанский — артиллерист 2-го выпуска, 2 подполковника, 6 майоров, а остальные капитаны и поручики. Четверо смертью венчаны: капитан Грищев, капитан Ипатов, поручик Зыков и подпоручик Григорьев. Где только можно читинцы идут в бой против советской оккупационной власти России. Во время 2-ой Мировой войны против красных в рядах Русского корпуса в Босне участвуют два читинца, один из них — поручик Чеславский смертью венчан в бою под Травником в феврале 1945 года.

Немного военных училищ может отметить такое число убитых из кадра, как Читинское военное училище: — убит начальник училища генерал Тирбх в 1945 году, в 1946 рсстрелян на Китайско-Восточной железной дороге преподаватель артиллерии генерал Воскресенский, в бою под Монастырищами убит командир пехотной роты полковник Буйвид.

В безнадежной партизанской войне в пределах СССР смертью венчаны командир сотни полковник Иннокентий Васильевич Кобылкин, три курсовых офицера сотни: войсковой старшина Маньков и есаулы: Марков и Войлошников; легли в партизанских отрядах хорунжие Тонких и Швалов, подпоручики Коноплев и Сергиенко, сотник Макаров, есаул Маньков, юнкер Макаров.

Эти отрывочные и неполные сведения показывают, что работа училища была правильной и доброе семя пало на добрую почву: юнкера читинцы были готовы биться за Россию всегда и везде — до победы, или же принять смерть в бою.

. . . .

Сведения даны командиром батареи училища полковником В. Я. Бельским, материалы: журналы, «Подчасок» и бюллетень «Читинец» предоставлены подпоручиком 1-го выпуска Л. П. Бентхеным и дополнены другими юнкерами читинцами.

А. Еленевский

(Продолжение следует).

К А Л У Ш

(15-17 февраля 1915 г.).

«Только одни ошибки свои вспоминаешь с удовольствием».
Оскар Уайльд.

Вместо предисловия.

О бое у Калуща мне уже случалось писать в чехословацком военном журнале «Vojenské Rozhledy» — в каком году не помню, — но статья эта погибла для меня безвозвратно. Тогда одна из моих фраз задела полковника ген. штаба Бартоша, командовавшего, в чине оберлейтенанта, конной батареей в составе той австро-венгерской кавалерийской дивизии, которая была нашим противником на южном берегу реки Ломницы. Он ответил статьей же, некоторые данные которой я повторю в настоящей статье. Таким образом эта моя статья не является простым переводом упомянутой чешской, но заново написана по воспоминаниям о самом бое, остающимся живым в моей памяти, со включением в нее части данных из статьи полковника Бартоша.

Интересно — быть может не только для меня, — что участники этого боя, артиллеристы обоих сторон, оказались довольно скоро сослуживцами в будущей чехо-словацкой армии.

Общая обстановка.

В конце января-начале февраля 1915 года австро - венгерская армия генерала барона Пфланцер-Балтина оттеснила южный фланг армий нашего Юго-Западного фронта с Карпат, вторглась в Галицию и двигаясь на север и на восток, перерезывала тылы наших армий. Создавалось очень опасное положение, а резервов для парирования удара не было; их можно был создать лишь снятием частей со спокойных фронтов. На передвижение их в Южную Галицию требовалось много времени, но, к счастью, «война не скорый поезд» (словацкое выражение из 2-ой мировой войны), и части не опоздали.

Одна из таких мер коснулась и нас: XI армейский корпус был снят с Дунайца и двинут на юг. Его 32-ая пехотная дивизия, занимавшая на Дунайце 25-верстный участок между шоссе Тарнов-Краков и р. Вислой, была сменена в ночь с 5-го на 6-ое февраля двумя полками 5-й пех. дивизии с одним дивизионом артиллерии и 6-го февраля начала поход — пехота — по жел. дороге, артиллерия — походным порядком.

Мы шли по шоссе Ясло-Красно и далее, вдоль Карпат, а когда достигли города Санок, поезда были уже свободны. И вот, в ночь с 10-го на 11-ое февраля, во время метели, мы погрузились в вагоны и утром 11-го февраля высадились в городе Долина.

Обстановка перед началом операций

В Долине мы пробыли три дня, но из-за продолжавшейся метели самого города не видели и о нем у меня не осталось никаких воспоминаний. Можно предположить, что метель остановила и армию Пфланцер-Балтина, которая вообще шла вперед черепашьим шагом и тем лишала операцию решающего значения.

Если в Долине мы были лишены возможности ознакомиться с городом, зато ознакомились с положением на нашем новом фронте. Оно было довольно необыкновенным: фронт представлял собой как бы бездонное ведро, западную сторону которого представлял собой наш XXII А. К., а восточную — Пфланцер-Балтин, и оба противника смотрели в одну и ту же сторону — на запад.

Нашей задачей было наступать в сторону собственного отечества и создать русскую восточную сторону ведра вдоль верхнего течения реки Ломницы. В районе города Калуща сдерживала продвижение австрийцев на север Уссурийская конная дивизия (генерал-майор Крымов). Еще далее на восток и юго-восток сосредоточивался XXVIII А. К. (ген.-от-инф. Зайончковский). Что было далее на юго-восток — не помню (кажется XXX А. К.).

13-го февраля метель утихла. Мы получили приказание перейти в Струтын Вышний. Приказание это вызвало одно приятное и одно неприятное чувство. Приятное — маленький переход, неприятное — приближается момент, когда в долине Ломницы мы станем мишенью австрийской артиллерии. Дело в том, что эта долина настолько широка, что батареи не могли бы занять позиции за холмами на ее западной стороне, но должны были бы спуститься в ровную, как стол, долину, где не могло быть никакой маски перед горами восточного берега реки. Австрийцы должны были бы видеть нас, как на ладони, и расстрелять нас даже раньше, чем мы «открыли бы рот».

В принятии на себя этого огня и заключалась бы вся наша «помощь» пехоте. Однако, помощь столь косвенная и пассивная не входит в задачу артиллерии. В те времена общевойсковые начальники задачами артиллерии интересовались мало, а более полагались на пехоту.

Итак, 14-го февраля я поехал вперед в Струтын Вышний в качестве квартирьера и торопился, чтобы обеспечить себе время на осмотр и разделение села перед прибытием дивизиона, который должен был выступить непосредственно за мной.

Отвлекусь на минуту в сторону и приведу одну подробность нашей жизни на войне, которая потом имела решающее значение на мою деятельность. В те времена офицеры нашей бригады питались отдельно от солдат и потому во время похода не ели ничего целый день. Затем, по прибытии к месту назначения, им нужно было запастись терпением и ждать, пока офицерский повар (в каждой батарее) не приготовит ужин. При этом довольно часто случалось, что желание уснуть было сильнее желания поесть, и все ложились спать голодными. Это случилось и теперь.

Я ждал дивизиона целый день, совершенно не понимая, куда он мог деваться, и так устал и изголодался, как будто бы сам совершил усиленный поход. Только тогда, когда уже начались сумерки, показался дивизион. Вел его младший из командиров батарей подполковник Михаил Семенович Иванов, командир 6-ой батереи. Подойдя к нему, я спросил: «Что случилось? Почему так поздно?» Иванов ответил сконфуженным тоном: — «Моя вина. Заблудились!» И к этому ничего не добавил, а я не продолжал «допроса», а только удивился.

В самом деле: как дивизион мог заблудиться? В Долине Иванов квартировал как раз на углу двух шоссе. Одно из них, государственное, большое («Цесарский гостинец», как называли такие шоссе местные жители) вело прямо на восток, в Струтын Вышний. В течение трех дней сидения в Долине Михаил Семенович, казалось бы, мог посмотреть на карту, тем более, что метель держала его все время дома. И тем не менее он повел дивизион по шоссе на Калущ.

Мороз на походе вообще не благоприятствует любопытству. Все послушно следовали за Михаилом Семеновичем, и только тогда, когда дивизион прошел верст 15, а Струтын Вышний все не показывался, кто-то из офицеров рискнул снять перчатки, вынуть карту, посмотреть на нее, ужаснуться, выругаться и поднять тревогу.

Конечно, дивизон мог бы потом пройти сокращенной дорогой, повернув прямо на юг, но Михаил Семенович, очевидно, потерял веру в свою способность водить колонны и решил «танцевать от печи»: вернулся с дивизионом к своей бывшей квартире, повернул на правильную дорогу и, сделав свыше 40 верст вместо 12-ти, доплелся, в конце концов, хоть уже и в темноте, к месту назначения.

Тут произошел именно тот случай, когда продрогшие и смертельно уставшие офицеры — говорю о моей 5-ой батарее — отказались от ужина, выпили по стакану чая с хлебом, рассказали мне печальную историю похода и легли спать. Мне пришлось следовать их примеру с неприятной мыслью о завтрашнем дне. Однако, начальство решило мою судьбу иначе.

Экспедиция в Калуш

Я долго не спал и уснуть мне так и не удалось. Вероятно, было уже около полуночи, когда в хату вошел разведчик и подал мне приказание командира бригады (известный в армии генерал-майор Леонид Николаевич Гобято). Содержание сводилось к следующему:

«С получением сего II дивизион отошлет один взвод в город Калущ к батальону 126-го пех. Рыльского полка, находящемуся там при Уссурийской конной дивизии. Взвод должен итти через Долину, где на разветвлении шоссе его будет ожидать казачье прикрытие. Батальон возьмет взвод на довольствие».

На бланке были две резолюции: командира дивизиона: «5-я батарея» и командира 5-ой батареи: «Поручик Милоданович и 3-й взвод», с добавлением состава взвода: 2 ящика батарейного резерва, телефонисты и пр.

На это приказание отозвался тоже не спавший штабс-капитан Курзеньев: «Вот тебе случай получить Георгия». Не отрицая этой возможности, я все же смотрел на дело и с другой стороны: днем не ел, ночь — не спать, 45 верст и опять без еды, а затем — карту я изучил еще в Долине — итти совершенно открыто по шоссе в неприятной близости от австрийских батарей, параллельно неизвестному мне в точности фронту — мало ли, что может случится. А что случиться может, на это указывает и заботливость начальства, выразившаяся в назначении мне казачьего эскорта. Однако, был и плюс: эта командировка избавляла меня от должности мишени в завтрашнем бою в долине Ломницы.

Так или иначе, но надо было прежде всего собрать свой взвод, что шло очень медленно, но, в конце-концов, было исполнено; не был найден только сверхсрочно-служащий фейерверкер Марк Левчик, который должен был бы быть моим «старшим офицером».

За 1-2 часа до рассвета я был в Долине. На злополучном разветвлении (у квартиры Михаила Семеновича) меня уже ожидало прикрытие: 18 человек с урядником во главе. Таким

образом, впервые в жизни, я оказался «общевойсковым начальником», хотя и несколько разочарованным в силе своей «кавалерии». Впрочем, на это «прикрытие» я смотрел более как на memento mori. Все таки надо было им как-то распорядиться — и я приказал уряднику ехать в полуверсте впереди меня, «смотреть в оба» и в случае чего-либо подозрительного моментально мне доложить. Затем мы двинулись на восток, как всегда — шагом.

Когда взошло солнце, мороз стал уступать место оттепели. До Креховец я был спокоен: противник видеть меня не мог, а если бы и видел, я был вне пределов его артиллерийских возможностей. За Креховцами противник мог уже наблюдать за каждым нашим шагом.

Вправо от шоссе, на голом пологом скате к противнику, стояли большие палатки с красными крестами — какой-то полевой лазарет, — а на их правом фланге, с интервалом всего лишь каких-нибудь 100-200 шагов — батарея на позиции (кажется 74-ой бригады), совершенно также открыто. Такое близкое соседство, конечно, было странно.

Между тем мы поровнялись с насыпью железной дороги, которая до самого Калуша идет параллельно шоссе, на расстоянии всего лишь 10-15 шагов от последнего. Высота и профиль насыпи исключали всякую возможность для орудий ее преодолеть, если бы это вдруг понадобилось. Я был отрезан от севера и должен был держаться шоссе «яко слепой — стены». Я забыл и голод, и бессонную ночь, ехал с картой в руках и, сравнивая ее с местностью, старался найти какую-либо возможность, если по мне вдруг «хватят», но ее не было. Опасность, однако, пришла в совершенно неожиданной форме.

Мы подходили к Холину, как вдруг услышали барабанный бой и увидели огонь австрийской артиллерии, клубок разрывов шрапнелей на восточной окраине села, а затем и цель, по которой стреляли. Этой целью был импровизированный «бронепоезд», представлявший собой комбинацию из обыкновенной платформы с орудием на ней, нормального паровоза и (кажется) товарного вагона. Поезд шел навстречу нам с минимальной скоростью, я бы сказал — «шагом», его орудие куда-то стреляло, а сам он подвигался в клубке австрийских шрапнелей, и именно это сулило нам катастрофу! Я себе ясно представил, что случится, когда мы поравняемся!... На что-то надо было решиться, и решиться моментально, ибо еще 2-3 минуты и будет поздно! И вдруг явился выход!

Мы поравнялись с полевой дорогой, перпендикулярной к шоссе и проходящей сквозь насыпь на северную сторону железной дороги. Полного разрешения вопроса эта дорога не давала: по карте я видел, что в нескольких десятках шагов за насыпью она кончалась, упершись в ручей Сивку, и потому для движения севернее полотна железной дороги не годилась. Однако, ничего другого не оставалось, как юркнуть туда со своим взводом. Это я и сделал, а казаки, уже раньше замедлившие свой шаг и уменьшившие дистанцию ко взводу, последовали моментально за нами.

Очутившись на другой стороне полотна, я сразу приобрел одну выгоду: стал невидимым для противника. Но от шрапнелей не ушел, пока не увеличил расстояния от «бронепоезда«, но тут я сразу же уперся в Сивку!

Ручей был неширокий; летом всадник мог бы его перескочить, но для орудий нужен брод, а между тем вода в ручье была такая мутная, что дна не было видно, и берега казались обрывистыми. Все же наличие полевой дороги со специальным проездом в полотне железной дороги, как будто бы, указывало, что по ней можно пройти большее растояние, чем 50 шагов до ручья, и я имел некоторую надежду, что по преодолении ручья буду в состоянии двигаться дальше целиной и выйти как-нибудь, несмотря на оттепель, на дорогу в Кропивник или Угарсталь. Весь вопрос заключался в броде: есть ли он, или его нет?

Я приказал казачьему уряднику это определить. Один из казаков сейчас же спрыгнул на коне в воду, и от его коня осталась на поверхности только шея и голова. Его товарищи в один момент вытащили из воды и его, и лошадь (я до сих пор не понимаю, как они ухитрились это сделать?).

Теперь осталося только один выход: прижать своих шесть шестерок и казаков как можно ближе к железно-дорожной насыпи и надеяться, что эта насыпь окажется достаточно высокой для того, чтобы шрапнельные пули пролетали над нашиим головами. Мы успели «прижаться». Но тут «бронепоезд», подошедший к нам уже шагов на 100, помог нам с своей стороны: остановился, а затем также «шагом» стал удаляться обратно к Холину. На момент можно было вздохнуть свободно, но — что делать дальше?

Холин мы, конечно, могли бы как-нибудь обойти, но восточнее его, до самого Калуша все оставалось неизменным: ручей Сивка, железная дорога, шоссе, «бронепоезд» и австрийские шрапнели, то-есть никакой свободы в маневрировании при полной неизвестности действительной трассы фронта. Скрепя сердце, я решил итти через Угарсталь на Мосциску, а оттуда на юг, в Калущ, хотя тем почти удваивал остающуюся часть пути.

Тут я использовал казаков еще раз: поручил им найти дорогу по северной окраине Холина, чтобы выйти на дорогу, ведущую в Угарсталь. Казаки это сделали и затем провели взвод.

XI А.К.
XXII. А.К.
Долина
Кругховицe
Кропивнико
Угарсталь
Мосциска
Уссурійская кон. дивизія
Калущъ
Холинъ
Добровляны
Подмихале
Рознатовъ
Берлоги
Новица
Струтынъ Вышній
Камень
Ландестрей
Ценява
Льдзяны
р. Луква
Красна
Станиславовъ
XVIII А.К
Перехинско
Небыловъ
р. Ломница
Пфланцеръ-Балтинъ
Масштабъ:
0 10 20 верстъ

Не помню, который час дня был, но мы уже столько прошли, что нужне было сделать большой привал, чтобы напоить и накормить лошадей. Итак, в Угарстале я остановился и послал казака в Калущ с донесением командиру Рыльского батальона о вынужденном изменении маршрута и следствии этого — будущем прибытии с опозданием. Позже, в Мосциске, я отпустил вообще все прикрытие: теперь я должен был приближаться к фронту перпендикулярно и потому в конвое не нуждался.

Когда я, в конце концов, добрался до Калуща на улице стоял казак с приказанием явиться генералу Крымову. Я остановил взвод и казак провел меня в штаб генерала, находившийся тут же. В первой комнате штаба находилось несколько офицеров 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона (Киевского), среди которых я узнал поручика Е. Н. Мельницкого, лицо которого (но не мое ему) мне было знакомо: он был фельдфебелем одной из батарей Константиновского училища, выпуска того же 1912 года, что и я — из Михайловского.

Когда генералу доложили о моем приходе, он вышел из соседней комнаты. Он был безусловно «тонняга»: человек чрезвычайно привлекательной внешности и манер. Одет он был в длинный домашний халат — явное доказательство того, что положение в Калуше прочно.

Я отрапортовал. Генерал схватил мою руку обоими своими, пожал ее и сказал: — «Дружище, вы подчиняетесь прямо мне! Сегодня ночью вы должны выпустить весь ваш комплект. Задачу вам объяснит поручик Мельницкий. Он же покажет вам наблюдательный пункт и позицию. Пристреляйтесь и ждите моего приказания для открытия огня ночью». С этими словами (которые я помню почти дословно) генерал ушел обратно в свою комнату, а на сцену выступил пор. Мельницкий, который повел меня пешком по улице к находившейся неподалеку позиции. Взвод шел шагом за нами.

(Окончание следует).

В. Милоданович

НАШИ ТУРКЕСТАНСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ

Генерал САМСОНОВ.

В исторической военной литературе мало освещена личность этого большого военного администратора и строевого начальника. Моя единственная встреча с ним в Туркестане, в городе Мерве, весной 1914 года — осталась для меня навсегда памятной и незабвенной. Я был тогда его подчиненным, молодым офицером, потому острота переживаемых воинских чувств перед ним, Командующим войсками Туркестанского военного округа, и была велика. И пусть мои короткие строки наблюдений дадут некотрое представление о его личности.

В конце марта или начале апреля 1914 года я ждал Командующего к нам в Мервский гарнизон Закаспийской области. Штаб командующего войсками был в Ташкенте. Приказ по 1-му Кавказскому полку Кубанского войска гласил:

«Хорунжему Елисееву, со взводом казаков учебной команды, в конном строю быть в почетном карауле при встрече Командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-от-кавалерии Самсонова. Офицеру и казакам быть в парадной форме одежды. Казакам быть при винтовках. От вокзала сопровождать Командующего в его движении и быть в его полном распоряжении».

К назначенному часу прихода поезда, утром, взвод казаков был построен на маленькой площади перед маленьким серетеньким вокзалом «Мерв».

Мерв — глухой провинциальный восточный городок с тремя продольными улицами — Железнодорожной, Кавказской и Офицерской. Тишина. Русских жителей в нем нет. Гарнизон войск и железнодорожные служащие с семьями — вот и все русское население в нем. Основное насеелние персы, туркмены, бухарцы, армяне и многие другие племена мусульман Туркестана. Все они торговцы, всяк по-своему. И редко когда встретишь на главной Кавказской улице города русских дам, жен офицеров гарнизона. Везде и всюду здесь — мусульманский восток, совершенно мирный. Вот почему и полная тишина на улицах и никого из жителей на предвокзальной площадке.

На вокзале немногие старшие начальники гарнизона. Все в парадных формах мундиров своих частей. К моему взводу казаков, от вокзала, подходит старший помощник командира полка, войсковой старшина Миронов. Он заведующий хозяйством, почему и не касался строевой службы полка, но любил давать указания нам, молодым офицерам — «как надо служить... и какой он был спортсмен в молодости». Был ли он спортсмен в молодсти — мы не знали, но сейчас он «отяжелевший» во всем, довольно крупный и упитанный «старик»в свои 55 лет от рождения. Мы его не особенно уважали. И за год пребывания в полку он единственный один раз был в седле, уж не помню по какому случаю.

Мой конь болен, потому я взял лошадь казака Рощупкина. Стройный, тонконогий гнедой конь Рощупкина был злой, нервный, прыткий, чем мне и нравился. К нему опасно было подходить; он стремился укусить, ударить ногой подходившего к нему седока, но был послушен поводу.

Миронов подозвал меня к себе, чтобы дать «инструкцию». Рысью подъехав к нему, остановился, взял руку под-козырек. И только что войсковой старшина поднял руку, чтобы мне ответить, как мой злой конь взвился на дыбы, вмиг сделал на задних ногах поворот на 180 градусов и стал хвостом к Миронову. Такого «фокуса» от этого нервного коня я не ожидал. Быстро поставив его на положенное место, слышу тонкий голос своего начальника, с испутом отскочившего назад:

— Хорунжи-ий!... Вы не умете управлять коне-ом!... Как же вы выехали сопровождать Командующего войсками?!

Миронов отлично знал, каков я в седле и что это лошадь меня буквально «подвела» своим неожиданным капризом, но этот наш начальник любил цукнуть при любом случае.

Пишу об этом случае для того, чтобы показать, что каприз моего коня мог случиться и при генерале Самсонове, что было бы совершенным скандалом и для меня и для полка.

Обыкновенный пассажирский поезд очень короткого состава, как всегда очень медленно подошел и остановился в нескольких шагах, не доходя до самого вокзала. Из последнего небольшого вагона 2-го класса сразу же вышел неизвестный мне молодой генерал в летнем коротком до колен светло-сером пальто и фуражке корпуса офицеров генерального штаба. Он быстро и легко сошел с подножек вагона, бросил короткий взгляд кругом и, увидев старших офицеров, ожидавших его у самого вокзала, хорошим шагом направился к ним. Последние быстро двинулись к нему навстречу. При генерале никакого громоздкого штаба, а только офицер для поручений.

Мне бросились в глаза его быстрые и энер-

гичные движения. Со стороны казалось, что это он прибыл к высшему начальству, а не наоборот. С седла все это очень хорошо было видно.

Приняв рапорт от начальника гарнизона генерал-майора Редько (он же и командир бригады — 13-й и 14-й Туркестанские стрелковые полки с артиллерией) и сказав несколько слов встретившим его, он повернулся лицом на юг, увидел казаков и, сделав жест рукою, направился к нам. Я бросил глаз на свой взвод, этим сказав подчиненным своим казакам-«учебням» — «приготовиться».

— Смирно-о... Шашки-и... вон! Ш-ш — разом прошипело 30 клинков шашек, выхваченных из ножен, не нарушив спокойствия коней.

По уставному ритуалу, взяв шашку «подвысь», бросился к генералу навстречу прытким наметом, осадив его в шести шагах, одновременно опустив клинок шашки отвесно вниз, острием к правому стремени — рапортую:

— Ваше Высокопревосходительство — от 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска хорунжий Елисеев, с учебной командой, в Ваше распоряжение назначен.

Выслушав рапорт, генерал Самсонов быстро подошел к моему коню с левой стороны, положил левую руку на его гриву, а правую протянул мне. Это было совершенно неожиданно и не принято в конном строю. В этот момент я был весь сосредоточен на том, как бы мой злой конь не проделал тот «фокус», который был с войсковым старшиной Мироновым, что было бы исключительно неприятным событием. Сжав его шенкелями и поводом уздечки у самой передней луки седла, быстро передаю рукоять шашки в левую руку, оставляя самый клинок с правой стороны лошади, острием вниз, принимаю руку генерала, остро всматриваясь в его лицо, глаза, изучая их.

У него коротко подстриженная черная бородка с чуть заметной сединой; острые веселые карие глаза. Мне показалось, а может быть и было так, что у него остались на лице легкие следы после болезни оспой. Весь его образ был привлекательным. Против наших старших начальников, в особенности замкнутого генерала Редько — он выглядел моложе, что было, конечно, не так. Своими быстрыми энергичными движениями и деловитостью он сразу же подкупил нас, увидевших его впервые в своей жизни.

Опытным взглядом строевого начальника окинув взвод, он громко, ласково, как своим детям, произнес:

— Здравствуйте, славные кавказцы!

Он сказал именно «здравствуйте», а не принятое начальническое «Здорово казаки». Этим он показал свою духовную близость к казакам и радость встречи с ними.

— Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство, — ясно гаркнули казаки-учебняне.

В черных черкесках и красных бешметах парадной формы Кубанского войска.. В черных высоких, в шесть вершков папахах крупного курпея, при красных верхах на них «без залома» — казаки, окончившие курс полковой учебной команды, по полученной подготовке уже младшие урядники, все молодец к молодцу — представляли собою в этом взводе образцовую строевую единицу, которой можно было гордиться.

Я уже предвкушал «сладость» быть при нем, при нашем Командующем Туркестанским военным округом, при генерал-от-кавалерии Самсонове в течение нескольких часов этого дня, как он вдруг говорит мне:

— Хорунжий... возвращайтесь с казаками к себе в полк... никакого конвоя мне не надо... меня будут сопровождать лишь наши текинцы. — Сказал и указал рукою на «гурт» текинцев, человек в 20, которые в поэтическом беспорядке стояли вдали и позади нас, и коих мы не видели до этого.

Седобородые и густобородые старики лет по 40-50, в высоких косматых своих папахах «без верха» дивных курпеев черного, коричневого и белого цвета, в полосатых халатах, охваченных широкими кушаками. За кушаками ножи в черенках серебряной оправы. Все при кривых шашках, называемых «клыч». На дивных высоких стройных тонконогих и элегантно красивых жеребцах разных мастей — они стояли молча, сосредоточенно, с несколькими своими, больших размеров, зелеными мусульманскими флагами.

Генерал Самсонов, сказав эти слова мне, сел с генералом Редько в пароконный примитивный местный извозчичий экипаж и быстро двинулся на восток вдоль главной Кавказской улицы, в «Новый город», на территорию бывшей текинской крепости, где в отличных казармах интендантской постройки квартировали 13-й и 14-й Туркестанские стрелковые полки с артиллерией и саперным батальоном подполковника Тер-Окопова. За его экипажем, в татарском беспорядке, скакали ликующие текинцы...

Огорченные, в будничном настроении, возвращались мы в расположение своего полка, занимавшего громадный участок в несколько десятин земли тут же, позади главной уулицы «старого города», названной «Кавказской», видимо в честь нашего полка,перекинутого сюда из Абхазии в 1885-м гду, после оккупации Мервского оазиса, кстати сказать, сданного местной владетельницей-Ханшей, без боя, русским войскам.

В Мерве казаки всегда проходили по улицам с песнями. Население города было чисто мусульманское, которое к русским войскам, а к казакам в особенности, относилось хорошо и

почтительно. Имя «Русского Белого Царя» стояло очень высоко среди них, а отсюда очень высоко стоял престиж Российской Армии. И когда казаки шли с песнями (ходили только в конном строю), то все жители высыпали на улицу.

Чтобы разогнать свое «огорчение», в том, что нам не удалось конвоировать главного начальника Края, казаки запели полковую любимую песню времен Кавказской войны:

«Вдруг ударил гром из пушек,
Три дня сряду туман был,
Под завалы подступали,
Сам Круковский с нами был...»

Перед поворотом в переулок в расположение своего полка — с ревнивым чувством я все же оглянулся назад и увидел... Далеко от нас вдоль Кавказской улицы, уже у самого деревянного моста через почти стоячий Мургаб, маячили скачущие текинцы со своими цветными широкими флагами счастливые тем, что сопровождают «Большого Бояра» Русского Белого Царя. Я им позавидовал.

Генерал Самсонов в Русско-Японскую войну 1904-1905 г.г. командовал Отдельной Сибирской казачьей бригадой, потом, кажется, Забайкальской казачьей дивизией и за отличия в боях был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 й степени.

В 1907 году Высочайшим приказом был назначен Наказным Атаманом Донского войска.

В 1909 году — Командующим войсками Туркестанского военного округа.

В нашем полку его считали природным донским казаком, но по своему рождению он таковым не был. К нему, да еще к долголетнему Командующему войсками, относились с глубоким уважением и любовью — и офицеры, и казаки.

С начала войны против Германии и Австро-Венгрии 1914 года он был сразу же вызван в Ставку Верховного Главнокомандующего русскими армиями и назначен командующим 2-ой армии на Западном фронте, действовавшей против Пруссии. Его судьба, да еще в самом начале войны, даже и на рядовых казаков произвела исключительно тяжелое впечатление. 2-ой Туркестанский корпус, куда входила и наша Отдельная Закаспийская казачья бригада (1 й Таменский, 1-й Кавказский и 4-я Кубанская батарея Кубанского войска) еще оставался к тому времени на своих старых квартирах, но мы интересовались сведениями о ходе военных действий, ревниво переживая, что «наш корпус забыт... что он не участвует в войне, которая может скоро кончиться и пр.», но с трагической смертью генерала Самсонова и его армии мы почувствовали жестокую борьбу двух титанов — России и Герамнии.

В вихре долгой войны, потом революции и жестокой гражданской войны имя генерала Самсонова было как бы забыто. И теперь я, старый полковник, несу букет цветов на его безвестную могилу.

Полковник **Елисеев**

Краткий очерв о формировании второочередных полков руской Императорский армии

В 1910 году военный министр ген. Сухомлинов решил усилить кадры полевых войск путем упразднения всех резервных и крепостных войск, что дало пех. полкам до 20 добавочных офицеров и 380 солдат и перевело штаты рот с 48 рядов на 60. Вместе с тем была введена система «скрытых кадров», по которой при мобилизации ряд пех. полков и артил. бригад выделяли кадры для развертывания частей второй очереди. По принятому плану, — в добавление к имеющимся 350 пех. полкам, образовывавшим 70 пех. дивизий и 18 стр. бригад, — намечалось создание 35 пех. дивизий второй очереди, большинство которых должны были формироваться во внутренних военных округах.

Согласно штатам, второочередная дивизия должна была представлять собой точный сколок с перволинейной: — 4 пех. полка по 4 батальона каждый и артил, бригада из 6 батарей. Дивизии второй очереди должны были являться как бы несколько ухудшенным изданием перволинейных, т. к. командиры новых полков, батальонов, рот до момента развертывания должны были занимать посты старших штаб-офицеров полка, помошников батальонных командиров и старших офицеров рот; необходимого опыта в командовании ныне вверяемым им частям они не могли иметь. Да и общее число офицеров, выделяемых в полки второй очереди, обычно выражалось числом 25-30, число

унтер-офицеров, выделяемых из полка первой очереди также не было велико. Все это должно было сказаться на молодых полках; особенно, в первое время, должна была страдать спайка и должно было учитывать хрупкость и известную неустойчивость этих частей в их первых боевых шагах.

С.-Петербургский военный округ из семи пех. дивизий должен был выделить только 3 второочередных, а именно: 37-я, — 74-ю, 22-я — 67-ю и 24-я — 68-ю. Для примера возьмем известную нам 24 пех. дивизию, которая, в случае войны, должна была развернуть 68-ю пех. див., 23-я полевая арт, бригада выделяла кадры на формирование 68-й полевой легкой артил. бригады.

Развертываемые ими второочеердные полки и артил. бригада должны были формироваться в местах стоянок перволинейных. Для сокращения военных перевозок дивизии должны были комплектоваться призывными прилежащих уездов тех же или соседних губерний.

93-й пех. Иркутский полк развертывал 269-й пех. Новоржевский полк.

94-й пех. Енисейский полк развертывал 270-й пех. Гатчинский полк.

95-й пех. Красноярский полк развертывал 271-й пех. Красносельский полк.

96-й пех. Омский полк развертывал 272-й пех. Гдовский полк.

23-я пол. легкая артил. бригада развертывала 68-ю пол. легкую артил. бригаду.

В данном случае наименование молодых полков почти совпадало с районами, из коих они получили свою массу запасных. Имена молодых полков для их чинов не были «пустым, ничего не говорящим для них звуком».

В 1913 году, поздней осенью, по Высочайшему повелению, в Иркутском полку была произведена поверочная мобилизация. Она прошла блестяще. Комиссия, производившая проверку, нашла, что план мобилизации полка был разработан прекрасно, листы чинов полка литеры «Б» — в полном порядке, все хозяйственные запасы были на лицо и в полном порядке.

В феврале 1914 года была произведена, по Высочайшему повелению, опытная мобилизация с призывом запасных в ряды полка. На несколько дней родился второочередной 269-й пех. Новоржевский полк, полковник Филимонов, старший штаб-офицер Иркутского пех. полка, стал его командиром. Вторая мобилизация прошла также блестяще во всех отношениях.

Вечером 17 июля (старый стиль) 1914 года во Пскове в полковой канцелярии 93-го Иркутского полка, поглощенный текущей работой, занимался полковой адъютант, штабс-капитан Прокушинский. Было уже около 9-ти вечера, когда к нему прибежал дежурный писарь и говорит: — «Ваше Высокородь, начальник дивизии просит Вас к телефону». Штабс-капитан поспешил в телефонную будку и между ним и ген.-лейтеаннтом Рещиковым, начальником 24-й пех. дивизии, произошел такой разговор: — «Вы узнаете меня по голосу». — «Так точно, Ваше Превосходительство, узнаю». — «Передайте командующему полком, что Государь Император объявил всеобщую мобилизацию. Первым днем ея считать 18-е июля». — «Разрешите позвать командующего полком». — «Нет, не надо. Доложите ему наш разговор».

Чрезвычайно взволнованный шт.-капитан Прокушинский побежал к ген.-майору Копытнскому на квартиру и доложил ему о всем случившимся, По вызову командующего полком, в канцелярии штаба полка собрались старшие чины: командующий полком, его помощник, батальонные командиры, заведующий хозяйством и адъютант. Были вскрыты мобилизационные пакеты и с рассвета приступили к выполнению мобилизационного плана. В этот день 18 июля все чины перволинейных полков, назначенные согласно мобилизационному плану к выделению во второочередные полки, сдавали свои старые должности и вступали в исполнение новых.

Командир 1-й бригады 24-й пех. дивизии — ген. майор А. Н. Апухтин принял должность начальника 68-й пех. дивизии. Старший штаб-офицер 93-го Иркутского полка — полковник Б. П. Филимонов — принял должность командира 269-го пех. Новоржевского полка.

Работа кипела. Все делалось с необычайным подъемом, дружно и радостно. Вся страна, как один, откликнулась на призыв Царя. Своими размерами подъем превзошел воодушевление 1877 года. Запасные толпами спешили на явочные пункты. Забегая несколько вперед, отметим, что процент прибывших на 15% превысил норму, ожидавшуюся Главным Управлением Генерального Штаба. В войска поступало много охотников-добровольцев. Короче говоря, мобилизация прошла блестяще.

На свое сформированиае 68-я пех. дивизия получила только 10 дней, — с 18-го по 27-е июля, — в то время как две другие дивизии Петербургского военного округа получили более долгие среки, например: 67-я получила 16 дней. Объяснить это можно тем, что 68-я подлежала включению в состав войск Северо-Западного фронта, а 67 и 74 входили в состав 6-й Отдельной армии ген. Фан-дер-Флита с заданием охраны и обороны подступов к столице Империи.

На второй день мобилизации в полки стали прибывать первые партии запасных. В последующие дни число их быстро возрастало; 23 и 25 июля нужно считать днями прибытия наибольшего числа запасных, что относится как к офицерам, так и к солдатам. Командир 269-го пех.

полка, сопровождаемый офицерами и унтер-офицерами, обходил эти толпы и мелом отмечал на груди призывных номера рот, в которые назначались эти будущие новоржевцы. Эти толпы состояли из «земляков» — жителей одних волостей, сел и деревень. Некоторые из них высказывали свое желание попасть в ту или иную роту, для совместной службы с другими своими земляками. Командир полка охотно шел им навстречу и, по мере возможности, удовлетворял их желания. Это было как раз то, чего он хотел, и роты 269-го Новоржевского полка, складывавшиеся по земляческому признаку, уже с самого начала имели некоторые данные на известную сплоченность и спайку.

Во второочердном полку, кроме 6 вакансий для старших чинов, еще 19 или 20 других подлежали заполнению кадровыми обер-офицерами, выделяемыми из перволинейного полка. Вакансии эти были таковы: 16 командиров строевых рот, 1 ком. нестроевой роты, один полковой адъютант, один начальник пулеметной команды; вакансия начальника команды связи и разведчиков обычно заполнялась из офицеров запаса и, таким образом, эта вакансия являлась как бы необязательной для заполнения кадровым обер-офицером. Но 93-й пех. Иркутский полк, кроме 6 старших офицеров, выделил еще 22 обер-офицера (10 штабс-капитанов, 9 поручиков, 3 подпоручика), почему не только вакансия начальника команды связи, но и младших офицеров в двух ротах в 269-ом Новоржевском полку могли быть замещены кадровыми обер-офицерами. Это было очень хорошо по сравнению с другими полками. Правда, один подпоручик был сразу же откомандирован в штаб 68-й дивизии на должность младшего адъютанта, так как штабы дивизий второй очереди при своем формировании не получали необходимого числа младших офицеров от штабов дивизий первой линии и принуждены были извлекать таковых из своих же полков второй очереди, что для последних являлось порой весьма существенной жертвой.

Все же надо сказать, что Новоржевский полк был одним из счастливых исключений, — многие перволинейные полки сплавляли во второочередные разные «мертвые души» и малоспособных. Иркутский полк проявил редкую заботливость о своем детище. Коренной Иркутец полковник А. И. Прокушинский пишет в своих воспоминаниях: — «Мы, Иркутцы, имели, конечно, возможность сплавить в свой второочередной полк все, что нам было ненужно, но мы этого не сделали. Мы стали на другой путь, дали нашему детищу — Новоржевскому полку — все самое лучшее, что в терминологии мирного времени почиталось «выдающимся». Мы выделили прекрасную во всех отношениях молодежь, свой цвет. Мы сами остались, можно сказать, ни с чем: старые капитаны и подполковники и юные подпоручики, в лучшем случае пробывшие в полку два года. В этом отношении мы оказались вне всякого упрека...».

269-й Новоржевский пех. полк получил все данные, чтобы оказаться хорошим полком, что он в действительности и доказал в течение всех трех с половиной лет войны, когда он постоянно являлся основой дивизии и ни разу за все это время не был выведен из боя для «приведения в порядок», как то случалось с некоторыми полками.

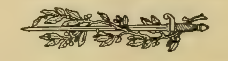
Другие полки дивизии — 270-й пех. Гатчинский полк и 271-й пех. Красносельский полк, при своем формировании не получили полного комплекта офицеров, и некоторые роты были под командованием фельдфебелей или подпрапорщиков. 272-й Гдовский полк был сформирован так же удачно, как и Новоржевский.

68-я полевая легкая артиллерийская бригада, сформированная в Гатчине, как и вообще вся русская артиллерия, получила прекрасный состав офицеров и солдат. Конский состав был тоже превосходный. Командиром бригады был полковник Аккерман, коренной офицер лейб-гвардии 2-й артил. бригады. Командиров дивизионов в бригаде не было и два старших командира батарей официально совмещали должности дивизионеров с командованием батареями. Они, как равно и другие командиры батарей, были в чине капитана.

Утром 1-го августа, т. е. на 14-й день мобилизации, на ж. д. станции Псков вторая началась погрузка в эшелоны 269-го Новоржевского полка. Так начался поход 68-й дивизии.

Из воспоминаний г.г. офицеров 93-го пех. Иркутского и 269-го пех. Новоржевского полков и штаба 68-ой пех. дивизии.

В. Федуленко

«МЕДИЦИНА В НУМИЗМАТИКЕ»

Брошюра под таким названием недавно прислана нам автором, который просит сообщить ему об имеющихся у любителей нумизматики сведений на указанную тему.

Безукоризненная по внешности, брошюра в 20 страниц имеет на обложке изображение лицевой стороны медали в честь Н. И. Пирогова (1810-1881), а в тексте — 20 изображений медалей, знаков и жетонов, в том числе всем нам памятный Знак Отличия Общества Красного Креста с надписью на металлической ленте: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Имеются списки: 34 дореволюционных настольных медалей (советских — 5), 13 медалей в честь отдельных деятелей медицины (советских — 11), 11наградных знаков (советских — 12), 26 жетонов (советских — 36). К сожалению, не перечислены медицинские амулеты XVIII-XIX в.в. от разных заболеваний.

Поставивший себе целью «обобщение и систематизацию медицинской нумизматики», автор брошюры использовал некоторые старые печатные источники, а также внес в списки описание экземпляров своего личного собрания. Списки составлены на «широкую ногу», попала туда даже медаль 1897 г. «за всеобщую перепись населения»! Однако, встречаются пропуски: не внесена медаль 1811 года «от бывших финских воинов — по случаю призрения», на лицевой стороне этой медали была надпись в честь Императора Александра I — «Princeps Finlandiae», на оборотной — надпись: «Pompa meliore Triumphas. Exercitus quonoam Fenici Pietas AMDCCCXI». И еще одна: настольная медаль работы Минхеймера в память учреждения Варшавской Медико-Хирургической Академии в 1857 году. В списке знаков упущено описание круглого «Знака Отличия Красного Креста» (двух степеней), для особ женского пола, установленного в 1899 году и носившегося на красной ленте, с надписью: «За попечение о раненых и больных воинах» и т. д.

В списке медалей «в честь отдельных деятелей» за № 11 (то-есть между медалями середины XIX в. ?!) кратко упомянута медаль «в честь д-ра Е. Ф. Аша». Можно предположить, что автор брошюры не видал этой весьма редкой медали и не знает ее истории, тоже весьма загадочной. Барон Георгий Федорович де-Аш (1725-1807) родился в России. Изучал медицину в Геттингене, с 1750 г. занимал в России ряд ответственных должностей по военно-врачебному ведомству. В 1770-1772 г.г. он возглавлял борьбу с чумой на берегах Дуная, эта «язва» унесла тогда тысячи воинов прославленной армии графа П. А. Румянцева и просочилась в Москву, вызвав смертоносные беспорядки в среде темного люда. Вот, на эту «чумную» тему, на СПБ Монетном Дворе были тогда отчеканены две медали: 1) в 1770 г. в честь «Ge. L. B. de Asch S. C. M. Ross et Consil Status P.», с надписью на оборотной стороне: «Liberator peste in bello tyrcico ad Istrum», работы мастера Иоганна Бальтазара Гасса и 2) в 1771 г. в честь графа Гр. Гр. Орлова «за избавление Москвы от язвы в 1771 г.», работы медальера И. Г. Вехтера. Хотя эти две медали созданы на одну и ту же «чумную» тему (одна дунайская, другая московская), но судьба их постигла разная. В «Опыте указателя нумизматической литературы» покойного М. Ю. Гаршина упомянута статья, напечатанная в «С.-Петербургских Ведомостях» № 109 за 1860 г., касающаяся участи медали в честь барона Аша: вычеканенные в числе 2-х серебряных и 6-ти бронзовых — они были уничтожены повелением Императрицы Екатерины II «как выбитые самим Ашем, без Высочайшего разрешения...», та же участь несомненно постигла и штемпеля этой медали, ибо в каталоге Смирнова их нет. Однако... в моем сбрании эта медаль есть (коллекционеры, уже и в те времена, умели обходить даже Высочайшие повеления6). Эта медаль имеет еще одну особенность: на шейной ленте висит овальая медаль «для депутатов при комиссии по составлению проекта Нового Уложения», членом этой комиссии был и барон Аш. Его потомки, до середины прошлого века, губернаторствовали в Смоленске и Таврии.

Автор, доктор А. Д. Грибанов, заранее благодарит за все дополнения, с удовольствием это и исполняю.

Владимир фон-Рихтер

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ МОЕЙ СТАТЬИ «О ВОЕННЫХ ОРКЕСТРАХ»

Моя статья, носящая несколько академический характер, вызвала, совершенно неожиданно для меня, довольно бурную реакцию. Наиболее полный и основательный ответ принадлежит Александру Александровичу Скрябину, с которым мы довольно долго работали вместе вплоть до напевания нашего гимна с моим хором. А. А. много потрудился над наигрыванием пластинок военных маршей. Честь ему и слава но, в данном случае, мне хочется, поскольку это в моих силах, если не доказать то по крайней мере заявить что мы с ним, в сущности, говорим об одном и том-же.

А. А. Скрябин прав, что большинство военных маршей (тех что игрались при прохождении войск церемониальным маршем), были немецкого происхождения. Это, конечно, так но относится это к определенной исторической эпохе. Но всегда было так! Это совпало с эпохой копирования многих порядков немецкой

армии и с введением в армейский лексикон таких громоздких иностранных слов, как вахмистр, цейхгауз, фельдфебель и т. п.

Но, был период увлечения и «французскими» маршами. Кто не помнит строк из повести А. С. Пушкина «Мятель»? «... Полковые оркестры играли марш Вив Анри Катр, тирольские танцы и арии из Жоконды». Об этом-же марше вспоминает и Л. Толстой в «Войне и Мире». А. А. Скрябин восклицает «пусть П. Волошин назовет мне хотя бы пять маршей французского происхождения. Я буду ему очень благодарен!» Хорошо — я берусь сейчас-же назвать ему по крайней мере десяток таких названий («Трианон», «Буланже», «Воспоминание о Диденгейме» и т. д.). Мой список можно было бы еще и продолжить но не в этом дело. В своей статье я говорю о РЕПЕРТУАРЕ русских военных оркестров а не об узкой отрасли исключительно маршей парадных и встреч. Марши как немецкие так и французские были именно в РЕПЕРТУАРЕ русских военных оркестров и потому у меня «разногласия» с А. А. — нет.

О том что огромная военная музыкальная литература притекала из Франции — спорить трудно. Самым большим издательством в Европе, в мою эпоху, было издательство Салабер. Уже будучи в эмиграции, я посетил это издательство, где русский служащий показал мне подвалы, битком набитые вещами напечатанными для военных оркестров. «И все это раньше шло в Россию», сказал он мне. Ноты отпечатанные сразу для всех инструментов и для дирижера, нужно было только умело раздать (применительно к составу оркестра) и играть, что мы и делали в корпусе, где я учился, сохраняя даже, иногда, французские названия инструментов (туба вместо греческого геликон, кларнет, корнет а пистон и т. п.). Архаическая немецкая номенклатура нот при мне уже уступила место французской.

Дальше идет опять «взаимное непонимание». Под СОСТАВОМ оркестра я понимаю его внутреннюю конструкцию. В русском языке нет подходящего слова и из-за этого произошла неясность. Есть очень хорошее французское слово — «composition». Именно и только о «composition» я и говорю в моей статье. А. А. Скрябину, как дирижеру великорусского оркестра, хорошо известно, что два оркестра, оба скажем, по 10 человек, могут ОЧЕНЬ и ОЧЕНЬ отличаться друг от друга. Но А. А. Скрябин приводит выдержки из приказов по Военному Ведомству, что «состав» оркестра утверждается в количестве 54, 26 и т. д. человек, то-есть, он говорит совсем о ДРУГОМ чем я. А между тем он отлично знает что многие полковые оркестры именно отличались своей «composition». Я упоминал об оркестре лейб-гвардии Финляндского полка, в котором не было вовсе деревянных иструментов, как и в полках кавалерии. Были духовые оркестры со струнными контрабасами.

Относительно точных названий оркестровых единиц, я приводил общеупотребительные названия. Возможно, что официально они назывались так, как об этом говорит А. А. Скрябин. Кроме того, составы (в смысле количества) никогда не совпадали с официально утвержденными цифрами. Средствами полков, часто взносами офицеров, в большинстве случаев, эти цифры превышали нормы. В артиллерии, например, большинство музыкантов содержались на экономические средства батарей и на добровольные взносы офицеров.

Хотелось бы отметить еще одну вещь. Конечно, никакой комиссии, сочиняющей марши, при Главном Штабе официально не существовало, но НЕГЛАСНО она существовала. Большой друг нашей семьи, военный капельмейстер Сабателли, первый дирижер Инвалидных Концертов, рассказывал нам, что поступавшие на официальное утверждение марши отдавались на корректуру оркестровки ему и он был вынужден нанимать 4-5 музыкантов, работавших под его руководством. Подобной корректурой занимался и знаменитый наш композитор Н. А. РимскийКорсаков, делал это и А. Н. Скрябин. По моим сведениям, его обработке военные оркестры обязаны великолепнейшими оркестровыми попури опер, особенно «Евгения Онегина» и «Пиковой Дамы». В последней до сих пор у меня в ушах звучит грандиозная, в вагнеровском стиле, оркестровка полонеза на тему «Гром победы раздавайся». Быть может А. А. Скрябин знает больше меня об этих работах его знаменитого родственника.

***

В моей статье, я не сумел достаточно ясно подчеркнуть мою основную мысль. Она такова: военные оркестры сыграли в жизни нашей родины огромную культурно-просветительную роль, до сих пор еще достаточно не оцененную. Не было в России ни одного самого захолустного городишки (из тех где стояли войска, конечно), где бы военные оркестры не играли в скверах, садах, на бульварах, не давали бы публичных концертов, не принимали бы (довольно часто) участия в постановке опер. Капельмейстеры были разные, но, в последние годы, их квалификация поднялась на большую высоту и одновременно выросло и качество и выбор исполняемых вещей.

П. Волошин

Хроника «Военной Были»

МАРШ СМОЛЕНСКИХ УЛАН

Сообщаю сведения о Марше 3-го Уланского Смоленского Императора Александра III полка.

Марш этот написал в 1858 году капельмейстер того же полка Иван Ридель и посвятил его Царственному шефу полка Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу, старшему брату Императора Александра III, — скончавшемуся в 1865 году в Ницце.

Партитура его находится у меня, как у старейшего в настоящее время Смоленца, а также в Полковой Истории имеются ноты. Единственный сохранившийся экземпляр этой Истории сдан в Архив при Колумбийском Университете в Нью Йорке.

В кавалерии этот полковой «Николай»-марш имели только Смоленские уланы. Но он был настолько красив, что его «присвоил» себе один из пехотных полков, а, может быть, и другие воинские части, в чем я убедился в 1905 году.

Будучи в то время полковым адъютантом 8-го Драгунского (переименован в 3-й Уланский в 1907 г.) Смоленского Императора Александра III полка, я приехал в отпуск к родным в гор. Николаев, где мой отец исполнял должность командира порта, градоначальника и, как старший в чине, был начальником гарнизона.

В один из Царских дней, после службы в Адмиралтейском Соборе, состоялся церковный парад. Отец его принимал, а я со своей матушкой стоял среди публики.

Гарнизон города состоял из Флотского экипажа, 58-го пехотного Прагского полка, Николаевского резервного батальона и 7-го Донского казачьего полка.

Перед церемониальным маршем, при обходе фронта отцом, оркестры всех частей исполняли свой марш. Слышу марш Флотского экипажа, затем Прагского полка и вдруг, перед казачьим, раздаются чудные звуки марша моего полка. Я даже ушам своим не поверил: не потерял ли я слух и не нахожусь ли во сне. Но я не ошибся, — это был действительно марш Смоленских драгун.

После церемониального марша, я, с согласия отца, отправился к капельмейстеру резервного батальона и спросил его: «Почему вы играли марш Смоленского драгунского полка?»

— Да потому, что он очень красивый, был его ответ.

Конечно, на это я ничего ему возразить не мог. Да, к тому-же, и не знал толком, имеет ли батальон на это право.

По возвращении в полк, я доложил об этом случае командиру полка. Но полковник Косов, почему-то, решил дело об этом не возбуждать. Так, вероятно, Николаевский резервный батальон, развернутый впоследствии в полк, и присвоил себе полковой марш Смоленских улан.

Думаю, что не только этот марш, но и другие марши кавалерийских полков украшали некоторые части русской Императорской армии.

Быв. полк. адъют. Смоленских улан,

Кн. П. Ишеев

РЕДКАЯ МЕДАЛЬ

28 мая 1850 г. исполнилось 50-летие со дня назначения Императора Николая Павловича Шефом л.-гв. Измайловского полка. Празднование этого события было приурочено ко дню Святой Троицы, полковому празднику Измайловцев, выпавшему в 1850 году на 11 июня.

9 июня состоялась церемония прибивки новых Знамен, а 10 июня они были перенесены в полковой собор Святой Троицы а старые, в тот-же вечер, перенесены на квартиру командира полка ген. майора Козлова. 11 июня, во время церковного парада и Богослужения, новые знамена были освящены и переданы командиру полка.

На обеде в Высочайшем присутствии, состоявшемся в тот же день, присутствовали прежде служившие в полку офицеры а также пять полковых ветеранов, служивших в полку еще в царствование Императрицы Екатерины II. Каждому из этих пяти ветеранов Государь пожаловал золотую нагрудную медаль на Андреевской ленте. На одной стороне этой медали был выбит вензель Императрицы Екатерины II и надпись «в память», на другой — вензель Императора Николая I и надпись «за усердие».

Было бы очень интересно узнать сохранилась ли хоть одна из этих необыкновенных медалей и известно-ли нашим знатокам-медалистам об ее существовании.

Полковник К...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 60 журнала «Военная Быль», в заметку Г. Бенземана «Исключительные награды» вкралась ошибка. Орденом Св. Екатерины Князь Александр Данилович Меньшиков никогда награжден не был а дело было вот как:

Когда сыну Меньшикова Александру Александровичу было 13 лет, в царствование Императрицы Екатерины I, его звали при Дворе «Demoiselle» по его застенчивости и манерам. Сохранилось предание, что Императрица Екатерина, будто бы шутя, пожаловала ему орденские знаки Св. Екатерины. При Петре II, когда его сетра Мария была невестой Императора, ему был пожалован Орден Св. Андрея Первозванного. Ордена этого, как и прочих, он был лишен при ссылке. В 1730 году, при возвращении из ссылки, он получил титулы и часть отцовских имений, вступил в армию и отличался храбростью в Турецкой войне 1738 г. и в Семилетней. В царстовование Императрицы Елизаветы, 30 августа 1757 года ему был пожалован Орден Св. Александра Невского.

По историческим данным выходит, что князь Александр Александрович (сын Генералиссимуса а не сам он) был единственным кавалером ордена Св. Екатерины, которого он был лишен вместе с орденом Св. Андрея.

М. Литвизин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ходе моих исторических работ, меня интересует роль конницы в катастрофе 2-й армии генерала Самсонова а также первые кавалерийские бои в районе Сольдау около 30 июля 1914 г.

Из немецких источников мне удалось получить сведения о большой кавалерийской атаке в районе Сольдау 3 августа 1914 г., где, по этим источникам, погибло несколько русских эскадронов, но не указано каких полков и дивизий. Как мне стало известно, и редакцией «Военной Были» получены некоторые непроверенные сведения о гибели двух эскадронов Глуховского драгунского полка, где-то в районе Сольдау.

Я был бы очень благодарен всякому читателю, который мог бы дать мне сведения по этому поводу, хотя бы самые мелкие факты, которые часто, в общей сложности, и создают полную картину.

Полковник **А. Обручев**

К РАССКАЗУ «ИЗ ЭМИГРАНТСКИХ ВСТРЕЧ»

Когда я прочел разсказ ротмистра Г. Байкова о встрече с евреем-фотографом (№57 «Военной Были»), мне вспомнился мой хороший знакомый морской офицер, который, здесь в Париже, рассказал мне следующий забавный случай.

В тридцатых годах он получил адрес, якобы, хорошего портного, русского еврея. Придя к нему, он был поражен, увидев на стене портрет солдата в русской гусарской форме. На его вопрос «кто это?», он получил ответ — «да ведь это же я, в форме нашего славного гусарского полка, который назывался... который назывался... простите, господин, не могу вспомнить, как по-русски называется этот фрукт, по-французски я знаю — raisin sec». Оказалось, что он отбывал повинность в 11-м гусарском Изюмском полку.

Н. Аладьин

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ В СТАТЬЕ «ВЕРЖБОЛОВСКАЯ ГРУППА И ГИБЕЛЬ XX КОРПУСА» — В. КОЧУБЕЯ

Стр. 10 левый столбец, строка 18-я: (IX, X, XI и XXI) а не «XII».

Стр. 10 правый столбец, стр. 31-я снизу: не «командарм» III» а командир III-го.

Стр. 13 левый столбец стр. 11-я снизу пропущено слово «армии».

Стр. 14 левый столбец стр. 15-я снизу: не «16 ландверная бригада» а «76 ландверная дивизия и 5-я гвардейская бригада».

Стр. 14 правый столбец, стр. 29-я сверху: не XIII а XV арм. корпус.

Стр. 15-я левый столбец, стр. 24-я сверху. не «части II и IV арм. корпусов» а «части II и XV арм. корп.».

В. Кочубей

ОТ РЕДАКЦИИ

Просьба исправить опечатку, вкравшуюся в статью полковника А. Рябинина «Из прошлого Елисаветградских гусар» в № 59 журнала: вместо напечатанного «ГЕОРГ III» следует читать «ГЕОРГ IV».

ОПЕЧАТКИ В СТАТЬЕ «ПОЧТИ ЗАБЫТАЯ БЫЛЬ» В № 58 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Стр. 3-я, 11 строка сверху: «Калин» а не Калинин».

Стр. 4-я, 33 строка сверху не «первым» а «правым».

В. М. Федоровский

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.
Цена — 21 фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

Знамена и штандарты русской армии

Часть 1-я: От XVI века до 1800 года.

Тетрадь текста с подробнейшим описанием по-русски и по-французски и 73 нераскрашенных таблиц с около 700 рисунков

Цена с пересылкой — 50 фр. или 11 амер. долл.

Выпущено только СТО экземпляров. Часть 2-я (1801-1914) предположительно выйдет в начале 1964 года и будет продаваться ТОЛЬКО приобревшим часть 1-ую.

Обе части считаются как одно неразрывное целое, посему заинтересованных лиц прошу при переводе платы за 1-ую часть, заявлять о своей подписке на 2-ую.

Уплата может производиться из Франции почтовым переводом или банковским чеком, из за-границы — почтовым переводом или Америкен Экспресс, а банковские чеки принимаются только в том случае если банк имеет в Париже отделение, которое он оповещает о выписанном чеке и оно выплачивает без вычета какой-либо комиссии.

Владимир Владимирович ЗВЕГИНЦОВ

17, rue Saint-Saëns, Paris 15.

№ 63
Октябрь 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ, с глубокой скорбью, извещает о кончине своего друга и сотрудника, Председателя Общества Ревнителей Русской Военной Старины, 17 драгунского Нижегородского Его Величества полка, полковника

князя Никиты Сергеевича ТРУБЕЦКОГО

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника Доктора Философии мичмана

Николая Александровича фон-РЕЙМЕРС

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам, дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

12-й год издания | № 63 ОКТЯБРЬ 1963 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

Светлой Памяти

Князь Никита Сергеевич Трубецкой ушел в иной мир... 86 лет — много лет, но, как-то не верилось, нельзя было себе представить, что настанет день и князя Трубецкого не будет среди нас.

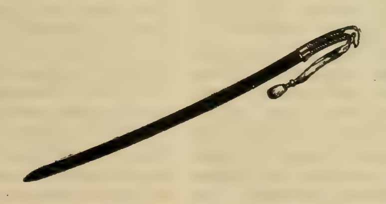
Не моя задача писать его биографию, описание его длинной и разнообразной служебной деятельности в Императорской России. Но, не могу я не сказать о роли, сыгранной покойным в деле сохранения и восстановления осколков нашей военной истории, оказавшихся заграницей.

Председатель Общества Ревнителей Русской Военной Старины, он сделал все, что было в его силах, дабы собрать, сохранить, сберечь для будущей Новой России память о Ее славном военном прошлом, ту память, единственными хранителями которой заграницей, являемся мы. Всегда радушный, бодрый, веселый, он отзывался на каждый вопрос, на каждое дело, имевшее касание к великому военному прошлому нашего Отечества. Сколько раз мне, как редактору «ВОЕННОЙ БЫЛИ», приходилось обращаться к князю за советом, разъяснением и, не только я, каждый, кому приходилось соприкасаться с Никитой Сергеевичем, по тому или иному вопросу военной истории, уходил от него всегда удовлетворенный и очарованный. На своем посту, в рядах нашей военной эмиграции, князь был совершенно незаменим и уход его оставил по себе пустое место, которое трудно и почти невозможно заполнить.

Мы обращаемся ко всем хранителям и ревнителям военной старины, нашей воинской истории с призывом, в память покойного, еще более и крепче объединить свои усилия, памятуя, что после нас нет и не будет никого, кто бы смог завершить нашу работу, столько лет морально возглавлявшуюся покойным князем.

Тебе-же; дорогой князь Никита Сергеевич, пусть будет легка чужая земля, радостно и спокойно предстанешь ты перед Высшим Судией, а мы, здесь, сохраним о тебе долгую и светлую память.

Алексей ГЕРИНГ.

День памяти былого

«Заброшены в далекие моря,
Душой сливались все Шестого Ноября,
Балтийский Флот, флотилии Амура
И Каспия, и Черноморский Флот,
И корабли Цусимы и Артура
И северных морей, закованные в лед...
В кают-компаниях Шестого Ноября
Все пили вы за Флот, за Корпус, за Царя».
(Е. Тарусский — «Шестое Ноября»)

Так повелось издавна. Каждое 6-ое ноября где-бы ни находились офицеры Российского Императорского Флота, они празднуют или, по крайней мере, вспоминают праздник Морского Корпуса.

Так и в последние годы мы — осколки старого Флота, занесенные судьбою в далекую субтропическую Флориду, в г. С. Петербург, но не в наш, на берегах Невы, а в другой, на берегу Мексиканского залива, — собирались в этот день вместе. Не похожи наши теперешние празднования на бывавшие когда-то в стенах старого Корпуса, как, впрочем, не похожи и мы на тех гардемарин и кадет, которыми мы были тогда, в отдаленные дни нашей юности.

Да и в самом Корпусе празднование этого дня сильно отличалось в различные эпохи. Записи о прошлом, книги и пожелтевшие от времени вырезки из газет показывают, как различно приходилось отмечать этот традиционный праздник. Морской Корпус — Навигацкая Школа, созданная Петром Великим, за долгие годы своего существования переменила несколько названий и мест своего пребывания, но существовала непрерывно с 1701 г. до 1917 года. Последние 120 лет Корпус помещался в одном и том же здании — бывшем дворце Миниха, на Николаевской набережной, в Санкт-Петербурге. Он был переведен туда, после временного пребывания в Кронштадте, указом Императора Павла I-го, пожелавшего иметь «Колыбель Флота» поближе к себе.

«Запальчивый в пылу, но чуткий к «благостыне» Император очень любил Морской Корпус и часто посещал его, неоднократно оказывая ему милостивое внимание. В знак признательности к заботам Монарха вновь устроенная корпусная церковь была посвящена имени Святителя Павла Исповедника, память которого Православная Церковь празднует 6-го Ноября, день вступления на престол Императора Павла Петровича. Эта церковь была освящена 15-го марта 1797 года. Таким образом, празднование 6-го Ноября теперь имеет более чем 165-летнюю давность.

Неизвестно точно, как праздновали его в ближайшие годы после освящения церкви. Одним из первых описаний этого копусного события надо считать сведения, сообщенные В. П. Одинцовым, кадетом Николаевского времени, о том, как прежде проводился этот день в Морском Корпусе.

«К этому дню воспитанники готовятся чуть не за месяц; каждый старается получить от родителей или родственников побольше денег, чтобы достойным образом отпраздновать этот день. За несколько дней до праздника вся рота разделялась на группы в 5-10 человек, более дружных между собою, и такие группы уславливались «держать вместе» (техническое выражение), т. е. делали складчину и закупали провизию, а все, что должно было вариться и жариться, заказывалось дядькам. В этот день считалось неприличным есть что-нибудь казенное, а ходили к обеду и ужину в столовую для проформы. Еще накануне из каждой группы выбирался один, на обязанности которого лежало занять место в умывальнике для своей группы, и несчастный должен был всю ночь караулить, чтобы кто-нибудь не занял места. В самый день 6-го Ноября все отправлялись к обедне, на которой присутствовало все начальство. После обедни возвращались по своим ротам и шла кантушка, т. е. — кутеж, начиналось с шоколада, чая и кофе, затем следовали пироги со всякими начинками и, наконец, гусь. За казенным обедом тоже подавался гусь, но его никто не ел. После обеда опять шоколад и разные лакомства, словом, — еда целый день, а вечером был бал, не имеющий ничего похожего на балы, даваемые ныне Морским Корпусом. Тогда на балы приглашались только родители кадет и семейства корпусных офицеров; огромная зала освещалась люстрою с восковыми свечами, а в амбразурах окон стояли медные чаны с клюквенным питьем, которое разливали кор-

пусные дядьки в белых фартуках. Затем, как гостям, так и кадетам, подавали крымские яблоки. Танцевали с родственницами, а более между собою и в 10 часов все кончалось».

Судя по этому описанию, день корпусного праздника проходил весьма скромно. Это было в духе, царствовавшем во Флоте в то время.

Адмирал В. К. Пилкин, рассказывая о воспоминаниях отцов и дедов, писал, что скромно тогда жили морские офицеры. Содержание было скудное. Обер-офицеры жили, зачастую, по 10 человек вместе. При таких условиях карьера флотского офицера, казалось, не представляла ничего завидного.

Однако, блестящие морские победы, дальние «вояжи», имена славных адмиралов и семейные традиции делали свое дело. Кадет в Морской Корпус поставляло, по тогдашнему выражению, «шляхетство», т. е. среднее поместное дворянство. Благодаря непосредственному соприкосновению с крестьянами в детстве и совместным играм с крестьянскими детьми в своих имениях, офицеры, вышедшие из этой среды, были ближе к матросам и понимали их лучше, чем в последующую эпоху, когда в офицеры чаще всего выходили юноши, совершенно не соприкасавшиеся с простолюдинами и не понимавшие их образа мышления. Времена были суровые. Телесные наказания были общепринятой ситемой воспитания не только в Морском Корпусе, но и во всех Российских корпусах, да и за-границей в те времена было ничуть не лучше! И совсем не кажется анекдотом, что в ту безжалостную эпоху окрестности Петербурга чувствительно обезлесили, розги вздорожали и попечительное начальство Морского Корпуса, оберегая интересы казны, иногда требовало, чтобы розги покупались за счет родителей. Как не похоже это на нынешнюю гуманную систему воспитания, применяемую на просвещенном Западе и ,в особенности, в С.Ш. с весьма плачевными результатами!

Да, нравы тогда были грубы, но среди воспитанников Морского Корпуса того времени — имена всех Черноморских героев и доблестных защитников Севастополя и Петропавловска. Геройство защитников Петропавловска принудило даже Лондонский «Таймс» признать, что тогда русские своими действиями нанесли «нашему Британскому флагу два черных пятна, которые не могут быть смыты никакими водами океанов во веки».

Из Корпуса выходили с твердыми правилами. По свидетельству многих современников, несмотря на скудость содержания, «посторонних» доходов у флотских офицеров того времени не было. Среди них господствовала безусловная честность. Не было случая, чтобы ротный командир чем-нибудь поживился от своей роты. Если бывали редкие злоупотребления, то между старшими чинами и капитанами из англичан, которых еще оставалось немало в Александровское время. Личный состав флота открыто выражал им свое презрение, несмотря на их чины. При вступлении на престол Имп. Николая I-го почти все они попали под суд, т. к. никогда не покрывались своими подчиненными.

Возвращаясь к празднованию 6-го Ноября, следует отметить, что есть свое, не казенное, разрешалось только в этот исключительный день и строго запрещалось во всякое другое время. Также сугубо преследовалось ношение чего-нибудь не казенного из обмундирования. Это жестоко преследовалось начальством, а в среде кадет и гардемарин той эпохи считалось «писарским шиком». Все это имело, конечно, свой глубокий смысл.

Шли годы, Менялись времена и нравы. Смягчались и изменялись нравы во Флоте и в Корпусе.

В несколько последних десятилетий празднование Шестого Ноября проходило почти всегда одинаково, отличаясь из года в год только деталями.

Мы, — «в рассеянии сущие» — праздновали Шестое Ноября, как могли, по возможности. Возможности же иногда бывали очень ограниченными — далеко не всегда сладок хлеб чужбины! Нам неизвестно грядущее, но будем надеяться, что на «Наварине» когда-то поднимется Андреевский флаг, под которым прошла почти вся морская история нашей Родины.

Годы идут и все меньше остается нас, когда-то вышедших из стен старого Морского Корпуса и, в конце концов, наступит день, когда останется кто-то один для традиционного праздновани, про которого можно сказать словами А. С. Пушкина:

«Несчастный друг! Средь новых поколений
Докучный гость, и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...»

В. М. Федоровский

В королевстве Сербов, Хорватов и Словенцов

(Из материалов для истории Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка) *)

5 июня. 9 ч. утра. Показались берега Греции. На пароходе оживленно и весело. Казаки острят, стараясь перещеголять друг друга, и, издеваясь над прислугой корабля — французами и турками, потихоньку из кармана показывают им кулак.

Около 12 ч. дня «Керасун» входит в Синопскую бухту и отдает якорь.

6 июня. День проходит в перегрузке с парохода на поезд. Вечером вся Гвардейская казачья группа уже в пути.

7 июня. Рано утром поезд подошел к пограничной сербской станции Джевджели, где в одном километре от нее уже был разбит лагерь ранее нас приехавших казаков — кубанцев и конвоя Главнокомандующего. Дивизион выгрузился и принялся за устройство своего лагеря у подножия горы, покрытой еще со времен германской войны, окопами, ходами сообщений и блиндажами.

После голых Лемносских скал и унылого моря, македонский пейзаж поражает своей девственно-строгой красотой. Казаки рады и очень довольны переездом.

9 июня. Сербы чрезвычайно тепло и радушно принимают русских. Хлеб и прочие продукты отпускаются ими в большом количестве и доброкачественном состоянии. Привыкши на Лемносе к полуголодному пайку, казаки не могут съесть всего, что выдают сербы. Лагерь болен почти поголовно от резкой перемены режима питания.

10 июня. Утром Лейб-гвардии Казачий Дивизион отправился к расположению Конвоя Главнокомандующего, чтобы принять свой штандарт, находившийся при нем до сих пор.

Конвойцы, прекрасно одетые по сравнению с нами, выстроились перед вагонами по старшинству частей: на правом фланге эскадрон Конной Гвардии, затем Лейб-казаки, Атаманцы, Кубанцы и Астраханцы.

Полковой штандарт передается нам в дивизион под звуки хора трубачей Конвоя. Старший лейб-казак царского времени — подхорунжий Чеботарев бережно проносит перед строем нашу святыню.

Затем, в самом городе, прибывший на территорию Сербского Королевства представитель Главнокомандующего в Сербии генерального штаба генерал-майор Потоцкий обошел войска, здороваясь с ними. Он был восхищен видом прибывших частей, благодарил их за верную службу и просил здесь — в гостеприимной братской Сербии — сохранить на высоте имя Русской Армии.

Казаки бодро и красиво проходили церемониальным маршем.

После парада в лагере дивизиона мы радостно встретились с нашими офицерами и казаками конвоя. Тут же, по просьбе командира Конвоя полковника В. В. Упорникова, несколько казаков дивизиона было отправлено на службу в Конвой Главнокомандующего.

Вечером в наскоро поставленной палатке офицерского собрания был скромный ужин. На нем, помимо офицеров Конвоя, присутствовали сербский полковник, офицеры Лейб-гвардии Атаманского дивизиона и др.

13 июня. Погрузившись накануне в вагоны, дивизион прибыл на станцию Градско. Здесь мы расположились лагерем в тех же французских палатках, привезенных с Лемноса, в ожидании распоряжений о дальнейшем нашем следовании к месту работ.

15 июня. Лейб-гвардии Казачий и Атаманский дивизионы несколькими эшелонами по узкоколейной железной дороге выехали на город Прилеп.

Оригинальный способ передвижения, когда неоднократно приходилось идти пешком и подталкивать вагоны или ставить их на руках обратно на рельсы, был всем по душе.

Пройдя опасный и высокий перевал, поезд вечером добрался до Прилепа, маленького македонского городка, расположенного на дне лощины. Нас встретил там комендант города, любезно предложивший для ночлега в распоряжение офицеров и казаков местные кофейни. Он очень сокрушался, что кроме мяса и хлеба (по огромному хлебу на каждого) не может дать ничего, так как его не предупредили заблаговременно о нашем прибытии.

Пройдя со штандартом и песнями по улицам Прилепа, дивизион вернулся на станцию и оттуда разошелся по домам на ночлег.

16 июня. Около 10 ч. утра мы приехали в Битоль, столицу Македонии. На вокзале нас встретили сербские офицеры и рота пехоты с оркестром музыки. Со станции, под звуки марша «Москва», Лейб-казаки и Атаманцы проходят между шпалерами солдат пехотной диви-

---

*) Продолжение статьи «На Лемносе», напечатанной в №№ 47 и 48 «Военной Были».

зии, взявших нам «на караул», перед полковником Пешичем, начальником этой дивизии. Мы размещены невдалеке от вокзала: казаки — в казармах, офицеры — в отделении офицерского собрания дивизии.

Часов в 8 вечера к нам приходит группа офицеров и приглашает на ужин. Каждый из них берет с собой 6-8 человек и ведет их в ресторан. Потом все собираются в помещении «Босния», где офицеры сербской пехотной дивизии, ее начальник и офицеры штаба чествуют нас.

Поздно ночью, глубоко тронутые искренностью и теплотой приема, мы расходимся по квартирам, сопровождаемые оркестром, сербскими офицерами и представителями русской колонии в Битоле.

17 июня. Мы все отдыхали целый день и свободно гуляли по улицам города, радуясь тому, чего были лишены на Лемносе в течение полугода — то есть полной независимости и возможности общения с жителями.

В 9 ч. вечера, в том же ресторане «Босния», нас и Атаманцев приветствовала русская местная колония. Присутствовал епископ Битольский и сербские офицеры. В своих речах, начальник дивизии и епископ Битольский выразили общее сердечное отношение к прибывшим частям, глубокое уважение к Русской Армии и веру в дальнейшее будущее. Один же из присутствовавших русских генералов в строгих и верных чертах обрисовал недавний крестный путь нашей армии в лагерях и предательское отношение к ней наших бывших союзников. Его речь произвела сильное впечатление. Военный оркестр покрыл последние слова звуками русского гимна. Гимн был выслушан в глубочайшей тишине и закончен единодушным «ура» и «живио». Казаки песенники и танцоры имели очень большой успех. — Потом грянуло веселое «коло». В нем приняли участие решительно все присутствующие: весь генералитет, все сербские и наши офицеры, русская колония, многочисленные гости. В этот день мы чувствовали себя как на празднике в родной семье.

18 июня. Часть дивизиона ушла походным порядком в деревню Лера для организации лагеря. Оттуда мы разойдемся по разным участкам будущей работы.

19 июня. Еще рано утром остальная часть Лейб-гвардии Казачьего дивизиона, вместе с Атаманцами, выступила в Леру. До окраины города нас провожала рота пехоты, артиллерия и большая группа сербских офицеров. Шли под музыку оркестра дивизии по главной улице Битоля, будя спящих жителей.

После нескольких часов 20-километрового перехода дивизион по шоссе прибыл в деревню Лера.

20 июня. Лагери обоих дивизионов расположены на окраине деревни, около горной реки. Дивизион отдыхает и приводит лагерь в полный порядок.

21 июня. Отношение окрестных жителей к нам благожелательное, но все тут так разгромлено во время германской войны, что македонцы по бедности не могут ничем быть нам полезными.

22 июня. Из Битоля приезжал осматривать наше лагерное расположение начальник пехотной дивизии полковник Пешич. В палатке офицерского собрания его приветствовали всем, что позволили скромные средства дивизиона. Полковник Пешич остался доволен своей инспекцией. Он с интересом рассматривал походную обстановку нашего собрания: акварели Степ. Фед. Ефремова, портреты ген. Врангеля и др., значки дивизиона и 6-ой Л.-гв. Донской казачьей Его Величества батареи. Батарея неразлучно с нами до сих пор, со дня ее прикомандирования к Лейб-казакам еще на острове Лемносе.

Полковник Пешич, так любезно отнесшийся к русским частям, приехавшим в Битоль, уже завоевал симпатии казаков и офицеров. Из палатки офицерского собрания он был вынесен нами на руках, а автомобиль его забросали цветами.

23 июня. Инспекция лагеря сербской врачебной комиссией.

24 июня. 1-ая и 2-ая сотни дивизиона выступили с утра к местам предстоящих работ. Вместе с частями Сербской армии мы будем собирать на этом участке бывшего Салоникского фронта военное снаряжение, брошенное немцами после их отступления в германскую войну. Днем сотни прибыли в совершенно разрушенную деревню Трново - Магарево, находящуюся у подножия высокого, всегда дымящегося в облаках Пелистера. Пелистер — самая высокая вершина Балканского хребта в окрестностях Битоля. Ночь провели в палатках.

25 июня. Обе сотни ушли наверх, к высоте 2462. Палатки и имущество были подняты туда на мулах.

26 июня. Продукты, отпускаемые сербским интендантством, принимаются в деревне Трново и подаются наверх караваном мулов.

28 июня. Лагерь 1-й и 2-й сотен расположен на опушке соснового леса. Над головой, теряясь в облаках, намечается острая вершина Пелистера. Справа и слева скалистые бока горного отрога круто падают в лощину. Там виднеются македонские деревушки и дальше к югу город Битоль (Белая Церковь).

Невдалеке от лагеря пасутся рабочие мулы специальной команды сербов, прикомандированной к Лейб-казакам на время работ, а так-

же козел 1-ой сотни — подарок жителей Битоля.

Палатки устланы душистыми сосновыми ветками. Из таких же веток устроена беседка офицерского собрания. На передней линейке лагеря казаки и офицеры, от ничегонеделания, играют в городки. Несколько групп казаков развлекаются особым образом: большими бревнами расшатывают и сталкивают вниз громадные глыбы плохо держащихся скал. Они летят вниз со страшным грохотом, прыгая необыкновенными скачками и подымая огненную пыль. Горное эхо многократно отвечает стоном и громом. — Работы еще не начинались.

29 июня. Ночью, часто и днем, лагерь на высоте 2462 м. окутывается облаками. Становится очень холодно, сыро, в то время как в деревне Трново, одним километром ниже, стоит жара и духота. — Нередко слышится вой волков, бродящих невдалеке от лагеря.

3 июля. На высоте 2462 начались тяжелые работы. Каждый день утром в Трново приходят мулы, нагруженные снарядами. Работа очень утомительная и опасная: казаки собирают неразорвавшиеся гранаты, бомбы, снаряды на бывших немецких позициях. Чаще всего их приходится извлекать из заваленных камнями траншей и погребов, с ежеминутным риском для жизни. От хождения по острым скалам быстро снашивается обувь и одежда. Но казаки не жалуются; уже к полудню они почти всегда выполняют свой урок.

11 июля (29 июня ст. ст.). Взвод казаков 3-й сотни ушел из деревни Лера в Битоль. 3-я сотня встретит там свой праздник. На высоте 2462 этот праздник тоже отмечен.

Несколько офицеров Лейб-гвардии казачьего дивизиона и 6-ой Лейб-гвардии Донской казачьей Е. В. батареи откомандированы в сербский лагерь, на километре 5, для руководства и наблюдения за работой сербских солдат.

12 июля. В деревню Трново прибыла из Битоля 3-я сотня. Через несколько дней сюда должна притти из Леры пулеметная команда. Она сменит 2-ую сотню и песенников, уходящих в Леру на праздник 2-ой сотни 18 июля (5 июля ст. ст.). Ввиду ненастной погоды 3-я сотня с прикомандированными к ней казаками батареи осталась ночевать в Трново.

Оказывается, на параде в Битоле, по случаю своего праздника, 3-я сотня вызвала новый восторг жителей своим церемониальным маршем и блестящим видом. После серых и неопрятных сербских солдат Лейб-казаки в белых рубахах с алыми погонами, винтовками, шашками и малиновыми патронташами были встречены громом аплодисментов толпы и забросаны цветами. Казаки обедали в казармах пехотной дивизии, офицеры же были приглашены в ресторан «Босния». В 8 часов вечера открылся бал и продолжался там до глубокой ночи.

13 июля. 2-я сотня и песенники спустились с высоты 2462 и ушли в деревню Лера. Сменяющая их 3-я сотня поднялась наверх.

15 июля. В Лере начались приготовления к празднику 2-й сотни: украшается весь лагерь, идут спевки. Всего недели полторы тому назад у офицеров на высоте 2462 появилась мысль создать хороший хор песенников. Они быстро и энергично взялись за это дело. Благодаря настойчивости и терпению есаула Ротова и других офицеров прекрасный хор уже готов.

18 июля. Около дороги, ведущей в Битоль, против палатки офицерского собрания устроена арка из зелени. Над нею щит с двуглавым черным орлом, ниже — скрещенные шашки и два круглых алых щита с датами «1877» и «5 — VI». Дорожки, ограниченные белыми столбиками и перилами, покрытыми зеленью, ведут наверх к маленькой походной церкви. Церковь тоже украшена зеленью и цветами. Лагерь наряден и красив: все линейки расчищены и подметены, камни выбелены известью и строго выравнены, перед каждой палаткой посажены молодые деревца, привезенные из леса.

Часам к 11 начинают съезжаться гости: начальник дивизии, епископ Битольский Иосиф, представители русской колонии, сербские офицеры, группа Атаманцев.

Праздник начался молебном. Его служил сам епископ Иосиф. В конце он провозгласил вечную память всем русским воинам, павшим в борьбе за свою Родину и тем Лейб-казакам 2-ой сотни, которые более 40 лет тому назад погибли в их героической атаке под Плевной.

Затем все поздравляли сотню — именинницу. Ее командир — есаул Кундрюков провозгласил здравицу Королю Петру, Королевичу Александру, дорогим гостям. После парада казаки разместились за столами из дерна, офицеры и гости — в палатке собрания. Хор песенников очень удачно исполнил «Гой ты, Днепр», и «Что, кормилец наш Дон Иванович», бравурный гимн «Гей славяне» и много других вещей.

В конце обеда из Градско приехал полковник Н. В. Номикосов, остававшийся там до сих пор при штабе Гвардейской Казачьей группы.

24 июля. Песенники дивизона отправлены на работы в деревню Маловиште. На высоте 2462 произошел несчастный случай: во время сбора снаряжения нечаянно уроненный снаряд разорвался и тяжело ранил в обе ноги сербского солдата, а подхорунжего 6-ой батареи Криворогова легко в спину.

28 июля. В лагерь при деревне Лера около 5 часов вечера приехал на автомобиле полковник В. В. Упорников, командир Конвоя Главноко-

мандующего и, кроме этого, командир Гвардейской казачьей группы.

29 июля. Полковник Упорников, ознакомившись с ходом работ и произведя опрос претензий, уехал обратно.

30 июля. День в лагере у деревни Лера проходит довольно скучно и однообразно: свободные от работ офицеры и казаки купаются в горной речке, протекающей рядом, гуляют, потом расходятся по палаткам. Желающие казаки отпускаются партиями на частные работы и зарабатывают там по 10-15 динар в день.

6 августа. В 5 ч. утра 1-я и 2-я сотни вышли к новому месту работ. Дойдя до сербского лагеря «километр 5», они по горной тропинке поднялись в горы и около маленькой деревушки Снегово стали лагерем.

7 августа. В лагере Снегово полковник Номикосов начал занятия с младшими офицерами по уставам.

8 августа. Работы по сбору военного снаряжеия снова закипели; казаки, под руководством своих офицеров выходят в 5 ч. утра и возвращаются обратно, выполнив задачу, около полудня.

Казаки работают на скатах гор, на бывших немецких позициях, где они голыми руками вытаскивают из каменной почвы колья проволочных заграждений и сносят их потом на своих плечах на сборные пункты километра за полтора от окопов. Заданный урок — 30-40 кольев на человека в день. — После работы у младших офицеров — занятия по уставам; вечером — спевка хора песенников.

13 августа. Работы пошли ускоренным темпом. По сведениям из главного лагеря у деревни Леры, дивизион должен закончить все к 17 августа, после чего Лейб-казаки и Атаманцы будут переброшены в окрестности города Охрида.

Казаки с Снегово работают теперь с 5 ч. утра до 12 и от 5 пополудни до 9-ти ч. вечера. Это им страшно тяжело. Хозяйственная часть дивизиона и 3-я сотня уже ушли из деревни Лера в Охрид.

15 августа. Работы около Снегово закончены: казаки сегодня работали до глубокой ночи под проливным дождем и во время грозы. Последний участок останавливался у деревни Криклин, расположенной у подножия гор в глубокой и длинной лощине.

16 августа. На заре 1-я и 2-я сотни, работавшие у Снегово, спустились с гор к сербскому лагерю «километр 5» и остановились там в ожидании подвод из деревни Лера.

1-ая сотня, погрузив на них палатки и имущество, выступила на Леру в тот же вечер. 2-я сотня должна была подойти на следующий день.

17 августа. День прошел в сборах. Большая часть Лейб-казаков и Атаманцев уже в пути в Охриду.

18 августа. В 7 часов вечера последняя часть нашего дивизиона вышла походным порядком из деревни Лера. Сделав в течение ночи переход в 35 километров, пересекавший один из хребтов македонских гор, мы к рассвету прибыли в городок Ресань и в 2 километрах от него, около кладбища у деревни Янковац, сделали большой привал.

В 5 ч. пополудни мы снялись с бивуака и шли весь вечер и ночь с 19-го на 20-ое августа к турецкому городу Охрид. Привалы были короткие — на 10-15 минут. Часам к 3 утра мы прошли высокий перевал и, наконец, вышли в охридскую лощину. Тут, уже недалеко от Охрида, мы остановились на отдых. После 50-километрового пути по скалистой местности с крутыми высокими подъемами и такими же утомительными спусками, все, кроме часового при штандарте, сразу заснули, крепким сном тут же в открытом поле.

Много казаков в этот переход лишились обуви. Они отстали и постепенно подтягивались до самого утра.

Часов в 8 утра, пройдя город, части дивизиона прибыли в свой лагерь, стоявший километрах в двух от Охрида, на самом берегу озера. На запад, на противоположной стороне озера, уже граница с Албанией.

Отдыхали весь день.

Нам сообщают, что отношение местных турок к сербам враждебное. Гулять ночью, вдали от лагеря, опасно.

21 августа. Сербский капитан Иованович, от которого мы зависим по вопросам лагерной жизни и снабжения нас продуктами интендантства, оповестил приказ: нам всем запрещено отходить дальше 500 метров от черты лагеря. Отлучки в Охрид и окрестные деревни разрешаются только по специальным пропускам. Причиной этой меры является враждебное к нам отношение местного населения. Одновременно заметно ухудшилось наше питание.

22 августа. Пулеметная команда вышла на работы в окрестности города Струга, что километров в 15 от лагеря, на противоположной стороне Охридского озера. — Днем в палатке офицерского собрания полковник Номикосов продолжает занятия по уставам с младшими офицерами. — Ощущается большой недостаток в газетах и журналах.

Как и на Лемносе, денег ни у кого на руках нет: сербы за работы кормят и выдают в месяц от 12 до 20 динар на человека (этой суммы хватает только на несколько пачек табаку).

31 августа. Рано утром, совершенно неожиданно, в лагерь прибыли грузовые автомобили из Битоля за вещами дивизиона. Палатки облетела весть, что сегодня в полдень мы возвра-

щаемся из Охрида в Битоль, а оттуда перебрасываемся по железной дороге в город Ниш. Это вызвало всеобщее недоумение; никто не понимал, почему нас отзывали так спешно от работ.

Около 12 ч. дня хозяйственная часть дивизиона, имущество и больные выехали в Битоль. 1-ая и 3-ая сотня, только вернувшиеся с работ (они работали на берегу озера километрах в 5 от лагеря), наравились походным порядком к высокому перевалу через горную цепь. Пересекши ее кратчайшим путем по узкой горной тропинке, после 17 километров перехода, они к ночи прибыли в город Ресань и встретились там с головной частью дивизиона.

2-ая же сотня выступила из Охрида на следующий день. В пути она встретилась с пулеметной командой и вместе с нею пришла в Ресань, а оттуда — в Битоль.

1 сентября. 1-ая и 3-я сотни покинули Ресань в 3 ч. утра и, придя в Битоль, расположились на отдых в казармах сербского пехотного полка около станции.

2 сентября. Прибыли 2-ая сотня и пулеметная команда; 1-ая же и 3-ья сотни двумя эшелонами выехали по узкоколейной дороге на Прилеп, куда добрались только поздно вечером.

3 сентября. 1-ая и 3-ья сотни на заре выехали дальше на станцию Градско. Там они разбили палатки, поджидая 2-ую сотню и пулеметную команду, а также все части Гвардейской Казачьей группы, снятые с работ и стягивающиеся в этот пункт для дальнейшого общего следования к городу Ниш.

5 сентября. Стало известно, что Гвардейская казачья группа идет на железно-дорожные работы. Придется всем решительно работать на разных началах. Настроение молчаливое: сохранится ли полк?

6 сентября. Дивизион выехал из Градско. Миновав Велес, поздно вечером остановились в городе Скоплье.

7 сентября. Утром прибыли в город Ниш и стали лагерем в одном километре от него, у станции «Црвени Крест».

8 сентября. Соседство со стоящими уже давно в Нише на работах армейскими частями, почти уже превратившимися в беженскую массу, плохо влияет на ум и настроение казаков нашего дивизиона. Кроме этого, появились больные «вирдаркой» — местной малярией. Обстановка тревожная.

10 сентября. Командир Конвоя Главнокомандующего — полковник Упорников хлопочет о том, чтобы гвардейские части не назначали на работы. Начальник сербской дивизии, расположенной в Нише, высказал желание посмотреть лично эти части. Он уже слышал о них много похвальных отзывов и хочет теперь на параде посмотреть их, чтобы в утвердительном случае хлопотать в свою очередь о принятии нас на пограничную службу вместо работ. Казаки готовятся к смотру. Никто не хочет ударить лицом в грязь: каждый понимает, что от исхода этого парада зависит наше будущее.

11 сентября. Наш парад произвел блестящее впечатление на начальника сербской дивизии. Он сейчас же послал правительству телеграмму с ходатайством и принятии гвардейских казачьих частей на пограничную службу. Главный же инженер, заведующий железно-дорожными работами в районе города Ниш, послал с своей стороны тоже телеграмму, сообщая, что прибывшие части ему не нужны совсем.

Начальник сербской дивизии допускает недоразумение: нас экстренно вызвали сюда из Македонии, не поставив об этом в известность генерала Потоцкого. Сербы же очень спешат закончить железнодорожную ветку, которая должна установить связь через Болгарию между Одессой и Адриатическим побережьем.

12 сентября. С нетерпением ждем ответ на ходатайство начальника сербской дивизии о принятии нас в пограничную стражу. От этого ответа зависит будущее Лейб-гвардии Казачьего дивизиона.

13 сентября. Неприятная атмосфера общего настроения наших казаков, созданная соседством с распутившимися и затронутыми агитацией некоотрыми частями Кубанской дивизии, разошлась: после вечерней зори, перед фронтом дивизиона, младший урядник Хмарин Александр за неисполнение приказания был разжалован. Сразу стало тихо. Энергия командира дивизиона И. Н. Оприца сделала свое.

14 сентября. Для поднятия порядка и дисциплины, в дивизионе повелись строевые занятия. Кроме них — офицерские занятия в большой палатке собрания.

15 сентября. Приехавший из Белграда командир Конвоя Главнокомандующего полковник В. В. Упорников сообщил о принятии Гвардейской казачьей группы на пограничную службу. Настроение в дивизионе моментально поднялось. Это — самый лучший выход из положения. Он позволит нам сохранить сущность полка.

18 сентября. В палатке собрания один из офицеров беженского лагеря прочитал нам и Атаманцам очень интересную лекцию о масонстве.

19 сентября. Занятия с казаками ведутся энергичным темпом. Лагерь подтянулся в несколько дней прямо на глазах. У песенников снова пошли спевки.

22 сентября. Прослушали еще одну блестящую лекцию о масонстве. Ее читал профессор Бастунич в помещении кинематографа «Велика Сербия».

23 сентября. Мы вскоре должны уйти на

границу. Условия нашего принятия на службу довольно тяжелые в смысле моральном: все казаки служат как рядовые; младшие офицеры занимают унтер-офицерские должности; штаб — офицеры командуют небольшими секторами. Все, кроме штаб-офицеров, надевают форму сербской армии. Жалованье мизерное. Служба — по контракту на один год. По истечении этого срока желающие могут возобновить контракт. В случае же государственного переворота в Советской России контракт нарушается естественным образом.

Снять русскую военную форму очень тяжело, но эту жертву во имя сохранения имени и единства полка готовы принести все — и офицеры, и казаки.

25 сентября. Лагерь Гвардейской казачьей группы посетил генерал майор Потоцкий. Собрав всех офицеров, кроме чинов Донского Технического полка, остающихся со своими казаками на работах в Нише, генерал Потоцкий объявил, что мы займем участок на венгерской границе. Мы будем там распределены по постам.

28 сентября. На обеде, устроенном по случаю производства в следующий чин многих офицеров нашего дивизиона, присутствовали ген. штаба ген.-м. Потоцкий, бывший лейб-казак, в настоящее время Российский Военный Агент в Королевстве СХС, офицеры Лейб-казачьего взвода Конвоя Главнокомандующего и полковник Упорников, командир Конвоя.

30 сентября. Перед уходом на пограничную службу весь дивизион снялся с Лейб-казачьим взводом Конвоя.

4 октября. Начался медицинский осмотр и регистрация перед окончательным принятием на сербскую службу. Это проделывается специальной комиссией, высланной к нам из Загреба. Не желающим поступать на пограничную службу разрешено отчислиться от дивизиона. Ушло несколько казаков и три чиновника, нашедших себе места на стороне.

5 октября. Дивизион получил сербское обмундирование.

6 октября. В связи с предстоящим отъездом на границу настроение у казаков приподнятое.

7 октября. Рано утром служили напутственный молебен. Мы вышли к нему в последний раз в русской форме.

Было что-то трогательное и печальное в этом ясном осеннем утре, в давно знакомых церковных напевах, стройных рядах войск. Алыми, голубыми, белыми пятнами выделялись на фоне порыжевших полей цвета Гвардейской казачьей группы. Ярко горела медь хора трубачей, звонко звучали голоса...

Дивизион передал полковой штандарт Лейб-казачьему взводу Конвоя: «словно прощались с Россией» — говорили потом казаки.

Полчаса спустя мы приносили присягу на верность службе Сербии и ее Королю Александру. Строй был уже в сербской форме. Проходили церемониальным маршем отчетливыми зеленовато-серыми рядами, без душевного подъема. Все кругом казалось также серо и безрадостно.

Вечером в собрании был обед: Лейб-казаки прощались с 6-ой Л. гв. Донской казачьей Его Величества батареей, временно откомандированной от дивизиона и присоединенной к Конвою Главнокомандующего. Мы расставались с ней на целый год.

8 октября. С раннего утра началась погрузка в поезд на станции «Црвени Крест». Около 11 ч. утра поезд отошел, направляясь к Белграду.

9 октября. Наш поезд днем прибыл в Белград и остановился в версте от станции.

Выстроившуюся перед вагонами Гвардейскую казачью группу снова осмотрел генерал-майор Потоцкий.

10 октября. Мы прибыли в Загреб и, выгрузившись из вагонов, отправились в отведенные нам казармы.

11 октября. Прибывшие части Гвардейской казачьей группы (Лейб-гвардии Казачий, Атаманский и Кубанский дивизион) осматривал ген. шт. генерал-майор Гернгросс. Он благодарил нас за верную службу, молодцеватый вид и образцовый порядок.

12 октября. Мы размещены в казармах очень хорошо. Для штаб-офицеров и семейных, как и для обер-офицеров, отведены отдельные комнаты. Казаки размещены отдельно, но просторно.

Нам придется простоять тут несколько дней. Потом, получив оружие, мы разъедемся по местам на венгерской границе.

14 октября. Начались приготовления к полковому празднику. Мы будем праздновать в Загребе вместе с Кубанским Гвардейским дивизионом.

15 октября. Дивизион получил оружие. Части Гвардейской казачьей группы сведены в роты, «четы» по-сербски: 3-ью и 4-ую составляет Кубанский гвардейский дивизион, 5-ую и 6-ую наш дивизион с прикомандированными к нему на годичный срок службы несколькими офицерами Кубанской дивизии, стоявшей на работах в г. Нише, и, наконец, 7-ую и 8-ую — Атаманский дивизион. Дивизионы станут на сербско-венгерской границе, с востока на запад, в порядке номеров «чет». Лейб-гвардии казачий дивизион займет участок Вирие - Леград.

16 октября. Приготовления к полковому празднику.

17 октября. В 11 ч. утра наши дивизионы выстроились на казарменном дворе для молебна, но опять в русской форме: казаки в белых

рубашках с алыми погонами, кантами и знаками отличия, офицеры — одетые по-прежнему. Кубанский же Гвардейский дивизион — при оружии и со своими штандартами. Только Атаманцы почему-то остались в сербской форме.

На богослужении присутствовали генерал Потоцкий, генерал Гернгросс, Командующий Сербской армией, его начальник штаба, много гостей. Служил тот же православный священник, что и накануне на панихиде по Державным Шефам, убиенным и умершим офицерам и казакам. Пели офицеры дивизиона.

Потом был парад. После него, во время небольшого перерыва, гостям была принесена для ознакомления наша книга «История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка» и фотографии Собственного Его Величества Конвоя, ныне Кубанского Гвардейского дивизиона.

В одной из казарм были накрыты столы для обеда. Помещение декорировано зеленью, картинами, фотографиями, на полке — парадный кивер полка.

Офицеры 1-ой сотни Кубанского гвардейского дивизиона — потомки Черноморской сотни, участвовавшей с Лейб-казаками в знаменитой Лейпцигской атаке, обедают с нами. У нас с ней общий праздник. Играет хор трубачей Кубанского гвардейского дивизиона. Поют песенники от обоих дивизионов.

Праздник прошел весело и шумно. Сербам в особенности понравилось то, что каазки встретили Командующего Сербской армией громовым «ура» при обходе им помещений дивизиона и поднесли ему пробу казачьего обеда.

В ту же ночь 6-ая «чета» (3-ья и 2-ая наши сотни) погрузились в Загребе и отбыла на венгерскую границу.

18 октября. 5-ая «чета», то есть наша 1-ая сотня и пулеметная команда, вместе с Кубанским гвардейским дивизионом, прошла по улицам Загреба в образцовом порядке и погрузилась тоже. В 5 ч. пополудни мы выехали к месту службы.

Ночью, на одной из промежуточных станций, мы расстались с Кубанским гвардейским дивизионом, повернувшим на восток, а сами продолжили движение к станции Вирие, куда и прибыли рано утром 19-го октября.

Иван Сагацкий

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий номер 63 является последним, за который Вами внесена подписная плата.

Во избежание перерыва в высылке журнала, Вам надлежит теперь-же внести подписную плату за следующие ШЕСТЬ номеров 64-69.

Своевременный взнос подписной платы чрезвычайно облегчает работу Издательства.

Условия подписки указаны в обычном месте.

Почтовый Счет «Le Passe Militaire» 3910-12, Paris.

Праздник Морского Корпуса

16-го марта 1797 года директор Корпуса доносил Императору Павлу I-му:

«Имею счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что вчерашнего дня в Морском Шляхетном Корпусе освящена церковь во имя Святого Исповедника Архиепископа Павла, коего память празднуется в день всерадостнейшего восшествия Вашего Императорского Величества на Всероссийский престол. Освящение совершал Преосвященный Иннокентий, Архиепископ Псковский и к тому приглашены были: главнокомандующий в городе граф Буксгевден, члены Адмиралтейств-Коллегии и начальствующие над училищами. Архиепископ Ксенофонт, законоучитель в Корпусе, сказывал по этому случаю проповедь».

С тех пор 6 ноября, день, в который святая Церковь празднует память Архиепископа Павла Исповедника и день восшествия Императора Павла на престол 6-го ноября 1796 года, — был установлен как праздник Морского Корпуса.

Этот день неизменно отмечался во всем флоте. В кают-компаниях, в Морских Собраниях, везде моряки «заброшены в далекие моря, душой сливались все шестого ноября...»

Сливались душой, поздравляли друг друга, вспоминали свою общую «колыбель» — Морской Корпус и подымали бокалы за Родину, за Флот, за Корпус, за Царя...

В самом Морском Корпусе праздник состоял из трех частей. Утром — богослужение в церкви Корпуса и парад в Столовом Зале, затем днем — парадный обед и, наконец, вечером — бал. Провести без всяких недоразумений и задержек этот «блестящий праздник флота там, в залах Корпуса, на берегах Невы»... было задачей нелегкой, требующей общего напряжения, начиная от директора Корпуса и кончая самым маленьким кадетом младшей кадетской роты. Как правило — все сходило не только гладко, но и блестяще и «корпусом своим гордились мы...»

Уже рано утром весь корпус был на ногах и приходил в озабоченное, но радостное движение. Новенькая, с иголочки сшитая по мерке к этому дню форма ожидала каждого кадета и гардемарина. Надо было все осмотреть в последний раз, пригнать, примерить. Наконец, роты в парадной форме строились в своих помещениях. Первой выходила в Столовый Зал 4-я — Старшая кадетская рота, останавливалась в строе развернутого фронта перед огромной статуей Императора Петра Великого, клала винтовки на паркет и уходила в церковь на литургию. Немного позже в Столовый Зал входили и остальные роты, останавливались на своих местах и ожидали возвращения 4-й роты из церкви. В это время около статуи Петра Великого уже собиралось блестящее общество. Сверкало золото и серебро эполет и шитье мундиров у адмиралов, генералов и высших чинов гражданского ведомства. Внимание привлекали формы представителей иностранных государств. Несколько штатских дополняли картину. А на обширных хорах, расположенных во всю ширину зала, пестрели туалеты и шляпки дам и барышень, и блеск украшений сливался с блеском глаз, возбужденных ожиданием зрелища парада. Это были родители и родственники воспитанников и семьи служащих при Корпусе, получивших приглашение присутствовать на параде. Царит атмосфера напряженного ожидания. Центром внимания служит выровненный строй кадет и гардемарин. Собравшиеся у статуи Великого Петра и на хорах обмениваются впечатлениями в полголоса. Наконец, возвращается из церкви старшая кадетская рота и становится на свое место. Затем следует церемониал встречи знамени. Рослый знаменщик с знамением и адъютант Корпуса, печатая шаг, проходят вдоль фронта, держащего винтовки «на караул», и знамя занимает свое место на правом фланге гардемаринской роты.

После литургии служится панихида с поминованием Великого Петра, Державных Вождей и всех моряков, свой живот за Веру, Царя и Отечество положивших, как в море погибших, так и мирно скончавшихся.

Теперь все внимание присутствующих сосредоточено на широко распахнутых дверях музея, амфилада комнат которого тянется от парадного подъезда и заканчивается выходом в Столовый Зал. Этим путем должны проследовать Высокие Гости, а, может быть, и Он — «наш Государь». Тогда радость праздника претворялась в взрыв упоительного восторга, который, опалив юные сердца, сохранялся в памяти на всю жизнь. В последний раз Государь Император посетил Морской Корпус 6-го ноября 1914 года. Началась война, флот развертывался, нес потери, нужны были офицеры. В этот день Государь Император пожаловал Морскому Корпусу Шефство Наследника Цесаревича и произвел старших гардемарин в мичманы.

Командующий парадом внимательно всматри-

вается в глубину амфилады комнат музея и, наконец, резко поворачивается к строю.

«Встреча слева!» Батальоны берут «на караул», гремит оркестр и на фоне дверей появляется представительная фигура морского министра. За ним следует свита. Министр обходит строй, затем поздравляет гардемарин и кадет с праздником.

«За драгоценное здоровье Его Императорского Величества Государя Императора... ура!» И мощные величественные аккорды русского гимна «Боже, Царя храни» сливаются с восторженным «ура» молодых голосов. Морской министр и свита занимают места у подножия статуи Императора Петра Великого.

Раздается команда: «К церемониальному маршу!»

И вот, сверкая золотом якорей на белых погонах, золотыми нашивками и петлицами, под звуки доброго марша, проходят кадеты и гардемарины перед своим Императором, перед морским министром, проходят перед всей своей Родиной — Россией. А с высоты пьедестала огромный бронзовый «Царь-плотник» взирает на это сверкающее море движения. Его окружают, перед ним проходят потомки тех стольников, боярских, дворянских, дьячих и подьячих детей, которых он когда-то, прорубая окно в Европу, приказал набрать в учение и «добровольно хотящих, иных же паче и вопринуждением». Из глубины веков звучат слова его указа об основании «Школы Математических и Навигацких Наук» от 14-го января 1701 года.

«...На славу всеславного имени Всемудрейшего Бога и своего Богосодержимого храбропремудрейшего царствования, во избаву же и пользу православного христианства быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению...»

Это его любимое детище и кажется, что грозный Император строго иструктирует свое «гнездо Петрово».

Но вот заканчивается парад. Зал пустеет. Часть гостей разъехалась. Оставшиеся, в ожидании обеда, осматривают музей, отдыхают в гостиных. В своих помещениях гардемарины и кадеты быстро приводят себя в порядок. В это время в Столовом Зале армия служителей-дневальных быстро и ловко устанавливают и накрывают столы для обеда. Особенно тщательно сервируется ряд столов перед огромной моделью брига «Наварин». Сегодня бывшие воспитанники Морского Корпуса, маститые герои герои прошлых войн и плаваний, адмиралы и начальствующие лица будут обедать в стенах родного Корпуса вместе с молодым поколением.

Веселый сигнал «к обеду» звучит по всем помещениям. Роты одна за другой входят в Столовый Зал, располагаются у столов и остаются стоять в ожидании. Гости также занимают свои места. Наступившая тишина прерывается сигналом «на молитву». Гардемарим-регент выходит на середину зала, поднимает руку и привычно поется молитва перед обедом — «Очи всех на Тя, Господи, уповают...»

Наконец все усаживаются и сразу наступает оживленный шум голосов, играет оркестр. Из широко открытых дверей буфетной белым потоком появляются служители с кушаниями и разносят по столам. Все проголодались, все бодро настроены, начинается обед 6-го ноября.

За столом гостей председательствует не старший в чине, а старейший по выпуску. Меню обеда из года в год не меняется. Абсолютно неизменным остается и второе блюдо — гусь с яблоками. Это традиция. На начало этой традиции бесхитростно указывают несколько строк из старинного кадетского эпоса:

«Прислала нам Царица
На праздник сто гусей,
С тех пор в числе традиций
Храним обычай сей...»

Во время царствования Императрицы Анны Иоанновны Морская Академия, как назывался тогда Морской Корпус, переживала один из самых тяжелых периодов своего существования, особенно в материальном отношении. Воспитанники большею частью пребывали в состоянии вечно голодающих индусов. Поэтому подарок в сто гусей произвел должное впечатление и запечатлелся в веках. Несколько традиционных тостов поддерживаются дружным «ура». Читаются телеграммы-поздравления. Их множество. Они пришли со всех концов света, где развевается в это время Андреевский флаг. Читаются только более значительные и оригинальные по форме и содержанию. Много поколений еще помнят, например, такую телеграмму: «инженер-механик Франк, взявши телеграфный бланк, поздравляет, шлет привет с броненосца «Пересвет».

Но время идет. И если за столами у брига «Наварин» только что вошли во вкус воспоминаний и еще долго могли бы «вспоминать минувшие дни и битвы, где вместе рубились они», то молодежь спешит. Вечером ведь долгожданный бал.

Обед окончен. Гости разъехались. Воспитанники готовятся к вечеру, уходят в отпуск в город или заняты приготовлениями к балу.

Ежегодный традиционный бал Морского Корпуса 6-го ноября был тесно связан с светской жизнью Санкт-Петербурга. Этим балом открывался зимний сезон увеселений и балов в бывшей Северной Пальмире. Этот бал любили, к этому балу привыкли, попасть на этот бал считалось честью. Шились новые туалеты. Сколько волнений, переживаний для юных сердец, ведь «этот бал морской, годами освященный, для многих был их первый, чудный бал...»

На пригласительных билетах было указано, что директор Морского Корпуса просит Вас почтить своим присутсвием танцевальный вечер, который состоится в Морском Корпусе 6-го ноября такого-то года, и в конце стояло, что форма одежды — военным обыкновенная (подразумевалось сюртук с эполетами), а штатским — фрак. Танцы начинались в 9 час. вечера, съезд начинался несколько раньше, «И тысячью огней сверкая и горя, всех Корпус принимал 6-го ноября...»

Но принять всю массу гостей через парадный подъезд на Николаевской Набережной было невозможно. Поэтому «парадный съезд моторов и карет» частично направлялся к подъезду Морской Академии, непосредственно примыкавшей к зданию Морского Корпуса.

И вот, по ярко освещенным лестницам, покрытым красными коврами, по длинным анфиладам парадно убранных помещений, «красавиц юных рой, сквозь строй кадет влюбленных, стремился в зал, где томный вальс звучал...»

Из аван-зала поток гостей проходил рядом комнат музея. Музей ярко освещен и привлекает внимание публики своими моделями кораблей разных эпох, моделями механизмов, пущенных в движение, картинами сражений, восковыми фигурами в различных формах. В переходах из помещения в помещение, по обеим сторонам дверей, стояли гиганты матросы гвардейского экипажа — кареглазые красавцы, дети благодатного русского юга, застывшие как изваяния. Столовый Зал залит светом бесчисленных огней. Блеск золота и серебра на мундирах, пестрота дамских туалетов, игра драгоценностей, отражение огней, — все это составляло волшебную картину начинающегося бала. Расположившийся на хорах большой оркестр Морского Корпуса, по знаку дирижера танцами, играет полонез из оперы «Жизнь за Царя». Полонез — первый номер программы танцев, им всегда открывается бал. И кажется, что этим непревзойденно-изящным танцем отдается дань прошлому блеску прадедовских времен. В этом же зале в пышных робах, в камзолах, в париках, с давно нами утерянной жеманной грацией, танцевали когда-то наши предки танец танцев — полонез.

Зал так огромен, что кроме главного дирижера еще несколько его помощников дирижируют в разных концах его. Около тысячи пар одновременно кружатся в вихре вальса. Вдоль стен на креслах и стульях отдыхают уставшие танцоры и любуется балом старшее поколение. Танцуют еще и в помещении старшей гардемаринской роты, где играет другой оркестр. Программа танцев строго соблюдается, время расчитано... Море огней, роскошь дамских туалетов, разнообразие форм военных, музыка, исполняемая полнозвучным оркестром с замечательным искусством, запах тонких духов, шум голосов, звон шпор, веселый женский смех, все вместе составляет великолепное зрелище и создает атмосферу блестящего праздника. Найти кого-либо в этом беспрерывно движущемся человеческом море можно лишь случайно.

Из танцевальных зал публика непрерывным потоком двигается по бесконечным коридорам, помещениям, залам и гостиным. Все искусно декорировано и создано трудами и талантами самих воспитанников. Вот гибнет «Титаник». Талантливый художник и декоратор, искусным сочетанием световой игры, настолько реально изобразил страшную морскую трагедию, что публика долго задерживается в этом месте, выражая свое восхищение. Несколько дальше — долина Нила, пески, очертания пирамид и вечная загадка — Сфинкс в лучах заходящего солнца хранит известную лишь ему тайну прошедших тысячелеий. На повороте маяк. Вспышками своего огня он облегчает дивизиону миноносцев стремительный бег в шхерах. Помещение младшей кадетской роты превращено в древнюю русскую сказку. Тут Баба-Яга, Иван-царевич, Серый волк, Жар-Птица. Мягкий полусвет, тишина. Царство нашего детства, нянино царство.

Скрытые зеленью зимних садов, тихо и мелодично играют балалаечные оркестры. Гроты, беседки, фонтаны, зимние сады чередуются с буфетными киосками, где гостям предлагаются освежительные напитки, мороженое, сладости.

Но вернемся в Столовый Зал. Там бал в полном разгаре. Наступает время котильона. Ежегодно публику ожидает новый сюрприз. Тушится главный свет, зал пронизывают лучи прожекторов, освещаются хоры. На хорах устроены шлюпбалки, как на кораблях. На шлюпбалках висит искусно сделанный из дерева и картона паровой катер. На катере рулевой и прислуга все в белой форме. Раздается команда, свистки унтер-офицерских дудок, и катер плавно спускается на паркет зала. Катер разворачивается (малыши кадеты спрятаны внутри) и движется кругом по залу, затем останавливается посередине. Море оживленных лиц, смех, шутки. С катера бросают в публіку котильонные значки, бомбоньерки, летит серпантин.

Другой бал. Вместо катера — колесница Нептуна, окруженная нимфами и наядами. У ног Нептуна, важно восседающего на колеснице, красавица Венера. Она мило улыбаясь, раздает цветы и значки. И так из года в год. Котильон продолжается долго, это сфера ловкости и изобретательности дирижеров. Одна фигура следует за другой, неутомимость танцоров кажется безграничной. Но всему бывает конец. Близится и конец бала. Уже уехало большинство начальствующих лиц. Зал пустеет, вере-

ница усталых гостей движется к раздевалкам. Начинается разъезд.

Полиция направляет поток автомобилей, карет и экипажей во все стороны от подъезда Морского Корпуса. Море огней на улицах, но огни в окнах Корпуса постепенно гаснут и скоро все огромное здание погружается во мрак и тишину.

На следующий день занятий нет. Вновь наступают будни. Бал — это сказка земли. Впереди же тяжелая и суровая морская служба, требующая много знаний, труда и опыта. Все время занято. Заветы «в море дома» и «помни войну» — вечно напоминают о себе и заполняют жизнь.

Морской Корпус старше Санкт-Петербурга на два года. Оба они, рука в руку, прошли блестящий императорский путь служения России. Оба жестоко пострадают от ярости нагрянувшего лихолетия. Но мыслить Санкт-Петербург без Морского Корпуса, или Морской Корпус вне Санкт-Петербурга как-то странно, просто невозможно. И оба верят, что грядущая Россия вернет им их имена, исторію, традиции и былой блеск.

Леонид Павлов

П. С. Кроме исторических справок, мною приведены «в кавычках» несколько видержек из прекрасного стихотворения Е. Тарусского — «6-ое ноября».

Бой у Тюренчена 17, 18 апреля 1904 г.

В начале Русско-Японской войны к реке Ялу был выдвинут Восточный отряд, в составе 3-ей Вост. Сиб. дивизии, под командованием Ген. М. Кашталинского, и Забайкальской казачьей бригады Ген. М. Мищенко. Задачей Восточного отряда было: задержать наступление японцев и выиграть время для сосредоточения войск, прибывающих из Западной Сибири и Европейской России в район Леояна. В марте Забайкальская казачья бригада переправилась через р. Ялу и вступила в Корею, где она столкнулась с подходившими частями 12-ой Японской дивизии. После ряда боевых столкновений отряд Ген. Мищенко вернулся на правый берег р. Ялу. В начале апреля Восточный отряд был усилен частями 6-ой Вост. Сиб. стрелк. дивизии, стоявшей в Уссурийском Крае. Восточный отряд должен был иметь 24 стрелк. батал., 22 сотни казаков, 8 батарей, (64 орудия), одну конную и одну конно-горную батарею. В действительности, далеко не все части отряда прибыли и приняли участие в бою у Тюренчена. В середине апреля в командование отрядом вступил Ген. Лейт. Засулич, до того командовавший 2-м Сибирским армейским корпусом. Силы отряда были очень растянуты. На правом фланге действовал отряд Ген. Мищенко с 21-м Вост. Сиб. полк. и 11 сотнями казаков. Его задачей было наблюдать за побережьем между Бицзыво и устьем р. Ялу. В устье Ялу появились японские канонерские лодки и можно было ожидать высадки японцев на запад от устья Ялу. Вдоль берега рек Ялу и Эйхо стояли главные силы отряда под командованием Ген. Кашталинского: у Антунга — два батал. 10-го Вост. Сиб. стр. п-ка и две батареи 3-ей Вост. Сиб. стр. арт. бригады. Левее, у Тюренчена, находился один батал. 11 Вост. Сиб. стр. п-ка и 12-ый Вост. Сиб. стр. п-к и 2-я батарея 6-й Вост. Сиб. стр. арт. бригады. Этими войсками командовал, Ком-р 12-го Вост. Сиб. стр. п-ка, Полк. Цыбульский. Далее у Потетынзы, по берегу р. Эйхо, стоял 22-ой Вост. Сиб. стр. п-к с 3-ей батареей 6 Вост. Сиб. стр. арт. бригады. На левом фланге отряда у Амбихэ находился 1-ый Аргунск. казач. полк и Уссурийский каз. п-к под командованием Полк. Карцева. Главный резерв отряда находился у Тензы: — 9-ый В. Сиб. стр. п., два бат. 11-го В. Сиб. стр. п. и две батареи 3-ой В. Сиб. стр. арт. бригады.

Местность была гористая и пересеченная; дорог было очень мало. Правый берег рек Эйхо и Ялу господствовал над левым равнинным берегом и горный хребет, между Антунгом и Тюренченом, отвесно спускался к реке. Острова — Самалинда и Киури — на р. Ялу — были заняты охотничьими командами Вост. Сиб. стр. полков. На противоположном берегу р. Ялу стояла первая Японская армия Ген. Куроки с 2-мя гвардейскими и 12-ю пехотными дивизиями. По плану японского командования, армия Куроки должна была форсировать р. Ялу и отбросить Восточный отряд, дабы, заняв Фынхуанчен, обеспечить высадку второй японской армии в Бицзыво. Для этого нужно было сперва захватить острова Самалинда и Киури, занятых на-

шим сторожевым охранением. В ночь с 12 на 13 апреля японцы внезапно напали на наших охотников на островах и выбили их оттуда. После этого японские саперы приступили к постройке мостов на р. Ялу, причем их мостовой парк оказался недостаточным и им пришлось пяибегнуть к сбору подручного материала.

К 16 апреля японцы построили шесть мостов, причем бодьшая часть из них была составлена из джонок. Наша батарея, стоящая на открытой позиции у Телеграфной горы, севернее Тюренчена, открыла огонь по мостам, но ее шрапнельные разрывы оказались мало действительными; своим огнем батарея лишь открыла свою позицию. Вообще же японцы были, благодаря шпионажу китайцев и корейцев, хорошо осведомлены о расположении русских войск. На осторовах японцы установили артиллерию Гвардейской и 2-й пехотной дивизий, всего 72 полевых пушек и двадцать 12-ти сантим. гаубиц Круппа, и это против восьми пушек 2 бат. 6-ой В. Сиб. стр. арт. бригады...

Правофланговая японская 12-я дивизия получила задачу обойти левый фланг нашей Тюренченской позиции и перейти р. Эйхо западнее Хусана. Вечером 15 апреля 12-я японская дивизия выступила из под Вичжу для производства обходного движения. Дивизия шла тремя колоннами и лишь 17 апреля в 3 час. утра достигла мостов у Сукучина и начала переправу. Наши слабые части на восточном берегу р. Эйхо южнее Лизована были отведены на западный берег р. Эйхо, и в полдень 17 апреля 12-я дивизия дошла до берега р. Эйхо. В ночь 16-17 апреля японцы приступили к устройству артиллерийских позиций на остр. Самалиндо: нужно было проложить дороги, а для 12 сант. гаубиц наложить настил. Остров был покрыт кустарником и хорошо скрывал батареи. 17 апреля в 10 час. наша 2-я батарея 6-ой В. Сиб. стр. артил. бригады, стоявшая у Телеграфной горы (севернее Тюренчена), открыла огонь по японским саперам, работавшим при постройке мостов. Это послужило сигналом для японских батарей 2 пех. дивизий и 12 см. гаубиц для открытия огня по нашей батарее. Несмотря на огромное неравенство в силах, наша батарея продолжала вести огонь до 11 час. 50 мин. (т. е. 1 час. 50 мин.), после чего она была нынуждена прекратить огонь. За этот подвиг батарея в 1906 году была награждена надписью — «За Тюренчен 16-18 апр. 1904 г.» на серебряных георгиевских трубах. Южнее Потетынцзы орудия 3-ей бат. 6-ой В. Сиб. стр. арт. бр. вступили в единоборство с превосходящей в силах артиллерией 12 пех. дивизии, но должны были прекратить огонь, понеся значительные потери в людях. Стрелки во время этого артиллерийского поединка пострадали мало, т. к. окопы были еще не заняты, а резервы хорошо укрыты. Ген. Каштаменский, видя приготовления японцев к наступлению, послал донесение Ген. Засуличу, в котором он выражал свои опасения относительно большой силы японского артиллерий-

ского огня и, во избежание крупных потерь от него, предлагал заблаговременно занять высоты к западу от Тюренчена, а в передовых окопах отавить лишь охранение. В ответ на это Нач. штаба Вост. отряда, Ген. М. Срановский сообщил, что Ген. Засулич запретил, где бы то ни было, оставлять занятые позиции. В свою очередь Ген. Куропаткин, в одной из своих телеграмм к Ген. Засуличу, выразил надежду, что Восточный отряд окажет упорное сопротивление японцам, но приэтом дело не должно дойти до решительного боя с превосходными силами японцев. В другой телеграмме было указано — не ввязываться в неравный бой и медленно и постепенно отходить в горы. Русские позиции на берегу Эйхо были хороши и имели хороший обстрел. Берег был обрывистый. Особенно трудно доступна была Телеграфная гора.

Неблагоприятно же было то, что по условиям местности нельзя было иметь отдельно артиллерийскую и стрелковую позицию и поэтому позиции батарей находились в непосредственной близости стрелковых окопов, так что при обстреле артиллерии, часть снарядов попадала в стрелковые окопы. Заграждений устроено не было. Ходов сообщения не было. Глубина окопов была недостаточная. Тыловые позиции оборудованы не были. Лучше всего была оборудована позиция у Антунга, хотя там высадка была маловероятна. У Тюренчена были устроены окопы на 8 рот и был построен редут. К постройке позиций у Потетынцзе было приступлено лишь в середине апреля и она была наименее оборудована, хотя имела наибольшее протяжение. У Тюренчена можно было ожидать атаки, но никаких перемен в расположении войск произведено не было и лишь 2-я батарея 6-ой В. Сиб. стр. див. переменила позицию. 18 апреля в 3 час. Ген. Кашталинский получил донесение, что японцы крупными силами двигаются по мосту у Сан Де Гау. В 5 час. японцы одновременным залпом из своих многочисленных орудий начали усиленную бомбардировку наших позиций. Наша единственная батарея молчала, т. к. на основании опыта предыдущего дня она была бы немедленно приведена в молчание. В 7 час. японская пехота начала наступление густыми цепями. Русские стрелки открыли залповый огонь по наступающим японцам, когда те дошли на 200-300 метров до берега р. Эйхо. Наша 2-я батарея также открыла огонь, но была вскоре подавлена огнем многочисленной японской артиллерии.

В 8 час. утра японцы бросились в атаку, причем особенно большие потери японцы понесли, когда они проходили вброд р. Эйхо (вода иногда доходила до груди). Ген. Засулич вначале находился со своим штабом у Телеграфной горы. Видя громадное превосходство японских сил, он приказал постепенно очищать позицию на р. Эйхо, причем пулеметной роте и 2-ой батареи было приказано немедленно отойти и занять тыловую позицию, дабы прикрыть отход пехоты от Тюренчена. Затем Ген. Засулич отправился к главному резерву у Тензы. На нащей позиции у Тюренчена и Потетынцзе было 7 1/4 баталиона пехоты, а т. к. б-ны в среднем имели около 800 штыков, то в окопах было около 5600 стрелков и еще 15 орудий (во 2-ой батареи выбыла из строя одна пушка — 17 апреля). С японской стороны было 36000 чел. пехоты, 108 полевых орудий и 20 гаубиц. Одним словом, на японской стороне было подавляющее превосходство в силах.

Несмотря на это, атака японской гвардии вначале не имела успеха и она даже была вынуждена отойти назад. Перейдя р. Эйхо, японцы бросились на высоты, в некоторых местах дело доходило до штыкового боя. Наиболее упорное сопротивление было оказано у Телеграфной горы. С японской стороны там действовали 16-й и 20-й японские полки. К 9 час. утра вся русская позиция у Тюренчена находилась в японских руках. В упоении своего успеха, японцы приостановились и в их наступлении наступил перерыв, что очень помогли нашим отходящим частям. Дабы японская артиллерия могла переправиться через р. Эйхо, японцы немедленно приступили к устройству моста длиной в 34 метра. Одновременно с наступлением на Тюренчен, 12-я японская дивизия атаковала превосходными силами отряд Полк. Громова, командира 22 В. Сиб. стр. п., у Потетынцзы и начала обходить левый фланг расположения полка. Полк. Громов приказал левофланговой роте отходить.

Одновременно к-р 3-ей бат. 6 В. Сиб. стр. арт. бригады Подполк. Покатило донес Полк. Громову, что, ввиду обхода левого фланга, его орудия могут попасть в плен. Батареи было приказано уходить. Батарея снялась с позиции, но, вместо того чтобы идти на Чингау, направилась к Тюренчену, где по дороге попала в горный тупик и была, в конце концов, захвачена японцами, после того как орудия были приведены в негодность. Артиллеристы же с двумя ротами прикрытия ушли в горы. Все это происходило около 9 час. утра. Наши части у Тюренчена отступали, но, как пишет англ. воен. писат. Гамильтон, не были потрясены. Полк. Громов приказа об отступлении не получал. В свою очередь Полк. Громов никаких донесений об отступлении Ген. Кашталинскому не посылал. Об отходе 22-го В. Сиб. стр. п. Ген. Кашталинский узнал от прискакавшего фельдшера, который донес, что полк и батарея погибли. Одновременно охотники донесли о движении японской колонны силой до полка с тремя эскадронами от Чингау на Лауфангоу. Полк.

Громов, видя появление японских цепей у Магау, решил не занимать новую позицию, а продолжать отступление. Т. к. японцы быстро продвигались на Чингау, то вместо отхода на Чингау, 22-й В. Сиб. стр. п. пошел на Лауфангау.

Дойдя до перекрестка, севернее Лауфангау, отряд Полк. Громова пошел по этапной дороге на Фынхаунчын. (После боя полк. Громов был отчислен от командования полком). В это время 2-я бат. 6 В. Сиб. стр. бр. пулеметная рота и две роты 12 В. Сиб. стр. п. заняли новую позицию за речкою Хантухадзы, к западу от Тюренчена. Появились японские цепи на гребне гор. Наша батарея открыла удачный огонь. Японцы остановились и начали обходить наш левый фланг, ввиду отхода отряда полк. Громова. Нач. шт. дивизии полк. Линда приказал войскам, которые отошли от Тюренчена, отступать дальше на Хаматан. К этому времени к высотам 192, вост. Хаматана, подошел, вызванный из резерва, 11-й В. Сиб. стр. п. (два баталиона с 3-ей бат. 3-го В. Сиб. стр. браг.). Ген. Каштаменский приказал к-ру 11 В. С. стр. п. Полк. Лаймингу занять высоту и ее упорно оборонять, чтобы прикрыть отход частей. Ввиду пересеченной местности и неподходящих позиций для артиллерии, 3-ей бат. 3-й Вост. Сиб. стр. арт. браг. было приказано спешно вернуться к резерву, но было уже поздно, т. к. дорога у Лау Фан Гау находилась под огнем японцев. 8 зарядных ящиков батареи успели проскочить обстреливаемое пространство, но у переднего орудия были перебиты лошади и батарее пришлось остановиться. Орудия стали на позицию и открыли огонь по японцам на расстоянии 600 метров; так, как зарядные ящики уехали, то снарядов на батарее было мало и ей вскоре пришлось прекратить огонь. Так как батарея находилась под сильным ружейным огнем, то она понесла значительные потери в личном составе. Орудия были приведены в негодность и люди ушли в горы. К 15 часам войска, к востоку от Хаматана занимали следующее положение: 1 бат. 11-го В. Сиб. стр. п. и одна рота 22-го В. С. стр. п. занимали высоту 172, 3-ий бат. 11-го В. Сиб. стр. п. стоял в резерве, южнее высоты, семь орудий 2-ой бат. 6-ой В. С. стр. арт. бриг. и пулеметная рота стояли западнее и вели огонь по наступающим японцам. Японские цепи, прикрываясь горами, подходили все ближе и, в ковце концов, вокруг высоти 192 образовался круг, с небольшим выходом в западном направлении.

Полк. Лайминг решил пробить дорогу штыками на запад... Вперед из резерва был выдвинут 3-ий бат. 11-го В. С. стр. п., недавно прибывший из Европ. России, за ним следовал оркестр музыки, 1-я рота со знаменем, за ними шли солдаты, несшие и поддерживавшие раненых. Полковой священник благословил солдат и с крестом в руках пошел впереди атакующих. Под сильным ружейным огнем японцев был убит Полк. Лайминг и ранен полковой священник. Люди кругом падали, но атака удалась, японцам пришлось очистить дорогу и 11-й В. С. стр. п. вышел с потерями на этапную дорогу в Фун Хуан Чен.

Чтобы прикрыть прорыв, все орудия и пулеметы открыли по японцам ожесточенный огонь. Вскоре из-за за недостатка в снарядах и патронах, орудия и пулеметы прекратили огонь. Оставшиеся на позициях артиллеристы и пулеметчики, частично, пробились за 3-м бат. 11-го В. С. стр. п., но некоторое число из них попало в плен. 11-й В. С. стр. п. и 3-я бат. оказались жертвами того, что 22-й В. С. стр. п., под командой Полк. Громова не остановился у Лау Фан Гау. Если бы он оказал японцам сопротивление у Лау Фан Гау, то, вероятно, дело не дошло бы до трагического исхода боя у Хаматана.

Отход отряда из Антунга. Приказ Ген. Засулича об отступлении был также передан в отряд, стоявший в Антунге. Там находились: 2 1/2 баталиона 10 В. С. стр. п., 2 роты 24 В. С. стр. п., охотничные команды — 9, 10 и 11 В. Сиб. стр. пп. и 1-я и 2-я батареи 3 В. Сиб. стр. арт. бригады. Такое накопление сил у Антунга было, собственно говоря, излишним. Правда, японские канонерские лодки обстреляли накануне Антунг, без большого результата, но сбор мостового материала и постройка мостов напротив Тюренчена указывали на то, где японцы собираются наступать. Полк. Шверин, командовавший войсками у Антунга, собрал к 12 час. весь отряд и двинулся колонной через Тензы на Фын Хуан Чэн. На походе Полк. Шверин плоучил приказание Ген. Засулича прикрывать отход Восточного отряда. В арьергард был назначен 2-й бат. 10-го В. С. стр. п., который имел перестрелку с японцами. В Тензы к колонне присоединился 9-й В. С. стр. п.; западнее Хамата на подошли пострадавшие роты 11, 12 и 22 В. Сиб. стр. пп. Японцы со своей стороны не наседали, и марш продолжался беспрепятственно. После остановки в Фын Хуан Чене части Восточного отряда отошли к Модулинскому перевалу. Японцы, несмотря на успех продвигались очень осторожно, опасаясь подвергнуться нападению русских крупных сил. К 27, 28 апреля, т. е. через 10 дней, 1-я японская армия сосредоточилась у Фын Хуан Чана...

РУССКИЕ ПОТЕРИ ЗА БОЙ 17 И 18 АПРЕЛЯ

10 В. Сиб. стр. п. — убито и ранено 10 нижн. чинов.

11 В. Сиб. стр. п. — убито 14 офицеров, ранено 14 офиц., убито и ранено 566 ниж. чин. Пропало без вести 261 нижн. чин.

12 В. Сиб. стр. п. — убито 11 офиц., ранено 10 офиц., пропало без вести 2 офиц., убито и ранено 625 н. ч. и пропало без вести — 212 ниж. чинов.

22 В. Сиб. стр. п. — ранено 4 офиц., убито и ранено 155 н. ч., пропало без вести 31 нижн. чин.

3-я В. Сиб. арт. бриг. — убито 3 офицер., ранено 2 офиц., убито и ранено 60 н. чин.

2-я бат. 6-го В. Сиб. арт. бриг. — убито 2 офиц., ранен 1 офиц., убито и ранено 71 н. ч.

3-я бат. 6 В. Сиб. стр. арт. бриг. — убито и ранено 25 нижн. чин.

Всего убито — 30 офиц., ранено 34 офиц., пропали без вести 2 офиц. Убито и ранено 1606 н. ч., без вести пропавших 524 н. ч. Среди без вести пропавших было значительное число раненых, оставшихся на поле боя и взятых в плен. Японцы захватили 21 орудие и 5 пулеметов. Из списка потерь видно, что вся тяжесть боя легла на 11-12-й В. Сиб. стр. пп., которые потеряли в бою треть своего состава (полки были трехбатальонные). Значительно меньшие потери понес 22 В. Сиб. стр. п., причем, пропавшие без вести были, вероятно, среди солдат двух рот, находившихся в прикрытии батареи. Потери 10 В. Сиб. стр. п. произошли во время перестрелки в арьергарде. Потери в артиллерии были очень велики: 3-я 3 В. Сиб. стр. арт. бриг. потеряла всех своих офицеров и до 75% нижн. чин. боевой части. Потери 2-ой бат. 6-ой В. Си. арт. бр. были также большими. Эти высокие потери нашей артиллерии объясняются: 1) тем, что на японской стороне было подавляющее превосходство в артиллерии — артиллерия трех дивизий и гаубичный полк (10-15 см. гаубиц, 2) у японцев 1/3 артиллерии была горной, а с нашей стороны вообще горной артиллерии не было. Ввиду большой настильности огня нашей трехдюймовой пушки в гористой местности было очень трудно найти для нее подходящую позицию, что в свою очередь заставляло наши батареи стоять на открытых или полузакрытых позициях, что, при значительном количественном превосходстве японской артиллерии, вело к их уничтожению. Действия пулеметной роты: это были первые пулеметы в русской армии — они были громоздкие, с большими щитами и на больших колесах. Боевого опыта их применения не было никакого.

ЯПОНСКИЕ ПОТЕРИ ЗА БОЙ 17-18 АПРЕЛЯ

Гвардейская дивизия — уб. и ранено 8 офиц., нижн. чин. убито и ранено 150 чел.

2-я пех. див. — уб. и ранено 15 офиц., н. ч. убито и ранено 403.

12-я пех. див. — убито и ран. 11 офиц., н. ч. убит. и ранен. 280.

Всего — 34 офицера и 833 нижн. чин.

Это японские официальные сведения. Их потери почти наполовину меньше наших. Некоторые иностранные военные писатели считают их преуменьшенными. Возможно, что осторожное движение японцев к Фын Хуан Чену именно можно объяснить их более значительными потерями. По масштабам боев Первой и Второй мировых войн, бой под Тюренченом был незначительным боевым столкновением. Ведь на русской стороне фактическое участие в бою приняли 9 батальонов пехоты и три батареи артиллерии, т. е. по тогдашним понятиям немного больше одной бригады пехоты. Не смотря на это, этот бой имел большое моральное значение в дальнейшем ходе войны: в войсках была подорвана вера в свои силы. Война с Японией была непонятна и непопулярна в народных массах, что в свою очередь влияло на инициативу русского главного командования. Действия русского главного командования перед боем у Тюренчена были также неясны: с одной стороны — не ввязываться в решительный бой, с другой стороны — удерживать занятые позиции. Возможно, что при этом играли роль вопросы престижа.

Несмотря на огромное превосходство японских сил, все-таки бой у Тюренчена мог бы принять для русской стороны не столь неудачный характер: 1) если бы отряд Полк. Громова — (22 В. Сиб. стр. п.) не отошел бы в западном направлении, а прикрыл бы левый фланг, наших отходящих войск из-под Тюренчена; в таком случае дело не дошло бы до несчастного боя у Хаматана; 2) если бы, нетронутый боем, 9-й В. Сиб. стр. п. и войска из-под Антунга были бы брошены в бой у Хаматана, то, вероятно, 23 япон. пех. бригада потерпела бы поражение. Прорыв 11 В. Сиб. стр. п. у Хаматана показал, что даже при отчаянной обстановке доблестные войска могут выйти из положения. За бой у Хаматана 11-й В. Сиб. стр. п. получил надпись на Георгиевском знамени «За Тюренчен 17-18 апреля». Бой у Тюренчена был неудачным, но не бесславным для русской армии. Ошибкой русского главного командования было выдвигать далеко вперед в гористой и пересеченной местности сравнительно слабый и разбросанный на большом пространстве Восточный отряд.

Н. Н. Р.

« Георгиевский праздник »

Высочайше утвержденным, Императрицей Екатериной Великой, Статутом нового Ордена, 26-го Ноября 1769 года был — «торжествован при Дворе Ее Императорского Величества пер вый день установления Императорского Воинского Ордена Св. Великомученика и Побе доносца Георгия».

Соизволив принять на Себя и Своих преемников Гроссмейстерство, — Государыня Императрица постановила праздновать день учреждения Ордена не только при «Высочайшем Дворе, но и во всех тех местах, где случится кавалер большого креста».

Высочайше утверждая 10 Августа 1913 года новый Статут Ордена (последний) Государ Император Николай Александрович узаконил Свои вступительные к Статуту слова так: «Да живут непрерывно в дорогом сердцу Нашему Российском воинстве преподанные в статуте заветы воинской доблести и самоотвержения».

...И так, этот чисто военный праздник в Императорской России протекал с особой торжественностью в Военно-учебных заведениях и в частях Гвардии, Армии и Флота, не говоря уже о том, как чествовались сами кавалеры этого Ордена, оружия, креста и медали по всей Империи и в С. Петербурге, где их лично приветствовал Государь Император. Ежегодно до войны 1914 года, в Зимнем Дворце, в Георгиевском зале 26-го Ноября устраивался в Высочайшем присутствии церковный парад Георгиевским кавалерам.

На этот парад делался строевой наряд от Дворцовых Гренадер, украшенных Георгиевскими наградами, и перед фронтом их построения ставились Георгиевские Знамена, Георгиевские Штандарты и серебряные трубы войсковых частей. Строевые и отставные Георгиевские кавалеры выстраивались влево от Дворцовых Гренадер, или же , если не хватало места в зале, в соседнем Гербовом зале и далее в «Портретной Галлерее 1812 рода».

Высочайший парад этот всегда проходил с особенным патриотическим подъемом, в сердечном единении Державного Вождя со Своими героями.

После парада Государь Император отбывал на Петербургскую Сторону в «Народный Дом», где для нижних чинов устраивался парадный обед в Высочайшем присутствии. Для офицерских чинов таковой же обед устраивался позднее в Зимнем Дворце. Вечером для всех Георгиевских кавалеров давался парадный спектакль также в Высочайшем присутствии, в весьма нарядной обстановке, в присутствии высших сановников, дипломатического корпуса и множества гостей.

Перед Георгиевским праздником всегда озабоченно суетился «Хозяин» Народного Дома — Георгиевский Кавалер, Принц Ал. Пет. Ольденбургский, бывший Кадет Первого Корпуса.

Несколько репетиций церемониала встречи и приема Государя Императора и Георгиевского обеда производилось до праздника под руководством и наблюдением Его Высочества. Прекрасно организована была механическая процедура быстрой уборки столов и полной перемены обстановки зала. Принц распоряжался сам и ходил в сопровождении двух рослых Преображенцев, вникая в каждую деталь и делая нужные указания. Два батальона Лейб-Гренадер или Государевых Стрелков изображали, как помнится, будущих гостей...

. . . .

В С. Петербурге исключительно торжественно Георгиевский день праздновался в Певром Кадетском Корпусе. Этот древний «Корпус Кадетов», «Рыцарская Академия» времен Императрицы Анны Иоанновны, «рассадник Великих Людей России», по лестному названию Императрицы Екатерины Великой, имел все основания так его праздновать.

До 1916 года, когда 10-го Мая состоялся последний «Царский» выпуск из Корпуса, в составе коего считался окончившим Корпус Августейший Кадет, юный Кавалер Георгиевской медали, Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич, было 168 выпусков.

Первый Кадетский Корпус, имевший первым Генерал-Директором Фельдмаршала Графа Миниха и Директором коего с 1794 по 1801 г. г. был Генерал-Поручик Голенищев-Кутузов (б. кадет Второго Корпуса), впоследствии Генерал-Фельдмаршал и Св. Князь Смоленский, ка-

валер всех четырех степеней Ордена Св. Георгия, — дал России и ее доблестной Императорской Армии: Генералиссимуса Кн. Италийского, Графа Суворова-Рымникского, Фельдмаршалов: Графа Румянцева Задунайского, Графа Каменского, а также множество Кавалеров орд. Св. Георгия 1-ой, 2-ой, 3-ей и 4-ой степеней и оружия, среди которых были все Державные Шефы Корпуса, Царственные бывшие кадеты и генералы, штаб и обер офицеры — питомцы его, примерной ратной службой Царю и Отечеству и геройскими подвигами в боях, стяжавшие родному Первому Корпусу славу, честь и уважение!

Их имена, напечатанные золотыми буквами, гордо красовались на белых досках, размещенных по стенам огромного «Сборного Зала», вместе с большой роскошной мраморной доской, увенчанной массивной Императорской короной с длинным перечнем Имен Державных Шефов Корпуса и Особ Императорской Фамилии бывших Кадет, и украшали наш зал.

Для каждой степени была особая доска, увенчанная: для 1-ой и 2-ой степеней золотой орденской звездой, а для 3-ей и 4-й степеней Орденским Крестом с эмалевыми георгиевскими лентами. В этих исторических Петровских стенах «Георгиевские доски» вещали о древней славе и величии Государева Первого Корпуса, о рыцарстве и героизме славных его питомцев.

Двенадцать корпусных Знамен и Штандартов былой Конной роты Корпуса, а также Высочайше пожалованные Корпусу, в 1760 году при расформировании Лейб-Кампании, — «Серебряные барабаны», равносильные в те времена награждению «Серебряным трубам», являются лучшими показателями того, что верой и правдой заслужил Первый Кадетский Корпус.

Празднование начиналось торжественной обедней в Корпусной церкви. Многие бывшие кадеты — Особы Императорской Фамилии, престарелые генералы и сановники в лентах и звездах, молодые офицеры в блестящих формах приходили всегда в этот день в Корпус помолиться о героях и полюбоватся своими юными однокашниками.

После литургии следовал парад всему Корпусу в «Сборном зале». Реяло седое Знамя с истлевшими лоскутьями полотнища над строем Государевых кадет и строго красив был церемониальный марш перед Георгиевскими досками под звуки корпусного Марша «Августейший Кадет», по Высочайшему повелению исполняемого на всех парадах и смотрах Корпуса.

После здравицы Державному Шефу Корпуса, тоже с 1915 года Кавалеру Одена Св. Георгия, и Царственному Кадету — Наследнику Цесаревичу, — дружное «ура» батальона кадет, потрясая стены старинного здания, летело к чествуемым однокашникам-Георгиевским Кавалерам, а «вечная память» во время панихиды накануне, после всенощной, плыла к тем, кто храброй смертю «за Веру, Царя и Отечество» запечатлели подвиги свои на нетленных скрижалях двухвековой истории родного Корпуса.

После парада и гости и кадеты переходили в столовую, где был сервирован парадный завтрак. У каждого прибора лежала коробка конфет в виде корпусного вице-унтер-офицерского погона. И здесь, за кружкой шипучего меда, снова здравицы и тосты и снова могучие звуки «Боже Царя храни» и бесконечное «ура» в мощном порыве и генералов и Царевыю кадет, спаянных нерушимой силой беззаветной любви и верности к Царю, к Отчизне и к родному Корпусу...

«В сердцах кадет, как было встарь,
Живи, живи любимый Царь»...

Около 2 часов кадеты ходили в отпуск. Вечером многие, по наряду, находились на Георгиевском спектакле в Высочайшем присутствии, в «Народном Доме» и в Императорских театрах.

Глеб Бенземан

На могиле чудо-богатырей

... — «Виктория с нами и на том Богу Всемогущему спасибо, а коих нет, тем слава во веки»...

(Из письма Суворова к жене.)

Был сентябрь 1799 года, когда суворовская армия спускалась с Альп, после Швейцарского похода. Позади были — Треббия и Нови, Сен-Готард, Чертов мост; были разбиты Моро, Макдональд и Жубер. Где-то внизу, в долинах, наверно, дозревал виноград; звонил колокол церкви и кричали петухи — там было далекое, мирное тепло. В горах же, где шла Русская армия, было холодно и безлюдно. Порывистый ветер, пополам со снегом, валил с ног; под провалами клубился туман. Фельдмаршал ехал в толпе солдат на своем белом горбоносом донце, в простом казачьем седле. Старый, как он его называл, — «ветрогонный» плащ и форменная шляпа с обвисшими полямы были на нем... — «Давай, ребятушки, не стой, поднатужься. Руссак не трусак!» — подбадривал солдат Италийский. Гудел ветер, заглушая старческий голос; низко неслись тучи... далеко была Россия... «Ребятушки» тужились и «давали» то, что может дать только Русский солдат... коли захочет... С обмороженными лицами, заросшими колючей щетиной, давно не имевшие во рту ничего, кроме ржаных сухарей и талого снега, «ребятушки», придерживая кивера, скатывались, на собственных задах, с горных круч на удивление Европы.. Мы — Русские, — с нами Бог!!!

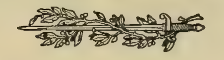
. . . .

В нескольких часах езды от города Мюнхена, у Баденского озера, есть старинный городок — Вейнгартен. Близь него, до наших дней, сохранилась роща, которую местные жители называют : «Русский лес». Там были, в свое время, похоронены около 3-х тысяч русских солдат и офицеров, 160 лет тому назад спустившихся сюда с Альп и умерших тут от ран и болезней. Армия возвращалась тогда домой — в Россию — и оставила их тут на попечение жителей в католическом монастыре — «Капля Крови. До сих пор в магистрате городка можно видеть пожелтевшие документы, написанные старым, витиеватым письмом по-русски. Все они касаются вопросов хозяйственных и под одним из них, в старинном росчерке, стоит имя неведомого теперь полковника Болдина. В 1943 году стараниями Русских эмигрантов останки суворовских подвижников, были перенесены в одну общую могилу. Теперь над ней — зеленый холм и на каменной глыбе слова: «Русским чудо-богатырям — 1799-1940 год». Местные старожилы расскажут любопытному о том, что, по сохранившимся тут преданиям, Русские солдаты оставили по себе добрую память и по вечерам пели длинные печальные песни. Этого, впрочем, народное предание не говорит о раненых французах, бывших здесь в это же время... От их внимания, особенно, доставалось окрестным пейзанкам и... курам...

. . . .

Недавно, при содействии Русских общественных организаций гор. Мюнхена, настоятелем местного прихода Архистратига Михаила, От. Сергием, была устроена поездка на «Суворовское место». На родной каждому русскому сердцу могиле была отслужена панихида и возложены цветы. Торжественно звучали под чужим небом слова — «Благоверному Государю Императору Николаю Александровичу и... болярину Александру, со други и сподвижники, имена их Ты Господи веси»... Какое нужное, красивое дело, — спасибо тому, кто его сделал! . Ведь мы — Русские. с нами Бог!..

Кирилл фон-Морр

Случай на смотру новобранцев в Царском Селе

(Из воспоминаний старого моряка)

Морской министр, адмирал Алексей Алексеевич Бирилев, только что вернулся из Царского Села, где Государю были представлены молодые матросы последнего призыва, закончившие период строевого обучения. Батальоном новобранцев командовал подполковник А., бравый офицер и прекрасный строевик. Я, как начальник канцелярии Министра, встретил Адмирала при его возвращении домой и остался у него завтракать. Тут же был его адъютант, лейт. Погуляев, еще кто-то из офицеров, не помню, кто именно, и его две дочери.

Как всегда, Алексей Алексеевич основательно приложился к разнообразным закускам и затем с аппетитом приступил к завтраку.

Само собой разговор шел о состоявшемся смотре и Адмирал делился с присутствующими своими впечатлениями.

Государь, по его словам, остался чрезвычайно доволен, благодарил Адмирала и пожелал наградить заведовавшего обучением подполковника А.

«Что можно для него сделать? — спросил меня Государь», рассказывал нам Алексей Алексеевич, «я ответил, что, быть может, осчастливить производством в следующий чин». Затем, на вопрос Государя, как долго А. в чине подполковника, я доложил, что уже 3 года. Тогда Государь подозвал А. и поздравил его с производством в чин полковника...»

При этих словах, мы, сидевшие за столом офицеры, уставились удивленно на Адмирала, который это сразу заметил.

«В чем дело, что Вы все на меня так смотрите?» обратился к нам Алексей Алексеевич.

«Да как-же, Ваше Высокопревосходительство, мы поражены, Вы ошиблись, — Вы сказали, что А. уже 3 года в чине, но ведь он только 3 месяца, как произведен в подполковники, к Пасхе это было», ответил ему С. С. Погуляев.

«Не может этого быть, я же не мог так ошибиться? Давайте сюда список офицеров, проверим».

Список принесен, Адмирал, вооруженный пенснэ, торопливо находит страницу, где указаны все сведения о прохождении службы подп. по Адмиралтейству А. Увы, Погуляев прав, — прошло всего 3 месяца со времени его производства, а такой срок как-будто маловат для получения следующего чина, да еще полковника!

Дальше пошло обсуждение, как выйти из создавшегося положения. Общий голос был за то, чтобы теперь же, не откладывая, объявить ошибку и ждать, какие указания по этому поводу будут даны. Адмирал согласился, что это будет самое лучшее и, встав из-за стола, отправился в кабинет писать письмо. Вскоре он ознакомил нас и с содержанием того, что написал.

Чистосердечно сознаваясь в своей ошибке, которой ввел в заблуждение своего Государя, он просил милостиво простить ему эту неприятную оплошность. Изложено это было в простых, проникнутых искренним чувством словах, как вообще умел писать Адмирал. Немедленно письмо это было срочно отправлено с нарочным. Все приутихли и с нетерпением ждали, чем окончится это происшествие.

Прошло очень недолгое время, и вот матрос-ординарец подает Министру только что доставленную телеграмму. Никак не ожидая столь скорого ответа Государя, Адмирал не торопясь ее вскрывает, но, увидев подпись «Николай», зовет в кабинет всех и читает телеграмму вслух.

В ней было сказано, как мне хорошо помнится, следующее:

«Благодарю Вас, Адмирал, за откровенное обращение. Я искренно рад, что сегодня у нас в России одним счастливым человеком больше. Николай».

Не трудно себе представить, как просиял наш Адмирал, прочитав милостивые слова Государя.

Таким образом все кончилось вполне благополучно, доставив большую радость не только полк. А., но и Министру, так счастливо вышедшему из неожиданного затруднительного положения.

В. Штенгер

1916 ГОД

Из боевой жизни Л.-Гв. 1-го Стрелкового Его Величества полка.

Знамя лейб-гв. 1-го Стрелковoго Его Величества полка на фронте, в войну 1914-1917 гг. Впереди — полковой священник Иеромонах Амвросий.*).

1916 год был в сущности годом более или менее позиционной войны. Разумеется это не значит, что мы бессменно сидели в окопах. Атаки укрепленных позиций противника чередовались с более спокойными днями и неделями, равно как и с переброской с одного фронта на другой.

Проволочные заграждения, тяжелые германские мины, не знающие пощады, козырьки, щиты, глубокие окопы с лисьими норами — с одной стороны, с другой — хлябанье, а подчас и сидение в болоте, летние жары и зимние стужи. Все это было. Но были временами и большие потери в людях.

В последующих трех своих повествованиях автор хотел бы ознакомить читателя — и это в виде продолжения к своему рассказу «На Стоходе» («Военная Быль» № 47) — с некоторыми моментами из боевой жизни своего полка осенью и зимой 1916 года.

---

*) Иеромонах Амвросий, впоследствии, был переведен в 3-й гренад. Перновский полк и вскоре был убит. Посмертно награжден Орд. Св. Георгия 4-й ст.

1. БОЙ 3-ГО СЕНТЯБРЯ

Каждый отдельный бой интересен в своем роде и не только с чисто военной точки зрения, но и теми психологическими моментами, которые являются стимулами его начала, кульминационной точкой и венчают исход.

3-го сентября мы должны были сделать то, чего не могли добиться другие. Количеством, массой думали одолеть все препятствия, а в результате — огромные потери, страшные жертвы людьми.

Не помню, за сколько дней до 3-го сентября мы заняли окопы перед деревней Войнин, сменив армейский полк. Офицеры этого полка, знакомя нас с обстановкой, говорили, что они несколько раз пробовали брать немецкие окопы, но ничего из этого не выходило. Впереди какая-то страшная долина — «Долина смерти», которую пройти живым невозможно. Много убитых и сейчас лежали в ней неубранными.

Армейцы ушли, а мы остались.

Окопы, в несколько линий, были вырыты глубоко, имели удобные землянки и блиндажи.

Разместились, как могли, и зажили позиционной жизнью.

А ведь жизнь эта, хотя и опасная, имела всегда и свои прелести. Ночью бодрствуешь, бродишь по окопам, проверяешь секреты, выдвинутые вперед, то и дело освещаешь местность ракетами.

Вдруг где-то влево выстрел, другой... царившая ночная тишина сразу превращается в треск пулеметов, шум рвущихся бомб, гул голосов. А через четверть часа снова все тихо. Наконец, наступает утро, а с ним и время отдыха. Идешь к себе в землянку, ложишься и начинаешь думать. Конечно, выспаться как следует за эти две-три недели стоянки на позиции едва ли когда удавалось, и ведешь такую дремотную жизнь. К часу просыпаешься. Вестовые принесли обед. Поешь с апетитом, попьешь чаю и снова пойдешь посмотреть, что делается впереди.

Впрочем несколько слов о чае. Пили мы его, можно сказать, целый день, согревая на железной печи, которая обыкновенно была в землянке. Пили, заедая Чуевскими сухарями, печеньем, всякого рода сластями. Чай был нашей страдой в холодные, сырые ночи, когда приходилось не спать, когда возвращались из обхода своего участка. Он же услаждал нашу жизнь и во время тридцати-верстных переходов в жаркие летние дни. Хвала и честь ему, милому русскому чаю!

Так вот каково было «утро помещика»...

А потом приходили приятели с соседнего участка, болтали, пели, смеялись. Вечером читали, если было что, а то снова бродили по окопам и разговаривали со стрелками.

А стрелки, они-то какую вели жизнь? Да такую же, что и мы. Ночью спали мало, ходили в секреты, сменяли караулы, а днем пили чай и спали. Жизнь, безусловно располагающая к лени. Но требовать от стрелка исполнение каких-либо особенных обязанностей, кроме его прямых, относящихся к окопной службе, было невозможно. Игра в жизнь и смерть, риск, которому подвергался каждый в любой момент, — требовали не малого напряжения силы воли, и если, казалось, физически жилось легко и привольно, то морально зачастую было очень тяжело. Ведь многие были оторваны от семьи, от дома, от своего привычного дела и им, наверное, легче было бы идти за плугом или сохой, чем сидеть тут в окопе, а потому, повторяю, мы строго следили за правильным несением окопной службы, в остальном же, в личной жизни каждого, старались поменьше стеснять.

После обеда начинался обыкновенно обстрел окопов и длился так до самого вечера. Тогда, в ожидании возможной атаки противника, каждый устраивал в отверстии козырька или клал на бруствер свою винтовку, тут же, пониже, патроны и, засев, наблюдал за окопами недруга.

Часто нервы не выдерживали и, хотя еще никакой атаки не было, поднималась ружейная стрельба. Начиналась она обыкновенно с конца участка, более отдаленного и опасного, приноси-
участка, более отдаленного и опасного, переноси-
лялили безудержно, бессмысленно, пока, наконец, не удавалось прекратить. И когда снова все утихало, стрелки сами удивлялись, кому это померещился враг.

Третьего сентября был чудный, солнечный день. На фронте все спокойно: ни выстрела, ни лишнего шума. Но сегодня ровно в час дня должна быть наша атака.

Часов в 10 утра в окопы пришел священник, (он впоследствии был епископом в Северной Америке, на Аляске). Он обходил стрелков, давал целовать крест и кропил святой водой. Конечно, все знали, что предстоящее дело очень серьезное, что многие будут убиты, а потому люди были серьезными и сосредоточенными.

Один мой подпрапорщик, храбрейший солдат, имевший все четыре георгиевских креста, сказал мне: «Ваше Высокородие, я чувствую, что сегодня мой последний день». И действительно, хотя он на груди нес стальной щит, пуля попала ему в голову и он был убит.

Перед атакой расположение батальона было такое, что правее меня стояла 10-ая рота подпоручика Малиновского, за мною, во второй линии, 4-ая рота первого батальона поручика Дампеля.

Ровно в час роты Малиновского и моя должны были выйти из окопов и броситься вперед. Разумеется, предполагалось, что первая волна едва ли добежит до расположения неприятеля, но зато вторая, третья и т. д. должны будут уже взять окопы противника.

Часы наши были сверены и, когда стрелка показала час, я дал условленный сигнал и сам полез из окопа. Гак как он был высок, то во многих местах были сделаны ступеньки.

И вот, в тот момент, когда я с верхней ступеньки переходил на бруствер, в нескольких шагах от меня ударила граната. С большой силой я был брошен обратно в окоп и, вероятно, на минуту потерял сознание. Я снова пришел в себя, когда стрелки меня поднимали и уносили в ближайший блиндаж. Там был фельдшер, который сейчас же дал мне нюхать какое-то лекарство. Несколько минут спустя, немного оправившись, я бросился в передний окоп, чтобы одти за ротой. Там застал я капитана Сергея Николаевича Шмидта, командира 1-го батальона. Но как я не стремился подняться на бруствер, Сергей Николаевич меня не пустил. Помню, я плакал и, заикаясь, просил разрешения едти вперед, но ничего не помогало. Шмидт, видя мое состояние, приказал двум стрелкам от-

вести меня в тыл на перевязочный пункт. Весь китель мой был в крови, но сам я ранен не был.

Кругом стоял ужасный шум от несмолкаемой пулеметной и ружейной стрельбы. В это же время противник перенес огонь своей артиллерии с передовой линии окопов на наш тыл, чтобы помешать подходу резервов. В тот момент мне, в моем положении контуженного, понять что-либо было невозможно. Два стрелка взяли меня под руки и пошли по ходам сообщения. Вдруг чувствуем какой-то странный запах. К счастью, во время догадались, что германцы стреляют химическими снарядами и что мы попали в полосу газа. Как можно скорее, не смотря на явную опасность, выбрались из хода сообщения. Надели маски и продолжали путь.

Еще несколько шагов и впереди, в небольшой лощине, увидели нашу батарею, а немного в стороне флаг красного креста. Там уже было много раненых и много крови и стонов.

Мне дали выпить коньку и кіких-то капель, после чего уложили на нары. Голова болела и будто разрывалась на части, глаза были воспалены и сильно слезоточили. Самочувствие было отвратительное, говорить мог только с трудом, сильно заикаясь. Раненые прибывали, а с ними и всякие слухи. Передавали, что первые пошедшие в атаку роты, моя, двенадцатая и десятая Малиновского, почти совершенно уничтожены, что есть много убитых.

Как это всегда бывает, слухи, к счастью, были сильно преувеличены, но, разумеется, потери все же были огромные.

Вскоре меня отправили дальше. Однако эвакуироваться не было надобности и я, пролежав короткое время в обозе, снова вернулся в свой батальон.

Печальную картину я там застал. Малиновский, командир роты, которая была правее меня, был, по всей вероятности, убит, но тело его не было найдено. Стрелки рассказывали, что будто его сразила пуля у самой проволоки. Моя рота очень пострадала, много было убитых и раненых.

Оказывается, что выйдя из окопов, роты бросились вперед и добежали до германских окопов, преодолев проволочное заграждение. Забросав его гранатами и перебив германцев, ринулись дальше и скоро весь плацдарм был в наших руках. Однако удержать взятое не удалось и пришлось вернуться в свои окопы. Мы потеряли убитыми из офицерского состава, кроме подпоручика Малиновского, еще штабс-капитана Бонч-Богдановича и зауряд-прапорщика Топоркова.

Так закончился день 3-го сентября, памятный и печальный для всего полка.

2. «КВАДРАТНЫЙ ЛЕС» — 19-ГО СЕНТЯБРЯ

Название свое лес этот получил оттого, что на карте занимал более или менее квадратное место. Окопы Л. Гв. 3-го Стрелкового Его Величества и нашего полков проходили по западной опушке, вправо и влево от него. В самом лесу сидели германцы.

Батальоном, в который входила и моя рота, командовал полковник Димитрий Димитриевич Лебедев († весной 1920 года в городе Нарва, Эстляндия). Устроились так, что мы с ним жили в одном блиндаже. Левее нас окопы занимала рота 3-го полка корнета Юрия фон Бретцеля. Позиция оказалась довольно спокойной, но в виду того, что неприятельская передовая линия проходила весьма близко от нас, часто приходилось терпеть от тяжелых мин, бомб и ручных гранат.

Димитрий Димитриевич неизменно обходил позиции и брал меня тогда с собой. Любопытно было наблюдать за полетом бомбы, особенно ночью. Летит и кувыркается и почему-то напоминает собою поросенка, а из ее задней части сыпятся огненные искры. Стрелки всегда ловко убегали от того места, куда должна была упасть такая бомба.

Зато с тяжелыми минами шутки были плохи. Куда такая махина ляжет — все расковыряет, от землянок и блиндажей одни щепки останутся.

Ручными гранатами любили перебрасываться и считали это больше забавой, а то и своего рода спортом, чем серьезным делом. Ранения или даже смертные случаи от них бывали редко.

Так вот, в этом-то «Квадратном лесу» наши саперы вздумали подвести под немецкие окопы минную галерею и взорвать их на воздух. День, когда был назначен взрыв, настал, и я пошел больше из любопытства, ибо моя рота на этот раз не принимала участия, в соседнюю роту посмотреть вблизи результаты этого дела. Предпологалось, что, когда окопы противника взлетят на воздух, рота должна броситься вперед и, воспользовавшись общей суматохой, прогнать немцев как можно дальше и занять их позиции.

В назначенное время я был у блиндажа соседнего ротного командира. Там же находился и саперный офицер, руководивший подрывными работами.

Когда все было готово, последний нажал кнопку и электрическим током мина была взорвана.

Впечатление было такое, как будто мы присутствуем при легком землетрясении. Земля рванулась, дрогнула, и нас, силой воздуха, толкнуло в блиндаж.

Моментально выбежав, мы увидели как ро-

ты бросились в образовавшуюся воронку и дальше в германские окопы. Сколько немцев при этом погибло — не знаю, но своими глазами видел, повисшего на дереве солдата — силой взрыва его подбросило настолько высоко, что он зацепился за верхушку березы. К сожалению, в этом деле были убиты доблестный командир роты 3-го полка корнет Юрий фон Бретцел и наш прапорщик Глибенко.

Воронка, к слову сказать огромнейшая, осталась в наших руках. Впоследствии в ней, приспособленной под окопы, стояла рота нашего полка подпоручика Карамышева. Я часто навещал Константина Модестовича, но как-то жутко было сидеть в этих окопах, особенно темной ночью. Ракеты беспрестанно освещали местность, окопы противника были, что называется, на самом носу.

3. ЗВИНЯЧЕ

Случилось однажды, что мне пришлось вести батальон на позицию. Шли поздним вечером. Впереди роты, а за ними пулеметные двуколки.

Стояла зима. Дорога прекрасная, промерзшая. Поля белой фатой покрывал снег.

Вот деревушка Звиняче, а впереди нее, каким-то полуостровом, раскинулась наша позиция.

Окопы противника где-то далеко, совершенно не видны и местность летом очевидно болотистая и плохо проходимая.

Сменив армейскую часть, заняли окопы.

Моей роте пришелся участок прямо перед деревней. Прекрасные, глубокие укрепления, лисьи норы, блиндажи, козырьки — все устроено солидно и, прочно. И вот жизнь наша потекла мирно и безмятежно. Стрелки устроились в теплых хороших землянках и несли более или менее размеренную гарнизонную службу.

Вообще вся позиция носила характер какого-то сторожевого охранения и влево и вправо были довольно большие прорывы, никем не занятые. Помню, как я однажды ходил к командиру расположенной влево от меня роты.

То спускаешься в овраг, то тропинкой обходишь холм. Кругом тишина невозмутимая: ни человека, ни зверя и все, насколько видит глаз, покрыто снегом.

К сожалению, совершенно не помню, когда и сколько времени нам пришлось сидеть в этом забытом, казалось, всеми уголке тысячеверстного фронта. Одно только событие ярко запечатлелось в памяти и об этом хочу рассказать.

Для того, чтобы стрелки, идя в разведку, были бы менее заметны, им выдавали белые халаты. Одев их на шинели и покрыв папаху капюшоном, они почти совершенно не были видны на серовато-белом фоне снега.

Стало известно, что и противник высылает подобные разведки, и вот мы решили подкараулить германцев и, если возможно будет, взять «языка», то-есть пленного.

Собрались вечером, одели халаты и пошли. Отойдя от окопов шагов на пятьсот, залегли. Приблизительно на том месте, где знали, что там должны проходить немцы.

Местность ли была неудачная или по какой-либо другой причине, но заметили германский патруль только тогда, когда он был уже в нескольких десятках шагов от нас. Дали залп. Противник, одетый тоже в халаты, сразу скрылся. Пошли смотреть. На снегу, раскинув руки, лежал убитый.

Это был начальник разведки, совсем еще молодой, безусый лейтенант.

Николай барон Будберг

ꝏꝏꝏꝏꝏꝏꝏꝏꝏꝏ

К А Л У Ш

(15-17 февраля 1915 г.).

(Окончание).

Дорогой я рассказал Мельницкому о своем приключении у Холина, на что он ответил, что вчера конная батарея потеряла там же, из-за этого же «бронепоезда» 20 человек и 22 лошади. Я в этом видел доказательство правильности своего бегства от железной дороги, хотя последствия этого я чувствовал теперь: день кончался, и у меня было мало времени на ориентацию и пристрелку.

Позиция была по левой стороне длинной улицы. Она была совершенно идеальной. Орудия были поставлены на задней окраине фруктового сада с низкими деревьями, которые не мешали стрельбе. Впереди, на неопределенной

формы возвышенности, был центр города, слева высокий обрывистый холм, на котором был наблюдательный пункт; сзади — большой каменный дом — квартира для прислуги и одновременно щит для двора, на котором разместились запряжки. Позиция была такой глубокой, что при ночной стрельбе противник видел бы лишь вспышки на облаках, то-есть ничего для определения, хотя бы приблизительного, точек стояния орудий; и даже авиация не нашла бы ничего. Одним словом, взвод мог действовать в условиях мирного времени.

Мой тогдашний противник, полк. Бартош, отрицает это и утверждает, что «видел позицию взвода и мог бы его легко уничтожить», если бы не щадил тех местных жителей города, которые, вне всякого сомнения, погибли бы при этом. К сожалению, я должен сказать, что остаюсь при своем убеждении: моего взвода полк. Бартош видеть не мог, и это было именно причиной. почему он по мне не стрелял.

Пока телефонисты вели линию на наблюдательный пункт, я написал и послал командиру батальона Рыльского полка донесение: 1) явиться ему лично не могу, так как, согласно приказанию ген. Крымова должен успеть пристреляться, а потом ждать его приказания на открытие огня, 2) прошу прислать что-нибудь поесть. После этого мы поднялись на наблюдательный пункт, на котором Мельницкий ориентировал меня и указал цель и задачу.

Целью было село Подмихале на южном берегу Ломницы, которым австрийцы несомненно пользовались для ночлега. Кроме того, против села были броды, которыми противник мог бы воспользоваться, чтобы под покровом ночной темноты переправиться на северную сторону реки. Моей задачей было: лишить противника отдыха и воспрепятствовать его намерению в случае, — если он таковое имеет, — использовать село как исходный пункт для переправы. Итак, прежде всего надо было пристреляться и надо было с этим торопиться, так как солнце приближалось к закату.

Тут, однако, мешал существенный минус наблюдательного пункта: дистанция к цели была $4^{1}/_{2}$–$5^{1}/_{2}$ верст, а смена ночных морозов с дневной оттепелью превратила местность в комбинацию бурых и белых пятен, среди которых часть разрывов ускользала от наблюдения, особенно в условиях наступающих сумерек. Я провозился с этим до полной темноты (примерно, больше часа).

Во время пристрелки вернулся из батальона мой фейерверкер с консервами и хлебом для солдат и с приказанием командира батальона для меня: «Явиться к нему немедленно же!» Я удивился, что первое мое донесение не произвело должного впечатления, и ответил на приказание коротким «не могу, так как занят пристрелкой».

Когда пристрелка была закончена, я спустился на позицию и ждал приказа генерала Крымова.

Мне, конечно, следовало бы изобразить на бумаге пристрелянную площадь села и расписать на ней прицелы и угломеры для каждого орудия, чтобы сделать стрельбу автоматической, но я был смертельно уставший. Кроме того, начало опять подмерзать — пальцы это чувствовали и не повиновались, освещение ограничивалось тусклыми орудийными фонарями и, наконец, особой надобности в такой математике не было, так как цель была слишком велика для взвода; имея только его, я мог сделать только кое-что и кое-где. Да и не все равно было, в какую хату попадет или не попадет мой снаряд? Остальное зависело от моего счастья или — австрийского несчастья. Итак, я отказался от «математики» и решил, что буду командовать сам и стрелять по цели то туда, то сюда, лишь бы не выскочить из ее границ.

Тут я услышал топот многих копыт и, выйдя на улицу, обнаружил колонну нашей конницы, идущую на север. «Неужели отступление?» — подумал я и спросил, что это значит? — !Идем на ночлег», ответили мне из колонны, и я понял, для чего нужен был в Калуше наш батальон — не иначе, как сторожить сон конницы!

Не помню точно, в котором часу я получил приказание генерала Крымова открыть огонь, это было, вероятно, часов в 8-9 вечера. Стало веселее! Я старался имитировать батарею, давая то по 6-ти выстрелов, то по 3 патрона беглого огня. Но правильные интервалы между выстрелами мне из-за кромешной тьмы не удавались и потому я охотно верю полк. Бартошу, что он угадал, что стреляет взвод, старающийся изобразить батарею.

Вообще говоря, стрельба шла очень медленно: мешала темнота, с которой старались бороться слабые орудийные фонари. Переносы огня требовали в особенности долгого времени, так как тогдашняя конструкция русских пушек не допускала возможности «косить»; менять направление можно было только по угломеру, а это делало стрельбу по площади очень медленной даже днем.

Тем не менее, как я узнал впоследствии от местных жителей путем «солдатского вестника», огонь был весьма действительным. Так, в одном случае, прямое попадание в одну из хат вывело из строя около 20-ти ночевавших там австрийцев; в другом — прямое попадание в полевую кухню, раздававшую как раз обед, уничтожило и кухню, и пищу и уменьшило число стоявших в очереди за обедом и т. д.

Сведения о понесенных противником поте-

ряхъ подтверждает в своей статье и полк. Бартош словами: «Согласен со штабным капитаном (мой тогдашний чехо-словацкий чин, отвечающий бывшему русскому «секунд-майору». ВМ) Милодановичем, что потери были значительными». Можно поэтому считать, что генерал Крымов угадал момент для открытия огня!

Примерно в 11 часов вечера генерал приказал прекратить стрельбу. Она и сама должна была бы прекратиться, так как кроме неприкосновенного запаса в орудийных передках, в зарядных ящиках не оставалось почти ничего. Общий расход патронов был свыше 300. Я сейчас же послал зарядные ящики в парк за пополнением.

Мой вестовой, канонир Петр Идасяк, уже давно ожидал меня на позиции, чтобы провести меня на найденную им квартиру; мы пошли, но только войдя в дом, Идасяк предподнес мне приятный сюрприз: — «Ужин готов», сказал он: «Борщ и котлеты», и в пояснение добавил: «Хозяева держат столовую». Ничто не могло меня обрадовать более, чем такое неожиданное заявление, и Идасяк наслаждался эффектом своих слов.

После этого отличного ужина я, наконец, добрался до постели, не походной, а настоящей! Накрыта она была периной. С этим «инструментом» я еще никогда в жизни не встречался и потому не отдавал себе отчета в том, какое действие он может иметь на человека в моем положении после обильного ужина. Вполне уверенный, что на рассвете проснусь, я посмотрел на часы: была ровно полночь. Заснул я, конечно, моментально.

«Упущенный благоприятный случай»

Я спал, казалось. совсем недолго, как вдруг почувствовал, что кто-то старается меня разбудить. С трудом я открыл глаза и увидел, что комната залита солнечным светом. Схватился за часы: 12 часов и, очевидно, дня! Итак я проспал ровно 12 часов и спал бы и дальше, если бы меня не разбудил чужой фейерверкер. Теперь он подал мне записку. Я взял ее. но в глазах у меня рябило, пока, наконец, окончательно не проснувшись, я оказался в состоянии читать и понимать написанное:

«С приходом моего дивизиона вы подчиняетесь мне», писал кто-то: «Донесите сейчас же, где находится ваша позиция, что вы видите, по каким целям стреляете»... и т. д. и т. д.

Чем дальше я читал, тем более мои волосы поднимались дыбом, но, дойдя до подписи, я несколько успокоился: писал мне командир 1-го дивизиона II-ой артиллерийской бригады полковник Мацкевич, знавший меня от рождения, а два поколения моих предков еще раньше. Ответить стало просто.

«Дорогой Василий Васильевич», писал я. «После вчерашних приключений (тут я коротко описал их) я так заснул, что только ваш фейерверкер емня разбудил». Затем я ответил на ту часть вопросов, на которую ответить мог и закончил фразой, что сейчас же остправляюсь на наблюдательный пункт, откуда донесу об остальном дополнительно. С этим донесением фейерверкер ушел, а Идасяк доложил мне: «Обед готов!».

Пренебрегать обедом было бы, конечно, неразумно: кто его знает, когда придется пообедать в следующий раз (фактически это случилось через 48 часов). Итак, я, пообедав, пошел на позицию. Там царил общий сон и только разведчик, ездивший вчера к коамндиру батальона, проявил инициативу: поехал туда еще раз и привез очередные консервы.

Я поднялся на наблюдательный пункт и был совершенно разочарован представившейся мне картиной.

На открытой, волнообразной местности южнее Ломницы, между Новицей и Подмихале, амфитеатром поднимавшейся к горизонту, было пусто. И только под самым горизонтом, под гребнем последней волны, была видна очень длинная цепь нашей пехоты с резервом за левым флангом (как я узнал впоследствии от полк. Мацкевича, это был 43 пех. Охотский полк), нсатупавшая на горизонт». Неприятельская батарея ее лениво обстреливала». Такое впечатление произвела на меня стрельба этой батареи, и взятое в кавычки выражение я употребил в своей чешской статье. Эта фраза, однако, обидела моего противника, полк. Бартоша, который откликнулся на нее в своей статье.

— «Хорошо — «лениво»! — писал он возмущенно в ответ, и далее пояснил, что его батарея была обхвачена русской пехотой и уходить могла только перекатами, повзводно; стрелять мог поэтому только один из взводов, и то не всегда. Положение батареи было, вообще, настолько критическим, что он почти терял надежду на благополучный исход. «Как мог штабный капитан Милоданович спать?» восклицал он затем.

Последняя фраза меня насмешила: спал, и — конец! Откуда я мог почувствовать, что оберлейтенант Бартош попал в отчаянное положение? Потом, когда я был уже на наблюдательном пукнте, я видел лишь то, что мысль на мое участие в сегодняшнем бою совершенно безнадежна, так как бой происходил верстах в 8-ми от меня, и противника я даже не видел.

Мелькнула мысль, что я мог бы «проявить инициативу» и догнать Охотский полк, наступавший, повидимому, без всякой поддержки артиллерией, но шоссейный мост был взорван, прямых дорог не было, пришлось бы делать

крюк по проселкам в оттепель, а теперь был уже 1 час дня. Передвижение потребовало бы такого времени, что я приехал бы к цели безусловно «к шапочному разбору». Но главное — пока я спал, произошла перегруппировка наших войск. Уссурийская дивизия генерала Крымова была явно сменена 11-ой пех. дивизией. Этим кончилась и задача батальона Рыльского полка (которого я так и не увидел!), а с ним и моя. Теперь должен был действовать дивизион полк. Мацкевича, при котором я оказался только случайным привеском. Пусть полк. Мацкевич решит, что мне нужно делать! Поэтому в своем дополнительном донесении с наблюдательного пункта я написал только о том, что я видел, не прибавив к этому никаких своих предложений. Мацкевич ответил приказанием приехать к нему.

Мацкевич находился в доме на южной части города. Он, если можно так выразиться, приказал мне продолжать ничего не делать, и до вечера я томился в его жарко натопленной комнате. Между прочим я рассказал и ему о своей встрече с «бронепоездом» в Холине и ее последствиях, и оказалось, что Мацкевич тоже познакомился с этим поездом там же и потерял 4 человек и 10 лошадей! Я невольно подумал, что, если прибавить к этому потери конной батареи — 20 чел. и 2 2лошади и прочие затруднения, то можно утверждать, что поезд принес своим больше вреда, чем чужим. Кто был его изобретателем, я никогда не узнал. Точно также мне остается непонятным, почему артиллерия противника стреляла по нему шрапнелью, а не гранатами, а с нашей стороны — почему в Холине не был поставлен пост, который предупредил бы проходившие части об опасности поравняться с поездом?...

Вечером Мацкевич сообщил мне, что его дивизион переходит в Новицу и приказал мне перейти туда же. Я на это сказал свое «слушаюсь», и только по пути ко взводу на меня напало сомнение в практичности этого для моего взвода: в Новице, битком набитой пехотным полком и артиллерийским дивизионом, взвод не нашел бы квартир и простоял бы целую ночь на улице. Для чего, когда у нас здесь прекрасная квартира? Гораздо лучше было бы итти туда завтра утром. Но с этим предложением я к Мацкевичу не вернулся, а, приехав на позицию своего взвода, задал канонирам вопрос: — «Когда бы вы хотели итти в Новицу, сейчас или завтра утром?». — «Конечно, утром», ответили они хором. — «Итти придется до рассвета, а вы проспите», сказал я. — «Никак нет, не проспим». — «Ну, смотрите!» — сказал я. — «Подъем в 4 часа утра». С этим заключением я пошел на свою квартиру, поужинал и лег спать с твердым намерением проснуться в 4 часа.

Это и было исполнено совершенно точно. Но, когда я пришел на позицию, нашел там всех поголовно спящими. Разбудил их, выругал, но создалась совершенно нежелательная задержка с выступлением. Впрочем, взвод был готов с поразительной быстротой.

„В Новицу мне надо было притти, конечно, перед рассветом и под покровом темноты гденибудь притаиться, чтобы избежать возможных «неуместных» вопросов. Переправиться чере Ломницу можно было только по броду выше моста, который не существовал. Ломница — горная река, усеянная валунами различной величины, течение ее очень быстрое, брод на главном русле довольно глубокий — по брюхо лошади. В темноте разобраться во всем этом было довольно трудно и это навело меня на мысль, что, в случае, если начальство ко мне «прицепится», я мог бы объяснить мое опоздание перевернувшимся в реке орудием! И как только я об этом подумал, шедшее за мной непосредственно орудие действительно перевернулось! Но слетевшие в воду канониры «поставили его на ноги» моментально, задержка была минимальной. Начинало уже светать, когда взвод остановился у первых хат Новицы.

Как я и ожидал, село было битком набито. Я пошел в штаб пехотного полка, уверенный, что Мацкович придет туда же. Его пока не было, но командир полка, бывший уже на ногах, спросил меня: «Где вы прячетесь? Мы искали вас всю ночь?». — «Взвод стоит на северной окраине Новицы», ответил я, нисколько не уклоняясь от истины. Затем пришел и Мацкевич, который приказал мне стать в хвост колонны его дивизиона и двигаться с ним.

«Что делает здесь 32-ая бригада?» послышались возгласы из колонны при появлении моего взвода. Но «32-я бригада» здесь ничего не делала, а затем продвинулась за дивизионом до соседнего села Ландестрей, где вся колонна осталась стоять на шоссе.

На юге послышались выстрелы. Одна из батарей 11-ой бригады была вызвана на позицию, стреляла и, как я слышал, понесла некоторые потери. Шрапнели неприятельской батареи рвались очень близко от колонны, которая, однако, на это никак не реагировала.

После полудня стоять на шоссе — главной улице села Ландестрей — мне надоело. Я приказал взводу занять квартиры, распречь и расседлать лошадей и кормить. К вечеру это же положение занял и II дивизион. Австрийцы отступили.

Домой к 5/32 батарее.

Утром полк. Мацкевич приказал мне отправиться к своей бригаде. Его дивизион возвращался назад в местечко Рознатов. Я спро-

сил его, где моя батарея находится? Но именно этого он не знал, а из полученного им приказа можно было узнать лишь то, что штаб XI-го армейского корпуса находится в Перехинско. Штаб пехотного полка тоже не мог дать мне более подробных сведений. Мацкевич предоставил мне на выбор: или итти с его дивизионом на Рознатов, а оттуда на Перехинско (где я узнал бы точно, куда мне итти), или — итти каким угодно путем по моему усмотрению.

Решить мне было очень трудно. Путь через Льдзяны-Рознатов (с Мацкевичем) означал 40-50-верстный переход; путь прямо на юг, наперерез наступлению 32-ой пех. дивизии, сокращал расстояние втрое, но затруднение было в том, что никто не мог мне сказать, в чьих руках находится шоссе Льдзян-Красна и т. д. Однако, исходя из того, что штаб XI-го корпуса находится в Перехинско, я сделал заключение, что шоссе, верущее от Льдзян на юг должно быть нашим и потому, на разветвлении шоссе у Льдзян я отделился от Мацкевича и пошел на юг, не без замирания сердца.

Тут я жалел, что у меня нет теперь казачьего эскорта, бывшего так мало полезным мне на шоссе Долина-Калущ! К тому же дорога шла лесом. Я заменил эскорт группой своих всадников, за которыми углубился в лес.

На склонах к Ломнице, перед бывшим австрийским окопом вдоль шоссе, лежали десятки убитых наших пехотинцев и лишь изредка попадался мертвый австриец. Очевидно, здесь последовала лобовая атака 32-ой дивизии. Изобилие наших мертвых портило настроение. Затем спереди вернулся один из моих всадников и доложил, что в Красне стоит по квартирам наша 5-я батарея! Это было больше, чем я мог ожидать! Еще несколько минут и я вошел в хату старшего офицера шт.-кап. Курзеньева.

— С Георгием? — спросил он меня. Я махнул рукой. — Папенко! — закричал он повару в соседнем помещении: — Кашу поручику!

Пока каша варилась, Курзеньев рассказал мне приключения дивизиона. Как и следовало ожидать, 5-я батарея лишь только заняла позицию, подверглась такому огневому нападению австрийской артиллерии, что прислугу пришлось увести и предоставленные самим себе орудия промолчали в течение целого дня.

С 4-ой батареей дело было еще хуже: она была захвачена огнем, двигаясь в колонне по шоссе у села Ценява. В таких случаях у нас было общим правилом: моментально сняться с передков и отослать их назад, с глаз долой, а прислугу увести в ближайшее скрытое от глаз место. Так было и теперь, причем с передками ускакал и поручик ...ский, единственный офицер бригады, который за 2½ года службы в ней на войне не получил ни одного ордена с мечами (или — без оных).

Что было с 6-ой батареей — не помню в точности, но как будто бы — в том же духе. И все это, конечно, можно было предвидеть — кому следовало — при первом взгляде на карту. Здесь артиллерия должна была быть, и была, совершенно бесполезной; атака была ведена только пехотой на наисильнейшую часть австрийского фронта. Успех был, но какой ценой!

А между тем, на другом колене Ломницы, у Калуща, где действовала (или — бездействовала?) кавалерийская дивизия ген. Крымова, положение было обратное: совершенно открытая местность южнее Ломницы была прекрасным артиллерийским полигоном весьма значительной глубины. Кроме того — это я узнал впоследствии из статьи полк. Бартоша, но генерал Крымов и высшее начальство должны были это знать и тогда — против дивизии Крымова была лишь кавалерийская же дивизия противника, и только с одной батареей Бартоша.

Казалось бы, что именно здесь должен был последовать наш главный удар, во фланг и в тыл австрийским частям на высотах западного фронта австрийцев, но этого, к сожалению, не случилось, и склоны гор на участке 32-ой пех. дивизии оказались покрытыми трупами нашей несчастной пехоты.

Тактический успех, конечно, был. 32-я пехотная дивизия продвинулась затем без боя на юг вплоть до реки Золотой Быстрицы. Акция генерала барона Пфланцер-Балтина была сорвана, устроить нам второго Танненберга ему не удалось, но не удалось и нам выбросить его обратно за Карпаты. Инициатива в выборе места для обороны осталась за ним: он занял прекрасную оборонительную позицию на южном берегу Золотой Быстрицы, а мы кое-как разместились на том, что он предоставил нам, и оставались на месте до большого отступления русских армий летом 1915 года.

В. Милоданович.

О полковых хрониках

Чем богаче боевая история части, тем больше есть стимулов для воспитания молодежи и тем, обыкновенно, крепче бывает часть на полях сражений. Казалось бы, военные законодатели и организаторы, при установлении хроник и старшинства полков, должны были бы стремится к обогащению полковых историй, путем розыска как можно более отдельных корней. Действительность, однако, не всегда соответствовала этой истине, и русские военные законодатели, как будто, часто стремились к обратному, а именно — к урезыванию полковых историй. Может быть, к живому делу, в котором надо надо было смотреть, так сказать, в корень вещей, подходили временами сухие формалисты.

Уже в 1699 г. при переформировании вооруженных сил, не была установлена прямая связь новых полков со стрелецкими, основанными в 1550 г или с солдатскими, сформированными в 1642 г. Потом преемственность эту вообще забыли и только Эриванским гренадерам удалось доказать свое происхождение от Бутырского солдатского полка, когда на такое же старшинство мог претендовать ряд других полков. [1])

В первом случае 150, а во втором 50 лет боевой истории русских войск были вычеркнуты из истории российских полков.

Первым шагом к установлению полковых историй был труд князя Долгорукого «Хроника Рос. Императорской Армии», изданный в 1799 г. Хотя в этом труде не мало погрешеностей, это все же была первая сводка хроник русских полков. Только в 1816 г. было официально установлено старшинство «всех полков Его Императорского Величества, составляющих тяжелую и легкую кавалерию и инфантерию».

После реформы 1833-35 гг., когда многие полки были упразднены и распределены по частям по другим полкам, указом 25 июня 1838 г. было предписано «тем полкам, кои из разных частей сформированы, считать старшинство по сильнейшей части, в состав его поступившей, если часть сия не менее полубатальона или двух эскадронов. Ежели же полк составлен из других полков в меньшем составе частей, то старшинство полка полагать со дня последовавшего о том указа». Таким образом, правила старшинства 1838 г. признавали достаточным для передачи старшинства полку нахождению в пехоте полубатальона, т. е. 1/10, а в кавалерии, 2-х эскадронов, т. е. 1/5.

В 1860 г. были объявлены новые правила «об исчислении времени основания полков», а именно: «считать старшинство по сильнейшей части в состав поступившей, если часть ея не менее батальона или дивизиона». Итак, в пехоте, размер связующего звена с 2-х рот был повышен до батальона. Эта мера привела к пересмотру многих хроник и к урезанию полковой истории некоторых частей.

В 1884 г. было уточнено, что для передачи своего старшинства другому полку необходимо было, чтобы не менее половины полка, т. е. 6 рот, вошли в состав новой части... этим опять от многих полков были отняты года боевой славы.

Вопросом этим незадолго до Мировой Войны серьезно занялись такие знатоки как Волынский, Клизовский, Габаев и многие историки полков. Они пришли к заключению, что почти все полковые хроники, помещенные в справочных книжках Императорской Главной Квартиры, были урезаны, а иногда и перепутаны и требовали основательного пересмотра. В результате их исследований в 1914 г. вышел труд Габаева «О старшинстве войсковых частей и о хрониках гренадерских и пехотных полков», но началась война и стало не до пересмотра полковых историй.

Вот, например, как обошлись с потомками егерских частей Екатерины II-й. Основанные в 1765 г. егерские команды были в 1775 г. собраны в егерские батальоны, которые в 1787 г. были соеденены в Егерские Корпуса, в 1796 г. вновь разделены на егерские батальоны, а в 1897 г. развернуты в полки. Пехотным полкам, происходившим от егерских, было признано только старшинство 1797 г. Вся славная эпоха Екатериненских войн была изъята из их историй.

Периодические пересмотры хроник меняли, иногда в корне, истории многих полков. Лейб-Уланы Его Величества и Конногренадеры происходили от Уланского Цесаревича полка, сформированного в 1803 г. из эскадронов, отчисленных от старых гусарских полков, рожденных в 1651 г. На этом основании полкам этим было вначале дано старшинство 1651 г. Впоследствии оно было от них отнято, Лейб-Уланы и Конногренадеры должны были довольство-

---

[1]) Борисов и Сыцянко, в своих трудах, доказывали, что на старшинство 1642 г. имели право следующие полки: гренадерские, 2-й Ростовский, 5-й Киевский, 9-й Сибирский, 12-й Астраханский, 13-й л. Эриванский, 14-й Грузинский и пехотные: 11-й Псковский, 13-й Белозерский, 14-й Олонецкий, 15-й Шлиссельбургский, 17-й Архангелогородский, 22-й Нижегородский, 25-й Смоленский, 27-й Витебский, 29-й Черниговский, 36-й Орловский, 45-й Азовский, 61-й Владимирский, 64-й Казанский, 65-й Московский, 80-й Кабардинский, 81-й Апшеронский и 85-й Выборгский.

ваться 1803 г., а Уланы Его Величества только 1817 г. Но затем, старшинство 1651 г. было все-таки возвращено всем трем полкам.

Л. гв. Литовский полк (Московский и Литовский), как происходивший от 2-го Преображенского батальона, сначала получил старшинство 1683 г., но затем его отобрали. Московский получил 1811 г., а Литовский только 1817 г. Впоследствии второму было возвращено старшинство 1811 г., но об старшинстве 1683 г. больше, вообще, не упоминали.

Вот один пример, подробно изложенный Федотовым в 1903 г. в «Варшавском Военном Журнале». Он касается одного из самых заслуженных полков конницы, 7-го гусарского Белорусского.

16 мая 1903 г. полк справлял свой столетний юбилей, как сформированный в 1803 г. из эскадронов отделенных по два от Ольвиопольского, Елисаветградского, Павлоградского и Александрийского гусарских полков. Однако, юбилей этот он до 1903 г. праздновал уже два раза. Так в 1864 г. ему было повелено праздновать 100-летний юбилей, «по случаю совершения ста лет со времени учреждения Императрицей Екатериной II-й Елисаветградского пикинерского полка, два эскадрона которого послужили в 1803 г. основанием Белорусскому гусарскому полку». На новом штандарте, под орлом была изображена надпись «1764-1864» и так сказать, в актив полка было принято боевое прошлое Елисаветградских гусар времени Екатерины II-й и Павла I-го.

В начале 1868 г., после поверки «Хроники полков», изданной в 1852 г., г. м. бар. Штейнгель подал пространную докладную записку, в которой указал на некоторые замеченные им неточности в определении старшинства многих конных полков, в том числе и Белорусского. Неточность, по мнению бар. Штейнгеля, заключалась в том, что при праздновании юбилея в 1864 г. было упущено из виду то обстоятельство, что в 1833 г. на укомплектование Белоруссцев, прибыл дивизион расформированного Черниговского конно-егерского полка, а так как полк этот был учрежден в 1668 г. Гетманом Малороссии, Демьяном Многогрешным, то, по существовавшим тогда правилам о старшинстве, Белоруссцам должно быть присвоено именно черниговское, а не Елисаветградское старшинство. Вполне согласившись с мотивами записки, ген. ад. гр. Гейден вошел с докладом, испрашивая разрешение «Белорусскому полку, как уже праздновавшему свой юбилей в 1864 г., изменить юбилейную надпись, т. е. вместе 1764-1864, показать «1668-1868», не переменяя самого штандарта. Разрешение последовало и, грамотой от 30 августа, Белоруссцам было установлено новое старшинство с 1668 г. и двухвековая история.

В 1884 г. все эти генеалогические иллюзии рассеялись. Приказом по Военному Ведомству от 10 дек., за № 347, предписывалось:

«1. Старшинство 1668 г. Черниговского компанейского, а равно 1764 и 1776 гг. эскадронов гусарских полков, поступивших первоначально в состав полка, из надписей на скобе должно быть исключено, как полку не принадлежащее.

2. На скобе штандарта, согласно утвержденному вновь старшинству, иметь надпись:

А. 1803. Белорусский гусарский полк.
1879. За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 гг.
1883. 21 драгунского Белорусского ЕИВ Вел. Кн. Мих. Ник. полка.

3. Юбилейную ленту штандарта сдать в Петербургский окружной артиллерийский склад.

4. Шесть Георгиевских труб, с надписью «Черниговскому Конно-Егерскому, за отличие против неприятеля, в сражении у Кацбаха, 14 авг. 1813 г.» передать в 16-й драг. Глуховский полк».

И только штандарт, со случайно сохранившейся надписью под орлом, «1668-1868», напоминал Белоруссцам о странном сплетении их судеб с судьбой Гетмана Многогрешного.

Превратности полковой истории заставили самых Белоруссцев серьезно заняться ею и вот, что они обнаружили. У них было свое собственное далекое прошлое. В 1803 г. полк их не родился, а возродился. В действительности история его была следующая. В 1738 г. из грузинских князей и дворян, выехавших в Россию в свите Царя Вахтанга VI-го, была сформирована Грузинская рота, развернутая в 1741 г. в Грузинский гусарскій полк. В 1769 г. Грузинские гусары сотавили гусарскую конницу Московского Легиона. Когда, в 1775 г. легионы были расформированы, Грузинские эскадроны были укомплектованы уроженцами Белоруссии и, в память воссоединения ее с Россией, Императрица Екатерина II-я повелела новому полку именоваться Белорусским гусарским.

В 1783 г. полк был переименован в Воронежский гусарский, а в 1796 г. расформирован для укомплектования Ольвипольского и Елисаветградского полков, из коих и возродился через 7 лет, т. е. в 1803 г. Таким образом, к его богатой боевой истории, могли быть прибавлены такие славные имена, как Ставучаны 1739 г., Гросс-Егерсдорф 1757 г., Цорндорф 1758 г., Кунерсдорф 1959 г., Берлин 1760 г., Кольберг 1761 г., Очаков 1788 г., Измаил 1790 г., Мачин 1791 г., Мацеовице и Прага 1794 г.

Усилия Белоруссцев добиться пересмотра своей полковой истории, однако, не увенчались успехом.

А вот как поступили с тремя гусарскими полками, сформированными в 1895-1896 гг.

16-й гус. Иркутский полк создан из отделе-

ныхй от разных полков эскадронов. Он получил боевые отличия старого Иркутского полка (1785-1833) но не его старшинство. Между тем между двумя полками существовало связывающее звено. В 1883 г., часть старого Иркутского полка пошла на укомплектование Волынского полка, а через 12 лет, тот же Волынский полк прислал полный эскадрон на воссоздание Иркутского полка.

17-й гус. Черниговский полк был счастливее. Ему было дано старшинство старого Черниговского полка, хотя причин на это было, пожалуй, меньше, чем в иркутскому полку. В 1833 г. часть его вошла в состав Белорусского полка, а в 1896 г., т. е. через 63 года, один эскадрон Белоруссцев поступил в новый Черниговский полк.

Наконец, 18-му гус. Нежинскому полку, не имевшему никакой преемственной связи со старым Нежинским полком (1784-1833), в 1912-м году было все-таки дано старшинство 1784 г. «в изъятие из правил».

А вот полк Кавказской Армии, 82-й пех. Дагестанский. Старшинство его установлено только с 1845 г., когда он был сформирован из батальонов, отделенных от разных полков. Среди этих батальонов были 3-ие батальоны Волынского и Минского полков, созданные в 1833 году из 1-го и 2-го батальонов расформированного 49-го егерского полка, до 1811 г. называвшегося 35-м егерским, до 1810 г. Софийским пехотным, а еще раньше, с 1710 по 1785 г. — СПБ батальоном городовых дел. Казалось, что действительное старшинство Дагестанцев было не 1845, а 1710 г.

Вот и 11-й уланский Чугуевский полк. Официальное его старшинство 1749 г., а между тем на его Высочайше утвержденном полковом знаке стояло 1639 г.

Таких примером, так сказать, несерьезного отношения к серьезным вопросам можно привести много, но вот и пример другого рода. Полковые историки 8-го пех. Эстляндского полка претендовали на старшинство 1478 г., которое, впрочем, другие специалисты, называли «баснословными». Эстляндский полк был сформирован в 1811 г. но старшинство ему дали 1711 г. по гарнизонным частям вошедшим в его состав. По мнению его полковых историков, его хронология должна была быть установлена так:

1478 г. Новгородские пищальники.
1550 г. Новгородский стрелецкий полк.
1704 г. Нетертов стрелецкий полк.
1710 г. пехотный Лутковского.
1711 г. Эстляндский гарнизонный.

Правы ли были эти историки, судить не нам.

. . . .

Но имеет ли вообще какой-нибудь смысл теперь заниматься хрониками давно отошедших в вечность российских полков? Возможно, что да.

Возьмем Францию, пережившую на своем веку не одну радикальную смену своего политического режима. Политика часто жестоко била по ея армии. I-я революция уничтожила богатые боевые традициями двухсотлетние королевские полки и распихала их обломки по революционным полубригадам. Через несколько лет и эти полубригады подверглись коренной ломке, дав жизнь новым полубригадам, из которых Император Наполеон создал свои полки, в короткий срок нажившие новую славу, но и над ними стряслась беда. Реставрация безжалостно расскасировала императорские полки, сожгла их знамена и расплавила их орлы. Новая французская армия была создана из департаментальных легионов. Она не имела, казалось, никакой связи ни с Императорскими войсками, ни с войсками республики, ни с королевскими полками. В 1820 г. Французы увидели с удивлением, что их полки были самыми молодыми в Европе и что у них не было больше никаких традиций. Тогда началась кропотливая работа по собиранию осколков прошлого и составлению хроник полков, которым всем были отысканы старые корни.

Вероятно так будет и в России. Не сможет же примириться нация с тем, что ее полки ведут начало только с 1918 г. Тогда тоже начнутся поиски нитей преемственности, и русские военные историки, как и их французские предшественники, будут по каплям собирать растраченную боевую славу.

С. Андоленко

Мое производство в офицеры

6-го Августа (ст. ст.) 1912 года, в числе 62-х моих товарищей по выпуску из Тверского Кавалерийского Училища, я был произведен в офицеры. На всю жизнь запечатлелся в моей памяти этот последний дорогой день школы моей юности, выведший меня на самостоятельную дорогу жизни. До сих пор, после полувекового периода загзагообразно прожитых благополучий, радостей, вперемежку с горем и нуждой, ничто не может вытеснить из моего сердца годы, проведенные в родном училище.

В этот знаменательный день, как каждое лето, мы стояли лагерем под Москвой. Лагерь был прекрасно расположен на дальнем конце края огромного Ходынского поля, рядом с известной подмосковсной дачной местностью «Серебряный бор». Сейчас же за «передней линейкой», выходившей на Ходынку, стояло четыре больших деревянных барака и в каждом из них размещалось по взводу, человек по 30-35 юнкеров. Между вторым и третьим бараками находилось караульное помещение, под навесом которого стоял Штандарт и денежный ящик, охранявшиеся часовыми. Глубже в лес раскинуты были всевозможные деревянные постройки и ближайшая к баракам, с огромным деревянным навесом, являлась нашей столовой. Правее нее стояла дача с комнатой дежурного офицера и там-же была канцелярия училища, за которой, немного на отлете вправо, было несколько небольших дач для командного состава офицеров эскадрона. Влево же от столовой были чухня, околодок, карцера, цейхгауз, бараки для вольнонаемной прислуги, обслуживавшей юнкеров, и для солдат-уборщиков лошадей. Сзади же, в самой глубине леса, помещались открытые навесы-конюшни для лошадей эскадрона.

После разборки вакансий и по окончании больших маневров, бывшие «звери», юнкера младшего курса, очень торжественно были произведены в «корнеты». С этого момента они воспринимали от нас охрану и соблюдение традиций с обязательством преподать их новому составу младшего курса, молодежь которого, будущее «зверье», должна была прибыть в училище в начале сентября. Гордые достоинством заменить нас, уходивших, с наказом оберегать и дальше доброе имя родного училища, все они разъехались в отпуск на летние каникулы приблизительно за неделю до нашего производства. С этого момента можно было считать, что лагерный сбор окончен. Дни потянулись нудно, томительно-скучно и долго и, вообще, чувствовалась какая-то пустота и неопределенность. Единственным для нас развлечением и удовольствием, помимо хождения в караул, несения нарядов на дежурство и дневальство, были ежедневные проездки застоявшихся коней и непрерывные пригонки и примерки толпившихся в бараках портных, сапожников и поставщиков будущего офицерского обмундирования и вещей. Последнее лично меня не касалось, так как, будучи принят Л. Гв. в Конно-Гренадерский полк, участия в разборе вакансий я не принимал, почему и мог еще с весны заказать все обмундирование у знаменитого Петербургского портного Норденштремма, у которого, между прочим, одевался и Сам Государь, как и большинство офицеров моего полка. Во всяком случае, все это, у всех, к началу Августа было готово, уложено в чемоданы и заполнено всяким добром, необходимым на первое время каждому молодому офицеру.

В день 6-го Августа разбудили нас по-праздничному, когда в 8 час. утра дежурный трубач Ященко проиграл ненавистную нам «повестку». Не любили мы ее потому, что под ее звуки в течение двух лет приходилось вылезать из-под одеял зимою в 6 час. утра, а в лагерях — в 5. Но на этот раз «последняя повестка» была нам даже приятной, ибо каждый проснувшийся уже представлял наступающий день радостным для себя, полным чрезвычайных событий. В сознании каждого рисовалось, что через несколько часов наступит долгожданный момент, венчающий наше будущее счастье и розовые надежды о новой самостоятельной жизни. Все представлялось как-то просто и ясно, ничто ни в чем не вызывало сомнений, ибо другого пути мы не видели, кроме давно выбранной военной карьеры. Оказалось же, что мы неожиданно помчались навстречу буре, той медленно приближавшейся огромной черной туче, которая нас стала постепенно обволакивать и, наконец, навсегда закрыла от нас то яркое солнце с радостью и счастьем, тот ныне попранный идеал, к которому мы так стремились и который так неожиданно потеряли не по своей вине.

Проснулись весело, начались обычные шутки, стали балагурить, нашелся какой-то, преждевременно напустивший на себя «серьезность». Между прочим, вспоминается кое-что, кажущееся теперь смешным, — в это утро большинство почему-то совершало свой туалет с такой тщательностью, что можно было подумать, никто из них дней десять не подходил к умывальнику. Одев новое белье, для многих оказавшееся первым приданым из родительского дома, стали возиться, помогая друг другу в искусстве застегивать запонки, ибо до сего момента мы

никогда манжет не носили. Облачившись заранее в офицерские бриджи и талифе с цветными выпусками своих будущих полков, в офицерские сапоги с «Савельевскими» шпорами, все в последний раз одели юнкерские гимнастерки и безкозырки. Быстро прошли утренняя молитва, чай с французской булкой и куском холодного вареного мяса, как называли такой бутерброд — «с мертвецом», и скоро подошел очень вяло прошедший завтрак, во время которого на этот раз не было обычных шума и смеха, а скорее на лицах можно было уловить признаки вполне понятного внутреннего волнения, которое каждый старался скрыть друг перед другом. Да это было и понятно, так как все подсознательно отсчитывали те нудно тянувшиеся минуты до той еще неизвестной «последней», после которой будет перейден рубикон зарождавшейся новой личной жизни каждого из нас.

После завтрака добрая половина юнкеров разошлась по баракам, другая же задержалась в столовой, заполняя нескончаемое ожидание охлаждением своего физического состояния от стоявшего знойного дня мороженым, которое то и дело подносил то одному, то другому наш старый, постоянный «Чемберлен».

Припоминаются мне очень ясно и живо последние минуты нашего юнкерского бытия. Сидя вместе с моими лучшими друзьями — Борисом Литвиновым-Малороссийцем, «Ваничкой» Ивановым-Литовцем (хотя его имя было тоже Борис), Котом Соколовым-Сумцом, Шурой Верховским-Александрийцем, Саркисом Мелик-Агамаловым-Северцом, Колей Ярышевым-Черниговцем и Алешей Кореневым-Нарвцем, мы все удивлялись, что было уже пол-второго дня, а телеграммы о производстве все еще не было. Все знали отлично, что в Красном Селе Государь уже давно поздравил всех юнкеров, поэтому недоумевали, почему Высочайшая телеграмма так долго может идти. В это время, на его несчастье, попался мимо проходивший мой служитель Соска. Над его фамилией мы иногда подшучивали, но он за это никогда не обижался и был отличным и преданнейшим нам слугою.. Проходя мимо, я ему кричу:

— Соска! А китель мой приготовил?..., а он останавливается и ехидно отвечает:

— Се равно, китель Вам сичас не надобен, Ваше Благородие! Не зря ево моль-та покушала!.. Не даром вон на передней линейке цыганка нагадала, шо производство откладается до осени!..

— Ах ты, шельма! — крикнул Алеша Коренев... Бить его!.. и мы несколько человек, вскочив из-за стола, бросились за улепетывавшим во все лопатки Соской. Нагнав, устроили ему «куча-мала» и слегка помяв, отпустили с миром.

Только мы вернулись на свои места, как видим, что из всех бараков со всех ног бегут к столовой юнкера и кричат: «Телеграма!... Лихач!... Производство!... Почтальон!...»

Штандарт лейб-гв. Конно-Гренадерского полка.

В одно мгновенье под навесом столовой все собираются и строятся, а, услыша эти крики радости, из дежурной комнаты выходит весь наш командный состав во главе с Начальником Училища, генералом Майделем. Тут — командир эскадрона полковник Кучин, ротмистра Крыгин, Антонов, Султан-Гирей, Стронский, штабс-ротмистра Форсель, Лаудон, братья Лебедевы, Извеков и поручик Сверчков. Только Начальник Училища успел поздороваться с нами, как все невольно повернулись в сторону, откуда доносился все приближавшийся крик «ура!» Наконец, видим, как полным ходом в расположение лагеря, на взмыленной лошади, влетает лихач, в пролетке которого стоит почтальон и, держась одной рукой за поручень облучка, в поднятой вверх другой машет над головой привезенной Высочайшей телеграммой. Соскочив, он бежит и вручает ее генералу Майделю. Это

произошло ровно в 2 часа 7 минут дня. Я затрудняюсь теперь описать мое личное душевное состояние в этот момент после прожитых пятидесяти лет, но думаю, что если приведу слова некоего автора, фамилия которого выскочила у меня из головы, то они явятся той правдой, которую я испытываю сейчас, переносясь в прошлое: «Это то, что остается для человека свежим и ярким навсегда, как самое дорогое и заветное, пленительное и невозвратное. Это то, отчего на закате жизни, при воспоминании, светлеет, свежеет, как-будто, молодеет твоя уставшая и огрубевшая душа».

Распечатав телеграмму, Начальник Училища внятно прочел ее содержание: Государь Император поздравлял юнкеров Тверского Кавалерийского Училища с производством в офицеры. Как один, все мы закричали могучее «ура!» и пропели Гимн, после чего генерал Майдель обратился к нам как бы с напутствием, содержание которого приблизительно точно у меня осталось в памяти до сих пор:

«Помните. Господа, что Вам предстоит действовать и служить строго по закону и по уставу. Высокое назначение офицера требует, чтобы он был честен, благороден, правдив и верен. Свято хрнаил данную им присягу. Преданность и любовь к Престолу должны быть руководящим принципом в течение всей Вашей службы в армии. Помните, что быть строевым офицером, к чему вы предназначаетесь теперь, не такто просто и легко. Не думайте, что если вы окончили училище, то школа для вас уже окончена. Вам предстоит командовать и управлять другими, но знайте, что это — самое трудное, ибо надо сперва научиться управлять самым собою, а это для строевого офицера не записано ни в каких актах, ни в каких уставах. Этот труднейший долг должен гнездиться в душе и сознании каждого из вас и должен быть начертан кровью в ваших сердцах. Искренно желаю вам счастья и успеха в предстоящей службе и жизни...»

После этого наше начальство стало нас поздравлять. Тут, помимо всеобщих пожатий рук, начались поцелуи, которым не было конца. Сколько проявилось радости и настоящего счастья, может понять лишь тот, кто когда-либо в первый и последний раз испытал это на себе, ибо если можно один раз родиться на свет Божий, так и один раз можно быть произведенным в офицеры.

Разойдясь по баракам, мы быстро сняли навсегда юнкерские рубашки и безкозырки и заменили их кителями и фуражками своих полков, одели сабли, палаши, а кому полагалось, шашки кавказского образца. Вкоре весь сосновый бор огласился, необычным доселе, металлическим звуком холодного оружия, можетбыть утрированно волочившегося по дорожкам «для пробы». Вскоре постепенно все стали разъезжаться, дабы поскорее попасть в Москву к сжидавшим с нетерпением своим родным, друзьям и знакомым.

Нельзя умолчать и об обычае, который повторялся из года в год со способом доставки Высочайшей телеграммы в училище. В лагерях под Москвой стояло три Военных Училища: наше Тверское и два пехотных — Александровское и Алексеевское. Многочисленные лихачи и «резвые» нашей белокаменной столицы прекрасно знали день производства в офицеры, как то знала и вся Москва, и более пронырливые из них заблаговременно уговаривались с почтальонами Главного Почтамта о доставке этих телеграмм по училищам. Дело это было очень доходное. Обыкновенно, подряженные три лихача становились «на позицию» возле почтамта на Мясницкой и ожидали выхода своих почтальонов. Последние, получив телеграммы, выбегали из здания почты, прыгали в пролетки и все три лихача, один за другим, срывались с места и мчались по Мясницкой и дальше на Ходынку. Московская полиция также об этом прекрасно знала и старалась облегчить дорогу несшимся трем кучерам. В Александровское Училище, как находившееся ближе к краю Ходынского поля, недалеко от Петровского парка, телеграмма доставлялась раньше, а наши, Тверское и Алексеевское, стоявшие рядом, были на другом конце поля. Поэтому лихачи мчались полным ходом по полю, чтобы как можно скорее доставить телеграммы.Приближаясь к расположению лагерей, и лихачи и почтальоны начинали орать во все глотки «ура!». Многие юнкера, нетерпеливо ожидавшие решения своей судьбы, стояли «на махалке» на передних линейках и напряженно выискивали в бинокли появление мчавшихся вестников приближавшегося счастья и, обнаружив их, бежали с криком радости, у нас в училище — в столовую. Это было как бы сигналом, что телеграмма будет сейчас доставлена. Те же лихачи, которым не посчастливилось подрядиться, спокойно один за другим подъезжали к лагерям и ждали, когда «молодые Господа» начнут покидать училища, чтобы ехать в город, ибо других, более быстрых, сообщений из лагерей не было. Те же, которые доставляли телеграммы, особенно в наше училище, считавшееся самым доходным предприятием, знали, что в картузы почтальонов посыпятся трешки, пятерки и даже красненькие десятирублевки и, в результате, наберется хороший куш. Это было интересно для почтальонов, так как, деля пополам с возницей собранную сумму, они очень хорошо могли подработать. Нужно считать, что в нашем училище почтальон собирал в шапку не менее 300 рублей, а может и больше, что было колоссальным заработком в доброе старое время, явля-

ясь для бедного служащего целым состоянием.

Не больше, как через полчаса после прочтения телеграммы, никого из вновь произведенных офицеров в лагере уже не оставалось. Лично я, со своим большим другом Борисом Литвиновым, родители которого жили в Ставрополе-Кавказском, взяв «резвого», понеслись в усадьбу моих родителей, в Петровско-Разумовское, находившуюся в 8 верстах от Москвы, где помимо радости ожидавшегося моего появления, еще справлялся день рождения моей матери. Добрались мы туда в начале четвертого часа и, подъезжая к усадьбе, я сам себя спросил: «Неужели я уже офицер?» Тут передо мной молниеносно воскресло и безотчетно быстро пролетело мое далекое детство, недавние кадетские и совсем близкие юнкерские годы, и в этот момент мы въехали во двор усадьбы. Выскочив из экипажа, я быстро пошел к дому и не успел вбежать в переднюю, как в нее вошла мать. Глаза в глаза, душа в душу, мы встретились и на ее лице сразу отразилось волнение радости и счастья. Она крепко меня обняла и, прижавшись к моей щеке, тихо сказала:

— Поздравляю Тебя, мой дорогой! Наконец Ты вышел на дорогу новой, еще неведомой для Тебя жизни; она открыта для Тебя и иди по ней прямо, помня всегда мои Тебе советы...

Тут же сразу подошел и отец:

— Да какой же Ты красавец стал! Как прекрасно идет к тебе форма! Ну, поздравляю! Не забывай только чести Скрябинского рода, служи по совести, но не прислуживайся, будь верен Родине и дай Тебе Бог успеха в новой жизни.

Приблизительно час-полтора тому назад, будучи еще в лагере среди общей восторженной радости одеть впервые офицерский погон, видимо, там я не ощутил полностью того действительного личного счастья, пока мать и отец не заключили меня в свои объятия. Только тут я почувствовал, что все то, еще так недалекое, «прошлое» окончательно ушло от меня, оборвалось, осознал и понял реальность совсем теперь нового своего положения и у меня из глаз потекли невольные слезы радости. Только тут я вполне понял, что сбылись мечтания долгих кадетских лет и трех лет в училищах — год в Павловском и два — в Тверском. Говорить, конечно, не приходится, что счастью родителей, как и моему личному, не было предела. После этого меня поздравили собравшиеся в усадьбе родственники, друзья и знакомые, а вскоре стали подъезжать многочисленные мои друзья-Тверцы, произведенные вместе со мной и постоянно до того бывавшие в всегда гостеприимном русском родительском доме. Их визит особенно меня тронул оказанным вниманием «представиться» моему отцу, бывшему вахмистру нашего училища в 1872 году, коренному Петроградскому улану, ныне пребывавшему в отставке.

Пробыв в усадьбе несколько веселых и радостных часов, мы, «вновь испеченая молодежь», решили пирушкой отпраздновать окончание юнкерской страды и всей кавалькадой отправились обратно в Москву обедать в знаменитый в те времена ресторан «Прагу», после которого побывали в «Аквариуме» и закончили вечер, вернее — ночь, у «Яра».

На другой день, 7-го Августа, весь выпуск собрался снова в лагерь, где был отслужен торжественный молебен и произведена выдача положенных подъемных денег. После этого, все снялись группой, и начались, для подавляющего большинства из нас, последние прощания со словами искренних пожеланий друг другу, наступили последние рукопожатия и поцелуи с друзьями проведеных вместе лет нашей тогда беспечной юности. Встретимся ли мы когда-нибудь? Об этом, конечно, тогда никто не думал, ибо ореол счастья быть произведенным в офицеры, тогда возвышал нас над всем житейским, все были далеки от мысли о том, что может ожидать каждого в его будущей жизни.

В заключение мне хочется сказать, что, кроме Военных Училищ, располагавшихся в Красном Селе, где Государь Император обыкновенно лично поздравлял юнкеров с производством, во всех остальных училищах, находившихся в разных Военных Округах необъятной России, торжество производства в офицеры происходило согласно обычаям, принятым в каждом из них. Но ежегодно вливавшаяся в нашу Императорскую Армию эта новая «живая сила», все равно по своему духу и состоянию была едина и единообразна как во взглядах, так и в понятиях о достоинстве высокого звания офицера и о его чести. Поэтому мне хочется, заканчивая повествование о давно минувших днях, искренно поздравить всех тех одногодников по производству со мной в офицеры в 1912 году, из всех училищ, всех тех, которым Господь послал дожить до этого великого и знаменательного дня, золотого дня 50-летия, когда нам посчастливилось одеть наш первый офицерский погон.

Давно все это было, но в этом было что-то такое, что забыть нельзя, и я не сомневаюсь, что каждый из нас все это всегда помнит.

А. А. Скрябин

Военные училища в Сибири

(1918—1922).

(Продолжение)

ТОМСКОЕ ПЕХОТНОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Томское пехотное военное училище начало формироваться в апреле 1919 года. Формирование происходило в трудных условиях. Первое здание синодального училища было слишком мало. намеченное другое здание — епархиального училища — послужило яблоком раздора с чехами. которые всеми способами пытались его окупировать. Командир 3-й роты, оставшись за начальника училища, нашел выход из положения: имея знакомство с английской миссией, он предложил ее начальнику, майору Керквуду занять одно крыло здания. Майор с удовольствием принял предложение разместиться с комфортом, над зданием был вывешен английский флаг, и чехам пришлось облизнуться. Размещение английской миссии было для училища выгодно: все необходимое для училища появилось с помощью миссии, как по щучьему велению.

Первым начальником училища был назначен генерального штаба полковник Антонович. К сожалению, уже в мае он получил новое назначение в Омск, в Штаб Верховного Правителя, а на его место приехал полковник Мясоедов, брат повешенного жандармского полковника Мясоедова. Новый начальник училища не был предназначен и не годился для должности начальника училища, тем более, что кадр училища был сборный и его необходимо было спаять в одно целое. Кадр 1-ой и 2-ой рот состоял из офицеров бывшей Томской школы прапорщиков, благополучно проучившихся юнкеров в течение всей войны 1914-1918 г. Кадр 3-ей роты дала Иркутская школа на Русском Острове из первого выпуска, кадр 4-ой роты был назначен из числа окончивших в Томске 4-ый ускоренный выпуск Академии Генерального Штаба.

Курс училища был составлен по программе Чугуевского военного училища и расчитан на 3 месяца с производством в подпоручики окончивших по первому разряду.

Училище имело 4 пулемета Виккерса, на русский патрон. Одеты юнкера были в новенькое английкое обмундирование, все необходимое снаряжение, вооружение, постельные принадлежности, оборудование столовой — не оставляло желать лучшего, наличие кадра Академии Ген. Штаба и его материальной части давало все необходимое. Учебники, уставы и приборы были получены оттуда. Занятия производились по плану: 3 часа лекций и 5 часов строевых и тактических занятий.

Юнкерский состав 1-го выпуска составляли первая и вторая роты — студенты Томского технологического института, 3-я — кадеты Омского и Иркутского корпусов, окончившие в том учебном году, 4-ая — окончившие средние учебные заведения в том же году. Число юнкеров в ротах не превосходило 100 человек.

Краткий курс осложнялся тем, что юнкеров привлекали к несению гарнизонной службы, что сокращало время обучения. Необходимо отметить, что к каждой роте был прикомандирован английский офицер для обучения стрелковому делу и спорту, так в 3-й роте находился капитан Смит.

В июле 1-ый выпуск был произведен в подпоручики и направлен по полкам. При формировании Добровольческой дивизии ген. Крамаренко, например, во 2-ой Добровольческий полк, на его укомплектование, ушла почти целиком вся 3-я рота.

В августе начат был прием юнкеров на следующий выпуск, которые и начали заниматься с конца месяца. Однако, наступившие события — сдача 14. 11. 1919 года Омска и развал армии привели к тому, что в половине декабря была начата эвакуация Томска.

Верные присзге части выступили из Томска в поход на восток. Если Екатеринбургская школа выступила в полном составе и порядке, то того нельзя сказать о Томском пехотном училище; весь кадр 1-ой и 2-ой рот бывшей Томской школы прапорщиков остался в городе, т. е. дезертировал. Так как роты были слабо укомплектованы, то в поход пошло немного больше 200 юнкеров, на долю которых выпало прикрывать отход частей, превратившихся, благодаря бездеятельности своих начальников, в беспорядочную орду. Все это не устраивало полк. Мясоедова и он, бросив юнкеров, укрылся в уютный и теплый чешский эшелон. Позднее, опознанный на одной станции, он был аре-

стован и препровожден в штаб ген. Вержбицкого, который оставил его на свободе, в результате чего полк. Мясоедов проделал весь путь до Верхнеудинска, в котором и сдался красным. После Мясоедова училище принял полк. Шнапперман, бывший начальник организационного отдела Томской офицерской организации, захватившей город у красных 29. 6. 1918 рода.

Однако нервы у полк. Шнаппермана выдержали только до остановки красными в селе Аманаш наших частей, беспорядочно двигавшихся на восток после красноярского погрома. В селе Голопупово произошла первая организация бегущих, так как путь на восток был закрыт. Здесь оказалось очень много начальников, которые решили сдаваться красным. Когда командир 1-ой кавалерийской дивизии генерал Милович уже поставил вопрос о сдаче, то в село вошла 4-ая Сибирская дивизия под командой ген. Смолина. Оповещенный рядовыми офицерами о происходящем, ген. Смолин занял все выходы из деревни своими караулами и, придя на собрание, отрешил от командования всех командиров частей, думающих о сдаче. В числе их оказался и полк. Шнапперман. Пережившие два таких удара юнкера оказались предоставленными самим себе и разошлись по разным частям, чем и закончили существование Томского пехотного военного училища.

Сведения получены от командира 3-ей роты училища — полковника Вишневского, взяты из книги «В огне войны» В. Иванова и других источников.

1-ОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Для пополнения офицерского состава артиллерии 1. 6. 1919 года в гор. Омске было сформировано 1-ое Артиллерийское училище, размещенное в здании 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. До 1-го сентября 1919 года училище находится в Омске, а затем перебрасывается в город Владивосток. Однако во Владивостоке не находится подходящих казарм, а поэтому училище размещается в военном городке — Раздольное, в казармах артиллерийского дивизиона. Военный городок расположен в 7 верстах от железно-дорожной станции того же имени, в 7 верстах от Владивостока.

Училище имело 2 батареи, числивших в своем составе 240 юнкеров, и обслуживалось 100 ездовыми, на попечении которых было 180 лошадей. Юнкерский состав был укомплектован юнкерами-артиллеристами, не окончившими училищ в 1917 году вследствие захвата власти коммунистами. Много было кадет, юнкеров пехотных училищ и школ прапорщиков, а остальные — добровольцы, откомандированные из частей с фронта. Фельдфебель 2-й батареи был гардемарин. Среди георгиевских кавалеров были участники не только гражданской войны, но и германской. Короче — личный состав был превосходный.

Начальником училища был назначен полк. Герцо-Виноградский, в прошлом командир баттареи Константиновского артиллерийского училища, помощником по строевой части — полк. Сполатбог — бывший курсовый офицер Константиновского артилл. училища, инспектором классов — полк. Коневега, выдающийся знаток теории артиллерии, академик; среди курсовых офицеров было несколько окончивших Константиновское артилл. училище.

Юнкера были одеты в английское обмундирование с русским юнкерским погоном — красным с черным кантом.

Учебные пособия были в ограниченном количестве, часть предметов проходилось по запискам, веденным на лекциях.

На вооружении училища было 8 французских 75 мм. пушек, рассверленных под русский снаряд, из этих пушек велась учебная стрельба; на одной такой стрельбе, в Раздольном, присутствовал ген. Нокс. Было 2 русских орудия обр. 1902 года, в Омске была еще и гаубица. Кроме этого, были японские карабины и шашки. Окончившим были выданы испанские браунинги.

Курс обучения предполагался в 2 года, но события заставили его сжать на 8 месяцев, поэтому не было младшего курса, т. к. обстановка не дала возможности провести новый прием юнкеров. Молодые подпоручики не смогли даже заказать и купить училищные знаки: двуглавый орел на белом кресте и перекрещенные пушки.

Училище принимало участие в подавлении гайдовского бунта, наводило порядок на ст. Океанская.

На Рождестве 1918 года был бал, для которого декорировали зал, приготовили угощение и на танцы пригласили старшие классы Владивостокской и Никольско-Уссурийской женских гимназий, на что те отозвались очень охотно; вследствие пурги праздник затянулся и на второй день.

30. 1. 1920 года был получен приказ о выступлении училища во Владивосток. Начальник училища выехал во Владивосток, а в это время на станцию Раздольная прибыл состав, на котором были гардемаримы для помощи погрузке, но они быстро уехали обратно.

Между тем, уже перешедший на сторону красных гарнизон Раздольного начал принимать меры по ликвидации училища, против него были выставлены 3 пулемета; дежуривший в этот день по училищу поручик Митрович немедленно выслал прислугу к двум орудиям, а

пришедшую с требованием разоружиться красную делегацию из одного офицера и нескольких солдат, обругал, потребовал убрать пулеметы и выгнал из училища. На другой день училище по приказу двинулось во Владивосток. В городе было объявлено о производстве в подпоручики и зачислении в резерв чинов штаба крепости.

Материал составлен курсовым офицером училища — кап. Аглазиным и юнкерами Леонтьевым и Голеевским.

. . . .

Артиллерийское Техническое училище сформировано в Омске 1. 6. 1919 года, позднее перебрасывается на Дальний Восток и судьба его неизвестна, так как единственный живой юнкер этого училища — Сучков, живущий в Новой Зеландии, не отзывается на письма.

КОРНИЛОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ 1921-1922 ГОДЫ

Обстановка во Владивостоке в 1921 году, после свержения власти коммунистов 26. 5. 1921 года, характерна политиканством командных верхов, которое насаждалось политической миссией японских оккупационных войск. Поэтому в штабах не беспокоились ни о боевой подготовке войск, ни о их самых насущных нуждах. Приказ № 41 А 6. 11 1921 года наиболее красочно подтверждает то убожество, в котором находилась Армия. Управляющий Военным Ведомством ген. Вержбицкий живописал: «...но указанное выше меркнет по сравнению с тем, что из 27.000 едоков армия может выдвинуть на фронт фактически не более 6.000 бойцов...» Как указывает в своей книге «Белоповстанцы» Б. Филимонов, при наличии в каждой части офицерских рот, сверхкомплекте офицеров в полках, нужды в военном училище не имелось. Было бы понятно, если бы были сформированы повторительные курсы для офицеров, при которых имелось бы отделение для юнкеров. Поэтому отъезд всего выпуска Хабаровского корпуса, после получения аттестата в Гродеково, в семеновскую группу войск, надо считать причиной сформирования военного училища для того, чтобы удержать выпускных кадет у себя.

Владивостокское военное училище было сформировано в октябре месяце 1921 года и размещено на Русском Острове, в казармах 3-го полка. Помещения для училища были оборудованы помещавшейся здесь в 1918-1920 годах Школой Нокса. Начальником училища был назначен ген. Тучанский, имевший золотое оружие, одрен Св. Георгия, известный еще тем, что в войну 1904-1905 года два раза водил свою роту в атаку.

Училище имело в своем составе роту и эскадрон, а также офицерский взвод. В последние дни Приморья при втором приеме предполагалось сформировать еще и офицерскую роту, но это осталось в проекте, а офицеров, проходивших курс, было только 30 человек. Курс был намечен двухгодичный, поэтому училище не имело ни одного выпуска, так как в конце октября 1922 года отошло вместе с армией за китайскую границу и в Гирине, в начале 1923 года, было расформировано. Все раненые были эвакуированы в Гензан.

Командный состав составляли: по строевой части полк. Томилин, командир роты полк. Климочкин, курсовой офицер кап. Даньшин, младшие офицеры — шт.-кап. Шмелев, поручик Напалкин, шт. кап. Муромцев и Маслов. Командир конного взвода полк. Бартеньев, курсовой офицер полк. Сысин, младшие офицеры — полк. Язвин и Нефедов.

Преподавателями были: саперное дело — ген. Тучанский, тактика — ген. Андогский и полк. Слижиков, артиллерия — ген. Нарбут. Учебные пособия, при наличии кадра и библиотеки Академии ген. штаба, были в потребном количестве. Классы и столовая находились в отдельном помещении. До приема 2-го выпуска — осенью 1922 года — училище имело только роту, офицерский взвод и конный взвод. Отметим, что второй прием состоял почти исключительно из окончивших кадет Омского и Хабаровского кадетских корпусов, которых в училище приняли только осенью, а не сразу же по окончании — весной: несмотря на бешеный вихрь событий все делалось в развалку, по мирному времени.

Одеты были юнкера в английское обмундирование и русские шинели. Вначале училище было просто военным, но позднее на параде, во время училищного праздника, ген. Вержбицкий, в память ген. Корнилова, служившего в свое время на Русском Острове, наградил училище наименованием «Корниловского».

В боевом отношении училище было слабым, так как не имело пулеметов, что страшно снижало его огневую мощь, а ему пришлось в последний период борьбы занимать главные участки боев. Во время Хабаровского похода училище только раз выходит против партизан в урочище «Трех Братьев», названное так из-за трех скал вблизи Владивостока. Сведения оказались вереными, красных не оказалось на лицо, и юнкера вернулись обратно, не понеся потерь. Главной боевой частью училище стало в октябре месяце 1922 года, когда пришлось бросить в бой все, что было можно. Положение наших войск было безнадежным: в Хабаровском походе части были обескровлены, пополнений не было никаких: объявленная мобилизация дала только 184 человека, патронов —

ружейных в первую очередь — почти не было. Рядовой состав армии, чувствуя, что он является теперь мелкой картой, небрежно сбрасываемой в игре, потерял дух и не желал больше драться в безнадежной обстановке. Даже в испытанных частях появилось забытое с 1920 года дезертирство. В такой обстановке посылка училища на фронт вызывалась самой крайней и насущной нуждой.

1-го октября 1922 года училище выходит на фронт в полном списочном составе 205 человек. Командование принял полк. Воротников. Начиная с 5-го октября начинаются бои под поселком Духовским, под станцией Свиягином, под городом Спасском. В этих боях юнкера встречают и схватываются с главной ударной частью красных — школой курсантов 2-ой Приамурской дивизии. Как ни были вышколены курсанты, как ни были они упоены уверенностью в победе, как ни были богаты воинской дерзостью, — в боевом отношении они оказались слабее юнкеров: училище в этих боях потеряло 75 человек убитыми и ранеными, а у курсантов осталось в живых из 240 человек только 67 — на две трети раненых. И это надо было отметить, потому что на бой выдавалось по 40 патрон на юнкера! Величая «штурмовые ночи Спасска», красные помалкивают про это «мелкое и не заслуживающее внимания» обстоятелство, которое замалчивается и нашими мемуаристами. Впрочем юнкера получали еще много патронов: 1-ый Пластунский стрелковый полк 13 октября, под Монастырищами, перед атакой получил по 15 — три обоймы на бой!

Личный состав училища в этих боях выполнил все, что можно было требовать от людей. В этих боях юнкера, как гренадеры Камброна под Ватерлоо, доблестно, мужественно и храбро выполнили свой долг.

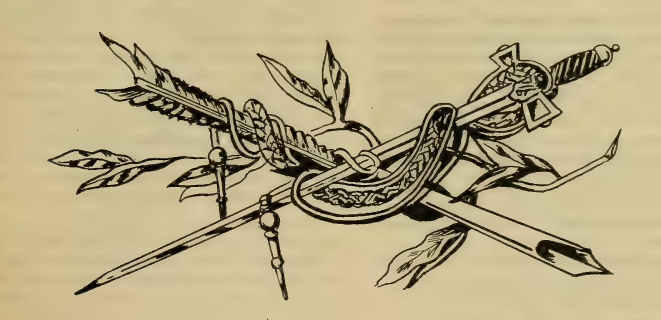
После боя под Монастырищем училище было возвращено на Русский Остров, откуда 20-го октября было переброшено морем в Посьет, из которого походным порядком пошло на Ново-Киевск — китайская граница — Хунчу-Гирин. В Гирине училище было расформировано и закончило свое существование.

В Америке находятся в данное время юнкера: Валерий Крикорьянц, Олег Волков, Александр Ольховский и Николай Тарасов — ст. круса. Николай Крикорьянц — мл. курса кав. эскадрона.

Даты забылись. — Все вышеупомянутые юнкера были ранены под Свияшно и эвакуированы во Владивосток, а потом на японском пароходе в Гензан.

(Продолжение следует)

А. Еленевский

Праздничный гость

Эту забавную историю рассказал казачий полковник, произведенный в первый офицерский чин во время оно, когда севастопольские и кавказские герои не успели еще поседеть.

Лет сорок пять тому назад, и как раз в сочельник, собрались за столом друзья-ветераны. Выпили христолюбивые воины, закусили всласть и, понятное дело, разговорились.

Не знаю как для кого, а для меня устная история, наполненная житейскими мелочами, курьезами, интимными подробностями, переданная наблюдательным и речистым свидетелем происшедшего, много интереснее написаной. Она дополняется и украшается, как сценический монолог, мимикой, жестами, возгласами, интонацией голоса и потому легче воспринимается и глубже врезывается в память.

Вот, один из тогда присутствующих и заметил:

— А ведь правда, господа, на большие праздники вместе с радостным настроением появляется и особая праздничная грусть. В такие дни давно пережитое воскресает с необыкновенной отчетливостью и, ежели встретишься хотя бы и со случайным знакомым, то после первых же слов, а тем более рюмочек, мысль невольно устремляется назад, к минувшим годам, и, переходя от события к событию, от лица к лицу, обязательно доберется до заботливой и хлопотливой нянюшки.

Наматывая на палец длинный серебряный ус, полковник утвердительно кивнул головой.

— Точно. В такие дни ищешь собеседника. А коли не найдется, позовешь верного товарища, охотничьего пса, гладишь его по шишковатой башке и будто из невидимой книги читаешь вполголоса собственные мемуары. А ведь случилась как то на Пасху с вашим покорнейшим слугой этакая... чушь. Провалялся бок-о-бок со своим гостем, да к тому же с другом детства, целых три дня в полную молчанку. А дожидался его, как озябшая муха солнца и именно, чтобы вспомнить старое, вволюшку наговориться.

— Друг-то ваш глухо-немым был? — спросили полковника.

— Сохрани Бог! Ну, как же строевой сотник мог быть глухо-немым?

— А, например, от контузии...

— Контузии крепкими винными парами, конечно, бывали, но ведь они не опасны, — усмехнулся полковник. — Однажды сшибся мой дружок с азиятами. Распороли ему шашкой портрет, но глаза, язык и уши не пострадали. Вышел из госпиталя джигит джигитом, расписанный шрамами, как пасхальное яичко, но от этого даже похорошел. С тех пор и прозвали его Писанкой.

— А в ту то Пасху... поссорились, что-ли?

— Мы? — воскликнул полковник, словно от внезапного испуга. — Не разлили бы крутым кипятком.

— И три дня молчали? — недоумевали все.

— И три ночи, — добавил он. — А ведь до чего поговорить хотелось, особенно мне. Вот, послушайте, история недлинная и скорее всего похожая на анекдот.

- - - - -

— Вообразите себе маленькую фортификацию, вернее огороженый лагерек возле горного потока... сторожевую вышку, похожую на скворешницу, два кедровых дерева, под ними низенькие сакли, врытую в землю жердь с Российским флагом и гарнизон в тридцать казаков при одном офицере. Не буду удлинять рассказа лишними подробностями, скажу только, что находился этот лагерек у черта на куличках.

Туда то и закинула меня злая судьбинушка. Азиаты вели себя сравнительно тихо, казаки подобрались бывалые, службу знали на зубок. От сих обстоятельств скука одолевала еще сильнее. Думалось: хоть бы случилось что-нибудь, пусть худое, да другое. А ведь просвещенный россиянин любит пофилософствовать, поспорить, поволноваться, разрешая всякие проблемы, и житейские и потусторонние. От хлопцев же на все мои вопросы, я слышал чаще всего или «так точно», или «не могим знать». Поверхностный взгляд не замечает межи, прокопанной между его благородием и простым казаком, даже одностаничником и родичем, а ведь она существует. И жил я в своей сакле, как монах, давший обет молчания. Даже мускулы языка ослабели. Подмигнешь глазом, замычишь, башкой покрутишь, и казаки понимают.

Газеты и журналы получал редко и то с полугодовым опозданием. Да и как они выглядели? В них бы постеснялись завернуть товар даже в жидовской лавчонке. Боже ж мой! Бывало привезут из крепости приказ — возьмешь его в руки и, не отрываясь, вызубришь наизусть, от слов: приказ по... до подписи; полковой адъютант, сотник Забей-Ворота.

Подметил таки безнадежную скуку в моих глазах вороватый казачишка Стриж и расстарался — спроворил где-то молодую азиатскую девку.

— Получите подарочек, Ваше Благородие.

Хошь она и собачьей породы, а для всякого такого сгодится.

А девку выбрал красивую, поджарую, ловкую, как пантера. Натурально принял в распростертые объятия. В ее духовных достоинствах, конечно, не разбирался, и настоящего имени не знал. Стриж отрекомендовал Тюлькой, но он и попу на духу врал без совести. И выучила Тюлька за два медовых месяца только одно православное слово: дай! Вспыхнул я, как порох и так же быстро погас. Да и то сказать — много ли интереса в бессловесной любви, в одних охах, да вздохах. Вместо медали «за усердие» пожаловал Тюльке двадцать пять целковых — и с глаз долой. Старшему в чине передавать не хотел, из-за личной амбиции, а отправил со Стрижом в крепость к одному хорунжему-стихоплету. В препроводительной записке кратко сообщил: «Посылаю горную Музу. Иногда кусается. Вдохновляйся. В получении распишись».

Сплавил ее, а вскоре и Пасха подошла.

На Страстной казачки зашевелились. Привезли из крепостной пекарни куличи, красили луковой шелухой яйца, пригнали, неведомо откуда, барашков, поросят, индюшек, появились бурдюки с вином.

— Где же, братцы-хватцы удалось вам это богатство подцепить? — спрашиваю.

Хлопцы поеживались, да друг на друга поглядывали, а старший урядник доложил:

— Не извольте беспокоиться, Ваше Благородие. К Светлым Дням в складчину и за наличнй расчет у здешнего народонаселения купили.

Знал я их насквозь, но не допытывался, и от себя красненькую пожертвовал.

А весеннее солнышко припекало. На кедрах радостно чирикали воробьи, поток набух, запенился, забурлил...

Господи! — взмолился я. За что наказываешь? На крепостеой гауптвахте встретил бы праздник веселее.

Изнывала душа, так и рвалась к близким людям.

И вдруг, в Страстной Четверг вместе с приказом передают письмецо, похожее на телеграмму: Жди в субботу. Отпуск на три дня. С преддверием. Обнимаю крепко. Твой Писанка.

От неожиданности и счастья так заржал, что приказист опрометью вылетел из сакли.

Не медля ни минуты, поймал за шиворот Стрижа.

— Получай, пропащая душа, деньги и гони карьером. Хоть из под земли, а достань чего-нибудь покрепче, да побольше. Ежели опоздаешь — перебегай к азиятам и принимай мусульманство.

Знал — сдачу украдет до полушки, но достанет и птичье молоко.

Хожу по сакле из угла в угол и руки потираю. Привезет Писанка ворох новостей. Ведь крепость по сравнению с моим совиным гнездом — Петербург блистательный!

Лег от волнения на койку, закрыл глаза и полетел на ковре самолете в счастливое прошлое.

- - - - -

Увидел родную станицу... С утра до ночи и я и Писанка носились по ней быстрее ветра. Собакам покоя не давали, в крашеные бабки играли, чужие сады опустошали, из рогаток стекла высаживали, певчих птиц силками ловили — поймаем, за пазухой поносим и выпустим. Из трубочек хлебным мякишем у прохожих спины заплевывали и расплачивались за меткую стрельбу собственными ушами — драли их станичники со щипками и вывертом, так что в глазах разноцветные фейерверки вспыхивали.

Увидел и незабвенный кадетский монастырь.

В пятом классе рассердился мой Писанка на педагогов за скупую оценку его познаний и на всю четверть забил парту ухналями. Вызовут — а у него ровно язык отрезан. Стоит и мимо учителя в окошко пялит. И наградили его по всем предметам сплошными колами, только батя — законоучитель пожалел.

— Заговоришь ли ты когда нибудь, немая орясина?

— На следующую четверть, отче, обязательно.

Поп подумал, подумал, разгладил бороду и поставил двойку с минусом.

— По снисхождению.

Милость при двенадцатибальной системе небольшая, а все же не кол. Инспектор классов разносил моего дружка перед всей ротой.

— За такое четвертное свидетельство в прошлое царствование, блаженной памяти Императора Николая Павловича, помножили бы каждый твой кол на пять, соответственно классу, а общую сумму ты бы почувствовал на собственном заду.

На что Писанка спокойно ответил:

— Казак все вытерпит. Мои прадеды, сидючи на турецких колах, люльки покуривали и приговаривали: ой, хлопцы, ласкотно!

Вспомнился и директор, пузатый генерал-майор. Жил он холостяком, вся семья — денщик да кот. Его превосходительство и кот до того сжились и растолстели, что походили др на друга, как родные братья.

Разгуливал этот кот без стеснения по всему корпусу, а кадеты титуловали его в отличие от директора «высокопревосходительством».

В мое время, в помощь дежурному офицеру по младшей роте назначили двух выпускников. Да и мог ли один человек управиться с сотней отчаянных головорезов?

Попал в наряд и Писанка. Выстроил он роту, чтобы вести на обед и только что направился доложить об этом дежурному офицеру, а навстречу кот — идет в перевалочку, по генеральски.

Писанка и гаркнул:

— Рота, смирно! Равнение налево! — и к коту с отчетливым рапортом:

— Ваше высокопревосходительство, в третьей роте... и так далее.

Кот хвост подвысь и слушает.

Кадетишки как залились смехом, как завизжали, завыли, загикали — оглохнешь!

И вдруг, с противоположной стороны, появился, чернее тучи, сам господин директор.

— Ты что же, шут гороховый, перед строем цирковые представления устраиваешь? А? Простись с двумя баллами по поведению и с отпусками до конца года. А ежели считаешь наказание черезчур строгим, обратись вот к этому хвостатому его высокопревосходительству, может быть он и простит.

Но мой беспардонный Писанка даже за ухом не почесал.

— От прямого начальства всякое даяние благо.

Припомнились и лихие юнкерские годы... и первые Шурочки, Ниночки, Катеньки...

- - - - -

В ожидании Писанки я и мой вестовой Петро потрудились до ломоты в костях и до мозолей на ладонях. В Страстную Субботу вымытую и убранную саклю никто бы не узнал. Для дорогого гостя внесли Тюлькину кровать и покрыли ковриком.

Пасхальный стол сиял! Невольно человек улыбался до самых ушей, глядя на высокий, как папаха кулич, на отварного поросенка, жареного барашка, на индюшку окруженную подрумяненным кртофелем, на горку золотистых яиц. А больше всего радовали бутылочки, похожие на стройных гусар в разноцветных доломанах.

Но мой Петро этой красотой не удовлетворился. Я, как разинул рот на аршин, так и не мог закрыть, пока он с озабоченной рожей, искал на столе подходящее место для букета из ярко пунцовых роз, да не живых, а бумажных, грубой базарной выделки.

— Казаки мы или бабы? — спрашиваю.

— На Христову Пасху без полного парада никак невозможно, Ваше Благородие.

— Да ведь от них, окаянных, ослепнешь.

— Колер малость пронзительный, — согласился он. — Спервоначала и я жмурился, а потом отошло. Зато сразу видать — праздничные! Сам выбирал.

— Где, тетку твою пополам?

— В крепости, Ваше Благородие. За пятиалтынный у кладбищенского сторожа на три дня позычил. Он из энтаких розанов заупокойные веночки плетет. Товар, конечно, бумажный, но для помещения стойкий и воды не требует.

Про таких, как Петро, и сложили пословицу: нашего Мины не проймешь и в три дубины.

Махнул я рукой и смирился.

- - - - -

Но дорогой гость запоздал. Вот это обстоятельство и прошу запомнить.

Около полуночи старший урядник доложил, что свободные от службы казаки выстроились. Под небом, усыпаным звездами, пропели Отче Наш, Спаси, Господи, люди Твоя и грянули во всю мочь Христос Воскресе!

Разговлялся с казаками за ихним столом, а они народ дошлый. Когда надо, умеют из пригоршни напиться, из шиша борщ сварить, на ладони пообедать, но из толкового провианта приготовят так, что оближешься.

Отсутствие Писанки, конечно, огорчало, о его же благополучии не беспокоился — не то что сюда, на форпост, а на кудыкину гору дружок мой нашел бы дорогу без ошибки.

Вижу, перевернул мою чарку Петро кверху донышком и зашептал на ухо:

— Лучше бы вы не переполнялись, а малость вздремнули, Ваше Благородие, чтобы гостя в свежем ампетите встретить.

Ладно, думаю. Поблагодарил хозяев, вернулся в свою саклю и, не раздеваясь, прилег. От сознания, что друг мой где то близко, чудились то стук копыт, то тихое ржание усталого коня, то с детства знакомый голос.

Но подвела милая подружка, теплая подушка, и заснул я, как миленький. И сон запомнил... Будто ворвалась в саклю Тюлька и орет: дай, дай, дай!

Эх, думаю — я ее с плеч долой, а она на руки. Сплоховал, видно, хорунжий — засушил стихами. А Тюлька прыг к столу, умяла всю снедь дочиста и за бутылки хватается. Петро! — кричу звериным голосом: Взнуздать бабу и на конюшню! Где там — не сладишь! Насосалась шальная девка и кинулась ко мне христосоваться. Долго ли с ней возился, во сне не определишь, а проснулся, протер глаза и что же увидел? — даже сердце от радости на момент остановилось. Развалился на Тюлькиной кровати мой Писанка и похрапывает. Любуюсь казаком, а будить жалко — а зачем? Впереди три дня, успеем наговориться досыта.

А Петро рапортует:

— Прибыли на рассвете. Вас приказали не тревожить. Кушали и пили с большим антиресом. В половине шестого улеглись.

— Правильно! — говорю. — Пусть отдыхает, а мы закусим.

Сели, без чинов, и налегли. Чарку под яичко, вторую под поросенка, третью... а Петро резервные бутылки к винному взводу пристраи-

вает, чтоб не поредел.

И так мне приятно, приятно... Поглядываю на спящего друга, а в голове для будущих бесед темы подбираю.

К полудню вернулись ночные дозорные. Похристосовался и с ними, опять выпил, снова закусил... и вовсе отяжел. Добрался до койки, лег и словно нырнул в бездонный омут.

Проснулся ночью. Закадычный под буркой сам себе колыбельные песенки насвистывает, а Петро на табуретке носом воздух клюет.

— В чем дело? — спрашиваю.

Встрепенулся Петро.

— Ежели проголодались, извольте к столу.

— А сотник?

— Его Благородие откушали час тому назад.

— Почему же меня не разбудили?

— Шибко бредили... про родителей... Сотник и приказал: Оставь, сонный человек, что больной, в строй не годится.

Вот, думаю, досада! А, ведь нет ничего слаще тихой ночной беседы, да еще за бутылкой доброго вина. И совесть грызла — какой же я хозяин? Твердо решил, спичками веки подопру и дождусь его пробуждения.

А Петро раскладывает на тарелки ломтики поросенка и хихикает.

— Ты с чего?

— Занятный человек, его Благородие, ей Богу! Острый словесник. Слушал бы и слушал, до того здорово разъясняет.

— Что именно?

— К примеру, про козла говорили. Он при ихней штабной конюшне находится. Потеха! Крепостных антилеристов не переносит, выправкой недоволен. Так и норовит энтих вахлаков в спину или под зад рогами долбануть. Многие из них шпоры припецляют, чтобы его обмануть — да не выходит. Сотник и говорит: козлы в форамх, как плац-адъютанты разбираются. Оно, грит, и неудивительно — при конных частях состоят, свою линию гнут. Строгие звери!

Слушал, а сам в тетрадочку вопросы и воспоминания записывал, для будущих бесед с дружком.

Сколько чарочек прикончил, не считал, но, как не крепился, как не таращил глаза — одолел проклятый сон.

Хоть в Светлые Дни вся нечистая сила в аду под арестом сидит, но какой то зловредный чертенок в моей сакле застрял — красный должно быть, маковый, что сон и дурман нагоняет.

Эдакая ведь гадость получилась: Писанка спит, я сижу темы намечаю, мозги вином прополаскиваю. Я лягу, он проснется... и так день за днем. Протяну руку, чтобы его разбудить и отдерну — жалко и стыдно беспокоить гостя.

А Петро пил и ел без передышки и со мной и с Писанкой.

— Спишь ли ты?

— Поморгаю, Ваше Благородие, сон и отбежит.

— Счастливый человек!

— Да разве заснешь? Рассказывал господин сотник, как его раны доктора зашивали. Такого и в книгах не сыщешь. Потеха! Вдели, грит, в иглу здоровенную нитку и, как в швальне, мелким стежком жарят от лба до подбородка. До того насобачились — заплаты ставят! А, грит, безприменно выдумают и утюжок такой, чтобы шовчики разглаживать. Или, грит, ежели какой невесте противно, что у жениха мурло шагреневое, допустим от оспы, чичас его к доктору, а тот утюжком пройдется, и щербин как не бывало — целуйтесь на здоровье! А, еще про лекарские насосы объяснили. Накачают в живого человека чего им хочется и обратно выкачают. Астрономы!

Вот, ведь, думал, развлекаются люди, а у меня целая тетрадочка исписана — тема за темой, вопрос за вопросом, поинтереснее козлов и насосов. Жду не дождусь обоюдного пробуждения.

На четвертый день продрал глаза, глянул, а в сакле ни Писанки, ни Тюлькиной кровати, ни цунцового букета... как в сказке о Рыбаке и Рыбке.

Глазам не поверил — испугался! Заорал на всю фортификацию:

— Где ж сотник?

— Изволили отбыть, — докладывает Петро.

Будто обухом по голове ударил!

— Как же так? Без единого слова! Почему, людоед, не разбудил?

А он записку подает. Взял ее дрожащими пальцами и читаю: Дорогой братишка! Отдохнул, поел и выпил по-генеральски. Непременно приезжай на Троицу — погуляем и вспомним старину. А твой Петро лучше всякой хозяйки. Премного благодарю и крепко обнимаю.

Едва слезы удержал — вздыхал и охал, как побитая баба.

Оно, конечно, прикидывал в уме, темы в лес не убегут, тетрадочка не сгниет и Тройца не за горами, потерпеть можно — другое мучило.

— Татарин бы так не поступил. Ведь я даже не похристосовался с моим закадычным.

— Не сокрушайтесь, Ваше Благородие Сотник, как приехали, сразу же вас сонного проздравили и трижды облобызали.

— А я?

— И вы... дотого сладко губами чмокали.

— Да ну?

— Ей Богу!

Обнял я своего казака.

— Спасибо, брат, что утешил. Налей ка самого забористого и выпьем за здоровье бесценного гостя.

Н. Турбин

Хроника «Военной Были»

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Генерал Александр Владимирович Геруа, командир лейб-гвардии Волынского полка, с которым полк вышел на войну 1914 года, дал следующие сведения о судьбе унтер-офицера Кирпичникова, служившего в 1917 году, в Запасном батальоне лейб-гвардии Волынского полка, в Петрограде.

Прежде чем приступить к его рассказу, я позволю себе напомнить историю этого «героя революции». 27 февраля 1917 года, Учебная Команда Запасного батальона была построена в помощении, в ожидании прихода своего Начальника капитана Лашкевича. Нужно заметить что окна этого помещения выходили во двор, в глубине которого находилась канцелярия командира батальона.

Войдя в помещение, капитан Лашкевич дважды поздоровался с командой но не получил ответа, тогда, он подошел к правофланговому унтер-офицеру и поздоровался с ним. Тот также не ответил на приветствие. Капитан Лашкевич повернулся спиной, спустился по лестнице и вышел на двор, направляясь в батальонную канцелярию. Когда он находился, примерно, на середине двора, из окон помещения Учебной команды раздался выстрел, которым он был убит наповал.

Этот выстрел послужил сигналом к началу восстания Запасного батальона Волынского полка, который вышел на улицу и поднял ближайшие войсковые части. Как позже выяснилось из показаний солдат Учебной команды, стрелял унтер-офицер Кирпичников, спровоцировав им выступление своей команды. Я, лично, слышал от нескольких солдат, участвовавших в этом восстании, что им после этого пришлось выйти на улицу — выбора не было — или смерть на улице или полевой суд за убийство капитана Лашкевича.

- - - - -

В своих воспоминаниях, генерал Геруа приводит описание конца этого «героя», по сведениям, полученным им от генерала Штейфона, находившегося в Галлиполи в штабе генерала Кутепова.

Генерал Штейфон говорил следующее: «Разсказ Кутепова я запомнил отчетливо. Помню в Галлиполи мы ехали вдвоем из города в лагерь. Разговор зашел о революции и первых днях белой борьбы. Я спросил Кутепова, не приходилось ли ему встречать в Добровольческой Армии кого-либо из «героев» революции, убежавших от большевиков, под охрану добровольцев. Кутепов оживился и рассказал, что, когда он командовал Корниловским полком, к нему, однажды, явился «наниматься» какой-то офицер. Офицер этот сразу-же назвал себя прапорщиком Кирпичниковым и, видимо, ожидал, что его имя произведет впечатление на Кутепова. Кутепов просто не обратил внимания на фамилию прапорщика. Заметив это, Кирпичников вынул из кармана сверток газетных вырезок с портретами и статьями, прославлявшими его геройский подвиг. Кутепов заинтересовался ими и, узнав с кем имеет дело, сказал: «А, вы тот унтер-офицер Кирпичников, который убил своего Начальника Учебной команды». Почувствовав в вопросе Кутепова, что-то скверное для себя, Кирпичников побледнел. После чего, Кутепов приказал адъютанту «Распорядитесь»...

Прекрасно сохранившаяся в моей памяти деталь — эпизод с газетными вырезками, свидетельствует, что речь шла, действительно, о том самом Кирпичникове.

Волынец

МОЙ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

В одной американской газете, я прочел следующие строки, навеявшие на меня некоторые воспоминания:

Вблизи Константинополя — Истанбула, в одной из бухт Малоазиатского берега, устроена военная база О.Т.A.N., обслуживающаяся турками и американцами. В этой-то тихой бухте, на двух якорях стоит «ГЕБЕН», линейный крейсер, некогда славного, германского флота. По своему внешнему виду, он сохранил прежний могучий, красивый облик. На его корме, все таже надпись «GOEBEN», сделанная ярко начищенными медными буквами, а рядом, белой краской сделана марка B. 70, что обозначает Battleship N. 70.

Мачты, трубы, 11-дюймовые башни, шлюпки, прожектора и прочее — все на месте. На бакштове — паровой катер, с медной трубой. На шханцах привинчена бронзовая доска, с надписью, что корабль получил пять попаданий самодвижущихся мин в Черном море, в Великую войну, с указанием мест попаданий и времени. В жилых помещениях никто не живет, но все поддерживается в порядке и чистоте. В адмиральском помещении адмирала Сушона, все

осталось как было, даже его ночной бинокль лежит на столике, возле койки. В кают-компании хранится куча осколков от снарядов, полученных им в боях с Русскими кораблями, в Черном море.

На баке, установлен деревянный барак, где помещается турецкая команда, охраняющая корабль и делающая приборку. Турки хранят его, как музей и воспоминание о германо-турецкой дружбе, но, O.T.A.N. установил на его верхней палубе массу противоаэропланной артиллерии и, таким образом, он является одной из главных защит их базы.

В этом году, кораблю исполнилось 52 года.

Я плавал на «ЕВСТАФИИ», и участвовал в двух боях против «ГЕБЕНА», командуя носовой 12-дюймовой башней. Мы получили от него пять 11-дюйм. снарядов, которыми было убито пять офицеров и 39 человек команды. Вот причина, по которой я называю его «старым знакомым».

Н. Гаттенбергер

ОТ РЕДАКЦИИ

Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка полковник Иван Филиппович РУБЕЦ предпринял огромный труд по регистрации всех конных атак, имевших место в Великую войну 1914-1917 г.г.

Не имея в своем распоряжении никаких архивов, он обращается ко всем участникам войны и конных атак, с просьбой дать ему сведения о таковых. Необходимые сведения: 1) Число, месяц, год; 2) Название части; 3) Какой силой атака произведена; 4) Под чьим командованием; 5) Место или хотя-бы район; 6) Противник; 7) Результаты; 8) Потери и награды.

В настоящее время, полковник Рубец прислал в редакцию описание свыше 200 конных атак. Прежде чем приступить к печатанию, Редакция просит сообщить ей некоторые дополнительные данные, которых не хватает в присланном списке.

1915 год:

13 февраля — атака 15 гусар. Украинского п. — фамилия командира полка?

20 мая — атака 2 лейб-гусар. Павлоградского полка — фамилия командира полка?

20 мая — атака 5 гусар. Александрийского полка под Шавлями. Фамилия командира полка?

26 мая — атака Текинского п. под командой полковника Зыкова. Где? В каком районе?

25 июня — атака 1 Кавказского полка у г. Дупган. — Фамилия командира полка?

? сентября — атака 7 уланск. Ольвиопольского полка, у ст. Салы. Дата и фамилия командира полка?

? октября — атака 1 Полтавского полка под командой полк. Нальгиева. Дата?

? апреля — конная атака 17 гусар. Черниговского и 18 гусар. Нежинского полков у с. Прухникова. Нет никаких данных.

29 мая — атака 4-х сотен Заамурского полка под командой? в районе Залещики. Подробности известны.

? декабря — конная атака Команды Разведчиков 2 Сибирской стрелковой дивизии. Об этой атаке только вскользь было упомянуто в печати.

? — Атака пяти разъездов 32 Донской Отдельной сотни, под командой сотника Талалаева, у м. Космич на мадьярских гусар. Дата?

? — Атака сотника Бабиева под Даранине.

? — Атака Дагестанского и Татарского полков на р. Днестре у дер. Грайворонки.

? — Две атаки частей 13 улан. Владимирского полка, под командой корнета Балка у м. Сленце. Корнет Балк убит и награжден Орд. Св. Георгия 4-ой ст.

Все сведения и ответы просьба направлять на адрес Редакции «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

В следующем номере будут помещены вопросы по атакам 1914 и 1916 г.г.

Письма в Редакцию

К СТАТЬЕ В. ЯГЕЛЛО «КНЯЖЕКОНСТАНТИНОВЦЫ»

Мне хотелось бы внести в эту статью маленькую поправку. На востоке, в период Гражданской войны, кроме 1-го Сибирского Императора Александра I и Хабаровского Графа Муравьева-Амурского кадетских корпусов, сначала в своих городах а затем в Иркутске, находились следующие корпуса: Симбирский, Оренбургский-Неплюевский, 2-й Оренбургский, туда же из Казани был переведен Псковский корпус и пребывал в своих зданиях — Иркутский.

При крушении Сибирской армии, все эти корпуса попали к красным, в Иркутске же. Последний вице-фельдфебель Псковского кадетского корпуса проживает, в настоящее время, в Канаде.

Л. Радцевич-Плотницкий

В №60 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» помещена небольшая статья Глеба Бенземана — «Мальтийские святыни». В этой статье упоминается чудотворная икона, поднесенная мальтийскими рыцарями Императору Павлу I 12 октября 1799 года. Не откажите, если найдете возможным, поместить некоторые дополнительные сведения к этой статье.

В 1961 году, в Историко-Генеалогическом Обществе «Адлер», в г. Граце, в Австрии, одним из видных мальтийских австрийских рыцарей графом Гоес, был сделан доклад о Мальтийском Ордене и, между прочим, граф Гоес говорил о том, что когда Наполеон занял остров Мальту и ограбил Мальтийских рыцарей, то он увез с собой и мальтийскую святыню — Образ Божьей Матери, написанный по преданию Апостолом Лукой и, в XV веке, привезенный на Мальту из Турции. На иконе был золотой венчик, украшенный драгоценными камнями а, уже на Мальте, на фоне иконы был написан мальтийский крест.

Когда икона эта была передана Императору Павлу I, тот приказал возстановить золотой венчик с камнями и, вообще, всю икону вновь украсить драгоценностями. Икона эта находилась в часовне Зимнего дворца, а последнее время вплоть до революции, — в часовне Аничкина дворца, у Императрицы Марии Федоровны. Уезжая из России, Императрица взяла эту великую святыню с собой и, до ее кончины, икона находилась при Императрице в Дании. Перед смертью, якобы, Императрица передала икону какому-то православному священику?? Где она сейчас — Мальтийским рыцарям неизвестно».

Граф Гоес имел фотографию иконы и любезно разрешил мне сделать с нее фото-копию, которую при сем прилагаю. (От Ред.: фотокопия находится в Редакции.) Мне показалось сомнительным, чтобы Императрица передала чудотворную икону «какому-то православному священнику» и я начал всюду писать и стараться узнать дальнейшую судьбу иконы.

Оказалось, что икона была передана Императрицей, перед смертью, Королю Александру Сербскому и находилась в Дворцовой церкви, в Белграде, о чем было известно и нашему местному русскому духовенству. Когда немцы оккупировали Белград, то один из высших его представителей, с разрешения немецкого командования, отправился в Дворцовую церковь, чтобы забрать эту икону. Но, ее там уже не оказалось. Существует две версии этого дела: одни говорят, что она была вывезена с вещами Короля Петра, при его бегстве из Белграда, другие — что ее увезли немцы, еще до получения русскими от них разрешения взять икону.

Как мне сообщили из кругов Мальтийских Рыцарей, Ватикан все время продолжает поиски иконы но, до сих пор, безуспешно. По непроверенным сведениям, она находится где-то в Америке.

А. Ракович

Встретив серьезные затруднения в моей работе над 11 томом «Знамена и штандарты Императорской Армии», я прошу всех имеющих нужные данные, сообщить мне таковые.

Мне нужно знать: какие знамена пожалованы при Императорах Александре II, Александре III и Николае II Военным училищам и кадетским корпусам? По возможности, точные даты или хотя бы год пожалования и краткое описание. О знаменах образца 1883 г. с иконой или образца 1900 г. с Нерукотворенным Спасом, достаточно указать, какая икона и какого цвета кайма.

В. Звегинцов

ОТ РЕДАКЦИИ.

В статью В. П. Родзянко «Эпизоды моих плаваний на судах Гвардейского Экипажа», по вине редакции, вкралась ошибка. Отец автора Павел Владимирович Родзянко командовал не Кавалергардским полком, а эскадроном Ее Величества названного полка.

Принося глубокоуважаемому Владимиру Пав ловичу наши извинения, мы просим читателей исправить в своих экземплярах эту оплошность.

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

№ 64
Ноябрь 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 64 по 69 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам, дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.
Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55*

12-й год издания | № 64 НОЯБРЬ 1963 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

«Суздальское учреждение»

Всем знакомым с Суворовым, а особенно его почитателям, известно, что величайший русский полководец писать особенно не любил, и если мы получили довольно полное понятие о его доктрине, то большей частью, благодаря свидетельствам людей, лично его знавших, его приказам и письмам, которые тщательно собирали историки.

Его перу принадлежали только две краткие, но вполне законченные работы, имеющие исключительную ценность, а именно: «Наука Побеждать», написанная в конце его жизни и в которой он запечатлел выводы всей своей жизни, и «Суздальское Учреждение», эта своеобразная инструкция, составленная им в 1765 г. для командуемого им тогда Суздальского пехотного полка *).

«Наука Побеждать» дошла до нас в нескольких списках. Ее часто переиздавали и комментировали и русские и иностранные авторы. Но первый труд Суворова, его «Суздальское Учреждение», которое раздавалось всем офицерам и унтер-офицерам Суздальского полка, было утеряно. Оно исчезло, не оставив никаких следов и о деятельности полковника Суворова во время долгого командования им Суздальским полком. Кроме общих мест, не сохранилось ничего существенного.

А для Суворова время это имело не малое значение. Долгие годы, проведенные в строю простым солдатом, капралом и сержантом, позволили ему внимательно изучить и русского солдата, и все вопросы службы, а только что оконченная Прусская война дала ему незаурядный боевой опыт. Глубокий, все охватывающий ум Суворова уже тогда пришел к окончательным выводам об основах военного дела вообще и воинского воспитания в частности. Эти выводы были оформлены в особой инструкции для его полка, который, следуя ей, заслужил лестное признание Императрицы Екатерины II-й, назвавшей Суздальский полк образцовым полком русской армии.

Естественны поэтому были и горечь русских военных историков о потере такого документа и все усилия их, направленные к отысканию хоть одного экземпляра бесследно «пропавшей грамоты».

В первом жизнеописании Суворова, составленном Антингом, о Суздальском периоде было сказано только, что Суворов обучал полк «новой эволюции», но в чем она заключалась, не объяснялось. В истории Полевого, изданной в 1843 г. о деятельности Суворова, как командира полка, сказано почти ничего не было. Последующие его биографы тоже ограничивались общими местами. Издавший в 1884 г. капитальное историческое исследование ген. Петрушевский тоже, за неимением подлинных документов, относящихся к этому периоду, ничего нового сказать не мог.

Много труда посвятил розыскам документов Суздальского периода В. Алексеев, но все было тщетно. Особенно нужны были эти документы кап. Плестереру, писавшему историю 62-го пех. Суздальского полка, но и его постигла неудача. Среди бумаг, обнаруженных им в архивах, относящихся к истории полка, ничего Суворовского найдено не было, поэтому самая ценная глава истории, посвященная командованию полком Суворовым, была, так сказать, скомкана.

Делались и попытки обнаружить архив полка. Оказалось, что он был сдан в два места, но в одном он сгорел, а в другом «за давностью уничтожен».

В связи с приближавшейся столетней годов-

*) В полку эта инструкция была известна под названием «Полковое Учреждение». Впоследствии Суворов называл ее «Суздальским Учреждением».

щины со дня смерти Генералиссимуса, ген. Пузыревский придпринял еще одну решительную попытку отыскать исчезнувший документ. Он обратился в печати со следующим призывом:

«В бытность свою с апреля 1763 по февраль 1770 г. командиром Суздальского полка, Суворов составил «Суздальское Учреждение», т. е. свод правил или положение по управлению и обучению полка во всех отношениях. Это «Суздальское Учреждение» до сих пор не найдено, хотя очевидно оно существовало в нескольких экземплярах и, надо полагать, сохранилось, но как писанное не Суворовской рукой и, может быть, и не подписанное, не обращает в архивах на себя внимания. Горячо желая обогатить «Суздальским Учреждением» издаваемый к 1900 г. Суворовский Сборник, редакция обращается ко всем лицам, штабам, учреждениям, войсковым частям и заведениям всех ведомств с покорнейшей просьбой оказать искреннее содействие к отысканию драгоценного творения великого полководца».

Но и этот призыв не увенчался успехом.

В 1931 г. в своем труде «Суворов и его Наука Побеждать», изданном в Париже, ген. Головин писал: «На эту замечательную Суворовскую работу не было сразу же обращено должного внимания, Суздальское Учреждение до нас не дошло».

Прошли еще годы, и вот в 1938 г. произошло событие. Суздальское Учреждение было, наконец, найдено. Честь этой находки принадлежала полковнику Т. И. Воробьеву.

Подготовляя материалы для выставки, посвященной Суворову в Артиллерийском Историческом музее в Петербурге, полк. Воробьев, в отделе рукописных книг Артиллерийского музея, обнаружил рукопись, озаглавленную «Полковое Учреждение». Исследование рукописи позволило убедиться, что это и было так долго разыскиваемое «Суздальское Учреждение».

Рукопись представляла из себя переплетенную тетрадь в 57 страниц текста и 11 страниц приложений в виде таблиц. На переплете стоял экслибрис библиотеки ген. П. Капцевича, известного артиллериста Павловских времен. Вероятно, от наследников Капцевича рукопись была передана в 70-ых годах в Артиллерийский музей. На последней ее странице четким подчерком было написано:

«Сие Полковое Учреждение покойной Генералиссимус Князь Италийской, граф Суворов Рымникской собственною рукою писал».

Действительно слог отличается тщательной отделкой фраз и сжатостью изложения, которые живо передают особенности Суворовского стиля.

Однако, об находке этой видно узнали не сразу. Скоро началась война и публикация рукописи была отложена. Во всяком случае, Люшковскому, писавшему в 1942 г. статьи о Суворове, факт находки, повидимому, известен не был. Вот, что он писал:

«К сожалению, до нас не дошел этот первый рукописный солдатский учебник. Вероятнее всего, что инспекторы, посылаемые впоследствии Императором Павлом, с целью переучивания войск по немецкому образцу, изымали и уничтожали этот драгоценный труд Суворова».

Впервые положительные данные о «Полковом Учреждении» были приведены в книге Раковского «Генералиссимус Суворов» вышедшей в 1947 г. Наконец, в 1949 г. полный текст Учреждения был опубликован и снабжен ценными и научными введением и комментариями полковника Воробьева, которыми мы широко пользуемся в этой статье.

Нам посчастливилось книжку эту найти в одном из парижских книжных магазинов. Но сколько нам известно, русская печать в эмиграции не отметила еще такое важное событие, как находка этой давно пропавшей рукописи, а потому является интересным привести здесь хоть краткий ее обзор, конечно, далеко не исчерпывающий найденный «клад», так как каждое Суворовское слово Полкового Учреждения звучит полноценным золотом.

Не подлежит сомнению, что «Полковое Учреждение» должно быть напечатано и распространено в русском зарубежьи, насчитывающем еще не мало искренних почитателей великого Суворова.

«Полковое Учреждение» представляет из себя исключительную ценность и читается с глубоким, захватывающим интересом.

Сно начинается с главы «О караулах». Это указывает, какое первостепенное значение Суворов придавал этому виду службы. Тщательно разработанная им инструкция по караульной службе существенно дополняла устав, в котором не было приведено никаких подробностей, а между тем жизнь требовала упорядочения именно подробностей. Суворов стремится внести четкий порядок и однообразие в несении караульной службы в полку.

«Караул содержать весьма строго, пишет он, по силе военных правил, артикулов и полкового учреждения, и протчих на нем повелениев, недреманно и осторожно, дабы из добрых солдат не сделать худых и за такую оплошность не подвергнуть себя к раннему взысканию».

Устанавливаемые им церемониалы имели целью воспитать чувство глубокой ответственности и самое серьезное отношение к обязанностям. Принимая во внимание, что караульная служба неслась одинаково как в мирное, так и в военное время, следует признать, что настой-

чивое воспитание серьезного отношения к обязанностям в карауле было действительно необходимо. Здесь ясно чувствуется мысль Суворова, учить тому, что нужно на войне.

2-я глава Учреждения посвящена вопросам строевой подготовки, или «Экзерциции».

»Понеже праздность корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого к знанию его должности, в ее совершенстве. Ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда, для того надлежит ему оной обучено быть в тонкость».

Суворовская «Экзерциция» состоит: 1-е, в захождении, дабы солдат ко всякому движению и постановлению фронта против неприятеля искусен был; 2-е, скорой и исправной пальбе». И здесь четко проводит Суворов основную свою идею: учиться тому, что будет нужно на войне *).

Подробно разработаны многогранные обязанности учителей, т .е. офицеров:

«Господам обер-офицерам должно оную науку весьма знать и уметь показать, дабы убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно изучать могли, так чтобы оное упражнение вообще всем забавою служило».

Просто и образно и вместе с тем подробно указано, как надо обучать, за чем особенно следить, отмечены трудные моменты в обучении и как следует их преодолевать. Чтобы »выученное не забывали» требовалось непрерывное повторение. Вся программа Суворовского «экзерцирования» проникнута одной идеей: «сделать всех солдат на себя надежными», залог храбрости в бою.

Большой интерес представляет из себя следующая выписка из параграфа «о должности младшего сержанта»:

«Хотя по неуповательному случаю, ибо кажетца как ему без того в сержанты произведену быть можно, при определении его в полк, он российской грамоте не обучен, однако попечением ротного коандира оной сколько надлежит обучен быть может. Сожалетельно бы было, ежели он своею неохотою к сему просвещению будет сам себе препятствием к произвождению его впредь в офицеры, чего ради как грамотной».

3-я глава трактует о «Убранстве и чистоте». Это огромный материал для понимания солдатского быта тех времен. Здесь тщательно описан солдатскищ обиход. Из этой главы видно в каких пределах Суворов был требователен к своим подчиненным в отношении чистоты и опрятности. Вот некоторые из этих требований:

«Перевязь бело выбелена и зубком вылощена, кожа на суме воском натерта с лоском и герб с блеском вычищен... Кафтан и камзол всегда вычинены и вычищены, також и штаны, и когда где надобно положить заплатку, то чтоб совершенно было тогож цвету. Пуговицы на них все нашиты и вычищены с блеском... Ружье столько вычищено, чтобы от железа был блеск. Курок и шурупы смазаны, чтоб не заржавели, а в карауле сухо вытирать, чтоб кафтан не марался. Скобки крепко привинчены. Ружье везде вычинено и в исправности, кремень ввернут доброй и ложа всегда вычернена».

Но также видно и какую заботу о солдате он постоянно проявлял:

«Башмакам быть по размеру каждого, не широким и не узким, чтобы можно было в морозы в них соломки или охлопочков положить, а паче не коротким, чтобы в ходьбе ног и пальцев не обтирали, отчего солдат в походе часто не может за прытким следовать».

Глава 4-я носит название «О воинском послушании, распорядке в должностях».

«Вся твердость воинского правления, пишет Суворов, основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненной пред своим вышним на отдаваемой какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оной опорачивать после, в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять. Иное есть представление, которое всюду в пристойное время, какого бы чину кто ни был пред своим начальником к лутшему и кратко чинить похвально, однако и то чинить с великим рассмотрением, дабы не имело виду какого непослушания. От послушания родится попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинский распорядок».

Своим подчиненным Суворов прививает глубокое понимание и прочнейшее усвоение воинской дисциплины. И в то же время командиру предъявлено категорическое требование заботы о своих подчиненных: «к своим подчиненным имеет истинную любовь, печется о их успокоении и удовлетворении, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежит».

Характерен для Суворова рекомендуемый им метод воспитания «исправления пороков». «Ежели кто из новоопределенных в роту имет какой порок, яко то склонность к пьянству или иному злому обращению, неприличному честному солдату, то старается оного увещевани-

*) Тут есть о чем поспорить сторонникам в учении Суворова, пули и штыка.

ями, потом умеренными наказаниями от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешенное с ясным и коротким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние».

Замечательно и указание как обучать рекрут:

«В обучении экзерциции и протчего наблюдает, чтоб поступаемо было без жестокости и торопливости, с подробным растолкованием всех частей особо и показанием одного за другим».

А вот и параграф 27: «Учрежденные при полку молитвы суть: 1-е. Господи Иисусе Христе, Боже Спаситель мой. 2-е. Символ веры, верую во единого Бога. 3-е. Отче Наш. 4-е. Богородице Дево, радуйся. Оные всем нижним чинам твердо знать, и ежедневно, поутру и ввечеру, по оным Господу Богу молитца, читая их каждый вслух и наизусть».

Отчетливо определяя обязанности всех чинов, «Полковое Учреждение» устанавливает стройную систему, имеющую целью сделать всех «на себя надежными». Это тот фундамент, на котором воспитывается в мирное время основное боевое качество: храбрость.

Оканчивается Полковое Учреждение так:

«Посему все члены части и корпус ротной будучи во всегдашнем упражнении экзерции: праздность и ленность навсегда убегать привыкнут. Суетно бы то было, ежели ротному командиру роту свою только к лагерю на экзерцирование готовить, но чрез сие не токмо готова всякой час на смотр, кто бы ни спросил, но и на сражение со всяким неприятелем. Всякой, при всяком случае будет бодр, смел, мужествен и на себя надежен.

Наконец, всякой служащей в полку в военном чине рассудить может: только благоустроенное согласие всех частей полку содержит его твердость непоколебиму, и неослабное наблюдение нужных военных правилов, яко душа оное матерое тело просвещает. В противном же случае каждой ясно может понять, что малейшее от них отпадение и в сохранении их незаботливость приключает забвение и учиняет в должности несведущим, от того в исправлении оной робким, и от подчиненных внутренно, кроме как по принуждению, о должности непочтенным. Так хотя некоторые части в сию распутность впадут, но от того во всех частях последует расстроение, твердость полку разрушится, и будет оной как грубое тело без души, от чего в службе при таком полку в военном звании толь почтенном можно ли вкушать истинную сладость.

Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешенное с оною военное искусство. Чего ради не должно ли пещися единожды в нем полученное знание не токмо содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять.

Учреждение сие служит к согласному знанию общей должности и каждого особо. Оно его затверждением ничью память не отяготит, а исполнением его пунктов ничью должность в излишнее попечение о ее исправлении привесть не может.

Не можно забыть Высочайшую Монаршую милость, которою сей полк недавно удостоен. был. Отличность, каковою не один полк по прошествии многих лет славитца не может: всем прочим во образец. Но всегда о том воспоминая, содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность и тонкость, жертвовать мнимым леностным успокоением истинному успокоению духа, состоящему в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу».

После проштудирования «Полкового Учреждения» перед нами встает во весь рост воспитательная система, применявшаяся полковником Суворовым в его полку.

Остается пожалеть, что этот основной документ Суворовской доктрины был совсем не известен всем тем историкам, которые на продолжении многих десятков лет так тщательно и любовно собирали наследие великого полководца.

С. Андоленко

Из далекого прошлого

Из воспоминаний старого морского офицера

В тот период времени, о котором ниже идет речь, морским агентом в Германии состоял капитан 2-го ранга Александр Клементьевич Полис. Меня с ним связывало давнее близкое знакомство и поэтому мы взаимно поддерживали корреспонденцию. Из его частых писем и из разговоров при приездах его в Петербург, я знал поэтому много таких деталей его деятельности, которые иным путем наверное никогда до меня бы не дошли, хотя по должности, которую я занимал в Главном Морском Штабе, я официально был в курсе всех дел военно-морских агентов — наших заграницей и иностранных у нас.

А. К. Полис был по характеру своему очень подходящий человек для порученного ему ответственного дела. Способный, талантливый и находчивый, он быстро ориентировался и повел свою работу по правильному пути. Его такт и умение обращаться с людьми и присущая ему способность быстро завоевывать симпатии окружающих, помогли ему занять в немецкой столице совершенно особое положение и, как при Дворе и в морских сферах, так и в обществе, он очень скоро стал общим любимцем.

Император Вильгельм, повидимому, питал к нему большое расположение. По рассказам Полиса, он нередко получал приглашения на интимные вечера, где собирались лишь близкие Вильгельма и, с хорошей сигарой, за кружкой доброго пива, вели совсем откровенные беседы. Полис, однако, говорил, что его положение на таких собраниях было не легкое. Император затрагивал самые разнообразные темы, задавал совсем неожиданные вопросы, и надо было быть все время на чеку: уметь отвечать так, как подобало отвечать русскому морскому агенту Главе Германии, сохраняя в то-же время тон интимной беседы. При таких условиях как-то был поднят вопрос о том, что было бы своевременно встретиться Императору Вильгельму с нашим Государем. На очереди стояли вопросы первостепенной важности, которые, по мнению немецкой стороны, лучше всего было бы решить непосредственно, при личном свидании Монархов. Но наладить такое свидание считали желательным пока не официально, так чтобы все предварительные переговоры и сношения происходили совершенно секретно. И вот, на долю Полиса выпала роль посредника для переговоров, выяснения, желательно ли и нашему Государю такое свидание и, в утвердительном случае, где и когда. Попав в такой необычный для морского офицера водоворот, взяв на себя столь серьезное поручение, Полис сам увлекся этой задачей, да и самая суть предстоящих при свидании разговоров, ему очень уже известная, надо думать, интересовала его не мало.

Наезжая в Петербург по делам на короткие сроки, Полис делился со мною ходом этого дела, о котором, я полагаю, в то время очень мало кто у нас знал.

Полис энергично принялся за работу, подготовляя почву, и сумел, в конце концов, и с нашей стороны получить согласие на предполагаемое свидание. Все это я здесь рассказываю в коротких словах, но на деле, конечно, потребовалось не мало времени на подготовку такого исторического события. Наконец, в один прекрасный день стало известно, что такого-то числа состоится свидание двух Императоров в Ревеле. Министр Иностранных Дел узнал об этом, как о решенном уже деле, вероятно не вполне уясняя себе, как это могло произойти, и не допуская, чтобы все было оборудовано и доведено до такого конца нашим морским агентом. Отношение его к Полису, по сведениям, которые до нас доходили, стало крайне неблагожелательным и он резко критиковал его самовольные действия. Конечно Полис, как морской агент, был причислен к Посольству в Берлине и, в некотором роде, принадлежал к дипломатическому корпусу. Но, в данном случае, он бы связан поручением ,данным ему лично, и должен был действовать отчасти на свой страх и риск.

В Главном Морском Штабе, где я в то время служил в Военно-Морском Отделе, мы официально узнали о предстоящем свидании из письма Министра Императорского Двора, сообщавшего Морскому Министру подробности о предстоящем путешествии Государя на яхте «Штандарт», с перечислением лиц, намеченных для сопровождения. В то же время Министр запрашивал, кто будет сопутствовать из состава Морского Ведомства. Состоять при Императоре Вильгельме был назначен вице-адмирал генерал-адъютант О. К. Кремер.

Главному Морскому Штабу предстояло сделать разные распоряжения в связи с плаванием яхты, соответственно подготовить Ревельский

порт, позаботиться о надлежащем снабжении яхты и пр.

Обычно, при подобных путешествиях сопутствовал Министру его адъютант и, иногда, начальник Наградного отделения Штаба, чиновник опытный в составлении приказов и рескриптов, которые часто появлялись в итоге Царских путешествий и морских смотров. В данном случае предполагалось произвести смотр Артиллерийскому Отряду и присутствовать на его стрельбах и эволюциях и, следовательно, надо было предвидеть, что подобные рескрипты и приказы несомненно должны последовать. Но в настоящем случае почему-то признали необходимым отступить от принятых порядков. Меня потребовал к себе Начальник Штаба и приказал быть готовым на следующий день отправиться в Кронштадт на яхте Министра «Нева», где перебраться на «Штандарт» и состоять в его, Начальника Штаба, распоряжении. Я все-таки спросил адмирала Авелана, в качестве кого я буду ему сопутствовать и не надо ли мне взять с собой какие-либо справки и материалы. «Ничего не надо», ответил мне Федор Карлович, «там видно будет». Приказание было категорическое и рассуждать, значит, было нечего. Я, разумеется, был очень доволен предстоящим плаванием. Вырваться на время из штабной рутины всегда было приятно, а тут тут еще перспектива быть свидетелем зрелища единственного в своем роде, видеть вблизи двух монархов и все, что связано с таким историческим свиданием.

Сборы мои были недолгие и в назначенное время я был на яхте «Нева», стоявшей у пристани в Неве, близ Английской Набережной. Постепенно на яхту стали прибывать лица свиты Его Величества. На катере подошел морской министр с начальником штаба. Приехал министр иностранных дел со своим начальником канцелярии, генерал-адъйтант Кремер и др. Вскорс яхта, отдав швартовы, плавно отошла от пристани и тронулась по фарватеру, обставленонму буйками, в Кронштадт.

Время до Кронштадта прошло незаметно, и мы оказались на рейде, уже подходя совсем близко к «Штандарту». Команда на нем была выстроена во фронт и на шканцах стояли в строю по старшинству офицеры яхты, на левом фланге которых пристроились врачи, судовой священник и самым последним стоял какой-то господин во фраке и цилиндре. Министр, поздоровавшись с командой, пошел по фронту офицеров, сопровождаемый командиром яхты, называвшим фамилии. Командир этот, флигель-адъютант, капитан первого ранга Л., прекрасный, опытный моряк, давший флоту немало дельных унтер-офицеров за время командования им учебным судном, был очень полный, страдал одышкой и говорил медленно и с перерывами. Поэтому вышло так, что называемые им фамилии уже не соответствовали стоявшим перед министром офицерам. Это заметил и сам командир, запутался вообще в фамилиях, пробормотал что-то, подойдя к священнику, а перед последним, стоявшим во фронте господином во фраке, громко возгласил «...и батюшка Попов». Таким образом оказалось, что «батюшка« пропущен, а господин стал «батюшкой Поповым». Он был действительно Поповым, известным изобретателем радио-телеграфа. Министр хотел его представить Государю и поэтому пригласил на яхту. Этот маленький инцидент вызвал улыбку на лицах присутствующих и сконфузил Попова.

Затем начальство разошлось по своим каютам, и мне указали назначенное помещение. Отвели мне одну из свитских кают, прекрасно обставленную, переборки которой были обтянуты красным кретоном. Вскоре на рейд подошла из Петергофа и Царская яхта «Александрия» и вслед за тем к трапу пристал катер, с которого поднялись на «Штандарт» Государь, Великий Князь Генерал-Адмирал Алексей, Министр Двора и другие чины свиты. «Штандарт» тотчас же снялся с якоря и дал ход, направляясь в Ревель.

Вечером Флаг-Капитан Его Величества Генерал-Адъютант Н. Н. Ломен все время беспокоил запыхавшегося командира яхты. Между прочим, к следующему дню надо было готовить иллюминацию яхты при помощи электрических лампочек и Флаг-Капитан требовал, чтобы это было красиво и эффектно, как подобает Царской яхте. Но тут, как на зло, оказалось, что забыли принять в Кронштадте необходимое количество лампочек и приходилось поэтому ограничиться сравнительно скромным освещением. Я оказался случайным свидетелем разговора по этому поводу Флаг-Капитана с командиром. Т. е. командир ничего не говорил и мрачно молчал, а Флаг-Капитан изощрялся в весьма крепких выражениях, по своему обыкновению, пересыпая их разными нелестными сравнениями и примерами, которые на тот раз были особенно выразительны. Влетело тогда изрядно и командиру яхты и ревизору.

К полудню следующего дня стали вырисовываться очертания берегов и вскоре стал виден и город Ревель с расположенной на высоком уровне киркой св. Олая. Очень красив был вид с моря на этот город с его старыми постройками совсем особого стиля.

Яхта «Штандрт» стала на якорь на рейде. Тотчас же к ней подошли катера с местными властями, военными и гражданскими. Но имея пока никаких занятий, я с интересом наблюдал кипучую жизнь, связанную с подобным Царским посещением. Государь неоднократно вы-

ходил на палубу, где ему представлялись некоторые приехавшие лица. Иных он принимал у себя внизу.

Иллюминацию, о которой выше шла речь, тем не менее, кое-как к вечеру наладили, и Царская яхта и конвоирующий ее крейсер «Светлана», тоже иллюминованный, несомненно все же представляли красивую картину для ревельцев.

Офицеры яхты и я в том числе поочередно приглашались к Царскому столу. Сидели мы, младшие офицеры, в самом конце стола и тут же рядом с нами сидел и сам Гофмаршал. Обычно граф Бенкендорф докладывал Государю, что завтрак подан, и тогда все спускались в столовую за Государем. Лакеи на подносах обносили закуски. Государь же закусывал стоя у отдельного стола. Затем все рассаживались. Завтраки всегда были прекрасные. Вина было в изобилии, особенно щедро подавали шампанское. Меня поражало, как лакеи то и дело уносили чуть начатые бутылки и вместо них ставили полные. А пили, вообще, за столом очень мало и было очевидно, что прислуга устраивает свои личные коммерческие операции. Присутствие тут же Гофмаршала их нимало не стесняло. Завтраки проходили очень оживленно, Государь занимал место во главе отола, справа от него сидел Великий Князь Алексей, слева — Генерал-адъютант Кремер. Оба они обладали неисчерпаемым запасом анекдотов и веселых воспоминаний, иногда довольно легкого жанра. Великий Князь рассказывал один из своих номеров и немедленно затем О. К. Кремер занимал присутствующих рассказом из своего запаса. Государь все время улыбался, и все были весело настроены.

На второй день прибытия яхты в Ревель утром на горизонте показались дымки и вскоре обрисовались и силуэты судов. Приближалась яхта Императора Вильгельма II-го «Гогенцоллерн» с конвоирующими ее судами. Вплотную за яхтой, точно нераздельно с нею связанное, шло маленькое посыльное судно «Слейпнер».

Как только яхта стала на якорь, Государь вышел наверх в форме германского адмирала и, с Великим Князем и адмиралом Кремером, отбыл на «Гогенцоллерн». Вернувшись обратно, Государь тотчас же спустился вниз. Вскоре он снова поднялся наверх, но уже в нашей тужурке и, обращаясь к стоявшим поблизости офицерам, сказал, улыбаясь, что ему приятно снова облачиться в нашу форму. Его Величество, однако, не надолго оставили в покое. Показался катер, идущий от германской яхты, и Государь, снова переодевшись, вышел к трапу встречать Императора Вильгельма.

Быстро поднявшись по трапу, Вильгельм принял установленные рапорты и пошел с Государем по фронту команды, с которой поздоровался по-русски, а затем обошел и фронт офицеров, внимательно выслушивая фамилии представляемых ему. На этот раз Император был в форме драгунского полка, помню, что был белый околыш фуражки и белый воротник на сюртуке. Оба Монарха и лица их свиты оставались наверху на палубе до завтрака. Центром всего общества был Вильгельм. Он говорил по-французски, много шутил, смеялся, все время был в движении и казался, вообще, очень нервным и возбужденным. За завтраком вел разговор почти он один с Государем, но говорил он так оживленно и, надо сказать, интересно, что все его внимательно слушали. Вскоре после завтрака он вернулся на свою яхту, чтобы затем встретиться снова с Государем на маневрировании и стрельбах Артиллерийского Отряда под командой адмирала З. П. Рождественского.

В два часа, после отдыха, суда начали эволюции по заранее выработанной программе и выполняли все маневры с поразительной точностью, попутно стреляя по щитам, буксируемым миноносцами.

Обедал Государь на «Гогенцоллерне». Вечером масса вольных шлюпок окружили яхты, на некоторых пели хоры, видимо, вообще, настроение у горожан было праздничное, к тому же и погода стояла роскошная.

На следующий день с утра была снова назначена стрельба с судов Отряда и другие учения. Вильгельм прибыл на «Штандарт» на этот раз в форме русского адмирала. Немецкие морские офицеры при всякой форме носили саблю и, видимо, им нравилось наше удобное и красивое оружие — кортик. На эту тему были разговоры и стало известно, что и в своем флоте с этих дней Вильгельм ввел ношение кортика. Для нас же, русских офицеров, эти дни ознаменовались разрешением носить накидку черного цвета, как у германских офицеров, что было очень удобно и практично. Снова все эволюции судов Отряда исполнялись блестяще и вызвали похвалу Вильгельма.

Между тем на «Штандарт» прибыла делегация от Выборгского пехотного полка, — командир полка, адъютант, ротный командир и фельдфебель. Император Вильгельм был шефом полка. Фамилия командира полка была, как я помню, немецкая; когда по возвращении на яхту Вильгельм принял делегацию на верхней палубе, то к командиру он обратился по-немецки. Однако, полковник ему доложил по французски, что немецкого языка совершенно не занет. Вообще из чинов делегации никто по-немецки не говорил.

Сфицеры яхты «Штандарт» и лица, сопровождающие Государя, к этому времени уже получили немецкие ордена, и нас всех, украшенных ими, построили во фронт на верхней палубе. Вильгельм с Государем обошли всех, фами-

лии многих Государь называл сам, других же представляло начальство. Тут Император Вильгельм сумел сказать каждому из нас несколько любезных слов, пожимая руку.

К обеду Император Вильгельм снова появился на «Шмандарте» и опять в другой форме. Я присутствовал на этом обеде и помню, что и тут Император Вильгельм овладел общим вниманием, говоря очень много, и слушали его с интересом. Он был очень оживлен и весел. Удивительно ловко он справлялся во время обеда одной только правой рукой, — левая была парализована.

На последний день пребывания был назначен своз с судов десанта на остров, маневрирование десанта и, в заключение, взрыв заложенной мины. Все это было отчетливо проделано и заслужило много одобрений.

Этим закончился смотр Артиллерийского Отряда, и все вернулись на яхту. Тут Вильгельм представил Государю немецких офицеров, награжденных русскими орденами. Я помню, нас поражало, как Император Вильгельм знет своих офицеров, до последнего мичмана. Представляя и называя фамилию, он о каждом находил, что сказать, иногда — добродушно посмеивался или поддразнивал своих офицеров, словом, — видимо, хорошо знал характеристику каждого.

На другой день яхта «Гогенцоллерн» покидала ревельский рейд. Со «Штандарта» мы наблюдали за приготовлениями к съемке с якоря. Наконец, яхта, к корме которой опять точно прилип «Слейпнер», тронулась в обратный путь, быстро удаляясь.

Государь был на верхней палубе и также смотрел вслед «Гогенцоллерну». Неожиданно он оратил внимание командира на поднятый на последнем сигнал. Никто на «Штандарте» его не заметил. Действительно, в море был штиль, флаги повисли, прикрывая друг друга, и поэтому их плохо было видно. На мостике, куда поднялся и Государь, старались разобрать сигнал, но это долго не удавалось. Наконец, все-же сигнал был разобран Он гласил: «Адмирал Атлантического океана шлет привет Адмиралу Тихого океана». Государь улыбнулся и заметил, что этого не может быть, сигнал разобран неверно. Однако, еще и еще были проверены флаги по сигнальной книге и получалось все те же самое. Сомнений не могло быть, сигнал передавал именно эти громкие слова. В ответ тогда был поднят сигнал: «Благодарю, желаю счастливого плавания».

Долго потом на все лады обсуждался этот сигнал. Да и теперь еще о нем иногда вспоминают.

Торжества по случаю встречи двух Монархов закончились и Государь, запросто разговаривая с офицерами, не скрывал, что он снова облегченно вздохнул. Вообще, на меня, далекого от придворных сфер, Государь произвел неизгладимое впечатление своим неизменно доброжелательным и простым обращением с окружающими. Меня, например, он мог знать только в лицо. Я не мог допустить, чтобы он знал и мою фамилию, названную ему лишь при представлении офицеров. Но я помню, как однажды утром, часов в 9-ть, я стоял один на верхней палубе, а Государь ходил по ней взад и вперед. Вижу я, Государь круто поворачивает и направляется к левому борту, прямо ко мне. Я в недоумении вытянулся. Государь подошел ко мне и, сказал: «Здравствуйте, мы сегодня с вами еще не виделись», пожал мне руку. При этом я как-будто расслышал и свою фамилию, им произнесенную, но не верилось все же, и я склонен был считать, что мне это только показалось. Однако многие мне говорили, что это было вполне возможно, так как память у Государя была поразительная. Этот маленький эпизод отчетливо врезался мне в память. Очень прост был Государь в обращении с лицами своей свиты, а они, на мой взгляд, совсем мало стеснялись. Я находил тогда, что не мешало бы им быть более подтянутыми в присутствии Его Величества. Видно таков уж был тон при Дворе. Заметно выделялся своей неизменной корректностью, везде и всегда, министр Двора барон Фредерикс и, пожалуй, мог бы служить примером для некоторых других. Эти мысли мои, впрочем, как я уже сказал, мысли человека, попавшего в необычную для него сферу, от которой я стоял, конечно, далеко.

Министра иностранных дел графа Ламздорфа мало было видно. На смотры он не ездил и был занят со своим начальником канцелярии. Императора Вильгельма тоже сопровождал его министр иностранных дел, кажется, князь Бюлов. Командиром яхты «Гогенцоллерн» был контр-адмирал граф Баудисин, который знал меня уже раньше, будучи командиром броненосца «Дейтчланд». Я состоял тогда при немецком адмирале во время пребывания его в Кронштадте и прожил несколько дней на этом броненосце. За это время я близко познакомился с графом, вместе мы пили на броненосце чудное пиво из боченков и ели сосиски с кислой капустой, его любимое блюдо. Теперь мы встретились, как старые друзья, и граф меня подразнивал, называя «чернильной душой», так как я служил в штабе. Он сам с отвращением вспоминал, как ему тоже пришлось посидеть в адмиралтействе в должности начальника Гидрографического Управления.

Император Вильгельм относился к командиру своей яхты удивительно дружески и добродушно. Да и правда, надо сказать, этот адмирал был на редкость симпатичный человек.

Итак, как я сказал уже, торжества окончи-

лись, и к вечеру был назначен обратный поход в Кронштадт.

Государь еще побывал на флагманском конин», где благодарил Адмирала Рожественсконин», где благодарил Адмирала Рождественского и зачислил его в свою свиту.

Затем, я помню, вернувшись на яхту, Государь приказал вызвать наверх А. К. Полиса и на шканцах долго, тихим голосом с ним разговаривал, пожал ему руку и сам прикрепил ему на грудь крест Св. Владимира 4-ой степени. Полис был после этого очень растроган, но подробностей мне не рассказывал. Я в это время был наверху и оказался таким образом случайным свидетелем беседы Государя с Полисом.

В назначенное время яхта снялась с якоря и направилась в Кронштадт, конвоируемая крейсером «Светлана» и, кажется, миноносцем или минным крейсером.

Вот тут то и наступила для меня мучительная ночь, которая до сих пор ясно сохранилась в памяти. Тотчас после обеда, а это было уже в 9-м часу вечера, Начальник штаба позвал меня в каюту министра и П. П. Тыртов весьма определенно, в коротких словах приказал мне приготовить к утру рескрипт для подписи Государем на имя Великого Князя Алексея с благодарностью за блестящее стояние и примерное обучение Артиллерийского Отряда и приказ Генерал-Адмирала по Флоту с подробным изложением всех выдающихся качеств Отряда и с благодарностью, по категориям чинов, всему личному составу его. Сказав все это, как нечто самое обычное, Министр отпустил меня, а Начальник штаба ушел пить чай в Царскую столовую.

Не имея никакого представления, как пишутся подобные рескрипты и приказы, я сразу почувствовал себя совершенно беспомощным. В штабе я служил еще сравнительно недолго и к этой части деятельности штаба никакого отношения не имел. Все же, раздобыв бумаги, я принялся фантазировать на заданную тему, но вскоре убедился, что попытки мои неудачны и я никак не мог ухватить стиль таких Высочайших приказов. Спросить — некого, посоветоваться — не с кем. На яхте постепенно уже все затихло. Все, кто могли, наверное уже покоятся мирным сном, а время идет, уже 12-й час, и я ничего еще не сделал. Я волновался, не знал, что препринять. В конце концов ничего другого не оставалось, — надо было идти к Начальнику штаба и просить его дать мне хоть какие-нибудь указания. Стучу в дверь его каюты, — ответа нет. Тихонько открываю дверь, вхожу и вижу: под голубым шелковым одеялом лежит гора, — Федор Карлович Авелан был крупный мужчина, — и раздается громкий храп. Ну, думаю, на то он и Начальник штаба, чтобы заботиться о подобных делах, зачем взял меня, неопытного, с собой, сам виноват. «Ваше Превосходительство, Федор Карлович!» В ответ мне — усиленный храп. Я подхожу вплотную, трогаю его за плечо, — он недовольно поворачивается на другой бок и еще сильнее храпит на новый тон. Еще и еще мои попытки терпят поражение и я, в окнце концов, в отчаянии отступаю. Тут мне приходит в голову единственное, что еще можно сделать: надо раздобыть в судовой канцелярии «Сборник Приказов по Морскому Ведомству», в нем, возможно, найдутся подходящие примеры. Однако, надо еще найти этот «Сборник», а для этого найти сперва подшкипера или писаря, знающего, где он хранится. А время все идет, уже 2-ой час ночи, и все еще я не сдвинулся с места! Но тут мне, наконец, повезло, подшкипер почему-то еще не спал, и нужную мне книгу приказов я быстро раздобыл. Теперь оставалось подыскать что-нибудь подходящее, что могло бы меня выручить. С трепетом перелистывал я страницы «Сборника». Если в нем ничего не найдется, то оставалось только бросить все попытки и лечь спать.

Пол книги пересмотрено — ничего подходящего. Смотрю дальше и, наконец, попадается какой-то длинный Высочайший приказ по поводу смотра новобранцев. Это, пожалуй, пригодится: хоть форму и особый язык таких документов я тут могу усмотреть. Начинаю стряпать проэкт, потом — другой, наконец — что-то выходит, как будто удачно.

Ничего не упущено, особенно — в приказе по Флоту. Теперь остается еще это переписать начисто, но машинки, конечно, нет, да и печатать на ней, положим, ночью некому. Пишу от руки, стараюсь во-всю и, вот, наконец, все готово. Уже 5 часов утра, глаза слипаются, нервы раздерганы. Чувствуется полное одиночество в этой работе. Ответственность и неуверенность, что сделано именно то, что нужно, тоже удручают. Как никак, ведь готовится документ, который будет представлен самому Государю, и вот это больше всего меня волнует. Ну, будь, что будет... Укладываюсь спать, чтобы к 8-ми, к подъему флага, быть непременно наверху. Не помню, удалось-ли мне заснуть в эту тревожную ночь, но к 8-ми часам я был уже на ногах.

Вскоре меня позвали к Министру. Тут же находился и Начальник штаба. Я передал им свою работу, и они оба быстро прочли написанное. К моему удивлению никаких замечаний не оказалось, были лишь пустяшные поправки, которые я тут же мог сделать, не переписывая. Не имея понятия о том, чего все это мне стоило, они отнеслись к этой работе, как к самой обычной, и лишь Министр, отпуская меня, сказал несколько любезных слов. Для них, действительно, такие приказы были самым обыденным явлением и составлению их они, естественно, не

придавали особого значения. У меня же гора свалилась с плеч. Впоследствии, уже в Штабе, начальник Наградного отделения любопытствовал, кто это без его участия так удачно составил документы, и я был весьма польщен такой оценкой за свой экспромт. Счастливо я вышел из такого неожиданного затруднительного положения. Рескрипт и приказ были благополучно подписаны Государем утром.

В Кронштадте яхты «Александрия», «Стрела», и «Нева» уже стояли на рейде в ожидании «Штандарта». Государь попрощался с офицерами и командой и на «Александрии» отбыл в Петергоф. Вслед за ним, на яхте «Стрела» отправился в Петербург Великий Князь Алексей в сопутствии многих лиц свиты, Морского Министра и Начальника Штаба.

Министр Иностранных Дел граф Ламздорф в числе некоторых, еще оставшихся лиц Свиты, А. К. Полис и я перебрались на яхту Морского Министра «Нева», которая тоже направилась в С.-Петербург.

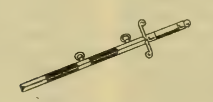
Граф Ламздорф видимо игнорировал Полиса и, вообще, относился к нему недружелюбно. Полис обратил на это мое внимание, но, какбудто, сам значения этому не придавал и был в самом лучшем настроении. В разговоре по этому поводу он мне, между прочим, сказал, что во время обеда он свои отношения с графом улучшит, и я буду свидетелем, как это произойдет. Понятно, меня эта перспектива очень заинтересовала, но я не представлял себе, чтобы Полис мог действительно рассчитывать на успех.

Нас попросили к обеду. Все расселись и вскоре граф Ламздорф обратился к Полису по какому-то поводу в связи с состоявшейся встречей Императоров в Ревеле. И тут я оказался в самом деле свидетелем, как тон обращения графа постепенно менялся, становился любезнее, внимательнее. Со всеми соображениями и доводами Полиса он стал соглашаться и к концу обеда они были в самых добрых отношениях, настолько, что граф Ламздорф усиленно приглашал Полиса навестить его на даче, на Островах, где он проводил летние месяцы.

Полис удивительно ловко и тактично вел разговор, рассказал про особое внимание к нему Императора Вильгельма, упомянул о приглашениях на интимные собрания, об оказанном ему доверии и данном лично ему поручении, о котором и нашему Государю было известно, и много еще других подробностей о пребывании своем в Берлине, представлявших немалый интерес. Граф неоднократно повторял, что ему все это не было известно, что это совершенно меняет дело и, что, конечно, Полис великолепно выполнил порученное ему и оправдал адежды, которые на него возлагались. Видно было, что добрые отношения налаживались вполне и все, в конце концов, вышло именно так, как предсказывал Александр Клементьевич Полис. Я должен был преклониться перед его дипломатическими способностями, которых ранее не знал.

Так окончились эти исторические дни, для меня полные интереса и новых впечатлений, и я снова вернулся к своей повседневной работе в Главном Морском Штабе.

В. Штенгер

Тяжелая артиллерия в Российской армии

С большим вниманием прочел я в высшей степени интересную статью П. Н. Чижова «Значение и развитие тяжелой артиллерии в Российской Императорской Армии», помещенную в № 58 «Военной Были». Автор совершенно правильно отмечает, что в начале Первой Мировой войны наша армия имела совершенно незначительное количество полевых тяжелых батарей. Нельзя не согласиться с П. Н. Чижовым, что подавляющее превосходство тяжелой артиллерии у противника не могло не отозваться самым неблагоприятным образом на ходе и развитии наших военных действий. Если опыт минувшей Русско-Японской войны заставил наших артиллеристов продумать и соответственно изменить тактику артиллерии, он очень мало повлиял на вооружение нашей армии полевой **тяжелой** артиллерией. Для пересмотра вопроса о вооружении нашей осадной и крепостной артиллерии и о состоянии укреплений наших крепостей этого опыта оказалось недостаточно.

Вопрос о необходимости существования крепостей, в частности тех, что были расположены в бывшем Привислинском крае, так и не был разрешен к началу Первой Мировой войны. То предпринимались дорого стоившие и, в сущности, бесполезные перестройки и переделки существовавших крепостных укреплений, то эти крепости признавались как-будто ненужными, упразднялись крепостные пехотные батальоны, отлично изучившие весь крепостной район, и заменялись частями пехоты, оторванными от своих дивизий и с крепостным районом совершенно незнакомыми. Припоминаю, что между 1906 и 1910 гг. были сделаны попытки усилить оборонительные сооружения крепостей. Так, например, в крепости Брест-Литовск, где все девять фортов и укрепление «Гр. Берр» были построены из кирпича с земляным покрытием, было приступлено к постройке второго пояса бетонных фортов. Насколько помню, уже в 1909 г. был выстроен бетонный форт № 10. Был сделан опыт придать крепости управляемый дирижабль, оболочка которого из плотной шелковой ткани наполнялась гелием. Для этого дирижабля военн. инж. капит. кн. Енгалычевым был построен особый ангар. Было совершено несколько пробных полетов. Во время одного из таких полетов один из бывших на борту дирижабля нижних чинов выпал из него, но, на его счастье, упав с небольшой сравнительно высоты, он попал в воду и остался невредим, отделавшись лишь испугом.

Помню, что в 1908 или 1909 г. в кр. Брест-Литовск зимою происходила военная игра, на которой присутствовали Августейший Ген. Инспектор артиллерии Вел. Князь Сергий Михайлович и Инспектор артиллерии Варшавского воен окр. (кажется — ген.-лейт. гр. Баранцов). Офицеры Бр.-Лит. креп. артеллерии были осведомлены о том, что в случае войны вся артиллерия крепостей будет расположена на промежуточных батареях, на фортах же будут оставлены только противоштурмовые орудия. Однако я не помню, чтобы для этих промежуточных батарей были выбраны соответственные позиции.

На вооружении Бр.-Литовской крепости не было ни одного более или менее современного орудия. Из легких пушек были только поршневые. Ими же была вооружена, если я не ошибаюсь, и вылазочная батарея. Из пушек более крупных калибров были 42 лин. пушки, 6 дм. и 8 дм. — все устарелых образцов. На одной практической боевой стрельбе разорвало 42 лн. пушку. Всю казенную часть силой взрыва отнесло назад, оторванная же дульная часть уткнулась дулом в землю. На счастье, никто при этом ранен не был. Были еще полупудовые медные мортирки для стрельбы светящимися ядрами, изобретенными более полувека назад ген. Рейнталем. Эти мортирки нередко после выстрела переворачивались. Помню, что во время войны, видя, что немцы освещают местность ночью ракетами, решили подвезти на фронт несколько таких мортирок. Мне рассказывали, что как-то ночью такая мортирка выпустила свое светящееся ядро. В этом месте немецкие окопы близко подходили к нашим. Когда раздался необычный звук выстрела, у немцев все притихло, но когда ядро упало недалеко от немецких окопов, не давая почти никакого освещения, и стало сильно дымить, у немцев раздался смех и кто-то крикнул по-русски: «Эй, русские! Мы думали, что вы и в самом деле что-то выдумали!» Были в Брест-Литовске и ракетные станки с крепостными ракетами, хвост которых был длиною в 1 саж. Один или, быть может, два таких станка попали каким-то образом в Гренадерский корпус. Вероятно, о них совершенно позабыли, и они так и оставались в Гренад. корп. вплоть до развала фронта. Толку от этих ракет было мало, но командовавший ими подпоручик Брест-Литовской крепостной артиллерии на свою судьбу пожаловаться не мог. Он находился при штабе корпуса и боевыми наградами его не обходили.

Хотя П. Н. Чижов указывает, что должность Заведывающего практическими занятиями в крепост. артиллерии замещалась штаб-офице-

рами, окончившими Михайловскую Артил. Академию, думаю, что это не совсем верно. Во всяком случае, в Брест-Литовской крепостной артиллерии в период 1906-1910 гг. эту должность занимал подполковник Р., не только не окончивший Артил. Академии, но и в офицеры выпущенный из военного (пехотного) училища. Правда, что перед своим назначением на эту должность, он окончил курс в Крепостном отделе Офицерской Артил. Школы. Вообще, Офиц. Артил. Школа, куда перед производством в подполковники посылали капитанов крепостной артиллерии, была главным источником, при помощи которого в крепостную артиллерию проникал свет современной науки и техники.

Я не помню в Брест-Литовской крепостной артиллерии не только ни одного штаб-офицера, но и ни одного капитана, окончившего артиллерийское училище. Служба в осадной и крепостной артиллерии была крайне непопулярна в среде юнкеров артил. училищ. Все, кому позволяли средства, стремились в гвард. артиллерию (в конную артиллерию можно было выйти только имея высокие баллы), и предпочитали выходить в артил. бригады, стоявшие в разных местечках и «штабах», а не в крепостную артиллерию в Севастополе, Кронштадте, Варшаве, Выборге и Свеаборге.

Если и было, как говорит П. Н. Чижов, принято решение поставить офицерский состав крепостной артиллерии на надлежащую высоту путем выпуска туда офицеров, окончивших артиллерийское училище, то не думаю, чтобы это решение могло при существовавших условиях достигнуть этой цели. Юнкера артиллерийских училищ готовились в офицеры полевой легкой артиллерии. Они отлично знали все пушки 3-х дм. калибра, а об орудиях более крупных калибров они знали лишь то, что было изложено в курсе Артиллерии. О службе в крепостной и осадной артиллерии они не знали ничего и очень мало знали об ее организации. Не знали они и той 3-х лин. винтовки, которою были вооружены нижние чины крепостной артиллерии. Помнится, что во время одной офицерской стрельбы из винтовки, в которой приняли участие и только что прибывшие молодые офицеры, один из них, выпущенный из артиллерийского училища так странно держал винтовку, что К-р Брест-Литовской крепостной артиллерии ген. М. И. иронически заметил ему: »Подпоручик Н.! смотрите, не попадите в себя вместо мишени!»

Что знали юнкера артиллерийских училищ из того, что нужно было бы знать им в качестве офицеров тяжелой или крепостной артиллерии? Да почти что ничего. Все их ознакомление с крепостным артиллерийским делом заключалось в тех занятиях, которые вел с ними офицер крепостной артиллерии, специально командировавшийся для этого в артил. училище. Велись эти занятия в течение 1-1½ мес. перед выпуском в офицеры, да и велись они, можно сказать, спустя рукава. Командированные офицеры крепостной артиллерии очень скоро убеждались в том, что громадное большинство выпускных юнкеров относится к делу без всякого интереса. Редкие исключения лишь подтверждали правило. Были даже среди портупей-юнкеров выходившие в крепостную артиллерию по собственному желанию. Я знал одного окончившего артиллерийское училище старшим портупей-юнкером, вышедшего по собственному желанию во Владивосток в креп. артил., но он вышел туда, так как выигрывал на поверстном сроке и на прогонах. Он твердо решил сразу же начать готовиться ко вступительным экзаменам в Михай. Арт. Академию, куда он действительно и поступил и отлично ее кончил. Другой портупей-юнкер Артиллерийского Училища по собственному желанию вышел в Терско-Дагестанскую креп. арт., но опять-таки по мотивам чисто личного, семейного характера. Юнкера, выходившие в крепостную артиллерию, подвергались насмешкам своих товарищей, выходивших в полев. артил. части. «Крепаки! На сыгровку!» неслось по лагерю в часы, назначенные для занятий с прибывшим для этого офицером крепостной артиллерии, «Прицел — две версты! Трубка — три недели!» и т. д. Буквы на погонах офицеров крепостной и осадной артиллерии носили название «анекдота». Многие из вновь выпущенных из артил. училищ в крепостную артиллерию, во время их пребывания в 28 дневном отпуску, носили гладкие погоны без установленных букв. Я не знаю другой части, кроме крепостной артиллерии, где бы Командир, обычно, в чине ген. майора, носил обще-артил. форму и числился по полевой артиллерии.

Два артиллерийских Училища не давали требуемого ожегодно количества офицеров, необходимого для замещения всех вакансий даже в одной только полевой артиллерии. Но, вместо того чтобы открыть еще одно или даже два артиллерийские Училища, выпускали офицерами в артиллерию юнкеров, кончавших военные (пехотные) и кавалер. Училища. Происходило то, что нельзя назвать иначе, как нелепостью. Как известно, юнкера младш. класса артил. Училищ, оказавшиеся неспособными к усвоению курса артил. Училища, отчислялись от Училища обычно в начале декабря, поэтому в Училище их называли «декабристами». Один из таких «декабристов» был по его желанию переведен в Александровское воен. Учил. Что-же оказалось? По окончании Училища, курс которого был несравненно менее обширен и не заключал в себе столько математических пре-

мудростей, как в Артил. Учил., юнкер этот при разробке вакансий легко взял вакансию в одну из артиллер. бригад, которая, конечно, никогда бы ему не досталась, если бы он остался в Артиллерийском Училище.

И если, как говорит П. Н. Чижов, у ген. Альтфатера и была мысль поставить офицерский состав крепостной артиллерии на должную высоту путем пополнения его офицерами, окончившими одно из артиллерийских Училищ, то мысль эта не была осуществлена путем соответствующих мероприятий. В годы, предшествовавшие Первой Мировой войне на службе в крепостной и осадной артиллерии число офицеров, окончивших одно из артиллерийских училищ, было незначительно и, притом, они были в чине не выше шт. капитана. Выходившие в крепостную артиллерию, за небольшими исключениями, выходили туда поневоле. В годы, непосредственно следовавшие за Русско-Японской войной, в артиллерийские училища присылалось много Сибирских вакансий. Многим уроженцам средней полосы и юга России не хотелось служить в Сибири, а при разборке вакансий на их долю оставались или вакансии в одну из Вост. Сиб. стрелковых бригад или в одну из крепостей. Нехотя брали вакансию в крепостную артиллерию, чтобы только не очутиться где-нибудь на Русском Острове около Владивостока, в каком-нибудь Сибирском урочище или каком другом глухом местечке Сибири.

Окончательно идея ген. Альтфатера была скомпрометирована в 1908-1909 гг. прикомандированием к крепостным артил. частям **для перевода впоследствии**, офицеров пехоты, притом — даже прошедших курс одного из прежних юнкерских (окружных) Училищ.

Нет никакого сомнения, что подобного рода мера могла только понизить уровень специальних познаний офицеров крепостной артиллерии. И вот, в числе таких прикомандированных были даже офицеры обозных батальонов! Часть этих прикомандированных была уже в шт. капитанском чине и, таким образом, «садилась на шею» офицерам крепостной артиллерии, ожидавшим получения роты на законном основании. Оба артиллерийских Училища не давали требуемого ежегодно количества офицеров, необходимого для замещения вакансий даже в частях полевой артиллерии. Вместе с тем было признано необходимым еще более расширить курс артил. Училищ и сделать его трехгодичным, вместо прежнего двухгодичного, а тем не менее признавалось возможным выпускать в артиллерию юнкеров, окончивших курс в одном из военных или кавалерийских Училищ, притом — безо всякого расширения курса этих Училищ. Крепостную же артиллерию признавалось возможным пополнять не только офицерами, выпущенными из военных Училищ, но и путем перевода офицеров пехоты, окончивших одно из прежних юнкерских (окружных) Училищ. О том, что офицеру крепостной артиллерии необходимо знать материальную часть не одного, а многих орудий, равно как и о том, что стрельба из этих орудий гораздо сложнее, — забывали.

Последствия такого взгляда не замедлили сказаться. Многие и многие из офицеров крепостной артиллерии переводились, куда только могли, — офицерами-воспитателями в кадетские корпуса, в Пограничную Стражу, в Корпус Жандармов, в полицию, а то уходили в запас, шли в Земские Начальники. Более молодым удавалось поступить в одно из высших технических учеб. заведений, не говоря уже о тех, кому удалось поступить в одну из Военных Академий.

Никаких мер для привлечения офицеров на службу в крепостную артиллерию не принималось. Впрочем, если не ошибаюсь, в 1908 г. в ротах крепостной артиллерии появились «старшие офицеры» с окладом столовых денег в 8 рубл. в месяц. Эти «старшие офицеры» в противоположности старшим офицерам батарей полевой артиллерии никаких особых обязанностей не имели.

Помню, что в Брест-Литовской крепостной артиллерии младшие офицеры, назначенные в роты, расположенные м мирное время на фортах, зачастую удаленных от цитадели на 10-15 верст, попадали в странное положение. Квартиры им отводились в цитадели, на фортах помещения для младших офицеров вовсе не было. На форту была только небольшая, из 3-4 комнат, квартира для Ком-ра роты. Само собою разумеется, что в этом случае молодые офицеры были как бы официально освобождены от присутствия в своей роте на занятиях. Их назначали в Учебную Команду, в Лабораторию, Оружейную Мастерскую или отправляли в различные командировки, в Офицерскую Электротехническую Школу, в Школу Воздухоплавания и т. п. Таким образом, если в ротах креп. артиллерии, расположенных в цитадели, и было по одному младшему офицеру, то в фортовых ротах фактически младших офицеров не было. Зато, когда в 1908-1900 гг. были расформированы осадные артил. полки и было приступлено к формированию тяжелых дивизионов (пять — в Европ. России и два — в Сибири), число офицеров, пожелавших из крепост. артиллерии перевестись в один из тяжелых дивизионов, оказалось во много раз больше имевшихся вакансий.

Недостаточное число тяжелых батарей было сразу же отмечено войсковыми начальниками в самом начале войны. В первых же боях наши войска попали под сильнейший обстрел многочисленных неприятельских тяжелых батарей.

Настойчивые требования тяжелой артиллерии неслись со всех концов фронта. Я отлично помню ту радость, почти восторг, с каким в первых боях в Восточной Пруссии был встречен подошедший тяжелый дивизион. В одном из армейских корпусов в ответ на жалобы Командиров полевых легких батарей, что неприятель буквально засыпает их тяжелыми снарядами, тогда как они бессильны бороться с неприятельскими тяжелыми батареями, находящимися вне предела досягаемости наших 3 дм. пушек, Инспектор артиллерии корпуса дал совет выдвинуть наши легкие батареи так, чтобы снаряды этих батарей могли поражать тяжелые батареи противника. Конечно, никто из Командиров легких батарей этому совету не последовал, некоторые же из них с раздражением замечали, что для этого им пришлось бы выбирать позиции впереди своей пехоты. Несомненно, что наличие у нас тяжелых батарей всегда повышало дух войск, тогда как их отсутствие действовало на войска в обратном смысле.

Уже в 1915 г. на фронте появились тяжелые артиллерийские дивизионы, сформированные из крепостной артиллерии. Мне пришлось видеть тяжелые артил. дивизионы, сформированные из Ивангородской и Брест-Литовской крепостной артиллерии. В одном из этих дивизионов я часто бывал, так как им командовал один из моих «однополчан». Часто бывая в этом тяжелом дивизионе, я с большим удовольствием отметил, что дух и настроение офицеров дивизиона весьма выгодно отличались от духа и настроения офицерской среды крепостной артиллерии в мирное время.

Все же в начале войны офицеры полевой легкой артиллерии, желавшие перевестись в один из тяжелых дивизионов, подвергались язвительным насмешкам. Мне пришлось прочесть в одном из рукописных журналов, издававшихся офицерами одной из артиллерийских бригад, такого рода «объявление»: «Ищу места в одной из самых тяжелых батарей. Расстоянием в тыл не стесняюсь».

Но если крепостная артиллерия и была падчерицей среди частей нашей артиллерии, то такими же пасынками были в пехоте крепостные пехотные батальоны. Думаю, что вакансии в эти пехотные батальоны были среди юнкеров военных училищ еще менее популярны, чем вакансии в крепостную артиллерию среди юнкеров артиллерийских училищ. И словно для того, чтобы подчеркнуть приниженное положение крепостной пехоты, им было присвоено приборное сукно крайне невзрачного коричневого цвета. Это приборное сукно послужило поводом к насмешливому наименованию крепостной пехоты «крем брюле» или «шоколадные батальоны». Почти перед самым расформированием крепостных пехотных батальонов это неприглядное сукно было заменено другим, тоже необыкновенного оранжево-алого цвета. Мне пришлось слышать, как денщик одного из офицеров креп. артил., обращаясь к нему, сказал: «Ваше Благородие! Извольте взглянуть — наша то пехота сегодня — ровно писанки!» Это было как раз в тот день, когда креп. пехота в первый раз вышла с новым, вновь ей присвоенным приборным сукном.

Один из моих товарищей по Училищу рассказал мне, что, находясь ординарцем у Командира арм. корпуса во время двустороннего маневра у кр. Ковно (арм. корп. наступал, Ковенский гарнизон оборонялся), он слышал разговор Командира корпуса с Комендантом крепости. Последний указывал Командиру корпуса, как на преимущество, на то обстоятельство, что Командир корпуса командует полевыми войсками, тогда как ему, Коменданту крепости, приходится иметь дело с крепостными частями. При этом Комендант крепости без стеснения давал самый неблагоприятный отзыв о подчиненных ему войсках.

Офицеры генер. штаба тоже уклонялись от назначения в крепости, те же из них, кто этого не избег, обычно так уже и шел по «крепостной линии», заканчивая свою карьеру в должности Коменданта одной из крепостей. П. Н. Чижов указывает на генер. штаба ген. Григорьева, бывшего Начальником Штаба Варшавской крепости, получившего назначение Комендантом кр. Ковно. Я могу припомнить генер. шт. ген. Чекмарева, бывшего Начальником Штаба крепости Брест-Литовск и получившего назначение Комендантом крепости Очаков. Я думаю, можно было бы привести и еще несколько подобных примеров.

Бывали, конечно, и исключения: напр. генер. Лечицкий, бывший в свое время офицером в одном из крепостных пехотных батальонов.

Каким же образом могло возникнуть такое отношение к крепост. частям? Необходимо припомнить, что до 1859 г. войска, составлявшие гарнизон крепости, именовались гарнизонными, — гарнизонная артиллерия, гарнизонная пехота. В те времена служба в полевых войсках считалась более тяжелой. Войны велись часто и, за небольшими исключениями, вне пределов России. Нижние чины и офицеры, признанные непригодными для службы в полевых войсках, переводились в гарнизоны. Появилось презрительное название «гарниза». Чины гарнизонной артиллерии в отношении служебных прав и преимуществ были приравнены не к артиллерии, а к пехоте. В офицеры гарнизонной артиллерии часто попадали, после весьма облегченного испытания, фейерверкеры полевой артиллерии. Не говорю уже о тех временах, когда в качестве крепостной пехоты фигурировали «инвалидые команды».

Однажды Император Павел I-ый, разгневавшись на одного из офицеров гвардейской пехоты, взвод которого сбился с ноги, тут же отдал приказание перевести этого офицера в один из гарнизонных батальонов. Это было так неожиданно, что виновный, совершенно растерявшись, громко произнес: «Из гвардии — да в гарнизон! Где же тут резон?» Вспыльчивый, но отходчивый Император Павел рассмеялся и тут же отменил только что им отданное приказание. Быть может, Император Павел сам тогда же представил себе ту бездну, которая в то время отделяла офицера гвардии от офицера какого-нибудь гарнизонного батальона.

Только в 1859 г. гарнизонные части были наименованы крепостными, а крепостная артиллерия в отношении служебных прав и преимуществ приравнена к полевой артиллерии. Уже в конце 1915 года отношение к службе в тяжелой артиллерии сильно изменилось. Офицеры полевых артил. бригад охотно переводились в полевую тяжелую артиллерию.

Минувшие мировые войны повели к полному, почти во всех государствах, отказу от конницы и конской тяги и переходу функций конных частей к моторизованным частям и легким броневикам. Можно думать, что отжили свой век и крепости (кроме, разве, береговых). Дорого стоящие долговременные укрепления, требуют продолжительного времени для постройки, а потому скоро перестают удовлетворять своему назначению. Зато тяжелая полевая артиллерия, благодаря автомобильной тяге, получит широкое применение, конечно, если только с самого начала войны не будет применено атомное оружие.

Полковник К...

ооооооооооооооооооо

О закаленных в потехах

О кадетской жизни, истории кадетских корпусов, о кадетских воспитателях и начальниках вспоминали многие и, видимо, в дальнейшем появятся и новые подобные воспоминания. Но не этим я намерен поделиться с читателями, и пусть они меня извинят за то, что я в военном журнале дам краткие наброски о потешных войсках нашего века. Ведь, насколько я смог проследить, о потешных почти ничего в журнале не было сказано. Пусть мои воспоминания хотя бы частично заполнят этот пробел.

Заметим в самом начале, что потешные части не являлись, в сравнении с кадетскими корпусами, учебными заведениями; они, в дополнение к общему образованию, получаемому в гражданских учебных заведениях, давали лишь элементарную военную подготовку и, вместе с тем, зачатки военного воспитания.

Состояние в потешных войсках можно скорее сравнить с состоянием в других организациях молодежи, организациях внешкольного воспитания, как например, в организации «Разведчик» или в скаутско организации. Но, позволю себе заметить, что эти последние два вида юношеских организаций во многом уступают воспитанию гражданина в потешных войсках.

Мне приходилось не раз слышать от совершенно штатских по своему складу и образу жизни людей весьма примечательное утверждение о том, что если даже в будущем войн не будет и как-будто бы в армиях нужда отпадет, то независимо от этого необходимо будет сохранить воинскую обязанность (уже не повинность). Эти люди признают важную роль воинской службы в деле воспитания и формирования человека и гражданина. И вот, мне кажется, состояние в потешных и отвечает этой роли. Да и история потешных войск ясно определяет их роль в формировании первых солдат и в формировании регулярной армии. Потеха стала делом и потешные войска, как показала история, вовсе не были игрушкой.

В начале XX века произошло возрождение петровской идеи, когда были воссозданы потешные части. К сожалению, литература по этому вопросу отсутствует, и я вынужден ограничиться лишь тем, что было создано в Петергофе, где я тогда учился в гимназии имп. Александра II. За давностью лет не смогу точно установить, в каком именно году происходило в Петергофе воссоздание потешных войск, именно сформирование трех потешных батальонов, — думается, это было в 1907 или 1908 году.

В память петровских потешных полков в Петергофе были сформированы Преображенский, Семеновский и Измайловский батальоны

численностью по одной тысяче мальчиков каждый. Форма: безкозырки этих гвардейских полков, но вместо обычной кокарды мы носили особый вензель из перекрещивающихся наклонных двух латинских заглавных букв «Р», и связывающей их поверху буквы «Е». Этот вензель обозначал:

Peter Primus — Ekaterina Seconda.

Если не изменяет мне память, такой же вензель имелся и на пряжке ремня. Погоны были соответствующих цветов, они нашивались на обычные гимнастерки. Отделенные командиры — ефрейторы, и унтер-офицеры потешные носили белые лычки, расположенные так же, как и в армии.

Руководили всей воспитательной работой офицеры 148-го (кажется такой номер) Каспийского пехотного полка, стоявшего в Новом Петергофе. Батальоном руководил капитан, его помощником был поручик или подпоручик; ротами руководили унтер-офицеры того же Каспийского полка; взводами и отделениями командовали потешные. В батальоне потешные распределялись по-ротно в соответствии с возрастом так, что в I роте были самые с таршие ребята, в IV роте — самые младшие.

Я попал в Измайловский батальон и вскоре же был назначен командиром отделения. Руководителем нашего батальона был капитан Н (к сожалению, его фамилия не сохранилась в памяти) — крайне дельный, образцовый офицер и талантливый воспитатель.

Время обучения потешных — каникулярное, т. е. в летние месяцы. Программа обучения: строй, гимнастика, фехтование ружьем, полевая служба, знакомство с армейской винтовкой и пулеметом, знакомство с элементами топографии и фортификации. Мы проходили строевой устав пехоты, производили построения, но главное внимание уделялось в нашем батальоне полевым занятиям и полевому уставу. Мы изучали действия одиночного бойца, отделения, взвода, роты и, в целом, батальона. На местности мы проводили все элементарные полевые действия: движение в походе, охранение в движении и на привале, действия в оборонительном и наступательном бою. Мы шли цепями, мы обходили огневые укрепленные точки «противника», мы производили атаки. Мы имели и вооружение — нестреляющие деревянные ружья

Но не только этим занимались с нами офицеры, они попутно вели большую воспитательную работу: рассказывали о задачах русского офицерства и русской армии, рассказывали эпизоды из русской военной истории, говорили о чести русского воина и т. под., что воспитывало в нас сознание российского гражданина. Впрочем, наш капитан выращивал в нас также и личность. Он весьма внимательно и терпеливо относился и к достижениям и к промахам каждого из потешных. Добрым ласковым словом помогал нам. Вспоминаю его во время выполнения одной задачи в поле. Мы вели «наступление», он подошел к моему отделению и потребовал от меня объяснения, как намерен я выполнить поставленную задачу. Когда я объяснил свое решение, капитан одобрил его и разъяснил также, как выполнение этого решения вливается в выполнение общей задачи всего батальона. Спокойное по тону, четкое и внятное его объяснение, отеческое его внимание способствовали восприятию даже у самых бестолковых потешных. А его разбор задачи в составе всего батальона и положительная оценка моего решения перед всем батальоном — рождала и укрепляла во мне уверенность в своих воинских способностях и поднимала мой авторитет как командира, хотя и самого маленького.

Когда я попал в славную Гвардейскую школу (Николаевское кавалерийское училище), то прохождение здесь тактики было значительно предопределено тем фундаментом, который был заложен за время пребывания в потешных. Мне было легко освоить тактику, т. к. ее элементы, можно сказать, уже содержались в моей крови.

Занятия гимнастикой, знакомство с винтовкой, пулеметом Максима, их разборкой и сборкой, знакомство с фортификацией и элементами топорафии, как и занятия некоторыми другими делами, проводились непосредственно в Каспийском полку с применением наглядных пособий и самого оружия; строевые же занятия проводились на так называемых Переднем или же на Заднем плацах, расположенных около кадетских летних лагерей.

Наша учеба в потешных батальонах, в мое время, завершалась строевым и гимнастическим смотрами, причем смотры производил военный министр Сухомлинов. Сейчас я отношусь к его роли и к его способностям занимать пост военного министра в предвоенные годы весьма критически, но тогда ореол ближайшего помощника Государя меня приводил в волнение: военная четкость смешивалась с моей природной скромностью и склонностью к смущению. Когда, после упражнений на гимнастических аппаратах, я в числе отличенных приблизился к Сухомлинову, душа, как говорится, ушла в пятки. Однако внешне я оставался четким потешным. Мадам Сухомлинова приколола к моей гимнастерке эмалевый значек с изображением Государя. Когда позже я получил первый офицерский боевой орден ,я вспомнил свою первую военную награду — значек отличного потешного.

Может быть, не малую роль имела эта потешная выучка и в том, что я окончил Гвардей-

скую школу с хорошим баллом. Правильное военное воспитание в потешных, возможно, послужило тому, что я — из гимназистов — сравнительно быстро прошел в училище стадию «сугубого зверя», став «благородным корнетом».

В заключение помяну тех, кто, послужив сперва потешным, в дальнейшем, уже будучи солдатом или офицером, в Первую Мировую войну, пал на поле брани. Мир праху их, слава их именам!

М. Залевский

Из прошлого кавалергардов

ПОХОД 1813-ГО ГОДА

11-го декабря 1812 г. Александр I приехал в Главную Квартиру в Вильно. Встреченный Главнокомандующим, Государь, после продолжительного с ним разговора с глазу на глаз, пожаловал фельдмаршалу знаки ордена Георгия I-ой степени.

Несмотря на желание Кутузова дать войскам длительный отдых, во время которого отсталые могли бы догнать свои части, а резервы и пополнения влиться в армию, 18 декабря был отдан приказ войскам быть в полной готовности к выступлению. Кавалергарды выступили в поход из Вильно -вместе с полками Лейб Гвардии Конным и Казачьим. При выходе из города Император смотрел полк и остался очень доволен его состоянием.

В присланном затем Цесаревичем рескрипте на имя командующего полком полковника Левашева было сказано: «Объявив сего числа (28 Декабря) войскам, в команде моей состоящим, Монаршую благодарность Кавалергардскому полку за совершенную исправность и чистоту, в коей Его Императорское Величество изволил его найти, я долгом поставляю объявить всем господам одицерам и нижним чинам совершенную мою благодарность за тот порядок и устройство, с которыми полк сей во все время сей кампании находился, к чему присовокупляю, что всегда был доволен сим полком, но ныне не нахожу уже слов, как оный благодарить». «Константин».

1-го января, после новогоднего молебна, полк перешел у местечка Пршелай по льду через Неман и вступил в пределы Пруссии. «Мы перешли границу в самый Новый Год», писал отцу М. П. Бутурлин. 25-го к полку присоединился в Плоцке № 2-ой эскадрон из отряда Витгенштейна. Несмотря на подход запасных частей, боевой состав Армии был в большом некомплекте. «The season continues terribly severe — 25^0 of cold. The Russian Army is reduced almost to nothing. One Battalion of Guards musters only 200» доносил представитель Английского двора при Главной Квартире Вильсон. Кутузов настаивал на приостановке дальнейшего движения хотя бы на две недели, чтобы дать время подойти армейским резервам, но Государь не согласился и приказал продолжать наступление.

В первых числах февраля, по случаю установления медали в память 1812 года, по Армии был отдан Высочайший приказ, в котором было сказано: «Славный и достопамятный год, в который неслыханным и примерным образом поразили и наказали дерзнувшего вступить в Отечество ваше лютого и сильного врага! Славный год сей минул, но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела, и подвиги ваши потомство сохранит в памяти своей... в ознаменование сих незабвенных подвигов ваших повелели Мы выбить и освятить серебряную медаль, которая с начертанием на ней прошедшего столь достопамятного 1812-го года долженствует на голубой ленте украшать непреодолимый Щит Отечества — грудь вашу... Александр».

Продолжая свое движение, Армия подошла к Калишу, где 21 марта, в честь приехавшего

туда Прусского короля, состоялся парад. «Мы принимали короля с большим парадом», писал отцу М. П. Бутурлин. «Три корпуса войск были в строю. Особенно наш кирасирский имел славный вид на большом поле. Десять полков в одной линии и, к тому же, день был прекрасный, точно как летом, и до того, что даже жарко было с полудня».

Перед войсками стоял пешком Фельдмаршал, не имея больше сил сесть на коня. Это было последнее появление Кутузова перед Армией. 16-то апреля он скончался. При нем находился его бессменный вестовой Кавалергардский унтер-офицер Домбровский. После смерти Светлейшего ему был выдан аттестат. «Дан сей находящемуся при покойном генерал-Фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Кутузове-Смоленском, Кавалергардского полка унтер-офицеру Домбровскому в том, что отличное поведение в службе, исправность его к порученному делу, с доброй волей сопряженное, были лично известны Его Светлости и он неоднократно отдавал ему начальническую справедливость. Во время сей кампании находился в делах противу неприятеля Августа 24 и 28, при городе Можайске (Бородинское сражение), 6 октября при Тарутине, 6 Ноября при Красном и за отличие награжден знаком военного ордена, что, как старейший Его Светлости адъютант, поставляю приятным долгом свидетельствовать. Бунцау, Апреля 21 дня 1813 года. Гвардии ротмистр и кавалер Дишканец».

Тело покойного Фельдмаршала сопровождал по Высочайшему повелению до Петербурга состоявший при нем бывший офицер полка граф Л. И. Соллогуб. Смерть Кутузова была неизмеримой потерей для Армии. «Если бы он был жив, мы не потерпели бы многих неудач, встретившихся впоследствии», записал в своих воспоминаниях Кавалергард князь С. Волконский.

В последующих боях — поражениях союзных Армий — у Люцена и Бауцена, полк не принимал непосредственного участия. 24 мая было заключено перемирие на шесть недель, по истечении которого союзники возобновили наступление. Свои полумиллионные силы союзники разделили на три армии, причем, несмотря на то, что Россия совершенно одна самостоятельно вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы с Наполеоном, никто из ее военноначальников не получил в командование ни одну из этих Армий.

Самая многочисленная Главная Армия, иначе — Богемская, 237.000 бойцов, находилась под начальством Австрийского генерала князя Шварценберга. Силезская Армия — 100.000 человек, под начальством Прусского генерала Блюхера и Северная Армия, 115.000 человек, под начальством наследника Шведского престола Бернадотта.

К этим армиям надо добавить еще Резервную Польскую, находившуюся еще в формировании в Польше исключительно из русских частей под начальством русского генерала Бенигсена.

Кавалергарды Главной Квартиры, при которой находились Император Александр и Король Прусский, сильно отягчали и без того нелегкую походную жизнь полка. Как из рога изобилия сыпались на полк смотры, парады и разводы караулов. Полковые приказы за 1813 и 1814 годы полны распоряжений Цесаревича, отданных им по Гвардейскому Корпусу и, читая их, можно думать, что они отдавались не в боевой обстановке, когда надлежало напрячь все усилия, чтобы разбить врага, а писались для какого-нибудь парада на Царицыном Лугу в Санкт-Петербурге:

«Его Высочество соизволил приказать: дабы бакенбарды отнюдь ниже рта не носить, кольми паче не запускать под бородой». «На походе сидеть по правилам, поводьев не распускать, чтобы кисть левой руки была бы всегда между пистолетами большим пальцем вверх по гриве». «Завтрашнего дня имеет быть поход полку. Расчет сделать таким образом, чтобы лучшие лошади были бы на правых флангах отделений, когда полку будет приказано парадировать справа по шести и справа по три». «Кавалергардского полка корнеты Пашков и Шереметом командируются в другие дивизии для показания всем офицерам приема салютования палашем»...

Удачно начатое 13 августа сражение у Дрездена, с прибытием туда 15-го самого Наполеона, окончилось поражением союзников, не превратившееся в катастрофу и полный разгром Главной Армии только потому, что у французов не было достаточно конницы и, главным образом, потому, что граф Остерман-Толстой своевременно разгадал план Наполеона и, вопреки приказу Барклая, остался на занимаемой позиции. Отступление Армии под проливным дождем («погода была преужасная», пишет Бутурлин отцу), — было хаотичным. Почти 200 тысячная расстроенная и изнуренная армия отступала в непроницаемом мраке, при сильном ветре и дожде, имея грязь по колено. Я такой ночи не запомню».

В течение двух дней 15 и 16 августа, отряд Остермана сдерживал бешеные атаки Вандамма, пытавшегося пробиться в тыл Главной Армии. Положение под конец стало критическим. Но «вдруг что-то блеснуло вдали. При выходе из ущелья засветились медные оклады касок наших кирасир, заиграли трубы и вместе с сим просияла искра надежды в сердце каждого солдата. Приспели кирасирокие полки 1-й диви-

зии, и правое крыло мое стало неодолимым», доносил Остерман Государю.

Согласно диспозиции, 1-ая кирасирская дивизия, переночевав в Диппольдисвальде, продолжала свое движение к Теплицу, в районе которого ей был назначен ночлег. Как в канун Аустерлица, никто в дивизии не помышлял о бое и все были настолько уверены в относительно мирном переходе, что и начальник всех кирасирских дивизий князь Голицын и начальник 1-ой кирасирской дивизии Депрерадович отправились вперед вместе с квартирьерами в Теплиц.

Пока шли горами кругом царила полнейшая тишина и звуки боя в отряде Остермана до полков не доходили. Но едва авангард отряда — Кавалергарды — начал спускаться с гор и втягиваться в долину, как сразу стал слышен отдаленный гул канонады. Затем прискакал квартирмейстерский офицер из отряда Остермана с просьбой о подкреплении.

Оставшийся за старшего в 1-ой кирасирской дивизии командир Лейб-Гвардии Конного полка Арсеньев, в отсутствии старших начальников, был в нерешительности, что делать, но после настойчивого совета адъютанта дивизии Кавалергарда Бутурлина, приказал полковнику Ершову вести Кавалергардов к месту боя.

Полк подошел на рысях к деревне Карбиц и выстроил боевой порядок на левом фланге Тенгинского пехотного полка, занимавшего деревню. Предупрежденные Арсеньевым, князь Голицын и Депрерадович прискакали к месту боя, и вслед за ними стали подходить остальные кирасирские полки.

Против строящейся в боевой порядок 1-ой кирасирской дивизии французы выслали своих стрелков и фланкеров и пытались ими перейти овраг, разделявший обоих противников.

Депрерадович, с своей стороны, выслал Кавалергардских фланкеров: 125 человек при четырех офицерах: ротмистре С. Ф. Колычеве, штаб-ротмистре Б. И. Белавине и М. И. Бердяеве и корнете графе П. С. Минихе. Фланкеры завязали перестрелку с французами и не допустили их перейти овраг. В 6 часов вечера Кавалергарды были сменены австрийскими драгунами.

В 9 часов вечера подошел Милорадович с гренадерами Раевского, 2-ой Гвардейский пехотной дивизией, бригадой Прусской Гвардии и вступил в командование всеми войсками у Кульма. На следующий день бой возобновился атакой французов. Но когда у них в тылу раздались орудийные выстрелы обходившей колонны Коллоредо, Вандамм понял опасность своего положения и решился пробиться из окружения.

Он бросил в атаку конницу Корбино. Первое, что ей попалось на пути, была Прусская батарея, уничтоженная в походной колонне. Затем Корбино налетел на Прусскую пехоту, смял ее и обратил в бегство.

Корбино пробился, но пехота Вандамма втянутая в бой, с трудом начала свой отрыв от противника.

Получив донесение от Кавалергардских фланкеров об отходе французов. Депрерадович приказал полковнику Каблукову с дивизионом подкрепить фланкеров. Вслед за ним пошел и полковник Ершов с остальными эскадронами. Увидя подходивший полк. штаб-ротмистры Беляев и Бердяев бросилис. с фланкерами в атаку и захватили два орудия.

Когда полк, вместе с Конной Гвардией, вышел на высоту нашей пехоты, Милорадович остановил бригаду. Преследовать французов был отправлен лишь Лейб-эскадрон Каблукова. Каблуков гнал противника на протяжении 6 верст и отбил 20 орудий, из которых 16 оказались прусскими.

Перед деревней Ноллендорф французы пытались остановить Кавалергардов, но Каблуков стремительной атакой сбил пехоту, захватив еще 4 орудия, взяв в плен трех офицеров и 370 солдат, и отбил денежный ящик нашего Гвардейского Экипажа.

Всего под Кульмом было взято в плен 5 генералов во главе с Вандаммом и его начальником штаба генералом Хакс, более 10 тысяч пленных, 81 орудие, из которых 26 были взяты Кавалергардами. Два орла и более 200 зарядных ящиков и амуничных фур дополнили трофеи.

Полк потерял убитыми 2 унтер-офицеров, 2 Кавалергардов и 44 лошадей. Ранеными: штаб-ротмистров барона Арпс-Гофена штыком в ногу и Белавина пулей, 1 унтер-офицера, 2 трубачей, 30 Кавалергардов и 35 лошадей.

Депрерадович был произведен в генерал-лейтенанты, полковники П. И. Каблуков и Ершов в генерал-майоры. В командование полком вступил полковник В. И. Каблуков. Штаб-ротмистры Белавин и Бердяев были награждены Георгиевскими крестами 4-ой степени, поручик С. П. Неклюдов и поручик Д. Е. Башмаков — золотыми шпагами «За храбрость».

Старший вахмистр Василий Денисов, вахмистра: Василий Олейкин, Никита Ефремов, Николай Федоров, унтер-офицеры: Василий Менщиков, Петр Мартынов, Кавалергарды: Яков Адаменко, Иван Михота, Иван Шульга, Влас Трач, Степан Богун, Алексей Красунов, Матвей Литвин, Иван Рубан, Федор Запеченко, Семен Силенко и Алексей Сапожников награждены Георгиевскими крестами. 35 офицеров и 787 Кавалергардов получили от Прусского Короля крест, специально установленный для русских участников этого сражения, так называемый — Кульмский крест.

Во время Кульмского сражения, поручик П. П. Ланской был послан с приказанием. Проезжая со своим вестовым по полю битвы, сплошь покрытому телами убитых и раненых французов, он услыхал раздирающий крик. Обернувшись, увидел раненого французского драгунского офицера, над которым вестовой Ланского уже занес палаш.

Собрав последние силы, француз сделал над своей головой условный знак, известный среди масонов под названием «A moi, les enfants de la Veuve».

Ланской не был масоном, но как многие в то время, он кое-что из их ритуала знал. «Стой!», крикнул он вестовому, «лежачего не бьют».

Француз безостановочно его благодарил, все время называя братом. «Вы ошибаетесь», сказал ему Ланской, «я не масон, mais à double titre de chretien et de Chevalier-Garde, je ne puis rester sourd à l'appel d'un frère d'Armes».

Затем отвез его в ближайшую деревню и поручил его уходу местного жителя.

Француз все пытался узнать имя Ланского. «Это не к чему. Мы все равно вряд ли с Вами увидимся». «Mais ma mère pourrait au moins prier pour celui qui Lui a conservé son fils». — «Quant à cela pas de refus. Pour vous je suis Chevalier-Garde, pour elle je me nomme Pierre. Et la-dessus bonne chance, camarade, et adieu».

В сражении под Лейпцигом, в знаменитой битве народов, полк находился в резерве и активного участия в бою не принимал. 7 октября Император Александр и Король Прусский въехали в город непосредственно с атакующими частями.

Король Саксонский смотрел из окон дворца на входящие союзные войска. Король был объявлен военнопленным и под конвоем отправлен в Берлин. Управление Саксонским королевством было поручено Кавалергарду князю Репнину.

Тяжелая задача выпала на долю Репнина. Разорение Саксонии было полное, большая часть городов и селений была выжжена. В стране свирепствовала эпидемия тифа, местами — холера. Более 50 тысяч раненых разных армий находились в госпиталях, казна королевства была почти пуста

Благодаря неутомимой энергии Репнина финансы страны быстро поправились и вместе с ними и общее благосостояние страны.

При назначении на пост наместника Саксонского Репнину было приказано разыскать и изъять из обращения фальшивые русские ассигнации, выпущенные Наполеоном в 1812 году. Угроза ссылки в Сибирь за сокрытие ассигнаций сильно ускорила их сдачу. В самый короткий срок было сдано их на 7 миллионов рублей и на один миллион было найдено и отобрано у придворного банкира Фреге, получившего их на хранение лично от самого Короля Фридриха-Августа. Фреге подлежал за сокрытие ассигнаций ссылке в Сибирь. Заступился за него перед Императором Александром сам Репнин, объяснив поступок придворного банкира, как вызванный верноподданическими побуждениями перед своим государем.

После Лейпцигского сражения союзные армии продолжали свое движение в направлении Франции.

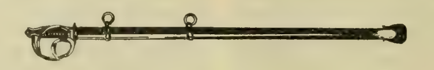
Чтобы дать возможность Австрийскому Императору вступить во Франкфурт раньше Императора Александра, Шварценберг изменил распределение и маршруты русских войск. Однако Александр I разгадал скрытую причину такого несуразного перемещения русских войск с правого фланга на левый. Он отдал приказ Барклаю немедленно отправить усиленными переходами Гвардейскую кавалерию и все кирасирские дивизии с их артиллерией к Франкфурту, никому об этом не донося.

«О прибытии нашей кавалерии к Франкфурту не объявляйте, ибо Его Величеству угодно прибыть туда с войсками не позже австрийцев».

24 Октября весь кавалерийский корпус в полной парадной форме свалился как снег на голову австрийцам и подошел к Франкфурту. Государь, в первый раз за войну, в кавалергардском мундире вступил в город во главе своих войск за сутки до Императора Франца.

Ноябрь и декабрь прошли в сосредоточении армий для предстоящего перехода французской границы и были использованы полком для перековки лошадей на зимние подковы и для обучения и спайки полученного пополнения.

В. Н. Звегинцов

ТРИ АТАКИ

Из боевой хроники 17 драгун. Нижегородского Его Величества полка.

АТАКА 5-ГО ЭСКАДРОНА — 3 АВГУСТА 1914 ГОДА.

3 августа 1914 года 5-й эскадрон нашего полка должен был выступить в Лович, а на следующий день за ним должны были последовать и другие эскадроны. В Ловиче должны были собраться все полки нашей дивиизи, но судьбе было угодно задержать нас на один день в Скерневицах, чтобы в этот день вписать новую блестящую страницу в боевую историю полка.

Ранним утром, 8 августа, было получено в полку донесение о том, что с запада, по направлению к Скерневицам, двигается около эскадрона германской кавалерии. Выступление на Лович было отложено и были приняты меры для перехвата и уничтожения этого эскадрона. 5-му эскадрону было приказано выступить вдоль железнодорожной линии Скерневицы-Петроков и, обнаружив неприятеля, атаковать его, стараясь отбросить в направлении на север. В случае необнаружения противника, двигаться прямо на Лович. 3 эскадрону — следовать, сначала, по дороге на Лович, а потом свернуть на запад и, в случае обнаружения неприятеля, атаковать его, отбрасывая к югу. 2-му эскадрону — следовать правее 3-го, сообразуясь с его движением и действиями, а остальным трем эскадронам — оставаться в Скерневицах.

Вот как разыгралось славное дело 5-го эскадрона.

Выступив по указанному ему направлению, князь Чавчавадзе вскоре встретил команду пехотных разведчиков, при которой находился разъезд от 4-го нашего эскадрона с подпрапорщиком Мирошниченко. Последний доложил, что, по сведениям жителей, неприятельская конница двигается вдоль полотна железной дороги, навстречу 5-му эскадрону. Князь Чавчавадзе продолжал движение во взводной колонне по лощине той же дороги, а поручика князя Бебутова выслал с десятью драгунами на разведку в южном направлении. Справа, севернее дороги, находились разбросанные деревни и фольварки.

Было около часа дня, когда правый дозорный унтер-офицер Рыбник донес, что в деревне, расположенной к северу от железной дороги, замечен неприятель и, почти тотчас же, оттуда раздались выстрелы по нашим дозорным. Эскадрона немцы видеть не могли, так как он шел ложбиной. Князь Чавчавадзе, ехавший по правому бугру лощины и также заметивший неприятеля, дал знак о построении фронта и повел эскадрон, загнув его левым плечом, галопом в направлении выстрелов. Увидев, что противник расположен укрыто за строениями, князь Чавчавадзе спешил эскадрон, но, через несколько минут, заметив какую-то неуверенность у немцев, часть которых стреляла, а часть садилась на коней, и услыхав голос унтер-офицера Неменко «Ваше Сиятельство! в атаку!» быстро снова посадил людей и скомандовал: «За мной! Марш, марш!»

Эскадрон бросился вперед и вдруг очутился перед глубокой впадиной железной дороги. Но ничто уже не могло остановить порыва брошенной в атаку части. Несмотря на большую крутизну железно-дорожной выемки, эскадрон ринулся вниз и в один миг очутился на противуположной стороне, после чего, под огнем неприятеля, бросился к деревне, до которой оставалось еще около полуверсты. Князь Чавчавадзе взял направление на левый край деревни и, подскакав к ней первый, остановился перед неожиданно выросшим перед ним забором, за которым он увидел собиравшихся в группы немцев, готовившихся открыть по нему огонь в упор. Положение было критическое: перескочить забор с места — невозможно, поворачивать — еще хуже. К счастью, в этот момент мимо князя пронесся вахмистр эскадрона подпрапорщик Козлов, который с налета перескочил забор, влетел в кучу немцев и первым же ударом отрубил кисть руки одному из них. Тут же начали подскакивать остальные драгуны, и немцы, растерявшись, стали частью садиться на коней и удирать в поле, частью засели в домах и отстреливались. С этого момента участь германского эскадрона была решена.

Оставив вахмистра Козлова с 4-м взводом выбивать немцев из занятых ими домов, князь Чавчавадзе с первым полуэскадроном бросился преследовать бежавшего неприятеля. Во время этого преследования много немцев было изрублено.

Между тем, поручик князь Бебутов, высланный на разведку, не обнаружив никого и услышав стрельбу, немедленно повернул на выстрелы и присоедиился ко взводу вахмистра Козлова, выбивавшему немцев из деревни. Находившийся тут же вольноопределяющийся граф Федор Медем, под которым в начале атаки была убита лошадь и который сам был легко ранен в шею, услыхав крики немцев и поняв их приказание садиться на коней, сейчас

же доложил об этом князю Бебутову, который, посадив людей, пустился в догонку за бежавшим противником. Много неприятельских всадников было изрублено и при этом преследовании.

Вернувшийся из погони, командир эскадрона приказал графу Медему собрать раненых и тела убитых немцев. Последних оказалось около 60-ти, а раненых и взятых в плен только 6. Не щадила Нижегогородская шашка неприятеля. Кроме того, было захвачено 40 лошадей.

Во время стрельбы в деревне был убит унтер-офицер Фербером командир германского эскадрона майор граф Штольберг, сидевший на дереве и наблюдавший за бывшим в тот день солнечным затмением. Все произошло так быстро, что он не успел сойти во время с дерева. На нем нашли ценные документы, по которым открыли в Варшаве целую шпионскую организацию.

Захваченные в этом деле пленные показали, что они составляли особый эскадрон, имевший задачей произвести важную разведку в Варшавском направлении.

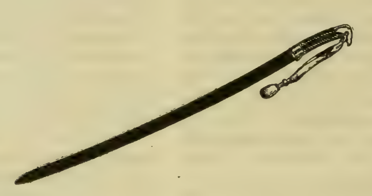
Потери нашего эскадрона — 6 драгун раненых пулями, из которых один вскоре скончался.

Собрав людей, князь Чавчавадзе намеревался вести свой эскадрон в Скерневицы, когда к нему подошли, вышедшие оттуда на выстрелы, остальные эскадроны с командиром полка и полк. князем Меликовым. Все вместе вернулись в Скерневицы.

За это лихое дело ротмистр князь Чавчавадзе был награжден Георгиевским оружием, а наиболее отличившиеся — вахмистр Козлов, унтер-офицер Плетнев, Макаров, Неменко, Рыбкин и драгун Анучкин — Георгиевскими крестами.

Верховный Главнокомандующий донес об этом деле Государю следующей телеграммой: «Не смел бы беспокоить донесением о мелком деле, но решаюсь это сделать, как Державному Шефу Нижегородцев. 70 отборных германских разведчиков с офицером были встречены эскадроном Нижегородцев. Результат: кроме 6 взятых в плен, все изрублены. Нижегородцы — четыре ранены пулями, два тяжело, холодным оружием ни одной царапины. Генерал-адъютант Николай».

Полковник **Ден**

Высота 103

(Рассказ солдата)

В начале февраля 1915 года, после разгрома в Августовских лесах корпуса генерала Булгакова (20 корп), немцы подошли вплотную к фортам крепости Гродно. В это время гарнизон крепости был очень мал, и на поддержку ему были двинуты части с других участков фронта.

Наша дивизия снялась с позиции на реке Бзура и в два перехода дошла до Варшавы, где погрузилась в вагоны и двинулась в путь в неизвестном направлении. Долго ли, коротко ли длилось путешествие, доехали мы, наконец, до станции Соколка, удаленной верст на 30 от гор. Гродно.

Здесь дивизия выгрузилась, вернее, выгрузился наш полк (о месте выгрузки остальных полков мне не было известно), и были посланы в город квартирьеры. Однако, по неизвестной причине, наш полк не расквартировался в г. Соколка, а прямо с места разгрузки двинулся пешим порядком в деревню Богуши (не по дороге на Гродно). Квартирьерам пришлось догонять полк в пути. Переночевав в Богушах, мы двинулись на станцию Кузница и дальше в

Гродно. На станции Кузница был привал; пообедали разболтанной в походных кухнях мешаниной. Переход Богуши — Гродно был очень трудным, т. к. подтаявший днем снежный покров был настолько скользким, что падения солдат то здесь, то там были беспрерывны. Не ошибусь, если скажу, что я лично упал 25 раз за время этого перехода. Было приказано перевернуть штыки на винтовках острием вниз, т. к. были случаи ранений соседей при падении. Наконец, дошли до Гродно.

В Гродне в это время жили еще мои родные, и я, конечно, не мог не воспользоваться случаем, чтовы повидать их. Мне, вольноопределяющемуся, не трудно было получить разрешение задержаться на несколько часов в городе. Командир роты не знал, куда дальше идет полк, и мне предстояло самому найти к вечеру свою роту. Так и пришел домой во всей амуниции и с винтовкой. Но дома я не долго задержался: пообедал, помылся, переменил белье и пошел искать полк. С большим трудом нашел его около полуночи, расквартированным по избам в деревушке около 12-го форта (верстах в 12 от города).

Солдаты давно уже спали. В избе, где квартировал фельдфебель, горел огонек, я зашел туда справиться о приказаниях на завтрашний день и застал у него двух взводных унтер-офицеров. Компания попивала чаек и дымила махоркой. Я подсел к ним, закусил тем, что мне дали в дорогу дома, угостил и моих собеседников, выпил чаю и собирался уже лечь на солому, утомленный после стольких верст пешего хождения, но, заинтересовавшись разговором, задержался. Фельдфебель Морошкин утверждал, что шарообразность земли выдумана для того, чтобы морочить голову дуракам, и что его, Морошкина, на эту удочку не поймают. Унтер-офицеры, согласные с теорией Коперника, позвали меня, как образованного человека, на помощь. Я пытался наглядными примерами вывести Морошкина из заблуждения, но это было бесполезно.

Все это хреновина, — говорил он. — я иду всегда ногами вниз, а головой вверх и сколько бы не шел, всегда так будет. Ведь идя по шару, я бы дошел до того, что ноги оказались бы вверху, а голова внизу. Пусть ученые морочат голову другим, а мне, не на такого напали...

Не знаю, долго ли продолжался бы этот «ученый» спор, но дверь отворилась, и в избу вошел денщик командира роты. — «Господин фельфебель, командир роты приказал вам явиться к ним», — доложил он.

Фельдфебель встал, надел шинель и вышел, а мы остались сидеть в ожидании его возвращения, в надежде узнать какие-нибудь новости. Наши надежды оправдались: чегез 10 минут фельдфебель возвратился и принес новости. Новости, как и нужно было ожидать, были не из приятных: приказано поднять людей, напоить их чаем и приготовиться к выступлению. Повидимому, пойдем выбивать немцев из окопов. Отдыхать уже было некогда. Надел овчиный полушубок, поверх него шинель, собрал амуницию, взял винтовку и пошел к ротному командиру.

Как вольноопределяющийся (кажется, единственный в то время в полку), я был на особом положении в роте и, хотя имел две нашивки, постоянной должности взводного командира не занимал. Иногда ходил в разведку, бывал начальником отдельного караула, проверял секреты и сам сидел в секрете... С последним командиром роты был в приятельских отношениях и часто квартировал с ним в одной избе.

Командир роты, прапорщик запаса Б., московский купец с высшим образованием, ничего прибавить не мог к тому, что я узнал от фельдфебеля. Я остался у него в теплой хате. Денщик подал нам чай. Через полчаса мы вышли. Наш батальон стоял в две шеренги вдоль длинной улицы.

Командир 1-го взвода, унтер-офицер К., повредивший ногу во время последнего тяжелого перехода, был в обозе 2-го разряда, его замещал ефрейтор Ч. Я принял командование взводом. Долго стояли на холоде, наконец, пришел командир батальона. По ротам пронеслась команда — «смирно», — и подполковник М. прошел по фронту.

Сейчас пойдем вперед, ребята, выбьем немцев из окопов, заберем пулеметы и вернемся сюда обедать, — сказал он, проходя по фронту нашей роты.

Роты построились в колонну по отделениям, и батальон двинулся по снежной дороге навстречу неизвестности. Попыхивали в темноте цыгарками, разговора почти не было слышно, на душе было тревожно. Постепенно строй расползся в стороны, по протоптанным обочинам дороги было легче итти.

Я шел впереди моего взвода, рядом с командиром роты. Мы разговаривали, строили предположения. Подошли к подмерзшему лишь по берегам ручейку, пересекавшему наш путь, переправились, перепрыгивая с камня на камень.. Теперь мы уже шли, повидимому, по лужку, покрытому слоем снега.

Вдруг, командир роты остановил роту и приказал — «оправиться», — «на случай ранения в живот». Солдаты послушно исполнили приказание, и мы с командиром последовали их примеру.

До сих пор была абсолютная тишина: никакой пальбы ни ружейной, ни орудийной не было слышно. Даже как-то не верилось, что противник так близко.

Когда мы вышли на шоссе, ведущее на Сопоцкин, первый орудийный выстрел возвестил начало «рабочего» дня. Это ухнуло дальнобойное орудие на крепостном форту. Тяжелый снаряд с ленивым шелестом сверлил воздух над нашими головами в направлении на Сопоцкин. Разрыва не было слышно — далеко. За первым последовали и другие одиночные выстрелы, каждые 2-3 минуты — выстрел. Вскоре и немцы начали стрелять и тоже не особенно часто.

Мы прошли немного по шоссе и остановились, составили винтовки в «козлы» и стояли или сидели на снегу. Было холодно без движений. Солдаты топтались по шоссе, толкались,, боксировали... Так достояли до рассвета.

При бледном свете утренней зари, я увидел недалеко от шоссе свежую могилу русского солдата. На самодельный деревянный крест была надета грязная папаха из искуственного барашка. Надпись карандашем на кресте еще была разборчива. Я подошел, обнажив голову, и перекрестился. Подошли и другие.

Часов около 10-ти утра мы, окоченевшие и изголодавшиеся, услышали, наконец, долгожданную команду — «в ружье», — переданную по колонне солдатскими голосами. — «Связные» — прибежали к своим ротам с приказанием: ротным командирам пожаловать к командиру батальона. Это еще задержало минут на 15 нас, горевших нетерпением сдвинуться, наконец, с этого унылого места.

И вот раздалась команда: «ружье на ремень»... Видим первый батальон заворачивает правым плечом. — Ну, слава Богу, — подумали все, — идем назад обедать. — Да и в самом деле, начинать наступление в 10 ч. утра — вещь несуразная, для этого всегда используются сумрак и туман рассвета. Но радость была преждевременной: первый батальон не пошел обратно по дороге, а свернул с шоссе прмо в поле.

За полчаса до этого артиллерийская стрельба немного усилилась, и где-то далеко влево слышен был треск ружейной пальбы. В том направлении стоял четвертый полк нашей дивизии. Первый батальон пошел дальше, а второй остановился вблизи от дороги и перестроился в резервную колонну. Наконец, очередь и за нашим 3-м батальоном. Мы пошли мимо 2-го батальона, по следам уже значительно удалившегося 1-го батальона. 2-ой бат. очевидно, оставался в резерве. 4-го батальона у нас не было, он еще раньше целиком попал в плен.

Теперь мы ясно видели, как 2-й бат. разворачивался, чтобы, разсыпавшись в цепь, очутиться рядом с цепью 1-го батальона, которая уже значительно продвинулась вперед. Мы шли цепью в том направлении, правее, уступом. До сих пор ни один снаряд не разорвался вблизи от нас, ни одна пуля не просвистела. Мы двигались шагом на подъем холма. Очевидно, это и была «высота 103», о которой столько писалось в оперативных сводках. Под ногами было вспаханное, покрытое снегом поле.

Вдруг я заметил, что в цепи 1-го бат. появились сгорбленные фигуры — плохой признак: пули залетают к ним. Первый батальон подходил уже к гребню холма. Вдруг он побежал вперед и скрылся за гребнем. В этот момент сплошным ураганом затрещали ружейные вастрелы, и в унисон с ними четко застучали немецкие пулеметы. Появлиись и белые облачка шрапнели.

Наша рота была еще вне обстрела, но мы чувствовали его приближение. Сзади фельдфебель Моношкин ободрял малодушных: — «Не ломай цикорию, не стесняйся, иди вперед»... и люди бодрее поднимали головы. Наконец, и мы дошли до гребня холма с винтовками «на ремне» и сразу, как по мановению волшебного жезла, были встречены лавиной пуль и очередями рвущейся шрапнели. Мы побежали вперед.

Я пропустил здесь маленькую подробность: когда мы сворачивали с шоссе в поле, нашего командира вызвали к командиру батальона, а роту принял поручик М., офицер нашего батальона. Поручик М. повел роту картинно, театрально: до момента, когда мы попали под пули, он почти все время шел задом к противнику и лицом к роте. Рядом с ним был его денщик, подававший ему папиросы и чиркавший спички.

В моем взводе был рядовой Шебеко, разбитной солдат, незаменимый «связной». Он проползал и добегал, куда бы ни послали, не жалел головы. Шебеко шел в цепи, вдруг пронесся клич: «Шебеко к командиру батальона». И Шебеко побежал на зов.

К этому времени мы дошли до гребня холма. И вот бежим навстречу граду пуль. Свиста отдельных пуль ухо не улавливало, слышен был какой-то шорох, результат взаимодействия многих составляющих звуков. Невольно наклонив голову и слегка зажмурив глаза, бежим вперед. Судя по силе звука немецких пулеметов Шварцлозе, окопы противника были удалены от нас на 200-300 метров, но снежный покров делал их совершенно незаметными на фоне белого пейзажа. Пробежать такое разстояние по покрытому рассыпчатым снегом вспаханному полю—вещь не легкая. Впереди, левое нас, лежит на снегу первый батальон и щелкает из винтовок по противнику. Мы добежали до его линии и легли на снег. Не успели открыть огонь, как по цепи пронеслась команда; «Цепь вперед»... И вот бежим опять. То справа, то слева видно, как падают солдаты. Поручик М. еще бежит, денщик справа от него. Слева от меня цепь как-то разорвалась, и 3-4 человека бегут кучкой. Кричу им, чтобы не смыкались. Вдруг,

перед нами вдоль фронта бежит заяц, он развивает максимальную скорость. Сначала бежал слева направо, а потом справа налево. Мы запыхались — по неровному грунту бежать трудно.

Внезапно, я как-то оступился и упал на землю. Хочу встать... не могу — левая нога не слушается. Посмотрел на ногу и понял все: ранен, две рваные дырки в шароварах, и сукно быстро напитывается кровью.

Дышу в холодный снег и соображаю, что делать. Моментами пулеметные очереди, с рикошета, метут пыль мне в лицо, как порывы ветра песок на пыльной дороге. Положил винтовку перед головой для иллюзорной защиты от пуль и видел через нее, как бежали в изнеможении еще уцелевшие солдаты моей роты. Моя роль была окончена. Единственное, что я мог предпринять, это попытаться поскорей добраться до тыла, пока не получил второго ранения. И я пополз, влача за собой раненую ногу. Двигался медленно, напрягая все силы, ползти было тяжело. Останавливался, отдыхал, два раз наткнулся на еще теплые трупы солдат. За одним из них, как за бруствером, передохнул немного.

Вдруг, вижу двигается новая цепь, вслед за нашей поредевшей. Слева и справа от меня шли быстрым шагом, почти бежали, бойцы с ружьями «на ремне». Но наша цепь лежала на земле, и немцы перенесли весь огонь на свежую цепь, шедшую на поддержку. Пули чаще заковыряли снег вокруг меня.

Я полз дальше, напрягая последние силы. И вот вижу в сотне шагов от меня — куча камней, выброшенных крестьянами из борозды, при вспахивании каменистой почвы. При движении вперед я ее не заметил. Моя мечта — доползти до этого убежища, но я выбился из сил и ползу со скоростью улитки. Несколько шрапнельных очередей придали мне энергии, и я решил встать и прыгать на одной ноге к намеченной цели.

Опершись на винтовку, я встал на правую ногу и хотя это было не легко, начал прыгать. Я продвинулся шагов на 10, но был сметен следующей шрапнельной очередью: сильный толчек в спину, — я упал лицом в снег и потерял сознание. Думаю, что пришел в себя быстро, но уже ползти не мог. Правая половина спины и правое плечо при каждом повороте тела ныли, из носа текла кровь. Вспомнив о том, что удар был в спину, я искал на груди выходное отверстие, но не нашел. Делать было нечего, и я остался лежать на снегу и ждать чуда. И чудо пришло: подбежали два санитара, схватили меня за ноги и за полы шинели и, пригнувшись, потащили волоком по снегу. Я быстро очутился за кучей камней. Там уже было несколько легко-раненых, которые перевязывали друг друга.

Мои спасители стащили с меня сапог, разрезали штанину, вынули из моего карманчика бинт и перевязали рану на ноге. На спине висели клочья шинели и полушубка, но крови не оказалось.

Раненые, кто мог передвигаться, прибывали беспрерывно, и места за кучей всем уже не хватало. Тем, кто был перевязан и кто мог, приходилось бежать дальше в тыл, а кто не мог — ожидать носилок. Очереди шрапнелей сыпали беспрерывно, и нам за камнями приходилось часто пригибаться к земле. Пока я был вблизи от противника, свистели одне лишь пули, а здесь было больше орудийных разрывов, чем пуль. Артиллерия противника щупала резервы. Вылезать из-за кучи было опасно, и перевязанные раненые старались выскочить между двумя очередями разрывов.

Наша артиллерия стреляла тоже, но ее стрельба была реже немецкой. Наконец, прибежали санитары и принесли двое носилок. Меня положили на носилки, и два санитара рысцой понесли к гребню холма, чтобы скрыться хотя бы от пуль. Это было недалеко. За гребнем мои носильщики пошли шагом. И вот вижу, по другу сторону холма, несут еще несколько человек раненых. Носильщики остановились отдохнуть и рядом со мной поставили носилки, на которых лежал кто-то, накрытый с головой солдатской шинелью.

Повернув голову в сторону раненого, я увидел денщика прапорщика В., который стоял возле носилок без шинели и в руках у него были шашка, полевая сумка и револьвер. Я понял, кто был этот раненый: Прапорщик В., мой приятель по средней школе, с которым еще полчаса назад я разговаривал. Приподняв шинель с его головы, я увидел бледное лицо и кровь на подбородке и на шинели. Он был ранен в руку, в ногу и в грудь навылет, как сказал мне денщик. Оон был в сознании, узнал меня и говорил почти шопотом.

Наконец, нас донесли до полкового перевязочного пункта, который был в деревушке. У одной избы увидел, — лежали на снегу рядом два солдата с скрещенными на груди руками. Оба в шинелях, но без сапог, ноги были обмотаны далеко несвежими портянками, но аккуратно, как умеют обматывать только солдаты, дети народа. Это были раненые, умершие уже на перевязочном пункте. Сапоги сняты для бессапожных, которых у нас всегда было немало. Меня внесли в избу. На разостланной на полу соломе, лежали раненые офицеры и солдаты. Тут же на полу фельдшера перевязывали раны. В соседней комнате на коротком столе лежал раненый, с которым возился доктор. Полковой священник исповедывал и причащал тяжело-раненых. По деревушке «крыла» германская артиллерия.

К избе подъехал санитарный фургон, в который спешно погрузили всех уже перевязанных. Я отказался от перевязки и сразу очутился в фургоне. Когда меня выносили из избы, я оглянулся и увидел бледное лицо прапорщика В. и возле него священника со св. Дарами. Я с грустью подумал, что больше не увижу бедного В.

Фургон тронулся и свернул в поле. Возница, чтобы скорее уйти от разрывов, погонял лошадей, и фургон трясся по вспаханному полю. Раненые с переломами вопили и ругались. Наконец, доехали до дивизионного перевязочного пункта. Здесь та же картина: в избе на полу, на соломе раненые офицеры и солдаты, только их здесь было гораздо больше. Один из фельдшеров записывал фамилии раненых. Офицерам, кроме того, выдавалось свидетельство о ранении.

Здесь меня раздели и осмотрели спину. Правее пятого позвоночника был черный кровоподтек величиной с кулак и ссадина. Шинель, полушубок, мундир и фуфайка были разорваны и висели клочьями, только тельная рубашка уцелела. Ногу я не позволил перевязывать, т. к. кровотечение прекратилось, и я боялся позволить трогать рану в столь примитивных условиях. Вскоре подъехали покрытые брезенто двуколки, и раненых начали грузить на них. На каждую двухколку помещалось только три человека. Меня положили с двумя офицерами. Я и неизвестный мне прапорщик 4-го полка нашей дивизии лежали по краям, а между нами, тоже мне незнакомый, раненый в живот поручик. Прапорщик был ранен в руку, из-под бинта торчал лубок. Он вез с собой трофей — германскую каску.

Двуколка все время ехала шагом, т. к. раненый в живот при каждом толчке стонал. Уже в темноте мы педъехали к городу. У въезда в него стояла толпа, почти исключительно состоявшая из женщин. Наша дивизия в мирное время стояла в г. Гродно и, конечно, у многих из чинов полков в городе были близкие люди. Каждая повозка, привезшая раненых, была немедленно же атакована толпой: приподнимали брезент, смотрели в лица, спрашивали о судьбе прапорщика «Х» или поручика «У». Одну даму мы успокоили, сообщив ей, что ее муж легко ранен и сейчас должен прибыть сюда же. Подъезжает следующая двуколка, толпа оставляет нас и бежит к вновь прибывшим. Вдруг брезент у нас приподнимается, и всовывается седая голова старушки. Она плачет и приговаравает: — «бедные сыночки. За что вам такое наказание?» — И она заливается горькими слезами. Мы утешили, как могли, бедную старушку, и наша двуколка двинулась дальше. На улицах города наш брезент часто приподнимался и кто-нибудь заглядывал к нам. Наконец, доехали до вокзала, где был распределительный пункт. Прапорщик с раненой рукой вылез из двуколки и ушел, прихватив германскую каску. Тяжело-раненого поручика положили на носилки, он уже не стонал — он был мертв. Я попросил санитара позвать извозчика. Меня посадили на извозчика, и я поехал домой. Извозчик позвонил у нашего подъезда и на руках внес меня в дом.

Не буду описывать сцену встречи с родными, она и без описания понятна каждому. Отца моего в это время не было дома, он наводил обо мне справки в штабе крепости. Наконец, пришел отец и только теперь он рассказал, не боясь испугать мать, все что ему было известно об участии в бою моего полка: в 10 часов утра полк пошел в атаку, выбил противника из окопов, но под давлением превосходных сил вынужден был отойти. Бой продолжается. До города доносилсз глухой гул орудийной стрельбы.

Я сильно проголодался и был утомлен и физическими усилиями, и насыщенным душевными переживаниями днем. Поужинал, рассказал вкратце, как было дело... Вызванные из находившегося на нашей улице госпиталя санитары отнесли меня на носилках в госпиталь. Только ядесь была сделана первая настоящая перевязка. Пуля прошла от колена вверх по бедру, повредив бедренную кость. Рана сквозная, сантиметров 15 клины. Первая перевязка была почти безболезнена, но на другой день было гораздо хуже. Болела и спина.

Когда я увидел в перевязочной раны некоторых из моих товарищей по несчастью, то мое ранение и контузия мне показались совсем легкими. Но об этом в другой раз.

В. Цимбалюк

Военные училища в Сибири

(1918-1922)

(Продолжение)

ТЮМЕНСКАЯ ИНСТРУКТОРСКАЯ ШКОЛА

Тюменская инструкторская школа была начата формированием в последних числах месяца октября 1918 года. Начальником школы был назначен полк. Заалов. Школа размещалась в здании Тюменской гимназии на Базарной площади. Школа имела 4 роты и все необходимые команды — пулеметную, связи и т. д. Одета школа была в русское обмундирование, вывезенное еще из Казани. В конце декабря 1918 года школа, переброшенная в Екатеринбург, была развернута в 16-ую Сарапульскую дивизию — полки 57 имени Гайды, 58 Казанский — командир полка полк. Заалов, 59 Лаишевский — командир полка полк. Родзевич — командир 1-ой роты школы, и 60 Чистопольский. Кадры, правильно примененные, дали прекрасные результаты: полки были стойкие и прекрасно несли боевую службу, не их вина, что под Воскресенскими заводами 57-ой полк понес очень тяжкие потери, что после боев под Уткинским заводом дивизия так поредела, что была слита с 15-ой Воткинской, которой и передала имена своих полков, за исключением 57-го, который стал именоваться Воткинским. Таким образом школа оправдала все возлагаемые на нее надежды.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ИНСТРУКТОРСКАЯ ШКОЛА.

В марте 1919 года была объявлена мобилизация, вторая по порядку, в Сибири. Мобилизация дала средний успех в городе и малый в деревне. Из числа мобилизованных были отобраны призванные с правами по образованию и из них первоначально сформировали Егерские батальоны, которые с конца апреля стали переименовываться в Инструкторские Школы, продолжительностью курса в два месяца, выпуском портупей-юнкерами в часть и производством в подпоручики по рекомендации командира части после месячного пребывания в строю. Таких школ было сформировано 4: Екатеринбургская, Челябинская, Иркутская и Томские военно-окружные курсы.

5.5.1919, приказом по управлению генерала для поручений Сахарова за № 7, назначены: начальником Екатеринбургской школы полк. Ярцев, л.-гв. Гренадерского полка, помощником — полк. Д. А. Малиновский, л.-гв. 2-ой артиллерийской бригады, командиром 1-го батальона полк. Г. Орлов, л.-гв. Павловского полка, 2-го бат.-полк. А. Дурасов, л.-гв. Гренадерского полка.

Таким образом, уже в начале мая Школа начала свою работу. Размещена Школа была в большом банковском доме, на главной Екатеринбургской площади, против собора. Роты были хорошо укомплектованы и имели до 200 юнкеров в строю. 1-ые роты были пулеметные и имели по 8 пулеметов для учебных целей, разных систем, главным образом Максимы, Кольты, Шварцлозе и др. Одеты были юнкера в новенькое английское обмундирование. Оборудование Школы в богатом Екатеринбурге не представляло для энергичного полковника Ярцева больших затруднений и поэтому юнкера имели кровати с полным комплектом постельного белья, отдельные столовые и классы. Довольствие также было отличным: утром чай с белыми булками и маслом, обед и ужин из двух блюд, в праздники обязательно сладкое блюдо. Учебных пособий было мало и поэтому все проходилось по запискам, что не представляло затруднения, так как юнкера имели законченное среднее или высшее образование. Полк. Ярцев, Орлов и Дурасов читали тактику и совместно с ротными командирами вели строевые занятия, полк. Малиновский читал артиллерию и топографию. Занятия велись ускоренным темпом, и к июлю, когда надвинулись события, юнкера прошли почти весь намеченный курс.

14.7.1919 года наши части под огнем местных большевиков оставили Екатеринбург и стали отходить на восток. Школа была переименована в «Северный Отряд», ставший единственно боеспособной частью, за которой сгруппировался штаб генерала Дитерихса и другие штабы.

Начиная от 13-го июля юнкера ведут бои под деревнями Малый Исток, Косулина и деревней Мезенка, перед станицей Богдановичи. Этот бой был характерен для обстановки того времени. В этой деревне Школа получила приказ остановить движение красных. Во исполнение приказа была занята замаскированная позиция впереди деревни и юнкера окопались: 1-ый батальон влево от дороги, 2-ой справа. Утром подошедшие красные начали артиллерийскую подготовку наугад, снаряды были ста-

рые и, падая на пахотное поле, часто не рвались. Выпустив пару сотен гранат, красные решили, что наши уже давно бежали, и их пехота на подводах, с песнями и гармошкой, двинулась к деревне, не замечая замаскированных окопов. Как только голова колонны оправнялась с позицией 2-го батальона, юнкера с расстояния в 30 шагов открыли пулеметный и ружейный огонь. Ошеломленная колонна, потеряв 387 убитых, рассеялась и откатилась обратно почти до самого Екатеринбурга. Школа же потеряла только одного юнкера — Воинова — убитым, раненых не было. После этого красные стали осторожнее и в боях от 23.7.1919 до 5.8.1919 в районе города Камышклова, села Реутинского и др. изменили тактику: нащупав фронт Школы и выяснив его положение, красные залегали и вели стрелковый бой, а другие их части начинали обтекать фланги и, угрозой полного охвата, заставляли отходить назад. Дальше Школа пошла походным порядком на город Ялуторовск и Ишим. В Ишиме юнкера были погружены в эшелоны и направлены в Омск. Тут, в вагонах, в Омске был произведен 1-ый выпуск, после чего кадр был переброшен в Томск. Выпущенные портупей-юнкера попали в 3-ю армию генерала Сахарова. В Томске был произведен второй прием и 1-го октября юнкера начали занятия. Теперь Школа получила только 1 батальон. Полк. Малиновский был назначен в Походный штаб адмирала Колчака, а его место заступил полк. Орлов. Во втором приеме роты уже сжались — не больше 100 штыков. Занятия продолжались до 19.12.1919, когда Школа походным порядком выступила с верными частями в поход, под командой полк. Орлова, так как полк. Ярцев получил специальную задачу и «Отряд особого назначения», который, двигаясь впереди штаба 3-ей армии, очищал предшествующие станции от партизанов. Но при подходе к Красноярску полк. Ярцев опять вступил в командование Школой. Школа приняла участие в попытке занять Красноярск, понесла большие потери, отошла назад и прорвалась к селу Есаульскому, закончив свой арьергардный марш прикрытия армии, вместе с Томскими военно-окружными курсами. Эти два военные училища от Томска прикрывали отступление всех частей.

После Красноярска пошло на восток около 25.000 человек, которых уже нельзя было назвать войсковыми частями. Только попытка партизан забрать и их в плен перед Канском привела к необходимости как-то организоваться-и, не имея силы пробиться через Канск, обойти город стороной. Здесь Школа пошла уже в общей колонне, проделала весь поход, перешла через Байкал и была расформирована в Чите, так как армия, сократившаяся до 40.000 ртов, при 10.000 бойцов, потеряла дух, должна была выполнять требования японской политики, которая стремилась к сосуществованию с красными.

Капитан Стахавевич, вспоминая формирование Егерской бригады в Омске, так отозвался о портупей-юнкерах, окончивших Школу в первом выпуске: «... Лейб-гренадер полк. Ярцев, стоявший во главе эвакуированной из Екатеринбурга инструкторской школы, сразу прислал 25 портупей-юнкеров, мало подготовленных, но хорошо настроенных молодых людей, пополнивших недостаток в унтер-офицерах, а впоследствии ставших приличными офицерами. Для преследуемой цели поступление в батальон таких молодых офицеров, прямо со школьной скамьи, было много лучше, чем если бы батальон пополнялся уже оперившимися офицерами из других частей, имевших претензии знание службы...».

Сведения даны: полк. Малиновским, порт. юнкерами И. Г. Переваловым и Гречишкиным, вдовой полк. Ярцева — Марией Александровной, взяты из книги «2-ая батарея» сотника Е. М. Красноусова и др.

ШКОЛА НОКСА.

Чрезвычайно усилившееся значение техники, массовые, страшно распухшие армии — в Российской армии в 1917 году было 9.000.000 ртов — страшные потери в офицерском составе — в нашей армии 400.000 — привели к развалу представления о военном деле и катастрофически снизили высоту военной мысли и ясность понимания значения идеологии.

Выступление чехо-корпуса в конце мая 1918 года и разгром зачаточной организации советской власти в Сибири, покоившейся на слабом основании в два десятка тысяч наемных штыков, — мадьяр и отчасти немцев, утвердили представление в части Сибири о возможности организации армии на началах партизанщины. Расчет на успех, на переход на нашу сторону командиров красной армии, наличие немецкой оккупации 1918 года давало полное основание. Особо крупные успехи — Уфа — 4,6,1918 года, Казань — 7.8.1918 г. подтвердили это.

Однако, армия должна строиться на основе строго установленном, веками утвержденном опыте военной организации. Возможно, если бы грубые союзнические руки не вмешивались в наши дела — например, устранением такого

*) Утверждения в книге Парфенова «Гражданская война в Сибири в 1918-1920 г.» о вооружении 62.800 военнопленных большевиками, начиная с марта 1918 г., сомнительны, так как такая, даже слабо организованная армия, подавила бы выступление чехокорпуса при первой же попытке его выступления.

самородка, как Гришин-Алмазов, с поста военного министра в начале сентября 1918 года, если бы военные министры не были случайными людьми по кратковременности своего пребывания на этом посту — ген. Иванов-Ринов до 15.10.1918 г., адмирал Колчак до 18.11.1918 г. и, наконец, — безмерно короткое время — до 15.1.1919 г., до приезда ген. Степанова из Японии, то начало закладки основ регулярной армии в Сибири и принадлежало бы русским, но в тогдашних условиях это сделал иностранец — ген. Нокс.

Ген. Нокс, являвшийся военным представителем Великобритании в Сибири, отпустил из имеющихся у него средств все необходимое для организации школы — подготовке состава 500 офицеров и 1.500 унтер-офицеров, — что давало, приблизительно, кадр 5 пехотных полков. В основу клалась идея создания в школе первоначальной крепкой спайки, которая является одним из главных слагаемых боеспособности воинской части. Верная и правильная мысль не получила должного развития: школа не стала основным, единственным и достаточным кадром для формирования всех дивизий.

По политическим соображениям, — представительство перед иностранцами и наличие большого количества свободных казарм, школа была размещена на Русском Острове около Владивостока. Офицерский б-он был размещен в казармах 3-го полка, а унтер-офицерские — в соседних казармах 34-го.

Первым начальником школы был назначен ген. Сахаров. К сожалению, в своей книге «Белая Сибирь» ген. Сахаров слишком мало, скупо и поверхностно дал сведения о школе. Они касались, главным образом, переломления настроений прибывающих людей, в первую очередь офицеров; относительно унтер-офицерских рот отмечена только попытка большевиков проникнуть в школу и создать в ней свою ячейку.

Школа имела в офицерском батальоне 4 роты и в 2-х унтер-офицерских — 8. Роты имели по 125 человек. Генерал Будберг в своем дневнике отметил во втором наборе недовольство офицеров переменного состава обращения с ними, как с юнкерами. Первоначальный курс прохождения был 4 месяца, но первый выпуск был 15.2.1919 г.

В марте 1919 года ген. Сахаров был вызван в Ставку Главнокомандующего для нового назначения и взял с собой часть кадра школы: — кап. Ярцева и др. Новым начальником школы был назначен ген. Плешков. Состав школы сократился — в офицерском батальоне — командир полк. Рубец — осталось только 3 роты, — командиры полк. Сапрыкин, Добровольский, Грекулов. Командирами унт.-оф. батальонов стали полк. Боровиков и Охлопков. Курс школы был увеличен на 2 месяца, что практически ничего не дало, так как школа дважды выступала в июне и июле 1919 года в поход, морем, на село Владиро-Александровское для деблокады отряда ген. Волкова.

Программа школы для офицерских занятий имела целью натаскивание на решение тактических задач, изучение стрелкового дела и пополнение запаса военных знаний, для чего, например, изучалось автомобильное дело. В боевом отношении школа была слабой, так как не имела полного комплекта пулеметов и совсем не имела бомбометов. Зато все, что было необходимо для фехтования, имелось налицо. Фехтование преподавали полк. Родзянко и ротмистр Пио-Ульский. Английские офицеры обучали спорту, для которого также было все необходимое.

Но офицеры, направленные в школу, по окончании производились в подпоручики (в сентябре 1919 г.). При третьем приеме был сформирован юнкерский батальон, о котором упоминают с нашей стороны Б. Филимонов — «Белоповстанцы», у красных — В. Голионко — «Годы борьбы». Унтер-офицерские батальоны занимались по программе учебных команд. Что было сформировано из окончивших школу и как показали себя они на деле — установить не удалось.

Материально школа была обставлена отлично: щегольское, новенькое английское обмундирование, отличное снаряжение и вооружение, все потребные учебники, пособия, снаряды для гимнастики и наставления имелись в полном комплекте. Стол был и сытый и обильный.

Красные настойчиво старались создать свои ячейки в унтер-офицерских батальона. При ген. Сахарове за попытку пропаганды было арестовано 5 человек. Во втором приеме, в июле 1919 г., была раскрыта комячейка унт.-офиц. Вдовиченко и все 7 человек ее были расстреляны, комячейки 3-го набора открылись только после 31.1.1920 г., однако во время подавления гайдовского бунта 13-17.11.1919 года они ничем себя не проявили.

Позорное бегство ген. Розанова 31.1.1920 г. на крейсер «Орел» и оставление всех верных частей на произвол судьбы было последним днем школы: красные ячейки кинулись арестовывать некоторых офицеров, напр., полк. Капустина, которого все же не взяли живым.

В июне 1920 г. при организации в станице Гродеково «Отряда войсковой самообороны Уссурийского казачьего войска» туда прибыла большая группа юнкеров школы, привезшая с собой знамя школы.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ИНСТРУКТОРСКАЯ ШКОЛА

Челябинская инструкторская школа была сформирована в конце марта 1919 года. Начальником был назначен ген. Москаленко. Школа, так же как и Екатеринбургская, имела двухмесячный курс, но также должна была принять участие в боевых действиях, когда наши войска отошли к Челябинску и разыгралась Челябинская операция, в которой ген. Лебедев и ген. Сахаров необдуманными действиями пытались вернуть нашей армии инициативу действия для перехода в наступление. Школа прекратила свое существование после решающего боя у деревни Муслюмово, где ген. Войцеховский пытался закончить окружение красных. Полк. ген. шт. Ефимов в «Вестнике О-ва Ветеранов» № 215, Сан Франциско, описал бой школы: «... ген. Войцеховский направил на поддержку Ижевской бригады школу ген. Москаленко, около 400 штыков и приказал вести атаку свежими силами этой школы. На просьбу ген. Молчанова не губить отлично подготовленных юнкеров (они назывались егерями), необходимых для младших командных должностей, — ответ был в духе «не рассуждать». Утром 29 июля егеря начали наступление. Как на учеб ном поле, с разведчиками впереди, мелкими единицами, потом по одиночке, егеря начали правильные перебежки. За речкой, на ровной, как стол, поляне не было никаких укрытий — ни кустов, ни кочек, ни малейших складок местности. Наша артиллерия вела интенсивную стрельбу по опушке кустов, занятых красными. Пулеметы ижевцев помогали фланговым огнем обоих флангов. Красные, наверное, несли значительные потери, но кусты хорошо укрывали их передвижения, поднос патронов и подход подкреплений. Они держались в окопах среди кустов и расстреливали егерей одного за другим.

Без сомнения, была применена неправильная тактика. Такое ровное поле выгоднее было бы проскочить не перебежками и переползаниями маленькими группами и по одиночке, а возможно быстрее пробежать двумя или тремя редкими цепями с короткими остановками для необходимой передышки.

Бой затянулся на несколько часов. Егеря не могли достигнуть окопов противника. Потери их достигли до половины их состава. Но когда выяснилась невозможность достичь окопов противника, оказалось, что егеря не могут и отступать. Имея полное походное снаряжение, в том числе малые лопаты, они, как могли, окопались на достигнутой линии — или прикрывались телами убитых товарищей. Отход означал новые тяжелые потери.

Демонстративная атака 2-го Ижевского полка, с потерей 60 человек, облегчила положение егерей, и они отошли от злополучной поляны, обильно политой их кровью...».

После этого боя ,школа была расформирована, а юнкера отправлены по частям.

ИРКУТСКАЯ ИНСТРУКТОРСКАЯ ШКОЛА

Иркутская инструкторская школа была также сформирована в конце марта месяца 1919 года и размещена в здании Иркутского военного училища. Начальником школы был назначен инспектор классов Иркутского военного училища полк. Пархомов. Школа имела 3 стрелковых роты по 100 юнкеров и пулеметную, имевшую 80 юнкеров, на вооружении которых имелось 5 пулеметов Виккерса и 3 Шварцлозе. Половину пулеметной роты составляли карпатороссы. Одета школа была в английское обмундирование. Так же как и Томские курсы, она, через несколько месяцев, была переименована в военное училище, а курс был продлен на 8 месяцев. Осенью 1919 года в курсовые офицеры пробрался шт.-кап. Калашников — будущий возглавитель красного мятежа. 27-го декабря 1919 года, когда отряд Особого назначения атаковал училище, то к двум пулеметчикам с Шварцлозе — карпаторуссам, занявшим по боевой тревоге свое место у входа в училище, подошел их курсовой офицер Калашников с двумя солдатами. Ничего не подозревавшие юнкера подпустили его к себе. Подойдя к юнкерам, Калашников выхватил револьвер, застрелил их обоих. Солдаты подхватили пулемет и унесли его к красным. На предложение красных сдаться, училище отвечало залпами, перешло в наступление и погнало красных, которые бросились бежать из города через Знаменское предместье. Однако, на речке Ушаковке, отделяющей Знаменку от города, начальник гарнизона ген. Сычев дал приказ юнкерам остановиться, чем спас разгромленных красных. Вместе с оренбуржцами иркутяне принимали участие во всех боях против красных при обороне Иркутска. В ночь с 4-го на 5-ое января 1920 года 5 пулеметов Виккерса иркутян занимали боевое охранение на Ушаковке. Когда в 11 часов ночи они узнали о сдаче города и о том, что они брошены красным, то снялись с позиции и бросились назад.

Выйдя на 5-ую Солдатскую улицу, они заняли Воскресенскую церковь и приготовились к бою. Красные, следившие за ними, дали знать чехам, которые решили провести разоружение сами. Когда к церкви подошли три машины с чехами, то с первых двух никто не смог соскочить: 3 пулемета скосили начисто их команду. С подходом к чехам подкреплений и

броне-автомобиля с орудием участь боя была решена: 5 лент на пулемет, наличный запас патронов, 15 юнкеров — все это было чувство, а не расчет. После того, как патроны были расстреляны, пришлось сдаться. Как ни странно, но юнкерам ничего не сделали, а только отправили в училище.

Сведения портупей-юнкера **Киселева**

ЧЕЛЯБИНСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ШКОЛА.

Отсутствие стоянок кавалерийских полков в Поволжье, в Сибири и на Урале — были только Александрийцы в Самаре, Литовцы в Симбирске, Каргопольцы — в Казани и Приморцы в Раздольном — привело к тому, что, за недостатком кавалеристов, кавалерийские полки комплектовались пехотными офицерами. Эскадрон Оренбургского училища, при штате в 75 юнкеров не мог покрыть недостачи, что привело к необходимости сформировать Челябинскую инструкторскую школу, в составе 2-х эскадронов — учебного и юнкерского. Штат эскадронов — по 80 человек. Форма школы: синий погон, защитная рубаха, алые чакчиры и походная аммуниция.

В Челябинске, школа размещалась в здании спичечной фабрики, а после оставления города был эвакуирована в Омск и размещалась там, до похода, в казармах артиллерийской бригады. При оставлении города 14.11.1919 года школа выступает в Великий Сибирский поход, в котором, после Красноярска, попадает в конвой ген. Каппеля, так как его конвой погиб целиком при взрыве на станции Ачинск. При этом взрыве, устроенном красными (7 вагонов пороха и 29 цистерн бензина), погибло 1.400 человек, а станция перестала существовать. Под Канском только школа могла произвести разведку и выяснить обстановку В марте месяце, школа приходит в город Читу и размещается в здании гимназии, где размещается сотня и инженерная рота Ч.В.У., откуда в апреле 1920 года выступает в поход под Сретенск. Так как в Чите юнкера были произведены за поход в корнеты, то дальше эскадрон существует как «эскадрон Бартенева», который, в прежнем составе, несет боевую службу при попытке очистить восточное Забайкалье от красных. Борьба за Сретенск, Шелопугинские и т. д., хотя не принесла потерь в личном составе, но тяжело отразилась на конском. Под давлением японцев наше командование заключает с красными Могзонское перемирие, и наступает почти 4-х-месячное затишье. В это время эскадрон Бартенева перебрасывается в Приморье, где входит в состав организуемого Пластунского полка. Вначале в Приморье прибывает не так много, так как на Китайско-Восточной жел. дороге многие пошли на работу в тайгу и, только не выдержав тяжести ее, вернулись обратно. Вследствие этой переброски, эскадрон при расколе на гродековцев и каппелевцев оказался в гродековской группе войск, в составе частей ген. Хрущова, в которой выделялся своей формой. Зимой 1921-1922 года эскадрон участвует в Хабаровском походе, после которого часть корнетов поступает в Корниловское военное училище — в конный взвод, которым командовал ротмистр Бартенев. В составе этого училища они принимали участие в боях под станцией Свиягина, городом Спасском и в последних боях за Приморье. Величая «штурмовые ночи Спасска», красные, понятно, замалчивают тот факт, что юнкерам на бой выдали по 40 патронов, и это было еще хорошо: 1-ый Пластунский Стрелковый полк 13-го октября 1922 года под Монастырищами получил только по 15.

Материально школа была обставлена сносно. Довольствие было достаточное: утром чай с хлебом, обед из 2-х блюд, ужин тоже из 2-х блюд. С учебной частью дело обстояло не так благополучно: если уставы имелись в достаточном количестве, то тактика, иппология, артиллерия и прочее проходилось по запискам; несколько исправляло положение то обстоятельство, что в составе преподавателей были профессора Академии Ген. Штаба — ген. Христиан, Колюбакин, Шильников.

Первое время начальником школы был полк. Титов, оренбургский казак, позднее ротмистр Бартенев. Учебным эскадроном командовал ротмистр Карпенко, младшие офицеры — ротмистр Карнеев, штабс-ротмистр Ляпунов, штабс-ротмистр Кить.

(По сведениям корнета N.)

А. Еленевский

(Продолжение следует)

Кадетские лагерные сборы в Петергофе

(1892-1893)

В девяностых годах прошлого века еще существовали, отмененные впоследствии, кадетские лагерные сборы в Петергофе. На них ходили пажи и кадеты 6 и 7 классов, так называемая у нас в корпусе «строевая рота». Экзамены в этих классах кончались очень поздно, в шестом — в последних числах мая, а в седьмом всегда 31 мая.

После экзаменов была неделя перерыва, хотя за эти дни мы раз, а может быть и два, ходили на плац Первого кадетского корпуса на Васильевском Острове. Ходили с ружьями, с двумя нашими барабанщиками и флейтистами. Там происходило батальонное учение, причем сводный батальон составляли роты Пажеского, Первого и 2-го, Александровского и Николаевского кадетских корпусов. Сколько помню, батальоном командовал Александровского корпуса полковник Кальдевин. Учение начиналось церемониальным маршем под музыку оркестра Военно-учебных заведений, известного у нас под названием «песков», и, действительно, это были какие-то старики, своим обликом мало походившие на военных. Кажется, они состояли при Первом кадетском корпусе.

В 6-м классе 6 июня, а в 7-м не помню точно когда, но в этих-же числах, мы отправлялись в Петергоф. Сборный пункт — плац Первого корпуса, откуда весь батальон, с «песками» во главе, шел на пристань на Николаевской набережной, где мы садились на пароход. Во время перехода «пески» играли разные пьесы, а нам раздавали по французской булке с вложенной внутри котлетой.

На пристани в Петергофе нас встречал Император Александр III и высшее начальство. Не помню, проходили ли мы церемониальным маршем перед Государем, но отчетливо помню, что мы стояли вдоль канала, ведущего от моря к фонтану Самсона. Стояли мы развернутым фронтом, в две шеренги, имея на правом фланге пажей и держа ружья «на караул». Государь и Императрица медленно проезжали в коляске вдоль фронта.

После этого, все с той же музыкой, мы отправлялись в лагерные бараки, находившиеся на так называемом Кадетском Плацу, за верхним парком. Это было большое поле, очень сырое, на самом правом фланге которого стоял Пажеский барак, весь белый с красными украшениями. Затем шли бараки других корпусов. Пространство между бараками и передней линейкой, на которую все они выходили, было утрамбовано, посыпано песком и обложено дерном. Корпус от корпуса был отделен невысокими палисадниками. С соседями мы встречались на передней линейке. Особенно мы, пажи, дружили с кадетами Николаевского корпуса.

Пажи обслуживались кухней Николаевского корпуса. Считалось, что в этом последнем очень хорошо кормили и, надо сказать, что в лагере, действительно, еда была много лучше чем зимой в корпусе. Кажется и денежный отпуск на этот предмет был выше зимнего. Всегда был очень хороший суп с пирожками, вкусные пирожные, часто мороженое или шоколадный крем. Особенно было хорошо, и что зимой не полагалось, — это кофе в четыре часа, очень приличный, с молоком, и каждый раз к нему прекрасная домашняя сдобная булка, называемая на юге бабкой.

Генерал-лейтенант Дружинин, директор Николаевского корпуса и Начальник лагеря, во время наших трапез часто обходил столы, а днем пил с нами кофе, с удовольствием уплетая сдобную булку. Находилась столовая под навесом.

При входе в наш барак была дверь в небольшую переднюю, из которой налево был вход в отдельную комнату, где мы занимались уставами и разборкой винтовки, а направо в комнату, где помещался дежурный воспитатель. Прямо из передней был наш дортуар, кровати стояли головами к окнам с двух сторон помещения, образуя в середине широкий проход.

Занятия состояли из ротных, а к концу лагеря и батальонных, учений, стрельбы в цель из берданок дробинками и военных прогулок. С учений и военных прогулок мы возвращались с песнями. Когда мы были в шестом классе, у нас был прекрасный запевала, паж седьмого класса князь Витгенштейн (впоследствии конвоец, известный среди офицеров Гвардейского Корпуса под именем Грицко Витгенштейна).

В субботу, после утренних занятий, мы могли ли уезжать в отпуск, до вечера воскресенья. Я ездил в Павловск к родителям. На воскресенье, к нам в Павловск, приезжали некоторые мои товарищи, у которых родители жили в провинции, например: Бобровский, Молоствов, Золотницкий, князь Касаткин-Ростовский, Евреинов. Ездили мы из Петергофа на пароходе в Петербург, а оттуда в Павловск — поездом. В 7-м классе мы ездили только по железной доро-

ге,, вероятно оттого, что это было удобнее и быстрее. Впрочем в эти годы, не помню точно когда, пароходное сообщение было уничтожено.

Обыкновенно лагери продолжались 5-6 недель. Между 10 и 20 июля они кончались Высочайшим Смотром. Последние дни до этого, бывали постоянные батальонные учения, заканчивавшиеся церемониальным маршем. На последнее до смотра учение приезжали из Петербурга «пески». Их появление было очень желанным, так как указывало нам близость окончания лагеря. Помню, какую радость вызывал возглас «Господа, пески приехали!»

Государь приезжал часам к четырем. Помнится, он оставался с Императрицей в коляске, в другом экипаже, ландо, бывали дети. Живо помню Великих Князей Георгия и Михаила Александровичей в матросских курточках.

Смотр начинася с ружейных приемов, затем несколько построений и рассыпание в цепь. Мы перебегали по свистку и ложились. Поле было болотистое, а тут еще шли дожди и, когда мы ложились в цепь, под нами хлюпала вода. Заканчивался смотр церемониальным маршем, после чего мы переодевались и уезжали в отпуск.

Совершенно одинаково проходил лагерь и когда мы были в 7-м классе. Я, лично, был уже унтер-офицером, а мой товарищ Геруа — фельдфебелем. Как привыкает человек к месту... Я не любил Петергофский лагерь, но, когда я, уже с чемоданчиком, сидел на извощике и в последний раз посмотрел на наш барак, стало как-то грустно.

Из этого 1892 года, запомнилось одно событие, не имеющее отношения к лагерной жизни. В одну из поездок в отпуск на Ново-Петергофском вокзале мой товарищ Бобровский и я (надо сказать, что мы оба очень любили и интересовались всем, касающимся железных дорог), увидели, впервые, поезд с воздушными тормозами Вестингауза. Поезд быстро подошел к платформе, и у нас было впечатление, что он никогда не сможет во время остановиться. На линии Петербург-Ораниенбаум эти тормоза впервые были введены и испробованы, вскоре после чего они были приняты всеми железными дорогами в России.

Отошло в предание и постепенное торможение руками помощником машиниста на паровозе и кондукторами тормозов на тормозных вагонах, начинавшееся почти за версту от станции. Поезд еле-еле подходил к платформе и останавливался. Когда паровоз издавал три свистка, это означало «Тормози!» и все бросались тормозить, а если свистки повторялись, то пассажиры начинали беспокоиться, почему не тормозят. Два коротких свистка означали «Отдавай тормоза!». Все мое детство помню эти свистки и то, как, когда мы ехали по Сызранской дороге в деревню, был крутой уклон. Когда поезд развивал слишком быстрый ход, раздавались эти свистки и начиналось торможение и отдача тормозов.

В. Бер

Чудаки

(Бытовые картинки)

Стоянка 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка — Траево, ославленная в «Журавле» несколько нецензурно:

Где стоянка как ....
у Екатеринославских кирасир,

действительно была мрачная:

Среди полей необозримых,
Среди болот непроходимых...

Вот в этому полку служил известный всей дивизии ротмистр Т-ко. Полный, громоздкий, лет уже много за 40, он долго командовал эскадроном, надеясь, по его словам, что за ослиное терпение его, быть может, произведут в штаб-офицеры.

«Пойми», говорил он, «мой брат инженер живет в большом городе, женат на интересной женщине, а я прозябаю в захолустье, сожительствую с собственной кухаркой. И вот, когда я приезжаю к нему, побываем, конечно, мы вместе в театрах, прекрасных ресторанах, а через неделю-две меня тянет обратно в полк».

Как-то в этот полк прибыл вновь назначенный командир корпуса генерал А. Отчисленный во время русско-японской войны по неспособности от командования корпусом, он, благодаря связям с политическими кругами, вновь был назначен командиром корпуса.

Командующий войсками генерал Скалон недолго терпел его у себя в округе, так как, помимо неспособности, он проявлял признаки ненормальности.

Вот картина представления ему г. г. офице-

ров Екатеринославского полка: «Надеюсь, что вы все здесь верноподданные и православные (!)... начал он вступительное слово. Ротмистр Т-ко выступил вперед и доложил:

— Я принадлежу к презренной Вами римско-католической религии.

Генерал несколько смутился и произошел следующий диалог:

— Вы командуете эскадроном?

— Так точно.

— И долго командуете?

— 10 лет, — отвечал Т-ко.

Тут генерал задал совсем уже глупый вопрос:

— А Вам не надоело?

— Только во вкус вхожу, — не потерялся Т-ко.

Генерал оставил в покое Т-ко, но, приехав в Белосток, где находиилсь и штаб корпуса и штаб 4-ой кавалерийской дивизии, очевидно поговорил с начальником дивизии.

В это время командовал дивизией Борис Петрович Ванновский, женатый на Морозовой, — из богатой купеческой семьи. Ниже будет видно, почему об этом, о его богатой жене, я упомянул.

Вскоре после отъезда из Граева командира корпуса прибыл туда начальник штаба 4-ой кавалерийской дивизии для проверки мобилизационного плана.

Увидя ротмистра Т-ко, он передал ему предложение начальника дивизии: если ротмистру трудно уже (подразумевается: из за его комплекции) командовать эскадроном, устроить его куда-нибудь. Т-ко просил передать начальнику дивизии чувства его живейшей благодарности за внимание и, если начальник дивизии так заботится о нем, то он высказывает одно пожелание: пусть генерал Ванновский усыновит его. Репутация Т-ко была такова, что генерал Ванновский, узнавши его ответ, расхохотался и произнес: «Что другое я мог ожидать от Т-ко».

В частной жизни Т-ко был самым скупым партнером в преферанс и на редкость радушным хозяином. Именно для гостей, не так для себя, Т-ко приготовлял самые разнообразные настойки, одна, несложная, называлась «перламутровка», в бутыль с водкой опускалась перламутровая пуговица.

Наконец, привязанность Т-ко к полку была вознаграждена, он произведен был в подполковники с оставлением в полку.

Во время маневров в 1913 году он командовал дивизионным транспортом, составленным из обывательских подвод.

Однажды, по заданию маневра, дивизия должна была при движении пересечь шоссе, по которому растянулись длинной вереницей повозки транспорта, сдавшего груз. Впереди на крупном коне, в надвинутой на левый бок кирасирской фуражке ехал Т-ко, и по бокам телег кое-где его помощники унтер-офицеры. Видя, что его транспорт загородил дорогу дивизии, Т-ко приложил свисток к губам и раздался видимо условный свист, его повторили унтер-офицеры, и «дядьки» (так называли белорусских крестьян) как один стали нахлестывать лошадей и транспорт галопом пронесся мимо нас и, съехав с шоссе, на широких аллюрах выстроился в вагенбург.

— Подходи! — раздалась команда и «дядьки» стали подходить выпить чарку водки.

Т-ко был очень популярен среди них за свою барскую щедрость.

Другой «чудак» служил в Конной Артиллерии. Он кончил курс Михайловского артиллерийского училища одновременно с Великим Князем Сергеем Михайловичем.

Великий Князь и в Конной Артиллерии его ласково именовал «Карлуша». Было время — до русско-японской войны, когда младших офицеров службой не очень обременяли, но Карлуша, азартный игрок, относился к ней совсем спустя рукава. Как-то Великий Князь спросил: «Что, Карлуша, начинаешь служить?» «Пытаюсь, Ваше Императорское Высочество», заикаясь, ответил он. Карлуша был заикой. Великий Князь улыбнулся. Репутация «чудака» спасала его от применения к нему карательных мер.

Пропадая всегда по игорным клубам, он, наконец, добрался до Монте-Карло. «Когда я выигрывал, я ужинал в курзале в обществе шикарных женщин, пил только шампанское, — было очень хорошо», повествовал Карлуша; «Когда же я проигрывал, то питался с итальянскими рабочими, ел луковый суп — это тоже очень хорошо». Оптимизм его не довел до добра. Карлуша получил деньги от администрации рулетки на проезд до границы, таким образом попал на «черную доску» в Монте-Карло. Путешествие он кончил с облегченным багажем, если не совсем без багажа. Переехав границу, он уже чувствовал полную пустоту в кармане, но вспомнил, что выход из тяжелого положения есть: вблизи границы, по деревням, разбросаны были тогда эскадроны 47-го драгунского Тататрского полка, туда и двинулся Карлуша пешком. Штаб ротмистр Д. этого полка, уже в бытность его и меня в кавалерийской школе, мне рассказывал: «Было 6-7 час. утра. Стук в дверь, и вошел какой-то господин в охотничьей куртке, кепке и с суковатой палкой в руках. «Есть ли у тебя пиво?» — не поздоровавшись, задал он вопрос.

Тут я узнал Карлушу, офицера конной батареи, состоящей при нашей дивизии. — Отку-

да? — спросил я. — Из Монте-Карло. — Тогда я понял, в чем дело и его странный наряд».

В лагерном сборе артиллерии под Варшавой (Рембертово) организовано было Скаковое Общество Конной Артиллерии Варшавского военного округа. Характер состязаний был подобен таковым же в скаковых обществах кавалерийских дивизий. Приглашались г. г. офицеры артиллерии сбора с семьями. Гремели трубачи 13-го уланского Владимирского полка. Бойко торговал буфет.

Начались скачки, а Карлуши нет, третий день играет в макао в Варшавском клубе. Карлуша уже командовал конной батареей, но от его отсутствия служба большого урона не понесла, его старший офицер капитан Неелов с честью замещал его. Но вот все обратили внимание, что из просеки, ведущей к ст. Милосно, показывается свадебная карета, упряжка белая, внутренность кареты белая, кучер и лакей в белом, вместо фонарей букеты цветов.

Карета останавливается около ипподрома, лакей почтительно открывает дверцы кареты и из нее торжественно выходит Карлуша, за ним лакей несет увесистую коробку конфект. «Выиграл», мелькнуло у всех. Лакей поставил коробку. «Уважение дамам» — произнес Карлуша.

То, каким образом Карлуша все же дослужился до командования конной батареей, неповторимо.

Капитаном его командировали в Артиллерийскую Школу, но близость Петербурга отвлекала его от занятий в школе. С выходом школы на полигон Карлуша никак не попадал на учебные стрельбы.

Командир конной батареи школы, он же руководитель партии конно-артиллеристов, Н. Н. Жданко, обладал покладистым и доброжелательным характером.

— Карлуша, — сказал как-то он, — ты не бываешь на стрельбищах, я не могу дать тебе аттестацию.

— Я болен, не могу ездить верхом, — защищался он.

— Хорошо, я пришлю за тобой экипаж.

Выходит Карлуша в полной боевой аммуниции, у подъезда стоит кабриолет, запряженный одной лошадью.

— На одиночке я не езжу, — запротестовал Карлуша и, не говоря более ни слова, уехал в Петербург.

Конечно, для других такое поведение обернулось бы концом карьеры, но для Карлуши придумали исключение: отчисленный «по болезни» от школы, он на следующий год вновь был командирован в школу и, видимо, образумился.

Оригинальная встреча у меня с ним произошла на Невском рано утром. Карлуша шел понурый.

— Ты?

— Не можешь дать мне взаймы 20 копеек?

Я удивился.

— Почему 20 копеек?

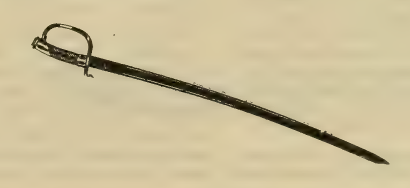
— Теперь я стал умней, не беру всех денег в клуб, а на трамвай мне не достает 20 копеек.

На этом мы расстались, чтобы вновь встретиться на следующий год в Рембертове, в его бараке, над которым он надстроил колеблющийся от дуновения ветра балкон. Там стоял граммофон, оглашавший лес звуками забористых шансонеток, на столе красовалась громадная бутылка рябиновки, рекламная, какую можно было увидеть на окнах винных магазинов. Ее окружали маленькие (пробные) бутылочки разнообразных ликеров. Карлуша мало пил. Приверженность к азарту атрофировала другие страсти. Но... будучи холостым,к ногам одной дамы он поверг свои рыцарские доспехи. Для него она казалась богиней, сошедшей с Олимпа.

Уже в эмиграции мне пришлось прочесть, (причем в этих воспоминаниях Карлуша фигурирует под своей фамилией), фамилию дамы. Многие, и я в том числе, знали такой рассказ: «Эта дама с мужем приехали погостить к Карлуше. Он занимал маленький домик с садом. Дама, подходя к окну, заметила: «Какой красивый должен быть ваш сад под снегом, зимой».

Карлуша вызвал подрядчика-еврея, чтобы он скупил в городе крупную соль, и на другое утро дама могла любоваться зимным пейзажем.

А. Левицкий

БЕЛОРУССКИЕ ГУСАРЫ

16 мая 1963 года исполнилось 160 лет старшинства 7 гусарского Белорусского Императора Александра I полка. Старшинство это официально признано с того дня, когда в 1803 году, в гг. Екатеринославе и Звенигородке, Шефом полка ген. м. гр. П. В. Голенищевым-Кутузовым был сформирован Белорусский гусарский полк в два 5-эскадронных батальона из гусарских полков Ольвиопольского, Елисаветградского, Павлоградского и Александрийского, выделивших по два эскадрона. Первым командиром полка был полк. Климовский.

Однако, многие данные говорят за то, что прямым предком этого полка был пошедший в 1796 году на укомплектование Ольвиопольского и Елисаветградского гусарских полков Воронежский гусарский полк, ведущий свою историю от сформированной в 1738 г. при Императрице Анне Иоановне Грузинской гусарской роты из грузинских князей и дворян свиты царя Вахтанга IV-го, прибывшей в это царствование ко Двору. По кончине царя из его свиты и была сформирована эта рота, развернутая в 1740 году в дивизион 3-ротного состав; в следующем году последний был развернут в 10-ротный или 5-эскадронный Грузинский гусарский полк, обращенный в 1769 г. на формирование гусарского эскадрона Московского легиона.

По расформировании этого легиона в 1775 г. к гусарскому его эскадрону были присоединены гусарские же эскадроны Петербургского легиона; из этих соединенных эскадронов 22 февраля генералом Текели был сформирован 6-эскакадронный полевой гусарский Белорусский полк, названный так, потому что на укомплектование его пошли рекруты Белорусской области, доставшейся нам по 1-му разделу Польщи.

В 1783 г. полк был назван Воронежским гусарским и просуществовал до 1796 г., когда был расформирован и пошел на укомплектование Ольвиопольского и Елисаветградского гус. пп.

В семилетнюю войну под командой кн. Елисея Амилахвари, Грузинский полк участвовал с отличием в боях при Цорндорфе и Куннерсдорфе.

При Императрице Екатерине II, во время 2-ой Турецкой войны (1788-1791), Воронежский полк особенно отличился при взятии Бендер и штурме Очакова. Во время польской войны 1793-94 гг. полк принимал участие в штурме Праги под командой полковника Волкова.

В 1805 году, через два года по сформировании, Белорусский полк был двинут в Молдавию на театр войны с Турцией. Лихие дела под Бухарестом, Турбатом, Журжею и особенно под Измаилом под командой ген. гр. Голенищева-Кутузова положили начало боевым подвигам ново-сформированного полка. 10 октября 1809 г. в сражении под Татарицами, под командой фл. ад. полк. Ланского, полк атаковал превосходные силы турок, опрокинул их и взял два знамени. После гр. Голенищева Шефом полка был назначен ген. Кульнев, с которым полк 5 мая 1810 г. перешел Дунай и принял деятельное участие в сражениях под Бумлою, Беле и Братине, во взятии Никополя и Рущука. В 1811 году Шефом полка за боевые отличия был назначен ген. м. Ланской, кавалер орд. св. Георгия 3 ст.

1812 г. Белорусские гусары перешли с армией адм. Чичагова в Польщу и отличились в бою при Любомле (17 сентября).

В кампании 1813 года полк участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом и Лейпцигом и особенно отличился под Кацбахом, где лихой атакой на левом фланге корпуса ген. Макдональда Белорусский полк, совместно с Ахтырским, под личной командой своего Шефа ген. Ланскго, опрокинул французскую кавалерию и смял пехоту левого фланга, за что и был удостоен знаков за отличие на шапках с надписью: «За отличие 14 августа 1813 года».

В 1814 году полк отличился в сражении при Фер-Шампенуазе.

За участие в кампании 1812-1814 гг. полку были пожалованы 22 серебряных трубы с надписью: «Белорусскому гусарскому, что ныне принца Оранского, за отличное мужество и храбрость в достопамятную кампанию 1814 года оказанные».

С 1812 до 1815 г. полком командовал полк. Данилович; 5 марта 1816 г. Шефом полка был назначен принц Оранский.

В кампании 1822-29 гг. полк отличился под Силистрией и Шумлой. В сражении-же при Кульче, 30 мая 1829 г. Белорусские гусары в составе 1 бригады 2 гусарской дивизии своими мужественными атаками поддержали полки Невский, Софийский и Копорский и, приведя неприятеля в замешательство, дали возможность скакавшей на помощь конной артиллерии своим огнем обратить турок в бегство. За это

блестящее дело и, вообще, за отличия в эту войну полк получил 22 Георгиевских трубы с надписями: «За отличие в Турецкую войну 1829 года».

В 1831 году полк был в составе войск, усмирявших польское восстание.

В 1833 г. к Белорусскому полку был присоединен дивизион Черниговского конно-егерского полка, ведшего свое происхождение от Черниговских компанейцев гетмана Демьяна Многогрешного (1668 г.), вследствие чего Белорусскому полку дано было старшинство Черниговцев. В 1868 году полку было Высочайше повелено праздновать 200-летний юбилей, при чем ему была пожалована юбилейная Александровская лента и надпись на штандарте: «1668-1868». Но 10 декабря 1884 г. Высочайшим указом было определено считать старшинство Белорусского полка с 1803 года, лента со штандарта была сдана в Главное Интендантское управление и надпись была упразднена, а серебряные трубы Черниговского полка были переданы Глуховскому полку, впоследствии 6-му драгунскому.

В 1840 г. полк был переименован в Гусарский Е. В. короля Нидерландского. В 1849 г. Белорусские гусары приняли участие в военных действиях против венгров и особенно отличились в бою под Дебречином. В память этого отличия, по кончине короля Нидерландского, шефом полка был назначен австрийский фельдмаршал гр. Радецкий и в рескрипте на его имя Император Николай I назвал Белорусский полк «храбрейшим в моей коннице». С этого времени полк стал именоваться Гусарским ген. фельм. гр. Радецкого, а 19 марта 1854 года к этому названию было еще прибавлено имя «Белорусский».

В Восточную войну 1853-56 гг. полк был двинут на Дунай и участвовал в бою при Тохавердо-Кагарлыке (19 июня 1854 г.). По отозвании же наших войск из Дунайских княжеств полк дальнейшего участия в военных действиях не принимал. 1 января 1858 г. Шефом полка был назначен Великий Князь Михаил Николаевич, по имени которого полк и стал называться, получив 25 марта 1864 года номер 7-ой.

В Русско-турецкую войну 1877-78 гг. полк под командой полк. фон-дер-Лауница особенно отличился в боях под Хаджи-Оглу-Базарджиком (14 сентября 1877 и 10 января 1878 г.) и в бою под Варной-Праводами (14 января 1878 г.). За эту кампанию полк был награжден Георгиевским штандартом с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877-78 гг.», к которой в 1903 году в день 100-летнего юбилея полка, прибавлена надпись «1803-1903» и пожалована Александровская юбилейная лента. Такая же надпись: «1803-1903» добавлена и на ленты Георгиевских труб.

18 августа 1882 г. полк был переименован в 21 драгунский, а 6 декабря 1907 года полку было возвращено наименование: 7-й гусарский Белорусский Е. И. В. Вел. Князя Михаила Николаевича полк. По кончине в 1909 году Августейшего Шефа полк стал именоваться 7-м гус. Белорусским полком.

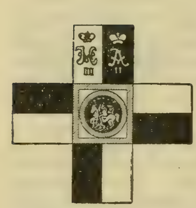
В знаменательный день столетнего юбилея Отечественной войны Высочайшим приказом 26 августа 1912 года, в воздаяние отличного мужества и храбрости, в сражениях Отечественной войны оказанных, полку было повелено именоваться вперед 7 гус. Белорусским Императора Александра I полком.

В июле 1914 года полк перешел австрийскую границу и 6 августа его 3-й эскадрон атаковал в конном строю австрийскую пехоту, перерубив более батальона.. За это дело тяжело раненый командир эскадрона ротмистр Вязьмитинов был лично Государем награжден орденом св. Георгия 4 ст., а весь наличный строевой состав эскадрона получил Георгиевские медали 4 ст. Проведя всю Великую войну на Юго-западном фронте, полк принимал видное участие во всех боях, а 3 июля 1916 года Ставкой было отмечено имя полка в связи с лихой атакой Белорусских гусар, изрубивших 1-й и 11-й полки венгерского гонведа. Полк принимал участие в наступлении 1917 года, а затем в составе 7 кав. дивизии и Сводного кав. корпуса ген. бар. Врангеля прикрывал отступление наших частей осенью 1917 года. В Добровольческой Армии формирование Белорусских гусар входило в состав Кавалерийской дивизи ген. Барбовича. Полковой праздник 30 августа.

сообщил **Г. Гринев**

Генерал Хамин

Приказом Главнокомандующего Манчжурской Армии было объявлено, что те прапорщики, которые были произведены из вольноопределяющихся в этот чин за боевые отличия и получившие от своих полковых командиров отличную аттестацию, могут оставаться в армии и нести службу в своих полках. На основании существующих тогда военных законов, я по прибытии на театр войны был произведен из вольноопределяющихся в зауряд-прапорщики с назначением на офицерскую должность, а за Мукденские бои, произведен в чин прапорщика и, как многие другие, остался на основании приказа Главнокомандующего, служить после войны в 97 пех. Лифляндском Генерал-Фельдмаршала графа Шереметова полку, с которым я сроднился и полюбил. Вернувшись с полком из Манчжурии в Двинск, за убылью офицеров я командовал 11-й ротой. По прибытии полка на мирную стоянку многие раненые и больные офицеры уехали лечиться на Кавказ, Крым, в Одессу и Грецию.

В силу каких-то натянутых отношений между Военным Министром — генералом Редигером и Главнокомандующими Манчжурской Армией генералами Куропаткиным и Линевичем, генерал Редигер не считался со многими приказами Главнокомандующих Манчжурской Армией и не шел настречу интересам боевых офицеров, которые, вернувшись в Европейскую Россию, очутились под его властью.

Ген. Редигер, не посчитавшись с приказом Главнокомандующего Манчжурской Армией, издал приказ по Военному Ведомству, в котором было сказано, что те боевые прапорщики, которые служат в полках, должны в этом году сдать экзамены за полный курс Военного училища при училище, а те, которые не сдадут, будут уволены в запас к 1-му октября.

Хотя времени для подготовки не было, но всем прапорщикам пришлось ехать в Военные училища. Поехал и я в Виленское Военное училище. Командир полка Ген. Штаба полковник Широков, дав мне отличную аттестацию и командируя меня в Виленское Военное училище, вручил мне письмо на имя Начальника училища — генерала Хамина, с которым он был в дружеских отношениях по академии.

В Виленское Военное училище прибыло 212 прапорщиков с большим боевым опытом, украшенные боевыми наградами, (как говорили в те дни в Вильно, что боевые ордена прапорщиков раздражали инспектора классов и некоторых педагогов, которые вобще не имели орденов), но с малыми познаниями, что дало «право» инспектору классов и некоторым бездушным педагогам резать на экзаменах эту молодежь. Единичные кажется человек 12-15, выдержали экзамен, а остальные 200 провалились, а потому, на основании приказа Военного Министра, оказывались на тротуаре с 1-го октября. Естественно все волновались и тяжело переживали предстоящее увольнение из родных полков, где приняли боевое крещение в Манчжурии. Был уже случай, что один прапорщик (Георгиевский кавалер), проживая в гостиннице «Немецкая», в момент острых душевных переживаний и на почве ранений, пытался покончить жизнь самоубийством, но, к счастью, боевые соратники спасли его. Я был отстранен от экзаменов инспектором классов и отправлен на Антоколь № 2, где пробыл сутки.

На наше счастье, училищем командовал милый, добрый и тактичный генерал Хамин, который очень сочувственно отнесся и помог нам. С разрешения Начальника училища, все мы, не выдержавшие экзамены, собрались в большом зале училища для общего обсуждения создавшегося положения. На этом собрании было решено просить Начальника училища, как своего непосредственного и прямого начальника, заступиться за нас и ходатайствовать перед начальством об оставлении нас на службе. Прийдя к нам на наше собрание, или, как мы тогда назвали «митинг прапорщиков», Начальник училища, выслушав наши просьбы, спокойно, коротко и определенно заявил нам, насколько память моя сохранила, следующее: «Господа! Я понимаю ваше неприятное и тяжелое положение и, как ваш прямой начальник в данный момент, я обязан вам помочь. Вы понимаете, что я должен каждому из вас вручить предписание об отбытии в свои полки, но я этого не сделаю до окончательного решения вопроса о вас. Сегодня вечером я буду в штабе округа, где постараюсь говорить о вас с Начальников Штаба и Командующим войсками. Прошу вас тихо, спокойно и не волнуясь жить в Вильно и ждать решения, а также прошу завтра к 11 ч. утра явиться ко мне в кабинет, Лифляндского полка прапорщика Лейман, которому я все разъясню и который вам все передаст. Прошу разойтись по своим квартирам и спокойно ждать. Я жду

от вас спокойствия и дисциплины. Сделав общий поклон, Начальник училища покинул зал.

На следующий день, ровно к 11 часам утра, раздвинув синие портьеры и открыв дверь, я вошел в кабинет Начальника училища, который сидел за письменным столом, на котором лежало письмо моего командира полка. Поздоровавшись со мной, Начальник училища сообщил мне, что, как Командующий войсками, так и Начальник штаба, сочувствуют нам и считают приказ Военного Министра об увольнении нас несправедливым и обещали ходатайствовать за нас, найдя разумным решение Начальника училища о неврученин нам предписаний отбыть по полкам, так как, если бы мы все разъехались, то не представляли собой ту тесную и солидную единицу, какую представляем теперь, находясь в прикомандировнии к училищу. Предупредив меня о том, что он не имеет права нам советовать, Начальник училища предложил мне поехать к Великому Князю Константину Константиновичу и у него просить, от лица всех прапорщиков, защиты. «Вы, Лейман, понимаете», сказал Начальник училища, «я не могу вас командировать. Вы должны ехать за свой риск и страх. Чем вы рискуете? Что значит дисциплинарное взыскание, хотя бы 30 суток гауптвахты, в сравнении с увольнением 1-го октября? Только не попадайтесь плац-адъютантам и помните, что я о вашей поездке ничего не знаю. Хорошо, если бы вы поехали не один. Подберите попутчика-помощника. Зайдите к адъютанту, который выдаст вам проездной документ «Литер А» — за покупкой канцелярских принадлежностей». Пожелав мне счастья, Начальник училища простился со мной и отпустил меня.

Передав все прапорщикам, я и прапорщик 20 стрелкового полка «Ваничка», с первым отходящим поездом покинули Вильно, направлясь в С. Петербург.

Прапорщик «Ваничка», воспитанник Гатчинского Сиротского Института, часто гостил в Петербурге у своих знатных тетушек и бабушек и отлично знал город и его окрестности, почему был для меня очень ценным проводником и, обладая большим юмором и богатой мимикой, был незаменимым моим помощником в нашем общем деле. Зная все петербургские строгости, мы покидали свою комнату с опаской и только в необходимых случаях.

Отдохнув и обдумав план действий, Ваничка сделал «вылазку» из комнаты, поехал к одной своей знатной тете на разведку. Вернулся Ваничка поздно и сообщил мне, что Великий Князь Константин Константинович находится в Стрельне.

На следующий день утром, одев парадную форму, мы поехали туда, но, не доезжая станции Стрельна, Ваничка на основании «тактических» или иных соображений, решил покинуть поезд на короткой остановке и пойти к дворцу через боковые ворота. Я согласился и мы вышли из поезда. Идя по шоссе, мы издали увидели узорчатые ворота, у которых стояли парные, высокого роста, часовые. Пропустят-ли? — мелькнул у меня в голове вопрос. Но когда мы подошли к воротам, то винтовки часовых отчетливо и одновременно наклонились в приеме на караул «по ефрейторски». Откозыряв, мы гордо миновали ворота и, пройдя парк, остановились у садового дивана, окруженного кустами белой сирени.

Перед нами открылась ровная и большая площадка с блестящей на ярком солнце статуей и громадный красивый дворец. С левой стороны дворца стояла вереница нарядных открытых колясок. Прикрываясь кустами мы наблюдали за дворцом и строили планы, — что предпринять и как действовать. Перед вестибюлем дворца толпились придворные, духовенство, дамы и офицеры. Коляски подъезжали к вестибюлю и гости, сев в экипажи ,отъезжали от дворца.

Вдруг, неожиданно для нас, от общей группы военных отделился один офицер и направился в нашу сторону. К нам подошел гвардейский ротмистр и, не подавая руки, вежливо-холодно спросил нас кого мы ждем и что мы хотим. На вопросы ротмистра мы ответили, что хотим говорить с Великим Князем Константином Константиновичем по личному делу, он как то недоброжелательно, ответил, что Его Императорское Высочество не имеет времени с нами разговаривать, так как у него гостит греческая Королева, а по ее отбытии, Великий Князь уезжает в Петербург. Сказав это нам, ротмистр, не прощаясь, повернулся и пошел к дворцу.

На душе у нас стало пасмурно, но мы не уходили, и, окунувшись в мрачные думы, не заметили, как к нам подошел старичек с добрым лицом, ласковыми глазами и пушистыми, седыми баками. Мы быстро подтянулись и, пристально взглянули на придворного чина, который был одет в синий фрак с золотым галуном, короткие штаны и белые чулки. На белой манишке под белым галстуком-бантиком, сияла большая золотая медаль, которая свидетельствовала нам, что этот «придворный кавалер» имеет не большой чин.

Подойдя к нам, этот симпатичный старичек приветствовал нас медленным поклоном и спросил тихо и вежливо: «Вы, молодые люди, к Константину?». Мы ответили утвердительно, после чего «придворный кавалер» выразительно посмотрел на подходившего в этот момент к дворцу ротмистра, сказал: «Этот офицер вам не поможет, он не добрый человек. Минут через 15-20 Ольга уезжает и Константин вый-

дет ее провожать. Вы выходите из кустов и стойте на плацу, на виду. Константин вас увидит и сам позовет. Он обязательно позовет. Здесь часто приходят просить Константина «юнкаря». Поговорив еще немного, наш добрый старичек, сияя золотой медалью на ярком солнце, удалился в кусты.

Ободренные «приворным кавалером» мы вышли на площадку и зорко всматриваясь в разъезд гостей, ожидали выхода Вел. Князя. Наконец осталось одно ландо. Из широкого вестибюля вышла дама в белом наряде, которую соцровождал Великий Князь. Когда экипаж отъехал от дворца, мы ясно увидели высокую фигуру Великого Князя, залитую лучами солнца. Великий Князь смотрел в нашу сторону. Мое сердце заметалось и замерло. Подняв правую руку к глазам, Великий Князь громко крикнул: «Ко мне?» Мы вытянулись, приложив руки к головным уборам «Пожалуйте!» повелительно добавил Великий Князь и скрылся в вестибюле. Мы пошли к дворцу.

В глубине большого вестибюля нас ждал Великий Князь. Выслушав стоя наш рапорт-представление, Великий Князь подал нам руку и, сев в кресло и заложив ногу за ногу, стал задавать вопросы, интересуясь, давно-ли и где служим, кто наши родители, в каких боях участвовали, были ли ранены и, наконец, спросил по какому поводу явились к нему.

Не перебивая друг друга, но несколько волнуясь, мы поочередно доложили Великому Князю все подробно о положении прапорщиков в Вильно и просили его хадатайствовать за нас. Великий Князь, изредка улыбаясь, внимательно и терпеливо нас слушал и наконец сказал, что он не разделяет точку зрения Военного Министра и что при обсуждении вопроса о прапорщиках в Совете Государственной Обороны будет настаивать на том, чтобы боевых прапорщиков не увольнять из Армии. Заканчивая разговор и прощаясь с нами, Великий Князь приказал нам явиться завтра с докладом-просьбой к Председателю Совета Государственной обороны и поставить его в известность, что мы были у него. Поблагодарив Великого Князя за доброту, внимание и ласку, мы отчетливо и круто повернулись и радостные покинули дворец.

От приятного волнения, пройдя площадку мы в парке заблудились и не могли отыскать ворот, но на наше счастье натолкнулись на небольшую горушку с красивой беседкой, которая была у самой чугунной ограды парка. Не долго думая, мы воспользовались этим удобным обстоятельством и, помогая друг другу легко преодолели это препятствие и очутились на улице около вокзала.

Не зная местных правил, мы проходили к вокзалу по крытой платформе, как вдруг к нам подошел жандармский унтер-офицер и очень вежливо доложил, что это платформа великокняжеская и нам по ней ходить нельзя, на что мы сказали жандарму, что мы из провинции и были во дворце у Великого Князя. Корректный унтер-офицер, узнав, что мы были приняты Великим Князем, поместил нас в вагон-салон для дворцовых служащих. Приехав в Петербург, мы послали телеграмму Начальнику училища и прапорщикам о нашем благополучном «визите».

Кто Председатель Совета Государственной Обороны? Мы этого не знали, а спросить у Вел. Князя не считали удобным. Ванечка опять поехал на резведку к своим знаменитым теткам. Вернулся он в пасмурном настроении и сообщил, что Председатель Совета Вел. Кн. Николай Николаевич, которому мы должны явиться, не имея документов. Стало страшно, душа ушла в пятки, но явиться надо. Отступления не могло быть и 30 суток гауптвахты считали обеспеченными.

На следующий день, помолясь Богу, мы поехали. В большом вестибюле услужливые люди в алых фраках и белых чулках, сняли, как то незаметно для нас, пальто и, открыв двери, пропустили нас в большой и длинный зал, который был полон генералитетом и дамами в глубоком трауре. Мы прижались к стенке у окна, наблюдая и знакомясь с обстановкой. По паркету безшумно и быстро скользил подполковник в штабном сюртуке при шарфе, просматривая документы и направляя, то даму, то генерала в те или иные двери, порой и сам уходил из приемной. В дальнем углу залы, за письменным столом, сидел вольноопределяющийся гвардейской пехоты и что-то записывал, когда к нему подходил кто-либо из прибывающих в зал. Нам стало ясно, что встречаться с дежурным штаб-офицером для нас не выгодно, не имея документов, и мы воспользовавшись его очередным уходом из приемной, подошли к вольноопределяющемуся (все же свой брат), которому сообщили, что, по повелению Великого Князя Константина Константиновича, являемся к Председателю Совета Государственной Обороны.

Дежурный вольноопределяющийся, стоя нас выслушав, попросил отойти опять к окну и ждать приглашения, указывая на дверь за письменным столом, куда сам скрылся. Вернувшись в зал и увидя, что строгого подполковника нет и что зал полон новыми посетителями, вольноопределяющийся, не закрывая дверей, пригласил нас в кабинет. Мы переступили порог кабинета со страхом и трепетом, предполагая, что входим в кабинет Вел. Князя Николая Николаевича, но ошиблись.

В левом углу у окна за большим письменным столом сидел симпатичный полковник Генерального Штаба. Он поздоровался с нами и,

пригласив сесть, предложил закурить папиросы. Доброе лицо и ласковые глаза полковника настолько нас подкупили, что мы поведали ему все подробно, не утаив от него и то, что мы в Петербург приехали самовольно, без документов. Полковник несколько раз на протяжении нашего повествования от души смеялся. Выслушав нас и подписав несколько бумаг, которые принес ему адъютант, полковник сказал, что сейчас идет к Великому Князю Николаю Николаевичу и доложит о нас. Перед трюмо, приведя себя в порядок и взяв папку с бумагами, полковник раздвинул портьеры и, открыв двери, удалился. Мы остались одни, ожидая своей судьбы.

Минут через 20-30 полковник вернулся и, сев за стол, сообщил нам, что Великий Князь принять нас не может, так как уезжает по срочным делам в Царское Село, но приказал все подробно у нас узнать и сегодня к 6 ч. вечера — ему доложить.

Закурив папиросу и угостив нас, полковник взяв карандаш и чистый лист бумаги, от слова до слова записал все, что мы ему рассказали. Прощаясь с нами, он просил нас явиться к нему завтра утром в обыкновенной форме, а не в парадной, на что я заявил ему, что нам без документов проходить приемную очень рискованно. Услышав это, полковник, смеясь, вручил мне записку-пропуск и, пожимая руку, пожелал не встречаться с плац-адъютантами. Мы бодрые и веселые, покинув кабинет, прошли приемную. По дороге домой, отослали телеграмму в Вильно, а вечером на радостях были в Троицком театре.

На следующий день утром мы, имея пропуск, храбро пройдя приемный зал при другом дежурном штаб-офицере, явились к нашему полковнику, который, улыбаясь, поздоровался с нами и спросил: «Не были ли вы на «губе»? Затем, приняв серьезный вид, сказал, что вчера вечером все подробно доложил о нас Великому Князю Николаю Николаевичу, который стоит на той точке зрения, чтобы не увольнять прапорщиков из Армии и что свое мнение будет твердо защищать в Совете Государственной Обороны, когда этот вопрос на этих днях будет разбираться. Полковник поздравил нас с успехом, так как считал, что мнение Вел. Князя будет безусловно принято Советом Государственной Обороны. Проводив нас до дверей кабинета, полковник пожелал нам скорейшего и благополучного отъезда из Петербурга, счастливого пути и просил передать его привет начальнику училища, с которым он знаком по Академии. К вечеру этого дня мы, отправив радостную телеграмму в Вильно, сияющие от счастья, мчались в скором поезде на юг.

Через час по приезде в Вильно мы оба были у Начальника училища, который, выслушав нас, поблагодарил и, поздравив с успехом, приказал передать прапорщикам, чтобы собрались к вечеру в большом зале училища. Мы все собрались. Я громко скомандовал: «Г. г. офицеры», когда Начальник училища вошел в зал. При полной тишине генерал Хамин произнес громко и весело: «Здравствуйте, господа!», на что по залу пронесся дружный ответ. Став перед серединой фронта, он ровным и спокойным голосом сказал следующее: «Господа, поздравляю вас, так как глубоко уверен, что вы все останетесь служить. Не может быть, чтобы вас уволили из Армии, которая нуждается в боевых и молодых офицерах. Неся службу в своих полках, постарайтесь подготовиться и приезжайте держать экзамены. Благодарю вас за порядок и дисциплину. Теперь я не могу вас задерживать дальше. Завтра получите предписания у адъютанта и у него распишетесь об отбытии по полкам. Лично являться мне — не трудитесь. Желаю счастливо служить в родных полках, в рядах которых вы получили боевое крещение». Выслушав от меня благодарность от лица всех собравшихся за доброту, ласку и ходатайство, Начальник училища поклонился и покинул зал.

На следующий день, получив предписания, мы все уехали из Вильно. Если инспектор классов и некоторые преподаватели своим жестоким и бездушным формализмом зародили в нас недоброе чувство, то добрый и высоко гуманный и тонко понимающий наше безвыходное положение Начальник училища генерал Хамин оставил в нас светлое, благодарное и незабываемое на всю жизнь воспоминание.

Вернувшись из командировки в полк и являясь командиру полка, я доложил ему подробно о своей поездке в Петербург и Стрельну, на что командир полка, подумав немного, сказал: «Благодарите Начальника училища, только потому, что он вмешался в вашу поездку, вы не будете сидеть 7 суток на главной гауптвахте в Крепости». В это время, находясь в отпуску, жил в Петербурге нашего полка подполковник Чернов. Я ему написал письмо с просьбой навестить доброго полковника и справиться о нашей судьбе. Через 2-3 дня я получил от него телеграмму: «Поздравляю». Прапорщики остались служить в Армии и я счастливо служил в родном и славном Лифляндском полку до 1-го декабря 1917 года.

Много прапорщиков, которые были срезаны на экзаменах в ту осень, оставшись в Армии, в войну 1914-1917 г.г., толково, проявляя геройство, командовали ротами и батальонами, а некоторые из них отдали свои жизни за Веру, Царя и Отечество на боевых полях в Восточной Пруссии, на Варшавском фронте и в Карпатах.

Прошло много, много лет с той осени, но я и теперь, здесь на чужой земле, на склоне лет

своих, с чувством глубокой благодарности вспоминаю Великого Князя Константина Константиновича, Великого Князя Николая Николаевича, доброго полковника в кабинете, порог которого я боялся переступить, «придворного кавалера», который посоветовал нам выйти из кустов белой сирени, и доброго, заботливого и сердечного Начальника училища генерала Хамина, сыгравшего такую роль в судьбе всех прапорщиков нашей Армии.

Настоящий начальник тот, кто — строгий и справедливый начальник и вместе с тем, добрый и заботливый отец-командир. Таким был для нас генерал Хамин и я хочу, очень хочу, чтобы его имя в истории нашего Училища было поставлено на одной высоте с именем генерала Адамовича.

Я держал экзамен за полный курс Военных училищ при Виленском военном училище. Сдав успешно все экзамены, я впитал в себя вечный завет училища: «К высокому и светлому знай верный путь».

Капитан Лейман

О ГЕНЕРАЛЕ САМСОНОВЕ

К статье полковника Елисеева «Генерал Самсонов» (№ 62 «Военной Были») я позволю себе сделать добавления и некоторые поправки.

Я знал генерала Самсонова очень хорошо, ибо, как вольноопределяющийся 22 драг. Астраханского полка, был командирован для держания экзамена в Елизаветградское Кавалерийское Училище, Начальником коего в то время был полковник Генерального штаба А. В. Самсонов.

В продолжение четырехлетнего (1900-1904) своего пребывания в Училище — я многим обязан генералу Самсонову, между прочим и тем, что удержался в Училище и надел офицерские погоны.

Александр Васильевич Самсонов был добрейшей души человек, но строгий и требовательный начальник. Особенно он обращал внимание на строевые занятия. И слабый в классе, но хороший строевик, — был у него на первом счету. Редко кто пользовался такой любовью у юнкеров как генерал Самсонов. При нем Елисаветградское училище, в строевом отношении, было на большой высоте.

Помню, как он был с нами, в 1903 году, на Курских Царских маневрах, но как-бы в роли наблюдающего, ибо от Училища был только один эскадрон, которым командовал подп. Собичевский. Иногда генерал ездил с эскадроном и всегда рядом со мной, на правом фланге, во второй шеренге. Любил задавать вопросы, относительно хода маневров, и высказывать свое мнение. Выглядел Самсонов моложаво и многие принимали его за полковника, т. к. он постоянно был в форме Училища и не имел генеральского лампаса, а лишь погоны генерала.

С объявлением Русско-Японской войны, ген. Самсонов был назначен Командиром Отдельной казачьей бригады (какой не помню), но только не Сибирской, как говорит полк. Елисеев. Начальником Сибирской казачьей дивизии, а не бригады, оа был назначен позже, уже на Дальнем Востоке. Не верно также, что он командовал Забайкальской казачьей дивизией, хотя в этом полк. Елисеев не уверен, прибавляя слово: «кажется». Начальником этой дивизии был генерал Ренненкампф, известный под кличкой «Желтой Опасности». Желтой — по причине носимых им желтых лампас и мундира Забайкальского казачьего войска, как заслуженного боевого отличия. «Опасностью» — вследствие крутого и взбалмошного нрава.

Город и Училище устроили генералу пышные проводы. Училищные офицеры поднесли икону. На вокзал провожали всем училищем.

Генерал Самсонов сделал блестящую карьеру. С Дальнего Востока был назначен Начальником Штаба Варшавского Военного Округа. После чего — Наказным Атаманом Донского войска. Затем, не командуя Корпусом, Командующим войсками Туркестанского военного округа. А с объявлением войны — Командующим 2-ой Армии.

Будучи уже офицером, я встретился с генералом, в 1905 году, на станции Вержболово, где мы, Смоленские уланы, представлялись вдовствующей Императрице Марии Федоровне, а он, как Начальник штаба Варшавского округа, приехал туда для той же цели. Самсонов, конечно, сразу меня узнал и в беседе вспомнил мои училищные проказы. Видимо ему приятно было видеть своего бывшего юнкера, не прослужившего еще и года, — в должности полкового адъютанта.

Верно, что он не был донским казаком. Потомственный дворянин, помещик Херсонской губ., бывший Ахтырский гусар, — он был женат на красавице, урожденной Писаревой, дочери Мирового судьи, почтенного старожила гор. Елисаветграда, а ее сестра была за полковником Лишиным, также землевладельцем той-же губернии.

Всем известна его трагическая судьба, когда он, Командующий 2-ой Армией, погибшей в Восточной Прусии, благодаря незадачливости нашего Высшего командования, не желая перенести этого позора, застрелился в лесу. Даже немцы, оценив его поступок, поставили ему памятник.

С генеральшей Самсоновой я встретился в Париже, в 30-х годах, она рассказала, как ей удалось, еще во время войны, пробраться с Красным Крестом, в качестве Сестры Милосердия, — в Германию, разыскать могилу генерала и поклониться праху своего любимого мужа.

Ушел из жизни человек, не перенесший позора поражения, отдавший за долгие годы строевой службы, службы по Генеральному штабу, учебной и боевой страды, — все силы и знания своей родине.

Доблестный, стойкий, заботливый начальник, весьма отзывчивый, неизменно любимый подчиненными, генерал Самсонов завоевал любовь и уважение всех его знавших.

Вечный ему покой и честь его светлой памяти.

Кн. П. Ишеев

Исторический архив

КИРАСИРЫ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА В БОРОДИНСКОМ БОЮ.

Выписка из рапорта командира 1-й бригады 1-й Кирасирской дивизии ген. Н. М. Бороздина генералу Барклаю де-Толли.

В сражении сего августа под дер. Горки, по болезни дивизионного командира, известно Вашему Высокопревосходительству, что я имел честь командовать 1-ою Кирасирскою дивизиею, составленною из полков Кавалергардского, лейб-гвардии Конного, лейб-Кирасирских Его Императорского Величества, Ее Императорского Величества и Астраханского кирасирского, равно и лейб-гвардии Конно-Артиллерийской роты, которые с начала сражения были разделены, по приказанию господина Командующего кирасирскими полками генерал-лейтенанта Князя Голицына: три полка мною переведены на левый фланг, а Кавалергардский и лейб-гвардии Конный, под командою ген. майора Шевича, были в центре...

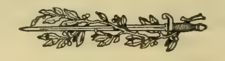
Лейб-Кирасирские Его Величества и Ее Величества и Астраханский, переведенные мною на левый фланг под командою: первый — Шефа полковника барона Будберхта, второй Шефа полковника барона Розена и последний — полкового командира полковник Каратаева, поставлены были у прикрытия батарей наших под сильным огнем, где, не взирая на ужасные выстрелы с неприятельских батарей, защищали оные с отличным мужеством. Неустрашимость их столь была сильна, что и большая убыль людей и лошадей, убитыми и ранеными, не в состоянии была расстроить их рядов, смыкавшихся каждый раз в порядке....

Лейб-Кирасирский Ее Величества полк, под командою полковника барона Розена, прикрывая батареи и выдерживая сильный неприятельский огонь, не терял нимало присутствия духа: полковник барон Розен, будучи отлично храбр, служил примером своим подчиненным, а когда неприятель покусился атаковать нашу пехоту, правее от нас, и когда он, господин Розен, по приказанию господина ген. лейтен. князя Голицина, послан мною с двумя эскадронами атаковать, что с большим стремлением было исполнено, отчего много неприятельская кавалерия потеряла, особенно тогда, как барон Розен напал на нее с тылу. Одним словом, неприятельская колонна была опрокинута и потерпела большой урон. Рекомендуя барона Розена, должен засвидетельствовать и об отличной храбрости эскадронного командира майора Кошенбара, содействовавшего в успехе сей атаки, равно расторопность и мужество майора Вистергольца, получившего контузию, штабс-ротмистра Шлиппенбаха и Гедеонова, раненого ядром в ногу, поручтиков полкового адъютанта Кириллова, Рудковского 2-го и Кошенбара 2-го, из коих два последних ранены контузиею.

О прочих двух эскадронах сего полка барон Розен доносит мне, что майор Соллогуб, оставаясь с ними на левом фланге, двоекратно атаковал батареи, поражая каждый раз неприятеля, рекомендует об отменной храбрости и мужестве его и командующего также эскадроном ротмистра Гагина. Сей последний во время с мужеством произведенной, атаки сильно ранен картечью в руку. В сих атаках отличал также себя и поручтик Милевский, получивший контузию в голову...

Равномерно, господин генерал-майор Шевич, полковник барон Розен и Каратаев за отличную храбрость и мужество просят о производстве в офицеры... вверенного ему Лейб-Кирасирского Ее Величества полка вахмистра Рыбаса... причем, барон Розен о Рыбасе пишет, что он, будучи сильно ранен, оставался во фрунте до изнеможения сил... осмеливаюсь рекомендовать о их мужестве и храбрости. Справедливостью требует засвидетельствовать также и то, что все они, равно и нижние чины, в сие жестокое сражение столь были мужественны, что казалось решились жертвовать жизнью...

Подписал генерал-майор **М. Бороздин.**
Сообщил **И. Рубец.**

Обзор военно-исторической печати

М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза (Тверь против Москвы). Буэнос-Айрес 1962 г.

Существует музыкальный темп, именуемый «Largo». Обозначает он какое-то величественное, широкое, могучее и плавно-торжественное движение куда-то вдаль, не ввысь, не отрываясь от земли, всегда на ней.

Дворжак, в своей симфонии «Новый мир», частью Largo, дает картину необозримых степей Северной Америки, до боли, напоминающую наши, оторванные от нас, просторы Русских полей и в таком же тоне, М. Каратеев написал свою исключительную повесть о прошлом Земли Русской, об ее горе, славе, величии духа и души народа, населяющего эту страну.

Удивляться — откуда у русского эмигранта, живущего за рубежом, могли появиться такие редкие материалы, такая исключительная документация, такие глубокие знания России — не приходится тому, кто знает что такое Родина, кто искренне и беззаветно любит ее, кто верит в Русь, кто не отворачивается от своей матери в горькие минуты тяжких испытаний, посланных ей какими-то темными злыми силами, неизвестно за какие грехи.

Любовью и несокрушимой верой в Россию, в ее звезду веет от «Карач-Мурзы» М. Каратеева. Любовью и, главное, верой по Священному Писанию, можно «горами двигать» и уж, конечно, возможно написать даже и такой редкий труд, как «Карач-Мурза». Не приходится говорить и о том, что М. Каратееву «удалась» эта вещь. Автор просто духовно перенесся в описываемую им эпоху и жил жизнью каждого, изображаемого им лица.

Вот почему, когда читаешь его книгу, ясно видишь, слышишь, почти осязаешь и строго мудрую, отнюдь не аскетическую а человеческую, фигуру Митрополита Алексея, своими советами помогающего великому национальному герою Дмитрию Донскому, и самого Великого Князя, будущего победителя на Куликовом Поле и спесивого, властолюбивого Князя Михаила Тверского, интригана и захватчика но все-же русского в душе человека, пожалевшего «доброго воина» воеводу Добрынского, убитого боярским сыном Коробовым, во время попытки его захватить князя Михаила в плен живым.

А сам Карач-Мурза? Да это просто живое лицо. Вы не читаете что-то о каком-то искусственно созданном историческом персонаже, вы находитесь в обществе живого человека, упиваетесь его речью, благородством, удалью, если хотите, его страстями. Вы видите татарина, да! но и, в том-же теле, Великого Руссака, старающегося помочь родине своего отца, а не попирающего ее татарским каблуком. Не знаю, может быть, в создании такого образа Карач-Мурзы сыграла роль некая наследственность, ведь автор потомок Карач-Мурзы, но знаю, что ничего подобного по такой живости и человечности, как это описание, я не встречал в русской исторической литературе.

Из частностей, понравилось мне и то, что М. Каратеев нашел нужным подчеркнуть физическую чистоту русского народа, упоминая наши бани и их значение в жизни, в противоположность словам наших самых известных историков, говорящих о природной грязи русского человека, часто называвших его «Русью вонючей».

В заключение, могу сказать, что М. Каратеев, своей повестью, создал себе памятник, сотворенный любовью к Родине, который будет стоять нерушимо до тех пор, пока будут жить народы, говорящие по-русски. А Русскому народу М. Каратеев подтвердил его историческое право на великое бытие в семье народов, отнятое от него какими-то политическими проходимцами, превратившими его, мы знаем что на время, в какого-то Ивана, славного прошлого своей Родины непомнящего.

Исполать М. Каратееву за его труд.

Н. К.

ШВЕЙЦАРСКИЙ МАРКО ПОЛО.

«Любопытное описание путешествий Христофора Гассмана, каменотеса из Альбис Риден. Швейцарский Робинзон». Цюрих, 1725.*).

Несмотря на быстрое развитие исторической науки, которое замечается с конца XVIII века, библиотеки и архивы старой Европы далеко еще не открыли всех своих секретов, и усидчивый исследователь всегда должен быть готов сделать открытие, если не сенсационное, то, во всяком случае, имеющее значительный научный интерес.

Среди таких документов, забытых в течение веков, находится маленький томик в сто страниц, изданный в Цюрихе, в 1725 году под названием «Швейцарский Робинзон».

---

*) Бюллетень исторического отдела Женевского Национального Института. Октябрь 1958.

Это название, которое прежде всего совершенно не соответствует содержанию книги, вероятно, и явилось причиной того, что это чрезвычайно интересное повествование не привлело к себе внимания историков и даже отдельных читателей, так как все издание в течение двух последних веков исчезло совершенно бесследно. Книга эта никогда не была ни переиздана, ни переведена на какой-либо иностранный язык и библиографам известен, если мы не ошибаемся, только один ее экземпляр. Действительно, выйдя из печати вскоре после первого издания бессмертного труда Даниэля Дэфо, это произведение, по всей вероятности, рассматривалось как имитация или детская книга и, таким образом, не привлекло к себе внимания ни ученого мира, ни широкого круга читателей.

На самом же деле, тут никакой имитации нет, и судьба автора не имеет решительно ничего общего с классическим Робинзоном, так как это не роман, а подлинные пережитые автором приключения, имеющие, кроме того, значительный научный интерес.

Дело заключается в воспоминаниях скромного цюрихского каменотеса после многих приключений ставшего драгуном на службе Карла XII короля Швеции и проделавшего с королем-рыцарем кампанию Саксонии, Польши, Северную войну и поход на Украйну. Он сражался в знаменитой битве под Полтавой, которую некоторые историки считают одной из семи великих битв, определивших судьбу мира, сопровождал короля и гетмана Мазепу в их драматическом бегстве в Турцию (эпизод, воспетый Байроном) и был взят в плен русскими, прикрывая с последним карэ верных драбантов посадку раненого короля и Мазепы с их свитой и сокровищами на генуэзский корабль.

Христофор Гассман, таково имя автора этих воспоминаний, провел затем, в качестве пленного, 17 лет в России, то в составе армии, то назначаемый на различные работы и был освобожден только в 1723 году по личному повелению Царя Петра I. Вернувшись на родину, он, следуя примеру Марко Поло, не писал лично свои воспоминания, а диктовал их пастору Беату Вердмюллеру, известному цюрихскому ученому и эрудиту, который в своем предисловии подчеркивает интерес этих воспоминаний, достоверность которых он проверял по источникам того времени, сравнивая факты, сообщенные Гассманом, с известными учеными трудами. В большинстве случаев он их находил совершенно точными.

Сообразно со стилем эпохи, ученый теолог просит извинения у читателей за то, что он позволил представить им автора столь мало образованного, но, читая его работу, мы получаем впечатление, что его щепетильность мало обоснована.

В противоположность Марко Поло (или его секретарю), который любил «округлять« цифры и преувеличивать чудеса, виденные им в тогдашнем Китае, наш автор, скорее, сдержан в своих рассказах и не стремится поразить читателя. Он рассказывает свои приключения и описывает вещи самые необыкновенные с простотой и спокойствием хорошего христианина и простого швейцарского рабочего.

В самом деле, Христофор Гассман выявляет себя вдумчивым и неутомимым исследователем и, кроме того, человеком, имевшим солидные, для его эпохи, познания в политике, теологии, этнографии и т. п. дисциплинам. Его замечания всегда разумны и обоснованы, а его наблюдения могут быть полезны даже ученым нашей эпохи.

Так например, во время экспедиции Петра I против Персии в 1722 году, наш автор интересуется религиями тюркских народов, чрез территорию которых проходила армия. Особый интерес он проявляет к секте «почитателей дьявола», которых он встретил на берегах Каспийского моря. Удивленный существованием такой религии, он расспрашивал ее адептов и отметил ответ: «К чему поклоняться Богу, который добр по своей натуре и желает нам только добра? Нужно, наоборот, хорошенько задабривать дьявола, который очень зол по природе».

Во время той же экспедиции он сделал любопытное наблюдение, что выходцы из Западной Европы физически отличаются от «московитов», так как из 82 иностранцев, которые приняли участие в экспедиции, ни один не заболел, тогда как 8000 солдат Петра погибли от заразных болезней.

Семь лет провел он в ссылке в калмыцких степях и набросал замечательную картину нравов этого народа. Особое внимание он обратил на факт, неизвестный этнографам, что калмыки имели в эту эпоху четыре рода похорон, соответственно четырем временам года: зимой — трупы зарывали в землю, их бросали в воду весной, сжигали летом, а осенью оставляли на воздухе, на специальных высоких платформах, выставляя их на съедение хищным птицам. Таким образом, умершие калмыки отдавались во власть четырем элементам природы.

Христофор Гассман, следовавший за Царем Петром в его странствиях военных и административных, имел много случаев видеть его вблизи и с ним разговаривать. Он дает один из самых интересных портретов этого, как он выражается, замечательного самодержца, совершенно соответствующий современным научным исследованиям. Нужно отметить, что отдавая должное высоким военным и административным достоинствам Петра Великого, как настоящий швейцарский наемник, он сохранил непоколебимую верность несчастному Карлу XII.

В виду знания западных языков, кроме военных походов, он часто назначался в дипломатичиские миссии и оставил нам очень любопытную и живописную картину Персии того времени и нравов ее обитателей. Редко находят у путешественников столь ясное и детальное описание Тегерана начала XVIII столетия, в котором он провел целый год на службе в охране русского посольства. Он также был назначен на работы по разрушению крепости Азов и участвовал в постройке Петербурга. Он подробно описывает нам его первые строения. Во время своих путешествий он неоднократно проезжал через Москву, о жизни которой он также оставил много почти неизвестных деталей: он отмечает, между прочим, что москвичи, уже в ту отдаленную эпоху, продавали на рынке заранее построенные дома (maisons prefabriquées), которые могли быть разобраны на части и собраны на любом месте. Цена таких домов была от 8 до 15 рублей, что составляет приблизительно 5-8 тысяч золотых франков.

Как человек честный и вдумчивый, твердо привязанный к своей стране и протестантской религии, Христофор Гассман рассказывает то, что он видел или слышал, без преувелечений, свойственных путешественникам всех времен и народов, и рассказывает с такой точностью и богатством деталей, что невозможно сомневаться в их правдивости.

Таким образом, знаток русского быта и истории не найдет в этом маленьком томике тех неточностей и преувеличений, которыми обычно изобилуют книги, писанные иностранцами, в особенности современными учеными и политиками, но, наоборот, он найдет в нем верную картину истории и нравов разных стран, которые этот простой швейцарский каменотес имел возможность посетить.

М. Е.

Письма в Редакцию

«ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Стал я старым, слезятся глаза
Иль, быть может, попала в них пыль?
Вот, читаю, из глаз вдруг скатится слеза,
Упадет на «ВОЕННУЮ БЫЛЬ».

И. З.

Я читаю, как наша пехота дралась,
Нанося штыковые удары,
Как казацкая лава в атаку неслась
И рубились лихие гусары,

Как уланские пики кололи врага,
А драгуны врагов не считали,
Как пальба пушкарей всем была дорога,
Как они побеждать помогали,

Как полки отличались в тяжелых боях,
Заграницу свершали походы,
Как Андреевский флаг гордо реял в морях,
Не страшась ни врага, ни природы.

Я читаю про быт юнкеров и кадет,
Про военные школы родные
И грущу я о том, что их больше уж нет,
Что теперь они все уж «былые»!

Да, журнал этот НАШ, наше прошлое, — «БЫЛЬ»,
Быль Российских солдат, офицеров,
На страницах его не столетняя пыль,
А вся летопись долга примеров.

Иван Звездкин

Пользуясь любезно предоставленной читателям страницей для их писем и запросов, я хотел-бы получить сведения о «Скобелевском Комитете», нагрудный знак которого я приобрел у лица, не смогшего мне дать точных сведений по этому вопросу.

В. Хороманский

Прекрасно пишет В. Кочубей, всегда читается с интересом, легко и свободно. К его статье «Козловорудские леса», где он говорит о крепости Ковно, мне, как свидетелю этой трагедии, хотелось бы добавить несколько строк

В июле 1915 года, по всему русскому фронту, немцы перешли в общее наступление, угрожая крепостям Ковно, Осовец и Новогеоргиевск. Штаб 10-й армии, для разведки впереди Ковно и для связи между крепостью и флангом армии, выслал вперед Отдельную Терскую казачью бригаду, под командой генерала Хитрово. Генерал Попов, вероятно вспомнив о моей службе в кавалерии ген. Новикова, дал мне предписание отправиться в эту бригаду и вступить в должность Начальника Штаба.

Пользуясь отсутствием, почти полным, в русской армии снарядов и патронов, немцы теснили наши армии все дальше к востоку. Штаб армии перебрался из Ковно в Вильно.

Терские казаки генерала Хитрово отлично сражались, когда надо — спешивались и рыли окопы, задерживая продвижение неприятеля, подходившего уже к крепостным фортам Ковно. А к моменту штурма, крепость Ковно была

занята какими-то второочередными частями, никогда прежде, в глаза не видевшими крепостных верков.

Для выяснения обстановки, я лично отправился из бригады в Ковно, с намерением узнать у коменданта о положении дел. Уже при приближении к Ковно, слышны были глухие разрывы тяжелых снарядов, которыми обстреливался уже самый город. Великолепно, еще по мирному времени, зная Ковно, я, без труда, в сопровождении вестового, нашел дом коменданта крепости генерала Григорьева и сразу-же наткнулся на него и на одного из высших чинов его штаба, они мирно беседовали впереди терассы, перед цветником.

Представившись, я доложил, что хотел бы знать в каком положении находится дело обороны крепости. «Да вот, говорят, что немцы обстреливают госпиталь», был ответ генерала Григорьева. »А каково положение на фортах, Ваше Превосходительство?» «На фортах? Кажется еще держатся... Я сведений не имею», ответствовал комендант. В это время, из дома выбежала кошка и кинулась в цветник, Григорьев бросился за нею, стараясь ее выгнать, чтобы не испортила цветы. Покончив с кошкой, очень довольный, он вернулся и, обращаясь к офицеру Штаба крепости спрашивает: «А как наша артиллерия хорошо стреляет?» «Я думаю что хорошо, отвечает тот, а вот посмотрите какой осколок я нашел возле дома», и протягивает своему начальнику кусок железа.

С брезгливым чувством, я распрощался с двумя защитниками крепости. Во главе одного из главных укрепленных пунктов Российской Империи находится такое ничтожество как этот комендант Григорьев, накануне штурма, гоняющий из цветника кошек и мирно беседующий о всяких пустяках со своим подчиненным.

Генералу Попову было послано донесение где, в осторожных выражениях, было высказано мое мнение, что крепость Ковно едва-ли долго продержится.

Оно так и случилось. Несмотря на всю доблесть крепостных артиллеристов, до конца оставшихся при своих пушках, немцы через два дня взяли Ковно штурмом.

Комендант крепости не дождался конца и за день до ее сдачи, попросту из нее уехал. Преданный Военно-полевому суду, он был разжалован в солдаты и приговорен к заключению на десять лет.

В. фон-Дрейер

К статье З. Балтушевского «Трагедия XX арм. корпуса в Августовских лесах», «Военная Быль» № 60.

Позволю себе отметить некоторые небольшие неточности в этой статье. 1) стр. 29 строчка 19-я снизу «полков. ген. штаба Белолипецкий».

Я знал его пять лет в 1908-13 гг., когда мой отец командовал 108 пех. Саратовским полком. Владимир Ерофеевич Белолипецкий, сперва командир батальона, а затем старший штаб-офицер полка, окончил Академию Генерального штаба, два курса, получил право на знак и некоторые преимущества по службе и вернулся в строй, в пехоту. Он принял Саратовский полк после смертельно раненого в первых-же боях полк. Струсевича, закончил войну в чине ген. лейтен., а после войны остался в Москве, был членом Военно-Исторической комиссии и, между прочим, написал книжку «Гибель XX арм. корп. в Августовских лесах».

2) стр. 31 2-й абзац сверху верен только касательно полк. ген. штаба Дрейера. Что касается полк. Белолипецкого с частью его штаба, то он прятался на месте под деревьями и, как только немцы ушли, стал продвигаться к Неману. Продвижение это шло наперерез путям 10-й германской армии, после того, как она уже прошла на юг, оставив на Немане кое-какое охранение. Местные крестьяне помогали группе чем могли. Однажды они, совершенно изнеможенные, подошли к хате, открыли дверь и увидели, что она полна спящих немцев. Они прикрыли дверь и шарахнулись в лес. К счастью, немцы не проснулись. В окрестностях м. Друскеники, они вышли к Неману, был ледоход, и попасть на тот берег было невозможно. Однако, ночью случилось чудо — «смелым Бог владеет» — приплыла огромная льдина и застряла поперек реки. По ней, как по мосту, они, незаметно для немцев, перешли на восточный берег реки. Встретили их как героев и в салон-вагоне повезли командира полка в Ставку для личного доклада и получения им Ордена Святого Георгия.

В. Е. Милоданович

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

«ВОЕННАЯ БЫЛЬ» — «НАША СЛАВА»

Объединенными усилиями двух этих военных издательств — Литературно-исторического и Музыкального, предположен к выпуску диск № 8, посвященный маршам и песням Военно-Учебных Заведений.

Предположенная программа: Встреча Военно-Учебных Заведений, «Августейший Кадет» марш Первого кадетского корпуса, Марш Полоцкого кадетского корпуса, «Гром победы раздавайся», встреча 1-го Московского и Суворовского кадет. корпусов, «Братья все в одно моленье», гимн Дворянского Полка, «Дружным кадеты строем сомкнитесь» и «Звериада». Все эти произведения в исполнении духового военного оркестра, «Звериада» с хором.

Музыкальную часть взял на себя А. А. СКРЯБИН а финансовую Издательство «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» в лице А. А. ГЕРИНГА.

Стоимость диска: для проживающих во Франции — 10 фр. фр., во всех остальных странах Европы — 10 герман. марок, в Англии — 1 фунт, в Сев. и Юж. Америке, Канаде, Австралии, Африке и странах Дальнего Востока — 3 амер. доллара. В эту сумму входит упаковка и пересылка заказной почтой. Деньги за подписку следует переводить из стран европейских на почтовый счет «Le Passé Militaire», 3910-12 Paris, из остальных стран банковскими чеками в соответствующей валюте на мое имя — A. Guering.

Диск может быть выпущен только при наличии достаточного количества предварительных подписчиков — не менше 400. Поэтому, я прошу все Обще-Кадетские Объединения взять на себя инициативу по сбору подписки и денег на местах и пересылать мне их, с адресами подписчиков, тем-же вышеуказанным способом.

Алексей ГЕРИНГ

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Г. А. ГОШТОВТ — Кирасиры Его Величества, тт II и III — 25 фр.
Кирасиры Его Величеста — Последние годы мирной жизни — 15 фр.
А. Н. МАРКОВ — Родные гнезда — 15 фр.
История лейб-гвардии Конного полка — 300 фр.
В. Е. ПАВЛОВ — Марковцы в боях и походах за Россию, том I — 25 фр.
Генерал фон-ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.
Контр-адм. ТИМИРЕВ — Воспоминания морского офицера — 15 фр.
К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 25 фр.
Г. П. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 фр.
Юрий СЛЕЗКИН — Две семьи — 5 фр.
Кн. П. П. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50 с.
БУЛГАКОВ — Русский и герман. воен. мир о творчестве К. С. Попова — 4 фр.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане — 8 фр. 50 сант.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, тома I и II по 11 фр. 50 с.
И. А. ПОЛЯКОВ — Донские казаки в борьбе с большевизмом — 22 фр. 50 с.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3/4(57) т. XX 1962 г.
Подписная цена — 3 дол. в год.
Представитель на Францию:
В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville, St. Germain en Laye (S. et O.)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

вышли в свет:

№ 1 — **П. В. Пашков** — Ордена и знаки отличия гражданской войны — 6 фр.

№ 2 — **Евгений Молло** — Русское холодное оружие XIX века — 2 фр.

№ 3 — **В. П. Ягелло** — Княжеконстантиновцы — 1,50 фр.

№ 4 — **В. Альмендингер** — Симферопольский Офицерский полк — 6 фр.

№ 65

Январь 1964 год

ГОД ИЗДАНИЯ 13-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ» с глубокой скорбью извещает о кончине своего долголетнего сотрудника и друга, Технического Директора типографии «Наварр», полковника 9-го гренадерского Сибирского полка

Федора Павловича Благовещенского

последовавшей в Париже 1-го декабря 1963 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 64 по 69 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам, дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:

61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

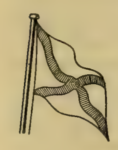
ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

13-й год издания | № 65 ЯНВАРЬ 1964 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

Редакция поздравляет своих дорогих сотрудников, подписчиков, читателей и представителей с Новым Годом

В МОРСКОЙ ДЕНЬ

Всем Братьям по Флоту.

Шестое ноября... С глухих путей изгнанья
Оно уносит нас на берег наш родной,
В белоколонное, для нас родное, зданье
Над нам родною царственной рекой.

Как будто после бурь, аварий и баталий,
Сквозь рифы и туман промчавшихся годин
Принесший нас Домой, — опять в Столовом Зале
На твердый якорь стал наш славный «Наварин».

И снова взвеяв Стяг Андреевский над ютом, —
Как веял он всегда столетия подряд,
Великому Петру прогрохотал салютом
Всех двадцати своих чугунных карронад

И в честь минувшего скрестил по стеньгам реи.
И соблюдая строго ранг и чин,
В Столовый Зал вошли из галлереи
Водители эскадр, сошедшие с картин:

Нахимов, Чичагов, Рожественский, Макаров,
Сенявин, Лазарев, Истомин, Ушаков —
Кто всюду и всегда, под парусом и паром, —
Вести свой экипаж на подвиг был готов:

Те, кто выковывал морскую нашу славу
В горнилах Гангута, Синопа и Чесмы
И чье священное наследие по праву,
По долгу и любви храним нетленно мы.

Пускай все меньше нас и голос наш все глуше.
Пусть донкихотами мы кажемся иным.
Но стяг Андреевский не спущен в наших душах
И Вахту Русскую бессменно мы стоим.

Как шпага на гербе — наш непродажен кортик,
Как градшток и как руль ведут нас Долг и Честь,
И если-б Родина нас кликнула на подвиг, —
Все, как один, — мы отзовемся: «есть!».

И в том себе не чаем мы заслугу!
Но Спасу на Водах молитву сотворя, —
Да исцелит Он Русь от тяжкого недуга, —
Мы чарку флотскую поднимем друг за друга,
И все, чем свято нам Шестое Ноября.

Н. М.

Великий полководец — Александр Невский

В связи с исполняющейся 14 (27) ноября этого года семисотлетней годовщиной смерти нашего национального героя — князя Александра Невского, полезно будет освежить в памяти читателей обстоятельства двух особенно прославивших его имя исторических сражений, — Невской битвы и Ледового побоища. Это тем более интересно, что изыскания и находки последних лет позволяют привести относительно Ледового побоища некоторые существенные подробности, в свете которых с особенной яркостью вырисовывается весь военный гений Александра.

Ему суждено было жить в исключительно трудное время: как раз в эти годы на Русскую землю обрушилось опустошительное нашествие Батыя. Раздробленная на враждующие между собой удельные княжества, Русь не смогла дать завоевателям организованного отпора и сделалась их добычей. Ее трагическим положением не преминули воспользоваться все западные враги, — литовцы, немцы и шведы, сейчас же начавшие экспансию. За спиной этих врагов территориальных стоял еще более опасный враг идеологический — Ватикан. Папский престол, издавна стремившийся подчинить себе Русь в плане духовном, вдохновлял на борьбу ее врагов открытых и искусно руководил их действиями. И, в довершение всего, русские князья утратили идею своей общности, идею государственного единства Русской земли. Отвыкнув мыслить в масштабе государственном, каждый из них был поглощен своими семейно-поместными делами и брался за оружие только тогда, когда опасность угрожала непосредственно его вотчине.

И великая заслуга Александра Невского в том, что он сумел возвыситься над этой психологией князя-вотчинника и в своей деятельности на первый план поставил заботу о Русской земле в ее целом. Не ограничивая свою мысль рамками момента и глядя далеко вперед, он понял, что все попытки сбросить татарское иго обречены на неудачу, пока Русь не восстановит былую силу и пока в ней не проснется сознание государственного единства, которое позволит эту силу правильно использовать. И потому, зная что этот момент еще далек, он старался ладить с татарами, тем обеспечивая относительное спокойствие Русской земле и возможность успешно отражать натиск других врагов, борьбе с которыми он и посвятил свою жизнь.

С литовцами он справился сравнительно легко, ибо в то время Литва еще не представляла собой единого целого и разрозненные литовские племена только начинали объединяться под властью князя Миндовга. Они неоднократно нападали на окраинные русские земли, но обычно для отражения этих набегов доставало сил граничивших с Литвой Полоцкого и Торопецкого княжеств, которым, в случае нужды, оказывал военную помощь Александр, княживший в Новгороде. Но в 1245 году литовцы предприняли наступление на Русь в большом масштабе и тогда Александр Невский выступил против них с новгородским войском и в трех последовательных сражениях — у города Торопца, у озера Жижця и у села Усвят, — совершенно разгромил их.

Но литовская опасность была ничтожна по сравнению с той, которая угрожала Руси со стороны немцев и шведов. В ту пору, как известно, в Прибалтике действовал Ливонский рыцарский орден, который был создан под предлогом обращения в христианство местных языческих племен, а на деле являлся германским аванпостом для будущего наступления на русские земли. Ко времени княжения Александра Невского, ливонцы уже овладели всей Прибалтикой и прочно утвердились на западных рубежах Руси. В Пруссии подвизался другой такой же орден — Тевтонский. Действия обоих координировал и умело направлял Ватикан.

В 1237 году папа Григорий IX слил оба эти ордена воедино, призывая их вторгнуться в русские земли. В то же время он побудил шведов начать крестовый поход на Русь под тем предлогом, что она препятствует обращению в католичество финнов. Разумеется, папа проектировал одновременный удар на Русь с двух сторон, но, к счастью, немцы немного замешкались и шведы их опередили.

Летом 1240 года шведское войско, под водительством ярла Биргера, — зятя короля Эрика Картавого, — на многих кораблях вошло в Неву и остановилось у впадения в нее реки Ижоры, в ста пятидесяти верстах от Новгорода. Ссюда Биргер, уверенный в своей силе, послал сказать Александру: «если можешь, защищайся. Но я уже полоняю твою землю».

У Александра было мало войска, гораздо менше, чем у Биргера, но он правильно рассудил, что пока его пополнит, шведы будут уже в Новгороде и что победу ему могут принести только быстрота действий и внезапность удара. А потому он с теми силами, которыми располагал, немедленно двинулся вперед и через несколько дней был уже на месте.

Шведы его так скоро не ждали и потому ко встрече не были подготовлены. Часть их войска оставалась на кораблях, которые стояли вдоль берега Невы, со сходнями переброшенными на берег; другая часть расположилась в шатрах, на берегу, между Невой и Ижорой.

Подойдя сюда лесом, на рассвете 15 июля, Александр лично произвел разведку и, уяснив себе обстановку, наметил план боя. Он отделил свою пехоту от конницы и во главе последней внезапно обрушился на спавший лагерь шведов, в то время как его пехота, под начальством новгородца Гаврилы Олексича, ударила вдоль Невы, опрокидывая сходни кораблей и отсекая их от берега, что лишало возможности находившимся на кораблях шведам подать помощь тем, кто бился на суше.

План Александра удался вполне. Захваченные врасплох и растерявшиеся шведы не смогли оказать серьезного сопротивления, тем более что им показалось, будто на них нападо большое войско. Растерянность их обратилась в панику, когда Александр, пробившись в центр лагеря, лично ранил Биргера копьем в голову, а один из его дружинников опрокинул шатер шведского полководца с укрепленными над ним знаменем. Вскоре шведы оказались зажатыми в угол между двумя реками и думали только о том, как бы добраться до своих кораблей. Но это было нелегко: у трех кораблей люди Гаврилы Олексича успели прорубить днища и они тонули; два другие были русскими захвачены, остальные, обрубив причальные канаты, поспешно отошли от берега.

Наконец, уцелевшие шведы кое-как поргузились на корабли и отплыли. Бой длился недолго и был проведен в ураганном темпе, чтобы не дать шведам опомниться и осознать свое численное превосходство. Потери Александра были ничтожны, — всего двадцать убитых. Шведов пало множество, — их трупами новгородцы нагрузили доверху два захваченных шведских корабля и пустили их по реке, вслед уходящей флотилии Биргера, кроме того, по словам летописи, «без числа» убитых еще осталось на берегу.

Эта блестящая победа двадцатилетнего Александра принесла ему славу замечательного полководца и почетное прозвание Невского.

Итак, шведы были отбиты, но оставались еще рыцари. Они начали кампанию в начале 1241 года. К этому времени новгородская «господа», обеспокоенная растущей популярностью Александра, его из Новгорода выжила, и потому немцы, не встречая организованного сопротивления, действовали весьма успешно: в течение нескольких месяцев они захватили Изборск, Копорье и Псков, затем, опустошая все на своем пути, двинулись к Новгороду, от которого были уже в тридцати верстах, когда новгородцы снова призвали Александра, видя теперь в нем свое единственное спасение.

Собрав войско из новгородцев, ладожан и карелов, Александр к концу того же года отобрал у рыцарей крепость Копорье, затем нанес им еще несколько поражений и полностью очистил от них новгородские земли. В начале следующего года, получив подкрепления, он двинулся в пределы Ливонии, но по дороге неожиданно свернул к Пскову и, захватив немцев врасплох, выбил их из города. Затем, пополнив свое войско псковичами, он продолжал поход в Ливонию.

Здесь вскоре его передовой отряд, шедший под начальством псковского воеводы Домаша, наткнулся на главные силы Ордена и был обращен в бегство. Ободренные успехом рыцари всею массой двинулись вперед, по следам бежавших. Тогда, поняв что назревает генеральное сражение, Александр решил дать его в навыгоднейших для себя условиях. Как будет видно из дальнейшего, в выборе позиции и в плане битвы он проявил подлинную гениальность, ибо учел до мелочей и использовал все, что могло способствовать его победе.

Он отошел назад к замерзшему Чудскому озеру и расположил свое войско на льду этого озера, где и стал ожидать немцев.

Подлинное место Ледового побоища всегда оставалось спорным и только несколько лет то-

му назад его удалось определить вполне точно. Из летописи было известно лишь то, что битва произошла на льду Чудского озера, «у Вороньего камня, на Узмени» и что разбитых немцев гнали оттуда семь верст, до «Соболичского берега».

Таким образом, для определения места битвы имелись три географических ориентира: Вороний Камень, Узмень и Соболичский берег. Но оказалось, что Вороньих камней около Чудского озера больше десятка, названия Соболичского или Собольего берега не сохранилось даже в народной памяти, а что касается Узмени, то удалось установить, что ныне существующая на западном берегу озера деревня Мехикоорм когда-то называлась Узменкой. Но это не внесло в дело ясности, ибо Узменью назывался также пролив между Чудским и Псковским озерами и даже южный угол Чудского озера, ныне называющийся Теплым озером. В силу этого возникал ряд неясностей: что подразумевал летописец под названием Узмень, — деревню, пролив или Теплое озеро? С Вороньими камнями был еще больший выбор, кроме того, так как все эти камни находятся на берегу, возникал вопрост: как битва могла произойти у одного из этих камней и в то же время в семи верстах от берега?

В целях детального изучения этого вопроса, в 1956 году на Чудскоо озеро отправился советский ученый Г. Н. Караев, который опубликовал результаты своего исследования в 14-м томе сборника »Труды древнерусской литературы», 1958 г. издание Академии Наук. Вкратце перескажем содержание этой публикации.

В основу своих изысканий он положил тот достоверно известный факт, что в местностях мало населенных и бездорожных войско в те времена зимою могло передвигаться только по льду замерзших рек. Значит, для определения того участка озера, где происходила битва, нужно было найти две впадающие в него реки, по которым могли подойти сюда с запада немцы, а с востока русские. Они нашлись без труда: в южную часть озера, носившую прежде название Узмени, со стороны Ливонии впадает река Эйма-Ига, а со стороны Новгорода — река Желча. Тут Караев и начал свои поиски. Он обнаружил, что в озере, между устьями этих рек, существует группа островов, один из которых и сейчас носит название Вороньего острова, но все окрестные жители издавна называют его Вороньим Камнем. Близь него, в воде обнаружились остатки церкви св. Михаила, по преданию несколько позже поставленной псковичами на месте битвы, но давно исчезнувшей. Удалось найти и «Соболичий берег». Оказалось, что в озере водится рыба соболь, которая весной в больших количествах собирается у западного берега, как раз там, где в озеро впадает река Эйма-Ига. Тут и сейчас ежегодно производится лов этой рыбы.

В свете всех этих данных, место Ледового побоища определено теперь вполне точно: оно происходило у острова Вороний Камень, в южнй части Чудского озера, которая раньше называлась Узменью, а сейчас называется Теплым озером. Неподалеку оттуда находится и деревня, — бывшая Узменка, а до Собольего берега от Вороньего острова ровно семь верст, — так что все совершенно точно согласуется с данными летописи.

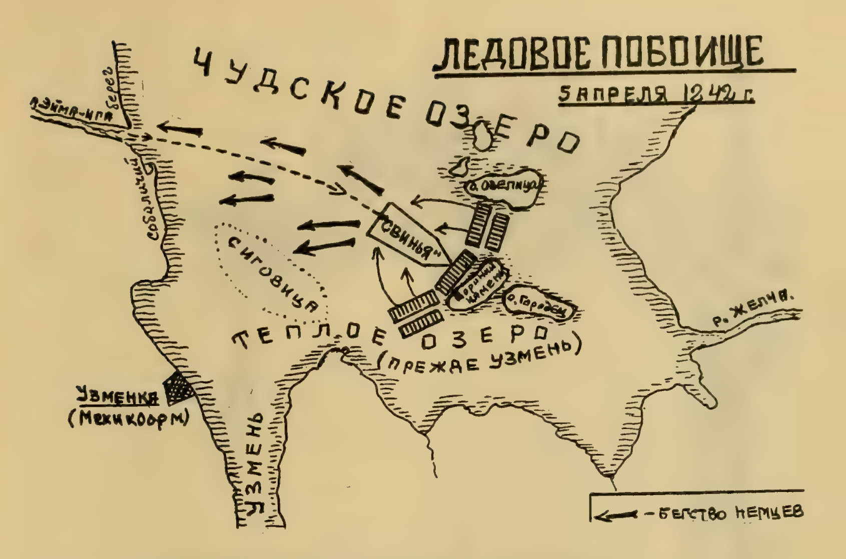
Одновременно Караеву удалось выяснить еще одно чрезвычайно интересное обстоятельство: немного западнее Вороньего острова, на озере существует место, называемое Сиговицей*), на котором, очевидно вследствие имеющихся на дне горячих ключей, лед зимою бывает очень тонок, — местные жители это знают и зимой всегда объезжают этот участок озера стороной. Несомненно, это обстоятельство знал и Александр Невский, и очень хорошо его использовал: Сиговица защищала его от нападения с фланга, кроме того, русским удалось загнать на нее часть бегущих немцев, лед под которыми, как известно, провалился и множество их утонуло.

Таким образом, позиция Александра была великолепна: за спиной его войска находился остров с крутыми берегами, что, как увидим, в сражении сыграло свою роль; правый фланг был прикрыт группой других островов, а левый Сиговицей. Свои обозы он, несомненно, оставил в устье реки Желчи (примерно в шести верстах от места битвы), которая, в случае неудачи, служила удобным путем отхода.

Не меньше искусства проявил Александр и при расположении своих войск. По русскому обычаю того времени, в центр боевого порядка ставились главные силы, при сравнительно слабых флангах. Но Александр знал, что немцы всегда наступают «свиньей», т. е. строят свое войска клином, которым стараются разрезать расположение неприятеля на две части и прорвавшись в тыл, добивать его в условиях полуокружения. Эту тактику немцев он решил использовать и потому, вопреки русской традиции, все свои основные силы сосредоточил на флангах, оставив довольно слабый центр.

Немцы своей свиньей без особого труда этот центр прорвали (что и входило в расчеты Александра) и уже готовы были торжествовать победу, но очень скоро поняли свою ошибку: находившийся за спиной русского центра Вороний остров не дал им возможности быстро продвинуться в неприятельские тылы, не позволил также выйти из под удара, который

*)Это место потому получило название Сиговицы, что сюда, в более теплую воду всегда в изобилии собирались водящиеся в озере сиги.

сейчас же обрушили на них оба крыла русского войска, охватывая »свинью« с двух сторон.

В развернувшемся сражении все преимущества оказались на стороне русских, пошло на пользу даже то, что их снаряжение уступало немецкому: тяжело вооруженным и закованным в доспехи рыцарям очень трудно было сражаться на льду. Битва закончилась их полным разгромом. Не считая множества простых воинов, более пятисот знатных рыцарей пало в этом сражении, несколько десятков их было взято в плен. При торжественном въезде Александра в Новгород, все они шли пешком за его конем.

По мирному договору, заключенному несколько месяцев спустя, Орден навсегда отказывался от всяких притязаний на русские земли и возвращал все захваченные; обе стороны освобождали всех пленных.

Победа Александра Невского на льду Чудского озера обессмертила его имя и имела громадное историческое значение, ибо она навсегда положила предел германскому продвижению на восток, которое, начавшись почти от берегов Везера, планомерно развивалось уже около трех столетий, почти исключительно за счет славянских земель.

В последующие годы и рыцары и литовцы еще не раз посягали на русские земли, пытались захватить Финское побережье и шведы. Но Александр всякий раз легко отражал их.

Имя Александра Невского — одно из самых славных в нашей истории. И не только славных, но что, пожалуй, еще значительнее — одно из самых светлых и любимых русским народом. Героев наша история дала не мало, но почти никого из них не вспоминают потомки с таким теплым чувством, как Александра.

Для Руси он сделал очень много, его мудрая политика была для нее благодетельной. Как полководец он по праву может почитаться великим, ибо вел много сражений и за всю свою жизнь не проиграл ни одного из них. Но что кажется почти невероятным в ту эпоху непрекращающихся мепдоусобных войн, — меч его ни разу не обагрился русской кровью и имя его не запятнано участием ни в одной усобице. Может быть, именно это, подсознательно запечатлевшись в народной памяти и принесло ему такую добрую славу.

М. Каратеев

Атака Лейб-Казаков под Лейпцигом

(14 — 17 октября 1813 г.)

Осенью 1813 года борьба против разбитого в России, но восстановившего свои силы Наполеона продолжалась с целью освобождения евроцейских государств, — цель возвышенная, достойная Александра Благословенного, и политически необходимая для спокойного восстановления и дальнейшего развития Российской Империи.

К августу 1813 года против Наполеона были выставлены три союзные армии: Северная под командой принца Бернадотта, Силезская фельдмаршала Блюхера и Богемская, или Главная, под командой австрийского фельдмаршала князя Шварценберга. При этой последней и имели свое пребывание Император Александр I, император Франц I и король Фридрих-Вильгельм III.

Хотя война 1812 года и утвердила факт, что Наполеон не непобедим, однако, он был попрежнему силен и предприимчив. Это особенно показала победа, одержанная им под Дрезденом 14-15 авруста, происшедшая, главным образом, из-за недостаточно налаженной связи между крупными соединениями союзников. Но одновременно с этим поражением яркими вспышками сверкнули русские победы, когда 17 августа у Кульма наша гвардия из состава Богемской армии под командой генерала Ермолова сломила натиск втрое сильнейшего врага, где прогремело славное имя Лейб-Егерей; а также и 14 августа под Кацбахом, где во встречном бою части Силезской армии, штыком и саблей, разбили французский корпус Макдональда и прославили имена Харьковских улан,

Киевских, Черниговских, Александрийских, Мариупольских, Белорусских и Ахтырских гусар с Донскими полками группы генерал-майора Карпова 2-го. Двинувшийся было на Берлин маршал Ней был разгромлен 24 августа при Деннвице частями Северной армии. Ярким эпизодом этого боя была атака номеров и ездовых одной из русских артиллерийских рот на французскую пехоту, отдавшую им своего «орла».

После сравнительного бездействия в сентябре, во время которого против Наполеона возстала союзная Бавария, он, опасаясь за свои коммуникации, отошел к Лейпцигу, куда в конце сентября, охватывая полукругом с юговостока Лейпцигский плацдарм, стали стягиватьсз и союзные армии.

Лейпцигская битва, «Битва Народов», 4, 6, и 7 октября была поворотным пунктом не только кампании 1813 года, но и, вобще, судьбы императора французов, который никогда не решился бы ее дать, будучи простым генералом, рискуя уничтожением своей наскоро сколоченной армии в полтора раза сильнейшим противником; теперь же соображения государственного и политического характера настоятельно требовали победы.

В этот дождливый день 4-го октября, фронт союзников занимаэ около 15 верст, и по их диспозиции удар наносился левым флангом Богемской армии.

Наполеон находился на **холме Гальгенберг**, союзные монархи имели свое местопребывание на **холме Вахтберг,** а сзади них стоял Лейб-Гвардии Казачий полк под командой ген.-адъют. гр. Орлова-Денисова, — единственная воинская часть в непосредственной близости и в конвое Императора Александра I. Холм Вахтберг, в 156 м. высоты, был расположен между боевой линией и резервами под командой Цесаревича Константина Павловича, остававшимися южнее **дефиле Магдеброн,** — довольно далеко от района столкновения.

2-й прусский корпус ген. ф. Клейста повел наступление на Марк-Клееберг и занял его, несмотря на упорное сопротивление поляков численно слабого корпуса князя Понятовского, но в конце-концов должен был его оставить под сильным нажимом корпуса Ожеро. Появившаяся было конница противника была опрокинута блестящей атакой генерала Левашова со Стародубовскими и Новгородскими кирасирами. Повторные атаки нашего 2-го корпуса принца Евгения Вюртембергского не имели успеха у Вахау так же, как и 1-го корпуса ген. кн. Горчакова, совместно с войсками гр. Кленау атаковавшего Либертвольквиц. Таким образом, еще до полудня все нападения войск Богемской армии на протяжении 8 верст от реки Плейса до Либервольквица, были отбиты французами и Наполеон, ободренный этим успехом, решил вынудить победу над союзниками, прорвав сокрушительным ударом центр их расположения. К счастью для нас, конфигурация местности не позволила Наполеону видеть, что как-раз в направлении его удара и были сосредоточены наши резервы, постепенно дебушировавшие дефиле Магдеборн и придвигавшиеся к линии боев.

2-й русский корпус принца Вюртембергского, с 9-й прусской бригадой ген. ф. Клюкса, не выдержали натиска корпуса Макдональда, были смяты и стали уже довольно беспорядочно отступать, преследуемые французами, угрожавшими прорвать центр нашего фронта. Но во-время подошедший Гренадерский корпус ген. Раевского остановил дальнейшее продвижение неприятеля. Благодаря этому, наши войска, оттесненные от Вахау, смогли собраться снова позади Гюльденгоссы и у овчарни Ауенхейм. Видя тяжелое положение нашего центра, Император Александр затребовал подкреплений австрийскими резервами принца Гессе-Гомбург.

Около 2 часов дня, стоявшая за правым флангом фрунцузского боевого порядка конница ген. Келлерманна получила приказание Наполеона атаковать левое крыло Богемской армии. В то же время Неаполитанскому королю с его 60 до 80 эскадронами 1-го и 5-го конных корпусов (от 6 до 8 тысяч всадников, источники расходятся) было приказано обрушиться на центр Богемской армии, т. е. на Вахау, и отрезать войска Витгенштейна от остальной массы союзников. Дополнительной задачей было — уничтожить русскую артиллерию, сильно мешавшую французам.

Около 3 часов дня Келлерманн двинулся во главе своих всадников, обходя Вахау с запада. Он опрокинул русских кирасир и пехоту, но в самый критический для нас момент на его фланге появились подходящие на рысях австрийские кирасиры дивизии гр. Ностица. Их три полка бросились на фланг Келлерманна как-раз в тот момент, когда французы, увлеченные атакой, неслись в полном беспорядке. Австрийцы смяли фланг атакующей французской конницы и отбросили всю их массу на высоты Вахау. Отражение конной атаки Келлерманна дало возможность левому флангу союзников оправиться и, впоследствии, перейти в наступление.

Мюрат двинулся почти одновременно с Келлерманном. Ему пришлось огибать Вахау с восточной стороны. Кавалерия Неаполитанского короля была построена в две линии восточнее Вахау, имея сзади себя гвардейскую конницу. 1-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобур, назначенный в атаку, стоял во 2-й линии. Там он еще до начала атаки понес боль-

шие потери от огня русской артиллерии; кроме того, из его 30 орудий было выведено из строя 11, а самому ген. Латур-Мобуру ядром оторвало ногу. В командовании корпусом его заменил ген. Бордесу. 5-й кавалерийский корпус ген. Мило, тоже предназначенный для атаки, был расположен западнее Либертвольквица.

Стоявший в свите Государя ген. Жомини увидел вдали большую темную массу, до тех пор хорошо скрытую складками местности. Во это время, в 3 час. дня, со стороны французов донеслись звуки труб, игравших сигнал атаки... Темная масса решительным шагом двинулась вперед. Для опытного генерала это был подготовлявшийся удар, который должен был решить участь битвы... Масса эта перешла в рысь, французская артиллерия стала уменьшать огонь, а потом и умолкла совсем... Конная группа Мюрата начала атаку. Неаполитанский король шел впереди, с ним были кирасиры 1-го корпуса Виктора и Лористона, поддерживавшие и развивавшие атаку Мюрата, и, наконец, две дивизии гвардии со 150 орудиями резервной артиллерии ген. Друо. Конница Неаполитанского короля, обойдя Вахау с востока, обрушилась на карре принца Вюртембергского в то время, как Келлерманн уже несся западнее этого селения. Удар наносился 1-ой кирасирской дивизией ген. Бордесу в 2.500 всадников, включавшей бригады: ген. Сопранси (2, 3 и 6 кирасирские полки), ген. Бесьера-младшего (9, 11 и 12 кирасирские полки) и саксонскую кирасирскую ген. Лессинга. Русские и пруссаки защищались с отличной храбростью, а наша артиллерия удачно встречала противника, нанося ему большие потери. Падавшие люди и лошади замедляли продвижение французской конницы. Полки Мюрата начали движение в отменном порядке: они шли полным галопом, но потом, оказавшись скученными на небольшом пространстве и в болотистой местности, им пришлось аллюр сократить до рыси. Равнина, на которой происходила атака, была покрыта прудами и канавами, многие всадники, беря невольные препятствия, падали с лошадей и этим еще больше ослабляли силу удара французской конницы.

Несмотря на неожиданные затруднения, Мюрат, во главе 1-й легкой кавалейской дивизии ген. Бертхайма устремился на 26-орудийную группу 2-го русского корпуса (Батарейная рота № 5 и легкая артиллерийская рота № 27), на позиции со стороны Либертвольквица. Большинство ее орудий было уже подбито; французы изрубили всю прислугу, овладели орудиями и бросились на стоявший невдалеке доблестный Кременчугский пехотный полк. Вместе с 20-м и 21-м егерскими полк этот был продвинут западнее в помощь пруссакам Клейста, которые были вынуждены оставить свои позиции. Часть 2-го батальона Кременчугского полка была истреблена, другая с командиром батальона подполковником Киселевским попала в плен, но знамя разбитого батальона было спасено одним портупей-юнкером и передано потом, через прусского кавалериста, командиру 1-го батальона Кременчугцев подполковнику Чаадаеву. В свою очередь, саксонский гвардейский кирасирский полк бригады Лессинга атаковал гвардейскую батарейную роту № 3 графа Аракчеева, занимавшую позицю приблизительно в полуверсте перед прудами западнее Гюльденгоссы. Кирасиры перебили прислугу и захватили орудия. Однако, Мюрат не задерживался: он стремился к Гюлденгоссе и намечавшейся бреши западнее этой деревни; туда же отходили и наши разрозненные батальоны.

Император Александр приказал 2-й бригаде 1-й гренадерской дивизии (полки С. Петербургский и Таврический) под командой полк. Охта, и 10-ой прусской бригаде ген. ф. Пирха 1-го придвинуться к Гюльденгоссе, 2--ой-же гренадерской дивизии ген. Чоглокова (полки Киевский, Московский, Астраханский, Фанагорийский, Сибирский и Малороссийский) двигаться к Ауенхейму для поддержки нашего 2-го корпуса, чье расположение, особенно левый фланг, были смяты конной атакой и на пороге бегства. Но пехота французов не успевала за атакующей кавалерией и, поэтому, не смогла закрепить и развить успех их атаки. Несмотря на сокрушительный натиск французов, 3-я русская пехотная дивизия ген. кн. Шаховского (полки Муромский, Ревельский, Черниговский и Селенгинский) равно как и 9-я прусская бригада ген. ф. Клюкса, успели сомкнуться в батальонные карре и продолжали держаться, неся огромные потери, даже тогда, когда часть конной группы французов продвинулась до Гюльденгоссы и проникла в нее.

Ген. Бордесу с 3-й бригадой ген. Бесьера-младшего (9, 11 и 12 кирасирские полки), следовавшей на некотором отдалении уступом за бригадой Сопранси, взял направление на выход из дер. Гюльденгосса. У союзного командования на холме Вахтберг наметилось некоторое беспокойство... Государь приказал тогда вызвать из резерва кирасирскую бригаду ген. Гудовича (полки Военного Ордена и Малороссийский). В это время показалась легкая гвардейская кавалерийская дивизия ген.-лейт. Шевича 1-го. Она подходила на помощь батальонам принца Вюртембергского после утомительного перехода из Герен на Греберн. Случайно оказавшийся неподалеку подпоручик л. гв. Батарейной роты Его Величества Ярошевицкий, увидя нашу кавалерию, поскакал к ней и указал командиру л. гв. Драгунского (впоследствии Конно-Гренадерского) полка полковнику Хилкову место, где находились плен-

ные батареи 2-го корпуса. Тот немедленно бросился туда со своим полком (502 человека). Вслед за лейб-драгунави в том же направлении понеслись лейб-уланы (495 чел.) и лейб-гусары (477 чел.-. Генерал Шевич был убит наповал в первые же минуты атаки, а командиру лейб-гусар ген. м. Давыдову разрывом гранаты оторвало обе ноги. Несмотря на потерю старших начальников, гвардейская кавалерия храбро бросилась на врага и только тогда повернула тыл, когда была атакована 3-й бригадой Бесьера из резерва Бордесу. Бесьер же, пользуясь замешательством русских и заметив подставленный ему фланг, опрокинул нашу легкую гвардейскую кавалерию и рассеял ее по лугам западнее Гюльденгоссы в сторону Гёрен. Тогда, поворачивая к югу, Бесьер взял снова направление прямо на Гюльденгоссу. Казалось, что теперь уже больше ничто не сможет задержать порыва французской конницы...

Положение становилось очень серьезным: части одного из наших корпусов поспешно отступали вправо о Госсы, части другого в беспорядке отходили через это село, а французы уже в него врывались. Русские батареи постепенно умолкали и снимались с позиции. Только Гренадерский корпус стоял на месте, построив карре. Ген. Раевский, командир корпуса, упал раненым среди своих гренадер: пуля ему раздробила плечо. Французская пехота устремилась на овчарню Ауенхейм и ею овладела. Над монархами нависала большая опасность: на Вахтберг уже долетали ядра, а конница Бесьера подходила к прудам Гюльденгоссы. Кн. Шварценберг, только что прибывший из Конневица, стал умолять Государя отодвинуться назад, указывая, что некоторые неприятельские эскадроны могут пройти между прудами западнее Гюльденгоссы и появиться на самом Вахтберге. Но Император Александр не обращал внимания на уговоры и приближающуюся опасность. Он, с невозмутимым спокойствием, присущим ему в важных случаях жизни, продолжал отдавать распоряжения и осведомляться о войсках. Он приказал резервам Цесаревича поспешить на выручку гренадер к Госсе и, подозвав к себе из свиты командира л. гв. Казачьего полка ген. адъют. гр. Орлова-Денисова, повелел ему привести сюда на помощь тяжелую кавалерию Барклая (1-я и 2-я кирасирские дивизии, полки Кавалергардский, Конная Гвардия, Лейбкирасирские Его и Ее Величества, Псковский, Глуховский, Екатеринославский и Астраханский). Граф Орлов-Денисом карьером бросился выполнять поручение. После этого Государь приказал находившимся неподалеку 10-й и 23-й конно-артиллерийским ротам полк. Маркова выдвинуться вперед и сдерживать своим огнем натиск французских кирасир до подхода нашей конницы. Отдав эти приказания, Император Александр призвал командовавшего всей артиллерией Русской армии ген. Сухозанета и, указывая ему на поле перед Вахтбергом, сказал: «Вот видишь, теперь тот будет лучше, кто прежде всех сюда поспеет; далеко ли твоя резервная артиллерия?». «Она будет здесь через две минуты», ответил Сухозанет. Генерал, заметив, что Наполеон неспроста сосредоточил свои войска между Либертвольквицем и Вахау, еще заблаговременно распорядился подтянуть резервную артиллерию поближе к месту боя у Госсы. В данный момент артиллерия на рысях подходила к Вахтбергу, а за нею был виден подтягивающийся Гвардейский корпус ген. Ермолова. Наблюдая, как головные батареи выносились карьером на позиции, Государь задумчиво улыбнулся и произнес: «Хорошо!» Потом он сел на лошадь и, с Прусским королем, отъехал несколько назад...

Французы заметили пеструю группу всадников на вершине Вахтберга.

Бесьер, продолжая свою блестящую атаку, на плечах сбитой им нашей легкой гвардейской кавалерии, ворвался в проход между двумя прудами западнее Гюльденгоссы, соединенными отводным рвом. Император Александр, бледный, но спокойный, продолжал следить за боем в подзорную трубу...

Французские кирасиры дошли метров на 300 до Вахтберга. Отдельные группы всадников пронеслись через болотистый луг, но главная масса атакующей конницы повернула несколько вправо, нацеливаясь на появившихся вдали Орденских и Малороссийских кирасир. Ров между прудами сразу замедлил продвижение французов, уже утомленных схватками и длительной скачкой по мягкой и топкой почве. Всадники, желая переправиться через ров, падали в него; другие, не успев развернуться после этой задержки, двинулись в обход через село. Часть французских кирасир продолжала рваться вперед и появилась недалеко от монархов. В свите началось большое волнение... Наступил критический момент... Главнокомандующий князь Шварценберг вынул шпагу и бросился на линию боя. Под рукой у союзных монархов был все тот-же один конвой Русского Императора, — четырех-эскадронный Лейб-Гвардии Казачий полк...

Стоя в непосредственной близости у холма лейб-казаки наблюдали за продвижением французской конницы и недоумевали, почему их не посылают в атаку. Старый ветеран Першиков, тогда унтер-офицером стоявший перед 2-м взводом лейб-эскадрона, рассказывает: «Досадно стало нам, стоим да и думаем: ах, Батюшка-царь, не держи ты нас на месте без всякого дела, дай волю своим Донским казакам, пусть-ка померяется сила вражья с силою твоей Дон-

ской земли... А кровь, знаешь, так и кипит в жилах...». «Вдруг слышим крик: 'Полковника Ефремова к Государю!'».

За отсутствием командира полковник Иван Ефремович Ефремов стоял перед полком. Он поскакал на холм и остановился перед Государем. Император указал ему на атакующих французских кирасир. «Полковник Ефремов», рассказывает участник атаки лейб-казак поручик Емельян Антонович Коньков, «перекрестился большим крестом и, обращаясь к казакам, крикнул: 'братцы, умрем, а дальше не допустим; полк, за мной!'». И, не ожидая пока тронется полк, Ефремов поскакал в сторону неприятеля. В эти мгновения не более 80 шагов отделяли французов от Вахтберга. По словам Конькова и офицеры и вахмистры вооружились пиками. «Не отставай от командира!» крикнул кто-то в рядах, «и мы пустились за ним во всю конскую силу».

Вихрем налетели лейб-казаки на передовые группы французских кирасир, скакавших уже к возвышенности, и, словно вихрем дунуло латников, — мгновенно опрокинули их казаки к пруду, затем в пруд, и овладели узкою плотиной. «Дальше», продолжает Першиков, — «путь наш пересекал топкий болотистый ручей, который обскакать было нельзя. Вот тут-то и пошла у нас суматоха: плотина узкая, вдвоем проскакать нельзя, а по-одному, — когда перескачем! Эскадроны рассыпались по берегу, точно табун лошадей, пригнанный к водопою в наших Задонских степях. Вдруг, опять кто-то крикнул: «что стали? пошел!» И казаки, кто где стоял, так и ринулись напрямки перед собою: кто пробирается плотиною, кто плывет, где поглубже, а кто, забравшись в тину, барахтается в ней по самое брюхо лошади. Но вот, лейб-эскадрон уже на том берегу; видим идет общая свалка, — наших гонят; какой-то французский кирасирский полк перерезал нам дорогу, впереди его генерал. Времени терять было нельзя. «Эскадрон!», крикнул громовым голосом Ефремов. Мы все повернули головы. «Эскадрон», повторил он, — «благословляю!» Он высоко поднял обнаженную саблю и сделал ею в воздухе крестное знамение. Мы опустили на перевес свои длинные пики, гикнули и ринулись на латников». «Неожиданным нашим появлением», рассказывает Коньков, «на фланге неприятель был настолько озадачен, что как будто на минуту остановился и заволновался, как вода в корыте. А мы, со страшным гиком, уже неслис на него».

В это время, исполнив поручение Государя, подоспел к полку граф Орлов-Денисов.

Лейб-казаки пронеслись через обстреливаемую артиллерией равнину. Тут случилось, что шальным ядром казаку оторвало голову, а тело его, оставаясь в седле, продолжало мчаться на французов с эскадроном грозно ощетинившихся пик. Страшны казачьи пики при дружном ударе!

«Эх, страшна она, страшна наша дончиха», рассказывал Першиков. «Да и как ей не быть страшною-то, когда на ней все донское: и древко и железка... Скачу это я, да и думаю: на кого мне напасть? Дай, ссажу французского генерала. Что-ж, бой один-на-один, бой честный, а там уж кому Господь поможет. Я его и наметил. Вырвался я это из фронта и несусь. Генерал тоже увидел меня и повернул навстречу. Весь он закован в латы, так и сверкает весь медью и сталью, а в руках громадный палашаще. Смекнул я, что противник-то мой — не новичек в нашем деле: ведет коня прямо в разрез, да так и норовит ударить грудью в бок моего мерина. Ну, а ударь он, так я бы со своим маштаком-то раза три перевернулся бы кубарем. Вижу, так будет не ладно. Надо слукавить. Дай, думаю, опростоволошу генерала. Мерин-то был у меня добрый, из отцовского дома, голоса моего слушал. Чуть только поровнялся я с французом, метнул коня в сторону, да как крикну: тпру! Он и уперся всеми четырьмя ногами. Отнес я пику в сторону, да как махну ею наотмашь, — прямо угодил в генеральское брюхо, так и просадил его насквозь. Упал он, схватился обеими руками за мое ратовище, да чуть-чуть не стянул меня с лошади. Уперся я в стремя левою ногою, встряхнул его на пике, что было мочи, да и в сторону. Он тут и умер. Все это случилось, как глазом моргнуть. Гляжу, а наши эскадроны: уже врезались в ряды французских латников и я за ними. Ну, хорошо, врезаться-то мы врезались, а справиться не можем. Стоит вот, ровно, медная стена перед тобой, — что с ней поделаешь? Только слышим как кричит Ефремов: 'коли их подмышки, да в пузо!: Ну, мы и пошли. Я ткнул своей дончихой французскую лошадь в морду, та взвилась на дыбы, поддала задом, — и француз грохнулся о-земь, как куль, только звякнули латы. Пошли мы тогда шпырять лошадей их: кто в морду, кто в ноздри, кто в ухо, — они и взбесились. Как пошли они прядать одна за другую, дак стали качать задом и передом, французу не до того, чтобы рубить, — дай Бог в седле усидеть. И такая пошла у них каша, что сказать нельзя! друг на дружку лезут, друг дружку топчат, — вот точь-в-точь на Дону у нас бараньи отары».

В этот момент на нашем левом фланге открыли огонь прискакавшие конно-артиллерийские роты, а вслед за этим атаковали французов присланные графом Паленом на усиление центра два прусские полка: Неймарктские драгуны и Силезские уланы. Полки нашей легкой гвардейской кавалерийской дивизии, освобожденные от напора французов, успели постро-

иться и, в свою очередь, под командой ген. Чичерина ринулись в атаку. Французы окончательно не выдержали, дрогнули и повернули назад.

«Вот тут-то и пригодились нам наши родные пики, которые не раз выручали нас в боях», рассказывает поручик Коньков.

А Першиков: «Как погнали мы их, вот тут-то и разгулялась наша дончиха, знай машет направо и налево; командиры наши тоже пошли в чернорабочие и на руку охулки не клали. Собьешь это с какого-нибудь француза каску, испужается он, да и спрячет голову в гриву, голову-то спрячет, а зад выставит, а на заду-то лат у него нету, вот как ткнешь его пикой, так дончиха-то и проедет сквозь тело по самые плечи. Много мы тогда таким манером пик переломали! Гнали мы латников долго, до самой ихней пехоты, пока по нас не ударили картечью. Тут уж мы скомандовали себе — направо кругом и пустились назад. Никто нас не преследовал. Выбрались мы из-под картечного огня и пошли шагом».

Полком были отбиты 24 русских пушки из 26-ти 2-го корпуса, взятых французами ранее.

Офицерские потери бригады Бесьера выразились в 2-х убитых и 34 раненых.

Шли казаки с песнями. Вот прошли уже плотину и замолкли: перед казаками на высоком холме ясно обрисовалась впереди огромной свиты величавая конная фигура Императора Александра. Донцы сознавали свою заслугу, — они оберегли Царя и, гордые этим сознанием, прошли мимо него чем-то вроде церемониального марша.

«Мы возвращались», говорит поручик Коньков, «буквально растерзанные: кто без кивера, кто в разорванном мундире и с окровавленными лицами и руками; но на лице у каждого можно было прочесть, что он честно исполнил свой долг». Полковник Ефремов ехал без кивера, который у него был сбит в бою. А когда стали подъезжать к Государю, то Император громко произнес: «Ефремов, ко Мне». Ефремов, остановив полк, поскакал на холм к Государю. Эскадроны между тем развернулись в длинную линию. Смотрят казаки на холм и видят, как Государь принял рапорт от их командира, как поднял Он высокое чело Свое к небу и положил на груди Своей два раза крестное знамение. Казаки поняли, что то была благодарственная молитва Царя к Богу, и сотни рук поднялись в строю, творя крестное знамение. Затем Государь своеручно надел на Ефремова крест св. Георгия 3-ей степени и поцеловал Ефремова, а также и Орлова-Денисова. В этот момент у лейб-казаков грянуло несмолкаемое «ура».

Император Александр подъехал ближе и, проезжая по фронту, благодарил всех. У Государя заметны были слезы на глазах. Когда Государь отъехал, Ефремов обратился к полку со следующими словами: «Казаки, Государь благодарит всех вас за ваш нынешний славный подвиг. Сказал Он мне, что вами всеми доволен в душе Своей и сердце. Благодарит Он Бога, что вы из страшного смертельного боя возвратились с маловажною потерею; молит, чтобы вы и в будущих ваших подвигах были так же счастливы, как и сегодня». Новое «ура».

И затем полковник продолжал: «Господа офицеры, Государь, довольный вами за сегодняшний бой, приказал наградить всех вас по вашему желанию и выбору. К вечеру прошу пожаловать ко мне и на особом листе собственноручно написать, кто что желает, — чин или орден».

Так совершилась историческая атака Лейб-Гвардии Казачьего полка, поразившая французов своею смелостью и стремительностью. Прорыв не удался: беззаветное мужество Лейб-казаков спасло Государя, а пики казачьи, наперекор всем расчетам, вырвали победу из рук Наполеона. Его пехотные колонны, двинутые быстро вперед, должны были поправить дело, но было уже поздно: с противоположных берегов озера и ручья, у деревни Гюльденгоссы, гремели по ним теперь 112 орудий Сухозанета, сопровождаемые огнем прусских и австрийских батарей, а л. гв. Финляндский полк прибавил новые лавры к своим победам, стремительным порывом выбив противника из деревни.

Успешное вначале наступление французской кавалерии привело Наполеона к уверенности в конечной победе, он в ней настолько не сомневался, что даже послал королю Саксонскому в Лейпциг поздравление с победой и приказал в окрестных деревнях звонить в колокола... И вдруг молодецкая фланговая контратака Лейб-Гвардии Казачьего полка способствует восстановлению прорванных было линий центра Богемской армии, подходят наши доблестные гвардейские полки: Литовцы, лейб-гренадеры, Финляндцы и Павловцы, вместе с прочими частями резерва Цесаревича. Обстановка меняется, но не по замыслу Наполеона, который однажды сказал, что между битвой выигранной и проигранной находятся империи. Так оно и случилось...

Смеркалось, гром орудий, потрясавших воздух, становился все тише и тише, ружейная трескотня замолкала... Вся боевая линия французских войск отходила назад на свои старые квартиры...

Уже спускалась ночь, когда Император Александр съехал с холма и направился к деревне Рота на ночлег в сопровождении своего неизменного в заграничной кампании конвоя, Лейб-казаков. Весело затрещали казачьи костры и у их приветливых огней грелись промок-

шие казаки, делясь впечатлениями минувшего дня...

«Упорное сопротивление войск принца Вюртембергского и Клейста, отважная атака Лейб-казачьего полка, удачное действие русской артиллерии и своевременное прибытие резервов к решительному пункту поля сражения исторгли победу из рук гениального полководца и приуготовили торжество Европы, ополчившейся в защиту своей независимости», — так очерчивает наш военный историк Михаил Иванович Богданович последствия этого замечательного эпизода в Лейпцигской битве.

Г. Гринев

ТРИ АТАКИ

(Продолжение)

Атака Эскадрона Его Величества 7 сент. 1914 г. под с. Блашки.

6 сентября 1914 года эскадрон Его Величества, с приданным ему полуэскадроном 4-го эскадрона, выступил на разведку в направлении с. Блашки — город Калиш.

На следующий день, 7 сентября, эскадрон имел блестящее чисто-кавалерийское дело, атаковав в конном строю, при совршенно исключительных условиях, эскадрон германской кавалерии. Уничтожив его совершенно, он потерял лишь одного человека, но потеря эта была тяжелая: славной смертью, во главе своего эскадрона, погиб доблестый командир его ротмистр Люкс.

В виду особого интереса этого лихого дела, приведу подробное описание с слов участника атаки тогда штабс-ротмистра, ныне полковника, князя Голицина.

Выслав по разным направлениям четыре разъезда, три офицерских под командой поручика князя Капланова и корнетов Хана Нахичеванского и Панчулидзева и один унтер-офицерский под командой унтер-офицера Сиволапова, эскадрон расположился в том же самом имении Волень, где обычно стояли наши разведывательные эскадроны. С эскадроном остались командир его ротмистр Люкс, штабс-ротмистр князь Голицин и поручик Вольский. Выставив необходимое охранение, офицеры принялись закусывать. Вдруг на дворе усадьбы послышался топот и к выбежавшему на двор князю Голицину подскакал, на взмыленной и неоседланной лошади какой-то крестьянин. При виде князя Голицина лицо его расплылось в радостную улыбку и он, взволнованным голосом, сообщил, что через селение Блашки, находившееся в двух верстах от усадьбы, только что прошел германский эскадрон в направлении на город Серадзь. Крестьянин этот оказался жителем с. Блашки, по фамилии Геринг, служившим в нашем полку трубачем в бытность штабс-ротмистра князя Голицина полковым адъютантом. Заметив прошедший через Блашки германский эскадрон и зная о присутствии русского эскадрона в имении Волень, он, в ясном сознании своего воинского долга, немедленно поскакал сообщить о виденном и какова же была его радость, когда в тех, кому он оказал такую ценную услугу, он узнал своих Нижегородцев и своего бывшего начальника. Геринг тут же попросился выступить с эскадроном в дело, что ему и было разрешено, а потом, по его же просьбе, он был зачислен в полк, в эскадрон Его Величества.

Между тем, ротмистр Люкс, чтобы отрезать противнику путь отступления, повел эскадрон на рысях к западной окраине с. Блашки, после чего повернул по шоссе на г. Серадзь. В эскадроне, за вычетом высланных разъездов, оставалось около 60 человек. Командир эскадрона выслал вперед маленький разъезд из трех драгун, под командой унтер-офицера Люфта, с приказанием, в случае встречи с неприятелем, повернуть назад и навести его на наш эскадрон. При нашем проходе через Блашки жители подтвердили сообщение о проходе германского эскадрона.

По выходе из Блашек шоссе проходит меж-

ду двумя рядами деревьев, часто переплетающихся между собой ветвями, образующими над шоссе как-бы зеленые арки, благодаря которым дальше ста шагов ничего нельзя видеть, кроме того, с обеих сторон шоссе прорыты канавы.

Эскадрон двигался в колонне по шести, имея во главе командира эскадрона и штабс-ротмистра князя Голицина. Время шло и в душу уже стало закрадываться сомнение — не повернули-ли немцы в сторону от шоссе, как вдруг впереди раздался конский топот и послышались револьверные выстрелы. Не успел командир скомандовать «пики за плечо... шашки к бою... марш-марш!» как показался несущийся навстречу эскадрону наш маленький разъезд, а за ним германский эскадрон, с пиками на перевес, имея во главе трех офицеров.

Со стороны неприятеля слышны были неистовые крики «хо-х! хох!» а офицеры беспрерывно стреляли из парабеллумов по нашему разъезду, высланному, очень осмотрительно, на лучших лошадях. Увлеченные преследованием наших драгун, немцы не ожидали такой неприятной встречи и, при виде нашего эскадрона, победное «хох» быстро стихло. Но, поворачивать германскому эскадрону было уже поздно, да и некуда. Оставалось встретиться лицом к лицу и постараться пробиться через внезапно выросшее препятствие.

В первый же момент шока, командиром германского эскадрона был убит ротмистр Люкс, который падая, успел крикнуть «ребята! рубите! Деньги у трубача...» Почти в то же мгновение могучим ударом скакавшего за штабс-ротмистром князем Голициным его вестового Шевченки был убит командир германского эскадрона. В дальнейшем, сквозная атака, начавшаяся на карьере, перешла в медленное проползание друг сквозь друга двух встретившихся конных масс.

В этой необычной схватке перевес сразу же обозначился на стороне наших драгун, мощными ударами, легко прорубавших немецкие каски, в то время как германцы беспомощно вертели своими пиками, стараясь всеми способами защититься от сыпавшихся на них жестоких ударов. Взводный унтер-офицер Люфт сильным ударом прорубил каску одному немцу и раскроил ему голову, причем шашка, скользнув с головы, рассекла еще круп лошади.

Как только головная часть эскадрона прошла сквозь гущу немцев, штабс-ротмистр князь Голицин повернул эскадрон и началось беспощадное истребление удиравшего врага, прекращенное только тогда, когда немногие уцелевшие немцы рассыпались по всему полю, а вдали, на шоссе, показались немецкие велосипедисты. Во время преследования захвачен в плен юнкер граф Чернецкий, упавший вместе с лошадью, а один из офицеров, скрывшийся при помощи двух евреев, в сторожевую будку и, при его обнаружении, отказавшийся сдаться, был убит драгуном Непомнящим, как и оба укрывавшие его еврея. Командир германского эскадрона, как сказано выше, был убит в начале атаки. Нижних чинов зарублено до 70 человек и 12 раненых взято в плен. В нашем эскадроне потери были невелики. Два драгуна ранено пулями и несколько — пиками. 7 лошадей убито и несколько ранено.

Между тем, полученные от разъездов донесения говорили о начавшемся наступлении немцев в направлении на г. Серадзь. Поэтому, отправив на подводах в штаб полка тело убитого ротмистра Люкса, раненых немцев и захваченное оружие, вступивший в командование эскадроном штабс-ротмистр князь Голицин приказал отходить на наше сторожевое охранение, расположенное впереди Серадзи. Около деревни Смардчево эскадрон остановился, заняв переправу, в ожидании приказаний из штаба полка.

Нельзя не отметить нескольких совершенно исключительных обстоятельств этого дела: 1) Неожиданное появление бывшего Нижегородца, запасного трубача, с донесением о прошедшем через его селение неприятельском эскадроне. Судьбе угодно было дать ему счастливую возможность еще раз послужить родному полку. 2) Встреча в конном поединке эскадронов двух Шефских полков: Нижегородского Его Величества и Конно-Егерского Германского Императора. 3) Смерть обоих командиров в самом начале атаки и 4) Исключительно редкая в военной истории, сквозная конная атака в колонне по шести, по узкому дефиле.

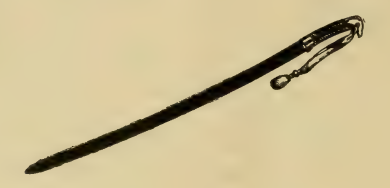
Дело это, еще раз, доказало громадное преимущество в конной атаке нашей конницы перед неприятельской. Сознание этого превосходства еще более подняло дух наших драгун уже не сомневавшихся в том, что в рукопашной схватке — победа им обеспечена. А германская конница, в первые же дни войны, испытав на себе могучие удары нашей кавалерии, уже не решалась вступать с ней в конный поединок и, при встрече, сейчас же спешивалась или пряталась за свою пехоту. Нечего и говорить, какое большое значение, для свободы действий нашей конницы, имела эта ее моральная победа над конницей неприятеля.

Обращаясь к двум лихим атакам 5-го эскадрона — 8 августа и эскадрона Его Величества — 7 сентября, нельзя не обратить внимания на правильность подготовки драгун к боевой работе в Нижегородском полку, так наглядно доказанную в этих двух атаках. Не пренебрегая остальными отраслями обучения, необходимыми кавалеристу, в полку было обращено особое внимание на рубку, в сознании того, что для

успеха дела необходимо, чтобы конный боец был уверен в своем превосходстве в рукопашной схватке и, хотя пика, иногда, и может быть полезна, но, в большинстве случаев, работать ему придется шашкой, да русскому человеку она и больше по душе. В полку постоянно устраивались состязания в рубке, как в эскадронах, так и между эскадронами и даже между полками дивизии, причем обращалось внимание не только на меткость, но и на силу удара. Потому неудивительно, что на войне случались богатырские удары, прорубавшие насквозь германские каски и черепа. Результаты оправдали эту точку зрения, и полк был вознагражден за свою мирную работу, прославив себя блестящими коннными атаками на германском фронте Великой вонйы.

Полк. **Ден**

(Окончание следует)

Августовские леса

Из воспоминаний Начальника Штаба 27-й пехотной дивизии

Неожиданно, как гром с ясного неба. 28 января получили мы телеграмму из Штаба XX корпуса, куда, по новой диспозиции, перешла наша пехотная дивизия генерала Джонсона. «Сняться с занимаемой позиции и немедленно начать с боями отход на Сувалки», гласила она.

К полуночи полки дивизии подошли к сборным пунктам и, двумя колоннами, двинулись к русской границе. Бушевал ледяной ветер со снегом, и на два шага вперед не было видно ни зги. Связь с правой колонной бригады генерала Беймельбурга скоро была потеряна, ему все время приходилось отстреливаться от наседавших немцев и только через двое суток он присоединился к дивизии. Двигались хочти без отдыха, с малыми привалами. К полудню третьего дня, после того как нас обстреляла в упор появившаяся на фланге немецкая батарея, ведший левую колонну генерал Джонсон, вместе с капитаном Шафаловичем, вдруг исчез, бросив свою дивизию. К вечеру получаю записку из Сувалок: «На каком основании вы остались при войсках, а не сопровождали меня? Джонсон». Отвечаю также полевой запиской: «Полагаю, что место Начальника Штаба должно быть именно при войсках, особенно в настоящем положении; не считаю возможным присоединиться к вам раньше, чем полки дивизии не подойдут к Сувалкам». Ни одного слова упрека Джонсон не осмелился мне сказать, когда мы вошли в город.

К утру 1 февраля, в Сувалках уже находился весь генералитет XX корпуса, во главе с командиром корпуса генералом Булгаковым. На Военном Совете, прошедшем под знаком усталости и уныния, ничего путного решено не было, да и трудно было что-нибудь предпринять. Директива определенно указывала, что пути отступления должны были вести через Сувалки, прямо на восток к Гродно, через трудно проходимый Августовский лес. без единой шоссейной дороги, по узким грунтовым и лесным тропам, почти на протяжении ста верст. Все пути к северу и югу от этого, почти девственного, леса были предоставлены другим корпусам 10-й армии, которые и успели проскочить к Неману. Шоссейная дорога от Августова на Гродно уже к вечеру 2 февраля была в руках немцев, то-есть непосредственно на фланге колонн XX корпуса.

На рассвете того же числа, три дивизии втянулись в злополучный лес, ровно через неделю превратившийся в их могилу.

Истощенные войска шли день и ночь, без сна, в стужу, питаясь больше сухарями, что были в солдатских ранцах. Отсталые и раненые или замерзали или попадали в плен. По ночам со всех сторон шла беспорядочная стрельба.

Артиллерийские лешади выбивались из сил без корма, вывозя из грязи пушки и зарядные ящики.

При главных силах 27-й пехотной дивизии, кроме генерала Джонсона, находился сам командир корпуса, его Начальник штаба генерал Шемякин, начальник артиллерии генерал Шрейдер и офицеры штаба корпуса. Генерал Булгаков знал Джонсона еще по 25-й пехотной дивизии, где тот у него был бригадным, и Джонсон пользовался полным доверием корпусного командира. Хорошо знал Булгаков и меня еще по Люблину.

На рассвете 3 февраля, в самом лесу, перед деревней Махорце, авангард нашей дивизии был остановлен артиллерийским огнем. Получив от находившегося в авангарде дивизии полковника Белолипецкого донесение о том, что деревня Махарце занята артиллерий и пехотой и что путь прегражден, начальство решило атаковать и прорваться. Я вызвался поехать вперед, произвести рекогносцировку, войти в связь с Белолипецким и на месте отдать нужные распоряжения. Начальник дивизии не сдвинулся с места, хотя казалось бы, генералу Джонсону и сам Бог велел поинтересоваться, что происходит с его войсками в столь необычайной обстановке. На командира корпуса расчитывать не приходилось, он уже совершенно размяк, а его Начальник штаба не выходил из состояния апатии.

Найдя Белолипецкого, сидевшего с телефоном в руках, в какой-то яме близ опушки леса, у дороги, ведущей в деревню, (он уже связался со своим авангардом), я переговорил с ним и вышел на дорогу, чтобы ознакомиться с обстановкой, после чего, пользуясь данной мне «карт бланш», и в полном согласии с Белолипецким, от имени Начальника дивизии, отдал приказание: «108 пехотному Саратовскому полку продолжать действовать левее дороги, полковнику Отрыганьеву с его Уфимским полком, рассыпать цепи правее и начать наступление; трем батареям найти в лесу позицию для обстрела деревни».

Пока шла подготовка к этой атаке, по дороге из Махарце показалась парная повозка и спокойно двинулась в направлении к Августову. В повозке сидел немецкий полковник, повидимому вполне убежденный, что он находится в расположении своих войск. Это было столь неожиданно для стоявших у дороги Уфимцев, что они долго не решались схватить чудака. Среди бумаг пленного полковника, было найдено донесение его начальника в высшую инстанцию о том, что XX корпус окружен перед деревней Махарце и вопрос его пленения — теперь только вопрос часов.

На деле, все произошло совершенно иначе. Немецкая дивизия не только никого не окружила, но была отброшена, причем в плен попало около тысячи немцев с целой пионерной ротой, пятью офицерами, восемью пушками и 15-ю пулеметами.

Самым блестящим эпизодом в атаке был, несомненно, акт безумной храбрости, оказанный моим приятелем по Вильно, штабс-капитаном Шеповальниковым. Когда, в бинокль, я ясно увидел, что немецкие пушки у Махарце развернуты на болотистом грунте узким фронтом вдоль дороги и стреляют по нашим невидимым им батареям, я поехал в одну из них, где как раз находился Шеповальников и сказал ему: «Слушайте, Александр Александрович, хотите получить белый крест или Георгиевское Оружие? Возьмите одну пушку, карьером выведите ее из леса и обстреляйте беглым огнем немецкую батарею». Он, без колебания, согласился. Орудие выехало на дорогу, на самую близкую дистанцию, картечным огнем Шеповальников перестрелял прислугу и лошадей, так что немцы не успели и опомниться.

В тоже время наши цепи перешли в наступление. У противника, не ожидавшего столь стремительной и смелой атаки, произошла паника, передавшаяся и в тыл. Дивизия отошла, путь XX корпусу оказался открытым. Все было кончено до полудня. Небольшая деревня Махарце, не больше десятка домов, была переполнена ранеными немцами, придорожные канавы доверху набиты убитыми, тут же валялись артиллерийские лошади.

Отсюда же я послал своему Начальнику дивизии подробное донесение об успехе операции и, в ответ, получил записку, написанную лично Джонсоном: «Командир корпуса и я поздравляем вас с Георгиевским Крестом».

Потери наши были незначительны. Больше всего пострадали Уфимцы, потерявшие серьезно раненым своего храброго командира полковника Отрыганьева. Он лично повел в наступление свои три батальона, шел с цепями, вместо того чтобы остаться в резерве при четвертом.

Одержанная полками 27-й пехотной дивизии победа позволила войскам XX корпуса продолжать свое траурное шествие через Августовский лес. Двигались медленно, черепашьим шагом, буквально продираясь сквозь чащу деревьев и кустов, по невылазной, смешанной со снегом, грязи. Ночью, в непроглядной тьме, идти было совершенно невозможно, усталые солдаты валились прямо в грязь и снег и засыпал мертвым сном. Помимо этого, немцы теснили со всех сторон, ружейная и полеметная стрельба не прекращалась до рассвета. Положение офицеров, до самых высших чинов, было нисколько не лучше, во всем лесу встречалось очень мало населенных пунктов, высылаемые квиртирьеры натыкались в крестьянских

домах на спящих солдат, разбудить которых было совершенно невозможно.

Так шли еще четверо суток. Днем 7 февраля для командира корпуса и всего командного сотава сделалось совершенно ясно, что мы окружены со всех сторон. До выхода из леса, перед Гродненскими фортами, оставалось не больше полуперехода, верст 10-12.

Генерал Булгаков, ехавший всю дорогу в закрытом экипаже, в котором он мог и спокойно спать, вышел из него и в покинутом помещичьем доме у деревни Лимины собрал всех генералов с их Начальниками штабов на военный совет. Совещание длилось почти целый день, так как обстановка быстро менялась не в нашу пользу. Авангарды дивизий, уже в самом лесу, наткнулись на сильные соединения противника, выброшенные уже со стороны Гродно.

Вот, в нескольких словах, как началось и закончилось окружение XX корпуса немецкими войсками.

Когда вечером 28 января было получено приказание начать отход от Восточной Пруссии, — правый фланг 10-й армии уже был обойден двумя немецкими корпусами. Без всякого труда они отбросили нашу кавалерию генерала Леонтовича, на следующий день вошли в стык двух русских корпусов, вынудили группу генерала Епанчина отступить на Ковно, а затем, кружным путем, целый немецкий корпус пошел в глубокий обход через Кальварию к Гродно. В этом форсированном марше, по 60 верст в сутки, то в дождь, то в снег, когда дороги превращались в гололедицу и обозы не поспевали за войсками, немецким солдатам было приказано питаться их неприкосновенным запасом в ранцах, а артиллерию поставили на полозья, чтобы успеть заранее занять Сопоцкинские высоты, перед выходом из Августовского леса. И они успели занять эти высоты и поставить на них сильную артиллерию, которая, прямой наводкой, могла уничтожить всякое существо, выходившее из леса.

К вечеру 7 февраля картина трагического положения XX корпуса ясно обозначилась. Оставался один шанс — прорваться под покровом ночи, во что бы то ни стало, бросив все обозы.

На военном совете Булгакова приняли участие три начальника дивизий — генералы Джонсон, Розеншильд-Паулин и Федоров, начальники штаба корпуса — генерал Шемякин, начальник артиллерии генерал Шрейдер, командиры бригад генералы — Чижов, Филимонов, Хольмсен и Беймельбург и несколько офицеров Генерального Штаба. Царило уныние, никто из присутствующих не был уверен, что выйдет живым из этой западни. Обращаясь ко всем, Булгаков часто спрашивал и мое мнение и, когда я высказался за то, что для обеспечения ночного прорыва следует подумать и о сильном арьергарде, так как немцы несомненно ударят с тыла, он немедленно с этим согласился. Каково же было мое удивление, когда для столь ответственной операции не нашлось ни одного из присутствующих генералов и командир корпуса обратился прямо ко мне: «Поручаю вам составить этот арьергард из всех частей, что вы найдете здесь в лесу, оторвавшихся от своих полков, в придачу возьмите 53 артиллерийскую бригаду и 20 Мортирный дивизион. В начальники штаба я вам назначаю штабс-капитана Махрова, это отличный офицер».

Пока я с Махровым собирали отдельные роты и группы отставших солдат, болтавшихся в лесу, немецкие орудия уничтожали наши батареи, как только те появлялись на каких-либо лужайках в лесу. Это была потрясающая картина: передки не успевали отъехать, как немцы, отлинчо все видившие с Сопоцкинских высот, в несколько минут превращали в месиво и людей и лошадей.

Отданный вечером 7 февраля приказ гласил: «Корпусу, двумя колоннами с артиллерией, в полной тишине, двинуться в 12 часов ночи из леса к Гродно. Во главе левой колонны идет 27 пехотная дивизия а правой — 29 пехотная дивизия. Арьергарду полковника Дрейера развернуть все находящиеся в его распоряжении силы на позиции, выбранной в лесу, дабы не дать противнику атаковать с тыла уходящие колонны».

Наступила ночь. Стрельба продолжалась со всех сторон, то утихая, то усиливаясь. К полуночи все стихло, и колонны двинулись. Генералы продолжали находиться все вместе и Джонсон, не решившийся стать во главе своей дивизии, назначил командовать ею того же полковника Белолипецкого.

Я, уже с вечера, начал собирать пехоту и к утру 8 февраля у меня было около 16 рот слабого сотава из всех частей корпуса с офицерами. Проще всего было с артиллерией: оба командира Кисляков 53 артиллерийской бригады и полковник Попов 20 Мортирного дивизиона выбрали позиции в лесу и готовились картечным огнем встретить неприятеля. Иного рода огня вести было невозможно.

Едва лишь забрезжил рассвет, со стороны Гродно начался бешеный артиллерийский и пулеметный огонь и, в тоже время, со всех сторон в лесу, показались каски немецкой пехоты, начавшей атаку на мой арьергард. Затем, немецкая артиллерия начала обстрел леса, где стояли наши лошади и упряжки артиллерии и мой небольшой резерв из нескольких рот. Помимо этого, при моем арьергарде находились еще трофеи Махарцевской победы — около тысячи

немецких солдат, саперная рота, 5 или 6 офицеров, орудия и пулеметы. Все они тоже обстреливались, как и мы, своими же немцами.

Как впоследствии выяснилось, из трех с половиной дивизий XX корпуса, удалось прорваться, не будучи замеченными, только одной бригаде из двух пехотных полков. Прочие войска корпуса, тянувшиеся длинными колоннами, не смогли воспользоваться покровом темноты и выходили из лесу только под утро. Обнаруженные немцами с Сопоцкинских высот, они немедленно были остановлены и расстреливались в упор.

Ни о каком длительном сопротивлении не могло быть и речи. Артиллеристы заклепывали пушки, выбрасывали и зарывали замки, полковые знамена сдирались с древка и тоже разрывались или прятались под одежду.

Пока продолжалась агония главных сил XX корпуса, мой арьергард продолжал доблестно, хотя и безнадежно, сражаться, поражая на прямой артиллерийский выстрел немецкие цепи, шедшие в атаку на батареи 53 бригады и мортиры.

Я с полковником Кисляковым и его адъютантом Кречетовым стояли на небольшой поляне у опушки леса. Простым глазом, мы видели, как картечный огонь одной из наших батарей укладывал немецкух пехоту, были свидетелями как, от артиллерийского огня немцев, взлетели на воздух наши зарядные ящики, наконец, как эту же батарею, на наших глазах, немцы, в конце концов, взяли в штыки.

Дело подходило к концу... Я попытался, однако, бросить в атаку бывшую под рукой в резерве роту, но она была остановлена пулеметным огнем. Раздались стоны раненых солдат и далеко эта рота не подвинулась. Вокруг нас все больше и больше рвались снаряды, свистели пули,, раня и убивая находившихся возле нас людей и лошадей.

Пленные немцы метались, не зная, как и куда укрыться, среди них тоже начались потери. Помимо пленных, при моем арьергарде находился раненый полковник Отрыганьев. Он тяжко стадал от холода, лежа в какой-то повозке и, не отдавая себе отчета в обстановке, умолял отправить его в какой-либо лазарет. Видя что положение безнадежно, я вызвал старшего из немецких офицеров, стоявших неподалеку, и объявил ему, что, не желая держать пленных под обстрелом, я отпускаю их к своим, но с условием что их начальство даст также пропуск нашим раненым в Гродно. Тут же был сооружен белый флаг с красным крестом, намазанным кровью убитой лошади и вручен пленному офицеру вместе с запиской для немецкого командования, лично мною написанной. Напутствуя полковника Отрыганьева, уходившего с немцами в сопровождении врача, я вынул из седельной сумки бутылку коньяку и подарил ему, растрогав его этим до слез.

Через полчаса после ухода немцев, получился краткий ответ от их ближайшего начальника, написанный по-немецки: «Вы окружены, вам остается только сдаться».

Бой все продолжался. Стрельба усиливалась. Вдруг мой верховой конь «Гондурас», еще недавно бравший призы на скачках в Варшаве, повалился на землю, сраженный пулей в сонную артерию, и кровь брызнула темной струей на много шагов. Он тяжко захрипел, вздрогнул всем телом и застыл навсегда. При других обстоятельствах моему отчаянию не было бы конца. Здесь — я почти не почувствовал жалости и спокойно приказал моему верному вестовому Колесникову переодеть мое седло на его лошадь, а себе взять любую из тех, что бродили по лесу.

Было около полудня. Ни от одной части своего арьергарда я сведений уже не получал. Артиллерия моя расстреляла все снаряды и, частью, уже была взята немцами. От пехоты не осталось и следа, солдаты или сдались или попрятались в лесу, побросав ружья. Наступил конец. Оставалось или сдаваться в плен или пытаться куда-нибудь уйти.

Подзываю Колесникова: »Вынь-ка там брат из седла бутылку, да дай чарки от фляжек, поживее...»

Может показаться странным, но у меня было предчувствие, что должно случиться какое-то несчастье и поэтому, уходя из Восточной Пруссии, я уложил в седельные сумы, кроме нескольких лекарств: бутылку коньяку, бутылку шампанского, четверку чая, сахар и коробку гаванских сигар «Ноу о de Monterey» — подарок моей жены. Коньяк порадовал тяжело раненого Отрыганьева, а вот эту бутылку шампанского, не то перед смертью, не то перед тем, как нас схватят через несколько минут живьем немцы, я решил распить тут же под огнем. Было морозно и холодно, температура для этого благородного напитка самая подходящая.

Обращаюсь к Кислякову: «Ну, полковник, повоевали, выпьем теперь по стакану вина перед тем, как уйти от немцев живыми. Бог знает, где и когда встретимся. И я налил в аллюминиевые чарки шампанского Кислякову, Кречетову, Махрову, себе — они не верили своим глазам. Мы чокнулись и едва выпили как раздался страшный удар и среди нас разорвался артиллерийский снаряд. Кисляков, без звука, упал мертвым на землю, застонал раненый его адъютант Кречетов (известный писатель-публицист Соколов-Кречетов), меня слегда контузило, предохранил одетый на голову меховой башлык, Махров и Колесников, стоявшие рядом, не пострадали.

Но и эта смерть не произвела большого впе-

чатления, настолько притупились нервы за десять дней, проведенных без сна, в боях, в постоянном напряжении, среди убитых, раненых и умирающих по пути, в грязи, людей и лошадей.

Снова к Колесникову: «Давай коня!» Затем я громко обратился к столпившимся возле меня офицерам и солдатам: «Кто не хочет сдаваться в плен, за мной! Верхом!» Вызвался пехотный капитан с тридцатью конными, его Охотничьей Командой, конечно, Махров с вестовым и двое бравых старо-служащих солдат, артиллерийских подпрапорщиков 53-й бригады.

Первой мыслью было стремление во что бы то ни стало прорваться и, затем, скрывшись в лесу, обдумать — что делать дальше. Я хорошо знал Августовский лес еще по мирному времени, по моей службе в Вильно, в предвидении войны дважды был командирован для его рекогнисцировки. Поэтому я знал несколько убежищ, куда не вела ни одна лесная дорога. Главное было уйти возможно скорее от немцев и уйти не вперед, а в тыл, ибо впереди ожидал только плен.

Сколько раз я благодарил свою судьбу в течении моей долгой жизни, которая, порой, была и жестока и несправедлива, но в пяти проведенных войнах не оказалась злой мачехой. Так случилось и теперь.

Полевым галопом, с револьвером и винтовками в руках, мы промчались мимо немецкой батареи, где прислуга, окончив бой, спокойно отдыхала. Ошарашенный появлением скачущей кавалерии, немецкий офицер успел только крикнуть: «Feuer», но солдатам не удалось и зарядить, — мы вихрем пронеслись мимо и углубились в лес, еще долго продолжая идти усиленным аллюром.

В. Дрейер

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА « ВОЕННАЯ БЫЛЬ »

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» основан Обще-Кадетским Объединением во Франции, в 1952 году и с тех пор издается от его имени.

Со дня основания журнала, ответственным Редактором-Издателем *(Directeur-General)* его является Алексей Алексеевич Геринг, на котором лежит выбор материала и ответственность за содержание каждого номера.

Номером 63 журнала, окончилась подписка на шесть №№ 58-63. Во избежание перерыва в получении «ВОЕННОЙ БЫЛИ», Издательство просит Вас озаботиться подпиской на следующие ШЕСТЬ №№ 64-69.

Издательство просит также ПЯТЬ подписчиков, не внесших подписной платы за истекший срок и ТРЕХ, не уплативших и за 1962 год внести причитающиеся с них деньги.

Последние одинадцать выстрелов

(К 40-летию ухода белых из Приморья).

Последний большой бой за Белое Приморье, под селом Монастырище 13-14 октября, окончился для белоповстанцев неудачно. Особенного поражения не понесли, но и не смогли добиться успеха. Потери были весьма значительны, и войска, принимавшие в этом бою участие, начали уходить в сторону города Никольска-Уссурийского. В арьергарде осталась Поволжская бригада, занявшая позицию между станцией Иполитовка и селом Ляличи, где спокойно простояла всю ночь.

Я в эту ночь, с двумя телефонистами, проболтался на наблюдательном пункте, который находился саженях в ста справа, впереди позиции Волжской батареи, на бугре, покрытом мелким кустарником. Ночь была настолько темная, что добраться с батареи до наблюдательного пункта, не держась за телефонный провод, не представлялось возможным. Кругом ничего не было видно. Вглядываясь в темноту, мы прислушивались к малейшему шороху. Телефонисты, под предлогом проверить линию или принести кипятку, по очереди ходили на батарею. Мне проверять было нечего, и я сидел на месте.

Около 3-х часов утра все еще было так же темно. Совершенно неожиданно слева от нас послышался шорох, и, как из-под земли, на наблюдательном пункте появились человек двадцать каких-то солдат с винтовками. Оказались Волжане — застава, высланная от полка. Выяснилось, что до сих пор, кроме нас троих, впереди никого больше не было. От командира почти тотчас же пришло распоряжение — сматывать провод и возвращаться на батарею.

Утром, когда совсем уже рассвело, появились красные. Батарея открыла огонь из орудий, но скоро пришел приказ сниматься с позиции. Бригада стала отходить. Волжская батарея, получив распоряжение, влилась в артиллерийскую колонну полковника Бек-Мамедова, в которую собирали всю белоповстанческую артиллерию.

16-го октября утром, когда артиллерийская колонна входила в город Никольск-Уссурийский, голова ее, неожиданно и неизвестно откуда, была обстреляна из пулеметов. Стрельба почти сразу прекратилась. Потерь не было, но колонна остановилась, и что-то выясняли. Кто стрелял — мы так и не узнали. Простояв на месте с полчаса, двинулись дальше и без задержки прошли через весь город — последний на нашем пути. К обеду подошли к реке Суйфун, против деревни Красный Яр, и начали переправляться на другую сторону по имевшемуся небольшому парому, который нужно было тянуть, перебирая руками туго натянутый канат, переброшенный через реку. Ставить на паром больше одной пушки было рискованно. Провозились долго, но все прошло гладко.

Ночевали в Красном Яру. На другой день ушли на Худяковские хутора, расположенные против Раздольного — вдоль сопок, где остались на ночлег. Волжская батарея попала в дом самого хозяина. Он принял нас очень радушно, угостил ужином и показал свой олений заповедник. Было темно, но все же, при слабом свете керосинового фонаря, нам удалось увидеть двух или трех оленей. Они были без рогов — панты уже были срезаны. Семья у старика хозяина была большая, но разобрать, кто члены его семьи, кто рабочие, было невозможно. Он не делал между ними никакой разницы. Одеты были почти все одинаково. Распрощались мы с ними очень тепло.

Из Худяковских хуторов артиллерийская колонна, без всяких приключений, перешла в деревню Пеняжено, расположенную недалеко от Амурского залива, где в него впадает река Суйфун. Вечером, после ужина — это было 18-го октября 1922 года — командир, собрав всю батарею, прочел только что полученный им приказ по Земской Рати (так в то время называлась наша Армия), в котором ее Командующий, генерал Дитерихс, объявлял: «Война окончена. Я ухожу в Китай. Кто хочет — может идти со мной, а кто не хочет — может делать, что ему угодно. Задерживать никого не будут».

В Волжской батарее, кроме двух солдат, мобилизованных только что перед началом боев, все остались на месте. Эти двое ушли пешком во Владивосток. Ни радости, ни особенного горя никто не проявлял. Куда идти — было все равно. В Китай, так в Китай — только не оставаться у красных.

Простояв в Пеняжено сутки, части Земской Рати двинулись в сторону последнего на территории России населенного пункта — урочища Ново-Киевск, находившегося вблизи стыка трех границ: России, Кореи и Китая. В арьергарде остался генерал Сахаров с Волжским полком (немного больше 200 штыков) и приданным ему одним орудием Волжской батареи под командой поручика Коршенюка. Младшим офицером командир батареи назначил меня.

Немного задержавшись в Пеняжено, генерал Сахаров со своим отрядом выступил по до-

роге следом за ушедшими частями Земской Рати. Отойдя несколько верст от деревни, мы подошли к небольшой речушке с почти отвесными берегами, через которую лежал деревянный мост — вернее, только его половина. Настила на правой стороне моста не существовало. Кто-то выломал все доски и их растащил. Починить никто не позаботился. С большой опаской и подбадривающими крепкими словами, несшимися из уст поручика Коршенюка ездовым, чтобы они не оглядывались, потому что при малейшей оплошности орудие могло свернуться в речку и утащить за собою лошадей, мы благополучно перебрались на другую сторону.

Генерал Сахаров, оставив около моста команду конных разведчиков Волжского полка (около 20 сабель), провел нас дальше по дороге до места, где справа от нее начиналась гряда сопок, уходившая перпендикулярно куда-то вдаль. Отдав распоряжение полку рассыпаться в цепь, а нам стать на позицию, сам уехал обратно к конным разведчикам.

Полк рассыпался — скорее разошелся, но никто не ложился. Все стояли и топтались, всматриваясь в сторону, куда уехал генерал Сахаров, как будто чего-то ожидая, и понемногу пятились назад. Мы, немного отъехав, снялись с передка, но не успели еще толком стать на позицию и выбрать точку отметки, как наша пушка оказалась впереди цепи. Коршенюк приказал оттянуть ее немного назад. Вместе с нею оттянулась и цепь. Решили больше не двигаться. Наблюдательного пункта искать не было нужно. Он был рядом, слева от дороги, где начиналась гряда сопок, на высокой, с хорошим обзором, скале.

Поручик Коршенюк быстро забрался на нее. Я остался около орудия. Со скалы почти сразу, донеслась команда: «К бою!» Орудийные номера все были на своих местах. За этой командой последовал прицел, трубка и «огонь!» Я повторил... Рявкнул выстрел. За ним, почти беглым огнем, прогремело еще десять, и сверху команда: «Отбой!» Где-то впереди, — нам внизу не было видно, — в воздухе взвились десять белых облачков разорвавшихся шрапнелей — последний салют русской трехдюймовой пушки Белой артиллерии Родной Земле...

Через два дня около Барабаша Сибирская казачья батарея подполковника Яковлева сделала из французской пушки еще один или два выстрела, но у них что-то случилось, и они не могли стрелять дальше. Больше Белая артиллерия никогда и нигде не стреляла.

Почти скатившись со скалы, поручик Коршенюк подошел ко мне и сказал: «скорей поезжайте к генералу Сахарову и объясните ему, куда мы стреляли».

Красный эскадрон быстрым аллюром шел к мосту с намерением захватить его не поврежденным.

Поручик Коршенюк — выпуска 1915 года, не помню из Михайловского или Константиновского училища, был прекрасный артиллерийский офицер и стрелял безупречно. Было достаточно его одиннадцати шрапнелей, чтобы заставить упоенный успехом красный эскадрон повернуть немедленно назад, совершенно скрыться из вида и больше не показываться.

Генерала Сахарова я нашел стоявшим немного в стороне от моста и наблюдавшим, как спешенные разведчики собирали и заваливали мост всяким горючим хламом, найти который поблизости было не так легко. Я подошел к нему и доложил. По выражению лица его было видно, что он доволен — пушка поддержала. Через несколько минут все было готово и мост запылал. Раздалась команда: «По коням — садись!» И мы, не спеша шажком, стали удаляться от моста. Красного эскадрона так нигде и не было видно.

Разговаривая с генералом Сахаровым, с которым ехал рядом, я не заметил, как мы достигли нашей позиции. Все попрежнему стояли в ожидании. Сахаров приказал сниматься и строиться в колонну. Мы двинулись дальше. Дорога обогнув сопку, круто поворачивала направо и шла между двух гряд по неширокой пади, по которой текла маленькая речушка. Вдоль ее были разбросаны корейские фанзы и небольшие рисовые поля. Двигаясь, наш арьергард постепенно растянулся. Все шли вразброд — строя не было видно, но никто на это не обращал внимания.

Борьба за последний, уцелевший от красного ига, уголок России была окончена. Переживал это каждый по-своему и, углубившись в свои мысли, не торопясь, брел по пыльной дороге Кленовой Пади. Кто о чем думал, не знаю, я — ни о чем. Только с любопытством рассматривал попадавшиеся в стороне фанзы и мирно суетившихся около них людей.

Прошло уже больше часа, как мы шли по пади. Вдруг, слева от нас, на сопках защелкали ружейные выстрелы, и пули засвистели над нашими головами. Все моментально ожили, подтянулись, и появился строй. В рядах полка грянула песня — стал слышен отчетливо шаг. Красные партизаны, увидев, что на них не обращают внимания, прекратили обстрел.

Скоро мы пришли в деревню Занодворовку, в которой стоял генерал Бородин со своими оренбуржцами. Они остались в арьергарде, а мы, не задерживаясь, прошли через нее и через четыр дня добрались до Ново-Кивска, где мирно простояли немного больше недели.

Н. Голеевский

РУССКОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го

ВВЕДЕНИЕ

В нашей предыдущей монографии «РУССКОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ 19-ГО ВЕКА» нами была описана реформа, установившая в Российских войсках боевое оружие единого образца, известная под названием «СИСТЕМЫ 1881 ГОДА».

Нами было также указано, что в Гвардии, для ношения при парадной форме, были сохранены некоторые образцы холодного оружия прежних царствований, чем и было положено начало вооружения Российских войск двумя параллельными системами холодного оружия: боевым оружием — единого образца, и парадным оружием — различных образцов.

В царствование Императора Николая II-го, по отношению к боевому оружию, была сохранена «СИСТЕМА 1881 ГОДА», изменены были только эфесы офицерских шашек. Что же касается парадного оружия, то ношение его было распространено также и на Армию, и было утверждено несколько новых его образцов, так что вооружение войск двумя параллельными системами холодного оружия стало всеобщим.

В день восшествия на престол Императора Николая II-го, 20-го октября 1894 года, Российские войска были вооружены тремя образцами боевого и пятью образцами парадного холодного оружия. Боевым оружием всех регулярных войск была шашка образца 1881 года, за исключением частей, вооруженных шашками азиатского образца [1]). Боевым оружием войск иррегулярных была казачья шашка образца 1881 года, за исключением частей, вооруженных шашками кавказского образца [2]). Парадным оружием гвардейских кирасир был кирасирский палаш образца 1826 года, вне строя офицеры гвардейских кирасирских полков носили кавалерийские шпаги. Парадным оружием гвардейских улан и гусар была кавалерийская сабля образца 1827 года. Генералы вне строя носили пехотные шпаги. Офицеры роты Дворцовых гренадер носили пехотные сабли образца 1826 года.

В первые 15 лет царствования Императора Николая II-го холодное оружие оставалось прежних образцов, изменения же начались лишь в 1909 году.

Приказом по Военному Ведомству 1909 года № 44, офицерам гвардейской и полевой конной артиллерии и офицерам армейских уланских, гусарских и драгунских полков, за исключением драгунских полков, переименованных из кирасирских или же вооруженных шашками азиатского образца, разрешалось вне строя носить кавалерийские сабли; офицерам же драгунских, переименованных из кирасирских, полков — кирасирские палаши.

Приказом по Военному Ведомству 1909 года № 102 был утвержден новый образец офицерской шашки.

1. Офицерская шашка образца 1909 года: Клинок подобен клинку офицерской шашки образца 1881 года, но имеет на лицевой стороне гравированное изображение Государственного герба, а на противоположной — гравированное же вензелевое изображение имени Государя, в царствование которого офицер был произведен

[1]) Шашка азиатского образца 1834 года подробно описана в нашей предыдущей монографии. Присваивалась: 3, 15, 16, 17 и 18 драгунским полкам, Кавказскому запасному кавалерийскому дивизиону, 1-му эскадрону 2-го запасного кавалерийского полка, 7-му эскадрону 7-го запасного кавалерийского полка и Кавказскому конно-горному артиллерийскому дивизиону. Офицерские шашки были с произвольными украшениями.

[2]) Шашка кавказского образца отлична тем, что эфес ее «утопает» в ножнах, оставляя наруже одну лишь головку, для чего в верхней части ножен имелось особое расширение. Во всем же остальном шашки были произвольных образцов. Присваивались: Собственному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЮ, Кавказским казачьим войскам, Дагестанскому полку, Осетинскому дивизиону и расположенным на Кавазе пехотным, артиллерийским и инженерным воинским частям.

в первый офицерский чин. Эфес подобен эфесу офицерской шашки образца 1841 года, но имеет на задней стороне головки, в овальном обрамлении, вензелевое изображение, подобное изображению на клинке. Головка заканчивается отдельной орнаментальной шляпкой. Костылек заканчивается кольцом для темляка. Рукоять черная, лакированная, с горизонтальными желобками и с медным, вызолоченным нижним наконечником. Ножны подобны ножнам офицерской шашки образца 1881 года

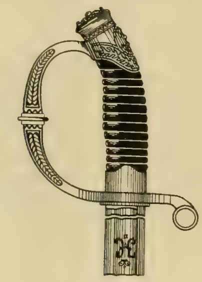

рис. 1

В собрании автора имеется несколько шашек этого образца:

1) Шашка с клинком с одной широкой и двумя узкими долами. На лицевой стороне клинка выгравировано изображение Государственного герба, а на противоположной — вензель Императора Александра II-го. Подобный же вензель имеется на задней стороне головки эфеса. Длина клинка — 76 см.

2) Шашка, подобная предыдущей, но с клинком без всяких изображений. На задней стороне головки эфеса имеется вензель Императора Александра III-го. Длина клинка — 81 см.

3) Шашка, подобная предыдущей, но с Государственным гербом и вензелем Императора Николая II-го на клинке. Подобный же вензель имеется на задней стороне головки эфеса. Шляпка украшена орденом Св. Анны 4-й степени, а на обеих сторонах гарды выгравирована надпись: «ЗА ХРАБРОСТЬ». Длина клинка — 81 см.

4) Шашка с трофейным клинком Венгерской кампании 1849 года, более искривленным и широким, чем предыдущие, с одной широкой и одной узкой долами. На лицевой стороне клинка выгравированы: Государственный герб, королевская корона и надпись: «PATRONA HUNGARTA VIRGO MARIA», а на противоположной — вензель Императора Николая II-го, изображение конного гусара и надпись: «PRO DEO ET PATRIA» и «PRO PATRIA ET LIBERTADI VITAM». Подобный же вензель имеется на задней стороне головки эфеса. Длина клинка — 80 см.

Приказом по Военному Ведомству 1909 года № 353, были утверждены новые образцы офицерского палаша и офицерской кавалерийской сабли.

2. Офицерский палаш образца 1909 года: Подобен кирасирскому палашу образца 1826 года, но имеет на клинке гравированные изображения, подобные изображениям на клинке офицерской шашки образца 1909 года. Головка эфеса украшена орнаментом, подобным орнаменту на головках эфесов офицерских шашек образца 1909 года, с подобным же, на задней стороне, вензелевым изображением, и с подобной же орнаментальной шляпкой (рис. 2).

3. Офицерская кавалерийская сабля образца 1909 года: Подобна офицерской кавалерийской сабле образца 1827 года, но имеет на клинке гравированные изображения, подобные изображениям на клинке офицерской шашки образца 1909 года. Головка эфеса украшена орнаментом, подобным орнаменту на головках эфесов офицерских шашек образца 1909 года, с подобным же вензелевым изображением на задней стороне и с подобной же орнаментальной шляпкой (рис. 3).

В собрании автора имеется сабля этого образца, с клинком времени Императрицы Екатерины II-й с одной широкой долой. На лицевой стороне клинка выгравированы изображение скачущего гусара и надпись: «GUSSAR», а на противоположной — вензель Императрицы Екатерины II-й и надпись «ЕКАТЕРИНА». На задней стороне головки эфеса имеется вензель Императора Николая II-го. Длина клинка — 86 см.

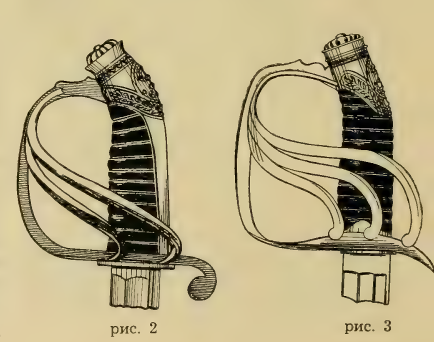

рис. 2 рис. 3

Приказом по Военному Ведомству 1909 года № 409, объявлялось:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 13-й день августа сего 1909 года, Высочайше повелеть соизволил:

Казаков всех вообще казачьих войск не неволить иметь оружие казенного образца и, не стесняясь однообразностью его, разрешить казакам выходить на службу с доставшимися им от отцов и дедов шашками, лишь бы оружие это было годно в боевом отношении».

Это Высочайшее соизволение привело к неожиданным последствиям, а именно, к установлению нового типа холодного оружия, получившего название «сабель азиатского образца» или «кльгчей», сведения о которых помещены в конце этой монографии.

Приказом по Военному Ведомству 1910 года № 323, был утвержден новый образец офицерской казачьей шашки.

4. Офицерская казачья шашка образца 1910 года: Клинок подобен клинку офицерской шашки образца 1909 года, с подобными же изображениями. Эфес подобен эфесу офицерской казачьей шашки образца 1881 года, но имеет на задней стороне головки, в лавровом венке, вензелевое изображение, подобное вензелевому изображению на эфесах офицерских шашек образца 1909 года. Рукоять и ножны также подобны рукояти и ножнам офицерской шашки образца 1909 года (рис. 4).

Чертеж эфеса к офицерской казачьей шашке.

рис. 4

В собрании автора имеется шашка этого образца, с клинком с одной широкой и двумя узкими долами. На лицевой стороне клинка выгравировано изображение Государственного герба, а на противоположной стороне — вензель Императора Николая II-го. На обухе клинка имеется надпись: «ЗЛАТ. ОР. ФАБР.». На задней стороне головки имеется также вензель Императора Николая II-го. Длина клинка — 79 см.

Этим же приказом повелевалось иметь на головках эфесов офицерских шашек кавказского и азиатского образцов, исполненное чернью, вензелевое изображение имени Государя, в царствование которого офицер был произведен в первый офицерский чин (рис. 5).

Чертеж эфеса к офицерской казачьей шашке азиатского образца.

рис. 5

Приказом по Военному Ведомству 1911 года № 121 указывалось, что:

«1) Вензелевое изображение Высочайшего имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на казачьих шашках должно помещаться не только на эфесе, но и на клинках;

2) Знак ордена Св. Анны 4-й степени следует помещать на нижней оковке рукоятки казачьей шашки, на лицевой стороне;

3) Вензелевые изображения на шашках, у которых имеются головки из серебра с чернью, могут быть и накладные;

4) Старинные шашки, разрешенные к носке в строю могут быть и без вензелевых изображений на клинках».

Приказом по Военному Ведомству 1911 года № 579 указывалось, «что знак ордена Св. Анны 4-й степени на кавказских шашках следует помещать на устье ножен с лицевой стороны, так как нижняя оковка рукоятки, на которой помещается означенный знак в других казачьих шашках скрыта в ножнах».

Приказом по Военному Ведомству 1913 года № 359, был утвержден новый образец офицерской шашки азиатского образца.

5. Офицерская шашка азиатского образца 1913 года: Подобна офицерской шашке азиатского образца 1834 года, но имеет на клинке и эфесе вензелевые изображения имени Государя, в царствование которого офицер был про-

изведен в первый офицерский чин, а на клинке, еще и изображение Государственного герба. Ножны кожаные, с высеребренными или вызолоченными с чернью верхним и нижним наконечниками и двумя гайками с кольцами на стороне лезвия (рис. 6).

Чертеж офицерской шашки азиатского образца.

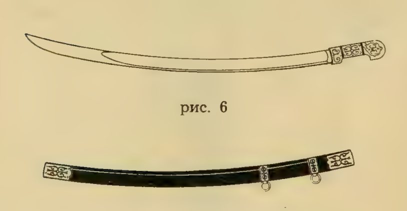

рис. 6

Этим же приказом был утвержден новый образец офицерской шашки кавказского образца.

6. Офицерская шашка кавказского образца 1913 года: Подобна предыдущей, но с эфесом «утопающим» в ножнах, для чего в верхней части сих последних имеется специальное расширение (рис. 7).

Чертеж офицерской шашки кавказского образца.

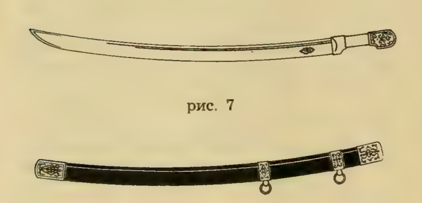

рис. 7

Приказом по Военному Ведомству 1913 года № 545, было разрешено всем казачьим офицерам, имеющим дедовское оружие, носить таковое на поясной портупее.

10-го августа 1913 года был Высочайше утвержден новый Статут Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, которым Золотое Оружие было переименовано в «Георгиевское Оружие» и причислено к ордену, а также были утверждены новые его образцы, объявленные приказом по Военному Ведомству 1913 года № 654.

7. Георгиевская шашка образца 1913 года: Подобна офицерской шашке образца 1909 года, но с медной, вызолоченной рукоятью, с гладкой, с выпуклым ободком шляпкой, на которой помещен крест ордена Св. Георгия уменшенного размера, и с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» на обеих сторонах гарды. Ножны подобны ножнам офицерской шашки образца 1909 года, но с наконечниками и гайками, украшенными лавровыми ветвями. Носилась с темляком на Георгиевской ленте (рис. 8).

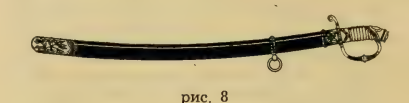

рис. 8

8. Георгиевская казачья шашка образца 1913 года: Подобна офицерской казачьей шашке образца 1910 года, но с медной, вызолоченной рукоятью, с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» на головке и с крестом ордена Св. Георгия уменьшенного размера на лицевой стороне наконечника рукояти. Ножны подобны предыдущим. Носились с темляком на Георгиевской ленте

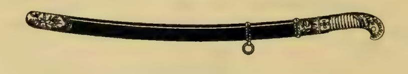

рис. 9

9. Георгиевский палаш образца 1913 года: Подобен офицерскому палашу образца 1909 года, но с медной, вызолоченной рукоятью, с гладкой, с выпуклым ободком шляпкой, на ко-

рис. 10

торой помещен крест ордена Св. Георгия уменьшенного размера, и с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» на всех трех дужках гарды. Ножны подобны ножнам офицерского палаша образца 1909 года, но с наконечником и гайками, украшенными лавровыми ветвями. Носился с темляком на Георгиевской ленте (рис. 10).

10. Георгиевская кавалерийская сабля образца 1913 года: Подобна офицерской кавалерийской сабле образца 1909 года, но с теми же отличиями, что и на Георгиевском палаше, с тою лишь разницею, что надпись «ЗА ХРАБРОСТЬ» помещена на двух дужках гарды.

рис. 11

11. Георгиевская шпага овразца 1913 года: Подобна прежним шпагам, но с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» на обеих сторонах гарды, с крестом ордена Св. Георгия уменьшенного размера на чашке и с украшенными лавровыми ветвями наконечниками ножен. Носилась с темляком на Георгиевской ленте (рис. 12).

рис. 12

Георгиевское Оружие, всех вышеописанных образцов, жаловалось также украшенное бриллиантами, причем надпись «ЗА ХРАБРОСТЬ» заменялась на них надписью с указанием на подвиг, за который оружие было пожаловано, а крест ордена Св. Георгия на шляпке эфеса был также украшенный бриллиантами. Носилось с темляком на Георгиевской ленте.

Знак ордена Св. Анны 4-й степени на Георгиевском Оружии помещается по эфесам, на особом медном, вызолоченном щитке, с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» вокруг знака.

В собрании автора имеются 3 Георгиевских шашки образца 1913 года, из коих две с орденом Св. Анны 4-й степени:

1. Георгиевская шашка с клинком с одной долой в половину ширины клинка. Клинок богато украшен орнаментом и имеет на обухе надпись «ИМПЕРАТОРСКИЙ ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД 1882 Г.». На лицевой стороне имеется надпись «1882 ГОДА», а на противоположной стороне — вензель Императора Александра III-го. На задней стороне головки эфеса имеется вензель Императора Николая I-го (следовательно обладатель шашки пробыл в офицерских чинах более 54 лет). На шляпке имеется крест ордена Св. Георгия уменьшенного размера. Ножны с наконечниками и гайками, украшенными лавровыми ветвями.

2. Георгиевская шашка с клинком с одной широкой и двумя узкими долами. На обухе имеется надпись «ЗЛАТОУСТЪ». На лицевой стороне клинка имеется гравированное изображение Государственного герба, а на противоположной — вензель Императора Николая II-го. Подобный же вензель имеется на задней стороне головки. Под эфесом припаян медный, вызолоченный щиток, с орденом Св. Анны 4-й степени и с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» вокруг него. Ножны с наконечниками и гайками, украшенными лавровыми ветвями.

3. Георгиевская шашка подобная предыдущей, но с гладким, без всяких изображений, клинком с одной широкой и одной узкой долами. На задней стороне головки эфеса имеется вензель Императора Николая II-го. В том же 1913 году был утвержден новый образец офицерской пехотной сабли с эфесом совершенно подобным эфесу офицерской шашки образца 1909 года, но с клинком и ножнами подобными клинку и ножнам офицерской кавалерийской сабли образца 1909 года.

История холодного оружия Российской Императорской Армии близится к концу и уже слышатся орудийные раскаты наступившей через несколько месяцев войны. Нам остается только описать «сабли азиатского образца» или «клычи», история возникновения которых еще нигде описана не была и покрыта, так сказать, мраком неизвестности.

Саблями азиатского образца или клычами были наименованы, несколько экзотические, но впрочем весьма красивые, казачьи сабли, появившиеся не ранее 1912 года. На Высочайшее утверждение клычи не представлялись и чертежи их приказами по Военному Ведомству не объявлялись, а возникли они сами собой и носились на основании вольного истолкования, упомянутого нами, приказа, коим разрешено было казакам выходить на службу с доставшимися им от отцов и дедов шашками. В виду того, что официальные источники о клычах отсутствуют, автору пришлось прибегнуть к, испытанному уже Висковатовым, средству опроса современников. Проживающие за рубежом казачьи офицеры, хорошо помнящие время возникновения клычей, рассказали ему следующее:

Следствием разрешения ношения родового оружия произвольных образцов было то, что некоторые казачьи офицеры, за неимением такового, стали заказывать себе у Шафа [3]) «дедовское» оружие фантастических образцов, ставшее известным под названием «сабель деда Шафа». Дабы умерить их пыл и полет фантазии и установить некоторое, приличествующее Гвардии, единообразие вооружения, офицеры Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка поручили своему однополчанину полковнику Хрещатицкому выработать единый для всех образец клыча, который и был затем заказан у Шафа. На Высочайшее утверждение клыч этот не представлялся и чертеж его приказом объявлен не был. Однако помнится, что клыч этот подносили Государю и другой, уменьшенного размера — Наследнику Цесаревичу.

Примеру лейб-казаков последовали атаманцы — хорунжий Лейб-Гвардии Атаманского полка Жиров был командирован в Артиллерийский Исторический Музей для ознакомления с хранившимся в нем старинным оружием и для выработки образца атаманского клыча, который и был затем заказан у Шафа.

Следуя общему примеру, командир Лейб-Гвардии 6-й Донской Казачьей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи Лейб-Гвардии Конной Артиллерии Великий Князь Андрей Владимирович заказал у того же Шафа клычи с особой дарственной надписью на клинках для всех офицеров батареи.

Были клычи и у других казачьих частей — так, например, Краснов, в своей книге «НА РУБЕЖЕ КИТАЯ», рассказывает, как он заказывал «по каталогу одной фирмы» клычи для офицеров 1-го Сибирского казачьего полка.

12. Клыч лейб-гвардии казачьего Его Величества полка: Клинок, по всей вероятности, был подобен клинку кавалерийской сабли образца 1909 года и имел подобные же изображения. Эфес крестообразный, турецкого образца, без гарды. Головка медная, вызолоченная, украшенная орнаментом, с вензелевым изображением имени Государя, в царствование которого офицер был произведен в первый офицерский чин, назади. Крестовина медная, вызолоченная и украшенная орнаментом. Ножны подобны ножнам легко - кавалерийской сабли конца 18-го века, но алого сафьяна (рис. 13).

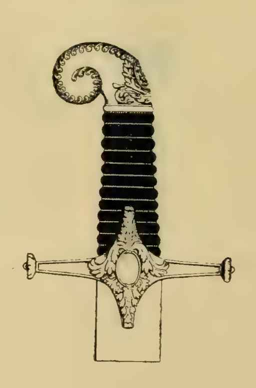

рис. 13

[3]) «ШАФ И СЫНОВЬЯ С.-ПЕТЕРБУРГ» — частный фабрикант холодного оружия. Основатель фирмы Николай Шааф из Эльберфельда был в числе первых оружейных мастеров, выписанных в 1814 году на Златоустскую Оружейную Фабрику.

13. Клыч лейб-гвардии Атаманского полка: Клинок подобен предыдущему. Эфес схож с эфесом легко-кавалерийской сабли конца 18-го века, но с орлиной головкой и с вензелевым изображением назади. Ножны подобны предыдущим, но голубого сафьяна (рис. 14).

14. Клыч лейб-гвардии 6-й Донской казачьей Его Величества батареи лейб-гвардии Конной артиллерии: Подобен легко-кавалерийской сабле конца 18-го века, но с вензелевыми изображениями и еще с дарственной на клинке надписью: «ОТ АНДРЕЯ (затем следует имя офицера)» (рис. 15).

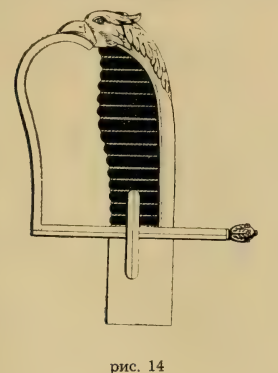

рис. 14

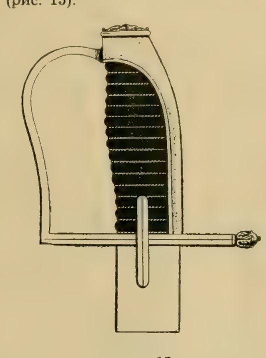

рис. 15

Затем началась война. Приказом Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего 1916 года № 1199 было установлено ношение кортика, взамен офицерской шашки. Право ношения кортика предоставлялось всем без исключения генералам, штаб и обер-офицерам и военным чиновникам всех частей, управлений и учреждений военного ведомства, вне зависимости от рода оружия и чина, за исключением лишь случаев нахождения в строю верхом и несения конной службы.

Евгений Молло

О Нижегородской шашке

Высочайшим Указом 20 июня 1834 года, объявленным в приказе военного министра № 87 (2 п. с. з. № 7200), Нижегородскому драгунскому полку была дарована новая форма обмундирования: куртка с газырями, шаровары с красными лампасами, головной убор — кивер, обшитый бараньим мехом. Про оружие сказано: сабля с черной, деревянной рукояткой и ножнами, обтянутыми черной кожей. Ни описания, ни рисунка — нет. Насчет офицерского оружия — ни полслова. В 4-м томе истории полка разсказывается, что лишь, по прошествии года, в Тифлис был командирован приемщик за материалом для нового обмундирования и за солдатскими шашками.

В феврале 1836 года, в Штаб-квартиру полка, в Карагачи, прибыл новый командир полка полковник С. Д. Безобразов. Застав полк еще в старой форме, он решительно потребовал, чтобы к новому 1837 году было готово новое обмундирование, что, конечно, и было исполнено. Оставался открытым вопрос об офицерских шашках. Из истории полка видно, что офицеры стали обделывать свои шашки, на кавказский манер, в серебро, и полковник Безобразов разрешил носить их не на форменной галунной портупее, а на черном сыромятном ремне.

Кому первому пришла в голову мысль об украшении их шашек — неизвестно, но старинный тифлисский оружейник армянин Иосиф Попов, считавшийся в тридцатых годах прошлого столетия лучшим из мастеров оружейного дела, говорил, что полковник Безобразов, проездом через Тифлис, заказал ему образ-

цовую шашку, которую впоследствии отправил Императору Николаю Павловичу. Повидимому, рисунок и узор были утверждены и таким образом создалась историческая Нижегородская шашка. Первоначально, форма ее была чуть иной, головка более закругленной, рисунок был не резной а гладкий — чернь на золотом фоне. Все это отлично видно по фотографии шашки, поднесенной первому Шефу полка, Наследному Принцу Вюртембергскому, впоследствии Королю Карлу I Вюртембергскому.

12 декабря 1855 года последовала перемена обмундирования Нижегородского полка (2. п. с. з. № 29940), но шашка осталась без изменения.

3 апреля 1856 года на Кавказе были сформированы (2. п. с. з. № 30334) два новых драгунских полка: из половины Нижегородского — Северский и из половины Тверского — Переяславский. 17 апреля того же года полки эти получили Шефов: Северский — Наследника Цесаревича Николая Александровича, а Переяславский — Великого Князя Александра Александровича (2. п. с. з. № 30404). Того же числа и тем же приказом объявлено описание формы сих полков, про оружие добавлено (2.п. с. з. № 30405), что в драгунских полках Наследника Цесаревича (Северском) и Наследнего Принца Вюртембергского (Нижегородском) иметь шашки «черкесского образца», а полках Великого Князя Николая Николаевича (Тверском) и Великого Князя Александра Александровича (Переяславском) — «драгунские сабли». Офицеры Северского полка начали носить эти шашки «черкесского образца», по рисунку Нижегородцев, но по своему прибору, то-есть серебряные с чернью. В последующие годы, но с какого именно — сказать трудно, рисунок стали делать не гладким, а вырезным.

В 1881 году, при общем переобмундировании армии, в Нижегородском и Северском полках, последовало изменение присвоенных им шашек. Они были заменены (прик .в. в. от 4 августа 1881 г. № 222) «казачьими шашками нового образца», но вскоре последовало разъяснение (пр. в. в. 13 февраля 1882 г. № 42) о том, что «офицерам Нижегородского и Северского драгунских полков на шашках нового (то-есть казачьего) образца оставить украшения, присвоенные шашкам прежнего образца, в дополнение к приказу в. в. от 4 августа 1881 г.».

Несмотря на это дополнение, Нижегородцы и Северцы были очень огорчены тем, что лишились своего старого, заветного оружия, конечно, никто из них и не думал обзаводиться этими «казачьими» шашками. Начались хлопоты о возвращении им оружия былого образца и длились они очень долго. Начальник дивизии князь И. Г. Амилахвари, бывший командир Нижегородцев, принял близко к сердцу интересы офицеров и обратился с рапортом к Командующему войсками Округа генерал-адьютанту князю А. М. Дондукову-Корсакову, прося его заступничества. Князь внял этой просьбе, ибо сам командовал Нижегородским полком, в момент выделения половины его на формированье «братье-Северцев», с тех пор, носил эту старинную шашку. 28 декабря 1887 г. писал он военному министру П. С. Ванновскому, прося об исправлении допущенной несправедливости. Император Александр III, числившийся в рядах Нижегородцев, 8. августа 1889 года повелить соизволил: оставить в 44 драгунском Нижегородском и 45 драгунском Северском полках, для офицеров и нижних чинов «САБЛИ» прежнего азиатского образца, которые, согласно приказа в. в. 1881 г. № 222, заменены были в этих полках казачьими шашками нового образца (прик. В. В. № 205 от 28 августа 1889 года). Этим приказом, так сказать, утверждено настоящее название этого оружия, к сожалению, в дальнейшем опять измененное на «шашки азиатского образца». Радость полков была безмерна.

В 1898 году, после столетнего юбилея Тверского драгунского полка, 20 августа сему полку были Высочайше присвоены те же «сабли азиатского образца», в память подвигов полка, в Кюрюк-Даринском сражении 24 июля 1854 года.

Все три эскадрона Кавказского Запасного дивизиона, как составлявшие часть Кавказской кавалерийской дивизии, имели то-же оружие.

25 февраля 1903 года приказом В. В. сего числа № 69, «чинам Переяславского драгунского полка и его маршевому эскадрону в 7 Запасном кавалерийском полку, присвоены «азиатские шашки, по образцу драгунских полков Кавказской кавалерийской дивизии».

Таким-же приказом того же года от 3 сентября № 320, эти шашки получили Новороссийцы со своим маршевым эскадроном.

Наконец приказом В. В. от. 27 сентября 1903 года за № 263, объявлено о том что: «в драгунских полках Кавказской кавалерийской дивизии, Новороссийском, Переяславском и их маршевых эскадронах присвоены азиатские шашки образца 1834 года по приказу № 87 сего (1834) года» и приложено «описание и рисунок клинков и ножен этих шашек». Вот, в этом приказе, слово «сабля» переменено на слово «шашка», что противоречит приказам 1834 и 1889 годов.

Переяславцы удостоились получить азиатские шашки, как потомки Тверцов, а Новороссийцы, как участники боя при Кюрюк-Дара.

князь Н. С. Трубецкой

Военные училища в Сибири

(Продолжение)

(1918-1922)

ГАРДЕМАРИНСКИЙ КЛАСС СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИИ 1921—1922 ГОДЫ.

Специфические условия Владивостока в 1920 году — наличие японской оккупации, которая смягчалась ревнивым контролем их американцами и англичанами, при существовании местной красной власти, не имевшей ни силы, ни возможности осуществлять свои права, давали возможность противникам большевиков действовать в том или другом направлении. На суше это было образование в Гродекове в июне 1920 года «Отряда войсковой обороны» Уссурийского казачьего войска, на море — увод ст. лейт. Чухниным минного заградителя «Патрокл», 900 тонн, 15-го августа 1920 г. и увод его за-границу. Увод произошел следующим образом: «Патрокл» должен был идти по маякам, для службы снабжения. Когда все работы были закончены, грузовые люки были задраены по походному, приняты уголь, вода и провизия, команда получила время для отдыха перед походом. На борту осталась только очередная вахта и вахтенный начальник, остальные же были уволены на берег. Ночью ст. лейтенант Чухнин — сын адмирала Чухнина, с 12 своими сподвижниками ворвался на «Патрокл», поднял пары и вышел в море. У Скрыплева оставшаяся команда была выстроена и ей было предложено на выбор: или остаться на корабле или сойти на берег. Часть решила вернуться во Владивосток, их погрузили с вещами на шлюпку и ссадили на берег.

«Патрокл» после этого взял курс на Гензан. Несмотря на то, что на корабле был поднят Андреевский флаг, японцы в Гензане отнеслись к нему подозрительно и переменили свое отношение к нему только тогда, когда Атаман Семенов заявил, что берет корабль под свою ответственность и на свое содержание. После этого «Патроклу» было разрешено перейти в Нагасаки. После свержения власти коммунистов во Владивостоке, 27 мая 1921 года, «Патрокл» вышел из Нагасаки и пришел обратно в первых числах июня 1921 года.

Во Владивостоке, из могущих ходить кораблей, была сформирована снова Сибирская Флотилия, однако и материальная часть и внутреннее положение были крайне печальными. Личный состав делился на «семеновцев», «каппелевцев» и «умеренных» — тех, кто был на службе при красных. Материальное состояние 12 миноносцев, ветеранов войны 1904-1905 годов, к. л. «Манчжур», буксира «Свирь», минных заградителей: «Патрокла», «Улисса», «Магнита», «Батареи», «Взрывателя», тральщиков «Парис» и «Аякс», транспорта «Охотск» и полдюжины катеров было самое печальное: все требовало самого серьезного ремонта, а денег не только что на ремонт, но даже на покупку угля правительство Меркулова не отпускало. Если наши при красных увели «Патрокла», то красным удалось увести посыльное судно «Лейтенант Дыдымов» и «Диомид». Каково было состояние судов, еще ходивших, показывает случай с «Батареей»: она была послана в сентябре 1921 года на поимку английского парохода, который вез на Камчатку оружие, закупленное красными, снабжение для партизан и 2 политкомиссаров, которые сопровождали груз. Вне всякого сомнения, только с помощью японской разведки был известен маршрут парохода, а также то, что он зайдет в Хокодате взять воду и уголь. Когда «Ральф Моллер» подошел к порту Муроран, то был опознан, и «Батарея» погналась за ним. Однако, когда довела ход до 12 узлов, то лопнуло коромысло в машине, пришлось на границе территориальных вод открыть стрельбу для того, чтобы задержать приз. Однако, в территориальных водах не удалось захватить груз и по компромиссному решению японцев груз был продан с аукциона, оружие и обмундирование задержано. Таким образом кап. 1-го р. Петровский только отчасти смог выполнить порученную ему задачу.

Все это положение вызывало необходимость сгруппирования некоторого числа молодежи, долженствующей не только поддержать флотилию изнутри, но и создать в будущем какую-то смену офицерскому составу. Поэтому в июне 1921 года ст. лейтенантом Гарковенко была сформирована гардемаринская группа в 12 человек. В состав этой группы вошел один гардемарин Морского училища В. Киркор, один окончивший во Владивостоке в 1919 году Школу радиотелеграфистов — Лашков, остальные были кадеты Омского и Хабаровского корпусов, кончившие корпус в том году.

Эти гардемарины были размещены в казармах Сибирского флотского экипажа. Курс

был предположен в 2 года 8 месяцев, то-есть нормальный. Одеты гардемарины были во флотскую форму, которая была найдена в складах экипажа. Довольствие во Владивостоке было хорошим, необходимыми учебными пособиями и учебниками были обеспечены, за исключением артиллерийского вооружения, иметь которое в условиях японской оккупации было невозможно. Зимой Сибирская флотилия выставила один бронепоезд на Хабаровский фронт, но гардемарины на нем не служили, и зима прошла в усиленных классных занятиях.

Практическое плавание проходилось на к. л. «Магнит», 1200 тонн водоизмещения. Плавание началось 1 мая 1922 года и закончилось 27 марта 1923 года в Олонгпо — Филиппины, когда были произведены экзамены, и 8 апреля 1923 г., когда выдержавшие были произведены в корабельные гардемарины.

Выходя в поход, «Магнит» был нагружен, как Ноев ковчег: в шлюпках были размещены три десятка промысловых собак, на палубе — необходимая живность, в носовом помещении и трюме правительственные агенты промыслов и рота морских стрелков — 100 человек, отправленная на подкрепление гарнизона города Петропавловска на Камчатке. В задачу «Магнита» входила охрана котиковых промыслов на Беринговых островах от хищников, в первую очередь японских, которые не только выбивали котиков, но, сбрасывая продырявленные банки с нефтью, загаживали лежбища и принуждали котиков селиться на лежбищах, находившихся на юге Курильских островов, в японских водах. Высадив в Петропавловске морских стрелков, «Магнит» пошел в бухту Провидения, где с великой радостью ссадили промысловых собак, провонявших своим кормом — рыбой — весь корабль. От Анадыря пошли к берегам Аляски — в Ном, откуда вернулись на Беринговы острова, где начали наводить порядок: одна хищническая шхуна была потоплена, другие поспешили убраться по добру, по здорову. Для разбора дела японцы прислали свой крейсер «Ниитака», однако неудачно: к его приходу разыгрался свирепый шторм; «Магнит», успевший отойти от островов, сильно трепало, но все окончилось благополучно. Крейсер же задержался с выходом в море и его выбросило на берег, при этом так неудачно, что из 400 человек команды утонуло 150.

В то время пришло сообщение об эвакуации Владивостока и приказ о возвращении обратно. Вначале пошли на Петропавловск, где взяли обратно морских стрелков, оттуда пошли на Гензан, в котором соединились с остальными кораблями и уже вместе пошли на Фузан, а оттуда на Шанхай. После полутора-месячной стоянки в Вузунге, — укрепления перед Шанхаем, — флотилия, ссадив на берег большинство морских стрелков, оба кадетских корпуса и беженцев, пошла дальше на Филиппины, где в Олонгпо и интернировалась. Во время перехода Шанхай-Олонгпо погибло посыльное судно «Лейтенант Дыдымов», у которого во время шторма сорвались котлы, и тральщик «Аякс», разбившийся на каменной банке у Пескадорских островов. На «Лейтенанте Дыдымове» погибло около 30 кадет Омского и Хабаровского корпусов, в числе команды погибли гардемарины Алексей Поляков и Халютин. В Шанхае остались еще 3, так что экзамены сдавали только оставшиеся 7.

Сведения получены от корабельного гардемарина Лашкова и взяты из книги «Белоповстанцы» Б. Филимонова.

П. С. Сибирская флотилия только тогда упрочила свое положение, когда в сентябре 1921 года из Месопотамии, из лагеря Танум, англичане не пароходе «Франц-Фердинанд» перебросили часть личного состава Каспийской флотилии, котоая пожелала выехать во Владивосток. Тогда появилась возможность укомплектовать корабли надежными людьми, опытными специалистами по всем отраслям корабельной службы.

МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Осенью 1917 года правительство Керенского решило распустить Морское училище. Наличный состав кадет должен был закончить общее образование, старшей роте представлялась возможность закончить курс, 3-я рота гардемарин должна была быть пополнена «демократическим» элементом, в который вошли даже коммунисты, назначенные Центрофлотом — Гуркало, Кожанов и Дажин. Эта рота 3 октября 1917 года была направлена во Владивосток на учебный отряд в составе вспомогательного крейсера «Орел» и миноносцев «Бойкий» и «Грозный». 12 ноября 1917 года отряд вышел в плавание. В Нагасаки, куда пришел отряд, стало известно о перевороте в Петрограде, уже здесь пяти гардемаринам пришлось бежать с корабля по политическим причинам. В Гонконге среди матросов началось брожение, которое кончилось тем, что команда была разоружена и отправлена во Владивосток. Из матросов остался только один, 20 гардемарин также были списаны и отправлены во-свояси. Таким образом 205 гардемарин уже потеряли 25 соплавателей. Заведующий гардемаринами кап. 1-го ранга Китицын разошелся во мнениях с старшим лейтенантом Афанасьевым и уехал в Японию. Вследствие некомплекта в команде пришлось «Бойкий» сдать англичанам, а «Грозного» французам в Сайгоне. После некоторого времени и «Орел» разоружился в Сайгоне, а гардемарины начали занятия на базе, во фран-

цузских казармах. Число гардемарин уменьшилось, так как группы гардемарин начали разъезжаться, пробираясь в Россию.

В начале ноября 1918 года в освобожденной от совласти Сибири военно-морским министром адмиралом Колчаком был отдан приказ о сборе и отправке морских кадет, гардемарин, юнкеров флота и воспитанников Морского Инженерного училища во Владивосток, для организации и начала занятий. 19 ноября 1918 года прибыла во Владивосток из Сайгона первая большая партия гардемарин — 62 человека, таким образом у кап. 1-го ранга Китицына после чисток осталось 99 гардемарин. Сначала гардемарины размещались в казармах 35-го Сибирского стрелкового полка на Русском Острове, затем были переведены в город, в Шефнеровские казармы.

Прибывшая вторая партия гардемарин из Сайгона была профильтрована и часть была отправлена в военную школу на Русском Острове. В конечном результате рота имела 129 гардемарин, которые и начали занятия. Занимались по запискам, так как учебников не было. Только позднее удалось наладить печатание некоторых учебников, таблиц логарифмов в Шанхае. Практические занятия легко были организованы в богато оборудованных портовых мастерских. Все внимание было обращено на главные предметы, второстепенные предметы были отброшны, гимнастика, фехтование и спорт проходилось постолько, посколько этого требовала строевая служба.

К апрелю 1919 гда был объявлен прием в младшую роту. В докладной записке начальник училища так объяснял свое решение: ... «Самая большая ценность нынешнего выпуска состоит не только в том, что он даст русскому флоту через полтора года сотню лишних мичманов, а в том, что он сохранит непрерывность морского воспитания, сильный дух, налаженность и порядок... влияние старшего выпуска на новый, это обеспечит преемственность и сохранит с таким трудом добытые результаты...».

В начале апреля 1919 года морское училище участвовало в освобождении отряда генерала Волкова, окруженного красными в поселке Владимиро-Александровском. Первая попытка, предпринятая незначительными силами, не принесла ничего, кроме ненужных потерь (было убито несколько морских офицеров), и отряд вернулся обратно. Вторая попытка была удачнее, значительные силы, — 4 роты Инструкторской Школы, рота Амурской флотилии, при 10 пулеметах, гаубице, 2 полевых орудиях, под прикрытием артиллерии с «Свири», «Якута», миноносца «Лейтенант Малеев» были свезены благополучно на берег, причем дессантная партия гардемарин состояла из 70 человек. Дессант был свезен в бухте «Находка» и увенчался полным успехом. 19-го апреля гардемарины вернулись обратно во Владивосток, чтобы продолжать занятия.

В начале лета гардемаринам был произведен экзамен, после чего они были произведены в старшие гардемарины и назначен был прием в следующую роту молодых людей, кончивших средние учебные завеедния, большой контингент которых был из кадет сухопутных корпусов, несколько кадет Морского корпуса, находившихся в Сибири.

Эта младшая рота отправлена была летом на практические занятия на к. л. «Манчжур», который вывели из дока и, приведя в порядок, поставили в бухте Новик на Русском Острове. Там, под руководством нескольких специалистов, вновь принятые все лето работали по приведению его в порядок, и к концу лета старик «Манчжур» торжественно, под своими парами, вернулся во Владивосток. К «Манчжуру» (командир ст. лейт. Королев, брейд-вымпел Нач. Уч. Отряда) капитаном 1-го ранга Китицыным был прикомандирован миноносец «Смелый».

Старшая же рота ушла в плавание на других трех судах учебного Отряда — «Якут» — ст. лейт. Коренев, «Улисс» — ст. лейт. Винокуров и «Диомид» — лейт. Иванов. Последние два были ледоколами, которых вытащили из порта, где они стояли у стенки, и привели в порядок.

«Якут» поднялся на север дальше других, дойдя до порта Номе на Аляске. Это первый раз воспитанники Морского Корпуса совершали учебное плавание на север, причем путь их был в направлении плавания Беринга. Условия плавания были тяжелые. Погода была бурная и ледоколы сильно валяло. Несмотря на лето, было холодно и теснота была большая, особенно на «Якуте», где гардемарины были сверх нормального конмплекта команды и должны были помещаться в трюме, где для спанья были устроены так называемые «гробы». Гардемарины были везде разбиты на две группы: строевую и штурманскую. Последняя была занята исключительно практикой навигации, астрономии и морской описи. Заведывавшие этим морские офицеры, хотя и совершенно разные по характеру, были фанатиками своего дела и блестящие штурмана: «Якут» — лейт. Рыбин, «Улисс» — лейт. Цветков, «Диомид» — мичман Троян — настолько высоко поставили обучение, что встретившаяся с учебными кораблями гидрографическая партия для описи берегов, под начальством полковника корпуса гидрографов Давыдова, воспользовалась для себя работами гардемарин.

В середине плавания группы переменились, и с «Якута» было послано 8 человек из окончив

ших штурманские занятия сменить на «Манчжуре» 8 инструкторов, назначенных в младшую роту. Однако последним не удалось добраться до «Якута». Спускаясь по Амуру, чтобы попасть на нужный пароход, они были атакованы красными партизанами, переранены и один из них — Виктор Татаринов — скончался от ран. С опозданием остальные 7 прошли свое плавание на «Диомиде». В самом конце октября обе роты вернулись во Владивосток, в помещение училища. К этому же времени, в качестве автономного отделения 2-ой роты, были приняты 25 чехословаков, — старшина кап. Оденгал, в большинстве бывшие студенты, пожелавшие изучить морское дело для будущего чехо-словацкого флота. Они старательно занимались и несли службы наравне с гардемаринами. Расстались с Морским Училищем уже в Сингапуре после экзаменов, получив дипломы.

К осени 19-го года деятельность Морского училища достигла своего расцвета. Летом через Владивосток проехало много морских офицеров, и начальник училища смог пополнить офицерский состав, что было необходимо при развертывании в две роты. Командиром младшей роты был назначен ст. лейт. Королев, а в старшей роте мичмана Скупенского заменил ст. лейт. Бунин. В младшую роту были назначены «капралы», и занятия начались. Но с неудачами на фронте местные красные подняли голову, и гардемаринам приходилось часто спать одетыми и, не расставаясь с винтовками, сидеть в классах в полном походном снаряжении, нести караулы и патрули и проводить иногда целые дни в разнообразных военных операциях, по усмирению восстаний Гайды и др., — ничего общего с флотом и учением не имеющими.

К декабрю месяцу вернулись во Владивосток, наконец, из-за границы миноносцы «Бойкий» и «Грозный» и крейсер «Орел».

В половине января 1920 г., после того как взбунтовалась инструкторская школа на Русском Острове, — ген. Нокса, — во всем Приморье единственными надежными частями остались Морское училище и Военно-Морская Учебная команда — 70 матросов под начальством кап. 2-го ранга Потолова. Расчитывали еще на Юнкерское Артиллерийское училище на ст. Раздольная. Но два взвода гардемарин, посланные с офицером для установления связи и привода юнкеров во Владивосток, вернулись с извещением, что на эту часть, как на боевую единицу, расчитывать нельзя.

Тогда контр-адмирал Беренс приказал начальнику училища кап. 1-го ранга Китицыну сформировать отряд судов особого назначения из всех способных двигаться кораблей Сибирской флотилии, исключая миноносцев. Удалось захватить только «Орел» и «Якут», да ледокол «Байкал». Эвакуация была решена. Морское училище и Военно-Морская Учебная команда погрузились на корабли, гардемарины снова заняли свои посты по всем специальностям. На миноносцах были сняты замки с орудий — во избежание сюрпризов. На корабли было взято около 500 человек флотилии с членами их семейств, но с выходом в море еще медлили. Обстановка была сложной. Помимо несогласия между морским и сухопутным командованием, на Владивостокском рейде стояла эскадра союзников, которая вела двойную игру. Они не хотели разрешить отхода отряда из Владивостока. Американцы прямо угрожали открыть огонь в случае выхода русских кораблей. Только личное вмешательство японского флагмана вице-адмирала Кавахара разрешило вопрос.

Ночью с 30-го на 31-ое января контр-адмирал Беренс прибыл на «Орел» и дал приказ об эвакуации. В 5 ч. утра ледокол «Байкал», ломая лед, начал выводить «Орла» и «Якута» из Золотого Рога. Американский крейсер «Бруклин», наведя орудия и прожекторы, начал угрожать открыть огонь, но японский броненосец «Миказа» сыграл боевую тревогу и, в свою очередь, навел орудия и прожекторы на «Бруклин». Отряд судов, увеличивая скорость, прошел мимо обоих кораблей к выходу из Золотого Рога. Следующая большая опасность — батареи Русского Острова — не проявили признаков жизни. Ледокол «Байкал», пожелав счастливого плавания, вернулся затем во Владивосток. Так вышли из Владивостока «Орел» и «Якут» и направились в Цуругу, имея небольшой запас свежей провизии, довольно много консервов и сухой провизии, нормальный запас угля, а в кассе — остатки расходных сумм училища, которые удалось обменять перед уходом на валюту и 10.000 иен, личный подарок японских морских офицеров с «Миказы».

В Цуруге съехали на берег эвакуированные офицеры и их семьи, контр-адмирал Беренс, кап. 2-го ранга Потолов, несколько офицеров училища и несколько гардемарин.

Оставшиеся были сведены в 3-ю кадетскую роту — 60 человек, а всего на кораблях осталось 40 офицеров и 250 кадет и гардемарин. Из Цуруги суда пошли до Моджи, а оттуда на Гонконг и на Сингапур, в котором корабли стали в док на починку. В Сингапуре 1-я рота закончила экзамены и 11 апреля 116 старших гардемарин были произвелены в корабельные гардемарины. Взяв фрахты на Калькутту, двинулись туда. По выходе из Калькутты корабли разделились: «Якут» с 3-ей ротой пошел на Цейлон, а оттуда на Порт-Саид. На этом переходе «Якут» ставил паруса и довел свой ход порой до 10 узлов. «Орел» пересек океан напрямик.

В Порт-Саиде застряли надолго, потому что

агент Добровольного флота, поддержанный нашим консулом, требовал передачи «Орла» обратно Добровольному флоту, вследствие чего английские власти не давали разрешения на выход из порта. Капитан 1-го ранга Китицын тогда поставил ультиматум Верховному Английскому Комиссару в Египте: если через 36 часов не будет дано разрешение на выход из порта и все необходимое, то корабли будут введены в канал и там затоплены поперек него. Через несколько часов англичанами было предоставлено все необходимое и, в начале августа, наши корабли вышли из канала и взяли курс на Дубровник — Югославия, — куда и пришли 12 августа.

В Дубровнике, по приказу Штаба Флота в Севастополе, «Орел» был передан обратно Добровольному флоту, а «Якут» со 111 гардемаринами направился в Севастополь, куда и пришел за пять дней до начала эвакуации Крыма — 27 октября 1920 года. Прочие остались в Югославии.

За весь переход Владивосток-Севастополь был потерян только один человек — корабельный гардемарин Ландышевский, умерший от отравления испорченными консервами.

49 гардемарин, ушедших в Крым, были произведены генералом Врангелем в мичмана на переходе из Севастополя в Константинополь.

Весь материал взят из книги «Колыбель флота», издание Всезарубежного Объединения морских организаций. Париж, 1951 года, — с необходимыми сокращениями. (Стр. 258-259).

НИКОЛАЕВСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Николаевская Военная Академия была основана в 1832 году. До 1914 года занятия в Академии не прерывались. При начале войны 1914-1918 года, когда на Россию ее союзниками была возложена почти вся тягость войны, Академия прекратила занятия, а весь личный состав занял или строевые или штабные должности. Спустя два года выяснилась вся невыгода этого положения, и в 1916 году Академия снова начала занятия — теперь при уже сокращенном курсе: вместо двух лет курс был сжат на 8 месяцев. В январе 1917 года первый, после перерыва, выпуск в числе 240 офицеров закончил занятия, и был произведен второй прием, который закончил курс в 1917 году.

При занятии Риги и движении немцев на север, Академия была переброшена в Екатеринбург вместе с офицерами, обучавшимися на третьем ускоренном курсе. Все были размещены там в здании епархиального училища. После экзаменов слушатели в конце апреля 1918 года были переведены на старший курс. На младший курс были присланы слушатели из красной армии, из которых два-три процента имели высшее образование, около десяти — среднее, а остальные были только грамотными людьми, которые и свою-то фамилию подписывали с трудом.

На запрос начальника Академии ген. Андогского, что ему делать с этими слушателями, военнарком тов. Троцкий ответил, что он должен был это сделать... а там они или сами уйдут, или вы их отчислите за неуспеваемость, так как они не будут в состоянии осилить самых простых понятий...». Между прочим, в числе отчисленных вскоре оказался и знаменитый Чапаев.

При выступлении, в конце мая 1918 года, белых организаций и чехо-корпуса, младший курс был закрыт, а слушатели его были отправлены по своим частям.

Когда Екатеринбургу стала угрожать возможность перехода в руки белых и чехов, Академия получила приказ эвакуироваться через Казань в Москву. Часть слушателей, имевших возможность скрыться в Екатеринбурге, скрылась, большинство выехало в Казань.

Быстрое движение полк. Каппеля и чехов к Казани не позволило красным эвакуировать ни военные склады, ни золотой заапс. Конечно, они, если не забыли, то не имели в своих планах отправить Академию в одну из первых очередей, но кто-то из «начальства», дабы состав Академии с его сомнительной надежностью или, скорее, полной ненадежностью для советской власти не достался контр-революционным силам, приказал личный состав «ликвидировать». Был послан отряд латышей для ликвидации, но на пути встретил взвод белых, был разбит и бежал.

Из Казани, выделив 15-20 слушателей старшего курса на должности офицеров ген. штаба для организуемых новых частей в городе и в отряд полк. Каппеля, Академия с остальным составом эвакуировалась (42 слушателя и кадр), охраняя по пути до Самары золотой запас. До конца 1918 г. находилась в Омске, а затем кадр был переброшен в г. Томск.

В Омске все слушатели старшего курса были распределены во вновь создаваемые штабы армий, корпусов и дивизий.

Составлено по материалу, данному полк. Ген. штаба А. Г. Ефимовым и др. источникам.

По переезде в Томск, кадр Академии получил приказание начать работу. Из частей были откомандированы 200 офицеров для слушания курса, и занятия начались.

Академия разместилась в «Доме Науки», на Магистерской улице. Так как армейское командование все время требовало офицеров Генерального Штаба — курс наук был сжат до предельной возможности — шести месяцев. Занятия начались в декабре 1918 года и закончились в мае 1919, когда ста пятидесяти офице-

рам были выданы аттестаты, а остальные, по разным причинам, были отчислены к своим частям.

Этот четвертый выпуск характерен тем, что в слушатели были приняты уже офицеры, окончившие ускоренные выпуски военных училищ. Первые же три выпуска имели в своем составе только офицеров, закончивших обучение в военных училищах, до начала войны 1914-1917 гг.

Первый выпуск комплектовался офицерами, выдержавшими экзамен в Академию Генерального Штаба до войны, и, прослушав 4-хмесячный курс, младший был возвращен в свои части с обязательством пройти старший курс позже. Второй прием прослушал весь курс сразу, а третий, был составлен из слушателей первого приема.

Первое время, Начальником Академии был профессор ген. майор Андогский, позже, его сменил проф. ген. лейт. Колюбакин. Лекции читали: ген. лейт. Колюбакин — **История военного искусства**, ген. майор Андогский — **Оперативная служба Ген. Штаба и Общая тактика**, ген. майор Рябиков — **Разведочная служба Ген. Штаба**, ген. майор Иностранцев — **Стратегия**, ген. майор Медведев — **Военная статистика**, ген. майор Христиани — **Администрация**, ген. майор Коханов — **Военно-инженерное искусство**, полков. Сырмятников — **Тактика артиллерии**, полков. Слижиков — **Тактика пехоты**, полков. Смелов — **Тактика конницы**, полков. Киященко — **Геодезия** и другие.

Закончившие курс офицеры были отправлены для замещения вакантных должностей офицеров Генерального Штаба в войсковых и армейских штабах.

Наступившие события вызвали переброску Академии во Владивосток, где она и была размещена в казармах 3-го Сибирского стрелкового полка на Русском Острове, где и находилась до конца октября 1922 года, когда была начата эвакуация, в результате которой большая часть кадра оказалась заграницей, а материальная часть осталась нераспакованной на складах. Исключительная бездарность меркуловского правительства и политиканство военных руководителей, в период 1921-22 годов, привели к тому, что кадры Академии не были использованы и сидели безработными ртами, на армейском скудном довольствии.

Сведения получены от полковника Ген. Штаба М. В. Смирнова и из других источников.

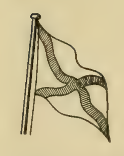
(Продолжение следует)

А. Еленевский

Макаров на корвете «Витязь»

(1886-88 гг.)

Макаров не мог спокойно ждать вооружения и испытаний «Витязя», тем более, что все затянулось вследствии аварии, полученной «Витязем» при спуске с эллинга, когда русло Невы оказалось недостаточно глубоко очищенным и корабль свернул себе руль с повреждением ахтер-штевня, киля и дейдвуда. . Пришлось, впервые в анналах кораблестроения, подвести специально спроэктированный талантливым главным кор. инженером-самоучкой завода кессон, в котором и была произведена вся работа, занявшая много времени. (Кессон подобный тем, что применяли затем при подводных повреждениях судов в Порт-Артуре).

За невозможностью, в то время, вмешиваться в дело инженеров, Макаров обратил внимание на маленькую деталь: снабжение судна паровыми катерами (изготовляемыми шлюпочной мастерской в Кронштадте). Оба должны были нести метательные мины. Он сам спроэктировал*) катер с совершенно необычным по тому времени обводами. Построен был только один катер № 1; катер № 2 был обычный, огуречного образца, но с измененным рулем (кредита на два катера не хватило). Названы они были «Меч» и «Щит». «Меч» давал более 17 узлов. На большом ходу корма глубоко оседала, нос выскакивал из воды и за кормой поднималась гора волны, бежавшей почти паралельно курсу и расходившейся очень далеко. Он поворачивался на месте, т. е. заносило корму, а центр вращения был впереди катера. В иностранных портах катер производил сенсацию: на судах, на которые Макаров отправлялся с визитами, не

успевали вызвать караул, как «Меч» оказывался уже у трапа. На извинение командиров, Макаров с улыбкой отвечал: «Ce n'est la faute de personne; moi-même, je ne puis m'habituer à cet instrument, — il me fuit sous les pieds.

Я сам испытывал, когда удавалось забраться на «Меч» и приткнуться в углу у машины, это странное ощущение корпуса катера, уходящего из-под ног, что иногда, при резком забирании хода, валило меня с ног, несмотря на мой ничтожный калибр.

«Меч», когда бывал вооружен своим минным аппаратом и на полному ходу, представлял, спереди, необычайно угрожающий вид. Руль его был какой-то сложный;двойной: задняя часть — паралеллограмм, узкий и глубокий; передняя — вроде небольшого овального полудиска, под которой подходил винт на длинном вале, большим углом наклоненном к горизонтали. Механизма руля не помню, но штурвала не было.

Очень торжественно проходили на «Витязе» воскресные и праздничные дни, если погода не была штормовая. Макаров всегда лично читал Морской Устав, весьма декоративно расположившись спиной к полу-юту перед световым люком кают-компании, обычно — в виц-мундире, при белых брюках, с обнаженной блестящей лысиной над высоким, могучим лбом, с широкой расчесанной на две стороны русой бородой, переливающимися матовым светом аксельбантами флигель-адъютанта и массивными серебряными вензелями Александра II-го на фоне золотых эполет с шитым «К» (1-ый Вел. Кн. Константина Николаевича экипаж). Георгиевский крест на красиво прикрепленной ленточке, прочие боевые ордена и золотая сабля дополняли одеяние.

Читал он громко, медленно, внятно. Команда благоговейно слушала, фуражки «на молитву». В первых рядах были те, кого касались читаемые статьи Устава. Боцамн держался справа за ними. Я очень любил эту картину. Никогда позже я не видел столь торжественного чтения Устава. Корвет на просторе океана, часто под палящими лучами тропического солнца, и эта фигура Макарова, как бы воплощающего Благожелательную Власть и несущая затерянной в бесконечности, оторванной от родины, кучке моряков разумение того, своего рода, евангелия, которым он сам вдохновлялся.

---

*) Возможно, что ему помогал известный тогда кор. инженер И. П. Алымов, инспектор классов Технического (тогда) Училища в Кронштадте, ибо я видел потом, через три года, у него над кроватью профильную модель примерно того же типа кормы миноноски, им спроектированной и построенной. На маленькой серебряной дощечке внизу рамы была выгравирована надпись: «Касатка», миноноска наибольшей подъемной силы. Не знаю, что подразумевалось под этим выражением

Праздничный обход фронта офицеров и команды, если условия погоды позволяли, тоже производился очень торжественно. Иногда Макаров обращался к команде с речью. Содержание этих речей я, конечно, не помню, да и не всегда-то понимал, развлекаемый, по моей натуре, внешними проявлениями окружающего мира: необычным освещением, оригинальными движениями теней, облаков, моря, парусов либо валившего из труб дыма и т. п.

При воскресном осмотре «Витязя» Макаров обращался всегда более внимания на внутренние части судна, оставался почему-то особенно долго в котельном и машинном отделениях, проникая всегда в самую глубь коридора гребного вала, и спускался куда-то в недра трюмов, в пороховые и снарядные погреба, в канатный ящик, подробно инспектировал помещение команды, трюмы под ним.

В воскресные и праздничные дни, традиционно приглашаемый на обед в кают-компанию, он бывал очень прост и оживлен, рассказывал интересные истории из морской жизни или старинных экспедиций, крайне редко, и то только отвечая на прямые вопросы, упоминал эпизоды из своих крейсерств в Русско-Турецкую войну или во время Ахал-Текинской экспедиции со Скобелевым. Замечательно, что он, при повествовании о взрывах турецких судов, выдвигал на первый план роль своих офицеров, оставляя совершенно в тени свою собственную личность, так что я, еще мальчишкой, удержал в памяти разные детали, относящиеся к деятельности этих офиюеров, с одним из которых, Щешинским, бывшим на 6 лет по выпуску старше моего отца, мне довелось встретиться потом, когда он был в чине капитана 2 ранга старшим офицером на «Русалке» и который был очень удивлен, что я так хорошо знал его похождения. Это был очень скромный человек, и отцу удавалось только с большим трудом извлекать из него, во время их совместных прогулок вечером по палубе, разные интересовавшие его детали (Только два раза я видел его на Богослужении при всех орденах: георгиевский крест, золотая сабля, Владимир и Анна с мечами и бантом, Станислав 2 ст. с мечами; он носил, обычно, только георгиевскую ленточку в петлице).

При стрельбе, которая производилась редко и которой я не любил из-за грохота орудий и последующей, на мой взгляд, слишком грубой мойки и приборки судна, он с неослабным вниманием следил за падением снарядов, выполняя, как тогда казалось, все фантазии моего отца по маневрированию «Витязя». (Отец стоял при этом неизменно рядом с ним на мостике).

Никогда я не слышал Макарова возвышающим голос для изъявления нетерпения или неудовольствия. Он всегда был ровен, невозму-

тим, крайне внимателен. Его серьезные, но добрые глаза останавливались обыкновенно на лице того, к кому он обращался или кто ему что-нибудь докладывал, и было совершенно ясно, что этот пристальный взгляд не стеснял, а поощрал, под ним люди раскрывались.

Макаров редко появлялся наверху на переходе, еще реже — на якоре, вне авралов или некоторых учений. Обычно, — только тогда, когда производили подъем грунта или воды с образцами интересного населения океана. Тут я проскальзывал к парусному ведру или баку и купал свои руки в их содержимом, зачастую получая ожоги или электрические разряды неведобых мне обитателей глубин. Один раз, вблизи Сандвичевых островов, получил такой разряд, что несколько дней доктор что-то колдовал надо мной, а у меня болел живот.

Этот доктор большую часть времени посвящал экспериментам с флорой и фауной моря, исследованию воды, нанесению на стеклянные пластинки образчиков грунта или объектов микроскопического исследования, составлением гербариума. Особое помещение было оборудова для его работ. Одна стена была сплошь застеклена. За стеклом висели морские звезды, какие-то рыбы, в банках купались медузы. Отец тоже принимал участье в этом деле. Он еще раньше, 1871-1872 гг. на «Светлане», плавая с Великим Князем Алексеем Александровичем, производил подобную работу и привез из этого плавания очень интересную коллекцию, принесенную потом в дар Кронштадтскому Реальному Училищу (Морское Училище отказалось за отсутствием необходимого помещения и кредита на хранителя).

Совершенно изгладилось из памяти имя офицера, занимавшегося на судне фотографией, хотя хорошо помню его облик. Он производил великолепные снимки своим большим аппаратом с двойным растяжением меха и сложной системой ног. Помню хорошо, какую он со своими помощниками-матросами выполнял эквилибристику в рангоуте, на марсе, салинге или бушприте на ходу судна под парусами, иногда при значительном волнении и размахах судна. Макаров с большим интересом относился к этой работе на ходу и лично тогда управлял кораблем, то на переднем мостике, то на полу-юте, обмениваясь с фотографом сигналами рукой или голосом в мегафон. Интересно, между прочим, что во всей коллекции фотографий, оставшейся в нашей семье, сам Макаров фигурирует не больше трех раз; из них один — во время чтения Устава, а остальные разы совершенно затерянным среди толпы дам перед уходом «Витязя» из Кронштадта, и толпы офицеров и матросов в другом случае (нужно еще знать, что он там находится). Это заставляет думать, что он лично был чужд рекламы. Была работа «Витязя» в Тихом Океане и это было важно.

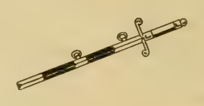
Но все эти появления Макарова были редки. Он сидел обыкновенно в каюте над какими-то картами или книгами, что-то мерил циркулем, что-то чертил и писал, а я часто наблюдал сверху, притаившись, сидя на палубе у полуоткрытого светового люка на полу-юте.

На берег я съезжал всегда в сопровождении отца, а он редко сопутствовал Макарову. Только в Магеллановом проливе они провели много времени на берегу, оба копаясь в песке, собирая какие-то, странного вида, искривленные, твердые, как железо. слегка ветвистые обломки, да кости рыб с большими головами, щитики черепах, и наполняя маленькие склянки черным и белым жемчугом, в обилии покрывавшим берег континента, а на южном берегу пролива, под самыми скалами Огненной Земли, подбирая странного вида и цвета куски твердого моха. В проливе было холодно, хотя солнце хорошо светило: кверху, сколько глаз хватал, взвивались искривленные, полуголые, фантастических форм деревья. Макаров пристально разглядывал их в бинокль, а отец быстро зарисовывал в альбом. Потом, утром произвели какой-то промер поперек широкой части пролива зигзагами и самым малым ходом под парами; впереди шли катер-огурец и шестерка. Макаров с большим вниманием рассматривал образчики приносимого лотом грунта, а затем «Витязь» пошел под парами на запад. Дальше стало сильно покачивать с несколько дней не ставили парусов.

Старший офицер, капитан 2 ранга Вирениус, был превосходным хозяином судна и крайне редко тревожил Макарова, который оставался всегда истинным командиром корабля в отдельном плавании того времени.

Н. Иениш

От Редакции: автор этого очерка кап. 1 р. Н. В. Иениш, 6-8 летним мальчиком плавал на **«Витязе»** со своим отцом, морским офицером судового состава **«Витязя»**.

В 11-й Артиллерийской бригаде

1887-1890.

Из воспоминаний Ген. лейт. Е. А. Милодановича

7-го августа 1887 года в Красносельском лагере состоялось торжество производства в офицеры пажей Пажеского корпуса и юнкеров Петербургских училищ.

Утро этого дня казалось пасмурным, но это было полное солнечное затмение, вселявшее неприятное чувство. По народным приметам оно предвещает бедствия, а мы как раз в этот день начинали самостоятельную жизнь и службу Государю и Отечеству. Продолжалось оно недолго, а затем стал накрапывать дождь.

Программа дня начиналась маневром в районе лагеря, законченным на Военном поле. Когда появился Государь Император Александр III с Великим Князем Главнокомандующим и свитой и под звуки гимна и крики «ура» проезжал к Царскому валику, выглянуло солнце.

Затем все подлежавшие производству были вызваны к валику. Государ был верхом на коне. Он поздравил нас с производством и напутствовал кратким словом. Военный Министр обходил ряды и раздавал экземпляры Высочайшего приказа...

В этом году из Михайловского артиллерийского училища не было вакансий в губернские города. Была, правда, одна — в Киевскую крепостную артиллерию, — но в этот род артиллерии шли неохотно. Высоко стояли вакансии в конную артиллерию. Мой большой друг, Константин Николаевич Смирнов, избрал сперва вакансию туда, но затем, не желая со мной расставаться, от нее отказался. Я руководствовался при выборе климатом; II-ая бригада квартировал в Волынской губернии, и тем, что здесь нас будет четверо одного выпуска.

Все мы получили отпуск на 28 дней с прибавлением поверстного срока от Петербурга до места назначения. Таким образом, в Ровно мы должны были прибыть 17-го сентября. 9-го августа я уехал к матери на хутор Полтавской губернии. Со Смирновым мы условились, что он заедет ко мне на один день, а потом мы вместе двинемся в Ровно. Так оно и было. В Киеве мы съехались все четверо и прибыли в Ровно 16-го сентября в 10 ч. вечера.

С вокзала мы отправились в лучшую в городе «Европейскую» гостинницу. Жизнь в городе еще не замерла: это была суббота, и разодетая еврейская публика прогуливалась густой массой посередине улицы.

На другой день не успели мы еще встать, как к нам постучался фактор-еврей, предложивший свои услуги по отысканию квартиры. За ним последовал опять стук: еврейка с предложением товаров своего магазина, за ней — другая и т. д.

Одевшись в парадную форму, мы все отправились представиться командиру бригады. Командовал ею в то время генерал-маиор Д. И. Михайлов, бывший перед тем правителем дел окружного артиллерийского управления в Киеве. Управление бригады находилось на острове, образуемом рекой Устье, в старом замке князя Любомирского, описанном В. Г. Короленко в рассказе «В дурном обществе». Остров был связан мостом с торговой частью города с одной стороны и пешеходным мостиком против реального училища — с другой.

Командир бригады распределил нас по батареям. Подпоручик Раевский и я были назначены в 6-ую, Смирнов — во 2-ую (обе батареи квартировали в Ровно), а Козловский — в 4-ую, расположенную в местечке Корец, на Киевско-Брестском шоссе, в 60-ти верстах от Ровно. Из замка мы объехали всех командиров батарей — явились своим и представились прочим.

Моим командиром батареи был старый полковник Фабиан Осипович Рымашевский, командовавший батареей еще во время Русско-Турецкой войны 1877-78 г.г. Он имел в своей же батарее сына, подпоручика выпуска 1886 года и двух дочерей: одна была почти взрослая и училась в гимназии в Житомире, а другая — едва-ли достигла тогда десяти лет.

Полковник Рымашевский был прекрасный командир батареи и очень внимательный к нуждам своих подчиненных начальник. Батарея его была в большом порядке, как в строевом, так и в хозяйственном отношении. Лошади были в хороших телах, отлично содержаны и прекрасно выезжены. Он составил особое руководство для изучения лошади и обучения ездовых в артиллерии. По этому предмету у него велась полемика с известным знатоком лошади капитаном А. Н. Петраковым (впоследствии — генералом). Тактических занятий он не любил и, вообще, не любил занятий в комнате.

В мое время в Михайловском артиллерийском училище юнкера практикоавлись в при-

стрелке батареи на введенном тогда приборе полковника Муратова. Усвоить его полк. Рымашевский не мог. Сперва он объяснял это тем, что его сын не умел толково ему объяснить, но потом, когда этого не могли сделать ни Раевский, ни я, он просто решил. что этот прибор никуда не годится. В 1890 году полк. Рымашевский был произведен в генерал-майоры с назначением командиром 20-й артиллерийской бригады.

В 6-ой батарее, кроме обоих Рымашевских, были еще — штабс-капитан С. С. Игнатьев (Михайловец), заведывавший хозяйством, и штабс-капитан Шах-Пирумов, который, будучи начальником бригадной учебной команды, службы в батерее не нес. Раевский был назначен делопроизводителем батареи, я получил в свое ведение батарейную школу и огнестрельный запас.

Батарея помещалась при выезде из города и разветвлении двух шоссе, на Брест и на Дубно, в здании бывшей почтовой станции и в нескольких дополнительных постройках.

После явки к начальству и представления штаб-офицерам, мы в этот же день приступили к визитам и попали на именины жены капитана Юргенса, чем день и закончили, познакомившись с офицерами и их женами.

Особенностью города Ровно было отсутствие православных церквей, кроме малой на кладбище и домовой реального училища, не всем доступной. Желавшие помолиться в церкви, или совершить требы, пользовались церковью в ближайшем к городу селе Тютковичи. Однако, постройка православного собора имелась в виду, против той Европейской гостиницы, где мы остановились. При мне и началась постройка. Собор Александра Невского был достроен и освящен 30-го августа 1890 года в присутствии Государя Императора Александра III, во время Его пребывания в Ровно на больших маневрах Киевского и Варшавского военных округов.

Между тем фактор нашел мне и Смирнову две комнаты у вдовы на Топольной улице, и хозяйка предложила давать нам и обед. У не была взрослая дочь, и мы подозревали, что она имеет в виду подцепить одного из нас ей в женихи. Через месяц мы переменили квартиру.

Занятия в батареях производились ежедневно от 8 часов утра до 12 часов дня и от 3 часов пополудни до 6 часов вечера. В субботу послеобеденных занятий не было. Один раз в неделю прозводилось конное учение батареи или проездка в полном составе.

Наша батарея имела две высоких парных брички местного образца. Одна из них была в распоряжении командира батареи, другой пользовались офицеры. Ежедневно утром она подавалась к квартире шт. капитана Игнатьева, куда приходили мы с Раевским, и все вместе отправлялись в батарею. В полдень на ней же возвращались на обед, после которого, тем же порядком, ехали обратно на службу.

В то время офицерам батареи представлялась в пользование казенная лошадь. Я получил хорошего коня темно-караковой масти, по имени «Приговор». Он обладал широким шагом и крупной рысью, но на рыси сильно тряс, подбрасывая лишь вверх, без раскачивания. Я к нему приспособился и был им вполне доволен. Лошадью можно было пользоваться не только для служебной надобности, но и ездить на ней в любое свободное время. Полк. Рымашевский поощрял верховую езду офицеров и разрешал ездить не только на своей, но и на любой фейерверкерской лошади; резрешал даже брать лошадь под дамское седло, с условием не калечить.

Однако, когда мы приехали в Ровно, верховая езда не была в почете у офицеров. Они садились верхом на коня, повидимому, только по требованиям службы. Мне было странно видеть, например, нестарого еще капитана, который осенью взбирался на коня в резиновых калошах. Никто, кажется, не считал естественным в праздник, или в любой свободный день, при хорошей погоде выехать из пыльного города в поле, хотя бы для того, чтобы подышать чистым воздухом.

Мы же, питомцы Михайловского училища, прошли хорошую школу верховой езды под руководством поручика Гвардейской конной Артиллерии Александра Михайловича Головина, который привил нам любовь к лошади и езде. Мы, вновь прибывшие в бригаду Михайловцы, постоянно предпринимали прогулки верхом, в одиночку и группой, за город по разным направлениям, не обращая внимания на погоду. Постепенно к нам начали присоединяться и прочие офицеры (пример заразителен) и, таким образом, мы подняли в бригаде это искусство.

Вскоре по приезде в Ровно мы попали на свадьбу бригадного адъютанта поручика Алексея Васильевича Есипова, который женился на старшей дочери местного мирового судьи С. В. Белоусова, только что окончившей Полтавский институт. (Замечу, что по своем прибытии в Ровно мы все сделали визиты воинскому начальнику, мировому судье и уездному предводителю дворянства). На эту свадьбу приехала из Киева и вторая дочь судьи, Клавдия Сергеевна, учившаяся в Киеве в Фундуклеевской гимназии и жившая в Левашевском пансионе при этой гимназии. Познакомившись с ней, я тогда никак не ожидал, что это знакомство будет иметь для меня роковое значение.

Прожив один месяц на первой квартире, мы затем прожили два месяца на второй, тоже из двух комнат, у преподавателя французского языка реального училища Марксера, но, так

как тут не не было места для денщика (мы ограничивались одним денщиком на двух нас), то перешли на третью. На этот раз нам удалось найти хорошую меблированную квартиру в 3 комнаты с кухней у аптекаря Сегаля на Немецкой улице за 22 рубля в месяц. У каждого была своя спальня, а столовая была общая. Обед денщик приносил в судках; обходился он нам по 12 рублей в месяц. Замечу, что получали мы тогда всего по 49 рублей в месяц — деньги небольшие, но крупных расходов у нас не было, потому что все было у нас новое. На этой квартире мы прожили вплоть до нашего отъезда в Петербург на экзамен в Академию Генерального Штаба, в августе 1890 года.

В бригаде была распространена игра в карты. Когда мы приходили к кому-нибудь в гости, всегда видели несколько уже приготовленых столов, и игра затягивалась за полночь. Были в бригаде и любившие выпить, даже один из командиров батарей был в их числе. Мы же не пили, в карты не играли и даже не курили. Верховой ездой мы увлекались сперва сами, потом — с амазонками; читали, что можно было достать, танцевали (я лично не очень то любил танцы), и все это вызывало удивление наших старших сослуживцев.

Барышень было мало, да и некоторые из них были в учебных заведениях в губернских городах и появлялись только на каникулах и в продолжительные праздники. Поэтому молодежь очень обрадовалась, когда услышала, что из Киева перемещаются в Ровно два «летучих артиллерийских парка» и что у одного командира, полковника Кирдановского есть три взрослые дочери — барышни. Когда эти парки пришли, мы познакомились с офицерами и, конечно, с семьей Кирдановских.

Барышни оказались очень веселыми (особенно старшая), одна из них пела, другая недурно играла на рояли, а третья, младшая, была, как мы говорили, «умная». Родители их были очень гостеприемны, на новом месте скучали, а потому постоянно звали нас к себе, и нам стало веселее.

Старшие дочери обнаружили желание учиться ездить верхом. Мы со Смирновым охотно пошли им навстречу и появились к ним с лошадьми под дамскими седлами. Прогулки верхом предпринимались и в зимнее время при хорошей погоде, но, вообще, зимой мы чаще катались в санях. У полк. Кирдановского был приличный парный выезд, парные сани мы брали в батарее и катались с барышнями и целой компанией, и на одиночках, в маленьких санках.

В Ровенском «Благородном собрании» процветала обычно карточная игра, но иногда уст раивались и танцевальные вечера, встречи Нового Года и т. п. На острове была пародия на театр; там появлялись иногда бродячие артисты, устраивались спектакли и концерты.

Так провели мы осень и зиму, а весной, в начале мая 1888 года отправились походным порядком в Киев для стрельбы на Киевском полигоне. Это походное движение, продолжавшееся, помнится, около двух недель, в такое время года было большим удовольствием.

Первый ночлег мы имели в местечке Гоща, в 25-30 верстах от Ровно, у богатого помещика Злотницкого, который заблаговременно пригласил всех нас к себе и угостил отличным обедом и ужином. Первая дневка была в Новограде-Волынском, где квартировали наши 1-ая и 5-я батареи. 1-ой командовал подполковник Максимович, родом серб, а 5-й — полковник Вейсе. Один день мы обедали у одного из них, на второй — у другого.

Следующая дневка была в Житомире. Здесь мы были приглашены к командиру батареи 32-ой артилл. бригады Ольшановскому, у которого жила на квартире дочь полковника Рымашевского, учившаяся в Житомирской гимназии. Во время этой дневки мы совершили прекрасную прогулку в лодках по реке Тетереву с очень живописными берегами. Вообще Житомир произвел на нас очень хорошее впечасление: он какой-то уютный, масса зелени, красивая река и недорогая жизнь (недаром это был город отставных генералов).

Красивая местность была также у местечка Коростень, где имелось много дач. Здесь тоже была у нас дневка.

Наконец, мы прибыли в Киев, прошли через весь город и спустились по красивому Печерскому спуску к Цепному мосту. Цвели акации и запах от них был одуряющий. Перейдя на восточную сторону Днепра, мы оказались в Никольской Слободке, Черниговской губернии, за которой свернули вправо и по пескам хвойного леса добрались до артиллерийского лагеря. Нижние чины помещались здесь в палатках, а офицеры — в бараках; в каждой батарее был отдельный барак для командира и другой, общий, для всех ее офицеров.

В нашем бараке было много мышей. По утрам в лагере появлялись разносчики из Киева с булками, бубликами и т. д. И вот, чтобы спасти их от мышей, приходилось подвешивать к потолку на веревочках. А однажды сын командира батареи проснулся утром с сильно сжатой в кулак правой рукой и по розжатии ее обнаружил в ней задавленную им во сне мышь. Это произвело на него такое сильное впечатление, что он стал бояться мышей. Ложась спать, производил осмотр, нет ли где-нибудь мыши, и даже потом, на зимней квартире.

Стрельбу на полигоне вел главным образом командир батареи, а на долю младшего офице-

ра приходилась только одна практическая стрельба с ограниченным количеством снарядов, при которой командир батареи руководил чуть ли не каждым выстрелом. Это меня крайне удивляло, так как Михайловцы стрелять умели. Я, в частности, при самостоятельной пристрелке в училище получил полное одобрение командира батареи полковника Баумгартена и получил в награду его приказание: произвести в заключение залп целой 8-ми орудийной батареей.

Находясь на полигоне, мы, кроме служебных поездок в Киев за фуражем из интендантского магазина, ездили туда по субботам и под праздники, чтобы развлечься. Почти всегда мы приезжали туда верхом, подъезжали к саду «Шато де Флер», отпускали лошадей домой и занимали места в театре. Слушали певцов и певиц, выступавших на отрытой сцене, смотрели на танцы балерин, а затем ужинали в ресторане, где пел довольно приличный хор. Часам к 12-ти ночи за нами приезжали батарейные экипажи.

В конце пребывания на полигоне, по требованию штаба округа, несколько офицеров — «опытных и хорошо знающих лошадей» — было назначено для производства 1-ой военноконской переписи в Черниговской губернии. И Смирнов, и я попали в их число, хотя и были офицерами меньше года. Я был назнаечн в Новозыбковский уезд, Смирнов — в Сосницкий. Перед отъездом в эту командировку, в Киеве, на Подоле, была произведена показная конская перепись, которой руководил приехавший из Петербурга полковник Генерального штаба.

Получив предписания, инструкции и наставления, мы разъехались по уездам Черниговской губернии 1-го августа. По этой причине мы не могли в этом году участвовать в общем лагерном сборе под Луцком, который был назначен тоже на август.

По прибытии в Новозыбков я отправился к уездному предводителю дворянства, как председателю комиссии, и к исправнику. Последний, бывший офицер одного из гвардейских полков, был очень симпатичный человек и у него была молодая и очень милая жена. Выяснилось, что уезд еще не готов к производству переписи, и мне придется прожить в городе несколько дней без дела. В эти дни я почти каждый день бывал на обеде, или вечером, у предводителя или у исправника.

Город сам произвел на меня хорошее впечатление: были тут и вполне приличные дома и порядочные магазины. В городе и уезде много старообрядцев (посад Злынка почти сплошь). Дома у старообрядцев хорошие, дворы с высокими заборами и очень злыми собаками. В сумерки, когда они спущены с цепей, нельзя и думать выйти из дома без провожатого: загрызут!

В уезде много помещиков, есть и богатые. У некоторых вполне барские усадьбы. Все они были очень гостеприимны, и становые пристава устраивали меня на жительство почти всегда у них. Из фамилий помню сейчас только Немировичей-Данченко и Калиновских (их сыновья были со мной в кадетском корпусе в Орле). У одного помещика я попал на свадьбу дочери, у нескольких был на именинах... Мои переезды от одного помещика к другому напоминали мне разъезды Чичикова.

Неготовность уезда к переписи к назначенному сроку повлекла за собой и запоздание с ее окончанием, так что я даже получил по телеграфу запрос штаба округа о причинах. Вернулся я из этой командировки только 11-го октября.

Уезжая из Петербурга после производства в офицеры, я имел твердое намерение поступить через два года в Артиллерийскую Академию и опять быть под знакомой крышей. Поэтому я запасся программой для вступительного экзамена. Между тем Смирнов склонялся к Академии Генерального Штаба. У него был дядя, генерал Генерального Штаба, ему приходилось бывать в обществе офицеров и он мечтал о блестящей военной карьере.

В Артиллерийскую Академию можно было поступить прослужив два года в строю, для академии ген. штаба требовалось три года. Но до Рождества 1888 года о подготовке к экзамену мы как-то не думали, а под влиянием Смирнова я изменил свое намерение, решил не разлучаться с ним и дальше и держать тоже в академию Генерального Штаба.

На Рождественские праздники я уезжал к матери на хутор и предполагал со Смирновым начать занятия после своего возвращения. Но у меня в комнате не было письменного стола, и это казалось большим препятствием. Пришлось его заказать по собственному вкусу, но дело все же не сдвинулось с мертвой точки. Выходило так, что нет смысла начинать занятия теперь, так как до весны остается не так уж много времени, а там — епять походное движение на Киевский полигон и летние занятия в батарее, когда не до сидения за письменным столом!

Второй год моей жизни в Ровно протекал подобно предыдущему, с той лишь разницей, что я стал чаще бывать в доме мирового судьи. Походное движение в Киеве и в этом году казалось мне сполшным удовольствием. Жизнь и служба на полигоне были те же: те же стрельбы, поездки в интендантские склады и те же развлечения в «Шато де Флер», или в Купеческом собрании, находившемся недалеко от первого.

Была, впрочем, разница: вследствие недостатка офицеров в 3-й батарее, я был прикомандирован для несения службы к ней. Пришлось расстаться на время с моим «Приговором». Новая лошадь была неприятного нрава: не любила отделяться от строя, делала «свечки» и т. п. Лошади 3-ей батареи были рыжей масти — самой выигрышной для командира, так как рыжие лошади выглядят всегда «в телах» (хуже всех в этом отношении вороные лошади).

В августе этого 1889-го года наша бригада принимала участие в общем лагерном сборе под Луцком. Управление бригады и наша батарея были расквартированы в селе Теремном, в 4-5 верстах от города. Сюда на некоторое время приезжала жена бригадного адъютанта со своей младшей сестрой.

Офицеры 43-го пех. Охотского полка устроили в это время в своем офицерском собрании в Луцке танцевальный вечер и пригласили к себе всех наших офицеров с семьями. Экипажей здесь у нас не было никаких, и наши дамы совершили прогулки на «парной повозке образца 1884 года», в первый и последний раз в своей жизни.

В этом году в артиллерийских бригадах была введена организация дивизионов: 1, 2 и 3-я батареи составили 1-ый дивизион, 4-я, 5-я и 6-я — второй. Вследствие этого пришлось изменить дислокацию бригады, причем 2-ой дивизион переходил ближе к австро-венгерской границе, в новые казармы, построенные войсковой строительной комиссией возле Луцка, а 1-ый дивизион сосредоточивался в Ровно (также во вновь построенных казармах). Бригадное управление оставалось в Ровно.

Ввиду ухода 6-ой батареи в Луцк, я, по моей просьбе, был переведен в 1-ую батарею, прибывающую в Ровно из Новгород-Волынска. Смирнов, наоборот, был переведен из 2-ой батареи во 2-ой дивизион в Луцк. Таким образом, нам на время пришлось все же расстаться, и я остался жить в нашей квартире в одиночестве.

На Рождественские празники 1889 года я, по примеру предыдущего года, уехал в кратковременный отпуск на хутор. В мое отсутствие был получен «Русский Инвалид» с Высочайшим приказом о производстве моего выпуска в поручики. Я был очень тронут полученной мной на хуторе поздравительной телеграммой полковника Рымашевского: «...с первым солидным чином!»

Поздней осенью 1889 года состоялось перемещение части батарей на новые квартиры. Хотя я был уже в 1-ой батарее (между прочим — эта батарея имела Георгиевские петлицы за битву под Лейпцигом), мне пришлось вести в Луцк эшелон зарядных ящиков 6ой батареи.

Когда мой эшелон, следуя из Ровно по Брестскому шоссе, проходил мимо находившегося несколько в стороне от него имения Бронники, принадлежавшего бывшему профессору славяноведения Киевского университета Яроцкому, у перекрестка дороги меня встретил слуга профессора и настойчиво просил свернуть с эшелоном в имение на обед! У профессора была эта манера — высылать слугу к шоссе и зазывать к себе проезжающих знакомых и незнакомых и даже как было в данном случае, целый эшелон. Хотя у Яроцких была большая семья — и взрослые и маленькие дети, они любили общество и, видимо, скучали без него. У них бывали почти все наши офицеры. Сделали визит и мы со Смирновым.

Профессор называл меня «Миловановичем» и уверял, что моей фамилии с «д» вместо «в» в Сербии нет, и в этом был отчасти прав: в Сербии моя фамилия, действительно, не встречается. Однако, в Субботице (Бачка, б. Австро-Венгиря) были, и есть и теперь, мои однофамильцы, вероятно, дальние родственники, и, таким образом, буква «д» не является «русской ошибкой», как думал профессор (и почти уверил меня в этом самого!).

До рождественских праздников по разным причинам мне никак не удавалось приступить к подготовке к экзаменам в академию, но после моего возвращения из отпуска, я уже засел за книги серьёзно.

В январе были именины проф. Яроцкого. Было очень много гостей. Была и вся семья судьи Белоусова и большинство наших офицеров. Этот день решил мою судьбу: я сделал предложение младшей дочери судьи, Клавдии Сергеевне.

Вернулись мы от Яроцких с восходом солнца и, выпив стакан чая, я отправился на службу в батарею. После обеда предпринял прогулку верхом, а вечером был позван к командиру батареи полковнику Максимовичу, где слушал прекрасное пение его супруги и Зинаиды Николаевны Журавской, супруги заведывающего батарейным хозяйством, известной переводчицы иностранной литературы.

Теперь, по воскресеньям, я всегда обедал у родителей невесты. В будние дни обед мне присылался или на мою квартиру с денщиком мужа старшей дочери, обыкновенно — с запиской невесты. Денщик уносил и мой ответ.

Несмотря на подготовку к экзаменам, я всетаки выкраивал время, чтобы видеться с невестой почти каждый день, а в Великий пост ездил вместе с семьей Белоусовых говеть в село Тютковичи.

Весной в Ровно была большая буря с грозой и ливнем. Во всем городе (у меня тоже) с одной стороны были выбиты все стекла. По окончании ливня я пошел проведать Белоусо-

вых. Тополевая улица, где они жили, была перегорожена вырванными с корнями громадными тополями.

В этом году я на полигон не пошел, но вместе со Смирновым держал экзамены и поступил в Николаевскую Академию Генерального Штаба.

Сообщил: **В. Е. Милоданович**

Хроника «Военной Были»

АЛЕКСАНДРИЙЦЫ ПОД ШУМЛОЙ

1810 года, Турецкие войска занимали Шумлу, обложенную нашей армией. 26. мая они предприняли вылазку на левый фланг ее, находившийся тогда под начальством генерала Уварова. Бой загорелся, наши не уступали, турки усиливались. Полковник Ланской, бывший потом генерал-лейтенантом и скончавшийся в 1814 году от раны, полученной им в сражении под Краоном, вел в сечу Александрийский гусарский полк, издавна славившийся яростью в ударах и непоколебимостью в огне сражения. — Ланской ехал впереди первого эскадрона, сопровождаемый несколькими выборными гусарами и находившимся при нем на ординарцах юнкере (ныне поручике) Новинском.

Подошедши к турецкому ретраншементу, Ланской пошел в атаку, вскочил первым в ретраншемент, выхватил у первого байрактара (знаменосца) знамя и, бросив его юнкеру Новинскому, сказал: «Юнкер! Вот тебе Георгиевский крест».

Всем известно обыкновенное последствие вылазок — турки были обращены в город и все вошло в спокойствие, но — малым известен сей подвиг, достойный рыцарского времени. Я о нем слегка узнал в тот-же вечер, но ныне удостоверился о нем от самого поручика Новинского 2-го и бывших в деле сем Александрийского гусарского полка г.г. офицеров.

Генерал-майор **Д. В. Давыдов**

«Военный Журнал», издаваемый при Гвардейском Штабе. Книжка VI, 1817 год.

Извлек **А. Г.**

НАГРАДЫ, ЖАЛОВАННЫЕ ВНЕ ВСЯКИХ ПРАВИЛ

1) 105 пехот. Оренбургского полка Сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, за бой летом 1916 г., посмертно награждена Орденом Св. Георгия 4-й ст.

2) Начальник Мобилизационного Отдела Главного Управления Генерального Штаба генерал-майор Лукомский, за блестяще проведенную мобилизацию 1914 года, награжден Орденом Св. Владимира 4 ст. без мечей, на Георгиевской ленте.

3) Командир 9 драгун. Казанского полка полковник Лосьев награжден французской Военной Медалью, которой, по статуту, награждаются только солдаты и маршалы.

4) Натуралист-ихтиолог Четыркин, за отличие при отбитии нападения кочевников на экспедицию (1910-1913 гг.), награжден Орденом Св. Георгия 4 ст. на Владимирской ленте.

Сообщил **И. Ф. Рубец**

ПО ВОЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКОЙ

Манифестом Императора Петра III, от 1762 года, было объявлено: «...Всему Российскому благородному дворянству жалуются вольности и свобода...»

При Императоре Павле, один гвардейский офицер подал в отставку и, на вопрос о причине, ответил что делает это на основании «вольности дворянской».

Хорошо, ответил Император, твоего не отниму, но и моего не дам». Офицер был уволен в отставку без мундира. С этого времени началось увольнение от службы «без мундира».

сообщил **Сергей Двигубский**

ИЗ МИРНОЙ ЖИЗНИ

1904 год. Только что отгремели пушки в Чемульпо. Весь мир был потрясен подвигом «Варяга». Героизм командира, офицеров и команды еще раз восхитил мир и напомнил ему, что слава Российского Императорского Флота осталась неувядаемой.

В Петергофе, в Собрании одного из квартировавших там, спокон века, кавалерийских полков, «господа» разошлись, но один молодой корнет, все еще под впечатлением подвига моряков, (не стерпело молодецкое сердц), забрав песенников, на конях, двинулся в поход в Кронштадт через замерзший залив. Под утро, часа в три, появились они перед Морским Собранием, где еще кейфовали несколько задержавшихся морских офицеров. Корнет обратился к ним с речью, выражая свой восторг перед подвигом «Варяга» (говорить он был большой мастер). Выпили вина, и в обратный путь-дорогу. Вернулись в Петергоф и все легли спать.

На другой день, в 12 часов, обычный завтрак в Собрании и, как всегда, к завтраку собираются все офицеры во главе с командиром полка, в то время генералом О. Все идет, как обычно, но вот появляется швейцар и докладывает командиру, что приехали три морских офицера в парадной форме и желают его видеть. Весьма удивленный, генерал немедленно просит их в столовую, и вот картина: три офицера с миноносца «№ 113», в парадной форме с палашами и треуголками, официально благодарят за выраженное участие и присылку делегации, что, дескать, всех моряков чрезвычайно тронуло.

Генерал их усаживает, вызваны трубачи, а в то же время он подзывает дежурного по полку, говоря, «узнайте немедленно в чем дело».

После завтрака наши гости уехали, а из Штаба войск Гвардии телефон: «Командиру полка немедленно прибыть для объяснений». Генерал О. поехал с первым поездом, уже, конечно, зная, что произошло и что это была за «депутация». Благодаря его связям у Великого Князя Николая Николаевича, дело это не получило широкой огласки, но корнет — поздравитель был посажен командиром эскадрона на три дня под домашний арест. Вот с тех пор, когда в полку, как это случалось часто, были гостями морские офицеры, их называли «с миноносца № 113».

А. П.

ОБХОД

От Редакции. — В Редакцию было прислано письмо, без подписи, в котором описывался обычай «обхода», якобы, существовавший лейб-гв. в Уланском Ее Величества полку. Обычай этот был описан в столь явно искаженной и странной форме, что мы обратились к полковому Объединению за подтверждением и разъяснением. Вот что было получено нами в ответ:

Обход... Да, это бывало и, право, никому не приносило вреда, тем более, что случалось это чрезвычайно редко. Так, за три года моей службы мирного времени, это случилось только один раз. В 1911 году, 6 декабря, Высочайшим Приказом, поручик Г. был произведен в штабс ротмистры и по этому случаю он устроил у себя на даче, в том же Новом Петергофе, обед всем поручикам и корнетам. Под трубачей и песенников, загуляли хорошо, и вот хозяин вспомнил старый обычай — ОБХОД. Пошли... Во главе штабс-ротмистр Г., за ним все поручики и корнеты, хор трубачей, игравший фанфарный марш, а колонну замыкали собранские вестовые с бутылками шампанского и жбанчиками. Город давно спит, лишь по улицам гремит наш марш. По стародавнему обычаю мы заходили на квартиру ко всем офицерам полка, начиная со старшего полковника, женатым и холостым. Будили, тот выходил, ему играли его любимую вещь, подносили жбанчик, желали покойной ночи и шли дальше. На другой день старший из участников был вызван к командиру полка, при сабле, и получил дружеское внушение.

В стародавние времена был случай, что загулявший в собрании старый наш, еще в турецкую войну, командир полка вдруг возглавил обход и ничего лучше не нашел, как пожелать покойной ночи со жбанчиком коменданту города. В ярости, последний выскочил на крыльцо с криком «арестовать всех» и, в ужасе, увидел Генерал-Адъютанта генерала от кавалерии А. П. С—ва. Надо полагать, что после этого сон бедноог коменданта был неспокойный.

А. П.

Обзор военно-исторической печати

М. КАРАТЕЕВ: «Богатыри Проснулись». Буэнос-Айрес 1963 г. том 1.

Недавно вышла из печати новая книга русского писателя-историка М. Каратеева «Богатыри проснулись». Она представляет из себя продолжение двух первых исторических романов того-же автора — «Ярлык Великого Хана» и «Карач-Мурза», но его трилогия этим не заканчивается. Последний роман «Богатыри проснулись» намечен автором в двух книгах и пока вышла только первая из них.

Таким образом, о всем романе в целом мы судить пока что не можем, однако, ознакомившись даже с первой его половиной, не приходится сомневаться в том, что этот роман будет не менее интересен и значителен, чем два предыдущие. В рецензируемой книге, собственно, нет никакой любовной интриги, и это может быть несколько разочарует любителей легкого и занимательного чтения, но зато для людей военных и интересующихся военной историей эта книга представляет исключительный интерес.

Действие ее начинается с того момента, когда Великий Князь Дмитрий Донской, окончательно смирив непокорных удельных князей, вступает в решительную борьбу с татарской Ордой. Эта борьба, с начала и до конца (книга заканчивается смертю Донского), во всех ее подробностях описана автором с присущим ему талантом и эрудицией.

Как известно, основными вехами этой борьбы были четыре крупных сражения: битва на реке Пьяне, битва на Воже, Куликовская битва и взятие Москвы Тохтамышем. Каждая из них описана М. Каратеевым с мастерством подлинного художника-баталиста и с такими историческими подробностями, которые мало кому известны. Для подготовки к своему труду, автор использовал все главные русские летописи и все доступные письменные памятники эпохи.

О битве на реке Пьяне, так же как и о кампании 1382 года, в нашей отечественной литературе, не любили распространяться, так как, в обоих этих случаях, русские потерпели поражение. М. Каратеев, наоборот, останавливается на них подробнейшим образом и делает это недаром: в свете приводимых им данных, становится ясным, что, несмотря на проигрыш этих сражений, русское оружие в них не только не было посрамлено, но и покрыло себя неувядаемой славой. Выявив это с такой очевидностью, автор сделал большое патриотическое дело, за что ему должен быть благодарен каждый истинно русский человек.

Но безусловным шедевром Каратеева является описание Куликовской битвы. С полной беспристрастностью следует признать, что в русской литературе не было ему подобного. В военно-историческом аспекте автор тут выявляет весь военный гений Дмитрия Донского, который, в нарушение русского обычая того времени, не побоялся выделить в резерв треть своего войска, благодаря чему и выиграл сражение. В то время, обычно, пренебрегали резервом и стремились сразу бросить в бой все наличные силы, чтобы подавить противника массой. В смысле художественном здесь Каратеев разворачивает перед нами грандиозную батальную картину, где классически выдержан общий стиль и тщательно отработана каждая деталь. Читая эти главы, видишь все происходящее, как наяву, и невольно кажется, что автор сам был участником сражения.

С нетерпением будем ждать выхода второй книги этого романа и, вместе с тем, окончания трилогии «Русь и Орда», которая, несомненно, займет видное место в той, лучшей, части русской литературы, которая никогда не будет обречена на забвение.

А. М. Юзефович

Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк 1963 г.

Приведенная в этой книге казачья песня кончается строками:

«...Знают все икру Урала
И уральских осетров,
Только знают очень мало
Про уральских казаков...»

Напрасно. Все, кто служил в Императорской коннице, были осведомлены о прекрасных боевых качествах и своеобразном быте уральских казаков. Уже, на маневрах, противники уральских полков должны были «держать ухо востро». Вот один маневренный эпизод, — двухсторонний маневр полка против полка. Уральцы тихо подобрались и атаковали противника врасплох. Естественно — командир полка, потерпевшего неудачу, старался оправдаться. Начальник 9-й кавалер. дивизии князь Бегильдеев обратился к командиру 1 Уральского каз. полка полковнику Бородину,

предложив ему осветить положение с его стороны. Полковник Бородин мрачно заявил: «Оно, конечно, было не совсем похоже, как доложил господин полковник но, Ваше Сиятельство, я не умею так дирижировать языком, как господин полковник».

В регулярных кавалерийских дивизиях служили 1 и 3 Уральские казачьи полки, соответственно в 9 и 15 дивизиях. Во время 1-й Мировой Войны подвиги офицера 3-го полка М. Ф. Мартьянова ему доставили славу героя.

В книге Масянова очень подробно очерчена боевая служба уральцев в русско-японскую войну под командой ген. К. Н. Хагандокова. «Может старые уральцы разгладят свои бороды и мне заочно «шпашибо» скажут», выразил надежду автор воспоминаний, описывая блестящие подвиги уральских казаков.

В этой книге читатель найдет и описание боевой службы уральцев в Охранной Страже Китайско-Восточной железной дороги, и мрачную картину разложения войска, и подробное изложение борьбы их в период гражданской войны, и, наконец, трагический исход уральцев, покинувших свою родину. Жуткие картины перемешиваются с прямо эпическими подвигами.

Переносясь в далекое, еще до революции, время, невольно останавливаешь внимание на воспоминаниях Д. Н. Давыдовой, дочери популярного в войске Наказного Атамана генерала Н. Н. Шипова о посещении области Наследником Цесаревичем, будущим Императором Николаем II.

Эта книга знакомит с историей возникновения этого замечательного казачьего войска, всегда отличавшегося своей самобытностью и многими особенностями жизни, не встречавшимися нигде в других частях России. Нам становится понятна твердость патриархальных традиций славных уральцев.

Книга прекрасно издана, на хорошей бумаге, содержит 159 страниц текста, много фотографий и иллюстраций. Недостаток книги, конечно, пустяковый, — отсутствие оглавления.

А. Левицкий

Письма в Редакцию

ЕЩЕ О КОКАРДЕ.

В № 57 «Военной Были», статья г. Е. Молло «Кокарда» начинается с определения кокарды, как овальной бляшки с черно-оранжевым центром и т. д. Когда я вышел лейб-гв. в Московский полк, то в музее полка, среди других экспонатов, видел офицерский кивер времен 1812 года, с кокардой «на вилке» на нем. Кокарда эта была не «бляшка», а род подушечки, на которой в центре была горизонтально протянута лента Ордена Св. Георгия Победоносца (черно-желтые полосы). Вся же подушечка была овальной формы и обшита по краям, в 4-5 рядов, серебряной нитью. Этим полностью объясняется строение русской кокарды XIX века.

Прибавлю еще, что первоначальной «георгиевской» лентой была лента с чередующимися черно-желтыми полосами и лишь с середины XIX века желтые полосы были заменены оранжевыми.

В середине кокарды, перекрывая ее почти целиком, находился вензель Императора Александра I (серебряный).

Также в музее имелась кокарда красная (солдатская?), тех же размеров, что и первая описанная , но красного сукна. Одна такая кокарда, лежавшая отдельно от кивера, имела также в середине серебряный вензель Императора Александра I. Солдатские кивера того времени имели кокарду красную, но без вензеля. Объяснения происхождения красной кокарды с вензелем я, тогда, получить не смог.

Я не знаю, когда были «изъяты» вензелевые изображения царствующего монарха с русских кокард. Кокарда, безусловно, являлась знаком подчиненности военных сил «короне», то-есть правящему Дому, а никак не Нации или иным политическим соединениям. Система эта не всегда удобна на практике, хотя до последнего времени сохранилась в некоторых иностранных армиях. Когда я, в 1919 году, проходил стаж во французской артиллерии, то в той же артиллерийской части были два румынских офицера. Дело было осенью, и оба они, являясь утром, спрашивали меня (французских газет они не читали), кто сейчас у них на престоле: король Михаил или его отец — Кароль, собиравшийся свергать сына. В карманах у каждого из них было по две кокарды — одна с вензелем Михаила, другая — Кароля. Согласно полученной от меня справке, где-то там, «за уголком», они прикрепляли к кепи кокарду, соответствующую моменту.

А. Земель

ОТЛИЧИЯ ЛЕЙБ-ГВ. КЕКСГОЛЬМСКОГО ПОЛКА

(№ 54 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» стр. 44)

В полку, шефом которого был Император Австрийский, были две юбилейные медали. Обе были в серебре (для офицеров) и носились на черно-желтых лентах. Первая была выдана в 1898 г., по случаю 50-летия шефства. Она была именная и выдавалась для ношения каждому вновь прибывшему в полк офицеру. Вторая была прислана от шефа в 1908 г., по случаю 60-летия шефства и ее получили все офицеры, состоявшие в тот момент в полку.

В 1860 г., Шеф подарил полку полный хор музыкальных инструментов (к 150-летию полка), а в 1898 г. Surtout-de-Table из серебра, весом около пуда. Свое жалование, как Шеф полка, он предоставил в распоряжение полковой школы солдатских детей. По табели 1860 г., оно было около 2-3 тысяч рублей.

А. Земель

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

8) г-ну **А. Земелю** — Присланные Вами два рисунка полковых знаков представляют собою знаки 65 пехот. Московского Его Величества и 69 пехот. Рязанского Ген. Фельдм. Князя Александра Голицына полков.

С. А.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В «Письме в редакцию», в № 60 «Военной Были», А. А. Скрябин опровергает многое написанное Г. М. Гриневым в его статье «Еще о русских военных оркестрах и маршах». Должен сказать, что с некоторыми положениями Г. М. Гринева я совершенно согласен.

1) Елисаветградский, как и Белорусский, гусарские полки получали из Запасного Кавалерийского полка ремонт молодых лошадей вороной и караковой масти и нужное число серых лошадей для трубаческого взвода. О приказе по Воен. Вед. от 20 ноября я слышал и смысл его понимаю. Но почему-то исключение было сделано для этих двух полков, трубачи которых сидели на лошадях не масти полка, а на серых. Может быть, были еще кавалерийские полки, имевшие у трубачей лошадей масти не их полка?

2) Елисаветградский гусарский полк имел 22 Георгиевских трубы с надписью «за отличие... в 1812 году». За подвиги, оказанные в Венгерскую кампанию, полк вторично был представлен к 22 Георгиевским трубам и к прежней надписи на оных, было прибавлено «и за усмирение Венгрии в 1849 г.» В Елисаветградском гусарском полку георгиевские ленты надевались не только на сигнальные, но и на все оркестровые трубы. Для потверждения этого, я приведу случай, имевший место в нашем полку.

Летом 1913 года, во время пребывания нашего полка в Красном Селе, при нашем полку была одна единственная собака, похожая на белого пойнтера, с коричневым пятном на лбу. Это была любимая собака трубачей, прозванная ими за ее веселый нрав, «Аллегро». Когда трубачи стояли на месте, «Аллегро» свертывался клубочком и лежал около штаб-трубача, у его ног или у ног его лошади. Когда трубачи, справа по одному, шли на барьер, «Аллегро» бежал рядом со штаб-трубачем и старательно перепрыгивал через все препятствия. Если, потом, он замечал, что какая-нибудь лошадь задерживалась перед препятствием, то возвращался обратно, неистово лаял и хватал лошадь за задние ноги, пока она не перепрыгивала.

Перед смотром, одно из начальствующих лиц предупредило нашего командира полка, что Государь Император терпеть не может, если на смотру появляются какие-нибудь собаки и, своим лаем, нервируют его лошадь.

На 30 июля, 8 уланскому Вознесенскому и нашему полкам, был назначен смотр полкового учения на Красносельском военном поле в присутствии Государя и обоих Шефов, Великих Княжен Ольги и Татьяны. Перед выходом на смотр командир полка приказал адъютанту принять все меры к тому, чтобы «Аллегро» никаким образом не появлялся на Военном Поле.

Теперь, представьте себе удивление, когда, во время смотра Вознесенского полка, наш командир полка и некоторые офицеры увидели вдали быстро несущуюся к нашему полку белую точку и узнали в ней «Аллегро». Он бежал во весь дух и за ним развевалась по ветру широкая георгиевская лента. Что произошло бы, если бы он прибежал на несколько минут позже и попался на глаза Государю! Ведь могли бы представить это, как какую-нибудь злостную проделку. Командир полка приказал немедленно схватить собаку, связать, отнести в лазаретную линейку и не спускать с нее глаз, пока не вернемся домой.

Впоследствии выяснилось следующее: перед выходом на Царский смотр, трубачи сняли с больших труб (басов) старые георгиевские ленты и привязали новые, а куском старой ленты привязали «Аллегро» к железной койке, заперли двери и окна и думали, что так он уж не явится на Военном Поле. Но «Аллегро» перегрыз ленту, разбил окно и, все-таки, прибежал к полку.

3) Теперь о маршах. В отрывном календаре на 1963 год, изданном газетой «Россия», я прочел: «многим, вероятно, неизвестно, что наш русский гимн, лишь немного измененный, игрался как встречный полковой марш 6 Кирасирским, 1 и 3 Уланскими полками германской армии. Вообще, многие русские марши вошли в германскую армию и наоборот. В 1827 г., принц Вильгельм привез из Петербурга марш лейб-гв. Семеновского полка, который стал маршем 2 Гренадерского и 44 пехотного полков германской армии».

полковник **А. Рябинин**

ОТВЕТ НА ПРОСЬБУ Д-РА Э. Д. ГРИБАНОВА

В № 62 «Военной Были», на стр. 454 напечатана заметка «Медицина в нумизматике», в котором имеется ошибка. В заметке напечатано: «...в том числе, всем нам памятный Знак Отличия Красного Креста с надписью на металлической ленте: «Возлюби ближнего твоего как самого себя».

К сведению: вышеуказанный знак никогда не считался Знаком Отличия. При сем привожу краткую выписку из «Положения о Знаке Отличия Российского Красного Креста».

«§1 — Знак Отличия Красного Креста состоит из креста равноконечного, золотого, покрытого с наружной стороны, красной финифтью и носится на груди, на левой стороне. На оборотной стороне выгравирована надпись: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу положит за други своя.»

Существовало и «Положение о Знаке Красного Креста». Вот выписки из оного:

§1 — Знак Красного Креста состоит из эмалевого красного креста на белом щите с Императорскою сверху короною, с надписью золотыми буквами вокруг: «Возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе».

Выше указанные справки взяты: «Сборник сведений о наградах благотворительных, просветительных и др. Обществ и Учреждений» (Извлечено из Положений, Уставов и Правил) Петроград 1916 г.

М. А. Литвизин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Перечитывая старые номера «ВОЕННОЙ БЫЛИ» за 1960 год, я обратил внимание в номере 45 на статью долголетнего и талантливого сотрудника этого журнала, Конной Артиллерии полковника А. А. Левицкого, по поводу брошюры кирасира Ее Величества М. М. Плешкова «Мои воспоминания».

Полк. Левицкий ставит в упрек М. М. Плешкову несколько пренебрежительный отзыв последнего о нашей Офицерской Кавалерийской Школе, отмечая, что она «не вырабатывала спортсменом». «Правда, говорит сам полк. Левицкий, что это и не было ее задачей». Но, не могу согласиться, чтобы «она давала широкую возможность заниматься спортом», как пишет А. А. Левицкий, сам окончивший эту Школу. Школа готовила хороших ездоков и инструкторов по выездке лошади, равно и ездоков в поле, но это далеко до спорта, то-есть до скачек, стоверстных пробегов и т. д. Хороший ездок не есть еще спортсмен. Для этого нужно иметь любовь к спорту и «искру Божию». Универсальных спортсменов было немного, назову того же М. М. Плешкова, который и на скачках, и выезжал на конкурах, и участвовал в пробегах.

Были весьма талантливые ездоки на скачках, как Павлов, Носович, Бобошко, Э. Гримм, К. Говоров, Пуговишников, М. М. Соколов, Д. Туманов, Лазарев, барон Ренне и др., но из них только два-три окончили Офицерскую Кавалерийскую Школу. Были новаторы прыжков по итальянской системе, как братья Родзянко, фон-Руммель, Д. Иваненко, Захарченко, Поляков, граф Д. Граббе, и по старой системе — Н. И. Звягинцев и др., но и среди них опять-таки только два-три человека окончили Школу.

Полк. Левицкий пишет, что «если мы сравним фотографию прыжков ездоков Кавалер. Школы со снимком прыжка М. М. Плешкова на «Пикколо», иллюстрирующем книжку «Мои воспоминания», то не увидим никакой разницы в посадке и отдаче повода на прыжке». Передо мною «Справочная книжка кавалериста, коневода, спортсмена и любителя лошади», написанная «лейб-фотографом» Кавалер. Школы и одним из создателей Красной конницы, Долматовым, в которой он, критикуя посадки по итальянской системе «наших итальянцев», упорно твердит о том, что корпус всадника на прыжке должен оставаться отвесным к горизонту и не отделяться от седла (по крайней мере пах) (стр. 202-204), то-есть совершенно обратное тому, что проповедывали пионеры прыжка по итальянской системе. Его фотографии итальянца капитана Каприлли — совершенно устарели, так как техника прыжка и высота препятствий сильно прогрессировали. Если посмотреть на прыжки мировых чемпионов, выступающих на международных состязаниях, как Винклер, Шридде, Пат Смайт, Инзео и др., то увидим, что они делают именно то, что проводили наши «итальянцы» т. е. ездят на коротких стременах на скаковых трензельных поводах с мартингалами и наклоняют корпус сильно вперед, отделяясь от седла.

В Михайловском манеже, из постоянного состава Школы, выезжали только ротм. Бертрен, Принц Наполеон Мюрат и ротм. Резников, но особых успехов они не имели. Почти не бывало участников переменного состава, кроме есаула Чеславского и Н. И. Звягинцева, которые были спортсменами-любителями; но, я думаю, что даже Звягинцев, бравший на «Канзасе» рекорды высоты, по системе Школы, не пошел бы на барьер, который, после перескачки, взяв не менее 20-ти барьеров, берет теперь Пат Смайт.

Приводя эти примеры, я хочу сказать, что Офицерская Кавалерийская Школа вырабатывала солидных ездоков по выездке, по системе Джемса Филлиса, но никто из постоянного состава не выступал на международных состязаниях по выездке. (Кстати, лейб-гусар Б. С. Волков, состоя в переменном составе Школы, получил в Лондоне приз за выездку). Что же касается прыжков, то сама спортивная жизнь не оправдала ситемы длинных стремян и мундштука.

Князь Н. Девлет-Кильдеев

На одном из Привалов Конницы в Париже, зашел разговор о «кирасирской» пуговице. Из имеющихся у меня материалов по истории моего полка, могу дать следующую справку: «16 февраля 1829 года. Всем строевым чинам на обмундировании пуговицы иметь с выпуклым изображением гранады и на ней цифры № полка». К этому могу добавить, что на пуговице Новгородского кирасирского полка был № 8.

10 драгун. Новгородского полка
Полк. **Ю. А. Валуев**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 64 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», в статье «Из прошлого Кавалергардов», пропущены следующие строки: на стр. 18-й второй столбец, 8-я строчка сверху, после слов Кавалергарды надо поставить — «в составе кирасирской дивизии вошли в армию Шварценберга. При той-же армии следовала и Главная Квартира. Близость Главной Квартиры...».

В. Н. Звегинцов

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

№ 66

Март 1964 год

ГОД ИЗДАНИЯ 13-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ» с глубокой скорбью извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника

Георгия Дмитриевича Гребенщикова

последовавшей, после тяжкой и продолжительной болезни, 11 января 1964 года, в Северо-Американских Соединенных Штатах.

Мир праху нашего дорогого друга и большого русского писателя.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 64 по 69 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам, дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:

61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

13-й год издания | № 66 МАРТ 1964 г. | BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

РОДИНЕ

Тебе — Великая, Жестокая, Родная,
Всегда любимая с далеких детских лет,
Я песни верности слагаю
И шлю, как дар, как дочерний привет.

Нет нужды в том, что Ты сошла с дороги:
Пора придет — Ты путь найдешь прямой,
И лик прекрасный Твой, загадочный и строгий,
С улыбкой склонится, быть может, надо мной.

Нет нужды в том, что жизнь Ты мне разбила,
Услав к чужим, холодным берегам, —
Того, что раньше сердцу было мило,
Я никому и ныне не отдам.

Пусть — нищета, пусть все кругом не наше,
Пусть коротка, непрочна жизни нить, —
Я пью безропотно мне посланную чашу,
Благодаря за счастье русской быть.

И если не войду под сень Твою, Родная,
Не устояв в болезни и борьбе, —
Умру, за то судьбу благословляя,
Что петь могла Тебе и о Тебе.

Мария Волкова

Памяти Адмирала Колчака

7-го февраля 1920 г. погиб Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий Адмирал Александр Васильевич Колчак, выданный «союзниками» в руки его палачей.

Яркая жизнь и трагическая судьба выпала на долю этого выдающегося русского патриота и воина. Отважный исследователь Ледовитого океана, доблестный моряк, участвовавший в войнах с Японией и Германией и заставивший немецко-турецкий флот в Черном море прекратить нападения на русские берега, он — верный сын России, был известен еще до революции.

Во время революции имя адмирала Колчака вновь пронеслось по пределам России как образец славного витязя, не знавшего сделок с совестью и честью. Он заставил уважать себя даже распущенных революцией матросов. Широко известен случай, когда адмирал Колчак бросил свой кортик за борт корабля и объявил окружавшим его матросам, что он не желает командовать теми, кто забыл свою присягу. Матросы достали кортик со дна моря и вернули его своему начальнику, признав этим свою готовность подчиниться его приказаниям.

◆

В октябре 1917 г. немощное Временное Правительство Керенского было разогнано большевиками. Свирепствовал красный терор. германцы со своими союзниками завладели целыми российскими областями. Большевики заключили «похабный» Брест-Литовский мир.

Наша Родина содрогалась от тяжелых бедствий. Началось, казалось, отрезвление от революционного угара. Вспыхивают и разростаются очаги сопротивления большевизму и внешним врагам. В середине 1918 г. большевики уже окружены со всех сторон. Образуются фронты гражданской войны.

Адмирал Колчак, находившийся на Дальнем Востоке, решает пробраться через Сибирь на Юг Европейской России к ген. Деникину и к Черному морю. Он стремится к родному флоту, которым он еще недавно блестяще командовал.

В Омске, куда адмирал Колчак приехал в середине октября, он был встречен очень благожелательно. Омск в это время обратился из Сибирской столицы в местопребывание «Временного Всероссийского Правительства», составленного после долгих трений, переговоров, споров и совещаний между отдельными независимыми «государственными» образованиями и областями. Людей крупного государственного калибра в Омске не было. Приезд адмирала Колчака привлек внимание как правительства пятичленной «директории», так и руководителей разных политических групп и партий.

Адмирала Колчака убеждают не ехать на юг, а остаться в Омске. Стремясь вернуться на привычную для него и любимую им морскую службу, адмирал отказывается, потому что здесь нет флота и он не принесет той пользы, которую может дать на юге России. Его помощи ищут и настойчиво добиваются, и 1-го ноября он вступает в должность Военного и Морского министра Временного Всероссийского Правительства.

Не долго просуществовало это правительство с его попытками сплотить около себя противобольшевицкие силы. Не пользуясь доверием и не имея широкой поддержки, оно продержалось менее двух месяцев. Прекратило оно свое бытие в ночь на 18-ое нoябля, когда двое из его пяти членов были арестованы заговорщиками.

Совет министром срочно собрался утром 18-го ноября для обсуждения создавшегося положения. Он принял на себя полноту Верховной власти, но не нашел возможным ни оставлять власти за собой, ни возстановить неработоспособную Директорию.

Оставался один выход. Этот выход — создать единоличную власть, не подчиненную влиянию отдельных политических партий, власть, могущую объединить все противобольшевицкие силы и способную действовать энергично, без ненужных промедлений и задержек, столь свойственным многоликим правительствам. Такой власти давно добивались уже массы уставших от безвластия людей.

Обсуждение кандидатуры не заняло много времени. Голосами всех собравшихся, за исключением одного, выбор пал на адмирала Колчака. Учитывая тяжесть переживаемого момента, Совет министров постановил недопустимость отказа.

Адмирал Колчак становится Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим.

◆

Адмирал Колчак

В тяжелые дни вступил Колчак в управление государством (фактически, в первое время только районом Урала и к востоку от него) и в командование противбольшевицкими силами (также только армиями Восточного фронта).

В эти дни, точнее 11-го ноября, на западном фронте Мировой войны, было заключено перемирие между нашими союзниками и германским блоком. Пока длилась война, наши союзники помогали противобольшевицким русским армиям, надеясь восстановить уничтоженный революцией Восточный фронт (наш Западный) и отвлечь на него германские силы со своего фронта. Для востановления русского фронта союзники привлекли чехо-словацкий корпус, двигавшийся через Сибирь во Владивосток для предполагавшейся переброски во Францию, но потом повернутый на запад.

После перемирия с Германией, союзники, уставшие от четырехлетней войны и оказавшиеся неспособными понять грядущее зло от распространения красной заразы, перестали интересоваться восстановлением порядка в России. Их вооруженные силы на русской территории, в общем очень незначительные, участия в борьбе почти не принимали. Их высокие комиссары и другие представители разных рангов, своей неопределенной и извилистой политикой вносили путаницу и разлад среди, и без того распыленных, русских людей. Чехи бросили фронт и ушли в тыл для охраны Сибирской железной дороги, где скоро забрали все движение в свои руки и для своих целей. К этому следует прибавить также и приезд в эти дни французского ген. Жанена — главнокомандующего всеми союзными частями. Деятельность его, вместо помощи в борьбе с большевиками, принесла много вреда и оказалась не последней причиною в гибели русского дела.

Неблагоприятно отразились в некоторых случаях на ход событий и личные качества адмирала Колчака. Он был человеком исключительно военного склада — прямой, честный и не умевший кривить душой. Ему была чужда «политика» с ея обманами, ложными обещаниями, интригами, предательствами и другими приемами действий, выработанными в этой области веками. Он эту «политику» не понимал, но являлся не раз ее жертвой, со стороны других.

Не повезло и в том отношении, что среди его помощников не нашлось опытных, умелых и энергичных администраторов. Также и в отношении командования войсками дело стояло не на высоте. Сам адмирал не был сведущим в организации и ведении боевых операций сухопутными армиями, а среди его ближайших военных помощников, часто менявшихся, не нашел таких, которые имели бы признанные заслуги в военном деле.

Несмотря на все неблагоприятные условия и помехи, адмиралу Колчаку удалось в марте-апреле 1919 г. нанести красным армиям большевиков сокрушительный удар и отбросить их от Уральских гор к Волге. У красных поднялся переполох. Они бросили на восточный фронт огромные подкрепления и в мае перешли в контр-наступление.

С тяжельми боями армии Колчака отходят к Уралу, потом за Урал. В июле происходят упорные бои у Челябинска. В сентябре удается вновь перейти в наступление, разбить красных на всем фронте и вытеснить их за реку Тобол. В октябре противник, значительно усилившись, вновь переходит в наступление, и армии адмирала Колчака уходят в глубь Сибири.

14-го ноября сдан Омск. Правительство переезжает в Иркутск. Туда же направляется и Колчак. Его поезд чехи задерживают надолго в Нижнеудинске. Потом перевозят под своей охраной в Иркутск и здесь предательски передают в руки местной власти, недавно орга-

низованной при их участии левыми элементами под названием «Политический Центр». Большевики вскоре уничтожили эту «власть» и Верховный Правитель адмирал Колчак попадает в руки красных.

◆

Прежде чем выяснить, кто предал и погубил адмирала Колчака и с ним его армию, боровшуюся за освобождение России от большевицкого гнета, познакомимся с адмиралом Колчаком по характеристикам близко знавших его лиц.

Министр снабжения в правительстве Колчака — И. И. Серебренников — сообщает о первой встрече с ним после его приезда в Омск: ...«я с огромным интересом и даже с некоторым волнением стал ждать встречи с этим выдающимся русским человеком, который уже тогда представлялся весьма крупной фигурой в нашем антибольшевицком лагере».

«Адмирал вошел в мой кабинет в сопровождении своего секретаря. Насколько припоминаю, оба были в штатских костюмах. После кратких вступительных фраз, приличествующих случаю, у меня с адмиралом завязалась длительная беседа. Мне понравилась манера А. В. Колчака говорить краткими, отрывистыми фразами, точными и определенными, не допускающих не малейшей неясности».

«Я предложил адмиралу принять, в той или иной форме, участие в работе Сибирского Правительства, но он ответил, что не намеревается надолго задерживаться в Омске, и в недалеком будущем, по всей вероятности проедет на юг России, к Деникину».

...«Появление А. В. Колчака в Омске вызвало, вообще, различные толки. Невольно как-то всем казалось:

— Вот человек, за которым стоит будущее! Он непременно заставит еще говорить о себе...»

Когда адмирал Колчак вступил в обязанности Военного и Морского министра, И. И. Серебренников отмечает: ...«адмирал Колчак усердно занялся вверенной ему работой по военному министерству; сравнительно редко посещая заседания Совета Министров, он часто выезжал на фронт, где знакомился с нуждами действующей армии».

Позднее, когда Колчак стал Главой Правительства, И. И. Серебренников точнее освещает личность адмирала и пробует угадать его судьбу.

«Долгожданный диктатор — и все же не диктатор, Верховный Правитель, связанный, однако, во всех своих действиях — адмирал Колчак в моих воспоминаниях заслоняет собой все другие фигуры Омска. Я не мог не видеть в нем честнейшего, искреннейшего русского патриота, в лучшем смысле этого слова, и человека кристальной душевной чистоты. Благороднейшие порывы, падавшие на бесплодную почву, и стремления ко благу родины, опрокидываемые ужасной действительностю — вот, что создало трагизм его положения и усиливало неравность и неуравновешенность его натуры. Какая участь подстерегает его? думал я: триумфальный ли въезд в Москву или трагическая гибель в непосильной борьбе?... Что бы ни ждало благородного адмирала на его трудном пути, я верил, что имя его войдет в историю России, как имя одного из лучших ее сынов»...

Обратимся к характеристике адмирала Колчака, данной ему другим министром, генералом бароном Будбергом (главный начальик снабжения с апреля 1919 г. и с августа этого же года военный министр). Генерал Будберг метко и ярко освещает события и дает красочные характеристики своим современникам. Он очень строгий критик и не прощает самых незначительных людских слабостей и ошибок, а за более крупные недостатки и промахи безжалостно бичует, иногда без достаточных оснований. Это следует иметь ввиду при знакомстве с его произведениями. Он сам признается, что, «слишком неудержим в проявлениях своих симпатий и антипатий (не личных а служебных».

Приведем краткие выписки:

«Характер и душа адмирала настолько налицо, что достаточно какой-нибудь недели общения с ним для того, чтобы знать его наизусть. Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России; несомненный неврастеник, быстро вспыхивающий, чрезвычайно бурный и несдержанный в проявлениях своего неудовольствия и гнева... Он всецело поглощен идеей служения России, спасения ее от красного гнета и востановления во всей силе и неприкосновенности ее территории; ради этой идеи его можно уговорить и подвинуть на все, что угодно; личных интересов и личного честолюбия у него нет, и в этом отношении он кристально чист».

«Он бурно ненавидит всякое беззаконие и произвол, но по несдержанности характера сам иногда неумышленно выходит из рамок закона, при том преимущественно при попытках поддержать этот самый закон и всегда под чьим-нибудь влиянием.

«Он избалован успехами и очень чувствителен к неудачам и неприятностям; особенно болезненно реагирует на все, что становится на пути осуществления главной задачи спасения и восстановления России, причем, как и во всем, тут нет ничего личного, эгоистичного, честолюбивого,...»

«Попав на высший пост Военного Командования, Адмирал со свойственной ему подвижнической добросовестностью пытался получить неприобретенные раньше знания, но попал на очень скверных и недобросовестных учителей. Не думаю, что они делали это сознательно, ибо и сами учителя были малограмотны, сами знали только отвлеченные теории и не имели практического опыта. Они не знали тех серьезных практических коэффициентов, кои только и определяют боевое значение войск, и не смогли передать поэтому знания и Адмиралу. На наше горе эти учителя не были даже третьестепенными подмастерьями своего ремесла, и это сыграло самую роковую роль во всей истории первого года нашего Верховного Командования».

«На свой пост Адмирал смотрел как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше, и мне думается, едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренно, убежденно, проникновенно и рыцарски служил идее восстановления единой и неделимой России. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый, детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств; вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жаждой личного труда, примера и самопожертвования; не понимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться; далекий от того, что вокруг него и его именем совершается — вот беглый перечень отличительных черт характера того человека, на котором скоро уже год лежит тяжелый крест олицетворять и осуществлять временную Верховную Власть России»...

Генерал Сахаров (командующий 3-ей армии и в ноябре 1919 г. главнокомандующий) дает такую характеристику: «...адмирал А. В. Колчак не только сам не добивался власти, но и уклонялся от нее. Личность Верховного Правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, ученый путешественник, и выдающийся моряк-флотоводец. Александр Васильевич Колчак, как человек, отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем, его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро. В дни подъема настроения, влияние его на людей было почти неограниченно; прямой, глубоко проникающий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силой многогранной души. Адмирал принял на себя тяжесть власти, как подвиг, руководимый чувством самопожертвования и спасения Родины; и все его дальнейшее служение до конца было проникнуто сильной любовью к России и высоко развитым сознаием долга».

В указанных характеристиках обращается большое внимание на вспыльчивый нрав адмирала Колчака. Ген. Будберг считает его даже неврастеником и человеком, не обладающим собственной волей. Трудно согласовать деятельность и всю жизнь адмирала Колчака с понятием отсутствия у него сильной воли. Уже признание за ним бескорыстного и искреннего служения России, постоянного исполнения им своего долга, готовность идти на подвиг и совершение ряда подвигов, готовность жертвовать собой и принесение себя в жертву — говорят о наличии сильной воли. Вспыльчивый нрав адмирала не может служить доказательством неврастении. Время было такое, что могло портить нервы кому угодно, и сам генерал Будберг не вытерпел служебного напряжения и в октябре ушел в отставку. Адмирал Колчак, когда обстоятельства требовали, умел владеть собой, как никто. Пишет С. П. Мельгунов: «Когда видишь Колчака в эти сумбурные дни (декабрь — период особенно тяжелых дней отступления), невольно поражаешся, до чего люди могут быть несправедливы. Удивительное спокойствие отмечает Верховного Правителя по сравнению с истерикой, которая подчас охватывает его министров. С редким хладнокровием и достоинством отвечает он даже на глубоко оскорбительные по форме требования. У него не видно дряблой растерянности в тяжелый момент и он как-бы стоит над мятущейся толпой».

Необходимо также дать образ адмирала Колчака, каким он представлялся той среде, к которой тяготел всей душою — армии и широким слоям населения. Перед весенним наступлением Колчак поехал на фронт. Об этой поездке Правитель дел Г. К. Гинс пишет:

«Вот он в Троицке у оренбургских казаков. Четкими и твердыми словами он характеризует задачи борьбы и уезжает бурно приветствуемый Кругом, обещая удовлетворить все справедливые пожелания войска. Через несколько дней он в бронированном поезде, отъезжает от Златоуста до самых передовых позиций. В одной версте от сторожевых охранений он обходит по снежным тропинкам боевые части, заходит в перевязочную летучку, раздает в землянке награды. Солдаты видят Верховного Правителя рядом с ними, на расстоянии выстрела и они остаются очарованными, согретыми. Воодушевленные приездом своего вождя,

они идут в атаку, берут несколько деревень, отбивают орудия, пулеметы».

«Адмирал едет дальше на северный фронт. В Перми он идет на пушечный завод, беседует с рабочими, обнаруживает не поверхностное а основательное знакомство с жизнью завода, с его техникой. Рабочие видят в Верховном Правителе не барина, а человека труда, и они проникаются глубокою верою, что Верховный Правитель желает им добра, ведет их к честной жизни. Пермские рабочие не изменили правительству до конца. Опять адмирал едет на передовые позиции. Едет так далеко, что о нем начинают беспокоиться, просят остановиться, наконец, говорят, что путь испорчен и поезд не может идти. Тогда он требует лошадей и проезжает все таки дальше, осматривая позиции. Несколько раз деревня, где находился Верховный Правитель, обстреливалась красными. Мужество Главнокомандующего окрыляло солдат. Повсюду, где проезжал Верховный правитель, ему подносили хлеб-соль и адреса, засыпанные подписями. Подносили рабочие, крестьяне, купцы, духовенство. Все выражали восторг по поводу избавления от страшного ига и в самых искренних выражениях благодарили за спасение. Произносил большие речи и сам Правитель. Встречаясь лицом к лицу с деятелями общественности, с земскими и городскими представителями, он разъяснял программу и цели правительства. Три мысли были ярко выражены в этих речах: непримиримая борьба с большевиками, единение с обществом; земля — крестьянам».

◆

В неудачах борьбы с большевиками на восточном фронте было много причин, и в некоторых из них не легко разобраться. Но трагическая гибель адмирала Колчака вырисовывается отчетливо, если не вдаваться в рассмотрение мелочей и подойти открыто к главным фактам этой трагедии. Здесь было двойное предательство, в котором участвовали: во-первых, социалисты-революцинеры, и, во-вторых, чехи со своим покровителем — главнокомандующим «союзными» войсками ген. Жаненом.

Для большей яркости, необходимо обратиться к первым дням возникновения Восточного фронта.

8-го июня 1918-го года Самара была захвачена чехами и русскими противобольшевицкими организациями. Сразу же появились из подполья пять социалистов-революционеров и в чешском автомобиле, под чешской охраной, отправились в Городскую Думу Самары и объявили себя правительством.

Эта пятерка состояла из членов Учредительного Собрания, которое, почти пять месяцев перед этим, открылось в Петрограде 18-го января и в этот же день было разогнано большевиками. Никто не выступил на защиту этого собрания, выбранного под руководством и давлением левых революционных партий, в том числе и большевиков, и с нарушением выборных правил, составленных ими же самими. Большинство собрания состояло из членов соцреволюционеров. На основании этого большинства, они считали себя неоспоримыми избранниками народа и наследниками Верховной власти, которая была вырвана у них большевиками. В Самаре в день изгнания из города большевиков, находившиеся здесь с.р-ы поспешили восстановить свои «права» и объявить себя правительственной властью.

Как в день разгона Учред. Собрания в Петрограде их не никто не поддержал, так никто не собирался и здесь в Самаре идти за с. р.-ми и их «поддерживать». Народные избранники обратились к более верной для них помощи — чешским штыкам. Так появилась власть «Комитета Учредительного Собрания» — сокращенно — «Комуч», пополнявшаяся вновь прибывающими новыми членами, в большинстве все теми же с.р.-ми.

Протестов на появление самозванной власти вначале не было. Надо было организовывать силы для борьбы с большевиками и вести эту борьбу. За это дело горячо принялись все, кто желал избавиться от гнета большевиков. Мешало ли им присутствие «правительства» или помогало — мало интересовало тех, кто брал в руки винтовки.

Многие действия «Комуча» сразу же вызвали неудовольствие и даже озлобление среди добровольцев формирующихся отрядов, среди населения приволжских губерний и, особенно среди офицеров. Подъем красного флага над зданием Комуча указывал, что засевшие там с-еры хотели уничтожить большевиков только для того, чтобы продолжать дело« углубления революции» по своим старым рецептам.

Комуч не мог обойтись без офицеров при формировании войсковых частей, но не доверял им и организовал свои «надежные» отряды и русско-чешские полки. Мобилизация населения для развертывания армии им не удалась. Призванные на службу, главным образом крестьяне, не являлись вовсе или разбегались. Пришлось поступиться «демократическими принципами» и объявить за дезертирство смертную казнь.

Организацию первых добровольческих отрядов и их успехи «учредиловцы» приписали себе. Захват Казани в начале августа был пределом успехов на Восточном фронте осенью 1918 года. В сентябре начались неудачи. Партийная власть с.-ров, умевшая только разрушать, не была способна использовать благо-

приятные обстоятельства, приступить к созданию порядка и к организации сильной армии.

Начался отход к Уралу.

Учредиловцам стало ясно, что на одной победе при выборах в Учр. Собрание далеко не уедешь, что для дальнейшей борьбы необходимо в первую очередь объединить усилия всех самостоятельных областей России, разъединенных революцией, и образовать одно правительство.

В Сибири было много противников с.-р-ского «Комуча», и на пути организации единого правительства встало много преград. «Комучу» пришлось пойти на уступки и лишиться того доминирующего положения, на которое он претендовал на основании своего «права» происхождения от Учредительного Собрания. В конце концов, 23-го сентября была выбрана Верховная Власть, в лице «директории» из пяти членов. В их число вошли двое с.-р-ов из них Авксентьев был выбран председателем правительства, другой с.-р., ставший членов «директории», — Зензинов был в прошлом руководителем и участником террористических убийств.

Если часть с.-р-ов была вынуждена на сотрудничество с представителями других партий и групп населения, то другая часть этой партии, во главе которой стоял Чернов — бывший председатель однодневного Учредительного Собрания, — не признавала никаких уступок. С.-р-ы черновской группы опубликовали 22-го октября пространную прокламацию к своим партийным организациям, призывая «сомкнуться, сплотить теснее свои ряды, излечиться от неуверенности, колебаний» и т. д. и ждали, что тогда возвратятся «в сферу влияния партии те массовые элементы, которые были от нее оторваны беззастенчивой демагогией и революционным угаром бурного времени».

Далее в прокламации говорилось, что все «силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены, чтобы выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевицкого фронта. ...«только деятельность Учр. Собрания и руководящей в ней фракции С.-Р. способны гарантировать народ от смены большевицкого засилия контрреволюционным».

Из этих фраз эсеровской прокламации видно, что указаная группа только свою партию считала способной «гарантировать народ от засилия» и призвала к оружию и против большевиков и против контрреволюционеров, в число которых попадают все, кто не состоит в партии с.-р-ов.

Прокламация эсеров вызвала общее возмущение. С трудом созданное правительство оказалось уже расколотым. Входящие в него с.-ры состоят в партии, которая мобилизует своих членов к вооруженным выступлениям. Директория ничем не реагировала на эту прокламацию, и доверие к ней, и без того весьма незначительное, поколебалось еще больше. Кончилось это тем, что противники директории арестовали в ночь на 18-ое ноября обоих членов правительства, состоящих в партии с.-р’ов. Совет министров, в заседании которого присутствовало два члена директории, передал власть адмиралу Колчаку.

С-рь хотели слишком много и потеряли все. Правда, они еще не сдались. Пробовали поднять на фронте некоторые войсковые части против власти адмирала Колчака, в том числе рассчитывали на рабочие полки Ижевцев и Воткинтев. Но никто на их призыв не откликнулся.

Так-же пробовали с-ры обратиться за помощью к чехам. Последние, после признания власти адмирала Колчака другими иностранными представителями, ограничились заявлением, в лице своего национального совета, что они не сочувствуют насильственным переворотам и надеются, что кризис власти будет разрешен законным путем. Отказ чехов от вооруженного выступления один из с.-р’ов назвал «черным предательством».

После 18-го ноября с.-ры рассыпались. Председатель директории Авксентьев, член ее Зензинов, и некоторые другие, уехали заграницу, не постеснявшись принять от нового «реакционного» правительства денежную помощь на проезд. Часть с.-р-ов, в том числе председатель «Комуча» Вольский, перешли к большевикам. Другие, уйдя в подполье, начали вести борьбу с «черной реакцией», продавая Россию и русский народ как большевикам, так и иностранцам.

◆

Перейдем к действиям чехословаков.

С начала русской революции чешские войска, состоявшие в небольшой части из добровольцев чехов, проживавших в России, а в большинстве из пленных чехов австрийской армии, с развалом русской государственности очутились в тяжелом положении в районе недавних боевых действий. Перед ними стояли германские и австрийские войска, после большевицкого захвата власти перешедшие в наступление для оккупирования русских областей. Чехам пришлось отходить на восток, чтобы не попасть в руки австро-германцев, где большинство из них, как подданные Австрии, подлежали расстрелу за измену. Союзники России предполагали их перебросить на французский фронт, где в это время шли ожесточенные бои, решавшие судьбу первой мировой

войны. Эшелоны чехов через Курск, Пензу, Самару, Уфу и далее через Сибирь двинулись в путь.

25-го мая большевики отдали приказ о разоружении чехов, эшелоны которых были растянуты от Пензы до Забайкалья. На этот приказ большевиков чехи ответили вооруженным выступлением.

К ним присоединились местные русские противубольшевицкие организации. Но, в общем, для русского дела восстание чехов оказалось преждевременным. Сибирь не узнала еще ужасов большевизма и жестокости красной власти, население колебалось в своих отношениях к враждующим лагерям, и это не могло не отразиться впоследствии на ходе борьбы с большевиками.

За полтора месяца вся железнодорожная магистраль от Волги до Байкала была освобождена от красных. В августе большевики были изгнаны из южной части Забайкальской области. Открылось сквозное движение через Манчжурию на Владивосток.

В это время на Волге уже третий месяц шли бои. Большевики с большой энергией приводили в порядок свои плохо организованные, недисциплинированные и много раз битые отряды. Переформированные в полки и дивизии, узнавшие «революционную» дисциплину и подкрепленные для воодушевления сзади пулеметами отрядов особого назначения, красные войска стали драться более умело и упорно.

Чехи, повернутые державами «согласия» на запад к Волге для восстановления русского Восточного фронта, сначала действовали хорошо. Но это продолжалось недолго — два три месяца. Уже под Казанью, в августе, у них появились признаки нежелания участвовать в дальнейших боях. Они жаловались, что их не поддерживают, что они устали.

Конечно, война не легкое дело, — походы и сидение в окопах утомляют. А чехи привыкли передвигаться в хорошо оборудованных вагонах и выходить из них только на короткие стычки против слабого противника. Они не желали далеко и на продолжительное время отходить от своих эшелонов и вести бои с противником, который стал проявлять упорство.

После оставления Казани, 1-ый чешский полк, считавшийся лучшим в чешском корпусе, отказался идти в арьергарде, когда ему пришла очередь. Сильного нажима со стороны красных не было. Причина отказа лежала, как выяснилось, в желании скорей добраться до своих вагонов.

Дальнейший развал чехов, как боевой силы, быстро прогрессировал. В октябре тот же, когда-то образцовый полк, отказался выполнить боевой приказ. Его командир, доблестный полковник Швец, не перенес разложение своего полка и 25-го октября застрелился.

Эта смерть сильно подействовала на чехов, и, казалось, их образумила. На некоторое время возвратилась их бывшая боеспособность. Во время боя 10-13 ноября к северу от гор. Белебея чехи хорошо дрались под командой ген. Войцеховского. Вместе с частями ген. Каппеля они нанесли красным сильное поражение. Но от преследования красных, чтобы добить расстроенного противника, они отказались. В этом бою они справили тризну по своему достойному начальнику, и этим закончили участие в боевых действиях на фронте. Как раз в это время пришло известие, что на французском театре мировой войны заключено перемирие, и после этого никакими способами нельзя было притянуть чехов к действиям на фронте.

Для командования Сибирской армией, был приглашен чешский генерал (два месяца тому назад — капитан) Гайда. Предполагалось, что он привлечет на фронт чешских солдат. Из этого ничего не вышло, и генерал Гайда оказался во главе русских войск.

На передовых линиях остались только русские части, из которых многие пришлось выдвинуть из тыловых районов, не закончив даже начальной подготовки.

Братская помощь России, любовь к русскому народу и единство славян — все о чем приходилось слышать в пламенных речах чехов — оказалось пустыми словами. Пять месяцев тому назад чехов встречали, как освободителей и забрасывали цветами, а теперь освободители бросали фронт и спешили в глубокий тыл.

Чехи были отправлены на охрану Сибирской железной дороги.

Посеянный революцией хаос внес большой беспорядок во все области жизни.. В административном управлении, в торговле, в транспорте, — всюду старые порядки были расшатаны или разрушены, а новые были в периоде исканий и испытаний. Особенно остро это чувствовалось и переживалось в тылу. Этим русским безвременьем пользовалось немало рыцарей легкой наживы, как своих, так и иностранцев. Воспользовались этим и чехи.

По почину заведующего финансовой частью чешского войска — полковника Шипа — чехи занялись в тылу «комерческими делами». Они начали реквизировать, скупать или просто отбирать, все что представляло какуюлибо ценность. На каких основаниях происходили эти невоенные операции не на поле военных действий объяснил сам пол. Шип: ...«в то время на большевицкой территории, значит, в Симбирске и Казани, которые были временно заняты нашими и самарскими войсками, частная собственность была отменена, ибо известными советскими декретами частное имущество было национализировано и, следователь-

но, сражавшиеся армии были вправе считать его своей военной добычей, тем более, что дело шло об имуществе имевшем для военных операций большое значение. Ведь, советы никому ничего не платили за национализированное имущество, и правительства уже освобожденных территорий так же производили реквизиции для своих военных нужд».

Полк. Шип очень хитро и выгодно для чешских дельцов объяснил «законность» операций, во главе которых он стоял: 1) на территории, освобожденной от большевиков он признает силу советских декретов; 2) после ухода чехов с фронта он говорит об имуществе большого военного значения; 3) территория, временно взятая у большевиков, ограничена почему-то Симбирском и Казанью, а его «операции» простирались от Симбирска до Владивостока и, наконец 4) чешскому банку, который он организовал для своих «коммерческих» дел, он дает прерогативы и, ссылаясь на советы, считает правильным никому ничего не платить.

В результате деятельности пол. Шипа у чехов скопилось «национализированного» имущества столько, что для его вывоза пришлось «реквизировать» 20.000 вагонов, больше 50 процентов того, что имелось в Сибири.

40-тысячный корпус чехов, по установленной норме «8 лошадей — 40 человек», мог поместить свой людской состав в одной тысяче вагонов. Свои штабы, хозяйственные и другие учреждения, свои продовольственные и вещевые запасы, конский состав для кавалерийских полков и несколько полевых батарей поместились бы в другой тысяче вагонов. Для быстроты движения домой это было бы, без сомнения, весьма достаточно.

Нет возможности останавливаться на подробностях — почему вместо 2,000 вагонов у чехов оказалось в десять раз больше. Конечно они не были пустыми. Только скажем, что «трофеи» оцениваются в сотни миллионов рублйе, а один исследователь гражданской войны называет сумму, по снисходительной оценке, около миллиарда золотых рублей.

◆

14-го ноября 1919 года Омск был оставлен противобольшевицкими войсками. Пришли ли чехи в эту тяжелую минуту на помощь русским бойцам, которые в первые же дни их восстания поддержали и помогли им быстро справиться с большевиками? Нет!

Как раз наоборот. Чехи видя, что боевое счастье повернулось в сторону большевиков, зная, что они не мало сами содействовали этому и торопясь спасать себя от красных и вывозить свои «трофеи», подобно вору, который в суматохе толпы громче других кричит: «держите вора», выпустили «меморандум». В этом обращении ко всему миру, за подписями их представителей Павлу и Гирса, они клевещут на «реакционное» правительство адмирала Колчака, а себя почитают безгрешными демократами, бессильными в своих действиях навязанным им нейтралитетом, который они, будто бы, строго соблюдали.

Они обвиняли русские власти в «выжигании деревень, избиении мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелами без суда» и т. д., в тех преступлениях, которые они сами проделывали в больших васштабах в районах, прилегавших к охраняемой ими же дороги. Оправдывая себя перед «мировым общественным мнением», меморандум Павлу и Гирса явно призывал к выступлению против власти Колчака и был, конечно, на руку союзникам чехов — социал-революционерам.

Отход фронта на восток заставил чехов торопиться. Но это не так легко было сделать с огромным вагонным «обозом». Порядок движения, с одобрения ген. Жанена, был установлен такой: впереди всех двигались чехи, за ними сербы и румыны, потом поляки и последние «хозяева» страны — русские. Командующий чехами ген. Сыровой заявил Жанену, что в случае отказа чешским эшелонам двигаться в первую очередь, он не ручается за последствия.

Движение происходило вне зависимости от того, кто или что перевозилось. Никакого преимущества поездам с больными и ранеными, или семьями бойцов и беженцам не давалось. Чехи удирали вперед со всем своим «благоприобретенным» имуществом. Железная дорога не могла справиться с движением огромного количества поездов, двигавшихся в одном направлении и при тех «порядках», которые были установлены чехами. На участке пути у гор. Ново-Николаевска застряли двести поездов с русскими ранеными, больными, семьями бойцов и мирными жителями, бежавшими от радостей «советского рая». Поезда эти обратились в неподвижные «кладбища» на колесах. Чехи, в страхе быть настигнутыми красными, не стеснялись совершенно и силой отбирали паровозы.

Отступавшие белые части, сдерживавшие напиравших красных, оказались в тяжелом положении отрезанные от тыловых баз. Если продовольствие, которое можно было получить от местного населения, было далеко не всегда в достаточном количестве, то с огнестрельными припасами дело обстояло много хуже.

После Красноярска у станции Клюквенной погибла польская дивизия. Поляки просили чехов пропустить из их 56 эшелонов только пять, в которых находились раненые, больные и семьи, обещая двигаться дальше походным

порядком, в арьергарде и защищать тыл чехов. Ответ ген. Сырового был: ...«вы обязаны идти последними. Ни один польский эшелон не может быть мною пропущен на восток... дальнейшие переговоры по сему вопросу считаю законченными, ибо вопрос исчерпан». За поляками пострадали румыны и югославы.

Предавая своих «союзников», чехи искали своего собственного спасения.

Пришла и их очередь защищать самых себя. Взрывами мостов они пробовали задержать красных, но неудачно. В происшедших столкновениях чехи понесли большой урон, потеряв несколько бронепоездов и эшелонов, но об этом чехи не говорят.

Готовилось новое предательство. Выдачей адмирала Колчака, чехи подготовляли себе дальнейший безопасный проезд на восток. Но сделать это надо было так, чтобы подлость предательства не выступила слишком открыто, и надо было прикрыться какими-нибудь обстоятельствами, вынуждавшими чехов на этот шаг.

Поезд адмирала был задержан 18-го декабря на ст. Нижнеудинск. В действительности адмирал Колчак оказался арестованным. Эта задержка должна была продолжаться пока правительство адмирала Колчака, находившееся в Иркутске, и верные ему войска там же не будут уничтожены разными приемами провокации, пропаганды и вооруженными выступлениями. За эту работу принялись как большевики, так и с.-ры. Последние не теряли еще надежды пробраться к власти хотя бы на небольшом клочке разрушенной с их помощью России. При содействии чехов так называемый «Политический Центр», состоявший в большинстве из членов партии с. р-ов, давно уже творивший против адмирала Колчака свое каиново дело, объявил себя властью в Иркутске. Остатки правительственных войск и некоторые члены правительства 5-го января отступили в Забайкалье. Теперь чехам можно было привезти адмирала Колчака и передать его, по требованию «народа», представителям «Политического Центра».

15-го января адмирал Колчак был доставлен в Иркутск, точнее на ст. Иннокентьевскую, в вагоне, на котором были выставлены, кроме чешского, флаги четырех великих держав.

Но что для предателей могла означать честь флагов? С согласия ген. Жанена, чехи в этот же день выдали адмирала Колчака и председателя его совета министров В. Пепеляева «Политическому Центру».

Накануне Жанен как Пилат умывший руки, умчался из Иркутска в Забайкалье.

Через неделю, 22-го января власть в Иркутске захватили большевики — военно револ. комитет. Привыкшие болтаться, как при Керенском, между разными течениями бурной эпохи, с.-ры и на этот раз, проложили дорогу к торжеству большевизма. От чего они, по своим возрениям, далеко никогда не отходили. Революция всегда была для них выше России и интересы русского народа они исповедывали только в своих программах и речах на пути к ненасытной жажде власти.

7-го февраля 1920 года рано утром Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак и с ним его Председатель Совета Министров В. Пепеляев были расстреляны дружиной левых соц.-революционеров, и их тела были брошены под лед р. Ангары.

Это гнусное злодейство и чехи и Жанен пробуют оправдать разными причинами, перекладывая вину друг на друга и на всякие случайные, мало что объясняющие, обстоятельства.

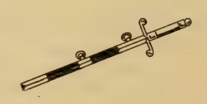
Договор с красными о беспрепятственном пропуске чешских войск дальше, при условии выдачи адмирала Колчака и его сотрудников, и невмешательство в распоряжение советской власти в отношении к арестованным не оставляют сомнения, что предательство было; и чешским легионерам не смыть его позор никакими оправданиями.

◆

Жизнь адмирала Александра Васильевича Колчака и его смерть — это жестокий урок для русских людей. Этот урок указывает, что строить свою жизнь надо самим. Никакие чуждые нам учения западных и иных учителей, реформаторов и других передовых властителей дум нам не нужны. Никаких союзников нигде и никогда не найти. На помощь придут только те, кто может извлечь выгоду, и только тогда, когда это можно получить легким путем. В минуту неудач нас не только покинут, но продадут и предадут, если надо — самым постыдным образом, забывая о своих обещаниях, о своих принципах, и о своей чести. Первая мировая война, последовавшая за ней революция и, наконец. гражданская война свидетельствуют об этом.

Не будем забывать светлый образ русскаго витязя адмирала Колчака, его жизнь для блага России и его смерть за Родную Страну.

А. Ефимов

Высочайший парад

В последний раз это было ровно 50 лет тому назад, когда Российская Империя жила счастливой, беззаботной, красивой русской жизнью и благоденствию ее, как будто, ничего не угрожало!?

17-го февраля ст. стиля Первый Кадетский Корпус праздновал свой праздник и то, что в этот торжественный день переживали и Корпус в целом, и каждый кадет в отдельности, никаким революциям, лихолетиям и смутам не изгладить из памяти — никогда!

Около 5 часов утра раздавались по Корпусу звуки пехотной зари, — кадеты вскакивали с постелей и поспешно начинали готовиться к походу в Царское Село. По сигналу «строиться», — офицеры и кадеты, одетые в парадные обмундирование, моментально были на местах и роты, под командой Командиров, выходили через «Церковный подъезд» на набережную Невы, где Корпус выстраивался для встречи Знамени. Скрипел густой снег под ногами, в морозном воздухе гулко раздавались команды и холодный Невский ветер относил их далеко в стороны. Вскоре в дверях подъезда показывалось Знамя, обернутое в кожаный чехол; звуки встречного марша оглашали воздух, красиво и смело нарушая мирную тишину С.-Петербургского утра.

С музыкой, Корпус шел на Царскосельский вокзал... Приблизительно через час роты уже выстраивались на дворе вокзала, где, на втором пути стоял специальный поезд. С соответствующей церемонией Знамя, через окно подавалось в вагон 1 класса.

Через предместья столицы и снеговые поля ее окрестностей поезд мчался, по Царской ветке на Царскую платформу.

В Царском Селе Корпус встречали два оркестра (духовой и фанфарный) от Императорских Стрелков, заботливо присланные по Высочайшему повелению. Снова церемония встречи Знамени и снова поход, под непрерывающиеся звуки веселых маршей, в манеж Л. Гв. Гусарского Его Величества полка, где Государь Император будет принимать парад. Бодрящий, чистый и ароматный воздух. Легко и незаметно роты проходят версты три; младших кадет везут в придворных экипажах, с ливрейными кучерами в трехуголках. Радостно, весело и празднично на душе, и жизнь в Царском кажется какой-то особенной... Мелкают алые фуражки Лейб-Гусар, малиновые погоны Гвардейских Стрелков, и все как-то приветливо и гостеприемно встречает кадет...

Вот и манеж; — темновато, холодно, запах сырости, земли и конского пота; кое-где тускло горят лампочки и несколько красавцев Лейб-Гусар расчищают манеж и устраивают место для Богослужения. Рота Его Величества составляет ружья в козлы; из барабанов делается стойка, на нее кладется Знамя и рядом ставится кадет-часовой. По команде «разойтись» роты получают легкий завтрак и горячий чай, а служителя и нижние чины бросаются очищать кадетское обмундирование и сапоги, после похода... наводится последний блеск.

Около 10 часов Корпус строится для парада (роты в полуротных колоннах), на левом фланге Корпусный Пансион-Приют — наша «5-я рота». Перед строем красуется развернутое Знамя; венчающий древко распростертый бронзовый орел красиво играет в лучах пробивающегося через тусклые окна солнца. Командиры рот и офицеры ровняют строй по фронту, и в затылок, беспрерывно подаются команды для встречи съезжающихся Начальствующих лиц и Августейших бывших Кадет Корпуса; начальствующие лица: Генерал Инспектор Военно-Учебных Заведений и Главнокомандующий войсками, после обхода фронта кадет, выстраиваются на правом фланге парада. Последним приезжает Военный Министр Генерал-Адъютант Сухомлинов.

В стороне, у Царской ложи, в группе бывших кадет, выделяются престарелый Георгиевский Кавалер Принц А. П. Ольденбургский, слегка сгорбленный, опирающийся на саблю Гвардейской Конной Артиллерии, Великий Князь Сергей Михайлович, блестящий Конногвардеец — Князь Иоанн Константинович, все в Андреевских лентах.

Ровно в 11 часов раздается команда: — «Слушай на кра-ул»... Неслышно сверкнули шашки офицеров, над строем блеснули штыки, короткий поворот голов направо — и все замерло,,, лишь, перед фронтом батальона кадет, красиво и плавно склоняется салютующее входящему в манеж, — Своему Державному Шефу, — седое Знамя Корпуса, — музыка играет встречу. Его Величество, в штаб-офицерском мундире Корпуса, с историческим нагрудным знаком, в Андреевской ленте, идет навстречу Командующему парадом Директору

Корпуса, держащему шашку «подвысь».

Поднята салютующая шашка в руке старого генерала... Государь Император подносит к козырьку руку в белой перчатке, оба останавливаются — директор рапортует... Нет слов для того, чтобы описать, какие чувства и переживания охватывали в этот момент участников парада... Шесть сотен взоров впивались в своего обожаемого Монарха и Державного Шефа. Медленным шагом, обыкновенно за руку с Наследником Цесаревичем — Царственным Кадетом Корпуса в кадетском мундире, Государ Император подходит к музыкантам-кадетам, здоровается с ними, — затем направляется по фронту, и каждая рота отчетливо слышит — «Здравствуйте, Мои кадеты!» Звуки встречного марша сменяются красивыми и торжественными звуками Гимна, и по мере движения Государя от роты к роте перекатывается «ура» молодых голосов.

Когда Государь входит в манеж, в Царской ложе, расположенной как раз в центре построения кадет, появляются обе Государыни Императрицы с Царскими дочерьми и штаб-офицер Корпуса подносит Их Величествам роскошные букеты с алыми лентами.

По окончании обхода фронта, Государь говорит Директору «к ноге» и «продолжать парад»... Подаются очередные команды, Знамя подносится к аналою, певчие кадеты подходят к собравшемуся в старинных облачениях духовенству и начинается молебен. Служит Протопресвитер о. Георгий Шавельский в сослужении с Корпусным духовенством. После многолетия Государь Император прикладывается ко Кресту и Протопресвитер, окропив Знамя Св. водой, идет по фронту и окропляет весь строй. Непосредственно за духовенством следует Государь Император в сопровождении Командующего парадом, Министра Императорского Двора и Свитского дежурства.

По окончании молебна барабанщики бьют «отбой»; певчие расходятся по своим ротам. Торжественно относится Знамя в строй и начинаются перестроения к церемониальному маршу.

Проходит батальон два раза (по-взводно и в колонне по отделениям) под звуки корпусного Марша «Августейший Кадет», оба раза удостаиваясь Царского «Спасибо». На правом фланге головного взвода проходят Военный Министр, Великий Князь Константин Константинович, Великий Князь Николай Николаевич и Генерал Забелин — высшие начальники над Корпусом. После церемониального марша к Государю Императору подходят Адъютант, Фельдфебель Его Величества роты, офицер и унтер-офицер — Ординарцы и кадет-посыльный, с соответствующими рапортами, после чего Государь Император говорит кадетам слово, благодарит за парад, за поведение, за успехи и провозглашает здравицу за Свой Корпус. Затем Директор Корпуса, скомандовав «слушай на кра-ул», отчетливо провозглашает: «Нашему Державному Шефу — ура!» ... и снова звуки Гимна, заглушаемые мощным и дружным «ура» Государевых кадет, оглашают помещение Манежа, провозглашается «ура» и Государыням Императрицам и Наследнику Цесаревичу... только воинская дисциплина, по знаку Директорской шашки, могла остановить этот радостный гул сотен голосов, заглушаемый маршами, Шефских частей Императрицам и военно-учебных заведений Царственному Кадету.

Снова — «слушай на кра-ул» — и Государь Император с Особами Императорской Фамилии, через Царскую ложу, удаляются из Манежа, под долго несмолкаемое, стихийное «ура» Своих кадет.

По окончании парада весь корпус с музыкой и с развернутым Знаменем идет в Екатерининский Дворец к Высочайшому столу, где в огромнсм зеркальном зале сервирован завтрак «а ла фуршет». Когда Государь Император, с Их Величествами, выходят из внутренних покоев, хором поется молитва, и Державный Хозяин приглашает своих юных гостей приступить к еде и, обходя с чинами Свиты, ряды кадет, многих удостаивает милостивой и ласкавой беседой, поражая своей замечательной памятью, легко восстанавливающей даже мелкие эпизоды из жизни отдельных кадет и их отцов. По окончании кадетского завтрака Государь Император переходит к офицерскому столу, а кадетам разрешает обходить и осматривать ближайшие залы Дворца.

Сколо 3 часов Корпус выстраивается перед Дворцом, принимает в строй развернутое Знамя под звуки встречного марша Корпусного оркестра и встречи кавалерийских трубачей Дворцового Караула, обыкновенно от Кирасир Его величества или Лейб-Гусар, вызываемых, в момент выноса Знамени на площадку. Сочетание звуков двух совершенно разных маршей, как-то усиливало торжественность этой церемонии.

В колонне по отделениям, Корпус шел мимо Александровского Дворца (Царскосельской резиденции Их Величеств), на крыльцо которого всегда, ежегодно, выходил Державный Шеф Корпуса с Августейшей Семьей, еще раз посмотреть на Своих кадет и ласково им сказать: «До свидания, Мои кадеты!»... Роты четко отвечали: «Счастливо оставаться, Ваше Императорское Величество!»

Снова Царская ветка, Царский поезд... и Петербург. С музыкой и барабанным боем, с

торжественно колыхающимися клочьями развернутого Знамени, батальон кадет возвращается домой на Васильевский Остров, сохраняя в сердцах всю прелесть только что пережитого в гостях у Царя.

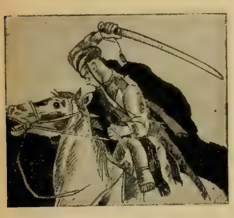
Глеб Бенземан

ТРИ АТАКИ

Из боевой хроники 17 драгунского Нижегородского Его Величества полка.

(Окончание)

Атака 2 дивизиона под Колюшками

10 ноября 1914 года, после непродолжительного сна, мы были разбужены по тревоге. Получено было приказание седлать и присоединиться к полку во время его прохождения через деревню, в которой стояли наши 3 и 4 эскадроны. Но не успели мы сделать необходимые распоряжения, как мимо нас прошли 1, 2 и 6 эскадроны нашего полка с пулеметной командой, а затем и остальные полки дивизии. 5-ый эскадрон находился в эту ночь в сторожевом охранении. Пришлось догонять полк на рысях. По присоединении к полку было получено приказание: 4 и 6 эскадронам спешиться, перейти железнодорожное полотно около станции Колюшки и, затем, в поводу, продвинуться еще вперед и остановиться за каменным зданием в ожидании дальнейших распоряжений. Туда же, по возвращении из сторожевого охранения должен был подойти и 5 эскадрон. Штаб полка расположился у опушки леса, к северу от железнодорожной ветки, отделяющейся от главной линии в направлении на запад. 1, 2 и 3 эскадронам, под командованием подполковника Ягмина, приказано было продвинуться дальше, влево, вдоль железнодорожной ветки, для охраны левого фланга. Когда я с 3 эскадроном присоединился к дивизиону, 2 эскадрон был уже спешен и, по временам, раздавались редкие выстрелы. Скоро, однако, над цепью начали разрываться шрапнели, и 2 эскадрону было приказано отойти, а мне с 3 эскадроном дана была задача продвинуться на юг, вдоль железнодорожной линии на Петроков, для наблюдения и охраны левого фланга. Вскоре туда же был направлен и 2 эскадрон.

Перед описанием самого, памятного для Нижегородцев, боя 10 ноября, я укажу приблизительную обстановку, создавшуюся в районе Лодзи к утру этого дня, обстановку, которая тогда, конечно, была нам неизвестна.

В городе Лодзи и его ближайших окрестностях наша 11 армия отбивается от окруживших ее с трех сторон немцев: с запада — Познанский корпус и два кавалерийских, с севера — XI, XVII и XX корпуса и с востока — XXV Резервный корпус, долженствовавший охватить ее правый фланг и проникнуть в тыл. Атаки германцев с запада и севера успешно отбиваются. XX корпус, атакующий с севера, принужден, сначала, ослабить нажим и выделить одну бригаду для охраны своего тыла, а потом — даже совсем оттянуть свой левый фланг назад и повернуть фронт на восток и северо-восток, против наступаючих на него со стороны Стрыкова и Брезин частей Ловичского отряда. Таким образом, он совершенно отрывается от XXV Резервного корпуса, предоставленного своей участи. Последний, получивший задачу охватить правый фланг и тыл 11 армии и перешедший уже через реку Мязгу, достигнув своими передовыми частями реки Вальборки, попадает в крайне трудное положение — с фронта, то есть с юга и запада, он встречен, выдвинутыми на поддержку 11 армии, нашими частями V армии и 10 пехотной дивизии, а с тыла, то-есть с севера, обрисовывается угроза от наступающих со стороны Брезин частей Ловичского отряда, грозящих совершенно отрезать ему путь отступления на соединение с XX корпусом. При этих условиях командиру корпуса не остается ничего другого, как повернуть свой корпус кругом и атаковать в напра-

влении на север с целью прорваться на соединение с другими частями германской армии. Отсюда — встречный бой с передовыми частями,, наступающего с севера Ловичского отряда и с северо-востока — Кавказской кавалерийской дивизии и, как один из эпизодов этого боя, — атака Нижегородцев 10 ноября.

. . . .

Итак, вот что происходило в этот день в районе расположения нашего 2 дивизиона. Согласно полученному приказанию, 4 и 6 эскадроны, перейдя железнодорожное полотно за станцией Колюшки, спешились у большого каменного здания в ожидании дальнейших приказаний.

По уходе 1 дивизиона для охраны левого фланга нашего расположения, ротмистр Косарев, временно сдавший 6 эскадрон штабс-ротмистру князю Казаналипову и командовавший в этот день 2-м дивизионом, приказал 4 и 6 эскадронам с пулеметами продвинуться вперед, в поводу, приблизительно на одну версту и расположиться на окраине деревни Заковец. Орудийная стрельба противника стала слышнее, и начала доноситься и ружейная перестрелка. Погода стояла холодная и пахоть слегка подмерзла; утренний туман к 11 часам стал проясняться. Через некоторое время, к 4 и 6 эскадронам присоединился полуэскадрон 5 эскадрона с командиром его ротмистром князем Чавчавадзе и корнетом князем Чхотуа. У штабс-ротмистра князя Казаналипова в 6 эскадроне был поручик князь Андроников и корнет Попов. В 12-м часу офицеры собрались в хату, чтобы закусить. Казаналипову нездоровилось и он прилег на солому. В это время в хату вошел Штаб-Трубач Степаненко и, спросив, кто здесь старший, доложил ротмистру Косареву, что его немедленно требует Командующий полком. Минут через 15-20 после ухода Косарева, в хату вбежал корнет Попов с криком: «Князь Меликов приказал атаковать батарею», а вслед за ним вошел ротмистр Косарев, объявивший: «Ввиду того, что наша артиллерия удачно обстреляла артиллерию противника и сумела даже подбить одно орудие, Командующий полком приказал немедленно атаковать батарею». Князь Казаналипов вскочил с соломы и с криком «ура» бросился на двор.

Быстро сев на коней, эскадроны выехали за селение и стали строиться для атаки. Корнету Попову, со штандартом и 4-м взводом 6 эскадрона, при котором он в этот день находился, приказано было ехать в штаб полка. В это время первые эшелоны нашей пехоты были уже выгружены на станции Колюшки.

В большом порядке, как на учении, построились эскадроны: на правом фланге 4 эскадрон, потом полуэскадрон 5 эскадрона и левее — 6 эскадрон. Дивизионом командовал, как уже было сказано, ротмистр Косарев. Впереди открылось ровное поле мерзлой пахоты, версты в две шириною, кончавшееся кустами. Точное направление атаки не было известно, поэтому эскадроны двинулись на рысях в приблизительном направлении расположения противника. Туман к этому времени рассеялся, и низкое зимнее солнце освещало слева построившиеся для атаки эскадроны. Лишь только эскадроны тронулись, два тяжелых снаряда прожужжали над ними и разорвались в деревне, которую они только что покинули. Взметнулся черный дым и вспыхнуло пламя. Через короткое время, 6 эскадрон прошел через цепь Сибирских стрелков, провожавших драгун криками: «братцы, кавалерия — выручайте!»

Несколько снарядов тяжелой артиллерии разорвались в рядах драгун, и ружейный огонь усилился. В это время ротмистр Косарев скомандовал: «правое плечо вперед. Направление на солнце!» Так как весь фронт дивизиона не мог услышать его голоса, то приказание стало передаваться по рядам, а ротмистру Наврузову пришлось лично проскакать по фронту своего 4 эскадрона до самого правого фланга, чтобы дать эскадрону правильное направление, после чего вся линия атакующих перешла в галоп. Противника видно не было. Завернув свой эскадрон правым плечем, ротмистр Наврузов тоже прошел линию цепи Сибирских стрелков, причем командир роты взволновано крикнул ему — «свои! свои, не рубите!» Должно быть сильное впечатление произвела несущаяся на него конница. Успокоив ротного командира, Наврузов скомандовал «полевым галопом», и атакующая линия помчалась дальше. Во главе 4 эскадрона скакал ротмиств Наврузов, имея перед взводами корнета князя Вачнадзе и прапорщиков Исаева и Потоцкого. Впереди полуэскадрона 5 эскадрона находились ротмистр князь Чавчавадзе и корнет Чхотуа, а во главе 6 эскадрона — штабс-ротмистр князь Казаналипов и перед взводами поручик князь Андроников, вольноопределяющийся Пфель и взводный унтер-офицер Овчаренко, который, впоследствии, следуя за ротмистром Косаревым, оторвался влево. Пфель вспоминает, что в это время князь Андроников кричал ему, весело улыбаясь, «грей правую руку, придется порубить!»

Как только драгуны проскакали через цепь Сибирских стрелков, она быстро встала и двинулась вперед, вероятно ободренная таким неожиданным и внушительным подкреплением. Между тем, противника все еще не было видно, а стрельба, особенно ружейная, все усиливалась.

Эскадроны, несмотря на сильнейший огонь и чувствительные потери, продолжали двигаться в большом порядке. В 4 эскадроне чи-

стокровная кобыла князя Вачнадзе понесла его и он пронесся мимо Наврузова, который в этот же момент увидел блестящие каски немцев, лежавших в кустах. При приближении к ним атакующих, часть из них бросила оружие, остальные же были изрублены драгунами. Ротмистр Наврузов хотел уже отрядить один взвод для сопровождения в тыл сдавшихся, как вдруг увидел перед собой шагах в 40-50 четыре огромный орудия и снующих около них в беспорядке немцев. Наврузов сам очутился около двух немцев с револьверами в руках. Ударив одного шашкой, он сам почувствовал удар в локоть, лошадь его замедлила ход и, в этот момент, он потерял сознание. Как потом выяснилось, в момент ранения, под ним была убита лошадь. Когда ротмистр Наврузов очнулся, он оказался лежащим на земле, возле левой руки, огромная лужа крови и рукав полушубка весь изрезанный, и, наклонившись над ним стояли в слезах вахмистр подпрапорщик Борзенок и трубач и поздравляли его со взятием батареи. Как говорит сам Наврузов, безумная радость исполненного долга и осуществление заветной мечты подбодрили его и он хотел встать, так как не чувствовал никакой боли, но опять потерял сознание. Очнувшись вторично, он оказался на носилках, возле которых увидел того же подпрапорщика Борзенок, эскадронного трубача Гегецкого и штаб-трубача Степаненко, который поздравив его со взятием батареи, печально добавил «батарею забрали, Ваше Высокоблагородие, а жаль, все офицеры убиты или ранены и очень много драгунов — но дело блестящее. Вон несут ротмистра Чавчавадзе».

Между тем, 6 эскадрон также нарвался в кустах на германскую пехоту, лежавшую в цепи. При приближении атакующих, некоторые вставали, кто — защищаясь штыком, а кто — подымая руки вверх. Почти все они были изрублены и уцелели только оставшиеся лежать, так как достать их было гораздо труднее. Некоторые из уцелевших вставали и, обернувшись, стреляли в промчавшуюся через них кавалерийскую лаву. По словам вольноопределяющегося Пфеля, после атаки немецкой пехоты он выехал на полянку и, приостановившись, увидел такую картину: справа от него, шагах в сорока, стояло тяжелое орудие, от которого в беспорядке бежали в тыл немцы, преследуемые драгунами 1-го взвода, влево, в железнодорожной выемке, копошились зарядные ящики и обозные повозки, старавшиеся или выбраться на противоположный край или бежать вдоль полотна. При приближении наших драгун, бывшая при них прислуга, человек 50, кинулась на противоположный край выемки, окаймленной сосновым молодняком, и открыла сильный огонь из винтовок и револьверов. Спросив драгун, где офицеры и получив ответ, что все убиты, причем в этот момент мимо него пронеслась лошадь князя Андроникова, Пфель собрал человек двадцать драгун и через выемку и обоз бросился в атаку на стрелявших немцев, большинство которых было изрублено. После этого, выехав на большую поляну, он увидел ротмистра Косарева с собравшимися к нему людьми 3-го взвода.

Получив приказание взять несколько драгун, найти подполковника Ягмина и узнать у него обстановку, Пфель, проехав через лес, на краю широкого луга, нашел подполковника Ягмина с эскадроном Его Величества, готовившегося атаковать германский обоз. Возвращаясь с донесением к ротмистру Косареву, он увидел, как над лесом, где стоял подполковник Ягмин начали разрываться неприятельские гранаты.

Ротмистр Косарев, собрав оставшихся людей 6 эскадрона, двинулся в направлении штаба полка, забирая с собой захваченные немецкие ящики и повозки. Отбитые германские орудия были вывезены впоследствии. При возвращении, 6 эскадрон встретил разведывательный эскадрон 5 драгунского Каргопольского полка под командой ротмистра князя Мхеидзе, имевшего, по его словам, задачей поддержать атаку Нижегородцев. Дальше 6 эскадрон встретил наш 1 дивизион, возвращавшийся после предполагавшейся атаки германского обоза.

5 эскадрон, как мы уже знаем, атаковал в центре между 4 и 6 эскадронами, причем ротмистр князь Чавчавадзе был ранен в тот момент, когда старался вывезти германские орудия. Тогда же под ним была убита лошадь и ему пришлось пешком пробираться в тыл, пока его не подобрали на носилки.

Из десяти офицеров 2 дивизиона уцелел один ротмистр Косарев. В 4 эскадроне убиты: прапорщики Потоцкий и Исаев 2-й и ранены ротмистр Наврузов и корнет князь Вачнадзе. Последний был ранен в нижнюю часть живота, упал и потерял сознание. Очнулся он уже в плену у немцев, среди сибиряков. Там ему сделали перевязку, а на следующее утро, когда немцы под напором наших частей отошли, он был освобожден и впоследствии направлен в Собственный Государыни Императрицы Александры Федоровны лазарет. Из 112 драгун уцелело 37. В 5 эскадроне убит корнет князь Чхотуа 2-й, ранен ротмистр князь Чавчавадзе и контужен штабс-ротмистр князь Чхотуа 1-й. Драгун выбыло из строя (в трех взводах) 12 убитыми и 30 ранеными. В 6 эскадроне убиты: штабс-ротмистр князь Казаналипов и поручик князь Андроников, а драгун осталось в строю в трех взводах 27 человек. Князь Андроников, у которого, во время атаки, была убита лошадь, долго боролся в пешем строю с окру-

жившими его немцами, пока не погиб геройской смертью у самого германского орудия.

. . . .

Небезинтересно привести выдержки из германского описания боя 10 ноября.

«В 7 ч. 30 м. утра авангард 49 резервной дивизии XXV резервного корпуса переходил через железнодорожное полотно к юго-востоку от Галкова. Адский огонь, направленный спереди, справа и слева и с левой стороны тыла, вынудил пехоту развернуться.

Засвистели плети по изнуренным лошадям, галопом прогремели батареи по железнодорожным рельсам и встали на позиции у высоты 229, непосредственно за пехотой. В то же мгновение, затрещали первые выстрелы по массам неприятельской пехоты у фольварка Гальковек и по стоявшим еще там русским батареям застигнутыми совершенно врасплох. Атаковавшие оттуда и от Спановичей густые массы были сломлены этим огнем и огнем тяжелой гаубичной батареи майора Ангера, вставшей справа и сзади полевой артиллерии. Но волна за волной, с востока, запада и сзади а также и с севера бросались земляного цвета фигуры на мужественно, на все стороны сразу, защищавшуюся часть. Не один артиллерист пал жертвой флангового пулеметного огня подошедшего от Колюшек локомотива. Три выстрела заставили его отойти.

Тогда, к северу от железной дороги, из леса ринулась волна русских драгун и казаков (прим. пер.: Нижегородцы были в малиновых лампасах, почему их и приняли за казаков) во фланг и тыл авангарда. Более половины всадников пало от огня 2-й и 11-й рот 227 полка, но все же еще более сотни сабель просвистало над головами артиллеристов, в особенности над тяжелой батареей. Потом волна перебросилась через железнодорожное полотно, устремилась на передки и легкие обозные колонны и закружила их в общем вихре. Галопом двинулась она дальше, к дивизионному штабу, находившемуся в 400-х метрах от железной дороги. Генерал-лейтенант фон-Венкер, вместе со своими офицерами Генерального Штаба, быстро собрал отряд из людей всех родов оружия: вожатых артиллерийских колонн, чинов штаба корпуса, телеграфистов и телефонистов, велосипедистов главного командования. Много всадников погибло в столкновении с ними. Из лихой атаки едва ли вернулся хоть один казак или драгун. Это было в 11 ч. утра 25 ноября 1914 года».

Из этого описания видно, что Нижегородцы атаковали тяжелую гаубичную батарею майора Ангера и прикрывавших ее 2-ю и 11-ю роты 227 пехотного резервного полка.

. . . .

Оценивая вышеописанный бой 10 ноября, нельзя не отметить следующего:

1. Полное незнакомство дивизионеров и эскадронных командиров с обстановкой, что очень затрудняло ориентировку и принятие необходимых решений. Приходилось принимать самостоятельные решения, руководствуясь только ближайшей обстановкой, вне всякой зависимости от общего положения дела. 1-ый дивизион не был извещен о решенной атаке 2-го дивизиона. Зная об атаке, он мог бы поддержать ее действиями во фланг атакованному 2-м дивизионом противнику.

2. Необъяснимое бездействие других полков Кавказской кавалерийской и 5-й кавалерийской дивизий, находившихся вблизи района атаки. Надо полагать, что использование целого кавалерийского корпуса для поддержки или, по крайней мере, для дальнейшего развития Нижегородской атаки, могло бы привести к огромным результатам — возможно к полному разгрому прорывающейся группы германской армии.

Наградами полку за дело 10 ноября были: Срден Святого Георгия 4 степ. ротмистрам князю Чавчавадзе и Наврузову и посмертный — поручику князю Андроникову. Георгиевское оружие подполковнику Ягмину, ротмистру Косареву, штабс-ротмистру князю Чхотуа и корнету князю Вачнадзе. Ротмистр Ден представлен к производству в подполковники за отличие.

. . . .

Действия 1-го дивизиона в день 10 ноября 1914 года.

Во исполнение порученной мне задачи охранять левый фланг полка, я выслал разъезды с приказанием войти в связь с неприятелем, а сам, с 2 и 3 эскадронами, продвинулся до селения Хрусте-Нове, где и остановился в ожидании донесений от своих разъездов. Около 12 ч. дня, были получены донесения, что южнее деревни Хрусте-Нове, в лесу, находится неприятельская пехота и большой обоз. Через некоторое время прибыл сам начальник разъезда унтер-офицер Семененко, лихой солдат, которому можно было доверять, и сообщил, что обоз стоит невдалеке от нас, под прикрытием очень небольшой части пехоты. Хотя задача моя была скромная, а именно — охранение нашего левого фланга, все же, получив такое донесение, мне нельзя было оставаться в бездействии, тем более, что нападение на этот обоз не было отклонением от данной мне задачи, а только превращало это охранение из пассивного в активное.

Решив атаковать этот обоз, я приказал одному взводу оставаться на месте для продолжения наблюдения, а сам с дивизионом выступил в направлении, указанном унтер-офицером Семененко. Но не успели мы двинуться, как прискакал драгун с приказанием от полковника Ягмина присоединиться к 1-му эскадрону, перешедшему к южной опушке леса, что к северу от сел. Хрусте-Старе. Разсудив, что подполк. Ягмин не знает о существовании указанного выше обоза и что, если бы он знал, то, наверное, согласился бы на принятое мною решение, я взял на свою ответственность не подчиниться полученному приказанию и продолжал свое движение, послав об этом донесение подполк. Ягмину. Но, пройдя полверсты, мы встретили второго ординарца, привезшего категорическое приказание подполк. Ягмина немедленно к нему присоединиться. на этот раз, невозможно было не подчиниться.

В это время, наш дивизион, имея 3 эскадрон во главе, двигался вдоль села Хрусте-Старе, за западным концом которого предполагался неприятельский обоз. От подполк. Ягмина нас отделяла открытая поляна, которую мне пришлось пройти на рысях, в северном направлении. Объяснив подполк. Ягмину обстановку, я узнал, что он не получил моего донесения об обозе и теперь дал мне разрзешение атаковать.

Послав приказание ротмистру Иедигарову, еще не успевшему выйти на поляну, продолжать со своим 2-м эскардоном движение в прежнем направлении вдоль деревни, я рассыпал мой эскадрон в лаву и повел его обратно через поляну, сначала рысью, а потом и галопом, чтобы скорее пройти открытое пространство и атаковать одновременно со 2-м эскадроном. I-й эскадрон двигался за нами в резерве. Как и следовало ожидать, все эти наши передвижения по открытому пространству не могли оставаться незамеченными неприятелем, и мы, сразу-же, попали под артиллерийский огонь, усиливавшийся с каждой минутой. Семененко, ехавший рядом со мной, уже не мог указать точного местопребывания неприятеля.

При таких обстоятельствах, не видя перед собой цели, было бы безумием продолжать наступление по открытому месту под таким жестоким огнем, и не оставалось ничего другого, как отдать приказание отходить обратно в лес. При отходе, огонь еще усилился, и мы стали нести потери. Был тяжело ранен в обе ноги и голову подполковник Ягмин. Несмотря на сильнейший огонь, драгуны эскадрона Его Величества Безгин и Золотарев подняли его и внесли в лес, где ему была сделана первая перевязка. В самом лесу, замыкая отступление, я сам был ранен разрывом тяжелого снаряда в левую ногу. Я удержался в седле и, обернувшись к вестовому, на его тревожный вопрос, — жив ли я? — ответил, что я ранен, но надеюсь сам доехать до перевязочного пункта.

Вскоре я встретил ехавшего в штаб ротмистра Косарева и узнал от него об атаке 2-го дивизиона и о понесенных потерях. К чувству радости и гордости за славную атаку, присоединилась скорбь об убитых товарищах и с этими противуположными чувствами, охватившими все мое существо, я поехал дальше и скоро нагнал эскадрон, стоявший в ожидании меня в лесу. Объявив эскадрону, что я ранен и вынужден временно его покинуть, я благодарил людей за службу и, простившись с ними, поехал дальше на перевязочный пункт.

. . . .

Тут нужно отметить совершенно непонятные недоразумения с передачей приказания подполковника Ягмина мне о присоединении к нему, приведшее к бесцельной потере времени, обнаружению противником наших намерений и напрасным жертвам. Не будь вторичного, категорического приказания подполк. Ягмина присоединиться к 1-му эскадрону, 2 и 3 эскадроны продолжали бы свое движение через деревню Хрусте-Старе скрытно от неприятеля и могли бы неожиданно его атаковать. Передвижение же по открытому месту обнаружило наши намерения и дало время неприятелю убрать свой обоз в другое место.

полковник **Ден**

Сидение в Августовском лесу

Из воспоминаний Начальника Штаба 27-й пехот. дивизии

Гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах, если и не была столь чувствительна для престижа русского командования, как катастрофа с армией Самсонова под Танненбергом, то все же, понесенные нами потери были чрезвычайны.

Немцы захватили 9 генералов, они все целой группой находились вместе, окопавшись в лесу, возле фольварка Млынек, почти всех офицеров, около 60 тысяч солдат, 200 орудий и, конечно, все обозы. Одиночным порядком прорвались немногие, что то около восьми офицеров (среди них оказался полковник Белолипецкий и штабс-капитан Шаповальников). Они прятались в лесу, в картофельных ямах, и, через несколько дней, двигаясь по ночам, вышли к своим.

Моя эпопея продолжалась дольше, не то 16 не то 18 дней. Я ни за что не хотел расставаться ни с лошадью, ни с моим преданным Колесниковым, ни с братом моих друзей Махровых. По трехверстной карте я определил место, где мы будем в наибольшей безопасности — урочище Козий Рынок, в непроходимой чаще и в болоте. Шли шаг за шагом два дня, продирались через кусты и заросли, ночью спали на земле, под соснами, прямо в снегу. На второй день, пехотный капитан заявил мне:

— Господин полковник, положение наше безнадежно, есть нечего, люди предпочитают сдаться.

— Сдавайтесь, отвечаю, — ваше дело. Мы сдаваться не будем.

Он собрал людей и исчез. Мы остались одни — шесть человек, шесть лошадей и, на вторые сутки, добились до Козьего Рынка. Так именовалось это место в дремучему лесу.

Как бы ни мучились и чувствовали себя измотанными физически, — наше моральное состояние нельзя было и сравнить с состоянием попавших в плен. Уже по окончании войны стало известно, что все генералы XX корпуса так, целой группой, и были направлены в Сувалки для представления Командуюшему германской армией генералу Эйхгорну (впоследствии, убитому террористом в Киеве). Затем, их всех перевезли в В. Пруссию и посадили в крепость, кажется в Торн. После октябьского переворота, они все вернулись в Россию. Булгаков жил в своем бессарабском имении; что было с другими, я не знаю. Известно только, что генерал Джонсон, во время гражданской войны, командовал какой-то частью под Воронежем, попался ночью большевикам, ворвавшимся в дом, где он ночевал, и был ими пристрелен.

Добравшись до надежного убежища, солдаты соорудили шалаш из елочных ветвей для меня и Махрова, а себе шашками вырыли, к вечеру второго дня, землянку. Лошадей расседлали, спутали им ноги и предоставили питаться, чем хотят. Мороз усиливался, болото замерзло, по нему протекал какой-то ручей, из которого брали воду для чая и поили лошадей а по утрам умывались.

Есть было нечего. Наконец решили убить одну лошадь, ту на которой ездил деньщик Махрова. Ее мясом питались, делая на углях шашлыки. Пока не съели лучшие куски, находили, что только из кавказского барашка мог получаться подобный деликатес.

Лошади копытами старались отрывать траву и сдирали кору с молодых лиственных деревьев. У одного из прапорщиков оказался чайник, у меня — чай, можно было согреваться. После «шашлыка» и чая, гаванская сигара (по одной в день), являлась для меня редким десертом, иногда давал и Махрову «затянуться». Чтобы не замерзнуть, мы с ним положили между собой, срубленную шашкой, сосну и жгли ее день и ночь, поворачиваясь к огню то одним боком, то другим.

Плохо было без хлеба и соли. На третий день, я рискнул послать разведку в ближайшую лесную деревню. Называлась деревня Черный брод и там стояли какие-то немецкие части. Однако, денщик Махрова оказался ловким и осторожным парнем и, несмотря на присутствие немцев, умудрился притащить ночью каравай черного хлеба, соли и даже охапку сена для лошадей. Польские мужики содрали с него за это 10 рублей но, зато, мы были хоть немного обеспечены хлебом и солью.

Наше сидение, вернее лежанье на елочных ветвях в шалаше, в болоте и снегу, продолжалось более двух недель. К концу третьей недели в чаще леса усилилась артиллерийская стрельба и послышались сильные взрывы в районе Августовского канала. Как позже выяснилось, это немцы уничтожили на канале шлюзы. Посланные к шоссейной дороге Августово — Гродно артиллерийские подпрапорщики вернулись радостные и возбужденные:

— Ваше Высокобрагородие, немцы, наверное, будут отступать — все их повозки повернуты оглоблями к Августову.

Так оно и случилось. Русское командование перешло из Гродно в наступление и отбросило

немцев к Сувалкам, очистив Августовский лес.

26 февраля мы вошли в связь с казачьими разъездами и, возблагодарив Господа Бога, оседлали отощавших коней и двинулись в путь через тот же лес, к своим, в Гродно, где находился штаб 10-й армии с новым Командующим генералом Радкевичем и его начальником штаба — Поповым.

Сперва, генерал Попов, затем и сам Командующий встретили меня, как выходца с того света. В числе пленных, объявленных немцами, я не состоял, и меня считали убитым. Начались расспросы, поздравления и всякие обещания, для дальнейшего продвижения по службе. Получив отпуск и предписание составить подробный рапорт о действиях XX корпуса, я, по дороге в Петербург, остановился на два дня в Вильне у своего бывшего, по Туркестану, Начальника артиллерии, знавшего меня еще кадетом. Там же я и написал отчет о трагической эпопее наших войск и приложил к нему записку генерала Булгакова о награждении меня Георгиевским крестом. Отчет этот был направлен Великому Князю Андрею Владимировичу, которому, как юристу, было поручено произвести дознание о действиях 10-армии Сиверса, в связи с гибелью XX корпуса.

В. Дрейер

Что вспомнилось.

Недавно, под редакцией А. А. Геринга, вышел из печати «Сборник памяти Великого Князя Константина Константиновича». Книгу эту мы, бывшие кадеты Российских кадетских корпусов, давно уже ожидали и появление ее в свет заинтересовало многих. Я получил именной экземпляр № 6-й и с большим интересом читал его, желая исполнить желание редактора «Сборника» и дать в газете «Русская Мысль» (в Париже) отчет о нем, что и выполнил, написав этот отчет довольно подробно.

Много разных мыслей заполнило меня при чтении этой прекрасной, небольшой сравнительно, книги. Много воспоминаний о былом хорошем времени, о том времени, когда, по выражению нашего корпусного поэта Первого кадетского корпуса генерала Щербакова, «Кадетским миром управлял Великий Князь наш К о н с т а н т и н»... И одно воспоминание, в сущности говоря относящееся уже не к корпусу,, а связанное с моим производством в первый офицерский чин, мне захотелось записать, так как оно, так же как и новый сборник, характеризует Великого Князя и его отношение не только к подвластным ему мальчикам — кадетам или юношам-юнкерам, но и к очень юным офицерам, вышедшим из его школы.

Лагери и маневры лета 1904 года, в разгар Русско-Японской войны, закончились парадом в Высочайшем присутствии в Красном Селе и производством нового выпуска молодых офицеров у Царского Валика.

Николаевское Инженерное училище, отбывавшее лагерный сбор в Усть-Ижорском лагере на Неве, для участия в заключительном параде 9-го августа, должно было придти в Красное Село, где для него было приготовлено помещение в лагере Павловского военного училища. Наше Инженерное училище тогда было двухротного состава, уменьшенного еще тем, что ввиду потребности армии в офицерах, дополнительный класс училища был произведен в офицеры, кажется, еще в июне. Новых юнкеров младшего класса, конечно, еще не было, оставался один старший класс, причем производству не подлежали шестьдесят юнкеров, пожелавших остаться на дополнительный класс (тогда еще не обязательный) и только примерно тридцать с небольшим юнкеров, не пожелавших остаться на третий год в училище, подлежали производству в офицеры. В числе них было трое нас, увлекшихся стремлением попасть в части Действующей Армии, в Манчжурию — Киргизов, барон Фредерикс и я.

Сначала перемещение из Усть-Ижоры было предположено сделать походным порядком. Но потом начальство почему-то изменило свое решение, и нас перевезли по железной дороге. Это обстоятельство дало нам, предназначенным для производства в офицеры, мысль просить

начальство с тем же эшелоном привезти для нас самый минимальный офицерский гардероб, что давало нам возможность еще в Красном Селе, после производства, превратиться из юнкеров в офицеры. Просьба эта была уважена, и наш каптенармус принял от нас все необходимое, что по летнему времени занимало не слишком много места в эшелоне. Для каждого из производимых был взят китель (несмотря на войну, — еще белый) с погонами, длинные брюки, маленькие сапоги со шпорами (в военное время саперные офицеры имеют верховых лошадей), шашку с портупеей (тогда плечевой) и фуражку. Тут то и сказалось преимущество нас троих, «выходящих на Дальний Восток». Вместо фуражек мы взяли «модные» тогда громадные папахи ангорской козы, по которым каждый мог сразу узнать, с кем он имеет дело!!

Произведенные у Царского Валика и милостиво обласканные (в особенности мы трое) словами Государя Императора Николая 2-го (см. стр. 156 и 157 моего сборника статей «Пути Верных»), мы в строю училища с засунутыми под погон довольно объемистыми Высочайшими приказами о производстве по всей России, буквально не слыша своих ног под собою, вернулись в лагерь к «Павлонам», оффициальным порядком сдали знамя и, очутившись в запасном бараке, где аккуратно было разложено наше офицерское обмундирование, как-то молниеносно превратились из запыленных юнкеров в молодых офицеров, блиставших новизной своего давно желанного обмундирования. Винтовки и юнкерское обмундирование было сдано по назначению, и мы устремились на вокзал железной дороги, ктобы как можно скорее достичь Петербурга и показаться тем, чьи взгляды, чья оценка и чья радость были нам и нужны, и дороги.

Но на вокзале нас ждало неожиданное разочарование: — он весь был заполнен массой офицеров, стремившихся после окончания маневров воспользоваться отпуском как можно скорее. Поезда оказались, как это и всегда бывает, переполненными, особых поездов (и это тоже бывает всегда) не догадались назначить и билетов не продавали. Переполнять вагоны до безобразия (а в особенности офицерами) — этого завоевания революции тогда нечего было и ждать — и мы, хотя и радостные и оживленные, все же с невольной грустью думали о том, как и когда мы попадем в Петербург. Каждая минута ожидания, конечно, казалась часом...

Мы, часть только что произведенных подпоручиков из Николаевского Инженерного училища, стояли вместе небольшой кучкой и пытались решить вопрос о переезде в Петербург. Сначала он казался неразрешимым, но потом случай, совершенно неожиданный, внезапно решил его.

С тех пор прошло не более не менее как пятьдесят восем лет, и потому точно вспомнить всех, кто стоял вместе со мною, я не смогу. Помню, что это были Владимиров, барон Лев (по юнкерски — Левушка), Фредерикс и я. Были и еще человека два-три. Вероятно, был и Киргизов, забайкалец, вышедший как и мы с Фредериксом «на войну». Мы все трое, конечно, были в «грозных манчжурских папахах, и это обстоятельство и сыграло роль в том, что я хочу описать в этой краткой заметке.

Сквозь толпу ожидающих, посторонившихся и давших ему, конечно, дорогу, проходил к стоявшему поезду, в который мы не попали, Великий Князь Константин Константинович — он сопровождал величавую даму, в которой мы, кадеты Петербуягских корпусов, сразу узнали старшую сестру Великого Князя Королеву Эллинов, Великую Княгиню Ольгу Константиновну. Все вытянулись и отдали честь Высочайшим Особам...

И тут-то выручили наши папахи... Ее Величество Королева заинтересовалась нами (потому-то я и думаю, что нас все же было не двое, а трое) и, остановившись, стала нас расспрашивать о том, когда и куда (на Дальний Восток) мы едем... В это время стоявшему поезду был дан очередной звонок и Великий Князь спросил нас, имеем ли мы уже билеты и едем ли мы с этим поездом... Мы печально ответили, что не только не едем, но и не знаем, когда поедем. Великий Князь сразу же нас понял и решил вопрос по-своему. В конце поезда был прицеплен вагон-салон Королевы и туда-то, с разрешения Августейшей собеседницы, Великий Князь и приказал нам грузиться. Можно понять, как быстро и охотно мы это исполнили на зависть всем тем, кто еще в большом количестве оставался на платформе...

Задняя (по движению) половина вагона, в который мы попали, представляла собою комнату, в которой Королева предложила нам занять места. Весь путь от Красного Села до Петербурга и Королева, и Великий Князь очень сердечно, участливо и, что главное, — очень просто расспрашивали нас о наших родных, о причинах, побудивших нас стремиться «на войну», о том, как мы снабжены, причем Королева показала знания подробностей, о корорых мы еще и сами не подумали. Словом, получасовой переезд в ее вагоне прошел совершенно незаметно и мы подъехали к перрону Балтийского вокзала в Петербурге. Королева, сидевшая дальше всех от выхода, попрощалась с нами, благословила едущих на войну и направилась к двери. Мы стояли растроганные оказанным вниманием и... не делали никакого движения, чтобы открыть дверь, если даже и не Королеве, то пожилой даме (Ее Величеству было тогда 53 года) и хозяйке помещения, в котором она только

что нас так гостеприимно приняла, не говоря уже о том, что именно наши хозяева выручили нас и дали возможность достичь Петербурга...

Как-то, попросту, растерялись...

Но великий Князь был с нами — два сильных толчка в бок Фредериксу и мне сразу же отрезвили нас — мы, ничего конечно не спрашивая — устремились к выходной двери, и я не помню уже, кому из нас удалось во-время распахнуть ее перед Королевой... Все было исправлено. Великий Князь весело смотрел на наши растерянные лица и искреннее смеялся... Проводив Королеву и Великого Князя к автомобилю Ее Величества (тогда это была редкость даже и в Петербурге), мы радостно разъехались по Петебургу, неся родным и знакомым весть о нашем состоявшемся производстве... Нам всем было тогда по 19 лет!

Левушка Фредерикс, подпоручик 4-го Восточно-Сибирского саперного батальона, очень скоро отличился при захвате китайской кумирни, занятой японцами. Он перегнулся через стенку кумирни и пустил в японцев ручную гранату. При этом он был ранен, так сказать, очень благополучно — ему прострелили справа налево мякоть подбородка. К сожалению, в конце войны, когда мы все были на оккупации, — он по каким-то личным причинам застрелился. За бой у кумирни он первым из нас получил Анненский темляк. Я свой темляк получил уже в Покровских боях того же года нашего 6-го Сибирского корпуса. Владимирова (14-го саперного баталиона) я впоследствии, когда после войны временно состоял в 6-м саперном Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича Старшего батальоне в Киеве, там встретил, но он скоро ушел из инженерных войск и вернулся в родное ему Донское казачье. Киргизова (2-го В.-Сибирского саперного батальона) я никогда в жизни не встречал и никогда ничего о нем не слышал.

А. Лампе

Военные училища в Сибири

(Продолжение)

(1918-1922)

РУССКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ В КИТАЕ

В 1925 году правитель Манчжурии маршал Чжан-зо-лин воевал с коалицией маршалов среднего Китая, во главе которой стоял маршал У-пе--фу.

Командующий Восточным рнйоном Манчжурии генерал Чжан-зун-чан, имевший свой штаб на станции Пограничная Восточно-Китайской жел. дороги, на границе Китая с Приморьем, за долгие годы пребывания на этом посту, был тесно связан с русскими военными и гражданскими властями. Он относился с большим уважением и симпатией к белым русским и, когда в Приморье произошел крах государственной власти, пригласил к себе советником бывшего министра Приморья — Н. Д. Меркулова, а в свою армию — инструкторов: пулеметчиков, кавалеристов и других военных, а также и гражданских специалистов по разным отраслям.

Вначале войны с внутренним Китаем манчжурский диктатор назначал командующим фронтом генерала Чжан-зун-чана, который пригласил генерал-лейтенанта Константина Петровича Нечаева в качестве военного советника. Образовалась русская группа войск, дошедшая до следующего состава: пехотная бригада — 2 полка, кавалерийская бригада — 2 полка, отдельные инженерные роты, дивизия броневых поездов и отдельная воздушная эскадрилья. Кроме того, не входящая в состав группы конвойная сотня — личная охрана маршала Чжан-зун-чана в составе 120 шашек при 5 офицерах.

При помощи русских, закончивших свою гражданскую войну и охотно откликнувшихся на чужую, генерал Чжан-зун-чан завоевал Пекин, Тянцзин — столицу провинции Чили, Цинанфу — столицу провинции Шан-дун, и Циндао. Став тупаном этих провинций и маршалом, он заключил союз с тупаном пяти центральных провинций — маршалом Сун-чуанфаном и дошел русскими частями до города Шанхая.

С развитием боевого упеха на фронте Н. Д.

Меркулов начал подготавливать формирование Военного училища для русской молодежи и, когда маршал Чжан-зун-чан взял провинцию Шандун и объявил ее столицу Цинанфу своей резиденцией, вышел приказ о сформировании «Шандунского инструкторского офицерского отряда» (перевод с китайского приказа) в составе четырехвзводной роты для русских с производством в офицеры в будущем, по окончании наук.

Намечавшийся вначале курс в полгода, потом в год, окончательно определился в двухгодичный по программе военных училищ мирного времени. Преподавателями и строевыми офицерами были генералы, штаб и обер-офицеры русской армии.

Юнкерами зачислялись молодые люди, как окончившие средне-учебные заведения, так и не закончившие, но имевшие не меньше 5 классов гимназии или реального училища. Все носили китайскую форму и состояли в китайских чинах и званиях, жалование получали в серебре, как офицеры, так и юнкера — повышенное против китайцев. Училище имело определенные кредиты, на которые довольствовалось, одевалось, обувалось, приобретало всевозможные учебные пособия и содержало весь штат.

Через училище прошло 500 человек русской молодежи. Закончили: первый выпуск в 1927 году 43 человека, в 1928 году, второй выпуск, — 17. После первого выпуска начальник Российской Духовной Миссии в Китае митрополит Пекинский и Китайский Иннокентий предложил маршалу Чжан-зун-Чану отправить в училище, для получения военного образования, албазинцев*). Их в училище поступило 60 человек, образовавших отдельную полуроту, под командой капитана Уварова.

Специально для 1-го выпуска маршалом Чжан-зун-чаном был сформирован Особый полк из всех трех родов оружия, в котором должности младших офицеров заняли молодые подпоручики. Командиром полка был назначен полк. Квятковский — ротмистр Приморского драгунского полка русской службы, помощником — полк. Шайдицкий. Полк состоял из трех батальонов: стрелкового — 3 роты, технического — рота пулеметная, бомбометная и гренадерская, сводного — эскадрон, батарея и саперная рота.

В 1928 году, при начале краха, Особый полк был выведен и его русские солдаты и офицеры спасены. В это же время командир роты училища, полк. И. В. Кобылкин, после бегства начальника училища — русской службы полк. ген. штаба З., стал во главе училища, вывел его из общей неразберихи и благополучно разоружился на территории Манчжурии.

С ликвидацией японцами маршала Чжан-зо-лина предательски был убит и маршал Чжан-зун-чан. Русская группа войск распалась, понеся огромные потери, и закончило свое существование русское военное училище — с малыми потерями.

*) В 1687 году при первой попытке русских обосноваться на Амуре наиболее сильным острогом был Албазинский, который защищало от китайских войск (10.000 человек под командой Чжихуйгуаня Луантеню) 450 человек казаков и вооруженных крестьян, 5 пушек, 300 ружей на вооружении, под командой воеводы Толбузина и казачьего головы Бейтона. В конечном результате, понеся громадные потери, наши должны были очистить острог и отойти, согласно договору, на запад. Убоявшиеся похода по пустыне 15 человек согласились перейти к китайцам. С ними пошел и крепостной священик. Эти русские по приходе в Пекин были сведены с другими, ранее попавшими, в одну роту и зачислены в гвардию богдыхана. Под церковь им была отведена кумирня. Так началась Российская Духовная Миссия в Китае. Вся рота получила в жены китаянок, приобрела внешний китайский вид, но, при старании, — уже в более поздние мремена, посланных монахов и священиков, — были православными. Часть города Пекина, где была Миссия, называлась Бей-Гуан. Во время боксерского восстания, албазинцы-монахи были вырезаны восставшими «кулаками». Характерно, что юнкера албазинцы позже не вернулись в Пекин, а потянулись в русские центры рассеяния, — в большинстве в Шанхай и наполнили русские учреждения.

(Из материалов полк. Шайдицкого)

ЮНКЕРСКАЯ РОТА 65-й ДИВИЗИИ

Стремление русских людей к борьбе с оккупационной советской властью приводило иногда, к тому, что их чувствами пользовались разные политические спекулянты для своего личного устройства и обогащения.

Таким, после крушения Приморья, оказался Н. Меркулов. Устроившись политическим советником к генералу Чжан-Зун-Чану, он стал стремиться к упрочению своего влияния путем создания воинской силы из русских, которая помогла бы маршалу Чжан-Зо-Лину и генералу Чжан-Зун Чану приобрести богатые и доходные провинции. А так как, на юге Китая, китайский Ленин — Сун-Ят-Сен, на деньги компартии готовил поход для захвата их в свои руки, то понятно, что сопротивление ему приобрело известный идейный смысл.

Почему части из русских оказались, именно, у Чжан-Зун-Чана объясняется тем, что этот генерал, в прошлом, во время Русско-

*) В 1687 году при первой попытке русских

японской войны, вместе с многими другими хунхузскими старшинами, обслуживал нашу разведку, и за это, кроме денег, ему был дан чин штабс-капитана. Фотография Чжан-Зун-Чана в форме русского офицера среди подчиненных ему хунхузов, висела на почетном месте в его кабинете. Он был чрезвычайно умен, довольно хорошо говорил по-русски, и все это, вместе взятое, и послужило основанием к тому, что в его войсках были сформированы части из русских: 104 и 105 полки русских добровольцев, правда, не очень большие — штыков по 500, два конных полка, шашек по 300, дивизион бронепоездов — 6 поездов, полки с русским кадром — 107, 108 и 109, Военное училище, инженерные роты и эскадрилья самолетов.

В марте 1925 года, при штабе 63-й дивизии, была сформирована Комендантская команда, в которой оказалось большинство молодежи со вполне или не вполне законченным средним образованием. В июне они все были выделены в Отдельную Юнкерскую роту, командиром которой был назначен, русской службы, полковник Н. Н. Николаев; одновременно рота была переведена в город Цинанфу. Постепенно, при помощи посылки вербовщиков в Харбин, состав роты был увеличен и дошел до 87 человек, которые и вышли на фронт, осенью 1925 года. При выходе на фронт произошла смена командира роты; ее принял капитан Русин, известный тем, что в 1918 году перешел к нам от красных со своей дивизией и тем значительно облегчил взятие Перми. Несмотря на эту заслугу, он не был продвинут по службе и так и остался до конца — капитаном.

В то время, генерал Чжан-Зун-Чан воевал с маршалом Чан-Кай-Ши, который опирался на помощь и на советников Советского Союза. Боевая служба роты началась боем под железнодорожной станцией Фуличи, затем рота участвовала в больших боях за обладание Пекином, Нанкином, Суджафу, железнодорожной станцией Фынтай и т. д. Боевое счастье сопутствовало роте, убиты были только младший офицер роты полковник Штин и юнкера Скрябин, Мозалевский и трое других, фамилии которых не удалось выяснить. Но, кроме боевого счастья, помогала роте и основательнаая выучка, так как до выхода на фронт рота усиленно занималась как строевыми занятиями, так и теоретическими. Правда, научная сторона не могла быть поставлена прочно из-за отсутствия учебных пособий, почему, преподавание велось по кратким запискам.

Осенью 1926 года, после годичной боевой практики, юнкера были произведены в подпоручики и, большей частью, вышли в добровольческие полки 104-й и 105-й, меньшая часть вышла в рядовые полки — 107, 108 и 109.

Сдеты были юнкера в китайскую форму, которую нужно было пригонять на свой счет. Довольствие было отличное, так как командиры русских частей избегали делать экономию на довольствии своих подчиненных. Размещались, за отсутствием казарм, по частным домам, школам или келиям монахов при кумирнях. Большие затруднения были с обувью-сапогами, поэтому, обычно, все носили обмотки и китайские туфли. Жалованье полагалось — 12 долларов рядовым, выплачивалось оно своевременно только в спокойное время, во время боев, бываели задержки по два-три месяца. Но случалось и так, что выплачивалось двойное жалованье; это бывало тогда, когда нужно было брать какой-либо город, где ожидался большой «Фацай» — военная добыча, от противника и жителей. В этом случае, бригадный генерал объявлял перед фронтом: «ваша город бери — наша деньги давай».

Мораль вербованной армии Китая того времени, лишенной идеи, ведшей бои за мелкие и корыстные интересы своих маршалов, обираемой своими строевыми начальниками и на жалованьи и на довольствии — не могла быть высока. Это, постепенно, отразилось и на душевном состоянии русских добровольцев. Они увидели, особенно после ранения Начальника Дивизии генерала Нечаева, когда Н. Меркулов объявил себя Начальником Дивизии и непокорных ему офицеров не только арестовал, но и приказал старого боевого офицера, Начальника Штаба дивизии полковника Карлова — приковать за горло, на цепь к стене тюрмы, что являются слепым орудием в руках наглого спекулянта; как следствие, в полках началось разложение: пьянство, картежная игра и самоубийства. Вне всякого сомнения, что большие боевые потери — в Цинанфу на кладбище похоронено около двух тысяч убитых или половина всех добровольцев, — также содействовали этому разложению: они усиливали чувство обреченности, появившееся во второй половине Хабаровского похода, под влиянием огромных потерь и отсутствии каких бы то ни было пополнений.

Но на этом фоне, юнкерская рота резко выделялась своим моральным обликом среди всех остальных добровольцев. В ней отсутствовали не только внешние признаки разложения, но и внутренние причины его, так как юнкера оказались наиболее невосприимчивыми и не очень то прельщались ни «фацаем», ни пьянством, ни карточной игрой. Характерным отличием комплектования роты было то, что вся, целиком, она была сформирована из жителей Харбина, — вся линия Восточно-Китайской дороги не дала никого.

А. Еленевский

(Окончание следует)

« Дела давно минувших дней »

Посвящается славной памяти 3-го Восточно - Сибирского стрелкового полка.

РАЗВЕДКА ДОРОГИ ТАШИЧАО — ХАЙЧЕН

Во второй половине июня 1904 года 1-ая Восточно - Сибирская Стрелковая дивизия, отходя на север, остановилась впереди города Ташичао, занял гряду холмов, отходящих от полотна железной дороги влево, при этом она оставила в виде авангарда или арьергарда, так как предполагалось наступление на юг, 1-ый Его Величества Восточно-Сибирский Стрелковый полк у деревни Да-Ча-Пу, башня которой была видна у подошвы гор по ту сторону широкой долины.

Вправо от полотна железной дороги и дальше, сколько было видно, местность была ровная, кое где на возвышеннрх местах виднелись крыши китайских деревень, квадраты и полосы посевов гаоляна, чумизы и бобов, а дальше, ближе к морю, все заросло сплощь камышом. Влево и впереди — широкая долина с деревнями, рощами и полями. За ней подымались горы. Сзади нашего участка горы были довольно высоки и с обрывистыми скатами, а еще дальше виднелся городок Ташичао со своими глинобитными стенами, китайскими лавченками, харчевнями, с копошащейся толпой крикливых манз, с железнодорожным вокзалом, буфет которого всегда был полон офицерами в самых разнообразных формах.

Около железнодорожной станции интендантские склады, транспорты, обозы II-го разряда частей, стоящих впереди, артиллерийские парки и штабы с вечной суетой, треском пишущих машинок, писарями и чистенькими адъютантами.

Участок 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка шел по гребню довольно высоких и крутых холмов, начинавшихся у полотна железной дороги, и кончался довольно глубокой седловиной, от которой шел участок 2-го Восточно-Сибирского Стрелкового Полка. Правый холм занимал 1-ый батальон, через небольшую седловину — II-ой батальон, а III-й был в резерве, расположившись в фанзах деревушки за реченкой, протекавшей в лощине; там же был и штаб полка, которым командовал полковник Земляницын.

На небольшой полянке, между холмами и реченкой, в саду небольшого хутора, расположился штаб и офицеры II-го батальона. Каждое утро, пока не начинало припекать солнце, роты рыли окопы на внешних скатах холмов и у подошвы их. Так как тяжелого шанцевого инстумента не было, то окопы отрывались небольшими лопатами, бывшими у стрелков. Грунт был каменистый, тяжелый и при всем старании окопы не столько были вырыты, сколько вырублены в глубину не ниже поясной профили, а местами и мельче. После обеда и до 4-5 часов люди лежали в палатках, обливаясь потом, а в 4-5, когда жара спадала, опять шли ковырять и рубить хрящеватую, каменистую почву.

В один из таких жарких дней, в двадцатых числах июня, я лежал в своей палатке, а рядом в своей палатке — поручик Владимир Боровский. Жара была томительная. Чтобы легче ее переносить и перебить, пили до одурения чай, но он был мутноватый, как была мутна вода в протекавшей реченке, но другой воды не было и достать ее было негде, а потому и пили то, что было под рукой.

День перевалил за половину, когда послышался топот копыт подошедшей лошади и кто-то, соскочив, спросил сидящих зачаепитием денщиков: «а где здесь, братцы, подпоручики Редькин и Боровский?» «А вот в этих палатках, а тебе что надо?» — «Да полковой адъютант просит их в штаб». Услышав свои фамилии, мы оба высунулись из палаток. К нам подошел невысокий, коренастый стрелок конно-охотничьей команры: «Так что, Ваше Благородие, вам записка от полкового адъютанта, прости вас в штаб полка». С этими словами он передал конверт от полкового адъютанта поручика Семенова. В записке предложено было подпоручикам Редькину и Боровскому явиться по делам службы в штаб полка.

Надев шашки и револьверы, мы пошли пешком. В штабе та же картинка: все, что было живое, забилось в фанзы, под навесы, в тень стен и сараев, кто спал, кто наливался чаем. В

канцелярии адъютант передал нам, что по распоряжению штаба дивизии приказано нарядить двух офицеров, обязательно окончивших военное училище, а не окружные юнкерские, и направить их с конвоем из 3-х конно-охотников каждому в штаб дивизии.

Вернулись к себе, собрали вещи, необходимые для поездки, доложили командиру батальона подполковнику Константину Константиновичу Федорову и отправились в сопровождении 6 конно-охотников в штаб дивизии, который был расположен верстах в 2-3 от деревни, сзади нас.

Дорога, вьющаяся среди гаоляна или по чумизным и бобовым полям, была почти пуста, кое-где на встречу ползла ротная двуколка с мешками и узлами, виднелись в полях синие фигуры китайцев в широких соломенных шляпах. Наконец добрались до деревни, где стоял штаб дивизии.

У одной из фанз стоял Забайкальский казак с шашкой в руках и винтовкой за плечами, а рядом на высоком шесте висел неподвижно флажок. «Скажи-ка, брат, где здесь штаб дивизии?» спросили мы казака. «Здесь, Ваше Благородие. Здесь, в фанзе». Спешились, отдали лошадей своим стрелкам и вошли в фанзу.

В первой комнате, на столе у окна стоял небольшой самовар, рядом сидели в одних рубахах два писаря и пили чай. При нашем входе в комнату они вскочили. «Где здесь начальник штаба?» — «А вот, Ваше Благородие, здесь рядом в комнате».

Вошли. Чисто прибранная комната, циновки на полу и на кане, на кане же, на походной кровати, в одном белье, лежал начальник штаба. На наш поклон ответил кивком головы и сказал: «Я вызвал вас, господа, для того, чтобы вы сделали рекогнисцировку дороги на Хайчен. Один из вас пойдет по Мандаринской дороге, другой по параллельной проселочной. Съемку представите мне после завтра к 12-ти часам дня. Для маршрутной съемки времени довольно, Выезжайте завтра утром. А есть ли у вас бумага и карандаши?» «Так точно, все имеем». «Можете идти, до свидания».

Вышли на двор, подошли к своим стрелкам. «Куда-же, Ваше Благородие, мы теперича поедем?» спросили стрелки. «А к черту на рога», ответил Боровский, вообще не терпевший никакой письменности, но делать нечего. — приказано — надо исполнить, — любишь ли ты это или не любишь. Решили в полк не возвращаться, а ехать в Ташичао и там, переночевав в обозе II-го разряда, ранним утром выехать на Хайчен. Но, кому и по какой дороге идти? Завязали узелок на платке, кому попадется узелок — тому идти по Мандаринской дороге. Узелок попался мне.

Около Ташичао, между станцией и городской стеной, интендантские склады, прессованное сено, кули, мешки, бочки, ящики, палатки чиновников, солдат, коновязи, повозки и палатки нашего обоза II-го разряда.

Спешились и зашли в палатку командира нестроевой роты (он-же и командир обоза II-го разряда). Обрадовался свежим людям и приказал поставить самовар, приготовить ужин и также накормить наших конно-охотников и лошадей. На столике у входа в палатку появилась жестянка Смирновки, банка с консервами, хлеб. Пока закусывали и болтали о полковых делах, подоспел и ужин, не очень-то он был сложен — битки с рисовой кашей. Потом попили чайку и завалились спать в палатке на разостланных цыновках и попонах.

Только начало светать, мы, напившись чая и позавтракавши, захватили предусмотрительно приготовленные нашим радушным хозяином котлеты, хлеб и вышли к лошадям. Стрелки уже сидели в седлах. «Здорово, ребята!» «Здравия желаем, Ваше Благородие!» У каждого за седлом фуражная сетка с сеном, у седла кобуры, в одной выданная на кухне провизия, в другой — незатейливое солдатское имущество.

Сняли фуражки, перекрестились на восток и сразу пошли рысью. Вскоре перешли вброд мелкую в этом месте реченку и здесь разъехались. Боровский свернул влево и пошел по проселку, а я прямо по Мандаринской дороге.

Дорога ровная и от многовекового движения по ней, разъездилась, углубилась местами почти в рост человека.

По ней уже шло движение. Навстречу шли повозки казенного образца с конвоем 2-3 солдат с винтовками, китайские арбы на тяжелых, неуклюжих колесах, платформы, нагруженные мешками и сундуками, а сверху мешков сидящими китаянками с ребятишками. Тянут эту «постройку» запряженные вместе лошадь, мул, осел и корова. Лошади разбиты на все четыре ноги, часто — без глаза или с бельмом. Китайцы, вообще, жестоко обращаются с животными. Например, чтобы легче снять кожу с убитой свиньи, они делают ей, еще живой, надрез в коже и, вставив в разрез трубку, надувают, чтобы отделить кожу от мяса. Свинья пухнет, неистово орет, а им смешно, но, действительно, заколов свинью, китайцы снимали с нее кожу легко, как перчатку с руки.

Тянутся арбы с мешками, ящиками и всякой поклажей в Ташичао на базар. Из Ташичао в обратном направлении тоже что-то везут. Идут манзы и поодиночке и целыми группами, иногда тащат на длинных коромыслах корзины, наполненные каким-то китайским барахлом. Все это орет, галдит и движется, поднимая пыль.

Вот и первая остановка. Дорога поднимает-

ся в гору, надо занести на карту позицию. Поднялись на гребень, осмотрели вправо и влево, какой обстрел, какие рубежи, необходимо занести заметные для ориентировки предметы: дерево, отдельную фанзу, группу могил.

Едем дальше. Влево местность повышается и, кроме полей с гаоляном, невысокой чумизой и бобами, ничего не видно, справа же широкая долина, ограниченная грядой гор. По долине вьется речка, по берегам которой растут высокие деревья, кусты. Поля, деревушки, небольшие кумирни с ярко раскрашенными и безобразно страшными идолами и картинками. Блестят рельсы железнодорожного пути. На полях видны под широкими соломенными шляпами полуголые фигуры манз, работающих, несмотря на палящую жару.

Кроме китайцев, по дороге встречались небольшие команды стрелков, Сибирские и Забайкальские казаки. У всех ворота рубах расстегнуты, плечи и спина мокры от пота, а под фуражки поддеты платки, как назатыльники, чтобы не жгло шею.

Часам к двенадцати подошли, наконец к железнодорожному переезду и в тени глинобитной фанзы остановились отдохнуть. Надо напоить коней, накормить их, и самим закусить. Отпустили подпруги, повесили торбы с овсом, бросили перед мордами по охапке сена, а сами уселись на скамейке, вынесенной хозяином-китайцем. Он же принес и кипяток для чая и жаренные на бобовом масле лепешки. Стрелки съели их с удовольствием, а я не мог, откусил и бросил, очень уж противен вкус бобового масла. Хозяин присел на корточки и, куря трубку, поглядывал на нас.

Отдохнули и, напоив лошадей, снова вышли на дорогу, провожаемые поклонами хозяина, получившего 20 копеек. По дороге, гремя и пыля, шла батарея 35-й Артиллерийской бригады. В одном из офицеров батареи я узнал Тарасенкова, однокашника, 2-мя годами старше меня, по Тифлисскому кадетскому корпусу. Он ехал на рослом гнедом жеребце, который волновался и перебирал ногами, тряся головой. «Здравствуй, Тарасенков, куда это батарея идет?» «А, здравствуй, а давно ли сюда приехал?» «Да вот в мае». «Мы идем к Хайчену, да, наверно, и вы туда же отойдете, боя у Ташичао не предвидится». Так идучи, разговаривали, вспоминали корпус, Тифлис и наше кадетское, безмятежное житье там. Батарея пошла рысью, гремя и поднимая тучи пыли, а я свернул в сторону, чтобы нанести на карту очередную позицию. Так я больше Тарасенкова и не видал, в конце войны он умер от тифа.

Солнце палило во всю мочь, белые гимнастерки были насквозь мокры, густой слой пыли покрывал нас и лошадей. Впереди виден железнодорожный мост, по обе стороны моста окопчики и в них орудия, на мосту часовые. Вблизи моста брод через речку.

На запасных путях составы красных товарных вагонов. Часть их уже разгружена, около других видны китайские арбы, казенные повозки, видны чиновники, распоряжающиеся разгрузкой, нагруженные арбы и повозки отъезжают, другие, порожние, подъезжают. Гам, крик, пыль столбом и все это припекает солнце.

Перешли вброд речку, лошади, войдя в воду по колено, вытянули шеи и начали пить. Тут же, рядом, с криком, визгом, хлопаньем бича, переправлялись через речку на другой берег арбы с китайцами.

Подъехали к станции, поставили лошадей в тень, сняли седла, рядом устроились стрелки. Достали было из торбочек хлеб, чтобы подкрепиться, но я приказал им подождать. Прошел в буфет, занял столик и потребовал пива. Пока я пил пиво, лакей накрыл стол, принес прибор. Ему я приказал отнести стрелкам по 2 бутылки пива, по порции борща и котлет.

За соседним столиком сидели офицеры только что пришедшего и разгружавшегося эшелона. Мой вид возбудил их внимание: я был запылен, потен, красен, как вареный рак, припав к стакану, пил не отрываясь и, незаметно для самого себя, покачивал от удовольствия головой. «Откуда Вы, подпоручик?», спросил меня, вставая из-за стола, высокий штабс-капитан. «Из-под Ташичао, послан на разведку дороги». — «Ну, а что у вас там нового?», «Да ничего особенного, роем окопы и ждем, когда в них сесть придется». «А с японцами встречались?» «Немного встречался, около Син-Ю-Чена и Мао-Лин-Гоу, теперь они от нас верстах в десяти, изредка доносятся пушечные выстрелы, а так все тихо». «А не тяжело ли?» «Жара донимает, а так все слава Богу». «Переходите за наш столик, очень просим». Перешел к ним, и разговаривая о том и о сем, докончил обед, выпив еще пива. Пришел стрелок, доложил, что их накормили, напоили и поблагодарил за это. Лошади тоже отдохнули, были и накормлены и напоены. Можно ехать обратно.

Я проверил по записям и заметкам свою съемку. Расплатившись с буфетчиком, поблагодарил господ за гостеприимство и, пожелав им счастья и удачи, попрощался.

Тронулись мы обратно около 6 часов вечера. Шли, не останавливаясь. Темнело все больше и больше, и дорога, до того оживленная, опустела. Тишина нарушалась лишь дальними свистками паровозов да собачьим лаем в китайских деревнях. По пыли, лежавшей густым слоем, лошади мягко ступали и топота их почти не было слышно. Наконец, так стемнело, что и лошадиных голов не стало видно. «Ваше

благородие, нам бы пристать где, а то ничего не видно, как бы в темноте куда не заехать. Опять же и хунгузы, слыхать, здесь пошаливают». «Ладно, остановимся, но где только остановиться?» «Да в первой фанзе, Ваше Благородие, что по дороге будет».

Шли еще некоторое время, как вдруг впереди, очень близко, кто-то окликнул: «стой, кто идет?» «Офицерский разъезд, а кто здесь стоит?» — «Погодите, Ваше Благородие, я сейчас фельфебеля позову, а стоит здесь артиллерийский парк». Но не успел он позвать фельдфебеля, как в темноте засветился огонь и кто-то другой кликнул фельдфебеля. «Попроси начальника разъезда сюда». Я подъехал к палатке, где был свет свечи, и объснил, что из себя представляет разъезд и какого полка. «Пожалуйте сюда, располагайтесь, сейчас вам дадут подкрепиться, а фельдфебель накормит ваших людей и лошадей».

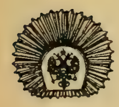
Я вошел в палатку, где на походной койке лежал артиллерийский штабс-капитан, начальник парка. Познакомились, разговорились, принесли поужинать и чай, а потом улегся на разостланных попонах и брезенте. Утром нас опять накормили; с восходом солнца парк был запряжен и, погромыхивая, тяжелые зарядные ящики тронулись в путь на Хайчен, а я с разъездом — на Ташичао. Пока солнце не начало жечь, рысью пошли по уже оживавшей дороге.

Недалеко от Ташичао встретили разъезд Боровского, который, как и мы, дошел до Хайчена, но там остановился в обозе какой-то части, пришедшей из России. Там его и сопровождавших его стрелков тоже гостоприимно ублаготворили, а утром он выехал с интендантским поездом, погрузив на него весь свой разъезд, и так, без лишних хлопот, вернулся в Ташичао.

На станции, заняв в буфете отдельный столик, мы перечертили наши съемки, написали легенды к ним. Своих людей с лошадьми отправили в обоз II-го разряда, где их накормили. Тем временем мы позавтракали в буфете и двинулись прямо в штаб дивизии, куда и явились к 12-ти часам, как это и было нам приказано.

Начальник штаба весьма внимательно просмотрел наши съемки, прочитал легенды, спросил кое-какие подробности, поблагодарил, пожал руки и отпустил с миром. Через час, явившись командиру полка и доложив ему о нашей поездке, вернулись к себе в палатки.

А. Редькин

Встреча с воспитателем

Я окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в 1906 году. Когда я перешел во второй класс, в наш корпус, к началу учебного года, прибыл новый воспитатель — терский казак, в черкеске, высокий, представительный, красивый мужчина Федор Петрович подъесаул Панкратов, который был назначен воспитателем в наше отделение.

Федор Петрович, как новый воспитатель, обращал сугубое внимание на разные мелочи в нашем поведении и наших успехах. Наше отделение особенно отличалось шалостями и немалым количеством неудовлетворительных баллов, почему Федор Петрович старался разговорами повлиять на нас, внушая нам прилежание и скромность в поведении, но разговоры, конечно, никакого воздействия на нас не производили, — самое же главное то, что невозможно было найти виновника проказ. Никакие уговоры, ни угрозы нас не страшили, доходило до того, что наказывалось все отделение — выстраивалось на стойку, но и это на нас не имело никакого действия. Иногда виновные, не желая подвергать наказанию все отделение, изъявляли желание сознаться, но им отделение не позволяло этого делать. Дошло до того, что как-то в субботу после обеда, Федор Петрович собрал все отделение в класс, за исключением, конечно, тех, кто ушел в отпуск. Отобрал нас человек 5-6, а остальных выслал из класса. Нам роздал почтовую бумагу и начал диктовать письма приблизительно следующего содержания: «дорогие папочка и мамочка, я попрежнему ленюсь и ужасно шалю, преподаватели и воспитатели мною очень недовольны, надежды на переход в третий класс нет никакой — в лучшем случае меня оставят на второй год, но, вероятнее всего, я буду исклю-

чен из корпуса». — После этого наше игривое настроение сменилось слезами: «Федор Петрович, я не буду шалить, Федор Петрович, я исправлю все свои неудовлетворительные баллы», — но наши просьбы были тщетны: «без разговоров, пиши» — и мы продолжали писать письма в том же духе, заливая их слезами. Заканчивалась диктовка, письма отбирались.

Я уверен, что ни в одном корпусе ни один воспитатель не додумался до таких писем. Эти письма действовали на нас весьма и весьма благотворно: — мы брались за книги, учили не только заданное, но и пропущенное по лености, иногда исправляли свои неудовлетворительные баллы, шалости прекращались, но — ничто не вечно под луной, — проходили 2-3 недели, письма забывались и все шло попрежнему. Такие письма в году мы посылали раза два-три.

Федор Петрович у нас пробыл два года, а потом был куда-то переведен, нас, конечно, не интересовало куда. Что же касается писем, писанных нами под его диктовку, то дома о них не было разговора, повидимому, Федор Петрович их никуда не посылал, а уничтожал.

Я окончил корпус, училище, прошло время в полку, на льготе, прошло лет 12. В конце 1915 года я был командирован сопровождать тело-гроб подполковника Георгия Степановича Леонтьева в Петроград для погребения. Там жила его матушка и сестра. По прибытии в Петроград я обратился к коменданту станции с вопросом относительно похорон, когда и какая воинская часть будет сопровождать, на что комендант ответил, что на основании Высочайшего приказа все воинские почести при погребении военнослужащих отменены. Меня это сообщение неприятно поразило, так как подполковник Леонтьев — Георгиевский кавалер, академик, участник Русско-Японской войны — и похороны без всяких воинских почестей — обидно. В Петрограде у меня не было никого знакомых, к кому бы я мог обратиться за советом, — обращаться же к матушке и сестре убитого я не мог, так как они и сами были убиты горем. Я задумался, что предпринять, и вспомнил, что, кажется, при Главном Штабе есть в качестве представителя наш Оренбуржец. Я отправился на розыски в Штаб, разыскал представителя, представился ему, рассказал в чем дело и просил его помочь мне советом. «Я совершенно не в курсе дела, присядьте, я сейчас разузнаю у своих сослуживцев». Вернувшись, он мне сообщил, что наряд воинской части для отдания воинских почестей зависит от начальника такого-то Штаба, куда и надлежит мне обратиться. Я отправился по указанному адресу в Штаб, где меня встретил писарь и на мой вопрос, здесь ли Начальник Штаба, ответил, что Начальник Штаба здесь, но никого не приказано принимать. Несмотря на это, я приказал писарю доложить обо мне. На мое приказание писарь ответил мне дерзостью: «Вам сказано, что Начальник Штаба никого не принимает». Ошеломленный такой наглостью я, конечно, не выдержал, съездил его в ухо, с соответствующим словесным добавлением — «пошел, доложи». Писарь исчез.

Вскоре слышу, гремят шпоры, влетает полковник в штабной форме и с места в карьер: «Сотник, что за безобразие» и т. д. и т. д. в том же духе.

Я был поражен знакомой его физиономией, почему не слушал его, а напрягал память, стараясь припомнить, кто он такой, где мы встречались и наконец-то вспомнил: — ведь это же мой воспитатель Федор Петрович Панкратов, который диктовал нам письма домой. Извинившись, я прервал его, спросил фамилию и, когда он, удивленный моей нетактичностью, ответил — полковник Панкратов, то я ему отрапортовал: «Господин полковник, разрешите вам представиться, ваш бывший питомец сотник Мензелинцев». Он сильно был изумлен, выражаясь литературно, воскликнул: «Мензелинцев — неисправим». — «Так точно, все тот же». После этого он обнял меня, расцеловал и повел в свой кабинет. — «Садись, рассказывай, в чем дело». Я ему рассказал причину своего прихода — похороны полковника Леонтьева. Узнав, что последний окончил Михайловское артиллерийское училище, он переговорил по телефону с адъютантом училища и, заручившись его согласием на похороны, направил меня к нему.

«Ты меня извини, я очень и очень сейчас занят, вот мой адрес, ты приезжай к 7 час. ко мне обедать и тогда поговорим». Я поблагодарил его, раскланялся и ушел.

Н. Мензелинцев

П. С. Подполковник Леонтьев был убит при партизанском набеге на д. и фольв.Невель; он командовал партизанским отрядом Оренбургской казачьей дивизии. Последствием набега, каковой был произведен по его инициативе и им детально разработан, было взятие в плен начальника 84-ой пех. дивизии генерала Фабариуса. В этом набеге участвовало семь партизанских отрядов, — за него подпол. Леонтьев был посмертно награжден Орденом Св. Георгия 3-й ст., о чем, конечно, не узнал, как и о своем производстве в подполковники, так как был произведен за два-три дня до набега и не был извещен.

В новой станице

Июль 1919 года. Новая станица далеко от фронта военной борьбы с красными, но призванные согласно постановления 5-го Войскового Круга в ряды Белой Армии Сибири, все от 19 до 45 лет, способные носить оружие, значительно разредили мужское население станицы. Подростки, старики и женщины работают в поле, убирая урожай. Но станица не пустует: в ней стоит по квартирам на формировании 2-ая батарея I-го Сибирского Конно-артиллерийского дивизиона. По соседству, в Черемушке, формируется 1-ая батарея этого же дивизиона.

Жизнь в станице начинается, как обычно, рано. Нет надобности батарейным трубачам играть «подъем»: сигналом служит рев хозяйской коровы, которая требует себе пойла и ждет подойки. Г.г. Офицеры встают вместе со всеми; повар батарейного собрания, военно-пленный австриец, угощает лепешками, яичницей и подает на стол «гастрономию», привезенную из Омска.

За утренним чаем, Командир батареи Есаул В. И. Федотов отдает распоряжения и делает свои указания «господам» на предстоящий день, а потом, обычно, уходит в батарейную канцелярию.

«Сегодня я с Николаем Михайловичем (Старший офицер) едем в Омск получить артиллерийскую аммуницию и седла. Я попрошу Вас, Евгений Михайлович», говорит он, обращаясь ко мне, «сделать манеж с барьерами и начать сменную езду с номерами и ездовыми». Завтрак окончен. Командир и Старший офицер уезжают в Омск. Хорунжий А. А. Васильев идет заниматься с разведчиками и телефонистами а я, отдав приказание вахмистру батареи понаблюдать за чисткой орудий ухожу с небольшой командой казаков готовить манеж.

В батарее есть весь необходимый шанцевый инструмент, есть и специалисты-плотники. К обеду манеж готов: канавы, хворостяной забор и даже некоторое подобие «мертвого барьера» (гроба) устроены на ровной площадке на окраине станицы.

Создавая это «ристалище», я перечитал весь Строевой устав и напряг свою память, стараясь вспомнить необходимые размеры и дистанции. Помогавший мне в работе взводный урядник моего взвода (Васильев) на все задаваемые ему вопросы почтительно отвечал: «как прикажете», «слушаюсь» и... ни одного совета.

Обедаем вчетвером: Заведующий хозяйством Хорунжий Хахлов, Делопроизводитель-Военный чиновник (забыл его фамилию), Шурка Васильев и я. Я все еще «переживаю» созданный мною манеж, Хахлов и Васильев подсмеиваются надо мной, «делопут», как обычно, молчит. Он старше всех нас по возрасту и не любит «строевой части». После обеда короткая «сиеста», и около 2-х часов я выхожу на занятия с номерами — «действия при орудиях». Дневная жара спадает, и около 3-х часов я отдаю приказание седлать и выводить номеров и ездовых на манеж. С замирающим сердцем иду к своему «созданию». Начинаю занятия. «Заезды» чередуются с «переменами направления», «вольтами», слежу за посадкой, дистанциями... точь-в-точь, как нас учили этому в Военном Училище. Часто даю «оправиться, огладить лошадей»: боюсь утомить их. Около 5 часов, когда я уже собирался закончить занятия, в облаке пыли увидел приближавшийся по дороге из Омска возок с Командиром батареи. Поспешно «подтягиваю» свою смену и напоминаю, как нужно ответить на приветствие командира.

Экипаж останавливается. Командир и Старший офицер идут к манежу. «Смена, стой», «смирно». Иду с рапортом к Командиру: «производится манежная езда с ездовыми и номерами».

Поздоровавшись с казаками, командир обращается ко мне: «продолжайте занятия». В несколько ускоренном темпе, но по «той же проггамме» продолжаю занятия; боюсь, что и кони и люди уже утомились.

«Евгений Михайлович», слышу я голос Командира, «разрешите мне немножко покомандовать, а Вы отдохните». «Слушаюсь».

«Смена, слушай мою команду», раздается голос Командира. «Наметом» — смена переходит в галоп. Несколько беглых указаний о посадке и дистанциях, о поводе, каблуке и т. д. «На барьеры» — смена идет на барьеры и берет их. «Прыжок налево, — барьер, прыжок направо — барьер», продолжает подавать команды Командир. Мне кажется, что и кони и люди уже не в состоянии выполнить этого требования, но команда выполняется и почти все проделывают то, что требует Командир. Кони уже в поту, видна усталость и на лицах людей, а смена все скачет. «Рысью», «шагом», подает команды Командир. «Смена, стой». «Спасибо, ребята, за ученье». Недружный, но радостный ответ казаков, сидевших на тяжелодышавших лошадях, показывал, что они, действительно, были «рады... стараться». «Благодарю Вас, Евгений Михайлович, можете кончать занятия». Командир и Старший офицер уезжают, а я веду казаков в станицу.

Так не сказав и даже не дав мне намека на

то, что я не умею учить езде, Командир научил меня тому, чего не дало мне Военное Училище. Моя оценка сил лошади и всадника были совершенно неправильны, так как основаны они были на теории, а не на практике действительной жизни.

За ужином Командир был в хорошем настроении, рассказывал, как ему удалось уговорить упрямого Заведующего Артиллерийским складом и что мы, в конце концов, получим английские «шорки» для наших упряжек, вместо тяжелых артиллерийских хомутов. Получил он несколько биноклей для разведчиков, а самое главное — батарея будет иметь свой собственный пулеметный взвод прикрытия, состоящий из двух пулеметов Кольта на специальных пулеметных двухколках.

В конце ужина разговор переходит на завтрашний день. Оказывается, из Омска прибывает пополнение конского состава для батарейных упряжек, и Командир сам, со Старшим офицером, предполагает заняться их приемкой.

Я и Шурка Васильев будем иметь возможность выбрать себе лошадей под седло из числа вновь приведенных. Командир сам видел эту партию и говорит, что лошади прекрасные, рослые и сильные, набраны в Томской губернии. Завтра же приходит и аммуниция для упряжек и повозки для обоза. Чувствуется, что Командир будет очень занят сам, но не слышим указаний для себя. Конечно, нормальных занятий быть не может: будет «беовой приемочный день» и закончится он «выводкой» лошадей вечером, когда Командир разобьет их по взводам, а мы уж сами составим упряжки.

«Евгений Михайлович, я попрошу Вас завтра утром съездить в Омск и... купить для офицеров батареи экипаж, мне удалось получить на это приличний аванс» — обращается ко мне Командир, улыбаясь. Мое «слушаюь», повидимому, звучало настолько неуверенно, что он поспешил добавить, продолжая улыбаться, что со мной поедет повар нашего офицерского собрания, «который понимает в этом деле толк». «Постарайтесь купить что-нибудь хорошее, на ресорах и резиновых шинах».

На извозчиках я ездил много раз, видел и прекрасные экипажи, но цен на эти экипажи и где их можно было купить, я, конечно, не знал и поэтому совершенно не представлял себе, как я выполню это поручение Командира. С таким тревожным чувством я и лег спать.

За утренним завтраком Командир попутно напомнил мне, чот не мешало бы пополнить запасы офицерского собрания, купив кое-что в колбасных и гастрономических магазинах. Положение осложнялось, и я был близок к панике.

К обозной двуколке привязали артиллерийского коня и обозный казак повез нас с поваром в Омск.

«Слушай, «Х», где мы с тобой найдем экипаж?». «Не беспокойтесь, г-н Хорунжий, найдем». «Вы знаете, беженцы с Урала сейчас едут в Омск на своих лошадях, у многих хорошие экипажи; в Омске они пересаживаются в поезда, если едут дальше, а своих лошадей и экипажи продают содержателям постоялых дворов, на которых они временно остановились. Вот мы с Вами и поедем на Плотниковскую улицу, там очень много постоялых дворов, что-нибудь найдем». Вышло «как по-писанному»: объехав несколько постоялых дворов, мы нашли прекрасный легкий экипаж, на котором какая-то дворянская семья приехала в Омск из Екатеринбурга. Сделка состоялась быстро, и через час после покупки я с поваром уже разъезжал по Омску на рессорном экипаже, на резиновом ходу, делая необходимые закупки для своего офицерского собрания.

Командир одобрил нашу покупку, поблагодарил меня (а не повара) и решил сразу же попробовать экипаж. Запрягли намеченную им лошадь из вновь приведенных и... получился скандал: лошадь, повидимому никогда не ходившая в упряжке, вставала на дыбы, била задом и, в конце концов, легла на бок, сломав оглоблю. Пробу отложили до утра. За ужином, Завхоз, Хахлов, нашел, что купленный мною (поваром) сыр был недостаточно выдержан, с этим согласился и Командир. Так, успех моей поездки чередовался с неуспехом.

В течение нескольких дней шла разбивка лошадей на упряжки. Это очень сложное и серьезное дело: нужно было отобрать подходящих лошадей для орудий и зарядных ящиков и составить из них пары не только по масти и силе, но и по характеру. Съездка лошадей, сначала просто в аммуниции, потом с передками, а потом и с полным грузом, занимала целые дни. Время летело незаметно.

Как-то вечером, после «вечерней зари», вахмистр доложил Командиру, что на одной из квартир произошла драка между казаком нашей батареи и хозяином дома и у хозяина, повидимому, сломано ребро, казак арестован.

«Евгений Михайлович, я попрошу Вас завтра произвести донесение и представить мне результат как можно скорее» — приказал мне Командир. Утром, вооружившись бумагой и карандашом, отправился я к арестованному казаку. Записываю его показания: обычная «романтическая история» при участии хозяйки дома. По рассказу казака, он совершенно не виноват, и хозяин дома — муж хозяйки — напрасно его приревновал. Иду на дом к пострадавшему. Встречает хозяйка с синяком под глазом (подставил муж), хозяин лежит в кровати, пахнет какой-то медициной. В доме си-

дит Станичный Атаман. Начинаю расспрашивать о происшествии. Рисуется совершенно другая картина: казак батареи нарушил закон гостеприемства и в течение продолжительного времени «наставлял рога хозяину», в конце концов попался, произошла драка.

Хозяйка дома отказалась наотрез давать показания, заявив, что оба — и муж ее и наш казак — дураки и понапрасну облили ее грязью, а муж еще и синяк поставил, — «изверг проклятый». Станичный Атаман грозил, что станичное Правление пошлет рапорт Войсковому Атаману с просьбой снять 2-ую батарею с постоя, так как казаки-де не умеют себя вести. С кипой исписанной бумаги, с растерянным видом, уже после полудня явился я в канцелярию батареи составлять свой препроводительный рапорт. Дойдя до заключительного параграфа, где я должен был высказать свое мнение, я остановлся и... ни с места.

Вошедший в это время в канцелярию батареи Командир выручил меня сам: «не беспокойтесь, я ознакомлюсь с записанными Вами показаниями и этого будет достаточно, благодарю Вас». «Следователь» облегченно вздохнул и поспешно удалился к артиллерийскому парку, где шло более знакомое ему ученье.

Е. М. Красноусов

Письмо другу

Дорогой Коля,

Ты просишь описать тебе «случай с зеркалов в Полоцке» — изволь. Но только я должен начать с описания той обстановки, в которой все это произошло, которая тебе, как артиллеристу, может быть и незнакома. Итак: ноябрь 1917 г. Тоска. На душе темно. Мы стоим на охране железных дорог. В Полоцке штаб полка и 1-ый эскадрон. В 7-ми верстах, в дер. Струни, около лагеря Полоцкого кадетского корпуса, моя пулеметная команда охраняет тюрьму, набитую доотказа, почти вдвое сверх комплекта. Кроме того, несем караулы на железнодорожных станциях. Полоцк находится в районе Второй армии, которой уже командует подпоручик, а настоящий командир то ли арестован, то ли работает на кухне. Мы принадлежим к составу 5-ой армии. В Полоцке гарнизон; несколько тысяч пехоты, дивизия в резерве и какие-то запасные части. Все без погон, расхлястанное, разболтанное, потерявшее не только образ и подобие Божие, но и человеческое. Мы еще кое-как держимся, служим, носим погоны и еще довольно подтянуты. Для занятий нет времени. Лошадей чистить некому — таковы наряды. Все же собираю по 8-10 человек, разговариваю с ними, а иногда и читаю им из русской истории. Сни это любят, но и среди них начинаются колебания. Приходят по вечерам по одному и группами: — «Господин поручик, да чтсже это? Что делается? Не можем же мы одни супротив всей Расеи? Нам в город нельзя показаться... Разорвут. Грозятся. Хотят погоны срывать... Ведь как звери!» Мы, офицеры, иногда собираемся, чуть ли не тайком, делимся впечатлениями, мыслями и... пьем. Пьем, как никогда не пили. Чувствуем себя приговоренными. Ты вообрази: Полоцк большая узловая станция. Два вокзала круглые сутки кишат солдатней. Все с оружием: винтовки, револьверы, гранаты... и наш караул восемь человек с офицером — капля в море! Проходят эшелоны на фронт, с красными флагами и лозунгами, но почти пустые... Но вот подходит поезд из Двинска — в тыл. Забит до отказа: люди в коридорах, в уборных, на площадках, на крышах и тоже все с оружием. Два улана, по одному с каждой стороны поезда. Их задача продвигаться снаружи параллельно моему продвижению и стаскивать людей с крыш... я с унтер офицером вхожу в вагон, как в клетку с тиграми... какое, в сто раз хуже! Второй унтер-офицер или ефрейтор остается у двери. — «Ваши документы!» Проверяю. Не имеющих задерживаю и высаживаю из вагона. На перроне их принимает другой унтер-офицер и жандармы. В вагоне начинается рычание, которое скоро переходит в рев весьма не двусмысленных угроз. Начинаются отказы исполнить приказание предъявить документы или выйти из вагона. Хватаю за плечи и толкаю к своему унтер-офицеру, а тот выбрасывает из вагона. Для этого у них уже выработалась особая сноровка. то уже настоящая работа укротителя, построенная на психике. Сила несоизмеримая на их стороне. Вопрос чей дух и вера в себя крепче. На этом все! В кобуре у меня наган, но на него мало надежды.

В кармане за бортом шинели — браунинг. 24 часа такой службы каждый третий-четвертый день. Ежедневно сдаем в комендатуру от 100 до 300 задержанных дезертиров. Комендатура не в состоянии ничего сделать. Опрашивают, выдают новые документы и направляют в свою часть, а те опять едут в обратном направлении. При сдаче записываем их в ведомость. Часто попадаются старые знакомые, которые нагло смотрят в глаза и улыбаются. Эти хоть не скандалят. Любопытства ради проверил и нашел, что одного такого типа мы снимали с поезда три раза... Ну, как тут не пить.

Вот и собрались мы однажды вечерком. Адъютант достал бутылку водки, что в то время было довольно трудно. Нужен был рецепт врача и подтверждение коменданта города. Это для нас. Солдат же разные благодетели поили самогоном, да и настоящей водкой как хотели. Выпили мы адъютантскую водку и еще захотелось. Доктор с нами был, так что за рецептом дело не стало. Я был самым младшим: ясное дело — «Дим, гони!». Рецепт в кармане: «Поручику славного 15 уланского Татарского полка для лечебных надобностей...» — и помчался. На часы никто из нас не посмотрел — счастливые часов не наблюдают. Являюсь в комендантское. Никого кроме дежурного писаря. Говорит: комендант дома — рядом. Я туда. В передней ординарец — по виду бывший полевой жандарм. Все же соображаю — ночь. Спрашиваю: «спит?» — «никак нет, в карты они гуляют, гости у них». — Доложи: поручик 15-го уланского имярек — по личному делу». Выходит ко мне генерал. Все, что я успел рассмотреть: обратный (отставной) зигзаг с тремя звездочками, седая борода и добрые, внимательные глаза. — «В чем дело, поручик, чем могу служить?». Доложил и подаю рецепт. Прочитал и спрашивает: — «Что же это с вами так поздно приключилось?» — «Не могу знать, Ваше Превосходительство, какие-то рези в желудке». — «А, знаю, говорит, это как по-вашему, колики, что-ли называется?». — «Так точно, колики, Ваше Превосходительство». Подписал, улыбнулся, «ну-ну, поправляйтесь, говорит... только не слишком, а то...» Тут он эдак мягонько взял меня за ухо, повернул налево кругом, показал пальцем и спрашивает: — «видели?» — Так точно, говорю, Ваше Превосходительство, видал! Хотя откровенно тебе признаюсь, что ничего кроме широкой золотой рамы и какого-то мутного пятна, из которого на меня смотрели добрые старческие глаза, я не видал.

Выскочил на улицу, посмотрел на часы — батюшки! Половина четвертого. И понесся. Всего туда и обратно, включая и аптеку за три четверти часа смотался. Одну бутылку мы еще успели выпить... За комендантское здоровье.

А сейчас вот что пришло мне в голову: ты как-то назвал меня оптимистом. Не знаю! Суди сам, оптимист ли я, пессимист ли, или просто неблагодарная свинья, не умеющая ценить то, что имеет. А только, вспоминая то страшное время, вспоминаю едва ли не с умилением... закрываю глаза и как на яву вижу всех: и адъютанта Рокицкого с его рыжими усами, и длинного командира эскадрона — Вергилеса, с которым потом делил весь отход от Орла до Ростова и который скончался здесь в САСШ незадолго до моего приезда, и добрягу полкового врача, который угощал нас разбавленным спиртом, а в тот памятный вечер шибко торговался из-за двух бутылок и сдался только на наш довод, что, мол, завтра опять придется писать, так уже лучше пореже мозолить глаза начальству, и бороду и добрые глаза коменданта, того русского генерала, который не забыл, что в свое время и он был молодым корнетом, и широкую раму зеркала и все, все! Да, брат! все тогда было наастоящее. Ужасное, но настоящее! Настоящими были и мы сами, а потом наступил гнусный сон, в котором мы не живем, а как-то существуем в виде каких-то химер или перевертней... Мы не офицеры больше, но мы и не рабочие, не чиновники, не чертежники, не инженеры, хотя не хуже, а лучше других справляемся со своей работой. Боюсь, что мы уже давно не русские, но мы и не немцы, не французы, не югославы и не американцы, хотя уже сорок лет живем по заграницам. И хотя, благодаря Господу Богу, все у нас есть: и теплая конюшня, и мягкая подстилка, и дачу мы получаем усиленную, и шерсть на нас лоснится от хорошей уборки и даже погоняют нас не слишком, но душа... Душа-то глядит на меня только из твоих писем, да с фотографий над моим письменным столом!...

Ну, довольно! Пиши! Пиши чаще, пиши всякий вздор, что придет в голову, я всему буд рад. Будь здоров. Да хранит тебя Господь!

Твой Д. К.

Кадетские журналы и сборники

Больше двухсот лет тому назад (1759) в Шляхетском кадетском корпусе начал выходить периодический печатный орган под заглавием **«Праздное время, в пользу употребленное»**.

Это был первый кадетский журнал.

Мысль об издании журнала была внушена кадетам начальством.

Самым обширным отделом в журнале были нравоучительные или нравоучительно-сатирические переводные статьи на темы: «О надежде», «О чести» и т. д. Многие из статей представляли переводы из знаменитого английского журнала «Спектор». Были статьи по прикладным занятиям: «О фарфоре», «О водяных мехах», по истории: «История о Дон-Карлосе», по педагогике: «Размышления жернщины о воспитании детей». Из оригинальных произведений следует отметить отдел «стихотворений».

В журнале принимал участие А. П. Сумароков, кадет этого корпуса.

В 1835 году у начальника штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева возникла мысль об издании особого журнала для чтения воспитанникам этих заведений. При содействии выдающихся деятелей того времени, П. А. Плетнева, А. П. Максимова, М. Н. Талызина, И. П. Шульгина и других, Ростовцев детально разработал план издания, представил его Императору Николаю I-му и последний «одобрил план издания журнала».

Программа журнала была следующая: изящная словесность, история, науки (в том числе и военные) и художество, смесь.

Журнал должен был выходить раз в две недели, книжками от 5 до 7 печатных листов. На издержки журнала отпускались суммы из общего военно-учебных заведений экономического капитала с тем «чтобы оный был пополняем с процентами от распродажи сего журнала заведениями».

Каждый № журнала рассылался в заведения в таком числе экземпляров,: «чтобы на каждых пятерых кадет выдавалось им на руки по одному экземпляру». Другая половина шла в запас для составления, впоследствии, в каждом корпусе библиотеки.

Общая цензура была возложена на цензора профессора Никитенко. Журнал печатался в количестве 2 тысяч экземпляров. Во главе журнала стоял Ростовцев.

Кроме вышепоименованных лиц, близкое участие в журнале принимали: Данилевский, Висковатов, Боткин и другие.

С первых же дней своего существования журнал стал пользоваться популярностью. «Могу уверить Вас без лести», писал Ростовцеву 30 сентября 1836 года Сеньковский, «что этот скромный журнал для юношества лучше десяти других литературных журналов, издаваемых для публики; статьи в нем выбраны со вкусом, с уменьем и представляют все вместе полезное и разнообразное чтение».

Просуществовал этот «журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» 30 лет. В 1863 году вместо него стал выходить «Педагогический сборник». Содержание и направление иное. («Милютинские реформы»)

В 1903 году на первом съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях вопрос об издании современного кадетского журнала подробно обсуждался и тогда же было решено, что «издание ученических журналов, при внимательном к ним отношении, может принести пользу, но обсуждение этого вопроса должно подлежать местным педагогическим комитетам».

С этого, собственно, времени и появляются нижеследующие кадетские журналы:

«Кадетский Досуг», журнал Первого Кадетского корпуса, с 25 ноября 1905 года. Выходил до 1915 года.

«Кадетский Досуг», журнал Симбирского кадетского корпуса, с 1904-1905 гг., а с 1906-07 учебного года под названием «Первый труд».

«Литературно-Научный Сборник», издание кадет Владимирского - Киевского кадетского корпуса с 1905 года. Прекратился в 1908 году, а в 1912 году вышел снова под названием «Кадетский журнал».

«Пажеский Сборник», журнал Пажеского Е. И. В. корпуса, с января 1905 г.

«Кадетское Слово», журнал Николаевского кадетского корпуса, с января 1906 года; выходил под названием «Маленький Журнал», прекратился в 1908 году.

«Донец», журнал донского кадетского корпуса, с октября 1906 г.

«Кадет», журнал Сумского кадетского кор-

пуса, с 15 октября 1906 г.

«Полочанин», журнал 1-ой роты Полоцкого кадетского корпуса с 15 ноября 1906 года. Прекратился с 1907 года.

«Кадетский Сборник», журнал Императора Александра II кадетского корпуса, с декабря 1906 года.

«Кадетская Жизнь», журнал 2-го Московского кадетского корпуса , с декабря 1906 года.

«Волец», журнал Вольской военной школы, с января 1907 года, прекратился в том же году.

«Кадетская Мысль», журнал Нижегородского кадетского корпуса, с марта 1907 года, прекратился в том же году.

«Кадет-Михайлсвею», журнал 2-го кадетского корпуса, с декабря 1907 года, с 1912 года — «Кадет-Петровец».

«Кадет-Михайловец», журнал Воронежского кадетского корпуса, с 1908-09 учебного года.

«Кадет», журнал 3-го Московского кадетского корпуса, с 1908-1909 гг.

«Досуг Владикавказца», журнал Владикавказского кадетского корпуса, с 1910 года.

По содержанию своему журналы почти однотипны: передовые статьи, рассказы, повести, стихи, воспоминания, критика, публицистика, статьи о разных событиях в корпусе, библиография, спорт, задачи, смесь.

Затрагивались любопытные темы: о внеклассном чтении, о товариществе, необходимости военного самообразования, о воинской дисциплине и т. д.

Статей о русской литературе почти нет (исключение составляет «Литературно-Научный Сборник» издание Владимирско-Киевского кадетского корпуса, где много ценных статей по русской и иностранной литературе).

В журналах «Пажеский Сборник», «Кадетский Сборник» и «Досуг Владикавказца» принимал участие и педагогический персонал. Статьи последних носили научный характер.

Сообщил **А. Т-ов**

(Донского Императора Александра III к.к.)

ПАМЯТНИК ПОД МЕЛКОМ

Когда выезжаешь из г. Мелк (Австрия) на Амштетен, после двух крутых поворотов, перед глазами открывается обширное поле. Сразу после второго поворота, по правую руку, стоит большое распятие, перед которым находится маленькая квадратная рощица. Можно проехать мимо, ничего не заметив, так густо разрослись деревья.

Остановив, совершенно случайно, машину против рощицы, сквозь деревья я увидел большой крест серого мрамора и вокруг него ограду. Только подойдя ближе и ознакомившись с надписями, я понял, что это памятник на братской могиле трехсот русских солдат Кутузова, убитых в 1805 году под Мелком.

Могилу покрывает большая бетонная плита, а на ней, на мраморном пьедестале, стоит такой же крест, метра в три вышины. Вокруг могилы висят чугунные цепи, и все место огорожено чугунной решеткой. Вход к могиле закрыт воротами — два каменных столба, перекладина и чугунная же тонкой работы ажурная дверь.

Вверху и внизу на кресте высечены золотые русские православные кресты, а между ними золотыми буквами изображена следующая надпись:

«Вечная память 300 русским воинам, погибшим на чужбине в 1805 году в Мелке и здесь погребенным», а под ней, славянскими буквами: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя».

На пьедестале отмечено: «Поставлен по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению в 1891 г.». На обратной стороне креста, те же надписи изображены по-немецки.

Представляет несомненный интерес что во время оккупации области советскими войсками в 1945 г. были сделаны следующие добавления:

внизу против пьедестала укреплена белая мраморная плита, на которой высечено: «От бойцов, офицеров и генералов Сталинской Гвардии тремстам русским героям, павшим вдали от родной земли в 1805 году. 14 июля 1945 г.». На перекладине ворот, бронзовыми буквами добавлено: «Слава великому русскому войску». На левом столбе, наверху, барельефный портрет Суворова с надписью: «Генералиссимус России А. В. Суворов», а на правом — барельеф Ста-

лина и надпись: «Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин».

Под барельефом Суворова прикреплена доска черного мрамора, на которой высечено золотыми буквами:

«Мы не забыли, как во имя жизни
Вы шли в бой за счастье поколений.
Как победители, от имени Отчизны,
Стоим пред вами, преклонив колени».

А под Сталинским барельефом, на такой же доске:

«Мы шли сквозь ночь, сраженья и походы,
Сквозь смерч боев, свинца, огня и стали,
И с первых дней, до светлых дней свободы,
Нас вел к победе полководец Сталин».

Памятник содержится в безукоризненном порядке.

С. Андоленко

История одной ложки

В старости, в свободные минуты, всплывают в памяти разные, даже незначительные, эпизоды прожитой жизни, о которых вспоминаешь с теплым чувством и которыми хочется поделиться с соратниками.

Это случилось там, где местные жители говорили: «У нас петухи на три губернии поют», на стыке Харьковской, Полтавской и Херсонской (если не ошибаюсь) губерний.

Как-то вечером командир сводно-гусарского полка (4 эскадрона Изюмцев, 2 Черниговских и 1 л. гв. Гродненского гусарского полка) получил приказание срочно выслать 2 эскадрона для захвата большого красного обоза, шедшего с сильным прикрытием. Назначенные 2-ой и 4-ый эскадроны Изюмских гусар, промаячив всю ночь в указанном районе, выставляя заставы на перекрестках и не обнаружив и следа пресловутого обоза, с восходом солнца двинулись на присоединение к полку.

Проходя мимо богатого хутора, решили сделать привал и закусить. Хозяин, кряжистый старик, был у себя царь и бог. Во все стороны полетели дочки, невестки, внучки, и в один миг был накрыт стол — для офицеров в доме, гусары же расположились во дворе.

Чего только не было подано. И яичница-глазунья и какое-то тающее во рту сало, и сыр, и творог, и сметана, и мед. Голодные, как волки, мы принялись за еду.

Я обратил внимание на поданную мне ложку. Вылитая из олова с символом веры, надежды и любви на ручке, она мне понравилась и я попросил хозяина мне ее продать. «Никак нет, господин офицер, это мне память, сын на германской войне ее в окопах отлил». Ну, память — так память.

Плотно закусив и поблагодарив радушного хозяина (от какого-либо вознаграждения он наотрез отказался) мы двинулись в дальнейший путь. Я стал перед эскадроном, ожидая пока вытянется в ворота 2-ой. Вдруг ко мне подходит старик и говорит. «Да, господин офицер отдайте-ж мою ложку». Я сразу не сообразил. «Какую ложку?» «!Да ту, что вы хотели купить». Я рассердился. «Слушай, хозяин, ты уже с седой головой, а мелешь ерунду. Что ты думаешь, что командир гусарского эскадрона будет ложку красть?». «Да оно так, а ложки нэма». «Нема, нема, закатилась куда-нибудь твоя ложка, найдется, не золотая» — и я повел свой эскадрон за вытянувшимся вторым.

Прошло несколько дней. Полк ночевал в какой то деревушке. Денщики 4-го эскадрона варили суп и накрывали на стол. Я обратил внимание на своего, Максима Голощапова, простоватого, но расторопного очень преданного гусара. У него на лице было выражение самодовольного лукавства.

Сели за стол. И вот тут-то мой Максим кладет у моей тарелки злополучную ложку со словами: «Вот тебе, господин ротмистр, твоя ложка». (Он мне говорил «ты» и я ему не препятствовал). У меня дух захватило. «Как тебе не стыдно ложки воровать, да еще память о сыне». «Да у него таких памятей штук пять, а тебе она дюже понравилась». «А ты слышал, как он меня перед эскадроном просил ложку отдать? Ведь он будет думать, что я ее украл». «А пущай думаеть, это ведь не ты украл, а я».

Что можно было возразить против такой аргументации? Выругав его и упомянув о грехе воровства, я принялся хлебать свои щи.

Много десятков лет прошло с того дня. Потеряна Родина, нет ни моего полка, ни родного угла в Витебской губернии. Гол, как сокол, покинул я родную землю. Ушла молодость. А злополучная ложка от меня не отстала и служит моей жене для набирания соли. И я порой с нежностью смотрю на эту неразлучную подругу и вспоминается мне невозвратное прошлое.

К. Р. П.

Трофейная Комиссия при Военнопоходной Его Императорского Величества канцелярии в период 1912-1915 гг.

Многочисленные трофеи разных войн хранились, обычно, в соборах Российской Империи и, конечно, несмотря на тщательный уход, от пыли, испарений от горящих свечей и кадила постепенно теряли свой первоначальный вид и приходили в ветхость. Многочисленные знамена, значки, флаги и бунчуки, после почти столетнего пребывания в храме, становились ветхими и мало похожими на свой первоначальный вид регалиями.

В Петропавлоском, Казанском и Преображенском соборах хранились знамена, отбитые русскими войсками у неприятеля а также и в провинции: в Полтаве, Киеве и, конечно, Москве. Количество их исчислялось тысячами и все эти исторические регалии приходил постепенно в ветхость. В скором времени, для истории, не осталось бы от них никаких следов.

По инициативе Военно-Походной Канцелярии Его Императорского Величества была сформирована Трофейная комиссия, которой было дано задание собрать реликвии из всех хранилищ и доставить их в Петербург, где в этой Комиссии должна была быть произведена полная их регистрация, возможно полная реставрация и составлены на каждый — формуляры: описание трофея, его история, происхождение и обстоятельство и время отбития его от врага.

Работа это была тяжелая и кропотливая, принимая во внимание, что, от ветхости, материал знамен истлел и краски совершенно выцвели, так что трудно было разобрать надписи на них. Но, все эти затруднения преодолела Трофейная Комиссия. Технически, это делалось так: скажем, из Казанского собора привозили, с особой предосторожностью, несколько десятков знамен, взятых во время Отечественной войны и также осторожно, полотнища знамен раскладывались на особый помост и булавками расправлялись, так чтобы, по возможности, разгладить все складки. Над помостом, была построена специальная площадка, с которой фотограф снимал знамя под разными углами. Затем, также осторожно, полотнище снималось с помоста и, осторожно свернутое отправлялось в свое хранилище, обычно, большинство отправлялось в Петропавловский собор.

Когда сделанный снимок был проявлен в лаборатории Канцелярии, специалисты, по ранее зарисованным эскизам, делали художественный рисунок в красках. Для этого дела, в Канцелярии был особый отдел художников-баталистов, которым Канцелярия щедро платила за их рисунки. Затем, Отдел Кондукторов составлял формуляры и регистрировал трофей.

Благодаря таким, своевременно принятым мерам, большинство трофеев было спасено от уничтожения беспощадным временем. По завершении всей работы и составления формуляра и двух рисунков, один экземпляр и того и другого отсылался в полк взявший трофей.

Трофейная Комиссия состояла из немногих сотрудников: председатель — Конвоя Его Величества полковник Петин, его помощник — кап. 2 ранга П. И. Белавенец, офицер для поручений — конной Артиллерии капитан С. А. Тулузаков. Члены Комиссии: инж. путей сообщ. К. М. Гейштор — Кондуктор Инженерных Курсов, фотографы Михайлов и Николаев, регистратор Мамин и художники Янсен, Хансен и Петерсон.

Комиссия состояла в ведении и получала задания от Военно-Походной Канцелярии, начальником которой состоял тогда Свиты Е. В. генерал-майор князь Орлов.

К началу войны, почти все трофеи были приведены в порядок, но тут стали поступать новые и комиссия продолжала энергично работать по регистрации новых поступавших почти беспрерывно трофеев. Много офицеров Канцелярии ушло на фронт, сам князь Орлов часто уезжал с Государем в Ставку и, в таких случаях, его заменял Кавалергардского полка полковник Нарышкин.

По мобилизации, призванные кондукторы Инженерного Курса при Инженерном Замке были назначены на разные должности, соответственно своим специальностям и Военно-Походная Канцелярия потребовала откомандирования себе тех Кондукторов, которые при отбывании воинской повинности, работали в Канцелярии. Попав таким образом, снова на работу по регистрации трофеев, я занимался, по приказанию полковника Нарышкина и приемом всех заявлений, поступивших со стороны.

Предложения поступали самые разнообразные: изобретения, советы, чертежи и прочее и все это, прдварительно, проходило через мои руки а я уже после тщательного их рассмотрения, докладывал начальнику Канцелярии. Работа была кропотливая и ответственная, принимая во внимание что ежедневно поступало 30-40 таких заявлений. Одновремнно же стали поступать и трофеи с фронта, ознакомившись с которыми, я направлял их в Трофейную Ко-

миссию капитану Тулузакову.

Однажды, произошел следующий случай: дежурный вахмистр, войдя в мой кабинет, доложил, что какая-то сестра милосердия желает говорить с Начальников Канцелярии. Я велел ей передать, чтобы она подала прошение дежурному чиновнику. Вахмистр ушел и тот же час возвратился и доложил, что сестра милосердия имеет особо важное заявление и просит ее принять.

Приказав ввести ее, я увидел перед собой молодую, лет 20-22 блондинку, слегка полную, в солдатской шинели и с косынкой на голове, а в правой руке — костыль. Слегка прихрамывая, она подошла к столу и, по моему приглашению, села. Я спросил ее фамилию и часть, а также откуда она приехала в Петербург?

С легким иностранные акцентом, она ответила, что она есстра милосердия из Передового Госпиталя Генриета Сорокина и что она была ранена в боях армии генерала Реннекампфа. На мой вопрос — что ей угодно, она ответила, что может сказать это только Начальнику Канцелярии. Протелефонировав ротмистру Кноррингу, я просил его придти в приемную. Кнорринг тотчас же пришел и я представил ему сестру и сказал о ее просьбе. «В чем дело? О чем вы хотите говорить с Начальником Канцелярии? Он сейчас в отъезде».

Подумав с минуту, сетра сказала: «Отвернитесь на минутку», и когда она нас позвала, мы увидели на нашем большом круглом столе развернутое замечательно красивое знамя. На нем значились юбилейные даты и даты основания 6 пехот. Либавского полка. Это было его юбилейное знамя, голубое с белым и золотыми кистями.

В первую минуту, мы оба опешили и затем Кнорринг спросил: «Скажите нам, как вам досталось это знамя и прошу вас говорить только правду — вы должны знать, что потеря знамени частью — это смерть ее...»

Сестра стала рассказывать, что во время боя при Сольдау, при работе на перевязочном пункте, она была легко ранена в ногу. Знаменщик Либавского полка, тяжело раненый в живот, сорвал с древка знамя, свернул его и тихо сказал: «Сестра спаси знамя...» и с этими словами, умер на ее руках. Этот простой рассказ, сделанный тихим ровным голосом, с легким иностранным акцентом, произвел на нас сильное впечатление и Кнорринг сказал: «Ваш подвиг, сестра, согласно статуту, награждается Орденом Св. Георгия, но эта награда вам может быть пожалована только непосредственно Государем Императором». «Этого-то мне-бы и хотелось», ответила сестра.

На вопрос Кнорринга как она сохранила знамя в целости, она сказала, что была подобрана немецкими санитарами и положена в госпиталь, где ей вынули пулю из ступни. Там она и пролежала пока, на основании Женевской конвенции, ее не признали подлежащей эвакуации в Россию. На вопрос Кнорринга «а немцы вас осматривали и где-же тогда было знамя?», сестра ответила, что она знамя забинтовала вокруг бюста, чем и объяснялась ее полнота, на которую мы, вероятно, обратили внимание.

Кнорринг ушел с докладом к Нарышкину и вернувшись, сказал. что сестру просят придти в Канцелярию завтра. Знамя свернули и отнесли в кабинет Нарышкина.

Когда я помогал сестре одевать ее тяжелую солдатскую шинель, я нащупал в кармане большой револьвер. Ничего я ей не сказал и проводил из приемной к выходу.

После ее ухода, полковник Нарышкин позвал Кнорринга и меня и еще раз выслушав наш рассказ, сказал: «Подвиг сестры налицо. Либавский полк понес под Сольдау большие потери и был почти полностью уничтожен. Несомненно, это его юбилейное знамя, но... есть и но... как она сумела сохранить знамя в плену при, известной всем, немецкой бдительности? Раз вы обратили внимание на ее неестественную полноту, как же не сделали этого немецкие доктора, да еще при медицинских осмотрах и операциях? Наконец, во время переезда через границы Норвегии и Швеции, она тоже должна была подвергнуться таможенному осмотру? Ее рассказ о том, что умиравший знаменщик передал ей знамя, правдоподобен, но может быть дело было проще — она нашла брошенное знамя и сорвав его с древка, спрятала. Может быть еще и иная версия — спасший знамя раненый и умиравший офицер или солдат передал ей уже в госпитале знамя, прося доставить его в Россию. Заметьте, что она непременно хочет иметь аудиенцию у Государя». В это время, я вспомнил и сказал о револьвере, который я нащупал в кармане ее шинели. «Тем более. Мы должны быть очень осторожны, сказал Нарышкин, я сейчас же сообщу обо всем князю Орлову и он уже сумеет доложить обо всем Государю. Сообщать жандармским властям или в контр-разведку не следовало, ибо наша Канцелярия была вне контроля других учреждений. Кроме того, если Государь захочет наградить сестру лично, то, предварительно, она, конечно, будет обыскана. Мое мнение, что в общем она говорит правду, но чего-то не договаривает и скрывает. Я прошу инженера посещать сестру в гостиннице, познакомиться с ней поближе, пригласить на ужин в Европейскую гостинницу и постараться узнать — почему она носит тяжелое оружие, совсем сестре милосердия неприсвоенное?» «Конечно, все расходы инженера Канцелярия оплатит», прибавил он улыбаясь, а нужно ска-

зать, что мы его никогда не видели ни смеющимся, ни улыбающимся.

Сестра стояла в гостиннице «Эрмитаж» против Николаевского вокзала и мне легко было ее найти.

На другой день, переодевшись в свою инженерскую форму, я поехал в гостинницу, нашел ее номер и постучался. Открыла сестра, сперва удивленная незнакомому визитеру, но потом сказала: «Я не знала, что вы инженер и служите в военном учреждении». Усадив меня, она стала распрашивать, получено ли распоряжение о дальнейшей судьбе знамени и узнав, что надо ждать ответа из Ставки, сказала: «Я много пережила и несколько дней разницы для меня не составят». Узнав, что она первый раз в столице, я предложил ей показать достопримечательности и город, так как времени у нас много а я свободен от занятий. Мы поехали на острова, потом пообедали в Европейской гистиннице и вернулись в «Эрмитаж», где за поданным официантом чаем и разговорились.

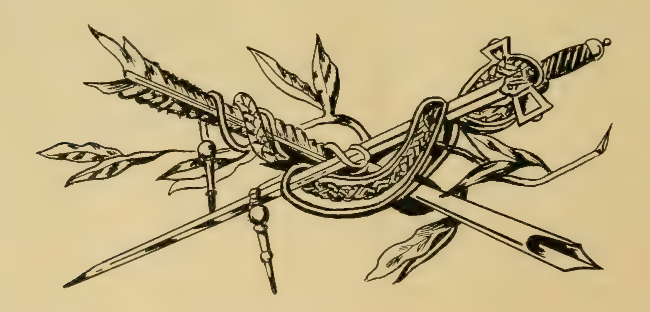
По ее рассказам, она была по матери шведка и до смерти матери все детство говорила по шведски, почему у нее и остался такой акцент. Отец тоже рано умер и она воспитывалась у сестры матери, которая жила в Херсоне. Рано вышла замуж. Муж врач, тоже пропал без вести в первых же боях в Восточной Пруссии. Она провела все эти бои в санитарном отряде при 1-й армии, а потом, потеряла связь со своим Отрядом, блуждала и помогала в разных частях. Все перемешалось и найти свою часть было невозможно. Я спросил ее — почему она носит оружие? Она слегка смутилась и вынув из шинели тяжелый браунинг 12 калибра, подала его мне. Открыв магазин, я увидел семь пуль а восьмая — была в стволе. На обойме было мелко написано «Берлин». Она сказала, что браунинг нашла на поле сражения и спрятала. «Вместе со знаменем?» спросил я. «Да, вместе». «А для чего вам теперь это оружие?» Она ответила, что пока была у немцев, хранила его как оружие против посягателей и, вообще, когда она была на ускоренных курсах сестер милосердия, то доктора ей говорили, что сестры могут подвернуться насилию и, для своего спокойствия, нужно иметь с собой цианистый кали в ампулке. Она вынула ампулку и мне показала. «Полагаю, что вам теперь ничего не грозит и вы можете жить спокойно». «Нет, я снова поеду на фронт. Здесь мне нечего делать, а близких у меня нет», ответила сестра.

На другой день, я доложил полковнику Нарышкину о моем разговоре. Тот подумал и сказал — «независимо от ответа Ставки, к аудиенции ее допускать нельзя». Через несколько дней пришел ответ князя Орлова, что по его докладу, о спасении знамени, Государь наградил сетру Сорокину Георгиевскими Крестами 1-й и 2-й степ. Пришедшая в канцелярию, сестра была торжественно встречена и награждена Орденами. Особой радости я у нее не заметил, и она даже спросила Нарышкина будет-ли принята Государем, на что тот ответил, что ввиду важных событий, Государь отбыл в Действующую Армию.

Когда в 1917 г. я был на фронте, то, случайно, в журнале «Огонек» увидел фотографию сестры Сорокиной, в солдатской шинели с костылем в руках и полным Георгиевским бантом на груди.

Разобраться в этом запутанном случае — дело будущего историка.

К. Гейштор

О ПРЕОБРАЖЕНСКОМ МАРШЕ

Лет десять тому назад, в одной из книжных лавок Стокгольма, купил я хорошо изданную и иллюстрированную книгу Ивана Аминова «Санкт-Петербург». Напечатана книга в Стокгольме, в 1909 г.

Иван Аминов — шведский офицер, принадлежащий к русскому дворянскому роду, как и некоторые другие перешедший на службу в связи с захватом шведами территорий, на которых имения этих родов находились. Конечно, ничего русского, кроме имен Иван и Тимофей, в этих семях не осталось. Они — шведы, со всей присущей шведам ненавистью к России и русским. Книга безусловно пристрастна. Взято все, что было худого в большом городе. Фотографии часто значительно старше даты посещения Петербурга лицом, написавшим книгу. Но не критика книги или отношение автора ее к России интересны, в данном случае, а следующее.

Автор, как офицер, да еще принадлежащий к старинному роду, был принят в собрании Преображенского полка. Вот что он пишет:

«Цар Петр I основал Преображенскую гвардию (шведское выражение для полков Петровской бригады), первое в России (?) регулярное войско и сам вошел как солдат в свою только что организованную роту, которая позже разрослась. Это было в 1683 году. Шефом полка был тогда англичанин Лефорт. Полк получил свое имя по названию города — Преображенск.

В настоящее время (1908 г.) командир полка генерал Драгомиров. Командир 1-го батальона, номинально, Царь сам, а его командиры рот: флигель-адьютант капитан Лейхтенберг (Герцог Лейхтенбергский?), капитаны Зеленый, граф Люткль (Литке?) и Козакевич. Командир батальона — полковник Гольдгоер. Наследник Престола проходит службу и получает чин в 1-м батальоне.

Семеновская гвардия была основана потому, что во время Петра, Преображенская гвардия очень быстро росла, и, вследствии этого, пришлось расквартировать часть людей в деревне Семеновской.

При Кульме (1813), прусский король был спасен этой гвардией, которая за это получила не менее 2700 железных крестов.

Около 60% гвардейских офицеров прошло через Пажеский корпус, наиболее привилегированный их всех офицерских Школ.

Повседневная форма преображенцев состоит из сюртука сине-зеленого цвета с красным воротником, с золотыми эполетами, пятью пуговицами в двух рядах, белыми кантами на обшлагах и широких брюк с сапогами. Фуражки напоминают немецкие.

От Карла XII эта гвардия унаследовала серебряный караульный нагрудный знак ввиде полумесяца и марш полка (??!!)».

Нужно сказать, что шведы вообще отличаются большою любовью к тому, чтобы приписывать происхождение вещей или чем-либо знаменитых людей Швеции. Поэтому, я не склонен был особенно поверить шведскому происхождню Преображенского марша, хотя, нельзя отрицать, что много слов военного, как и военно-морского обихода, целиком перекочевало к нам из шведского военно-морского словаря. Например, совершенно бессмысленно звучащий в артиллерии по-русски «штык-юнкер» был совершенно на месте в шведской артиллерии, обозначая фельдфебеля артиллерии. Само слово «штык» есть ничто иное, как испорченное шведское слово «стюкк» — пушка.

Спустя года четыре, на заводе, где я работал, прислушался я однажды к мотиву, который напевал один старик-рабочий. «Что это такое ты поешь?», спросил я. — «А это старинная народная песенька — плясовая». «Это, говорю, русский полковой марш — Преображенского полка...» «Ну, это я не знаю» был ответ. Старик точно даже не знал, что это за песня. Наконец, однажды, мне удалось заставить его написать слова этой песеньки. Тогда стало легче искать «пропавшие концы».

Теперь, при посредстве преподавателя пения, бывшего корнета шведского Гусарского Кронпринца полка г-на Конде (потомка одного из Конде, переселившегося в Швецию, после революции), мне удалось не только выяснить, что это за песня, но и купить ее ноты, которые я и пересылаю в распоряжение редактора «ВОЕННОЙ БЫЛИ», на предмет изучения историками и знатоками русской военной музыки.

Г. Иванов

ЗА РУБЕЖОМ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

2. ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЗЮМСКИХ ГЕНЕРАЛА ДОРОХОВА ГУСАР

Текут года, все меньше остается на свете Изюмских гусар, все теснее смыкаются наши ряды, но, попрежнему и неизменно, мы верим в Воскресение России, на благо и счастье нашего народа.

На тернистых путях изгнания мы твердо и свято бережем память о родном полке, почти триста лет доблестно и славно прослужившем своему Отечеству. Постепенно и кропотливо собирали здесь Изюмские гусары материалы по истории родного полка, начиная с его основания. Все эти материалы, впоследствии, послужат к составлению истории полка. Хранится в Объединении парадная форма нашего командира полка полковника Мирбаха, убитого 13 апреля 1915 года в Карпатах. Вся наша работа ведется к тому, чтобы в будущем новые русские люди узнали о полке и могли склонить голову перед его седой славой, чтобы узнали они, когда-нибудь, как последние Дороховцы доживали свой век на чужбине, не склоняя головы и помня свой полк и свою Родину.

Объединение наше было оформлено в 1930 году. Тогда в нем состояло 36 человек. Был утвержден устав, а «членские взносы от недостатков» все же помогали однополчанам, попавшим в беду. Несколько раз в год выпускался бюллетень «Жизнь Изюмских гусар», в котором сообщались новости о жизни отдельных членов Объединения и события полковой жизни за рубежом. В 1951 роду наше Объединение приняло участие в праздновании 300-летия со дня основания слободских полков, К этому дню, на средства Объединения, в Александро-Невском соборе в Париже была сооружена икона Св. Николая Чудотворца, установлена она перед памятником Императору Николаю II и на ней сделана надпись: «Изюмские гусары — в память трехсотлетия основания полка».

До сегоднешнего дня крепко держится рассеянная по всему свету семья Изюмских гусар, налажена связь между однополчанами и в дни полкового праздника 9/22 мая молятся гусары о Родине, о Царях, которым служили, об ушедших и еще здравствующих однополчанах и об упокоении светлой души своего дорогого Шефа генерала Дорохова.

Мы твердо надеемся, что настанет день, и все собранное и сохраненное нами возвратится на нашу возрожденную Родину, и наша Вера и Верность, с основания полка до последнего вздоха последнего Изюмца, послужат примером будущим молодым Россиянам и увидят и почувствуют они, как были крепки связь и традиции одного из старейших полков Императорской конницы.

К. фон-Розеншильд-Паулин

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

Общество Ревнителей Русской Военной старины выпускает в этом году свою шестую памятную медаль, которая отметит, исключительное по своему значению, событие нашей истории — 50-летие начала войны 1914 года.

Медаль, диаметром в 50 мм., будет иметь на лицевой стороне изображение Императора Николая II, а на обратной — юбилейную дату в венке.

Прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на первый тираж — до 1 июня и заказанные медали будут рассылаться начиная с 15 сентября 1914 года.

Заказы можно направлять казначею Общества или-же в Редакцию «ВОЕННОЙ БЫЛИ». Стоимость медали: для Франции — бронзовой — 16 фр., серебряной — 50 фр., для других европейских стран — 17 и 51 фр., а для заокеанских — 4 и 12,5 дол.

Обзор военно-исторической печати

О ЧЕМ ПИСАТЬ?

(Вместо рецензии)

Отец «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и ее редактор уже неоднократно обращался к нам, прося воспоминаний о боевых действиях нашей армии. И, благодаря целому ряду уже напечатанных воспоминаний об участии полка автора, его роты, эскадрона, батареи в боях, наша военная история обогатилась ценнейшими вкладами. Надо, ведь, нарочито подчеркнуть, что здесь, в эмиграции, мы можем писать совершенно свободно повинуясь только своей памяти и совести, чего часто нельзя сделать даже самым добросовестным военным писателям в Советском Союзе. Эта-то свобода писания и делает боевые описания наших сотрудников бесценными для истории Русской Армии.

Но я позволю себе считать, что **бытовые** очерки имеют много **большее воспитательное** значение. Чисто исторические очерки боевых действий могут увлечь только либо еще живых участников тех же боев, либо военных историков, кропотливо восстанавливающих полную картину того или иного боя, того или иного боевого периода. Масса же читателей, волей неволей удерживает из таких очерков только героические моменты или чисто бытовые картинки фронтовой и боевой обстановки.

Вот почему я считаю, что, в смысле передачи новым поколениям всех лучших традиций и заветов нашей армии, самыми ценными являются рассказы, посвященные описанию геройских поступков как целых частей, так и отдельных солдат и офицеров, воспоминаниям о наших начальниках и сослуживцах, своим примером ведших нас по путям долга «доблести, добра и красоты» и, наконец, просто описания нашего военного, флотского, училищного и корпусного быта.

При том любовном описании, которое дает каждый автор, вспоминая кто нашего «Отца кадет» Великого Князя Константина Константиновича, кто генерала Хамина, кто генерала Самсонова, кто приезд Государя в полк, кто съемки в «Славной Школе», кто производство в офицеры, и так без конца, у самого читателя не может не создаться какой-то привязанности к описываемым героям или к изображаемой жизни, а из этой привязанности вытекает и стремление подражать ей или им.

Здесь я не могу не остановиться специально на «Оловянном солдатике» Н. Турбина, помещенном в №59 «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

Заметили ли вы, дорогие братья-читатели «БЫЛИ», какое значение имеет этот рассказ в нашей военной литературе? Заметили ли вы, что в нем, с подкупающей простотой, выведены МЫ САМИ, каждый из нас, таким каким он был мальчиком, кадетом, юнкером, молодым офицером! Вовка играющий в солдатики с Зиночкой, послушно за ним следующей, Вовка, читающий ей подвиг князя Андрея из «Войны и Мира» и сам, только и живущий мечтой об осуществлении им самим такого же подвига? И Зиночка, с вдруг сжавшимся сердцем, думающая «а вдруг война? Вовка полезет в огонь и в воду. Он такой — или с крестом или под ним...» Вовик, совершающий подвиг и осуществляющий свою (и каждого из нас) мечту о Георгиевском крестике, но платящий за это дорогой ценой, выходящий из госпиталя калекой и, в своей скромности и чистоте, не смеющий больше надеяться на счастье осуществленной любви «Видишь, какой я... безногий солдатик (как тот оловянный, которого когда-то Зиночка не дала кадету Вовке выкинуть, а бережно спрятала в заветную шкатулочку)... Взять и выбросить или положить на ватку в твою заветную шкатулочку и спрятать в самый темный угол шкафа».

И тут Зиночка, лучший тип русской женщины и жены офицера, совершит свой подвиг любви, готовой на постоянную жертву будущей супружеской жизни с героем — калекой и заключает Вовика на всю жизнь в свои объятия.

Ведь Вовик и Зиночка — это ТИПЫ, это воплощение того, чем были мы и подруги нашей юности, выведенные так просто, что как-будто читаешь свои собственные воспоминания в давно забытом и вдруг найденном дневнике. А вдумаешся — каждое слово драгоценный камень и ни одного из них не выкинешь, не повредив картине. Картине, в которой, как в зеркале чистой воды, выведена наша детская и юношеская жизнь с ее простотой, чистотой и, не поддающимся никакому сомнению, идеалом — послужить любой ценой Родине. И рядом с нами, в незабываемом финале, такая же чистая, простая и жертвенная Зиночка.

Исполать тебе, неведомый мне писатель, Николай Турбин. Твоим рассказом ты до глубины души растрогал нас, но что еще бесконечно ценнее, ты рассказал всем поколениям России, идущим за нами — чем мы были, чем мы жили, во что мы верили и чему служили.

Все это было, но, право, кажется сказкой в окружающем нас западном мире. Чудной сказкой кажется. И одно утешает только — сознание, что эта чудная сказка будет понятной там,

на Родине и непременно взволнует и увлечет к подражанию не одно молодое сердце. Сознание это мое совершенно обосновано. Никакие жесточайшие режимы не смогут переделать русскую душу, и в 1964 году она отзовется на те же призывы, которым отвечали наши души в 1913 году. А потому, чудная для нас и родная сказка об «Оловянном солдатике» будет своей и на родной земле и это то есть лучшая и единственно возможная для нас форма служения Отечеству.

И если повесть о Вовике и Зиночке уже не нуждается в повторении, то сколько есть, наверное, еще в памяти многих из нас (особенно старших) возвышающих душу воспоминаний из их молодости в нашей России, которым надо обязательно появиться на страницах «БЫЛИ», чтобы передать наши идеалы идущим за нами сыновьям и дочерям Великой России.

В. Будде

Ген. А. П. БОГАЕВСКИЙ — Воспоминания 1918 г. Ледяной поход. Париж 1963 г.

21 сентября ст. стиля, в бою под Марграбовым, убит был командир 4 гусар. Мариупольского полка полковник Кириллов. Популярность покойного в полку была очень велика. Офицеры говорили между собой, что подобного убитому — командира не сыщешь, но, вскоре же, новый командир привлек сердца всех офицеров и гусар. Это был Африкан Петрович Богаевский.

Ум, такт, скромность, благородство, доброжелательное отношение к подчиненному — вот отличительные черты характера Африкана Петровича.

Вся его небольшая книга, обнимающая тяжелую сверх-героическую эпопею белой борьбы, пропитана этими, свойственными автору, качествами. Это несомненно воспоминания личных переживаний, но, не взирая на это, нигде его личное «я» не выдвигается на первый план. Автор чрезвычайно осторожен в своих суждениях, когда они клонятся к обвинению. К примеру: признавая досадные несогласия между генералами Корниловым и Алексеевым, Африкан Петрович чрезвычайно деликатно обходит острые углы. Также и в отношении генерала П. Х. Попова он предоставляет критику его действий беспристрастной истории, но тут же отмечает заслугу генерала Попова перед Войском, подчеркивая, что «Степняки» спасли честь Донского казачества. А. П. Богаевский не скупится на похвальные оценки тем, кто этого, действительно, заслуживает.

Книга читается очень легко, аккуратно издана, ей предшествует стихотворение Н. Евсеева «Первопоходникам» и украшена она портретами белых вождей и героев Ледяного и Степного походов.

А. Л.

«ДЕЛО ПОЛКОВНИКА МЯСОЕДОВА»

Это заглавие последнего труда одного из лучших современных польских писателей — Иосифа Мацкевича (Josef Mackiewicz «Sprawa pulkownika Miasojedowa» издание Свидерского, Лондон, 1962, стр. 664).

Дело Мясоедова, разбиравшееся в военно-полевом суде в Варшаве, в первой половине 1915 года, хорошо засело в памяти старшего поколения; не малая часть русского общества уже тогда весьма критически отнеслась к этому «делу» и вынесенному приговору: жандармский полковник Мясоедов был повешен в Варшавской цитадели за... шпионаж в пользу немцев!...

Ясно, что каждый серьезный, обдуманный, беспристрастный труд на эту трагичную тему должен возбудить в нас глубокий к нему интерес. Я — отнюдь не рецензент и потому вынужден «загребать жар чужими руками». Среди нескольких рецензий о «деле полковника Мясоедова», наиболее умной и острой (но не во всем приемлемой для читателей нашего журнала), является рецензия известного польского критика и публициста г. К. Збышевского, напечатанная в журнале «Польская Неделя» от 5 января 1963 г. К ней и обращаюсь: «Мясоедов был весьма неприглядной фигурой... Карьера, деньги, женщины — все это только его и интересовало... Снюхался с евреями, они сделали из него чучело, а он — загребал деньги... Женился на богатой, имел любовниц. Одно время был шишкой у военного министра Сухомлинова... В Мясоедове нет ни одной положительной черты... Однако — читатель этой книги с удивлением чувствует, что жалеет его...»

После ужасных, недостаточно обдуманных операций, закончившихся неискупаемыми поражениями армий генералов Ренненкампфа и Самсонова, неспособному верховному командованию надо было изобрести оправдание себе, жертву: это был Мясоедов и его К^{0}...

И в начале и в конце книги автор намеренно поясняет, что его творение, плод многолетнего изучения темы, есть реалистическая повесть. Она насыщена философскими рефлексами; поразительно удачны описания знакомой нам природы, совестливым анализом бесконечных интриг власть имущих и ряда лиц самых разнородных слоев общества. Одним словом — эта книга глотается единым духом; будем надеяться, что переведена она будет и на русский язык.

Но нахожу все же нужным указать на несколько мелких оплошностей, допущенных в этой увлекательной книге: так, например, перечисляя длинный ряд «отличий», полученных Мясоедовым по должности возглавителя Верж-

боловской жандармерии, автор заканчивает его «золотым браслетом с бриллиантами», полученным от Государя (!?!). Характеризуя современное настроение петербургского общества, автор обнаружил (правда — повторяя чужие слова) — «кавалергардский интеллектуализм»... (?!). Прибор жандармской формы был серебряным, а не золотым... Орден Св. Владимира 4-ой степени носился на груди, а не на шее... и т. д. Вникая присталным взором во все проявления тыловой и фронтовой жизни эпохи 1-ой войны, автор касается даже вопроса недостаточной подготовки нашего конского состава и этим объясняет невыполнение нашей кавалерией заданных ей задач с самого начала военных действий, упрекая в этом существенном минусе опять же Великого Князя Николая Николаевича (как бывшего инспектора кавалерии). Хотя я, будучи призван из запаса, недолго был в рядах конницы и по своему желанию был прикомандирован к пехоте для пополнения невероятной убыли в ее офицерском составе, — я с этим мнением автора согласиться не могу и, если кавалерия (особенно — на северной половине нашего фронта) не всегда была на высоте своих обязанностей, так это печальное обстоятельство надо объяснять низким уровнем подготовки к войне некоторых начальствующих лиц. Будучи прикомандирован к полку несравненных сибирских стрелков, я с наслаждением читал страницы, посвященные описанию окопной жизни или трагической гибели целого корпуса в Августских лесах.

Списывая постыдный процесс Мясоедова, автор не раз упоминает капитана генерального штаба Бучинского в роли свидетеля; если это то же лицо, помещающее статьи на военные темы в «Русской Мысли», так это ему, прежде всех, следует ознакомиться с книгой И. Мацкевича и высказаться по этому поводу.

Есть еще один плюс у этого польского писателя: не в пример многим своим собратьям-полякам, он не лягает, при всяком удобном и неудобном случае, Россию и русских, и К. Збышевский, заканчивая свою рецензию, указыва- что «та эпоха было приличнее нашей...» Говоря об еще одной книге Мацкевича, другой рецензент высказывается и по поводу мнения Мацкевича о маршале Пилсудском: он мог и был обязан помочь Деникину победить большевиков, между тем маршал считал их меньшим злом, чем реставрацию «белой России»!!

Владимир фон-Рихтер

Исторический архив

Письмо Генерал-Адъютанта генерала от кавалерии Безобразова Государю Императору

Ваше Императорское Величество

Во исполнение повеления Вашего Императорского Величества, разрешающего мне обращаться по вопросам Войск Гвардии прямо к Особе Вашего Величества, дерзаю повергнуть на благоусмотрение Вашего Императорского Величества правдивый отчет о действиях Гвардии вместе с 1-ым и 30-м армейскими корпусами под Ковелем с 8-го по 27-ое июля с. г.

4-го июля я получил лично от Генерал-Адъютанта Брусилова приказание поставить Гвардию на участке, который тогда занимался 39-ым корпусом. Корпус занимал участок на правом берегу Стохода от деревни Богушевка до деревни Кияж. Приказание это позже получило подтверждение в директиве Главнокомандующего, в которой, хотя и не было сказано ничего насчет группировки вверенных мне корпусов, но возлагалась задача атаковать Ковель с юга. При этих условиях естественно я должен был собрать Гвардию на своем левом фланге, то-есть, как раз на участке 30-го корпуса.

К 9-му июля войска заняли свои исходные позиции, за исключением конницы, которая окончательно собралась к 17-му июля.

Общая атака армий Юго-Западного фронта была назначена на рассвете 10 июля, однако, наша готовность была внешняя, так как ставшие на позицию войска лишь 10-го начали получать сведения от своей собственной разведки — пехотной и артиллерийской. Разведки эти выяснили, что полоса болот, за которыми стала Гвардия, на фронте Райместо-Кияж проходила на весьма тесном для атаки участке Кол. Переходы до Кол. Фишко (всего около 3-х верст). Проливные дожди ухудшили дело,

увеличив труднодоступность болот, отделявших нас от противника.

Приняв во внимание эти обстоятельства, а также неполное сосредоточение артиллерии и в особенности снарядов, я донес об этом Главнокомандующему 9-го июля в 15 часов, указывая на желательность некоторой отсрочки.

Телеграмма моя еще не была отправлена, как получилась директива, дающая, видимо, на основании донесений со всего фронта, отсрочку общей атаки до 15-го июля.

Этим временем я воспользовался, чтобы, испросив новую разграничительную линию с 8-ой армией, расширить фронт ударной группы, составленной из 1-го и 2-го Гвардейских корпусов. Прибавление лишних 4 верст на фронте атаки к югу, в сторону 8-ой армии, оправдало себя при атаке 15-го июля, так как именно от этого участка, гораздо более доступного удалось развить решительный натиск и заставить неприятеля уйти за Стоход.

Как было условлено с 8-ой Армией, штурм начался 15-го июля ровно в 13 часов, после 7-ми часовой артиллерийской подготовки. В согласии с 8-ой Армией (39 корпус), Гвардия прорвала укрепленный фронт неприятеля. При этом она захватила позиции у Кол. Переходы, Райместо, Ясеновка, Кол. Курган, Щурин, Трыстень, высота 83 и 1, что северо-восточнее Кол. Курган. Тесня противника, войска дошли до верхнего течения Стохода на фронте Майдан, Витонеж, Кол. Остров, Кол. Михайловка.

При этом Гвардия взяла 46 орудий, из них 17 тяжелых, 65 пулеметов, не считая другой мелкой добычи и около 5.000 пленных, из них — 150 офицеров.

В бою 15 июля Гвардия имела дело со всей 29-ой австрийской дивизией и 19-й и 121-й германскими дивизиями. Последняя из них переброшена из Франции с реки Соммы. В числе пленных Гвардия взяла 19 офицеров и 974 нижних чинов германцев разных полков.

16-го июля бой продолжался, но трудные условия проходимости реки Стохода задержали дальнейшее продвижение Гвардии. Центр тяжести этого и следующих дней перенесся на 30-ый и 1-ый армейские корпуса, которые, стремительным ударом отбросив противника в излучине Стохода северо-восточнее железной дороги Ковель-Луцк, вышли на линию Рудка Миринская, Велецк, Кухары, высота 94 и 9, что к востоку от Мал. Порок. Во время этих атак названными корпусами, особенно — 30-ым армейским, было взято свыше 4.000 пленных с офицерами и пулеметами. Впоследствии выяснилось, что здесь был уничтожен 31-й гонведный полк и сильно расстроены остальные полки 41-ой гонведной дивизии.

Одновременно я не отказывался от решительных действий на фронте Гвардии, но тяжелые местные условия, представляющие к северу от верхов:я Стохода ряд дефилэ, эшелонированных в глубину, дающих возможность противнику с малыми силами противостоять натиску ослабленного потерями атакующего, вскоре дали себя знать. Неоднократные попытки Гвардии, веденные с должной энергией, овладеть Витонежом и предмостным укреплением у Ловищенского дефилэ, не увенчались успехом. Доступные для атаки места оказались частями заранее укрепленной позиции; эти опорные пункты связаны между собой перекрестной огневой обороной. В частности, Витонеж, с захватом которого можно было надеяться, по условиям местности, все же продвигаться вперед, хотя и медленно, оказался тщательно оборудованными крепкими убежищами и многочисленными пулеметными гнездами. В результате, частям Гвардии удалось лишь переправиться против Витонежа на левый берег Стохода и закрепиться у Витонежа и на Высоте 90 к югу от него.

Только могущественная тяжелая артиллерия могла бы пробить здесь брешь и уберечь пехоту от дальнейших больших потерь при штурме Витонежа.

Как это соображение, для выполнения которого не было средств, так, главным образом, более доступная местность на правом фланге Армии, на фронте 30-го и 1-го армейских корпусов, привели меня к решению использовать успех этих последних и организовать удар на участке Велицк, Кухары, высота 84,9.

В соответствии с этой мыслью я представил свои соображения Главнокомандующему при личном с ним свидании 21-го июля в Луцке. При этом я просил дать мне свежий корпус для более решительного удара.

Главнокомандующий, со своей стороны, признал изложенный план, при создавшейся обстановке на фронте вверенной мне Армии, единственно возможным, но предоставил его осуществление моим собственным силам.

В виду этого я, начиная с 22 июля, прибег к изменению группировки за счет ослабления левого фланга Армии, откуда был снят 1-ый Гвардейский корпус, а также центра на пассивном участке реки Стохода, за которым мною была поставлена спешенная конница.

Эти меры дали возможность собрать на активном участке правого фланга армии 3 корпуса, правда, значительно ослабленных потерями в своем численном составе. По числу штыков ударная группа перед атакой не превышала численности 4-х дивизий.

К утру 24-го июля была закончена перегруппировка. Атака была назначена на 25 июля, но, в виду необходимости тщательнее осмотреться на новых позициях, атака была отложена на 26 июля.

Характерной чертой подготовки к атаке явилось то обстоятельство, что мы были совершенно лишены возможности воздушной разведки. Поэтому все наблюдения были односторонними и не давали никакого представления о тыле неприятельской позиции, скрытом лесистою полосою.

Это существенное условие не позволяло мне решительно бросить в бой все резервы. Необходимо было раньше определить, что именно представляют из себя неприятельские позиции. Выяснить это можно было только боем. Поэтому, двинув 26 июля в атаку войска 30-го армейского, 1-го Гвардейского и 1-го армейского корпусов, я прежде всего имел в виду усиленную разведку укрепленной полосы противника. Атака, веденная с большим подъемом, не имела успеха и свелась к усиленной разведке.

Бой показал, что противник занимает заблаговременно укрепленный фронт, где пришлось считаться с несколькими линиями окопов, усиленных проволочными заграждениями и с многочисленными пулеметами, фланкирующими подступы, ведущие вглубь укрепленной полосы. Будучи скрыты в лесу, эти пулеметы не могли быть обнаружены и своевременно разбиты артиллерией. Начиная с 27 июля, то-есть — уже после боя, удалось приступить к воздушным разведкам (были получены и собраны самолеты). Разведки эти сразу дали картину тыла укрепленной полосы. Выяснилось, что район м. Мельница, Брюховичи, Жмудча представляет собой крепкий узел сопротивления и выражается в ряде сомкнутых укреплений, подпирающих вынесенные вперед окопы, как это показано на представленной при сем карте.

В бою 26 июля за Кухарский лес 1-ым Гвардейским корпусом взято в плен около 100 германцев.

27-го июля 2-ым Гвардейским корпусом была повторена атака Витонежа. Бой подтвердил сведения о силе этого опорного пункта и о том, что наша артиллерия, несмотря на двухдневную подготовку, оказалась слишком слабой, как по числу орудий, так и по числу снарядов, чтобы разбить все пулеметные гнезда и убежища. Огонь противника был тем более действителен, что болотистые подступы к деревне заставляли вязнуть пехоту... Результат боя выразился в ничтожном продвижении вперед частей на высоте 90,0.

На этих действиях приостановились операции вверенной мне армии, которой 28 июля приказано перейти к активной обороне. Опыт прошедшей операции приводит меня к убеждению, что план быстрого овладения Ковельским районом, при настоящих условиях готовности противника и местности, требующей подавляющего превосходства сил атакующего над обороняющимся, трудно выполним.

Успеха, как мне кажется, можно достигнуть лишь постепенным методичным продвижением вперед.

В частности, по отношению ко вверенным мне войскам, я нахожу, что дальнейшие активные действия могут обещать результаты при условии:

1. Усиление армии свежими частями.
2. Пополнение полков до нормы.
3. Усиление имеющийся в армии тяжелой артиллерии.

В заключение, долг службы обязывает меня всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что вверенные мне войска с полным самоотвержением исполнили свой долг и, несмотря на изложенные выше затруднения, захватили на правом фланге, в излучине Стохода, значительный по размерам плацдарм, с продвижением на 10 верст, а на левом фланге, на фронте Гвардии — отбросили противника за Стоход, продвинувшись на 6-8 верст.

Потери с 15 по 27 июля в войсках вверенной мне армии выразились следующими цифрами:

30 армейский корпус — 10.048
1 армейский корпус — 8.111
1 Гвардейский корпус — 12.755
2 Гвардейский корпус — 17.721
Гвардейский кавалерийский корпус — 168. Итого — 48.813.

Взятые войсками трофеи с 16 по 27 июля:
Германцев: офицеров — 19, нижних чинов — 974.
Австрийцев: 1 командир полка, офицеров — 179, нижних чинов — 6.154.
Орудий: легких — 29, тяжелых — 17, итого 46.

Из них 38 отправлено в Тамбов, 3 легких орудия сданы во время боя в штаб 39-го армейского корпуса, 5 еще находятся в ожидании отправления, на станции Рожище.

Вашего Императорского Величества
верноподанный слуга
Генерал-Адъютант Безобразов

Напечатанная выше копия письма Генерал-Адъютанта Безобразова к Государю Императору была мне любезно предоставлена Лейб-Гвардии Преображенского полка полковником Ю. В. Зубовым. Ю. В. Зубов получил эту копию от ныне покойного генерала Хольмсена.

А. Г.

Хроника «Военной Были»

ДИРЕКТОР КОРПУСА

Должность эта была впервые учреждена в России в 1731 году для Сухопутного Шляхетного корпуса. По Высочайше утвержденному в 1766 году Уставу этого корпуса, во главе его должен стоять «человек, в воинских трудах, состарившийся и искусный, как в этих делах, так и в правилах к гражданскому житию принадлежащих, радетельный, трудолюбивый, кроткий, ласковый и обходительный, но в важных воинских упражнениях вид строгий имеющий: для того же, чтобы он мог исполнять свою многотрудную должность охотно, с любовию и ревностию, ему ни к каким сторонним делам отлучаему быть не надлежит, дабы чрез то не истребилося недреманное проворство и строгость порядка, которая безотлучно его, днем и ночью, в корпусе пребывания требует».

Мне невольно вспоминается незабвенный директор Суворовского кадетского корпуса ген. лейтен. Степан Нилович Лавров.

сообщил **Г. Гринев**

«ВОЕННЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО НАРОДА»

В книге генерал-лейтенанта Отто фон-Бисмарка, изданной в 1836 г. в г. Карлсруэ, под заглавием «Die Kaiserlich Russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Relse nach St. Petersburg» находится следующая «военная» характеристика русского народа:

«Что, по натуре, русские являются превосходными солдатами — исторически неопровержимый факт. Два крупных военных авторитета — Фридрих Великий и Наполеон — признали храбрость и мужество этого великого народа. Крепкое телосложение, выносливость, неприхотливость, редкая ловкость и быстрая сообразительность, в соединении с отвагой и мужеством, делають русского великолепным солдатом. К этому необходимо присоединить еще способность быстрой ориентации и приспособляемости, религиозность, патриотизм и любовь к своему Императору... Даже трехмесячное отступление и проигранные битвы не смогли сломить дух и деморализовать русскую армию в 1812 году. Эти боевые качества русские проявили не только на своей родине, но и во всех заграничных походах против европейцев и азиатов.

сообщил **Н. Скрябин**

ОПИСАНИЕ ЖЕТОНА ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Общая форма жетона круглая, с небольшими орнаментами при верхнем конце, служащем для пристегивания жетона, а также и внизу.

На передней стороне, в середине, по вертикальному направлению, помещен кадетский погон образца настоящего времени, по бокам которого, по двум кривым, на эмалевом черном фоне, золотыми буквами и цифрами, имеют быть обозначены: с одной стороны, — фамилия кончившего курс владельца жетона, а на другой стороне — год окончания курса. Цвета: черный и красный — главные в одежде кадет настоящего времени.

На задней стороне в середине, на белом эмалевом фоне, помещен герб корпуса, окруженный золотым лавровым венком, лежащим на зеленом эмалевом фоне; в верхней части, над гербом, на красном эмалевом фоне, белыми цифрами обозначен год основания корпуса; цвета зеленый, красный и белый, с дополнением золотом, были главными в одежде кадет времен основания корпуса; белый цвет поля под гербом напоминает также о цвете первого знамени, врученного корпусу Императрицей Анной Иоанновной; корпусный герб, окруженный лавровым венком, кроме общего и главного своего значения, также напоминает об отличии, которое получали лучшие кадеты, удостоенные при выпуске медалей; таковые носили на кафтанах серебрянные и золотые нашивки, изображавшие лавровый венок, с гербом корпуса внутри.

Санкт-Петербург
1894 год.

Извлек **Алексей Геринг**

ИЗ АРХИВНОГО МАТЕРИАЛА

Известный сподвижник Суворова, граф И. Е. Ферзен, полонивший Костюшку в сражении у Мациевиц, в 1794 г., на склоне своих лет был пожалован Директором Первого кадетского корпуса и подчинен Великому Князю Константину Павловичу, как Начальнику кадетских корпусов. В ту пору, молодой Великий Князь отличался особенно живым и шаловливым характером.

Долго выносить выходки этого юноши стало не в моготу заслуженному генералу и он попросил об увольнении в отставку. Император Павел пожелал узнать причину. Сначала, храбрый солдат этот сказал, что чувствует себя нездоровым, но затем, когда стали у него допытываться о настоящей причине, он добавил: «Ваше Величество требует правды? Ну, так простите меня, Государь, но, право, грустно для человека, состаревшегося на войне, иметь и над собой и под собой одних детей».

сообщил **С. Двигубский**

РУССКАЯ АМЕРИКА

В 1799 году, Высочайшим Указом Императора Павла I, учреждена «Российско-Американская торговая компания», которой было предоставлено управление Русской Америкой, с Алеутскими и Курильскими островами. Так создалась Русская Америка, обширная северо-западная часть американского материка с прилежащими островами. Главный административный центр был в Ситхе. И не вина Беринга, положившего основание русскому владычеству в Америке, что эти владения были проданы 18/30 марта 1867 года Северо-Американским Соединенным Штатам, всего лишь за 7.200 тысяч долларов.

За время с 1871 по 1900 год, Аляска принесла американскому правительству 150 миллионов долларов чистого дохода, не говоря уже о золотых россыпях, обнаруженных в 1897 г., в Клондайке.

сообщил **Сергей Двигубский**

Письма в Редакцию

ПОЛЕВЫЕ ЖАНДАРМСКИЕ ЭСКАДРОНЫ

В «Новом Русском Слове», от 4 января с. г., в статье «Быль Военная», а затем в ответном письме ротмистру Н. Петерсу, в той-же газете, от 27 янв. с. г., г. Н. Вороневич допустил ряд небылиц о Полевых жандармских эскадронах. Это не может остаться без ответа. Очевидно он незнаком с положением о Полевых жандармских эскадронах, объявленном в приказе по Военному Ведомству в 80-десятых годах (точно год не помню). Позволю себе дать вкратце описание этих эскадронов.

Полевых жандармских эскадронов в русской Императорской армии было семь: 6 армейских и один гвардейский. На погонах имели нумерацию и состояли при Штабах военных округов. 1 — в Вильне, 2 — в Варшаве, 3 — в Киеве, 4 — в Одессе, 5 — в Тифлисе, 6 — в Гельсингфорсе и Гвардейский — в Петербурге. В мирное время это был кадр из 28 унтер-офицеров, командира эскадрона и двух офицеров. Комплектовались унтер-офицерами из кавалерийских полков своего округа. А при объявлении мобилизации пополнялись до 200 человек из запаса унтер-офицеров и 10 офицеров, от одной из кавалерийских дивизий своего округа.

Развертывался каждый эскадрон в два, один из коих шел в Армию, формировавшуюся из войск тех округов, которые не имели Полевых эскадронов. Например: один полуэскадрон 1 эскадрона шел в 4 Армию, состоящую из войск Московского и Казанского округов, которые в мирное время эскадронов этих не имели.

Согласно Положению, командир эскадрона, прокомандовав в чине полковника в течении 2-х лет эскадроном, зачислялся в список кандидатов на кавалерийский полк. В 1907 году, при возвращении кавалерийским полкам их прежних наименований и старой формы, также полевые жандармы получили мундир и вицмундир драгунского полка (кирасирского образца). Гвардейский же эскадрон имел форму образца Гвардейских кирасир еще со времени своего сформирования. А унтер-офицеры, как армейских так и гвардейского эскадрона, имели белый аксельбант, в отличие от красного — Корпуса жандармов.

Никакого отношения к полицейской и политической службе в стране эскадроны эти не

имели, принадлежали к Военному Ведомству и несли, преимущественно, службу ординарческую — при Штабах военных округов. А потому естественно приводить в исполнение приговоры (расстрелы) военно-полевых судов, как говорит о том г. Воронович, не было на обязанности этих эскадронов.

Также не верно у г. Вороновича, что Полевые жандармские эскадроны несли полицейскую службу на железных дорогах. Там, как всем хорошо известно, были на станциях Жандармские отделения Корпуса жандармов, Министерства внутренних дел. И Полевые эскадроны к этой службе никакого отношения не имели. Не производили арестов и «заподозренных в шпионаже жителей», как о том пишет г. Воронович. Ибо шпионаж был в ведении Разведовательных и Контр-разведовательных отделений Штаба армии, а не Полевых жандармских эскадронов.

И последнее, пожалуй самое главное. Почему, спрашивается, в 1917 году, когда вся полиция и жандармерия были уничтожены Временным Революционным Правительством, Полевые эскадроны продолжали существовать и никто их не трогал? Не есть ли это наглядное опровержение всего того, что пишет об этих эскадронах г. Воронович?

Сформированные по образцу французской армии, с присвоением неподходящего слова «жандармские», эскадроны эти, как я уже сказал выше, несли службу ординарческую, почему Временным Правительством, в 1917 году, и были переименованы — в Ординарческие, продолжая существовать — вплоть до полного развала Армии.

Кн. П. Ишеев

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Желая иметь в коллекции рисуемых мною форм и типов Русской Армии последнего царствования, также и формы чинов Конных полков и конно-горных батарей Заамурского Округа Пограничной Стражи, я был-бы очень благодарен тем из читателей, которые могли бы мне дать недостающие сведения, а именно: 1) Какого образца были седла у нижних чинов — кавалерийского, казачьего или какого-нибудь специального для лошадей-монголок? У офицеров, насколько я знаю, были седла кавалерийские и лошади не монголки. 2) Были ли нижним чинам положены шпоры? 3) Имели ли конные части, при парадной форме, флюгера на пиках? Если имели — то какие? По моим сведениям, таковых не было.

А. К. Крыжицкий

ОТВЕТ Г-НУ ЗЕМЕЛЮ

То, что г-н Земель видел в музее л.-гв. Московского полка и, что он счел за кокарды времени Отечественной войны, на самом деле были не кокарды, а репейки. Происхождение репейков иное чем происхождение кокард — произошли они от кистей на гренадерских шапках и, подобно последним, были различных в каждом баталионе цветов. Когда в 1803 и 1804 гг., гренадерские шапки и гвардейские каски были заменены киверами, на последних были сохранены репейки прежней расцветки, которые помещались над черной с оранжевой каймой кокардой. Офицерам кивера были впервые даны лишь в 1808 году — «К киверам сим полагались: серебрянные репейки, с таким же по середине Высочайшим вензелем, на поле из черных и оранжевых, зубчатых полос» (см. Висковатов «ОДЕЖДА И ВООРУЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК», 1901 г. часть 14, стр. 13). Во время Отечественной войны цвета репейков нижних чинов Тяжелой Гвардейской пехоты была следующая: у гренадер 1-й гренадерской роты 1-го баталиона — красные; у стрелков — желтые; в 1-й, 2-й и 3-й фузилерных — белые с зеленою серединою (см. там же стр. 17). В музее л.-гв. Московского полка следовательно хранились: офицерский кивер эпохи Отечественной войны с офицерским репейком и кивер гренадера 1-й гренадерской роты 1-го баталиона л.-гв. Литовского полка. Киверов нижних чинов других рот и баталионов, повидимому, не сохранилось. Что касается красного с накладным вензелем репейка, то такого репейка приказами установлено не было — по всей вероятности, это был репеек нижнего чина с приставленным к нему офицерским вензелем.

Вензелевые изображения Высочайшего имени с репейников «изъяты» не были — они оставались на репейках, позднее переименованных в помпоны, частей, в коих Государь Император был Шефом и которым полагалось соответствующего рода головные уборы, вплоть до наших дней.

Е. Молло

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

СОН ЮНОСТИ

Воспоминания Великой Княжны Ольги Николаевны, впоследствии Королевы Вюртембергской.

Воспоминания второй дочери Императора Николая Павловича охватывают первый период ее жизни, от дня рождения до выхода замуж за Наследного Принца Вюртембергского. Посвященные ее двум внучкам, дочерям Великой Княгини Веры Константиновны, написанные простым безхитростным языком, они ярко отражают эпоху начала царствования Императора Николая I, жизнь его семьи и Двора.

Русский перевод книги сделан, с разрешения правнука Королевы, Принца Альбрехта Шаумбург-Липпе, баронессой Марией Бурхардовной Беннинггаузен-Будберг и предоставлен ею для издания в пользу Издательского Фонда «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

Книга представляет из себя один том свыше 200 стр. с прекрасными фотографиями на отдельных листах, самой Великой Княжны ее отца Императора Николая Павловича, старшего брата Наследника Цесаревича Александра Николаевича и двух сестер.

ЦЕНА: зона франка — 15 фр. фр., зона фунта — 25 шил., зона доллара —3 ам. дол.

Нумерованные экземпляры на лучшей бумаге: 20 фр. — 30 шил. — 4 дол. Цена **без** пересылки.

Продажа в Издательстве: 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16, в русских книжных магазинах Парижа и у наши представителей заграницей.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

вышли в свет:

№ 1 — **П. В. Пашков** — Ордена и знаки отличия Гражданской войны —6 фр.

№ 2 — **Евгений Молло** — Русское холодное оружие XIX в. — 2 фр.

№ 3 — **В. П. Ягелло** — Княжеконстантиновцы — 1 фр. 50 с.

№ 4 — **В. Альмендингер** — Симферопольский Офицерский полк — 6 фр.

№ 5 — **Евгений Молло** — Русское холодное оружие эпохи Императора Николая II — Князь **Н. С. Трубецкой** — Нижегородская шашка — 2 фр.

№ 7 — Вел. Княжна **Ольга Николаевна** — Сон юности — 15 фр.

Готовится к печати:

№ 6 — Сборник **П. А. Нечаева** — Алексеевское Военное Училище.

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Вышел из печати № 147, март 1964 года.

Иван Лукаш, Я. Н. Горбов, Н. И. Катенев, Е. Корте, В. Н. Ильин, Тамара Величковская, Юрий Иваск, Г. Нео-Сильвестр, Л. Доминик, Н. В. Станюкович, П. Е. Стогов, Б. Борисов, князь С. Оболенский.

Открыта подписка на 1964 год. На год — 50 фр., на шесть месяцев — 26 фр. Отдельный номер — 5 фр.

Подписка и продажа:

VOŽROJDENIE (La Renaissance), 73, Avenue des Champs-Elysées, Paris 8me—France

C. C. Postaux: Paris 781-81.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 1 (58) т. XXI 1963 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию:

В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,

St. Germain en Laye (S. et O.)

№ 67
Май 1964 год

ГОД ИЗДАНИЯ 13-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью, извещает о последовавшей в городе Нью-Йорке кончине своего дорогого сотрудника и друга Конной Артиллерии полковника

Митрофана Михайловича Чайковского

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 64 по 69 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам, дол. 50 ц. на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

13-й год издания № 67 МАЙ 1964 г. BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Из прошлого Кавалергардов

ПОХОД 1814 ГОДА

1-го января утром Кавалергарды перешли Рейн и стали на бивак во французской деревне Мефферен.

Рознь между союзниками, уже появившаяся сразу после разгрома Наполеона в России, постепенно усилилась. Начала сказываться разница в интересах между Россией, Австрией, Англией и в меньшей степени — с Пруссией. Единственно, что их еще связывало между собой, это был страх перед Наполеоном. Этим страхом отчасти объясняются все неисчислимые марши и контр-марши, наступления и отступления, которые были вынуждены переносить войска.

В один из таких переходов, Цесаревич Константин нагнал полк. Увидав, что командующий полком В. И. Каблуков едет в строю не в каске, как это требовал устав, а в фуражке, Цесаревич подскакал к Каблукову, наговорил ему кучу резкостей, сорвал с него фуражку и ускакал. На первом же ночлеге, Каблуков собрал всех офицеров и передал им свое решение немедленно подать в отставку. Возможно, что Цесаревич не знал или забыл, что Каблуков был ранен в голову и поэтому имел право ехать на переходах в фуражке. Еще в марте 1808 года полковой врач штаб-лекраь Флеров доносил, что «Господин ротмистр Каблуков, вследствие полученных им ран в голову и грудь, имеет в сих частях тела сильную ломоту и на голове не может носить каски». Но все же, это не могло оправдать тех резких выражений, которые были допущены Константином Павловичем в отношении Каблукова и самого полка. «Бархатники, Якобинцы, Вольтерьянцы!».

Офицеры единодушно одобрили решение своего старшего полковника и все так же подали в отставку. В этом они были поддержаны и генералом Депрерадовичем и Шефом полка генералом Уваровым, тоже подавшим в отставку. Решения Каблукова, офицеров полка, Депрерадовича и Уварова получили молчаливое одобрение Государя. На первой же дневке в полк приехал Цесаревич и произвел полку смотр. После смотра он собрал всех офицеров и в их присутствии извинился в тех обидных и незаслуженных словах, которые были им сказаны в отношении «храброго полковника и кавалера Каблукова и сверхдоблестного полка». «А если, добавил Великий Князь, господа Кавалергарды не удовлетворены его извинениями, то он готов каждому в отдельности дать сатисфакцию».

Конечно, Каблуков от имени полка сказал, что Кавалергарды вполне удовлетворены словами Великого Князя, но тут из задних рядов выступил 19-летний корнет М. Лунин и сказал, что: «честь, предложенная Вашим Высо-

чеством так велика, что я не в праве от нее отказаться». Каблуков его перебил и на этом инцидент был окончен, но с этого момента Цесаревич искренно привязался к Лунину, взял его впоследствии, к себе в адъютанты и, когда Лунин был замешан в Декабрьском восстании, всячески старался облегчить его участь.

В ночь на 11 марта партизанскими отрядами Кавалергарда Чернышева и Тетенборна были перехвачены неприятельские курьеры с депешами. Депеши были исключительно важного содержания и оказали непосредственное влияние на коренное изменение стратегического плана союзников.

В одной из них министр полиции доносил Наполеону о положении во Франции: «Les caisses publiques, les arsenaux et les magasins sont vides. On est entierement à bout de ressources. La population est decouragée et mécontente. Elle veut la paix à tout prix.

Другая депеша, адресованная Императрице Марии-Луизе, была от самого Наполеона. В ней он говорил что принял решение двинуться к Марне, «afin de pousser les Armées ennemies plus loin de Paris et de me rapprocher de mes places. Je serai ce soir à Saint-Diziers».

Было перехвачено также подтверждение приказания маршалам Мармону и Мортье с их корпусами, генералам Пакто и Амэ с их дивизиями спешить в С.-Дизие. Основывясь на всех этих сведениях союзники подчинились настойчивому требованию Императора Александра и решили, оставив против Наполеона заслон, спешить всеми силами к Парижу.

13 марта началось это движение, приведшее через шесть дней к капитуляции столицы Франции. В этот день произошел последний бой, в котором Кавалергарды приняли участие, когда они в целом ряде атак добавили в свою боевую летопись к именам Аустерлица, Полоцка, Бородина, Березины и Кульма — Фершампенуаз.

Сражение, происшедшее в районе деревни Фершампенуаз, является в сущности двумя совершенно раздельными боями, из которых каждый, в свою очередь, состоит из целого ряда самостоятельных столкновений. Общее между ними лишь то, что со стороны союзников в них участвовала исключительно конница со своей конной артиллерией.

Первый бой начался в 9 часов утра у деревни Soudé-Ste-Croix, затем продолжался в 10 часов утра у Somme-Sous, в 12 часов у Chapelaine-Vaurefroy, в 2 часа 30 минут у Connantray, в 3 часа у Fère-Champenoise и закончился в 4 с половиною часа у Connantre, разгромом корпусов Мортье и Мармона.

Второй бой начался немного позже 10-ти часов у Villeseneux, затем в 12 часов у Clamangec, в 2 часа у Ecuries-le-Repos и окончился в 5 часов у Aulnay-aux-Planches сдачей в плен остатков дивизий Пакто и Амэ. В обоих этих боях участвовали Кавалергарды.

Маршал Мармон, герцог Рагузский, со своим корпусом и маршал Мортье, герцог Тревизский с корпусом Молодой Гвардии выступили, согласно полученным приказаниям на присоединение к Наполеону.

13 марта Мармон был атакован у Soudé-Ste-Croix русской конницей и, не имея возможности пробиться к Наполеону, начал отход на Фершампенуаз. Задержавшись на короткое время у Somme-Sou, чтобы дать время подойти Мортье, французы продолжали отход под прикрытием своей конницы — кирасирской дивизии генерала Бордесулль и драгунской дивизии генерала Русселль. Около 12 часов корпуса Мармона и Мортье остановились на высотах за деревнями Chapelaine и Vauzefroy, упираясь флангами в реку Сомм и в ручей де Ож.

Когда в Главной Квартире услыхали отдаленный орудийный огонь, Шварценберг приказал войскам ускорить шаг и спешить на выстрелы. Барклай хотел послать туда 3-ью кирасирскую дивизию, но Депрерадович, в виду отдалености этой дивизии от места боя, просил разрешения идти самому с 1-ой Кирасирской. С кирасирами пошел Цесаревич с Гвардейской легкой кавалерией: гусары, драгуны и уланы.

Пройдя деревню Montepreux, Цесаревич, отправив вперед Лейб-улан, Кавалергардов и Кирасир Его Величества, с прочими полками пошел в обход неприятельской позиции. Лейб-гусары еще раньше были оставлены для прикрытия нашего левого фланга.

Кавалергарды и Кирасиры предназначались лишь для подкрепления Лейб-улаан, «но я, доносил Депрерадович, приказал Кавалергардскому полку, на все те части, которых Лейб-гвардии Уланский полк занять не мог, атаковать неприятеля».

Кавалергарды атаковали и опрокинули кирасир Бордесулля и гнали их совместно с Лейб-уланами «более мили». В этой атаке Кавалергарды захватили 6 орудий и взяли в плен 2 офицера и 147 солдат. За неприятельской кавалерией оказалась пехота. Но полк был выпущен Депрерадовичем из рук и гнал французских кирасир. С трудом Депрерадовичу удалось остановить эскадрон Храповицкого и направить его на французское каре. При поддержке огня 4 конных орудий, Храповицкий несколько раз атаковал пехоту и преследовал ее за Фершампенуаз.

Пройдя деревню, Депрерадович «приказал полку Кавалергардскому трубить аппель и собраться у Фершампенуаза, а Его Светлости принцу Кобургскому преследовать неприятеля

с полком Лейб-гвардии Кирасирским Его Величества». Пока шел бой с корпусами Мортье и Мармона, дивизии Пакто и Амэ шли на присоединение к маршалам, чтобы совместно подойти в район С.-Дизие. В 10 часов 30 утра, вместо маршалов, обе дивизии столкнулись у деревни Villeseneux с русской конницей. Огромный продовольственный траспорт, конвоируемый Амэ: 200.000 дневных полевых рационов и 80 повозок с боевыми припасами, сильно затруднял и замедлял движение. В деревне Clamanges генералы решили бросить все повозки и спасти только лошадей.

Не успели Кавалергарды отдохнуть после атаки, как Депрерадович получил приказание от самого Государя «Сколь можно скорее поспешить с кавалерией 1-ой кирасирской дивизии к неприятелю другого корпуса, показавшемуся у нас в тылу. Тогда Депрерадович «в ту минуту поворотил Кавалергардский полк и рысью повел его к месту сражения». Одновременно им было послано приказание принцу Кобургскому идти следом за Кавалергардами. По дороге он присоединил к себе 4 орудия № 6-ой конной роты поручика Пухинского.

Перестроив полк ан-эшикие, Депрерадович подходил к месту боя, когда «в то самое время, доносил он, увидел скачущую расстроенную нашу кавалерию против самого Кавалергардского полка и часть французской кавалерии, преследовавшую оную». Тогда, «приказал полковнику Уварову атаковать сего неприятеля, который тогда же сим эскадроном уничтожен».

Остатки дивизий Пакто и Амэ, свернувшись в полковые каре, невзирая на предложение положить оружие, продолжали пробивать себе путь штыками, ища спасение в С.-Гондских болотах.

Князь Шварценберг приказал Депрерадовичу перерезать полком путь отступления французам и не допустить их до С.-Гондских болот. Перехватив у деревни Aulnay-les-Planches дорогу, вдоль которой отступал неприятель, Депрерадович направил в атаку дивизион полковника Уварова, эскадрону Храповицкого приказал поддержать атаку, а поручику Пухинскому открыть картечный огонь по каре. Французы встретили атаку Кавалергардов картечью из 4-х орудий, а пехота открыла «сильный батальный огонь». Эскадроны Уварова замялись, но поддержанные прочими эскадронами полка, «снова бросились на неприятеля и врубились в пехоту».

Эта атака прекратила храброе, но безнадежное сопротивление французов и они положили оружие. В середине неприятельских каре Кавалергарды встретились с конницей Блюхера.

Несмотря на все эти атаки, полк понес сравнительно малые потери. Убиты корнет А. И. Шепелев, 20 Кавалергардов и 78 лошадей. Ранены корнет Н. Н. Петрищев, 57 Кавалергардов и 88 лошадей.

Наградами за этот бой полку были 15 серебряных георгиевских труб. Депрерадович получил золотую шпагу с алмазами, В. И. Каблуков произведен в генералы, полковники Ф. А. Уваров, Е. В. Давыдов, А. Ф. Сталь, эскадронные командиры С. Ф. Колычев, С. П. Ланской и барон Е. К. Арпс-Гофен и прикомандированный к полку Борисоглебского драгунского полка поручик Подольский награаждены Георгиевскими крестами 4-ой степени, И. И. Храповицкий — Георгиевским оружием. 30 Кавалергардов получили Георгиевские кресты. Кроме того 2 золотые и 5 серебряных австрийских медалей и 1 золотая и 2 серебряные Баварские медали были розданы наиболее отличившимся вахмистрам и унтер-офицерам.

В приказах по полку особенно были отмечены Кавалергарды: Григорий Кравченко, который «бросился за телом убитого поручика Шепелева и вынул из колонны», Федор Беломорий и Василий Белоненко, которые «спасли корнета Гешева, вытащив его под сильным огнем из-под раненой его лошади» и старший вахмистр № 6-го эскадрона Вакула Лященко, который «в атаке на неприятельскую пешую колонну под жестокими выстрелами бросился с неустрашимостью и, врубясь в оную, жестоко поражал неприятеля; с отличной храбростью бросился на неприятельскую кавалерию и поражал оную с неустрашимостью и, когда оная была опрокинута, то вторично бросился под выстрел из трех неприятельских орудий и, выдержав оный, всеми овладел».

Французы потеряли одними пленными более 5 тысяч, в том числе генералов Pacthod, Amey, Jamin, Delord, Bouté и Thevenet, 60 орудий и 350 зарядных ящиков и фур. На следующий день в деревне Connantre, рядом с кладбищенской церковью, при отдании воинских почестей, перед выстроенным полком, был похоронен поручик А. И. Шепелев. Через несколько лет его мать поставила на могиле каменную плиту с надписью: «Ici repose en paix Alexandre Chepeleff, lieutenant au regiment des Chevaliers-Garde de l'Armée Imperiale Russe, tombé au Champs d'Honneur au combat de Fère-Champenoise le 25 mars 1814».

17 марта Кавалергарды подошли к предместьям Парижа и стали биваком в Шарантон. На следующий день должна была решиться участь Парижа, но желая пощадить и жителей и самый город, Император Александр отправил утром Шефа Кавалергардов Уварова к французскому командованию с предложением временного перемирия.

В 8 утра Уваров подъехал к неприятельским аванпостам у Vert-Galant. Начальствующий в

этом районе генерал Компан отказал ему в пропуске, но взялся передать военному министру Кларку письменные предложения союзников. Не получая на них ответ, союзная артиллерия открыла огонь.

Между тем, в замке Бонди, где находилась квартира Императора Александра, собралась многочисленная свита в ожидании выхода Государя. Туда же привели пленного капитана de sapeurs-pompiers Пейра. Император захотел его видеть и долго расспрашивал о настроении жителей Парижа. Затем отпустил его в город и приказал передать французским властям, что он воюет не с Францией, а исключительно с Наполеоном и предлагает городу сдаться.

Вместе с Пейра Государь отправил своего флигель-адъютанта Кавалергарда М. Орлова. Отпуская его, Государь сказал: «Я уполномочиваю вас прекращать огонь повсюду, где вы найдете нужным. Я разрешаю вам, не подвергаясь личной ответственности, прекращать самые решительные атаки и даже приостанавливать победу, чтобы отвратить бедствия городу».

Первая-же попытка Орлова завязать переговоры едва не закончилась его пленением. Вслед за этим по всей линии загорелся бой и ядра орудий стали залетать в самый город. К 5 часам вечера французы были выбиты из всех своих передовых позиций и в свою очередь прислали парламентеров.

Тогда Государь вторично послал Орлова. На этот раз он был принят маршалом Мармоном, с которым договорился о предварительных условиях перемирия: французы очищают все позиции, находящиеся вне городских застав. Огонь всюду прекращается и назначаются представители для ведения переговоров. С этим известием, Орлов возвратился к Государю.

В третий раз Орлов был послан к маршалу Мармону. На этот раз с ним поехал граф Нессельроде и адъютант князя Шварценберга граф Парр. Переговоры затянулись, так как французы не соглашались на некоторые условия, в частности о маршрутах для отступления их войск. Нессельроде возвратился к Государю, для получения дополнительных указаний. Орлов остался и вместе с маршалом Мармоном поехал в его дворец в Париж.

«Дворец, говорит Орлов в своих воспоминаниях, представлял разительную противоположность с улицами Парижа. Он был освещен сверху до низу. Тут собралось множество лиц, которые, казалось, с нетерпением ожидали приезда нашего... Так постепенно прошли передо мною все современные знаменитости Франции и, в том числе, глава их князь Талейран. Он пробыл в кабинете маршала довольно долго и, выходя, сказал несколько слов присутствовавшим. Воспользовавшись той минутой, что я остался почти один, он подошел ко мне и сказал: «Возьмите на себя труд повергнуть к стопам Государя Вашего выражение глубочайшего почтения, которое питает к особе Его Величества князь Беневентский». «Князь, отвечал я в полголоса, будьте уверены, что я непременно повергну к стопам Его Величества этот бланк». Легкая, почти незаметная улыбка скользнула по устам князя и, будучи, вероятно, доволен, что его поняли, вышел, не подавая вида, что понял меня».

Наконец вернулся граф Парр, ездивший вместе с Нессельроде и «привез письмо, уполномочивающее нас привести к окончанию великое дело Парижской капитуляции».

Затем на простом листе почтовой бумаги, в присутствии маршалов Мортье и Мармон, Орловым был составлен проект капитуляции Парижа в 8 статьях.

Ст. I. — Французские войска, состоящие под начальством маршалов герцогов Рагузского и Тревизского, очистят Париж 19-го марта к 7 часам утра.

Ст. II. — Они возьмут с собой всю артиллерию и тяжести, принадлежащие этим двум Корпусам.

Ст. III. — Военные действия должны начаться вновь не прежде, как два часа спустя по очищении города, то-есть — 19-го марта в 9 часов утра.

Ст. IV. — Все военные арсеналы, заведения и магазины будут оставлены в том состоянии, в каком находились до заключения настоящей капитуляции.

Ст. V. — Национальная Гвардия, пешая и конная, совершенно отделяется от линейных войск. Она будет сохранена, обезоружена или распущена по усмотрению союзников.

Ст. VI. — Городские Жандармерии разделят вполне участь Национальной Гвардии.

Ст. VII. — Раненые и мародеры, которые найдутся в городе после 9 часов останутся военнопленными.

Ст. VIII. — Город Париж предается на великодушие Союзных Государей.

Маршал Мармон прочел эти пункты вслух всем присутствовавшим и сказал, что ничего в них изменять не надо и поручил полковникам Фавье и Дюсис подписать акт.

Было далеко за полночь, когда Орлов отправился с французскими уполномоченными в замок Бонди. Уполномоченные были приняты Нессельроде, а сам Орлов отправился с докладом к Государю.

«Ну, сказал Государь, что Вы привезли нового?» «Вот капитуляция Парижа, Государь». Император прочел переданную ему Орловым бумагу. «Поцелуйте меня. Поздравляю Вас, что Вы соединили свое имя с этим великим про-

исшествием».

Государь выслушал все подробности составления капитуляции, а также и поручение Талейрана. — «Теперь это еще анекдот, сказал Государь, но может сделаться историей».

Ночь с 18 на 19 марта, Кавалергарды провели у ворот Пантен, где они получили приказаине «Быть готовыми к 7 часам пополуночи в наилучшей чистоте и исправности для входа в город Париж».

Но и без этого приказания войска приводили свое обмундирование, насколько это было возможно, в наилучшее состояние. Настроение у всех было накануне этого торжественного дня особенно приподнято и ночи не существовало. К тому же уже до рассвета бивак был полон парижанами, главным образом — парижанками, предлагавшими водку, вино и... самих себя.

Еще с Германии солдаты прозвали вино — «вейном», во Франции водку от «boire la goutte» окрестили «бурлагутом», а любовные похождения называли странным словом трик-трак и этими тремя удовлетворялись все несложные пожелания солдата на походе.

Ровно в 8 часов утра Государь, в черном Кавалергардском виц-мундире при Андреевской ленте, выехал из замка Бонди. Под ним был серый конь Эклипс, подарок Коленкура еще в бытность его французским посланником в С.-Петербурге.

Долгожданный день отмщения Москвы наступил. Несметная толпа народа стояла у ворот Пантен. По мере приближения войск к центру города, толпа все увеличивалась. Окна, балкона и даже крыши домов и деревья — все было запружено сплошной человеческой массой. Народ кричал, махал платками, бросал цветы под ноги проходивших полков, особенно — русских. Крики «Vive la Russie! Vive Alexandre!» не смолкали во все время прохождения русских полков. Первую ночь войска расположились как попало. На Елисейских полях, в Булонском лесу и прямо на улицах Парижа.

В тот же вечер Государь отправил в С.-Петербург бывшего командира Кавалергардов Голенищева-Кутузова курьером с известием о взятии Парижа. «Поспешай, как наиможешь. Обрадуй Матушку и жену». 13-го апреля пушечные выстрелы с верков Петропавловской крепости возвестили жителям столицы о приезде Кутузова с радостной вестью.

На следующий день войска были кое-как размещены по различным казармам Парижа и в его окрестностях. Кавалергарды вместе с Конной Гвадией стали в Ecole Militaire. Депрерадович и штаб дивизии — в № 11, rue Madame.

Казалось, что после двух лет боев, тяжелых походов и лишений, войска смогут насладиться долгожданным и заслуженным отдыхом. Но на деле вышло иначе. На армию посыпались парады, смотры и разводы, так что «солдату в Париже стало горше и тяжелей чем на походе». Офицерам было запрещено отлучаться из казарм. Город был оцеплен двойной линией постов. Кроме того, каждый полк в своем расположении высылал круглые сутки патрули и разъезды.

Париж был разделен на три участка, во главе которых были назначены генералы. Расположение полка вошло в участок прусского генерала фон-дер-Гольца. Генерал-губернатором Парижа был назначен русский генерал барон Сакен. Комендантом — русской службы, флигель-адъютант Государя, французский эмигрант граф Рошешуар. И Сакен и Рошешуар главную целью своего назначения видели в мелочных придирках и притеснениях войск, чем заслужили всеобщую к себе ненависть.

Конечно, после стольких лет походной жизни, было трудно сразу окунуться в обстановку казарменой жизни. Тем более, что победители Наполеона первые десять дней форменно голодали и для своего пропитания были принуждены захватывать самовольно проходящие транспорты с фуражем и продовольствием.

Со временем, все это наладилось. Офицерам было разрешено жить на частных квартирах и носить штатское платье. Каждому ежедневно отпускались кормовые деньги: 3 франка — корнету, 4 — поручику, 5 — штаб-ротмистру, 6 — ротмистру и 10 — полковнику. Государь выдал всей своей Армии полный годовой оклад не в зачет. Таким образом, денег оказалось много, тем более много, что банкиры легко учитывали русские векселя по простому удостоверению командира корпуса, что данное лицо владеет в России недвижимым имуществом.

Центром веселящегося Парижа был Пале-Руайяль с прилегавшими улицами и бульварами. В особенности бульвар des Italiens, на котором к 4 часам собирался весь свет и полусвет Парижа. Кафе Véry и Tortini и ресторан des Frères Provençaux были излюбленными местами русского офицерства.

Однажды, в кафе Вери вошел Кавалергард В. В. Шереметев с целой компанией офицеров. Кафе, как всегда, было полно. Среди присутствовавших были и французские офицеры, заметно на-веселе. Завидя вошедшего Шереметева, они направились к нему навстречу с бокалами в руках, предлагая выпить за здоровье Наполеона. На это предложение последовал грмокий ответ Шереметева: «Il faut être un vrai m'enfichiste pour boire à present à la santé de l'Empereur Napoléon. Il fallait mourir en le defendant».

Среди офицеров полка, молодой 16-летний корнет Н. Н. Тургенев отличался необыкно-

венной силой. В числе прочих своих молодых товарищей он часто посещал гимнастические залы Парижа, среди обычных посетителей которых было всегда много англичан. Как-то раз, между ними и рускими зашел спор, кто сильней. Стали пробовать силу на особом аппарате, показывавшем на отдельной шкале силу каждого. Когда очередь дошла до Тургенева, то он не только оттянул рычаг до отказа, но вытянул весь аппарат с его подставкой. Англичане пришли в неописуемвй восторг и победителя отнесли на руках в ближайшее кафе.

По распоряжению Александра I, от Кавалергардов был назначен караул в Мальмезон к Императрице Жозефине. Они же отдали ей последние почести и несли караул у ее гроба.

Кавалергарды пробыли в самом Париже очень короткое время. 1-го апреля они были переведены в Версаль и в ближайшие от него деревни. До них стояли там баварцы и до такой степени грабили население, что последнее, доведенное до отчаяния, обратилось к Государю с просьбой пособить их горю.

В записках современника Альфреда Лабушера описан приход полка в деревню Jouy-en-Josas: « Les premières troupes Alliées qui arriverent à Jouy en cantonnement régulier, furent les Chevaliers-Garde de L'Empereur Alexandre. Ils descendirents un soir dans la vallée précédés d'une très belle musique. Loges chez les habitants, ils restèrent assez longtemps à Jouy. Le colonel Kabloukoff fut installé chez d-r Obercampf et il y vecut très paisiblement. Les jeunes officiers appartenaient aux premières familles de Russie. Bien élevés, aimables, ils furent remplis d'obligeance donnèrent des serenades aux dames et maintinrent la plus severe discipline. On n'osait même se plaindre d'aucune infraction legère».

9-го апреля Государь переехал в Рамбулье. По этому случаю туда было отправлено два эскадрона Кавалергардов под командой полковника Каблукова. Производство Каблукова в генералы было отдано в приказе по Армии лишь во время обратного пути полка в Россию. Каблукову было приказано «так как Государь Император завтрашнего дня изволит быть в Рамбулье, то рекомендуется Вашему Высокоблагородию взять по сему предмету надлежащие меры. Особено караул должен быть во всевозможной чистоте и исправности и соблюдать осторожность».

А соблюдение осторожности было необходимо. В густых лесах Версаля и Рамбулье скопилось и скрывалось много шаек французских и союзных дезертиров и приверженцев Наполеона. Часто происходили нападения на отдельных солдат и даже на целые транспорты. Так 9-го апреля в лесу, не доезжая Версаля, Кавалергард Никита Паполита был ранен неизвестным в левую руку пулей на вылет, а 28 апреля на двух Кавалергардов Шефского эскадрона Сабатюка и Иванова, между Версалем и Жуи, напали французы и ранили первого — три раза саблей, а второму рассекли бровь.

Версальские уличные мальчишки преследовали Кавалергардов криками «Barbares! Ogres russes!». Однажды, когда весь полк был в сборе на Версальском плацу, собралась толпа зевак и по обыкновению отпускала разные остроты и плоские шутки. Солдаты, не понимая языка, добродушно смеялись. Офицеров это изводило. Наконец, один из них, выведенный из терпения нахальством одного француза, указал на него вахмистру: «А ну-ка, проучи его хорошенько». Вахмистр, атлетического сложения, ловко подскакал к французу, запустил ему в волосы всю свою пятерню и так встряхнул, что француз вмиг оплешивел, а у вахмистра в руках болталось нечто в роде скальпа.

18-го мая по случаю заключения мира, полк ходил на парад в Париж, а 21-го Кавалергарды начали свой обратный поход в Россию. В течение пяти месяцев, день за днем, версту за верстою, совершали они свой путь на Родину.

18-го октября, под звон колоколов и криков тысячной толпы, теснившейся на улицах С.-Петербурга, Кавалергарды вступили в столицу и вернулись в свои казармы на Захарьевской улице.

В. Н. Звегинцов

Французы вспоминают Тверских Драгун

20 августа 1933 года в газете «Le Petit Rethelois», издающейся в гор. Ретель (главный город департамента Арденн, во Франции), была помещена статья под заглавием «Une inscription à la mémoire d'un officer russe. Enterré en 1817».

Как известно, Тверской драгунский полк был дважды во Франции. Переправившись через Рейн в декабре 1813 года, Тверцы, в составе Силезской армии участвовали в первых боях кампании 1814 г. при Бриенне, Ла-Ротьере и Монмирай. У селения Краон, русская кавалерия восемь раз бросалась в атаку, выручая нашу пехоту. За это сражение, командир полка получил орден Св. Владимира 4-й степени. У села Экюри, близ Фершампенуаз, Император Александр I лично руководил атакой каре двух пехотных дивизий. Командир полка награжден вторично, награждены и другие офицеры, а вахмистр Войтенко произведен в офицеры. Полк участвовал в блокаде Венсеннского замка. Затем, стоянки его были — Венсеннский замок, село Варред (вблизи Мо) и окрестности Реймса. В начале августа 1814 года, полк вернулся в Россию.

Вследствии возвращения Наполеона с Эльбы, полк вторично пришел во Францию, в июле 1815 года и, в составе корпуса графа М. С. Воронцова (согласно постановлениям второго Парижского конгресса, корпус этот оставался во Франции, для обеспечения ее внутреннего спокойствия), пробыл там до осени 1818 года, то-есть до решения Аахенского конгресса о выводе союзных войск из пределов Франции. В этот период, стоянки полка были местечко Брией, а затем — город Ретель, откуда полк и выступил обратно в Россию.

В указанной выше, газетной статье говорится о том, что «еще несколько лет назад, можно было видеть надгробную плиту, на которой была выгравирована надпись на русском и французском языках. Плита эта помещалась у входа в дом Леона Валлиен. Пять лет тому назад (то-есть в 1928 году), при перестройке дома, плита эта была разбита рабочими. Хозяин дома собрал разбитые куски плиты и, вместе с другими обитателями, восстановил надпись, которая гласила следующее:

Вот русская надпись — «1817 goda janvaria 6. Tverskago Dragounskago polka Paroutchikou Inozemtsovou от Drouzey ego sotovaritchey pamiatnik».

«Le 6 janvier de l'année 1817 Regiment des Dragons de Tver Lieutenant Inozemtsof. От (de la part) de ses amis et compatriotes un eternel souvenir».

Газета описывает пребывание Тверцов в Ретеле и описывает трагическую гибель двух молодых офицеров.

«Семьи господ Анри Домбио и Анри Гиф, обосновавшиеся в нашем городе в начале прошлого столетия, хранили воспоминание о трагических и романтических обстоятельствах смерти молодого офицера. После Ватерлоо, русский оккупационный корпус оставался в Ретеле до 1 ноября 1818 года. В отношении наших граждан, иностранцы держались корректно и уважали их имущество. Памятная медаль была поднесена генералу Воронцову от жителей Ретеля, как знак благодарности граждан Ретеля и Визиера за дисциплину, которую генерал поддерживал в своем войске. Один экземпляр этой медали ХРАНИТСЯ посейчас в городском музее. Мало-по-малу, самые сердечные отношения установились между русскими и французами. Офицеры организовывали празднества и балы, на которые приглашали наших дам и девиц, восхищенных элегантными кавалерами полка «de Dragons de Tver», «одного из наиболее знаменитых и аристократических из всей России».

К сожалению, на почве романических интриг и соперничества, произошло печальное событие, приведшее к трагической развязке. Лейтенант Иноземцев «descendant de l'aristecratie russe» и один из его товарищей влюбились в одну молодую и красивую француженку. Их соперничество завершилось дуэлью. Оружием были избраны «sabres de combat». Газета говорит, что «les deux adversaires se précipitant l'un sur l'autre, se transpersent mutuellement et restèrent morts sur le terrain».

«Так как их не могли похоронить на католическом кладбище, то тела их были преданы земле на участке, который, впоследствии, был пожертвован его владельцем г-м Нобель, городу.

Надгробный памятник противника Иноземцева был настолько разрушен, что надпись на нем не представлялось возможности восстановить».

Статья подписана — Доктор М.

Тверец

Лейб-Драгуны под Фер-Шампенгуаз

Лейб-гвардии Драгунский полк переименован 6 дек. 1831 г. в лейб-гвардии Конно-Гренадерский.

13/25 марта 1814 года, около 15 ч., кавалерия генерал-лейтенантов графа Палена и графа Ожаровского, входившая в состав Главной армии союзников и наступавшая усиленными переходами на Париж, оттеснив в течение утра противника, развертывалась у деревни Фер-Шампенуаз, дабы атаковать во фланг отступавшие корпуса Мармона и Мортье. Ливший с утра дождь, еще усилился после полдня и поднялся сильный ветер. Прибывший в это время в деревню Фер-Шампенуаз, Император Алексанр Павлович, услыхав канонаду в северном направлении, послал туда Кавалергардов, лейб-Улан и Конно-артиллерийскую роту. В это время, с юга появился Цесаревич Консатнтин Павлович с Лейб-гвардии Драгунским и Кирасирским Ее Величества полками и Гвардейской Конно-артиллерийской ротой. По распоряжению Императора, Кирасиры Ее Величества были посланы на усиление первого Отряда, Конно-артиллерийская рота открыла огонь по правому флангу противника, а лейб-Драгуны стали влево от нее.

Между тем, Мармон и Мортье, услышав туже канонаду и думая, что это Наполеон подошел к ним на помощь, приказали своей коннице двинуться в атаку. Французская кавалерия бросилась на нашу Конно-артиллерийскую роту и нанесла ей большие потери, но, в это время она-же была атакована справа лейб-Драгунами, атаковавшими под командой полковника Климовского. Во главе дивизионов находились полковники князь Хилков и Альбрехт а эскадронами командовали полковник Квитницкий и капитаны Кнаппе, Струйский, Катаржи 1, Станкович и Базилевский. Стремительно атаковав французов, уже захвативших шесть орудий нашей Гвардейской Конно-артиллерийской роты, лейб-Драгуны, «со свойственным им духом» (выражение Цесаревича Константина Павловича), врубились в их ряды, опрокинули и погнали атакованную конницу, забирая пленных. Четыре раза французы пытались остановиться и оказать сопротивление, но каждый раз Лейб-Драгуны опрокидывали их, вогнали, наконец, в промежуток между пехотными каре, смяли и, отобрав наши шесть орудий, захватили два неприятельских.

Во время этой атаки, был смертельно ранен, палашом в сердце, поручик Богданов. Рана по первоначалу, показалась незначительной, но причиняла ему страшные страдания, через несколько дней, он умер в госпитале города Мо, где и похоронен. Ранены были полковник князь Хилков, штабс-капитан Шембель и прапорщик Кордо-Сысоев. К сожалению, мне не удалось установить потери нижних чинов.

Целый полк французской кавалерии был уничтожен, взято более 500 пленных. Атакованные в то же время полками кавалерии графа Палена, маршалы Мортье и Мармон, были сбиты с позиций и в беспорядке отступили.

Подскакав после этого славного дела к полку, Цесаревич Константин Павлович сказал: «Драгуны, вы вписали сегодня ваше имя в историю конницы!» 15/27 же марта был объявлен следующий приказ по армии:

«2-ая гвардейская кавалерийская дивизия и полки лейб-гвардии Драгунский и Уланский, в сражении 13 числа сего месяца, при Ла Ферте-Шампенуаз, оправдали совершенно ту доверенность, которую каждый имеет к сему благоустроенному войску, при первом на него взгляде. Они, под личным предводительством Его Императорского Высочества Константина Павловича, истребив целые колонны пехоты, овладев значительным числом артиллерии и разбив всю неприятельскую кавалерию, приобрели тем себе неоспоримое право на преимущественное присвоение победы, в сей день одержанной. В полной признательности к толику блистательному отличию 1-й Кирасирской дивизии и полков лейб-гвардии Драгунского и Уланского, я за особенное удовольствие вменяю сделать подвиг сей известным во всех армиях и принимаю на себя приятную обязанность ходатайствовать у Всемилостивейшего Государя Императора о воздаянии отличившимся».

За сей выдающийся подвиг, Высочайшим Приказом от 30 августа 1814 года, Лейб-гвардии Драгунскому полку были пожалованы 22 Георгиевских серебряных трубы с надписью «За храбрость против неприятеля при Фер-Шампенаузе 13 марта 1814 г.». Высочайшая Грамота на это отличие была дана, в царствование Императора Николая Павловича 19 марта 1825 года и хранилась в Полковой церкви.

Главнокомандующий русскими частями Главной армии генерал-фельдмаршал граф Барклай-де-Толли, на основании предоставленной ему власти, наградил 30 офицеров орденами Св. Владимира 4-й ст., Св. Анны 3-й и 2-й ст. и золотыми шпагами и представил к Высочайшему награждению 8 обер-офицеров орд. Св. Владимира 3-й ст. и алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й ст., полковников Климовича и Квитницкого к орденам Св. Геор-

гия 4-й ст. и полковников князя Хилкова и Альбрехта к следующему чину. Для нижних чинов было дано по 5 Знаков отличия Военного Ордена на эскадрон, а впоследствии, по ходатайству командира полка генерал-майора Чичерина 2-го еще 11 лейб-Драгун получили его. Император Австрийский, короли Прусский и Баварский пожаловали чинам полка известное количество золотых и серебряных медалей.

Извлек из истории лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка.

Платон Стефанович

НАШ ПОЛК

Наш полк... Дружная семья, как и все полки русской Императорской армии.

В дальнейшей своей службе, в штабах, я уже не встречал такой сплоченной, тесной семьи. Исключение составляли, быть может, штабы дивизий, где офицерский состав был более однородный: он пополнялся из полков своей-же дивизии и офицеры поддерживали тесную связь со своим полком.

На войне полк сильно пострадал. В первыхже боях, на австрийском фронте, полк потерял убитыми 38 офицеров, половину своего офицерского состава. Он выполнил свой долг.

В мирное время, в полку жили скромно. Только в торжественных случаях, появлялись мартини, глинтвейн и крюшон, заканчивали кофе с ликерами, а затем — опять «зажимались». Более состоятельные офицеры старались не выделяться из общей массы, менее обеспеченной в материальном отношении. Вообще в полковой офицерской среде не было принято говорить о деньгах и о «политике». Служили за честь мундира, а политикой — занимались штатские, деньгу делали — коммерсанты. Все было так просто и так ясно.

Солдаты, большей частью, крестьянские дети, смотрели «в корень» и были настроены более «материалистически», но, в общем, довольствовались тем, что получали от «казны». Было мало таких счастливцев, что могли позволить себе роскошь сообщить своим родителям, что, дескать, «потерял прицельную линию, немедленно пришлите три рубля» или «уронил на пол и разбил траэкторию» за что нужно «вернуть казне пять рублей». Если деньги приходили — пировала вся рота.

Офицеры вели замкнутый образ жизни и ориентировались на Офицерское Собрание. Товарищество, в лучшем смысле этого слова, процветало. Офицеры были носителями и блюстителями традиций своей части, являлись живым олицетворением ее истории и ревниво оберегали честь своего полка. Полк же был родная стихия, весь смысл жизни строевого офицера.

Подчас, офицеры казались взрослыми детьми и сами себя смешили. Так, был в полку капитан Агамальянц. Красавец мужчина, черные, как смола, шевелюра и борода. Его, почему-то, называли «рыжий». Или, например, строевые занятия в роте капитана Заволоцкого, Александра Федоровича. Рота отчетливо марширует. Заволоцкий грозными очами «поедает» свое детище и зычным голосом подсчитывает такт. Рота безукоризненно держит равнение и идет в ногу, только юный подпоручик Л., по совершенно непонятной причине, временами не улавливает такт, приводит в смущение всю роту и вызывает неудовольствие своего командира. Раздается грозный оклик ротного командира:

— Отставить! Рота, стой! Кадриль танцуете и сбиваете ногу их Благородию!

Нужно принять во внимание, что Александр Федорович был известен в полку как зубоскал, почему его и звали «Сашà» с ударением на последнем слоге.

В то время, я был очень молод и тоже отличался. В полк прибывали, для повторного обучения, запасные старших возрастов. По утрам, когда я приходил в роту, то обыкновенно здоровался со своими бородачами: «Здорово, ребята!» и мои «ребята», дружным хором отвечали «здравия желаем» и ухмылялись в бороды. Тогда, я ровно ничего не понимал — почему они смеялись? Теперь, когда мне стукнуло 77 и когда я вспоминаю свою молодость, — я понял.

Мой первый ротный фельдфебель был Иван Макарович, старый служака, убеленный сединами, отец роты, которая являлась для него второй семьей. Хотя я и был для него «госпо-

дин поручик», тем не менее, он обращался со мной как со своим сыном, знакомя меня с неписанной армейской мудростью и психологией и душой солдата.

А наши унтер-офицеры!... Орлы!... «Дает ногу» — земля трещит да и подметка тоже, к ужасу ротного командира. Как они любили обучать новичков, особенно вольноопределяющихся, да еще с высшим образованием... «Подбери живот. Подними плечи... Грудь вперед и выше голову! Это вам не университет...».

И, действительно, это был не университет. Один из этих вольноопределяющихся, весьма добродушный по внешнему виду, но большой остряк, как-то сказал мне, в шутку: «Если бы я знал, что в армии господа унтер-офицеры обращают такое внимание на высшее образование, я-бы не поступил в университет».

А солдаты!.. Один лучше другого. Но, сказать правду, по праздникам они немного скучали, все-таки — три года службы... Один из молодых капитанов, предложил, для развлечения солдат в свободное время, ввести игру в футбол, но ротные командиры запротестовали: «подметок не наберешься», говорили они. А, известный уже вам, капитан Заволоцкий сердито от всей души, сплюнул и презрительно процедил сквозь зубы: «вы-бы им еще и соску дали». Заволоцкий сам прошел суровую солдатскую школу и не признавал никаких поблажек ни на службе, ни вне.

Тяжелый вопрос для полка был о пополнении его офицерами в случае войны и мобилизации. При мобилизации, часть кадровых офицеров полка уходила на формирование высших штабов, армейских, корпусных и дивизионных обозов, этапных батальонов и тому подобное. С большим беспокойством, командир полка смотрел как, без боев, таял кадровый офицерский состав полка. В полку начиналась чехарда, с уходом части штаб и обер-офицеров, производилась перегруппировка командного состава полка. На место убывших кадровых офицеров, прибывали прапорщики запаса. Большею частью, то были пожилые люди, с положением в обществе и на частной службе, с большим жизненным опытом. В полку они, зачастую, попадали под начало юных подпоручиков, которым они годились в отцы. Создавалось ненормальное положение, остро ощущаемое обеими сторонами.

Не проще-ли было-бы назначать офицеров запаса в тыловые учреждения? Тогда полк выступил бы в поход с полным кадром офицеров мирного вермени и этим сохранился бы боевой потенциал полка. Перед войной 14 года, были сделаны некоторые улучшения в системе пополнения полков офицерами запаса. Последние, в мирное время, отбывали учебные сборы, производились в следующие чины, но — все же это была полумера. Уход кадровых офицеров и ослабление этим боевого потенциала полка — оставались неизменными в ущерб интересам полка и общего дела.

В полку я еще застал старых офицеров, произведенных в первый офицерский чин из вольноопределяющихся и зауряд - прапорщиков. Много каши съели они из полкового котла, прежде чем добрались до первого офицерского чина. Их сразу можно было узнать по походке, они долго носили винтовку на левом плече и потому, по старой привычке, носили левое плечо выше правого. То были старые служаки, для коих — жизнь была служба и служба — жизнь. С 7 утра и до 9 вечера, они проводили время в казармах. Когда наступали праздники или по воскресеньям, они не знали что с собой делать. Некоторые не выдерживали и уходили в свои роты, пересчитывать и пересматривать обмундирование и снаряжение, к величайшему неудовольствию своего фельдфебеля. Они командовали ротами по многу лет и, когда уходили в отставку, то плакали при расставании, как дети. И солдаты жалели, когда уходили такие отцы-командиры.

А командовать ротой было нелегко. Недаром, командиру роты, в армейской пехоте, было присвоено не особенно лестное прозвание — «водовозной клячи». Прошли «золотые денечки», когда ротный командир появлялся в роте один раз в месяц. Тогда, для роты, это бывал настоящий праздник. За три-четыре дня до появления ротного командира, рота начинала готовиться к встрече. Все вымывалось, выскребалось, вычищалось, словом, все блестело чистотою, как на хорошем военном корабле. Рота была готова предстать пред светлые и проницательные очи своего командира.

Ушло в область предания то время когда командир полка, старый вояка, отломавший походы и видевший виды, неохотно расставался с казарменным двором, где происходили строевые занятия: солдаты «печатали с носка» и лезли из кожи, усваивая учебный шаг. С тоскою в очах, старый боевой солдат, у которого частенько хромала «письменность», отправлялся в полковую канцелярию, где его ожидала груда бумаг с приказами, денежной и материальной отчетностью, с нахлобучками со стороны высших начальников и т. п. Все тщательно подготовленное к докладу полковым адъютантом.

Командир полка садился за свой письменный стол и углублялся в чтение служебных бумаг. Временами, он натыкался на что-либо ему непонятное. Тогда он начинал ерзать на стуле, переворачивал бумагу во всех направлениях, наконец, не выдерживал и обращался к полковому адъютанту:

— Владимир Владимирович, ничего не по-

нимаю! Что это такое? Мы пишем или нам пишут?

И полковой адъютант, матерой поручик, съевший «собаку» на своем деле, объяснял своему маститому командиру, что «не мы пишем» и что «не нам пишут», а что это циркулярное предписание высшего штаба, для всеобщего сведения. Командир полка, с облегчением, вздыхал, вытирал пот со лба, откладывал в сторону пресловутую бумагу, успокаивался и принимался за следующую. По окончании доклада он, с нескрываемым удовольствием, расставался с полковым адъютантом, оставлял канцелярию и возвращался на казарменный двор, где он чувствовал себя «в своей тарелке».

Молодые офицеры из военных училищ — это было уже не то. Они покидали казарменный двор без всякого сожаления. Они много читали, посещали литературные вечера. Сами читали доклады на военные темы. Интересовались общественной жизнью, бывали в театрах, кино и т. п. Не пропускали и танцевальные вечера. Вообще, они «не скучали», как уверяли всезнающие «воинские писатели», тоесть полковые писаря.

А «воинские писатели» принадлежали к мозгу полка, ибо они принимали участие в издании ежедневной полковой газеты или полкового приказа. В нем, как в зеркале, отражалась вся внутренняя жизнь полка. Полковой приказ был «святая святых», своего рода, библия. Многие старые офицеры, принципиально, кроме полкового приказа, уставов и «Русского Инвалида» ничего не читали.

Хозяйственную часть полкового приказа редактировал делопроизводитель по хозяйственной части полка, военный чиновник или «делопуд», как его, опять-таки в силу своей необузданной фантазии, называли господа офицеры. А между тем, «делопуд» была «персона грата» в полку, ибо, в своих руках он держал ключи материального благополучия всего полка. Канцелярия «делопуда» представляла собою огромную комнату, заваленную бумагами и загроможденную столами всех размеров, полками и т. п. На них лежали стопы бумаги, сотни книг с приказами, приказаниями, законами, для различных справок. В интервалах между книгами и журналами, как бы изза брустверов, вышиною в аршин, мелькала голова «делопуда», в буквальном смысле слова, утонувшего в этом царстве бумаги, чернил, скрипа перьев и треска пишущих машинок.

К сожалению, наше молодое поколение очень мало интересовалось полковым приказом. Разве только, когда найдет бессонница, — вытащишь какой-либо старый залежавшийся номер полкового приказа и начнешь читать его, чтобы скорее уснуть.

Дисциплина в армии была суровая, служба тяжелая, зачастую, она требовала напряжения всех сил, но, товарищество и неисчерпаемый запас юмора облегчали тяжесть несения этой службы. Офицеры с честью выходили из всякого положения, в кои попадали при выполнении своих обязанностей или в кои их, иногда, ставило старшее начальство.

Был смотр. Ожидали нового командира бригады и офицеры выстроились на правом фланге полка, для представления генералу. Последний обходил шеренгу и здоровался за руку со всеми офицерами. Последним в шеренге был подпоручик Гротенгельм, павлон, то-есть юнкер Павловского военного училища. Генерал от рукопожатий устал и, посмотрев на смиренного вида подпоручика, протянул мизинец правой руки. Нисколько не смутившись, подпоручик, в свою очередь, протянул навстречу мизинец своей правой руки. Оба мизинца, генеральский и подпоручика, потерлись друг о друга и мирно расстались.

Был другой смотр. Строй обходил начальник дивизии генерал Подвальнюк, герой сербско-турецкой войны 1876 г., сподвижник генерала Черняева, георгиевский кавалер, страх и трепет всей дивизии. По окончании смотра, генерал отправился в казарму 16 роты капитана Великотного, отличного офицера и прекрасного товарища. Начальник дивизии «гремел». Он снял со стены какой-то список в рамке и начал изучать его. Случайно, список оказался не подписан ротным командиром. Генерал озверел и треснул его об пол. Капитан Великотный молча подошел к генералу, составил каблуки, нагнулся, приподнял список и хватил его ногой, с такой силой, что список подлетел к потолку, описал траэкторию через все ротное помещение и, с треском, через окно, вылетел на полковой двор. Генерал и капитан, молча, посмотрели друг другу в глаза и, также молча, генерал оставил ротное помещение.

Генерал Подвальнюк был из числа «трынчиков», о коих речь будет ниже. К молодежи он относился скептически и с предубеждением. Генералу казалось, что субалтерны легкомысленно относились к «муштре» и душою и телом не слились со строем.

Дабы убедиться насколько субалтерны знают свои взводы, генерал приходил в роту, ставил поручика спиной к строю и приказывал:

— Вызывайте солдат по фамилиям, в том порядке, как они стоят в строю.

Понятно, что редко кто мог сделать это безошибочно и тут разыгрывались самые курьезные сцены, на общее веселье всей роты. Но, нет такого положения, из которого нельзя было бы выйти с честью. Так было и в данном случае.

Один из остроумных и находчивых поручиков, приказал своим солдатам, по очереди, отвечать «я», не обращая внимания на фамилию, которую он будет вызывать. Вышло блестяще. Генерал был ошеломлен такими познаниями. Подпоручик сиял. Рота — тоже. Однако, генерала взяло сомнение. Когда, при очередной проверке, подпоручик звучным голосом вызвал «Егоров», генерал перебил:

— Стой! Выходи из строя! Так называемый «Егоров» вышел.

— Как твоя фамилия? — навалился генерал на солдата. Перепуганый тот ответил:

— Воробьев, Ваше Превосходительство!

Генерал понял и рассвирепел. Талантливый и изобретательный подпоручик, с места, отправился под арест, но генеральская перекличка прекратилась навсегда.

Старые офицеры из рядовых, были большие формалисты и схватывали сущность военной дисциплины чисто механически, поэтому, им присвоили название «трынчики», что на армейском жаргоне значило мелочные люди.

«Трынчики» проводили в жизнь железную дисциплину, не допуская никаких отступлений и послаблений, требуя немедленного и строгого наказания по уставу, виновных в нарушении этой дисциплины. Они допекали своих субалтернов вопросами «кто это сделал? Кто виновен?».

Молодежь смотрела на вещи шире. Отцы и дети... Старая тема... Молодые считали, что прежде всего надо установить причину нарушения дисциплины, выяснить как исправить последствия и, затем, предупредить возможность повторения этого в будущем. То была светлая, задушевная молодежь! «Наши идеи более гуманные и рациональные», говорила молодежь или, как их называли «детский сад». «Трынчики» находили, что это порча солдат, что в бою, такие воины начнут философствовать: стоит ли умирать или нет, вместо того, чтобы слепо следовать за своим командиром. На эту тему велись горячие дебаты между «трынчиками» и «детским садом». Последний упорствовал и защищал свои идеи.

Иногда, для перемены обстановки, воинственно настроенный подпоручик приходил домой, вооружался пером, чернилами и бумагой и глубокомыслено писал: «Заболев сего числа, службу Его Императорского Величества нести не могу». Следовала подпись. Рапорт шел по назначению. На квартиру подпоручика приходил полковой врач и констатировал род болезни, что особого труда не составляло. Затем, доктор и его пациент пили чай или вино и мирно беседовали между собой. Перед уходом, доктор, по обыкновению, говорил:

— А, между прочим, у вас переутомление. Вам нужно несколько дней отдохнуть. Соответствующее донесение по команде — будет сделано.

Следовал приказ по полку. «Трынчик» был вне себя от волнения. Он останавливал всех встречных и вопил:

— Господа! Читали последний приказ по полку? Мой субалтерн отличился! — Переутомился! Какое нежное создание! Можно подумать, что он окончил институт для благородных девиц!!! Что вы на это скажете? Если начальник дивизии прочтет этот приказ, он подумает, что моя рота это дисциплинарный батальон. Вот и выслуживай штаб-офицерские эполеты, когда Господь наградил тебя таким золотом!

«Трынчик» был безутешен. Но, приказ по полку, уважение к печатному слову, делали свое дело и старина, понемногу, успокаивался.

К полку примыкал, разного рода, рабочий люд: подрядчики, портные, сапожники и т. п. Эти трудолюбивые люди обслуживали полк и срослись с ним. У многих из них, офицеры бывали на свадьбах, крестинах, на них смотрели как на своих и к ним привыкли.

Во время гражданской войны, при формировании Красной армии, полк был переименован в стрелковый. В нем оставалось очень мало кадровых офицеров, подпрапорщиков и унтер-офицеров. Полк изменил свою физиономию. Не стало дружной семьи. Не стало прежнего величия.

А. Битенбиндер

Кадетские Корпуса в Российской Империи

Создание Императором Петром Великим регулярной армии, вооруженной современным оружием, вызвало необходимость подготовить командный состав, для руководства воинскими частями. Военных учебных заведений для подготовки офицеров тогда не существовало, за исключением двух школ, учрежденных в 1712 году — Артиллерийской и Инженерной. Таками школами для подготовки офицеров для армии служили 2 Гвардейских полка Преображенский и Семеновский для пехоты и Лейб-Регимент для конницы. По воинскому уставу, утвержденному Императором Петром Великим, офицерами в армии могли быть назначаемы лишь те, которые прошли солдатскую службу в обоих Гвардейских полках и в Лейб-Регименте. С увеличением армии, в последующие царствования, эти части не в состоянии были снабдить армию офицерами, почему, по инициативе Генерал-Фельдмаршала Графа Миниха, в царствование Императрицы Анны Иоанновны, 29 июля 1731 года был основан первый в России Кадетский Корпус, названный «Корпусом Кадетов Шляхетских Детей» для подготовки офицеров для Армии. Штат корпуса был установлен в 300 воспитанников в возрасте от 13 до 18 лет.

Корпус просуществовал до самой революции 1917 г.

Последнее его название было «Первый Кадетский Корпус». Шефом Корпуса был Государь Император.

Царствование Императрицы Екатерины II

в России было учреждено 2 Кадетских Корпуса:

1) В 1762 г. 25 октября Артиллерийский и Инженерный Шляхетский Кадетский Корпус для подготовки офицеров для Артилерийских и Инженерных частей. Корпус просуществовал до революции 1917 г. Последнее его наименование было: 2 Кадетский Императора Петра Великого Корпус».

2) В 1792 — Шкловский Кадетский Корпус. Основан из Шкловского Благородного Училища, переименован в 1800 г. в Отделение Гродненского Кадетского Корпуса (не был сформирован и в 1806 г. в Смоленский Кадетский Корпус, а в 1814 г. назван Московским.

Последнее его название — 1-й Московский Императрицы Екатерины II кадетский Корпус и просуществовал он до революции.

Царствование Императора Александра I.

При Императоре Александре I число корпусов увеличилось на два.

1) В 1812 г. в Финляндии был основан Гааланьемский Топографический Корпус, переименованный в 1819 в Финляндский, который был расформирован в 1903 г.

2) В 1815 г., с присоединением Великого Герцогства Варшавского к Российской Империи, одновременно перешел Кадетский Корпус, основанный в 1793 г. в Калише Прусским Королем Фридрихом Вильгельмом, когда Герцогство Варшавское находилось под властью Пруссии. С переходом к России из Калишского Корпуса выпускались офицеры как в Польскую армию, созданную в Царстве Польском, так и, по желанию кадет, в Русскую. Калишский Кадетский Корпус был расформирован в 1831 г. после польского восстания.

В царствование Императора Александра I произошло значительное увеличение армии в связи с войнами с французами и некомплект офицеров в армии был очень большой. Существующие кадетские корпуса не в состоянии были снабдить армию офицерами, а полная реорганизация Гвардии при Императоре Павле I, которая, со времени Императора Петра Великого, была школой для подготовки к офицерскому званию своих унтер-офицеров для офицерских должностей в Армии, лишила ее этой возможности. Для пополнения армии офицерами, помимо корпусов, пришлось создать новые учебные заведения.

1) В 1802 сформирован Пажеский Корпус для комплектования офицерами, главным образом, Гвардии.

2) В 1805, при 2 Кадетском Корпусе сформирован Волонтерный Корпус из молодых дворян для подготовки их в офицеры для армии, переименованный в 1808 в 2 дворянские батальона и в 1810 в Дворянский полк, в 1855 г. г Константиновский Кадетский Корпус.

3) В 1813 г. Омское Войсковое Казачье Училище, переименованное в 1845 г. в Сибирский Кадетский Кропус.

В 1817 г. Александровское Тульское Военное Училище, переименованное в 1837 г. в Александ-

ровский Тульский Кадетский Корпус.

5) В 1823 г. Школа Гвардейских Подпрапорщиков для комплектования офицерами Гвардейской пехоты.

6) В 1824 г. Оренбургское Неплюевское Военное Училище, переименованное в 1844 г. в Оернбургский Неплюевский Корпус.

Царствование Императора Николая I.

Усовершенствование армий в Европе и снабжение их новейшим современным оружием вызвало необходимость более тщательной подготовки офицеров, и потому в Царствовании Императора Николая I было сформировано 17 новых корпусов.

1) В 1829 г. Павловский Кадетский Корпус из Императорского Военно-Сиротского дома. Расформирован в 1863 г.

2) 1830 г. Тамбовский Кадетский Корпус из основанного в 1802 г. Тамбовского Дворянского Училища. В 1841 г. — Неранжированная рота Михайловского Воронежского к. Расформирован впоследствии.

3) Неранжированный Владимирский Кадетский Корпус. В 1857 г. расформирован.

4) 13 марта 1834 г. Новгородский графа Аракчеева Кадетский Корпус.

5) В 1834 г. Казанский Кадетский Корпус В скором времени расформирован.

6) Грузинский Кадетский Корпус из неранжированных рот Новгородского и Полоцкого Корпусов. Вскоре расформирован.

7) В 1845 г. Михайловский Воронежский Кадетский Корпус.

8) В 1849 г. 2-ой Московский. С 1896 г. — Московский Императора Николая I Кадетский Корпус.

9) В 1837 г. Тульский Александровский Кадетский Корпус. Основан из Тульского Александровского Военного Училища, сформированного в 1817 г. Впоследствии расформирован.

10) В 1835 г Полоцкий Кадетский Корпус.

11) В 1840 г. Петровский Полтавский Кадетский Корпус.

12) В 1841 г. Александровский Брестский Кадетский Корпус. В 1860 г. расформирован.

13) В 1843 г. Орловский Бахтина Кадетский Корпус.

14) В 1844 г. Оренбургский Неплюевский Кадетский Корпус. Основан из Оренбургского Неплюевского Военного Училища, сформ. в 1824 г.

15) В 1845 г. Сибирский Кадетский Корпус. В 1907 г — Омский Кадетский Корпус. В 1913 г. — I Сибирский Императора Александра I Кадетский Корпус. Основан из Омского Войскового Казачьего Училища, сформ. в 1813 г.

16) В 1851 г. Александровский Сиротский Кадетский Корпус основан из Александровского Сиротского Института. В 1863 г. расформирован.

17) В 1829 г. Александровский Малолетний Кадетский Корпус, исключительно для малолетних в возрасте от 7. до 10 лет. Основан из благородного пансиона при Александровском лицее и подготовительных классов при первом Кадетском, Павловском и Морском корп. — 1863 г. расформирован.

18) В 1857 г Владимирский Киевский Кадетский корпус. Учрежден вместо расформированного в этом же году Неранжированного Владимирского Киевского Кадетского Корпуса.

Царствование Императора Александра II

При Императоре Александре II было создано 2 Кадетских Корпуса:

1) В 1855 г. Константиновский Кадетский Корпус из Дворянского полка, сформированного в 1810 г. В 1859 г. переименован в Константиновское Военное Училище.

В 1863 г. произошла реформа Военно-Учебных заведений и все существующие в это время кадетские корпуса были переименованы в Военные Гимназии или расформированы.

В Военные Гимназии обращены Кадетские Корпуса:

1) Первый Кадетский.
2) 2 Кадетский.
3) I Московский Императрицы Екатерины II.
4) Нижегородский графа Аракчеева.
5) Орловский Бахтина.
6) Полоцкий.
7- Петровский Полтавский
8) Московский Императора Николая I
9) Михайловский Воронежский.
10) Оренбургский Неплюевский.
11) Сибирский.
12) Владимирский Киевский.

Расформированы следующие Корпуса:

1) Павловский.
2) Тульский Александровский.
3) Александровский Малолетний.

Реформа не коснулась Финляндского Кадетского Корпуса и он продолжал существовать с специальными классами до 1903 г.

. . . .

До реформы Военно-Учебных Заведений в 1863 году, кадетские корпуса имели чисто-военную организацию — были подразделены на роты и им дарованы были знамена. В учебном отношении корпуса имели 10 классов — 2 приготовительных, 6 общих и 2 специальных, по окончании которых кадеты производились в офицеры. В 1836 г. Главным Начальником Военно-Учебных Заведений Великим Князем Михаилом Павловичем был введен новый Устав Воено-Учебных Заведений. Число классов в Корпусах было сокращено до 8 — 2 приготовительных, 4 общих и 2 специальных, причем последние были только в столичных корпусах: в С. Петербурге в Первом Кадетском, 2 Кадетском

и Павловском, в Москве: в 1 и 2 Московских, а также в Финляндском В прочих же корпусах только — общие и приготовительные; а в Александровском малолетнем — лиш 3 приготовительных. По окончании специальных классов, кадеты производились в офицеры. Кадеты же губернских корпусов, не имевших специальных классов, по окончании общих, переводились в Дворянский Полк, где, по окончании специальных классов, производились также в офицеры. Корпуса эти были:

1) Новгородский.
2) Орловский Бахтина.
3) Полоцкий.
4) Петровский Полтавский.
5) Михайловский Воронежский.
6) Тульский Александровский.
7) Тамбовский.
8) Казанский.
9) Грузинский.
10) Неранжированный Владимирский Киевский.

Впоследствии, с учреждением новых корпусов, до реформы 1863 г. были 5 корпусов со специальными классами:

1) Оренбургский Неплюевский
2) Сибирский.
3) Александровский Сиротский.
4) Константиновский.
5) Владимирский Киевский.

и один корпус с общими классами:

1) Александровский Брестский.

Создание многочисленных кадетских корпусов в царствование Императора Николая объясняется не только необходимостью дать военную подготовку будущим офицерам, но также желанием поднять их моральный уровень. Для этой цели в 1848 г. Главным Управлением Военно-Учебных Заведений было составлено наставление Кадетским Корпусам, объясняющее цель создания кадетских корпусов. Оно гласило: «Доставить юному военному дворянству приличное сему званию воспитание, дабы укрепить в воспитанниках сих правила благочестия и чистой нравственности и, обучив их всему, что в предопределенном для них военном звании знать необходимо нужно, сделать их способными с пользою и честью служить Государю и благосостояние всей жизни их основать на непоколебимой привержености Престолу. Христианин, Верноподданный, Русский добрый Сын, надежный товарищ, скромный образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер — вот качества, с которыми воспитанники Военно-Учебных заведений должны переходить со школьной скамьи в ряды Императорской Армии с чистым желаньем оплатить Государю за ЕГО благодеяния честной службой, честной жизнью и честной смертью».

В 1857 г. в следующих губернских кадетских корпусах, в которых были только общие классы, были введены специальные, по окончании коих, кадеты выпускались офицерами в армию:

1) Новгородский графа Аракчеева.
2) Орловский Бахтина.
3) Полоцкий
4) Петровский Полтавский.
5) Михайловский Воронежский.
6) Александровский Брестский.

В некоторых столичных корпусах учреждены третьи специальные классы, по окончании которых кадеты производились в офицеры: отличнейшие — в Гвардию прапорщиками, в артиллерийские и инженерные части — подпоручиками и в армейскую пехоту — поручиками, прочие же: в артиллерийские и инженерные части — прапорщиками и в армейскую пехоту — подпоручиками.

Окончившие же только 2 специальных класса выпускались офицерами в армейскую пехоту и линейные баталионы — прапорщиками.

По представлению вновь назначенного Военного Министра генерала Милютина, в 1863 г. произошла коренная ломка всех кадетских корпусов. Существующие в России корпуса, со славными рыцарскими традициями, по инициативе Военного Министра, были упразднены и обращены в полувоенные Военные гимназии. Генерал Милютин, с университетским образованием, чужд был тех рыцарских военных традиций, которые укреплялись в кадетских корпусах, и решил покончить с «военщиной» в них, превратив корпуса в гимназии. Специальные классы в корпусах были упразднены и кадеты этих классов переведены во вновь учрежденные училища:

Павловское.
Константиновское, учрежденное ранее в 1859 г.
Александровское.
Оренбургское.

Кадеткие корпуса прекратили свое существование, но к счастью не надолго — в 1882 г они были восстановлены.

Царствование Императора Александра III

При Императоре Александре III было вновь сформировано 9 кадетских корпусов.

1) В 1882 г. Александровский. С 1903 г. Императора Александра II Корпус. Основан из С. Петербугской Военной гимназии, основанной в 1873 г.

2) В 1882 г. Симбирский Кадетский Корпус. Основан из Симбирской Военной гимназии, сформир. в 1873 г.

3) В 1882 г. 3 Московскій Кадетский Корпус. Основан из 3 Московской Военной гимназии, сформ. в 1874 г. Расформирован в 1893 году.

4) В 1882 г. Тифлисский Вел. Кн. Михаила

Николаевича Корпус. Основан из Тифлисской Военной гимназии, сформ. в 1874 г.

5) Псковский Кадетский Корпус. Основан из Псковской Военной гимназии, сформ. в 1874 г.

6) В 1882 г. 4 Московский Кадетский Корпус. С 1893 г. — 3 Московский Корпус. С 1908 г. — 3 Московский Императора Александра II Корпус. Основан из 4 Московской Военной гимназии, сформ. в 1874 г.

7) В 1882 г. Николаевский Кадетский Корпус. Основан из приготовительных Классов Николаевского Кавал. Училища, сформ. в 1864 году из Общих классов Школы Гв. Подпрапорщиков.

8) В 1883 г. Донской Кадетский Корпус. 1898 — Донской Императора Александра III Корпус.

9) В 1887 г. 2 Оренбургский Кадетский Корпус.

Царствование Императора Николая II

были учреждены 9 Кадетских Корпусов:

1) 1896 г. Ярославский Кадетский Корпус. Основан из Ярославской Военной Школы, сформ. в 1868 г.

2) Суворовский Кадетский Корпус в Варшаве.

3) В 1889 г. Одесский Кадетский Корпус. В 1915 г. Одесский Вел. Кн. Константина Константиновича Кадетский Корпус.

4) В 1900 г. Сумский Кадетский Корпус.

5) В 1900 г. Хабаровский Кадетский Корпус. В 1908 г. Хабаровский Графа Муравьева-Амурского Кадетский Корпус. Основан из приготовительной Школы при Сибирском Кадетском Корпусе, сформ. в 1888 г.

6) В 1902 г. Владикавказский Кадетский Корпус.

7) В 1904 г. Ташкентский Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Кадетский Корпус.

8) В 1908 г. Вольский Кадетский Корпус.

9) В 1913 г. Иркутский Кадетский Корпус.

Организация и обучение

Восстановленные в 1882 г. и основанные впоследствии кадетские корпуса являлись средними военно-учебными заведениями; в них были только обще-образовательные классы и велась предварительная подготовка к военной службе. Корпуса имели военную организацию и подразделялись на роты. Вся администрация состояла из военных.

Во главе корпуса стоял его директор в чине генерал-майора или генерал-лейтенанта. Командирами рот были полковники, а офицерами-воспитателями в отделениях классов назначались обер-офицеры и подполковники.

Обучение кадет происходило в 7 классах, причем каждый класс разделялся на параллельные отделения в зависимости от числа кадет в каждом классе. 2 старших класса — 6 и 7 входили в состав 1-ой роты, которая считалась строевой и кадеты ее были вооружены винтовками. 1-ая рота Первого к. к. носила название Рота Его Величества. Отличнейшие по наукам и поведению кадеты 7 класса производились в вице-фельдфебели и вице-унтер-офицеры. Программа обучения в корпусах почти соответствовала гражданским средне-учебным заведениям — гимназиям и реальным училищам, но оценка знаний производилась по 12-ти балльной системе.

В корпусах преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, русская и всеобщая история, география, математика (арифметика, алгебра, геометрия, аналитическая геометрия, тригонометрия, приложение алгебры к геометрии), космография, физика, химия, механика, зоология, ботаника, минералогия, физиология, законоведение, рисование, проекционное черченеи, черчение и чистописание.

Учебная часть находилась в ведении инспектора классов и его помощника, оба с высшим образованием. Преподавателями приглашались лица обязательно с высшим образованием из числа как военных, так и гражданских чинов. В корпусах производились также и внеклассные занятия, из которых были обязательны — строевые, стрельба, гимнастика, фехтование, плавание и танцы, и не обязательные — пение, музыка, ручной труд в разных видах. По окончании наук в корпусе кадеты, в подавляющем большинстве, переводились в военные училища: пехотные, кавалерийские, артиллерийские и инженерное и лишь немногие поступали в университеты и высше технические гражданские учебные заведения. При поступлении на гражданскую государственную службу кадеты, окончившие полный курс в корпусе, получали чин 14 класса — Коллежского Регистратора.

Распределение дня в корпусах (будние дни, кроме субботы).

6 ч. — подъем, чистка одежды, умывание, молитва, гимнастика, чай прогулка.

7-8 ч. — приготовление уроков.

8-11 ч. — 3 урока с 2-мя переменами в 10 минут.

11-12 ч. — прогулка и завтрак.

12-3 ч. — 2 классных урока и внеклассный с 2 переменами в 10 минут.

3-4 ч. — большая прогулка и обед.

4-6 ч. — свободное время, ручной труд, пение и музыка по желанию.

6-8 ч. вечера — приготовление уроков.

8 ч. — вечерний чай, молитва, умывание.

9 ч. — отход ко сну кадет младших классов (1, 2, 3, 4 и 5).

10 ч. — отход ко сну кадет старших классов (6 и 7).

В каждом корпусе были организованы из кадет хор певчих, духовой и балалаечный оркестры.

Эпоха Великого Князя Константина Константиновича

С назначением в марте 1900 г. Вел. Кн. Константина Константиновича Главным Начальником Военно-Учебных Заведений, в жизни корпусов наступила новая эра — возврат к старым славным традициям корпусов времен Императора Николая I. Корпусам, превращенным в 1863 г. в военные гимназии и вновь восстановленным в 1882 г., были возвращены их старые знамена, которые хранились в музеях, вновь учрежденным в царствовании Императоров Александра III и Николая II корпусам были пожалованы новые.

Немедленно по вступлении своем в должность Главного Начальника Военно-Учебных заведений Великий Князь совершил объезд всех кадетских корпусов для ознакомления с постановкой в них воспитания и образования кадет и с административным составом корпусов. В скором времени были выработаны новые программы обучения и инструкции воспитания кадет. Для подготовки офицеров-воспитателей и преподавателей в Петербурге были учреждены педагогические курсы, и вскоре личный состав администрации корпусов был обновлен. Кадетские корпуса подготовляли для военной службы образованных и воспитанных в военном духе будущих офицеров, что доказала война 1914-1917 г.г. Выдающиеся качества офицеров, бывших кадет, вполне оценила армия. Будучи в должности Генерал-Инспектора Военно-Учебных Заведений, Великий Князь до самой своей кончины 2 июня 1915 г. энергично руководил делом развития и усовершенствования кадетских корпусов. Господу Богу угодно было призвать к Себе Великого Князя до гибели России и развала кадетских корпусов, которым он отдал свою душу.

. . . .

К концу царствования Императора Николая II, в марте 1917 года, в России существовали следующие кадетские корпуса:

Основанный Императрицей Анной Иоанновной — Первый кадетский корпус-Шеф Его Величество — 1732 г.

Основаны Императрицей Екатериной II

2-ой кадетский Императора Петра Великого корпус — 1762 г. старш. с 1712 г.

1-й Московский Императрицы Екатерины II к. к. — 1778 г.

Основаны Императором Николаем I:

Нижегородский графа Аракчеева — 1834 г.

Полоцкий к. к. —1835 г.

Воронежский Вел. Князя Михаила Павловича к. к. — 1845 г.

Орловский Бахтина к. к. — 1843 г.

Оренбургский Неплюевский — 1844 г. стар. 1825 г.

1-й Сибирский Императора Александра I — 1845 стар. с 1813 г.

2-й Московский Императора Николая I — 1849 г.

Основан Императором Александром II:

Владимирский Киевский — 1857 г. старш. с 1851 г.

Основаны Императором Александром III:

Императора Александра II — 1882 г. старш. с 1873 г.

Симбирский — 1882 г. старш. с 1873 г.

Тифлисский Вел. Князя Михаила Николаевича к. к. — 1882 г. старш. с 1862 г.

Псковский — 1882 г. старш. с 1858 г.

3-й Московский Императора Александра II к. к. — 1882 г. старш. с 1858 г.

Николаевский — 1882 г. старш. с 1833 г.

Донской Императора Александра II к. к. — 1882 г.

2-й Оренбургский — 1887 г.

Основаны в царствование Императора Николая II:

Ярославский — 1896 г. старш. с 1858 г.

Суворовский — 1899 г.

Одесский Вел. Князя Константина Константиновича к. к. — 1899 г.

Сумский к. к. — 1900 г.

Хабаровский Графа Муравьева-Амурского к. к. — 1900 г.

Владикавказский к. к. — 1900 г.

Ташкентский Наследника Цесаревича к. к. — 1901 г.

Вольский к. к. — 1908 г. старш. с 1858 г.

Иркутский к. к. — 1913 г.

Кроме этих корпусов, существовали на особом положении Пажеский Его Императорского Величества корпус и Морское Е. И. В. Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Училище.

Обмундирование кадет кадетских корпусов.

Обмундирование кадет всех корпусов, за исключением Николаевского и Донского Императора Александра III, было почти одинаково и корпуса отличались лишь цветом погон с их кантами и верхней цветной выпушкой на тулье фуражки.

1) Мундир из черного сукна однобортный с 8 медными пуговицами по борту и 2-мя у воротника для застегивания погон, воротник из черного сукна с красной петлицей, с нашитым на

ней на парадном мундире золотым галуном и погонами разных цветов, присвоенных каждому корпусу. Пуговицы с изображением двухглавого орла с сиянием.

2) Брюки из черного сукна на выпуск.

3) Шинель из черного сукна с черным отложным воротником и хлястиком с 5 пуговицами в один ряд вдоль борта по середине шинели, 2 пуговицами у погон и 2 сзади у хлястика, погоны как на мундире.

4) Фуражка с черным козырьком, красным околышем с солдатской кокардой на околыше, с цветной выпушкой вверху у тульи, цвета присвоенного каждому корпусу.

5) Пояс из черной кожи с медной бляхой с изображением двухглавого орла на щите с сиянием.

6) Кадеты 1-ой строевой роты носили штык в ножнах у левого бедра.

Верхняя выпушка на фуражке была по цвету погон, но при черных погонах по цвету их кантов: в Ярославском — синяя, в Псковском и Хабаровском — белая, в Орловском — желтая, во 2-ом Оренбургском — желтая.

Погоны вице-унтер-офицеров обшивались вокруг золотым галуном как у юнкеров, у вице-фельдфебелей сверх того нашивался галун продольно посреди погона, который сохранялся на юнкерских погонах.

26. **В Николаевском кадетском корпусе** была присвоена особая форма бывших воспитанников приготовительного класса Николаевского Кавалерийского училища: погоны красного цвета с темно-синим кантом, брюки — темно-синие, пояс из белой лосиновой кожи, орлы на пуговицах и бляха, без сияний. Кадеты 1-й роты носили шашки драгунского образца на лосиновой портупее.

27. **В Донском Императора Александра III** корпусе форма Донских казаков: погоны темно-синие с красным кантом и вензелем, брюки с красными казачьими лампасами. Кадеты старших классов носили шашки казачьего образца.

А. Брофельд.

ПОГОНЫ, ПРИСВОЕННЫЕ КОРПУСАМ

Корпус	Цвет погона	Цвет канта
1. Первый	красный А. I	без канта
В Роте Его Величества накладной серебряный		вензель — Н. I.
2. Суворовский	красный Сув.	без канта
3. 1-й Московский Имп. Екатерины II	красный Е. II	синий
4. Полоцкий	красный П. К.	белый
5. Тифлисский В. Кн. Михаила Николаевича	красный М.	желтый
6 Нижегородский графа Аракчеева	красный Н. А.	черный
7. 2-ой Московский Имп. Николая I	синий Н. I.	без канта
8. Одесский Вел. Князя Константина Константиновича	синий К.	без канта
9. 2-ой корпус Имп. Петра Великого	синий П. I.	красный
В 1-й и 2-й ротах накладной серебряный вен		зель — М.
10. Петровский Полтавский	синий П. I.	белый
11. Оребургский Неплюевский	синий О. Н.	желтый
12. Симбирский	синий С. К.	черный
13. Владимирский Киевский	белый В. К.	без канта
14. Сумской	белый Сум.	без канта
15. Императора Александра II	белый А II	красный
16. 3-й МосковскиЙ Имп. Александра II	белый А II	синий
17. Омский (1-й Сибирский)	белый М.	черный
18. Воронежский Вел. Кн. Михаила Павловича	белый А. I	желтый
19. Ярославский	черный Я. К.	синий
20. Псковский	черный Пс. К.	белый
21. Хабаровский Графа Амурского	черный Х. К.	белый
22. Орловский Бахтина	черный О. Б.	желтый
23. 2-й Оренбургский	черный 2. О.	желтый
24. Ташкентский Наследника Цесаревича Алексея Николаевича	малиновый А.	без канта
25. Владикавказский	желтый Вл. К.	красный
26. Вольский	желтый В. К.	синий
27. Иркутский	желтый И. К.	белый

Военные училища в Сибири

1918-1922

(Окончание)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По времени формирования, военные училища на восток от Волги, можно разбить на три периода: училища Оренбургское, Хабаровское, Читинское, Морское, Инструкторские школы Тюменьская и на Русском Острове во Владивостоке, Уральская школа прапорщиков (самотеком) — до января 1919 года. Второй период, когда военно-учебные заведения формируются по распоряжению Военного Министерства: училища 1-ое артиллерийское, 2-ое артиллерийское техническое, Инструкторские Школы в Екатеринбурге, Челябинске (пехотная и кавалерийская), Иркутское, Томское военное училище — в мае-июне 1919 г. последний период октябрь 1921 года: Корниловское училище во Владивостоке, Гардемаринские курсы Сибирской флотилии и заграничные формирования: Шандунское училище и Юнкерская рота 65-й дивизии Китайской армии — опять-таки частный почин местных начальников.

Случайность формирования, бессистемность, непродуманность, отсутствие понимания задач и целей приводили, как правило, к тому, что выпуски производились уже тогда, когда армия, в сущности, в офицерах не нуждалась и они становились рядовыми бойцами. Сделаны во время только выпуски: Школы на Русском Острове — 15 февраля 1919 года, Оренбургского училища — 3 июля того-же года, в августе Хабаровского училища (21 юнкер) и сентябре — Екатеринбургской Школы. Единственно правильной и продуктивной можно считать работу Тюменьской Школы, впоследствии, развернутой в 16-ю Сарапульскую дивизию. Уже первый выпуск Школы на Русском Острове разсыропливается по трем дивизиям, которые, не имея хорошо сбитых кадров, оказались малобоеспособными и дали высокий процент перебежчиков к красным.

Как строевые части, военные училища оправдывают надежды, возлагаемые на них; поведение в бою юнкеров безукоризненно. Половина юнкеров челябинцев, выполняя задачу, гибнет в бою, но училище не отходит. Такую боеспособность, во всех армиях, проявляют немногие части. Екатеринбургская Школа, в течение двух месяцев, от 13 июля 1919 года — единственная основа и опора Сибирской Армии. Юнкера Оренбургцы и Иркутяне гибнут, вследствии измены и бегства командующих ими генералов, Школа на Русском Острове является оплотом Владивостока, пока позорное поведение ее Начальника не приводит ее к бунту. Читинское училище, выходя дважды на фронт, оправдало возлагаемые на него надежды. 1-ое Артиллерийское и 2-ое Техническое гибнут, вследствии предательства генерала Розанова. Екатеринбургская Школа, Томское Военное Училище и Челябинская кавалерийская школа — единственно боеспособные части, прикрывающие с тыла движение беспорядочной орды, в которую превратились войсковые части, после оставления нами Ново-Николаевска и Томска.

Понимания, что военные училища являются политическим оплотом режима — не было. В одних городах — Томск, Иркутск, Владивосотк — сбиваются по два училища, другие, как Красноярск, остаются без военных училищ и это облегчает задачу эс-эров по захвату этого города, в результате чего, 60 тысяч человек попадают в плен к красным.

Военное напряжение, при внутренней борьбе, можно определить числом юнкеров в военных училищах. На Востоке, оно было невелико, по сравнению с тем что можно было-бы получить от Сибири, Урала и Поволжья. Всего, до конца 1920 года, военные училища и школы прошло около 6.500 юнкеров, а могло быть взято до 20 тысяч, при создании-же общеобразовательных курсов, число это можно было довести и до 40-45 тысяч. Это была-бы та потребная тыловая армия, которая бы и без чехов обеспечила города, а политически показывала-бы остальному населению, что, с нашей стороны, нет укрывательства белоручкам, что вся тяжесть борьбы не перекладывается на плечи только крестьян, как писал в газетах Омска, в августе 1919 года, английский генерал Нокс.

Армии, сильные морально, имеющие крепкие кадры и свою народную, национальную идеологию, могут, без обладания многочисленной техникой, одерживать блестящие победы, как одерживала наша армия осенью 1915 года и в 1916. Армии, слабые морально, политически неустойчивые, как в Сибири, должны были, в технике, иметь ту поддержку, которая им не доставала при их духовном состоянии. И, тем не менее, техника — самое больное место армии Сибири, что можно видеть из прилагаемой таблицы.

На вооружении:

	Волга — февраль 1919 г.		Урал — июль 1919 г.		Тобол — сент. 1919 г.	
	у нас	у красных	у нас	у красных	у нас	у красных
Пулеметов	1.300	1.800	1.300	2.580	629	1.150
Орудий	210	365	300	530	228	195
Бронепоездов			6	7	3	3
Броневтомобилей			3	28		7
Самолетов			15	42	12	19

Таким образом, как видно, инженерно-технические войска не имели должного вооружения и, фактически, отсутствовали на полях сражений. Как пример нищеты техники указывается, что в бою 8 июня 1919 года, 5 самолетов, в два налета, сбросили 9 пудов бомб!

Все причастные к вооружению Сибирской армии генералы Степанов, Будберг, Ханжин, Д. Лебедев и бессменный помощник военного министра, пробывший на этом посту весь 1918 и 1919 год, генерал Сурин, ни одним словом, не обмолвились о том, почему не были куплены танки, автомобили и бронемашины, почему этих машин не оказалось даже при наступлении на Тобол? Только в советской литературе, Спирин отмечает, что 15 октября 1919 г. Адмирал Колчак требовал покупки танков. Сколько было куплено их и сколько поставлено — неизвестно, только в феврале 1920 года, во Владивостоке было три танка, попавшие в руки красных, вывезших их, вместе с золотом, в Благовещенск. Два из них были уничтожены бронепоездом «Каппелевец», в бою за ст. Волочаевку, 11 февраля 1922 года.

Техническая нищета сказывалась не только в отсутствии материальной части, но и в самой мысли о применении боевых машин на поле боя: военные училища имеют только два инженерных взвода, давших один выпуск — Оренбургское — 80 чел. и Читинское, в двух выпусках — 15 и 9, итого 24 подпоручика. Инженерные взводы не имели, для обучения, ни броне-автомобилей, ни танков. Что делала, сколько и как готовила Гатчинская Авиационная школа, размещенная в гор. Спасск-Приморье, — неизвестно, занималась-же она до октября 1922 года, когда имела для полетов полдюжины годных самолетов.

Эту прореху инженерного дела пытался как-то залатать генерал Нокс, который в инструкторских школах имел 2-ые роты, которые изучали саперное дело, 3-и роты — связь, 4-ые — автомобильное дело. Что можно было изучить в течение 4-х месяцев, как это дело было поставлено, что оно дало — неизвестно. Материальная-же часть или была незначительна или вовсе отсутствовала.

Несколько лучше было поставлено дело с артиллерией. Оренбургское училище, в первом выпуске (июль 1919 г.) дало 60 подпоручиков, Читинское, в двух выпусках (январь и сентябрь 1920 г.) 42 и 53. 1-ое Артиллерийское дало, в январе 1920 года — 200 и должно было дать около 150 2-ое Артиллерийское Техническое. Но и здесь, как видно, не имелось ничего, чтобы указывало на правильную основную идею, на постановку дела на разумных началах: при явной необходимости подготовки пополнения офицерского состава артиллерии было-бы проще свести батареи Оренбургского и Читинского училищ в трех-батарейные дивизионы, при одном Оренбургском училище. Омск, как правило, увлекается широтой размаха и не думает о практических потребностях текущего момента.

Кавалерийские училища, сотни и эскадроны училищ также незначительны: сотня и эскадрон Оренбургского — 150 юнкеров, 80 юнкеров Челябинской школы, сотня Читинского, давшего, при трех выпусках, 140 хорунжих и Хабаровское — 21 хорунжий — это все, что было сделано для пополнения казачьих и кавалерийских частей. При этом нужно помнить, что сотня и эскадрон оренбуржцев, в Иркутске, имели лошадей что-то около трех десятков. Если могли быть затруднения с инженерной материальной частью, с пушками, то отсутствие лошадей у юнкеров кавалерийских училищ полностью ставит вопрос о личности и деятельности Начальника училища и его заведующего хозяйственной частью.

Несмотря на вопиющую необходимость ознакомления юнкеров с основами государстверостроения и знакомства с главными политическими идеями, в этом направлении, ни в одном училище ничего не предпринималось. Только лишь в Читинском училище, до выхода на Нерчинский фронт, бессистемными и беспрограммными внеклассными докладами проводилось что-то вроде ознакомления юнкеров с политическими вопросами. После возвращения с фронта и это было заброшено, даже на общеобразовательном курсе, вообще не утружденном изучением каких бы то ни было наук.

Пренебрежение к политическому воспитанию было следствием косности и положения, что армия, вне политики, что дело офицера чисто военно-техническое, что он обязан слепо выполнять приказания старшего начальника, так как разбираться в этом — преступно, тогда как разбираться в том, что преступно а что не преступно, как это трактует Дисциплинарный Устав, можно только имея твердую и четкую идеологию, которая с февраля 1917 г. в России была упразднена и признавалась в нашей армии — преступной.

Не было и борьбы с материалистической пропагандой безбожия. Никакого внимания не отводилось на ознакомление с основами Православия, все сводилось к оставшемуся шаблону: по часу в субботу и в воскресенье в церковь и пара дней для отбытия номера с говеньем. Впрочем, много-ли делали, тогда в Сибири, для защиты и внедрения Православия, сами церковные иерархи?

Преемственной связи одного выпуска с другим, училищной спайке юнкеров не придавалось никакого значения. Только в двух училищах, Читинском и Морском, были старшие и младшие курсы. Все остальные училища имели только по одному курсу, по выпуске которого, набирался следующий.

Все это, вместе взятое, указывает, что управление военно-учебными заведениями Сибири прочно держалось шаблона и не утруждало свою голову творческими мыслями. Единственное в чем оно проявило свой почин это была безпощадная эксплоатация кадетских корпусов, которых было тогда в Сибири — шесть: 1-й Сибирский, Иркутский, Хабаровский, Оренбургский-Неплюевский, 2-й Оренбургский и Псковский. По окончании учебного 1918-1919 года, было приказано кадетам, перешедшим в 7-й класс, немедленно начать занятия, для того чтобы окончить курс к Рождеству 1919 года. Для прочих мужских учебных заведений, подобного-же распоряжения отдано не было.

Шаблона придерживаются прочно и неукоснительно. Сформированным в 1922 году военному училищу и гардемаринским классам приказано было придерживаться программ мирного времени, созданных для других условий и в другой обстановке. Даже в Шантунге, заграницей, программа мирного времени остается незыблемой.

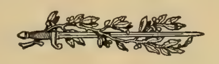
Все это вело к подготовке военных техников, а не народнвх, национальных руководитлей и воспитателей рядовой армейской массы. Иногда, у хороших начальников,массу можно было поднять на подвиги и она их давала, но затем, следовал срыв, так как твердой, веками выработанной, национальной идеологии не было, как не было и твердой, ясной, четкой, государственной, справедливой социальной программы, которая могла бы бороться с коммунистической демагогической пропагандой.

Как вывод из всего написанного можно сказать, что благодаря полной безыдейности верхов, постоянной борьбе за власть и иным превходящим обстоятельствам, формирование военных училищ в Белой Сибири запоздало, по крайней мере, на девять месяцев, то, что было сформировано, — было незначительно по количеству, а вследствии краткости времени обучения, не могло быть и удовлетворительным по качеству. Незначительность времени для спайки выразилось в эмиграции, напр., отсутствием издания памяток и журналов. Только одно Читинское военное училище имело свое Объединение, журналы и бюллетени.

Заканчивая работу, необходимо отметить, что начата она поздно, что оставшихся в живых чинов училищ и школ очень мало, что печатных воспоминаний о жизни в училищах и школах почти нет и начисто отсутствуют какие-либо архивные данные. Поэтому изложенное нуждается в обильных поправках, пояснениях, дополнениях, за которые приносится вперед самая глубокая и искренняя благодарность.

Безчисленны могилы, смертью венчанных, чинов армий Сибири, Урала и Поволжья; на их безвестные могилы, среди которых и могила моего отца, подполковника Петра Ивановича Еленевского, этой работой я благоговейно возлагаю наш венок.

А. Еленевский

МОИ ДЕНЬЩИКИ

Деньщик... сколько воспоминаний связано с ним, сколько пережито вместе и светлых и тяжелых дней, и всегда этот честный, безкорыстный слуга и друг был около готовый во всем помочь. За мою долгую военную службу их у меня было много. Они служили, уходили в запас, но общий характер их был тот же, и я их вспоминаю с большим удовольствием. Здесь я называю лишь тех, кто ясно всплывает в моей памяти.

В 1899 году, когда я был произведен в офицеры в 16 Конную батарею, мне деньщиком был назначен Григорий Бабичук из крестьян Волынской губернии. Высокий, худой, с усами, он производил болезненный вид. Может быть он смотрел на меня как на мальчика, за которым еще нужно смотреть, но заботился обо мне как нянька, и в исполнении своих обязанностей был до крайности пунктуальным. Однажды он как всегда утром разбудил меня и сказал, что я могу не вставать, потому что сегодня в батарее строевых занятий не будет...

Как-то я собирался на танцевальный вечер. Старательно оделся, взял новые замшевые перчатки и пошел через двор. Вечер темный, освещение в нашей части Житомира слабое, едва вижу направление на калитку, чтобы выйти на улицу. И вдруг что-то попадается мне под ноги. Сразу не могу их освободить и падаю на грязную землю... Поднимаюсь — рука болит, весь запачкан, какой уж тут танцевальный вечер! Григорий был возмущен: да как же это случилось, и что там такое? и выскочил во двор. Немного погодя я услышал треск: оказалось, что на моем пути кто-то оставил детские санки, и теперь Григорий расправляется с ними по своему. Конечно, на другой день я поговорил с хозяином санок и все уладилось.

«Ваше Благородие, дозвольте мне у фотографа сняться, хочу «при полной боевой», — попросил меня Григорий.

И вот он надел мундир, шашку, револьвер, парадную шапку и, закрутив усы, отправился. Через несколько дней приносит снимок и смущенно говорит: «Только при полной боевой не вышло, а тут совсем другое обмундирование и на коне», и я вижу всадника в мундире с красной грудью, в одной руке обнаженная сабля, а конь — «дугою шея, хвост трубою». И только под высоким кивером на голове вставлена фотография Григория... Я успокаивал его — «ну ничего, давай я тебя сниму». У меня был хороший любительский аппарат, и я его снял «при полной боевой». Он был очень доволен. Позже я увиделэ что у него над койкой висят обе фотографии рядом.

Уговорил я Григория пойти в театр — «Пойди с кем-нибудь отпускным, да только на какую-нибудь комедию, чтобы было смешное, вот деньги». После театра приходит ко мне Григорий и рассказывает: «Вот было хорошо, вот смешно!» — «А какую комедию играли?» — «Да я не знаю, как называется. Двое повстречались в лесу и разговаривали». Посмотрел я по газете программу театра и вижу: «Лес», драма Островского. Я удивился, — «Да что же там было смешного?» — «Да как же, сидят среди снега в лесу, греются у костра, чуть не замерзают, а тут у нас на галерке такая жара, все в поту. Потеха! Вот мы насмеялись!»

И вдруг Григорий заболел. В одно утро я проснулся с чувством, что пора вставать, смотрю на часы — действительно пора, но Григория нет. Зову его (он помещался в соседней комнате) — не отзывается, только слышится что-то похожее на стон. Спешу к нему, он лежит неподвижно на своей койке и едва слышно объясняет, что у него сильные боли в животе, не может пошевелиться. Я отвез его в военный госпиталь. Дорогой он все беспокоился: А как же вы теперь без меня будете? — Я успокаивал его, говоря, что он скоро поправится и вернется ко мне. На следующий день в госпитале дежурный врач мне сказал, что у Григория заворот кишок. — «Но вы не беспокойтесь, все меры уже приняты». Тяжело мне было смотреть на Григория, который как-то осунулся в лице и вопросительно смотрел на меня. Через несколько дней в госпитале доктор Громыко (хирург) уже откровенно объявил мне, что все предпринятые меры лечения не помогают, состояние больного так ухудшилось, что надежды нет, и что он едва ли проживет эту ночь...

В удрученном состоянии я вернулся к себе и стал молиться и вдруг как будто меня осенило: я вспомнил о. Иоанна Кронштадтского. Я так много слышал о Его чудесных исцелениях больных... И я сейчас же написал телеграмму такого содержания: «Кронштадт. о. Иоанну, помолитесь о здравии раба БОЖИЯ Григория». И хотя была уже ночь, отнес сам телеграмму на почту.

На следующий день меня встретил доктор Громыко словами: «Ну, знаете, могу вас порадовать: произошло что-то невероятное, — ваш Григорий поправляется. Такого случая я никогда не знал». И действительно, Григорий скоро выздоровел, но был уволен в запас как неспособный к военной службе.

Не знаю, как отнестись ко всему этому, но

по внутренему чувству с тех пор я почитаю о. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО как Святого Угодника.

. . . .

Авксентий Рыбак тоже был из Волынской губернии. Есть люди, про которых можно много сказать, их работа на виду и иногда бросается в глаза, но бывают и такие, что как будто они ничего не делают, а дело идет, все что нужно сделано, приготовлено и все во-время. Таким был и Рыбак. Все делал как-то незаметно, да и сам по наружности был «незаметный» — небольшого роста, с вялыми спокойными движениями, тихий, скромный, молчаливый. Но все всегда у него было чисто и аккуратно и на своем месте. В кухню, где он готовил по указаниям моей жены (я тогда уже был женат), было приятно войти.

В то же время руки у Авксентия были неловкие, и часто я слышал звук разбитых тарелок, пока не приказал ему вытирать посуду над его постелью. Но и это не всегда помогало. Однажды он со смущением приносит мне рюмку, а в другой руке держит ее высокую ножку.

— Да как же ты разбил ее, опять уронил на пол? — спрашиваю я.

— Никак нет, Ваше Благородие, я не уронил, а как значит вытирал — она и раскрутилась.

Однажды Авксентий случайно слышал мой разговор с женой о наших денежных затруднениях. Подходит ко мне и предлагает взять у него его сбережения: — «У меня есть восемь рублей, потом вернете, когда будут деньги». Но я поблагодарил его и взял у Заведывающего хозяйством (под будущее жалованье) нужную мне сумму. Придя домой я лишь показал Авксентию деньги. Он расплылся в широкой улыбке: «Гы, значит разжились»...

Много позже, уже после революции, Авксентий не потерял связи с нами. Живя в селе недалеко от Житомира, он или его жена приносили нам продукты, которые тогда на базаре уже нельзя было достать, и каждый раз он спрашивал: что еще принести?

Так его добрая душа сказалась в ответ на наши хорошие отношения во время его службы у меня.

. . . .

Когда я служил в Нижнем-Новгороде, у меня был деньщик Псой Выводцев, из великороссов Курской губернии. Ему очень не нравилось его имя «Псой», он говорил, что вероятно батюшка так «по злобе» назвал, и был очень доволен, что мы его звали «Сой».

Наружность его была оригинальна. Высокого роста, неуклюжий, но крепко сложенный с походкой носками внутрь, он чем-то напоминал медведя. Лицо круглое,как луна, всегда с располагающим к нему выражением добродушия. Усы у него не росли, что его очень огорчало. Увидев у него на губе какую-то сыпь, я стал его распрашивать и узнал, что он пробовал разные мази, которые ему советовали, чтобы росли усы. Я повел его к доктору, тот осмотрел и сказал: «Ну, братец, это мы вылечим, но больше у тебя усы уже наверно никогда рости не будут».

Псой очень любил животных, приручал их, и они его не боялись. Я помню на кухне у него были: две кошки, две собачки неизвестной породы — «Рыжий» и «Буба», заяц, кролик и еж. И все они жили дружно, играя в его присутствии, что доставляло ему большое удовольствие. И я помню удивительное явление: когда у кошки появились котята, Буба крала их у матери и переносила к себе, затем кошка перетаскивала их обратно. А когда были щенки у Бубы, то кошка старалась перетащить их в свой угол...

Для артиллерийской стрельбы, батарея переходила на Клементиевский полигон, занимая село Бурцево. Отсюда до Бородинского поля было всего около 15 верст, и командир батареи решил сделать туда поездку всей батареей, без орудий. Вошли в строй и деньщики. Сокращая путь, шли прямо без дорог. В одном месте нужно было перейти неглубокую речку вброд. Переезжая ее я услышал всплеск воды и смех, оглядываюсь — мой Псой барахтается в воде, а лошадь лежит на боку. Оказывается — у нее был норов — всегда ложится войдя в воду. Случайно ли попала эта лошадь Псою, или вахмистр подшутил над ним? — не знаю. Проезжая мимо меня, Псой сказал со всегдашним добродушием: «Ну что же поделаешь — легла. Уж как я ни старался, а легла. Ну да ничаво, вода чистая, покупался».

Подошел 1904 год. В городе было не спокойно. Какие-то темные личности группами разгуливали и безобразничали. Нужно иметь в виду ,что близко были Сормовские заводы, на которых в нормальное время насчитывалось около 18.000 рабочих, среди которых велась оживленная революционная пропаганда, а в Нижнем-Новгороде стоял лишь запасный батальон, запасная артиллерийская бригада, около 40 казаков (называлась — сотня) и запасная конная батарея, в которой я тогда служил.

Один раз, когда я был на службе, в мою квартиру старались войти какие-то типы, якобы кого-то или что-то ищут, но Псой без церемонии выгнал их. В другой раз было иначе. Наша квартира находилась на самом краю города, с окнами выходящими прямо в поле. С одной стороны был Вдовий дом, с другой — женский монастырь, а дальше впереди — наши артиллерийские казармы.

Однажды утром, когда я собирался идти на строевые занятия, жена говорит мне взволнованно: «Посмотри, что делается, ведь это они ведут каких-то солдат, но куда и зачем? Подхожу к окну и вижу большую чем-то взбудораженную толпу всякого сброда и среди них двух солдат Запасной артиллерийской бригады. Вижу что нужно что-то для них предпринять.

Я снял шашку, чтобы оружие не раздражало толпу (но сознаюсь — сунул револьвер в карман) и вышел. Толпа меня окружила, и из несвязных криков и объяснений я понял, что они — Союз Михаила Архангела (которого обыкновенно называли черносотенцами) а эти солдаты не сняли шапок, когда проходила их процессия, и к этому прибавляли много других обвинений. И объясняя, что солдату не полагается снимать головного убора и успокаивая расходившиеся страсти, и требуя освобождения задержанных, я постепено вел всех незаметно к нашим казармам, а когда оттуда уже стали выбегать солдаты толпа начала постепенно расходиться...

Об этом случае можно было бы не говорить, таких было многе в то время, но когда я вернулся домой, жена говорит мне: — «Псоя не видел? он все время ходил за тобою по пятам держа за спиною большой кирпич... Я спросила его: зачем это? — «А как же, если бы кто тронул Его Благородие, я бы показал!...»

Кончая службу, перед уходом в запас на вопрос жены — что ему подарить на память, Псой попросил: «Барыня, сшей мне русскую рубаху, да вышей, вот тут и вот тут Бога буду молить». Получив рубаху, он был в искреннем восторге, даже прослезился. — «Вот спасибо тебе никогда не забуду. Приеду домой — буду по праздникам одевать».

. . . .

В 1916 году я был назначен командиром 1-ой батареи 1-го Конно-Горного дивизиона, который был в составе 3-го Конного Корпуса графа Келлера. После перехода на позиционную войну Корпус вошел в Карпаты, и батарея часто меняла позиции в горах.

Деньщиком был у меня Ефим Филоненко из хохлов Курской губернии. Спокойный рассудительный, я долго не мог привыкнуть к его серой большой лохматой папахе на маленькой голове (дивизион на войну пришел с Дальнего Востока).

На каком бы я не был наблюдательном пункте, Ефим всегда приносил мне обед в котелке, хотя иногда для этого ему приходилось взбираться на большую высоту, цепляясь за кусты и деревья. Столовался я с котла.

Вспоминаю мою встречу с командиром Конного Корпуса на высоте одного наблюдательного пункта. Отсюда открывался широкий кругозор, но везде был виден только лес и лес, как сплошной зеленый ковер, а мне надо было поддержать огнем атаку спешенных казаков на высоту «135», но где она? Один разведчик батареи всегда сопровождал передовые части спешенных казаков, и я связался с ним по телефону через Штаб полка. Пользуясь им как передовым наблюдателем, начал пристрелку одиночными выстрелами на высоких разрывах, осторожно подходя к цели и все время на перелетах, опасаясь задеть своих, какой случай был с одной соседней батареей. Потом я перешел на гранату разрывы которой в лесу лучше видны и производят на противника больше впечатления.

«Ваше Высокоблагородие, к Вам сейчас направился командир Корпуса», доложил мне телефонист. Через некоторое время я увидел высокую фигуру графа Келлера, которому два казака помогали подниматься на гору. Он опирался на палку, недавнее ранение еще давало о себе знать.

Я подошел и отрапортовал . — «Так. Куда же вы ведете огонь?»

Я объяснил обстановку. — «Но я не вижу этой горы, укажите мне ее». Я объяснил, что приходится пользоваться указаниями передового наблюдателя — моего разведчика. Граф Келлер был очень удивлен и недоволен: «Не понимаю, как можно стрелять по цели, которую не видишь? — Начальник артиллерии, наведите здесь порядок!» — повернулся и начал спускаться.

Начальник Артиллерии участка, молодой полковник пришедший с ним, проходя мимо меня, шепнул: «Все в порядке я объясню ему».

В это время телефонист позвал меня. Командир полка мне сказал, что Австрийцы спешно отступают, и наши занимают высоту. Я догнал графа Келлера, кратко доложил ему это сообщение, приказал перенести к нему телефонный аппарат, и граф Келлер долго разговаривал с командиром полка. Уже улыбаясь он посмотрел на меня, но ничего не сказав пошел дальше. (Потом тефонист, который слушал весь разговор, мне сказал, что между прочим полковник похвалил стрельбу батареи). На дальнейшем спуске граф Келлер встретил Ефима, который нес мне обед. Увидя командира корпуса, он быстро застегнул пуговицу на воротнике и вытянулся в струнку, отдавая честь, что он проделал отчетливо.

«Что несешь, молодец?» спросил граф Келлер. — «Пробную порцию батареи, Ваше Сиятельство». — «Ага, ну давай попробую». — Ефим быстро развернул салфетку, подал ложку и хлеб. Граф Келлер видимо с удовольствием начал пробовать. Время обеда уже прошло, да и прогулка по горе увеличила его аппе-

тит. Подошел и я. — «Хороший суп, подполковник ,скажите спасибо кашевару», и опять, ничего не сказав мне про стрельбу, пошел на спуск с горы.

«Та вжеж добрый суп, и вам мало осталось», сказал потом Ефим. — «А почему ты сказал что это пробная порция?» — «Та я и сам не знаю, так выговорилось». И я не знаю — ошибся ли он или схитрил, зная что у нас в батарее именно этот суп всегда хорош.

Позиция «у лесопилки» была не обычная. На узкой длинной долине между гор мне с трудом удалось найти хорошее укрытие для орудий. Для лошадей мы использовали большой сарай лесопилки, а готовые доски пошли на всякие улучшения позиции и землянок. Сарай был хорошо укрыт отрогом горы, а я с офицерами поместился в маленьком домике, стоявшем впереди батареи и несколько в стороне, но на совершенно открытом месте, и требовал здесь днем не ходить, чтобы не привлечь внимание противника на батарею. Около домика протекал небольшой ручей с чистой хорошей водой.

Австрийцы очень редко бросали в нашу долину снаряды. Но однажды днем я услышал отдаленный разрыв, затем ближе, а потом и совсем близко. Выбегаю и вижу Ефима всего забрызганного грязью и слышу его возмущенную ругань. Он полоскал наше белье в ручье, и граната задела болотистый его берег. Я стал ему выговаривать, что он это делает днем, — «да як же ночью колы ничего не бачу?» логически оправдывался он. Я сделал ему нравоучение и объяснил, как важно для батареи, чотбы наблюдатели неприятеля не заметили его. Через несколько дней он куда-то скрылся. Смотрю в окошко — он ползком пробирается к ручью и стараясь, чтобы белье не блистело на солнце, опять полощет его. Назад пробирался так же ползком, пользуясь высокой травой. Упрямый хохол!

У меня был хороший австрийский карабин, с которым я охотился, когда позволяла обстановка. На одном переходе на другую позицию я заметил, что карабина нет. «Ефим, а где карабин?» — спрашиваю его. Он ехал как всегда на двуколке с моими и офицерскими вещами.

«Да я не знаю, мабуть хтось украв или шо друге, тилько я не сказав вам. Извинить» — и отвернулся. Возмущенный, я прочел ему хорошую нотацию. «Извинить, Ваше Высокоблагороиде, а може вин остався за печкой у той хати, та я и забув. Дозвольте я зараз сбигаю у ту деревню.

«Ну теперь уже мы далеко отъехали и ждать никого не можем. Сиди».

Пошел сильный дождь.

«А ґде бурка?» спрашиваю его.

«Та вона туточки».

«Одевай ее». — «Та як же я»...

«Одевай и прикрой Мышкина (кучер двуколки), а у меня непромокаемый плащ». И я отъехал. Через некоторое время я оглядываюсь назад. — Ефим и Мышкин до папах закутаны в бурку, а полами ее прикрыта и двуколка.

Через несколько дней приходит ко мне Ефим и приносит мой карабин. «Где ты его взял?», спрашиваю его. — «Та я сказав фуражиру вин туды йихав, и карабин був за печкой як я ему указав».

На одной позиции, хорошо укрытой в лесу, я помещался в маленьком сарайчике приспособленном для жилья. Ефим жил в его пристройке. Прислуга орудий, как всегда, в построенных для себя небольших землянках около своих орудий. Однажды я, погуляв в лесу, пришел к себе и слышу разговор за перегородкой, к Ефиму пришли несколько наших разведчиков сибиряков. Был уже революционный переворот, но в батарее еще сохранился полный порядок, как во многих частях Румынского фронта, в особенности в кавалерии.

Разговор шел о «свободах» и отмене частной собственности. Пришедшие вышучивали Ефима: «Вот ты приедешь домой, а земли у тебя нетути. И хата не твоя, и корова и все что ты имел и покупал. Был ты конно-артиллеристом, а стал — голый хохол и больше ничего». — «Як не моя? горячился Ефим: а для кого мы с батькой ту землю пахали, усе куповали, берегли?» — «Да так, значит, по декрету не твоя, а общая, как твоя — так и моя наша общая значит. Ты теперь буржуй». — «Який такий буржуй? — Ефим окончательно вышел из себя. — «Як послухаю шо вы брешете, та дивлюсь — яки дурни засидали у той приемной комиссии шо назначили вас у Конную Артиллерию», — и вышел, хлопнув дверью. За ним следовал смех Сибиряков, которые считали, что их никакие советские законы не могут касаться.

Вспоминаю позицию на одной горе, которую мои Сибиряки называли сопкой. Кругом — буреломом и старые деревья с оголенными и поломанными ветром вершинами. Солдаты говорили, что после войны здесь только медведи и будут жить. Действительно, дикое место. Чтобы занять нижних чинов, я установил строевые занятия — гимнастику, рубку и подвижные игры. И сам часто рубил и пилил деревья.

Однажды я заметил, что одна старая сосна сильно наклонилась над моей землянкой, угрожая упасть на нее, и я решил ее спилить, зная уже по опыту как заставить ее упасть в нужном направлении. Позвал Ефима и все объяснил ему. С недоверием он посматривал то на сосну, то на землянку, но с моими доводами соглашался: «Так точно, да тилько?« — «Что

тилько?» — «Да як бы она не иначе пошла».

«Ну ладно, не разговаривай. Бери пилу с той стороны». И опять я старался объяснить ему подать клинья, чтобы отклонять падение дерева в другую сторону, он вдруг побежал к землянке: «Пидождить, Ваше Высокоблагородие, я зараз вынесу ваши вещи, щоб не придушило их».

Подходит раз ко мне Ефим и говорит улыбаясь: «Ребята зовут вас к себе в гости». — «В какие гости?» — удивился я. — «Та воны закончили баню — дуже гарна вышла, а сегодня растопили ее и просят вас попариться».

Пошел я в баню. Просторная землянка, облицованная деревом, полная горячего пара. Для света оставлена щель в стене, потому что стекла нигде не достать. Приготовлена холодная и горячая вода в ведрах, а для поддавания пара нужно было обливать водой груду раскаленных камней. Предбанника нет. Помывшись и хорошо распарившись я поскорее одел сапоги, накинул мою теплую бекешу и побежал по снегу и морозу к себе в землянку, а там Ефим уже натопил ее и приготовил все для переодевания.

. . . .

Хотя я этим отклоняюсь от темы, но может быть Артилеристам будет интересно услышать о некоторых позициях, с которыми мне пришлось познакомиться в Лесистых Карпатах. Упоминаю две из них.

Чтобы занять батареей одну из них, полурота пехоты целый день втаскивала наши пушки по снегу и крутой узкой извилистой тропинек около восьми верст, пробираясь через густой кустарник. Мои офицеры смеялись: «Вот так выезд конной батареи на позицию»...

На случай спешного ухода с этой позиции мы приготовили полозья для каждого колеса, тогда орудия можно было бы легко и быстро спустить с горы своими средствами Из-за трудности подвоза фуража, у подножия горы я держал только по паре лошадей на орудие, остальные с коноводами стояли в деревне Козаче, верстах в двенадцати в тылу. Патроны батарее доставлял наш парк на вьюках. Телефонная связь у нас была отличная.

Вторая позиция была особенная. Батарее нужно было заменять какую-то горную батарею. Въехав на гору откуда уже ушла эта батарея, я удивился: где же поставить орудия? И увидел оригинальное сооружение: для каждого орудия возвышалась вышка на солидных сваях, с площадкой на высоте почти человеческого роста. Можно было удивляться остроумной находчивости командира той батареи, потому что: подойти ближе к гребню высоты — батарея была бы видна противнику, а отступить назад не было места, так ка крутой склон горы переходил в провалье.

Осмотрев и несколько укрепив эти вышки, мы их заняли нашими 3-х дюймовыми скорострельными пушками. В дальнейшем я убедился, что эти вышки были прочны и расчет их по становки был совершенно правилен.

. . . .

Разгар революции. Развал фронта. В стремлении поддержать хоть какой-нибудь порядок и сохранить что возможно из нашего дивизиона, я воспользвался выделением Украинцев в Украинские части, и сформировал Отдельную 4-х орудийную Украинскую батарею. После безцельного стояния на какой-то позиции, с большими затруднениями и противодействеим со стороны румын, мне удалось вывести эту батарею из Румынии и довести почти до Бирзулы. Отсюда я поехал в Киев за распоряжениями Украинской Рады, но... там я получил телеграмму от моего офицера: «Ваш конь продан, вещи у священника», и я понял что Украинская батарея уже не существует. Приехав в деревню, где я оставил батарею я узнал, что приезжали какие-то «красногвардейцы», собирали митинги и батарея постановила «расформироваться». С красными приезжали и люди из дивизиона, который окончил свое существование еще раньше.

Мои вещи сохранились в полном порядке до последнего ремешка сбруи и сверху лежала записка: «Поихав до дому як вси прощевайте, Ваше Высокоблагородие, спасиби Ехим».

Спасибо и тебе, Ефим. Как и другие ты был мне заботливым и честным слугою, и другом, а на фронте — верным боевым товарищем.

М. Чайковский

САНДЕПУ

Уже в ноябре 1904 года в штабе генерала Куропаткина начали разрабатывать план наступательной операции против японцев. С падением Порт-Артура было решено торопиться с переходом в наступление до подхода японской армии генерала Ноги из района Порт-Артура. Вследствие предшествовавших неудач наступление должно было вестись очень осторожно. Целью наступления было не уничтожение или захват живой силы противника, а только его оттеснение за реку Тайцзыхе. Наступление должна была начать 2-ая армия генерала Гриппенберга нанесением удара в левый фланг японского расположения. 3-ья и 1-ая армии должны были перейти в наступление только после того, как 2-ая армия достигнет успеха.

2-ой армии предписывалось начать наступление 12 января 1905 года, овладеть позициями японцев на линии Хэгоутай - Сандепу - Лидиутунь - Татай и затем двинуться к реке Шахэ. 3-ья армия должна была перейти в наступление лишь после достижения успеха 2-ой армией. Наступление же 1-ой армии зависело, в свою очередь, от результатов действий 2-ой и 3-ей армий. План наступления был сложен и неуклюж. Выгода одновременного наступления не была использована. Из состава же 2-ой армии в бой вводилась лишь часть сил.

12 января

В ночь на 12 января начал наступление 1-ый Сибирский армейский корпус. Заставы японцев были оттеснены за реку Хуньхэ. Из деревни Хуанлотоцзы японцев пришлось выбивать штыковым ударом, причем было взято в плен около 100 японцев и столько же убито. При дальнейшем движении вперед правая колонна корпуса — 1-ая Восточно-Сибирская стрелковая дивизия под командой генерала Гернгросса встретила упорное сопротивление японцев у деревни Хэгоутай, которая была занята двумя батальонами, 4-мя эскадронами и четырьмя орудиями японцев. Разгорелся бой за деревню Хэгоутай.

В это время общий резерв 1-го Сибирского корпуса (33, 35 и 36 Восточно-Сибирские стрелковые полки) под командой генерала Кондратовича сосредоточился у деревни Хуанлотоцзы.

В 13 1/2 часов командир корпуса генерал Штакельберг приказал генералу Кондратовичу передвинуть весь резерв к деревне Хэгоутай, оставив в Хуанлотоцзы один батальон. Вследствие неверной карты, резерв по ошибке направился не на деревню Хэгоутай, а на деревню Тоупао, причем по пути раненый офицер сообщил, что деревня Хэгоутай еще в руках японцев и что японцы огнем из деревни Тоупао мешают взять деревню Хэгоутай.

Командир 1-го Сибирского корпуса приказал атаковать деревню Тоупао. Это было в 16 часов. 1-ая батарея 9 Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады стала на позицию и открыла сильный огонь по деревне Тоупао. Для атаки деревни был назначен 2-ой батальон 35-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, который по ошибке уклонился от данного направления на деревню Тоупао и двинулся на рощу южнее Хэгоутай.

Тогда для атаки деревни Тоупао был выдвинут из резерва 3-ий батальон 35 Восточно-Сибирского стрелкового полка. После артиллерийской бомбардировки деревни Тоупао, начальник 9-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал Кондратович приказал 3-му батальону 35 Восточно-Сибирского стрелкового полка атаковать деревню. Сделав несколько перебежек, батальон попал под сильный ружейный огонь, остановился и залег.

Наш артиллерийский огонь нанес японцам мало вреда, так как от шрапнельных пуль они были защищены высокой промерзлой глинобитной стеной. Бризантных гранат же тогда 3-х дюймовые пушки не имели. Тогда для обстреливания деревни Тоупао во фланг был выделен взвод 4-ой батареи 9-ой Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, который своим огнем существенно помог взять деревню.

В 17 часов (то-есть — в темноте) наши цепи двинулись в атаку на деревню Тоупао и она была взята. Тоупао, как все деревни этого района ,была обнесена высоким валом. Вал, в свою очередь, окаймлялся глубоким рвом. Каждый дом в деревне представлял собой укрепление. Впереди деревни японцы вырыли окопы. Овладение деревней Тоупао дало возможность нашим войскам атаковать деревню Хэгоутай с юго-запада и юга, не опасаясь за свой тыл.

Бой за деревню Хэгоутай.

Сперва четыре батареи 1-ой Восточно-Сибирской артиллерийской стрелковой бригады и две поршневые батареи 1-го Сибирского артиллерийского дивизиона бомбардировали деревню Хэгоутай. (Поршневые пушки образца 1895 года имели бризантные гранаты и поэтому могли вести огонь по постройкам, чего, к сожалению, не было у 3-х дюймовых пушек образца 1900 года). Однако этот огонь оказался мало-

действительным, так как деревня была обнесена толстой стеной.

В это время 1-ая Восточно-Сибирская стрелковая дивизия начала настпление на деревню. Впереди наступал 2-ой Восточно-Сибирский стрелковый полк. 1-ый Восточно-Сибирский стрелковый полк был в резерве, а 3-ий и 4-ий полки двигались южнее реки Хуньхэ.

За день цепи 1-го и 2-го Восточно-Сибирских стрелковых полков продвинулись к деревне на 200-300 саженей. Генерал Гернгросс приказал штурмовать деревню с первым проблеском лунного света, причем 34-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку было приказано атаковать деревню с северо-востока. Японцы, окруженные в деревне с трех сторон, начали ее покидать. 2-ой Восточно-Сибирский стрелковый полк, во главе с командиром полка полковником Ивановым, ворвался в деревню Хэгоутай (за взятие деревни он был награждне орденом Св. Георгия 4 степени).

На ночь 1 Сибирский корпус был расположне следующим образом: 1-ая Восточно-Сибирская стрелковая дивиизя в Хэгоутай, 33 и 36 Восточно-Сибирские стрелковые полки в деревне Хуанлатоцзы, 35 Восточно-Сибирский стрелковый полк — в деревне Туопао, а 34 Восточно-Сибирский стрелковый полк — в Хуянтай.

Левее 1 Сибирского армейского корпуса, 14-ая пехотная дивизия 8-го армейского корпуса за день боя почти не тронулась с места в ожидании захвата деревни Хэгоутай, как это было обусловлено в приказе. Приэтом она не использовала возможность овладеть деревней Сандепу, которая была занята слабыми силами японцев. За это упущение пришлось потом заплатить большими потерями.

Вообще, к началу наступления район между рекой Шахэ и рекой Хуньхэ был слабо занят японским отрядом генерала Акияма в составе 2-х батальонов пехоты, 14 эскадронов кавалерии и шести орудий. Зато все деревни были укреплены и окружены толстыми промерзлыми стенами.

Еще левее, 10-ый армейский корпус обстреливал редким артиллерийским огнем линию японских укреплений. Охотничьи команды 31-ой пехотной дивизии захватили деревни Хуанди и Цзиншантунь.

Сводно-стрелковый корпус находился в армейском резерве и участия в бою не принял.

У генерала Гриппенберга было значительное превосходство в силах и энергичным наступлением в первый день боя можно было легко опрокинуть слабые части японцев.

На крайнем правом фланге 2-ой Манджурской армии отряд генерала Коссаговского занял по собственной инициативе деревни Читайзы и Мамакай, чем наша кавалерия получила выход в тыл японских армий.

Отряд генерала Мищенко с боем занял деревни Уцзяганцзы и Бейдагоу.

13 января.

На 13 января части 2-ой армии получили следующие задачи: 8-ой армейский корпус — овладеть деревнями Бейтайцзы, Сандепу и Сяотайзы, а после этого взять деревни Лабатай и Ханьшанитай. 1-ый Сибирский армейский корпус должен был охранять правый фланг войск, атакующих деревню Сандепу и в случае надобности оказать поддержку войскам, ее атакующим. После занятия деревни Сандепу, взять на себя охрану правого фланга 8-го армейского корпуса, для чего выдвинуться к юго - востоку от деревни, однако не переходя линии Датай-Гоаджэньтунь. Другими словами, 1 Сибирский корпус на второй день боя получил пассивную задачу.

Сводно-стрелковый корпус оставался в резерве.

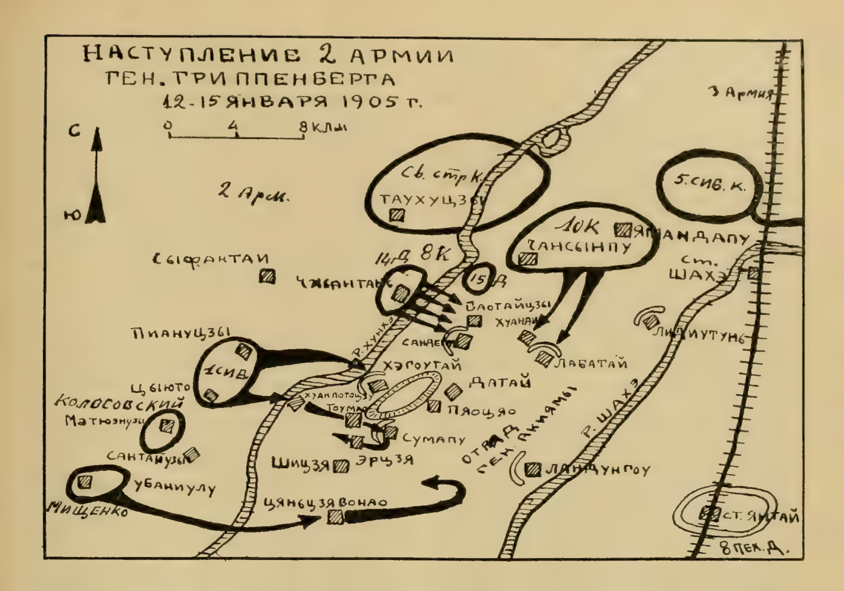
Отряду генерала Коссаговского было приказано очистить деревни Читайцзы и Мамакай и отойти на позиции к северу от Цыюто.

Из состава колонны генерала Гернгросса была выделена 1-ая бригада 1-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии с двумя скорострельными и двумя поршневыми батареями в распоряжение командира 8-го армейского корпуса для атаки деревни Сандепу с юга, со стороны Хэгоутай. В 9 часов 30 минут эта бригада с артиллерией выступила на деревню Пяоцяо для атаки Сандепу с юга.

9-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии было приказано сосредоточиться у деревни Тоупао.

1-ая бригада 1-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, войдя в деревню Пяоцяо попала под сильный огонь со стороны деревни Тученцзы и ей пришлось отклониться на север. Также 2-ая бригада 1-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, двинутая генералом Штакельбергом на деревни Тученцзы и Датай, попала под огонь со стороны деревни Сумапу и остановилась.

При 1-м Сибирском корпусе состоял Приморский драгунский полк. Два его эскадрона поддерживали связь с отрядом генерала Коссаговского, а четыре эскадрона находились в распоряжении генерала Кондратовича. Если бы кавалерия была выслана на разведку заблаговременно, с приказом войти в соприкосновение с противником, то 1-ая бригада, под командой полковника Леша, не попала бы неожиданно под ружейный огонь. Также своевременным занятием деревни Сумацу был бы впоследствии избегнут кровопролитный бой за нее. Деревня же Сумапу не была занята сто-

роежывм охранением, так как в приказе не было сказано о включении ее в линию сторожевого охранения.

В это время со стороны японцев к деревне Сумапу подходили новые и новые подкрепления. Согласно донесениям, туда прибыло не менее бригады пехоты с кавалерией. Одновременно прибывали японские подкрепления в деревни Пяоцяо и Тученцзы. В ночь с 12 на 13 января в направлении деревни Хэгоутай японцы двинули 8-ую пехотную дивизию с резервной бригадой, а 13 января туда была отправлена 5-ая пехотная дивизия.

В 12 часов японцы перешли значительными силами в наступление против всего фронта корпуса. Наступление японцев со стороны деревни Пяоцяо угрожало отрезать 1 Сибирский армейский корпус от 2-ой Манджурской армии. Вследствие сильного тумана японские цепи показались совсем близко, причем две батареи 1-ой Восточно-Сибирской стрелковой артилелрийской бригады попали внезапно под сильный румейный огонь и им пришлось спешно уходить.

Вперед был немедленно выдвинут 33 Восточно-Сибирский стрелковый полк.

На гребне, на юго-восток от Хэгоутай, развернулись 3, 36, 35 и 33 Восточно-Сибирские стрелковые полки и их совместными усилиями наступление японцев было отбито. В резерве корпуса оставался лишь 34 Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Начальник 9-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Кондратович был ранен ружейной пулей в грудь.

Около 15 часов, японская артиллерия, стоявшая у Пяоцяо и Сумапу, открыла огонь по Хэгоутай и по позициям 3 и 33 Восточно-Сибирских стрелковых полков. Японцы взяли инициативу в свои руки: заставили 1 Сибирский армейский корпус израсходовать почти весь резерв и обратили его из атакующего в обороняющегося.

Штаб 1 Сибирского корпуса помещался в северо- западной части деревни Хэгоутай.

Вечером в распоряжение 1 Сибирского армейского корпуса прибыла 2-ая стрелковая бригада из Сводно-стрелкового корпуса.

Действия других частей 2-ой армии 13 января

14-ая пехотная дивизия (8-ой армейский корпус) с утра перешла в наступление на деревню Сандепу и к 17 часам овладела выселка-

ми деревни — деревнями Баотайцзы и Сяосуцзы. Эти выселки были приняты в темноте за Сандепу, о чем было послано донесение. В этих деревнях дивизия попала под сильный огонь из Сандепу. Части дивизии перемешались, и она отступила к реке Хуньхэ.

Примечание: 14-ая пехотная дивизия была послана 30 декабря в Сыфонтай для поддержки отряда генерала Мищенко. Затем была отозвана назад и прибыла лишь 12 января в район Чжантаня. Дивизия была переутомлена, и поэтому атака была отложена на 13 января. Из-за короткого дня не успели разведать подступы к деревню Сандепу. 15-ую дивизию нельзя было назначить, так как она была в распоряжении генерала Куропаткина.

За день боя 14-ая дивизия потеряла 39 офицеров и 1.100 нижних чинов. Особенно пострадал Подольский полк.

15-ая пехотная дивизия оставалась на занятых позициях в распоряжении генерала Куропаткина.

Сводно-стрелковый корпус отдал свою 2-ую стрелковую бригаду 1-му Сибирскому корпусу.

5-ая стрелковая бригада перешла в распоряжение 8-го армейского корпуса, причем 18 стрелковый полк принял участие в атаке деревни Сяосуцзы. 1-ая стрелковая бригада перешла в деревню Чжантань, оставаясь в резерве армии.

10-ый армейский корпус. Артиллерия корпуса подготовила огнем атаку деревень Фуцзячжуанцзы и Холянтай, но начатое наступление корпуса было остановлено генералом Куропаткиным, который приказал не наступать до взятия деревни Сандепу.

Действия отряда генерала Мищенко

Отряд представлял собой конный корпус и состоял из: Урало-Забайкальской дивизии под командой генерала Телешова, Кавказской бригады (11 сотен) под командой генерала Орбелиани, Оренбургской казачьей бригады генерала Грекова. Отряду была придана следующая артиллерия: 20-я конно-артиллерийская батарея, 3-я Донская казачья батарея и 1-я и 4-я Забайкальские казачьи батареи.

13 января отряд перешел в наступление двумя колоннами. Левая колонна взяла деревню Еюге. При дальнейшем движении колонна наткнулась на две линии японских цепей. Разведка выяснила, что все деревни на север и на восток были заняты японцами. Обе батареи, входившие в состав колонны, открыли огонь по целям японцев, после чего японцы повернули назад. Атака деревень Эрцзя и Шицзя была неудачна.

Правая колонна отряда заняла Сюэрпу.

Отряд генерала Коссаговского бездействововал.

1-ая и 3-ья армии также стояли на месте.

14 января. Сперва командующий 2-ой Манджурской армии приказал всем корпусам 14 января перейти к обороне, но к 5 часам задачи частям 2-ой армии были изменены: 1-му Сибирскому корпусу было приказано занять деревни Сумапу и Пяоцяо 8-му армейскому корпусу предписывалось — 14-ой пехотной дивизией расположиться на прежней позиции, Сводному стрелковому корпусу быть в резерве армии, 10-му армейскому корпусу оставаться на прежней позиции, Отряду генерала Коссаговского отойти на линию Матюхнцза-Цююто, Отряду генерала Мищенко отойти на линию Мамакай-Читайцзы. Этот новый приказ был вызван донесением, что 14 пехотная дивизия заняла деревню Сандепу (в действительно же были заняты только выселки деревни Сандепу). На основании этого приказа, генерал Штакельберг приказал полковнику Лешу (1-ая бригада 1 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии) занять деревню Пяоцяо, а 3-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку овладеть деревней Мумапу. Приморскому драгунскому полку было приказано выслать эскадрон в деревню Нюгэ для связи с отрядом генерала Мищенко. Генерал Штакельберг просил генерала Мищенко оставаться в деревне Сюэрпуи и Нюгэ и содействовать при атаке деревни Сумапу.

В 6 часов утра 3 Восточно-Сибирский стрелковый полк начал наступление на деревню Сумапу, причем на совершенно открытой местности попал под сильный ружейный и артиллерийский огонь и начал нести потери.

В 10 часов на помощь 3-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку был выдвинут 34 Восточно-Сибирский стрелковый полк. Пройдя приток реки Хуньхэ, боевая часть полка залегла и открыла огонь по японцам. Огонь с обоих сторон был необычайно сильным. Особенно большие потери наносил огонь японцев со стороны дервни Эрцзя. Командир 34 Восточно-Сибирского стрелкового полка донес временно командующему 9 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генералу Краузе о тяжелом положении полка и просил поддержки. (В этом полку служил молодой поручик, будущий генерал, Дроздовский — начальник 3-ей пехотной дивизии «Дроздовской» в Добровольческой Армии. В бою под Сандепу он был ранен).

Полк был усилен несколькими ротами из резерва, после чего он начал медленно продвигаться вперед. На помощь 34-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку был выслан 35 Восточно-Сибирский стрелковый полк. В резерве корпуса оставались 6-ой и 8-ой стрелковые полки. Отряд полковника Леша своим наступлением на деревню Пяоцяо привлек на се-

бя внимание японцев и этим облегчил положение 1-го Сибирского армейского корпуса.

В это время генерал Штакельберг получил приказание прекратить наступление и ограничиться обороной Хэгоутай. 2-ую стрелковую бригаду приказывалось вернуть Сводно-стрелковому корпусу. Таким образом, за день корпусу была в третий раз изменена задача.

Генерал Гриппенберг, узнав, что Сандепу в руках японцев, решил ее атаковать вторично. Руководство боем было возложено на командира Сводно-стрелкового корпуса генерала Кутневича. Для штурма Сандепу были назначены: одна бригада 15-ой пехотной дивизи, 1 и 5-ая стрелковые бригады и отряд полковника Леша.

14-ая пехотная дивизия, ввиду переутомления, оставалась в деревне Чжантань, в резерве армии. Эта атака Сандепу кончилась неудачно.

В свою очередь генерал Штакельберг не находил возможным прекратить наступление на Сумапу, так как иначе Хэгоутай находился бы под перекрестным огнем. Генерал Штакельберг сознавал, что пассивность только усиливает японцев и увеличивает наши потери. Из-за этого нельзя было вернуть Сводно-стрелковому корпусу 2-ую стрелковую бригаду.

34 Восточно-Сибирский стрелковый полк продолжал наступление под губительным огнем японцев. Девять рот полка потеряли в это время 28 офицеров и 1.200 нижних чинов. Правее его вышел 35 Восточно-Сибирский стрелковый полк. Полки продолжали наступление на деревню Сумапу и остановились от нее в 600-800 шагах.

Начальник штаба 9 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии полковник Андреев был ранен в голову (умер от раны) и в исполнение обязанностей начальника штаба дивизии вступил капитан Романовский. В 19 часов 30 минут генерал Штакельберг приказал атаковать Сумапу ночью. Командование штурмующими войсками было возложено на генерала Герngросса. Перед атакой Сумапу необходимо было взять деревню Эрцзя.

По деревне Эрцзя был открыт сильный артиллерийский огонь, причем этот огонь, по донесению из отряда генерала Мищенко, наносил японцам большие потери. Командир 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Бачинский решил атаковать деревню Эрцзя, но деревню полк взять не смог и при этом понес большие потери. К 20 часам, 36 Восточно-Сибирский стрелковый полк стянулся к деревне Тоупао. Вечером пластуны полка выяснили, что деревни Эрцзя и Шицзы оставлены японцами. Ввиду большого расстройства 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка занятие деревень Эрцзя и Шицзы было отложено до следующего утра. Пластуны же заняли деревню Шицзы.

Ночная атака деревни Сумапу

В 19 часов 30 минут генерал Штакельберг приказал ночью штурмовать деревню Сумапу. Руководство штурмом он возложил на генерала Гернгросса. Под его командованием находились 3-й, 34-й и 35-й Восточно-Сибирские стрелковые полки и, кроме того, еще два свежих батальона 6-го стрелкового полка. Атака должна быть произведена двумя колоннами: полковника Земляницына (командир 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка) — с севера и полковника Мусхелова (командир 34-го Восточно-Сибирского стрелкового полка) — с запада. Два батальона 6-го стрелкового полка были по-батальонно приданы той и другой колонне.

Полковник Мусхелов, в свою очередь, разбил свой отряд на две колонны: одна, под командой подполковника 34-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Критского, должна была атаковать редут в 100 шагах от западной окраины деревни. Другая колонна должна была штурмовать деревню с запада.

Ночь была темная и холодная. С криком «ура» первая колонна ворвалась в редут. Последовал упорный бой, так как японцы защищались с ожесточением, причем нужно было каждый двор брать отдельно. Последовало донесение о занятии Сумапу. Узнав о взятии Сумапу, генерал Штакельберг отдал приказ на 15 января, по которому войскам предписывалось оборонять занятые позиции и действовать против японцев, наступающих на Сандепу с юга. Сандепу должны были атаковать войска 8-го и Сводно-стрелкового корпусов.

Бой за Сумапу продолжался всю ночь, причем наши части там перемешались и понесли большие потери. На рассвете наши части покинули деревню Сумапу и отошли к деревни Хэгоутай.

Полковник Мусхелов и подполковник Критский были за этот бой награждены орденом Св. Георгия 4-ой степени.

Действия 8-го армейского и Сводно-стрелкового корпусов

В 12 часов 15 минут командир Сводно-стрелкового окрпуса генерал Кутневич отдал диспозицию на занятие войсками позиции от реки Хуньхэ до Чжаньчжуанцзы. Развертывание войск окончилось к 16 часам. Весь день прошел в ружейной и артиллерийской перестрелке, причем в течение дня японцы дважды атаковали средний участок (5-ая стрелковая бригада).

Наконец, в 20 часов батальон 19-го стрелкового полка под командой полковника Юденича перешел в решительное наступление и выбил японцев из деревни Баотайцзы. Батальону было приказано вернуться назад.

10-й армейский корпус обстреливал артиллерийским огнем деревню Лидиутунь, причем огонь был мало-действителен, так как шрапнель была бессильна против построек, а гранат не было.

Отряд генерала Мищенко (генерал Мищенко был ранен) был разделен на две колонны: левая колонна была направлена на деревни Цзщйцзяпу и Цзиньцзяпуза, чтобы войти в связь с 1-м Сибирским армейским корпусом. Правая колонна была двинута на деревню Лантунгоу. Левая колонна вскоре заняла эти деревни, но правая колонна встретила сильное сопротивление. Здесь японцы сами перешли в наступление и заставили колонну отступить. Своими действиями генерал Мищенко остановил наступление 5-ой японской пехотной дивизии под командой генерала Кигоши. За 5-ой пехотной дивизией двигалась 2-ая пехотная дивизия под командой генерала Нишижима.

Отряд генерала Коссаговского, получив двжады приказание отойти на линию Матюенцзы-Цыюто, расположился главными силами у Сантайцзы.

3-ья и 1-ая армии бездействовали.

15 января.

1-му Сибирскому корпусу было приказано удерживать позиции у Хэгоутай и вернуть 2-ую стрелковую бригаду Сводно-стрелковому корпусу.

Сводно-стрелковому корпусу с 2-ой бригадой 15-й пехотной дивизии предписывалось после артиллерийской подготовки овладеть деревней Сандепу.

10-й армейский корпус должен был выдвинуть к деревне Хуанди один пехотный полк с двумя батареями для обстреливания редюита Сандепу.

14-я пехотная дивизия оставалась в резерве армии в деревне Чжаньтань.

Отряду генерала Коссаговского — занимать район Цьюто-Матщэнцзы.

Отряду генерала Телешова (вступил в командование вместо раненого генерала Мищенко) освещать район между рекой Тайцзыхэ и линией Хэгоутай - Ландунгоу - Тадусампу.

О 1-ой бригаде 15-й пехотной дивизии не было сказано ни слова.

1-й Сибирский армейский корпус

В 8 часов утра 36 Восточно-Сибирский стрелковый полк занял деревню Шицзы. К 10 часам корпус занимал следующее положение: **правый участок** — 36 Восточно-Сибирский стрелковый полк и шесть рот 8-го стрелкового полка, под общей командой командира 8-го стрелкового полка полковника Февралева, находились в Тоупао и Шидзь; **средний участок** — 3, 4, 33, 34 и 35 Восточно-Сибирские стрелковые и 6-ой стрелковый полки, под командой генерала Гернгросса, занимали позиции по гребню юго-восточнее деревни Хэгоутай, причем, ввиду больших потерь 34-й Восточно-Сибирский стрелковый полк был сведен в шесть рот, а восемь рот 35-го Восточно Сибирского стрелкового полка были сведены в две роты.

Левый участок защищали 1-й и 2-й Восточно-Сибирские стрелковые полки под командой полковника Леша.

Резервом корпуса были 5-й и 7-й стрелковые полки под командой генерал-майора Петрова.

Как только части 1-го Сибирского армейского корпуса, отступившие от деревни Сумапу, успели оттянуться к деревне Хэгоутай, так 8-ая японская пехотная дивизия начала наступление на позицию 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, занимавшего средний участок позиции, на высоте к северу от деревни Сумапу. Сильным ружейным и артиллерийским огнем японское наступление было отбито.

Нашему правому боевому участку было приказано очистить деревни Шицзы и Эрцзя и отойти к Тоупао. 6-й стрелковый полк был отведен в резерв.

Около 13 часов японцы вновь перешли в наступление против 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. По просьбе командира полка полковника Бунина из резерва были подтянуты два пулемета и несколько рот стрелков. Эти пулеметы действовали очень удачно, и японцы были снова отбиты.

К 14 часам в деревню Хуянтай прибыл 56-й пехотный Житомирский полк с двумя батареями 41-ой артиллерийской бригады.

После этого японцы еще три раза пытались перейти в наступление и были, наконец, остановлены в 600 шагах от наших позиций. В 1 час ночи японцы атаковали еще раз с криками «не стреляйте, свои!». Эта атака также была отбита, причем в некоторых местах дело доходило до штыкового боя.

На правом боевом участке 1-го Сибирского корпуса дело ограничивалось лишь перестрелкой, но с наступлением темноты японцы начали усиливаться против деревни Тоупао, где они ночью произвели две атаки, но были отбиты.

Против левого боевого участка японцы дважды переходили в наступление, но были отбиты.

Действия 8-го армейского и Сводно-стрелкового корпусов

Для атаки деревни Сандепу войска были расположены следующим образом:

Боевая часть — 5-я стрелковая бригада и два полка 1-ой стрелковой бригады — занимали позиции от деревни Чантао до деревни Чжаньчжуанцзы. 1-я бригада 15-й пехотной дивизии занимала деревни Гудцзяцзы и Бейтайцзы.

День прошел в ружейной и артиллерийской перестрелке. Вечером японцы перешли в наступление и оттеснили 17-й и 18-й стрелковые полки, но полковник Юденич, по личной инициативе, повел 20-ый стрелковый полк в контр-атаку и дошел до деревни Сандепу, но и здесь последовал приказ генерала Кутневича отойти в исходное положение.

Примечание: 5-ой стрелковой бригадой временно командовал полковник Юденич (командир 18-го стрелкового полка), а начальником штаба бригады был полковник Геруа.

10-ый армейский корпус. Генерал Гриппенберг, вопреки приказанию генерала Куропаткина — не трогать 10 армейский корпус приказал генералу Церпицкому выбить японцев из укрепленных деревень Сяотайцзы и Лаботай. К вечеру 122-ой пехотный Тамбовский и 123-й пехотный Козловский полки выбили японцев из деревни Сяотайцы, а к 23 часам заняли большую часть деревни Лаботай. С занятием Сяотайцзы и Лаботай японцы в Сандепу оказались в тяжелом положении, так как они были окружены с трех сторон.

Отряд генерала Коссаговского бездействовал. В 20 часов 15 минут было получено приказание — содействовать 1-му Сибирскому корпусу, действуя во фланг японцев. Ввиду позднего времени исполнение этого приказа было отложено до следующего дня, но потом последовал приказ об общем отступлении.

Отряд генерала Телешова. Генерал Штакельберг просил содействия в направлении на деревни Саньцзявапао и Сумапу. Генерал Телешов развернул свой отряд и повел наступление на японцев с юга. Карты этого района были неточны. К востоку от Сюэрпу находился ряд деревень, занятых японцами. Наши части наступали спешенно Деревня Санцзявапао была обнесена промерзлой глиняной стеной, против которой наша шрапнель была бессильна.

Урало-Забайкальской дивизии с тремя батереями было приказано взять деревню Санцзявапао. Завязался бой, который мог иметь решительное значение на ход сражения, так как казаки наступали против японцев, ведших бой с 1-м Сибирским армейским корпусом, но спешенные части были слишком слабы. Связь с 1-м Сибирским корпусом поддерживалась посредством офицеров, но донесения шли кружным путем и для этого требовалось от 2 до 5 часов.

В это время, неожиданно, в северо-восточном направлении, показались японские пехотные колонны. Из всех 18 орудий отряда был открыт огонь по колонне. В колонне произошло замешательство, но она все-таки продолжала свой путь. Позвилась следующая колонна (это была бригада генерала Окасаки, 2-ой пехотной дивизии). Она повернула против донцов. Разгорелся бой. Японцы постепенно начали охватывать оба фланга отряда и повели атаку густыми цепями. С нашей стороны подоспела 3-я Донская батарея и четыре пулемета. Был открыт сильный огонь. Японцы не выдержали и начали отходить. Японцы еще три раза пытались наступать, но не имели успеха. Большую помощь оказали наши пулеметы, стрелявшие во фланг японцам.

На ночь отряд сосредоточился в деревне Нюге.

В 16 часов 30 минут генерал Гриппенберг получил телеграмму от генерала Куропаткина о том, что им получено известие, что значительные силы японцев, якобы, сосредоточились против 3-ей Манджурской армии. Японцы совсем не собирались атаковать 3-ю армию. Это не входило в их интересы — начинать решительное сражение до прибытия 3-ей армии генерала Ноги из района Порт-Артура.

В 20 часов 15 минут генерал Куропаткин приказал 2-ой Манджурской армии в эту же ночь отойти на линию Сыфонтай - Чжаньтань-Ямандапу.

Этого приказания об отступлении никто не ожидал, и оно произвело в штабе генерала Гриппенберга ошеломляющее впечатление. Начальник штаба армии генерал Рузский и генерал-квартирмейстер высказали мнение, что следовало бы наступать, а не отступать. Генерал Гриппенберг хотел было по этому поводу послать телеграмму генералу Куропаткину, но генерал-квартирмейстер отсоветовал это делать, так как в случае отрицательного ответа генерала Куропаткина было бы слишком поздно послать войскам приказ об отступлении, и они не успели бы отойти до рассвета.

Японцы, в свою очередь, как это пишет Гамильтон, бывший у японцев в качестве английского военного агента, считали свое положение очень критическим.

16 января. В 24 часа в ночь с 15 на 16 января, 1-й Сибирский армейский корпус получил приказание об отходе. Войскам было приказано возможно скрытнее, захватив всех раненых, сняться с позиций и отходить на новые позиции. Полковнику Лешу было приказано образовать арьергард.

В 3 часа ночи, под прикрытием постов и пластунских команд, начался отход. Арьергард 1-го Сибирского корпуса оставался на позиции до 4 часов, после чего начал отходить на деревню Чандиопа. Японцы последовали за ним и, заняв деревню Тутайцзы, начали наступать на деревню Чандиопа, но были остановлены огнем и должны были отойти на Путайцзы.

Отсутствие достаточного количества перевозочных средств очень затруднило эвакуацию раненых. К моменту отхода их накопилось несколько сот человек в деревне Хэгоутай. По приказанию генерала Штакельберга для выноса раненых был назначен батальон Житомирского полка. Раненых несли на импровизированных носилках. Многие шли пешком. Питательные пункты отсутствовали и раненые не имели возможности согреться, некоторые отставали, падали и замерзали. Еще 13 января начальник 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал Кондратович, будучи раненым, проезжал обоз 3-го разряда, донес о том, что он лично убедился в отсутствии правильной перевозки раненых, вследствие чего многие могут замерзнуть.

К 17 января войска 2-ой Манджурской армии заняли новые, указанные им позиции. 1-й Сибирский армейский корпус был выведен в резерв армии.

За время боев 12-15 января 1-й Сибирский корпус понес следующие потери: 1-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизи потеряла 125 офицеров и 3.484 нижних чинов. 9-ая Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, выступившая в бой в составе 9.450 штыков, понесла следующие потери — 115 офицеров и 3.728 нижних чинов. Другими словами, дивизия потеряла более 1/3 своего состава.

Всего 2-ая армя потеряла 344 офицера и около 9.372 нижних чинов.

Из сравнения этих данных видно, что наибольшие потери понес 1-й Сибирский армейский корпус. Японцы, по их данным, потеряли около 8.900 человек, то есть немного меньше русских.

Взятие деревни Хэгоутай стоило 1.500 человек, а деревни Лаботай войсками 10-го армейского корпуса — около 600 человек.

Обращает на себя внимание, что ряд деревень был взят ночным штурмом. Никакого сосредоточения японцев против 3-ей Манджурской армии не было. Таким образом, отступление было напрасным. Оно и до сих пор является непонятным, при чтении серьезной военной литературы. Даже офицер английского генерального штаба Гамильтон, бывший при японской армии и в своем дневнике очень предвзято описывающий действия русской армии, говорит, что положение японцев было критическим. Японцы в разговорах между собой просто не понимали шага русских.

Ряд генералов был отчислен от командования: генерал Штакельберг — за неисполнение приказания главнокомандующего и атаку деревни Сумапу (то есть — за проявление инициативы), генерал Коссаговский — за то, что по собственной инициативе взял укрепленные деревни Китайцзы и Мамакай.

Все это побудило генерала Гриппенберга просить об его отчислении, по болезни, от командования 2-ой Манджурской армии. Генерал Куропаткин в продолжение нескольких часов задержал отправку телеграммы генерала Гриппенберга.

Наконец, генералу Гриппенбергу было сообщено, что ему разрешено вернуться в Петербург. Был ли принят генерал Гриппенберг при приезде в Петербург Царем, — неизвестно. Общественное мнение в России было настроено против генерала Гриппенберга (возможно, что при этом сыграла роль немецкая фамилия генерала). В 1905 году и после, его называли придворным генералом, что неверно, так как генерал Гриппенберг участвовал, в строевых должностях, в Крымскую кампанию 1854-55 гг., Бухарской экспедиции 1867 г. и Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. (как командир Лейб-Гвардии 2-го стрелкового батальона и командир Лейб-Гвардии Московского полка). Он был награжден в Русско-Турецкую войну орденом Св. Георгия 3-ей степени. К сожалению, в военной литературе не удалось найти прямых указаний на то, насколько события 9 января 1905 года в Петербурге и других городах России, сыграли роль в отдаче приказа об отступлении. В конфликте между генералом Гриппенбергом и генералом Куропаткиным, общественое мнение стало на сторону генерала Куропаткина. Генерал Гриппенберг потом просил неоднократно Военного министра о посылке его вновь на Дальний Восток, но получил ответ, что «общественное мнение» слишком настроено против него.

Генерал Деникин, в своей книге «Путь русского офицера», пишет по этому поводу (страница 184): «В происшедшей распре между Гриппенбергом и Куропаткиным, русская общественость стала на сторону Куропаткина. Что прощали Куропаткину, не могли простить Гриппенбергу. В защиту Гриппенберга пытался выступить генерал Драгомиров, но встретил дружный отпор. Обвиняли Гриппенберга, что ему дали для возвращения в Россию экстренный поезд, который задержал движение воинских эшелонов».

Вот против последнего обвинения нужно решительно возразить: Генерал Грипепнберг был генерал-адъютантом и командующим армией и его доклад мог бы сыграть большую роль, хотя бы в отчислении от командования

генерала Куропаткина. Государь Император, в ответ на телеграмму генерала Гриппенберга, телеграфировал: «Желаю знать истинные причины Вашего ходатайства». Узнал ли их Государь Император, остается вопросом.

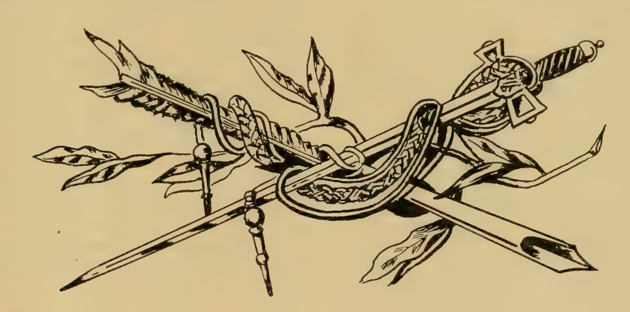
Существует мнение, что после Сандепу хотели генерала Куропаткина заменить Великим Князем Николаем Николаевичем. Это предположение, однако, осуществлено не было. Может быть, Мукденское сражение имело бы другой исход, если бы Главнокомандующим был бы энергичный и волевой Великий Князь Николай Николаевич.

Все сказанное дает основание предполагать, что в этом деле играла роль безответственная и часто слепая сила, называемая «общественным мнением». При этом напрашивается сравнение с другим случаем, когда безответственное общественное мнение сыграло пагубную роль: это была посылка вдогонку 2-ой Тихоокеанской эскадре эскадры адмирала Небогатова, состоявшей из старых броненосцев береговой обороны, совершенно непригодных для эскадренного боя. Эта посылка эскадры была произведена под влиянием публичных выступлений капитана 2-го ранга Кладо, краснобая и любимца общественности. Адмирал Рожественский был против этой посылки, так как она не усилила эскадру, а ее ослабила, ибо уменьшила скорость хода эскадры.

Дело кончилось сдачей судов адмирала Небогатова и излишними потерями в людях. Капитана 2-го ранга Кладо за его безответственные речи не судили. Судили же адмирала Рожественского, адмирала Небогатова и командиров сдавшихся броненосцев.

К слову сказать, капитан Кладо впоследствии служил в красном флоте и, кажется, был начальником советской военно-морской академии. Такие люди не пропадают.

Н. Н. Р.

ОТ РЕДАКЦИИ

В нынешнем году исполняется 35 лет со дня основания журнала «ЧАСОВОЙ». Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ» низко склоняет голову перед памятью основателей журнала С. К. ТЕРЕЩЕНКО и Евгения ТАРУССКОГО, шлет горячий привет дорогому собрату и просит его безсменного и неутомимого редактора-основателя Василия Василиевича ОРЕХОВА принять пожелания здравия а журналу процветания.

Алексей ГЕРИНГ

Генерал-лейтенант И. И. Алексеев

Шеф Митавского драгунского полка

Илья Иванович Алексеев родился в 1773 году в семье небогатого помещика Рузского уезда Московской губернии. По обычаю того времени он был с малых лет записан капралом Лейб-Гвардии в Преображенский полк. На действительную службу И. И. Алексеев вступил в 1789 году сержантом Лейб-Гвардии Преображенского полка и в этом же году в составе батальона того же полка выступил в поход против Швеции. В отряде вице-адмирала Нассау Зиген участвовал в делах у селений Лардакоски и Керникоски и был дважды ранен ружейною пулей. Переведенный в октябре 1790 года Лейб-Гвардии в Конный полк вахмистром, вызвался охотником на войну против турок и участвовал в штурме Измаила.

И. И. Алексеев отличался представительной наружностью, был отлично сложен и хорош собою и, по свидетельству современников, обладал необычайно покладистым и миролюбивым характером. Его всегдашнее благодушие и незлобивость привлекали к нему всех, кому приходилось иметь с ним дело. Личных врагов он не имел вовсе. Даже Ф. Ф. Вигель, приходившийся И. И. Алексееву шурином, крайне редко дававший о ком либо благоприятный отзыв, называет И. И. Алексеева «веселым другом вселенной» и «гением доброты». Очевидно, благодаря этим своим качествам И. И. Алексеев приглянулся подполковнику Лейб-Гвардии Конного полка генерал-аншефу графу И. П. Салтыкову, который пожелал иметь И. И. Алексеева при себе в качестве бессменного адъютанта, каковое назначение И. И. Алексеев и получил по возвращении с войны против турок.

В 1796 году И. И. Алексеев был произведен в маиоры, продолжая оставаться адъютантом у графа М. П. Салтыкова, назначенного сначала Киевским, а потом Московским генерал-губернатором. 20 января 1798 г. И. И. Алексеев женился на дочери Киевского обер-коменданта бригадира Ф. Викль — Наталии Филипповне. В мае 1798 года И. И. Алексеев был произведен в подполковники, а в 1800 году — в полковники. В феврале того же года И. И. Алексеев был внезапно отставлен от службы по причине немилости Императора Павла I к графу М. П. Салтыкову, выдавшему свою младшую дочь замуж за племянника графа Орлова против желания Императора. Однако, через полтора года, полковник Алексеев был вновь определен на службу и назначен Московским Полицмейстером. В виду того, что в Москве не прекращались ночные грабежи и разбойные нападения, с которыми полиция не могла справиться, в 1802 году было решено сформировать в помощ: полиции два драгунских эскадрона. Формирование этих эскадронов было поручено полковнику Алексееву, ставшему командиром этих двух эскадронов. Однако, этим эскадронам не суджено было оставаться в Москве. В 1805 году эти два эскадрона пошли на формирование Митавского драгунского полка. Полк формировался в Порхове, Псковской губернии и до выступления в Финляндию стоял в Тихвине. Почти тотчас по сформировании, Митавский драгунский полк выступил в поход, приняв деятельное участие в боях под Прейсиш-Эйлау, Гейльсбергом и Фридландом (кампания 1806-1807 гг.). За Прейзиш-Эйлау Митавскому драгунскому полку было пожаловано семь (7) серебрянных труб с надписью «27 генваря 1807 г.» Шефом Митавского драгунского полка полковник Алексеев был назначен в июне 1805 года. Первым командиром Митавского драгунского полка был полковник Родион Федорович Гернгросс (женат на Анне Федоровне рожденной фон-Брадтке).

За отличия в боях против французов полковнику Алексееву были пожалованы ордена Св. Анны 2 степени с алмазами и Св. Владимира 3 степени, чин генерал-маиора и золотое оружие.

По возвращении из кампании 1806-1807 гг. генерал-маиору Алексееву пришлось пожить с семьей очень недолго. Уже в Августе 1808 года генерал-маиор Алексеев выступил в поход в Финляндию в составе отдельного отряда генерал-адъютанта князя М. П. Долгорукова.

В деле при Иденсальме генерал-адъютант князь Долгоруков был убит. Начальство над отрядом принял генерал-маиор Алексеев. За дело при Иденсальме генерал-маиору Алексееву было пожалован орден Св. Анны I степени. Начальство над отрядом принял граф Шувалов. В составе этого отряда генерал-маиор Алексеев совершил походное движение по льду Ботнического залива от реки Кеми до Торнео. Поход начался 1 марта 1809 года и был необычайно труден, так как вследствии оттепели образовались широкие полыньи, через которые приходилось переправляться. Однако поход закончился без потерь, за исключением одной пушки, провалившейся в полынью. Внезапное появление наших войск на шведскому берегу и занятие Торнео и Умео (войсками генерала Барклай де Толли) совершенно ошеломило шведов, считавших Ботнический залив неодоли-

мым препятствием для войск и способствовало сдаче шведов при Камексе 13 марта 1809 года (шведский генерал Грипленберг).

18 апреля 1809 года отряд генерала графа Шувалова выступил из Торнео четырьмя колоннами. Одною из них (четыре пехотных полка и часть казаков) командовал генерал-маиор Алексеев. Выйдя 2-го мая 1809 года из селения Старкгое, колонна генерал-маиора Алексеева шла по льду Ботнического залива в обход неприятельских позиций. Переход был крайне затруднителен вследствие наступившей оттепели. Пройдя по льду более 20 верст, колонна генерал-маиора Алексеева вынуждена была сделать крюк в 16 верст, так как лед отошел от берега на полверсты. Тем не менее и этот переход был совершен без потерь. Появление наших войск на шведском берегу поставило шведов в совершенно безвыходное положение и заставило шведский отряд полковника Фурумарка сдаться при Шелефте.

За этот подвиг генерал-маиору Алексееву был пожалован орден Св. Георгия 3 класса. Приняв от заболевшего графа Шувалова командование отрядом, генерал-маиор Алексеев 20 мая 1809 года занял Умео и разбил при селении Гернефорс сильный отряд генерала Сандельса. 23 июля 1809 года генерал-маиор Алексеев сдал командование генералу графу Каменскому и, сильно раненый в левую ногу в бою при Сефваре 7 августа 1809 года, вынужден временно был покинуть строй. По выздоровлении генерал-маиор Алексеев, пожалованный алмазными знаками ордена Ов. Анны I степени и арендой в 1500 рублей в год, вступил в командование бригадой из Митавского и Финляндского драгунских полков и до 1812 года оставался в Финляндии.

Во время войны 1812 года, генерал-маиор Алексеев участвовал в боях под Полоцком, Смолянами и Студянке; при Люцене был снова ранен в ту же левую ногу. За взятие неприятельской укрепленной позиции на реке Струне был пожалован орденом Св. Владимира II степеин. Кроме того, генерал-маиору Алексееву было пожаловано единовременное пособие в 10.000 рублей и Прусский орден Красного Орла.

29 августа 1814 года генерал-маиор Алексеев был назначен начальником 3-й драгунской дивизии. События во Франции («сто дней») вызвали посылку наших войск во Францию. В составе этих войск отправился во Францию и генерал-маиор Алексеев. За отличие при осаде Меца генерал-маиор Алексеев был произведен в генерал-лейтенанты. Во Франции генерал-лейтенант Алексеев оставался с корпусом графа Воронцова. За отличие генерал-лейтенанту Алексееву было прибавлено к аренде 2000 рублей серебром; французский король пожаловал ему военный орден Св. Людовика I степени, а население поднесло ему, одному из всех военачальников, золотую медаль с изображением его имени.

В январе 1819 года генерал-лейтенант Алексеев был назначен начальником I-ой драгунской дивизии, но, прокомандовав ею две недели, был зачислен по кавалерии и более никаких должностей не исполнял.

Скончался генерал-лейтенант Алексеев в Москве 3-го октября 1830 года.

У генерал-лейтенанта Алексеева было двое сыновей-Александр и Николай. Оба окончили Пажеский корпус и служили в гвардии.

полковник К...

СПРАВКА ОТ РЕДАКЦИИ: Митавский драгунский полк сформирован 13 июня 1806 г. полковником Алексеевым в Порхове, Псковской губ. из двух эскадронов драгун при Московской полиции, полуэскадрона Лифляндского драгун. полка и взводов Орденского и Малороссийского кирасирских, Курляндского и Псковского драгунских полков и рекрут.

14 декабря 1826 г. переименован в Митавский гусарский полк.

21 марта 1833 г. присоединены два эскадрона Конно-Егерского Короля Виртембергского полка и назван Гусарским Короля Виртембергского полком.

25 марта 1864 г. назван 14 гусарским Митавским Короля Виртембергского полком.

23 мая 1865 г. — 14 гусар. Митавским Принца Прусского Альберта Младшего полком.

18 августа 1882 г. — 42 драгунским Митавским Принца Прусского Альберта полком.

6 декабря 1907 г. — 14 гусарским Митавским полком.

Награды и отличия:

Штандарт простой с образом Нерукотворенного Спаса. Александровская юбилейная лента.

Надписи: «За войну с французами в 1812, 1813 и 1814 годах». Отличие пожаловано в память того что эта надпись находилась на кивере Лифляндского драгунского полка.

4 Георгиевских трубы с надписью: «Конно-Егерскому Его Величества Короля Виртембергского полку за храбрость при разбитии 30.000 турок при крепости Шумле 23 июля 1810 г.».

Хронология Русской Армии —
В. В. Звегинцов

Генерал-лейтенант И. И. Алексеев

Шеф Митавского драгунского полка

Илья Иванович Алексеев родился в 1773 году в семье небогатого помещика Рузского уезда Московской губернии. По обычаю того времени он был с малых лет записан капралом Лейб-Гвардии в Преображенский полк. На действительную службу И. И. Алексеев вступил в 1789 году сержантом Лейб-Гвардии Преображенского полка и в этом же году в составе батальона того же полка выступил в поход против Швеции. В отряде вице-адмирала Нассау Зиген участвовал в делах у селений Лардакоски и Керникоски и был дважды ранен ружейною пулей. Переведенный в октябре 1790 года Лейб-Гвардии в Конный полк вахмистром, вызвался охотником на войну против турок и участвовал в штурме Измаила.

И. И. Алексеев отличался представительной наружностью, был отлично сложен и хорош собою и, по свидетельству современников, обладал необычайно покладистым и миролюбивым характером. Его всегдашнее благодушие и незлобивость привлекали к нему всех, кому приходилось иметь с ним дело. Личных врагов он не имел вовсе. Даже Ф. Ф. Вигель, приходившийся И. И. Алексееву шурином, крайне редко дававший о ком либо благоприятный отзыв, называет И. И. Алексеева «веселым другом вселенной» и «гением доброты». Очевидно, благодаря этим своим качествам И. И. Алексеев приглянулся подполковнику Лейб-Гвардии Конного полка генерал-аншефу графу И. П. Салтыкову, который пожелал иметь И. И. Алексеева при себе в качестве бессменного адъютанта, каковое назначение И. И. Алексеев и получил по возвращении с войны против турок.

В 1796 году И. И. Алексеев был произведен в маиоры, продолжая оставаться адъютантом у графа М. П. Салтыкова, назначенного сначала Киевским, а потом Московским генерал-губернатором. 20 января 1798 г. И. И. Алексеев женился на дочери Киевского обер-коменданта бригадира Ф. Викль — Наталии Филипповне. В мае 1798 года И. И. Алексеев был произведен в подполковники, а в 1800 году — в полковники. В феврале того же года И. И. Алексеев был внезапно отставлен от службы по причине немилости Императора Павла I к графу М. П. Салтыкову, выдавшему свою младшую дочь замуж за племянника графа Орлова против желания Императора. Однако, через полтора года, полковник Алексеев был вновь определен на службу и назначен Московским Полицмейстером. В виду того, что в Москве не прекращались ночные грабежи и разбойные нападения, с которыми полиция не могла справиться, в 1802 году было решено сформировать в помощ: полиции два драгунских эскадрона. Формирование этих эскадронов было поручено полковнику Алексееву, ставшему командиром этих двух эскадронов. Однако, этим эскадронам не суджено было оставаться в Москве. В 1805 году эти два эскадрона пошли на формирование Митавского драгунского полка. Полк формировался в Порхове, Псковской губернии и до выступления в Финляндию стоял в Тихвине. Почти тотчас по сформировании, Митавский драгунский полк выступил в поход, приняв деятельное участие в боях под Прейсиш-Эйлау, Гейльсбергом и Фридландом (кампания 1806-1807 гг.). За Прейзиш-Эйлау Митавскому драгунскому полку было пожаловано семь (7) серебрянных труб с надписью «27 генваря 1807 г.» Шефом Митавского драгунского полка полковник Алексеев был назначен в июне 1805 года. Первым командиром Митавского драгунского полка был полковник Родион Федорович Гернгросс (женат на Анне Федоровне рожденной фон-Брадтке).

За отличия в боях против французов полковнику Алексееву были пожалованы ордена Св. Анны 2 степени с алмазами и Св. Владимира 3 степени, чин генерал-маиора и золотое оружие.

По возвращении из кампании 1806-1807 гг. генерал-маиору Алексееву пришлось пожить с семьей очень недолго. Уже в Августе 1808 года генерал-маиор Алексеев выступил в поход в Финляндию в составе отдельного отряда генерал-адъютанта князя М. П. Долгорукова.

В деле при Идонсальме генерал-адъютант князь Долгоруков был убит. Начальство над отрядом принял генерал-маиор Алексеев. За дело при Иденсальме генерал-маиору Алексееву было пожалован орден Св. Анны I степени. Начальство над отрядом принял граф Шувалов. В составе этого отряда генерал-маиор Алексеев совершил походное движение по льду Ботнического залива от реки Кеми до Торнео. Поход начался 1 марта 1809 года и был необычайно труден, так как вследствии оттепели образовались широкие полыньи, через которые приходилось переправляться. Однако поход закончился без потерь, за исключением одной пушки, провалившейся в полынью. Внезапное появление наших войск на шведскому берегу и занятие Торнео и Умео (войсками генерала Барклай де Толли) совершенно ошеломило шведов, считавших Ботнический залив неодоли-

мым препятствием для войск и способствовало сдаче шведов при Камексе 13 марта 1809 года (шведский генерал Гриппенберг).

18 апреля 1809 года отряд генерала графа Шувалова выступил из Торнео четырьмя колоннами. Одною из них (четыре пехотных полка и часть казаков) командовал генерал-маиор Алексеев. Выйдя 2-го мая 1809 года из селения Старкгое, колонна генерал-маиора Алексеева шла по льду Ботнического залива в обход неприятельских позиций. Переход был крайне затруднителен вследствие наступившей оттепели. Пройдя по льду более 20 верст, колонна генерал-маиора Алексеева вынуждена была сделать крюк в 16 верст, так как лед отошел от берега на полверсты. Тем не менее и этот переход был совершен без потерь. Появление наших войск на шведском берегу поставило шведов в совершенно безвыходное положение и заставило шведский отряд полковника Фурумарка сдаться при Шелефте.

За этот подвиг генерал-маиору Алексееву был пожалован орден Св. Георгия 3 класса. Приняв от заболевшего графа Шувалова командование отрядом, генерал-маиор Алексеев 20 мая 1809 года занял Умео и разбил при селении Гернефорс сильный отряд генерала Сандельса. 23 июля 1809 года генерал-маиор Алексеев сдал командование генералу графу Каменскому и, сильно раненый в левую ногу в бою при Сефваре 7 августа 1809 года, вынужден временно был покинуть строй. По выздоровлении генерал-маиор Алексеев, пожалованный алмазными знаками ордена Ов. Анны I степени и арендой в 1500 рублей в год, вступил в командование бригадой из Митавского и Финляндского драгунских полков и до 1812 года оставался в Финляндии.

Во время войны 1812 года, генерал-маиор Алексеев участвовал в боях под Полоцком, Смолянами и Студянке; при Люцене был снова ранен в ту же левую ногу. За взятие неприятельской укрепленной позиции на реке Струне был пожалован орденом Св. Владимира II степеин. Кроме того, генерал-маиору Алексееву было пожаловано единовременное пособие в 10.000 рублей и Прусский орден Красного Орла.

29 августа 1814 года генерал-маиор Алексеев был назначен начальником 3-й драгунской дивизии. События во Франции («сто дней») вызвали посылку наших войск во Францию. В составе этих войск отправился во Францию и генерал-маиор Алексеев. За отличие при осаде Меца генерал-маиор Алексеев был произведен в генерал-лейтенанты. Во Франции генерал-лейтенант Алексеев оставался с корпусом графа Воронцова. За отличие генерал-лейтенанту Алексееву было прибавлено к аренде 2000 рублей серебром; французский король пожаловал ему военный орден Св. Людовика I степени, а население поднесло ему, одному из всех военачальников, золотую медаль с изображением его имени.

В январе 1819 года генерал-лейтенант Алексеев был назначен начальником I-ой драгунской дивизии, но, прокомандовав ею две недели, был зачислен по кавалерии и более никаких должностей не исполнял.

Скончался генерал-лейтенант Алексеев в Москве 3-го октября 1830 года.

У генерал-лейтенанта Алексеева было двое сыновей-Александр и Николай. Оба окончили Пажеский корпус и служили в гвардии.

полковник К...

СПРАВКА ОТ РЕДАКЦИИ: Митавский драгунский полк сформирован 13 июня 1806 г. полковником Алексеевым в Порхове, Псковской губ. из двух эскадронов драгун при Московской полиции, полуэскадрона Лифляндского драгун. полка и взводов Орденского и Малороссийского кирасирских, Курляндского и Псковского драгунских полков и рекрут.

14 декабря 1826 г. переименован в Митавский гусарский полк.

21 марта 1833 г. присоединены два эскадрона Конно-Егерского Короля Виртембергского полка и назван Гусарским Короля Виртембергского полком.

25 марта 1864 г. назван 14 гусарским Митавским Короля Виртембергского полком.

23 мая 1865 г. — 14 гусар. Митавским Принца Прусского Альберта Младшего полком.

18 августа 1882 г. — 42 драгунским Митавским Принца Прусского Альберта полком.

6 декабря 1907 г. — 14 гусарским Митавским полком.

Награды и отличия:

Штандарт простой с образом Нерукотворенного Спаса. Александровская юбилейная лента.

Надписи: «За войну с французами в 1812, 1813 и 1814 годах». Отличие пожаловано в память того что эта надпись находилась на кивере Лифляндского драгунского полка.

4 Георгиевских трубы с надписью: «Конно-Егерскому Его Величества Короля Виртембергского полку за храбрость при разбитии 30.000 турок при крепости Шумле 23 июля 1810 г.».

Хронология Русской Армии —
В. В. Звегинцов

Последняя ночь на родной стороне

Под охраной застав, выставляемых по очереди от пехотных полков, покидавшая Приморье, Земская Рать с ее обозами и семьями белоповстанцев, в урочище Ново-Киевском, мирно простояла немного больше недели. В ариергарде оставались только кавалерийские части, которые сдерживали, следовавшую по нашим пятам, красную кавалерию. Все белоповстанческие батареи были сведены в Артиллерийский полк, командиром которого был назначен полковник Бек-Мамедов — командир Сводно-Артиллерийского дивизиона.

1-го ноября 1922 года к вечеру Артиллерийский полк, покидая пределы Ново-Киевска, перешел к русскому таможенному посту, помещавшемуся в небольшом, двухэтажном, кирпичном здании почти на самой границе с Китаем, и, сойдя влево с дороги, прямо под открытым небом остановился на привал.

Дул холодный и довольно сильный северный ветер, но белоповстанцы, перенесшие суровую, 40-ка градусную ниже нуля по Реомюру, зиму Хабаровского похода, его совсем не замечали. Перекидываясь несложными фразами, они, как могли, устраивались на ночлег, около и на, остановившихся с боку от дороги, повозках обоза. Нераспряженные орудийные кони, шестерками понурив головы, спокойно стояли, начиная дремать. Немного дальше влево, за растянувшейся Артиллерийской колонной, стояло 6 или 7 маленьких, в беспорядке разбросанных, мазаных халуп (Русский Хун-Чун). Через дорогу справа была видна еще одна, сиротливо стоявшая особняком, такая-же мазанка. В возвышавшемся на отлете здании таможни разместились наши штабы.

После десяти часов вечера ветер немного усилился, и повалил густой, большими хлопьями снег. В один миг все очнулись. Кони подняли головы и, переминаясь с ноги на ногу, вздрагивая всем телом, старались стряхнуть, сыпавшийся на их, ничем не покрытые, спины, снег. Батарейцы повскакивали со своих, так казалось удобно устроенных, мест и многие бросились к халупам, ища убежища от непогоды. Но халупы уже до отказа были набиты ранее пришедшими, и только немногим счастливчикам удалось втиснуться во внутрь. Большинству пришлось остаться снаружи — чертыхаться на проклятую погоду.

Кой-где развели костры. Они плохо горели. Засыпаемая мокрым снегом земля постепенно размокала и появились лужи. Как будто сама природа оплакивала наш неизбежный уход. О сне не приходилось больше думать. Солдаты и офицеры, меся грязь, бродили вокруг повозок обоза, пытаясь иногда протиснуться к костру — хоть слегка подсушиться.

Случайно взглянув через дорогу и увидя, едва мерцавший, свет в окне одинокой халупы, я пошел туда и, открыв дверь, вошел. В сильно натопленной небольшой комнате за четырехугольным столом, стоявшим по середине и занимавшим, как мне показалось, почти ее половину, сидели четыре, мне совершенно незнакомых, человека в одних нижних белых рубашках и с увлечением играли в преферанс. Прерванные моим внезапным появлением, весьма неприветливые их взоры устремились на меня и один из них очень резко мне заметил: «Эта халупа занята Штабом 3-го Корпуса», давая понять, чтобы я не задерживался. Ничего не сказав, я покорно вышел, но отойдя несколько шагов от халупы, обозленный таким радушным приемом, замахав рукой, во все горло заорал в сторону своих батарейцев: «Ребята вали сюда — пустая халупа!» Повторять мне больше не пришлось. Прошло одно мгновение и в халупу подталкивая один другого, стараясь протиснуться вперед, повалили батарейцы. Под напором задних стол с любителями преферанса был сдвинут с места, карты очутились разбросанными на полу, а сами игроки, прижатые в дальнем углу, стояли с растерянным видом, держа в руках все, что успели схватить со стола, не рискуя больше выражать каких-либо претензий. Вместе со всеми проскользнул и я. Почти тотчас, проталкиваясь в дверях, показалась высокая фигура, улыбавшегося военного чиновника Гиацинтова — начальника контрразведки штаба 3-го Корпуса и из разных концов комнаты раздались громкие голоса батарейцев: «Здравия желаем господин полковник!» Солдаты, вероятно, из уважения к занимаемому им высокому посту, всегда его так величали.

Полковник оказался более любезен, чем его подчиненные и, продолжая улыбаться, сразу-же принялся шутить с солдатами, сетуя на несносную погоду и наше незавидное положение. Игроки, изподлобья, мрачно посматривали в мою сторону. Было очень тесно. Не желая толкаться, я, немного постояв, вышел из халупы и пошел бродить по свежему воздуху, присаживаясь, по временам, у костра, разведенного батарейными обозными. Около него теперь крутилось не больше 4-5 человек. Время потекло скорее.

К утру температура сильно пала. Снег перестал идти. Только ветер сильнее завыл. Все заметно начало подсыхать и подмерзать и мне, да и всем, как-то стало легче. Скоро совсем

разсвело и наступил день — 2-го ноября 1922 года — наш последний на Русской земле.

Простояв еще немного, Артиллерийский полк около 9-ти часов утра, получив приказ, тронулся с места и начал переходить границу, сдавая, на специально установленном китайцами пункте, оружие. Панорамы со своих двух пушек я заблаговременно снял и положил в свой ранец, в котором, благополучно пройдя мимо пункта, унес с собою.

2-го ноября 1922 года, оставив, с тоскою в сердце, свою Родину, мы перешли китайскую границу и ушли в неизвестность.

Н. Голеевский

Занесение навсегда в списки частей за боевые подвиги

Обычай заносить в списки частей «навсегда» за боевые подвиги, появился в русской армии в 1840 г., когда, по приказу Императора Николая Павловича, рядовой Тенгинского пехотного полка, Архип ОСИПОВ, был записан на вечные времена в списки полка. Архип Осипов находился в Михайловском укреплении на Кавказе. Видя невозможность спасти укрепление от массы хлынувших на него горцев, Осипов бросился в пороховой погреб и взорвал его, погибнув при этом. Впоследствии, на полковом знаке 77-го пех. Тенгинского полка был изображен подвиг и помещена надпись: «Братцы, помните мое дело». До самой революции, в роте Осипова, на перекличке вызывалось его имя и неизменно отвечалось «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

Внесение Осипова в полковые списки, вполне обоснованное и имевшее большое воспитательное значение для молодых солдат, носило, однако, характер исключения. Совершались впоследствии подвиги равные тому, который прославил Архипа Осипова, но внесением в списки отмечены они не были. Так, совершенно такой же подвиг унтер-офицеров Тифлисского полка, Чаевского и Неверова и рядового того же полка Семенова, ценой своих жизней взорвавших в 1843 г. Гергебильское укрепление, не повлек за собой внесения их в полковые списки.

Второй случай относился к 1881 г., когда в списки своей батареи был навсегда внесен бомбардир Агафон Никитин. Взятый в плен Текинцами, он отказался показать врагу как надо было стрелять по русским из взятой с ним пушки. Твердо вынеся нечеловеческие пытки, он остался верным присяге до смерти (см. № 1 «Военная Быль»).

В 1898 г., при исследовании старых архивов Генерального Штаба, был найден большой пакет, в котором находилось 5 знамен, спасенных солдатами в 1805 г. в Аустерлицком сражении, сохраненных ими в плену и в 1808 г. возвращенных в Россию. На знаменах были нашиты ярлыки, на которых были записаны подробности спасения знамен и имена спасших их солдат. Знамена эти были посланы в Петербург генералом Меллером-Закомельским и там просто забыты. В 1905 г. знамена эти были Высочайше переданы в их полки, а спасшие их солдаты награждены занесением их имен в полковые списки: портупей-прапорщик Михаил Шеремецкий в 3-й пех. Нарвский полк, прапорщик Грибовский, в 45-й пех. Азовский полк, портупей-прапорщик Николай Кокурин, в 66-й пех. Бутырский полк и портупей-прапорщик Семен Кублицкий, в 131-й пех. Тираспольский (бывший Пермский) полк. Пятое знамя, Галицкого мушкетерского полка, спасенное портупей-прапорщиком Петром Полозовым, в полк возвращено не было, так как старый Галицкий полк больше не существовал.

Следует отметить, что не все нижние чины принимавшие участие в спасении знамен и фамилии которых стояли на ярлыках, были записаны в списки. Шеремецкий спас и хранил знамя один. По возвращении в Россию он был произведен в прапорщики, но знамя Азовско-

го полка спас Грибовский, умерший в Дижоне, а хранили после него барабанщик Кирилл Дебош и унтер-офицер Шамов. Дебошу впоследствии была выдана денежная награда, а Шамова произвели в офицеры, но в полковые списки они не попали.

Николай Кокурин также умер в плену, передав перед этим знамя унтер-офицеру Михаилу Мостовскому. Мостовский был произведен в офицеры, но тоже в списки не попал. Спасенное Кублицким знамя Пермского полка было зашито в его мундире. В Аугсбурге этот мундир был, по ошибке, передан рядовому Курского пехотного полка Данилу Седичеву, который два года хранил на себе знамя и представил его по начальству по возвращении в Россию. Кублицкий был произведен в офицеры и впоследствии внесен в полковые списки, незадачливый же Седичев остался без награды и в списки внесен не был. Что же касается Петра Полозова, то так как его полк не существовал, то его было просто некуда записать.

Однако, этими пятью знаменами совсем не ограничивается число знамен спасенных под Аустерлицем, их было значительно больше. Фамилии спасших их чинов были известны, но ни один из них в полковые списки внесен не был. Правда, вскоре спохватились и вспомнили унтер-офицера Азовского пехотного полка, Семена Старичкова, на подвиге которого воспитывалось уже не первое поколение. Высочайшим приказом 25 февраля 1906 г. он также был внесен в списки 45-го пех. Азовского полка.

Таким образом видно, что внесение в полковые списки носило в России характер сумбурный. Не подлежит сомнению, что все внесенные в полковые списки были этого достойны, но почему были забыты другие чины, в равной мере заслуживавшие эту честь, неизвестно.

25 апреля 1906 г. в списки 26-го пех. Могилевского полка был внесен рядовой Петров, отбивший в 1808 г. в Финляндии, попавшее уже в руки шведов, знамя, сохранивший его в плену и вернувшийся с ним в Россию.

После Японской войны было несколько случаев занесения в полковые списки чинов принимавших участие в спасении своих знамен. Так в 162-м пех. Ахалцыхскому полку в полковые списки внесено три лица, причем не одновременно: «За спасение знамени во время рукопашной схватки в бою под Мукденом, 25 февраля 1905 г.». Высочайшим приказом от 7 ноября 1906 г. был сначала внесен только унтер-офицер Гришанов, «за исполнение приказания капитана Жирнова и первоначальное хранение знамени». 22 марта 1907 г. к нему прибавили поручика Хондажевского«, «за хранение знамени в плену в течении 8 месяцев», и, наконец, 8 января 1908 г. и капитана Жирнова, «за инициативу спасения знамени и отдачу о сем приказания». Доблестный Жирнов был убит в бою и посмертно награжден орденом св. Георгия 4-й ст.

7 ноября 1906 г., в полковые списки 4-го стрелкового полка были занесены сразу четыре чина: штабс-капитан Ожизневский, «способствовавший в плену сохранению знамени», старший унтер-офицер Андрей Ракитников, «за сохранение полотна знамени в плену». Младший унтер-офицер Василий Нестеров «тяжело раненый, видя безвыходность положения знаменной роты, приказал снять с древка полотно и скобу и сохранить их». Младший унтер-офицер Сергей Смирнов, «за сохранение скобы знамени».

В тот же день, записаны были в списки 19-го стрелкового полка: поручик Шоке, «за сохранение вензеля знамени, сожженного в виду безвыходного положения полка», младший унтер-офицер Ананий Лобачев, «раненый, бежал из плена и первый сообщил о спасении остатков знамени».

Наконец, 7-го же ноября 1906 г. в списки 196-го пех. Инсарского полка, «на вечное время» был внесен рядовой 284-го пех. Чембарского полка Василий Рябов, «за истинно храбрый подвиг, запечатленный геройской смертью при исполнении долга». Вышедший на разведку в штатском платье, Рябов был взят в плен. Японцы предложили ему сохранить жизнь при условии, что Рябов ответит на их вопросы. Солдат предпочел смерть и был расстрелян. О подвиге его русскому командованию было сообщено японцами.

После этого был, посколько нам известно, только один случай занесения в полковые списки. В 1912 г., в списки 15-го пех. Шлиссельбургского полка был записан рядовой Семен Новиков, в Кинбурнском сражении спасший жизнь Суворому.

Если внесение в полковые списки и носило характер сумбурный и не следовало каким либо определенным правилам, следует отметить, что эта совершенно особенная Монаршая милость, за одним только исключением обращалась всегда на армейскую пехоту и, что Царскими избранниками были в подавляющем большинстве простые солдаты или скромные строевые офицеры. Кажется, что поступая так, Державные Венценосцы, оказывали честь Российскому Солдату, т. е. тому, которому, в первую очередь, Они были обязаны громкими победами Царского оружия.

С. Андоленко

ДОБРОЙ ПАМЯТИ НАШЕГО СТАРОГО ПОЛКОВОГО КОМАНДИРА

(1885—1894)

Барон Оскар Александрович фон-Стемпель, коренной офицер Кинбурнского драгунского полка, герой Новачина. Атака эта, в которую он повел свой эскадрон в Кавказскую войну и результатом каковой явился разгром турецкой кавалерии, преподавалась в военных и кавалерийских училищах, как образец конной атаки.

За эту блестящую атаку, барон фон-Стемпель был переведен, Великим Князем Николаем Николаевичем Старшим, в гвардию, с назначением лейб-гвардии в Драгунский полк. Прибыв в полк, в новеньком лейб-драгунском мундире, он сделал визиты всем офицерам полка, по положению. Никто из офицеров визита ему не отдал. Надо сказать, что при выходе в полки гвардии, молодые офицеры должны были представляться обществу офицеров полка и подвергались баллотировке. Результат — считая себя переведенным в гвардию за боевые отличия, барон вызвал весь полк на дуэль. Мне неизвестно сколько офицеров было убито или ранено на этой дуэли но я знаю, что по Высочайшему Повелению дуэль была прекращена, вслед за чем общество офицеров приняло в полк барона фон-Стемпеля. В дальнейшем, Стемпель командовал в этом полку эскадроном и, с производством в полковники, получил в командование Нарвский гусарский, в то время 39-й драгунский, полк.

В нашем полку сохранилась о нем навсегда добрая память как о строгом, требовательном, но справедливом начальнике, поднявшем полк на небывалую высоту. Требуя от офицеров отличной езды, он ввел в полку скачки и конские состязания, положившие начало дивизионным скачкам и это явилось началом скачек в Российской Императорской кавалерии. С тех пор, девизом полка сделалось — «Кто рожден с спортсменским даром, тому Нарвским быть гусаром». Он добился того, что в наш полк были даны кровные жеребцы и кобылы заводов Яновского, Хреновского и Деркульского. Этим он образовал скаковую конюшню полка, на лошадях которой, кроме наездников, скакали и офицеры полка. Завел он и псовую охоту, в которой, под его главенством, принимали участие все офицеры полка. Полковник барон Стемпель девять лет прокомандовал полком, при всеобщей к нему любви и уважении, как солдат так и офицеров и наше офицерское собрание в Седлеце было украшено многими его призами.

Его боевой конь «Леопольд» простоял на покое в полковой конюшне до самого своего издыхания. Это был конь — участник 17 кавалерийских атак, взявший и много призов на скачках. В старости, он не мог уже жевать овес и ему приготовляли перемолотую овсянку. На вечерней зоре, куда его неукоснительно выводили, ему, этому славному коню, играли полковой марш. В последний раз, услышав свой родной полковой марш, «Леопольд» поднял голову, звонко заржал и пал на глазах всего полка. Офицеры полка закопали его в полковом парке, против здания Собрания, недалеко от тенисной площадки и ему был поставлен памятник с надписью: «Коню Леопольду. Участник Турецкой войны 1877-78 гг. Взявший многие призы на скачках. Владелец полковник барон Стемпель».

Сдав полк, барон Стемпель долго возглявлял Государственое Коннозаводство а затем был комендантом Красного Села. Очень часто он навещал свой родной 13 гусарский Нарвский полк.

Ротмистр **Глеб Байков**

Заслуги полковника фон-Стемпель перед полком: сведение всех шести эскадронов, первоначально в г. Муроме, где полк стоял до 1885 г. Получение из Государственного Конно-заводства 12 высококровных (1/2 — 15/16) лошадей под офицерские седла, по казенной цене. В 1889 г. вывел полк на маневры в Высочайшем присутствии под Ровно, где удостоился благодарности Императора Александра III. Оттуда прямо полк пошел на новые квартиры в г. Седлец, где благодаря энергии и любви к полку барона Стемпеля, были постоены новые отличные казармы, в которых весь полк, кроме 2-го эскадрона, благополучно и простоял до 1-й мировой войны 1914 г. Кроме каменных офицерских флигелей и Собрания, расположенного в большом парке, с тенисной площадкой, полковой церковью, помещениями эскадронов с конюшнями и эскадронными манежами, перед всем этим был большой плац, где производились полковые учения.

Все это было делом рук нашего дорогого, незабвенного и доблестного командира полка барона Оскара Александровича фон-Стемпель.

Г. Б.

Б А К Е Н Б А Р Д Ы

В 1913 году в городе Ровно в чине подпоручика я отпустил себе бакенбарды системы времен Пушкина: от уха к усам. По моему мнению они меня, если не украшали, то и не портили, а на «почтовке» — месте гулянья публики по вечерам я слышал возгласы гуляющих жидовочек: «Ах, как он похож на Императора Александра I-го!»

Мой командир бригады, генерал - майор Промтов, увидев на моем лице эту новость, спросил, улыбаясь: «Вы собираетесь отрастить их еще больше или оставить такими, какими они теперь?» «Оставлю такими, как сейчас, Ваше Превосходительство», ответил я и генерал Промтов этим удовлетворился.

Он сам носил очень странный сорт растительности: два маленьких «кустика» по сторонам подбородка, то-есть тоже что-то вроде бакенбард, но гораздо ниже того места, где мои бакенбарды кончались. Возможно, что именно благодаря своим «кустикам», он не сделал никакого неприятного для меня заключения.

Но вот, в 1914 году к нам на Шубковский полигон приехал командующий войсками Киевского военного округа генерал-адъютант Иванов, носивший бороду «лопатой». В этот день я был как раз дежурным членом Мишенного Комитета, то есть — фигурой на наблюдательном пункте стреляющих батарей довольно заметной и не только своими бакенбардами, но именно последние обратили на себя особое внимание Его Высокопревосходительства.

Во время одного из перерывов стрельбы, генерал Иванов повернулся в сторону и. д. начальника полигона подполковника Захарова, взял его под руку, а другой рукой подхватил таким же способом меня и отвел нас обоих на несколько шагов в сторону. Пустив затем наши локти и поглядывая то на подполковника, то на меня, генерал сказал:

«Его Императорское Величество, покойный Государь Император Александр III разрешил: или — носить бороду, или — не носить ничего». «А это», добавил «некрасиво!»

И с этими словами Иванов оставил нас и вернулся на свое прежнее место. Захаров и я, обменялись понимающим взглядом и тоже пошли на свои места.

Конечно, я мог бы возразить генерал-адъютанту Иванову, что если Император Александр III и носил бороду, то трое Его Предков, покойных Государей XIX-го столетия были бы на моей стороне. Однако, я чувствовал, что генерал Иванов не оценит моих знаний Российской истории. Кроме того, мне был известен случай с киевской знаменитостью нашего округа поручиком Свободой, который доводил до белого каления Киевского коменданта генерал-лейтенанта Медера, знаменитого по всей Руси Великой. Между прочим, Свобода тоже завел себе бакенбарды и встретился в этом виде с командиром IX армейского корпуса генералом-от-инфантерии Мавриным. «Сбрить!» сказал Маврин. «Ваше Высокопревосходительство», заметил на это вполне резонно поручик Свобода: «бакенбарды не мешают мне нести службу Его Императорского Величества», и за этот ответ «резон-ли в этом, или — не резон», был «ввержен во тьму, сиречь под арест!» А бакенбарды все таки должен был сбрить: не уходить же в запас армии из-за такой мелочи.

Итак, повторю, этот пример был мне известен, а потому, не сказав ни слова, я бакенбарды сбрил, и даже с быстротой прямо невероятной. Ведь после стрельбы все мы возвращались в лагерь одновременно, верхом за старшим начальником и, все таки, на разборе стрельбы в нашем офицерском собрании и был уже без бакенбард! Для большего эффекта я сел за стол «не по чину»: против командующего войсками, но, увы, без бакенбард я потерял для него всякий интерес!

Началась война... В сентябре-октябре 1914 года мы провели целый месяц на реке Сан в самом неудобном положении. О бритье невозможно было и думать и даже умывались мы не чаще раза в неделю, рискуя тем, что это умывание будет для каждого из нас последним. Все заросли превыше всяких мер и описаний.

Потом, по дороге к Кракову, я делал всякие опыты с своей бородой и, в конце концов, остановился на бакенбардах прежнего образца. С ними, в марте 1915 года, я ездил в С. Петербург покупать кипятильники для батарей 2/32 дивизиона и в течение этого путешествия решительно никто моими бакенбардами не интересовался. Вероятно по случаю войны было не до них. Я их увековечил на фотографии, а потом сбрил по собственной инициативе.

Прошло 11 лет. В 1926 году я проходил курс Офицерской Артиллерийской Школы в городе Оломоуц. По чехословацкому уставу офицер имел право носить бороду «поскольку таковая не закрывает петлиц на воротнике». Не может быть никакого сомнения в том, что бакенбарды являются как раз той разновидностью бороды, которая петлиц не закрывает и я завел их в третий раз, желая проверить на опыте, как отнесется к этому демократический режим.

В сущности говоря, я был уверен, что отрицательно; ведь покойный Император Франц-

Иосиф I носил бакенбарды, а все, что напоминает «мрачные времена царизма» демократиями отрицается. С другой стороны, однако, мои бакенбарды были совершенно иными, чем у покойного монарха и я рискнул!

Мое французское начальство в школе (обучением чехословацкой армии в то время еще заведывали французы): бригадный генерал Боссю, длинный и тощий и подполковник Этьен-Леон-Флорентин Бардоннанш, чрезвычайно маленького роста, но с длиннейшими усами, моих бакенбард просто не замечали и их примером руководились бритые чешские инструкторы. Но вот школа кончилась и я уехал в свою 2-ую артиллерийскую бригаду.

Она была занята стрельбой на Горождевицком полигоне. Я явился на наблюдательный пункт и отрапортовал о своем прибытии командиру бригады бригадному генералу Ракушану. Генерал сделал изумленный вид: «Что Вы с собой сделали? Выглядите совершенно как белка! Да, да — как белка!» и обратившись к присутствующим офицерам, повторил: «Не правда ли: белка?». Офицеры почтительно улыбнулись. — «Сейчас же сбрить!» закончил генерал. К обеду я был бритым.

Выходит так, что бакенбарды отрицаются всеми видами современных режимов и я полагаю, что французы не интересовались ими только потому, что в данном случае были не у себя дома и должны были считаться с некоторыми местными обычаями, к числу которых, вероятно, отнесли и мои бакенбарды.

И, все таки, я считаю, что поручик Свобода был прав: чем, кому и когда бакенбарды мешают? И даже, более того: Императорская Российская Армия побеждала тогда, когда или не носила ничего или носила... бакенбарды!

В. Милоданович

Обзор военно-историчесой печати

«СОН ЮНОСТИ». Воспоминания Великой Княжны Ольги Николаевны, впоследствии Королевы Вюртембергской. «Военно-Историческая Библиотека «Военной Были» № 7. Париж 1964 год.

Приступая к обзору этой книги, я должен припомнить изречение Козьмы Пруткова «нельзя объять необъятное», столько интереснейшего материала, даже в историческом плане, заключается в этой книге, а, между тем, автор отнюдь не задавался целью придать своим воспоминаниям историческое значение.

Вот слова Княжны: «По мере того как я писала, я снова переживала годы моей молодости, когда все казалось мне прекрасным и точно пронизанным небесным светом». Конечно, некоторая немецкая сантиментальность матери отразилась на детях, но все они воспитывались в чисто русском духе, в истинном духе православной веры и Великая Княжна признавалась, что, в трудные минуты своей жизни, она имела утешение лишь в религии.

Ее интерес ко всему русскому, к русской литературе, в частности, по тому времени, был необычным и непринятым в русском обществе. Говоря об этом обществе, Княжна с грустью замечает, что всегда страдала, видя как люди «сплетнями унижают себя». «Свет», не будучи в состоянии верить в хорошее, начинает злословить.

Автору воспоминаний, естественно, приходилось вращаться среди коронованных и высоко поставленных особ разных стран и ее наблюдения — часто приносили ей огорчения. Тринадцатилетним подростком, Ольга Николаевна присутствовала в Калише, при встрече Прусского короля и ей пришлось слышать отзывы всех этих принцев и принцесс, приглашенных на торжетво: за спиной — сплошная критика и насмешки по адресу России, в глаза-же Государю, эти гости выказывали одно лишь восхищение.

Все воспоминания, главным образом, держатся в рамках семейной хроники и чрезвычайно показательны в них строки, посвященные ее Державному отцу.

Император Николай I-й взошел на престол не под торжественный салют в 101 выстрел. В этот день, орудийный «салют» был произведен боевыми снарядами и направлен против мя-

тежной толпы, что, конечно, не могло не оставить след на психике молодого Государя. Но это не озлобило его. В воспоминаниях его дочери, ярко выявились душевные качества Николая Павловича, как прекрасного семьянина — отца, а отчасти, и как правителя огромной Империи, превыше всего ставившего свой долг перед Россией. Он искренне стремился к ее благу, считал себя первым слугой своего государства, но все его реформаторские попытки и идеи разбивались об упорное нежелание окружавшей его среды, пойти им навстречу. Стремясь постепенно подготовить и провести освобождение крестьян от крепостной зависимости, имея такого просвещенного помощника каковым был граф Киселев, он приглашал помещиков помочь ему в этом деле — глухое, озлобленное молчание было ему ответом и единственный последовавший его призыву князь Михаил Воронцов, встретил столько препятствий со стороны местных учреждений, что, в конце концов, почти сожалел о своем шаге. Сам Киселев ему сказал: «Что вы хотите — мы еще варвары...».

Назначенный к Великой Княжне камергером граф Бобринский был очень непопулярен в высшем обществе и у Великого Князя Михаила Павловича, только лишь потому, что он стал во главе предприятия, строившего, первую в России, железную дорогу между Петербургом и Павловском. В этом возглавлении «свет» видел чуть ли не революционное стремление к уравнению классов. Государь, зная это, устраивает поездку большим обществом по этой железной дороге.

Великая Княжна отмечает, что во внешней политике ее отец поставил себе девиз «козыри вперед» и, частенько, Нессельроде приходилось облекать эту прямоту в дипломатические формы. Тут же Ольга Николаевна рассказывает, что Нессельроде не благоволил к дипломатам русского происхождения и что Государь никак не разделял, в этом отношении, вкусов своего министра Иностранных дел.

Любя военное дело и увлекаясь его парадной стороной, Николай Павлович не ограничивал этим своих интересов. Говоря о своем увлечении химией, Ольга Николаевна упоминает о поддержке, которую она видела в этом со стороны своего отца. По ее словам, Государь живо интересовался всем, что касалось научных достижений и требовал, чтобы ему всегда об этом докладывали.

Делясь в воспоминаниях своими театральными впечатлениями, Великая Княжна писала, что единственные русские пьесы, которые ей нравились, были «Ревизор» и «Горе от ума», причем добавляет, что «Ревизор» появился на сцене только с Высочайшего повеления.

Ничто не ускользало от зоркого взора Николая Павловича. Интересуясь самыми мелочами жизни народа, по рассказу Княжны, он сам провел устройство учебных заведений для дочерей священослужителей.

Живо откликаясь на интересы своих детей, в тоже время, он предоставлял им свободно распоряжаться своей судьбой. Он поддержал браки двух своих дочерей, заключенные исключительно по любви, несмотря на то, что в глазах части Императорской семьи и высшего общества, обе Княжны совершали «необдуманный поступок», выходя замуж за людей несоответственнго ранга. Только когда задевался интерес Государства, Император не позволял себе оставаться равнодушным. Наследник Престола Александр Николаевич, будущий Император Александр II влюбился в некую Ольгу Калиновскую и ради нее готов был пойти на отречение от всего. Николай Павлович проявил большую душевную мягкость в разговоре с Ольгой Калиновской, показав ей достоинство ее отказа и жертвы. Она поняла и, в слезах, благодарила Государя.

Характерна для него и сцена, происшедшая перед замужеством Ольги Николаевны, выходившей за Карла Вюртембергского. Накануне обряда венчания, Государь зашел в комнату Ольги Николаевны, обнял ее и они оба стали на колени, чтобы помолиться Богу. Затем, он благословил ее и, уходя сказал: «Будь Карлу тем, чем все эти годы была для меня Мама».

С большим восторгом, восприняла Ольга Николаевна назначение ее Шефом 3 гусарско-ко Елисавеградского полка, портрет ее в форме этого полка иллюстрирует книгу, так же как и прекрасные портреты ее отца, Наследника Цесаревича и двух ее сестер. Государь попросил ее сочинить для полка полковой марш, что она и сделала в сотрудничестве с Белингом, который перекладывал на ноты, мотив напетый Княжной.

Мой отзыв слишком затянулся. Приходится проходить мимо многого чрезвычайно интересного. Останавливаю особое внимание читателей на описании краткой жизни и преждевременной смерти младшей сестры Княжны Александры Николаевны, сошедшей в могилу, держа в объятиях своего мертвого ребенка и приявшей кончину с кротостью истиной христианки. Эти страницы, несомнено, принадлежат к лучшим страницам этой прекрасной книги.

А. Л.

Письма в Редакцию

К СТАТЬЕ В. ЦИМБАЛЮКА «ВЫСОТА 103»

С большим вниманием прочел я в № 64 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» статью В. Цимбалюка «Высота 103».

Очень жаль, что в статье своей В. Цимбалюк не указывает, какой именно полк он описывает, так как в этой известной атаке на высоту 103 (Сопоцкинские Высоты) принимало участие несколько полков. Прекрасная эта статья является чрезвычайно нужным материалом для будущих историков этой войны. К его рассказу мне хочется прибавить еще несколько слов из рассказа моего отца, который участвовал в этом бою и был ранен.

«Наш 102 пехот. Вятский полк (26-й пехот. див) быстро двигался вперед и вверх, развернув в цепи все свои четыре батальона. Задание певрой цепи, которой командовал, было при поддержке остальных батальонов, штыковой атакой выбить германцев с вершины холма. Перекопанная и намокшая земля не позволяла идти с должной быстротой, но чем выше мы подымались, тем суше была земля и тем быстрее приближались мы к окопам противника. Немцы подпустили нас без выстрела на 200 шагов и только когда мы с криком «ура» кинулись в штыки, нас встретил сильный ружейный и пулеметный огонь, а когда подошла и вторая наша цепь, заработала германская артиллерия. Разрывом одного из снарядов было ранено десять человек, в том числе и я, тяжело в ногу. Мои солдаты, все перераненые, сделали носилки из винтовок и отнесли меня на перевязочный пункт. Было это 10 февраля 1915 года у деревни Кулаковщина».

Георгий Цвецинский

Пркерасная статья В. Цимбалюка «Высота 103», в № 64 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», до известной степени, дополняет мою статью в № 57 «Вержболовская группа и гибель XX арм. корпуса в Августовских лесах».

Хотя автор не называет номера дивизии, однако, по содержанию статьи, нетрудно догадаться, что речь идет о 26-й пехот. дивизии, упомянутой также и в моей статье. Лучшего выбора для действия от Гродно в сторону Августовских лесов, с целью придти на помощь окруженому нашему XX арм. корпусу, не могло быть. Ведь эта наша 26-я пехот. дивизия была расквартирована в мирное время тремя своими полками в Гродно, а одним в Августове. Во всей нашей армии не было другой дивизии, которая бы, из своего обучения в поле и ежегодных маневров, лучше чем 26-ая знала бы весь район, в котором так трагически заканчивал свое существование наш славный XX арм. корпус. Не подлежит сомнению, что именно эта 26-я пехот. дивизия лучше какой-либо другой могла выручить из окружения этот, гибнущий по вине генерала Рузского, наш несчастный корпус. Однако, эта, сама по себе правильная, мысль сводилась на нет слишком поздно принятым решением нашего высшего командования. Момент был упущен.

Как уже известно из краткого разбора, так трагически кончившейся, этой операции, длилась она целых 14 суток, от перехода немцев в наступление до капитуляции. Казалось бы, что времени было достаточно, чтобы Главнокомандующий нашим фронтом принял бы необходимые меры для предотвращения катастрофы. Но, генерал Рузский, шедший на поводу своего, печальной памяти, генерал-квартирмейстера Бонч-Бруевича, самостоятельно не мог сообразить, что для нашей 10 Армии, далеко выдвинутой вперед, с ее чрезмерно растянутым фронтом и, к тому-же, без всяких резервов, назревала страшнейшая катастрофа. А когда некоторые свежие головы, предвидя германский маневр и разгадывая его фатальные последствия, старались предостеречь Главнокомандующего, Бонч-Бруевич противился всем этим попыткам, ни на чем не основанными утверждениями, что де«немцы не посмеют этого сделать».

Когда-же, наконец, каждому в штабе стало ясно, что вышеупомянутые предостережения стали оправдываться и что наши четыре дивизии XX корпуса вряд ли смогут теперь выскочить из германских клещей, в бездорожных Августовских лесах, началась лихорадочная, спешная переброска подкреплений из тыла и с других участков фронта. Если-бы вышеупомянутая 26-я пехот. дивизия прибыла бы в Гродно хотя бы на восемь дней раньше, ее атака не была бы такой кровопролитной, как описано в статье, а, главное, она помогла бы нашему окруженному XX арм. корпусу пробиться в сторону, уже близкого, Гродно. Но теперь, исход этой, так живо и наглядно описанной В. Цимбалюком, атаки был уже предрешен. Тот высший начальник, который приказал ТЕПЕРЬ эту запоздалую атаку от Гродно в западном направлении, сделал глупость, чтобы не сказать что он совершил преступление и все потери этой нашей славной 26-й дивизии лежат на его совести.

Действительно, ведь не трудно было догадаться, что с момента положения оружия нашим XX арм. корпусом (о чем наше командо-

вание не могло не знать, хотя бы из победных реляций немцев), такая атака обречена на полную неудачу и вызовет только большие и совершенно напрасные потери. Каждому мало-мальски соображающему человеку, должно было быть ясным, что с момента капитуляции нашего окруженного корпуса, германские войска освободились и несомненно не допустят никаких наших запоздалых попыток придти на помощь окруженным.

Из всего этого описанного эпизода полководческого творчества Рузского, особо следует отметить, с болью и печалью, что эта несчастная атака русской пехоты, описанная В. Цимбалюком, была произведена на построенную нами-же сильно укрепленную позицию, которую немцы давно уже совершенно безнаказанно захватили, а освободившиеся, из августовских боев, их войска — прочно ее заняли.

В. Кочубей

ЕЩЕ О КОКАРДЕ

Видно, что А. Земель смешивает кокарду с «репейком», заменившим при Александре I-м, на головных уборах, кисть. Кокарда символизировала государство, а репеек только отличал роты. Репейки эти были всех цветов. Красные репейки обыкновенно носились гренадерскими ротами.

С. Андоленко

К СТАТЬЕ «АТАКА ПОД ЛЕЙПЦИГОМ».

В моей статье оказался пропуск, меняющий смысл всей фразы: Примерно в середине второго абзаца левой колонны на стр 8 следует читать — «Неаполитанский король шел впереди, с ним были кирасиры 1-го корпуса, которых вел Бордесу. За кавалерией в три колонны следовали два пехотных корпуса, Виктора и Лористона...» и т. д.

Г. Гринев

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прошу не отказать в двух моих статьях сделать следующие поправки к ошибкам, допущенным при корректуре: 1) в № 64 Военной Были» в моем дополнении к статье З. Балтушевского, полковник Белолипецкий Валериан а не Владимир; 2) в статье «Калуш» в № 62 «Военной Были» читать не XXVIII а XVIII арм. корпус. В той-же статье стр. 37 стр. 6-я сверху: нужно читать — «на восток, в город Калуш, другое, уездное, более скромное, на юго-восток — в Струтын Вышний.

В. Милоданович

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В журнале «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» № 66 напечатана рецензия В. фон-Рихтера на книгу польского писателя И. Мацкевича, озаглавленную «Дело полковника Мясоедова», в которой автор рецензии, между прочим, пишет: «описывая постыдный процесс Мясоедова, автор не раз упоминает капитана Ген. Штаба Бучинского, в роли свидетеля; если это тоже лицо, помещающее статьи на военные темы в «Русской Мысли», так это ему прежде всего следует ознакомиться с книгой И. Мацкевича и высказаться по этому поводу»

В ответ на это предложение В. фон-Рихтера, я должен сообщить, что автор, помещавший до 1964 года в «Русской Мысли» статьи на военные темы, но не помещающий их больше и упоминаемый г-ном Мацкевичем капитан Ген. Штаба Бучинский — одно и то же лицо. Я очень благодарен за совет прочесть книгу Мацкевича, но, к сожалению, лишен этой возможности, потому что не знаю польского языка и буду ожидать перевода этой книги на русский или французский языки.

По поводу моего участия в этом, постыдном для русского правосудия, процессе я могу дать нижеследующие объяснения.

В феврале 1915 года, когда 10-я армия генерала Сиверса, занимавшая Восточную Пруссию, была разбита и отброшена к Неману, а ее XX корпус — окружен и капитулировал в Августовсокм лесу, для обороны крепости Ковно, был сформирован особый Козловорудский Отряд, который занял, заранее укрепленную Козловорудскую позицию, построенную на западной опушке большого леса, носящего то же название и имевшую назначением усиление обороны левобережных фортов крепости. Этот, наспех сформированный отряд, состоял из бригады 68-й пехот. дивизии, бригады Ополченцев, Донского казачьего полка, 1-й гвард. кавалер. дивизии и 2-й бригады 2-й гвард. кавалер. дивизии. Гвардейская кавалерия назначалась для охраны флангов укрепленной позиции, которые, буквально, «висели в воздухе», так как и к северу и к югу от них не было ни одного солдата.

Начальником этого Козловорудского Отряда был назначен врем. командующий бригадой 68-й дивизии полковник Александров, а начальником его штаба — пишущий эти строки. Штаб разместился в деревне Козлова Руда, лежащей на шоссе Ковно-Кенигсберг. Отряд находился в непосредственном подчинении коменданта крепости генерала лейтенанта Григорьева.

Однажды, кажется в начале марта, я был вызван к начальнику штаба крепости генералу Бурковскому, который конфиденциально сооб-

щил мне, что в крепость приехал, командированный Ставкой, жандармский полковник Мясоедов, якобы для организации агентурной разведки, а в действительности для установления наблюдения за ним, так как он подозревается в сношениях с неприятельскими штабами. Генерал добавил, что, в случае приезда Мясоедова, на Козловорудскую позицию, нам следует быть очень осторожными и, не показывая своих подозрений, не сообщать ему ничего верного о составе и положении нашего Отряда. Я передал полковнику Александрову все указания генерала Бурковского.

Через несколько дней в Козлову Руду действительно приехал полковник Мясоедов в сопровождении чиновника в форме военного министерства, которого Мясоедов рекомендовал как своего секретаря. Впоследствии оказалось, что чиновник этот был не секретарем его, а агентом контр-разведывательного отдела Ставки, на которого и была возложена слежка за Мясоедовым. К нам в хату вошел высокий, очень представительный, элегантно одетый жандармский полковник, который, представившись, показал письменное разрешение коменданта крепости для посещения Козлово-рудской позиции и объяснил, что он организует агентурную разведку и хочет знать, где, то-есть в каких местах лучше переправлять своих агентов. Не расспрашивая ничего о составе и о расположении нашего Отряда, Мясоедов спросил, где и как можно безопаснее переходить на немецкую сторону. Я советовал ему направлять агентов не через фронт позиции, а в обход ее флангов, правее и левее расположения гвардейской кавалерии, охранявшей эти фланги.

Мясоедов оказался интересным собеседником, живо рассказывая нам о своей деятельности жандармского офицера на большой пограничной станции Вержболово, а также о своих успехах в области агентурной разведки, дающей, якобы, Ставке ценные сведения о планах и намерениях германского командования. Он провел у нас, в Козловой Руде, два-три часа и уехал на автомобиле в Ковно.

Это была моя вторая или третья встреча с Мясоедовым. До приезда в Козлову Руду, я видел его мельком в штабе крепости, но не имел случая с ним говорить. Я должен отметить, что его поведение у нас в штабе не только не могло навлечь на него каких-либо подозрений, но было просто совершенно естественно, нормально и вполне корректно. Я спросил его о младшем брате, которого знал по Офицерской Кавалерийской Школе в Петербурге, где он был офицером постоянного состава. Через несколько дней, я увидел Мясоедова в последний раз, в зале офицерского собрания Варашвской Цитадели, в качестве обвиняемого в ужасном преступлении, перед полевым судом, специально созванным для его осуждения.

Вскоре после визита Мясоедова в Козлову Руду, я получил приказание штаба крепости выехать в Варшаву для показаний на суде над Мясоедовым. Перед отъездом в Варшаву, я явился начальнику штаба крепости и не мог не высказать ему своего удивления по поводу моей командировки в суд над Мясоедовым, с которым я говорил только один раз и поэтому не могу знать ничего о его шпионской деятельности. На это, умудренный опытом, Бурковский мне ответил, что дело Мясоедова — дело «особенное», говорить о нем много не следует и посоветовал мне говорить на суде только о фактах и отнюдь не делать никаких собственных заключений.

Я выехал в Варшаву с первым отходившим поездом и, переночевав в отеле «Бристоль», утром явился в Цитадель, где, в зале офицерского собрания, заседал полевой суд, судивший Мясоедова. Я не могу дать подробного описания этого судебного заседания, так как оно потребовало бы слишком много времени и места. Скажу только, что свидетелей вызывали в зал суда, лишь на время их показаний, а затем, мы присутствовали только при чтении приговора Мое показание продолжалось не более пяти минут, в течение которых я рассказал подробно о приезде Мясоедова в Козлову Руду и о наших разговорах с ним.

Что касается чтения приговора, то вся эта сцена, носившая не только тяжелый, но даже трагический характер, никогда не изгладится из моей памяти. В большом, нетопленном зале было очень холодно и все судьи, подсудимый Мясоедов и все присутствовавшие сидели в шинелях. За большим столом сидели четыре члена суда, а перед ними — Мясоедов. Поодаль у стенки сидел единственный свидетель ВСЕГО происходившего, комендант Цитадели генерал Турбин. Приговор, который прочел один из членов Суда, не содержал ни малейшего указания или доказательства на сношение Мясоедова с противником и на его измену, вероятно потому что ни один из свидетелей не мог таковые доказательства привести. Как это ни покажется удивительным, Мясоедов был присужден к смертной казни за «грабежи» и «мародерство», которые он будто бы произвел во время занятия нашими войсками Восточной Пруссии...

При произнесении слов «к смертной казни через повешение», Мясоедов покачнулся, но удержался на ногах, ухватившись за спинку стула. Желая снять с себя всякое подозрение в соучастии в осуждении невинного человека, я восемь лет спустя, в 1923 году, смог предать гласности подробности моего участия в деле

Мясоедова. Моя статья, озаглавленная «Суд над Мясоедовым» была напечатана в одной из книг журнала «Архив русской революции» за 1923 год. Интересующимся подробностями этого дела, я рекомендую прочесть эту мою статью.

Считаю нужным добавить, что в этой статье я оценил дело Мясоедова точно так же, как оценил его польский писатель Мацкевич, тоесть как принесение в жертву каким-то неизвестным политическим или личным интересам, совершенно невиновного человека. В 1923 году, все участники этого дела были еще живы, поэтому, желая обелить невинно казненного, но не желая обвинять кого-бы то ни было, я обозначил фамилии всех участников только начальными буквами и подписался «Б. Б-кий». В конце моей статьи, я высказал следующее заключение: (передаю не дословно, но ручаюсь за верность смысла): «Поражение наших армий в Восточной Пруссии, Самсонова в августе и фон-Сиверса в феврале, надо было чемлибо объяснить и снять ответственность с высшего командования и переложить ее на шпиона. Если его не могли поймать — то его надо было выдумать». И последней фразой моей статьи была следующая: «смерть Мясоедова была нужна толпе подобно тому как в 1912 г. московской толпе была нужна смерть купеческого сына Верещагина».

В заключение, я хочу сказать несколько слов по личному адресу рецензента Владимира фон-Рихтера. Полстолетия тому назад, когда я командовал 1-м эскадроном Владимирского уланского полка, в моем эскадроне был младшим офицером корнет Владимир фон-Рихтер. Насколько помню, он был воспитанник Пажеского корпуса и сын генерала, командовавшего пехотной дивизией в Белостоке. В полку, в товарищеской среде, его фамильярно звали Валек Рихтер.

Если нынешний сотрудник «Военной Были» Владимир фон-Рихтер и украшавший когда-то своим присутствием желтые ряды Владимирских улан корнет «Валек» Рихтер — одно и то же лицо, то я шлю ему привет его старого командира.

Б. Бучинский

В своем «Письме в Редакцию» в № 65 нашего журнала, полковник А. Рябинин говорит о том, что трубачи Елисаветградского и Белорусского гусарских полков сидели на серых лошадях, в то время как основная масть полка была вороная и караковая. На его вопрос «может были и другие кавалерийские полки, имевшие у трубачей лошадей не полковой масти?» я могу ответить, что и в моем 13 гусарском Нарвском полку трубаческий взвод имел серых лошадей, тогда как полковая масть была вороная и караковая.

Подполковник **Н. Аладьин**

НЕОПОЗНАННЫЕ ЗНАКИ

В моем собрании знаков, есть еще шесть, опознать которых не удалось до сих пор. Обращаюсь к читателям «Были» с просьбой помочь мне разгадать поставленные этими знаками загадки.

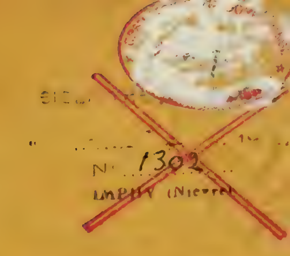
1. Бронзовый, посеребренный знак, академического типа. Под орлом два скрещенных меча, а на щитке орла, буква «С», т. е. столетний юбилей.
2. Серебряный орел, с одной опущенной, а другой поднятой головой, типа орлов на гвардейских киверах, эпохи Александра I-го, а на нем золотой вензель Имп. Александра III-го. Знак безусловно воинской части, на винте.
3. Авиационный знак, который отличается от знака офицерской воздухоплавательной школы тем, что на щитке его, под короной, не государственный орел, а вензель Государя. Между мечей поставлено вертикально орудие, что дает мысль о противоаэропланной артиллерии.
4. Знак работы «Фаберже». В центре Московский герб на красном кружке. Крест составлен из 4-х белых, с синим ободком, щитков, а между ними двуглавые орлы. На щитках вензеля Имп. Петра I-го, Екатерины II-й, Александра I-го и Николая II-го. Знак номерован.
5. Знак вероятно какой-то гимназии. Серебряный позолоченый венок, на который положены вензеля Александра I-го и Николая II-го. Наверху венка государственный герб, а под ним, на синей ленте, юбилейные годы «1811-1911». Внизу, на щите синей эмали, литеры «А.Л.Г.».
6. Знак 200-летнего юбилея. Серебряный, позолоченый венок, а на нем, под Императорской короной, вензеля Императоров Петра I-го и Николая II-го, последний почему-то латинской буквой. Внизу, два скрепленных ключа (герб г. Риги), а на них две буквы «СС».

С. Андоленко

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

№ 68

Июль 1964 год

ГОД ИЗДАНИЯ 13-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

1914 — 1964

В воскресение 2 августа после литургии, в Храме Святого Александра Невского, в Париже, будет отслужена панихида

ПО ВСЕМ РУССКИМ ВОИНАМ, ПАВШИМ ЗА ВЕРУ ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО

в Первую Мировую войну 1914 - 1917 гг.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 64 по 69 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

13-й год издания | № 68 ИЮЛЬ 1964 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs

1914 - 1964

Лейб-Егеря в войну 1914 года

ПЕРВЫЕ ДНИ МОБИЛИЗАЦИИ

12 июля 1914 года. — По случаю субботы занятия в полку были лиш до обеда. У нас, в четвертой роте, была прикладка впереди лагеря, после чего егеря занялись уборкой, а офицеры разъехались кто куда. Я отправился на мотоциклете к себе в Царское Село, где и предполагал провести субботу и воскресенье, но уже в тот же день, то-есть в субботу, на политическом горизонте стали собираться тучи, а к вечеру того же дня состоялось досрочное производство молодых офицеров.

В виду того, что уже и на улицах стало сказываться некоторое нервное возбуждение, я спешно выехал обратно в Красное Село. По дороге, мне навстречу, уже тянулись войска с артиллерией (Гвардейская Стрелковая бригада), возвращавшиеся к себе в Царское Село. Из разговоров с ее чинами я выяснил, что завтра весь Гвардейский Корпус спешно переводится в Петебург.

Уже подъезжая к лагерю, я заметил, что что-то случилось. Мирный его вид, каким я его оставил сегодня утром, сменился картиной взбудораженного муравейника: все куда-то неслись, укладывались, ругались, а в промежутках проносились самые фантастические новости. Факт был налицо — произошло что-то серьезное, из-за чего весь этот блестяще организованный аппарат, с расписаниями маневров и занятий, составленными до самого конца сбора, подняли с насиженного места, чтобы завтра перевести в Петербург. Офицеры совещались между собой, обсуждая слухи, носившиеся по лагерю, в ротах, их обступали егеря, жадно ловившие каждое их слово.

13 июля. — В 6 ч. утра полк, под проливным дождем, выступил за лагеря в Петербург, куда дошел без большого привала. По приходе к нам, на Рузовскую улицу, перед храмом Св. Мирона был отслужен мобелен, а затем егерей развели по их ротам, где еще не был закончен обычный летний ремонт казарм. В следующие дни, в казармах начались обыденные занятия, и полк нес гарнизонную службу в городе, как в мирное время.

15 июля. — По случаю объявления Сербией войны Австрии, в городе, главным образом, на Невском проспекте, произошли большие патриотические манифестации. Толпы народа восторженно приветствовали офицеров, останавливали извозчиков, на которых те ехали, и качали офицеров с криками ура! До позднего вечера по всему городу раздавалось пение гимна. Все лучшие рестораны столицы были переполнены гвардейскими офицерами, которые, очутившись в разгаре лета в городе в отсутствии своих семей и знакомых пользовались (увы, для многих последними) минутами красивой жизни русской столицы.

16 июля. — Назначенная (ошибочно) мобилизация была вскоре отменена, но уже на следующий день, вернувшись вечером домой, я нашел у себя секретный пакет с объявлением мобилизации и с предписанием на следующий

день, в 6 ч. утра, явиться в полк. Можно с уверенностью сказать, что в этот день все офицеры явились без малейшего опоздания.

Я был назначен помощником к полковнику Бурману в Михайловский манеж, где был устроен 2-й Центральный пункт по приему запасных города С.-Петербурга. В тот же день мы, с назначенными егерями, прибыли туда и оставались там в продолжении десяти суток, с очень короткими промежутками для отдыха. Через наши руки прошло около ста тысяч запасных; их надо было прокормить, выдать им необходимое обмундирование, сделать каждому в книжке пометку о его явке на сборный пункт и отправить, в большинстве случаев в тот же день, на вокзал, согласно получаемому утром каждого дня особому расписанию. Уже в первый день нашего пребывания в манеже мы пришли к убеждению, что при таком наплыве запасных совершенно невозможно заниматься никакой канцелярщиной, и потому стали просто отбирать у призванных их книжки и сохранять у себя, до сдачи их со всеми делами и отчетами в Управление Воинского Начальника.

По нашему требованию, вокруг главного фаса манежа был построен дощатый забор, охранявшийся городовыми. Эта мера была направлена, главным образом, против баб, которые, несмотря на все запреты, лезли вместе с запасными в манеж, неистово причитали и голосили, лезли ко всем с глупейшими вопросами и просьбами и вносили хаос в и без того запутанное дело по отправке запасных.

В это время в Петербурге толпа народа, подстрекаемая, несомненно, какими-то хулиганами, разгромила сначала ряд магазинов, владельцы которых носили немецкие фамилии, а затем проникла к зданию Германского Посольства и сбросила на мостовую четырех каменных коней, стоящих на крыше посольства.

В полку в это время шла лихорадочная работа по подготовке к выступлению в поход. Каждый день прибывали все новые и новые запасные, которых спешно натаскивали, обмундировывали, вообще же все старались сохранить то лицо полка, которое существовало, в мирное время. Офицеры полка были большею частью в разгоне: кто уехал в провинцию, в командировку по приему лошадей, кого командировали за запасными а кто отправился с командой на охрану побережья Финского залива от возможного десанта. А время шло и надо было в свободное время, которого у всех было очень мало, позаботиться и о своих личных делах, связанных с походом.

Наконец, приток запасных в Михайловский манеж прекратился. Мы с полковником Бурманом сдали 30 июля всю сложную отчетность и инвентарь в Управление Воинского Начальника и прибыли в полк, который к этому времени представлял внушительную картину и, по количественному составу, равнялся чуть ли не дивизии мирного времени.

1 августа. — В храме Св. Мирона, была общая исповедь по батальонам, а затем, после трогательного слова Отца Михаила Добровольского, — причастие.

2 августа. — На Клинском проспекте был отслужен напутственный мобелен и затем генерал Данилов пропустил полк церемониальным маршем. Мне запомнились слова генераль. штаба полковника М. Н. Суворова, ободрявшего, родных ему, уходящих егерей словами, что через три месяца полк вернется домой. На молебне присутствовал также бельгийский посланник, который пришел в восторг от внушительного вида лейб-егерей и сказал, что «такие солдаты не могут не победить».

В. А. Каменский

Начало 1-ой великой войны

Много писалось и пишется о нашей старой Армии. Поругивают иногда наши старые порядки. Верно, не все было как следовало бы, но все же надо сказать, что самый тяжелый период — мобилизация Армии, — прошел у нас блестяще. Показали свою работу чины Армии, блестяще провели перевозку войск и железнодорожные служащие и чины городских управ и другие. Всем было известно, что наша Армия еще не была готова к войне. План окончательной готовности Армии ожидался в 1916 году. Лучше же всего это знал немецкий генеральный штаб, и поэтому воспользовались Сараевским убийством, чтобы начать войну с Россией, которой боялись, видя, что мощь Русской Арми растет не по дням, а по часам.

Лето 1914 года было сухое и жаркое. Дождей почти не выпадало. Наша дивизия стояла в лагерях в 4-х километрах от города Двинска на берегу реки Западной Двины. Место это

чрезвычайно красивое. Весь лагерь утопал в зелени. И в солдатских палатках и в офицерских бараках жара особенно не ощущалась, так как все стояли в тени деревьев. Особенно прохладно было в саду офицерского собрания. Лагерь был старый, деревья сильно разрослись и давали тень. Вследствие такого сухого лета начались лесные пожары в Витебской губернии. В воздухе стоял запах гари и какая-то мгла, вроде тумана. Пожары были настолько сильны, что часто от полков высылались целые батальоны для тушения пожаров. Но с лесными пожарами бороться трудно. Воды нет, а на вас идет сплошная стена огня, иногда шириной около 10 километров. Все живое убегает и улетает из леса. Деревья от жары лопаются с треском, подобным пушечному выстрелу. Огонь перебрасывается ветром главное же пламя идет по земле, где горит сухая трава, хвоя, листья и ветки. Бороться могли только тем, что копали канавы, чтобы остановить движение огня по земле. Это помогало.

В 1914 году наша дивизия готовилась к Царскому смотру, который должен был быть в конце лагерного сбора. Три раза в неделю дивизия выстраивалась на стрельбище. Приезжал начальник дивизии генерал Булгаков со своим штабом. Здоровался с полками. Отвечать должны были ему, как Государю. Потом — церемониальный марш. Но, как я выше упомянул, лето было сухое, вся трава была выбита маршировкой и от тысяч ног поднималась страшная пыль. С этих репетиций все приходили буквально серые от пыли, видны были только глаза и зубы. Избегала пыли только головная рота 1-го полка. Мне лично посчастливилось, я был в первом полку дивизии и назначен ассистентом к знамени. Впереди меня ехал командир полка и командир 1-го батальона, за ними — знамя и около него мы, два асистента. Приходили почти чистенькими.

Но Царский смотр не состоялся. Шли какие-то слухи о недоразумениях с немцами. Нам не верилось, что может быть что-либо серьезное, но все же чего-то ждали.

Но вот раздался выстрел Принципа в Сараево. Положение осложняется. Отдан приказ по полку, запрещающий офицерам уезжать из лагеря. И 18-го июля, в 12 часов ночи, раздался сигнал: «сбор начальников». Забегали вестовые, ища офицеров, которые не были у себя в бараке. Лагерь проснулся. Через полчаса все были в сборе в офицерском собрании. Там уже был наш полковой оркестр. Вышел командир полка прочитал телеграмму, в которой объявлялось о мобилизации Армии с момента получения телеграммы, то-есть, — с 12 часов ночи. Командир полка прочитал приказ о мобилизации, произнес небольшую речь, в которой сказал, что настало время показать то к чему мы готовились, что он надеется, что полк не осрамит себя. Провозгласил тост за Государя Императора. Оркестр проиграл гимн. Выпили по бокалу шампанского, заранее приготовленного хозяином собрания. Пожелав всем успеха, командир сказал: «а теперь, господа, всем идти в штаб полка за получением предписаний, кто куда назначен по плану мобилизации, и — с Богом!» Вместе с другими офицерами отправился и я в штаб полка, получил предписание и прогонные деньги. Зашел в свой барак, переодеться в то, в чем поеду на войну. Взял самые необходимые вещи в маленький чемоданчик. Остальное должен был привезти мой деньщик. В каждом полку, по числу офицеров полка, имелись походные чемоданы-кровати, которые получали все офицеры полка. Обмундирование, в котором выступили в поход, было обыкновенное, солдатское, немного лучше пригнанное. Заехал на дачу, где жила моя мать с моими братьями и сестрами, попрощался. И в 8 часов утра был уже на вокзале. По плану мобилизации, как было сказано в моем предписании, я должен был ехать в Вильно для формирования Корпусного транспорта III-го армейского корпуса.

Каков был подъем духа у русских людей в то время можно судить по тому, как приветствовали военных, появлявшихся на улицах. Пока я ехал на извозчике на вокзал, встречная публика снимала шапки, выкрикивала добрые пожелания, иногда были слышны возгласы: «Да здравствует наша Армия!»

Приехав на вокзал, я увидел толпу людей, главным образом — молодежи, провожавших проходящие воинские эшелоны криками: «ура!» и «Да здравствует наша Армия!». Солдатам давали папиросы, фрукты и прочее. Мой поезд стоял у платформы, пропуская эшелоны. Как только я слез с извозчика, какая-то молодежь подхватила меня на руки и так донесли до вагона. Жали мне руки, какая-то гимназистка подбежала и поцеловала меня. Со всеми раскланивался, благодарил. Более пожилые люди крестили меня.

Скоро наш поезд тронулся, сопровождаемый криком «ура». Такой подъем духа русских людей был трогателен и сильно радовал. До Вильно ехали довольно долго, все время пропуская воинские эшелоны. В Вильно я явился в обозные сараи III-го армейского корпуса. Там меня уже ждали. Интендатский офицер, встретивший меня, передал мне инструкции для формирования транспорта и сказал, чтобы я обращался к нему, если у меня будут какие-либо затруднения, а он будет ко мне иногда наведываться.

Ознакомившись с инструкциями, убедился, что задача формирования транспорта не из легких. Все расписано по дням и даже по часам. Надо делать все точно по расписанию. На

второй день прибыло ко мне 400 человек запасных солдат и 4 унтер-офицера, также из запасных. Разбил на четыре взвода, по 100 человек во взводе, под командой этих 4 унтер-офицеров. Нашелся один солдат хорошо грамотный, из сельских учителей. Человек оказался толковый. Он составил мне списки всех людей, по-взводно. Назначил всех людей по повозкам. Каждый получил упряжную сбрую на две лошади. Все, казалось бы, шло хорошо, но беда в том, что наши запасные не имели понятия о дышловой запряжке. Привыкли к дуге и хомуту. Пришлось чуть ли не каждому объяснять пригонку упряжи.

На следующий день повел свою команду на площадь, получать лошадей. Там, приемная комиссия производила приемку лошадей непосредственно от хозяев. Комиссия состояла из одного офицера — представителя от Армии, ветеринарного врача, члена городской управы и представителя от Воинского Начальника. Прием шел быстро. К 4-м часам дня я уже получил 410 лошадей. По мере получения, отправлял по-взводно лошадей к месту нашего формирования. Когда на другой день начали пробную запряжку, тут-то вот и началось самое трудное: крестьянские лошади, по большей части малорослые, и упряжь надо подгонять на каждую пару. Да и лошадей надо уравнять и по росту и по характеру (способностям). Нельзя горячую лошадь спарить с ленивой. Горячая повезет, а ленивая ей помощи не окажет, и вот горячая сработается быстро и пропадет. Работа была нелегкая. Много помогала крестьянская смекалка и знание лошади моими ездовыми. С этим делом приходилось возиться от 7 часов утра до 7 часов вечера. Но кое-как наладили дело. Надо сделать проездку. Поехали по-взводно. Плохо... Пришлось менять лошадей в парах. Первая проездка кончилась сравнительно благополучно. Сломали только одно дышло. Вторая проездка сошла еще благополучнее. На пятый день, по инструкции, я должен был начать погрузку моего транспорта. Интендантские склады находились в горной части Вильно, недалеко от Военного Училища. Юнкера Виленского Военного Училища прекрасно знают эту горку, что идет к Училищу. Поднялись на гору с пустыми подводами легко, а вот опускаться с гружеными — много труднее. Без тормоза нельзя, а с тормозом мои ездовые обращаться не умеют. Каждую подводу пришлось спускать под моим наблюдением. Хотя и медленно, но все же спустились благополучно. Каждая подвода имела свой номер. Когда подъезжали к интендантским складам, то там меня уже ждали. Все грузы лежали согласно номерам подвод. Тут я должен отметить, как все было у них хорошо организовано. По инструкции, в каждой подводе должен быть погружен определенный груз. Например, подвода № 17: 6 мешков сухарей, 6 мешков соли, 4 мешка сахару; № 23: столько-то подошвенной кожи, сапожных гвоздей, столько-то конских подков, сапожный инструмент, кузнечный инструмент и т. д. Грузилось все, что нужно для Армии, и фураж, и продовольствие, и белье, и обмундирование. Так как в складе все было уже подготовлено и грузили интендантские вахтеры, то погрузка шла быстро: 2-3 минуты достаточно было на погрузку каждой подводы. Подводы подъезжали в порядке номеров. Все это было отправлено к месту формирования и там закрыто брезентом.

На 5-й день получил еще пополнение: прибыло 11 прапорщиков запаса, все кавалеристы и все титулованные: меньше барона не было, все князья и графы. Постарались мамаши устроить своих сынков в безопасное место, вместо того чтобы отправить их в строевые части. Разбил прапорщиков по взводам. Самого старшего назначил моим заместителем. Но помощи от них большой не было. Оказалось, что и они слабо знают пригонку упряжи. Пришлось заставлять и их работать, чтобы знали, как надо запрячь лошадь.

На 9-й день я должен был грузиться на вагоны и следовать на фронт. По инструкции мои эшелоны (а я грузился на 2 эшелона) должны были двигаться в 1 час дня со станции Вильно. Двинулся рано утром, чтобы поспеть во время погрузиться. Станция далеко, а Вильно — на горах. Прибыл на станцию в 11 ч. 30 м. дня. Когда подъехал к станции, то выскочил начальник станции и набросился на меня, что я так поздно приехал. «Я на вас рапорт подам. Вы срываете наш план мобилизации, за это под суд пойдете!». Говорю: «не волнуйтесь, у меня полтора часа времени». «Вы не успеете!» Я говорю: «постараемся!». Эшелоны стояли уже у рампы. У меня на шашке висела нагайка. Начали погрузку. Загуляла моя нагайка по коням, а иногда и какого-нибудь ротозея случайно задевала. К часу дня все было готово. Правда, в спешке сломали пару дышел, но это не беда.

Ровно в 1 час дня двинулся мой 1-ый эшелон, а за ним — в полкилометре и 2-ой. В одном километре передо мной шел еще какой-то воинский эшелон, а перед ним еще несколько шли один за другим. Все — в направлении к фронту. Доехали до станции Олита. Там был штаб III-го армейского корпуса. Сгрузились и стали на назначенное нам место. В Олите встретил 1-ый эшелон, идущий с фронта, с ранеными стрелками стрелковой бригады, стоявшей в городе Сувалки. Эти стрелковые бригады выходили на немецкую границу через несколько часов после объявления мобилизации. Их полки и в мирное время были состава военного

времени. Так что пополняться им не было надобности. В то время, как наша дивизия была до мобилизации в половинном составе.

Явился начальнику штаба корпуса. Обратился к нему с просьбой передать транспорт моему заместителю, а мне ехать в полк. Ответ был неутешительный: «никуда вы не поедете, здсь тоже нужны дельные люди. Я видел ваш транспорт, он в порядке, будете дальше им командовать, пока не найду нужным вас откомандировать. Снабжение Армии вещь очень важная». Огорченный, отправился я к своему транспорту.

Дня через два пошел на станцию и встретил опять эшелон с ранеными. Пошел обходить вагоны и, вдруг, в одном вагоне увидел чиновника нашего полка. Конечно, начал расспрашивать, как, где и что. Оказывается, недалеко от Вержболова был бой нашего полка с немцами и полк понес значительные потери. Выбыло из строя 16 офицеров полка. Капитан Степанов — убит штабс-капитан Каменский — также и т. д. Узнав все это, сейчас же отправился к Начальнику Штаба корпуса с просьбой отправить меня в полк. В полку — большие потери в офицерском составе и мое место там. Ответ опять такой же: «никуда вы не поедете». — «Ваше Превосходительство, я в Военном Училище готовился воевать, а не возить подметки и портянки». — «Пока не найду нужным вас откомандировать, будете командовать транспортом. Можете идти». В душе моей шла борьба. Что делать? там уже дерутся, а я тут сижу со своим транспортом. Решился сделать нарушение устава. Призвал моего заместителя, прапорщика Н. Заявил, что еду в полк, а ему передаю траспорт. Передал ему 10.000 рублей авансу, что был у меня на руках, конечно — под расписку. Говорю деньщику — бери походный чемодан-кровать и едем в полк.

Собрали свои вещи, пошли на станцию. Узнали там, что эшелонов в сторону фронта не идет, будет скоро 1 паровоз в Эйдкунен, через Вержболово. Сели мы на тендер с деньщиком и поехали. Через 2-3 часа были на территории Германии. Там уже были наши обозы 1-го разряда. Немцы отступили к Гумбинену. Оставив свой чемодан в обозе 1-го разряда, поехали на хозяйственной двуколке в штаб нашего полка.

По приезде явился командиру полка. Доложил ему, что я дезертировал из транспорта. Командир полка долго думал и говорит: «что ты приехал в полк, это очень хорошо, но что самовольно оставил транспорт, не могу похвалить. Ну, да, ладно, иди в свою 1-ую роту, а я напишу в штаб корпуса».

В этот же день, можно сказать — с корабля попал прямо на бал, начался сильный бой под Гумбиненом. Тогда немцы употребили против нас еще нами невиданные тяжелые снаряды их тяжелой артиллерии. Впечатление — неприятное, но поражаемость малая. Достаточно лечь на землю, как осколки с сильным воем пролетают над вами. На полк легла ответственная задача, которую он хорошо выполнил. За этот бой все офицеры полка получили Анну 4-ой степени. Красный темляк на шашку и надпись на шашке «За храбрость». Потери были в полку, но не особенно большие. Немцы же, несмотря на свою тяжелую артиллерию, потеряли много людей. Объезжая на другой день поле боя, мы видели, как много убитых осталось лежать. Немцы отступили на Инстербург На другой день мы их преследовали.

Так закончилось мое командование транспортом. Я до сих пор не могу понять, как меня, сравнительно молодого, неопытного офицера, назначили формировать такую громоздкую вещь, как корпусный транспорт и как я с этой задачей справился. Почему меня назначили на формирование транспорта, полагаю так. План мобилизации в полку был. Кого-то надо назначить, вот мою фамилию и вписали, ради порядка, так как о том, что будет война, никто не думал. А что сделал я дисциплинарный проступок, я очень скорблю об этом и сейчас. Но думаю, что большинство офицеров поймет меня. Штаб Корпуса тоже понял, и меня не искали. Дезертира с фронта искали бы, но дезертира на фронт, из тыла, не искали.

А. Невзоров

На станции Зима

В июле 1914 года, по мобилизации, я исполнял обязанности Коменданта станции и Начальника Продовольственного пункта. Прибыв сюда 15-го июля, я лихорадочно приводил в порядок здания пункта к приему эшелонов и их кормлению. Со мной было 16 стрелков 26-го Сибирского стрелкового полка.

Кажется, 20-го июля получили приказ о мобилизации, и линия железной дороги, дотоле тихая, сразу ожила.

Замелькали поезда, набитые мобилизованными, идущие то на восток, то на запад, в гарнизоны Читы, Иркутска, Красноярска, Канска, Ачинска...

Большинство эшелонов сравнительно мирно проходили через вверенную мне станцию. Из вагонов неслись песни, звуки гармонии и крики подвыпивших «чалдонов» (так сибиряки с гордостью величали себя), будущих лихих Сибирских стрелков, крепких, как таежные кедры, тяжелых на подъем, но безудержных и упрямых, если уж поднялись, часто доходящих до штыка в атаках 1914-1915 г.г.

Расстояния длинные в Сибири... По пять-шесть дней езды в душном вагоне нервировали людей, надоедало. Поэтому кое-где были опасные взрывы, почти бунты... Против кого? Да, против всех и никого! Чтобы поразмяться... Была и агитация против «начальства»... Ведь Сибирь в то время была полна политических ссыльных.

Как-то, получаю телеграмму от Коменданта станции Красноярск. Сообщает об эшелоне из Омска. Зловещие слова: «Эшелон буйный, грабит казенки, на станции (название забыл!), им убит Комендант станции штабс-капитан Иванов».

Иду к ротмистру, показываю телеграмму. Тот нервно машет рукой: «Знаю! Готовьтесь к встрече».

Кормление эшелонов, к моему счастью, еще не было назначено на моем пункте. Остановка назначена на 20 минут: срок достаточный, чтобы разнести станцию и перебить ее персонал!

Вывожу на платформу 14 стрелков, для охраны пункта оставляю двух, приказываю своему деньщику Петру Ярсокину, из уфимских башкир, взять винтовку, надеть патронные сумки, бросить возню на кухне и стать часовым у ворот пункта.

Только что поезд подошел, замедляя ход, как вижу: из всех вагонов выскакивают фигуры, в внутри вагонов — песни, звуки гармоний, гвалт...

Медленно иду вдоль вагонов с 4-мя стрелками. Слышу, сзади несется дикий крик, оборачиваюсь: на меня бегут бородатые, растрепанные, пьяные! Человек 20-ть! Вероятно — заводилы! На момент опешил. Командую своим стрелкам: «Кругом! На руку!» Инстинктивно отстегиваю кобуру револьвера, передергиваю ее к середине живота и, держа правую руку на рукоятке пистолета, поднимаю энергично левую, со стеком, и командую:

«Стой! Что вам нужно, куда бежите, такие-сякие?» (далее — слова, не рекомендованные в литературе!). На момент толпа остановилась, вижу — от дверей вокзала бежит ко мне Пашенков с 4-мя стрелками. Из вагонов смотрят сотни глаз людей, готовых поддержать своих в случае их удачи, если офицер дрогнет и покажет, что он испугался. Я это отлично понимал и чувствовал себя, вероятно, так же, как укротитель львов в клетке.

«Ну, говори! Что нужно, почему орете?» Уже стараюсь говорить спокойным голосом и даже изобразить добродушную улыбку, хотя и был далек от добродушия.

Молчат. Некоторые, сзади стоящие, медленно отделяются от крикунов, уходят в вагоны.

«Ведь вы же солдаты защитники Родины, хоть и в «вольной» одежде! Защитники порядка везде, где бы то ни было. Смотрят на вас все и ждут солдатской исправности от вас. Забыли присягу? Солдаты...», кричу укоризненно.

Вижу — появилось кой у кого уже осмысленное внимание. Подходят со стороны, с любопытством слушают. Кой на ком, на пиджаакх — георгиевские кресты. Участники Японской войны, унтер-офицеры, может быть?

«Правильно! Спасибо на хорошем слове, Ваше Благородие!» — прозвучал откуда-то голос. И, вдруг, чудо: «правильно!» — подхватили другие, какой-то бородач с двумя Георгиями кричит:

«Качать Его Благородие!» и я полетел в воздух, придерживая шашку и револьвер, из предосторожности, чтобы они не ударили по лицам качателей.

Растроганный и удивленный таким счастливым оборотом событий, кричу: «Спасибо, родные! Никогда не забуду этого! Скоро поезд пойдет, садитесь, с Богом, в вагоны!» И толпа разошлась, к моей большой радости.

Но не успел я пройти десятка шагов, передо мной вырос полицейский стражник из села. Докладывает, что и в село уже проникли мобилизованные и грабят казенку.

На момент задумался: идти туда или нет? Ведь село не район Коменданта станции. Но

мобилизованные с моей станции! Решил: надо идти и там навести порядок! Несколько полицейских на селе — страх небольшой для пьяных таежников, привыкших сводить счеты в тайге выстрелом из-за куста.

С четырьмя теми же стрелками и стражником подлезаем под вагоны (село было с обратной от станции стороны). Бежим к казенке, а навстречу в развалку, кучками и в одиночку пьяные, с бутылками в руках и в карманах, будущие «христолюбивые воины».

«Стой!» кричу. «Бросай вино!» И нескольким, ближайшим, хлестнул стеком по бутылкам. «Отводи в сторону грабителей!» С десяток остались под конвоем стрелков, другие молча, без криков, разбежались. На месте остались разбитые бутылки, да носился запах водки.

На всякий случай оставил у казенки двух часовых, остальным двум приказал вести грабителей сторонкой на пункт. «Чтобы из эшелона не видели и не прибежали бы выручать своих», мелькнула мысль.

Бегу обратно на станцию уже один. Снова лезу под вагон, чтобы вылезть на платформу и только что нагнулся, как почувствовал удар камнем в левую ляжку; около головы просвистел булыжник и со звоном ударился в колесо вагона. Камни летели из кустов, окаймлявших дорогу.

Выскочил на платформу. Стоит ротмистр, несколько жандармов и остатки моего взвода.

Кричу: «Можно пускать поезд!» Свисток, и вагоны поплыли, унося крики и песни. Я внутренне перекрестился. Вздохнул, как после утомительного бега!

П. Шапсшников.

Очерки из первой мировой войны

1) Мое «Бородино».

Речь идет, конечно, не об историческом Бородинском сражении 1812 г., а просто о моем боевом крещении в начале 1-й Мировой войны. (Август 1914 г.).

Должен сделать небольшое отступление, а именно, что пороху я понюхал немного раньше в 1912 г., когда, выйдя из училища в 20-ю артиллерийскую бригаду в Закавказье, я был послан в Персию для присоединения к горному взводу нашего дивизиона, входившего в состав карательного отряда ген. Ляхова, вернее его части — отряда полк. Веселовзорова. Старые офицеры не забыли этого события но все-таки не лишним будет вспомнить годы 1910-1912, когда для подавления восстания курдов племени шахсевенов, против Шаха Персидского Каджара, руссофила, поддерживаемого Русским правительством, восстания, организованного Англией из-за боязни продвижения России к границам Индии был послан в Персию экспедиционный отряд ген. Ляхова. Поводом к этому послужило трагическое уничтожение целого батальона 11-го Кавказского стрелкового полка расположившегося в г. Тавризе по квартирам (отдельным дворам). Персы, подкупленные Англией, ночью вырезали несчастный батальон. В одной из мелких карательных экспедиций и мне пришлось участвовать с нашим взводом, имевшим горные орудия 1904 г., беря штурмом селение Хан-Тахты, в котором засели курды.

Чтобы перейти прямо к цели моего изложения, я должен ознакомить читателей с личностью моего командира 2-й батареи 52-й артил. бригады подполк. Павла Николаевича Эрдмана, с которым я провел почти всю войну.

Выйдя, как я упоминал выше, в 20-ю артиллерийскую бригаду, кавказскую бригаду с ее славным прошлым и кавказскими же традициями, я, по семейным обстоятельствам, через год перевелся в 52-ю бригаду в г. Темир-Хан-Шуру, бригаду сформированную в 1910 г. из старых кавказских частей и вошедшую в 52-ю дивизию 3-го Кавказского корпуса ген. Ирман.

По прибытии в эту бригаду, я был отдан «на съедение» новому командиру батареи подполк. Эрдману. Эрдман перед моим прибытием в 52-ю бригаду, был произведен из капитанов 10 артил. бригады, стоявшей в Нижнем-Новгороде, в подполковники и получил как раз 2-ю батарею нашей бригады. Его сопровождала вернее пришла раньше, телеграмма от общества офицеров 10-й бригады и я отлично помню ее слова: «Поздравляем г.г. офицеров славной Кавказской 52-й бригады с прекрасным офицером-товарищем и рыцарем». Слова эти действительно подтвердились — Павел Нико-

лаевич был «на высоте», но служить с ним. быть у него в подчинении было трудно, и я оказался первой «жертвой».

Не совсем обычна история Павла Николаевича Эрдмана. По происхождению немец, он все немецкое ставил за образец, был православным, окончил в Лодзи коммерческое училище, не будучи совершенно склонен к этой профессии; пошел добровольно вольноопределяющимся в Донской казачий полк, окончил в Москве Алексеевское пехотное училище и вышел в 10 артил. бригаду в г. Лодзь. Он любил лошадей и знал ее, ездил прекрасно. В молодости както упал с коня и повредил себе нос, после чего тот стал «с горбинкой».

Мое первое знакомство с ним было не особенно приятным: на езде феейверкеров я был в голове смены, которую любил гонять сам Эрдман. Подо мною был молодой, плохо выезженный конек ставропольского завода «Заметный». Не заметить его было трудно — во лбу звездочка, ножки тонкие в белых чулках, небольшой и очень игривый и с причудами. На первом же барьере, он повалил его. Эрдман крикнул: «Смена, стой, ездовые поправить барьер, поваленный поручиком!» Я слез с коня, отдал его ездовому и молча ушел из манежа. Эрдман понял и извинился обняв меня.

Но это все пустяки — впереди предстояло большое дело — обучение и тренировка разведчиков дивизиона. Эрдман понял, что батарея и дивизион не могут обойтись без разведчиков, не только с артиллерийской точки зрения, но и с точки зрения общевойсковой, сбора сведений о противнике. Он говорил: «разведчик есть глаза и уши батареи, он должен все видеть и знать вокруг себя». По его настоянию разведчики и наблюдатели всех трех батарей были сведены в одну общую команду, и чем их больше, тем лучше.

Принимая во внимание мою молодость, пылкость и веселый нрав, меня, по его же настоянию, назначили начальником общей команды разведчиков (более 40 чел.). Наблюдение и руководство поручили Эрдману.

Первые слова его были: «чтобы я вас с вашиим разведчиками не видел никогда в батарее — ваше место в поле»... Накануне он давал мне задачу — участок местности, изучить дороги, отметить возможные позиции, наблюдательные пункты, нанести все на схему (что и каждый разведчик должен был сделать), взять под наблюдение дороги, засекать время всего появившегося на дорогах и т. д. Обеда нам не полагалось выдавался паек и небольшой аванс на пропитание, но в горах немыслимо было купить еду, и поэтому, при возвращении в штабквартиру, я на все деньги покупал пиво иил вино и мы довольные и усталые спали дома до следующего раннего утра.

Желающих поступить в команду разведчиков было немало — каждому хотелось уйти подальше от глаз начальства.

Мне лично нравилась такая игра, игра в «кошки-мышки», так как скоро я узнал от своих же разведчиков о том, что Эрдман меня контролировал, выезжая внезапно за мной и скрытно наблюдая, но мои молодцы были еще хитрее и мы всегда его замечали, оставаясь скрытыми и засекали место и время его появления. Однажды он мне признался, сказав: «Ну, Кузя (он потом так меня называл подружески), вы хитрый, как настоящая кавказская муха!»...

На фронте польза от моих разведчиков оказалась громадная, и в предвидении этого Эрдман с первого же дня мобилизации отобрал из прибывших запасных всех старых кавалеристов, и наша батарея выступила на войну, имея больше десятка отличных кавалеристов Северского, Нижегородского и Тверского полков. Потом, после сбития противника с Ивангородских позиций во время преследованя его, наши разведчики несли службу общей разведки дивизии, за неимением кавалерии, которая сразу же была отобрана от корпуса. Благодаря разведчикам я получил в сентябре 1914 г. орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Но об этом позже, а теперь я возвращаюсь к теме о моем «бородинском сражении».

Итак, началась мобилизация, при первых звуках которой я, получив предписание, вернулся в дивизион из Карского крепостного авиационного отряда, где проходил курс летчика-наблюдателя.

В денежном ящике каждой части всегда лежал мобилизационный пакет — у нас было их два, кажется один синий, а другой красный в предвидении действий на турецком фронте и на западном европейском. Погрузившись в вагоны и двинувшись сразу на север мы поняли куда мы идем. И попали мы как раз туда, где надо было спешно заткнуть прорыв Люблин-Холм.

Мы ехали на фронт, как на праздник, полные порыва и жажды подвигов во славу Царя и Отечества. Приближаясь с замедлением к станции Травники под звуки недалекой канонады, мы думали увидеть боевой порядок и получить соответствующие распоряжения штаба, но... эшелон остановился посреди поля и по сторонам пути лежали трупы в голубых мундирах — это австрийцы. Никакой встречи, никаких приказаний и никаких сведений об обстановке вообще. Впереди нас стал эшелон 1-й батареи нашего дивизиона и командиры батарей — наш и полк. Ржевуцкий, георгиевский кавалер Китайской экспедиции, — посоветовавшись, решили сгрузиться прямо в поле и пойти на выстрелы. Средств разгрузки не было, и

мы сгрузились вручную на поле и вытянувшись кишкою в 8 орудий и 8 зарядных ящиков, пошли туда, где канонада казалась интенсивнее. Разведчики, как шмели, шныряли взад и вперед, донося о том, что видели. Я же шел на своем взводе как 2-й старший офицер. Помню дату — 22 августа. Выйдя на линию какой-то стреляющей батареи, мы, по команде Эрдмана, быстро снялись с передков на почти открытой позиции и сразу же попали под огонь неприятельской батареи. Эрдман вскочил на стог сена и начал командовать. Прицел был очень короткий и Эрдман приказал наводить прямо по блесткам неприятельской батареи. Она же стояла почти также открыто, как и мы.

Что же происходило кругом? Времени осмотреться не было. Как только появлялся блеск неприятельского выстрела, мы все бросались на землю, так как наши орудия 1900 г. не имели щитов, а неприятельские разрывы на батареи были моментально, и потом поднявшись отвечали. Надо сказать еще, что каждое наше орудие имело в своем формуляре уже более 10 тысяч выстрелов.

Передки были отведены далеко за фланг батареи но плохо укрытые несли потери, на что указывало ржание наших бедных коней. Стог сена, где стоял Эрдман, загорелся и он скатился кубарем и продолжал командовать стоя на зарядном ящике 1-го орудия. Дуэль была весь день ожесточенная. Сдерживая свою невольную робость, я стал обходить бегом свои орудия и ободрять номеров, как вдруг упал убитым 2-й номер и подпрапорщик. Я, не выдержав, истерично крикнул: «Григоренко убит!» на что получил от Эрдмана грозный окрик: «Молчать, дурак» с прибавлением нескольких «теплых» слов.

Был ранен и отведен в тыл поручик Масич и на все 8 орудий остался я один (старший офицер по приказанию Эрдмана пошел куда-то вправо для ориентации) и совершенно потерял голос. Ранено еще двое, потом сразу трое. Приползли со снарядами наши деньщики и доложили, что в передках побито дюже много коней, но ужин варится, что нас ободрило.

К вечеру дуэль стала вялая, кругом нас земля была изрыта, никто от орудий отходить не мог, но послано по одному человеку от орудия за ужином. Сюрприз — густой суп с большими кусками гусятины, видно что чьи-то гуси заблудились и попали не туда, куда хотели, беда только в том, что хлеб почти весь был съеден и на подвоз от интендантства не было никакой надежды.

23-го августа. С утра поединок возобновился, но командиры батарей уже связались с соседями — справа гвардия, слева — гренадеры. Впереди нас лежала пехота, какие полки установить было трудно, но очевидно, что бой велся за обладание дер. Тарнавки. Поднявшись на зарядный ящик, когда слабел огонь, я наблюдал все перепитии боя. Наша пехота бежала вперед; встреченная огнем противника откатывалась назад и окапывалась, а наша задача была уничтожить батарею противника. Как черви люди наши копошились возле орудий, стараясь вырыть хоть подобие окопчиков, грунт же был твердый, ибо батарея стала как раз на укатанной дороге.

Патроны подносили беспрерывно все свободные люди в том числе и вестовые, которые в то же время приносили своим офицерам в карманах кое-что подзакусить. По осколкам мы убедились, что имеем дело с немецкими гаубицами, а это не шутка. Послышалось влево жидкое — «ура», и я, взобравшись на зарядный ящик, без бинокля наблюдал неудачную попытку атаки нашими уральскими казаками неприятельской пехоты. Вероятно, было казаков две-три сотни, и кони их выдохлись, подымаясь вверх по пашне. Кто кинул уральцев явно на «убой», не знаю, но это был пример глупейшей инициативы. Видно по всему, что наш бой — встречный бой, наша кавказская пехота была перемешана с частями других корпусов и, напр., 1 бат. 205-го Шемахинского полка вошел случайно в отдельный отряд ген. Волошинова.

Этот второй день такой же интенсивной дуэли, слава Богу, дал меньше потерь: несколько легко раненых людей и лошадей и одно орудие было выведено из строя — осколок попал прямо в дуло.

24 августа. Вспомнил — позавчера, в день моего боевого крещения, мне минуло как раз 22 года и мелькнула мысль — хорошо было бы быть убитым сразу в этот день, но судьбе было угодно оставить меня в живых и быть свидетелем и действующим лицом в дальнейших трагических событиях нашей Родины.

К полудню третьего дня бой, как будто, стал стихать и только чрез головы иногда проносился одиночный снаряд, разрываясь в тылу. Вдруг Эрдман идет вдоль батареи и подает команду: «Стой, вынь патрон!» приготовиться к переезду на другую позицию. Не понимаем куда, но подлетают наши милые кони. — «В передки, рысью за мной», командует Эрдман. Батарея вытягивается в колонну и летит рысью по направлению к только что стрелявшей по нас батарее. Спускаемся в ложбину и лавируем среди трупов и раненых под ружейным огнем подымаемся наверх прямо в пекло. Один конь, будучи раненым, забился в постромках, 5-минутная задержка и дальше по команде «в нагайки» орудие присоединяется к батарее. Вскочив на бугор, стали на позицию и сразу же открыли огонь по ясно видимому отступающему противнику. Через батарею проносят убитых

и тяжело раненых и все нашей дивизии, а именно: 206-го Сальянского полка. Вот несут убитого наповал капитана Белецкого, Стасю, у которого мы проводили много вечеров в его гостеприимном доме в Ахалкалаках, ухаживая за его женой, вот несут другого тоже хорошо знакомого и дальше, дальше...

Стемнело. Мы переменили нашу позицию и стали на том же месте, где стояла неприятельская батарея, состязавшаяся с нами три дня. Оглядевшись кругом, мы видим, что она не ушла, а стоит здесь, но в каком виде? Разбитая и раскрошенная нами же. Мы стали подробнее смотреть на результаты нашей «работы». Беру фонарь и обхожу разбитую батарею: одно орудие-гаубица совершенно перевернута, очевидно нашей гранатой, и кругом веером лежат убитые номера. Подхожу ближе и вдруг среди убитых приподнимается немецкий офицер и делает мне приветствие рукой и вновь падает уже навсегда. Картина потрясающая — неужели же это сделали мы? Солдаты сразу стали хорошими сердечными русскими людьми и начали оказывать помощь раненым саксонцам, лежащим здесь же. Доктор израсходовал весь свой перевязочный материал и в ход пошли носовые платки и рубашки. Деловито роясь в ранцах убитых, солдаты удивлялись содержимому и аккуратности немецкого солдата. По словам доктора недалеко от нас был поднят нашей пехотой на штыки немецкий артиллерийский генерал, не пожелавший сдаваться и стрелявший до последнего патрона из револьвера.

Оказывается мы имели дело с Саксонским резервным корпусом, оставленным в арьергарде для прикрытия отступления армии Бем-Ермоли.

Подошедший Эрдман спросил меня: «ну как, Кузя, что скажешь, ведь также и они могли нас расколошматить, но стреляли они плохо, почему-то не переходили на поражение, хотя обе позиции были почти открытые, а ведь мы легкая артиллерия, а они гаубичная».

Итак, после 3-х дневных боев, которые, как на лубочной картинке, изображающей сражение прошлого века, напомнили Бородино, противник пожертвовавший своим арьергардом — Саксонским корпусом, — поспешно отступил, доказав, что организация этого Люблинского прорыва, тщательно разработанная австро-германским штабом, разбилась о стойкость и порыв русских войск и главное о разумную инициативу каждого отдельного начальника, не ожидавшего слепо приказа свыше, да и ожидать было не к чему, так как штабы еще не прибыли к месту боя.

Да, это была картина Бородинского боя (в очень небольшом масштабе): каждая воинская часть, батальон, батарея подходила к месту соприкосновения с противником, вливалась в бой атаковала, катилась назад и получив подошедшее случайно подкрепление, снова атаковала, и все это было на виду, а батареи стояли на гребнях и жарили друг в друга. Были красивые моменты, были и тревожные, полные неизвестности. Зато как приятен был отдых с сознанием исполненного долга и чувства своего превосходства в стрельбе.

Недаром много лет так трудились наши высшие артиллерийские начальники над постановкой артиллерийского дела. Мы оправдали доверие...

Слава погибшим и нашим и противнику, так мужественно сражавшемуся против нас!...

Б. Кузнецов

Бой под Тарнавкой

26 августа 1914 года.

Едва ли можно найти во всей мировой военной истории пример такого яркого подвига, каковой совершил лейб - гвардии Московский полк в бою под деревней Тарнавка, 26 августа 1914 года.

Предупреждая краткое описание этого боя указанием на то, что в этом бою полк этот, в беззаветном, героическом, чисто суворовском натиске, не только овладел укрепленной позицией противника, но и захватил сорок два его орудия, мы, с полным правом, можем сказать, что не было еще случая в мире чтобы, столь сравнительно малое войсковое соединение вплело в боевые лавры своей армии столь легендарный венок доблести и самопожертвования. В летописях Российской Императорской Армии, этот пример высоты русского воинского духа всегда будет вызывать благоговейный восторг потомков и воодушевлять их к стремлению подражать своим славным предкам, верным защитникам чести своих знамен и того бессмертного лозунга, который красовался на них в течение веков: «За Веру, Царя и Отече-

ство».

Вот как разыгралось это, незабвенное для всех его, оставшихся в живых, участников:

Первая бригада 2-й гвардейской пехотной дивизии — полки лейб-гвардии Московский и лейб-гвардии Гренадерский, с 1-м Дивизионом лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, под общим командованием Свиты Его Величества генерал-майора Киселевского, подошли 25 августа 1914 г., к сильно укрепленной позиции австро-германцев у деревни Тарнавка, к югу от Люблина. Эта, издавна известная в военной истории, позиция была в виде длинной горы, с которой открывался великолепный обзор и обстрел; она была вооружена 50-ю германскими орудиями, врытыми в землю, причем, промежутки между орудиями были прикрыты стальными щитами, надежно укрывавшими прислугу у орудий.

25 августа, мы остановились в лощине, покрытой молодым лесом, у господского дома Суходолы, в 7-ми вестарх от противника, а с утра 26 августа, наш дивизион, в 3-ей батарее которого я имел честь тогда служить, занял позицию в четырех верстах от неприятеля, что полностью обеспечивало действительность нашего огня. Наши три командира батарей (полковники Михайловский, Перрет и Глазков), одни из лучших стрелков нашей артиллерии, получившие призы Гвардейского корпуса за лучшую стрельбу, быстро и точно пристрелялись к позиции противника, что было и нетрудно, так как гребень горы, занятой им, и подступы к ней были видны совершенно ясно. К нашему огорчению, эта пристрелка вначале дала нам не совсем положительные результаты: мы не имели мелинитовых гранат, наша шрапнель била только по щитам, а граната не давала достаточного поражения. Мы ждали прибытия мелинитовых гранат, их уже разгружали на ст. Минковиц в 17 верстах от нас и за ними наш командир дивизиона уже послал зарядные ящики. Но уверенности в том, что они прибудут к началу боя, у нас не было.

Командир нашей пехотной бригады генерал Киселевский назначил атаку на 5 часов дня 26 августа, возложив ее на доблестных Московцев, под командой полковника Гальфтера. Полку предстояла исключительно трудная и опасная задача: до позиции противника, он должен был пройти без передышки около 3.500 шагов, по гладкой, как бильярд, местности, причем последние пятьсот шагов отлого поднимались на довольно высокую и плоскую гору. Это обстоятельство, неминуемо должно было вызвать кровавые потери от огня полусотни вражеских орудий, не говоря уже об огне пулеметном и ружейном. Но приказ есть приказ, и славные Московцы приготовились с честью выполнить свой долг и оказаться достойными многих поколений своих предков-однополчан.

Утром 26 августа началась артиллерийская дуэль. Большая часть артиллерии противника обрушилась на нашу первую батарею, бывшую левофланговой и, через короткий промежуток времени, она была приведена в молчание, пять ее орудий были разбиты и представляли из себя безформенную кучу исковерканной стали и железа.

Ровно в пять часов, лейб-гвардии Московский полк занял исходное положение для движения вперед. Притихшие неприятельские батареи дали без помехи возможность развернуться двенадцати ротам полка. Солнце било им прямо в глаза и они, будучи видны как на ладони, были великолепной мишенью для огня противника.

Полк развернулся в три линии по четыре роты в каждой. Полковник Гальфтер, бывший впреди, повернулся к своим бойцам: «Славные Московцы! Вперед! Помни честь полка!» и, прикрыв лицо саперной лопаткой, он пошел вперед. И полк стройно, как на красносельских маневрах, двинулся за ним. Командиры рот шли впереди и подбадривали солдат, тоже самое делали фельдфебеля, шедшие позади рот. Мы, артиллеристы, с невыразимым волнением, следили в бинокли за этим грозным, прекрасным и трагическим зрелищем.

Первые пятьсот шагов полк прошел без потерь, но оставалось пройти еще три тысячи. И тут начался ад. В рядах наступавших рот, стали рваться тучи шрапнели. Вот падают ротные командиры капитаны Штакельберг, Нищенко, Климович. Их замещают младшие офицеры и, с еще большей энергией, стремятся вперед, соперничая друг с другом в отваге. Позади наступавших цепей, остается все больше убитых и раненых... Никто не обращает на них внимания. Солдаты тяжело дышат, бросаются на землю, чтобы отдышаться, а затем снова — вперед, вперед! ведь нужно скорее дойти до этих проклятых, несмолкаемо ревущих, пушек, трещащих пулеметов и винтовок врага. «Встать! Вперед!» все время кричат командиры. «Бодрись, друзья! Немного уже осталось!» но разгоряченный мозг не сознает, что осталось еще больше половины пути, а передохнувшие герои верят, что цель близка и рвутся навстречу грому, презирая раны и самую смерть. Наши сердца сжимаются, в бинокли мы видим, как поредели ряды доблестных рот. Мы непрерывно стреляем беглым огнем, из парков подвозят нам все новые и новые патроны, но... мелинитовых, увы, нет как нет!

Еще около получаса продолжается это восхождение на Голгофу остатков геройских рот. Вот они достигают подножия горы и залегают в мертвом пространстве, но — надо спешить, ибо неприятель уже выкатывает орудия

из окопов, чтобы, картечью в упор, расстрелять эти доблестные остатки.

Но вот, огонь орудий противника, как будто, смолкает... И, действительно, их прислугой овладело как бы оцепенение, когда близко, совсем близко надвинулись эти возбужденные, красные от натуги, лица русских солдат, и — противник прекратил огонь. Ворвавшиеся на батареи Московцы беспощадно колют штыками тех, кто не успел убежать, кто молил о пощаде, такая злоба овладела ими, что остановить их было невозможно.

Наконец, все затихло... Вокруг немецких орудий, ставших тихими и безвредными собрались остатки славного полка. Эти, оставшиеся в живых, не были в состоянии есть подвезенный вскоре ужин и только пили и пили воду...

Потери полка были велики: 1 штаб-офицер и 18 обер-офицеров убиты, ранено 38 штаб и обер-офицеров. Унтер-офицеров и рядовых убито и ранено более двух тысяч человек. Здесь, у взятых орудий, собралось только семь офицеров и около 800 солдат. Часть орудий противника была разбита огнем батарей нашего 1-го дивизиона, остальные легкие и тяжелые орудия были вывезены уносами нашего дивизиона и присланной для этого сотней казаков.

Нас, участников этого незабываемого боя, осталось в живых немного. Наш долг — передать новым поколениям русского народа правдивый рассказ о том, как служили Царю и Родине их деды и отцы, как неустрашимо глядели они в глаза смерти, защищая Святую Русь, и как, своим примером, завещали они новым поколениям нашей Земли хранить бессмертные традиции Российской Императорской Армии и помнить, что, по слову великого Суворова, — мы Русские, с нами Бог!

К. Мандражи

Бой 18-ой пехотной дивизии 18, 19 и 20 октября 1914 года под п. Опатов

18 октября, выполняя приказ корпусу, дивизия выступила двумя колоннами: правая, генерала-майора Михелиса (2-ая бригада, 2-ой дивизион 18-ой артиллерийской бригады и 14-ый мортирный дивизион), по дороге Подоле-Бржезе-Властов, и левая, генерала-майора Михайлова (1-ая бригада и 1-ый дивизион 18-ой артиллерийской бригады), — из Цмелева на Калишаны-Малицы-Липник.

По сведениям разведки, неприятель, после боя на переправах через реку Каменная, отошел на юг, имея в районе Малицы-Бржезе передовые части.

Авангард левой колонны в 2 часа дня при выходе из деревни Герчицы был встречен артиллерийским огнем со стороны деревни Малицы; передовые части неприятеля, повидимому, наступали. Авангард 2-ой батальон 70-го пехотного полка и 8 орудий) тотчас же развернулся и, продолжая наступать, заставил передовые части противника отойти за деревню Малицы. Пройдя деревню Малицы и высоту к югу от деревни, авангард был сразу встречен настолько сильным ружейным и артиллерийским огнем, что, несмотря на усиление его одним батальоном Ряжского полка влево и одним Рязанского полка, развернувшимся вправо, и на огонь всех батарей дивизиона, попытка атаковать противника и преследовать дальше не увенчалась успехом. В виду наступления темноты, колонне приказано было остановиться и укрепиться на занятых ею позициях. 70-ый Ряжский полк, имея 4-ый батальон в резерве, занял позицию по южной опушке леса, что к юго-западу от деревни Малицы. 3 батальона Рязанского полка наступали от деревни Герчицы по оврагу на деревню Дзероженя в строю по-ротно. Дойдя до сараев к югу от Жолчице, два батальона были оставлены генерал-майором Михайловым в качестве бригадного резерва, а один батальон, выставив роту для удлинения фронта батальона боевой линии (западнее ф. Гоздава), остался на северной опушке леса в полковом резерве. Все три батареи 1-го дивизиона к 8 часам вечера переменили позиции и стали, перейдя ручей, западнее Господского двора Малице.

Правая колонна, не тревожимая противником, дошла авангардом до деревни Бржезе. Здесь генерал-майор Михелис, получив сообщение о бое в 45 дивизии к югу от Опатова и просьбу поддержать ее, решил выдвинуть главные силы на Вонвержево-Окалина для содействия 45-ой дивизии; но в это время противник открыл огонь из орудий по авангарду бригады со стороны деревни Влостова, оказавшейся занятой значительными силами, вследствие чего генерал-майор Михелис это решение отменил и поддержал 45-ую дивизию лишь 2-мя батальонами 71-го пехотного полка, направленными на Окалина. Энергичным наступлением авангарда 2-ой бригады, при содействии огня 4-ой батареи, противник был сбит с высот у деревни Карвова, и авангард к ночи расположился в окопах между Карвова и Влостовом; кроме того, ввиду обнаружения не-

приятеля к югу от деревни Окалина, один батальон Тульцев был выдвинут к деревне Тудоров.

Ночь прошла в редкой ружейной перестрелке с противником.

Ввиду полной необеспеченности левого фланга дивизии (83 пехотная дивизия еще не вышла на общую линию фронта) — ночью отдано было приказание перевести два батальона Белевцев на левый фланг к деревне Менченице; остальные два батальона Белевского полка, выдвинутые ранее на Опатов, были переведены к деревне Дзерожня. Исполняя возложенную на дивизию задачу, я приказал утром 19-го октября атаковать неприятеля. Это приказание еще не было приведено в исполнение как неприятель на всем фронте дивизии сам перешел в энергичное наступление. Ружейным, пулеметным и орудийным огнем наступление удалось остановить на правом фланге и в центре. В 9 часов обнаружился охват значительными силами нашего левого фланга; расположенные уступом сзади две роты Ряжского полка сразу понесли большие потери и держались с трудом; в это время, два батальона Белевского полка, еще с вечера переведенные к деревне Менченице, успели подойти, удлиннили фланг Ряжцев, ставши уступом сзади, и огнем приостановили наступление неприятеля.

В 10 часов утра, виду явного желания неприятеля нанести нам удар в левый фланг, остальные два батальона Белевцев также были переведены к деревне Менченице. В 1 час дня обнаружилась новая ожесточенная атака на фронте Ряжского полка, с глубоким охватом фланга, на высоту восточнее Менченице. Двинутый в этом направлении 1-ый батальон Белевского полка подполк. Даценко, выйдя на высоту, оказался уже обойденным и подвергся ружейному и пулеметному огню с фронта, фланга и даже тыла; быстро оценив обстановку, подполк. Даценко со своим батальоном стремительно, без выстрелов, бросился в атаку на центр обходящих частей, где были пулеметы неприятеля; через 10 минут пулеметы были уже в руках Белевцев, линия неприятеля прорвана, и батальон, поддержанный другим подошедшим батальоном, начал преследовать бегущего неприятеля, захватывая много пленных. Отход неприятеля на фланге позволил и остальным двум батальонам Белевцев перейти в наступление с высоты южнее Менченице, атаковать лес и выбить из него неприятеля. Таким образом весь Белевский полк атаковал обходящие части противника в направлении на восток на деревню Пиляшов и ф. Рогаль. Дойдя до высот восточнее ф. Рогаль, батальоны были остановлены командиром полка, продолжая обстреливать отходящие на шоссе колонны неприятеля. Ввиду наступления темноты, полк расположился на ночь в деревне Пиляшов, заняв передовыми частями южную опушку леса, что севернее деревни Доброцице, выставив охранение и выслав вперед команду разведчиков. На левом фланге охранение связалось с охранением 6-го Стрелкового полка, выдвинутого к вечеру для обеспечения левого фланга дивизии.

На фронте дивизии весь день противник вел атаки то против Рязанцев, то против Тульцев, но везде, с успехом был отбиваем огнем. Части наши понесли значительные потери.

Белевцами при контр-атаке было взято 4 пулемета и более 1.000 пленных.

Ночью получено было приказание командира корпуса атаковать 20 октября с рассветом позицию противника на всем фронте корпуса. Начало атаки — 6 часов утра. Ввиду того, что сильный опорный пункт, завод в деревне Влостов, без подготовки артиллерийским огнем взять было чрезвычайно трудно, мною было приказано атаку этого пункта начать на полчаса позже, предварительно подготовив ее коротким шквальным огнем мортирных и легких батарей, заранее с вечера нацеленных; чтобы не мешать внезапности атаки, огонь было приказано открыть лишь после начала атаки на остальном фронте.

В 6 часов утра все части двинулись в атаку; Ряжцы и Рязанцы заняли деревню Липник, стремительно ворвались в окопы (доведенные неприятелем до усиленной профили с бойницами, козырьками и траверсами), перекололи часть спавших людей, остальных обратили в бегство; после короткого шквального огня батарей, завод был также взят атакою в штыки. Тульцы ворвались в деревню Влостов, захватили 9 орудий, пулеметы и много пленных. Успех был полный; необходимы были

хоть небольшие свежие части, дабы, влив их в крайне утомленные двухдневными боями полки, закрепить за собой взятое; таких частей не было: все частные резервы были израсходованы для удержания накануне наших позиций, а резерв дивизии (Белевский полк) был на левом фланге, исполняя важную самостоятельную задачу. В это время (как показывали пленные) к неприятелю подошли подкрепления и он густыми цепями, в значительно превосходящих нас силах, перешел в контр-атаку по всему фронту. Под этим неудержимым напором массы неприятеля, наши утомленные двухдневными боями полки медленно, шаг за шагом, принуждены были податься немного назад. Наша артиллерия своим огнем сдерживала неприятеля, нанося ему большие потери. Тульский полк отошел на свою старую позицию, вывезя из 9 взятых орудий лишь четыре; Рязанцам и Ряжцам удалось сначала удержаться на шоссе, но и им к 2 часам дня пришлось отойти на высоты к югу от Лешке и Липника. На этих позициях нам удалось остановить упорное наступление неприятеля, и он занял лишь свои старые окопы, не продвинувшись ни на шаг вперед.

Белевский полк, имевший целью охватить правый фланг позиции неприятеля на высоте 1.800 деревни Голембиев, значительно задержанный в своем наступлении сильным артиллерийским огнем противника и крайне пересеченной местностью, втянулся в лес, южнее деревни Мендзыгорже. В 4 часа дня к деревне Малая Никисалка подошел один батальон 5-го Стрелкового полка, направленный мною с разрешения командира корпуса, ввиду крайне тяжелого положения в распоряжение генерал-майора Михелиса на поддержку правого фланга Тульского полка.

К 5 часам дня обстановка сложилась следующая: Тульский, Рязанский и Ряжский полки, утомленные непрерывным боем, занимали окопы в 600-800 шагах от неприятеля под сильным огнем противника, причем даже резервы не имели естественных прикрытий и несли потери; Белевский полк, наступая по оврагу и лесу южнее Мендзыгорже, вышел на южную опушку леса к шоссе, имея укрепленную позицию неприятеля в 500 шагах и сразу был встречен сильнейшим ружейным, пулеметным и орудийным огнем противника. Оставаться в таком положении далее было рискованно, так как наступление 83 пехотной дивизии кончилось неудачей и она была принуждена отойти на левый берег Опатовки и, таким образом, выдвинутое положение Белевского полка становилось весьма опасным; резервы все израсходованы. Только сильный и удачный удар мог восстановить силы людей, заменить недостающий резерв, обеспечить фланг и вырвать победу из рук противника. Сознавая всю важность для общего успеха операции, прорвать линию неприятельского расположения, хотя бы в одном пункте, в 5 часов вечера я отдал приказание, после короткой шквальной подготовки огнем всех наших батарей стрелкового и тяжелого дивизионов, всем полкам одновременно атаковать противника, охватывая Белевским полком правый фалнг неприятеля в направлении на деревню Голембиев.

В 6 часов вечера, когда наступали уже сумерки, полки стремительно бросились без выстрела на неприятельские окопы. Могучее ура, начатое Белевским полком, волной прокатилось по всему фронту. Белевский полк ворвался в укрепления правого фланга неприятеля, штыками выбил гарнизон, захватил две батареи, пулеметы, опрокинул резерв, взял много пленных и, увлекшись победой преследуя в панике бегущего неприятеля, распространился по всему полю вокруг деревни Голембиев. Ряжцы и Рязанцы ворвались в окопы и выбили неприятеля, захватив пулеметы и пленных. Тульский полк атаковал завод, взял вновь свои трофеи и много пленных. С трудом удалось собрать увлекшихся преследованием людей и удержать их на занятой позиции; необходимо было прочно укрепиться на высотах к югу от шоссе, дабы противостоять возможной контр-атаке неприятеля надо было образовать резерв Но неприятель в контр-атаку перейти уже не мог: его линия была прорвана, сопротивление сломлено, и две дивизии неприятеля, бывшие перед фронтом 18-ой дивизии, не выдержав могучего натиска русского солдата, бежали, оставя в наших руках 3 гаубицы, 16 легких орудий, 17 пулеметов и 3.000 пленных (74 офицера). Наши потери: 34 офицера и 1.764 нижних чина. На следующий день обнаружилось полное отступление всей австрийской армии на левом берегу Вислы.

В приказании, найденном при одном из пленных офицеров, между прочим, говорится: «В этом решительном сражении все, до больных и усталых, должны бороться до последней капли крови, это — вопрос чести. Позиция должна быть удержана». Таково значение блестящей победы 18-ой пехотной дивизии в трехдневном бою под Опатовым 18-го, 19-го и 20-го октября 1914 года, где войска дивизии с честью отомстили врагу за потери, нанесенные им нашим славным товарищам, Стрелковым полкам, под тем же Опатовым.

Доблесть нижних чинов и офицеров полков дивизии и батарей не поддается описанию. Все, до одного, в этом бою, одушевленные единою мыслью — победить врага, честно исполнили свой долг перед Царем и родиной.

Начальник дивизии Ген.-лейт. **Папенгут**

Конные атаки Российской Императорской Кавалерии в первую мировую войну

1914 год

26 июля — 9 драгун. Казанского полка, взвод под командой корнета Азбукина атаковал австр. пехоту у м. Загонецы.

29 июля — 9 уланского Бугского полка, 2 эскадр. под командой ротм. Пономарева, 4 — ротм. Ярмоховича и 5 — шт. ротм. Шрейбера, у дер. Трестанец, атаковали батальон 35 Ландверного австр. полка и его уничтожили. К-р батальона убит, деревня взята. У нас убиты ротм. Ярмохович, кор. Соколовский, ранен пор. Михайлов. Убито улан не больше 10, ранено больше. Потери в консокм составе значительны.

2 августа — 7 гусарский Белорусский полк под командой полк. Суковкина атаковал венгерскую конницу под Стояновым.

3 августа — 10 гусарского Ингерманалндского полка, 1 и 2 эскадроны атаковали и взяли в плен около 500 австр. солдат и 16 офицеров.

4 августа — Отдельные конные атаки 13, 14, 15, Кавказской, Уральской дивизий и 2 эскадр. лейб-гв. Уланского Его Величества полка под ком. ротм. Носовича в Таневских лесах, к югу от Красника.

4 августа — 2 Сводная казачья дивизия под командой ген. Павлова имела конный бой с 8 австро-венг. кавал. дивизией ген. Фрорайка. Неприятель поспешно отошел, понес большие потери, как убитыми так и пленными. Ген. Фрорайки застрелился, один его сын убит, другой — взят в плен.

4 августа — 1 Линейного п. Кубанского каз. войска, 3 и 5 сотни атаковали у м. Городок, 1 и 2 эскадр. 8 Гонвендного гусар. полка. Оба к-ра эскадр. ротмистра Кемен и Микеш убиты, эскадроны уничтожены.

6 августа — 11 гусарского Изюмского п. эскадрон под командой шт. ротм. Зененкова, к юго-западу от Луцка атаковал эскадрон 9 Гонвендного гусар. п. 60 гусар изрублено и 112 — взято в плен. К-р австр. эскадрона застрелился.

6 августа — Лейб-гв.Конного полка, 3 эскадрон под командой ротм. барона Врангеля, под д. Каушен, атаковал действующую немецкую батарею и захватил два орудия.

8 августа — 10 кавалер. дивизия, под командой ген. графа Келлера, у дер. Ярославцы, имела конный бой с 4-й австро-венгер. кавалер. дивизией. Пока 1 Оренбургский казачий полк вел бой с австр. пехотой, семь эскадронов Новгородских драгун и Одесских улан схватились фронтально с 8 австр.-вен. эскадронами. Участь боя повисла было на волоске и гр. Келер бросил уже в атаку свой штаб и конвой, но подоспевшие два эскадрона Ингерманландских гусар, под командой ротм. Барбовича, ударом во фланг австрийским Белым драгунам и захватом всей их артиллерии, решили дело в нашу пользу. В преследовании приняли участие и остальные шесть эскадронов и сотен. Наши потери: 5 офицеров и 110 нижних чинов убито и ранено. У противника убыль до 300 убитых и тяжело раненых, 400 пленных. Взято 8 орудий, с зарядными ящиками, пулеметы и ящик с походной канцелярией австрийской дивизии.

8 августа — 1 гусар. Сумского полка, взвод под командой шт. ротм. Никольского, атаковал немцев, занимавших деревню Грабовен, и выбил их из деревни.

9 августа — 1 Линейный полк Кубан. каз. войска атаковал укрепленный район у ст. Чертково. Взял станцию, вагоны с воен. матер. и уничтожил прикрытие из немецкой пехоты.

9 августа — 17 драгун. Нижегородского п. 5 эскадрон под командой ротм. князя Давида Чавчавадзе, у с. Скерневицы, атаковал 70 отборных немец. разведчиков с офицером. 6 немцев взято в плен, остальные порублены. 4 драгуна ранено из них два тяжело.

10 августа — 1 Линейного полка Кубан. каз. войска, 2, 4 и 6 сотни у д. Джурин, аптаковали австрийскую батарею. 2-й сотней под ком. есаула Тихоцкого, взяты 4 орудия с зарядными ящиками.

10 августа — Лейб-гв. Кирасирского Ее Величества полка, разъезд от 4-го эскадрона, под команд. шт. ротм. Чебышева, в районе г. Тильзит, атаковал немецкий офицерский разъезд. Лейтенант и два драгуна зарублены, остальные рассеяны. Разъезд шт. ротм. Чебышева, первым из русских войск вступил в Тильзит.

10 августа — 13 гусарского Нарвского полка, конная атака под командой полк. Половцова под Аннополем на австрийскую пехоту. Наши потери: убиты два командира эскадрона и несколько офицеров.

13 августа — 12 гусар. Ахтырского полка, 2-й эскадрон под командою ротм. Бориса Панаева, атаковал три австрийских эскадрона у м. Демни. Эскадроны обращены в бегство. Ротмистр Панаев убит.

14 августа — Лейб-гв. Кирасирского Ее Величества полка, Ее Величества и 2-й эскадроны, под командой ротмистра Данилова, в районе ст. Абшванген, атаковали немецкую пехоту, отходившую к своему эшелону, который полным ходом ушел в направлении Кенигсберга. Взято в плен несколько отставших ландштурмистов и подобрано много брошенной амуниции. Наши потери — ранен один кирасир и две лошади. У немцев — убито семь.

14 августа — 1 уланского Петроградского полка, 1 и 5 эскадроны у фольв. и кладбища в гайоне Подленен и Шенфлис, у ст. Коршен атаковали роту 176 ландверного немецкого полка. Взято в плен остатки немецкой роты с раненым командиром лейт. фон-Бриннель. Потери полка: полков. Орлов смертельно ранен, ротм. Македонский убит, ротм. Суминский, корнет Шестаков ранены, корнет Васильев контужен. Убито и ранено 40 улан и до 60 лошадей. Фольварк и кладбище взяты. У немцев убито: 1 офицер, 22 солдата, 19 велосипедистов и потерян 1 пулемет.

16 августа — 10 гусар. Ингерманландский полк, под командой полк. Асеева атаковал австрийцев, при их отступлении у креп. Перемышль. Бзяты 7 гаубиц и обоз 12 Австровенгер. корпуса.

17 августа — 1 бригада 10 кавалер. дивизии, под командой ген. майора Маркова, у д. Недзелиски, атаковала венгерскую пехотную дивизию, опрокинула ее на нашу пехоту и принудила сдаться.

17 августа — 10 гусар. Ингерманладского п. эскадрон под командой ротм. Барбовича, атаковал укрепл. австр. позицию у д. Недзелиски и обратил неприятеля в бегство, захватил пулемет и дошел до глубоких резервов.

17 августа — 12 кавалер. дивизия под командой ген. Каледина атаковала у м. Руды для выручки 8-й Армии.

18 августа — 1 и 5 Донские казачьи дивизии под командой генералов Гоглокова и Ванновского атаковали в районе Каморова, в тылу 2-го австро-венгер. корпуса. Взяты пленные и 10 орудий.

23 августа — 9 улан. Бугского полка 1 и 6 эскадроны и команда связи, под общим командованием подполк. князя Урусова, у м. Варенжама, атаковали артиллерийский транспорт 14 и 15 Осадных полков под прикрытием австрийского батальона. Часть прикрытия уничтожена, остальные рассеяны. Захвачено часть транспорта и пленные. Смертельно ранен подполк. князь Урусов, убиты шт. ротм. Баранов и пор. Деконский, ранен шт. ротм. Белогрудов. В команде связи убито 2 и ранно — 2.

23 августа — Лейб-гв. Уланского Его Величества полка эскадрон под командою шт. ротм. Сергея Бибикова, в составе 54 улан, атаковал австрийскую пехоту. Захватил д. и посад Жолкевку, занятую двумя ротами противника. Многих изрубил и взял в плен двух офицеров и 63 солдата.

26 августа — 18 Донской под командою полк. Кузнецова и 17 Оренбургский казачьи полки атаковали у дер. Драган.

27 августа — 12 гусарского Ахтырского п., 1 и 2 эскадроны, под командой полк. Н. Одинцова, атаковали австрийскую пехоту и выбили ее из дер. Хорозан. Убит шт. ротм. Темпров и 21 гусар ранены.

29 августа — 12 гусар. Ахтырского полка, 4 эскадрона под командой полкового командира полк. Трингам, у высоты 280, в районе Линфельд атаковали пехоту, наступавшую тремя линиями цепей. 1-я и 2-я цепи — опрокинуты, 3-я прижата к р. Щерску и сдалась. Этим спасено было тяжелое положение левого фланга XXIV арм. корпуса. Убиты полк. Трингам, шт. ротм. Гурий Панаев, пор. Нарбут и корн. Черевко. Противник поспешно отошел, оставив много убитых, пленных и пулеметы.

30 августа — Лейб-гв. Уланского Его Величества полка, 4 эскадрон, под командой шт. ротм. Бибикова, под г. Яновым, атаковал австрийскую пехоту. Убиты шт. ротм. Бибиков, корнет Холявка, ранены корнет Силин и прапорщик граф. Островский, много улан и лошадей.

31 августа — 10 кавалер. дивизия под командой генерала графа Келлера атаковала у д. Яворово. Взято 6 орудий и 400 пленных австрийцев.

? августа — 15 драгун. Переяславский полк под командой полк. Белик атаковал воинский поезд у дер. Фридрихсгоф.

? августа — 5 Донская казачья дивизия, под командой генерала Ванновского, у дер. Завалово, в районе Дубно, атаковала обходную колонну австрийцев в тылу XIX арм. корпуса ген. Горбатовского. Колонна разбита, два эскадрона австрийцев уничтожены. Командир 2-й сотни есаул Н. А. Краснов имел пять легких сабельных ударов в голову и получил Орден Св. Георгия 4 ст. Также есаул Н. Голубев, сотник Грузинов и командир Казачьего Артиллерийского дивизиона.

16 сентября — 4 Донского казачьего полка, полторы сотни атаковали большой разъезд немцев Ландверного эскадрона 1 германского драгунского полка у дер. Баржиново. 8 драгун заколото или зарублено, 7 — взято в плен, офицер и около 15 драгун ушли (тут сказалось преимущество немецких лошадей перед казачьими).

17 сентября — 4 уланского Харьковского полка 3 и 6 эскадроны в районе фольв. Вальцер атаковали 2 эскадрон Гвард. Ландвер. кавалер. полка. У немцев убито и ранено 22 драгуна. Два офицера об. лейт. Хельдорф и Нееза и 31 драгун взяты в плен.

21 сентября — 13 гусар. Нарвский полк под командой полк. Половцова атаковал под Опатовым для выручки из тяжелого положения Гвардейских Стрелков.

23 сентября — Лейб-гв. Кирасирского Ее Величества полка два взвода Лейб-эскадрона, под командой корнета Рубец, атаковали у г. Ширвинта эрзац-эскадрон 3 кирасирского немецкого полка. Эскадрон рассеян, оставив зарубленных, а все раненые взяты в плен.

23 сентября — 10 гусарского Ингерманландского полка, три эскадрона под командой полкового командира полк. Чеславского атаковали передовые части австрийцев, в районе . . . . отбросили их и задержали их наступление.

1 октября — 2 Черноморского полка Кубан. каз. войска 2 сотня под командой подъес. С. И. Баштаника атаковала охраняемые австрийские гаражи. Взято в плен два офицера Австр. Генер. Штаба и пленные, а гаражи уничтожены.

2 октября — 1 Линейного полка Кубанского казачьего войска 5 сотня, в составе 109 казаков, под командой принца Шах-Рух-Дараеб-Мурзы, у м. Городок, атаковала три эскадрона австрийцев и уничтожила их. Остатки сотни, под командой есаула Труфанова, заставили батарею противника поспешно уйти.

3 октября — 1 Кубанского полка Кубанского казачьего войска 6 сотня у с. Кара-Калиса атаковала турецкую роту. Часть роты изрублена, а часть рассеяна.

7 октября — 1 Хоперского полка Кубанского казачьего войска 5 сотня, под командой подъесаула Ильина, атаковала немецкую роту у с. Кала на р. Нарте (Варте). Часть роты изрублена, часть рассеяна.

18 октября — 16 гусар. Иркутского полка — 3 эскадрона и 19 драгун Архангелогородского — 2 эскадр., под общей командой командира гусарского полка полковника Бискупского, атаковали неприятельскую пехоту под г. Ширвинтом. Атака имела некоторый тактический успех и окончилась без всяких потерь с нашей стороны.

19 октября — 1 Кубанского полка Кубанского казачьего войска 6 сотня, под командой сотника Репникова, атаковала у с. Каракилиса цепь турецкой роты. Часть роты уничтожена а часть рассеяна. Сотник был ранен, но остался в строю.

19 октября — 1 Читинский полк Забайкальского казачьего войска, под командой полковника . . . . . . атаковал прусский 11 драгунский полк. Понеся большие потери, пруссаки поспешно отошли.

20 октября 1 Кавказского полка Кубанского войска взвод 4 сотни, под командой сотника Дьячевского, в районе Базарган, у турецкого поста Гирджи-Булы, атаковал турецкую пехоту. Взято 30 пленных в том числе фельдфебель, начальник поста.

21 октября — 10 Донской казачий полк, под командою полковника П. Н. Краснова, в районе г. Хмельника, атаковал внгерских гусар.

28 октября — 10 уланского Одесского полка 3 эскадрон, под командой ротм. Косолап, у дер. Пруссек, атаковал батальон австрийской пехоты в окопах и заставил его отступить. Ротм. Косолап был убит. Эскадрон принял шт. ротм. Васильев, который потом с эскадроном изрубил эскадрон австрийцев (день неизвестен).

6 ноября — 17 гусар. Черниговского полка, два взвода, под командой корнета Корнилова, совместно с шт. ротм. Калининым, атаковали пехоту противника в окопах при взятии м. Нового Сандеца и обратили ее в бегство, захватив в плен 1 офицера и 30 солдат.

10 ноября — 17 драгунский Нижегородский полк, под ком. полк. Меликова атаковал немецкую пехоту у д. Колюшки. Захвачена тяжелая батарея в четыре пушки. Немцы поспешно отступили. Ранены: полк. Ягмин, подполк. Наврузов; убиты: шт. ротм. князь Микеладзе и пор. князь Андронников.

12 ноября — Полки 2-й Сводной казачьей дивизии, под командой ген. Павлова, у м.

Ужина, захватили конной атакой пять австрийских орудий.

12 ноября — 1 Уральский казачий полк, под команд. полк. Бородина, в районе . . . конной атакой захватил австрийскую батарею, положив, таким образом, начало Уральской казачьей артиллерии, упраздненной после Пугачевского бунта.

19 ноября — Полки Терской казачьей дивизии ген. Арутюнова у м. Мармарош-Сигет, конной атакой захватили три неприятельских орудия и много пленных.

20 ноября — Текинского конного полка 1 эскадрон, в районе Дуплице-Дуже, атаковал немецкую пехотную колонну. Колонна остановлена, взяты пленные, но эскадрон понес 45 проц. потерь.

24 ноября — 1 Хоперского полка Кубанского каз. войска три сотни под командой есаула Некрасова, у д. Куэлевы, атаковали по глубокому снегу и взяли 4 орудия.

27 ноября — Приморского драгун. полка два эскадрона, у дер. Журоминки, в районе Прасныша, для спасения тяжелого положения нашей пехоты, жертвуя собой, ринулись в атаку на окопы с проволокой, чм отвлекли на себя два пехотных и три кавалерийских полка. Немцев изрубили без счета, но 5 эскадрон, под командой ротм. Крымского, почти целиком погиб.

21 декабря — 1 Уманский полк Кубанского казач. войска, под командой полк. Фесенко, под д. Карвурганом, атаковал по снегу, по брюхо коней, и взял 8 орудий.

22 декабря — Сибирская казачья бригада, под командой ген. Калинина, атаковала по обледенелым кручам, под г. Ардаганом, захватила 2 пушки, а 1 Сибирский казачий полк взял знамя 8 Константинопольского пехотного полка.

15 августа — Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, под командой полк. Головина, атаковал под . . . . . .

И. Ф. Рубец

(Продолжение следует)

ОТ РЕДАКЦИИ: Полагая необходимым помочь нашему сотруднику, полковнику Ивану Филипповичу Рубец, в его большой работе, Редакция просит всех читателей журнала, имеющих какие бы то ни было дополнительные данные по конным атакам Российской Императорской Кавалерии за период войны 1914-1917 г.г. не отказать сообщить их в Редакцию. По предлагаемой сегодня Сводке желательно было бы знать:

3 августа — фамилии двух командиров эскадронов Ингерманландского гусарского полка.

4 августа — фамилии двух командиров сотен 1 Линейного полка.

10 августа — фамилии двух убитых командиров эскадронов Нарвского гусарского полка.

? августа — точные даты атак Переяславского драгунского полка и 5-й Донской казачьей дивизии.

23 сентября — район атаки Ингерманландского гусарского полка.

19 октября — фамилию командира 1 Читинского полка.

12 ноября — район атаки 1 Уральского казачьего полка.

15 августа — место атаки Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Одна из причин почему Германия объявила войну России в 1914 г.

Производя изыскания стратегической железнодорожной линии Юрьев-Дерпт-Смоленск и пройдя со своей партией участок Юрьев-Изборск-Остров, я неожиданно получил телеграмму от начальника изысканий инженера П. Е. Соловьева с предложением сдать партию помощнику и выехать в Петербург. Сев в скорый поезд утром, к вечеру я был уже в столице и позвонил по телефону Соловьеву, который просил меня сейчас же приехать к нему.

Инженер путей сообщения П. Е. Соловьев, зять министра путей сообщения Рухлова, был в придворном звании Камер-Юнкера Двора Его Величества и занимался изысканиями железных дорог, а я был у него все время помощником и начальником партий. Встретив меня, он провел в рабочий кабинет, где на столах были разложены карты, в горизонталях, центральных районов России.

Он рассказал, что его тесть в начале недели вызвал его по телефону к себе в министерство и показал ему схему, на которой была нанесена линия от Балтийского до Черного моря, от Риги до Николаева. Он рассказал ему, что Морское и Военное министерства наметили срочные и очень важные работы и просили его указать опытного инженера, которому можно поручить ведение предварительных работ. «Я», сказал министр, «указал на вас, зная вашу энергию, быстроту выполнений ответственных работ которые вам ранее поручало министерство и, если согласны, то позвоню в штаб и направлю вас для личных переговоров туда».

Соловьев спросил, может ли министр сооб-

щить подробности намечаемых работ, и тот ответил, что это грандиозные работы, так как намечена постройка пути между Балтийским и Чёрным морями для прохода военных судов с осадкой до 30 футов, что даст возможность перебрасывать военный флот из Балтийского в Черное море и обратно и проход судов займет не больше 5-6 дней, в то время как при настоящих условиях плаванье флота вокруг Европы занимает до 3-х недель и больше, встречая много препятствий при проходе Гибралтара и Дарданелл. Предварительно надо произвести изыскания железнодорожной линии протяжением до 2.000 верст и, после этого, приступить к постройке железнодорожных подъездных путей и, одновременно, к прорытию и углублению канала Рига-Николаев.

Связавшись с Начальником Штаба, министр направил меня в главный штаб, где вместе с полковником-топографом мы прошли к Начальнику Штаба. Когда познакомились и выяснилось, что министр Рухлов — мой тесть, Начальник Штаба был очень доволен, сказав, что тогда легче будет вести работы совместно с министерством путей сообщения.

Пройдя в топографический отдел, мы рассмотрели нанесенную на карты линию проектируемого канала, но только в некоторых участках карты были в масштабе 2 версты в дюйме, а в других — только 10-верстки. Намеченный канал шел сначала по Западной Двине, затем в болотистой и озерной местности истоков рек и далее по Днепру. Кроме углубительных работ для канала в 30 футов, надо было на реках уничтожить пороги и перекаты, а на протяжении 1000 верст вести новый канал.

Так как на всем протяжении проектируемого канала совсем не было параллельных железных дорог, могущих служить подъездными путями, то надо было произвести изыскания железнодорожных линий, приступить к постройке таковых для снабжения работ машинами, строительным материалом, оборудованием, снабжением продовольствием, интендантством и рабочей силой. Так как протяжение канала намечено было 1.600 верст, то железнодорожный путь был до 2.000 верст, потому что он проходил по населенным пунктам и избегал болотистых мест, чтобы не задерживать его постройки.

После совещания, решено было произвести изыскания в срочном порядке так, чтобы к январю закончить полевые работы и приступить к постройке железной дороги одновременно с прорытием канала. Что касается сроков постройки, как дороги, так и и канала, то, пока нет точного проекта, определенно сказать нельзя, но во всяком случае срок постройки железной дороги — не более 2-х и канала 3-х лет.

Инженер Соловьев просил прислать ему все карты, имеющиеся в штабе. Так как на предварительные изыскания времени не было, то приходилось сразу вести трассу с окончательной разбивкой для постройки железной дороги.

Нарисовав всю картину, Соловьев наметил на линию в 2.000 верст 10 изыскательских партий и начал составлять список начальников партий из своих бывших сотрудников. Он наметил на производство полевых работ по 200 верст на партию и срок таковых 3 месяца и 2 месяца на разработку проекта в конторе, рассчитывая, что до заморозков в северной части Лифляндии погода позволит вести работы без перебоя. Доложив в штабе, Соловьев сказал, что все работы начнутся с первых чисел августа и просил содействия военных властей и министерства внутренних дел для оказания всяческой помощи на местах военными и гражданскими властями, на что ему из штаба сообщили что для содействия в работах привлечены Отдел Портов и Сооружений Министерства Торговли и Промышленности, а Министерство Путей Сообщения будет руководить постройкой железной дороги, когда изыскания кончатся.

По составленной смете, стоимость изысканий исчислена в 150.000 рублей, и военные власти распорядились асигновать указанную сумму, так как работы начнутся одновременно всеми партиями, независимо одна от другой.

В штабе сообщили, что так как постройка железной дороги и канала потребует громадных средств, то Министерство Финансов обратилось к консорциуму французских банков в Париже с вопросом о займе, так как оборудование землечерпательными машинами, кранами, моторами и другими механическими приспособлениями под силу лишь французским заводам, имея еще в виду, что Франция, как союзник, безусловно заинтересована таким важным военным проектом. Было получено заверение что Франция окажет полное содействие для осуществления грандиозного проекта и на 20 июля в Париже назначено совещание из представителей банков, заводов и военных властей и от России представителей Морского и Военного Министерств и инженеров от Министерства Путей Сообщения и экспертов из Министерства Финансов.

Закончив все эти важные новости, Соловьев сказал, что 13 июля он, совместно со мной, выедет в Варшаву, где задержится на день, после чего поедет на совещание в Париж в качестве консультанта а мне поручает приобрести на заводе Герлях все необходимые для всех партий инструменты и снаряжение, потребное для полевых изысканий. Надо купить теодолиты, нивеллиры, пантометры, бинокли, анероиды, мензулы, ленты, вешки, рейки и все не-

обходимое для изыскательной партии, а также все чертежные и канцелярские принадлежности, а равно хозяйственное оборудование, так как на севере местность малолюдная и придется озаботиться о жилье, а с наступлением холодов и об отоплении жилья. Необходимо закупить палатки и походные кровати.

Поручив мне вести пять партий, он просил наметить начальников партий и сделать доклад о произведенных мной полевых работах на участке Юрьев-Остров.

Обрисовав всю обстановку и результаты произведенных партией работ, я сказал, что осталась более легкая часть пути от Острова до Смоленска и мой помощник Амирагов справится с работой и закончит изыскания в два месяца, после чего будет разрабатывать проект в конторе.

Новых начальников партий я наметил: инженера Шеманского, инженера Смирнова, техника Хворикова, техника Ковалева и австрийского инженера Эрлиха.

Соловьев сказал, что на южную часть он наметил Викентьева, опытного и энергичного старого изыскателя и тот, закончив работы на южных железных дорогах, выедет в Петербург и здесь наметит своих начальников партий. Он предложил срочно, по имеющемуся у него списку, вызвать в Петербург намеченных техников и десятников к первому августа и, по прибытии, выдать им подъемные деньги и месячный оклад жалованья. Просил меня, не откладывая, наладить свои дела в недельный срок и быть готовым к выезду в Варшаву через неделю, то-есть — 13 июля.

Я решил съездить на взморье, на остров Эзель в Аренсбург, чтобы освежиться после тяжелых полевых работ в Псковской губернии, когда там из-за засухи начались страшные лесные пожары и буквально приходилось убегать от огня, ведя железнодорожную линию. Так как задача была для этой работы стратегического характера, то волей неволей приходилось идти почти что по пожарищу. Конечно, короткий отдых мало способствовал укреплению нервов после более 2-х месячной работы без праздников и передышки. Пробыв на курорте всего 4 дня, я выехал обратно в Петербург и не успел, войдя в квартиру, разобраться в вещах, как раздался телефонный звонок и я услышал голос П. Е. Соловьева. Он обрадовался моему возвращению и просил немедленно приехать к нему.

Он встретил меня и, по его озабоченному виду, я понял, что что-то случилось. Он спросил меня, читал ли я сегодняшние газеты и на мой отрицательный ответ сказал мне, что мы накануне войны с Германией.

На мой вопрос, не связано ли это с убийством Эрцгерцога, Соловьев сказал, что, конечно, и убийство и конфликт с Австрией играют немалую роль, но есть и другие причины. Ему утром звонил министр Рухлов и сказал, что по только что полученным сведениям из Генерального Штаба, Кайзером решен вопрос о войне против России и надо ожидать всеобщей мобилизации, несмотря на мирные переговоры министра иностранных дел Сазонова и миролюбие Государя.

Министр пояснил, что, несмотря на секретный характер совещаний в разных ведомствах, несомненно Германии стало известно о подготовке к выполнению грандиозного военного проекта канала Рига-Николаев; когда на 20 июля в Париже было намечено совещание по этому вопросу, то, конечно, Германия решила поторопиться приостановить дальнейшее блестящее экономическое развитие России и, видя возрастаюущю ее военную мощь, несомненно объявит войну.

Министр сказал, что, вне всякого сомнения, Германия будет разбита в течение полугода и тогда величайший проект канал Рига-Николаев будет осуществлен без всяких угроз со стороны немцев.

Соловьев сказал, что он тоже так думает, но предложил мне срочно телеграфировать всем вызванным сотрудникам, что работы откладываются и просил меня продолжать работы по изысканию линии Остров-Смоленск. 18 июля была объявлена мобилизацияи я, как военнообязанный, был призван и прикомандирован к Военно-Походной Канцелярии Его Императорского Величества.

Так закончился неосуществленный грандиозный проект, которому было суждено сыграть роль в числе разных причин, вызвавших мировую войну.

Инженер К. М. Гейштор

Ташкентское военное училище

(К 50-летию основания)

Мало кому известно, что самым молодым из до-революционных военных училищ является — Ташкентское, Высочайший Указ об основании которого был подписан 6 июля 1914 года, а открылось оно и начало работу только со времени объявления войны, а свой первый, ускоренный выпуск дало 1 декабря 1914 года. Среди персонала училища ходил слух, за достоверность которого не могу ручаться, что, будто бы по Высочайше одобренному проекту, Ташкентское военное училище предполагалось организовать по образцу французской Сэн-Сирской Школы, с выпуском офицеров всех родов оружия для комплектования стрелковых и других частей Туркестанского военного округа и соседних окраин.

Форма одежды была установлена стрелковая: малиновый просвет и выпушки у офицеров, малиновый погон и околыш у юнкеров. Теории и практике стрельбы уделялось исключительное внимание. Для замещения командных и хозяйственных должностей, вначале был выделен кадр из Казанского военного училища, во главе с полковником Шепелевым, исполнявшим обязанности Начальника училища, до назначения на эту должность генерал-майора Ив. Мих. Болотова. Полковник Шепелев остался Инспектором классов.

Первый выпуск состоял из одной роты, затем был развернут батальон двухротного состава. В виду того, что постройка собственного здания была только в проекте, 1-я рота занимала здание Общественного Собрания, а 2-я помещалась в обширной Пушкинской Школе. Только к концу сентября 1916 года на обширной территории училища была закончена постройка одного из главных корпусов, состоявшего из вестибюля, двух спальных, классных помещений, причем обширные коридоры последних были временно приспособлены под столовую и гимнастический зал, приемной комнаты, она же и читальня, комнаты дежурного офицера, служившей в часы занятий — общей офицерской, цейхгауза, кухни и других необходимых помещений. Кроме того, было временно оборудовано здание для команды нижних чинов и закончены постройкой и отделаны домики для семейных офицеров училища, канцелярия, околодок, помещение музыкантской команды, конюшни и электрическая станция.

В это новое помещение и вошел, по возвращении из Троицкого лагеря, в последних числах сентября 1916 г. — шестой ускоренный пятимесячный выпуск училища, к которому принадлежал и я в звании младшего портупей-юнкера 1-й роты. Там и были проведены нами несколько дней, оставшихся до производства 1 октября 1916 года, прошедших в хлопотливой обстановке примерок, пригонок, выдач разных предметов, полагавшихся при производстве, с каждодневным увольнением в отпуск до 12 часов ночи.

В лагере, незадолго до разборки вакансий, мне и четырем другим моим окнокашникам из портупей-юнкеров было сделано предложение остаться в прикомандировании к училищу на 8 месяцев, в помощь курсовым офицерам, для замены закончивших срок своего прикомандирования молодых офицеров предыдущих выпусков. Нет надобности говорить с каким чувством радости, гордости и внутреннего самоудовлетворения мною было принято это лестное предложение. Так началась моя кратковременная карьера в Российской Императорской Армии.

В один из дней середины декабря 1916 г., будучи очередным дежурным по училищу, я явился к положенному часу, чтобы сменить закончившего дежурство, подпоручика Вяч. Фед. Петрова. Войдя в дежурную комнату и поздоровавшись с Вяч. Фед., я обратил внимание на довольно длинный, деревянный ящик квадратного сечения, лежавший на столе у стены. «Это что такое?» — обратился я с вопросом к Петрову. — «Это — Знамя», — ответил последний и, видя, отразившееся на моем лице, недоумение и недоверие, открыл крышку и показал мне содержимое, сказав при этом, что знамя было доставлено из Петрограда специально для этого командированным военным чиновником и сдано ему под его расписку.

Это было белое знамя обычного армейского образца с изображением Нерукотворенного Спаса и с вензелем Государя на обратной стороне. Кайма была малинового цвета и все знамя находилось на древке, имевшем на верхнем конце увенченного короной орла с приподнятыми крыльями, помещавшегося на золотом шаре.

Вечером 22 декабря 1916 года, в зале Дворца Начальника Края, состоялась церемония прибивки знамени, в которой принял участие весь офицерский состав училища, оба фельдфебеля, по одному старшему и одному младшему портупей-юнкеру и по одному юнкеру от каждой из двух рот.

Утром 23 декабря на плацу Военного Собора состоялся парад по случаю освящения и вручения знамени. Первым знаменщиком, принявшим коленопреклоненно знамя училища из рук Командующего Войсками Туркестанского военного округа генерала Куропаткина, был фельдфебель 1-й роты Березницкий. Ассистентами при знамени были назначены штабс-капитан Янсон и подпоручик Голтуховский. После присяги знамени, церемониального марша и относа знамени в училище, в большом зале Военного Собрания состоялся парадный завтрак, в присутствии Начальника Края, командиров всех частей Ташкентского гарнизона, высших гражданских чинов, представителей Консульского Корпуса и всего офицерского состава училища. Вечером, в том-же помещении, был, приуроченный к этому дню, традиционный бал очередного выпуска юнкеров. Как и обычно, было весело и непринужденно и никому не приходила в голову мысль, что этот бал был последним.

Не часто привелось нашему знамени появляться перед строем батальона училища. Судьбе было угодно сделать меня свидетелем также и последнего, уже бесславного, выноса знамени.

Примерно в середине мая 1917 года, тоже в день моего дежурства по училищу, в Дежурную комнату, часа в 4 дня, вошел исп. об. адъютанта училища поручик Крюков и предложил мне выдать ему знамя. Согласно с уставным положением требование было законно и я, поднявшись на второй этаж, где, в конце гимнастического зала, рядом с училищным образом, у специальной стойки-колонки, помещалось знамя под охраной юнкера-дневального, приказал последнему взять знамя и скомандовал следовать за собой. Спустившись в вестибюль, я передал знамя адъютанту и отпустил дневального. Знамя было вынесено из здания и уложено в ландо училища, куда сел и поручик Крюков.

Экипаж тронулся и направился к выходу для дальнейшего следования в местный Совет рабочих и солдатских депутатов, по требованию которого и была произведена сдача старых знамен.

День был отпускной и в училище, кроме служебного наряда, не было никого. Совершенно пуста и безлюдна была и главная аллея училища, так что только я со своими невеселыми мыслями, да непрошенно навернувшаяся на глаза слеза, проводили наше знамя в его последнюю дорогу, в неизвестность.

Относительно дальнейшей судьбы знамени и училища никаких сведений у меня нет. В начале июня, по окончании срока моего прикомандирования к училищу, я уехал из Ташкента, взяв вакансию, по праву выбора, в один из Сибирских стрелковых полков 1-го Запасного Сибирского корпуса, расположенный в Закаспийской области, вблизи персидской границы. Таким образом, я потерял всякую ощутимую связь с училищем. Много позже, уже во время наших военных действий против большевиков в Закаспии, в отряд, высланный заслоном против крепости Кушка, был прислан ко мне фельдшер, оказавшийся одним из кандидатов на классную должность фельдшеров, служивших одновременно со мною в Ташкентском военном училище. От него я узнал кое-какие подробности конца 1917 года. В частности, по его словам, в конце октября или начале ноября, училищу пришлось выдержать жестокий бой с красными, понесшими очень большие потери, но в этом бою был убит мой бывший ротный командир капитан Щепетов, редкой души человек, выдающийся строевик и сверх-отличный стрелок, окончивший Офицерскую Военно-гимнастическую Школу. Вечная ему память!

А. Н. Степурский

ПРИМЕЧАНИЕ: Высочайше утвержден был нагрудный знак Ташкентского военного училища, представлявший собой: серебряную бухарскую звезду, с расположенным на ней шестиконечным золотым крестом, помещенным над того же цвета полумесяцем и соответственной надписью. Адъютант училища капитан Журавлев видел в Петрограде рисунок этого Высочайше утвержденного знака.

А. С.

Великий Князь Константин Константинович

(49-ая ГОДОВЩИНА КОНЧИНЫ 15 июня 1915 г.)

В своем повествовании я хочу рассказать об исключительно высоких человеческих качествах, которыми обладал Великий Князь Константин Константинович. Проявлял он их на каждом шагу своей деятельности по воспитанию питомцев военно-учебных заведений Императорской России. Для этого опишу случай из моей личной жизни, ярко выявляющий всегдашнюю справедливость Великого Князя, его безгранично доброе сердце и простое, человеческое, ко всем окружающим, отношение.

Дело происходило в 1904 году в Михайловском Кадетском Корпусе в г. Воронеже. Я в то время был в 4-ом классе. Наши воспитатели и преподаватели, во время одной из перемен между уроками, сидели в воспитательской дежурной комнате, покуривая, и мирно беседовали, пользуясь своим коротким отдыхом. Три кадета нашей роты, желая подшутить над «зверьми», как мы их звали, пустили по паркету большой шар от кеглей в деревянную застекленную стенку воспитательской комнаты. Шар, с силой ударившись в перегородку, произвел оглушительный шум и грохот с дребезжанием стекол. От неожиданности и испуга наше начальство, вскочив со своих мест, стало выбегать с растерянными лицами из дежурной комнаты. Я случайно находился поблизости, видел всю грубую шалость своих товарищей и от души искренно хохотал над испугом начальства. Озорники сразу же были пойманы и посажены в карцер, а с ними посадили и меня, хотя я никакого участия в их затее не принимал, что они добросовестно подтвердили. Постановлением Педагогического Комитета решено было всем снять погоны, в том числе и мне. Я глубко негодовал на такое, явно несправедливое, решение Комитета; тем паче, что для меня, выросшего в военной среде и с детских лет усвоившего их высокое значение, честь мундира и погон стояли чрезвычайно высоко.

Я твердо решил не допускать над собой такого позора, если бы даже за это меня и уволили из Корпуса.

Для церемонии срезания погон в ротном зале была выстроена вся рота кадет. Нас четырех вызвали из строя и ротный командир, прочитав постановление Педагогического Комитета, велел ротному портному срезать нам по очереди, погоны.

У меня кружилась голова и я едва стоял на ногах. Когда портной, срезавши трем моим товарищам погоны, приблизился со своими большими ножницами ко мне, я вне себя закричал: »Я погоны не дам срезать, выгоняйте меня, но этого позора я не в состоянии перенести».

Ротный командир не придал значения моим словам и коротко отдал портному приказание: «Срезай». Портной снова шагнул ко мне. Это был маленький, тщедушный старый еврей из кантонистов. Я, сжав кулаки, и с искаженным лицом готов был с остервенением броситься на Иртыша, так его звали, как только он вплотную подойдет ко мне. Портной в нерешительности замялся. Ротный командир снова резко и коротко повторил свое приказание, на которое я с силой закричал: «Я изобью его, господин полковник, но погон не дам срезать».

По моему, сильно возбужденному и угрожающему виду, ротный, видимо, понял, что я был вне себя и мог учинить скандал перед строем всей роты и закричал мне: «Ах, так, марш в карцер!» Я быстро, почти бегом, выскочил из зала, спеша удалиться от места моего позора, унося на плечах честь дорогих для меня погон.

В тот же день вечером, срочно был созван Педагогический Комитет, который постановил отправить меня в Вольскую дисциплинарную школу. Я сидел в карцере, ожидая выполнения всех формальностей, связанных с моим переводом.

На второй день моего заключения, в 10 часов утра, я услыхал в ротах громкое «ура». Сразу догадался, что приехал Великий Князь. Так радостно, с таким подъемом и восторгом кричали «ура» только ему, обожаемому всеми нами Великому Князю. Каждый приезд его в Корпус являлся для кадет большим праздником. Я почувствовал огромную радость и был преисполнен счастьем, ибо знал и глубоко был уверен, что сейчас найду правду и защиту в лице любимого нашего Начальника. Мысли мои были прерваны прибежавшим в карцер товарищем, звавшим меня, с разрешения ротного командира, в оркестр для встречи Великого Князя.

Я выскочил с ним и побежал за своим ин-

струментом, басом-геликоном, на котором играл в нашем кадетском оркестре.

После встречи Великого Князя, в карцер меня не отправили, а я остался в роте. Позавтракав с нами, Его Императорское Высочество отправился отдыхать после дороги в отведенные для него покои. Когда он встал и сидел у себя в конторе, наш оркестр расположился невдалеке от его покоев и мы услаждали его слух, исполняя, как сейчас помню, попурри из «Пиковой Дамы».

Выйдя к нам, он поблагодарил за доставленное удовольствие и, увидев меня, обратился ко мне. Надо сказать, что памятью Великий Князь обладал исключительной, феноменальной и очень многих кадет разных корпусов знал в лицо и по фамилии.

Мне он сказал, приятно картавя: «А, и ты дудишь, ну, сыграй мне что-нибудь на своей дудке». Я растерялся и говорю: «бас-геликон соло не играет, Ваше Императорское Высочество». «Ну, значит, не умеешь играть»... Обидно мне стало и я быстро на басу вывел чижика.

Он добродушно рассмеялся и говорит: «Ну, вот видишь, значит — умеешь». После чего, обнял меня одной рукой за шею, приблизил к себе и тихо, на ухо, мне сказал: «Не унывай, поедешь не в Вольск, а в мой корпус». От внезапной сильной радости и вне себя от счастья, я во все горло крикнул: «Покорнейше благодарю, Ваше Императорское Высочество». «Тише, сумасшедший, чего орешь? Это наша с тобой тайна, касается только меня и тебя». «Слушаюсь, Наше Императорское Высочество», с восторгом сказал я.

Несомненно, что Великому Князю было доложено о всем случившемся и он, не производя расследования, а своей чуткой душой и своим добрым сердцем хорошо разобрался во всем. Просто и легко понял мою невиновность в этом деле и перевел меня в другой корпус, а не в дисциплинарную школу, чем спас всю дальнейшую карьеру на военной службе.

После этого Великий Князь, окруженный кадетами, пошел по коридорам роты.

Товарищи начали меня осаждать, сгорая от желания узнать, что мне сказал Великий Князь. Но я гордо всем говорил: «Это моя и Князя тайна», за что они сердились и бранились, я же, не чувствуя под собою ног, засунув руки в карманы, гордо ходил по помещению роты, не обращая внимания даже на свое начальство.

Меня страшно мучил вопрос, какой же это корпус Великий Князь называет своим? Не будучи в состоянии сам решить этот вопрос, я спрашивал у товарищей кадет, но никто не мог мне сказать. Пришлось обратиться к своему воспитателю; он был добрый и хороший человек и, не скрывая, сказал мне, что Его Высочество приказал перевести меня в Полоцкий Кадетский Корпус, который он особенно любил, считал своим и, в знак особого своего расположения к нему, зачислил туда кадетом сына своего — Князя Олега Константиновича. Он был мой сверстник и как раз в 1-ом отделении 4-го класса в классном журнале был записан первым по списку.

Проявленная Великим Князем Константином Константиновичем по отношению ко мне милость может служить лучшим доказательством его справедливости и исключительно гуманного отношения к кому бы то ни было из своих подчиненных. Каждый из нас, кадет, хорошо знал старую русскую военную пословицу: «За Богом молитва, за Царем служба не пропадает».

Отец мой, узнавши о всем случившиемся со мной, взял на себя смелость послать Его Императорскому Высочеству свою родительскую благодарностть за проявленную высокую милость по отношению меня, которая спасла мою будущность, и получил короткий ответ, в котором Великий Князь, своим острым, как бы готическим, почерком, собственноручно написал: «Кадет, поставивший честь погон выше своего благополучия, заслуживает не только право на них, но и похвалу».

Приехав в Полоцкий Корпус и приобщившись к жизни кадет-Полочан, я сразу понял, почему Великий Князь так любил Полоцкий Корпус, и это обстоятельство снова подтвердило мне, как много в Великом Князе было заложено прекрасных, возвышенно благородных и, вместе с тем, самых простых, чисто человеческих качеств, которые побуждали его не только творить добрые дела, но и ценить в других эти хорошие качества.

Александр Грейц

Великий Князь Константин Константинович в Орловском Бахтина кадетском корпусе.

На смерть К. Р.

**Умолкла его вдохновенная лира,
Потух его любящий взор...
Вознесся он в тайну надзведного мира,
В лазурный небесный простор.**

**Он понял осмысленность жизненной битвы,
Он понял природы красу
И думал: «я людям святые молитвы
В весенних цветах принесу».**

**И с верой он пел на земле о небесном...
Теперь же, познавши покой,
Витая в полете своем бестелесном,
Скорбит он над злобой людской...**

Князь Владимир Палей

Тень Иосифа Аримафейского

Светлой памяти К. Р.

Настал молчанья час и вновь мечты бегут,
И снова луч возник невидимого света —
Благослови меня на плодотворный труд,
О тень прекрасная усопшего поэта...

В моей душе давно мерцает огонек,
И, на пути моем видения разбросив,
Мечта давно зовет — но этот путь далек:
Благослови-ж меня, молящийся Иосиф...

Тебя призвал Господь, ты улетел от нас,
И чужд теперь вдвойне житейскому ты пиру,
Но ты пришел ко мне в безмолвный этот час,
Держа еще в руках свою немую лиру.

Да, ты пришел ко мне напомнить мне о том,
Что только тот поэт, кто верит в жизнь иную,
Кто, видя скорбь и смерть в сияньи золотом,
Не оскверняет злом свою тропу земную.

И ты пришел ко мне, Иосиф христианин,
Иосиф ласковый, Иосиф вдохновенный,
Сказать, что нет конца кругу земных кручин,
Но что всего сильней поэт проникновенный.

И словно ветерок, гонящий прочь грозу,
Сомнения мои живительно рассеяв,
Сказал ты: «Примет Бог невольную слезу
Того, над кем толпа смеется фарисеев.

Ты песню, не спеша, докончи здесь свою,
И встречу я тогда тебя у райской двери...»
И я внимал тебе и я теперь пою
Твоей правдивости, твоей глубокой вере...

О, дай мне те слова надежды и любви,
Перед которыми ничто — людей страданья,
И лирою своей меня благослови,
Исчезнувший певец весны и упованья...

Князь Владимир Палей

От Редакции:

Князь **Владимир Палей**, сын расстрелянного большевиками, Великого Князя Павла Александровича, от его второго брака. Одаренный поэт, ученик К. Р.. Убит большевиками 17 июня 1918 г. в Алапаевске.

Георгиевский Штандарт Санкт-Петербургских Улан

«То победители, то побежденные, и Русские и Французы имели право приписывать себе успех. Они у нас брали орлы, мы у них, знамена...».

Ген. Сэн-Шаман.

Во времена Наполеоновских войн, первое место во французской кавалерии, по числу отбитых русских знамен, занимал 1-й кирасирский полк, взявший 25 января (6 февраля) 1807 г., под д. Гоф, три знамени Костромского и одно Днепровского мушкетерских полков [1]). В русской же коннице такое же место принадлежало 1-му уланскому (тогда драгунскому) С.-Петербургскому полку, также отличившемуся отбитием четырех орлов, одного в 1805 г., двух в 1807 г. и еще одного, в 1812 г.

«Ни один полк Русской армии не стяжал подобного отличия, писал ген. Михайловский-Данилевский, ни один из них не вырвал трех орлов из рядов Наполеоновской армии в войны 1805, 1806 и 1807 г.г.».

Высочайшим приказом от 22 ноября 1808 года С.-Петербургскому драгунскому полку были пожалованы Георгиевские штандарты, с надписями: «За взятие у французов трех знамен в сражениях 1805 г. ноября 8 при Гаузете и 1807 г. января 26 и 27 под г. Прейсиш-Эйлау». Препровождая штандарты в полк, Император Александр I-й писал:

«Оказанные Нам услуги в продолжении двух кампаний противу французских войск, во время коих, преоборяя все опасности, вы, своею храбростью и неустрашимым мужеством, в сражениях 8 ноября 1805 г. под д. Гаузет и 1807 г. генваря 26 и 27 чисел при Прейсиш-Эйлау, отняли у неприятеля три знамя, обращают особенное Наше внимание».

Эпизоды эти русскими историками вполне разработаны никогда не были и даже в солидной полковой истории С.-Петрбургского полка, составленный ген. Каменским (изд. 1900 г.), три этих отбитых орла опознаны не были. Пополняем посильно этот пробел.

Орел I-го эскадрона II-го драгунского полка, отбитый 8/20 ноября 1805 г. в бою на Рауснице [2]).

9-го ноября, Кутузов доносил Императору Александру I-му:

«Вчерашнего числа, перед вечером, из простой перестрлки на аванпостах, сделалось, наконец, серьезное кавалерийское дело. Неприятель побит и потерял 11-го драгунского полка 1-го эскадрона, штандарт, который взят С.-Петербугского драгунского полку рядовым Чумаковым. Штандарт Вашему Импраторскому Величеству щастие имею представить».

В тот же день, Кутузов объявил войскам о подвиге Чумакова:

«С.-Петербургского драгунского полку, драгун Дмитрий Чумаков, отнявший в сражении, у неприятеля штандарт, производится за таковое отличие и оказанную храбрость, в унтр-офищеры; сверх того Его Императорское Величество жалует ему сто червонцев».

Оба эти документа остались неизвестными полковому историку, который пишет, что штандарт был отбит от «кирасир», но приводит подробности его взятия дивизионом майора Гернгросса:

«Вот вахмистр Евдокимов, здоровый и храбрый детина, грудью лошади налегает на неприятельского эстандарт-юнкера, сшибает его с коня, а затем, кинувшись на командира французского эскадрона кирасир, рассекает его ударом палаша. Вот рядовой Чумаков храбро влетает в неприятельский фронт, ударами палаша сшибает нсколько кирасир и, завидя штандарт, внезапно осеняется мыслью захватить его. Он сильнее пришпоривает коня и, подскочив к штандарту, смело схватывает его за древко и, несясь рядом с штандартным унтер-офицером, в молчаливой, но ожесточенной борьбе, оспаривает честь захватить штандарт в свои руки. Вахмистр Евдокимов и тут подоспел на выручку, он скачет на перерез штандарту и ловким ударом палаша наносит смертельный удар его защитнику. Счастливый Чумаков выхватывает штандарт из рук помертвевшего француза...».

Взятый штандарт был представлен Государю адъютантом Кутузова, подпоручиком Лейб-гв. Семеновского полка Бибиковым и отправлен в С.-Петербург, где он был поставлен в Петропавловский Собор. Вахмистр Никита Евдокимов был впоследствии награжден «особым золотым знаком отличия». Отметим, что полковая история называет Чумакова, не Дмитрием, а Иваном.

Французски источники подтверждают потерю штандарта. Полковая история 11-го дра-

---

[1]) Но оставивший свой собственный штандарт в Тарутинском сражении в руках казаков Донской бригады полковника Сысоева 3-го.

[2]) д. Гаузет, о которой говорит русская реляция, не обозначена ни на одной современной карте.

гунского полка отмечает смерть в бою командира полка, полковника Бурдона, и пишет:

«2-й эскадрон, который шел на правом фланге, был атакован и принужден к отступлению в рассыпную. В беспорядке, штандартный унтр-офицер был убит и его орел потерян» [3]).

Тут маленькое противоречие. Кутузов, имевший штандарт в руках, прочел на нем «1-й эскадрон». Противоречие это легко было бы разрешить, если бы существовал точный список знамен, хранившихся в Петропавловском Соборе, но такого списка не было. Только в описании Петропавловского Собора Новоселова, вышедшего в 1857 г. есть упоминание о поступлении в Собор этого штандарта, но Новоселов, совершенно игнорировавший дело под Рауснищем, считал, что трофей этот был не штандарт, а знамя, отбитое Багратионом под Шенграбеном.

В бою у Раусница 11-й драгунский полк потерял и другой штандарт, но бросившийся на русских капитан 9-го гусарского полка Матэрэ лично отбил его и вернул драгунам.

Через несколько дней имело место Аустерлицкое сражение, в котором С.-Петербургские драгуны потеряли свой обоз, а с ним и полковой архив. Только по возвращении в Россию был составлен рапорт о Раусницком бое, но его автор, по небрежности, вместо 8 ноября, отнес это дело к 28-му. Императорская Главная Квартира запросила Кутузова, были ли боевые столкновения 28-го, т. е. после Аустерлицкого сражения. Кутузов ответил отрицательно и С.-Петербургский полк остался без награды. Взятый им штандарт видно уже забыли. Правда была восстановлена только в 1808 г., но тогда были уже отбиты два другие орла.

Орел 2-го батальона 18-го пехотного линейного полка, взятый 26 января (7 февраля), в первый день сражения под Прейсиш-Эйлау.

В этот день, арьергард кн. Багратиона, отбиваясь шаг за шагом, отходил на Эйлау, энергично преследуемый французами. Положение становилось критическим и Багратион послал своего адъютанта, известного Дениса Давыдова, к Бенигсену просить содействия конницы. Бенигсен разрешил Давыдову взять два первых, попавшихся ему под руку, кавалерийских полка. Случай пал на Литовских улан и С.-Петербургских драгун, которых Давыдов повел рысью на поле боя. Драгуны немедленно атаковали одну из наседавших на Багратиона пехотных колонн. Наблюдавший атаку, ген. Ермолов, пишет:

«Полковник Дехтерев, с Петербургскими драгунами, атаковал колонну, которая шла по большой дороге. Французы покинули ее, чтобы развернуться в покрытом снегом поле. Поспешность этого перестроения повлекла за собой некоторый беспорядок, которым воспользовались драгуны. Встреченные редким огнем, они увидели свою решительность вознагражденной одним орлом и 500 пленными... Никогда не видал я столь стремительной атаки. Я был поражен видом этого полка, несущегося в образцовом порядке, по покрытым снегом скатам».

Со своей стороны, французский полковник Ланглуа, рассказывает:

«Когда 18-й полк, энергично тесня русскую пехоту, достиг возвышенности, он был внезапно атакован массой конницы, которая проникла в интервалы, не дав батальонам время построить каре. Схватка была отчаянной... когда 13- конно-егеркий и драгунская дивизия Клейна прискакали на выручку 18-му, от него оставалось только несколько десятков бойцов, с оружием в руках защищавших еще честь полка, но несчастие уже свершилось. Генерал Лавассер, все шт. офиюеды и много офицеров и солдат были тяжело ранены, и, что хуже всего, потерян орел».

История СПБ полка приводит следующие подробности:

«А вот несется еще кучка драгун, они врезываются в середину пехоты, очищая себе путь, валят палашами французов и доскакивают до знамени. Рядовой Василий Подворотный сшибает грудью лошади с ног знаменщика, хватается за знамя и между ними происходит борьба, знаменщик вскочил с земли, ухватился обеими руками за знамя и не отдает его. Несколько пуль ранят лошадь Подворотного, но вот подскочил рядовой Дерягин, полоснул знаменщика, тот упал, и знамя осталось в руках у Подворотного. Подскочил и трубач Логинов и стал защищать Подворотного от набежавших на него французов. С другой стороны прискакал прапорщик Апраксин с рядовым Ерофеевым и вахмистром Фоминым и удержали французов. Но тут же исколотый штыками прапорщик Апраксин был свален с коня и не пожелал быть убранным. «Оставьте меня умирать здесь, спасайте знамя», сказал он и скоро умер... Высока была честь заслужить себ славу и взять такой дорогой трофей от храбрых французских войск, но не дешево и полку стоил этот день. Убиты подпоручик Верещагин и прапорщик Апраксин и 18 ниж. чинов, ранены 2 офицера и 16 ниж. чинов».

Орел был взят опять дивизионом майора

---

[3]) В кампанию 1805-1807 г.г. французские кавалерийские полки имели 4 орла, по одному на эскадрон. В 1812 г. число их было ограничено одним на полк.

Гернгросса и вновь в атаке отличился вахмистр Евдокимов. Майор Гернгросс был пожалован орденом св. Георгия 4-й ст., а вахмистр Никита Евдокимов. Степан Фомин, рядовые Василий Подворотный, Савелий Дрягин Ефим Ерофеев и трубач Филипп Логинов награждены были знаком отличия Военного Ордена [4]).

20-й Бюллетень Великой Армии признавал потерю знамени:

«Орел одного из батальонов 18-го полка не был найден после боя, он, вероятно, попал в руки неприятеля. Эту потерю нельзя, однако, поставить этому полку в упрек. В положении, в котором полк находился, это только несчастный случай. Император даст ему другой орел, когда он в свою очередь возьмет у неприятеля знамя».

В архивах Ж. Брюнон, мы нашли несколько оригинальных писем лейтенанта Лакомб, 18-го полка, в которых он живо передает чувства его товарищей после потери знамени:

«Самая тяжелая для нас утрата, это потеря нашего орла. Во время атаки казаков, знаменщик 2-го батальона был изрублен. Прикрытие защищалось с большой храбростью, но, изнемогая под ударами сильнейшего в числе противника, все полегло. Понятие чести, которое мы связываем с этой эмблемой, причиняет нам самое большое горе. Нашей репутации нанесен тяжелый удар...».

На закате дня, взвод Петербургских драгун торжественно провез отбитое знамя перед фронтом русских полков. Сюжет достойный кисти художника.

Орел 1-го батальона 44-го пехотного линейного полка, взятый 27 января (8 февраля) 1807 г. во второй день сражения под Прейсиш-Эйлау.

В полковой истории, маленькая краткая заметка:

«И в этот второй день Эйлаусского сражения Петербургский драгунский полк выказал много доблести и мужества. Ему и в этом сражении удалось вырвать у неприятеля новый трофей его победы. Опять французское знамя развевалось в строю Петербургских драгун. Когда наша конница, нсясь в первую атаку, погнала французскую пехоту, дравшуюся с первой линией нашей пехоты, рядовой Яков Скрипников налетел на французского знаменщика, опрокинул его и вырвал у него орла».

Тут все туманно... никто не удосужился просто прочесть номер, стоявший на подножии орла. Видно, что полковой историк не обладал почти никакими данными об этом эпизоде. Отметим также, что в списке награжденных знаком отличия Военного Ордена значится вовсе не Скрипников, а Яков Сырников.

Но опознать взятый орел и восстановить картину его взятия не так уже трудно. Из рапортов Бенигсена и наших розысков в архивах, известно, что под Прейсиш-Эйлау только два русских кавалерийских полка овладели знаменами, Орденские кирасиры и С.-Петербургские драгуны, а по ходу сражения 27 января, видно, что Орденцы атаковали дивизию Едэло, корпуса маршала Ожеро, а Петербуржцы, дивизию Дежарден, того же корпуса.

Во французских источниках есть много свидетельств, опубликованных в печати, о потере орла 1-го батальона 44-го полка, входившго в состав дивизии ген. Дежарден. Судя по показаниям свидетелей, орел был сбит картечью со знамени, а бросившипйся его подобрать, знаменщик, пал под сабельным ударом «русского драгуна». Вот почему можно утверждать, что третий трофей СПБ полка принадлежал именно 44-му полку.

Известны свидетельства некоторых французов, видевших это знамя в русских руках. Так, взятый в плен сержант 14-го пех. полка Лекуант видел его в ставке Бенигсена, на поле сражения, а капитан 26-го легкого полка Руссель в Кенигсберге.

Взятые под Эйлау знамена были отправлены в С.-Петербург, торжественно провезены по улицам столицы эскадроном Кавалергардов и поставлены в Петропавловский Собор.

12 октября 1812 г., по приказанию гр. Аракчева, в Собор явился подполковник Касторский и взял оттуда все французские орлы. С тех пор след их, потерялся. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Но С.-Петербургские драгуны взяли еще одного, четвертого, орла, в 1812 г.

Орел 14-го кирасирского полка, взятый 16 (28) ноября 1812 г. на Березине, между д.д. Стахов и Брили.

Штандарт этот, стоявший в Казанском Соборе, был помечен: «взят майором бароном Петром Гильденгоф СПБ драгунского полка, на Березине».

16 ноября, прикрывая преправу Наполеона у Борисова, кирасирская дивизия ген. Думерка, вернее ее жалкие остатки, яростно атаковала войска Чичагова, порубила три русских егерских полка и опрокинула одну дивизию, взяв 2.000 пленных. Кирасиры подверглись затем атаке С.-Птрбургских драгун и Павлоградских гусар, были в свою очередь опрокинуты и оставили в руках русской кавалерии два штандарта, один из коих был взят СПБ полком.

Полковой историк, ген. Каменский, пишет:

[4]) Майор Гернгросс, вахмистр Евдокимов и рядовой Дерягин, вскоре после этого приняли смерть храбрых в Фридландском сражении.

«Разбирая старые полковые дела, присланные из г. Слуцка, где они были оставлены полком, нами найден следующий интересный документ:

Командиру С.-Петербургского драгунского полка

Того же полка, майора Гильденгофа, рапорт:

Во исполнение повеления Вашего Высокоблагородия от 22 октября 1814 г. за № 667, данное мне от г.г. обер-офицеров свидетельство, что я действительно, в прошлом 1812 году, при переправе неприятельской главной армии через р. Березину, с двумя эскадронами, оказал подвиг: разбил кирасир, взял штандарт, капитана и несколько кирасир, и при том доношу, что взятый мной штандарт был лично отдан отрядным начальником генерал-адмиралу и кавалеру Чичагову, за что и был представлен с прочими к награждению. При чем, Вашему Высокоблагородию оный оригинал представить честь имею и покорнейше прошу не оставить представлением главному начальству, для доведения сего подвига до особы Его Императорского Величества.

Майор Гильденгоф марта 10 дня 1815 г.».

Первое представление было утеряно, а второе не мог подтвердить граф Мантейфель, ибо был убит в сражении под Лейпцигом. Барон Гильденгоф остался без награды и вообще подвиг его был забыт.... даже в полку.

Отметим, что за взятие орлов в 1812 г. полков не награждали. Единственным исключением был Лейб-гв. Уланский полк, и тому, из двух взятых им под Красным орлов, учли только один. 22 же баварских знамени, найденных Лейб-Уланами в отбитом фургоне, вообще не были приняты во внимание.

С. Андоленко

« Дела давно минувших дней »

Посвящается славной памяти 3-го Восточно - Сибирского стрелкового полка.

БОЙ У ГОРОДА ТАШИЧАО

Около 10-го июля от деревни Да - ча - пу, где стоял 1-ый Его Величества Восточно - Сибирски стрелковый полк, потянулись по дороге мимо нас обозы. Грохотали двуколки, нагруженные чемоданами, ящиками, мешками, гремели орудия и зарядные ящики, покрытые потом и пылью уносы тащили по глубокой пыли пушки, а по бокам шли номера, стрелки, трусили ослики, навьюченные офицерским имуществом. Пройдя правофланговый холм, батарея завернула и стала сзади него. Забегали артиллеристы, забивая колья для коновязей; ставились палатки, задымились небольшие костры — варили неизбежный чай. Прошел и полк, оставив сзади казачьи сотни.

Сейчас же саперы вырыли на верхушке правого холма надежный блиндаж, основательно накрыв его бревнами и землей, а в седловинке артиллеристы соорудили наблюдательный пункт для своего командира. Все последние вечера роты ходили ломать, сильно выросший гаолян, мешавший и наблюдению за подступами к нашим участкам и обстрелу.

По внешнему скату холмов были вырыты неглубокие окопы. Грунт был тяжелый, каменистый, а кроме легкого шанцевого инструмента, у нас ничего не было, выкопали, как смогли. На обратном внутреннем скате, где грунт был мягче, сделали подобие прикрытия от шрапнельного огня.

Сзади нас, в лощинке за речкой, на широких интервалах появились орудийные ровики. Время от времени приезжали в штаб полка казаки из сотен, стоящих впереди и несущих сторожевое охранение, ходили и наши разъезды от конно-охотничьей команды. Я не помню, чтобы полк выставлял от себя сторожевое охранение, хотя бы в виде застав или полевых караулов. Вся впереди лежавшая местность освещалась только казачьими разъездами.

Числа 11-го июля, около 8-9 часов утра, подъехала к нашему участку большая группа начальства. Генералы Штакельберг, Гернгросс, Мрозовский с начальниками штабов, адъютантами, ординарцами, казаки, артиллеристы и конные стрелки. Вся эта большая группа вскарабкалась на лошадях на самый верх. Начальство смотрело во все стороны, глядело в развернутые карты, разговаривало, расмахивало руками и, на чем-то порешив, уехало во-свояси.

С вечера вперед, для ближайшего охранения, был выдвинут батальон. Где-то слева, довольно далеко, была слышна артиллерийская

канонада.

12-го июля до восхода солнца я с поручиком Селивановым был отправлен в окопы на наблюдательный пункт. Вся долина была подернута мглой, туман полосой висел за рекой, протекавшей по долине, и в нем обрисовывались верхушки деревьев по берегу речки и вблизи деревень. А на фоне бледно-розового небосклона синел противоположный гребень гор, тишина нарушалась лишь далеким лаем собак и пением петухов.

Примостившись поудобнее, я начал осматривать в свой сильный бинокль лежащую впереди долину, но, кроме редких казачьих разъездов, ничего видимо не было, только внизу, в версте от нас на опушке большого гаолянового поля маячил стоящий конный казак, неподалеку от него — другой.

Солнце поднялось и сразу осветило всю долину. Мгла стала редеть. Яснело. Туман, поднимаясь, рассеивался. Сразу стало виднее и вот, по меже около глиняных стен фанз, появилась цепочка. В бинокль ясно было видно: впереди — офицер, а за ним — цепочка желтоватых солдат, всего около взвода.

Идут они осторожно, временами пригибаясь и перебегая открытые места, временами — скрываясь за кустами или за стенами фанз. Вдруг все они остановились и легли, а казаки, стоявшие перед нами, сразу, во всю лошадиную мочь, поскакали назад. Донесся раскатистый залп. Японцы обнаружили казаков и раньше, чем те их заметили, дали залп.

На правом холме собралась группа начальства, которое, на этот раз, оставило лошадей внизу (их увели куда-то), а само расположилось в блиндаже, в окопчике и в ходе сообщения.

Командир батареи был уже у себя на наблюдательном пункте, а цепь номеров передатчиков стояла от его ровика до батареи, где около орудий шевелились люди. Вдруг послышался нарастающий свист и несколько шрапнелей, не долетев до нас, разорвались. Стаканы с фыракньем пронеслись над головами, а картечь подняла столбики пыли на склоне холма ниже нас. Потрясая воздух тяжелыми ударами, загремела наша батарея, и этим начался 12-ти часовой бой, непрерывно ревевший или орудийными выстрелами или тяжелыми разрывами.

Снаряды летели на наш участок с трех сторон. Сколько стреляло японских батарей, не знаю, но огоньки выстрелов были видны около деревни Да-ча-пу и влево от деревни и еще левей. Целые рои белых шрапнельных разрывов появлялись перед нами и сзади нас. Они медленно таяли в неподвижном воздухе, но беспрерывно появлялись новые и новые облачка. Временами поднимались столбы земли и дыма от гранат, и осколки с визгом и мяуканьем проносились над головами.

Левее нас и дальше в горы, все время, небо было в белых разрывах шрапнелей и все рождались новые и новые облачка. Наши батареи гремели, не переставая. Временами отдельных выстрелов не было слышно, а все — и гром наших батарей и грохот разрывов — сливалось в один общий рев.

Без перерыва к нам летели, рвались и шрапнели и гранаты, стоял вой и свист от картечи и осколков, иногда к ним присоединялся фыркающий звук полета шрапнельного стакана. Кое-какие гранаты попадали в бруствер окопа и в самый окоп, и тогда по окопу тянуло удушливым дымом. Но как это не странно, а ласточки с писком носились в это время в воздухе и, вероятно, не одну из них убило пролетевшими снарядами. Над окопами 1-го батальона столкнулись на полете наш и японский снаряды и, разорвавшись, послали осколки свои прямо вниз. Ими были ранены сидевшие на дне окопа штабс-капитан Соколов и рядом с ним несколько стрелков.

Около блиндажа какая-то суета... кого-то понесли: оказалось ранило генерала Мрозовского, сидевшего на краю окопа и наблюдавшего бой.

Внизу, у подошвы холмов, из-за гаоляна, вышла сотня казаков, они покрутились и повернули назад.

Солнце поднялось и стало сильно припекать; от каменистых стенок окопа было еще жарче, хотелось и есть и пить. В это время к окопу пришел стрелок: принес приказание командира батальона — отойти к роте. Добрались до роты, куда уже подвезли кухню и, несмотря на то, что шрапнели рвались и здесь, стрелки с котелками сбегали вниз, набирали варку и ведра с мясными порциями. Денщики принесли из собрания обед в судках, а около окопа, невзирая на разрывы, уже дымились костры и варился неизменный чай.

Пообедав, я лег прямо на скате, прикрывшись от солнца цыновкой, которую принес мне денщик Кирсанов; чтобы не держать ее руками, я воткнул в землю шашку, получилось подобие палатки. Недалеко лежал, тоже томясь, стрелок моей же 7-ой роты. «Полезай сюда, под цыновку, а то еще солнце голову напечет». «Покорнейше благодарю, Ваше Благородие», ответил он и пополз ко мне в тень.

Во время было это: подлетевшая шрапнель засыпала снопом своих пуль именно то место, где только что лежал солдат. «Спаси, Господи, и сохрани! Без Вас, Ваше Благородие, меня убило бы». При этом разрыве шашка, которую я держал, дрогнула. Посмотрев на нее, я увидел, что серебряный наконечник ее сильно смят шрапнельной пулькой.

Лежим мы оба и смотрим, как бьет наша батарея. Вот разрывы японских шрапнелей и гранат все ближе и ближе к орудиям. Вот и накрыли — и облачка шрапнелей и столбы дыма и земли от гранатных разрывов на самой батарее, между орудиями и зарядными ящиками. С батареи потащили кого-то на носилках, кто-то сам заковылял, а батарея ответила беглым огнем, часто засверкали молнии выстрелов. Японцы огонь перенесли вправо, потом еще правее, батарея замолчала, а японцы начали усиленно долбить пустое место. Галопом идут к батарее зарядные ящики, стараясь поскорей проскочить обстреливаемую площадь. Столб дыма, и средний унос валится. Номера соскакивают, рубят шашками постромки и ящик на двух уносах рысью уходит дальше. Видно, как по деревенской улице, тоже обстреливаемой, скачет казак, сворачивает на мост и, спросивши о чем-то у стоявших у моста стрелков, едет к нашему холму. Подъехав к подошве холма, кричит, что привез пакет из штаба дивизии. В это время и его и его коня закрывает облако разрыва шрапнели. Какое невероятное счастье — оба целы.

Внизу у речонки, на хуторке, в тени деревьев, где мы расположились раньше, перевязочный пункт. У нас, во 2-ом батальоне, ни убитых, ни раненых нет. Распоряжением командира батальона полковника Константина Константиновича Федорова, 10-11 числа был вырыт в тыловом склоне холма тыловой заслон, за котордым укрылись роты 2-го батальона; за все время обстрела они спокойно сидели, варили и пили чай, обедали, спали, а в 1-м, где никаких укрытий кроме окопов, обстреливаемых попаданиями гранат и шрапнелей, были и убитые и раненые. Вот здесь-то, в нашем заслоне их и перевязывали и отправляли дальше, в Ташичао.

Наступили сумерки. Артиллерийский грохот начал стихать. 5-ой и 6-ой ротам приказано занять окоп, вырытый у наружной подошвы холма. 7-ой и 8-ой — окопы по гребли, так как можно было ожидать подхода японских цепей.

Стемнело. Роты приказано отвести назад, к деревне, и выдать ужин. Сошел и я к своей палатке. Деньщик с осликом был уже там и поспешил похвастаться: «Поглядите, Ваше Благородие, что я нашел по дороге». Гляжу и вижу, лежит неразорвавшийся 4-х дюймовый снаряд, повидимому выпущенный из дальнобойного орудия. «Ну и дурак же ты, Кирсанов, да разве можно брать в руки такую дрянь? вед он может каждую минуту взорваться. Убило бы тебя задаром. Дай его мне». И взяв тяжелую бронебойную гранату, я бросил ее в речонку, где тинистое дно не могло дать толчка для взрыва. Так эта граната лежит и по сей час на дне речушки.

Умылся и поужинал. Недалеко от нас вырыта братская могила и в нее, после отпевания, положили тела убитых стрелков. Около часа ночи приказано было, соблюдая тишину, вытянуть колонну и идти на Ташичао. Пешая и конно-охотничья разведка донесли, что японцы дошли до наших холмов. Тихо, без шума и разговоров, потянулся полк по затихшей дороге. Мы отходили последними: все, что было здесь, ушло раньше. Только пешие дозоры и небольшие разъеды прикрывали наш отряд.

Потерь в полку было мало: два офицера ранены осколками, 3-4 стрелка убиты и 7 ранены.

Темно, тихо. Только слышится тяжелый шаг, да лязгнет временами штык о штык. Иногда слышен топот идущей рысью лошади и промелькнет фигура конно-охотника. «Ну, что, брат, где японцы?» «Так что влезли на холмы, где наши окопы, что-то галдят, а что — не разберешь», и опять тишина и легкий шум идущего батальона. Батарея и 1-ый и 3-ий батальоны ушли на час раньше нас, оставив 2-ой батальон в виде арьергарда.

А. Редькин

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящая цена на подписку и розничную продажу журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» была установлена 1 января 1959 года, когда журнал выходил еще на 24-х страницах. Прошло пять лет. «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» удвоилась в размере, то-есть выходит на 48-ми стр., только за последние три года, типографская цена поднялась на 22 , возросла и цена почтовой экспедици и мы не в силах продавать журнал по той-же цене. С великим огорчением, мы сообщаем что цена на подписку и розничную продажу на наш журнал повышается в следующих размерах:

подписка на ШЕСТЬ номеров — 20 фр. фр., 30 шил., 5 амер. дол.
розничная продажа — 3 фр. фр., 6 шил., 90 амер. центов
Розничная цена вступает в силу с настоящего № 68.

Подписная цена начинается с новой подписки — №№ 64-69 журнала но, в виду того что последнее повышение цены 1 января 1964 года захватило нас врасплох, мы обращаемся, к тем из наших подписчиков, которые найдут возможным пойти нам навстречу, с просьбой внести разницу подписки за текущий цикл №№ 64 - 69 включ. Это составит для каждого подписчика: 5 фр. фр., 5 шил. и 50 амер. центов. Для каждого в отдельности это не представит большого затруднения а для Издацельства явится большой поддержкой.

АЛЕКСЕЙ ГЕРИНГ

Вышнеловка

Из воспоминаний.

(Посвящаю своему однополчанину и соратнику Г. Г. Рауху).

Весной 1915 года Кавалергардский полк действовал в районе восточнее линии Мариамполь - Людвинов. Здесь не было тогда постоянного фронта, а то, что заменяло тут фронт, было чрезвычайно подвижно и эластично.

Так, например, в меру необходимости продвигались части нашей дивизии к западу, в направлении правого берега реки Шешупы, чтобы потом, под давлением неприятельской пехоты, постепенно отхлынуть к востоку, куда-нибудь в район озера Амальва или же в Дукшт, к югу от этого озера. После же отхода следовавшей за ними неприятельской пехоты, отогнанной метким огнем нашей конной артиллерии, части дивизии опять продвигались в западном направлении, чтобы, остановившись на линии каких-то там хуторов, которыми было усеяно все пространство к востоку от Мариамполя и Людвинова, выставить сторожевое охранение и ряд застав. И так происходило тут постоянно в то время.

Ранним утром 10-го марта я был выслан со своим взводом, в качестве сторожевой заставы, на хутор, который на карте носил название «Вышнеловка». Со мной был только что прибывший в полк, выпущенный из Пажеского Корпуса молоденький корнет Раух, которого я должен был посвятить в арканы тогдашней нашей кавалерийской работы.

Хутор этот расположен был на небольшом холме, с которого открывался вид на несколько верст в глубину в сторону противника. Таким образом, не было даже необходимости днем выставлять вперед какие-либо сторожевые посты. Местность, в сторону, где находились немцы, была гладка, как стол, и совершенно открыта, так что выставленный с биноклем наблюдатель видел все, как на ладони.

Хутор был оставлен жителями, которые, вероятно, решили, что безопасней будет своевременно укрыться от постоянно блуждающих тут то русских, то немецких разъездов, которые, наверняка, в один прекрасный день, сцепятся между собой. Тогда один Бог знает, что может из этого выйти! Поэтому, забрав свой скот и погрузив на повозки все, что только было возможно из своего имущества и сельско-хозяйственных припасов, перекочевали они куда-то в тыл, вероятно к каким-нибудь дальним родственникам или же кумовьям.

Таким образом, оказались мы на этом, как бы вымершем, хуторе и начали устраиваться в нем по-домашнему. Оглядевшись, пришли мы к заключению, что для возложенной на нас задачи хутор этот чрезвычайно удобен: лучшего места для сторожевой заставы трудно было себе вообразить.

Наших коней мы разместили укрыто, вдоль восточного склона холма. Здесь они были в полной безопасности от глаз возможного неприятельского разъезда. Люди же наши разместились на отдых в постройках хутора.

В предвидении возможности появления каких-нибудь кавалерийских разъездов противника, которые, как уже упомянуто было выше, часто шныряли в этих местах, выбрал я и приказал подготовить стрелковую позицию, которую мой взвод должен был занять в случае тревоги.

Между тем мои кавалергарды отпустили подпруги и задали корм своим коням, после чего, как обыкновенно в подобной обстановке, занялись приготовлением себе чаю или же варкой чего-нибудь, — любимое их времяпрепровождение. Мы с Раухом также устроились где-то и мирно беседовали.

Сколько времени прошло таким образом сегодня не могу уже сказать. Но было, вероятно, часов около 10, когда эту нашу общую идиллию прервал подчасок, доложивший, что вдали видна двигающаяся цепь противника.

Действительно, в бинокль видна была медленно и осторожно подвигавшаяся с запада в нашем направлении цепь германской пехоты. Легко можно было определить по снаряжению и форме обмундирования, что это не спешенная кавалерия, а именно пехота. Повидимому, какая-нибудь разведывательная партия. Находилась она еще в каких-нибудь $2^1/_2$-3 верстах от нас.

Я приказал взводу скрыто, по-одиночке, занять позицию и запретил стрелять, пока не дам свистка.

План мой состоял в том, чтобы подпустить эту германскую цепь как можно ближе и толь-

когда открыть по ней огонь, что я и объяснил своим людям.

Наше положение было чрезвычайно выгодное, так как цепь кавалергардов лежала высоко на холме, скрытая от взоров противника деревянной стоячей оградой, в то время как германская пехота шла совершенно открытым полем, где не было никакой возможности укрыться. «А если даже немцы преждевременно нас увидят, то своим огнем мы им не дадим окопаться!» подумал я. Мы с Раухом внимательно следили за приближением немецкой цепи, которая, повидимому, даже не подозревала, что этот хутор перед ней может быть занят русскими. Поэтому она шла без всяких мер предосторожности.

Когда немцы уже значительно приблизились к нам, я еще раз напомнил своим кавалергардам, что наш успех зависит от того, чтобы немцы не обнаружили нас преждевременно. А поэтому, они должны спокойно лежать без движения, наметить себе цель и ждать моего свистка. Видно было, что и моих людей охватило желание забрать немцев живьем в плен, а поэтому они лежали действительно, как мертвецы. Когда, наконец, германская цепь была уже так близко, что можно было различить лица отдельных солдат, я дал долгожданный свисток.

Наш огонь длился, вероятно, всего лишь несколько секунд, так как он до такой степени озадачил немцев, что они и не пытались отвечать нам. Как бы по команде побросали они свои винтовки и подняли руки вверх. Тогда мы немедленно же прекратили огонь, и часть цепи, высланная мною для захвата пленных, привела их всех к нам на хутор. Убитых не было, но, к сожалению, все были переранены, так что прежде всего мы занялись их перевязыванием. Пока посланные мною люди привели из ближних хуторов крестьянские подводы, из опроса легко раненых узнал я, что, действительно, это была разведывательная партия 70-го германского кадрового пехотного полка из состава эльзасского XXI-го армейского корпуса, под начальством обер-фельдфебеля В а с м у с а.

Всех раненых погрузили мы на повозки, прикрыв их от холода всем, что только удалось найти теплого на хуторе. После этого всю эту вереницу подвод я отправил, под конвоем, в штаб полка. Здесь, прежде чем отослать их дальше в штаб дивизии, наш полковой врач заново перевязал их всех.

Таково было боевое крещение и так началась служба на фронте новоиспеченного корнета Г. Г. Рауха, сына нашего бывшего коренного Кавалергарда, в то время начальника 2-й Гвардейской Кавалерийской дивизии генерального штаба генерал-лейтенанта Рауха.

Что касается выше рассказанного эпизода, то мои Кавалергарды 3-го эскадрона впоследствии, играя сходством слов, переделали «Вышнеловку» в «Мышеловку», в которую, будто бы, вместо мышей, попали им в руки немцы.

В 1918 году, в Киеве, пришлось мне познакомиться с поручиком (фамилии его больше не помню) все того же германского 70-го пехотного полка. Когда я его спросил, не знал ли он обер-фельдфебеля Васмуса, он с выражением громаднейшего удивления в широко открывшихся глазах, несколько долгих секунд молча и как бы с недоверием пристально смотрел на меня. Наконец, придя в себя от удивления, спросил меня: «Неужели же вам известна его судьба? — Знаете ли вы, что это какая-то загадочная, таинственная история. В 1916 году, где-то под Мариамполем, в Литве, из моей роты была выслана под начальством Васмуса партия разведчиков в сторону, насколько припоминаю, озера Амальва. С тех пор ни о нем, ни о ком-либо из его людей мы никогда больше ничего не слышали. Я уже не раз задумывался над этой загадкой, так как Васмус был старый, опытный и осторожный сверхсрочный унтер-офицер, который перед тем уже не одну штучку проделал. А тогда с русской стороны была ведь всего только кавалерия! Расскажите же мне, наконец, что знаете вы о его судьбе и о судьбе его людей!»

В. Кочубей

В Шилкинской речной флотилии боевых судов

Кажется, в июне 1920 года Штаб Дальневосточной Армии Атамана Семенова разработал план крупных операций против забайкальского красного партизана Якимова в районе Нерчинского завода. Сильные пехотные и кавалерийские части Дальневосточной Армии удачно били красных, но несли большие потери ранеными и терпели нужду в боеприпасах. Для облегчения их положения была сформирована в г. Сретенске «Шилкинская речная флотилия боевых судов» в составе вооруженных колесных речных пароходов «Стефан Левицкий» и «Александр Бубнов». Этим «кораблям» поставлена была задача пробиться вниз по Шилке, берега которой были заняты красными, до Усть-Кары и провести за собой санитарное судно и транспорт с боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Флагманом этой «эскадры» был «Стефан Левицкий» вооруженный двумя клиновыми пушками образца 1877 года, стрелявшими дымным порохом. При стрельбе из этих пушек соблюдались все положенные детали: промывание канала ствола орудия мокрым банником после каждого выстрела, вкладывание сначала снаряда с подталкиванием его вперед особой палкой, а потом — заряда пороха в мешке, задвигание клинового затвора, «протравливание» этого заряда особой иглой-протравником через отверстие в казенной части орудия и вставление вытяжной трубки, наполненной гремучей ртутью с терочным в ней приспособлением. Скорость стрельбы, конечно, не могла быть многообещающей.

Пушки были установлены по одной, на носу и на корме палубы, на особых деревянных платформах, вращавшихся целиком вместе с орудием и номерами при нем на толстом железном шворне. Таким образом, — «наводить» орудие нужно было всей орудийной платформой. Для смягчения отката при выстреле сошник орудия упирался в деревянный брус, сзади которого установлены были 4-5 вагонных буферных пружин, принимавших на себя силу отката. Устройство примитивное, но, как увидим дальше, вполне достаточное для выполнения поставленной «кораблям» задачи.

Кроме этих орудий, на «флагмане» были три-четыре тяжелых пулемета. По бортам положены были мешки с песком и поставлены тяжелые железные листы (которые, как показал опыт, легко пробивались ружейной пулей и потому оказались не только бесполезными, но даже вредными, так как перегружали пароход).

«Александр Бубнов» был вооружен одной пушкой образца 1900 года и двумя тяжелыми пулеметами. Он был меньшего размера, более подвижной и лучше вооружен, так как его трехдюймовка была гораздо действительнее, чем наши «старушки» времен 3-ей Турецкой войны, потревоженные Октябрьской революцией в России и вытащенные из Читинского музея снова «на службу Родине».

Пароходы обслуживались своей обычной вольно-наемной командой, ходившей с ними по Шилке в Амур к Хабаровску и Благовещенску. Сохранились на «Стефане Левицком» даже две молодые и довольно смазливые «стюардши». внесшие немало веселых минут в нашу монотонную жизнь на этом пароходе.

Наша батарея была назначена обслуживать артиллерию обоих этих пароходов. Поехали в эту командировку пять офицеров и достаточное число казаков. Поехал и я, хотя имел месячный отпуск «после ранения», данный мне медицинской комиссией при выписке из госпиталя. Рана моя еще не совсем зажила к этому времени и требовала, хотя и не частых, но регулярных перевязок.

Несколько дней прошло в окончательном оборудовании орудийных платформ и в ознакомлении с работой при этих музейных редкостях. Я и Шурка Васильев, еще по Военному Училищу, были знакомы с этими пушками, но только с их материальной частью, в «боевой же работе» мы их никогда не видели.

Утром жаркого летнего дня снялись с якорей и причалов и выступили в поход. Впереди наш «флагман», за ним — транспорт и санитарное судно и в хвосте колонны «Александр Бубнов». На «флагмане« Н. М. Красноперов, А. В. Белкин, Шурка Васильев и я, на «Бубнове» — командир батареи Яковлев и сотник Вологодский.

Двигались вниз по течению реки довольно быстро, перед каждым населенным пунктом останавливали машины и просто плыли по течению, «на ходу» обстреливая красных, если они в этих селениях были. Первая стрельба была почти сразу же у Лоншаково, потом у Уктычи. Стрельба была очень «упрощенной»: прицел стоял на полверсты и орудия стреляли, стараясь бить по окраинам населенного пункта, чтобы принести меньше вреда мирному населению, но «навести панику» на партизан. Это удавалось отлично.

Только под Батами пришлось задержаться и стрелять довольно долго, крейсируя взад и вперед, а потом высадить десант, который и

отогнал красных в сопки. К вечеру подошли к Ломовской станице. Стрелять пришлось много, так как красные упорно сопротивлялись. Высаженный десант выбил их из станицы, и мы встали на якорь. Посланы были разъезды для установления связи с нашими частями, которые должны были находиться где-то недалеко. Связь установлена. Санитарное судно и транспорт прошли дальше к самой Усть-Каре, «Александр Бубнов» прошел и стал на якорь еще дальше, впереди них, а мы остались под Ломами до утра.

На утро и мы пошли к Усть-Каре и бросили якорь недалеко от пристани, ожидая возможности подойти под снабжение дровами. Был жаркий, безветренный день. У пристани шла погрузка раненых и разгрузка боеприпасов и прочего снабжения, там кипела работа. Мы не принимали в ней участия и просто «отдыхали». Большинство разбрелось по каютам, но многие остались на палубе и, развалившись на разостланной шинели где-нибудь в тени, сладко спали сном младенцев. Я лежал в своей каюте и полудремал. Неожиданно с ближайшей сопки раздалась пулеметная и ружейная стрельба. Пули шумели по палубе, как рассыпанный горох, прошивали железные листы укрытий и борта парохода. Началась паника.

Красные партизаны стреляли сверху вниз и укрыться от их выстрелов не было возможности. Нужно было отвести пароход на дистанцию, которая позволила бы и нам обстреливать их если не из пушек, то хотя бы из пулеметов. Машина заработала, но нужно было пустить в ход якорную лебедку на палубе парохода, чтобы выбрать якорь из воды. Палубная команда матросов не появлялась, боясь получить красный гостинец. Создалось весьма неприятное положение, в котором наш «флагман» изображал из себя неподвижную и совершенно безопасную для красных цель.

Укрывшиеся от наблюдения (и, значит, от огня партизан) за палубными надстройками парохода, Н. М. Красноперов, А. В. Белкин и Шурка Васильев после короткого совещания с криком «Хоп-ля» выскочили из своего укрытия и бросились к лебедке. Пустить ее в ход для них не представляло особого труда, так как эту процедуру они уже не раз наблюдали в исполнении палубной команды. Заработала якорная лебедка, застучала цепь и пароход стал медленно отходить от берега.

Потом долго смеялись над этим происшествием и «героями дня», показавшими «цирковой номер».

Этим траги-комическим происшествием закончился наш поход на Усть-Кару. На следующий день флотилия, удачно выполнив свою задачу, возвратилась в Сретенск и была расформирована. Оставлен был для патрульной службы от Сретенска до Усть-Кары один лишь «Стефан Левицкий», обслуживать артиллерию которого назначили меня с командой казаков от нашей батареи, а все остальные вернулись в Нерчинск к месту нашей постоянной стоянки.

Для меня настали тяжелые дни бесцельного сидения на разогретом до банной температуры пароходе. Мой компаньон по каюте, какой-то пехотный поручик, обслуживавший пулеметы, почти сразу же заболел и не выходил из каюты. Наши патрульные операции проходили спокойно, так как партизаны ушли.

В одну из таких поездок меня вызвал к себе командир парохода и предупредил, что нужно подготовить к сдаче снаряды, так как это был наш последний «патруль». Меня эта новость чрезвычайно обрадовала, но радость была скороспелой. Дело в том, что во время нашего «главного похода» на Усть-Кару, в особенности во время боев под Батами и Ломами, желая ускорить стрельбу, мы «приготовили к бою слишком много снарядов. Это приготовление заключалось в том, что из головки снаряда вынималась особая металлическая чека, которая в обычное время удерживала цилиндр ударного приспособления, не давая ему возможности при толчке войти в соприкосновение с зарядом гремучей ртути, вызывавшей взрыв снаряда. Цилиндрик этого ударного приспособления, после выема чеки, удерживался на «безопасной дистанции» от капсюля только лишь тремя слабыми латунными лапками в особом кольце. При сильном ударе цилиндрик, по инерции, продолжал движение вперед, сжимая свои лапки, проходил сквозь кольцо и, прокалывая капсюль, вызывал взрыв.

Заготовленные нами для боя, но неиспользованные снаряды, стояли в особых открытых ящиках-лотках. Когда я взял один из них для осмотра, прежде чем положить его в общий ящик для сдачи, то обратил внимание на то, что цилиндрик ударного механизма, повидимому от тряски парохода во время работы его машины, уже осел и только одному Богу было известно, на каком расстоянии от капсюля было в этот момент его жало.

Взрыва можно было ожидать в любой момент. Немедленно доложил о замеченном командиру корабля. На его вопрос: «Что же с ними делать?» предложил сбросить их в воду. Ответ командира: «снаряды, ударившись о дне реки, могут взорваться и повредят пароход, — возьмите их в лодку и сбросьте с лодки, отъехав от парохода». Резонно отвечаю ему, что если подводный взрыв снаряда может повредить борт парохода, то такой взрыв, конечно, не только повредит, но просто перевернет нашу лодку и что тогда будем делать мы в быстрой и глубокой Шилке, не умея плавать?

Задумался моряк, но ответа не нашел и про-

сто... предложил мне «устранить как-нибудь опасность» взрыва этих снарядов на пароходе.

Посоветовавшись со своим взводным урядником, решил вместе с ним начать «обезвреживание» снарядов «домашним способом». Держа снаряд головкой вниз, через отверстие для чеки, тонкой проволокой мы осторожно отталкивали цилиндрик назад, пока не появлялось на нем отверстие, через которое должна проходить чека. Чека вставлялась на свое место и снаряд был «обезврежен». Командир парохода и чины команды издали наблюдали нашу работу и вздохнули облегченно, когда я доложил, что все в порядке и готово к сдаче.

Ночью в тот же день, вернувшись в Сретенск, мы получили предписание отбыть в свою батарею в Нерчинск.

Е. М. Красноусов

Плен и побег

Это произошло 9 августа 1920 года по старому стилю, когда 3-я батарея 13-й артиллерийской бригады, простоявшая целое лето над Днепром, в деревне Рубановка, получила приказ отступать.

Начинался рассвет, когда наши кони, утомленные длинным ночным переходом, решительно остановились... Только две наши подводы стояли на широкой степной дороге. Больше никого. Батарея, повидимому, ушла далеко вперед... Темно-лиловые и сиреневые тени бежали прочь от восточной стороны неба, давая все больше и больше простора бледно-желтому зареву восхода... Как во сне прошла эта ночь. В глубокую полночь было приказано батарее немедленно выступать из деревни. Красные, в большом количестве, прорвались через Днепр, можно было предполагать — у Каховки, где уже в течение многих дней шла без перерыва упорная битва. Грохот едущих на рысях орудий, скачущие конные, все в густых облаках пыли, от чего и без того черная южная ночь делалась еще более непроницаемой. Огромное село совершенно притихло в ожидании, казалось, чего-то важного, значительного...

«Вы поедете с нестроевыми», сказал поручик X., наш «фельдфебель», вбежавший на мгновение в мою хату. Моя болезнь, дизентерия, давала себя знать: внезапный озноб и жар, прерывчатый, беспокойный сон, не дававший отдыха спутали все события, реальное переплеталось с болезненными грезами. Господствовало ощущение полной безучастности к всему окружающему. Не помню, как вскарабкался я на воз. Уже далеко за деревней я очнулся и взглянул на лица спавших на телеге солдат. Бледный свет восхода придавал им оттенок мертвенной бледности и бесконечной усталости. Снова мгновения забытья, снова я очнулся...

Возница попрежнему возился у коней. Мы продолжали стоять на том же самом месте. При свете разгорающегося утра было видно в версте бесконечное, раскинувшееся на горизонте, какое-то селение. Вдруг внезапный толчок сердца. Раньше. чем сознание отдало отчет в происходящем, все мое существо пронизала безотчетная тревога...

С правой стороны далекого села скакали, еще крошечные, конные фигурки, которые увеличивались с каждым мгновением. Их было много. Быть может, несколько сотен... Ни один звук не долетал оттуда. Это могли быть наши всадники, догоняющие ушедшие вперед части, промелькнула мысль. Это было правдоподобно, но инстинкт говорил что-то другое: чуял опасность. Появилось желание спрыгнуть с телеги, взять карабин и спрятаться в густых зарослях подсолнечников... Но страх быть смешным удерживал меня на месте... Проснувшиеся солдаты... Их всего пять: фуражир, телефонисты и кузнец. В их широко раскрытых глазах я читаю страх. Они тоже вглядываются в приближающиеся конные фигурки...

«Господин поручик, это — красные!», говорит мой сосед и его правая рука тянется к ярко-алому погону с нашивками фейерверкера...

Развернувшись в лаву, к нам скачет несколько десятков всадников; с каждым мгновением они ростут, уже видно, как поблескивают у них в руках обнаженные шашки... Ощущение тошнотворной слабости разливается по всему телу... «Но, может быть, все же это наши?» Нет, теперь отчетливо видно развевающиеся по ветру шинели старого русского образца, сомнения нет: это — красные! Как ни странно, чувство расслабления прошло и сменилось каким-то, еще неиспытанным в жизни спокойствием, похожим на окаменелость. Соскочил с подводы и стою рядом.

Миг, и вокруг нас всадники, круто осаживающие разгоряченных коней... Один из них подскакивает ко мне и как бы в раздумьи спускает занесенную шашку... «Давай деньги», хрипло кричит он. Даю ему, говоря, «да приго-

дятся ли тебе, ведь это — врангелевские». «Давай», и слегка подносит шашку... Даю ему несколько или, вернее, все, пятисотки. Он берет, не считая, круто поворачивает к подводе (там были все вещи офицеров и солдат нашей батареи), около которой столпились кавалеристы. С шумом и криком они делят богатую добычу, вид которой заставляет их забыть все окружающее... Первые мгновения опасности миновали, наступила реакция, дрожь бежит по всему телу; начинаю быстро ходить около подводы, чтобы привести в порядок мысли, которые сумбурно пляшут в голове...

«Скажите, следует ли за вами кто-нибудь?» обращается ко мне молодой, 25-летний кавалерист. Его красивое лицо, интонация голоса, выдают интеллигентного человека. На голове фуражка с желтым околышком и вместо красной звезды, подобно другим всадникам, украшена серебряным значком с конской головой, окруженной подковой, тоже серебряной. Это одно делает его симпатичным. Завязывается разговор. Говорю ему, что батарея вышла из деревни первая, спрашиваю, где она? «Далеко впереди... Ваш фельдфебель (поручик-артиллерист), к несчастью, вздумал сопротивляться... Его зарубили...» «А как называется ваша часть?» — спрашиваю. «Первый Варшавский гусарский полк», получаю ответ от всадника, к которому обращаются: «Товарищ командир»...

«Вы получите конвойных и отправитесь в тыл...».

Мчимся в пустой уже телеге мимо какого-то селения. Рядом с нами, на рысях, конвойные. Завязывается разговор с победителями. Мои солдаты в одном белье, по странной случайности я сохраняю свою одежду. Это привлекает внимание одного из кавалеристов, мальчугана, судя по говору — казака. Одет он, действительно, из рук вон плохо: старая защитного цвета рубашка и штатские полосатые брюки... «Раздевайся, товарищ-офицер, а то мне ничего не досталось... Все равно, будешь служить, все от советов достанешь...» Делать нечего, а кроме того — приличный выход из плохого положения: сохраняю погоны, — ни за что не хотел их сам сорвать... Отдаю все обмундирование и прекрасные офицерские рейтузы. Взамен получаю какой-то поношенный английский мундир, вытянутый из мешка моего конвойного. Остаюсь в белье. Солнце Таврии греет хорошо...

На одном повороте остановились, ожидаем огромную колонну подвод. Весь наш батарейный обоз попал в плен. Слава Богу, ни одного орудия. У солдат и офицеров сконфуженный вид. Друг другу неловко улыбаются. Обмениваются короткими фразами. Двух обозников не досчитывается: пытались удрать. Их догнали конные и зарубили. Батарея ушла еще ночью куда-то влево от дороги...

Мчимся на рысях дальше. Завязывается благодушная беседа с конвойными, отношения становятся превосходными, лучшего желать нельзя. Закрадывается мысль: впрямь ли это правда, что большевики уже не те, что были раньше, о чем у нас давно ходили разговоры... Взявший нас в плен «Первый Варшавский гусарский полк» считает в своих рядах много поляков, белоруссов, но немало и казаков. Все всадники сидят на прекрасных кровных конях. Курьезно: победители и пленные говорят на одном и том же языке... Повидимому, добычи много, так как наиболее раздетым из нас, в том числе и мне, дают старое и поношенное обмундирование... Всех нас страстно интересует один вопрос: «Что с нами будет?»

«Не бойтесь, товарищи», покровительственно говорят наши конвойные, «никаких расстрелов теперь нет, ныне порядок... Можете быть спокойны». Кто-то говорит, что это Брусилов отдал приказ щадить, в течение 15 дней, взятых в плен белых...

Подъезжаем к селу. Из-за села непрестанно бухает батарея полевой артиллерии. Как нам говорят конвойные, белые далеко отброшены от Днепра прорвавшейся у Каховки в огромном количестве красной кавалерией. Крым будет взят не сегодня-завтра. Больно сжимается сердце при мысли о таком трагическом обороте дела.

При въезде в село встречаем пехоту. До невозможности оборванные люди. Некоторые в красных рубашках и с обязательными ручными гранатами у пояса. Крики «господа» и кошмарная ругань. Ругаются также с кавалеристами, захватившими лучшую часть добычи и, что главное, не позволяющими пехотинцам грабить пленных...

Эти крики, ругань, выражения ненависти сильно действуют на пленников, понижая их настроение. Но самое тяжелое — это встреча с обгоняющими нас транспортами раненых, по огромному количеству которых можно было судить что успех красных дается им весьма и весьма трудно. Казалось, что если бы эти оборванные люди, с коричневыми пятнами засохшей крови на белых перевязках, имели хоть немного сил, они бы нас разорвали руками... «Чего смотреть... Перерезать их надо... За что нас бьют...», кричали раненые, силясь привстать с подвод... Должен сказать, что было жутко и приятно видеть и слышать вой бессильного врага...

Смеркалось, когда нас построили около штаба 51-ой сибирской стрелковой дивизии, чтобы вести далее. Здесь отделили офицеров от солдат. Нас, офицеров, набралось около 40-50 человек. Два или три нашей батареи, около десятка моих знакомых по 3-ей конной дивизии

и других незнакомых. Узнаю сотника, который перешел в магометанство, чтобы иметь больше веса в глазах чеченцев своей сотни. Это был красивый молодой человек из кадровых офицеров кавалерии.

Что-то было тоскливое в этом вечере: солнце садилось среди бурых туч. Дул сильный ветер, неся удушающий запах разлагающихся конских тел, что массами, со вздутыми животами, подняв к небу сведенные судорогой окоченелые ноги, валялись вокруг в степи... Повидимому, здесь была горячая схватка...

Жуткий вид имел дом, где помещался штаб советской дивизии: выбитые окна, измятая и загаженная экскрементами трава сада, безжалостно изломанные фруктовые деревья — все носило печать непередаваемо варварского отношения ко всему там, где только прошли советские войска, одаренные, как потом мне пришлось убедиться, удивительной способностью загадить, именно — загадить все, что попадалось по пути — сады, железнодорожные линии, вокзалы, переулки...

Нас повели новые конвойные. Вступили в разговор. Постепенно начали корить, приписывая нам все ужасы гражданской войны и, в конце концов, стали злобно ругать. Пришлось искренно пожалеть взявших нас в плен кавалеристов.

Наши солдаты, повидимому, начинают осваиваться с новым для них положением; слышны смех, шутки и, по временам, пение. Меня приятно поражает деликатное отношение солдат моей батареи к своим офицерам. Если нет посторонних, то они попрежнему величают нас по чинам с прибавлением «господин». Думаю, что это результат корректных взаимоотношений между старшими и младшими чинами, царивших на службе.

Ночевали в Каховке, на небольшом дворике, окруженном кирпичными постройками. Офицеры и солдаты повалились все в кучу на землю, усеянную лошадиным пометом. Не спалось, несмотря на усталость. Слишком резкая перемена произошла для меня в окружающей обстановке, такой отличной от той, в которой я жил... и еще так недавно... Я ввергнут в «новый мир»... с восходом солнца, нет еще суток... Но неужели я так постарел душой, что цепляюсь за старые формы бытия?... Может быть, действительно в России идет созидательная работа, которой мы, белые, в слепом упрямстве только мешаем, и что нет уже разнузданной черни Пугачевщины первых времен революции?

Наполовину серьезно, наполовину шутя, говорили в армии во время ожидания посадки на корабли в Новороссийске, что мы поменялись с красными ролями и что они дерутся за «ЕдинуюйНеделимую», а мы, признающие всякие государственные новообразования, только вредим новым «Иванам-Калитам»... Все это слышанное подкреплялось воззванием Брусилова, обращенным к нам, в котором он увещевал забыть внутренние раздоры перед лицом внешнего врага, — в те времена Советы вели войну с Польшей... И все-же, несмотря на все эти аргументы, было что-то в этом «новом мире» органически неприемлемое, что-то с чем, я чувствовал, не было сил примириться. Отталкивающе действовало смешение ультра новых слов и девизов с чудовищной, варварской грубостью в нравах красных...

Был полдень, когда нас провели понтонным мостом через Днепр. Здесь встреча с батареей 150 мм. французских орудий типа 1878 г., которыми был вооружен 8-ой дивизион тяжелой артиллерии «Е», где я начал службу в артиллерии*) осенью 1917 года, бросивши навсегда опостылевшую мне пехоту... Эти орудия, идущие к югу, воскресили в моей памяти трагический конец милых моих товарищей, офицеров 8-го дивизиона... Мы стали в декабре 17 года под Киевом. Я попросился в отпуск в Киев. Солдаты давно разбежались по домам, кони были розданы крестьянам, которые их спасли от голодной смерти. Оставались только офицеры. Когда, два или три дня спустя, я возвращался пешком из отпуска, меня встретил по дороге, в поле, крестьянин, бывший солдат: «Возвращайтесь домой, откуда пришли, Ваше Благородие, никого нет в живых: ночью пришла банда дезертиров и перестреляла всех офицеров батареи».

Мы остановились у белого одноэтажного дома, где помещался штаб группы в городе Б. На пыльных улицах почти совершенно не видно жителей. Без перерыва идут войска к фронту с массой артиллерии... Что можно сделать против этого живого потока вооруженных людей, — наша армия так малочисленна!...

Вышедший молодой человек в черном поношенном костюме военного покроя, по выправке — бывший офицер, вежливо приглашает нас войти. Здесь будет допрос. Входим в огромную комнату. По стенам развешены пестрые

---

*) Эти орудия, дальнобойные, стрелявшие 40-килограммовым снарядом на одиннадцать километров, отличались чрезвычайною точностью. Их недостатком была известная медленность стрельбы и отсутствие панорамы; прицел был гониометрический, требующий поправок после каждого выстрела, что вызывало необходимость большого опыта со стороны прислуги, так как откат, хотя смягченный «башмаками» на колесах орудия, был очень чувствительный при отсутствии компрессора.

Из окна перевязочного пункта в Шалон-сюр-Марн, в мае 1940 г. я видел, как выкатывали эти же орудия, запряженные слабыми лошадками, чтобы перебросить их на отходящий фронт. Не знаю, как они исполнили свою службу.

плакаты с революционными призывами... За одним столом сидит высокий блондин в военного покроя костюме и желтых сапогах. «Начальник разведывательного отделения», шепчет нам наш проводник в черном, «я — его адъютант...». Вызывают по одному офицеру к столам, начинается допрос. Допрашивающие тоже бывшие офицеры, чего они не скрывают. Допрос постепенно принимает характер беседы. Отношение к нам любезное, как должно быть между коллегами. Кто-то из наших попросил воды... Властный окрик: «Вестовой, воды!» И через мгновение, в окаменелой позе, с подносом в руках, стоял на вытяжку паренек в старой русской форме, такой обыкновенный молоденький солдат...

«Одного не понимаю», говорит при допросе адъютант, «чего вы деретесь? Вас постоянно бросают на произвол судьбы начальники, когда плохо, а сами эвакуируются... Тоже самое было со мною под Одессой, когда я служил у Деникина... Попал к красным... И я на офицерском положении. Это не то, что быть рядовым, как вы служили у себя в белой армии. Есть вестовые, отдельная столовая, дисциплина в армии строгая... Чего же вам более? Впрочем, сами увидите, когда будете служить. В расстрелы не верьте, это было когда-то. А теперь пожалуйте, товарищи, вас хочет видеть начальник группы, товарищ Фрунзе...».

Оживленная, подбодренная толпа пленных офицеров выходит на улицу. «Все не так скверно в красной армии... Может быть получим по эскадрону...» раздаются голоса совсем развеселившегося сотника и других из туземных полков. Другие молчат или стараются не глядеть на говорящих. «Сволочь и больше ничего», злобно шепчет кто-то около меня.

Через огромную комнату, сплошь заставленную неистово стучащими телеграфными аппаратами, нас вводят в небольшое помещение с мягкой мебелью, с разбросанными на столиках газетами, на которые пленники набрасываются с видом изголодавшихся по печатному слову людей. «Революция там-то», «Победа коммунистов» и т. д... Мне становится тягостно и тоскливо только от этих победоносно крикливых заглавий статей. В памяти проносится образ брошенной усадьбы, бесконечно печальный и ветренный заход солнца, изломанные деревья и запах трупов и экскрементов... «Неужели так будет всюду?»

Нам приходится подождать: начальник группы занят. К нему только что пошел с докладом начальник штаба.

Молоденький адъютант лезет из кожи, чтобы занять нас, угощает папиросами, беспрерывно вестовые приносят стаканы свежей воды, — августовское солнце дает себя знать.

Начался прием. В кабинет начальника группы входят по два человека. Расспрашивать их неудобно в присутствии адъютанта. К тому же он приглашает меня жестом вместе с моим товарищем по батарее, заведующим боевым обозом батареи, скромным и застенчивым поручиком запаса, войти в кабинет начальника группы. Принимает нас начальник штаба, которого я только что видел с бумагами под рукой. «Входите, господа из Кобленца», приветствовал он нас. Это приветствие рассмешило и восхитило меня — первый раз я отчетливо определил мою позицию в этом конфликте. Конечно, больше ста лет тому назад, не будучи безраздельно преданным Людовику XVI-му, я находился бы именно в Кобленце, с господами в белых париках, а не с «санкюлотами»... Это фатально, но не могло быть иначе... Смеясь, я усаживаюсь перед господином, плотным, с рыжей холеной бородой. Он сидит за большим столом, на котором лежит разложенная карта. Жестом приглашает садиться и предлагает папиросы и несколько, чисто технических вопросов: «Сколько имеет ваша батарея снарядов?»

Отвечаю за моего застенчивого сотоварища, который одобрительно кивает головой, хотя знает, что вру — «1.500» (а было, может быть, 800 или 900 гранат). «Кто командует батареей, бригадой и т. п.?» Сильным голосом, в котором звучат нерусские нотки, начальник штаба говорит: «Скажите, товарищи, неужели у вас, в Крыму, существует надежда победить советскую республику? Подумайте, какое заблуждение сражаться против целой России! Совершенно точно определяет товарищ Троцкий взаимоотношение Крыма к советской республике, говоря, что Крым — это брелок на жилете России. Мы вас считаем попросту бунтовщиками против законного правительства. Вы только мешаете организационной работе, которая успешно проведена в северных частях республики. Вы сами увидите, как налажена жизнь в центре. То, что было в первые дни революции, прошло бесследно. Могу вас только поздравить, что попали в плен теперь, а не при ликвидации Крыма, — к 15 сентября мы должны взять Крым, как категорически приказал товарищ Троцкий. Уже теперь я могу считать белых отрезанными от Перекопа; Барбович уничтожен». Затем говоривший приподнялся, пожал нам руки, прибавив: «Вы же, относительно своей судьбы, можете быть совершенно спокойны...». Прием окончился.

Грязный, вонючий, целиком покрытый всякого рода гниющими отбросами, преимущественно корками арбузов, маленький дворик, окруженный кирпичной стеной, был нашим этапом. Здесь нам выдали «паек» на дорогу: 3/4 фунта черного, дурно выпеченного хлеба и несколько золотников сахарного песка. Этот голодный режим оказался чудесным лекарст-

вом: дизентерия исчезла, с каждым мгновением я чувствовал приток сил, желание бороться с судьбой.

Мы выступаем в дорогу. Будем маршировать еще несколько дней, этапами. пешком, к большой железнодорожной узловой станции, откуда поедем в неизвестном направлении. Тяжелый зной давит нас. Будущее волнует и тянет, хочется увидеть то, что находилось по другой стороне огня, то что нам, белым, было скрыто... Та обетованная земля, существует ли она? Не верится почему-то...

Каховка осталась далеко за нами, а мы все идем к северу. Пересекаем бесконечные, вытянутые вдоль широкой пыльной дороги, селения, где наше появление, к моему удивлению, не вызывает ни злобной радости, ни жалости... Ночуем почти без всякой охраны, в частных домах, или на дворе — осень обещает быть прекрасной и теплой. Кажется, никто не собирается бежать, а это так легко сделать... Повидиму обещания красных подействовали положительно и успокоили недоверчивых... На одном привале, совсем недалеко от Днепра, нас обгоняет група, повидимому начальствующих. Один из них, приближается к конвойным и указывая на меня, говорит: «Это хороший человек...». Я узнаю солдата из бывших красных, с которым раз, в лунную ночь, будучи дежурным офицером по батарее, я долго болтал... Он, хорошим русским языком, описывал успехи «советского строительства».

Я продолжаю голодовку, которая лечит меня от дезинтерии. На четвертый день чувствуется голод выздоравливающих. Все симптомы болезни и слабость исчезли. Первый раз пожираю паек — черный хлеб и прилив сил действует на меня опьяняюще.

Однажды, уже под вечер, мы находились около какой-то, довольно значительной, железнодорожной станции. То что я увидел заставило забиться сердце: перед нами стоял поезд — наша обычная «база» танкового отряда. Длинные платформы с погруженными на них четырьмя «Марк 5», затем такие-же длинные товарные вагоны, повидимому, мастерские, откуда доносился стук молотков, смех и разговоры. А по середине сотава, несколько пульмановских вагонов, все 2-го класса, где, как в нашей армии, жил состав отряда.

Я не выдержал и ринулся к одному из этих вагонов, чтобы поболтать с танкистами. Здесь мое удивление дошло до пределов: меня встретили мои товарищи по танковой школе в Таганроге. Все молодые кадровые офицеры, один в черном с подкрученными немного по старой моде, усами, другой, железнодорожник... Теперь, без серебрянных погон, с красной звездой на фуражках, они казались мне чужими. Это впечатление рассеялось после нескольких приветственных слов и горячих рукопожатий. «Скажите, так вы на службе? Так это правда? В штабе групы, взявшей нас в плен, мне обещано командование танковым отрядом...» — «Сделайте все от вас зависящее, чтобы не попасть на командный пост... Сегодня вы командир, а завтра в подвалах особого отдела. Мы все остаемся подозрительными. Мы покаместь нужны, а потом, научим обращаться с танками, «они» постараются вывести нас в расход... Бегите, пока это возможно...».

Не имел времени больше разговаривать с моими бывшими товарищами, но все то, что они сказали позволило мне принять решение, которое я постараюсь осуществить, когда буду ближе от города моей молодости — Киева.

Снова мы идем. Просим у населения еду. Нам не отказывают, а даже дают «керенки», которые еще в ходу. Нас не стесняют надзором, нужно только быть во время на сборном пункте. В одном городке я обедаю (за полученную «керенку«) в государственном ресторане. Сколько калорий содержал этот обед, не знаю, но наверное не больше 200. О вкусе не говорю.

Наконец мы в Екатеринославе. Здесь снова удивляюсь с какой быстротой белые превращаются в красных. До сего времени я наблюдал превращения в обратном порядке: красный, взятый в плен, почти тотчас становился нашим солдатом. Удивили меня чеченцы нашей «Дикой» дивизии, которые в конном строю, с песнями, но конечно, без погон, шли по улицам города в неизвестном для меня направлении. Не меньше мы были удивлены нашим сотником-магометанином, который, обнимая свою возлюбленную, куда-то покатил на извозчике, делая нам прощальный жест свободной рукой...

Здесь погрузка. Нам даны товарные вагоны, в которых везли лошадей. Поезд трясет нас целую ночь, чтобы остановиться почти на целый день на большой, узловой станции. Мы свободно гуляем, выходя в городок, где торговки, за мелочь дают нам больше чем другим покупателям, зная что мы «пленники». Странно. Симпатия к «образованным людям», как сказала мне одна милая торговка...

Здесь-же неприятная встреча с «курсантами-кавалеристами». Они возмущены, что нас не расстреляли. «Почему ваш командующий, Кутепов, приказал расстрелять 300 курсантов?» — говорят, с ненавистью смотря на нас. Стало легче, когда поезд с курсантами тронулся и отошел...

Проходя около стоящего поезда, такого-же как наш, слышу что кто-то меня зовет: «Эй, белый, иди сюда...» Передо мною, в вагоне, оборванный субъект с рыжими подкрученными усами, его смеющееся лицо украшено, вещь достойная удивления, золотым пенсне». Ска-

жи́те, вы голодны? И нет денег?..» «Хорошо, вот вам...». И в вытянутой руке несколько «керенок». Он снова роется рукой в грязном мешке и вытягивает еще несколько билетов, тоже очень грязных. Я благодарю и отхожу.

Годом позже, в Варшаве, в общежитии белых офицеров, я встречаю этого-же «субъекта», который мне щедро подарил «керенки». Оказалось, что это был подполковник генштаба, посланный в глубь России, в разведку. «Помните мой мешок»? — сказал он при нашей встрече· «Там были миллионы керенок, но мешок был такой грязный, что даже «товарищи» отталкивали его с отвращением...»

Подполковник был накануне своего отъезда в Югославию; больше мне не удалось встретиться с ним.

Долго стоим на какой-то узловой станции. Совершенно свободно гуляем по селению — большое местечко. Нам отводят просторное, покинутое здание, где мы спим на полу, но свободны...

На станции оживление: подкатил поезд. Темно-синие пульманвские вагоны. Но ведь я его знаю? Да это бывший императорский поезд. Только золотые орлы ободраны, но тот-же наверное повар в белом фартухе показывается в дверях вагона-ресторана... В поезде «Главковерх», тов. Троцкий.·. Мне не удалось его увидеть, хотя я долго глазел вместе с толпой красноармейцов на поезд — никакой особенной охраны не было. Проходит другой поезд, состоящий из платформ, на которых нагружены мощные стволы деревьев, наверное столетних... «На постройку убежищ на позициях Крыма...», — говорят кругом...

Наконец, на второй или третий день, мы подкатываем к Харькову. Здесь резкая перемена в нашем существовании: конец свободы — приманки, нас проводят по городу, страшно загаженному, вводят в какую-то опустевшую фабрику. Мы в «Особом Отделе» под охраной, у настоящих чекистов в черном, с обязательными наганами у пояса. Нам, белым отводят большую комнату. Спим на полу, получая раз в день какую-то похлебку с куском черного, полусырого хлеба и несколько кусков сахара. Уже мы все покрыты всякого рода насекомыми; кажется, что рубашка, брошенная на пол, сама движется от вшей, которыми она наполнена·..

Двор переполнен молодыми или среднего возраста людьми. Почти все красноармейцы, под судом или присужденные за малые провинности. Все чешутся. Победители и побежденные одинаково покрыты голодными вшами... Ежедневно, два или три раза крик «На сборку»... Писарь, держа в руках длинный лист, вызывает на отправку куда-то 30-40 человек. Многих не хватает. Писарь, весьма величественный, не требуя объяснения, вычеркивает фамилии отсутствующих, приказывает построиться, и партия выходит. Чекисты проверяют у выхода.

У меня начинает созревать план бегства Никому не говорю о моем плане. — А может быть не удастся. Мое решение созревает после коротенькой беседы с весьма значительным лицом — палачом Особого Отдела, который обратил на себя мое внимание в отхожем месте, распространяя волны духов «Quelques Fleurs» Houbigan'a! Духи, такие нежные, такие женственные, ими просто разило от дубины с прыщавым лицом, с огромным Кольтом у пояса. Я знал с кем имею дело, хотя не был уверен, но все-таки наивным голосом задал вопрос: «Что будут делать с нами, белыми? — Да что? — был ответ — расстреляют, и в подтверждение своего мнения, хлопнул рукой по Кольту...

Решение мое созрело — бежать и только.

Две партии уже было отобрано и выслано, и вот, через каких-нибудь полчаса крик: «На сборку...».

Я подхожу почти вплотную к писарю. Это старый служивый, очень уверенный в себе. От него на сажень несет водкой. Он читает по списку и кричит «становись», тем, которые ответили на свою фамилию коротким «Есть»... Но неоднократно не было ответа и наш писарь перечеркивал фамилию. Я вижу, что пропустивши много фамилий без ответа, писарь подходит к нескольким фамилиям, против большой скобки: «Приговором Ревтрибунала 13-ой Армии выслать за дезертирство с первой маршевой ротой на западный фронт». — Что может быть лучше? Вызывающий кричит: «Кильчевский Моисей». — Молчание. Второй раз его крик остается без ответа, он кричит третий раз и кладет карандаш подле буквы «К», когда я, собравши все мужество, чувствуя, как бешено бьется сердце, говорю: «Я, но только не Моисей, а Владимир». Писарь, возмущенный до глубины души, дыша на меня водкой, обращается ко всем. «Вот с такими дураками хотят, чтобы советы победили·..? — Перечеркивает «Моисей», пишет «Владимир», и приказывает мне становиться во вторую шеренгу осужденных Ревтрибуналом...

Еще несколько минут, мы «осужденные», выходим со двора между двумя рядами чекистов с наганами в руках, считающими выходящих. Наконец я на улице. Поглаживаю по бороде; она выросла за 10-12 дней плена, и позволила-бы носить имя «Моисей», не вызывая удивления. Но лучше сохранить свое действительное имя: а то кто-нибудь, увидивши меня, заорет — «Володя».

По четыре в ряду, мы направляемся к вокзалу. Там нас ждут необорудованные «теплушки». Еще не конец: приходят из Особого Отде-

ла посланные, вызывают кого-то, ошибочно высланного. Если придут за мной — удеру под вагоны и дальше...

Наконец, глубокой ночью, подошедший паровоз, без стеснения, двинул состав, и пошел гул от стука буферов... Еще немного и тронулись в дорогу, не все-ли равно куда, но только не ожидать расстрела или суда чекистов.

(Продолжение следует)

В. Рыхлинский

Обзор военно-исторической печати

«НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ». Сборник посвященный истории Виленского военного училища. Ответственный редактор В. И. Шайдицкий. Сан-Франциско 1964 г.

Роскошь внешнего вида этой книги вполне соответствует богатству ее содержания. Вся она проникнута горячей любовью к своему родному Виленскому училищу, а обилие разнообразного материала ставит ее на почетное место среди, изданных в эмиграции, военно-исторических трудов. Она является действительным памятником славы старой Русской армии и ее офицерам, в частности.

На первых- же страницах этой книги помещены отлично исполненные портреты Царственного основателя училища Императора Александра II, Государя Императора Николая II и всей Царской Семьи, вообще, она щедро украшена прекрасно исполненными иллюстрациями. Затем, следует трогательное предисловие полковника Гетц, вступление и за ним краткая история училища, рисунок знамени и, тут же, портрет Великого Князя Константина Константиновича, его заветы, марш училища, рисунки юнкерского погона и училищного значка.

Затем, портрет начальника училища, генерала Б. В. Адамовича, которому посвящен биографический очерк, занявший 20 страниц книги. Это он был главным создателем твердых традиций училища, это он выработал 12 заповедей товарищества и провозгласил девиз: «Виленец — один в поле и тот воин». Не было ни одной стороны жизни училища, которой бы не коснулась властная рука этого рыцаря без страха и упрека, оставившего по себе память, как о строгом, но исключительно справедливом Отце-Командире.

Заметьте, что в книге этой 528 страниц большого формата и нет никакой возможности, в кратком отзыве, даже назвать авторов, помещенных в ней воспоминаний, бывших юнкеров этого училища. Большинство статей иллюстрировано фотографиями авторов, в них не только отражается жизнь училища, но и тех воинских частей ,где служили Виленцы, а нередко встречаются и «вылазки» в область примеров доблести русского воина с древнейших времен.

Что касается воспоминаний о родном училище, то большинство их связано с именем генерала Адамовича. В них он появляется и как друг, и как старший товарищ, и как психолог, понимающий душу юноши.

В рассказе о подпоручике Боброве вырисовывается, привитое в училище, уважение к женщине, описан красивый роман, а также уже из другой области, случай отважной защиты офицером, — достоинства подчиненного ему солдата. Из традиций училища, следует отметить торжество прощания со своим знаменем при производстве в офицеры. Среди воспоминаний о подвигах бывших Виленцев особое место занимает подвиг полковника Левитова, штаб-офицера Корниловского полка. Очень интересен случай участия в судьбе прапорщиков, вернувшихся с Русско-японской войны, Великого Князя Константина Константиновича (случай этот уже был описан покойным К. Лейманом в «Военной Были»). Все

строки, посвященные Великому Князю Константину Константиновичу, дышат преклонением перед светлым образом этого исключительного человека.

Описывая смотры и парады, автор воспоминаний упоминает об особой традиции, существовавшей, как мне кажется, в одном только Виленском училище: встречный марш сопровождался пением всеми юнкерами слов Встречи.

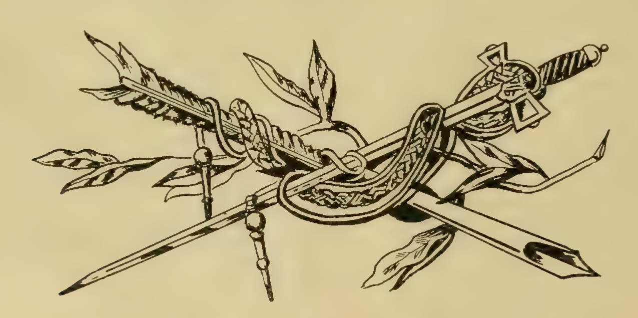
В истории белого движения, ярко описана колоритная фигура барона Унгерн-Штернберга. Одну из замечательных страниц этой книги занимает воспоминание о принятии присяги юнкерами тогда, когда во время войны, училище было переведено в Полтаву. Присягу принимали у могилы воинов, сложивших свои головы в Полтавской битве. С высоты могильного холма, с глубоким чувством, произносил слова Присяги училищный священник О. Георгий Спасский, известный пламенный проповедник. Не забыты и самоотверженные спутницы русских офицеров, их жены, да и вообще, нет ни одной детали, характеризующей старую армию, которая не была бы затронута в этом талантливо составленном сборнике. Книга эта является громким протестом против хулителей старых русских офицеров.

По этим отрывочным далеко, очень далеко, неполным перечислениям воспоминаний, которыми изобилует эта книга, уже можно судить сколько интересного заключается в ней, и тем, кому дорого прошлое России и кто хочет ознакомиться с жизнью старой русской армии в мире и на войне, следует прочесть и прочувствовать все правдивым пером в ней написанное.

Велика заслуга всех потрудившихся при составлении этого замечательного исторического сборника — они блестяще справились со своей задачей и на этом примере показали, какова была тесная спайка в Виленском училище, не умершая в неблагоприятных условиях рассеяния бывших юнкеров в эмиграции.

Честь и слава инициатору, создателю бессмертного памятника родному училищу Владимиру Иоанновичу Шайдицкому, неукротимой энергии и проникновенной любви к родному гнезду которого, мы, все русские военные, обязаны появлению на свет этой прекрасной книги.

А. Л.

Письма в Редакцию

В № 61 «Военной Были», в статье «Переход через Байкал», Е. М. Красноусов дал прекрасное описание переживаний при переходе через Бакал наших войск 12-13 февраля 1920 года. В этом описании все же имеются шероховатости с исторической стороны, вследствии неправильно поставленных ударений.

Необходимо устранение этих шероховатостей, мифов былого, так прочно живущих в наших представлениях, въевшихся настолько, что даже через десятки лет они повторяются по привычке и этим нарушают историческую правду. Восстановление же истины только увеличит ценность его прекрасного изложения.

Е. М. Красноусов пишет: «...В тот момент мы еще не знали, что части Атамана Семенова сидели под крылышком японцев в Забайкалье, в районе Читы, но не могли уходить и на сотню верст в сторону Байкала, так как этот район кишел красными партизанами...»

Обратившись к карте, видим, что от Читы до Верхнеудинская 520 верст, а от Верхнеудин-

ска до Мысовой — 150, всего — 670.

Е. М. Красноусов дальше отмечает первые впечатления по приходе в Мысовую: «...чувство полного покоя и безопасности охватило нас, оттаяло промерзшее на морозе тело... Головная колонна... уже вышла из села и разместилась в соседних поселках, освободив для нас столь необходимое тепло и заготовив для нас фураж и продукты питания...».

Тут Е. М. Красноусов ошибается: продукты питания и фураж не были заготовлены в Мысовой. потому что в поселке с 3-4 сотнями дворов все же затруднительно, а вернее — невозможно, было заготовить и фураж и питание, ведь, по наиболее авторитетному исчислению полковника генерального штаба А. Г. Ефимова, Байкал перешло 26.000 человек и было, наверное, не меньше 15.000 лошадей. Разумеется, Е. М. Красноусова в тот момент, да и позже, не занимал вопрос «а откуда взялся фураж и продуты питания»? Этот вопрос не занимал, также, и всех других участников перехода (рядовых) через Байкал, а штабные, пропитанные политиканством, промолчали, поэтому эпопея доставки продуктов на Мысовую требует освещения, хотя бы для исторической правды. Хотя бы для того, чтобы восстановить один фрагмент страшной мозаики бойни 1917-1923 года.

Как только в Чите стало известно о подходе частей Сибирской армии к Байкалу, были приняты меры для ее встречи. Напомним, что попытка Атамана Семенова помочь Иркутску, отстоять его, 28. 12. 1919 по 4. 1. 1920, окончилась неудачей не только потому, что этому противодействовали чехи, но главным образом потому, что стоявшие во главе иркутской обороны генералы Ханжин, Сычев и Потапов проявили странную непредприимчивость, вялость, косность и не имели ни твердого, ясного взгляда на положение, ни сознания своей ответстcovering ответственности. Вина была свалена на чехов, с одной стороны, на одиозность для демократий Атамана Семенова, с другой, который для планов демократий должен был бы исчезнуть, как «деус екс машина».

Для подвоза продовольствия и фуража был составлен эшелон в сорок вагонов. Представителем Атамана Семенова был назначен полковник Крупский, который должен был встретить войска, переходившие через Байкал. В охрану эшелона был назначен подполковник Бельский с 30 молодыми подпоручиками-артиллеристами Читинского военного училища, выпуска 1920 года. До Верхнеудинска, вернее — военного городка Березовки, в 7 верстах на запад, где стоял 31 стрелковый полк, добрались без приключений. В Березовке к эшелону добровольно присоединился капитан Иевлев с 12 солдатами и пулеметом Льюиса.

Теперь предстояло одолеть наиболее тяжелую часть пути до Мысовой, тяжелую потому, что красные партизаны спешно стягивались к пути движения Сибирской армии и их первые отряды вошли в Кабаново, громадный поселок на берегу Селенги у железной дороги; здесь произошел короткий бой и эшелон пошел дальше, взяв в бою пару пленных. Дальше, в опасных местах, эшелон шел шагом, а охрана шла по бокам, цепью, в полной боевой готовности.

Таким образом, целый эшелон с продуктами прошел 150 верст от Березовки до Мысовой под охраной только 45 человек, прошел 670 верст совершенно благополучно и прибыл во время для того, чтовы накормить замерзших и голодных людей.

Прибыв в Мысовую 9. 2. 1920, начали беспокоиться до прибытия первых частей о возможных раненых, больных и обмороженных. На станции стояло несколько пустых составов, охраняемых чехами. На просьбу передать один состав для наших нужд, последовал грубый отказ, с которым пришлось смириться, потому что обострять положение 45 человекам было невыгодно. Однако, когда прошли первые части и стали подходить главные силы, то чешскую охрану вышвырнули из охраняемых ими вагонов и заняли состав для раненых и больных. В этом же составе поместился и генерал Войцеховский, командующий пришедшими частями, к которому, в качестве почетного караула и часовых, стали молодые подпоручики Читинского военного училища, которые и пробыли в этом наряде до Читы.

Теперь, 42 года спустя, можно задать вопрос: почему полковник Крупский не выслал разъезда на другой берег Байкала, в Голоустное? Но на этот вопрос можно ответить только зная обстановку того времени и инструкции, данные полковнику Крупскому. Сейчас нет никого, кто мог бы осветить этот вопрос и поэтому он остается открытым.

Здесь, в Сан-Франциско, проживает в настоящее время несколько участников доставки этого продовольствия на станцию Мысовую: полковник Бельский, поручики Бентхен, Базанов, Козинцев, Минин, Туровец и другие.

А. Еленевский

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПОПРАВКИ

В моей статье «Военные Училища в Сибири» необходимо сделать следующие исправления: 1) Томское военное училище — кадр 3-ей роты дала не Иркутская Школа, а Инструкторская Школа на Русском Острове. 2) 1-ое артиллерийское училище — Ст. Раздольная не в 7, а в 72-х верстах от Владивостока. 3) Корниловское училище — генрал Тучапский(а не Тучанский) в войну 1904-1905 г. водил свою роту в атаку не 2 раза а ДВАДЦАТЬ ОДИН раз.

А. Еленевский

В № 61 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», в статье «Военные Училища в Сибири» вкралась ошибка — армия Тухачевского, наступавшая на Оренбург, после сдачи Самары, в конце октября 1918 г. имела не 120 тысяч бойцов, а только 12.000. Однако, положение Оренбургской армии, насчитывавшей 10 тысяч, было тяжелым, потому что на нее с юга, со стороны Актюинска, давила Туркестанская армия красных, числом в 8 тысяч, из которых 5 тысяч были мадьяры, обеспечивавшие прочную устойчивость этого красного фронта. С переводом, позже, этих мадьяр в ударные красные дивизии, предназначенные для прорыва в красную Венгрию, Туркестанский да и Орский фронты у красных потеряли всякую устойчивость и достаточно было подхода только одного 42 Троицкого полка, силой в полторы тысячи штыков, чтобы красные части немедленно же дали тыл.

А. Еленевский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 120 журнала «ПЕРЕКЛИЧКА», издаваемого в Нью-Йорке, помещены «Воспоминания юнкера 1917 г.» — автор И. Лисенко.

Как строевой офицер Константиновского артиллерийского училища, в период конца 1916 и 1917 г.г., я усмотрел в них много неточностей. Не полагая вступать с автором этих «Воспоминаний» в какую-либо полемику, я считаю полезным только отметить наличие этих неточностей. Для архива «ВОЕННОЙ БЫЛИ», я послал мои подробные суждения по поводу этой статьи, но, если автору будет угодно знать о каких ошибках и исторических неточностях я говорю, охотно отвечу ему лично, дабы он сам их исправил, буде этого пожелает.

В этом случае, ответ можно послать мне на адрес «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

Б. Николаев, артиллерии капитан
строевой офицер К. А. У.

К СТАТЬЕ «РУССКОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-ГО.

(«Военная Быль» № 65).

К чрезвычайно ценной статье Е. С. Молло, могу добавить, по его же просьбе, следующие данные об особой шашке офицеров л. гв. Преображенского полка.

Поскольку я слышал, шашка эта была введена в полку, для всех офицеров, ко дню 25-летнего юбилея начала действительной службы Государя Императора. 23 июня 1887 г. числившийся в полку со дня своего рождения, Государь, бывший тогда Наследником, прибыл в полк и был назначен младшим офицером в Роту Его Величества. 23 июня 1912 г. торжественно праздновался юбилей этого события. К этому дню офицеры обзавелись шашками особого типа. Наружный вид шашки был вполне тождествен официальному образцу, но на клинке, вдоль его находилось, приблизительно до середины его, чеканное изображение полкового шитья (лавровые листья), а перпендикулярно к нему, сразу под эфесом, славянской вязью чеканная-же надпись: на одной стороне: «Знают турки нас и шведы и про нас известен свет», а на другой: «На сражения, на победы, нас всегда сам Царь ведет». Шитье и буквы были позолочены. Шашка была изготовлена фирмой Шаф. Два экземпляра этой шашки находятся сейчас в Париже, у старых офицеров полка.

К статье покойного князя Н. С. Трубецкого хочется добавить, что в славнейшем полку русской конницы, Нижегородском драгунском, была еще, так называемая «заветная шашка» для нижних чинов. Это были редкие сохранившиеся экземпляры шашки данной полку в 1834 г. На клинке ее, надпись: «Златоуст октября 1834 года». Этой шашкой молодцы драгуны славно рубили горцев, в Чечне и Дагестане, турок, при Баш-Кадыкларе, в 1853 г., при Кюрук-Дара в 1854 г. и в 1877 г. при Бегли-Ахмете и на Аладжинских высотах, а некоторые и германцев, в бессмертных атаках полка в 1914 году. В каждом эскадроне было несколько таких шашек, выдававшихся достойнейшим нижним чинам. В моем собрании есть одна такая шашка,а переданная мне генералом Половцевым. Ножны ее бурой кожи, а на них ложе для штыка.

С. Андоленко

ЕЩЕ ЗАГАДКА

В руки мои попала бронзовая медаль, без ушка, но размера наградных медалей последнего царствования. Медаль выбита в память вступления в Берлин в 1914 г. (?!). Все надписи по немецки. На лицевой стороне тонкой работы профильное изображение головы Государя, обращенное влево и надпись вокруг: «Nikolaus II Kaiser von Russland», а с другой, надпись в 5 строчках: «Zum Einzug in Berlin 1914».

Что это, немецкая «шутка» или русское «предположение», что впрочем кажется совсем невероятным.

С. Андоленко

К РЕЦЕНЗИИ О КНИГЕ И. МАЦКЕИЧА

Прежде всего, я должен сказать, что все, что пишет Вл. фон-Рихтер на страницах «ВОЕННОЙ БЫЛИ», всегда производит на меня впечатление чрезвычайной солидности и чувствуется, что все, что он пишет, всегда продумано и серьезно. Так и его заметка, посвященная книге Иосифа Мацкевича «Дело полковника Мясоедова», помещенная в № 66 журнала отличается теми же высокими и необходимыми для серьезного военного историка качествами.

Прожив в Польше после первой Мировой войны, в общей сложности, почти что 20 лет и постоянно общаясь с представителями всех слоев населения этой страны, позволю себе дать некоторое пояснение по поводу одной из называемых В. фон-Рихтером «оплошностей» И. Мацкевича. Польские интеллигенты средней руки, не служившие офицерами в нашей армии или с ней близко не соприкасавшиеся, под словом «кавалергард» совершенно не имеют в виду именно Кавалергардский полк, как таковой. Эти поляки очень часто под словом «кавалергард» имеют в виду всякую вообще гвардию (вероятно в силу созвучия), вплоть даже до таковой Папы Римского. С другой же стороны, так называются среди той-же категории поляков, почему-то, общественные круги, окружающие монарха или стоящие близко к трону.

Мне, как бывшему кавалергарду, в начале моего пребывания в Польше пришлось пережить не один весьма неприятный момент, пока я не стал понимать, что речь идет не о моем Кавалергардском полке, а о чем-то совершенно постороннем и ничего общего с этим полком не имеющем.

С другой стороны, хотя, насколько мне известно, Мацкевич в нашей армии и не служил, я далек от мысли причислить его к вышеупомянутой среде «интеллигентных поляков средней руки». В виду же того, что В. фон-Рихтер подчеркивает, что понятие «кавалергардский интеллектуализм» Мацкевич приводит, «повторяя чужие слова», мне кажется, что мое дополнение к прекрасной рецензии В. фон-Рихтера совершенно объясняет этот вопрос и в дальнейших комментариях не будет нуждаться.

В. Кочубей

В ИНТЕРЕСАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧНОСТИ

В прошлом году на книжный рынок поступила книга — И. Г. Спасский: «Иностранные и русские ордена до 1917 г.». Издания Госуд. Эрмитажа 1963 г.

Книга среди коллекционеров русских и иностранных имела исключительный успех. Несмотря на такой большой научно-исторический труд, в этой книге имеются неточности. На странице 120-й сказано: «На ордене Станислава закончилось формирование системы русских высших государственных наград, оставшейся неизменной до 1917 г. Не получили осуществления проэкты орденов, обсуждавшиеся в царствование Императоров Александра II и Николая II — высшего о р д е н а И м п е р а т о р с к о г о Д о м а по образцу «фамильных» орденов некоторых царствовавших Домов Запада, о р д е н а Н и к о л а я для награждения артистов и художников (1911-1914 г.г.), о р д е н о в Н и к о л а я Ч у д о т в о р ц а и О л ь г и (1915 г.).

Лично я не допускаю, чтобы научным работникам Эрмитажа не было известно о существовании Знака отличия Святой Ольги и награждении этим знаком.

Передо мною книга «Награды чинам военноог ведомства». Составлено на основании законоположений, объявленных по 15 июня 1916 г. В этой книге, на страницах 144, 145 и 146-й указывается полностью «Статут Знака Отличия Святыя Равноапостольныя Княгини Ольги».

Об этом знаке отличия Святой Ольги и награждении писалось в газете «Новое Время» 30-4 1915 г. № 14138, и 6-4 1916 г. № 14397.

Государь Император остановился на одном случае и обратился к военному министру со следующим Высочайшим рескриптом: «В нынешнюю великую войну наша армия явила нескончаемый ряд примеров высокой доблести, неустрашимости и геройских подвигов как целых частей, так и отдельных лиц. Особое Мое внимание привлекла геройская смерть трех братьев Панаевых, — офицеров 12-го гусарского Ахтырского ген. Дениса Давыдова, — ныне Ее Имп. Высоч. Вел. Кн. Ольги Александровны полка — ротмистров Бориса и Льва и штаб-ротмистра Гурия, — доблестно павших на поле брани. Братья Панаевы, проникнутые глубоким сознанием святости данной ими присяги, бесстрашно исполнили долг свой до кон-

ца и отдали жизнь за Родину. Все три брата награждены орденом Св. Георгия 4-й степени, и их смерть в открытом бою является завидным уделом воинов, ставших грудью на защиту Меня и Отечества. Такое правильное понимание своего долга братьями Панаевыми всецело отношу к их матери, воспитавшей своих сыновей в духе беззаветной любви и преданности Престолу и Родине. Сознание, что дети ее честно и мужественно исполнили долг свой, — да наполнит гордостью материнское сердце и поможет ей стойко перенести ниспосланное свыше испытание. Признавая за благо отметить заслуги передо Мною и Отечеством вдовы полковника Веры Николаевны Панаевой, воспитавшей героев сыновей, жалую ее, в соответствии со ст. 8-й Статута знака отличия Св. Равноапостольной Княгини Ольги, сим знаком 2-й степ. и пожизненной ежегодной пенсией в 3.000 рублей.

Пребываю к Вам благосклонный».

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «НИКОЛАЙ». В Царской Ставке, 2-го апреля 1916 г.

«Собиратель осколочков русской военной старины» **М. А. Литвизин**

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ КНЯЗЯ Н. ДЕВЛЕТ-КИЛЬДЕЕВА

«Справочная книжка кавалериста, коневода, спортсмена и любителя лошади» Далматова — заглавие витиеватое. И только одно в нем и верно — что Далматов был кавалеристом, но никем более.

Зачислен он был в Постоянный состав офицерской Кавалерийской Школы за свои способности фотографа. Его так и не допустили стать инструктором Переменного Состава Школы и, в бытность мою в Школе, он состоял в эскадроне Школы. Генерал Химец о нем и о шт. ротм. М., однажды, заметил, что оба были бы более пригодны для Пожарной команды. И напрасно князь Н. Девлет-Кильдеев серьезно отнесся к, изданному Далматовым, справочнику.

Кстати, у меня тоже есть фотография, на которой снят кап. Каприелли, думаю, что такая-же как и у Далматова «de trois quarts», по ней трудно различить отделяется-ли он от седла, на прыжке, или нет. Другая фотография того-же времени — прыжок по новой системе езды поручика Болла ярко оттеняет посадку на прыжке, — отделившись от седла и с большим наклоном корпуса, посадку, характерную для италиянской школы и для всех мировых спортсменов.

Наша Школа, действительно, робко подходила к этой манере — всадники ездили на длинных стременах, но она давно оторвалась от старых навыков, когда лошадь прыгала «петухом», а рекомендуемый Далматовым способ всаднику оставаться отвесным к горизонту является своего рода фокусом.

Очень короткие стремена непрактичны на походе и во время дальних пробегов. Последнее отметил в своей книге и М. Плешков. Чтобы создать унитарную посадку, должно быть принято какое-то среднее решение и, представьте себе, к нему близко подошли ездоки из Советской России, на долю которых выпало много много призов на международных состязаниях в Париже. Мне удалось поговорить с одним из русских ездоков, участников международных состязаний. Первое, что я его спросил — «какой породы ваши лошади?» Получил ответ — «Буденовской», на что я ему сказал, что когда дед Буденного еще не родился, известные донские коневоды стали культивировать эту породу (англо-донцы), а на мой вопрос о системе выездки в СССР, он ответил «система Филлиса».

Заслуга этой системы перед старой русской конницей велика уже по одному тому, что появилась вообще какая-то система, после того как прежняя была сдана в архив. Система эта быал встречена «рогато» даже со стороны такого известного спортсмена как А. А. Павлов. Уже в эмиграции ее пропагандистом стал А. А. Губин бывший инструктор Офицерской Кавалерийской Школы, получивший все наивысшие призы за выездку, установленные во Франции.

Я был свидетелем спора между поклонником прежней системы выездки «на развязке» и поклонником непозволительного новшества система Филлиса. Прекрасный ездок генерал Раутсман в 1903 году в манеже Школы показал лошадь, выезжанную им по старой системе. Ничего не скажешь — движения были точны, но нельзя, на этом только основании, вернуться к «развязке». Можно только вывести заключение, что каждая система раньше всего требует г р а м о т н о г о ездока. Не будь Каприлли — не было бы итальянской системы, но ничего путного не вышло, когда стали «итальянить» бездарные ездоки. Подвергали критике «работу в руках» по системе Филлиса те, кто не умели ею пользоваться, как подсобным упражнением для выездки лошади. А вообще говоря требования спорта и строя не всегда совпадают.

Этим я намеревался только дополнить очень интересное письмо князя Н. Девлет-Кильдеева.

А. Левицкий

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

№ 69
Сентябрь 1964 год

ГОД ИЗДАНИЯ 13-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий номер 69-й являестя последним, за который Вами внесена подписная плата.

Во избежание перерыва в высылке журнала, Вам надлежит теперь-же внести подписную плату за следующие ШЕСТЬ номеров — 70-75.

Своевременный взнос подписной платы чрезвычайно облегчает работу Издательства.

Условия подписки указаны в обычном месте.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с №70 по 75 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.
Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55*

13-й год издания | №69 СЕНТЯБРЬ 1964 Г. | **BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs**

Настоящий номер
посвящается
Российскому Императорскому Флоту

От Редакции

В этот день, когда впервые выходит номер **«Военной Были»**, посвященный Императорскому Флоту, мы не можем не помянуть добрым словом, имена тех морских офицеров, которые, в тяжелых условиях эмиграции, остались верны и продолжали свое служение Андреевскому Флагу, работая во славу истории родного флота.

Шесть больших журналов, около 80 книг «Русской Зарубежной Морской Библиотеки» представляют собою огромный вклад в историю русского флота и являются ценнейшим материалом для будущего его историка.

Честь и слава Нестору Александровичу **Монастыреву**, первому, уже в июле 1921 года, на Русской Эскадре в Бизерте, начавшему издавать на ротаторе **«Морской Сборник»**. Затем последовал **«Морской Журнал»** — Михаила Александровича **Стахевича**, **«Зарубежный Морской Сборник»** — Якова Ивановича **Подгорного**, **«Записки Военно-Морского Исторического Кружка»**, под редакцией Максимилиана Оскаровича фон-**Кубе**, **«Вахтенный Журнал»** в Сан-Франциско — Юлия Милиевича **Горденева** и, наконец, **«Морские Записки»** в Нью-Йорке, самый большой из морских журналов за рубежом, под редакцией, первые два года, Сергея Владимировича **Гладкого** и последующие двадцать лет — Георгия Николаевича барона **Таубе.**

Как уже было сказано, около 80 морских офицеров принимали участие в создании «Русской Морской Зарубежной Библиотеки», другие сотрудничали в различных военных и общественных органах эмигрантской печати, помещая в них статьи на военно-морские темы и, камень за камнем, воздвигая величественный памятник прошлому родного флота.

Из них, нельзя не вспомнить **Г. К. Графа**, князя **Я. К. Туманова, Б. П. Апрелева, М. О. фон-Кубе Д. В. Никитина, Н. С. Чирикова, Н. П. Солодкова, А. П. Лукина, С. К. Терещенко, А. В. Зернина, К. В. Люби** и других. Размер короткой заметки не позволяет нам упомянуть целый ряд небольших местных морских журналов, издававшихся разновременно и в разных частях света на ротаторе, пишущей машинке и иными способами.

Всем господам офицерам Российского Императорского Флота, не сложившим оружие а пером, продолжавшим свое служение во славу родного Андреевского Флага, — ушедшим в иной мир — **Вечная благодарная память**, живым — **Слава!**

Алексей Геринг

Памяти геройски погибших в Цусимском бою офицеров и команд

Воспоминания о прелюдии страшных событий, обрушившихся на Россию в Японскую войну и заключительный аккорд ее — Цусимский бой, все более уходят в вечность и все меньше остается участников исторического похода 2-й эскадры Тихого океана и этого величайшего морскаго боя.

Теперь, когда мы, как жалкие остатки разбитого корабля, разбросанные по лицу земли, принуждены вспоминать его не офицерами Императорского Флота, а скромными тружениками-эмигрантами, особенно хочется воспроизвести в памяти не печальные итоги этого боя, в которых меньше всего виноваты экипажи эскадры, а образы героев, сражавшихся с бесконечным самоотвержением и погивших смертью славных на своих кораблях.

Этих героев несколько тысяч; их имена давно забыты и их отдельные подвиги даже не стали известны миру, скрытые от взоров его исчезнувшими в пучине морской кораблями. Но мы видели, как сражались эти корабли и, по их действиям, может судить о подвигах их команд.

Перед моими взорами так же ярко, как 25 лет тому назад, встает картина боя и славная гибель «Суворова», «Осляби», «Александра III», «Бородино», «Наварина» и несчастной «Камчатки»; в моей памяти живы рассказы о геройских боях и гибели «Ушакова», Дмитрия Донского» и «Светланы»; я помню истерзанный вид броненосца «Орел»; пусть он сдался, превращеньий в исковерканную груду железа, но сражался он исключительно доблестно.

Какая незабываемая, красивая и трагическая картина боя наших главных сил, когда, сражаясь, гибли один за другим головные корабли, а их место занимали следующие, чтобы тоже погибнуть...

Головной броненосец — неприятель сосредоточил по нему всю силу своего огня — кругом ад: снаряды жужжат, разрываются и дождь осколков сыплется во все стороны, поражая все на своем пути. Броненосец маневрирует, стреляет, тушатся пожары, исправляются повреждения... все на своих местах, все воодушевлены одной мыслью — стрелять, во чтобы то ни стало стрелять; забыто все — опасность, раны, смерть, — нет малодушных, нет трусливых, — все слились в одном порыве. Лишь уносятся раненые, оттаскиваются убитые; к орудиям выходят все новые люди, пока еще есть откуда их взять.

Блеск выстрелов и непрерывный грохот исходят из всех орудий; но вот замолкло одно, замолчала башня.. Все меньше становится их; наконец, стреляют три, два, одно орудие и все смолкает... Все кончено — броненосец стал небоеспособен и беспомощно вышел из строя...

Вот внешняя картина боя на броненосце; заглянем теперь в души тех, которые это переживают. Ведь на каждом военном корабле каждый офицер и матрос имеют свои определенные обязанности, каждый является винтиком одного механизма, который работает только тогда исправно, когда они все на местах. От командира до последнего кочегара все должны отдавать всю свою энергию, все знания, чтобы способствовать общему успеху боя. Они должны забыть, что они люди и стать живыми механизмами, но такими, которые не только действуют, но и мыслят, применяясь к обстановке; и это самое трудное. Таким образом, раз корабль действует в бою хорошо, значит и весь его экипаж на высоте, значит он сражается геройски... Бой приходит к концу, уже многих нет в живых, еще больше раненых, остальные пережили нечеловечское напряжение и теперь переживают отчаяние бессилия — они теперь стали только людьми. Что дальше делать? Гибель корабля неминуема — спасения нет, минуты сочтены и все же в их душах теплится какая-то искра надежды, что, может быть, удастся спастись.

Зловещий крен все увеличивается, охватывает невольное желание броситься за борт, в море, авось кто-нибудь подберет и, во всяком случае, жизнь продлится на два-три часа. Но не каждый может и это сделать; из нижних помещений, машин и кочегарных отделений уже невозможно выбраться и придется наблюдать, как вливается вода, как она все больше заполняет помещения, как под влиянием крена обрушатся некоторые механизмы, как вода медленно подступит к голове, станет трудно дышать и, наконец, последний вздох и... кончено. Железная коробка сохранит на вечные времена трупы этих несчастных людей и она одна останется свидетельницей их предсмертных мук и стенаний...

Так сражались и так умирали в Цусимском бою русские моряки; разве можно более славно кончить свою жизнь, чем кончили они? Разве не так же геройски вели они себя, как вели команды кораблей в самых победоносных бо-

ях? Разве при Цусиме не проявился тот же великий дух русских моряков и недостойны они той же славы?

Пройдут тяжелые годы и снова возродится флот и этот новый флот должен будет помнить Цусимскую драму, ту пользу, которую она принесла ему, и высоко чтить память погибших героев.

(«С эскадрой адмирала Рожественского»)

Г. Граф

ЧЕСМА

5-7 июля 1770 года произошло одно из замечательнейших событий в истории Российского Флота — сражение при Чесме, закончившееся полнейшим уничтожением турецкого флота русскими эскадрами Балтийского Флота, находившимися под верховным командованием графа Алексея Орлова. Обеими эскадрами командовал адмирал Спиридов, первой эскадрой — капитан-коммодор Самуил Карлович Грейг, а второй — капитан Эльфингтон.

В одном из номеров американского журнала «U.S.Naval Insititure Procedings», появилась интересная статья профессора Морской Академии и преподавателя морской истории R. W. Daly под заглавием «First steps in to the principles of war».

Эта статья является подробнейшим критическим анализом действий Российского Флота во время Чесменского сражения. Выводы, сделанные профессором, очень интересны — по его мнению это сражение надо считать по результатам более значительным, нежели Абукирское, в котором английский адмирал Нельсон уничтожил часть французского флота, не уступает Трафальгарскому, в котором тот же Нельсон разбил соединенный франко-испанский флот и является классическим примером правильного применения принципов тактики. Действительно, безошибочное применение этих принципов в связи с непоколебимой волей победить, проявленная решительность, правильная оценка обстановки, знание противника, храбрость и самоотверженность личного состава, привели к тому, что численно слабейший, но сильный духом русский флот уничтожил более, чем вдвое сильнейшего противника, к тому же опиравшегося на береговые укрепления. Помнится, это — английский адмирал Нельсон сказал, что «пушка на берегу стоит корабля в море».

Американская публика наивно полагала, что у России никогда не было флота, немногим лучше были осведомлены и морские круги — в одном из учебников по истории флотов можно найти следующие строки. «В 1828 году (?!) несколько греческих брандеров уничтожили турецкий флот у Чесмы и временно овладели морем...», небольшая ошибка во времени, всего 58 лет не говоря уже о прочем. «Крепостной флот», утверждали другие, годный только для содействия крепостям.. «Блокшивы» — отзывалась часть американской прессы об эскадрах адмиралов Лесовского и Попова, прибывших в американские воды в 1863 году... При этом совершенно не принималось во внимание то обстоятельство, что эти «блокшивы» и пребывание их в американских водах настолько охладило пыл «коварного Альбиона», что возможная война между Англией и Северянами не состоялась. «США уплатили за содержание русских эскадр несколько миллионов долларов», заявляли «авторитетные» источники... На это можно возразить — русские эскадры никогда не играли роль «ландскнехтов» или «швейцарских наемников», а если Русское правительство, полученными от продажи Аляски грошами, частично покрыло издержки по содержанию эскадр в американских водах, то это его внутреннее дело.

Но возвратимся к описанию Чесменского боя и предшествовавшей ему обстановке. В 1768 году Франция, опасавшаяся усиления России на Черном море, уговорила Турцию объявить России войну. Крымский хан вторгся в Украину, турецкие армии двинулись к Дунаю... Русское правительство решило нанести туркам удар с тыла — на Балканах и в Греции. Для этой цели было решено послать из Балтики в Архипелаг две эскадры.

В июле 1769 года первая эскадра под флагом адмирала Спиридова, в составе семи кораблей, одного бомбардирского судна и шести транспортов с войсками (1.106 чел.) вышла из Кронштадта. Вторая эскадра под флагом капитана Эльфингтона, в составе трех кораблей, двух фрегатов и четырех транспортов, вышла к октябре.

Переход был очень тяжелым — осенние

шторма, сырая и ненастная погода, плохая пища способствовали появлению цынги, от которой умерло 208 человек и, сверх того, на эскадрах было до 300 больных. Базой был избран Наварин. Крепость Наваринская была взята штурмом высаженными войсками под командой бригадира Ганнибала. Вскоре в Наварин прибыл граф Алексей Орлов и вступил в командование всеми русскими вооруженными силами в Архипелаге.

Получив известие, что турецкий флот находится у острова Хиос, граф Орлов поднял свой флаг на корабле «Три Иерарха» и эскадры вышли в море с целью предупредить соединение турецкой эскадры, находящейся у Хиоса, с подкреплением, идущим от Дарданелл и, таким образом, разбить турок по частям. Чередовавшееся маловетрие и противные ветра замедлили движение русских эскадр. Турецкий флот успел соединиться. Вскоре эскадры Орлова обнаружили турецкую эскадру в составе 16 кораблей, 4 фрегатов и более 50 мелких судов стоящей на якоре к северу от бухты Чесма. Силы были неравны у Орлова всего 608 пушек, у турок — 1350. Незадолго до начала атаки, граф Орлов созвал совещание флагманов и капитанов, чтобы выработать план атаки. На этом совещании мнения разделились — Эльфингтон, не ладивший со Спиридовым, только энергично тряс головой, не соглашаясь с предложенным планом. Капитан-Командор С. К. Грейг, сторонник старинных английских традиций, предложил поставить русские суда в линию против турецких и таким образом вести бой. Все же было решено сосредоточить русские корабли против турецкого авангарда, держаться под парусами, замедлив или остановив ход особым расположением парусов («обстенив марселя» — но это объяснение для специалистов). Идея обрушиться всеми силами на авангард противника была очень удачна и соответствовала одному из главных принципов тактики — сосредоточения всех сил против части сил противника.

Турецкие корабли были расположены в двух колоннах, причем только левая (западная) могла полностью использовать всю свою артиллерию, правая же колонна могла стрелять только в промежутки между судами левой. Русская эскадра подходила почти под прямым углом к турецкой и первое время головной корабль «Европа» (Капитан Клокачев), выдержал всю силу турецкого огня. За ним следовал «Св. Евстафий» (Капитан Круз) под флагом Адмирала Спиридова, затем — «Три Святителя», «Три Иерарха» и другие. Постепенно русские корабли заняли места против судов авангарда противника и бой разгорелся по всей линии. По разным причинам, первоначальный план пришлось изменить и корабли должны были «отдать якоря» т. е. стать на якорь.

Турецкий флагманский корабль «Реал-Мустафа» загорелся, горящая мачта, перебитая снарядом, упала на «Св. Евстафий», пылающие обломки посыпались на палубу и в открытые люки. Произошел взрыв и оба судна взлетели на воздух. Подошедшие с других судов шлюпки спасли адмирала, капитана Круза и около 60 матросов. В это время, корабли Эльфингтона подошли к месту боя и приняли в нем участие. Взрывы «Св. Евстафия» и «Реал-Мустафы» послужили туркам сигналом рубить якорные канаты и, под прикрытием стрельбы и дыма от взрывов, окутавшего обоих противников, отходить в бухту Чесма под прикрытие береговых батарей. Умышленно, или по каким то другим причинам, Орлов не помешал туркам уходить. Возможно, что у него уж созрел план уничтожить их в «мышеловке».

В Чесменской бухте, турецкие корабли были установлены таким образом, чтобы обстреливать вход около мили шириной. Атаковать их в бухте, под перекрестным огнем судов и батарей было бы неразумно. Поэтому был принят план использовать старинное оружие «брандеры» (зажигательные суда).

Капитану-Коммодору Грейгу было поручено атаковать неприятеля. В операцию были назначены корабли «Ростислав», «Европа», «Саратов», «Не тронь меня», фрегаты «Африка» и «Надежда» и бомбардирское судно «Гром». Четыре греческих судна были обращены в брандеры, то есть наполнены горючими и взрывчатыми материалами — бочками со смолой, порохом, стружками гранатами и снабжены крючьями на реях, чтобы сцепиться с неприятелем... Командирами вызвались идти лейтенанты Ильин, Дугдаль, Мэкензи и мичман Гагарин. Остальные суда держались у входа под парусами, чтобы пресечь всякие попытки турецких судов к бегству. Чтобы отвлечь внимание турок от готовящейся атаки, суда вели беспрерывную бомбардировку турецкой эскадры и батарей.

В ночь с 6-го на 7-ое июля, в полночь, по сигналу Капитан-Коммодора Грейга, поднявшего флаг на «Ростиславе», суда вошли в бухту. Первым вошел корабль «Европа» (Капитан Клокачев). Корабли открыли ожесточенный огонь, турки отвечали не менее интенсивно. Около двух часов пополуночи один из зажигательных снарядов «Грома» поджег турецкий корабль.

Тотчас, по сигналу флагмана, брандеры вошли в бухту. Не все достигли цели — один из них сел на мель, другой был утоплен турецкой галерой, третий, под командой лейтенанта Ильина, удачно сцепился с 86-ти пушечным турецким кораблем, командир хладнокровно

поджег свой брандер и, отойдя на шлюпке, еще остановился чтобы убедиться, что пламя с брандера уже перебросилось на турецкий корабль. Мичман Гагарин, видя, что Ильин блестяще справился с возложенной на него задачей, вероятно — следуя полученным им инструкциям, отошел к эскадре. По другим сведениям, он сцепился с горящим уже кораблем.

Бомбардировка продолжалась с неменьшим ожесточением. Турецкие корабли загорались и взрывались один за другим. К утру взорвались и пошли ко дну пятнадцать кораблей, два фрегата и до сорока мелких судов. С большим трудом удалось отстоять от огня один корабль «Родос» и несколько галер, которые и были захвачены. Потери турок в этот день превысили 10.000 человек. Потери русской эскадры — 45 убитых и 25 раненых, да на корабле «Св. Евстафий» погибло от взрыва около 500 человек. Поражение турок было полное. Русский флот приобрел господство на море.

В Петербурге эта победа была торжественно отпразднована и в честь ее была выбита медаль с изображением горящего турецкого флота с надписью «был». Графу Орлову было указано именоваться впредь — Графом Орловым-Чесменским. По преданию, русской эскадрой было захвачено так много серебра, что часть его была прислана в Морской Корпус и перелита в стопки для воды и кваса (примерно 1 1/2 кварты вместимости). Эти стопки ставились на столы во время обеда и завтрака воспитанников и сохранились вплоть до революции.

. . . .

В 1914 году, пишущему эти строки, во время заграничного плавания на канонерской лодке «Терец», удалось побывать в бухте Чесма, посетить место боя и кладбище погибших в Чесменском бою. На кладбище, экипажем «Терца» был установлен железный крест, около семи фут высотой изготовленный Машинной Школой Черноморского Флота. Кладбище представляло собою небольшой участок земли, обнесенный невысокой стеной.

В северо-восточном углу кладбища находилась небольшая часовенка. Присматривающий за кладбищем старенький грек-монах обычно приветствовал колокольным звоном, проходившие по Хиосскому проливу, русские суда. Находившийся в плавании в этих водах крейсер Балтийского Флота «Богатырь« стал на якорь близ места гибели «Св. Евстафия». Посланная с «Богатыря» водолазная партия отыскала остов корабля и водолазы завели «конец» на одну из кормовых пушек «Евстафия». Немедленно на берегу появился эскадрон турецкой кавалерии и командовавший им офицер совершенно определенно дал понять, что никаких работ подобного рода производить в турецких водах не разрешается. Привязав к «концу» буек, партия возвратилась на крейсер только для того, чтобы с темнотой возвратиться к буйку и поднять пушку. По словам старшего офицера, капитана 2-го ранга Политовского, эту пушку решено было послать в Севастополь в подарок линейному кораблю «Евстафий». Так и не случилось узнать, выполнили-ли Богатырцы свое намерение.

Списание Чесменского боя составлено по упомянутой выше статье профессора R. W. Daly и дополнено из других источников. К статье приложены две схемы боя — 5 июля и 5-7 июля, и репродукция картины «Чесменский бой». Видимо эта репродукция сделана с картины, подаренной Морскому Корпусу Императрицей Екатериной Второй, которая, до революции, находилась в картинной галлерее корпуса. До сих пор бывшие питомцы Морского Корпуса «в рассеянии сущие» вспоминают о ней на годовом традиционном обеде в день корпусного праздника 6/19 ноября следующей песней — историей корпуса: — «Сама Екатерина, под номером вторым, прислала нам картину — Чесменский славный дым»... Во всяком случае, статья эта настолько интересна и поучительна, что всем бывшим морякам Российского Флота рекомендуется с ней ознакомиться.

. . . .

В заключение, пишущему эти строки хотелось бы поделиться с читателями некоторыми подробностями о жизни Русского Флота того времени, начальниках, кораблях и условиях, в которых приходилось плавать и сражаться.

Граф Алексей Орлов, один из «плеяды славных Екатерининских орлов», получивший за Чесменский бой прибавление к фамилии «Чесменский», участвовал в дворцовом перевороте, возведшем Екатерину на русский престол. Адмирал Спиридов — моряк Петровской школы, властный и решительный, был выдающимся флотоводцем. Капитан-Коммодор С. К. Грейг был, так-же как и Капитан Эльфингтон, лейтенанты Дугдал. Мэкензи и другие, офицером резерва Английского Королевского Флота, поступившим на русскую службу. С. К. Грейг дослужился до адмиральского чина.

Капитан Эльфингтон, человек смелый и решительный, отличался своеволием и не ладил с Адмиралом Спиридовым. Незадолго до Чесменского боя, он успешно атаковал сильнейшую турецкую эскадру у бухты Навплия (в древности — Наполи до Романия) и заставил турок отойти под прикрытие береговых укреплений. После Чесменского боя, в связи с развитием операций в Архипелаге, русские войска осадили небольшую крепость на острове

Лемнос. Эльфингтон получил распоряжение блокировать крепость и не допускать турок доставить туда аммуницию и подкрепления. Эльфингтон самовольно прервал блокаду, вышел в море, но посадил свой корабль на мель. Турки это обстоятельство использовали, подвезли подкрепления и осаду пришлось снять. Эльфингтон был от службы уволен.

В те времена, ввиду недостатка русских офицеров, помимо английских, приглашались на службу офицеры и других наций. Так, например, был приглашен John Paul Jones, капитан-командор флота США. Павел Жонес, как он именовался в рескрипте Императрицы Екатерины Второй, принявшей его на службу с чином контр-адмирала. Много греков и славян, принятых на службу, нашли в России вторую родину.

Корабли Русского Флота того времени были сравнительно небольших размеров, тяжелы и тихоходны, их подводная часть медью не обшивалась, отчего они обрастали ракушками, что еще больше замедляло их ход. Вооружены были 60-80 пушками, число команды доходило до 600 человек. В 1787 году, во время путешествия Императрицы Екатерины в Крым, сопровождавший Екатерину, Австрийский Император Иосиф заметил, что, спущенные в Херсоне, корабли и фрегаты построены из сырого леса и поэтому годны только на показ — «Что ж, будем драться и на таких», ответил Иосифу Потемкин.

Фрегаты-суда меньшего размера и более легкой постройки были вооружены 30-50 пушками. Их назначение было то же, что и современных крейсеров — быть «глазами» эскадры. Бомбардирский корабль — судно тяжелой постройки, вооружалось мортирами, употреблялось при осаде крепостей. Галеры — парусно-гребные суда, вооружены несколькими пушками, расположенными в носовой части. Под веслами, на короткое время могли развить ход до семи узлов. Гребцами были солдаты, у турок — невольники, пленные или преступники. Если бы у турок организация службы была поставлена лучше, ни одному из русских брандеров в Чесменском бою не удалось бы дойти до цели, все были бы перехвачены галерами.

Жизненные условия были очень тяжелые — сырость, скученность, тяжелая работа, невозможность обсушиться и согреться... Команда корабля делилась на две смены или «вахты», обычно, в море, одна вахта была на палубе, другая — отдыхала, но в штормовые погоды отдых часто прерывался вызовом «всех наверх» чтобы «взять рифы, то есть — уменьшить площадь парусности, убрать паруса и т. д. Учения производились днем, а иногда и ночью — Артиллерийские, пожарные и водяные тревоги, замена одних парусов другими, спуск и подъем брам-стенег и т. д. при этом требовалась величайшая быстрота, полнейшая тишина, а на стоянках умопомрачительная чистота.

Цынга этот величайший бич всех флотов, еще не была окончательно побеждена, хотя борьба с ней велась столетиями. Причиной цынги являлась плохая пища, протухшая вода и отсутствие свежей зелени.

Вот какое количество морской провизии полагалось на одного матроса в месяц: сухарей — 45 фунтов, масла — 6 фунт., солонины — 15 фунт., круп — 15 фунт., гороху, фасоли — 10 фунт., вина — 28 чарок.

«Меню», как видно из вышеприведенного списка, было довольно однообразно. Солонина, за которой до 1900 годов сохранялось название «тело покойного бригадира» всегда имела отвратительный запах, обычно содержимое нескольких бочек выбрасывалось за борт, прежде чем находилась одна, более или менее приемлемая. Свежий хлеб в море заменялся сухарями, кислыми, заплесневелыми, более похожими на куски глины, попорченными в портовых складах и в «брод-камерах» на судах, крысами. Щи из кислой капусты, каша, к ней —льняное или коровье масло, уксус и перец в щи, винная порция дважды в день. Офицерский стол немногим отличался от командного. Вода хранилась в бочках в трюме и, обычно, после нескольких недель плавания, начинала протухать. Потребление воды было строго ограничено. Крупа тоже требовала «деликатного» обращения, так как в ней заводился червячок. В ясный, солнечный день, а таких было немного в северных морях, на палубе расстилался парус, на который высыпали несколько мешков крупы. Назначенные люди садились вокруг и отметали голичками выползавших червячков. Трудно предположить, чтобы эта «операция» была успешной. Чай не был в употреблении, вероятно, до 1860-х годов. В те времена, когда обстановка благоприятствовала, выдавался так называемый сбитень, старинный русский напиток, приготовляемый из горячей воды с медом или патокой.

На зиму, если суда зимовали в отечественных портах, команды переводились в «Экипажи» (казармы) суда разоружались, то есть — с них снимались паруса, снасти и верхние части мачт. Если же приходилось зимовать вдали от своих портов, то помещения отапливались комельками. Вот, приблизительно, те условия, в которых команды русских судов жили, служили и сражались за честь и славу любимой ими Родины.

А. Чернушевич

Снова о Русской Америке

В мартовском номере «Военной Были», была помещена историческая справка Сергея Двигубского о Русской Америке, которую я считаю необходимым дополнить и уточнить.

В указанной справке было упомянуто имя Беринга, но фактически экспедиция 1741 г. разделилась и, как пишет историк русского флота Алексей Соколов, Чириков А. И. на «Св. Павле» «открыл американский берег полутора сутками ранее Беринга, в долготе одиннадцатью градусами далее; осмотрел его на протяжении трех градусов к северу»...

В первое же плавание в 1728 г., Берингу не удалось осмотреть американский берег, а впервые это сделал в 1732 г. подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев. В августе 1732 г. судно Федорова пересекло Берингов пролив от мыса Дежнева до мыса принца Уэльского. В июле 1733 г. Гвоздев, по смерти Федорова, отослал в Охотск «морской диурнал или лагбук». На составленной в 1578 г. академиком Г. Миллером карте русских открытий в северо-западной Америке, есть мыс под 66° с. ш. с надписью: «côte découverte par le Géodesiste Gwosdew en 1730» (ошибка, здесь следовало бы поставить 1732 — М. З.).

Экспедиции эти вели работу лишь в порядке исследований, начало же практического русского продвижения к берегам Америки положил промышленник крестьянин Емельян Басов. Он устроил сперва в 1743-44 г.г. зимовку на о. Беринга, а затем стал перемещаться к самому американскому берегу. Но первым постоянным русским поселением в Америке следует считать поселение, устроенное в 1784 г. Г. И. Шелеховым на о. Кадьях. Оно в течение двадцати лет являлось русским центром. Шелеховым были также осмотрены берега Аляски, прилегающие острова и Кенайский залив. На его берегу и на о. Афогнак были им заложены укрепления. Вернувшись в 1787 г. в Иркутск, Шелехов представил отчет о своем путешествии и приложил карту посещенных мест. Все это стало известным широким кругам и промышленники ринулись в новооткрытые земли. Тот же Шелехов объединил русских купцов в компанию, и в 1785 г. она стала официально существовать под названием Американской компании.

В 1796 г. по инициативе А. А. Баранова основано в заливе Якутат русское поселение, названное Новороссийском, а в 1798 г. им образована Российско-Американская компания, которая официально зарегистрирована в Петербурге в 1799 г. Имп. Павел дал этой компании большие привилегии, а Александр I стал сам ее акционером.

В том же 1799 г., на о. Ситхе учреждено было поселение, которое затем было разграблено туземцами (колошами). Взамен его, на Ситхе был основан Новоархангельск. Следует здесь отметить, что к этому времени в Америке, начиная от Кадьяка и до Ситхи, имелось уже тринадцать русских поселений. 30 августа 1812 г. (ст. ст.) под 38° 33' с. ш., недалеко от бухты Сан-Франциско, основана колония Росс, — самый южный пункт русского владения в Сев. Америке.

Давая описание русского проникновения в Америку, нельзя, конечно оставить без внимания имени И. Ф. Крузенштерна, которым гордятся в первую очередь окончившие морской корпус русские морские офицеры и памятник которому можно наблюдать на набережной перед зданием морского корпуса в Петрограде. Но ближе к делу. Когда была основана Российско-Американская компания, то снабжение русских поселений в Америке происходило через Охотск, а пушнина добытая в Америке отправлялась опять же на Охотск, откуда она следовала в Якутск, а затем через Кяхту в Китай. Крузенштерн справедливо счел такой путь нецелесообразным и предложил отправлять пушнину, непосредственно из Америки, морским путем в Кантон. В своем проекте он также считал необходимым наладить морской рейс в Индию. 7 (19) августа 1802 г. Крузенштерн был назначен начальником экспедиции и начал подготовку, согласно своему проекту. Заметим, что в этой экспедиции состояли люди, имена которых вписаны в русскую историю, а именно: Ю. Ф. Лисянский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, О. Е. Коцебу. Экспедиция вышла из Кронштадта в составе двух судов — «Надежды» и «Невы». Эти суда принадлежали Русско-Американской компании, т. е. были торговыми, но под предлогом каперства, происходящего в морях, были объявлены военными и командование на них было назначено из морских офицеров. Эта экспедиция совершила кругосветное плавание, которое длилось более трех лет (1803-1806 г.г.).

«Нева», которой командовал Лисянский, побывала в районе русских американских владений и экипажу, между прочим, пришлось с боем возвращать Новоархангельск, на о. Ситхе, захваченный было туземцами. Лисянский произвел съемку берегов в районе Ситха и Кадьяка.

Упоминанием Крузенштерна и Лисянского, славных как в делах русского военного флота, так и в истории русских географических открытий, мы и заканчиваем нашу затянувшуюся

справку. Читателям рекомендуем прочесть книги: 1) Русские мореплаватели. Воениздат. М. 1953 и 2) Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. Изд. Академии Наук СССР. 1949. Этими книгами мы, в основном, и пользовались для составления настоящей исторической справки.

М. Залевский

На «Дмитрие Донском»

Рассказ о том, что знаменитый адмирал Скрыдлов, на востоке, украл на пари, часового с английского корабля, ходил среди моряков в России в совершенно туманном виде. Услышал я его в первый раз не помню от кого, когда я плавал в 1892 г. мальчиком с моим отцом на «Русалке». В этом возрасте, подобные эпизоды поражают воображение.

Когда, уже гардемарином, я впервые услышал Мякишева в классе, открывающим лекции по вновь введенному предмету — «тактика артиллерийского боя» — и заметил его двойной академический значек, я вдруг вспомнил что мой отец говорил дома у нас кап. 1 ранга Щенсновичу, своему товарищу по выпуску, часто у нас бывавшему, о Мякишеве, его ученике, как об офицере, подававшем блестящие надежды своим пытливым, оригинальным умом и своим скрытым темпераментом.

Крайне заинтересованный, ибо ничто в Мякишеве не напоминало хорошо знакомого нам типа профессоров, обладателей многочисленных дипломов, я, совместно с 2-3 моими товарищами, обратился к нашему любимому ученому Алексею Николаевичу Крылову, всех и все во флоте знавшему, с просьбой посвятить нас в тайну появления на нашем горизонте Мякишева. Его ответ: «Да это он у Скрыдлова снял часового английского корабля», меня поразил, но подробности я узнал много позже, уже по возвращении с войны, от нашего бывшего ротного командира полковника Н. М. Ромашова (тогда уже в отставке), который, человек редкого ума, прямой, грубоватый, был не склонен, скорее сказать — не способен, по своему характеру, рассказывать басни.

Вот, в общих чертах, его повесть:

Дело было на Дальнем Востоке. Скрыдлов, в то время, командир броненосного фрегата «Дмитрий Донской», в клубе, за обедом, заспорил с капитанами кораблей, стоявшей на рейде в Гонконге английской эскадры о роли морской пехоты на судах. Он считал что этот корпус — инородное, в моральном смысле, тело среди моряков, что караульная служба на английских судах хуже чем на русских, что он, Скрыдлов, готов доказать это в течении пребывания «Донского» на рейде. Пари. Условия: отсутствие усиления службы и каких бы то ни было последствий для действующих лиц. Конечно, к моменту пари, все участвующие были уже порядочно на взводе. Вернувшись на «Донской», Скрыдлов еще сам не знал, как он выкрутится.

Вдруг идея: украсть часового под флагом!.. Приготовляясь быть лично исполнителем, он пригласил Мякишева, офицера заведующего вельбортом командира, изложил свой план и поручил ему приготовить все необходимое для ночного похищения.

Мякишев восстал — командир корабля, представитель России на рейде, не может рисковать жизнью в подобном, ничего общего со службой не имеющем и могущем закончиться грандиозным скандалом, деле. Скрыдлов склоняется но настаивает на выполнении плана лихими «мальчиками», знаменитыми гребцами его капитанского вельбота.

Мякишев еще более решителен: командир не имеет права давать подобное поручение неответственным матросам и предлагает свой план. Он, Мякишев, ответственыній рядовой офицер, выполнит задачу но не ночью, а среди белого дня а именно, во время полуденного отдыха, когда на судах все, кроме вахтенных, спят или заняты личными делами, когда вахтенные и часовые, после обеда и в условиях тропической жары отяжелели, когда все корабли покрыты тентами, ограничивающими условия наблюдения. Скрыдлов соглашается.

. . . .

Приготовив все нужное, Мякишев, в полдень, на вельботе, едва макая весла, циркулирует, зорко наблюдая, между судами на рейде. Вскоре, все привыкли и никто уже больше не обращает внимания на шлюпку.

Тогда, Мякишев выбирает концевой ан-

глийский фрегат, обходит его медленно три раза и удостоверившись, что ни вахтенные на мостике, ни часовой им не интересуются, задерживается под кормою судна между бакштовом и стоящей на нем шлюпкой, как кошка, взбирается в носках по свешивающемуся трапу на ют, сзади набрасывает на голову часового мешок, затягивает его шкертом и сбрасывает ошалевшего англичанина вниз, где вельботные молодцы подхватывают, вяжут и накрывают его брезентом. Ружье следует за часовым. Мякишев соскальзывает в вельбот, который, прежним ритмом, двигается к «Донскому». Там часового припрятали в недрах крейсера.

В 2 часа, замечено какое-то беспокойство на английском фрегате. Затем, оживленное циркулирование шлюпок между судами... К вечеру, к Скрыдлову является английский офицер, сообщает об исчезновении часового и спрашивает, не видали-ли что с «Дмитрия Донского»? Скрыдлов вручает ему письмо к командиру английского фрегата. За часовым явились поздно ночью. Он был уже накачен до отказа и ничего не понимал.

На следующий день, английский капитан приглашает Скрыдлова в клуб, на обед. Триумфальная встреча (англичане прежде всего спортсмены). Подробности рассказа вызывают неописуемый восторг и оживленную беседу, подкрепленную шампанским и марсалой и, как говорится, затянувшуюся далеко за полночь.

. . . .

Было-бы крайне неделикатно со стороны молодого офицера, задать такому человеку как Мякишев, вопрос об этой его экспедиции. Во всяком случае, я лично, никогда не мог решиться это сделать.

Н. Иениш

Плавание на канонерской лодке «Бобр»

Мне не пришлось вернуться в Россию с Макаровым, на «Витязе». Вскоре по его приходе на Дальний Восток, отец мой, тогда лейтенант на окладе, был назначен старшим офицером на мореход. канон. лодку «Бобр», Владивостокского экипажа и я перешел с ним на это, курьезное по внешности, судно, на котором никто, начиная с командира, не знал — для чего оно в сущности построено именно так а не иначе *).

Не помню ни одного имени личного офицерского состава.

Я заметил, что отец сразу же сильно заинтересовался чем-то в носовой части лодки, спускал туда часто водолаза, потом вел какие-то разговоры с командиром, где упоминался руль и раз, при мне, командир сказал ему: — «Да бросьте, Виктор Христианович, это не наше дело, так хорошо ворочаемся и спокойно плаваем». Я ничего не понимал, ведь руль-то был в корме и к тому же, против своего обыкновения, отец отвечал на мои вопросы коротким: «подожди, увидим».

Плавали-то мы, действительно, спокойно, хорошо болтаясь на волне и посещали как-раз порты Японии, где мне открывался волшебный мир и где какой-то японичк привез раз отцу целую серию (примерно 20 X 13 см.) сброшюрованных тремя шелковыми бантиками гибких, на гладкой шелковой бумаге, книжечек в переплоде на английский язык «Сказки древней Японии» издания Хасегава в Токио, обильно иллюстрированные японскими художниками. Это были шедевры, из коих я особенно любил «Войну обезьян с крабами» и «Воробей с отрезанным языком». Это меня так заняло, что я перестал думать о тайне носа «Бобра».

Как-то, по приходе во Владивосток, где командир всегда ночевал на берегу и оставался там иногда по 3-4 дня, не возвращаясь на судно, где велись портовыми рабочими разные мелкие работы, мой отец, воспользовавшись одной из таких длительных отлучек, приказал затопить кормовые отсеки водой. Нос «Бобра» вылез чуть не на 35° из воды, обнажив, совершенно странного вида, носовой руль, как бы сросшийся с корпусом судна, под слоем водорослей и ракушек, наросших, как говорили в команде, чуть не с самого появления «Бобра» на Востоке.

Тотчас же, рой матросов на беседках и плотиках, занялся его очищением, были пробиты все пазы и удалось, с большим трудом, повернуть предназначенным для него штурвалом руль,. Тогда, занялись промывкой, масло текло рекой, горы грязной пакли наросли на плотиках и, день и ночь, при свете фонарей и рефлекторов, стали быстро красить откопанный

руль и все очищенные части.

Аврал царил невероятный. Отец почти не спал, но ходил сияющий если можно назвать «ходил» наклонную позицию, в которой он передвигался, как и все мы, на судне. Наконец, все было окончено, судно поставлено на ровный киль а, прибывший после недели отсутствия, командир, поставлен в известность о произведенных работах. Он остолбенел, хмуро посмотрел на отца и выразил свое беспокойство по поводу того, что-то еще отец ему готовит, со своими испытаниями, остановить, которые он, конечно, не решался.

Эти испытания начались с первого-же выхода в море. Командир, согласно какой-то табличке с чертежами, набросанными отцом, и при содействии штурмана, вертел судно в разные стороны, отец на носу следил за рулем в воде и что-то отмечал на бумаге, прикрепленной кнопками к дощечке. Наконец, «Бобр» стал рыскать, необычайно быстро, переходить на другой галс, описывать круги. На следующий день пошли к какой-то высокой скале над морем и стали палить из носового 9 дм. орудия, все более и более задирая нос, путем затопления кормовых отсеков. Тут уже все и даже командир заинтересовались. Спустили плавучий щит и стали стрелять по нему из разных орудий, а «Бобр» вилял и крутился. Дня три провели мы так в море. Теперь и командир и отец оба сияли, причем последний объяснил мне, наконец, вкратце, что корабельный инженер, построивший «Бобр» и «Сивуч», не ошибся в своих расчетах и создал очень интересный тип судна для обстрела с воды высоких береговых позиций или батарей неприятеля, с наименьшими для последнего шансами попасть в маневрирующую канонерку. С этой поры, я проникся большим уважением к «Бобру» и только жалел, что Макаров не увидел как он маневрировал и стрелял.

Отец сделал, вскоре, длинное сообщение всем офицерам «Бобра» но оно было уже слишком специально и ничего мне, малышу, не говорило. Помню только, что после него, командир и старший артиллерист горячо благодарили отца и все пили шампанское (которого я, увы, терпеть не мог) за его здоровье и успех его работ.

Мы продолжали таскаться, проникая и в Охотское море и как-то съехали на остров Иезо, где познакомились с интересным племенем «Аинов» совершенно не японского происхождения. Они были высокие, бородатые и ничего, кроме раскосых глаз с густыми бровями, типично монгольского в них не было. Никто не знал как они затесались на Иезо. Характера были тихого и отлично уживались с их покорителями японцами. Проходили мы Хокодатским проливом в Тихий океан и посещали множество портов Японии, вплоть до острова Киу-Сиу.

Я жил, конечно, как в очарованном сне до того дня, когда отец, по окончании положенного «цензом», старшего офицерства, был произведен в кап. 2 ранга и я с ним вернулся в Россию.

Н. Иениш

---

*) «Бобр», как и его «систер-шип» «Сивуч», были неизмеримо лучше проэктированы для своей роли, чем последующие «Гиляк» и «Кореец» уже третий тип для Дальнего Востока, в короткое время. Уже не говоря о черноморских «Кубанце», «Терце» и «Уральце». Построенные же для Черного моря кан. лодки типа «Черноморец», вообще были пригодны только как яхты для разъездов Посла в Константинополе. «Храбрый» для Средиземного моря со своим носовым 9 дм. и кормовым 6 дм. орудиями был уже много лучше, но все же далек от типа «Бобра». (Все это, конечно, относится ко времени до японской войны). Это показывает полную у нас анархию программы судостроения того времени — коллекция типов.

Поход в Чифу

28-го июля, как всегда, миноносцы Второго отряда с раннего утра занимались тралением рейда. Когда вечером миноносец «Решительный» вернулся в гавань, я хотел приступить к продувке котлов. Согласно установленного положения, миноносцы 2-го отряда через каждые 45 суток работы, на три дня освобождались для переборки механизмов и чистки паровых котлов. В это время, с ботопорта рассыльный голосом передал, что имеет срочный пакет на миноносец. Оказалось, что миноносец должен был в 5 часов утра следующего дня выйти на рейд для траления мин.

Утром мы вышли на работу и вскоре увидели выходящую из гавани эскадру во главе с флагманским кораблем, броненосцем «Цесаревич», на котором Адмирал В. В. Витгефт держал свой флаг.

Пропустив эскадру, миноносцы вернулись в гавань, к угольной стенке и я хотел присту-

пить к прерванной накануне вечером работе, как от командира порта адмирала Ивана Константиновича Григоровича пришел рассыльный с вызовом командира миноносца к Адмиралу. М. С. Рощаковский, уходя, просил меня ни к чему не приступать, ввиду возможности нового назначения миноносца.

Вскоре, командир вернулся, пригласил офицеров в кают-компанию и объявил нам, что Адмирал Витгефт, перед своим уходом, поручил Адмиралу И. К. Григоровичу, как старшему из оставшихся в Артуре, командировать миноносец «Решительный» в Чифу, для доставки телеграмм в наше консульство, для Владивостока, на крейсерку эскадру, с приказом выйти в море навстречу эскадре Адмирала Витгефта. Адмирал Витгефт, конечно, не знал состояние миноносца «Решительный» после 45 дней непрерывной работы, иначе он его не назначил бы.

Я доложил командиру, что наш миноносец в настоящем его состоянии не может выполнить с успехом возлагаемое на него поручение, так как не обладает необходимой скоростью вследствие загрязнения паровых котлов и разработанности машин, о чем и следует доложить Адмиралу И. К. Григоровичу. Как нам было известно, японские миноносцы держат блокаду Артура в количестве 4-6 миноносцев, что мы имели возможность ежедневно наблюдают и если мы выйдем, они немедленно пустят нас на дно.

Командир со мной согласился и просил подать ему об этом рапорт, что я и не замедлил сделать, при чем, в конце рапорта, добавил, что такое поручение мы с успехом могли бы выполнить ночным переходом, при средней скорости миноносца, тем более, что форсированным ходом идти рискованно из-за возможного выбрасывания пламени из дымовых труб. Командир с моим рапортом пошел к адмиралу и вскоре вернулся и сообщил, что адмирал полностью сочувствует нашему плану и приказал нам, по приходе в Чифу, разоружиться.

Адмирал Виттефт, перед своим уходом из Артура, оставил из состава своего штаба персонал, который ему не мог понадобиться на время перехода во Владивосток и назначил этим лицам следовать в Чифу и там ожидать дальнейших распоряжений. Эти чины штаба были: корабельный инженер Петр Филимонович Вешкурцев, морской артиллерии полковник Александр Петрович Меллер, специалист по спасению судов капитан дальнего плавания Владимир Петрович Горст (впоследствии директор и совладелец спасательного общества в Ревеле) и обер-аудитор подполковник Эйкар.

Около шести часов вечера, миноносец вышел из гавани и взял курс на Чифу, находящийся примерно милях в 80-90 от порта Артур.

Через несколько времени, сигнальщики начали замечать китайские джонки под парусами, которые, без огней, внезапно появились перед миноносцем, а также были замечены и японские миноносцы. Судя по пройденному нами расстоянию, уже должно было бы открыться Чифу, но его не было видно. Благодаря тому, что миноносец несколько раз менял курс, скрываясь от японских миноносцев, он сбился с правильного пути. Наши пассажиры начали волноваться и, собравшись в кают-компании, обсудили наше неопределенное положение и решили просить командира, под предлогом отдыха, уступить командование миноносцем капитану В. А. Горсту, как плававшему в этих местах. Дипломатические переговоры с командиром было поручено вести мне и Рощаковский, выслушав мою передачу, согласился пойти отдохнуть и на мостик взошел В. П. Горст. Через очень короткое время застопорили машины, так как он почувствовал близость берега. В это время начало светать и мы увидели, что миноносец остановился почти у самой каменной гряды, которая, благодаря начавшемуся отливу. несколько выступала из воды. Миноносец обошел это препятствие и дал возможный полный ход в направлении открывшихся огней Чифу. Уже подходя к самому Чифу, мы заметили два японских миноносца, которые, открыв нас, полным ходом гнались, но близость порта помешала им открыть огонь.

По приходе миноносца в гавань, что было около пяти часов утра, наши пассажиры, среди которых была и моя жена, съехали на берег, а командир отправился к консулу для передачи телеграмм и выяснения вопроса о нашем положении. Вскоре на миноносец прибыл наш консул и китайский офицер от китайского адмирала, для выполнения формальностей по разоружению миноносца, согласно приказа адмирала И. К. Григоровича, ввиду потери миноносцем его боеспособности.

Китайский офицер взял с собой затворы от орудий, части от мин, паровых котлов и машин, а от всего персонала миноносца была взята подписка, что, до окончания войны с Японией, все обязуются оставаться в пределах Китая и никакого участия в военных действиях принимать не будут.

Два японских миноносца, которые нас преследовали, остались на рейде, а китайский адмирал прислал для охраны миноносца своего офицера, который на шампуньке медленно циркулировал вокруг нас. Около четырех часов, командир уехал к консулу обедать и в это время японские миноносцы вошли в Коммерческую гавань, где мы стояли. Не видя ничего хорошего от такого соседства, мы сожгли все наши карты и сигнальные книги и в кожаном

мешке спустили все это за борт с хорошим грузом.

Около девяти часов вечера вернулся от консула командир и сообщил, что, по донесению шпионов, японцы предполагают ночью взорвать наш миноносец. Командир приказал команде лечь спать на палубе и разобрать всем спасательные нагрудники. Офицеры стали на дежурство. Я дежурил от 12 до 2 часов ночи, когда меня сменил М. С. Рощаковский.

Не успел я снять китель, чтобы лечь тут же на палубе, на вынесенный матрац, как мы услышали плеск воды от весел, а затем за кормой миноносца, на русском языке, со шлюпки был задан вопрос «можно ли взойти на миноносец японскому офицеру?», на что со стороны командира последовал утвердительный ответ. К борту миноносца подошел вельбот и из него вышли двое, штатский и офицер. На вопрос командира. почему же двое, когда я разрешил только одному?, штатский ответил, что командир по-русски не говорит и что он является переводчиком.

К этому времени, принесли фонарь и команда начала шевелиться, заметив приход нежданных гостей. Японский капитан вынул из кармана бумагу и начал читать по-японски, а переводчик тут же переводил на русский язык буквально следующее: «Командующий отрядом миноносцев японского Императорского флота предлагает командиру миноносца Российского Императорского флота одно из двух условий: или выйти в море и вступить в бой с японскими миноносцами или сдаться в плен со всем экипажем, причем всем будет дарована жизнь».

Выслушав это, командир миноносца М. С. Рощаковский ответил японскому офицеру, что выйти в море и вступить в бой с японскими миноносцами миноносец «РЕШИТЕЛЬНЫЙ» не может по той причине, что он разоружен китайскимі властями; фактически на миноносце нет ни машин, ни котлов, ни орудий, ни минных аппаратов. Что же касается второго предложения о сдаче в плен, то командир японского миноносца, как офицер, сам должен знать, какой на это предложение может быть ответ.

Во время всех этих переговоров, на палубу поднялся китайский офицер, на которого командир указал японскмоу офицеру, сказав, что этот представитель китайских властей производил разоружение миноносца.

Японский офицер, не доверяя китайцу, пожелал лично убедиться и, из стоявшего у борта вельбота, вызвал команду и на палубу моментально взошло шесть человек, в дессантной форме с винтовками, которые и разошлись по палубе. В это же время, вторая шлюпка подошла к миноносцу и уже самостоятельно из нее вышли на палубу человек восемь вооруженных матросов.

Японский офицер обходил миноносец, осматривал орудия, мины и прочее, а затем вернулся на свое прежнее место, у трапа. М. С. Рощаковский, оценив наше положение, дал распоряжение минному офицеру В. В. Каневскому взорвать миноносец. Услышав это, я быстро пошел к машинному люку, чтобы спуститься в машинное отделение, но навстречу, из машинного отделения, вышел машинный квартирмейстер и сказал, что японцы их выгоняют из машины, а на мое желание спуститься в машинное отделение, японский матрос преградил мне дорогу винтовкой.

Еще на постройке миноносцев, ошибочно было прорезано отверстие в переборке между котельным и машинным отделением и на это место была положена заплата. Ввиду того, что миноносец от затопления одного отсека не тонет, я решил, в минуту опасности, срубить заклепки у глухого фланца и соединить машинное отделение с котельным, а машинное отделение затопить, прорезав латунные конуса у проточного холодильника. Для этой цели, около глухого фланца, в особом кармане из жести лежало отточенное зубило и ручник. К сожалению, этого выполнить не удалось.

Когда мы все стояли на палубе, в ожидании взрыва миноносца, то услышали, что стоящий позади нас японский миноносец поднимает якорь. Тогда командир крикнул команде: «братцы, бросай их за борт» и при этом ударил в грудь японского офицера и столкнул его с палубы. Японский офицер, падая за борт, успел схватить командира за китель и оба свалиилсь в японский вельбот, стоявший у трапа. При падении, Рощаковский душил японского офицера, а тот искусал ему руку. М. С. Рощаковского из вельбота выбросили в воду и он поплыл к корме миноносца, чтобы по рулевым отводам снова выбраться на палубу, но выстрелом из винтовки был ранен в бедро и поплыл в сторону.

Японская команда пошла на шпиль и начала поднимать якорь «Решительного», а часть команды бросилась к столику для карт и сигнальному ящику, которые находились как раз над бомбовым погребом, где был заложен подрывной патрон. Видя определенное желание японцев увести миноносец, команда начала бросаться в воду, несколько японцев было сброшено за борт. Силы наши были очень неравны, с одной стороны — вооруженные японцы, а с другой — наша команда в одних тельниках. Мичман С. М. Петров стоял со мною рядом на палубе и мы одновременно бросились в воду, успев снять кителя и одеть пробковые нагрудники, крайне громоздкие, к слову сказать, и неудобные.

Команда поплыла к близ стоящим китай-

ским джонкам и вскоре оттуда послышаались крики: «сюда, братцы, не плыви, здесь бамбуком бьют» На этих джонках были береговые японцы, которые, очевидно, знали о предполагавшемся нападении.

Японский миноносец подходил к «Решительному» и я чуть не оказался между ними и в самый последний момент успел оттолкнуться ногой от форштевня японского миноносца. В этот, приблизительно, момент раздался долгожданный взрыв, слетела мачта и я сам видел, как несколько японцев летели в воздух. Это были как раз те любознательные, которые осматривали ящик для карт. Позднее, в Шанхае, я читал в английской газете, что потери японцев в эту ночь составляли 8 человек.

Пока мы барахтались в воде, китайский офицер еще раньше уехавший к адмиралу с докладом о происходящем на миноносце «Решительный», возвратился обратно и начал подбирать плавающих. В это время начало светать и мы увидели стоявший вблизи грузовой пароход под английским флагом, но без груза и на выступающей лопасти винта и петлях руля висело несколько человек нашей команды, отдыхая, а два англичанина стояли у борта парохода и любовались на плавающую команду русского миноносца. Трап был приподнят.

Благодаря заслуге М. С. Рощаковского, который еще в Артуре, при каждом удобном случае, лично водил команду купаться и тренировал ее в плавании, вся команда прекрасно плавала и утонувших не было. Когда китайская шлюпка подняла меня из воды (я уже окоченел и сам не мог шевелиться), я увидел лежащего в луже крови командира и мичмана С. М. Петрова в обморочном состоянии. Еще на миноносце, японец ударил его прикладом в грудь, без всякого к тому повода.

Хотя японцы и стреляли в плававших, но видимо это делали больше для запугивания, наши потери составляли 2 человека. Один минер был застрелен на моих глазах еще на миноносце. Японский матрос хотел сорвать наш кормовой флаг и впотьмах потянулся к нему, наш минер, видя это, столкнул его за борт, а японец, продержавшись некоторое время за флагшток, успел выстрелить из револьвера, минер упал, захрипел и скончался. Позднее, я был вызван во французский госпиталь на вскрытие тела минера, которое оказалось выброшенным на берег. Пуля попала прямо в сердце и смерть была, по определению врача, моментальная.

На наших глазах, один японский миноносец взял на буксир миноносец «Решительный» и вышел в море, а второй миноносец, увидя шлюпку, переполненную нашей командой, пошел на сближение с нею, очевидно имея намерение взять ее на буксир. Я обратил на это внимание китайского офицера, но он никак не реагировал. Тогда я, вопреки всякой вежливости, прыгнул за транцевую доску, вырвал румпель из рук китайца и крикнул своей команде: «на весла, навались». Команда, которая сидела и дрожала от холода, навалилась так, что только уключины заскрипели и я повернул шлюпку на каменную гряду, которая выступала из воды под крутым берегом, так называемым «консульским мысом». На нем были расположены иностранные консульства, кроме русского, находившегося за чертой города, в прекрасной роще. Когда миноносец увидел изменение курса нашей шлюпки и понял, что ему не по дороге, он свернул, пошел к нашему консульству и там долгое время искал подводный кабель, но ушел без результата Позднее мы слышали, что «Решительный» до Японии не был доведен и по дороге затонул, так ли это, не знаю.

Наша шлюпка благополучно доставила нас на китайский крейсер и началась выгрузка. Впереди несли командира, затем под руки вели мичмана Петрова, сзади, вполне самостоятельно, шел я и часть нашей команды. К Рощаковскому немедленно был вызван хирург, который и извлек пулю, мичмана отпоили пуншем. Капитан дал мне красивое кимоно и я пошел в нем проверять команду, вернее сказать — определить ее наличие, ибо мы не знали, сколько людей осталось в живых.

Вскоре, с берега приехали местные русские, приняли в нас участие, одели и меня пригласил к себе агент восточно-китайского пароходства, у которого я и прожил три дня, а затем переехал в отель. Командир и мичман Петров поселились в консульстве. О судьбе лейтенанта Каневского, в то время, мы ничего не янали, но позднее установили, что он благополучно спасся.

П. Кисляков

Приятное с полезным

(на минном заградителе «Енисей» в 1912 г.)

Молодым мичманом Балтийского флота, (по 2-му году после выпуска из Морского Корпуса), я был откомандирован, для увеличения офицерского состава, вахтенным офицером на минный заградитель «Енисей» на время больших маневров Действующего флота в Балтийском море с 4 по 23 сентября 1912 года.

Надо сказать, что однотипные заградители «Енисей» и «Амур» по тому времени были относительно новейшими судами, русской постройки 1906-7 г.гг в СПБ. на Балтийском заводе, в 3.200 тонн водоизмещения и сравнительно быстроходные — 17 узлов хода. Я знал прекрасно оба корабля, так как сразу же по выпуске, в 1911 году, имел счастье быть, назначенным на блестящий корабль флота «Амур», под командой флигель-адъютанта кап. 2-го ранга М. М. Веселкина, а впоследствии был на минном заградителе «Нарова» (бывш. крейсер «Генерал-Адмирал»).

Вышеназванная командировка для, молодого мичмана, была величайшей радостью и давала надежду поплавать в обстановке близкой к боевой, так как все военно-морские планы Морского Генерального Штаба и Флота, а также военно-морские игры среди офицеров велись в предвидении военных действий против Германии.

С 1907-1912 г. Россия вела борьбу за воссоздание флота, результатом которой явилась малая судостроительная программа, как начало планомерного создания Линейного флота, способного поддержать наши интересы на море. Но все же к 1912 году Россия занимала только 7-ое место. Таким образом, все планы Морского Генерального Штаба и задачи Командующего Балтийским флотом в 1912 году требовали энергичного и быстрого приведения флота в боевое состояние с вполне сплававшимся командным составом, могущим маневрировать совместно со всеми подразделениями судов эскадры. Результатом всех этих соображений и явились большие маневры Балтийского флота в 1912 году.

Заблаговременно, была установлена исходная дислокация всех кораблей эскадры в Финском заливе с ее флагманским кораблем, броненосным крейсером «Рюрик», под флагом Командующего флотом адмирала Николая Оттовича фон-Эссен (героя Русско-Японской войны, командира знаменитого крейсера «Новик»).

Командиру минного заградителя «Енисей», Порт-Артурцу, Георгиевскому кавалеру, капитану 2-го ранга Порембскому, как старшему в чине из командиров заградителей, было приказано Командующим флотом поднять Брейд-вымпел Командующего отрядом (условных) легких крейсеров «Енисей» и «Амур» (кап. 2-го ранга Веселкин).

Главные силы эскадры, как мне помнится, состояли из: броненосного крейсера «Рюрик» (флаг Командующего флотом), бригады линейных кораблей «Император Павел I», «Андрей Первозванный», «Слава» и «Цесаревич», бригады крейсеров «Паллада», «Баян» и «Адмирал Макаров» и при них 2 дивизиона эскадренных миноносцев. Все эти корабли, по выходе из Финского залива, получили свои директивы и вступили на свои места в боевом порядке. «Енисей» и «Амур» были посланы в передовую разведку. Таким образом, при сравнительно хорошей погоде, флот двинулся в поход, мимо шведских и германских берегов.

Молодые офицеры эскадры, под руководством судовых штурманов, для практики, занимались определением мест нахождения кораблей в море, днем — при помощи секстанов, по «близ-меридианальным» высотам солнца с искусственным горизонтом, а ночью — по звездам.

С подъемом флага, в 8 часов утра, начались ежедневные и разнообразные эволюции отрядов, о которых, за давностью лет, нет смысла упоминать. С военной и политической точки зрения появление в 1912 году возрожденного Российского Императорского флота в Балтийском моер имело громадное международное значение.

Маневрируя, эскадра спускалась на юг Балтийского моря, миновала остров Эзель, Либаву, Готланд (Швеция), прошла остров Борнхольм (Дания) и входила в Эрезунд с курсом на Копенгаген. Это означало конец маневрам. Погода благоприятствовала подходу к прекрасной столице Дании и, по курсу, мы встречались с океанскими пассажирскими пароходами с туристами, не говоря уже про массу торговых судов различных наций. Все они салютовали Русскому флагу, трижды приспуская свои кормовые флаги, а на больших пассажирских судах публика высыпала на палубу и под звуки своих оркестров, игравших Русский национальных гимн («Боже, Царя храни»), долго махала платочками и шапками. На флагманских

кораблях отрядов оркестры отвечали соответствующими гимнами наций.

Настроение у офицерского состава и команд стало заметно подыматься. Особенно радовалась молодежь, мичманы и лейтенанты, предвкушая ряд береговых удовольствий.

«Енисей» и «Амур» первыми вошли на внешний рейд Копенгагена, находящийся довольно далеко от внутренней гавани. Вдруг с «Амура» семафор на «Енисей»: «Командиру. Прошу разрешения войти в гавань. Веселкин». Наш осторожный командир был ошеломлен таким семафором, но, по-приятельски, был принужден разрешить. «Амур» дал полный ход и, под лихим управлением своего командира, который управлял кораблем, как джигит конем, пошел в гавань. Веселкин развернулся своим «Амуром», как говорится — «на пятачке» и ошвартовался около пристани Копенгагенского променада и пляжа Лангелин, где обыкновенно собирается масса гуляющей публики.

Можно себе представить, как мы, мичманы, злились на нашего командира, который остался на «Енисее» на внешнем рейде. Нам, молодым, уже представлялось, как «Амурцы» мигом вылетят на «бережишко», в объятия прекрасных датских русалок и закатятся с ними по веселым местам Копенгагена, а мы, бедняжки, должны кряхтеть и ждать очередных (по расписанию) паровых катеров и около часу «плыть на них до райских берегов».

Эскадра линейных кораблей и крейсеров вытянулась в стройную линию на внешнем рейде и отдала якоря. Эскадренные миноносцы вошли в гавань и стройным фронтом ошвартовались кормами к стенке променада Лангелин. На этом фактически закончились морские маневры и начались «береговые».

Огромное любопытство вызвал среди населения Копенгагена приход Русской эскадры в столицу дружественной нации, которая еще с времен Петра Великого была тесно связана с Россией, а Датский Королевский Дом был родственным нашей Царской семье по браку Государя Императора Александра III с Принцессой Дагмар, дочерью Датского Короля Христиана IX, впоследствии — Марией Федоровной.

Итак, разукрашенный русскими и датскими флагами, прелестный Копенгаген был готов к торжественному приему Русских моряков. Команды кораблей из кожи лезли вон, чтобы выглядеть красавцами, в надежде на береговые победы. Время было теплое и форма одежды летняя. Начались съезды команды на берег повахтенно (т. е. половина судового состава) и, одновременно, посылались патрули, с кораблей, под общим командованием офицера, следящие за поведением матросов. Вся эта веселая масса матросов на улицах Копенгагена резко выделялась среди публики своей белой морской формой. Матросы быстро вошли в соприкосновение с датской молодежью, особенно с барышнями, и можно было наблюдать, как множество парочек и группы потянулись в известное на весь мир «Тиволи», невиданный ими до тех пор сказочный мир, созданный предприимчивыми датчанами.

«Тиволи» посещается ежедневно не только Копенгагенцами, но и множеством приезжих датчан со всей Дании и, конечно, иностранцами всевозможных наций мира.

Громадный темный парк, феерически освещенный всевозможными разноцветными световыми огнями. Что ни шаг, то различная красота и смена иллюзий. Бесконечное количество разнообразно освещенных павильонов, киосков и эстрад, расположенных по обеим сторонам множества аллей и дорожек с предусмотрительно поставленными для отдыха и влюбленных пар скамейками. Вы подходите к живописному озеру, красиво освещенному береговыми разноцветными огненными декорациями с массой живых цветов. По озеру снуют маленькие моторные лодочки на 2-х человек, беспрерывно и безопасно сталкивающиеся друг с другом. Но что особенно останавливает внимание гуляющих, это громадный красный огненный силуэт «Китайского дворца». Внутри же дворца и на его веранде расположен ресторан, переполненный шумящей публикой.

Музыка гремит со всех концов парка, с нескольких эстрад для симфонических оркестров. На открытой сцене выступает прекрасный балет. Впереди сцены, как в театре, находятся места и эта площадь оцеплена только веревкой, чтобы гулящая публика, на расстоянии, могла видеть бесплатно балет.

Кроме всего этого, многочисленные аттракционы, вроде американских гор, с вагонетками, мчащимися и падающими почти отвесно в пропасть, с несущимися с них отчаянными криками пассажиров. Дальше карусели с фигурами верблюдов, жирафов и прочих животных. Все это бешено крутилось и орало.

Кругом парка масса маленьких ресторанчиков с кричащими названиями, киоски с мороженным, напитками, фруктами, горячими сосисками, котлетками, для менее состоятельных посетителей. Немало людей пробуют счастье в рулетку, но большей частью безнадежно.

В 11 часов ночи богатая иллюминация с мноожеством ракет, с треском разрывающихся в небе и падающими разноцветными каскадами звезд. Все это создает восторженное настроение среди матросов, не видавших ничего подобного раньше.

. . . .

Официальные визиты начальствующих лиц

шли своим чередом. Офицеры эскадры были приглашены в Датское Морское собрание, в театры и частные дома.

На следующий день по приходе, был торжественный прием в здании посольства, Российским Императорским посланником, Командующего флотом адмирала Н. О. фон-Эссен с его штабом и командиров всех судов при одном офицере. На прием этот попал и я в качестве сопровождающего нашего командира капитана 2-го ранга Порембского, видного, элегантного офицера. В посольстве в этот день играл оркестр бабалаечников Гвардейского Экипажа с Императорской яхты «Полярная Звезда», на которой пришла из России в Копенгаген вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Одновременно с ней, на своей яхте, пришла из Англии и ее сестра, английская вдовствующая Королева.

День спустя, Датский Король, в сопровождении своих двух Царственных сестер и наследника Престола Принца Христиана, произвел смотр Российской эскадре. Это был величественный парад, начатый салютом эскадры. Король стоял на открытом мостике своей старой колесной яхты «Данеброг», имея по обе стороны себя своих сестер. Команды кораблей эскадры стояли во фронте, оркестры играли Датский национальный гимн. Несмолкаемые крики «ура!» сопровождали Королевскую яхту, медленно проходившую вдоль строя кораблей.

Позже, в этот же день, был прием у Командующего флотом и бал на его флагманском корабле.

Все паровые катера с больших кораблей эскадры и в том числе лучшие катера флота с «Енисея» и «Амура», с надраенными медными трубами, ярко горящими на солнце, с мягкими плюшевыми уборами кормовых сидений, под управлением красивых молодых мичманов в белых кителях, с черно-золотыми саблями, стекались к Королевской пристани за приглашенными гостями, датскими представителями Королевской власти, военного и морского управлений, городской высшей администрации и иностранных дипломатов с сонмом их жен и дочерей, в чудных бальных туалетах. Эти дамы и барышни были главной мишенью наших молодых офицеров.

Все это происходило на громадном и широком юте крейсера «Рюрик», украшенном флагами и зеленью. Угощений, вина и шампанского был непочатый край. Бал в разгаре. Моряки победили сердца гостей своим гостеприимством и особенно увлекли молодых дам и барышень упоительными вальсами и мазуркой с фигурами.

Празднество подходило к концу, но увлеченная молодежь до последней минуты не могла расстаться с датскими друзьями, молоденькими, прелестными белокурыми скандинавками.

Об этой заключительной фазе «береговых маневров», в которой я сам участвовал, к сожалению, приходится умалчивать, но дорогим читателям предоставляется самим воображать, какие сердечные муки пришлось переиспытать обеим воюющим сторонам.

. . . .

Что касается дальнейшей участи минного заградителя «Енисей», то история I-ой Мировой войны говорит: «Енисей», на переходе из Ревеля в Моонзунд, недалеко от маяка Оденсхольм, был потоплен неприятельской подводной лодкой. Драма продолжалась 10 минут и так как поблизости никого не было, а вода была очень холодная, то спаслось всего 19 матросов, и из офицеров — один лишь старший механик. Все же остальные, в количестве более 200 человек, погибли. По рассказам очевидцев, когда «Енисей» погружался в воду, все погибавшие пели гимн, а командир, капитан 1-го ранга Прохоров, стоял на мостике, отказавшись спасаться. Вечная им память!

Борис Арский

ШТОРМ

1913 год, порт Императора Александра III (Либава). Начало октября. Осень. Старый друг морей и океанов, ветеран русско-японской войны, броненосный крейсер Его Императорского Величества «Россия», ранним, пасмурным утром выходил в море. Крейсер, постройки 1896 года, водоизмещением 13.060 тонн, после полного ремонта в 1909 году, ежегодно, а иногда и два раза в год, уходил в заграничное плавание с корабельными гардемаринами, слушателями штурманских офицерских классов и учениками, будущими строевыми унтер-офицерами (квартирмейстерами) Шла напряженная, последняя шлифовка людей. Плавание было тяжелое, показательное. Весь личный состав крейсера отборный, надежный, опытный. Так и в этот раз, приняв и разместив многочисленное временное население, забив провиантом, углем и разными припасами трюмы, отсеки и кладовые, крейсер осторожно развернулся, малым ходом прошел аванпорт и, вдохнув широкой грудью ветер свободного моря, дал полный ход.

Море штилевое. И море и небо окрашены в одинаковый бледно-голубой цвет. Там, где они сходятся на горизонте, лежит густая, дымчатая черта. Да и вода какая-то тяжелая, ленивая, медленно, неохотно, ворча и шипя расступается в стороны под могучим форштевнем коробля, скользит вдоль бортов и далеко, за кормой, сонно успокаивается. Низкие берега скрылись в мгле, исчезли шпили церквей города и, наконец, высокая башня маяка ушла за горизонт, будто потонула в море. Прощай, Россия! Через полгода крейсер вернется к твоим берегам.

Плавание шло строго по расписанию и на корабле жизнь кипела, как в муравейнике. Занятия, практические учения, экзамены, выполнение специальных заданий, посещение в иностранных портах заводов, кораблей, музеев, приемы на корабле, редкие развлечения на берегу. Посетили Норвегию, Англию, Азорские острова и пошли, пересекая Атлантический океан, в Вест-Индию, на остров Сан-Винсент. Нужна была небольшая передышка, что и было сделано в располагающих к этому условиях. Прекрасный климат и роскошная природа манили к отдыху и беззаботности. На рейде стоял отряд из четырех английских легких крейсеров под командой адмирала Крадок. Русские и английские моряки как-то особенно тепло сошлись в эту встречу, часто проводили весело время в гостях друг у друга и на берегу. Дружили и команды и, к удивлению, не было неизбежных столкновений, переходивших иногда в большие потасовки. Английский адмирал предсказывал скорую и неизбежную войну с Германией. Говорил он и о том, что предчувствует свою гибель в морском бою с немцами и он так странно уверен в неизбежности этого, что совершенно спокоен. Старик не ошибся. В 6 часов 34 мин., в сумерках догоравшего Дня Мертвых, в воскресенье 1-го ноября 1914 года, начался бой у мыса Коронель между англичанами и немцами, бой, который немецкий адмирал Шпее назвал боем у Санта-Марии, по имени острова, находившегося вблизи. Английские корабли вступили в бой под флагом адмирала Крадока. На своем флагманском корабле «Гуд-Хоп» ,адмирал тщетно пытался вырвать, ставшую невозможной, победу. Сражаясь и умирая с исключительной доблестью, английские моряки в этом бою расплатились за грехи и ошибки английского адмиралтейства. Английская эскадра расстреляна. Уходящий немецкий крейсер «Шарнгорст» открыл беглый огонь по гибнувшему «Гуд-Хоп». Это был конец старого джентльмена адмирала Крадока и 700 человек команды его флагманского корабля.

Кончен короткий отдых. Выполняя задание, крейсер вышел на остров Ямайка. Но на этом переходе провидение вмешалось в налаженную жизнь корабля и смешало все карты и планы. В открытом море в одной из машин произошел страшный взрыв цилиндра низкого давления. Сила взрыва была настолько велика, что развернула палубные броневые плиты. Убитых к счастью не было, пострадал тяжело лишь один человек. Временно исправили повреждение, под «вакумом» крейсер медленно дошел до восточных берегов Соединенных Штатов и недалеко от города Норфольк вступил в продолжительный и серьезный ремонт. Учебная жизнь на крейсере шла своим чередом и только прибавилось больше возможностей познакомиться с новостями судостроения, новостями техники и с жизнью страны.

6-го декабря ст. ст. телеграф принес из далекой России радостную весть. Государь Император, в день своего тезеименитства, произвел корабельных гардемарин в офицеры-мичманы. Событие это отпраздновали весело и шумно. Встретили новый 1914-й год и вскоре последовало распоряжение Морского Министерства —

с окончанием ремонта возвращаться в Россию.

В зимний хмурый январский день 1914 года вышли в Атлантический океан, оставив за кормой гостеприимные берега Америки. Быстро упали сумерки. Серый, взлохмаченый Атлантический океан встретил крейсер сердито, недружелюбно, обрушившись на него порывами холодного ветра. Густые клубы дыма валили из всех четырех труб корабля, ветер рвал дым в клочья, прижимал к волнам и смешивал с белой пеной сердитых валов. Крейсер загорелся огнями, принял вызов сердитого старика океана и скоро потонул в непроницаемой ночной мгле. Курс был проложен к берегам Франции, шли в Брест.

Ветер делался все холоднее и его порывы усиливались. Быстро росли волны, и на высокую палубу корабля стали залетать брызги. Было ясно, что наростал сильный шторм, и на крейсере готовились к предстоящему поединку. Сильно качало, но люди справлялись с своей работой быстро и четко. Через сутки ветер достиг уже силы девятибалльного шторма и продолжал усиливаться. И тогда стало ясно, что старик Атлантик перестал владеть собой. С первых дней мироздания, ведет он ожесточенную борьбу против ненавистной ему тверди. С временем он не считается. Пройдут ли тысячи или миллионы лет, он знает, что он победит. Медленно, верно, ударами могучих волн своих, измельчит в песок гранитные скалы, размоет берега, ворвется в глубь материков. зальет, затопит, все похоронит в темных безднах своих. И тогда будет он один, властный, могучий, в безграничном просторе катить свободные волны и петь песни вечности. А теперь он зол. Зол на дерзких, ничтожных жителей ненавистной земли, бороздящих могучую грудь его. Он бушует, он раздражен упорством этих земных букашек, его раздражает эта бесконечная, упорная борьба.

Крейсер шел в «бакштаг», т. е. имея ветер и волны сзади, под углом в 30-40 градусов к корме. Он как бы уходил от ветра и огромных валов догоняющих его. Томительно тянулись дни и ночи не принося никакого облегчения. Как-то потерялось ощущение времени в этой упорной борьбе человека с стихией. Анемометр стал показывать силу ветра в десять баллов, причем ветер продолжал усиливаться. Шторм переходил в ураган.

Оглушительный вой ветра заглушал все на верхней палубе. Частые густые заряды распыленной воды налетали плотной массой с кормы, скрывая все, что находилось впереди. Кипящая, белая пелена обступала борта и, разрывая эту пелену вокруг корабля, вздымались огромные валы. Под давлением страшной силы высоко вверх взлетает корма крейсера. Точно потеряв всякое самообладание, в ужасе бешено вращаются в воздухе винты, дрожит стальной великан и с тяжелым вздохом, напрягая свои силы, зарывается полубаком в открышуюся пропасть. Взлетают вверх каскады брызг и пены, и вот нос крейсера взмывает вверх, с него, как водопад, стекают огромные водяные потоки, а над провалившейся кормой вновь выростает высокая темная стена догоняющего нового вала. С грохотом вкатывается на ют пенящийся гребень и, заливая палубу, движется к носу. И так тянутся часы, дни и ночи.

Тяжело у руля в такую непогоду управлять кораблем, держать его на курсе. Особенно тяжело, когда корабль идет по волне. Только опытные, сильные руки, держащие штурвал, справляются с этой задачей. Достигнув 12-ти баллов, то-есть более 29 метров в секунду, что составляет свыше 74 килограммов давления на один квадратный метр, ураганы поднимают волны свыше 10 метров. С таким ураганом боролся и крейсер.

Все, кто был вне службы и вахты, забились в свои отсеки и каюты. Командир, капитан 1-го ранга Ворожейкин, штурман, вахтенный начальник, рулевой и сигнальщики на мостике, чуть выше корпуса бьющегося в урагане корабля, забыв время, держали корабль на курсе и следили за первой, возможной угрозой его безспасности. Многотонные потоки воды всей своей тяжестью и яростью переливались через крейсер, ветер отрывал руки от поручней, брызги и пена забивали рот, нос и глаза, давили, слепили и мешали дыханию.

Вдоль верхней палубы крейсера протянуты штормовые леера. Без них передвижение по кораблю в шторм невозможно. Только вцепившись в леер можно удержаться на ногах и не быть смытым за борт, когда судно круто накренится. Каскады воды все смывают на своем пути. Пусто на палубе. Только две тени, не зная отдыха ни днем ни ночью, приседая, цепляясь за все, что попадется под руки, применяясь к размахам качки, бродят по всему кораблю. Они везде, от верхних надстроек, осматривая заботливо крепления шлюпок, в трюмах, где следят, не прибывает ли внутрь вода, в жилых палубах и офицерских помещениях проверяют, хорошо ли задраены иллюминаторы и все ли на своих местах. Эти двое — старший офицер капитан 2-го ранга К. В. Шевелев и старший боцман Добровольский. Впереди плотная, коренастая фигура «старшего», а за ним небольшой, подвижной как ртуть, боцман. Объясняются они больше жестами. По неписаному закону, ученик, будущий строевой унтер-офицер, если стошнит на качке, лишался производства в унтер-офицеры, как бы высоко не стояли его знания и способности. Он не мог в будущем при сильной качке, в бою, в момент опасности ясно мыслить и руководить людьми, страдая

морской болезнью. Так и сейчас, на этой страшной, изматывавшей все внутренности, качке, самые здоровые слабели и их тошнило, но чтобы скрыть этот невольный недостаток, люди предпочитали тошнить крадучись в свои матроские рубахи, воровски вытирали рот и бледные бросались, превозмогая себя, к какому-либо делу. Но трудно было скрыться от всевидящего ока боцмана. Завидев бледное лицо и туманный, страдальческий взор, он вплотную подходил и шипел:

— Ты, что же стерва, блевать вздумал, унтером хочешь быть, а это видел?... и подносил к носу жертвы кулак.

— Казна тебя кормит, а ты рыб кормишь... хвабрику тут открыл... марш под палубак, в кубрик, вот я тебя..., — дальше шла «словесность».

Когда старший офицер заглядывал в кают-компанию, там было пустынно. Свободные от службы офицеры и гардемарины отлеживались в своих помещениях. Некоторые мучились приступами морской болезни, но стягивали в узел свою волю, владели собой и выходили на вахту вполне контролируя себя. Таких было мало. Иногда лишь морщился «старшой», заметив бледное лицо молодого мичмана.

Но если снаружи бесновала буря, и моряки боролись с ветром, водой и холодом, то в недрах корабля, в «чреве китовом», царствовал другой ад. Как духи в преисподней, у котлов, в залитых ярким электрическим светом кочегарках, работали полуголые, мокрые от пота и напряжения здоровенные, мускулистые люди. Чтобы удержать необходимое давление пара в котлах, надо было неустанно питать углем ненасытные топки. На страшных размахах, с поразительной ловкостью, результатом долгой и настойчивой тренировки, они загребали лопатами уголь из угольных ям и, улавливая момент когда крейсер ложился на противуположный борт, учитывая возможность самим влететь в раскаленную топку, быстро открывали двери, сильным взмахом разбрасывали веером уголь, «шуровали» и быстро захлопывали дверь, когда крейсер начинал крениться на их борт. Такая же работа шла с другого борта. Уголь был плохого качества, американцы подвалили, и надо было часто чистить колосники, сбивать закал. В машинном отделении, среди огромных, движущихся частей, шатунов и мотылей, по узким железным мостикам, где цепляясь ходили машинисты и смазчики, зорко следя за абсолютно точной, бесперебойной работой машин и вспомогательных механизмов. Духота, тошнотворный запах горелого масла и изнуряющая, все выматывающая качка. Но это был настоящий и будущий кадр флота вполне выдерживавший строгий экзамен.

Прошло шесть суток, ураган не стихал, и крейсер продолжал биться в середине Атлантика. В сумерках вечера, поднялся на мостик к командиру старший инженер-механик корабля, капитан 1-го ранга Зайцев.

— Если так будет продолжаться, нам до Бреста угля не хватит, доложил он.

— Как не хватит? вскинулся командир.

— Малый ход, большой расход, уголь оказался плохого качества, должен доложить, что ответственность на себя взять не могу, так как, повидимому, шторм скоро не прекратится.

— Где я вам возьму уголь среди океана?

— Можно повернуть и зайти на Азоры (Азорские острова), подгрузиться и немного отстояться, все равно запаздываем, — очевидно все заранее продумав, осторожно посоветовал Зайцев.

— Повернуть, повернуть..., а вы знаете, что значит сейчас повернуть?... и маленький, плотный, краснолицый командир уничтожающе смотрел на своего первого, технического помощника.

— Благодарю вас, принял к сведению... и резко отвернувшись, командир приказал немедленно вызвать к нему старшего офицера. Старший механик, откозыряв, исчез.

— Клавдий Валентинович, что же это такое? Зайцев доложил мне что нам до Бреста не хватит угля, накинулся командир на появившегося старшего офицера.

— Чепуха, он все выдумывает, хватит. Крейсер в прекрасном состоянии, и мы скоро вырвемся из урагана, последовал спокойный ответ.

— Но, если не хватит, то буду отвечать я, вот положение, нервничал командир.

— Тогда повернем и пойдем на Азорские острова, пожав плечами согласился старший офицер.

— Будто вы не знаете, что значит повернуть в одиннадцатибалльном урагане из «бакштага» в крутой «бейдевинд», перевести кресер через «галфвинд», т. е. поставить лагом к такой сумасшедшей волне, медленно, видимо охватывая все возможности, процедил командир.

— Знаю, повернем, и старший офицер выжидательно замолк.

— Тогда вы и поворачивайте и сейчас же, неожиданно отрезал командир.

К штурвалу был вызван унтер-офицер, рулевой старшина. Шевелев долго и внимательно оценивал обстановку и, наконец, когда ему показалось, что валы за кормой стали временно как будто меньше, скомандовал — право руля.

Сначала, послушно и быстро крейсер последовал за его приказанием, но, по мере приближения к положению бортом к волне, замедлил свое движение. Страшное давление ветра на

носовую часть корабля не пускало его выйдти на ветер и, в тот момент, когда он стал параллельно волне, высоко над бортом вырос огромный вал, опрокинул свой гребень на палубу и придавил крейсер к воде. Крен быстро увеличивался на подветренный борт, но вал прошел и крейсер стал медленно, а потом все скорее, подыматься и, дойдя до прямого положения, стремительно бросился к ветру. Точно какой-то могучий толчок повернул его на застывшей корме и привел носом к волне.

Легли на новый курс в крутой «бейдевинд» и стали принимать страшные удары ветра и волн правой, носовой частью корабля. Качка дошла до критических размеров, вызвав целый ряд неприятностей и недоразумений.

Так называемая высота глаза наблюдателя, т. е. расстояние от уровня спокойной воды до глаза человека, стоящего на мостике, для крейсера «Россия» равнялась 48 футам. Часть гребных судов находилась на рострах на высоте около 40 футов и ударом одной из волн, взметнувшейся выше этого уровня, был разбит гребной катер.

На юте распоряжался помощник старшего офицера старший лейтенант Алексей Константинович Пилкин, имея младшего боцмана под рукой. Ему пришлось выдержать горячую битву с взбесившимся огромным тяжелым обеденным столом в кают-компании. Этот стол стоял своими тяжелыми ногами в специальных медных высоких башмаках, привинченных к палубе. Даже в тайфунах, во время плавания крейсера в Тихом океане, он не вылетал из этих башмаков и считался вполне благонадежным обитателем кают-компании. Теперь и он не выдержал и, когда крейсер лег на борт, вылетел из некоторых башмаков, но, к счастью, временно задержался в других. Если бы он освободился совсем то мог бы причинить ряд тяжелых и трудно поправимых разрушений. Его забросали матроскими подвесными койками и, как безумного, скрутили по рукам и ногам.

Крейсер имел якоря старого типа, «адмиралтейские», не втягивающиеся в клюзы, а закрепленные на полубаке на специальных подушках, якорный же канат уходил в клюз, который на походе закрывался особой крышкой, плотно прихваченой к клюзу особыми внутренними талрепами, и, таким образом, предохранялось поступление воды внутрь корабля на сильной волне. Теперь, одним из ударов, волна сорвала часть талрепов и сдвинула крышку в сторону, открыв клюз, через который вода начала вливаться в помещение под надстройкой полубака. Вода дошла уже до колен и перекатывалась по помещению, с глухим шумом сильно ударяя в борта. Туда бросились старший офицер, лейтенант Бошняк, боцман, судовой плотник Петров и еще несколько матросов. Надо было изнутри заделать клюз деревянной пробкой и этим прекратить дальнейшее поступление забортной воды. Крейсеру ничто не угрожало, но безумная качка, духота, вода до колен, создавали обстановку, в которой можно было работать, имея только крепкие нервы. И, наконец, у небольшой части экипажа, нервы, временно, сдали.

К старшему офицеру пробрался смущенный младший боцман.

— Ваше Высокоблагородие, разрешите доложить, у комендоров в палубе не благополучно.

— Что ты плетешь, как неблагополучно?

— Так что, когда крейсер положило, рыжий комендор, что батюшке прислуживает и замутил ребят. Говорит — погибаем, братцы, нет нам спасу, надевайте чистые рубахи, чтобы по-матроски смерть принять, да достал из церковного ящика свечи, роздал ребятам, зажгли, а рыжий еще и поет. Чистая срамота, Ваше Высокоблагородие.

Бешенство охватило всегда спокойного обладателя крепких нервов старшего офицера. Бросился вниз, а за ним мчались оба боцмана с сжатыми, на всякий случай, кулаками. Человек двадцать комендоров (прислуга орудий), в чистых рубахах, с горящими свечами в руках, сбились в небольшом, душном отсеке, молча и бездумно, чего-то ожидая, а их смутитель, рыжий комендор, выводил какой-то напев своим довольно неприятным тенорком. Оба боцмана ахнули и на всю жизнь прониклись уважением к своему «старшому», услышав такую гармонию, полившуюся из его уст, до которой не могло дойти даже их профессиональное воображение. Сам Шевелев потом удивлялся, откуда на него нашло такое вдохновение. Но лечение оказалось действительным. В момент потухли свечи, столбняк прошел, люди застыдились своего невольного малодушия, а рыжий комендор, несмотря на свое высокое звание прислужника, познакомился с кулаком боцмана.

— Я тебе посвечу... ты у меня погоришь... рыжая твоя душа...

К этому времени, деревянной пробкой заделали клюз, и вода перестала прибывать под полубак, влившуюся воду откачали и плотно закрыли двери. Для окончательного излечения малодушных, старший офицер приказал назначить по шесть человек в это помещение, где больше всего качало, было душно и неприятно пахло от испарений только что откаченой воды. Когда люди становились зелеными от качки, их сменяли другие шесть, но о гибели и смерти они совершенно забыли. Рассвирипевший старший офицер этим не ограничился и, заметив молодого мичмана с подозрительно

бледным лицом, послал и его в то же помещение, под полубак, часа на два последить — все ли там в порядке.

Долго еще бесновался ураган. Точно какое-то страшное морское чудовище скребло по стальному корпусу корабля своими огромными когтями, качало и бросало крейсер в своих могучих руках и бешено, яростно ревело, сознавая свое бессилие уничтожить эту дерзкую маленькую скорлупу.

На двенадцатый день стало чуть тише, и скоро крейсер, подойдя к Азорским островам, бросил якорь на рейде, где должны были пополнить запас угля. Рейд был полуоткрытый. На большой зыби, угольные баржи плясали у бортов, и погрузка шла в очень тяжелых условиях, но для команды теперь это казалось легким развлечением в сравнении с напряжением, пережитым во время урагана. Работали весело, быстро, с шутками, высмеивали «молельщиков» и предвкушали скорое окончание похода.

Спешно закончив погрузку, вышли в океан. Теперь шли под акомпаниамент медленно утихающего шторма без всяких происшествий. Непрерывно принимали по радио вести о тех страшных бедствиях, которые натворил этот ураган в северной половине Атлантического океана. Погибло много коммерческих судов, были жертвы и среди кораблей военных флотов, а цифра исчезнувших рыбачьих судов не могла быть учтена и была огромна. Великаны, трансатлантические пароходы, доносили о тех бедствиях, которые им пришлось перенести и давали цифры измеренных высот волн, доходивших до 60 футов.

На шестнадцатый день после выхода из Норфолька, крейсер «Россия» вошел на Брестский рейд, с разбега еще немного покачался и, облегченно вздохнув, затих. Настал заслуженный отдых.

Леонид Павлов

Военная награда двенадцатилетней девочке

На дальнем северо-западе Белого моря глубоко выдается длинный, тонкий мыс — Святой Нос. Этот мыс является последней точкой Терского (западного) берега для кораблей, уходящих в океан. По нему определяют мореплаватели курс, ведущий из океана в горло Белого моря. Во время Первой Мировой войны этот мыс стал знаменитым — к нему шли пароходы из Англии, Франции, Америки и других стран с боевым снаряжением для русской армии. На самой оконечности Св. Носа стоял маяк, имевший сигнальную мачту и паровую сирену для подачи сигналов во время туманов. Маяк был связан прямым проводом с Архангельском.

С осени 1915 года начала налаживаться доставка военных грузов в Архангельск и иностранные суда стали приходить туда в большом количестве.

Адмирал Главноначальствующий и его штаб в Архангельске с утра до вечера бились над ворохом срочных телеграмм с требованием подать внутрь России те или иные военные грузы. С моря шли не менее срочные радио-телеграммы и телефонограммы службы связи. То у Орловского маяка взорвался на неприятельском заграждении такой-то пароход, то наши или английские тральщики затралили минную банку на новом месте, то в таких-то норвежских фиордах были замечены германские подводные лодки. Наконец, ежедневные просьбы выслать тралящий караван к Св. Носу для проводки сквозь минные заграждения пароходов со срочными военными грузами, ожидающих уже несколько дней тральщиков на Иокангском рейде.

Однажды, поздно ночью, прямым проводом из Морского Генерального Штаба передали запрос о том, где находится один британский пароход с ценным военным грузом. Морской Генеральный Штаб сообщал, что Британское Адмиралтейство считает этот пароход прибывшим в Архангельск. Офицер Штаба позвонил на Святой Нос по телефону.

— Есть Святой Нос, — ответил детский голос.

— Кто говорит? Где смотритель? — сурово спросил офицер.

— Он болен. Я все доложу, — донесся снова детский голосок.

— Кто у телефона? — совсем сердито крикнул офицер.

— Маруся Багренцова, дочь смотрителя, — послышалось в трубке.

— Сообщите срочно, прибыл ли такой-то пароход и дайте полный список судов на Иокангском рейде. Несколько минут молчания.

— Алло, алло, — пищит трубка телефона.

— Оперативная часть Штаба. У телефона — лейтенант Н.

— Доношу, пароход прибыл 22 часа, дано службу связи. На рейде (перечисляет суда). Орловский маяк предупредил: Первое отделение тральщиков прошло маяк, идет к нам. Завтра караван идет Архангельск. № 25367. Святой Нос. Телефонограмма окончена — передает тот же детский голос.

Полученные сведения дали возможность ответить Начальнику Морского Генерального Штаба в Петроград. Кроме того, выяснилось, что служба маяка Святой Нос, несмотря на болезнь смотрителя, работает образцово.

Через несколько дней, на Святой Нос был командирован офицер из Архангельска, для выяснения положения на маяке, в связи с болезнью смотрителя. Он выяснил, что дочь смотрителя не только в образцовом порядке держала маяк, не только передавала все сигналы, как флажные, так и туманные, но она спасла несколько пароходов с ценными грузами, подняв самостоятельно им сигналы идти на Иоканский рейд и ждать тралящий караван, иначе эти пароходы пошли бы в Горло Белого моря без тральщиков и весьма вероятно погибли бы.

Через несколько недель, на маяк Святой Нос был назначен новый смотритель и была учреждена должность его помощника. У маяка решено было установить пост службы связи с постоянной сигнальной вахтой и приступить немедленно к постройке радио-станции. По Высочайшему приказу, смотритель маяка увольнялся по болезни в отставку, с сохранением полного оклада содержания, которое он получал на службе, а для дочери смотрителя пришел приказ, в силу которого: «в воздаяние отличной доблести, спокойствия и редкого добросовестного отношения к службе в тяжелых обстоятельствах военного времени, девица Мария Багренцова награждается серебряной Георгиевской медалью».

Это была первая военная награда на Белом море. Награжденной было 12 лет от роду.

Извлек **Н. Скрябин**

Батумский отряд судов в 1917 году

В период углубления «великой и бескровной», то-есть летом 1917 года, мне пришлось плавать на эскадренном миноносце «Жуткий», входившем в состав Сводного дивизиона эскадренных миноносцев. Этот дивизион, в свою очередь, входил в Восточный отряд судов Черного моря, обычно называемый Батумским отрядом, по имени своей базы. Постоянная боевая служба дивизиона, когда миноносцы, как волки, носились вдоль вражеских берегов, рыская по всем бухтам Анатолии, топя все, что еще оставалось плавающим у турок, обстреливая города и селения, связываясь в перестрелках с береговой артиллерией противника, высаживая наших шпионов в тылу неприятеля и тем сея панику среди правоверных поклонников Ислама — все это спаивало еще теснее офицерский состав и без того объединенный общностью интересов и однородным воспитанием.

Интенсивная боевая деятельность оставляла мало свободного времени и не позволяла командам распускаться и заниматься митингованием. В это же время в Севастополе, ставшем революционным центром, шли бесконечные митинги, на которых выносились все углубляющие революцию решения.

В нашем отряде, благодаря вышеуказанной причине и вследствие относительной оторванности от Севастополя, царила почти дореволюционная дисциплина.

Все корабли плавали, конечно, под Андреевским флагом. Хотя, заботами Гучкова, Керенского и Ко, были созданы судовые комитеты, тем не менее это мало отражалось на службе. В эти комитеты попадали обыкновенно умеренные матросы, прислушивающиеся к мнению офицеров, выбранных в комитеты, и выносившие постановления чаще всего по их указке.

В эту пору нам случалось, захватывая турецкие шхуны, делить их грузы между офицерами и матросами, так как с революцией вошло опять в силу призовое право. Чаще всего эти грузы были самого невинного характера: мел-

кие лесные орешки (часто уже очищенные от скорлупы) и табак. Эти грузы предназначались для оборванных и полуголодных аскер и голодающего населения. Временами было даже как-то неловко и топить, и отбирать у турок эти жалкие грузы. Чувствовалось, что когда-то мощная Оттоманская империя напрягает свои последние силы перед предсмертной агонией. Однажды, мы захватили шхуну, груженную Самсунским табаком, считавшимся одним из лучших в мире. Этот груз был разделен, пользуясь, очевидно, старым, а не демократическим призовым правом, так как все офицеры получили во много раз больше чем матросы. Каждому офицеру досталось по несколько пудов этого прекрасного табака. Мы положительно не знали, что делать с таким количеством, раздаривая его своим друзьям и знакомым направо и налево. Матросы продавали свою долю, но офицеры в то время еще не были опытны ни в спекуляции, ни в торговле.

Надо сказать, что, если бы офицеры не были принуждены носить галуны на своих рукавах и погонах, по западному образцу, вместо старых офицерских погон и не обращение матросов: г-н мичман, г-н лейтенант и т. д. вместо обычного «Ваше Высокоблагородие», можно было бы думать, что революции и не было. Попадались сверхсрочнослужащие матросы, упорно продолжавшие титуловать попрежнему, не скрывая своей нелюбви к новым порядкам и презрения к своим более «сознательным» товарищам. Особенно выделялся наш баталер — старый и исправный унтер, который «крыл» своих свободолюбивых товарищей самыми отборными словами морского лексикона, утверждая, что и Россия, и они сами переживут много бед без Царя. Когда, идиотским приказом Временноо Правительства, эти опытные и лучшие служаки были уволены от службы, сразу почувствовалось, что лопнула какая-то струна — исчезла какая-то связь между офицерами и матросами, хотя наружно дисциплина не нарушалось. К концу лета, прозошла смена командиров на нашем миноносце. Уходил ст. лейтенант Н. С. Чириков — прекрасный командир миноносца и один из лучших штурманов в Черном море. Его уход меня особенно огорчил — мы были старыми соплавателями по эскадренному миноносцу «Громкий» и у нас с тех пор установились самые дружеские отношения. Новый командир — уже немолодой ст. лейт. Е. П. Винокуров — недавно был переведен с Дальнего Востока и был нам почти неизвестен. Он оказался милейшим человеком, но недостаточное знание местных условий приносило ему немало неприятностей. Я плавал на «Жутком» в качестве заведующего артиллерией и ротного командира, но приходилось исполнять также обязанности старшего офицера. Эти обязанности заставляли быть в постоянном соприкосновении с командой, но я не припомню ни одного анти-дисциплинарного выступления со стороны матросов

Наша база — Батум — была в то время тихим провинциальным городком с значительным привкусом Востока. Там была мечеть, настоящие восточные бани (находившиеся вблизи стоянки миноносцев и часто посещаемые нами). На базаре Нурие, в недалеком расстоянии от нашей стоянки, среди грузинских черкесок то и дело мелькали аджарцы в своих национальных костюмах, с головами замотанными причудливо завязанными башлыками, спускавшиеся в город из своих горных захолустий.

Довольно обширная бухта была защищена от NO-ых ветров молом, с белым маяком на его конце, и окружена зелеными горами, где виднелись кое-где наши, кажется, довольно-таки устаревшие, укрепления. Эти горы, на отроги которых взбегали белые домишки предместья, Орта Батум, сливались вдали с синеющими горами Аджарского хребта. На главной аллее Приморского бульвара, идущей перпендикулярно к прекрасному пляжу, и на его боковых аллеях, в тени субтропической растительности, почти всегда была видна публика. Офицеры отряда,в перерывах между походами, предавались флирту с местными дамами и девицами, число которых было увеличено морскими сестрами милосердия с госпитального судна «Петр Великий», стоявшего на рейде. После обстрела Батума «Гебеном», еще в 1914 году, не причинившим городу никакого вреда, неприятель не показывал своего носа, и город жил совсем как в мирное время. Если бы не присутствие на рейде необычайного для него количества военных судов и затемнения города по вечерам, то можно было бы предположить, что здесь забыли о войне.

Офицеры отряда веселились на вечерах Общественного Собрания и часто посещали чуть ли не единственное (кроме грузинских духанов) кафэ «Религиони» при кино того же названия. Там подавали вкусные туземные блюда и под звуки оркестра, исполняющего «Алла верды», «Мравал джамие» и другие кавказские мелодии, за стаканом доброго кахетинского вина, шли веселые и оживленные разговоры, свойственные офицерской молодежи. Не взирая на «свободы», матросы почему-то не появлялись ни на бульварах, ни в кафэ. Все шло, как при старом режиме, до поздней осени, когда положение на отряде стало заметно ухудшаться благодаря разлагающим распоряжениям правительства и приехавшим с севера агитаторам от Центрофлота, Совета солдатских и рабочих депутатов и прочих «государственных» учреждений. На нашем миноносце отношения с командой значительно натянулись по-

сле того, когда (кажется в конце ноября) вместо нашего командира, добродушного, кругленького ст. лейт. Е. П. Винокурова (по прозвищу «просфорка», на которую он был похож), был назначен ст. лейт. Зубов, нелюбимый матросами еще задолго до революции, хотя и ставший значительно мягче во время ее.

До Батума дошли сведения о неудачной экспедиции на Дон севастопольских матросов против контр-революционных казаков. В этой экспедиции было перебито много матросов. От участия в этом выступлении офицеры категорически уклонились, не желая сражаться во славу революционной демократии. Эти слухи, без сомнения, не улучшили положения, но даже и в это время никаких выступлений со стороны матросов не наблюдалось.

В начале октября «Жуткий» ушел в Севастополь — в сухой док для ремонта механизмов, сильно потрепанных за время постоянных походов. Мне, как недавно женившемуся, было предложено благосклонным начальством оставаться в Батуме, впредь до возвращения миноносца или же до соединения с ним, если бы он получил другое назначение. Вскоре после ухода «Жуткого», наша батумская идиллия была окончательно нарушена: до Батума доползли зловещие слухи о массовых расстрелах флотских офицеров в Севастополе. Эти слухи скоро подтвердились и даже стали известны фамилии расстрелянных — в большинстве, самых блестящих и способных офицеров, среди которых было несколько моих приятелей и сослуживцев. Угадывалась работа неприятельских агентов, тем более, что не было случая расстрела офицеров своими же матросами, кроме убийства молодого офицера на эскадренном миноносце «Фидониси», только что законченном постройкой и вступившем в строй, на котором была сборная команда, еще совершенно не знавшая своих офицеров.

Однажды, во второй половине декабря, гуляя с женой по Приморскому бульвару, я увидел входящий на рейд большой миноносец под красным флагом, в котором я опознал «Фидониси».

Внезапный приход этого революционного миноносца, да еще под красным флагом (не виденном еще в отряде на гафеле военного корабля), не предвещал ничего доброго. Настроение сразу испортилось, и я поспешил вернуться в дом Военно-Инженерного Управления, находившийся напротив входа в Приморский бульвар, где я тогда жил в казенной квартире, занимаемой отцом жены. Не прошло и часа после того, как «Фидониси» успел ошвартоваться, как ко мне пришел очень взволнованный младший флаг-офицер Навостота (Н-ка Восточного отряда) мичман Ю. А. Сукин. Он передал мне совет Навостота: немедленно «смываться» и уходить в горы. Оказалось, что, по сведениям, доставленным в штаб Навостота верным матросом, «Фидониси» пришел со специальной целью арестовать и доставить в Севастополь на суд военно-революционного трибунала пять флотских офицеров, согласно списку, в котором числился и я. Быстро уяснив, чем это пахнет, я был принужден принять срочные меры. Вместо ухода в горы (что бы я делал в дикой Аджарии?) было решено попытаться уехать с первым поездом в Тифлис, где был постоянный дом родных жены. К вечеру, переодетый в черную кожаную куртку, в высоких сапогах, с серой папахой на голове, с удостоверением на имя писаря Военно-Инженерного Управления, с женой, тоже переодетой, отправились пешком на вокзал, надеясь захватить последний вечерний поезд на Тифлись Наши чемоданы нес денщик тестя.

На вокзале, при сравнительно небольшом количестве пассажиров, я увидел большую толпу вооруженных матросов с «Фидониси», среди которых при беглом осмотре не обнаружил ни одной знакомой физиономии. По существовавшему тогда правилу пассажиры до звонка не выпускались на платформу из общей залы, где теперь сбились в кучу. У двух дверей, выходящих на платформу, уже стояли толпы матросов с видимой целью контролировать отъезжавших. Всей этой сильно вооруженной бандой распоряжался какой-то высокий и тощий матрос. При его приближении я узнал бывшего старшего кочегарного унтер-офицера Киданова. Он был у меня в роте на эскадренном миноносце «Громкий», на котором я проплавал большую часть войны, исполняя должность артиллерийского офицера и ротного командира. По слухам, доходившим до Батума, Киданов был одним из революционных вожаков и сторонником применения крутых мер по отношению к офицерам, вплоть до «вывода в расход».

Мне вспомнилась история, случившаяся приблизительно за год до описываемого времени. Однажды утром, выходя из своей каюты перед подъемом флага, я увидел стоящего у моей двери Киданова, доложившего мне, что он хочет заявить претензию на старшего инженер-механика ст. лейтенанта В. А. Кортиковского, опытного и знающего инженера, но обладавшего довольно несдержанным характером. Оказывается, он приказал Киданову, бывшему тогда старшим кочегарным унтер-офицером, привести в порядок какой-то механизм (кажется — ветрогонку). По окончании работы инженер-механик нашел ее неудовлетворительной, изругал Киданова и, яко бы, сильно толкнул его. Мне, как ротному командиру, не оставалось ничего другого как дать делу законный ход. В результате пострадали оба: ст.

лейт. Кортиковский, насколько помню, был временно отставлен от производства в следующий чин, а Киданов был возвращен в «первобытное состояние», то-есть из старших унтерофицеров превратился в простого кочегара. Он всегда производил на меня впечатление толкового, но озлобленного фабричного рабочего, кем он и был до призыва во флот. В данное время, особенно, я не мог расчитывать на приятную встречу с ним.

Я надеялся проскользнуть через те двери, у которых его не будет. Как будто узнав мое намерение, он приказал закрыть одну дверь наглухо и стал у другой, готовясь проверять документы пассажиров. Для меня оставалось два выхода из создавшегося положения: либо идти на «пролом», то-есть мимо Киданова, надеясь, что он меня не узнает, либо вернуться обратно в город, где меня, конечно, выловили бы если не в эту ночь то на следующий день. Кроме того, в последнем случае я, несомненно, подвел бы тех, у кого укрывался. Оставался только первый выход да надежда на милость Божию.

После звонка, пассажиры двинулись гуськом, проходя мимо Киданова, тщательно проверявшего их документы и вглядывавшегося в лицо пропускаемых. Поровнявшись с ним, я протянул мой «документ». Когда он взглянул на меня, у меня не было сомнения, что я опознан, и что надо приготовиться к развязке. Однако, после недолгого колебания, он протянул обратно мое удостоверение.

Я вышел на платформу, ожидая каждую секунду или быть возвращенным, или получить пулю в спину из висевшего на поясе у Киданова Нагана. Только после третьего звонка, когда поезд тронулся, я понял, что избавился от опасности. Поезд тащился как черепаха, останавливаясь на каждой станции, где его атаковали расхлестанные и разнузданные банды озверевших людей, которые еще так недавно были солдатами славной Кавказской армии. Наконец, утром, проползши мимо древнего Мцхета, поезд, тяжело дыша, остановился на Тифлисском вокзале.

Через несколько дней, проходя по Головинскому проспекту, где-то недалеко от бывш. дворца Наместника, я увидел группу людей, одетых в какое-то подобие офицерской морской формы, без всяких отличий, в которой я нашел всех уклонившихся от революционного «правосудия». Никто из нас так никогда и не узнал, кто нас обвинял и в чем заключалась наша вина. Среди беглецов я тотчас опознал капитанов 2-го ранга Б. М. Пышнова и А. Г. Магнуса, капитана Военно-Морского Судебного ведомства И. Питкевича. С ними разговаривал како-то заросший щетиной субъект, в грязном, защитного цвета, плаще и с солдатской фуражкой на голове. Присмотревшись, я с трудом узнал моего приятеля лейтенанта П. М. Ротаст. Предупрежденные, как и я, Навостотом, они последовали его совету, уйдя в окрестность Батума — Махинджаури и Зеленый мыс, куда вскоре, в погоне за ними, явились сильные матросские облавы с «Фидониси». После многих приключений, попадая в окружение облав, как загнанные звери, под пулями, они все-таки словчились уйти от своих преследователей и, где зайцами на поезде, где пешком, по одиночке, добрались до Тифлиса. Здесь правило демократическое Кавказское правительство, не признававшее большевиков. «Фидониси» ушел с «носом». Для нашей группы начиналась новая эпопея в Закавказье. В это время в Тифлисе формировались национальные воинские части. А. Г. Магнус превратился в штаб офицера для поручений при инспекторе артиллерии Мусульманского корпуса. Он был очень эффектен в своей черной черкеске с золотыми газырями и с позолоченной, с чернью, кавказской шашкой с Георгиевским темляком. В этом, казалось, типичном горце с погонами подполковника, украшенными какими-то арабскими буквами, было очень трудно узнать бывшего старшего артиллериста линейного корабля, а потом бравого командира новейшего миноносца.

Я попал в Русский Добровольческий корпус. где служил адъютантом инспектора артиллерии этого корпуса, в управление которого удалось устроить П. М. Ротаста.

Вскоре нам стало известно, что миноносцы нашего дивизиона так же как и другие суда отряда, один за другим потянулись в Севастополь, унося своих офицеров на их Голгофу. Из достоверных источников мы узнали, что большинство матросов с миноносцев нашего дивизиона разошлись по своим домам и лишь меньшая часть примкнула к активным «углубителям» революции.

Еще недавно такой оживленный Батумский рейд почти совсем опустел*).

Так окончил свое существование Сводный дивизион эскадренных миноносцев Батумского отряда, теплая память о боевой службе которого, без сомнения, хранится у немногих, еще оставшихся в живых, его офицеров.

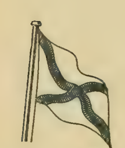
В. М. Федоровский

---

*) Остались в Батуме еще на 2-3 месяца после этого лишь: эскадренный миноносец «Стремительный», вспомогательный крейсер «Король Карл» (реквизированный в свое время у румын) и 2-3 сторожевых катера.

Воспоминания старого моряка

Плавание Отряда Судов Морского училища в 1881-1882 г.г.

Поступив в Морское Училище и, пробыв там зиму в младшей строевой роте, я готовился к самому интересному для меня событию — предстоящему плаванию на судах Отряда Училища.

Плавание воспитанников на парусных судах в 80-х годах было совершенно своеобразное. Условия жизни слагались для молодежи не легкие, но было в них и много хорошего. Воспитанники приучались к педантичному порядку и безукоризненной чистоте, а работа на парусных судах ежеминутно требовала сообразительности, расторопности и вырабатывала смелость и лихость. Переходы же под парусами без шума машины, дыма, угольной пыли и прочих прелестей паровых судов, приносили душевное спокойствие и равновесие и вызывали чувство любви к морю, которое отныне явилось нам близким, дорогим элементом.

Перенестись на короткое время в эту особую, давно отошедшую среду, о которой дальше повествуют мои воспоминания, быть может будет небезинтересно читателю и даст ему тоже минуту душевного покоя, которого нам так не достает в текущие дни.

I.

В этот вечер воспитанники вернулись в стены Училища после двухнедельного отпуска, полагавшегося перед началом плавания Учебного Отряда Морского Училища. В помещении роты царило оживление. На следующий день утром рота отправлялась в Кронштадт на судно, и предстоящее плавание было темою всех разговоров. Курилка, устроенная при помещении роты, была полна. Это была небольшая комната, где беспрерывно топился камин и посредине стояла лоханка для окурков. Здесь более осведомленные товарищи рассказывали о судовых офицерах, с которыми предстояло познакомиться. Одни из них уже были известны, как строгие и даже резкие, но зато лихие моряки, повидавшие виды; эти вперед привлекали всеобщее уважение и симпатию; другие, наоборот, по дошедшим слухам, в морском деле были слабоваты, мягки и скромны по характеру и такие вызывали к себе мало интереса. Особенно много рассказов создавалось вокруг командиров судов, окруженных ореолом легенд из-за их продолжительной службы. Насколько все сообщаемые сведения были верны, — подлежало сомнению, но во всяком случае они отвечали интересу минуты, так как воспитанники относились с уважением ко всему, что касалось избранной ими морской карьеры и мечтою всех было стать истыми, бравыми моряками.

В роте, воспитанники разбирали и укладывали свои вещи. Дежурный по роте унтер-офицер носился с билетами и списками; по временам из своей комнаты появлялся дежурный офицер, водворял, где нужно, порядок. Необычно поздно в этот вечер разбрелись наконец воспитанники по своим постелям, лампы были приспущены и в спальнях наступила тишина.

На следующее утро спальни рано наполнились шумом и беготней поднимающейся роты. Быстро совершив свой утренний туалет, воспитанники занялись окончательной укладкой вещей для плавания. Полагалось иметь шкатулку для всяких мелочей, как письменные принадлежности, табак, мыло, щетки и т. д. Много вещей брать с собой не разрешалось. Все. что касалось обмундирования, а также белье, приготовляла и укладывала заранее училищная прислуга.

Раздалась команда «строиться», и рота длинным фронтом вытянулась в своем помещении. После молитвы, прочитанной дежурным, рота тронулась по бесконечным коридорам в столовый зал и по сигналу горниста разместилась по столам. Большая французская булка и кружка с чаем были уже заранее приготовлены для каждого.

Вслед за завтраком все четыре строевые роты были выведены на набережную и выстроены перед зданием Училища. На фланге стоял хор музыкантов. Раздалась команда и весь состав, под звуки веселого марша, направился через Николаевский мост на Английскую Набережную. Многочисленные родственники, провожавшие отбывавших, шли рядом, весело переговариваясь со своими близкими. У многих во фронте, кроме своих вещей, в руках были пакеты с лакомствами, принесенными на прощание.

У пристаней уже стояли под парами два старика-парохода, «Ястреб» и «Фонтанка», чтобы переправить молодых в Кронштадт. Под звуки музыки, началась посадка на пароходы. Музыканты и провожавшие разместились на пристани, оставив проход для воспитанников.

Но не успели передние пары пройти через пристань и перебраться на пароход, как раздался сильный треск и вся палуба обрушилась. Полетели вниз музыканты со своими трубами, провожавшие дамы, дети и посыпались воспитанники. Все было так неожиданно, что очутившись внизу, в полной тьме, никто сразу не мог сообразить, что, собственно, произошло и где пришлось очутиться.

Пристанью служила старая барка, довольно значительного размера. Расстояние от палубы до дна было не малое и при падении сверху можно было основательно разбиться; но на средине палубы в этот момент как-то никого не оказалось, почти все столпились у бортов баржи и поэтому по ним медленно скатились на дно ее, к счастью мало пострадав. Одна только дама из провожавших получила тяжелое повреждение, — у нее была сломана нога и матросы подняли ее снизу на кресле. Из воспитанников один тоже сильно ушибся и его пришлось отправить в лазарет. Остальные все сами выкарабкались наверх, помогая друг другу, и живо перебрались на пароход. Случай этот в то время наделал много шума, о нем писали в газетах и всячески винили начальство за неосмотрительность и небрежность. Выяснилось, что палуба на пристани давно прогнила и доски ее не могли выдержать такого большого количества людей.

II.

Полуторачасовой переход до Кронштадта на пароходе прошел незаметно. На сцену появились булки с маслом и сыром, что заменило завтрак, к этому и кружка чая на человека. Все были голодны и с наслаждением уничтожали булки. У многих оказались сласти и конфеты, шоколад. Угощением этим попользовались все, владельцы радушно поделились

Старики-пароходы плетутся по фарватеру, обставленному буйками Пройден уже Елангинский маяк. Вот, наконец, и малый рейд. Издали уже виднеются суда Учебного Отряда — парусные корветы «Гиляк» и «Боярин» и винтовые — «Варяг» и «Аскольд». Пароходы уже замечены с корветов, и лишь только они останавливаются, их окружают присланные шлюпки, на которых воспитанников доставляют на соответствующие корабли.

Воспитанники 4-ой роты, еще ни разу не бывавшие в плавании, поглощены развертывающейся перед ними картиной. Многие вообще не видали военного корабля, особенно — парусного. А тут целый лес: громадные, непомерной высоты, мачты, на них понавешаны всякие брусья, поперечные, более тонкие, на носу тоже выдается далеко вперед крупное дерево, из двух составных частй, и кругом веревочная плетеная сетка. Снастей разных — не перечесть, и на палубе, и вдоль мачт, и от борта к мачтам, и на носу, и на корме! Сложная паутина снастей, малопонятная видящему ее впервые. Правда, названия разных частей корабля и снастей воспитанники за зиму выучили по модели; но модель — одно, а действительность — другое, тут в таком увеличенном масштабе все как-то ново и незнакомо.

Вся картина, по своей новизне, представляет громадный интерес и, стоя во фронте, все ушли в созерцание. Кое-где еще переговариваются; но вот на мостик появился офицер, капитан 2-го ранга, с разными списками в руках; это — старший офицер корвета. Раздается его громкая команда «смирно...» и все затихает. Он вызывает по фамилиям, назначая тут же каждому номер и поясняя, какие обязанности ему присваиваются при работе с парусами, на шлюпках и при тревогах — боевой, пожарной и водяной. Наконец, все перекликнуты. Номера распределены и теперь каждый должен твердо знать свое место и дело при всякой судовой работе. С этого момента воспитанники уже не чужие на корабле и начинают жить судовой жизнью.

Все спускаются по трапу вниз в свое помещение, чтобы разложиться и устроиться. Вся рота делилась обычно на артели по 12-14 человек. Подбирались воспитанники в артели как-то сами собой, все подходящие по взглядам и жили дружно. Один из них выбирался всеми артелями на роль артельщика и заведывал продовольствием. Он закупал провизию и составлял меню. Денег на продовольствие отпускалось немного и обернуться в пределах отпущенной суммы ему бывало подчас трудновато.

В палубе на железных стержнях подвешены столы, кругом скамьи, тоже на железных стержнях. Все это, когда надо, складывалось и могло быть подвешено к потолку или убрано. Внутренняя, так называемая «жилая палуба», была устлана брезентом. По борту устроены рундуки, попросту — ящики, для каждого отдельный, за его номером, в котором хранились вещи, кроме белья, сложенного в особом помещении.

Для спанья полагались койки, которые весь день находились наверху, в определеном месте, вдоль борта, и только после вечерней молитвы попадали в руки владельцев-воспитанников. Выглядит такая койка очень аккуратно. В брезентовый чехол укладывается пробковый матрас, две простыни, подушка, одеяло, две деревянные распорки, все это аккуратно закатывается и туго шнуруется через сделанные в чехле дыры. В таком виде койки укладываются по борту и хорошо проветриваются за день. Вечером воспитанники их тащат вниз, расшну-

ровывают и самый чехол, в который с обоих концов вставляются распорки подвешивают к перекладинам, проходящим наверху, так сказать — на потолке. Получается висячая постель, гамак, и в нее укладывается матрас и все прочее. Спать в ней очень хорошо, но хорошо скатать, аккуратно, не так просто, надо этому научиться. Скверно то, что койки укладываются утром по порядку номеров и матрос-укладчик не примет койку № 5, пока не подан № 1. Поэтому несчастный воспитанник № 1 должен сразу почувствовать всю невыгодность своего номера, так как вставать утром ему приходится раньше всех. Кроме того, за малейшую задержку неизбежно попадает от вахтенного начальника. Зорко смотрело начальство и за тем, как скатаны койки и если это было сделано неудачно, то владельцы переживали неприятные минуты и практиковались в виде наказания специально в скатывании коек.

Разобравшись с вещами, в 11 часов воспитанники рассаживаются по столам к обеду. Это первая проба выбранного артельщика, можно судить хорошо ли он кормит и, главное, достаточны ли порции. Обычно вкусный борщ или щи, кусок мяса и что-либо на сладкое составляют меню. Одновременно обедает и команда. По команде вахтенного начальника выносится на палубу «вино», то-есть водка, все судовые унтер-офицеры, становясь в кружок, свистят установленым образом в свои дудки призыв «к вину» и «обедать» и матросы по очереди подходят к ендове (медный луженый чан) с водкой, снимают фуражки и, зачерпнув чаркой, проглатывают свою порцию, после чего отправляются к своему баку (миске) на палубе, рассаживаются на постланном брезенте и принимаются за борщ с пайком, то-есть с мясом. Едят обычно молча, сосредоточенно и медленно. Наблюдать всю эту процедуру впервые представило воспитанникам также не малый интерес. (Многие из команды не пили положенной чарки и, впоследствии, им выплачивали стоимость невыпитого вина).

После обеда, до 2-х часов полагался отдых. На конце реи поднимался особый флаг отдыха; до момента его спуска избегали всяких работ и шума на судне и соблюдалось это очень строго. После сытного обеда и воспитанники устраиваются отдохнуть и в жилой палубе и на верхней, примостившись кто как может. Фуражка служит подушкой, походная шинель заменяет одеяло или подстилку, смотря по температуре дня.

Дальше день распределяется строго по расписанию. Ровно в 2 часа, по спуске флага отдыха раздается дудка вахтенного унтер-офицера, все разбужены и до 4-х часов дня время посвящается занятиям. В 4 часа воспитанники получали чай и с 5-ти часов разрешалось «петь и веселиться», как в виде команды это передавал вахтенный начальник и, вообще, было свободное время до вечерней зари.

С заходом солнца, после спуска флага и молитвы, разбирались койки и свободные от вахты устраивались на ночь. Иногда перед этим производились тревоги — пожарная или водяная, чтобы проверить знание всеми своих обязанностей в случае пожара или пробоины.

После пяти часов очень интересно было посидеть на баке, у фитиля. Иметь спички на судне возбранялось и поэтому на носу, у фок-мачты, по морскому — на баке, на постланном брезенте стояла сигарная коробка с проделанным в крышке отверстием, из которого свешивался медленно тлеющий, специально приготовленный фитиль; от этого фитиля только и можно было закуривать папиросы и трубки. В коробке был большой запас фитиля и особо назначенный матрос следил, чтобы он не потух и, когда надо, заменял его новым; таким образом тлеющий фитиль поддерживался днем и ночью. Так вот у этого фитиля, на брезенте, рассаживались воспитанники и тут обычно бывали интересные разговоры и веселые рассказы. Поблизости, такой же фитиль был и для команды, но чины ее сидели отдельно, не смешиваясь с воспитанниками. Тут же, когда было возможно, собирались любители пения и начинались хоровые песни. Всегда составлялся уже спевшийся за зиму хор и его пение можно было слушать с удовольствием. Обычно кто-либо выделялся в роли регента, с камертоном в руках задавал тон и дирижировал. Нередко командир и офицеры поднимались на палубу, чтобы послушать стройное пение.

Команда тоже имела своих песенников и запевалу и, чередуясь с воспитанниками, с большой охотой затягивала свои песни. Часто под вечер, когда с вахты было разрешено «петь и веселиться», устраивались игры. Излюбленные игры были — в «рыбку» и состязание на шесте. Для игры в «рыбку» человек 10-15 садились в кружок, ногами к центру, и ноги их накрывались тяжелым брезентом, под который прятались руки. У одного из сидящих был в руке жгут, скрученный из конца каната или чего-нибудь подходящего, а посередине на брезенте, усаживался один из играющих на корточках. Быстро вытаскивая руку со жгутом из-под брезента, сидящего по середине огревали здоровым ударом по спине, после чего жгут исчезал и быстро передавался по рукам. Получивший удар должен был схватить жгут, кидался во все стороны, но жгут ловко путешествовал из рук в руки и в удобный момент искатель его получал удар за ударом, ворочаясь и бросаясь во все стороны. Поймав, наконец, злосчастный жгут, он сам садился в круг,

а его место занимал пойманный со жгутом в руке. Игра эта всегда вызывала оживленное веселье и бесконечные прибаутки и остроты.

Для состязания на шесте выбирали длинное, круглое и хорошо оглаженное дерево достаточной толщины и подвешивали его за оба конца на прочных веревках. На некотором расстоянии друг от друга, лицом к лицу садились верхом на шест двое, вооруженные подушками. Ноги их были на воздухе, довольно высоко от палубы, и им приходилось балансировать, чтобы не упасть. Тут и начиналась ярая битва подушками. Каждый старался свернуть в сторону своего противника и всегда было особенное веселье, когда размахнувшись во всю, свертывались одновременно оба игравшие.

Так проходили вечера в ясные, теплые дни, в дождливое же время воспитанники примащивались на палубе с книжками из судовой библиотеки, играли в шахматы и шашки или, просто, болтали. Кое-кто занимался кореспонденцией, была и музыка. В палубе было поставлено пианино, взятое на прокат в складчину, были, обычно, играючие на скрипке, на виолончели и даже находились любители упражняться на трубе и на флейте. Эти последние доходили до всего самоучкой, и нельзя сказать, чтобы их упражнения услаждали слух. Тем не менее, при участии всех музыкантов образовывался небольшой оркестр, который в палубе разучивал пьесы и сыгрывался. Выходило, в общем, недурно. В одно из плаваний был даже приобретен в складчину на толкучке контрабас; но играть на нем никто не умел и упражнялись все желающие, по способности. Это все же не портило ансамбля оркестра. Театральное искусство также увлекало молодежь. По знакомству, из театральных складов в Петербурге, удавалось получить на время плавания костюмы, парики и необходимые аксессуары для любительского спектакля. Общим голосом выбирали несколько пьес, легких и веселых, чтобы на судне устроить в удобное время представление. Разговоры о будущем спектакле, чтение пьес, распределение ролей также заполняли досуги.

III.

Воспитанники 4-ой роты, самой младшей и первой из строевых, плавали на корвете «Гиляк». Судно это было старое и уже долго служило в качестве транспорта, в Архангельской Флотилии. Корпус его был весьма солидной постройки и хорошо сохранился; но тяжелый и неповоротливый, этот корвет обладал очень небольшим ходом, и если удавалось ему в хороший ветер разойтись до 6-7 узлов, то это уже считалось блестящим достижением. Главным образом он предназначался для стоянки и обучения воспитанников на рейде. Задача первого плавания была обучить работе на шлюпках и управлению рулем.

День выхода Отряда в море был ясный, солнечный при полном безветрии. С Кронштадтом все счеты были окончены и суда готовы к выходу. На флагманском корвете «Варяг» взвился сигнал флагами «Сниматься с якоря, «Гиляку» и «Боярину» принять буксиры с «Варяга» и «Аскольда».

Тотчас же раздалась команда вахтенного начальника «свистать всех наверх с якоря сниматься». Залились трелью дудки унтер-офицеров и по всем палубам и закоулкам разнесся их призыв — «пошел все наверх, с якоря сниматься». В тот же момент по всем трапам снизу, в бешеном темпе, стали выбегать матросы и воспитанники, толкая и торопя друг друга. Выходить шагом не полагалось, надо было непременно бежать. Быстрота работы везде и всегда — это было главное, основное требование на военных судах.

Старший офицер, наблюдая с мостика, покрикивал на медленно выбиравшихся наверх. Офицеры корвета разошлись по своим местам, назначенным им при общих, так называемых «авральных, работах и командир «Гиляка», небольшого роста, плотный капитан 1-го ранга, медленно поднялся на мостик. Разговаривать во время работы строжайше запрещалось. Старший офицер умел уловить даже шопот и тогда — горе попавшимся.

«Пошел шпиль!» прозвучала его команда и якорная цепь, постепенно поднимаясь из воды, стала опускаться через лих в палубу, в канатный ящик. Якорь уже отделился от грунта, вертеть шпиль стало легче, якорь подтягивается все выше и выше; все время канат обмывают из брандспойта, сбивая сильной струей налипший на нем ил и, когда показыватся из воды якорь, обмывают струей и его; вот, наконец, он уже поднят к самому борту; его укладывают на специальную деревянную подушку у борта. В то же время уже снявшийся с якоря «Варяг», медленно ворочая винтом, проходит вдоль борта и подает «Гиляку» буксир. «Аскольд» берет на буксир «Боярина», и все суда отряда покидают Кронштадтский рейд.

IV.

Новое место назначения недалеко, миль 70 всего (морская миля — 1¾ версты), на северном побережье Финского залива. Вполне благополучно сделавши этот небольшой переход, суда снова на якоре на своей новой стоянке.

Это большая бухта в Финляндских шхерах, закрытая от ветров и представляющая прекрасную стоянку, достаточно просторную и для маневрирования судов. Берега ее, покрытые рос-

кошной зеленью, несколько островков, — все это придает бухте живописный вид; но она тиха и безмолвна и с рейда не видно ни жилых строений, ни обитателей. Только лоцманская станция слегка оживляет ландшафт. Там маленький домик, с поднятым лоцманским флагом и у небольшой пристани на воде несколько шлюпок. Тут в этой бухте «Гиляку» предстоит провести все плавание и хорошего это предвещает мало. Сразу очевидно, что удел воспитанников «Гиляка» — учение и служба, о развлечениях же надо забыть. На всех судах отряда спускаются шлюпки на воду и все налаживается к рейдованью. «Гиляк» готовится к продолжительной стоянке. Морской воздух бодрит, аппетит разыгрывается. В палубе уже приготовлены столы для обеда и с нетерпением ожидается команда с вахты. Сегодня — борщ и котлеты составляют меню для воспитанников. Кое-что еще сохранилось из полученной при отъезде провизии и это пускается в ход, в общую дележку.

После еды хочется отдохнуть и трудно выходить на вахту, но надо сменять товарищей, уже отстоявших положенное время. Эти последние, в свою очередь, спускаются в палубу обедать. Затем дневальные убирают посуду и воспитанники располагаются на отдых. На время все затихает, в палубе — сонное царство.

С Флагманского корабля бесконечно сигналят, давая оставшемуся в одиночестве !Гиляку» указания и инструкции. С рассветом следующего дня остальные суда отряда предполагают идти в крейсерство и встреча с «Гиляком» предвидится не скоро.

Воспитанники «Гиляка» в этот первый день прихода предоставлены самим себе, занятий еще нет. Публика толпится у фитиля, где заседают курильщики и слышится веселая болтовня; другие у борта — наблюдают новое место. Тщетно ожидают они проявления какой-либо жизни на берегу, все тихо и выглядит необитаемым. Мелкает мысль, что недурно бы побывать на берегу, посмотреть все это поближе; но сегодня — будний день, увольнений нет и проситься — значит получить отказ, да еще и замечание. Однаково, среди воспитаников есть один неунывающий. Он — артельщик, то-есть заведует кормлением и, как таковой может, вместе с коками (поварами), ежедневно съезжать на берег за провизией. Сейчас это ему невозможно, так как, зная безлюдность стоянки, сделаны заранее запасы всего необходимого; но и тут этот ловкий юноша находит выход. Он подходит к ротному командиру, вытягивается и между ними происходит следующий разговор:

— Господин капитан 2-го ранга, разрешите на берег съездить.

— Что вы это, какой непосед; ведь вы знаете что сегодня увольнений нет?

— Так точно, только у меня тут родственники.

— Что? Здесь у вас родственники? Кто же именно?

— Тут у меня тетушка живет, у нее тут недалеко дом свой.

— Да вы сочиняете все это?

— Никак нет, настоящая тетка.

— Ну, коли так, можете отправляться, но смотрите, к спуску флага быть на судне. Спросите вахтенного начальника, может ли он вас доставить на берег.

— Есть!

Свидетели этой сцены воспитанники быстро оповещают остальных, и спускающийся в палубу артельщик приветствуется смехом и шутками. Он и сам едва сдерживается, чтобы не расхохотаться, подтверждая, что уж тетку-то он на берегу найдет. Этот воспитанник во всех портах, иногда при стоянке в виду голых скал Финляндии, умел так убеждать начальство, что его всегда отпускали то к дяде, то к тетке, а иногда для разнообразия — к матери или сестре. Раз только, когда пришлось ему быть в мало известной бухте в Дании, ротный командир ему отказал, сказав:

— У вас повсюду сидят дяди и тети, и на скалах и заграницей. Нет, уже на этот раз пускай ваша тетушка вас навестит, а вы тут посидите.

Но несчетное число раз, когда все должны были оставаться на судне, этот воспитанник ухитрялся побывать на берегу. Впоследствии, он стал известен на Отряде своей обширной и вездесущей родней.

V.

На следующий же день служба и занятия на «Гиляке» начались не на шутку. Будили воспитанников в 6 часов и затем весь день шел по расписанию. После подачи наверх коек и общей молитвы, пили чай с булками, если их можно было добыть на берегу, а нет, так с черным хлебом, а иногда — с сухарями из черного хлеба. Потом воспитанников вызывали наверх и посылали через салинг. По команде все бегом поднимались по вантам (веревочным лестницам) на марс, первую площадку у мачты, а оттуда — еще выше, на салинг, и затем спускались на палубу по вантам другой стороны. Тут проявлялось соревнование, все старались перегнать друг друга, впопыхах наступали сапогами на руки, толкались.

Старший офицер с мостика наблюдал за этим учением и всячески подбодрял медленно ползущих. Некоторым неудачникам приходилось повторять этот маневр по несколько раз и были такие, которые, как ни старались, не

могли удовлетворить старшего офицера. Кое-кто иногда пытался уклониться от этого развлечения, но почти всегда неудачно Их, в конце концов, находили и заставляли отдельно показывать свою ловкость.

Затем, в 8 часов, следовал подъем флага при торжественной обстановке. Всех вызывали наверх, во фронт, на правом фланге становился караул и горнисты и барабанщики. Под звуки музыки медленно поднимался кормовой флаг и одновременно на носу, на бугшприте, водружался гюйс-флаг, который поднимался только на кораблях I и II ранга и только на стоянке.

Командир и старший офицер находились на мостике, где старший одицер принимал рапорт о состоянии корабля и команды от вахтенного начальника и, в свою очередь, рапортовал то же самое командиру. После этого церемониала начинался рабочий день.

На первых порах воспитанников обучали гребле на шлюпках. На 12-ти весельном катере, где на каждой банке (сидение) сидели по два воспитанника, под руководством офицера проделывали все приемы с веслами. По команде «весла» — нелогко было поднимать длинные, тяжелые весла, лежавшие по середине шлюпки на банках. Полагалось, взяв весло обеими руками, поставить его вертикально между ног и затем, опустив на вытянутую руку, осторожно, без шума, положить в уключину и держать горизонтально к поверхности воды до следующей команды. Затем, по команде «на воду», весла заносились назад, поворачивались в уключине и лопасть (широкая плоская оконечность) вертикально опускалась в воду. проводилась вперед и при подъеме из воды снова приводилась в горизонтальное к воде положение. Горе было раньше времени в воде развернуть весло, его неминуемо засасывало водой и чуть не выбивало из рук. Это, конечно, мешало другим гребцам, весла стукались и нарушалась вся стройность. Называли это «поймать рыбку», и г. г. офицеры за это не хвалили! Большинству, однако, сравнительно скоро удавалось превзойти эту науку и только немногие неудачники продолжали отдельно упражняться. Далее следовало какое-либо учение по расписанию, в 11 часов утренние занятия оканчивались и тотчас же горнист играл сигнал для купания, если температура воды была не менее 12 градусов.

Происходило это купание довольно оригинально. По сигналу воспитанники раздевались, кто где мог и направлялись в воду по выстрелу. Выстрел — это круглое, довольно длинное дерево, с очень гладкой и скользкой поверхностью, перпендикулярное к борту корабля и параллельное поверхности воды. К борту выстрел крепится вертлюгом (шарниром) так, что его можно поднимать и опускать к воде. Поддерживали его в любом положении снасти, идущие от его оконечности вверх, к марсу, и в сторону — к борту судна. От мачты к снасти, поддерживающей сверху оконечность выстрела, был протянут тонкий леер (веревка) на такой высоте, чтобы идущие по выстрелу могли за него придерживаться. Ходить по трапу команде и воспитанникам воспрещалось и обычный путь в шлюпки был по выстрелу.

Такие выстрелы были с обоих бортов, причем на каждом выстреле, на некотором расстоянии, были прикреплены шкентеля, спускающиеся до воды и изображавшие веревочную лестницу, или просто толстый канат, со сделанными на нем крупными узлами, совершенно так, как это бывает на гимнастических приборах. К этим шкентелям привязывали шлюпки, которые были спущены на воду, и по этим приборам команда и воспитанники спускались на шлюпки и поднимались на судно. Надо было иметь некоторую сноровку, чтобы пройти по круглому, гладкому слегка покачивающемуся выстрелу, даже придерживаясь за протянутый леер; но «ходить» не полагалось, надо было «бегать» и вахтенный начальник неукоснительно этого требовал от медленно подвигавшихся. В сапогах еще кое-как можно было удерживать равновесие, помогали каблуки; но не то было при купании в костюме Адама. Если притом выстрел был смочен уже вылезшими из воды, то на босых ногах удержаться было очень трудно и иногда приходилось садиться верхом, чтобы только не соскользнуть совсем в воду, тем более, что на время купанья выстрел спускался так отвесно, что конец его уходил в воду и самый выстрел принимал наклонное положение. Особенно трудно было пробираться, когда на выстреле оказывалось одновременно несколько человек, которые, все держась за леер и покачиваясь, неизбежно тащили его в разные стороны. Некоторые достигли в этом путешествии совершенства и быстро и спокойно шли по выстрелу, другим же это никак не удавалось.

Во время купанья у борта держались две шлюпки, готовые каждую минуту в случае надобности подать помощь. Многие не умели еще плавать. Обучением их занимался ротный командир. Под руки, вокруг груди и спины обвязывали такого воспитанника веревкой и конец ее был в руках у ротного командира, который таких купальщиков опускал и приподнимал, как поплавок. Это была хорошая школа и почти все вскоре кое-как уже самостоятельно продвигались по воде.

Одному из воспитанников, однако, это искусство далеко не давалось, и вот раз, когда его также опустили на конце, ротный командир с кем-то на палубе разговорился и не заметил,

как его ученик с головой ушел в воду. В это время другой, барахтаясь у борта, и заметив висящий сверху конец, схватился за него обеими руками, чтобы передохнуть. Ноги его оказались тотчас же на голове и плечах другого, бывшего под водой. В то же время сверху, с палубы, на него обрушился ротный командир, требуя немедленно бросить конец и не топить своего товарища. Бедный молодой человек сразу не мог сообразить в чем дело. Сцена была занятная и вызвала общее веселье, тем более, что бывший под водой нисколько не пострадал и только немного отведал морской воды; но другому, схватившемуся за конец, потом еще изрядно влетело от ротного, якобы за неуместную шалость.

После обеда, иногда, бывало артиллерийское ученье у орудий старого образца или же парусное учение, то-есть — постановка и уборка парусов. Это было излюбленное учение и воспитанники старались тут показать свою ловкость и бравость. Одна мачта, кормовая, так называемая бизань-мачта, обслуживалась только воспитанниками, две же другие, более высокие, грот и фок-мачты, принадлежали команде.

Свою бизань-мачту, все ее снасти и блоки воспитанники должны были знать, как таблицу умножения. В обязанностях своих они сменялись каждые две недели, так что по очереди проделывали все работы у мачты.

VI.

С обучением гребле скоро покончили. Впоследствии только изредка утром, до подъема флага, посылались воспитанники на шлюпки и, под веслами, несколько раз обходили свой корабль. Это заменяло утреннюю гимнастику.

Началось обучение управлению шлюпками под парусами, что было уже гораздо сложнее. Это было основное занятие, положенное по расписанию для первого плавания воспитанников на «Гиляке». Все были расписаны по шлюпкам, которых было восемь, одинаковые шестерки, то-есть на шесть гребцов, с отличительной полосой различного цвета вдоль борта. Каждый день по очереди, один из команды шлюпки назначался старшиной и смотрел за исправностью шлюпки и ее парусного вооружения. Старшина же и управлял в этот день рулем при шлюпочном учении.

Обычно шлюпки под веслами отходили от корабля и затем по сигналу «поставить рангоут», ставили мачты, поднимали паруса и начиналось катанье вокруг корабля, причем считалось лихостью совсем почти вплотную пройти под кормой и, так же близко, срезать бушприт корабля. Сначала эти катанья происходили под руководством офицеров. Некоторые из них прекрасно управляли шлюпкой, но были и такие, которые были мало опытны в этом деле. Воспитанники все это зорко примечали и иногда ставили офицеров в довольно неловкое положение. Один из офицеров, проходя мимо бугшприта, всегда так плохо рассчитывал расстояние и так мало выбирался на ветер, что шлюпку его неизменно сносило под бугшприт, мачта шлюпки зацеплялась за снасть и шлюпка оказывалась в западне под носом корабля.

По возвращении на судно офицера с этой злосчастной шлюпки, командир имел с ним дружескую беседу, после которой сконфуженный лейтенант быстро скрывался в свою каюту. И это все, конечно, было примечено воспитанниками, которые всецело были на стороне командира, так как лейтенант, очевидно, был неважным моряком, что роняло его в глазах молодежи.

Самое трудное было на парусной шлюпке в свежий ветер удачно пристать к трапу. Надо было строго рассчитать направление, во время спустить паруса и плавно и осторожно подойти, отнюдь не ударяясь в трап. Это, однако, особенно вначале, не всегда удавалось и тогда нередко такое приставание, по требованию командира или вахтенного начальника, повторялось много раз, пока, наконец, не удавалось подойти, как следует.

Лейтенанту, о коем выше была речь, этот маневр тоже плохо удавался и часто его шлюпка с треском врезалась в площадку трапа. Командир, в таких случаях, приглашал лйтенанта к себе на мостик. И тут опять следовала «дружеская беседа» с невеселыми для лейтенанта последствиями.

Эти учения на шлюпках под парусами вначале были всем в тягость. И неудивительно, так как все другие учения временно были оставлены и воспитанников посылали ежедневно во всякую погоду, и утром до обеда, и после обеда только на шлюпки и шло беспрерывное обязательное катание вокруг корабля.

VII.

Так, без особых инцидентов и событий, протекала рабочая жизнь воспитанников 4-ой роты в первом учебном плавании.

По воскресеньям же два очередные отделения отпускались на берег. Следовало с вахты приказание «почище одеться», и затем, под наблюдением офицера, воспитанники рассаживались на катера, стоящие у борта, ставили рангоут и отваливали под парусами, так как до берега было далеко. На берегу расходились группами и отправлялись на поиски жилья и питания, но ничего такого в этой местности не оказывалось, кроме немногих домиков лоцманской станции, так прикрытых зеленью, что с

судна их почти нельзя было заметить. Тем не менее кое-кому удавалось и тут заводить знакомство и лакомиться кислым молоком и сухим, плоским круглым хлебом, который называли «шкивом», ввиду очевидного сходства его с этим предметом. (Шкив — это металлический круг, вращавшийся в блоке). В некотором расстоянии от бухты был небольшой городок, куда мечтали добраться воспитанники; но средств сообщения не было и приходилось довольствоваться ближайшими окрестностями.

Оставшиеся на судне в воскресенье развлекались, как могли, читали, упражнялись на пианино, играли в шахматы и т. д., но больше попросту спали, благо такое занятие не возбранялось.

Утром по воскресеньям, вскоре после подъема флага, командир, здороваясь, обходил фронт офицеров, воспитанников и команды после чего следовало приказание «корвет к осмотру». Чины команды и воспитанники назначались во все части корабля для заведывания и в течение недели должны были наблюдать, чтобы у них все было в исправности.

Командир внимательно осматривал помещения, делал замечания, иногда экзаменовал воспитанников, желая выяснить, насколько они знакомы с судном, и затем поднимался наверх, на полуют на корме корабля. Воспитанники и команда подходили вплотную, по команде снимали фуражки, и командир читал очередные статьи Морского Устава. Этим заканчивалась воскресная церемония и наступало время обеда. Когда суда Отряда стояли вместе, отделение воспитанников посылалось на Флагманский Корабль к обедне в судовой церкви. На «Гиляке» же походной церкви не было, не позволяло место. Команда проводила воскресный отдых точно так же. Часть ее увольнялась на берег, остальные занимались своими делами. Раздавалась игра на гармонии, пение и любители отплясывали под звуки гармоники.

Ежедневно, после побудки команды, производилась уборка корабля. Эта работа выполнялась особенно тщательно; чистота на судне составляла гордость военного корабля и ею действительно суда могли похвастать. Палуба обильно поливалась водой и команда, на коленках, голиками, то-есть связками прутьев, протирала ее камнем и песком; затем снова палубу окатывали водой из пожарных шлангов и, наконец, сгоняли воду деревянными лопатами с резиновой полосой на конце. Во время этого утреннего туалета корабля пройти по палубе было очень затруднительно, повсюду были потоки воды. В то же время обмывался внутренний борт, окрашенный в белый цвет. Вслед за тем команда приступала к чистке меди и железа. Все, решительно, медные предметы, находившиеся на верхней палубе, должны были гореть, как солнце. Начищали их толченым кирпичем, смешанным с маслом. Матросы имели в коробках все необходимы для этой работы, и эти тряпки и порошок имели одно общее официальное название — «чистота». Общее наблюдение за утренним туалетом корабля имел боцман и, надо отдать ему справедливость, — он хорошо умел подгонять и все работали лихо. Раз в неделю, после приборки, команда тут же на палубе мыла свое белье и койки, которое потом развешивалось для просушки на снастях. Белье воспитанников стирали на берегу дневальные.

Все корпусные дневальные были бывшие матросы. Они охотно исполняли поручения воспитанников и получали от них небольшое вознаграждение в месяц за чистку сапог и платья и, вообще, наблюдение за имуществом. Некоторые из них, по натуре своей, любили роль дядьки и отлично опекали своих господ, как хорошие денщики старого времени.

На «Гиляке» в числе дневальных был один хохол, по фамилии Дунайцев, уже пожилой и по внешности сильно напоминавший запорожца с известной картины Репина. Этот господин не уставал острить и своими шутками и прибаутками очень всех веселил. Подавая незатейливое кушанье к столу — борщ, котлеты или пирог, он непременно предварительно докладывал их названия, якобы — по-французски, невероятно и пресмешно коверкая слова.

День за днем в таком порядке проходил на «Гиляке» и еще предстояла долгая однообразная стоянка. Как уже сказано выше, на берегу развлечений не было, надо было их самим создавать на судне. В этом отношении очень помогала музыка и чтение. К сожалению, судовая библиотека обычно бывала невелика и в короткое время весь запас книг был перечитан. Газеты и журналы в палубу воспитанников не попадали.

Жизнь офицеров протекала не более оживленно. Разница была лишь в том, что офицерский повар умел и мог лучше варьировать меню и был всегда запас вина и пива, чего воспитанники, конечно, не могли иметь. По воскресеньям и праздникам командир приглашался к обеду в офицерскую кают-компанию и по этому случаю обед принимал особо торжественный характер. Подавались закуски, обязательно был пирог и выставлялось вино для общего пользования; обычно, в будние дни, вино не подавалось и желающие требовали отдельно за свой счет. Офицеры на воскресном обеде были в виц-мундирах, в эполетах и с орденами.

Старые 9-ти фунтовые пушки с клиновыми замками, бывшие на «Гиляке», для лоска и блеска, натирались «сибирлетом», особым составом, и в этом в сущности и состояло глав-

ное и единственное занятие на корабле всей артиллерийской братии корабля. Отсюда и прозвище «сибирлет». Учения у таких пушек были не сложны. Каждый раз этот артиллерийский офицер повторял из устава обязанности номеров у орудия, передавая скучным монотонным голосом:

№ 3 — выдвигает замок...»

«№ 5 — держит прибойник правой рукой на высоте левого соска...» и т. д.

и все уже давно все это вызубрили наизусть. Учение было тоскливое. Оживление вносила только артиллерийская тревога, когда по сигналу горнистов и барабанщиков все неслись, сломя голову, чтобы занять свои места у орудий. Такую тревогу повторяли почти ежедневно.

Вечером, перед спуском флага, часто также били рынду, то-есть звонили в колокол, висевший на баке, что означало пожар на судне. Все разбегались по своим местам, и, чтовы показать их готовность, начинали качать помпы, направляя струю воды за борт. Иногда пожарная тревога сменялась «водяной», по которой назначенные номера выносили снизу парусиновый пластырь, чтобы им закрыть воображаемую пробоину в корпусе корабля.

В середине плавания произошла на «Гиляке» смена старшего офицера. Общий любимец, старший офицер был назначен на уходящий в кругосветное плавание крейсер и отбывал в Кронштадт. Офицеры проводили его прощальным обедом в кают-компании, а воспитанники, по обычаю, сели гребцами на шлюпку, чтобы последний раз свезти его на берег.

Вновь прибывший на смену капитан 2-го ранга вступил немедленно в исполнение обязанностей. Маленький, толстый, точно шарик, невнятно командующий и суетливый, он сразу-же получил соответствующую оценку у воспитанников. Манера его говорить была очень своеобразна, с пришептыванием, и к окончанию слов он еще прибавлял звук «с»; так, он командовал — на «шлюпкис», «бегать-с надо-с» и т. д., и это немедленно было подмечено воспитанниками, среди которых, конечно, нашлись любители его передразнивать.

Иногда вечером, лежа на койке, в темноте, приходилось прислушиваться к разговору этого старшего офицера, которого так искусно изображал один из воспитанников, что все затихали, полагая, что старший офицер действительно зашел в палубу. Затем, конечно, все выяснялось и наступало общее веселье. В один из таких сеансов, воспитанник-артист в конце концов попался: старший офицер сам услышал столь удачную имитацию и дело кончилось карцером.

На занятиях в палубе воспитанников знакомили с лоцией берегов и входов на рейд, то-есть подробным описанием пути, которого должен был придерживаться корабль в данной местности, с указанием курсов по компасу, отличительных предметов на берегу и т. п. Наряду с этим шли практические занятия по навигации у компаса, и по астрономии. На «Гиляке» впрочем всему этому уделялось сравнительно мало времени и такие занятия обычно происходили только при очень дурной погоде, при малейшей же возможности воспитанники практиковались на шлюпках.

Оставим же их на время заниматься до одурения этим спортом, оставим «Гиляк» на его однообразной стоянке ,и посмотрим что в это время делается на других судах Отряда.

VIII.

На «Варяге» и «Боярине» регулярная жизнь, учение и служба начались тотчас по прибытии воспитанников на суда. Все они уже проплавали одну или две кампании и считали себя завзятыми моряками.

Снявшись с якоря одновременно, суда расстались с «Гиляком» и направились в практическое плавание. Мелкие суда, парусная яхта «Забава» и канонерская лодка «Отлив», входившие в состав отряда, приняли по отделению кадет с «Боярина» и «Варяга», и пошли самостоятельно в финляндские шхеры. Переход корветов до Ревеля был недолгий, но в море было свежо и качка дала себя почувствовать

Командир «Боярина», довольно пожилой капитан 1-го ранга, из шведов, был известен своими многократными дальними плаваниями и пользовался репутацией отличного, опытного моряка, особенно — по парусному делу. Он не был особенно строг с воспитанниками вообще, но на парусных учениях требовал отчетливой работы и внимательно следил, как справлялись воспитанники со своими обязанностями. Очень многим приходилось тяжко при уборке парусов. Стоя на пертах (веревка, висящая вдоль рея) надо было подтягивать паруса, скатывать их и привязывать к рею. Это была очень трудная работа и надо было крепко держаться, чтобы тяжелым парусом самого не сбросило с рея.

Старший офицер был под стать командиру. Бравый, веселый вид сразу располагал к нему и чувствовалось, что этот ни при каких обстоятельствах не потеряется. И воспитанники и команда гордились своим старшим офицером.

Старший училищный офицер, он же ротный командир, был большой оригинал, при этом весьма добродушный и постоянно волнующийся. Воспитанники его любили, но, как всегда это бывает, изводили ужасным образом и устраивали «бенефисы». Всю зиму, еще в Училище,

его допекали самыми разнообразными выдумками. Так, например, условливались предварительно в роте, чтобы, идя по длинным коридорам в столовый зал к обеду, вся рота наступала только на левую ногу и чтобы правой совсем не было слышно; получалось совершенно оригинальное, необычное движение роты. На пути ее останавливали, снова командовали «шагом марш», но выходило все то ж самое и бедный ротный командир волновался, безуспешно стараясь найти виновных. На судне у него был определенный «враг», как он сам шутя говорил, среди воспитанников, который для общего увеселения постоянно устраивал маленькие безобидные скандалы. Ротный командир уже так привык во всех таких проделках видеть виновным своего врага-воспитанника, что первым долгом требовал его к себе.

Послеобеденный отдых продолжался до двух часов. К этому времени в палубе появлялся ротный командир и лично будил заспавшихся воспитанников, среди которых почти всегда оказывался и его «враг». Для разнообразия, однако, и этот воспитанник иногда вставал во время, но оставлял на своем месте шинель, набитую подушками, фуражка прикрывала, якобы, голову, ноги тоже были прикрыты и всей этой фигуре была придана возможно естественная поза. Ротный командир, обходя палубу, первым делом направлялся к месту, где обычно спал этот воспитанник и, видя лежащую фигуру, начинал его отчитывать; однако, заметив, что никакого внимания его словам не сказывается, он нагибался, сильно дергал за рукав шинели и тут, конечно, обнаруживалось, что его одурачили. Тогда вызывался на сцену сам виновник торжества, который с веселым видом убеждал, что он уже давно встал и виновников этой шутки не знает. Кончалось, обычно, все благополучно, но с предупреждением, что следующий раз без всяких разговоров за все ответит его «враг» -воспитанник.

На втором плавании произошел очень печальный случай, надолго оставшийся в памяти воспитанников. Корветы «Боярин» и «Варяг» стояли на рейде в Балтийском порту. Погода была очень свежая, но очередного учения не отменяли и, по команде, воспитанники отправились лавировать по рейду на шлюпках под парусами Шлюпки быстро проносились мимо корвета, лежа совсем на боку, брызги с носу летели с силой до самой кормы шлюпки, воспитанники, сидящие на дне ее, прикрывались, как могли, брезентами и чехлами от рангоута. Неприветливый в такую погоду рейд был пустынен, сообщения с берегом суда отряда не поддерживали. Воспитанники с нетерпением ждали сигнала с корветов «возвратиться», но он все не поднимался и шлюпки продолжали носиться вокруг своих кораблей, подскакивая на волнах, и наклоняясь бортами настолько, что черпали воду, которую приходилось отливать. Свинцовые тучи нависли над рейдом, закружились чайки, пронизывая воздух своим резким криком; ветер заметно крепчал и разводил волнение.

Наконец, долгожданный сигнал взвился и шлюпки стали подходить к трапам своих кораблей. Полным ходом подвигался, лежа совсем на боку, 12-ти весельный катер к левому трапу «Варяга». Рулевой скомандовал «крюк». По этой команде сидящий на боковой банке (в носу) встал, держа в руках крюк, то-есть шест с железным крюком на конце, и приготовился зацепиться им у борта корабля, или оттолкнуться, если понадобится, чтобы удержать шлюпку у трапа и в то же время не дать ей биться о борт. С таким же крюком другой готовился придержать корму шлюпки. И вот, когда баковый уже уперся крюком в борт корабля, крюк сломался и образовавшийся расщепленный его конец уперся в живот воспитанника, который спиной прислонился к борту шлюпки. Паруса уже были спущены, но катер, по инерции, все еще быстро подвигался вперед и на глазах у всех, конец крюка проник в живот воспитанника и вдавливался все глубже, разрывая внутренности, так как шлюпку остановить не было никакой возможности. Раненый опустился, потеряв сознание. Его тотчас же вынесли наверх и съехавшиеся по сигналу доктора с судов отряда, нашли необходимым немедленно сделать операцию. Как рассказывали потом, у воспитанника началось воспаление брюшины и, несмотря на все принятые меры, спасти его не удалось и на третий день он скончался.

Отпевание происходило в церкви на берегу, куда со всех судов были свезены воспитанники, проводившие затем товарища до могилы. Приехали на похороны вызванные телеграммой родители и братья покойного. Картина была до нельзя тяжелая и долго еще воспитанники были под впечатлением этого события. Спустя несколько дней суда перешли в Ревель.

В это время как раз происходили в Финском заливе маневры, в которых принимали участие все суда, входившие в состав Практической Эскадры, Минного и Артиллерийского Отрядов.

На южном берегу залива, в одной из бухт, должна была состояться высадка десанта с судов Практической Эскадры в присутствии Государя Императора. По этому поводу в среде воспитанников начали циркулировать фантастичские слухи о том, что Государь посетит суда Отряда Училища, что казалось совершенно невероятным, но каковы же были общее удивление и радость, когда на горизонте показалась Царская яхта полным ходом шедшая на

рейд и вскоре ставшая на якорь невдалеке от корветов. При общем подъеме и возбуждении, на судах стали готовиться к Высочайшему посещению. Воспитанники и команда быстро переоделись, всюду, где можно, прибрались, подтянули шлюпки, выровняли рангоут и, вообще, сделали все, что было возможно в такой короткий срок, чтобы привести корабли в порядок. Вскоре, действительно, от трапа яхты отделился паровой катер, направляясь к корвету «Варяг». Под яркими лучами солнца корвет блистал чистотой. На палубе выстроились офицеры, воспитанники и команда. Катер пристал к правому трапу, Государь поднялся со своей свитой, принял рапорт Начальника Отряда, командира и вахтенного начальника и обошел фронт, здороваясь. Впервые пришлось воспитанникам так близко увидеть могучую фигуру и доброе, приветливое выражение лица Государя, произведшее на всех незабываемое впечатление. После непродолжительного разговора с командиром Государь поднялся на мостик и приказал пробить артиллерийскую тревогу. В одно мгновение все оказались на своих местах и началось примерное учение у орудий. Поблагодарив воспитанников за хорошее и быстрое исполнение, Государь обратился к Начальнику Отряда и предложил ему в тот же день послать «Боярина» в Гапсаль, чтобы передать письмо Императрице, находившейся там с детьми. Затем, Государь спустился с мостика, снова обошел фронт, пожелал счастливого плаванья и, сопровождаемый свитой, стал спускаться по трапу на катер.

Немедленно раздалась снова артиллерийская тревога, все встали по орудиям и приготовились к салюту. Как только Царский катер отвалил от борта и прошел под кормой, начался салют. Один, другой, третий выстрел, и вдруг... из дула четвертой пушки вырвался снаряд и с жужжанием пролетела граната над Царским катером, повергнув всех на корвете в оцепенение. Салют продолжался, но заметно было общее смятение и недоумение.

Оказалось, что во время учения проделывали примерное заряжение и как раз, когда снаряд был вложен в орудие, раздалась команда «по вахтенно во фронт». Все было оставлено, как было, и прислуга орудий, то-есть — воспитанники, бегом построились во фронт. Когда затем воспитанники снова были поставлены к орудиям для салюта, никто не вспомнил, что снаряд остался в канале орудия и, вложив заряд пороха, вставив трубку, по команде был произведен выстрел, как выяснилось, боевым снарядом.

На Царском катере этот инцидент был замечен и вскоре на корвет прибыл один из чинов свиты, чтобы выяснить обстоятельства этого печального происшествия. Начальник Отряда был потрясен и совершенно растерян. Однако, по выяснении и после доклада Государю, ему было передано, что повелено считать инцидент исчерпанным и что ни для кого никаких последствий он не должен иметь.

IX.

Слова Государя, обращенные к Начальнику Отряда, быстро стали известны на «Боярине» и только и было разговора, что о предстоящем плавании и его цели.

Обсуждали, во сколько времени можно дойти до Гапсаля, будет ли ветер и т. д. Хотелось бы лететь с невероятной быстротой, чтобы исполнить Царское поручение, которым гордился весь экипаж корвета. Тотчас же началось приготовление к съемке с якоря. Артельщики запаслись провизией и покончили все свои счета на берегу. На корвете подняли с воды шлюпки, все закрепили по походному.

День был ясный, но дул довольно свежий ветер. Наконц, все было налажено и, по сигналу с «Варяга», поставив паруса, корвет медленно двинулся с рейда, постепенно увеличивая ход. Вскоре, выйдя на простор Финского залива и пользуясь благоприятным ветром, накренившись на левый борт, корвет шел уже со скоростью до 11 узлов, что было в то время очень приличным ходом не только для парусного судна.

На вахте стоял лейтенант, корпусный офицер, которого между собой иначе не называли, как «дядя Володя». Человек он был хороший, доброжелательный, но большой оригинал и, поэтому воспитанники к нему приставали и любили с ним пошутить. Теперь этот лейтенант строго поручил воспитанникам внимательно наблюдать за горизонтом и докладывать ему своевременно о надвигающихся шквалах. Не удивительно поэтому, что каждые пять минут ему докладывали, что «шквал идет», хотя ровно ничего не было видно на горизонте. Дядя Володя с важным видом, брал бинокль, но конечно ничего подозрительного не находил. Воспитанников он предупреждал, что за такое наблюдение он всех докладывающих посадит на салинг, однако никто к этому серьезно не относился и веселые разговоры о шквалах продолжались, но вот на горизонте, действительно, появилось облачко, быстро подвигающееся вперед, и на этот раз, как на зло, никто не предупредил дядю Володю. Неожиданно налетел небольшой шквал, еще более накренил судно и только тогда вахтенный начальник вызвал команду, чтобы убавить парусов.

Обеспокоенный командир поднялся наверх и, увидев, в чем дело, не особенно дружески поговорил с дядей Володей, предложив ему быть внимательнее. Это переполнило чашу и

лейтенант, в свою очередь, посадил двух воспитанников на салинг Запасшись книгами, эти господа отправились отбывать наказание.

Салинг — это два бруска, поперечно положенные на верхушку средней части мачты, на стеньгу. Выходит это как бы на высоте 5-го или 6-го этажа хорошего дома! Через концы этих перекладин проходят стень-ванты, у самой стеньги, вдоль ее, висят разные снасти, так что сидящий на перекладине всегда найдет за что держаться, чтобы не упасть даже при качке, но, конечно, нельзя сказать, чтобы такое сидение было удобно. Оба воспитанника быстро добрались наверх и уселись друг против друга. Один из них принялся за чтение, другой же, прислонившись к стеньге и охватив одну из снастей, видимо приготовился подремать. Вскоре снизу, по позе его, можно было видеть, что в действительности он будто бы заснул уже, о чем не замедлили сообщить вахтенному начальнику. Опасаясь, чтобы спящий как-нибудь не сорвался с салинга, дядя Володя стал приказывать ему спуститься вниз, но наверху его приказания не слышали или не хотели слышать и преспокойно сидели. Между тем, воспитанники подзуживали лейтенанта, уверяя его, что несчастный сейчас свалится! Совсем взволнованный, вахтенный начальник в конце концов решил послать воспитанника наверх, чтобы разбудить спящего и приказать ему немедленно спуститься. Этого только и ждали наверху и, конечно, и другой, его приятель понял, что это приказание и его касается и оба они, быстро спустились, снова появились около дяди Володи. После этого случая, однако, лейтенант уже очень редко посылал в наказание на салинг, вспоминая доставленное ему беспокойство. Таким образом, вахта этого офицера всегда проходила с некоторым оживлением.

Вообще, состав офицеров на «Боярине» был хороший. Был, между прочим, еще один лейтенант назначенный от Училища, которого воспитанники любили и уважали, как прекрасного, лихого офицера; но неизвестно, каким образом и у него нашли они слабую сторону и по этому поводу нередко изводили его. Ловко заведя с ним разговор на морские темы, что он очень любил, они незаметно подходили к вопросу о Морской Академии, которую он окончил, расспрашивали, трудно ли было и, наконец, которым он окончил курс? «Третьим» следовал ответ. Тогда воспитанники также исподволь добивались узнать, сколько было всего слушателей одновременно с ним в Академии. «Трое» следовал ответ и лейтенант обычно прекращал разговор и удалялся. Воспитанникам доставляло удовольствие слегка «потравить» и этого достойного офицра.

«Ботрин», пользуясь хорошим ветром, продолжал быстро подвигаться вперед, рассекая мутные волны Финского залива. Ночь прошла спокойно и утром свободная вахта воспитанников была внизу, в палубе. Большинство, пробыв на вахте ночью, устроились на палубе поудобнее, чтобы поспать перед приходом на рейд Гапсаля.

Корабль имел постоянный и значительный крен на лебый борт, слегка покачивался на волнении. Правый борт был приподнят и потому воспитанники улеглись к нему головой, ноги же довольно отвесно спускались вниз. Многие уже сладко заснули. И вдруг что-то такое произошло и в один момент картина изменилась: ноги воспитанников оказались наверху, головы — внизу, корвет как-то сразу перекинулся на другой борт и стал крениться все больше и больше. Воспитаники выбежали наверх. В то же время, натягивая тужурку, бегом по трапу, выскочил из своей каюты командир, еще на ходу приказывая вызвать всех наверх «парусов убавлять». Картина, представившаяся воспитаникам наверху, произвела на них большое впечатление В подобных передрягах, обычных при продолжительных плаваниях, им еще не пришлось побывать и то, что они увидели, показалось им поистине величественным зрелищем.

Черные, свинцовые тучи низко нависли над всем горизонтом; море потемнело и казалось почти спокойным, ветер налетал отдельными, сильными порывами; в отдалении видна была быстро подвигающаяся навстречу белеющая полоса, вода в которой, покрытая белой пеной, кипела точно в котле; брызги взлетали высоко вверх. Казалось — корвет приближается к гряде камней, о которые неистово разбиваются страшные буруны. Крупные капли дождя стали падать вс чаще и чаще и вдург их сменил крупнейший град, с шумом ударявший о палубу. Мглу прорезала молния и вслед за нею раздался оглушительный раскат грома. Снова блеснула молния и, как всегда это бывает в море, проблески ее так быстро следовали один за другим, что казалось на горизонте движтся сплошная огненная лента. Раскаты грома раздавались все чаще и чаще. Вся свещенная молнией, кипящая полоса воды с сильнейшим порывом ветра налетала на корвет и еще более кренила его. Надо было, не теряя ни минуты, убрать лишние паруса, иначе положение судна могло бы стать опасным. Все выбежавшие наверх несколько оторопели от столь неожиданной и необычной картины, но это продолжалось недолго. Старший офицер еще не успел подняться на мостик и поэтому командир стал сам командовать, своим спокойствием внушая бодрость тем, кого столь непривычная картина этого шквала привела в нервное состояние. Воспитанники быстро поднялись на свою бизань-мачту, команда — по остальным двум и

стали крепить верхние паруса. Корвет тотчас ж начал понемногу выпрямляться и, когда шквал пронесся дальше, из-за туч уже выглянуло солнце. Только расходившиеся в море волны еще напоминали о налетевшем порыве ветра.

Вскоре затем, корвет благополучно прибыл в Гапсаль. Стоянка там на рейде неудобная, так как приходится отдавать якорь очень далеко от города, ближе подойти препятствует недостаточная глубина для больших судов. Немедленно на воду был спущен командирский вельбот. Гребцы приоделись и командир в парадной форме отправился на берег. На корвете все оставалось по-походному и, тотчас по возвращении командира, «Боярин» снялся с якоря и пошел обратно в Ревель, на соединение с прочими судами Отряда. Командир не замедлил передать выстроенным во фронт воспитанникам и команде благодарность Государыни Императрицы за блистательное исполнение поручения Государя, о чем Государыня пожелала непременно довести до сведния Его Величества.

X.

Погода благоприятствовала и на этот раз и «Боярин» быстро и благополучно оказался снова на ревельском рейде.

Предстояло вскоре заграничное плавание с заходом в Копенгаген и Стокгольм, но до этого еще неделя была посвящена учениям и занятиям.

На «Боярине», впервые, воспитанники начинали знакомиться с минным делом. В Кронштадте была принята учебная мина Уайтхеда и установлена на специальных козлах в палубе. Минный офицер в общих чертах знакомил воспитанников с этим сложным предметом. Еще ранее были показаны мины ударные и заграждения, схемы проводки электрических проводов, заряжание этих мин и пр. Все это было интересно, но мина Уайтхеда своим удивительным устройством привлекала особенное внимание.

По воскресеньям, неизменно, очередные отделения отпускались на берег и воспитанники слонялись по городу; вечером же большинство собиралось на музыку в Екатеринентальский парк. Всюду, однако, попадались и офицеры с Отряда и потому надо было всегда быть на чеку. Тем не менее, группа воспитанников ухитрилась хорошо поужинать в Екатеринентале и, вероятно, было выпито немного лишнего, что привело к столкновению с, заседавшей тут же штатской компанией. За словами последовало рукоприкладство и дело закончилось большим скандалом. Воспитанники во время благоразумно ретировались и своевременно прибыли на свои шлюпки, но все же как-то стало известно, что виновники были с «Боярина».

Жалоба на их поведение дошла до Начальника Отряда и последовал строгий приказ — найти участников; однако, это было не так просто, так как рота не хотела выдавать товарищей. Как раз тут подошло назначенное заранее время выхода судов в крейсерство для посещения иностранных портов и, в связи с этим, всех на «Боярине» поразил неожиданный сюприз.

«Аскольд», «Варяг» и канонерская лодка «Отлив», как и было намечено по программе, направлялись в Данию и Швецию. «Боярину» же было назначено рандеву в Копенгагене в определенное число месяца, много позднее прибытия туда других судов; до этого времени ему предписано было находиться в крейсерстве без захода в порты. Выходило так, что «Боярину» предстояло болтаться в море 13 суток, — перспектива не из приятных, если принять во внимание, что до Копенгагена пути было всего двое суток при хорошем ветре. Такое распоряжение Начальника Отряда было вызвано желанием дать воспитанникам побольше практической работы, но, главным образом, являлось наказаним за поведение их в Ревеле. Принято было такое распоряжение в мрачном молчании; конечно, все были недовольны, как офицеры, так и команда.

Суда, по сигналу, снялись с якоря и корветы под парами, вместе с лодкой «Отлив», вскоре скрылись на горизонте, в то время, как «Боярин» начал свое крейсерство, пробираясь к выходу из Финского залива.

На «Боярине» наступила однообразная невеселая жизнь от поворота до поворота. Ветер был почти встречный, и приходилось делать небольшие переходы (галсы) к северу и к югу, продвигаясь при этом каждый раз вперед на незначительное расстояние. Специальных занятий и учений не было, воспитанники были заняты у парусов и одна вахта, то-есть — половина всего состава, постоянно находилась наверху. Свободные от вахты отдыхали, развлекались музыкой и чтением, но, в общем, было тоскливо.

На первых порах все однако шло хорошо, только погода не радовала; но вот начал чувствоваться, с каждым днем все более и более, недостаток свежей провизии. На сцену появилась солонина, которая, еще в Кронштадте, была принята в большом количестве. Меню совершенно упростилось: на первое — щи из солонины, на второе — солонина, на третье — чай; и вместо хлеба — сухари. Иногда картошка разнообразила этот изысканный стол, но дальше этого уж нельзя было идти, запасов не было и возобновить их не было возможности. Однако, пребывание в море на свежем воздухе и физическая работа делали свое дело: аппетит у

всех был хороший, и все были здоровы.

Медленно подвигаясь зигзагами вперед, корвет, наконец, оказался в виду шведских берегов, но увы! до назначенного рандеву было еще далеко и приходилось снова поворачивать, сделав галс к югу, вновь подыматься к тем же заманчивым берегам, чтобы только издали на них взглянуть. Погода менялась, были дожди, было и солнце, но ветер все время был слабый и корвет подвигался медленно.

В один из таких переходов, командир, поднявшийся на мостик, бросил спасательный круг в воду, что должно было изображать упавшего за борт человека. Немедленно раздалась команда «человек за бортом», и все были вызваны наверх «в дрейф ложиться». При этом маневре паруса так располагались, что корвет терял ход и удерживался почти на месте. Быстро был спущен на воду катер, гребцы его скатились вниз по шлюпочным талям, разобрали весла и катер понеесся за кругом, который уже едва виднелся на воде. Командир с часами в руках следил за выполнением маневра. Вскоре катер вернулся к борту и вместе с гребцами был поднят на место; корвет снова лег на курс и, прерванная на момент, монотонная жизнь опять вступила в свои права.

Погода заметно стала меняться к худшему, ветер по временам крепчал и корвет стало изрядно покачивать. Вообще воспитанники уже вполне освоились с качкой и почти все хорошо ее переносили; но были все же два неудачника, натура которых не могла приспособиться. Эти господа блаженствовали при тихой погоде и очень усердно принимали участие во всех работах; но при малейшей качке они забирались куда-либо в укромное местечко, преимущественно — под стол в палубе, лежали там на спине, не шевелясь, и этим только спасались. Скоро, однако, их постоянное отсутствие было замечено начальством и при каждой общей работе их неизбежно вытаскивали наверх и заставляли исполнять положенные по расписанию обязанности. И, странное дело, занятые делом, они как бы переставали чувствовать все неприятности качки. Но стоило им лишь освободиться от обязанностей работы, как их снова неудержимо влекло под стол. Эти двое так никогда и не привыкли к качке. Были среди воспитанников и такие, которых вовсе не укачивало на судне, но неизбежно укачивало на волнении на шлюпках; это, впрочем, были очень редкие исключения и, в конце концов, все они побеждали свое недомогание.

XII.

В Копенгагене.

На следующий день погода была роскошная. Небольшой ветер рябил освещенное солнцем море, яркая зелень украшала береговую полосу и видневшиеся красивые здания оживляли картину. На море уже заметно было некоторое оживление. К Копенгагену подвигались пароходы и парусники, быстро пробегали небольшие, поддерживающие местное сообщение, пароходы, переполненные пестрой толпой пассажиров.

Лавируя среди этого движения, корвет «Боярин», чистенький блестящий, скоро добрался до рейда Копенгагена и по указанию портового начальства занял назначенное ему место, предварительно отсалютовав датскому флагу.

Тотчас же были спущены на воду шлюпки, откинуты выстрелы, все налажено по-рейдовому для продолжительной стоянки, и командир, в парадной форме, на своем вельботе отправился к Начальнику Отряда. Артельщики и повара, с корзинами, приготовились к съезду на берег для закупки свежей провизии и, главное, столь давно не виданного хлеба, но до возвращения командира, сообщения с берегом не полагается и надо, значит, ждать и запастись терпением.

На рейде стояли корветы «Аскольд» и «Варяг». Кругом них сновало множество шлюпок и катеров; поставщики, разные торговцы и просто публика, желающая осмотреть корабли, поднимались по трапам. По рейду пробегали во всех направлениях пассажирские пароходы, паровые катера, шлюпки. Большие коммерческие пароходы входили и выходили, словом — оживление царило большое и было на что посмотреть. Невдалеке видна была и набережная, кипящая народом, пристань, к которой, то и дело, подходили шлюпки с разных судов и красивые большие здания, окаймлявшие набережную.

Воспитанники все высыпали наверх и расположились вдоль борта на баке, с интересом наблюдая расстилающуюся перед ними пеструю картину. Но вот прозвучала команда — «во фронт», вернувшийся командир поднялся на палубу и громко передал старшему офицеру приказание отпустить очередные отделения воспитанников и команды на берег.

В палубе воспитанников началось ликование; береговая форма — мундиры и новые фуражки с ленточками были извлечены из рундуков, сапоги основательно начищены и началось переодевание. Тотчас после обеда очередные счастливцы выстроились на палубе и, после осмотра, на катере отправились на берег. На другом катере, с мичманом, отвалила от борта команда, среди которой выделялся своим бравым видом боцман, красивый, здоровенный парень из сверхсрочно служащих. Нашивки на рукаве синей фланелевой рубашки, цепь от дудки, одетая под откинутым назад синим ворот-

ником, фуражка с козырьком офицерского образца, все это придавало ему солидный и внушительный вид. Боцман этот среди команды пользовался большим престижем и старший офицер относился к нему с уважением, как к ближайшему своему помощнику по всем частям корабля.

Четверо воспитанников сговорились путешествовать и делать открытия в незнакомом городе совместно.

Катер подошел к пристани, и шумной компанией воспитанники выскочили на набережную. Встретил их чиновник из консульства с обильной корреспонденцией и, неизменный поставщик всех русских судов, датчанин израильского типа, весьма сносно говоривший порусски. И тот и другой несли с собою радость и сюрпризы, один — корреспонденцию, а другой — еще более отрадные новости — денежные письма —, лежавшие на почте на имя некоторых воспитанников. В общем, таких счастливчиков, получивших деньги было немного. Один из них был в числе четверых, задавшихся целью побывать вместе всюду. Четвертной билет, бывший в конверте, значительно поднял настроение и без того жизнерадостной молодежи, и все четверо бодро двинулись вперед в неизвестное. Первым долгом решено было подкрепиться кофе и пирожными. Один из компании знал адрес прекрасной кондитерской, рекомендованной ему еще в Петербурге. В подтверждение этого он немедленно вытащил из кармана скомканную бумажку и торжественно прочитал какое-то невероятное название улицы. Ну, что же, туда так туда, не все ли равно! Извощик, завидев эту небольшую группу, лихо подъехал на своей паре и знаками приглашал садиться. Отчего бы в самом деле не проехаться? Отлично, все четверо уселись в коляску, бумажка с адресом вручена кучеру и экипаж полным ходом пустился в путь. Ехали долго, поворачивали из одной улицы в другую, любовались красивыми зданиями, рассматривали магазины, гуляющую публику, а кондитерской все нет и нет; однако, пора бы уже и добраться до цели, есть хочется ужасно, а этот кучер все возит и возит. Начинает закрадываться сомнение, — знает ли он куда воспитанники стремятся и, как бы в подтверждение этого, экипаж останавливается у тротуара. Начинается совещание кучера с моментально собравшейся публикой, он усиленно тычет пальцем в бумажку, что-то без конца болтает, но толку, видимо, никакого, никто адреса не понимает. Неожиданно появляется какой-то субъект с корзиной на голове, наполненной бельем: очевидно, от прачки. Этот глубокомысленно разглядывает бумажку, затем что-то очень решительно говорит и лезет со своей корзиной на козлы, рядом с возницей. Положение воспитанников во все это время не особенно удобное, — их рассматривают, про них говорят и решают, как с ними поступить, они же — беспомощны. Наконец, коляска пускается в путь как будто бы на этот раз довольно уверенно; проехав порядочное расстояние, снова остановка, господин с корзинкой слезает, раскланивается и исчезает под воротами. Очевидно, он воспользовался случаем и, чтобы не тащить корзину, удобно доехал до своего дома. Воспитанникам и смешно и досадно. Уж не выйти ли лучше? и пешком продолжать странствие? Но извощик предлагает сидеть, лошади трогают и снова поехали! Однако, вскоре опять остановка и на этот раз, видимо, окончательная. Извощик знаками показывает, что, «мол, приехали, вылезайте». Он усиленно указывает на окна нижнего этажа, но там нет ни вывески, ни какого-либо признака обещанных вкусных пирожных,. Все это похоже на обыкновенную частную квартиру; но извощик настойчиво приглашает зайти и после краткого совещания молодые люди решаются позвонить у входной двери, чтобы узнать, наконец, в чем же тут дело. Быть может, в Дании кондитерские помещаются в частных квартирах, кто их знает? Наконец, недаром же катались столько времени, да и адрес-то ведь дан людьми, верными и, очевидно, знающими. Итак, вперед! и раздается громкий звонок. Открывает дверь солидный господин в очках, просит войти; разговор коекак происходит по-немецки, очень любезно всех усаживают и начинается выяснение, что собственно воспитанникам нужно? Сконфуженные молодые люди рассказывают происшедшее недоразумение, извиняются. Квартира очень хорошая, видно обитатели приличные люди и ясно, что никаких пирожных тут нет; но любезный хозяин не в претензии и не отпускает воспитанников; появляется бутылка вина и, вместо еды, проголодавшимся юнцам приходится выпить по стакану вина. Поблагодарив хозяина, они, наконец, снова выбираются на улицу. Потеряно немало времени, но теперь уже на своих пьедесталах они продолжают путь и решают вместо кофе вкусить что-либо более солидное в ресторане. Пробираясь обратно по примеченным улицам воспитанники видят на площади большой отель. Чего же еще искать, наверное, там можно вкусно поесть. Попадают они в большую роскошную столовую и усаживаются за длинным обеденным столом. Внимательный метрдотель ждет заказа, но что заказать — вот задача; названия все какие-то неизвестные и еще, пожалуй, нарвешся на что-нибудь совсем не съедобное. Бифштекс, впрочем, на всех языках одинаков, поэтому заказывается бифштекс и пиво; но надо и хлеба. На столе стоят высокие серебряные стойки с круглыми, плоскими плато, в несколько этажей, на

которых грудами уложен местный хлеб, тонкие, сухие, легко ломающиеся лепешки, «кнекебре» по местному. Один из воспитанников, в ожидании еды, протягивается за этим хлебом, берет один, и о ужас!... все, что там было наложено, двигается скользит и с грохотом летит на пол, на стол, и разлетается мелкими кусками во все стороны. Общий конфуз, опять неудача. Нет, решительно, в Копенгагене этим молодым людям не везет! Метрдотель успокаивает, — «это, мол, пустяки, не стоит обращать внимания», но воспитанникам уже не по себе, — поскорее бы покончить с бифштексом и сократиться, а то уже все, бывшие в столовой, внимательно разглядывают иностранных гостей.

Наскоро подкрепившись, молодежь снова пускается в путь и, пошатавшись по городу, снаряжается на пристань, где уже порядочная толпа собралась и идут шумные разговоры о всем виденном. Постепенно подбирается и команда; многие угостились на славу и не в состоянии передвигаться самостоятельно. В катер уже спущены «мертвые тела», это те, которые «нахватались» до потери сознания. Наконец, является мичман, сопровождающий команду, все усаживаются на шлюпки и направляются к своим судам. Разумеется есть и «нетчики» среди команды, то-есть — не явившиеся к отходу шлюпки, — этим предстоит очень строгое наказание.

Вечер проходит на судах оживленно — так много новых впечатлений, новых знакомств; разговорам, в палубе воспитанников, нет конца. Команда, наоборот, быстро устраивается на ночлег и все засыпают под влиянием разных местных напитков, испробованных в немалом количестве. «Мертвые тела» на концах выгружены из катера, уложены на баке и здесь, на вольном воздухе, фельдшер, при помощи нашатыря, не особенно деликатно, пытается приводить их в чувство. В дальнейшем им предстоит вспоминать о прелестях Копенгагена в карцере.

На другой день, с раннего утра, тотчас после подъема флага, на судах начинается оживленная жизнь. На бак пробираются поставщики и всевозможные торговцы со своим товаром. Торговля идет бойко, особенно среди команды, расходятся всякие соблазнительные мелочи.

Несколько воспитанников специально назначены показывать корабль приезжающей публике. Вот поднимается по трапу целая семья — папаша, толстый, краснощекий датчанин, с ним — не менее дородная мамаша и прехорошенькая блондинка, их дочь. Воспитанники наперебой кидаются их встречать, особенно усердно предлагая свои услуги миловидной барышне; но, увы! Посетители говорят только по-немецки, а этот язык знаком лишь очень немногим среди воспитанников, и один из них завладевает барышней. А, в придачу, и родителями' Он водит эту компанию по всему судну, объясняет, что поинтереснее, фантазирует, при этом, сколько хочет перед благодарными слушателями, попутно болтает с барышней о посторонних вещах и, когда они, наконец, снова у трапа, это уже друзья, взаимно очень довольные друг другом.

В этот день Начальник Отряда приказал свезти на берег всех воспитанников, кроме вахтенных, для посещения знаменитого музея Торвальдсена. Воспитанники должны были идти по городу строем, с офицерами.

Четверо неразлучных с «Боярина» опять порешили держаться вместе и при первой возможности удрать, чтобы провести время по своему усмотрению, так как прогулка по музею мало их увлекала.

Выстроенные по-ротно воспитанники, со своими офицерами, тронулись в путь и очень скоро подошли к красивому большому зданию, где перед входом стояли статуи. Войдя в вестибюль, четверо друзей на всякий случай бросили беглый взгляд направо и налево, чтобы знать, в чем тут дело, если бы потом спросили, и затем незаметно ретировались и снова очутились на улице. На этот раз они уже не задавались поисками особых кондитерских, а попросту забрались в первое попавшееся кафе. Основательно закусив, молодые люди пошли фланировать по городу, зорко следя при этом, чтобы не нарваться на судовых офицеров, которые тоже почти все съехали на берег.

Улицы были полны народа, погода великолепная и настроение дружной компании самое веселое и бодрое. Общим советом решено было закончить день в известном саду Тиволи. Это был роскошный парк, где играло несколько оркестров музыки и на открытых сценах давались самые разнообразные представления. Народу там всегда было видимо-невидимо.

Воспитанники нашли свободный столик и услужливый лакей быстро подал им заказанные стаканы пунша. С удовольствием прихлебывая вкусный напиток, они любовались балетом, красиво поставленным на сцене перед ними.

Вдруг один из них обратил общее внимание на целую вереницу подвигающихся к ним белых морских фуражек. Все насторожились. Так и есть, Начальник Отряда с командирами судов и своим штабом некстати забрался тоже в Тиволи. Надо было спасаться; но не успели молодые люди еще подняться, как усевшаяся неподалеку компания их уже заметила и Начальник Отряда позвал их к себе. Оставив недопитые сатканы, воспитанники вытянулись перед начальством. Как всегда, прежде всего были спрошены фамилии, а затем высокое начальство пожелало знать, было ли интересно

в музее и какое впечатление произвели работы знаменитого художника. В один голос воспитанники ответили, что они в восторге от всего виденного. Стоя на вытяжку, они в то же время одним глазом поглядывали на свой стол и с грустью наблюдали, как его заняли, и их недопитые стаканы исчезли. Досадно было, что принесло-таки всю эту важную компанию и, как нарочно, на них натолкнуло. Однако, Начальник Отряда видимо еще не был удовлетворен, ему еще понадобилось знать, что в особенности понравилось из виденного в музее. Ответить на этот вопрос было очень трудно, так как молодые люди в музее ровно ничего не видели, кроме входа и вестибюля; но один из них набрался храбрости и стал описывать якобы поразившую всех конную статую, которую он успел мельком заметить. Начальник Отряда сказался в этом вопросе знатоком, назвал эту статую и одобрил вкус воспитанников. Видимо довольный, он милостиво отпустил молодежь, пожелав приятно провести время. На этот раз компании повезло, возможная гроза благополучно миновала. Пожелание начальства было, конечно, хорошее, но легко сказать — приятно провести время, а как это выполнить, когда из-под носа исчезают недопитые стаканы, а капиталов в кармане уже совсем мало. Но нечего было делать, надо было пробираться к выходу, подальше от любезного начальства. Однако воспитанники не прошли и нескольких шагов, как их нагнал услуживавший ранее лакей и знаками стал приглашать вернуться. Разумеется, они не стали заставлять себя уговаривать и вскоре снова сидели в более укромном месте, перед столом, на котором красовались их же недопитые стаканы. Как выяснилось затем, лакей видел всю сцену и, сообразив, что молодежь влопалась, постарался их устроить в более безопасном месте и сберег им все, что было заказано. Тронутые таким вниманием и честностью, они вознаградили лакея печальными остатками своего богатства и, будучи уже совсем без гроша, на этот раз окончательно покинули гостеприимный сад, направляясь на пристань.

Кто-то из офицеров, бывших с Начальником Отряда, видел всех этих четверых, гуляющими в городе, когда все были в музее, и в кают-компании немало было смеха, когда он рассказывал, как ловко эти господа воспитанники описывали невиданный ими никогда музей. Знало это и офицерство на «Боярине» и, при случае, добродушно подтрунивали над виновниками, спрашивая, как им понравился музей

Последующие дни в Копенгагене прошли в парадных приемах и смотрах. Датский король с семейством прибыл на флагманский корабль и побывал и на остальных судах. Торжественная встреча, караул, музыка, салют, — как полагается по уставу, разные учения и тревоги, все это было выполнено безукоризненно. Затем посетило корабли все местное высшее морское начальство, видимо заинтересовавшись службой, занятиями и укладом жизни на русских учебных судах. Посетили суда и представители Посольства и Консульства и многие члены русской колонии. Датская же публика все дни стоянки осматривала корабли. Все это было очень занимательно, но карманы воспитанников окончательно опустели, а любоваться издали на привлекательный город, не имея возможности с ним ближе познакомиться, посмотреть его театры, цирк и прочее, было не слишком уж интересно; поэтому весь пыл остыл и стали подумывать, что не мешало бы и в путь двинуться. Вскоре и в самом деле настал день ухода.

XIII.

Стояла роскошная солнечная погода, море было гладко, как зеркало. «Варяг» и «Аскольд» развели пары и, отсалютовав Нации, отряд тронулся в поход в Стокгольм. «Боярин» шел на буксире у «Варяга». Датский адмирал, державший флаг на винтовом корвете, стоявшем на рейде, накануне еще снялся с якоря и пройдя недалеко, стал снова на якорь в узком проходе вблизи рейда, чтобы там, перед выходом из датских вод, последний раз пожелать русскому отряду счастливого плавания. Медленно подвигаясь, суда учебного отряда были уже в виду датского корвета. Команда и кадеты были выстроены на палубе во фронт, раздалась команда «смирно» и наступила полнейшая тишина. Только слышны были удары винта и по временам передавались приказания рулевым.

Вот «Варяг» проходит уже нос датского корвета, оба судна совсем близко одно от другого, так близко, что кажется пройти, не задев, уже не возможно. И действительно, раздался ошеломляющий треск, громко звучит приказание рулевым на «Варяге» положить больше руль, но уже ничего нельзя сделать и шлюпбалки «Варяга» чертят по висящей у борта датской гичке, разламывая ее в щепы; куски дерева сыпятся на воспитанников и команду, и на палубу «Варяга», который продолжает медленно, плавно продвигаться вперед, как будто ничего не случилось. Реи трот-мачты задевают какие то снасти датчанина и с треском их разрывают; но по прежнему все стоят, не шевелясь и царит тишина. Минута полна торжественности. Датский адмирал поднимает сигнал с пожеланием счастливого плавания и на рее «Варяга» взвиваются флаги-сигнал «благодарю».

Но вот «Варяг» с «Бояриной» и «Аскольд» миновали датчанина, ход прибавлен и суда вы-

ходят на простор, где «Боярин» отдает буксиры и пользуясь начавшимся небольшим ветром вступает под паруса, чтобы встретиться снова с «Варягом» в Стокгольме.

Куски дерева от датской шлюпки воспитанники разбирают на память, чтобы по возвращении из плавания похвастать перед близкими пережитым событием, и попутно, и своим доблестным поведением во время столкновения двух больших судов! Дерево от шлюпки — это вещественное доказательство, на нем надписывается время и место происшествия.

Дальнейший переход совершается вполне благополучно, но в море тихо и «Боярин» отстает. На следующее утро виден Стокгольм, поразительно красивый при подходе с моря.

Еще немного и суда на оживленном рейде, куда с опозданием наконец подходит и «Боярин». На рейде отряд застает канонерскую лодку «Отлив», сделавшую переход шхерами до Або и оттуда перебежавшую открытым морем в шведские шхеры и в Стокгольм. Лодка эта маленькая, со слабой старой машиной, плоскодонная и подверженная отчаянной качке при малейшем волнении.

Снова салют Нации, обмен визитами Начальства с местными властями, атака поставщиков и торговцев. Однако, здесь не заметно той кипучей жизни, которая явственно проявлялась все время в Копенгагене; все как-то спокойное, медленнее, да и народа видно, в общем, меньше.

По рейду тоже снуют мелкие пассажирские пароходики, изредка продвигаются к выходу в море большие грузовики, но общая картина не так пестра и увлекательна, как в порту соседней столицы.

Тем не менее и здесь воспитанники готовятся произвести глубокую разведку; общее горе — отсутствие финансов. Никто уже более не рассчитывает тут неожиданно найти подарок от родных, как это посчастливилось некоторым в Копенгагене. Кое-кому удается подковать ротного командира на небольшую сумму, но это не так просто и не все обладают необходимыми для этого дипломатическими способностями.

Очередные отделения воспитанников отпущены на берег и рассыпались по улицам города. Чистота и порядок повсюду прямо поразительные. Масса красивых зданий строгого стиля, больших парков и садов. Движения, в общем, не так много, видно, что никто не торопится, вся жизнь города как-будто проникнута спокойствием. Всюду видны прекрасные большие магазины, рестораны, отели; но все это только для «посмотрения», — финансы воспитанников так плохи, что заходить в эти учреждения незачем.

Под вечер, во многих садах музыка; это даровое удовольствие как раз для молодежи и большинство этим и довольствуется, скромно усаживаясь на скамейках.

Некоторым и тут везет и они ухитряются завести знакомство, их приглашают зайти, выпить стакан шведского пунша, излюбленного местного напитка, правда очень вкусного. Видят воспитанники, как по улицам разъезжают офицеры и, главным образом, мичмана с отряда, заходят в рестораны, в магазины. У них теперь денег много, получили морское довольствие, да еще по заграничному — золотом. И думаются думы, как хорошо быть офицером и строятся планы на будущее. На Отряде гардемаринский выпуск, они на «Аскольде». Эти уже покончили экзамены в Училище и осенью, по возвращении из плавания, они — мичмана. Да и сейчас они на полуофицерском положении, им многое разрешается, что еще недоступно воспитанникам. Но зависть несвойственна молодежи, эти мимолетные думы ее не омрачают и поэтому воспитанники веселятся, как могут и заканчивают день, довольные всем виденным. К 9 часам вечера все уже отваливают на шлюпках к своим кораблям.

На следующий день Отряд посещает шведский король и все местное морское начальство. Местные жители нескончаемой вереницей поднимаются по трапам судов и с интересом осматривают корабли. сопутствуемые воспитанниками.

XIV.

За все протекшее время служба и жизнь на корвете «Гиляк» мало чем разнообразилась.

Неизбежное катание на шлюпках под парусами, ученья и тревоги наполняли дни недели, а по воскресеньям однообразные прогулки на берегу, почти пустынном. Изредка корвет снимался с якоря, ставил паруса и лавировал по рейду. Людей за это время воспитанники мало видели и развлечений не было никаких.

Теперь, с приходом судов Отряда, рейд сразу ожил. Засновали паровые катера и шлюпки, начались бесконечные сигналы на флагманском корвете.

Наступил уже конец июля и вместе с ним на судах начались экзамены, чисто практические, но довольно строгие. Проверялись основательно приобретенные за плавание звания и результат экзаменов имел большое значение для позднейшей аттестации при производстве в офицеры.

Служба на судах шла непрерывно своим порядком, воспитанники стояли на вахте, несли службу на шлюпках и, в конце плавания, на паровых катерах. Эта последняя обязанность была нелегкая и довольно ответственная. По очереди один из воспитанников назначался

старшиной парового катера и не расставался с этим круглые сутки, поддерживая сообщение с берегом и между судами; другой воспитанник исполнял самостоятельно обязанности машиниста.

Вскоре начались гонки. Шлюпки со всех судов Отряда были поделены по категориям в зависимости от величины; рулевых, наиболее опытных в управлении шлюпкой, предоставлено было воспитанникам выбирать самим. Все шлюпки устанавливались между двумя поставленными бочками, по сигналу поднимали паруса и, затем, по сигнальному выстрелу из орудия, начинали гонку.

На шлюпках один только рулевой на корме был виден, все остальные сидели на дне шлюпки, как это полагается под парусами. На всех шлюпках царило оживление, каждый рулевой старался всеми мерами выиграть расстояние и увеличить ход шлюпки. Путь их был обозначен стоявшими в разных местах паровыми катерами; к концу гонки все шлюпки проходили под кормой флагманского корвета. Зрелище было красивое и интересное. Ветер был свежий. Сильно накрененные шлюпки, черпая по временам воду бортами и вздымая брызги, неслись, обгоняя друг друга, и снова отставая, теряя скорость на поворотах и много надо было сообразительности и опытности, чтобы с честью выйти из сотязания.

Прошедшие все расстояние первыми, подходили к флагманскому кораблю, рулевой получал приз, обычно — серебрянные часы или маленькую серебрянную дудку, точную копию унтер-офицерской, с выгравированной соответствующей надписью. Это был очень хорошенький брелок для цепочки и ценное воспоминание.

После гонки долго еще продолжались обсуждения разных подробностей, выяснялись ошибки, или, наоборот, особо удачное управление того или другого рулевого.

На следующий день было продолжение — гонки без руля. Управлять шлюпкой под парусами, когда руль снят, было не так просто. В этом случае все сводилось к тому, чтобы во время облегчать нос или корму шлюпки, тогда, при помощи парусов, ветром ее поворачивало куда надо для следования по наиболее выгодному курсу. Всей команде шлюпки поэтому приходилось, по команде рулевого, перебегать то на нос, то на корму, заменяя этим действие руля.

Так как опыт в управлении шлюпками был уже всеми приобретен за плавание в достаточной степени, то, несмотря на свежую погоду, все на гонках обходилось благополучно.

К этому времени занятия на судах почти закончились и последние недели, в распоряжении воспитанников, было больше свободного времени. Начавшаяся дождливая погода, притом — прохладная, не способствовала съезду на берег, да и на верхней палубе стало неуютно, холодно и сыро и потому большую часть дня свободные воспитанники проводили внизу в своем помещении. Тут вспомнили об аксесуарах, взятых из театра, и решено было устроить спектакль. Быстро были распределны роли, оркестр повторил свои лучшие номера, написаны афиши с виньетками и разосланы приглашения.

На следующий день, к вечеру, собралось все начальство, много офицеров с Отряда и воспитанники с других судов. В палубе наскоро была устрена сцена, из флагов соорудили занавес и сцену обставили сообразно пьесе, по способности. Тут же, за занавесом, господа актеры переоделись и, напялив парики и загримировавшись, приготовились показать свое искусство.

Женский персонал пьесы было несколько затруднительно облачить в платья, но кое-как все же справились и, при общем старании, воспитанники обратились в миловидных дам в рыжих и черных париках и в пышных нарядах.

Оркестр проиграл увертюру и пьеса началась. Суфлер подсказывал во-всю, но роли все же знали плоховато и потому не мало фантазировали. Тем не менее, все прошло гладко и успех был полный. Начальник Отряда пожелал лично поблагодарить актеров и, по окончании пьесы, все в костюмах выстроились в палубе и выслушали лестную похвалу начальства.

Как только старшие поднялись наверх, на сцене начались самые неожиданные импровизации, вызывавшие взрывы смеха, а затем, под звуки оркестра, разодетые дамы пустились в пляс, переходя от кавалера к кавалеру и общее веселье достигло апогея, так что с вахты прислали сказать, чтобы немедленно был прекращен шум. В несколько минут все было убрано, актеры переоделись и снова жилая палуба приняла свой обычный вид.

Еще предстояло одно последнее учение, а затем переход в Кронштадт. Надо было проделать своз на берег десанта со всех судов, чем и заканчивался весь период обучения. На берегу формировался батальон и проделывались всевозможные пехотные построения и передвижения. Учение это занимало целый день.

В назначенное время, воспитаники с ружьями и патронными сумками, рассчитанные на взводы, были посажены на все шлюпки, которые затем целой вереницей потащили на буксире паровые катера к берегу. На баркасах, самых больших судовых шлюпках, были установлены десантные орудия, на лафетах с колесами.

Подойдя к берегу, насколько позволяла глу-

бина, воспитанники по сходням, частью же прямо по воде, перебрались на землю и перетащили туда же орудия. По шести человек у орудия надели лямки, чтобы тащить пушки, остальные построились в батальон. Присутствовало при этом на берегу все начальство. Начались разные эволюции, примерная пальба, атака и т. д.

Наконец, дано приказание составить ружья в козлы и можно было заняться чаепитием. Дневальные отправились на поиски воды, и вскоре, наполнив привезенный котел, тут же на костре вскипятили воду. Уписывая булки, воспитанники стали их запивать чаем. Вкус его показался несколько странным, но никто этому не придал значения и кружка за кружкой выпивались, благо давали всем без отказа.

Спустя немного времени прозвучал «сбор» и снова батальон построился. Проделав еще несколько перестроений, десант направился обратно к шлюпкам. Переход был довольно продолжительный и уже по пути то один, то другой из воспитанников стали отставать и убегать в сторону. На шлюпках же положение стало еще хуже, все большее и большее число воспитанников начинало чувствовать сильную боль в желудке, со всеми неприятными последствиями. Кое-как однако добрались до своих судов, но тут началось уже повальное заболевание.

Вскоре старший отрядный доктор, осведомленный о событии, отправился по судам осматривать больных. Этот старший врач Училища был общим любимцем и другом кадет, но доктор, надо думать, он был неважный. Часто, зимою в Училище, воспитанники являлись к нему на перевязочный пункт с откровенной просьбою полежать и отдохнуть в лазарете и в этом он почти никогда не отказывал; но действительно больным он обычно прописывал всем одинаковое лекарство, справившись предварительно у фельдшера, какого снадобья много в запасе. «Ну, так дайте им всем этой микстуры», гоoврил он обыкновенно. И получали ее и больные горлом и те, у которых был ревматизм в руке или ноге.

Так вот, этот милый врач объехал все суда, дружески поругал воспитанников за безобразие, ничего не прописал и на этом успокоился. Ночь для воспитанников наступила неприятная, но к утру понемногу все успокоилось и к счастью никто серьезно не заболел. Впоследствие было выяснено, что дневальные взяли для чая какую то гнилую воду из лужи и это, конечно, и было причиной общего заболевания.

При пасмурной, холодной погоде стоянка на рейде Тверминнэ становилась не веселой. Экзамены на всех судах были закончены, учения и занятия шли вяло и все с нетерпением ждали дня, когда, наконец Отряд тронется в Кронштадт, и только корвет «Аскольд» с гардемаринами готовился к предстоящему еще в течение месяца плаванию. Поэтому на «Аскольде» занятия шли с прежней энергией и намеченная программа выполнялась с точностью.

Остальные суда Отряда приводились по возможности в порядок для предстоящего в Кронштадте смотра Главного Командира Порта. Усердно скоблили и мыли палубы и подкрашивали, где было нужно снаружи и во внутренних помещениях. Воспитанники имели время и для съезда на берег и для катания на шлюпках, на этот раз — уже по собственному усмотрению, что доставляло некоторое удовлетворение и развлечение.

Но вот, наконец, настал долгожданный день: сигнал Начальника Отряда указал час съемки с якоря для следования в Кронштадт. Все судовые работы, при этой съемке, выполнялись бодро и с такой энергией, какой давно уже не проявляли воспитанники.

Общее впечатление от проведенного в плавании времени было прекрасное; но условия жизни и работа были нелегкие и потому все охотно думали о предстоящей перемене и возможности до начала занятий в Училище, побывать дома, у своих. У каждого было о чем порассказать, чем похвастать и казалось справедливым после трех месяцев побаловаться в кругу домашних.

Снявшись одновременно с якоря, суда Отряда направились в Кронштадт и сделали этот небольшой переход быстро и благополучно.

Вскоре после прибытия, на судах уже появились гости. Предупрежденные заранее о времени прихода судов, родственники воспитанников не замедлили приехать из Петербурга после долгой разлуки, повидать своих юных мореплавателей. На всех судах царило оживление. То и дело шлюпки подходили к трапу, привозя большею частью дам и детей.

Командир отправился являться Главному Командиру и по возвращении долго беседовал со старшим офицером, давая указания для предстоящего смотра. Наконец и этот торжественный акт, — смотр Главного Командира, — был проделан к общему удовлетворению и снова на малом рейде появились старики-пароходы «Ястреб» и «Фонтанка», чтобы доставить воспитанников в Петербург.

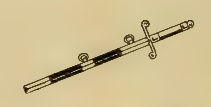
Очень быстро собрались все со своим имуществом на палубе. Командир сказал на прощание несколько дружеских, теплых слов и в самом веселом настроении молодежь перебралась на пароходы, которые тотчас же тронулись в путь. Училищный офицер заранее заготовил отпускные билеты на две недели и, по прибытии в Училище, все уже имели их в карманах и можно было отправляться на все четыре стороны.

Воспитанники испытывали блаженное состояние; две недели свободы впереди и притом все же сознание, что эта свобода как-никак дается не даром, а заработана честно тяжелой работой и жизнью, все минуты которой, и днем и ночью, в течение 3-х месяцев, принадлежали службе и учению. Правда, к своему кораблю за этот срок успели привыкнуть, даже привязаться и покидать его было немного грустно, но... дома все таки лучше!

У подъезда Училища съезд Ванек. Подметив, что воспитанники выходят в отпуск, извозщики пристают с предложениями «прокатить на резвой». Кое-кто решается раскошелиться и проехаться после долгого времени, но большинство пешим способом добирается до конки, которая их затем вскачь поднимает на Николаевский мост и развозит по всем частям города.

На две недели еще Училище пустует, чтобы затем снова собрать в своих стенах веселую молодежь, всею душой отдавшуюся избранной карьере с глубокой верой, что приведется с честью послужить Царю и Родине.

В. Штенгер

Письма в Редакцию

«О ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ»

В большой статье «Русское холодное оружие Царствования Императора Николая 2-го». Евгения Молло, иллюстрированной поистине прекрасными четкими рисунками («Военная Быль» № 65, Январь 1964 г.) почти в самом начале сказано, что !в день восшествия на престол Императора Николая 2-го, Российские войска были вооружены тремя образцами боевого и пятью образцами парадного холодного оружия». Затем идет подробный разбор всех предлагаемых образцов шашек, палашей, сабель, шпаг и клычей и заканчивается статья указаним на то, что «в 1916 году приказом Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего установлено ношение кортика...»

Прочел я эту статью с большим интересом, но считаю, что указанное количество оружия (3 и 5) не охватывает полностью всего холодного оружия наших Российских войск. Не указаны:

1 — **Кинжалы** Кавказских казачьих и туземных войск, 2 — **Бебуты,** коими были вооружены почти накануне 1-ой Великой войны пулеметные команды пехотных и стрелковых полков и, если не ошибаюсь, ездовые и номера пешей полевой артиллерии, 3 — **Тесаки** гвардейской пехоты и они же, перевязанные офицерским темляком, как выходное оружие портупей-юнкеров пехотных военных училищ, 4 — **укорсченные шашки** роты Дворцовых гренадер на белых перевязях, 5 — **палаши** в черных металлических ножнах гардемарин, 6 — **Офицерские морские ~~палаши~~**, могущие быть так же золотым оружием. сабли

А к какому роду оружия причисляется пика, пережившая и Великую и Гражданскую войны?

Если из огнестрельного оружия — винтовки учили стрелять, то также обучали владеть ею-же, как оружием холодным: бить врага прикладом, колоть его штыком.

Еще до установления ношения кортика в 1916 году, с объявлением войны 1914 года, если мне не изменяет память, поледовало Высочайшее разрешение офицерам выходить на войну с дедовским холодным оружием.

К другой статье того-же автора «Русское холодное оружие 19-го века» («Военная Быль» № 55) беру на себя смелость добавить и высказать предположение, что во вновь сформированном Стрелковом полку Императорской Фамилии, из удельных крестьян Новгородской, Архангельской и Вологодской губерний, искусных стрелков, занимающихся премущественно звериным промыслом, при сохранении собственного охотничьего ружья, при форме, хотя и красивой, но приспособленной к крестьянской одежде, с дозволением носить бороду, топор, носимый на поясе, был отнюдь не инструментом, а грозным холодным оружием в сильных руках этих природных охотников (Положение о сформировании полка §§ 1, 2, 7, 8 от 25 октября 1854 г., подписанное графом Перовским).

26 января 1855 года на Тульском оружейном заводе, специально для полка, были заказаны нарезные винтовки тогдашнего драгунского образца, а 19 апреля того-же года, при изменении формы, указано: «топор носить не на поясе, а на ремне через плечо».

Всего, конечно, знать я и не мог в свое время, многое за пережитые десятилетия уже забыто и пишу эти строки я отнюдь не для полемики. Предупреждаю, что возможно вызванные этим письмом поправки несогласия, пояснения и добавления от людей сведущих, заранее принимаю с благодарностью.

Сергей Двигубский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 63-м «Воееной Были» в заметке об Омском Артиллерийском Училище (1-ое Артиллерийское Училище) указано, что материал составлен курсовым офицером училища капитаном Аглазиным; читать следует Алгазиным.

В том-же № 63-м, заметка о Корниловском Военном Училище во Владивостоке:

1) Начальником Училища был генерал-майор Тучапский, а не Тучанский;

2) Командиром эскадрона Училища, не конного взвода, был полковник Бартенев (Нарвский гусар), а не Бартеньев при трех сменных офицерах: полковнике Сысине (Лубенский гусар), полковнике Язвине (Сумской гусар) и полковнике Нестерове, а не Нефедове (полка не помню).

В № 64-ом, заметка о Челябинской кавалерийской школе: прежде всего, в этой заметке перепутаны абзацы и последние 17 строк явно относятся к началу заметки и их следует читать сразу после описания формы школы.

1) Затем, строка 18-ая, справа: «... часть корнетов поступает в Корниловское Военное Училище, в конный взвод, которым командовал ротмистр Бартенев». Не в конный взвод Училища, а в эскадрон и командовал им не ротмистр, а полковник Бартенев.

2) Строка 9-ая снизу, справа: «... в составе преподавателей были профессора Академии Генерального Штаба генералы Христиани, Колюбакин, Шильников». В составе академической профессуры Шильникова не имелось.

3) В № 65-ом, заметка о Николаевской Военной Академии (страница 34-ая, 19-ая строка сверху, слева: «Первое время Начальником Академии был профессор генерал-майор Андогский...». Профессор генерал-майор Андогский был Начальником Академии при эвакуации ее из Петрограда в 18 году и оставался им и в Екатеринбурге и в Томске и во Владивостоке, вплоть до эвакуации в 22-м году.

Во Владивостоке, на Русском Острове, Академия была размещена не в казармах 3-го Сибирского стрелкового полка (страница 34-ая, 12-ая строка сверху, справа), а в трех различных пунктах, а имено: 1) в районе бывшего расположения 33-го Сибирского стрелкового полка, 2) на пристани «экипажной» и 3) в бывших казармах 36-го Сибирского стрелкового полка (библиотека, имущество и типография).

При эвакуации в октябре 1922 года не «большая часть кадра оказалась заграницей» (страница 34-ая, 15-ая строка сверху, справа), а наоборот — весь кадр отказался эвакуироваться и остался на месте, как и все имущество Академии.

Заграницу выехали профессор Андогский и ротмистр Арнгольд. Генерал-майор Иностранцев покинул Россию раньше, с чехами. Генерал-майор Рябиков тоже оставил службу и уехал, примерно, в тот же период.

В № 65-ом, в заметке «Гардемаринский класс Сибирской Флотилии» указано, что на «Лейтенанте Дыдымове», в числе команды погибли гардемарины Алексей Поляков и Халютин (страница 30-ая, 10- ая строка сверху, справа). На «Лейтенанте Дыдымове» погибли следующие гардемарины: 1) Чернозуб, Сергей, 2) Максимович, Георгий, 3) Халютин, Максимилиан, 4) Георгиевский, 5) Конаржевский Глеб. На тральщике «Аякс»: 6) Валуйский, Константин, 7) Юницкий, Павел, 8) Якубовский Генрих, 9) Избаш, Борис, 10) Подобедов, Григорий, 11) Лотошкин, Владимир.

В списке команды «Лейтенанта Дыдымова» гардемарина Полякова, Алексея — нет.

Л. Родцевич-Плотницкий

В ДОПОЛНЕНИЕ К СТАТЬЕ А. БРОФЕЛЬДА

«КАДЕТСКИЕ КОРПУСА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

Прочитав эту статью в № 67 «Военной Были» мне показалось полезным сделать некоторые уточнения, касающиеся последней части «Обмундирование Кадет Кадетских Корпусов», а именно — особенность формы Донского Императора Александра 3-го Кадетского Корпуса.

В повседневной обстановке зимою, кадеты носили темно-синие брюки без лампас, парусиновую рубашку, погоны сине-черного цвета (соответствующего французскому цвету «блемарин») с трафаретным красным вензелем «А III» с короной, красными кантами и серебрянными пуговицами. Вместо широкого лакированного черного, с металлической бляхой, пояса общекадетского образца, Донские кадеты одевали узкий кавказский поясок из сыромятной кожи, с гайками, наконечником и украшениями, в зависимости от своих финансовых возможностей (серебрянные с резьбой или чернью, иногда — по проще).

В теплое время, в корпусе — синие суконные брюки зимнего периода заменялись парусинными, из той же материи, что и рубаха. Летняя фуражка была вся белая; на нее надевался чехол, закрывавший и козырек.

Широкий лакированный пояс обще-кадетского образца носился только в корпусе и только дежурными (по классам, по сотне, по кухне и т. д.). На бляхе был, как и на пуговицах, двуглавый орел, вместо обычного сияния.

В парадной форме существовало четыре разных синих цвета: 1) — сине-черный (погон, как указано выше), 2) — темно-синий — гладкого мундира, без пуговиц, на крючках с серебрянными катушками, 3) — еще более светлый синий цвет брюк «гвардейского сукна» с красными лампасами и, наконец, 4) — светло-синий, — шарфа офицерского образца. Тулья фуражки была такого же цвета, как и погоны, околыш — красный.

Зимою, в отпуску, голубой шарф носился поверх черной шинели с серебрянными пуговицами.

Нашивки вахмистра и вице-урядников были из серебрянного галуна.

Кадеты VI-го и VII-го классов ходили в отпуск с шашкой на черной портупее и нижнечинским-темляком, тоже черного цвета.

Иван Сагацкий

К ЧИТАТЕЛЯМ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Собирая нагрудные знаки и жетоны старой России, военные и гражданские, я, в данный момент, преследую две цели:

1) Возможно широкое пополнение документации и

2) Подготовка к печати справочника по нагрудным знакам Военно-Учебных заведений, Императорской Гвардии, Пехоты, Кавалерии, Артиллерии, Флота и Казачьих Войск.

Поэтому, я обращаюсь ко всем читателям «Военной Были» с просьбой прислать мне рисунки или фотографии всех известных им знаков и жетонов. Необходимо, пока не поздно, собрать в одни руки весь имеющийся заграницей материал. Само собой разумеется, что я всегда, с большим удовольствием, отвечу на все вопросы, связанные с нагрудными знаками и жетонами.

С. Андоленко

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Читая в «Военной Были» статьи о холодном оружии, написанные с глубоким знанием вопроса, я подумал: почему-бы не постараться найти авторитетного знатока русского **огнестрельного** оружия?

Этот вопрос ставится в связи с трудом барона де-Базанкура — «Пять месяцев перед Севастополем», изданным немедленно после войны 1854-55 года, который мне удалось случайно найти в Париже. Автор очень лестно отзывается о русской артиллерии, хваля ее точность и прицельный огонь.

Припоминается мне другой труд, который сохранялся в семейной библиотеке, изданный в эпоху той-же войны, но по-русски. Автор горько жаловался на «кремневые ружья» русской пехоты, говоря о недостаточном числе «штуцеров», указывая на стрельбу штуцеров союзников, которые в бою под Балаклавой перебили прислугу русских батарей, будучи вне опасности в 1200 шагах от пушек...

В том-же труде были описаны действия союзного флота, употреблявшего ракеты, огонь которых был очень действителен...

В другой книге семейной библиотеки, было описание поединка между «Берданкой» и «Пибоди» 1877 года...

Быть может уважаемая Редакция «бросит клич» к знатокам по этому вопросу?

Поручик Императорской Армии
В. Рыхлинский

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Alta Vista Calle, Guayaquil № 16, Caracas.

Аргентина — у Г. Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

№ 70

Ноябрь 1964 год

ГОД ИЗДАНИЯ 13-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника, лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, генерал-майора

Ильи Николаевича Оприца

Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Храме Знамения Божией Матери 10 октября 1964 г. в Париже.

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ, с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого сотрудника есаула Оренбургского Казачьего войска

Николая Николаевича Мензелинцева

Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже 10 октября с. г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с №70 по 75 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55*

13-й год издания | № 70 НОЯБРЬ 1964 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs

Генерал-Лейтенант Федор Алексеевич Григорьев

Директор Первого Кадетского Корпуса

(1905—1917).

Давно ли был директором нашего корпуса генерал Григорьев? Тем не менее время его управления, такое дорогое, яркое и красочное, что после всего пережитого рисуется мне, как очень и очень далекое, как какой-то милый, хороший сон... Подробности, конечно, исчезли из памяти, осталось лишь общее впечатление. Поэтому я позволю себе ограничиться лишь общим обзором его деятельности, а детали к оценке положенного им труда по воспитанию юношества историк найдет в архивах в обильном количестве.

В начале января 1905 года (кажется — 5-го) наш директор генерал В. И. Покотило был назначен Ферганским военным губернатором, а вместо него был назначен директор Воронежского корпуса генерал-майор Ф. А. Григорьев.

С большим интересом ждали кадеты своего нового начальника. В лице уходящего В. И. Покотило заканчивался тот суровый режим, который великолепно вышколил кадет в дисциплинарном отношении, но в то же время всегда держал массу в напряженном, нервном состоянии, которое в любой момент и по любому поводу могло принять бурные формы. Тем не менее простились кадеты с В. И. Покотило тепло и сердечно, ибо велико было в массе обаяние сильной воли и справедливости, которые он олицетворял собою.

Когда он вышел из Сборного зала, где состоялось прощание с прежним директором и встреча нового, и появилась затем импозантная фигура «добродушного толстого дяди из провинции», у всех нас как-то сразу отлегло от сердца. После его вступительной речи, в которой он отметил, между прочим, что с чувством особой гордости вступает в управление старейшим корпусом с его блестящей и обязывающей историей, все невольно почувствовали, что повеяло теплом и сердечностью и успокоенная молодежь с доброй улыбкой на устах принялась за свое обычное дело.

Затем, в отдельной беседе с офицерами-воспитателями, он прежде всего отметил, что подробно знаком уже с хорошо налаженной деятельностью корпуса, выразил безусловное доверие к персоналу и просил продолжать свою работу в том же направлении, твердо рассчитывая на полную поддержку с его стороны. И действительно, за все время службы под начальством генерала Григорьева я не помню ни одного случая, когда бы он вмешался в будничную работу воспитателя и так или иначе затормозил бы ее. Он очень осторожно подходил ко всем педагогическим вопросам и больше всего оберегал авторитет воспитателя. Он никогда и ничего не предпринимал по отношению к отдельным кадетам без ведома и согласия воспитателя и ротного командира, в отношении общих распоряжений — без обсуждения намеченной меры в ротном или общем комитете. На первых порах, пользуясь его доступностью, кадеты часто обращались к нему по личным делам, но он неизменно направлял их к воспитателю. В последние годы моей службы я уже таких случаев не помню.

Усилив авторитет воспитателя до максиму-

ма и всецело опираясь на него, он получил возможность сосредоточить все свое внимание на вопросах общего характера.

Первый вопрос, с которым столкнула его жизнь, был вопрос о курении. При генерале Покотило велась напряженная борьба с курильщиками по обыкновению — безуспешная, но часто создававшая весьма натянутые отношения между воспитателями и кадетами, так как персонал никогда не встречал в этой борьбе поддержки среди родителей и общества и поэтому всегда был одинок. Генерал Григорьев взглянул на это просто. При первом же обнаруженном случае курения, Федор Алексеевич собрал 1-ую роту и объявил, что сам он курит с 13 лет, подвергался в корпусе весьма суровым наказаниям и все-таки продолжает курить и до сих пор. Зная по опыту, что тому, кто курит не из молодечества, а успел уже привыкнуть, отвыкнуть трудно, он решил допустить в 6 и 7 классах курение с тем, чтобы кадеты курили и хранили табак и папиросы только в определенных для этого местах и чтобы твердо помнили всегда и везде, что он не разрешает курения, ибо не имеет права разрешить, а только «допускает», как неизбежное зло. Лично Федор Алексеевич из этого секрета не делал и о принятой им мере было известно и Великому Князю Константину Константиновичу.

Не поддается описанию тот бурный восторг, с каким встретили кадеты это заявление. С другой стороны только старый, опытный воспитатель может понять, какая масса дисциплинарных проступков, имеющих свой корень в борьбе с курением, была сразу вычеркнута из обихода на много лет вперед. Практическая целесообразность этой меры сказалась очень быстро. К концу учебного года, около 20 проц. курильщиков, очевидно куривших из молодечества, бросили курить. Стало не интересно. А затем, в последующие годы никогда не наблюдался такой высокий процент курильщиков, каковой бывал замечаем до принятия этой меры.

В воспитательном отношении, Федор Алексеевич тоже изменил сразу и довольно резко общий характер работы. При первом же удобном случае он, с большим подъемом, объявил во всех ротах, что ненавидит ложь и не уважает лгунов, поэтому всякий, кто сразу сознается в своем поступке и, вообще, будет правдив, может быть уверен, что понесет наказание вполовину меньшее, чем заслуживает, а может быть, смотря по обстоятельствам, наказание ограничится лишь разъяснением проступка. Для лгунов — пощады нет!

Это был переворот в миросозерцании кадета. До этого времени, понятие о гражданском мужестве, о необходимости говорить правду, сознаваться в проступках и т. д. были известны кадетам, как идея, как добродетель, которую очень опасно применять на практике и которую поэтому не применяли. С появлением заинтересованности, эти добродетели стали проявляться, сначала — просто из практического интереса, а потом — постепенно превращались в привычку, давая общие контуры благородного характера.

Под руководством Федора Алексеевича, мне посчастливилось сделать полный выпуск, тоесть провести отделение с 1-го класса и до последнего (1907-1914 г.г.). В младших классах у меня были случаи запирательства из боязни наказаний, но в 7 классе о наказаниях уже не думали и сознавались в своих прегрешениях сразу, не задумываясь. Это явление наблюдалось и в случае групповых проступков. Всякому понятно, в какой степени это облегчало работу и как много устранялось поводов к столкновению между воспитателями и кадетами.

Вообще, с появлением Федора Алексеевича, кадеты сразу и заметно успокоились и приобрели большую уравновешенность. Все манеры нового директора как-то невольно внушали спокойствие, кроме того, Федор Алексеевич очень любил все, что заслуживает похвалы, хвалить вслух, а что заслуживает порицания, порицать, по возможности, наедине. Этот интересный педагогический прием очень быстро установил атмосферу удовлетворения и довольства.

В основу всей своей деятельности, по воспитательной части, Федор Алексеевич сразу положил принцип контролируемого доверия и полного уважения к личности кадета. Чуткая молодежь, конечно, сразу оценила это, очень дорожила доверием и не злоупотребляла им.

По своим педагогическим взглядам Федор Алексеевич был враг наказаний и принятая им система как нельзя более соответствовала этой идее. При нем чаще всего применялись наказания, налагаемые комитетом, главным образом — сбавки баллов за поведение, а обиходные наказания почти совершенно вывелись просто за ненадобностью, ибо создалось такое настроение кадет, что в подавляющем большинстве случаев достаточной мерой воздействия являлось простое внушение. Из обиходных наказаний применялось сокращение отпуска, редко — лишение, а для малышей — непродолжительный штраф и лишение игр (посидеть на скамейке), как меры успокоительные. Арест, как таковой, не применялся. Из двух карцеров один был превращен в склад разного имущества, а другой служил для бесед наедине воспитателя с кадетом. Редко когда сажали туда на 1-2 часа кадета, но и то не ради наказания, а чтобы дать ему возможность успокоиться и одуматься. В последнее время и кадеты смотрели на карцер, как на отдельный кабинет, где

они могли сосредоточиться на своих личных делах и часто обращались к дежурному офицеру с просьбой разрешить занять карцер, чтобы приготовить уроки или написать письмо.

С первого же дня не понравилась Федору Алексеевичу и та обстановка, в которой жили кадеты. И действительно, куда, бывало, ни глянешь — повсюду унылые стены и не на чем глазу остановиться. Если это не имело серьезного значения для мальшей, большею частью проводящих свободное время в подвижных играх, то для взрослых кадет это было уже серьезным лишением, ибо сосредоточие в классе лишало возможности уйти в себя и задуматься на том, что кадета интересует. Зал и коридор 1-ой роты — это были стены, несколько неудобных скамеек, картинок, фотографических групп и... все убранство. Наш великолепный сборный зал не имел совершенно никакой мебели, никаких украшений и освещался 6-ью или 8-ью уличными дуговыми фонарями, только величественные портреты Императоров как-то конфузливо жались к стенкам... Эта унылая обстановка очень не понравилась Федору Алексеевичу и он вскоре начал говорить о том, что теперь и казармы устраивают уютнее и удобнее, а тем более корпус необходимо обставить так, чтобы кадет мог и отдохнуть в свободное время и, кроме того, воспитывался бы самой обстановкой.

«Я не могу себе представить», говорил Федор Алексеевич, «чтобы кто-нибудь рискнул бросить окурок на пол в хорошо обставленной гостиной, всякий непременно поищет пепельницу».

Совершенно естественно, что эта идея потребовала больших средств и осуществление ее растянулось на несколько лет. Но отсутствие средств не могло остановить Федора Алексеевича, вообще — хорошего хозяина. Он нашел поставщиков, которые приняли его заказы в рассрочку, а для получения средств он использовал свое право принимать сверхштатных своекоштных кадет. Остаток от расходов на воспитание и содержание их по закону поступал в распоряжение директора на непредвиденные расходы. Таким образом наш корпус возрос с 550 кадет по штату до 800 человек, в распоряжение директора стали поступать большие средства и все его начинания могли осуществиться.

Улучшение быта началось с улучшения пищи, благоустройства лазарета и приведения ротного зала 1-ой роты в благообразный уютный вид. Появилось свыше 100 хороших стульев, разные столы, шахматные столики, рояль, два аквариума, большой и малый, освещенных разноцветным электричеством и обильно снабженных разными видами рыб, террариум, картины, фотографии и т. д. Для ротной иконы был сделан роскошный дубовый резной киот, ружья были перенесены в ротный зал, поставлены по сторонам иконы в больших пирамидах и таким образом послужили и для украшения зала. С осени, в одном из углов зала был поставлен большой круглый стол, освещенный особой лампой под хорошим абажуром и организована читальня. Для ухода за аквариумами и террариумом были назначены любители-кадеты по их собственому желанию.

С лета и Сборный зал стал приобретать свой художественно-величественный вид.

Для отделки зала был приглашен художник и по его чертежам была выполнена мебель, массивные дубовые двери и подставки под портреты. Уличные фонари были убраны и вместо них вновь водворились, оборудованные для электрических свечей, наши исторические люстры, видавшие еще времена Екатерины Великой, но затем, по какому-то печальному недоразумению попавшие на чердак и мирно там покоившиеся в пыли и грязи.

Впоследствии была великолепно оборудована столовая, — роскошные дубовые буфеты, серебро, всевозможная посуда и т. п., в ротных умывальнях устроены великолепные ванны для мытья ног с холодной и горячей водой; заново была отремонтирована баня и устроен громадный бассейн с проточной водой для плавания. Словом, нет той мелочи в обиходе корпуса, на которую не обратил бы внимания Федор Алексеевич и наш корпус его заботами очень скоро потерял свой сугубо-казарменный облик и приобрел вид хорошей, благоустроенной квартиры большого масштаба.

Попутно нельзя не отметить, что в смысле внешней благовоспитанности улучшение обстановки и быта действительно оказались сильным воспитательным средством.

Заботясь о благоустройстве своего лазарета, Федор Алексеевич тем не менее с первого же года установил как правило — к трудно-больным кадетам приглашать на консилиум профессоров-специалистов, а если по ходу болезни необходимо было постоянное наблюдение профессоров, то такого больного устраивать в образцовые клиники и все расходы принимать на счет казны.

Все это кадеты, конечно, видели, знали, ценили и совершенно понятно, что Федор Алексеевич в необыкновенно короткий срок приобрел глубокую и прочную любовь нашей искренней и чуткой молодежи, которую он тоже горячо любил и берег, как своих детей. Самые прозвища его дышат нескрываемой и ясно выраженной симпатией: сначала его называли «добродушный дядя из провинции», но затем очень скоро перешли на прозвище «папаша», в котором звучала уже не только симпатия, но и благодарность за заботы. Мальши его еще на-

зывали «Дядя Пуп» и при этом неизменно лицо у них расплывалось в широкую и добрую улыбку.

К концу 1904-05 учебного года отношение кадет к Федору Алексеевичу уже установилось прочно, общее настроение молодежи стало уверенно спокойным и благодушным и корпус пошел вперед плавно и легко, без толчков и сотрясений.

В таком благоприятном состоянии был наш корпус, когда в конце 1905 года налетел на него революционный шквал. Как мы пережили это время я в общих чертах уже описал в своем очерке «Двадцать лет назад» и здесь отмечу только, что обаяние личности Федора Алексеевича, его настойчивый, но мягкий режим, разрешение издавать собственный журнал «Кадетский Досуг» (по тому времени — шаг не лишенный некоторого риска), организация за личной ответственностью читальни (журнал и читальня сыграли роль великолепной отдушины), его большая педагогическая чуткость и умение решать очередные вопросы практически целесообразно, не считаясь с формальными препятствиями, наконец, его отзывчивость, в силу которой он охотно шел навстречу своим питомцам во всем, что не противоречило целям воспитания, все это вместе дало возможность корпусу в самые трудные минуты продолжать свой путь так же спокойно, плавно и уверенно, как и до октябрьских событий.

Занимаясь общими делами, Федор Алексеевич не забывал, однако, и того, что управляет «старейшим» корпусом, история которого очень его интересовала и которую он начал добросовестно изучать. Хотя, к сожалению, история нашего корпуса еще не написана, материалы разбросаны и носят преимуществено эпизодический характер, но тем не менее они достаточно ярко обрисовывают высоко полезную деятельность корпуса, стяжавшую ему неувядаемую славу и придавшую его истории исключительный блеск. Нет частей и учреждений, кроме может быть 3-4 гвардейских полков, которые могли бы состязаться в блеске своей историей с историей нашего корпуса.

И вот, изучая исторические материалы, Федор Алексеевич не только проникся благоговением к блестящему прошлому своего корпуса, но и вдохновился мыслью вернуть ему прежний блеск и славу.

Какая смелая мысль!... И, казалось, безнадежная!...

Но масштаб задачи и трудность исполнения ее, по обыкновению, не испугали Федора Алексеевича. Прежде всего, он обратил внимание на то, что корпус не праздновал 150-летнего юбилея, так как был в это время переформирован в военную гимназию. Поэтому он решил возбудить ходатайство о разрешении вместо пропущенного 150-летнего юбилея отпраздновать 17 февраля 1907 года — 175-летний юбилей. Успех ходатайства необходимо было подготовить дипломатически, так как политическая обстановка (начало 1906 года) и отношение высших военных сфер не благоприятствовали этому.

По счастью благоприятно сложилась обстановка в другом отношении. Великий Князь Константин Константинович благоволил лично к генералу Григорьеву и к нашему корпусу. Его благоволение особенно усилилось после блестящей деятельности корпуса в период революции 1905 года. При содействии Великого Князя, удалось довольно скоро получить Высочайшее разрешение на празднование юбилея, но без расходов от казны, так как вообще 175-летние юбилеи по правилам праздновать не полагалось.

По получении разрешения, Федор Алексеевич начал немедленно готовиться и к самому празднованию. Всей душой и всеми помыслами он ушел в это дело. Работа его пошла по двум направлениям: у себя в корпусе необходимо было изыскать большие средства и выработать сложную программу празднования, притом такую, чтобы всем наглядно показать исключительный блеск нашей истории и навсегда запечатлеть ее в сердцах кадет; а вне корпуса — дипломатически подготовить \ то, что могло быть только мечтой и что так мучительно хотелось претворить в жизнь.

В интимных беседах Федор Алексеевич высказывал свою мечту — видеть Шефом нашего корпуса, как было в старину, Государя Императора. Но говорить об этом вслух, конечно, нельзя было; просить о такой Монаршей милости — тем более, а в то же время нужно было как-то навести на эту мысль и доказать, что корпус заслуживает такой высокой милости.

Это была задача исключительной трудности, ибо в высших военных сферах к этому относились определенно отрицательно: предварительные беседы установили там наличность твердого убеждения, что такая высокая честь может принадлежать лишь строевой части. С отделением специальных классов (военные училища) корпус потерял на это право и потому не сохранил и Шефства.

Кажется, эта честь действительно по наследству от корпуса перешла к Павловскому военному училищу. Было много и других препятствий, которых я теперь уже не помню, наконец корпус не имел уже того значения, как раньше.

Дипломатическая подготовка велась в глубокой тайне и никто из нас не знал, какими именно путями Федор Алексеевич подготовлял осуществление своей мечты. Может быть в

архивах корпуса и найдутся какие-нибудь следы этой работы, но для нас это так и осталось тайной. Увенчанная успехом, эта тайна составляет неоценимую заслугу генерала Григорьева перед историей корпуса и ставит его имя, как директора, на недосягаемую высоту.

Последние дни перед юбилеем Федор Алексеевич, сохраняя внешнее спокойствие, волновался страшно и не мог ни на чем сосредоточиться. Последнюю ночь, уже во дворце, он напролет не спал. Но как он был счастлив и как сиял, когда Государь Император объявил, что принимает на Себя звание Шефа нашего корпуса!...

Восторг присутствовавших на этом историческом параде не поддается никакому описанию!... С небывалым подъемом был отпразднован наш счастливый юбилей. Феерически красивая обстановка празднования придавала сказочный характер нашему торжеству. Рота Его Величества преобразилась совершенно: озаренные Высочайшей милостью кадеты стали гораздо серьезнее относиться ко всему и с исключительной заботливостью оберегать свою репутацию. В силу подражания — за ними тянулись и малыши. Так это повелось и дальше. Это был новый и могучий фактор воспитательного влияния, который помог генералу Григорьеву довести корпус в воспитательном отношении до небывалой высоты.

Принятие Государем Императором звания Шефа нашего корпуса, зачисление в списки Наследника Цесаревича, как кадета и последовавшие затем знаки Монаршего благоволения обратили внимание всего общества на наш корпус и поэтому многие родители стали добиваться чести определить своих сыновей именно в ПЕРВЫЙ корпус.

Таким образом смелая мысль Федора Алексеевича — вернуть корпусу прежний блеск и славу — претворилась в жизнь.

С началом революции (1917 г.) генерал Григорьев закончил учебный год и вышел в отставку. А вместе с ним закрылись светлые страницы и нашей истории.

Будем верить и надеяться — не навсегда!

Эпохи генерала Григорьева и его предшественника генерала Покотило тесно связаны между собою и в общем составляют один из наиболее светлых периодов нашей истории. Генерал Покотило выполнил большую подготовительную работу, главным образом в смысле дисциплинирования массы. Генерал Григорьев сообщил этой массе плавное поступательное движение, довел воспитательную часть до небывалой высоты, в 1905 году с честью и без малейших потрясений вывел корпус из революционной бури и, наконец, приблизил корпус к Трону и вернул таким образом ему прежнюю славу, которую корпус заслужил, воспитывая почти 200 лет юношей верными слугами своего Отечества и Престола.

Да простится мне смелость моя, но я совершенно искренне и убежденно полагаю, что в истории корпуса имя генерал-лейтенанта Григорьева должно занять самое почетное место и я нисколько не ошибусь, если скажу, что Федор Алексеевич Григорьев — это наш второй граф Ангальт.

Князь Н. В. Химшиев

Газовая атака

В начале августа, напротив позиций 275-го Лебединского, которым я командовал, и соседнего, справа, полка той же 69-ой пехотной дивизии, из немецких передовых окопов каждую ночь начали слышаться какие-то подозрительные шумы. Ничего точно узнать не удалось, тем более, что вскоре эти шумы прекратились. Только позже мы поняли, что немцы, установив баллоны с хлорным газом, ждали благоприятного западного ветра, чтобы отправить нас на тот свет.

Думая о возможной газовой атаке, я начал принимать меры. Были проверены газовые угольные маски; для себя, на всякий случай, я получил вторую; все солдаты в окопах также их получили. Не доставало только для стоявших в дальнем резерве и для большинства денщиков. В приказе по дивизии рекомендовалось всем, кому нехватит масок, закрывать рот и нос смоченной в какой-то медицинской жидкости марлей. И жидкость и марля были выданы.

Находясь всегда вблизи позиции, я неизменно, руками своей саперной команды сооружал деревянный дом из двух комнат для нас с денщиком, с обращенной к тылу террасой. На всякий случай, весь этот барак был окружен снопами соломы, которую полагалось зажечь, как только появятся газы. Уверяли, что газы не проникнут тогда внутрь дома.

В тот памятный день, мой деревянный домик, отчасти прикрытый тенью единственного дерева, находился рядом с третьей линией окопов, где располагался батальон резерва, а вбли-

зи был выстроен командный пункт с блиндажем, с заранее проведенными к позиции линями телефонов.

Часа в три дня бригадный генерал Котлубай звонит из дивизии и говорит:

— Я хочу приехать к вам вечером, и не один; пойдем сначала на позицию, а затем посидим, поговорим.

Я сразу понял, что без шашлыка и выпивки не обойтись и что под «аллаверды» этому кавказцу нужна будет и музыка. Послал в обоз за своим квартетом, мобилизовал повара Павла, не забыл и «Напереули» — красное кавказское вино типа бордо, доставленное мне както из Кисловодска отпускным солдатом.

Появляется Котлубай и с ним две наши «зубодралки», наряженные, надушенные, веселые. Ни о какой позиции, конечно, не было и речи. Осведомился только:

— Что у вас слышно? (так обыкновенно спрашивали в Польше), и затем — к столу, на террасу.

И вот, под звуки рыдающей скрипки, в обществе двух миловидных женщин, за великолепно сервированным ужином, в тихую августовскую ночь не заметили, как шло время, и когда мой чудесный грузин, после неоднократного «аллаверды» и «мравалджамие», взглянул на часы, была уже полночь. Ни одного выстрела за все это время не раздалось со стороны немцев. Казалось, что все происходило — и ели и пили мы — не здесь, у порога смерти, а где-то далеко, в каком-то загородном ресторане, не то в Петербурге на Островах, не то в Одессе, на Большом Фонтане.

В первом часу гости уехали, я лег спать. Вдруг сквозь сон чувствую, что что-то происходит. Открываю глаза, слышу сильные артиллерийские взрывы и падение, как град, шрапнелей на крышу моего дома. Кричу:

— Молчанов, давай живо одеваться!

Едва успел надеть штаны и влезть в сапоги, в комнату вбегает, с лицом искаженным от ужаса, офицер и от волнения едва произносит:

— Господин полковник, газы! Немцы пустили газы! — и убегает в свою роту.

В мгновенье ока я был одет, и к деньщику:

— Давай маску, одевай сам и зажигай солому!

Натягиваю маску, волнуюсь, и, о ужас! резина, что одевалась на голову, лопается. Чувствую уже запах хлора. Молчанов немедленно снимает свою маску и подает мне, а сам бежит к чемодану, вытаскивает мою запасную и надевает на себя.

Дежурный вестовой уже поджег солому и все вокруг моего дома запылало. Направляюсь к командному пункту, отдаю по телефону, сквозь маску, нужные распоряжения и одновременно рассылаю ординарцев к батальонным

Полковник Ген. Штаба В. Н. фон-Дрейер.

командирам.

Было около двух часов ночи, когда первая волна газов целиком покрыла все расположение полка, до полкового резерва включительно. За ней последовали еще две волны, пущенные противником в 4 и 6 часов утра. Стрельба артиллерийская и ружейная не прекращалась ни на минуту. Вслед за третьей волной, когда она прошла тыл полка, немцы двинулись в атаку.

На всем моем фронте она целиком была отбита; в соседнем полку немцы взяли пленных и пулеметы.

Потери от газов и последовавшей за ними атаки были огромные. Выведено из строя: около 1.200 солдат, большая часть умерли; 18 офицеров — умершие или тяжело отравленные; много санитаров, очищавших утром окопы и снявших раньше времени маски, скончались

позже в лазаретах. Почти все деньщики, у которых не оказалось масок, а была только марля, скончались на месте в тяжелых страданиях. На позиции находилось 26 лошадей, доставивших накануне продовольствие; все они подохли, мучаясь и исходя пеной.

Страшную картину представляла вся местность, где накануне все было покрыто зеленью, а после газов осталась желтая, как солома, трава и такие же деревья. Всюду, едва передвигаясь и тяжело дыша, ползали полевые мыши и лягушки; в соседней речке плавали мертвые рыбы.

Не снимая маски в течение пяти часов, едва не задохшись, я благополучно вышел из тяжелого испытания, но в продолжении месяца с трудом ходил и совершенно не мог ездить верхом. Отпущенный для поправления здоровья на три недели в Москву, в середине сентября я вернулся в полк, продолжавший вести до самой революции неинтересную и безотрадную позиционную войну.

В. Дрейер.

Плен и побег

(Окончание).

Чудесное утро. Осень только начинается. Если ночь свежа, — нас много в теплушке и мы не чувствуем утреннего холодка, — но днем солнце пригревает, как в Крыму. На душе покой, главное сделано. Я бежал.

Поезд катится к северу, куда, мы точно не знаем. Перед станцией Курск, ко мне подходит молодой человек. Я узнаю его: это вольноопределяющийся-артиллерист, которого я часто встречал на Нахимовском проспекте. Он всегда очень вежливо отдавал мне честь. «Господин поручик, я вас хорошо знаю. Хотите, берите мою фамилию и... наказание, — заключение в концентрационном лагере до конца гражданской войны, — я бегу к Махно...». Сказано — сделано: я беру его чин, фамилию, наказание, которое, при первой возможности, заменю на более выгодное... Главное, я не обязан больше отзываться на фамилию «Кильчевского». Поживем — увидим!

Мы — в Курске. Выход с этапного лагеря, грязного до невозможности, свободен. Здесь, в других обстоятельствах, выдал-бы себя с головой. Захожу в книжный магазин, конечно — государственный. Продавщицы, три хорошенькие барышни или дамы, смотрят на меня с безразличием. Но, вот, не думая ни о чем, я бросился к стойке с французскими книгами, схватил брошюрку о художнике Валятон'е и погрузился в чтение. Только прочитавши страницу, я взглянул на барышень. В свою очередь, они смотрели на меня с изумлением: оборванный, грязный, конечно — вшивый, с бородой красноармеец читает французскую книжку, да еще посвященную искусству!...

Снова катимся. Прошли Орел, идем к Брянску. Там на сборном пункте «возмутительная» новость: меня «стрелка Владимира Василенко», которого фамилию и вину, очень незначительную, я взял на себя, не внесли в список защитников Советов. Что же я должен делать? «Иди, товарищ, куда хочешь, а нам не мешай работать. Иди на этапный пункт...». Направляюсь по указанному направлению и в пустой ,почти без мебели комнате, нахожу сидящим за столом, на котором валялось две или три бумажки, товарища начальника, не то бывшего матроса, не то молотобойца. При моем появлении он вскочил со стула и весьма вежливо выслушал мою жалобу на беспорядки в сборном пункте и, без промедления, приняв во внимание мое патриотическое (в тогдашнем смысле слова) настроение, направил меня в 19-ый Советский стрелковый полк, вместе с группой пополнения. И так с концом сентября 1920 года я сделался стрелком 19-го Советского полка и, начиная с этой минуты, почувствовал себя в полной безопасности и находил мое существование забавным и занимательным, — ведь недаром будучи учеником Киевского 2-го реального училища, принимал самое деятельное участие в любительских спектаклях... «Роль», которую я начал играть, была куда увлекательнее! я был и автором сценария и артистом... К тому же, «декорация» — полна поэзии: конец сентября, солнечного и теплого в течение дня, со свежими ночами, все наполнено запахом антоновских яблок, которых урожай в этом году был чрезвычайно обильный. Не портил настроения унылый вид бараков, весьма легкого типа, где на нарах в три этажа, без сенников, на голых досках спали невольные «защитники» советов, по большей части — по два, чтобы согреться под старой ши-

нелью или сермягой, принесенной из дому.

Мне пришлось спать с турком, бывшим военнопленным, а потом волонтером в дивизии генерала Ревишина. Он меня узнал, хотя я и недолго служил в кавалерии... «Я тебя знаю, господин поручик!» Я ему закрыл рот... Он понял мой жест и обещал молчать, тем более, что он был мне благодарен за помощь, которую я ему оказал, в свое время, изругавши молодых парней, смеявшихся над ним, когда он вечером молился на коленях, оборотясь к востоку.

Большинство солдат составляло ветераны, безжалостно мобилизованные советами, — кто не исполнял приказа о явке на сборный пункт или дезертировал, у того в наказание карательные отряды разрушали печку в доме.

Так как я выдавал себя за бывшего военнопленного, привезенного насильно в Крым из Германии, а потом воспользовавшегося поражением белых под Каховкой, чтобы перейти к красным, я сделался «экспертом» по вопросу: кому лучше сдаться, белым или полякам?

Мое положение сделалось еще лучшим, когда меня заметил командир роты. Это был старый фельдфебель, маленького роста, со сморщенным, как печеное яблоко, лицом, сидевший в жарко натопленной канцелярии почти целый день. Как только мне удавалось его увидеть, я так вытягивался, что он говорил: «Видать сразу, что ты старый солдат, а не как эти, призывные».

Благодаря моему козырянию и стуку каблуками (слабому, так как мои ботинки распадались), мне удалось получить отпуск в город, куда меня пригласили евреи, введенные в обман черной бородой. У них я угостился, как редко — это был ритуальный ужин в пятницу и стол сгибался под тяжестью всякой очень вкусной еды... Жалко, что меня выдал серебряный крестик и такая же иконка на шее...

В полку нам давали паек: 15 граммов сахара, две ложки пшеницы, полселедки или воблы и 100 граммов черного, плохого хлеба. Кроме этого, в полдень давался какой-то суп, в котором не было и следа мяса, и кипяток сколько угодно.

Чтобы улучшить еду, я решил дать дополнительное представление. Между поварами, раздававшими суп, я заметил старого солдата, одетого в теплый, клетчатый кафтан, что-то вроде пижамы. Эти кафтаны давались сотнями русским военнопленным по занятии Германии союзными войсками. Кроме того, я отлично знал быт пленных, будучи офицером-переводчиком Междусоюзной Комиссии по контролю Германии до моего отъезда в августе 1919 года в Добрармию. Во всеоружии моих знаний, я приблизился к моей «жертве» и едва проговорил «товарищ, ты — с Залцведеля?», как тот оставил свой котел и бросился в объятия. «Как-же, как-же, помню хорошо! Так и ты сделал такую же глупость и вернулся в «Рассею»? Четыре года ожидал увидеть своих, а теперь нет дня, чтобы не жалел... Нигде не было так хорошо, как по войне, у немцев!» «Приходи, я тебе дам столько супа, сколько захочешь! Тебе и твоим товарищам». Я был поражен, с какой легкостью я внушил бывшему пленнику, что мы были вместе в плену...

На третий день моей службы должны были начаться занятия. Воины потеряли выправку и совершенно забыли, чему их учили унтера царской армии и вот, наконец, в Брянск прибыл новый командир батальона. Все роты построились, с командирами, на лугу и ожидают прибытия нового комбата.

Ожидали мы долго, что не было трудно — солнце грело, как летом. Наконец он показался. В черной гимнастерке, в таких-же «галифэ», руки — в карманах, небрежная ,развалистая походка. Презрение ко всему окружающему. Вот комбат в середине каре. Остановился (руки в карманах рейтуз). Посмотрел кругом и в ответ на команду «Смирно!» начал: «Туда вашу мать...». Самая отвратительная матерная ругань длилась несколько минут, чтобы окончиться: «Комроты, ко мне, а вы (опять длинное сквернословие) начнете занятия!».

Еще два или три дня, одиночная выправка отбывается каждое утро. Оружия мы не видим. Быть может, на самом фронте? Начинают записывать волонтеров на польский фронт. Я в числе первых; за мной следуют старые солдаты и мой турок. Перед отъездом мы все проходим перед комиссией врачей в Брянске. В пустой, холодной зале, за длинным столом восседает эта комиссия, состоящая из трех врачей, в том числе — одной женщины-врача. Все трое — евреи. Не будучи антисемитом, а скорее — наоборот, сочувствующим несчастьям этого народа, я был поражен отсутствием такта у евреев, имеющих власть. Передо мной проходит осмотр старый солдат из запасных. На правой лопатке старая, с 1917 года, огнестрельная рана, которая упорно не заживает. Он жаловался передо мною, что его, инвалида, забрали на службу — «под царем этого не было бы». И вот теперь, на моих глазах, врачи суровым, безжалостным тоном произносят: «Пригоден к строевой службе». Я подхожу к столу. Суровое выражение исчезает и заменяется приветливой улыбкой — снова моя черная, густая борода, как будто наклеенная на лицо, вводит в обман эскулапов: «Вы больны? печень? Вы еврей?» «Нет», говорю злым тоном и звеню крестиком и медальоном на груди... «Пригоден!» и я отхожу, довольный моей демонстрацией.

На третий день, накануне нашего отъезда на фронт, ночью приходит приказ отправить

всех пригодных к службе в Сибирь. Это был удар для меня. Ехать на сибирский фронт в конце сентября, имея на ногах ночные туфли. Ведь это ужас! Я помнил хорошо сибирские просторы под снегом. Делать нечего, нужно бежать... Как и куда, еще не знаю, но наверное к югу...

Погрузка происходит ночью. Светит луна. Холодно. Но в теплушках тепло — 40 человек, сидящих один около другого. Двери открыты. Впереди около дверей сидит молодой человек. Странный, в глазах что-то говорит о сумасшествии... Он громко говорит, что его мечта убить собственноручно «белого» или «буржуя».

Я заснул, чтобы проснуться в Орле. Поезд остановился далеко от вокзала на запасном пути, тянувшемся вдоль поля, с которого недавно собрали картофель. Не долго думая, следуя примеру солдат эшелона, я соскочил на землю, отвечая на крик какого-то старшого: «Товарищ, не отходи далеко, мы скоро тронемся в дорогу!» «Я — на минутку... Собрать немного картошки». Наклоняясь к земле и видя, что никто не следит, я вошел незаметно в маленькую рощицу и там услышал свисток паровоза и увидел прыгающих уже на ходу в теплушки красноармейцев... Как вдруг около меня раздался молодой голос с таким характерным украинским произношением: «Куды вы, товарищ, идете?» Смотрю, передо мной паренек лет двадцати. «А ты откуда?» — «Я — с Золотоноши...». Золотоноша, кто не знает этой «дыры», где сытно едят, поют, а Бог и чернозем стараются для ленивых хохлов? «Я туда иду», отвечаю. «А чи вы знаете дорогу?» спрашивает мой сотоварищ. «Знаю, иди за мной, дойдем...». «Мене забралы, бьют, а теперычка вывожуть до Сибирии... Я не хочу там ихати... А до дому...».

И мы пошли. Разговор замер по причине отсутствия тем. Проходим рощицу, держусь по солнцу, на юго-запад. Быть может, дойду к Крыму... На опушке рощицы новая и неожиданная встреча, которая подкрепила меня морально. С самого начала похода я решил идти только полями, никогда дорогами. Но здесь, выходя в поля, нужно было пересечь узкую, польную дорогу. Слышу бег лошаденки и стук колес, слабый, заглушенный густым слоем пыли. На маленьком тарантасе сидит в серой бекеше молодой человек с небольшой бородкой, как «чеховские герои». Подумал. Лошаденка остановилась, как вкопанная перед нами. «Дезертиры?» ставится нам вопрос и красивое молодое лицо едущего расплывается в улыбку. «Собираем картошку», говорю и вижу, что спрашивающий не верит и смеется совершенно откровенно. «Хорошо, получите это и продолжайте ваш путь», и одновременно протягивает мне свежий, еще горячий целый хлеб, такой, какого я давно не видел. Пожал нам руки и лошаденка бодрой рысью побежала снова вперед. Эта встреча, этот чудесный хлеб были поощрением в моем трудном предприятии. Об этом я всегда вспоминаю, когда в памяти оживают картины моего бегства.

С этого момента начался мой бесконечный марш к свободе.

Нехватало табака. Курил все, что росло: сухие листья березы были, быть может, самым лучшим, что находилось по дороге. Нехватало «печатного слова», так мужики, не читая «Правду» или «Известия», делали из них «козьи ножки». Скажу только, что самой ужасной курительной бумагой были вырванные листы «Иллюстрасион», которые мне дали в одной деревне, где находился разрушенный до фундамента барский дом...

Шли мы полями, покрытыми стернями, которые рвали наши лапти. Хорошо, что нам подавали добрые люди. Иногда, лежа за кустом, я видел конные отряды, идущие дорогой. Следовательно, моя метода была правильная: избегать битые пути... Под вечер я искал избу подальше от села и ни разу не ошибся. В такой избе обычно жила или вдова или одинокая старушка. Всегда находилось что-нибудь съесть и на дорогу кусок хлеба, картошка или каша... Мы кололи дрова, помогали хозяйке, у которой сын или внук был такой же как мы «дезентир» и где-то шел, так же как и мы — домой... Чем ближе мы подходили к Украине, тем лучше был наш стол, появилось на столе чудесное, топленое в печке, на которой так хорошо спалось, розоватое молоко, которое только украинские хозяйки умеют делать, и пшенная каша, обильно политая салом с такими вкусными шкварками.

Светило солнце золотой осени, хотя ночи становились более и более холодными. Пейзаж, чисто «левитановский», в особенности в покрытой оврагами Курской губернии, с деревьями, преимущественно березками, в прощальном красочном наряде, помимо воли припоминались мне стихи Бальмонта: «Есть в русской природе усталая нежность, какая-то боль затаенной печали...». Но еще большей грустью веяло от разрушенных, с ампирными колоннами, барских усадеб, покинутых хозяевами... Где обитатели этих, дико, по пугачевски, разрушенных жилищ? Красота исчезла из русской жизни. Ни одного интеллигентного лица, ни одного красивого женского силуэта... Наверное, такие же мысли приходили в, покрытые белыми париками, головы эмигрантов в Кобленце. Для них, кто не был в Версале, тот не жил на свете, для меня — кто не жил перед революцией, тот не знал красоты жизни...

Вот пример бессмысленного разрушения: в одной деревне, в хлеву гостеприимного мужика, я нахожу засиженный курами рояль. »Откуда он у тебя?» — спрашиваю. «Да как — от-

куда, от фабриканта бумажной фабрики. Хорошо, что я его спрятал, мужики хотели изрубить на дрова, ведь они разобрали все машины, до последней гайки, а теперь жалеют, — нет работы, нет бумаги. А от фабрики — ни следа... Все кирпичи унесены...»

Кого следовало больше ненавидеть, правящие, бездарные классы или «пугачевцев»? Не знаю...

Едва я достиг лесистой части северной Черниговщины, как глуповатый, но хитрый хохол оставил меня ранним утром. Он был у себя, на Украйне. Я переменил тактику: я сделался Австрийцем, Украинцем, происходящим из Галиции, уроженцем Подкаменя, недалеко от Брод, район, который я хорошо знал по службе в 22-м Сибирском стрелковом полку в 1917 году, по приезде из Франции. В доказательство этого я показывал документ, на котором было написано, что я военнопленный австрийский солдат.

Наступил ноябрь. Солнце становилось все более и более скупым, а утром земля была покрыта тонким слоем первого снега. Я иду все далее к югу, прохожу далеко от полного поэзии прошлого городка Козельца, с чудесным храмом, построенным Растрелли. Проникаю в Полтавщину. Каким богатством, как мне казалось, дышала Украйна после бедных сел центральных областей с их бревенчатыми избами, с их бедной землей... Но здесь еще больше чувствовалось враждебное отношение к советской власти, не без тоски о прошлом. Один раз я слышал от пастуха, ночью, на поле, делясь с ним вкусными печеными картошками: «Выгнали одного царя, а если бы теперь нам дали двух царей, то был бы рад. Советы ничего не дают, ни соли, ни белого хлеба». Повидимому я окреп, живя на лоне природы, продолжая мой «вуаяж», или был просто объективным наблюдателем, не знаю, но мне казалось, что на моем пути находилась настоящая концентрация прелестных украинских «дивчат», которые так заманчиво для меня усмехались, говоря со мною, покрытым насекомыми и заросшим бородой...

Была уже глубокая зима, когда я узнал о падении Крыма. Не было смысла углубляться к югу. Недалеко от Кременчуга я резко повернул на запад, чтобы «зимовать» в Киеве, если до него доберусь.

Наконец я перешел по льду Днепр и пошел по направлению к Белой Церкви. Не прошел и десяти километров, как меня остановила группа вооруженных всадников. «Кто ты?» спросил повидимому старший. «Бывший австрийский пленный». «Жид?». «Нет». «Поступай к нам». С этой минуты я становлюсь членом партизанского отряда Пана Ярого и мне вверена пулеметная команда, то есть два старых Сен-Этьенна и один Гочкис, которые никогда не стреляли, но были украшением отряда.

«Нам поможе пулемет, тай тяжка гармата
Бити цих кацапив...»

Так пели мои новые сотоварищи в перемежку со старою украинской песней «Ой на гори тай жници жнуть, а по пид горою козаки идуть...» И дальше воспевали славу гетману Сагайдачному, который переменил «жинку на тютюн и люльку». Мы проходим селами, где нас как друзей встречает население, кормит до отвала и, что самое важное, дает сведения о карательных большевистских отрядах, которые нас ищут. Но вот темная и трагическая черта: едва мы проходим через какое нибудь значительное селение, мои товарищи соскакивают с телег и лихорадочно ищут евреев. Но не находят их, что почти всегда случается — еврейское население спасалось под защиту советских частей и укрывалось в больших городах, преимущественно в Киеве, где позже я видел бородатых стариков с их семьями, заполняющих самые элегантные квартиры в центре города.

Однажды на ночном переходе (как нарочно, один из моих пулеметов, с задранным к небу дулом, не знаю, почему, выстрелил; так себе, без всякой причины, я дремал, а кучер, хозяин подводы, погонял лениво лошадей), передняя конная стража задержала едущую к северу, то есть к Киеву подводу. Там была старушка-еврейка с сыном, 30-летним человеком. Старуху посадили ко мне. Она громко плакала и спрашивала: «Вы меня убьете?». Ее вопрос мне показался таким чудовищным, что я пытался ее успокоить. И как раз в тот момент подбежал ко мне какой то партизан и тихо, видимо был из новых, смущенно сказал: «Атаман казали забити старую...» Не могу описать моего возмущения таким приказанием. Отчетливо понимая, что мой отказ исполнить приказание может повредить, я кричу: «Скажи атаману, что я не убиваю старых женщин и, вообще, безоружных людей». Через несколько мгновений около меня появился, держа в руке обнаженную шашку, мой сосед по подводе, спокойный, симпатичнйы человек; он стащил за руку старуху, отвел на несколько шагов от телег и я услышал мольбы и крики отчаяния, которые прервались мгновенно (и навсегда) после стука клинка о что то твердое. А там дальше, такой же крик, но мужской, отчетливо раздавшийся стук и не менее жуткая внезапная тишина...

Не прошло и недели моего партизанства, в течение которой мы все время совершали марши и контр-марши, преимущественно ночью, как мы остановились на главной улице большого, растянувшегося на версту селения. Прошло немного времени и мы, окруженные толпой женщин и детей, зажарили только что убитую свинью, начали есть аппетитные шкварки на хлебе и ожидали горячий и жирный суп. Я его попробовал, он обещал быть очень вкусным.

Как вдруг трескотня сравнительно близко находившегося от нас пулемета и град пуль, ложившихся совсем близко от котла с супом, прервали наш приятный постой. По примеру моих товарищей я вскочил на первую попавшуюся подводу, схватил только мою пехотную винтовку и понесся в противоположную сторону. Баба-кучер громко молилась, погоняя лошаденку. Мы были последней телегой. Пулеметные очереди ложились сзади нас на 3,5 и потом 10 и больше метров. Когда мы выехали на вершину холма, огонь прекратился совершенно. На счастье, большевики не имели кавалерии, что нас спасло от полного уничтожения.

Проехавши еще несколько километров, мы получили приказ от Пана Ярого — «спасайся, кто может!» Я попрощался с моими пулеметами и бегом направился к ближайшому лесу. Там я нашел двух сотоварищей, одного партизана, который носил георгиевский крест на кобуре нагана и потом другого, глуповатого парня. Мы просидели целый день и ночевали в лесу, греясь один около другого... Я просидел в яме, в оттаявшей воде, которая вымочила мой ангельский документ, до вечера. Когда все утихло, моих сотоварищей не было, каждый пошел в свою сторону.

Признаюсь, я почувствовал облегчение, мог решать самостоятельно задачи, которые ставила обстановка. Я снова углубился в лесную чащу. Там старательно спрятал винтовку с патронами и, пользуясь сумерками, стоял декабрь, двинулся в противоположную сторону. Лес окончился и я очутился перед деревней. Вот и большая, зажиточная хата, поставленная сравнительно далеко от других. Стучу в двери и на приглашение отворяю их. Посередине большой, украшенный вышитыми полотенцами комнаты, сидит за столом мужчина средних лет и читает книгу. Перед ним в кровати лежит молодая женщина необычайной красоты. Она, повидимому, серьезно больна, так как мечется в горячке и стонет. «Кто вы?», обращается ко мне мужчина. «Австрийский военнопленный, иду домой на Галичину», отвечаю. «Угостил бы Вас, но как видите, моя жена больная, тиф». Смотрю, книга научная. Машинально начинаю читать. Мой хозяин внимательно смотрит на меня и, спустя несколько минут, говорит: «Вы не тот, за кого вы себя выдаете. Я — председатерь местного совета (рады), чем я могу вам помочь?» «Выдайте мне свидетельство, что я действительно бывший военнопленный, идущий из центральных губерний домой». Это куда лучше, чем аттестация танковых частей Его Величества (британского). Написано грамотной рукой, с печатью совета.

Благодарю и выхожу, как мне указал хозяин, по направлению к железной дороге. Мне необходимо добраться до узловой станции, чтобы оттуда попасть в Киев. Вскакиваю на площадку пассажирского вагона. Никто не требует билета, но стоящий против меня молодой человед, чисто одетый, в военной форме, завязывает разговор. Рассказываю ему мою трагическую историю, как во время Брусиловского наступления попал в плен, как теперь хочу попасть в Звенигородку, там живет тетка, беженка из Галиции». Мой собеседник усмехается и говорит: «На остановке подождите меня, товарищ, я — железнодорожный комиссар и помогу найти «вашу» тетку». Что то мне не понравилось в этом обещании помочь бедному пленнику и как только поезд, подходя к какой то станции, замедлил свой ход, я соскочил с площадки еще перед семафором.

Подождал в теплой будке стрелочника отхода поезда и двинулся к вокзалу. Еще далеко от станции, мое внимание привлек большой бревенчатый барак. Из открытых дверей его просто «валило» тепло и запах настоящих щей с мясом. Присматриваюсь к обитателям этого пункта и вижу, что это самые безобидные воины: запасные, около 40 лет, в разнородных мундирах мирного времени, то есть — двубортные черные мундиры, понятно — без погон, но с золотыми пуговицами, что делало этих воинов еще более симпатичными. Прошу разрешения войти, представляюсь, хочу показать свидетельство, что являюсь бывшим пленным, взятым на австрийском фронте... Отмахиваются руками, никто не хочет проверять документов. «Входи! наверное — голодный?» и передо мною огромная миска с горячей едой. Не отказываюсь, понятно, а мое присутствие разбудило воспоминания о «царской» войне, больше всего о том, как «вы, австрийцы, легко сдавались в плен». «Что хотите? чтобы мы сражались за немецкого царя?» Все соглашаются и хвалят «нас». Тут я узнаю, что вокзал Звенигородка лежит далеко от городка; начинаю понимать улыбку комиссара на площадке вагона, которому я обстоятельно описывал улицу и дом моей тетки в Звенигородке. Мне дают место и солому, недалеко от раскаленной, казарменного типа, печи. Чувствую себя в безопасности, все начинает меня забавлять... Тем более, что эти запасные составляют карательный отряд по борьбе с «бандитами», то есть — украинскими партизанами, которым я был всего 10-12 часов тому назад... Узнаю также, что завтра должен пойти специальный поезд в сопровождении броневика. Как попасть на этот поезд?

Действительно, утром, нахожу длинный состав теплушек. Около них суетятся солдаты, что то грузят. Вдруг, далеко слышны орудийные выстрелы. Все смотрят в поле, там видны разрывы шрапнелей. «А видите бандитов-» Говорят, но никто ничего не видит... Стрельба прекращается и броневик, весьма скромный по ви-

ду, вкатывается на станцию. Около моего состава погрузка заканчивается, но начинается ссора между высоким молодым человеком в бурке, повидимому — кокаинистом, который никого не впускает в теплушку, пустую, но занятую молодой женщиной в шубе, которая забилась в угол и молчит. Тем временем молодой человек вытягивает наган и кричит: «Я вас научу, как следует обращаться с адъютантом...» и называет какого то «командарма». Толпа расходится, ворча ругательства. «Бурка» закрывает двери теплушки и все утихает.

Ну, а где же мне устроиться? Внезапно меня осеняет мысль, — попробую забраться на паровоз... Подхожу к паровозу. Старая машина «030», повидимому утомленная сорокалетней службой. «Скажите, товарищ», говорю, обращаясь к машинисту, «не можете ли меня взять с собою до Киева?» «А умеешь ли топить? как раз мой кочегар заболел тифом». «Умею, не мало проездил на паровозах, хотел быть машинистом». «Хорошо, входи, сейчас отъезд». Мы тронули в дорогу. Время от времени бросаю в печку огромные поленья, из которых каждое равнялось половине шпалы. Нужно было не спустить давления пара ниже 9 атмосфер (максимальное давление старика-паровоза было 12), но это так трудно без каменного угля. Целый день и ночь я бросал дрова в топку. Каждых 10 или 15 минут. Без приключений и нападения «бандитов» утречком мы докатились до Киева и остановились перед вокзалом.

Оттуда, старательно избегая длинное, безвкусное, из желтого кирпича, здание вокзала и сам город, иду вдоль железнодорожных путей товарной станции, направляюсь к костелу Св. Николая, за которым находится больница графини Игнатьевой (матери военного агента в Париже), которой заведывала в течение многих лет моя приемная мать, Е. С. Вышеславцева. «Она умерла, заразившись тифом», плача рассказывает мне нежно-любящая меня тетка, которая теперь заменяет умершую. Она передает мне письмо, написанное на смертном ложе, которое я сохраняю до сего времени, начинающееся словами: «Мой дорогой Володичка...» Дальше трудно прочитать. «Она так была горда тобой, что ты в Белой Армии.. Как она искала тебя всюду, думая найти твое тело между убитыми, когда ты, по своем приезде из Германии, уже на третий день бежал с этим длинным гусаром, остзейским бароном (Рооп), который гостил у тебя». «В городе шла стрельба, большевики уже почти взяли город... Умершая отдалась своей работе, заботилась о больных так, что даже большевицкие газеты посвятили ей некролог, расхваливая ее заботливость и работу».

Я нахожу все мои документы тщательно спрятанными и решаю «зимовать» в Киеве, сбрить бороду, хотя это — рискованно, и весной итти дальше на запад, теперь ничто не связывает меня с Россией.

Квартирую против оперного театра, у двоюродного брата Мити, с его молодой женой и ее племянницей Марусей, которая по примеру тогдашних девушек учится танцевать.

Мой двоюродный брат добыл где то пишущую машину «Ремингтон» и мы занимаемся фабрикацией поддельных документов, преимущественно демобилизационных свидетельств для деревенской молодежи. Успешно подделываю печати и подписи разных комиссаров, мой талант рисовальщика с успехом применяется в этой отрасли. Митя привозит из деревень сало, крупу всех родов и тому подобное, что позволяет нам жить сравнительно без забот. Я редко выхожу в город, ставший чужим, переполненный евреями-беженцами из провинции и какими то незнакомыми людьми. Одетый в куртку, привезенную из Германии, совершенно подобную той, в которую был одет повар 19-го стрелкового полка в Брянске, имея в кармане свидетельство, выданное моим товарищем по гимназии Семеновым, поручиком, проведшим всю войну в плену, а теперь комендантом этапа, свидетельствующее, что я бывший унтерофицер 22-го Сибирского стрелкового полка, я пробегаю в сумерках город, идя к моим приятелям-девушкам, где смех не утихает за стаканом чая... Поздно вечером, когда возвращаюсь, в тишине слышны зловещие залпы, доносящиеся с Липок, аристократической части города, где устроилась «ЧЕКА» и ее сотрудники. Даже пущенные в ход моторы грузовиков не могут заглушить эти залпы, «ликвидирующие» осужденных на смерть... И так каждый вечер население Киева прислушивалось к этому...

Не могу забыть чувство гордости, как боевую награду, слушая похвалы, чувствуя на себе взгляды восхищения моих бывших учителей и воспитателей, которых я нашел всех живых в том же самом здании бывшего 2-го Реального Училища. Бедные, они так похудели, так были изношены их мундиры и костюмы, что внушали мне бесконечную жалость. Какая разница между моим визитом в 1917 году, когда я только что вернулся из Франции, в свеже-сшитом в Париже мундире. С какой любовью смотрел на меня мой директор Черняев, так прекрасно сохранивший, несмотря на возраст, свою красоту, к которому я приходил вечерами на частную квартиру. Как он смеялся, когда я ему рассказывал о «страшном сне» на фронте Шампани: он (во сне) опечалил меня, требуя моей явки, чтобы пройти новый экзамен зрелости...

Пусть следующие строки будут посвящены памяти моих друзей юношества, трагически погибших в смуте. Жорж Яшгунович, талантливый переводчик Франсуа Виллон, только что

окончивший университет. И вот большевицкая революция его захватывает и вскоре же разочаровывает. Когда я встречаюсь с ним, он ненавидит большевизм. К своему несчастью он, скептически относящийся к любви, влюбляется до потери разума в институтку неслыханной красоты, как будто сошедшую с картины прерафаэлитов ангельской школы. Она становится, как много девушек и женщин из недоступной недавно для «плебса» среды, любовницей видного сотрудника «Чеки», а он погибает, расстрелянный в подвалах за какое то преступление против «народа», погружая в бездну отчаяния свою мать... Революция начинала пожирать тех, кто ей поверил...

Второй мой товарищ (мы составляли неразлучную тройку с Жоржем), еврей, совершенно обрусевший, Миша Киперман, сын директора ремесленной еврейской школы имени Бродского, миллионера, вольтерьянца, эсперантист, переходит в протестантство, пересекает Европу во всех направлениях, охотится за женщинами и перед самой великой войной переходит в православие, пожирая богословские книги. С самым началом войны поступает вольноопределяющимся в Н-ский уланский полк, отличается на фронте, чему свидетель — георгиевский крест, с началом 1917-го года произведен в прапорщики и вскоре в корнеты. В 1920 году он становится, о парадокс!, командиром «Днепровской речной Флотилии». Наш улан-моряк при встрече со мною «Белым», не скрывал своего глубокого разочарования в революции, но не открывал своих планов на будущее. Вот однажды, его отец на мой вопрос: «где Миша плавает?» ответил «вот уже неделя, как стал послушником в Лавре». Я просто ахнул от удивления. Как, в эту эпоху, когда печать начала борьбу с верою, с Богом, вступить в монастырь? Это мужество, перед которым нужно было преклониться. Много лет спустя, уже в Ровно, я захожу к престарелому отцу Миши. И вот он показывает последнюю фоторгафию своего сына — я был снова ошеломлен, видя на снимке архиерея, в клобуке с панагией... На другой стороне надпись: «Моим родителям их сын Миша». «Да», сказал с гордостью старик-вольтерьянец, «население считает Мишу святым...»

Но после войны 1939-45 годов я потерял окончательно связь с прошлым.

Весна 1921 года. Я снова шагаю Житомирским шоссе к западу. Это самый безопасный способ бегства — поезда тщательно проверяются. В кармане у меня свидетельство демобилизованного бывшего военнопленного, уроженца города Дубно, Волынской губернии (что совершенно правильно). Десять или немного дней и я в лесу, тянущемся вдоль польско-советской границы. По словам доброжелательных людей я должен найти ручеек, который и есть граница. Первый раз, пройдя от Орла до Киева, я чувствую такое волнение, что мной овладевает какая то слабость Сгорбившись, сажусь на ствол дерева и слышу вопрос с кавказским акцентом: «Эй, дядя, не видел ли ты наших всадников?»

«Нет», говорю слабым голосом и, чудо, мои черкесы удаляются галопом. Собираю все силы и иду дальше. Каких нибудь пятьдесят метров дальше нахожу ручей — 15-20 метров ширины. Через него переброшено бревно. И здесь волнение и слабость достигают такого напряжения, что не могу держаться на ногах и перехожу ручеек на четвереньках...

Я — в Польше. Силы приливают. Я не только могу идти, но бегу, километр или больше. И когда — вдалеке — это было 4 апреля 1921 года — я увидел военную, нерусскую форму — я понял, что я на свободе.

Владимир Рыхлинский

Из переписки трех Преображенцев

(См. «Военную Быль» № 39).

В Воронцовском Архиве сохранилась часть переписки трех друзей, офицеров Преображенского полка, Воронцова, Арсеньева и Марина. Письма эти живо передают настроения и быт офицеров гвардии первой половины царствования Императора Александра I-го.

Марин — Воронцову 18.9.1803 г.

Мы выступили при тебе, в Красном Кабачке был завтрак и четверть часа отдыху, после которого большим шагом мы дошли до места лагеря.

Вообрази ты мое положение, всем поставили палатки, а молодой поручик на открытом воздухе и на дожде проводил время, говоря парламентские речи фельдфебелю. После двух часов такой прогулки поставили мою палатку, я влез в нее и уснул. На другой день отдых, а я в караул к Императрице и поутру на маневры. Мы атаковали неприятеля, сбили его с места и стали лагерем на высотах подле Красного Села.

На другой день неприятель поошравился и сбил нас с шагу. Мы отправились на старые места. Два дня отдыху. Кирх-парад, я в карауле, потом опять маневр и неприятель к черту, на другой преследовали врагов и разбили в прах. Заходящее солнце с ужасом взирало на место сражения, покрытое кустарником и засохшей травой. Ночевали на месте сражения. Прогнали повара Потемкинского, обед готовил француз, и мы ели за сорок человек. Возвратились к Красному, ездили верхом по горам, я потерял султан и был в отчаянии. Выступили в Петербург. Привал у дачи Буксгевдена, вступили в город, я ускакал вперед. Розен понес знамена...

Жизнь наша в лагере была очень веселая, все офицеры сбирались к нам, а мы с Аргамаковым были в ссоре за то, что обоим хотелось говорить и что оба врали... За маневры были большие награждения, нашему хорошему командиру графу Петру Александровичу назначена была Александровская, но он от нее отказался, и так дали ему табакерку с вензелем. Ты, верно, согласен со мной и хвалишь сей поступок благородный, достойный графа [1]). Во все время маневров погода была изрядная и больных в нашем батальоне не было... У нас в батальоне произвели в унтер-офицеры 1-й, Черепнева, Слюнкина, 2-й, Яковлева и Горбунова, 3-й, Ремезова и Афанасьева, которого ты брал с собой, 4-й, Хабалова и Болтушкина... С маневров мы шли через Красное повзводно мимо Императрицы, тут стоял Государь со всей свитой. Приезжий из Москвы Римский-Корсаков был тут же и, к несчастью, на кобыле. Стоящий за ним жеребец, на котором сидел Сухтелен, вздумал взобраться на предостоящую кобылу, вздумал и исполнил. Это было 10 сентября, в тот день, в который он разбит под Цурихом. На этот случай я сделал стихи:

Оставить должен ты военно ремесло,
Несчастно для тебя десятое число:
В сей день разбит ты был под Цурихом в конец,
В сей день побил тебя в маневрах жеребец.

22.10.1803 г.

У нас опять производство в унтер-офицеры по имянному, а именно Лабутнев, Черняев и Подъячев, 4-я рота много потеряла сим повышением, ты знаешь, что это первые люди. Третьего дня был смотр инспекторский нашему полку на Царицыном Лугу, смотрел граф Толстой.

19.11.1803 г.

У нас все идет по старому, всякий день тоже да тоже. В городе беспрестанно балы, ты знаешь, как они меня интересуют, в театр я езжу чтобы дремать, ужасно скучно. Весь полк в грусти и отчаянии, наш беспримерный граф болен и болен очень дурно, ты можешь вообразить, как это всех беспокоит. Сохрани Бог от несчастия. Кто заменит его. Все Кологривовы на сцене. Как не роптать на судьбу: завернется один порядочный человек, так в миг его и нет, а бесчестные живут Мафусаиловы веки. Двое суток, как графу час от часу хуже. Завтрашний день решит наши беспокойства. Бедный Преображенский полк... Сейчас Арсеньев сказал, что графу лучше... Кирюша час от часу несноснее, а Левушка напротив. Шаховской написал прекрасную комедию на российском театре, написана во всех правилах...

22.12.1803 г.

Здесь опять шепчут о войне. Ты легко вообразить можешь, как это слово восхищает твоих товарищей. Очень хочется попробовать себя и узнать, страшна ли пуля. Я надеюсь, что ежели что будет у нас, то ты оставишь го-

ристую Грузию и приедешь к нам, вместе пойдем бить Пруссаков, и мне хочется начать с Дибичей и Дризенов, последние становятся час от часу несноснее. Ты не поверишь, как я веселюсь мыслию сей, что оставлю хоть на несколько Петербург... С неделю тому являлся к Государю вестовой Измайловского первого батальона, роты капитана Сулимы, слишком хороший цвет лица показался подозрителен Государю, он, вынув платок, потер ему щеки и чтож? О стыд! Гренадер нарумянен. Государь очень рассердился, приказал наказать солдата, который не сказал, что ему велели нарумяниться, а я отвечаю головой, что ему это приказано, я думаю, ты со мной согласен, знав всю чикотоватость Измайловских... Выпиши к себе от нас Кирюшу и подари его лезгинцам, может быть, они его запродадут так далеко, что он к нам не воротится. Это одна из важных заслуг, которой мы от тебя ожидаем. Воспитатель его, поп Николай, к счастию Россиян, едет из Петербурга в отчизну, где, может быть, его повесят.

Маленькому Давыдову мыли за стихи голову, он написал «Сон», где всех ругает без милосердия. Аргамаков написал ответ:

Я лег вчерась в постелю и видел странный сон,
Мальчишку пустомелю сек розгой Апполон.
Как бог, он без притворства ему так говорил:
Ты дар мой стихотворства во зло употребил.

Ты, мальчик, зашалился, имеешь медный лоб,
Осмеивать пустился почетных ты особ.
Вступя в знакомство с знатью, дал волю языку,
За это вашу братью я розгами секу.

Тут мальчик побожился, что врать не будет он.
От сна я пробудился. Ах жаль, что это сон.

29.1.1804 г.

Простудился на параде в Крещенье и сел дома. Парад был чрезвычайный. Все войска были вытянуты в две линии по Неве, и потом шли мимо Дворца по Набережной и салютовали Императрицам. Левушка ротным командиром и занимается удивительно службой. На днях было учение Семеновским и Криднер и Савельев получили шпаги, говорят, что учились чрезвычайно, да и не мудрено, лучшие люди были выбраны из 1-й и 4-й рот. Государь подошел к Козловскому, спросил: каково учились? Очень хорошо, Ваше Величество, сказал полковник, да и мы не хуже. Я уверен, отвечал Государь и пошел прочь.

8.5.1804 г.

... я не ленив, но признайся, что кто с 1790 году по 1804 беспрестанно в шеренге, беспрестанно учится ходить, тому простительно скучать учением, прибавь еще к оному надежду встретить будущее столетие в той же шеренге, держа еспантон под приклад...

В полку у нас перемены: только что Нефедьев взят к Великому Князю с переводом в Конную Гвардию, это мне сделало ваканцию, и я надеюсь не через десять, а через девять лет быть штабс-капитаном.

Наконец я сжил с шеи Дризена и имею взвод в батальоне. Вспомни, как он над нами ломался, когда мы были на маневрах, я этого не могу без смеха вспомнить.

1.9.1804 г.

Теперь скажу тебе о маневрах, хоть и стыдно писать о них туда, где жнут лавры, но, друг мой не забудет, что кто хочет читать, тот начинает с азбуки, а в военном искусстве маневры могут равняться с диалогами. Мы выступили 2 августа ночью и на другой день стали лагерем под Петергофом. 4-го был смотр всему войску и потом церемониальный марш мимо Государынь. Под ружьем было 26.264 человека, и того же числа войско разделилось на два корпуса, одним командовал Цесаревич, а другим Михаил Ларионович Кутузов. Мы переменили лагерь, стали корпусами и начали маневры, их было четыре. Государь был доволен и объявил свою благодарность. Генералы и полковники награждены перстнями, мы — третным жалованием, а рядовые получили по 5 рублй на человека. Все говорят, что исполнения были совершенны, а Штединг, шведский министр, говорил, что он не видывал ничего совершеннее. 6-го августа у нас был праздник. Государь и Великий Князь кушали у нас в лагере, стол был на двести персон, и все было славное, обед сей, названный завтраком, стоит графу около 10.000 рублей. Мы возвратились с маневров 14 августа. Во время нашего лагеря время было отменно дурно.

Нового по полку: Запольский выпущен в армию полковником и шефом Екатеринославского гренадерского полка, на его место входит в полковники Казаринов Николай, а в капитаны Страхов, в шт.-капитаны Дризен 2-й и Аргамаков 1-й. Говорят, что у нас многие пойдут в отставку, так что и я надеюсь быть штабс-капитаном. Вместо Арсеньева командует батальоном Путятин, а вместо Запольского — Дедюлин.

3.4.1805 г.

Ты хотел знать, в котором ты батальоне. Ты написан к Татищеву и в его роту. В полку было много перемен, много вышло в отставку,

и я из одиннадцатого сделался третьим. Учения шереножные всякой день, час от часу становясь лучше, мы достигли почти совершенства.

Полковник Козловский сделан полковым командиром под графом и я очень этим доволен, он очень хорошо ведет себя с офицерами. Скажи пожалуйста где философ Платон (Козловский)?

17.11.1805 г.

Посылаю тебе стихи, поднесенные мною Государю. Они ему очень понравились и он приказал их напечатать [2]).

27.12.1806 г.

От Арсеньева узнаешь, что и я адъютант. Здесь все скачут в Стрельну читать стихи, которые, говорят, написал Фельдмаршал [3]. Вот они:

Побью — похвалите,
Побьют — потужите,
Убьют — помяните.

Все в восхищении от сих стихов.

8.3.1807 г.

Кто один раз был в линейном сражении, тот знзает, что наш брат ничего сделать не может.

29.10.1811 г.

Взбесился, Воронцов, иль тешишь сатану.
Шесть месяцев прошло, ни строчки к Марину.
Иль бывши с Турками лишь только ты знаком,
Расстался навсегда с Российским языком.
Но можно написать Алла, Самамилекем,
К турецкому и мы здесь, может быть, привыкнем,
Читавши часто то, что написал Хвостов,
Гераков, Шаховской, князь Долгоруков, Львов.

Воронцов — Марину 5.3.1804 г.

С Крещенским парадом чсть имею поздравить, также и с караулами. Как я подумаю об этих караулах и что мне, может быть, скоро надо будет возобновить с ними знакомство, то по коже мороз задирает. Козловский сюда едет.

Уже давно собираюсь писать к тебе о поступке некоторого молодого философа. Долгом почитаю уведомить тебя и полк наш, что он опять обесчещен чрез малодушие и хвастовство единого из неверных чад своих. Вся Грузия говорит о Козловском. Он покрыл себя стыдом и осрамил полк Преображенской. Я бы желал, чтобы граф Петр Алксандрович знал все это, он бы не так скоро согласился взять его опять в наш полк.

30.9.1804 г.

Козловский также весьма болен уже два месяца. Я должен при сем случае отдать ему справедливость, что сия кампания показала мне Козловского совсем в другом виде, нежели как я прежде о нем думал: он показал не только отменную и, по его чину, лишнюю храбрость, но сверх того неусыпно думал о своем деле, имел крайнее попечение о солдатах и, словом сказать, был бы совершенный штаб-офицер, ежели бы не мерзкая привычка все хулить, хвастаться и прочее. Впрочем он служить здесь не хочет и, ежели его не переведут, то пойдт в отставку [4]).

Воронцов — Арсеньеву 23.6.1805 г.

Почти все по старому, только что учения замучили, таскаемся всякой день в грязи по колено. Я служить охотник, но то беда, что я в 3-м батальоне. Командир наш Яков Иванович Дедюлин весьма доброй человек, но слаб да и недавно женился. Батальон совершенно им забыт, ротные командиры, кроме меня, суть Страхов, Дризен и Алалыкин, ребята добрые, но также во фрунте не задорные. Твой покорный слуга и прежде мало знал, да из того часть забыл, да и охоты заниматься нет, когда протчие все спят. Будь я у тебя в батальоне, тут бы я занялся душой и сердцем. Я уж думаю перейти к Шеншину, который очень желает иметь меня у себя. Левушка все постарому, только худо, что в службе очень ленится и теряет кураж. Козловский всячески его менажирует, но принужден иногда делать ему замечания, а мой Левушка еще дуется и жалуется, что Козловский его гонит. У них вечный спор о сем и я боюсь, что когда-нибудь Михаил Тимофеевич потеряет терпение, что все следствие воспитания аббата Николя. Было бы им только спокойно и весело.

Арсеньев — Воронцову 21.2. 1804 г.

С восьми утра и до двух часов пополудни, мы водим, в экзерсицгаузе, шеренги, одна за другой и объясняем все эти новые перестроения людям, которые не в состоянии их осмыслить, особнно же 8-ю часть захождения шеренгами. Это такая китайская премудрость для унтер-офицеров, что я слышал, как один из них сказал солдатам: правым глазом гляди на-

право, а левым прямо. Наконец, мой друг, я принужден лично учить все роты, так как всевозможные болезни одолели всех моих капитанов. Не знаю, как представлю мой батальон Государю, хотя теперь не проходит парада, чтобы он не говорил мне о больших переменах, которые он видит в моем батальоне, по его словам я омолодил своих солдат на двадцать лет.

Воронцов — Арсеньеву 4.1804 г.

Из последних приказов я узнал, что Георгий Дризен произведен в капитаны, не понимаю, что произошло с молодым Татищевым, т. к. он был старше его. Неужели его обошли. Надеюсь, что нет и что не обидели его почтенного отца. Но, в конце концов, теперь все возможно и он имеет несчастие не походить на Гатчинца.

Марин — Арсеньеву 11.8.1811 г.

Я все живу по старому, кроме того, что нахожусь теперь при старом Ольденбургском принце, человек каких мало, и всякий бы хотел быть при нем. Но, между нами, я не люблю двора, а еще более немцев.

Во брани поседев, воспитан под шатрами,
Попал я на паркет и шаркаю ногами,
Смотрю и новых тьму встречаю я картин:
Тот ролю взял слуги, сам бывши господин,
Иной, слугою быв, играет роль вельможи,
А тот, оборотить не знавши к ставцу рожи,
Вдруг полюбил себя, на важну стал ступень,
И мыслит делать здесь и дождь и красный день.

По крайней мере, мы, военные, ни в ком не ищем, все идет своим чередом.

Когда беда придет, нас утешает дружба,
К тому ж не пропадет
Молитва за Богом, за Государем служба».

Сообщил: **С. Андоленко**.

---

1) Граф Толстой, командир Преображенского полка.

2) Так наз. Преображенский марш «Пойдем, братцы, заграницу бить Отечества врагов».

3) Граф Каменский.

4) Платон Тимофеевич Козловский, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.

Смерть императора

(Воспоминания лейб-медика профессора М. Мнадт «При Двсре Императора Николая I-го». изд. Дункер и Хумблот, Лейпциг, 1917 г.).

В 1849 году, за шесть лет до смерти Императора Николая Павловича, на его руках скончался его младший брат, Великий Князь Михаих Павлович. Эта скоропостижная смерть произвела очень глубокое впечатление на Императора. Великого Князя поразил удар во время парада войск в Варшаве и он, не приходя в сознание, скончался на пятый день в замке Бельведер.

С тех пор, Государь постоянно возвращался к разговору об этой смерти. Можно было часто видеть его перед прекрасным портретом покойного Великого Князя, после созерцания которого он неизменно возвращался к мысли о его кончине. «Только бы не умереть в бессознательном состоянии, Мандт», — сказал он как-то, и после некоторого раздумья: «Обещайте мне, когда наступит мой конец, ни одной минуты не скрывать от меня моего положения».

Потрясенный этими словами, я дал свое обещание, не думая о том, что мне придется сдержать его уже несколько лет спустя.

Своего рода поверьем у Государя, такого вслевого и сильного духом человека, было, что он умрет, как все его предшественники мужского поколения, рано. После же смерти его брата эта мысль еще глубже укрепилась в нем и занимала его постоянно. Возможно, что его лейб-медик был единственным человеком, которому он высказал ее вслух.

В начале февраля 1855 года Государь простудился и, по своему обыкновению, совершенно не считаясь со своим здоровьем и мнением врачей, поехал на смотр гвардейской пехоты, уходившей в Литву. Это было последний раз, что народ видел своего Государя. Вернувшись с этого смотра, он слег в своем маленьком кабинете, чтобы больше не покинуть его живым.

16-го февраля положение Государя настолько ухудшилось, что я доложил о своих опасениях Наследнику Цесаревичу, а последний — Государыне.

17-го февраля вечером, около одиннадцати часов, Императрица предприняла попытку уговорить Государя причаститься. Но он ответил на это, что подождет покуда окрепнет и встанет. Вся в слезах Государыня покинула комнату своего Супруга, который был так далек от мысли о смерти.

В половине третьего ночи я вступил на дежурство, чтобы сменить доктора Карель. Постель Императора, железная походная койка, стояла головой к стене, нижняя ее часть была подле камина и занимала почти всю маленькую комнату. Волосяной матрац, подушка, набитая соломой, двойное шерстяное одеяло, простыни — и все покрыто его старой исторической шинелью. Мне не удалось уговорить Государя сменить это ложе на более удобное.

— Я всегда спал здесь, — было его ответом, решительным и коротким.

За те несколько часов, что я не видел его, царственный пациент казался не изменившимся. После нескольких вопросов и ответов, касавшихся, главным образом, дыхания, доктор Карель ушел и я остался с Государем наедине. Стоявшая на камине свеча скудно освещала комнату. Было 3 часа 10 минут, как показывал циферблат каминных часов. За стенами дворца выл холодный ветер и крупные хлопья снега ударяли в оконное стекло. Мне предстояло подготовить тяжело больного к принятию Св. Тайн. Хотя он был болен и чувствовал себя таковым, но ни минуты не сомневался в своем выздоровлении.

Ввиду того, что накануне вечером, при выслушивании пациента, во мне еще теплилась надежда, я исследовал грудь Императора стетоскопом. Государь всегда охотно давал себя выслушивать. Все, что не мешало его привычкам и касалось науки, он делал с готовностью.

В правом легком, в нижнем клапане, я услышал легкий шорох. Этот шорох производит в ухе впечатление подобное угасающему пламени, которое мы видим глазами... И тут и там мы встречаемся с жизнью отлетающей, изза недостатка материи и силы... Установив этот своеобразный шорох при дыхании, я уже не сомневался больше в начавшемся разрушительном процессе этого важного органа. Последняя надежда во мне рухнула!

Я почувствовал, что теряю сознание, предметы, даже постель с Государем, на секунду завертелись вокруг меня. Только невероятная ответственность моей задачи помогла мне справиться с собой.

— Вчера, у Ее Величества, начал я, мы с отцом Бажановым вспоминали грустные часы у постели Ее Высочества Великой Княгини Александры Николаевны. Он просил меня передать Вам, Ваше Величество, его благословение и пожелание скорейшего выздоровления...

— Я не знал, что Вы знакомы с отцом Бажановым, — отозвался Государь.

— Мне кажется, что Ее Величество была бы счастлиав, если бы Вы, Ваше Величество, согласились, чтобы отец Бажанов помолился у Вашей постели за скорейшее Ваше выздоровление...

По выражению глаз Государя я мгновенно догадался, что Государь понял весь смысл моего разговора. Эти глаза, которые никто, кто их видел, не мог забыть, смотрели ли они на него приветливо, серьезно или безралично, покоились на моем лице и, казалось, вопросительно анализировали каждую его черту. После того, как я выдержал этот взгляд, с волнением и большим напряжением, по крайней мере минуту, Государь приподнялся с подушки и спросил просто:

— Скажите, Мандт, я должен умереть?

Он сделал ударение на последнем слове, совершенно особенным, громким голосом. Эти слова прозвучали в эту тихую ночную пору, как вопрос судьбы. Они отдавались спокойно и ясно в воздухе, они повторялись в странно-блестевшем взгляде Государя, они прозвучали, как звон металла, в моих ушах. Три раза простой ответ на этот простой вопрос готов был сорваться с моих губ и три раза я чувствовал, как что-то стягивало мне горло: слова замирали без сколько-нибудь понятного звука. Взгляд больного покоился неподвижно на моем лице. На лбу у меня выступил холодный пот. И тут я неожиданно опустил свою руку на левую руку Государя, лежавшую поверх одеяла и, сделав невероятное усилие, выдавил из себя:

— Да, Ваше Величество...

Сейчас же в ответ на это совершенно спокойный голос Государя спросил:

— Что Вы нашли своим инструментом? Каверны?

Он знал это слово из скорбной истории болезни своей младшей дочери, Великой Княгини Александры Николаевны.

— Нет, Ваше Величество...

— Что же, тогда?

— Начало атрофирования легкого, — еле смог я ответить.

Ни одна черточка в лице Государя не изменилась, ни один мускул не дрогнул. Под моими пальцами биение пульса на его левой руке не участилось и не замедлилось! И все же я почувствовал сильное впечатление произведенное моими словами. Точно сильный дух Государя хотел сосредоточиться под этим впечатлением и освободиться на миг от мелочей и суеты нашей ничтожной земли... Его взгляд поднялся

наверх и оставался так несколько минут неподвижно. Я, не отрываясь, смотрел на него и ясно видел, что в эти минуты веки его не дрогнули. Так бесконечно глубоко проникал этот взгляд в Вечность!

Наконец он опустился на мое лицо и Государь спросил почти строгим, все еще звучным, голосом:

— Как у Вас хватило смелости сказать мне Ваше мнение так... уверенно? — Последнее слово было сильно подчеркнуто.

В голосе Государя, как и в его глазах, было всегда что-то необычное, производящее сильное впечатление. Безо всякого усилия он мог этим голосом достигать такой звучности, что если он отдавал приказание своей гвардии на одном фланге, это было так же отчетливо слышно на другом, точно его голос вибрировал в атмосфере. Может быть, этим и объясняется общеизвестный факт, что своим словом и взлядом Государь мог действовать на самые сильные натуры. На его вопрос я ответил поспешно:

— Для этого, Ваше Величество, у меня несколько причин. Во первых и главным образом, я исполняю данное Вам обещание... Помните, как несколько лет тому назад, вы взяли с меня слово, сказать вам в нужный момент правду? К сожалению, этот момент наступил... Вам предстоит прожить еще много часов в полной памяти... Эти часы, вы, Ваше Величество, употребите иным образом, чем если бы не было грустной уверенности в том, что они последние... Так думаю я... И, наконец, Ваше Величество, я сказал вам правду от того, что знаю, что вы можете вынести ее...

Чего мне стоило произнести этот монолог, известно одному Господу Богу!

Государь выслушал меня совершенно спокойно и не сказал ничего. Но взгляд его принял, межуд тем, то выражение кротости и мягкости, которое я наблюдал в нем за те почти двадцать лет, что был подле него, в минуты горя или несчастья. Этот взгляд долго покоился на мне. Он проникал мне в душу. Сначала я выдержал этот взгляд, потом глаза мои наполнились слезами, первыми в эту ночь, которые медленно закапали вниз.

Государь протянул мне свою правую руку и сказал просто:

— Благодарю Вас, Мандт...

Я схватил эту руку и прижался к ней, не в силах произнести ни звука. И я отчетливо почувствовал, как рука Государя прижалась к моему лицу. Это было совершенно исключительно оттого, что Государь ничего так не презирал, как поцелуй руки мужчиной. Почти всегда в таких случаях, что мне приходилось довольно часто наблюдать, он поспешно отдергивал свою руку.

После этого Государь повернулся на другую сторону, лицом к камину.

Я обошел постель и приблизился к изголовью Монарха. Государь не спал, но глаза его были закрыты. Физической боли он, как и предыдущие дни, не испытывал, но дыханье его было чуть затрудненным. Я наклонился к уху Государя и спросил:

— Не позволите ли Вы, Ваше Величество, позвать к Вам Наследника-Цесаревича?

Голова Государя сейчас же приподнялась с подушки и он сказал поспешно:

— Сделайте это, и сейчас же!

Он опять повернулся на левую сторону и глаза его следили за дверью, пока я выходил и отдавал распоряжения.

— Не забудьте, — сказал Государь своим обычным тоном, когда я вернулся, известить остальных детей, Великого Князя Константина, пощадите только Государыню...

Наследник появился ровно в четыре часа утра. Дежурный камер-лакей тихо приоткрыл дверь и сделал мне знак. Я вышел навстречу Цесаревичу и мы решили, что он подготовит Государыню.

Через несколько мгновений пришла Государыня. Она была совершенно разбита, но внешне, как настоящая христианка, примирена с создавшимся положением. Сопровождаемая Наследником и отцом Бажановым, которому я еще успел сказать, что Государь подготовлен, она вошла к своему Супругу. Тишина, наступившая в обеих маленьких комнатах, была полной. Из кабинета Государя доносилось тиканье каминных часов. Ветер за окном улегся, и было слышно биение наших сердец.

Наконец, дверь медленно растворилась и Государыня вышла, шатаясь, мертво-бледная, чтобы сейчас же опуститься на диван. За ней следовал духовник. Слезы текли по его щекам. Не духовник, а умирающий оказался в эти минуты утешителем.

Сначала Государь исполнил свой христианский долг, затем он собрал вокруг себя своих близких, семью, друзей и служащих, с которыми, с каждым в отдельности, попрощался. Он благословил каждого своего внука. Всех Государь благодарил и все выходили из комнаты, обливаясь слезами. Наследник все время находился у постели своего Отца, большею частью на коленях перед ним, держа его за руку.

Государь лежал на спине. Он лег так после того, как исполнил все свои обязанности. Так, в этой позе, он и закрыл глаза навеки. Он ни минуты не заснул и не потерял сознания, но глаза его были полузакрыты. Несколько раз он еще говорил с Государыней, повторяя ей слова утешения. Казалось, что сэеты с земным существованием у него закончены. В половине десятого утра, Государь, не читая и даже не взглянув на них, отложил только что привезенные

фельд-егерем письма Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей из Крыма.

В своей неподвижной тишине комната Государя казалась храмом. Точно вера и молитва смогли победить грусть и безнадежность... Вдруг у меня мелькнула мысль о том, смею ли я, единственный посторонний, оставаться в семейном кругу после того, как моя миссия врача была, увы, закончена. Почти вся Семья находилась в примыкавшей к кабинету приемной и даже Великий Князь Константин Николаевич не входил к Отцу без зова. Это было обычаем в доме, который никто не осмелился перешагнуть даже в последние часы.

Я подошел к ногам скромного ложа Государя и спросил:

— Ваше Величество, не мешает ли мое присутствие?

— О, нет, — отозвался Государь отчетливо и эти слова наполнили меня благодарностью.

Я считаю своим долгом упомянуть те два вопроса, с которыми обратился ко мне Государь. Между 9-тью и 11-тью часами утра, эти, предшествовавшие концу часы, Государь спросил меня сначала:

— Скажите, Мандт, потеряю ли я сознание или же задохнусь? — Изо всех симптомов болезни Государь больше всего боялся, как уже было сказано выше, беспамятства. Я почувствовал всю важность этого вопроса для больного. Мне пришлось сначала отвернуться, чтобы справиться с душившими меня слезами и собраться с силами:

— Я надеюсь, Ваше Величество, что не наступит ни одного, ни другого...

Следующий вопрос был мне задан примерно за час до кончины:

— Когда Вы протрубите мне отбой, Мандт?

Я не понял вопроса Государя и Наследник повторил мне его.

— Я спрашиваю, сказал Государь, — когда все кончится?..

Никогда, с тех пор, что я был врачем, я не смотрел в глаза такой смерти! Мужество и бесстрашие Государя были совершенно невероятны. Если бы я не был свидетелем кончины моего Монарха, я никогда бы этому не поверил! Если уж я не мог спасти Государя, то моей обязанностью было сделать ему конец возможно спокойным. И Государь оценил это и оставил меня при себе с 3-х часов ночи до последнего вздоха.

После смерти Государя, Великий Князь Константин Николаевич обнял меня и сказал:

— Этой ночи, Мандт, наша семья никогда не забудет Вам!

Я был понят и это было для меня наибольшим утешением.

До 12-ти часов 10 минут все оставалось неизменным. Я временами подносил ко рту Государя чайную ложку с лекарством, чтобы облегчить ему дыхание, насколько это было в силах науки. Государь каждый раз охотно открывал рот и глаза его выражали благодарность.

Совершено неожиданно Государь лег глубже в подушки и в ритме его дыхания наступил перерыв. Я подошел ближе и увидел, что начинают вибрировать мускулы шеи. Последняя минута наступала.

Только когда я установил, что Государь уже не слышит нас, я открыл дверь и взял за руку Великого Князя Константина Николаевича, который стоял ближе всех. За ним в комнату к умирающему вошли остальные дети, невестки и внуки.

Мы все опустились на колени. Голова Государя еще глубже ушла в подушки, последовал короткий вздох, затем еще один, и Государя Николая Павловича не стало.

Ни одна конвульсия не изменила его прекрасного лица, даже рот оставался плотно сжатым.

Смерть подошла к этой своей, такой преждевременной, жертве с уважением и унесла ее с собой безболезненно.

Перевод с немецкого
Мария бар. Беннингтаузен-Будберг

РУССКИЕ ОФИЦЕРСКИЕ ЗНАКИ

ОТ АВТОРА.

Офицерскими знаками изстари обозначались офицерские достонство и чин. Со времени учреждения Российской Императорской Армии и до последних дней ее существования Офицерские знаки были неотъемлемой частью мундира офицеров двух славнейших ее полков: лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семеновского; в течении же полутораста лет также и мундиров всех офицеров пехоты и пешей артиллерии. Русские Офицерские Знаки являлись, к тому же, истинными знаками Отличия ибо на них, особыми надписями, запечатлевались боевые отличия воинских частей.

К этому следует прибавить, что Русские Офицерские знаки высокохудожественны, что «тля и ржа» их не ест и, что места они занимают немного — казалось бы, что Офицерские Знаки должны стать излюбленной отраслью собирательства и изучения для каждого любителя русской военной старины. На деле же это не так — Офицерские Знаки не собираются и нигде подробно не описаны. Некогда насчитывавшиеся тысячами, они дошли до нас лишь в весьма ограниченном количестве, некоторые же образцы и вовсе были утеряны, и даже самое их наименование точно не установлено.

В настоящей монографии автор впервые попытается дать перечень описания и рисунки всех, доселе известных, образцов Русских Офицерских Знаков.

ЕВГЕНИЙ МОЛЛО.

ВВЕДЕНИЕ.

До времени преобразования феодальных армий в армии регулярные в них не существовало ни форменной одежды, ни форменного вооружения. Не существовало в них также и точно установленных чинов или рангов, но только должности. Но и после образования регулярных армий и установления в них чинов, форменная одежда и форменное вооружение были введены в них не сразу, но постепенно и сперва лишь для нижних чинов, «господа офицеры» же еще долгое время продолжали носить одежду и вооружение произвольных образцов, но так как появилась уже потребность в обозначении их офицерского достоинства и чина, то им было присвоено ношение особого рода «Знаков».

Знаки эти были ни чем иным, как видоизменением «colletin« т. е. шейной части лат. Ранние образцы Офицерских Знаков весьма сходствовали с «colletin«, т. е. имели вид латинской литеры «U» или полумесяца с усеченными концами, по середине которого помещался герб или вензель, чем собственно они и были отличны от «colletin«. Носились Офицерские Знаки также подобно «colletin« на груди, непосредственно под воротником. По невполне еще уясненным причинам, ношение Офицерских Знаков было присвоено только пехотным офицерам, кавалерийские же офицеры носили кирасы и им не подобало носить поверх кирас еще и иную часть лат.

Прежде всего, Офицерские Знаки появились во Франции в середине 17-го века, откуда это установление было заимствовано другими странами. Своего «апогея» они достигли в 18-м веке, когда они стали неотъемлемой частью мундира пехотных офицеров всех европейских армий. Затем, в 19-м веке начался их «упадок» и роль обозначения чина перешла к эполетам. В 20-м же веке Офицерские Знаки сохранились лишь в немногих армиях, из коих главными были Российская и Германская, в которых они даже пережили своего рода «ренесанс» или, вернее, свою «лебединую песнь».

Офицерские Знаки, в силу своего происхождения от «colletin«, относятся к предохранительному оружию (armure), поэтому они и носились офицерами лишь при исполнении служебных обязанностей.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

Обозначение офицерского ранга ношением Офицерского Знака было установлено в России Царем Петром Алексеевичем после учреждения Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, ибо первые русские Офицерские Знаки были украшены сим Орденским Крестом.

Подобно армиям западноевропейским, Офицерские Знаки и в Российской Армии были присвоены лишь штаб и обер-офицерам пехотных частей войск — драгунские же офицеры, а равно и генералы всех родов войск Знаков не носили.

Автору известны лишь два Знака первого образца — оба принадлежавшие Царю Петру Алексеевичу. Один из них ныне хранится в Государственном Историческом Музее в Москве, а другой в Эрмитаже. Оба Знака штаб-офицерские (Царь Петр Алексеевич в 1706 году за отличие по службе был произведен из бомбардир-капитанов в полковники лейб-гвардии Преображенского полка). В последний из них, бывший на груди Царя Петра Алексеевича во время Полтавского боя, по народному преданию, ударила шведская пуля и Знак сыграл свою старую роль предохранительного оружия. Но следа пули на Знаке нет, а в «Реляции о Полтавской Победе» сказано только: «при том же шляпа на нем пробита пулею».

Мы не знаем где и кем были изготовлены эти знаки, но ковка металла, золочение, изготовление крестов и корон и покрытие их цветной финифтью — все это было под силу мастерам Оружейной Палаты, издавна изготовлявшим церковную утварь.

1. **Знак образца 1698 года:** Имеет вид полумесяца с усеченным или же с закругленными концами и полукруглым вокруг ободком. По середине наложен золотой, покрытый синей финифтью Андреевский крест, с накладным на нем изображением Св. Апостола Андрея Перво-

званного и под накладною же цветной финифти Царскою короною.*) Обер-офицерские знаки были серебряные с золотым ободком, а штабофицерские — сплошь золотые. Носились на Андреевской ленте, продетой в скобы на оборотной стороне знака (рис. 1).

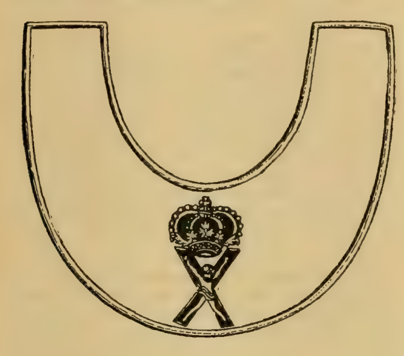

Рис. 1.

В 1701 году Царь Петр Алексеевич в воздаяние мужества оказанного обер-офицерами л.-гв. Преображенского и л-гв. Семеновского полков в бою под Нарвою повелел запечатлеть этот день особою на их знаках надписью: «1700 110. 19». Сим надписанием Цар Петр Алексеевич создал новый, присущий одной лишь Российской Армии, род награждения воинских частей — Офицерский Знак Отличия с памятною надписью.

Одновременно были утверждены Знаки нового образца, несколько различного для штаб и для обер-офицеров.

2. Гвардейский Обер-Офицерский Знак образца 1701 года: Сердцевидный с полукруглым вокруг ободком. По середине наложен золотой Андреевский крест под накладною, вызолоченною царскою короною и с двумя накладными же, накрест положенными под ним пальмовыми ветвями. Под сими ветвями помещена жалованная надпись: под правой «1700», а под левой — «NO 19». Обер-офицерские Знаки были попрежнему серебряные с золотым ободком. Носились на Андреевской ленте, продетой в ушки двух вызолоченных пуговиц на концах Знака (рис. 2).

3. Гвардейский Штаб-офицерский Знак образца 1701 года: Подобен предыдущему, но с крестом и пальмовыми ветвями белой финифти, а короною цветной финифти. Штаб-Офицерские Знаки были попрежнему сплошь вызоло-

Рис. 2.

ченные. Надписи на них не полагалось **). Носились подобно предыдущим (рис. 3).

Что казается армейских Офицерских Знаков, то «Обмундированию армейских и гарни-

Рис. 3.

зонных офицеров и гренадерским шапкам цвета , и даже форма определены не были» (Висковатов), так что и Знаки их, если они таковые и имели, были, по всей вероятности, произвольных образцов.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ I-Й.

В кратковременное царствование Императрицы Екатерины I-й новых образцов Офицерских Знаков не утверждалось.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II-го

В царствование Императора Петра II-го были установлены гвардейские Офицерские Знаки нового, единого для штаб и обер-офицеров, образца.

4. Гвардейский Знак образца 1727-1730 гг.: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с двойным вокруг ободком. По середине наложен золотой, покрытый синей финифтью Андреевский крест, в накладном, вызолоченном овальном обрамлении и в накладном же, серебряном полувенке из лавровых ветвей, под накладною, вызолоченою и покрытою цветной финифтью императорскою короною. Знак слошь вызолочен и имеет вдоль ободка гирлянду из высеребрянных лавровых листьев. На обер-офицерских Знаках имелась высеребрянная пожалованная Петром Великим надпись, расположенная, как и на предыдущих обер-офицерских Знаках. Носились на Андреевской ленте, продетой в скобы на оборотной стороне Знака (рис. 4).

Что касается армейских Офицерских Знаков ,то в царствование Императора Петра II-го одежда и вооружение (а также, по всей вероятности, и Знаки) армейских офицеров оставались произвольных образцов, хотя и делалась уже попытки установить и для них форменную одежду и форменное вооружение.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

В 1830 году были установлены гербы полевых, гарнизонных и ляндмилицких полков, состоящие из фигурного щита единого для всех полков образца, но под различного образца коронами, в середине которого, в овальном обрамлении, помещался герб той провинции, коей наименование носил полк. Определением Военной Коллегии, 16 февраля 1732 года, о строевом мундире полевых и гарнизонных офицеров, повелено было иметь эти гербы на Знаках армейских офицеров. С этого времени одежда и вооружение армейских офицеров, а также и Знаки их, устанавливаются различными узаконениями.

5. Армейский Знак образца 1732 года: Имеет вид полумесяца с двойным вокруг ободком. По середине наложен вызолоченный полковой герб с воинскою под ним арматурою. Обер-офицерские Знаки были серебряные, а штаб-офицерские — золотые. Для ношения Знака на концах выбивались круглые отверстия — по два на каждом конце, в которые продевались петли из витой, вызолоченной проволоки. Знак носился на черной с желтыми каймами ленте,

Рис 4.

Рис. 5.

продетой в петли с оборотной стороны. Впрочем, лента и концы Знака были прикрыты воротником кафтана (рис. 5).

«Обмундирование и вооружение гвардейской пехоты определены были штатами 9 декабря 1731 года» (Висковатов) — тогда же, по всей вероятности, были утверждены и новые образцы гвардейских Офицерских Знаков.

6. Гвардейский Знак образца 1731 года: Подобен предыдущему, но имеет по середине, взамен полкового герба, Герб Государственный — накладное, черной финифти, изображение двуглавого орла, с вызолоченными главами и лапами, под тремя вызолоченными и покрытыми цветной финифтью императорскими коронами, и с вызолоченною воинскою под ним арматурою, с белым, в золотом обрамлении, фигурным щитом на груди, на коем изображен синий Андреевский крест, с распятым на нем Святителем, а под сим щитом еще и с другим, меньших размеров, вызолоченным, фигурным щитом, с накладным, вызолоченным вензелем Императрицы Анны Иоановны на нем. Обер-офицерские Знаки были серебрянные, а штаб-офицерские — золотые. На обер-офицерских Знаках лейбгвардии Преображенского и Семеновского полков была сохранена на воинской арматуре под орлом пожалованная Петром Великим надпись — на Знаках же вновь учрежденного лейб-гвардии Измайловского полка сей надписи не полагалось. Носились подобно предыдущему (рис. 6).

Офицерам учрежденного в 1731 году Корпуса Кадетов Шляхетских Детей были присвоены Знаки особого образца.

7. Знак Корпуса Кадетов Шляхетских Детей: Подобен предыдущему, но с орлом, держащим в лапах, взамен обычных державы и скипетра, меч и меркуріев жезл, и имеющим на нагрудном щите, взамен Андреевского креста, накладной, вызолоченный вензель Императрицы Анны Иоанновны, под накладною же, вызолоченною имперскою короною. Нижний же щит отсутствует. Носился подобно предыдущему (рис. 7).

Рис. 6.

Рис. 7.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ИОАННА АНТОНОВИЧА.

В кратковременное царствование Императора Иоанна Антоновича новых образцов Офицерских Знаков не утверждалось.

Офицерам отчисленной Именным Указом 31 декабря 1741 года от лейб-гвардии Преображенского полка и наименованной **Лейб-Компанией** гренадерской роты были даны Знаки особого образца.

Лейб-Компанейский Знак образца 1741 года: Подобен предыдущему, но имеет по середине, взамен орла, накладной, вызолоченный вензель Императрицы Елизаветы Петровни в лавровом венке, под вызолоченною и покрытою цветной финифтью императорскою короною, и с воинскою под вензелем арматурою. Взамен пожалованной Императором Петром Великим надписи, на Лейб-Компанейских Знаках повелено было иметь иную жалованную надпись: «1741 № 25» день восшествия на престол Императрицы Елизаветы Петровны. Знаки изготовлялись из чистого серебра и были сплошь вызолочены. Носились подобно предыдущим (рис. 8).

Что касается гвардейских и армейских Офицерских Знаков, то они были оставлены прежних образцов. Несколько изменена была только их расцветка. Орлы на гвардейских Знаках стали делать сплошь вызолоченными. Вызолоченный ободок на обер-офицерских Знаках стал обозначать чин капитана. Заменены были также, где полагалось, старые вензеля новыми.

Офицерам, учрежденного в 1756 году, Обсервационного Корпуса были даны Знаки особого образца, имеющие по середине присвоенный этому Корпусу герб, и различной для каждого чина расцветки.

9. Знак Обсервационного Корпуса образца 1756 года: Имеет вид полумесяца с усеченными концами и с тройным вокруг ободком. По середине — у обер-офицеров чеканный, а у штаб-офицеров накладной герб Обсервационного Корпуса — двуглавый орел, увенчанный двумя коронами, с изображением Св. Великомученика и Победоносца Георгия в фигурном щите на груди, имеющий промеж голов, окруженный сиянием вензель Императрицы Елизаветы Петровны, в овальном обрамлении и под императорскою короною, и с воинскою под орлом арматурою. Знаки сии были:
у прапорщиков — совсем серебряные;
у подпоручиков — серебряные, с золотым вензелем и сиянием;
у поручиков — серебряные, с золотым гербом;
у капитанов — серебряные, с золотым гербом и ободком;
у маиоров и подполковников — сплошь вызолоченные;
у полковников — вызолоченные, с гербом цветной финифти (рис. 9).

Рис. 8.

Рис. 9.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III-ГО.

В кратковременное царствование Императора Петра III-го Офицерские Знаки оставались прежних образцов. Заменены были только, где полагалось, старые вензеля новыми.

Указом 11-го марта 1762 года было повелено носить Офицерские Знаки на черной ленте, поверх воротника мундира.

На портрете Императора Петра III-го в форме лейб-гвардии Преображенского полка, писанном художником Антроповым, Знак изображен с орлом черной финифти, что, возможно, обозначало чин полковника.

10. Гвардейский Знак образца 1762 года: Подобен гвардейскому Знаку образца 1731 года, но с вензелем Императора Петра III-го.

Рис. 10.

«Император Петр III-й, после родителя своего, Герцога Карла Фридриха, скончавшегося в 1739 году, наследовал титул Герцога Шлезвиг-Голштинского и сохранил его, как в бытность свою Великим Князем и Наследником Российского Престола, так и в бытность Императором, с 1742 до половины 1762 года. По сему обстоятельству необходимо упомянуть о Голштинских его войсках». (Висковатов).

Голштинский Знак образца 1742-1762 годов: Подобен предыдущему, но имеет по середине, взамен орла, Голштинский вензель Великого Князя Петра Феодоровича — две, накрест положенные, латинские литеры «P», но без цифры «III» ***), на голубом, финифтяном фоне, в накладном, вызолоченном, овальном обрамлении, под императорскою короною и с воинскою под ним арматурою. Носился подобно предыдущему (рис. 11).

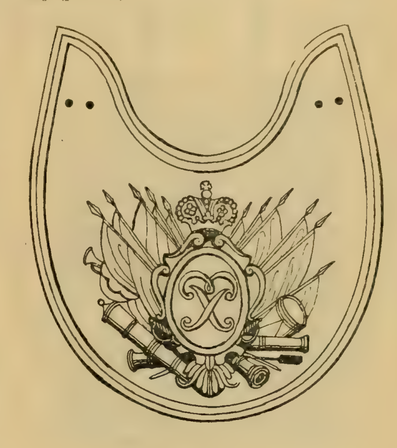

Рис. 11.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

В первые годы царствования Императрицы Екатерины II-й Офицерские Знаки оставались прежних образцов.

20-го ноября 1775 года полковые гербы на гренадерских шапках, патронных сумах, барабанах и прочих вещах были заменены гербом Государственным и сохранены были только на знаменах и полковых печатях. Коснулось ли это установление также и армейских Офицерских Знаков, нам доподлинно неизвестно.

14-го февраля 1788 года были утверждены армейские Офицерские Знаки нового образца.

12. Армейский знак образца 1788 года: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с двойным вокруг ободком. По середине наложен, черной финифти, двуглавый орел, под тремя вызолоченными императорскими коронами, окруженный вызолоченною воинскою арматурою и имеющий на груди вызолоченный, фигурный щит с вензелем Императрицы Екатерины II-й. Расцветка по чинам оставалась прежняя. Носились на Андреевской ленте, продетой в скобы на оборотной стороне знака (рис. 12).

Рис. 12.

В собрании автора хранится, доселе неописанный, Офицерский Знак, но совершенно подобный Знаку, изображенному на портрете поэта Екатерининских времен И. И. Дмитриева, произведенного в 1787 году в прапорщики лейб-гвардии Семеновского полка. На основании этого портрета, автор определяет хранящийся у него Знак, как гвардейский Знак, соответствующий армейскому Знаку образца 1788 года.

13. Гвардейский знак образца 1788 года: Подобен предыдущему, но имеет по середине, взамен орла, накладной, серебряный Андреевский крест, под накладною же, серебряною императорскою короною и с двумя накладными, накрест положенными, серебряными, лавровыми под ним ветвями. На обер-офицерских Знаках лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков под сими ветвями была помещена пожалованная им Петром Великим, но несколько иначе расположенная, надпись: под одной — «1700», а под другой — «19. NO». Носился подобно предыдущему (рис. 13).

Вот уже второй раз, как мы прибегаем в нашем труде к помощи портретов, а по сему автор находит уместным высказать здесь мысль о важности, при подобного рода трудах, самого внимательного изучения старых военных портретов, ибо на таковых зачастую изображены не только утраченные образцы обмундирования, вооружения и знаков отличия, но и то, как все это носилось.

То же относится и к, появившимся в середине прошлого века, военным фотографиям, которые, однако, следует строго отличать от фотографий «ряженных», т. е. одетых, по случаю различных юбилеев, в «исторические» формы, офицеров и солдат, ибо сии последние часто полны неточностей.

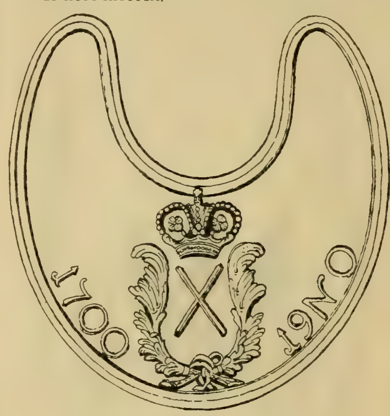

Рис. 13.

*) Императорский титул был принят Петром Великим лишь в 1721 г.

**) «Не сохранилось никаких указаний, почему отличие это дано было только обер-офицерам; известно лишь, что в Преображенском полку под Нарвою не было штаб-офицеров; Семеновского полка подполковник Кунингам убит, а остальные штаб-офицеры оставлены были в Москве и Новгороде для сформирования новых полков и, вероятно, как неучаствовавшие в сражении не получили этой награды».

(ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ — справочная книжка Императорской Главной Квартиры, 1910 г.).

***) «В России Император Петр III-й был третьим, а в Голштинии еще первым государем сего имени» (Висковатов).

Евгений Молло

Штаб Добровольческого Корпуса Светлейшего Князя Ливена летом 1919 г. в Митаве

Мы все прекрасно знаем, что без штаба, то-есть без той командной точки, которая собирает, направляет и руководит, ни одно войсковое соединение, как бы мало оно ни было, обойтись не может . Особенно это становится ясным, когда на эту командную точку возлагается еще работа по вербовке, организации, формированию и т. д. Полагаю, что для офицера, прокомандовавшего всю Великую войну ротой на фронте, рассказать и о своей короткой службе в штабе не будет зазорно.

Говоря о действиях своего отряда, Светлейший Князь Анатолий Ливен, в статье «В южной Прибалтике» («Белое Дело», IV, Берлин, 1927, изд. «Медный Всадник»), весьма подробно описывает не только чисто военные его действия, но и политическую обстановку, создавшуюся после капитуляции Германии, в год полного разгара борьбы добровольческих армий и отрядов с красными. Он разбирает поведение союзников и объясняет свои личные взгляды на положение, создавшееся в бывших прибалтийских губерниях. О штабе своего отряда, теперь корпуса, он пишет только мимоходом. И, на самом деле, этот штаб, по обстоятельствам от него не зависевшим не имел, к сожалению, возможности полностью исполнять свою задачу. Автор, как один из ближайших в то время сотрудников Светлейшего Князя и как один из чинов штаба, хотел бы поделиться со своими читателями некоторыми моментами из жизни штаба и дать по возможности подробную картину его организации, бытия и действий в городе Митава, а также конца его существования в Нарве.

. . . .

После взятия 22 мая 1919 года белыми частями Ландесвера, отрядом Светлейшего Князя Ливена и латышскими национальными соединениями города Риги, наплыв добровольцев в русский отряд был весьма большой. Стало необходимым развертываться, создавать новые группировки, образовывать боевые соединения. 24-го мая, в бою у «Белых Озер» вблизи Риги князь был тяжело ранен.

По приходе в Ригу, отряд не принимал прямого участия в Венденских боях Ландесвера с эстонцами и вскоре был переведен в район города Митавы. Уезжая туда же, автор в поезде узнал о готовящемся разворачивании отряда в корпус и о своем назначении на должность старшего адъютанта по строевой части.

Светлейший Князь
Анатолий Павлович Ливен.

В Митаву стали прибывать, главным образом из Германии, отдельные бывшие военнопленные, небольшие группы офицеров и солдат, а также, целыми частями, более или менее сплоченные соединения. В течение июня и июля прибыли: «Отряд имени генерала графа Келлера» под командой Бермондта, отряд полковника Выргсолича, а также так называемый «Тульский отряд». Все эти отдельные, вновь прибывающие, части сразу же подчинились Светлейшему Князю Ливену. Были образованы три дивизии: дивизия Светлейшего Князя Ливена, дивизия имени генерала графа Келлера и дивизия полковника Выргголича. Первой командовал ближайший помощник князя и организатор Русской роты, еще в 1918 году в городе Риге, капитан Дыдоров. Второй и третьей — их вышеупомянутые начальники. Эти дивизии составляли Добровольческий корпус Светлейше го Князя Ливена и возглавлялись одновремен-

но созданным штабом корпуса. Штабы дивизий, как и корпуса, размещались в самой Митаве.

Штаб корпуса устроился в доме дворянства. Это был обширный особняк со многими отдельными помещениями и двумя залами в верхнем этаже. Здесь работали начальники отделов и их сотрудники, офицеры и чиновники. В первой, главной, зале стучали машинки писарей. Вторая служила парадной столовой. Обыкновенно обедали внизу в одной из комнат. Тяжело раненый Князь Ливен находился вначале в Риге, в больнице. Его замещал некоторое время полковник Лейб-Гвардии Московского полка Альфред Беккер. Начальником штаба или, вернее, ближайшим помощником в начальной стадии работ по устройству дел был полковник Бирих, старый соратник-ливенец.

Когда штаб сорганизовался и принял на себя управление тремя дивизиями, его состав был окончательно оформлен. Ввиду некоторого желания самостоятельности и, вместе с тем, децентрализации со стороны Бермондта и в целях лучшей координации работы штаба корпуса со штабами дивизий, в особенности дивизии имени графа Келлера, начальником штаба корпуса был назначен вскоре полковник Чайковский. От него, как близкого сотрудника Бермондта, корпус ожидал быстрого улучшения несколько натянутых взаимоотношений. Однако полковник Чайковский, в этом смысле, не оправдал связанных с ним ожиданий и вскоре покинул свой пост.

Тогда начальником штаба был назначен генерал Янов. С ним вместе прибыл капитан Афанасьев, офицер одного из гвардейских пехотных полков. Об обоих будет речь впереди. Артиллерийскую часть возглавлял полковник гвардейской артиллерии Беляев, судебную — полковник Энглер, инженерную — полковник Ионас, интендантскую — полковник Колошкевич, всей санитарной частью руководил доктор Стороженко. Дело передвижения было сосредоточено в руках действительного статского советника Зеля, ранее бывшего начальником Либаво-Роменской железной дороги. Контрразведка была поручена капитану Шнее, служившему до революции полицмейстером города Митавы. Комендантом штаба был полковник Лейб-гвардии Литовского полка барон Максимилиан Энгельгард, его помощником полковник Прокопович. Я сам был назначен старшим адъютантом по строевой части и подчинялся непосредственно начальнику штаба. Моими помощниками были поручик Бакке, Светлейшим Князем, в его записках, ошибочно названный адъютантом, поручик кавалерии Миклашевский и, несколько позже, прапорщик Низдра, сын бывшего президента Латвии, пастора Низдра. Из чиновников хорошо помню своего делопроизводителя, хотя фамилию забыл, а также Максимилиана Бека и это главным образом потому, что впоследствии, уже в эмиграции, часто приходилось с ним встречаться и даже жить в одном городе.

Таким образом, штаб был сформирован и оставалось только работать, исполняя директивы командира корпуса. Почему и как его желаниям, мыслям и политическим соображениям в дальнейшем не суждено было быть приведенными в исполнение, князь Ливен весьма ярко, как уже было упомянуто выше, описал сам. Мне бы хотелось в моем дальнейшем повествовании остановиться только на некоторых событиях этого времени, а также на отдельных лицах, имена которых мною уже приведены. Почти все мои тогдашние сослуживцы были старше меня по возрасту и, вероятно, сейчас уже мало кто из них остался в живых. Нужно сказать, что все мы, имея постоянно пример нашего командира, старались сделать свою работу по возможности более продуктивной. Однако, к сожалению, это не всегда удавалось. Нельзя забывать, что сам корпус был еще далек от полной сплоченности своих частей, трех уже названных дивизий. Это чрезвычайно затрудняло нашу работу и шло в разрез с нашими, штаба корпуса, добрыми желаниями и намерениями.

Генерал Янов, возглавляя штаб, сразу же указал границы действий всех его отделов. Он был строг и требователен. Но некоторые, не совсем понятные и до конца для меня лично неясные обстоятельства, казалось, мешали ему. Незадолго до перевода корпуса на Нарвский фронт он был сменен и его место занял полковник гвардейской артиллерии Беляев. О генерале Янове я снова услышал уже будучи в Эстонии, он, как будто, занимал видное место в штабе генерала Юденича. Чрезвычайно милым и симпатичным сослуживцем оказался полковник Энглер. Его дальнейшая судьба мне неизвестна так, как и полковника Ионаса и доктора Стороженко.

Очень интересен, в своем роде, был действительный статский советник Зель. По его инициативе, если не ошибаюсь, и, во всяком случае, при его деятельном участии был разработан до мельчайших подробностей план состава и работы штаба корпуса и подкомандных дивизий. Дале планов, впрочем, представляемых даже в виде прекрасно расчерченных и раскрашенных листов, мы не продвинулись уже по одному тому, что Бермондт, как и полковник Выгролич, имели свои собственные планы и расчеты.

Полковник барон Энгельгардт, как комендант штаба, а особенно своей внешностью еще сравнительно молодого гвардейского офицера, выделялся персонально. Он впоследствии

остался в Митаве и перешел на службу к Бермондту, у которого видным финансовым экспертом уже состоял его старший брат барон Рудольф Энгельгардт. Этот последний умер уже после окончания второй мировой войны в восточной зоне Германии под другой фамилией в одном доме для престарелых. Полковника же Энгельгардта, моего родственника, я застал в 1948 году вблизи моего местожительства в городе Детмольт-Липпе, в Вестфалии. Он имел издательство книг и занимался распространением печатной литературы. Он умер в пятидесятых годах. Его милейшая супруга, родственница братьев Солоневич, здравствует, насколько знаю, и поныне.

Помощник коменданта полковник Прокопович был человеком весьма нервным. Повидимому он был сильно контужен и лицо его всегда передергивало. Когда мы переезжали на северо-западный фронт, он был назначен комендантом штаба, но вскоре, по расформировании в Нарве, был переведен на ту же должность в штаб 2-ой стрелковой дивиизи генерала Ярославцева. Во время осеннего наступления на Петроград, о котором автор писал в журнале «Военная Быль» (№ 39), полковника Прокоповича сопровождала его супруга.

Но вернемся в Митаву к лету 1919 года. Я занимал должность старшего адъютанта и был весьма занят работой по распределению прибывающих добровольцев, согласованием взаимоотношений трех дивизий, писанием ежедневных приказов и т. д. В это время прибыли из Германии двое моих однополчан, большие мои друзья, полковник Дмитрий Дмитриевич Лебедев и поручик Алексей Геннадиевич Чубаров. Первый впоследствии занимал видную должность в Ливенской (5-ой) дивизии Северо-Западной Армии и умер, уже после отхода последней в Нарву, от тифа и сахарной болезни. Чубаров скончался не так давно в Ницце.

Помимо моих прямых обязанностей, я играл еще роль как бы представителя штаба, к которому в первую голову обращались все, имеющие какую-либо надобность или дело; так в один из июльских дней мне доложили, что меня хочет видеть бывший президент Латвии пастор Низдра. Я вышел к нему и провел в свой кабинет. Пастор Низдра, уже не молодой, но еще хорошо державшийся мужчина, имел вид озабоченный. Незадолго до этого политический противник Ульманис взял бразды правления в свои руки и причинял много неприятностей своему, стоявшему значительно правее, соотечественнику. Теперь бывший президент просил меня устроить поступление его двух сыновей на службу добровольцами в наш корпус. Я успокоил пастора и тут же отдал соответствующее распоряжение. Старший сын, русский прапорщик, был назначен к нам в штаб корпуса и получил место в моем кабинете, младший был мною направлен в корпусную артиллерию.

Барон Николай Анатольевич Будберг.

Князь Ливен продолжал лечиться в Риге. Здоровье его поправлялось и он решил переехать на жительство в Митаву. Прибыл он на моторной лодке. Для встречи была назначена рота, выстроившаяся на берегу реки. На пристань, по доскам, прошли его заместитель полковник Беккер и я. Князь не мог еще ходить, и его вынесли на носилках. Он был бледен и сильно страдал от своего ранения. Носилки медленно пронесли вдоль фронта. Радостно блестели глаза добровольцев и они дружно приветствовали своего любимого вождя.

За эти два летних месяца мне несколько раз пришлось встретиться с Бермондтом. Части его дивизии были расквартированы в самом городе, где также находились его штаб и собственная квартира. Политически не все обстояло благополучно. Наши бывшие союзники, теперь победители в мировой войне, весьма недружелюбно смотрели на оставшиеся еще здесь германские войска под командой фон-дер-Гольца. С другой стороны, сами латыши обещали этим немецким добровольцам, заз оказанную ими помощь при изгнании большевиков из пределов Латвии, наделы земли в своей автономной республике. Под давлением англичан, лат-

вийское правительство взяло это свое обещание назад и таким своим поступком возбудило неудовольствие среди германских частей. В Митаве начались волнения. Русского коменданта города как будто не было, также начальника гарнизона. Помню, однажды вечером, мне позвонил полковник Беккер и задал вопрос, кого бы я предложил на это место. Исходя из тех соображений, что Бермондт в данное время располагает достаточной вооруженной силой в самом городе, я предложил его. Был отдан соответствующий приказ и уже на следующий день на столбах и заборах красовались распоряжения нового коменданта, которые грозили строгими взысканиями за непослушание и бунт.

К нам, в штаб, Бермондт жаловал очень редко. Я его там встречал всего раза два и то незадолго до нашего отъезда. Он был мужчина видный, но, к сожалению, своими несколько театральными, как бы заученными манерами, делал из себя что-то похожее на марионеточную фигуру. Всегда в черной черкеске, сам брюнет, усы а ля Вильгельм, затянутый, он мог производить эффект и на этом, конечно, много играл. О его карьере мне доподлинно ничего неизвестно, только, если память не изменяет: в 1917 году, в одной из больших газет, думаю это было «Новое Время», был небольшой портрет поручика Бермондта. Отчего и почему он был там изображен, сказать теперь не могу. Каким образом он в 1919 году летом сделался полковником — и того меньше. Кажется в июле, Бермондт праздновал и весьма шумно свой день рождения. Были приглашены корпусный командир князь Ливен и я. Вместо князя поехал его заместитель полковник Беккер. Подъехав к штабу дивизии, на ступеньках крыльца мы были встречены начальником дивизии, причем последний порывался меня обнять, приветствуя как своего старого сослуживца по Нижегородскому драгунскому полку. Я должен был его разочаровать, так как всю войну проделал гвардейским стрелком. Он, возможно, спутал меня с одним из моих родственников, тоже Николаем Будбергом. Но самое интересное, даже сценически забавное, произошло на самом торжестве. Я сидел за одним столиком с георгиевским кавалером генералом Альтфатер. Генерал граф фон-дер-Гольц, здесь же присутствовавший и сидевший по правую руку от Бермондта, поднял свой бокал и предложил выпить за здоровье «Его Светлости князя Авалова». Еще несколько лет спустя, я видел в немецком журнале «Ди вохе» снимок графа фон-дер-Гольца вместе с Бермондтом верхом, причем тут последний был уже генералом.

Последний раз я видел Бермондта за несколько дней до нашего отъезда из Митавы. Он пришел к нам в штаб пообедать, а заодно завербовать одного-другого к себе. В это время уже был получен приказ генерала Юденича о переброске всего корпуса на Нарвский фронт. Было ли это целесообразно или нет — вопрос другой, но князь Ливен, как истый офицер, знающий дисциплину, приказал собираться. Бермондт и полковник Выргопич, к которому я по этому делу заходил лично, отказались ехать и корпус распался. Переброшена была только Ливенская дивизия, получившая в Северо-Западной Армии наименование «5-ой Ливенской дивизии».

До нашего отъезда, князь собрал весь штаб, объявил еще раз приказ генерала Юденича и в кратких словах разъяснил положение корпуса, причем напомнил его добровольческий статут в целом и касательно каждого офицера в отдельности, предоставив выбор ехать или оставаться. Произошел краткий обмен мнениями, причем я лично сказал, что наша прямая обязанность не только перед Великой Россией, которой мы, несмотря на все, что было, продолжаем служить, но и перед нашим начальником, Светлейшим Князем, пролившим свою кровь за родину и за нас всех, не оставлять его и следовать за ним, куда будет приказано. А главное — мы солдаты и нам не рассуждать и выбирать, что лучше, а исполнять приказ. Большинство согласилось со мною без каких-либо возражений.

Следующие дни прошли в сборах и вскоре дивизия князя, с ней и штаб, были морским путем из Риги переброшены в Нарву. Князь проехал туда же.

В Нарве штаб корпуса снова собрался. Помещен он был в доме Бек, недалеко от понтонного моста. Дом этот принадлежал родственникам нашего военного чиновника Максимилиана Бек, упомянутого выше. Просуществовав короткое время, штаб был, за ненадобностью, расформирован и его офицеры получили новые назначения в других частях Северо-Западной Армии. Я, лично, попал в штаб 2-ой стрелковой дивизии генерала Ярославцева, где начальником штаба застал, как уже упомянуто было, полковника Прокоповича. В Митаве осталось очень немного из бывших офицеров штаба корпуса, главным образом по семейным причинам.

Николай барон Будберг.

От Редакции: Редакция пользуется случаем, чтобы поздравить своего дорогого сотрудника Николая Анатольевича Будберг с исполнившимся в этом году 70-летием со дня его рождения.

Маневры под Каширой

(Из воспоминаний Сумского гусара).

Сентябрь 1909 или 1910 года. Полк выступает на «Подвижные Сборы». Хотя отпуска в этот период не допускаются, но командир 2-го эскадрона ротмистр Марков, ухитряется его получить. Причина серьезная: сбор хлебов в его маленьком имении в Тульской губернии. Практичный «Маркуша» уезжает сам-четверт. Кроме него — деньщик, вестовой и один из отпускных (помогать к-ру эскадрона). Временно командующим эскадроном назначается недавно произведенный в поручики Говоров. Молодому командиру эскадрона 23 года. Энергии масса, апломба и самоуверенности еще больше. Опыта немного, но за спиной стоит старый вахмистр Иван Маркович Стрюк.

В процессе подвижных сборов непрерывные маневры — сначала полк против полка, потом бригада против бригады и т. д. Вначале все идет благополучно. Но подходят дивизионные маневры. 2-й эскадрон получает задачу прорваться через линию неприятеля для глубокой разведки. Командир эскадрона выбирает направление не совсем удачно — попадает почти что в гущу врага и под сильный обстрел. Но так как пули не летают, это не смущает лихого командира. Под негодующие крики пехоты — прорыв совершен. Издали видна фигура штабного офицера с повязкой на руке, который мчится объявить эскадрон «уничтоженным». Но командир эскадрона избегает этого поззора, свернув в лес, и грузный посредник не может догнать гусар.

Эскадрон двигается дальше за новыми лаврами. Случай представляется скоро. Дозоры доносят, что двигается неприятельская артиллерия — прикрытия не видно. Эскадрон разворачивается и идет в атаку. Подскакав ближе, обнаруживается—это всего лишь обоз 2-го разряда. Но остановить атаку уже поздно. Азарт охватывает всех, и атакующих и атакуемых. Деньщики обоза взбираются на повозки, снимают пояса, чтобы бляхами отбивать нападение. К довершению несчастья, вдоль дороги идет канава. Подскакав к ней лошади останавливаются и как всегда бывает в таком случае, прыгают неуклюже «свечкой», при этом подминают двух вожатых. Из обоза несется возмущение и ругань. Несколько сконфуженный командир собирает эскадрон и очищает поле сражения.

Скоро маневр этого дня заканчивается. Командир Гренадерского Корпуса генерал Экк распускает войска на отдых, приказывая явиться на разбор маневров высшим начальствующим лицам до командиров эскадронов включительно. Подробно разобрав весь ход маневра, указав ошибки, генерал Экк заканчивает свой разбор словами: «В заключение я должен коснуться одной конной атаки и должен сказать, что это не атака, а форменный разбой. Я не хочу узнавать фамилию виновного, но предупреждаю его, что в следующий раз подвергну его строгому взысканию». Настроение поручика Говорова значительно падает.

Остается еще один день маневров. На этот раз, Гренадерский Корпус, против подходящего из Тулы 13-го (или 17-го). На маневрах должен присутствовать Командующий Войсками генерал Плеве. Перед этим войскам была дана дневка. 2-му эскадрону дано расположение вместе со 2-й Конной батареей, которой тоже временно командовал еще совсем юный подпоручик Рождественский. Конечно, явилась мысль устроить объединение с Конной артиллерией. Из ближайшего заводского кооператива были куплены вина, закуски и даже удалось добыть бутылку шампанского. Вечером собрались все офицеры эскадрона и прибыл подпоручик Рождественский. Все шло честь-честью. Выпили кое-какое количество рюмок водки, вина, а потом раскупорили шампанское и командир эскадрона только что начал свой тост за здравие лихой конно-артиллерии вообще, а 2-й Конной батареи и в ее лице подпоручика Рождественского в частности, как появилась фигура конно-вестового из штаба полка с пакетом. Прекратив тост, командир эскадрона расписался на конверте, сунул бумагу в карман и отправил вестового. Все это заняло несколько секунд и тост был закончен. Любезный гость не остался в долгу и тоже провозгласил тост за славную конницу, Сумской полк и доблестный 2-й эскадрон и его командира. Кто-то из присутствующих, как бы объединил оба тоста, высказав свою глубокую уверенность, что если будет война и 2-й эскадрон будет действовать со 2-й Конной батареей, то противнику не поздоровится. Хотя этот оптимистический прогноз не совсем оправдался в последнюю войну, но тогда тост был принят горячо. После были и другие тосты и «дружеская беседа затянулась за полночь». Когда юный конно-артиллерист свалился под стол, стало ясно, что гостеприимство закончилось блестяще и подпоручик Рождественский был бережно отнесен на руках в свою квартиру. Но

и хозяева понесли потери. Командир эскадрона был под руки отведен на свою кровать и заснул не раздеваясь.

После подвигов предыдущего дня, на последний день маневров 2-му эскадрону была дана какая-то второстепенная задача — не то прикрывать, не то что-то обеспечивать и выступление было назначено сравнительно поздно — в 7 часов. Проснувшись около этого времени, командир эскадрона сунул руку в карман и обнаружил какую-то бумагу, прочтя которую почувствовал себя не очень хорошо. В бумаге, за подписью адъютанта, было сказано: «Завтра в день окружного маневра на станцию Н. в 6 утра прибывает поезд Командующего Войсками Округа. Командир полка приказал от вверенного Вам эскадрона отобрать 8 доброезжих и смирных лошадей, коих под седлами с вестовыми отправить к указанному сроку на станцию Н. для свиты Командующего Войсками. Спешенных гусар отправить в обоз 2-го разряда».

У поручика Говорова по спине пробежали мурашки, когда представилась картина, как на станции Н., которая была верстах в 8-ми, уже час как бегает свита генерала Плеве и ищет своих лошадей. Что было делать? Спешно отобрали лошадей и отправили их с вестовыми на станцию. Лошади прибыли с опозданием на 2 часа. Командующий Войсками объявил командиру 2-го эскадрона выговор в приказе по Округу и поручик Говоров считал, что дешево отделался.

Для некоторой реабилитации, необходимо добавить, что это было единственное взыскание на него наложенное за всю его службу.

Б. Г.

По поводу фальсификации прошлого

В издающейся в Париже газете «Русская Мысль», помещена очень интересная статья Т. К. Чугунова по поводу распространения грамотности в старой России.

Ленин и Советская Энциклопедия насчитали к 1917 году лишь 27 проц. грамотных. Статистика явно фальшивая уже по одному тому, что в рубрику «грамотных» включены лишь окончившие 4-летний курс земских школ и совершенно игнорируются школы церковно-приходские.

Т. К. Чугунов вычислил к 1917 году 64 проц. грамотных, причем он оговорился, что эти цифры относятся только к Европейской России и в них совершенно не вошли ученики мелких деревенских школ, затем — обучавшиеся одиночным порядком и солдаты, вернувшиеся со службы. Вот, относительно их-то мне и хочется поговорить.

В 1898 году я был назначен помощником заведующего новобранцами в 18-й Конной батарее. Их приходило ежегодно немного — 35-40 человек. Служба тогда в Конной артиллерии была пятилетняя. Нужно отметить, что к нам назначались новобранцы от тех уездов, кои не получали наряд для гвардии. Народ был отборный во всех отношениях и процент грамотных, по тем временам, был значительный, но все же не превышал 50 проц. Обучение грамоте происходило в батарейных школах, в той же батарее, где я начал службу, в школе было два отделения: одно для канониров младшего срока службы — тех, кто проходил курс обучения грамотности, будучи новобранцами, другое — для новобранцев.

Педагогические способности заведующего новобранцами были выдающиеся. Впоследствии, по окончании Юридической Академии, он посвятил себя педагогической деятельности, и вот, при такой постановке, ни один солдат не уходил в запас неграмотным. Большой процент достигал очень хороших результатов: читали, писали и твердо знали четыре правила арифметики и, даже, решали задачи.

Статистика грамотных велась в этой батарее во все время моей там службы, и в 1903 году процент грамотных поднялся с 50 до 65 проц., что показывает на быстрый рост развития грамотности в России.

Моя служба сложилась так, что я в течение шести лет отошел от дела обучения новобранцев (участие в русско-японской войне, Офицерская Кавалерийская и Артиллерийская Школы) и, когда в 1913 году был назначен командиром 13-й Конной батареи, то увидал, что надобность в школе грамотности миновала, не-

грамотных приходили на службу единицы. С ними занимались «дядьки», как называли учителей молодых солдат.

В этой батарее я застал заведующим новобранцами офицера, который по призванию занимал эту должность с чина подпоручика до чина капитана включительно. Тут уже была забота не только о грамотности, но и о моральном воспитании солдата.

Я застал в 13-й Конной батарее такой порядок: в первый месяц новобранцы не распределялись по взводам (только для уборки лошадей), а жили отдельной командой. Заведующий новобранцами, в первые же дни прихода их, вызывал по одиночке каждого и записывал в книгу всю «биографию» новобранца — его семейное и имущественное положение и, таким образом, при обучении, создавался индивидуальный подход к молодому солдату.

Наш старый вахмистр Афанасий Петрович сумел установить в батарее партриархальные отношения с солдатами. Солдат, положим, стал небрежно относиться к службе — заскучал. Вахмистр приглашает к себе «попить чайку», разговаривает с ним о его деревне, семье и прочем, и этого достаточно, чтобы солдат подтягивался, не желая огорчать Афанасия Петровича.

Преступного элемента в батарее не было. Все это были крестьяне малороссийских губерний, а сам вахмистр — Херсонский однодворец.

В этой батарее была еще одна, достойная подражания традиция: на праздник Пасхи командир батареи и все г. г. офицеры делали первый визит своему вахмистру. У него же собиралась и батарейная аристократия: взводные, подпрапорщики, писаря, каптенармус. Вахмистерша умела угостить.

Офицерский состав был выше всякой похвалы. Судьбе было угодно, чтобы я пережил их всех, и всегда я вспоминаю их с истинным чувством благоговения к их памяти. Результаты таких отношений между офицерами, вахмистром и солдатами сказались в том, что редко, очень редко, приходилось прибегать к дисциплинарным взысканиям (лодыри все же были). Инспектирующий артиллерийский генерал (до 1910 года , артиллерия подчинялась Начальникам артиллерии корпуса) никак не мог понять — почему в журнале взысканий почти отсутствовали записи, и мне показалось, что он недоверчиво встретил мой доклад, что ни одно взыскание не приводилось в исполнение раньше, чем оно попадало в журнал.

Некоторая иллюстрация: смотр командира XIV-го армейского корпуса генерала Брусилова (генерал Брусилов им командовал до XII-го корпуса). Генерал обходит новобранцев батареи: «как фамилия?» — «Ткачук, Ваше Превосходительство». «Какой губернии?» «Хвалиться не буду — Витебской». (Несколько новобранцев было переведено из 7-й кавалер. дивизии и вот среди малороссов оказался белорусс). Генерал идет дальше, видит молодцеватого красавца и спрашивает: «Служить хорошо?» — «Так точно, весело, Ваше Превосходительство». Ген. Брусилов говорит: «Как важно чтобы у солдат были веселые глаза, как у всех ваших молодцов».

Скажу в заключение — сколь же велика заслуга Императорской армии еще в мирное время перед Россией, так как помимо специальной подготовки солдата она выполняла и культурную задачу!

А. Левицкий.

Дело Полковника Мясоедова

Мне не раз приходилось встречать в статьях и воспоминаниях различные мнения о виновности полковника Мясоедова. Некоторые же авторы определенно утверждают, что Мясоедов пострадал невинно. Это, мол, тот «стрелочник», на которого можно было свалить вину за наши неудачи в Восточной Пруссии. Так как в высказываниях этих встречаются многие неточности, то позволю себе напомнить о некоторых фактах. Может быть тогда дело Мясоедова будет оценено несколько иначе, чем сделал это польский писатель Мацкевич.

Я лично знал подполковника Мясоедова в бытность его начальником Вержболовского жандармского железнодорожного отделения. В молодости офицер одного из пехотных полков Ковенского гарнизона, женатый на дочери владельца Ковенского гвоздильного завода Тильманса, по рождению немке, он вскоре перешел на службу в Отдельный корпус жандармов.

Нас, офицеров Уланского полка, стоявшего в 20-ти верстах от этой пограничной станции, поражали те крупные связи, которые имел простой жандармский офицер в Германии, и тот широкий размах, с которым он жил. После одного случая в полку его перестали принимать, но молодые офицеры бывали у него, — как бы инкогнито, ибо влекла туда нас обворожительная хозяйка, широкое хлебосольство и интересные приезжие немки.

И вот в один прекрасный день меня, как полкового адъютанта, требует к себе на квартиру командир полка, бывший в ту первую революционную вспышку (1905 г.) Начальником военного района двух пограничных уездов. Застаю там жандармского офицера, прибывшего из Петербурга с секретным поручением штаба корпуса жандармов произвести обыск у подполк. Мясоедова, и получаю приказание заготовить предписание командиру эскадрона в местечке Вержболово содействовать этому офицеру при производстве обыска. Цель таковото: найти огнестрельное оружие, которым якобы торгует подполк. Мясоедов, перевозя его тайно через границу. Но за этим скрывалось, как говорили еще тогда, нечто другое, сиречь шпионаж.

Что было обнаружено при обыске — не знаю. Жандармский офицер укатил в ту же ночь, с какими-то вещественными доказательствами, в Петербург. А результат был таков: подполк. Мясоедов вскоре был отрешен от занимаемой им должности и удален из Корпуса жандармов.

Выйдя в запас, Мясоедов делается, видимо для отвода глаз, представителем одной крупной автомобильной немецкой фирмы. Опять широкий образ жизни: открытый дом, постоянные приемы. Жена его сближается с супругой Сухомлинова. И Мясоедов свой человек в доме Военного министра. Его нашумевшая в свое время история с редактором «Вечернего Времени» Бор. Сувориным и затем дуэль с Гучковым, — хорошо были известны всем и писалось тогда об этом много.

Грянул гром войны. Завод Тильманса, тестя Мясоедова, закрывают, а его самого, бывшего на подозрении еще в мирное время, высылают вглубь России. Мясоедова призывают из запаса, он надевает мундир подполковника, с зачислением по армейской пехоте и назначается в распоряжение Военного министра ген. Сухомлинова, пользуясь его особым покровительством.

Материал, который мог добыть у Военного министра бывший жандармский офицер, не удовлетворял, видимо, его «хозяев». От него требовали более интересных для них оперативных сведений. Но для этого надо было проникнуть на фронт.

И вот в один прекрасный день в штабе I-ой армии появляется подполк. Мясоедов с рекомендательным письмом Военного министра, с просьбой о назначении его в штаб армии. Но здесь ему не повезло. Начальник штаба генерал Одишелидзе, по докладу начальника контрразведывательного отделения подполк. Беловодского, знавшего хорошо прошлое своего сослуживца, — ему вежлив отказал. Но Мясоедов не унывает. Возвращается в Петроград и, заручившись новой рекомендацией, направляется в штаб 10-ой армии. Здесь письмо Военного министра возымело свое действие и Мясоедов назначается на штатную должность штаб-офицера для поручений при разведывательном отделении этого штаба.

Непонятно, как об этом мог не знать начальник штаба крепости ген. Бурковский, когда сообщил Б. Бучинскому, что в крепость приехал, «командированный Ставкой жандармский полковник Мясоедов», а не штаб-офицер из штаба 10-ой армии, ничего общего тогда с жандармерией не имевший. Странно, что об этом повторяет дальше и Б. Бучинский, говоря: «К нам в хату вошел высокий, очень представительный, элегантно одетый, жандармский полковник...». Да и Ставка была здесь не причем, ибо все это дело было возбуждено штабом Сев.-Зап. фронта. Откуда и был назначен председателем военно-полев. суда, ген. штаба полковник Л.

Были ли у Мясоедова сообщники? Суд этого не выяснил. На вопрос, поставленный ему об этом председателем суда, он ответил: «Если я их назову, то вы все здесь ахнете».

Действительно ли за спиной Мясоедова стояли такие лица, которых он назвать не мог, или делал только вид, что таковые существуют, стараясь тем воздействовать на суд? Но это его не спасло. Мясоедов был приговорен к повешению.

Все это мне известно со слов генерала Турбина, присутствовавшего на суде.

Варшавский ген.-губернатор князь Енгалычев, в распоряжении коего я в то время состоял, должен был, как пользующийся правами командующего войсками округа, приговор этот утвердить. Не желая, видимо, брать на себя такую ответственность, князь Енгалычев, имевший большие связи в Ставке, телеграфировал Верховному Главнокомандующему Вел. Князю Николаю Николаевичу о приговоре суда. Вскоре от Вел. Князя был получен ответ: «Другого решения быть не может». И приговор был утвержден.

На рассвете Мясоедов был повешен.

Присутствовавший на казни, по приказанию ген.-губернатора, полковник Олсуфьев говорил мне, что Мясоедов держался перед казнью все время подчеркнуто спокойно и самоуверенно, как будто надеясь, что кто-то должен его спасти.

Кн. П. Ишеев.

Воспоминания бывшого юнкера Алексеевского Военного Училища

(К столетию со дня основания).

Высочайший парад, прошедший 6 августа 1914 года в Кремле (см. «Военную Быль» № 41), оставил восторженное впечатление у всех наших юнкеров и до конца своих дней нельзя забыть светлый образ Государя, нашего Шефа Цесаревича и всей Царской семьи.

Приказ Государя о сокращении нашего курса до 4-х месяцев вызвал у нас еще больший подъем духа и усилил желание своим усердием оправдать милость к нам Государя и быть достойнейшими офицерами нашей Императорской Русской Армиии.

С еще большей энергией мы отдались своим занятиям, день наш начинался в 6 часов утра, поднимала нас обычно труба горниста и крик дневального «Вставайте, господа!» и редко кто не вскакивал сразу. Минут 15-20 шло на умывание, чистку сапог, пуговиц, пряжки на поясе, затем — быстрое одевание и становились для осмотра отделенным командиром. После, училище обычно шло на прогулку и через полчаса возвращалось к утреннему чаю с булкой и маслом, затем лекции до 12 часов дня, а после плотного завтрака до 4 часов происходили строевые занятия, — гимнастика, строевой и полевой уставы и пр. После обеда мы имели отдых до 10 часов вечера с перерывом на восьмичасовой чай. Как правило весь вечер у нас был занят подготовкой к лекциям, а перед репетициями засиживались и до 12 ночи.

Самый интересный для нас предмет был тактика, лектор был прекрасный и его час нам всегда казался очень коротким, но и остальные предметы слушались с неослабным вниманием, ибо все для нас было ново и полезно для ожидавшего нас фронта. Стрелковое дело у нас было поставлено блестяще, это была традиция Алексеевского военного училища. Каждый наш юнкер должен был стрелять лучше всех и действительно наше училище в мирное время часто получало за стрельбу призы в Московском военном округе.

Наш курсовой офицер гвардии капитан Г. Р. Ткачук, георгиевский кавалер японской войны, старался передать нам весь свой боевой опыт и все последующие достижения в военном деле. Полевой устав не столько теоретически, сколько практически мы проходили под руководством этого выдающегося офицера. Он был строг и неумолим в своих требованиях, но мы его ценили за прекрасное преподавание, справедливость и заботу о нас, хотя ругал он нас часто и считал, что за такой короткий срок, как в четыре месяца, трудно из «шпака» сделать офицера.

Дальнейшее показало, что он немного ошибся в своем мнении, — многие из нашего выпуска сделались георгиевскими кавалерами, еще больше пало смертью храбрых в борьбе с врагами нашей родины, а к концу уже 1915 года, некоторые, оставшиеся в живых, получали в командование даже батальоны.

В конце августа прошли у нас планшетные съемки, а в начале сентября мы в составе 4-х полурот младшего курса, отправились походным порядком, с полной выкладкой, в летний лагерь училища на Ходынском поле для прохождения стрельбы по разным мишеням. Этот поход, кажется в 16 верст, был первым хорошим упражнением и испытанием для будущих пехотинцев. Шли мы с песнями или под барабанный бой, некоторые с непривычки уставали, но интерес к этому походу был очень велик и усталость не помешала нам стройно дойти до лагеря. Вот только спать в холодных бараках было не совсем приятно, ночи в сентябре были уже прохладные. Но на утро усиленной гимнастикой и горячим чаем все это было поправлено и мы двинулись на полигон. Пальцы рук от холодной винтовки стали быстро замерзать и перед стрельбой мы старательно их растирали, чтобы придать им эластичность.

Стрельба была по неподвижным и движущимся мишеням и по внезапно появляющимся, изображавшим перебежку пехоты или неожиданно атакующую нас кавалерию. Как всегда, наша рота Его Высочества шла по стрельбе первой, редко кто из нас не попадал все 5 пуль,

почти также хорошо стреляли и другие роты и мы, несмотря на очень и очень короткую подготовку, не уронили старые традиции училища. Обратный путь в свое родное Лефортово был уже легче, а главное нас радовали успехи по стрельбе.

В это время, в конце сентября, наше училище начало прием новой группы молодежи, съехавшейся со всех концов России в Москву, но помещение для них еще не было свободно, мы могли переехать в помещение старшего курса только после их производства в подпоручики 1-го октября, поэтому нам, закончившим младший курс, было предложено поехать в отпуск на 5 дней, дабы освободить помещение для молодых юнкеров, чем мы, конечно, с радостью и воспользовались. Перед отъездом я взял у нашего дядьки-каптенармуса на прокат мундир на белой подкладке (такие мундиры не разрешалось, конечно, нам носить, но у своих родных и знакомых неофициально было возможно).

Моя поездка домой в Казань прошла, как чудный сон, — встреча с родителями, братьями и любимой девушкой была лучшим подарком. Меня едва узнали в ловко-сидящей форме и с юнкерской военной выправкой, так быстро привитой в училище. Талия была затянута до предела, шинель, как говорилось, надевалась с мылом и без единой складочки. Все мои родные и близкие были рады за меня и горды мною, а я сам больше всех. Дома я успел пробыть около двух суток и возвращался в училище уже юнкером старшего курса.

С неослабной энергией вновь мы приступили к своим занятиям, внешне как будто стало немного свободнее, можно было спать лишних 15 минут, но времени свободного стало еще меньше. Первоначально 2-летний курс был сокращен на 8 месяцев, а потом эту же программу уложили в 4 месяца.

В конце ноября, после сдачи всех репетиций, был разбор вакансий. Еще задолго до производства было известно, что нам будет дано 48 вакансий в Действующую Армию. Попасть туда прямо из училища было мечтой многих и мы все старались получить лучшие отметки, чтобы иметь преимущество в получении этих желанных вакансий. Наш фельдфебель Радушнов, старший портупей-юнкер Каменев, два моих приятеля, Николай Иконников, Тихонов, я и еще не менее 10 человек нашей роты попали в число этих счастливцев.

Наконец настал желанный момент, — 1-го декабря, около 9 часов утра, мы последний раз были построены в манеже и генерал Хамин, всеми нами любимый Начальник училища, объявил Высочайший приказ Государя о производстве нас в прапорщики. Генерал Хамин, поздравляя нас с производством в офицеры, сказал нам сердечное напутственное слово и выразил полную уверенность, что Алексеевцы честно исполнят свой долг перед Государем и родиной в тяжкую годину войны.

После этого радостного и незабываемого момента в нашей жизни мы отправились срочно переодеваться в свое новое офицерское обмундирование и быстро выяснив сколько каждому из нас полагается поверстного срока, то-есть через сколько дней мы обязаны явиться к месту назначения, в большинстве успели съездить к родителям показаться им уже офицерами, получить их благословение и отправиться на фронт.

Большинство нашей группы попало в 13-ый и 15-ый армейские корпуса, я и более десятка наших Алексеевцев зачислены были в 4-ый Копорский полк, стоящий около города Либавы на охране побережья, а не на фронте, поэтому мы, в числе 11 человек, просили нас откомандировать на действительный фронт. Вскоре просьба наша была уважена и нас перевели в 269-ый Новоржевский полк (второочередной полк, выделенный 93-м Иркутским пехотным полком), стоявший в то время в Восточной Пруссии перед городом Тильзитом.

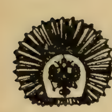
В этом полку и протекла моя боевая служба в I-ую Мировую войну.

В Алексеевское родное училище я снова попал в 1916 году, во время проезда через Москву. Конечно, я пошел прямо к капитану Ткачуку, ставшему с 1-го декабря 1914 года командиром новой 5-ой роты. Встреча была самая сердечная и он повел меня в нашу 1-ую роту, где прошла моя короткая юнкерская жизнь, оставшаяся навсегда светлым воспоминанием. Так приятно было войти в свое родное училище и свою роту, всю ее обойти, поговорить с молодыми юнкерами и вспомнить с капитаном Ткачуком о прошлых, уже далеких днях моего пребывания в роте и как он нас учил и ругал и помогал сделаться достойными офицерами нашей Императорской Русской Армии.

Это была моя последняя встреча с моим дорогим и строгим учителем и родным Алексеевским военным училищем.

В. Федуленко.

Симбирский Кадетский Корпус

В 1871 году военное начальство предположило перевести Пермскую прогимназию в какой либо приволжский город. Вследствие сего, директор помянутой прогимназии просил Симбирского губернатора сообщить ему, нет ли в Симбирской губернии подходящего помещения для закрытого учебного заведения на двести воспитанников, с двадцатью квартирами для служащих, но с тем условием, чтобы это помещение или достаточно обширное место для постройки оного можно было приобрести выгодно для казны. Губернатор передал ходатайство директора Пермской прогимназии в городскую думу и в губернскую земскую управу. Городская дума, находя, что переход Пермской прогимназии для Симбирска полезен, постановила уступить казне безвоздмездно, для устройства прогимназии, то место, со всеми на нем строениями, где до пожара был почтамт (Симбирские Губернские Ведомости, 1871 г., № 47).

Губернское земское собрание, в сессии 1872 года, отклонило ходатайство директора Пермской прогимназии, так как пришло к тому убеждению, что открытие в Симбирске прогимназии недостаточно, что следует открыть военную гимназию, то есть учебное заведение с полным обще-образовательным курсом, подобно гражданским гимназиям, но только без преподавания древних языков и с тем непременным условием, чтобы в нее могли поступать дети лиц всех сословий, на тех же основаниях, на которых допущен прием их в гимназии Министерствоа Народного Просвещения. По сим соображениям земское собрание постановило ходатайствовать об открытии в Симбирске военной гимназии и при этом высказало, что если это ходатайство будет удовлетворено вполне согласно с основаниями, указанными собранием, то земство назначает на содержание гимназии ежегодную субсидию в 12.000 рублей и на первоначальное обзаведение одновременно 2.500 рублей (Симбирские Губернские Ведомости 1873 г. № 6).

Главное управление военно-учебных заведений сочувственно отнеслось к предложениям Симбирского губернского земства и 21 апреля 1873 года состоялось Высочайшее повеление об устройстве военных гимназий для приходящих учеников в тех местностях, где это признается более удобным и выгодным. Военный совет разрешил открыть, прежде всего, две таких гимназии, в Петербурге и Симбирске, каждую на 300 человек и на условиях, вполне согласных с указаниями Симбирского земства. Вследствии этого, все распоряжения относительно устройства военной гимназии в Симбирске были сделаны с таким рассчетом, чтобы она могла быть открыта к 1873/74 учебному году и, действительно, 7 сентября 1873 года последовало открытие Симбирской военной гимназии.

Первоначально были приняты воспитанники только в 1-ый класс, в который поступило 48 учеников, затем 2-й и 3-ий классы открыты несколько позже, а следующие классы открывались постепенно, по одному с наступлением каждого последующего учебного года (Симбирские Губернские Ведомости, 1873 г., № 68).

Первым директором Симбирской военной гимназии был полковник Федор Константинович Альбедиль. Военная гимназия первоначально помещалась бесплатно в доме городского общества, занимая весь верхний этаж этого здания. Со второго года существования гимназии, с августа 1874 года, тоже по инициативе Симбирского губернского земства, учрежден был при гимназии пансион на 70 учеников, в виде опыта — на три года (Симбирский календарь на 1878 г.,, стр. 195) и помещался в частном доме на Спасской улице (где ныне Языковские номера), но вскоре же признано было полезным оставить пансион навсегда, почему 12 агвсута 1878 года последовало Высочайшее Положение Военного совета о преобразовании Симбирской военной гимназии в заведение с интернатом и ей присвоен новый штат, 350 интернов и 100 экстернов, и табель, которые введены в действие с учебного 1877/78 года. Вместе с сим, Симбирскому губернскому земству предоставлено было, ввиду уплачиваемой им субсидии в 12.000 рублей, замещать в интернате гимназии 40 вакансий детьми всех сословий (Второе полн. собр. зак., т. 53, стр. 58796). Но еще ранее того, для гимназии было выстроено от казны большое каменное здание, на уступленном городом месте, по Троицкому переулку, близ церкви св. Троицы, в каковое здание гимназия перешла 9 октября 1877 года.

Затем, Симбирская военная гимназия, на общем основании, по положению, Высочайше утвержденному 14 февраля 1886 года, преобразована в кадетский корпус, а 16 апреля 1887 года (Третье полн. собр. зак., т. VII, стр. 4357) комплект кадет интернов сокращен и от земства отнято право на замещение сорока вакансий пансионеров.

С весны 1895 года началась постройка, на углу Покровской и Комиссариатской улиц, но-

вого большого флигеля для кадетского корпуса, на 28 офицерских квартир; работы окончены осенью 1896 года и тогда же новый флигель был занят квартирантами-служащими при корпусе офицерами, священиком и доктором.

Оба здания кадетского корпуса могут считаться одним из лучших городских зданий.

Сообщил **Б. Ермолов**

Хроника «Военной Были»

ПОУЧЕНИЕ ПОРТУПЕЙ-ЮНКЕРА МЛАДШИМ ТОВАРИЩАМ

Теперь поговорю с вами о наших Михайловских традициях: наш основной лозунг — ПОРЯДОК и ПОРЯДОЧНОСТЬ. Его свято должны помнить все Михайловцы. Порядок заключается в строгом соблюдении правил «Инструкции», ее вы получите от меня каждый в печатном экземпляре. Требования ПОРЯДОЧНОСТИ следующие: никогда в стенах училища НЕ ПИТЬ, НИ В КАРТЫ НЕ ИГРАТЬ — это первое правило. Юнкера его не соблюдающие рискуют исключением Товарищеским Судом Старшего Класса. Помните это твердо. Не приглашать в училище, даже на прием, женщин легкого поведения. На экзаменах и репетициях НЕ ПОДСКАЗЫВАТЬ — ибо это нечестно. Полученные баллы ведь определяют право выбора вакансий при выпуске — значит юнкер должен добывать себе хороший балл собственным трудом а не подсказом товарища. Быть всегда вежливым и коректным со всеми. Крепкие слова в нашей среде не допускаются ни под каким видом. В зимних помещениях курить только в курилке и никогда не бросать окурков на пол. В лагере курение допускается в бараках при открытых окнах. Строго запрещено на первой линейке. Казенное обмундирование у нас хорошее, сшито по мерке. Если юнкер имеет что нибудь собственное — должно быть СТРОГО ПО ФОРМЕ. Сапоги в отпуску разрешается носить собственные шагреневые или лакированные по желанию. Помните что у нас не принято заводить собственных шинелей — казенные вполне приличные. Плечевые портупеи в отпуску принято иметь свои, хорошей мягкой кожи, от Бобина (на Екатерининском канале). Шпоры носить только «Савельевские»...

Во всех случаях сомнения, обращаться ко мне, вашему «правящему», не стесняйтесь, будите меня даже ночью... Называть меня только по фамилии... Инструкцию нашу вы должны знать ТОЧНО — это устав училища. В ней вы найдете все нужное.

Из воспоминаний юнкера Михайл. арт. уч. **А. Борщова**

ШТЫКИ В СТРОЕВЫХ РОТАХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

В конце марта 1907 года, от нашего Первого кадетского корпуса, отправилась делегация в Царское Село, в составе Директора, командира Роты Его Величества полковника Забелина и ее вице-фельдфебеля Богдановича, для поднесения Государю Императору нагрудного знака, полагавшегося офицерам Первого к. к. при парадной форме. Знак был красивый серебряный с большим вензелем Императрицы Анны Иоанновны. Государь хотел иметь его при шефской форме, между тем, по старой традиции, эти знаки были собственностью корпуса и давались офицерам под расписку, в особой книге, хранившейся в музее корпуса.

Государь милостиво принял делегацию, запросто говорил с Богдановичем и расписался в книге внизу последнего в ней расписавшегося офицера-воспитателя. На прощание, он сказал Богдановичу «а почему у тебя на поясе нет штыка? Хочу чтобы кадеты строевой роты носили холодное оружие, при отпускной форме.

После этого всем корпусам дали штыки в лакированных ножнах, кадетам строевых рот.

При этом-же случае, наша Рота Его Величества получила право иметь, сверх барабанщиков и горнистов, еще и флейтистов, подобно гвардии. Этим возстанавливалось прежнее наше Павловское отличие.

Из воспоминаний **А. В. Борщова**

МНЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО О КАРТОЧНОЙ ИГРЕ

Петр Великий не играл в карты ни в какую игру, кроме голландской игры, называемой «Гравиас», да и в ту весьма редко; но любил лучше проводить время в разговорах с морскими офицерами, корабельными мастерами и купцами; а потому при Дворе его игра была не в обыкновении.

В армии и во флоте не была она совсем запрещена, однако не позволено было проигрывать больше рубля; кто-ж проигрывал более,

тот по военному артикулу не обязан был платить. Сверх того проигравшие больше рубля, подвергались военному суду и наказанию, когда фискал на них доносил. Государь обыкновенно говаривал о сих игроках, что они либо совсем не имеют вкуса в полезных делах которыми могли-бы заниматься, либо хотят других обыгрывать. (Сведано от Генерал-Экипажмейстера Брюйнса).

извлек **А. Г.**

ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА

В летописях нашего флота — Гангут, Чесма, Наварин, Синоп и Севастополь. История устанавливает между ними неразрывную связь.

Плодами Гангутского боя были Чесма, Наварин, Синоп и Севастополь... Когда черноморцы шли в Синоп, они стремились быть достойными героев Чесмы и Наварина, Наваринцы — Сенявинцев, Сенявинцы — Ушаковцев и моряков Екатериненских времен, помнивших еще Гангут и чтивших заветы Великого Петра.

Российский Императорский Флот свято хранил уроки своих старших поколений, на них воспитывался и подвиги предков создавали его дух и нравственную силу.

Мичман последнего вып. Российского
Императорского Флота
Г. фон-Гельмерсен

ПРИСЯГА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Полковник Рерберг выводит полк на плац и перед глазами открывается редкая по красоте картина присяги новобранцев 3 гренадерского Перновского Короля Фридриха-Вильгельма IV полка.

Посередине плаца, стоять шесть совершенно одинаковых столиков, покрытых белыми скатертями. Перед столиками, на некотором расстоянии, стоит знаменщик полка старший унтер-офицер Артур Степин, со знаменем полка и ассистентом. Постепенно, после нескольких перестроений, с другой стороны каждого столика образуются стройные квадраты подтянутых гренадер Перновцев.

Перед каждым столиком появляются священнослужители разных религий. Полковой священник со Св. Крестом и Евангелием становится перед первым столиком, перед которым стоит самый большой «квадрат» новобранцев. Перед вторым столиком становится католический ксендз, перед третьим — лютеранский пастор, перед четверсым мусулманский мулла, перед пятым — еврейский раввин, а перед шестым, около которого стоят только два гренадера — нет никого.

Начинается чин присяги и к столику православных гренадер-новобранцев подносит знамя мой друг знаменщик Артур Степин, его настоящее имя Артур Стопинг и сам он — финн-лютеранин но свою почетную обязанность знаменщика он исполняет блестяще.

В то же самое время к последнему столику подходит мой отец командир полка и я вижу удивительную вещь, которая могла произойти только у нас, в старой России. Оба новобранца вынимают из карманов маленькие сверточки и тщательно разворачивают тряпочки, в которые они завернуты. Развернув тряпочки, оба вынимают из свертков двух маленьких деревянных «божков», выструганных из дерева и смазаныx салом. Оба деревянные «божка-идола» водворяются на столик между моим отцом и двумя новобранцами и только тогда, мой отец, как высший в их глазах начальник, приводит обоих гренадер к присяге служить «верой и правдой» Царю и Отечеству.

После окончания чина присяги, священнослужители удалились, новобранцы возвратились к своим ротам и полк красивой лентой вошел в свои казармы.

«Наша Страна»

Николай Рерберг

ВОЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ.

Заметка о памятнике под г. Мельк, в Австрии, помещенная С. П. Андоленко в № 66 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», заставила меня вспомнить о некоторых других курьезах в этом отношении.

Корпус генерала графа Сен-При, переправившись в конце 1813 г. через Рейн у Кобленца, нашел на городской площади памятник, воздвигнутый в память занятия французами Москвы. Надпись на колонне гласила: «A Napoléon le Grand. An 1812, remarquable par la campagne contre les Russes».

Полковник Магденко, назначенный комендантом Кобленца, против всеобщего ожидания, оставил памятник неприкосновенным, но приказал, под хвастливой надписью поместить: «Vu et approuvé par nous commandant Russe à Coblence en 1813».

В Лейпциге, на Земмельвейс штрассе, еще до сих пор стоит колоссальный памятник — храм Св. Алексея, построенный, согласно надписи, «Памяти 22.000 русских воинов, павших за освобождение Германии в 1813 году, под Лейпцигом». Однако, в 1945 году, советские войска прибавили еще одну доску с надписью: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины 1813—1945».

Сообщил **Г. Гринев.**

Обзор военно-исторической печати

«МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ». Книга 1-ая. 1917—1918 г.г. Составил В. Е. ПАВЛОВ. Париж 1962 год.

Героическая эпопея 1-го и 2-го Кубанских походов в ярких красках представлена в этой прекрасно изданной книге. Читатель, ознакомившись с зарождением Добровольческой армии, может проследить, в каких, далеко неодинаковых, условиях велась война. Большое численное превосходство было неизменно на стороне красных, они же имели, почти неограниченные, запасы вооружения и боевого снабжения, чего добровольцы были лишены, вооружаясь лишь за счет противника, добывая все необходимое ценою крови. Добровольцы могли побеждать или оказывать упорное сопротивление лишь благодаря беззаветному мужеству бойцов и военному искусству командования, при этом, гибли массами, получая лишь слабое пополнение. Борьба этих белых рыцарей, во имя священной идеи, проходила при невероятно тяжелом для них положении: холод, голод, усталось, отсутствие хорошей одежды, истрепанная обувь, иногда враждебно настроенное, измученное постоянной войной население. Не существовало тыловой базы. Раненые, больные тряслись в телегах обоза, который все время находился под угрозой захвата красными. Попадая в плен к красным, они подвергались мучительным пыткам и смерти. Жуткие картины нарисовал автор этой книги и, наряду с ними, трогательные примеры жертвенных добровольцев, часто юношей и подростков — кадет, гимназистов.

Автора книги можно упрекнуть в несколько поверхностном суждении о тех офицерах, которые колебались поступать в Добровольческую армию. Я не говорю о «шкурниках», но не надо упускать из вида, что порыв многих охлаждался недоверием. Еще очень свежо было воспоминание о позорном малодушии и, даже, низком предательстве тех генералов, кои вдруг воспылали революционным восторгом, и чуждо звучала для Императорских офицеров песня: «мы былого не жалеем, Царь нам не кумир»... Сам автор книги, говоря об Екатеринбургском злодеянии, пишет, с явным укором кому следует: «Тяжелая горечь давила на сердце каждого(?) узнавшего о панихиде по Императоре и его семье, носившей НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ характер» (Курсив мой. А. Л.).

Ярко обрисован в этой книге героический облик убитого в бою генерала Маркова. Ему не только верили и его любили, им восторгались. Его заветы служили путеводной звездой для марковцев и марковцы не посрамили имени своего доблестного шефа.

В тексте, очевидно, для экономии места, по-нашему, слишком много сокращений при наименовании войсковых частей. Все же в ней 396 страниц, помещены портреты белых вождей и некоторых первопоходников. В ней читатель найдет подробную характеристику возглавителей Белого Движения, генералов Алексеева, Корнилова, павшего на своем боевом посту, и Деникина. Описана и трагедия генерала Каледина, служба которого Царю, Родине и родному Дону была безупречна.

А. Левицкий.

ОБЗОР ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

«СОН ЮНОСТИ» — Воспоминания Великой Княжны Ольги Николаевны, впоследствии Королевы Вюртембергской. «Военно-Историческая Библиотека ВОЕННОЙ БЫЛИ» № 7. Париж 1964 год.

Вторая дочь Императора Николая I-го, Великая Княжна Ольга Николаевна, впоследствии Королева Вюртембергская, оставила после себя записки на французском языке, предназначенные дочерям Великой Княгини Веры Константиновны и ее мужа Герцога Евгения Вюртембергского, принцессам Ольге и Эльзе, своим внучатым племянницам. Эти записки не должны были увидеть свет раньше 50-ти лет со дня смерти Королевы. С разрешения владельца рукописи принца Альбрехта Шаумбург-Липпе, в издательстве Гюнтера Нескэ, в 1955 году, появился ее перевод, сделанный графиней Софией-Доротеей Подевильс. По этому переводу был сделан баронессой Унгерн-Штернберг русский перевод, появившийся в 1963 г. в вышеназванном издании.

Этот новый перевод имел полное основание появиться в печати уже по одному тому, что графиня Подевильс, прекрасно знавшая французский язык, совершенно не знала русских условий жизни, благодаря чему в ее перевод вкрался ряд некоторых несообразностей. Как на пример таковых я позволю себе указать, на первой же странице, на «дворец быков» в Петербурге, под которым подразумевается Таврический дворец, подаренный Екатериной Великой князю Потемкину-Таврическому. Поэтому, я рекомендую всем, знакомым с русским языком, читать именно русский перевод, в котором все подобные ошибки были исправлены.

Книга носит название «СОН ЮНОСТИ» и содержит воспоминания Княжны (род. в 1822 году) до ее брака, с Принцем, впоследствии Королем Вюртембергским, Карлом, состоявшегося в 1846 году. Читатель получает возможность заглянуть в глубину семейной жизни Императора Николая I-го, его супруги Императрицы Александры Федоровны и их семерых детей. Воспоминания Княжны проникнуты любовью к родителям, братьям и сестрам и написаны достаточно объективно, но из массы мелочей создается совершенно отчетливый образ Государя, в большинстве случаев ложно и неправильно переданный историками. Мы читаем о простой жизни тогдашнего Императорского Двора; с другой стороны, перед нами встают картины блестящих приемов и торжеств; все это видят глаза непредубежденного ребенка и, впоследствии, подрастающей девушки. Книга содержит много биографических данных, не только касающихся Петербургского Двора и общества, но и многочисленных родственников Русского Императорского и Прусского Королевского Домов.

Название книги как бы намекает на юный роман, которому не суждено было развиться и который стареющая Королева воспринимает как некий «сон юности». Менее поэтичная передача этого романа находится в Вюртембергском Государственном Архиве в Штутгарте. Она написана рукой долголетней воспитательницы и статс-дамы Великой Княжны и Королевы, Анны Алексеевны Окуловой, во время пребывания Государыни с дочерью в Палермо, в 1845-46 г.г. Но даже и в той передаче чувствуется трогательная любовь Императора Николая I-го к своей любимице «Олли».

Каждому любителю дворцовой истории XIX века эта книга будет чрезвычайно интересна.

Вильгельм барон Врангель.

«Вестник Прибалт. Дворянства».

«ВЧЕРА». Н. Белогорский. Том 1-ый — Наша война. Мадрид 1964 г.

Когда, впервые в моей жизни, я увидел полотна картин Матисса, я был поражен яркостью цветов широкого мазка, мягкостью контура, странной, доныне неведомой, формой рисунка, казалось примитивного и, в то же время, так много говорившего моей душе славянина, разрешением задачи композиции его творений. Невольно, тогда, встал вопрос — откуда у француза с его математикой точного мышления, могла появиться такая волнующая и умиротворяющая феерия красок, почти славянского мистицизма но объясняющая, понимающая и прощающая все. Я не мог разгадать этого до тех пор, пока не увидал на юге Франции знаменитую часовню этого удивительного мастера кисти и палитры. Только тогда мне стало ясно и понятно, что сам Матисс когда-то знал и изучал не только нашу древнюю икону, но и старое русское церковное зодчество.

Хотя, все виды искусства и связаны и подражаемы, в литературе я никогда не находил отражения школы Матисса и это до последней ночи, проведенной в «запойном» чтении «Вчера».

В Париже над башней Эйфеля уже всходило солнце, когда я закончил последний лист «Вчера», когда я понял, что Н. Белогорский — есть никто иной — как сам Матисс в литературе нашего зарубежья.

На первый взгляд — довольно странное построение фраз, наряд давно забытых слов причудливо переплелись между собой но в этом дивном сочетании услышал я военный клич бойцов от генерала до солдата, идущих в бой за Русь, за честь, за славу прошлого, за подвиги отцов. Писать батальные полотна, задача трудная и мало благодарная... Работы надо положить много, громада полотна не умещается в глазу у зрителя, детали давят, каждая ошибка видна и редко бывает достигнута цель — передать потомкам то о чем думал мастер, когда творил свое произведение.

«Вчера», по своей величине, труд сравнительно малый, но как много он дает уже одной своей, странной и волнующей душу, формой изложения и, как и в основе работ Матисса видно было знание русской иконы, так и во «Вчера» чувствуется влияние складня новгородской работы, одетого на шею воина, идущего в бой за Русь Святую. Древне-русской былиной звучит «Вчера». До наивысшего момента подъема повести вы чувствуете ЖИЗНЬ, которую конец и поражение внезапно превращает в ЖИТИЕ, на берегах Босфора.

Автор смел в своих суждениях и мнениях о том что произошло и по чьей вине случилось поражение. Как истинный рыцарь, он пишет БЕЗ ЗАБРАЛА честно и по военному точно.

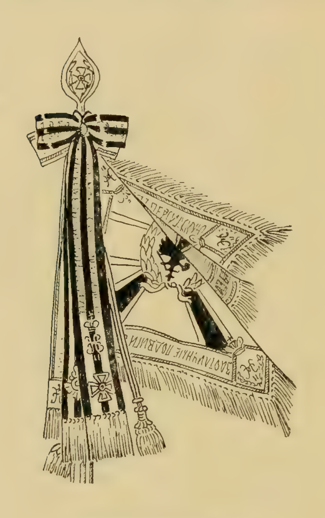
Старую Россию с ее укладом он знал и хорошо ее помнит, от «Звериады» и до камчатского золота и в то-же время, знаком ему и весь Божий мир. О большой художественной ценности произведения говорить не приходится, она достаточно очевидна, а вот для воспитания будущего поколения в русском духе, «Вчера» — сегодня уже стало настольной книгой.

С понятным нетерпением, будем ждать появления второго тома.

Н. К.

ВОИНСКАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

17-ый ДРАГУНСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК.

НИЖЕГОРОДЦАМ.

Полковнику П. В. Дену.

Рожденный в яркий год державного азарта,
Когда Великий Петр все заново кроил,
Ваш полк его азарт к копью штандарта
Георгиевской лентой прикрепил.

И много-много раз победа озаряла
Азарт ваш боевой на марше двух веков, —
О вас Кюрюк-Дара и кручи Караяла
И Визанев напомнят всем без слов.

Теперь пусты Чир-Юрт и Царские Колодцы,
Но он пробьет — пробьет! — возврата дивный час, —
Опять вас позовет на пир, Нижегородцы,
Старинный ваш кунак — блистательный Кавказ.

В. Сумбатов.

В воскресенье 23 августа, в Храме-Памятнике, в Брюсселе, состоялась трогательная и печальная церемония: оставшиеся в живых семь офицеров 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка, во главе с полковником Петром Владимировичем Ден, передали свой боевой, заслуженный штандарт на хранение в этот храм.

После торжественного молебна, отслуженного настоятелем храма, при пении полного хора певчих, председатель Объединения полка полковник Ден обратился с прощальным приветствием к штандарту,

Нижегородцы! В этом славном храме
Отныне спит штандарт родного нам полка...
Победно реял он над вражьими полями
Теперь заснул, быть может, навсегда.

Но если в грозный час нежданной новой битвы
Вновь возродится полк и снова вступит в бой,
Он будет с ним! И с пламенной молитвой
Вдохнет победы дух в могучий старый строй...

Так спи же гордым сном исполненного долга,
Бессмертный стяг любимого полка
Под сенью благостной священного чертога,
В святой обители Державного Вождя.

после чего все офицеры-нижегородцы, по очереди, простились со своей боевой святыней, давши ей последнее целование. Вслед за ними, все присутствовавшие военные приложились к Штандарту одного из славнейших Российских полков. Штандарт 17-го драгунского Нижегородского полка был единственным в Императорской Армии, которому были Высочайше пожалованы широкие Георгиевские ленты.

По окончании церемонии, Нижегородцы собрались за завтраком, на котором чествовали и приглашенных гостей. Задушевные тосты, «Алла-Верды», «Мравалджамие», полковые песни — все это мысленно вернуло нас в незабываемую обстановку славного кавказского полка.

Да живут последние Нижегородцы и верят в то, что в новой Российской армии не будет забыто имя доблестного полка.

А.

ЛЕЙБ - ГВАРДИИ КОННО - ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК.

9-го августа исполнилось ровно полвека со дня славного боя у дер. Каушен (в Восточной Пруссии), одного из редчайших в военной истории — встречного боя, неожиданно повстречавшихся на походе, нашей кавалерии с немецкой пехотой.

В память этого знаменательного дня, Объединение лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, понесшего наибольшие потери в составе, из всех 13 кавалерийских полков, принимавших участие в бою, отслужило панихиду по своим однополчанам офицерам и конно-гренадерам, павшим в этом бою.

Особенная слава выпала на долю 6 эскадрона нашего полка, под командою ротмистра Крамарева. В течение двух с лишним часов упорного боя, этот эскадрон сбил роту противника, прикрывавшую взвод германской артиллерии. Несмотря на тяжелые потери (убитых 2 офицера и 24 конно-гренадера и раненых 3 офицера и 52 конно-гренадера), оставшаяся кучка храбрецов, под командою млад. ун.-офицеров Бондаренко и Зарубина, продолжала продвигаться вперед и, залегши в 150 шагах от орудий, окончательно обезвредила их.

Недаром, наш известный военный писатель кирасир Ее Величества Г. А. Гоштовт в своем труде «Каушен» отметил этот эпизод как — «полный трагической красоты, упорный бой 6-го эскадрона конно-гренадер».

Объединение полка.

ЛЕЙБ - ГВАРДИИ МОСКОВСКИЙ ПОЛК.

В воскресенье 6-го сентября, Объединение лейб-гвардии Московского полка отмечало пятидесятую годовщину славного боя под Тарнавкой, когда, показав пример непоколебимой воинской дисциплины, славный полк атаковал, в необыкновенно тяжелых условиях, и одержал блестящую победу, выполнив возложенную на него задачу, потеряв более двух третей своего состава.

В этот день семья Московцев, помолившись в храме Св. Александра Невского, принимала своих гостей и друзей в помещении музея лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Шеф Объединения Великий Князь Владимир Кириллович с семьей почтил своим присутствием этот праздник. В рядах Объединения осталось два офицера — участника этой славной победы: полковник Некрасов и капитан Климович 2-ой.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 67 «Военной Были» я прочел отзывы Георгия Цвецинского и В. Кочубея о моей статье «Высота 103», напечатанной в № 64.

В. Кочубей совершенно прав: речь идет о 26-ой пехотной дивизии, в которую входили 101-ый Пермский, 102-ой Вятский, 103-ий Петрозаводский и 104-ый Устюжский пехотные полки. Три первые полка дивизии до войны стояли в Гродно, а четвертый — в Августове.

Я не указал номера полка, атака которого описана в моей статье «Высота 103». Георгий Цвецинский сожалеет об этом, так как его отец, офицер 102-го Вятского полка, участвовал в этом бою и был тяжело ранен. Исправляю пробел: это был 103-ий пехотный Петрозаводский полк.

Фамилию поручика, который повел нашу 12-ую роту в атаку, я обозначил буквой М., так как не мог вспомнить точно. Теперь вспомнил — это был поручик Маслевич. Не знаю, вышел ли он живым из этой бессмысленной атаки, скажу лишь, что он повел роту картинно и смело, не хуже, чем водили в атаки свои части герои батальных романов. Честь ему и слава!

Моя статья «Высота 103» была отослана в редакцию задолго до появления в № 57 «Военной Были» статьи В. Кочубея «вержболовская группа и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах», но напечатана была после этой статьи. Только поэтому в своей статье я не обмолвился ни словом о статье В. Кочубея.

Описание В. Кочубеем трагедии XX-го корпуса я читал, как откровение; впервые мне пришлось читать такое подробное и обстоятельное описание этого события, читал с грустью и с болью в сердце. Не раз прерывал чтение и ходил по комнате, чтобы рассеять досаду и обиду за Русскую Армию, понесшую колоссальные и бессмысленные потери и вынесшую тяжкие страдания под командой бездарных высших начальников.

В № 67 В. Кочубей пишет: «Если бы вышеупомянутая 26-ая дивизия прибыла в Гродно хотя бы на восемь дней раньше, ее атака не была бы такой кровопролитной, как описано в статье, а, главное, она помогла бы нашему

окруженному XX-му армейскому корпусу пробиться в сторону уже близкого Гродно...».

Здесь я мог бы выступить свидетелем обвинения нашего Высшего Командования: да, 26-ая дивизия могла бы прибыть на восемь дней раньше. Наш полк снялся с позиции на реке Бзуре и расположился в деревне вблизи от фронта на отдых. Мы простояли там 3-4 дня, несмотря на обстрел деревни из дальнобойных орудий. После этого, двинулись походным порядком в Варшаву. За один переход дошли до села Коло, где, расположившись по избам, простояли еще 3-4 дня. Повидимому начальство никуда не спешило, так как командир нашей роты, с разрешения командира батальона, поехал на один день в Варшаву к своим родственникам. Я это хорошо помню, так как он прихватил и меня в свою тачанку и я побывал в Варшаве у моего брата. Возвратившись поздно ночью, я застал полк на том же месте и только через 2-3 дня мы двинулись походным порядком на Варшаву.

В приказе по полку предписывалось полку двигаться по улицам Варшавы с музыкой и песнями. Песни мы пели («Помните, братцы, как полк наш сражался под городом Кутно в «Ермански» войну»...), а музыки не было, — оркестр погиб еще при отступлении из Восточной Пруссии. Мы вошли в Варшаву вечером, на улицах было много народу. На нас смотрели с тревогой, с предчувствием недоброго. Прилично одетые дамы и простые женщины раздавали солдатам папиросы. В Варшаве простояли на улицах много часов, пока началась погрузка. Наш эшелон двигался со скоростью едва ли превышавшей скорость товарного поезда. Почему-то не довезли полк до Гродно, а выгрузили на станции Соколка, в 30 верстах от Гродно. Сначала предполагалось расквартировать полк в Соколке и были высланы квартирьеры. Очевидно, тактические действия против немцев должны были начаться, исходя от этого пункта. Воззвратившись к месту выгрузки, квартирьеры нашли там только «маяк», направивший их в село Богуши.

У меня не было карты, но я знал твердо, что Богуши расположены где-то в стороне, не по пути на Гродно, верстах в 15-20 от Соколки. От Богушей до Кузницы тоже верст 15-20, если не больше, тогда как от станции Соколки до станции Кузница, лежащей на пути в Гродно, ровно 15 верст. Вместо того чтобы дойти до Кузницы, сделав всего 15 верст, мы тридцативерстным походом разрзушали солдатские сапоги, бывшие и без того в жалком состоянии, беспрерывно падали, имея под ногами скованную гололедицей и отшлифованную ногами дорогу. Было несколько случаев ранения соседей штыком в лицо при падении. Пришлось приказать перевернуть штыки остриями вниз. Были и повреждения ног, растяжения связок. От Кузницы до Гродно прошли еще 15 верст.

Добравшись к вечеру до 12 форта и поужинав из походных кухонь, люди могли, наконец, лечь на солому в крестьянских избах и отдохнуть после изнурительного похода. Отдых был кратковременным: в 1 час ночи нас подняли и, продержав до 10 часов утра на шоссе, на холоде и без пищи, повели в атаку.

Для того, чтобы доставить полк в Гродно, проще было бы разгрузить его на станции Гродно, а не на станции Соколка, тогда не пришлось бы зря терять время и изнурять людей 50-верстным походом по гололедице. Какие-то соображения у Высшего Начальства, очевидно, были, но на меня все это производило впечатление какой-то бестолковщины.

Если считать, что мы простояли 3 дня в резерве, выйдя из окопов на Бзуре, да 3 дня в селе Коло, да полдня в Варшаве на улице и если прибавить к этому ночь, проведенную в селе Богуши, да время, истраченное на 50-верстный поход, то простой арифметический подсчет показывает, что, при желании, можно было бы доставить полк в Гродно на 8-10 дней раньше и, заняв Сопоцкинские позиции, облегчить XX-му корпусу прорыв в направлении на Гродно.

Не думаю, чтобы здесь была измена, вредительство, саботаж. Это была просто неосведомленность Высшего Командования, непонимание обстановки, бестолковщина.

Я здесь все время упоминаю мой полк, так как остальные полки дивизии ускользали из моего узкого кругозора.

Статья В. Кочубея «Вержболовская группа и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах» — большой и ценный труд, она поможет будущему историку разобраться в истинных причинах гибели XX-го армейского корпуса.

В. Цимбалюк.

Пользуюсь случаем, чтобы указать ошибки корректуры в моем рассказе «Высота 103»:

1) Фельдфебель был один — Моношкин, никакого Морошкина не было.

2) 2-ой батальон оставался в резерве. Справа от 1-го батальона рассыпался в цепь и шел уступом наш 3-ий батальон, а не 2-ой, как ошибочно напечатано.

3) Правее 5-го позвонка, а не позвоночника.

4) Моношкин сказал: «Пусть ученые морочат головы другим, а не мне, не на «ТАКОВСКОГО» напали...» Моношкин выразился именно так.

5) Надо читать: «Моментами пулеметные очереди, с рикошета, метут снежную пыль мне в лицо, как порывы ветра — песок на пыльной дороге».

В. Цимбалюк.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В № 67, издаваемого Вами журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», я прочел интересную статью С. П. Андоленко о «Занесении навсегда в списки частей за боевые подвиги». Говоря о подвиге рядового 284-го пехот. Чембарского полка Василия Рябова, генерал Андоленко, мне думается, допускает незначительную ошибку.

284-ый пехотный полк 71-ой пехотной дивизии носил название «Венгровский», а Чембарский полк 80-ой дивизии имел № 320. Обе эти дивизии в Великую войну составляли XXX арм. корпус генерала Заиончковского.

Штабс-кап. 80-й арт. бригады
А. Сенцов.

О РЯДОВОМ ВАСИЛИИ РЯБОВЕ.

В ответ на интересную заметку шт.-кап. А. Сенцова о Чембарском полку позволю себе привести следующие подробности.

В хронике 196-го пех. Инсарского полка, помещенной в «Дополнении к справочной книжке Императорской Главной Квартиры Гренадерские и пехотные полки» стр. 30, написано следующее:

> «Зачислен в списки полка: Василий Рябов, рядовой 284-го пехотного Чембарского полка. С 1906 г. ноября 7-го на вечное время (за истинно-храбрый подвиг, запечатленный геройской смертью при исполнении долга).
>
> Примечание: В случае формирования Чембарского полка рядовой Василий Рябов должен быть зачислен в списки сего полка».

284-ый пех. резервный Чембарский полк был сформирован 10 июня 1904 г. После Японской войны Чембарский полк был расформирован и кадры его были влиты в 216-ый пех. резервный Инсарский полк, в 1910 г. вошедший в состав первоочередной пехоты, с номером 196. Вот почему имя Рябова было передано 196-му пех. Инсарскому полку.

В 1914 г. при формировании 320-го пех. Чембарского полка, Рябов, как будто должен был быть внесен в списки этого полка. Действительно Высочайший приказ предвидел передачу его имени не 284-му полку, а Чембарскому. Было ли это сделано в действительности, нам неизвестно.

С. Андоленко.

К ОТВЕТУ Б. БУЧИНСКОГО В.фон РИХТЕРУ.

1-ая гвардейская кавалерийская дивизия никогда в Козловорудский Отряд не входила и не имела задачей охранять фланг этого отряда. От начала февраля и до мая 1915 года находилась она на правом фланге 10-ой армии, который и должна была охранять и вести разведку, между прочим, и в том пространстве, в котором находился совершенно ненадежный, импровизированный Козловорудский Отряд, подчиненный коменданту Ковенской крепости.

Если бы она была подчинена этому отряду, то раз г. Б. Бучинский, в то время капитан, был его начальником штаба, то ему был бы подчинен и начальник штаба 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии, в то время профессор Военной Академии ген. штаба полковник Матковский. Бывало много у нас организационных «уродств», но такого никогда не было.

Читателей, интересующихся этим Козловорудским Отрядом, отсылаю к моим статьям № 55 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» — «Из воспоминаний об одной дальней разведке» и в № 62 — «Козловорудские леса».

В. Кочубей.

О ДЕЛЕ МЯСОЕДОВА.

В № 67 издаваемой Вами «ВОЕННОЙ БЫЛИ» напечатано письмо г. Бучинского, касающееся дела полковниак Мясоедова. Вот что я слышал в эмиграции об этом деле: лет 25 тому назад, в Афинах жил некто поручик Кулаковский. От него самого и его знакомых я слышал следующее. Поручик Кулаковский, попавши в плен к немцам, стал выдавать себя за «щирого украинца». Немцы поверили и предложили ему работать их агентом в России. Получив адрес полк. Мясоедова, с которым он должен был войти в связь, поручик Кулаковский был переброшен немцами в Россию, где он, вместо Мясоедова, явился по начальству и донес обо всем. По словам Кулаковского, именно, на основании его показаний, Мясоедов и был судим и казнен. Полагаю, что было-бы интересно разыскать поручика Кулаковского, если он еще жив, и получить от него описание этого интересного военно-исторического события.

И. Власков.

К СТАТЬЕ В. Е. МИЛОДАНОВИЧА «БАКЕНБАРДЫ» в № 67 «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

Прилагаю справку из газеты «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК» № 69 от 27 марта 1901 года.

Приказ Военного Министра 10 марта 1901 г. № 96: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР 20 февраля с. г. Высочайше повелеть соизволил: Разрешить:

1) Юнкерам военных и юнкерских училищ носить усы, бороду и бакенбарды.

2) Всем кадетам и воспитанникам Вольской Военной Школы носить усы, но бороду и бакенбарды брить.

Объявляю об этом по Военному Ведомству.

Сообщил **Б. А. Николаев**.

К СТАТЬЕ А. БРОФЕЛЬДА: «РОССИЙСКИЕ КАДЕТСКИЕ КОРПУСА»

27-го мая получил № 67 журнала, который с удовольствием и внимательно прочел, но в указанной статье нашел несколько неточностей: 1) Погоны Николаевского кадетского корпуса были с черным кантом. 2) Пояс был не белый лосиной кожи, а шерстяной кушак трех цветов — средняя полоса черная, а две боковых — красные. Бляхи не было, а пряжка, покрытая пришивной гайкой, тех же цветов. 3) В строю 1-ой роты винтовки были за плечами, подсумок держался на шейном ремне. Все ремни были из белой лосиной кожи. Темляк на шашке из красной юфти. Все приемы в строю делались шашкой. 4) Трафареты: Нижегородского корпуса — «Г. А.»; Одесского — К. К. одна буква в другую; Ярославский — Яр. К.; Сумского — См. К.; Владикавказского — Вл. К.; Корпуса Императора Александра II в 1-ой роте — накладной вензель А. II.

И. Ф. Рубец.

В № 66 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» в моей статье «Адмирал Колчак», нашел несколько ошибок, из которых хотел бы некоторые исправить: стр. 6 строка 46 не «яркости», а «ясности» и на стр. 9 строка 21-я после слова «прерогативы», пропущено слово «правительственной власти». Затем, в ответ на многие вопросы, должен сказать, что выдержка о «коммерческих делах» полк. Шипа взята мною, без каких-либо изменений, из статьи самого Шипа, помещенной в сборнике «Гражданская война на Волге в 1918 году», изданном эс-эрами в Чехии.

А. Ефимов.

В ответ на вопрос А. К. Крыжицкого в № 66 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», я могу сообщить следующее; в Заамурских конных полках: 1) Седла у нижних чинов были казачьи. У офицеров большинство лошадей были забайкальские на 2-3 вершка выше монголок. Седла были драгунские, но у офицеров-казаков — были казачьи. 2) Шпоры нижним чинам положены не были. Носили солдаты нагайку. 3) Флюгеров на пиках не было да и не было самих пик. Сведения эти мне дал ротмистр Заамурского конного полка Лорас Петрович Межак, выпущенный, по ходатайству Вел. Князя Константина Константиновича, по Высочайшему повелению, из Николаевского кавалер. училища непосредственно в Заамурский конный полк.

Б. Эриксен.

Прошу не отказать внести некоторые поправки в мою статью «Доброй памяти нашего старого командира», помещенную в № 67 «ВОЕННОЙ БЫЛИ». 1) Не «Кавказская» война, а «турецкая». 2) Вместо «Хреновский» — «Стрелецкий» завод. 3) Вычеркнуть «кроме наездников».

Ротмистр Глеб Байков.

В № 58 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» в статье С. Андоленко «Забытые отличия», во втором абзаце пропущено, что Императрица Анна Иоанновна числилась полковником в Лейб-Кирасирском полку (впоследствии лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Императрицы Марии Федоровны) с 1 ноября 1733 года. Полковником этого же полка числилась и Императрица Елисавета Петровна с 25 ноября 1741 г. и Императрица Екатерина II с 5 июля 1762 г. Все три Императрицы числились полковниками полка по день их кончины, а фактически командиры, в этот период, именовались вице-полковниками.

И. Рубец.

Дорогие друзья, в № 67 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», на стр. 68, в заметке «Неопознанные знаки», С. Андоленко интересуется авиационным знаком. Должен внести поправку в первую часть, где он говорит «отличается от знака Офицерской Воздухоплавательной Школы» — не ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНОЙ, а АВИАЦИОННОЙ, ибо у воздухоплавателей был свой знак — якорь и крылышки. Вопрос идет о знаке Военной Школы Летчиков — наблюдателей. Вертикально поставлена подзорная труба (золотая), а не орудие. Знак был почти такой же, как и у окончивших Авиационную школу, вставлена была только позолоченная труба для наблюдения. Эта школа была учреждена в городе Киеве, в конце 1915 года.

С искренним уважением и приветом летчик-наблюдат. шт.-кап. **Стефановский.**

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6°

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вел. Кн. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — Сон Юности — 15 фр.

М. СВЕЧИН—Записки старого генерала — 12 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Богатыри поснулись т. 1 — 15 фр.

Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзях — 15 фр.

А. П. БОГАЕВСКИЙ—Воспоминаия 12 фр.

Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.

Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска — 12 фр.

В. И. ШАЙДИЦКИЙ — На службе Отечеству — 30 фр.

БОГДАНОВИЧ — Полтавская виктория — 2 фр.

Русская Военная Библиот. вып. 1 — 1 фр.

Ю. СЛЕЗКИН — Две семьи — 5 фр.

Кн. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50

А. А. ЗАЙЦОВ — Служба Генераль. Штаба — 15 фр.

А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.

Г. А. ГОШТОВТ — Кирасиры Его Вел. тома 2 и 3 вместе — 25 фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 20 фр.

В. Е. ПАВЛОВ — Марковцы т. 1 — — 25 фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — Дагестан в 1918 г. — 9 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Alta Vista Calle, Guayaquil № 16, Caracas.

Аргентина — у Г. Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

№ 71

Январь 1965 год

ГОД ИЗДАНИЯ 14-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого сотрудника капитана

Владимира Саввича Новикова

Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже.

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого друга и сотрудника капитана

Андрея Константиновича Крыжицкого

последовавшей 28 ноября 1964 г. во Франции. Панихида будет отслужена у Кадетской Лампады в Париже в субботу 9 января 1965 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с №70 по 75 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.
Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

14-й год издания | № 71 ЯНВАРЬ 1965 Г. | **BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50**

Оборона Порт-Артура в Русско-Японскую Войну 1904-1905 гг.

«Не сильна засада огородою,
а сильна засада воеводою».
Русская пословица.

Причины войны.

Симоносекский договор 1895 года, которым окончилась война Китая с Японией, был встречен сильным протестом в этой последней. По настоянию России, Япония отказалась от Ляодунского полуострова, а в 1898 году Россия получила от Китая в арендное пользование на 25 лет южную оконечность Ляодуна — Квантунскую область с незамерзающею гаванью Порт-Артура. Занятие русскими Порт-Артура глубоко задело японцев, лишившихся с этим портом главнейшего результата своей победоносной войны с Китаем.

В 1903 году Япония предложила России выяснить вопрос о Корее и Манчжурии. Переговоры велись при воинственном настроении, охватившем японский народ, и 24 января 1904 года японское правительство прервало дипломатические сношения с Россией.

Первый период военных действий: от начала войны 27 января 1904 года до высадки японцев на Ляодун 22 апреля (все числа по ст. ст.).

В ночь с 26 на 27 января японский флот произвел внезапное нападение на нашу Порт-Артурскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде. Броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада» были подорваны японскими минами.

Сооружение в Порт-Артуре крепости 2-го класса предполагалось закончить к 1909 году и оно должно было обойтись в 17 миллионов рублей. К 1904 году на оборонительные работы было отпущено 4 миллиона 600 тысяч рублей, т. е. менее одной трети потребной суммы. Батареи приморского фронта были почти готовы, но на сухопутном фронте из предполагавшихся шести фортов был закончен лишь форт номер 4-ый. Форты номера 1-ый, 2-ой и 3-ий были закончены вчерне. Был начат форт номер 5-ый, а форт номер 6-ой и вовсе не начинался. Форты строились близко от города и горы: Высокая, Дагушань и Сяогушань не укреплялись. Плачевное состояние крепости усугублялось наличием в 35 верстах от Порт-Артура коммерческого порта Дальний, на постройку которого было затрачено 40 миллионов рублей. Для защиты Порт-Артура имелось: стрелков, артиллеристов, сапер, дружинников и моряков свыше 50-ти тысяч человек [1]). Начальником Квантунского Укрепленного Района состоял генерал Стессель, а комендантом крепости был назначен генерал Смирнов, этим в Порт-Артуре создавалось двоевластие.

В первые недели войны, японский флот не-

[1]) В Порт-Артуре находились: 4-ая Восточно-Сибирская Стрелковая дивизия, генерал Фок, Восточно-Сибирские Стрелковые полки, 13-ый, 14-ый, 15-ый и 16-ый, и 4-ая Восточно-Сибирская Стрелковая артиллерийская бригада, 7-ая Восточно-Сибирская Стрелковая дивизия, генерал Кондратенко, Восточно-Сибирские Стрелковые полки, 25-ый, 26-ой, 27-ой и 28-ой, и 7-ой Восточно-Сибирский Стрелковый артиллерийский дивизион, 5-ый Восточно-Сибирский Стрелковый полк, три запасных батальона, три дружины, Квантунская Крепостная артиллерия, Саперный батальон, Казачья сотня, Квантунский Флотский Экипаж.

сколько раз подходил к Порт-Артуру для его бомбардирования. Чтобы обеспечить высадку своих войск на Ляодунский полуостров, японцы трижды пытались заградить нашим судам выход из Порт-Артурской гавани, посылая коммерческие пароходы нагруженные камнем. Пароходы должны были дойти до входа в гавань и там затопиться, но это им не удавалось.

В конце февраля, в Порт-Артур прибыл новый командующий эскадрой, адмирал Макаров. Своими выходами в море, он поднял дух наших моряков, приунывших от первых неудач. К несчастью, 31 марта адмирал Макаров погиб с броненосцем «Петропавловск», который взорвался у Порт-Артура на японской мине и в две минуты затонул. Погибли 31 офицер и 624 матроса.

Моя поездка на войну.

В январе 1904 года я находился в Санкт-Петербурге, в отпуску из моей части, — Дубненской Крепостной артиллерийской роты. Я присутствовал 27 января на Высочайшем выходе в Зимнем дворце, куда офицеры Петербургского гарнизона были вызваны Государем на молебствие и объявление войны Японии. На другой день я пошел в Главное Артиллерийское Управление проситься на войну Там, на мою просьбу о переводе в Действующую Армию, Начальник Отделения личного состава полковник Миловзоров строго сказал: «подпоручик, вы не знаете правил. Если вы хотите быть переведенным, вы должны подать рапорт по начальству на месте вашего служения. В этот же день, т. е. 28 января, я со скорым поездзом выехал из Петербурга к себе в Дубно. Уже в вагоне, я заготовил обстоятельный рапорт, каковой по приезде подал коменданту форта полковнику Козьякову. «Что вас толкает ехать на Дальний Восток»? Я почтитлеьно доложил о моем желании послужить Царю и Отечеству и просил коменданта переслать мой рапорт в Петербург, где я подготовил почву для моего перевода в Главном Артиллерийском Управлении. «Вы, подпоручик, не знаете правил. Ваш рапорт будет препровожден в Штаб Киевского Военного Округа». Через несколько дней писарь из канцелярии вручил мне конверт с красной сургучной печатью. Вскрываю и нахожу в нем мой рапорт, с резолюцией коменданта: «На перевод подпоручика Юзефовича в Действующую Армию не согласен. Полковник Козьяков». Что делать? Как попасть на войну? Взял книги Свода Военных Постановлений 1869 года и нашел, что заболевший офицер для поправления здоровья может получить четырехмесячный отпуск с сохранением содержания. Я подал коменданту форта соответствующий рапорт, прося о назначении врачебной комиссии для освидетельствования моего здоровья на предмет увольнения в четырехмесячный отпуск во все города Российской Империи. Полковник Козьяков вскипел: «Хотели воевать, а теперь больны».

Во врачебной комиссии в городе Дубно, под председательством командира 41-го пехотного Селенгинского полка и двух врачей, я жаловался на боль в груди. Врачи выстукали меня и спросили, что я хочу. «Четырехмесячный отпуск по болезни». Врачебная комиссия дала разрешение.

12 марта, перед отъездом, я зашел к старшему офицеру роты поручику Потопольскому попрощаться и сознался ему, что еду на войну. Он обещал держать это в секрете и пожелал мне получить орден Святыя Анны четвертой степени «За храбрость». В этот момент я вспомнил, что мой дед имел и что мой отец имеет саблю с надписью «За храбрость».

Проездом через город Балашов, Саратовской губернии, где мой отец был уездным воинским начальником, я сделал остановку. «Приехал домой провести Пасху»? — спросил отец. «Нет, я еду на Дальний Восток». «Деньги тебе нужны»? «Да, двести рублей думаю хватит». «Когда выезжаешь»? «Сегодня вечером». «Пойдем в церковь отслужить напутственный молебен», — сказал мой отец.

До Иркутска, пассажирскими поездами, я доехал в две недели. В Иркутске я присоединился к батарее 8-го Восточно-Сибирского Стрелкового артиллерийского дивизиона, следовавшей воинским поездом во Владивосток С батареей я, верхом на лошади, 2 апреля переехал Байкальское озеро, шириною около 50-ти верст. Сильно таяло, лед трещал, и мне кажется, что наш эшелон был последним, допущенным к переправе. В 1904 году Круго-Байкальская железная дорога еще не была закончена и воинские части переправлялись через Байкальское озеро, зимой по льду, а летом на судах. В Харбине, я пересел на воинский поезд, отходящий в Мукден. Из Мукдена в Ляоян я проехал на площадке товарного поезда.

13 апреля, в Ляояне явился в Управление Инспектора Артиллерии Манчжурской Армии, где исполняющий должность штаб-офицера для поручений штабс-капитан Новогонский спросил меня, не хочу ли я назначения в Порт-Артур на вакансию младшего офицера в 3-ей батарее, 7-го Восточно-Сибирского Стрелкового артиллерийского дивизиона. Я ответил: «это то, о чем я мечтал — участвовать в боях на суше и видеть морские бои».

В Порт-Артур я прибыл 15 апреля. Представился командиру дивизиона полковнику Мехмандарову и командиру батареи подполковнику Чхейдзе. Пришло приказание отправить два орудия под командой офицера на не-

дельное дежурство в Большой Голубиной бухте. Подполковник Чхейдзе вызвал офицеров батареи, взглянув на меня, сказал: «вот, подпоручик Юзефович за тем и приехал, отправляйтесь немедленно».

Второй период военных действий: от высадки японцев на Ляодун, 22 апреля до тесного обложения крепости 17 июля.

Японцы высадились 22 апреля у Бицзыво и, захватив железную дорогу на участке между станциями Вафандян - Пуландян, прервали связь крепости с Манчжурской Армией. С тех пор Порт-Артур был предоставлен собственным силам.

После боев с японцами на Квантунском полуострове 13 мая у Кинчжоу, 13 июня у горы Куинсан, 13-14 июля на передовой горной позиции и 17 июля на Волчьих горах, части Порт-Артурского гарнизона, сражавшиеся на передовых позициях, отошли к крепости.

В этот второй период военных действий, я находился на передовых позициях и участвовал в боях 13-14 июля и 17 июля. Вот, как это было: 12 мая, нашей 3-ей батарее, 7-го Восточно-Сибирского Стрелкового артиллерийского дивизиона, было приказано выступить из Порт-Артура на передовые позиции у дер. Суанцайгоу По какому-то случаю, батарея выступила в поход лишь с четырьмя орудиями. Утром 13 мая, была слышна орудийная стрельба у Кинчжоу. Батарейный командир подполковник Чхейдзе с капитаном Скрыдловым и штабс-капитаном Костровым выехал на разведку позиций, на случай вызова батареи. Подпоручик Соколовский и я, оставались сидеть в китайской фанзе в дер. Суанцайгоу. «Так что, Ваше Благородие, в бухту Инчензы вошли два японских миноносца», докладывает прибежавший наблюдатель. Подпоручик Соколовский, как старший, отдает приказазния: «послать за командиром батареи, подать лошадей, батарее выезжать на позицию». Через несколько минут мы рысью выехали из дер. Суанцайгоу на песчаный берег бухты Инчензы. Подпоручик Соколовский командует: «Батарея с передков». Два японские миноносца отчетливо видны в бухте. Они стоят неподвижно в кильватерной колонне, бортами обращенными к нам. Солнце позади нас и в глаза японцам. Они нас, вероятно, не замечают. Я, как младший, ожидаю команды открыть огонь, но ее от подпоручика Соколовского не последовало. Возможно, что он полагал, что наша задача только отражать высадку японцев и ожидал спуска шлюпок. Прискакал подполковник Чхейдзе со своими офицерами. Японские миноносцы начали выходить из бухты. Когда мы вернулись в нашу фанзу, я измерил на карте расстояние до островка, у которого находились миноносцы. Дистанция оказалась четыре версты. «Эх, следовало обстрелять японские миноносцы, верное Золотое Оружие», сказал подполковник Чхейдзе.

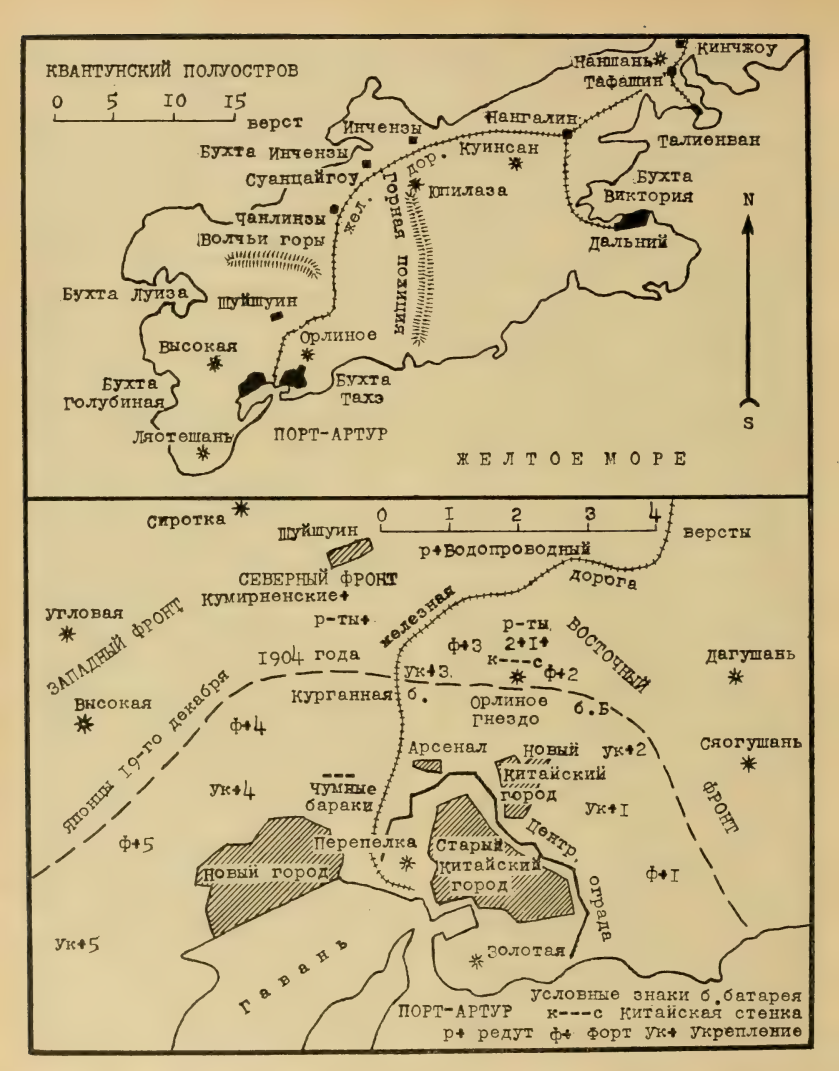
16 мая мне было приказано вести лошадей батареи на водопой. Ручей был внизу, впереди наших окопов. Я проехал еще несколько вперед, в сторону японцев. Из ближайших кустов раздался ружейный выстрел. Эта первая выпущенная в меня пуля пробила мой левый погон. Полдюйма ниже — и я был бы ранен. По возвращении в Россию, я рассказал об этом моей сестре, она не была удивлена. Гадалка ей предсказала, что я вернусь, но буду ранен в левое плечо.

20 мая я был назначен старшим офицером, делопроизводителем и заведующим хозяйством во 2-ой нештатной 4-х орудийной скорострельной батарее, формируемой штабс-капитаном Швиндт при 4-ой Восточно-Сибирской Стрелковой артиллерийской бригаде. Батарея наша сначала была послана на Волчьи горы, а затем 13 июня вызвана к горе Юпилаза. Там, к западу от нея, генерал Фок указал для батареи открытую позицию, что повело к потерям в бою 13 июля.

В ночь на 13 июля, в палатку позади наших орудий, стоящих на позиции, где я помещался с моим командиром батареи, вошел ординарец со словами: «записка, Ваше Благородие». Зажгли свечу и прочли: «Завтра в шесть часов утра будет наступление японцев. Полковник Ирман». Приказали денщику разбудить нас пораньше. Ровно в шесть часов утра штабс-капитан Швиндт и я были у орудий. Вдали была видна идущая в походной колонне японская пехота. Вдруг хлынул проливной дождь и ничего не стало видно. Когда дождь перестал, на нашу батарею полетели шрапнели и шимозы из двух японских батарей. Мы в свою очередь открыли огонь по ним. Вскоре одно наше орудие было подбито, но мы продолжали стрелять по японским батареям. Ночью нам было разрешено поставить орудия на смежную, закрытую позицию, и в бою 14 июля потерь в нашей батарее не было. Утром 15 июля было приказано отойти на Волчьи горы. Японцы нас не преследовали.

На Волчьих горах, 16 июля, я стрелял из одного орудия, поставленного в стороне от нашей позиции, чтобы ее не обнаруживать. Я препятствовал японцам окапываться на впереди лежащих высотах, а также одним удачным выстрелом разогнал большую конную группу, показавшуюся на Мандаринской дороге.

17 июля японцы атаковали Волчьи горы и гаолян, превышавший человеческий рост, скрывал продвижение японской пехоты. Штабс-капитан Швиндт, не слыша стрельбы с позиций левее нас, поехал выяснить обстановку. Кон-

КВАНТУНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
0 5 10 15 верст
Кинчжоу
Наншань
Тафашин
Нангалин
Инчензы
Бухта Инчензы
Суанцайгоу
Куинсан
Талиенван
Бухта Виктория
Юпилаза
Чанлинзы
Волчьи горы
жел. дор.
Горная позиция
Дальний
N
S
Бухта Луиза
Шуйшуин
Орлиное
Высокая
Бухта Голубиная
Бухта Тахэ
Ляотешань
ПОРТ-АРТУР
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
Сиротка
Шуйшуин
0 1 2 3 4 версты
р+ Водопроводный
СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ
Кумирненские+ р-ты+
железная дорога
Угловая
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
р-ты 2+1+
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ф+3
к---с
Дагушань
1904 года
Ук+3.
ф+2
Японцы 19-го декабря
Курганная
б.
Орлиное гнездо
б.Б
Высокая
ф+4
Арсенал
Новый Китайский город
Ук+2
Сяогушань
Ук+4
Чумные бараки
Ук+1
ф+5
Перепелка
Старый Китайский город
Центр. ограда
ф+1
Новый город
Ук+5
Золотая
Гавань
ПОРТ-АРТУР
Условные знаки б.батарея к---с Китайская стенка
р+ редут ф+ форт Ук+ Укрепление

ный ординарец передал мне приказание взять орудия в передки и прибыть к батарейному командиру. Я командую: «номера садись, батарея рысью ма-арш», хотя в строю находились два орудия. Одно было подбито в предыдущем бою, а на другом орудии был испорчен угломер. Вижу штабс-капитана Швиндта, стоящего на возвышенности и держащего горизонтально обнаженную шашку — сигнал «усилить аллюр». Я командую: «галопом». Прискакали к батарейному командиру. «С передков» командует штабс-капитан Швиндт и открывает огонь по наступающим японцам. Японская артиллерия засыпала снарядами наши два, открыто стоящие, орудия. За убылью орудийной прислуги, положение становилось критическим. Штабс-капитан Швиндт машет носовым платком. Это наш условный сигнал: «подать передки». Подскакали передки, но ездовые не смогли сдержать разгоряченных лошадей и сделать остановку для взятия орудий в передки и они ускакали прочь без орудий. «Вынуть замки из орудий» приказывает штабс-капитан Швиндт. В это время подбегает со своей охотничьей командой поручик Бурневич и на руках откатывает наши орудия к передкам. Наши раненые также были унесены. Убитые остались на поле сражения. Видевшие в каком отчаянном положении мы находились уже донесли генералу Стесселю, что 2-ая нештатная батарея захвачена японцами.

За спасение орудий поручик Бурневич, по Статуту был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени. Командир батареи штабс-капитан Швиндт был представлен к «Золотому Оружию» Я был спрошен командиром батареи, что мне желательно получить за бой на Волчьих горах, чин или орден Св Владимира По застенчивости я на его вопрос ничего не ответил.

Третий период военных действий: от начала тесного обложения крепости 17 июля до сдачи Порт-Артура 20 декабря.

Заняв Волчьи горы, японцы приступили к установке осадных батарей. 25 июля началась бомбардировка города, укреплений и гавани, не прекращавшаяся до конца осады. С японских батарей крепость простреливалась насквозь. Японские снаряды долетали до эскадры, стоявшей в гавани. Чтобы избежать гибели на внутреннем рейде, наша эскадра, 28 июля вышла в море для прорыва во Владивосток. Эта попытка ей не удалась. В сражении с японской эскадрой адмирал Виттефт, командующий нашей эскадрой, был убит. Эскадра вернулась в Порт-Артур и разоружилась. Морские орудия, установленные на сухопутном фронте и десанты с судов много содействовали отбитию последующих штурмов.

После боя на Волчьих горах, нашей 2-ой нештатной батарее был дан пятидневный отдых, а затем батарея была поставлена на позицию на Северном фронте крепости у правого Кумирненского редута.

29 июля, по приказанию начальника Северного фронта крепости полковника Семенова, я был послан с двумя орудиями на гору Сиротку. Вот его телефонограмма моему батарейному командиру штабс-капитану Швиндт: «Прошу немедленно назначить один взвод для обстреливания неприятеля с горы Сиротка. В прикрытие будет дана полурота 3-ей роты, 16-го полка. Прошу поставить прикрытие так, чтобы оба орудия были в безопасности. Для намечения цели и позиции заранее послать офицера на верхушку горы Сиротки, а затем уже этому офицеру встретить полубатарею, чтобы она зря не находилась вблизи неприятеля. Немедленно по окончании обстрела, не задерживаясь, вернуться обратно. О результате стрельбы доставить мне подробное донесение. Полковник Семенов».

Гора Сиротка оборонялась охотничьей командой подпоручика Наседкина — 70 стрелков — и была лучшим наблюдательным пунктом, по выражению генерала Стесселя «окном крепости».

Вот телефонограмма подпоручика Наседкина полковнику Семенову, от 6 часов 25 минут вечера, 28 июля: «Заметно движение японской пехоты с севера. В 1 час 30 минут дня, прошла рота пехоты, 50 человек кавалерии и сейчас прошло около батальона, и еще идут. После обеда, по горе Сиротке, японцы стреляли из полевых и горных орудий. Прошу прислать сюда, хотя на день, два орудия, которые могут воспользоваться удобным моментом. Подпоручик Наседкин».

Согласно этой просьбе я и был послан на гору Сиротку 29 июля. На выстрелы прискакал к Сиротке полковник Ирман. Надо сказать, что полковник Ирман всегда лез в самые опасные места. Стессель называл его: «храбрейший из храбрых». Указав мне для обстрела дер. Тайвуанзуан, где было замечено скопление японцев, полковник Ирман добавил: «генерал Кондратенко сегодня что-то скучный, надо его развеселить». Полковник Ирман послал генералу Кондратенко донесение о моей стрельбе и впоследствии представил меня к награждению орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

Вот заключительные строки этого представления: «Своею стрельбою из двух орудий с близких дистанций подпоручик Юзефович рассеял японцев, находившихся перед горой Сироткой, а также заставил замолчать их силь-

нейшую числом артиллерию, чем облегчил положение оборонявших гору Сиротку охотников и способствовал дальнейшему удержанию в наших руках горы Сиротки, этого важного и лучшего передового наблюдательного пункта крепости Порт-Арутра. В деле 29 июля подпоручик Юзефович, сохраняя под огнем противника полное спокойствие, мужество и распорядительность, проявил себя беззаветно храбрым, лихим, свято помнящим свой долг и присягу офицером. Будучи очевидцем успешных действий взвода, свидетельствуя доблестное поведение подпоручика Юзефовича в течение всей Порт-Артурской операции и приняв во внимание, что указанный подвиг у горы Сиротки подходит под статью 17 Статута по артиллерии, представляю подпоручика Юзефовича к награждению орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени.

Командующий 4-ой Восточно-Сибирской Стрелковой артиллерийской бригадой, Начальник Западного фронта крепости Порт-Артур,
Полковник Ирман».

Вылазка на гору Сиротку под моим командованием 29 июля 1904 года, упоминается в перечне военных действий и в официальной истории Русско-Японской войны 1904-1905 г.г.

В конце июля месяца японцы заняли горы Дагушань и Сяогушань впереди Восточного фронта крепости, и 3 августа командующий японской осадной армией генерал барон Ноги предложил генералу Стесселю сдать Порт-Артур.

Наша 2-ая нештатная батарея 4 августа была отведена от Кумирненского редута к чумным баракам, где и находилась на позиции до конца обороны. Во время рытья окопов на нашей новой позиции у чумных бараков приехал к нам на батарею генерал Стессель со своим адъютантом поручиком Невельским. Обращаясь к нижним чинам, генерал Стессель говорил: «Вчера японцы предлагали мне сдать Порт-Артур. Я взял лист чистой бумаги, нарисовал кукиш и послал».

Первый штурм.

С утра 6 августа японская осадная артиллерия открыла сильнейший огонь по всему фронту крепости. Отдельных выстрелов не было слышно — все слилось в сплошной гул, стон и рев. Мой батарейный командир в этот день первым словом записал в журнал военных действий: «жара», но не в смысле, что жарко от японских шимоз и шрапнелей, рвущихся на батарее. В этот день была жаркая погода, а штабс-капитан Швиндт всегда и прежде всего отмечал состояние погоды.

После двухдневной артиллерийской подготовки, японская пехота перешла в наступление, ведя главный удар на Восточный фронт крепости. Штурм был отбит, но в руках японцев остались редуты 1-ый и 2-ой на Восточном фронте и Угловая гора на Западном фронте. Потерпев неудачу в овладении Порт-Артуром открытой силой, японцы обратились к постепенной атаке, приближаясь к фортам и укреплениям траншеями и окопами. За отражение августовского штурма, Государь Император, пожаловал генералу Стесселю орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-ей степени и звание генерал-адъютанта Его Величества.

17 августа я был командирован, в числе нескольких офицеров полевой артиллерии, на пополнение убыли в крепостной артиллерии. Пробыв одну неделю на батарее литера «Б», я был назначен передовым артиллерийским наблюдателем для донесений по телефону начальнику Квантунской крепостной артиллерии генералу Белому о стреляющих японских осадных батареях. Мне было предоставлено самому избрать наблюдательный пункт. Я расположился на укреплении номер 3, откуда был достаточно хороший кругозор.

Второй штурм.

6 сентября японцы атаковали Высокую гору на Западном фронте и Водопроводный и Кумирненские редуты на Северном фронте крепости. Редуты японцы заняли, но их атака на Высокую гору была отбита.

С 18 сентября они начали бомбардировать Порт-Артур одинадцатидюймовыми бомбами, которыя легко разрушали все закрытия и даже бетонные казематы, своды которых были расчитаны на сопротивление лишь шестидюймовым снарядам. Форт номер 3 и укрепление номер 3 были первыми подвергшимися этой бомбардировке. Измерив дно от разорвавшейся бомбы, я телефонировал генералу Белому, что японцы стреляют из одинадцатидюймовых гаубиц. Генерал Белый и сам мог в этом убедиться, так как японцы не замедлили открыть огонь по городу.

В конце сентября я заболел тифом и был помещен на плавучий госпиталь «Монголия», стоявший в гавани.

Третий штурм.

17 октября японцы вновь предприняли штурм Восточного фронта на участке от батареи литера !Б» до укрепления номер 3. Штурм был отбит, но японцы удержались на гласисах атакованных фортов.

Зная, что единственным источником пополнения убыли в гарнизоне являются наши госпи-

тали, так как выздоравливающие возвращались в строй, японцы обстреливали госпиталя в городе и в гавани. Плавучий госпиталь «Монголия» в октябре месяце, когда я там находился на излечении, подвергнулся обстрелу. Повреждения были надводные и «Монголия» не затонула, но таковые-же госпиталя «Ангара» и «Казань» были затоплены в гавани японскими снарядами.

Однажды, лежа в полузабытьи, я вижу, что в мою каюту на «Монголии», входит священник и, ничего не говоря, подает мне Крест. Приложился ко Кресту и почувствовал себя лучше. Из госпиталя я выписался 12 ноября и явился генералу Белому. «Мой адъютант поручик Вознесенский просится на батарею. Знакомы-ли Вы с канцелярией?» «Так точно, Ваше Превосходительство», ответил я не задумываясь. «Наградное дело запущено. Приведите его в порядок и по вечерам приходите ко мне с докладом на мою квартиру».

Четвертый штурм и последние дни обороны.

К 13 ноября японцы уже были во рвах форта номер 2, форта номер 3 и укрепления номер 3 и подошли своими окопами на 60 шагов к Китайской стенке и на 45 шагов к батарее литера «Б». Утром 13 ноября японская артиллерия открыла ураганный огонь, а в 12 часов дня пехота бросилась на штурм укреплений Восточного фронта на участке от батареи литера «Б» до укрепления номер 3. Все многочисленные атаки японцев к вечеру были отбиты. Также была отбита их ночная атака на Курганную батарею.

Находясь на штабной должности, я не был участником отбития ноябрьского штурма, но вот записи моего бывшего батарейного командира штабс-капитана Швиндт в журнале военных действий 2-ой нештатной батареи: «13 ноября штурм на укрепление номер 3. В час дня показались японцы взлезавшие на бруствер. Только что мы успели сделать по ним первый выстрел, как японцы поспешнее, чем взбирались наверх, сбегают вниз, преследуемые нашими стрелками. Некоторые молодцы, стоя во весь рост на валу, стреляли по бегущим японцам. Такая же картина вскоре повторилась еще раз... После ночного штурма на скате Курганной батареи трупов японцев, что мух на бумаге с клеем».

На Западном фронте крепости, с 14 по 22 ноября, японцы вели яростныя атаки на Высокую гору, на которой имелись лишь окопы и укрепления полевого типа. Они непрерывно долбили ее снарядами всех калибров, превращая Высокую гору в огнедышащий вулкан. Одних одиннадцатидюймовых бомб японцы выпустили за это время по Высокой горе больше четырех тысяч. За истощением пехотных и морских резервов, для обороны Высокой горы были использованы нестроевые и госпитальные команды. Вечером 22 ноября гора Высокая была взята японцами. У начальника сухопутной обороны генерала Кондратенко вырвались слова: «это начало конца».

2 декабря, на форту номер 2, генерал Кондратенко был убит разрывом одиннадцатидюймовой бомбы.

Заняв Высокую гору, с которой открывался вид на гавань (от Высокой горы до гавани 4 версты), японцы приступили к расстрелу нашей эскадры, стоявшей в гавани. Через пять дней суда Порт-Артурской эскадры были затоплены японскими одиннадцатидюймовыми бомбами.

В Управлении Квантунской Крепостной Артиллерии я занимался днем, а вечером приносил бумаги для доклада генералу Белому на его квартиру. Прихожу к нему на мой первый доклад. «Заготовьте на себя наградной лист. Я хочу представить Вас к награде за службу на 3-ем укреплении, где Вы, несмотря на ежедневное, жестокое обстреливание укрепления, всегда находились на своем посту и своевременно доносили мне о стреляющих японских батареях». Я ответил: «слушаю, Ваше Превосходительство». Но сам на себя я наградного листа, по скромности, не заготовил и не принес его генералу Белому для подписи.

Составляя наградные списки на нижних чинов Квантунской Крепостной Артиллерии, я сначала помещал тех, кто ,согласно Статуту, имел бесспорное право на награждение Георгиевским крестом, т. е. кто, будучи ранен, оставался в строю до окончания боя. «Если оставался в строю, следовательно был легко ранен», говорил генерал Белый ивычеркивал первые попавшиеся фамилии. В другой раз я опять включал вычеркнутых в наградный список. При удобном случае я доложил генералу Белому, что не все офицеры Квантунской Крепостной Артиллерии имеют ордена Св. Анны 4-ой степени. «Не имеют, значит — не заслужили. Впрочем, кто такие?» Я назвал фамилии. «Заготовьте на них наградные листы».

Как-то генерал Белый послал меня к начальнику полевой артиллерии в Порт-Артуре генералу Никитину. Что я должен был ему доложить, я теперь не помню, но помню, сообразил, что лучшее время для доклада это в полдень, т. е. время обеда. Явился на квартиру генерала Никитина и, доложив, что было нужно, собрался уйти. «Вы, подпоручик, обедали»? «Никак нет, Ваше Превосходительство». «У нас сегодня жареный поросенок. Отобедайте с нами». Поросенок в декабре месяце был редкостью. Гарнизон Порт-Артура питался конским мясом, которое отпускалось по четыре фунта на человека, здоровым два раза, а больным четыре раза в неделю. К обеду пришел генерал

Фок, начальник сухопутной обороны крепости после смерти генерала Кондратенко. За столом, в присутствии адъютанта генерала Никитина, капитана Правикова, я был свидетелем разговора двух генералов, Георгиевских кавалеров за Русско-Турецкую войну, 1877-1878 г.г. Генерал Никитин: «Я, Ваше Превосходительство, каждую ночь обхожу позиции и поверяю бдительность гарнизонов на фронтах и укреплениях». Генерал Фок: «А я, Ваше Превосходительство, ночью ничего не вижу. Я хожу днем».

На Восточном фронте крепости японцы подвели минныя галлерии под бруствера фортов номер 2 и номер 3 и укрепления номер 3 и, взорвав заложенныя мины, овладели: 5 декабря фортом номер 2, 15 декабря фортом номер 3, и 18 декабря укреплением номер 3.

Вот запись штабс-капитана Швиндта, в журнал военных действий, 18 декабря: «В 9 часов утра большой взрыв на укреплении номер 3, за которым последовал адский огонь по всему правому флангу. Через несколько минут в бреши показалась лестница, и японцы по одному лезут вверх. Батарея, по неимении снарядов, стреляла по ним редчайшим огнем».

19 декабря японцы атаковали Большое Орлиное Гнездо, командующую высоту и тактический ключ второй оборонительной линии Восточного фронта крепости. После ряда ожесточенных атак, они им овладели.

Заключение.

От недостаточного питания и бессменной службы силы защитников Порт-Артура дошли до крайнего изнурения. В гарнизоне развивались болезни: цынга, дезинтерия и куриная слепота. В госпиталях не хватало медикаментов и перевязочных материалов. Вместо ваты и корпии щипали морские канаты. За 328 дней, истекших с начала военных действий, Порт-Артурский гарнизон и Порт-Артурская эскадра понесли огромныя потери и личном составе. Число убитых, пропавших без вести, умерших от ран и болезней и погибших в море простиралось до 17000 человек, что составляло одну треть первоначального числа защитников крепости. [2]) По данным коменданта Порт-Артура генерала Смирнова на 19 декабря в крепости находилось: стрелков и моряков 12500, артиллеристов 5000, сапер 500 и нестроевых 1000. В госпиталях лежало 20500 раненых и больных.

Не имея никакой надежды на освобождение крепости и помощь от генерала Куропаткина, проигравшего в августе месяце сражение у Ляояна и отступившего на север, генерал Стессель признал дальнейшее удержание Порт-Артура невозможным и выслал парламентера к генералу Ноги. 20 декабря была подписана капитуляция Порт-Артура и генерал Стессель телеграфировал Государю Императору:

«Великий Государь, прости нас. Мы сделали все, что было в силах человеческих. Суди нас, но суди милостиво. Одинадцать месяцев непрерывной борьбы истощили наши силы»...

Японцам дорого достался их успех. Японския потери у Порт-Артура были свыше 119000 человек. [3])

Было объявлено, что японское командование сохраняет генералу Стесселю и всем сухопутным и морским офицерским чинам их сабли и разрешает желающим офицерам вернуться в Россию с их деньщиками, предварительно дав подписку не принимать участия в войне против Японии. От Государя Императора была получена телеграмма: «Предоставляю каждому офицеру возвратиться в Россию, или разделить участь нижних чинов». Состоя в прикомандировании во время военных действий, я полагал, что мне надлежит вернуться в мою часть, в Дубненскую Крепостную артиллерийскую Роту и дал японцам мою подпись: «Подпоручик Юзефович»

21 декабря, все части Порт-Артурского гарнизона были собраны на равнине к юго-западу от форта номер 5. В них оказалось до 24000 человек. Эта цифра образовалась от выхода из госпиталей около 5000 раненых и больных, желавших следовать в плен со своими частями, но половину из них японцы вернули в госпиталя, как совершенно неспособных сделать двухдневный переход до ж.-дорожной станции Чанлинзы. Из отправляющихся к месту посадки — 60 человек умерли по дороге от истощения. Слова генерала Стесселя: «люди стали тенями» не были ложны.

---

[2]) Морской врач Я. И. Кефели: «По уходе гарнизона в плен, в госпиталях японцами обнаружено было 18.000 больных и раненых. По сведениям Главного Военно-Медицинского Управления, заведомо неполным в Порт-Артуре убито и умерло от ран и болезней сухопутных чинов 12.000 человек. Умерших в морских командах было свыше 3.000 человек. Первоначальная численность личного состава около 50.000 чевек. Приблизительно, каждый третий из гарнизона положил жизнь свою в Артуре». Порт-Артур. Воспоминания участников. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1955, стр. 370.

[3]) Советский военный писатель, А. И. Сорокин: «Порт-Артур стоил противнику колоссальных жертв. Японская армия, действовавшая на Квантунском полуострове, начиная от высадки в Бицзыво и до конца осады, потеряла убитыми, ранеными и выбывшими из строя свыше 110 тысяч человек, из них до 10 тысяч офицеров. Потери противника на море равны пяти тысячам матросов и офицеров. На последний день осады крепости армия состояла примерно из 97 тысяч солдат и офицеров. Можно считать, что русские в Порт-Артуре сражались последовательно не менее чем с двухсоттысячной армией неприятеля. «Геройская оборона Порт-Артура». Издательство ДОСААФ, Москва, 1955. стр. 105.

Порт-Артур оборонялся значительно дольше, чем можно было расчитывать при его незаконченности, слабом вооружении и снабжении. Насильственная смерть Порт-Артура не надолго предупредила естественное падение крепости. Россия вправе гордиться подвигами многострадального Порт-Артурского гарнизона, коему Высочайше было повелено службу считать, как и при обороне Севастополя, по расчету: один месяц за один год.

Едушие в Россию офицеры были из Дальняго отвезены, на японском пароходе «Ава-Мару» в Японию, в город Нагасаки. По высадке в Инаса — предместие Нагасаки, нас повели в карантин для дезинфекции нашей одежды, а затем в губернаторский сад. Там были накрыты столы на десять персон каждый, с кушаньями и напитками. За каждым столом стоял японец в сюртуке и в цилиндре. Наш японец кладет на приборы визитныя карточки. Читаю: Иосида Каичи. После ужина Иосида Каичи привел нашу группу, десять офицеров, к себе в дом, оказавшийся «чайным домиком», где на стенах были русские надписи вроде: «здесь гулял матрос первой статьи такой-то». В гостеприимном доме Иосида Каичи нам прислуживали «гейши» и нас там прекрасно кормили.

5 января 1905 года генерал Стессель и около ста офицеров, включая меня, отбыли из Японии на французском пароходе «Остралиен», для следования морем в Россию. В Порт-Саиде мы пересели на русский пароход «Св. Николай» и прибыли в начале февраля в Феодосию.

Послесловие.

В марте месяце того-же года я имел счастье представляться Государю Императору в Царском Селе. Осведомившись о моем здоровье, Государь спросил: «что, Вы не думали так скоро попасть на войну»? Я уклончиво сказал, что всегда желал быть на войне и, чтобы мой ответ не показался испрашиванием наград, я умолчал, что, не имев разрешения начальства на перевод, из Дубненской Крепостной Артиллерийской Роты в Действующую Армию, я притворился больным и будучи уволенным в четырехмесячный отпуск по болезни, на собственный счет проехал в Порт-Артур, где участвовал в сражениях, но не получал жалования, так как не имел аттестата на денежное довольствие...

Вершиною воинского подвига в Русско-Японскую войну была доблестная, одиннадцатимесячная оборона Порт-Артура.

В 1907 году генерал Стессель Верховно-Уголовным Судом был приговорен к расстрелянию, что по Высочайшему повелению было заменено десятилетним заключением в Петропавловскую крепость в Петербурге.

«Да вознесет вас Господь в свое время», надпись на медалях в память русско-японской войны 1904-1905 г.г. Эти Высочайше установленные медали для защитников Порт-Артура были серебряные, а нагрудные знаки, утвержденные приказом по Военному Ведомству, номер 66 от 30 января 1914 года, были железные.

А. М. Юзефович.

По случаю падения Порт-Артура, Государь Император обратился к Армии и Флоту со следующими словами:

ПРИКАЗ ПО АРМИИ И ФЛОТУ.

Порт-Артур перешел в руки врага. Одиннадцать месяцев длилась борьба за его защиту. Более семи месяцев, доблестный его гарнизон был отрезан от внешнего мира. Без твердой надежды на помощь, безропотно перенося все лишения осады, испытывая нравственные муки по мере развития успехов противника, не щадя жизни и крови, сдерживала горсть русских людей яростные атаки врага.

С гордым чувством следила за их подвигами Россия, весь мир преклонялся перед их доблестью. Но, с каждым днем ряды их редели, средства борьбы истощались и под натиском все новых и новых вражеских сил, совершив до конца великий подвиг, они должны были уступить.

Мир праху и вечная память вам, незабвенные русские люди, погибшие при защите Порт-Артура. Вдали от родины вы легли костьми за Государево дело, исполненные благоговейного чувства любви к Царю и Родине. Мир вашему праху и вечная о вас память в наших сердцах.

Слава живым! Да исцелит Господь ваши раны и немощи, да дарует вам силы и долготерпение перенесть новое тяжкое постигшее вас испытание.

Доблестные войска мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе. Враг наш смел и силен, безпримерно трудна борьба с ним вдали, за десятки тысяч верст от источников нашей силы, но Россия могуча. В тысячелетней ее жизни были годины еще больших испытаний, более грозной опасности и каждый раз она выходила из борьбы с новою силою, с новою мощью.

Сокрушаясь и болея душой о наших неудачах и тяжелых потерях, не будем смущаться. В них русская мощь обновляется, в них русская сила крепнет, растет.

Со всею Россиею верю, что настанет час нашей победы и что Господь благословит дорогие мне войска и флот дружным натиском сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины.

НИКОЛАЙ.

В Царском Селе
1 января 1905 года.

Офицеры, солдаты...

**Скромный памятник Маленьким людям
кровью венчанной
пехоты Российской.**

Кто из гг. Офицеров старой Российской Армии не улыбнется просветленно, порой грустно, вспомнив своего денщика? В толпе воспоминаний о прошлом, наряду с милыми лицами давно ушедших в иной мир близких братьев, товарищей, закадычных друзей — офицеров, — обязательно у каждаго из нас появится фигура нашего денщика... няньки, члена семьи, если она была у нас, доверенного наших маленьких житейских секретов.

— О —

1912 год. Я только прибыл из училища в 128-й пех. Старооскольский полк, в г. Изяславль на Волыни, в глуби лесов и полей, в 25 верстах от ст. Шепетовка.

Холодный дождливый октябрь. Мелкими каплями стучит он в окно номера «хотеля» — гостинницы, где я нашел приют до приискания какой-нибудь квартиры в этом утопающем в грязных лужах немощеных улиц городе. Сердце полно печали и сожаления о только что покинутом большом и благоустроенном городе, о толпе веселых, хорошо одетых людей, заполняющих тротуары недавно бывшаго моим Иркутска. Десятки раз в голове — один и тот же вопрос: Зачем я выбрал этот полк в такой стоян? ке? Дернуло же меня... Почему не вышел в Каспийский полк в Петергоф? В 146 Царицынский? — в Ямбург? — окрестности Петербурга? Наконец, были же полки в Баку, во Владивостоке, Ташкенте, Ярославле... Глупо увлечься мыслью: посмотреть Юго-Запад России и для этого утонуть в болоте грязи городка, брошенного судьбой в этот уголок моей родины...

Мысли мои прерываются стуком в дверь.

— Войдите! — кричу, не поворачиваясь от окна, слезящегося часто падающими каплями.

В отворившуюся дверь, переступая осторожно порог, входит фигура в шинели. Старается отчеканивать шаг, рапортует:

— Ваше Благородие, рядовой Игнат Скибинский назначается к Вашему Благородию — донщиком! Так и сказал: «до́нщиком», делая ударение на «о»...

Польский акцент, круглое румяное лицо, детски-наивные серые глаза.

— А ты сам хочешь быть денщиком или согласился потому, что тебя назначили?

— Так точно, сам хочу (хотцу), Ваше Благородие.

— Ну, вот и хорошо, будем значит жить вместе... А город знаешь? Мне нужно найти квартиру... Найдешь?..

— Постараюсь — и Игнат исчез.

На другой день вечером снова стук в дверь. Появляются две фигуры: Скибинский, а за ним улыбающееся лицо, обрамленное черной, библейской бородой.

— Что скажешь?

— Нашел квартиру, Ваше Благородие! Мойша покажет Вам...

— Я таки давно нашел для господина порушника добрую квартиру, — говорит Мойша, еврей, фактор полка.

— Да как же Вы знали, что я существую? — удивленно говорю.

— Мойша все знает; Мойша читает газеты из Житомира... а в них было написано, что г-н порушник назначен в наш полк...

Оказалось, что местные газеты перепечатывали все фамилии всех новых офицеров по полкам, стоящим в Волынской губернии! А Игнат своим солдатским нюхом узнал, как найти нужного ему человека. Обегал все еврейские лавки на этот предмет и нашел нужного нам Мойшу.

— О —

В глубине обширного сада, на Клембовском шоссе, стоял маленький домик — моя квартира. — Беленький, под черепичной крышей, под развесистыми сучьями вековых грабов, с заросшим бузиной садом, с колодцем перед окнами... Три большие комнаты с кухней и закутком для прислуги — вполне подошли мне, и я в тот же вечер переселился в него.

Но скучно жить одному молодому человеку, привыкшему засыпать под придушенный, по часто веселый разговор юнкеров в дортуаре училища, которое я покинул всего два месяца

тому назад. Я стал подыскивать сожителя. Случай представился.

Как-то, гуляя темным осенним вечером, на мосту через Горынь я встретил двух подпоручиков, так же как и я бродивших со скуки по городу, Леню Мельникова и Коку Кавтарадзе. Мельников — Хабаровец, Кавтарадзе — Тифлисец, оба из Киевского училища. Они, как и я, явно скучали в городишке. Мельников тосковал о Киеве Кавтарадзе — о Тифлисе; присоединился и я к ним — с тоской об Иркутске.

Леня живо ухватился за мысль переселиться ко мне, и через день мы зажили вчетвером в нашем домишке: двое офицеров и наши денщики. Но наша жизнь вчетвером продолжалась недолго... Как-то поздно ночью я услышал, из подокна, голос Скибинского: «дойдзи, дойдзи до мене, не бойся»...

Я выглянул из-под занавески окна и вижу: Скибинский, в подштанниках, в накинутом на плечи мундире зовет к себе комочек, который и хочет подойти к нему и боится. Ярко светила луна. При бледном ее свете было видно и жалостливое выражение его лица и зеленоватые глазенки котенка, который то близко подходил к нему, загнувши хвост французским эсом, то ловко, деликатно увертывался от его рук...

Я сам люблю животных. Порадовался за хорошее сердце солдата и закрыл окно. А утром, войдя в кухню увидел: черный котенок лежит на дровах у печки. Греется кофе, крутятся наши денщики, а котенок смотрит на меня с любопытством и страхом, как будто спрашивает себя: Кто этот большой дядя? — враг или друг? — Я подошел, погладил его по головке. «Друг» — вероятно подумал новый квартирант, встал, изогнул спину, головенкой пободал мои пальцы, показал, что он не боится меня и просит не бояться его тоже, смело полагаться на его защиту в случае надобности... Так появился у нас новый жилец, сейчас же зачисленный на молочное довольствие.

— О —

Наша квартира быстро стала центром встреч мололежи. Приходили к нам посидеть — просто, по дороге в поле, которое расстилалось за нашим обширным садом, доходившем до леска — «Побои».

Лесок Побои окутан легендами, которых так много в этом крае... Сюда, в тринадцатом веке, пришли татары Батыя, двигаясь к Карпатам. На Побоях произошел бой, и население городка было вырезано начисто осаждавшими. Здесь же, позднее уже (в 16-м и 17-м веках), происходили бои поляков с православными казаками-крестьянами, постоянно восстававшими против католической Польши. Вот почему на вспаханном поле крестьяне часто находили то черепа, то наконечники стрел и копий — остатки оружия бойцов того времени. Отсюда и название «Побои» — избиение!!...

Двое из гостей особенно врезались мне в память: подпоручики Кока Кавтарадзе и Сева Тимофеев. Оба из Киевского училища II-го года выпуска.

Как сейчас вижу Кавтарадзе: сидит на диване, с гитарой, подпевает под тихий звон струн:

...И я не справился с собой!
Забывши все — бежал домой...
Печально смотрит командир, на молодого беглеца...
Побег с далекого поста во век солдату не простят!...
Стреляйте, други, — вот грудь моя!!!

При последних словах, он патетически подбрасывает гитару и бьет себя в грудь, блистая черными грузинскими глазами.

Я не помню порядка строф этой мелодической печальной песни. Но расскажу содержание прозаически: Стоял молодой солдат на посту. По дороге около него проходил странник и пел песню его, часового, страны. Часовой вспоминает. «А в стране моей родной — красотка ждет к себе домой»... и он бросил пост, дезертировал. Где родилась эта песня? Наверно сочинена военным. Вероятно в Грузии. Я никогда и нигде больше не слышал таких красивых слов, воспевающих солдатскую трагедию.

Пение и молодое оживление притягивало внимание соседок. Как-то, выглянув в окно, вижу: две женские фигуры стоят в тени деревьев, под окнами. Гимназистки...

— Нико, тихонько говорю, смотри, твое пение разбило два юных сердца.

— Пусть страдают! — кричит Нико и взмахивает своим черным чубом.

Тимофеев — высокий сероглазый блондин, со шрамом на щеке от удара перочинным ножиком какого-то сорванца — крымского татарченка, его товарища по реальному училищу в Симферополе. Он не пел, не обладал голосом, а мы с Леней подтягивали иногда. Но наши вокальные способности были ничто по сравнению с Кокиными!

Все посетители нашего домика — приятные люди, благовоспитанные, как и полагалось быть молодым офицерам того времени. Но был один, который нам не нравился, — подпоручик Ер-ев, уроженец Кавказа, кажется из Баку, совершенно русский, даже с рыжеватыми веснушками. Частенько «под мухой» (напускной «мухой», кажется), он старался показать, что и характер и акцент у него, как у настоящего, матерого абрека! В разговорах часто слышалось его: «дюша мой, марижу»! Но он быстро перевелся в один из городов Малороссии и не оставил у меня в памяти ничего, кроме неприятного воспоминания. Слышал потом, что он получил Георгия во

время войны, поступил в красную армию и в Крыму попал в плен к белым на Перекопе. Остался жив.

— О —

Весной, темным мартовским вечером, по талому снегу на Шепетовском шоссе, вскачь неслись три балагулы везущие Коку Кавтарадзе и нас, его провожающих, на станцию...

В пустынном зале маленькой станции Шепетовка выпито по бокалу шампанского, «посошок» отъезжающему. Погружен багаж. Кавтарадзе, в белом кавказском башлыке, небрежно накинутом на погоны шинели, стоит на площадке медленно уплывающего вагона, кричит остающимся: «Алла Верды!»

— Якши ол! — дружно отвечаем мы удаляющейся фигуре друга...

Кока стал гренадером 16-го гренадерского Мингрельского полка. Переселился в знойный Тифлис.

Наш домик (прозванный дамами домиком сумасшедших), затих.

От тоски ли по уехавшем друге, или просто от одиночества, Тимофеев, сожитель Кавтарадзе, переселился к нам. Гитару заменил грамофон чаще и чаще играющий пластинку Вяльцевой: «Жалобно стонет ветер осенний». Мрачно-серьезно слушал мотив осиротевший Тимофеев; Мельников лёжал с вечера в постели и мешал мне читать, вспоминая Хабаровск, Сибирь.

Кот, напуганный вдрут наступившей тишиной, лазил то к одному, то к другому, ища свой порцион человеческой ласки. А может, просто спрашивал молча: «что же вы затихли, мол, где же гитара?»

Рано по утрам мы все трое торопливо выходили на занятия, по своим ротам.

Я шел в свою одинадцатую. Ее командир — мрачноватый Штабс-Капитан Корнич, с застенчивой улыбкой хорошего старого служаки; другой младший офицер — подпоручик Вася Веселаго, из кадет, Орловец, Александровец, дамский кавалер, устроитель полковых спектаклей. Мы стали друзьями сразу же, после первого знакомства.

Я обучал молодых солдат, а кроме того, два раза в неделю занимался с унтер-офицерами 3-го батальона. С наступлением солнечных весенних дней я выходил с унтерами в поле на глазомерную съемку. Мои ученики поражали меня способностями. Они так старательно и быстро схватывали мои объяснения! Спрашиваю: «где учился»? — «В приходской школе».. А чертили некоторые из них, право, не хуже юнкеров. Прекрасно определяли расстояния на глаз.

Учил я их как обучать солдат:

«Терпение, спокойствие и настойчивость. И Боже сохрани бить солдата за то, что он не понимает! Единственный проступок который должен караться — умышленное неисполнение приказаний». И за всю мою офицерскую службу я не видел, чтобы унтер-офицер ударил солдата!

У меня в полуроте было два взводных: Чернуха полтавец, и Днестрянский — из Подолии. Это были учителя «Божиею милостью». «Да ты не бойся! Смотри, как я делаю!» кричит Чернуха, в десятый раз прыгая через кобылу и кружась на турнике, перед грузином Махарадзе худым, бледным и лысым. И на смотру месяцев через пять Махарадзе показывал «класс» по прыжкам через кобылу.

Урок грамотности. Старательно, едва дыша, выводят буквы, потом слова неграмотные. Читают рассказы и пересказывают своими словами немного уже грамотные. Сверх программы я рассказываю им что-нибудь из истории России. Показываю карту — «вот какая большая ваша родина — Россия!» и как славна ваша армия! В ней нет ни поляков, ни евреев, ни татар — вы все Российские солдаты! Гордитесь этим, гордитесь вашей формой, красивым мундиром. Будьте вежливы с «вольными», старайтесь лихо откозырять не только г.г. офицерам, но и друг другу!...» И я видел, что мои слова хорошо запоминались учениками-солдатами. Ни разу никого из них не наказал ни я, ни командир роты.

В то время было принято думать, что солдату достаточно объяснить значение знамени, рассказать о типичных подвигах солдат в войнах прошлого, а, мол, шире объяснять ему, что такое Россия как государство, ее географию — не для солдатского ума дело... Каюсь, я отступил от этого правила. Меньше говорил о знамени, как «хверугви», а больше о России, за честь которой им, может, придется умирать...

— О —

Как-то в Нью Йорке я познакомился с полковником Амилахвари. Заговорили, как это принято среди военных, — кто где служил?

Я и говорю: начал службу в 128 пех. Старооскольском полку...

, У князя, старого солдата, вспыхнули глаза при названии полка.

«Ах, какой это славный, боевой полк!» — говорит. «Видел его в боях в Галиции в 14-м году!»

Я почувствовал прилив гордости... подумал: Ведь и я приложил свой труд к воспитанию этих молодцов Старооскольцев! — хотя уже и воевал я в другом полку, 26-м Сибирском Стрелковом.

— O —

Уныло тянулись для молодежи дни в маленьком городе. Только по субботам мы встречались с прекрасным полом — семействами офицеров — на вечеринках. Тут мы оживали, как застоявшиеся кони, сорвавшись с привязи...

Отчекрыживал мазурку Кавторадзе; следом шел Мельников: лихо звенел шпорами начальник конных разведчиков поручик Разнатовский; но всех забивал лихостью польского танца пулеметчик — прапорщик Юзик Рафаловский. Переведенный из 9-го уланского Бугского полка он держал совершенно корнетский тон... Носил шпоры-кирасирки... отражение его уланского шика в пехотной среде. Под его славным водительством, сопряженным с глубоким пониманием толка в выпивке, мы почти всегда заканчивали вечеринки рано утром в воскресенье...

Совершенная противоположность Рафаловскому был в полку подпоручик Панек, переведенный к нам из корнетов 13-го Драгунского Орденского полка. Он вел тихий семейный образ жизнзи со своей женой, красивой полькой, из-за которой и перевелся в Изяславль. Он имел сугубо пехотный вид.

В одно из воскресений с Юзиком произошло несчастье. Рассматривая только что купленный браунинг, он случайно ранил другого Юзика, подпоручика Поповшек. Случай произошел в доме маленькой, пышногрудой Мариси Беседовской, барышни на выданьи. Полковые дамы заговорили о злом умысле со стороны прапорщика. Похоронили Поповшека на горке, что влево от шоссе Шепетовка-Изяславль. Дамские разговоры смолкли. Они были безосновательны. А Юзик Рафаловский перестал танцевать; мрачно закрылся в своей холостяцкой комнате и больше никогда не показывался в нашей шумной — до утра — компании. В 15-м году, в Киеве, я встретил Юзика на Крещатике. На нем на шее виднелся орден Станислава с мечами. Посидели в кафе на Фундуклеевской, вспомнили Изяславль и попрощались навсегда! А в 16-м роду, при наступлении Брусилова, он и князь Чхейдзе были убиты.

В инвалиде прочитал: «Шт.Капитан Рафаловский с пулеметами задержал наступление австрийцев, но смертью запечатлел содеянный им подвиг» — награжден георгиевским оружием посмертно... то есть так, как и полагалось тогда строевому пехотному офицеру... до чина капитана. Их жизнь измерялась иногда буквально часами... I-я война кончилась и если б кто-нибудь подсчитал процент георгиевских кавалеров, оставшихся в живых, то пехота была бы на самом последнем месте. Так был составлен статут о награждении вообще а — Георгием — в частности... Пехотинец должен был быть убит раз двадцать, чтобы получить орден храбрых!

— O —

Знаете ли Вы, читатель, что такое весна на Волыни? Это шопот набухающих почек в утренней тишине леса; запах тающего снега и тихий серебристый звон ручейков под посиневшим настом, стремительно бегущих в Горынь реченку, на болотистых берегах которой уселся Изяславль с его монастырем Святой Бернардины и замком князей Сангушко.

Только багряным золотом, прыснет раннее мартовское солнце, как во всех садах, за деревянными заборами, начнется деловитое, переходящее на басовые ноты, карканье грачей, в небе закурлыкают гуси, журавли, стройными трехугольниками летящие на север, к Ледовитому океану. А всиневе девственно-чистого неба, над полями еще черными от мокроты зальются жаворонки, заснуют низко над землей ласточки, в любовной истоме застонут лесные голуби...

И вот в такую благодатную погоду я вывожу с утра своих учеников-унтеров на глазомерную съемку. По полям рассыпаются синие погоны Старооскольцев, прилежно отмеривающих шаги; склоняются над планшетами усатые лица... Идем до самой Клембовки — имения Князя Сангушко.

Флигель-адъютант еще Имп. Николая I-го, Сангушко безвыездно живет в своем цветнике-поместье. В семнадцатом году, слышал я, он и его престарелая сестра были убиты солдатами какого-то полка, после Тарнополя пришедшего сюда.

— O —

В мае Изяславль высох. Зимняя слякость превратилась в пыль. Сады зацвели сиренью, грушей, жасмином... В прозрачной полутьме весенних вечеров чаще видишь фигуры подпоручиков, прогуливающихся по укромным отдаленным улицам города, выходящих в поле к зацветающим кустам сирени... И рядом с ними более тонкие силуэты... в весенних платьях. Здесь меньше риска попасть на глаза бдительного начальства, строго блюдущего целомудренность и доброе имя полка.

Пятого мая — парад. Командир полка полковник Товянский, старый солдат, принимает его и позравляет с выступлением в лагери. Полковник седой, коренастый старик. Грудь увешена всеми боевыми орденами Империи... Вспоминаю его рассказы нам — молодым... Вот он, в пальто офицерского сукна «подбитом ветром», в лакированных сапожках, переходит Балканы в 1877 году. Удивлялся: «как я не замерз»!?..

Воюет в знойных песках Туркестана, со Скобелевым. Берет штурмом Геок - Тепе. Вместе с Сибирским стрел. батальоном входит в Пекин в 1900 г. В 1904-5 г.г. Ляоян, Мукден... ранения, контузии.

В 1914 г. он же поведет Старооскольцев в бои на Гнилой и Золой Липах, в Карпатах; доведет их до Кракова. Генералом, кажется, «не у дел» встречу его на Крещатике в Киеве... Сядем в кафе Семадени и поговорим, вспомним лихие дни, не как начальник с подчиненным... а как старые боевые товарищи и расстанемся навсегда. Порой спрашиваю себя: как ты кончил жизнь, доблестный старый Российский солдат? — Умер ли ты у себя в Польше (Товяны — под Вильно), ставшей уже тебе чужой, потому что служил ты России, и на далеких ее окраинах?... Или бесславно убит на улице в Киеве — Петлюровцами — Самостийниками? Как отблагодарили тебя за верную службу России?..

— О —

На другой день, под глухой рокот и гул барабанов, под звуки марша «Тоска по Родине» полк выходил из-под сводов старой башни — ворот замка. Торжественно ухали геликоны, рыдали волторны; мы уходили в лагерь Шубково, под Ровно.

Улицы, всегда сонные, ожили. У открытых лавок толпились разноплеменные жители города. Большинство — евреи. Они вышли выразить внимание, сказать последнее «прости» «их» полку... Мужчины снимали с достоинством шляпы, женщины махали рукой... привет. Уходили их клиенты. Торговля замирала до сентября.

На крыльце аптеки стоял аптекарь, а рядом его дочь Роза вскинула черными ресницами и скромно потупилась. Сзади стояла ее увесистая мамаша. Гибкий стан восемнадцатилетней красотки, глаза - маслины были предметом интимных мечтаний молодежи. Но малые размеры города, где все знают обо всех, бдительный надзор строгой мамаши, готовой коршуном броситься на соблазнителя, охраняли ее от покушений скучающих Дон-Жуанов. Они (покушения) отражались материнским взглядом, как ядром катапульты!

Слева — одноэтажное кирпичное здание женской Селивановской гимназии... Полудетские лица, с синими, черными и серыми глазами, прильнули к окнам. Ищут среди марширующих солдатских рядов того, кто зимой во время гимназического бала уделил ей внимание больше, чем другим, и оставил в ея сердце грусть и несознанное желание чего-то нового, неизвестного, что заставляло сердце трепетно биться по ночам... В особенности весной, когда запели под окном только что прилетевшие соловьи...

— О —

Шли с остановками на ночь в Славуте, Аннополе, а на третий день — Шубково. По полям и перелескам, по дорогам, уже столетиями исхоженным пехотными русскими полками — нашими предками.

Казалось, что вот так же, по этим местам шли колонны Суворова, гонясь за Барскими конфедератами, упорно не желавшего умирать, Крулевства Польского в 1770 г.

Тут же шла Дунайская Армия Адмирала Чичагова, спеша к Березине, чтоб добить Великую Армию Наполеона... и не поспела.

Отсюда двигался граф Курута, спеша к Люблину в 1831 г. — Хитрый грек — на русской службе И очень возможно, что где-то здесь двигались в Венгрию батальоны мушкетеров и егерей Графа Паскевича-Эриванского, князя Варшавского... Под старыми капличками-крестами, что часто стоят на перекрестках дорог, может лежат кости убитых: солдат, офицеров — Русских? поляков?

Из глубины веков, в воображении встают реестровые полки Коронных Гетманов Речи Посполитой; Жолкевского, Гонсевского, в кровавых сечах усмиряющих восстания холопов Хмельницкого.

Чудилось мне, что вот где-то тут, закованные в железо и сталь полки польских рыцарей, гнали пиками и тяжелыми саблями нестройные толпы запорожских казаков...

Иногда виделось мне, что по замощенному шоссе, между выровненных в ниточку столетних дубов, грабов, летит быстрая тройка с седоками в шляпах-трехуголках с белыми плюмажами... — Император Александр I-й летит в лагерь Тульча, где зреет против него заговор сурового мечтателя — полковника Пестеля...

Позднее, тут же летали тройки с седоками в касках с острыми шишаками — подданными Имп. Николая Павловича. Может, и он сам куда-нибудь летел, чтобы посмотреть свои не дышавшие почти полки «во фрунте»...

Край легенд и истории. Земля обильно орошенная кровью и слезами...

— О —

Три «мушкетера» Мельников, Тимофеев и я, поместились в ротном бараке. Денщики — сзади в палатке. Кот (мы привезли его в обозе), удивленный и испуганный залег под кровать и ни гу-гу! Только глаза зеленовато поблескивают в темноте барака. Ни его пестун — Скибинский, ни мы не могли вызвать его из засады. Расстроился зверь!.. «Пусть сидит! Приобык-

нет... авторитетно сказал Федор Дергач — денщик Мельникова.

— О —

Не легка лагерная жизнь: ранние вставанья, хождение на стрельбу по жаре; но как хорошо дышать запахом берез, дубов, грабов, всеми сортами лесных и полевых цветов!..Приятно, в воскресенье, удалиться в самую гущу леса, сесть на пенек и слушать гуденье пчелы то садящейся на цветок у твоего сапога, то вдруг, капризно прогудев, перелетающей на другой — подходящий ей по вкусу... Порой услышишь легкий треск веток... Мелькнет в прогалине офицерский китель, рядом силуэт в платье летних цветов... Они торопливо повернут в сторону от нескромного свидетеля, а ты уткнешся в книгу... Как будто ничего не видел... А издали, с передних линеек полков, несется рыдающий звук вальса: «Березка»...

Очередной оркестр 32-дивизии играет для солдат, лениво слоняющихся по линейкам между палатками или сидящих кружками около палаток... Земляки, конечно...

По субботам в полках вечеринки. Мы идем к соседям потанцевать, встретить товарищей по училищу и познакомиться с новыми представительницами прекрасного пола.. Там завязываются знакомства, воспоминания о которых а иногда и переписка — будут заполнять зимнюю спячку жизни маленьких городков: Ровно, Дубно, Кременец... Зацветала и любовь, согревавшая тоскующее сердце офицера в зимнем холоде, охватывающем маленькие гарнизоны, как только они вернутся из лагерей.

Дубно, Кременец, Острог... Крепостью дуба и кремня звучали в прошлом эти имена для врагов Крулевства Польского. Кой-где еще сохранились остатки стен, рвов и башен, когда-то грозных укреплений. Не мало сложено под ними буйных казацких и польских голов.

— О —

В Шубковском лагере располагался весь 11-й Армейский Корпус: 11-я пех. дивизия (Севастопольская!) и 32-я пех. дивизия, со всеми вспомогательными частями. 11-я Кавалерийская дивизия, — в окрестностях Шубково.

Мы много слышали о войсковом товариществе. В особенности в Царствование Императора Николая II-го. Были установлены переводы и прикомандирования офицеров к разным родам оружия. Пехота могла быть прикомандирована, а после переведена, в кавалерию и даже во флот!.. И обратно... Для слияния родов оружия и монолитности армии. Но таковой не получалось. Она была в теории. На пехоту все смотрели «свысока»: «Не пыли, мол, пехота»... Но на всех — и пехотинцев и артиллеристов — с самого высокого «высока» — смотрела кавалерия.

В отместку на: «Не пыли пехота!» — пехота распевала:

Добрый молодец с конем...
А ссади-ка: черт ли в нем!?..
Толи дело на своих на двоих...

Во время войны эта отчужденность, конечно, сглаживалась общностью боевых заданий...

— О —

Пришли мы как-то с Леней в 44 пех. Камчатский полк. Нас повели представляться к командиру полка. Маленький толстенький человечек с мясистым носом в пенснэ — полковник Май-Маевский. О Май-Маевском много писалось и говорилось в Добровольческой Армии. И все почти не всегда в его пользу. Но все ли было правда? Все ли было справедливо?.. Вот уже одна неправда, которую я опровергну.

Во время боев за Харьков мне пришлось его сопровождать в качестве ординарца, по назначению. Писали... Говорили: «Май был настолько пьян, что принял делегацию граждан г. Харькова за Корниловцев и поздоровался с ней, лихо крикнув: «Здорово Корниловцы!» Я сопровождал его в этот момент и говорю, что этого не было!

Как-то прихожу в Охотский пех. полк. к поручику Соловьеву. Г-жа Соловьева представляет мне кадетика, своего брата: «Это Володя, мой брат». Кадетик вытянулся, щелкнул каблуками. — Это был Владимир Манштейн, будущий командир 2-го Дроздовского полка, генерал-майор. Постоянно показываясь в цепях Дроздовцев, без руки, оторванной с плечем, он назывался красными: «безруким чертом»...

Генерал Вендт, начальник дивизии, иногда заходил в собрание Старооскольцев. Его сопровождал элегантный офицер ген. штаба, старший адъютант штаба дивизии капитан Романовский. В 20-м году в Константинополе его убил какой-то офицер.

— О —

Быстро прошли 2 месяца. Кончились стрельбы, началась «Нуда», как метко называли подпоручики строевые батальонные учения на лагерном плацу. В июле читаю приказ: я переведен в 26 Сибирский Стрелковый полк. Менялся местами с подпоручиком Марковым.

Вечером шумно отпраздновали мой перевод. Были дружеские объятия, с чуть пьяной слезой; обещания писать, не забывать... Через 2 дня я уже мчался в поезде на Москву, Кострому, Вологду, Иркутск. В нашем бараке осталось только два мушкетера и кот. Последний, впро-

чем, давно изменил нам. Сначала, по сигналу горниста на обед или ужин, он пулей мчался на кухню и садился под кухонный стол, ожидая порции. Потом совсем переселился туда.

Моего верного Скибинского взял к себе денщиком — Веселаго.

— О —

В 1915 году я лежал в госпитале Кенига в Петербурге.

С перебитым носом, с лицом распухшим как неправильно растущий боб («кривомордый!» — звал меня однополчанин, Сибиряк, пор. Петропавловский, сосед по койке), — я поплевывал кровью из где-то лопнувшего легкого, при броске, от взрыва тяжелого немецкого снаряда, пущенного с форта Летцена. Правый глаз не видел... Щека дергалась против моего желания... Словом — изукрасили...

Комиссия врачей направила меня в Крым. Но, «воспоминания дней» потянули меня в Изяславль, — подышать воздухом лесов и полей Волыни, узнать, что же стало со Старооскольцами?

Подумано — сделано, еду на Шепетовку, а потом в Изяславль...

— О —

Война — чудовищное передвижение людей; время самых неожиданных встреч с людьми, которых потерял давно и, казалось, навсегда... Вы встречаете где-нибудь в поле, в деревне у фронта, в вагоне — товарищей по училищу, вышедших куда-нибудь в Асхабад, в Закавказье; Встречаете просто людей, около которых вы проходили часто мимо, не будучи знакомы...

В переполненном гимнастерками вагоне — вдруг выплывает лицо, которое вы когда-то, где-то видели... проходили мимо него, обменялись с ним несколькими незначительными фразами. — Всматриваетесь: да ведь это кап. Сионский! — мелькает мысль, когда всмотрелся в лицо подполковника с рыжеватыми усами, с длинным лицом, сидящего против меня в купе... И сразу вижу себя маленьким мальчиком, держащимся за руку матери... А предо мной стоит ряд солдат в белых с желтизной гимнастерках, в безкозырках с алыми окольшками, держащих «на караул!» Сионский, шт.-кап., в белом кителе, с черной лакированной кобурой на серебряном поясе, держа руку «под козырек», четко отбивает шаг по мраморным плитам входа в старинный собор г. Костромы...

Гудят басом большие колокола бесчисленных церквей древнего города, им вторят «Тинки» — колокола малых размеров... За собором, под горой, как раз сзади ниточкой выравненного строя солдат — застыла голубая гладь Волги... Белые и сиреневые пароходы уходят и приходят, вторя колоколам сиренами своих дымящих труб... Солнце — ярко, до боли в глазах, отсвечивает от — столетием отшлифованных колесами телег и экипажей — серых камней мостовой Соборной площади...

Толпа горожан и крестьян из соседних сел, с молчаливым восхищением и гордостью за свою армию, смотрит на скромный парад скромной войсковой единицы — Солигаличского Резервного Батальона... В приволжских городах тогда стояли только резервные Батальоны.

И испаряется, на миг, сосущая тоска войны, скука царящая в душах людей, несущих ее тяготы... Нигде неисчезающая скука; озабоченность грядущим днем, его изменчивым счастьем... — Тщательно скрываемая от посторонних, даже во время шумных товарищеских пирушек, — когда в залихватских товарищеских разговорах о боях и опасных приключениях в сражениях смешивается быль с небылицами... На войне, в пехоте особенно, даже веселие — искуственно.. Каждый — поющий под звон бокала вина — знает, что сегодня он поет, смеется... а... завтра?... Из сравнительно спокойного резерва (очень относительного) он пойдет в окоп, где на проволоке, перед амбразурами, он увидит висящие распухшие тела своих или вражеских солдат. А может, — если не повезет — сам будет висеть на проволоке или упадет на дно окопа, с пулей или осколком в сегодня хорошо дышащей груди, и на выбритом, так живо смеющемся лице вдруг появится смертельная синева... На бледных губах — алые пузырьки крови... Какое уж тут искреннее веселье... Пусть не пишут борзописцы о смерти с улыбкой на устах, во славу высоких идеалов, поставленных дипломатией... Я видел много смертей, а улыбки у умирающих от пуль, осколков, штыковых ран — не видел!

— О —

Изяславль — сонный и в мирное время, поразил меня тишиной и безмолвием. Сидели старые люди около еврейских магазинов; старые седобородые крестьяне из окрестностей торговали, с возов продуктами своеге труда. Маячат на улицах солдатские гимнастерки, иногда с пристегнутым пустым рукавом. Раненые, на поправке, из лазаретов...

Иду по улице, на встречу... унтер-офицер — Чернуха! Родная фигура, со сдвинутой лихо на бок фуражкой. Все такой же; только на очень бледном лице отчетливо выделяются веснушки... Ранен в живот. Вылечился. Затащил к себе; в гостиннице, за кофе, потянулся его разсказ...

«Штабс-Капитан Корнич» был ранен в живот, на Сане. Упал в лужу, мучительно стонал

и не давал себя нести... Принял роту поручик Веселаго. Рота? — вот она, у самых австрийских окопчиков. Залегла под огнем и поднимается. Поручик поднялся с кульком конфет в руке (любил Вася конфеты!) и кричит: «Подбирай конфеты», и бросает их к австрийцам... Люди поднялись, австрийцы были выбиты из окопов, а поручик остался лежать — мертвый. Потом нас потеснили... Денщик офицера — Скибинский (мой Игнат!) ночью вынес тело... Похоронили»... Вспомнил я: лежа в госпитале читал о награждении Корнича и Веселаго Георгиевскими Крестами. Оба они «смертью запечатлели содеянные ими подвиги». Как и полагалось тогда пехотному офицеру. Немногие выходили живыми после содеяния подвигов...

Чернуха уехал в полк, а через месяц я встретил другого своего старого солдата.

— Ну, как у вас в роте? — спрашиваю. «Чернуха, Ваше Благородие, только что приехал в роту, как был убит. Он вел свой взвод по канаве, обочине дороги, а австрюки вдарили вдоль канавы из пулемета... Так все и полегли!.. Вспомнился голос Чернухи, запевавший: «не поймали щуку рыбу — поймали язя». Не запоет больше Чернуха!.. И еще скучнее стало жить. Почувствовалась неловкость оставаться в тылу, когда так много друзей ушло в мир, где нет «ни печали не воздыханий»...

Я подал рапорт об отправлении меня на комиссию для отправки на фронт. Через неделю уехал в Киев.

— О —

Киев — царство грозного коменданта города — генерала Медера. Много анекдотических рассказов связано с этим именем: об арестах офицеров, не совсем по форме одетых, о неправильном отдании чести...

Сижу на скамейке перед строгой медицинской комиссией, ожидаю вызова. Вдруг — толчок в бок... поворачиваюсь: курносик, улыбающиеся глаза — Леня Мельников! Показывает плетью висящую руку: вырван пулей весь мускул предплечья. Нас обоих признали негодными к строю в условиях войны, — третья категория.

Леня остался заведывать госпиталем в Киеве же, а я поехал, по собственному желанию, в полк под Вильно, не обращая внимания на категорию.

Встретил Мельникова ещё раз: в общежитии на улице Краля Александра, в Белграде, в 1923 году. Он уезжал в Болгарию с тем, чтобы оттуда поехать в Россию. Знаю, что он уехал и был жив в 1925 в Киеве. Тоска по родине и безнадежность эмигрантской жизни устрашили его. Не мне его судить. Хороший был офицер и славный товарищ. Да хранить его Бог, если он жив!

— О —

1934 год. Я только что приехал из Парагвая, куда занесла меня моя мятущаяся душа в поисках, хоть видимости, родных просторов моей Родины. Но и там она не нашла, хоть приблизительно, того, что я оставил в России. Так же всё было чуждо там, как и на заводах Франции. Только много дальше от милых сердцу мест.

Я стою на дворе Русскаго Собора на Дарю. Около меня стоит кучка людей с орденскими ленточками. Тихонько разговаривают. Слышу: «панихида, Кавтарадзе»... Подхожу к одному, спрашиваю: панихида? По ком? «По штабс-капитане 16-го гренадерского Мингрельского полка Кавтарадзе...» Умер в Сараево. Был воспитателем Кадетскаго Корпуса... Николай!»

Захолонуло серце, жалостью сжалось... Полетели воспоминания...

«Однажды,» рассказывал поручик Шел-ин, его однополчанин, рота Кавтарадзе залегла под огнем австрийцев. Шел дождь. Бой заглох... Только слышим, кто-то в его цепи затянул песню: «в саду ягода малина... не прикрытая росла...» Ведь это наш Кока, Кацо, Староосколец! — подумал я. Может вспомнил он в тот момент наш домик? — Чтобы отвлечься от мертвящей атмосферы боя? — Чтобы поддержать от нечеловеческаго напряжения нервов угасающий дух?... Это знает каждый, кто лежал в пехотных цепях под дождём, солнцем, снегом, поливаемый к тому же и свинцовым дождём...

Значит умер веселый Кока-Капо не в родной Грузии... И, значит, не пошёл в грузинскую армию, где, хоть на время, мог бы сделать карьеру... Он остался верен России.

С церковнаго двора, залитаго солнцем Парижа, мысль несётся под Крево, что у Сморгони. Мингрельцы бок-о-бок сидели в окопах с 26-м Сибирским полком... Всё кругом белеет в снегу... Беру полевой телефон... Мингрельский полк? Можно попросить поручика Кавтарадзе? Др... Др... трещит телефон. Затем хриплый голос: «Штабс-Капитан Кавтарадзе»...«Нико, разбойнико» так ты жив. «Я называю свою фамилию». «Почему кашляешь, гудишь как паровоз»? «Контужен был... В Галиции... ну и не могу поправиться ещё. Как ты»? «Приезжай через неделю к нам, мы будем в резерве, посидим, вспомним молодость» — кричу в телефон. — Обещал, но не приехал Кацо; исчез из вида, только через 18 лет, вот тут, в Париже, встретились с ним, мысленно, на его панихиде...

Павел Шапошников.

Князь Даниил Галицкий и битва на Калке

Семьсот лет тому назад, пережив всего на несколько месяцев своего великого современника-Александра Невского, умер другой замечательный русский патриот, — князь Даниил Романович, король Галицкий.

Русская история справедливо гордится славными именами этих двух князей и не даром светлая память о них так прочно сохранилась в нашем народе. И в характере их, и во всем ими содеянном, есть много общего: талантливые полководцы, дальновидные политики и блестящие администраторы, отличавшиеся широким государственным умом, твердой волей, редким благородством и личным бесстрашием, они самим Провидением были посланы Русской земле в грозный час ее истории, когда со всех сторон ей угрожала гибель.

Русь, разрозненная и ослабленная княжескими междоусобицами, лежавшая в крови и развалинах после опустошительного татарского нашествия, казалось, неминуемо должна была стать легкой добычей своих западных соседей, — шведов, немцев, литовцев, венгров и поляков, — которые воспользовавшись таким благоприятным для них положением, со всех сторон двинули свои войска на вожделенные русские земли. И Александру было суждено спасти от них Северную Русь, а Даниилу — Южную.

Каждый образованный русский человек знает, чем мы обязаны Александру Невскому, разбившему шведов и тевтонских рыцарей. Но мало кому известно, что в то же самое время на юго-западных рубежах Руси верным стражем стоял Даниил Романович Галицкий, в течение всей своей жизни не выпускавший из рук меча и в обстановке предельно трудной доблестно отражавший бесчисленные вторжения литовцев, венгров и поляков.

Борьба эта длилась много лет и завершилась 17 августа 1245 года страшным поражением польско-венгерского войска на реке Сане, под городом Ярославом-Галицким. Для Южной Руси эта историческая победа Даниила Романовича имела точно такое же значение, как для Руси Северной победа Александра Невского над шведами и немцами: и там и тут всякие попытки завоевания русских территорий были после этого прекращены.

Стоит отметить аналогию и в личной доблести этих князей: в Невской битве Александр, пробившись в центр неприятельского лагеря, собственноручно ранил копьем шведского военачальника Биргера; в битве на Сане Даниил почти в точности повторил этот подвиг: врубившись в гущу врагов, он лично овладел знаменем командующего польско-венгерским войском палладина Фильния и изорвал это знамя в клочья, а сам Фильний был взят в плен.

Размеры журнальной статьи не позволяют вдаваться в пространное описание жизни и правления князя Даниила Романовича, так много сделавшего не только для защиты, но и для устроения Юго-ападной Руси. Чтобы дать читателю некоторое представление об этой стороне его деятельности, отмечу только, что в своем Галицко-Волынском княжестве он построил более тридцати новых городов и поднял его на уровень передового, по тому времени, европейского государства. Насколько велик был международный престиж короля Даниила, видно по брачным связям его семьи: один его сын был женат на наследнице австрийского престола, другой на дочери венгерского короля и третий на дочери великого князя литовского; одна его дочь была замужем за братом Александра Невского, Андреем, в ту пору великим князем Северной Руси, а другая дочь и племянница — за двумя самыми могущественными польскими князьями.

Принимая во внимание военный характер нашего журнала, стоит все же более подробно рассмотреть одно историческое сражение, в котором двадцатидвухлетний князь Даниил Романович, как воинским искусством, так и личной отвагой своей, превзошел всех других военачальников. Я имею в виду битву с татарами на реке Калке.

Предварительно отмечу тот достойный сожаления факт, что наши военные историки не уделили достаточного внимания подробному изучению планов, диспозиций и обстоятельств многих крупных сражений нашей древности, важнейших по своим историческим последствиям. Считается, что о них сохранилось слишком мало данных, которых едва достаточно для того, чтобы лишь в общих чертах представить себе картину присходившего. В действительности же дело обстоит иначе: данные, обычно, есть, но они чрезвычайно разрознены, часто противоречивы и вкраплены по крупицам в самые разнообразные исторические источники, при внимательном изучении и сопоставлении которых можно восстановить весьма существенные детали и дать схему того или иного сражения с достаточной точностью.

Возьмем для примера хотя бы Куликовскую битву. Она считается изученной и во многих исторических трудах можно видеть ее схему, кем-то составленную более сотни лет тому на-

зад и с тех пор не претерпевшую никаких изменений, несмотря на опубликование множества новых материалов, позволяющих ее уточнить и дополнить.

Все мы в свое время учили, что сражение это было выиграно главным образом потому, что Дмитрий Донской оставил в засаде отряд, который в решающую минуту ударил сбоку на татар и обратил их в бегство. Так сказать, ничего особенного, естественная предусмотрительность опытного военачальника. Но дело представляется в совершенно ином свете, если указать, что эта «засада» состояла из семидесяти тысяч воинов (эту цифру дает «Задонщина», повесть Софония Рязанца, бывшего современником Куликовской битвы и потому заслуживающего наибольшего доверия. Все остальные описания этой битвы написаны позже). Тут уже становится очевидным не простое благоразумие, а подлинный военный гений Дмитрия, — первого в мировой истории полководца, который не побоялся выделить в резерв целую треть своего войска, вопреки «классической» доктрине того времени, предписывавшей сразу бросать в бой все наличные силы, чтобы подавить противника своей массой.

Интересно отметить, что первым последователем этой новой тактики Дмитрия Донского оказался великий азиатский завоеватель Тимур (Тамерлан). Трудно приписать простому совпадению то обстоятельство, что в сражении с золотоордынским ханом Тахтамышем на реке Кундурче он расположил свое войско точно так же, как за одиннадцать лет до этого Дмитрий расположил свое на Куликовом поле. Но Тимур на этот раз все же не рискнул выделить достаточно крупный резерв и потому едва не проиграл битвы. Четыре года спустя, в сражении с Тохтамышем на реке Тереке, он это учел при том же расположении войска, резервы на этот раз были удвоены, что и принесло Тимуру блестящую победу.

Приведу и еще одну деталь, указывающую на то, что Куликовская эпопея не изучалась нашими исследователями с должным вниманием: принято считать, что история сохранила нам сорок или сорок пять имен участников Куликовского сражения. Я же, в процессе подготовки к своему роману «Богатыри проснулись», изучая соответствующие исторические материалы, нашел 126 таких имен. И это, вероятно, еще не все, так как из сорока трех известных мне исторических документов, относящихся к этой эпохе (летописей, древних повестей и «сказаний» в различных списках, родословных книг и пр.), я имел в своем распоряжении только тридцать.

И если так обстоит дело с изучением одного из самых лестных для нас сражений, где русское оружие покрыло себя бессмертной славой, то что уж и говорить о сражениях, нами проигранных! О них просто предпочитали помалкивать. И это вдвойне досадно, ибо как раз тут и нужно было постараться открыть те детали и обстоятельства, которые не только объясняют причины поражения, но иногда могут и реабилитировать русское воинство.

К таким особенно непопулярным у нас сражениям относятся битва с татарами на реке Пьяне и битва на Калке. Схему и новую интерпретацию первой из них я дал в своей книге «Богатыри проснулись». Здесь постараюсь обобщить и синтезировать все, что известно о второй, отнюдь не претендуя в данном случае на новизну трактовки и на абсолютную точность схемы сражения, которая, однако, в свете сохранившихся данных, кажется мне близкой к истине.

***

В 1222 году монголы, покончив с завоеванием Средней Азии, двинулись дальше на Запад. Пройдя между Каспием и Уральскими горами, одна из их орд, под водительством Джебенойона и Субедей-багатура, лучших полководцев Чингиз-хана, вторгнулась в половецкие степи. Восточные половцы, во главе с ханом Юрием Кончаковичем, попытались дать ей отпор, но были разбиты и, теснимые татарами, бежали к берегам Днепра.

Тут следует пояснить, что половцы к этому времени уже не были дикими кочевниками, жившими грабежом русских земель. Они переходили уже на оседлый образ жизни, имели крупные города (Шарукань, Сугров, Балин, Чешуев, Судан и др.) и были связаны с Русью тесными политическими, торговыми и бытовыми узами. Многие половецкие ханы были женаты на русских княжнах и приняли православие, равно как и русские князя охотно женились на половчанках. Все это, взамен прежней острой вражды, создавало общность интересов и постоянную необходимость взаимопомощи, а потому совершенно естественно, что старший половецкий хан Котян, тесть Мстислава Удалого, княжившего в ту пору в Галиче, обратился за помощью против татар к своему зятю и к другим русским князьям.

«Сегодня татары взяли нашу землю, а завтра и вашу полонят, если мы все дружно не встанем против них», говорил он. Северные русские князья к его призывам остались глухи, но южные, по инициативе Мстислава Удалого, собрались в Киеве на совещание. Главными и сильнейшими тут были: Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславич Галицкий (Удалой) и Мстислав Святославич Черниговский. Кроме них прибыли Даниил Романович Волынский (будущий король Галицкий),

Михаил Всеволодович Переяславский (будущий великий князь Черниговский, Святой Михаил), Олег Курский, князья Смоленский, Трубчевский, Путивльский, Рыльский, Луцкий и многие другие.

Спорили долго, но в конце концов уговоры Мстислава Удалого и подарки, на которые не скупился хан Котян, сделали свое дело: князья решили, что «лучше встретить басурманов на половецкой земле, нежели на своей» и все согласились на совместный поход.

В условленном месте, на правом берегу Днепра, собралось огромное войско, которое выступило вместе, всею массой, но не имело общего командующего. Оно состояло из трех обособленных ратей, подчинявшихся соответственно старшим князьям: Мстиславу Галицкому, Мстиславу Киевскому и Мстиславу Черниговскому, к каждому из которых примкнули со своими ополчениями зависимые от них и более мелкие удельные князья. Четвертый «самостоятельный» элемент этого сборного войска составляли половцы, подчинявшиеся хану Котяну, который из всех русских военачальников признавал только своего зятя — Мстислава Удалого.

Узнав об этих сборах, татары прислали своих послов с такими словами: «Мы с Русью войны не хотим и на вашу землю не посягаем. Воюем мы с половцами, которые всегда были и вашими врагами, а потому, если они теперь бегут к вам, — бейте их и забирайте себе их добро» Выслушав послов, русские князья приказали перебить их и выступили в поход.

Несколько дней спустя, снова приехали татарские послы, которые сказали: «Мы вас ничем не обидели и обижать не хотели, но если вы послушали половцев, а не нас, убили наших послов и сами хотите войны, пусть нас рассудит Бог!» На этот раз послов отпустили живыми и двинулись дальше.

Придя в низовья Днепра, к Олещью, Мстислав Удалой и Даниил Романович с частью своего войска переправились на левый берег и обнаружив тут, видимо, небольшие силы татар, ударили на них и обратили в бегство. Ободренные этим успехом, перешли Днепр и все другие князья.

Передовым отрядом выступил отсюда князь Даниил Романович со своими волынцами. Очень скоро натолкнувшись на татар, он вступил с ними в бой и, проявив исключительную личную доблесть, разбил их. Татары побежали, а все русское войско двинулось вслед за ними и через восемь дней пришло к берегу реки Калки (река Калка, нынешний Калец, впадающий в Азовское море почти на границе Донской области и Екатеринославской губернии).

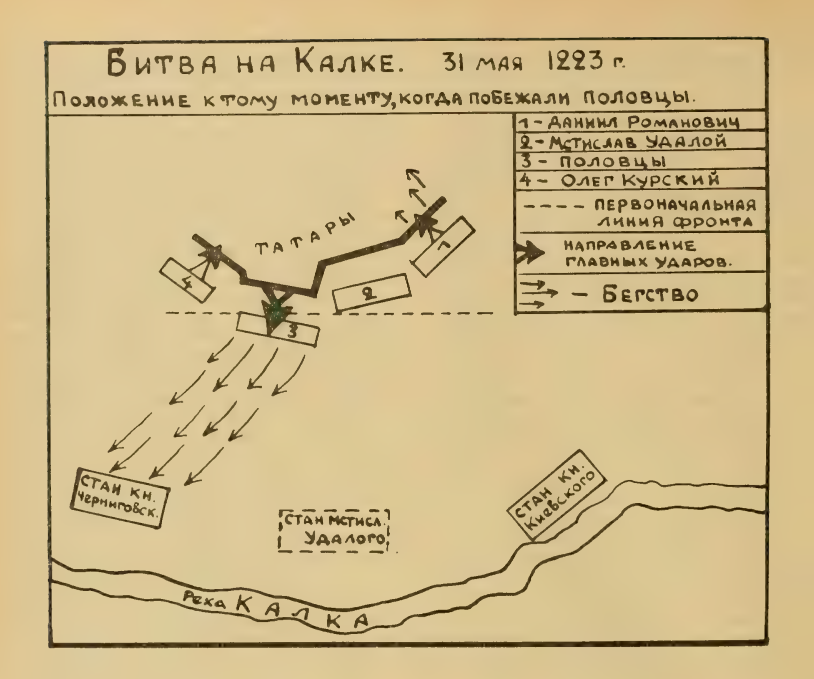
Тут опять произошла стычка с передовыми отрядами татар, которые снова были отброшены. Мстислав Удалой приказал Даниилу Романовичу со своим полком перейти Калку и осмотреть местность на другом берегу. Эта разведка не обнаружила поблизости значительных татарских сил, а потому все русское войско, не опасаясь нападения во время переправы, перешло реку и расположилось на левом ее берегу тремя отдельными станами, видимо на расстоянии нескольких верст один от другого.

Едва устроив свой лагерь, Мстислав Удалой лично выехал вперед, на разведку. Очевидно именно тут произошла его встреча с атаманом бродников (бродники — полуразбойничья вольница, состоявшая из всевозможного беглого люда, собиравшегося в низовьях Днепра и к этому времени представлявшая собой значительную и хорошо организованную общину) Плоскиней, который обещал ему свою помощь против татар и видимо укрепил его в мысли, что победа над ними будет легка. Есть данные, позволяющие думать, что Мстислав Удалой в разговоре чем-то обидел Плоскиню или отказал ему в какой-то просьбе, ибо бродники, вопреки своей клятве, не только ничем ему не помогли, но, как известно, в битве на Калке сражались на стороне татар.

Так или иначе, Мстислав доехал до татарского стана и оглядев его пришел к заключению, что силы неприятеля не слишком велики и что будет нетрудно разбить их без помощи Киевского и Черниговского князей, стяжав для себя одного всю честь победы. Возвратившись назад, он приказал своему войску и половцам наутро изготовиться к бою, в то время, как два другие Мстислава, в полнейшем о том неведении, спокойно отдыхали в своих станах.

Битва началась утром 31 мая 1223 года. Сопоставляя все сохранившиеся в различных источниках сведения, можно заключить, что на правом фланге русского расположения стояли волынцы, во главе с князем Даниилом Романовичем, в центре — галичане Мстислава Удалого, левее их — половцы, а на самом левом фланге оказался полк князя Олега Курского, очевидно уже во время сражения подоспевшего сюда из лагеря своего суверена — Черниговского князя, который, следовательно, находился, именно с этой, левой стороны.

Вначале сражение развивалось для русских удачно. Даниил Романович первым вступивший в битву, вдохновляя личным примером других, по свидетельству летописца, рубился с беспримерной храбростью, не обращая внимания на полученные раны. Ему вскоре удалось на своем фланге опрокинуть татар и они побежали. Сильно теснил их и на левом фланге князь Курский, казалось, еще немного и неприятельское войско будет обойдено с двух сторон. Но в это время стоявшие ближе к центру половцы, не выдержав натиска татар, внезапно обра-

тились в беспорядочное бегство. Преследуемые по пятам рубящими их ордынцами, они, в поисках спасения, бросились в стан князя Мстислава Черниговского, мгновенно смяв и расстроив его полки, уже почти готовые к выступлению.

Это решило дело в пользу татар. Не давая никому времени опомниться, они стремительно атаковали с разных сторон разорванное на части и ошеломленное случившимся русское войско, которое, не выдержав этого бурного натиска, обратилось в бегство.

Положение мог еще спасти князь Мстислав Романович Киевский, стоявший со всем своим нетронутым войском на возвышенном месте у берега реки и имевший полную возможность в этот момент ударить во фланг татарам. Но возмущенный тем, что Мстислав Удалой начал битву без него, он теперь не захотел его выручать и, ограничившись приказанием спешно укрепить свой лагерь, безучастно и, наверное, не без злорадства наблюдал, как бежали с поля сражения другие русские полки.

Часть татарской орды, под водительством Джебе и Субедея, бросилась в преследование бегущих и гнала их до берегов Днепра. Другая часть, во главе с темниками Чегир-ханом и Таши-ханом, осадила лагерь Киевского князя. Он храбро отбивался три дня, но погубило его новое предательство бродников: их атаман Плоскиня, посланный татарами на переговоры, поклялся на кресте, что если русские положат оружие, никто из них не будет убит, а князей и воевод отпустят домой за выкуп. Поверив этому, Мстислав Романович сдался. Но татары, как известно, своего обещания не сдержали: все русские князья и военачальники были положены под доски и задавлены победителями, усевшимися сверху пировать. Простых воинов увели в рабство.

Еще шестеро русских князей, в том числе Мстислав Черниговский, были убиты при отступлении. Даниил Романович, справедливо оставшийся в народной памяти подлинным и безупречным героем этого, не по его вине бесславно окончившегося сражения, не считая легких ранений, получил тяжелую рану в грудь. Мстиславу Удалому и другим уцелевшим князьям с остатками войска удалось благополучно переправиться через Днепр и уничтожить за собою все плоты и ладьи. Но татары их дальше не преследовали: разграбив левобережные русские земли, они ушли на восток и только четырнадцать лет спустя возвратились снова и на этот раз полностью завоевали Русь.

Нет никакого сомнения в том, что в 1223 году татары еще не были готовы к завоеванию Русских земель и, вероятно, даже не имели никаких определенных решений на этот счет. Поход Джебе и Субедея являлся лишь глубокой разведкой. Русские князья, сами навязавшие им сражение и проигравшие его, несмотря на очевидное превосходство сил, тем самым обнаружили перед татарами свою слабую сторону (разрозненность) и породили в них уверенность в том, что предпринять завоевательный поход на Русь можно будет без особого риска.

М. Каратеев.

700-летие смерти князя Западной Руси Даниила Романовича

(1264—1964).

После смерти, в 1205 году, князя Романа Мстиславича, объединявшего под своей властью юго-западную Русь, куда входили княжества Волынское, Галицкое и Черная Русь [1]), началась долгая междоусобная война, в результате которой в 1214 году Венгрия и Польша разделили между собой Волынское и Галицкое княжество и Черную Русь. Только в 1219 году Торопецкий князь Мстислав Удалой, с помощью восставшего народа, освободил эти княжества от захватчиков. Но, как только князь Мстислав Удалой умер в 1229 году, Венгрия снова захватила Галицкое княжество, и Волынскому князю Даниилу и его брату Василько Романовичам стоило больших трудов изгнать венгров из Галиции, после чего они объединили под своей властью все земли своего отца.

Между тем, в это время на Русь уже надвигалось великое несчастье, — в 1237 году началось вторжение монголо-татарских полчищ и в течение двух лет они разгромили и разграбили центральную и северную Русь, а в следующие два года была покорена и юго-западная Русь. Героическое сопротивление удельных княжеств, стойкость и жертвенность русского народа, поголовно и бесстрашно вышедшего на борьбу с врагом, не смогло принести нам победы. Одной из главных причин этого поражения Руси надо считать удельно-вечевую систему управления государством. Сильная и единая власть Киевского Великого князя постепенно разрушалась. Каждый князь считал свое княжество независимым, ни с кем не считался и не желал подчиняться Великому князю. Летописец скорбно отмечает — «... раздрася вся земля Руськая». Раздоры и войны князей за власть начались еще с Ярослава Мудрого и периодически то увеличивались, то уменьшались, а к середине XII столетия Киев, столица Руси, стал уже утрачивать свое значение, единство Руси было нарушено, и с этим стала пропадать ее военная и политическая мощь. При монголо-татарском наступлении каждое княжество оборонялось самостоятельно, — «... ни един же от князей... не приде друг ко другу на помощь». Возмездием за это величайшее преступление перед родиной было многостолетнее монголо-татарское иго и постепенный захват западными соседями наших окраинных исконных русских земель на юге, западе и частично на севере.

В это ужасное лихолетье северо-западная Русь многим обязана выдержке и дипломатическим способностям оставшегося в живых Ве-

---

[1]) Земли, лежащие к северу от Волынского княжества, с городами: — Волковыйск, Слоним, Новогородок, Городно на реке Неман и др.

ликого князя Ярослава Всеволодовича и особенно его сына Великого князя Александра Невского, неоднократно спасавшего Русь от окончательного раздробления и уничтожения ее татарами и западными соседями.

Блестящий талант полководца, князя Александра, надолго сохранил границы северо-западной Руси: — в течение нескольких лет он постепенно разгромил начавших наступать на ослабевшую Русь шведов, немцев и литовцев. Этими славными победами Великий князь Александр Невский вдохнул в русский народ надежду на постепенное возрождение и объединение Руси. В отношении же татар он держался примирительной позиции ,считая борьбу с ними пока невозможной из-за отсутствия достаточных сил и разорения страны. Всеми силами Александр Невский старался сохранить мир с татарами, дабы дать возможность русскому народу спокойно возродить свое благосостояние, сохранить свои духовные и культурные ценности и снова создать военную мощь.

В юго-западной Руси ту же политику старался проводить Волынско-Галицкий днязь Даниил Романович. От монголо-татарского нашествия юго-западная Русь также сильно пострадала, но, как только татары ушли, здесь снова начались междоусобные распри и борьба за власть между сильным и влиятельным боярством, к которому присоединился Черниговский князь Ростислав, и князем Даниилом. При содействии своего тестя, венгерского короля Бела 4-го, кн. Ростислав расчитывал захватить Галицию, причем к ним присоединилась Малая Польша во главе с Краковским князем Болеславом Стыдливым. Венгерский король дал в помощь кн. Ростиславу и галицкому боярству свое отборное рыцарское войско под предводительством венгерского воеводы Фили, а поляков возглавил воевода Флориан Войцехович Авдонец. Эти соединенные войска с боем взяли древнюю столицу Галиции г. Перемышль и двинулись на г. Ярослав, старинный город, построенный на реке Сане еще Святым Владимиром и названный им в честь своего сына Ярослава.

В случае дальнейших успехов, Филя предполагал направить свои войска на Волынское княжество, где князь Даниил черпал свои главные силы. Нетрудно предположить, что конечная цель венгров и поляков заключалась в желании расчленить юго-западную Русь и затем ее поработить. Но подойдя к Ярославу, союзники встретили сильное сопротивление горожан. Их воевода Олекса Орешек сумел организовать оборону, и врагам пришлось начать правильную осаду города, — подвести осадные башни на колесах (туры), камнеметы, огнеметы, — выкидывающие горшки с горящей нефтью, тараны и пр. Горожане, сидя за высокими каменными стенами, доходившими до трех саже-

ней в высоту, отвечали упорным сопротивлением и забрасывали врагов камнями, стрелами и лили горячую смолу на головы врагов, но силы были неравные и падение города было вопросом времени.

В этот решительный момент князь Даниил уже подходил со своими войсками к г. Ярославу и высланнная разведка выяснила расположение противника, а лазутчики сумели известить горожан о подходе помощи. В ночь с 16 на 17 августа 1245 года войска подошли к реке Сан и южнее г. Ярослава, в тумане, на рассвете 17 августа князь Даниил спокойно перевел по броду свои силы.

Союзники увидели их уже тогда, когда Даниил начал строить свой боевой порядок. Филя, оставив у осажденного города пешие войска, дабы горожане не ударили с тыла, повел в наступление своих венгерских и польских рыцарей и дружину князя Ростислава. Поляки, под предводительством Флориана, стали наступать на наш правый фланг, которым командовал князь Василько; венгерские рыцари и дружина князя Ростислава атаковали центр и левый фланг, находившийся под командованием дворского Андрея. Тучи стрел полетели с той и другой стороны друг в друга, но быстро оба врага бросили в бой свои конные части дружины. Жестокая битва разгорелась по всему фронту. «... Копием же изломившимся, яко от грома

тресновение бысть»... и «.. мнози падше с коний и умроша». Так описывает очевидец завязавшееся сражение.

С переменным успехом шел бой на правом фланге, а в центре конные части мадьяр потеснили дворского Андрея, начавшего медленно отступать к реке Сан. Князь Даниил подкрепил этот участок целым полком, приказав упорно держаться и тем привлечь на себя как можно больше сил противника. В то же время, со своими отборными конными полками, через густой лес «... дебрь глубокую», князь Даниил обошел венгров с фланга и тыла, и во главе своей конницы обрушился на противника. Внезапное появление в тылу князя Даниила, и его сокрушительный удар, и разгром резервного венгерского отряда, и захват лично князем Даниилом знамени самого Фили, вызвали беспорядочное отступление венгров и поляков с поля сражения, бегство Ростислава с его боярской дружиной.

В критический момент боя, Олекса Орешек со своими горожанами сделал вылазку, нанес поражение осаждавшему пешему отряду и вышел в тыл отступавшим врагам. Войска князя Даниила, уничтожая сопротивлявшихся и беря пленных, торжествовали победу. Конница, преследуя бежавших, захватила в плен венгерского воеводу Филю и польского воеводу Флориана. Ростиславу удалось спастись бегством.

Озлобление против венгерцев и особенно против их вождя Фили было очень сильным, так как в прошлом он неоднократно нападал, разбойничал, угнетал и беспощадно убивал русский народ в Галиции. Князь Даниил приказал казнить этого преступника; той же участи подверглись и некоторые другие венгры, — «инии угре мнози избиени быша за гнев».

Победа Даниила снова восстановила единство юго-западной Руси и теперь князь направил все свои усилия на восстановление сельского хозяйства и на ремесленное производство. Поледнее почти прекратилось после нашествия татар, и только сейчас стали собираться уцелевшие и бежавшие от татар специлаисты. Началось восстановление разрушенных татарами городов и построены были новые — Львов, Холм, Данилов, Угровеск. Но тяжесть вассальной зависимости от татар оставалась.

Во имя сохранения спокойствия юго-западной Руси князь Даниил заключил ряд союзов с западными соседями, а папа Инокентий IV-й начал переговоры с князем о создании военной коалиции против татар и, конечно, о церковной унии, но согласия не получилось и переговоры прервались в 1248 году.

В 1252 году, в виду продвижения татарских сил к юго-западу, переговоры снова возобновились. Римский папа предложил короновать князя Даниила в короли, что и было принято последним во имя создания объединенных сил против татар. Сама коронация состоялась в г. Дорогичине, в Волынском княжестве. На деле же Даниил не получил никакой помощи от запада, а с церковной унией ничего не вышло. В 1254 году Даниилу пришлось одному отбивать разбойный набег татарского воеводы Куремсы и тем предотвратить новое вторжение в Галицию. Неудача папы Инокентия IV-го в деле обращения южно-русского народа в католичество вызвала большое озлобление и папа стал грозить Даниилу крестовым походом против Руси.

Потеряв всякую надежду на помощь запада для борьбы с татарами и поняв, что русский народ еще не в состоянии один начать борьбу с татарами, князь Даниил принужден был, как и Александр Невский, изменить свое отношение к Золотой Орде.

В 1258 году, когда татарский воевода Бурундай потребовал у князя Даниила, как вассала Золотой Орды, участия в походе против литовцев, князь Даниил должен был подчиниться, а в 1259 году, тот же воевода снова потребовал участия южно-русских князей в походе на Польшу. Татары, конечно, разграбили в Литве и Польше несколько областей , хотя русские и не участвовали в этих грабежах и насилиях, отношения с Литвой и Польшей были испорчены.

Через пять лет, в 1264 году, князь Даниил Романович скончался. Юго-западная Русь лишилась талантливого военачальника и крупного государственного деятеля, спасшего ее от захвата западными соседями, сохранившего ее духовные ценности — нашу православную религию, возродившего культурную и экономическую жизнь народа и своей политикой надолго задержавшего татар от насилий над юго-западным Русским краем.

После смерти этого выдающегося русского князя снова начались междоусобные боярские и княжеские распри, благосостояние края стало падать и, пользуясь этими раздорами, обнаглевшие татарские шайки стали систематически совершать грабительские налеты на Галицию и Волынь. Через сто лет, в середине 14-го столетия, юго-западная Русь настолько ослабела, что сопротивляться натиску соседей уже не могла и была захвачена и разделена между Польшей и Литвой.

В. Федуленко.

Очерки из первой мировой войны

2) БОЙ У ГОРЫ БОРОВОЙ.
(Октябрь 1914 года).

Это был авангардный бой, за который мой командир батареи подполковник Павел Николаевич Эрдман получил орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Бой чистый, про который никто не мог сказать, что крест получен ни за что. К этой награде П. Н. Эрдмана представил командир 205 пех. Шемахинского полка полковник князь Цулукидзе.

После встречных боев под Суходолами-Туробиным-Красноставом, один эпизод которых списан мною под названием «Мой первый бой», наш корпус, 3-й Кавказский (ген. Ирманова), уже дошедший до Сана и взявший г. Синяву, был внезапно переброшен под крепость Ивангород, где положение было очень серьезным. Переправившись через реку Вислу под обстрелом тяжелой немецкой артиллерии, где наш корпус, еще не пополнившийся, потерял остатки кадров, уцелевших после предыдущих боев, корпус сбил все-таки противника и стремительно пошел вперед на Петроков, Кельцы и Краков.

Батарея наша, 2-я 52-й артил. бригады, была в авангарде с 205 пех. Шемахинским полком. Не имея никакой кавалерии и потому сведений о противнике, авангард шел по шоссе, послав вперед для сбора сведений о противнике свою собственную разведку, т. е. наших батарейных разведчиков.

Впереди маячит довольно высокая гора Боровая. В голове едут рядом командир батареи подполковник Эрдман и командир полка полковник князь Цулукидзе, мирно разговаривая. Несмотря на прекрасный осенний день, я сильно клюю носом на своем резвом коньке «Заметном» в голове батареи, рядом со старшим офицером капитаном Егуловым. Вдруг впереди настойчиво застучал пулемет, судя по редкому такту, не наш. Над головами пронеслась пулеметная очередь. Всю пехоту нашу «как ветром сдунуло с шоссе». Батарея оказалась совершенно открытой пулеметному огню противника. «Батарея за мной!» прорычал внезапно появившийся Эрдман, и под свист пуль мы крупной рысью кишкой в 8 орудий и 8 зарядных ящиков свернули с шоссе и полетели куда-то влево. — «Стой, с передков, прямой наводкой по горе!». Несколько коней сразу забилось на земле, убитыми и ранеными, но по частям все-таки фельдфебель успел вывести куда-то назад передки в тыл батареи. Пули щелкали по телам орудий как горох, и мы могли бы иметь большие потери, не имея щитов (орудия 1900 г.), но люди забыв об опасности работали как бешеные, не давая времени противнику опомниться. И вот слышим сзади топот сотни солдатских шагов и, обтекая батарею, медленно проходят ободрившиеся шемахинцы во главе с командиром полка князем Цулукидзе, эффектным мужчиной с черной бородой и алым развевающимся за спиной башлыком. — «Спасибо пушкари, не забудем никогда вашей работы... крикнул молодецки командир.

Удивительно спокойно шли, как на прогулку, опираясь на винтовки, пожилые ставропольцы, только накануне прибывшие в полк на пополнение. Батарея наша сразу перенесла огонь дальше за гору, и вскоре мощное «ура» шемахинцев завершило взятие горы.

Прекрасный день для артиллерии, — выполнившей свою основную задачу, — принявшей на себя огонь противника. К счастью артиллерия противника почти бездействовала — несколько очередей, журавлей розовых, австрийских над батареей. Потери батареи были минимальные. Пострадал, как всегда в таких случаях, конский состав. Ранен легко старший офицер и 10 солдат, убит 1 номер. Не имея возможности рыть орудийные окопы из-за времени и топкого грунта, номера при орудиях прикрывались найденными здесь же досками и одна из них спасла мне жизнь: только что подбежавший ко мне номер орудия поставил передо мной доску, как в нее попала пуля и почти пробила на уровне моего лба. Солдат же был ранен сзади.

Авангард продолжал дальше свое движение, но Шемахинский полк был сменен, и мы шли с 208 Новобаязетским полком, нашей же дивизии. Батарея же не была сменена, и я подозревал Эрдмана в нежелании оставить авангард, так как движение в авангарде представляло большой интерес, хотя, с другой стороны, снабжение продовольствием сильно хромало, и мы выворачивались сами, как умели.

Последний наш авангардный бой закончился взятием в плен большой колонны обоза и санитарной части, и мы от пленного доктора узнали об очень удачном разрыве одной нашей шрапнели: разорвавшись как раз над колонной, одна шрапнель вывела из строя 24 человека, из коих половина убитых. Пехоте нашей,

как трофеи, досталось много велосипедов, которые она вмиг поломала, катаясь по улицам селения.

Наконец, после 2-недельного беспрерывного преследования противника, нам дали дневку, и впервые за долгие дни бессонницы я выспался вволю — 24 часа проспал на детской кровати в комнате школьной учительницы, вызывая ее беспокойство. Она приходила ко мне, поправляла одеяло и удостоверялась, что я жив.

За бой у горы Боровая мы, офицеры батареи, а нас было только двое, получили очередные награды, а солдаты 10 крестов на батарею, которые трудно было распределить. так как все вели себя молодецки. Командир батареи свой крест получил очень быстро.

Перед самым Краковым со мной случился эпизод, за который я получил орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

Авангард остановившись на указанном рубеже в соприкосновении с противником, не мог связаться с нашими пехотными частями справа, если память не изменяет мне, с 3-й пех. дивизией. По просьбе командира полка Эрдман послал меня с разведчиками батареи (8 чел. из коих 5 было старых кавалеристов) найти части этой дивизии.

Найдя брошенные окопы с убитыми этой дивизии, я не мог понять, куда же она делась, боя не было слышно, впереди меня был большой бугор, за которым должен быть по карте городок и, естественно, я пришел к убеждению, что наши части продвинулись вперед и заняли этот городок. Поднявшись на бугор во весь рост я стал спокойно рассматривать местность, как вдруг по мне застучал пулемет и я скатился кубарем. Оставив коней с коноводами, я с 5 разведчиками залегли за гребнем бугра и открыли огонь по появившейся и двигающейся к нам цепи противника. Конечно мы, вооруженные только карабинами и не имея достаточного количества патронов, не могли удержать бугор — и это не входило в нашу задачу, — но, вызвав огонь противника и увидев какое движение в городке, я смог составить приблизительно донесение о количестве противника и сейчас же послал разведчика к командиру батареи. Через несколько часов пришло приказание оставаться на бугре, поддерживать слабый огонь и ждать прибытия пехоты. Поздно вечером прибыли части пехоты, не нашей дивизии, и сменили нас, мы же, поморочив целый день австрийцев, вернулись благополучно в батарею.

На другой же день меня вызвали на наблюдательный пункт, где уже собралось прибывшее начальство, и я сделал командиру артиллерийской бригады ген. Кординоловскому доклад о разведке. Командир дивизиона полковник Талышханов при этом заметил командиру бригады, что следовало бы представить поручика к Георгиевскому оружию, на что тот ответил — «Ну это успеется, он еще очень молод!»

Не думаю чтобы моя разведка (да еще не предусмотренная статутом для артиллеристов), заслуживала бы такой высокой награды, но слова генерала Кардиноловского о моей молодости, могущей еще подождать, меня задели. Смерть же не всегда дает отстрочку!!!

Б. Кузнецов

Красное Село

Немного остается доживать свой век нам, военным, коим пришлось увидеть военный участок нашего обширного Отечества, где в былое время происходило летнее обучение войск. Полагаю, что самому молодому из нас уже близко к семидесяти, и приятно будет тем из нас, кои проходили свою военную учебу в столичных военных училищах или служили в частях Петербургского военного Округа, ознакомиться с этим очерком. Это — небольшая выдержка из одной главы моего труда, выходящего в свет.

***

Окрестности обширного лагерного расположения, о коем идет речь и которое носило название «Красносельский лагерь», представляли, в топографическом смысле, большое разнообразие, что давало возможность принимать все нужные на практике в обучении войск тактические формы построений, как для наступления, так и для обороны.

Устная молва передавала, что на этот участок местности близ Петербурга указал наш великий Суворов. В затишье между войнами водил он туда своих чудо-богатырей на практику в «науке — побеждать». При Екатерине 2-ой,

впервые, здесь были организованы маневры, а затем, после Крымской кампании, здесь окончательно был утвержден, с Мая по Август, Красносельский лагерь, как исключительно удобный по своему местоположению.

Дествительно, в фигурации вы здесь имели: леса и перелески, холмы, горки и овраги, причудливые хребты с особенно известными Кавелахтскими высотами и Дудергофской горой. На последней, согласно песне юнкеров Николаевского Кавалерийского училища, находилась птица «филин», который почему-то «жалобно кричал — капрал, капрал!..» Все эти места, в течение нескольких недель, исхаживали с кипрегелями и планшетами, юнкера военных училищ и пажи, производя топографические съемки.

По долине, разделявшей лагерь и две возвышенности, поднимавшиеся над ней — одна на север, другая — на юг, — проходила Балтийская железная дорога со станцией «Красное Село», и протекала речушка Пудость, питавшаяся впадавшими в нее ключами холодной воды, которые изобиловали форелями. Эта речушка образовала ряд озер, из коих более крупное — Дудергофское, куда выходили задние линейки военных училищ, было любимым местом катанья на лодках юнкеров в их свободное время. Особенно искусны в гребле и в маневрах под парусом были юнкера Михайловского артиллерийского училища, подтрунивавшие над юнкерами нашей славной Школы за плохую греблю.

Выйдя из вагона на Красносельской станции, вы сразу чувствовали, что попали в военную среду. Вы слышали треск барабанов, звуки пехотных горнов и труб, трель гвардейских флейтистов; к вам доносились звуки ружейных выстрелов, очереди пулеметов и отдаленный гул артиллерийской стрельбы. Кругом оживление, команды... Вы находились в одном из крупнейших лагерных сборов, бывшей нашей Родины, — лагере Императорской Гвардии и частей войск Петербургского военного Округа.

Если подняться из указанной долины на южную возвышенность, туда, где находится так называемое Красное Село, которое состоит из ряда слобод под разными названиями, и, обернувшись, посмотреть назад, то перед вами открывалась на противоположной стороне долины красивая панорама раскинувшегося на несколько верст палаточного лагеря пехотных плков и батарей гвардии.

Среди палаточного лагеря Лейб-Гвардии Семеновского полка, на особо выделенном участке, каждое лето, в назначенный день объезда Государем Императором лагеря, происходила так называемая «Вечерняя Заря с церемонией», где в присутствии Державного Вождя с Императорской семьей, Коронованными гостями и военными агентами, среди собравшихся офицеров лагеря и приглашенных, команды музыкантов и хоров трубачей всего лагеря, под дирижерством одного из полковых капельмейстеров, давали концерт из нескольких музыкальных номеров. Затем, в 21 час, по запущенной сигнальной ракете, все разбросанные на огромном лагерном пространстве батареи одновременно давали залп: после чего всем музыкальным хором игралась мелодия «вечерней зари»; потом, старший барабанщик командовал барабанной команде «шапки долой!», и команда эта выполнялась всеми присутствующими, начиная с Государя Императора, барабанщик читал «Отче Наш» и командовал «накройсь!» И весь хор играл «Общий отбой». Вся эта чисто русская военная картина, проникнутая задушевностью и красотой, овеянная присутствием нашего горячо любимого Государя, вероятно, западала в сердца тех из нас, коим посчастливилось хоть раз присутствовать на этой церемонии.

У раскинутого здесь шатра-палатки назначались парные часовые ко входу в нее из юнкеров Павловского военного училища, представлявших собою образец военной выправки; это не была натянутая, вынужденная и нежизненная фигура вымуштрованного прусского солдата, в юнкерах-часовых чувствовалась легкость, отсутствие напряженности в фигуре, спокойно стоящей, как античная статуя.

Среди слобод, откуда открывалась панорама палаточного лагеря, расположились дворцовые постройки, коими пользовались Высочайшие Особы при посещении лагеря, и бараки штабов. При выходе из восточной окраины начиналась линия Авангардного лагеря для частей армейских корпусов Округа, помещавшихся среди живописных рощиц в барачного типа постройках, а за ними начинались бараки военных училищ, заканчиваясь помещением Офицерской Кавалерийской Школы.

К 3-хверстной линии Авангардного лагеря примыкало огромное поле, носившее название «Военного поля» и простиравшее на три версты в ширину и в длину, место для учебных эволюций кавалерии. Казавшееся ровным, поле было покрыто холмами, в складках которых скрывались на ученьях целые конные полки. На нем не было ни деревца, ни никаких-либо ориентирующих пунктов. Для точного определения правого фланга построения войск к Высочайшему смотру требовалась высылка топографа с трубой кипрегеля, чтобы засечь нужную точку, визируя на три отдаленных предмета, в том числе на трубу фабрики Печаткина. Это давало повод досужим зубоскалам уверять, что если рухнет труба фабрики, то и выстроить огромную массу войск лагеря для Царского смотра будет невозможно. Поле это было сплошь вытоптано обучающимися кавалерийскими частями. Грунт сухой, и достаточно было двух дней без дождя, чтобы при учениях кавалерии стояла густая

пыль такая непроницаемая, что всадник на широких аллюрах не видел своего коня.

Южную сторону поля окаймляла Лабораторная роща, где находились склады и снаряжения артиллерийских патронов, так как за рощей находился артиллерийский полигон, место практических стрельб артиллерии. В поле, ближе к Лабораторной роще, на высоком холме, уже давно был построен «Царский Валик», откуда Державные Вожди Российской Армии, окруженные лицами Императорской Фамилии и иностранными военными представителями, смотрели прохождение церемониальным маршем войск. Здесь же, в былое время, после Высочайшего смотра, вызывались выпускные юнкера и пажи и Государь Император, подойдя к ним и обведя их своим чарующим взглядом, теплыми словами наставлял их на предстоящую службу и поздравлял с производством в офицеры. С какой радостью в сердце и доброй памятью на всю жизнь расходились произведенные молодые офицеры!

Все было и, увы, ушло... И не может для нас повториться... Но пусть картины нашего прошлого не будут забыты, а живут в истории нашей Родины!

Мих. Свечин

НАШИ ТУРКЕСТАНСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ

ГЕНЕРАЛ ЦЕРПИЦКИЙ

В конце лета 1904 года прибыл в Ташкент раненый на фронте в Манджурии и прошедший, после этого, курс лечения во Франции, в Каннах, генерал Церпицкий, назначенный командиром 1 Туркестанского корпуса.

Старый туркестанец, времен завоевания Туркестана, сподвижник Кауфмана и Скобелева, прошедший все этапы строевой службы в Туркестане, знавший душу солдата и все его нужды, Церпицкий олиц етворял собою тип старого вояки без особо большого образовательного ценза.

В один из октябрьских дней было объявлено: такого- то числа, в таком-то часу командир корпуса произведет смотр 4-му Стрелковому батальону. Роты выстроились на плацу, махальные, расставленные по дороге, стали сигнализировать, что командир корпуса едет. Никто еще не видел его в глаза и всякий думал, что приедет почтенный седой генерал, как принято было, в коляске и возле казармы, быть может сядет на лошадь.

Но — не тут-то было. На великолепном коне на плац вынесся молодецкого вида бравый генерал, осадил на карьере коня и зыч ным голосом крикнул:

— Ура, молодцы Туркестанцы! Здорово, храбрецы! и коротким галопом проехал по фронту.

Словно электрическая искра пронеслась по рядам, все ожило, глаза у всех засверкали и понеслось дружное ура...

Церпицкий лихо соскочил с коня и начал обход шеренги. Перед солдатом, ему почему-либо понравившимся, он останавливался и начинал:

— Вот так молодец! А ты женат? Неженатый, говоришь! А невеста у тебя есть? А ты ее любишь? А она тебя любит?

И пошел, и пошел... В рядах смех, солдаты огорошены, никогда ни один начальник так с ними не говорил.

После церемониального марша, снова сев на коня, проехал перед строем и унесся в пыли, в сопровождении молодого адъютанта, корнета Берса.

Через несколько дней, без предупреждения, Церцицкий является в 4-й стрелковый батальон, где я командовал ротой и прямо направляется на одну из ротных кухонь.

— А ну-ка, кашевар, покажи, что у тебя в котле?

— Пишша и каша, Ваше Превосходительство.

— Ну, давай пробу.

Зачерпывает деревянной ложкой, пробует и обращается к прибывшему ротному:

— Щи неплохие, но ненаваристые и без приправы. Нет майорану, неплохо бы и поросенка туда или кур.

Ротный, не зная, что ответить, робко говорит:

— Так точно, Ваше Превосходительство, в следующий раз положим.

И хотя поросят не клали, ибо ни в какой раскладке по солдатскому довольствию это не предусматривалось, но майоран всегда держался наготове и впредь, при приближении корпусного командира, сыпался в щи без меры.

Появляясь иногда, тоже без предупреждения, и в казармах, Церпицкий бывал очень доволен, когда видел в ротах чисто подметенные полы, на стенах много картин батальонного характера и, конечно, в золотой раме портрет Госу-

даря.

Солдатам он сейчас же задавал вопросы по словесности:

— А что такое солдат? А что такое присяга? и когда, вспотевший от волнения рядовой бодро докладывал, что «присяга есть клятва перед крестом и святым Евангелием», Церпицкий быстро находил глазами какого-нибудь глуповатого татарчука из Казани и, беря его за плечи, говорил:

— А что такое, братец, Евангелие?

Помню один замечательный ответ:

— Так что, Ваше Превосходительство, Евангелие... Евангелие...

— Ну, Ну, — подзадоривал Церпицкий, чтоже там сказано в этом Евавгелии?

— Там про всю Русскую Землю сказано, Ваше Превосходительство.

Ротный командир покраснел, фельдфебель, выпучив глаза, за спиной корпусного командира погрозил здоровенным кулаком, Церпицкий только рассмеялся, а в ротных кухнях кашевары уже успели облачиться в белоснежные фартуки и сыпали в щи майоран.

Однажды Церпицкий спросил у командира батальона:

— А какие у вас поют песни в казармах в свободное время?

Командир подполковник Шумаков, сменивший Карабчевского, брата известного адвоката, замялся. Тогда Церпицкий заметил:

— Нужно непременно, чтобы солдаты пели «Вечерний звон», это самая лучшая песня для свободного времени, а на марше, в походе — старую туркестанскую — «Греми слава трубой, мы дралися за Дарьей...»

— Будет исполнено, оставалось только сказать командиру батальона.

В конце октября оканчивался мой ценз командования ротой. Церпицкий лично произвел смотр и дал отличную аттестацию.

Уже будучи в чине капитана Генер. Штаба, на службе в Штабе Туркестанского Округа, я несколько раз приглашался генералом Церпицким к завтраку, за которым неизменно фигурировала бутылка шампанского. Всегда она была обернута в салфетку, чтобы не было видно, что там «Цимлянское» или «Атаманское», а не «Мумм» и не «Клико».

Как-то Церпицкий купил коня английской крови, заплатил что-то около $1^1/_2$ тысячи рублей и поручил своему адъютанту его как следует выездить. Берс был, если я не ошибаюсь, гвардейский улан. Случилось, что однажды, в воскресный день, летом, приехал он на этом коне к нам на дачу, в Троицкий Поселок, верстах в 12 от Ташкента. Засиделся и, чтобы не опоздать к ужину у командира корпуса, галопом прискакал в Ташкент, где поручил конюху генерала заняться взмыленным конем. Тот ничего лучше не нашел, как снять седло и напоить лошадь. На утро конь пал. Церпицкий был в отчаянии, ругался, винил во всем своего адъютанта, но от должности не отчислил.

Вот, что у меня осталось в памяти о командире корпуса генерале Церпицком.

В. фон-Дрейер.

Назначение командиром полка и вступление в должность

(1908 год)

В январе 1908 рода, имея в виду, что мне уже подходит очередь назначения командиром полка, я поехал в Петербуг «на разведку». В Главном Штабе я прежде всего прошел к дежурному генералу (начальник отдела личного состава), генералу Кондзеровскому. Увидев меня, он сказал, что я приехал очень кстати, так как для офицеров Генерального Штаба имеются две свободные вакансии на полк: в Багратионовом Штабе, близ Осовца, и в Картуз-Березе, близ Кобрина, и, улыбаясь, спросил, какой из этих полков я предпочитаю? Я ответил, что ни тот, ни другой.

Тогда он спросил меня: «А если бы открылся Саратовский полк в Вильне?» На это я ответил, что лучшего бы не желал. Тогда Кондзеровский добавил, что на днях этот полк должен освободиться, так как его командиру, полковнику Бенескулу, уже послано предложение принять должность начальника штаба XV-го армейского корпуса и, конечно, он от нее не откажется. «И если Вас устраивает назначение на его место», продолжал генерал Кондзеровский, «то советую Вам сейчас же представиться Начальнику Главного Штаба и просить его об этом назначении». Понятно, что я не колебался в решении.

Тогда генерал Кондзеровский предложил мне следовать за ним, прошел в кабинет Начальника Штаба и доложил ему о моем желании. Генерал Мышлаевский посоветовал мне, чтобы обеспечить получение Саратовского пол-

ка, выехать в этот же день скорым поездом в Вильну, явиться Начальнику Штаба Округа генералу Сиверсу, доложить ему о нашем разговоре и просить его, в случае согласия Командующего войсками Округа, возбудить по тегерафу ходатайство о моем назначении.

На другой день я был в Вильне и прямо с вокзала отправился в Штаб Округа. Генерала Сиверса в штабе не было, он был нездоров и в штаб не приходил, но на квартире по службе принимал. Я явился туда и просил денщика доложить генералу о моем приходе.

Едва я успел войти в зал, как навстречу мне вышла Мария Алексеевна Сиверс, супруга генерала, с раскрытой книгой Генерального Штаба в руках и, здороваясь со мной, сказала: «Вы, конечно, хотите получить Саратовский полк?» Я подтвердил и Мария Андреевна продолжала: «Вы, безусловно, имеете все права на этот полк, так как все время служили в нашем Округе и Вы — старший кандидат на полк. Претендует на него и полковник Линда (начальник штаба 27-ой пехотной дивизии), но он еще слишком молод и может подождать».

Затем я вошел в кабинет генерала, который, выслушав меня, написал обо мне краткий доклад Командующему войсками и телеграмму от его имени в Главный Штаб и сказал, чтобы я сейчас же ехал в дом Командующего, где в это время находится с докладом генерал-квартирмейстер, генерал-маиор Преженцов, и передал ему доклад и телеграмму, что я и сделал. Генерал Преженцов скоро вынес мне подписанную генералом Кршивицким телеграмму и рекомендовал мне отвезти ее сейчас же в штаб Округа и передать ее с его приказанием немедленно же отправить в Петербург. В тот же день вечером я уехал обратно в Ригу.

Затем произошла непонятная для меня задержка с назначеним и только 7-го марта я получил телеграмму генерала Кондзеровского о последовавшем этого же дня моем назначении Высочайшим Приказом.

В тот же день скончалась моя мать, жившая у меня. После ее похорон я послал телеграмму Петербургскому Комеданту с просьбой исходатайствовать мне разрешение представиться Государю Императору по случаю своего назначения командиром полка (это право принадлежало войсковым начальникам, начиная с командира полка). Другую телеграмму послал Гвардейскому Экономическому Обществу с заказом полковой мундирной формы, одновременно обратился к местному портному для переделки обмундирования Генерального Штаба на полковое.

Получив ответ от Петербургского Коменданта о дне приема меня Государем с указанием порядка отъезда в Царское Село, я выехал в Петербург. На Царскосельском вокзале стоял специальный поезд для представляющихся. В Царском Селе нас ожидали дворцовые экипажи, в которых вся группа прибыла в Александровский дворец. В приемной комнате дворца дежурный свитский генерал поставил нас в порядке старшинства в чинах и предупредил, что на вопросы Государя нужно отвечать как можно короче, чтобы Его Величество не задерживать.

Здесь я обратил на себя внимание присутствовавших своей формой. Перед моим назначением форма четвертых полков дивизий армейской пехоты — черные воротники, окольшки фуражек и петлиц на пальто — были заменены зелеными (кроме того, были введены зеленые шерстяные кушаки к мундиру при «обыкновенной» форме). Многие спрашивали меня, что это за форма? А некоторые принимали меня за офицера пограничной стражи!

Некоторое время спустя, тот же генерал предупредил нас, что Государь сейчас выйдет. Затем дверь из кабинета отворилась и Государь вошел к нам. Он был в форме стрелков Императорской Фамили. Воцарилась полная тишина. Сделав общий поклон, Его Величество стал обходить представляющихся, начиная с правого фланга.

Моим соседом справа был командир 16-го саперного батальона, полковник князь Т. Государь задал ему вопрос, участвовал ли его батальон в Русско-Японской войне? Растерялся ли Т. при виде Государя или, действительно, не знал истории батальона, но не мог ответить. Государь отошел от него и подошел ко мне.

Я несколько раз видел Государя издали еще в бытность Его Наследником Престола, а затем, и сравнительно близко, на больших наневрах у Белостока, но теперь Он подошел ко мне вплотную, протягивая мне руку. Меня поразил проникающий в душу взгляд Его прекрасных серо-голубых, таких ласковых глаз.

Он спросил меня, принял ли я уже полк и, узнав, что в полку я еще не был, задал вопрос, в какой должности я был до сих пор? Услышав, что с 1904 года я был начальником штаба 45-ой пехотной дивизии, Государь поднял глаза вверх, очевидно вспоминая дислокацию войск, и сказал: «Это, ведь, в Прибалтийском крае?» — «Так точно, в Риге», ответил я. «Вы, значит, в курсе событий, бывших там в 1905-1906 годах?» «Так точно», отвечал я, «я был не только свидетелем, но и принимал непосредственное участие в подавлении беспорядков, так как в течение года занимал должность начальника штаба Курляндского Временного Генерал-Губернатора».

«А, это интересно», сказал Государь. «Скажите, что за причина гибели полуэскадрона драгун в Туккуме?» Я кратко ответил, а на следующий вопрос Государя высказал свое мне-

ние: «о действительных причинах революционного движения в крае и разгрома баронских замков». Выслушав внимательно мой доклад, Государь снова протянул мне руку и пожелал счастливого командования полком.

Каждый из нас, после того как был отпущен Государем, направлялся в столовую, где всем нам был предложен завтрак. Когда я туда пришел, все бывшие уже там спрашивали меня, почему я так долго не приходил и удивлялись, почему меня задержал Государь.

Через несколько дней по возвращении из Петербурга, я поехал в Вильну представиться начальнику 27-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанту Шванку и повидаться со своим предшественником в должности командира полка, генерал-маиором Е. О. Бенескулом.

С Бенескулом мы просмотрели слисок всех офицеров полка по старшинству, и он давал мне краткую характеристику каждого, которую я вписывал в этот список. Кроме того, я получил сведения о средствах полка и некоторые иные данные, которые могли бы быть мне полезны и которые могли быть получены только от бывшего командира. Еще перед этой поездкой я проштудировал существовавшее в то время руководство к командованию полком (кажется, полковника Защука), что мне было полезно, т. к., крме одного года командования ротой и четырех месяцев-батальоном, в пехоте я не служил.

По возвращении в Ригу мы приступили к укладке всех вещей и отправке их в Вильну, а по вечерам я изучал список офицеров, чтобы облегчить себе потом ознакомление с ними.

В то время у меня не было верховой лошади. Бывали случаи, что командиры полков и не приобретали собственной лошади, а пользовались казенной, полковой. Но это было незаконно, а потому я воспользовался правом, предоставленным офицерам Генерального Штаба, приобретать в свою собственность любую верховую лошадь в кавалерийском полку по ремонтной цене. Обстоятельства благоприятствовали этому. Во время революции в Ригу прибыл 3-ий гусарский Елисаветградский полк, которым командовал мой приятель, полковник Ф. С. Рерберг.

Ежедневно мы вдвоем приезжали в один из эскадронов на выводку лошадей. Я смотрел их и отмечал казавшихся мне подходящими. Их по том, по одной, по две, приводили ко мне на квартиру, и я пробовал их, выезжая верхом на эспланаду. Здесь, в оценке их качеств, главным образом по внешности, принимала участие и гулявшая там публика, главным образом-молодежь, и, в конце концов, я остановился на двух лошадях: коне и кобыле «Бронза» и окончательно выбрал «Бронзу», которая была более кровной и красивой, а коня взял мой друг, под полковник Генерального Штаба граф. С. Н. Каменский. Затем, лошадь и имущество были перевезены в Вильну на казенный счет, так как я отказался от прогонных денег.

На другой день по прибытии в Вильну я явился начальнику дивизии и представился командиру 3-го армейского корпуса генерал-лейтенанту Ренненкампфу и командиру бригады генерал-маиору Орлову, а затем сделал визиты всем командирам полков 27-ой пехотной дивизии. По получении приказа по дивизии вступить в командование, я отдал приказ свой и приказал полку построиться в полном составе для приема. Здесь мною были опрошены претензии офицеров и нажних чинов (никаких жалоб заявлено не было), а потом полк был пропущен церемониальным маршем.

После этого я пошел в полковую канцелярию, куда предварительно пригласил старшего командира батальона, заведующего хозяйством, командира нестроевой роты и полкового адьютанта. Здесь был прочитан вслух прошлогодний приказ о распорядке в лагере и внесены в него некоторые поправки и дополнения по докладам присутствовавших. По установившемуся обычаю полк перевозил в лагерь необходимое имущество в течение трех дней, и к вечеру 30-го апреля все должно было быть на месте. И мы к вечеру этого дня переехали на жительство в лагерь (постоянная квартира в городе была уже нанята в доме Безкина на Большой Погулянке).

Е. Милоданович.

Примечание сына: К сожалению, отец не привел в своих воспоминаниях содержание своего доклада Государю. Его мнение, однако, мне известно: 1) архаическое законодательство края ставило латышей-земледельцев в зависимость от баронов-землевладельцев (нечто подобное тому, что одновременно существовало и даже существует до сих пор в Англии, 2) общее революционное движение в России. Главарями беспорядков в Прибалтийском крае были не так сами латыши, как приезжие из прочих мест России (например «товарищ Максим», председатель революционного комитета в Риге). Подавляющее большинство латышского населения края относилось к беспорядкам совершенно отрицательно, но оставалось пассивным, запуганное агитаторами и террористами (как это всегда в таких случаях бывает).

В. Е. Милоданович.

Врангель о Ренненкампфе

В 1904 году, молодой офицер л. гв. Конного полка, будущий последний вождь белого воинства, пошел добровольцем на Японскую войну и добился назначения во 2-й Аргунский казачий полк, входивший в состав 2-й Забайкальской дивизии, которой командовал генерал Ренненкампф.

Барон Петр Николаевич оставил интересные записки о своем начальнике дивизии, выписки из которых мы приводим к 50-летию Великой войны. Вот, что пишет барон Врангель:

«Славное имя генерала Ренненкампфа, приобретенная им еще в Китайской кампании популярность, как лихого кавалерийского начальника, знакомство его с театром военных действий, все это, вместе взятое, заставляло большинство кавалерийских офицеров, мечтавших попасть в действующую армию, стремиться во 2-й Забайкальскую казачью дивизию...

С той минуты когда ген. Ренненкампф был ранен и сдал командование, наш отряд теряет ту стремительность, подвижность, ту энергичную деятельность, ту активность, которая так досаждала, так изводила неприятеля и вся наша деятельность сводится к пасивному наблюдению за неприятелем. Нет больше огромных, тяжелых переходов, лихих набегов, рекогнисцировок, стычек и тревог, жизнь наша протекает в заставах и наблюдательных постах, вяло, скучно и однообразно...

Застаю генерала уже вставшим, как всегда в 5 часов. В желтой чесунчовой рубахе, с Георгием 3-й ст. на шее и в растегнутой шведской черной куртке, генерал пьет чай, и громким, отрывистым голосом диктует какое-то приказание начальнику штаба. От всей фигуры генерала, несколько тучной, но плотной и мускулистой, веет энергией и силой. Он внимательно выслушивает меня, изредка, как бы про себя, вставляя краткие замечания, сразу освещающие, повидимому, незначительные мелочи и ярко выясняющие общую обстановку...

Пули часто, как то особенно резко, свищут в воздухе. На большом плоском камне у ручья, стоит генерал со штабом. Его энергичная фигура, ясно выделяется в темноте. Он здоровается с людьми громким, спокойным, даже веселым голосом: Здорово 5-я сотня! Здравия желаем, Ваше Превосходительство! Веселее, братцы. Пусть японец хорошо слышит! Рады стараться, Ваше Превосходительство...

Всякий раз во время боя, генерал Ренненкампф находится впереди, в сфере ружейного огня противника. Многие порицают это, находя что место начальника не в передовых цепях, но в данном случае я с этим не согласен. Все дела нашего отряда, скорее незначительные стычки и находясь в передовых цепях, можно следить за ходом всего боя. Личный же пример начальника безусловно имеет громадное влияние на людей, и его спокойствие передается подчиненным. Широко расставив ноги и выпятив мощную грудь украшенную Георгием, генерал в бинокль следит за ходом боя, как будто не замечая жужащих и щелкающих пуль, резким, отрывистым голосом отдавая приказания. Приказания почти всегда кратки, определенны и ясны. Для получающих их не может быть недоразумения и остается лишь немедленно их исполнить. Беда замешкаться, генерал этого терпеть не может и того гляди, отнимет сотню, или, в лучшем случае, отделает так, что и своих не узнаешь. Зато дельное исполнение всегда отметит и поблагодарит: Благодарю. Задачу исполнили прекрасно. Сразу видно, хороший офицер...

В Гаолиндзах нас ожидала ужасная весть. Наш отряд, под Фандзянудза понес крупные потери. Генерал Ренненкампф был ранен в ногу с повреждением кости, его ординарец ротмистр Цедерберг — убит, адъютант, есаул Поповицкий ранен в голову. Наш отряд осиротел, лишившись начальника, который вот три месяца, с неустанной энергией, среди постоянных опасностей и лишений, водил нас по горным, лесистым дебрям. Сегодня тревожа японцев у Дану, завтра, отражая их нападение у Шау Го, послезавтра, встречая неприятеля у Саймадзы. Всегда впереди, там где решается участь дела, он первый подавал пример казакам, деля с ними все тяжести похода, питаясь кукурузными лепешками и лежа в грязи, на бурке, под дождем. Не раз в ужасные, тяжелые минуты, когда готова была угаснуть последняя искра энергии в измученных безсонницей и лишением людях, одно появление его вливало им силы и, усталые, отчаявшиеся, готовые пасть духом люди, превращались в львов, готовых до последней капли крови бороться за честь и славу дорогой родины. С потерой генерала Ренненкампфа, наш передовой отряд теряет свое значение, является мертвым организмом, безжизненным, лишенным души, телом...»

Через 10 лет, Врангель вновь попадает под начальство ген. Ренненкампфа но дистанция между ними значительно выросла. Если первый, командует по-прежнему эскадроном, то второй стоит уже во главе армии. В решении Врангеля атаковать в Каушенском бою, в конном строю, чувствуются отголоски школы пройденной им

на полях Манчжурии. Что же касается данной белым вождем характеристики ген. Ренненкампфу, то интересно сопоставить ее с советскими сборниками документов относящихся к Восточно-Прусской операции. Вот некотрые из приказов генерала Ренненкампфа, отданных им во время похода 1914 г. в Восточную Пруссию:

«6/19 августа. ген. Хану Нахичеванскому. Деятельностью вашего конного отряда в бою крайне неудовлетворен. Пехота вела упорный тяжелый бой, конница обязана была помочь появлением не только на фланге, но и в тылу неприятеля, не считаясь с числом верст, это привело бы к меньшим потерям у вас, к тяжелому поражению неприятеля В будущем приказываю быть более энергичным, подвижным, помнить, что у вас 48 орудий, которые, направленные в тыл неприятеля принесут громадное поражение».

«8/21 августа. 3 ч. ночи. Командиру 20-го армейского корпуса. Штаб вашего корпуса работает крайне неудовлетворительно. Начальник штаба совершенно незнаком с элементарными требованиями поддержания связи. О работе вверенного вам корпуса почти ничего не доносилось. 28-я пехотная дивизия в полном расстройстве, в отношении начальствующих лиц. Командиров Камского и Уральского полков удаляю от командования полками...»

«8/21 авг. 3ч. 15м. ночи. Командиру 3-го армейского корпуса. Большое вам спасибо за самоотверженную работу частей корпуса, благодаря чему дело на фронте отлично».

«8/21 авг. ген. маиору Орановскому. Не нахожу слов для выражения крайнего моего возмущения относительно действий Вашего Превосходительства. Предписываю безотлагательно представить мне объяснение относительно действий после переправы через Неман».

«8/21 авг. ген. майору Орановскому. Ознакомившись с вашим донесением № 261, нахожу, что Ваше Превосходительство, совершенно не подготовлены к роли самостоятельного кавалерийского начальника, потому, на основании дарованных мне прав, удаляю вас от командования вверенной вам бригадой. В командование бригадой вступить старшему в чине...»

«28 авг./10 сентбря. генералу Хану-Нахичеванскому. Возмущен вашей сегодня бездеятельностью. Невозможно поздно выступили, забываете важность возложенного поручения, задачи не выполняете, приказываю вперед: или выяснить движение противника, оказать противодействие его движению или быть отрешенным от должности, с увольнением в отставку...»

«28 авг./10 сентября. генералу Смирнову. Только что получено донесение о занятии Гольдап противником, объясняю это не считать преступной бездеятельности конницы, за что безпощадно расправлюсь, бездеятельностью вашей головной 29-й дивизии. Предлагаю принять экстренные меры, отбросить противника или считаться признанием несоответствия лиц занимаемой должности...»

С. Андоленко

Л.-гв. Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Полк

В делах и переписках Императора Петра Великого, хранящихся в Мюнхенской Публичной библиотеке, находится письмо за № 635 от 23 марта 1704 года к Тихону Никитичу Стрешневу, в котором дословно написано:

«Min Her. Я говорил Вам, чтобы сего лета прибрать два полка драгун, один поскоряе, а другой как наберется, о чем ныне подтверждаю, чтобы один поскоряе и людей полутче набрать и прислать».

Очевидно на основании этого письма, вышел Именной Указ объявленный разряду Бояриным Стрешневым, который заканчивает словами:

«... и из тех недорослей набрать в драгуны два полка, две тысячи человек. А ружей, фузей и к ним перевязи с крюки и бошмаки, пистоли с ольстре, дядунки, шпаги взять на них из оружейной палаты, да им же сделать из земскаго приказа немецкие седла из войлока и с пахвы, узды с мундштуки и с наперстными, шляпы и прислать в разряд. И о том в те приказы послать памятиж».

Ровно 260 лет тому назад на основании этого Именного Указа был сформирован 26 июля 1704 года ДРАГУНСКИЙ ПОРТЕСА ПОЛК впоследствии Л.-Гв. КИРАСИРСКИЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ ПОЛК.

Коренной офицер полка, я бы хотел познакомить читателей с краткой историей родного полка и тем отметить сей юбилейный год.

Не перечисляя всех сражений, стычек, походов, я ограничусь только краткими сведениями о переменах в наименовании полка и некоторыми данными, как исключением среди историй других кавалерийских полков.

1704 июля 26. Согласно Именного Указа был был набран в г. Москве, 10-ротный драгунский полк, названный по фамилии первого его командира Драгунский Портеса полк, и сразу же был двинут в Курляндию. С этого момента полк начал ковать свою боевую Славу в рядах Российской Императорской Армии.

1705 декабрь. Драгунский Штольца полк.

1707 декабрь. Драгунский Кампбеля полк.

1708 март. Невский драгунский полк.

1709 января 23. Гренадерская рота отчислена на сформирование Драгунского гренадерского полка Андрея Кропотова (расф. 31 авг. 1771 г.).

1727 февраль. Углицкий драгунский полк.

1727 ноября 6. Невский драгунский полк.

1730 марта 8. Утвержден Сенатом полковой герб.

1733 июля 21. По приказу от 1 ноября 1732 года полк переформирован из драгунского в кирасирский и как отличившийся в боях назван Лейб-Кирасирским.

1762 апреля 25. Кирасирский генерал-аншефа Корфа полк.

1762 июня 5. Лейб-Кирасирский полк.

1775 октября 24. К полку присоединен 6-м эскадроном один эскадрон расформированного Киевского кирасирского полка, сформированного 1 сент. 1698 года как Преображенский драгунский полк.

1790 апреля 8. К полку присоединены: Кирасирский Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, Казанский кирасирский и Тверской конно-егерский (составленный из Тверского и Софийского карабинерных) полков и развернут в 30 эскадронов трехбригадного состава.

1792 февраля 8. Присоединенные полки выделены в самостоятельные полки.

1796 ноября 17. Императрица Мария Феодоровна назначена Шефом полка и полк наименован Лейб-Кирасирским Ее Величества полк.

1798 июль. Полку пожалованы Императором Павлом Первым серебряные кирасы (См. «Военная Быль» № 58).

1807 февраль. Выключены из полка все низкорослые и дурно сложенные кирасиры.

1811 октября 12. Выделены: 1 обер-офицер, 4

ун.-офицера, 1 трубач, 34 кирасира и 36 коней на сформирование Астраханского кирасирского полка. (Впоследствии 8 драг. Астраханский Ген.-Фельд. Вел. Князя Николая Николаевича полк.).

1817 декабря 17. Из полка выделены кирасиры — уроженцы Западных губерний — для сформирования Л.-Гв. Подольского кирасирского полка. (Присоединен 22 августа 1831 года Л.-Гв. к Кирасирскому Его Величества полку).

1831 августа 22. Наследник Цесаревич Александр Николаевич назначен Шефом полка и полк наименован Лейб-Кирасирским Наследника полком.

1831 декабря 26. Лейб-Кирасирский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк.

1833. Повелено на передней части кирасы иметь восьмиугольную звезду с вензелем «А» под короной в ее центре.

1834 апреля 25. Малиновый цвет приборного сукна заменен св.-синим, а серебряный прибор на золотой.

1855 февраля 19. Императрица Мария Александровна назначена Шефом полка и полк наименован Лейб-Кирасирским Ее Величества полком.

1856 августа 26. Полку пожалованы права и преимущества Молодой Гвардии и полк наименован Л.-Гв. Кирасирский Ее Величества полк.

1857 апреля 10. Полку положено иметь рыжую масть, для чего полк обменялся лошадьми с Л.-Гв. Кирасирским Его Величества полком.

1880 мая 31. Ее Императорское Высочество Цесаревна Мария Феодоровна назначена Шефом полка с сохранением в наименовании полка Ее Величества.

1884 июль 22. Дарованы полку права и преимущества Старой Гвардии.

1894 ноября 2. Лейб-Гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк.

1904 мая 9. Полк в конном строю в Гатчине праздновал в Высочайшем присутствии 200-летний юбилей со дня основания полка с пожалованием нового штандарта кирасирского образца в виде хоругви с юбилейной Андреевской лентой.

1904 в конце. Сформирована пулеметная команда и отправлена в Действующую Армию на Дальний Восток.

1908 сентябрь. Сводный эскадрон с штандартом участвовал на параде совместно с батальонами Л.-Гв. Преображенского и Семеновского полков в честь баталии под Лесной, где эти полки особенно отличились.

1912 августа 12. Командирован Сводный эскадрон с штандартом на Бородинские торжества.

1914 июля 10. Высочайший смотр в Красном Селе в присутствии Президента Французской Республики Пуанкаре. После прохождения полк был двинут совместно с другими полками 1-ой Гвардейской дивизии в Петроград для подавления беспорядков.

1914 июля 14. Полк возвратился в Гатчину.

1914 в ночь с 19 на 20 июля объявлена мобилизация полку, по окончании которой в пяти эшелонах двинут на границу Восточной Пруссии по случаю объявления войны Германии в район Владиславова.

1914 июля 25. Первое соприкосновение полка с противником, продолжавшееся без перерыва до 1917 года на разных фронтах.

1915 декабря 15. Последний смотр Государя Императора у ст. Черный Остров. После прохождения, полк был выстроен шпалерами по пути проезда Государя Императора. Проезжая мимо полка, Государь передал полку привет от Шефа. Это были последние слова Государя полку.

1916 января 3. Полк развернут в шесть конных эскадронов, полковую пушечно-пулеметную команду, два стрелковых эскадрона.

1917 марта 4. По отречении Государя Императора Николая II от престола полк переименован Временным Правительством в Л.-Гв. 2-ой Кирасирский полк.

1917 июня 8. Переименован в Гвардейский Кирасирский полк.

1917 декабря 31. Полк демобилизован, просуществовав 213 лет, служа Верой и Правдой Императорам, Шефам и Родине.

1918 ноября 14. Сформирован эскадрон Кирасир Ее Величества при Сводно-Гвардейском полку в Добровольческой Армии.

1919 марта 24. Сформирован 2-ой эскадрон и пулеметная команда в Сводном полку Гвардейской Кирасирской дивизии.

1919 июня 19. Дивизион Кирасирского Ее Величества полка с пулеметной командой вошел 4-м дивизионом в 1-й Гвардейский Сводно-Кирасирский полк.

1920 май. Дивизион, понеся большие потери в борьбе с большевиками, сведен в эскадрон № 4 Гвардейского Кавалерийского полка.

1920 сентября 27. Возродившиеся в рядах Добровольческой Армии, Кирасиры Ее Величества, поддержав боевую Славу старого Петровского полка, пропустив через свои ряды 53 офицера, 2.000 кирасир и обессиленные в борьбе за Родину, перестали существовать как таковые.

1920 ноября 2. Остатки Кирасир Ее Величества покинули РОДИНУ с Русской Армией генерала Врангеля.

В эмиграции был составлен Устав «Объеди-

нения Кирасир Ее Величества» на подлиннике которого Шефом полка Государыней Императрицей Марией Феодоровной написано: «УТВЕРЖДАЮ МАРИЯ». 3 (15) августа 1922 г. Копенгаген.

БОЕВЫЕ И ДРУГИЕ НАГРАДЫ ПОЛКУ.

1733 июня 21. Пожалованы серебряные литавры.

1733 окт. 19. Пожалованы 20 серебряных труб.

1764. Пожалованы серебряные литавры с надписью «1761».

1764. Пожалованы 12 серебряных труб, украшенных рубинами с надписью «1761».

1794. Пожаловано 6 серебряных труб, с надписью «Anno 1764».

1798. Пожалованы 3 сигнальных трубы, с надписью «1798».

1798 июнь. Пожалованы Императором Павлом I 230 серебряных кирас, из них 11 офицерских.

1802 август. Пожаловано 5 серебряных, вызолоченных труб с изображением Государственного орла, с мальтийским крестом на груди с надписью «Unger 1800».

1826 марта 19. Пожалованы 19 серебряных труб с изображением Св. Великомученика Георгия, с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из России в 1812 году Лейб-Кирасирскому Ее Величества полку».

1861 января 9. Пожалованы на штандарты Андреевские ленточки, нашитые под орлами, с вышитыми на них годами «1733-1833».

1904 мая 9. В день 200-летнего юбилея со дня сформирования полка, пожалован новый штандарт, в виде хоругви. На лицевой стороне образ «Нерукотворный Спас», над ним надпись «С нами Бог», под образом Андреевская ленточка с надписями «1733-1833». На обратной стороне вензель Государя Императора Николая II, а под ним Андреевская лента с годами «1704-1804-1904». Штандарт украшен Юбилейной Андреевской лентою с надписью «1704 — Драгунский Портеса полк; 1708 — Невский драгунский полк; 1733 — Лейб-Кирасирский полк», а на другом конце «1904 — Л.-Гв. Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк». На банте «1904 год».

ЧИСЛИЛИСЬ В СПИСКАХ ПОЛКА.

1) Полковником полка Императрица Анна Иоанновна с 1 ноября 1733 г.

2) Полковником полка Императрица Елисавета Петровна с 25 нояб. 1741 г.

3) Полковником полка Императрица Екатерина II с 5 июля 1762 г.

4) Шефом полка Императрица Мария Феодоровна с 17 ноября 1796 г.

5) Шефом полка Насл. Цесар. Александр Николаевич с 22 авг. 1831 г.

6) Насл. Цесар. Николай Александрович с 8 сентября 1843 г.

7) Шефом полка Императрица Мария Александровна с 19 февраля 1855 г.

8) Император Александр II с 19 февраля 1855 г.

9) Шефом полка Ее Имп. Выс. Цесаревна Мария Феодоровна с 31 мая 1880 г.

10) Император Александр III с 22 июля 1880 г.

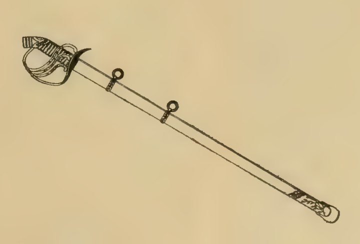
11) Император Николай II с 22 июля 1880 г.

12) Вел. Кн. Сергей Александрович с 9 мая 1878 г.

13) Вел. Кн. Михаил Александрович с 9 мая 1897 г.

14) Насл. Цесар. и Вел. Кн. Алексей Николаевич с 30 июля 1904 г.

Полковник **И Рубец**.

Кавалерийское дело 6 января 1920 г.

«Яже видехом очима нашима».
(Дьяк Котошихин из летописи).

Во время 1-ой Великой Войны, как и во время гражданской, пехотинцам редко приходилось видеть боевые действия своей кавалерии. Мне пришлось быть свидетелем одного крупного кавалерийского дела, которому, как мне кажется, наша зарубежная военная литература незаслуженно уделила мало внимания.

27-го декабря 1919-го года по причине не оставления 4-м донским корпусом генерала Мамантова фронта Нахичевань— Новочеркасск и увода его за Дон, Корниловской ударной дивизии было приказано прекратить уличный бой в Нахичевани и, форсируя Дон, занять и оборонять Батайск.

После ухода Добровольческой армии за Дон, на фронте против станиц Аксай—Гниловская, обстановка рисовалась следующим образом: станицу Ольгинскую сначала занимали донцы, затем Марковская дивизия. Станица Койсуг была промежутка Батайск — Ольгинская, в районе станицы Хомутовская расположился 4-ый донской корпус ген. Мамантова.

До 6-го января большевики несколько раз пытались атаковать Батайск, но каждый раз отбрасывались к Ростову. Наступая по местности ровной и всюду открытой, без хороших артиллерийских позиций, они несли большие потери.

6-го января Начальник Штаба Корниловской дивизии только что хотел подписать очередное срочное донесение в штаб корпуса, что ночь прошла спокойно и со стороны противника ничего не замечается, как от «Штабного эскадрона» 1-го полка получил следующее донесение: «6-го января 7 час. утра. Треугольник камышей против Нахичевани. Сильные, непрерывные колонны кавалерии противника переходят Дон по мосту и по льду. В бинокль вижу большое скопление большевиков по всему берегу против Нахичевани. Продолжаю наблюдение за противником. Огнем из камышей буду его задерживать». Шт. кап. Натус.

В штабе дивизии затрещали аппараты, зазвонили телефоны и вместо утешительного «на фронте без перемен» полетели тревожные донесения. Немедленно штаб корпуса сообщил, что в Батайск выступают: дивизия казаков ген. Топоркова и кавалерийская бригада ген. Барбовича.

Повидимому, чтобы сковать Корниловскую дивизию, одновременно с конницей со стороны ростовского железнодорожного моста через Дон, поддержанные сильным артиллерийским огнем, появились большевицкие стрелковые цепи.

Развернувшись в эшелоны, массы конницы противника заполнили пространство между Батайском и Ольгинской. Уже было приказано одному из Корниловских полков приготовиться ударить во фланг большевицкой конницы, как голова колонны бригады Барбовича, а за ней дивизии Топоркова, прикрываясь высокой железнодорожной насыпью-дамбой, подошла к месту расположения штаба Корниловской дивизии в Батайске.

Обменявшись несколькими фразами с Начальником Корниловской дивизии, генералы Топорков и Барбович выехали к крайним хатам, откуда перед ними открылась освещенная солнцем, слегка запорошенная снегом, блестящая степь, по которой куда только можно было метнуть взором, как мурашки, но в порядке, двигались эшелоны большевицкой конницы.

В ту пору я имел честь исполнять обязанности старшего адъютанта Штаба дивизии, и Начальник Штаба приказал мне наблюдать и присылать донесения о действиях кавалерии. Я верхом подъехал к генералам Топоркову и Барбовичу. Оба они стояли с поднятыми биноклями на пустой телеге.

«Красота!», не отрывая от глаз бинокля, произнес Барбович. «Как по-вашему», спросил Топорков, «сколько их»?

Барбович провел по сторонам биноклем и ответил: «Помните, Ваше Превосходительство, как наши земляки говорили — «видимо, невидимо». Я полагаю, что прямо перед нами тысяч 12-14, а то, что в той мгле в направлении Нахичевани, пока еще не видно» — и генералы вполголоса начали совещаться о предстоящих действиях. Совещание их длилось не больше минуты, после чего им подали лошадей и они крупной рысью поехали к своим частям, которые за железнодорожной дамбой были совершенно невидимы со стороны противника. У

Штаба дивизии генерал Барбович, задержавшись на несколько секунд, просил Начальника Штаба всеми мерами поторопить генерала Мамантова развернуться против фронта большевиков, дабы не дать им возможности переменить направление на Батайск, и сказал, что наша кавалерия атакует большевиков во фланг.

Перед Штабом дивизии, где только что совещались генералы, выехала конная батарея капитана Мейндорфа и сейчас же прямой наводкой открыла беглый огонь.

Захваченный нашим разъездом красноармеец показал, что наступает вся конная армия Буденного. Маневр ее был ясен: оставив заслон против Хомутовской, выйти на линию железной дороги Ростов-Тихорецкая и, ликвидировав с тыла Корниловскую дивизию, начать бродить по нашим тылам.

Уже передние эшелоны буденовцев, над которыми рвались шрапнели конной батареи, проходили Батайск. Они то останавливались, то сокращались, то, переходя в рысь и галоп, перестраиваясь, шли в принятом направлении на Хомутовскую и, казалось, на Батайск не обращали внимания. Но вот у них со стороны Батайска, из-за насыпи железной дороги, сначала показалась густая вереница лошадиных голов, за ними всадники, и лава за лавой, эшелон за эшелоном, как волны, подымаясь и опускаясь через дамбу, стали быстро выходить кавалеристы Барбовича и казаки Топоркова. Передние их ряды, блеснув на солнце шашками, пошли рысью, за ними все остальные. Буденный никак не расчитывал на появление нашей кавалерии со стороны Батайска. Далее — величественная картина! До шести тысяч нашей конницы пошли галопом. Большевики начали было менять направление на Батайск, но сразу смешались, и обратный фронт в 5-6 верст, с массою конницы с обеих сторон, до 26-30 тысяч, покрывшись мглой, превратился по виду в потревоженный муравейник.

К батарее барона Мейндорфа подскакал офицер генерального штаба: «Почему прекратили огонь» — кричал он. «Потому что не знаем, где свои и где большевики» — был ответ.

«Большевики бегут. Все, что движется на Нахичевань, все не наше. Вот по ним открыла огонь корниловская батарея и бронепоезда! Вот левее тех стогов, все не наши. Беглый огонь! Беглый огонь! — с радостным пафосом прокричал он и, круто повернув коня, поскакал к месту боя.

С большим трудом и то предположительно можно было определить атаки нашей кавалерии: не то наши атакуют, не то большевики бегут.

Во всяком случае было заметно, как буденовцы, не принимая наших атак, смешивались и в беспорядке устремлялись на Ольгинскую. Появление к этому времени со стороны Хомутовской конного корпуса генерала Мамонтова, не давало возможности противнику привести в порядок свои перемешанные части и принять какое-либо решение.

На фронте Корниловской дивизии шел оживленный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь.

До 3 часов дня шло кавалерийское сражение, без существенных результатов. Большевики вводили подходившие со стороны Нахичевани все новые и новые части, пытаясь своим продвижением на Хомутовскую охватить нашу кавалерию, но быстро смешивались и отступали. Уже садилось солнце, когда у большевиков по всему полю стали заметны массы конницы, отходившие на Нахичевань. Быстро наступил зимний вечер, стало темно и бой прекратился. На фронте Корниловской дивизии противник был отбит.

К вечеру подул ветер, небо заволокло тучами и стало вьюжить. В штаб Корниловской дивизии прибыл ген. Барбович. Чины штаба бросились было его поздравлять с блестящим кавалерийским делом, но он предупредил их, высказав мысль, что противник, по причине недостаточных наших сил, к сожалению, не разбит, а только рассеян и что он, приведя себя в порядок, может ночью сделать нам пакость. Генерал был сильно утомлен, но, как всегда, очень спокоен, добродушно шутил и отвечал на пытливые вопросы Начальника Штаба и Начальника дивизии о подробностях сражения.

По многим делам, в которых Корниловская дивизия действовала с кавалерией генерала Барбовича, имя его среди корниловцев было очень популярно. В этот вечер он приехал в штаб дивизии для того, чтобы, дождавшись возвращения посланных трех разъездов, послать соответствующее донесение о том, где и что делает рассеянный противник, но разъезды не возвращались. Больше всего генерал интересовался, кем занята Ольгинская, и потому и осведомлялся о фамилии начальника разъезда, посланного в этом направлении. Получив ответ, он очень удивился. «Я знаю», сказал он, «что это отчаянная сорви-голова, но для разведки одной храбрости мало». Ждать пришлось не долго, и генералу доложили о прибытии разъезда с Ольгинского направления. В комнату вошел корнет высокого роста, сутуловатый. В нем обратило на себя внимание отсутствие военной выправки, которой всегда отличались кавалеристы. Он, правда, видимо был очень утомлен, но и при этом оригинальная манера держать себя вызывала удивление. Было сразу заметно, что, несмотря на известную его храбрость, Барбовичу он не особенно нравился.

Прибывший корнет, войдя в комнату, снял фуражку и, стряхнув с нее снег, каким-то иро-

ническим взором провел по всем бывшим в комнате офицерам: что, дескать, сидите здесь в тепле и безопасности, а тут, смотрите де, какие дела.

Далее между ним и генералом произошел разговор, служивший впоследствии веселой темой в досужих воспоминаниях. Между прочим, как корнет, так и Барбович, оба не выговаривали буквы Р.

— Здравствуйте, докладывайте, докладывайте, — с досадливым смущением обратился к нему генерал.

— Газгешите мне сначала отдышаться, — с обидчивым удивлением произнес корнет.

— Дышите, дышите, только докладывайте — в сердцах и снисходительно бросил ему Барбович.

— И вот мы поехали. В снежной пугге мы едва пгодвигались. Газгешите закурить? — прервал он свой доклад.

— Курите, курите, дайте ему папиросу, а то у меня крученки, — обратился генерал к присутствовавшим. Но корнет сам достал из висевшего через плечо портсигара папиросу и, закурив из поднесенной кем-то спички, продолжал:

— Я доложу Вашому Превосходительству все по погядку... Но генерал перебил его:

— Давайте, в таком случае, не по порядку. Вы в Ольгинской были? — спросил он его.

— В Ольгинской не был, не был.

— Ну, хорошо, что вы видели и слышали в пути?

— Видел одного когниловца, котогый вел ганеную лошадь.

Не говоря больше ни слова, с удивленим смотрел на корнета генерал. Неизвестно как бы продолжался этот разговор, потому что в это время прибыли остальные два разъезда и обстоятельно доложили о создавшейся обстановке: не атакуя Ольгинскую, противник в полном беспорядке ушел за Дон, большей частью в Нахичевань и меньшей — по льду в станицу Аксайскую.

— Теперь я вам, родные корниловцы, определенно могу пожелать спокойной ночи, — сказал генерал Барбович, уезжая из штаба Корниловской дивизии.

Легкость лобеды нашей, уступавшей в численности кавалерии над «непобедимым Буденным рождала радостное настроение, омрачившееся слухами о ранении генерала Топоркова.

полковник **А. Рябинский**

Хроника « Военной Были »

ЕЩЕ ОДИН ПАМЯТНИК.

В каменную стену церковной ограды, в селении Треффен, в Южной Австрии, севернее Виллаха, вделана мраморная доска со следующей надписью:

«Hier Ruhet Ein beim Durchmarschierender russisch Kaiserlichen Hilfstruppen im Dorfe Treffen Haus Nr. 3 verstorbener gemeiner vom Infanterie Regiment Miloradovich am 10. April 1799 von dem Griechischen Poppe im Beisein des Kahtolischen Seelsorger begraben wurde».

«Здесь покоится рядовой пехотного Милорадовича пелка, скончавшийся в доме № 3 деревни Треффен, во время следования императорских русских вспомогательных войск и погребенный 10 апреля 1799 года греческим священником, в присутствии католического духовного лица».

В апреле 1799 г., здесь, видимо, проходили обозы и госпиталя армии генерал-фельдмаршала графа Суворова-Рымникского, в то время как строевые части следовали в Итальянский поход. Солдат этот скончался, таким образом, вероятно, от болезни, а не от ран, так как в тому времени, войска еще не начинали боев в Италии.

Мушкетерский Милорадовича полк — впоследствии 81 пехотный Апшеронский Императрицы Екатерины Великой полк.

Сообщил **В. И. Кисель.**

БЫЛО-ЛИ ЭТО?

В мае месяце 1914 г., в издававшихся в Петербурге «БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЯХ», была помещена такая краткая заметка: «В районе города Сувалки, произошло столкновение русских и немецких войск». Только и всего! Потом пошли слухи, что где-то около нашей границы, в райне пограничных постов Бакаларжов-Рачки, император Вильгельм делал смотр кавалерийскому полку. По окончании учения, полк ушел на постоянную стоянку, а один эскадрон, по приказанию Вильгельма, повернул и перейдя границу двинулся в направлении на Сувалки. Будто-бы, по телефону с пограничного поста, был выслан навстречу эскадрон драгун, который на полдороге от Сувалок, атаковал немцев и отогнал их за границу. Были убитые. Говорили, что немцы объясняли это дело «ошибкой в дороге» и просили наложить взыскание на командира русского эскадрона.

Заметку эту я сам читал в «Биржевке», но как-то об этом случае никогда и нигде больше не упоминалось. Может быть есть кто-нибудь, кто может сообщить подробнее об этом деле?

В. Пигулевский.

НА МАНЕВРАХ.

На больших маневрах Варшавского военного округа в 1912 г., я был назначен ординарцем к руководителю маневров генералу Брусилову. Бывший раньше начальником Офицерской Кавалерийской Школы, генерал Брусилов сохранил гусарскую форму, присвоенную постоянному составу Школы, я-же носил форму своего полка — 14 гусарского Митавского. Во всем штабе только мы два были в гусарской форме.

Однажды вечером, я вышел прийтись и пошел по железнодорожному пути, вдруг меня догоняет полковник Ген. Штаба Бонч-Бруевич и, в сумерках, видя мои красные штаны, окликает «Ваше Превосходительство, будьте осторожны, сейчас пойдет поезд, вы можете попасть под него»... Я обернулся и картина мгновенно изменилась: «Что вы, поручик, ходите по рельсам? Не можете найти себе другого места для прогулок?» — закричал полным голосом рассвирепевший полковник.

У Брусилова был крупный гунтер, на которого он садился по откидному стремени. Во время маневров, направляясь к какой-нибудь части, он пускал своего гунтера полевым галопом, через паханные поля, перепрыгивал канавы и, если попадались заборы, перемахивал через них. Я, как ординарец, следовал за ним, лошадь имел хорошую, молодежь, адъютанты, большей частью тренированные, не отставали, но прочей свите и начальникам из не-кавалеристов, приходилось тяжко. Брусилов только иногда оборачивался через плечо назад и улыбался.

В то время, я был прикомандирован к 2 Полевому жандармскому эскадрону. К таковым прикомандировывались на шесть месяцев, офицеры, желавшие перевода, и затем они подвергались особому экзамену при Штабе округа. Моим эскадроном, в то время, командовал бывший Нарвский драгун полковник Семен Иванович Дроздовский, Георгиевский кавалер, впоследствии получивший в командование Туркменский конный дивизион. Я видел его в Варшаве, на Новом Свете, в полосатом туркменском халате с полковничьими эполетами, в огромной лохматой папахе и желтых сапогах. Это был очень образованный офицер, энциклопедист, но с некоторой авантюрной жилкой. Например, он показывал мне свою фотогра-

фию в клетке со львом. Впоследствии, Дроздовский командовал Русским Отрядом в Хоросане и был убит ударом ножа в сердце, молодым персидским туркменом.

Высоцкий.

ФИНЛЯДСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

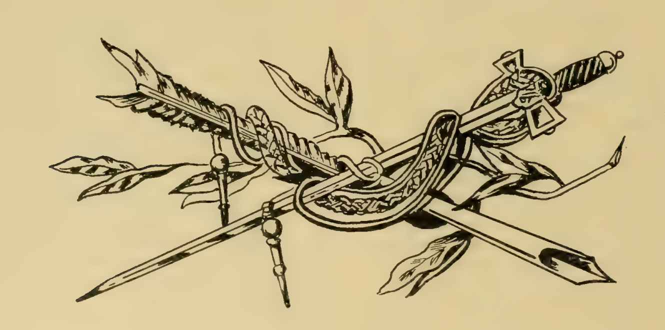
Кадетский корпус-интернат помещался в маленьком городке Фридрихсгам, с 2000-2100 жителей, у Финского залива, на полпути между Гельсингфорсом и Выборгом... Основан он был в 1817 году и первоначально его задачей была подготовка молодых людей быть офицерами не только, весьма незначительной, Финской, но и Русской армии. Штатный состав воспитанников был всего 120 молодых людей в семи классах: 4 общих класса для окончания общего образования, которое требовалось для поступления в университет, и 3 класса — специальных для получения военного образования.

Поступление в корпус следовало после конкурсного вступительного экзамена по программе четвертого класса гражданских лицеев. Учительский персонал весьма хорошо оплачивался, а потому состав его был прекрасный. Все преподаватели проявляли живой интерес к своей службе и к воспитанникам, которых они часто приглашали проводить досуги среди своих семейств. Многие из учителей, впоследствии, сделались профессорами университетов или привлекались к занятию высоких постов в администрации страны.

Мораль в корпусе ставилась на первое место. Младшие воспитанники находились под строгим надзором старших. Существовал даже суд чести из воспитанников двух старших классов, и был заведен особый судебный кодекс. Наказания этого суда весьма уважались воспитательским персоналом. Были даже случаи, когда суд чести представлял по начальству свое заключение о необходимости исключения из корпуса провинившегося воспитанника. В таких случаях, комиссия учителей и офицеров-инструкторов рассматривала вопрос и зачастую соглашалась с мнением суда чести. При мне было три таких случая. Товарищеские отношения между кадетами были самые хорошие и продолжали оставаться таковыми и после окончания корпуса. Единство взглядов на мораль — наилучшая спайка отношений в жизни.

С учреждением в 60-х годах финских постоянных войск кадеты Финлядского кадетского корпуса выпускались в пехоту, кавалерию и артиллерию русских войск, но с 1881 года, когда был сформирован 8-й Финский стрелковый батальон и кавалерийский полк (Финский драгунский), число кадет, выпускаемых офицерами в русские войска, значительно уменьшилось. В Гвардию ежегодно выпускался всего один воспитанник, а в Финский гвардейский батальон — два.

Ген.-лейт. Хольмсен.
«Воспом. офицера Генер. Штаба»

ВОИНСКАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

Высочайшим Приказом от 29 октября 1864 года, было основано Виленское пехотное юнкерское училище, бывшие юнкера которого собрались в воскресенье 15 ноября помянуть сотую годовщину основания своего родного гнезда.

Много тысяч доблестных офицеров дало России Виленское юнкерское, впоследствии, военное училище. Возглавляемое, последние пять лет перед войной, выдающимся военным педагогом Начальником училища генерал-майором Борисом Викторовичем Адамовичем, училище, по праву, заняло одно из первых мест, среди превосходных военных школ, в которых Великий Князь Константин Константинович готовил будущих Императорских офицеров.

И вот, после молебна святым покровителям училища Козьме и Дамиану, собрались бывшие юнкера на братскую трапезу, под председательством их возглавителя, Хранителя Парижского Маяка, полковника Петра Степановича Серебрякова.

«К высокому и светлому знай верный путь...».

Этот девиз славного училища нашел свое отражение во всех тостах и речах, сказанных во время банкета, во всех поздравлениях, полученных от всех Виленских Маяков, зажженных их неутомимым Председателем, Хранителем Традиций училища, полковником Владимиром Иоанновичем Шайдицким. Присутствовавшим в качестве гостя на банкете, редактором журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» была особо отмечена в его речи великая заслуга Виленцев, которые и за рубежом остались на службе Отечеству и, сменив шашку и винтовку на перо, отдали великую дань русской военной истории и своей родной Школе, выпуском превосходной книги «ВИЛЕНЦЫ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВА».

Милые Виленские дамы украсили этот банкет своим присутствием, а на каждом приборе лежали, прекрасно исполненные акварелью, виленцем Леонидом Федоровичем Копытько, меню, на которых перед завтраком и расписались все присутствующие.

А.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК.

19 марта 1814 г. Российская Императорская армия вступила в Париж. 3 апреля Император Александр I повелел, в память окончания войн 1812-14 г.г. и занятия с бою столицы Франции, сформировать новый гвардейский полк, коему именоваться Л.-Гв. Конно-Егерским. Офицеры и нижние чины выбраны из 11 гусарских и 4 конно-егерских полков, участвовавших в Отечественной войне и вступивших в Париж, причем назначались георгиевские кавалеры и наиболее отличившиеся в боях. 3 апреля в Версаль начали прибывать назначенные на укомплектование и 28 апреля вышел первый приказ по полку генерал-майора Потапова, первого командира полка. День полкового праздника был установлен на 19 марта, в память вступления в этот день русских войск в Париж.

В этом году исполнилось 150 лет с этого знаменательного дня и семья лейб-драгун за рубежом, в составе 18 оставшихся в живых офицеров, возглавляемых полковником Эриком Ивановичем Гримм, ознаменовала это событие выпуском великолепно изданной памятки полка. Краткая хронология полка, украшенная прекрасным оттиском полковой печати, в художественно исполненной обложке, на века останется памятью доблестного полка и последних лейб-драгун в эмиграции.

А. Г.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК.

День Святого Ерофея, день блистательной атаки под Лейпцигом, является полковым праздником лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Каждый год, в этот день, в прекрасном помещении полкового музея, длинные столы накрываются полковым серебром и дружная семья лейб-казаков, с ее гостями, поминает славное прошлое полка и, перед своей полковой святыней - штандартом, молится об упокоении павших, о здравии живых и о величии и славе родины-России.

Налет грусти лежал в этот день на собравшихся и, как-то, и на самом празднике. Совсем недавно, лейб-казаки потеряли любимого Председателя Объединения. В их замечательном помещении, каждая вещь, каждая книга, каждое слово напоминают о покойном Илье Николаевиче Оприце и добрая о нем память никогда не иссякнет ни у лейб-казаков, ни у всех русских военных, любящих и ценящих нашу военную историю, на служение которой посвятил свою жизнь покойный Илья Николаевич.

Вечная ему память, а лейб-казаки да сохранят до гробовой доски свой доблестный воинский, казачий дух и да не угасает в них вера в славное будущее нашего Отечества.

АЛЕКСЕЕВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ.

Бывшие юнкера Алексеевского (Московского) военного училища, 8-го ноября с. г. отметили столетие со дня основания своего училища молебном и дружеской трапезой. Не составляя формально Объединения и будучи связаны своим «Центром Связи», они собрались на этот праздник, влекомые исключительно чувством глубокой любви и благодарности к воспитавшему их училищу. Всего в Париже собралось 17 человек, в возрасте от 70 до 92-х лет. Старший генерал-лейтенант Твердый, выпуска 1895 года был Почетным Председатлем собрания, председательствовал-же полковник Киреев, выпуска 1906 г.

Первое слово принадлежало старейшему. Леонид Доримедонтович Твердый рассказал, что в 1894 году, по окончании Юридического факультета Московского университета, он поступил на годичный курс в училище. По окончании училища и отслужив положенное время в строю, имея после этого полную возможность перейти на гражданскую службу, он, тем не менее, остался на службе в армии, высоко оценивая, привитое ему училищем, звание русского офицера.

Тем-же чувством любви и глубокой благодарности к родному гнезду, дышали и остальные выступления. В коротких словах, высказывались такие мысли:

«Училище — подготовительная ступень к званию офицера. Окончив училище, юнкер вступал в корпус офицеров Императорских армии и флота и сливался с офицерами его выпуска из других училищ. На офицера ложится не только долг перед родиной, но и большая ответственность. Как в Великую войну, так и в годину смуты, русский офицер, воспитанник военных училищ, держал экзамен на полях битвы с внешним и внутренним врагом. Как каждый из них его выдержал — судить ему самому».

К годовищне основания училища Центром Связи, олицетворяющимся капитаном Павлом Александровичем Нечаевым, в издании Военно - Исторической Библиотеки «Военной Были», был выпущен сборник-памятка, составленный на основании свидетельств и рассказов бывших юнкеров. Тут-же, во время трапезы, была высказана мысль о желательности издать следующий сборник — запись о том, как бывшие юнкера-Алексеевцы-Московцы держали свой боевой экзамен уже будучи офицерами.

Наш неутомимый «Центр Связи» П. А. Нечаев доложил о своей работе по налаживанию связи между однокашниками, которую он начал в1957 г., и о прекрасных результатах, которые она дала. Рассказал он и о постепенном создании архива и небольшого музея училища.

Получено было много приветствий и поздравлений письменно , а также на обеде присутствовали Председать Обще-Кадетского Объединения во Франции и редактор «ВОЕННОЙ БЫЛИ» А. А. Геринг, Председатель Союза Летчиков капитан Ошевнев, и Председатель Объединения Тверского кавалерийского училища ротм. Кузнецов, которые в теплых словах приветствовали алексеевцев-московцев от своих организаций.

На этой встрече было отмечено и пятидесятилетие производства многих однокашников в офицеры и было отмечено, что наложенный на нас долг служения Родине, мы должны выполнить до конца.

П.

Обзор военно-исторической печати

Михаил Свечин: «Записки старого генерала о былом». Ницца 1964 г.

В настоящее время, 50 лет после начала 1-й Мировой войны, каждая выходящая в свет книга, в которой речь идет о последней, является целым событием. Поэтому с какой-то особенной радостью и огромным интересом берешь в руки только что вышедшую книгу генерала Свечина «Записки старого генерала о былом». Но не только о 1-ой Мировой войне повествует нам генерал Свечин. Его мемуары захватывают конец XIX-го столетия и ведут нас через начало XX-го, заканчиваясь периодом белой борьбы на юге России.

На 200-х с лишним страницах проходит перед читателем вся военная карьера генерала Свечина, от кадетского корпуса вплоть до командования им кавалерийским корпусом, через военное училище, службу его в полку, Академию Генерального Штаба, службу в Генеральном Штабе, которую начал он на полях Манчжурии во время русско-японской войны. Хотя коротко, но захватывающе, пишет он о последней, давая между прочим, характеристику Куропаткина. После русско-японской войны служил он по Генеральному Штабу в С.-Петербургском Военном округе.

Далее говорит о войне 1914-17 г.г., которую начал в штабе 9-ой армии, а окончил командиром 1-го кавалерийского корпуса, пройдя в течение этих неполных трех лет последовательно через следующие должности: начальника штаба 2-ой Гвардейской кавалерийской дивизии и начальника штаба кавалерийского корпуса генерала Гилленшмидта во время тяжелых, но удачных и славных боев нашей кавалерии на стыке обоих фронтов, северо-западного и юго-западного в ноябре 1914 года под городом Петроковым. В марте 1915 года назначается Свечин командиром 14-го драгунского Малороссийского полка, а уже в декабре того же года — командиром своего родного Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка, которым командовал он до весны 1917 года, когда был назначен начальником Сводной кавалерийской дивизии в предгорьях Карпат. А уже к концу лета того же года, после Корниловского выступления, принял он командование 1-ым кавалерийским корпусом, эту последнюю должность свою в нашей старой армии. Все это такое быстрое продвижение его по службе в достаточной мере говорит о высоких боевых качествах генерала Свечина.

Читая перечисление всех должностей, которые генерал Свечин занимал во время 1-ой Мировой войны, приходится только пожалеть, что он подробнее не останавливается на отдельных эпизодах и боевых событиях, в которых он играл немалую роль, что, мне кажется, объясняется свойственной автору книги скромностью.

В конце 1917 года (декабрь) генералу Свечину стало ясным, что после захвата власти большевиками, спасения для быстро разлагающейся нашей бывшей славной армии больше быть не может, а поэтому он отправляется на юг России, где уже собрались генерал Алексеев и «Быховские узники» и где шло формирование Добровольческой армии. Здесь началась военно-дипломатическая деятельность генерала Свечина, не менее блестящая, чем его чисто-военная, боевая. Целый ряд миссий, в целях добывания необходимой помощи и вооружения для борьбы с большевиками, ведут его на Украину к гетману Скоропадскому, к германскому фельдмаршалу Эйхгорну и к его начальнику штаба генералу Гренеру, будущему военному министру Германии. Потом едет он с той же целью в Лондон и Париж. Во время этих поездок с деликатными поручениями дипломатического характера, генерал Свечин показал свой врожденный такт, свои знания, умение и большую находчивость, чем принес громадную пользу белой борьбе на Юге России.

У читателя книги генерала Свечина, уже знакомого с появившейся в 1959 году в Москве книгой графа Игнатьева «50 лет в строю», невольно возникает желание сравнить между собой этих обоих авторов. Действительно, оба они почти одновременно были произведены в офицеры той же самой 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии, в полки, имевшие общего Шефа, вдовствующую Императрицу Марию Федоровну. Оба они одновременно поступили и вместе окончили Академию Генерального Штаба, после чего вместе же поехали в 1904 году на русско-японскую войну, где опять-таки вместе служили в штабе Главнокомандующего. Если же после русско-японской войны их военные дороги и разошлись, то, несмотря на это, в их дальнейшей службе было много общего, так как в ней им пришлось иметь дело все с теми же самыми высокопоставленными особами и соприкасаться все с одними и теми же вопросами подготовки России к войне В дальнейшем же генерал Свечин проделал всю 1-ую Мировую войну в рядах наших Действующих армий, тогда как Игнатьев просидел всю войну на посту военного агента в Париже, откуда и перекинулся к большевикам

Насколько книга Игнатьева, от самого начала и до конца, переполнена самодовольством, хвастовством, ложью, подтасовками, а главное, всей, вышедшей на явь, подлостью автора, как человека, настолько «Записки старого генерала о былом» генерала Свечина отличаются объективностью, правдивостью и большой скромностью. Ему отнюдь не чужда известная критика некоторых власть имущих особ, так и фактов и событий, неизбежно приведших к трагическому крушению Российской Империи. Но и тут он резко отличается от Игнатьева своим умеренным тоном, а также полным отсутствием разных непристойных выходок и необоснованных клеветнических нападений последнего.

Книга генерала Свечина издана прекрасно и с большим вкусом. Она большого формата, напечатана на отличной бумаге и содержит 18 отчасти редких иллюстраций.

В. Кочубей.

Письма в Редакцию

К ПИСЬМАМ ШТ.-КАП. СЕНЦОВА И ГЕН. АНДОЛЕНКО. (№ 70 «Военной Были»).

71-ая пехот. дивизия 1914 г. не имела ничего общего с 71-й пех дивизией времени японской войны. Беру на себя смелость ответить ген. Андоленко, что перенесение Василия Рябова из списков 196 пех. Инсарского полка в таковые 320-го пехот. Чембарского не состоялось. Это, конечно, только мое предположение, но имеющее некоторые основания в следующем: в 1914 г. 196 пех. Инсарский полк дал кадры для сформирования 336 пех. Анапского полка 84-й пех. дивизии. В то же время, в г. Саранске второочеродной 320 пех. Чембарский полк получил свой кадр от 180 пех. Виндавского полка 45-й пехот. дивизии, а 284 пех. Венгровский полк получил таковой же от 136 пех. Таганрогского пех. полка 34-й пех. дивизии. Следовательно, никакой преемственности от Чембарского полка японской войны у этих полков не могло быть и имя Василия Рябова должно было остаться в 196 пех. Инсарском полку, включившем в себя, в 1910 году, 216 пех. резерв. Инсарский полк, в списки которого был занесен в 1906 году Василий Рябов.

В 1904 г., 54-я пех. резерв. бригада развернулась в 71-ую пехот. дивизию и 284 пех. Чембарский полк получил кадр от 216 пех. резерв. Инсарского полка. Дивизия входила в V Сибирский арм. корпус и в августе 1904 г. понесла большие потери под Ляояном. Если я не ошибаюсь, командиром корпуса был генерал Дембовский, а начальником 71 пех. дивизии — генерал Орлов.

В октябре 1906 года, останки Василия Рябова были привезены из Манчжурии в г. Пензу. Траурная процессия проследовала через весь город, среди шпалер войск и учащихся всех учебных заведений города, в пригородное село Лебедевское, откуда был родом Василий Рябов.

Эта торжественная церемония вызвала нарекания со стороны либеральной интеллигенции города, того времени, настроенной чрезвычайно антиправительственно и противумилитаристически.

Жене Рябова была назначена пенсия, а обучение детей было принято на казенный счет.

В. Терентьев.

Я бы хотел несколько дополнить мое Письмо в Редакцию некоторыми личными воспоминаниями.

С тех пор как разворачивался у нас Чембарский полк прошло 60 лет, мне в те поры, шел восьмой год, но я помню события тех дней, как будто это было вчера. В доме отца моего, в надворных постройках, в течение полутора месяцев был на постое взвод Чембарцев, в 60 человек. Тут было полно баб и ребятишек, понаехавших из деревень для проводов родных и надолго здесь застрявших. Помещений было достаточно, но поначалу на постой было назначено 30 человек. В двухэтажном складе-палатке, отец построил нары на 30 человек и поставил солдатам трехведерный самовар и запас деревянного угля. «Палатка» оказалась занятой лишь на одну четверть и тогда к нам, самотеком, переселился весь взвод. Я все время проводил среди солдат. Люди были все пожилые, бородачи, серьезные, в большинстве, солдаты Александра III. На дворе они учились ставить палатки, плели, из ржаной соломы, маты для похода, а на занятия уходили за город, на лагерное поле и стрельбище. Там их, в июле месяце, смотрел Государь, которого я видел в первый и последний раз в жизни.

В соседней 54-й дивизии был 214 пехотный Мокшанский полк, капельмейстер которого сочинил известный вальс «На сопках Манчжурии», который, в просторечии, и именовался «мокшанкой».

В. Терентьев.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Посылаю Вам выдержку из письма ко мне офицера Кавказского Конно-Горного Артиллерийского дивизиона, которое он просит поместить как дополнение к моей статье об атаке Нижегородцев у деревни Колюшки.

«Я беру на себя смелость просить Вас дополнить описание доблестной атаки у Колюшек тем, что «наша артиллерия, сумевшая подбить тяжелое немецкое орудие» и державшая под огнем, атакуемую Нижегородцами, немецкую батарею, была наша 1-я батарея Кавказского Конно-Горного дивизиона, под командой ее доблестного командира подполковника В. И. Леонтовича. В этой удачной атаке участвовал наш офицер поручик П. А. Карпов с несколькими разведчиками и вахмистр батареи, ведший распряженные уносы для вывоза немецких орудий. В 1-й батарее хранился трофей этого лихого дела — оптический прицел немецкого тяжелого орудия. Вечная память павшим Нижегородцам, а для нас, Конно-Горцев, упоминание имени доблестного подполковника Всеволода Иосифовича Леонтовича было бы заслуженным венком на его могилу».

Я хорошо знал подполковника Леонтовича и могу заверить, что он, как высоко доблестный офицер и отменный артиллерист, так же как и весь состав Кавказской Конно-Горной батареи вполне заслуживают упоминания о их славном участии и содействии Нижегородцам в бою у деревни Колюшки.

Полковник **Ден.**

В моей статье «По поводу фальсификации прошлого» в № 70 «ВОЕННОЙ БЫЛи», ошибочно отмечено, что я был назначен командиром 13-й Конной батареи в 1913 году, между тем, это назначение состоялось в 1909 году. Прошу Вас поместить это исправление, так как оно имеет значение, как показатель быстрого развития грамотности в Европейской России: в 1903 году прибывало в батарею 65 проц. неграмотных, а в 1909 — неграмотные уже насчитывались единицами.

А. Левицкий.

Прошу внести поправку в статью А. Брофельда о Кадетских корпусах: Сибирский Императора Александра I имел фуражку синюю, а не черную.

Л Радцевич-Плотницкий.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В № 70 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», по недосмотру редактора, в описание церемонии передачи штандарта 17 драг. Нижегородского полка в храм-памятник, вкралась ошибка, которую мы спешим исправить.

Кроме Нижегородского полка, широкие Георгиевские ленты на штандарте имел еще 18 драгунский Северский полк. Ленты эти были пожалованы полку «За конную атаку полком 3 июня под кр. Карс у с. Аравартан в Русско-турецкую войну 1877-78 г.г. турецких таборов, пытавшихся прорваться из крепости Карс».

Редактор журнала приносит свое извинение г.г. офицерам Северского полка, за допущенную ошибку.

Алексей Геринг.

О ШТАНДАРТЕ 18 ДРАГУН. СЕВЕРСКОГО ПОЛКА.

Штандарт 18 драгунского Северского полка, увезенный в дни октябрьской революции подпрапорщиком Гавришем и переданный в ячейку полка в Армии Вооруженных Сил Юга России, был при Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в период гражданской войны, а ныне находится в Синодальном храме в г. Нью-Йорке.

За свой подвиг, подпрапорщик Гавриш был произведен Главнокомандующим в офицеры.

Полковник **Пермяков.**

В ответ на письмо г-на Власкова в № 70 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», могу сообщить следующее: поручика Кулаковского мне пришлось встретить в 1947 году, в лагере под Мариинском, в С.С.С.Р. Он был схвачен Советами в Константинополе и приговорен к десяти годам лагерей. Выбрался-ли он, после этого, из С.С.С.Р. я не знаю, хотя тогда производил впечатление человека крепкого и здорового.

В разговоре со мною, он утверждал, что, желая вырваться из плена, он заявил немецким властям, что хочет послужить Германии, как немецкий агент и что, действительно, при отправлении в Россию, ему была дана явка к Мясоедову.

Автор этого письма лично известен Редакции.

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

В. АЛЬМЕНДИНГЕР — Симферопольский Офицерский полк. Изд. «Военно-Исторической Библиотеки «Военной Были», № 4, стр. Париж 1963 г.

Полк. БАУМГАРТЕН и шт.-ротм. ЛИТВИНОВ — Памятка Кирасир Ее Величества за время гражданской войны. 116 стр. и 19 стр. приложений. Берлин 1927 г.

Н. БЕЛОГОРСКИЙ (Н. Шинкаренко) — Вчера. Роман в двух т т. Том 1-й: Наша война 238 стр. Мадрид 1964 г. Том 2-й: На чужбине. Мадрид.

Ген. А. П. БОГАЕВСКИЙ — Воспоминания. 1918 год. «Ледяной поход». Изд. «Музея Белого Движения» Союза Первопоходников. Нью-Йорк 1963 г. 150 стр. с портретами Белых вождей.

Под ред. Д. П. ВЕРТЕПОВА — Русский Корпус. 1941—1945 г.г. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Изд. «Наши Вести». Нью-Йорк 1963 г. 416 стр. с илл. и черт.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО КИРАСИРА о родном полку. 78 стр. на машинке с 13 фотогр. Напечатано по числу членов Объединения полка.

Под ред. В. И. ВУИЧА и А. П. ТУЧКОВА — История лейб-гвардии Конного полка Том 3-й. 1964 год. Роскошное издание ин-фолио с многочисл. фотогр., концовками и виньетками. Париж 1964 г.

По матер. Г. А. ГОШТОВТА — Описание действий кирасир Ее Величества в войне 1914-17 г.г. 204 стр. 12 клише. В приложении карты. Мюнхен 1956 г.

С. ДИРИН — Семеновцы в 1915-16 и 17 г.г. Краткое изложение событий в действующем лейб-гвардии Семеновском полку от Гарволина до развала армии. Буэнос-Айрес 1964 год, 24 стр.

«ДРУГ ИНВАЛИДА» издание Союза Русских военных инвалидов в Шанхае. Под ред. полк. Л. Сейфуллина. 400-500 экземп. С 1931 по 1943 г.г. выпущено 12 номеров. Всего 512 стр. богато иллюстрир. текста.

Полк. ЕЛИСЕЕВ — Лабинцы и последние дни на Кубани. Брошюры № № 1—9 около 300 стр. со схемами и фотографиями. № № 10, 11 и 12 — Одиссея по красной России. 98 страниц.

«КАЗАЧЬЕ ЕДИНСТВО» журнал. Вышло два номера: март и май 1934 г. Париж. Издание Правления Казачьего Союза.

М. Д. КАРАТЕЕВ — Ярлык Великого Хана. Ист. роман 460 стр. Буэнос-Айрес 1958 г.

М. Д. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза. Ист. роман 400 стр. Буэнос-Айрес 1962 г.

М. Д. КАРАТЕЕВ — Богатыри проснулись. Том 1-й 258 стр. Буэнос-Айрес 1963 г.

«КОРПУСНИК» — ежемесячный бюллетень Союза чинов Русского корпуса в Югославии. 1 лист типограф. изд. Выходит с 15 июля 1962 года.

«КСТАТИ» — литерат. и иллюстрир. журнал изд. Союза Русских инвал. в Шанхае под ред. подполк. Л. Сейфуллина Выходил еженедельно с 1939 по 1944 г. Всего было 223 номера. Число стр. каждого от 30 до 40. Тираж вначале — 200, потом дошли до 400.

И. А. ЛАВРОВ — На рубеже. Выступление Иркутских юнкеров в 1917 г. против большевиков. Харбин, год не указан. Вероятно — 1937.

Лейт. ЛЬДОВСКИЙ (П. Ф. Ляпидевский) — Записки военного летчика. Шанхай 1934 г.

Е. С. МОЛЛО — Русское холодное оружие эпохи Императора Николая II, и князь ТРУБЕЦКОЙ Н. С. — Нижегородская шашка. Издание «Военно-Исторической Библиотеки «Военной Были» № 5.

«НАШИ ВЕСТИ» — ежемесячный орган Русского корпуса. Изд. Нью-Йорк. Илллюстр. журнал. № 1 вышел в мае 1945 г. в виде информац. листка на ротаторе, в таком виде выходил в лагере Келлерберг по номер 2137 включит. 1 февраля 1952 г. издание возобновилось в США под № 1/2138, в виде журнала, выходящего каждого 1 и 15 числа месяца. На 6, а затем был доведен до 16 стр. С 1 октября 1957 г. с № 136 перешел на типографский способ и стал военно-литературным журналом, выходящим каждый месяц с многочислен. илл. В то же время, каждое 15-ое продолжал выходить бюллетень под тем-же названием для помещения официального материала из жизни Союза чинов Русского Корпуса. С № 15 — VII-1962 г. этот бюллетень получил название «Корпусника». Редактор с основания Д. П. Вертепов.

Алексей Геринг.

(Продолжение следует).

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вел. Кн. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — Сон Юности — 15 фр.

М. СВЕЧИН—Записки старого генерала — 12 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза — 20 фр.

Русская Воен. Библиот. вып 1 — 1 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Богатыри поснулись т. 1 — 15 фр.

Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзях — 15 фр.

А. П. БОГАЕВСКИЙ—Воспоминаия 12 фр.

Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.

Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска — 12 фр.

В. И. ШАЙДИЦКИЙ — На службе Отечеству — 30 фр.

БОГДАНОВИЧ — Полтавская виктория — 2 фр.

Русская Военная Библиот. вып. 1 — 1 фр.

Кн. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50

А. А. ЗАЙЦОВ — Служба Генераль. Штаба — 15 фр.

А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.

Г. А. ГОШТОВТ — Кирасиры Его Вел. тома 2 и 3 вместе — 25 фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 20 фр.

В. Е. ПАВЛОВ — Марковцы т. 1 — — 25 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland, Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Alta Vista Calle, Guayaquil № 16, Caracas.

Аргентина — у Г. Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

№ 72

Март 1965 год

ГОД ИЗДАНИЯ 14-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Председатель Всезарубежного Объединений Морских Организаций
капитан 1 ранга

Владимир Иванович Дмитриев

скончался в Париже 18 февраля 1965 года.

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью извещает о кончине своего дорогого друга, Представителя в Аделаиде (Австралия)

Николая Александровича Косач

последовавшей в Кингс-Парк (Южная Австралия, в ночь с 12 на 13 декабря 1964 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на **ШЕСТЬ номеров, начиная с № 70 по 75 включ.** Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — **30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на** ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.
Всю переписку по издательству **направлять по адресу Редакции:**
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

14-й год издания **№ 72 МАРТ 1965 Г.** **BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50**

Генерал Платон Алексеевич Лечицкий

Имя это хорошо известно было в Российской Императорской армии еще со времени японской войны: большой популярностью, уважением и признанием пользовалось оно в Армии во время 1-ой Мировой войны. Но как, в общем, мало было известно имя генерала Лечицкого широкой русской публике тех времен, когда у всех на устах были имена некоторых генералов, совершенно незаслуженно разрекламированных прессой в первые дни войны! И как редко приходилось мне встречать имя этого выдающегося полководца в нашей зарубежной печати! Несколько скупых строчек то тут, то там. А между тем, генералу Лечицкому по праву принадлежит одно из первых мест в довольно немногочисленном ряду действительно выдающихся полководцев Русской Армии времен 1-ой Мировой войны. Имя генерала Лечицкого неразрывно связано в истории 1-ой Мировой войны с операциями 9-ой армии. Это, в ту войну, единственная из русских армий, которой от начала войны и до мартовской революции 1917 года бессменно командовал один и тот же генерал — Лечицкий. Под его командованием 9-ая армия одержала ряд громких побед, не потерпев ни одной неудачи крупного армейского масштаба. Во всех операциях, проведенных 9-ой армией, генерал Лечицкий неизменно проявлял себя не только как военачальник одинаково искусный и в наступлении и в обороне, но и как обладающий одним из высших качеств подлинного полководца — несокрушимой волей к победе и редким даром внушать эту волю своим войскам. (В этом отношении его смело можно поставить наравне с генералом Юденичем).

Памяти этого славного русского полководца, незаурядной личности его и его исключительной военной карьере посвящаю эти строки.

Платон Алексеевич Лечицкий родился в 1856 году в семье сельского священника Гродненской губернии. Семья, из поколения в поколение, духовная, следуя семейной традиции, будущий генерал поступает в Духовное Училище, а затем оканчивает курс Виленской Духовной Семинарии. Но, очевидно, молодой кандидат в священники чувствует свое призвание в совершенно другой сфере деятельности и, нарушив семейную традицию, вступает в военную службу. В 1876 году Лечицкий — юнкер окружного Варшавского Юнкерского Училища. По окончании в 1878 году Училища, Лечицкий выходит, по существующему тогда положению, подпрапорщиком в резервный батальон. Два года суровой школы в дореформенном юнкерском училище дали будущему военачальнику прочную солдатскую закалку, а год службы подпрапорщиком сблизил его с солдатской массой, познакомил непосредственно с ее жизнью, интересами и нуждами, что и послужило, очевидно, причиной той исключительной заботы о солдате, которую всегда проявлял впоследствии генерал Лечицкий, занимая высокие командные посты.

В 1879 году Лечицкий производится в первый офицерский чин прапорщика. Сведения о прохождении Лечицким службы в обер-офицерских чинах очень скудны, но несомненно, что уже в те годы он зарекомедовывает себя выдающимся офицером и обращает на себя внимание начальства, потому что, уже в 1896 году, 5-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона капитан Лечицкий производится «за отличие по службе» в подполковники. В те времена для для офицера, окончившего только юнкерское училище, это было необычно быстрое продвижение по службе в мирное время.

Лечицкий был произведен в штаб-офицерский чин через 17 лет после производства в прапорщики, в возрасте 40 лет. Обычно, подавляющее большинство офицеров этой категории (то-есть — окончивших только окружное юн-

керское училище) заканчивали долголетнюю службу капитанами и получали чин подполковника только при увольнении в отставку, находясь уже в очень почетном возрасте. Это был первый крупный шаг в, из ряда выходящей, военной карьере генерала Лечицкого.

В 1900 году подполковник Лечицкий принимает доблестное участие в своей первой кампанiи — китайском походе, отмеченное производством в 1901 году «за боевые отличия» в чин полковника. После временного командования 1-ым Восточно-Сибирским стрелковым полком, полковник Лечицкий, Высочайшим Приказом 2-го сентября 1902 года, назначается командиром 7-го Кавказского стрелкового батальона, но вступить в командование не успевает, так как уже 3-го ноября торо же года получает в командование 24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, сформированный всего лишь за два года до этого. В течение последующего года с небольшим, до начала русско-японской войны, полковник Лечицкий проделал, несомненно, громадную работу по обучению и воспитанию вверенного ему полка так как результаты этой работы сказались с первых же дней начавшейся войны.

Молодой полк показал себя, как образцовая, прекрасно обученная, спаянная и воодушевленная боевым порывом воинская часть. Не вдаваясь в подробности боевой работы 24-го Восточно-Сибирского стрелкового Полка в японскую кампанию, в свое время подробно описанной, надо только сказать, что этот полк под командой полковника Лечицкого проявил себя, как одна из лучших частей Манчжурской армии, о чем красноречиво свидетельствуют как Георгиевское знамя, которым отмечены были подвиги полка в эту кампанию, так и многочисленные высокие, порою — несовсем обычные, боевые награды, которыми удостоен был его командир.

Высочайшим Приказом 11-го августа 1904 года полковник Лечицкий (незадолго перед тем, в бою 21-го июня 1904 года у деревни Линдяпуза, контуженный в голову) назначен был флигель-адъютантом Его Величества. Награда армейскому офицеру за боевые отличия совершенно необычная и чрезвычайно редкая! 16-го сентября 1904 года Георгиевская Дума постановила удостоить его награждения орденом Св. Георгия 4-ой степени. Вскоре за этим последовало награждение Золотым оружием. Высочайшим Приказом 12-го мая 1905 года Лечицкий произведен был за боевые отличия в генерал-маиоры. 5 августа того же года назначен командиром 1-ой бригады 6-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и, наконец, 15 августа того же 1905 года генерал-майор Лечицкий зачислен в свиту Его Величества.

Итак, выпущенный в 1878 году подпрапорщиком из юнкерского училища Лечицкий, человек отнюдь не какого-либо знатного происхождения, не обладавший ни связями, ни протекциями, а исключительно благодаря своим выдающимся качествам человека, офицера и боевого командира, через двадцать семь лет уже — Свиты Его Величества генерал-майор. Убедительный пример для тех, кто утверждал (да мне и недавно пришлось слышать такое высказывание), что в Императорской Армии продвижение по службе зависило, главным образом, от происхождения, связей и протекции.

По окончани японской войны, продвижение по службе генерала Лечицкого шло необычно быстро. 10 марта 1906 года он назначается командующим 6-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, а Высочайшим Приказом 21-го июня того же года — командующим 1-ой гвардейской пехотной дивизии. Случай, кажется, не имевший прецедентов, во всяком случае, — в последние Царствования, т. е., назначение начальником 1-ой гвардейской пехотной дивизии. генерала, не служившего в гвардии, не академика и к тому же окончившего даже не военное, а всего лишь юнкерское училище.

Назначение генерала Лечицкого вызвало среди части офицеров 1-ой гвардейской дивизии недовольство; некоторые считали чуть ли не преднамеренным оскорблением назначение начальником дивизии, в состав которой входили старейшие и славнейшие полки Императорской Гвардии, пусть и признанного героя только что закончившейся войны, но гвардии, по своим данным совершенно чуждого. Рассказы об этом мне пришлось слышать много лет тому назад от офицеров, состоявших в 1906 году в 1-ой гвардейской пехотной дивизии. Согласно этим же рассказам, г.г. офицеры были приятно удивлены, увидев моложавого, подтянутого генерала, отличавшегося по внешним данным от других Свитских генералов разве только незнанием французского языка. Через короткий срок ум, большой такт, скромность и несомненные выдающиеся качества начальника, отличавшие генерала Лечицкого, заставили примириться с его назначением даже наиболее предубежденных. А через два года 1-ая гвардейская пехотная дивизия провожала своего, получившего высшее назначение, начальника с чувством глубокого сожаления. За два года своего командования дивизией генерал Лечицкий, на основании своего большого боевого опыта, внес много нового и ценного в дело подготовки частей к новым требованиям тактики.

Высочайшим Приказом 26-го августа 1908 года, Свиты Его Величества генерал-майор Лечицкий назначен был командующим 18-м армейским корпусом. Случай тоже крайне редкий — назначение командиром корпуса, в мирное время, генерал-майора. Только 5-го октября того же года Лечицкий произведен был в гене-

рал-лейтенанты с утверждением в должности. А еще через два с небольшим года генерал-лейтенант Лечицкий Высочайшим Приказом 23-го декабря 1910 года был назначен командующим войсками Приамурского Военного Округа. В течение восьми лет генерал Лечицкий поднялся от командира полка до командующего войсками Округа, высшей ступени военной иерархии. Три года генерал Лечицкий командовал войсками Округа, состоя в чине генерал-лейтенанта, в то время как подчиненные ему командиры корпусов, входивших в состав Округа, были полными генералами, и только 6-го декабря 1913 года произведен был в чин генерала-от инфантерии.

На какую высоту поднял генерал Лечицкий за три года боевую подготовку войск вверенного ему Округа, показали Сибирские стрелки Приамурского Военного Округа, в первые же месяцы войны покрывшие себя боевой славой.

1914-й год. Началась 1-ая Мировая война. Как только выяснилось, что Япония стала на сторону Держав Согласия и, следовательно, осложнений на дальнем Востоке не предвидится, генерал Лечицкий вызывается из Хабаровска в Ставку Верховного Главнокомандующего и, по прибытии туда, назначается 16-го августа (все даты — по старому стилю) командующим новой, не предусмотренной планом стратегического развертывания, 9-ой армии. Армия предназначается для широкого развития намеченных активных операций на левом берегу реки Вислы. В состав армии включаются уже находящиеся на левом берегу Вислы кавалерийский корпус генерала Новикова (14-ая и 8-ая кавалерийские дивизии), 5-ая и Кавказская кавалерийские дивизии, крепость Ивангород, а также прибывающие из 6-ой армии (Петербургский Военный Округ) и сосредоточивающиеся в районе Варшава-Ивангород Гвардейский и 18-ый армейский корпуса.

Но обстановка быстро меняется. 4-ая армия, наступающая южнее Люблина, терпит неудачу во встречных боях 10-го и11-го августа с 1-ой австро-венгерской армией у местечка Красник и откатывается к Люблину, откинув далеко назад свой правый фланг; вслед затем австрийцы вклиняются между 5-ой и 4-ой амиями и создают угрозу и левому флангу 4-ой армии. Вследствие этого, Ставка уже 16-го августа, в день назначения генерала Лечицкого командующим 9-ой армией, отдает приказ о направлении из состава 9-ой армии Гвардейского и 18-го корпусов в 4-ую армию. Гвардейский корпус направляется на левый фланг последней, а 18-ый — на правый для предотвращения дальнейшего продвижения австрийцев в промежутке, образовавшемся между ее правым флангом и рекой Вислой; сюда австрийское командование направляет главный удар, для усиления которого в ночь на 16-ое августа переводит с левого берега Вислы на правый армейскую группу генерала Куммера.

Так как на усиление 4-ой армии, кроме Гвардейского и 18-го корпусов, Ставка направляет также прибывающий 3-ий Кавказский копус и три второочередных пехотных дивизии, так что количество пехотных дивизий армии доходит до 16, принимается решение разделить 4-ую армию на две. 18-го августа генерал Лечицкий со щтабом 9-ой армии приезжает из Варшавы в Люблин, и в ночь с 21-го на 22-ое августа из 4-ой армии передаются в 9-ую два правофланговых корпуса 18-ый и 14-ый, а через несколько дней и подошедшая Гвардейская стрелковая бригада.

Уже 17-го августа передовые части 18-го корпуса останавливают австрийские части, глубоко обошедшие правый фланг 4-ой армии, а в боях 19-21 августа на реке Ходель 18-ый и части 14-го корпуса наносят здесь противнику поражение и отбрасывают его за реку Ходель. В ближайшие дни, генерал Лечицкий начинает общее наступление на фронте своей армии против армейской группы генерала Куммера и левофланговых дивизий 1-ой австро-венгерской армии, генерала Данкля. Интересно отметить, что генерал Лечицкий по собственной инициативе подвозит к месту намеченного главного удара две батареи 6-ти дюймовых тяжелых гаубиц из Ивангородской крепости, которые сыграли большую роль, подавляя огонь неприятельской артиллерии.

В боях последних дней августа, совместными усилиями 9-ой и 4-ой армий, сопротивление противостоявших 1-ой австро-венгерской армии, армейской группы генерала Куммера и переведенного вслед за указанной группой с левого берега Вислы германского ландверного корпуса генерала Войрша, было окончательно сломлено и 27-го августа противник стал отходить к реке Сан. 31-го августа передовые части 9-ой армии, перейдя государственную границу, вышли к реке Сан и начали переправу на левый берег.

В августовских боях южнее Люблина, войсками 9-ой армии взято было свыше 20.000 пленных, 32 орудия (в том числе 6 тяжелых гаубиц), десятки пулеметов, громадное количество артиллерийских снарядов и ружейных патронов и несколько тысяч подвод и повозок с интендантским имуществом; при отступлении за реку Сан противник потерял почти все обозы.

За августовские бои генерал Лечицкий был награжден Георгиевским оружием «бриллиантами украшенным». Он был первым генералом, удостоенным этой высокой боевой награды в войну 1914-17 гг. (В течение всей войны эту награду получили только 8 генералов).

Между тем, в первых числах сентября, выясняется, что германское командование, с целью

оказать помощь австро-венгерской армии, потерпевшей полное поражение в Галицийской битве и поспешно отступающей к Карпатам, перебрасывает четыре корпуса из Восточной Пруссии и, присоединив к ним еще две пехотных дивизии и несколько ландверных и ландштурмных бригад, сводит их в новую 9-ую германскую армию в составе 12 с лишним дивизий, развертываемую на фронте Краков-Калиш; сюда же, на левый берег Вислы, переводится из Галиции и 1-ая австро-венгерская армия. Цель этой группировки — быстрое наступление по левому берегу Вислы к Варшаве-Ивангороду и, южнее, до устья реки Сан. Для того, чтобы парировать этот удар, Русская Ставка решает отказаться временно от дальнейшего наступления в Галиции, имевшего целью вторжение в Венгрию, и произвести переброску на среднее течение Вислы трех правофланговых армий Юго-Западного фронта, углубившихся уже в Галицию. Во исполнение соответственной директивы Ставки, 9-ая армия должна была переменить свой фронт на 180 градусов и развернуться на южном крыле новой группировки, заняв нижнеее течение реки Сан (примыкая левым флангом к 3-ей армии) и участок реки Вислы, до устя реки Илжанка. Севернее 9-ой армии, вдоль реки Вислы, должна была развернуться 4-ая армия.

Начатый 11-го сентября марш-маневр 9-ой армии с реки Вислока в Галиции на среднюю Вислу проходил в чрезвычайно тяжелых условиях, походным порядком, при непрерывно ливших дождях, подорогам, разбитым двукратным прохождением австрийских армий и русской при наступлении. Во время этого марш-маневра, в 9-ую армию переданы были Гвардейский корпус из состава 4-ой армии и 25-ый армейский — из 5-ой армии. Но и фронт, предназначенный для развертывания 9-ой армии, был соответственно протянут к северу — до Ивангорода. Левофланговые дивизии армии достигли указанных им районов к 25-му сентября; правофланговые — только в первых числах октября, после чего армия развернулась на правому берегу Вислы и по нижнему Сану, имея в своем составе, с юга на север: 46-ая пехотная дивизия 25-го армейского корпуса по реке Сан до впадения его в Вислу, далее, по Висле: 18-ый, 14-ый и 25-ый корпуса (последний в составе 3-ей гренадерской и 70-ой пехотной дивизии) и на правом фланге, против Ивангорода, Гвардейский корпус. Началась усиленная деятельность разведчиков, подготовка к форсированию реки и попытка (в 14-м и 18-ом корпусах) образовать небольшие плацдармы на левом берегу Вислы.

9-го октября генерал Лечицкий начал наступление, переведя в Ивангороде на левый берег Гвардейский Корпус. В ночь с 10-го на 11-ое октября с боем форсировал Вислу у Новой Александрии и Гура Пулавская 25-ый армейский корпус. Здесь сразу же завязались упорные и очень кровопролитные бои, главным образом — у Гвардии, которая, примкнув правым флангом к левофланговому корпусу 4-ой армии — 3-му Кавказскому, — в течение пяти дней вела бой, то отбивая атаки 1-ой австро-венгерской армии, то самая переходя в контр-атаки. Только 14-го октября Гвардии удалось сломить сопротивление противника и он начал отступать от Ивангорода, понеся громадные потери, в том числе свыше 15.000 пленных. Вслед за тем, форсировали Вислу и левофланговые корпуса 9-ой армии, 14-ый и 18-ый, уже до того образовавшие на левом берегу небольшие плацдармы.

9-ая армия энергично развивала наступление в общем направлении на юго-запад. Последние упорные попытки сопротивления отступающий противник оказал 19-го октября на Свентокржижских высотах, на фронте Гвардейского корпуса; у посада Влостов, под городом Опатовом, в боях с 14-ым корпусом и 20-го и 21-го октября под городом Сандомиром, на участке 18-го корпуса. Опрокинутый во всех этих боях и понеся больше потери (в боях 9-го — 22-го октября 9-ой армией взято было 36.000 пленных, десятки орудий и пулеметов), противник безостановочно покатился на юго-запад, к государственной границе. Широко задуманная и очень энергично начатая противником операция по овладению левобережной Польшей потерпела на этот раз полную неудачу. К 1-му ноября 9-ая армия приблизилась к государственной границе и подошла к передовым фортам австрийской крепости Краков.

Успех наступления 9-ой армии немедленно сказался и на положении в Галиции. Уже 22-го октября австрийцы, почти в течение 3-х недель упорно пытавшиеся сбить 3-ю русскую армию с линии реки Сан, начали поспешное отступление это распространилось и далее, к югу, на фронт 8-ой русской армии.

За форсирование реки Вислы и поражение, нанесенное 1-ой австро-венгерской армии в октябрьских боях генерал Лечицкий Высочайшим Приказом 25-го октября 1914 года награжден был орденом Св. Георгия 3-ей степени.

Части победоносной 9-ой армии подошли к Кракову в состоянии сильной усталости, после почти непрерывных, в течение 2-х месяцев, жестоких боев, пройдя походным порядком громадные расстояния в условиях осенней распутицы при преследовании австрийской армии от Люблина до реки Вислока, в Галиции, во время марша оттуда на среднюю Вислу и при повторном преследовании противника от Ивангорода- Сандомира к Кракову. В личном составе частей был большой некомплект. вследствие значительных, а в некоторых частях и весьма больших потерь; давал уже себя чувство-

Генерал Платон Алексеевич Лечицкий

вать недостаток снарядов, патронов и даже винтовок. Части армии настоятельно нуждались в отдыхе и в пополнении и людьми и боеприпасами.

А между тем, уже через несколько дней 1-ая австро-венгерская армия, спружинившаяся после отступления на сравнительно узком участке фронта и усиленная новыми частями, переброшенными из Галиции, опираясь на крепостные форты Кракова, перешла в решительное наступление против 9-ой армии, занимавшей сильно растянутое положение. Опять завязались упорные и кровопролитные бои, продолжавшиеся более 2-х недель.

В ходе этих боев, для 9-ой армии, обороняющейся против превосходящих сил противника, уже через несколько дней создалось очень серьезное положение. Австрийцы прорвались на стыке с соседней 4-ой армией и начали охватывать правый фланг 9-ой армии, вслед затем они начали обходить и левый фланг армии, беря ее в клещи. При полном отсутствии резервов и при продолжающемся сильном нажиме с фронта, положение армии стало близким к критическому. Дальнейшее развитие противником охватов грозило армии окружением. Возможно, что другой Командующий армией в этом положении отдал бы уже приказ об отступлении. Но генерал Лечицкий наглядно доказал в этот момент старую истину, что сражение можно считать потерянным только тогда, когда главный начальник пришел к убеждению, что оно потеряно. Генерал Лечицкий был, повидимому, в этот момент далек от того, чтобы прийти к такому убеждению. Он принадлежал к числу военачальников, обладающих редким даром передавать войскам свою уверенность и упорство в достижении поставленной цели, довести в решительный момент силы своих войск до наибольшего возможного напряжения. Он спешно бросает на правый фланг свой единственный резерв-1-ую Донскую казачью дивизию, которая с исключительным порывом с хода атакует в пешем строю, с пиками в руках, обходящую правый фланг армии австрийскую пехоту и задерживает ее до подхода 1-ой гвардейской пехотной дивизии, смененной на своем участке частями 18-го армейского корпуса и брошенной к месту прорыва. Угроза правому флангу армии была ликвидирована. На левом фланге армии охват австрийцами этого фланга задерживается отдельными батальонами, бросаемыми туда генералом Лечицким с других участков и обороняющимися с редким упорством, вплоть до подхода с правого берега Вислы 7-ой кавалерийской дивизии, а за ней и частей 21-го армейского корпуса из состава 3-ей армии.

Охватывающие части австрийцев, атакованные во фланг, разбиты и оторошены. Угроза охвата устранена и здесь. 9-ая армия продолжает обороняться и, переходя в контр-атаки, наносит противнику ряд ударов, беря пленных, орудия и пулеметы, до тех пор, пока наступательный порыв австрийцев не выдыхается. 9-ая армия удержала в основном свои позиции, продолжая угрожать Кракову и верхней Силезии. Южнее Вислы части 3-ей армии подходят уже к западным фортам Кракова.

Но в этот момент общая обстановка меняется. Грандиозное сражение в районе Лодзи заканчивается безрезультатно. Части 1-ой, 2-ой и 5-ой русских армий, принимавших участие в этом сражении, понесли большие потери, недостаток снарядов и патронов дает себу чувствовать все сильнее; резервов нет. Для сокращения фронта и придания этим армиям более прочного положения, Ставка решает отвести их несколько к востоку, на подготовленные позиции по рекам Бзура и Равка. В связи с этим, возникала необходимость отвода и 4-ой и 9-ой армий с Ченстоховского и Краковского направлений. Директивой 17-го ноября всем армиям, находившимся на левом берегу Вислы, указано было начать постепенный отход на 2-3 перехода к востоку. 9-ая армия должна была занять участок фронта на средней и нижней Ниде, до впадения ее в Вислу. Во исполнение этой дирекивы, 9-ая армия оторвалась около 20-го ноября от противника и, отойдя, заняла указанный ей участок фронта. В боях 7 — 15 декабря 9-ая армия отразила попытки противника сбить ее правый фланг с нижнего течения реки Ниды, после чего на занимаемом ею фронте начался период позиционной войны. В начале февраля 1915 года генерал Лечицкий призывается к выполнению новой ответственной задачи.

(Продолжение следует)

В. Б. — К.

Воспоминания о моей военной службе

Настоящий очерк моей жизни и службы пишу по случаю исполнившегося 5 ноября 1961 года, 60-летия моего зачисления в 10-ю роту лейб-гвардии Преображенского полка.

Прошу не осудить меня за мою слабую память и за ошибки, потому что я никакой науки не проходил и являюсь самым обыкновенным самоучкой.

Старший Унтер-офицер Терентий Пархоменко

Родился я в слободе Коломань Валковского уезда Харьковской губернии, в 1880 году 9 апреля. Родители мои были Василий Ефремович и Лукия Максимовна. Таинство крещения совершал наш священник Отец Александр Стефановский при моих восприемниках Терентие Бурьян и Анне Белоусовой. При Святом Крещении нарекли меня Терентием, память коего свершается 10 апреля.

Отец мой был из очень бедной семьи и остался сиротой на восьмом году от роду. Мать его, моя бабушка Варвара, овдовела при восьми малолетних детях и, не имея возможности всех прокормить, вынуждена была раздать своих детей в работники. Мой отец был отдан в рабочие к одному мужику за плату в 3 рубля в год, причем его хозяин был очень суровый и жилось у него плохо. По воскресеньям, когда хозяин отпускал его к матери, отец со слезами просил ее, чтобы она взяла его домой но, как, по своей бедности, мать не могла исполнить его просьбы, он со слезами возвращался к своему жестокому хозяину.

Через три года, когда он немного подрос, мать взяла его оттуда и отдала в работники к другому хозяину, жизнь у которого показалсь отцу раем после того, что он пережил. По приходе в возраст, отец и братья его вернулись в дом и занялись работой по распилке бревен на доски. Работа была тяжелая, но и очень доходная. Братья, благодаря своему дружному трудолюбию, стали хозяйствовать совместно, и вскоре мой отец женился на дочери зажиточного крестьянина. Он оставил свою тяжелую работу и снял в аренду 25 десятин земли и вскоре сам стал зажиточным хозяином. Все шло как будто бы хорошо, достаток увеличивался, дети стали подростать, как вдруг, в первых числах марта 1881 года, его дом посетило несчастье — свирепствовавшая скарлатина за одну неделю унесла шесть детей из восьми, бывших в семье. Осталась одна сестра 8 лет и я — 11 месяцев. А в то время старшему сыну было уже 16 лет.

В 1882 году у меня родился еще брат Моисей, с которым я провел все свое детство и юность. Относился он ко мне, как к отцу, и даже, уже будучи взрослым и отцом своего семейства, всегда спрашивал моего совета во всех делах своих. Десяти лет я лишился матери и через год отец женился вторым браком. Мачеха наша была хорошая хозяйка, но имела строптивый характер, меня же очень любила за мой упорный характер. Она всегда всем говорила, что «с него можно взять только добром. Если он захочет, то самую тяжелую телегу взвезет на какую хочешь гору, а если не захочет, то порожней с горы не спустит.»

Двенадцати лет я попросился в школу, но отец сказал, что некому дома помогать, купил мне азбуку-букварь и показал буквы. За неделю я стал уже читать по складам, а через две — читал совершенно бегло. Отец покупал мне книжки — все больше жития святых и разные расказы. Зимой по вечерам я их ему читал. Летом же было некогда. Через год отец купил мне Псалтирь, но так как я не мог читать по-славянски, то он нашел мне такого старика, к которому я зимой ходил на уроки и в два месяца научился славянской грамоте.

Однажды наш псаломщик услышал, как я легко читаю по-славянски, и взял меня себе помощником в церковь. Тут вскоре случилось событие, указавшее всю мою жизнь дальше. Мой друг Борисенко, который учился в нашем двухклассном училище, дал мне почитать свой учебник, и я там увидел портрет и рассказ про холмогорского мужика Михайла Васильевича Ломоносова; там же было написано, как Петр Великий сформировал два полка Потешных — Преображенский и Семеновский, и вот мне впало в голову, что я буду служить в Преображенском полку. Там же была написана песнь «Было дело под Полтавой», которую я за один

день выучил на память и, когда ходил за скотом в поле, то весело горланил ее. В другой книжечке, уж не помню какой, я нашел и Преображенский марш. Выучил и его и распевал также в поле. И вот, однажды, в воскресенье, я шел в церковь с одним мужиком. Он был хорошо грамотным и вот, когда мы с ним вели разговор, я ему сказал, что буду служить в Преображенском полку. Он рассмеялся и говорит: «а не хочешь ли в Смоленском?» Когда я уже был призван и получили мое первое письмо и он узнал, что я служу в Преображенском полку, то сказал: «таких чудаков у нас еще не было, чтобы он знал раньше, в каком полку будет служить...»

Мне было 14 лет, когда вступил на Престол Государь Император Николай II, и я в церкви уже присягал ему. Ко дню Коронования в 1896 году, я был уже почти взрослым и никак не мог дождаться, когда дойдет до меня очередь призыва. За годы, протекшие до моего призыва, я много поездил по России, работал даже в Закаспийской области и вот, наконец, дождался долгожданного дня в октябре 1901 года.

На жеребьевке в г. Валки вынул я жребий №455, испугался, что не попаду, прямо остолбенел и говорю: «Зачем это четверка? Вычеркните ее, пусть останется — 55!» А писарь говорит: «Не беспокойся, дойдет до тебя.» На другой день вызывают меня, я стою уже совсем близко. Комиссия меня приняла. Доктор спрашивает: «здоров ли я?» «Покорнейше благодарю», говорю. Волостной Старшина говорит: «сбылось его желание.» «А что, разве он так хотел на службу?» Старшина аттестовал им меня с самой лучшей стороны и они говорят: — «в гвардию его», «в Золотую роту,» а я себе думаю: «хоть в золотую, хоть в медную, только бы в Преображенский полк...»

Во время переклички оказалось, что принято два Пархоменко и оба Терентия. Нас повели в Собор к присяге и затем распустили по домам на две недели. В тот же вечер приятели мои вновь принятые загуляли и чуть не наскандалили, но я их уговорил не скандалить и не срамить свою волость. На другой день, через Старосту я получил за то благодарность от Воинского Начальника.

В один прекрасный день были мы на площади и мой приятель Кирилл Кисс пристал ко мне: — «Ты идешь в Гвардию, а я в Пограничную Стражу, хочу тебя угостить.» Он купил полбутылки водки, мы с ним выпили и я первый раз в моей жизни был пьян.

До Харькова нас везли в товарных вагонах, а оттуда до Петербурга в хороших вагонах III класса. По прибытии в Петербург, нас поместили в Проходящих казармах. Через день был медицинский осмотр, и каждого разметили в кавалерию, артиллерию, пехоту.

В один из тех дней мы всемером пошли погулять, посмотреть на Петербург. Побывали в Казанском соборе, а также и в Исакиевском. Возле Исакиевского собора стояли тогда парные часовые Павловского полка. Мои ребята дивились — «яки золотые шапки...» Я им и говорю: — «скоро и вам такие же шапки наденут». Обошли мы и Петропавловский собор и Домик Петра Великого.

В казармах у нас дежурил, среди других, солдат 9-й роты Преображенского полка. Я ему сказал, что буду проситься в их полк. Он говорит: — «смотри побрейся хорошо, а то командир полка всех водит перчаткою и, если заметит, что борода растет, то назначит в ту роту, которая с бородами».

Утром рано нас построили в шеренги по родам оружия, прибыл помощник Главнокомандующего генерал Ребиндер и начал разбивку. Доходит до меня очередь, уже один человек остался. Генерал Ребиндер заносит свой карандаш, а я ему рапортую: — «Ваше Превосходительство, позвольте мне в Преображенский...» Он черкнул мелом, и тотчас наш преображенский унтер-офицер Сучатов схватил меня за рукав и — в полковую канцелярию. Писарь смеется: «что, будешь ловчиться, чтобы по слабости пойти на родину?» Отвечаю ему: — «буду ловчиться, чтобы по слабости попасть в учебную команду, а может и писарем в полковую канцелярию.» Заполнил он все свои листы и подходит наш преображенец, о котором я уже говорил. «В какую роту его?» — «В десятую, говорит». — «В 10-ю это хорошо. Там очень хороший фельдфебель и хорош ротный командир. Там Свечин, очень хорошие начальники.» Приходит нашей 10-й роты унтер-офицер Поляков: — «десятая рота ко мне!» Забрали мы сундучки на подводу, и вот нас четверо молодых выстраиваемся в своем взводе. Пришел поручик Ермолинский. Здоровается, а все молчат. Один я ответил, как следовало. «Ты что, разве служил?» Отвечаю, что брат служил.

Ушел поручик и вот фельдфебель спрашивает меня — «грамотный?» «Нет, говорю, — читать-писать могу, но назвать себя грамотным не смею, потому что я самоучка». Назначили меня в 1-й взвод и поставили кровать около взводного.

Потом нас повели в баню, напоили хорошим чаем и стали мы знакомиться с взводом. Мой взводный Старший унтер-офицер Поликарп Миронович Карпенко, как и я малоросс, Екатеринославской губернии. Он стал для меня как родной брат, а я ему старался услужить, как мог. Утром до побудки, все еще спят, кроме дневального, а я его сапоги вынесу и начищу в коридоре. Затем во взводе на полках лежали медные чашки, из которых мы все обедали, я и их почищу и поставлю на место, пока вся рота про-

снется и станет на ноги. Затем начинается уборка ротного помещения, а нас молодых забирает ефрейтор; он наш учитель и знакомит нас со всеми ротными помещениями и остальным укладом нашей, новой для нас, ротной жизни.

Через несколько дней начинаем ученье. Сначала повороты и ознакомление с начальством и ответами на его вопросы, потом понемногу начинаем маршировать, кто как может, начинается военная школа и для всех нас новая жизнь, которая не всем нам улыбается, а для некоторых доставляет и большие затруднения.

В середине занятий приходил ротный капитан Лашкарев здоровался с фельдфебелем, взводными и всеми офрейторами и направлялся в ротную канцелярию, где наш фельдфебель Тихонов делал ему форменный доклад о всех подробностях ротной жизни. Очень он удивлялся, что я только две недели в роте, а уже так много знаю, а фельдфебель ему и докладывает: «да он пришел в роту и уже все знал. Он весь устав знает на память.» Командир очень доволен, фельдфебель прямо сияет. Он был такая доброта, что всегда каждым солдатом восхищался.

Время проходит. В роте нас уже 12 человек молодых солдат. Я все по утрам сапоги и чашки чищу, а мои товарищи спят в это время. Вот сидим раз за обедом, взводный и говорит: — «А чашки-то чистые» и опрашивает каждого, кто их чистил? Все отрицаются, к последнему ко мне: «это ты?» «Так точно.» — говорю. Он и говорит всем: — «За то, что вы не знаете совести, будете чистить чашки по сто раз. Вы думаете, что на службе будут за вас работать другие? А ты, Пархоменко, больше не чисть чашек.» Потом обращается к Отделенному: «А твое дело следить, чтобы все у тебя работали и вести наряд в очередь, чтобы никому обидно не было».

Прошло около месяца. Однажды вечером сидели мы на занятиях словесностью в первом взводе. Ефрейтор Лобацевич держал в руках устав и спрашивал меня по нему. В это время заходит старший обучающий унтер-офицер Калганов и обращается к нему: «Лобацевич, что ты безделицей занимаешся, зачем ты его спрашиваешь? Он больше тебя знает. Ты учи тех, которые ничего не знают.» Когда производил занятия сам Калганов, он меня никогда не спрашивал, так был уверен, что я все знаю, как следует.

В скором времени наш старый ротный командир Лашкарев принял 2-ю роту, а нашу — штабс-капитан Гольдгоер. На другой день вечером новый ротный заходит в наше помещение, где Калганов ведет с нами занятия. Он поздоровался и приказал продолжать занятия. Калганов подымает меня и задает вопрос: «Кто называется солдатом»? Я ответил: «солдатом называется и первейший генерал и последний рядовой». Ротный меня спрашивает: «а ты понимаешь, что говоришь?» «Так точно», и я объяснил ему, что «всякий военно-служащий, на долю которого выпало счастье быть слугою Государя Императора и носить его Царский мундир, независимо от его чина называется солдатом.»

Недели через две после этого ротный командур вызывает меня в канцелярию и спрашивает относительно моего домашнего состояния, женат ли, холост и так далее. «Почему: — спрашивает, — ты мало получаешь из дому писем? Ты наверное скучаешь?» Я ответил утвердительно, он и говорит: «Напиши домой, чтобы тебе чаще писали письма».

Иногда у нас в роте были духовные беседы священника Невдачина. Он спрашивал у нас Молитву Господню, Символ Веры, а раз и спрашивает: «кто из вас знает молитву перед сражением?» Я знал и прочитал ему: «Спаситель мой, Ты положил душу свою за нас, чтобы спасти нас, Ты заповедал и нам полагать души свои за друзей и близких нам. Радостно иду я исполнить волю Твою, положить жизнь свою за Веру, Царя и Отечество. Мати Божия сохрани меня под кровом Твоим. Аминь» На другой день фельдфебель и доложил ротному, что «вчера на духовной беседе наша рота побила рекорд всему батальону. Батюшка спросил молитву перед сражением а...» Тут ротный прервал его и говорит: «не говори, наверное, Пархоменко знал?»

По окончании наших трехмесячных занятий и принятия присяги, нашей роте пришла очередь занять караул в Зимнем дворце. Я был назначен на парный ефрейторский внутренний пост у подъезда Его Величества и в первый же раз, как вступили на пост, имел счастье видеть те светлые и добрые глаза Царя, которые в будущем был счастлив видеть в течение всей моей 15-летней службы много, много раз и, даже, имел счастье христосоваться с Государем Императором. Имел я Царские награды — 7 медалей и трое часов. О последней моей встрече с Его Величеством будет сказано ниже, а теперь буду продолжать свой расказ. Когда вечером караул был вызван для вечерней молитвы, то фельдфебель Тихонов назначил меня читать молитву Господню.

В скором времени полк выступил в лагери, в Красное Село, а по окончани лагерных сборов нас назначили в Учебную Команду. Перед тем поручик Ермолинский обратился к ротному командиру штабс-капитану Гольдгоеру, прося его, дать ему меня в казенную прислугу а тот ему ответил: «Не знаю, о чем мне прежде позаботиться? Дать тебе прислугу или выбрать себе помощников? Выбирай любого, а Пархоменко я тебе не дам».

В один прекрасный день мы замаршировали

на Миллионную, в Команду. Начальником Учебной Команды, в ту пору, был штабс-капитан граф Литке, а его помощником поручик Костыгов. Оба были примерные офицеры, которыми можно было везде и всюду гордиться, и я всегда вспоминаю их только добром. По окончании нами Учебной Команды и после лагерного сбора, мы возвратились на зимние квартиры, и в августе месяце старшие наши были уволены в запас, а нам настала очередь к производству.

Получив производство, в воскресенье, я пошел к земляку, служившему в Семеновском госпитале. Тот повел меня в трактир «Золотой Якорь» и угостил водкой, так что я сразу опьянел и стал отливаться сельтерской водой. Это был мой второй случай в жизни, что я был пьян, но домой добрел благополучно.

Прошло после этого около месяца. Я был дежурным по роте. Было воскресенье и много отпускных до вечерней зари, и вот приходит время мне идти к рапорту, а у меня одного не хватает. Сколько я пережил за него, ожидал его возвращения, но так и не дождался и, когда пришло время идти с рапортом, то тоже опоздал и должен был доложить дежурному офицеру, что у меня одного нет... Так прошла ночь. На утро его тоже нет. Так продолжалось три дня и только на четвертый день привел его городовой при записке. То был мне хороший урок — когда нужно жалеть товарища, а когда и себя пожалеть — мог здорово попасть за него.

Подошло время нашего производства в унтер-офицеры и на вакансии произвели нас двоих: Сафронова, назначивши каптенармусом, а мне дали взвод. Через несколько дней наш любимый фельдфебель Тихонов сказал мне при случае: «Ты не беспокойся, что я назначил Сафронова каптенармусом и он раньше тебя получит старшого. Кто получает очень рано, тот часто до конца не доносит. Ты, в свое время, все получишь, что тебе полагается.»

В январе месяце наша рота осиротела. Мы лишились нашего дорогого и всеми любимого фельдфебеля Ивана Тихоновича Тихонова. Но, как ни тяжело нам было с ним расставаться, все-же было приятно, что он получил такое почетное в полку назначение. Он был назначен помощником Церковного старосты вместо нашего заслуженного сторого фельдфебеля Георгиевского кавалера Васильева, который тогда скончался. Не было человека равного по доброте не только в полку, но, может быть, и во всей гвардии нашему Ивану Тихоновичу. Со слезами провожали мы его из роты, но вместе и с гордостью, что наши господа офицеры, вместе с командиром полока Свиты Его Величества генерал-майором Озеровым, так высоко оценили нашего дорогого фельдфебеля. Когда были его проводы, то наш ротный штабс-капитан князь Ооболенский построил роту и от ее имени понес Ивану Тихоновичу образ Николая Чудотворца и сказал: «Дорогой Иван Тихонович, 10-я рота видела в твоем лице не только начальника, но и защитника и друга своих подчиненных. 20 лет ты пробыл в роте и если кто только не то что скажет, а подумает на тебя не доброе — плохо тому будет». И при этоих словах вся рота плакала.

Князь Оболенский произвел в фельдфебеля Науменко. Тот пробыл четыре месяца, и вот весной ротный вывел роту во двор и приказал Науменко командовать учением. После этого князь Оболенский сказал: «Науменко, иди в роту», и на другой день отправил его на комиссию и уволил в запас, а в фельдфебеля произвел Гилева. В скором времени князь Оболенский принял 4-ю роту, а 10-ю передал флигель-адъютанту штабс-капитану Зеленому.

В 1905 году, в декабре месяце, с нашего полка было командировано 5 унтер-офицеров и 5 ефрейторов в распоряжение Крестецкого уездного воинского начальника (Новгородской губернии), для помощи во время мобилизации. От 10-й роты был назначен я. Через несколько дней мы приступили к работе, и вот 6 декабря, в Царский праздник, воинский начальник позвал нас всех и угощал водкой и сказал мне, что у него есть друг полковник Пархоменко, но я ответил, что я из хлебопашцев Харьковской губернии и мои все родственники — крестьяне.

По окончании мобилизации мы поехали на подводах и проезжали через Аракчеевские казармы. Проезжая далее через Великий Новгород, мы поклонились древней святыне Софийского собора и памятнику тысячелетия России. По возврашении в полк мы получили такую аттестацию от воинского начальника, что командир Гвардейского корпуса объявил нам в приказе благодарность. Приказ этот, как и другой приказ по полку, отданный Великим Князем Константином Константиновичем, я долго хранил у себя, как святыню, до самой моей злосчастной эвакуации из моего дома. Я никогда не забуду, как мы однажды праздновали полковой праздник в городе Пскове, в присутствии Государя Императора. Когда были уже выстроены для его встречи, приехал Великий Князь Константин Константинович, обходил все роты, и любовался всеми и, обращаясь к унтер-офицерам, говорил: «не стесняйтесь, братцы, заходить ко мне, если кому нужна моя помощь. Я всех вас устрою. У меня для вас всегда двери открыты.» Что могло быть дороже этого? И это были не простые слова, а мы все видели своими глазами, — сколько он делал добра.

В 1905 году, в Великий Четверг, произошел со мной такой случай, что я уже с полной уве-

ренностью считал, что получу пять суток ареста. Была назначена от полка команда в собор. Я был в роте нарядчиком и при приеме наряда от роты я проморгал назначить старшего. На разводе все ушли, а команда в церковь, — стоит — старшего нет. Навели справку по книге нарядов — оказывается я виноват. Фельдфебель говорит мне: «Одевайся и сам веди команду...» Я тотчас же схватил команду и бегом, но все же опоздал. Команда назначалась для оцепления при выносе плащаницы. Когда мы пришли в церковь, то Плащаница была уже вынесена, а при выносе присутствовал бывший командир полка Великий Князь Сергей Алессандрович, а также и Великий Князь Михаил Александрович. Спас меня наш дорогой фельдфебель Иван Тихонович, а также и граф Татищев.

Другой раз я был командирован из лагеря за покупкой мяса к мяснику Сорокину, заказал, что следовало, получел квитанцию, рубль на чай и пошел пошататься по городу, так как до поезда было много времени и деваться мне было некуда. И вот зашел я в гости к моему бывшему ученику из ратников запаса, по фамилии Сперанский, который служил на Невском № 23, в подвале большого винного склада. Он был мне очень рад, повел по подвалу и дает с каждого боченка попробовать вина «это, говорит, 25-летнее, это 57-летнее». А я не знал, что можно опьянеть и от вина, и я напробовался. Когда был у него — ничего, а как вышел, мои ноги стали путаться. Ну, думаю, что делать? Надо держать курс на вокзал. И вот, шагая по тротуару, вдруг я зацепился за водосточную трубу и разорвал штаны. Ну, думаю, это не совсем хорошо, зашел в лавочку, купил себе пачку иголок и нитку, зашел в первый попавшийся двор, в уборную, зашил штаны и пошел шагать дальше. Пройдя несколько домов, сунул руку в карман — а кошелька нету. Вот думаю, уж совсем хорошо. Ворочаться нет смысла, все равно не найду этого дома и так и поехал домой, никому ничего не говорю. На другой день, канцелярия требует квитанцию на мясо. Я пошел и заявил, что потерял. Писаря в сомнении, можно ли дать другую квитанцию, а тут один из них и говорит: «Да за него полковой адъютант Свечин десять квитанций выпишет. Такая ему вера». Тем дело и кончилось, а я научился, что и от вина можно захмелеть.

После лагерей настало время мне увольняться в запас, но тут пришло распоряжение послать всех унтер-офицеров 1902 года в Одессу, конвоировать моряков на Дальний Восток и там влиться в армию.

По возвращении из этой командировки, наша служба потекла по старому и 10 марта последовало увольнение в запас нашего срока службы.

В продолжении всей моей службы в полку, я ни от кого ничего не видел, кроме благодарности, и это была самая лучшая **эра** моей жизни. В воспоминание моей ротной жизни, при увольнении в запас, я получил аттестаты от ротного командира флигель-адъюданта штабс-капитана Зеленого, командира батальона полковника графа Лорис-Меликова и командира полка Свиты Его Величества генерал-майора Гадона, причем он сам выдавал нам аттестаты, и было это так: мы все увольняеные, были построены в учебнмо зале на Миллионной улице, посредине был поставлен стол, за которым сидел командир полка генерал Гаддон, а на столе стояла водка и вот каждый, по очереди рот, подходил и выпивал чарку и командир полка каждому говорил «добрый путь». Когда дошла моя очередь, я выпил чарку и генерал Гаддон вручил мне лично аттеста со словами: «Спасибо тебе за службу. Добрый путь.»

Терентий Пархоменко старший унтер-офицер 10-й роты лейб-гвардии Преображенского полка.

Возвратившись домой, я в скорости сочетался браком с дочерью запасного унтер-офицера лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Василия Гуртового — Александрою и, таким образом, стал семьяником, и жизнь моя пошла уже по другой дороге, о чем опишу в другой раз.

Т. П.

Господа офицеры

О чем говорят бывшие военные после сытного ужина за бутылкой доброго вина?

Безошибочно отвечу словами позабытого поэта Александровской эпохи:

Мы вспоминали лагерь шумный,
Пирушки в праздник полковой,
Поход в Париж, хоть многотрудный,
Но полный славы боевой!

Таким воспоминаниям нет конца. И немудрено. Прислушиваемся, например, к словам Никифора Ивановича, старейшего из нашей компании.

— Я-с, дорогие мои, — ухмылялся он, — в службу вступил одновременно с винтовкой образца 1891 года. Вот-с, краткий послужной список: Боксерское восстание, Порт Артур, плен, мировая война, революция, Добровольческая армия, великий исход заграницу, Галлиполи и... вместо запаса или отставки с мундиром и пенсией — хождение по мукам в эмиграции.

— Бывало в старину... иначе и не могу назвать еще совсем недавние годы. Отодвинули их в глубокую даль небывалая по своим размерам мировая война, ужасающие потери, постоянная перемена наличного состава армии и в связи с этим непривычное взаимоотношение однополчан. Так вот-с... гаркнешь бывало команду: Смирно! Рав-не-ние направо! Господа офицеры! — и чувствуешь... без малейшего сомнения... что в этот момент вытягиваются в струнку действительно господа офицеры.

— О —

Возвращаясь домой по темной, безлюдной улице, вспомнил я три случая из кадетской жизни и все они подтверждали слова Никифора Ивановича.

ГЕНЕРАЛ

Слава Тебе Господи! Наконец-то вырвался из корпуса!

Шагаем неторопливо — я и мой приятель. Ему такие прогулки не в диковинку. По учению — в первом десятке, поведения отличного. Паинька — хоть напоказ! Мои же выходы были похожи на счастливый выиграш и так же редки. Потому-то даже городской воздух казался мне прозрачнее и свежее, чем на наших кадетских плацах, и я чувствовал легкое приятное головокружение.

Забавляло все, на чем останавливался мой взгляд. Забавлял и маленький рост приятеля, словно я впервые с ним познакомился.

— Слушай, говорю, наверное прохожие так и думают: вот, мол, солидный старший браток ведет меньшого сопляка в маменькины объятия.

А он огрызался:

— Пошел ты ко всем чертям!

Забавляла и намеченная им на субботу и воскресение программа:

— Сперва пойду в иллюзион на Макса Линдера — похохотать. Потом в церковь — помолиться. Потом к друзям-реалистам — потанцевать. Потом дома налопаюсь всякой всячины. А завтра с утра на Вислу — рыбу ловить.

— Ну, ну, вали, — одобряю. — Только не зевай, крупа левофланговая, а то щука сожрет.

На нашей очень широкой Бельведерской аллее люди как-то терялись и она выглядела пустоватой, но когда поравнялись с Уяздовским Парком — протерли глаза. Гуляющих масса и на каждом шагу офицеры. Изредка козырнуть и выделиться из общей массы шпачков приятно. Но отдавать честь беспрерывно надоедало. Вижу, выше многих на добрую голову, приближается к нам генерал со скобелевской бородой, проще сказать, мой отец.

— Малый, — шепчу приятелю, — накозырялись мы досыта, а недаром говорят: хорошенького понемножку. Папашу можно и пропустить. свернем ка на самый край тротуара... как будто собираемся перейти на другую сторону, где нас ожидает твоя любимая тетка. Шевелись, карапуз! За мной! И вдруг, вдогонку:

— Ка-де-ты! Пожалуйте сюда!

Этот строгий окрик ошарашил не только нас. Окружающие приостановились, стали оглядываться, кто с удивлением, кто со страхом, кто с любопытством. Зафыркали и захихикали девицы — даровой театр. А мы, главные актеры, красные, как вареные раки, замерли перед отцом. Последовал короткий приказ:

— В корпус! Доложите офицеру: за умышленное неотдание чести.

Щелкнули каблуками и повернули назад. Прощай отпуск! Приятель же не то от волнения, не то, чтобы поскорее убежать от позорного места, а, может быть, и от меня, утроил шаги. Говорю ему:

— Куда торопишься? Подышим хоть свежим воздухом.

А он рукой отмахивается:

— И зачем я, дуралей, тебя послушался? Подвел, собака, прямехонько к карцеру! Знаешь ли, что нас ожидает за это самое «умышленное»?

— Кто ж будет докладывать про «умышленное»? Не заметили, мол, и точка! — учу его тихоню неразумную.

— Какая точка? Клякса! И наляпал ее ты, дылда отпетая! — и скулил до самого корпуса. Дежурный офицер тоняга штабс-ротмистр, встретил нас недоумевающей улыбкой.

— Что так рано, кавалеры? Родители уехали? Квартиры сгорели? Или за непочтительность выставили?

Ишь, думаю себе, прикидывается. А ведь сам в прошлом стреляный кадет. Докладываю, но, конечно, без умышленного».

Прищурился ротмистр, звякнул шпорой.

— А, случайно, не знаете — кто этот генерал? После такого вопроса, как соврешь? Сегодня же все и разъяснится. Не к чему валять петрушку, решил я.

— Так точно, знаю. — И произнес не совсем членораздельно свою собственную фамилию. Но ротмистр обладал восприимчивым ухом.

— Ах, вот что! Значит, папенька? Тэк-с! Заме-ча-тельно! Ну, франты, за такой номер полагается двойная порция. Насытитесь!

Мой бедный приятель заморгал глазами и побледнел. А ротмистр подбоченившись, продолжил:

— Ну, как же не заметить вашего батюшку? Сказочки! Ведь он ростом — лейб-гвардия! С особенным удовольствием зарисую в штафной журнал: за умышленное неотдание чести генералу. Чувствуете: ге-не-ра-лу! А сейчас, марш переодеваться!

Я же старался понять, что случилось с моим отцом? Он никогда не останавливал и не «цукал» зазевавшихся солдат. В нашем семейном альбоме видел десятки фотографических карточек от его подчиненных с трогательными надписями: защитнику провинившихся, начальнику с золотым сердцем, отцу-командиру и тому подобное.

А приятель, у страха глаза велики, пилил и пилил...

— Связался на свою голову с арестантом. Скатают два, — месяц без отпуска...

Подсказываю уже с язвительностью:

— И еще выпорят... и вывернут наизнанку... и повесят сушить вверх тормашками, как подштанники...

— Удружил, дьявол!

Но, как я предполагал, так и вышло. Через полчаса ротмистра позвали к телефону. Много позже я узнал и содержание разговора.

— Прошу вас, ротмистр, — говорил отец, — не наказывайте низенького кадета, приятеля моего сына. Он мог меня не заметить. Уверен, что его с нетерпением ожидают дома и уже беспокоятся.

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство.

— А сына взгрейте! Он виновник всему.

— Разрешите уж отпустить и вашего сына. Он получил взбучку и, конечно, раскаивается. Ведь и его ожидают с нетерпением.

— Не слишком ли милостиво, ротмистр? Но... дело ваше.

Когда я пришел домой, мама, как и надлежит каждой маме, встала не защиту ненаглядного чада. Монолог произносился возмущенным голосом.

— Подумаешь великое преступление! Офицеров на Уяздовской — без числа! Каждому козырять — руки отвалятся! Наказание, а не отпуск! Мальчик встретил родного отца и, понятное дело, воспользовался случаем. Дай мол, хоть минуточку, передохну. А его в карцер! Зверство какое-то!

И сунула мне целковый на развлечения.

Но отец все-таки «выцукал»... и здорово. Не за честь, а за то, что подвел товарища.

После отпуска ротмистр поинтересовался:

— Ну, как, ловчила, попало?

— Так точно, попало.

—А знаете что? — звякнул он шпорой. — Такому отцу нужно становиться во фронт, не за четыре, а за восемь шагов.

РОТМИСТР

Я болтал с Танечкой два дня без перерыва. Так неутомимо может болтать только влюбленный пятнадцатилетний юноша.

Познакомились мы на пристани и я, как галантный кавалер, помог ей внести на пароход плед, несессер и чемодан... А через два часа мы были твердо убеждены, что любим друг друга с пеленок и что наша любовь продлится до гробовой доски.

Танечка возвращалась домой от замужней сестры, без провожатого, уже как взрослая барышня, пятиклассница. День мы проводили на палубе, любуясь живописными берегами, ловкими чайками, пароходами и лодочками. И все, что мы видели, что плыло навстречу или перегоняло нас, дружелюбно приветствовали, усердно махая платками. А когда загорались бесчисленные звезды, примостившись на корме, говорили о далеких странах, которые намеревались посетить рука об руку; вспоминали прочитанные романы и описания волнующих сцен дополняли собственной фантазией, смелой и безграничной.

И хотелось, чтоб пароход плыл, плыл и плыл...

Но время неумолимо даже для влюбленных юнцов. Еще два дня — и корпус. Прощай вольная волюшка до рождественских каникул!

С тяжелой грустью смотрел я на показавшийся вдали Танечкин город, и, казалось, будто не пароход, наш верный, хороший друг, а он, злой разлучник, медленно приближается к нам.

— Неужели конец? — заморгала Танечка влажными пушистыми ресницами, стоя уже на пристани.

— Почему же конец? Расстанемся, временно, на пороге вашего дома, — решил я.

— В нашем имении? — удивилась Танечка. — Но вам ведь еще на поезде... Вы опоздаете в корпус. Вас накажут. Военные законы ужасны!

И за эту Танечкину тревогу я мог бы отдать всю пятнадцатилетнюю жизнь.

— Не велика беда. Опоздаю на один день.

— Я очень хотела бы познакомить вас с мамочкой. Она замечательная! Еэ все любят! Но я боюсь за вас. А скажите, карцер с окном, или вроде чулана? И наверно с пауками, тараканами, крысами... Брр!

— Пустяки. И скорпионы не помешают думать только о вас.

— Если вы такой герой — едем! — очаровательно улыбнулась Танечка. — Имение в пяти верстах от города. Меня ждет экипаж. На нем и вернетесь

Думал: провожу и назад. Но молодое сердце остепенить нелегко. У Танечки и ее добрейшей мамы я провел три блаженных дня, утешая себя пословицей: семь бед, один ответ. И только на железнодорожной станции крепко почесал затылок. Что же теперь делать? Обратиться к военному врачу и прикинуться больным? Но, чувствую — силы во мне, хоть отбавляй и тело крепче ореха.

В комендантское? Ав друг выползет старый ревматик полковничек, у которого сын такой же сорванец, как и я. Не поверит ни единому слову.

Куда ж и к кому?

Тут-то я и наткнулся на жандармского унтера. Добродушная усатая физиономия и два гладко выбритых подбородка как-то сразу придали смелости.

Спрашиваю усача:

— Можно ли поговорить с вашим начальником?

— А почему же нет? Господин Ротмистр сейчас в отсутствии, а через полчасика возвернутся.

Прикидываю в уме: во-первых, всего лишь с одним просветом, вовторых не врач, в третьих блюститель закона. Была не была! А вдруг подвезет. И я приготовил обширную, убедительную речь.

Но от проницательных, немигающих глаз ротмистра весь мой стройно-сложенный монолог превратился в кашу. Ястреб — подвернулось сравнение... И начал я, спотыкаясь, как хромая кляча, мямлить о внезапной температуре, об ознобе, о трех бессонных ночах, о боли во всех костях и суставах.

— Что же вы от меня хотите?

— Я покорнейше просил бы... чтобы вы... если будете так добры... на отпускном билете... что я опаздываю на три дня... из-за температуры.

— Довольно долго вас трясло. И что же, пароход бросил якорь и три дня стоял, дожидаясь пока спадет ваша температура?

— Никак нет... пароход шел...

Ротмистр закурил папиросу и откинулся на спинку стула.

— И кто вас надоумил обратиться ко мне? Я в тюрьму сажаю, а больных не лечу. Отправляйтесь-ка в госпиталь, или в комендатуру.

— Го... господин рот... ротмистр... — но, что дальше сказать, я не знал. По голосу нетрудно было понять мое душевное состояние.

Ястребиные глаза прищурились.

— Из госпиталя вас с треском вышибут, а коменданты шутить не любят. Эх, кадетствующий, вы, наверное, думали, что ротмистр из шпачков, из мальчиков с вокзала, которым до семнадцати лет вытирают слюни бонны и нянюшки. Ошибаетесь, дорогой мой! Я кадет, да еще какой! Девять лет просидел на «камчатке». Профессор ловчения. По этому предмету читал товарищам внеклассные лекции. Штук двадцать казённых термометров испортил натиранием и щелчками. Фельдшеров гипнотизировал. Доктору так мозги закручивал, что для спасения моей жизни собирали консилиум. Говорите-ка прямо, без зигзагов и окружностей: выручите, господин ротмистр — влил!

Я так и ожил. Ястреб-то из нашего десятка, мелькнула радостная мысль. И пошел в открытую:

— Влил, господин ротмистр!

— Так бы и начали. И мне легче соображать. А то этакий поджаренный розанчик заныл и заохал. Ведь ваш портрет — лучшая реклама для толокна и рыбьего жира.

И прицелившись одним глазом, всадил в самую середину мишени.

— А как зовут температуру? Катенька или Мурочка?

— Танечка, господин ротмистр. — и наверное в этот момент моя физиономия походила не на розанчик, а на созревший помидор.

— О-о-о! — широко улыбнулся он. — Ласковое имя. Чисто русское. Хорошенькая?

— Очень хорошенькая, господин ротмистр.

— Танечки и должны быть хорошенькими. В каком классее?

— В пятом.

— Счастливица! И я бы прокадетствовал еще девять лет, да, к сожалению, не полагается. У Танечки и загостились?

— Так точно. У ее мамы в имении.

Ротмистр положил перед собой лист почтовой бумаги и на минуту задумался. Потом громко спросил:

— Кто ротный?

— Полковник фон...

— Хм... Немцы наследственные педанты. Службисты. Крепко держатся за параграфы. Придется написать рассказ с приложением казенной печати. Садитесь, кадет, и можете курить.

Он писал и одновременно рассуждал вполголоса.

— С кем не бывало... Корпус не провалится в преисподнюю... если выручу влюбленного кадета... Конечно, по правилам... любовь... недостаточная причина для опоздания на три дня... Но с Амуром боротся трудно... у него свои правила... и от его стрелы не увернешься... А язык нужно спрятать за зубы... и зубы покрепче сжать.

И, передавая мне письмо, добавил:

— Знайте же, вы внезапно заболели на пароходе. А в этом городе обратились за помощью к первому встречному офицеру, ко мне. Чтобы избавить вас от местных, весьма неуютных лазаретов, я взял вас к себе домой. Лечил же мой сосед, частный врач, Исаак Давидович Зильберштейн. Запомните!

— Запомню, господин ротмистр. Покорнейше благодарю! — А самого так и подмывало — броситься к нему на шею, расцеловать и на весь вокзал закричать ура!

Ротмистр посмотрел на часы и встал.

— Ну-с, пора обедать. Идемте.

— Я сыт, господин ротмистр.

— Не может быть! Не верю! Кадет даже и влюбленный, всегда голоден, сколько бы не кормили. Надо ответить: не смею отказаться. Кроме того вы должны посмотреть мою квартиру. А то спросят: как живет ротмистр? Вы и начнете строить дымные кельи — завретесь. Зал, мол, двухсветный. В одном углу беккеровский рояль, в другом пальма, а под ней мраморный бюст Лины Кавальери. Столовая мебель резного ореха с бронзой. На кровати перина под атласным одеялом. А у меня ничего подобного! На таких-то мелочах и ловят преступника. Вот, пока будете насыщаться — присматривайтесь. Тогда и отчеканите без запинки: так, мол, и так. В пустом зальце свежий воздух и канарейка. В других комнатах мебель в стиле «Винегрет». Посуда тоже сборная, но ест ротмистр каждый день и довольно вкусно. Кровать твердоватая, однако я на ней отлежался и выздоровел. А кто лечил? Отвечайте!

— Исаак Давидович Зильберштейн, господин ротмистр.

— Правильно. Можете добавить особые приметы: носатый, ухатый и губатый. Но доктор «на-ять» и жидок политически благонадежный. Да... еще один вопрос. Насчет дорожных денег... Не прокутили с Танечкой? Хорошенькие женщины очень требовательны и дорого обходятся нашему брату.

— Ну, как же можно, господин ротмистр... — совсем смутился я. — Денег вполне хватит.

— Тогда, шагом марш на обед!

К кулечку, полученному от Таниной мамы, присоединился еще один пакет — от трогательно-заботливого ротмистра. В нем, между вкусным дорожным провиантом, я нашел пачку асмоловских папирос и две коробки спичек.

Полковник Фон...... долго разглаживал ладонью письмо ротмистра. Повидимому о чем-то хотел распросить, но воздержался. Легкая улыбка чуть скривила подусники.

— А скажите, этот ротмистр... из кадет?

— Из кадет, господин полковник.

— Ну,ну... Можете итти.

ПОРУЧИК

Прохаживаясь по перрону, я заметил, что у ожидающих поезда маленького кадетика-аракчеевца и его спутницы, произошло несчастье. Девушка лихорадочно рылась в дорожной сумочке. Услышал я и отдельные фразы.

— Посмотри в карманах, Катя, — нетерпеливо подсказывал кадетик. — Во всех... И в перчатках... выверни их.

— Нет! Ну, нигде! И всему виной проклятый насморк. Наверное вместе с платком... понимаешь? Вынула платок, он и выпал. Боже мой, что же мы будем делать?

— Надо, как можно скорее заявить в жандармское отделение, Катя.

— Ах, милый мой, его сразу же растоптали. А если нашли — продали за полцены. Господи, Господи, за что такое наказание? Придется телеграфировать домой. Подумай, бедному папе лишний расход.

— Заяви обязательно, — настаивал кадет. — Может быть его нашел не жулик, а порядочный человек.

— Ну, ладно. Сторожи вещи. Я побегу...

Эх, думаю, неудачники...

И вот вижу, стоит невдалеке какой-то саперный поручик и внимательно следит за этой сценой.

Проходя мимо него, я откозырнул, а он знаком подозвал меня.

— Что там произошло?

— Мне кажется, что барышня потеряла проездной билет, господин поручик.

— И я так думаю. А что, если их папа вечный штабс-капитан, у которого каждый грошик на счету — и поручик, словно от боли, сморщился. — И кадетишку жаль Домой торопится. Совсем, пузырь, расстроился. Не знаете, куда они едут?

— Никак нет.

— А, ну-ка, узнайте, — оживился поручик. —Мне, как офицеру, неудобно... из-за этой барышни. А вам, кадету, проще. Но время не терпит. Действуйте по-суворовски — раз, два! Быстрота и натиск!

Я тотчас же исполнил просьбу поручика.

Маленький аракчеевец отчетливо приветствовал меня, как старшего. Спрашиваю ласково:

— В отпуск.

— Так точно.

— Далеко ли?

— Порядочно — двое суток — и назвал город, но с горечью добавил: — Только не знаю, удастся ли сегодня выехать

— Почему?

— Сестра билет потеряла. Я свой в фуражке ношу — никогда не выпадет. А она... по-бабски... то в сумочку сунет, то в перчатку, то в карман. Карманы у них ерундовские, мелкие, не такие, как наши.

— Заявили?

— Пошла заявлять.

— Не падай духом, аракчеевец. Бог даст, найдется.

Узнав название города поручик заторопился.

— Подождите меня и не теряйте их из вида. Есть у вас время?

— Полчаса, господин поручик.

— Отлично! — и он исчез.

Я видел, как вернулась сестра кадетика и что-то говорила ему, безнадежно разводя руками.

А минут через десять появился раскрасневшийся поручик.

— Ушли?

—Никак нет, здесь.

Он шумно и облегченно вздохнул.

— Остается только передать... Но так, чтобы, Боже упаси, не обидеть. Я конечно, не могу. И вам, пожалуй, не того... Начнут задавать вопросы. Как же быть? Ах, вот... Молодец! — крикнул он проходящему солдату. — Подойди-ка сюда.

Солдат подбежал рысцой и вытянулся.

— Сослужи, братец, службу. А всей службы на одну минуту.

— Прикажите, Ваше Благородие.

— Видишь, вон там, кадетика и барышню?

— Вижу, Ваше Благородие.

— Подойди к барышне, сунь ей в руку этот билет и скажи: приметил, как обронили и поднял, да сразу в такой толкучке и суматохе разыскать вас не мог. И, не дожидая ответа — ходу! Слышишь ли? Ходу без оглядки! Вот тебе на полбутылки, хлебнешь за мое здоровье.

— Покорно благодарю, Ваше Благородие.

— Жарь во всю! — а то они уйдут.

Дальнейшее произошло с кинематографической быстротой.

Неожиданно получив билет, барышня всплеснула руками и громко ахнула. Физиономия кадетика расцвела и расплылась. А солдат словно провалился сквозь землю.

— Подумайте! — только и могла произнести пораженная девушка, оглядываясь во все стороны.

— Земляк-то... земляк... ловкий... как кошка! — заливался счастливым смехом поручик. Хохотал и я.

Обрадованные братец и сестрица, захватив чемоданы, быстро зашагали к поданному составу. До нас долетели слова кадетика:

— Солдат должен быть честным, Катя.

— Вот оно, убеждение с детства, — подтолкнул меня поручик. — А в корпусе и военном училище его углубят и укрепят, как редут.

— А вы, господин поручик, Аракчеевского корпуса?

— Нет. Я Симбирского. Да не все ли равно, дорогой мой. Все мы из одной семьи, но семья наша многолюдная, потому и живем в разных комнатах. А ведь правда, кадет,.. как то теплее стало... Не снаружи а внутри. А у вас?

— И у меня, господин поручик.

— И знаете... Еслибы этот случай произошел на глазах какого-нибудь писателя, знакомого с военной средой, например, Каразина, или Немировича-Данченко, а еще лучше Куприна — мог бы получиться славный рассказик, как офицер, кадет и солдат сделали доброе дело.

— Вернее, как вы сделали доброе дело, — заметил я.

—О, нет! Без вас и земляка ничего бы не вышло. Во всяком случае не вышло бы так быстро, так просто и так... замечательно хорошо. Ну, еще раз сердечное спасибо и до свидания. Через пять минут отходит мой поезд.

— Рад стараться, господин поручик, и счастливого пути!

— Он крепко пожал руку.

— О —

Иду по темной, безлюдной улице... И после всего, что вспомнилось, ясно представил себе поднятый указательный палец милейшего Никифора Ивановича.

— Именно-с, господа офицеры!

Н. Турбин

К а у ш е н

Воспоминания Лейб-Гвардии Конной Артиллерии, Батареи Его Величества подпоручика Александра Сергеевича Гершельмана 5-го.

«Ура, наш командир, Царева за тобой
Всегда пойдет, всегда пойдет на смертный бой!

С подъятою шашкой летит командир
И мчатся солдаты все строем за ним,
И мчатся солдаты все строем за ним
На бой на кровавый, на радостный пир.»

(Из батарейной песни).

Батарея выступила в поход, имея в строю 12 офицеров, из которых я был младший, но уже через год число это настолько сократилось, что я принял командование 2-м взводом батареи.

Командиром был князь А. Н. Эристов, в октябре того же года принявший Кавалергардский полк; старшим офицером Б. П. Огарев, летом 1915 года назначенный командиром Запасной батареи; 3-м взводом командовал штабс-капитан П. А. Рот; 2-ым штабс-капитан Б. В. де Латур де Бернгард, поручик Д. Д. Гершельман 1-ый командовал 1-ым взводом, который вскоре сдал поручику Данилову. Последний тяжело был ранен 17 сентября 1914 года под Мацковой Рудой и в строй не вернулся, Гершельман же впоследствии назначен был в Запасную батарею Поручик Ю. С. Гершельман 2-ой командовал разведчиками, убит 6 августа 1914 года под Каушеном; поручик Н. П. Домерщиков в начале похода командовал обозом первого разряда; подпоручик С. С. Гершельман 3-ий был назначен адъютантом командира дивизиона полковника Завадовского, а после смерти поручика Гершельмана 2-го принял разведчиков; подпоручик Ю. Р. фон-Мевес исполнял обязанности ординарца при штабе дивизии; подпоручик А. А. Терехов-младший офицер 3-го взвода, подпоручик А. С. Гершельман 5-ый — младший офицер 2-го взвоода. Врачем был Б. Б. Бауер.

Свое боевое крещение батарея приняла 30 июля (старого стиля) на самой границе, к северу от Вержболова. Стоя на маскированной позиции, батарея скоро была обнаружена противником, имевшим, повидимому, свой наблюдательный пункт на колокольне кирки, расположенной по ту сторону границы. По батарее был открыт жестокий огонь четырех-орудийной немецкой батареи. Я был послан передовым наблюдателем в цепь взвода Кавалергардского полка. Командовал взводом князь Багратион-Мухранский. Взвод лежал в цепи в створе нашей и немецкой батарей, а потому все очереди, которыми германская артиллерия посыпала нашу батарею, со свистом пролетали над моей головой, и я мог наблюдать разрывы неприятельских снарядов между нашими пушками.

Командовал огнем батареи князь А. Н. Эристов. Батарея, несмотря на сильнейший обстрел, не прекращала огня ни на минуту, действуя против частей немцев, маневрирующих за границей. Точка отметки батареи была впереди, а потому верхние орудийные щиты не были подняты. Этим объясняется то, что немецкая шрапнель, пробив оба щита 1-го орудия и разорвавшись, переранила всех орудийных номеров. Остались нетронутыми лишь командир взвода поручик Гершельман 1-ый и взводный старший фейерверкер Засов. Пробитый щит оставался на 1-ом орудии на память о первом бое, даже при замене пушки новой. Прямым же попаданием шрапнели были разорваны гильзы в лотках зарядного ящика 4-го орудия, загорелся порох, который пришлось тушить землей. В 1-ом же орудии осколками снаряда были перебиты спицы колеса, так что во время боя пришлось заменять его запасным. Насколько батарея работала чисто и беспрерывно, видно из того, что Эристов узнал лишь после боя о замене колеса 1-го орудия.

К вечеру бой затих и батарея отошла на бивак. Несмотря на потери и переживания первого боя, настроение было бодрое. Оживленно обменивались впечатлениями; помню брат Юрий говорил: «Как весело было слушать свист пуль!»

3 августа, севернее Владиславова, перешли пограничную реку Шешупу и вторглись в Восточную Пруссию.

Группа чинов 1-й Его Величества батареи лейб-гвардии Конной Артиллерии

Стоят слева направо: **бомбардир Чибалдин, вахмистр Засов, (?), капит. Домерщиков, ген.-майор князь Эристов, кап. Данилов, кап. де-Латур-де-Бернгард, шт. кап. Терехов, кап. Гершельман 3-й, прапор. Гершельман, штабс-кап. Кологривов.**

4-ое августа было для меня особенно утомительным днем. Терехов и я, как младшие офицеры батареи, чередовались, ведя батареиный обоз. В этот день я был в строю батареи, в распоряжении командира. Двигаясь в главных силах дивизии, батарея была готова, в случае надобности, немедленно выехать на позицию. Разведчики намечали возможные наблюдательные пункты и позиции батареи. Я передавал распоряжения командира старшему офицеру Огареву, а потому безостановочно мотался между ними.

К вечеру подошли к городу Пилькалену и остановились. Долго топтались перед ним, ожидая результатов высланной разведки. Наконец, не выдержали и, не дождавшись разведчиков, передовые цепи двинулись вперед и вошли в город без выстрела. Пройдя город через главную площадь и мимо кирки, батарея стала биваком на его западной окраине. Спали тут же, у орудий.

Первые дни похода мы не пользовались домами для ночлега. Помню, как после выгрузки эшелона в Пильвишках, строго следуя уставу, лошадей поставили на коновязь, люди спали тут же, гг. офицеры-в саду хаты, в спальных мешках. Непривычные к коновязи мобилизованные лошади, среди которых были и жеребцы, вырывали колья коновязи, горячились, дрались. На первом же биваке погибла кровная, нервная и горячая кобыла «Стэлла» (П. А. Рота). Она вырвала кол, к которому была привязана и порезала себе сухожилия о проволоку изгороди. Ее пришлось пристрелить. Ночью пошел дождь и залил нас в мешках. Мы скоро отказались от таких бивачных приемов: спали в сараях и домах, взводы разводили по дворам и только в случае нужды располагались под звездным небом.

На другой день, 5 августа, батарея рано двинулась в поход, оставив меня вести обоз, состоящий из кухни, офицерских вьюков и нескольких двуколок. Князь Эристов считал, что при большом сверхкомплете офицеров, надо всюду, для порядка, назначать таковых. Я с грустью проводил батарею.

Офицерское питание было скверно налажено, наш батарейный повар Карчанов, попавший в строй прямо от Кюба, еще не свыкся с условиями похода. Лишь позже он научился великолепно кормить нас. В одном из передков им был устроен ящик с хлебом и металлической коробкой из под бисквитов Эйнема, в которую он вмазывал паштет из печенки. Собранскую же двуколку Огарев завел лишь во время нашей краткой стоянки в Вильне, в октябре 1914 года.

Я был голоден и пошел искать пропитания в ближайшие дома. Набрел на покинутый хозяевами магазин, в котором нашел сахар и какао, смешав их, утолил свой голод. Настроение было скверное, так как я боялся, что батарея без меня будет участвовать в бою. Но и в этот день продвижение дивизии продолжалось без особого сопротивления. Казалось, что немцы отступают по всему фронту. Появлялись лишь незначительные отряды велосипедистов и слабые кавалерийские части, которые спешно отступали при первом соприкосновении с нашим авангардами. Оптимисты уже подсчитывали, сколько дневных переходов нам оставалось до Берли-

на. День снова прошел спокойно. Без приключений я довел обоз до бивака. Скорее спать, чтобы завтра, спозаранку, снова в поход, — вперед на Берлин!

День 6 августа начался как-то незначительно. Встали, поели и сели на дворе фольварка, в котором ночевали. Чувствовалась уже общая усталость: непрерывные походы, непривычная тяжесть боевой амуниции (шашка, револьвер, бинокль, полевая сумка), которую не снимали целыми днями. Кавалерия уже начала приторачивать к седлу часть этой амуниции. Все молча полулежали на траве и на подостланной соломе. Помню, меня тогда поразило усталое лицо брата Юрия. Что-то грустное было в выражении его глаз и в осунувшемся небритом лице. Многие решили отпустить бороду, а другие просто считали бритье на войне излишней роскошью, что крайне возмущало князя Эристова, который брился каждое утро.

6 августа 2-ой взвод был назначен в авангард, а потому командир Латур, Юрий, который командовал разведчиками, и я, первые двинулись в поход. «Я буду с разведкой, а ты оставайся при взводе», разпорядился, обращаясь ко мне, Амочка Латур. 1-ый и 3-ий взводы шли в этот день в колонне главных сил.

Я ехал на своем «Игривом», купленном для меня Юрием у Огарева. Это был крепкий, умный и ленивый бурый мерин мазаракинских кровей. Все было тихо. Лошади, находившиеся целый день под седлом, опали телами и лениво передвигали ноги. Был ясный августовский день. Вдоль дороги ветки яблонь гнулись под созревшими плодами, на огороженных проволокою лугах паслись стада черно-белых коров, кое-где виднелись приветливые фольварки. Всюду — довольство, сытость,мир ...

Вдруг послышались выстрелы... Эскадрон авангагарда остановился. Не спешиваясь, люди, опираясь на луки седел, смотрели в сторону выстрелов. Группа всадников, отделившись от колонны, поднялась на бугор; это был начальник дивизии. Протарахтела пулеметная очередь. И снова рассыпалась ружейная стрельла...

— Это уже наши отвечают, — произнес взводный Новиков. Солдаты быстро стали разбираться в боевых звуках, различать свои выстрелы от немецких. Перестрелка розгоралась, захватывая новые отрезы фронта. От группы начальников отделился ординарец и проскакал к колоне главных сил.

Ко мне подскакал наш разведчик (если не ошибаюсь, Горохов, убитый в Литве в августе 1915 года): «Ваше Высокоблагородие, командир приказал выводить взвод на позицию».

— Шагом марш! — скомандовал я и, только взвод тронулся, перевел его на рысь.

— Где позиция? —

— Вон, вправо, на сжатом поле. —

Перед тем, как свернуть с шоссейной дороги на полевую, я крикнул взводному:

— Ну, держись, Новиков, сегодня поработаем!

— Не подкачаем, Ваше Высокоблагородие, — весело ответил он, — или грудь в крестах, или голова в кустах! —

Повернувшись в седле лицом к взводу, я дал знак «галоп». Этот выезд на позицию был единственный за всю войну выезд на галопе. Помню, как сейчас, веселое настроение, охватившее меня. Все детство и юность мы все готовились к участию в войне. И вот взвод «мчался», как пелось в батарейной песне — «на бой, на кровавый, на радостный пир!»... Этот «радостный пир» стал действительностью.

Мощные кони моего «белогривого» взвода рванулись вперед и легко вынесли пушки на сжатое поле. И одновременно, высоко над головами, разорвались первые шрапнели врага. Вмиг орудня были сброшены с передков, которые умчались в сторону видневшегося сзади фольварка. Мой рэхмет (вестовой) Евменчик с перепуга чуть было не забыл моего «Игривого». На мой окрик он на скаку подхватил повод и умчался.

Точка отметки была сзади, угол сарая фольварка, так что на орудиях были подняты верхние щиты, и это было счастье, потому что после недолгой пристрелки немецкая батарея взяла взвод в оборот. Разрывы ложились над самыми орудиями и шрапнельные пули горохом рассыпались по щитам и зарядным ящикам.

Связь с наблюдательным пунктом де Латура поддерживалась флажками, и взвод быстро открыл огонь. Привычным движением открывались затворы, подносились снаряды, наводчики дергали шнур, орудия вздрагивали, тела их откатывались и снова накатывались.

Позиция была маскированная, от орудий была видна мельница и отдельные дома деревни Каушен. Судя по ружейному огню, цепи, как наши, так и немецкие, залегли в ложбине перед деревней. Раза два во время боя, когда связь почему-то прерывалась, брат Юрий подъезжал ко мне с указанием обстрелять ту или иную видимую с позиции взвода цель.

Бой продолжался уже около двух часов, снаряды приходили к концу, подносить их по открытому, сильно обстреливаемому полю было затруднительно. Взвод отвечал на огонь немцев реже. Было уже ранено два человека. Третьим был ранен разведчик-сигналист. Снаряд разорвался под зарядным ящиком и откинутая крышка краем ударила по руке бомбардира Барановского. Он вскочил, как ужаленный, с визгом бросился и обнял тело 4-го орудия, у которого я находился. Я подскочил к нему — «Что с тобой?». Но вместо ответа он лишь истерически визжал. Видя, что от него ответа не добиться и

что его крик может нагнать панику на остальных людей, я схватил его за шиворот и прокричал ему в ухо, что я его выпорю стэком, если он не прекратит вой. Угроза подействовала. Осмотрев его, правда, очень сильную контузию, я отправил его к передкам.

А бой все разгорался. Слева и сзади, в лощине, встали остальные взводы батареи. Ружейный огонь, поддержанный длинными очередями пулеметов, разлился по широкому фронту и уже не прекращался вовсе. Скрываясь за снопами и припадая под очередями шрапнели, люди от передков подносили снаряды и взвод возобновлял огонь.

Но бывали и роздыхи. «Как у вас?», спрашивали мы у добежавшего с лотком снарядов канонира.

«Так что как «он» саданет по вашему взводу, а перелеты — по фольварку. Пришлось передки отвести в сторону».

Один из людей рассказывает, что батарея пристрелялась по орудиям противника, что стоят у мельницы. Он вынимает из кармана синих рейтуз яблоки: «Это Вашему Высокоблагородию Евменчик шлет. Сегодня ведь Спас!».

Наводчик 4-го орудия Силантьев говорит:

— У нас на Спас в селе престольный праздник. Яблок в садах хот завались, девки хороводы водят, веселье до ночи!...

— Еще что вспомнил, богомаз (Силантьев был уроженцем Владимирской губернии), — наставительно роняет младший фейерверкер 4-го орудия Завьялов; — дай «германа» напервое одолеть, столицу его занять, а там и по домам.-

Но перерывы в огне по взводу длились недолго, снова пели свою смертоносную песнь пули, предательски визжали осколки рвущихся снарядов. Но я начал замечать, что огонь немцев стал более беспорядочным. Батарея противника была очень близко, за звуком выстрела почти немедленно следовал разрыв шрапнели над нами. Теперь нередки были «журавли», которые рвались высоко над головами и посыпали пулями сжатое поле за взводом. Под один из таких разрывов попал Юрий Мевес, который на своей «Оксане» проскакал с донесением мимо орудий.

Бой затягивался, часы шли за часами, взвод стоял под огнем уже около трех часов.

Направляясь к фольварку, где стояли резервы, проехал на своем красивом «Каротце» брат Юрий. Задержавшись у взвода, он мне сообщил, что бой развивается для нас успешно, что наша батарея привела к молчанию артиллерию немцев, стоящую у мельницы и что Эристов послал его доложить об этом генералу Скоропадскому, командовавшему в тот день 1-ой бригадой нашей дивизии. Юрий ускакал. Это был мой последний с ним разговор.

Через некоторое время от фольварка отделился резервный эскадрон барона Врангеля. Когда он проходил слева от меня, я видел лишь правофланговых людей, так как остальные скрывались от меня складкой местности. Пригнувшись к луке, люди скакали с пиками наперевес, с обнаженными шашкоми в сжатых кулаках. В это время я скомандовал «огонь!». Крайние ко мне лошади эскадрона шарахнулись и фланговый унтер-офицер злобно передернул своего коня, ставя его на место. По фронту, впереди меня, раздалось «ура!» и прокатилось дальше. Постепенно ружейный огонь стал ослабевать.

На бугре, справа от взвода, пулеметчики стали сниматься с позиции. Я получил приказание подтягивать взвод вперед к мельнице. Проходя мимо пулеметного гнезда, задержался, перекинувшись несколькими словами с кирасиром бароном Романом Кноррингом. Он был контужен в ногу и с трудом шел, опираясь на палку.

Когда взвод двигался к деревне Каушен, ко мне подъехал разведчик Ерьшев и сообщил о смерти Юрия. Он сопровождал брата во время атаки эскадрона Врангеля. Я не сразу понял, отчего Юрий оказался в рядах Конного полка, и лишь позже узнал, что по просьбе Врангеля оа взялся направить эскадрон на приведенную огнем князя Эристова к молчанию немецкую батарею. Известие о смерти брата меня настолько поразило, что я не сразу осознал, в чем дело. Не мог поверить, что смерть стала для меня такой близкой возможностью, что «радостный пир» с первых дней войны унес одного из нашей семьи.

Брат Сергей нашел Юрия лежащим скорчившись на картофельном поле, по которому шла атака ротмистра барона Врангеля. Юрий был еще жив. Его перенесли на немецкий перевязочный пункт, уже занятый нашими цепями. Пуля, задев с левой стороны шею лошади, ранила его в живот. Немец-доктор сказал, что положение Юрия безнадежно, — внутреннее кровоизлияние не было возможности остановить. Я Юрия уже не застал в живых и простился с ним, поцеловав его уже холодеющий лоб. Тело его перенесли на батарею и уложили на лафет 1-го орудия. Весь переход от места боя и до усадьбы Лилиенталь, где все убитые офицеры 1-ой дивизии были временно погребены, я ехал за этим орудием. Наступала уже ночь. В дороге, на передок орудия было положено и тело корнета Князева (Лейб-Гвардии Конного полка). В своем рассказе «Каушен» Юрий Галич ошибочно сообщает, что тело Юрия везли на передке.

Когда я, простившись с Юрием, стоял на батарее, ко мне подъехал Линевич: «Жаль нашего Юрия» — сказал он. Эти простые, сердечные слова глубоко тронули меня, и слезы подступи-

ли к глазам. Напряжение четырехчасового боя и смерть брата сломили мою волю. Линевич с седла наклонился ко мне и дружески потрепал по плечу: «Он умер героем. Царство ему небесное!»

В деревне еще кое-где слышались выстрелы. Ловили отдельных немцев, засевших в домах. Ко мне подошел Великий Князь Димитрий Павлович и предложил обойти дома около взятых германских орудий, так как, по его мнению, в них еще укрываются немцы. Вынув револьверы, мы осмотрели эти дома. На следующий день, посмотреть захваченные орудия, съезжались в Линденталь офицеры разных полков, как нашей, так и второй дивизии. На снятой фотографии князь Эристов и барон Врангель сидели рядом на захваченных пушках.

Лишь поздно ночью дивизия пришла в Лилиенталь, где на другой день после отпевания, в наскоро сколоченном гробу, тело Юрия опустили в землю. Через несколько дней поручик Кушелев (Лейб-Гвардии Конного полка) доставил гробы в С. Петербург. Юрий был похоронен в склепе Александро-Невского кладбища, где покоилось тело нашего отца.

Так закончился для меня день 6-го августа 1914 года. День боевого крещения для многих из нас, офицеров 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии. Он стоил жизни многих родных, друзей и товарищей, павших в этот день за славу своих батарей и полков. Батарея Его Величества в этот день своими действиями заслужила уважение всей дивизии. Георгиевские кресты ее командиру полковнику князю А. Н. Эристову и поручику Ю. С. Гершельману отметили геройскую службу батареи. Из всех офицеров нашей батареи, бывших в этот день в строю ее, я остался сейчас один в живых. Царство небесное и вечная память всем моим товарищам и друзьям, дравшимся в этот день в рядах батареи за Веру, Царя и Отечество!

А. С. Гершельман

ОТ РЕДАКЦИИ.

1 марта 1965 года.

В будущем году наступает 15-я годовщина со дня основания нашего журнала. Длинный и, подчас, тяжелый путь пройден был Редакцией.

1 марта 1952 года вышел ПЕРВЫЙ номер «ВОЕННОЙ БЫЛИ», очень скромный, на 46 страницах, отпечатанных, собственными силами, на ротаторе.

> **«...твредым шагом пойдем по пути, не задаваясь невозможными заданиями, ясно видя перед собою одну цель — нашу Великую Единственную Родину. Безжалостно редеют наши ряды. Немногие дойдут. Но те, кому будет суждено это Великое Счастье, должны будут донести туда все, что сохранят их благодарные сердца. Всю память о славе и величии Императорской Армии и Флота, к службе которым мы готовились с ранних лет. Всю детскую, нежную радость нашей молодости, проведенную в стенах наших родных корпусов. Все страшные, тяжелые но не сломившие нас, годы эмиграции. Всю Веру и Верность, пронесенные сквозь годы тягчайших испытаний».**

Так писал редактор журнала в его первом номере и голос его был услышан. По сей день, около 260 русских военных авторов — писателей украсили своими именами страницы нашей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» — 60 наших дорогих друзей-сотрудников покинули этот мир. Вечная им память да живет в наших благодарных сердцах. Слава и честь всем нашим сотрудникам, живым и мертвым, вложившим свой бескорыстный труд в построение нашего памятника, памятника славы и верности Российской Воинской Силе.

Желая отметить пятнадцатилетие существования нашего журнала (до 25 и 50-летнего настоящего юбилея мы вряд-ли доживем), увековечить для будущего память всех тех кто потрудился в этом большом деле, Редакция предполагает выпустить, к этому дню, СБОРНИК, посвященный жизни «ВОЕННОЙ БЫЛИ» за пятнадцать лет и ее сотрудникам и друзьям, в том или ином виде, потрудившимся во славу Российских Императорских Армии и Флота, мы обращаемся ко всем нашим сотрудникам с просьбой прислать свои небольшие фотографии, с указанием: чина, имени, отчества, фамилии и названия части.

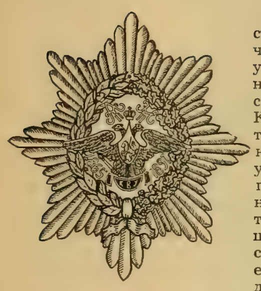
Подробная программа СБОРНИКА будет разработана впоследствии, дополнительно объявлена, пока-же нужно собрать вышеуказанный материал о наших друзьях-сотрудниках.

Все письма и фотографии — посылать на адрес Редакции.

АЛЕКСЕЙ ГЕРИНГ.

Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное Училище

(К столетию со дня основания)

Из всех российских воинских частей и военно-учебных заведений наше Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище одно не прекращало ни на один день, до тех пор пока существовала Русская Армия, своего служения Родине. И только учреждение последним Главнокомандующим генералом Врангелем, уже за рубежом. Русского Обще-Воинского Союза, наследника Российской Императорской и Белых Армий, заменило для Киевлян-Константиновцев службу в рядах училища — служением Родине уже заграницей в составе только что основанного Союза, объединившего русских офицеров и солдат, отказавшихся признать Россией Союз советских республик.

Улицы родного для училища Киева, равнины и горы Кубани, перешейки Крыма и, снова, кубанские степи, обильно политы кровью Константиновцев.

В октябре 1917 года, в Киеве, в дни начала борьбы с большевиками, прервавшей деятельность училища, как военно-учебного заведения, победа склонилась на сторону так называемых «украинцев» — сторонников отделения Малороссии от России и наше училище ушло из Киева туда, где горел еще огонь Русской Государственности, в казачьи земли, на Дон. Но не было еще Добровольческой Армии, еще не выяснилась окончательная позиция Дона, и училище прошло дальше, на Кубань.

Составляя, затем, ядро пехотных частей Кубанской армии, юнкера и офицеры училища дрались с большевиками в предгорьях Кавказа до соединения с Добровольческой Армией великих русских патриотов Алексеева, Корнилова и Деникина. В рядах Добровольческой Армии они продолжали борьбу до освобождения Кубани, до тех пор, пока не стало возможным возобновление нормальной военно-учебной деятельности училища.

Екатеринодар сменился Феодосией. Кровью Константиновцев, в тяжкий для Вооруженных сил Юга России момент, был удержан Крым и генерал Врангель получил возможность с честью закончить трехлетнюю нашу борьбу.

Но не увенчалась успехом борьба и училище покинуло родную землю в сознании честно и жертвенно исполненного долга, унося незапятнанными свои национальные идеалы и свои верные России боевые штыки.

Феодосию заменило Галлиполи... Наконец, затерянная в горах Болгарии Горная Джумая стала последней стоянкой училища.

62 убитых офицера и юнкера, 166 раненых — за один только 1920-ый год (боевые потери 1917 и 18-го годов точно неизвестны) — и три сотни подготовленных по программе мирного времени офицеров, — таковы итоги боевой и учебной деятельности училища за время с ноября 1917. года.

Сегодня, последние Киевляне-Константиновцы считают своим долгом оставить будущим российским офицерам свидетельство, пусть, из-за отсутствия подробных исторических данных, — неполное, о службе России и родной Армии нашего училища, воспитавшего за время своего существования многие поколения русских офицеров, от безвестных прапорщиков и подпоручиков (сколько их было? кто знает их имена?) до выдающихся военачальников, среди которых — генерал Антон Иванович Деникин, а также и тех юнкеров, которые пали смертью храбрых в боях за честь и достоинство Родины в 1917-1920 гг., не успев еще надеть офицерские погоны!

1964 год, Париж.

Киевляне-Константиновцы

1865 — 1916.

Училище основано в 1865 году Императором Александром 2-м и получило наименование «Киевское пехотное юнкерское училище».

В сражениях Освободительной войны 1877-78 гг. приняли, впервые, участие офицеры, выпущенные из Киевского пехотного юнкерского училища.

С 1888 года училище стало переходить к военно-училищному курсу. При Начальнике училища ген. штаба полковнике Дюбюк, между 1888 и 1901 годами, батальон училища, состоявший из двух рот, был развернут в четырех-ротный.

Для того, чтобы получить представление о том, чем было Киевское пехотное юнкерское училище в те далекие времена, лучше всего обратиться к воспоминаниям такого авторитетного свидетеля, каким был генерал Деникин, бывший питомец училища (выпуска 1892 г.), посвятивший нашему училищу одну из глав своего автобиографического труда «Путь русского офицера».

Вот что пишет генерал Деникин:

«В конце 80-х годов для комплектования русской армии офицерами существовали училища двух типов: «военные» училища, комплектовавшиеся юношами, окончившими кадетские корпуса, и «юнкерские» училища. Военные училища выпускали своих питомцев офицерами, а юнкерские — в пехоту и кавалерию — подпрапорщиками, впоследствии производившимися в офицеры... Путем постепенных реформ, к 1911 году все училища стали «военными», и русский офицерский состав по своей квалификации не уступал германскому и был выше французского.

В 1888 году было создано училище третьего типа, под названием «Московское юнкерское училища с военно-училищным курсом». Программа и права были те же, что и в военных училищах, и принимались туда вольноопределяющиеся с законченным высшим или средним образованием гражданских учебных заведений... Такие же военно-училищные курсы были открыты и при Киевском юнкерском училище, куда я поступил осенью 1890 года, предварительно записавшись в 1-ый Стрелковый полк, в Плоцке.

Училище наше помещалось на Печерске, в старинном крепостном здании со сводчатыми стенами, с окнами-нишами, обращенными на улицу и с пушечными амбразурами, глядевшими в поле, к реке Днепру.

Воинская дисциплина стояла в училище на большой высоте так же, как и строевое образование. Военная муштра скоро преобразовывала бывших гимназистов, студентов и семинаристов в заправских юнкеров, создавая ту особенную выправку, которая не оставляла многих до смерти и позволяла отличить военного человека под каким угодно платьем.

Проходили мы солдатскую службу обстоятельно, первый год в качестве учеников, второй — в роли учителей молодых юнкеров. Строевыми успехами мы гордились, роты соревновались одна с другой.

На классных занятиях всегда бывали тишина и порядок. Военные предметы и подсобные к ним проходили основательно, но, может быть, слишком теоретически. Позднее, во время военного ренессанса», после японской войны, программы изменились к лучшему. Из общих предметов проходили Закон Божий, два иностранных языка, химию, механику, аналитику и русскую литературу.

Военная школа уберегала своих питомцев от духовной немочи и от незрелого политиканства, но она не помогала им разобраться в сонме вопросов, всколыхнувших русскую жизнь. Тем не менее, вся окружающая атмосфера, проникнутая бессловесным напоминанием о долге, строго установленный порядок жизни, постоянный труд, дисциплина, традиции юнкерские, не только ведь, школьнические но и разумно-воспитательные, все это в известной степени искупало недочеты школы и создавало военный уклад и военную психологию, сохранявшие живучесть и стойкость не только в мирное время, но и на войне, в дни великих потрясений и великих искушений».

В 1897 году училищу было пожаловано знамя, а 9-го июля того же года — присвоено наименование «Киевское военное училище».

О жизни и военно-учебной деятельности училища в период после 1900 года рассказывает в своих воспоминаниях полковник Василий Афанасьевич Сигарев, так же, как и генерал Деникин, бывший питомец училища (одного с ним выпуска, 1892 года), зачисленный в 1901 году в училище младшим офицером, командир сначала 2-ой, потом 1-ой роты, а с 1909 по 1917 год — командир батальона училища.

Уже с первого дня своей службы в училище, пишет полковник Сигарев, он мог убедиться в большой интенсивности и напряженности работы всего состава училища. Начальник училища, генерального штаба генерал Шуваев, будущий Главный Интендант и Военный Министр, прекрасный организатор и отличный хозяин, человек с твердым и решительным характером, главное свое внимание обращал на части учебную, возглавляемую Инспектором классов генералом Цыгальским, и хозяйственную. Область строевой подготовки будущих офицеров была почти полностью предоставлена командиру батальона полковнику Левуцкому и его ближайшим подчиненным, командирам рот: 1-ой капитану Примо, 2-ой — капитану Бондареву, 3-ей — капи-

Державный основатель Киевского пехотного юнкерского училища
Государь Император АЛЕКСАНДР II НИКОЛАЕВИЧ

тану Соколову и 4-ой — капитану Орлову. Младшими офицерами рот были штабс-капитаны: Соловьев, Львов, Галущинский, Буйвид, Дейчман, Севриков, Воронцев, Шаревский, Забуга, Ивицкий. В августе 1903 года, полковник Сигарев, тогда — капитан, принял в командование 2-ую роту.

В конце августа 1903 года училище приняло участие в большом Курском маневре, составляя, совместно с Одесским военным училищем, Сводный батальон из двух рот нашего училища и двух рот — Одесского, под начальством нашего командира батальона полковника Левуцкого. На маневре присутствовали также и Начальники обоих училищ.

В предпоследние сутки перед окончанием маневра, Сводному батальону пришлось, по условиям обстановки, проделать 70-тиверстный форсированный марш: выступив с места ночлега в 4 часа, после двух небольших привалов на обед и на ужин, батальон прибыл в 23 часа в небольшую деревню в окрестностях Курска. На улицах этой деревни, в темноте и тесноте, юнкера спали сидя, облокотившись на заборы и стены хат, до 2 часов следующего утра, когда батальон был поднят и двинулся дальше. Через два часа марша, перейдя вброд реку Сейм, батальон занял предписанную ему позицию и, наскоро окопавшись, заснул, буквально, «мертвым» сном.

Около 11 часов к позиции прибыло «начальство» и, убедившись в нахождении батальона на указанном ему месте, благодарило юнкеров за совершенный поход.

После окончания маневра и общего парада в Высочайшем присутствии, роты училища вернулись в Киев.

В бытность Начальником училища генерала

Шуваева был выстроен большой манеж, пристроен к главному зданию училища лазарет, оборудована собственная электрическая станция; амбразуры тыльной стороны главного здания в обоих этажах казематов были переделаны в нормальные окна. Все, принадлежавшие училищу земельные пустоши (сзади здания и напротив, через улицу, где был манеж), были использованы под огороды и, таким образом, все овощи стали обходиться в 3-4 раза дешевле, чем раньше, когда их приходилось покупать у торговцев. На реализованные экономические средства были приобретены — прекрасная столовая посуда завода Кузнецова с монограммой училища, столовое серебро и чайные серебряные ложки, которые многими юнкерами при производстве в офицеры так охотно не сдавались, как «утерянные», и оставлялись на память. За такие «утерянные» ложки с юнкеров удерживалась их стоимость, а в роты, под теми же номерами, от заведующего хозяйством, поступали новые ложки.

С началом Японской войны, по собственному желанию были командированы в Действующую Армию капитан Аксенов, павший смертью храбрых в Манчжурии, и штабс-капитан Соловьев.

В 1905 году генерал Шуваев получил назначение начальником 5-ой пехотной дивизии в Житомире, а несколько позже — скончался генерал Цыгальский. Начальником училища был назначен генерал Коссович, прекрасный, спокойный и обходительный в обращении человек, но как начальник — мягкий и несколько нерешительный. Должность Инспектора классов занял полковник Данкварт.

В сентябре 1905 года в училище прибыли для прохождения курса 50-60 прапорщиков, участников Японской войны, произведенных в этот чин за боевые отличия и не имевших военного образования. По существовавшим законам такие офицеры могли продвигаться по службе только до чина штабс-капитана, и потому, желавшие продолжать службу и далее, должны были пройти курс военного училища. Жили эти прапорщики на частных квартирах и, приходя в училище на занятия, занимались в отдельном от юнкеров классе. Так же отдельно велись с ними и строевые занятия.

Россия переживала в то время период революционного брожения, отразившийся, конечно, и на армии. Отразился он, к сожалению, в какой-то степени и в жизни училища. Некоторые преподаватели, среди которых полковники ген. штаба Черемисов и Бонч-Бруевич и преподаватель артиллерии полковник Матюшенко, позволяли себе довольно открыто высказывать свое недовольство правительством да и, вообще, порядками в стране. При генералах Шуваеве и Цыгальском вопросы политического характера никогда не поднимались между офицерами училища, теперь же вопросы эти обсуждались в преподавательской комнате и довольно часто переходили в открытые, бурные споры. «Вольный» дух преподавателей, очевидно через классы, стал проникать и в роты, от чего страдала дисциплина; очень скоро строевой командный состав почувствовал необходимость применения все более суровых мер для поддержания дисциплины на должной высоте.

Наибольшее, сравнительно, число анти-дисциплинарных проступков наблюдалось в это время в 1-ой роте, командир которой капитан Примо, иногда смотревший «сквозь пальцы» на проступки юнкеров, был вынужден оставить училище. В апреле 1905 года 1-ую роту было предложено принять полковнику Сигареву (тогда — капитану) , которому пришлось положить немало труда для восстановления в роте должного порядка. Командиром 2-ой роты, после капитана Сигарева, стал капитан Галущинский.

К концу 1906 года или в самом начале 1907 года были одновременно сменены Начальник училища и командир батальона. Вскоре получил другое назначение и полковник Данкварт, а Инспектором классов стал наш преподаватель администрации полковник Старк.

На место генерала Коссовича Начальником училища был назначен ген. штаба генерал Константин Александрович Крылов, имевший репутацию энергичного и решительного начальника. Новый командир батальона, полковник Лейб-гвардии Кексгольмского полка Борис Викторович Адамович, участник войны с Японией, отличался как чрезвычайной работоспособностью так и неисчерпаемой энергией и умел импонировать подчиненным; всегда подтянутый, прекрасный гимнаст, он везде и всегда служил примером аккуратности и точности; обладал он и даром слова. Эти два человека, сыгравшие в училище большую и очень положительную роль, сразу же внесли в жизнь училища свое знание дела и твердую волю. Почти сразу же были заменены два ротных командира: 3-ей роты капитан Соколов — капитаном Веригиным, впоследствии, в 1911 году, назначенным командиром батальона Виленского военного училища, и 4-ой роты капитан Орлов — капитаном Шаревским, одним из наших младших офицеров. Оменен был и заведующий хозяйством, каковым стал капитан Семенович.

Новый Начальник училища и командир батальона прежде всего принялись за внутренний распорядок училища. Все, без исключения, стороны жизни, учения, работы и отдыха юнкеров явились предметом строжайших и точнейших инструкций, выработанных полковником Адамовичем. Инструкции эти составлялись им на основании его собственных наблюдений и

тщательного изучения вопроса, произведенных им на месте: в ротных помещениях, в классах, в цейхгаузах, в лазарете, на кухне и т. д. (После вмешательства полковника Адамовича, например, в организацию довольствия юнкеров, оно было значительно улучшено вообще; так к утреннему чаю юнкерам стала подаваться даже мясная котлета. Через какой-то промежуток времени, после представления по предписанию Главного Управления Военно-учебных Заведений рассчета содержания калорий в ежедневном меню юнкеров, в наше училище были командированы офицеров из Одесского и Чугуевского военных училищ для ознакомления с постановкой довольствия юнкеров).

Инструкции эти, в рамках под стеклом, вывешивались в каждой роте на видном месте. Впоследствии, все инструкции были сведены в одну общую «Инструкцию юнкерам Киевского военного училища», которая была отпечатана и выдавалась каждому юнкеру при поступлении в училище. Она сыграла впоследствии очень большую роль, особенно с началом войны 1914 года, сильно облегчая работу строевого командного состава.

Главным отделом, подвергшимся коренной ломке, были строевые занятия юнкеров, которые, до принятия батальона полковником Адамовичем, производились так же, как еще в Киевском пехотном юнкерском училище, когда полковник Сигарев был юнкером младшего класса в 1888-89 учебном году, и зависели всецело от усмотрения и вкуса ротных командиров. Нередко, поэтому, бывало так, что один ротный командир увлекался прицеливанием со станка, в то время как другой — стрельбой дробинками; у одного производились ружейные приемы, у другого — ротные учения и т. д. Даже по выходе в лагерь еще продолжались и приготовительные к стрельбе упражнения и сомкнутые взводные и ротные учения.

Весь курс строевой подготовки будущих офицеров был переработан полковником Адамовичем совершенно заново. В сентябре месяце командирам рот было роздано расписание строевых занятий на весь зимний период с точным указанием числа часов, отведенных на каждый отдел строевого обучения. Строевые занятия потеряли вид рутины, каждая минута стала дорога. Команда «вольно!» стала подаваться лишь тогда, когда офицеру нужно было или показать что-либо новое или что-нибудь объяснить; не стало хватать времени. Занятия были вынесены на воздух и, зачастую, можно было видеть взводы, марширующие по лужам, подоткнувши полы шинелей за пояс. К моменту выхода в лагерь все сомкнутые ученья бывали закончены, до батальонного включительно; закончена одиночная подготовка к полевым и тактическим занятиям, и весь период

Погон синий с красным кантом. Галун и пуговицы — золотые. Шифровка — желтая.

лагерной службы проходил в стрельбе и тактических ученьях. К зиме 1908-09 гг. возле училища был построен тир для стрельбы на 200 шагов и к стрельбе боевыми патронами приступали сейчас же, как только заканчивались приготовительные к стрельбе упражнения.

Для гимнастического зала были приобретены новые снаряды и гимнастика приняла, вообще, вид спорта. По соглашению с полковым начальством были введены инструкторские занятия по гимнастике с солдатами ближайшего к училищу по месту расквартирования Миргородского полка. С. 1908 года организовывались состязания по гимнастике и верховой езде, в которых победителям раздавались призы: часы, училищные жетоны, серебрянные подстаканники, компасы и т. д. Очень интересны были состязания во взводных учениях взводов младшего курса под командой своих портупей-юнкеров. Уже с начала учебного года в ротах начиналась подготовка к этим состязаниям, наградой в которых служил переходящий альбом с групповыми фотографиями призового взвода, с отдельной карточкой взводного портупей-юнкера и с поименным списком всех юнкеров взвода. Альбом этот целый год хранился в особом ящике в роте, взявшей приз. Судьей в состязании была особая комиссия из пяти офицеров, под председательством командира батальона и бывало очень трудно, по свидетельству полковника Сигарева, отдать предпочтение тому или другому взводу, настолько красиво и ловко производилось учение всеми представлявшимися взводами.

Декабрь 1916 г. Справа от Начальника училища **полковник Сигарев,** слева — инспектор классов **генерал Старк.** Крайний слева, с шашкой, **капитан де-Лобель.**

Состязания эти очень стимулировали строевую подготовку молодых юнкеров.

Одновременно обращалось внимание и на воспитание юнкера. Организовывались беседы на темы о дисциплине, о патриотизме, о родине, об умении себя держать в разных случаях жизни. Несколько таких бесед блестяще провел сам командир батальона.

Были приняты меры к улучшению обмундирования юнкеров (собственное обмундирование носить не разрешалось) и к концу 1907 года каждому юнкеру была «построена» отпускная форма: шинель, мундир, шаровары, сапоги и головной убор. Эти вещи не пригонялись, как раньше, из общей массы мундирной одежды, хранившейся в цейхгаузе, а шились по мерке, на каждого юнкера отдельно.

Была введена полковником Адамовичем и новая система первого отпуска юнкеров младшего класса. В течение первого месяца пребывания в училище, юнкеров младшего класса, за исключением кадет, в отпуск не пускали совершенно, и они занимались в своих ротах одиночной выправкой и отданием чести. Через месяц ротные командиры представляли их, группами по 5-6 человек лучших, командиру батальона, который лично поверял каждого. Малейшая шероховатость в выправке, в отдании чести, в ответах на летучие вопросы, задававшиеся командиром батальона, лишала юнкера права на отпуск.

Такой прием сразу породил между юнкерами соревнование на скорейшее получение права на отпуск. Юнкера же, плохо успевавшие в отношении строевой подготовки, к декабрю месяцу отчислялись от училища в полки. За период с сентября по декабрь таких неуспевавших набиралось человек 15-20.

Часто по воскресным дням, командир батальона приказывал оседлать пять лошадей, брал из каждой роты по юнкеру, которых он называл своими «ординарцами», и с ними совершал верховые прогулки по окрестностям города.

Через два года все эти меры уже дали реальные результаты: юнкера Киевского военного училища стали выделяться своим поведением и выправкой не только среди гарнизона Киева, но и в других городах, куда они уезжали на каникулы в отпуск.

В мае 1909 года полковник Адамович был назначен Начальником Виленского военного училища, а 5-го июня 1909 года был отдан Высочайший приказ о назначении командиром батальона нашего училища полковника Василия Афанасьевича Сигарева.

Переходя к воспоминаниям о времени своего командования батальоном, полковник Сигарев еще раз отмечает напряженную работу строевого командного состава училища не только в отношении строевой подготовки юнкеров, но и по воспитанию будущих офицеров.

И одно и другое лежит на ответственности командира батальона; два года юнкер живет в своей роте и наблюдение и ответственность за выполнение им всех требований дисциплины и службы, за его поведение в стенах училища и вне

его, лежит на строевом начальстве, В случае неуспеваемости юнкера в классных занятиях, об этом сообщается тому же строевому начальству для принятия соответствующих мер. Как юнкер одет, пришиты ли все пуговицы, вычищены ли сапоги, что бы и где бы юнкер ни сделал, отвечает все то же строевое начальство. Строевой офицер в училище — не только начальник, он и гувернер, он и наставник юнкеров; именно на нем и лежит главная ответственность за воспитание будущего офицера. А если принять во внимание, что наше училище пополнялось на 85% штатскими молодыми людьми (кадет поступало в среднем 30-40 человек в год), то станет понятным, что строевому начальству приходилось часто перерабатывать психику молодых людей, совсем не имеющих понятия или же, что еще хуже, имеющих превратное понятие о дисциплине, о чувстве воинского долга, о войсковых традициях и т. д. И за два года работы училище этого добивалось: полковнику Сигареву не один раз приходилось слышать от молодых офицеров, бывших студентов, сожаления об отсутствии в университетах «хоть десятой доли тех разумных требований, которые предъявляются в училище: университеты были бы тогда образцовыми учебными заведениями».

Очень большое внимание обращалось на выбор будущих портупей-юнкеров. До принятия должности командира батальона полковником Адамовичем, каждый командир роты представлял, в надлежащее время, командиру батальона рапорт, ходатайствуя о производстве таких-то юнкеров в портупей-юнкера. Производства эти автоматически утверждались командиром батальона и начальником училища. Полковник Адамович ввел для этих производств совершенно новый порядок. Зная хорошо, если не всех, то, по крайней мере, бóльшую половину юнкеров, полковник Адамович собирал ротных командиров и совместно с ними обсуждал каждую кандидатуру, часто заменяя представляемых другими кандидатами. Этот «совещательный» способ, давший прекрасные результаты, продолжал применяться и при командире батальона полковнике Сигареве. При этом, главное внимание обращалось не на успехи в классных занятиях, а на моральные качества кандидатов на портупей-юнкерские нашивки: твердость характера, силу воли, уменье подчинять себе других и т. д.

Была принята, также, система общих заседаний всех офицеров строевого командного состава, на первом из которых, в конце сентября месяца, командиры полурот младшего класса подробно докладывали о каждом юнкере своей полуроты, о его качествах, насколько они выявились за истекший месяц, характере, исполнительности, дисциплинированости и т.д. В конце ноября назначалось такое же заседание и перед роспуском на Рождество — третье. После Нового Года бывали еще два заседания.

В соответствующие периоды на таких собраниях обсуждались и вопросы о производстве в портупей-юнкера. Это давало возможность всем офицерам высказать свое мнение по поводу юнкеров других рот, если ими было что-нибудь за кем-либо из юнкеров замечено.

Далее, полковник Сигарев вспоминает, что, составляя расписание строевых занятий на 1909-10 учебный год, он лишний раз убедился в том, насколько целесообразно и продуманно оно было составлено полковником Адамовичем, так что в него не понадобилось внести, кроме самых незначительных деталей, почти никаких изменений. В последующие годы расписание это все время усовершенствовалось с учетом опыта прошлых лет, и в конце 1912 года Главное Управление Военно-Учебных заведений приказало Начальнику училища разослать наше расписание строевых занятий во все училища, как образец.

Из личного своего опыта, как преподавателя тактики, полковник Сигарев вынес впечатление о том, как трудно юнкерам младшего класса усвоить понятие о действиях роты состава военного времени в боевом порядке. Поэтому, с самого начала своего командования батальоном, полковником Сигаревым были введены показные учения, производившиеся ротой юнкеров старшего курса, усиленной пулеметной командой. После походного движения с мерами охранения эта рота проходила на полигон, где проделывала полное наступление роты, от резервного порядка, движения в сфере артиллерийского огня, перестроения в боевой порядок, наступления под пулеметным и ружейным огнем, до удара в штыки и преследования противника включительно. Сопровождавшие роту юнкера младшего курса, наблюдая ее действия и выслушивая объяснения своих офицеров и преподавателей тактики, изучали на примере полную картину боя роты.

Ознакомление с артиллерией и конницей происходило на практике, для чего в училище специально прибывали полевая батарея и казачья сотня. Эта последняя, в конце своих занятий, проносилась лавой через нашу цепь...

Число часов, отведенных на ночные учения, было при полковнике Сигареве удвоено.

В 1910-11 годах при училище было организовано «Общество вспомоществования бывшим Киевлянам». Устав Общества, состоявшего под Августейшим покровительством Великого Князя Константина Константиновича, был Высочайше утвержден 27 июня 1911 года. Особенно много труда вложил в это начинание капитан Луганин, впоследствии командир 4-ой роты.

В сентябре месяце 1911 года, батальон, под

командованием капитана Галущинского (полковник Сигарев был назначен посредником при одной из дивизий) и в присутствии Начальника училища, принимал участие в больших маневрах войск Киевского военного округа в Высочайшем присутствии. По окончании маневров состоялся общий парад у села Мотыжино, где после объезда войск Государем, училище прошло церемониальным маршем в голове всех войск парада. Затем, выступив 15 сентября в 17 часов походным порядком, батальон прибыл в Киев 16 сентября в 8 часов, сделав переход в 58 верст за 15 часов.

К 1913 году был закончен постройкой новый двух-этажный флигель для классных помещений, соединенный с главным зданием. В том же флигеле была устроена церковь с примыкавшим к ней огромным залом, в котором мог быть совершенно свободно построен весь батальон. В этом зале потом происходили балы, концерты, спектакли, разбор вакансий и проч. В нижнем этаже, под этим залом был оборудован новый гимнастический зал со множеством снарядов, в котором могла заниматься одновременно целая рота, разбиваясь на 12-15 партий, по 6-7 человек в каждой. Рядом с гимнастическим залом был фехтовальный зал. Весь верх старого здания служил теперь как помещения для рот, а нижний его этаж был отведен под всевозможные хозяйственные учреждения. Явилась возможность оборудовать при ротах прекрасные умывальные комнаты, курилки, парикмахерские и т.д. Столовая была расширена, кухня, хлебопекарня и булочная усовершенствованы. Была также расширена и библиотека.

Подводя итог уже сказанному, можно утверждать, что к 1912 году жизнь и деятельность училища уже твердо и окончательно установились. Весь состав его, от Начальника училища и до последнего по списку юнкера, слился в одно прочное целое. Честью училища дорожил каждый и все крепко придерживались традиций и девиза «Дисциплина — прежде всего!», выбитого над входом в училище. Улучшались оценки ежегодно инспектирующих училище генералов или же самого Главного Начальника Военно-Учебных заведений Великого Князя Константина Константиновича. Последний смотр училища Великим Князем имел место летом 1913 года, когда Великий Князь прожил в лагере училища три дня. На вопрос полковника Сигарева, обращенный к генералу, сопровождавшему Великого Князя в Его поездке, о том, как Он находит училище, генерал ответил, что сейчас Киевское военное училище во мнении Главного Управления Военно-Учебных заведений стоит на первом месте.

Немалая заслуга в этом принадлежит Начальнику училища генералу Крылову; он любил училище, заботливо вникал во все его нужды. Редко бывал день, чтобы Начальник училища не побывал на занятиях во всех ротах. Генерал Крылов всегда горячо стоял за своих юнкеров; случаи, когда комендантский надзор сообщал в училище что-нибудь о нашем юнкере, стали чрезвычайно редкими, так как даже самое ничтожное замечание Начальник училища близко принимал к сердцу. Был случай, когда Начальник училища, по докладу юнкера, найдя, что юнкер не был виноват, немедленно отправился к командующему войсками округа. Комендант города Киева генерал Медер приезжал потом к Начальнику училища с объяснениями.

В этот период, вспоминает полковник Сигарев, работать стало легче. Офицерский состав училища представлял собой испытанных, опытных людей; ротами командовали капитаны: 1-ой — Дейчман, 2-ой Галущинский, потом Минин, 3-ей Воронцов, 4-ой Ивицкий, потом — Луганин. Радовали своей образцовой службой и младшие офицеры, штабс-капитаны Басанько, Никольский, Фокин, Каминский, — регент нашего церковного хора, Мошинский, преподававший у нас фехтование, Тутковский, ротмистр Дужкин. Учебное дело было в руках генерала Старка и его помощника полковника Попова, преподававшего артиллерию, замечательного работника. Законоучителем и училищным священником был о. Евгений Капралов, магистр богословия. Это был единственный преподаватель, на лекции которого по истории церкви и догматам веры приходили, умудряясь удрать со своих лекций, юнкера из других классов. Старшим врачем был действительный статский советник доктор Бочаров, хирург по специальности, расстрелянный большевиками в Мариинском парке в Киеве в 1918 году. Помощником его был доктор Воронецкий, специалист по внутренним болезням. Хозяйственная часть оставалась в руках опытного полковника Семеновича, а квартермистром был полковник Фомин.

Весь постоянный состав училища, до старшего повара Орленко и вахтера, начальствовавшего над всей училищной прислугой, составлял большую, дружно работавшую и сплоченную семью.

(Окончание следует)

Составил **К. М. Перепеловский**

Загадочная встреча на реке Свенте

(Из лично пережитого)

На войне, как и в жизни всякого человека, случаются разные неожиданности, которые принято называть случайностями. Я хочу рассказать один лично пережитый характерный случай, в котором ярко выражены оба эти явления « неожиданность » и « случайность».

Был конец июля или начало августа 1915 года. 1-ая Гвардейская кавалерийская дивизия находилась в то время на левом фланге нашей 5-ой армии, которая после прорыва немцами ее фронта на реке Дубиссе, медленно отходила на восток, пытаясь задерживать следующего за ней противника на каждом, удобном для обороны рубеже. Ко времени моего повествования 1-ая Гвардейсказ кавалерийская дивизия находилась в районе реки Свенты (Святой), в окрестностях местечка Оникшты, вместе с 5-ой кавалерийской дивизией составляла кавалерийский корпус генерала Казнакова.

Этот корпус был одной из обычных импровизаций нашей армии. Генерал же Казнаков, нормально — начальник 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии, получив назначение на должность командира этого временного соединения — корпуса своего имени, конечно забрал с собой весь ее штаб, с начальником штаба, полковником генерального штаба Матковским во главе.

Таким образом, 1-ая Гвардейская кавалерийская дивизия осталась не только без начальника, но и без штаба. В командование дивизией вступил, по старшинству, командир 1-ой бригады, Свиты Его Величества генерал-маиор Скоропадский, безусловно храбрый, знающий и понимающий «боевой» генерал. Конечно, без всякого штаба управлять дивизией он не мог, а поэтому симпровизировал себе такой, получив откуда то генерального штаба капитана Чайковского в качестве начальника штаба. Чайковского мы в дивизии знали хорошо еще по Восточной Пруссии, когда он, тогда еще только причисленный к генеральному штабу штабс-капитан конной артиллерии, находился при штабе конного отряда Хана-Нахичеванского. Молодой, перед самой войной окончивший академию Чайковский был талантливый и образцовый, отличный офицер генерального штаба, а поэтому «приобретением» его Скоропадский был очень доволен. На помощь Чайковскому Скоропадский вызвал из эскадрона меня. Кроме нас обоих, от полков дивизии были присланы офицеры-ординарцы. Хотя последние и часто менялись, но все же у нас получился довольно многочисленный штаб.

В один из этих дней нашего пребывания на реке Свенте, в послеобеденные часы, во главе этого своего импровизированного штаба и в сопровождении двух эскадронов Конной Гвардии, Скоропадский выступил вдоль левого (восточного) берега Свенты в южном направлении. Каковы были в этот день его намерения, — уже не помню, а к тому же это совершенно неважно для моего повествования.

День был солнечный, очень жаркий, какие обыкновенно бывают в конце августа, а поэтому мы все обрадовались, когда наша колонна вошла в тенистый, лиственный густой лес, тянувшийся вдоль этого берега Свенты. Дорожка, или скорее тропинка, котрой мы шли, была так узка, что эскадронам Конной Гвардии пришлось вытянуться «справа по-два» и только шагом, и то с трудом, могли они продвигаться за нами.

Ввиду того, что к западу от Свенты, где то впереди, находились части нашей и 5-ой кавалерийской дивизии, считалось, что мы находимся в тылу, а поэтому шли без всяких мер походного охранения. Впреди ехал сам Скоропадский, за ним — Чайковский со мной, тут же, за нами — офицеры-ординарцы от полков дивизии, потом человек 7 наших вестовых и, наконец, страшно растянутые в длину, оба эскадрона Конной Гвардии. Хотя наша тропинка шла тут же вдоль берега реки, из за береговых кустов и зарослей, последняя не была нам видна.

Сколько мы шли таким образом этим лесом, теперь определить точно уже не могу. Однако, во всяком случае, не менее часа, как вдруг наша тропинка резко повернула в пол-оборота вправо, вывела нас из сплошного, густого леса на крошечную прибережную полянку, а сама уперлась в реку, в русле которой и исчезла. Ввиду этого, Скоропадский, а за ним — мы все, должны были вдруг остановиться. Но в тот же самый момент перед нашими глазами представилось совершенно неожиданно необыкновенное зрелище, заставившее нас на секунду пере-

нестись мыслыми на 100 лет назад, в Наполеоновскую эпоху. На противоположном берегу Свенты, на обширной лесной поляне, примыкающей своей открытой стороной к реке, всего лишь в каких нибудь 400-500 шагах от нас, стоял в конном строю, построенный во взводную колонну германский кавалерийский полк. Зрелище было просто потрясающее уже само по себе, как таковое, а кроме того, для нас совершенно непонятное, ведь всего лишь несколько верст впереди находились наши войска. Каким же образом мог попасть сюда целый германский кавалерийский полк?

Конечно, каждый из нас схватился прежде всего за бинокль, чтобы лучше разлядеть эту необычную, редчайшую картину. Прежде всего поразило нас, почему этот германский полк стоял, повернувшись в сторону реки, именно во взводной колонне и, вдобавок, в конном строю?

Видно было, что и для немцев наше появление на противоположном берегу реки, было также неожиданностью, так как и они поспешно хватались за бинокли и пристально, как бы с удивлением, рассматривали нас.

По форме их обмундирования легко можно было установить, что это был уланский полк (В 1915 году германские кавалерийские полки не имели еще стальных касок и носили на русском фронте форму обмундирования покроя мирного времени, только защитного цвета, а их головные уборы мирного времени покрыты были серо-зелеными чехлами). Так как в этом районе против нас действовала баварская кавалерийская дивизия, можно было предположить, что был это один из двух баварских уланских полков.

Пока мы, удивленные и озадаченные этой совершенно неожиданной встречей, всматривались друг в друга, на немецкой стороне послышались какие то команды и задние эскадроны начали поворачиваться кругом и, вытягиваясь рысью в походную колонну, стали один за другим быстро скрываться в примыкавшем к поляне лесу. Продолжая наблюдать, мы стояли на открытом месте и просто не могли себе объяснить, почему же, вдруг, этот их полк так спешно уходит перед нашей группой всего лишь из нескольких всадников? (Нам казалось, что Конногвардейских эскадронов, находившихся еще сзади, в лесу, видеть они не могли). Через несколько минут ближайший к нам эскадрон также повернул кругом и от германского полка не осталось и следа.

То, что немцы ушли, было нам очень на руку, так как они были вдвое сильнее нас, да к тому же ,как читатель уже знает, оба Конногвардейских эскадрона были невероятно растянуты в длину, а густой, заросший лес по сторонам тропинки не давал нам возможности развернуться или спешиться и приготовиться к бою.

Немедленно же, после того, как германский полк скрылся, Скоропадский вызвал разъезд от Конной Гвардии, приказав ему следовать за немцами и как можно скорее донести, что они теперь делают. А пока что, в ожидании донесений, мы стали подтягивать оба свои эскадрона и, спешив, расположили их укрыто вдоль нашей полянки. Теперь выяснили мы также, что перед нами легкопроходимый брод через Свенту.

Эта неожиданная и непонятная встреча с германским полком, а также его внезапное исчезновение, вызвали между нами самый оживленный обмен мнений. Главной же догадкой оставался вопрос, каким образом целый германский кавалерийский полк мог совершенно незаметно для частей нашей, а может быть также соседней 5-ой кавалерийской дивизии очутиться в их тылу и столкнуться нос в нос со штабом нашей дивизии? Имел ли он какую нибудь особую задачу, в выполнении которой помешала ему внезапная встреча с нами?

В конце концов, тому, что немцы очутились в тылу наших войск, особенно удивляться не приходилось. Ведь в то время на этом участке не было сплошного фронта. Наша кавалерия была невероятно растянута на широком пространстве совершенно открытого южного фланга нашей армии, где она несла службу сторожевого охранения и разведку. Она не была в состоянии наблюдать за всем этим, порученным ей пространством, на котором постоянно могла иметь соприкосновение с противником. Было это тем более ей не по силам, что в том районе местность была очень пересеченная, волнистая, усеянная малыми и большими лесами. Все же, как никак, кавалерийский полк это — не разъезд и его, незамеченное нашими передовыми частями, появление на самой Свенте, оставалось загадкой.

Вскоре поступило первое донесение от нашего разъезда, что германский полк, выделив походное охранение, рысью уходит в южном направлении. После этого, Скоропадский вызвал меня, поручив немедленно же ехать к генералу Чайковскому, начальнику 5-ой кавалерийской дивизии в деревню Семенишки (к северо-западу от нас) и сообщить ему о только что происшедшем. На этом пока что оборвались для меня дальнейшие сведения и личные впечатления о только что встреченном германском полку. Вернувшись поздно вечером в штаб дивизии, я сразу же получил другое задание. В условиях тогдашней подвижной войны, в особенности теперь, когда фронт нашей 5-ой армии опять пришел в движение, продолжая отход на восток, в штабе дивизии мы были завалены работой и поэтому не вспоминали о нашей загадочной встрече на Свенте. К тому же вскоре начался Свенцянский прорыв нашего северо-западного

фронта германской армией, вызвавший утомительный долгий отход с боями, как и целый ряд наших контр-маневров. В этих условиях, эпизод на Свенте стал тускнеть и забываться, тем более, что он не имел никогда каких либо неблагоприятных последствий для нас. Война тянулась далее. Новые фронты, новые назначения и задачи совершенно выветрили из моей памяти эту нашу встречу с германским уланским полком.

Только после окончания войны, живя в двадцатых годах в Баварии и начав изучать войну на нашем фронте, я припомнил этот случай и стал рыться в архивах, ища объяснения этой загадки. Однако нигде, ни в каком архиве, ни в одной хронике или истории тех германских полков, которые тогда, в 1915 году, находились против нашего участка фронта, не нашел я ни малейшего следа этого эпизода. Признаюсь, что настало время, когда я начал даже сомневаться в том, не померещилась ли мне эта встреча на Свенте в минуты переутомления или не был ли это просто сон, который со временами смешался с воспоминаниями и с действительно бывшим? Одним словом, я давно перестал думать об этом.

После 2-ой Мировой войны попал я опять в Германию, где живу с 1945 года. В 1960 году мне пришлось ехать на похороны старого приятеля немца в Северную Баварию. На кладбище, кроме семьи покойного, присутствовало много совершенно незнаковых мне особ. Также, в большом зале одного из местных ресторанов собрались друзья и знакомые покойного. За столом очутился я между двумя совершенно незнакомыми мне лицами. Сосед слева был занят своей соседкой, с которой вел оживленный, веселый разговор, как будто были не поминки, а какое нибудь радостное торжество.

Мой же сосед справа также скучал, как и я. После того, как обычный в таких случаях разговор о погоде был исчерпан, наступило между нами молчание. Однако, хотя бы из вежливости, следовало бы продолжать разговор. Но о чем говорить с человеком, которого видишь первый раз в жизни? Одна фамилия обыкновенно еще не говорит, кто он, какова его профессия. Однако, присматриваюсь к нему и вижу, что он более или менее в моем возрасте, на вид еще здоровый, крепкий мущина, так что, по теории вероятности, должен он был бы принимать участие в 1-ой Мировой войне. Если же так, то тема для разговора будет, так или иначе, обеспечена.

На мой вопрос, принимал ли он участие в войне 1914-18 годов, последовал утвердительный ответ. Был ли он, также, и на русском фронте? Оказывается, что за исключением только первых месяцев войны и ее самого конца, в 1918 году, был он только на нашем фронте. «Вот повезло мне», подумал я, — будет о чем говорить с ним». «А в каком роде оружия служили Вы?» продолжаю я. «В кавалерии», отвечает сосед. «Я ведь тоже кавалерист», продолжаю я, «может быть мы с вами воевали друг против друга? А в каком полку служили Вы?» «В 1-м баварском уланском», услышал я и в тот же самый момент в моей памяти воскресла вдруг уже давным давно, как какой то сон, забытая встреча с германским кавалерийским полком на реке Свенте ровно 45 лет тому назад. Я, конечно, поспешил рассказать ему этот таинственный эпизод и, к моему удивлению, услышал от соседа как бы равнодушное «как же, как же, я хорошо припоминаю этот случай». Значит, это все же не был сон!

«Но скажите тогда», продолжал я, «почему ваш полк стоял тогда во взводной колонне, в конном строю на той поляне, кого ожидали вы там?» «Мы вовсе не стояли на поляне», ответил он, «мы только что пришли туда, чтобы сделать там привал, но не успели даже спешиться, как вы нас оттуда спугнули».

«Расскажите же подробно, как это было тогда у вас и чем мы вас спугнули?» попросил я.

«С удовольствием», ответил он, «я отлично помню тот день. Была просто невыносимая жара. Мы с самого утра шли совершенно открытой местностью с нашего левого фланга на самый крайний правый, к городу к северо-западу от Вильно, названия которого не помню (вероятно — Вилькомир, — примечание автора). Там должна была собраться вся наша дивизия. Под невероятно жгучими лучами солнца наши люди и кони измотались. Мучила нас всех жажда. Но вот, вдали перед нами показалось как бы спасение от этой невыносимой жары, — лес. Дорога предстояла нам еще далекая, поэтому командир полка решил именно в этом лесу сделать привал. Лес был лиственный, густой и мы сразу же как бы окунулись в приятную, бодрящую прохладу. Пройдя лесом каких нибудь 700 метров, увидели мы слева перед нами широкую поляну и вот на эту поляну повернул командир полк. Он приказал нам построиться во взводную колонну, остановил полк и мы с нетерпением ждали следующей команды: «полк, слезай!». Однако, к нашему большому огорчению, она не последовала, так как в тот самый момент, когда полк остановился, из противоположного леса, всего только какой нибудь ½ километра от нас, показалась группа всадников.

Мы схватились за бинокли и увидели, на вид молодого русского генерала, окруженного многочисленной свитой. Все — на огромнейших вороных, гнедых, караковых и рыжих конях. Мы знали, что тут против нас находится русская гвардейская кавалерия и решили, что это был ее начальник со своим штабом. А раз он так открыто показывается перед нами, со всей своей

громадной свитой, спокойно и долго рассматривает нас в бинокль, не пытаясь даже укрыться за деревья, то несомненно тут же за ним в лесу находится вся его дивизия или ее большая часть. В тот день наша задача не была вступать в бой с русскими. Наоборот, нам приказано было избегать всяких столкновений с ними и спешить кратчайшей дорогой на присоединение к своей дивизии. Поэтому, командир полка, майор Цюрн, отменил привал и приказал продолжать движение теперь обратным порядком, то есть — тыльный эскадрон стал теперь головным, а наш, 4-ый эскадрон, который до сих пор был в голове колонны, обратился в арьергард. Русские огня по нас не открывали и только продолжали наблюдать за нами. Таким образом это наше перестроение на глазах противника прошло совершенно беспрепятственно. Русские не преследовали нас все наше дальнейшее движение прошло гладко и мы, хотя очень усталые, все же в срок прибыли на присоединение к своей дивизии».

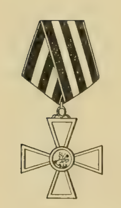
«Но каким образом могли вы пройти через район, занятый нашими войсками», спросил я, «и очутиться в нашем тылу?»

«К сожалению, не могу дать вам на это ответа. Сегодня, 45 лет спустя, к тому же не имея карты под рукой, не могу даже сказать, каким путем мы шли. Полк вел сам командир, майор Цюрн, и на протяжении всего дневняго марша, кроме вышеупомянутой группы всадников — русского генерала со свитой — не видели мы ни одного русского солдата».

Таким образом, эта наша, непонятная нам тогда, неожиданная встреча в 1915 году на реке Свенте, только в 1960 году, и то совершенно случайно, нашла себе объяснение.

В. Кочубей

С Сибирскими стрелками

Мне было 28 лет, когда, по мобилизации 1914 года, я был призван из запаса кавалерии, с назначением в Валк, заведующим продовольственным пунктом узловой железнодорожной станции. Быть на этой должности мне было не по вкусу — кормить воинские эшелоны руками запасных бородатых кашеваров, не имея понятия даже о самых основах кулинарного искусства — трудновато, а ответственность большая. Еще хуже было сознание пребывания в тылу и совсем отвратительно было то, что мне не раз приходилось видеть, как стражники куда-то вели арестованых, хорошо одетых штатских, взятых, большей частью, по доносу или за «разговор по телефону по-немецки».

Отец мой, в то время в чине генерал-лейтенанта, командовал IV арм. корпусом и, после посланной мною телеграммы с просьбой похлопотать о переводе в Действующую армію, я был переведен в 4 уланский Харьковский полк, бывший в составе его корпуса! Неладно... но особенно артачиться не приходилось. Прибыв в Остроленку, в расположение штаба IV корпуса, я узнал (опять «отцовский» сюрприз») что назначен... адъютантом штаба корпуса! Еле умолил отца и через полчаса выехал на подводе в полк.

Должен предупредить что, вследствие вскоре же полученной тяжелой контузии, память моя очень пострадала, а все мои записки и документы, в силу необходимости, были сожжены мною в Вильно в 1939 году, поэтому в моем повествовании могут встретиться ошибки или упущения.

В полку я пробыл недолго. Из ярких воспоминаний осталось — удачный налет на железнодорожную станцию, на вражеской территории, когда, после повреждения стрелок, водокачки, телефонов и телеграфа, моим разъездом был захвачен и почтовый ящик, наполненный письмами ландштурмистов, находившихся в недавно отошедшем поезде. Эти письма принесли большую пользу нашим разведывательным органам. Участвовал я в конной атаке своего эскадрона, маленький эпизод такой страшной войны. Он будет описан в другом месте.

В марте гг. офицерам полка было предложено тянуть жребий. Два офицера, его вытянувшие, должны были быть откомандированы в близ стоявшую на позиции 10 Сибирскую стрелковую дивизию Сибирского корпуса, на пополнение огромной убыли офицерского состава. Эта дивизия пришла с Дальнего Востока только месяца два тому назад и уже потеряла три четверти своего состава...

Я знал, что один из офицеров, вытянувших

жребий, был так любим своей матерью, что она неотлучно следовала за полком, поэтому, я выразил желание заменить его. Тут же, навьючив коней, с денщиком и вестовым я выехал к сибирякам.

Явившись начальнику штаба дивизии полковнику Аппельгрен, я получил инструкции и назначение. Чувствовалось, что он «пожалел» меня старался ободрить, как-то вынужденно шутил, хотя я уверен, что я не производил впечатление человека, чем-либо, подавленного.

На позиции в штабе 37 Сибирского стрелкового полка, мостившемся в землянке-блиндаже, я был встречен громким смехом сильно выпившего капитана, временно командовавшего полком. Я был назначен командиром 7 роты и временно командующим 2 батальоном. Кроме меня,, во всем батальоне не оказалось ни одного офицера действительной службы. Было несколько прапорщиков, из коих некоторые были только что произведены из фельдфебелей. В моей роте, прибывшей, как было сказано выше, на фронт в полном боевом составе всего два месяца тому назад, было всего... 11 стрелков действительной службы, остальные, весьма почтенного возраста, — запасные. Окопы наши были мелкие, для стрельбы с колена. Стали их углублять, исправлять ходы сообщения, строить блокгаузы, все это, конечно, по ночам. Несем, бывало огромные бревна, а немцы выпустят ракету, валимся на землю. Их окопы были на противоположной отлогости долины, шагах в 500-700. Еще труднее была установка проволочных заграждений. Много трупов еще догнивали между окопами с обеих сторон... Вскоре узнал, что мой однополчанин, вытянувший жребий и назначенный в соседний стрелковый полк, был ранен в руку и эвакуирован. Один из ротных командиров, чудом уцелевший во время первых боев дивизии, красивый молодой сибиряк, выглянул как-то из пулеметного гнезда и тут же был убит пулей в горло.

Когда летом 1915 года, началось общее наступление немцев, я был уже командиром сводной сотни конных разведчиков дивизии. Потери дивизии опять были большие. Полком тогда командовал доблестный офицер лейб-гвардии Финляндского полка полковник Стефан Иоакимович Дорошевский, поляк, всеми уважаемый и любимый. «Маленького роста, худенький, с бородкой,» писал мне, много лет спустя, его однополчанин по Финляндскому полку, «в первом же бою, под Люблином он был тяжело ранен в грудь... После большевицкого переворота был несколько раз арестован и сослан...» В одном из арьергардных боев, я лежал около него, укрытый большим валуном, от которого то и дело отскакивали пули. Мимо нас, рассыпавшись в цепь, пробежала полурота только что прибывшего пополнения под командой молоденького прапорщика; через десять минут его унесли в тыл, убитого наповал...

В память врезалась трагическая картина: после переправы через Нарев мы немного оторвались от наседавших немцев. И вот — на невысокой сибирской лошадке, склонившись от вновь полученной раны, сидел полковник Дорошевский. Около него было знамя, вокруг — остатки полка — несколько офицеров и человек 300 стрелков. Я был недалеко от них со взводом конных стрелков-разведчиков. Разрыв тяжелого снаряда, убито и поранено несколько стрелков и лошадей, в том чиле убита и моя лошадь. Когда я пришел в себя, узнал, что мы тянемся куда-то на восток, между отступающими нашими и наступающими немцами. Осознал, что меня тащат на носилках, сооруженных из жердей и попон. Не только санитарной двуколки, но и крестьянской телеги разведчики не нашли. Вот следствием этой контузии и была потеря памяти. Я почувствовал это сразу, тело осталось здоровым, но недели две мускулы бездействовали.

И раньше, и особенно во время моего недельного путешествия на носилках, в которые, спереди и сзади, были запряжены две лошадки и потом, до конца моей строевой службы в октябре 1916 г., сколько искренней теплоты, внимания, ума, изворотливости видел я во всех этих пермских, забайкальских, уссурийский, молодых и более возрастных людах, — сибирских стрелках! Всегда вдумчивые, послушные, почтительные и умные, хладнокровные и отважные, они проявили себя бойцами несравненными. Из всего вышесказанного, ясно какие взаимоотношения создались между ними и мной.

Под осень мы прочно укрепились на перешейке между большим озером Нарочь и меньшим, к северо-западу от Молодечно. Иногда происходили короткие, но сильные схватки, с артиллерийской подготовкой; целью этих «усиленных разведок» был захват «языков». Потери были значительные, но пленных взять не могли. Начальник дивизи ген. майор Андрей Георгиевич Елчанинов (профессор тактики в Импер. Военной Академии) вызал меня к себе и сказал, приблизительно, следующее: «Вам хорошо известны результаты этих «усиленных разведок», пора покончить с этими свыше навязанными и дорого стоящими бойнями. Отныне это задание я передаю вам и вашей сотне. Проявите какую хотите инициативу, не — без «языка» не возвращайтесь».

Я собрал сотню, разъяснил предстоящую задачу, сказал, что действовать мы будем небольшими партиями и хотел бы заранее знать какой способ надо будет применять для комплектования таких партий: добровольно, жеребьевкой или по назначению? И тут же я задал воп-

рос — «кто идет в первую разведку?» — Вся сотня сделала три шага вперед, без заминки, не оглядываясь друг на друга. Конечно, это была уже не «сотня» людей, а человек сорок... Немногих из них помню теперь хорошо. Вот фельдфебель Рукавков (Томской губернии), невысокий крепыш, краснобай — сельский-торговец очень расчетливый, с мечтой о Георгиевском крестике; вот — высокий, сухой, красавец брюнет Павел Замула, потомок переселившихся в Уссурийский край хохлов, страстный охотник на тигров и потому осторожный, сметливый, исключительно отважный (он уже имел и крест и медали). Немолодой усатый поляк, родившийся в Сибири, тяжелый, храбрый. Вахмистр — забайкальский казак, высокий, сухой, потомок бурят, с чертами монгольского лица, проделавший японскую кампанию, Мудрый, жестокий, очень набожный, молчаливый. А вот — старший унтер-офицер Первикин (пермяк): кровь с молоком, выдержанный, силач, всегда вспоминавший жену и двоих ребят. Он уже имел разрешение ехать в отпуск, когда был убит. Да, были люди...

Когда озера замерзли, немцы пересекли большое озеро линией фугасов, прикрытых снегом. Вдоль этой линии ходили, от берега до берега, их подвижные секреты, с пулеметами на санках. Наши разведчики прекрасно изучили эту линию охранения, большую помощь в этом, оказал нам молодой рыбак из прибрежной деревни Гостовной. Вскоре он пропал без вести; выводя в дальний тыловой набег сотню одного из сибирских казачьих войск (помню их желтый приклад), но еще до этого он был награжден Георгиевской медалью.

Справа от занимаемого ими перешейка, мы исследовали небольшой островок посреди озера и установили, что по ночам он занимался усиленным немецким секретом. Этот островок и был избран нашей первой целью. В белых халатах, с бутылочными ручными гранатами, имея на плечах винтовки со штыками, в числе десяти человек, под конец ночи, мы обошли островок с тыла и, по свистку, швырнули гранаты. Четыре немца были убиты, а двух (кажется 48 ландверного полка) доставили живыми в штаб дивизии (один из них был ранен в плечо). Забрали мы все ранцы, вооружение, телефонный апарат и под сильным огнем вернулись, без потерь, во-свояси. И в данном случае, как и во всех последующих, мы старались заметать следы: последний разведчик волок за собою широкую еловую «лапу».

Вскоре после этого, мы решили захватить более «крупную рыбу», тяжелых артиллеристов. Позиция их батареи, как было установлено показаниями пленных, взятых в предыдущем набеге, находилась восточнее и на уровне деревни Симоны, верстах в шести от наших окопов. Описание этого налета переписываю из № 11 «Русского Инвалида» за 1916 год (любезно мне присланного покойным полковником К. Н. Скуратовым еще в 1947 году.)

«В районе озера Нарочь был произведен удачный поиск спешенный конных разведчиков, высланных под командой поручика Рихтера. Около 11 ч. вечера поручик Рихтер выдвинулся в сторону противника и, разделив команду на две партии, направил одну на фольварк Антонизбер, а сам с другой партией направился к дер. Симоны. Вскоре партия поручика Рихтера встретила двух немецких солдат, шедших навстречу нашим. Решив захватить их в плен, на их окрик «кто идет?» поручик Рихтер, с целью ввести их в заблуждение, громко выругался и продолжал путь. Когда разведчики поравнялись с немцами, поручик Рихтер внезапно бросился на них. Немцы, однако, успели выстрелить в упор, но промахнулись и в следующий момент были схвачены и обезоружены. Одновременно, фельдфебель Рукавков, бывший во главе другой партии, обнаружил землянку, в которой находилось не менее пяти немцев. Подкравшись, разведчики забросали ее ручными гранатами, все немцы были перебиты. Между тем, в сторожевом охранении противника произошел большой переполох, всюду взвивались ракеты, заработали прожектора и началась беспорядочная пальба. Поручик Рихтер, перерезав у немцев телефоны и минные провода, благополучно отошел с командой к нашим позициям, приведя двух немцев, и захватив у противника винтовки и ручные гранаты.»

К этому описанию считаю нужным добавить, что 1) в этом поиске участвовала не «команда», а всего 9 человек (но не те, кои были в предыдущей в разведке), 2) я выругался, но по-немецки и мы трое, не прибавляя шага, продолжали идти прямо на них, 3) бросились все (а не я один), когда немцы, одумавшись, вскинули винтовки и выстрелили в упор, а один успел крикнуть «russen», 4) в «РУССКОМ ИНВАЛИДЕ» было опущено (может быть умышленно), что взятые в плен и убитые в землянке — все были тяжелые артиллеристы (караул на их правофланговой батарее). Показания всех этих пленных были чрезвычайно важными.

Через некоторое время нам было приказано обнаружить и забросать гранатами штаб немецкой дивизии, который, по показаниям пленных, находился в деревне, в противоположном конце большого озера, в десяти верстах от наших позиций. Задача была посерьезнее. Тронулись в путь, как только наступила ночь; со мною было 26 разведчиков. Двигались медленно, со всею осторожностью, по два в ряд, близко друг к другу. Часа через три, мы, вдруг, услышали человеческий кашель... минуты через три, откуда-то сверху, оклик по-немецкии: «Wer da?»

(Мы догадались, что обнаружены, голос сверху! С высокого берега!) Я, громко же, ответил по-немецки: «Рабочие 48-го ландвера», мы пошли скорее и как только (сверху), по нас начали стрелять, я крикнул, шедшему около меня, стар. унтер-офицеру Пермикину: «веди в обход вправо, я — влево» и мы кинулись каждый в свою сторону (Пермикин был убит, буквально, через несколько секунд.) Мы оказались в «мертвом пространстве», под высоким берегом, высотою сажени в четыре. Подталкиваясь штыками, мы начали карабкаться наверх, в обход стрелявшим из окопа. Все «дело» окончилось минут через 6-8... Знаю, что вскакивавшие на берег, бросали гранаты, потом приканчивали штыками... Помню, что очутился сзади, в лесу, и, став на колени, бросил 2-3 гранаты сначала в дверь открытой землянки, потом в середину окопа. Передо мною были санки с хворостом. Когда я выпрямился, меня повалил удар и я решил, что ранен в живот... Потом взрывы и стрельба будто прекратились, хотел встать... не мог. Вдруг, ко мне подбежали двое, в одном я узнал стар. унт. оф. Замулу, меня подхватили под мышки, потащили и столкнули с берега, головой вниз. Тут я понял, что ранен не в живот, а в ногу. Мы были последними. Согласно заранее отданному приказу, первыми должны были отойти все, кто мог, с ранеными и пленными. Дав мне в руки винтовку, за середину которой я держался. Замула (другого уж не помню) потащил и меня, лежащим на спине, через все озеро, по следам далеко впереди идущих разведчиков. Когда, под утро, мы вышли на наш берег, мой халат и кожаная куртка были разорваны до тела, которое тоже было в глубоких царапинах.

За эти разведки я был награжден Орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским Оружием, а разведчики получили: двое — Георгиевский крест 2-й ст., пять — 3-й ст., девять — 4-й ст. и трое — Георгиевские медали 4-й ст...

После внимательного осмотра всех нас в дивизионном госпитале, доктора вынесли мне приговор: рана на вылет в левое колено, с расстояния 12-16 шагов, выходное отверстие пули — 3 ½ сант. в диаметре, кости раздроблены — ногу надо отнять... Я не согласился и попросил эвакуировать меня в тыл. Доставили меня и еще двух разведчиков в Минск, в превосходный госпиталь имени Императрицы Александры Федоровны.После двух операций ногу мне оставили, но она укоротилась и недостаточно сгибалась. Мой Харьковский полк прислал мне теплую телеграмму за подписью старшего полковника Киселева, с поздравлением, пожеланиями скорого выздоровления и приглашением вернуться в полк.

После восьми месяцев госпитальной жизни, я хотя еще и на костылях, решил поехать повидать дорогих своих сибиряков, которые, к этому времени, уже оказались на Румынском фронте, в Добрудже. Попытка моя пойти с батальоном шедшим в атаку кончилась неудачей — меня отозвали в тыл и, по приказанию командира корпуса, как негодный к строевой службе, я уехал в Петербург на нестроевую должность помощника заведующего хозяйством Николаевской Военной Академии. Меня «сдал» туда, уезжавший в отпуск, к себе, в Уссурийский край, тот же, стар. унт. оф. Замула, уже кавалер всех четырех степеней Георгиевского Креста и Медали.

После большевицкого переворота я был вовсе уволен от службы — потеря трудоспособности была определена в 80%. Накануне разгона Учредительного собрания, в помещение Академии, совершенно тогда пустое, явился отряд матросов из Кронштадта, под командой бывшего гардемарина Раскольникова. Мне донесли, что они дырявят штыками картинную галлерею батальных полотен Верещагина, Образ Св. Георгия и т. п.. Я пошел туда и приказал прекратить безобразие — полагаю, что мой белый крест на них подействовал, потому что приказание было тотчас же исполнено.

. . . .

Еще несколько маленьких воспоминаний: когда я принял роту сибиряков, в ней было 11 евреев, постепенно, все они исчезли (несколько перебежало к немцам, другие ушли в тыл), кроме одного. Это был небольшой хилый человек, веселый, с забавным акцентом, всеми уважаемый и любимый за его исключительную отвагу. Он был убит, имея два Креста и 3 Медали, уже в звании старшего унтер-офицера.

Долго спустя после революции, мне доложили, что во дворе Академии находится какой-то улан с двумя конями в поводу и просит вызвать меня... Это был мой вестовой, прибывший «походным порядком» с Румынского фронта, с моей лошадью...

Владимир фон-Рихтер

«Дела давно минувших дней»

ЗАБЫТАЯ РОТА.

Посвящается славной памяти 3-го Восточно - Сибирского стрелкового полка.

На рассвете, в утренних сумерках начинавшегося дня, подошел батальон к Ташичао и остановился, пропуская идущий из города на встречу казачий полк.

Одна за другой шли казачьи сотни, а сзади полка, погромыхивая металломм, рысью следовала конная батарея. Пропустив конный отряд, батальон пошел дальше, и в это время пришло приказание командира полка 7-ой роте занять деревню, став на левом фланге, и наблюдать, чтобы японцы не обошли наш левый фланг. Никаких указаний, где позиция полка, кто рядом, что предвидится ровно ничего, стой и только.

Дорогой через ручей прошли полем мимо рощи с китайскими могилами и заняли деревню, выставив влево наблюдательный пост, нечто вроде полевого караула. О том, чтобы осветить местность дозорами, не было и речи.

Расположились на улице, привалившись спинами к стенкам фанз. Задымились неизбежные костры, и стрелки, преимущественно-коренные сибиряки, принялись за чаепитие. Местное население возбужденно суетилось: собирались группами, о чем-то галдели, размахивая руками, некоторые запрягали свои арбы и грузили их имуществом, женщинами и детьми; другие, забравшись на крыши фанз и на дерев:я, что-то высматривали в стороне японцев.

Мы тоже устроили наблюдательные пункты. Денщики принесли котелки с кипятком, кое-какую снедь и мы закусили и выпили чаю. Время шло. Впереди нас, не так далеко, прогремело несколько орудийных выстрелов и опять все затихло, толко солнце начинало жечь все сильнее.

Справа и сзади Дашичао поднялись столбы дыма, это — интенданты, зачастую отказывавшие в выдаче требуемых частями тех или иных нужных вещей или продуктов, придираясь с формальной стороны к требованиям, теперь жгли свои склады. История, всегда с ними повторяющаяся.

Время перевалило за полдень, а все нет приказания присоединиться к полку.

С крыши фанзы, куда мы вместе с поручиком Гирлей забрались, видно, что верстах в полутора, на гребне отрожка появились фигуры людей что-то роющих. Вглядевшись пристально, можно было приметить, что землю бросают в нашем направлении: значит — роют японцы. То же самое заметили и стрелки, бывшие также на крышах. Доложили ротному командиру капитану Казимиру Альбертовичу Малишевскому. Вот о нем надо сказать несколько слов, как о типе вполне исчезнувшем.

С трудом попав в одно из юнкерских училищ и с еще большим трудом его окончив, вышел он подпрапорщиком на восток, в один из дальне-восточных стрелковых батальонов. Несколько лет проходил с «громоотводом» на рукаве и только развертывание батальонов в 2-х батальонные полки, наконец-то, доставило ему чин подпоручика. Так рассказывали мне коренные офицеры, прослужившие в полку по несколько лет, бывшие юнкера военных училищ — Павловского и Александровского. Достаточно протрубил он в полку, пока добрался до роты. Во время боксерского движения 1990-1901 гг. он уже командовал ротой и во время его усмирения был, в одном из боев, ранен в живот. Это был ярко выраженный тип бурбона старых времен, тип, который только и мог сохраниться в такой глуши, какой была тогда Восточная Сибирь и Приморский Край. С солдатами он был груб, с младшими офицерами — хамоват, но начальство, начиная с командира батальона, приводило его в трепет. И чем выше начальство, тем больше трепета вносило оно в его капитанскую душу.

На мой доклад он стал доказывать, что это наши казаки и что окоп роют для наших пушек. Напрасно было возражать и доказывать ему противное, он упрямо стоял на своем и твердил: «Это наши.»

Но вот почти карьером подскакивает конно-охотник, лошадь его тяжело дышет. «Ваше Высокоблагородие, идите скорей, я едва нашел Вас, за Вами сколько раз посылали, да найти не смогли. Японские разъезды подошли к Ташичао, а за ними пехота. На этих горах, показал он рукой на близкую гряду, давно видны япон-

цы. Идите скорей, а то пробиваться придется».

Послали за высланным влево наблюдательным постом и, собравшись, не теряя ни минуты, рота скорым шагом пошла за конно-охотником, который повел роту сокращенным путем, мимо города, к станции железной дороги на дорогу, по которой прошел полк.

На станционной площади толпа китайцев, везде разбросанные вещи. Железнодорожные кирпичные домики, но окна и двери все настежь, везде груды бумаги, листы газет, письма, отношения, предписания, переписки, отписки, весь канцелярско-штабной хлам. Не сожжены, как требовалсь, а просто выброшены для сведения и руководства японцам. Запомнился мне почему-то винчестер, валявшийся в пыли на дороге около одного из таких домиков. Справа и слева, и за железной дорогой горели и догорали и дымились интендантские склады. И тоже везде кучи казенной, теперь никому, кроме разве японцам, ненужной казенной переписки.

Прошли это печальное место, спустились к реченке и пошли через нее. Местами вода доходила до брюха лошади и, чтобы не замочить ног пришлось их поджимать к передней луке.

Перебрались на другой берег и начали подниматься на возвышенность. Справа и слева отдельные пустые фанзы, китайцев нигде не видно. Очевидно или попрятались или разбежались.

Поднялись. Дорога шла к видневшейся в версте или полуторы деревне; слева — густой, высокий гаолян, справа, по склону в долину, судя по пикам, казачьи разъезды, а в версте за ними — японские силой каждый около отделения. За ними редкие цепочки японской пехоты.

Конно-охотник говорил, что и по другую сторону гряды, по гребню которой мы идем, тоже идет японская кавалерия и пехотные цепи. Таким образом, мы в последнюю минуту, можно сказать, выбрались из бутылки.

Два резкие удара, невольно заставившие вздрогнуть, затем короткий свист и две шрапнели разорвались над растянувшейся ротой. Все сразу с дороги бросились влево, в гаолян. Последовали еще удары и, когда я обернулся, то увидел, что за долиною, на полугоре, сверкали молнии выстрелов двух горных пушек.

Рота, прикрываясь гаоляном, побежала от рвущихся над ней шрапнелей.

Одна лонула рядом, так что обдало струей воздуха. Этого не смог вынести мой конь: он рванулся в сторону и я полетел на землю. Одно мгновение я видел его круп и свернувшееся седло на боку. Проклятые китайские сыромятые подпруги размокли при переходе речки и, не выдержав резкого движения лошади, не удержали седла.

Потеряв цель, японцы прекратили огонь. Когда я свалился, ко мне подбежали два стрелка. «Вы ранены, Ваше Благородие? Мы Вас понесем». Вскочив на ноги, я побежал вместе с ними.

Убитых в роте не было, но несколько человек было ранено, к счастью — легко, и они также бежали, обливаясь кровью. Из гаоляна вышли уже перевалив вершину, на спуске.

Навстречу по дороге ехал командир полка. Увидев роту и узнав подробности запоздания, сказал, что еще счастливо отделались. Он хотел идти нас выручать и, действительно, наш II-й батальон шел нам навстречу, а еще немного дальше стояла, снявшись с передков, полубатарея, готовая открыть огонь.

Шли мы до вечера. Когда остановились на дороге, подвезли кухню, накормили проголодавшихся людей, раненых отправили в лазаретных линейках дальше.

Появились костры, заварили стрелки чай в котелках и, напившись, тут же на дороге расположились спать.

А. Редькин

Музей Первого Кадетского Корпуса

Начало музею Первого кадетского корпуса в том виде, в каком он представляется по архивным данным, было положено в управление корпусом Графа д'Ангальт в звании генерал-директора.

Музеем, вообще в те времена было принято называть такое помещение, где обстановка и род занятий вводили в общение с музами.

Возможно, что еще при основании корпуса первым директором его Графом Минихом было положено ему начало в виде естественно-исторического музея при корпусе.

При Ангальте музеем служила обширная зала, где кадеты, преимущественно старших возрастов, в часы досуга могли получать духовное удовлетворение, предаваясь чтению, письму, рисованию и даже личному творчеству. Тогда эта зала носила название «Рекреационной залы». Подробное описание ее вошло во 2-ую часть сборника, изданного под названием «La muraille parlante» и «La salle de recréation.»

Эти книжечки были переплетеы в прочный кожаный переплет с золотым тиснением на верхней крышке. Каждому выпускному кадету выдавались эти книжки на память с трогательным предисловием от имени и за подписью графа Ангальта.

В первой части собраны все надписи, рисунки и гладко оштукатуренные стены, окружавшие корпусный сад (парк), а вторая заключала описание предметов и надписей на стенах вышеупомянутой Рекреационной залы, что являлось как бы продолжением «Говорящей стены».

Среди предметов, наполнявших эту залу, прежде всего бросалось в глаза обилие книг, содержавших в себе лучшие произведения древних классиков, современных писателей, конечно, с произведениями французских энциклопедистов XVIII-го века во главе. Огромные фолианты этих книг поочередно выкладывались на столы, и особыми цепями прикреплялись к ним. Не забыта была и Библия, но был и Коран. Русские писатели также имелись и среди них-бывшие кадеты Первого корпуса: Сумароков, Херасков, Озеров. Все книги помещались в больших стенных шкафов. Наверху шкафов и на тумбах были расставлены: земной глобус, глобус звездного неба, бюсты великих людей древности (Цицерон, Сократ и др.) и современных писателей (Вольтер, Руссо и др.). Затем также были расставлены и развешены модели по военному искусству (фортификационные, артиллерийские).

В этой зале кадеты, в часы досута, занимались чтением с выпискою тех мест, которые останавливали их вниманние. Затем, занимались черчением, рисованием, резьбою и т. п. Лучшие работы выставлялись в этой зале, как образцы. Некоторые из них сохранились до последних дней нашего времени, как интересные художественные предметы. Все, кто бывал в музее, помнят художественной работы резьбу из слоновой кости в сочетании с черным деревом (Триумфальная арка, беседка античного стиля, модель языческого храма, фонтан внутри беседки и т. п.)

В последние годы XVIII-го столетия и в первые XIX-го, когда государственный режим резко повернул в сторону от влияния западных идей, приведших Францию к революции, в корпус был назначен директором М. И. Голенищев-Кутузов (будущий герой 1812 года). При нем в корпусе пошли новые порядки, в результате чего все надписи на стенах были тщательно закрашены, все книги, порождавшие, как тогда выражались, — вольнодумство, были убраны в шкафы и заперты и Рекреационная зала получила иной характер. Она обратилась в музей наглядных учебных пособий. Тут кадеты работали преимущественно над вычерчиванием топографичемких планов, артиллерийских и фортификационных чертежей. От этого времени остались огромные папки с образцово исполненными чертежами в акварельной раскраске.

От Ангальтовской эпохи сохранилось более 350, в большинстве объемистых, томов в прочных кожаных переплетах с кадетскими рукописями, в виде различных выписок, поденных записей, собственных произведений и т. п. Каждая категория этих книг начиналась предисловием, собственноручно вписанным графом Ангальтом. Из этой коллекции наибольшее количетво (247) и при том наиболее объемистых томов представляло собрание под общим названием, аналогичным с названием известной сказки «Тысяча и одна ночь» — «Mille et une nuit». Каждый том представлял собой собранние работ за целую неделю. Чтобы осуществить намеченную программу, потребовалось бы около 20 лет, но с неожиданным уходом графа Ангальта ушла душа задуманного

им дела и эти занятия прекратились. Томы составлялись таким образом: в Рекреационном зале стояло несколько черных досок. На них кадеты старшего и военного возрастов выписывали все, что при чтении останавливало их внимание или своею художественностью или глубиной мысли, а также и из слышанного в речах и поучениях воспитателей и наставников. Одно и тоже записывалось на трех языках (русском, французском и немецком), конечно, кроме поэтических произведений в стихотворной форме. Эти записи под соотвествующей датой ежедневно переносились в листки однообразной величины и все собранное за неделю переплеталось в особый том, который озаглавливался номером очередной недели. На первых страницах первого тома графом Ангальтом были написаны два предисловия: для первого тома и для последнего, то есть, для «Тысячи первой недели». Наряду с накапливанием томов этого сборника, стали возникать все новые и новые томы и томики под различными другими названиями, например: «Годовщины выдающихся мировых событий», «Восточные сказки», «Автобиографии трех кадет», «Письма с Елисейских полей», что по характеру содержания вернее было бы перевести (с французского) «Письма с того света» и друг. Между прочим, была серия «Черных книг» (и внешность они имели сплошь черную). В них заключалось не что иное, как обыкновенное списывание статей ради практики. В предисловии говорилось, что для иных кадет, заслуживших наказание за лень или дурное поведение, полезно часочек-другой посидеть на месте за подобной полезной работой. Каждая работа подписывалась фамилией кадета, писавшего ее. У многих работ там, где должна быть подпись, оказались уголки оторванными. Повидимому, иным не хотелось увековечивать свое имя в «Черных книгах». В числе сохранившихся подписей очень часто повторялись имя и фамилия ПЕРСКОГО. Впоследствии, в царствование Императора Николая I-го, этот ПЕРСКИЙ был директором Первого корпуса, отмеченный историей, как выдающийся.

Кроме вышепривененных книг с кадетскими рукописями, был сборник речей графа Ангальта под названием «LES DEJEUNERS», то есть «Завтраки». В предисловии автор поясняет, что эти речи таким именем окрестили кадеты, потому что они произносились перед завтраком, когда было не до речей, а хотелось есть. Был также сборник поучений законоучителя.

Вся музейная библиотека к началу нынешнего столетия заключала в себе 15.000 (пятнадцать тысяч томов при 8.000 названій и состояла из трех отделов, русского, французского и немецкого.

В начале 1900 года полковник Покотило, тотчас по принятии должности директора, пригласил меня на службу в Первый кадетский корпус. До этого я с ним служил в Виленскому пехотном юнкерском училище, где по его поручению составил краткую историю этого училища. Он не скрывал, что имел намерение использовать мою склонность к историческим исследованиям и любовь к старине. И, действительно, тотчас по прибытии моем в корпус он предложил мне заняться воссозданием корпусного музея, а затем, несколько лет спустя, составить и историю корпуса, хотя бы в виде краткой памятки, так как над составлением полной истории корпуса тогда работал Генерал Лузанов (несколько лет спустя в печати появился первый выпуск, объемлющий лишь царствование Императриюы Анны Иоановны; на этом писание им полной истории и остановилось).

Музей был, если можно так выразиться, в состоянии разгрома. Это можно объяснить, как следствие различных переформирований с передачей музея 1-ой Санкт-Петербургской военной гимназии, Павловскому военному училищу, а затем, девятнадцать лет спустя, обратное возвращение уже Первому кадетскому корпусу. Кроме того, ни в училище, ни в корпусе конца прошлого столетия не было проявлено должного интереса к историческим памятникам и реликвиям старейшего военно-учебного заведения.

Я прибыл в корпус летом. Музейную залу нашел заставленную посередине массою комнатных цветов (как в оранжерее). Это разъезжавшиеся на лето служащие сдавали их на хранение сторожу при этой зале (Василий Егоров. Потом, до самой смерти, он был музейным сторожем. Сменивший его Антон Евтигнеев и по сей, день*) состоит сторожем при музее). Вдоль стен, до половины их высоты, тянулись шкафы с книгами музейной библиотеки, а в конце залы, против входа в лазарет, была установлена сцена для домашних спектаклей. Меншиковские покои были в полном порядке.

С началом учебного года, взяв к себе в помощники нескольких кадет своего отделения (VI-2), я немедленно приступил к отыскиванию, собиранию и водворению в музейную залу всех предметов, которые значились по книге описи и, по мере поступления, стал приводить их в порядок и размещать на первых порах, как и где придется. Многие предметы нуждались в небольшом исправлении и чистке, а иные и в капитальном ремонте. Все делалось домашними средствами, так как корпус, переживая денежный кризис, на устройство музея мог давать лишь небольшие суммы, только на покупку таких преметов, как гвозди, винты, проволока, краски

*) 1925 год.

и т. п. По приведению в порядок библиотеки и предметов музея особое усердие проявили кадеты: Алферов, Богатов, Большев 2-ой, Гильбих, Паго, Шнеур, Федосьев. Из сотрудников не моего отделения запомнились фамилии, как особенно ревностных — Шишипторова, Шликера, Крутецкого 2-го.

Первым делом было извлечение из кладовых трех старинных люстр, очень богато украшенных хрустальными подвесками. Люстры были разобраны, тщательно вымыты, вычищены, а затем приспособлемы к электрическому освещению. Их повесили на месте бывших трех фонарей дугового освещения. Далее, различные портреты были перенесены в музей из фундаментальной библиотеки, ротных зал и других помещений. Но были и такие, которые отыскались в помещениях, совершенно неподходящих для хранения художественных исторических ценностей. Так, портрет Первого Августейшего Кадета, Наследника Цесаревича Александра Николаевича в форме кадета гренадерской роты, во весь рост, писаный масляными красками к столетнему юбилею корпуса (1832 год), был найден в кладовой, за уложенными вдоль стены дровами, почему оказался с полотном, пробитым в нескольких местах. Иные портреты были найдены в других кладовых и, даже, на чердаках.

По мере приведения в порядок, собираемые предметы распределялись по музею, то есть, развешивались по стенам, раскладывались на столах, размещались на тумбах, стойках, в витринах и т. п., не придерживаясь какой-либо системы. Когда же более или мене все было собрано и приумножено новыми вкладами и пожертвованиями, была учреждена Музейная комиссия под председательством полковника Забелина и четырех членов (кроме меня были: подполковник Петровский, капитан Андреев 1-ый и поручик Крутецкий). Комиссия выработала план размещения предметов по эпохам царствований и постановила освободить музей от излишков предметов, не имевших прямого исторического значения для корпуса. Например, избавились от излишка (дупликатов) учебных пособий, от черезчур загромождавших музей образцов и различных моделей (артиллерийских и фортификационных) и целой серии артиллерийских снарядов (в натуральную величину) старинной гладкострельной артиллерии, затем — от образцов кузнечного, слесарного и других инструментов и т. п. Кое-что было передано в корпусные мастерские, а что и продано. За вырученные деньги заказывались различные приспособления, оборудования и украшения (рамы, витрины, стекла, колпаки, этажерки и т. п.).

Всякий посетитель музея с особенным вниманием и интересом рассматривал, кроме портретов большого исторического значения и высокой художественности, как например, портрет Наследника Цесаревича Николая Александровича (старший брат Императора Александра 3-го, умерший в ранней молодости) в кадетской форме на часах внутреннего дворцового караула, написанный известным художником Зарянко, еще и нижеследующие предметы:

1) Шесть больших серебряных ваз художественной чеканки с крышками, увенчанными красивым однаментом,

2) Ранее упомянутые акварели времен Екатерины и той же эпохи изделия из черного дерева в сочетании со слоновой костью (работы кадет).

3) Двенадцать знамен и один штандарт (под огромным стеклянным колпаком).

4) Мраморный бюст Петра Великого, работы Фальконета.

5) Рельефный план Бородинского поля сражения с обозначением расположения войск обеих сторон перед сражением.

6) Образ Воздвижения Креста (резьба по кости), собственноручная работа Петра Великого и, конечно, изразцовую облицовку стен и потолков в Меншиковских покоях.

— O —

После празднования 175-летнего юбилея музей украсился еще целым рядом манкенов, одетых в те блестяюие исторические формы, которые были специально изготовлены ко дню чтого юбилея. Их внешний вид с годами не терял от выгорания ни блеска золотых приборов и обшивок, ни цвета сукна. Все это благодаря тому, что Великий Князь Константин Константинович, давая разрешение на осуществление проекта обмундирования офицера и нескольких кадет в формы всех царствований от основания корпуса, поставил непременным условием отсутствие чего-либо бутафорского. Так и поступили. Хотя эта затея и обошлась очень дорого, но все было сделано у лучших портных, из настоящих хороших сукон, с галунными обшивками чистого золоченого серебра. Все приборы, кивера, каски, треугольники, сумки, шпаги и т. п. были заказаны в лучших магазинах офицерских вещей. Так и все, кончая ботфортами и всякою иною обувью.

— O —

В начале революции (1917 г.), после пятилетнего отсутствия из Петербурга, мне вновь удалось побывать в музее. Чем-то дорогим и родным от него повеяло. И немудрено: почти двенадцатилетняя работа в нем не могла не оставить глубокого следа в моей душе. Но с другой стороны, больно сжалось сердце при виде сне-

сенных со всего корпуса и сваленных в бесформенную кучу Царских портретов. Невольно возникал в голове вопрос, какую участь готовит грядущее этому историческому хранилищу? И нам, давно оторванным от Петербурга, а затем и от России, при невозможности получать какие-либо сведения при посредстве почты, казалось, что музей наш или упразднен или разграблен, верне — разгромлен, потому что грабить-то нечего. Ведь в нем, кроме серебряных ваз да большой золотой медали среди коллекции монет и медалей, никаких драгоценностей не было. Но вот, в моих руках небольшая книжечка К. Ползиковой-Рубец — «Дворец Меньшикова». Из нее мы узнаем, что «старое, сильно обветшавшее здание стоит на углу Съездовской улицы и Университетской набережной». Значит, Кадетской линии уже не существует. Что здание старое, — это мы знаем, но что оно сильно обветшало, это — ново. Ведь совсем недавно оно нам обветшавшим не казалось, оно выглядело даже нарядным, потому что его всегда своевременно ремонтировали и окрашивали в традиционный кирпично-красный цвет. Затем, я узнаю, что преемник мой, с тем же званием хранителя музея, А. А. Крутецкий, и после революции долго оставался на своем месте (книжка издана в 1923 году в России). А главное, что музей существует и госпожа Рубец упоминает не только о многих предметах, мне хорошо знакомых, но и о нахождении их на тех же местах, где они были и раньше. Из этой же книжки знаем, что за большевицкое время музейная коллекция пополнена передачею некоторых предметов из закрытой корпусной церкви. Так там теперь находится: 1) Чаша для Святых Даров, 2) Евангелие, принадлежавшее гетману Мазепе, 3) Крест гетмана Сагайдачного. Обе последние вещи были захвачены Меньшиковым при взятии Батурина.

Попутно узнаем, что знаменитый и достопамятный наш парк с аллеями вековых лип вырублен, так как за отсутствием топлива остатки его рубились зимою 1921-22 гг. на дрова.

А. Антонов

Судьба знамен армии генерала Самсонова

В 1945 г. я издал на французском языке книгу «Знамена Великой Войны», в которой, между прочим, довольно подробно разбирал историю знамен окруженной в августе 1914 г. 2-й русской армии. Предназначавшаяся узкому кругу читателей, книга эта вышла в ограниченном числе экземпляров (300) и сейчас считается библиографической редкостью. С тех пор до моего сведения дошли новые, неизвестные мне тогда факты. Я думаю, что не лишено интереса привести на страницах «Были» все то, что известно по сей день, в надежде, что все, могущие пополнить эти данные, не преминут это сделать. В этой краткой заметке мы ограничимся только полковыми знаменами, окруженных, полностью или частично, XIII-го, XV-го и XXIII-го армейских корпусов.

Есть дела, в которых «громкие слова», «высокий штиль» и просто комментарии не только излишни, но просто неуместны. К таким делам принадлежит история знамен погибших русских полков ген. Самсонова. Ограничимся изложением голых фактов.

XIII-й Армейский Корпус.

I-я пехотная дивизия.

1-й пех. НЕВСКИЙ Генерал Фельдмаршала графа Ласси, ныне Его Величества Короля Эллинов полк. Знамя Георгиевское (1906 г.) «За отличие при Кулевче 30 мая 1829 г. и в Турецкую войну 1877 и 1878 гг.»

Уже дважды раненый, перед последней попыткой пробиться, полковник Первушин приказал снять знамя с древка и зарыть его в землю. Знаменщик, подпрапорщик Удалых, точно определил место, где было зарыто знамя. Попытка не удалась, но Удалых пробрался в Россию. Полк возстанавливался в Лиде. Только что прибывший в него из Казанского военного училища подпоручик Игнатьев решил вернуть знамя полку. Сопровождаемый знаменщиком он проник, через фронт, в Восточную Пруссию, отрыл знамя, взял его под мундир и пустился в обратный путь. При обратном переходе линии фронта оба Невца нарвались на немцев. Игна-

тьев был ранен пулей в ногу, но подоспевшие во время казаки выручили. 12 ноября 1914 г. спасенное знамя было представлено Государю Императору, который пожаловал Игнатьеву орден св. Георгія 4-й ст., а подпрапорщику Удалых Георгиевский крест 1-й степени (первый пожалованный в эту кампанию). От Великого Князя Николая Николаевича Игнатьев получил орден св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

2-й пех. СОФИЙСКИЙ, Имп. Александра III-го полк. Знамя Георгиевское (1911 г.) «За отличие при Кулевче 30 мая 1829 г. и в Турецкую войну 1877 и 1878 гг.»

В последний момент гибели полка, пока несколько солдат задерживали своим огнем подбегавших немцев, поручик Логинов зарывал знамя в землю. Ни одна его часть в руки немцев не попала. О судьбе полкового знамени Софийского полка комиссия ген. Пантелеева не имела никаких сведений.[1])

3-й пех. НАРВСКИЙ Генерал Фельдмаршала Михаила Голицына полк. Знамя Георгиевское (1903 г.) «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов.»

О судьбе его ничего не известно. Ни одна часть знамени в руки немцев не попала.

4-й пех. КОПОРСКИЙ ген. гр. Коновницына полк. Знамя Георгиевское (1903 г.) «За отличие при Кулевче 30 мая 1829 г. и в Турецкую войну 1877 и 1878 гг.!

28 авг. остатки полка выдержали последний бой на глазах ген. Самсонова. Назначенный полковым командиром, полк. Жильцов, не желая пережить разгром полка, поцеловал знамя и застрелился. Полотнище, сорванное с деревка и Георгиевский крест, выломаны из навершия, были вынесены и доставлены в Россию подпрапорщиком Копочинским, которому содействовал подпоручик Войтовский. Древко со скобой было найдено немцами в полковом обозе.

36-я пехотная дивизия.

141-й пех. МОЖАЙСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1896 г.) «За Севастополь в 1854 и 1855 годах.»

Знамя спасено. Древко уничтожено. Полотнище вынесено в Россию подпрапорщиком Гилимом. Немцы нашли Александровские юбилейты и скобу от древка.

142-й пех. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1906 г.) «За Севастополь в 1854 и 1855 годах.»

Знамя было сорвано с древка и полотнище разрезано и поделено между офицерами, которые хранили его в плену, а равно и Георгиевский крест. Древко со скобой и навершием, без выломанного Георгиевского креста, попало в руки немцев.

В декабре 1914 г., в лагере Оснабрюк, немцы нашли на пленном поручике Исаеве, кусок полотнища, с надписью «С нами Бог». Исаев категорически отказался дать немцам какие-либо показания. Большая часть полотнища была спасена и после войны вывезена из Германии.

Часть его в 1919 г. была представлена в Штаб Добровольческой Армии и впоследствии сдана в русский храм в Белграде. Другой кусок его был 19 октября 1925 г. прямо сдан в тот же храм. Фамилии офицеров спасших знамя нам не известны.

143-й пех. ДОРОГОБУЖСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1906) г. «За Севастополь в 1854 и 1855 годах.»

Остатки полка, неся знамя и тело убитого полковника Кабанова, отходили к границе, когда путь им преградили немцы. Знамя было сорвано с древка и спешно зарыто вместе с лентами. Немцы нашли среди убитых только древко со скобой и навершием. До сравнительно недавних времен, последние Дорогбужцы хранили секрет о месте, где было зарыто знамя.

144-й пех. КАШИРСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1906 г.) «За Севастополь в 1854 и 1855 годах.»

Полковник Каховский был убит в последнем бою, со знаменем в руках. В руки немцев ни одна часть знамени не попала. О судьбе его ничего не известно.

XV-й армейский корпус. 6-я пехотная дивизия.

21-й пех. МУРОМСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1908 г.) «За Севастополь в 1854 и 1855 годах.»

Полк пробился. Перед атакой, по приказанию полковника Новицкого, знамя было снято с древка и части его распределены между офицерами. Полотнище было вынесено капитаном Генцель. Офицер несший Александровские юбилейные ленты был убит и ленты найдены немцами на его теле. По возвращении в Россию знамя было вновь прибито к древку.

22-й пех. НИЖЕГОРОДСКИЙ полк. Знамя простое (1900 г.)

О судьбе знамени комиссия ген. Пантелеева не располагала никакими сведениями, но установлено, что в Россию были вынесены скоба и Александровские юбилейные ленты. Есть указания, что знамя было спасено при прорыве 21-го Муромского полка. Возможно, что это касается именно скобы и лент, так как древко веро-

[1]) Правительственная комиссия по расследованию причин гибели 2-й армии.

ятно было уничтожено. В руки немцев ни одна часть знамени не попала.

23-й пех. НИЗОВСКИЙ Ген. Фельдм. гр. Салтыкова полк. Знамя простое (1826 г.) Ген. Пантелеев свидельствует, что «знамя 23-го пех. Низовского полка было спасено и находится на лицо.» Командир полка, полк. Данилов был убит.

24 пех. СИМБИРСКИЙ ген. Неверовского полк. Знамя простое (1911 г.)

Смертельно раненный знаменщик передал знамядвум унтер-офицерам. Во время отступления к границе Симбирцы несли знамя и тело своего последнего командира, подполковника Около-Кулак, убитого в бою. Когда выяснилась невозможность пробиться, унтер-офицеры сняли знамя с древка, завернули полотнище в солдатскую шинель и зарыли его в цинковом ящике, тщательно отметив место. Оба унтер-офицера пробрались лесами в Россию и были произведены в прапорщики. В полку их всегда держали при обозе, дабы с ними ничего не случилось.

В руки немцев попало древко с навершием, лентой и скобой.

8-ая пехотная дивизия.

29-й пех. ЧЕРНИГОВСКИЙ Ген. Фельдм. гр. Дибича-Забалканского полк. Знамя Георгиевское (1900 г.) «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году и за Севастополь в 1854 и 1855 годах.»

23 августа, в бою пол Орлау, знамя подверглось большой опасности. В критический момент боя, полк. Алексеев приказал развернуть знамя и с ним лично повел в штыки знаменную полуроту. Командир полка был ранен, а затем убит и к знамени бросились немцы. Вокруг него закипел жестокий рукопашный бой, но «рука немца не коснулась знамени». Поручик Голубев берет знамя у трижды раненого знаменщика и падает сраженный на смерть. Знамя подхватывает солдат, но и он убит. Тогда раненый знаменщик отрывает полотнище и прячет его на груди. Кто то выламывает Георгиевский крест из навершия. Немцы отбиты, но знаменная группа прибита пулеметами к земле и остается между двумя линиями. Ночью Черниговцы достигают ее и выносят знаменщика и пропитанное его кровью знамя; найден также Георгиевский крест, но древко найти не удалось. Его найдут немцы под трупами убитых. Прибитое к казачьей пике знамя находится при полку. 30 августа, остатки полка окружены. Новый знаменщик вновь срывает знамя с пики и прячет его на груди и с ним попадает в плен. Находясь ночью в сарае, он видит вблизи себя полкового священика о. Соколова и считая что тому легче будет сохранить знамя, просит его взять. В темноте, следя глазами за часовым, знаменщик передает знамя батюшке. На утро, русские сестры милосердия, забинтовывают знамя на теле священика. Немцы объявляют пленным, что они решили освободить одного священика и 20 солдат. Выбор их падает на о. Соколова, который через Швецию возвращается в Россию. 29 сентября о. Соколов представил Государю Императору знамя Черниговського полка. За спасение знамени он награжден золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте.

30-й пех. ПОЛТАВСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1898 г.) «За Севастополь в 1854 и 1855 годах.»

По приказанию полковника Гаврилицы, знамя было снято с древка, разрезано и поделено между офицерами для хранения его в плену. Одна только часть полотнища (угол с двуглавым орлом) была найдена немцами в лагере Виллинген, «в вещах пленного офицера». Возможно, что этот эпизод имеет отношение к случаю, рассказанному полковником Успенским. В одном из лагерей, один солдат, денщик, выдал немцам тайну хранения знамени своим офицером, и немцы это знамя нашли. Возмущенные предательством солдаты, ночью, утопили его в бочке с мочей.

О судьбе других остатков полотнища мы ничего не знаем.

Древко со скобой, но без навершия, было найдено немцами в полковом обозе.

31-й пех. АЛЕКСЕЕВСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1856 г.) «За взятие приступом Варшавы 25 и 26 августа 1931 г. и за Севастополь в 1854 и 1855 годах».

О судьбе знамени комиссия ген. Пантелеева ничего не знала, но ни одна его часть в руки немцев не попала. Еесть указание, что знамя было вынесено подполковником Сухочевским при прорыве 21-го Муромского полка.

32-й пех. КРЕМЕНЧУГСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1906 г.) «За взятие приступом Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. и за Севастополь, в 1854 и 1855 годах».

Знамя было снято с древка и, как видно, зарыто по частям. О его судьбе комиссия ген. Пантелеева ничего не знала. I. апреля 1915 г. немцы отрыли Георгиевский крест, георгиевские ленты и скобу с древка.

XXIII армейский корпус.

3-я гвардейская пехотная дивизия.

л. гв. Кексгольмский полк. Знамя Георгиевское (1910 г.) «За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов, и в особенности 4 января 1878 года.»

Знамя было снято с древка, которое сожжено, а орел зарыт. Полотнище поручено поручику Анучину, который вместе с полковым знаменщиком Васильевым должен был пробраться в

Россию. По пути они нарвались на немцев. Прикрываемый Васильевым, принявшим при том смерть, Анучин смог вернуться к остаткам полка и вместе с ним попал в плен. Командир полка ген. Малиновский, решил большую часть полотнища сжечь, а остатки его дать на хранение офицерам. Остатки эти остались необнаруженными немцами до конца войны. О спасении знамени Государю доложила вдова ген. Самсонова по возвращении ее из Германии. Впоследствии остатки знамени были соединены в Белградском храме. Ни одна часть его в руки немцев не попала.

2-ая пехотная дивизия.

5-й пех. КАЛУЖСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1905 г.) «За взятие Ловчи 22 августа 1877 года.»

Знамя вынесено отрядом капитана Лукьянова. Пробиваясь лесами к границе, Лукьянов встретил штандартный эскадрон 6-го драг. Глуховского полка, который и помог ему добраться до России. Возвращенное в возстановленный полк, оно было передано в 1917 г. русскому посланнику в Румынии, а затем поставлено в Белградский храм.

6-й пех. ЛИБАВСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1903 г.) «За взятие Ловчи 22 августа 1877 года».

Снятое с древка полотнище хранил на груди раненый знаменщик и с ним попал в плен. Находясь на перевязочном пункте, он просил сестру милосердия Генриету Сорокину сохранить его (см. «Быль» № 66). Сестра приняла знамя и с ним, через Швецию, вернулась в Россию. Знамя было возвращено в полк, а сестра Сорокина награждена Георгиевскими крестами 1-й и 2-й степени. Полк ей сделал богатый подарок.

7-й пех. РЕВЕЛЬСКИЙ ген. Тучкова IV полк. Знамя Георгиевское (1878 г.) «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов.»

В бою 26 августа, полк был совершенно разгромлен. «Остались знамя и взвод», как доносил ген. Самсонов. Знамя было вынесено из боя ценой многих жертв. Оно было снято с древка и один офицер взял полотнище на грудь. Остатки полка, пробирались к России, но выйти из окружения им не удалось. Несший полотнище знамени офицер был убит. Через несколько дней, немцы нашли на его теле знамя. Голое древко, без навершия, скобы и лент, тоже попало в их руки.

8-й пех. ЭСТЛЯНДСКИЙ полк. Знамя Георгиевское (1911 г.) «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 гг.»

Полк избежал охвата и вынес полностью свое полковое знамя.

В 1945 г. по занятии Берлина советскими войсками, все хранившиеся в «Цейхгаузе» обломки русских знамен были оттуда изъяты и отправлены в Россию. В Москве они были приняты войсками, отдавшими им воинские почести.

С. Андоленко

Страничка из истории недавнего прошлого

В ноябре 1914 года я был назначен старшим адъютантом разведывательного отделения штаба 10-ой армии. Получив предписание и простившись с товарищами по штабу Северо-Западного фронта, я 7-го ноября выхал из Варшавы и 8-го уже прибыл в Маргграбово, маленький восточно-прусский городок, где в то время находился мой новый штаб.

Представление мое командующему армей генералу Сиверсу и начальнику штаба генералу Одишелидзе было обычной формальностю, генерал же квартимейстер, генерал-майор барон Будберг, подробно ознакомив меня с характером моей будущей работы, между прочим прибавил:

«Да, имейте в виду. На днях к вам прибудет на должность переводчика новый офицер, подполковник Мясоедов. Его рекомендует военный министр, и генерал Рузский (главнокомандующий фронтом) просил нашего начальника штаба устроить его у себя. Так как должность переводчика вакантна, то мы и решили зачислить его к вам».

Сообщение это меня неприятно поразило.

До войны я жил в Петербурге и служил в главном управлении генерального штаба, а потому невольно был в курсе всех слухов и разговоров, создавшихся вокруг нашумевшей минувшей зимой громкой истории, где в качестве главного действующего лица фигурировал Мясоедов. Я знал, что офицер этот, бывший жандармский ротмистр на станции Вержболово, пользовался очень подозрительной и темной репутацией, знал, что одни считаки его чуть ли не шпионом, а другие — не то крупным контрабандистом, не то, просто, жуликом. Мне также было известно, что мой будущий переводчик состоит в каких-то исключительных отношениях с Сухомлиновым и его супругой и что одно время Главному Штабу стоило не малого труда закрыть перед этим любимцем свои двери, проникнув в которые он намеревался, ни более, ни менее, как устроить в управлении Дежурного Генерала особое бюро офицерского сыска, долженствовавшего собирать сведения о политической благонадежности каждого из нас.

На этих ролях Мясоедов должен был выступить уже по своей жандармской специальности, развив в полной мере не только слежку, но вероятно, и провокацию. К чести Главного Штаба проект этот провалился при свем возникновении, но все же не без некоторой борьбы, едва ли не с самим Сухомлиновым.

Ясно, что при наличии всех этих сведений, перспектива иметь Мясоедова своим помощником, да еще в ответственном деле разведки, мне далеко не увыбалась, но так как факт уже совершился, то я мог только передать все, что я знал генерал-квартирмейстеру и просить его, если возможно, избавить меня от такого сотрудника, за которым мне же пришлось установить наблюдение.

К удивлению моему, генерал Будберг, служивший до войны на Дальнем Востоке, совершенно не был посвящен в то, что так одно время волновало Петербург, и подробости, мною сообщенные, для него были совершенной новостью и огорчившей и поразившей его.

— Что же мы с вами будем делать? — сказал он мне.

— Назначение уже сестоялось. Просили за него Военный министр и Главнокомандующий фронтом. Если бы начальник штаба знал то, что вы говорите, он, наверное, протестовал бы, а то ведь и он был также неосведомлен, как и я. Из положения надо выйти и выход придумайте вы. Одно имейте в виду, что после всего, вами доложенного, я категорически приказываю устроить так, чтобы он, служа у вас, ни одной минути не оставался в штабе и совершенно не был в курсе наших штабных дел».

На этом разговор наш кончился.

Мне, хотя и предстояло решать трудную задачу, требование генерал-квартирмейстера было, конечно, понятно. Кто бы ни был Мясоедов, но раз существовала хотъ тень подозрения относительно его особы, в пределах штаба держать его было невозможно, да и к разведке следовало допускать с большой осторожностью.

Между тем время приезда Мясоедова приближалось. Его ждали числа 10-го ноября, тоесть, дня через два, задача же моя усложнялась еще тем, что я сам был новым человеком, присматривался и изучал обстановку, а посвящать в свои планы и предположения кого-нибудь из помощников, мне без надобности пока не хотелось.

Раздумывать, однако, долго не приходилось и я решил поручить Мясоедову самостоятельную разведку в таком глухом углу фронта, которым немцы не интересовались и о котором он, даже при желании, не мог бы сообщить чтолибо серьезное. Такое поручение сопряжено было с немедленным отъездом его к месту назначения, и, следовательно,тем самым исполнялось основное требование генера-квартирмейстера: Мясоедов из штаба удалялся. Оставалось обдумать условия, ограничивающия его передвижения по фронту, и, посвятив в дело подчиненного мне начальника контр-разведки, жандармского ротмистра Т., приказать ему приставить к Мясоедову своих агентов.

План мой был, в общем, одобрен генералквартирмейстером. Когда, кажется, 11 ноября, прибыл Мясоедов, то я сейчас же отправил его в район Иоханисбурга, приказав находиться при начальнике нашего отряда (кажется, силою около полка или бригады пехоты) и без моего разрешения никуда не переезжать. На мое счастье, из разговоров с Мясоедовым выяснилось, что еще служа в Вержболове, он завел много знакомств среди русских старообрядцев, выселившихся в Восточную Пруссию, но сохранивших свою религию и национальность. Такие люди нам могли быть полезны. Одно из таких семейств жило в мирное время в районе, куда я его посылал. Я ухватился за это и приказал Мясоедову заняться розыском этой семьи и завязать с ней сношения.

Поручение подозрений не возбуждало и Мясоедов благополучно уехал, сопровождаемый своими невидимыми спутниками.

В Иоханисбурге он пробыл около месяца. Донесения его были шаблонны и ничего особенного не представляли. Старообрядцев он не нашел и никаких полезных связей не завязал. Сообщая об этом, он неоднократно просился приехать в штаб для личного доклада. Просьбы эти я всегда отклонял, под различными благовидными предлогами откладывая в долгий ящик приезд его в Маргграбово.

Агенты тоже ничего существенного не доносили. Сообщали, что Мясоедов занимается охотой в тылу и, между прочим, что он отвинтил и

присвоил себе находящуюся на стене городского магистрата историческую мраморную доску, сооруженную в память посещения Иоханисбурга, кажется, Императором Александром 1-ым.

Время, однако, шло. Дальнейшее пребывание Мясоедова в прежнем районе становилось до очевидности бесполезным и могло возбудить в нем подозрение, а потому, в конце концов, я решился воспользоваться его очередной просьбой о личном докладе и разрешил приехать в штаб на один-два дня.

Этой неприятности избежать было трудно. Однако, чтобы обеспечить себя от его излишнего любопитства, одних филеров было не достаточно и я должен был поручить Мясоедова особенному вниманию ротмистра Т., как начальника моей контр-разведки.

— Завтра приедет сюда подполковник Мясоедов. Сделайте так, чтобы он остановился у вас и ни на минуту не выпускайте его из виду. Пусть он и обедает и ужинает с вами. Когда он уедет, доложите мне, что он здесь делал, — сказал я Т.

— Слушаюсь, господин полковник! Будет исполнено!

На следующий день Мясоедов приехал и остановился у Т. Доклад его сводился к бесполезности работы в Иоханисбургском районе и к просьбе командировать его в Вержболово, где он надеялся найти тех же старообрядцев. Тогда же он предложил мне, с целью разведки, войти в сношение с одним из его знакомым, немцем-фабрикантом, высланным из Риги, кажется, в Пермь. Первую просьбу я разрешил. Вержболово был в тылу наших позиций и при наличии наблюдения, которое, конечно, продолжалось, он был бы и там безвреден. Вопрос о сношении с немцем-фабрикантом, я пока оставил открытым.

Пробыв в штабе не более суток, Мясоедов отправился к новому месту командирования, а мой ротмистр доложил мне, что во время пребывания в Марграбове в поведении Мясоедова ничего существенного замечено не было. Он почти никуда не ходил и особенного интереса к тому, что делается в штабе, не проявлял.

— Я, господин полковник, сошелся с ним потоварищески, докладывал Т., осмотрел все его чемоданы подобранным ключем и в них ничего подозрительного не обнаружил.

Это было сказано с таким увлечением и «товарищеские отношения» так непосредственно звучали перед «подобранными ключами и чемоданами», что я невольно не удержался от улыбки и заметил Т., что если он всегда так поступает с товарищами, то я не хотел бы принадлежать к числу их.

Т. на шутку не обиделся и продолжал доклад, сообщив, что Мясоедов, уезжая от него, вывинтил и увез с собой бой стенных часов, принадлежащих немцу-хозяину квартиры, бежавшему, кажется, из Марграбова. Часы эти особенно прельстили его тоном своего боя. Он не раз восхищался ими и, в конце концов, не удержался, чтобы не присвоить. Операцию с часами, так же, как и осмотр чемоданов, оба приятеля произвели, конечно,тайно друг от друга.

Пребывание Мясоедова в Вержболове тоже ничем особенным отмечено не было. Старообрядцы и там не оказались, а в своих донесениях с целью разыскать их он, на этот раз, уже просился съездить в Двинск.

Я отвечал уклончиво и предложил ему пока оставаться на месте.

Приближалась середина января 15 года. Наше долгое пассивное стояние в Восточной Пруссии, как и следовало ожидать, кончилось переходом в наступление немцев. Положение, после того как они отбросили наш правофланговый корпус генерала Епанчина к Ковно, зделалось угрожающим. Мы стремились сосредоточить наши резервы на левом фланге, в районе Лыка, где 3-ий Сибирский корпус уже несколько дней вел упорные бои, а немцы тем временем обходили нас все глубже и глубже справа. Штаб армии принужден был спешно отходить из Марграбова, сначала на Сувалки, потом-на Августов и, наконец, на Гродно. От сувалок к Августову тянулись 26-ой и 20-ый корпуса, причем 20-ый, в момент нахождения штаба армии в Сувалках, вел уже бой на окраине города. На следующий день немецкая конница заскочила так далеко в тыл, что в то время, как штаб армии находился в Августове, квартирьеры его в Сопоцкине (несколько западнее Гродно) были захвачены в плен немецкими разъездами. Такой же участи могли подвергнуться и мы, во главе с нашим командующим. Обстановка была крайне тяжелая. Дела-по горло. Совершая отступительный марш, надо было зорко следить за всем, что делается у немцев, улавливать их маневр, учитывать перегруппировку. Для работы положительно не хватало суток, а тут еще и дело Мясоедова совершенно неожиданно осложнилось.

За несколько дней до отхода штаба из Марграбова (даты не помню), из штаба фронта на имя командующего армией, в архи-секретном порядке, со специальным курьером, прибыло письмо от главнокомандующего генерала Рузского, в котором он сообщал, что служащий у нас в штабе 10-ой армии подполковник Мясоедов давно уже работает в пользу немцев. Как на главную улику указывалось, что один из наших офицеров, освобожденный немцами из плена, под условием работать в качестве шпиона (это немцы практиковали часто), явился по начальству, доложил об обстоятельствах своего освобождения и заявил, что при отправлении

немцы дали ему инструкцию, в которой упоминалось что по делам разведки ему надлежит сноситься с подполковником Мясоедовым, бывшим адъютантом военного министра, который уже давно состоит их агентом и может дать ему ценные руководящие указания.

Главнокомандующий приказывал немедленно донести, на каких ролях подвизается у нас Мясоедов, и не замечено ли что-либо предосудительного в его поведении. Впредь нам предписывалось для устранения всякой возможности развить Мясоедову свою преступную деятельность, отправить его куда-нибудь в командировку в глубокий тыл, под надежным наблюдением и притом так, чтобы он не знал, что за ним следят.

Письмо это было прочитано генералом Сиверсом в присутствии начальника штаба, которым был тогда уже генерал-маиор барон Будберг, генерал-квартирмейстера полковника Шокорова и моем. На вопрос командующего армией, что мы думаем предпринять, и начальник штаба и генерал-квартирмейстер и я заявили, что Мясоедов, вследствие таких-то и таких-то причин, с первого же дня своего пребывания, находится у нас особом положении, что поручения ему давались лишь фиктивные и что наблюдение за ним тоже давно установлено. При этом я добавил, что для отправления Мясоедова в дальнюю командировку я мог бы, не возбуждая никаких подозрений, использовать его же желание и послать его в Пермь к тому самому немцу-фабриканту, о котором я говорил уже выше.

Командующий армией одобрил наши действия и, согласившись на мое предложение, приказал составить ответ в штаб фронта, а Мясоедова немедленно вызвать и отправить, не задерживая, по новому назначению.

Все так и было исполнено. Но не успел курьер отвезти ответного письма а моя телеграмма о вызове Мясоедова дойти до него, как, кажется, на следующий же день командующий армией получил, уже шифрованной телеграммой, приказ: Мясоедова далеко не отправлять, а дать ему поручение в ближайшем тылу, придав в качестве помощника присылаемого для этой цели из штаба фронта особо опытного филера.

Времени после первых распоряжений прошло так мало, что новое приказание можно было исполнить в точности. Не представляло затруднений подсунуть Мясоедову и помощника, так как такового и личный автомобиль он просил у меня чуть ли не с первого дня. Автомобиль, конечно, дать ему было нельзя, а что касается помощника, то просьба его являлась как нельза кстати. В телеграмме с вызовом я ему не упомянул о предстоящей командировке, а потому и здесь Пермь свободно и легко можно было заменить гор. Ковно, то-есть пунктом, который был указан самим штабом фронта, если даже не Ставкой Верховного, которая к этому времени тоже стала интересоваться этим делом. Вопрос осложнялся все грознее и грознее. Мясоедов прибыл в Маргграбово в день нашего отступления. Дела было так много, что о фиктивной передаче ему района Ковенской разведки, нечего было и думать. Бросить его в Восточной Пруссии тоже было нельзя. Необходимо, следовательно, везти его в Сувалки вместе со штабом и притом так, что если он о чем-нибудь догадается, то не мог бы удрать.

Самую передачу района разведки надо было обставить возможно естественнее. Там у меня работал особый офицер. Нужно было его вызвать, надо было дождаться и «помощника». На все это требовалось время и притом, хоть немного, свободное, а тут, как на грех, немцы, что называется-не давали нам вздохнуть и напирали не только на Маргграбово, откуда мы ушли, но и на Сувалки, куда мы пришли. Было действительно тяжело, но я тем не менее решил все-таки всю процедуру передачи разыграть в Сувалках, так как не было гарантий, что дальше не будет хуже, да и к тому же все, кого я ждал, прибыли.

И вот утром, после 3-ей или 4-ой бессонной ночи, в здании Сувалкского окружного суда, где остановился штаб, я, наконец, мог принять Мясоедова и заняться с ним. Все прошло гладко. Он ничего не подозревал, познакомился со своим «помощником», получил задачу, принял район и успел выехать из города, к которому с севера уже подходили немцы.

До прибытия в Гродно я связь с Мясоедовым потерял. Это обстоятельство не особенно беспокоило меня, так как при нем находился «помощник» и, кроме того, он был поручен опытному подполковнику Ш., начальнику крепостной жандармской команды.

(Окончание следует)

Ю. Плющевский-Плющик

ОТ РЕДАКЦИИ

В полковой заметке лейб-гвардии Конно-гренадерского полка о Каушене приведена дата боя 9 августа. Это опечатка, как всем известно, бой этот был 19 августа.

. . . .

В заметке В. Терентьева о Василии Рябове год перенесения останков не 1906 а 1909. В той-же заметке 54 резервная бригада развернулась в 54 дивизию и, кроме того, выделила небольшие кадры 71 пехот. дивизии. Обе эти дивизии составили у Сибирский арм. корпус.

Кто может разъяснить что представляет из себя следующее кольцо? Перстень с маленьким портр. Суворова. Внутри надпись «№ 15»

Покорная просьба сообщить в Редакцию.

. . . .

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В преддверии наступающего Нового Года, неизвестно что нам приносящего, мы с братом шлем Вам лично и членам Редакции нашего родного военного журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» искренние пожелания здоровья для всех и успеха в ведении этого большого русского дела.

Ваша настойчива работа в условиях полного отсутствия поддержки со стороны и отсутствия «меценатов», заслуживает самого искреннего уважения и да пошлет Господь Бог Вам и Вашим сотрудникам сил еще на долгие годы.

Также примите поздравления с наступающим нашим Православным Рождеством.

Искренне Ваши, обнимающие Вас

Братья-Орловцы **Борис** и **Георгий Кузнецовы**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ищу рисунки или фотографии следующих знаков: Железнодорожая Офицерская Школа, 2) Фотографическая Офицерская Школа, 3)Техническая Школа Артиллерийского Ведомства, 4) Топографическое военное училище. Хотел бы знать был ли знак у у Ташкентского военного училища?

С. Андоленко

В моем письме в редакцию, помещенном в № 64 журнала, я спросил откликнуться лиц, имеющих сведение о «Скобелевском Комитете». В виду того что никто не отозвался, считаю своим долгом поделиться полученными мною сведениями, кои найдены мною на страницах Адрес-Календаря «ВЕСЬ ПЕТЕРБУРГ» за 1913 год.

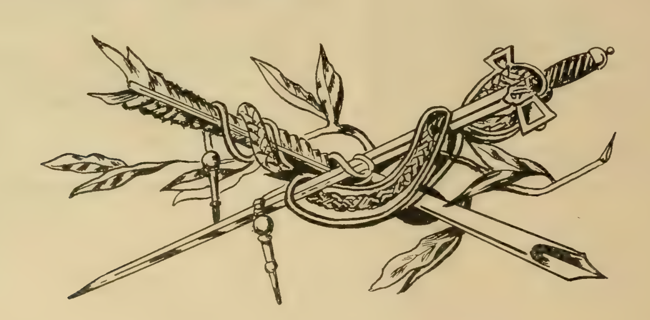
Скобелевский Комитет для выдачи пособий, потерявшим на войне способность к труду, воинам. Председатель Княгиня Н. Д. Белосельская-Белозерская, товарищ председателя ген. лейт. Д. Г. Щербачев. Адрес — Суворовский проспект 32/б.

В. Хороманский

ПОПРАВКА К ПОПРАВКЕ

К поправке г. Рацевича-Плотникова должен прибавить что Сибирский кадетский корпус никогда не имел синей фуражки. Вероятно автор смешал с Донским Императора Александра III корпусом, который имел фуражку — синюю. Когда Сибирский корпус при Императоре Николае I имел эскадрон, носивший казачью форму, то и этот эскадрон, как и Сибирское казачье войско, носили мундир и фуражку — темнозеленые.

В. Звегинцов

Le Directeur: M. A. Guering.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

Принимается подписка на 1965 год на военно-национальную газету

«ВЕСТНИК»

Издание Совета Обще-Кадетских Объединений за рубежом, под редакцией
А. А. ГЕРИНГА

Пятнадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16, а также у всех представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА» в провинции и заграницей.

Подписная цена с пересылкой на год — 10 фр., в странах заокеанских — 3 дол.

Почтовый счет: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вел. Кн. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — Сон Юности — 15 фр.

М. СВЕЧИН—Записки старого генерала — 12 фр.

А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза — 20 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Богатыри поснулись т. 1 — 15 фр.

Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзях — 15 фр.

Г. А. ГОШТОВТ — Кирасиры Его Вел. тома 2 и 3 вместе — 20 фр.

Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.

А. П. БОГАЕВСКИЙ — Воспоминаия 12 фр.

В. И. ШАЙДИЦКИЙ — На службе Отечеству — 30 фр.

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

№ 159 МАРТ 1965 года

Ив. Шмелев, М. Каратеев, Ирина Астрау, Н. Ульянов, П. Л. Барк, А. В. Тыркова-Виллиямс, князь М. Шаховской, Н. Арсеньев, Н. Станюкович, О. Можайская, Л. Доминик, П. Е. Стогов, П. Борисов, Я. Н. Горбов, князь С. Оболенский.

Открыта подписка на 1965 год. На год — 55 фр., на шесть мес. — 30 фр., отд. номер — 5 фр. 50 с.

Подписка и продажа:

VOZROJDENIE (La Renaissance), 73, Avenue des Champs-Elysées, Paris 8me—France C. C. Postaux: Paris 781-81.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.);
в Тихомирова, 4, Northcote Terrasse, Gilberton, S. Australia.

Венецуэла — Liberia Eslava, Calle Guayalquil № 16. Caracas, Venezuela.

Аргентина — у Г. Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

№ 73
Апрель 1965 год

ГОД ИЗДАНИЯ 14-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с №70 по 75 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *6l, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

14-й год издания | № 73 АПРЕЛЬ 1965 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50

Мои воспоминания о первых днях революции

Пишу свои воспоминания о первых днях революции, как вклад в историю моего родного лейб-гвардии Петроградского полка, в котором служили: мой отец, я и два брата Михаил и Дмитрий, из которых первый, то-есть Михаил, отдал свою жизнь Царю и Родине, будучи смертельно ранен в войну 1914-17 г.г.

Не вдаваясь в подробности, а лишь излагая факты, я не берусь искать или судить виновных в трагических событиях, повергших нашу родину в пучину крови и слез, скажу лишь одно: вина лежит на всех нас, русских людях, в частности и на нас военных, помнивших свои права и забывших свои обязанности начальника, строгого, справедливого и решительного. Бесспорно, бóльшая вина в происшедшей катастрофе должна быть отнесена на долю высшего начальства, не понимавшего обстановки, потерявшего связь с подчиненными ему частями еще в начале выхода бунтующих рабочих на улицу и, наконец, совершенно неверно расчитывавшего на Петроградский гарнизон, якобы могущий подавить восстание, если оно произойдет.

Не меньшая вина и на младшем командном составе, которому была поручена охрана столицы. Он слишком легкомысленно отнесся к грянувшим грозным событиям, не проявил достаточно упорства и решимости, которые увлекли бы за собою рядовой состав воинской силы, а наоборот, часто без сопротивления, плелся он в хвосте восставшей массы, спешившей в Государственную Думу, чтобы доказать свою приверженность новой власти. Правда, трудно младшему начальнику самостоятельно решать и выбирать план действий, если своевременно он не получил директив старшего начальника, этот-же последний, часто, чтобы сложить с себя ответственность, давал распоряжения лишь неясными двусмысленными фразами, которые, в сущности, ничего определенного не говорили. В таком случае, младший начальник должен руководствоваться своим разумом и присягой, которую он давал перед Крестом и Евангелием и своим полковым знаменем.

Напрасны ссылки на освобождение от присяги, данной Государю. Отречение Императора от Престола было вынужденным и он отрекся уже тогда, когда у него не осталось верных частей, то-есть когда присяга уже была нарушена.

Наконец, отсутствие единого командования войсками Петроградского гарнизона, непредвиденная потеря телефонной связи, преступное легкомыслие в комплектовании запасных частей гвардии штрафными рабочими и распропагандированными запасными старшего возраста поставили младших начальников в безвыходное положение и лишили их возможности действовать по своему усмотрению из боязни нарушить общий план охранного положения, имевшийся в Штабе войск Петроградского Военного Округа.

Нельзя, огульно, обвинять рядовой состав в отсутствии дисциплины и неповиновении начальству. Случаи, когда солдаты беспрекословно подчинялись приказанию начальника бывали часто, если у этого последнего хватало решимости, доходившей до самопожертвования.

Примеров этому было достаточно, но были и примеры обратного характера. Застрели один из младших офицеров роты убийцу своего ротного командира — можно сказать почти с уверенностью, что порядок был бы восстановлен и рота пошла бы выполнять данный ей приказ Этого сделано не было.

Да простит мне читатель неточность в числах, неправильности в названиях и фамилиях. Писал я спустя 36 лет после событий, полагаясь

исключительно на свою память, которая по сю пору хранит в себе факты, достойные записи.

ЖИЗНЬ ЗАПАСНОГО ПОЛКА.

В начале февраля месяца, после повторного лечения в Крыму (последствия ранения в грудь), я приехал в Петроград и явился в Запасный полк. Полк расположен был в зимних квартирах лейб-гвардии Измайловского полка, по Измайловскому проспекту. Явившись по начальству, я был назначен младшим офицером в 1-ю роту, которой командовал Евгений Степанович Кобылинский, впоследствии назначенный Временным Правительством комендантом Александровского дворца, в Царском Селе, где находилась арестованная Царская Семья.

Полковник Кобылинский был любим офицерами и солдатами полка, среди которых он пользовался большим авторитетом. Будучи комендантом дворца, своим тактом и доброжелательностью, он сумел скрасить тяжелые дни находившейся там Царской Семьи.

Придя в мою роту, я был поражен ее численностью и расположением и многочисленностью солдат. Помещение, предназначавшееся для двух рот состава мирного времени, было наполнено тысячею запасных солдат, разных возрастов и губерний, помещавшихся на двухярусных нарах, с узким проходом вдоль окон. Много труда доставляло командиру роты проверить число людей, выходящих на занятия и поверку, так как желающий скрыться от глаз начальства, мог это свободно сделать, забравшись на второй ярус нар и притворившись спящим, будто бы вернувшимся из караула или наряда.

Тяжелый, сырой воздух от такого скопления людей и вымоченных под дождем шинелей спирал дыхание и заставлял держать все окна открытыми, несмотря на уличный холод. Наблюдение за запасными, в свободное от службы время, было совершенно невозможно. Любой агитатор мог свободно проникнуть в помещение роты и был желанным гостем усталых от войны запасных. Мне совершенно неизвестно, было ли в казармах организовано жандармами и полицейской властью наблюдение за политической благонадежностью запасных — думаю, что нет, ибо, полиция в казарму не допускалась.

При поверхностном взгляде на роту, в которую я был назначен, казалось, все было благополучно, служба велась правильно, занятия шли усиленным темпом и признаков, указывающих на недовольство, — не было. Занятия обыкновенно велись или во дворе казарм или на прилегающих к ним улицах.

Наружный вид строя роты никак не напоминал собою строя гвардейских солдат, а разношерстная обмундировка с защитными погонами и брезентовыми сапогами дополняла собою безрадостную картину бедности и запущенности. Единственные, кто выделялся из этой, так сказать, вооруженной толпы — это обучавшие их унтер-офицеры, уже побывавшие в боях, раненые и вернувшиеся, после излечения, в свою запасную часть. Их опрятный, строевой вид, видимая гордость своим полком, знание службы резко выделяли их из общего строя запасных. Им приходилось приложить много труда и усилий, чтобы, в короткий срок сделать из своих питомцев воинов, готовых для укомплектования маршевых рот.

. . . .

С чувством глубокого уважения, гордости и благодарности, я посвящаю несколько строк своих воспоминаний унтер-офицерскому составу своего родного полка и, в молитвенном благоговении, преклоняюсь перед геройской смертью многих из них, беспрекословно исполнявших боевой приказ, подчас невыполнимый. Вечная им память...

Под Куравицами Казенными, где я командовал 13-й ротой, было получено приказание штаба полка — выслать по одному отделению от роты, находившейся в окопах, для форсирования речки и продвижения перебежками к расположению противника, который, в это время, окапывался. Во исполнение этого приказания, мною было выделено отделение млад. унтер-офицера Шаповаленко, силою в 8 человек Начинало темнеть, и нам, находившимся под склоном холма, занятого неприятелем, на едва освещенном горизонте были видны одиночные немцы, рывшие окопы и редкими выстрелами дававшие знать о своем там присутствии. Артиллерия противника обстреливала наши окопы, давая точные попадания. В окопы соседней с моей ротой Запольского-Довнара попал один снаряд, сразу похоронивший шесть человек. Перейдя в брод речку, отделение рассыпалось в цепь и приготовилось для перебежки по одному. До противника было не более 600 шагов. Какая цель преследовалась штабом, выславшим людей на верную смерть, мне тогда было неизвестно, только поздней ночью, когда был дан приказ об отходе всего полка на новые позиции, я понял, что это был маневр, чтобы ввести противника в заблуждение. Маневр этот нам дорого стоил. Из окопа мне был виден каждый стрелок и их отделенный командир Шаповаленко. Заметив движение с нашей стороны, неприятель открыл огонь по перебегающим людям. Было отчетливо видно как пробежавший несколько шагов стрелок падал, сраженный вражеской пулей. Но это не смущало остальных и их отделенного командира, несмот-

ря на то, что неприятель метко бил на поражение, отделение со своим начальником унтер-офицером Шаповаленко, выполнило боевой приказ, смертью запечатлев свой подвиг.

Будучи ранен во время ночной атаки под Равкой, я остался лежать шагах в 30-40 от неприятельского окопа. Немцы продолжали стрелять по мне, пробив ремни походного снаряжения фуражку и шинель но темнота ночи мешала точности их попадания. Потеряв сознание от большой потери крови, я очнулся лишь после перевязки, сделанной мне в окопе. Я лежал в окопе, наполненом ранеными и убитыми Кексгольмцами, чьи потерянные окопы моя 13-я рота должна была вернуть. Каким образом я туда попал, я узнал только на главном перевязочном пункте. Оказывается, несмотря на сильный ружейный огонь немцев, рота не захотела оставить своего ротного командира без помощи, для чего пожертвовала шестью своими рядовыми, в том числе моим связным Гарайчуком, которые ползком втащили меня в окоп. Все эти герои были награждены посмертно Георгиевскими крестами.

Глубоко врезался мне в память, в первые дни войны, образ стройного красивого унтер-офицера Марченко. Я не забуду тот момент, когда мы вступили на неприятельскую землю в районе Сольдау. Марченко выбежал из строя нашей двигающейся колонны, сломал пограничный столб с германским орлом, хлопнулся задним местом о землю и вскричал: «Ну это теперь русская земля!» Возгласы одобрения и смех послышались из колонны, вернув уверенность в победе, которая была поколеблена гибелью армии Самсонова.

Можно перечислить много случаев правильного понимания унтер-офицерским составом полка основ военной службы и без преувеличения сказать, что он был цементом, на котором держалась рота, часто менявшая своих командиров из-за их ранения.

. . . .

Вот таким унтер-офицерам было поручено воспитание и строевое обучение запасных, многие из которых никогда не держали в руках винтовки, оторванных от семьи, от земли, от фабричного станка, который они так же ненавидели, как и военную службу. Особенно вредным элементом среди запасных были штрафные рабочие, которых за саботаж и разные проступки на фабрике посылали в наказание на фронт, предварительно обучив их, в запасных частях, боевой службе. Соприкасаясь с восприимчивым элементом запасных, усталых от войны, они развращали его, доказывая, что его враг не немец а русский буржуй и его приспешник — офицер. Что мог сделать ближайший начальник и как уследить за политической благонадежностью тысячи запасных? Каким образом могли ему помочь унтер-офицеры, которых запасные так-же сторонились, как и офицеров, видя в них начальство, могущее их наказать. В запасной роте ротный командир был поглощен ротной канцелярией, денежной и вещевой отчетностью и не мог уделить достаточно времени для воспитания роты, которая, в политическом отношении, была предоставлена самой себе, а также революционной пропаганде. Помощь ротному командиру со стороны младших офицеров также часто была невозможна, потому что на тех возлагалось несение караульной службы, участие в разных комиссиях и прочая мелочь, в результате всего этого они только и мечтали возможно скорее отправиться в действующую армию.

В офицерской среде, в частных домах и в собрании, я никогда не слыхал разговоров, из которых можно было-бы вывести заключение, что существуют опасения надвигающихся грозных событий, что ожидаются беспорядки и что у солдат растет к ним вражда и недоверие. Даже такой факт, как убийство Распутина, не вызвал среди офицеров полка большого внимания и ему не придавали никакого значения. Казалось, наоборот, вера в нашу победу крепла и мысль о революции не приходила в голову. Полковая офицерская среда, несмотря на большую убыль убитыми и пополнение молодыми прапорщиками была сплочена и авторитет старшего в ней строго соблюдался.

Одним словом, несмотря на некоторые наружные недостатки, казалось, что запасный полк представляет собой боевую силу, могущую быть предназначенной для несения гарнизонной и боевой службы. Насколько я помню, гвардейские запасные полки не были сведены в дивизии и бригады, а управлялись штабом запасных полков, во главе которого сперва находился генерал Чебыкин, а затем полковник лейб-гвардии Преображенского полка Павличенко. Штаб запасных частей находился на Васильевском острове.

Жизнь в Петрограде текла обычным порядком, и только тревожные вести о наших больших потерях на фронте нарушали кажущееся благополучие.

В ПРЕДДВЕРИИ БУНТА.

В середине февраля я получил из штаба полка приказание — взять полуроту Учебной команды и два пулемета и идти на охрану завода Динамо, где, по сведениям Штаба войск, начались среди рабочих саботаж и беспорядки. Придя в Учебную команду и собрав людей, я объяснил им задачу и повел их на вышеуказанный завод, находившийся в районе Нарв-

ской заставы. Прибыв на место назначения, я оставил людей в боевой готовности, сам же отправился осматривать расположение завода. Ничто не указывало на признаки бывших беспорядков и начинающихся волнений, о которых я получил сведения в штабе. Завод работал полным ходом, изготовляя трубки для артиллерийских снарядов. Инженеры, чертежники и сам директор завода деловито сновали по цехам, давая свои указания. Мне ничего не оставалось делать, как распустить своих людей для отдыха, а самому отправиться в директорский кабинет для доклада по телефону в штаб полка о найденном полном порядке и спокойствии.

Сам завод был окружен высоким деревянным забором, имевшим двое ворот для одновременного впуска и выпуска рабочих смен. Наружная охрана завода была поручена казачьему разъезду, который иногда внезапно появлялся у стен завода, но так же быстро исчезал, не подавая о себе никаких признаков жизни.

Рабочие часы дневной смены рабочих приходили к концу и, в скором времени, ожидалось прибытие ночной смены для безостановочной работы завода.

Из кабинета директора я был вызван взволнованным унтер-офицером, который доложил мне, что в Инструментальном цехе рабочие портят токарные станки, вставляя в зубчатки стальные пластинки, которые вызывают поломку зубьев, сопровождающуюся страшным визгом и снопом искр.

Быстро вбежав в цех и убедившись в правильности доклада моего унтер-офицера, я закричал на рабочих, пристыдил их и пригрозил употреблением оружия, если такие безобразия повторятся. В ответ на мои угрозы со стороны рабочих раздался свист и брань, сопровождавшаяся лязгом железа. Инструментальный цех представлял собою громадную мастерскую, где, кроме станков, находились приводные ремни, получавшие движение от колес, прикрепленных к потолку, куда вела железная лестница. Когда свист и крики прекратились, я услыхал голос стоявшего наверху у приводных ремней рабочего, призывавший токарей к неповиновению и насилию над «опричниками».

Чтобы прекратить это безобразие, я вызвал один взвод в цех, сам же подошел с револьвером к лестнице, где находился агитатор, и приказал ему спуститься вниз, что тот и исполнил. Как только он спустился вниз, я ударил его рукояткой револьвера по голове. Крики возобновились, но в них уже не звучали слова угроз а наоборот, — жалобы и обиды.

Расставив вызванный мною взвод вдоль стены мастерской и подав команду «зарядить винтовки», я объявил рабочим, что — еще одна поломка станков и я открываю по ним огонь, за происшедшую-же сейчас демонстрацию, я оставляю рабочих без смены и запрещаю отходить от станков. Моя угроза произвела магическое действие. Сразу же все успокоилось, слышались лишь приглушенные разговоры соседей по станкам и жалобы на, якобы незаконные, мои действия.

Начало темнеть. На заводе и прилегающих к нему улицах зажглись фонари. Снаружи завода, к его входным воротам, постепенно подходила ночная смена рабочих, образуя внушительную толпу, ожидавшую открытия ворот. Не желая допустить одновременного скопления рабочих двух смен у завода и могущего начаться обсуждения ими событий, происшедших на заводе, я приказал входных ворот не открывать, а прибывшим рабочим предложил разойтись по домам и придти к утренней смене. Сперва среди толпы послышался протест , но, когда в толпе узнали, что на заводе находится воинская часть, протесты умолкли и толпа стала расходиться по домам. Когда казачий разъезд, обязанность которого была находиться у ворот во время смены рабочих, доложил мне, что все рабочие разошлись и в окрестностях завода не обнаружено ни одного рабочего, я разрешил, наказанной мною смене, покинуть завод.

По уходе последнего рабочего с территории завода, сделав своей команде расчет для отдыха и выставив на заводе охрану, я отправился в директорский кабинет и крепко уснул на кожаном диване.

Разбудил меня часов в 8 утра телефонный звонок из штаба полка, которым мне приказывалось вернуть людей в казарму, а самому отправиться в штаб запасных частей и явиться его начальнику полковнику Павличенко. Не делая никаких предположений и не боясь ответственности за мои поступки, я отвел команду в казармы и поехал в штаб запасных частей.

Не помню ни слов, ни обращения полковника Павличенко, помню только, что мне делался выговор за грубое обращение с рабочими, за рукоприкладство и самовольное нарушение расписания смен рабочих на заводе Динамо. Очевидно, директор завода сообщил о происшествии уже в своем собственом освещении.

Ни слов оправданий, ни извинений, полковник Павличенко от меня не услыхал. Да их и не могло быть. Как мог иначе поступить офицер, бывший на фронте, видевший все ужасы войны, знавший о недостатке вооружения и снарядов у защитников родины, дни и ночи проводящих в сырых и грязных окопах, в то время как хорошо оплачиваемые, живущие в условиях мирного ремени, рабочие бунтуют и саботируют военную промышленность. Возможно, что забыл полковник Павличенко устав гарнизонной службы, где ясно сказано, что вызов воинской силы есть крайнее средство для

подавления безпорядка, но если воинская сила вызвана — здесь нет места уговариванию, есть только принятие мер пресечения и наказание.

Отмечу, как курьез, в приказе генерала Хабалова, начальника войск охраны Петрограда, мои действия на заводе Динамо ставились как пример решительности и инициативы, так как по агентурным сведениям полиции, дневная и ночная смены рабочих должны были соединиться в одну группу для уличной манифестации, шествия по улицам столицы. Этот план случайно провалился, благодаря принятым мною мерам.

БУНТ.

В конце февраля по городу стали носиться слухи, что, на почве недостатка продовольствия, предполагается забастовка на фабриках и выход рабочих на улицу.

Для предупреждения этого и как мера противодействия, Штабом войск Петроградского военного округа был выработан план охраны столицы, с разделением города на участки, которые, по тревоге, должны были быть заняты различными частями войск, находящихся в столице, с названием частей и указанием границ участков.

Нашему запасному полку, после выделения из него нескольких офицерских караулов (помню — Червинкин у Зимнего дворца), был предназначен участок заводов Нарвской заставы, Вагоностроительный завод и Трамвайный парк. Мне, как уже знавшему район Нарвской заставы, приказано было занять Вагоностроительный завод, Динамо и примыкающие к ним улицы. Сила отряда, которым я должен был командовать, была приблизительно в 200 человек запасных при 4-х офицерах и одного взвода Учебной команды. Запасных чинов я совершенно не знал, так как только числился в 1-ой запасной роте, постоянно занимая в запасном полку другие должности по строевой части.

25 февраля была объявлена тревога и воинские части пошли занимать предназначенные им участки и караулы. Прибыв со своим отрядом на указанное мне место и расположив людей для отдыха, я со своими офицерами шт.-кап. Беляковым, поруч. Монигетти, подпор. Клостерман и еще одним, фамилию которого забыл, обошел вверенный мне район и наметил пункты обороны в случае нападения толпы. Первый день прошел спокойно, и ничто не предвещало никаких сюрпризов.

Приблизительно в километре впереди моего участка, ближе к городу, находился участок полковника Кобылинского, занимавшего своим отрядом территорию бастовавшего Трамвайного парка. Левее меня, от Балтийского вокзала до взморья, несли охрану лейб-егеря. Кто был правее меня установить не удалось. Я только знал, что там находится Путиловский завод с его двадцатью тысячами рабочих. От Нарвских ворот вело в город прямое, как стрела, шоссе, начинающееся у Пулковской обсерватории и носящее название «Пулковский Меридиан».

Проверив все принятые меры предосторожности, я расположился в том же директорском кабинете завода Динамо (бастовавшего в тот день), равлекая себя разговорами по телефону с моими петроградскими знакомыми и с полковником Кобылинским, который, согласно плану охраны, являлся моим прямым начальником.

Зимний день подходил к концу. Тьма как-то сразу спустилась над городом, придав ему таинственный, тревожный колорит. Крепко взятый в тиски воинской силой, казалось, Петроград не посмеет стать мятежным городом и не омрачит кровавыми страницами свою двухсотлетнюю славную историю.

Но вот раздались первые выстрелы в городе, сразу нарушившие наши предположения. Трудно было определить, где и кто стреляет. Зловещий ангел смерти уже летал над Петроградом, выискивая себе жертвы.

Спать ни я, ни чины моего отряда не могли. Как-то чувствовалось, что происходит что-то необычное, от которого зависит судьба родины и каждого из нас. Ни одной секунды у меня не появлялось сомнения в верности моих солдат. Я был уверен, что, в случае наступления толпы, мои солдаты по моей команде огонь откроют. Считая, что правда на моей стороне, вероятно, я своей решимостью заразил и людей.

Соседние со мною участки безмолвствовали и как-бы притаились. Стрельба в городе усиливалась, но определить ее место было невозможно. Нужно подождать утра и тогда все станет ясно, решил я и отправился в директорский кабинет к своему телефону.

Наступил рассвет. Стрельба не прекращалась, но яснее слышалась в разных частях города. Телефон забастовал, а воинская связь отсутствовала. Повидимому, каждый начальник был предоставлен самому себе, чем план охраны был в корне нарушен.

Думая получить информацию у полиции, я пошел в находившийся в моем районе полицейский участок. Там я ничего не добился. Спешно убегавший пристав, бросил мне связку ключей от участка и пожелал полного благополучия. Городовые следовали за ним, но куда и зачем — я добиться не мог.

Только к вечеру, каким-то чудом, мне удалось связаться по телефону с полковником Кобылинским, передавшим мне кошмарные новости. Кобылинский сообщил, что многие запасные полки, без сопротивления, перешли на сторону рабочих и вернулись в свои казармы, что

тюрьмы и полицейские участки горят, подожженные бунтовщиками, что в городе стрельба, грабеж и пьянство и что дальнейшее сопротивление бесполезно. Он звал меня придти к нему, выяснить обстановку и принять то или иное решение. Это сообщение, как громом, поразило меня. Идти к нему для принятия решения я не мог. Я не мог оставить своих офицеров и солдат в такую минуту без руководства, хотя бы на короткое время, тем более, что сведения, полученные от Кобылинского, заставили меня принять чрезвычайные меры для сопротивления толпе бунтовщиков, которая, судя по выстрелам, приближалась к моему участку обороны.

Не теряя ни минуты, я приказал людям строить «вагенбург» из интендантских обозных повозок, которые в большом количестве изготовлялись на Вагоностроительном заводе. Нужно было видеть с какой поспешностью люди, руководимые своими офицерами, вывозили эти повозки из мастерских завода, устанавливали у Нарвских ворот и прилегающих улиц, связывая их проволокой. «Вагенбург» был готов и мог задержать большое скопище наступающих до подхода подкрепления из соседнего участка. По крайней мере — я так предполагал. Люди были укрыты за ближними строениями и только редкая цепь часовых охраняла Вагенбург. Петроград погрузился во мрак и только зарево пожаров зловеще освещало небо.

Беспорядочная стрельба то усиливалась, то утихала, приближаясь к моему участку обороны. Шальные пули, пролетая со свистом, в различных направлениях, ударялись в стены домов, пока не причиняя вреда моему отряду, находившемуся в укрытии. Только одним случайным попаданием был убит рядовой в цепи, охранявшей вагенбург, не принявший мер для своего укрытия. Впоследствии, этот убитый бунтовщиками солдат лейб-гвардии Петроградского полка, за неимением других «жертв», был предан земле на главной аллее в Царском Селе революционными властями, как «жертва революции».

Стрельба по моему участку, со стороны города, усилилась, и люди моего отряда заняли укрытия у повозок, отвечая на выстрелы. Вдруг, как по мановению волшебной палочки, стрельба в нашем направлении прекратилась и, со стороны города, показались два яркие фонаря и послышался приближающийся шум автомобиля. Предполагая, что это едет какое-либо должностное лицо или свое начальство, я приказал сделать проезд в вагенбурге и пропустить ехавшего. В это время началась стрельба в боковой улице моего участка, куда я и поспешил, чтобы узнать в чем дело. Оказалось, что партия разведчиков Путиловского завода, пользуясь темнотой, подошла совсем близко к нашему расположению, но, будучи обстреляна моими людьми разбежалась, оставив раненых и пленных. Из распросов этих последних выяснилось, что они были посланы от большой группы Путиловских рабочих с целью узнать, где наш фланг, с тем, чтобы выйти к нам в тыл и сломить наше сопротивление.

Вернувшись, после ликвидации этого случая, к своему главному участку обороны, то-есть к Нарвским Воротам, снова забарикадированному повозками, я застал поручика Моннгетти с группой солдат, стоявших у крытого автомобиля, за рулем которого сидел дрожавший от страха шофер. Из моих расспросов — кто и зачем приехал, я узнал следующее: на нем приехали 4 солдата Военно-автомобильной школы в качестве парламентеров требовать прекращения сопротивления и возвращения в казармы. По словам здесь-же стоявших чинов отряда, они были одеты в новые офицерские бекеши из разграбленного Гвардейского Экономического Общества и в таких же новых папахах, с красными бантами вместо кокард.

Конечно, парламентеры были немедленно арестованы и пополнили собою группу захваченных пленных.

Сведения, полученные от захваченных вооруженных рабочих, не предвещали ничего утешительного. По их рассказам, все части Петроградского гарнизона перешли на сторону рабочих. Образовано новое Временное Правительство, а министры старого — арестованы. 20.000 рабочих Путиловского завода идут для ликвидации последнего сопротивления у Нарвской заставы. Сопротивление им было с нашей стороны явно бессмысленно, а потому единственным возможным в этот момент решением было — отойти к Царскому Селу, где казалось можно было найти верные присяге части и, совместно с ними, продолжать сопротивление.

Приписываемое мне намерение спасти Царскую Семью, я считаю большим заблуждением. Я был слишком предан Царской Семье, чтобы подвергать ее опасности. Я верил в то, что и без меня у нее есть в окружении верные люди, которых совесть и присяга должны были подсказать, что делать, и которые смогут пожертвовать своей жизнью для спасения Императрицы и Царственых детей. Я просто шел защитить ее от бушующей толпы, твердо веря, чо найду в Царскосельском гарнизоне части, особо Царской семье преданные.

Другое решение — сдаться на милость революционной толпе, — для меня было неприемлемо, и потому, бросив свои оборонительные участки, не дожидаясь охвата с тыла, я отдал своему отряду приказание — двигаться походным порядком, через Пулково, на Царское Село.

(Окончание следует).

С. Луганинов.

Накануне великой войны

Из воспоминаний командира 8-го гусарского Лубенского полка.

Был удушливо знойный день 12 июля 1914 года, когда Лубенские гусары, после двух недель специальных кавалерийских маневров, подходили к военному полю около Тирасполя.

Солнце, как раскаленный шар, стояло над головой. На небе ни единого облачка. Бесконечные степи, с расстояниями в 30-40 верст от жилья до жилья. Ни деревца, ни ручейка. Ровная, как стол, голая степь. В остановившемся, словно уснувшем, воздухе впереди причудливые миражи.

Русский юг... Русская степь... Необъятный простор...

Утомленные серые кони гусар почувствовали приближение скорого отдыха и стали идти бодрее. Гусары тоже приободрились. На военном поле должно было произойти последнее столкновение с «противником» в присутствии Начальника дивизии.

. . . .

Лубенский гусарский полк был одним из лучших полков бесподобной русской Императорской конницы. История полка была полна героических подвигов. На шапках Лубенских гусар красовалось военное отличие за блестящую атаку под Лейпцигом в 1813 году. В 1814 году, то-есть как раз сто лет назад, Лубенский гусарский полк торжественно вступал в Париж после разгрома армий Наполеона. За отличие в боях с турками в войну 1877-78 г.г. Лубенские гусары получили Георгиевский штандарт. Их атака под Хайдар-Киой послужила сюжетом художнику Мазуровскому для написания прекрасной картины, украшавшей офицерское собрание полка Лубенцев в Кишиневе, и тысячи литографических копий ее были известны по всей России.

Состав полка был великолепен. Офицеры — молодец к молодцу, гусары, главным образом, малороссы и молдаване, немного поляков и евреев.

Темно-синие доломаны с серебряными у офицеров и белыми шерстяными у гусар шнурами. Фуражки — темно-синяя тулья и желтый околыш, три ряда белых кантов. У гусар — безкозырки, лихо надетые набекрень. Парадные — черные барашковые шапки с желтым шлыком и с небольшим белым султаном. Краповые чакчиры с серебряным у офицеров и белым шерстяным у гусар кантом.

. . . .

Около трех часов дня Лубенские гусары подошли к военному полю. Навстречу, в облаках пыли, приближался «противник». Заиграли сигнальные трубы, засверкали на солнце, выхваченные из ножен, шашки, и Лубенский гусарский полк, полевым галопом, веером развернул фронт. Еще мгновение — и задрожала земля под сотнями копыт. Гусары пошли в атаку... Через несколько минут, маневр был окончен. Начальник дивизии сделал разбор и, поблагодарив всех за службу, отпустил полки на их лагерные стоянки.

Верстах в трех от военного поля находилось огромное село Суклея, где, из года в год, располагался Лубенский гусарский полк на время лагерных сборов.

Я был недавно назначен командиром этого доблестного полка и впервые знакомился с, новой для меня, обстановкой. До этого я прослужил 20 лет в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, расположенном в Варшаве. Обычаи и нравы Молдавии, куда я теперь попал, были совершенно иные, непохожие на те, к которым я привык в Царстве Польском.

С хором трубачей впереди под звуки полкового марша, Лубенцы вошли в Суклею. Эскадроны разошлись по своим участкам, а я направился к хате, отводимой всегда для командира полка.

Это была обыкновенная молдавская хата, состоящая из двух половин, разделенных сенями. Глиняный пол был устлан пестрыми молдаванскими коврами. Вдоль стен шли длинные и широкие скамьи, также покрытые коврами. Посредине комнаты простой стол и два стула, вот и все убранство моего лагерного помещения. По обычаю юга, в течение всего дня, окна были закрыты деревянными ставнями, чтобы палящий зной не проникал в хату. Свет проходил узенькими полосками сквозь щели ставень, кругом царил полумрак. Было относительно прохладно.

Мой денщик Сидоров, не пожелавший со мной расстаться, когда я получил Лубенский полк, заранее все устроил в хате. Помог раздеться и подал умыться.

На следующий день после прихода нашего в лагерь было воскресенье. Встав рано утром и выпив стакан чая с какими-то замечательно вкусными лепешками из темно-серой муки, спеченными молдаванкой, хозяйкой хаты, я одев парадную лагерную форму, поехал являться начальствующим лицам и также сделать визиты командирам частей, собранных в лагере.

Прежде всего я отправился к начальнику своей 8-ой кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту Зандеру. Это был уже немолодой генерал Генерального Штаба, небольшого роста, с подстриженными усами и пенснэ на носу. Дельный, очень трудолюбивый и требовательный по службе, он любил напускать на себя важность и старался казаться суровым — на самом-же деле был очень хороший и добрый человек. Правда — немного мелочный и, к сожалению, находившийся под сильным влиянием своей супруги.

От него я направился к командирам наших двух бригад Свиты Его Величества генерал-майору Княжевичу и генерал-майору Красовскому и около 11 часов утра я подъехал к крыльцу длинного деревянного флигеля, где жил Начальник Артиллерии генерал, фамилию которого не могу вспомнить. Он сидел на веранде и после обмена приветствиями спросил меня, был ли я у генерала Зандера? Я отвечал утвердительно.

— Что же, он ничего не сказал вам? — продолжал генерал.

— Генерал Зандер сказал, что он предполагает в понедельник смотр моему полку с обозначенным противником.

— И больше ничего?

— Более ничего.

— Если так — то значит, он и сам ничего не знает, — проговорил Начальник Артиллерии и, вынув из бокового кармана сложенную бумагу, протянул ее мне.

— Прочтите, — коротко сказал он.

Это была телеграмма из Штаба Одесского Военного округа — «Немедленно всем войсковым частям, собравшимся в лагерях около г. Тирасполя, выступить к месту своих постоянных стоянок».

Я недоумевающе смотрел на генерала.

— Война, — сказал он.

Я был ошеломлен неожиданным известием. Две недели, проведенные на маневрах и переходах по глухим степям, без газет и сведений из внешнего мира, вывели меня совершенно из курса происходивших политических событий.

Простившись с Начальником Артиллерии, я сел в экипаж и приказал возвращаться как можно скорее в Суклею, в полк. Через несколько минут, подъезжая к моей хате, я увидел около нее автомобиль Начальника дивизии. Генерал Зандер со своим Начальником штаба полковником Одноглазковым поджидали меня.

— Ну вот, наконец-то вы возвратились, — обратился ко мне генерал. Я пригласил его войти в хату.

— Вы уже знаете? — спросил меня генерал Зандер, садясь на стул.

Я рассказал, что я только что узнал от Начальника Артиллерии.

Начальник дивизии имел вид озабоченный и какой-то подавленный.

— Да, да, еще нет пока формального объявления войны, но она неизбежна. Все складывается так, чтобы вовлечь Россию в войну именно теперь, пока еще не закончена реорганизация нашей армии... Германия все это отлично учитывает... Или теперь или никогда...

. . . .

Весть о войне с быстротой молнии пролетела по эскадронам Лубенского гусарского полка, и все словно опьянели от радости. Война представлялась как бы теми же большими маневрами, но уже с настоящим противником, с рядом подвигов, с новой славой и боевыми наградами. Мысль об ужасах войны, в это время, никому не приходила в голову. Все тогда немного сошли с ума. Наши гусары, привыкшие смотреть на все глазами своих офицеров, были тесно спаяны с ними. Они также радовались войне, по крайней мере, так было в Лубенском гусарском полку. Объяснение причины войны — нежеланием дать в обиду маленькую единоверную нам Сербию, было понятно их чувствам...

Постоянной стоянкой нашего полка был Кишинев, столица Бессарабии. От Суклеи нам предстояло пройти до него около 90 верст.

Начальник дивизии приказал немедленно отправить туда три разъезда особой важности, под командованием штабс-ротмистра Лишина. В каждом было по 18 отборных гусар на лучших, наиболее выносливых лошадях. В каждом разъезде по два выдающихся офицера. Словом, все самое лучшее из полка.

Назначением этих разъездов было разрушение мостов, железнодорожных линий, телеграфов, телефонов и тому подобное. По бъявлении войны, согласно мобилизационному плану, они должны были по заранее выработанным маршрутам, не ожидая подхода полка, выступить в поход и проникнуть на территорию Австро-Венгрии.

На следующий день, в понедельник 14-го июля, рано утром, на западной окраине села Суклея у дороги на Кишинев, построенный в резервную колонну, в полном походном порядке, стоял 8-й гусарский Лубенский полк. Както особенно бодро раздались звуки полкового марша, когда я подъезжал к полку. Вид у гусар был тоже какой-то особенный — праздничный. Лица, как будто, сияли.

Поздоровавшись с полком, я обратился к нему с небольшой речью.

— Гусары, — сказал я, — Австро-Венгрия захотела поработить православную маленькую Сербию. Король Сербский обратился к нашему Императору и просил его заступиться за сер-

бов. Его Величество не оставил их без своей помощи и послал Австрии ультиматум — не трогать Сербию, иначе, Россия объявит войну. Русский народ всегда был защитником слабых и освободил балканских славян от турецкого ига. Для того ли русские солдаты проливали свою кровь, чтобы теперь, вместо турок, Австрия поработила Сербию?

Могучее «ура» вырвалось из тысячи грудей, в ответ на мои слова «Ура» неслось из стройных рядов полка и было подхвачено, вышедшими проводить полк, жителями Суклеи. Оно неслось и разливалось, как морская волна. Трубачи заиграли «Боже Царя храни». Воодушевление было огромное, и эта незабываемая минута навеки врезалась в мою память.

Когда «ура» смолкло, Лубенский полк стал вытягиваться в походную колонну. Впереди хор трубачей звучал и переливался трелями полкового марша. В голове каждого эскадрона шли песельники и казалось, что еще никогда с такой удалью не раздавались их песни, как в этот день. Со свистом и гиком рвалась на простор душа, искала выхода охватившая всех какая-то пьяная радость.

Я стоял у дороги и пропускал мимо себя эскадроны. Вглядываясь в гусарские лица, я не видел ни одного печального выражения. Лица у всех сияли, а гусары, как-то особенно лихо, сидели на своих серых конях. Настроение всадников передавалось и лошадям, которые танцевали, красиво изгибая шеи. Над головой было синее небо и в нем заливались русские жаворонки. Солнце поднималось все выше и выше, весело заливало поля, блестело на шашках гусар и радостно улыбалось. Казалось, что вся природа ликует одновременно с нами.

— Ну что, Гарадаш, — спорсил я у стоявшего сзади моего вестового, — что ты обо всем этом думаешь?

— Так точно, Ваше Высокоблагородие, надо бить австрияка, дюже зазнался..., — улыбаясь своей плутовской улыбкой, отвечал Гарадаш.

— А не боишься идти на войну?

— Никак нет, очень даже хотицца.

— А если убьют?

— От смерти своей не уйдешь. Если пора придет умирать, так и здесь от смерти не спрячешься, а если не пришло время, так и на войне не убьют.

С этой слепой верой в судьбу шло громадное число русских солдат на войну. В дальнейшем я не раз убеждался, насколько была справедлива эта слепая вера в то, что написано там, в Великой книге судеб.

Шумной веселой лентой прошел мимо меня полк. Я поскакал галопом вперед, в голову его, и опять, вглядываясь в веселые лица гусар, видел, как они были воодушевлены. Ехали «вольно», и из рядов то и дело раздавался смех.

На привале, когда полк остановился и слез с коней, меня окружили офицеры. Разговорам о предстоящей войне не было конца. Каждый был полон мечтами о лихих атаках, о подвигах. Сам я был также охвачен общим воодушевлением и мне, как и большинству, война и предстоящий поход казались не более как веселой прогулкой. Уверенность, что мы быстро разобьем противника, не вызывала ни у кого из нас, в это время, и тени сомнения.

Может быть это так бы и было, если бы наше Верховное Командование в самом начале кампании, для спасения погибавших французов, не нарушило первоначального плана войны.

Около 4-х часов дня мы подошли к селению Бульбока и стали там на ночлег. Первое, что я сделал — отправил телеграмму жене, чтобы она не беспокоилась и не вздумала бы теперь ехать в Кишинев.. По плану мобилизации Лубенский полк должен был выступить в поход через шесть часов после объявления мобилизации и жена не смогла бы застать меня в Кишиневе. Беспокоясь об этом, я поспешил предупредить ее.

На деле все вышло иначе.

Генерал-майор **Устимович.**

ГУСАРСКИЙ МУЗЕЙ В ТАРБЕ

27 февраля в г. Тарб (Франция) открылся Гусарский Музей.

Среди 52-х форм гусар 17-ти стран, красуются три манекена гусар Изюмских и один — Черниговских. Для окончательного пополнения их форм, не достает: сабли, султана на шапку, гусарского пояса, пары шпор, сабельного темляка, двух пар желтых розеток и пояса для походной рубахи.

Директор Музея просит лиц, имеющих эти предметы обмундирования, или уступить их за плату, или дать на хранение, под официальную расписку мэра города, на право получить эти предметы по первоему требованию владельца.

Писать:

1) Mr. Boulin Conservateur du Musée Massey Tarbes H.P.

или

2) Mr. Rosenshild, Chemin Portasseau, Tarbes.

Генерал Платон Алексеевич Лечицкий

(Продолжение)

Уже в конце декабря 1914 года командование Юго-Западного фронта возвращается к своему первоначальному стратегическому плану о форсировании Карпат и вторжении в Венгрию. Главный удар должна была наносить 8-ая армия и левофланговые корпуса 3-ей армии; правый фланг наступающей группировки должны были обеспечивать правофланговые корпуса 3-ей армии; левый же фланг прикрыт был очень слабо. Здесь, занимая перевалы на фронте Пудоплоч-Яблоново-Майданка, находился только Стрыйский отряд генерала Альфтана, в составе 78-ой пехотной дивизии, одного полка 65-й пехотной дивизии и 4-х казачьих полков. Далее на юго-восток, на громадном протяжнии почти в 250 километров, до перевалов в Лесистых Карпатах, соединяющих Южн. Буковину и Трансильванию, и до Румынской границы, разбросаны были части недавно сформированного 30-го армейского корпуса (71-ая и 80-ая второочередные пехотные дивизии), 1-ая Кубанская и Терская казачьи дивизии и на крайнем левом фланге-три Саратовских и Донских бригады Ополчения.

Сосредоточение русских сил в Карпатах и подготовка их к наступлению не остались незамеченными командованием противника, которое решает нанести контр-удар по слабо прикрытому флангу 8-ой армии и далее на юго-восток, до Румынской границы. С этой целью в районе Мункач спешно сосредоточена была новая «Южная» армия, под командованием германского генерала Линзингена, в состав которой включено было несколько австро-венгерских дивизий и три, перевезенных с левого берега Вислы, германских. Этой армии поставлена была задача: наступая в общем направлении на город Стрый, выйти во фланг главным силам 8-ой армии и освободить осажденную русскими крепость Перемышль. Находившиеся юго- восточнее «Южной» армии австрийские части, разбросанные так же, как и противостоящие им русские, на громадном протяжении до Румынской границы, значительно усиливались перевозимым с Сербского фронта 12-ым австро-венгерским корпусом и сводились в 7-ую австро-венгерскую армию, получившую задачу, наступая на север, еще глубже охватить левый фланг всей нашей Галицийской группировки и выйти на пути сообщения 8-ой армии.

Наступление 8-ой армии в Карпатах и контр-наступление противника начались почти одновременно, в первых числах января 1915 года. Штурмуя заваленные снегом карпатские перевалы и обледеневшие кручи, 8-ая армия продвигалась медленно и только к 20-му января, в результате сверхчеловеческих усилий, 12-ый и 8-ой корпуса овладели главным Бескидским хребтом и достигли линии Конечно-Свидник, а 23-го января взяли венгерский город Мезолаборч.

Наступление армии генерала Линзингена на крайне важном Стрыйском направлении (ближайшее расстояние до крепости Перемышль) уже 10-го января наткнулось на чрезвычайно упорное сопротивление слабого Стрыйского отряда генерала Альфтана у Тухольского перевала и на высотах у села Козювка и было остановлено; отряд генерала Альфтана отбивал ожесточеннейшие атаки трех германских дивизий (иногда до 20-ти в течение одного дня) и удерживал свои позиции. Зато южнее события развивались гораздо быстрее. Уже 10-го января наши ополченские дружины, вооруженные однопатронными «берданками» и не имевшие ни пулеметов, ни артиллерии, были сбиты частями 7-ой австро-венгерской армии с перевалов в Лесистых Карпатах, южнее Кимполунга и отброшены на Селетин. Далее к северо-западу, части 7-ой австро-венгерской армии, тесня 30-ый армейский корпус, 17-го января вышли на верхнее течение реки Прут и достигли района города Делятынь. Дальнейшее продвижение противника в этом райне создавало серьезную угрозгу левому флангу всей нашей Галицийской группы армий.

Как только для русской Ставки стало ясно, что наступление противника на левом фланге нашего фронта в Галиции развернулось на широком фронте, стали приниматься меры к усилению здесь наших войск. 13-го января принято решение перебросить на Стрыйское направление 22-ой армейский корпус из состава 10-ой армии (Восточная Пруссия). Решение это было крайне своевременным, так как, хотя Стрыйский отряд генерала Альфтана удержал свои позиции до прибытия передовых частей 22-го корпуса, все же силы его к этому моменту были уже на исходе (Оборона позиций у Козювка отрядом генерала Альфтана, в течение 16-ти дней отбивавшего бесчисленные атаки троекратно превосходящих германских сил, является одним из самых героических эпизодов войны.) Спустя несколько дней в район города

Станиславова направляются из состава 9-ой армии 17-ый армейский корпус и 2-ая стрелковая бригада. И, наконец, в первых числах февраля, Главнокомандующий Юго-Западного фронта решает направить в этот район генерала Лечицкого со штабом 9-ой армии для объединения командования уже находящимися здесь и вновь направляемыми сюда силами.

В состав новой 9-ой армии генерала Лечицкого должны были войти: 22-ой и 30-ый армейские и 2-ой кавалерийские корпуса, 1-ая Кубанская и Терская казачьи дивизии и ополченские бригады, уже находившиеся здесь и передаваемые из состава 8-ой армии; 11-ый армейский корпус, перебрасываемый из 3-ей армии, с реки Дунаец и направляевые сюда из состава старой 9-ой армии, с левого берега Вислы, — 18-ый армейский корпус, 1-ая Донская казачья дивизия, 2-ая стрелковая бригада и Гвардейская отдельная кавалерийская бригада. 17-ый армейский корпус, направленный сюда несколькими днями ранее и также предназначавшийся в 9-ую армию, с пути был направлен в 8-ую армию и в состав 9-ой не вошел.

Генерал Лечицкий получает задачу, развернув свою новую армию на линии от города Болехова, через Надворна, до Румынской границы в районе западнее Черновиц, атаковать противника, прорывающегося к реке Днестр, и отбросить его к югу. Но к моменту вступления генерала Лечицкого в командование новой 9-ой армией, общая обстановка на левом фланге армии настолько изменяется к худшему, что задача, поставленная армии Главнокомандующим Юго-Западного фронта, этой обстановке уже не отвечает. 7-ая австро-венгерская армия успевает продвинуться еще далее к северу и к востоку; ею заняты уже и Надворна и Черновицы (районы, в которых должна была развернуться 9-ая армия для контр-наступления); противник, глубоко вдавшись дугою в наше расположение в северном направлении, подходит уже к Станиславову и Калушу. Сил для нанесения контр-удара фактически нет: на крайнем левом фланге 30-ый армейский корпус и ополченские бригады, оставив Черновицы, отходят к государственной границе и севернее к реке Днестр, будучи не в силах сдерживать далее напор неприятеля; далее, к северо-западу, в районе Коломыя-Станиславов, едва сдерживая наступающего неприятеля, отходят к Днестру две казачьи дивизии; в районе наибольшего продвижения неприятеля на север, у города Калуша, отчаянными конными атаками пытается остановить противника спешно переброшенный сюда из 8-ой армии 2-ой кавалерийский корпус (12-ая кавалерийская и Кавказская туземная дивизии). И только на крайнем правом фланге армии, в районе Козювка, подошедший сюда в последних числах января 22-ой армейский корпус, заняв участок, занимаемый до того отрядом генерала Альфтана, успешно отбивает атаки германских дивизий «Южной» армии. Положение в центре и на левом фланге армии крайне серьезное, требующее немедленного принятия мер для остановки дальнейшего развития неприятельского наступления. Наличные здесь силы совершенно для этого недостаточны. Учитывая обстановку и слабость наличных сил, генерал Лечицкий решает — до прибытия всех направляемых в армию частей, поставить себе ограниченную задачу: разбить и отбросить к югу австрийскую группу, вдавшуся дугой в наше разсположение в районе Калуша и угрожающую, при дальнейшем продвижении на север, к городу Стрыю, выходом на пути сообщения нашей 8-ой армии. Решение это генерал Лечицкий с исключительной быстротой приводит в исполнение. Он выгружает прибывающие части 11-го армейского корпуса в Долина и Калуше и, не ожидая окончательного сосредоточения корпуса, прямо из вагонов бросает прибывшие части в наступление: 11-я пех. дивизия атакует австрийскую «дугу» с фронта, от Калуша; части 32-ой и 74-ой пехотной дивизии направляют удар по левому флангу австрийцев, в общем направлении на юго-восток; правый фланг «дуги» должны атаковать прибывающие в Станиславов части 18-го армейского корпуса, в направлении на запад. «Дуга» берется в клещи. 13-го февраля части 32-ой и 74-ой пехотных дивизий отбрасывают противника с реки Чечва, у Рознатова и Струтень Вельки и, развивая наступление, в упорных боях 13-17-го февраля сбивают противника с позиции на реке Домнице, у сел. Небылов-Каменя, взяв в этих боях несколько тысяч пленных. Ощущая одновременно нажим со стороны 18-го корпуса с востока, противник поспешно отходит на юг. Преследуя неприятеля, 11-ый и части 18-го корпусов продвигаются на линию Вышков-Грабовец-Ворона. Вдававшаяся в наше расположение «дуга» ликвидирована; угроза путям сообщения 8-ой армии предотвращена.

Фронт армии, растянувшийся на 250 километров, на некоторое время стабилизируется на линии от района Козювка прямо на восток, через район южнее Станиславова, до Днестра, южнее устья реки Стрыпы, затем — по левому берегу Днестра до района Залещики, где линия фронта, перейдя опять на правый берег Днестра, шла прямо на юг, до Румынской границы. На некоторое время на фронте 9-ой армии наступает сравнительное затишье. Противник исчерпал свой наступательный порыв; 9-ая армия тоже далеко еще не готова к развитию наступательных операций: не закончили еще сосредоточения все прибывающие в состав армии части; во многих частях большой некомплект в личном составе (особенно в 30-ом корпусе, по-

несшем большие потери при отступлении в январе месяце, и в 11-ом, прибывшем в 9-ую армию сразу же после продолжительных тяжелых боев, которые он вел, находясь в составе 3-ей армии; не налажено еще интендантское снабжение армии в новом районе ее действий: конский состав кавалерийских и казачьих частей совершенно измотан.

В начале марта генерал Лечицкий, готовясь к переходу в наступление, производит перегруппировку сил своей армии. 30-ый корпус передвигается несколько к западу, плотнее примыкая своим правым флангом к 22-му корпусу. В Буковине, где после увода 30-го корпуса остаются только ополченские части, формируется новый 3-й кавалерийский корпус, в составе 1-ой Донской казачьей и переброшенной сюда из 8-ой армии 10-ой кавалерийской дивизией. Здесь, обнаружив в середине марта уход 30-го корпуса, австрийцы пытаются наступать и, потеснив ополченцев, вторгаются на русскую территорию в направлении на г. Хотин и Новоселице, но натыкаются на сосредоточивающийся 3-ий кавалерийский корпус генерала графа Келлера, который 17-го марта сам атакует наступающую 42-ую пехотную гонведную дивизию в районе деревень Рухотин-Поляна-Шиловце-Малинце и отбрасывает ее в исходное положение, взяв свыше 2.000 пленных.

20-го марта 9-ая армия начинает наступление на очень сильно укрепленные позиции австрийцев на фронте 30-го и левого фланга 11-го корпусов: следующий удар должен был нанести из района Залещики 18-ый корпус, удачное развитие наступления которого должно было вывести его во фланг и тыл противника на фронте 30-го корпуса. 18-ый корпус не успел еще начать свое наступление, как получен был приказ Главнокомандующего фронта о переброске этого корпуса в 8-ую армию, против которой неприятель перешел в наступление крупными силами. Начавшееся наступление 9-ой армии этим срывалось. После незначительных успехов на участках 30-го и 11-го корпусов наступление было приостановлено. Армия была слишком слаба, чтобы наступать, занимая тремя армейскими корпусами фронт в 250 километров.

Но подготовка к наступлению продолжалась. Участок по Днестру, занимавшийся ушедшим 18-ым корпусом, занят был 2-ым кавалерийским корпусом, усиленным вновь прибывшей из 3-ей армии 82-ой пехотной дивизией. Под прикрытием 3-го кавалерийского корпуса занявшего участок фронта на крайнем левом фланге армии, начинается переформирование, тут же, в ближайшем тылу, бывших здесь Саратовских и Донских бригад Ополчения в пехотные дивизии (101-ую и 105-ую), которые должны были составить новый 32-ой армейский корпус. Ставка решила, наконец, усилить 9-ую армию, направив в ее состав прибывающие с Дальнего Востока части Заамурского округа Пограничной стражи. Эти прекрасные кадровые войска должны были составить новый 33-ий армейский корпус. Они начали прибывать в район 9-ой армии в первых числах апреля, сосредоточиваясь у Каменец-Подольска. Прибытие их давало 9-ой армии возможность начать наступление. Генерал Лечицкий решил перебросить 33-ий корпус в район города Бучача (севернее впадения в Днестр реки Стрыпы) и, подведя его к линии фронта для скрытности в последний момент, нанести им удар через Днестр, в районе деревень Хмелев-Ржепице, развивая в случае успеха этот удар в направлении на Городенка, чтобы выйти во фланг и в тыл неприятельским позициям к югу от Станиславова. Для развития успеха 33-му корпусу (1-ая и 2-ая пограничные Заамурские пехотные дивизии и Крымский конный полк) придан был Сводный кавалерийский корпус генерала Маннергейма (12-ая кавалерийская дивизия, Гвардейская отдельная кавалерийская бригада и 1-ый и 2-ой Заамурские пограничные конные полки). Второй удар — прорыв неприятельского укрепленного фронта в Буковине, южнее Днестра, должен был нанести 3-ий кавалерийский корпус генерала графа Келлера.

Казалось бы странно, что прорыв укрепленной неприятельской позиции был поручен кавалерии. Но генерал Лечицкий знал не только свои войска, но и их начальников. Генерал Келлер был, пожалуй, самым выдающимся из кавалерийских начальников русской армии в 1-ую Мировую войну. Как и генерал Лечицкий, он пользовался слепым доверием и любовью своих солдат и обладал тем же даром доводить в решительный момент напряжение всех их сил до высшего предела. 3-ий кавалерийский корпус был перед наступлением сменен на занимаемом им участке частями вновь сформированного 32-го корпуса и сосредоточен на правом его фланге. В промежутке между 33-ым и 3-им кавалерийскими корпусами, наносившими главные удары, расположен был на позициях по левому берегу Днестра 2-ой кавалерийский корпус (9-ая кавалерийская и Кавказская туземная дивизии), занимая на правом берегу реки тет-де-пон у Залещики приданной ему 82-ой пехотной дивизией. Этот корпус получил задачу, перейдя через Днестр в районе Усечко, действовать по тылам противника, противостоящего нашим силам в районах главных ударов. В плане наступления, выработанном штабом 9-ой армии, обращает особое внимание роль, отведенная кавалерийским частям, на которые ложилась главная тяжесть намеченной операции. Ход операции показал,

что наша кавалерия выполнила свою задачу блестяще.

На рассвете 27-го апреля наступления 9-ой армии началось одновременно в обоих местах, намеченных для прорыва. 33-ый корпус форсировал Днестр у Хмелев и Ржепинце; скрытность сосредоточения этого корпуса сыграла роль: противник был захвачен врасплох и не оказал серьезного сопротивления. Вслед за прорывом, в него был брошен Сводный кавалерийский корпус генерала Маннергейма. Уже во второй половине дня, углубившись в расположение противника на 5 верст, Гвардейская Отдельная кавалерийская бригада и 1-ый и 2-ой Заамурские конные полки атаковали противника к северу от Городенки, действуя частью в конном, а частью в спешенном строю.

На фронте 3-го кавалерийского корпуса прорыв неприятельского фронта также увенчался полным успехом Генерал граф Келлер прорвал укрепленную неприятельскую позицию спешенной 1-ой Донской казачьей дивизией у деревни Громешти; сейчас же сотни, находившиеся в резерве, сели на коней и, пройдя изрытую окопами местность, бросились преследовать бегущего неприятеля; вслед за 1-ой Донской дивизией, генерал граф Келлер сразу же бросил и 10-ую кавалерийскую дивизию. Стремительно прорвавшись в тыл противника дивизии 3-го конного корпуса атаковали неприятельскую пехоту в районе деревень Баламутовка и Ржавенцы и опрокинули ее, обратив в бегство. Частями корпуса взято было в этот день 2.000 пленных, 6 орудий и 34 зарядных ящика.

Противник начал отступление и с позиций против 32-го корпуса, южнее; здесь так же своевременно брошена была для преследования корпусная конница этого корпуса — 7-ой Донской казачий и Текинский конный полки. Правый фланг неприятельского фронта безостановочно отступал за реку Прут. План операции, разработанный генералом Лечицким и его штабом, был осуществлен блестяще. «В первый же день, — пишет генерал Головин, бывший в то время генерал-квартирмейстером 9-ой армии, — три кавалерийских корпуса получили свободу действий... На всем широком фронте волна наших 160 эскадронов катилась от Днестра до Прута, захлестывая с флангов и тыла те части противника, которые пытались задерживаться на заранее укрепленных позициях..».

Прорыв неприятельского фронта на левом фланге 9-ой армии и стремительное продвижение брошенной в прорыв конницы, уже через два-три дня сказались и на центральном участке фронта армии: противник начал спешно очищать свои сильно укрепленные позиции против наших 30-го и 11-го корпусов и отходить на юг, за Прут, в горы. В течение нескольких дней от неприятеля был очищен весь район между Днестром и Прутом. 9-ой армией была занята значительная часть южной Галиции и Буковины, с городами Надворная, Коломыя, Снятынь, Черновицы. За время этой оператии 9-ой армией взято было более 25.000 пленных, орудия, пулеметы и множество другой военной добычи.

Стратегические результаты этой операции были очень велики: были надежно обеспечены пути сообщения 8-ой армии, что было крайне своевременно. Это показало развитие событий в ближайшие же недели.

За апрельскую операцию генерал Лечицкий был удостоен Высочайшей благодарности. Помимо этого, Государь проявил признательность своему полководцу трогательным и не совсем обычным знаком внимания, пожаловав, в воздаяние заслуг сына, отцу генерала, престарелому, давно уже находившемуся за штатом, священнику Гродненской Епархии отцу Алексею Лечицкому, орден Св. Владимира 4-ой степени.

В то время, как 9-ая армия начала и успешно развивала Днестровско-Прутскую операцию, правый фланг нашего Галицийского фронта был уже в полном отступлении.

Уже в первых числах апреля Германское командование пришло к решению нанести русским армиям в Галиции мощный удар. Решение это диктовалось необходимостью оказать немедленную и самую решительную поддержку австро-венгерской армии, которая, под русскими ударами, катастрофически теряла свою боеспособность. 8-ая русская армия, преодолев Бескидские Карпаты, спускалась уже в Венгерскую равнину.

Прорыв русского фронта намечен был германским командованием на фронте нашей 3-ей армии. Для осуществления этого прорыва с французского фронта перебрасывались пять корпусов, которые, сосредоточившись в районе Новый Сандец, образовывали новую 11-ую германскую армию генерала Макензена, вдвигавшуюся между 4-ой и 3-ей австро-венгерскими армиями. Все эти три армии разворачивались против 3-ей русской армии. Хотя это не имеет непосредственного отношения к боевым действиям 9-ой армии, приведу здесь интересную таблицу, рисующую соотношение сил:

	Штыков	Пулем.	Мином.	Пех. див. легк. ор.	Кав. див. тяж. ор.
3-я русск. армия				$18\frac{1}{2}$	$5\frac{3}{4}$
	219.000	600	—	675	4
Три армии противника				32	3
	357.000	660	96	1.272	334

На участке главного удара, на 35-верстном фронте Громник-Горлице, развернулась 11-ая германская армия (Сводный, 41-ый, Гвардейский, 10-ый германские и 6-ой австро-венгерский корпуса; с русской стороны здесь занимали позиции 10-ая пехотная дивизия 9-го корпуса и 10-ый корпус, 31-ая, 61-ая и 9-ая пехотные дивизии, имея в резерве 63-ю пехотную дивизию). Соотношение сил здесь было еще более не в нашу пользу:

	Штыков	Пулем.	Мином.	Пех. див. легк. ор.	Кав. див. тяж. ор.
Русские					
	60.000	100	—	141	4
Австро-германцы				10	—
	126.000	262	96	457	159

Необходимо указать, что австро-германская артиллерия, помимо громадного превосходства в числе орудий, имела запас в 1.200 снарядов на легкое и от 500 до 600 — на тяжелое орудие: русская же артиллерия могла расходовать в день по 10 снарядов на орудие, а то и меньше; дневной расход снарядов в 3-ей армии на легкую гаубичную батарею, например, установлен был в 10 выстрелов, то-есть 1-2 выстрела в день на орудие. (Приведенные цифровые данные взяты из военно-исторического очерка Д. Верж-ховского и В. Ляхова — «Первая Мировая война», причем авторы ссылаются на «Сборник документов Мировой войны на русском фронте 1914-17 г.г. Горлицкая операция»).

18-го апреля противник начал артилерийскую подготовку невиданной еще силы, продолжавшуюся почти сутки и сравнявшую наши окопы с землею. 19-го апреля германские корпуса перешли в атаку на фронте Громник-Горлице и неожиданно встретили упорнейшее сопротивление: к вечеру противнику удалось продвинуться на 4-8 километров и овладеть только первой линией обороны. Части 10-го и 9-го наших корпусов, потерявшие в первые два дня боя до 50 проц. своего состава, проявили высочайшее мужество и боевую стойкость. Только к вечеру 22-го апреля противник достиг верхнего течения реки Вислока, у города Ясло. Командующий 3-ей армией генерал Радко-Дмитриев доносил Главнокомандующему Юго-Западным фронтом: «... особенно жестокий удар был для трех дивизий 10-го корпуса, которые буквально истекли кровью от огня германской тяжелой артиллерии... Части 10-го корпуса ныне представляют остатки, не более 4-5 тыс. человек... Войсковые парки почти пусты...».

К 24-му апреля противник продвинулся до линии Фриштак-Риманув; глубина прорыва достигала уже до 40 верст.

27-го апреля Главнокомандующий Юго-Западного фронта отдал директиву, согласно которой соседние с 3-ей армией, с севера — 4-ая армия и с юга — 8-ая, также должны были начать отход. 9-ой армии приказано было «активно оборонять реку Днестр и нашу границу до Румынии», причем этой же директивой 9-ой армии указано было передать правофланговый ее корпус, 22-ой, с занимаемым им участком фронта, в 11-ую армию, которая образовалась между 8-ой и 9-ой армиями. Указание 9-ой армии об активной обороне несомненно имело в виду обеспечение путей весьма уже вероятного дальнейшего отхода 8-ой армии.

Насколько правильно генерал Лечицкий оценивал складывающуюся обстановку, доказывает то, что он перешел в наступление еще до получения указанной директивы, в самый день ее отдачи. Отбросив 7-ую австро-венгерскую армию далеко к югу, за реку Прут, он действительно надежно обеспечил пути отхода соседних с севера армий. Далеко не всякий командующий разрешил бы именно так поставленную ему задачу «активной обороны».

Между тем, события на фронте 3-ей армии принимали все более и более неблагоприятный оборот: армия откатывалась на северо-восток, не будучи в силах сдержать противника с его могущественной артиллерией, несмотря на отчаянные контр-атаки, в которых сгорали дивизии и корпуса. Отходила и 8-ая армия; наконец и соседняя с севера с 9-ой, 11-ая армия, нанеся перед этим несколько сильных ударов наступавшей против нее германской Южной армии генерала Линзингена, вынуждена была около 20-го мая отойти за реку Днестр на участке Миколаюв-Галич. В связи с этим, 9-ая армия, части которой, продолжая развивать наступление на юг, форсировали уже в нескольких местах реку Прут, получила указание начать отводить свой правый фланг на Галич-Тысменица-Отыня; левый фланг армии оставался пока на месте. 9-го июня директивой Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта 9-ой армии приказано было отходить, согласовывая свои передвижения с левым флангом 11-ой армии. 9-ая армия была вовлечена в общий отход армий Юго-Западного фронта.

В. Б—К.

(Окончание следует).

Воспоминания маленького кадета

Для мальчика, выросшего в военной среде, быть таким же офицером, как и отец и знакомые — это мечта, и для этого надо пройти все стадии специального воспитания — кадетский корпус и военное училище.

Наша рота, т. е. рота моего отца, которой он командовал 16 лет подряд, только что вернулась с северного Кавказа, где в станице Георгиевской (ныне город) целый год занимала караул, т. е. охраняла какие-то склады и депо, и затем сразу была перекинута в глубь Дагестана на Гуниб.

Читатель удивится и подумает, что это было военное время. Ничего подобного. Со времени покорения Дагестана, в каждой крепости в горах стояла какая-нибудь воинская часть. Помню, что постоянно в крепости Хунзах стоял какой-то пластунский батальон, в Ботлихе также, когда же не было пластунов, то специально от нашего полка туда посылался батальон, а на Гунибе всегда, по очереди, стоял батальон. После бунта черноморских моряков (Потемкина), бунтовавшие матросы были сведены в батальон и присланы стоять в Хунзахе. Окрестные аулы были этими соседями недовольны и особенно тяжелым было положение офицеров этого ссыльного батальона — это были прапорщики из запаса, ничего общего с матросами не имевшие и боявшиеся своих же солдат. Все вздохнули, когда матросов убрали.

Пластуны из кубанских казаков также не ладили с горцами. Например: базарный день, на площади сидят на корточках горцы (тавлинцы) и их жены, принесшие продавать свои скудные продукты (десяток яиц, масло, сыр и др.). Идет по базару пластун в широченных шароварах, присядет на корточки перед горянкой и начнет торговаться на пальцах. Вдруг крик, суматоха, горцы схватываются за кинжалы, пластун также — оказывается в необъятные шаровары пластуна попал неоплаченный товар. Только подоспевший патруль наводит порядок. Ничего не поделаешь, на Кавказе казаки многое переняли у чеченцев и ингушей. Между прочим, нельзя смешивать горцев (тавлинцев) Дагестана с чеченцами и ингушами. Дагестанцы сами не любят их за разбой и воровство.

Так вот, возвращаюсь к своей теме: придя на Гуниб и не зная, на сколько времени (поэтому наши вещи остались пока в штаб-квартире полка), я начал брать уроки у нашего симпатичного и опытного преподавателя поручика Волкова, бывшего студента и, вероятно, потому имевшего славу либерального человека. Характерна дальнейшая его карьера — перейдя из полка в Администрацию Дагестанского края, он во время I-ой иМровой войны был полицмейстером гор. Петровска-Порт. Навещая его, моего учителя, я был поражен его перевоплощением: из мягкого, либерального человека, он стал настоящим городничим типа Сквозник-Дмухановского из «Ревизора», грозою всех коммерсантов и торговцев города.

Перед этим, отец мой подал прошение о принятии меня в один из кадетских корпусов, выразив желание определить меня в Симбирский корпус, так как большинство мальчиков нашего полка были именно там, по случаю неимения вакансий во Владикавказском корпусе, только что открывшемся. Вдруг приходит телеграмма, пересланная из полка, о принятии меня в Орловский-Бахтина кадетский корпус. Снова суматоха — укладка упаковка несложного имущества пехотного капитана, наем арб и почтовой тройки, и мы возвращаемся домой, а меня же надлежит доставить в г. Орел на вступительный экзамен к 15 августа. Дома мне спешно шьют новый костюмчик под военную форму: рубашка с поясом, штаники с напуском и сапожки, но для самого отца вопрос этот еще сложнее — надо ехать и прожить там, в большом губернском городе, где масса начальства и генералов вообще. Заказывается для отца новый белый китель и даже два, фуражка с белым чехлом, сапоги и пр. Одним словом, громадная брешь в офицерском бюджете. Перед отъездом мое прощание с ротой отца, с собаками, друзьями игр и прогулок, со старой лошадью, уже не стоящей на ногах, с нашей дорогой детской учительницей Анной Михайловной; на своих не обращаешь внимания, только когда настает день отъезда на ближайшую железнодорожную станцию (за 45 верст), и сестры, глядя на меня, льют слезы в три ручья, мать не выдерживает и , обняв меня, говорит отцу: «И куда ты его везешь, ведь он еще совсем маленький, ему нет и 10 лет и как он там будет целый год без меня?» — Я не выдерживаю и, забыв свою кадетскую гордость, реву и не могу оторваться от мамы.

Но вот Рубикон перейден мы в дороге и под мерный ритм поезда я успокаиваюсь. Через день, встретив в поезде другого малыша Володю Добросмыслова, сына капитана Ширванского полка, принятого в тот же Орловский корпус, я забываю все оставшееся позади и мы играем, бегая по вагону, в то время как отцы

ведут бесконечные разговоры о полках и об охоте...

Пять дней пути. Какое громадное развлечение для ребенка, никогда не ездившего по железной дороге и еще так далеко, надо пересечь почти всю Россию! В то время скорые поезда проходили, не останавливаясь, мимо нашей глуши, да и обер-офицеру на такой поезд литеры на льготный проезд не полагалось. Но все же железнодорожное «крещение» я получил чуть раньше: в 1899 г. отец наш был спешно послан со своей ротой на время в с. Хасав-Юрт, где обыкновенно стоял батальон Ширванского полка, вызваный в свою очередь куда-то; спустя некоторое время мать, взяв меня, поехала навестить отца с заездом в Темир-Хан-Шуру к родителям матери, а потом в Петровск к папиной бабушке. Все это путешествие проделали на почтовых, а в Петровске надо было брать поезд. Папина мать была совершенно неграмотная женщина, но старожилка Петровска, поэтому, считая себя культурнее и опытнее нас, взялась руководить нами и посадить на поезд. Расстояние было всего три пролета, но почтового тракта не было. И вот в назначенный бабушкой день, нагруженные многочисленными узелками и корзинками, мы храбро, под предводительством бабушки, двинулись пешком на страшный для нас вокзал. Подходя к вокзалу, вдруг увидали наш поезд медленно отходящим. Мы бежать за ним, а бабушка, роняя булочки и сайки, приготовленные отцу в подарок, кричала вслед кондуктору, знакомому, живущему рядом с ней: «Стой, стой, проклятый! Ну подожди, вернешься, так я тебе задам»... но кондуктор только махал в ответ фонарем. Следующий же поезд шел ровно через сутки. С тех пор авторитет папиной бабушки навсегда пропал в моих детских глазах. Так вот, имея коекакой опыт, я учил своего нового приятеля Володю не вылезать на перрон без папы.

Проезжая Курск, мы получили несказанное удовольствие видеть массу войск по случаю Курских маневров в Высочайшем присутствии. Для нас, детей, это было первое потрясающее зрелище: масса солдат всех родов оружия, вокзалы разукрашенные флагами и транспарантами с вензелями, оркестры музыки и генералы, генералы без конца.

Ну вот и конец нашего 5-дневного путешествия. Прямо с вокзала на извозчике в корпус; узнав о дне экзаменов, отправились мы в указанную нам гостиницу «Северные номера», как раз напротив пожарная команда, а в конце улицы громадное здание «Института Благородных Девиц». Какая удача! Сколько новых развлечений! «Одни пожарные с их внезапным выездом чего стоят!» Нам повезло с Володей — были две-три тревоги, мы первыми выбегали на улицу и раз удалось нам видеть выход на прогулку институток, парами во главе с громадным швейцаром-цербером.

Описывать экзамены не буду — они проходили, как везде, по заведенному порядку, и я их не боялся, так как был хорошо подготовлен моим учителем в полку поручиком Волковым и выдержал все экзамены блестяще.

Мы с отцом абсолютно никого из приехавших не знали и, ожидая результата экзаменов, были удивлены, увидев идущего к нам низенького угрюмого полковника, который, сразу поздоровавшись, сказал отцу: «А ведь мы родственники, капитан, с вами и ваш мальчик настолько хорошо подготовлен, что прямо можно было бы принять во второй класс, но по летам он еще еле попадает в 1-ый класс». Действительно, мне к установленному сроку не исполнилось 10 лет, и поэтому директору корпуса, этому самому угрюмому полковнику, пришлось послать телеграмму Великому Князю Константину Константиновичу, который сразу же разрешил принять меня в 1-ый класс.

Директор корпуса, небезызвестный в учебных кругах полковних Артиллерийской Академии Валериан Лукич Лобачевский, оказался моим двоюродным дядей, так как был кузеном моей матери. Он был круглый сирота и воспитывался в Нижегородском Графа Аракчеева корпусе. Дед мой, служа в Ширванском полку, брал его к себе на летние каникулы, и мать часто рассказывала нам о нелюдимом кадете, не любившем девчонок, а только умные книги.

Ничего хорошого не вышло у меня с этим дядей. Очень строгий, присланный специально подтянуть корпус, особенно учебную часть, он иногда присылал солдата, горниста или барабанщика, после обеда за мной поиграть с его дочуркой Таней, чего я терпеть не мог, да и этикет, царивший у него в доме, был не под силу мне, живому мальчику. Кроме того, дядя не упускал случая сделать мне замечание или выговор перед строем за пустяки, чтобы не казаться пристрастным к своему племяннику, и доводил меня до слез, за что меня друзья-кадеты жалели. Я был очень рад, когда простившись со мной и даже поцеловав, он, произведенный в генералы, уехал в Москву принять другой корпус, а именно 3-й Московский, для исправления. Это был умный и ученый артиллерист, но в частной жизни очень тяжелый. Он погиб на своем посту в корпусе во время революции.

Не берусь повторять то, что известно каждому старому кадету. Воспитание и образование шло во всех корпусах по одной и той же программе. Благодаря назначению Великого Князя Константина Константиновича Главным Начальником военно-учебных заведений, воспитательная часть во всех корпусах стала более сердечной, семейной, особенно для малышей, а

это имело колоссальное значение. Первые дни, особенно ночи, после того как отец или мать последний раз поцеловали малыша и сказали ему: «Смотри слушайся воспитателя и учись» и ребенок остался один в холодной казарменной обстановке, вот тут-то и нужно чье-то ласковое, ободряющее слово. В первую же ночь в спальне кто-то вспомнит маму не выдержит и всхлипнет за ним другой и третий... Грубый голос «майора» — второклассника — «ну, вы там, плаксы, смотрите набью вам...», конечно, не может остановить плачущих детей, и вот старый дядька, Забабурин, отставной солдат с огромной медалью на шее, маленький, сухонький старичек, подойдет к каждому и, щекоча небритой щекой, что-то скажет ласковое, и малыш затихает и утром уже бодро стоит в строю на молитве.

Воспитатели почти все последнее время были люди работавшие по призванию, за малыми исключениями, и любили детей. Мой воспитатель в течение шести лет оставил по себе неизгладимый след в наших сердцах — это, ныне покойный, Яльмар Аларикович Тавастшерна. Он буквально страдал за каждого из нас и его дом (квартира) был семьей, где черезчур нервный мальчик мог некоторое время отдохнуть от казарменной жизни: он, с разрешения директора корпуса, брал нервных мальчиков к себе для успокоения. Все родители детей, приезжавшие навестить сына, находили у него бесплатный приют.

Через два года появился в корпусе еще мой другой дядя, тоже двоюродный. Это назначенный из Пажеского корпуса ля отбытия ценза доктор Александр Ильдефонсович Вержбицкий. Он давно знал о моем существовании, так как моя бабушка со стороны матери была урожденная Вержбицкая. Кроме своих докторских обязанностей, он преподавал в младших классах естественную историю. Это был красивый с пышными усами барин, коренной петербуржец, женатый на такой же столичной барыне. Она оставалась временно в столице, а дядя выписывал к себе иногда сына Юрку лет 10-ти, нелюбимого нами за то, что был «баба». Дядя брал в отпуск к себе не только меня, но еще двух-трех кадет по очереди, и мы с большим удовольствием ходили к нему, так как нам было обезпечено большое количество пирожных, которые мы ходили покупать сами, и долго и шумно играли в его обширной казенной квартире, пока он нас не прогонял в корпус. Проездом на Дальний Восток, во время войны, у него останавливалась сестра его, сестра милосердия на фронте. Мы, кадеты, все были влюблены в нее — она была не только красивая, но и очень добрая, два качества не всегда совместимые.

Как раз, в год гибели «Петропавловска», дядя с разрешения директора корпуса взял меня на две недели с собой в Петербург на Пасху. Эта поездка была для меня сказкой из «1001 ночи», и я долго потом рассказывал друзьям-кадетам об этой чудной поездке, за что иногда меня одергивали, говоря, чтобы зря не брехал.

Ехали мы в скором поезде с вагоном-рестораном, где я впервые обедал. По дороге, в Москве, целый день мы осматривали Кремль и больше всего мне понравилась Царь-пушка, которую я сравнивал со старыми крепостными пушками времен Шамиля. По приезде в семью жены дяди я был окружен вниманием и лаской. За неимением места, я спал у старой няни на ее сундучке под образами; старушка ко мне так ласково отнеслась, как будто к сиротке, брошенному всеми. Весь первый день меня рассматривали какие-то важные старики и старушки, гладили как собачку, ласкали, целовали и удивлялись, как это я попал с погибельного Кавказа к ним. На заутреню мы ходили в церковь Театрального училища. Это помню хорошо, так как там кто-то накапал мне на голову горячего воска со свечи, и я, чтобы не было скучно, занялся капаньем воска на пуговицу мундира стоящего впереди меня какого-то важного господина (камергера), за что дядя дернул меня за ухо и мы переменили места.

Самые памятные для меня события были следующие: получено известие о гибели«Петропавловска» с адмиралом Макаровым — все плакали и говорили: «Что же теперь будет?» Второе — это официальный визит, по обязанности, Великому Князю Константину Константиновичу в его дворец. Мы попали прямо к обеду, вероятно, так были приглашены. Сперва я дичился и боялся, но меня так ласково приняли и без всякой церемонии, что я вскоре забыл, где я находился, и после обеда, по команде Великого Князя — «марш играть», все кадеты, а нас было немало, гурьбой бросились в детскую играть невиданными мною еще игрушками и чуть не подрались из-за железной дороги, по которой бегал сам паровоз с вагонами. Помню, что все было в этой семье просто, только как и в корпусе перед обедом и после была общая молитва, а что ели и пили — не обратил внимание.

Должен добавить, что для этой поездки в корпусе меня специально одели во все новенькое, миниатюрное, сшитое по заказу. Скажу кстати, что корпус для меня не был мачехой, а, наоборот, хорошей приемной матерью.

С разрешения директора корпуса все 6 лет я ходил с ночевкой в отпуск к семье моего однокашника по отделению Жоржика Серчевского, с которым мы лежали рядом больные корью в первый же год нашего поступления и которого навещала мать. Семья эта состояла из одних только женщин (четыре поколения): прабабуш-

ки, выползавшей из своей комнаты-кельи со стулом, только целовала нас всех, подбегавших к ней и спешивших обратно, бабушка, еще не старая женщина и свежая, — мать моего товарища, красивая вдова 35-36 лет, и дочурка ее Надя, гимназистка на год старше меня; был еще мальчуган-гимназист, моложе меня на год. Кроме того, в доме был свой деспот, фактически управлявший домом, — это старая няня, бывшая крепостная Наташка, но без которой семья никак не могла обойтись, она же и кухарка, и экономка, и вообще все. Вечно ворчавшая, ругавшая всех и ежедневно собиравшаяся уходить, для чего после ругани собирала свой сундук, времен Иоанна Грозного, но, подумав, сидела долго на кровати, а рядом с ней сама Серчевская, обняв ее и спрашивая: «Ну куда же ты пойдешь, ведь некуда?» — отвечала: — «Вестимо некуда»... и все оставалось постарому. Нас это забавляло и мы бегали подсматривать в щелку эту вечную драму. Семья эта была для меня родной, и меня они таскали буквально всюду, даже в театре я был до 20 раз в году, влюбился в известную тогда артистку Истомину и рискнул пойти к ней на дом попросить на память фотографию. Самое интересное было то, что за неимением места в доме Серчевских, я спал всегда в одной комнате с Надей, рядом на маленьком диванчике, и по ночам мы с Надей долго разговаривали, сидя на одной и той же кровати, и конечно шопотом, чтобы не слыхала Наташка-деспот. О святая невинность, какие мы были в наше время чистыми, не испорченными детьми. А ведь в последний год мне было 16, а Наде 17 лет.

Благодаря этой милой семье я бывал с другими детьми в «Дворянском гнезде», в том настоящем доме, описанном Тургеневым. Самым последним стоял он на улице, где жили Серчевские, свидетель романа Лизы и Лаврецкого, ветхий уже, но только что купленный знакомым Серчевских, и мы, дети, постоянно играли там, бегая по кленовым аллеям, не обращая внимания на сгнившие пни от скамеек времен Калитиных. Когда же мы в классе разбирали этот роман Тургенева, преподаватель нам сообщил, что на-днях в одном из женских монастырей скончалась та, которую изобразил Тургенев в своем романе «Дворянское гнездо». После этого я специально обошел все пеньки в саду и только тогда почувствовал некоторое угрызение совести.

Как-то сразу в этой семье умерли прабабушка и бабушка, и помню, что на похоронах прабабушки меня поразило, что несколько незнакомых мне женщин в черных платьях и платках страшно как-то плакали, идя за гробом, и на мой вопрос Наде, почему они плачут, вероятно, они подруги прабабушки, получил от нее ответ: «Нет Боря, это мы их наняли, чтобы они плакали». Так впервые я познакомился с обычаем нанимания плакальщиц.

Как ни странно, но почти сейчас же после окончания корпуса я потерял связь с этой родной мне семьей: она переехала в Москву, и только в Петербурге я видал изредка моего сверстника Жоржа Серчевского, юнкера инженерного училища, прочих так никогда и не встречал...

В памяти у меня осталась отправка по назначению партии кадет 10-15 человек в семейные дома для вечеринок. Мы, кадеты, не любили бывать по наряду в Институте Благородных девиц, ибо скука там была смертельная. Танцевать надо со всеми по очереди и чинно и прилично, разговаривать много не полагалось. Хотя среди институток было немало хорошеньких, но однообразная форма одежды делала их неинтересными. То ли дело, когда под командой старшего кадета группа в 8-10 человек отпускалась на всю ночь, с приказом вернуться трезвыми, к одной из больших гостеприимных помещичьих семей, а таких было немало (Галаховы, Адамовичи, Потоцкие, Лихаревы и др).. Этикета никакого, молодежь отдельно сидит и танцует, ужины лукуловские, романы на долгое время и без драмы...

Но все имеет конец, и вот училище, — дающее совершенно другую картину — дисциплина, суровая подготовка для звания офицера и глупостям нет места. Два-три года напряженного учения — и все прошлое в корпусе кажется детской сказкой. Начинается новая, вполне самостоятельная и ответственная жизнь. Детская сказка никогда не повторяется, и счастлив тот, кому есть что вспомнить на старости лет.

Б. Кузнецов.

Оренбургское казачье училище

В середине 19-го столетия в городе Оренбурге были учреждены Офицерские Курсы, которые 20-го декабря 1868 года преобразованы в Оренбургское окружное юнкерское училище.

Первоначально училище имело два отделения: пехотное — роту и казачье — сотню. Штат училища был рассчитан на 200 юнкеров с двухгодичным курсом обучения, по окончании которого юнкера выпускались — в пехоту подпрапорщиками, а в казачьи войска — подхорунжими. В первый же офицерский чин они производились по прослужении в строю известного срока, по общему Государственному закону, как и в других Окружных юнкерских училищах. В нем проходили курс учения только молодые люди Оренбургского, Сибирского, Уральского и Астраханского казачьих войск.

После открытия в Казани также Окружного юнкерского училища, пехотное отделение в Оренбурге было закрыто и с тех пор оно стало чисто казачьим юнкерским училищем.

В 1898 году было закрыто Ставропольское казачье юнкерское училище на Кавказе, и молодежь Кубанского и Терского казачьих войск командировалась в Оренбург.

В 1901 году было закрыто казачье отделение (один конный взвод) при Иркутском юнкерском училище, и молодые казаки Забайкальского, Иркутского, Енисейского, Амурского и Уссурийского казачьих войск командировались также в Оренбургское казачье юнкерское училище. Донское Войско имело тогда уже свое Новочеркасское казачье юнкерское училище.

В 1901-1902 учебном году, как и во всех юнкерских училищах, в Оренбургском был введен трех-годичный курс программы, один общий класс для молодых людей, имеющих образование 4-х и 6-ти классов гимназий, реальных училищ и кадетских корпусов, и два специальных. В общий класс был конкурсный экзамен, а в 1-ый специальный могли поступить без экзамена молодые люди с законченным средним образованием.

С 1904 года юнкера из училищ стали выпускаться в полки сразу же первым офицерским чином. У казаков — чином хорунжего.

Таким образом, ходом Государственных событий, Оренбургское казачье юнкерское училище стало «Обще-казачьим». В нем были представлены все Войска, кроме Донского. В строю сотня юнкеров блистала всеми цветами нарядной радуги лампас, фуражек, черкесок и папах: каждый юнкер носил форму одежды своего Войска и справлял ее на собственный счет.

В 1902 году Начальником училища был назначен Донской казак Генерального штаба полковник М. И.Михее в. В это же время Начальником Новочеркасского юнкерского училища был Генерального штаба полковник А. М. Каледин, впоследствии, после революции 1917 года, знаменитый Донской Войсковой Атаман.

В 1903 году, совместным ходатайством двух этих Начальников училищ, обмундирование в этих училищах было принято на счет Войска, по принадлежности юнкера. Это касалось, конечно, только Оренбургского училища, в котором находились юнкера разных войск и разного числа вакансий. При этом в Оренбургском юнкерском училище была установлена однообразная форма одежды для всех юнкеров, по образцу Оренбургского казачьего Войска: черный двубортный, длинный до колен мундир, черные широкие шаровары с синим лампасом, фуражка с черной тульей, синим околышем и синим кантом «по полю» и косматая черная папаха с синим верхом, обшитым, как у урядников, тесьмой «накрест», но белой. Воротник мундира и обшлага были красиво обшиты широким серебряным галуном (басоном). Но в отличие от общей формы Оренбургских казаков были введены алые погоны (красные), по краям обшитые узким галуном, как во всех военных и юнкерских училищах.

В этом же 1903 году училищу Всочайше было пожаловано знамя. Церемонию передачи знамени производил Наказный Атаман Оренбургского Войска генерал-лейтенант Я. Ф. Барабаш в училищных лагерях на горе «Маяк».

В 1909 году все Окружные юнкерские училища, в том числе и Оренбургское казачье, были приравнены во всех правах к «Военным училищам», а Оренбургское стало официально носить имя — «Оренбургское казачье училище».

Училище составляло конную сотню в 120 юнкеров. Каждое Войско имело определенное число своих вакансий. Наибольшее число, «по праву первородства», имело Оренбургское — 36; затем, Кубанское — 18; Терское — 12; остальные Войска имели гораздо меньше, в пропорциональной численности своего казачьего населения, вернее — количеству своих полков, выставляемых Государству. Каждое Войско высылало деньги в училище на полное содержание своих юнкеров, то-есть, — на обмундирование, на снаряжение, на лошадей и на питание. Некоторые Войска не заполняли молоды-

ми людьми своих вакансий, и на них поступали юнкера других Войск, но училищное начальство при этом запрашивало Наказных Атаманов, могут ли они платить за добавочно принятых юнкеров? Самый большой наплыв вольноопределяющихся для держания вступительного экзамена в общий класс давали Кубанское и Терское Войска. Они и поступали на незаполненные вакансии других Войск. Поэтому, Кубанцев и Терцев всегда имелось почти половина всей сотни юнкеров. Интересно и нормально было то, что конкурсный экзамен для поступления был, по полученным баллам, не общий, а по Войскам, то-есть, — можно было выдержать экзамен на меньших баллах, но, имея свою Войсковую вакансию, — поступить, но можно было выдержать экзамен и на высшие баллы, но, не имея своих Войсковых вакансий, быть не принятым.

Несмотря на разнородность Казачьих Войск, несмотря на их территориальную разбросанность, от берегов Черного моря и до берегов Великого океана, а отсюда и на разность климата, природы, условий местности, дух Казачий у всех был одинаков и между собою юнкера жили очень дружно. Заслуженное уважение оказывалось старшим классам. Это была однородная казачья среда. Ни титулованных, ни богатых, ни неженок, ни ябедников среди них не было. На 90 проц. это были дети простых казачьих земледельческих семейств и, поступив по глубокому убеждению в училище, да еще по конкурсному экзамену, все дорожили своим положением, трудились в науках и на строевых занятиях, зная, что их ждет впереди высокое и благородное звание офицера.

Никаких цуканий, принижающих человеческое достоинство, в училище не было. Это была большая, братская казачья семья в 120 человек, занимавшая своими учебными классами, спальнями, гимнастическим залом и другими необходимыми отделениями весь второй этаж длиной во весь квартал казарменной старой постройки; ее восточные окна смотрели на широкую площадь, за которой, поперечной прямой линией, начинались городского стиля постройки большой Оренбургской станицы, называемой «Форштадт». В нижнем же этаже — квартиры семейных офицеров. Тут же — громадный двор и конюшни.

В сторону реки Урала — широчайшая гарнизонная площадь, на которой ежедневно и в самые лютые морозы был всегда час сменной езды. При мягком снеге — манежная езда, рубка шашкой и уколы пикой заканчивались джигитовкой. И так три года подряд. В порошу же старший класс выезжал на парфорсную охоту с собственными волками, выпускаемыми в степи на волю.

Май и июнь — на широчайшем лагерном поле, где скачи и не перескачешь. Июль месяц — поход по Оренбургским станицам, селам и татарским аулам. В этом походе все юнкера исправляют обязанности «рядовых казаков», то-есть, — сами чистят лошадей, сами кормят их, седлают с полным походным вьюком, с пиками. В походе — сплошные маневры «с обозначенным противником».

Три года учения и такой практической строевой подготовки давали отличный состав офицеров. Во время Великой войны 1914-17 г.г. училище давало ускоренные курсы для производства в чин прапорщика.

После большевицкого переворота в 1917 году Оренбургское казачье Войско со своим Атаманом полковником Дутовым не признало советской власти. Красные повели наступление на Оренбург с двух противоположных сторон, со стороны Самары и со стороны Ташкента. Атаман Дутов, бывший долго помощником инспектора классов и преподавателем тактики и саперного дела в училище, разместил в его стенах свой штаб. В первых числах февраля 1918 года Оренбург пал. Начальник училища генерал Слесарев (Терский казак) увел училище в полном составе к Уральским казакам в город Уральск. В июле того же года Оренбургские казаки освободили свой стольный город, и училище вернулось обратно и приступило к занятиям. В январе 1919 года, после долгих и ожесточенных боев, красные, вторично и навсегда, заняли Оренбург. Оренбургское казачье училище отходило в Сибирь.

После долгих скитаний, в 1920 году оно достигло Иркутска. Вся Сибирская армия адмирала Колчака отходила на восток. В Иркутске, в тылу Армий Колчака, произошло восстание левых политических партий. Гарнизон перешел на сторону восставших. Училище, как надежная часть, было распылено по наряду в караулы. Застигнутое врасплох, оно было обезоружено и... перестало существовать, так как вся власть в Иркутске немедленно же перешла в руки красных, и никто из состава училища не вырвался оттуда, чтобы рассказать доподлинную историю и «Сибирского пути училища» от Оренбурга до Иркутска, и «день гибели», и судьбу юнкеров и их начальников-офицеров. Отрадно сказать одно, — что Оренбургское казачье училище в полном своем составе совершило свой «ледяной и степной поход» в месяцы Государственного падения.

Есть о чем задуматься и, выпрямив стан, гордо поднять голову.

Полк. **Елисеев.**

Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное Училище

(Окончание)

Конец 1913-го и начало 1914-го года никакими особенными событиями не выделялись и лишь объявление войны в июле 1914 года положило начало поистине лихорадочной работе. После выпуска юнкеров не в августе, как всегда, а в Июле 1914 года, училище было сейчас же пополнено новым приемом; остававшемуся в училище младшему классу был дан 2-хмесячный срок для прохождения сокращенного курса старшего класса, и 1-го октября 1914 года состоялся последний, до 1920 года, выпуск юнкеров из училища в чине подпоручика.

Начиная с 1 декабря, через каждые два месяца, училище выпускало прапорщиков. Строевой командный состав, кроме своей непосредственной работы, с начала войны был привлечен к чтению лекций по тактике и типографии. Много времени уходило на заботы по обмундированию молодых офицеров и снабжению их оружием, биноклем и разными другими предметами, что, также, входило в обязанности строевого командного состава. Работы стало почти непосильно много.

С началом войны в Киеве было открыто еще три училища, — артиллерийское, инженерное и пехотное, получившее, сначала, наименование «2-ое Киевское военное училище», а впоследствии «Николаевское военное училище». 26 сентября 1914 года нашему училищу было Высочайше повелено именоваться «1-ым Киевским военным училищем».

Начальником 2-го Киевского военного училища был назначен генерального штаба генерал Гаврилов, наш бывший преподаватель тактики; командиром батальона — наш-же командир 2-ой роты капитан Галущинский. Должности двух командиров рот были, также, замещены нашими офицерами, капитанами Кононович-Горбатским и Желиховским. Несколько младших офицеров были переведены из нашего училища и у нас была взята половина наших солдат и служителей. Все инструкции, расписания, раскладки и пр. были целиком перенесены во 2-ое Киевское военное училище от нас и его можно с полным основанием назвать нашим детищем.

Вскоре после объявления мобилизации генерал Крылов получил в командование дивизию и Начальником училища был назначен ген. штаба генерал Калачев. Ушли на войну и многие преподаватели — офицеры генерального штаба, полковники Духонин, Геруа, Ткаченко и их обязанности взяли на себя наши строевые офицеры, среди которых было много окончивших академии. Поэтому, учебная часть в училище продолжала оставаться на высоте.

27-го января 1915 года училище было впервые осчастливлено посещением Государя Императора Николая 2-го. (Надо сказать, что при всех приездах Государя Императора в Киев, училище принимало участие в Его встречах. За пребывание в училище полковника Сигарева это было четыре-пять раз. Участвовало, также, училище в большом торжестве в присутствии Государя Императора по случаю открытия в Киеве на Царской Площади, у Купеческого Сада, памятника Императору Александру 2-му.).

При входе в Училище Государь был встречен Начальником училища и дежурным офицером. Прежде всего, Государь посетил лазарет училища, откуда, сопровождаемый Начальником училища, поднялся во второй этаж и вошел в зал, где был выстроен батальон юнкеров со всеми прочими чинами училища и преподавателями на левом фланге. Приняв рапорт командира батальона и поздоровавшись с полковником Сигаревым за руку Государь поздоровался с юнкерами. После дружного ответа «Здравия жела-

ем, Ваше Императорское Величество!», загремело юнкерское «ура!», почти заглушавшее гимн, исполнявшийся оркестром музыки.

Обойдя фронт, Государь вступил в отделенную от зала аркою церковь, где Его встретил кратким словом приветствия о. Евгений Капралов, отслуживший молебен.

Повыходе из церкви Государь обратился к юнкерам со словом и поздравил очередной выпуск с производством в офицеры. Затем, простившись с юнкерами, Государь направился к выходу. Новое громовое «ура!» сопровождало Государя, шедшего по коридору, затем — по лестнице, до самого выхода из училища и до отъезда царского автомобиля от дверей.

Текст слова, сказанного Государем, был представлен Начальником училища по команде и вошел полностью в Высочайший приказ о производстве очередного выпуска в офицеры.

Полковник Де-Лобель, тогда капитан и командир роты, вспоминает о втором посещении училища Государем Императором в 1916 году, когда сопровождаемый генералом Калачевым и другими офицерами Государь обошел все помещения училища и, в частности, обратил Свое внимание на медные доски, на одной из которых был выгравирован приказ по училищу: «Инспектор классов вверенного мне училища генерал-маиор Старк имел счастье представляться Государю Императору, который осчастливил генерала Старка и все вверенное мне училище высокомилостивыми словами: «из вашего училища выходят отличные офицеры! Я знаю это от командиров полков...»

На другой доске стояли слова Государя, также сказанные Им генералу Старку: «Где Константиновец — там долг исполнен!»

24 июня 1915 года, после кончины Великого Князя Константина Константиновича, последовало Высочайшее повеление: 1-ое Киевское военное училище впредь именовать 1-м Киевским Великого Князя Константина Константиновича военным училищем.

27 августа 1915 года приказом по Военному Ведомству за № 458 Высочайше повелено присвоить училищу шифровку имени Великого Князя Константина Константиновича.

10 октября 1915 года Высочайше повелено: 1-ое Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище именовать впредь Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище.

11 декабря 1915 года последовало Высочайше соизволение на принятие под Августейшее покровительство Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны «Общества вспомоществования бывшим Киевлянам» и также, на переименование этого Общества в «Общество вспомоществования бывшим Киевлянам-Константиновцам».

В 1915 году было скромно, по случаю войны, отпраздновано 50-тилетие со дня основания училища.

Осенью 1915 года училище посетил генерал Адамович, назначенный Инспектором военных училищ и школ прапорщиков. В конце своей инспекции, присутствуя на тактических занятиях рот на Саперном поле, генерал Адамович сказал полковнику Сигареву: «Я рад за училище. Оно — в отличном состоянии, а юнкера производят впечатление старых юнкеров мирного времени». Это были юнкера 6-го и 7-го ускоренных выпусков.

С течением времени стала все более и более сильно ощущаться нехватка опытных, подготовленных офицеров для замены уходивших из училища на фронт командиров рот и младших офицеров. В 1916 году ушел на фронт и вскоре был убит, уже в чине подполковника, командир 3-ей роты капитан Воронцов. Поэтому было особенно ценным для училища прибытие таких отличных офицеров, как наш же бывший юнкер — капитан Тунеберг и капитаны Дмитриев, Осетров, Де-Лобель и Сребницкий.

После двукратного, в 1914 и в 1915 годах, отказа Главного Управления Военно-Учебных заведений отпустить полковника Сигарева на должность командира полка, 12 января 1917 года последовал Высочайший приказ о назначении полковника Сигарева командиром 304-го пехотного Новгород-Северского полка. Сдав батальон полковнику Севрикову, полковник Сигарев отбыл на фронт.

Подводя итог своей службе в училище, полковник Сигарев подчеркивает, что пребывание в училище генералов Крылова и Адамовича было чрезвычайно благотворным по своим последствиям. Оба эти начальника установили в училище твердые и разумные начала во всех отраслях жизни и обучения будущих офицеров.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович — Шеф Киевского Его имени Военного Училища.

1917 год.

27-го октября две роты училища вели бой на улицах Киева с пытавшимися захватить город большевиками. Понеся большие потери (убиты 2 офицера и 40 юнкеров, ранены 2 офицера и 60 юнкеров), обе роты вернулись в здание училища, где четыре дня, вместе с Корниловским ударным полком, также помещавшимся в училище, отбивались от осаждавших здание большевиков.

1-го ноября роты училища перешли в здание Владимирского кадетского корпуса.

5-го ноября училище покинуло Киев, отправившись по железной дороге в г. Екатеринодар, куда прибыло 13 ноября в составе: Начальника училища генерала Калачева, 25 офицеров и 131 юнкера. В Екатеринодаре училище вошло в подчинение Командующему войсками на Кубани, Атаману Кубанского казачьего войска полковнику Филимонову.

1-го декабря приказом Атамана Кубанского казачьего войска училище было переименовано в «Константиновское военное училище».

1918 год.

21 января училище, входившее в состав отряда «Спасения Кубани», по частям вышло на охрану железной дороги Екатеринодар-Кавказская.

29 января училище понесло первые потери на Кубани: были убиты 2 юнкера и ранены 4 юнкера.

12 февраля в бою с красными были ранены 2 офицера и 10 юнкеров.

28 февраля училище выступило в 1-ый Кубанский поход («Ледяной»).

2 марта все пешие части, выступившие из Екатеринодара, были сведены в один, 1-ый Кубанский стрелковый полк. Офицеры и юнкера училища вошли в состав полка полусотней 3-ей сотни. Командиром полка был назначен офицер училища, штабс-капитан Тунеберг. Штаб училища был прикомандирован к полку.

15 марта, после ряда боев, Кубанская армия отошла в горы и, соединившись у станицы Калужской с Добровольческой Армией, вошла в ее состав.

1917 год. — Справа от Начальника Училища **генерала Калачева** — командир батальона **полковник Сигарев.**

20 марта офицеры и юнкера училища были переведены из Кубанского стрелкового полка в Корниловский ударный полк, войдя в его состав ротой. Штаб училища до конца похода оставался при 1-ом Кубанском стрелковом полку.

23 марта в бою под станицей Григорьевской были ранены 2 офицера, убиты 4 юнкера и ранены 30 юнкеров.

28-31 марта рота юнкеров участвовала в бою под Екатеринодаром.

Апрель-Май: отошедшая на Дон Добровольческая Армия располагалась в районе станиц Егорлыцкой и Мечетинской.

Июнь-Июль: в составе Корниловского ударного полка рота юнкеров участвовала во 2-ом Кубанском походе и в боях под Торговой, Тихорецкой, Сосыкой и Тимошевской.

3 августа училище в составе 11 офицеров и 14 юнкеров вступило в Екатеринодар. Большая часть офицеров и юнкеров погибла в 1-ом Кубанском походе и в предшествовавших занятию Екатеринодара боях, часть юнкеров, произведенных в офицеры, уехали в другие полки.

1919 год.

1 января в Екатеринодаре был открыт прием юнкеров с законченным средним образованием (67-ой выпуск).

1 февраля начались правильные занятия по программе мирного времени (двухгодичный курс). Начальником училища оставался вышедший с училищем из Киева генерал Калачев, Инспектором классов — полковник Попов. Командир батальона — полковник Сребницкий, ротные командиры: 1-ой полковник Де-Лобель, 2-ой капитан Мыльников, 3-ей подполковник Рейс, 4-ой полковник Худяков, затем — подполковник Коптев. Младшие офицеры: капитаны Уськов, Ушаков, Скрынник, Святополк-Мирский, Гуцаловский, Котляр, Черноглазов, штабс-капитан Сербинов, поручики Роше и Крестинский, подпор. Зелинский, поручики Алексеев и Житецкий.

30 июля - 6 августа училище перешло морем в место своей новой стоянки, в город Феодосию.

3 сентября был открыт новый прием в училище (68-ой выпуск).

27 декабря батальон училища, в составе 16 офицеров, 336 юнкеров и 27 солдат, выступил на фронт.

31 декабря батальон выступил из Джанкоя к Перекопу.

1920 год.

«В связи с тяжелой обстановкой, сложившейся к началу года на Кавказе, Крым и Новороссия приобретали особое значение, как последнее убежище», писал в своих «Записках» генерал Врангель. Почти в тех же выражениях говорит и генерал Деникин о значении удержания в то время в наших руках Крымского полуострова: «Корпус генерала Слащева охранял Крым — последнее убежище белых армий Юга. В Крымских перешейках было очень мало жилья, мороз стоял жестокий, до 22 градусов, и корпус был отведен за перешейки, занимавшиеся только сторожевым охранением. Сосредоточенные к-ром корпуса крупные резервы обороняли Крым, атакуя промерзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебуширующего из перешейков противника. В целом ряде боев, разбивая советские части и преследуя их, корпус трижды захватывал Перекоп и Чонгар, неизменно возвращаясь в исходное положение...» «В результате, все усилия советских войск проникнуть в Крым успеха не имели...»

В свете двух этих выдержек становится понятной боевая деятельность училища в этот период.

11 января батальон училища вел бой на косе Соленого Озера и у деревни Карпова Балка. Были ранены 1 офицер и 1 юнкер.

12 января батальон занял город Армянск.

15 января батальон училища, восстанавливая положение на Перекопскому валу, в метель и при морозе в 22 градуса вел упорный бой у Армянска, отбив ряд атак противника, переходя неоднократно в штыковые контр-атаки. Задача, поставленная батальону, была выполнена ценою тяжелых потерь: были убиты 3 офицера, в их числе — командир батальона полковник Сребницкий и 29 юнкеров, ранены 4 офицера и 51 юнкер.

22 января батальон вернулся в Джанкой.

Февраль-Апрель: батальон училища оставался в резерве командира Крымского корпуса и перебрасывался в различные пункты Крыма.

2 апреля батальон в колоне и с оркестром музыки атаковал станцию Сиваш по дамбе длиною в полверсты. Противник, не приняв удара, очистил станцию.

4 апреля батальон участвовал в бою за овладение станцией Джимбулук.

За оборону Крыма училище было награждено отличием на головные уборы. 45 юнкеров были награждены Георгиевскими крестами и 17 юнкеров — Георгиевскими медалями.

Начальником училища был назначен ген. штаба генерал-майор Чеглов, командиром батальона — полковник Худяков.

1-10 июля батальон училища принял участие в экспедици против так называемых «зеленых» вдоль шоссе Феодосия-Симферополь.

30 июля батальон училища, в составе 2 генералов, 5 штаб и 20 обер-офицеров, 2 врачей,

377 юнкеров и 44 солдат, на военном транспорте «Сарыч» был переброшен в десант на Кубань в состав группы войск, позднее — армии, генерала Улагая.

1-3 августа батальон высадился у станицы Приморско-Ахтарской.

3-5 августа батальон совершил переход из станицы Приморско-Ахтарской, через хутор Астапов-Ефремов и станицу Ново-Джерелиевскую, на станицу Тимошевскую, пройдя 85 верст в 46 часов.

5 августа в 18 часов, обходом станицы Тимошевской с севера, батальон решил бой и заставил противника очистить станцию Тимошевскую.

7 августа батальон по железной дороге был переброшен на станцию Ольгинскую и, далее, походным порядком, на станицу Брыньковскую, для обеспечения левого фланга армии и ее сообщений.

8 августа утром батальон (без артиллерии) был атакован в станице Брыньковской превосходными силами красных (два полка Приуральской стр. бригады и конный дивизион, при 8 орудиях) и после упорного боя, охваченный с обоих флангов, отошел к станице Ольгинской, потеряв убитыми 2 офицеров (поручики Роше и Зелинский) и 17 юнкеров, ранеными 3 офицеров, 47 юнкеров и пропавшими без вести 1 юнкера и 2 солдат.

11 августа батальон, окруженный у станицы Ольгинской конницей противника (1ая красная кав. дивизия), успешно отразил ряд конных атак. Потери батальона — убито 5 юнкеров, ранено 2 офицера и 31 юнкер, пропали без вести 3 юнкера и 2 солдата.

11-13 августа, прикрывая 10-верстную колонну госпиталей и парков армии, батальон совершил в 36 часов фланговый марш в 74 версты: Ольгинская — Приморско-Ахтарская — Кирпели — Гривенная.

15 августа, при внезапном нападении красных («отряд Ковтюха» — 1.200 штыков при 4 орудиях) на штаб армии в станице Гривенной, батальон удерживал часть станицы и этим обеспечил отход штаба и частей армии на Ачуев. При этом были ранены 2 офицера и 9 юнкеров, пропал без вести 1 солдат.

16-19 августа, оставаясь в арьергарде, в 15-20 верстах от главных сил, в плавнях реки Протоки, батальон прикрывал отход и обратную посадку частей армии на суда южнее поселка Ачуев. Были убиты 2 юнкера, ранены 2 офицера и 14 юнкеров.

20-23 августа заставы, выставленные от батальона, прикрывали посадку с юга и с севера, действуя в плавнях и потеряв убитым 1 юнкера. Ввиду поднявшейся на море бури, посланному миноносцу не удалось снять южную заставу и она, позже, с большим трудом отошла ночью на лодке к месту посадки на суда.

24-28 августа батальон училища вернулся морем в Феодосию.

1 сентября был продолжен прием на младший курс. Юнкера, принятые на младший курс ранее, участвовали в десанте.

28 сентября младший курс был выдвинут в горы Крыма для борьбы против «зеленых».

20 октября юнкера старшего класса закончили полностью прохождение курса. Одна рота была выдвинута на Арабатскую стрелку.

30 октября, ввиду полной эвакуации Крымского полуострова Русской Армией, началась посадка на суда. Юнкера старшего класса заняли караулами все суда в порту города Феодосии.

2 ноября училище покинуло Родину на военном транспорте «Дон» в составе 4 генералов, 15 штаб и 16 обер-офицеров, 1 священника, 2 чиновников, 342 юнкеров и 3 солдат.

13 ноября, после остановки на рейдах Константинополя и Лемноса, училище прибыло в Галлиполи (Греция).

17 ноября училище с оружием высадилось на берег в Галлиполи.

5 декабря (18-го по новому стилю) Главнокомандующий лично произвел в офицеры 114 юнкеров 67-го выпуска, сведенных после производства в Офицерскую роту при училище.

1921 год. Галлиполи (Греция).

Начальником училища назначен ген. штаба генерал-маиор Борисевич, Инспектором классов — ген. шт. генерал Жекулин; командир батальона полковник Худяков.

Приказами Главнокомандующего Русской Армией № 63 от 25 февраля 1921 г. и № 91 от 11 марта 1921 г. за бои в Кубанском десанте училище было награждено Серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 5 офицеров награждены следующими чинами, 85 юнкеров — Георгиевскими крестами и 42 юнкера — Георгиевскими медалями.

За непрерывную службу Родине и за сохранение своего оружия, Главнокомандующим даровано училищу право прохождения церемониальным маршем «ружья на-руку».

15 апреля н. ст. гг. офицеры 67 выпуска выпущены по полкам.

21 апреля при училище сформированы Офицерские курсы на 100 обер-офицеров, произведенных в первый офицерский чин за боевые отличия и не получивших военного образования.

Офицеры и юнкера Георгиевские кавалеры в день праздника Ордена Св. Георгия 26.XI—9.XII 1921 г. в Галлиполи. Рядом с Начальником Училища **генер. Борисевичем** — ген. шт. **полк. Сергеевский** (с шашкой).

Батальон Училища перед церемониальным маршем на параде в Галлиполи (1921 год).

17 декабря училище погрузилось на пароход «Ак-Дениз» для перевозки, по соглашению между Главным Командованием и Болгарским правительством, в Болгарию.

1922 год. Болгария.

1. января училище прибыло в место новой стоянки-казармы у города Горна Джумая.

1 февраля состоялся выпуск по своим полкам гг. офицеров Офицерских курсов при училище. Было выпущено 60 обер-офицеров.

19 февраля Главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель зачислил себя в списки училища.

Приказами Главнокомандующего в списки училища зачислены: командир 1-го армейского корпуса генерал Кутепов и бывший Начальник училища генерал Чеглов, в начальствование и под непосредственной командой которого училище заслужило свои Серебряные трубы с лентами ордена Св. Николая Чудотворца.

29 мая старший класс (68 выпуск) закончил прохождение курса училища; приказом Главнокомандующего Русской Армией 4-го июня 109 юнкеров произведены в подпоручики и сведены в две Офицерские роты при училище, впредь до отправления по своим полкам.

В середине 1922 года Начальником училища был назначен ген. шт. генерал-майор Российский и Инспектором классов — ген. штаба полковник Сергеевский.

Осенью того же года в место стоянки училища было переведено Корниловское военное училище, и оба училища были сведены в одно Сводное Константиновское-Корниловское военное училище в виде двух отдельных батальонов, но с общим Начальником училища и общей учебной частью.

Совместная деятельность двух военных училищ продолжалась до конца 1923 года.

1923 год. Болгария.

Юнкера 69-го выпуска закончили прохождение курса училища и приказом Главнокомандующего Русской Армией произведены в подпоручики с оставлением, по условиям обстановки, при училище.

За исчерпанием кредитов Главного Командования, все чины кадра училища и прикомандированные офицеры 68-го и 69-го выпусков постепенно переходили на собственное иждивение, расселяясь по всей Болгарии.

1925 год.

Кадр училища, во главе с И. д. Начальника училища ген. шт. полковником Соколовским и также некоторые из прикомандированных к учичищу офицеров, переходит во Францию.

1926 год. Франция.

В городе Париже, в составе Русского Обще-Воинского Союза, учреждается «Объединение Киевлян-Константиновцев» и при нем «Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев».

Такое же «Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев» было учреждено и в Югославии. Это Общество действовало и оказывало помощь нуждающимся своим членам вплоть до оккупации Югославии германскими войсками в 1941 году.

Составил **К. М. Перепеловский**

Страничка из истории недавнего прошлого

(Окончание)

В Гродне и армия и штаб пережили тяжелые дни. 20-ый корпус погиб «смертью лютой», целиком, после целого ряда доблестных боев попав в плен. Остальные корпуса отходили сильно потрепанные и расстроенные. Крепость Гродно, не вполне еще готовая и открытая для нападения немцев, защищалась малоустойчивыми ополченскими частями. Ее надо было удержать во что бы то ни стало, а между тем 2-ой корпус генерала Флуга, перебрасываемый к нам, начал только что подходить. Мы сами, то есть — штаб, едва успели проскочить из Августова. Время было действительно кошмарно-тяжелое, и если к этому прибавить, что генерал Сиверс, вообще — больной старик, совершенно расхворался, а начальник штаба генерал Будберг обнаружил признаки душевного расстройства, то станет понятным та исключительная обстановка, в которую мы попали. О Мясоедове думать уже не приходилось и я был рад, что он находится в надежных руках, не убежит и не совершит ничего преступного.

Так прошло недели две. Наступил уже февраль. Счастье нам, как будто, улыбнулось. Немцам не только не удалось овладеть гор. Гродно, но мы их сами оттеснили к Августову. На фронте стало спокойнее. Наступило так называемое «затишье» и явилась опять возможность заняться Мясоедовым.

Согласно его донесениям, он благополучно прибыл в Ковно; согласно же донесениям «помощника», последний следил за своим патроном» неустанно и даже, для надежности, подпилил курки его револьверов. Характерно, что Мясоедов неизменно в своих донесениях хвалил работу своего сотрудника, с которым, по его словам, он близко сошелся. В общем, деятельность Мясоедова и на этот раз, несмотря на безусловно зоркое наблюдение, не вызывала никаких подозрений.

Из штаба фронта за этот период было передано только одно распоряжение Ставки Верховного: «впредь до распоряжения, Мясоедова не арестовывать». Чем была вызвана такая отсрочка и как протекало самое дело на верхах, я не знаю, но в общем ждать долго не пришлось и, кажется, уже в конце февраля, в Ковне, Мясоедов был арестован.

Самый арест произошел на квартире начальника крепостной жандармской команды подполковника Ш., куда предварительно Мясоедов был приглашен.

Как тогда передавали, арест сильно поразил Мясоедова и когда он понял, что его лишили свободы, то воскликнул:

— А, это, наверное, опять Гучков!»

С этого момента служебные отношения мои с Мясоедовым кончились. Его отвезли в Варшаву и заключили в Цитадели. Следствие велось и следователем по особо важным делам Варшавского судебного округа и жандармскими чинами. К сожалению, следственного материала я не видел, равно как и не присутствовал на суде, а потому дальнейший ход дела знаю только по наслышке и из докладов моего начальника контр-разведки.

В общем, у меня составилось впечатление, что следствию удалось установить знакомство Мясоедова с рядом подозрительных личностей, подозрительное поведение его жены, знакомство обоих супругов, еще в Петрограде, с весьма подозрительным немцем, отставным офицером, но прямых данных, уличающих Мясоедова в шпионаже, особенно во время войны, всетаки установлено не было.

Сам он, как на следствии, так и на суде, отрицал свою вину и даже пытался лишить себя жизни. В последнем слове своем, он также клялся в невинности и просил передать сыну, что он, несмотря на интриги врагов, чист перед Богом и совестью и оставляет ему честное имя.

Суд, тем не менее, приговорил Мясоедова, как шпиона, к смертной казни. Не знаю, насколько верно, но по секрету передавали, что было приказано Мясоедова ликвидировать во что бы то ни стало и, если по ходу дела окажется, что его нельзя обвинить в шпионаже, то судить и приговорить к смертной казни, как мародера. Вероятно, в этом случаы, мраморная доска и бой часов должны были быть использовани в полной мере и даже больше, чем они этого заслуживали.

Если это верно, то суд, конечно, признал более удобным признать Мясоедова шпионом, хотя бы на основании улик косвенных.

В апреле или мае, в той же Варшавской Цитадели, приговор был приведен в исполнение.

Жена Мясоедова и целый ряд других лиц судились отдельно, но к смертной казни, если не ошибаюсь, никто приговорен не был.

Со дня описываемых событий прошло почти 8 лет. Давность достаточная, чтобы, оглянувшись назад, многое взвесить, многое сопоставить. На такое сопоставление невольно напрашиваются два нашумевших во время войны процесса: Мясоедовский и Сухомлиновский.

К сожалению, как я уже говорил выше, я не имел возможности следить и за процессом Сухомлинова. Если эти документы пропали в период всесокрушающего хозяйничанья большевиков, то об этом следует очень пожалеть.

Будущему историку русской революции изучение подобного материала несомненно осветило бы многое из области тех темных событий, которые революции предшествовали и ее подготовляли. Государственное здание колебалось уже давно. Колебали его и сознательно, определенно ведя известную линию, и бессознательно, сводя личные счеты или просто делая карьеру.

Не подлежит сомнению, что и Сухомлинова надо было свалить для достижения своих целей некоторой группе лиц и вот здесь Мясоедов — шпион и в то же время — человек близкий к военному министру, нужен был во что бы то ни стало, как первый выстрел, сделанный в Сухомлинова из стана его врагов.

Кто же на самом деле был Мясоедов?

Прежде всего — темная личность с сомнительным прошлым, который не мог быть терпим не только на фронте, но и на службе, вообще. Его пребывание в составе нашего штаба и наше отношение к нему, подробно мною описанные, достаточно подтверждают это. Так же ясно, что близостью своею к военному министру, он не мог не компрометировать этого последнего.

Был ли Мясоедов шпионом?

Этот вопрос меня интересовал и раньше, интересует и теперь. Взвешивая факты и сопоставляя их, я полагаю, что если он и занимался шпионажем, то в мирное время, когда мог в полной мере использовать свои высокие связи для добывания ценных сведений. На фронте же, в глухом районе Иоханисбурга, Мясоедов не только не мог фактически продолжать свою преступную деятельность, но и самая роль рядового фронтового работника для него была бы слишком мелка. Единственным крупным фактом, говорящим против него, было показание, как потом передавали, сбивчивое и неуверенное. Офицер этот ссылался на инструкцию, данную ему немцами. Но, кто знает? Не провоцировали ли его, в данном случае, немцы? Мясоедов был им хорошо известен по своей службе в Вержболове. История, бывшая зимою 14-го года, близость Мясоедова к Сухомлинову, слухи и разговоры, создавшиеся вокруг этой истории, наконец, интрига против Сухомлинова, также не могли не быть известными в Берлине, а возможность поколебать престиж военного министра воюющей державы, вызвать если не смуту, то смущение в русском обществе, конечно, были тоже очень соблазнительны.

Современная война не брезгует никакими средствами, чтобы разбить и, главное, добить, врага, и в этом отношении немцы разборчивыми не были и ничем не стеснялись. Политические прокламации, самого гнуснейшего содержания, которыми они, особенно в начале войны, забрасывали наши окопы, удушливые газы и, наконец, Ленин и Троцкий в запломбированном вагоне, достаточно свидетельствуют об этом. Кто знает, может быть, и в деле Мясоедова будет установлена немецкая указка? Если это так, то нельзя не сознаться, что наши враги блестяще добились своего, заставив работать на себя многочисленных русских из категории «неведающих, что творят».

Сербия, 1923 год.

Ю. Плющевский-Плющик.

Давно - прошедшее

Один из моих приятелей принес мне однажды, здесь в Париже, лист, вырванный из журнала «Всемирная Иллюстрация». На полях есть номер журнала — № 771, но даты нет. В тексте разбирается партия в шахматы, игранная в 1883 году. Надо полагать, что и журнал того же года. Приятеля заинтересовала моя фамилия, попавшаяся ему на глаза в одной из статеек журнала. Вот, что там напечатано:

«ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДЕЛО

«13-го драгунского Каргопольского полка штабс-ротмистр Цимбалюк изобрел приставной ускоритель к бердановской винтовке, при помощи которого получается возможность (без изменения конструкции ружья и патрона) доводить скорость стрельбы до 15-20 выстрелов в минуту. Хотя предложенный ускоритель не составляет последнего слова в вопросе о скорой стрельбе и требует усовершенствования, тем не менее он обратил на себя внимание генерал-адъютанта Гурко, ознакомившегося с действием прибора и поощрившего изобретателя».

Штабс-ротмистр Цимбалюк — мой отец. Помню хорошо этот прибор. Он не был принят только потому, что существовало предположение заменить берданку магазинной винтовкой меньшего калибра. Через несколько лет была принята 3-х линейная скорострельная винтовка капитана Мосина. Берданка была сдана в архив. Во время войны ею были вооружены ратники ополчения. Некоторое количество берданок попало в славянские страны. Часть была продана оружейным заводам для переделки на

охотничьи ружья. Укорачивали винтовку и просверливали нарезной ствол, делали его гладким. У меня была такая охотничья одностволка. Дивное ружье.

Во время Освободительной войны на Балканах (1877-1878 г.), англичане, с молчаливого одобрения почти всех западных держав, вооружили турецкую армию скорострельной винтовкой центрального боя (игольчатое ружье). Дальность поражения, скорость стрельбы, точность прицеливания дали туркам значительное превосходство над нами. Это обстоятельство заставило и наше командование принять необходимые меры. После ознакомления с несколькими системами новейших скорострельных винтовок, была принята винтовка системы американца Бердана. Началось постепенное перевооружение действующей армии. «Берданка» сменила устаревшую «крынку», которая частично пошла на вооружение дружин, сформированных из освобожденных болгар.

В те отдаленные времена, по словам моего отца, отношение кавалеристов к стрелковому делу было пренебрежительным. «Пусть стреляет пехота, — говорили лихие рубаки — «а наше дело — доскакал и руби в капусту».

Со времени введения «модерной» берданки, отношение к стрелковому делу несколько изменилось. Подтянулась и кавалерия: было послано в Офицерскую Стрелковую Школу некоторое количество молодых кавалерийских офицеров, в числе которых оказался и мой отец. По окончании Школы, возвратившись в свои полки, новые специалисты подняли стрелковое дело на должную высоту.

Еще во время пребывания в Школе у моего отца зародилась идея — изобрести ускоритель к берданке. Тогда никто еще и не слыхал о магазинной коробке, так же как и об обойме. Отцовская идея была совершенно оригинальной: патроны не были зажаты в обойму, а прямо «пригоршней насыпались» (пять патронов) в привинченную к ложе справа металлическую коробку. После того как выбрасыватель выкидывал вытянутую из патронника скользящим затвором гильзу, на ее место вкатывался из коробки ускорителя один патрон, который, подталкиваемый затвором, досылался в патронник. Маленькая переделка винтовки все же была: пришлось удлиннить и направить слегка назад рукоятку затвора. Без снятого с винтовки ускорителя винтовка снова становилась однозарядной.

По мере усовершенствования затвор берданки изменялся: кажется, было три разновидности — берданка № 1, берданка № 2 и № 3. У берданки № 1 затвор не был скользящим. Для зарядки сперва оттягивался курок, после чего открывался затвор (откидывался вперед) ударом руки снизу по рукоятке затвора. После вложения патрона, затвор возвращался на место.

Ускоритель моего отца был приспособлен для берданки со скользящим затвором. У него в кабинете стояли в пирамиде четыре винтовки, одна из них была берданка № 1.

Разрез казенной части берданки № 1 представлен в энциклопедическом словаре Павленкова. Штык у нее был трехгранный, длиннее принятого позднее четырехгранного штыка и примыкался не справа, а снизу, причем одна из его сторон была шире двух других, была почти плоской и обращена была к стволу винтовки.

На прикладе отцовской берданки № 1 было набито 5-6 серебряных розеток с лавровым венком, с указанием года и с выгравированной надписью: «1-ый приз, поручик Цимбалюк». Будучи в Школе, отец стрелял на состязаниях в присутствии Императора Александра II-го.

Первоначально патрон был с картонной гильзой, вернее, с гильзой из толстой серой, пропитанной парафином бумаги. Запальная камера была латунной или медной, как у охотничьих патронов. Четырехлинейная свинцовая пуля прикреплялась к гильзе веревочкой. На нижнем конце пули были нарезаны две или три окружности, в которые входила веревочка. Порох был селитро-угольный, пригодный для осхтничьих ружей, в чем я убедился на практике.

С приятелем Витей Г. мы решили стать охотниками, нам было тогда по 11-12 лет. Не будучи осведомлены об опасностях пиротехники, мы действовали смело. Об охоте на леопардов и медведей мы не мечтали а подстрелить какую-нибудь безобидную птичку считали себя способными.

У продавца железного лома купили за двугривенный ржавый ствол от шомпольной одностволки а в оружейном магазине за 1 рубль 95 копеек приобрели замок для куркового ружья и отдали все это столяру-кустарю. Столяр сконструировал очень изящную ложу, поставил ствол и замок на место и взял за всю работу 3 целковых. Истратив еще рубль на разные мелочи, мы получили настоящее ружье. Началась робкая проба, нужно было установить дозу пороха, требуемую для нормального заряда. Все прошло благополучно. Начали страдать воробьи, жаворонки, вороны... Ходили и на охоту на болото и однажды удалось нам подстрелить пару дупелей. Для стрельбы нужен был порох. У отца было много берданочных патронов с бумажной гильзой. Почти все они были выпотрошены и использованы для нашей стрельбы. Ни мой отец, ни отец приятеля и не подозревали, что их сыновья затеяли опасную игру, к счастью окончившуюся благополучно.

В. Цимбалюк.

В Лодзинских боях

(Из боевой жизни 102-го пех. Вятского полка).

В трех номерах «ВОЕННОЙ БЫЛИ» полковником Ден превосходно описаны три атаки 17-го драгунского Нижегородского полка, с упоминанием Лодзинских боев. В этих боях принимал участие и 102-ой пехотный Вятский полк, в котором мой отец командовал вторым батальоном.

. . . .

Полк был расположен в это время недалеко от г. Згержа. Командир полка получил приказание от штаба 26-ой пехотной дивизии, незамедлительно перейти в наступление, с тем чтобы захватить линии немецких окопов и, таким образом, очистить дорогу в направлении города Згержа. Приказание было передано всем командирам батальонов, расположенных в линию, начиная слева — первый, второй и третий батальоны и, уступом за третьим, — чевертый. Мой второй батальон занимал окопы в расстоянии двух верст, так что в бинокль можно было ясно видеть все передвижения баварского пехотного полка, занимавшего противуположные окопы. Между нами и неприятелем было пространство перепаханной земли и сидели мы в самодельных небольших окопах. Слева, ближе к неприятелю, был небольшой лесок, справа вилась большая проселочная дорога, находившаяся также ближе к неприятелю. Дорога поворачивала под прямым углом перед фронтом моего батальона и уходила к деревне, где находилась часть немецкой пехоты.

В 20 ч. 45 м. была выслана первая наша разведка — унтер-офицер с тремя рядовыми. Разведчики ползком приблизились к пулеметному гнезду неприятеля, но тут были обнаружены и огнем пулеметов отогнаны в наше расположение. Высланная вслед за ней двойная разведка с двух флангов, получившая задание выбить противника из пулеметных гнезд и захватить «языка», также не смогла выполнить свою задачу.

Дважды командир полка по проводу спрашивал меня, почему я не атакую, и говорил, что атаковать надо пока не поздно. В 0 ч. 10 м., я послал третью разведку, в количестве десяти человек, но и она вернулась без результатов, сообщив только, что, по их мнению, противник спит. Обдумав положение, я решил атаковать в 3 ч. 15 м. о чем доложил по телефону командиру полка и сообщил всем своим офицерам. Командир полка одобрил мой план и подтвердил, что, как только я поведу свой батальон, остальные немедленно также атакуют неприяеля, невзирая ни на что, и тем помогут атаке, начатой мною.

Полная тишина. Медленно передвигается стрелка на циферблате моих ручных часиков. Приказано не курить и не зажигать спичек. Выходить из окопа как только командир батальона выйдет и пойдет в направлении врага. Всякие разговоры, даже шопотом, строжайше запрещены. Наконец, минутная стрелка сравнялась с четвертью — три часа и пятнадцать минут. Я перекрестился, вынул из кобуры браунинг и вышел из окопа, ровным шагом направляясь вперед. Ближайшие от меня бойцы, видя, что я вышел и иду вперед, почти одновременно со мной, повылезли из окопов, и скоро весь второй батальон 102-го пехотного Вятского полка, с винтовками с примкнутыми штыками на перевес, двигался по изрытому полю. Тихо и без шума идет в бой русская пехота, наша славная 26-я пехотная дивизия. Прошли уже с полпути. Я остановился. Все тихо. Смотрю и весь мой батальон стоит, как вкопанный. Прошел несколько десятков сажен, остановился и опять остановился, как по команде, весь батальон. Мой слух обострен, мысль работает ускоренным темпом, глаза рыскают направо и налево, стараясь проникнуть темноту и найти что-то, что тут вот недалеко от меня прячется. Размышляю — дошли ли мы до пулеметных гнезд или они еще перед нами? Пройдем ли мы незамеченными? В нескольких шагах сзади меня упал солдат, но тотчас же поднялся с винтовкой в руках, я подбежал к нему и увидел что он споткнулся о телефонный провод. Немедленно его перерезали. Сзади шум рукопашного боя... Оказалось, что наша первая цепь минула благополучно пулеметные гнезда, а вторая на них напоролась и перебила всю прислугу. Тут грянуло «ура», началась беспорядочная ожесточенная стрельба, цепь за цепью бежали солдаты, перегоняя меня. С налета захватили окопы и на плечах бегущей баварской пехоты ворвались в деревню, где завязался ожесточенный бой. Немецкий пулемет с колокольни небольшой деревенской церковки косил нападающих. Солдаты вбежали внутрь костела и пустили по лестнице, ведшей на колокольню, «петарду» (две связанные вместе гранаты). Пулемет умолк и два раненых пулеметчика сдались. При последовавшем осмотре выяснилось, что в этой деревне все дома были построены так, что на восток, кроме окон и дверей, они имели в сте-

нах небольшие отверстия, откуда можно было обстреливать из ружья порядочный район, будучи в почти полной безопасности.

Восходящее солнце осветило картину продолжающегося боя. Враг упорно защищался, все в деревне перемешалось. На окраинах немцы уже поднимали руки сдаваясь, в самой же деревне бой еще шел и каждое здание, дом ли или сарай, приходилось брать штурмом.

Около шести утра — все было кончено. Взято в плен — 1 майор, 2 капитана, 3 лейтенанта, 83 нижних чина и 43 — раненых. Убито 320 человек. С нашей стороны было убито 32 и ранено 273. (Цифры эти я даю приблизительно, по памяти от рассказа отца).

Доложили, что привели пленных офицеров, я приказал их предварительно обыскать. Были случаи что немецкие пленные офицеры, неожиданно, вынимали револьверы, стреляли в присутствующих и последнюю пулю выпускали в себя.

Остальные наши батальоны атаковали, но не с таким успехом, как второй. Первому батальону удалось несколько выровнять свою линию по отношению к второму, но атака третьего и четвертого была неудачна. Таким образом у нас образовался некий «клин», который впоследствии привел к нашей неудаче в последовавшем сражении.

К обеду приехал командир полка, поздравил меня с Георгием IV степ., офицеры получили награды, солдаты Георгиевские кресты. На другой день с раннего утра началась немецкая стрельба по деревне, в которой не было ни одного солдата. Все были расположены по окопам. Вся деревня горела и немецкие снаряды разнесли ее в пух и прах. Как только смолк артиллерийский огонь, через десять минут, слева и справа, появилась немецкая пехота. Командир полка по телефону сообщил мне что в виду опасности угрожающей всему полку, с остальными тремя батальонами он отходит назад, а мне предоставляет самостоятельно решить задачу — как прорваться из кольца и присоединиться к полку.

Несколько раз мы подпускали немцев шагов на двести без выстрела и затем открывали ружейный и пулеметный огонь. Положение становилось все хуже и хуже, неприятельское кольцо сжималось. Я стоял позади наших окопов, под большим деревом и вот, под его прикрытием, мне удалось вывести цепочкой, по одному человеку, весь батальон и даже вынести пулемет. Произошло наше соединение с полком.

Статья написана мною по устному разсказу моего отца.

Георгий Цвецинский.

Пятьдесят лет тому назад

Санкт-Петербург начала нашего столетия, вплоть до первой Мировой войны, мало чем отличался от Петербурга времен Императора Николая I-го.

Это был своего рода придворно-военно-чиновничий стан, где штатские терялись на фоне многоцветных, красивых и разнообразных форм. Блестящие каски с орлами, кивера, султаны, Павловские гренадерки и медвежьи высокие шапки дворцовых гренадер, звон палашей, гремящих по граниту тротуаров, шпаги, тесаки, превращавшие русского мужика в подобие римского легионера... На серо-серебряном фоне Петербугского неба все это было красочно-красиво и веселило взор.

Много было и других красочных одеяний: трехугольные шляпы с кокардами, с перьями и без перьев, надетые вдоль, а иногда и поперек, белые барашковые свитские шапки, шинели с бобрами, либо черные, либо серого офицерского сукна, длинные до пят с пелеринами. Далеко были видны красные генеральские отвороты и подкладки, широкие золотые и серебряные погоны и густые эполеты.

Для современной войны эта архаическая красота была мало пригодна, но в мирные годы яркость красок придавала жизнь и блеск суровым берегам Невы. Может быть, эти краски, блеск золотых и серебряных приборов в некоторой степени заменяли отсутствующее солнце и даже дневной свет, особенно в темные, сумрачные зимние месяцы.

По улицам тогдашнего Петербурга вереницами тянулись извозчичьи пролетки или сани, в зависимости от сезона, и на облучках, немного боком, лениво подергивая висящие вожжи, сидели бородатые скифы, в ватных армяках и кафтанах. Толстобрюхая от сена лошадь, на согнутых ногах, с трудом тащила дребезжащую пролетку или санки, крытые полостью неведомого длинноволосого зверя.

«Па-а-берегись!» раздавался повелительный окрик и мимо проносился лихач. Рысак — совершеннейший зверь орловской породы — широко забирая ногами, пустив по ветру длинный хвост, легко обгоняя всех, без усилия уносил блестящую лакированную пролетку. Дуга легкая, шлея, седелка лакированные с серебряным набором... Сам извозчик, краснощекий, чернобородый малый, твердо держит в далеко

вытянутых руках темносиние вожжи.

Плывут ровной рысью придворные кареты, запряженные парой в дышло по-английски. Хвосты и гривы лошадей коротко подстрижены; кучера и выездные, гладко выбритые, одеты в красные с золотыми орлеными позументами придворные ливреи с пелеринками. На них красные трехугольные шляпы, украшенные белыми перьями, надетые у одних вдоль и немного набок, а у других поперек. В руках у кучера длинный английский бич.

Даже частные кареты, коляски и сани прибавляли красочности к общей картине старого Петербурга своими необычайными, нигде невиданными шляпами малинового, желтого, зеленого бархата, в виде толстых квадратных подушек лежащих прямо на головах кучеров.

Таков был Петербург всего пятьдесят лет тому назад. Прошло полвека и с изумлением думается, что мы уже взрослыми жили в Петербурге, оставшемся почти неприкосновенным со времен «Блаженной памяти Николая Павловича». Сам же Петербург — Петербург Елизаветы, Екатерины и особенно обоих внуков Великой Императрицы, был торжественно красив, и мы выросли в нем, любуясь каждый день странной смесью венецианского романтизма, классических колоннад и легкого барокко, той почти театральной декорацией, которой, опершись на гранитный парапет широкой и величавой Невы, любовался Пушкин.

Тяжелая Конница в золотых шлемах с двуглавыми орлами, в сверкающих кирасах, с длинными палашами была неотъемлемой частью этого Петербурга и, когда рано утром, во мгле Моховой или на тихой Миллионной, звеня подковами, шел взвод Кавалергардов в кирасах и касках, с бело-алыми флюгерами на алых пиках, со штандартом, тихо плыущим над всадниками, казалось, оживало прошлое старого Санкт-Петербурга.

Зима 1913 года была последней спокойной зимой перед огромными сдвигами, переменившими в корне Россию, ее историю, а с ней и державный Петербург. Зима была снежная, морозная, веселая и беззаботная. На Рождестве Александр Тимашев, Димитрий Дубасов, Александр Дризен и я охотились в Ярополье, подмосковном имении моих родителей. Несмотря на яркое солнце, дух захватывало от сухого мороза, и вечерами блестящая белая луна, окруженная широким ярким поясом, ослепительно освещала белые снега, белый дом и белую ограду сада. Светло было, как днем, и в неподвижно замерзшем парке на ярко-белом снегу лежали четкие, почти черные, тени деревьев.

За день до Нового Года нарочный принес телеграмму, сообщавшую о принятии нас в Кавалергардский полк. Из Пажеского корпуса нас было принято четверо: считая по старшинству — фельдфебель Михаил Безобразов, камер-пажи Сергей Безобразов, Николай Казнаков и Димитрий Дубасов. В телеграмме было также сказано, что командир полка князь А. Н. Долгоруков примет нас 15-го января в 10 с половиною часов.

Для такого исключительного дня из погребов были вынесены старинные пузатые, зеленого стекла, бутылки токайского, лежавшие там со времен Великой Екатерины, и будущие Кавалергарды, под взорами георгиевских кавалеров других времен, отпраздновали это долгожданное событие.

По возвращении в Петербург, первой заботой было обзавестись белой с красным околышком полковой фуражкой. Таков был обычай в корпусе: камер-пажи и пажи старшего класса вечером перед укладкой на ночь, по мере принятия в полки, надевали фуражки своих частей, и, таким образом, понемногу открывались тщательно до того скрываемые намерения.

С вечера все было готово, но, как это часто бывает, в последнюю минуту мелкий бес вмешался в дело, и на одной из белых перчаток оказалось чернильное пятно. Пришлось послать в магазин Фокина на Караванную.

Все это заняло не мало времени и, когда я, наконец, добрался до передней командира — командир жил в полковой казенной квартире в Шефском Корпусе, — то швейцар, снимая пальто, сообщил, что «господа уже представлялись и изволили отбыть».

Вчетвером было бы менее страшно, а тут я оказался один. Я стоял и ждал в большом зале у двери. Направо открылась другая дверь и генерал в серой тужурке, окутанный облаками сигарного дыма, появился в ней. Три шага по уставу, легкое сердцебиение и длинная сакраментальная фраза «камер-паж такой-то является по случаю принятия в полк». Бес, повидимому, потерял меня в дороге, и я легко и точно проделал все, что полагалось. Командир любезно улыбнулся и протянул руку. Несколько наставительных слов, очень добродушных, и я почувствовал себя счастливым.

Весной, после съемок, наступило время прикомандирования к полку. Незадолго до съемок отслужил я свою последнюю камер-пажескую службу. То была последняя вспышка блеска и величия уходящей династии.

Раней весной 1914 года к нашему Императору приехал на свидание король Саксонский, и по этому поводу в Царскосельском дворце был назначен парадный завтрак. Уже с раннего утра мы, камер-пажи, готовились к предстоящему торжеству, затянутые в белые лосины, в лакированых ботфортах со шпорами, в мундирах по колено, расшитых золотом сверху донизу и расшитых также по рукавам и да-

же сзади. Со шпагой на золотой портупее на боку, в блестящей черной каске со звездою и с ниспадающим каскадом белого султана, мы, правда, были похожи на заморских жар-птиц, на которых даже было больно смотреть.

Придворные кареты повезли нас через весь Петербург на Царскосельский вокзал, и удивленные прохожие долго глядели нам вслед, стараясь угадать значение такого видения. Такие же кареты встретили нас в Царском Селе и быстро доставили во дворец.

В большой полупустой гостиной первого этажа стояли, тихо переговариваясь, первые чины Двора. Потом, понемногу, прибыли члены Царской Семьи, все высокие, видные, с голубыми Андреевскими лентами через плечо. Арап в шелковом с золотом одеянии, в малиновом тюрьбане, распахнул обе половины большой двери, и сразу наступила тишина. В дверях появился церемониймейстер. Жезлом черного дерева с набалдашником из слоновой кости с черным орлом он торжественно ударил трижды о пол и громко провозгласил: «Их Величества».

Вошел Государь и рядом с ним небольшой, рыжеватый и довольно толстый король Саксонский. Государь представил ему министра Двора графа Фредерикса и свиту. Король пожал руку министру и, сделав широкий жест рукой, добавил что-то по-немецки, к глубокому недоумению остальных лиц свиты.

Затем шествие выстроилось вдоль галлереи. В первой паре Государь с Императрицей, потом король с Вдовствующей Императрицей, потом все Великие Князья и Княгини. Я шел слева от моей Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны, жены Великого Князя Константина Константиновича, стараясь не наступить на ее шлейф. Подымаясь по белой мраморной лестнице, я залюбовался блестящей вереницей шествия. Тут я заметил, что моя Великая Княгиня исчезла. Напрасно я разыскивал ее вдоль шествия, ее нигде не было.

Так мы добрались доверху, проследовав через несколько галлерей и приемных, и вошли в огромный двухсветлный, синий с золотом, зал. На хорах, высоко наверху, придворный симфонический оркестр, в красных с золотом одеяниях, грянул: «Славься, Ты Славься». Государь с Императрицей, ведя шествие, шли вдоль бесконечного стола, расположенного покоем. Приглашенные, стоя, ждали у своих мест, и, по мере прохождения Царя, все эти знатные, заслуженные сановники, покрытые золотом, лентами и звездами, низко склоняли свои головы.

Царь остановился во главе стола. Короля подвели к его месту, как раз против Царя. Каково было мое удивление, когда я нашел мою Великую Княгиню у ее прибора. Ей было смешно; из-за больной ноги она поднялась по лифту и, вероятно, догадывалась, как я растерялся, оставшись один. Наконец, Государь сел, и за ним все остальные. За Государем стоял наш фельдфебель Михаил Безобразов. Налево от Гоударя сидела Императрица дальше Великий Князь Кирилл Владимирович и рядом моя Великая Княгиня. Я стоял и смотрел. Трудно было найти лучшее место для наблюдения.

За двумя Императрицами и всеми Великими Княгинями стояли камер-пажи, за камер-пажами придворные скороходы в желтых с двуглавыми орлами одеяниях. На них были небольшие шапочки такого же цвета, отороченные с одной стороны короткими страусовыми перьями.

Растворились парадные двери, и вереница камер-лакеев внесла серебряные блюда. Императрица сидела через два кресла направо. Она концами пальцев перебирала край белой скатерти, ничего не тронула из поданных блюд и почти не произнесла ни одного слова. Заметно было, как неожиданно менялся цвет Ее лица, то бледнея, то вспыхивая розовым блеском. Вероятно, мысли Императрицы были далеки от окружающей Ее церемонии.

Немного налево, Великая Княжна Ольга Николаевна о чем-то спорила с Великим Князем Кириллом Владимировичем. Она хотела что-то записать на меню и, повернувшись ко мне, с веселой улыбкой попросила карандаш.

Еще со времен Великой Екатерины камер-пажам полагалось иметь при себе аглицкие соли, ножницы, иголки со вдетыми нитками, но карандаш и бумага не были предусмотрены. Совсем неожиданно я почувствовал в руке карандаш и с радостью подал его Великой Княжне. Спас меня скороход, имевший, вероятно, все необходимое при себе.

Так мы стояли неподвижно, и часы шли за часами. Мимо проносили жареных фазанов, рябчиков, знаменитые дворцовые «пашкеты». Чего только ни подавалось к столу. Произнесены были речи, но время для нас тянулось, а, главное, хотелось есть, как может хотеться в 19 лет, простояв без еды так много часов.

Наконец, Государь встал, зашумели стулья, и шествие тем же порядком отправилось в большую гостиную, где, согласно камер-фурьерскому журналу, «Высочайшие Особы изволили откушать кофе». Мы же продолжали стоять, но на этот раз вдоль стен, терпеливо ожидая нашей очереди.

С. А. Безобразов.

«Перлы» и «клюква» мемуаров генерала барона де Марбо

Читая воспоминания генерала барона де Марбо, я невольно останавливал свое внимание на некоторых страницах его мемуаров о виденном и пережитом за всю его долгую службу Франции (1799-1848).

Военная карьера этого генерала прошла исключительно в кавалерийской среде. Барон де Марбо был знатоком своего дела, любил его и доблестно сражался во всех больших кампаниях Наполеона. Одиннадцать ранений, ряд высших французских и иностранных орденов свидетельствуют о его преданности французскому Государству и о его личной храбрости в боевой обстановке.

Наполеону генерал де Марбо остался верен до конца и всегда был его самым убежденным защитником. Патриотизм и горячая натура генерала увлекали его порой, наверно, незаметно для самого себя, при изложении некоторых событий, в область пристрастности и фантазии. Но, наряду с подобными недостатками, в его труде можно найти прекрасные и ценные для русского читателя страницы, дополняющие наши знания о наполеоновских войнах.

Я задерживаюсь сейчас на 4-ом томе (Березина-Лейпциг-Ватерлоо), особенно интересном для русских. Из него я выписываю ряд выдержек, перевожу их сам на русский и предлагаю их дорогим читателям «Военной Были». Одни из справок относятся к категории «перлов», то-есть, ценных и правдивых сведений; другие принадлежат к разряду «клюквы», то-есть указаний ошибочных или явно фантазерского характера.

Я уверен, что читатели сами, без затруднений, определят, к какой категории надлежит отнести каждую выдержку (к «перлам» или к «клюкве»).

Стр. 24. «...Артиллерия Русских далеко не так хороша, как наша, но Русские пользовались в боях пушками-«единорогами», дальнобойность которых превосходит действенность огня французских орудий той же эпохи. Эти «единороги» производили самые огромные опустошения в наших войсках...».

Стр. 36, 37. (Атака Кавалергардов под Полоцком в августе 1812 года). «... Бесстрашный и умный генерал Беркхейм, подходя на помощь во главе 4-го Кирасирского полка, бросился на Кавалергардов. Несмотря на их храбрую защиту, они были почти все убиты или взяты в плен. Доблестный их майор оказался в числе погибших. Атака, произведенная горсточкой храбрецов (120 кавалергардов при 1 офицере), дала бы огромный результат, если бы была поддержана. Блестящее дело Кавалергардов подтвердило лишний раз, что неожиданные атаки кавалерии обещают наибольший успех...».

Стр. 41. «... Как только раздавался последний ружейный выстрел, генерал Сен-Сир замыкался в монастыре Иезуитов, где он посвящал целые дни, а часто и ночи, чему бы вы думали? Игре на скрипке!».

Стр. 47-48. «(В Бородинском сражении)... Французы одержали победу над Русскими. Сопротивление последних было одним из самых стойких...».

Стр. 48. «(В Бородинском сражении)... Французы взяли очень мало пленных, и это свидетельствует о том, с каким мужеством защищались побежденные...».

Стр. 49. «(О Бородинском сражении)... Хотя Русские были разбиты и были принуждены уйти с поля битвы, их главнокомандующий Кутузов осмелился написать Императору Александру о том что только что одержал большую победу над Французами! Эта ложная новость, пришедшая в Санкт-Петербург в день Ангела Императора Александра, вызвала чрезвычайную радость!... Пели «Тебе, Бога хвалим»; Кутузов был провозглашен спасителем Отечества и произведен в фельдмаршалы. Между тем, правда вскоре стала известной и радость превратилась в траур; но Кутузов был фельдмаршалом! Это было то, чего он желал...».

Стр. 53. «... Мюрат, вспоминая свои блестящие успехи в кампаниях 1806 и 1807 годов против Пруссии, когда он преследовал противника до крайности, считал, что одной кавалерии достаточно для всего и что последняя должна была совершать ежедневные переходы по 12-15 лье, не заботясь об усталости лошадей. Главное было — нагрянуть на врага с несколькими головными колоннами! Но климат, затруднения в отыскании фуража, затянувшаяся кампания и, в особенности, стойкость Русских изменили условия войны. Таким образом, когда мы прибыли в Москву, половина нашей кавалерии оказалась без лошадей, и Мюрат доканчивал уничтожение ее остатков в Калужской губернии».

Стр. 56. «... 19 октября (после ухода Наполеона из Москвы) маршал Мортье и две дивизии Молодой гвардии задержались в городе на двадцать четыре лишних часа ля того, чтобы закончить разрушение города и взорвать Кремль».

Стр. 58. «... Маршал Мортье присоединился к Императору после того, как взорвал Кремль»...

Стр. 62 «... Атаман Платов, пивший ночью по своей привычке, спал в это время... Дисциплина же в Русской Армии настолько сильна, что никто не посмел бы ни разбудить своего началь-

ника, ни взяться за оружие без его приказания...».

Стр. 94. «...(На правом берегу Березины, накануне гибели Французов).. Я думал, что мосты были загромождены. Скачу туда галопом и каково-же мое удивление, найдя их совершенно пустынными! Никто не проходил по ним в то время, как в ста шагах от них, при хорошем лунном освещении я увидел более 50.000 отставших или оторвавшихся от своих частей солдат. Они получили прозвище «rotisseurs» (слово, трудно переводимое на русский, смысл его — кашевар, кухарь. И. С.). Эти люди, спокойно сидевшие перед громадными кострами, готовили себе жареную конину, не подозревая того, что они находились перед рекою, переправа через которую будет стоить жизни многим из них. А сейчас, в несколько минут они смогли бы перейти ее без препятствий и закончить приготовление своей еды на противоположном берегу. И ни одного офицера из Императорской штаб-квартиры, ни одного адъютанта из штаба армии, ни одного маршала не было здесь, чтобы предупредить этих несчастных и оттеснить их, в случае необходимости, к мостам!

В этом, лишенном всякого порядка лагере, я увидел впервые военных, возвращашихся из Москвы. Моя душа была в отчаяньи! Все чины были перемешаны; ни оружия, ни военной формы! Солдаты, офицеры и даже генералы были покрыты лохмотьями и имели в виде обуви только куски кожи или сукна, плохо стянутые бичевкой! Громаднейшая толпа, в которой смешались тысячи людей различных национальностей, громко говоривших на всех языках европейского континента, но не имевших возможности понять друг друга!...

Стр. 101. «(После перехода через Березину)... Мой полк, еще многочисленный, очутился перед полком Черноморских казаков. У них были были высокие каракулевые папахи. Они были одеты добротнее и сидели на лучших лошадях, нежели остальные казаки. Мы бросились на них; по обычаю этих людей, которые никогда не сражаются в одной линии, казаки повернули назад и умчались галопом. Но, не зная местности, они направились к чрезвычайно редкому в этих обширных равнинах препятствию: большому и глубокому оврагу, заметить который издали мешала поразительная ровность почвы. Овраг остановил их, как вкопанных. Видя невозможность пройти через него со своими лошадьми, принужденные повернуться лицом к моему полку, который настигал их, казаки сделали полоборота, придвинулись плотно один к другому и храбро выставили нам свои пики!...».

Стр. 103 «(Бой)... вскоре был кончен. Много казаков было убито, другие, бросивши лошадей, скатились на дно оврага, где большинство из них погибло в огромных кучах снега, наметенного ветрами.»

Стр. 106 «...6-го декабря мороз увеличился неимоверно: термометр опустился почти до 30 градусов. Таким образом, этот день был еще более роковым, чем предыдущие, в особенности для войск, не привыкших постепенно к непогоде. В числе последних была дивизия Грасьен. Насчитывая 12.000 призванных, она покинула Вильно 4-го, чтобы прибыть сюда раньше нас. Резкий переход от хорошо-отопленных казарм к бивуаку при 29½-градусном морозе погубил в сорок восемь часов почти всех этих несчастных! Жестокость зимы произвела еще более страшное действие на 200 неаполитанцев гвардии короля Мюрата. Они тоже шли навстречу нам, пробыв долго в Вильно, но они умерли все в первую же ночь, которую они провели на снегу!»

Стр. 107 «...Странная вещь: русские солдаты, привыкшие проводить зиму в своих постройках хорошо защищенных от непогоды и снабженных постоянно топящимися печами, оказались гораздо более чувствительными к холоду, чем солдаты других стран Европы; таким образом, неприятельская армия несла большие потери, что и объясняет медлительность преследования нашей армии Русскими.

Мы не понимали, почему Кутузов и его генералы ограничибались тем, что следовали за нами в хвосте, со слабым авангардом, вместо того чтобы обрушиться на наши фланги, охватить их и отрезать нам отступление, дойдя до головы наших колонн. Но такой маневр, который завершил бы наш разгром, стал для них невозможным, так как большинство их солдат погибало так же, как и наши люди, на дорогах и на бивуаках. Сила мороза была так велика, что можно было видеть нечто вроде дыма, выходившего из ушей и глаз. Этот пар, сгущаясь в соприкосновении с воздухом, звучно падал нам на грудь, подобно шуму брошенных в нее горстей проса...»

Стр. 108 «(То же отступление после Березины)... (Поляки)... во время переходов и на привалах воровали все, что им попадалось на глаза. Однако, так как к этим людям отношение было недоверчивое и так как одиночные акты воровства стали затруднительными, поляки решили работать на широкую ногу. Для этого они организовывались в шайки, снимали свои каски и надевали крестьянские шапки. Выскальзывая из лагерей как только наступала ночь, эти люди собирались в назначенном пункте и потом возвращались в наши лагеря с военным кличем казаков «Ура! Ура!». Этим они вносили ужас в состояние умов ослабевших людей, из которых многие бежали, бросая свои вещи повозки, продукты. Тогда так называемые «казаки», награбив всего, удалялись и возвра-

щались до наступления утра во французскую колонну. Там они становились снова поляками, но для того, чтобы опять стать «казаками» в следующую же ночь.»

Стр. 109. «...(То же отступление) ...Как только мы очутились вне Вильно, подлые евреи набросились на французов. До этого они сами приняли французов в свои дома, чтобы вытянуть из наших солдат последние, остававшиеся у них деньги. Евреи раздели и выбросили их на улицу через окна совершенно голыми!... Несколько офицеров русского авангарда, который входил в этот момент в город, были на столько возмущены подобной жестокостью, что приказали пристрелить многих таких Евреев».

Извлек и перевел
Иван Сагацкий.

Исторический Архив

ПРИКАЗ

80-й пехотной дивизии

№ 114-а

5-го июня 1915 г.

17 Мая наша дивизия получила приказание смениться на позициях под Надворной и в лесу Буковинка и сосредоточиться в районе д. д. Майдан-Средний-Кубаювка с целью выполнения возложенной на нее новой задачи.

Эта последняя состояла в следующем:

Переправить в районе д. д. Иваникувка, Содзавка и Ланчин отряд в 7 полков пехоты через реку Прут, овладеть позициями неприятеля на правом берегу этой реки и, закрепившись там, ждать дальнейших распоряжений в готовности двинуться затем в направлении к Коломие или к Делятыню. Одновревенно с нами должны были переправиться через Прут и штурмовать высоты правого его берега остальные части 2-ой Стрелковой дивизии (западнее) и части 33-го корпуса (восточнее).

Начальствование над отрядом, на который было возложено выполнение главной задачи, было вверено мне. Отряд этот состоял из всех частей нашей дивизии и артиллерийской бригады, 7-го и 8-го Стрелковых полков, Павлоградского полка 71-ой пехотной дивизии, 2-х батарей 71-ой бригады, 2-х тяжелых гаубичных батарей 3-го тяжелого дивизиона, 2-х Пеше и 2-х Конно-горных батарей и Терской казачьей бригады Генерал-Майора Арутюнова с конной батареей, а всего из 26 батальонов 7 полков, 20 горных, 8 тяжелых и 48 полевых орудий, 10 сотен, 31-ой Саперной роты и отделения легкого мостового парка.

Задача, поставленная отряду являлась чрезвычайно трудной: прежде всего нужно было по возможности скрытно перевести по крайней мере нашу дивизию в новый район Майдан-Средний-Кубаювка, дабы не дать себя обнаружить неприятельским аэропланам, затем особенно скрытно-же сосредоточить на высотах левого берега Прута в районе д. д. Садзавка-Ивановце и восточная окраина Ланчин, местности совершенно открытой, отряд силой почти в корпус; это было чрезвычайно важно, так как успех столь исключительно тяжелой операции, очевидно, мог быть обеспечен хотя-бы предварительной скрытностью. Затем, переправить этот большой отряд через довольно широкую, не менее 100 шагов, и быструю горную реку под самым носом у неприятеля, занимавшего почти совершенно отвесные утесы правого берега Прута, командующие над всею местностью, с которых место переправы сильно обстреливалось перекрестным и продольным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем неприятеля; далее, закрепившись на переправе на правом берегу, предстояло преодолеть необыновенно трудную, пересеченную и совершенно неизвестную и непривычную нам горную местность, покрытую густым лесом и путем последова-

тельных жестоких штурмов преодолеть ряд укрепленныю линий неприятеля (не менее 4-х, как оказалось впоследствии) и особенно главных высот 474, 477 и высоты Луги (443). Наконец, пройдя все с боем, закрепиться в районе перед высотами 485, 441, 462. Необыкновенная тяжесть этой задачи, выпавшей на долю отряда и, главным образом, на полки 80-й дивизии, усугублялась еще и тем обстоятельством, что в силу общего положения дел нас крайне торопили с производством этого удара по неприятелю и потому на подготовку всей операции войскам дали всего один день, тогда как в такого рода сложных операциях чуть не решающую роль играет именно подготовительная сторона; наконец, сама действительность еще больше усложнила дело, так как наши соседи справа и слева, повидимому, могли переправить через Прут лишь незначительные сравнительно части, которые не могли продвинуться вперед и оказать нам значительное содействие. Это позволило неприятелю впоследствии направить против нас часть его подкреплений.

Признаюсь теперь, что когда я, выехав в первый раз на реконгносцировку неприятельского расположения за рекой Прутом, увидел эти неприступные утесы правого берега его, чуть не отвесно возвышавшиеся над рекой и сильно командующие над всей долиной и левой стороной, то в душу мою закралось сомнение в успехе этого дела; в течение войны мне не раз приходилось принимать на свой страх смелые решения, но это дело показалось смелым до дерзости. Но твердо веруя в Господнюю помощь и хорошо зная по опыту всю чудотворную силу настоящего русского духа, я рискнул повести доблестные свои войска за реку Прут и они вполне оправдали мое всегдашнее глубокое к ним доверие и показали, что с этими чудо-богатырями можно делать и невозможное.

Господь благословил наше дело и оно удалось столь блестяще, как этого трудно было даже и ожидать.

Прежде всего, полки и батареи дивизии сосредоточились предварительно к Майдану Среднему и Кубаювка так, что неприятелю этих передвижений заранее обнаружить не удалось, как ни летали и не реяли аэропланы противника именно в этих направлениях.

Благодаря принятым мерам, в полной степени удалось и скрытное сосредоточение войск к исходным пунктам для производства переправы, к деревням Ивановцы, Содзавка и восточная окраина Ланчина, и надлежащее там закрепление.

Но одна скрытость все же не могла бы еще обмануть неприятеля: как теперь мне хорошо известно со слов пленных австрийских офицеров, неприятель не мог даже и ожидать столь смелых и дерзких действий наших в значительных силах при столь явно не благоприятных для нас и, наоборот, в высокой степени выгодных для него местных и иных условиях; австрийцы приняли наш удар за демонстрацию в ожидании главного нападения с иной, доступной стороны. Они разубедились в этом только тогда, кагда были уже на голову разбиты. И это-несомненная правда. Затем, 20 мая началась самая переправа через Прут, сначала в брод, а затем и по наведенным мостам. Невозможно выразить всех тех затруднений, которые встретили переправившиеся во главе полков, Павлоградцы, Чембарцы, Дриссцы, Черноярцы и Стрелки 8-го полка которым по большей части пришлось пользоваться бродами под перекрестным и продольным обстрелом неприятеля и особенно под метким огнем лучшего австрийского войска-Тирольских Императорских стрелков, которых все мы хорошо знаем еще по Сану. При помощи мостов, наведенных затем нашими героями-саперами и понтонерами работавшими все время под огнем, переправа всех остальных частей пошла много успешнее и легче.

Дальше упорнейшая, тяжкая борьба за первоначальное закрепление на том берегу, с постепенным, медленным, но упорным, твердым продвижением вперед. Героическая борьба эта с неприятелем отлично оборонявшимся, закончилась орлиным взлетом Чембарцев на высоту 474 и овладением ими центральным главным укреплением на ней составлявшим ключ всей позиции. Неприятель хорошо понимал, какие преимущества дает нам овладение 474 и предпринял ряд жестоких контр-атак, число которых против одного из Чембарских батальонов дошло до сорока, но ничто не помогло, наши молодцы беззаветно ломили вперед и окончательно сломили сопротивление неприятеля.

Это геройское дело Чембарцев положило начало нашему успеху и надежно обеспечило будущую победу. Молодецки действовали и Павлоградцы, выпущенные нарочно несколько раньше и быстрее других перешедшие реку; они засели и закрепились под недоступною высотою Луги (443), под жестоким огнем неприятеля, хорошо сознававшего всю трудность нашего дела и потому отстаивавшегося смело; это славное дело Павлоградцев, понесших здесь огромные потери. как бы отвлекло внимание неприятеля в сторону Глумачика и оказало очень важную услугу. Предпринятые же по моему приказанию мелкие демонстрации Конным отрядом генерала Арутюнова, который переправил на правый берег Прута отдельные партии, еще более, вероятно, утвердили неприятеля в нашем намерении нанести ему главный удар ближе к Коломее где местность гораздо легче.

Тогда настал черед Дриссцев, а затем Черноярцев и Стрелков 8-го полка. С огромным усилием овладели доблестные Дриссцы глав-

ными позициями на высоте 477 и закрепившись там, изготовились ко вторжению в лес, что южнее этой высоты. Черноярцы и стрелки, после тяжких трудов овладели и укрепились на северной части языкообразного хребта и обеспечили до некоторой степени смелые действия Чембарцев.

Когда эта основная работа на правом берегу Прута была выполнена нашими доблестными войсками и их положение вполне упрочилось, я счел своевременным нанести неприятелю окончательный удар, который и решил участь этого кровавого и смелого боя на прутских горах.

Выслав один батальон Бугульминцев, заранее переправленных в виде резерва для заслона к стороне Луги и несколько западнее, я приказал остальным батальонам этого полка быстро двинуться в направлении высоты 462, в охват правого фланга неприятеля, а Дриссцев направил одновременно от высоты 477 через лес к высоте 441. И честь окончательного разгрома неприятеля принадлежит преимущественно отличным действиям Бугульминцев и Дриссцев; все, что еще держалось против последних, обходилось, билось и забиралось последовательно первыми.

Параллельно с этим, продвигались вперед и Чембарцы по направлению к высоте 485, гоня перед собой разбитого неприятеля.

Своевременно оказанная Павлоградцам, бывшим все время в крайне тяжелом положении, помощь посредством посылки одной гаубицы, быстро разбившей на вершине Луги неприятельские блиндированные горные батареи, а равно обходное движение Бугульминского батальона, решили дело и у Луги: неприятель бежал оттуда, бросив три горных орудия и зарядные ящики, которыми овладели Павлоградцы, части коих заняли эту высоту (впоследствии туда же подошли и две роты Бугульминцев).

Этими операциями положение было обеспечено и с востока. К вечеру 23 Мая наши войска (Чембарцы, Дриссцы, Бугульминцы и Павлоградцы), разбив неприятеля и отбросив его к югу на Молодечно и Пиченижежь, продвинулись вперед и овладели всеми важнейшими пунктами неприятельской позиции, несколько не дойдя до линии высот 485-441, на которой неприятель продолжал оказывать последнее отчаяное сопротивление, а равно высотами 462 и Луги.В этих знаменитых боях нами было взято в плен свыше 1.500 нижних чинов и 60 офицеров, десять пулеметов и три горных орудия и, кроме того, много зарядных ящиков, оружия и патронов; все эти трофеи были заблаговременно вывезены, кроме горных орудий, которые невозможно было перетащить с кручи и которые потому были сброшены в Прут. Несомненно, что трофеи эти были бы гораздо больше, если бы преследование не затруднялось крайне тяжелой местностью.

Приказ начальства был выполнен в полной мере и в резерве остался полностью не израсходованным 7-ой Стрелковый полк и, кроме того, тоже мог служить при дальнейших действияк и Бугульминский полк; этими частями, совместно с действовавшими, я мог располагать для развития дальнейших действий.

Дабы не нарушать цельности изложения этого, эпического отныне, наступления и штурма за рекой Прутом, я до сих пор не отметил еще высоко-плодотворной и образцовой работы нашей артиллерии, подготовившей успех штурма и, можно сказать, уничтожившей совершенно главные из противодействовавших нам и наиболее вредивших неприятельских батарей.

Работа эта была поистине замечательна, несмотря на крайние выгоды местности для неприятеля вообще и в частности на скрытое, блиндированное и отлично примененное к местности расположение его батарей, несмотря на все очевидные выгоды наблюдения противника, наши полевые и гаубичные батареи наилучшим образом, как только было возможно расположенные, нанесли такой колоссальный вред неприятельской пехоте и столь блестяще разгромили австрийские батареи, особенно бывшие в районе высоты 474 и 477 что они принуждены были отойти с огромными потерями. Пленные австрийские артиллеристы-офицеры рассказывали, что их батареи были так разгромлены, что в начале были даже брошены и прислуга и прикрытие в начале разбежались и только наступившая темнота и крайне тяжелая, пересеченная местность, сильно замедлившая движение нашей истомленной пехоты, позволили им впоследствии увезти брошенные было орудия. Что же касается потерь в людях, то каждый участник этих штурмов, особенно Чембарцы, Дриссцы и Бугульминцы, ясно видели эти поразительные результаты действий нашей артиллери и могли убедиться в том как лихо и добросовестно работали наши доблестные батареи.

Ко всему сказанному надо добавить, что в силу разных обстоятельств, мы было до нельзя стеснены в расходовании артиллерийских снарядов и максимум дневного среднего расхода за эти дни получится в наших батареях не превосходящим 300-500 снарядов на батарею, а такой расход надо признать крайне незначительным, особенно имея в виду тяжелые местные условия этого боя.

Не менее успешно работали и горные батареи, приданные 317-му, 318-му и 320-му полкам; они много облегчили тяжелое положение головных полков при переходе через реку в брод, особенно в борьбе с неприятельскими пулеметами, а равно при закреплении их на той стороне Прута и при дальнейшем продвижении впе-

ред (особенно в 320-м полку, при котором состояла 3-я конно-горная батарея); не даром же неприятель тщательно старался нащупать расположение этих батарей, особенно в деревне Садзавке.

Полкам в первый раз пришлось действовать в гористой местности и они несомненно оценили должным образом незаменимые качества этих легких пушек, которые могут почти всюду пройти с пехотой.

Блестящее выполнение труднейшей операции переправы через Прут с овладением всеми главнейшими позициями неприятеля на правом берегу реки, вызвали и соответствующую оценку нашего высшего начальства.

Оценивая ее в телеграмме от 23 Мая за № 125, Его Высокопревосходительство, Командир Корпуса изволил выразиться так:

«Передайте Вашим героям мое сердечное спасибо за блестящие действия, которыми Командующий армией весьма доволен. Поддержите их дух и внушите, что наши потери принесли армии большую пользу».

Нечего и говорить, сколь счастлив я был осуществить, во имя пользы общего дела, столь трудную задачу, а равно-слышать от начальства такую высокую оценку действий отряда, мне вверенного; поддерживать же боевой дух и не потребовалось, так как он все время держался на должной высоте; тяжела была местность, потери и велика была усталость, но дух был превосходный и он то, конечно, поддерживал всех и привел к победе.

23 Мая нам было приказано приостановить наше наступление и перейти на левый берег Прута; видимо наш удар достиг своей цели и общее положение дел требовало отхода за эту реку.

Отход был произведен в течение двух ночей 23 и 24 Мая. В первую ночь были переправлены чужие части, а именно:

Павлоградский и 7-ой Стрелковый полки и только 8-ой Стрелковый полк оставался еще день. Этот отход был произведен крайне осторожно и успешно и прошел совершенно незамеченным для неприятеля, который несомненно ожидал нашего дальнейшего наступления.

Отход в следующую ночь был произведен в таком порядке: сначала отходили Дриссцы, Черноярцы и Чембарцы, а стрелки 8-го полка и Бугульминцы составляли арьергард; последний уменьшался по мере переправы частей на левый берег Прута и, в конце концов, состоял из двух групп Бугульминцев, занявших важнейшие высоты 474 и 477. Наконец и эти последние были отведены за реку, а мосты разобраны и истреблены. К раннему утру все части отряда были уже на нашем берегу Прута. Отход этих частей был произведен также в блестящем порядке и без малейшей суеты, а потому и прошел вполне благополучно, хотя и производился под сильным обстрелом. Неприятель нас не преследовал и отход заметил сравнительно поздно. Труднее других были условия отхода 8-го Стрелкового полка, который меньше других продвинулся вперед и переправа коего обстреливалась сильнее.

Все трофеи, неприятельское и свое подобранное оружие были вывезены до чиста, все раненые были подобраны, а убитые, свои и неприятеля, были похоронены. На правом берегу Прута мы не оставили неприятелю, что называется «ни ложки, ни плошки».

Там остались только могилы наших дорогих товарищей, да кресты над ними.

Этим Прутская операция была закончена; блестяще начатая, блестяще выполненная, она была не менее блестяще и закончена.

Бои эти стоили нам 82-х офицеров и 6.000 нижних чинов, выбывших из строя; из этого числа на долю 80-ой дивизии пришлось 65 офицеров и 4.100 нижних чинов; потери по полкам были таковы: Дрисский полк потерял 19 офицеров и 1.300 нижних чинов, Черноярский 15 офицеров и 650 нижних чинов, Бугульминский 11 офицеров и 500 нижних чинов, Чембарский 20 офицеров и 1.650 нижних чинов, Павлоградский 10 офицеров и 1.200 нижних чинов и 8-ой Стрелковый 7 офицеров и 700 нижних чинов.

Разбитые нами на горах силы неприятеля состояли из частей 16-го, 47-го, 66-го пехотных полков и 4-го и 5-го ландверных полков, общею силою приблизительно до 10-12 батальонов, потом они были усилены частями 78-го, 87-го и 97-го пехотных, 2-го ландверного, 11-го и 13-го гонведных и 13-го, 25-го и 28-го ландштурменных, полков, общею силою до 6-8 батальонов; всего действовали против нас 16-20 батальонов.

Находясь лично с Начальником Штаба дивизии в деревне Садзавка в первый раз днем 22 Мая, во время боя при Бугульминском полку, а второй-24 Мая при отходе хвоста Чембарского полка и арьергадов Бугульминского, я лично любовался тем отличным, геройским и бодрым духом, который имели войска и образцово-блестящим порядком арьергардов при отходе по мосту под обстрелом; даже от бредших раненых не слышал я ни жалобы, ни стона, а слышал только захлебывающиеся от душевного переполнения рассказы о блестящих штурмах, о том как лихо и ловко вздули мы австрийцев, как отлично работала наша артиллерия, да как хороши были те офицеры, которые вели свои части в бой; кое-какие рассказы дышали гневом и желанием отомстить еще горше за полученные раны. Все это, конечно, служит для меня ярким и очевидным доказательством того богатырского духа, которым были полны славные полки 80-ой дивизии, несмотря на всю тяжест бывших боев и большие потери. Таково

всегда чудотворное влияние победы, которая окрыляет дух и удесятеряет силы.

После переправы на нашу сторону, 8-ой Стрелковый полк, а затем горная и тяжелая артиллерия и батареи 71-й бригады были отправлены в свои части по требованию начальства.

Наши полки расположились следующим образом: Чембарцы заняли позицию от Копанки и высоты 407 до высоты 399, а Дриссцы-от этой последней до Глумачика. Черноярцы были расположены двумя батальонами в Кубаювке и двумя в Майдане для обеспечения левого фланга, к которому вело больше всего скрытых подступов и так как при ожидавшемся наступлении неприятеля и отходе Терской бригады я опасался больше всего именно за этот свой фланг. Бугульминский полк был взят в резерв корпуса и направлен в местечко Отыня.

Положение сильно ослабленных боями полков было очень трудное, так как данные им позиции были крайне растянуты (в 320-м полку — 6, а в 317-ом до 7 верст); особенно чувствительна была убыль офицеров. В трех полках дивизии боевой состав к этому времени был приблизительно 60 офицеров и 4.500 нижних чинов. Вскоре была взята и Терская казачья бригада, получившая другое назначение. Таково было наше расположение ко дню последовавшего затем отхода за реку Днестр.

Я нарочно и сравнительно подробно отметил в этом приказе все, что произошло в памятные для нас дни с 19 по 25 Мая на Пруте и за Прутом. Несомненно, что дух мой настроенный на высокий лад после таких знаменитых и тяжелых для дивизии боев, выразился в этом приказе и придал ему, быть может, известную цветистость выражений, но я не мог после всего бывшего ограничиться каким либо сухим, официальным приказом, хотелось изложить вкратце все, что было и поделиться душою со всеми. Да и кому же ближе не знать, ближе не оценить славные подвиги наших войск, как не мне, водившему их к этой победе. Каждый участник этих знаменитых в истории 80-ой пехотной дивизии и 80-ой артиллерийской бригады боев хорошо знает, что все изложенное здесь мною только в слабой степени рисует все величие содеянного подвига и никому не под силу изобразить того высокого героизма, который был проявлен в эти дни на Запрутский Карпатах.

Пускай же приказ этот будет памяткой этих знаменитых боев, которую да получит уцелевший участник их!

Отмечая блестящую выдающуюся боевую работу отряда в эти дни и, в частности, полков и батарей 80-ой дивизии, я почитаю священным для себя долгом от лица службы благодарить всех чинов отряда за их высоких боевый дух, крепость и глубокую добросовестность, приведшие нас к этой знаменитой победе, которая золотыми буквами должна быть вписана в историю полков и батарей 80-ой дивизии, а равно и всех прочих частей отряда. Вечная память и слава всем героям, самоотверженно павшим на поле чести там, в Запрутских горах и трущобах, честь и слава живым героям! С чувством глубокого умиления и гордости приветствую, боевые товарищи, славный ваш подвиг! Сердечно благодарю, прежде всего, Командиров наших славных полков: Чембарского — подполковника Даценко за орлиный взлет его полка на высоту 474 и овладение главной неприятельской позицией, положившие прочное начало нашей победе за Прутом; Дрисского и Бугульминского — полковника Будиловича и подполковника Соболева, из коих первый овладел с полком чрезвычайно важной и трудной позицией в районе высоты 477, и оба они нанесли окончательное поражение правому флангу неприятела, сбив который, обеспечили отряду его славную победу; Павлоградского — подполковника Дьячкова — за его отважный и рискованный подвиг — тяжкие бои у вершины Луги (443), привлекший внимание неприятеля с этой стороны; 8-го Стрелкового и Черноярского — полковника Рустановича и полковника Лепика, которые, выдержав упорный бой с сильным неприятелем, заняли северную и северо-западную оконечность языкообразного хребта и тем обеспечили успех Чембарцев с запада, причем полковник Лепик получил тяжелую рану; заступившего вместо полковника Лепика капитана Петрова, которому пришлось принять полк среди боя и который сумел достойно выполнить свою задачу и вести полк в бою. 7-ой Стрелковый полк под начальством полковника был также перепревлен на тот берег, но в бой введен не был, но судя по своей отличной переправе и отличному составу, несомненно проявил бы себя так же, как и остальные полки.

Спасибо великое и всем прочим офицерам и солдатам-героям славных боевых полков!

Вы доказали, что для русского офицера и солдата нет невозможного. Особенно благодарю 317-го пехотного Дрисского полка подполковника Ягулова, поручика Попова-Преснова и подпоручика Мараева-Ферулева, 318-го пехотного Черноярского полка штабс-капитана Ястребцова, поручика Крылова и подпоручика Таланова, 319-го пехотного Бугульминского полка капитана Свирина и поручика Белоножка, 320-го пехотного Чембарского полка подполковника Михайлова, подпоручика Кобальского и прапорщиков Панфилова и Гордеева.

Великое спасибо прошу принять от меня героев-сапер и понтонеров, наводивших мосты через Прут под непрестанным сильным огнем и сделавших это отлично, быстро и сноровисто.

Особое спасибо молодцам саперным офице-

рам, командиру 31-ой отдельной Саперной роты штабс-капитану Юргенсу и прапорщику той же роты Углову, а равно понтонному офицеру прапорщику Завитаеву. Доблестными трудами этих офицеров и сапер переправа войск через Прут была крайне облегчена, чем они и оказали огромную помощь общему делу, так же и при обратной переправе.

Великое спасибо и всем товарищам артиллеристам, офицерам и солдатам, во главе с достойным командиром 80-ой бригады, Манчжурским героем полковником Пажевским, умело и спокойно направлявшим действия всей артиллерии и бывшим ближайшим моим неразлучным помощником по артиллерийской части. Своими отличными действиями привели к полному разгрому неприятельской артиллерии, Вы, артиллеристы и ясно показали, что вы настоящие русские молодчики и чего стоит наша грозная артиллерия, хорошо управляемая и дышащая любовью к свому родному роду оружия.. Сердечное спасибо прошу принять от меня командиров дивизионов 80-ой бригады полковников Бицюк и Стоянова, 71-ой бригады — подполковника Салтанова, тяжелого — полковника Любинского и горного — подполковника Пантушко, а равно командиров батарей 80-ой бригады подполковника Лавенецкого, капитанов Самосеева, Рудницкого и Никольского, штабс-капитана Анисимова и поручика Яковлева, 71-ой бригады — подполковника Ющенко, капитана Шубина и поручика Круглова, тяжелых батарей — подполковника Скопина и штабс-капитана Корженецкого, горных батарей подполковников и Массальского и конной батареи — есаула Петровского.

Спасибо молодчику тяжелой батареи поручику Бем, который быстро перевез одну гаубицу на нужное место и быстро укротил неприятельские горные батареи на высотах Луги (444). Особое спасибо всем наблюдателям на артиллерийских пунктах за их прекрасные, верные наблюдения за неприятелем, результаты которых они сообщали в штаб и которые много помогали мне в ориентировке. Спасибо великое командиру Казачьей Терской бригады генерал-маиору Арутюнову, его начальнику штаба генерального штаба полковнику Королькову и его доблестным казакам, с честью и добросовестно выполнившим все, чтобы ввести неприятеля в заблуждение и привлечь внимание его на себя, чем много облегчили общее положение дел. Спасибо великое и деятельным моим ближайшим помощникам по управлению отрядом и дивизией, командиру бригады Свиты Его Величества генерал-маиору Жуковичу, заменявшему меня во время моих выездов вперед и помогавшему в управлении. Особенно же благодарю начальника штаба дивизии генерального штаба полковника (не разборчиво в тексте) во время этих тяжелых боев являясь моим ближайшим и неразлучным помощником и спутником в поле и в штабе, в бою и вне его, отдавая всего себя на служение общему делу, всегда смелый, твердый и бодрый духом; с таким помощником, полным инициативы и желания послужить до последнего, всякому начальнику будет легко. Спасибо и старшему адъютанту штаба генерального штаба капитану Баумгартену, также много потрудившемуся, особенно в эти дни, а равно и всем остальным офицерам штаба с честью и пользою выполнившим свой долг. Спасибо всем нижним чинам штаба дивизии, управлений, полков и батарей, особенно — телефонистам до последнего выполнявшим с высокой добросовестностю и твердостью под действительным огнем свою нелегкую работу.

По чести могу сказать, что все чины отряда и, в частности, 80-ой дивизии вполне выполнили свой долг и вложил все свои силы и лучшие стремления на общую пользу. И глубоко отрадно было видеть это мне, как начальнику, всегда близко стоявшему к войскам, привыкшему делить с ними всецело горе и радость и боевую службу, никогда не склонному отделять своих личных интересов от войсковых; отрадно было наблюдать общее полное доброжелательство, помощь, связь и доверие.

Еще раз, дорогие друзья мои и боевые товарищи по отряду и дивизии, примите мое искреннее русское спасибо за все проявленное вами в эти тяжелые майские дни и за одержанную вашими трудами блестящую победу! Честь вам и слава!

Подлинны подписал
Начальник дивизии Генерал-лейтенант
Парский

С подлинным верно: Начальник штаба Полковник (неразборчиво).

Обзор военной печати

В. Г. Казаков: «Немые свидетели».

Передо мною небольшая брошюра, изданная в 1936 году в Шанхае, речь идет о 34 знаменах Императорской Российской Армии, которые удалось вывезти из Приморья в Китай автору книжки полковнику Казакову. В 1936 году они хранились в Шанхае. О дальнейшей их судьбе ничего не известно.

Знамена воинских частей в Забайкалье хранились при Штабе войскового Правления Забайкальского казачьего Войска в городе Чите. При отступлении армии атамана Семенова они были доставлены на станцию Даурия, а затем на станцию Манчжурия. Через всю Манчжурию, находившуюся в то время (1920 год) в руках Чжан-цзо-Лина, знамена были благополучно провезены под видом хоругвей в вагоне, оборудованном под походную церковь, в Уссурийский край, который то время находился в руках «белых». Здесь они помещены были сначала в церковь на станции Гродеково, а затем перевезены в город Никольск-Уссурийский, где и хранились при штабе Забайкальской казачьей дивизии до самой эвакуации Дальновосточной армии (октябрь 1922 года).

За несколько дней до эвакуации города Владивостока знамена из Никольск-Уссурийска были доставлены на ледокол «Байкал», стоявший в бухте Золотого Рога. С ледокола ящики со знаменами были выгружены в корейском порту Гензан, который, находился во власти японцев. Там они находились около года. 12-го августа 1923 года, знамена были погружены на японский пароход «Монгугай» и доставлены в Шанхай.

К сожалению, в брошюре описаны только 13 знамен, хранившихся в Шанхае.

1. Знамя времен Императрицы Екатерины Второй с изображением на полотнище белого креста и с надписью по углам «Благодать».

2. Зеленое знамя с двумя орлами с надписью 1655 год.

3. Красное знамя с белым крестом на полотнище и орлами Императора Николая Первого по углам.

4. Знамя 630-ой Ополченской пешей Иркутской дружины.

5. Синее знамя с четырьмя вензелями Императора Николая Первого.

6. Знамя 7-го Аргунского батальона Забайкальского казачьего войска.

7. Малиновое знамя 609-ой пешей Акмолинской дружины с надписью «За Веру, Царя и Отечество».

8. Зеленое знамя с орлами Императора Николая Первого с двух сторон.

9. Зеленое знамя 8-го Аргунского батальона Забайкальского казачьего войска.

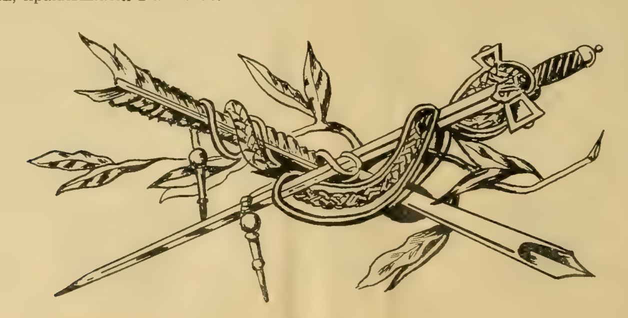
10. Мусульманское знамя, на зеленом полотнище — полумесяц, звезда и двуглавый орел без вензеля.

11. Знамя Забайкальского казачьего войска с надписью «Казаки на службе в Даурии 1951 год».

12. Знамя 10-го Восточно - Сибирского стрелкового полка 1900 года.

13. Штандарт-Георгиевское знамя 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска с надписью «За отличие в боях с Японией 1904-1905 г.г.». На полотнище изображена икона Спасителя, в копье и древке двуглавый орел и Георгиевский эмалевый крест. Серебряные кисти висят на георгиевской ленте.

Н. Скрябин.

Хроника «Военной Были»

РОДИНА...

Во время командования моим отцом Нижегородским драгунским полком, как-то, приехал в Пятигорск военный министр генерал Ванновский. Посещая полк, он, между прочим, остановился перед полковым штаб-трубачем Березняком, украшенным четырьмя шевронами за долголетнюю сверхсрочную службу и четырьмя Георгиевским крестами за Турецкую войну 1877-78 гг. и спросил его, где его родина?

Березняк ответил: «Была Курляндская губерния а теперь — Нижегородский полк». Военный министр обнял и расцеловал его за эти слова. Я помню с каким удовольствием мой отец устроил Березняка на покой, на вакансию старшего унтер-офицера в Роту Дворцовых Гренадер.

из воспоминаний князя И. Васильчикова.

ЕЩЕ О ЧЕМБАРСКОМ ПОЛКУ И ВАСИЛИИ РЯБОВЕ.

С тех пор как разворачивался Чембарский полк. прошло 60 лет, а мне, в те поры, шел восьмой год но я помню события тех дней так, как будто бы это было вчера.

В доме моего отца, в надворных постройках, был на постое, в течении полутора месяцев взвод Чембарцев, в 60 человек. Там было полно баб и ребятишек, понаехавших из деревень для проводов родных, и подолго застревавших здесь. Помещения быле достаточно и, по началу, на постой было назначено 30 человек. В двухэтажном складе-палатке отец сразу-же построил нары на 30 человек и предоставил вселившимся солдатам трехведерный самовар и запас деревянного угля. «Палатка» оказалась занятой на одну лишь четверть и тогда, самотеком, к нам переселился весь взвод.

Все свое свободное время я проводил среди солдат. Люди были все пожилые, серьезные бородачи, в большинстве, солдаты Александра III. На дворе они учились ставить палатки, плели для похода маты из ржаной соломы а на занятия уходили в поле и на стрельбище. В июле месяце, там их смотрел Государь, которого я тогда видел в первый и последний раз в жизни.

Как я писал, 54 и 71 дивизии составили У Сибирский корпус, а 55 и 72 — УІ-й. Я пишу только то что твердо помню но, может быть всеже допускаю погрешности, никаких справочников у меня нет.

В 54-й дивизии был 214 Мокшанский пехотный полк, капельмейстер которого написал, знаменитый впоследствии, вальс «На сопках Манчжурии», в просторечьи именовавшийся «мокшанкой».

Отчество Василия Рябова было — Тимофеевич.

В. Терентьев.

Просматривая Высочайшие приказы за 1910 г., я напал на приказ по Военному Ведомству № 176 от 15 апреля, из которого следует, что Государь Император приказал рядового Василия Рябова зачислить в списки 68-го лейб-пехотного Бородинского полка, на том основании, что Рябов прослужил весь свой 4-летний срок действительной службы в рядах 6-й роты полка, которому и принадлежит честь воспитания героя.

С. Андоленко.

Письма в Редакцию

В ПОРЯДКЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ

В № 71 журнала были помещены интересные воспоминания о Порт-Артуре А. М. Юзефовича. Но отдавая должное патриотизму автора, хочется вместе с тем сказать, что из этих воспоминаний создается впечатление будто Стессель был жертвой правосудия, что он был даже герой. Однако, всем известно обратное. Чтобы не быть голословными, приведем ряд данных.

Недобросовестность Стесселя видна уже из того, что он в своих донесениях государю писал неправду. Так, еще 2 ноября он телеграфировал государю: «...убито (у нас) офицеров 8; ранено: генералов — 1, офицеров — 46 и нижних чинов — 2010 (убито и ранено) ...Гарнизон сильно уменьшился; полки остались в составе не более батальона». Фактически же 1 ноября 5-ый полк имел в строю 39 офицеров и 2470 нижних чинов, 27-ой полк — соответственно 45 и 2805. Примерно такое же положение было и в других полках. Меньше всех находилось в 16-ом полку, но и он имел 27 офицеров и 1748 солдат. Те же фактические данные говорят о том, что полки за время с 1 августа потеряли всего по 400 — 500 человек.

В той же телеграмме Стесселя указывалось

будто снаряды пришли к концу, на самом же деле на 1 ноября, не считая морских запасов, по данным официального учета, в крепости было 231.562 снаряда разных калибров. Более того, запасы боеприпасов, по сравнению с состоянием на 1 октября, даже увеличились, за счет получения снарядов с кораблей, а также за счет производства крепостнгх мастерских. Вообще Стессель делал все, чтобы представить положение крепости, как безнадежное.

Но наиболее обличительный акт, это нежелание Стесселя считаться с Военным советом. Совет в громадном своем большинстве высказался против сдачи крепости а именно: нач. шт. 7-ой дивизии кап. Головань, нач. шт. 4-ой див. подполк. Дмитриевский, подполк. Поклад, подполк. Хвостов, полк. Петруша, полк. Семенов, полк. Мехмандаров, полк. Ирман, ген-майор Белый, ген-майор Горбатовский, ген-майор Надеин, ген-майор Никитин, комендант крепости ген.-лейт. Смирнов. Лишь ген. Фок и полк. Рейс высказались за необходимость немедленной сдачи крепости.

Очень точно и правильно определил положение полк. Петруша: «Положение тяжелое, но только относительно. Если нам тяжело, то и им не легче; если нас мало, то и их мало. Они понесли очень тяжелые потери. и дух их также подорван...» И он был прав: среди документов этого эпизода войны можно привести письмо японца, который писал: «...потери наши большие. Например, в одной из рот 19-го полка из 200 человек осталось 15-16...» А сам факт, что Стесселем сдано было 28.000 человек, разве не говорит о том, что было еще кому защищать крепость.

Генерал Фок принял командование сухопутной обороной крепости, после трагической гибели генерала Р. И. Кондратенко. Он стал очищать одну позицию за другой, хотя к этому и не было необходимости.

Когда возникли ожесточенные бои у Китайской стенки, командующий отделом подполк. Гандурин сообщил ген. Горбатовскому, что у Китайской стенки, еще можно держаться о чем, в свою очередь, ген. Горбатовский донес в штаб сухопутной обороны. Подполк. Гандурин получает ответ, минуя его прямого начальника ген. Горбатовского, в котором говорилось: «Начальник района разрешает очистить Китайскую стенку до Большого Орлиного и Скалистого кряжа и отойти на вторую позицию». Но, ведь ген. Горбатовский не просил этого. Более того, на запрос коменданта крепости ген. Смирнова почему очищается первая линия обороны, Фок ответил, что оставления Китайской стенки потребовал ген. Горбатовский. И далее Фок, минуя Горбатовского, послал приказ подполк Лебединскому немедленно очистить Малое Орлиное гнездо, Куропаткинский люнет, батарею лит. Б и все участки Китайской стенки. Лебединский был удивлен и обратился к своему прямому начальнику Горбатовскому, который на это ответил: «Ни в коем случае не исполнять этого приказания».

Такова характеристика ответственного начальника, приведшего Порт-Артур к сдаче.

Но следует в заключение привести еще один важнейший документ, именно 10-ый пункт обвинения Стесселя:

«Состоя начальником укрепленного Квантунского района и старшим начальником в осажденной японскими войсками крепости Порт-Артур, с подчинением ему коменданта ее, **он задумал** сдать крепость японцам, для чего, вопреки мнению военного совета, состоявшегося 16 декабря 1904 г., на котором громадное большинство членов его высказалось за продолжение упорного сопротивления, **к чему представлялась полная возможность**, и не созвав, в нарушение 62 ст. положения об управлении крепостями (приказ по военному ведомстму 1901 г., № 358), нового военного совета, между 3-4 часами пополудни 19 декабря 1904 г. отправил к командовавшему японскою армией ген. Ноги парламентера с предложением вступить в переговоры о сдаче крепости Порт-Артур, **не исчерпав всех средств обороны**, так как **численность наличного гарнизона и количество боевых и продовольственных запасов обеспечивали возможность продолжения ее**, — после чего согласился на предложение начальника сухопутной обороны ген. Фока очистить без боя Малое Орлиное гнездо, Куропаткинский люнет и батарею лит. Б, что значительно ослабило силы обороны крепости, а на следующий день, 20 декабря, уполномочил своего начальника штаба, полк. Рейса, окончательно заключить капитуляцию крепости» (подчеркнуто нами — М. З).

Таковы фактические данные. Мы понимаем автора статьи «Оборона Порт-Артура», ему дороги воспоминания и лица, с которыми он сжился в боевой обстановке, но, ведь, это субъективное представление, субъектиное отражение действительности. Приведенные же нами фактические данные — есть объективное представление, истинная картина.

М. Залевский

ИСТОЧНИК:

Русско-японская война, 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПБ. 1910 г.

К статье полковника А. Рябинского «Кавалерийское дело в январе 1920 г.»

Прочел и перечел описание кавалерийского боя между Батайском и Ольгинской и так как автор указывает, что он был штабным офицером, то я не собираюсь вступать в полемику о дислокации наших войск. В строю нам обстановку не объясняли и это правило было унаследовано еще с 1914 года.

Как один из участников боя 6-го января 1920 года, я только считаю моим долгом дать правдивый отчет о действии Сводно-Гвардейского кавалерийского полка под командой генерал-маиора М. Ф. Данилова, который входил в состав конной бригады генерала Барбовича, но описанную атаку наш полк произвел в единственном числе, без участия других частей бригады. Число шашек в нашем Сводно-Гвардейском полку было не более 600.

Проснулись мы под гул артиллерийской стрельбы со стороны Ольгинской; совершенно близко стреляли наши броневые площадки, вооруженные морскими орудиями и вскоре прибыл приказ эскадронам двигаться к сборному пункту на восточной окраине Батайска. После перехода через насыпь железной дороги перед нами развернулась величественная картина покрытой снегом равнины, на юге черными пятнами виднелись группы отходящих казачьих частей, а за ними лавы большевиков, шедших во фланг Батайску, фронт которого держали Корниловцы.

В то время я командовал Лейб-эскадроном Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка и по команде «полк, строй фронт!», я вывел эскадрон на правый фланг развернутого фронта.

Справа, на бугре, стояла группа военноначальников и раздался голос генерала Барбовича «Гвардейский полк, рысью!». Раздалась команда генерала Данилова «шашки вон, пики на бедро!» и, разомкнувши строй в лаву, полк наш пошел на сближение с лавами большевиков. Через строй наш проходили отходившие группы казаков и от них мы слышали, что «большевиков видимо невидимо!».

В то время, большевики удара холодным оружием не принимали и наша решительная атака на ровной снежной равнине сразу создала моральный перелом. Красные лавы повернули и стали отходить, сбиваясь в кучу влево, ближе к камышам. По сигналу немого учения командира полка, я поднял эскадрон в галоп и начал заходить правым плечом, прижимая большевиков к Дону. Только в последнюю минуту, когда противник уже устремился в плавни, две тачанки открыли пулеметный огонь по моему правому флангу, ранив вахмистра Беккера и пять кирасир. Проникнув в камыши, мы застали картину брошенных повозок с обрубленными постромками, признак полной паники у противника. Первая часть нашей задачи была кончена и полк, выстроившись в колонну, пошел выручать ст-цу Ольгинскую. Не дойдя до станицы, мы узнали, что все кончено, донская конница генерала Старикова заняла Ольгинскую, взяв много пленных и, повернув, мы двинулись на наш бивак в Батайске.

Бой 6-го января был красивый, но для нас это было мелкое дело, мы сделали решительную демонстрацию на правом фланге большевиков, создав угрозу но нужно признать, что вся честь этого успеха принадлежит донской коннице генерала Старикова, а Сводно-Гвардейский кавалерийский полк только содействовал общему успеху. У нас были другие более славные бои под Кулешевкой и при взятии Ростова вместе с доблестными Корниловцами, но об этом в другой раз.

Ротмистр Е. Оношкович-Яцына.

К ЗАПРОСУ О «СУВОРОВСКОМ КОЛЬЦЕ». в № 72 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

В 11 гренадерском Фанагорийском Генералиссимуса Князя Суворова полку имелся полковой перстен. Это было кольцо, обложенное одиннадцатью бриллиантовыми обрезками или маленькими камешками, схваченными лапками а в середине, в миниатюре, портрет Суворова. Форма кольца — овальная. Должна быть надпись, по моему Ф. п. или 11 Ф. п. и номер его, то-есть тот номер, под которым записан владелец кольца. Стоило оно дорого и послужило к тесной спайке Суворовских гренадер.

Сообщил **В. Щавинский**

К СТАТЬЕ «СУДЬБА ЗНАМЕН АРМИИ ГЕН. САМСОНОВА» в № 72 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Часть статьи, касающаяся знамени 5 пехот. Калужского полка (стр. 44) не совсем точно излагает историю спасения знамени этого полка.

Когда разразилась катастрофа под Сольдау и «спасайся кто может» стало неизбежностью, остатки 5-го полка рассеялись по лесам. Знамя находилось при 15-й роте капитана Лукъянова. Рота разбилась на группы, в одной из которых было и знамя. Подпрапорщик Смыков, сняв его с древка, обмотал вокруг себя, под гимнастеркой. Пробираясь, далее, по лесам, группа со знаменем почти растаяла, от нее остался лишь Смыков и один два солдата.

При подходе к границе, группу нагнала по-

возка 7-го Обозного батальона со штабс-капитаном фамилию которого я не помню. Доложив этому офицеру о находящемся при группе знамени, Смыков просил у него помощи. На повозке, группа проскользнула через границу, что, впоследствии, дало основание обозному штабс-капитану предъявить претензию на награждение его орденом Св. Георгия «за спасение знамени 5-го пехот. Калужского полка» и только революия прекратила переписку по этому делу.

Смыков сдал знамя в какой-то крупный штаб в тылу, откуда оно было передано в Новогеоргиевскую крепость (стоянка полка в мирное время), где остатки полка пополнялись прибывшими запасными солдатами, перед новым выступлением на фронт. За свой подвиг, Смыков был награжден всеми четырьмя Георгиевскими крестами, производством в прапорщики и долгосрочным отпуском.

М. Бояринцев

В части статьи С. Андоленко, касающейся судьбы знамени 31 пех. Алексеевского полка, вкралась значительная неточность.

С. Андоленко пишет что «есть указание, что знамя полка было вынесено подполковником Сухачевским, при прорыве Муромского полка». Это не так. Было следующее — когда всем стало ясно что вся 8-я пехотная дивизия находится в плотном окружении и нельзя расчитывать на прорыв, командир Алексеевского полка полковник Лебедев отдал распоряжение адъютанту полка поручику Борису Андреевичу Головинскому закопать знамя тут-же в лесу и отметит место точно на карте. Офицер этот, глубокой ночью, около двух часов, при помощи знаменщика, выполнил распоряжение а на рассвете был взят в плен, где и пробыл до конца войны.

Живя долго с пор. Головинским, на разных этапах Добровольческой Армии и эмиграции (в Югославии), я неоднократно слышал его повествование о знамени родного полка, причем, он неизменно вынимал из походной офицерской сумки карту и указывал место, где скрылось под землей знамя его родного полка. Считаю своим долгом, довести об этом до общего сведения.

Н. Переяславцев

Поручик Б. А. Головинский окончил Алексеевское военное училище в 1909 г. Был младшим офицером Учебной Команды а затем и последним адъютантом 31 пехот. Алексеевского полка. Последний его адрес в Югославии мне известен.

Н. П.

К данным сведениям, могу добавить, что знамя 142-го пехот. Звенигородского полка было спасено подпоручиком Лапиным. Оно было зашито в его пояс и сдано впоследствии в Добровольческую армию.

Подпоручик Лапин был женат на Клеопатре Константиновне Ярышевой, братья которой оба офицеры Черниговского гусарского полка (старший — полковой адъютант) погибли во время эвакуации, при потере в Черном море эск. мин. «ЖИВОЙ».

Сообщил **П. В. Шиловский**.

ОТ РЕДАКЦИИ

По вине редактора, в подпись под группой чинов 1-й Его Величества батареи лейб-гвардии Конной Артиллерии, вкрались два пропуска. Вот полный текст подписи: бомбардир **Чибалдин**, вахмистр **Засов** (?), шт. кап. **Гершельман 5-й**, автор воспоминаний, (?), кап. **Домерщиков**, Свиты Его Величества ген. майор **князь Эристов**, кап. **де-Латур-де Бернгард**, шт. кап. **Терехов**, **кап. Гершельман 3-й**, прапор. **Гершельман**, шт. кап. **Кологривов.**

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ.

9) Носил-ли 1-й эскадрон 2 лейб-гусар. Павлоградского полка вензель Шефа Императора Николая II, золотой, накладной сверх серебряного шитого вензеля А III или комбинированный металлический переплет из вензелей А III и Н. II?

10) В Терском казачьем войске, в полках, у офицеров на погонах были буквы наименования полков **прописные** а у казаков — печатные? Также и в полках Кубанского казачьего войска?

11) Когда получили Шефство 1 и 2 Донские казачьи полки?

12) Когда Наследник Цесаревич был назначен Шефом 4-й батареи л.-гв. Конной Артиллерии?

Б. Николаев

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

№ 74

Июнь 1965 год

ГОД ИЗДАНИЯ 14-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

В ознаменование исполняющейся 2/15 июня сего года пятидесятой годовщины со дня кончины Царственного Генерал - Инспектора Военно-учебных заведений

Великого Князя Константина Константиновича

в субботу 12 июня, у Кадетской Лампады, в храме Знамения Божией Матери в Париже (87, бульвар Экзельманс Париж 16), после всенощной, будет отслужена панихида, о чем извещают Обще-Кадетское Объезинение во Франции и журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ».

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ », с глубокой скорбью, извещает о кончине своего друга и сотрудника

полковника Петра Михайловича Юркевича

панихида будет отслужена у Кадетской Лампады в Париже, в субботу 12 июня, после всенощной.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с №70 по 75 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

14-й год издания | № 74 ИЮНЬ 1965 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50

«Дела давно минувших дней»

ЛЯОЯН.

После прошедших за последние дни дождей везде лужи, грязь, топь. Мы, то-есть весь наш 3-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, стоим на окраине большой китайской деревни Айсядзян и смотрим где в полгоры и влево на гряду, дут длинные колонны наших полков, тянувшихся к Ляояну. Над ними рвутся японские шрапнели, затягивая склон горы пеленой дыма своих разрывов. Иногда огонь переносится на полотно железной дороги, идущей по долине, где дымят паровозы длинных составов.

Пришло приказание полку. Идем по грязи, ноги расползаются, скользят, скользят и лошади. Идти очень трудно. Прямо перед нами огромная, одиноко стоящая гора, крутыми обрывами спускающаяся и к полотну железной дороги и к возвышенности, тянувшейся вправо к горам, куда направляются колонны обстреливаемых полков. Впреди большая лужа.

Стоит батарея, лошади не в силах вытащить орудия и зарядные ящики. Пехоте идти трудно, почва — лёс, вязкая, липкая, и люди с трудом вытаскивают ноги из грязи, рискуя оставить в болоте сапоги. Где же тут пройти тяжелым пушкам и зарядным ящикам?

Командир батареи просит командира полка помочь. Согласие дается очень охотно и артиллеристы живо разгружают зарядные ящики, патроны раздают стрелкам на руки с указанием сдать их офицеру, находящемуся на другой стороне промоины. Артиллеристы, в грязи выше пояса, пристегивают уносы от зарядных ящиков к орудийным уносам и с трудом орудия ползут, как сани. Перетащив пушки, принялись за зарядные ящики и другие повозки.

Перебрались и поджидаем, пока весь полк со своим обозом переправится через эту промоину Со стороны железной дороги движется конная группа — офицер и казаки. Один из казаков ведет в поводу лошадь, через седло которой перекинуто тело. Руки и ноги болтаются, свесившаяся голова залита кровью, на плечах кителя — генеральские погоны. Это тело генерала Шишковского, убитого дистанционной трубкой японской шрапнели, разорвавшейся перед вагоном, на подножке которого сидел генерал. Батарея пошла вперед, за ней двигался и полк. Обогнув гору, поднялись на возвышенность. До вечера чистились, мылись, обедали и рыли окопы и по гребню и у его подошвы.

С наступлением сумерок, 7-ой роте приказано занять сторожевым охранением участок впереди полка врестах в 1-2-х, протянув его вправо до участка, занятого ротой сторожевого охранения 1-го Его Величества Восточно-Сибирского стрелкового полка, войдя с ним в связь, и влево, где связатьсоя со 2-ым, не то 4-ым Восточно-Сибирским стрелковым полком. Для связи было дано несколько конно-охотников. Дошли до деревушки, поставили на окраинах посты, послали дозоры связаться и направо и налево.

С правым участком связались быстро, так как левофланговая застава полка занимала окраину деревни, уже занятой нами. Что же касается левого фланга, то, как ни старались кого-нибудь найти, ничего не удалось, Конно-охотники, направленные в разные стороны, влево вперед, влево назад, никого не нашли. Наш фланг повис. «Идет стрельба, летят пули, а кто стреляет, никак не узнать», докладывали воз-

вращавшиеся стрелки, а это был народ надежный. Так и простояли всю ночь с открытым левым флангом, а утром еще сюрприз: рота Его Величества 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка сняла охранение, не предупредив нас.

Стрельба усилилась. Стреляли слева и справа; пули, посвистывая, пролетали над головами. Командир роты собрал взводы и пошел на присоединение к полку. Но не прошли и сотни шагов, как выстрелы зачастили: стреляли в нашем направлении так как пули все больше свистели над головами. Японцы, обнаружив наше движение, обстреливали нас, будучи невидимыми в гуще гаоляна, а мы шли, как слепые. «Рота, стой! первый и второй взводы — прямо, третий — направо, четвертый — налево, пальба ротой, рота пли!». Дали дружный залп, потом другой, выпустили всю обойму, пошли дальше. Стрельба по нас сразу затихла.

Немного спустя, догоняет нас конно-охотник, идет рысью, а белая его лошадь хромает, грудь и нога залиты лровью. «Уж не мы ли подстрелили твою лошадь?» — спросил командир роты, — «ну чего ты болтаешься сзади, ведь легко мы тебя и убить могли». «Никак нет, Ваше Высокоблагородие, японцы в меня стреляли, они вошли в деревню с двух сторон, я едва успел выскочить. А ваши залпы легли и по дороге и по деревне, а я боковой тропкой проскочил».

Подошли к полку, командир роты доложил командиру полка, что поставил роту в резерв, где были 5-ая, 6-ая и 8-ая роты и где уже ждала нас ротная кухня. Пообедав и отдохнув, начали рыть резервный окоп.

Вечером за мной зашел подпоручик Орлов, вместе пошли смотреть, как роются окопы по гребню; здесь должны были сидеть 1-ый и 2-ой батальоны, а 3-ий батальон отрывал для себя окоп у подошвы. 7-ая рота, назначенная в резерв, рыла для себя глубокую щель.

Везде и всюду — гаоляновые поля. Полоса гаоляна перед фронтом была примята, положена на землю. Прямо невозвожно было уничтожить такое количество. Если бы об этом позаботились раньше, то возможно было бы очистить для обстрела широкую, тысячи на полторы шагов, полосу, но штабы предполагали оборону Ляояна возложить на форты, очень умно расположенные в долине под горами, под артиллерийским обстрелом с гор, а такую чудную для обороны позицию по гребням гор оставили без внимания. Поэтому на полки и легла необходимость самим окопы копать, гаолян ломать и штабы ругать. Очистили полосу шагов на двести, больше сделать не могли.

Вправо, за гребнем отрога, в узкой долинке, между чтим гребнем и Гелиографной горой, видны орудия нашей батареи. Влево шли гребни, овраги, лощины, кое-где поросшие кустами. Везде копошились люди, рыли окопы, подтягивали орудия, дымили походные кухни, без которых никак не могли обойтись наши стрелки. Благодаря такой любви к чаю, соседние фанзы, да и целые деревушки, остались без крыш, окон и дверей, все сожрали чайники. Мне, рядом с окопом роты, в щеке оврага, вырыли маленькую землянку с лежанкой, покрыли сверху гаоляном.

Далеко слева была слышна артиллерийская канонада. Это русские батареи гремели, встречая подходивших японцев. У нас все было тихо. Разведка доносила, что японцы, заняв ряд деревень перед участком 1-го Сибирского стрелкового корпуса, в том числе и ту, где мы были в сторожевом охранении, дальше не двигались, а ограничились лишь выдвижением вперед дозоров и застав. Вместе с этими сведениями сообщили, что правее нас большой крепкий редут у полотна железной дороги занят ротой пограничной стражи, еще правей стоит пулеметная рота капитана Сурина, что стояла рядом с нами у Ташичао. У правофлангового 1-го Его Величества Восточно-Сибирского стрелкового полка тоже есть редут.

С наступлением темноты, на фоне сумрачного неба и темных гор, все время вспыхивали, загорались и потухали огоньки, доносилась орудейная пальба и гром разрывов, но ружейной стрельбы, за дальностью, слышно не было. После ужина, подвезеного в лощину у подножья нщего гребня, разсположились на ночлег.

Всю ночь шла канонада, но у нас было тихо, изредка доносилась ружейная перестрелка: это встречались разведчики обоих сторон.

Но, вдруг, громовые удары рядом стоящих орудий заставили меня вскочить с лежанки. Уже рассвело, утро было сырое и холодное. Внизу в лощине сверкали молнии выстрелов, были артиллеристы около орудий, бегущие и возвращающиеся солдаты. По крутому скату Гелиографной горы стояли, кто-скрываясь за камнем, кто в ямке, а иные и вовсе открыто, передатчичи. Были слышны передаваемые поцепи команды командира батареи, сидевшего на верху горы. Свистя, прилетели японские гранаты, ударили в склон горы и выбросили фонтаны земли, камней и дыма.

Началась канонада. Временами подлетали снаряды бокшого калибра, тогда разрыв давал столб желто-зеленого дыма и звучал много сильней. Не переставая рвались снаряды, дым от шрапнельных и гранатных разрывов потянулся по склону горы. Подлетали все новые и новые очереди, и пелена дыма тянулась и густела. Но как ни старались японцы нащупать наши батареи, так и не могли. Снаряды разрывались по площадям, но пока ни один снаряд не лопнул около нашего окопа.

Потеплело. Сидеть одному было скучно и я перешел в ротный окоп, но и там ничего нового. Проходили из окопа, что на гребне, и обратно стрелки, кто нес в котелке воду, кто тащил мешок с хлебом. Пролетавшие снаряды их мало беспокоили, разве только, услыхав свист близко пролетавшего снаряда, пригибались или присаживались за камень Около нашего окопа дымились костерчики, висели чайники и стрелки пили мутный, пахнувший дымом чай. Принес горнист и нам котелок

Но вот донеслась частая ружейная трескотня. подбежавший стрелок сказал, что японцы появились цепями из гаоляна впереди окопов 3-го батальона и роты открыли огонь. Японцы сразу отхлынули обратно в заросли гаоляна, но отошли они недалеко и, залегши в гаоляне, открыли огонь по окопу 3-го батальона и по гребню, где сидели роты 1-го и 2-го батальонов. Появились раненые, одни шли сами, других несли на носилках, на ружьях или на полотнищах палаток. Мимо нас несли подпоручика Гирлю. Мы подошли к нему: голова была обмотана бинтом, через который проступала кровь. Он был ранен ружейной пулей, которая, попав в козырек фуражки, вышла в околыш, раздробив лоб. Через два дня я его встретил в санитарном поезде. Он уже пришел в себя, но, повидимому, все же не совсем, так как, будучи положен на верхнюю полку вагона он соскакивал с нее, что-то говорил и никак нельзя было его успокоить. Его, как безнадежного оставили в Гунжулине, где был госпиталь профессора Мантейфеля.

Прошло два месяца. Я лежал в Харбине в 318 полевом госпитале Красного креста. В один прекрасный день дверь в мою комнату отворяется и входит, как всегда веселый, Гирля. «Да что ты, Гирля, воскрес из мертвых?» «Да, вроде этого. Ну, а как ты себя чувствуешь?». В разговере он мне рассказал, как профессор Мантейфель, сняв повязку с раненой головы, обнаружил мозговую грыжу. Мозг выпирал из открытой раны. Очистив рану от осколков кости, снял часть корки мозгового вещества и зашил рану К половине октября Гирля выписался, как выздоровевший. Несмотря на то, что комиссия врачей нашла его для службы негодным, он вернулся в строй и в боях при Сандепу был ранен пулей в руку.

Прошло 10 лет. 19-го нвгуста 1914 года, когда около Люблина, у станции Травники, австрийцы готовили прорыв нашего фронта, Гвардейский корпус был спешно переброшен из-под Варшивы к Люблину. Не доезжая двухтрех станций до Люблина, в наш эшелон попросился военный чиновник, чтобы довезти его до Люблина. Его приклад был малиновый, а на погонах цыфра 7, значит — 7-го стрелкового полка, куда еще в 1905 году был обратно переведен Гирля. Естественно, что я спросил, где и что Гирля? Ответ был неутешительный: Гирля в бою был тяжело ранен в грудь, живот и, едва ли не опять, в голову. Его несли на перевязочный пункт, а положение дела было очень серьезно, так как полк был почти окружен и нес большие потери. Гирля приказал его положить, а самим уходить. Когда через несколько часов обстановка переменилась к лучшему и австрийцы принуждены были отходить, то Гирлю не нашли. Очевидно, его взяли в плен. Ранен он был безнадежно и, без сомнения, умер в плену, так как о нем ничего больше не было слышно.

Итак, Гирлю пронесли, пронесли еще раненых и убитых. Подвезли кухню и стрелки с котелками под разрывами шрапнелей сбегали за варкой. Денщики принесли и нам в судках обед. Сзади нас, в долине, где в туманной дымке лежал Ляоян и виднелась бышня Бей-тай-дзы, поднялся воздушный шар.

Пообедав вместе, разошлись: командир роты к себе в землянку, вырытую около окопа, а я к себе чтобы отдохнуть и, если возможно, то и заснуть.

Проснулся и вскочил от удара и разрыва гранаты, со стенок и крыши землянки сыпалась земля: ударило рядом, шагах в 5 от входа. Почти сейчас же два удара и два столба пыли, земли и дыма поднялись из оврага. Осколки и камни со свистом пронеслись вверх. Гелиографная сопка вся дымилась от разрывов, шел непрерывный свист подлетающих снарядов и грохот разрывов.

Наша батарея и невидимая мною другая, за поворотом лощины, вели беглый огонь, только часто сверкали молнии выстрелов. Прошло около часа, опять рядом разорвалось несколько снарядов, затем прибежал стрелок, крича кому-то вниз, «давай скорей носилки!».

Я высунулся, чтобы итти к роте, как почти одновременно со свистом пролетающего снаряда из оврага грохнул разрыв и поднялся столб дыма и земли, осколки завыли по сторонам, и меня ударило в лоб. Ударило, как палкой, и сейчас же потекла кровь, заливая лицо. Я прошел к окопу роты, где в это время укладывали на носилки двух раненых стрелков, у одного была перебита рука, у другого осколок ударил в ногу и остался там. «А, и вас ранило?» — обратился ко мне ротный команрид. «Эй, фельдшер, перевяжи подпоручика! А после перевязки идите на перевязочный пункт и дальше».

Подошедший фельдшер обтер рану и сказал: «у вас, Ваше Благородие, осколок остался под кожей, но кость не пробита.» — «Ну, тем более вам надо итти на перевязочный, там вам осколок вынут и направят дальше», посоветывал ротный командир. «Казимир Альбертович, если задета только кожа, то и уходить не к чему, я остаюсь в роте». «Ну, как хотите, я настаивать не буду, офицеры мне нужны». Итак я

остался и самочувствие было не плохое, только место ранения саднило.

День подходил к концу, смеркалось, и вся видимая местность сверкала огнями выстрелов и разрывов, отчетливо доносилась частая ружейная стрельба. Когда стемнело, появилась кухня, опять стрелки с котелками и ведрами для мясных порций пронесли вечернюю варку, денщики принесли судки и мешочки. Выпили водки, закусили, поужинали битками появились костерчики, на них котелки с чаем. Покуривали, разговоривали, а многие, накрывшись полотнищами палаток или шинелью, прислонившись к стене окопа, быстро уснули.

После полуночи, когда артиллерийский огонь стих и гремели лишь отдельные выстрелы, вдруг впереди нас заклокотал бешенный ружейный огонь. Все вскочили. «В чем дело?». А дело оказалось вот в чем: японцы незаметно подошли к окопу у подошвы холма, где сидели роты 3-го батальона и, выбив их неожиданным ударом в штыки, заняли весь нижний окоп.

Скоро пришло приказание командирам 1-го и 2-го батальонов выбить японцев и восстановить положение. Атаковать приказано на рассвете. Выбитые из окопа роты 3-го батальона отошли недалеко, сейчас же окопались на скате холма и все время вели ружейную перестрелку.

Мы, офицеры роты, то-есть командир ее капитан К. А. Малишевский, старший офицер поручик Владимир Михайлович Редькин, мой очень отдаленный родственник и я, в ожидании рассвета, сидели и пили чай, который все время подавал горнист, разложивший в окопе небольшой костерчик. Пили чай и разговаривали о совершенно посторонних, не относящихся к войне вещах. Ночь была довольно теплая, предыдущая была и сырая и холодная. Все время шла ружейная стрельба, прерываемая изредка пушечными ударами, на фоне темного неба вспыхивали огни разрывов шрапнели.

Стрелки тихо переговаривались, краснели огоньки папирос и крученок, кое-кто и похрапывал. Восток начал бледнеть и стали вырисовываться силуэты сопок.

Рота вышла из окопа и подошла к верхнему окопу, который шевелился выходившими и строящимися ротами. Заметно посветлело и стали ясно видны лица людей. Пошли рядами справа вдоль гребня. Прикрываясь им, спустились в седловину, против которой и были захвачены японцами окопы, в этой седловинке и лежали остатки рот 3-го батальона в наскоро вырытых окопах. Командир 2-го батальона подполковник Константин Константинович Федоров, выяснив, что роты батальона подошли, снял фуражку, перекрестился и пошел по направлению захваченных окопов, роты повернули налево и сразу получился широкий фронт батальона.

Чем ближе подходили к гребню, тем шире и поспешнее становился шаг. Винтовки взяты на руку. Вот уже 5-ая и 6-ая роты на гребне, видно, как стрелки бросились бегом вниз. А навстречу им затрещал ураган огня, но пули, свистя, летели через головы.

Вот и мы на гребне и бежим, перепрыгивая через убитых и раненых. Ближайшая японская батарея открыла огонь и стали рваться и гранаты и шрапнель, но роты, теряя по пути людей, крича «Ура», стремительно набегали на окопы. Повалился убитым Владимир Михайлович Редькин. Бежавшие впереди своих рот Соколов и Орлов первыми ворвались в японские окопы и были на глазах у всех заколоты штыками.

Соколов недавно вернулся в полк из госпиталя, где лечился от ранения осколками под Ташичао. Редькин тоже был ранен под Вафангоу и тоже недавно приехал.

Сзади нас набегали остатки рот 3-го батальона.

Вдруг ружейный огонь японцев прекратился: японцами овладела паника, они лезли на бруствер, стараясь выбраться из окопа. Там, где помещались четыре роты 3-го батальона и окопы были глубокие, набилось японцев едва ли не целый полк, не то 35-ый или 36-ой. Они страшно мешали друг другу. Набежавшие роты уже били их штыками и прикладами, стреляли в упор. Здесь происходило поголовное уничтожение противника. Кому удавалось, наконец, вскочить на бруствер, бросался бежать, и здесь многих догоняли пули.

Я не заметил, сколько времени продолжалась эта свалка, но занять окоп было нельзя, он до верха был завален трупами и пока их выбрасывали за бруствер и очистили окоп, прошло не мало времени. Потом стали отправлять раненых, но кое-кто, перевязавшись сам или с помощью товарища, оставался в строю.

В это время японская батарея, получила, надо полагать, сведение о том, что их полк не только выбит, но почти совершенно уничтожен, открыла огонь по окопам. Наши батареи тотчас отозвались. Пришлось лезть в окоп и, прижавшись, сидеть, так как огонь батареи был очень силен. По окопу валялись японские винтовки, штыки, фуражки, подсумки с патронами, масса стреляных гильз. У нас потери были тоже немалые, в атакующих ротах выбыло от 50 до 75 человек, а пробежать под огнем надо было всего то не больше 150-200 шагов.

Голова начала болеть и командир, посмотрев на меня попристальнее, сказал: «А ну, снимите повязку». Я снял. «Да у вас отек лица и головы. Идите, пока возможно еще пройти, на перевязочный пункт». Здесь я спорить не стал и в сопровождении стрелка, раненого в руку и пле-

чо, пошел, ложась временами, при налетающем снаряде, за камень или в ямку.

Перевязочный пункт был за Гелиографной горой. Везде лежали, сидели, стояли и ходили раненые, которых приносили на носилках, а кто и сам тащился. Доктора, фельдшера, санитары переходили от одного к другому, перевязывали, укладывали в санитарные линейки, телеги и китайские арбы и все это отправлялось в Ляоян. В стороне лежали шеренгами убитые и умершие от ран, покрытые либо полотнищем палатки, либо шинелью.

«Здесь я не решаюсь вынуть вам осколок. У вас отек, повидимому начинается воспаление. Я отправлю вас дальше, а пока сделаю вам вот этот укол». Дал перевязочное свидетельство, и я пошел вместе с транспортом раненых по дороге на Ляоян.

На мне были чамбары, гимнастерка и фуражка, шашка болталась сбоку и висел на поясе револьвер с рассстреляными гильзами и больше ничего.

Перевязочный пункт не был хорошо защищен горой, так что все перелеты, правда разрываясь высоко, все же осыпали площадь пункта и шрапнельными пулями и стаканами. Транспорт, прикрываясь горой, повернул направо и пошел вдоль полотна железной дороги к станции Ляоян для погрузки раненых в санитарные поезда.

Вскоре из-за поворота дороги показалась группа всадников. Впереди ехал довольно плотный офицер с небольшой черной бородкой и в фуражке с белым околышем, сзади — казак с флажком Красного креста, еще несколько казаков, фельдшер с сумкой, 2-3 вьючных лошади и столько же заводных.

Это была летучка Красного креста, которую вел штабс-капитан Лейб-Гвардии Павловского полка Александр Александрович Леман. Он приказал подвести мне заводную лошадь и, подвезя к станции Ляоян, сдал в санитарный поезд.

А. Редькин

Генерал Платон Алексеевич Лечицкий

(окончание)

Отход 9-ой армии, продолжавшийся до конца сентября, покрыл новой славой ее войска и руководившего ими генерала Лечицкого. Может ли, вообще, отступление покрыть славой отступающие войска? В данном случае это было именно так. Отступающая 9-ая армия нанесла ряд тяжелых ударов пытавшемуся преследовать ее противнику и отход ее был обусловлен исключительно необходимостью согласовывать его с отходящими севернее соседями, как это было указано ей в упомянутой выше директиве Главнокомандующего Юго-Западного фронта от 9-го июня. За время этого отхода 9-ая армия взяла пленных и трофеев значительно больше, чем отдала сама. Во время этого, можно сказать «классического», отступления, войска армии (9 пехотных и 6 конных дивизий), имея против себя значительно превосходящего не только артиллерией, но и количеством пехоты (4 правофланговых пехотных дивизии «Южной» армии и всю 7-ую австро-венгерскую армию, с ее 10-тью пехотными и 5-ю кавалерийскими дивизиями), проявили наивысшее упорство в обороне и неудержимый боевой порыв при контр-ударах, а генерал Лечицкий со своим штабом показал высокие образцы военного искусства при маневрировании: части армии то отходили, то, заняв выгодные позиции, выжидали преследующего противника, и перейдя неожиданно для него в наступление, коротким, но очень чувствительным ударом отбрасывали его и снова отходили, согласуясь с левым флангом 11-ой армии, чтобы через короткое время опять нанести стремительный контр-удар.

Необходимо подчеркнуть, что это происходило в период величайшего кризиса в снабжении русской армии. О недостатке, почти отсутствии, артиллерийских снарядов мы упоминали выше. Но не многим лучше обстояло дело и с винтовками и патронами к ним. Генерал Ю. Н. Данилов пишет об этом периоде («Россия в Мировой войне») «вследствии отсутствия винтовок, войсковые части, имея огромный некомплект, не могли впитывать в себя людей, прибывающих из тыла. Бывали случаи, когда прибывающие на укомплектование люди должны-

были оставаться при обозах, вследствии невозможности поставить их в ряды по отсутствию винтовок...» Генерал Н. Н. Головин, бывший в указанный период генерал-квартирмейстером 9-ой армии, во 2-ом томе своего капитального труда «Военные усилия России в мировой войне» рассказывает об эпизоде, носящем несколько анекдотический характер, но в действительности глубоко трагическом и как нельзя лучше характеризующем положением со снабжением русской армии в период ее великого отступления весною и летом 1915 года: «Я помню полученную в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот т о п о р а м и, насаженными на длинные рукоятки; предполагалось, что роты эти могут быть употребляемы, как прикрытие для артиллерии. Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства».

Кризис в отношении снабжения армий в этот период достаточно хорошо известен. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы отметить, в каких условиях 9-ая армия нанесла летом 1915 года ряд тяжелых ударов пытавшемуся преследовать ее неизмеримо лучше снабженному противнику. Эти «победы при отступлении» были единственным светлым пятном на общем фоне тяжелых неудач и общей подавленности. Генерал Лечицкий со своими сверхдоблестными войсками показал, что мог сделать солдат Императорской армии, руководимый волевым, искуссным и любимым полководцем, дерясь чуть не голыми руками против великолепно вооруженного противника.

Приведу только несколько примеров действий частей 9-ой аврии во время этого славного отхода. В боях 6-10-го июня 30-ый армейский корпус (71-ая и 80-ая пехотные второочередные дивизии), получив приказ генерала Лечицкого отбросить наседающего противника, атакуют в районе Кесмержин-Сновидув и, разбив три австрийских пехотных дивизии, отбрасывают их на 20 верст, взяв при этом пленными 141 офицера и 10.725 солдат и захватив 16 пулеметов. В августе и сентябре 11-ый корпус наносит противнику целый ряд ударов: в боях 24-26. го августа отбрасывает противника у Соколув; 27-го и 28-го августа у Гайворонка; 1-го и 2-го сентября-в районе Семиковце- Бурканув и 28-29-го сентября (генерал Лечицкий переходит в наступление двумя корпусами), наступая, снова у Гайворонка. В указанных боях только одним славным 11-ым корпусом взято 11 орудий, 62 пулемета и пленными 410 офицеров и 16.400 солдат.

О сентябрьских боях 9-ой армии генерал Головин пишет в уже цитированном нами труде: «В сентябре 9-ая армия перешла в контр-наступление между реками Серет и Стрыпа. Успех был огромный. В течение пяти дней было захвачено более 35.000 пленных и сделан прорыв в 60 километров. За этой зияющей дырою у противника не было вблизи ни одной свежей дивизии. 9-ой же армии удалось сосредоточить для использования прорыва две пехотных и две кавалерийских дивизии. Но беда была в том, что ружейные патроны были на исходе. Командующий армией генерал Лечицкий вызвал к аппарату Юза Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова и умолял его прислать на грузовиках один миллион ружейных патронов. Генерал Иванов отказал и намеченная операция должного развития не получила, так как посылать войска в бой без патронов генерал Лечицкий считал преступной авантюрой.»

Потеснив противника в сентябрьских боях, 9-ая армия закрепляется своим правым флангом на реке Стрыпе, оставаясь на всем своем фронте на неприятельской территории; левый фланг армии в Буковине занимает почти то же положение, которое он занимал до наступления 9-ой армии в апреле. За время своего летнего отхода 1915 года 9-ая армия всего взяла около 70.000 пленных. Начался период позиционной войны.

13-го октября Государь Император посетил районы расположения 9-ой и 11-ой (также наступавшей в сентябре месяце) армий, чтобы лично благодарить их. Генерал А. И. Спиридович, заведовавший охраной Государя, пишет об этом посещении так: «Вскоре автомобили неслись уже к войскам генерала Лечицкого. Это был выдающийся генерал, хороший человек, которого любили и солдаты и офицеры... При отступлении в 1915 году, в августе, Лечицкий, по собственной инициативе, перешел с 9-ой армией в контр-наступление и отбросил немцев. Его поддержали своими армиями Щербачев (11-ая армия) и Брусилов (8-ая армия) и в результате была одержанакрупнаяпобеда и взято много тысяч пленных...» Далее, генерал Спиридович приводит интересный эпизод, характерный для генерала Лечицкого: «...Уже темнело, когда стали усаживаться в автомобили. Государь предложил Лечицкому: «Платон Алексеевич, хотите я вас подвезу по дороге?» Тот ответил наивно откровенно: «Никак нет, Ваше Императорское Величество, нам не по дороге, а я слишком долго отсутствовал из штаба армии и мне нужно принять длинный доклад начальника штаба, он ждет меня». Некоторые переглянулись. Государь ласково улыбнулся и пожал руку Лечицкого». Определение ответа генерала Лечицкого, как «наивно-откровенный», нес-

колько удивляет. Это был честный и откровенный ответ старого солдата, привыкшего говорить своему Государю правду. В этом ответе сказался достойнейший характер, прямота и честность генерала. А то, что «некоторые переглянулись», очевидно, некоторые из лиц свиты Государя, свидетельствует о том, что среди этих лиц не принято было говорить Государю правду.

Высочайшим Приказом 27-го октября 1915 года генерал Лечицкий награжден был за бои при отходе 9-ой армии летом и в начале осени очередным боевым орденом Белого Орла с мечами, который, кстати сказать, имели уже не только командиры корпусов армии, но и некоторые начальники дивизий. В армии были несколько удивлены и огорчены, ожидая более высокой награды для своего любимого командующего. Впрочем, и выбирать награды для генерала Лечицкого было уже нелегко: оставалось генерал-адъютантство или орден Св. Георгия 2-ой степени.

После «громового удара», как характеризует его генерал Ю. Н. Данилов в своем труде «Россия в Мировой войне», нанесенного противнику в сентябре 1915 года правым флангом 9-ой армии и левым 11-ой, и поспешного отступления австро-германцев за реку Стрыпу, 9-ая армия генерала Лечицкого недолго оставалась в сравнительно спокойном состоянии позиционной войны. В ноябре 1915 года, между 11-ой и 9-ой армиями вклинена была 7-ая армия, переброшенная на участок реки Стрыпы из района Одессы, где она была сосредоточена для намечавшейся, но отмененной десантной операции у Босфора; 9-ая армия, передав 7-ой часть занимаемого ею фронта на левом берегу Днестра, заняла более узкий участок фронта по правому берегу Днестра от района южнее впадения в Днестр северного его притока, реки Стрыпы, через Миткеу-Онут и далее на юг, на Ржавенцы-Топороуц и почти вдоль государственной границы России и Австро-Венгрии до румынской границы, восточнее города Черновицы.

7-ая армия должна была в двадцатых числах декабря перейти в наступление с целью прорыва неприятельского фронта на реке Стрыпе; 9-ая армия получила вспомогательную задачу «отвлекать активными предприятиями силы противника от направления главного нашего удара», наносимого 7-ой армией.

Декабрьское наступление 1915 года предпринято было штабом Юго-Западного фронта безусловно преждевременно. Последствия летнего кризиса 1915 года, обусловленного недостатком снарядов, ружейных патронов и даже винтовок, далеко еще не были преодолены; войсковые части, потерявшие во врежя летних боев до 75 и более процентов своего состава, хотя и были пополнены, но прибывшие пополнения не были достаточно обучены, части не были еще спаяны и готовы к прорыву созданной уже здесь противником сильной укрепленной полосы.

Как и следовало ожидать, попытки прорыва неприятельского укрепленного фронта на реке Стрыпе, предпринятые 7-ой армией в последних числах декабря 1915 года и в первых числах января 1916 года, успехом не увенчались. 9-ая армия, выполняя поставленную ей задачу отвлечения сил противника, атаковала частями 11-го и 12-го армейских корпусов севернее Черновиц 24-го, 25-го и 26-го декабря и 1-го и 6-го января. Слабость нашей артиллерии, не имевшей возможности подавить неприятельскую, приводила каждый раз к тому, что пехота 9-ой армии, заняв первые линии неприятельских окопов, выбивалась из них мощной артиллерией противника и, понеся большие потери, отходила в исходное положение. Так или иначе, 9-ая армия выполнила поставленную ей задачу, связав на своем фронте значительные силы противника, но поскольку наносившая главный удар 7-ая армия успеха не имела, — жертвы были принесены напрасно. Единственных положительным результатом было то, что опыт декабрьского наступления показал штабу Юго-Западного фронта, что без снабжения легкой артиллерии достаточным количеством снарядов, без усиления армии тяжелой артиллерией, а равно и без деятельной воздушной разведки неприятельских укрепленных позиций, попытка прорыва их обречена на неудачу.

Для 9-ой армии, как и для других армий Юго-Западного фронта, начался период позиционной войны, продолжавшийся четыре с половиной месяца.

В течение всего этого периода происходила усиленная подготовка к весеннему наступлению-прорыву неприятельского укрепленнного фронта, причем опыт декабрьских боев был штабом 9-ой армии полностью учтен. Непрерывно производилась самая тщательная наземная и воздушна разведка системы неприятельскіх укрепленых позиций; В пехотных частях армии организовано было обучение их преодолению укрепленной полосы, причем подготовка эта производилась скрыто, для чего войсковые части поочередно отводились в тыл.

Подготовка артиллерии к прорыву поручена была генералом Лечицким, в обход всех высших артиллерийских начальников, бывшему в то время всего лишь командиром батареи подполковнику Кирею, исключительные качества которого генерал Лечицкий сумел заметить и оценить. В чрезвычайно интересной статье В. Е. Милодановича, посвященной генералу В. Ф. Кирею («Военная Быль» № 35), автор пишет: «в штабе 9-ой армии было созвано совещание, на которое были приглашены командиры кор-

пусов с инспекторами своих артиллерий и подполковник Кирей. Выслушав присутствовавших, командующий армией генерал Лечицкий сказал: «Согласен с мнением подполковника Кирея»... Кирей был облечен соответствующими полномочиями...» Случай очень показательный для характеристики генерала Лечицкого, еще раз доказывающий, насколько он умел разбираться в своих подчиненных, делать им верную оценку и принимать решения, руководствуясь только пользой дела. Обойти добрый десяток генералов и поручить подготовку артиллерии армии к прорыву подполковнику, принять такое решение вряд ли был способен кто либо из командующих армиями в ту войну, кроме генерала Лечицкого. Действия артиллерии 9-ой армии при майском прорыве неприятельского укрепленного фронта блестяще оправдали смелое решение генерала Лечицкого.

В начале марта 1916 года генерал Лечицкий, во время посещения передовых позиций, простудился и перенес тяжелую болезнь — крупозное воспаление легких. М. Лемке, в своей книге «250 дней в Царской Ставке», отмечает: «Во время объезда фронта Царь навестил генерала Лечицкого; он теперь поправляется...» Это было 28-го марта 1916 года в городе Каменец Подольске, где расположен был штаб 9-ой армии.

Общее наступление армий Юго-Западного фронта намечено было на 2-ое июня, но в первых числах мая австро-венгерская армия прорвала оборонительные позиции итальянцев в Трентино и наши союзники, как и всегда в таких случаях, настоятельно просили ускорить наш переход в наступление. Вследствие этого, Ставка, директивой от 18-го мая, перенесла начало наступления на 22-ое мая.

К моменту начала операции силы 9-ой армии состояли только из 3-х армейских корпусов (41-ый, 11-ый и 12-ый) и одного кавалерийского корпуса (3-го); правда и протяжение фронта армии было сравнительно невелико.

На рассвете 22-го мая, руководимая подполковником Киреем, артиллерия 9-ой армии, уже в достаточном количестве снабженная снарядами, начала подготовку атаки. Одним из средств достижения внезапности было сокращение времени артиллерийской подготовки до нескольких часов: артиллерийская подготовка на фронте 9-ой армии закончилась уже в 12 часов дня (в 8-ой армии, например, подготовка продолжалась почти сутки) и была настолько действительной, что начавшая вслед затем атаку пехота на некоторых участках почти без потерь уже к 15 часам овладела первыми тремя линиями неприятельской обороны. Неприятельская артиллерия была совершенно подавлена, пехотные окопы сметены. На правом фланге армии 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия 41-го корпуса прорвала неприятельские позиции у деревни Самушин под Миткеу и, взяв 3.600 пленных, орудия и пулеметы, продвинулась до Окна; южнее, 12-ая пехотная дивизия прорвала фронт противника у Онут; далее на юг, 11-ая пехотная дивизия взяла три линии на участке хребет Черный Поток — ручей Хороскоуц, 19-ая пехотная дивизия — у Ржавенцы и 32-ая пехотная дивизия — у Доброноуц. Всего за этот день взято было около 12.000 пленных.

Развить успех сразу же не удалось, ввиду отсутствия необходимых для этого резервов: из семи пехотных дивизий армии, шесть уже пришлось ввести в дело.

Начальник кавалерийской дивизии, направленной к одному из мест прорыва, проявил нерешительность и свою дивизию в прорыв не ввел. Между тем, уже к вечеру 22-го мая, австрийцы, подведя резервы, начали контр-атаки. Только к вечеру 25-го мая противник, не достигнув никакого успеха, атаки эти прекратил. 27-го мая 9-ая армия, усиленная 33-им армейским корпусом, переведенным с левого берега Днестра, из резерва 7-ой армии, возобновила наступление и уже на следующий день окончательно сломила сопротивление противника на своем правом фланге.

В этот день (28-го мая) Текинский конный полк, брошенный в прорыв у деревни Юркоуц, атаковал в конном строю австрийскую пехоту и, порубив около 600 человек, взял два пулемета и пленными 9 офицеров и 900 солдат. В этот же день произошел редкий в военной истории эпизод: конная атака прислуги конной батареи на неприятельскую пехоту и артиллерию. Прислуга 2-ой батареи 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона — 60 всадников, во главе с командиром батареи подполковником Ширинкиным, атаковала в конном строю у села Заставна отходящую австрийскую пехоту, а вслед затем взвод этой батареи под командой капитана Насонова (25 всадников) нагнал уходившую неприятельскую батарею и атаковав ее взял 4 орудия и 2 офицеров и 79 солдат пленными. Всего за день 28-го мая взято было 37.000 пленных. После этого, правый фланг армии продолжал наступление в направлении города Коломыя; левому флангу армии только 4-го июня удалось сбить противника с реки Прут у Черновиц, после чего, безостановочно преследуя отходящего противника, в короткий срок левофланговые части армии продвинулись более чем на 120 километров на юг и юго-запад и заняв города Кутты, Сигот, Радауц, Сучава, Селетин достигли Кимполунга в Лесистых Карпатах, овладев всей Буковиной. Правофланговые части армии, заняв Коломыю, продвинулись в западном направлении на 80 километров и встретили сильное сопротитвение только в излучине верхнего течения реки Прут, у Делятин-Ворохта и севернее,

под Станиславовом, куда германцы успели подвезти с французского фронта несколько своих дивизий.

Достигнув левым флангом своим района Кимполунг-Кирлибаба (в Трансильванских Карпатах), а правым — района южнее Станиславова, 9-ая армия растянулась своими четырьмя корпусами на фронте в 150 километров, что вызвало необходимость значительного ее усиления. переданный в состав ее из 7-ой армии 2-ой армейский корпус направлен был на крайний левый фланг армии, в район Кирлибаба; к левому флангу армии направлялся и 26-ой армейский корпус из состава Северо-Западного фронта. После продолжавшейся приблизительно с 1-го по 15-ое июля перегруппировки сил армии, она возобновила наступление.

В боях с 22-го мая по 30-ое июля 1916 года, 9-ая армия нанесла решительное поражение противостоящим силам австро-венгерской армии и овладела всей Буковиной и частью Галиции, причем за это время частями армии взято было 127 орудий, 424 пулемета, 44 миномета и бомбомета, огромное количество винтовок, снарядов и прочего артиллерийского и инженерного имущества и пленными 2.139 офицеров и 100.578 солдат (цифры взяты из Высочайшего Приказа о награждении орденом Св. Георгия 4-ой степени начальника штаба 9-ой армии генерала Санникова). Генерал Лечицкий, Высочайшим Приказом 6-го июля 1916 года награжден был орденом Св. Александра Невского с мечами.

Успех летнего наступления Юго-Западного фронта положил конец колебаниям Румынии: 14-го августа она вступила в войну на стороне держав Согласия. Генерал Лечицкий, войска которого вплотную примыкали к румынской границе, получил задачу обеспечивать правый фланг румынской армии. Как и всегда до сих пор генерал Лечицкий и на этот раз не ограничился пассивным выполнением полученной задачи. Уже 20-го августа он перешел в наступление своими левофланговыми частями (2-й армейский корпус, 64-я пехотная дивизия 26-го корпуса и спешенная кавалерия) на Дорна Ватра и далее — на Быстрица, увлекая за собой правый фланг соседней северной румынской армии, также перешедшей вслед затем в наступление. Наступление в трудно-проходимых Трансильванских Карпатах развивалось медленно, встречая упорное сопротивление германских частей, занимавших сильные укрепленные позиции. Тем не менее, правый фланг румынской армии был 9-ой армией надежно прикрыт.

Выступление Румынии создавало серьезную угрозу Болгарии и угрожало перерывом сообщения австро-германцев с Турцией, почему германское командование решило нанести Румынии быстрый и сокрушительный удар. С этой целью против Румынии спешно сосредоточено было две германских, одна австро-венгерская и значительная часть болгарских армий, всего свыше 35 пехотных и 9 кавалерийских дивизий, которые должны были нанести удар румынам, наступая одновременно с юга и с запада. Наступление это развивалось быстро; румынская армия отступала вглубь своей территории.

Настойчивые требования союзников о помощи Румынии, а равно и необходимость обеспечения левого фланга нашего Юго-Западного фронта, вынудили русскую Ставку спешно перебрасывать сюда значительные силы. Создавался новый фронт — румынский, в состав которого должны были войти румынские армии и 9-ая русская, передаваемая из состава Юго-Западного фронта. 9-ая армия значительно усиливалась: в состав ее направлялись 8-ой и 40-ой корпуса из 8-ой армии и 24-ый и 36-ой корпуса с Западного фронта; в то же время, занимаемый ею участок фронта сокращался передачей правофлангового отрезка его в новую 8-ую армию, вдвигаемую между 11-ой и 9-ой армиями; штаб 8-ой армии переходил из Луцка в Каменец-Подольск.

Главнокомандующим Румынского фронта номинально числился Румынский король;актическим главнокомандующим являлся его помощник, которым, по соглашению с Румынией, должен был быть русский генерал. Казалось бы, естественным кандидатом на этот пост являлся генерал Лечицкий, армия которого вошла в состав Румынского фронта и уже вела бои совместно с румынской армией. Но выбор Ставки пал на генерала Сахарова. Надо сказать, что генерал Сахаров очень удачно командовал, как 11-ым корпусом, так вслед затем и 11-ой армией, но все же главную роль в выборе Ставки сыграло, надо полагать,то обстоятельство, что генерал Лечицкий не владел французским языком, что было необходимо при постоянном общении с Румынским Королем.

Между тем, румынские армии, терпя одно поражение за другим, продолжали отступать. Германские войска приближались к Бухаресту. Выявившаяся с полной очевидностью слабая боеспособность румынскощ армии, вызвала необходимость переброски на румынский фронт еще 12 пехотных и несколько кавалерийских дивизий, для объединения командования которыми переводились на румынский фронт управления 4-ой и 6-ой русской армии. Таким образом, вступление в войну Румынии создало для русского командования дополнительные труд-

ности и легло на Россию новым бременем. Значительное увеличение общего протяжения фронта потребовало перевода на Румынский фронт, в сущности — второстепенный, значительной части сил, чем уменшалась возможность успеха на других, более важных направлениях.

В первых числах ноября, с целью облегчить тяжелое положение румынской армии, генерал Лечицкий, имея в составе своей 9-ой армии свыше 20 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, перешел в наступление по всему фронту армии от Дорна Натра до Окна (не смешивать с Окна к северо-западу от Черновиц). В условиях очень суровой зимы, в заваленных снегом диких Трансильванских горах, преодолевая упорнейшее сопротивление германцев, войска 9-ой армии в течение всего ноября месяца медленно продвигались вперед в долинах рек Чионабаш, Тротуш, Жедан, постепенно выбивая, часто — штыками, германцев с ряда укрепленных позиций у Дорна Ватра, Брустуроза, Агаши, Чоканешти, Пьяна Узулуй и друг., беря тысячи пленных, орудия, пулеметы и другие трофеи.

Армией достигнут был ряд значительных тактических успехов, способствовавших стабилизации всего Румынского фронта. Но уже к концу ноября в 9-ой армии стал ощущаться острый недостаток в продовольствии и фураже; магазины были почти пусты, а подвоз, бывший и раньше недостаточным, почти прекратился вследствие полного отсутствия порядка на румынских дорогах. К новому, 1917 году, боевые действия на фронте 9-ой армии затихали. Румынский фронт стабилизировался.

Боевые действия прекратились, но началась интенсивная подготовка к возобновлению их весною. Приводились в порядок тылы Румынского фронта, налаживалось интендантское снабжение армий, пополнялся личный состав; формировалось из четвертых батальонов пехотных полков большое количество новых дивизий; в невиданном еще количестве прибывали артиллерийские снаряды; значительно увеличивалось количество тяжелой артиллерии... Армии ожидали весны, чтобы перейти в наступление, которое, как верили, принесет победное окончание войны. Армия, несмотря на колоссальные жертвы, несмотря на сверхчеловеческие усилия, оставалась здоровой. Но тыл разложился и сгнил. В Петрограде началась революция.

Около 15 марта генерал Лечицкий сдал командование армией и отбыл из армии. Уход генерала, пользовавшегося в армии общей любовью и большой популярностью, как то затушевался в общем смятении и сумятице тех дней, вызванных известием об отречении Государя, не вызвал той реакции, которая несомненно последовала бы будь это при нормальном положении вещей. Официальной причине отставки-расстроенному здоровью, не особенно доверяли, хотя незадолго до революции генерал повторно перенес тяжелую простуду. Большинство считало, что подлинной причиной отставки генерала Лечицкого было нежелание продолжать службу после отречения Государя. Как было в действительности-не знаю. Много лет спустя мне пришлось видеть номер газеты «Новое время» от 13-го марта 1917 года, в котором был помещен большой портрет генерала Лечицкого с подписью: «Генерал Лечицкий-новый Главнокомандующий армиями Западного фронта». Повидимому, генерал Лечицкий ответил на это лестное для него повышение, предложенное ему Временным Правительством, просьбой об увольнении в отставку «по расстроенному здоровью». Было ли состояние здоровья действительной причиной решения генерала уйти в отставку? Думается, что старый полководец, прошедший в армии путь от солдата до одного из высших ее генералов, со славою участвовавший в трех войнах, слишком хорошо знал солдата, Армию, ее Душу и уже тогда ясно видел, что поспешно и преступно легкомысленно начатое Временным Правительством разложение Армии сверху, в короткий срок неизбежно приведет ее к бесславному концу.

Точными сведениями о том, когда и как окончил свою жизнь выдающийся русский полководец генерал Платон Алексеевич Лечицкий, я не располагаю. Наиболее правдоподобным из разноречивых сведений я считаю то, что генерал Лечицкий скончался весной 1918 года в городе Орлове, Вятской губернии, куда в 1915 году был эвакуирован из Гродненской губернии его престарелый отец.

В. Б-К.

Загадки должны быть разгаданы

Для современного поколения имя Александра Ксаверьевича БУЛАТОВИЧА говорит очень мало. Более или менее известны три его путешествия в Эфиопию (Абиссинию). А был он одной из самых интересных фигур конца прошлого и начала этого столетия. Он, первый из европейцев, исследовал последнее прибежище фараонов — таинственную Каферу. Он первый — решил вопрос водораздела речных систем Нила и оз. Рудольф. И несмотря на такие большие заслуги перед обществом, жизнь и судьба его оставались неизвестными. Несколько лет поисков помогли приоткрыть страницы его биографии, но и сейчас многие из них еще не разгаданы.

Как удалось точно установить, А. К. БУЛАТОВИЧ родился 26 сентября 1870 года в семье командира 143 пехотного Дорогобужского полка. 14-ти летним мальчиком, в феврале 1884 г., его отдают в Императорский Александровский лицей. Вступительные экзамены Александр сдал хорошо но, видно по иронии судьбы, будущий выдающийся географ и путешественник еле-еле натянул на удовлетворительную оценку по географии (6 при 12-ти балльной системе). Учится он отлично и переходит из класса в класс с похвальными листами и наградами-книгами.

Лицей Александр оканчивает отлично, правда без медали, в числе первых учеников и выпускается с чином IX-го класса, получая назначение в Собственную Е. И. В. канцелярию по учреждениям императрицы Марии. Но перспектива сидеть в канцелярии, не могла увлечь живого, очень любознательного и горячего юношу и он поступает рядовым на правах вольноопределяющегося I разряда лейб-гвардии в Гусарский полк. После года службы и лагерных сборов 19 августа 1892 года он производится в первый офицерский чин — корнета.

Очень интересно и своеобразно пишет о нем в газете «Русское слово» от 29 августа 1913 г. некто, скрывшийся под инициалами «А. Р.»: «В полку он сразу выдвинулся среди товарищей лихим нравом и специальной кавалерийской удалью... «Военная косточка», «забубенная голова», «рубаха-парень» — все эти термины как нельзя больше шли к знаменитому «Сашке Булатовичу». Особенно отличался А. К. Булатович в верховой езде. Он неоднократно брал призы на лошадях собственного завода.

В это время, в Африке вспыхнула итало-абиссинская война. Вся русская общественность стояла на стороне народов Эфиопии, боровшихся за свою свободу и независимость. Российское общество Красного Креста приняло решение о командировании на фронт итало-абиссинской войны санитарного отряда. Это вызвало массу заявлений с просьбой о зачислении в отряд, а также большое поступление денежных пожертвований. Конечно, не могло это пройти мимо молодого, горячего, ищущего приключений гусара. Подав рапорт, А. К. Булатович был зачислен в состав отряда, как частное лицо.

Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка корнет Александр Ксаверьевич БУЛАТОВИЧ

С первых своих шагов в Эфиопии он приобретает небывалый авторитет у местных народов. 18 апреля 1896 года, отряд прибыл в Джибути. Приближался сезон дождей. Это вызвало необходимость быстрого перехода из Джибути в Харрар. Предстояло, через гористую почти безводную пустыню провести оргомный, тяжело навюченный караван с имуществом отряда. И, конечно, впред опять выскочил наш неугомонный корнет. Александр Ксаверьевич попросился впред для рекогнисцировки и оповещения харрарских властей. Переход от петербургских морозов к тропической жаре под жгучими лучами солнца, абсолютное незнание местности, языка и даже незнакомый способ передвижения на верблюде не остановили его.

21 апреля в 20.00 он выехал из Джибути и в 14. 25 прибыл в Харрар, затратив на переход в 350 верст трое суток и 18 часов. Из них он находился в движении 76 часов и 14 часов отдыхал. В тех условиях, это был небывалый по своей смелости и выносливости подвиг, который сразу сделал его личность легендарной в Эфиопии.

Русским санитарным отрядом была проделана колоссальная работа. За 195 приемных дней было принято около 27 тысяч больных и раненых, сделано около тысячи операций. Деятельность отряда способствовала росту доверия и симпатии к русским в Эфиопии. Слава русских «хакимов» обошла всю страну. МЕНЕЛИК II, за самоотверженную работу по оказанию помощи раненым и больным, награждает весь личный состав отряда грамотами и орденами.

После окончания работы отряда, А. К. Булатович остается в Эфиопии и предпринимает путешествие в, никем до сих пор не исследованные, западные ее области. Он быстро изучает местные языки и завоевывает любовь и расположение коренного населения. Здесь впервые начинают проявляться его задатки большого исследователя, географа и этнографа. Результат этой экспедиции был изложен в его книге «От Энтото до реки Баро». В декабре 1896 г. его производят в очередной чин поручика. За экспедицию и за работу в отряде он был награжден орденом св. Анны 3-ей степени.

Деятельность русских врачей, приезд в Россию эфиопского посольства создали предпосылки для установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией. Поэтому, в конце 1897 г. в Эфиопию была отправлена официальная миссия во главе с действительным статским советником П. М. Власовым. В состав миссии, на должности начальника конвоя, вошел и А. К. Булатович. Впрочем, он был отправлен в Эфиопию задолго до отъезда миссии, еще в сентябре, с извещением императора Менелика II о ее выезде.

К этому времени, император Эфиопии, обеспокоенный продвижением других государств к границам Его страны, организует поход своих армий к западным и юго-западным границам государства для их защиты. С армией, которой командовал Рас Вальде Георгис, выступил в поход и А. К. Булатович.

Александр Ксаверьевич добивается разрешения находиться в передовом отряде и, фактически, почти весь поход возглавляет его. Помимо задач разведки, рекогносцировки, он был у Раса за главного военного советника и даже занимался врачеваньем больных и раненых. В походе Булатович проявляет себя человеком отчаянной храбрости. С конвоем в 20-30 человек он не раз уходил далеко вперед. О его храбрости, самообладании, выносливости и мужестве ходили легенды. Походная боевая жизнь не мешает его научным исследованиям. Он регулярно ведет геодезическую съемку местности и путевые записи, которые и в наше время ценятся как богатый этнографический материал.

27 марта 1898 года, недалеко от оз. Рудольф, Александром Ксаверьевичем был подобран весь израненный мальчонка.

«Мальчик молча стоит передо мной, широко расставив ноги, он был страшно окровавлен, но кровь большей частью присохла. Маленький страдалец не стонал и не плакал, а только кротко глядел на всех нас. Когда я его положил для перевязки на спину, он, увидев в моих руках ножницы, стал отбиваться, всеми силами и жалобно кричать: «Ай! Ай! Ай», ударяя себя ладошками в грудь. Я очистил рану, обмыл ее... и, сделав перевязку, уложил мальчика в моей палатке. Васька, как я почему-то назвал его, оказался хорошеньким, здоровым, пузатым мальчуганом».

С тех пор, вплоть до пострижения Булатовича в монахи, «Васька» неотлучно сопровождал его всюду. Как память об этом на северо-западном берегу оз. Рудольф осталась гора под названием «Васькин мыс».

После возвращения из похода, за выдающиеся заслуги перед Эфиопией, он был награжден высшей военной наградой золотым щитом и саблей.

По материалам, которые Булатович собрал во время своего второго путешествия, и по длине маршрута (около 8000 км) это путешествие являлось одним из наиболее выдающихся путешествій в Эфиопию конца XIX века. Им была подготовлена подробнейшая карта исследованного района. Точно определено устье р. Омо, впадающей в залив Рус оз. Рудольф. Им был

А. К. Булатович и Васька в Петербурге

открыт большой горный хребет, названный им именем «Императора Николая II», являющийся водоразделом речных систем Нила и озера Рудольф. Он был первым из европейцев, кто пересек таинственную Каффу, прибежище последних фараонов, родину кофе. Он первым дает подробное описание народов Каффского нагорья,, племен юго-западной Эфиопии и побережья оз. Рудольф. 13. января 1899 года он делает доклад об экспедиции на общем собрании Императорского Русского Географического общества и, по предложению академика Ю. М. Шокальского, награждается серебрянной медалью общества. По рекомендации начальника Военно-топографического отдела Главного штаба генерал-лейтенанта О Э. Штубендорфа и начальника Геодезического отделения генерал-майора И. И. Померанцева он был принят в действительные члены Императорского Русского Географического общества.

Помимо этого, по приезде из экспедиции, его ждала приятная весть о производстве в очередной чин штабс-ротмистра, а также орден св. Станислава 2-й степени. В том же году, он заканчивает свою книгу с путевыми записями о походе «С войсками Менелика II».

В марте 1899 года А. К. Булатович был командирован в Эфиопию и снова отправился в экспедицию, исследовав, на этот раз, западные районы страны. За большие заслуги в этих исследованиях он был вторично награжден Императорским Русским Географическим обществом большой серебряной медалью им. П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Неизвестно, почему он не написал книгу о своем новом путешествии. Можно только предполагать, что этому помешал его неугомонный характер, т. к. 1900 год застает его уже на горящих полях Манчжурии в должности помощника командующего 3-м Верхнеудинским полком, входившего в Хайларский отряд генерала Н. А. Орлова.

А. К. Булатович участвует во многих рискованных операциях и проявляет мужество и отвагу. Так, 18 июля 1900 г., с разъездом казаков, он вступает в Хайлар и двое суток сдерживает наступление большого отряда китайских войск, до подхода главных сил Хайларского отряда. 8 августа он лично руководит ночной разведкой Хинганских позиций противника. На следующий день, благодаря его удачному обходному маневру, противник был сбит с перевала и рассеян. В конце августа он с несколькими казаками прорывается через половину Манчжурии на розыски отряда генерала Сахарова.

После окончания военных действий, Петербург восторженно встретил лихого гусара — шампанское, награды, чин ротмистра и груда дамских сердец, сложенная к его ногам. Все шло как нельзя лучше, но Булатович, неожиданно для всех, уходит от мира сего и постригается в монахи. Что послужило этому причиной? Пока точно сказать невозможно.

Бывший тренер его лошадей говорит, что здесь замешана его любовь к княжне или княгине Васильчиковой. Эта фамилия встретилась и в метрической книге Софийского собора в Царском Селе в записи о крещении «Васи» в 1889 г. Княгиня Мария Николаевна Васильчикова была крестной «Васи». Повидимому, это было жена генерал-маиора князя Сергея Илларионовича Васильчикова. Из всего этого можно сделать только предположение о неразделенной любви, приведшей А. К. Булатовича к пострижению.

В 1906 году отец Антоний (А. К. Булатович) едет опять в Эфиопию и отвозит «Васю» на родину. К сожалению, дальнейшая судьба этого мальчика, воспитанного в России, не известна. На обратном пути, А. К. Булатович заезжает на Афон и остается там в русском Свято-Андреевском ските. Принимает там схиму, становится иеромонахом и занимает место соборного старосты.

В 1911 году он снова едет в Эфиопию, где проводит почти год. Об этих двух его последних путешествиях ничего неизвестно, кроме дат, т. к. до сих пор не найдены следы его личного архива.

В 1913 году иеромонах Антоний становится во главе так называемой «имяславской ереси», которая закончилась знаменитым «Афонским разгромом», когда русских монахов, силой оружия, выдворяли с Афона на кораблях в Россию. Кстати, участвовала в этом 6-я рота 50-го пехотного Белостокского полка из охраны русского посла в Константинополе.

О. Антоний удаляется к себе в имение под Сумами и ведет большую полемику в печати с Святейшим Синодом.

Вспыхнувший пожар первой мировой войны опять подхватил неугомонного Отца Антония и бросил его на фронт, уже в качестве простого полкового священника. Рассказывают, что и там, на фронте, он совершил небывалый подвиг. Узнав, что во вражеских окопах находятся славяне, мобилизованные в Австрийскую армию, он не побоялся пойти к ним и уговорил их сдаться в плен. Под огнем противника он руководил перебежкою целого подразделения в наши окопы. В 1916 году, в связи с обострившейся болезнью глаз, вернулся к себе домой. В декабре 1919 года он был убит, как это сейчас точно установлено, бандитами, пытавшимися его ограбить.

Так кончилась жизнь замечательного географа, неутомимого исследователя, офицера беззаветной храбрости.

Но он не исчез бесследно. Сейчас, когда люди открывают роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», то на его страницах они встречают вставной «рассказ о гусаре-схимнике», где под именем графа Алексея Буланова выведен Александр Ксаверьевич Булатович. Нельзя требовать от писателей-сатириков, чтобы они шли путем историка-исследователя, поэтому не удивительно, что некоторые черты А. К. Булатовича и «графа Алексея Буланова» расходятся. Одно бесспорно, что сюжет взят ими из жизни.

. . . .

Всех, кого заинтересует судьба А. К. Булатовича и кто сможет хоть чем-либо помочь в розысках о нем сведений, а также сведений о его младшей сестре Марии Ксаверьевне, вышедшей замуж за князя Алексея Митрофановича Орбелиани и проживавшей после революции в Париже, а также о княгине Марии Николаевне Васильчиковой и о их потомках, просят сообщить в редакцию журнала.

В. Борисов

Ура... Гренадеры...

Из архива Фанагорийцев 1914 года.

Мы переправлялись через Вислу. Три дня шел упорный бой. Позвольте рассказать, со слов капитана Оржешковского, один великолепный боевой подвиг, совершенный горсточкой его людей, в деле 11 октября.

Мы только что вышли из густого леса, продольно обстреливаемого тяжелою артиллерией. Перед нами отступала неприятельская цепь, залетая в канавы, отстреливаясь и снова отходя. В пылу завязавшейся перестрелки мы взбирались на гребень невысокого холма, растянувшись шагов на десять стрелок от стрелка. Вдруг, перед нами, рявкнули четыре пушки и нас обдало горячим воздухом и роем пуль. Все как-то засвистело и закружилось. Человек десять упало на землю, несколько малодушных покатились назад, вниз по скату.

Я был на правом фланге роты. Раздумывать было некогда — или вперед, на орудия, или отступать, нарушая стройность атаки, образуя опасный прорыв. Тогда я и прапорщик Губкин окликнули людей приказали перекреститься и, с криком «Ура... Гренадеры», бросились в атаку, на батарею. Всего 200 шагов, но секунды казались часами. Тяжело было бежать в горку и ноги застревали в пахоте.

Снова рявкнули орудия и картечь вырвала у нас еще двадцать человек, но было видно, что на батарее уже царит паника. Прислуга заметалась у орудий, офицеры, ударами сабель, удерживали беглецов, а из кустарников выезжали передки. Мы сразу открыли по ним частый огонь, и лошади стали валиться. Еще минута-и артиллеристы бросились бежать. По их следам мы оказались на батарее...

Картина разгрома. Тут и там валяются трупы, раненые, разбросанные снаряды. Четыре бронзовых скорострельных орудия с передками, восемь нераненых лошадей и подзорная труба — дальномер, составили нашу добычу.

Капитан Оржешковский, согласно статуту, представлен к Ордену Святого Георгия 4-й степени, а все участники взятия батареи получили Георгиевские кресты.

Утром 13 октября, передовые части нашего корпуса, продолжавшие преследовать разбитую нами у Новой Александрии австро-германскую армию, наткнулись на сильно укрепившийся, арьергард лучшего венгерского корпуса генерала Мартино. Занятая ими деревня Лагов лежавшая на высоком холме, представляла собою естественную крепость.

Командовавший гренадерами полковник Лебединский повел свой полк в атаку. Первому батальону было приказано идти на мельницу у деревни Паионков и оттуда — на левый фланг австрийской позиции, другим батальонам — поддерживать атаку слева и быть во второй линии.

Весь лес, окаймлявший деревню, ожил от ружейной перестрелки. Треск разрывных пуль и пулеметов, удары тяжелой артиллерии, — все слилось в общий гул. Люди на бегу спотыкают-

ся и падают. За мельничным бугром они накапливаются для атаки. Лежат в каждой яме, за каждым камушком, укрываясь от адского огня. Назревает момент для решительного удара. Стрельба противника становится чаще и беспорядочнее.

В этот момент, далеко слева, слышатся бодрые звуки марша. Это полковник Лебединский подводит резерв и дает сигнал для атаки. Надо поднимать людей, но пули так свистят, что даже испытанные в боях гренадеры невольно прижимаются к земле. Тогда, штабс-капитан Мамонтов встает на бруствер окопа, снимает фуражку и запевает молитву: «Спаси Господи, люди Твоя...» Около трех сотен голосов подхватывают и, с криком «Ура... Гренадеры...», вслед за Мамонтовым, выбегают на склон Лаговского холма.

Музыка звучит ближе, «ура» перекатывается по всему полю, мы не обращаем внимания на пули и разрывы шрапнелей, косящие целые группы в атакующей колонне, и непрерывно движемся вперед. Слева, по деревне, наши темно-серые шинели уже бегут вперед, гоня перед собою светло-серых австрийцев. Из окопов выскакивают обезумевшие от страха ландверисты, бросают винтовки и бегут, падая под нашими пулями. Справа, спешно увозят батарею и отступает резерв. Дело выиграно. Шесть-семь рот лихим ударом опрокинули центр дивизии Мартино, отборной венгерской пехоты. Взяты масса пленных при офицерах (в том числе несколько полковников), множество оружия, лошадей и обоз...

Только в двух-трех точках венгерцы приняли штыковой удар и были переколоты нашими гренадерами, в отместку за стрельбу разрывными пулями.

К вечеру у костров уже слышалась, сложенная унтер-офицером Метниковым, солдатская песня, которую мы печатаем ниже. Уцелевшие от упорного боя гренадеры чистили оружие и поздравляли друг друга и подходившие резервы — с победой.

Под Лаговым дрались мы смело
В тринадцатый день октября
И началось славное дело,
Едва разгорелась заря.

В деревне австрийцев немало,
В окопах своих залегли,
Но сердце у них застучало,
Когда мы в атаку пошли.

Нас, братцы, тут было немного —
Три роты, три сотни штыков,
Но твердо мы верили в Бога
И каждый был к смерти готов.

Когда в шуме яростной битвы
Не стало команды слыхать,
Нас Мамонтов пеньем молитвы
Решил всех в атаку поднять.

И дружно за ним мы сплотились
Вторая с четвертой, с восьмой
И храбро вперед устремились
В неравный отчаянный бой.

Весь полк Лебединский направил
На вражеский фронт наступать,
Суворовский марш он заставил
Своих музыкантов играть.

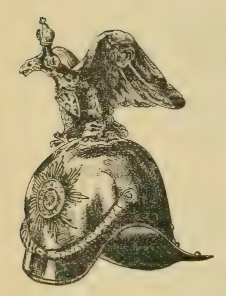
Стеною штыки засверкали,
И мужеством львиным горя,
Противника мы поражали
За Родину, Веру, Царя!

Н. М.

Взятие деревни Даукше

Уже не знаю, то ли, что сегодня такая же точно темная ночь, то ли, что сегодня тоже 2-ое июня, но в моей памяти воскресло воспоминание из далекого прошлого, один эпизод, происшедший на рассвете 2-го июня, но только 1915 года.

1-го июня днем полковник Н. Ф. Данилов получил задачу произвести с двумя эскадронами (мне помнится — 2-ым и Штандартным), разведку деревни Даукше. Деревня эта представляла из себя как бы крест и была окружена болотами и лесом. Полк в это время стоял в деревне К., верстах в 10-15 от Даукше. Чтобы подойти к ней дивизиону пришлось долго идти большим лесом, местами — болотистым. Хотя проводник и вел нас по наиболее сухим дорогам, но и то несколько лошадей увязло и пришлось их вытаскивать. Уже совсем стемнело, когда отряд подошел к опушке леса. Штандартный эскадрон спешился и, оставив коноводов в лесу под прикрытием 1-го взвода, пошел к деревне Даукше, где и залег в канаву у южной ее опушки и правее, имея 4-ый взвод на левом фланге. Другой эскадрон, еще со стоянки полка, был послан полковником Даниловым находиться на левом фланге эскадрона. Корнеты Полянский и Гончаренко находились на правом фланге, при первых двух взводах. Полковник Данилов находился на правом фланге Штандартного эскадрона, ближе к лесу, в халупе.

Когда, вызванный им, я вошел в халупу, то увидел его сидящим за столом, на котором была разложена карта. Довольно большая комната освещалась керосиновой лампой, и все окна были завешены одеялами.

Полковник Данилов по карте объяснил мне обстановку и сказал, что уже несколько разъездов выходили на разведку с разных сторон, все имели потери, но выяснить не удалось ничего, кроме того, что кто-то находится в деревне. Он дает мне задачу: произвести разведку западной части деревни. Прошу разрешения у здесь присутствующего командира Штандартного эскадрона взять разъезд. Иду к эскадрону и даю распоряжение вахмистру назначить малый разъезд-«муху». Вахмистр назначает его из моего 3-го взвода (разъезд «муха» самый малый разъезд из 6-7 всадников; если он унтер-офицерский то в 6 коней, а офицерский в 7 коней).

Пошли за лошадьми в лес, и скоро мой вестовой Павлуша подводит мне «Брюнетку», вороную немецкою пленную кобылу, вороную без пятнышка. Иду с малым разъездом «лавой» в полном мраке, не различая в трех шагах всадника; иду параллельно деревне, полем, держа направление на костел. Ориентироваться, честно скажу, было трудно: шел по светящемуся компасу. Хотя и выслал вперед дозорных, но приказал им далеко не отъезжать. По времени предполагал, что прошел уже много больше половины деревни. В это время, под ногами лошадей зашуршала как бы рожь, что и осталось у меня в памяти. Приказал свистком разъезду уклониться влево, чтобы скорее выйти из шумной полосы ржи, но... не сделали мы и двадцати шагов, как справа от деревни мелькнула молния и раздался густой залп. Моя кобыла взвилась на дыбы, а пули, как пчелы, зажужжали среди нас

Отскочив с разъездом в сторону, проверил людей. Оказалось, что два кирасира ранены и одна лошадь убита. Приказав спешенного посадить на круп, видя совершенную бесполезность дальнейшей разведки (ясно было, что и теперь деревня занята противником), пошел к эскадрону.

В ближайших кустах перевязал раненых, истекавших кровью. Один был ранен двумя пулями в руку, другой тоже был ранен в руку, но отделался легко, так как пуля, попав в подсумок, развернула несколько патронов и рикошетировала, не войдя в живот (впоследствии я узнал, что мои перевязки были очень удачны). Затем быстро поехал сообщить о результате разведки и попросил разрешения произвести разведку, но уже в пешем строю.

Получив разрешение, взял 4-ый взвод, ближайший к деревне, рассчитал его «по два» и вошел с ним в улицу деревни с южной стороны. Пока происходило описываемое, начало светать, — летняя ночь коротка, и настало утро 2-го июня.

Дома деревни тянулись справа и слева на север, вдоль улицы. Пустив первые номера взвода с правой стороны (сам шел с ними), а вторые-с левой (со взводным Серебрянским), прижимаясь к домам, стараясь не шуметь, мы двинулись медленно вперед, будучи все время наготове.

Тут хочу для справедливости упомянуть об

одном эпизоде. Когда поднимал 4-ый взвод из канавы, чтобы идти в деревню, ко мне подходит кирасир Жучков, повар нашего эскадронного походного офицерского собрания (я всю войну заведывал эскадронным офицерским собранием) и говорит: «Ваше Высокоблагородие, разрешите взять винтовку и встать в строй»... «А ты у командира эскадрона разрешение спрашивал?» «Так точно, они разрешили». «Пойдем!» «И, Ваше Высокоблагородие, разрешите быть Вашим ординарцем».

Надо к чести Жучкова сказать, что вел он себя все время безукоризненно и , действительно, во всех перипитиях находился неотлучно при мне и даже собою меня прикрывал. Жучков получил Георгиевский крест.

Так беспрепятственно мы прошли часть деревни, пока не уперлись в дом с сарайчиком и садиком, стоящий поперек деревенской улицы и закрывавший собою все, что находилось дальше. Остановив взвод, подойдя к домику, я выглянул из-за угла и увидел следующую картину: недалеко впереди расстилалось нескошенное ржаное поле, уходящее вправо и влево. За ржаным полем, всего шагах в 400-х и как раз напротив, стоял дом побольше, справа и слева окруженный садом и тоже поперек. Дальше, вправо и влево, шла крестовина деревни. Слева впереди намечался костел в ограде. Достав бинокль, так как еще больше рассвело, я ясно в него различил у дома крылечко на столбах, а с двух сторон-окна. У крылечка, в немецких касках, стояли часовой и подчасок. Меня тут осенило: вот оно, так шумевшее ночью поле, и, верно, дом, из которого по разъезду был дан залп.

Вызвав к себе взводного я показал ему то, чем сам только что любовался. Приказал ему продолжать наблюдать, сам, по одному человеку, перевел взвод с индейскими предосторожностями в садик и сарайчик (где в стенах были большие щели), уложил и усадил за кустаси, деревьями и бочкой людей. Объяснил обстановку и предупредил, что дадим залп. Прицел постоянный. Целиться не торопясь, спокойно. Слушать мою команду. Опять взялся за бинокль и увидел, как на крылечко вышел из дверей дома немец, а за ним еще два или три пехотинца. В свой сильный Цейс различил у первого нашивки и крест на груди. Призвав взвод к вниманию, скомандовал залп. В бинокль увидел, как все стоящие у дома фигуры свалились... Сейчас же из дома начали выскакивать немецкие пехотинцы. Скомандовал второй залп, оказавшийся тоже очень удачным. Тогда немцы стали выскакивать не только в дверь, но и в окна. Но меня подмыло... Скомандовав: «курок!, встать! за мной, братцы, ура!» — мы ринулись вперед. Пока мы, как ураган, мчались ржаным полем, спереди слева, с высоты костела, заработал пулемет и пули зашуршали над нами. Когда мы подбежали к дому, где находилась немецкая пехотная застава, то увидели группу немецких пехотинцев, пытавшихся в нас стрелять, но штыкового удара они не приняли и бросились бежать, оставив у дома лежать убитого фельдфебеля с железным крестом и других своих товарищей. Когда мы выскочили на поперечну дорогу деревни Даукше, то впереди, как раз напротив, неожиданно обнаружили большой окоп, из которого торчали каски и куда удирали от нас немцы с заставы. Несколько правее стояло здание с большим сараем-навесом, прилегавшим к нему с правой стороны. Сарай был полон заседланными лошадьми.

Вот что я увидел на бегу: из окон дома выскакивали люди и спешно садились на лошадей. С флангов окопа раздались выстрелы по нас, но стрелять весь окоп не мог, ему мешали свои же подбегавшие немцы. Но мой взвод уже раскатился и остановился только тогда, когда ворвался в окоп и штыками вынудил немецкую пехоту сдаться.

Теперь надо сделать для ясности маленькое отступление. Когда я поднимал лежавший в канаве 4-ый взвод, чтобы идти в пешую разведку то видел, слышал и чувствовал, как был обижен мой 3-ий взвод, лежаший рядом, что не его я взял с собою... Но я знал 4-ый взвод так же хорошо, как и третий, и был также уверен в нем. Так вот, когда у меня появилась мысль броситься в штыки, то прежде чем крикнуть «ура!» я повернулся в сторону лежащих в канаве взводов Штандартного эскадрона (довольно таки далеко), сложив руки рупором, крикнул в предрассветную тишину: «третий взвод, ко мне на помощь!» и... тут же увидел идущего по деревне командира Штандартного эскадрона ротмистра И. Л. Афанасьева с людьми связи и ручным пулеметом, Крикнув командиру: «я атакую» и получив в ответ: «С Богом!», выдернул свою шашку и... мы ринулись.

Еще бой в окопе не закончился, как я услышал сзади, правее, частую стрельбу и топот бегущих ног. Могла придти мысль, что это немцы атакуют нас с фланга... Но нет, это третий взвод бежал мне на выручку и, увидев всадников, старающихся ускакать, на бегу открыл по ним огонь. Мне сейчас же было доложено, что много кавалеристов скрылось в кустах болота, за деревней. Приказав взводному Серебрянскому построить и пересчитать пленных и заняться ранеными (их было не мало), один из которых кричал прямо нечеловеческим голосом, будучи ранен в низ живота, я с полу-взводом от 3-го взвода зашагал в болото.

Кавалерийскому взводу 2-го уланского немецкого полка не удалось уйти далеко, так как их лошади увязли в болотистой местности; по-

тому вскоре все и были взяты в плен, хотя пытались сопротивляться. Выйдя на полянку из кустов, я попал прямо под дула маузеров, направленных на меня двумя кавалерийскими офицерами, лежавшими за кочками. Но ощетинившиеся штыки кирасир произвели свой эффект. Я предложил офицерам сдаться. Лейтенант покорился судьбе и сдался, но фендрик петушился и сдался только тогда, когда ему приказал лейтенант. Жучков очень быстро подхватил маузеры (до этого он встал между мной и офицерами, угрожая винтовкой, пока я его не отстранил).

Подойдя ко мне, старший немецкий офицер вытянулся и отрапортовал: «Лейтенант Ящинский и фендрик Фосс сдаются на ваше великодушие». Бедняга был бледен, как смерть. Повел офицеров в деревню, Сзади мрачно шествовали пленные кавалеристы.

Тут произошел маленький эпизод. На ходу лейтенант Ящинский передал мне свой бинокль, маленький маузер и охотничий нож... «Все равно, у меня отберут». Машинально закуриваю. Поймав жадный взгляд офицеров, предлагаю им закурить. Узнав, что у офицеров нет папирос (остались в сумках седел), отдаю им весь свой запас из большого заплечного портсигара.

Успокоившись, лейтенант Ящинский обратился ко мне с просьбой: «Моя лошадь не могла перепрыгнуть торфяной канавки и оборвалась. Я же был выброшен на сухой берег. Если ей не помочь, она утонет. Спасите ее. Это кровная кобыла и она Вам послужит». Лейтенант указал рукой место. На ходу я приказал взводному назначить кирасира, который держал бы увязшую лошадь за поводья, чтобы она не билась, до тех пор, пока не принесут доски и веревки, чтобы во что бы то ни стало спасти животное.

Около костела уже находились полковник Данилов и другие господа офицеры. Отрапортовав ему о взятии деревни Даукше, передал, вместо «ключей», врученную мне лейтенантом Ящинским саблю и представил пленных офицеров. В то время, как мы так стояли, мимо нас кирасиры пронесли в ограду костела тело фельдфебеля с железным крестом. Всеми присутствующими была отдана убитому воинская почесть Взводный мне доложил, что пленных пехотинцев, с легко-ранеными, 48 человек и к этому надо еще прибавить приведенных мною кавалеристов.

К сожалению, 3-ый взвод переусердствовал, стреляя по всадникам. Из кавалерийского взвода осталось только 17 лошадей, да то из них пришлось пристрелить нескольких сильно раненых. Начальством мне было передано 10 или 11 лошадей, как трофей. Выбрав себе крепкого «арабчика», который и проделал у ме́ня под вьюком всю кампанию, нося кличку «Даукше», остальных лошадей предложил господам офицерам.

Уходя в поиск за кавалеристами в болото, я приказал послать к костелу 6 кирасир, которые и сволокли сверха костела пулемет и прислугу, спрятавшуюся под крышей.

Закончив со сдачей офицеров, пошел к тому месту канавы, где увязла лошадь лейтенанта Ящинского. Но... ко мне навстречу уже шли кирасиры, несшие доски и веревки, а тот, которому было поручено держать лошадь за поводья, нес только уздечку. «Утопла лошадь, Ваше Высокоблагородие».

Как потом выяснилось, голова лошади была еще видна, когда подходили спасители, но солдатик решил, что уздечка может пропасть и снял ее. Кобылица начала биться и окончательно увязла. Ох, и обидно же было из-за дурня потерять такую лошадь!.

Корнет Полянский был выслан с разъездом с восточной стороны деревни Даукше еще засветло, пока мы подходили к деревне. Когда он был сравнительно недалеко от деревни, то заметил пехоту, стоящую на улице. Решив, что это наша пехота, оставил разъезд на месте и поехал один. Сняв фуражку и помахав ею, крикнул: «Не стреляйте, свои!». Пехота, оказавшаяся немецкой, подняла винтовки и принялась палить. Ему чудом удалось повернуть лошадь, и ускакать.

Корнет Гончаренко, когда 3-ий взвод поднялся и побежал на мой зов, тоже двинулся вперед со 2-ым взводом, но много правее и уперся в болото. Обо всем этом я узнал много позже, уже после взятия деревнии Даукше.

Потери наши были невелики.

Так закончилось маленькое, но лихое дело, показавшее лишний раз доблесть, дисциплину и товарищескую выручку Царицыных Кирасир. (После взятия деревни Даукше нас сменила пехота).

Когда отправляли пленных офицеров в Штаб полка под конвоем, им предоставили двух кирасирских коней. Лейтенант Ящинский влезал изящно и плавно, а фендрик Досс дал толчек и взлетел на 5-ти вершкового коня. Позже выяснилось, что лейтенант Ящинский был тот офицер в немецком разъезде, который заметя при выезде из леса командира Штандартного эскадрона Лингрена, поившего свой эскадрон в озере (с опущенными подпругами и снятыми мундштуками), поскакал и сообщил ближайшей батарее, которая и обстреляла водопой шрапнелью.

Ротмистр Лингрен был ранен шрапнельной пулей в ногу, да и не он один. Лингрен начал было уже поправляться и хотел вернуться в полк, но началось заражение крови и он скончался.

После взятия деревни Даукше Штандартный эскадрон присоединился к полку. Был устроен обед, на котором присутствовало довольно много господ офицеров других полков и нашей Конной артиллериии.

Генерал Арсеньев (командир нашего полка), выслушав накануне доклады: полковника Данилова, командира Штандартного эскадрона Ип. Л. Афанасьева и мой, — за обедом поднял бокал за Штандартный эскадрон и, в очень для меня лестной форме, поблагодарил за лихое дело.

Знавшие уже о деле господа офицеры других полков сделали из меня «маскоту дня» (как они выразились) и попросили рассказать подробно о взятии Даукше и как все происходило.

Все меня позравляли, уверяя, что мог бы получить Георгиевский крест, но так как при эскадроне находился командир, то наверняка, получу золотое оружие. Было не мало выпито. Но это не все.

В жизни от комического до трагического — один шаг. Во всяком случае, кто-то из друзей переусердствовал и, ранее чем выяснилось, что я за взятие деревни Даукше получу всего лишь очередную награду, сообщил из Петербурга моему отцу, Великому Князю Николаю Константинобвичу, что его сын отличился (служа в кавалерии, ходил в штыки!) и... получил золотое оружие.

Отец, обрадованный, поздравляет меня и пересылает мне в Петербург свое золотое оружие, им полученное за Хивинский поход, чудную шашку с драгоценным клинком «Волчком» и эфесом из настоящего золота.

Одно время думал — просто заболею от конфуза, но, слава Всевышнему, сердца не потерял.

Вот что значит иметь мало потерь в бою. Нет потерь — нет и дела.

Верно этим и руководствовался наш безупречный командир полка, Свиты Его Величества генерал Арсеньев.

Кн. А. Искандер

Картинки из жизни 2-го Оренбургского Кадетского Корпуса

ПАРИ

Начало девятисотых годов. Из двух кадетских корпусов в Оренбурге , 2-ой корпус пополнялся исключительно мальчиками из Туркестанского края, где в то время не было никаких учебных заведений. Поэтому при корпусе открыт был приготовительный класс, а вступительный экзамен дети держали при штабе округа (для Закаспійской области в Асхабаде). По этим же соображениям, девочки-туркестанки направлялись в Николаевский Институт в Оренбурге, и естественно, что между 2-м кадетским корпусом и институтом существовала самая тесная связь, родственная или по знакомству домами еще до поступления в учебные заведения. В результате — ухаживания, вздохи, обожания, записочки (удобство: инспектор классов института преподавал космографию в корпусе и карманы его сюртука были использованы, как почтовый ящик.).

Кадет 1-ой роты Обметко 2-ой ухаживал за хорошенькой институткой Д., но она предпочитала другого. Обметко очень просил ее дать ему свою фотографическую карточку, но коварная Д. не соглашалась. Состоялось пари, что Обметко сам ее сфотографирует.

В одно из воскресений к титулованной Начальнице института явились двое прилично одетых молодых людей, которые отрекомендовались корреспондентами одной из столичных газет. Газета-де с интересом следит за образованием женской молодежи и будет признательна за статью о постановке учебного дела в здешнем институте, тем более что они уже наслышаны об исключительно успешном ведении дела. Поэтому они просят разрешения осмотреть институт, сделать несколько фотографических снимков и, если Начальница будет так добра, то снять её в кругу выпускных институток. Начальница была очень польщена и сама показывала им помещения института, причем в нескольких местах ее и фотографировали. Наконец, заключительная фотография Начальницы с дежурной классной дамой и выпускными институтками; съемка была несколько задержана, так как Д. никак не хотела сесть и пришлось приказать ей это сделать. По окончании, корреспонденты откланялись, галантно поцеловав руку начальницы.

Но вечером в то же воскресенье Директор корпуса получил письмо Начальницы института с требованьем об исключении из корпуса кадета Обметко и его друга. Оказалось, что после ухода корреспондентов, институтка Д. снова подверглась выговору классной дамы за неумение держать себя, и после долгих препирательств и слез выяснилось истинное положение вещей. Начальница — в обмороке, а затем появилось злосчастное письмо к Директору; но, благодаря вмешательству добрейшего инспектора классов института, дело замяли. Негативы были отобраны, а Обметко с приятелем надолго засели под арест.

ПРОГУЛКА НА ЛЫЖАХ.

Воскресенье. Ясный морозный день. Человек 15 кадет 2-ой роты (3-ий и 4-ый классы) собираются на прогулку на лыжах под командой подполковника П. П. Дударя (кличка «Спартанец»). На прогулку предполагалось отправиться сейчас же после обедни и завтрака (в 12 часов дня), но подготовка к ней началась накануне. С утра в воскресенье началось паломничество к лазаретному фельдшеру, так как оказалось, что многим кадетам было необходимо намазать вазелином руки или ноги. Кадеты получали вазелин на руку и мигом исчезали, так как нужно было тщательно намазать... нижнюю поверхность лыж, чтобы лучше скользили по снегу. Внимательно осматривались ремешки и веревочки для прикрепления лыж к ногам; кадетам запрещалось наглухо прикреплять лыжи, так как это считалось опасным — при неумелой езде можно легко вывихнуть ногу при падении.

Наконец все участники вышли из корпуса, спустились на замерзший Урал и вытянулись в затылок: впереди — хорошо бегавший на лыжах кадет, который прокладывает след по снегу, а за ним бегут все остальные и их лыжи точно идут по следу. Последним идет кадет П. Он всего с неделю, как начал бегать на лыжах, еще плохо ходит, но не удержался и тоже пошел со всеми на прогулку.

Партия лыжников сошла с реки, обогнула рощу больших ветвистых деревьев (ильм) и вышла в степь, которая широко и безбрежно раскинулась на сотни верст, переходя затем в Тургайскую степь — преддверие Сибири. Через час с небольшим (неравные силы лыжников) кадеты подошли к деревне Берды, бывшей столице Пугачева, верстах в восьми от Оренбурга. Часть кадет с офицером вошла в избу и заказала чай, чтобы согреться, так как все были в одних мундирах; другие же продолжали оставаться на воздухе и скатывались на лыжах с крутых берегов большого оврага среди деревни.

Так прошло еще часа два, начало вечереть и подполковник Дударь приказал возвращаться. Опять вытянулась ниточка лыжников, только усилившийся мороз подбодрил кадет и они побежали быстрее. Кадет П. пока перебрался через встретившийся овраг, отстал и очутился в степи один, только легкий след лыж виднелся еще на снегу. Сумерки сгущались больше, а поднявшийся ветер стал заметать лыжный след; обратной дороги П. не знал. Положение становилось трагическим. П. остановился и стал осматриваться: вокруг белое море без горизонта, так как белизна снега сливалась с белизной неба. Жуть стала закрадываться в его сердце, с чисто животною обостренностью чувств в опасности он стал всматриваться и, наконец, слева, где-то вдалеке, заметил что-то темное, Что бы это могло быть? Мысль усиленно работает, — вероятно, это та роща, что была у реки, если так — тогда все в порядке, нужно только держать направление на нее. Но на смену одной беде пришла другая — мороз! Усилившийся холод с ветром давал очень себя чувствовать. Особенно страдали руки и ноги, их даже стало крючить, несмотря на то, что были собственные перчатки из верблюжей шерсти.

В таком состоянии и при неумелой езде П. часто терял лыжи, ноги легко выскакивали из петли из ремешка и веревочки (для пригонки) и проваливался в снег по пояс. С трудом П. выкарабкивался из снега, взбирался на лыжи, но набившийся снег у каблуков снова заставлял П. падать в снег. В отчаянии и с чувством полного одиночества П. готов был разрыдаться, тем более что от холода и ветра глаза уже давно были полны слез. Но, как и прежде, животная настороженность заставляла мысль работать, и как будто другой человек шептал: «Придешь в отчаяние, перестанешь выбиваться, упадешь и ветер сейчас же занесет снегом, так что, если кто и захотел бы помочь, — не сможет найти!». И как средство борьбы со своим отчаянием П. придумал... петь! Почему-то начал петь ноктюрн «Серебристая даль...», и опять как будто другой человек стал иронизировать:

— Хорош «теплый вздох ветерка над водою...», когда холодные порывы ветра так и пронизывают насквозь!..

«Ну что П., поете? Значит — все благополучно?» Из мглы вынырнула худощавая фигура подполковника Дударя (как П. ей обрадовался!). «Так точно, господин полковник!» — весело гаркнул П. «Ну, догоняйте скорее!» — крикнул подполковник Дударь и исчез. Но П. уже спокойно продолжал путь: как будто и ветер стал тише, и не было так холодно, и пение продолжалось с большим воодушевлением.

Через некоторое время П. достиг рощи; на опушке стояли подполковник Дударь и с ним 2-3 кадета. Подполковник Дударь в пути заметил, что не хватает одного, вернулся и, когда убедился, что и П. плетется, пропустил всю партию в корпус и стался ожидать последнего.

Обошли рощу и пошли по Уралу. Ветер действительно утих, взошла луна, и наступил чудный морозный вечер, даже не хотелось возвращаться. Составилось трио: кадеты — П., его сосед по парте К. Альшевский и подполковник Дударь — (бас). «Ночевала тучка золотая» понеслось по реке, а вскоре замелькали и огни высокого здания корпуса. Прогулка окончилась.

А. П.

Военный Инженер Подполковник Александр Васильевич Попов был во 2-ом Оренбургском Кадетском Корпусе, с 1897-1905 гг. (так как в то время в корпусе был приготовительный класс). (12-го выпуска).

РУССКИЕ ОФИЦЕРСКИЕ ЗНАКИ

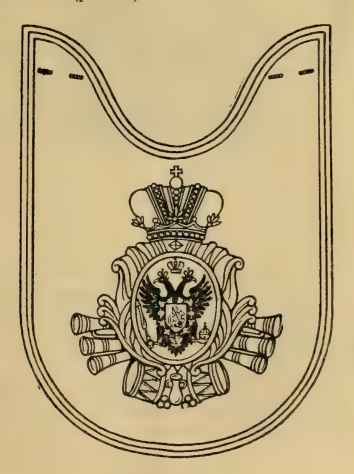
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО

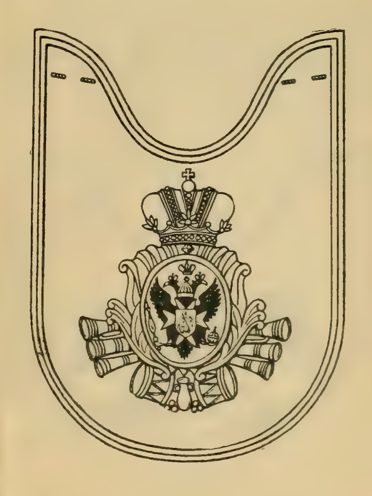
Император Павел I-й, немедленно по вступлении своем на престол, установил Офицерские Знаки нового образца, единого, как для армейских, так и для гвардейских офицеров, причем славная надпись, столетие пробывшая на обер-офицерских Знаках лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, была отменена.

14. Знак образца 1796 года: Имеет вид полумесяца с двойным вокруг ободком. По середине наложен вызолоченный фигурный щит, под императорскою короною и с воинскою под ним арматурою, по середине которого, в овальном вырезе, подложен палевый, финифтяной медалион, с финифтяным же изображением Российского Государственного Герба. Обер-офицерские Знаки были сплошь высеребрены, а штаб-офицерские — сплошь вызолоченны. Носился на черной с оранжевыми каймами ленте, продетой в проволочные петли на оборотной стороне знака (рис. 14).

16-го декабря 1798 года, по случаю восприятия Императором Павлом I-м титула Великого Магистра Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, повелено было иметь на груди Российского Государственного Орла, под щитом с изображением Св. Великомученика и Победоносца Георгия, еще и белый Мальтийский орденский крест, а Офицерские Знаки повелено было иметь с этим новым Гербом.

15. Знак образца 1798 года: Подобен предыдущему, но имеет на груди Российского Государственного Орла, под щитом с изображением Св. Великомученика и Победоносца Георгия, еще и белый Мальтийский орденский крест (рис. 15).

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-ГО.

Император Александр I-й, по вступлении на престол, отменил изображение Мальтийского креста на Российском Государственном Гербе и возстановил на Знаках обер-офицеров лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков дарованную им Петром Великим надпись. Во всем остальном, Знаки оставались прежних образцов.

В 1808 году были утверждены Знаки новых образцов, различные для гвардейских и армейских офицеров и различной для каждого чина расцветки. Отныне, и до установления в 1827 году на офицерских эполетах кованных звездочек, чины различались по Знакам, которые были:

у прапорщиков — серебрянные;
у подпоручиков — серебряные с золотым ободком;
у поручиков — серебряные с золотым орлом;
у штабс-капитанов — серебряные с золотым орлом и ободком;
у капитанов — золотые с серебряным орлом;
у штаб-офицеров — золотые.

16. АРМЕЙСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1808 ГОДА:

имеет вид полумесяца с двойным ободком. По середине Знака наложен Двуглавый Орел нового образца с перунами и факелом в одной лапе и с лавровым венком в другой, под единою императорскою короною. Носился подобно предыдущему (рис. 16).

16

17. ГВАРДЕЙСКИЙ ЗНАК ОБРАЦА 1808 ГОДА

Подобен предыдущему, но с орлом меньшего размера с лавровою и дубовою под ним ветвями и с воинскою под ними арматурою. Надпись на обер-офицерских знаках Петровской бригады идет по сторонам Знака: сверху вниз — «1700» и снизу вверх — «NO 19». Носился подобно предыдущему. (рис. 17).

17

24-го мая 1809 года ношение Знаков было распространено на офицеров пешей артиллерии и пионерных полков. Знаки эти были подобны предыдущим — гвардейским в твардии и армейским в армии.

2-го марта 1818 года офицерам новоучрежденного лейб-гвардии Литовского полка были даны знаки особого образца.

18. ЗНАК Л.-ГВ. ЛИТОВСКОГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1818 ГОДА: Подобен предыдущему, но с изображением Литовского всадника, взамен изображения Св. Великомученика и Победоносца Георгия, на груди орла. (рис. 18).

18

Одновременно, армейским офицерам Отдельного Литовского Корпуса были даны знаки особого образца.

19. АРМЕЙСКИЙ ЗНАК ОТДЕЛЬНОГО ЛИТОВСКОГО КОРПУСА ОБРАЗЦА 1818 ГОДА: Подобен армейскому Знаку образца 1808 года, но с изображением Литовского всадника, взамен изображения Св. Великомученика и Победоносца Георгия, на груди орла. (рис. 19).

19

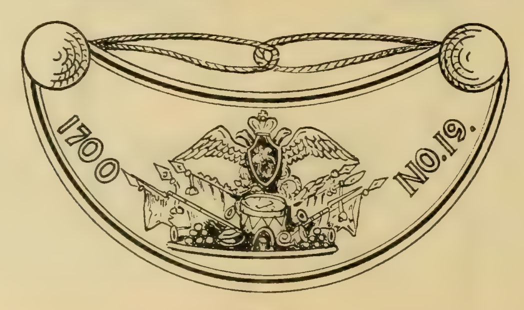
20 сентября 1820 года были утверждены Знаки новых образцов, различные для гвардейских и армейских офицеров, но с сохранением старой расцветки по чинам. Знаки эти подбивались алым сукном и носились на двух петлях из золотого или серебряного (по цвету пуговиц) снура с розетками, состоящими из деревянных пуговок, обвитых подобным же снуром, продетых в отверстия на концах Знака, которыми Знак пристегивался на пуговицы эполет.

20. АРМЕЙСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1820 ГОДА: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с ободком. По середине знака наложен орел, подобный орлу на предыдущих армейских знаках с изображением Св. Великомученика и Победоносца Георгия или же Литовского всадника на груди. (рис. 20).

20

21. ГВАРДЕЙСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1820 ГОДА: Подобен предыдущему, но с орлом, подобным орлу на гвардейских Знаках образца 1808 года. Надпись на обер-офицерских знаках Петровской бригады идет по низу: с одной стороны — «1700», а с друго — «NO. 19» орел на Знаках лейб-гвардии Литовского полка с изображением Литовского всадника на груди. (рис. 21).

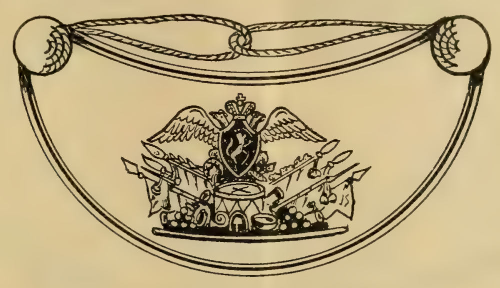
21

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-ГО.

В 30-летнее царствование Императора Николая I-го Знаки оставались прежних образцов. На знаках Первого Кадетского корпуса старый вензель был заменен новым.

16-го июля 1829 года, причисленному к составу молодой гвардии, лейб-гвардии Финскому стрелковому баталиону были даны Знаки особого образца.

22. ЗНАК Л.-ГВ. ФИНСКОГО СТРЕЛКОВОГО БАТАЛИОНА ОБРАЗЦА 1829 ГОДА: Подобен предыдущему гвардейскому Знаку, но с гербом Великого Княжества Финляндского на груди орла. (рис. 22).

22

31-го июля 1854 года вновь учрежденным Финским стрелковым батальонам были даны Знаки особого образца.

23. ЗНАК ФИНСКИХ СТРЕЛКОВЫХ БАТАЛИОНОВ ОБРАЗЦА 1854 ГОДА: Подобен предыдущему армейскому Знаку, но с гербом Великого Княжества Финляндского на груди орла. (рис. 23).

23

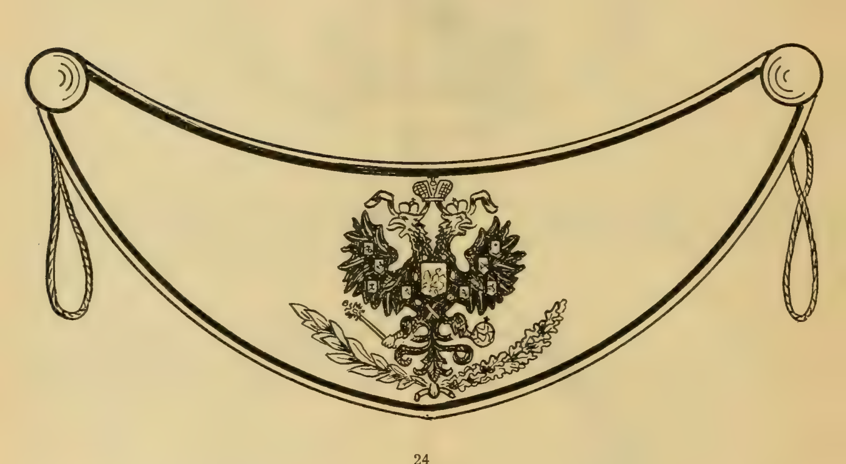
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-ГО.

Приказом Военного Министра 17 декабря 1856 года № 301 Знаки офицеров стрелковых баталионов повелено иметь с малиновым подбоем.

Приказом Военного Министра 29 мая 1857 года № 136 на всех предметах, где есть изображение орла, повелено иметь таковой с поднятыми крыльями, причем в Финских стрелковых баталионах в Щите орла нового образца попрежнему должен быть герб Великого Княжества Финляндского.

Одновременно были утверждены гвардейские и армейские Знаки новых образцов.

24. ГВАРДЕЙСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1857 ГОДА: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с ободком. По середине Знака наложен орел нового образца с двумя, накрест положенными под ним, дубовыми ветвями. Надпись на обер-офицерских Знаках Петровской бригады было повелено иметь также и на Знаках обер-офицеров 1-й батареи 1-й Гвардейской Артиллерийской бригады. Способ ношения и различие по чинам подобны предыдущим. (рис. 24).

24

25. АРМЕЙСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1857 ГОДА: Подобен предыдущему, но без дубовых ветвей.

Приказом Военного Министра 5 мая 1858 года № 127 повелено:

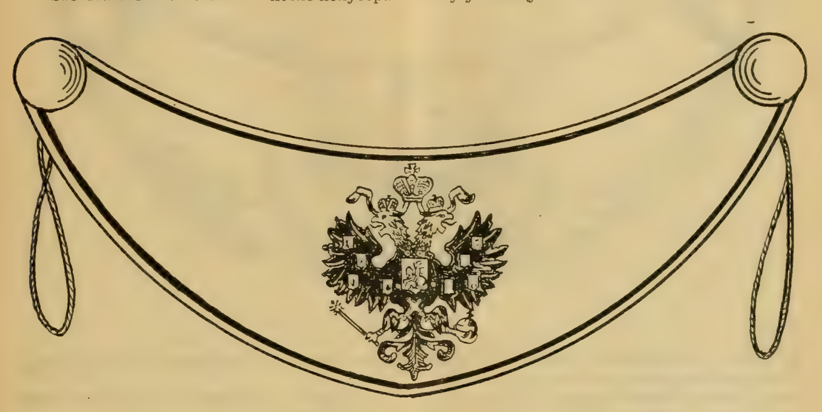
1. «Офицерские Знаки во всех частях войск пехоты и пешей артиллерии отменить, оставя таковые только в полках: Лейб-Гвардии Преображенском и Семеновском и в 1-й батарейной батарее Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича; каковые Знаки в этих трех частях офицерам надевать только при городских формах, и на основании ныне существующих правил, а при походных формах знаков не носить, как и в прочих частях войск пехоты и пешей артиллерии» и

2. «Взамен Знака, во всех тех случаях, когда при походных формах строевые пехотные офицеры надевают оный, иметь при себе только пистолет на снуре и патронташ, а тем строевым штаб и обер-офицерам частей пехоты и пешей артиллерии, которым должно бить в строю верхом, взамен Знака при походных формах, как на коне, так и пешком, вместо пистолета надевать шарф».

«SIC TRANSIT GLORIA» — после полуторастолетнего пребывания на груди российских офицеров, Знаки были отменены.

Интересно все же отметить, что и в этом приказе, знаки как бы приравниваются к вооружению.

Кроме упомянутых частей Петровской бригады, Знаки сохранились в роте Дворцовых гренадер и в Первом Кадетском корпусе. При преобразовании же сего последнего в 1863 году в Военную гимназию, ношение сих исторических Знаков было присвоено 1-му Павловскому военному училищу.

25

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-ГО.

Приказом по Военному Ведомству 28 января 1884 года № 23 объявлялось:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 27-й день декабря 1883 года, Высочайше повелеть соизволил: Генералам (командирам полков) и строевым штаб и обер-офицерам Л. -Гв. Преображенского и Л.-Гв. Семеновского полков, а равно штаб-офицеру (командиру батареи) и строевым обер-офицерам 1-й Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича батареи Л.-Гв. 1-й Артиллерийской бригады присвоить офицерский нагрудный Знак, согласно прилагаемым при сем описанию и рисункам, взамен такового Знака, полагаемого ныне в названных частях войск».

26. ГВАРДЕЙСКИЙ ГЕНЕРАЛЬСКИЙ И ШТАБ-ОФИЦЕРСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1883 ГОДА: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с витым ободком. По середине Знака наложен Государственный герб с накрест положенными под ним лавровыми и дубовыми ветвями. У верхнего края Знака наложена цифра «1850», обозначающая 150-летний юбилей Лейб-Гвардии, причем цифра «18» расположена по одну, а цифра «50» по другую сторону герба. У нижнего края Знака по одну сторону герба наложена цифра «1683» — год основания частей Петровской бригады, а по другую — цифра «1883» — год ее двухсотлетнего юбилея. Генеральские Знаки были сплошь золотые; полковничьи же — золотые с серебряным ободком. Подбой алый. Носились подобно предыдущим. (рис. 26).

26

27. ОБЕР-ОФИЦЕРСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1883 ГОДА: Подобен предыдущему, но имеет у верхнего края накладные цифры: «1683», «1850» и «1883» равно расположенные по обоим сторонам герба, а по нижнему краю имеет накладную же жалованную надпись: с одной стороны — «1700», а с другой — «NO. 19». Знаки были:

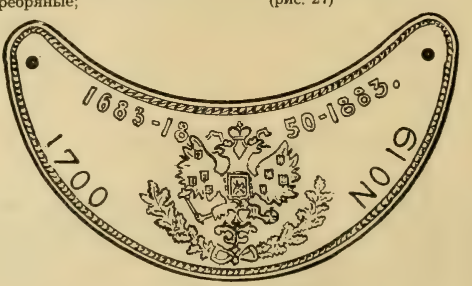
У прапорщиков—серебряные;

у подпоручиков — серебряные с золотым ободком;

у поручиков — серебряные с золотыми орлом и ободком;

у штабс-капитанов — золотые с серебряными орлом и ободком;

у капитанов — золотые с серебряным орлом. (рис. 27)

Евгений Молло

27

Генерал П. К. Ренненкампф

(Из готовящейся к печати книги воспоминаний)

По окончании Академии полагалось всем причисоленным к Генеральному Штабу офицерам отбыть лагерный сбор в одной, по их выбору, воинской части, а затем пробыть 2-х годичный срок командования ротой или эскадроном для кавалеристов.

Я был «пеший» артиллерист и высказал пожелание быть командированным в кавалерию. Получил назначение в город Борисов, где стояла отдельная бригада во главе с ее начальником генерал-маиором Павлом Карловичем Ренненкампфом. В его штабе не было в то время, в 1903 году, офицера Генерального Штаба: прежний-князь Стокасимов получил новое назначение, и мне пришлось исполнять должность Старшего Адъютанта и обязанности Начальника Штаба. Генерал Ренненкампф за два года перед этим вступил в командование бригадой, вернувшись с двумя георгиевскими крестами после своих блестящих действий против кулаков в Китае.

На всякого, кто видел Ренненкампфа в первый раз, он производил потрясающее впечатление. Выше среднего роста, атлетического сложения, с грудью циркового борца, громадными подусниками, большими серыми глазами, звучным голосом, покрывавшим на учении звуки труб и конский топот, с двумя Георгиевскими крестами, только что полученными за китайский поход, Павел Карлович Ренненкампф являл собой совершенно законченный тип прирожденного военного. Отлично образованный, числившийся по Генеральному Штабу, порою остроумный, необыкновенно жизнерадостный и почти всегда веселый, он поражал своей простотой с подчиненными, особенно молодыми офицерами. За всю свою долгую службу я не знал ни одного человека, который так бы любил свое военное дело. Чрезвычайно требовательный на службе, а это особенно чувствовалось старшими начальниками, Ренненкампф являлся непревзойденным учителем солдат и офицеров.

Но, как у всякого, у него были, конечно, свои недостатки. Например, он не отличался справедливостью и беспристрастностью и выискивал всякие способы, чтобы вконец извести своего подчиненнного, который ему почему-либо не нравился. Любимчиков, часто мало способных, он, наоборот, выдвигал.

Из двух командиров полков один, полковник Мезенцев, командир Иркутского полка, милейший старик, пользовался полной симпатией своего начальника, хотя службой себя не утруждал. Второй — Трамбицкий — «Тромбон», как его за глаза называли, молодой, прошедший два курса Академии, отлично ведший свой Архангелогородский драгунский полк, был самый несчастный человек. Ренненкампф систематически отравлял ему существование; дня не проходило, чтобы в приказе по бригаде не было какого-либо язвительного замечания по адресу «Тромбона» И, в коце концов, бедный Трамбицкий не выдержал и ушел, получив другой полк.

В Борисове Ренненкампф ежедневно с утра выезжал на учение полков. К этому времени кончились эскадронные учения и начались полковые и бригадные. Ренненкампф, как вихр, носился по громадному Борисовскому плацу, отдавая приказания, делая замечания и, под конец, переходя на немые учения-маневрирование по сигналу трубача.

С учения, в сопровождении дочери от второго брака, которая ждала отца на опушке леса вблизи плаца, Ренненкампф карьером мчался домой, рубя по дороге шашкой молодые сосны. Рубка, а на ней были помешаны все, была излюбленным занятием Ренненкампфа после учения.

По вечерам, примерно раз в неделю, в полковых собраниях играла музыка, молодежь танцевала, Ренненкампф, приведя свою жену (это была третья), засаживался за игру в карты.

По окончании полковых и бригадных учений начались малые маневры для подготовки к большим, в районе Минска. Для меня лично все это было чрезвычайно интересно и ново. Полки оставались в поле почти целый день, а к вечеру наш небольшой штаб — три офицера и сам Ренненкампф — занимали в ближайшей деревне «халупы», где и располагались на ночлег.

Для дневки обыкновенно выбиралось местечко или уездный городок, где отдых проходил довольно интересно. Хорошо пообедав, выпив по 2-3 рюмки водки и съев каждый с полсотни раков, а Ренненкампф мог съесть и полторы, мы выходили на прогулку.

Появление кавалерии в еврейском местечке или городке производило необычайную сенсацию. Барышни-еврейки облекались в свои праздничные платья и к вечеру выходили гулять по кругу в местном сквере или в городском саду. Мы тоже прихорашивались и Ренненкампф, колонно-вожатый, весело произносил: «Идем смотреть выводку кобылиц».

Девицы сперва конфузились, затем делались более смелыми и на громкие комплименты генерала хихикали и дарили его своей улыбкой. Расставив ноги, выпяв богатырскую грудь, на которой гордо красовались два белых креста, Ренненкампф, не стесняясь, делал комплименты.

«Посмотрите, какая красавица! Ну, а вот эта — настоящий ганноверский гунтер Пальмгрена». Поручик Пальмгрен, офицер Иркутского полка с большими средствами, ездил на великолепной кобыле-гунтере, бравшей высоченные препятствия, купленной в Германии за 1.500 рублей.

В конце августа начались большие маневры, продолжавшиеся около недели, где Ренненкампф со своей бригадой конницы проявил все качества превосходного кавалерийского начальника, что и было отмечено во время разбора руководителем генералом фон-дер-Лауницем.

Я с сожалением покидал Борисов и офицеров кавалерии, среди которых нашел новых друзей, особенно в лице П. К. Ренненкампфа. Мы очень подошли друг к другу, несмотря на разницу лет и чинов. Провожая меня, он несколько раз повторял, что в будущем будет всегда рад служить со мною. Судьбе было угодно, чтобы я снова с ним встретился через три года в Вильне, когда он, вернувшись с Японской войны, принял 3-ий армейский корпус.

Зимой 1906 года в Вильну приехал из Сибири генерал Ренненкампф. Встреча с ним была самая сердечная и он немедленно мне предложил место старшего адъютанта в Штабе 3-го корпуса, его корпуса, расположенного в Вильне.

Ренненкампф совершенно не изменился за четыре года, что я его не видел. Он остался, несмотра на ранение на войне, таким же жизнерадостным, полным энергии, здоровым и исключительно выносливым, как и раньше. К его двум георгиевским крестам за Китайский поход 1900 года прибавилось только георгиевское золотое оружие, Анна на шею и пожалованный пожизненно мундир Забайкальского казачьего войска. Будучи сам офицером Генерального Штаба, Ренненкампф неизменно носил теперь казачью форму с желтыми лампасами и вскоре в войсках его иначе, как «желтая опасность», не называли. Он это знал и этой кличкой гордился.

Моя 4-х летняя служба с таким талантливым учителем и военным, как Ренненкампф, явилась для меня прекрасной школой для всей моей дальнейшей карьеры офицера Генерального Штаба. Она помогла мне быть военным корреспондентом «Нового Времени» на трех войнах: итальянской и двух балканских, а на великой войне-не теряться ни при каких обстоятельствах.

Кипучая деятельность Павла Карловича Ренненкампфа началась с первых же дней его командования. Он поставил себе целью довести подготовку своего корпуса к будущей войне до такой высоты, чтобы корпус этот был лучшим в целом округе, чтобы все полки, как пехотные, так и кавалерийские, в соревновании друг с другом, были сверх отличными в стрельбе, маневрировании и знали начиная от солдата до старшего командира, что придется делать, чтобы побить немцев в будущей войне.

И он чтого достиг. О 3-ем армейском корпусе знали далеко за пределами округа, знали и в Петербурге; о Ренненкампфе узнал Государь.

Флигель-адъютанты князья Белосельский-Белозерский и Долгоруков, командовавшие по очереди 3-им драгунским Новороссийским полком в Ковне, создали Ренненкампфу блестящую рекламу. И в 1913 году, за год до Великой войны, Ренненкампф,несмотря на все препятствия Сухомлинова, военного министра, получил золотые аксельбанты генерал-адъютанта Его Величества.

Дольше 3-4 дней Ренненкампф не мог усидеть на месте. Зайдет, бывало в свой штаб, поздоровается со всеми,выслушает доклад начальника штаба Чагина и затем скажет: «Собирайтесь, в три часа едем к гусарам». «Гусары», 3-ий Елизаветградский полк, стояли в Мариамполе, в одном переходе от германской границы, против личного имения Кайзера «Роминтен», куда тот ежегодно ездил на охоту. На ближайшей железнодорожной станции Вильковишки полковой экипаж уже ждал приезда командира корпуса.

Двадцать верст по стратегическому, ровному, как скатерть, шоссе, тройка проносила чуть ли не в час и подкатывала к офицерскому собранию, где на крыльце уже стояли командир гусарского полка с адъютантом и дежурным по полку. Офицеры ждали в большой гостиной. А в столовой уже суетились солдаты-лакеи, стучали посудой, накрывали стол к ужину, тащили закуски к водке, в ведра со льдом втискивали бутылки с шампанским. Русское гостеприимство требовало, чтобы почетный гость не лег спать с пустым желудком. Гость это знал и за дружной беседой, «тянувшейся далеко за полночь», ел и пил не меньше любого корнета.

Первое время, пока его хорошо не узнали и к нему не привыкли, держали себя с Ренненкампфом очень сдержанно, отвечая «так точно», «никак нет». Его Георгиевские кресты и золотое оружие, желтые лампасы, зычный голос, богатырское сложение, вызывали зависть и невольное уважение. Но спустя год, молодые офицеры носили его чуть ли не на руках, солдаты любили и чувствовали, что это настоящий командир, — «за ним не пропадешь».

В один из приездов в тот же гусарский полк, когда уже основательно влили в себя и нача-

лись неизбежные тосты, выскочил из за стола бравый штабс-ротмистр Небо и, встав против Ренненкампфа, заговорил: «Ваше Превосходительство, я не «мыловар» и потому смело заявляю, что мы все Вас искренно любим, верим Вам и знаем, что с Вами весь наш полк, куда бы Вы нас ни повели, пойдет с радостью и без колебаний».... Говорил недолго, но искренно, говорил, что думал и, будучи очень хорошим офицером и притом независимым, не заискивал перед своим корпусным командиром.

Ренненкампф, привыкший уже, что ему часто курят фимиам, был все же удивлен и даже сконфужен, когда вслед за Небо сорвался с места сам Начальник дивизии, генерал-лейтенант Шейдеман и с дрожью в голосе начал: «Ваше Превосходительство, я тоже не «мыловар», но смею Вас заверить, что вся моя дивизия, как один человек, по одному Вашему слову...» и пошел, и пошел кадить долго и основательно.

Павел Карлович слушал, опустив глаза, и, когда тот кончил, поблагодарил, за доверие. На следующий день, когда мы возвращались в Вильну, растягиваясь на кушетке в своем купэ, Ренненкампф со смехом заметил: «А здорово Шейдеман варил мыло?».

Посещая части своего корпуса, Ренненкампф обыкновенно не говорил, что он будет смотреть: будут ли это тактические занятия или маневр всему полку, отдельному эскадрону, роте или просто проверка действий разъезда в обстановке военного времени.

Если он приезжал вечером и засиживался за ужином, а потом играл до 2-х часов в карты (он любил винт и играл очень хорошо), его совершенно не смущало, покинув собрание, немного вздремнуть и на рассвете начать смотр.

В 5 часов утра на дворе еще темно, а Ренненкампф уже насвистывает кавалерийский подъем: «всадники, други, в поход собирайтесь...» На несмелое замечание: «Ваше Превосходительство, ведь еще ночь, можно было бы еще немного поспать!», слышится резкий окрик: «В гробу выспитесь, зовите дежурного трубача, велите играть тревогу!»

И вот сразу забегали солдаты, помчались в конюшни седлать лошадей полным походным вьюком; заспанные офицеры, не умываясь, кинулись к своим эскадронам.

Ренненкампф стоял уже на плацу с часами в руках, рядом с ним дежурный по полку офицер, и наблюдал, в каком порядке и как скоро соберется полк с командиром во главе, пулеметной командой и обозом. Сбор по тревоге проходил обычно без сучка и задоринки; не явившиеся после кутежа офицеры отправлялись в тот же день под арест. Затем начинался маневр, делали хороший переход в 35-40 верст.

После маневра тут же в поле собирались все офицеры и начинался весьма обстоятельный разбор. За одно хвалили, другое бесцеремонно критиковалось, до разноса и выговора в ближайшем приказе по корпусу.

В отличие от большинства старших начальников, все отчеты о своих смотрах Ренненкампф писал лично сам. Было настоящее несчастье расшифровывать для печатания его каракули. Начальник Штаба Чагин беспомощно разводил руками, не понимая ни слова; во всем штабе было только два натасканных специалиста.

Судьба бедного Павла Карловича Ренненкампфа известна: во время революции Керенский упрятал его в Петропавловскую крепость, откуда ему все же удалось выбраться до прихода большевиков. При большевиках, после падения Украины гетмана Скоропадского, Ренненкампф скрывался в Таганроге, в доме знакомых его жены, уроженки этого города. Генерал сбрил свои усы и подусники, никуда не показывался, но все же пронюхали, куда ходила его жена, носившая ему пищу. Его арестовали и приговорили к расстрелу, обвиняя, главным образом, в усмирении рабочих в 1905 году в Сибири, по окончании русско-японской войны. Перед расстрелом, по словам жены Ренненкампфа, которую я встретил в эмиграции, в Париже, его мучили, выкололи глаза и, привязав к столбу, изрешетили пулями.

В. Дрейер

Мои воспоминания о первых днях революции

(окончание)

Движение моего отряда, который в пути увеличивался в составе за счет людей, потерявших свои части, представляло собою довольно печальную картину. Впереди шел я со своими офицерами, за мной, не в ногу, не соблюдая равнения и с большими интервалами, брели люди с сонным и усталым видом. За ними — пленные везли повозку с моим убитым солдатом и, наконец, реквизированный грузовик, с приставшими в пути, пулеметами и, автомобиль захваченный у парламентеров. Колонна далеко растянулась и, со стороны, могла быть принята за батальон пехоты если не больше. Отсталых не было, так как каждый знал, что сзади его ждет расправа. Медленно двигалась колонна по шоссе к Пулкову. Падающий хлопьями снег таял под ногами, делая дорогу скольской и еще больше замедляя наше движение. Стрельба и зарево оставались сзади, впереди была тьма и неизвестность.

Люди шли молча, каждый был занят своими мыслями, своими переживаниями. Вера в том, что я найду Царскосельский гарнизом верным присяге, внушала бодрость и настойчивость в достижении цели, которую я себе поставил, и они невольно передавались чинам моего отряда.

Показавшиеся впереди огоньки указывали, что уже недалеко Пулково где мы сделаем привал, подкрепимся едой и обогреемся в тамошних трактирах. Действительно, вскоре отряд вошел в Пулково, и я разрешил людям разойтись по трактирам и сам вошел в один из них. Усталость и три бессонных ночи давали себя чувствовать, и всем, в том числе и мне, хотелось хоть немного заснуть, тут же в трактирных сараях на соломе. Но об отдыхе нельзя было и думать. Нельзя было терять ни минуты, чтобы с рассветом войти в Царское Село

Немного отдохнувшие и согревшиеся люди выглядели бодрее и путь до Царского Села не пугал их. После поданной мною команды к выступлению, мне было доложено, что в одном из сараев обнаружен солдат кавалерист с оружием и конем. Я приказал допросить его. Допрошенный «с пристрастием», солдат-латыш признался, что был послан на разведку Царскосельским революционным комитетом. Сперва он принял нас за союзников-бунтарей, но, после допроса, убедился в своем заблуждении. Этот случай, казалось, должен был бы развеять мою уверенность в верности царскосельского гарнизона, но я утешал себя сем, что это, вероятно, единичный случай, что «в семье не без урода».

Уже было достаточно светло, когда мой отряд поравнялся с селом Александровским, которое с своими аккуратными домиками и огородами, тянулось вдоль нашего шоссе. Но тут меня поразило обилие палаток на огородах и масса копошившихся на них и умывавшихся людей. Оказалось, что это был прибывший с фронта Гвардейский экипаж, спешно вызванный в Царское Село.

Невольно возникает вопрос, для чего была вызвана с фронта эта прекрасная боевая часть? Уж, наверное, не для того чтобы, вечером, в день моего прихода в Царское Село, объявить нейтралитет, а на другой день, под водительством одного высокого лица, идти в Государственную думу и выражать свою верность новой революционной власти.

Наконец мы дошли к цели. Большие железные ворота, украшенные золотым орлом, указали нам что мы вступаем в Царскосельский парк с его вековыми деревьями и историческим прошлым. Вдруг, как из под земли, вырос разъезд Собственного Его Величества Конвоя. Подскакав на приличное разстояние к моему отряду, кстати, уже принявшему строевой вид, разъезд круто повернул и поскакал обратно, даже не поинтересованшись — кто мы, откуда и куда двигаемся.

Царское Село еще безмятежно спало, когда я вступил в него.

ТРУСОСТЬ, ИЗМЕНА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Подойдя беспрепятственно к Александровскому дворцу, где имела пребывание Царственная Семья, я остановил свой отряд, разрешил стоять вольно, а сам, войдя через калиту ворот, поднялся по ступеням наружной каменной лестницы в приемную дворца. Расположение комнат мне было приблизительно знакомо, так как я уже имел счастье после первого ранения представляться здесь Государыне, перед отъездом моим в Действующую армию.

Ливрейный лакей, встретивший меня, на мое требование доложить обо мне Дворцовому Ко-

менданту, провел меня в кабинет, а сам отправился доложить генералу Ресину о таком необычном посетителе. Оставшись один в кабинете коменданта, я мысленно перенесся в то совсем недалекое прошлое, когда впервые вступил я в эти дворцовые покои, дабы представиться Государыне Императрице, Царственной сестре милосердия дворцового лазарета, где я лечился после ранения. Никогда не забыть мне этого грустного, одухотворенного лица, этой простоты и доступности, так гармонировавших с окружавшим ее домашним уютом и убранством ее рабочего кабинета. Ее ласковые слова, полные материнской заботы о своих поданных, глубоко запали в мою душу.

Мои мысли были прерваны вошедшим в кабинет Дворцовым Комендантом Свиты Его Величества генерал-майором Ресиным. Мой утомленный вид, моя промокшая одежда совершенно не соответствовали роскошной обстановке кабинета и я сам себе казался жалким просителем, а не защитником Царского Трона.

Генерал был одет в тужурку с красными отворотами, в погонах свитского генерала. Я представился генералу, доложил о событиях в Петрограде, о переходе многих воинских частей на сторону рабочих, о пожарах и погромах в столице, словом, о всем том, что успел мне передать по телефону полковник Кобылинский. Не скрыл от него, что привел с собой захваченного разведчика — кавалериста и привез тело моего убитого солдата. Наконец, добавил, что отдаю себя и свой отряд в полное распоряжение Императрицы.

Генерал Ресин выслушал меня не перебивая, затем сел в кресло у письменного стола, а мне предложил занять таковое же в нескольких шагах от себя. В это время вошел лакей и принес утреннее кофе с сдобными булочками. Окна кабинета выходили как раз на площадку перед дворцом, где я оставил свой отряд, и мне было видно, как мои солдаты проделывали какие-то «балетные па» и ударяли каблуком о каблук, чтобы согреться. Ни кофе, ни булочки не прельщали меня и я только ждал — что же мне скажет генерал Ресин.

Хотя прошло уже более сорока лет со дня моего разговора с генералом Ресиным, но его слова живо сохранились в моей памяти, до самой своей смерти я буду их помнить и снесу их к Престолу Всевышнего. Генерал Ресин сказал мне следующее:

«Сейчас я говорил по прямому проводу с моей женой, находящейся в Петрограде. Она мне передала, что безпорядки в Петрограде подавлены, что там все спокойно, и вся власть находиться в руках военного начальства. Ваша охрана, — продолжал генерал, — не нужна Государыне. Здесь есть свои части, которые охранят ее в случае надобности. Отведите ваш отряд в расположение Собственного Его Величества Сводного полка, а сами можете отдохнуть в офицерском собрании или у вашего однополчанина капитана Апухтина».

Слова генерала Ресина поразили меня, как громом. События этих прошлых дней представились мне галлюцинацией, плодом моего воображения, вызванного нервным напряжением и усталостью. Я не стал уверять генерала Ресина в ошибочности его сведений и, совершенно шалый, оставил дворец, чтобы отвести свой отряд в указанное генералом место. Передав по дороге отряд капитану Белякову и приказав ему отвести его в столовые Сводного полка, сам, в сопровеждении капитана Апухтина, пошел в офицерское собрание.

Я не помню внутреннего убранства собрания. Помню только, что услужливая собранская прислуга усадила меня на председательское место во главе длинного стола и принесла пивной стакан водки и, кажется, бифштекс. Офицеры Сводного полка осыпали меня вопросами «что делается в Петрограде». После слов генерала Ресина, что в Петрограде все спокойно, мне было не до еды и не до разговоров. Мой мозг усиленно работал, припоминая факты, о которых я докладывал генералу. Казалось, мне следовало бы радоваться, что бунт подавлен, но я этого сделать не мог, зная что это неправда. Разговор по телефону с полковником Кобылинским, его решение идти в казармы, стрельба по моему участку, зарево пожаров, приезд парламентеров и бегство полици, ведь все это было... было...

Не дотронувшись до бифштекса, я залпом выпил стакан водки и сразу же захмелел. Меня проводили в комнату Апухтина, где я снял свое снаряжение, лег на кровать и сразу заснул. Не знаю, как долго я спал. Думаю не более получаса. Усиленные толчки Апухтина разбудили меня. Он передал мне приказание генерала Ресина разбудить моих людей, построить их впереди столовых, где они отдыхали и представить ему мой отряд. Чем руководился генерал Ресин, отдавая такое приказание — мне еще до сегоднешнего дня непонятно. Он знал, что мои люди три дня оставались без отдыха и горячей пищи и только в Царском Селе могли рассчитывать на то и другое. Приказание, даже сумасбродное, есть приказание, и я пошел будить свой отряд. Как сейчас, помню картину, когда лежавших вповалку на соломе в столовой, усталых, спящих мертвым сном солдат, унтер-офицеры поливали водой из медных чайников, чтобы их разбудить.

Приказ был выполнен. Отряд построен, и я с офицерами стал на правом фланге, ожидая прихода генерала Ресина. Хотелось бы знать, вспоминал-ли генерал Ресин, благополучно избежавший той участи, которая постигла Царя, тот факт, что последняя воинская часть, испол-

нившая его приказание, был мой отряд, оставшийся верным присяге и своим офицерам.

Видя приближающегося генерала Ресина, я подал, обычную в этих случаях, команду: «Смирно. Равнение направо. Господа офицеры.» Генерал быстрым шагом обошел фронт и остановившись в 15 шагах впереди него, поздравился с людьми. «Командуйте слушай накараул», приказал мне генерал. Как один человек, по моей команде, люди взяли «накараул», стараясь выравнять штыки, подтянуться и показать свою гвардейскую выправку.

«За здравие Государя Императора! Ура!» торжественно произнес генерал. Подхваченное «ура» долго не смолкало среди моего отряда, отдаваясь гулким эхо в парке Царского Села. Знал ли генерал Ресин, живя после революции в сравнительно спокойной обстановке, что это «ура» Государю Императору было последним, которое в своей жизни он слышал на русской земле? Ведь оно гремело в тот момент, когда Государь подписывал свое отречение и когда в Петрограде гремели выстрелы по убиваемым верным слугам России и Престола.

Когда «ура» смолкло, генерал Ресин приказал мне отвести мой отряд в казармы лейб-гвардии 4 стрелкового Императорской фамилии полка, расположить его в манеже на отдых и поступить в распоряжение Начальника Царскосельского гарнизона.

Не сумею сейчас, по прошествии стольких лет, представить наглядно план расположения манежа по отношению к казармам. Думаю что не ошибусь, если скажу, что манеж находился на плацу и был окружен казарменными постройками. Он имел входные ворота, которые открывались в узкий переулок, ведущий куда-то вне казарм. Перед манежем находился большой двор, куда выходили лестницы офицерских квартир, собрания и стрелковых рот. На втором этаже, окна Собрания выходили на широкую улицу, ведущую на вокзал. В самом манеже, принадлежавшем до войны лейб-гусарам, были построены двухярусные нары, а часть его была предназначена для строевых занятий стрелков.

ЛОВУШКА

По приходе в манеж, я приказал людям составить ружья в козлы, разойтись по нарам, выставить дневальных у ружей и пулеметов и часового у арестованных. Своих офицеров я устроил в Собрании Императорских стрелков, а сам остался с солдатами в манеже, разделяя с ними неудобства отдыха на твердых нарах. Инстинктом, я чувствовал неприязнь стрелков к нашему отряду, но не хотел тревожить моих людей своими сомнениями, дабы не нарушать их отдых, и сам лег не раздеваясь, в полном снаряжении, на крайние нары около стойки с деревянными болванками, заменявшими ружья при обучении запасных. Я силился отогнать сон, но не устоял и заснул.

Проснулся я от криков «ура» и топания солдатских ног. В настежь открытые ворота ворвались стрелки, расхватали деревянные ружья и бросились на моих спящих людей. Трудно себе представить панику среди моих спящих солдат, попавших в такую ловушку. Часть из них бросилась под нары, часть к окнам, находившимся выше человеческого роста, а часть схватила винтовки для самозащиты. Видя, что их попытка не увенчалась успехом и что пулеметчики мои уже заряжали пулеметы, стрелки ушли, пригрозив расправой — вечером.

Этот случай мне показал, что моя надежда найти в Парскосельском гарнизоне верные части — слощной миф, а слова генерала Ресина о том, что «здесь есть свои части, которые защитят Государыню в случае опасности» — прозвучали настоящей иронией.

Успокоившись после внезапного нападения стрелков, люди мои, конечно, не могли уже спать, а разобрав винтовки, остались в манеже, ожидая моих распоряжений. Но какие могли быть мои распоряжения, когда я сам находился в подчинении начальника гарнизона Осипова, и что мог сделать он, начальник уже взбунтовавшегося гарнизона, когда его власть распространялась только на писарей его канцелярии. Тем не менее, я решил поехать к нему,, рассказать о сложившейся обстановке и просить его разрешения вывести мой отряд в район Павловска, где он сможет стать угрозой, в случае вооруженного выступления рабочих в Царском Селе.

Обещав людям перевести их в другое место и приказав быть готовым к выступлению, я на том же захваченном нами автомобиле поехал в штаб гарнизона.

Штаб этот работал полным ходом, как будто бы ему были совершенно неизвестны Петроградские события. Не вбежал, а просто влетел я в кабинет начальника гарнизона генерал-лейтенанта Осипова, занятого подписыванием каких-то бумаг. Не стесняясь присутствием писарей, я изложил ему, в кратких словах, положение, в котором находится мой отряд и указал, что желая избежать взаимного кровопролития, оставаться больше в распоряжении стрелков я не могу, и потому прошу его поставить мой отряд в иное, по его назначению, место.

Никогда раньше я не видел генерала Осипова. Небольшого роста человек с седенькой бородкой, в защитном кителе и длинных штанах, без всякого оружия, он больше напоминал собою сельского учителя, чем начальника гарнизона, обороняющего резиденцию Государя.

— Вы должны оставаться там, — где вас поставили, ответил генерал Осипов. — Я началь-

ник гарнизона, а не вы, чтобы решать, где вашим людям лучше находиться, — гневно добавил генерал.

Трудно рассчитывать на сдержанность и хладнокровие офицера поставленного, по вине старшего начальника, в безвыходное положение, несущего моральную ответственность за жизнь солдат вверенной ему части и уже испытавшего на опыте никчемные и вредные приказания генерала Ресина. Потому, я, поддавшись этой человеческой слабости, тем же гневным голосом, заявил генералу Осипову:

— Ваше Превосходительство, у меня есть сведения, что в 8 часов вечера, ваш гарнизон выйдет на улицу и присоединится к бунтующим рабочим, Вас наверное не будет в этот момент в вашей канцелярии, а, может быть, и в Царском Селе, я же останусь со своими людьми до конца и не брошу их.

Как реагировал на мои слова генерал Осипов, мне осталось неизвестным — я круто повернулся и вышел из помещения Штаба. Знаю лишь, что мое предположение было точно выполнено генералом: — он бросил свой гарнизон, которому была доверена охрана Царской Семьи. Вот каким генералам была вверена высокая честь охраны Царской резиденции и какими трусами и предателями они оказались.

Медлить нельзя было. Нужно было возвращаться к своему отряду и принимать самостоятельное решение, не расчитывая ни на кого и ни на что. Мой шофер гнал полным ходом, чтобы наверстать потерянное в штабе время. В полной темноте я въехал во двор стрелковых казарм и остановился у ворот манежа. В ту-же минуту по манеже раздались ружейные выстрелы. Я вбежал в манеж и тотчас же был окружен моими людьми.

— Ваше Высокоблагородие, что нам делать? В ваше отсутствие приходили стрелки и грозились вечером расправиться с нами. Это по нас стреляют...

Думать и рассуждать было некогда. Я видел измену и предательство со всех сторон и не хотел гибели поверивших мне солдат. Я приказал немедленно сорвать наши белые петлицы с шинелей и рассыпаться на все четыре стороны, пробираясь в Петроград, сам же вскочил в автомобиль и, проскочив полным ходом узенький переулок, свернул на широкую улицу, идущую вдоль казарм. Только несколько пуль попало в верх автомобиля, продырявив его. Бог меня хранил.

Выехав на широкую улицу, я остановился перед офицерским Собранием и, автомобильными гудками, вызвал находившихся там своих офицеров. Нужно было спасать их от разъяренных стрелков. К нашему счастью, электричество было выключено и Царское погрузилось во тьму. Благодаря этому, предпринятое спасение офицеров удалось блестяще. Все были погружены в автомобиль, который направился к вокзалу, по направлению к лазарету бельгийца Вольтерса, которого я знал лично; я предполагал скрыть у него моих офицеров под видом больных.

Проскочив мимо большой толпы манифестировавшей с красными флагами, мы достигли своей цели. К сожалению, напуганная стрельбой и беспорядками, хозяйка лазарета госпожа Вольтерс отказалась принять моих офицеров и посоветовала обратиться в соседний лазарет Красного Креста, который охотно представил нам готеприимство и записал моих ифицеров ранеными.

Горя нетерпением узнать, что делается в городке, я, устроив своих офицеров, одел сверху солдатскую шинель одного из санитаров, сел в автомобиль и приказал шоферу ехать к Александровскому дворцу. Не доехав до дворца, я вышел из автомобиля и увидел картину, которая несколько успокоила меня. На площади, перед закрытыми воротами, стояла толпа, требовавшая впустить ее во дворец; по другую сторону ворот, какие-то штатские и военные уговаривали толпу отказаться от своего намерения, в виду позднего времени. Чувствовалось, что уговоры и благоразумие берут верх и толпа не войдет во дворец, тем более что нашлась очень заманчивая отдушина в виде разгрома винных погребов, и трактиров в городе. Туда толпа и бросилась исполнять свой революционный долг. В торговую часть города мне не удалось попасть. Громилы в поисках погребов и винных магазинов заполнили все улицы и прекратили по ним всякое движение.

Считая что мое любопытство удовлетворено и что моя миссия офицера, не по моей вине, закончена, я сошел с автомобиля и чтобы замести свои следы, приказал шоферу ехать куда он хочет, а вестовому — проверить мое приказание,, сопровождать некоторое время шофера, а затем — вернуться в лазарет. Под утро, хмельной, он вернулся ко мне в лазарет с двумя бутылками коньяку Мартель. Одну мы тут-же роспили а другую я подарил сестре милосердия, так радушно принявшей в лазарет меня и моих офицеров.

Тревога в Царском стала утихать. Ожидался приезд Государя. Мне оставалось вернуться в Запасный полк и узнать о судьбе моих разбежавшихся людей.

Царскосельский поезд привез меня в ликующий город — Петроград. Выйдя с вокзала, я был поражен его необычным видом. Улицы были запружены народом, восторженно выражавшим свою приверженность революции. На каждом шагу, на каждой площади стояли группы людей и солдат без поясов, неряшливо одетых, обсуждающих события дня, щелкая семячки и

оглашая воздух нестройным пением «марсельезы». Порядок охранялся какими то молодыми людьми сомнительного вида, большею частью в студенческой форме, с винтовкой на ремне.

В подмогу им появились увешанные пулеметными лентами армейцы из Ораниенбаума и матросы из Кронштадта с звериными рожами. Бесконечными колоннами, двигались по улицам рабочие и работницы, идущие в Таврический дворец на поклонение новой власти неся плакаты и красные флаги. Петроград захлебывался в восторгах свободы, не задумываясь над тем, — какие страдания это принесет ему в будущем.

Вдруг, откуда-то раздалась пулеметная очередь. Толпа, как безумная, бросилась в подворотни, люди полные недоумения и животного страха, распластались на земле. Кто стрелял и откуда — осталось невыясненным. Да и зачем было стрелять, когда сопротивление было сломлено и восстановить прежнюю власть одной пулеметной очередью было покушением бессмысленным? Я не верю слухам, распространявшимся в то время по городу, что с чердаков и из окон верхних этажей стреляла полиция. Если бы это было так, то полиция должна была бы стрелять в первый день восстания, когда была еще надежда, что войска окажут сопротивление, но не тогда, когда все было уже кончено и старая власть сдалась на милость победителя. Я думаю, что стреляли провокаторы, купленные немцами, которым была выгодна анархия но никак не агенты Временного Правительства с его лозунгом «война до победного конца».

Но вот — испуг прошел и толпа потребовала жертв.Какие-то типы с винтовками бросились в дома искать виновников стрельбы, нагоняя ужас на обитателей квартир верхних этажей и чердачных помещений. Перерывалось все до белья включительно, уносилось все, что было ценного искали оружие даже у детей. Правда, иногда удавалось поймать штатского человека с оружием, но что это был за человек — могло обнаружить только тщательное расследование. Его-же не существовало. Толпа кроваво расправлялась с таким пойманным, признавая в нем переодетого городового. Началась погоня за городовыми и жандармами. Пойманных убивали на месте, без всякого повода. Убивали жестоко, зверски... Я не могу забыть одну сцену, глубоко врезавшуюся мне в память. По Измайловскому проспекту, мимо меня, проезжала телега нагруженная убитыми городовыми, один из которых еще подавал признаки жизни. Его голова с широко открытыми глазами, свешивалась с кузова телеги. В этот момент, из толпы выбежала пожилая женщина, схватила с мостовой булыжник и размозжила ему голову.

Так погибали верные сыны своей Родины. Так погиб наш однополчанин полковник Никита Кулаков, не вынесший зрелища разнузданной толпы и разразившийся бранью по ее адресу. Он был заколот штыками.

Я торопился к себе на квартиру около Обводного канала, чтобы привести себя в порядок, переодеться и явиться в штаб полка. Дикие крики — «Топи его, ерша»... остановили меня, и я был свидетелем, как в прорубь был, еще живым, брошен Начальник Путиловского завода генерал Борделиус. Толпа своим улюлюканием подбадривала убийц в их кровавом деле. Благоразумие взяло у меня верх. Хотя я и был одет в чужую шинель с погонами прапорщика, тем не менее в толпе могли оказаться запасные моего полка, которые легко могли могли отправить и меня в след генералу Борделиусу. Я свернул в боковую улицу и, кружным путем прошел к себе на квартиру.

Войдя к себе в комнату, я не узнал ее. Она была разграблена солдатней, искавшей оружия у офицеров. Нужно сказать, что у меня они нашли его в достаточном количестве. В начале войны, мне удалось вывезти из Варшавы большую коллекцию старинного оружия, принадлежавшую моему покойному отцу. Она целиком попала в руки грабителей. Требовать возврата отобранного или же жаловаться на грабителей было безцельно. Пришлось покориться бесчинствующей силе и, в бессильной злобе, закусить губы.

Собрав кое-какие разбросанные вещи, переодевшись и приведя себя в порядок, я отправился в штаб полка, чтобы доложить о своем прибытии.

На пути в штаб я встретил унтер-офицера Пиккельгаупта, закройщика полковой швальни. Как безумный, он бросился ко мне со словами: «Ваше Высокоблагородие! что это происходит? Начальства нет, кругом все командуют, в казармах митинги, ругань и безобразие, а полковой комитет из выборных беспомощен. Возьмите хоть вы власть в свои руки...» Успокоив, как мог, этого служаку еще мирного времени, я свернул в Учебную Команду, находившуюся сзади Офицерского Собрания, с целью лично измнить свое намерение идти в штаб полка, убедиться в правильности слов Пиккельгаупта и проверить все-ли люди, бывшие со мною в Царском, вернулись в казармы.

Войдя в помещение Команды, я не услыхал обычной команды «встать, смирно!» а увидел насупленные, хмурые лица людей, чувствующих себя хозяевами положения. Я понял что попал в положение волка на псарне. Весть о моем появлении быстро разнеслась по другим помещениям и около меня стали собираться люди, как нашего полка, так и других, матросы и штатские.

Не теряя присутствия духа и делая вид что

не замечаю перемены происшедшей в Учебной Команде, я, не обращаясь ни к кому, задал вопрос — «вернулись ли люди, бывшие со мной в Царском Селе в казарму и сколько их не вернулось?» Ответа на заданный вопрос я не получил, но, кто-то, стоявший позади группы, собравшейся около меня, с наглой физиономией и развязаным видом, сказал: «Сколько людей вернулось или не вернулось, нам это неинтересно. Нам хочется знать, зачем вы ходили с отрядом в Царское Село? Наверное спасать Царицу? Бороться с народом и позорить полк, который из за вас не вышел на манифестацию в честь новой власти?»

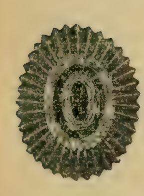
«Я исполнял приказание начальства, — ответил я, — и уверен что каждый из вас, будучи на моем месте, сделал бы тоже. Исчерпывающие объяснения я дам полковому комитету», резко ответил я и повернувшись вышел из казармы.

На этом я оканчиваю свои тяжелые воспоминания и вновь ставлю всю последовавшую мою жизнь тяготившие меня вопросы: кому нужен был этот бунт во время войны? Что дал он России и КТО виноват в его допущении?.

Сергей Лучанинов

От Редакции: Под первой частью этой статьи в № 73 — следует изменить в подписи букву «Г» на «Ч».

В дальнюю дорогу

Быстро подошел к концу двадцативосьмидневный отпуск. Оставалось немного дней «поверстного срока». Наступало время сборов в дальнюю дорогу.

Прежде чем переходить к дальнейшему изложению поясню, что всем вновь произведенными офицерам полагался двадцативосьмидневный отпуск. Это было хорошее установление. За это время вновь произведенный офицер успевал освоиться с новым офицерским положением после своего пребывания на положении нижнего чина. За это время можно было купить многое необходимое для самостоятельной жизни или, по крайней мере, подумать об этом в том случае, если признавалось более целесообразым сделать такоие приобретения уже на месте, по прибытии в свою часть. Это время можно было провести в родной семье, с которой большинству приходилось расставаться. Эти дни были как бы переходными к новой самостоятельной жизни.

Что касается «поверстного срока», то это был тот излишек времени, который получался вследствии того, что вновь произведенный офицер отправлялся в свою часть по железной дороге часто скорым или курьерским поездом и, таким образом, затрачивал на переезд меньше времени, чем полагалось отправлявшемуся на «почтовых», как это предполагалось. Чем больше было расстояние, тем больше был и «поверстный срок».

Подпоручик Карепин уезжал не один: вместе с ним ехал его товарищ по выпуску из Училища, ставший теперь его однополчанином, подпоручик Азарьин, уроженец Кавказа, где проживала и его мать, вдова. Ехать на Кавказ было далеко, да и стоила бы эта поездка слишком дорого, поэтому Азарьин предпочел воспользоваться приглашением Карепиных и провел свой отпуск в их семье на даче под Петербургом. Отъезд молодых офицеров был назначен на 2-ое августа.

Последний день отпуска Карепина был омрачен мыслями о предстоящей разлуке с родной семьей. Разлучаться, и притом впервые, приходилось надолго. Было тяжело отрываться от привычного уклада жизни. Самая мысль о скорой разлуке делала еще более дорогими и любимыми мать, отца, братьев и сестер. Семья Карепиных была крепкая и дружная.

Однако, Карепин напускал на себя суровый и независимый вид, внушая себе, что он, как воин, офицер, должен быть всегда готов к всевозможным лишениям. Но ему трудно было побороть свою натуру и втихомолку он часто уходил в свою комнату и там наедине предавался своим горестным мыслям.

2-го августа вся семья Карепиных, провожая своего Алешу и его товарища, отправилась в Петербург на зимнюю квартиру, а оттуда на Варшавский вокзал. Отец и мать благословили Алешу иконою Казанской Божией Матери в серебряном окладе. Перед отъездом, по обычаю, присели и отправились на вокзал. Последние благословения, объятия... и поезд загромыхал по рельсам. У Карепина сжалось сердце. Целый период жизни-детство, отрочество и ранняя юность, оставался позади.

Замелкали знакомые станции-Лигово, Гатчина, Луга. Молодые офицеры удобно устроились в маленьком купэ и скоро, от нечего делать, раскрыли корзину с приготовленными на дорогу припасами. Чего только там не было! Чудные домашние пирожки с капустой и с мясом, домашние котлеты, жареные цыплята, холодная телятина, ветчина и полендвица, крутые яйца, свежие огурцы, белый и пеклеванный хлеб, печенье, Абрамовская пастила и мармелад, сливы и яблоки. Закусывая, просматривая газеты и журналы, запивая съеденное чаем на больших станциях, незаметно уносились все дальше и дальше от Петербурга.

Молодость живет настоящим и быстро воспринимает новые впечатления. Вот и Вильна с ее новым вокзалом и его туннелем. К месту служения они должны были прибыть к вечеру следующего дня. Поезд мчался по местности очень мало менявшей свои очертания: все та же равнина, те же сосны, ели, березы и осины, то же дыхание наступающей осени! Кочковатые болотистые места, поросшие вереском и можжевельником, скирды сжатой ржи, стога сена. Серое небо, вороны, грачи...

И вторую ночь проспали прекрасно. По мере приближения к месту назначения новые впечатления, новые мысли заслоняли понемногу неулегшуюся еще печаль Карепина по покинутому родному гнезду.

К месту назначения прибыли часов около восьми вечера. Уже смерклось и лишь многочисленные огни указывали, что поезд приближается к городу. Эти огоньки внушили молодым офицерам преувеличенное представление о размерах и значительности города.

Поезд, тяжело погромыхивая на стыках рельс, пыхтя и с шумом выпуская пар, остановился у перрона. Вышедших молодых офицеров сразу окружила толпа носильщиков и «факторов» (комиссионеров) различных гостинниц, носивших громкие названия — «Европейская гостинница», «Славянская гостинница», «Бристоль» и т. п. Не имея ни малейшего понятия о том, что представляют собою все эти гостинницы, молодые офицеры доверили наугад себя и свой багаж одному из «факторов». Предшествуемые этим «фактором» и носильщиками, вышли на подъезд вокзала и сели в парную коляску. Странно и непривычно прозвучали «вье! вье!» возницы с хлопаньем бича и коляска на колесах без резиновых шин шумно покатилась по булыжной мостовой.

Полутемные улицы, скудно освещенные керосиновыми фонарями, не давали возможности рассмотреть город. В воздухе носился запах жареного лука и чеснока. Подъехали к какому-то невзрачному двухэтажному дому, выходившему на пыльную немощеную улицу. Стены этого дома со следами каких-то грязных потеков и с обвалившейся местами штукатуркой, его облезлый полинялый фасад явно не соответствовали громкому названию этого «отеля».

Поднялись по полутемнойлестнице на второй этаж и вошли в корридор, слабо освещенный керосиновой лампой. Направо и налево выходили двери «номеров» (комнат). В корридоре стоял тот же неотвязчиво противный запах чеснока и какой-то затхлости. Хозяева гостинницы, так же как и «фактор» были евреи.

Молодым офицерам отвели «номер» с двумя кроватями. Тяжелый спертый воздух заставил новых постояльцев сейчас же отворить окна. Осмотревшись, они увидели стены, оклеенные какими-то дешевенькими обоями, грязноватые занавески на окнах, пыльные выцветшие бархатные портьеры, постели, застланные подозрительным по свежести бельем, какой-то невзрачный шкаф с дверцей, скрипевшей при открывании и закрывании, комод, два ночных шкафика, два мягких кресла с сильно потертой обивкой, два венских стула, круглый стол и в углу громоздкий умывальник без проточной воды. Все эти предметы, не исключая стен, окон и дверей, имели какой-то неряшливый, захватанный вид. Первое впечатление было совсем не благоприятным.

Оказалось, что в этой же гостиннице стоят их же выпуска подпоручики Кремнев и Малицкий. Фактор долго еще мялся у двери, все время спрашивая молодых офицеров «не надо ли им еще чего-нибудь?» Но чего было еще желать? Постели были застланы, кувшин и графины наполнены свежею водой, есть не хотелось. Но фактор никак не хотел отстать и все продолжал выспрашивать на наисквернейшем русском языке с ужаснейшим еврейским акцентом — «не надо ли господам офицерам еще чего нибудь?». Видя, наконец, что молодые офицеры очевидно, не расположены дать ему «заработать» и что никакого «гешефта» он от них не добьется, фактор удалился.

Молодые офицеры разыскали своих сотоварищей, поговорили с ними, условились относительно завтрашнего дня и улеглись спать. Дорожная усталость и счастливая способность молодого организма крепко спать во всякой обстановке взяли свое. Еще не было одиннадцати часов вечера, как оба они уже крепко спали.

Проснулись наутро в восьмом часу. Быстро открыли окна и вместе с бодрящим свежим воздухом в комнату ворвались светлые лучи осеннего солнца. Помылись, побрились, солидных размеров чайник с кипятком, маленький чайник для заварки чая, две чашки, кувшинчик с молоком, масло и белый хлеб, хорошо выпеченный, но украшенный непривычною для них «чернушкой». Подошли Кремнев и Малицкий.

За чаем стали обсуждать вопрос о форме

одежды. Мнения разделились. Каждый предлагал свое. Один Кремнев упорно стоял на своем и потому надел так называемую «обыкновенную форму одежды», то есть мундир с погонами и красным кушаком. Все остальные облелись в парадную форму, то есть в мундир с эполетами при шарфе и барашковой шапке. Никому из молодых офицеров не пришло в голову, что в лагерный период парадной формой служит белый китель при шарфе, высоких сапогах и фуражке с белым чехлом.

Послали за парным экипажем. Снова раздались «вье! вье!», хлопанье бича, и коляска с грохотом покатилась по булыжной мостовой, которая вскоре сменилась местами немощеной, местами-плохо мощеной дорогой, обсаженной по краям деревьями. От города до казарм считалось полторы-две версты. Возница видимо хорошо знал расположение казарменных зданий и остановился у одного из подъездов. Молодые офицеры расплатились и предложили извозчику подождать их.

Поднявшись по широкой каменной лестнице, по которй сновали солдаты, вошли в переднюю и, подозвав одного из писарей, приказали доложить о них адъютанту. Вскоре к ним вышел молодой подпоручик с аксельбантом. Молодые офицеры по очереди представились адъютанту. Это был шатен, среднего роста, причесанный по тогдашней моде «ежиком», с мягкими, вкрадчивыми манерами. Адъютант щурил свои серые глаза со слегка опухшими веками. Говорил он с заметным южно-русским акцен1том. Очень деликатно адъютант заметил молодым офицерам, что им надо явиться в лагерной парадной форме. Приказал писарю написать рапорты о прибытии на службу и посоветовал явиться командиру на следующий день около 10 часов утра. На их счастье возница ждал их и тем же порядком они вернулись в свою гостинницу.

Что было делать и как провести день? Прежде всего потребовали чего-нибудь выпить — у всех пересохло в горле. О квасе, простом хлебном или клюквенном, здесь, повидимому, и не слыхали. Можно было получить лимонад, но за ним надо было посылать в аптеку. Это изумило молодых офицеров и они долго объясняли, что им нужен обыкновенный, а не слабительный лимонад, но и обыкновенный лимонад продавался здесь лишь в аптеках. Расспросили в гостиннице, где находится главная улица, как туда пройти, спрашивали, нет ли в городе чего-нибудь достопримечательного, но, по словам служащих гостинницы, ничего достопримечательного в городе не было.

Главная улица была совсем близко от их гостинницы. Пошли гулять по городу. Видели два ресторана, несколько гостинниц, два магазина офицерских вещей, две аптеки... Все лавки принадлежали евреям. Владельцы этих лавок и их приказчики стояли в дверях своих лавок и зазывали покупателей: «Мадам (или господин офицер), звольте но, сюды». Лишь один из магазинов можно было назвать этим именем. Он, правда, очень отдаленно напоминал Петербурские магазины Александра, Кнопа и Треймана. Хозяин его был поляк. Прошлись по городскому саду, где в деревянной постройке с довольно большой верандой нашли еще один ресторан.

Гуляя, обнаружили, что в городе имеются улицы, гораздо лучше содержимые, чем главная улица. Нашли немало курьезных вывесок. Одна из них гласила: «Здесь живот два портной, один живот впериод другой, живот назат». На другой значилось: «Мужеский портной Фальчик он же мадам» или «здесь заливают калиоши кожанки на резинки, резинки на кожанки». Узнали, что в городе имеется «Благородное Собрание», женская и мужская гимназии, два зубных врача и несколько вольнопрактикующих врачей. Наскучив бродить, вернулись в свою гостинницу пообедать. Обед был, как говорится, средней руки, но по сравнению с Петербургскими ценами дешевый. После обеда, разморенные прогулкой и довольно жарким днем, спали, потом, собравшись все вместе, бесконечно долго пили чай, вспоминали свое Училище и рано легли спать. На утро снова поехали в казармы представиться командиру.

Командир оказался высокого роста пожилым человеком лет около 60-ти, с очень сильной проседью, румяным лицом и пристальным взлядом голубых глаз. Он принял молодых офицеров сухо, официально, приказал адъютанту распорядиться назначением для них казенной прислугу и отводом им помещения. Представившись командиру и нескольким офицерам, бывшим в канцелярии, молодые офицеры пошли осматривать местность. Зашли в собрание, где около 12-ти часов стали собираться офицеры.

Собрание оказалось довольно большим, говорили, что оно будто было переделано из костела. В нем был довольно большой зал, столовая, где стояли разной величины столы, покрытые чистыми белыми скатертями, буфетная, где на стойке красовалось много различных закусок, и читальня с большим столом, на котором были разложены различные газеты и журналы, в том числе и французский «Иллюстрасион» и два немецких «Флигенде Блеттер» и «Люстиге Блеттер». Буфет был сдан частному прдпринимателю поляку, который за 9 рублей в месяц отпускал обеды из трех блюд и за 3 рубля ужины из двух блюд.

В Собрании познакомились с другими молодыми подпоручиками, выпущенными из других Училищ. Оказалось ,что всех вновь выпу-

щенных офицеров 13 человек. Обед в Собрании оказался много лучшим того, что был в гостинице. Пообедав, снова зашли в канцелярию, где получили жалованье за истекший месяц, прогенные, какие-то «дровяные» деньги и деньги «на освещение»

Деньги на освещение сотавляли незначительную сумму, выдававшуюся за каждую треть года. Жалованье подпоручика составляло 55 рублей в месяц, уже за вычетом установленной суммы в Эмеритальную Кассу. Из этого жалованья удерживались небольшие обязательные вычеты на Собрание, в Офицерский заемный капитал и в Офицерский обмундировальный капитал. Вскоре каждый из вновь произведнных в офицеры получил «казенную прислугу» и «казенную квартиру.»

Большинство из вновь произведенных в офицеры получило квартиры в так называемом «холостом флигеле». Флигель этот оказался каменным двухэтажным домом находившимся тут же недалеко. Казенная квартира для холостого обер-офицера представляла собою одну обширную комнату, разделенную на три части деревянными перегородками, не доходившими до потолка: переднюю, комнату, которая должна была совмещать в себе гостиную, спальню. В комнате было два окна. Стены были оклеены свежими обоями, перегородки окрашены серой масляной краской. Пол был паркетный. Электрического освещения не было. В комнаты вода не была проведена. Кухни и уборные, по одной на каждые две комнаты, были расположены возле корридора, проходившего через весь флигель. Карепин и Азарьин поселились в двух смежных комнатах и решили сразу ехать в город за покупкой обстановки. Долго обсуждали вопрос об обстановке. Жившие в этом же флигеле холостые офицеры охотно помогли советами.

В городе Карепин купил себе в одном из мебельных магазинов железную кровать с волосяным матрасом, письменный стол, небольшой стол, долженствовавший заменить обеденный, оттоманку, гнутое венское кресло к письменному столу, шесть венских гнутых стульев фабрики Тонет, этажерку для книг, настольную керосиновую лампу с керосино-калильной горелкой и фарфоровым абажуром, небольшой платяной шкаф, ночной шкафик и железный умывальник с эмалированным тазом, кувшином для воды и ведром. Подушки и постельное белье, бархатную скатерть-покрышку и некоторые другие вещи Карепин привез с собой. Как только вещи были привезены, стали устраиваться при содействии, и, иногда, скорее под руководством своих денщиков. У Карепина нашелся небольшой персидский ковер и отлично подошедшие к окнам занавески. Приведение в порядок «квартиры» и расстановка мебели заняли почти что целый день. Если чего не хватало, щетки, тряпки и т. д., все это быстро доставалось у денщиков офицеров, уже живших во флигеле. В тот же день все было окончено, и ночь молодые офицеры провели каждый в своей собственной спальне. Все недостающее было куплено в ближайшие дни. Когда были развешены фотографии и разложены всякие привезенные из дому безделушки и книги, комната приняла довольно уютный вид. Несмотря на крайне скромную обстановку, в этой комнате было что-то свое, родное, Карепинское.

С размещением было покончено. Теперь предстояло представиться всем офицерам своей части и сделать визиты их семьям. Всем старшим чином полагалось, в случае если их не окажется дома, оставлять «служебный билет», а женам их-визитную карточку. Все офицеры жили тут же в казармах, так что можно было делать визиты пешком, не тратя на это много времени. Обыкновенно, молодые офицеры делали визиты вдвоем, — так было веселее. Адъютант любезно снабдил каждого из молодых офицеров списком всех офицеров полка с указанием чина, имени, отчества и фамилии, а также и семейного положения каждого.

Визиты Карепина и Азарьина не обошлись без забавного приключения. Явившись с визитом к одному из офицеров и не застав его дома, молодые офицеры передали денщику служебные билеты и уже собирались уходить, как взгляду их представилась вешалка с целым арсеналом дамского верхнего платья. Визитеров взяло сомнение — в списке офицер этот числился холостым. Не вкралась ли тут ошибка? Карепин решил спросить денщика, женат ли его барин? «Никак нет, Ваше Благородие», последовал ответ. «А! Значит-холост!» «Никак нет, Ваше Благородие», ответил денщик. «То есть, как это — не женат и не холост?», не выдержал Азарьин. «Так точно, Ваше Благородие», доложил денщик, «так что они с самодержанкой живут». Молодые офицеры едва сдержались, чтобы не расхохотаться.

Большинства офицеров визитеры не заставали дома. Все семейные офицеры жили замкнуто, очень редко бывая у кого-либо из однополчан, с которыми их связывал какой-нибудь общий интерес. И тем не менее все офицеры были в самых дружеских отношениях и охотно встречались на семейных вечерах в Собрании и на товарищеских обязательных обедах. Очень часто после таких обедов участники их подолгу засиживались в Собрании к великому удовольствию буфетчика.

Жизнь потекла чередой быть может и однообразных, но не скучных дней. С утра до полудня занятия в ротах. Между полуднем и часом дня — обед в Собрании. Вечерние занятия в ро-

тах, раз в неделю — офицерские занятия. Нередко устраивались сообщения, темой этих сообщений были, по большей части, эпизоды из только что окончившейся войны с Японией. Изредка в Собрании же давались любительские концерты и спектакли. В Собрании имелся биллиард, привлекавший любителей этой игры. Любители игры в карты играли в преферанс. Собранская библиотека снабжала любителей чтения книгами, но библиотека эта была очень невелика, книг для серьезного чтения было мало, преобладали модные в то время Вербицкая, Нагродская, Леонид Андреев и др. Вскоре в городе открылся первый кинематограф, носивший название «Иллюзиона», там показывали фильмы, давно снятые с экранов столиц и больших городов.

От времени до времени молодые офицеры целыми компаниями завтракали, обедали или ужинали в городе. Впрочем подобного рода развлечения, несмотря на их относительную дешевизну, ложились тяжелым бременем на скромный офицерский бюджет. Громадное большинство офицеров жило на жалованье, не имея собственных средств или денежной поддержки состоятельных родственников. Молодые офицеры понемногу, но прочно втягивались в полковую жизнь, привыкали жить полковыми интересами. Полковых дам и барышень встречали на семейных вечерах в Собрании или в небольшом садике, где по воскресеньям и праздничным дням давал концерты полковой хор музыкантов или на плацу, где в дни Царских Праздников происходили церковные парады.

А время между тем шло, все более и более укрепляя офицерскую молодежь в военной, офицерской среде, все прочнее и прочнее привязывая ее к «своему» полку и полковым товарищам. Ежедневные строевые занятия, караулы, дежурства по полку, все это втягивало молодых офицеров, давало им возможность приобрести на практике необходимые навыки и сноровку. Они уже не были «институтками», как называл вновь произведенных подпоручиков капитан Семенов, постепенно они становились настоящими субалтерн-офицерами, ценными помощниками ротного командира. Получали они за свой труд меньше, чем квалифицированный рабочий и службе посвящали гораздо больше времени, чем рабочий и только слепая левая общественность с ее печатью упорно продолжала считать офицеров за «бездельников» и «тунеядцев». Видимо, ее руководители чувствовали, что в офицерстве они встретят стража Русской Государственности, которую они в дерзком безумии старались разрушить.

Полковник К.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1 июня 1965 года.

В будущем году наступает 15-я годовщина со дня основания нашего журнала. Длинный, и подчас, тяжелый путь пройден был Редакцией.

1 марта 1952 года вышел ПЕРВЫЙ номер «ВОЕННОЙ БЫЛИ», очень скромный, на 46 страницах, отпечатанных, собственными силами, на ротаторе.

«...твердым шагом пойдем по пути, не задаваясь невозможными заданиями, ясно видя перед собою одну цель — нашу Великую Единственную Родину. Безжалостно редеют наши ряды. Немногие дойдут. Но те, кому будет суждено это Великое Счастье, должны будут донести туда все, что сохранят их благодарные сердца. Всю память о славе и величии Императорской Армии и Флота, к службе которым мы готовились с ранних лет. Всю детскую нежную радость нашей молодости, проведенную в стенах наших родных корпусов. Все страшные, тяжелые но не сломившие нас, годы эмиграции. Всю Веру и Верность, пронесенные сквозь годы тягчайших испытаний».

Так писал редактор журнала в его первом номере и голос его был услышан. По сей день, около 260 русских военных авторов — писателей украсили своими именами страницы нашей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» — 60 наших дорогих друзей-сотрудников покинули этот мир. Вечная им память да живет в наших благодарных сердцах. Слава и честь всем нашим сотрудникам, живым и мертвым, вложившим свой бескорыстный труд в построение нашего памятника, памятника славы и верности Российской Воинской силе.

Желая отметить пятнадцатилетие существования нашего журнала (до 25 и 50-летнего настоящего юбилея мы вряд-ли доживем), увековечить для будущего память всех тех кто потрудился в этом большом деле, Редакция предполагает выпустить, к этому дню, СБОРНИК, посвященный жизни «ВОЕННОЙ БЫЛИ» за пятнадцать лет и ее сотрудникам и друзьям, в том или ином виде, потрудившимся во славу Российских Императорских Армий и Флота. Мы обращаемся ко всем нашим сотрудникам с просьбой прислать свои небольшие фотографии с указанием: чина, имени, отчества, фамилии и названия части.

Подробная программа СБОРНИКА будет разработана впоследствии, дополнительно объявлена, пока-же нужно собрать вышеуказанный материал о наших друзьях-сотрудниках.

Все письма и фотографии — посылать на адрес Редакции.

АЛЕКСЕЙ ГЕРИНГ.

Листки воспоминаний

Мне почему-то припомнился нам, пехотинцам, особенно знакомый запах русского солдатского пота, смешанный с запахом Красносельской пыли (она пахла как-то особенно), сапожной кожи и еще чего-то неуловимого. Кто не помнит этот бесконечно родной нам запах, который доносился до нас, сидевших на верандах наших бараков, когда по средней линейке Красносельского лагеря, обсаженной красными березами, проходили на стрельбу роты Гвардейской пехоты. Особенной красотой и выправкой отличались Учебные Команды. Можно было только любоваться, как рослые, красивые, загорелые солдаты с оживленными лицами, легким широким шагом проходили мимо нас. Впереди шел ротный командир и иногда рядом с ним (вольность дворянства) — младший офицер, командир 1-ой полуроты, которому, собственно говоря, полагалось идти на правом фланге 1-го взвода. Затем, по-взводно или, чаще всего, в колонне, а иногда вздвоенными рядами, шла рота в полном боевом снаряжении, со скатками через плечо, с шанцевым инструментом — лопатой сбоку, некоторые же с киркой, с ранцами на спине и с патронными сумками на поясе. На стрельбу шли держа винтовку «на плечо», обратно же — несли винтовки «на ремень», то-есть ремень продевался через плечо и винтовка висела на плече на ремне, что было, конечно, легче. На 3-ем взводе шел 2-ой младший офицер, а сзади роты — «ротная аристократия» — фельфебель, с шашкой через плечо, фельдшер с повязкой Красного Креста на рукаве и ротный писарь; прохождение роты замыкалось посыльными и махальными; последние несли на шестах цинковые коробки с патронами и указательные шесты. За ними шли ротные музыканты (барабанщик и флейтист, у нас два волторниста) и жалонер с жалонерным значком на штыке, по которому можно было узнать, какая проходит рота. Если значек был белый с синей поперечной и зеленой вертикальной полосами, это обозначало, что идет 8-я рота или Измайловского или Павловского полка (это можно было определить по тесьме на рукаве: белая тесьма-первая гвардейская дивизия, красная тесьма-вторая гвардейская дивизия). Лихо раздавалась солдатская песня, особенно если в роте были хорошие запевалы и свистуны. Какие только трели они ни выделывали при пении, например «соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет»! Если за ротой ехала походная кухня, управляемая, обыкновенно, самым неспособным рядовым, безошибочно можно было сказать, что рота идет на Гореловское стрельбище (тогда еще везли две бочки с водой) или на какой-нибудь маневр до ужина. По бокам или сзади бежали ротные собаченки — «Жучка» или «Рябой». Если встречалось начальство, имеющее право поздороваться, ротный командир давал знак прекратить песнь и подавал команду: «Смирно, равнение направо!» или «налево!», смотря по тому, с какой стороны было это начальство, и добавлял: «г. г. офицеры». Если начальство обгоняло роту, то фельдфебель командовал «смирно!», а ротный командир добавлял: «равнение налево!», так как начальство всегда обгоняло колонну слева, «г. г. офицеры!».

Эта картина ушедшего от нас навсегда далекого, счастливого прошлого мне особенно живо представилась, когда я получил известие о кончине моего друга Саши Воронова. Я так и вижу его в запыленных сапогах, с фуражкой, сдвинутой на затылок, такого типичного Егеря, здорового молодого красивого, в походной аммуниции, бодро шагающего среди таких же здоровых и красивых молодых Егерей Государевой роты, идущих по средней линейке Красносельского Лагеря, а теперь наш бедный Саша лежит одинокий, и никто из нас, быть может, никогда не сможет придти на его могилку и поклониться праху этого честного русского воина, жившего всю свою жизнь лишь любовью к полку, к его славному прошлому и беззаветной преданностью обожаемому им Государю Императору и нашей Родине.

Будем же горячо молиться за упокой его светлой души...

. . . .

Наблюдая непрерывный, все в большей степени увеличивающийся рост уличного движения не только в Париже, но и в других, меньших городах Европы, невольно вспоминаешь наш родной, чудный Санкт-Петербург. Как все переменилось за истекшую половину века! Движение на главных улицах регулировали городовые, происходило оно, как правило, чинно и спокойно и, даже в часы наибольшего оживления на Невском, пешеходы могли без всякого риска, не торопясь, перейти на другую сторону проспекта.

С особой любовью я вспоминаю Петербург зимой, когда выпадал первый снег и улицы покрывались белой пеленой. Город как-то затихал, лишь шум от проезжавшей по некоторым

его артериям конки (а позднее-трамвая) или окрики извозчиков и особенно кучеров «собственных» экипажей и лихачей — «поберетись!» нарушали эту уютную тишину покрытого еще чистым снегом города и напоминали, что жизнь не остановилась.

Летом, конечно, картина была иная. Во многих местах производили ремонт улиц, покрытых торцовой мостовой и еще издалека чувствовался отвратительный запах варившейся в громадных чугунных котлах черной смолы. Улицы, мощеные булыжником, наполнялись грохотом от проезжавших по ним экипажей и различного рода повозок на колесах с железными шинами. (Особенно шумно было в Москве, где большинство извозчичьих дрожек были без задков и с металлическими шинами). Тем не менее, уличное движение совершалось спокойно, никто, повидимому, никуда не торопился, но никто и не опаздывал. Особенно это соблюдалось военными. Уже в кадетских корпусах, с самого младшего класса, опаздывание из отпуска, хотя бы на одну минуту, могло повлечь за собой возможность остаться следующую субботу без отпуска, в полку же молодому офицеру опоздать на утренние занятия — считалось большим проступком.

Особенно неприятно было придти в роту после ротного командира или даже старшего по службе офицера своей роты. Это опоздание сказывалось сразу же при входе в ротное помещение: дневальный не подавал команды: «смирно!» и рота молча встречала своего сконфуженного офицера. Быстро и шопотом поздоровавшись на ходу с фельдфебелем, бежишь просить извинения у начальства, которое очень редко оставляло виновного без замечания. Я помню, что как-то раз я «задержался» где-то, не то на Петербургской стороне, не то на Васильевском Острове, и торопился, после хорошо проведенного «вечера,» на занятия в роту. На мое несчастье мост через Неву почему-то не был еще наведен и пришлось потерять много времени, чтобы переехать на другую сторону. Обыкновенно, по ночам, для прохода больших судов в Неву с Моря и обратно, по очереди разводились мосты, то-есть одна часть моста (разводная) на своей оси поворачивалась на 90 градусов и пропускала суда в оба направления. В этих случаях проезд к мосту загораживался особыми рогатками и, кроме того, выставлялись посты городовых. Старый Дворцовый мост в то время был еще деревянным, разводная часть его отводилась в сторону при помощи специального буксира. Эти маневры не всегда проводились успешно и я, очевидно, попал как раз тогда когда они запоздали, заняв слишком много времени. Я настолько запоздал, что даже не заехал домой, чтобы переменить сюртук на китель. Мой милейший Командир роты Иван Иванович князь Кугушев, знавший меня с самого малолетства и обращавшийся ко мне всегда на «ты», в этом случае принял совсем другой тон. Отведя меня в сторону и уже на «вы», он сказал мне несколько чрезвычайно неприятных, но вполне мною заслуженных слов, после чего я, дожив до 73-х лет, уже никогда не опаздывал ни на службу, ни на работу.

Возвращаясь к воспоминаниям об уличном движении в Петербурге, скажу, что оно останавливалось на перекрестках улиц при прохождении воинской части или длинной похоронной процессии, замыкавшейся, если хоронили генерала, батальоном от очередного полка. Чтобы дать пройти войскам или процессии, иногда приходилось ждать по четверть часа, а то и больше, но никто из публики не решался пересечь это шествие и нарушать его стройность. Правда, за этим, а также и за тем, чтобы при прохождении части со знаменем «вольные» снимали бы свои головные уборы, наблюдали особые «махальные» шедшие по тротуару соответствующей стороны улицы. Иногда эти махальные переходили границы своих прав и вызывали в таких случаях вмешательство командира роты. Обыкновенно в свое оправдание, относясь с большим презрением к «вольным», они говорили, что «иначе с ними и нельзя, они ничего не понимают и, если с ними говорить деликатно, то ничего не получится.»

Вспоминается также, как скромно выезжала из Собственного Его Величества Дворца («Аничкового Дворца») Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Для того, чтобы экипаж или сани Государыни могли на Невский выехать и повернуть в нужную сторону (чаще всего налево, в сторону Зимнего Дворца), стоявшие у ворот двое околодчных надзирателей задерживали на одну-две минуты движение экипажей по проспекту. Никакой особой охраны не было, не было и сумасшедших мотоциклистов, которые теперь целой стаей окружают современных властелинов. Спокойная толпа на Невском приветствовала свою любимую Царицу, так много добра сделавшую для бедных и неимущих, которая милыми поклонами и доброй улыбкой благодарила проходившую публику.

В. Каменский.

НА ПОЛИГОНАХ

Императорская Российская армия, 1913 или 1914 год... Шубковский полигон близ г. Ровно, Волынской губ. Стреляет кап. М., 5-ой артилл. бригады, по окопу. Руководитель приказывает дежурному члену Мишенного комитета пустить подвижную цель, батарею.

Такая цель, конечно, имеет преимущество перед неподвижной (которая не убежит), а потому стреляющий, заметив ее, должен моментально оставить предыдущую, наброситься на подвижную и уничтожить ее, пока еще не успела скрыться. Стреляющий обязан поэтому видеть не только то, на что в данный момент стреляет, но вообще все, что нужно, и поэтому распоряжение о пуске подвижной цели делалось так, чтобы стреляющий о нем не слышал. В данном случае, капитан, увлеченный своей стрельбой, появления батареи не заметил.

— «Вы не видите ничего особенного?» — спросил его тогда руководитель. Капитан оглянулся и «опомнился».

— «Батарея», — сказал он. — «Переношу огонь на нее», — и сейчас же скомандовал: «левее 60!» И все почувствовали, что «60» мало! Это «60», пожалуй, даже годилось бы, если бы снаряды разорвались в цели в момент команды. Но этого, конечно, не бывает. Должно пройти еще существенное время, пока орудийная прислуга исполнит эту команду, а равно и все прочее, что капитан еще должен скомандовать, наведет орудия и выстрелит, и в конце концов, снарядам тоже нужно время долететь. Ничто не делается моментально, а «неприятельская батарея» не ждет, но ефет и едет дальше!

После подачи команды, это стало ясно и капитану.

— «Отставить!» — скомандовал он, «левее 80!!» и это было опять нехорошо, опять мало, приняв в расчет, что батарея уже проехала некоторое расстояние. И капитан скомандовал: «Отставить! Левее 100!»

Увы, это было бы уместно в качестве первой команды, но не теперь. К тому же батарея уже шла рысью и надо было торопиться. Капитан это тоже сообразил, с хроническим опозданием: «Отставить! Левее 120!» Увы, надо было по крайней мере 200!

— «Отставить!» — раздалось еще раз: «Левее 160!» Батарея шла галопом... — «Отставить! Левее 180!» — «Отставить!»... но подать еще раз команду «левее» уже не стоило: батарея скрылась за холмом!

Капитан с виноватым видом повернулся к начальству. Генералы только улыбнулись и развели руками. Прочие тоже улыбались, в границах, позволительных в присутствии начальства.

. . . .

Там же и примерно в том же сезоне... Стреляет поручик Пандазидис, грек, уроженец Галлиполи, бывший турецкий подданный, бывший послушник на Афоне, а тогда — почти 40-летний поручик 32-ой арт. бригады, весьма внушительных размеров. Поручик говорил превосходно по-гречески и по-турецки тоже, и гораздо хуже по-русски, между прочим, выговаривал «с» вместо «ш».

Перед открытием огня, стреляющий должен указать цель, понятно для присутствующих. Это надо делать в нескольких словах, коротко и ясно, но далеко не все на это способны. И вот Демосфен Степанович начал так:

— Прямо перед батареей «груска». Правее «шесть» «палец» — «горуска», правее три «палец» — другая груска», правее два «палец» — вторая «груска», правее четыре «палец» — третья «горуска», правее»...

— «Поручик Пандазидис!» — перервал его командир 32-ой арт. бригады генерал-маиор М. Н. Промтов: «Скажите, пожалуйста, сколько этих грушек и горушек у вас еще имеется в запасе?»

— «Еще только одна, Васе Превосходительство», — ответил поручик.

— «Почему вы не начали прямо с нея?» — иронически спросил генерал.

В. Милоданович

Хроника «Военной Были»

ТВЕРСКИЕ ДРАГУНЫ МАЛЬЦОВ И ГРЕЧИШНИКОВ

5 августа 1810 г., во время осады Рущука, унт.-оф. Мальцов, рядовой Денисов и фурман Гречишников были посланы для приискания пастбища для подъемных лошадей. Неожиданно напали турки, захватили их в плен и привели к Мухтару Паше. На все распросы о наших войсках тверцы упорно не давали ответов. Тогда разгневанный паша приказал заковать их в кандалы и отправил к своему отцу Али-Паше, в Янину. Там, в течение восьми месяцев они томились в цепях в подземной темнице и их назначали на самые тяжелые работы.

Унт. оф. Мальцов все время ободрял товарищей, уговаривая их не отчаиваться и работать как можно усерднее. Наконец, Али паша, заметив постоянное трудолюбие и хорошее поведение пленных, приказал снять с них оковы, облегчил их участь и, неоднократно, то ласками, то угрозами пытался склонить их к принятию Ислама. Однако, уговоры его не увенчались успехом. Тверцы ни за что не соглашались изменить православной вере.

Вскоре паша разослал их по своим деревням, причем Мальцову, пользовавшемуся его особым расположением, он поручил свой конский завод. Несмотря на отличное содержание, Мальцов и Гречишников, жившие в одной и той же деревне, воспользовались слабостью надзора и бежали... на Афон, в один из богатейших греческих монастырей.

Своим трудолюбием и отличным поведением Тверцы и здесь заслужили общую любовь и уважение. Когда впоследствии за беглыми пленниками явилась команда турецких солдат, то монахи подкупили их начальника, дав ему тысячу пиастров, и спасли своих единоверцев от возврата в неволю.

В 1812 году приезжие купцы привезли на Афон известие о заключении мира между Россией и Турцией. Мальцов тотчас же обратился к настоятелю монастыря с просьбой отправить их с Гречишниковым домой. Ни уверения, ни просьбы всей братии, ни привольная жизнь в богатом монастыре — не могли удержать верных своей присяге драгун, перед новой великой войной стремившихся в свой полк. Игумен приказал переодеть их в монашеское платье, снабдить деньгами и благословил на дальний путь. После долгого путешествия, Мальцов и Гречишников добрались, наконец, до Герцогства Варшавского и 13 марта 1813 г. явились в свой полк, стоявший в это время в селе Туржно, принимая участие в блокаде крепости Торн.

Шеф полка ген. майор Бердяев тотчас же возбудил ходатайство перед Генерал-Инспектором всей кавалерии Великим Князем Константином Павловичем о награждении возвратившихся из плена. По представлению Его унтер-офицера Мальцова произвести в офицеры, а фурмана Гречишникова — в унтер-офиры, а фурмана Гречишникова — вунтер-офицеры, предоставив им право — остаться на службе или быть уволенными домой. Воспользовавшись Царской милостью, оба они избрали последнее.

Тверец **Г. Танутров**

КУТУЗОВ ЗАПОРОЖЕЦ.

...Уместно будет упомянуть что военачальники Росийской Армии в рядах которой воевали запорожцы в войнах 1736-39 и 1768-74 гг. были обычно высокого мнения о боевых качествах запорожцев и считали для себя честью быть зачисленными в списки Войска Запорожского. В делах Коша Запорожского, сохранилось несколько десятков копий «аттестатов» выданных разным лицам о зачислении их в списки Войска. Один из них на имя подполковника М. И. Кутузова, будущего Главнокомандующего в Отечественной Войне. Аттестат этот гласит: «По ево, подполковника Михаила Илларионовича Кутузова желанию, войска Запорожского низового, в курень Крыловский принять и для всегдашнего его при сем войске исчисления в компуты войсковые выписать и для верности в том и сей аттестат ему № 127, при подписи нашей и войсковой печати выдать повелели из Коша 1773 года генваря 30 дня.»

извлек И. Ф. Рубец.

ГЕНЕРАЛ ЛЕЧИЦКИЙ — КОМАНДИР XVIII АРМ. КОРПУСА в 1908-1910 гг.

Во время одной из боевых стрельб 93 пехотного Иркутского полка в г. Пскове, на Гарнизонном стрельбище, за р. Великой, внезапно полил дождь, как из ведра. Генералу Лечицкому подали пальто но тот отказался и провел всю стрельбу в кителе, почему и весь полк не одел шинелей во все время стрельбы. Все, конечно, до нитки промокли но генерал Лечицкий сказал: «Нужно в мирное время привыкать делать то что может случиться в военное.»

Никогда, генерал Лечицкий не говорил никому в какой полк он идет. Появлялся внезапно в расположении полка, приказывал бить тревогу и с часами в руках ожидал сбора полка а затем уже или «благодарил» или «разносил».

П. Нечаев

К СТАТЬЕ ВЛАДИМИРА ФОН-РИХТЕРА «С СИБИРСКИМИ СТРЕЛКАМИ»

(«Военная Быль» № 72).

К этой статье Редакцией получены дополнительно следующие документы:

1)**Копия приказа войскам 2-ой армии Западного фронта от 13 мая 1916 г. за № 127**

«На основании п. 2 ст. 415 положения о полевом управлении войск в военное время и ст. ст. 25 и 121 Статута Императорского Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и, причисленного к нему, Георгиевского Оружия, оказавший особо блистательные подвиги мужества и храбрости и удостоенный Думой — награжден Орденом Св. Георгия IV ст. 1916 г. мая 13 дня Начальник Команды конных разведчиков 37 Сибирского стрелкового полка, 4 уланского Харьковского полка поручик**фон-Рихтер** Владимир».

2) **Выписка из Приказа № 56 от 30 января 1916 г. по 10-й Сибирской стрелковой дивизии**

Начальник Команды конных разведчиков 37 Сибирского стрелкового полка, 4 уланского Харьковского полка поручик фон-Рихтер Владимир представляется мною к награждению Орденом Св. Георгия IV ст. на основании п. п. 9, 19, 24 и 26 Георгиевского Статута.

Для потребного от меня доклада о состоянии и действиях дивизии по 22 января 1916 г. — одной из важнейших задач кроме проверки задач, кроме проверки сил и расположения врага, было выяснить в чем заключается работа немцев на берегу озера Нароч, как изменилась здесь их сторожевая служба и насколько основательно их заграждение поперек озера. Уже освоившийся с противником и с местностью, по предшествовавшим разведкам, поручик Рихтер двинулся из деревни Готовой и проник в тыл противника на $10^1/_2$ верст. В итоге: а) при обстановке исключительной трудности и такой-же опасности, произвел разведку неприятельского укрепления и устроенных перед ним препятствий и проходов через них, в глубоком тылу противника (п. 19 ст. 8 Георгиевского Статута). б) первый ворвался в укрепление и тем увлек за собою других (п. 24 ст. 8), в) подвергаясь опасности, взрывами уничтожил землянку, укрепление и ее защитников; убиты 25 немцев, остальные взяты в плен и приведены в наше расположение (п. 26 ст. 8), г) будучи тяжело ранен и угрожаем сильнейшим противником, отказался от сдачи в плен, принимал участие до последнего мгновения в ведении боя, вывел из него своевременно всех людей, как 4-х тяжелораненых так и 3-х легко и не оставил врагу трофеев (п. 9 ст.8).

Я уже свидетельствовал исключительные мужество, храбрость и доблесть поручика фон-Рихтера, в исполнении им особо важных и ответственных служебных поручений. В данном случае, такое поручение выполнено в условиях наиболее трудных, запечатлено кровью и, будучи вполне успешным, принесло несомненную пользу в деле изучения врага и истребления части его сил и средств. Самый отход с места избиения врага: сначала вывел пленных, затем вывел всех своих раненых и последним вывезен был, держась руками за винтовку, поручик Рихтер. Отход продолжался под огнем противника с 3-х ч. ночи до $8^1/_2$ ч. утра. Все это делает набег поручика фон-Рихтера готовым примером для учебников тактики в будущем. Командующий армией, на докладе ему о разведке, положил пометку: «Молодцы — дать 5 медалей». Командир корпуса прислал командиру 37 Сибирского стрелкового полка телеграмму: «Сердечно рад и признателен за лихую и полезную разведку Ваших молодцов разведчиков; в восторге от непервой уже лихой разведки поручика Рихтера. Передайте душевную благодарность и пожелание полного выздоровления от полученного ранения. 1260/а. **Сирелиус».** Кроме того, достойные герои из нижних чинов награждены: двое — Георгиевскими крестами II ст., пять — III степ., девять — IV ст. и трое — Георгиевскими медалями IV ст.. Приказ этот прочесть во всех ротах, батальонах и командах дивизии. Генерал-майор **Елчанинов**. За начальника штаба капитан Шепель».

За эту блистательную разведку, поручик фон-Рихтер был награжден и Орденом Св. Георгия IV ст. и Георгиевским Оружием.

К статье К. М. Перепеловского «Киевское В. К. Константина Константиновича военное училище, в № 72 журнала «Военная Быль»

Сергиевское Артиллерийское училище также не прекращало ни на один день своего служения Царю и Родине. Основано оно было в 1913 году и прекратило существование в Болгарии в 1921 году. Этапы его служения: Одесса, Севастополь, Крым, Галиполи и Болгария.

Старый Сергиевец

ОТ РЕДАКЦИИ.

В статье А. М. Юзефовича «Оборона Порт-Артура», по вине редакции, были допущены следующие ошибки: на стр. 7 напечатано «по четыре фунта» следует читать «по четверти». На стр. 8 «на фронтах» вместо «на фортах» и 119.000» вместо «110.000». Среди указаных болезней пропущен «тиф.»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В статье г-на В-Б. К. «Генерал Платон Алексеевич Лечицкий», в № «ВОЕННОЙ БЫЛИ», указано что деревню Баламутовку (в Буковине) брали 1-я Донская и 10 кавалерийская дивизии. Исторически, это было не совсем так. Деревню Баламутовку брала 1-я Кубанская пластунская бригада под командованием доблестного генерала Генерального Штаба Гулыти, в то время влившаяся в состав 3-го кавалерийского корпуса генерала графа Келлера, входившего в состав 9-й армии генерала Лечицкого.

Указанные выше кавалерийские дивизии только преследовали противника уже выбитого из укрепленных позиций деревни Баламутовки нашей 1-й Кубанской пластунской бригадой. Находящийся в настоящее время в Париже войсковой старшина Зайцев и я лично участвовали в этом бою, в составе 2-го Кубанского пластунского батальона. Во имя исторической правды, я очень прошу Вас, господин Редактор исправить эту неточность и тем отдать должное доблестным частям 1-й Кубанской пластунской бригады.

Кубанского казачьего войска

есаул Толбатовский

К СТАТЬЕ А. БРОФЕЛЬДТА «О КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ» в № 67 «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

В дополнение, могу добавить следующее: Ташкентский Наследника Цесаревича Алексея Николаевича кадетский корпус ведет свое начало от четырехклассной Ташкентской Подготовительной Школы, готовившей мальчиков к поступлению во 2-й Оренбургский к. к. Погоны эта Школа носила с желтым кантом и шифровкой «Т. Ш.». Школа была переименована и переформирована в 1900 г. в корпус, которому дан малиновый прибор, на погоне — Т. к. к. и, наконец, в 1904 году, корпус получил Шефство Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. На малиновый погон был дан трафарет славянская буква «А» а 1-я рота наименована Ротой Его Высочества и получила такой-же но серебряный накладной вензель на погоны.

П. Полянский

К статье В. фон-Рихтера «С Сибирскими стрелками», в № 72.

По вине Редакции, в статью вкралась ошибка: генерал-лейтенант фон-Рихтер командовал не IV а VI армейским корпусом.

К СТАТЬЕ «ЗАНЕСЕНИЕ В СПИСКИ» (см. «Военная Быль № 67)

Приказом по военному ведомству № 689 от 24 ноября 1906 г. ВЫСОЧАЙШЕ были занесены в списки 241 го резервного Орского батальона, следующие чины 241 го пехотного Орского полка, спасшие в Мукденском сражении полковое знамя:

унтер-офицеры Виноградов и Шестяев и рядовой Лебедев.

Знаменщик унтер-офицер Лев Виноградов, будучи тяжело ранен, передал знамя рядовому Николаю Лебедеву, с просьбой его спасти. Лебедев тесаком отделил полотнище от древка и, не смотря на то, что во время этой работы, неприятельская пуля перебила ему руку, успел спятать знамя под солому, в то время когда унтер-офицер Шестяев зарывал в землю древко и чехол от знамени.

Через два дня, находясь в плену, на месте боя, раненый Лебедев просил товарищей отрыть знамя и передать ему, что и было успешно исполнено. Лебедев зашил полотнище в китайскую куртку, которую одел под свой мундир. Находясь в Японии, в лагере для военнопленных, солдат спрятал знамя в двойное дно сундука, где оно и хранилось до окончания войны. Вернувшись в Россию, рядовой Лебедев представил по начальству спасенное им знамя.

20 февраля 1910 г. 241 й Орский резервный батальон вошел в состав 191 го пехотного Ларго-Кагульского полка, но, как ни странно, имена Виноградова, Шестяева и Лебедева, в полковые списки занесены как будто бы, не были. Во всяком случае Справочная Книжка Императорской Главной Квартиры о них не упоминает.

С. Андоленко

К СТАТЬЕ «Судьба знамен армии генерала Самсонова» в № 72 «Военной Были».

Со слов, ныне покойного, поручика С. Офросимова, служившего в 143 пехот. Дорогобужском полку, могу сообщить следующее: Офросимов был ранен в ногу и группа солдат его роты пробиралась лесом, неся на руках раненого офицера. Случайно они встретили в лесу другую группу солдат, с унтер-офицером их-же полка. Унтер-офицер имел на себе знамя полка, которое и передал поручику Офросимову. Всем им удалось пройти к своим, где знамя и было передано по начальству.

В. Годелюк

Материалы к библлиографии русской военной печати за рубежом

(Продолжение)

П. А. НЕЧАЕВ — Алексеевское военное училище. Изд. «Военно-Исторической Библиотеки «Военной Были» № 6. 27 стр. текста и 5 иллюстр.

Вел. Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА королева Вюртембергская впоследствии. — Сон Юности. Перевод с нем. бар. Беннингаузен Будберг. 240 стр. Изд. «Военно-Исторической Библиотеки «Военной Были» № 7. 6 портретов на отд. листах.

Михаил СВЕЧИН — Записки старого генерала о былом. Ница 1964 г. 205 стр.

Под ред. полк. ШВЕД — Сумские гусары (1651-1951). Изд. Полкового Объединения в Сан-Франциско.

Р. ТЕРМЕН — Кадетские традиции. 25-XII-1930 г. София, 8 стр.

ХАДЖИ-МУРАД-МУГУЕВ — И на восточном фронте без перемен (Врата Багдада). Роман. Поход 1-й сотни 1-го Уманского полка для связи с англичанами. Берлин 1919 г.

Н. А. ЦУРИКОВ — Генерал Кутепов. Прага 1930 г.

Под ред. полк. В. И. ШАЙДИЦКОГО — На службе Отечества. Книга о Виленском военном училище. 525 стр. со многими цвет. и черными илл. Сан-Франциско 1963 год.

Ген. И. Ф. ШИЛЬНИКОВ — 1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне. Харбин 1963 г.

А. ЩЕРБАЧЕВ — За Русь Святую. Роман из жизни Северо-Западной армии. Год не указан. Склад издания Дьякова. Берлин.

ХОЛЬМСТЕН (Смысловский) генерал — «Вой и политика». Нью-Иорк 1957 г. 240 стр.

Л. МАСЯНОВ — «Гибель Уральского войска. Нью-Иорк 1963 г. 16 илл. 159 стр.

БОГДАНОВИЧ, П. Н. Ген. Штаба полковник — «Вторжение в Восточную Пруссию». Буэнос-Айрес 1964 г. 272 стр.

ЕЛИСЕЕВ Ф. И. полковник — «Лабинцы и последние дни на Кубани». № 2 — 30 стр., № 3 —27 стр., № 4 — 29 стр., 1963 г. № 5 — 29 стр., № 6 — 31 стр., №7 Агония Кубанской армии — 28 стр., 1964 г. № 8 — 28 стр., № 9 — 30 стр., № 10 — Одиссея по Красной России — 33 стр., № 11 — 31 стр., № 12 — 32 стр.

ПАВЛОВ В. Е., подполк, составил — Марковцы в боях и походах за Россию. Том II 1919-1920 гг. Париж 1964 г. 396 стр. со многими схемами и фотогр.

ПЕРЕПЕЛОВСКИЙ К. М. — Киевское Вел. Князя Константина Константиновича военное училище. Изд. «Военно-Исторической Библиотеки« Военной Были» № 9. 16 стр. с мн. фотогр. 1965 г.

МОЛЛО, Е. С. — Русские Офицерские Знаки Изд. «Военно-Исторической Библиотеки «Военной Были» № 8 1965 г. — 16 стр. с рис.

СКУРАТОВ К. Н. Полковник — Мирное и боевое прошлое л. гв. Конно-гренадерского полка. (Материалы к его истории) том V закончен за смертью автора Н. В. Плешко Нью-Иорк 1951 г.

ХИМИЧ Н. Генераль. Штаба ген. майор — На волнах жизни и смерти том I — Прощай Санкт-Петербург 125 стр. октябрь 1964 г. на французском языке.

ХОЛЬМСТЕН — (Смыловский) генерал — На волшебном пути 148 стр. Буэнос-Айрес 1948 г. По немецки.

ХОЛЬМСТЕН (Смыловский) — Война наци и Советов 143 стр. Буэнос-Айрес 1948 г. По испански.

ПАВЛОВИЧ В. — Видения минувшего (В. Крашенинников и его жизнь) 34 стр. на мимиографе 5 фотогр.

СПИРИДОВИЧ А. И. генерал-майор — Великая война и февральская революция. В трех тт. Нью-Иорк 1960 г. 310-240-315 стр. с многими фотогр. в перепелетах.

—«—Последние годы Царскоесельскго Двора 448 стр. с 59 фотогр. изд. Пайо Париж 1928 г. по французски.

—«—История большевизма в России 1883-1903-1917 с прилож. документов и портретов Париж 1922 г. 478 стр.

МАЕВСКИЙ Вл. — На грани двух эпох Нью-Иорк 1963 г. 284 стр.

КРАСНОВ П. Н. ген. от кавал. — В житейском море. Париж 1961 г. 500 стр. Изд. Союза Инвалидов во Франции.

(продолжение следует)

Алексей Геринг

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вел. Кн. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — Сон Юности — 15 фр.
Н. БЕЛОГОРСКИЙ — Вчера. Роман в 2-х тт. — 50 фр.
П. Н. БОГДАНОВИЧ — Вторжение в Восточную Пруссию — 15 фр.
Князь ПАВ. ДОЛГОРУКОВ — Великая разруха — 18 фр.
М. СВЕЧИН—Записки старого генерала — 12 фр.
А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Богатыри поснулись т. 1 — 15 фр.
Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзях — 15 фр.
Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.
А. П. БОГАЕВСКИЙ — Воспоминаия 12 фр.
Кн. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50
К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 20 фр.
В. Е. ПАВЛОВ — Марковцы т. 1 — 25 фр.
— » — то же т. 2 — 25 фр.
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.
Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска — 15 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.
Вл. МАЕВСКИЙ — Дореволюционная Россия и СССР — 18 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 115, Cromvell Road, London S. W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.);
в Тихомирова, 4, Northcote Terrasse, Gilberton, S. Australia.

Венецуэла — Liberia Eslava, Calle Guayalquil № 16. Caracas, Venezuela.

Аргентина — у Г. Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

№ 75
Сентябрь 1965 год

ГОД ИЗДАНИЯ XIV-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего друга и сотрудника полковника 3 гусарского Елисаветградского полка

Александра Исидоровича Рябинина

последовавшей в г. Монтреаль (Канада). Панихида будет отслужена у Кадетской Лампады в Париже 9 октября с. г.

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий номер 75-й является последним, за который Вами внесена подписная плата.

Во избежание перерыва в высылке журнала, Вам надлежит теперь-же внести подписную плату за следующие ШЕСТЬ номеров — 76-81.

Своевременный взнос подписной платы чрезвычайно облегчает работу Издательства.

Условия подписки указаны в обычном месте.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 76 по 81 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.
Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

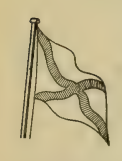
ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *6l, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

14-й год издания | № 75 СЕНТЯБРЬ 1965 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50

Настоящий номер
посвящается
Российскому Императорскому Флоту

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГАНГУТЕ

К исходу зимы 1713 года, почти все главнейшие города Финляндии были завоеваны русскими войсками и, молодые но уже окрыленные боевой славой, Петровские полки выходили уже к восточному побережью Ботнического залива. Высшее шведское командование больше всего опасалось что Петр воспользуется преимуществом, которое дало завоевание русскими войсками восточного побоережья Ботники и решило — запереть Русский флот в Финском заливе, ни в каком случае не давая ему возможности выйти к Або-Аландским шхерам и на простор Балтийского моря. Для того, было решено сосредоточить главные силы шведского флота у Гангутского полуострова, далеко выдающегося в море, где большие глубины позволяют действовать большим парусным кораблям и, если до сих пор Русский гребной флот безнаказанно продвигался вдоль берегов шхерами то для дальнейшего его выхода из Финского залива у Гангута — была уже неминуема его встреча с могущественным корабельным флотом шведов. Но и Государь Петр Алексеевич оценивал значение Гангута, как важной позиции, могшей сильно препятствовать действиям галер.

Уже летом 1713 года, вскоре после занятия Гельсингфорса, Государь послал капитан-командора М. Х. Змаевича, одного из опытнейших командиров гребного флота, обследовать путь к Або и найти в шхерах фарватер, наиболее близкий к берегу. Шведские корабли, стоявшие у мыса Гангут воспрепятствовали продвижению галер Змаевича. Вторичная попытка обследовать этот район привела Государя к решению что «никоими мерами пройти от больших кораблей невозможно ибо на многие мили чисто и нигде островов нет».

Государь предпринимает срочные и решительные меры. Попытка склонить Данию прислать флот в Финский залив для совместных действий с русским флотом против шведов, не удалась. Потребовав, в виде задатка, больше полумиллиона рублей и значительное количество парусины, такелажа пеньки — датский король не давал никакой гарантии присылки флота. Следовательно, чтобы вырваться из Финского залива нужно было расчитывать только на свои русские силы.

Никогда еще на Балтийском море не закладывалось столько кораблей как в 1713-14 гг. В Казани готовились кораблестроительные леса, в Олонце отливались пушки, в Ревеле укрепляли гавань. Построенные в Архангельске корабли «Рафаил» и «Гавриил» вышли к концу 1713 года с севера, обогнули Скандина-

вию и проравлись в Финский залив. Весной 1714 г. в Ревель прибыли пять купленных в Европе кораблей, тут-же на месте, они были окончательно оснащены и вооружены. Из Архангельска прибывали пополнения для кораблей Балтийского флота.

К весне 1714 года, в составе корабельного флота было уже 16 линейных кораблей. Гребной флот состоял из 150 галер, полугалер и скампей. Кроме всего этого имелось большое количество вспомогательных судов (карбасов, ботов, бригантин и др.).

В марте 1714 года, когда русский флот был еще скован льдом в Финском заливе, шведский вышел из Стокгольма и Карлскроны. Командовал эскадрой адмирал Густав Ватранг, младшими флагманами были вице-адмирал Лилье и контр-адмиралы Эреншельд и Таубе. В состав эскадры входила лучшая часть шведского флота — 16 линейных кораблей, 5 фрегатов и около десяти других судов. Эскадра пошла на восток двумя отрядами. В середине апреля, к мысу Гангут первым подошел отряд вице-адмирала Лилье. Несколько дней спустя, сюда-же прибыл с главными силами и адмирал Ватранг, оставив по дороге у Або-Аландских шхер, отряд контр-адмирала Таубе.

27 апреля, на лин. кор. «Бремен» собрался военный совет, на котором было решено идти главными силами в Тверминэ, так как там находился самый узкий перешеек «драгет», через который, русские могли бы, сухопутьем, переправить свои галеры.

При первом благоприятном ветре, оставив вице-адмирала Лиллье с отрядом из лин. кор.: «Эланд», «Фредерик», «Амалия», «Серманланд», «Готланд» и «Фалькен» крейсировать у входа в Финский залив, главная часть шведской эскадры, под флагом адмирала Ватранга, перешла в Тверминэ. Но уже 5 мая новый военный совет на флагманском корабле «Бремен», решил возвратиться к мысу Гангут, так как бухта Тверминэ неудобна для маневрировани флота и удалена от главного фарватера, по которому русские парусные корабли могли бы прорваться из Финского залива.

9 мая 1714 года, по освободившейся ото льда, Неве из Петербурга в Котлин вышли около ста галер со вспомогательными судами. Командовал этим отрядом галер генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин. Проделав трехсоткилометровый переход на запад, в середине июня, Галерный флот прибыл в Гельсингфорс. Главная задача возлагалась именно на него: ему предназначалось пройти вдоль побережья Финляндии и доставить в Або десантный корпус. После этого, намечалось что галеры пройдут к Аландскому Архипелагу, чтобы угрожать шведским берегам.

В тоже время, Корабельный флот, под командованием самого Государя был сосредоточен в Ревеле. Он должен был отвлекать на себя силы противника и прикрывать Галерный флот в Финском заливе, имея с ним непрерывную связь.

21 июня, Апраксин, получив донесения о расположении и численности неприятельской эскадры, пошел со своим Галерным флотом в Тверминнэ.

16 июля Государь получил от Апраксина извещение что шведский флот стоит у мыса Гангут и, без помощи Корабельного флота, дальше по шхерам пройти невозможно. В это время, в Ревеле, на эскадре Корабельного флота свирепствовала цынга. Жаркое время, теснота на кораблях — вызвали повальную болезнь у, непривычных к морю, солдат десантного отряда.

Оставив командование эскадрой, сам Государь с пятью кораблями, укомплетоваными здоровыми людьми, отправился к Гельсингфорсу. Противный ветер не допустил Государя высадиться в Гельсингфорсе и только 20 июля, он смог пересесть на галеру и встретиться с Апраксиным в Тверминэ, чтобы на месте обсудить возможности прорыва шведской блокады. Изучив обстановку, было решено использовать «переволоку» в самой узкой части Гангутского полуострова, называемой Драгель. Здесь ширина была всего 1200 сажень и можно было сделать помост для переброски небольших галер по суше.

23 июля, для устройства этого настила было выделено 1500 солдат и работа закипела. Таким способом, предполагалось «переволочь» 80 легких галер.

Со времени прибытия русского Галерного флота в Тверминэ, адмирал Ватранг внимательно следил за его действиями. В середине июля, он предполагал оставить у мыса Гангут три линейных корабля, три фрегата и галеры а с главными силами — 13 лин. кор. и 2 фрегата, идти атаковать Гребной флот Апраксина но утром 25 илюля получив сообщение что русские строют помост на Драгель и намереваются по суше переволочь свои галеры, адмирал Ватранг делит свою эскадру на три отряда. С шестью лин. кор. и тремя фрегатами остается у мыса Гангут, вице-адмиралу Лиллье поручает отряд в 12 вымпелов, с назначением идти в Тверминнэ, для атаки галер Апраксина, третьему-же отряду контр-адмирала Эреншельда предписал с фрегатом «Элефант» несколькими шхерботами и всеми галерами идти на западное побережье полуострова Гангут, к «переволоке», чтобы раз-

громить русские галеры в момент их спуска на воду.

25 июля 1714 года было воскресенье и потому в бухте Тверминнэ в расположении русского Галерного флота, по воскресному расписанию было спокойно и экипажам был дан отдых. Вдруг, около 12 ч. дня, в обеденное время, издалека послышались раскаты орудийных залпов. Вскоре, от русского дозора, прибыло донесение о выходе части неприятельской эскадры. Цель ее похода была неизвестна. Вечером, Государь сам, с отрядом из 20 галер вышел из Тверминнэ к русским дозорным, чтобы лично оценить обстановку. Остановившись в двух милях от неприятеля, он убедился что у мыса Гангут осталось лишь 6 лин. кор. и 3 фрегата. Другой отряд шведской эскадры двигался в сторону Тверминнэ. Поздним вечером наступил полный штиль и этот отряд приостановился.

Быстро учтя создавшуюся военную обстановку, видя как Ватранг разделил свою эскадру, значительно ее ослабив а наступавший штиль полностью парализовал действия всех парусных кораблей, Государь возвращается в Тверминнэ, собирает военный совет и решает — немедленно прорываться!! »

Ранним утром 26 июля 1714 г., капитан-командору Змаевичу с 20-ю галерами, стоявшими уже в полной готовности, Государь приказывает — «объехать неприятельский флот морем...» Для этого нужно было пройти более 15 миль на веслах, ни на минуту не снижая темпа гребли и быть готовым к встрече с противником если вдруг подымется ветер и он сможет выйти навстречу! Галеры были еще перегружены солдатами для десанта...

В 8 ч. утра галеры снялись и вдоль восточного берега Гангутского полуострова, начали выходить в море. Пока они шли шхерами, неприятель не заметил их но как только они вышли из за островов, на кораблях Ватранга сыграли «боевую тревогу». Но, из-за полного штиля, они были лишены возможности двинуться навстречу русским галерам, преградить им путь и уничтожить огнем своей сильной артиллерии. Но все-же лин. кор. «Бремен», «Принц Карл Фредерик», «Стокгольм», «Поммерн» и «Ревель» стали медленно отходить в сторону моря, буксируемые гребными судами.

Русские галеры шли вперед, большинство снарядов падало с недолетами, так как шведские корабли не успевали сблизиться на дистанцию «поражения». К десяти утра отряд Змаевича обогнал мыс Гангут и стал приближаться к шхерам. Навстречу ему показался шведский отряд контр-адмирала Таубе, вызванный из Аландского архипелага на присоединение к главной шведской эскадре, к мысу Гангут. С отряда галер Змаевича он был встречен артиллерийским огнем. Контр-адмирал Таубе боя не принял, повернул обратно и скрылся в шхерах.

Апраксин, убедившись в успешном прорыве отряда Змаевича, отдает приказ 2-му отряду галер бригадира Лефорта: «Объехать неприятельский флот морем, как сделал Змаевич!!!»

В этом отряде шел Государь. Так как шведские корабли уже успели несколько отдалиться от берега то отряду Лефорта пришлось идти мористее чем Змаевичу. Однако, к 11 ч. утра, 26 июля, успешно пройдя мимо шведской эскадры, отряд галер Лефорта соединился с отрядом Змаевича и они вместе пошли вглубь Абосских шхер...

К 12 часам подул слабый ветер... Адмирал Ватранг собирает и сосредоточивает к мысу Гангут все свои силы. Постепенно главные силы неприятеля вновь сосредоточены и заняли позицию, которая исключала возможность главным силам русского Галерного флота, оставшимся в Твермине прорваться тем-же путем, как это было сделано первыми отрядами. Положение русского Гребного флота оказалось чрезвычайно сложным — он был разделен на две части: 35 галер находились на западе Гангутского полуострова, а 63 — остались у восточного его берега. Но, Апраксин перехитрил Ватранга. Узнав от своей разведки что Ватранг с главными силами, для того чтобы ускорить встречу с отрядом Лиллье, отошел от берега и, удалившись от него, тем самым оставил прибережный фарватер неприкрытым Апраксин решил идти в проход между берегом и шведской эскадрой. Прорываться ночью.

Вечером 26 июня главные силы русского Гребного Флота стали уходить из Тверминнэ но так как множество подводных камней у берега угрожало безопасности галер то прорыв окончательный назначен был на утро.

В 4 ч. утра 27 июля 1714 г. гребной флот Апраксина начал движение в сторону Гангутского мыса. Предрассветная дымка вначале скрывала русские галеры, шедшие близь берега но вскоре утренний туман рассеялся и они были обнаружены неприятелем.

Теперь в шведской эскадре было значительно больше кораблей чем при прорыве первых двух отрядов, количество галер в отряде Апраксина тоже было почти вдвое больше первых двух отрядов. Для шведов площадь попадания увеличилась и возможность попадания возросла. Для Апраксина-же усложнилось управление таким длинным «хвостом» галер но — русским помогли: дисцип-

лина, храбрость и штиль! Все корабли шведов буксировались шлюпками и галерами навстречу русским галерам но только трем из них удалось приблизиться на дистанцию действительного огня. С них было запущено 250 ядер!!! Русские гребцы галер развили такой темп что отряд прорвался сквозь блокаду и обогнул мыс Гангут. Только одна галера села на мель и была взята шведами.

98 галер с 15-тисячным десантным войском, запасами военного снабжения, провианта и боевого припаса прорвали блокаду шведов и вышли в Ботнический залив.

Еще в то время когда Апраксин только готовился к прорыву 26 июля, отряд Змаевича обнаружил у западного берега Гангутского полуострова в шхерах отряд контр-адмирала Эреншельда. Он стоял у предполагаемого места «переволоки» и терпеливо ждал — когда-же на суше появятся русские галеры. Увидев 35 галер, шедших полным ходом на него, застигнутый врасплох Эреншельд стал отступать. Надеясь уйти от русских в густом лабиринте шхер, он попал в Рилакс Фиорд, из которого выхода не было. Капитан-бригадир Змаевич, своим отрядом заблокировал его в этой ловушке.

В полдень 27 июля 1714 года, подошел Апраксин с главными силами русского Галерного флота. На шведский флагманский корабль «Элефант» Государь посылает генерал-адъютанта П. И. Ягужинского с предложением Эреншельду — «чтобы он отдался без пролития крови». Эреншельд отклонил предложение и изготовил корабли к бою. Расположив свои корабли выгнутой линией, так что фланги его упирались в скалистые берега, Эреншельд получил возможность использовать артиллерию всех судов отряда. В центре фронта стоял самый сильный корабль-фрегат «Элефант», вооруженный 18 орудиями, по обоим его флангам были расположены 6 галер, имевших 84 пушки, за фрегатом стояли 3 шхербота с 14 орудиями.

Несмотря на численную ограниченность в судах занятая Эреншельдом позиция и сильное вооружение его судов, создали большие трудности для атаки. Узость фиорда лишала русских возможности использовать свои галеры. Из всего галерного флота, для атаки шведов пришлось выделить только авангард. Этот авагард, в свою очередь, был разделен на три части — в центре 11 галер, по бокам по шесть галер — всего 23 галеры. Главные же силы были расположены сзади авангарда для поддержки. Командование авангардом принял Государь Петр Алексеевич.

Заняв исходную позицию для боя в полумиле от противника (929 м.) авангард стал строем фронта. В 2 часа дня, Государь приказал на флагманской галере поднять флаги и дать один пушечный выстрел. Легкие галеры, в стройном порядке, устремились на противника. Впереди галер, на шлюпках, шли Начальники Отрядов. С обнаженными шпагами они стояли во весь рост и указывали направление атаки. Шведские суда молча ждали. Когда русские галеры подошли на дистанцию 300-400 метров, шведский флагман открыл огонь, за ним галеры «Лаксен», «Геден», «Вальфиш» и все остальные.

Более 60 орудий, растреливали в упор приближавшиеся русские галеры. Они упорно, шли на сближение с противником, стреляя на ходу. На каждой атакующей галере находилось по ОДНОЙ небольшой пушке... Вскоре, артиллерийское превосходство шведов сказалось. Русские галеры получили большие повреждения и с каждым выстрелом противника на них увеличивалось число убитых и раненых. Произошло замешательство. Движение галер приостановилось... Повернули назад, к исходной точке. Русская артиллерия умолкла но не прошло и получаса как Государь начал вторую атаку. Как и в первый раз,галеры атаковали фронтом всю линию шведов. Под жестоким огнем, русским морякам, одушевляемым присутствием Государя, удалось подойти еще ближе к шведским судам, однако, и на этот раз, не подойдя вплотную к противнику, галерам пришлось отступить.

Контр-адмирал Эреншельд убедился в неприступности своей поизции и спокойно ждал, с минуты на минуту, помощи от своего командующего эскадрой адмирала Ватранга. Но, помощь не шла а Русский Царь желал полной и окончательной победы.

Государь меняет тактику. Отказавшись от атаки фронтом, он решает нанести удар по флангам противника. Около 4-х ч. после полдня, дан сигнал «к атаке!»

Сквозь густой пороховой дым, обволакивавший Рилакс Фиорд, русские галеры близко подошли к шведам и открыли артиллерийский огонь а солдаты дессанта, находившиеся на них, — ружейный. Командиры галер, лавируя в узком фиорде, повели их к крайним судам неприятеля. Новое построение атакующих галер понизило губительность огня шведов и усилило огонь русских, как артиллеристов, так и солдат. В начале пятого часа дня, несколько русских галер подошли вплотную к левому флангу шведских судов. Стремительным натиском была взята галера «Транан», вслед за ней, взяты на абордаж и пленены одна за другой галеры: «Эрн», «Грипен», «Лаксен», «Геден», «Вальфиш». На их палу-

бах сражались рядом русские матросы и солдаты десантного войска. В результате такого натиска русских, все шведские суда, прикрывавшие с обоих сторон флагманский фрегат «Элефант» были захвачены, часть-же их экипажей, вплавь переправилась на фрегат, что усилило экипаж последнего.

Во главе с адмиралом Эреншельдом и капитаном Сундом, шведы сражались стойко и упорно. Сосредоточенный на «Элефанте», сильный артиллерийский огонь всех русских атакующих галер, причинял ему сильные повреждения и вскоре на нем вспыхнул пожар. Наконец, Государь поднял сигнал «на абордаж» и на галере «Генерал Вейде» пошел вперед и стал против фрегата. Раненый адмирал Эреншельд, с саблей в руке, отбивал атаки русских стоя у трапа и показывая пример доблести своим матросам. Ингерманландского полка капитан Бакеев овладел флагом «Элефанта» и он-же спас жизнь адмирала Эреншельда. В последние минуты боя, адмирал, стоя у трапа, схватил за руку шведского матроса, пытавшегося бежать и был сброшен тем в воду. По счастливой случайности, адмирал запутался в забортных концах и там его, истекающего кров'ю, нашел капитан Бакеев.

После трехчасового боя, стрельба затихла. Русские овладели всем отрядом адмирала Эреншельда — фрегатом «Элефант», шестью галерами и тремя шхерботами. Победа была полная. Шведы потеряли убитыми — 711 чел. В плен было взято 580 чел. команды и офицеров, во главе с контр-адмиралом Эреншельдом. Из этого числа, раненых было 350 человек. Потери русских — 127 убитыми и 342 ранеными.

Санкт-Петербург торжественно встретил героев Гангута. Тысячи жителей новой русской столицы усеяли берега Невы. Со стороны Кроншлота, как на гребных гонках, в строгом и стройном порядке, шли победоносные галеры. На головной галере «Генерал Вейде» развевался Императорский Штандарт и гигантская фигура Государя Петра Великого выделялась на шханцах. Он был радостен и ласково отвечал на восторженные приветствия петербужцев.

Артиллерийский салют гремел несмолкаемо но когда, вслед за русскими галерами, появились плененные шведские корабли то восторг толпы достиг своего предела.

Специальные гравюры и грамоты, изображавшие картину морской баталии у Рилакс Фиорда, были разосланы во все уголки России.

Гангутская победа являла собою полный перелом в войне на море. Россия стала морской державой и из Московского Царства стала Российской Империей. Российский флот получил возможность действовать в открытом море, создавая угрозу важнейшим промышленным районам Швеции и нанося удары по морским путям противника. Уже в августе 1714 года, русские галеры пришли в Або, в сентябре того же года, отряд гребных судов, под командованием Ф. Ф. Головина, пересекает Ботнический залив и, несмотря на осенние штормы, высаживает десант на шведском берегу и овладевает портом и городом Умео.

5 августа 1716 года, у острова Борнгольма, собрались эскадры четырех морских держав: русская (в 22 вымпела), английская, голландская и датская. В полдень этого дня, на своем флагманском корабле, Петр поднял Российский Императорский Штандарт, которому был произведен салют со всех кораблей соединенных эскадр. Адмиралы, командовавшие эскадрами великих морских держав, передавали верховное командование соединенным флотом — Русскому Императору. Факт производства этого салюта означал признание Андреевского флага символом мощи Российской Империи.

Георгий Гельмерсен

К статье «Сражение при Гангуте»

Список сухопутных частей, участвовавших в бою:

Авангард: Преображенский, Лефорта, Шлиссельбургский, Копорский и Воронежский полки;

Кор-де батай: 1-й гренадерский, Ингерманландский, Московский, Рязанский, Вологодский полки;

Арьергардия: Семеновский, 2-й гренадерский, Нижегородский, Великолуцкий полки.

Распределение наград по полкам (серебряные медали):

Ингерманландский (9-й пехот. Ингерманландский)	— 622
Лефортов (расформирован)	— 311
Преображенский (лейб-гвардии Преображенский)	— 252
1-й гренадерский (63 пехот. Углицкий полк)	— 233
2-й гренадерский (лейб-гвардии Кексгольмский)	— 211
Нижегородский (22 пехот. Нижегородский полк)	— 196
Великолуцкий (расформирован)	— 196
Галерный батальон	— 183
Галицкий (расформирован)	— 183
Семеновский (лейб-гвардии Семеновский полк)	— 174
Копорский (27-й пехот. Витебский полк)	— 114
Московский (65 пехот. Московский Его Величества)	— 92
Шлиссельбургский (14-й пехот. Шлиссельбургский)	— 88
Вологодский (12-й гренад. Астраханский полк)	— 71
Воронежский (расформирован)	— 53
Гребцы	— 16
Денщики Петра I	— 2

Особенно отличился Ингерманландский полк, пленивший Эреншельда, но особенно был отличен Царем Преображенский полк, которому медали были выданы уже в 1714 г., тогда как раздача их другим полкам затянулась до 1717 года.

С. Андоленко

Война с Японией надвигается

Адмирал Старк проявляет дипломатическую энергию

Около Рождества. Тревожные слухи о надвигающейся войне. Неожиданный поход «Петропавловска» с адмиралом в Корею. Бросаем якорь в Чемульпо у самого порта, оставив далеко сзади стоящих на рейде «Варяг», «Кореец», несколько иностранных военных судов и пароходов. Утро мокрое, с гор низко спустился туманчик.

С японского судна прибывает в кают-компанию офицер поздравить с приходом. Необычайно высокого роста, весь точно вылитый из бронзы, с огромной саблей, на которую он опирается одной рукой, без малейшего признака традиционной японской улыбки на окаменевшем лице. Приветствие на отличном английском языке. Не говорит по русски. Рюмка марсалы. Мичман Шлиппе, отлично говорящий по английски, ведет разговор. Развалившийся рядом со мной за столом огромный лейтенант Унковский, посмеиваясь, подшучивает над гостем по русски. У меня впечатление, что японец понимает, еще больше каменеет, церемонно откланивается и отбывает.

Через несколько времени, появляется на палубе наш посланник в Корее, «муж царицы»*) Павлов, невидный, лысенький, какой то облезлый. Идет совещаться с адмиралом. Великолепная «царица», француженка по происхождению, как говорят — яблоко раздора верхушки мужеского пола европейской колонии и причина одной дуэли, в широчайшей шляпе на бекрень, блистающая подлинными драгоценностями, спускается в сопровождении старшего офицера к нам и, расположившись на софе, под зеленью растений в уютном углу кают-компании, остается долго у нас, вкушая шампанское, играя большими удлиненными

*) Вспомните: «я, я, муж царицы, храбрый Менелай» из оперетки «Прекрасная Елена».

глазами и ведя лихой и двусмысленный разговор с прилипшими к ней офицерами. Нас предупреждают, что на следующий день Король дает аудиенцию и завтрак во дворце.

Ранним утром адмирал с выбранными им офицерами уезжает в Сеул. Все свободные офицеры едут туда же. Ходят рассказы, что совсем молодой Король находится совершенно в руках и под неусыпным наблюдением японцев, распоряжающихся во дворце по их усмотрению и поставлющих ему гейш.

На дворе собачий холод, горы и долины покрыты снегом. Мы мерзнем в поезде, закутавшись в наши штатские пальто и пожираем глазами детали пейзажа, быстро меняющегося вследствие многочисленных поворотов при подъеме к Сеулу. Кое-где на скалах вдоль дороги большие, нарисованные темной краской, стилизованные изображения тигра, места, где эта священная особа оказала честь корейцу, унеся его или растерзав на месте.

Адмирал со свитой останавливается в отведенной нам нетопленной гостиннице, отправляется в коляске в посольство, а мы, беглым шагом посетив наиболее интересные площади старого Сеула с их широчайшими лестницами, храмами и анфиладами памятников, возвращаемся в гостинницу, чтобы облечься в виц-мундиры. Прикатывает с той же целью адмирал. Вдруг появляется Павлов с известием из дворца: Король неожиданно заболел, бесконечно извиняется, но не может принять адмирала.

Адмирал в первый момент ошеломлен и только поглаживает раскидистую бороду. Затем обращается к Павлову:

— Передайте Королю, что если он не выздоровеет к полудню, броненосец «Петропавловск» откроет огонь по старому Сеулу*)

Ждем с волнением ответа. Он не замедлил: «Король чувствует себя лучше и просит прибыть на завтрак».

Поездка во дворец. Аудиенция. За завтраком, Король, весь в белоснежном корейском костюме, имеет совершенно здоровый и восхищенный вид подростка, который бесконечно забавляется, часто смеется и не отказывает себе в рюмке.

После завтрака, адмирал с офицерами, откланявшись, направляются по залам к выходу. Доктор Костромитинов и я приостанавливаемся в предшествующем столовой покое, чтобы полюбоваться превосходными старыми корейскими и китайскими, развернутыми и свешивающимися по стенам, картинами. Столовый зал со своим сервированным столом растилается за широко раскрытою створчатою дверью. И вот, изумленные, видим, как Король, еще не покинувший столовой, опрокидывает в себя последнюю рюмку и скачет козлом, через далеко отодвинутые слугами стулья.

Наутро, перед уходом, прибыли на судно королевские подарки. Мне досталось: серебряная чеканная шкатулка, несколько корейских вееров, какая то большая сердоликовая печать, украшенная превосходной скульптурой и длинные трубки с курительным прибором.

Впечатление, уносимое от виденного и слышанного в этом походе: неизбежность неумолимого удара судьбы, грядущего в атмосфере какого то фантастического сна.

Наместник диктует свою волю

Возвращаемся в Чемульпо. Какое то неясное беспокойство царит в кают-компании среди наиболее ответственных и младших, наиболее чутких, офицеров. Наши занятия под руководством капитана 2-го ранга Мякишева возобновляются.[1]) Все с нетерпением ожидаем выписанного альбома Джена[2]) на 1904 год, в особенности еще потому, что по дошедшим до нас сведениям предшествующий альбом (1903 г.) в отношении Японского флота далеко не полон, и что Япония ведет переговоры о покупке новых Аргентинских бронированных крейсеров, заканчиваемых постройкой в Италии на знаменитой верфи, где работает молодой и талантливый кор. инженер Куниберти.

Около половины января, альбом, наконец, прибывает и мы с изумлением обнаруживаем появление новых, нам неизвестных раньше, хотя бы в постройке, судов. Первый беглый обзор выявляет нашу явную слабость не столько по количеству, сколько по их качеству в смысле типа вооружения, хода и т. д. Особенно разительно — это крейсера и миноносцы. Крейсера у нас — мелочной товар «чего из-

*) Огонь, конечно, перекидной из 12-ти дюйм. орудий, по карте, почти на предельной для них дистанции от Сеула, невидимого из Чемульпо за горами. В старом Сеуле был расположен дворец.

[1]) Об этих занятиях см. мою статью «Капитан 2 ранга Мякишев», стр. 187, «Порт-Артур» Воспоминания участников. Изд. имени Чехова Н. И. 1955 г.

[2]) Большой английский справочный альбом-ежегодник, как действующих, так и строившихся судов, с превосходными чертежами, давал силуэты судов, профиля и разрезы, с показанием бронирования, планами расположения артиллерии и углов обстрела, калибра и длины орудий в калибрах, минное вооружение, объем угольных ям, характеристики котлов и машин и т. д., год постройки или перестройки и большое количество других сведений, дававших возможность специалистам иметь точную картину для оценки боевых качеств судов.

волите»: что ни крейсер, то особый тип. Миноносцы, — единственно быстроходный у нас «Лейтенант Бураков», немецкой постройки, дающий верных 33 узла (да и тот наследованный вместе с Артуром от Китайцев); но он значительно слабее Японских по артиллерии. Остальные уступают Японским, как в скорости, так и в вооружении. Правда, у нас есть два новых отличных минных заградителя, но с недостаточной скоростью для действия в японских водах после объявления войны, а у Японцев не показано ни одного. Но какая гарантия что у них нет коммерческих судов, приспособленных для этой цели или особых установок для крейсеров и миноносцев, быстро экипируемых с объявлением войны.

Мякишев начинает более углубленную работу, комбинируя формирования. Мы на «Петропавловске» увлечены и проводим много свободного от службы времени за этими занятиями. Кое-кто на других судах тоже заинтерессован. Единственным совершенно индиферентным остается «Цесаревич», за исключением лейтенанта В. К. Пилкина. Но вот, однажды, в свежий ветренний день (не помню точно, где мы стояли, на внешнем рейде или на внутреннем против прохода), в отсутствии адмирала и командира, появляется паровой катер без всякого отличительного знака, плюхаясь на зыби подходит к трапу, из каюты его неожиданно выныривает без всякого сопровождения Наместник и крикнув — «без почестей» — подымается на палубу, приказывая оказавшемуся случайно у трапа Старшему Офицеру удалить всю команду, не исключая и вахтенных, на шкафут и собрать офицеров, за исключением штабных, на правых шканцах в углу между башней и спардеком. Остается лишь часовой под флагом на юте, но он далек от трапа.

Мы быстро собираемся, сильно заинтерессованные. Наместник, против обыкновения, обводит нас свирепым взглядом и учиняет жестокий разнос: «До него дошло», он «не потерпит»... обвиняет нас в «панике», требует «немедленного прекращения наших занятий», грозит «жестокими мерами», топает ногами и, весь пылающий гневом, исчезает...

Общее остолбенение. Но тотчас, уже не ропот, но гул возмущения поднимается на шканцах. Даже наш всегда невозмутимый, ровный Старший офицер (Капитан 2 ранга Федор Воинович Римский-Корсаков) Вспыхнул — «Ну, это уж слишком, это прямое оскорбление!»

Мы же, вне себя от бешенства, скатываемся в кают-компанию, где поднимается рев голосов. Три офицера хотят немедленно подать в запас; я, не могущий еще это сделать (до истечения срока обязательной службы мне оставалось еще 2 месяца), хочу подать рапорт о болезни и списании с эскадры с возвращением на мой счет в мой экипаж в Европейской России. Старшой нас несколько утихомирил, но мы пылали ненавистью к Наместнику. Возникает вопрос, кто мог ему сообщить о наших занятиях? И в каком освещении?... Тут мы теряемся...

Приглашаем Мякишева. Ставим его в известность. Он только тихо улыбается и твердо говорит:

—Будем продолжать...

И надо сказать, что это нас более всего успокоило, но наше отношение к Наместнику стало упорно враждебным.

Пример компетентности Наместника: в первое утро войны офицер докладывает Наместнику о, переданном сигналом с Золотой Горы, появлении на горизонте Японской эскадры: столько вымпелом, столько то броненосцев, столько то крейсеров. Восклицание Наместника: «Откуда у них столько?!» Эта фраза повторялась потом на «Петропавловске» в разных, подходящих для иронии случаях.

Несомненно, что Старший Офицер доложил командиру о происшедшем, но последний никогда ни одним звуком о сем не намекнул, что при его исключительной непосредственности и прямоте можно было объяснить только полным одобрением наших занятий. Осталось тайной, был ли поставлен адмирал Старк в известность об этом эпизоде. Пожалуй, что нет, ибо, в сущности, эскадра управлялась флаг-капитаном, по директивам Наместника.

Кое что об адмирале Старке.

Мы считали его совершенно устарелым. Он уже давно не плавал. Как он попал на восток, — неизвестно. Он проявлял интерес только к шлюпочному парусному учению или традиционному утреннему обходу судов на рейде шлюпок под веслами. Он всегда выходил в этих случаях наверх, становился на край юта и, слегка нагнувшись, смотрел вниз на шлюпку, режущую корму.

Раз, я лично удостоился его замечания. За отсутствием моего гребного катера и хозяина барказа, я оказался на руле последнего и сразу заметил, что при подъеме парусов грот невозможно поднять до места, ибо он, уже старый, порядочно стянулся от мойки годами, но что нижняя шкаторина на положенном ей месте. Режу корму, адмирал нагибается и кричит:

— У вас грот не до места!

Ничего не ответив, я только показываю двумя резкими жестами свободной руки на положение нижней шкаторины и на обтянутость до отказа передней и продолжаю, как ни в чем не бывало, эволюцию, внутренне посмеиваясь. Сигнала об упущении не последовало и я мирно вернулся на корабль. Случилось это еще до прихода «Цесаревича» и «Баяна».

***

А вот раз, примерно в этот же период, я действительно оказался кругом виноватым, да еще в весьма торжественную минуту, а никто на адмиральском корабле этого не заметил. Заметили это на других судах, бывших на рейде? не знаю. Я предпочел об этом казусе секретного следствия не производить. Эскадра частично стояла на рейде и торжественный спуск флага в момент захода солнца пришелся на моей вахте. Как положено, за 5 минут вызываю караул, музыкантов и команду наверх, офицеры выстраиваются и адмирал поднимается на ют. Жду по часам момент захода солнца, скрывшегося в этот день при полном штиле за тучкой на горизонте. На судах взоры прикованы к адмиральскому кораблю. И неожиданно, в последнюю по часам минуту, видение неба необычайной красоты. Много я видел заходов солнца на море с моего детства под различными широтами и долготами земного шара, но совершенно исключительное сочетание красок над тучей меня приковало; я забыл о цифербляте и опомнился только четырьмя минутами позже, когда видение исчезло и явные сумерки покрыли поверхность воды;

— Флаг и гюйс спустить!

Флаг и гюйс медленно поползли вниз, торжественное «Коль славен» понеслось по рейду а... мурашки по моей спине.

Ночь — сюрприз

Последний день перед войной. Небо слегка подернуто вуалью, чуть морозит, воздух тих, море тихо. Что-то тревожное разлито в этом затишье. Суда на рейде, в каком-то странном оцепенении, после нудного ночного похода по направлению к устью Ялу.

Последний раз пригребает на «Петропавловск» и проходит к командиру «черепаха-человек», маленький, приземистый, с круглым костяком и приплюснутым улыбающимся лицом японец-прачка, средних лет, со своими курбетами и рыскающими исподлобья глазками.[1]) Он уносит с собой свою последнюю уверенность в русской беспечности и последнюю нашу надежду на мирный исход таинственных переговоров между Токио и Петербургом, уже давно вырванных из рук Наместника. Алексеев получает успокоительные телеграммы, но все, что мы видим и чувствуем, носит печать неминуемого приближения жуткого лика войны.

Последний вечер мира. Тайная тревога превратилась в полную уверенность неизбежности. Сознание, что война, быть может, будет объявлена ночью, что телеграмма может запоздать и мы будем атакованы одновременно с ее получением, а то и раньше, все более и более проникает в мозги. (Никому из нас в голову не приходило, что какие либо военные действия могут быть начаты без объявления войны. Мы, как и вся Европа, жили еще в романтике дуэлей. Японцы открыли новую эру — военного реализма).

Эскадра снова бросила якорь на рейде в беспорядочном и опасном для нее строе. Противоминные сети не опущены, постовые огни не погашены, иллюминаторы не задраены, орудия не заряжены, добавочные снаряды не поданы вахта не усилена. «Ретвизан» и «Победа» грузят уголь с пришвартованных барж под ярким светом рефлекторов. К ночи два миноносца отправлены на патрульную службу, но никакой св зи с ними не установлено, даже оптической, в виде фальшфееров или ракет.[2]) Они исчезли в таинственной мгле. Наша небольшая обычная группа «скулящих» офицеров, с лейтенантом Кноррингом во главе, собралась в кают-компании и склонила еще раз голову над «Дженом». Мы оставили только две лампы, замаскировав их излучение бумагой. Я должен вступить на «собачку».[3]) Но, несмотря на целый день, проведенный на ногах, не испытываю ни малейшего желания спать.

Внезапно глухой металлический удар с кратким вибрирующим ударом в подводную часть, столь характерный и свежий в моем

---

[1]) После войны стало известным, что «черепаха-человек» — хозяин прачешной — был подполковником японского генерального штаба и передал карту со схемой разсположения эскадры на рейде одному из встреченных в море увозившим его последним японским пароходом, покидавшим Артур, военному судну его родины.

[2]) Миноносец, которым командовал капитан 2 ранга Цимерман, видел японский миноносец, проходящий контр-курсом в сторону эскадры; он, конечно, не мог его атаковать, но должен был бы предупредить эскадру. Не сделал этого потому что никакого предварительного согласия о соответствующем светом сигнале не было. Он устремился к эскадре с целью доклада, но было уже поздно.

[3]) «Собачья вахта» — с 12 до 4 часов утра.

ухе по Минному классу, вырывает у меня крик:

— Японцы нас взорвали!

Тотчас второй, послабее. Кнорринг:

— Кого это?

Все стремглав бросаемся наверх. Взлетаю на спардек. В ночной мгле, слегка по носу, слева, масса «Ретвизана» завуалирована угольной пылью, трубы и мачты странными тенями чуть наклонены вперед. Вдруг свет исчезает, лучи прожекторов пронизывают тьму и слышен тонкий, ясный крик Щенсновича[4]):

— Кормовые!

Резкие, как хлест бичей, молнии огня и удары орудий среди безмолвной тишины.[5]) Где-то по траверзу, другая масса, на которой слышна какая-то возня, командные крики. С разных сторон доносятся звуки боевой тревоги. Пробегая на мостик, вижу минеров, возящихся у прожекторов. Кричу:

— Не открывать!

В эхо, откуда то из темноты, голос Яковлева, командира «Петропавловска»:

— Хорошо сделали.

На мостике глаза слепнут от бестолкового рыскания лучей прожекторов. Взглянул по корме: где то далеко, казалось, чуть не под берегом, расплывающийся силуэт «Цесаревича» с ожерельем света больших иллюминаторов. Свет исчезает. Выстрелы куда-то в море.[6])

Далее все мешается в моей памяти: группа штаба с приземившимся адмиралом. «Ретвизан», протаскиваемый в темноте буксирами по левому борту; известие, что взорваны «Паллада» и «Цесаревич». Вахта проходит, но я все остаюсь наверху. Серо, светает. Легкий прохладный ветерок приветствует наступление гнетущего утра.

Бой во сне и наяву

24 часа на ногах, сильные беспорядочные впечатления ночи, несомненно — предстоящий бой, требовало восстановления сил. Помню реакцию на донесение, что на горизонте появились разведочные японские крейсера: «еще два часа до боя» Быстро спустился в каюту, бросился на койку и погрузился в глубокий сон: жестокий морской бой на близкой дистанции, резкие удары пальбы, разрывы снарядов, быстрые эволюции судов...

Оглушающий удар, встряхнувший койку, заставляет меня вскочить на ноги. Я слышу, что сражение продолжается, свист, треск разрывов... Бросаюсь к иллюминатору — эскадра на полном ходу, серая вода между судами сеется столбами разрывов. Мы в бою наяву.

Я не слыхал ни боевой тревоги, хотя сигнальный колокол находился у двери каюты, ни топота людей, мчавшихся по трапу рядом и проходами, ни даже выстрелов, и проснулся только тогда, когда рявкнул залп кормовой 12-ти дюймовой башни почти над моей головой, то есть, вероятно, в момент поворота броненосца на контр-курс с неприятелем.

Вылетаю на мостик, окидываю взглядом общую беспорядочную картину и скатываюсь вниз под вторую палубу — место расположения минных аппаратов, контроля динамо-машин и мое.

Первое, что встречаю при входе в носовой кубрик — рвущийся треск в носу, свист осколков, врывающийся в кубрик дым и открывшаяся за ним большая зазубренная дыра. Мгновенно за этим — стон и суетня у борта. Подбегаю, — уже тащат кого-то на носилках[1]) и на руках. Получили крупный снаряд. Продолжаю обход палубы, поглядываю по временам через иллюминаторы, задерживаюсь поблизости сигнальных звонков телефонов. И все время, внутренне, ощупываю реакцию команды на бой. У всех напряженно-сосредоточенный вид, словно ринуться куда-то хотят. В нескольких местах ко мне обращаются в тех же выражениях:

— Должно здорово им садим, часто стреляем!

Отвечаю неизменно:

— Живучи, черти!

Два раза взбегаю на мостик на условный звонок, не помню зачем.

Вот бой кончается, поворачиваем. Из деталей помню только неожиданное вмешательство капитана 2 ранга Мякишева[2]) в распоряжение адмирала, спасшее миноносцы, и изумление врачей перед спиной одного из раненых (не тяжело) — 80 мельчайших осколков в мясе.

---

[4]) Командир «Ретвизана».

[5]) На «Ретвизане» Щенснович имел орудия и прожекторы в полной готовности, с прислугой по местам. На «Петропавловске» этого нельзя было сделать, — он находился под контролем флаг-капитана и самого адмирала. Прислуга, хотя и была при орудиях, но не по местам.

[6]) Специальностью «Цесаревича» было проявление своей индивидуальности в постановке на якорь, по капризу своей фантазии, но всегда отдельно от группы остальных судов эскадры. Он явно сознавал свою значительность и его якорный канат был, вероятно, вытравлен в 10 раз более канатов других судов.

[1]) Многочисленные носилки были разнесены в палубе по тревоге.

[2]) Флагманский артиллерийский офицер, совершенно исключительный офицер нашего флота, погибший при взрыве «Петропавловска». Потеря его, как и потеря Макарова, была незаменимой для флота.

Что до эпизода с Мякишевым: вызванный второй раз на мостик и поднявшись по трапу, вижу спину удаляющегося от меня адмирала; неожиданно, откуда то появляется Мякишев, бросается к нему сзади, хватает одной рукой за рукав, другой за складку пальто, и отчетливо произносит:

— Ваше превосходительство, не губите эскадры, не губите миноносцев, прикажите отменить сигнал;

Адмирал, вздрогнув, взглядывает на него и приказывает поднять отменительный. Мне некогда было расспрашивать, но взглянув на море, я понял, что дело касалось наших миноносцев, шедших рассеянным строем по направлению неприятеля.

Главное, что осталось доминирующим впечатлением на годы: общая напряженно-поднятая духовная асмосфера, которую потом на судах больше не приходилось встречать, не исключая и эпохи Макарова. Состояние души, ведущее к успеху и которое, может быть, возможно только в первый бой. Отсюда — его громадная важность. И важность использования его командованием, коего главная роль, возможно, в этом и состоит. Так ли это, или нет, но, во всяком случае, у нас некому было это использовать — мы не были командуемы.

Примечание 1. Этот первый бой мог бы возможно стать роковым для эскадры, если бы был принят судами на якоре, что едва не случилось, ибо адмирал Старк был вызван Наместником, пославшим за ним катер, когда неприятель был уже ясно виден с мостиков кораблей со своими, колоссальными по размерам, стеньговыми флагами Восходящего Солнца.[3]) Адмиралом, покидающим в такой момент свою эскадру мог быть только Старк. Он послушно отбыл в порт, до набережной которого было 3 мили, и долго не возвращался. К счастью, флаг-капитан Эбергард, блестящих военно-морских качеств офицер, не поколебался поднять сигнала «эскадре сняться с якоря», «строй кильватера» и принял бой на ходу. Тут и произошла памятная атака Эссена на «Новике» и Вирена на «Баяне», оба командиры судов большой скорости, решивших ее использовать, а не ждать вступления на свое место в строю; «Новик» — дабы выпустить мины по броненосцам, «Баян» — атакуя легкие крейсера, две блестящих инициативы. Остальные суда, стоявшие в 3 линии с «Петропавловском» в центре почти перпендикулярно курсу противника, поневоле должны были идти кто куда, чтобы занять их место в строю. К тому же еще «Петропавловск», уже на полном ходу, принужден был уменьшить его, чтобы принять подходящего наконец , среди падающих снарядов, на катере адмирала.

Я лично, эти моменты проспал.

Зачем был вызван Старк, осталось навсегда тайной.

Бой с нашей стороны был прекращен по приказу Наместника сигналом с Золотой Горы, откуда он его наблюдал:

«Возвратиться из погони», какая ирония для эскадры, шедшей чуть не половинной скоростью по сравнению с удаляющимся неприятелем.

Примечание 2. По поводу сигнала адмирала «миноносцам атаковать неприятеля», к счастью им отмененого. Каким образом могли бы прийти на дистанцию минного выстрела наши миноносцы при наличии у противника легких крейсеров, обладающих большой массой огня, с ходом, превыщающим и лишь для некоторых наших несколько уступающим, и идущим в хвосте колонны неприятеля? Что за массивное истребление в перспективе! Мякишев мгновенно оценил положение и нашел «фразу-молот». Но он не знал, вероятно, еще одного обстоятельства: **миноносцы были безоружны!** И при том, они мгновенно устремились полным ходом на врага.

По рутине, зарядные отделения миноносцев хранились в портовом складе под ведением Главного Минера Порта, для систематического наблюдения за состоянием пироксилина, составлявшего их заряд, и поддержания в должном виде ударников. Повелось это еще с тех дальних времен, когда крошечные миноноски с одним носовым аппаратом не имели помещения, где их хранить и личный состав ограничивался несколькими людьми. Абсурдное положение для эскадренных миноносцев с их кадром специалистов и местом для хранения зарядных отделений.

После внезапной ночной атаки японцев прошло не мало времени, пока порт был извещен, депо открыто и зарядные отделения развезены на портовых катерах по миноносцам, из коих большинство находилось на рейде. Пока мины извлекали из хранилищ, пригоняли боевые отделения, прокачивали мины и приготовляли аппараты к зарядке, разразился бой, и ни один миноносец не успел, несмотря на лихорадочную работу, кончить работу по зарядке аппаратов, когда миноносцы были уже на расстоянии пушечного выстрела от японцев.

---

[3]) По незапамятной традиции всех флотов мира, корабли, вступавшие в бой, поднимали на стенгах всех мачт национальный военный флаг. Размер японских стеньговых в этом бою был исключительным, золотой эпохи испанского парусного флота; в некотором роде «павлиний парад».

Примечание 3. Роль всех береговых батарей, теоретически прикрывавших флот, за исключением Золотой Горы и, частично, Электрического утеса, свелась к нулю, ибо компрессоры их орудий были еще без масла, что случилось тоже и с батареями Тигрового полуострова. Между тем, Того, в своем донесении японскому Императору, говорит, что он приказал повернуть всем вдруг на 180°, так как его крейсера подверглись губительному огню береговых батарей Тигрового полуострова. В действительности, они испытали огонь наших крейсеров: «Баяна», сильно сблизившегося с ними, и более дальних — «Аскольда», «Авроры» «Дианы» и «Боярина». Это заставляет думать, что комендоры наводили и стреляли не горячась, но падения наших снарядов не были видны подобно падению японских и никаких декоративных внешних следов не оставляли.

Н. В. Иениш

План войны, подготовка и мобилизация Императорского Флота в 1914 году

Основными причинами возникновения «Первой Мировой Войны» в июле 1914 года, с точки зрения «Морского вопроса» в России были следуючие события. — Российский Императорский военный флот Балтийского моря, почти полностью был уничтожен в водах Тихого океана в течение Русско-Японской войны 1904-1905 годов, вследствие чего Балтийское море оказалось лишенным русской морской силы, способной отражать военные удары со стороны Германии, обладавшей к тому времени могучим, непрерывно растущим в своей мощи, военным флотом.

После окончания, неудачной для нас, войны с Японией, наше Отечество прилагая немалые усилия для возсоздания своего военного флота за период с 1905 по 1914 год, т. е. за 9 лет, непроизводительно потеряло 3 года времени при осуществлении судостроительных работ по постройке нового, современного флота, вследствие систематических, в течение этих 3-х лет, отказов Государственной Думы в отпуске кредитов.

И наконец важным, с точки зрения германской военно-морской политики, явилось следующее событие имевшее место летом 1914 года, перед самым возникновением Первой Мировой Войны. — Был вторично, после окончания работ по его расширению и углублению, открыт Кильский канал, на этот раз уже для движения по нему судов крупного водсизмещения, т. е. линейных кораблей типа «дреднаут». — Как известно, Кильский канал соединяющий Балтийское и Северное моря, имеет длину 62 мили; ширина его была доведена до 112-ти метров — 44 метра, конически сужаясь ко дну. Допускаемая скорость хода от 13-ти до 15-ти узлов, время прохождения канала 7-10 часов. В случае срочности считалось, что 16 германских линейных кораблей могло быть переброшено через канал в течение 5-ти часов. Это давало возможность Германии быстро переводить свой могучий военный флот из Северного в Балтийское море, т. е. почти удваивало ее военно-морские силы.

Германии, осведомленной о разработанных русским Морским Генеральным Штабом «малой» и «большой» судостроительных программах, предполагавшихся к полному осуществлению — первая к 1919 году, а вторая к 1930 году, было чрезвычайно соблазнительно и выгодно начать «превентивную» войну, с точки зрения соотношения морских сил, в июле 1914 года, когда ни один еще корабль по русской «малой» судостроительной программе не был окончен постройкой и не вступил в строй русского военного флота.

Беспокойный, назойливый и напористый Кайзер Вильгельм, еще в начале этого столетия громогласно, во всеуслышание провозгласил лозунг: — «Будущее Германии на морях». Гибель русского флота в водах Тихого океана сбрекало Балтийское море на полное господство на нем германских морских сил. — Появление в этих водах новой, подвижной, быстроходной, ударной русской морской силы, составленной из судов построенных по «малой» судостроительной программе, хотя и не способной по началу оспаривать это господство, явилась бы постоянной, внушительной угрозой германскому прибалтийскому при-

брежью и ее морскому судоходству в случае возникновения войны.

Поэтому Кайзер Вильгельм и его Морской Штаб сочли необходимым способствовать устранению этой угрозы путем вооруженного столкновения в момент, когда эта русская морская сила была еще в состоянии постройки.

После гибели флота в 1904-1905 году, русская политика была принуждена оставить замыслы о расширении на Дальнем Востоке для упрочения там русского влияния и ограничиться стремлением к сохранению своих владений путем миролюбивых договоров с Японией. — Русские морские задачи на Дальнем Востоке сократились до предела.

Вследствие потери русского Балтийского военного флота в Тихом океане и угрожающего роста морского могущества Германии, наше Отечество утратило свое твердое положение на Балтийском море и фактически оказалось на нем в чрезвычайно опасном положении.

Существует такой афоризм: — «Море разделяет те страны, которые оно соединяет». — Что это означало в применении к создавшимся условиям? — означало это следующее. — Русская государственная, военная граница, проходившая дотоле где-то от Либавы к Бельтам, с гибелью Балтийского флота мгновенно передвинулась на самую береговую черту и стала тянуться вдоль всей этой черты от Полангена до севера Ботнического залива. И столица Российской Империи — Санкт Петербург оказалась стоящею на самой границе неприятеля, совершенно открытою для его военных ударов с самого начала возможной войны. Положение было столь угрожающее, какого не приходилось испытывать ни одной из великих держав в предыдущие десятилетия.

На Черном море в ту пору Россия еще обладала превосходством в морских силах над Турецким флотом, но вследствие начавшегося национального пробуждения империи Османов и стремления ее к обновлению своего флота, следовало зорко следить за его развитием и не отставать от него в его росте.

К счастью, дух офицерского личного состава Российского Императорского флота не был утрачен вследствие пережитых тяжких неудач. Личный состав флота горел желанием трудиться, чтобы уяснить причины поражений и возсоздать фэот, необходимый для решения политических задач нашего Отечества.

Офицерскому личному составу флота было понятно, что главной причиной поражений на море было отсутствие планомерности в подготовке и ведении войны, а также несоответствие развития вооруженных сил с военно-политическими задачами государства. — Личный состав проявил на войне с Японией высокие качества доблести и преданности долгу, но эти качества не искупили недостатков подготовки флота к войне и малого развития военно-морских знаний.

Вскоре последовал, по повелению Государя Императора, целый ряд повелительно требовавшихся преобразований, касавшихся Морского Министерства.

25-го апреля 1906 года был создан не существовавший дотоле Морской Генеральный Штаб. Высочайший рескрипт Морскому Министру был следующего содержания: — «Начатые обширные государственные преобразования, направленные к обновлению и преуспеянию дорогого Отечества нашего, могут быть с успехом приведены в исполнение лишь при создании неизменного положения России как Великой Державы. Для достижения этой цели крайне необходимо возсоздание соответственного боевого флота в ряду других вооруженных сил Империи, и содержание его в полной боевой готовности, без которой никакой флот не может быть на высоте своего государственного значения.

«Все усилия и все затраты, которые будут делаемы Государством для постройки и боевой подготовки флота, тем не менее, могут оказаться тщетными, доколе в деле его устроения не будут положены новые начала, обеспечивающие правильную, целесообразную работу всего Морского Ведомства. Посему, признавая наиважнейшим для флота безотлагательное и коренное преобразование Главного Морского Штаба, ныне ведающего боевой готовностью морских сил, повелеваем: — Выделить ныне же из состава Главного Морского Штаба стратегическую часть и связанную с нею организационную часть мобилизации флота в самостоятельное, ответственное учреждение в ряду других установлений — Морской Генеральный Штаб.

«Морской Генеральный Штаб имеет предметом своих занятий составление плана войны на море и мероприятий по организации боевой готовности морских вооруженных сил Империи... Да послужит это коренное преобразование одного из главнейших учреждений Морского Ведомства залогом обновления и стройного развития нашего флота и да укрепит оно рвение и усердие его личного состава».

Следовательно Морскому Генеральному Штабу вменялось в обязанность выяснить военно-политические задачи имевшие быть принятыми в основу для составления планов возможной войны на море и планов развития и

постройки нового, современного русского военного флота.

В период подготовки к войне Морским Генеральным Штабом было разработано и создано три варьянта планов войны на море. — План 1908 года, план 1910 года и план 1912 года. Развертывание русских морских сил Балтийского моря в июле 1914-го года производилось согласно плану 1912 года. Этот план был составлен с расчетом на борьбу с превосходящим по силе, могущественным флотом Германии, причем допускалась наихудщая комбинация, предусматривавшая выступление против нашего Отечества Германии в союзе со Швецией. В то же время совершенно верно учитывалось, что мощный британский флот прямого содействия русскому Императорскому флоту не окажет. Если это содействие и будет осуществлено, то лишь косвенным образом, сковывая часть германских морских сил в Северном море.

Поэтому русскому Балтийскому флоту ставилась оборонительная задача — прикрыть мобилизацию и развертывание частей нашей Армии, предназначенных для обороны столицы С. -Петербурга, по крайней мере на первые 17 дней войны. — Рекомендуемый планом способ решения этой задачи заключался в недопущении прорыва морских сил противника в восточную часть Финского залива. В случае попытки флота противника осуществить этот прорыв, предполагалось дать ему бой всеми наличными силами на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции. Позицию предполагалось создать поперек Финского залива на линии остров Нарген — мыс Поркалаудд, — точнее островок Макилото, путем постройки на этих пунктах батарей морских орудий самого моццного типа калибром в 14 дюймов. Водное пространство Финского залива между этими пунктами заградить несколькими линиями мин заграждения.

Во время войны эта позиция получила наименование «центральной». Минно-артиллерийская позиция рассматривалась русским морским командованием в качестве средства сковывания маневра противника и его ослабления во время боя с главными силами. На участке Поркалаудд — Твермине намечалось оборудование фланговой шхерной позиции для прикрытия финского побережья и обеспечения развертывания дивизии эскадренных миноносцев.

В соответствии с этим было намечено следующее развертывание имеемых в распоряжении морских сил. — В устье Финского залива — дозор крейсеров с задачей обнаружения попыток прорыва противника в Финский залив; — перед центральной минно-артиллерийской позицей подводные лодки. За флангово-шхерной позицей — вторая минная дивизия, отряд минных заградителей и отряд канонерских лодок. — Подводным лодкам и эскадренным миноносцам ставилась задача нанесения предварительных ударов по прорывающимся силам германского флота с целью ослабления их до главного удара.

В тылу центральной минно-артиллерийской позиции предполагалось развертывание главных сил русского флота, — бригады линейных кораблей, бригады крейсеров, дивизии эскадренных миноносцев и других. Главным силам ставилась задача не допустить прорыва морских сил противника восточнее позиции. С этой целью план предусматривал бой на центральной минно-артиллерийской позиции.

Поставив флоту чисто оборонительную задачу, русское морское командование решило с началом войны оставить передовые базы Либаву, Виндаву и Ганге, а также заградить Моонзунд. — Главной оперативной базой флота был намечен Ревель, где предполагалось создать крупный военный порт, защищенный крепостью. — Следует указать, что оперативная мысль, положенная в основу вышеуказанного плана войны 1912 года, как для имевшегося в наличии устаревшего флота, так и для флота предполагавшего быть созданным, сводилась к бою на подготовленной позиции.

Этот оперативный замысел отнюдь не привязывал флот к позиции и не являлся отказом от активных, наступательных действий в море, наоборот, он давал флоту широкую базу для наступательных действий, но в случае сосредоточения против русского флота превосходных сил противника, он давал возможность выполнить оперативную задачу в связи с общим планом обороны, а не быть просто заблокированным в своей базе, подобно тому как это случилось с германским флотом на Северном море во время 1-ой Великой войны.

На Черном море русский флот к началу войны утвержденного плана не имел. Главной задачей русского Черноморского флота Морской Генеральный Штаб считал завоевание господства на этом море, но реальные пути решения этой задачи намечены не были. — Составление плана войны на Черном море затруднялось тем, что не были известны планы германского командования в отношении крейсеров «Гебен» и «Бреслау», находившихся в ту пору в Средиземном море.

В течение войны русский Черноморский флот получил общие директивы от Морского Управления Ставки Верховного Главнокомандующего, коими и руководствовался при осуществлении боевых операций в Черном море.

— Еще во время Русско-Японской войны, 6-го февраля 1904 года последовало соизволение Государя Императора на образование «Особого Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования» и принятие сего Комитета под почетное председательство Великого Князя Михаила Александровича и председательство Великого Князя Александра Михайловича. — Чувство необходимости для России иметь военный флот было тогда, в этом случае, проявлено довольно сильно, ибо помимо всяких кредитов и ассигнований, независимо от Морского Министерства, рекой полились пожертвования со всех концов земли Русской. — В короткий срок Комитетом было собрано около 18-ти с половиной миллионов золотых рублей. В течении двух лет на эти деньги был построен целый отряд из 20-ти крупных эскадренных миноносцев, 4 подводные лодки и один исключительно быстроходный, дававший 36 с половиной узлов скорости хода, эскадренный миноносец «Новик», обладавший усиленным артиллерийским и минным вооружением. — Но этого было, конечно, мало для такой державы как наше Отечество. — После русско-японской войны, Морским Генеральным Штабом была разработана «большая судостроительная программа» постройки нового, современного военного флота для Балтийского моря следующего состава: — две эскадры, т. е. 16 крупных линейных кораблей типа «дреднаут», 8 крупных в 32 тысячи тонн водоизмещения, линейных крейсеров, 16 легких крейсеров и 72 эскадренных миноносца. Для Аландских островов и Моонзунда, отдельную дивизию из 36-ти эскадреннных миноносцев и 36 подводных лодок.

Для Черного моря предполагалось создание флота, состоящего из 8-ми крупных линейных кораблей, 4-х крупных линейных крейсеров, 8-ми легких крейсеров, 36-ти эскадренных миноносцев и 20-ти подводных лодок.

При составлении проэктов боевых судов Морским Генеральным Штабом, Главным Управлением кораблестроения и Морским Техническим Комитетом был полностью применен опыт русско-японской войны на море. — Все боевые суда, по своим тактико-техническим свойствам, как наступательным, так и оборонительным, являлись, едва ли не, самыми могучими и мощными среди военных флотов всего мира, по своему артиллерийскому и минному вооружению, бронированию, живучести и ходкости.

Как же протекало осуществление этих судостроительных программ? — А вот как. — Не взирая на богатый, вековой исторических опыт, в начале 20-го столетия русское образованное общество в большой своей части не вполне сознавало государственной необходимости военного флота для нашего Отечества. Например один из членов Государственной Думы сказал как-то, что «флот нужен России так же, как большому барину псовая охота».

Причина существования подобных взглядов была, видимо та, что многое множество русских людей считало свою Родину вполне сухопутной. — Однако следует пояснить, что сухопутных держав и держав морских не существует, а есть державы понимающие значение военно-ммормской силы для государства, и державы этого значения не понимающие. — А между тем знаменитое Петровское, прорубленное в Европу, окна на севере, и другое, южное, давно обратились для России в «легкие», коими дышал русский государственный организм. Но вот все же несмотря на то, что промышленная и торговая жизнь России зависела на 80 процентов от морского судоходства, не взирая на грозное наростание в Балтийском море германской морской силы, необеспеченный со стороны моря Петербург и легко подверженные ударам прибалтийские провинции, а в Черном море явно агрессивную на Балканах политику тройственного союза и пробуждение национально-шовинистической Турции, Государственная Дума в 1909 году не только отказала ассигновать кредиты на постройку нового флота, но даже выразила сомнение, — нужен ли вообще России флот?

Назначенный в 1908 году на должность Морского Министра генерал-адъютант адмирал Диков, поставленный подобным сомнением Государственной Думы в совершенно необычное, пожалуй даже траги-комическое положение, через два столетия после Великого Преобразователя земли русской и создателя Российского Императорского флота Петра 1-го, принужден был начать с буквы «аз». — Перед многочисленными членами Государственной Думы, по приказанию Морского Министра был прочитан ряд докладов морскими офицерами, только что созданного Морского Генерального Штаба, следующего содержания: «Зачем России нужен флот»; «Какой Россиинужен флот»; «Программы судостроения»; «Реформы Морского Ведомства» и «Морской вопрос в России». — В итоге члены Государственной Думы заявили, что они убедились в необходимости флота для России, но ассигновать кредиты на его постройку не могут, вследствие недоверия к умению Морского Министерства справиться с этой задачей. Таким образом вопрос государственной обороны посредством применения военно-морских сил попал в тупик, в коем оставался до 1911 года.

Однако, правительство не согласилось с постановлением Государственной Думы и внесло смету в Государственный Совет, который и одобрил ее. После внесения кредитов на судостроение в роспись государственных расходов согласно статьи 13-ой правил о рассмотрении рос-

писи, Государь Император повелел приступить к постройке 4-х крупных, современных линейных кораблей. — 30-го июня 1909 года были заложены первые крупные линейные корабли для Балтийского Императорского флота: — «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут» и «Полтава». — Этим и было ограничено осуществление «большой судостроительной программы». — Положение резко изменилось лишь в 1911 году, когда на должность Морского Министра был назначен адмирал И. К. Григорович. — Адмирал Григорович быстро сумел достигнуть полного доверия большинства членов Государственной Думы и кредиты для постройки флота были ассигнованы. — Началась новая эра кипучей деятельности в Морском Ведомстве, во всех его учреждениях и на действующих флотах и учебных отрядах. Было приступлено к осуществлению «малой» судостроительной программы. — Произведены крупные преобразования судостроительных заводов и всех служб и отделов Морского Ведомства. В 1911, 12-ом и 13-ом году были заложены два крупных линейных корабля «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина» для Черного моря, а также крейсера, эскадренные миноносцы и подводные лодки для Балтийского и Черного морей. Однако вследствие упущенного времени, первые крупные современные корабли должны были вступить в строй, как в Балтийском, так и в Черноморском флоте не ранее середины 1915 года. Это создавало условия по которым Морской Генеральный Штаб считал 1914 и первую половину 1915 года критическими, вследствие явной слабости морских вооруженных сил нашего Отечества.

В таком кратком докладе не представляется возможным перечислить полностью все успехи достигнутые личным составом Российского Императорского флота и Морского Ведомства за время протекшее с 1905 по 1914 год. — Это было время кипучей деятельности. В Балтийском море незабвенный адмирал Николай Оттович Эссен, герой Русско-Японской войны, в 1906 году назначенный на должность начальника отряда эскадренных миноносцев, позднее стал Начальником Морских Сил Балтийского моря. Под его начальством создалась целая плеяда искусных командиров, одиюеров и команд. В Черном море последовательно, адмиралы Сарнавский, Бострем и Эбергард управляли, обучали и готовили личный состав к военным действиям на море.

Во многих отраслях военно-морского искусства Российский Императорский флот был даже впереди сильнейших флотов иностранных держав. Совершенствуя искусное применение оружия на море, русские моряки создавали и новые лучшие суда. Ведущее место в развити типов эскадренных миноносцев занимала наша Родина. Эскадренный миноносец «Новик» по своим тактико-техническим свойствам долгое время оставался лучшим в мире кораблем этого класса.

Была создана «комиссия опытных стрельб», руководившая созданием новых способов сосредоточения артилерийского огня путем, так называемой «центральной наводки». Пиротехники создали более действительное взрывчатое вещество «Тринитротолуол», коим снаряжались мины заграждения, торпеды и артиллерийские снаряды. Были улучшены качества артиллерийских орудий и снарядов; дальнобойность увеличена до 120-ти кабельтовых; скорострельность крупных орудий была повышена до полутора выстрела в минуту. Установлено наиболее рациональное число орудийных башен на линейных кораблях и линейных крейсерах (четыре трехорудийные башни), а также наиболее выгодное их расположение — линейное. Русские мины заграждения были лучшими в мире. Мины образца 1908 и 1912 года и малая мина «Рыбка» всю первую мировую войну, по своим боевым качествам, оставались непровзойденными, Были созданы торпеды с подогревателем сжатого воздуха с увеличенной скоростью пробега и дальностью действия. На эскадренных миноносцах были установлены тройные торпедные аппараты и разработаны способы залповой стрельбы торпедами. Как важное достижение русского подводного судостроения надо указать закладку в 1912 году первого в мире подводного минного заградителя «Краб» по проэкту инженера Налетова. Большое развитие получило радио. Оно превратилось в основное средство связи флота. Средствами радиосвязи к началу войны 1914 года были оборудованы почти все боевые корабли и базы. — Усердием и трудами Начальников Морских Сил и их Штабов Балтийский и Черноомрский флоты уже имели стройные и законченные организации к моменту объявления мобилизации 17-го июля 1914 года в 3 часа пополуночи по Пулковскому времени.

Тотчас же по объявлении мобилизации, согласно заранее предусмотренных мобилизационных планов, разработанных Морским Генеральным Штабом, все суда принялись спешно готовиться к боевым действиям: — стали грузить полные боевые запасы снарядов, принимать мины и торпеды, топливо, смазочные и расходные материалы и так далее. — Везде шла работа не покладая рук. Мобилизация прошла точно по плану и в образцовом порядке. Во флот и службы Морского Ведомства личного состава было мобилизовано около 3000 офицеров и 90.000 человек нижних чинов.

Черноморский флот начал боевые действия лишь через $2^1/_2$ месяца 16-го октября 1914

года после внезапного, без объявления войны, нападения и бомбардировок германо-турецким флотом Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска.

В тревожном, опасном и угрожаемом положении оказалось командование Балтийским флотом с момента объявления мобилизации 17-го июля 1914 года, ибо план обороны Финского залива, занимающего фланговое, охватывающее положение относительно огромного фронта развертывавшейся по мобилизации армии, был основан на преграждении посредством минно-артиллерийской позиции, доступа в залив части могучего германского «Флота Открытого моря» — «Ди хох зее Флотте».

Отряд минных заградителей, состоявший из «Ладоги», «Наровы», «Енисея», «Амура» и «Волги» под флагом контр-адмирала Канина находился по мобилизации в полной боевой готовности ожидая приказания начать постановку мин для создания минно-артиллерийской центральной позиции. Условный сигнал «Молния», означавший — «начать постановку» — ожидался с минуты на минуту.

Начальнику Морских Сил адмиралу Эссен, герою Русско-Японской войны было памятно нападение японцев без объявления войны на открытом рейде Порт-Артура в ночь с 26-го на 27-ое января 1904 года.

На нем лежала тяжкая ответственность, чтобы избежать подобной ошибки русского командования в создавшихся угрожающих условиях. Поэтому адмиралом еще 16-го июля была послана следующая телеграмма:

— СПБ. Морскому Министру. 16-го июля 12 час. 10 мин. Прошу разрешения поставить главное заграждение ввиду угрожаемого положения. На это последовал ответ:

— Гельсингфорс, Рюрик, адмиралу Эссену. 17-го июля 2 часа 05 мин. Его Величество снова подтвердил, что постановка главного заграждения должна быть выполнена по особому повелению. Григорович. — Далее произошел следующий обмен телеграммами, свидетельствующими о крайнем напряжении царившим в ту пору. —

— Гельсингфорс, Рюрик, Командующему Флотом. 17-го июля 8 час. 18 мин. Государь Император повелел иметь в виду, что так как мы не в войне с Германией, то необходимо быть осторожным, чтобы не подать повод к недоразумениям и осложнениям. Русин. (Начальник Морского Генерального Штаба). — И далее.

— Гельсингфорс, Рюрик, Комфлоту. 17-го июля 11 час. 18 мин. По имеющимся сведениям, Германия в три часа ночи объявила общую мобилизацию. Русин.

Адмирал Эссен на эти телеграммы ответил следующей телеграммой:

— СПБ, Морскому Министру. 17-го июля 11 час. 30 мин. Считаю необходимым теперь же поставить заграждение, боюсь опоздать, выхожу Порккала-Удд на Охотнике. Эссен.

— Гельсингфорс, Рюрик, Комфлоту. 17-го июля 15 час. 00 мин. Агентурным сведениям часть германского флота переходит из Киля в Данциг. Русин.

— Гельсингфорс, Рюрик, Комфлоту. 18-го июля 2 часа 20 мин. пополуночи. Агентурным сведениям германский флот может быть у позиции к шестнадцати часам. Минмор докладывает Государю. Русин.

По правым шканцам броненосного крейсера «Рюрик» от кормовой башни до часового у флагштока, как заведенный механизм, второй час ходил Командующий Балтийским Императорским Флотом адмирал Николай Оттович Эссен. — Утро вставало ясным и тихим. Тишина стояла и над спящим кораблем, и над рейдом, вода коего начинала приобретать краски. — Просвистали дудки унтер-офицеров, началась смена вахты. Адмирал, заложив руки за спину, все ходил, сдерживая торопливость шага. — На очередном повороте у кормовой башни его нагнал флаг-офицер, утративший обычную щеголеватось, с красными от бессонной ночи глазами.

«Ваше Высокопревосходительство»», — негромко начал он, но адмирал заметив в его руке листки телеграмм, резким движением выхватик и прочел:

— Гельсингфорс, Рюрик, адміралу Эссену. 18-го июля, (принята в 4 часа 15 мин. пополуночи). Молния номер два. Генерал-адъютант Григорович. — И вторая телеграмма:

— Гельсингфорс, крейсер Рюрик. Командующему флотом. 18-го июля, принята в 4 часа 18 мин. пополуночи. Разрешаю поставить главное заграждение. Главком Генерал-адъютант Николай. — Адмирал Командующий снял фуражку и широким жестом осенил себя крестным знаменем.

18-го июля в шесть часов пятьдесят шесть минут из левого кормового полупортика минного заградителя «Нарова», бывшего в прошлом паропарусным фрегатом «Генерал-Адмирал», подталкиваемая минерами заградителями и матросами, громыхая по рельсам, скатилась в воду первая из тридцати девяти тысяч мин, поставленных в Финском заливе и в Балтийском море у самых берегов Германии кораблями Российского Императорского флота во время первой Мировой войны.

И подобно тому, как крохотный камешек

увлекает за собою к обрыву огромно-объемный горный обвал, она фатально увлекала за собой в бездну истории веками сложившийся социально-политический уклад нашего Великого и славного Отечества — блистательной Императорской Российской Державы.

Н. С. Чириков

«Святой Евстафий»

20-го сентября православная церковь чтит память Святого Евстафия Плакиды. В этот день на линейном корабле «Евстафий», в Черноморском Флоте, храмовой и судовой праздник. По этому случаю, с разрешения Адмирала, корабль предоставлен самому себе в течение двух дней, то есть не следует общему эскадренному расписанию занятий и работ. Накануне — генеральная приборка: скачивают палубу и скоблят ее с песком, драют медяшку, моют наружный борт и подкрашивают ватер-линию. После обеда ставят на шканцах и на юте тент и обвесы из сигнальных флагов. Электрики устанавливают добавочное освещение, люстры и лампочки, для приема гостей.

На следующее утро, в день праздника, команда встает в обычный час и, по случаю праздника, получает чай с молоком и по пол большой 5-ти копеечной булки. После чая — легкая приборка и подается команда вахтенного начальника — «команде переодеться». Все одевают чистые белые брюки и форменки. Форма одежды — номер первый.

В восемь часов поднимается кормовой флаг, но не обычный, а шелковый, праздничный.

В десять — судовой священик Отец Харлампий служит на верхней палубе легкую «обедницу», затем — короткое поздравительное слово командира и «свистать к вину!» Выходит баталер с ярко начищенной ендовой и списком команды. Все желающие подходят и выпивают свою дневную порцию. Баталер ставит кресты в списке. После этого — обед праздничный: борщ флотский со свининой, макароны с коровьим маслом и творогом и каждому по яблоку.

В кают-компанию к завтраку приглашен командир и офицеры с дружественных кораблей, прибывшие поздравить с праздником. Завтрак парадный, изысканный: подана «отечественная», красное и белое крымское вино, разнообразные холодные и горячие закуски. Затем — бульон с кулебякой, отварная осетрина под белым соусом, жареная индейка, пломбир, фрукты, кофе и ликеры.

В два с половиной, после чая, приступают к празднику. Сначала матросские игры и состязания на призы, затем концерт балалаечников, кинематограф, сеанс фокусника, спектакль-сцена из морской жизни, матросского сочинения, «Царь и его непокорный сын Адольф», после чего — танцы с приглашенными дамами и девицами, знакомыми команды. И вот, тут-то и случилось «событие».

За фокусником, вахтенный начальник послал на Графскую пристань моторный барказ, за неимением других шлюпок, спущенных на воду. Старшина-рулевой, моторист и два крючковых, отвалили от корабля и благополучно прибыли к пристани. Там среди публики они легко нашли фокусника, узнав его по его профессиональному костюму-смокинг, крахмальная грудь, котелок на голове и чемоданчик с принадлежностями для работы, — приняли его на шлюпку и отправились в обратный путь на корабль.

В те времена, моторы и дизеля еще очень редко употреблялись в нашем флоте. Моторы были примитивные и среди личного состав мало кто их знал и понимал толк, почему и с нашим мотором случались часто казусы.

И вот, наш барказ отвалил от Графской, но не дойдя еще до Павловского мыса, начал чихать, а потом и совсем остановился. С ним это случалось часто и потому в первый момент никто не удивился и не обеспокоился. Но на этот раз вышло не так. Как ни старался моторист его снова завести, мотор только иногда чихал, но хода не давал. Под страшную морскую ругань старшины Перепелицы, моторист начал разбирать мотор, снял карбюратор, дул в него во всю силу своих легких, снова заводил, ничего не получалось, снимал свечи, кусал их зубами, снова крутил ручку, без результата, — мотор не идет.

Тогда Перепелица принял решение идти на веслах, так как легкий ветерок из Инкерманской долины и слабое течение Черной речки медленно, но верно несли барказ в открытое море. Он приказал разобрать весла, сам сел на место правого загребного, моториста в синем рабочем просаленном платье посадил рядом с собой, двух крючковых — на бак, а фокусника, в его костюме и котелке, на штурвал. Нужно быть военным моряком, чтобы полностью себе представить скандальный и комический вид такого барказа под Андреевсик флагом.

Путь дальний, «Евстафий» стоит в глубине бухты, против Ушаковой балки. Такой барказ в нормальное время ходит под восемнадцатью веслами, а тут — четыре, да и грести надо против ветра и течения. Проходить надо мимо всех

кораблей и «Святителей» (линейный корабль «Три Святителя») под адмиральским флагом.

Сигнальщики на кораблях быстро заметили эту странную картину и доложили на вахту. Все, кто мог, высыпали на палубу полюбоваться этим спектаклем. При проходе вблизи корабля, осыпали его шутками, смехом и остротами.

На адмиральском корабле флаг-офицер, онже зять адмирала, увидев барказ, быстро спустилсоя в Адмиральское помещение. «Ваше Превосходительство, извольте выйти на верхнюю палубу на минутку». «Что такое?» «Пожалуйте, пожалуйте, очень интересно». Адмирал вышел наверх и увидел приближающийся барказ. Он кусал ус и на его лице появился нервный тик.

Проходя под кормой у Адмирала, Перепелица скомандовал «весла на валек!» (отдание чести на шлюпке), а фокусник снял котелок и приветливо раскланялся с Адмиралом и, по привычке направо и налево. Его Превосходительство на салют не ответили, топнули ножкой и удалились в свое адмиральское помещение. Барказ, несколько обеспокоенный, продолжал свой путь.

Через пять минут семафор: «Командиру «Евстафия», ожидаю объяснения неприличного вида вашего барказа. Адмирал».

Барказ пристал, наконец, к трапу «Евстафия», где его встретил Старший Офицер и весь экипаж. Перепелица доложил о происшествии и принятых им мерах. Старший Офицер поблагодарил его за распорядительность. А Командир послал Лейтенанта Барона Гейкинг (в обиходе команды — Гайкин), самого лучшего дипломата, к Адмиралу объяснить происшествие и разрядить его гнев. Все окончилось благополучно и праздник продолжался.

Старший Лейтенант **Н. Гаттенбергер**

Царский выпуск - 1914 - 1964 г.

Листки календаря срывались и уносились капризным ветром жизни в прошлое, невозвратное. Молодость срывала листки-дни небрежно, весело, беспечно. Жизнь казалась бесконечной, горе мимолетным. В зрелом возрасте, к листкам стали относиться внимательнее, дольше задерживали в руках, вспоминали прошлое, но больше думали о будущем. Строилась жизнь, царствовала надежда. Придя к черте, за которой садится солнце, усталая рука осторожно срывает прожитый листокдень. Не последний-ли? А властное прошлое неумолимо напоминает о себе, о каком то, когда то давно, давно прожитом дне, оставившем неизгладимый след свой. И тянутся нити воспоминаний извилистыми путями-переходами, по которым прошла безпечная красавица жизнь, а память любовно собирает рассыпанный жемчуг из ее разорванного ожерелья.

В начале ноября 1914 года, в Петербурге стал падать ранний снег. Затейница зима уютно на долгое время устраивалась в северной столице и заботливо украшала улицы, сады, дворцы, Неву и каналы. Но обычной зимней радости не было. Правда, Петербург шумел и грохотал. Днем и ночью, по залитым электричеством улицам беспрерывно двигались экипажи, автомобили, снова толпа. Петербург-Старожил растаял в потоке новых пришельцев. По улицам, с музыкой, проходили колонны войск, громыхали обозы. Всюду мелькали ремни походных офицерских форм, косынки сестер милосердия, папахи солдат. Гвардия ушла на фронт. Горе притаилось в городе. На улицах, в порывах ветра, черным, зловещими птицами метался траур женщин, ветер сушил слезы, но не мог высушить растущую, как лавина, боль.

Изменила война жизнь и в здании Морского Корпуса на Николаевской набережной Васильевского острова. Приближался ежегодный праздник Корпуса, 6-ое ноября, но всем было известно, что в этом году будет лишь парад и парадный обед. Обычный блестящий бал отпадал. Да и кто мог веселиться в те дни? Все мысли были на фронте и на судах флота. Все ушло в торопливую и усердную подготовку к неминуему участию в быстро разворачивавшихся событиях. Боялись лишь одного — опоздать. Каждый день был перегружен лекциями, учениями, практическими занятиями.

В артиллерийском классе ведется практическая стрельба на приборе Длусского. Таблицы поправок, установка, прицел, целик, недолет, перелет, два больше, три лево, накрытие, взлетают столбики воды вокруг двигающихся игрушечных корабликов. Скорее бы по настоящим!

В минном классе возятся со сложными механизмами самодвижущихся мин. Заветная мечта — лихая атака миноносцев! Кропотливо трудятся над огромными минами заграждения. Многим придется походить по минным полям.

Жужжит и трещит разрядами радио-телеграфная рубка, говорит эфир. Много бессонных ночей впереди перед сложными шифрами.

В девиационном кабинете вертятся на площадках с компасами будущие штурмана, уничтожают и определяют девиацию компасов, гоняясь за таинственными магнитными силами. Скоро все это заменит настоящий «летающий» мостик.

Вечер 3-го ноября 1914 года. Совершенно неожиданно, старшей гардемаринской роте приказывают построиться в Столовом зале, перед статуей Петра Великого. Зал слабо освещен, но вот, включают яркий свет. Все офицеры на местах. Под хорами мечется, как обычно, ротный командир, капитан 1 ранга Завалишин, милейший «Мотор». Он взволнован, кого то и что то ждет. Гардемарины в недоумении.

Наконец, из Картинной Галлереи выходит в зал небольшая группа во главе с морским министром адмиралом Григоровичем и директором Корпуса, контр-адмиралом Карцевым. Поздоровавшись, после небольшой паузы, как бы что то обдумывая, министр обратился к гардемаринам, приблизительно, со следующими словами: «Директор Корпуса мне доложил, и я точно осведомлен о ваших успехах в науках и практической подготовке. Я произвожу вас в корабельные гардемарины и об этом доложу Государю Императору. Поздравляю Вас, господа, с производством. О дальнейшей своей судьбе вы узнаете от Директора Корпуса, которого я оповещу о решении Государя».

Радостный ответ благодарности, и начальство попспешило удалиться. Гардемарины были уволены в отпуск до утра. Было приказано срочно закончить офицерскую экипировку.

Дня 4 и 5 ноября прошли в ожидании. Начальство ничего положительного не знало. Строились предположения. Правда, вечером 5-го ноября, как легкий ветерок по заснувшей листве, пронесся слух, что «может-быть» на парад завтра прибудет в Корпус Государь. Возможно, что надежда родила слух, слух же раждал надежду. Заснули в неведении.

Утром 6-го ноября легкий снежок играл по улицам Петербурга. Было бодро, свежо, чуть чуть морозно. Корпус шумел, как муравейник, готовясь, как обычно, к параду и обеду. Теперь уже, как то без слов, стало известно, что Государь обязательно прибудет на парад.

Старшая кадетская рота ушла в церковь на Литургию. Батальоны, кадетский и гардемаринский, ждали возвращения ее в Столовом зале. Наконец она вернулась и стала на свое место. В этом году блестящая группа гостей у статуи Петра Великого значительно поредела. Много было защитных и походных форм. Хоры полны, но и там как то тихо и настороженно.

Парадом командует полковник по адмиралтейству Алтухов. Он внимательно всматривается в широко раскрытые двери музея. В зале тихо, так тихо, что кажется слышен шум играющих за окнами снежинок. И, вдруг, резко и отчетливо, падают слова команды «Встреча слева!» Взлет приема «на краул», одновременный рывок поворачивающихся голов и в фокусе всех глаз, устремленных на двери, появляется входящий в зал Государь Император.

В двухсветный зал льются потоки света, блестит зеркало паркета, свет отражается в огромных люстрах, горят золото и серебро, сверкает медь труб оркестра, играет вороненая сталь штыков, кругом море блеска и света и, вдруг,... все это как то меркнет, стушевывается, скромно и почтительно отступает. Какой то особый свет-сияние окружает невысокую, стройную фигуру, так уверенно, спокойно и просто, но в то же время торжественно и величаво входящего Императора.

Приняв рапорт командующего парадом, Государь остановился перед серединой фронта, поздоровался и поздравил Корпус с Праздником. Вслед за тем, он прошел на правый фланг к старшим гардемаринам, теперь уже корабельным гардемаринам, поздравил их с окончанием Корпуса и, после нескольких напутственных слов, поздравил с производством в мичманы. Вспыхнуло «Ура!» новых мичманов. Государь, взглядом, попросил директора Корпуса остановить это ура, что директор и исполнил, подняв руку. Повернувшись к остальному строю, Государь громко сказал: «А вам Я назначаю Шефом Морского Корпуса Наследника Цесаревича».

И тогда уже неудержимое ура, слившись с аккордами гимна, заполнило огромный зал, рвалось из массивных стен здания, подступало сладко-горьким комком к горлу. На хорах плакали женщины.

Как в тумане, прошел церемониальный марш. В последний раз, под огромной статуей «Державного Плотника» стоял Его Венценосный потомок. Мимо Него проходили «Дети Гнезда Петрова» и никто не знал, что это был последний, прощальный марш...

Парад кончился. В Столовом зале звенела посуда, передвигались столы, готовились к обеду. В ротных помещениях кадеты и гардемарины приводили себя в порядок. Государь, после парада, осматривал помещения Корпуса, вновь строющийся огромный бассейн для плавания, посетил в лазарете больных.

Вдоль классного корридора и в Компасном зале выстроились 140 человек только что произведенных мичманов. Тихо стояли молодые офицеры. Происщедшее внезапно вырвало их из привычной обстановки. Радость была велика, сбылись мечты. Каждый верил в свою

счастливую звезду в предстоящей борьбе жизни и смерти.

Двери лазарета открылись и вошел Государь. Он подошел к каждому мичману, каждому подал руку, каждого, вновь, поздравил с производством, каждому ласково улыбнулся. И было что то мистически-торжественное в этом посвящении в рыцари вечного долга служения России и Императору.

Еще раз пожелав успеха в жизни, Государь, сопровождаемый свитой, быстро прошел в вестибюль и уехал.

А потом был обед. Играла музыка, читались поздравления, говорились тосты, слышался смех. Новые мичмана были уже гости. После обеда они оставили Корпус. Гардемарины и кадеты ушли в отпуск.

Весь день и весь вечер падал тихий, ласковый снег. Падал на золото накладных якорей гардемаринских погон, на звездочки погон молодых мичманов; снежинки таяли и превращались в кристальночистые слезы... Небо Петербурга плакало...

Корпус затих. Вечером не вспыхнули ослепительным заревом его окна, к его подъездам не потянулся блестящий съезд моторов и карет, и «красавиц юных рой» не устремился в Столовый зал.

Там было темно. Вальс не звучал.

Леонид Павлов

Отдельные Гардемаринские Классы

Стоял июль месяц 1914 года. Исколесив Балтийское море вдоль и поперек, парусная шхуна Лиги обновления Флота «УТРО», под командой участника Цусимского боя, академика-гидрографа старшего лейтенанта в отставке Николая Николаевича Зубова, имея на борту 80 молодых представителей самых разнообразных учебных заведений возвращалась, как всегда в ветренную погоду, под парусами домой. О событиях, волновавших в тот момент весь мир мы ничего не знали и потому, полной неожиданностью для нас, была встреча со 2-й Минной дивизией в Ганге. Миноносцы проходили мимо нас с двумя рядами мин заграждения на палубах и с головного «ГРОМЯЩЕГО» контр-адмирал Курош сообщил нам в рупор об объявлении войны, на что мы ответили долгим и дружным «ура!»

В палубе оживление было огромное и все 80 человек тотчас-же решили записаться добровольцами на флот. Вместо этого, миноносец «РАСТОРОПНЫЙ» отбуксировал нас в Лапвик, наш корабль был разоружен и затоплен в шхерах а мы — посажены в вагоны и отправлены по домам «доучиваться».

Каникулы еще не кончились и я, возбужденный и радостный, разгуливал по Петербургу, в полной матросской форме, мечтая уже о будущем НЕСОМНЕННО Георгиевском кресте, а пока что лихо отдавая честь офицерам и четко становясь во фронт, многочисленным в столице, генералам. Еще год и у меня на плечах появятся гардемаринские белые погоны Морского Корпуса, мечта с детских лет. Однако, как это часто бывает в жизни, все сложилось иначе.

На берега Невы съезжалось тогда много молодежи, только что окончивших среднюю школу, для поступления в военные училища. В их числе был и один из моих кавказских двоюродных братьев, прихвативший с собой близкого товарища, с которым он и появился в нашем доме. Это было мое первое знакомство с И. М. Исаковым, с которым потом нас связала дружба в течении трех лет. Тогда, конечно, я не мог предполагать что он станет адмиралом советского флота и, после долгой и сложной флотской жизни будет доживать свой век где-то на покое. Приехал он поступить в Отдельные Гардемаринские Классы, новое морское училище, основанное в 1913 году, в предвидении осуществления большой судостроительной программы, которая потребовала-бы большое количество офицеров и Морской Корпус один не смог бы справиться с этой задачей. Поэтому, он много расспрашивал меня о нашем плаваньи и подробностях военно-морской службы, которую я уже несколько прошел.

Узнав о моем желании идти в Морской Корпус, мой новый приятель стал говорить о том что Отдельные Классы — училище новое, совсем по иному оборудованное а главное — каждому из выпусков предстоят дальние учебные плаванья, да еще в заграничных водах. После

мучительных колебаний, я отправился в канцелярию нового училища, узнал досконально все детали и правила и, в положенное время, подал прошение на Высочайшее Имя. Исаков, в ту пору, был уже в плаваньи, в Тихом Океане.

Принимали нас по конкурсу аттестатов, причем конкурс был очень высокий, чуть ли не 4½ по пятибальной системе. (В конкурсе приемные экзамены были отменены в следующем 1916 году). Медицинский осмотр был долгий и тщательный, забракованных было порядочное количество. Несмотря на мой хороший аттестат, я попал в училище далеко не из первых. Все 120 вакансий заполнены не были и, впоследствии, начальству пришлось вызывать поименно, тех, кто не попал в первую очередь и еще оставался в городе.

Училищу было отведено левое крыло, так называемых, Дерябинских казарм, в конце Большого проспекта на Васильевском Острове. Все помещения были заново отремонтированы и снабжены всем необходимым для существования училища. В двух последних имелись всевозможные приборы, образцы пушек и мины заграждения и Уайтхеда. Ротные помещения, с конторками для каждого гардемарина, огромные спальни, столовый зал, с большим портретом государя, во весь рост, на «ШТАНДАРТЕ» был, просто великолепен.

В вестибюле нас встречала большая модель «ПЕТРОПАВЛОВСКА» и... зоркие глаза двух швейцаров, из старых заслуженных унтеров, закончивших действительную службу. Во дворе были собственные швальня и баня. На этом дворе происходили строевые учения и мы занимались гимнастикой и фехтованием, собственно-же гимнастический зал находился в нижнем этаже главного здания. Кормили нас отменно — обед и ужин из трех блюд, на столах кувшины с клюквенным или солодовым квасом. В такой обстановке нам предстояло пробыть, без малого, три года.

Начальник училища, тогда еще не произведенный в контр-адмиралы, капитан 1 ранга Сергей Иванович Фролов был одним из представителей новых веяний во флоте, прекрасный специалист по девиации, умный, энергичный, отзывчивый но очень нетерпеливый человек, он делал все чтобы поставить созданное им детище на должную высоту. К гардемаринам он относился по отечески и называл нас на «ты», мы, со своей стороны, его любили и окрестили «папашкой». Чтобы яснее охарактеризовать нашего Начальника, расскажу один небезинтересный случай. В один прекрасный день, не знаю по какой причине, Сергей Иванович решил сам сделать репетицию по девиации нашей смене. Смена эта считалась одной из лучших по учению, насчитывая в своих рядах большинство «капралов» (унтер-офицеров). По своей Горячности С. И. не умел ясно ставить вопросы и, кроме того, требовал молниеносно быстрого ответа. Результат — вся смена получила неудовлетворительные и, кажется, только один каким-то чудом получил восьмерку (первый удовлетворительный балл). Такой результат поразил самого Сергея Ивановича и он назначил повторную репетицию, которую поручил провести спокойному и обстоятельному лейтенанту М. А. Докушевскому. Контраст был разительный — ни одного балла меньше 11.

Вполне понятно что первые дни после поступления в Училище не показались нам особенно радужными. Не легко было освоиться с порядками и дисциплиной нам, только что оторванным от своих семей и домашнего обихода. Кроме того, надо было изучать «словесность», преподаваемую незабвенным кондуктором Бакуном. Строевые занятия, отдание чести, постановка во фронт, ружейные приемы — все это казалось трудным молодым людям, никогда не проходившим никакой воинской подготовки.

Все мы были пострижены «под нуль» нашим училищным парикмахером, ходили в голанках без погон и длинных штанах. Никаких отпусков не существовало. Помню как приехавший с фронта мой шурин взял билеты в Мариинский театр для всей нашей семьи. Мне пришлось подать особую докладную записку ротному командиру. Разрешение было дано но в театре, а антрактах, я прятался в глубине ложи — уж очень у меня был вид непрезентабельный в «безпогонном» состоянии.

Примерно через неделю после поступления, к нам пришел знакомиться с ротой наш постоянный ротный командир старший лейтенант Б. М. Петров 7-ой, бывший Порт-Артурец. Думаю что лучшего ротного командира трудно себе и представить. Под его грубоватой и суровой внешностью скрывалось замечательное сердце. Строгий, лаконичный в своих распоряжениях, о каждом из нас, он заботился, как о родном сыне.

Время проходило быстро и незаметно приближался срок нашей отправки на Дальний Восток, для 9-месячного плавания на крейсере «ОРЕЛ». Гардемарины сживались, знакомились друг с другом, завязывали дружеские отношения. По утрам, при первых звуках барабана или горна, нашего замечательного сверхсрочного горниста Пересыпкина, уже без ропота, вскакивали с коек. В свободное время начали заучивать текст присяги, которую мы должны были принимать уже во Владивостоке.

Наступило утро. Когда «большие чемоданы», с утра, были отправлены на вокзал, мы поняли что наступил день отъезда. По всему училищу разнеслась весть что с нами прощаться приедет

Морской Министр адмирал Григорович. Уже под вечер, рота была выстроена в столовом зале. Вошел адмирал, высокий, красивый, с седеющими усами и небольшой бородкой, в орденах и ленте. В кратком слове, он пожелал нам успеха в будущей службе и счастливого плавания.

Совсем стемнело, когда рота, построенная по отделениям, бодрым шагом двинулась по Невскому к Николаевскому вокзалу. Немногочисленная в этот час, публика, с любопытством, посматривала на нас. Выглядели мы уже совсем прилично, так как были одеты в бушлаты с черными погонами и золотым якорем на них. Не хватало только галунов на погонах но и такой внешности стесняться уже не приходилось.

На путях стоял, приготовленный для нас, специальный поезд, составленный из красивых пульмановских вагонов, с продолговатыми зеркальными стеклами. Платформа была заполнена родственниками, у кого они были, и провожающими. Моя заплаканная мать и сестра крестили меня и, передавая большой пакет с печеньями и фруктами, умоляли быть осторожным. Сердце у меня разрывалось на части.

Наконец — «большой сбор» и команда — «по вагонам». Рота была размещена по 4 человека в купе. Последние прощальные приветствия и поезд тихо двинулся. Начался 12-дневный путь через всю Российскую империю.

Старшина нашей смены Синицын быстро наладил порядок в нашем купе. Он был кадетом Морского Корпуса, ушел оттуда в Мореходное училище Дальнего плаванья (подготовлявшее коммерческих моряков) и теперь поступил в наши Классы. Военного и флотского опыта у него было достаточно, к тому-же он был отменным товарищем а по службе — требовательным и строгим начальником.

Наше долгое путешествие дало нам возможность познакомиться с разнообразными картинами нашей родины. По-вахтенно, ходили пить утренний чай в вагон-столовую, там же происходили некоторые занятия, в частности, неподражаемый «сэр» Тончук учил нас английскому языку «по своей собственной системе». Система была так замечательна что в памяти нашей не осталось буквально ни одной английской фразы и познания в этом языке остались чрезвычайно ограниченными.

Поезд шел без задержек, так как пропускали его всюду вне очереди. Обедали и ужинали на больших станциях, куда заранее давалась телеграмма с заказом. Наше появление за центральным столом буфета производило сенсацию среди вокзальной публики и пассажиров других поездов.

Так перевалили Урал и, оставив Европу, оказались в Азии. Ландшафт начал меняться и вскоре потянулись бесконечные леса — тайга! Леса, леса и невиданные сибирские реки. Неизгладимо впечатление от неимоверно широкого и могучего Енисея. Казалось что мосту не будет конца... Здесь где-то совсем недалеко готовил Ермак подарок русскому Царю!

За Енисеем ослепляет своим великолепием бурная, кристально прозрачная Ангара. И наконец — Иркутск. Холодеет. Ведь на дворе уже октябрь.

После отличного вокзального обеда, в ясный лунный вечер поезд начинает огибать Байкал. Мы не можем оторваться от окон до того феерично-красива эта масса, дрожащей в лунном свете, воды. Среди нагромаждения гор, наш состав то и дло прячется в безчисленных тунелях. Под утро, отходим от озера моря — Забайкалье, Чита, Манчжурия. Картина опять меняется и становиться однообразной со своими сопками, с редкими деревьями. То там, то здесь — укрепленные посты нашей Пограничной Стражи. Иногда, из них выглядывают жерла пушек. В нас еще живы воспоминания, сравнительно не давней, японской войны. Всматриваемся в лица китайцев — неискренние, загадочные глаза, подобострастная вежливость и невольно думается — что то будет если ему дать силу, если он получит уверенность в своей силе?

Поезд снова вступает на русскую территорию. Уже чувствуется приближение океана. И вот поезд тихонько подходит к красивому, в русском стиле,, Владывостокскому вокзалу. Насколько я помню, на перроне нас встретил флаг-капитан Штаба Командующего Флотилией капитан 1 ранга барон Остен-Сакен с группой офицеров. Тут же оркестр Сибирской Флотилии. После официальной части, под звуки марша «Кого-то нет, кого-то жаль», в лучах уже бледноватого не летнего солнца, рота втягивается в Светланскую улицу и, через весь город, шагает вглуб Золотого Рога, где стоит у стенки наш крейсер. Разочарование неописуемо: вместо настоящего военного корабля, перед нами небольшой двухтрубный пароход, с голыми мачтами, весь окрашенный в светло-шаровую краску... Четыре 37 мм пушки на баке, две 120 мм Канэ на юте и на кормовой рубке, прибавьте еще одинокий Максим и это определит боевую мощь нашего крейсера.

На этом закончился для нас этап подготовительного флотского существования, суливший нам в будущем много радостей но и много испытаний.

— О —

В октябре 1915 года, еще не была закончена немцами корсарская война. Совсем недавно еще, был потоплен в Пенанге наш «ЖЕМЧУГ». По агентурным сведениям, по голландским портам,

в нынешней Индонезии, прятались немецкие подводные лодки. Поэтому, совершенно было непонятно по каким соображениям, для плавания гардемарин, был выбран коммерческий пароход. Может быть чтобы своей миролюбивой внешностью не привлекать особого внимания? Или играли роль какие либо особые, высшие соображения — дело было неизвестное и никому непонятное.

Так или иначе, крейсер «ОРЕЛ» был один из шести, кажется, пароходов Добровольного Флота, построенных в 1909 году, в Штетине. Водоизмещение около 4000 тонн, с «парадным» ходом — 14 узлов. Один из этих шести, не помню какой, уже был захвачен немцами. Как наш пароход ни драили, как ни подкрашивали, он никак не подходил на корабль Российского военного флота. Нужно сказать что, в то время, и вся то Сибирская Флотилия выглядела как-то тускло. «АСКОЛЬД» ушел в Средиземное море и во Владивостоке оставалось несколько миноносцев времен японской войны, разоруженный, несший брандвахтенную службу, «МАНДЖУР», транспорта «КСЕНИЯ», «МОНГУГАЙ», «ШИЛКА», охранявший промыслы — «ЯКУТ» и вооруженный трехтрубный пароход Добровольного флота «ПЕЧЕНГА».

Гардемарины были размещены в жилой палубе и спали на рундуках и в подвесных койках. Нашей смене подвезло, так как нас поместили в кормовых каютах 2-го класса, по 4 человека в каждой, на одной двойной койке, диванчике и в подвесной. Посередине стол под люком, словом, что-то врод маленькой кают-компании. Нашим кормлением заведывал буфетчик, ведший это дело исключительно хорошо и добросовестно, так что по приходе в каждый иностранный порт нам выдавалась на руки некая сумма, экономия от нашего морского довольствия. Деньги эти выдавались в валюте данной страны и бывали нам очень кстати. Пища была вполне удовлетворительна, только в тропиках донимали чуть не ежедневные котлеты и рисовая каша с ананасами.

Уже на следующий день по прибытии, нас принял сменный офицер мичман Пашков но, почему-то, вскоре он перешел в другую смену, а к нам был назначен мичман В. А. Тихвинский, который с нами и занимался всю кампанию. Недавно произведенный в офицеры, выпуска 1915 г., застенчивый по натуре и несовсем еще уверенный в себе он часто смущался и краснел. Оказался он милейшим человеком но неопытность его мы сразу почувствовали и, к чести нашей сказать, всячески старались его не подвести.

Одновременно с ним, к нам был назначен унтер-офицер Чуксин. Надо отметить что почти половина нашей команды была с погибшего «ЖЕМЧУГА», люди видавшие виды на своем веку, главным образом, из сибиряков. Выдержанный, подтянутый, прекрасно знайщий свое дело Чуксин постепенно и с большим умением преподносил нам премудрости флотской науки. Несравненные Российские унтер-офицеры!.. Вероятно, они были такими спокон веку на Императорском флоте! Сколько нужно было иметь терпения и настойчивости чтобы вдолбить в голову совершенно незнакомых с морской жизнью людей своеобразную судовую науку. Как, до мельчайших подробностей, ухитрялись они знать свое дело! Каким спокойствием, какой смекалкой и находчивостью отличались они в трудные и опасные минуты... Нельзя забыть вас Чуксин, Водопьянов, Аршинкин...

Не скажу того-же о старшем боцмане кондукторе Качимове, уже хотя бы за его привычку «давать зуботычину», увлекая матроса в какой-нибудь укромный угол, куда не проникал нескромный офицерский или гардемаринский глаз. С нами он обращался с некоторым этаким «почтительным презрением». Мы для него являлись какими-то «сосунками» и он никак не хотел видеть в нас будущих офицеров.

С первых же дней на нас свалились три «развлечения»: первое — вязание коек. Для этого нужна была сноровка и большая практика, тем более что наши коечные сетки, на левых шханцах были подогнаны как раз точно по уставной мерке и если койка имела хотя бы малейшее «пузо», ее засунуть на место не представлялось возможным. Кончалось это тем что вахтенный начальник отсылал неудачливого «раба Божьего» вниз, перевязать ее. Правда. первое время при нас был неизменный Чуксин но в дальнейшем это попахивало постановкой под винтовку. Второе, по началу изнурительное, занятие было гребное ученье. Шлюпочное весло — тяжело. Грести им нужно умеючи. В результате долго не проходившие, подчас кровавые, мозоли.

А тут подоспело еще третье развлечение, впоследствии, к нашей общей радости, больше не повторявшееся, — угольная погрузка, очевидно свалившаяся на наши головы, с целью ознакомить нас с подлинной жизнью рядового матроса. Угольная пыль проникала всюду а на наши мозоли просто страшно стало смотреть...

В плаваньи все это упростилось, так как поставщик угля, поставлял обыкновенно и рабочую силу, для его погрузки. Нужно сказать что, несмотря на все эти проходящие неприятности, наше настроение не падало и мы продолжали совершенно нормально поддерживать свой крепкий «марсафлотский» дух.

В скорости, нас стали отпускать на берег, до девяти часов вечера. Не скажу чтоб во Владивостоке это представляло для нас значительный

интерес — гуляли по городу, заходили на вокзал — пить какую-нибудь, совершенно невинную, жидкость, похаживали в парке, окружавшем дом Командующего, знакомились с гимназистками. В городе было две женских гимназии, из которых одна была нашей «избранницей», передававшейся потом из выпуска в выпуск. Однажды, задержанные двумя местными красотками, я с моим товарищем кадетом 2 кадетского корпуса Романовым, попали по возвращении на миноносец на блестящего но строгого офицера лейтенанта Сергея Антоновича Бутвиловского. «Посмотрите на часы» — краткое распоряжение, «десять минут десятого, господин лейтенант...» «Следующий раз без отпуска, доложите ротному командиру». Печаль и тоска... но ничего не поделаешь. Кстати сказать, через некоторое время, лейтенант Бутвиловский получил в командование эск. минон. «ВЛАСТНЫЙ» и привел его вокруг Азии и Европы в Белое Море. На наше счастье, следующий отпуск совпал со днем присяги и все наказания были сняты.

Если в Морском Корпусе, устраивались «Похороны Альманаха», то у нас происходили «похороны Шпака». Церемониал, по установленному ритуалу, был установлен и выполнялся накануне дня присяги, то-есть, фактического нашего вступления в ряды Императорского Флота. Уже за несколько дней, по роте стали ходить листовки, с изображениями, в самых мрачных красках, состояния здоровья «Шпака». Утром, в канун торжественного для нас дня присяги, «Шпак» перестал существовать. Его бренное тело лежало на лазаретных носилках, окруженное совершенно невероятно одетым караулом, «начальством» и «дипломатическим корпусом». Совершенно оригинально разодетые «послы» произносили длинные погребальные речи затем «покойника» спустили в трюм, чем и была закончена вся церемония.

Ко дню присяги, на крейсере производились какие-то довольно сложные работы, почему для церемонии нас перевели на только что пришедший с моря, под Андреевским флагом, транспорт «Ксения». С понятным волнением, построенные по вахтенно на юте, произносили мы за священником слова присяги, обязывавшей нас на всю последующую жизнь и конечно никому из нас не приходила да и не могла прийти в голову мысль о том что через полтора года, эта присяга будет снята с нас в столь трагических и позорных обстоятельствах.

Через несколько дней после присяги, появились несомненные признаки нашего близкого ухода в плавание. Крейсер оттянулся от пристани, дежурного офицера сменил вахтенный начальник и вступил в исполнение своих обязанность унтер-офицерский караул и вот в один прекрасный день, мы снялись с якоря, миновали, стоявший у входа «Манджур» и вышли в открытое море.

Съемка с якоря на военном корабле носит особенный, я бы сказал, торжественный характер. Так было и тогда. «Орел» постепенно набавлял хода, перед нами открытый океан, горизонт хмурился и наша первая встреча со стариком-океаном не предвещала ничего доброго. По мере удаления от берегов, ветер крепчал, крейсер стало трепать все сильнее и сильнее. Валы подымались выше и выше, превращаясь в настоящие водяные горы. Развело сильную килевую качку... Корабль сползал куда-то далеко вниз, перед ним выростала огромная пенистая глыба воды, тогда он судорожно взлетал вверх и снова скатывался в разверзшуюся перед ним пропасть. Такого состояния водной стихии я не видал позднее в Черном море и Средиземном, хотя и там и там приходилось испытывать свежую погоду.

Протянули штормовые леера, по палубе пробирались с большим трудом, еле за них удерживаясь, большая часть гардемарин, команды и даже офицеров были в довольно плачевном виде. Ужасная смесь запаха угольного дыма с разболтавшейся трюмной водой, при закрытых наглухо люках, проникала всюду и становилась положительно непереносимой... Действовала даже на тех, кто был на ногах. Служба, однако, шла своим чередом. Наш буфетчик с поварами ухитрился как-то смастерить котлеты но, правду сказать, мало кто ими воспользовался. Однако, были и такие, на которых качка не только никак не действовала но нагоняла какой-то волчий аппетит и у них котлеты находили нужное применение. Про себя не могу сказать чтобы я себя чувствовал прекрасно однако не лежал и никаких неприятных последствий не испытывал.

«Крещенье» наше продолжалось и ночью. Для тех из нас кто спал в подвесных койках было легче но лежавшие на рундуках, всю ночь ездили в разные стороны, ругали друг друга, так как, по существу. опереться ногами во что бы то ни было не было возможности.

На следующие сутки, океан стал успокаиваться, экипаж — оживать и в Фузан, порт в Корее, мы пришли уже подчищенными и прибравшимися.

Чтобы понять мое дальнейшее повествование о том что произошло в Фузане, необходимо учесть условия нашего плавания, в условиях военного времени, в полной темноте, при всех заряженных, по сигналу, пушках, с плотно задраенными иллюминаторами и люками, покрытыми чехлами. Затеснение тщательно проверялось. Оставались только ходовые огни: отличительные, гакабортный и быстроходный. Поздно

вечером, в таком положении, мы и стали на внешнем Фузанском рейде.

5 числа следующего дня, утро выпало ясное солнечное. По рейду проходила легкая рябь. Только что сыграли отбой. Комендоры разряжали орудия. Наша смена пила чай и переживала события только что окончившегося бурного перехода. Вдуг, на палубе, почти над нашим люком, раздало страшный взрыв. От люка посыпались осколки, гардемарины бросились наверх, чтобы узнать что случилось.

Картина была, примерно, следующая: наша, задранная к небу, 120 мм пушка, чуть дымилась в казенной части. Замка не было. На палубе, под ней, проступала кровь. Справа на шканцах спускали дежурную шестерку. Около талей суетился боцман, по правым шканцам бежал старший офицер, справа-же по корме, плавал какой-то предмет, в расстоянии примерно кабельтова от корабля. Что это такое — нам определить сразу не удалось. Произошла какая-то драма и шлюпка должна была об:яснить нам многое. И действительно: она возвращалась и возвращалась с половиной туловища комендора Ершова. Несколько позже, на вантах фок-мачты были обнаружены части его внутренностей.

Выстрел произошел — снаряд вылетел и был найден в городе. Заклинило-ли боек и Ершов, по какой-то непонятной причине, пробовал закрыть замок, не вынув патрона, — осталось навсегда неизвестным... От Фузана шел катер — японские власти, очевидно, хотели узнать причину внезапного «обстрела» города. Тело погибшего зашили в брезентовый мешок положили у кормового флага и, на другой день, похоронили в Нагасаках, на Русском кладбище.

Д. Д. Понафидин

От Редакции:

На этом обрываются записки лейтенанта Димитрия Димитриевича Понафидина. Принес он мне их буквально за неделю до своей неожиданной кончины, обещав, закончить их в путешествии, откуда он более не вернулся.

Алексей Геринг

Исторический Архив

ПРИКАЗ

ЧЕРНОМОРСКОМУ

ФЛОТСКОМУ ЭКИПАЖУ

23-го Марта 1912 года, № 83.

§ 11. При сем по вверенному мне экипажу объявляю Приказ Вр. Генерал-Губернатора, Главного Командира Севастопольского порта и Начальника Гарнизона г. Севастополя от 22 Марта с. г. за № 159.

«При бомбардировке Севастополя, во время Крымской войны 1854-1855 годов, был разрушен стоявший на Корабельной стороне Храм Морского Ведомства во имя Святого Равноапостольного Князя Владимира, с которого крест, по распоряжению командовавшего французскими войсками генерала Пелисье, был отправлен в Париж, где и находился до последнего времени.

Одновременно с возникновением в Севастополе мысли о сооружении на месте разрушенного храма часовни в память 300-летнего царствования Дома Романовых, явилось желание получить из Парижа и Святой Крест с бывшего храма.

Возбужденное, по сему поводу, Министерством Иностранных Дел ходатайство увенчалось успехом и Французское Правительство изъявило свое согласие на возвращение Севастополю некогда взятую у него святыню.

По докладе о сем Морского Министра Государю Императору, Его Императорское Величество повелеть соизволил — возвращенный из Парижа крест водрузить на куполе строющейся уже в Севастополе часовни в память 300-летнего царствования Дома Романовых.

Вместе с тем, Государь Император выразил желание видеть этот крест во время Своего пребывания в Севастополе, ввиду чего прибывший за полчаса до Высочайшего приезда в Севастополь 17-го сего Марта крест был доставлен с вокзала в церковь при Черноморском флотском экипаже, где в тот же день Его Императорское Величество изволил его осмотреть и вновь подтвердить Свое повеление о поднятии этого кре-

ста на куполе означенной часовни.

Во исполнение таковой Высочайшей воли крест этот, по прилагаемому при сем церемониалу, торжественно будет перенесен 27-го сего Марта, в третий день Св. Пасхи, из церкви Черноморского флотского экипажа в Св. Митрофаниевскую церковь, где он и будет находиться до времени поднятия его на купол строющейся вблизи этого храма часовни.

Объявляя об этом, приглашаю всех свободных от службы Адмиралов, Генералов, Штаб и Обер-офицеров и граждан города Севастополя принять участие в этом редком торжестве. Приглашение духовенства для участия в крестном ходе последует от Настоятеля Адмиралтейского Никольского собора и от благочинного церквей Севастопольского Округа Таврической епархии.

Наряд войск на парад будет объявлен приказом по гарнизону особо.

Подлинный подписал:

Вице-Адмирал **Сарнавский**

ЦЕРЕМОНИАЛ

торжественного перенесения из церкви Черноморского флотского экипажа в церковь Святого Митрофания креста, присланного 17-го сего Марта из Парижа, взятого из храма во имя Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира, находившегося на Корабельной стороне и разрушенного во время осады Севастополя в 1855 г.

В третий день Св. Пасхи, 27-го сего Марта, в 1 часу дня, , из церкви Святого Митрофания выйдет крестный ход, направляясь во двор Корниловских казарм, где останавливается против входа в Черноморский флотский экипаж для встречи прибывшего из Парижа креста. В то же время, крест, предшествуемый духовенством, будет вынесен и установлен на платформу.

Вслед за сим, процессия двинется крестным ходом к Митрофаньевской церкви на Корабельной стороне, следуя по Малахову проспекту, Русской и Ластовской улицам на Владимирскую площадь, а оттуда — к церкви Святого Митрофания. Шествие совершится в нижеследующем порядке: впереди пойдут запрестольный крест и хоругив, за ними певчие портового хора и Свято-Митрофаниевской церкви, затем — духовенство и платформа с крестом, за которой будут следовать представители Морского, Военного и Гражданского ведомств во главе с Временным Генерал-Губернатором. Далее следует наряд войск от Севастопольского гарнизона. На всем пути шествия будут расставлены шпалерами войска, не участвующие в параде.

По прибытии на место, крест будет внесен в Митрофаниевскую церковь, где и будет храниться впредь до водружения его на купол строящейся часовни.

По установке креста, будет совершено благодарственное Господу Богу молебствие с провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому.

Подлинный подписал:

Вице-Адмирал **Сарнавский**

ИСТОРИЯ АНДРЕЕВСКОГО ФЛАГА

Петр Великий, создавая постоянный флот, не сразу пришел к идее образца кормового флага.

Цар Алексей Михайлович решил обзавестись флотом для охраны торговых караванов, отправляемых по Волге. В селе Деднове, в 15 верстах ниже впадения реки Москвы в Оку, заложена была верфь, на которой были построены яхта и первый русский военный корабель — фрегат «ОРЕЛ». Он был украшен двуглавым орлом и в 1645 году, на нем был поднят бело-сине-красный флаг, с нашитыми на нем двуглавым орлом. Фрегат «ОРЕЛ», под командованием Бутлера и яхта, командиром которой был Гельт, вместе со строителями голландцами и всеми необходимыми материалами для постройки судов, были отправлены по Волге в Астрахань.

В это время, на Волге разразился бунт Стеньки Разина. Вскоре, Стенька завладел Астраханью, голландцы бежали на шлюпке в Персию а «ОРЕЛ», яхта и другие бывшие там суда, были сожжены бунтовщиками. Разин был схвачен и казнен но надежды Царя Алексея Михайловича ЗАВЕСТИ ФЛОТ — были уничтожены.

На своем первом военном корабле «СВЯТЫЕ ПРОРОКИ», Петр Великий 21 июля 1694 года подял сине-бело-красный флаг, то-есть перевернутый голландский.

С 1696 года, корабли его Донской флотилии, осаждавшей Азов, несли на стенгах белые флаги с косицами и с синим греческим крестом.

В 1701 году, Петр ограничивается прибавлением Андреевского креста на белую полосу перевернутого голландского флага (корабль «ПРЕДЕСТИНАЦИЯ» или «БОЖЕ ПРЕДВИДЕНЬЕ»), дабы отличить русский флаг от сигнала морского «Терплю бедствие» (перевернутый национальный флаг).

В 1703 году, с занятием Невы, Петр Великий

дал русскому флоту его настоящий флаг — синий Андреевский Крест на белом поле. На рисунке этого флага, Петр Великий собственноручно надписал:

«Зане Святый Андрей Первозванный Землю Русскую светом Христова учения просветил».

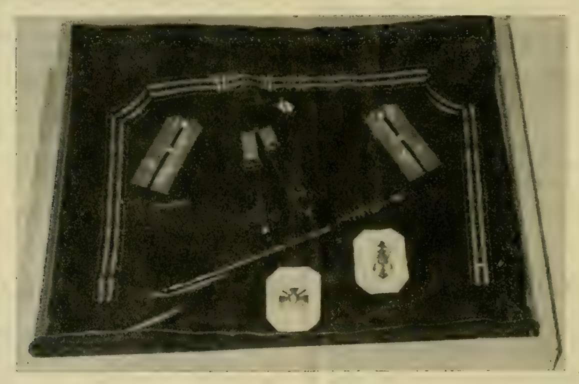
Первый корабль, построенный в завоеванной Ингерманландии, в Олонецке и спущенный на воду 29 августа 1703 года, 28-пушечный фрегат «ШТАНДАРТ» — уже гордо носил этот стяг.

Когда первые гардемарины пошли плавать на судах молодого русского флота, им посчастливилось быть свидетелями знаменательного события — признания Андреевского флага ревнивой владычицей морей — Англией. Произошло это 5 августа 1716 года у острова Борнгольма где собрались эскадры четырех морских держав: русская в 22 вымпела, английская, голландская и датская. В полдень, Император Петр I поднял свой штандарт, которому был произведен салют со всех кораблей, со всех эскадр. Этим жестом, адмиралы, командовавшие эскадрами Великих морских держав, вручили командование соединенным флотом — Русскому Государю.

Факт производства салюта иностранными кораблями означает, по коду международных морских традиций, признание Андреевского флага — символом Российского Государства.

сообщил **Г. фон- Гельмерсен**

Русский Храм-Памятник в Белграде

В № 117 газеты «ВЕСТНИК» от 24 декабря 1963 года, мы сообщали что в Белграде (Югославия), задолго до второй мировой войны, по инициативе кадета Первого кадетского корпуса лейб-гвардии Павловского полка полковника Михаила Федоровича **Скородумова**, был сооружен памятник русским воинам солдатам и офицерам, погибшим в первую войну на Салоникском фронте.

В свое время, Объединение Кадет-Княжеконстантиновцев в Бельгии проявило инициативу в деле поддержания и сохранения этого памятника в порядке. Был объявлен сбор пожертвований, были выпущены специальные памятные открытки, с изображением памятника и вот теперь, два года спустя после начала этой кампании, мы счастливы сообщить, что храм-памятник находится на пути к полному восстановлению и содержится в полном порядке. К этой маленькой заметке мы имеем возможность приложить фотографию угла нашего родного флота. На ящике с костями павших матросов, стоит витрина-шкатулка в коей, под стеклом, лежит кортик, погоны, Порт-Артурский знак. ленточка Черноморского флотского экипажа и иные морские предметы.

Никто из нас не может не отметить без благодарности блестящую мысль кадет-Княжеконстантиновцев в Бельгии, помогших восстановить не только эту нашу, флотскую, витрину но и весь храм-памятник.

Алексей Геринг.

К Шестому Ноября

Царевой волею, из недр Москвы тогдашней,
Хором, садов, кружал, церквушек и лачуг,
Возникла Школа в Сухаревой Башне
Для навигацких хитростных наук.

Там — над дворянскими дремучими сынками,
Кто и во сне-то моря не видал, —
Творил чудесное смолеными линьками
Шотландец Брюс, колдун и адмирал,

И, — вроде Гвардии, рожденной из Потешных,
Взаимодействием учебы и линьков
Для флота Русского весьма небезуспешно
Из недорослей делал моряков.

Тех моряков, что без различья рангов,
За двести лет, служа Руси по гроб,
В Ее историю вписали кровью Гангут,
Чесму и Наварин, Цусиму и Синоп, —

Тех, что под веслами, под парусом и паром,
На радость всем друзьям и всем врагам на страх,
По всем морям всего земного шара
Пронес с достоинством родной Андреев стяг.

Теперь Андреевского стяга больше нету.
И корпус наш нам сделался чужой.
И сами мы рассеяны по свету,
А большинство ушло во Свет иной.

Но в этот день, — день Праздника Морского,
Куда б ни занесли нас бури бытия,
Неразделяемая Флотская Семья.
Морской душой мы все едины снова —

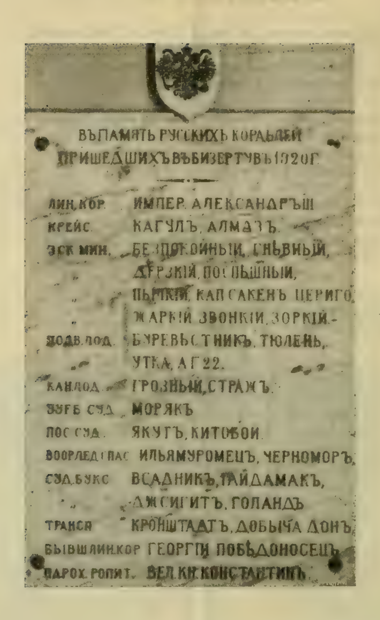
Припомним же опять с сердечностью
всегдашней,
Наш флотский путь и рост с Империей родной -
От Школы в затхлой Сухаревой башне
До светлого дворца над Царственной Невой.

Помолимся о всем минувшем и усопшем,
Которому вослед и сами мы уйдем.
(Хоть на последнее мы вовсе и не ропщем,
Но предпочтительно немного обождем) —

И в ожидании последнего отвала,
В сей праздничный и поминальный час,
Помянем всех — кадет и адмиралов, —
В то плаванье навек ушедших раньше нас.

А помолившись истово и жарко,
И спаса на Водах за все благодаря,
Поднимем флотскую серебряную чарку
За праздник наш — Шестое Ноября.

Н. М.

ПАМЯТНАЯ ДОСКА В БИЗЕРТСКОМ ХРАМЕ, СООРУЖЕННОМ ПАМЯТИ ПРИШЕДШИХ В БИЗЕРТУ, В 1920 ГОДУ, РУССКИХ КОРАБЛЕЙ.

29 октября 1924 года, в 17 ч. 25 м., на всех кораблях Русской Эскадры в Бизерте, были в последний раз спущены Андреевские Флаги, чтобы никогда и нигде уже, по сей день, не подыматься.

Иждивением Российских моряков и русских людей за рубежом, в Бизерте был построен храм, памяти Русской Эскадры, закончившей здесь свое последнее плавание, в котором помещена памятная доска, фотографию которой мы и помещаем выше.

А. Г.

На Владивостокском отряде крейсеров

Перед наступлением зимы, Морское командование решило ослабить состав Артурской эскадры выделением из нее отдельного отряда крейсеров в составе: Крейсеров 1-го ранга «Громобой», «Россия», «Рюрик» и крейсера 2-го ранга «Богатырь», отправив этот отряд для зимовки во Владивосток. На этот отряд мы, и получили назначение.

Был конец Октября 1903 года, когда на «Тамбове» мы подходили из Артура к Владивостоку. Приближния зимы еще не чувствовалось и все пассажиры сгруппировались на спардеке, чтобы полюбоваться чудной панорамой входа в проливы и бухты этого удивительного по красоте с моря, порта и города. Хотя для меня картина и не представляла новизны, но все таки я не мог оторвать глаз от панорамы. При входе в бухту Золотой Рог, нашим глазам представился отряд крейсеров, стоящих на бочках против территории военного порта.

Закончив таможенные формальности и разместившись с вещами на знаменитых владивостокских извощиках, я направился к месту своего назначения, артиллерийским офицером на крейсер «Рюрик». Я полагаю излишним вдавать ся в подробные описание крейсеров, но все таки, для людей, не принадлежащих к морской корпорации, дам краткую их характеристику:

«Рюрик», довольно старой постройки, спуска на воду 1886 года, в 10.000 тонн водоизмещения. Это был первый опыт постройки такого судна, которое могло бы совершить плавание из Балтийского моря на Дальний Восток, не пополняя своих запасов. Во исполнение задуманного при постройке задания на крейсере имелись громадные запасы топлива, помещения большого рефрижератора и для сухой провизии, боевые погреба вмещали большое количество боевых запасов в резерв; 8 огнетрубных котлов старого типа, требующих очень незначительного расхода топлива, вооружение парусами рангоута, все это давало ему обширный район плавания. Артиллерийское вооружение, по тому времени, когда он вступал в строй, было современным. 6-дм. артиллерия состояла из 16 пушек Канэ, только что появившихся в свете, а орудие № 14, в батарейной палубе, даже было французского изготовления, как купленный от них патент с французской надписью и было занумеровано после всех испытательных при приеме стрельб № 1. Несколько неудачным была конструкция установок на бортовом штыре, что делало манипуляции поворота орудий с носа на корму и обратно довольно медленными и производящими большой шум, но это уже было наше русское изобретение. 4 8-дм. орудия были наши, Обуховского завода, в 40 калибров, но еще с клиновыми затворами, не делающими эти пушки особенно скорострельными, установки на Вавасеровских станках с маслянными компрессорами, орудия прикрывались передним броневым щитом около 2 дм. толщины. Броневой защитой по ватерлинии был пояс в 10 дм. толщиною, боевая рубка тоже 10 дм. броня. Четыре минных надводных аппарата располагались над ватерлинией в яблочковых шарнирах. Наибольший ход — 18 узлов. Как видите, по тому времени он был сильным боевым судном и сыграл значительную роль в политике при Китайско-Японской войне 1898 года, когда будучи посланным на Дальний Восток, лишь своим присутствием там помешал японцам использовать плоды побед над китайцами и занять Порт-Артур.

Остальные крейсера были уже более поздней постройки, так «Россия», спуска 1898 года, была уже лучше бронирована, имела водотрубные котлы, большее водоизмещение (12.130 тонн), с ходом в 20 узлов, 6-ти и 8-ми дм. артиллерию имела в том же количестве, но улучшенного образца, в установках. «Громобой», типа «России», но еще большего водоизмещения в 12.336 тонн, был спущен в 1900 году, с таковыми же котлами и несколько лучшим ходом, имея ту же артиллерию, что и на «России», отличался значительно лучшей броневой защитой артиллерии и ее жизненных частей, а также имел прекрасную боевую рубку, защищенныю 12-дм. броней. При своей постройке парусный двигатель был совершенно с него изгнан, почему, в отличие от «Рюрика» и «России», когда то ходивших и под парусами, требующими свободной и открытой верхней палубы, имел таковую застроенной всевозможными выступающими люками и надстройками. Общий вид крейсера был удивительно красив и мощен по образованиям, не даром мы прозвали его «красавцем».

«Богатырь», крейсер 2-го ранга, новешей постройки, с хорошим ходом до 23 узлов, не имел броневой защиты и был скорее крейсером-разведчиком.

Здесь к месту будет добавить, что, кроме отряда крейсеров, во Владивостоке была еще и местная Сибирская флотилия из нескольких старых номерных миноносцев, канонерской лодки и военных транспортов, заградителя «Алеута», но вся эта рухлядь не имела уже никакого боевого значения и могла служить лишь для обслуживания порта и его ближайших бухт.

Начальником отряда был Контр-Адмирал Штакельберг, мой командир еще по кадетским плаваниям. Я не могу не посвятить нескольких слов своих воспоминаний этой светлой личности.

Выходя в мичмана в 1894 году, мы совершали свое последнее гардемаринское плавание по Балтийскому морю на парусно-паровом корвете «Скобелев», которым и командовал в то время Капитан 1 ранга Штакельберг. Несмотря на то, что плавать с такой зеленой молодежью марка довольно тяжелая для старого парусника, тем более, что мы были под покровительством нашего директора корпуса, Флигель-Адъютанта Арсеньева, в воспитание которого, помимо морских познаний, много вкладывалось еще придворного этикета и хорошего тона, что часто заставляло мачтовых офицеров, при парусных учениях, рычать скрозь зубы: «Э! институтки!..» и спешно затыкать рукою рот, чтобы не дать воли дальнейшей морской терминологии, наш командир, Барон Штакельберг снискал себе общую любовь и уважение своим тактом, добротою и любовью к нам, молодежи. Мне памятны до сих пор съезды командира в Ревеле на берег. Только раздастся дудка вахтенного унтер-офицера: «вельботные — на вельбот!», как старшина нашей гардемаринской смены вельботных гребцов летит к старшему офицеру с просьбою, что гардемарины очень просят идти на вельботе и после некоторых колебаний, так как это часто бывало уже после раздачи коек, мы получали разрешение и, радостные, закатывая рукава своих форменок, мчались на вельбот или спускали его с талей и через несколько минут ожидали у трапа выхода своего командира, которого и мчали, не жалея своих сил, на берег. Особенным удовольствием было для нас обогнать паровой катер с Учебно-Артиллерийского отряда, который отвозил также на берег своего Адмирала Бирилева. Обыкновенно, по приходе на берег, командир приказывал нам ждать полчаса, чтобы отдохнуть, а сам, тем временем, заезжал в кондитерскую, откуда присылал большой сладкий пирог с крыжовником от Штуде (лучшая в Ревеле кондитерская), по бутылке лимонада на брата и записку с приказанием: «Когда съедите, отправляйтесь на корабль!» и мы, довольные, конечно — не съеденным пирогом или пирожными с выпитым лимонадом, а счастьем, что нам удалось так лихо провезти своего командира, возвращались домой.

Особенно должна была остаться в памяти всех выпуска 1894 года та последняя неделя перед окончанием своего плавания, когда, уже возвращаясь из крейсерства под парусами, «Скобелев» попал в жесточайший шторм около острова Готланда и мы три дня боролись с ним под Гоборским рифом, где были на волосок от смерти, но благополучно вернулись в Либаву, сколько нравственных страданий пришлось пережить тогда нашему командиру, который сам тогда говорил, что боялся не за себя, не за корабль с офицерами и 150-тью человек команды, а боялся, что в случае гибели наш флот потеряет 68 молодых офицеров и Великого Князя (Великий Князь Алексей Михайлович был в нашем выпуске и совершал с нами плавание). Одним словом, этот человек пользовался большим обаянием у всех, кто имел счастье с ним служить или быть под его командой.

Теперь вам будет ясно, с какой радостью я ехал явиться на флагманский корабль Адмиралу Штакельбергу, который пригласил меня обедать и мы долго еще вспоминали с ним после обеда наше Скобелевское плавание. Из разговоров с сослуживцами я вынес, впечатление, что любовь к своему адмиралу была присуща всему личному составу отряда, с которым он уже проплавал порядочно времени и не потерял своего былого обаяния на сослужевцев.

Командирами крейсеров были: «Рюрика» капитан 1 ранга Трусов, «Богатыря» капитан 1 ранга Стеман; «России» — капитан 1 ранга Рейценштейн и «Громобоя» — капитан 1 ранга Дабич. Личный состав «Рюрика», за исключением лишь старшего механика и старшего врача, был бессемейный, а потому и весь отпечаток жизни на корабле носил холостой характер. Состав долго плавал без существенных перемен, а это создает особую спайку между соплавателями, да и душа корабля была превосходна. Такое выражение «душа корабля» покажется несколько странным для некоторых, а тем не менее оно верно.

Всякий корабль, а тем паче — военный, имеет свою душу, живущую в этой железной коробке, набитой всякими механизмами, пушками, снарядами и т. д. Что за структура этой «души корабля» определить очень трудно, но она особенно ясно выражается при продолжительном плавании и оставляет свой одинаковый отпечаток на всем личном составе, плавающем на этом корабле. Мне могут сделать возражение, что эта «душа» может зависеть от тех или иных условий различного удобства жизни на корабле, размещения его, мореходных качеств самого судна и, наконец, тех или иных индивидуальных качеств начальства и плавающего состава на судне. Но это не так! За свою многолетнюю морскую службу мне лично приходилось испытывать на себе эту «душу корабля». Эта душа корабля появляется с момента его рождения и сопутствует ему во всю его службу, до смерти, как и душа человека и чем дольше человеку приходится плавать на одном корабле, тем он все яснее и яснее начинает познавать, чувство-

вать и ощущать эту душу, радуясь ее радостями и печалясь ее невзгодами, как живого, близкого существа.

И, как я уже сказал, на «Рюрике» душа была превосходной; режим, традиции, порядок службы на корабле, все было выработано и уложилось в свои рамки за время весьма продолжительного непрерывного плавания в водах Тихого Океана.

Я лично застал на крейсере несколько человек своих друзей по Черноморскому Флоту, а остальной состав кают-компании мне тоже понравился, я быстро освоился со своими сплавателями и в душе искренно благодарил Эбергарда за такое удачное для себя назначение.

Мы стояли в доке в вооруженном резерве, который на Востоке несколько отличался от такового же в Черном море. Здесь, с зачислением судна в резерв, все оставалось по прежнему: личный состав продолжал оставаться на судне, порядок службы на корабле нисколько не изменялся и только взамен беспрерывных занятий, тревог и учений практического плавания, таковые заменялись ремонтными и дефектными работами, да содержание получалось по резервному, а также и съезд на берег был более свободным, чем во время плавания. Как и в Порт-Артуре, здесь не чувствовалось никаких признаков приближения войны, все было тихо и мирно.

Доковые работы были закончены, начались заморозки и отряд был поставлен по зимней диспозиции. Мы стояли концевыми ближе к гнилому углу. Наступившие морозы быстро сковали поверхность бухты и каждый крейсер оберегал вдоль борта облюбованное пространство для будущего катка, чтобы портовые катера, подходившие к судам для разных надобностей, не портили бы на этих участках лед. Наконец морозы закрепили бухту настолько, что можно было проложить из досок мостики от трапа на берег; обнесли их поручнями и провели провода с электрическими лампочками. Сообщение с берегом стало удобнее, ибо не связывало «отходящими шмойками», столь часто портящими кровь мичманам, ретиво ухаживающим на берегу.

Пора было подумать принять меры одеться потеплее и сохранить это тепло. Порт отпустил материалы — досок в достаточном количестве и судовыми средствами принялись за работу, в которой корабельные плотники могли показать все свое искусство и изобретательность, конкурируя друг перед другом. На выходных трапах сооружались целые избушки в русском стиле с резными коньками и петушками на крышах: двери обивались войлоком; на световые люки одевали целые деревянные футляры со вставленными стеклами, промежутки засыпали опилками; элеваторы подачи на верхнюю палубу так же облицевали деревом, а чтобы такой деревянный поселок, воздвигнутый на верхней палубе, не резал бы глаза, вся архитектура был размалевана подходящими красками и вид получился даже оригинально красивым. Батарейная палуба, по бортам внутри, была закрыта так же специальными деревянными щитами и крейсер приспособился перенести хотя бы арктическую зимовку.

Приближалось Рождество, на судах начались разговоры относительно устройства елок для команды, а так же и в кают-компаниях. Каждый ревизор хотел превзойти один другого в елочных подарках команде и праздничном улучшении стола, но так как экономические средства, имеющиеся для этой цели на крейсерах, были различны и самым богатым в этом отношении оказывался наш «Рюрик», благодаря очень продолжительному непрерывному плаванью на Дальнем Востоке, то начальство, учтя этот вопрос, для избежения нежелательной зависти между командами различных судов, распорядилось выработать известную, для всех одинаковую норму, которая могла быть истрачена на человека в праздничные дни. Конечно, это не могло касаться офицерских кают-компаний. На одних крейсерах было больше семейных, которые жались ближе к экономическому вопросу, на других — наоборот, и в данном случае «Рюрику» посчастливилось, так как, во первых, состав офицерской кают-компании был почти бессемейный, а во вторых, — благодаря вышеуказанной причине долгого плавания, мы располагали большим так называемым винным капиталом осбственных денег (до 10.000 рублей), а потому единогласно было решено устроить елку на славу, со всякими, присущими такому случаю, затеями и подарками.

После весело проведенных праздников, когда угар их прошел, принялись опять за работу, каждый по своей отрасли хозяйства и специальности; шли бесконечные подтяжки механизмов, исправление мелких дефектов, пересмотр боевых запасов, занятия по специальности с нижними чинами и обязательные занятия с командой грамотностью.

Так как, по газетным сведениям, дипломатическая натянутость с Японией все еще не прекращалась, то и порядок службы на крейсерах был, что называется, на чеку. Вахтенная служба, несмотря на то, что суда были скованы прочным ледяным покровом, неслась весьма тщательно и строго; наружные часовые от флага, гюйса и от трапов, выводились наружу крейсера, на лед, для охраны от какого либо вредительства злоумышленников. В секретном приказе по отряду было объявлено, чтобы никаких крупных разборок машин или механизмов, мо-

гущих нарушить 12-ти часовую боевую готовность, не производилось бы без разрешения адмирала. Сигнал поднятия на стеньге флагманского корабля исполнительного флага с пушечным выстрелом должно было понимать, как начало войны.

Наступил 1904 год; жизнь отряда продолжалила весть о нездоровье адмирала. Адмирал лила вест о нездоровье адмирала. Адмирал чувствовал себя все хуже и хуже, и наконец слег в койку и приказом передал командование старшему из командиров, командиру крейсера «Россия» капитану 1 ранга Рейценштейну. Это известие повергло нас в уныние; помимо того, что все любили адмирала, в него верили, и ценили его опыт и качества, что не могло не отражаться в наших думах, все таки считаясь с вопросом о возможности войны. Адмирал не пожелал съехать для лечения в госпиталь и оставался у себя в каюте в ожидании присылки ему замены, но фактически передал все дела Рейценштейну, так как подниматься с постели не мог (у него было что то с печенью или почками).

Объявление войны и наш первый поход.

В последних числах января месяца я был занят пересмотром боевого запаса крейсера и получил приказание старшего артиллериста обменить около 360 штук 8 дм. снарядов в артиллерийском складе, находящемся в минном городке за гнилым углом, в версте от порта. Этой работой я был занят второй день; приезжали китайские конные подводы, снаряды грузились на них и отвозились в минный городок, откуда я привозил обмененные.

28-го января, отправившись с утра со своим транспортом и завершив перемену снарядов, я спешил обратно на крейсер, чтобы поспеть к обеду. Вдруг до моего слуха донесся пушечный выстрел. Из за складок местности, рейда и крейсеров мне не было видно, но сердце сказало, что этот выстрел не случайный и, действительно, когда я выбрался с своим караваном к берегу бухты, то увидал на «России» поднятым условный флаг, возвещающий начало военных действий. Пришлось запороть горячку, торопить «ходей», которые настегивали своих слабосильных лошадок, то и дело застревавших в ухабах и рытвинах на льду, однако меньше чем через час весь караван подошел к борту крейсера и снаряды мигом были подняты на палубу и убраны по своим местам.

Оживление на крейсере царило страшное, молодежь с радостными лицами принимала участие в аврале, озабоченный Старший Офицер, капитан 2 ранга Хлодовский появлялся всюду, отдавая приказания и давая различные распоряжения. Аврал был полный. Точно в взбаламученном муравейнике, матросы в своих черных бушлатах и зимних китайских меховых шапках, носились по крейсеру, раздавались возбужденные голоса офицеров и боцманов и вся картина с первого раза представляла какой то беспорядок, недопустимый при аврале ни на каком военном судне Да ведь и самый то аврал был незаурядным! Пришлось освободить крейсер от его зимней одежды: всех этих настроенных избушек на курьих ножках, которые быстро разбивались топорами и ломались; доски, щепки, опилки, все это летело за борт и нагромождалось на льду вокруг крейсера. Всю бухту и город покрывал дым, валивший из 13 труб крейсеров, в спешном порядке разводивших пары и, согласно сигнала флагмана, готовившихся выйти в море. Ледокол «Надежный» со всеми портовыми катерами спешно работал во льду, обкалывая его вокруг нас, чтобы дать возможность судам развернуться и выйти из бухты по пробитому каналу для выхода в море, поддерживаемому всю зиму ледоколами.

За обедом было подано шампанское и Старший Офицер сказал подобающее слово офицерам и сообщил известие, что адмирал, несмотря на свое сильно болезненное состояние, остается на отряде и разделит нашу участь при выходе в море, несмолкаемым «ура!» была встречена эта весть; перед обедом команде был прочитан приказ об объявлении войны; а так же о том, что все штрафы, разжалования и дисциплинарные наказания слагаются и все считаются беспорочно служащими. Энтузиазм царил на всем отряде страшный. К 3 часам дня крейсера получили возможность вылезти из своих берлог и один за другим перебрались ближе к выходу и стали на якоря в мелко разбитом льду под Егершельдом; быстро спустились сумерки и наступила ночная темнота. На адмиральском корабле было созвано заседание командиров под председательством капитана 1 ранга Рейценштейна.

Вечер в кают-компании был оживленный, так как никто с отряда на берег не съезжал. Конечно, приличествуя случаю, в этот вечер было выпито не мало вина и шумные разговоры, со всевозможными военными предложениями, проэктами, планами и т. д. современных Нельсонов, с одной или тремя звездочками на погонах, долго и шумно раздавались в кают-компании, пока Старший Офицер не разогнал публику спать.

Выход в море.

29. января с рассветом, при помощи ледокола «Надежного», отряд вышел в море Планы и назначения у нас на «Рюрике» известны не были, наверное командир был в курсе дела, но держал в секрете и никому ничего не говорил. «Рю-

рик», как корабль старой постройки, изобиловал деревом в громадном количестве. Различные рубки на верхней палубе под мостиками, комфортабельная мебель адмиральского и командирского помещений, кают-компании и офицерских кают, была из красного дерева и блистала своей чудной полировкой; различные диванчики, пуфы, шкафики, столики, обитые кожей, плюшевые портьеры и занавески, создавали тот милый уют, которым отличались старые корабли и делали на них жизнь приятною, но это все было хорошо в мирное время, во время же войны — представляло излишнюю опасность в пожарном отношении и волновало Старшего Офицера, он упорно пристал к командиру за разрешением все это выкинуть за борт.

Командир долго не соглашался погубить столь ценное имущество, предполагая, возвратясь с похода все это передать на хранение в порт, чего за срочностью нашего выхода мы не имели возможности сделать раньше, но Старший Офицер, человек серьезный и с характером, был неумолим, доказывая, что если судьба нас бросит в бой на этом же походе, то весь комфорт может послужить причиною нашей преждевременной гибели и, наконец, после долгого разговора, командир решил попросить разрешения по семафору избавиться от лишнего дерева, каковое и было получено от адмирала.

Была вызвана пожарная партия с топорами, ломами и пилами и начался настоящий разгром на корабле. Все дерево разбивалось, ломалось, отпиливалось и выбрасывалось за борт; из кают-компании и офицерских кают выносились шкафы, шифоньеры, мебель также целиком летела туда же; деревянные щиты каютных переборок были разломаны и уничтожены, одно нам удалось отстоять у Старшего Офицера — это большую клетку с пернатым царством, вмещающую до 300 птичек различных пород, служившую не только украшением кают-компании, но и не приедающимся развлечением для офицеров, любящих созерцать жизнь своих маленьких друзей, а так как клетка не имела в своей конструкции дерева, то грозный меч Старшего Офицера ее помиловал. Так же были сохранены снятые деревянные щиты бортовой обшивки батарейной палубы, без которой, в случае сильных морозов, было бы тяжело команде жить в дни якорных стоянок во Владивостоке, но эти щиты были упрятанны далеко в утробу крейсера, в нижние запасные патронные погреба. Работы было много, но к обеду справились со всем этим разрушением и очистили корабль от нежелательного горючего материала. Но за то на что стал походить наш «Рюрик», в особенности, в кормовой своей жилой части! Весь уют пропал. Каюты исчезли и, лежа на оставленных койках, мы видели все друг друга и переговаривались как находящиеся все в одном помещении. Настроение у всех было пасмурное. После обеда был сделан сигнал о служении молебствия о даровании победы Русскому воинству и на этом Богослужении все усердно молились, загадывая в будущее, что может быть уготовано каждому из нас.

А тем временем, крейсера держали путь на восток, следуя в кильватерной колонне, нашем обычном строе, в порядке номеров: «Россия», «Громобой», «Рюрик» и Богатырь», последнего, впрочем, адмирал высылал вперед форзейлем для разведки и освещения горизонта по пути следования отряда. Курс наш вел немного южнее входа в Сангарский пролив, где предполагалась одна из угольных баз Японцев (в бухте Акита).

Погода постепенно портилась, несущиеся серые облака и белеющие верхушки волн не предвещали ничего хорошего. Наконец, в не ясном горизонте начали обрисовываться очертания Японского берега. Справа показался дымок какого то идущего судна. Крейсера прибавили ход и скоро выяснился силуэт небольшого Японского пароходика, идущего в Сангарский пролив. Перерезав путь, адмирал сигналом приказал ему остановиться, спустить шлюпку и капитану прибыть с документами. Пароход исполнил требование, но спустить шлюпку была задача для него очень тяжелая по состоянию погоды, все продолжающей портиться и свежеть. В бинокли было ясно видно, как Японцы старались спустить небольшую, кажется чуть ли не единственную, шмойку с подветренного борта; его валяло с борта на борт, наконец одни из талей лопнули и люди полетели за борт, найдя там свою могилу.

Можду тем, погода все свежела и свежела. Наступала ночная темнота, мороз усилился до 12 градусов по Реомюру и все признаки приближающегося тайфуна были налицо. В кратких словах, я остановлюсь на рассказе об этом обратном возвращении во Владивосток, так как за 50 лет своих плаваний в море, мне ни разу не привелось перенести столь ужасной непогоды. Крейсера в порядке своих номеров, построившись в строй пеленга влево для большего удобства наблюдения друг за другом и для облегчения сохранения строя, легли на обратный курс к Владивостоку. «Богатырь» был отпущен еще раньше адмиралом, как только погода начала свежеть. Тайфун был в лоб и немного на правую раковину; расходившиеся волны сбивали с курса, пришлось прибавить ход, доведя до полного эскадренного в 17 узлов, но и это позволяло нам продвигаться вперед со скоростью одной мили в час. Корпуса крейсеров буквально за-

капывались в воду, принимая валы полубаками; передвигаться по верхней и жилым палубам было возможно лишь при помощи растянутых штормовых лееров, опутавших палубы, как паутиной. Спускаясь с мостика, приходилось выжидать момент и делать дальнейшие передвижения перебежками, чтобы избежать холодной ванны по пояс от беспрестанно вкатывающейся на верхнюю палубу воды. Брызги, заливающие трубы и рангоут, разбегаясь по снастям, сильно фосфоресцируя, останавливались на концах легких реев, вроде огней Св. Эльма. Особенно тяжелой была наступившая ночь. Плохо задраенные люки пропускали воду через резиновые прокладки и в жилых частях корабля была слякоть, увеличиваемая еще приносимой сверху на себе водою сменяющимися с вахты людьми. Мне привелось стоять в эту ночь собаку (с 12 часов ночи до 4 часов утра) совместно с мичманом бароном Шиллингом, бывшим в моей смене вахтенным офицером. Только благодаря его силе, мне быть может, и удалось уцелеть в эту вахту: большой волной, частью вкатившей на мостик, я был смыт с ног, поскользнувшись на обледенелой палубе, и катился с водою к краю мостика, где свободно мог своей тяжестью пробить парусиновый обвес и вылететь за борт, если бы сильная рука моего помощника во время не успела уцепиться за поднятый воротник пальто и, выждав переходной момент, не поставила бы меня на ноги.

Но не так счастливо обошлось на «Громобое». Водонепроницаемые двери, выходящие из командирского помещения на кормовой наружный балкон, пропускали воду, в силу чего для задрайки их пришлось с верхней палубы послать человека. Конечно, были приняты все надлежащие меры предосторожности, при работах присутствовали Старший Офицер и Старший Боцман; для исполнения выбран был ловкий марсовой-Михайловский, его по штату обвязали концом в два с половиной дюйма и спустили для работы на балкон; сильным килевым размахом «Громобой» сел кормой в воду, хлынувшей на балкон волной Михайловский был подхвачен и сила удара была такова, что конец двух с половиной-дюймового троса перервало, как тоненькую нитку и Михайловский нашел смерть в бушующей пучине. Конечно, мыслить о подаче ему помощи в такую погоду нечего было и думать. С «Громобоя» был сделан сигнал клотиковой лампочкой. Это было около 2 часов ночи,. на следующий день, при начавшей стихать погоде, на крейсерах отслужили панихиду по первой жертве личного состава отряда.

Тайфун стал стихать и мы подошли к Владивостоку через три дня после выхода из него, сделав 360 миль плавания. Каждый стремился поскорее в порт, отдохнуть от полученной трепки, отогреться и привести себя в порядок.

По возвращении во Владивосток, здоровье адмирала растревоженное еще и полученной во время тайфуна трепкой ухудшилось. Медицинские власти настоятельно, требовали чтобы он покинул отряд и занялся лечением, которое требовали при запоздании уже может не оказать помощи и наш любимый адмирал решил покинуть свой отряд. На вокзале, куда он был перенесен с крейсера для помещения в купэ отходящего в Россию поезда, собрались все, могущие его проводить, каждый стремился пожать руку этого честного человека и протискивался в купэ, где творилось настоящее столпотворение, добрые пожелания до слез растроганного адмирала были наградою за нашу любовь к нему.

Началась довольно долгая стоянка во Владивостоке. На «Рюрике» пришлось произвести массу добавочных работ, чтобы несколько скрасить те разрушения, которые были причинены уничтожением дерева. Парусиною были затянуты разрушенные переборки, что дало вновь возможность обрести свой уголок для отдыха и иметь каюту. Общими силами были сделаны кое какие перестановки, повешены парусиновые обвесы вместо былых плюшевых портьер и, в общем, удалось создать кое какой уют взамен былой роскоши. Были проведены и кое какие общие мероприятия, вынесенные из опыта первого нашего зимнего выхода, так, например, было установлено, что обмерзание жерл орудий не давало возможности, в случае тревоги, быстро открыть дульные пробки у орудий, стрелять же с невынутой пробкой представляло опасность для самих пушек и, кроме того, в некоторых орудиях, в которые проникла вода через пробки, она замерзла, образовав в каналах ледяную коросту. Были выработаны особого типа небольшие чехольчики из парусины, одеваемые на дула пушек довольно плотно и смоченные водою они прочно сидели на своих местах, не срываемые ветром и парусина служила хорошим предохранителем от попадания воды в каналы; на случай же проникновения и замерзания таковой в каналах, для каждой пушки имелась выточенная деревянная болванка, вставляемая с казенной части пушки и под нее для первого выстрела имелся холостой патрон с уменьшенным зарядом. При выходе в море в мороз, дульные пробки снимались, одевались на пушки парусиновые чехольчики, вставлялся деревянный снаряд-болванка

и орудие заряжалось холостым патроном. В случае тревоги всякие заботы о пушке отпадали, стоило произвести только очистительный выстрел и орудие было готово принять боевой патрон, ибо вылетающая болванка прочищала канал от могущего быть в нем льда, разрывала парусиновый чехольчик и пушка была в исправности; опыты дали самые хорошие результаты. Потом было обращено особое внимание на исправление непронищаемости воды через резиновые прокладки люков, иллюминаторов и их боевых крышек, чтобы избежать повторения случая с Михайловским.

В порту шло усиленное оживление. Спешно готовилась к действию партия минного заграждения, которое выставлялось по мере возможности, по указаниям соединенных штабов, так как крепостная минная рота также выставляла заграждения для запирания входа в Босфор. Начались работы по постройке боновых заграждений для закрытия внутреннего рейда от возможной минной атаки, одним словом, по приведению всего мобилизационного плана, выработанного еще в мирное время, в исполнение.

Наш набег на Японский берег не остался без ответного визита. Через несколько времени было получено извещение, что в море усмотрена неприятельская эскадра в большом количестве вымпелов, идущая на большом расстоянии от берега, располагающая курсами, ведущими параллельно береговой черте. На эскадре взвился сигнал приготовиться к походу, повалил дым из труб, срочно поднимались на крейсерах пары для выхода в море. По возвращенни из первого похода, наше якорное место было против Эгершельда, так как сама бухта Золотого Рога была забита льдом и не было смысла ломаться об лед для входа в нее. Каждые четверть часа мы получали телеграфные сведения о движении неприятельского флота, с острова Скрыплева, где находился наш сторожевой пост. Пары давно были готовы, но мы не торопились выходом в море. Какие к тому были причины у Командующего Отрядом капитана 1 ранга Рейценштейна, нам доподлинно известно не было. Не желал ли он обнаружить неприятелю наше присутствие во Владивостоке или, считая слишком большое неравенство сил и нашу слабость, не рисковал выходом в море даже под прикрытием своих сухопутных батарей на Русском Острове. После порядочно протекшего промежутка времени отряд. наконец снялся с якорей и вышел в море, но неприятеля уже нигде не было видно. Повертевшись под Владивостоком, мы вернулись к заходу солнца обратно на рейд.

ВТОРОЙ ВЫХОД ОТРЯДА.

Почему то «Рюрик» не пользовался любовью у Рейценштейна, он всегда критиковал малую скорость крейсера, стесняющую его в действиях отряда, медленное поднятие пара в котлах, что так же делало крейсер нечувствительным к перемене скоростей своего хода, от малого экономичесткого до полного, в случае надобности; в известной степени эти нападки были и справедливы, так как «Рюрик» был самым тихоходным из крейсеров отряда, а второе обвинение было вполне естественным, если мы вспомним, что на крейсере были огнетрубные котлы, неспособные к тем быстрым переменам, как то давали водотрубные котлы других крейсеров, а потому «Рюрик» был наказан и оставлен дома, под предлогом, что ему надо произвести какую то дефектную работу по котлам с помощью порта.

На этот раз отряд в составе крейсеров «Россия», «Громобой» и «Богатырь» избрал местом своего визита Гензан, расположенный в бухте на восточном берегу Корейского полуострова. Там имелся небольшой японский гарнизон, скорее разведочный береговой пункт самого крайнего берегового правого фланга. Ночью был встречен небольшой японский транспорт, идущий в Гензан и имевший на борту около роты солдат с офицерами, которых он вез из Японии для смены или пополнения гарнизона. Пароход был остановлен и осмотрен призовой командой; предложение сдаться военные чины, находившиеся на транспорте, не приняли, несмотря ни на какие угрозы с нашей стороны. О результатах переговоров было в рупор передано на «Россию», откуда приказали баркасу немедленно покинуть транспорт и возвратиться на судно, по выполнении чего с «России» была послана в транспорт мина, причинившая ему смертельную пробоину, после которой через несколько минут, пароход пошел на дно со всем экипажем и находившейся там воинской частью. Интересно отметить тот факт, что когда наш баркас возвращался на крейсер, японские солдаты, вооружившись своими винтовками, повысыпали все на верхнюю палубу, а получив минный выстрел, открыли залповый огонь из винтовок по крейсеру «Россия» и продолжали ожесточенный огонь во весь короткий промежуток времени, пока затопившая транспорт вода не приняла их в свои холодные могильные объятия. Спастить никому из них не удалось.

Во время перехода наших крейсеров в тумане к Гензану, они разошлись с эскадрой адмирала Камимуры, следовавшей с визитом во Владивосток. Японцы обстреляли Владиво-

сток с дальней позиции, не причинив никакого вреда. Их неразорвавшиеся три 8 дм. снаряда, перелетели через так называемый Итальянский берег, разделяющий Золотой Рог от моря и упали: один-в бухту, другой-около казарм Сибирского Флотского Экипажа и третий, кажется, на ипподроме в конце бухты Золотой Рог, в так называемом Гнилом углу. Неприятель, видимо опасаясь минных заграждений, не подходил близко не стал поддерживать бомбардировку и удалился в море; интересно, что при своем возвращении во Владивосток, крейсера вновь разошлись в тумане с неприятельской эскадрой, не обнаружив друг друга, и благополучно вернулись домой, сделав 240 миль плавания. Удовлетворенные удачей, мы погрузились в гнетущую стоянку на бочках Золотого Рога.

Наконец был получен приказ о назначении нового Адмирала, который в скором времени и прибыл во Владивосток. Был назначен Контр-Адмирал Иессен. На отряде мало кто знал этого нового начальника, но весть о перемене Командующего отрядом внесла свежую струю в наши настроения и давала новые надежды.

По прибытии своем во Владивосток, Адмирал Иессен принял отряд от Рейценштейна, который уехал в Россию, передав командование крейсером «Россия» вновь назначенному и приехавшему вместе с адмиралом командиру, капитану 1 ранга Андрееву.

Лихой вид нового адмирала подавал нам надежды, что мы скоро выйдем из пассивного состояния бездействия, оставляющего столько горького чувства на душе.

Быстро ознакомившись с крейсерами и окружающей обстановкой Владивостокского порта, адмирал решил предпринять лично ближайшую рекогносцировку театра морских действий и выйти для этой цели в море на крейсере «Богатырь», что и привел в исполнение в ближайшие же дни.

Поднял флаг на «Богатыре», он вышел в море через Амурский залив. Избегая минного заграждения, которое японцы набросали при первом своем визите между островами Римского-Корсакова, адмирал, несмотря на туман и 17-узловой ход, приказал придержаться к мысу Брюса в Славянском заливе, рассчитывая на точность и выверенность девиации компаса. Однако, этой точности на «Богатыре», после зимней стоянки, не оказалось и штурман не имел еще возможности получить точную поправку, а стеснение или конфуз перед новым адмиралом лишили его храбрости сознаться в этом, результатом чего было то, что изменили курс около мыса Брюса с некоторым запозданием, а «Богатырь» всем правым бортом, с 17-ти узлового хода вылетел на прибрежные камни, чем не только закончил рекогносцировку, но и всю свою боевую деятельность в текущую войну.

Осмотр положения крейсера дал убеждение, что работ по съемке его будет немало, возможность же того, что японцы, узнавши о положении «Богатыря», воспользуются удобным случаем придти к Владивостоку и расстрелять его, создали заботу по охране как самих работ, так и крейсера от неприятеля. Мыс Брюса находился более чем в 30 милях от батарей Русского Острова и никакой защиты от крепости не имел. Нужно было разработать новый план постановки минных банок перед входом в Амурский залив против не приятельских судов, из разгруженной артиллерии крейсера на берегу создать замаскированные батареи и построить барак для команды. Образовали оцепление поселка в бухте Славянка, из которой выдвигался мыс Брюса, особым кордоном, чтобы по возможности не дать распространиться известию о нашем печальном случае хотя бы на первое время, пока меры охранения крейсера не будут приведены в исполнение. Работы велись полным ходом. Нашей стоянке в Золотом Роге пришел конец. «Россия», «Громобой» и «Рюрик» с рассветом выходили в Амурский залив и становились на якоря около Славянки, высылая иногда при надобности в помощь свои плавучие средства с командою; к заходу солнца крейсера возвращались во Владивосток и входили в Золотой Рог. Такие ежедневные прогулки нам страшно надоели.

Гибель «Петропавловска» с Командующим флотом адмиралом Макаровым дошла уже до нашего сведения и в один прекрасный день во Владивосток прибыли новый Командующий флотом адмирал Скрыдлов и вновь назначенный Старшим флагманом для Порт-Артурской эскадры адмирал Безобразов. Был конец апреля месяца железнодорожное сообщение с Артуром уже прекратилось и вновь прибывшие адмиралы потеряли возможность пробраться туда, вследствие чего и оказались во Владивостоке. На берегу острили, что на 3 крейсера приходится 4 адмирала, так как командир порта тоже был адмирал. Адмиралу Иессену, было поручено руководить работами по съемке «Богатыря», с камней.

Весь май продолжались наши ежедневные выходы в Славянку; работы постепенно наладились: шла полная разгрузка крейсера, снималось с него все, что только можно было снять, в порту готовились кессоны. Замаскированные орудия крейсера образовали на берегу своего рода крепостцу с разными блиндажами и т. д.; все, не столь значительные,

средства порта были предоставлены для работ.

Наш отряд путешествовал под флагом адмирала Безобразова, так как Иессен оставался все время на «Богатыре»

ТРЕТИЙ ВЫХОД ОТРЯДА.

Около середины июня отряд миноносцев начал готовиться к походу, так же приготовлялся к выходу и бывший пароход Добровольного Флота «Смоленск» (потом «Рион»), взятый во время войны под транспорт во Владивостоке. Приготовился к походу и наш отряд под флагом адмирала Безобразова. 15 июня мы вышли из Владивостока в составе крейсерского отряда, транспорта «Смоленск» и трех миноносцев у него на буксире. Подойдя к Гензану, крейсера продолжали свой курс на юг, «Смоленск» же остановился в море против Гензана, а миноносцы, отдав буксиры, бросились в Гензанскую бухту, где и произвели тарарам: обстреляли казармы японцев, разбили их береговую легкую батарею, потопили какой то японский катер и, благополучно выйдя из бухты, присоединились к транспорту, и под его крылышком и на буксире возвратились во Владивосток. Мы же продолжали свой путь к Корейскому проливу. Ходили у нас слухи и разговоры, что получено сообщение от наших шпионов, что на 17 июня назначен выход из портов Японии большого количества транспортов с войсками для высадки их в Корею и отправки под Артур. Наша задача была потопить эту армию японцев. Мы подходили к Корейскому проливу с таким расчетом, чтобы пройдя его ночью и повернув, выйти на главный встречный путь всех этих транспортов при самом рассвете.

Шли замедленным ходом, конечно-без всяких огней. Начало рассветать, обрисовались берега Японии и Кореи, начинался хороший день, без тумана, при тихой погоде. Сигнал адмирала предварял нас быть готовыми к полному ходу. Наконец, начали постукивать неприятельские радио, принимавшие постепенно все более и более оживленный характер, видимо наше присутстви в Корейском проливе было открыто неприятелем. Адмирал, прибавив ход, сделал сигнал крейсерам: настроить свои радио на самую сильную волну и, сигнализируя, перебивать радио неприятеля. С такой трескотней искровых телеграфов мы вошли в Корейский пролив.

Вскоре, еще в утренней мгле, обрисовался силуэт громадного судна; освещение восходящего солнца делало его каким то стеклянно-прозрачным, а рефракция приподнимала от воды и страшно увеличивала размеры; мы полным ходом шли ему на перерез курса. Панорама была очаровательная, но не надолго: через несколько минут выглянувшее солнце обогрело своими лучами воздух, дымка рассеялась и перед нами очутился обыкновенный большой японский транспорт «Садо-Мару», возвращающийся от берегов Кореи в Японию.

Взвился сигнал об остановке, «Садо-Мару» не пытаясь даже бежать, застопорил машины. Далее последовал сигнал адмирала, предоставляющий пароход в распоряжение «Рюрика». Посланный баркас с призовой командой после осмотра транспорта сообщил, что он возвращается из Кореи, имея на борту японских рабочих «кули» около 1.000 человек, которые работали в Корее по устройству набережной для принятия пароходов с японскими войсками. Результат осмотра был передан семафором адмиралу. Ответ получился определенный: дав время на спуск плавучих средств и устройство плотов для спасения людей, потопить транспорт минами, после чего «Россия» и «Громобой» начали медленно от нас удаляться, осматривая горизонт.

Таковое распоряжение было сообщено японцам коротко и ясно: спасайся, кто может, через пол-часа вы получите мину в борт. Наш баркас возвратился на «Рюрик», который остался около своей жертвы в 4-х кабельтовых расстояния. На «Садо-Мару» началась паника, спускали все шлюпки, переполненные недисциплинированной рабочей толпой.

Наконец, срок, данный японцам, истек, Старший Офицер по рупору передал команду в минное отделение «дать выстрел!». Мина, с змеиным шипением, вылетела из аппарата и нырнула в воду, забирая глубину. Все мы с затаенным дыханием следили за ее ходом, мысленно высчитывая секунды, когда должен раздаться взрыв. След мины был замечен японцами, во множестве еще не покинувшими своего парохода. Они подняли вой, стремясь разбежаться от точки попадания мины в судно. Послышался глухой толчок, за трубою «Садо-Мару» взвился к небу белый столб не то пара, не то воды; в бинокль было ясно видно, как три человеческих тела были подкинуты много выше мачт и в своем воздушном сальто-мортале бесформенно размахивали ногами и руками Транспорт начал крениться на левый борт, потом задержался и, казалось, не хотел тонуть. В воде плавало много народу с опрокинувшихся шлюпок и высыпавшихся из оборвавшихся ботов.

Пока мы болтались около «Садо-Мару», на нашу группу вышли еще два больших транспорта «Хитами-Мару» и «Кинчо-Мару»; распознав, в чем дело, они бросились на-утек, но было уже поздно: по сигналу адмирала «Громобой», развив свой ход до 22 узлов, тот-

час нагнал «Кинчо-Мару», заставил его остановиться и приступил к осмотру, а «Россия», дав полный ход пошла за «Хитами-Мару», находившимся в отдалении.

По выходе на траверз другого борта «Садо-Мару», с «Рюрика» была пущена вторая мина, попавшая, приблизительно, тоже в середину корпуса. На этот раз взрыв произошел под полной угольной ямой, громадный черный столб был доказательством удачного выстрела. Транспорт перестал крениться и стал выравниваться, в то же время погружаясь в воду. Мы были уверены, что минуты его сочтены и, согласно поднятого сигнала адмирала «— «Рюрику» присоединиться к отряду и вступить в свое место», начали разворачиваться машинами. Но «Садо-Мару» так и не затопул, его переборки выдержали и японцы отбуксировали его к себе в порт после нашего ухода.

Не могу забыть одного случая, служащего яркой характеристикой японцев в их геройстве и патриотизме: крейсер разворачивался, когда я был на юте. Вдруг, вижу-в нескольких саженях от борта плывущего японца. Видя, что водоворот от заднего хода должен будет сейчас его завертеть, я схватил лопарь вельботных талей и, набравши бухту, бросил ему. Японцу стоило только схватиться за веревку и через мгновение он был бы спасен и вытащен на палубу, но он с презрением оттолкнул веревку и угрожающе потрясая кулаком в мою сторону и успев только восторженно прокричать «Ниппон, Банзай!» захлебываясь, пошел ко дну. Это был не военный человек, а простой японский «кули» (чернорабочий). «Рюрик дал ход и присоединился к отряду.

«Хиташи-Мару» оказался пустым и был потоплен подрывными патронами Мы оставались в качестве зрителей около «Громобоя» и «Кинчо-Мару». Осмотром посланной с «Громобоя» командой выяснилось, что на этом громадном пароходе находится два японских пехотных полка со своими знаменами и обозом в полном комплекте. Направлялись они для высадки в Корею. Пока длился осмотр, «Россия» вернулась из операции и также присоединилась к нам. Результат осмотра был передан адмиралу, который отдал распоряжение: «японцам выдать знамена, документы, оружие и сдаться!» После переговоров, японское командование наотрез отказалось исполнить наше требование. Адмирал сделал сигнал: «Громобою» потопить артиллерийским огнем!».

Осматривавшие транспорт офицеры с командой возвратились на «Громобой» и потом рассказывали, что еще до отъезда их с парохода, там, видимо, догадались, что их смертный час настал и начался последний кровавый пир. В салонах и кают-компаниях, где битком было набито японскими офицерами различных рангов, быстро появилось вино, к уничтожению которого они и приступили. Верхние палубы были сплошь забиты солдатами, им тоже стало известным принятое начальством решение и передалось его настроение: многие, открыв фляги со спиртом и другими напитками, вливали в себя содержимое, другие, вытаскивая из ножен штыки-тесаки, усевшись на палубе, прислонясь спиною к борту и обнажив полость живота, делали себе «хара-кири».

«Громобой» отошел от транспорта кабельтова на четыре и дал по нем залп из орудий левого борта. Сейчас же во многих местах парохода начались пожары и повалил густой дым. «Громобой» дал ход и пошел прямо под нос транспорту, чтобы перейти на другой его борт, но капитан «Кинчо-Мару» решился на отчаянный поступок: он дал своим машинам полный ход и чуть не протаранил «Громобоя». «Громобой», увернувшись вправо, привел транспорт себе в кильватер и избежал опасности. Кормовой залп из 8 дм. и 6 дм. орудий пронесся по верхней его палубе в диаметральном направлении, в буквальном смысле слова-прочищая целые просеки в человеческой гуще, после чего транспорт остановился, должно быть получив поврждения машин, а «Громобой», стал лагом к транспорту и открыл беглый огонь всех орудий борта на близкой дистанции. Менее чем через четверть часа, «Кинчо-Мару» буквально был весь в огне и кренился на правый борт. Обезумевшие люди кидались за борт, носились бессмысленно среди этого моря огня по палубам, издавая душураздирающие вопли. Еще прошло минут пять и пылающая громада, свалившись на правый борт, пошла ко дну. Ни одного человека с транспорта не спаслось, они все погибли в огне и в море.

Мы столько времени потратили на свой разбой, чуть ли не в самом доме неприятеля, что пора было позаботиться выбраться из узкого Корейского пролива на чистую воду Японского моря. Построившись в свой обычный походный строй, мы пошли к выходу в Японское море, прибавляя ход до полного. Адмирал известил сигналом, что ночью в ожидании минных атак, не зажигать никаких огней, даже кильватерных. Начало быстро темнеть, когда мы подходили к выходу и взяв курс на NO думали, что и на этот раз благополучно вышли из наших боевых проказ, однако к ночи все было на местах по пробитии сигнала отражения минной атаки. Несмотря на темноту, глаза наши так были напряжены. что мы ясно различали друг друга по более

темным массам корпусов, а линия горизонта с левого борта, то есть в открытое море, отбивалась едва заметной полоской.

Вдруг на «России» блеснул орудийный выстрел и засветили все прожектора по левому борту. Все встрепенулись. Открыли прожектора на «Громобое» и у нас. Переплетающиеся лучи огненных щупальцев десятков фонарей слепили глаза и закрыли совершенно горизонт. Слава Богу! Адмирал по ратьеру сделал сигнал: «закрыть прожектора!» Все взоры от орудий и свободной любопытствующей команды были устремлены во тьму. Казалось, что глазные яблоки хотят выпрыгнуть из орбит. Прошло несколько минут в молчании, как вдруг кто то из командоров левого кормового 8 дм. орудия крикнул: «миноносцы с левого борта!» Действительно, когда глаза, ослепленные прожекторами, вновь привыкли к темноте, на линии более светлого горизонта обрисовались черными точками миноносцы; они шли фронтом в атаку перпендикулярно нашему курсу. Раздалась короткая тревога и первым открыл огонь «Рюрик», а несколько позднее-передние мателоты.

С «Рюрика» ясно видели взрывы двух миноносцев, в ночной бинокль. Я лично видел один взрыв. Крейсера продолжали идти полным ходом. Огонь прекратили и никакое обследование горизонта не дало больше присутствия противника. Пробежав еще часа два полным ходом, адмирал сделал сигнал перейти на экономический, доставивший неприятные минуты Старшему Механику, который с начала ночной операции все время нагонял пару, чтобы не отставать сильно от своих и только справившись со своей постоянной задачей, уже бурчал, что пару девать некуда. Лишние люди были отпущены от орудий и им розданы койки.

Ночь прошла спокойно. К утру нас накрыл туман; выпущены были кильватерные туманные буйки и мы, погрузившись в столь обычную для нас крейсерскую обстановку, не торопясь продвигались к Владивостоку, как будто возвращаясь с мирной прогулки. В 8 утра адмирал застопорил ход и, в проблеске поредевшего тумана, мы заметили силуэт большого парохода, почти сошедшегося с нами. Происходил его осмотр с «России». Это оказался новой постройки большой пароход «Аллянтон», впоследствии транстopт Сибирской Флотилии «Тобол», верхом груженый шпалами, под Германским флагом, но груз принадлежал японцам и предназначался для постройки Фузано-Сеульской железной дороги. Приз был весьма ценным и, посадив призовую команду, пароход отправили во Владивосток, куда и сами пошли за ним, закончив благополучно этот четвертый крейсерский набег, сделав 720 миль плавания. Но результатами похода наше командование было недовольно, адмирал Безобразов был снят с отряда на берег и ему было поручено наблюдение за дальнейшими работами по съемке «Богатыря», а адмирал Иессен вновь поднял свой флаг на отряде. При разборе операции адмиралу Безобразову ставилось в вину, что он слишком рано обнаружил свое присутствие в Корейском проливе, войдя в него с рассветом, тогда как ему следовало пройти ночью весь пролив и с рассветом уже идти обратно и тогда он мог бы встретить 24 транспорта с войсками, которых утопить, обнаружив же свое присутствие при входе в пролив, он дал возможность японцам задержать выход из портов своего флота с десантом и нам досталась столь незначительная добычa.

Не мало неприятностей доставил наш набег и адмиралу Камимуре. Как выяснилось впоследствии, вот что происходило в это время в неприятельском лагере: когда мы подошли к Гензану и бросили там транспорт с миноносцами, адмирал Камимура с своей эскадрой пошел к Гензану, разойдясь с нашими крейсерами, следовавшими в это время на юг. Когда японцы обнаружили наше присутствие в Корейском проливе, они уведомили минную станцию на острове Цусима, которая и выслала для атаки нас свои миноносцы, кажется около 11 штук. Атака была неудачна для японцев, они, потеряв в ней действительно два минонсца, отступили и болтались еще ночью в море, когда адмирал Камимура, получив в Гензане сведения, что крейсера прошли на юг, бросился на всех парах за нами вдогонку. На своем пути он встретился ночью со своими миноносцями после их атаки на нас и, приняв их за русские миноносцы, бывшие в Гензане, угостил огнем, потопив несколько штук и по вредив остальные; пока Камимура разбирался в своей ошибке, мы были уже далеко на пути домой. Вероятно туман или неудачное отражение своих же миноносцев, помешали адмиралу Камимура преследовать нас, благодаря чему мы и на этот раз вышли сухими из воды, а против адмирала Камимуры в Японии было поднято возмущение за все, допущенные им невзгоды: потопление транспортов и расстрел своих же миноносцев. Толпа черни разгромила его дом и в связи с этим были даже некоторые беспорядки.

Возвратясь во Владивосток, мы стали пополнять запасы угля и материалов, готовясь, видимо, к какому то новому набегу. За время выполнения нами последней операции, из Владивостока был произведен выход трех миноносцев под командою капитана 2 ранга Ви-

ноградского; этим малюткам, после настойчивых просьб личного состава, Командующим флотом была разрешена самостоятельная задача-поход к Сангарскому проливу, где они потопили два парусника, отправив команду их на шмойках спасаться на берег, а капитан 1 ранга Виноградский (начальник отряда миноносцев) с японцами послал свою визитную карточку губернатору острова Маумая, живущему в Хакодате; на обратном пути миноносцы поймали большую, 3-х мачтовую японскую шхуну с каким то ценным грузом, которую и довели благополучно до Владивостока, сделав 1.200 миль плавания. Надо было только видеть картину победоносного возвращения во Владивосток, когда в бухту Золотой Рог, на буксире у флагманского миноносца, крошечной номерной скорлупки, тащилась большая японская шхуна с поднятыми двумя флагами на гафеле: наверху развевался наш, Андреевский, под ним-японский. Два других миноносца важно конвоировали по бокам эту группу. На берег высыпало все население Владивостока, на крейсерах была вызвана команда и музыканты, несмолкаемое «ура» встречало их возвращение и делало встречу весьма торжественной Конечно, эта опрация не имела никакого боевого значения, но сам по себе такой поход и для таких крошечных судов был хорошей школой и показателем боевого настроения и тренировки личного состава флота.

4-ЫЙ ВЫХОД ОТРЯДА.

Приведя себя в порядок, мы с нетерпением ожидали новой задачи и в первых числах июля, наконец вышли в море и, направились к Сангарскому проливу. Конечно, план похода, как это всегда и было, знали адмирал и командиры; мы же только строили свои догадки, однако, по выходе, когда связь с берегом разрывалась, эта тайна, обыкновенно переставала уже быть такой строгой; то Старшему офицеру командир кое что поведает из своих планов, то ревизор своими дипломатическими разговорчиками сумеет «выщапать» от командира какую либо интересную для нас новость, на этот же раз нам стало определенно известным, что теперь мы должны будем выйти в Тихий океан, будто бы для поимки какого то парохода, везущего из Америки в Японию золотой груз.

Подойдя к рассвету ко входу в Сангарский пролив, адмирал сигналом требовал быть готовыми к полному ходу и хорошо соблюдать кильватер. С рассветом мы подходили к проливу. Принимая во внимание, что в проливе может быть минное заграждение, пришлось принять меры предосторожности. В Сангарском проливе существуют два направления довольно сильного течения, одно идет из Тихого океана в Японское море, омывая один берег пролива, другое-в обратном направлении по другому берегу. Посередине пролива образутся значительный сулой встречных течений с бурлящими небольшими водоворотами; линия сулоя ясно обрисовысается пеной и всякого рода плавающими отбросами, щепою и деревом. Эта то линия и была принята адмиралом за курс, так как было всего менее вероятным, что по линии сулоя постановка минного заграждения для неприятеля окажется возможной.

Развив 17-ти узловой ход, мы пошли форсировать пролив. Сулой был настолько значителен, что все крейсера шныряли из стороны в сторону и должно быть наш кильватерный строй был отвратителен. Никто нас не ожидал. Хакодате мирно спало при первых лучах восходящего сольнца; на берегу «Нипона» также не замечалось никакого движения и жизни. Мало тревожимое войной население этих мест еще не начинало своего трудового дня.

Наконец, пролив был проиден и наши борта омылись водами Великого или Тихого океана. Выйдя из пролива, мы тотчас же наткнулись на два небольших японских парохода каботажного плавания, совершающих рейсы через пролив. Готовый баркас «России» шел к одному из них, стоявшему с застопоренной машиной. Через несколько минут от парохода отвалило две шлюпки с посаженной туда командой, а за ними отошел и баркас; минут через пять раздался взрыв, столб пара высоко поднялся над водой и когда он рассеялся, на поверхности не было ничего, подрывной пироксилиновый патрон, подложенный под котел с полными парами в момент сделал свое дело.

«Рюрику» пришлось осмотреть другой подобный же пароход, но на том полно было пассажиров, исключительно женщин и детей. Картина взрыва предыдущего парохода произвела на них удручающее впечатление и они на колнях умоляли нашего офицера, протягивая ему грудных ребят. Результат осмотра был сообщен адмиралу, который дал ответ: отпустить пароход без вреда, что тотчас же и было сделано; когда японки поняли, что им не причинят никакого вреда, их радости не было предела. Отойдя мористее, мы встретили еще 3 больших парусных японских шхуны; экипаж с документами снимался на крейсера, а шхуны уничтожались пироксилиновыми подрывными патронами. Было жалко смотреть на это варварство, но в то же время

эти взрывы представляли эффектную и мощную картину. Минеры обыкновенно подвязывали одно-фунтовые патроны под основание мачт на верхней палубе, а более крупные патроны закладывались в трюмы корпуса судна и все это с разной длины бикфордовым шнуром. Когда осмотр шхуны кончался, люди поспешно сходили в барказ и минный офицер лично зажигал фитили патронов. Барказ отваливал на свой крейсер и через несколько минут начиналось представление: сухой треск с желтым огоньком взорвавшегося патрона и громадная мачта, увенчанная распущенными парусами, ломается, как соломинка и летит за борт, потом другая, потом-третья и, наконец, сам корпус шхуны разлетается в щепы, оставляя на воде лишь груду плавающих обломков.

Но, видимо, в задачу адмирала не входили такие задержки крейсеров со всякой мелочью и, мы экономическим ходом пошли на юг, вдоль берегов Японии, Все дальнейшее плавание в водах так называемого Тихого океана было для нас далеко не тихим, хотя, правда, погода была и хорошая, но от востока шла крупная мертвая зыбь, а так как мы все время находились к ней лагом, нас валяло нещадно, боковые взмахи доходили до крупных размеров и, заканчивая вахту, мы спускались в кают-компанию совершенно изломанными, как после гимнастики на машинах, все суставчики ломило, а мышцы и мускулы, в особенности-ног, страшно болели от постоянного балансирования при качке.

На следующее утро, по выходе из пролива, к подъему никого не вызывали, так как обыкновенно на походах поднимали флаг «без церемонии», лишь старшие специалисты выходили на шканцы для утреннего рапорта по своим частям командиру, да и большинство остальных офицеров по привычке выползли на верх вздохнуть свежим воздухом. Я вышел с некоторым запозданием, после 8 часов утра и застал забавную сцену: наш престарелый шкипер, чиновник Анисимов, поседевший, как лунь за свои более, чем 50-ти летние скитания по морям в плаваниях на военных судах, взволнованно метался по левым шканцам и весь красный от волнения бормотал беззубым ртом что то непонятное, но видимо ругательное. Я подошел к нему спросить, в чем дело, но он уже ничего связного говорить был не в состоянии и, только показывая рукою на кормовой флаг, шамкал: «Вы видите, Вы видите!!!». Взглянув на гафель бизань-мачты, где обыкновенно на ходу поднимался кормовой флаг, я увидел там развевающимся, вместо нашего прекрасного Андреевского флага, — английский военный флаг. Адмирал сделал такое распоряжение с целью не вносить паники среди постоянно попадающихся нам на пути японских рыбачьих судов, которые, действительно, видя английский флаг, дружественно махали нам руками и платками, когда случалось проходить поблизости их. Так мы и продолжали плавание под английским флагом, но наш старый шкипер прямо не мог переварить такого, как он выражался, позора, долгое время офицерам пришлось его успокаивать разными доводами, но старик так расходился, что на него не было, как говорится, «стопу», он роптал даже на Бога, давшего ему дожить до того, что видят сейчас его глаза. До обеда он был прямо ненормальным и только за обедом наш ревизор, любивший старика, придя в чиновничью кают-компанию «укомплектовал» его хорошей марсалой, к которой Анисимов был большой охотник и относился совсем не так, как к английскому флагу. Я нарочно остановился на этом воспоминании, чтобы показать любовь моряков старого времени к англичанам, которым в будущем пришлось сделаться нашими союзниками.

Наконец, мы приблизились ко входу в Иокогамский залив.

Мы тихо подходили ночью к берегу. При первом рассвете на нас вышел небольшой пароход под японским флагом, везущий в Иокогаму груз тука (переработка перегнивших рыбных остатков), служащего для удобрения рисовых полей. Пароход был отдан в жертву «Рюрику» и адмирал разрешил уничтожить его артиллерийским огнем. Экипаж и документы были сняты на крейсер и на пароходе осталось только одно живое существо-ручной медвежонок, который, инстинктивно предчувствуя свою гибель, метался по палубе. Тут, началась практика для комендоров и случилась беда для нас. Котел парохода взорвало, поднялся к небу столб пара и тука, находящегося в трюмах; ветром, дувшим в нашу сторону, всю взорванную массу тука, представлявшего полужидкий, жирный и страшно вонючий продукт перегнившей рыбы, нанесло на нас и обдало весь крейсер; что только мы не делали потом, чтобы отмыться от этой липкой, вонючей гадости, ничего не помогало. Поручни трапов, наши перепачканные кителя и все, до чего не прикоснешься руками, много дней потом противно воняло рыбой.

Вступив в свое место после нашей операции, мы вдруг услыхали звуки боевой тревоги на «России» и одновременно на всех стеньгах взвились Андреевские флаги, а вместо английского кормового развернулся наш бело-синий крест. Следуя движению, то же самое

было проделано и на других крейсерах, очевидно адмирал увидел противника и поднятый им сигнал гласил: «приготовиться к бою!»

Все это, по привычке, было проделано во мгновение ока и через каких нибудь две-три минуты все были на своих местах, погреба открыты и орудия заряжены, но никто нигде не обнаруживал противника. Но вот в бинокли, к западу от нас, действительно наметилась кильватерная колонна из 10-12 каких то судов большого розмера. Все с затаенным дыханием продолжали всматриваться в противника, ожидая, что с минуты на минуту закипит неравный бой и чуть ли не в самом центре неприятельских вод. Мы шли на сближение, поднявшееся выше солнце яснее осветило горизонт, утренняя дымка рассеялась и нашим глазам ясно представилась действительно кильватерная колонна, но не грозного противника, а мирных рыбачьих шхун, под полными парусами спешащих в океан, на свой промысел. У адмирала проиграли отбой, быстро спустили стеньговые флаги, но кормовых, к удовольствию нашего шкипера, больше уже не меняли на английские. Изменили курс опять в Иокогамский залив и дали малый ход. Около 10 часов утра на горизонте показался дым парохода идущего в Иокогаму. Взяли курс на пересечку и прибавили ход. Через несколько времени пароход вырисовался вполне ясно и оказался большим океанским грузовым пароходом, сильно загруженным и идущим под ангийским коммерческим флагом. На сигнал адмирала об остановке-никакого внимания. Раздается с «России» орудийный выстрел и всплеск снаряда под самым носом делает свое дело убедительнее всякого сигнала. Пароход останавливается и на этот раз, по сигналу, на него посылаются барказы со всех наших крейсеров. Начинается нудный, длительный осмотр: просмотр документов на груз, рассмотрение вахтенного журнала о плавании и тому подобная процедура. По документам оказывается, что пароход-английский, «Найт-Командер», большого тоннажа, идет из Англии в Японию с грузом, не принадлежащим к военной контрабанде и адресованным даже не японцам, а каким то торговым английским фирмам в Японии. Как будто все в порядке и его надлежит отпустить с миром. Но пока шло рассмотрение бумаг старшим из присутствующих офицером, мичманье с нашей лихой призовой командой уже ухитрилось прошмыгнуть в трюмы и недра парохода, где они, как полицейские ищейки, сунули носы в самые сокровенные части трюмов и к своей радости обнаружили, что там большинство мирных грузов, проставленных в документах парохода, превратились в орудия большого калибра, в ящиках были обнаружены снаряды к ним и на фактическую поверку выяснилос, что «Найт-Командер» полон грузом военной контрабанды, доказательство строгого нейтралитета. Наличие угля на пароходе-самое малое, только до Иокогамы, а потому забрать его призом не представлялось возможным. Все результаты осмотра были просигнализированы семафором адмиралу и получился короткий приказ: дать полчаса на сборы команде, снять ее с парохода, который потопить подрывными патронами. Экипаж «Найт-Командер» был отправлен на «Рюрик». Вместе с ним. наш хозяйственный ревизор прихватил и десяток живых баранов, рассчитывая угоститься на походе свежим шашлычком, но когда барказ пристал к борту крейсера, командир страшно рассвирипел на ревизора за такую хозяйственность и тут же приказал выкинуть баранов за борт, указав на недопустимость такого мародерского поступка. На палубу вышел капитан «Найт-Командера» со своими помощниками и администрацией, а за ним повалил его экипаж, состоящий, в буквальном смысле слова, из всякой, как говорят, шпаны: тут были и европейцы и китайцы и малайцы и негры, весь этот разнокалиберный сброд тотчас же разошелся по палубе среди нашей команды. Старший офицер, обратясь к капитану, старому англичанину, просил его проверить наличие привезенного экипажа парохода и тот, испросив разрешение построить их для переклички на шканцах, гаркнул на весь крейсер пару английских командных слов и надо было посмотреть с какой быстротой и подобострастием вся разнокалиберная «шпана» во мгновение ока выстроилась во фронт и замерла, как вкопанная. Чувствовалось, что эта дисциплина было выработана не сантиментальным обращением и добротой этого старого, седого, морского волка, а какими то другими, более суровыми мерами. На нас, мичманов и лейтенантов, стоявших в стороне и наблюдавших за этой сценой, напала какая то жуть при виде зверской физиономии брита, пересчитывающего свою команду. Взяв под козырек, он доложил Старшему Офицеру число своих людей и сказал, что экипаж весь. Его увели для размещения в кубрик, а капитану и офицерам было предложено отправиться в отведенное длз них помещенние в пустующих адмиральских каютах, но капитан просил разрешения остаться на верхней палубе-еще раз взглянуть на свой корабль, что и было ему разрешено. Мы остались все наверху посмотреть на гибель парохода и нас разбирало любопытство, как будет реагировать этот старый волк на потопление своего судна.

Он спокойно стоял, сложив на груди руки, рядом со Старшим офицером и цедящими через зубы фразами коротко рассказывал свою судьбу: он 18 лет командовал этим прекрасным судном, совершая беспрерывные рейсы по океанам и теперь шел из Англии кругом мыса Доброй Надежды, сделав около 15 тысяч миль и, вот, судьбе было угодно устроить встречу с нами, недойдя каких нибудь 30 миль до места своего назначения. В это время раздался отдаленный звук глухого взрыва и несколько досок палубной настилки на баке парохода полетели в воздух. Это был первый сигнал агонии парохода. Через несколько минут послышались и другие, заглушенные внутренностью трюмов взрывы. Наступила гробовая тишина. Все взоры были обращены на пароход, который без перемены, в небольшом от нас расстоянии, продолжал покачиваться на мертвой зыби океана. Лицо его капитана казалось окаменелым, ни один мускул загорелого лица не дрогнул, и только неподвижные глаза, устремленные на свое детище, горели каким то странным блеском. В носовой части судна раздался более сильный взрыв, морская громадина начала опускаться носом в воду, как бы становясь на колени при виде желанного, но недостижимого порта.

Агония длилась недолго; вскоре пароход встал вертикально, показал свои винты и нырнул в глубину могилы. Глаза морского волка затуманились слезой, он быстро повернулся к Старшему офицеру и отрывисто проговорил «я готов, укажите мне мое помещение». Я понял, что должен был переживать в душе своей этот старый моряк. Нам невольно стало его жалко и, получив приказание Старшего офицера провести его в адмиральскую каюту, мы с прапорщиком Ярмерштедтом, прекрасно говорящим по английски, повели капитана в предназначенное помещение, куда сейчас же приказали вестовым принести виски с содовой водой и постарались залить ему горе, вознагражденные его интересными рассказами.

Оставаться здесь дальше не входило в планы адмирала и отряд, стал удаляться от японских берегов, держа путь обратно на север. В этот же день нами был встречен американский пароход типа увеселительной яхты, полный американских туристок и туристов, ехавших из Америки в Японию. После осмотра, наделавшего, все таки, на нем переполох, яхта была отпущена, а мы продолжали свой путь, держась на этот раз в значительном расстоянии от берегов.

Никакого парохода с американским золотом нам встретить не удалось, но все же на пути попался американский пароход «Арабия» с полным грузом, идущий в Японию и так как на нем было достататочно угля, тобы следовать с нами, то посадив на него призовую команду с «Рюрика» при 2-х офицерах (были посланы лейтенант Ханыков и прапорщик Ярмерштедт), приказали идти за отрядом, дав им предписание-в случае расхождения из-за тумана идти маршрутом через 4-ый пролив Св. Екатерины Курильских островов в наш пост Корсаковский на Сахалине, где погрузить необходимое количество угля и следовать во Владивосток. Такое предварительное распоряжение адмирала было сделано очень кстати, поднимаясь на север, мы вскоре вступили в полосу большого тумана.

При приближении к Сангарскому проливу на отряде чувствовалось беспокойство постоянными запросами адмирала о количестве остающегося угля. Нас это на «Рюрике» нисколько не беспокоило, так как при наших котлах и громадном запасе топлива, мы могли совершить еще несколько раз подобное путешествие, но не так обстояло дело на «России» и Громобое», где запас топлива приближался к концу, а еще ошибка «Громобоя» в своих утренних рапортах ввела в заблуждение адмирала, который рассчитывал на большую цифру запаса на нем топлива и это заставляло его нервничать. Давались по радио различные маршруты, то идти через Сангарский пролив, то идти на Сахалин, наконец адмирал решил дать курс на Сахалин, через 4-й Курильский пролив. Следуя четвертые сутки в густом тумане, мы невольно подтянули строй, прижавшись к туманным кильватерным буйкам, выпускаемым передними мателотами на 2 кабельтова за корму и по которым мы уже имели хорошую практику держаться в отряде.

По рассчету плавания и счислению мы минули Сангарский пролив и поднимались далее на север, как вдруг ночью адмирал делает условный сигнал сиреною-поворота последовательно на 16 румбов, то есть на обратный курс. Это выполняетсу исправно, за исключением нашего приза, парохода «Арабия», которая, как потом оказалось, не слышала сигнала и продолжала идти своим курсом дальше на север. Какие были причины такой нерешительности адмирала нам, на «Рюрике», известно не было, но ясно, что без причины, потратив зря столько угля, опять на обратный курс адмирал бы не лег. Потом выяснилось, что благодаря туману, мы уже давно не имели обсервации своего места и не доверяя счислению, адмирал не рисковал вести крейсера через неширокие проливы между Курильскими островами, проход через которые из за сильного течения и постоянного тумана, пре-

дставлял значительную большую опасность для плавания по сравнению с таковым же через Сангарский пролив, это соображение и заставило адмирала переменить свой маршрут. Но и в Сангарский пролив со стороны Тихого океана попасть было делом нелегким.

К утру мы, по счислению, подошли к Сангарскому проливу; туман был так густ, что мы не видели переднего мателота, но можно было ожидать, что погода исправится, солнце начало пробивать верхний слой тумана и мы, ожидая, когда лучи его согреют берега и оттонят туман от них, продолжали ощупью приближаться к берегу. Вдруг, как по мановению волшебного жезла, полоса тумана поднялась над водою и под ней открылся ярко освещенный пляж берега с усевшимся на мель небольшим японским пароходом, не попавшим в пролив, вход в который оказался в полу-миле севернее и сейчас начал очищаться. Задерживаться было безрассудно, надо было торопиться, пользуясь прояснением погоды, чтобы войти в пролив и проскочить в Японске море. Ход прибавили до полного и пошли форсировать пролив. Тут же выяснилось, чт о мы потеряли свой приз, «Арабию», отбившуюся от нас при повороте. Положение наше было не из завидных. На больших крейсерах угля оставалось очень мало, освещения местности-никакого и у всех родилась мысль, что при выходе в Японское море более чем вероятно сторожит нас Камимура со всем своим флотом, чтобы дать нам бой. Но другого выхода не было, как идти на-авось вперед.

Окончательно прояснилась погода, мы полным ходом, как и в первый раз, выбирая путь по сулою, проходли мимо Хакодате.

При выходе из пролива в Японское море, мы вздохнули спокойной грудью, никакой ловушки нам не подстроено и обследование горизонта не дало на нем никакого присутствия судов. Когда берега стали скрываться, перешли на экономический ход, адмирал, для очистки совести, дал общий сигнал «ночью возможно ожидать минной атаки» и направили свой путь домой, к Владивостоку, предвкушая заслуженный отдых и освежение после утомительного, и с физической и с нравственной сторон, крейсерства.

Не знаю, был ли адмирал осведомлен, приближаясь к заливу Петра Великого, что наш подход к Владивостку безопасен и неприятельне ожидает нас там, но только мы не особенно сочувственно отнеслись к его вечернему сигналу, которым приказывалось всем крейсерам произвести с наступлением темноты испытание принятых на отряд крепостных светящихся ракет для отражения миноносцев. Такую иллюминацию мы и произвели среди ночи. Жаль, что этими ракетами мы не были снабжены в наш предыдущий поход, так как результаты их были очень хорошими в смысле видимости и площади освещения, тогда быть может при атаке нас японскими миноносцами, удалось бы им нанести больший ущерб.

К рассвету мы благополучно подходили к Владивостоку и высмеивали «Громобой», который выражал семафором свое сомнение, что у него хватит угля дойти до бочки в Золотом Роге, но это уже было нестрашно, подмели до чиста угольные ямы и все стали на бочки, закончивши этот наш самый продолжительный и длинный поход за войну, сделав 2.580 морских миль.

Через два дня во Владивосток так же благополучно пришел и наш приз «Арабия», которая действительно не слыхала ночного условного сигнала сиреною и, согласно ранее полученной инструкции, прошла на Сахалин, приняла нужное количество угля и пришла к месту назначения, совершив 400 миль крюку.

По возвращении домой мы застали «Богатырь» уже снятым с камней и находящимся в сухом доке, почему наш отдых обещал быть спокойным и особенно веселым.

Невольно напрашивается вопрос, почему же более сильный противник был столь инертен в своих действиях во время этой нашей прогулки? Как потом удалось выяснить, эта инертность была лишь кажущейся для нас, в действительности же адмирал Камимура бросался в разные стороны, чтобы встретиться с нами, но злой рок невезения делал неудачными все его начинания. Он подходил и к Владивостоку, но после нашего ухода, был и в Сангарском проливе, после нашего прохода им; не рискуя найти нас в Великом океане, следуя вдогонку, он был уверен, что крейсера следуют на соединение с Артурской эскадрой, обойдя Японию и вот он спешит через Японское море обратно в свое Средиземное, чтобы выйти через него нам навстречу, так как одна только мысль пропустить крейсера в Порт-Артур повергает его в отчаяние, ибо он, поставленный на страже в Японском море именно для этой цели разъединения наших сил, не выполнил бы тем свою прямую задачу. Задержась несколько для пополнения угля, он приходит к месту потопления нами «Найт-Командера» с запозданием и следует вдоль японских берегов к северу, в то время, когда мы идем тем же, параллельным с ним курсом, но в большом отдалении от берегов. Затем, по каким то неизвестным причинам, Камимура, не доходя до Сангарского пролива, поворачивает обратно, а мы, почти обес-

кровленые отсутствием угля, в то время спокойно выходим через пролив в Японское море для следования во Владивосток и благополучно возвращаемся домой. Нетрудно представить себе ту картину, которая получилась бы, если бы японцы были осведомлены или догадывались о нашем маршруте. Так или иначе, и на этот раз, удача ему не сопутствовала, оставив нашу, если можно так выразиться, «военную наглость» безнаказанной.

За этот поход мы успели привыкнуть к новому адмиралу, высшее командование осталось довольным его действиями и на этот раз дальнейшей смены начальника отряда не предвиделось, а молодежь в береговых салонах уже успела дать прозвище новому адмиралу: «Карла смелая». На крейсера были поданы баржи с углем и началась обычная грязная работа погрузки угля и прием материалов из порта.

Личный состав освежался на берегу, а адмирал Камимура, вероятно, страдал печенью, переживая все свои неудачи и не предвидел того, что так скоро, всего через несколько дней, фортуна счастья боевого обернет свое лицо в его сторону.

К. Иванов-Тринадцатый

Хроника «Военной Были»

СЛУЖБА ПЕТРА ВЕЛИКОГО ВО ФЛОТЕ

Сей неутомимый Монарх служил и во флоте своем наряду с подданными, также с самых низших степеней, дошел в сей службе до контр-адмиральского чина и довольствовался оным, отдавая справедливость заслугам своих адмиралов и вице-адмиралов, которые во флоте имели перед ним преимущество. Некогда очистилось при флоте вице-адмиральское место, на которое надлежало кого нибудь произвести. Контр-адмирал Петр Алексеевич подал в Адмиралтейскую Коллегию просьбу, в которой прописывая свою прежнюю службу, просил повышения на сие место. По внимательном рассмотрении дела, праздное место было отдано другому контр-адмиралу; а Петру Алексеевичу, на его просьбу, ответствовано было письменно, что Коллегия признает его заслуги и надеется, что он и впредь будет стараться приобретать оные, за что может ожидать требуемого им повышения, как скоро откроется первый к тому случай, но в сем случае Коллегия, сравнивая службу его с службою другого контр-адмирала, нашла, что тот долее его служит и более имел случаев отличиться; а для того Коллегия, на сей раз, по справедливости, должна была отдать ему преимущество и произвести его в вице-адмиралы.

Петр Великий доволен был сим ответом, и разговаривая при Дворе о сем производстве, сказал: «Члены Коллегии судили справедливо и поступили как должно. Если бы они были так подлы, что из ласкательства, предпочли бы меня моему товарищу, то не остались бы без наказания». (Сведано от Адмиралтейского Генерал-Экипажмейстера Брюйнса).

извлек **А. Г.**

РУССКИЙ ФЛОТ ВО ВРЕМЯ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Под этим названием, в номере 56 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», была помещена статья А. Крапивина. Полагаю необходимым, дополнить эту статью историческими данными о действиях Балтийского флота в этот период.

Во время войны с Францией, Высочайшим повелением Императора Александра I, в помощь союзной Англии, в Северное море были отправлены две эскадры Балтийского флота. Первая, под командой адмирала Егора Егоровича Тета, состояла из 12 линейных кораблей, 6 фрегатов, 2-х корветов и малых судов, всего 30 вымпелов. Эскадра эта вышла в поход в октябре 1812 г. но, уже в ноябре того-же года, была отправлена вторая эскадра из 6 линейных кораблей, под флагом вице-адмирала Романа Васильевича Кроуна. Таким образом, в промощь

Англии, в этой войне участвовало 36 кораблей Российского Флота.

Эскадры наши, базируясь на английские порты, блокировали, захваченные Наполеоном, берега Голландии, вели действия против французского флота, как на море, так и на реках и высаживали десанты. Отряд кораблей, под флагом контр-адмирала Максима Петровича Коробки, блокировал устье р. Шельды, высадил десант силою в 87 офицеров и 3000 матросов и занял острова Северный и Южный Белевенд, в устье этой реки. В сентябре 1813 г., этот отряд возвратился в Кронштадт. Другие корабли вернулись из Англии в 1814 году, по окончании военных действий против Франции.

В 1812 году, на Отряд капитана II ранга Тулубьева, была возложена задача прикрытия Рижского залива от возможного проникновения в него наполеоновских кораблей. Для отвлечения неприятельских войск от Риги, Командующий русскими войсками решил произвести высадку в Данциге, занятом французами. Во исполнение этого приказа, в августе 1812 г., кап. 2 ранга Тулубьев высадил десант и тем заставил французов оттянуть свои войска к Данцигу, что значительно облегчило положение Риги. Выполнив свою задачу, десант вернулся на суда. 4 сентября того-же года, Отряд Тулубьева покинул Данциг и 5 ноября прибыл в Свеаборг. В состав этого отряда входил бриг «Феникс», на котором плавал молодой лейтенант Михаил Петрович Лазарев, будущий создатель Черноморского флота. Здесь, он получил свое боевое крещение. Как известно, Михаил Петрович был произведен в гардемарины в 1803 году и отправлен в Англию, для ознакомления с постановкой там военно-морского дела. По возвращении в 1808 г. в Россию, он держал экзамены при Морском Корпусе и 25 мая 1808 г., произведен в офицеры со старшинством с 27 декабря, в сравнение со сверстниками, которые были уже произведены в то время как он плавал в Атлантическом океане, на судах Английского флота.

Г. фон-Гельмерсен

ОТ РЕДАКЦИИ

В статье Алексея Геринга «Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом в № 74 журнала вкрались досадные опечатки. Нужно читать «генерал ХольмстОн (Смысловский)» а не «Хольмстен (Смыловский)».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 74 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» помещена заметка Старого Сергиевца, который утверждает что Сергиевское Артиллерийское училище, также как и Константиновское Военное, не прекращало на на один день своего служения Царю и Родине и прекратило свое существование в Болгарии в 1921 году.

Это не совсем так. Сергиевское Артиллерийское училище основано в Одессе в 1912 г., для подготовки офицеров крепостной и тяжелой артиллерии. В ноябре 1917 г., училище прекратило свои учебные занятия, то-есть **было закрыто.** После освобождения Одессы частями Добровольческой армии было приступлено к восстановлению его и Приказом Главнокомандующего Вооружен. Силами юга Росси от 2 ноября 1919 г., училище было **вновь организовано** в составе двух батарей (50 офицеров и 400 юнкеров). 30 октября училище было эвакуировано в Галиполи, где и продолжало свою деятельность по подготовке офицеров артиллерии. 25. декабря 1921 г. училище переехало в Болгарию, где были сделаны три выпуска офицеров и только в 1923 году, училище было закрыто.

И. Горяйнов

По поводу заметки г. В. Пигулевского «БЫЛО-ли это?» в № 71 «ВОЕНОЙ БЫЛИ»

В виду того что до сих пор никто на эту заметку не откликнулся, я позволяю себе сообщить все то что мне по этому поводу известно.

Если я не ошибаюсь, в 1913 году и во всяком случае не непосредственно перд началом войны с Германией, по Петербургу стали ходить слухи о вооруженном столкновении, происшедшем между нашими и германскими кавалерийскими частями. Согласно этим слухам, наш 6 гусарский Клястицкий полк, под командой полковника Свешникова, возвращаясь с учения, наткнулся на, перешедшую нашу границу, германскую конную часть. По приказу командира полка, гусары атаковали германцев и принудили их очистить нашу территорию. Больше никаких подробностей не передавалось.

Если этот слух был верен, то столкновение могло произойти в районе Млава — Цеханов. — Варшавский военный скруг, где были расположены части 6-й кавалерийской дивизии но не в районе Сувалок, находившемся в Виленском военном Округе, а в то время не происходило больших маневров, в которых могли бы принять участие войска обоих этих Округов.

А. Г. К.

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6*

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вел. Кн. ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — Сон Юности — 15 фр.

Н. БЕЛОГОРСКИЙ — Вчера. Роман в 2-х тт. — 50 фр.

П. Н. БОГДАНОВИЧ — Вторжение в Восточную Пруссию — 15 фр.

Князь ПАВ. ДОЛГОРУКОВ — Великая разруха — 18 фр.

М. СВЕЧИН—Записки старого генерала — 12 фр.

А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Богатыри поснулись т. 1 — 15 фр.

Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзях — 15 фр.

Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.

А. П. БОГАЕВСКИЙ—Воспоминаия 12 фр.

Кн. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 20 фр.

В. Е. ПАВЛОВ — Марковцы т. 1 — 25 фр.

— » — то же т. 2 — 25 фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.

Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска — 15 фр.

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.

Вл. МАЕВСКИЙ — Дореволюционная Россия и СССР — 18 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 115, Cromvell Road, London S. W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Автсралия — а) у В. Ю. Степанова, 189, Trafalgar St. Stanmore. N. S. W. б) у В. П. Тихомирова, Northcote Terrasse. Gilberton. S. Australia.

Венецуэла — Liberia Eslava, Calle Guayalquil № 16. Caracas, Venezuela.

Аргентина — у Г. Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos-Aires, Argentina.

№ 76
Ноябрь 1965 год

ГОД ИЗДАНИЯ XIV-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего друга и сотрудника

Николая Ивановича Скрябина

панихида была отслужена 9 октября 1965 года в Храме Знамения Божией Матери в Париже.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 76 по 81 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

14-й год издания | № 76 НОЯБРЬ 1965 Г. | **BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50**

ОТ РЕДАКЦИИ

К концу четырнадцатого года издания нашего журнала, судьба еще раз ему улыбнулась и нам удалось выпустить номер исключительного исторического интереса.

В нем вы увидите тридцать девять, никогда еще не напечатанных писем Александра Васильевича Суворова, писанных им в бытность его Начальником Кинбурнского отряда и адресованных Принцу Нассау-Зиген, командовавшему Гребной флотилией Российского флота под Кинбурном.

Генералиссимус Суворов принадлежит к числу великих людей, навеки оставивших след в русской военной истории. Совершенно естественно, что историки и военные писатели, уже полтораста лет, склоняются над его жизнью и изучают каждую строчку, вышедшую из под его пера.

В свете этой работы, понятно то значение, которое имеет опубликование нами его, неизвестных доселе, писем. Всякий исторический документ начинает жить и проливать свет на людей и события только в тот момент, когда он появляется на страницах печати. Ценность всякой мысли принимает новый и яркий характер, при ее обнародовании, при передаче ее на изучение широких кругов.

Мы рассматриваем появление этих, никогда ненапечатанных, писем Суворова на страницах нашего журнала, одновременно как истинный подарок всем почитающим и изучающим русскую военную историю и как великую честь и доверие, сказанное редакции «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

Первый, большой шаг сделан. Письма опубликованы. Теперь будем ждать от наших военных историков, особенно тех, кто посвящает свой труд и знания жизни и деятельности величайшего Российского полководца, изучения этого нового исторического материала и подробных к оному исследований.

Как редактор журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», я считаю своим долгом обратиться с искренней благодарностью к Александру Павловичу Иорданову, предоставившему в наше распоряжение эти неоценимые, хранящиеся у него, письма.

Сердечно благодарю Сергея Павловича Андоленко, написавшего предисловие, взявшего на себя огромный труд перевода этих писем на русский язык и снабдившего их ценными примечаниями.

Благодарность моя идет и к другу моему — Николаю Ивановичу Катеневу, почин которого и материальная помощь позволили осуществить это издание.

Пользуюсь этим радостным событием в жизни нашего журнала, чтобы еще раз поблагодарить всех его дорогих сотрудников, всех тех, кто, в течении многих лет, бескорыстно и неутомимо поддерживали «ВОЕННУЮ БЫЛЬ» своими трудами и тем создали ей ту прочную и блестящую репутацию серьезного военно-исторического журнала, которая дала нам возможность получить для опубликования этот драгоценный материал.

Алексей ГЕРИНГ

Суворовские полки

Суворов, явление военной истории европейского маштаба. Заключить его в узкие полковые рамки, говорить что он был Семеновцем, Фанагорийцем или Преображенцем, непроизводительно. Для него не могло быть его полка, потому что он любил все русские полки, всех считал своими и все они, в равной степени его боготворили.

«Казаки, карабинеры,
Гренадеры и стрелки,
Всякий на свои манеры,
Вьют Суворову венки...

И после его смерти его не забыли и он незримо продолжал нести, в рядах русских войск, свою службу, которая прекратится только тогда когда кончится бытие России.

«И теперь, когда на битву,
Русские полки идут,
Он за них творит молитву,
Про него они поют».

Он всех любил и всех считал своими детьми. Были ему родными Апшеронцы. Не вел ли он их в штыки, с их знаменем в руках, в день Куннерсдорфа? Родными ему были и Стародубовские карабинеры, что на его глазах скакали через Рымникские валы, как родными же ему были и Азовцы, бравшие по его приказу «Прагский ретраншемент» и Шлиссельбургские мушкетеры, спасшие его в Кинбурнской драке и кирасиры 3-го полка (Орденцы), отводившие от него удары вражеских сабель. Все российские полки имел под своей командой «Российский Победоносец» и всех их любил.

Но, с некоторыми из этих полков Суворова связывали особые воспоминания. В их рядах он служил, их мундир он носил, командовал ими в мире или на войне. До последнего дня существования Императорской армии, память Суворова жила в этих полках. Считать Суворова своим однополчанином было большой честью.

Лейб-гвардии СЕМЕНОВСКИЙ полк

Почему внук и сын Преображенцев, а, впоследствии и отец Преображенца, Суворов был записан в Семновский полк? Не лишено интереса отметить, что и служа в Семеновском полку, Суворов жил у Преображенцев, у своего дяди, офицера этого полка.

В те времена, Гвардия представляла из себя одно целое. Недорослей писали — «в Гвардию», в полки, в которых были вакансии, без различия в которые. Особого полкового духа не было, дух был гвардейский. Как «чада одного корня», Преображенцы и Семеновцы отличались особыми, истинно братскими, отношениями. Но, совершенно справедливо гордились потом Семеновцы тем, что в рядах именно их полка, Суворов научился служить и, познав солдата, полюбил его всей душой... «положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение...»

Челобитную об определении его в полк солдатом, «понеже он в службу еще нигде не определен», Суворов подал в 1742 г., двенадцати лет от роду. Резолюция полкового «штапа» гласила: « написать лейб-гвардии в Семеновский полк в солдаты сверху комплекта, без жалованья и, для обучения наук, отпустить в дом его на два года».

Обучение затянулось, в 1747 г., все еще находясь в отпуску, Суворов был произведен в капралы и только 1 января 1748 г. прибыл в полк, на действителную службу. В 1749 г. он был произведен в подпрапорщики, а в 1751 г. — в сержанты. В полку Суворов служил 6 лет, а числился в нем — 12, но, чтобы одеть гвардейский офицерский мундир, ему пришлось подождать... штурма Измаила.

Солдатская его служба началась в 8-ой роте. В ее рядах, он находился до производства в сержанты, когда был переведен в 1-ю роту. В заботах о «вящщем сохранении памяти великого русского полководца в рядах того полка, где он воспринял первые уроки военной службы, где, в течение многих лет, служил солдатом», Государь Император 18 ноября 1910 г. Высочайше повелел: «имя Генералиссимуса князя Суворова зачислить в списки лейб-гвардии Семеновского полка а 8-й роте, именоваться: 8-й Генералиссимуса князя Суворова ротой». В обиходе, весь 11-й батальон л.-гв. Семеновского полка назывался «Суворовским».

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ пехотный полк.

Впоследствии **9-й пехотный Ингерманландский Императора Петра Великого полк.**

В 1754 г., сержант Суворов был «выпущен» поручиком в армию, с определением в Ингерманландский полк. Таким образом, первым офицерским мундиром Суворова был мундир Ингерманландского полка, состоявше го при Петре в одной дивизии с Преображенцами и Семеновцами. В этом полку Суворов прослужил два года, до чина премьер-майора, в который он был произведен в 1756 г. Когда началась война с Пруссией и выяснилось что Ингерманландцы останутся в России, Суворов подал прошение о назначении в действующую армию.

КАЗАНСКИЙ пехотный полк.

Впоследствии **64-й пехотный Казанский полк.**

В 1765 г., Суворов был переведен в этот полк премьер-майором и в нем же произведен был в подполковники. Нес ли действительную службу в рядах этого полка, Суворов, часто занимавший в Пруссии штабные и адъютантские должности, нам неизвестно, но мундир его носил и в списках его состоял несколько лет. В 1761 г. Бутурлин писал: «генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского пехотного полка Суворова...»

Но штабная деятельность его не удовлетворяла. его тянуло в строй.

ТВЕРСКОЙ драгунский полк

Расформирован в 1775 г. и эскадроны его распределены по другим полкам.

Командир полка заболел и, в ноябре 1761 г., Суворову было поручено временное командование Тверскими драгунами. Во главе их, он принял участие в многочисленных боевых столкновениях и был ранен. Интересен отзыв Румянцева: «Хотя в пехотном полку считается, однако склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте, получил».

Суворов везде был на своем мсте.

АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ драгунский полк.

Присоединен в 1775 г. к Санкт-Петербургскому драгунскому, впоследствии **1-й уланский Санкт-Петербургский генерал - фельдмаршала князя Меншикова полк.**

Возвращение в строй командира Тверских драгун, заставило Суворова искать другой полк. ему дали в командование Архангелогородских драгун. Война скоро была кончена. 26 августа 1762 г. Суворов был произведен в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка.

АСТРАХАНСКИЙ пехотный полк.

Потомком его был — **14-й гренадерский Грузинский Наследника Цесаревича полк.**

Производство Суворова в полковники, с назначением командиром Астраханского полка, состоялось перед самым отъездом Императрицы Екатерины в Москву, на коронацию. Полк остался в Петербурге, вместе со своим командиром, продолжая содержать городские караулы. По возвращении Государыни, Астраханский полк был сменен на Петербургской стоянке, Суздальским и Суворов, успевший уже себя зарекомендовать выдающимся начальником, 6 апреля 1763 г. был назначен его командиром.

СУЗДАЛЬСКИЙ пехотный полк.

Впоследствии: **62-й пехотный Суздальский Генералиссимуса князя Суворова полк.**

Шестилетнее командование этим полком имело большое значение в жизни Суворова. Во главе его, полководец создал свою стройную систему воспитания и обучения, увековеченную в его «Полковом Учреждении». О степени, на которую поставил Суворов свой полк свидетельствует оценка его Императрицей, признавшей его лучшим в Русской армии.

В 1768 г., Суворов повел свой полк в поход против поляков, но по приходе на театр военных действий, получил в командование бригаду.

Тесная связь Суздальцев с Суворовым получила свое признание в день столетней годовщины кончины полководца. 6. мая 1900 г. полк был назван 62-м пехотным Суздальским Генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полком.

лейб-гвардии ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ полк.

За штурм Измаила, Суворов был пожалован подполковником в л. гв. Преображенский полк. Назначение это было боевой наградой, так как полковником полка была сама Императрица. Суворов вошел в «штап» полка и, при приездах своих в Петербург, занимался полковыми делами. Мундир этот фельмаршал носил до своей кончины. В 1796 г., Император Павел назначил его Шефом батальона полка. Случалось Суворову и лично учить свой батальон.

ФАНАГОРИЙСКИЙ гренадерский полк.
Впоследствии: **11-й гренадерский Фанагорийский Генералиссимуса князя Суворова полк.**

Полк этот обратил на себя внимание своей храбростью под Измаилом и под Прагой и был отличен Суворовым. В 1796 г. Император Павел назначил фельмаршала Шефом полка, который получил его имя. 17 августа 1826 г. Император Николай Павлович приказал: «в уважение к заслугам Генералиссимуса князя Суворова, бывшего в 1796 г. шефом полка, дать этому полку навсегда его имя».

Между 1877 и 1882 гг. шефом полка был родной внук полководца генерал-адъютант князь Суворов. В 1910 г., в изъятие из общих правил, полку были пожалованы знаки отличия на головные уборы и офицерские знаки, с надписью «За взятие штурмом Измаила в 1790 г. и Праги в 1794 г.» В 1912 г. ему было предоставлено право проходить церемониальным маршем, держа винтовки «на руку». Это было новое признание чрезвычайных заслуг полководца перед Россией, оказанное полку, который вся армия давно уже привыкла считать «суворовским».

1-й ДОНСКОЙ казачий полк.

Известна особенная привязанность Суворова к Донским казакам, без которых он не любил выступать в поход. В память постоянной службы Донцов при Генералиссимусе, 16 апреля 1900 г. 1-й Донской казачий полк получил Суворова вечным шефом и был назван 1-м Донским казачьим Генералиссимуса князя Суворова полком». Видно это имя принесло ему счастье, так как 10 мая 1916 г., шефство полка принял на себя сам Государь и он стал именоваться: 1-м Донским казачьим Генералиссимуса Суворова, ныне Его Величества полком.

Но отошли в вечность славные полки, окончила свой век Императорская «Суворовская» армия, но не умерло имя князя Суворова в памяти того народа, которому служил и которого прославлял величайший русский полководец Александр Васильевич Суворов.

С. Андоленко

По стопам Суворова

В октябре 1933 года, одна из групп Кубанских джигитов проезжала из средней Швейцарии в южную. Наш товаро-пассажирский поезд грузно, тяжело подвигался вверх, к Альпам. Мы знали, что должны пройти знаменитый Сан-Готардский тоннель. И мы к нему подошли.

В средней Швейцарии стояла сухая, тихая и очень уютная осень. Мы там ходили в одних черкесках, но ближе к Альпам, почувствовали вдруг резкую свежесть приближающейся зимы.

Подымаясь в гору, наш поезд постепенно замедлял свой нормальных ход и мы, движимые чувством любопытства, высунулись в окна классного вагона, чтобы рассмотреть Альпы. И вот, перед нами показались северные их склоны, каменистые, суровые в своей природе, чуть лесистые и очень неуютные для глаза.

Наш поезд остановился на последней железнодорожной станции перед самым Сан-Готардским перевалом, перед туннелем под ним. Мы, джигиты, быстро выскочили из своего вагона, чтобы купить чего либо «погреться»... Наш вид в черкесках и папахах, с башлыками на плечах войскового (красного) цвета, невольно привлек к себе внимание станционных служащих.

— Вы русские? спрашивают они нас по-французски. —

— Да, мы-казаки, — отвечаем мы коротко и горделиво.

— А здесь есть памятник вашему Суворову, — с приятной улыбкой говорят они нам.

— Где?... где?... забросали мы их вопросами.

— А вон, там, в 4-х километрах отсюда, — отвечают они, указывая направление на запад;

— Он здесь проходил со своими войсками... ну, вот, и памятник ему поставили... а вон, в киоске, продаются и открытки этого памятника, — добавили они.

Наш поезд стоит всего лишь несколько минут. Посмотреть на памятник Генералиссимусу Суворову никак не успеть. И мы бросились к киоску за открытками. «Доблестным сподвижникам Генералисимуса, Фельдмаршала Суворова-Рымникского, Князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году» гласит надпись по-русски на памятнике, на кресте в скале. Трудно передать волнение, охватившее нас, когда прочитали мы эту надпись на открытке со столь суровым памятником: крест, высеченный в каменистой естественной глыбе Альп. Короткий свисток для отхода поезда и мы, ежась от холода, бегом «на носочках», перескакивая через многие железнодорожные пути, быстро вскакиваем в свой вагон. Поезд тронулся.

Толпясь в окнах вагона, с острым любопытством изучаем «Суворовские Альпы»... Мы ищем на них «следов» непобедимых Суворовских чудо-богатырей. Но напрасно: кругом дикие скалы, расщелины, редкий лесок и туман, туман... Этот туман, как мне казалось, безостановочно и «злостно» выступил из всех расщелин и как будто дымился и неприятно щекотал нервы, словно подчеркивая всю дикость и неприступность для человека этих Альп. И это было внизу, у подошвы. — А что же происходило там, вверху, на хребте Альп, или у этого исторического «Чертова моста», тогда, в 1799 году, и под огнем противника? — думал я.

Нужно самому быть долго на войне, в особенности, на Турецком фронте, чтобы понять точно, понять реально, что именно было тогда там в горах, в снегах, без дорог и троп, под огнем обороняющегося противника, без связи, у отрезанных от своих баз, от своих войск, когда Суворову надо было пробивать себе лишь одну дорогу «только вперед!»

Поняв все это, только тогда и поймешь, что такое «Сподвижники и погибшие».

С этими мыслями мы неожиданно вкатились в темноту туннеля. В вагонах зажглось электричество. Тридцать минут и мы были уже на южной стороне Альп. Войска Суворова остались «позади нас». И я был счастлив, что побывал «На стопах Суворова».

. . . .

Мы работаем на лошадях в городах Лугано, Локарно, Белизона.

— Здесь проходил ваш Суворов, — вдруг говорит мне швейцарец в Белизоне.

— Он шел на Сен-Готард отсюда, — поясняет он и эти слова ударяют меня по нервам.

Городок Белизона расположен в котловине среди гор. На север, совсем близко от нас, мы видим пустынные, бугорчатые, неуютные и дикие горы Альп, уже занесенные глубоким снегом, хотя стояла еще осень. И мне вновь стало грустно и тяжело на душе, так как здесь проходили «Сподвижники Суворова» для того, чтобы многим погибнуть там, в снегах Альп....

Наш джигитский путь продолжался. Скоро мы работали в Италии. В январе 1934 года двинулись в сказочную Индию, страну факиров и чудес. Потом-на Малайский полуостров, Сингапур, Яву, Гон-Конг, Шанхай, Филиппинские острова, Индо-Китай Сиамское королевство, Бурму, вновь Индию, Суматру. Там нас застигла война 1939 года. Джигитовка окончена. Поступаю офицером во Французский Иностранный Легион в Индокитае. Там война против японцев. Отступление в Китай, к маршалу Чен-Кай-Шеку. Раненым попадаю в плен к японцам. В 1945 году оканчивается 2-ая Великая война. Освобождение. Прибытие во Францию. Демобилизация в Париже в апреле месяце 1947 года... Перевернулась еще одна страница одной человеческой жизни.

С мая мосяца того же года-вновь жизнь, но в старых местах. В сентябре мы в Швейцарии, в прекрасном Цюрихе.

— А здесь, на горе, в 4-х километрах, стоит памятник вашему Суворову, — говорит мне хозяин комнаты. Вновь стала предо мною тень знаменитого Суворова. Но наша джигитская труппа устремилась к северу и вновь как бы забыт Суворов.

Два месяца спустя, к вечеру 16 октября 1947 года, мы работали в маленьком швейцарском городке, сжатом горами, в ущелье у самых северных отрогов Альп. На утро, перед самым отъездом нашей труппы, вдруг говорит мне наша директриса-баронесса:

— А видели вы, мусью Элизе (французское произношение моей фамилии «Елисеев») дом, где жил ваш Суваров? (французы и швейцарцы произносят «СувАров», но не СувОров).

— Где? — как ужаленный, спрашиваю я.

— А почти рядом с нами —, отвечает она. Как был, в черкеске, в косматой папахе, спешу к «дому Суворова».

Вот и он, 4-этажный, большой, квадратный, без всякого стиля, ни замок, ни дворец, а просто — громадный домище богатого помещика со «службами» во дворе. Он на окраине городка, ближе к горам. Подходя к нему,

внимательно разглядываю, изучаю его. Перед домом маленький палисадничек. На белой яркой стене вижу мраморную доску. Остановился и читаю: Quartier des Generalissimus Suvorof am 25 September 1799.

Когда долго побываешь вдали от своего дома, «за тридевять земель», за морями-океанами и в разных тридесятых царствах, то «дым Отечества» становится в особенности нам сладок и приятен».

14-летнее мое пребывание в тропических странах внесло в душу ощущение «пустоты азиатской жизни» и Европа тянула меня к себе, словно «отчий дом», почему все события и вещи после этого преломлялись в моей душе иначе и острее, чем раньше. Вот почему, прочитав эту краткую надпись, я был чрезвычайно взволнован и тень Великого Русского Полководца предстала предо мною во всю свою мощь. Кроме того, я ощутил здесь, у этого дома, кусочек своего Великого Отечества. И этот дом мгновенно стал мне исключительно мил и дорог. Я ощутил здесь чувство «бивуака», и бивуака Казачьего, с его сотнями лошадей, с запахом конского помета, такого приятного каждому кавалеристу, с гомоном многих сотен казачьих голосов, с военными кликами, с запахом вкусного борща походных кухонь, с перекличкой на вечерней «заре», с сигнальными зовами военной трубы, с кострами, с песнями вокруг них казачьими...

В таком захватившем все мое существо состоянии, я медленно вхожу во двор, всматриваюсь во все, где был «Наш Суворов».

Внизу дом пересечен, словно туннелем, на две равные части. Это есть главный вход и проход во внутренний двор, со службами. Внизу, в нижнем этаже, видимо, помещение для слуг и складов. Прохожу их. Ни души кругом. Вошел в главный двор и вижу: на 2-м этаже, на балконе, старая женщина выбивает ковер. На мой вопрос по-французски она, ничего не ответив, быстро скрылась в дом. Скоро вышла оттуда молодая женщина. Козырнув ей по военному, я отрекомендовался ей «Казачьим офицером Русской Императорской Армии» и прошу разрешения осмотреть дом, где жил «наш Суворов». Ласково ответив и улыбнувшись мило, дама просит меня подняться наверх. Поднимаюсь. Вошел в небольшую комнату с двумя окнами, смотрящими на север. Это была очень скромная комната, какие бывают у скромных хозяев в виде рабочего кабинета.

— Вот здесь Суваров ночевал, — любезно говорит она с некоторой гордостью. Комната размером пять на пять квадратных метров. В углу, в нише, стоит небольшой полудетский

мягкий диванчик. Над ним, на стене, писанный красками старинный портрет какого то видного, рыцарских времен, военного. На противоположной стене — еще более старинный портрет, так же в красках, другого военного, с белым «жабо». Рассматриваю молча. Хозяюшка с любопытством следит за мною.

— А где же спал Суворов?, нарушаю молчание.

— А вот здесь, на этом диване, — отвечает она.

— Как?.. на этой детской кушетке! в недоумении перебиваю ее.

— Да, да, на этой кушетке, — отвечает она и улыбается.

Я не верю своим глазам, смотрю удивленно на хозяюшку, подхожу к кушетке и измеряю ее «русскими четвертями». Она — три с половиной четверти шириной и девять длиной. Смотрю, улыбаюсь и удивляюсь — как мог поместиться на ней для спанья Суворов, хотя он и был маленького роста?

— А кто же это на картине? — допытываюсь.

— Хозяин дома тех времен, — отвечает хозяюшка.

Перехожу ближе к портрету и читаю надпись под ним:

Franz Iauch Brigadier in Neapel 1742

А это кто?, — спрашиваю, указывая на портрет в жабо.

— Это старший предок, Генерал и тоже Яух,— отвечает она.

— А Вы кто будете, Мадам? — осмелился спросить ее.

— Я жена правнука того Генерала Яуха, который был тогда при вашем Суворове.

Посли этих слов мы улыбаемся, глядя друг на друга и стали словно «свои», родственники. Потом она потянулась к какому то старинному шкафу, стоявшему в этой комнате, достала и ставит на стол темного металла причудливой формы графин и рюмочки «на стопочках» того же стиля и наливает в них какое то зелие.

— Прошу откушать со мною в знак такого исключительного знакомства, — ласково говорит она.

Отпиваю немного налитого «нектара» и, побуждаемый любопытством, спрашиваю:

— А этот графин и рюмочки, не той ли эпохи?

— Да, да... той, — с дружеской улыбкой отвечает она и уже совершенно окрылившись, побуждаемая моей любознательностью, заявляет мне:

— Эта комната и мебель остались нетронутыми с тех пор, как побывал здесь ваш Суворов.

— Как?.. и стол, и стулья, и буфет, все те же? — удивленно спрашиваю и обвожу изучающим взором всю комнату.

— Да, да... все те же. Ничего не тронуто, — говорит она.

У двери висит примитивный умывальник такого же металла, как и графинчик с рюмочками. Он причудлив по своей форме и сделан щегольски. Подхожу к нему, быстро осматриваю его и спрашиваю:

— И этот то же?

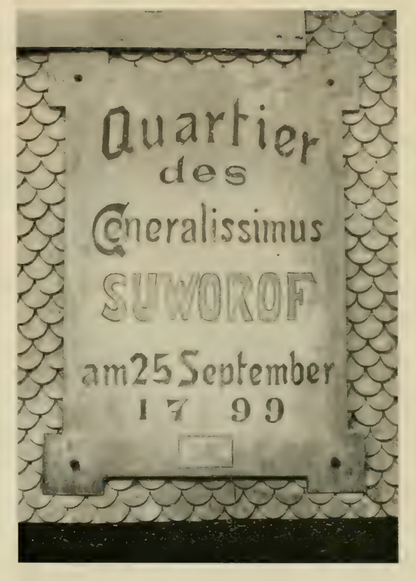
— И этот то же, — вторит она.

— И Суворов умывался из него? — вопросительно смотрю на хозяюшку.

— Ну кон-неч-но-о!... — протянула она.

Я не выдерживаю, быстро закатываю рукава черкески, поворачиваю краник умывальника и тонкая струя воды падает мне на ладони... Я — в восторге. Я образно делаю жест руками вокруг своего лица, словно как и Генералиссимус Суворов, умываюсь из одного и того же умывальника. Хозяюшка весело улыбается.

Единственная выходная дверь очень массивного дерева. На ней, изнутри, приделан очень сложный большой железный, словно

выкованный кузнецом, замок. И хозяюшка уже самая поясняет мне, что и этот замок все тех же времен. Она показывает мне его сложное устройство.

Я буквально растроган. Хозяюшка все это видит и, чтобы окончательно меня «убить», подходит к неуклюжему буфету, показывает на выдвижной ящик и просит прочитать. И я читаю массивные цифры другого цвета дерева, вклинены сверху: — 1556.

— Что это?

— Год постройки дома, — ласково улыбаясь, с гордостью говорит она. Их Пра-прадед был властительным графом этих мест. Раньше, этот теперешний городок Альторф был селом и резиденцией Яуха. В таком виде он остался и до настоящих дней. И когда Суворов с войсками перешел Альпы, он остановился здесь, как в лучшем доме этого села. Суворов пробыл здесь только одну ночь. Расчувствованая хозяюшка, быстро повернувшись кругом, достала в углу одну гранату, величиною в 2-3 больших кулака и, показывая ее, говорит:

— На утро, с гор, французы обстреляли Ставку Суворова. Таких гранат попало 8 (восемь). Вот одна из них... Мы свято храним по наследству все, что связано с пребыванием в нашем доме вашего Суворова, — говорит она.

— Большой Штаб был у Суворова? — любопытствую я.

— Нет... 2-3 офицера и ординарцы. Казаки и лошади стояли внизу, во дворе, — поясняет она. — Французы, уходя, все забрали у крестьян, не заплатив ни за что. Но Суворов, он щедро заплатил за то, что брали его войска, — добавила она.

Я исчерпал все интересующие меня вопросы в этом «Суворовском доме». Любезно и дружески распростившись с милой хозяюшкой этого исторического дома, выхожу из него в общий корридор. Из Суворовской комнаты вниз, в палисадник и к главному выходу на улицу ведет единственная лестница. Быстрый ищущий взгляд кругом и я спрашиваю в последний раз:

— Суворов, повидимому, спускался вниз по этой лестнице от вас?

— Конечно... Она, ведь, единственная ведущая к выходу! — И я, чтобы еще сильнее ощутить на себе здесь «стопы Суворова» и впитать их в себя, шаг за шагом, ступенька за ступенькою, тихо, почти религиозно, ступаю вниз, как бы скользя в мягких кавказских джигитских чевяках, придерживаясь одной рукой за перила для того, чтобы ощутить, чтобы услышать и вобрать в себя те моменты, и именно там, где ступал по тем же ступенькам вот этой самой лестницы сам Великий Суворов 148 лет тому назад...

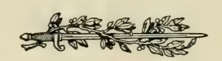
Так вышел я на улицу, остановился, повернулся лицом к историческому дому и снова рассматривал его. Громадный белый дом — четырехугольник в четыре этажа, магически тянул меня к себе и я не мог от него оторваться... Позади него, почти обрывистый, лесистый кряж Альп. Впереди — то же. Весь городок раскинут в узком ущельи. Здесь теперь проходит одна из железнодорожных магистралей: Белинзона — Сан Готард — Альтдорф, Швиц, Цуг, Цюрих, железнодорожное сообщение из Италии в Швейцарию. И во всех этих городах мы, джигиты, делали свое «Конное представление», а в 1799 году, по этому маршруту Суворов шел с боями, походом из той же Италии в Швейцарию, на соединение с русским корпусом Римского-Корсакова.

Должен отметить, что никакая история и никакая география не расскажет так образно, так правдиво и глубоко о том, что представляют собою и эти Альпы и вся эта горная и лесистая Швейцария для действия войск, если не повидаешь сам лично те местности, где каждая точка дает почти неприступную позицию для обороняющихся. И вот, совершенно случайно попав на эти «Стопы Суворова», я глубоко понял и остро ощутил в своем существе, каковы были на его пути разные и жуткие «Чортовы Мосты» и каковы были его «Доблестные Соратники» и почему они названы в русской истории «чудо-богатырями». Перед их подвигами мы преклоняемся и теперь.

В этом знаменитом Суворовском походе участвовало шесть Донских казачьих полков, численностью чуть свыше 3.000 коней, под начальством своего Походного Атамана Генерала Денисова, любимца Суворова. И казачьи лошади за недостатком перевозочных средств, главным образом — мулов, везли пушки и провиант для отряда. И сам Суворов шел на простой казачьей лошади, обвеваемый и Славою и... снежной альпийской мятелью. Им от нас наш сыновий земной поклон. А через 150 лет, злыми прихотями русской революции 1917 года, их правнуки-казаки, в тех же городках, которые проходил с жестокими боями и в борьбе с природою эти доблестные казачьи полки с самим Суворовым, они, эти правнуки, в затянувшейся эмиграции, уже по иному показывали швейцарцам свою Казачью Славу в знаменитой казачьей джигитовке.

Пути человеческие изменчивы.

Полковник **Елисеев**

Письма Суворова к Принцу Нассау-Зиген 1788 год

A son Altesse le Prince de Nassau Siegen

Перевел с французского и снабдил примечаниями **С. Андоленко**

Campagne de 1788.

39 Lettres du général Souvaroff.

N. B. Il est à remarquer que les Biographies commettent deux erreurs à l'égard des nom et prénom de Souworow. Elles lui donnent le prénom d'Alexis tandis qu'il signe en toutes lettres: Alexandre, et qu'il écrit son nom Souw<u>o</u>row et non Souw<u>a</u>row.

La biographie Universelle de Michaud l'écrit Souwarow ou Souw<u>o</u>row, avec le prénom d'alexis.

Кампания 1788

39 писем генерала Суворова.

Следует заметить что биографии делают две ошибки, касающиеся фамилии и имени Суворова. Они его именуют АЛЕКСЕЕМ, в то время, как он подписывает полностью: АЛЕКСАНДР и пишет свою фамилию СУВОРОВ а не СУВАРОВ.

. . . .

«Всемирная биография» Мишо пишет Суворов и Суваров с именем Алексея.

ФЕЛЬДМАРШАЛУ СУВОРОВУ

Не только тем велик и дорог он,
Что бранной славой жизнь его богата,
И что нигде он не был побежден —
Нет: верой в родину была объята

Его душа; той верою силен
Он полюбить умел меньшого брата,
И светлый образ русского солдата,
Наш чудо-богатырь в нем воплощен.

Молитвою готовился он к бою
И, глазомер венчая быстротою
И натиском, врага шел поражать.

Сразив, его щадил он милосердно:
Вот отчего Россия чтит усердно
Создателя Науки побеждать.

Мраморный дворец.
23-го декабря 1900.

К. Р.

Вместо предисловия

Известный знаток Суворова, посвятивший многие годы своей жизни собиранию его рукописей, В. А. Алексеев, писал в 1910 году. «Редко кому из наших выдающихся государственных деятелей так не повезло после смерти, в литературном отношении, как Суворову. В России мало кто знает, какая печальная судьба постигла значительную часть Суворовского литературного наследствия, как варварски мы, к стыду нашему, обращались с его драгоценными строками, истребляя его рукописи даже в наши дни, вообще, как поздно мы стали ценить его **слово.** Достаточно заметить, что вышедшая, в конце 1901 г. моя книжка была первым специальным собранием писем Суворова и это — целое столетие после его кончины. Слова князя Вяземского в написанной много лет тому назад статье о жизни и стихотворениях Дмитриева: «Суворов жив у нас в одних реляциях военных, что, конечно, достаточно для его славы, но не для любопытства нашего», все еще не потеряли своего значения. Да, многое не вернешь, оно погибло безвозвратно. Нравственный облик «веков явления чуда» стал недоступен для нас, во всем своем разнообразном освещении, во всех своих резких особенностях. Красивая легенда, во многих случаях, заменила историю».

Напомним, что классическое произведение Суворова «Полковое Учреждение», почти полтора века считалось утерянным и найдено

было только, сравнительно, недавно (см. «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» № 64).

В «ВАРШАВСКОМ ВОЕННОМ ЖУРНАЛЕ» от апреля 1900 г. было напечатано следующее объявление от редакции:

«Обер-офицеру для поручений при Штабе Варшавского Военного Округа, Генерального Штаба капитану Д. И. Ознобишину, в бытность его, в прошлом году, в Париже, удалось отыскать и приобрести в высшей степени любопытную коллекцию подлинных писем Суворова, находившуюся в домашнем архиве частного лица. Коллекция эта заключает в себе 39 писем великого полководца к принцу Нассау-Зигену, написаннных в течении весны и лета 1788 года. Суворов находился в это время в Кинбурне, а принц Нассау-Зиген [1] командовал гребной флотилией в Днепровском Лимане. Переписка носит вполне интимный и сердечный характер, доказывающий существование дружеских отношений между обоими лицами и заключает в себе много интересных данных для характеристики личности нашего военного гения. Письма написаны на французском языке, которым Суворов владел в совершенстве. Эта любопытная находка будет вскоре издана капитаном Ознобишиным отдельной брошюрой, с приложением факсимиле многих писем и печати Суворова, а также портрета принца Нассау-Зигена, несколько-же отдельных писем появятся в следующей книжке нашего журнала».

Действительно, в майском номере «ВАРШАВСКОГО ЖУРНАЛА» был помещен перевод двух писем (1-го и 30-го) и на этом, кажется, все было окончено. Во всяком случае о дальнейших публикациях этих писем нам ничего неизвестно. Теперь, то-есть через 65 лет после сделанной находки, Александр Павлович Иорданов предоставил редакции «ВОЕННОЙ БЫЛИ» подлинники и дал согласие на их опубликование.

Суворовский стиль — особенный и понять его нам, его отдаленным почитателям, не всегда легко. Когда-же его письма написаны французским языком XVIII столетия, когда-они пестрят выражениями и терминами давно вышедшими из обихода и которых нельзя найти ни в одном словаре, когда они, как обращенные к близкому соратнику, изобилуют намеками и загадками, понятными только им обоим, то перевод их — задача совсем не легкая.

Каждое Суворовское слово это полноценное золото. Перевод французского текста Суворова на современный русский язык, конечно возможен, но передача «соли» Суворовского стиля, нам, увы, не по плечу. Среди этой серии писем, обыкновенно не возвышающихся над уровнем повседневных служебных забот, встречаются несколько «перлов», вносящих ценный вклад в Суворовскую литературу, публикация которых вполне оправдывает наши усилия (письма №№ 13, 28, 36).

После бессмертного Кинбурнского боя, Суворов, справившийся от ран, сидит на Кинбурнской Косе и с нетерпением поглядывает на, расположенный на противоположном берегу Лимана, — Очаков.

«Я на камушке сижу,
На Очаков я гляжу...»

Оставлять Очаков в тылу армии Румянцева, при походе ее к Дунаю, признавалось невозможным. Он мешал нашему движению вдоль побережья Черного моря и угрожал Херсону и Лиману, как опорная база неприятельского флота.

Суворова раздражала нерешительность Потемкина, который медлит со взятием Очакова. Ему хочется покончить с Очаковым одним ударом, так как впоследствии он покончит с городом Измаилом. Но ему не дает воли «Херсонская академия», как иронически прозвал он ставку Светлейшего. Несмотря на это, он деятельно подготовляет штурм. Принц Нассау командует гребной флотилией, которая действует в прямой связи с Суворовым. Вот почему, между генералом и адмиралом идет все время деловая переписка.

Все письма, как это тогда делалось, были сложены и на обороте написан адрес, почти всегда, по французски а иногда и по русски: **«Его Светлости Принцу Нассау-Зиген** — иногда стоит **«на флоте»** или **«при Глубокой»**. Только на письме № 37 сделана приписка: **«Хотя ничего существенного, но в собственные руки»**.

С. Андоленко

Kinbourn le 1. Avril 1788 Copy

Monseigneur,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de Votre Altesse du 30. Mars. Non seulement mon [illegible] charson mais toutes [illegible] maisons [illegible] Dieu, et la gloire m'est chere [illegible] l'honneur de pouvoir servir [illegible] avec une [illegible]. Je tacherai par mon sincere attachement [illegible] en tous tems [illegible]!

Je resterai avec une [illegible] parfaite et une consideration sans bornes.

Monseigneur!

De votre Altesse

très humble & très obeissant Serviteur

[illegible]

Kinbourn le 2. Avril 1788

Mon Prince! En attendant faites toujours un mistere de nôtre comune destinee, come je le fais ici: l'academie, selon moi de cherson etant quelque fois scandaleusement depravée. J'entends que M. Korsakow est dans les chasseurs qui probablement seront sur Votre flotte, je le conois des l'enfance c'est un petit artificieux [illegible] mais a des conoissances dans son art: n'auriés Vous pas la bonte de le sonder par curiosité de Votre propre persone sur les points ci-inclus sans lui rendre ma lettre! au contraire si Vous n'en trouveriés point de science, Vous pourrés la lui faire rendre [illegible] mon [illegible], mais tout cela indirectement il est bon d'être aussi au fait de son opinion et que l'avis m'en parviene. Pardonés ma liberte et ma franchise . . .

de V. A. T. h. et T. O. S. A. S.

Письмо № 1

Кинбурн 1 апреля 1788

Ваше Высочество,

Я имел честь получить письмо Вашего Высочества от 30 марта. Не только моя квартира в Херсоне, но и все мои дома везде — Ваши, и мне дорога слава иметь счастие служить на одном континенте со столь прославленной особой. Я постараюсь своей искренней привязанностью стать, во всякое время, достойным Ваших доброт.

С совершенным почтением и безграничным уважением, остаюсь Ваше Высочество, Вашего Высочества покорнейший и послушнейший слуга

Александр Суворов.

Письмо № 2

Кинбурн 2 апреля 1788

Принц. Сохраняйте пока тайну о нашей общей задаче, так же как я это делаю здесь. Я считаю что Херсонская академия[2]) по временам скандально распущена. Слышал я, что г. Корсаков служит в егерях, которые вероятно будут на Вашей эскадре, я его знаю с детства, это маленький ловкач, но обладающий познаниями по своей части. Не будете ли Вы добры лично испытать его по прилагаемым к сему пунктам, не отдавая ему моего письма. Если же Вы не нашли бы у него достаточных знаний, Вы могли бы его ему

передать через моего офицера, но все это не прямо, а через кого-нибудь. Полезно знать его мысли и сообщить мне. Простите мои смелость и откровенность.

В. В. п. и. п. с.[3])

А. С.

Kinbourn le 2 [illegible] 1788

Mon cher Nikolai Iwanowitz ! Vous voila retourné je vous en felicite. eh que pensés vous d'Oczakow ? je prends la liberte de conferer avec vous [illegible] [illegible] de [illegible] [illegible] ne [illegible] que par pure curiosité ; [illegible] grands et loyaux & que tout reste entre nous ce que je vous promets par mon honnêteté [illegible] supposés . Dans ce seul cas seulement que vous ne voyés pas encore de nos Trouppes du coté de Steppe et sans être empechés sur eau , nous entamons [illegible] batiments joints . On commence par [illegible] [illegible] [illegible]

1° distance
2° à quel tems ?
3° Berezan
4° Hassan Batterie
5° grande vue rasera [illegible] la muraille [illegible] qui est au bord de l'eau

dans l'interieur les incendies [illegible] n'accompliroient pas nos desirs —

6° breche faite on va à l'assaut , on monte sur ces murailles [illegible]
a à droite b. à la gauche
c. on eparpille quelque chose dans les rues & maisons
il y a là du danger — le [illegible] sur les remparts [illegible] en partie

7° le [illegible] de la place est bien mise
Le corps de la place [illegible]
il pas aussi ? On peut sauter en l'air

8° quelles autres [illegible] ?

en attendant vos avis — je vous embrasse A. S.

Kinbourn le 6. Avril 1788.

Il ne se passe ici rien de remarquable, hier arriverent par mer à Oczakow 2. Postillons où il y avoit de 8, à 10. h. Hier je donnai Bataille en plaine, aujourd'hui assaut, demain si Dieu veut escalade. [illegible]

Письмо № 3

Кинбурн 2 апреля 1788

Дорогой мой Николай Иванович,[4]) поздравляю с возвращением. Что Вы думаете об Очакове? Беру свободу посоветоваться с Вами, как с гениальным человеком, совсем не из праздного любопытства. Будем прямы и откровенны и да останется все между нами, порукой в этом Вам моя честь. Предположим, только в том случае, что Вы не видите еще наших войск со стороны степи и не встретите препятствий со стороны моря, что мы начнем на наших плоскодонных судах. Начинают ведь с посева. Не правда ли?

1. Расстояние. 2. Расчет времени. 3. Березань. 4. Батарея Гассана. 5. Открытые виды, следовать вплотную довольно тонкой стене, что на берегу. Возможно что пожары внутри (крепости) не будут соответствовать нашим пожеланиям. 6. Как пробита брешь — сразу на штурм. На стены идите открыто а) направо б) налево в) кое-что разбросать по улицам и в дома да опасно — если только часть солдат на стенах. 7. Подступы к крепости сильно минированы. Возможно что и вся крепость тоже. Можно и на воздух взлететь. 8. Какие еще предосторожности?

В ожидании Вашего мнения, целую Вас.

А. С. [5]).

Письмо № 4

Кинбурн 6 апреля 1788

Здесь ничего особенного. Вчера пришли в Очаков морем два посыльных судна, с 8-10 людьми. Вчерашнего дня я дал баталию в поле, сегодня штурм, завтра, если Бог даст — восхождение на стены.

В. В. п. и. п. с. **А. С.** [6])

Письмо № 5

Кинбурн 9 апреля 1788

Ваше Высочество. Сладко мне писать Вам. С большим удовольствием получил и прочел Ваше письмо от 4-го. Наши мнения совершенно согласны (как будто мы сговорились). Да я могу только быть согласным с такой знающей особой, таких высоких заслуг. Наш Князь имел милость уведомить меня, что Вы также будете учить Ваши войска. Беру на себя смелость сделать приложение для нашего Горация. Будьте добры переслать его ему, запечатав так как Вы найдете нужным.

Имею честь оставаться на всю жизнь с самым большим почтением

В. В. п. и. п. с. **А. С.**

Kinbourn le 9. Avril 1788

Monseigneur! Il m'est doux de vous ecrire; j'ai reçû
et lû Votre lettre du 7. avec un grand plaisir, nôs
opinions etoient come concertées, je ne puis que d'etre
d'accord avec une personne qualifiée d'un mérite si dis-
tingué. Notre Prince a eu la bonté de m'informer que
vous exercerez aussi Vos gens d'armes. Come j'espere
que mes indiscretions envers Vous dans le service ne
Vous deplairont pas, je prends la liberté d'insérer
la ci jointe à notre [illegible]. Vous aurez la grace de la
lui envoyer l'ayant cachetée come il Vous semblera
bon. J'ai l'honneur d'etre toute ma vie avec la
plus parfaite consideration

de V. A. [illegible] A. S.

pointe de Kinbourn le

Mon Prince, Messieurs les Flagmans c'est à Vous
à me tirer de l'embaras, ou Vous m'avés fait
tomber; il m'est rude: je crains de perdre les
bones graces du Prince qui me sont si cheres.
agissés de Votre mieux, soutenés moi, soutenés
Vous vous mêmes, je suis au désespoir! retenés
le courier à la hâte, aussi concertés avec Ribas

Письмо № 6

Кинбурнская коса

Принц, господа Флагманы, Вам вызволять меня из затруднений, в которые Вы меня ввергли; тяжело мне, боюсь потерять столь драгоценные мне милости Князя. Действуйте как знаете, поддержите меня и укрепитесь сами. Я в отчаянии. Немедленно задержите курьера[7]) и также сговоритесь с Рибасом.

Kinbourn le 15. Avril 1788.

Mon Prince! J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre d'hier. Je compte après demain embrasser ici Votre Altesse, et concerter avec Elle [illegible] tous les mesures convenables des stationn. Notre Prince m'informe qu'il croit que les Batteaux Zaporogues ont déjà passé les cataractes. Je reste avec la plus parfaite estime

de V. A. le t. h. et o. s. A. S.

Kinbourn le 21. Avril 1788.

Tachés Mon Prince, de faire le plutôt approcher auprès de Vous les Batteaux Zapor. Pour cela le Wierni Kosch ne doit-il pas être à portée de Votre Altesse. et Comment!

Письмо № 7

Кинбурн 15 апреля 1788

Принц. Я имел честь получить Ваше письмо от вчерашнего дня. Уповаю после завтра здесь обнять Ваше Высочество и сговориться с Вами о подобающих мерах относительно стационеров[8]) Наш Князь уведомляет меня что он предполагает что запорожские суда уже прошли пороги.

Остаюсь с полным почтением В. В. п. и. п. с. **А. С.**

Письмо № 8

Кинбурн 21 апреля 1788

Постарайтесь, Принц, как можно скорее приблизить к Вам запорожские суда. Не должен ли для этого, Верный Кош[9]) находиться под рукой у Вашего Высочества. Как это сделать?

Kinbourn le 22. Avril 1788

J'ai eû l'honneur de recevoir la lettre de Votre Altesse Mon Prince ! Vous aurez la bonté de disposer des stations come Vous le jugeré à propos

Col: Saleew croit si les Vents n'empechent

Bat. Zapor: à arrivé 33. 25 à 100 h 8. à 50. — .. 2900 h

pourront arriver pour le 26. / 8. 15 à 50 h 3. à 100 — .. 1050

3 Mai 22 à 100 h .... 2200 h

10 — 25 à 60 ... 1500

15. .. 4. Laters de 120 à 150 h — . 500

8150 h

à la descente restant sur les batimens 500 h.

pour l'assaut environ 7500. y comptes 2000. Zaporogi

Je Vous embrasse Mon cher Prince, & suis avec un estime parfaite

de V. A. t. h. e t. o. S. A. S.

Письмо № 9

Кинбурн 22 апреля 1788

Имел честь получить письмо Вашего Высочества. Принц, будьте добры распорядиться станционерами как Вы признаете наилучшим. Полк. Салеев (фамилия написана неразборчиво) думает, если ветры не помешают: запорожские суда прибыли

33,25 по 100 чел., 8 по 50	2 900 чел.
могут прибыть к 26 — 8,15 по 50 чел.,	
3 по 100 чел.,	1 050 чел.
3 мая — 22 по 100 чел.,	2 200 чел.
10 мая — 25 по 60 чел.,	1 500 чел.
15 мая — 4 катера от 120 до 150 ч.	500 чел.
	8 150 чел.

При высадке, останутся на судах — 500 чел. для штурма — приблизительно 7 600 чел., в в том числе — 2 000 запорожцев.

Целую Вас, мой дорогой Принц, с полным почтением.

В. В. п. и. п. с. **А. С.**

10

Kinbourn le 27. Avril 1788

J'ai eû l'honneur de recevoir celle de Votre Altesse: Je ne puis satisfaire Ses Ordres, helas, le Prince est aussitôt parti, et ce n'est pas à moi de me couvrir des plumes de Paon: aussi Votre Altesse permettes, je ne suis pas homme de Mer, faites moi la grace, envoyés moi Vos Signaux.

De V. A. T. h. & T. O. S. A. Souworow

Hier 2 petits Bastimens sont arrivés chez les Basurmans.
Voici tout.

Письмо № 10

Кинбурн 27 апреля 1788

Имел честь получить письмо Вашего Высочества. Увы, не могу исполнить их приказания. Князь сразу-же уехал и мне не подобает рядиться в павлиньи перья. Также — Ваше Высочество, я не моряк, окажите мне милость, пришлите мне Ваши сигналы.

В. В. п. и п. с. А. С.

К Басурманам вчера пришли два маленьких посыльных судна. Вот и все.

Письмо №11

8 мая

Много благодарности Вашему Высочеству за г. Сакена и Брандвайст,[10]) а также и за письмо. Что касается учений, особенно кавалерии, то 9-го и 10-го, я думаю ночевать в Александровском, отсутствовать буду несколько дней — 3,4.

Действительно, в три недели на семи больших кораблях умерло всего 5 человек, сравните с числом больных скорбутом в прошлом году. Этим благородным мелочам обязаны мы тем, что шестая часть умиравших смогла быть сохранена. Молодые рекруты теперь выздравливают. Не мешкая я сейчас же их заставляю стрелять боевыми патронами. Ох уж эта мне ужасная и ненавистная богадельня.

А. С.

(Здесь отголосок постоянной и решительной борьбы Суворова, собственными «домашними средствами» со смертностью в войсках. Больше всего в ней он винит военные госпитали своего времени. Мнение это найдет свое окончательное выражение в «Науке Побеждать»: — Бойся богадельни»).

Письмо №12

Кинбурн 9 мая 1788

Граф Дамас[11]) только что прибыл, тысяча благодарностей Вашему Высочеству. Вот превосходный Брандвайст, мы будем следовать Вашим инструкциям.

А. С.

le 8. mai

Beaucoup de reconnoissance à Votre Altesse pour Mr Saken & Brandwacht :— comme aussi sa lettre.. Pour les exercices, le 9 au 11. je crois coucher à Alexandrowsko 77. en m'absentant pour peu de jours 3. 4. principalement pour la Cavallerie.

Il est vrai, en 3. Semaines dans 7. gros Bateaux il est mort en tout 5. homes, contés y les Scorbutiques de l'Année passée : cette noble pedanterie va si loin qu'un sixieme à l'agonie pût être conservé. Les jeunes recrues sont convalescens, sans temporiser tout de suite je les fais tirer à bale. La Bogaditchna est en mepris & en horreur.

S.

Kinbourn le 9. Mai 1788.

C. Damas vient d'arriver, mille graces à Votre Altesse, voici un beau Brandwacht, nous en-vions vos instructions.

S.

[illegible]bourn le 17. mai 178[illegible]

J'ai eû l'honneur de recevoir celle de V. Altesse du 13 courant. Vous avés très bien fait mon Prince, d'agir avec les Zaporogues [illegible] avec tant de decision. Je n'entre point dans les vivres, les Trouppes de terre [illegible] C. Damas satisfera V. Ordres, mais il seroit mieux qu'il se retourne si les circonstances ne changent

[illegible] mort [illegible] Prince, a son Trone dans les casseroles non etamées des Chasseurs; je vous en envoi une, et une autre [illegible] soldats. Je vous parle [illegible] ordres pour faire [illegible] tout le grand reste de celles qui [illegible] de Vous [illegible] jusqu'à ce que [illegible] soit rembourse du propre argent des [illegible] chefs des bataillons [illegible] excepté le jeune chevalier de Ribas qui ne fait que d'en-trer

[illegible] 4 l. [illegible] 3 canonieres et 1 fregate [illegible] une partie s'etoit [illegible] Staroselski sur la [illegible] Droite. Nous doutons encore un peu si ce sont pas des [illegible]

Письмо № 13

Кинбурн 17 мая 1788

Имел честь получить письмо Вашего Высочества от 13 сего месяца. Вы очень хорошо сделали, Принц, поступив так решительно с пьяницами Запорожцами. Не мне входить в вопросы продовольствия. Сухопутные войска им временно обезпечены. Граф Дамас исполнит Ваши приказания, но было бы лучше чтобы он вернулся, если обстоятельства не переменятся.

Неумолимая смерть, мой дорогой Принц, гнездится в нелуженых котлах Егерей. Посылаю Вам один такой и другой, хороший, других солдат. Говорю Вам чистосердечно. Я приказал вылудить все здешние. Будьте милостивы, Ваше Высочество немедленно повелеть, что бы все, остающиеся у Вас, котлы, в ожидании тех, которые их заменят, были бы вылужены. Единственно здесь могли привести в оправдание, что кастрюли в батальонах были еще в значительно худшем состоянии. Дайте на это столько сколько потребуется денег, взяв их из моих особенных сумм. Когда починка будет окончена, расход будет покрыт личными средствами убийц командиров батальонов и рот, исключая молодого шевалье де-Рибас, который только недавно вступил в службу[12]).

В 4 лье от устья[13]) делают эволюции 3 канонерки и фрегат, на наших глазах, вчера, часть из них приблизилась к Старосельскому редуту, по морю, с правой руки. Мы еще немного сомневаемся, не наши ли? **А. С.**

Adm. P. J. Croit qu'il seroit bon de couvrir Kinbourn separement par quelques batimens qui seront sous la protection de la forteresse pour ne pas laisser les Turcs l'aprocher de trop près. Leur construction, et le consentement depend de votre Altesse. A. S.

Письмо № 14

19 мая

Вот новости, мой дорогой Принц, если Вы их еще не знаете.

Итак их вторая эскадра еще больше пострадала от Нептуна, чем наши, в прошлом году[14]). Жду их сюда. Сакен думает усилить Брандвайста, возможно, на две дубель-шлюпки. Решение помериться с некоторыми из их отрядов, принадлежит Вам. Ваше Высочество знаете намерения Князя, то-есть держать наши силы скрытыми, возможно для того, чтобы нанести решительные удары, под его глазами и сообща с сухопутной армией, которая, если верить последним сообщениям сейчас на Буге, а Казаки за ним. Вы это знаете лучше... Уезжаю на два дня к Каменному Колодцу.

А. С.

Письмо № 15

Кинбурн 25 мая 1788

Адм. П. Ж.[15]) думает, что было бы хорошо прикрыть Кинбурн несколькими кораблями поддержанными крепостью дабы не позволить туркам подходить слишком близко Ранг кораблей и согласие на это зависят от Вашего Высочества.

А. С.

Письмо № 16

Кинбурн 26 мая 1788

Принц, прилагаю записку для г. Чиркова. Я приказал г. Фишеру отправить к нему гренадера с холодным оружием.

Постарайтесь чтобы Чирков был солдатом, а не немогузнайкой, или каким нибудь, затрудняюсь и назвать — Херсонцем.

А. С.

Kinbourn le 26. Mai 1788

Mon Prince. voici une notice à Mr Czirkow. J'ai ordoñé à Mr Fischer d'expedier chez lui un Grenadier avec le couteau d'armes.

Sachez que Czirkow soit Soldat, non un petit-maitre ou un, je ne saurois vous le dire Kersoñois

A. S.

Kinbourn le 31. Mai 1788

Je commence par la derniere ligne de Votre Lettre; Mon cher Prince! ma flotte ne peut se diviser. M.r Paul Jones etoit d'avis que pour assurer mieux Kinbourn il le faloit proteger par quelques batimens convenables qui mouilleroient sous la protection du Canon de la place... Votre position est belle elle tient en echec l'Esquadre Turque, elle soulage Kinbourn, mais les Turcs ne pourroient pas rester longtems assoupis, les evenemens futurs ne demontreroient que trop la foiblesse de nos murs s'ils voudroient s'en aprocher à une distance reguliere, principalement si dans ce cas les vents de N.E. & N.O. vous empecheroient l'aproche, et nous laisseroient étouffer malgre nous. La dessus Votre Altesse prescrira des mesures plausibles comme marin, moi homme de terre je suis trop foible pour vous prescrire les [illegible] regles & je vous embrasse Mon Cher Prince!

A. S.

Kinbourn le 1. Juin 1788

Je reçois aujourd'hui celle de Votre Altesse du 30 Mai Dieu vous prospère! Pour les Grenadiers c'est – un preservatif. A. S.

Kinbourn le 2. Juin 1788.

Mon Prince! Nous vimes hier clair le beau coup d'oeil du gros mouvement de Vos forces navales; déja jouissions nous qu'on avoit battre les Bousurmans. Ils resterent ici tranquilles sans lever les ancres.

Ваше Высокородие Панаиоти Павловичъ! Покорнейше благодарю за отправку вашего письма, где изволите уведомлять о операциях Эскадры.

Mes très humbles respects à Son Excellence Mr l'amiral Paul Jones.

Письмо № 17

Кинбурн 31 мая 1788

Начинаю с последней строчки Вашего письма, мой дорогой Принц. Мой флот не может быть разделен. Е. П. Поль Джонс имел мнение, что для того чтобы лучше обезпечить Кинбурн, следовало прикрыть его несколькими приличными кораблями, которые бы держались под защитой крепостных пушек. Ваша позиция прекрасна. Она держит турецкую эскадру под угрозой и облегчает Кинбурн. Но Турки не будут вечно дремать. Будущие события смогут легко доказать слабость наших стен, еслибы им вздумалось приблизиться к ним на хорошую дистанцию, в особенности же в том случае если бы ветры NE и NO не позволили бы Вам, вопреки Вашему желанию, прийти нам на помощь. Но тут, Ваше Высочество, как моряк, примете надлежащие меры, я же, как сухопутный слишком несведущ чтобы Вам что нибудь предписывать. Крепко Вас целую, мой дорогой Принц.

А. С.

Письмо № 18

Кинбурн 1 июня 1788

Сегодня получил письмо Вашего Высочества от 30 мая. Бог Вам в помощь. Что касается гренадер, то это предосторожность.

А. С.

Письмо № 19

Кинбурн 2 июня 1788

Принц. Вчера мы ясно видели прекрасное зрелище общего движения Ваших морских сил. Заранее тщили уже мы себя надеждою что басурманы будут разбиты. Они остались спокойно на месте, не подняв якоря.

по русски: «Ваше Высокородие, Панаюти

Павлович. Покорнейше благодарю за вчерашнее ваше письмо, где изволите уведомлять о операциях эскадры.»[16])

Нижайшее мое почтение Его Превосходительству г-ну адмиралу Поль Джонсу.

А. С.

Kinbourn le 3 juin 1788

7. Juin 1788

Письмо № 20

Кинбурн 3 июня 1788

Вы действуете, мой дорогой Принц, с такой благородной искренностью, которая присуща только большим душам. После письма Вашего Высочества я боюсь как бы Корсаков не сыграл вновь роль Сэра ,Политики будучи таким же хорошим моряком как я сам. Если Кинбурн был бы неувязимым, я, конечно, мог бы поручиться отразить все попытки высадки, но если бы в будущем Турки получили бы морем сильные подкрепления, что впрочем мало вероятно, положение бы изменилось. Мои записочки держат Вас в

курсе всего того, что здесь происходит. Штурман Гурьев болел и поправляется, я ему приказал сделать от себя приписку. Если бы Вы атаковали один, то смогли бы их прогнать, но чтобы их разбить, то это надо будет делать сообща, с господином адмиралом. Во флоте я ничего не понимаю и не могу входить в обсуждение (морских) операций.

А. С.

Письмо № 21

Кинбурнская коса 7 июня 1788

Нам здесь кажется, Принц, что Вы взорвали Сакена с половиной[17]). Да будет это началом. Провидение нам много обещает. Нанесите им, вместе, тяжелые удары. Я у Вас под рукой и, возможно, выдвину вперед один батальон, дабы показаться и как можно больше пробить брешь в золотом мосту. Получил Ваше (письмо) от сего дня.

А. С.

Письмо № 22

К. коса, 9 июня 1788

Премногим обязан я Господину Адмиралу за его письма и прошу егосохранить мне его дружбу. Прошу Его Превосходительство простить мне то, что забыл его среди героев 7-го, совершенно не знав, что он находился на гребной эскадре.

по русски: «Особливо тож не знал о моем любезном и великодушном Панаюте Павловиче, щитая его на парусной эскадре. Но тем паче утешается моя душа, что еще ваше высокородие толь геройственно изволили бить неверных правым крылом, по Свидетельству Его Светлости Принца Нассау».

по немецки: «Огради Вас на эту зиму! Я Вас обнимаю с (одно слово неразборчиво) и радостью и целую моего любимого сына Эммануила.»

«Граф Апраксин и вы доказали что предпочли Честь — здоровью и Славу — жизни под прославленным вашим Главным Предводителем. Одолжите меня, изъявите мое Высокопочитание протчим мужественным отличившимся Начальникам, которых геройству и талантам я удостоен был Судьбою быть личным Свидетелем, но щастья не имею их Особ столь коротко знать».

Тысяча благодарностей, Ваше Высочество, за копию Вашей реляции, она ясна, точна и поучительна, превосходное собрание Ваших подвигов. Целую господина переводчика, храброго графа Роже. Батарея на косе называется блокфорт... да, мой Принц, если бы Вы только хотели держать врага в руках, она была бы вполне достаточна. Ее усиляют два батальона, что поделаешь, мы сухопутные, без парусов. От берега Черного Моря до полпути от Кинбурна есть немало оврагов, позволяющих укрыться и продвигаться ползком. Бывать там из за оставших там трупов не совсем приятно.

Майор артиллерии Крупенников будет у Вашего Высочества, что бы разспросить Вас о батарее на Вашем левом фланге. Отсюда постараемся передать Вам 5 или 6 пушек, из тех что под его начальством, но лучшие останутся в Блокфорте. Против мелких басурманских судов, мне кажется полезным выдвинуть к Блокфорту мои три запорожских. Не будет ли Ваше Высочество иметь милость подкрепить их тремя другими запорожскими судами, с хорошим начальником, возможно Иваном Чобан вернувшимся из под Очакова. В резерве под Кинбурном остались бы три других запорожских судна, проворных в погоне. К тому же, может быть, нашлись и корсары[18]). На левом фланге, наконец, еще три судна, остались бы в полном Вашем распоряжении. Целуя Вас, кончаю, мой дорогой Принц.

А. С.

Письмо № 23

10 июня 1788

Получил (письмо) Вашего Высочества от 9-го. Я уже поздравил Вас с последствиями Вашей победы. Если бы ветры были Вам более благоприятны, они погибли бы под мо-

щью Вашего удара. Одна из их галер прошла, для разведки, вдоль наших берегов, и направилась ниже, к другому судну. Вот, Принц, и все последствия. Извините меня, я не знал что моя канцелярия не посылает Вам каждый день мой бюллетень «благополучия».

А. С.

Kinbourn le 10. Juin 1788

Mon cher Prince! Vous aurés la bonté de rendre ce billet à Mr le Kochewoy, pour encourager ses troupes. Je prie très humblement Votre Altesse de les recommander au Prince! Ce que ne pourra que lui plaire. L'Art: Tworogow depend aussi de Vos graces.

Ayés la bonté, mon Prince, d'envoyer ici à la pointe les meilleurs braves intelligens Zaporogs: ils Vous pourront rendre de très grands services, ce ne seroit même que d'attirer aussi de ce coté l'attention du vieux Hassan P. S'il vous plaira Vous y pourrés mettre un Commandant de Vos troupes vaillant vigilant rusé & infatigable. Un corsaire, Grec, ne seroit pas de trop.

Ce jour-ci Ch'Woinowicz vouloit mettre à la voile, patientons nous encore une couple alors: votre vent favorable, aux intrepides Flagmans du Liman. Notre vent contraire, pour lui. Il temoignoit très bone volonté. Dieu nous prospere!

Obligé.. Votre flanc gauche s'appuie sur les Redoutes, sous les quelles il y a Inf: & Canons. Les 4 p. du gros Calibre serviront à un usage beaucoup plus utile, graces à Horace! Nous les planterons cette nuit au milieu de la pointe, Vous me comprenés...

Je Vous felicite, cher Prince! deja brille la suite de Votre victoire: je le comprends aussi quoique mauvais marin! Le vieux Hassan est sous la Protection toute pleine de la Forteresse. O que je voudrois être avec Vous à l'abordage

A. S.

Письмо № 24

Кинбурн 10 июня 1788

Мой дорогой Принц. Будьте добры передать эту записку г-ну Кошевому, чтобы обнадежить его войска. Почтительно прошу Ваше Высочество свидетельствовать о них пе-

ред Князем, что не может ему не понравиться. А. Творогов тоже зависит от Ваших милостей.

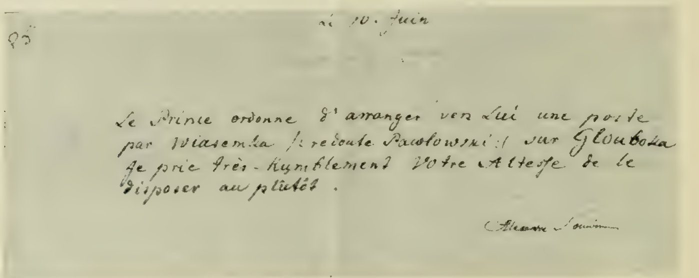
Будьте любезны, Принц, прислать сюда, на косу, лучших храбрых и сметливых Запорожцев. Они смогут оказать Вам очень большие услуги, хотя бы тем что, они привлекут к этой стороне внимание стараго Гассана П.[19]). Если хотите, можете назначить начальника из Ваших войск, храброго, бдительного, хитрого и неутомимого. Корсар в придачу не был бы лишним.

Сегодня Войнович хотел было поднять паруса, потерпим еще дня два: благоприятный Вам ветер, для храбрых флагманов Лимана. Для него — противный ветер. Ну что же, он доказал свои наилучшие намерения. Помилуй Бог![20])

Обязан. Ваш левый фланг опирается на редуты, под которыми пехота и пушки. 4 орудия крупного калибра, благодаря Горацию, будут служить для значительно более полезной цели. Этой ночью мы их вроем посередине Косы. Вы меня понимаете..

Поздравляю Вас, дорогой Принц, уже блестят последствия Вашей победы, хоть я и плохой моряк, но это я понимаю. Старый Гассан вполне прикрыт своей крепостью. Как бы я хотел быть с Вами, на абордаж .

А. С.

ce 10. Juin

Le Prince ordonne d'arranger vers lui une poste par Wiasemska (: redoute Pacolowski :) sur Glouboka. Je prie très-humblement Votre Altesse de le disposer au plutôt.

Alexandre Souvorow

Письмо № 25

10 июня 1788

Князь приказывает устроить к нему почту через Вяземского (Павловский редут) на Глубокую. Почтительно прошу Ваше Высочество сделать это как можно скорее.

Александр Суворов

Письмо № 26

14 июня 1788, Коса

Мой дорогой Принц. Большое спасибо Вашему Высочеству и другим Превосходительствам, флагманам. Здесь все хорошо, канал свободен, на другой стороне Косы, в Черном море, только одна шебека прорвалась через него в Лиман, под перекрестными батареями, на глубине в $1^1/_2$ фута. Ах если бы Вы прислали мне 6 запорожских судов и в их числе корсара или корсаров, храбрых партизан, Блокфорт бы сильно выиграл...

А. С.

Войнович не прибудет до благоприятного ветра, если бы он нанес удар, он сразу бы их накрыл и хуже чем при Чесме.[21])

Вы знаете, что если Гассан отделит (что-нибудь) против нас, то он разъединит свои силы, дав Вам, при равном ветре, превосходный случай. Если бы он пошел сюда со всеми силами, то он очутился бы между двух огней.

по русски: «Панаюти Павлович, Благодарю Ваше Высокородие за бусурманскую розу.»

Письмо № 27

Увы! Какая слава Вам, блистательный Принц! Завтра у меня благодарственный молебен.

А я только плачу...[22])

Письмо № 28

Ахиллес был возвеличен Гомером, Александр Квинтом Куртиусом, худший из историков, Вольтер, не отдал должного Карлу XII, а Вы, самому себе, причиняете еще больше зла. Ваша реляция совершенно не дает представления, это сухая записка, без тонкости, большинство лиц изображены без жизни. Ошибки парусного господина[23]) указаны без всякого смягчения. Унижая варваров, Вы, тем самым сами себя унижаете. Что еще надо? Россия никогда еще не выигрывала такого боя, Вы — ее слава! Не считая Оранского Дома, Вы соперничаете с Морицом[24]). Я не придираюсь, а говорю правду. Начать надо было так: отдав приказания, я двинулся вперед. Как только занялась заря, бросился я в

26

Le 14. Juin 1788. pointe

Mon cher Prince ! grand merci à votre Altesse & les autres Excellences magnum ; tout est bien ici, le canal est libre, il n'y a qu'un Chebeque de l'autre coté de la pointe, en la mer noire — qui s'a percée dans le Liman sous la batterie croisée à la profondeur d'1½ p.d

Que ne m'envoyés vous par les 6. bateaux Zaporogs y compte Corsaire ou Corsaires, braves partisans le bloqfort butineroit. - - (S)

Woinowich ne vient pas ayant le vent favorable, s'il bat, il bloque aussitôt, & pire que Czesma

Vous savés que si Hassan B. detache contre nous il divise ses forces, vous donant beau jeu, le vent sera egal. S'il vient ici en toute masse, il est entre 2. feux

Помилуй Павлоешь! благодарю Ваше Высокородие за турманскую розу.

Helas! Quelle gloire à Vous, Illustre Prince

Demain chés moi Te deum laudamus.

Je ne fais que pleurer. . .

Achille est grand par Homere, Alexandre par Quint-Curse, Voltaire pire historien manqua pour Charles XII et vous le faites pour vous encore beaucoup plus pire. Votre Relation n'en a pas même l'image, c'est une note aride sans elegance, la plû part des personages y sont sans mouvement, le defaut de Mr à voiles y est touché sans grace; en abaissant les Barbares vous vous abaissés vous même. Qu'y a-t-il de plus grand! la Russie n'a jamais gagné un si beau Combat, vous êtes sa gloire.. les Oranges à part, vous vous mesurés avec Maurice. Je ne suis pas Sceptique, je vous parle franchement, il falloit comencer: . . . ainsi, ayant fini mes dispositions, j'entamai ma marche, l'aurore apparût je donai le charge ?? vers le milieu, leurs meilleurs vaisseaux sont sacrifiés aux flammes, une fumeé epaisse s'eleve jusqu'aux nues ?? fin: Tout le Liman est libre, les côtes hors de danger, un gros reste des batimens enemis est enchainé par ma flotille à rames.

Dactile spondée alexandrins, Relation, lettre, note, agissent separement pour amplifier... c'est assés, Prince, vous êtes un grand home mais mauvais peintre. Ne vous fachés pas.

атаку... где-нибудь в середине: их лучшие корабли преданы огню, густой дым восходит к облакам... и в конце: Лиман свободен, берега вне опасности, остатки неприятельских кораблей скованы моим гребным флотом. Дактиль, спондей, ямб[25]). Реляция, письмо, записка действует каждый со своей стороны, дабы возвеличить. Довольно, Принц. Вы великий человек, но плохой художник. Не сердитесь[26]).

Письмо № 29

Кинбурнская коса 25 июня 1788

Получил вчера Ваше письмо, дорогой мой Принц, с реляцией за которую очень признателен Вашему Высочеству. Князь взял у меня штурмана Гурьева. Будьте добры прислать мне другого, до его возвращения, Вы знаете как он мне нужен. Не сердитесь на меня из за Запорожцев, Я сделал все, что мог и, клянусь Вам, послал офицера за Вашими 6 арабами. Я не знал, что Вы хотели совсем молодых. Он должен, в пути и в Херсоне, отобрать наилучших и как можно скорее доставить их Вам. Еще до получения Вашего письма все пленные были уже отосланы.

А. С.

Письмо № 30

27 июня

Севастопольский флот невидим. Сделайте милость, дорогой мой Принц, пришлите сюда по совету с флагманами — моряка, он нам всем необходим каждую минуту, наша обязанность быть осведомленными о их действиях и о том что у них происходит: мы-же, сухопутные солдаты можем в том ошибиться. Например: вот два судна, корабль и фрегат идут ко дну. Кланяюсь Вашему Высочеству.

Я получил Ваши два письма. Хорошо Вам говорить, Принц, знайте по моему примеру: насколько мы иногда приближаемся к Гг-м

Pointe de Kinb. le 25. Juin 1788

J'ai reçu la Votre hier, mon cher Prince, avec la relation dont je rends mille graces à Votre Altesse. Hourman Gouriew est pris chès moi par le Prince, faites moi la bonté envoyés moi un autre jusqu'à son retour, vous savés qu'il m'est toujours très necessaire. Ne soyés pas faché contre moi pour les Zaporogs, j'y ai fait tout mon possible, et je vous jure que j'ai expedié 1. Of. pour vos 6. arabes, je ne savois pas que vous vouliés de tout jeunes, il doit choisir les meilleurs en chemin & à Cherson, puisque avant la nouvelle les Prisoniers etoient deja tous expediés; et les amener aussi tôt chés Votre Altesse

A S.

древних времен, я, простите, никогда не имел Гомеров, хотя мои реляции зачастую шли дальше простоты, зависть заставляла молчать саму правду. В настоящее время мы счастливее, будучи под начальством К[27]), который говорит прекрасную пословицу «Ваша слава — моя слава». Слушайте, если они (блокированные) пойдут против П. Дж.[28]). Вы их тесните. Если же Березанские смогут прорваться — Вы их тут же блокируйте, если будут большие суда — Вы их уничтожьте, они не будут столь сильны как прежде: К тому же Вы не можете их искать. Войнович в пространстве, быть может он маневрирует как академик[29]). Не должен ли бы он знать о Ваших победах.

по русски: «Голубчик Панаиоти Павлович, зделайте милость, пожалуйте мне морского офицера доколе Гурьев возвратитца от С. К.[30]). Знаете сами сколько он вам самим нужен. Мы только солдаты».

Письмо № 31

1 июля

Находящийся при мне морской офицер Дивович считает, что им остаются поврежденные суда: канонерки 2, кирлангизы 4, транспортов 6, то есть 12. Он наблюдает, что на них находятся люди, которые их тянут на восток или запад. Таким образом они смогут вырваться, как 9 прошлой ночью. Чтобы им перерезать дорогу, в устье Лимана остаются только три фрегата. Дорогой Принц, примите меры что бы воспрепятствовать им и будьте добры особенно предписать лучшую бдительность. Наши канонерки хороши, но запорожские еще лучше. Не следует мешкать с отправкой достаточного их количества к их берегу.

А. С.

Если бы даже эти 12 судов были сильно повреждены, их смогут подчинить в Березани. Морской офицер Дивович находит Запорожцев более пригодными.

Письмо № 32

1 июля 1788

Ваше извещение запоздало, дорогой Принц, Я его получил уже после уничтожения полумесяца на Лимане[31]). С радостью предвижу Вашу следующую победу в Дарданеллах. Судьба нас ведет туда большими шага-

ми. Нарисуйте такую же картину в Византии, как Вы это сделали в Ози, на глазах нашего Знаменитого Начальника, да хранит его навеки Бог. Нежно целую Ваше Высочество.

А. С.

le 27. Juin.

La Flotte de Sewastopol est invisible. Faites la grace, mon cher Prince, envoyés moi ici de concert avec les Flagmans — un marin : il nous est necessaire à tous chaque moment. il va du devoir d'être au fait de leurs mouvements et de ce qu'il s'y passe ; nous autres Soldats de terre nous pouvons nous y tromper. p. e. voici 2. batimens Ttes Fr. qui submergent. Je salue votre Altesse ! A.!

J'ai reçu vos deux Lettres. Vous ne la bâillez belle, Prince, sachés par mon exemple, autant que nous aprochons q.f. des Mssrs de l'antiquité, pour moi pardonés — jamais je n'ai eu des Homeres, quoique mes relations alloient souvent audelà de la simplicité, la jalousie donoit silence à la verité même. Pour ce tems nous somes plus heureux étant sous le P qui dit le beau proverbe votre Gloire est la miene ! ecoutés, s'ils viennent (:les bloqués:) contre R.J. vous les serrés. Si ceux de Berezan pourroient percer vous les bloqueriés à même, s'il y auroit des gros batimens vous les férés perir ils ne seront plus si forts que jadis : au reste vous ne pouvés les chercher ! Woinowicz est dans les airs. p. e. manoeuvre-t-il en academicien ! ne doit il pas être au fait de nos victoires ? Государь Панагиоти Павловичъ зделайте милость, пожалуйте мне морского офицера, дожно Гурьевъ возвратиться в С.П. знаете сами сколько онъ вамъ самимъ нуженъ. мы однако создадим.

Письмо № 33

Это письмо писано другим почерком: «Перевод приложенной к сему записки по русски: видно, что канонерские шлюпки и кирлангизы, что у батареи Гассан-Паши, будут скоро починены, потому что две из них ставят паруса, чтобы быть готовыми этой ночью бежать в море».

Далее, писано уже Суворовым:

Дорогой Принц. Прошу Вас, не жалейте их, не позволяйте им вырваться. Осторожность не враг предосторожности, будь она и лишней.

3 июля 1788. Кинбурн.

А. С.

31

1 juillet

l'off. de marine auprès de moi [illegible] compte qu'il leur reste des batimens endommagés Canonieres 2 [illegible] 4. transports 6 c.a.d. 12, il observe qu'il y a dessus des gens qui les trainent du côté [illegible] ainsi ils pourroient echaper come les 9. de la nuit precedente, pour leur couper le chemin il ne reste à l'issue du Liman que les 3. fregates. mon cher Prince, arrangés la dessus vos mesures pour les en empecher et surtout ayés la bonté de recommander une beaucoup meilleure vigilance. nos Canonieres sont bonnes, mais les Zaporoges le sont encore plus, sur l'issue du Liman le plus [illegible] de leur bord il ne faudroit pas tarder d'envoyer un nombre suffisant

A. S.

si même ces 12. batim. seroient bien endomagés, ils pourroient se reparer à Berezan.

l'off. de marine [illegible] donne plus de [illegible] aux Zaporoges

Письмо № 34

4 июля 1788, Кинбурнская коса.

Получил вчерашнее письмо Вашего Высочества. Что-ж, Князь лучше знает чем мы. Да будет его воля.

А. С.

Письмо № 35

6 июля 1788

Как Принц, Вашим письмом от 4-го, Вы выразили желание получить Трегубова, который находится при мне. Это нехорошо и ставит меня, в мои годы, в неприятное положение, извините мои выражения. Если причина тому неудовольствие, то оно прилично начальнику, а никак не капризу подчиненного, иначе мы впадем в анархию. Я им доволен и смогу за него свидетельствовать, если на то Божия и Ваша воля, перед нашим милостивым Князем.

Искренне целую Вас[30]).

А. С.

1. Juillet 1788

Votre anonce a tardée, mon cher Prince, je l'ai reçüe après la destruction du Croisant sur le Liman : je pris plaisir de me la representer come votre future dans les Dardanelles, le Destin vous y mêne à grands pas. Peignés le même tableau à Bizance que vous l'avés fait à Ozy aux yeux de notre Illustre Chef que Dieu prospere à jamais ! J'embrasse tendrement Votre Altesse. AS

ce 4. Juillet 788. [illegible]

J'ai reçû celle de Votre Altesse d'hier, eh bien, le Prince sait mieux que nous, sa volonté soit faite AS

5 le 6 Juillet 1788.

Comment, mon Prince ! par la Votre du 4. Vous voulés avoir Iregoubow, qui est auprès de moi : ce n'est pas joli & c'est me faire tort à mon âge, pardonés l'expression ! si le mecontentement en seroit la raison, elle a son poids dans le Comandant & non dans le caprice du subalterne, autrement nous tomberons dans l'Anarchie : je suis content de lui, et le pourrai servir s'il Dieu veut autant que Votre Altesse auprès de Notre gracieux Prince. Je vous embrasse avec franchise ! AS.

33 Traduction du Billet Russe ci joint

on voye que les chaloupes Canonières
et les Kirlanguiche qui sont auprès
de la Batterie d'Assan Pacha vont
être doublé bientôt, puisque il y
en a deux qui attachent leur Voiles,
de façon a pouvoir être après cette
nuit a fuir dans la mer.

Mon cher Prince, je vous prie, ne leur faites
pas grace, ne les laissés pas echaper. La
prudence ne haït pas les precautions même
q. f. superflües

S.

ce 3 juillet
1788 — Kinbourn

Mon cher Prince. J'entends que vos chasseurs
n'ont pas tiré cartouches à bales au but. ce que
je ne puis croire, au moins ils eussent dû en
tirer quelque chose. Pour l'amour de Dieu, pre-
nez précaution, livrez leur 50 Doubles [illegible]
[illegible] ou plus sur mon compte, j'en prie
très humblement Votre Altesse: c. à. d. que
chaque homme tire au but autour de 20 bales
s'il n'y aura pas assez ensemble pour les
[illegible]. augmentés l'argent, et [illegible] vous
au plutôt, les [illegible] sont par tout chés
eux à [illegible]. Dieu nous garde de l'ac-
[illegible]. je l'ai [illegible] le [illegible]. [illegible]
pour les [illegible] de [illegible] ... ce sont [illegible]
[illegible], ne croyés rien les officiers
la [illegible] car [illegible] je ne saurois vous le
dire. Toute mon [illegible] a ici 100 Car-
touches sur elle, [illegible]
sous [illegible] expresse de tirer à la hâte,
à l'hazard: les votres ont 75. dont 10
seulement [illegible] eux qui ne durent pas quel-
[illegible] s'ils [illegible]
[illegible]: [illegible] au plus
[illegible] d'avoir sur eux tous les 75. c. à. d. les
75. aussi [illegible] come [illegible] ans [illegible]
[illegible], ou sur leurs bords
s'il est praticable. Tout cela, je vous prie
mon cher Prince, soit dit entre nous, ne [illegible]
[illegible] pas [illegible] de votre chef

J'ai reçu celle de Votre Altesse concernant les bateaux Zaporogs. Mr Winter n'a été nullement gené de ma part dans Vos dispositions, ce n'est que le vent contraire qui l'avoit arreté ici & je lui ai fait savoir Vos intentions A.S.

Mon cher Prince! Je n'ai rien autre chose à vous dire que ce que vous voyés. Votre Altesse aura la bonté d'envoyer les incluses à Mr Ribas

On salué de grand matin la petite chaloupe de Mr Saken qui s'etoit aproché de terre & rebroussé

Ayés la bonté d'agreer, Monseigneur! pour notre comun usage. A.S.

Письмо № 36

Мой дорогой Принц. Слышал я, что Ваши егеря не стреляли боевыми патронами в цель, не могу этому поверить. Они должны были, по крайней мере, хоть чем-нибудь стрелять. Ради Бога, примите меры. Дайте им 50 рублей на олово, скорее на мой счет Покорно прошу Ваше Высочество, чтобы каждый человек выстрелил в цель около 20 пуль. Еслибы денег было недостаточно для бумаги, то прибавьте их и поторопитесь. Порох есть у них в Херсоне везде. Бог да хранит нас от Академии. Я это пережил 10 октября[33]). Кто знает егерей Сакена, а это ведь Ваши единственные войска... Не слушайте офицеров, большую часть из них я не знаю как и назвать. Вся моя пехота имеет здесь по 100 патронов на себе, прибавьте к ним еще те, что (находятся) в кожаных мешках; с запрещением стрелять торопливо, на угад. Ваши имеют 75, из коих только 40 на них, которые иногда недостаточны и на пол часа (боя), тем более если они исповедуют, что «пуля виноватого найдет». Постарайтесь, чтобы все 75 были на них, а 35 из ящиков, в кожаных мешках, если возможно на борту. Все это, прошу Вас, дорогой Принц, между нами, не открывайте меня... Действуйте от Вашего имени.[34]).

А. С.

Письмо № 37

Получил письмо Вашего Высочества о запорожских судах. Я совсем не препятствовал г. Винтеру в исполнении Ваших приказаний. Только противный ветер задержал его здесь. Я ему передал Ваши намерения.

А. С.

Письмо № 38

Мой дорогой Принц. Мне нечего сказать Вам другого, кроме того, что Вы сами видите. Ваше Высочество будет иметь милость переслать приложение г. Рибасу.

Рано утром, мы приветствовали маленький шлюп г. Гассана, который приблизился к берегу и был отогнан.

Письмо № 39

Имейте милость, Ваше Высочество, принять для нашего общего пользования.

А. С.

Примечания

[1]) Искусный и храбрый моряк французского флота, только что перешедший на русскую службу.

[2]) Штаб князя Потемкина в Херсоне.

[3]) Сокращенная формула вежливости.

[4]) К кому письмо неизвестно.

[5]) Все эти номера соответствуют плану, приложенному к письму, но которого тут нет. Повидимому, дело идет о плане Суворова штурма Очаков.

[6]) Суворов непрестанно учит свои войска.

[7]) Или почту.

[8]) Дозорное судно.

[9]) «Верный Кош» — Запорожцы, оставшиеся на службе после разгрома Сечи.

[10]) Герой капитан 2 ранга Сакен, взорвавший 20 мая 1788 г. свою дубель-шлюпку, взятую на абордаж двумя турецкими галерами.

[11]) Граф Роже Дамас, французский эмигрант на русской службе.

[12]) Ценное письмо, указывающее в какие «благородные мелочи» входил Суворов в его заботах о солдатском здоровье.

[13]) Лье — 4 версты.

[14]) В сентябре 1787 г. русская эскадра Войновича сильно пострадала от шторма.

[15]) Адмирал Поль Джонс — шотландец на русской службе, отличившийся в войне за независимость Америки. Он заменил Мордвинова во главе парусной эскадры.

[16]) Панаюти Павлович Алексиано. Бригадир, храбрый грек, отличившийся неоднократно в Архипелаге и теперь командовавший в Лимане отрядом гребных судов.

[17]) Намек на взрыв двух турецких канонерок, в бою 7 июня, который рассматривался Суворовым, как месть за смерть храброго Сакена.

[18]) Корсарские суда для разведочной службы и уничтожения турецкой торговли, строились в Херсоне и Севастополе.

[19]) Капудан-Паша Эски-Гассан, начальник турецкого флота.

[20]) Нерешительность Войновича и его стремление уклониться от выхода из Севастополя — вызвали гнев Потемкина. Суворов иронизирует.

[21]) То-есть, действуй Войнович решительно и его победа затмила бы Чесменскую.

[22]) 17 июня, в морском бою, принц Нассау на голову разбил турецкую эскадру. Суворов горячо поздравляет и, вместе с тем, сожалеет что сам не принял участия в деле.

[23]) Начальника турецкой парусной эскадры.

[24]) С Морицем Нассау, служившим Голландии.

[25]) Совет — украшать, поэтизировать события.

[26]) Очень курьезное письмо, в котором Суворов высказывает взгляд на составление реляций. Товар следует представлять лицом, действительность украшать. Унижать врага не следует, а то в чем заслуга разбить ничтожного противника. Надо создавать картины, говорящие, бьющие по воображению. В заключение, он советует Нассау возвеличить свой успех и обещает ему в этом помочь.

[27]) Князя Потемкина.

[28]) Поль Джонса.

[29]) В устах Суворова — это определенно презрительный термин.

[30]) Светлейшего Князя.

[31]) 1 июля Принц Нассау вновь разбил турецкий флот под Очаковым.

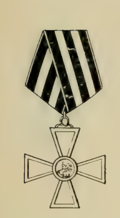
[32]) Тут — определенно размолвка между Суворовым и Нассау, причем первый прямо напоминает второму, что он его начальник.

33) 10 октября нового стиля, 1787 г. — сражение у Кинбурна, где Суворов был тяжело ранен. Видно, в этот день произошла какая-то неувязка в стрельбе пехоты.

[34]) Очень ценное письмо, свидетельствующее о том значении, которое Суворов придавал огню пехоты. Оно вносит большую поправку в обывательское мнение, исчерпывающее «Науку Побеждать» Суворовской фразой — «Пуля дура, штык молодец».

Еще о Знаках Отличия Военного Ордена

Со времени опубликования моей статьи о Знаках Отличия Военного Ордена в 47 номере «Военной Были» прошло более четырех лет. За эти годы у меня накопилось немало добавочных сведений, которыми я хочу поделиться с читателями.

Прежде всего, привожу весьма интересные выписки из дел Капитула Российских Императорских и Царских Орденов:

«В 1809 году Военный Министр довел до сведения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, что Знаки Отличия Военного Ордена были пожалованы нижним чинам в минувшие компании количеством на роту или эскадрон, но Главнокомандующие не дали знать о именах нижних чинов, удостоенных этого Знака Отличия, Государственной Военной Коллегии, и от сего произошло затруднение как в собрании означенных сведений, так и в награждении вновь отличившихся нижних чинов, и что затруднение сие неминуло еще умножиться через переводы из полка в полк и через отставки нижних чинов.

Его Величество признал нужным, чтобы как на пожалованные уже Знаками Отличия, так и на тех, кои впредь жалуемы будут, выставлен был номер и для того в 23 день Января 1809 года Высочайше повелеть соизволил о всех воинских нижних чинах, имеющих Знаки Отличия Военного Ордена, собрать Государственной Военной Коллегии верный общий именной список, и препроводить оный в Капитул Орденов, который сообразив количество розданных Знаков Отличия по Армии и Флоту, назначит против каждого человека номер и потом обратив в Военную Коллегию список, Коллегии отпечатав оный разослать с предписанием дабы у каждого из нижних чинов вырезан был на обороте креста, где изображен вензель Св. Георгия, тот номер, под которым кто поставлен был.

Во исполнение сей Высочайшей воли доставлен был в Капитул Орденов из Государственной Военной Коллегии общий именной список нижним воинским чинам, имеющим Знак Отличия Военного Ордена, в 14 частях, в которых против каждого лица были выставлены Капитулом номера, начиная с № 1 по № 9001, с № 12.577 по № 12.630, с № 32.843 по № 33.401, с № 33.435 по № 33.590 и с № 44.067 по № 44.328 — всего 9.937.

После сего Знаки Отличия Военного Ордена не иначе выдавались, как с номером по назначению Капитула Орденов».

Итак, в начале Знаки Отличия Военного Ордена отсылались в воинские части без выштампованного на них номера. Впоследствии, в силу вышеозначенного Высочайшего повеления, на некоторых из них были различными способами «вырезаны номера, на других же, как мы увидим ниже, номеров выставлено не было вплоть до возвращения их, после смерти награжденного, в Капитул Орденов. Этим и объясняется неоднородность или отсутствие номеров на очень старых Знаках Отличия Военного Ордена.

Списки кавалеров Знака Отличия Военного Ордена, некогда хранившиеся в архиве Капитула, по-счастью, сохранились. Читателю будет небезинтересно узнать, как они выглядят — это большущие книги и их целые десятки. На первом листе первого и самого старого списка писарскою рукою начертано: «В сей книге отметки прекращены с 1-го Сентября 1851 года, аначаты во вновь переписанной книге».

На втором листе стоит заглавие: «Список нижним воинским чинам, награжденным Знаком Отличия Военного Ордена с № 1-го по № 9000».

На обороте второго листа намараны вкривь и вкось различными почерками сведения о возвращенных в Капитул знаках:

«без №, воскресенской 3 гильдии купец Пентюхов, награжден в 1812 году, умер, знак доставлен, жур. 24 авг. 1826 г.

без №, Московской губ. крестьянин Егор Васильев, награжден в 1813 году, умер, знак доставлен, жур. 8 июля 1828 г.

без №, флотского экипажа боцман Наум Степанов награжден был 17 августа 1807 года за отличие при взятии и истреблении крепости Анапы, который умер и знак после смерти дост. жур. 19 дек. 1830.

без №, Московской губернии Богородского уезда экономической волохонской волости соцкий Иван Чукин, умер, Зн. дост. жур. 19 апр. 1832.».

На верхней части 3-го листа продолжается список возвращенным Знакам:

«без №, Войска Донского уряд. Прокофий Артамонов.

без №, Еще Киев. губ. отстав. лейб-гвард. поручик...

без №, Кира. пол. стар: вахмистр Иван Семизенко.

без №, Еще дон. козак Дементий Сазонов».

Затем уж идет самый список, писанный иной рукой, почерком начала 19-го столетия:

№ 1.	Егор Митюхин	унт. офицер
№ 2.	Василий Михайлов	» »
№ 3.	Карп Овчаренко	» »
№ 4	Никифор Клементов	рядовой
№ 5.	Прохор Трехалов	»
№ 6.	Никифор Полищук	»
№ 7.	Степан Радионов	»

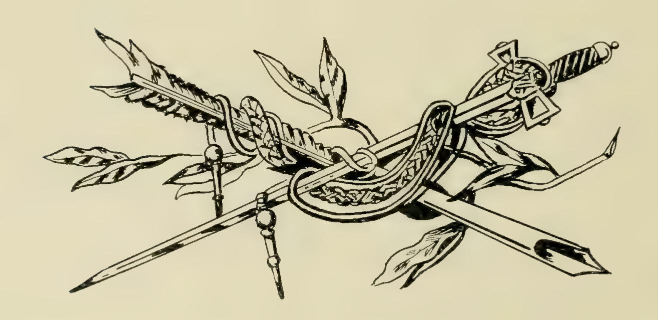
и т. д. все Кавалергардского полка.

Списки идут до окончания Русско-Японской войны. Списков кавалеров Германской войны в архиве нет. По этим спискам можно разыскать имя владельца каждого Знака Отличия Военного Ордена. Например, самый ранний из хранящихся в Историческом Музее в Москве, Знаков (№ 1.716) был пожалован рядовому С. Петербургского гренадерского полка Ефиму Данилову. Номер на этом Знаке не штампованый, а вырезанный. Следующий по старшинству Знак № 10.813 был пожалован рядовому 3-го Егерского полка Константину Дышканту в 1809 году (в списке значится, что Знаки от № 10.589 по № 10.849 — всего 260 Знаков были пожалованы «за отличия в сражениях противу швецких войск бывших 6, 7, 8 и 13 Августа 1809 года»). Знак этот был найден на Бородинском поле и до революции находился в Музее 1812 года, но 3-й Егерский полк в Бородинском бою участия не принимал, следовательно либо рядовой Дышкант был к тому времени переведен в другой полк, либо Знак попал на Бородинское поле случайно. Имей мы под руками эти списки, мы могли бы проследить судьбу каждого Знака. В моем собрании их более 70, из которых 8 без степеней. Знаки без степеней очень редки — чем меньше номер, тем реже. Самый ранний мой Знак имеет № 14.800 (Отечественная война). Следующий по давности имеет № 21.661 (1813-1814 гг.). Интересно, имеется ли за рубежом Знак с более ранним номером.

Старых штемпелей Знака Отличия Военного Ордена на С. Петербургском Монетном Дворе не сохранилось. Повидимому они заменялись по мере изнашивания. Сохранившиеся штемпеля все относятся ко времени Германской войны, с литерами б. м. и ж. м.

В заключение, почтим память первого кавалера Знака Отличия Военного Ордена унтер-офицера Кавалергардского полка Егора Митюхина, а также 3-й гильдии купца Пентюхова, крестьянина Васильева, боцмана Степанова, соцкого Чукина, урядника Артамонова, вахмистра Семизенко, казака Сазонова, рядовых Данилова и Дышканта й лейб:гвард. поручика, имя же его ты Господи веси.

Евгений Молло

Конные атаки Российской Императорской Кавалерии в первую мировую войну

(продолжение)

1915 год

31 января 20 драг. Финляндского полка, 6 эскадрон, под командой пор. Савченко Бельского, у дер. Мантвин, атаковал немецкую пехоту. Неприятель отступил вглубь леса. В атаке убито и ранено 28 драг. и 50 лош.

31 января Того-же полка, для поддержки атаки 6 эскадрона, в районе Виленберг, атаковали 1, 3 и 5 эск. под командой полковника Щербань.

3 февраля 2 лейб-улан. Курляндского полка, эскадрон, под командою шт. ротм. барона Мааса, атаковал немецкую пехоту у дер. Язгорка. Взяты пленные.

3 февраля 30 Донской каз. полк, под г. Ново-Сандец, атаковал австрийскую конницу, которая атаки не приняла. Спешившись, полк атаковал пехоту и ее уничтожил.

3 февраля 1 Кизляро-Гребенской полк Терского каз. войска, в районе дер. Деве-Бойне, атаковал турецкую пехоту. Взяты пленные и 6 орудий.

3 февраля Конвойная сотня Штаба 1 Кавказского арм. корпуса, под командой есаула Медведева атаковала турецкую пехоту и, на плечах отступавшего противника, первая ворвалась в крепость Эрзерум.

12 февраля Отряд, собранный из Команд конных разведчиков 2 Сибирской стр. дивизии, под командой 5 сибирского стр. полка капитана Толстова, у дер. Эмова, в районе Прасныша, атаковал австрийскую пехоту с артиллерией. Взяты пленные и 4-х орудийная батарея.

12 февраля 15 гусар. Украинский полк, под командою полковника Жуковского у Прасныша атаковал немецкую пехоту и захватил пленных и 4-х орудийную батарею.

13 февраля Л. Гв. Кирасирского Ее Величества полка, два взвода 2 эскадрона, под командой поручика Сахарова, атаковали заставу немецкого гвардейского уланского полка у переправы у дер. Бухценики. Застава изрублена, мост взят. Поручик Сахаров и несколько кирасир ранены. Взяты пленные.

15 февраля Эскадрон Ингушского кон. полка, под командой ротмистра Михаила Химшиева атаковал австрийскую роту у сел. Цу-Бабен, в окопах. Рота уничтожена и селение взято. Ротм. Химшиев ранен и награжден Орденом Св. Георгия 4-й ст.

15 февраля Чеченского кон. полка, эскадрон, под командой ротмистра графа Келлера Александра, атаковал и взял дер. Брань, занятую австрийской пехотой. Ротм. Келлер награжден Орденом Св. Георгия 4-й ст.

15 февраля Чеченский кон. полк под командой командира полка полковника князя Святополк-Мирского, конной атакой, сбросил с укрепленной позиции в Карпатах австрийцев. Командир полка убит и посмертно награжден Орденом Св. Георгия 3 (третьей) степени.

28 февраля Дивизион 1 Екатеринодарского полка Кубанского каз. войска, атаковал у дер. Килисса, турецкую пехоту. Взято 200 пленных и 2 орудия.

10 марта Л. Гв. Кирасирского Ее Величества полка, разъезд от 3-го эскадрона, под командой корнета Гончаренко, атаковал дер. Цегельну, занятую неприятельской заставой. Деревня взята. Застава изрублена.

17 марта 10 кавалерийская и 1 Донская каз. дивизии, под командой командира 3-го Кавалерийского корпуса графа Келлера атаковали в районе д.д. Рухотин, Поляне, Шливце, Малинце, обходившую левый фланг Юго-Западного фронта, австрийскую группу. Разбита 42 венгерская пех. дивизия и гусарская бригада. Неприятель отброшен в Буковину. Взято в плен 33 офицера и 2100 солдат, 40 походных кухонь, 8 телефон. вьюков.

18 марта Л. Гв. Кирасирского Ее Величества полка часть 3-го эскадрона, под командой

поручика Афанасьева, атаковала роту 3 Ландверного немецкого полка у дер. Зайле. Часть роты уничтожена, взято 38 пленных.

18 марта 12 кавалерийская дивизия под командой ген. Маннергейма атаковала у дер. Залещики, парируя обход левого фланга 9 армии, войсками ген. Пфланцера. Взято в плен 21 офицер, 1000 солдат и 8 пулеметов.

20 апреля 5 кавалерийская дивизия, под командой ген. Чайковского атаковала укрепленную позицию противника в районе г. Шавли. Город взят. Взято много трофеев и пленных. При атаке сильно пострадал, попавший в болото 3-ий эскадрон 5-го улан. Литовского полка в котором осталось всего 37 улан.

21 апреля 20 драг. Финляндского полка взвод 3 эскадрона, под командой пор. Минакова, атаковал роту немецкой пехоты у им. Канданты. Поручик Минаков и половина драгун были убиты. Немцы поспешно отошли, оставив пленных.

23 апреля 1 Кавказского полка Кубанского каз. войска, 3 и 4 сотни, под командой подъесаула Маневского и есаула Калугина, атаковали у дер. Саунсу, большое скопище курдов. Многих зарубили а скопище разсеяли.

25 апреля 5 драг. Каргопольского полка взвод 2 эскадрона, под командой шт. ротм. Масалитинова, у м. Кракинова, в Шавельском районе, атаковал два эскадрона Вюртембергских Шволежеров. Зарублено 40 человек, в том числе, командир бригады. Немцы поспешно отошли.

25 апреля Дивизион Л. Гв. Гродненского Гусарского полка под командой врем. ком. полком полковника князя Аргутинского-Долгорукова, атаковал и взял укрепленную позицию у дер. Городенки.

27 апреля 3-ий КАВАЛЕРИЙСКИЙ корпус в составе 10 кавалерийской, 1 Донской каз. дивизий и приданной 1-й Кубанской пластунской бригады под командой графа Келлера. Пока Пластуны взяли дер. Баломутовку конница атаковала неприятеля в районе Ржавенцы. Взято 2000 пленных, 10 орудий и 36 зарядных ящиков. Четыре орудия из 10 взяты 15 Донским каз. полком.

27 апреля Крымского конного полка, 5 и 6 эскадроны, под командой ротмистра Бако, атаковали австрийскую пехоту, в окопах у деревни Корниюв. Взяты окопы и 7 австрийских офицеров и 465 солдат пленными. Ротмистр Бако награжден Орденом Св. Георгия 4-й степени.

28 апреля 5 гусар. Александрийский полк, под командой полковника Коленкина в конном строю взял под Шавлями немецкую батарею и пленных.

28 апреля 2 лейб-гусарский Павлоградский полк, под командой командира полка полковника Перевозчикова конной атакой разбил части германской дивизии входившей в Неманскую армию в районе Шавли где захватили в плен целиком штаб 76 германской пехотной дивизии.

28 апреля 1 и 2 Заамурские конные полки, атаковали, к югу от с. Домбки и западнее шосе Домбки-Городенки, два ряда окопов, с проволочными заграждениями, в несколько рядов, занятых двумя батальонами австрийцев, батальоном немцев и полутора эскадронами 4 гусарского немецкого полка. Окопы взяты. 1-й полк взял в плен 8 офицеров, 196 солдат и три пулемета. 2-й полк — 5 офицеров, врача, 330 солдат и 5 пулеметов. Потери 1-го полка: ранен командир полка полковник Колзаков и три офицера. Убит один офицер. убито и ранено ниж. чинов 184, лошадей 251. Потери 2-го полка: ранены командир полка полковник Карницкий и шесть офицеров. Убито два офицера. Убито и ранено ниж. чинов 235, лошадей 256. Награды: полковники Колзаков и Карницкий, ротмистра Мосницкий, Пьянковский (посмертно) орденами Св. Георгия 4-й ст., подполковник Стоянов (посмертно) и ротмистр Линицкий (посмертно), ротмистра Васильев, Левишновский, Ягеллович, Люман, Хабаров, Полторацкий, шт. ротмистра Базоркин, Корчинский, поручики Враштиль, Езерский — Георгиевским Оружием.

29 апреля 10 гус. Ингерманландского полка, дивизион, под командой подполк. Барбовича, атаковал, в районе Громешти-Вербовац, отходившую австрийскую пехоту. Изрубил одну роту а затем еще две занимавших окопы.

30 апреля Разъезд 9 гусар. Киевского полка, под командой поручика Евгения Иванова, атаковал, в районе г. Сиятина, полуроту австрийской пехоты, заходившую в тыл наших частей. Противник опрокинут, частью переколот и изрублен, захвачено в плен 1 офицер и 20 солдат. Поручик Иванов награжден Георгиевским Оружием.

— апреля 1 Полтавского полка Кубанского каз. войска, 2, и 3 сотни, атаковали у г. Дильмана, скопище курдов и турецкую пехоту. Неприятель разметан, много изрублено. Командир 2-й сотни подъесаул

Палащенко убит, 3-й сотни есаул Остроухов ранен.

— апреля Конная атака 17 и 18 гусарских полков задержала наступление австрийской пехоты в районе с. Трухниково.

в апреле и мае, конные атаки наши в Северной Литве и Курляндии насчитывались десятками. Подробностей, даже кратких, не удалось достать. Какие наши кавалерийские части действовали, также не мог узнать.

1 мая Разъезд в шесть коней 9 гус. Киевского полка, под командой корнета Круглик-Ощевского, в районе г. Снятина, атаковал и взял в плен немецкий головной караул.

2 мая Крымского конного полка, эскадрон Ее Величества и 3-й атаковали неприятельскую пехоту у м. Чернелица. Наступление остановлено и взято много пленных.

10 мая 11 кавалерийская дивизия под командой ген. Вельяшева, в районе Радимно, для выручки VII арм. корпуса и, в частности, 34 пехотной дивизии, атаковала, наступающую в массе, немецкую пехоту. Неприятель остановлен и наша пехота закрепилась. При атаке, большие потери понес 11 драгунский Рижский полк.

15 мая 3 улан. Смоленского полка, 3-й и 5-й эскадроны, под командой подполковника Миллио, атаковали для спасения 3-й Стрелковой бригады, у д. Свирни. Атака внесла разстройство в ряды неприятеля и обратила его в бегство, чем было спасено тяжелое положение наших стрелков.

21 мая 1-го Хоперского полка Кубанского каз. войска, 5-я сотня, под командой сотника Михаила Соломахина, атаковала у г. Ханыкиой, турецкую пехоту. Уничтожено около полутора рот, остальные разсеяны.

26 мая Текинский конный полк, под командою полковника Зыкова, в районе Черновицы атаковал австрийскую пехоту. Взято в плен 822 австрийца. Полковник Зыков ранен и награжден Орденом Св. Георгия 3 (третей) степени. В рядах полка, атаковал ротмистр Ураз-Сердар, сын знаменитого Тыкма-Сердара, сподвижника ген. Скобелева, под Геок-Тепе.

27 мая Эскадрон Ее Величества Крымского конного полка, под командой ротмистра Алтунджи, атаковал у м. Чернилица, австрийскую пехоту.

29 мая Дивизион 3-го конного под командой ротмистра Ремерта и дивизион 4-го конного под командой подполковника Каменского Заамурских полков в районе Залещики атаковали прорвавшиеся части противника. Неприятель опрокинут за реку Днестр. Взято 100 пленных.

1 июня Приморский драгунский полк, под командой полковника Шипунова, у м. Попеляны, форсировал р. Венту, полевым галопом , на протяжении 8 верст, разметал пять германских кавалерийских полков: 9 и 13 драгунских и 1, 2 и 12 гусарские. Перемахнув, затем, через проволочное заграждение, уничтожил батальон немецких егерей. Немцев изрублено без счета. Потери полка: 5 офицеров, 160 драгун и 117 коней.

2 июня Три сотни 11 Донского каз. полка, под командой полковника Полякова атаковали у д. Олешницы и изрубили часть 91 германского пех. полка.

2 июня Два эскадрона 17-го гус. Черниговского полка атаковали там же для поддержки атаки 11 Донского каз. полка.

2 июня 5-й эскадрон 7-го драг. Кинбурнского полка, под командой ротмистра Дакшанина, при мл. офицерах пор. Барыбалове и корнете Образкове, для поддержки отходившего 10 Стрелкового полка, атаковал там же. Наша пехота, видя атаку, бросилась за эскадроном. Общими усилиями, казаков, драгун, гусар и подоспевшей пехоты, 91 германский пехотный полк был уничтожен.

5 июня 5-я сотня 1-го Запорожского полка Кубанского войска, под командой хорунжего Беляевского, атаковала у сел. Авбаза, турецкую пехоту и ее разсеяла.

6 июня Приморского драгунского полка 5 и 6 эскадроны, под командой шт-ротмистра Савельева,. прорвались в тыл немцев и атаковали транспорт 6-й немецкой кавалерийской дивизии, состоявший из 67 фургонов, 11 штаб-офицеров и чиновников и 100 солдат. Частью были захвачены в плен, частью перебиты. Из трех офицеров, бывших при эскадронах шт. ротм. Савельев, поручик Юренев и корнет Федор Логинов все были убиты.

24 июня 1-й Кавказский полк Кубанского каз. войска под командой полковника Митусова атаковал у Г. Дупган турецкую колону. Взято в плен 300 молодых подпоручиков, 1000 солдат турецкой армии, немного артиллерии и отбиты обозы 4-го Кавказского арм. корпуса.

25 июня Конная атака, сотни 5-го Уральского каз. полка, под командой подесаула Владимира Толстова, у д. Борковизны, с целью облегчить наступление нашей пехоты. Взяты последовательно три ряда окопов. Противник, силою около батальона сбращен в бегство. Значительное число было зарублено и взято в плен 2 офицера и 37 солдат. Подесаул Толстов был на-

гражден Орденом Св. Георгия 4-й степени.

— июня 1-я Донская каз. дивизия, под командой ген. Краснова, в составе 9, 10, 13 и 15 Донских каз. полков, под г. Станиславовым, имела конный бой с Австро-Венгерской дивизией «Смерти».

3 июля 2-й эскадрон 9-го Казанского драг. полка, под командою шт. ротм. Григоровича, атаковал, восточнее Выговского леса, в Галиции, неприятельскую пехоту. Противник бежал, оставив убитых и раненых. Шт. ротм. Григорович, корнет Сухотин и прапорщик Кузьмин-Караваев (посмертно) были награждены Орденом Св. Георгия 4-ой степени.

3-го июля 14 гус. Митавский и 14 Донской каз. полки атаковали, под Нерадовым, густые цепи 50 германской пехотной дивизии, при трех легких и одной тяжелой батареях, прорвавшие фронт 1-й армии. Этой, исключительной по героизму, атакой, была спасена наша 1-я армия. Бригада понесла большие потери. Убиты командир гусарского полка полковник Вестфален и 8 офицеров (ротм. Гуров, Васильев, Санин, шт.-ротм. Суражевский и др.), ранено и контужено 13 офицеров (ротм. Шпилев, шт. ротм. Пышнев, Николаев, пор. Петровский, Ганке, кор. Статкевич, Бабкин, ротм. Картавцев, пор. Волковицкий кор. Аленич и др.), пор. Геништа тяжело ранен и взят в плен, 250 гусар убитых и раненых, 300 коней. В казачьем полку убито 5 офицеров, ранено 6. 161 казаков убито и ранено и 200 коней.

4 июля 20 драг. Финляндского полка, 3-й эскадрон и половина 1-го, под командой ротмиста Келлера, атаковали неприятеля у мызы Вонен. Ротмистр Келлер, корнеты Галл и Голубов ранены, 20 драгун и 20 лошадей ранены.

4 июля 25 Донской каз. полк, под командой полковника Дмитрия Потоцкого, у д. Савпоры, атаковал отходившего противника и, с налета, занял фольварки Мусабе и Шаркаши.

12 июля 1-го Хоперского полка Кубанского каз. войска 4-я сотня, под командой сотника Соломахина, у г. Мелязгерт, на берегу р. Евфрат, атаковала турецкую пехоту, которая бежала, оставив много убитых и раненых.

17 июля 4-й эскадрон Л. Гв. Кирасирского Ее Величеста полка, под командой шт. ротм. Соколова атаковал имение Трашкуны занятое эскадроном 6-го Баварского-Шволежеров под командой ротм. гр. Арко. Имение взято. Немецкий эскадрон почти уничтожен. Взято в плен три баварца. Ранен прапорщик Эттинген и 4 кирасира.

18 июля 1-я Отд. кавалерийская бригада (19 драг. Архангелогорский и 16 гус. Иркутский полки) конной атакой ликвидировали прорыв немецкой пехоты, на фронте IV Сибирского корпуса, у м. Тейска. Атака была блестящей но полки понесли тяжелые потери. Архангелогородцы потеряли, людьми и лошадями, два эскадрона своего полка.

20 июля Конная атака 2-й сотни есаула Негоднова и 6-й сотни хорунжего Кулеша 1-го Волгского каз. полка у посада Савин и с. Чукчицы на австрийскую пехоту для спасения нашей пехоты. Наступление задержано, но сотни понесли большие потери. Убит хорунжий Кулеш.

22 июля Л. Гв. Конного полка, разъезд в 29 коней, под командой шт. ротм. бар. Петра Гревениц, у м. Куркле, атаковал полуэскадрон немцев. Противник обращен в бегство, потеряв 4-х зарубленных, 4-х пленных и 7 лошадей.

26 июля 1-й эскадрон 1-го гусар. Сумского полка, под командой шт. ротм. Петрашкевича, атаковал фольварок Поровицы, занятый вторым эскадроном Саксонского Карабинерного полка и ротой самокатчиков. Фольварк взят.. Шт. ротм. Петрашкевич и 5 гусар ранено, два гусара убито.

27 июля Конная атака 6-ти Конногвардейцев, под командой корнета Зиновьека 2-го на немецкий разъезд в 22 человека у хут. Бикуны. Корнет Зиновьев легко ранен и награжден Георгиевским Оружием.

30 июля 4-й эскадрон 1-го гусарского Сумского полка, под командой ротмистра Панкова, атаковал хутор у д. Кубим. Немцы оставили хутор, унося своих убитых.

— июля 1, 3 и 5 сотни 1-го Лабинского полка Кубанского каз. войска, под командой командира 3 сотни сотника Бабиева, атаковали турецкую пехоту в окопах у г. Копот. Две с половиной роты взято в плен а остальные, около двух батальонов, спешно отступили.

4 августа 20 драгун Финляндского полка, разъезд в 19 коней, под командой шт. ротм. Бартеньева, у дер. Кеммерн, обойдя правый фланг, атаковал резерв противника. Взял в плен 1 офицера, фельдфебеля, 29 солдат 28 германского пехот. полка и обоз с инжен. имуществом.

6 августа Конная атака трех полков 3-й Кавказской казачьей дивизии у с. Ракитна. Полки понесли большие потери но результат атаки неизвестен. В дивизию входили 1 Екатеринодарский, 1 Кизляро-Гре-

бенский, Осетинский и 1 Дагестанский конный.

10 августа 3 и 4 эскадроны 3-го улан. Смоленского полка, под командой подполковника Белокопытова, у д. Куснище (Минской губернии) атаковали два эскадрона 2-го драг. германского полка. Противник был разбит на голову. Захвачены пленные, оружие и конский состав.

20 августа 6-й эскадрон 1 гусарского Сумского полка, под командой ротмистра Слепцова, в районе ст. Даудзевес, атаковал эскадрон Гвардейского Саксонского конного полка. Командир немецкого эскадрона заколот пикой, остальные два офицера и остатки эскадрона взяты в плен.

23 августа Застава Л. Гв. Конного полка под командой корнета Рентельна атаковала у м. Жмуйдки немецкий разъезд 24 лейб. драг. полка в 16 коней. Несколько зарублено а 4-х взяли в плен. (Шефом немецкого полка был Император Николай II и у немцев на погонах красовались вензеля Государя).

(Продолжение следует)

И. Ф. Рубец

Письмо в Редакцию

В ном. 73 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», М. Залевский, отзываясь в порядке объективности, на мой очерк в ном. 71, «Оборона Порт-Артура», говорит: создается впечатление будто Стессель был жертвой правосудия, что он был даже герой. Однако всем известно обратное. Недобросовестность Стесселя видна уже из того, что он в своих донесениях Государю писал неправду. Так, 2 ноября он телеграфировал Государю: гарнизон сильно уменьшился, полки остались в составе не более батальона. Фактически же на 1 ноября 5-ый полк имел в строю 39 офицеров и 2470 нижних чинов, 27-ой — соответственно 45 и 2805. Примерно такое же положение было и в других полках. Меньше всех находилось в 16-ом полку — 27 офицеров и 1748 солдат».

Сложим эти цифры и разделив сумму на три получим приблизительную среднюю людскую численность в каждом полку — 2300 человек. Умножая эту цифру на девять (в Порт-Артуре было девять стрелковых полков) узнаем, что на 2 ноября в девяти полках числилось около 21000 стрелков. Проверим:

«По сведениям Главного Военно-Медицинского Управления, заведомо неполным, в Порт-Артуре убито и умерло от ран и болезней сухопутных чинов 12000 человек», сообщает морской врач, Я. И. Кефели (Порт-Артур. Воспоминания участников. Издательство имени Чехова. Нью-Иорк 1955, страница 370).

Потери сухопутных чинов начались в боях с мая месяца и если за восемь месяцев до капитуляции Порт-Артура в декабре они потеряли убитыми и у м е р ш и м и 12000 человек, то за шесть месяцев с мая по ноябрь число погибших сухопутных чинов было 9000 человек и из них стрелков не менее 6000, так как потери стрелков значительно превышали потери сапер и артиллеристов. Вычитая 6000 убитых и умерших стрелков из 27000 первоначального численного строевого состава в девяти стрелковых полках (по три батальона каждый) вторично узнаем, что на 2 ноября в полках числилось в живых 21000 человек. Теперь посмотрим все-ли они были в строю и на позициях. Взглянем на события в крепости в октябре и выясним состояние гарнизона на 2 ноября старого стиля, день, когда Стессель отправил Государю очередное донесение (донесения пересылались с китайцами, плававшими на шаландах в Чифу, откуда тамошний русский консул телеграфировал в Петербург).

«Утром 27 октября (по новому стилю), противник начал артиллерийскуц подготовку. На фортах и укреплениях ежеминутно рвались сотни снарядов, еще ни разу крепость не имела столь больших потерь и повреждений... В начале ноября (по новому стилю, что по старому стилю было 18 октября, А. М. Ю.) в госпиталях города находилось свыше семи тысяч раненых и больных. Всего в городе насчитывалось 25 госпиталей и тем не менее мест не хватало. Раненых и больных располагали на полу между кроватями, в коридорах, а они все прибывали и прибывали, иногда по 800-900 человек в день, причем раненых было меньше, чем больных цынгой, дизентерией и тифом» (А. И. Сорокин. Героическая Оборона Порт-Артура. Издательство ДОСААФ, Москва 1955, страницы 79-ая и 84-ая. Даты в книге по новому стилю).

Из приведенного описания событий в Порт-Артуре в октябре месяце, можно заключить, что с 18 октября по 2 ноября, число больных и раненых в госпиталях увеличилось, по крайней мере вдвое, достигнув 15000 человек. Из них стрелков, как составлявших большую часть гарнизона, было до 11000. Вычитывая из 21000 стрелков, числившихся по спискам

в живых, 11000 больных и раненых стрелков, находящихся в госпиталях, узнаем, что 2 ноября в девяти полках в строю на позициях имелось налицо только около 10000 стрелков здоровых. «Гарнизон сильно уменьшился, полки остались в составе не более батальона», **правдиво** (подчеркнуто мною, А. М. Ю.) доносил Государю генерал Стессель. Обвинение Стесселя в «недобросовесности» отпадает...

М. Залевский пишет, что «на 1 ноября, не считая морских запасов, в крепости было 231 562 снаряда разных калибров». Эта цифра нуждается в пояснении. К началу осады на вооружении крепости было 646 орудий. Снарядов числилось 274558, в среднем до 400 на каждое орудие. В августе было израсходовано 64624 снарядов. Если считать, что такой же расход был в сентябре и октябре, то запас остающихся снарядов на 1 ноября в крепостной артиллерии, не считая морских запасов, был около 90000, а не 231562 снарядя.

Крепостные батареи предназначались для борьбы с осадной артиллерией противника, а для отражения шрапнелью японских атак и штурмов, служили 3-х дюймовые скорострельные пушки полевой артиллерии. Их было в Порт-Артуре 64 и запас снарядов к ним исчислялся в 42000 т. е. около 650 выстрелов на орудие. Беглым огнем 3-х дюймовая скорострельная пушка давала в минуту до 20 выстрелов, и могла израсходовать весь свой запас снарядов в полчаса. Полевые артиллеристы строго экономили снаряды, но к ноябрю их снаряды подошли к концу.

После прорыва японцами первой линии обороны (5 декабря пал форт ном. 2 и 15 декабря пал форт ном. 3), Стессель созвал военный совет 16 декабря. На совете вопроса о сдаче не поднималось. Обсуждались рубежи для дальнейшего сопротивления. Через три дня обстановка резко изменилась. 18 декабря японцы взорвали и заняли укрепление ном. 3, и рядом яростных атак, овладели 19 декабря Большим Орлиным Гнездом, командующей высотой и тактическим ключем второй оборонительной линии (от Большого Орлиного Гнезда расстояние до города одна верста).

Третья линия обороны состояла из окопов мелкой профили на Каменоломном кряже в которых находилась жидкая цепь стрелков. Японцы продолжив атаки легко могли проникнуть в город, в ночь на 20 декабря. Собирать военный совет уже не было времени и Стессель выслал парламентера...

«Единственная вина генерала Стесселя в том, что он не дал картины под занавес» сказал на суде его защитник.

Сооружение укреплений в Порт-Артуре, на чужой Китайской территории, арендованной Русским правительством на 25 лет, предполагалось закончить в 1909 году. К началу войны в 1904 году на сухопутном фронте был закончен лишь один форт.

Предать суду генерала Стесселя и приговорить его к смертной казни черз расстреляние за сдачу недостроенной крепости, не получившей еще крепостного штандарта, было явною несправедливостью...

Военный историк А. Керсновский в его книге «Русская Армия» по поводу обвинений генерала Стесселя в «преждевременной» сдаче крепости, пишет: «Упреки эти исходившие от современников не могут показаться убедительными. Стессель командовал не автоматами, а живыми людьми. Физические силы этих людей достигли в декабре предела, поставленного им природой. Крепости к этому времени больше не существовало: то, что носило название 3-ей оборонительной линии, не могло бы продержаться и несколько дней...»

«Помимо суда людского, руководившегося буквой закона, имеется суд не связанный формальностями и который выносит свой приговор руководясь жизненной правдой — это суд истории. И этот суд безусловно не только оправдает генерала Стесселя, но и признает его достойным благодарной памяти последующих русских поколений»... (Г. Месняев, «Порт-Артурская Эпопея», газета «РОССИЯ», 22 января, 1965 года, Нью-Иорк).

По прошествии шестидесяти лет, уместно вспомнить, что 328 дней защиты Порт-Артура, под водительством генерала Стесселя, были вершиною воинского подвига в Русско-Японскую войну 1904-1905 г.г.

Генерал Стессель в Порт-Артуре сделал все, что было возможно в силах человеческих...

Участник обороны Порт-Артура
А. М. Юзефович

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

на 9) Лейб-эскадрон 2-го лейб-гусар. Павлоградского полка носил на погонах трафарет сплетенный из двух вензелей и накладной вензель Императора Николая II.

на 11) 1 Донской казачий полк получил шефство 10 мая 1916 г. а 2-й — 21 января 1914 г.

С. Андоленко

на 12) Наследник Цесаревич был назначен Шефом 4-й батареи лейб-гвардии Конной Артиллерии 25 января 1906 г.

Н. Курлов

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6°

№ 77
Январь 1966 год

ГОД ИЗДАНИЯ XV-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глу бокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого сотрудника ротмистра лейб-гвард ии Уланского Ее Величества полка

Алексанра Владимировича Поливанова

последовавшей в г. Париже 29 Ноября 1965 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 76 по 81 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:

61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55

15-год издания | № 77 ЯНВАРЬ 1966 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50

С Новым Годом

Вступая в пятнадцатый год издания нашего журнала, Редакция шлет свой привет и благодарность всем, кто помогал и продолжает помогать ей в работе; всем сотрудникам, подписчикам, читателям и техническим работникам Издательства.

Только с вашей общей помощью, удалось осуществить большое дело издания русского военно-исторического журнала в эмиграции.

Семдесят семь номеров «ВОЕННОЙ БЫЛИ» Представляют собою значительный вклад в историю жизни и быта как Российской Императорской Армии и Флота, ее полков, кораблей в баталиях и мирной жизни, так и отдельных уцелевших в изгнании, ее чинов и полковых Объединений.

Около трехсот русских военных в зарубежье, приняли бескорыстное участие в работе журнала и тем создали бессмертный памятник Российской воинской славе и ее детям, — русским воинам, волею судьбы, выброшенным за пределы своего Отечества.

Да вечно живет в наших сердцах благодарность ко всем тем кто, вдали от Родины, положил последние свои силы и до конца ревновал о славе Российского оружия.

Алексей ГЕРИНГ

Военные будни

Зима 1916 года была очень ранней. Уже в начале ноября повалил снег, да и какой! Для того чтобы утром выбраться из землянки, приходилось организовывать целые саперные работы.

После мучительного и тяжелого отступления 15 года, наша армия, наконец, остановилась. На нашем участке она закрепилась в районе Барановичи — Лунинец. Барановичи, бывщая ставка Верховного, была занята немцами. Железнодорожные линии Сарны-Лунинец-Барановичи и Минск-Барановичи, скрещивавшиеся в большой железнодорожный узел в Барановичах, с его занятием, резались пополам. Наше командование приняло энергичные меры и, в течение нескольких месяцев, соорудило соединительную ветку полукруглой железной дороги. Между обоими линиями было несколько станций, носивших названия в честь дочерей Государя: Ольгино, Татьянино и Мариино. Довольно плохо было то, что наши инженеры, не расчитав дальности немецкой артиллерии, провели ее так, что она все время была под обстрелом. Поэтому поезда ходили в большинстве случаев с наступлением темноты.

Многострадальная пехота, выбившаяся из сил за месяцы отступления, наконец получила возможность хоть немного привести себя в приличный вид: отмыться, отъесться, почиститься и т. п. Усиленными саперными работами пехотные окопы были приведены в неузнаваемый вид — были выстроены солидные блиндажи, землянки для солдат и офицеров, хорошие ходы сообщения, уборные... Особенно замечательные работы были сделаны у наших соседей, московских гренадер (корпус ген. Куропаткина).

К весне 17 года, «декавильки» соединяли уже не только штабы полков, но и отдельные батальоны и батареи. Так, была станция «Вторая батарея» (моя), и с этой станции ребята, ехавшие в отпуск, прямо доезжали до ближайшей большой станции. Это были симпатичные маленькие вагончики, в которые запрягались, справа и слева, по лошадке, а «кондуктором» и «машинистом», вернее кучером, были замухрышки-солдаты из ополченцев. Переодетые в военные тулупы, в нахлобученных папахах, с кнутами в руках, видимо очень довольные своей боевой деятельностью, они катались (главным образом, конечно, ночью) взад и вперед по позициям, управляя своими поездами примитивными возгласами, усвоенными с детства: «гатя... Вье...» Лошаденки бежали по бокам вагончика и в гору подымались довольно медленно, но на склонах и скатах, развивали порядочную скорость. «Машинист» крутил ручные тормоза, вопил «Цоб-цобе! — Сказились, проклятые...» и уменшал резвость своих буцефалов.

Бесконечный снег парализовал почти всякую активность у обоих враждующих сторон, Только и с той и с другой стороны, посылались группы разведчиков в белых халатах, выставлялись секреты и делались, называя по старомодному, «вылазки». В них принимали участие, иногда, и наши бравые батарейцы, так просто, чтобы немного развлечься, лелея тайную мечту заработать беленький крестик. Такой крестик и заработал один из наших лихих фейерверкеров, приведя с собой в плен немецкого солдата.

Изредка, если снегопад и вьюга позволяли, делались небольшие пристрелки и поверки уже пристрелянных целей, и опять все погружалось в тишину и относительный покой.

Время от времени, из высших штабов долетали грозные приказы, в которых напиралось на то, что «никакого мирного сожительства» с врагом не может быть и что война еще идет. «Надо беспрерывно тормошить врага, не давая ни отдыха, ни срока.» По существу, это было, конечно, правильно, но, вспомнив измотанность пехоты, вспомнив переходы по 50 верст в сутки (а такие были) по безвылазной грязи и под проливным дождем, было вполне естественно желание как-то передохнуть, «оправиться», привести себя, хоть в относительный, порядок.

Встаешь иногда утром. Первый взгляд на небо: свинцовые тучи, валит снег, ничего кругом не видно. И вот, такой день, который при нормальной обстановке был бы назван «отвратительным» — был спокойным и «приятным» днем. Никаких серьезных пертурбаций в такой день не предвиделось.

Тыловые учреждения подтянули, сколько можно, свои базы. Сделав рейд в 6-7 верст на саночках, можно было посетить так называемые «питательные пункты», из которых лучшие были Пуришкевича. Там можно было вкусно закусить, выпить стакан чая и, даже, получить горячее блюдо. И это было и для солдат и для офицеров. Наши пехотные соратники присылали туда солдат взводами: они мылись в бане, получали новенькую смену белья, их поили чаем, плотно кормили и, вдобавок, давали еще какой-нибудь подарочек, вроде пакетика чая, сахара, печенья.

На ближайших станциях открылись отделения экономических обществ, где можно было достать много чего полезного и вкусного и все за гроши.

Наши хозяйственные батарейские фельдфебеля, местопребывание которых было обыкновенно в батарейном резерве, расположенном в относительном тылу, проявили инициативу и почти в каждой батарее были свои собственные бани с полками и котлами для горячего пара. И какое было удовольствие, когда из резерва звонили на батарею: «Вашескр... сегодня вечером будет баня для господ офицеров от семи часов.»

По старинной российской привычке, баню нужно было соединить не только с «легким паром», но и с «легким пиром», а потому на станцию посылались гонцы за вкусной закуской, вином а нашему офицерскому «шефу» кухни предлагалось сделать что- нибудь по «вкуснее».

И вот, распарившись до седьмого пота, повалявшись на полках и наколотившись березовыми вениками, хорошенько закутавшись в романовский полушубок и завязавшись башлыком, на саночках парой, катишь домой.

Лес, лес, лес... Валит снег... Дорога — засыпанные снегом гати. Это знаменитые Брынские леса, где, когда-то, «гуляли» богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и где, лихим посвистом, посвистывал Соловей-разбойник. Деревья, как шапками, завалены снегом. Какой-то оперный пейзаж из «Снегурочки». «Невидимкою луна освещает снег летучий», батарейные лошадки весело бегут, отбрасывая с копыт комья снега... Дома ждет графинчик водки, хорошая закуска... Нет! Не так еще плохо жить на свете... даже на войне.

Батарея была на позиции против насыпи железной дороги Барановичи — Сарны. Теперь, конечно, никаких поездов по линии не двигалось, а, ведь, когда-то, веселой гурьбой наполняя вагон скорого поезда, мы неслись по этим же рельсам из Петербурга на милую Украйну. « грустно было смотреть на занесенные снегом мертвые пути, вспоминая, не такие далекие, беззаботные дни.

В виду установившегося военного положения в нашей батарее, (да и во всех прочих), был установлен такой порядок: из четырех, не считая командира, наличных офицеров, двое младших несли, по очереди, дежурство на наблюдательном пункте, где был большой блиндаж. Покидали его только поздно вечером. Тогда на пункте оставались 2 телефониста, 2 разведчика, которые там и ночевали. Если же ночью подымалась тревога, дежурный по пункту сломя голову, бежал по ходам сообщения и должен был быть на месте во что бы то ни стало. Некоторые из командиров в случае ночной тревоги, тоже считали своим долгом пробираться на пункт.

Двое старших, тоже по очереди, дежурили на батарее и днем и ночью. Все же свободные (их оставалось двое плюс командир) ютились в полуразрушенной маленькой усадьбе, несколько сзади батареи. Она, почему-то, не обстреливалась немцами и это позволило привести ее в относительно жилой вид. Были вставлены стекла, сделаны печи и кухонная плита, появились хорошие керосиновые лампы и наша маленькая «база» приняла уютный и симпатичный вид.

Пехотные полки, которые сменялись через небольшие промежутки времени и отводились в тыл, имели в тылу такие же оборудованные «базы», большею частью под землей. В одном из полков нашей дивизии (18 Вологодском) офицерское собрание было просто подземный дворец; там была даже сцена и громадная столовая, которая могла вместить до двухсот человек.

На батарее для офицера был довольно хорошо оборудованный окоп, вернее землянка. Опыт войны научил нас совершенно разделить два вида укрытий: землянка была для жилья, и потому никаких «накатов» бревен на ней не было, лишь легонькая крыша, а на случай сильного обстрела выкапывалось солидное убежище, общее для солдат и офицеров, куда в случае нужды все и прятались.

Вспоминается описание землянки Денисова в «Войне и Мире.» Толстой пишет: «солдаты любили Денисова, а потому его землянка являла некоторую претензию на роскошь. Были вырыты две земляные лежанки, между ними стоял самодельный из ящиков стол и даже было раздобыто где-то маленькое стекло.»

Любили ли нас наши солдаты? Над этим вопросом никто и никогда не задумывался. Всех соединяло общее и тяжелое дело — война. Солдаты видели, что и «баре» так же, как и они, несут все тяготы вместе, снаряды не делают различия между солдатами и офицерами, погода, дожди, снег — одинаковы для всех. Нужно делать свое дело дружно и по-братски. Так и делали.

Артиллеристы, по сравнению с пехотой, несли потери значительно меньшие, кадровых, не только фейерверкеров, но и простых солдат, было много. Все мы были, приблизительно, из одних российских широт, и потому отношения были, я бы сказал, не только дружные, но батарея, на третьем году войны, стала просто маленькой семьей.

В тыловой деревушке был размещен саперный батальон. Каждую ночь взводы сапер, с инструментами и большими лопатами, направлялись в пехотные окопы и производили до рассвета всевозможные работы: чинили ходы сообщения, уборные и блиндажи. Однажды за брел ко мне их офицер. Он оказался моим однокашником по Полтавскому корпусу — Жоржиком Сокольским. В корпусе это был бледненький миловидный мальчик, первый ученик

в классе и хороший скрипач. Теперь он возмужал, от былой болезненности не осталось и следа... Я затащил его в свою землянку, угостил чайком, нашлась и водочка и скромная закуска. Разговорились о том, о сем, с нежностью вспомнили детские годи, проказы. Жорж расчувствовался и вдруг решил сделать мне подарок.

— Пришлю тебе четырех сапер и приду сам. Приведу твою берлогу в христианский вид.

И обещание свое выполнил. Из моей убогой, невзрачной землянки получился, если не дворец, то весьма уютная и симпатичная «меблированная комната». Стены были обиты толстыми досками, появились обои, чудесная керосиновая лампа, ночной столик и, даже, стенной ковер. Я был в таком восторге от моего нового дворца что, в день окончания работ, протелефонировал командиру батареи просьбу не присылать мне никакой смены и что я пробуду в моей берлоге до весны, что честно и выполнил, выйдя на «свет Божий» лишь весною 17 года. Правда, изредка, делал легкие набеги на питательные пункты и раза два ездил в нашу фронтовую «столицу» — Минск, где были кинематографы, рестораны, театры и, конечно, хорошенькие девушки.

Нынешний день обещал быть очень приятным: разыгралась отчаянная вьюга, мой денщик Игнат Емельянов (два года верной службы в мирное время и три года — войны) растопил печурку, согрел чаек и разогрел принесенный с базы ужин.

Много писалось о наших преданных денщиках. Игнат Емельянов был именно таким. Попал он ко мне вот каким образом. Новобранцы, прибывшие в батарею, были собраны на батарейном дворе. Они были еще в своих крестьянских свитках, но наш бравый фельдфебель Мариан Иванович Рачинский умудрился их выстроить в две шеренги и наскоро натренировал, как нужно отвечать на приветствие офицера. Первым пришел на батарейный двор — я. Желая занять время до прихода командира батареи, я решил попробовать поздороваться с этой оравой.

— Здорово, молодцы, — бодро крикнул я.

Какой-то неопределенный рев ответил мне на мое приветствиве, и, вдруг, из строя выдвинулась фигура, с растерянной, но улыбающейся физиономией и с протянутой ко мне рукой:

— Ну, здравствуй, барин!

Я до того растерялся, что невольно пожал протянутую мне руку, но сразу же опомнился и сурово сказал ему:

— Из строя выходить нельзя... стань на свое место...

В рядах новобранцев раздался сдержанный смех.

Этот простодушный и наивный парень и был мой будущий денщик Игнат Емельянов. Он был Тульской губернии, Узуновской волости, села Глубокого, все это помню до сих пор в точности. В моей жизни он сыграл очень большую роль, о чем, может быть удастся как-нибудь рассказать.

Подпрапорщик Рачинский вечером же распек бедного Игната за его «дерзкое выступление». Но Игнат сделал все по своей чистой крестьянской совести — с новым «барином» надо вежливо поздороваться. Он это и сделал, как мог.

Среди солдат была в ходу презрительная кличка для денщиков — «холуи». Строевые солдаты их не любили, считали, что должность эта унизительная, что все денщики бездельники, по-нынешнему — «ловчилы». Грянула война, и эти «холуи» блестяще себя реабилитировали. Большинство офицеров, особенно в пехоте, несло самый тяжкий крест, который может выпасть на долю русского воина. И у нас в артиллерии молодые офицеры не вылезали из пехотных окопов, дневали там и ночевали. Между тем как солдаты, батарейцы, большей частью, за исключением так называемого «расчета», то-есть «номеров при орудиях», несли хозяйственные функции — чистили лошадей, ездили за патронами, за фуражем, исполняли все наряды и домашние работы. И вот, бездельники», «лежебоки», «холуи» проявили такое мужество, такую преданность своим офицерам, что пришлось их «хулителям» только ахнуть. Они ползали по полям, чтобы под пулеметным и ружейным огнем принести в судке обед своему «барину», стирали его белье, выносили на своих плечах раненых офицеров, часто сами погибая под огнем. Здравый российский смысл и присущее всякому русскому воину благородство не смогли не оценить всего этого. Презрительные клички исчезли и денщики стали равными и, пожалуй, даже почетными членами русской военной среды.

Милый Игнат! Он был не только моей нянькой но, по своему простодушию, считал своим долгом вмешиваться в мою семейную жизнь. В дни его отпусков, которые я не жалел ему давать, он неизменно считал своим долгом заехать и посетить мою семью — мать и сестру. (Пишу это с гордостью и без ложного стыда: из десяти членов семьи на «мирном положении» остались только они двое, работая в госпиталях) причем, вернувшись, горделиво мне докладывал, что он «навел там порядки».

— Генеральша (так он называл мою мать) они слишком добрые, а Машка просто воровка, я ее отчитал, да такая же и Матвеевна (кухарка) — все норовит стащить хозяйское. Я ей показал... Долго будет помнить...

Мать в своих письмах держалась другого мнения: «приезжал твой Игнат. Он хороший,

тебе предан, но до чего же беспокойный! Со всей прислугой перессорился, Машу (горничную) ни за что ни про что отхлестал по щекам, Матвеевну назвал воровкой, отчего та рыдала всю ночь напролет. У меня самой третий день мигрень. Постаралась как можно скорее его отправить. Всем он читал рацеи: я, мол, научу вас всех, как нужно служить верой и правдой, да еще кому...»

Таков был мой Игнат.

В этот вечер привезли большую почту — старые газеты «Русское Слово», «Новое Время», «Московские Ведомости», журналы: «Огонек», «Солнце России», «Синий Журнал», «Сатирикон», «Нива» и даже несколько книг... словом, вечер обещал быть очень приятным. Я удобно расположился на кровати, печурка ярко пылала, Игнат согрел чайничек, достал печенье и вдруг... неожиданный гудок в телефон.

— Васкродие, вас просят к телефону из Управления Бригады...

Беру трубку.

— Вторая батарея. У телефона штабс-капитан Волошин.

—У телефона Начальник Команды Связи поручик Емельянов. Слушай Павел... здравствуй, во-первых... Женя Самко, бригадный адъютант заболел и отправлен в госпиталь... Командир бригады приказал тебе немедленно явиться в управлении и заменить заболевшего.

— Но почему именно меня?

— Это уж, брат, нам с тобой рассуждать не по чину. Передаю приказание — мое дело сделано. Твой командир в курсе дела.

Кладу трубку. Через пять минут все сказанное подтверждает и командир батареи, при чем добавляет, что на батарею уже послано двое санок, для меня и моих вещей.

— Долго ли продлится моя командировка, господин полковник?

— Этого я уж совершенно не знаю. Вас сейчас сменит поручик С. Не задерживайтесь с отъездом. Наш старик чего-то нервничает.

Всю жизнь я чувствовал инстинктивное отталкивание от всяких штабных должностей, но злая судьба все время меня на них толкала. Из всех адъютантских должностей, которые я знал, для меня была привлекательной единственная — адъютанта Артиллерийского дивизиона. Ниже — скажу почему.

С детских лет, в еще дошкольном возрасте, помню я в пехотных полках — батальонных адъютантов. Это были фигуры совершенно бесполезные, считавшие себя заядлыми кавалеристами и носившиеся во время батальонных учений по полям Волыни на своих бракованных кавалерийских «шкапах». Над ними в полку несколько подтрунивали, называя «джигитами» и «кентаврами». За полной их ненадобностью, вышел, наконец, благоразумный приказ об их упразднении, и на войну пехотные полки вышли уже без них. В нашем армейском быту, если кто произносил — «мы сегодня собрались «кататься верхом» с гимназистками» — ему всегда, ехидно, отвечали: «верхом катаются только барышни и пехотные адъютанты».

Адъютант дивизиона был совсем другой фигурой. Большинство командиров дивизионов были полковники уже на возрасте и потому, имея около себя молодого, энергичного и с инициативой офицера, могли, если не почивать на лаврах то, во всяком случае, были избавлены от неприятной беготни, бессонных ночей и пр.. Как хорошая лягавая собака, такой офицер рыскал по полям, выбирая позиции, налаживая связь как между батареями, так и с пехотой, передавал все боевые распоряжения и, если обладал некоторым чувством такта, фактически был маленьким диктатором. В большинстве случаев, командиры дивизионов целиком на них полагались и лишь подтверждали то, что те делали от их имени. Бывали, правда, среди дивизионеров и «капризули», на которых угодить было трудно, но таких было мало.

«Эти «лягавые собаки» так навострились в разведках, шнырянии по полям и в оценке боевой обстановки, что зачастую удостаивались самых лестных отзывов от всех высоких штабов. Один из командующих армией, умный и здравый генерал, не называю его фамилии только потому, что он был моим крестным отцом, издал даже приказ по армии приблизительно такого содержания: офицеров генерального штаба все меньше и меньше. Можно сказать их «кот наплакал». Не смущайтесь — поручайте ответственные разведки делать молодим офицерам — артиллеристам. В моем штабе есть ряд работ, сделанных таковыми — они блестящи».

Одним из таких разведчиков «Божьей милостью» был нашей бригады поручик Пигарев. Это был настоящий продукт майн-ридовского воспитания. На кадетской скамье он не расставался с книгами Купера, Густава Эмара и т. п., властителей юношеских дум. Ходил рассеянный и что-то бормотал. Его мир — был мир команчей, сиуксов, бледнолицых братьев и фортов, где цвели розами красавицы — синьориты. На войне он почувствовал себя, как рыба в воде. Ползал, высматривал, норовил делать какие-то самостоятельные разведки, за которые ему влетало от начальства, но угомониться не мог.

Наша 3-я армия подходила, в это время, к Кракову. Ходили слухи, что Краков будет защищаться елико возможно. Так были уверены и почти все мы. Но Володя Пигарев рассуждал иначе. Он уверял всех, что перед нами только «заслоны», что стоит только прижать и обеспечено наше триумфальное вступление в Краков. Он напросился на большую разведку, которая, к тому-же, действительно была нужна и с дву-

мя разведчиками, захватив карабины и сумку с бутербродами, отправился в самоотверженное путешествие.

Нужно помнить, что происходило это в конце 14-го года, война была еще полевая, фронт имел вид неустойчивой и неопределенной линии и потому случай, с ним происшедший, мог иметь место только в эти дни. Уже в 15-м году ничего подобного быть бы не могло.

Володя излазил все лощинки, осмотрел все переправы, рощи и мужественно двинулся вперед. Встретив в пути какие-то полуразрушенные окопы, он в них доверчиво влез и решил подзакусить но... к его изумлению, из соседних ямок повылезали фигуры в голубых шинелях, растерянно на него смотревшие. Если бы Володя не был верным учеником Майн-Рида, и будь в окопах немцы, ему и его спутникам, наверняка, пропороли бы животы, но Володя, знавший в совершенстве немецкий язык, осененный внезапной мыслью, грозно заорал на австрийцев:

— Кто старший из вас? Позовите сюда офицера...

Но офицер уже ковылял к нему. Это был какой-то запасной ландштурмист с сугубо штатским видом, сутулый, в очках и опиравшийся на палку. По всей видимости, он был испуган до предела — еще-бы, какие-то русские солдаты сидят у него в окопах, совсем не робеют, а еще кричат и чего-то требуют.

—Кто вы такой? Почему вы сюда попали? — выдавил он, наконец, из себя.

— Я бежавший от русских офицер гонведа. Мы убили часового, я переоделся в русскую форму, вернулся в свою армию и привел с собою в плен вот этих двух варваров. Дайте мне десять солдат, вон, в той роще находится целый батальон, только и мечтающий сдаться нам в плен Через десять минут я их приведу всех сюда.

— Но я должен все-таки, доложить начальству о вашем прибытии, робко пробормотел почтенный ландштурмист.

—Ждать нельзя... каждая минута дорога... и Пигарев с воплем «за мной, за мной» вскочил на бруствер и ринулся к близ лежавшей роще. Совершенно растерянные и ошалелые австрийцы не оказали никакого сопротивления и даже не стреляли. Володя и его спутники благополучно добежали до рощи, откуда через два часа они приползли к цепи 20-го пехотного Галицкого полка.

Вечером Володя весело рассказывал о своих мытарствах, скептически настроенным офицерам. Его дразнили «следопытом» но Володя не был лгуном и происшествие действительно было таким, как он рассказывал. Его же заключение, что перед нами только «заслоны» увы... оказалось неверным. Под Краковом был собран большой кулак австрийских и немецких войск. До него мы так и не дошли, заняв только его предместье — Бохню, где были солеваренные заводы.

Возвращаюсь к прерванному рассказу.

Ехать надо. Появляется Игнат и начинается упаковка несложного багажа. Непрочитнные газеты валяются по землянке, оставляю их моему заместителю. Через полчаса, Игнат с вещами скрывается в снежной пурге, а еще через десять минут, наскоро попрощавшись со своими батарейцами, выезжаю и я. Из окопчиков выбегает несколько моих любимых ребят.

— Счастливого пути, Ваше Выскродие... Возвращайтесь поскорее... кричат они сквозь пургу.

Ветер свищет, снег валит... тьма египетская. Проезжая дорога едва видна, насаженные маленькие елочки, ее обозначающие, занесены снегом и почти невидимы. Санки плетутся медленно и скучно. Закутываюсь, сколько можно, в тулуп, зарываюсь в сено и начинаю клевать носом...

— О —

Управление бригады было расположено вместе со штабом дивизии в большом доме, в семи верстах за расположением полков. «Вне досягаемости артиллерийского огня», как иронически говорили офицеры. Пока мы до него добрались, было уже около 12 часов ночи. Устроились только к рассвету. Для меня отвели отдельную комнату. Совершенно отвыкшего от условий жизни мирного времени, меня поражает тот «комфорт», в который я попал — злектрическое освещение, хорошо натоплено, есть даже ванная и теплая уборная. Просто — шик!

Утром являюсь командиру бригады и знакомлюсь с сослуживцами. Их немного — казначей, заведующий связью, делопроизводитель и еще какой-то офицер нашей бригады, функций которого я так и не узнал.

Пьем утренний кофе, настоящий с консервированным молоком, свежими булками и закусываем холодным мясом.

После кофе, приступаю к «исполнению своих служебных обязанностей». В чем они точно заключаются — не отдаю себе ясного отчета. В канцелярии, где работают несколько писарей, нахожу растрепанный томик Зайцева: «Руководство для адъютантов». От нечего делать погружаюсь в чтение. На первой странице, большими буквами, приведено изречение М. И. Драгомирова — «хороший адъютант должем быть ТОЛКОВ, ГРАМОТЕН и НЕ ИНТРИГАН.»

Гм... задумываюсь... удовлетворяю ли я этим условиям?

В корпусе, часто, мой воспитатель попрекал мен — «ох и суетлив же ты и бестолков!» Грамотен? Сочинения писал когда-то не плохо и даже удостоился публичного прочтения одного

из них в классе. Интриганство? этим, кажется, никогда не занимался. Значит, кое-какие достоинства у меня есть.

Иду к умудренному опытом казначею Кузьменко. Конфиденциально спрашиваю — «что собственно я должен делать?»

— А вы чего торопитесь? Приглядывайтесь, присматривайтесь. Вот скоро принесут приказ, почитайте, поправьте ошибки, отвечайте по телефону... Ну, а если хочется еще чего-нибудь, проглядите и подправьте наградные листы на внеочередные награды. Уже второй раз из штаба корпуса звонили, просили поторопиться. Вот папка...

Погружаюсь в изучение списков. Невольно вспоминаю теперь об этих пресловутых внеочередных наградах, сыгравших в моей жизни (несколько впоследствии) довольно злую роль. Мой командир дивизиона Василий Александрович Линевич, храбрый и достойный офицер, очень меня любил. Я был у него семь месяцев дивизионным адъютантом и, в свою очередь, старался для него не за страх, а за совесть. Он решил меня отблагодарить и представил к внеочередной награде. Для этого требовалось изложить «подвиг» представляемого. Не хочу описывать этого моего «подвига». Словом, я был представлен к внеочередному производству в чин капитана. Лестно конечно! Но, вышел совершенно неожиданный казус: все мои товарищи по выпуску, старше которых я был, получили это производство «по линии», помнится 20 декабря, я же, представленный за «подвиг», получил производство со дня совершения «подвига» и, совершенно неожиданно, оказался ниже их всех по старшинству. К концу 16-го года, Сережа Зыков получил, на законном основании, 4-й батарею нашей же бригады, Коля Иванов — 5-ю, Миша Брохоцкий — 4-ю, я же все еще прозябал на должности старшего офицера, хотя и в капитанском чине.

Вот и совершай, после этого, «подвиги»!

Я рассеянно погрузился в чтение наградных списков. Казалось, что все на месте, изложено ясно и точно, но вдруг... Натыкаюсь на вещь, совершенно для меня непонятную. Текстуально, читаю: «Командир 2-й батарей подполковник Робко, представляется к награде за то, что, в бою 21 сентября, будучи на наблюдательном пункте и будучи контужен упавшим в окоп камандиром Мортирной батареи, не оставил наблюдательного пункта и продолжал стрельбу, чем способствоал нашей пехоте в занятии первой линии неприятельских окопов.»

Что за тарабарщина? До сих пор я думал, да и все разделяли это мое мнение, что контузить может пуля, шрапнельный осколок, близ разорвавшийся снаряд... но чтобы командир Мортирной батареи выступил в роли смертоносного снаряда — слышу в первый раз. Перечитываю еще раз — ошибка? ...нет — никакой ошибки нет — черным по белому написано — «упавшим в окоп командиром Мортирной батареи». Иду к Кузьменко.

— Дорогой мой, я тут чего-то не понимаю... В чем тут дело?

Кузьменко, одевает очки, перечитывает —

— Гм... да, действительно накручено что-то непонятное. А знаете? Позвоните командиру дивизиона, он вам все объяснит.

Вызываю командира дивизиона полковника Кедрова.

— Господин полковник, что означает ваше представление к награде подполковника Робко? Я ничего не могу в нем понять!

— А это вы? Что ж адъютантствуете теперь? Как здоровье Жени? (Самко) Сейчас наведу вам справочку...

Жду минут десять, наконец, слышу энергичный голос полковника Кедрова.

— Нет, там все правильно. Дело было вот как: Робко сидел со стереотрубой на пункте, в окопе, вырытом на горке. Командир же мортирной батареи предпочел взобраться на маленькое дерево тут же и наблюдать оттуда в простой бинокль. Шальная пуля ранила его в мякость и он свалился с дерева непосредственно в окоп. Свалился он в окоп с такой поступательной скоростью, что, упав на Робко, вывихнул ему ногу. Вот и все... Может быть, донесение, составленное наскоро не очень ясно изложено, но уж вы там подправьте, это уже ваше штабное дело.

Как я ни старался «подправить», представление все же получило вид довольно несуразный.

Прошло несколько дней. Представления были отправлены, а еще через несколько дней от сурового и грозного начальника штаба корпуса начальник дивизии получил — выговор не выговор, а этакое дружеское напоминание о том, что наградные листы составлены небрежно, а в некоторых случаях и не совсем грамотно, о чем следует напомнить адъютанту бригады. Командир бригады поворчал, поворчал но быстро успокоился.

— Эх, молодость, молодость, укоризненно сказал он мне.

На мое счастье, в этот же день, вернулся из госпиталя Женя Самко, наш общий любимец, толковый, справедливый и педантичный офицер. Он быстро взялся за привычное дело, а я получил приказ «отправиться к месту служения.»

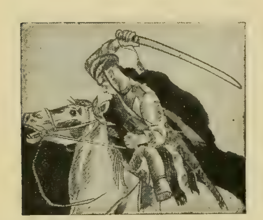
Под тем же снегопадом и пургой те же батарейные саночки везли меня на родную батарею после семи дней моего «адъютантства».

И какое счастье испытал я, вернувшись в свою «меблированную комнату.» Опять, как и прежде, запылал огонек в печурке, закипел

чайник, и я окунулся в привычную для меня атмосферу родной и милой батареи. Офицеры подсмеивались над моим неудачным «адъютантством», дразнили «летописцем Нестором» и «королем репортажа». Я отшучивался от сверстников и отругивался, но был рад, что моя штабная карьера закончилась.

Подполковник Робко все же получил внеочередную награду за свою экстраординарную контузию. Над этим тоже посмеялись немало, но вскоре все позабылось, тем более, что наступил 17-й год, принесший с собой столько трагических несуразиц и бед.

П. Волошин

Конные атаки Российской Императорской Кавалерии в первую мировую войну

25 августа Отдельные части Татарского конного полка, под командой полковника Альбрехта, атаковали неприятеля, у дер. Новоселки-Костюково. Полковник Альбрехт награжден Орденом Св. Георгия 4 степени.

25 августа Полусотня 3-й сотни 1 Лабинского каз. полка Кубанского войска, под командой сотника Г. Бабиева, атаковала скопище курдов у д. Эсмар. Все скопище в 500 всадников, было обращено в бегство. Когда же курды увидели, что казаков мало и вернулись, то казаки уже безследно исчезли.

28 августа Неудачная атака Отдельной Сибирской каз. бригады (6 и 9 сибирские каз. полки), на наступающую немецкую пехоту в районе м. Гердойцы. Полки завязли в болоте.

31 августа Взвод Кавалергардского полка, под командой Свет. Князя Ливена (Сергея), у дер. Яканы, атаковал полуэскадрон немцев и выбил его из деревни. Ливен лично зарубил офицера и несколько немцев, остальные были порублены кавалергардами. На плечах противника, взвод ворвался в д. Абкарты, где изрубил обозников, захватив походную кухню и вьюки с картами и документами.

31 августа Дивизион 5-го Заамурского конного полка, под командой полковника бар. фон-дер-Рекке, у с. Мшанцы и высоты 351, атаковал окопы, занятые ротой и эскадроном австрийцев и преследуя их, захватил шесть орудий.

3 сентября Крымский конный полк, под командой полковника Ревишина, у дер. Липник-Дальняя, атаковал немецкую артиллерию. Взято 4 орудия.

6 сентября Взвод в 30 коней 1 Лабинскаго каз. полка Кубанскаго каз. войска под командой хорунжаго Льва Корбе, атаковал два батальона пехоты у д. Мильцы. Привел батальоны в замешательство и задержал их наступление. Убит хор. Корбе

- **сентября** 7-й улан. Ольвиопольский полк, под командой полковника Бурского атаковал наступающую немецкую пехоту у станции Салы. Потери у немцев велики.

9 сентября Разъезд в 10 коней 1-го Заамурскаго конного полка, под командой, прикомандированнаго к полку, корнета 5 гус. Александрийскаго полка Вахрушева, у д. Торски, атаковал австрийскую пехоту. Взял в плен 1 офицера, 22 солдат, а 5 зарублено.

10 сентября Дивизион Кабардинского конного полка, под командой полковника князя Бековича-Черкасского атаковал, занятые австрийской пехотой, окопы у д. Доброполье. Окопы взяты. Пленных 17 офицеров и 176 солдат.

10 сентября Дивизион 2-го Дагестанского конного полка, под командой ротм. Шамхал-

Тарковскаго, атаковал укрепленную деревню Доброполье. Взяты деревня, пленные и пулеметы.

10 сентября. Взвод 11 гусар. Изюмского полка, под командой шт. ротм. Якубовского, атаковал у дер. Заречье, для выручки двух спешенных эскадронов полка атакованных с тыла двумя австрийскими эскадронами. Взвод врубился во фланг и тем дал возможность спешенным гусарам оправиться. Австрийцы были отбиты но успели увести с собой корнета Курганинова. На другой день гусары нашли тело замученного австрийцами, корнета. Шт. ротм. Якубовский награжден за это дело Георгиевским Оружием.

15 сентября Эскадрон Ее Величества Л. Гв. Кирасирского Ее Величества полка, под командой ротм. Гросмана, у дер. Груздево, в районе Постав, атаковал 2-й эскадрон 9 конно-Егерского полка. Немецкий эскадрон изрублен. Командир его обер-лейтен. фон Гартман и несколько конно-егерей взяты в плен.

17 сентябр Л. Гв. Кирасирский Ее Величества полк, под командой своего командира ген. Арсеньева, конной атакой, занял д. Перевозники, выбив ,оттуда немецких Гусар Смерти. Многих изрубили. Взяты пленные.

18 сентября 4-й и два взвода 3-го эскадрона Л. Гв. Кирасирского Ее Величества полка, под командой ротмистров Соколова и Афанасьева, при поддержке цепей Лейб и 2-го эскадронов атаковали укрепленный фольварк Кураполы на реке Мядзелке, занятый батальоном 2 Ландверного полка, эскадроном 3-го Конно — Егерского полка, с пулеметным отделением и взводом конной артиллерии, под общим командованием майора Вюиль - ди - Биль. Фольварк взят, захвачено два орудия а также много пленных солдат пехотинцев, Потери полка: Убит прапорщик Куликовский 2-й, старейший вахмистр подпрапорщик Баздырев, в 4-м эскадроне убито 35 кирасир, в полуэскадроне 3-го осталось в живых только двое. Ранен шт. ротм. Аршеневский и в 4 эск. 50 кирасир. Лошадей много убито и ранено. В остальных эскадронах потери незначительны. Овладение фольв. Кураполы, заставило немцев очистить всю позицию и дер. Девятники. Ротмистр Соколов и прапорщик Куликовский 2-й (посмертно) награждены Орденом Св. Георгия 4-й ст., Ротмистр Афанасьев — Георгиевским Оружием. Почти все кирасиры участвовавшие в конной атаке награждены Георгиевскими крестами и медалями.

25 сентября 6-й эскадрон 9-го драг. Казанского полка, под командой ротм. Козенец, атаковал австрийскую пехоту у д. Джурин. Противник опрокинут и преследован что дало возможность нашей пехоте снова занять свои окопы.

27 сентября 12 улан. Белгородский полк, под командой полковника Чекотовского, в ночной конной атаке, у д. Гайворонки, на Днестре, изрубил Майкеферов, прусских Гвардейских Фузилеров и взял 4 орудия.

28 сентября Взвод Л. Гв. Уланского Его Величества полка, под командой корнета Романько-Романовского, у д. Крживолуки, атаковал роты, окружившие полуэскадрон улан. Полуэскадрон спасен но корнет пал смертью храбрых.

29 сентября 2-й эскадрон ротм. Пономарева, 3-й шт. ротм. Михайлова, 4-й шт. ротм. Стаценко, Команда Связи пор . Наместника 9-го Уланскаго Бугского полка и 4-й эскадрон 9-го Казанскаго драг. полка, под общей командой полковника Кузина, в районе Джураны, атаковали три батальона пехоты. Неприятель отошел в исходное положение. Убиты корнет Устимович и прапорщик Филиппов. Убито и ранено около 170 улан и больше 300 лошадей.

30 сентября Три взвода 2-й сотни 1-го Уральского каз. полка, под командой подесаула Лифанова, южнее с. Джурина, атаковали венгерскую пехоту. Взято в плен 3 офицера, 250 солдат и два пулемета. Убит 1 казак и ранен 1. Подесаул Лифанов награжден Орденом Св. Георгия 4 ст.

1 октября 1-й эскадрон 9 улан. Бугского полка, под командой поруч. Новицкаго, южнее села Джурина, у поселка Колобрубки, атаковал наступающую австрийскую пехоту. Противник остановлен. Убит корнет Бантле ранен корнет Подгурский.

27 октября 4-я сотня Ингушского конного полка, под командой корнета Шенгелая атаковала австрийскую пехоту.

27 октября Сотня Татарского конного полка, под командой ротм. Трояновского в районе фольв. Молох-Поле (дер. Потлиновцы-Нова) атаковала австрийскую наступающую пехоту. Атакой наступление противника остановлено.

— октября 1-я и 2-я сотни 1 Полтавского каз. полка Кубанского каз. войска под командой есаула Попова и подесаула Семенова, при поддержке всего полка, под командой полковника Нальгиева, на южном берегу Ванского озера, атаковали отступающую турецкую пехоту. Много изрублено. Взято в плен больше двух рот и захвачено большое количество военной добычи.

8 ноября Разъезд в 22 коня 32-й Отдельной

Донской сотни, под командой подхорунжего Титова, в районе м. Заболотова на р. Черемош, атаковал и уничтожил разъезд венгерских гусар в 18 коней.

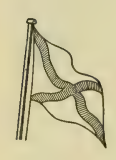
. . . .

Не известно ни числа ни месяца:

1) Кон. атака пяти разъездов 32 Отд. Донской сотни, под командой сотника Талалаева у м. Космач на мадьярских гусар.
2) Кон. атака сотника Бабиева под д. Даринене.
3) Кон. атака Дагестанского и Татарского полков на реке Днестре.
4) Кон. атака разъезда 13 улан. Владимирского полка, под командой корнета Балка у м. Оленце на неприятельский эскадрон. Ударом шашки корнет Балк ссадил к-ра эскадрона. Эскадрон разметан, оставив много зарубленых (корнет Балк убит 6 сентября 1916 г.).
5) Конная атака боевого разъезда Уссурийского каз. полка под командой подъесаула Черемисова при хорунжем Донском, вызванная необходимостью не попасть в плен. Разъезд прорвался но Черемисов и Донсков были убиты.
6) Кон. атака под командой поручика Курдюкова с 8-ю гусарами во фланг гв. батальону Баварцев. Батальон пришел в замешательство и наши пластуны оправились.

И. Ф. Рубец

(Продолжение следует)

Новогоднее Флотское

«В море — дома»
адмирал Макаров.

С каждым годом все реже ряды в нашей верной Былому когорте.
Но лишь большая честь оттого не покинувшим вахту. — Итак:
С Новым Годом, последние братья, кто не продал свой рыцарский кортик
И со стеньг до конца не спустил светоносный Андреевский Стяг.

Недалек, — надо думать, — отвал наш в последнее Дальнее Плаванье —
Вероятно, — не враз, по авралу, — а по возрасту либо чинам —
Мы покинем навеки чужие, не всегда нам приветные гавани
И проложим свой курс по компасу к далеким Родным Берегам.

Мы устали за столькие годы быть всегда и везде иностранцами,
Но корыстного ради расчета не продали верность свою:
Старики, мы готовы, что юнги, взлететь по шторм-трапу на шканцы
Чтобы стать к предотвальной молитве, хоть у левого фланга в строю.

Но, своей изменившие Матери,
В этот строй понапрасну не суйся:
Лишь присягу соблюдшие древнюю
Здесь уместны, нужны и милы.
Над эскадрою нашей в кильватере
Реют Русские флаги и гюйсы
И с бурунящих море форштевней
Двуглавые блещут орлы.

С Новым Годом!... С путиной желанной!... —
Расплывается маревом дымным
Нам постылая чуждая суша
В туманной дали за кормой, —
И в кипеньи валов непрестанном,
С ветровейным немолкнущим гимном,
Ворочаются флотские души
В Святорусское Море — Домой.

1966 год **Н. М.**

Генерал П. А. Лечицкий

С большим удовлетворением прочел я в №№ 72, 73 и 74 «Военной Были» очень продуманные статьи, подписанные «В. Б-К», посвященные генералу Платону Алексеевичу Лечицкому, герою последних войн Императорской России.

Прочел именно с удовольствием, потому что, как это ни странно, русская послевоенная литература последнего времени почти ни одного слова не посвятила этому исключительному и по служебной его карьере и по его исключительным достоинствам Российскому генералу.

Я не буду повторять того, что написано в этих интересных статьях о генерале Лечицком. Будучи сам участником тех же войн на младших должностях, я хочу добавить к написанному о нем в «Военной Были» только одно: во время Русско-Японской войны ряд армейских генералов совсем не знатного происхождения был удостоен награждением свитскими званиями, что до того времени как будто бы было «не принято». Армейская молва тогда объяснила это явление по своему. Было ли это объяснение правильным или нет, я, конечно, не знаю.

Удивленная этим необычным явлением молва говорила о том, что лица, близкие к Императору Николаю 2-му, довели до его сведения, что в армейской массе то обстоятельство, что к Государю приближались, путем зачисления в Свиту Его Величества, только лишь военные знатного происхождения, часто — без всяких воинских заслуг, привлекало внимание многих, и, если тогда можно было это осуждать, то это осуждалось...

Государь, всегда внимательный к армии, повидимому справедливо оценил дошедшие до него сведения и в результате состоялся ряд зачислений в Свиту Его Величества участников войны, отличившихся своими действиями и заслугами. В числе этих лиц 11-го августа 1904 года был, как тогда выражались — «сделан флигель-адъютантом Его Величества» командир 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, недавно произведенный в чин полковника П. А. Лечицкий. Был и еще ряд подобных назначений, что показывало, как внимательно относился Государь к армейским пожеланиям. Назначение это, конечно, удивило многих...

Я не буду останавливаться на том, что пишет В. Б-К. в своих статьях, о которых я упомянул выше, как не буду задерживаться и на описании прохождения службы и подвигов генерала Лечицкого, описанных тем же автором. Я хочу рассказать о том, каким я увидел строгого и требовательного по службе генерала уже тогда, когда он, нося звание «Свиты Его Величества генерал-маиора», стал во главе 1-ой гвардейской пехотной дивизии, от которой он за всю свою беспримерную службу стоял, в сущности говоря, так далеко и о возглавлении которой он едва ли когда либо и мечтал. Хочу остановиться на особенностях его характера, которые я видел «снизу», как младший офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка, одного из полков дивизии, вождение которой было Высочайше возложено на генерала Лечицкого почти сразу после окончания Русско-Японской войны.

Всегда на службе, всегда одетый строго по форме, часто — верхом и даже без дежурного при нем ординарца-солдата, наш начальник дивизии появлялся ежедневно перед нами в Красносельском лагере. Не всегда это проходило гладко. Так, проверив службу во втором батальоне одного из славных полков подчиненной ему дивизии, Лечицкий остался недовольным всем, им виденным и, что в гвардии было «не совсем принято», похвалив командира пятой роты, невидного по его происхождению, приказал посадить под арест за нерадивость по службе командиров 6-ой, 7-ой и 8-ой рот. Как нарочно, все они оказались титулованными и мера, принятая совсем «незнатным» начальником дивизии по отношению к ним, приобретала в глазах многих критиков особый характер. Мало того, в Красносельском лагере, где стояла летом 1-ая гвардейская пехотная дивизия, прохождение лагерных занятий делилось на две части. Первая посвящалась подготовке к стрельбе и самой стрельбе, вторая была занята маневрами разного рода. Между этими частями занятий лагерного сбора получался перерыв в несколько дней, образовывая собою небольшой отдых. Начальник дивизии, «блюдя интересы службы», приказал отбывание ареста титулованных виновников его недовольства отнести именно на этот «перерыв» ,чтобы не было, как он выразился, ущерба для службы в ротах, которыми командовали вызвавшие против себя необычайную меру воздействия! Это, конечно, вызвало и разговоры в среде офицеров и недовольство поведением нового начальника дивизии, столь чуждого условиям службы в гвардии!

Но были и другие особенности характера «чуждого» начальника дивизии, которые остались в моей памяти с давних времен моей службы Лейб-Гвардии в Семеновском полку младшим офицером, в дни командования генерала Лечицкого нашей дивизией. Все они относятся к моему родному полку. Я хочу добавить к характеристике генерала Лечицкого те черты его

характера, как его терпимость к младшим, до младшего офицера включительно, которая сближала его с подчиненными и которой иногда пользовались и мы, встречая с его стороны понимание шутки, а порой — и ответ на наши шутки и, во всяком случае, большую терпимость к ним.

Но сначала о терпимости его к мнению младшего. В Петербурге, как и в Красном Селе, генерал Лечицкий все время проводил в поверке службы подчиненных. В этом своем стремлении он посетил, как то, 4-ую роту нашего полка. Офицеров на-лицо не было, фельфебель доложил, что они в наряде, делавшем их отсутствие вполне законным. Наряды в Петербурге буквально заедали нашу службу...

В то же время фельдфебель, который вместе с взводными занимался обучением новобранцев пристрелке, послал доложить командиру батальона полковнику фон-Эттер о прибытии в роту начальника дивизии, Эттер, конечно, немедленно прибыл в роту и застал начальника дивизии Свиты Его Величества генерала, лежащим с одним из новобранцев на разостланной на полу солдатской шинели и объясняющим солдату «тайны» пристрелки. Закончив разговор с солдатом, генерал Лечицкий встал и, повидимому довольный, стал расспрашивать полковника фон-Эттер, как он занимается с солдатами...

— Скажите, полковник, делаете ли Вы то, что сейчас делал я? — спросил генерал.

Эттер удивился и переспросил, как понимать вопрос начальника дивизии? Надо сказать, что полковник фон-Эттер был финского происхождения и говорил по-русски с акцентом. Кроме того, он несколько лет пробыл в прикомандировании к Управлению Российского военного агента в Париже и сильно отвык от военной службы, а в особенности от таких ее деталей, которые он только что видел.

Вопрос начальника дивизии удивил его.

— Как? — спросил он. —Как я занимаюсь с чинами моего батальона?

— Да, — отвечал совершенно спокойно генерал, — вот так, как это делаю я, то есть — ложитесь с ним рядом и в подробностях объясняете ему стрельбу?

— Я?, — возмутился Эттер и акцент резко послышался в его речи, — ложусь ли я на пол с солдатом? Нет!, — заявил он, — я этого никогда не дэлаю!! — возмутился он таким «подозрением» начальника дивизии и говорил уже возмущенным тоном...

Генерал Лечицкий внимательно посмотрел на своего возмущенного собеседника и... не продолжал дальше с ним разговора. Личность полковника фон-Эттер, человека мало строевого, ему видимо не нравилась. Но никакого замечания он ему не сделал.

Очередное занятие стрельбой на бригадном участке стрельбица 1-ой дивизии. Занимается Семеновский полк. На занятиях присутствует начальник дивизии и следит за стрельбой 6-ой роты, лучшей по стрельбе в полку. Рядом с ним — капитан Свечников, командир роты, к которому начальник дивизии, бывший командир стрелкового полка, благоволит; капитан гордится успехами по стрельбе своей роты. Но сегодня оба недовольны: новобранцы проходят трудный курс стрельбы «лежа, по головным мишеням». Показания махальных только отрицательные... Наконец генерал не выдерживает и несколько иронически спрашивает:

— Капитан Свечников, почему Ваша рота сегодня так плохо стреляет?

Свечников задет за живое и после минутки молчания отвечает негодующим тоном:

— Ваше Превосходительство, если начальник дивизии стоит на линии огня над каждым стрелком, то стрелок, а в особенности — новобранец, старается правильно положить ноги, а не смотрит, куда летит выпущенная им пуля!..

Лечицкий молчит, потом предлагает волнующемуся Свечникову папиросу и... молча уходит на участок другой роты...

Занятия на том же стрельбище, опять в присутствии начальника дивизии... Идет стрельба ротами (что не легко) на полковой приз-бунчук имени погибшего от руки убийцы командира полка, генерала Мина. Устав определяет стрельбу «отличной» при 50% попаданий.

2-ая рота дает результат для ротной стрельбы почти что максимальный, дав 82% попаданий; казалось, успех, буквально, предельный.

Генерал Лечицкий берет призовой бунчук, подходит к отличившейся роте и говорит, как всегда кратко:

— 2-ая рота стреляла на приз генерала Мина и в результате дала успех «отлично плюс 32». Хорошо стреляете, но нужно работать и работать и дальше...

Тут не выдерживает уже командир 2-ой роты, капитан князь Касаткин- Ростовский и, стоя во главе отличившейся роты, почтительно докладывает:

— Так точно, Ваше Превосходительство, еще 18% осталось.

Начальник дивизии опять ничего не говорит, передает призовой бунчук отличившейся роте, жмет руку ее командиру и спокойно отходит...

Это исключительное спокойствие, эта терпимость к мнению младших, хотя и выраженному не всегда в строго официальной фроме, рисуют личность нового начальника дивизии совершенно исключительно и авторитет генерала Лечицкого поднимается на большую высоту.

— O —

Все мои воспоминания о генерале Лечицком

относятся ко времени, отделенном от нас полу вековой давностью и до сих пор носят несколько чисто служебный характер. Но мне хочется вспомнить и более живое обращение генерала с нами, его младшими подчиненными.

Незадолго до войны 1914 года в войсках была введена должность «Инспектора стрельбы». Я не помню фамилии назначенного на эту должность генерала, но помню, что для одной из первых своих проверок, он избрал наш полк, а приведя его на стрельбище, вызвал на линию огня третьи роты всех батальонов (3-ю, 7-ю, 11-ю и 15-ю). Опять началась проверка стрелковой подготовки рот, что для времени перед первой Мировой войной было очень типично.

Начальник дивизии генерал Лечицкий, отношение которого к полку за период его командования дивизией стало исключительно благожелательным, был настолько взволнован этой проверкой стрелковой подготовки полка, что на смотр не приехал.

Смотр прошел блестяще, все четыре вызванные роты стреляли «сверх отличного»; конечно, стреляли разно, одна — лучше, другая хуже. Но оценка была для все «отлично плюс...»

Когда смотр окончился и инспектирующий генерал, сделав лестную для Семеновского полка оценку, покинул полк, то командир полка, вспомнив о беспокойстве начальника дивизии за исход смотра, немедленно командировал к нему для доклада одного из неликвидированных еще тогда батальонных адъютантов с докладом о достигнутом успехе. Генерал Лечицкий тотчас же приехал в полк (опять таки верхом) и с видимым удовлетворением поздравил командира полка и полк с успехом. Он говорил с командирами отличившихся рот, хвалил их охотно и сердечно, но... что то в его похвалах звучало не досказанное. Что то он не договаривал и что то ему хотелось еще добавить к оценке успехов полка.

В конце концов, перед обедом, на который командир полка пригласил начальника дивизии, последний «зажал в угол» командира четвертого батальона полковника Лоде, 15-я рота батальона которого, хотя и добилась на смотру оценки «отлично плюс...», но стреляла хуже других и, не выдержав, спросил полковника, почему его рота стреляла хуже других?

Полковник Лоде, который, что называется, «за словом в карман не лазил», принял своеобразный вопрос начальника дивизии очень спокойно и ответствовал ему:

— Это для Вас, Ваше Превосходительство!

Лечицкий даже немножко опешил от такого неожиданного ответа и спросил:

— Как для меня?

— А кого же бы Вы ругали, Ваше Превосходительство, если бы все роты стреляли одинаково хорошо? — ответил полковник Лоде на недоумение начальника дивизии.

В своем удовлетворении успехом смотра, показавшего прекрасную стрелковую подготовку полка его дивизии, в сильной степени обязанного работе самого генерала Лечицкого, последний только еще раз пожал руку находчивого полковника.

За обедом, по настроению генерала Лечицкого было видно, что он очень доволен полком и оказанным им отличием. К концу обеда командир приказал подать шампанское, чтобы наглядно закрепить достигнутый успех. Начальник дивизии пил мало и неохотно (не в пример всем нам), но и он с видимым удовольствием принял поднесенную ему «чарочку» и, смотря на нее, совершенно неожиданно, улыбаясь, сказал:

— Вот теперь хорошо было бы — цыган!..

Это, так непохожее на генерала Лечицкого, пожелание, немедленно же встретило возражение со стороны подносившего чарочку молодого офицера:

— Зачем же Вам, Ваше Превосходительство, цыган? На полковом празднике мы специально выбрали из цыганского хора самую интересную цыганку, которая и поднесла Вам чарочку, а Вы ее... даже не поцеловали!

Лечицкий удивленно посмотрел на подносившего и, улыбаясь, задал ему вопрос:

— А можно было?

— Конечно, Ваше Превосходительство, — ответствовал молодой офицер, — мы специально и выбрали для подношения чарочки самую интересную цыганку из хора.

Лечицкий засмеялся, подумал и признался:

— Жаль, не знал!

После этого неожиданного признания генерала веселье продолжалось в удвоенном темпе!

К этому периоду относились уже слухи о том, что генерал Лечицкий получает новое высокое назначение. Не помню, в этот ли день или в другой, общее собрание избрало его почетным членом полкового собрания Лейб-Гвардии Семеновского полка. Это был редкий по нравам полка почет, но самому избранному он ничего реального не приносил. В сущности говоря, будучи ранее почетным гостем в полковом собрании и не платя за стол, он получал теперь право бывать в собрании всегда, когда ему будет угодно и... платить за все, им потребованное. Но это был почет, которого редко кто из начальства удостаивался и это показывало на то, какие взаимоотношения установились между «чуждым» нам ранее начальником дивизии и полком!

— О —

Вскоре (в 1912 году) генерал Лечицкий был назначен командиром 18-го армейского корпуса. Назначение это было очень показательно, так

как сам генерал Лечицкий был еще в чине генерал-маиора, а оба подчиненные ему начальника дивизий были уже генерал-лейтенантами.

В этот период пригодилось генералу то, что он был почетным членом собрания нашего полка. Штаб командуемого им корпуса помещался в так называемых «Проходящих» казармах на Загородном проспекте в Петербурге, собрание же Семеновского полка было как раз напротив.

Генерал Лечицкий стал чаще приходить в наше собрание уже частным образом, повидимому предпочитая буфет нашего собрания, за питание в котором он получил право платить. Время завтраков в том и другом собрании не совсем совпадало и выходило так, что командующий 18-ым армейским корпусом часто завтракал в собрании Семеновского полка с нашей молодежью. Он был очень доступен и при всей его серьезности допускал в разговорах и шутки...

Как то раз мы, полковая Семеновская молодеж, притащили к нему упиравшегося штабс-капитана Гончарова (убитого в полку в начале Мировой войны). Генерал очень одобрял Гончарова, который был в полку заведующим оружием, страстным любителем стрельбы и исполнителем всех указаний в этой области генерала Лечицкого, когда он был нашим начальником дивизии.

— Ваше Превосходительство, — заявил генералу один из притащивших Гончарова молодых офицеров, — нам очень грустно, что Вы уходите из нашей дивизии, но мы уже озаботились нахождением Вам заместителя.

Лечицкий заинтересовался, кто же сменит его?

— Штабс-капитан Гончаров, Ваше Превосходительство — было ответом.

Генерала заинтересовало, почему шуточный выбор ему заместителя пал именно на Гончарова?

— Он тоже всегда всем недоволен — было ответом, который больше всего развеселил самого генерала Лечицкого.

Я хорошо помню, как генерал Лечицкий как то в нашей среде, желая, повидимому, сделать нам поучение, рассказывал нам о своей жизни. Говоря о том, что он окончил Духовное училище и Семинарию, генерал Лечицкий упомянул, что игравший, повидимому, значительную роль в его семье «дядя протопоп» решительно отговаривал его от поступления в юнкерское училище и говорил ему вразумительно: «куда ты устремляешся в незнакомое тебе военное дело? дурак ты, дурак, иди по нашему пути, по духовной части, и не лезь в незнакомый военный мир...»

В то время Лечицкий уже получил следующее высокое военное назначение командующим войсками Приамурского военного округа и, рассказав нам о возмущении своего дяди протопопа генерал лукаво добавил:

— Теперь дядя в Иркутске и я его по пути на Дальний Восток впервые после этого его мне поучения увижу. Вот я его теперь и спрошу, кто из нас оказался дураком?..

Вскоре состоялось назначение генерала на Дальний Восток и по полкам было объявлено о дне и часе его отъезда из Петербурга. Я был на вокзале в момент его отъезда: офицеры полков Лейб-Гвардии Семеновского и Лейб-Гвардии Егерского пришли на вокзал в полном составе за исключением бывших в служебных нарядах! Я хорошо помню, что все мы жалели об отъезде этого, когда то «чуждого» для нас начальника.

Кажется, что в последний раз я лично встретился с генералом Лечицким уже во время первой Мировой войны, когда он командовал 9-ой армией. Я в то время уже кончил Военную Академию и отбывал свой ценз в чине штабс-капитана в штабе того-же 18-го армейского корпуса, которым так недолго командовал генерал Лечицкий. Гвардии тогда в составе 9-ой армии не было. Было это в конце 1914 года и я носил еще форму моего родного полка. В силу наивного снобизма или в угоду даже в военной среде повелительнице-моде, мы не носили на правой стороне груди академического знака, довольно наивно полагая, что каждый и так должен узнать в нас «академика»!

Как то раз, по поручению начальника штаба корпуса, я поехал в штаб армии и там несколько застрял в оперативном отделении, в котором работали мои друзья по академии.

В разгар наших разговоров в оперативное отделение пришел командующий армией генерал Лечицкий. Увидя на мне форму Лейб-Гвар-Семеновского полка, генерал очень ласково отнесся ко мне и, начав расспрашивать меня о моей службе, вспомнил, что, в сущности говоря, мне, как офицеру гвардии, не подчиненной тогда ему, нечего делать в оперативном отделении штаба 9-ой армии. Объяснительного академического знака на мне не было и потому генерал спросил меня, почему я приехал в штаб его армии?

Мой доклад выяснил все. Но... он выяснил и то, что я нахожусь в штабе 18-го армейского корпуса, командиром которого за ведение последних боевых операций генерал Лечицкий был очень недоволен.

И на меня посыпался ряд указаний о том, что я должен передать командиру корпуса генералу Крузенштерну. Это поручение, в сущности говоря, было мне и сразу неприятно, а потом, когда командующий армией увлекся и его замечания, которые мне поручалось передать, становились все резче и резче, я уже начал жалеть, что зашел в оперативное отделение штаба армии и попал в такое трудное положение, которое заставляло меня передавать моему начальнику неприятные для него замечания!

Повидимому эти мои переживания стали как то понятны всегда чуткому генералу Лечицкому и он, по исключительным свойствам своего характера, сразу и решительно прекратил их и предложил мне уже мирным тоном папиросу (я не курил), а потом пригласил меня завтракать, посадил с собою рядом и не сказал больше ни одного слова по службе и весь завтрак вспоминал о моем родном Семеновском полку и интересовался службой полка во время войны, расспрашивая о судьбе наших офицеров, которых всех хорошо помнил. Мне кажется, что тут мне пришлось огорчить генерала известием о смерти его «заместителя» штабс-капитана Гончарова.

Потом мне много пришлось слышать очень лестного о командовании генерала Лечицкого 9-ой армией, в которую нередко в его подчинение входил и наш 18-ый армейский корпус, в котором на разных должностях я провел всю войну 1914-1917 гг.

После Революции до меня дошли слухи, что генерал Лечицкий отказался от весьма высокого служебного положения, предложенного ему революционными властями и, уйдя со службы, вскоре скончался. Но как и где, не знаю. Говорили, что он ушел в отставку и вернулся в деревню, в Вятскую губернию, к своему престарелому отцу, священнику, и у него умер. Но так ли это было, повторяю — не знаю!

А. Лампе

СОПЕРНИК

Святочный рассказ

Полковник выпил рюмку водки и закусил маринованным грибком.

— Так вам, дорогие собеседники, хотелось бы послушать святочный рассказ ? — спросил он. — Извольте, могу позабавить. Ни замерзающего мальчика, ни раскаявшегося ростовщика, ни одураченного черта в нем не будет. Героем моего расказа буду я сам, но не в офицерском, а в кадетском мундире.

В тот год проводил я рождественские каникулы у дядюшки-генерала, в городе, где находился и мой корпус. Веселился, конечно, на пропалую — на то и святки, а в придачу к ним беззаботная юность.

И вот, двадцать восьмого декабря, рано утром, получил я по почте входной билет на институтский вечер. Елка у них зажигалась двадцать пятого, а на четвертый день праздника устраивался бал для двух старших классов. Такие приглашения рассылались только два раза в год — на святках и при очередном выпуске. Ведь институт тот же монастырь, правда, без монахинь, но с послушницами и томились в нем двенадцать дев, сильно безпокоивших мое сердце. Но яблоко Париса так и осталось в моих руках. И немудрено — Катюша поражала задумчивыми глазами, Леля — газельей стройностью, Ира — серебряным смехом, Надя — кошачьей грацией, Тамара — пушком над губой, Зиночка — ангельским профилем, Нина... да что говорить, все они были очаровательны.

Прежде всего, вывернув карманы, я сосчитал свою наличность и наскреб сорок две копейки. Сами понимаете, как с таким капиталом, без пяти минут юнкеру и конному артиллеристу, отправиться на блестящий танцевальный вечер. Поэтому, я и завертелся около тетушки, стараясь не пропустить удобный момент для начала атаки. И терпеливо дождался вопроса:

— Ты сегодня идешь куда-нибудь?

— Получил билет на институтский бал... Но, увы...

— Почему же «увы»?

— Потому что ... мои финансы поют романсы.

— А зачем тебе финансы?

— Во-первых, на парикмахера... Хочу пробор, — заявил я.

Тетя внимательно посмотрела на мои еще совсем короткие волосы.

— Пробор? Но у тебя не волосы, а ворс.

— Ах, тетя, парикмахеры делают чудеса. Во-вторых, на подарки...

— На институтский бал, с подарками? Не выдумывай, не подводи бедных девиц. Ты ведь знаешь какие там строгости.

— В-третьих, на извозчика, в-четвертых, на...

Дальнейший перечень предстоящих расходов оказался излишним, тетя протянула мне трехрублевку.

Затем, взяв из рук денщика чашку кофе, я отправился в дядин кабинет. Дядя сидел в глубоком кресле и читал газету.

— Вот, дядя... кофеек.

— Очень любезно с твоей стороны. Ну, как? Веселишься?

— Хотелось бы пойти на институтский бал...

— И милое дело, — одобрил дядя. — Начальница там на редкость гостеприимная, а хорошеньких девиц сколько угодно.

— Да, но к сожалению... мои финансы поют романсы.

— Хм... а на что тебе деньги?

— Во-первых, на парикмахера, подровнять волосы. Во-вто...

Дядя вынул из кармана тужурки полтинник, положил его на письменный стол и пальцем пододвинул ко мне.

— Во-вторых, на извозчика. В-третьих...

Таким же манером пододвинулся и второй полтинник.

— Хватит?

— Благодарю вас, дядя.

Потом я зашел в комнату двоюродного брата.

Вытянув шею с вздувшимися жилами и прикусив нижнюю губу, он мучился перед зеркалом, стараясь застегнуть крючки на воротнике парадного мундира.

— Павлик, можно у тебя попросить... — начал я тихим голосом.

— Рискни.

— Полтинничек... Еду на бал.

— А я причем?

— Брат ты мне или нет?

— Брат, но без полтинника..

— Ну, подумай... надо же на извозчика... швейцару...

Лишние траты. Не по чину. При пёхом.

— Жадничаешь? А еще драгун, а еще корнет.

Крючки наконец застегнулись. Он повернулся, уничтожающе взглянул на меня, и взял с ночного столика серебряную мелочь.

— Вот, прими, не считая. По барской милости. И ни санти-ма больше! Кругом марш!

Драгунский корнет осчастливил меня тридцатью копейками.

Сразу же после обеда начались мои приготовления «к выезду». Шинель, мундир, брюки и сапоги были вручены горничной Луше и двум денщикам со строгим наказом:

— Чтоб без пылинки! А пуговицы и сапоги вычистить до ослепительного блеска!

Заглянувшая в мою комнату тетушка съязвила:

— Может быть и мне дашь какую нибудь работу? А то вот хожу, как потерянная, из угла в угол, и зеваю от скуки.

**
*

Парикмахер посоветовал мне прийти дней через десять.

— Тогда-с изображу пробор с полной гарантией. А из ваших волосиков сподручнее всего поставить ежик.

— Хочу пробор, — настаивал я. — Постарайтесь, и получите двугривенный на чай.

— Попробую-с, — вздохнул он, и достал из шкафчика банку бриллиантина.

— Екстра — спицияль, посурьезней столярного клея, — пояснил он. — Но от него и в невинные годы начисто слысеть можно. А потому рекомендую-с, после вашего рендиву вымыть голову горячей водичкой.

Пробор был, по просту говоря, выбрит. Густо наложенный «екстра-спицияль» превратился в подобие металлического чепчика. Голова, разделенная белой полоской, на две равные половины, засияла, как солнце.

— Перед такой бабочкой ни одна-с не устоит. Нонче всем вашим конкурентам предвижу-с шах и мат, — заявил парикмахер, любуясь своей работой.

**
*

Что бы ни говорила тетя, а появиться перед моими девами с шикарным пробором, но без подарков, никак не хотелось.

Если купить им по гвоздике, прикидывал я в уме, стоя перед цветочным магазином, надуют губы. А двенадцать бутоньерок составят целый букет и пронести его через кордон классных дам, конечно, не удастся. И по одной конфете не преподнесешь, а двенадцать бонбоньерок в карман не спрячешь. Гораздо удобнее были бы ножнички для маникюра в мягких кожанных футлярах, но кусалась цена.

Переходя от витрины к витрине, глаз мой, наконец, остановился на изящных ампулах с духами. Лучше и не придумаешь, обрадовался я.

Интересная, полногрудая продавщица встретила меня, выжидательно улыбаясь.

— Мне бы духов... в ампулах, — попросил я басом.

— Извольте. Какие запахи вы бы хотели?

Не называя запахов и не желая показаться профаном, я отбирал ампулы, как говорится в слепую.

— Эту... и эту... и эту... и эту...

— Ого, двенадцать штук? — удивилась она. — Прикажете разместить в одной коробке?

Но коробка, хотя и очень нарядная, меня не устраивала и я попросил положить их в два бумажных мешочка.

Получив деньги, продавщица с пышным бюстом пожелала мне полного успеха.

**
*

На главной улице было шумно и праздни-

чно. К вечеру мороз окреп и женщины прикрывали разрумянившиеся лица муфтами, а мужчины прятали уши в поднятые воротники. Проходили, хохоча и звеня бубнами, компании ряженых. Во многих окнах, сквозь опущенные занавески, просвечивали веселые елочные огоньки.

Чувствовал я себя превосходно. Еще бы — исполнились все мои желания. Пробор расчесан, подарки в карманах, в кошельке два целковых с мелочью.

Молодец, расхваливал я сам себя, спасибо за находчивость. Эти ампулы «pour une fois» как будто для институток и выдуманы — украдкой надушатся, а тонюсенькие стекляшки растопчут ногой, и концы в воду. Передать же их легче легкого.

Часы на башне Городской Думы медленно пробили половину восьмого. Они как будто напоминали: через тридцать минут на твое плечо ляжет обтянутая белоснежной перчаткой рука одной из двенадцати дев и вы закружитесь под волшебные звуки венского вальса.

И, чтобы сократить дорогу к институту, и приблизить долгожданную встречу, я свернул в узкий, скудно освещенный, переулок. Вот тут-то может быть, в мою судьбу и вплелась чертовщина.

Переулок довольно круто спускался под горку снег на плохо выметенном тротуаре подмерз и кожаные подметки скользили по нем, как лыжи. Пришлось уменьшить шаги и даже опираться на стены.

Так, пожалуй, скоро не доберешься, досадовал я. Не лучше ли бросить эту затею, вернуться на главную улицу и итти обычным путем?

Но вот, в полумраке, заметили мои глаза укатанную мальчишками ледяную дорожку. Тянулась она по краю тротуара должно быть до самого конца переулка.

Эврика! — Воспрял я духом. Дело знакомое! Надо только правильно встать и за полминуты я буду около института. Но от неловкого движения ноги мои вдруг заскользили и я, не успев приготовиться, стремительно понесся вниз, размахивая руками, как подбитая птица крыльями. Потеряв равновесие, грохнулся со всего размаха, кое как поднялся, но упал снова, проехался на четвереньках и закончил путешествие, сидя на собственном заду.

Этот акробатический номер сопровождался отчаянными воплями единственного прохожего

— Ух-ма! Ух! Держись! Держись! Ишь, как раскатали, сукины дети! Песком посыпать надо! А дворники, лешие, пьянствуют!

О дворниках я и не думал. Важнее всего был первый вальс. Очистив измазанную шинель, я рысью побежал к институтскому подъезду.

**
*

Когда я прибежал в институт, вестибюль и приемные комнаты были полны гостей, а в танцевальном зале военный оркестр играл вступительный марш.

Прежде всего надлежало тут же в вестибюле явиться к офицеру-воспитателю, красивому стрелковому поручику, назначенному сюда для присмотра за слишком резвыми кадетами.

— Разрешите остаться, — попросил я.

Поручик внимательно и удивленно посмотрел на меня, втянул ноздрями воздух и сморщился, как от зубной боли.

— Вы, что это?... Ванну из одеколона приняли?

— Ванну? Из одеколона? Никак нет! — в полном недоумении ответил я.

Он наклонился к моему уху и, уже еле сдерживая смех, зашептал:

— Скандал! От вас так прет — хоть нос затыкай. Идите скорее проветриться, а то институтки насмерть задохнутся. И этот пробор... чижика со скетинг-ринга — вон! Приведите себя в порядок и тогда возвращайтесь.

**
*

Корпусной швейцар, солидный и рассудительный Семен Семеныч, встретив меня, прикрыл ладонью нос, и замотал головой во все стороны.

—Неужели так пахнет? — спросил я, стараясь казаться вполне равнодушным.

— Уф! Угореть можно! И какая это, извините за выражение..., тому подобная... на святые дни так вас насандалила?

И кадеты подняли на смех.

— Сколько ты выпил тройного одеколона? Бутылку или больше? Разит — хоть топор вешай.

— А пробор, а пробор! Шантеклер-парень!

— И почему не на балу?

— Выпер стрелковый поручик, — отвечаю.

— За что?

Желая избежать еще большего конфуза, я и брякнул:

—Ясно, за что — приревновал.

— Да ну? К кому?

— Откуда я знаю... Их там много.

— Куда же ты теперь?

— Обратно в институт. Докажу стрелку, с кем имеет дело.

— Потеха, братцы! — гоготала вся компания. — Ну, катись, доказывай!

Но по тому, как оглядывались на меня прохожие, я понял, что духи легко не выветрятся, а пробор ни щеткой, ни шваброй не уничтожишь, и с тяжелым сердцем побрел домой.

**
*

Горничная Луша, отворив двери, тоже попятилась.

— Ох, как ландышем ударило!

А денщик брата, казанский татарин Латыпка, рассудил по своему.

—Душиста мопасье, поди, фунта два сгрыз? Бульно воняет...

Но больше всех ахала и возмущалась тетя.

— Боже мой! Чем ты, несчастный, надушился?

Ответ я приготовил заранее.

— И не думал душиться. А просто у растяпы парикмахера выскользнула из рук бутылка с духами — и на меня. Понимаете, так и окатил.

— Духи, действительно, парикмахерские. Сейчас же раздевайся! Вещи вынести на чердак, — приказала она Луше. — А ты, кавалер, полезай в горячую ванну и сиди в ней, пока не отмокнешь.

Потом взгляд ее остановился на моем злосчастном проборе.

— С ума сойти! — всплеснула она руками. — Полюбуйся в зеркало!

Бриллиантин «екстра-спициялъ» осрамил меня окончательно. Слипшиеся друг с другом волоски торчали дыбком, как зубцы на терке.

— Доухаживался! И что это за ужасная дорожка, выстриженная вдоль всей головы? На кого ты похож?

Ну, струхнул я, еще минута и тете будет дурно.

Из-за ее плеча выглянула злорадная физиономия брата.

— Перед вами, мама, тип несовершеннолетнего каторжника, бежавшего с острова Сахалина.

— Завтра же утром изволь побрить голову, — приказала тетя. — Я такого неприличия в своем доме не потерплю.

Но заснул я после горячей ванны сладко. И, как помнится, танцевал во сне со всеми двенадцатью девами, не на институтском балу, а будто бы на Лысой Горе во время веселого шабаша.

**
*

Один из приятелей не утерпел и спросил красивого поручика, к какой институтке он меня приревновал.

Поручик долго хохотал. И после этого, встречаясь со мной, лукаво прищуривал один глаз и справлялся:

— Ну, как дела, душистый соперник?

Н. Турбин

Бой с конной армией Буденного у Батайска и Ольгинской

(Январь 1920 г.)

В № 71 «Воен. Были» полк. Рябинский поместил статью «КАВАЛЕРИЙСКОЕ ДЕЛО 6-го января 1920 г.», в которой описывает атаку добровольческой кавалерийской бригады Генерала Барбовича и казачьей конницы Генерала Топоркова.

Действительно, в этот день была лихая и удачная атака этих частей в районе Батайска против наступавшей конницы Буденного, пытавшейся прорваться на стыке Донской Армии с Добровольческим Корпусом и к вечеру конница Буденного была отброшена и отошла в исходное положение. Все это так. Но что не так, то это желание объяснить отход красной конницы только как следствие действий конной группы Генерала Топоркова и в частности бригады Генерала Барбовича, в то время как бой 6-19 явваря был лишь одной из фаз крупного сражения, длившегося с 4 по 8 (с 17 по 21) января включительно, которое вели, кроме добровольцев, 4-й Донской конный корпус под командой Ген. Павлова (а не Мамонтова, уехавшего в Екатеринодар) и 3-й Донской корпус Ген. Гусельщикова и который не был решающим.

Решение было достигнуто донцами только после упорных боев у ст. Ольгинской 7-20 и, особенно, 8-21 января, который, как пишет Буденный в своих воспоминаниях («Пройденный Путь», Москва, 1958 г.) «БЫЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ТЯЖЕЛЫХ ДНЕЙ ДЛЯ КОНАРМИИ», (стр. 390), признавая дальше (стр. 392), что «БОИ 7 и 8 ЯНВАРЯ ОКОНЧИЛИСЬ ДЛЯ КОНАРМИИ ПОЛНОЙ НЕУДАЧЕЙ».

В этих боях и та и другая сторона понесли тяжелые потери и поэтому несколько странное заключение автора о «легкости победы нашей,

«5-го января противник, доселе не предпринимавший крупных активных операций, значительными силами конницы и пехоты переуступавшей в численности кавалерии, над непобедимым Буденным», можно объяснить лишь неосведомленностью его о том, что происходило на участке Донской Армии в районе ст. Ольгинской в течение 4-х дней.

Хотя автор и был очевидцем боя 6-19 января, но наблюдал за ним издалека с окраины Батайска и даже не мог до дела разобрать, что происходило. Как сам он пишет «с большим трудом и то ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО можно было определить атаки нашей кавалерии: «НЕ ТО НАШИ АТАКУЮТ, НЕ ТО БОЛЬШЕВИКИ БЕГУТ».

Из описания полк. Рябинского видно, что даже три разъезда, высланные Ген. Барбовичем 6-19 января для выяснения, кем занята ст. Ольгинская, задачи своей не выполнили, сообщив, что не атакуя Ольгинскую, противник в полном беспорядке ушел за Дон, т. е. что Ольгинская была в наших руках, успокоив этим Ген. Барбовича. В. действительности же, она прочно удерживалась красными.

Разобраться в крупном кавалерийском сражении, в котором участвовало около 50-ти полков конницы (у Буденного-18, 4-й Донской конный корпус-18, 7-я Донская конная бригада Ген. Старикова-3, Сводный Кубано-Терский корпус Ген. Топоркова-8 и бригада Ген. Барбовича-2), не под силу даже опытному глазу и только приизучении документов и свидетельств участников с обеих сторон можно установить общую картину боя.

Это и является целью настоящей статьи.

— О —

была следующая. После выхода красных к ниж-
была следующая: После выхода красных к нижнему течению р. Дона и Азовскому морю, Белые Армии были разрезаны на две части и отошли: западная группа в Крым и на правый берег Днепра, а восточная-главные силы-за р. Дон. Ликвидация главных сил и являлась основной задачей Юго-Восточного фронта, переименованного 6 января 1920 г. в Кавказский. В состав этого фронта, кроме основных IX, X и XI Советских Армий, были включеных 8-я и 1-я Конная Армии и на усиление выделено пять резервных дивизий.

1-я конная армия Буденного, с приданными ей двумя стрелковыми дивизиями, располагалась в районе Ростова и Нахичевани, а 8-я Советская Армия занимала фронт на линии Нахичевань-ст. Аксайская-Новочеркасск. Уступом за 8-й Армией, в районе Раздорская-Константиновская, находилась 9-я Советская Армия. Против них, на левом берегу Дона, от устья до Батайска (включительно), занимал фронт Добровольческий корпус с приданным ему Кубано-Терским сводным корпусом Ген. Топоркова, а от Батайска вверх по Дону до ст. Цымлянской Донская Армия.

По советским данным, в состав 1-ой Конной Армии входили 3 кавалерийские дивизии (4-я, 6-я и 11-я) по 6 полков, кроме того в тот момент ей были приданы две стрелковые дивизии, три бронепоезда и 9 бронеавтомобилей. Численность ее была: 9500 сабель и 4500 штыков, при 56 орудиях и 400 пулеметах.

Численность 8-й Армии (40-я, 15-я, 16-я и 33-я стр. дивизии и 16-я кав. бригада т. Волосатого) достигала 11000 штыков и 2000 сабель, при 168 легких и тяжелых орудиях. Всего в ударной группе на участке Батайск-Ольгинская-Старочеркасск красные имели 15500 штыков и 11500 сабель.

28 декабря (10 января) Реввоенсоветом Конармии была получена директива Командующего фронтом Шорина (б. полк. Ген. Штаба), в которой 1-й конной армии ставилась задача форсировать Дон на участке Батайск-Ольгинская и выйти на линию Ейск-Старо-Минская-Кущевка. На основании этой директивы, был отдан приказ Конармии о преследовании противника, но выполнение его было приостановлено, как пишет в своих воспоминаниях Буденный, в связи с оттепелью, сильными туманами, ненадежностью льда и отсутствием достаточных для армии переправ через Дон.

Богатый Ростов манил к себе Конармию и был занят Буденным по собственной инициативе, своевольно, т. к. согласно директиве командования Южным Фронтом, города Новочеркасск, Нахичевань и Ростов должны были занять части 8-й армии, а Буденный должен был находиться в Таганроге. Командующий 8-й Армией Сокольников, прибыв в Ростов 30 декабря (12 января) указал на это и сказал, что он удивлен, почему Реввоенсовет Конармии «не

соизволил постучать, входя в чужой дом». Командующий Фронтом Шорин тоже обвинял Конармию в пьянстве, а после поражения ее под Ольгинской прямо заявил, что Конармия утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах.

Задержка наступления красной армии в нижнем течении Дона позволила Донской Армии и Добровольческому корпусу [1]) привести себя в порядок после долгого и тяжелого отступления и пополнить части путем сокращения и расформирования обозов и извлечения оттуда лишних людей.

По официальным данным Штаба Донской Армии, в момент отхода за р. Дон — 26-27 декабря 1919 г. в четырех Донских корпусах было: 7266 штыков и 11098 шашек. В Добровольческом корпусе: 3383 штыка и 1348 сабель. В Кубано-Терском Сводном корпусе Ген. Топоркова, подчиненном командиру Добровольческого Корпуса Ген. Кутепову — 1580 шашек.

По тем же данным Донская Армия, без Добровольческого корпуса, на 1 января 1920 г. имела уже 36470 бойцов, а Добровольческий и Кубано-Терский корпуса вместе имели 10988 бойцов. Всего же в Дон. Армии, Добр. и Кубано-Терском корпусах было 47458 бойцов, 200 орудий и 860 пулеметов. Из этого числа, на участке фронта в районе Азова-Батайска-Ольгинской, по данным советских исследователей, было сосредоточено: 12720 шашек, 11100 штыков, 110 орудий и 454 пулемета.

Правее Добровольческого корпуса, от Батайска до Ольгинской и Старочеркасска, фронт занимал 3-й Донской корпус Ген. Гусельщикова, а 4-й Донской конный корпус находился в резерве против стыка Добровольческого и 3-го Донского корпусов.

— O —

2 (15) января 1920 г. Дон замерз и командующий Кавказским Фронтом Шорин приказал начать выполнение ранее отданной им директивы, согласно которой 1-я Конная армия должна была форсировать Дон на участке Батайск-Ольгинская и, прорвав оборону противника, выйти на линию Ейск-Старо-Минская-Кущевская. 8-я Советская Армия имела задачу форсировать Дон на Ольгинском и Старочеркасском направлениях и выйти на линию Кущевская-Мечетинская. (Буденный, «Пройд. Путь» стр. 387).

«Наступлению на Батайск», как пишет Буденный, «совершенно не благоприятствовала местность. При форсировании Дона, Конармия попадала в болотистую, даже в засуху труднопроходимую местность. К началу же боевых действий поймы рек Дона и Койсуг были затоплены водой и покрыты тонким льдом. К тому же артиллерия противника превращала эти топи в сплошное месиво грязи, льда и воды... Несмотря на очевидную нецелесообразность наступать на Батайск, мы вынуждены были выполнять директиву Шорина».

Так ли он думал и в то время? Можно предполагать, что он надеялся на свое боевое счастье и рассчитывал на легкую победу над изнуренным долгим отступлением противником.

3 (16) января был отдан боевой приказ Конармии о форсировании Дона и 4 (17) она перешла в наступление на Ольгинскую, но даже в пешем строю, пишет Буденный, не смогла развернуть свои части в боевой порядок, не смогла использовать ни артиллерии, ни пулеметов. «В этот день мы с Ворошиловым лично водили бойцов а атаки, несколько раз врывались на окраину станицы Ольгинской, но всякий раз наши атаки захлебывались в ураганном пулеметно-артиллерийском огне белогвардейцев... Не имея успеха, Конармия к ночи отошла в исходное положение».

Книга Буденного издана в 1958 г. и явно «отшлифована». Более ранние советские источники, а также и донские, не отмечают этих боев. Или их не было, или они носили характер усиленной разведки и упоминаются, чтобы подтвердить точное исполнение приказа о переходе в наступление 4 (17) января.

Таковое действительно началось но только в ночь с 4 (17) на 5 (18) января.

В наступление перешли: 9-я дивизия из ст. Гниловской и 12-я стр. дивизия из Ростова — обе на Батайск. 4-я и 6-я кав. дивизии из Ростова и Нахичевани на Ольгинскую, а 11-я кав. дивизия из ст. Аксайской тоже на Ольгинскую.

16-я и 33-я стр. дивизии должны были наступать на фронт Ольгинская-Старочеркасская. Фактически эти дивизии из-за «запоздавшей» перегруппировки в наступление не перешли и только правофланговая 16-я дивизия оказала содействие Конармии. 9-я и 12-я стр. дивизии тоже действовали очень вяло в направлении на Батайск и поставленной им задачи не выполнили.

I-я Конная Армия Буденного 5 (18) января в 10 ч. утра закончила переход р. Дона по льду и продолжала наступление дальше.

— O —

Массовый переход противника в наступление явился неожиданностью как для командиров корпусов, так и для Штаба Донской Армии и обстановка в то время представлялась следующим образом (журнал воен. действий Донской Армии):

[1]) Добровольческая Армия ввиду ее малочисленности была сведена в Корпус, который в оперативном отношении был подчинен Командующему Донской Армией.

переправам и ведет наступление сильной кон-
переправах и ведет наступление сильной конной группой на Ольгинскую и от Аксайской на Старочеркасскую. О противнике поступили разноречивые сведения, но в общем силы противника можно определить не менее дивизии конницы и дивизии пехоты...

По выяснении обстановки до полудня, командарм решил разбить переправившиеся через Дон части противника и не допустить дальнейшей переправы, для чего приказано:

1) 3-му корпусу, подчинив себе 10-й кон. бригаду, не допустить переправы противника через Дон у Старочеркасской и наступлением от Ольгинской разбить красных, переправившихся по этой преправе.
2) Комкору Добровольческого, используя конницу ген. Барбовича и Ген. Топоркова, переходом в наступление разбить Нахичеванскую группу противника.
3) Комкору 4-го конного перейти в наступление и разбить конницу противника, направляющуюся в разрез между 3-м и Добровольческим корпусами.
4) Комкорам приказано проявить самые энергичные действия, дабы раз навсегда положить предел попыткам противника к дальнейшему наступлению».

3-й Донской и Добров. корпуса оказали очень серьезное сопротивление и хотя конница Буденного заняла было х. Старомахинский и ст. Ольгинскую, но далее продвинуться не смогла.

Штаб 3-го Донского корпуса, сообщив о переходе через Дон у Аксайской переправы сильных пехотных и конных частей противника, вечером 5 (18) января донес, что «в результате упорного и длительного боя, в течение которого противник вводил новые части, ст. Ольгинская была нами оставлена. Части корпуса главными силами сосредоточились в ст. Хомутовской, оставив сторожевое охранение на линии высот между Ольгинской, Хомутовской и Злодейским»...

Штаб Добровольческого Корпуса доносил, что противник, заняв ст. Ольгинскую, наступал оттуда конницей силою до 4000 сабель при 4-х орудиях на Батайск, двигаясь частью сил и на х. Злодейский, но это наступление было отбито...

Буденный в своих воспоминаниях по этому поводу пишет (стр. 389)):

«С утра 18 января части Конармии снова форсировали Дон и пошли в наступление. В направлении Батайска наступали 12-я стр. и 6-я кав. дивизии. Они весь день, при активной поддержке бронепоездов, вели тяжелые бои, но успеха не имели. По Нахичеванской переправе перешли 4-я и 11-я кавал. дивизии. Совместными усилиями эти соединения, при поддержке правофланговой 16-й стр. дивизии 8-й армии, в упорном бою выбили противника из ст. Ольгинской и преследовали его до темноты в направлении ст. Хомутовской».

Получив после полудня новые сведения о занятии красными х. Старомахинского и ст. Ольгинской и движении крупных сил конницы противника на х. Злодейский в разрез между 3-м Донским и Добровольческим Корпусами (4-й Донской конный корпус, находившийся в резерве против стыка этих корпусов еще не втянулся в бой), командующий Донской Армией отдал новую директиву:

«Противник после боя к вечеру 5 (18) января занял конными частями Старомахинский, Ольгинскую и х. Злодейский и лезет в мешок. Более благоприятной обстановки для нас ожидать нельзя. На 6 (19) января приказываю разбить переправившегося через Дон противника для чего приказываю:

1) Ген. Гусельщикову — 3-й Донской корпус — передав в подчинение Комкору 4-го конного 10-ю кон. бригаду и подчинив себе 1-ю Пластунскую дивизию Ген. Карповича, атаковать противника в направлении на Ольгинскую, прочно обеспечив себя со стороны Старочеркасской станицы.
2) Ген. Павлову — 4-й Донской Конный корпус, — подчинив себе 10-й кон. бригаду, атаковать в направлении на х. Злодейский.
3) Ген. Кутепову — Добровольческий корпус, — сосредоточив всю конницу в районе Батайска (добровольч. кон. бригада Ген. Барбовича и Кубано-Терский Сводный копус Ген. Топоркова), атаковать во фланг и тыл Злодейскую группу противника.
4) Начало атаки всех корпусов — с рассветом.
5) О получении донести.

№ 064-К. 5 января, 19 часов 15 мин., 1920 г.
Станица Сосыка. Ген. Сидорин».

(«Трагедия Казачества», ч. IV.
Журн. «В. Каз.» № 209. Ноябрь 1936.)

— О —

Захватив ст. Ольгинскую Конармия Буденного, поддержанная на правом фланге 12-й стр. дивизией, наступавшей с севера на Батайск, а на левом 16-й и 33-й стр. дивизиями, наступавшими на Ольгискую и Старочеркасскую, с утра 6 (19) января вновь перешла в наступление с целью развить свой успех. Для противодействия ей и ликвидации прорыва Ген. Сидорин сосредоточил на небольшом участке фронта Батайск-Ольгинская-Старомахинский более 12000 конницы, а кроме того на этом участке действовала и пехота 3-го Донского корпуса. Казачьи части с трех сторон охватывали прорывавшуюся группу войск противника и, после ожесточенного боя, разгромили ее, принудив к беспорядочному отступлению.

По советским источникам 1-й Конной Армией было произведено в течение дня до 9 конных атак, но все они были отбиты противником и к вечеру шло беспорядочное отступление красной конницы. Начальникам конных частей с большим трудом удалось установить порядок и, прикрывая свой отход рядом контратак, к вечеру с большинством частей вернуться в Ростов. Некоторое количество частей отошло к ст. Ольгинской, где некоторые из них задержались, а остальные с наступлением темноты присоединились к армии, пробравшись в Ростов и Нахичевань.

Буденный бой 6 (19) января описывает кратко:

«С рассветом 19 января 4-я и 11-я кавал. дивизии перешли в энергичное наступление, имея задачу выйти на линию Кагальницкая-Азов-Кулешевка - Койсуг - Батайск - Злодейский. 6-я дивизия использовалась для развития успеха 4-й и 11-й дивизий. Однако противник, заняв выгодные позиции у Батайска и сосредоточив крупные силы конницы, артиллерии и пулеметов, при активной поддержке бронепоездов **сковал наши части сильным пулеметно-артиллерийским огнем и сорвал наступление.**

На ночь дивизии отошли: 4-я в Нахичевань, 6-я и 11-я в Ольгинскую, куда к вечеру подошла и 16-я стр. дивизия 8-й Армии.» (стр. 389)

По данным Штаба Донской Армии этот бой протекал следующим образом: «6 (19) января 1920 г. части ударной группы (4-й Дон. кон. корпус) в 9 часов выступили в направлении на Ольгинскую для атаки переправившегося противника. В 11 часов части начали развертывание в боевой порядок на линии Сухой Балки-Батайск. В 13 часов в районе х. Злодейского части корпуса завязали бой с конницей противника. Бой отличался особенным ожесточением и до 15 часов не давал перевеса ни той ни другой стороне. **В 15 часов противник, разделив свои силы, одну дивизию направил против Батайска**.

Воспользовавшись этим, командир 4-го корпуса Ген. Павлов ввел в бой свой **резерв в тыл Батайской группе красных**. Противник не выдержал и начал постепенно отходить, преследуемый нашими частями. Отступление противника скоро перешло в беспорядочное бегство, причем красные бросали орудия, пулеметы и ящики со снарядами. Некоторые части противника бросились по болотам к Дону. Лед на болотах проваливался и орудия красных завязли.

К ст. Ольгинской части корпуса подошли в полной темноте и были встречены сильным артиллерийским и пулеметным огнем пехоты, занявшей окопы на окраине станицы. Оставив одну бригаду против Ольгинской, корпус отошел в район Злодейской, имея в виду на следующий день утром продолжать успешно начатую операцию. За день боя наши части взяли 9 орудий, 50 пулеметов, много снарядов, винтовок и обозы. **Корпус понес большие потери.»**

Когда, разбитая казаками Конармия Буденного вечером 6 (19) января поспешно в беспорядке отступила на правый берег Дона, в ст. Ольгинской задержались части 16-й стр. и 11-й кавал. дивизий, а в ст. Старочеркасской 33-я сов. стр. дивизия. Часть последней, по свидетельству б. комиссара 11-й кав. дивизии Озолина, тоже защищала ст. Ольгинскую. Эти дивизии были отлично вооружены, как многочисленными пулеметами, так и артиллерией, почему части 4-го Донского конного корпуса, подойдя к ст. Ольгинской в темноте, не смогли выбить прочно засевшего там противника.

Что касается боевых операций у Батайска 6 января, то официальные данные Штаба Донской Армии таковы: «к 13 часам конная группа Ген. Топоркова — Кубанская и Терская дивизии сосредоточилась в районе Батайска. К этому же времени обозначилось наступление неприятельской конницы от Ольгинской на Батайск, главным образом в обход Батайска с юга (донесение К-ра 4-го Дон. Кор-са говорит о том, что Буденный направил одну из своих дивизий на Батайск, ослабив этим силы, действовавшие против 4-го Дон. корпуса). Войдя в связь с Донцами, Ген. Топорков атаковал красных одной конной (Кубанской) дивизией и стал теснить их к Дону. Около 16 часов противник, получив подкрепления, в свою очередь стал теснить Кубанцев. Ген. Топорков выдвинул на поддержку конницу Ген. Барбовича, которая, развернувшись в блестящем порядке за левым флангом группы Ген. Топоркова, бросилась в атаку. Вся конная группа — Кубанская и Терская конные дивизии и бригада Ген. Барбовича — во главе с Ген. Топорковым, обрушилась на конницу противника, смяла ее и повела энергичное преследование. В это время противник был атакован частями 4-го Дон. кон. корпуса и, сбитый на обоих участках, начал поспешное отступление, преследуемый нами до темноты. Успеху боя значительно способствовало личное хладнокровие и мужество Ген. Топоркова, который в конце боя был серьезно ранен в ногу. (в командование группой вместо него вступил Ген. Агоев).

Таким образом бой 6 (19) янвая закончился поражением Конармии Буденного, отошедшей за Дон, но ст. Ольгинская прочно удерживалась пехотой и частями 11-й кав. дивизии красных. («Траг. Казачества», ч. IV).

В 5 часов утра 7 (20) января Командующий Донской Армией Ген. Сидорин отдал новую директиву об атаке в направлении на Старочеркасскую, Ольгинскую и от Батайска на север, требуя от войск напряжения всех сил, дабы ис-

пользовать блестящий успех 6 января и отбросить противника за Дон.

«Всю ночь с 19 на 20 января», пишет Буденный, «противник штурмовал Ольгинскую, стремясь выбить из станицы наши части. Ожесточенные бои на этом участке велись весь следующий день. Белые, ударами своей конницы по флангам наших частей в Ольгинской, стремились отрезать их от Нахичеванской переправы. Благодаря упорству 6-й и 16-й дивизий и поддержке 4-й дивизии, атаки противника оставались безуспешными. **Однако к вечеру 20-го января, под напором превосходящих сил белых, части Конармии и 16-й стр. дивизии оставили Ольгинскую и начали отходить за Дон.** Обнаружив отход наших частей, белые усилили нажим, прорвались в стык 6-й кавалерийской и 16-й стр. дивизий и в колоннах устремились к Нахичеванской переправе. Положение спасла брошенная в контратаку 4-ая кавалерийская дивизия. Она отбросила противника...»

По данным Штаба Донской Армии, бой 7 (20) января за обладание ст. Ольгинской отличался большим упорством и ожесточением с обеих сторон. 4-й Донской конный корпус завязал бой около 10-ти часов и, после внушительной артиллерийской подготовки, атаковал ст. Ольгинскую с юга, с запада и на дамбу к северу от станицы. Красные оказали упорнейшее сопротивление, расстреливая атакующие казачьи части пулеметным и артиллерийским огнем. 3-ий Донской корпус не мог с утра оказать содействие нашей коннице, т. к. части его вели упорные бои с красными, засевшими в ст. Маныческой, х. Алитубском, ст. Старочеркасской и х. Старомахинском. Тогда Командующий Донской Армией, видя, что бой затягивается, приказал Комкору 3 решительно атаковать Ольгинскую с востока, для содействия 4-му корпусу, который не видит направо и налево от себя наступающих соседей, и бить всем корпусом, а не отдельными дивизиями.

Атакованный и с юго-востока частями 3-го корпуса, отрезанный от Нахичеванской переправы, противник к 15-ти часам был выбит из Ольгинской и стал пробиваться за Дон, при чем 2-я бригада 16-й Сов. стр. дивизии была уничтожена, а 3-я бригада пробилась к Нахичевани, понеся значительные потери убитыми и ранеными. В бою было захвачено одно орудие, 5 пулеметов и много пленных.

Для содействия донцам из района Батайска в 13 часов была двинута Терская дивизия одной бригадой на Ольгинскую, а другой на Нахичеванскую переправу, но узнав, что ст. Ольгинская уже занята донцами, терцы возвратились в Батайск.

Таким образом бой 7-го января закончился новым поражением Конармии Буденного и 16-й сов. стр. дивизии у ст. Ольгинской, которая была занята донцами. («Траг. Каз.» ч. IV-я, гл. V-я.).

Потерпев неудачу, Буденный доложил по прямому проводу Командующему фронтом Шорину о невозможности добиться успеха на Батайском направлении и предложил новый план атаки из района ст. Константиновской в юго-западном направлении, ручаясь за успех. Добился ли бы он его, это еще, как говорится, «бабушка ворожила», ибо предпринятое Конармией, поддержанной на левом фланге конным корпусом Думенко, новое наступление из района ст. Богаевской 15 (28) января, закончилось столь же плачевно, как и у ст. Ольгинской.

В боях с 15-го по 20-е января 4-й Донской конный корпус, с приданной ему 4-й Дон. кон. дивизией 2-го Донского корпуса, разбил последовательно у х.х. Веселый и Мало-Западенский сначала конный корпус Думенко, а затем Конармию Буденного, отбросив конницу красных за р. Дон, причем противник потерял почти всю свою артиллерию и много пулеметов, а 11-я кав. дивизия красных временно утратила свою боеспособность.

— О —

Командующий фронтом Шорин не согласился с планом, предложенным Буденным, приказав снова перейти в наступление и во что бы то ни стало овладеть Батайском.

8 (21) января Конармия, совместно с соседними дивизиями 8-ой Армии, вновь перешла в наступление на фронте Батайск-Ольгинская-Старочеркасская-Манычеcкая. На правом фланге, юго-западнее Ростова, была брошена в бой 9-я сов. стр. дивизия. В центре перешла в наступление на Батайск 12-я стр. дивизия, 3-я бригада которой переправилась через р. Койсуг и залегла в двух верстах от Батайска, но контратакой добровольцев была отброшена и отошла.

«Особенно ожесточенный бой», пишет Буденный, «разгорелся на левом фланге Армии, где в 6 часов утра две бригады 4-й кав. дивизии и вся 6-я кав. дивизия совместно с 33-й и 40-й стрелковыми дивизиями, возглавляемые лично Ворошиловым и мною, перешли в решительное наступление в направлении Ольгинской. Бурные атаки наших частей и контр-атаки противника следовали одна за другой. Весь день ухали артиллерийские орудия, не переставая строчили пулеметы. В результате длительного, исключительно напряженного и кровопролитного боя белые были выбиты из станицы Ольгинской ОДНАКО, СГРУППИРОВАВ ДО ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ САБЕЛЬ КОННИЦЫ И КРУПНЫЕ СИЛЫ ПЕХОТЫ, ПРОТИВНИК ПЕРЕШЕЛ В КОНТР-НАСТУПЛЕНИЕ И ценою больших потер ВЫТЕСНИЛ НАШИ ЧАСТИ ИЗ ОЛЬГИНСКОЙ И ВЫНУДИЛ ИХ НА НОЧЬ ОТОЙТИ ЗА ДОН.

21 января был одним из самых тяжелых дней для Конармии. Действуя в крайне невыгодных для конницы условиях против превосходящих по численности вражеских сил (до пятнадцати тысяч сабель и десяти тысяч штыков), занимавших хорошую для обороны местность, ЧАСТИ АРМИИ ПОНЕСЛИ БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ».

По данным Штаба Донской Армии, наступление красных 8 (21) января окончилось поражением их на всем фронте. В этот день части 3-го Донского корпуса выбили противника из ст. Манычеекой и ст. Старочеркасской, при чем при отходе на Аксайскую красные оставили 8 орудий, завязших в болоте.

После продолжительного боя с конницей противника силою не менее двух дивизий, наступавшей от Нахичеванской переправы на ст. Ольгинскую, 4-й Донской конный корпус обрушился главной массой против левого фланга противника, опрокинул его и отбросил к Нахичеванской и Ростовской переправам. Преследование было задержано сильнейшим артиллерийским огнем красных с правого берега Дона.

Сдержав наступление частей 33-й и 40-й стрелковых дивизий красных к северо-востоку от Батайска, корниловцы и конница Ген. Агоева (Кубано-Терский корпус) перешли в решительное наступление, смяли противника и погнали его к Нахичеванской переправе. Преследованию непосредственно до переправ помешал огонь многочисленной артиллерии с правого берега Дона, от которого Корниловцы понесли большие потери (оперативные сводки).

Это новое поражение ударной группы красных еще более обострило отношения между Реввоенсоветом Конармии и Командующим фронтом Шориным и принудило его окончательно отказаться от дальнейших попыток прорвать фронт на участке Батайск-Ольгинская.

В боях 6, 7. и 8 января 4-м Донским корпусом взято 10 орудий, 66 пулеметов и 1700 пленных, а по данным Штаба Ген. Деникина за время этих боев взято всего 22 орудия и 120 пулеметов.

По окончании этих боев 4-й Донской корпус был отведен в резерв, а участок фронта от ст. Манычеекой до Нахичеванской переправы (исключительно) занял 3-й Донской корпус Ген. Гусельщикова.

Бои под Ольгинской и Батайском, как отмечают и белые и красные источники, были ожесточенными и кровопролитными и обе стороны понесли большие потери. Трудно теперь вспомнить и восстановить все, но можно отметить, что в этих боях ранен Командир Кубано-Терского корпуса Ген. Топорков, убит и. д. Инспектора Артиллерии 4-го Донского конного корпуса Полковник Леонов Б. А. и тяжело ранен, скончался от ран, Командир Донского артил. дивизиона Полковник Бабкин Ф. И.

— О —

После этого боя и боев в районе х.х. Веселый и Мало-Западненский, в конце января по нов. стилю, Буденный послал 1-го февраля письмо Ленину, в котором писал:

...«Я должен сообщить Вам, тов. Ленин, что Конармия переживает тяжелое время. ЕЩЕ НИКОГДА ТАК МОЮ КОННИЦУ НЕ БИЛИ, КАК ПОБИЛИ ТЕПЕРЬ БЕЛЫЕ. А побили ее потому, что Командующий фронтом поставил Конармию в такие условия, что она может погибнуть совсем...

Командующий фронтом тов. Шорин вначале поставил конницу в болото Дона и заставил форсировать р. Дон. Противник этим воспользовался и чуть было не уничтожил всю нашу конницу. А когда Реввоенсовет потребовал, чтобы изменить направление Конной Армии, тов Шорин лишил вверенную мне Армию пехоты. Он передал две пехотные дивизии 8-ой Армии, а Конная Армия была брошена одна на противника и ВТОРИЧНО ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНО ПОМЯТОЙ...»

Жалобы Буденного и Ворошилова привели к тому, что Шорин был смещен и заменен Тухачевским. В разговоре со Сталиным по прямому проводу Ворошилов продолжал жаловаться на него (3-го февраля н. ст.) и говорил:

...«Мы все несказанно рады, что смещен Шорин. Если приедете в Ростов, на месте убедитесь, что простого смещения, да еще с повышением, для него недостаточно. Мы все считаем его преступником. ЕГО НЕУМЕНИЕМ ИЛИ ЗЛОЙ ВОЛЕЙ (в том разберется суд) ЗАГУБЛЕНО ЛУЧШИХ БОЙЦОВ, КОМСОСТАВА И КОМИССАРОВ БОЛЕЕ 40% И ДО 4000 ЛОШАДЕЙ...»

Тогда же Ворошилов просил о срочном пополнении Конармии хотя бы самой захудалой конницей, болтающейся в тылах Кавказского фронта.

Таковы были результаты боев Конармии Буденного с Донской конницей в январе 1920 г. у ст. Ольгинской и х. Веселого по признанию самых красных.

И всем участникам вооруженной борьбы с большевиками следует помнить, что этот, чрезвычайно важный четырехдневный бой, в случае его проигрыша, означал бы конец вооруженной борьбы на юге: не было бы ни Новороссийска, ни Крыма, ни заграницы, — все погибло бы на месте, если бы, ценою очень больших потерь, не спасли бы положение донские казаки.

Е. Ковалев

Из моего дневника

Последние дни Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества полка.

23 марта 1917 года. Хочу сказать, что происходило в полку за эти 10 дней. Получены приказы о сформировании полковых комитетов офицерских и солдатских депутатов. В состав их вошли: Апухтин, Олив, Каменский, классный фельдшер Вальковский и по 2 улана от эскадронов и команд. Председателем избран унтер-офицер 6-го эскадрона из охотников Нехорошев, по профессии помощник присяжного поверенного из Москвы. Состав комитета прекрасный и, к чести улан надо сказать, они действительно выбрали лучших людей, умных и с весом. На первое заседание еще только солдатского комитета пришли Миклашевский (командир полка), полковники князь Андроников и Крапоткин и я (еще полковой адъютант). Командир приветствовал их с началом их деятельности, высказав уверенность, что они приложат все силы, чтобы полковая жизнь обошлась без всяких трений, всегда возможных при такой огромной перемене. Председатель задал несколько вопросов по поводу организации, и Миклашевский ушел. Тогда Андроников сказал слово, произведшее большее впечатление. Он говорил о сознательной дисциплине, приведя в пример батарею конной артиллерии, на красном знамени которой было написано «Да здравствует железная дисциплина», а орудия были в таком непорядке, что наши люди это заметили. Мы ушли, а вечером уже было соединенное заседание и Апухтин говорил речь. Нехорошев отвечал. Наши в полном восторге, говорят, что настроение прекрасное и что на наших офицерских собраниях не бывает такого порядка. Настроение улан-служба и дисциплина прежде всего. Результатом являются два воззвания одно особенно интересное, направленное против тех, кто распускает панические слухи. С такими решено бороться, до крайних мер включительно. Могу сказать, что в полку сейчас не меньше порядка, чем раньше. Лишь с тревогой думается, что наш полк, или несколько полков, это капля в море среди 10-ти миллионной армии, а оттуда, из серых недр, идут сведения неутешительные. Говорят, что в Особой армии дезертировало 30%, а на севере еще больше. В частности у меня трубачи выработали по моему предложению, правила игры по частным вызовам. Все почти осталось по старому, лишь есть новые пункты, как нежелание, чтобы офицеры дирижировали, отмена покашливаний, обходов. Эти правила Миклашевский показал на собрании полковых командиров и все просили их прислать.

Был у нас парад Хана Нахичеванского. Он поздравил нас с принятием присяги и говорил специально с выборными комитетами, разъясняя их задачи. Как ни странно, Хан отлично говорил, его слова должны были понравиться людям и быть ими понятыми. Так что в полку все идет хорошо и, будем надеяться, ничто даст Бог, не нарушит установившегося порядка.

27 марта. Идут все новые реформы в армии. Официальным приказом уничтожено отдание чести, становясь во фронт, но это, можно сказать, не имело особого значения, может, даже, было излишне. Но вот появился слух, что комиссия А. А. Поливанова постановила вообще отменить обязательное отдание чести. Это уже слишком. Отдание чести было взаимным приветствием и одинаково отягчало и офицеров и солдат. Однако, никогда и никто на это не жаловался. Вот почему я и написал домой письмо, прося передать Ал. Андр., что это решение вызывает общее недоумение и неудовольствие. Наши уланы постановили отдавать честь на прежних основаниях. Кроме того, если, Военное Министерство стало на путь уничтожения воинского духа и дисциплины, то пусть разрешат ношение штатского платья вне службы, та ким образом они будут последовательны. Сразу видно, что во главе Министерства стоит штатский человек, который больше прислушивается к голосу совета солдатских депутатов, состоящего из ополченцев или не бывших на войне, или, вообще, всякого сброда, чем к голосу строевых солдат.

Сегодня уехала в Петроград депутация в составе Апухтина, улан Тришкина и Григорчука, чтобы приветствовать Правительство и со вет депутатов. В обращении Апухтина есть фраза с пожеланием больше прислушиваться к голосу офицеров и солдат действующей армии, а не тех кто избрал своим конем стул, а местопребыванием, вместо окопов, тыл. Очень хорошо приветствовала Правительство Особая армия, заявив, что поддержит его от опасности, откуда бы она ни появилась, — понимай, как знаешь!

9 апреля. Вернулся сегодня после трех дней, проведенных в Киеве. На железных дорогах творится фееричный беспорядок. В Шепетовке видел Валерьяна Бибикова с эскадроном кава-

лергардов, водворяют порядок. По его словам, за эти дни было задержано свыше 1.500 дезертиров... Это — свободная армия! Наш полк уже ушел, все еще на месте, и невольно вспоминается классическое выражение «быть готовыми, но не седлать», когда такое положение длилось неделями.

12 апреля. Около 6 часов утра пришли в Рожище. Выгрузились и пошли пешком, так как коноводы остались за 200 верст. Дорога легкая. Остановились в Козинской Рудке и будем сменять туркестанцев лишь в ночь с 15-го на 16-ое, они будто, не хотят сменяться.

14 апреля. Все оказалось ложным, и туркестанцы отлично сменились. У них было брожение, но больше оттого, что их перебрасывают к Бродам, где ожидаются большие бои, и им не хотелось покидать спокойный участок. Двинулись мы в 16 часов, в Тихотине был большой привал с ужином, в 22 часа смена была закончена.

9 мая. На нашем участке полная тишина, иногда постреляет артиллерия. как-то немцы подошли, но 3-ий эскадрон быстро их отогнал. Мы тоже делаем разведки. В полку порядок.

16 июня. Больше месяца не брался за перо, был в отпуску и лишь сегодня вернулся в полк. Нашел его все на том же месте, на берегу Стохода, в колонии Переходы. Так как я первый кандидат на эскадрон, то командир разрешил мне сдать должность Каменскому и вернуться в родной 6-ой. Вечером как раз была смена и я пришел после нее. Старые мои друзья, с которыми я еще прослужил три года мирных и первый год войны, радостно встретили меня и пригласили пить чай. Не знаю, как себя чувствуют другие офицеры в солдатской среде, но проведя согодня в беседе ночь, скажу, что было так хорошо, как два года тому назад. Разница в характере беседы, это верно. Но если весь полк таков, как наш 6-ой, то, слава Богу, это-полк, это воинская часть.

24 июня. Принял от Кушелева пулеметную команду. Состав ее-петроградские рабочие почти целиком. Председатель комитета-оружейный мастер Жеребиленко. Взял решительный тон: я-командир а потом-руководитель, а Кушелев просто исполнитель решений комитета.

Мне удалось сразу крепко взять их в руки.

14 июля. Вчера немцы устроили нам большешелев был просто исполнитель решений комитета.
на, и мы уже собирались провести спокойную ночь, как ровно в 23 часа они открыли ураганный огонь по всем нашим окопам. Впечатление было потрясающее, Первое, что давно полк не был под таким огнем, второе-абсолютно темная ночь. Огнем быстро были перебиты телефонные провода остался лишь один, в 1-ый эскадрон Каульбарса. Вскоре началась ружейная и пулеметная стрельба, и цепи противника начали наступать на наш центр. Командир ушел в окопы, а я, обойдя всех, остался с первым взводом (молодчина — старший унтер-офицер Куницын), который больше всех работал. Немцы залегли у проволоки и наша артиллерия открыла заградительный огонь. Из окопов стрельба стала реже, противник стал менее видим, но оказалась недостача патронов, вскоре их доставили, и все стихло. Были высланы секреты. Находясь все время в окопе, я мог наблюдать присутствие духа наших офицеров и улан. Все были на своих местах, и радостно бросалось в глаза полное спокойствие. Сегодняшняя ночь была чрезвычайно полезна. Она напомнила нам о войне, сейчас возможный бой будет встречен, как и раньше. Она нам показала, что наш полк-воинская часть, крепок уланский дух и мы им держимся. От моих пулеметчиков я в полном восторге, действительно-молодцы. Надо еще упомянуть, что были слышны разговоры про 3-ий взвод 6-го (гнездо большевиков), что, если они не выйдут, их штыками выгонят. Надо думать, что немцы открыли этот бешеный огонь в надежде, что наши удерут и они захватят пленны. Это им не удалось уланы оказались попрежнему стойкими и достойными своих предков.

15 июля. Неожиданно нас сменили части стрелкового полка 3-ей гвардейской кавалерийской дивизии. Мы пешком прошли до штаба корпуса в деревне Пожарки, куда были поданы коноводы и отсюда-переход в 25 верст. Дома, в Омельно, к 22 часам.

25 июля. На одном из собраний меня выбрали вместо Андроникова членом полкового комитета. На днях я принимал участие в закрытом заседании, где разбирался вопрос о взаимоотношениях офицеров и солдат. Были я и Каменский. С полной откровенностью вели мы беседу и доказывали им, черным по белому, как велика заслуга офицеров, которые лишь из любви к Родине не бросили своего поста. Какие оскорбления пришлось им переносить, играя самую ничтожную роль. Я напомнил им случай в окопах и подозрение в шпионстве и что чаша терпения может переполниться. Мое мнение, что в нашем комитете люди работоспособные и можно наладить дело. Так сегодня постановили, чтобы не обострять отношений, не выносить резолюции. Думаю, что этим мы получили отсрочку для проникновения в нашу среду нежелательных элементов. Очень интересно было слышать мнения солдат; председатель, взводный из запаса, 3-го эскадрона, весьма толковый, поразил меня своею наблюдательностью.

30 июля. Выступили сегодня из Омельно и сделали большой переход в 40 верст. На ночлег стали в деревне Копче (рядом с Ботиным, где долго стояли прошлой осенью). Идем в местеч-

ко Ямполь, на юге Волынской губернии, тыл 11-ой армии. Цель неизвестна.

3 августа. Сделали еще два перехода в среднем по 25 верст и расположились вблизи города Дубно. Проходили через старые зимние позиции австрийцев-чего только не наворочено: глубочайшие окопы, бесконечная проволока, волчьи ямы, бетонные пулеметные гнезда и все это до сих пор в полном порядке. Напротив наши окопы почти сравнены с землей, вот и думается, что это обычная русская халатность, граничащая с преступлением, или оно налицо. Чрезвычайно трудно кормить лошадей, за большие деньги ничего не достать, раньше хотя приказов боялись, а теперь-свободные граждане и слышать ничего не хотят.

7 августа. Шли еще 4, 5, 6 и сегодня, в среднем по 25-30 верст. Местность по которой мы проходили, называется Волынской Швейцарей; она очень гориста и красива, даже напоминает Крым. Одно замечу, что мей пулеметной команде приходится туго, но не отстаем. Держусь правила: пулеметная команда должна всегда быть с полком. Вот и стали сегодня окончательно в деревне Миклаши. Очень плохо. Все лошади полка не под крышей, а в команде лишь мои, «Катавасия» и «Картинка» в привиллегированном положении, в сарае. С фуражем отвратительно, не знаем, как будет дальше. Здесь глубокий тыл 11-ой армии, впереди все забито конницей и пехотой. Для чего нас сюда привели, Аллах ведает. Здесь стоит отряд бывшего синего кирасира Плешкова. Он собрал отдельные роты всяких ударных батальонов, всего около 8.000 человек, привел их в порядок, завел потрясающую дисциплину, основанную на доверии. Приехал комиссар фронта Гобечия, сначала пришел в восторг, затем нашел, что контр-революционно и приказал распустить. Узнаю тебя, новая власть, все заботятся о спасении революции, никто о России...

21 августа. Последние дни полк очень волнуется по вопросу о демократизации офицерского состава. Солдаты хотят, чтобы немедленно был проведен в жизнь приказ о производстве в офицеры достойных унтер-офицеров. Это, может-быть, и правильно, но очень жаль, что полковой комитет, поддавшись в этом вопросе всецело влиянию некоторых зловредных лиц, вроде Нехорошева и Бубенского (оба — охотники, адвокаты), по-моему преследующих свои личные цели, занял враждебную позицию. Этот вопрос, поднятый еще в Омельно и тогда нами притушенный, сейчас разгорелся во всю. Комитет составил резолюцию, принятую его солдатским составом, где весьма много говорится о заслугах комитета по сохранению боевого и революционного духа полка, а равно много возмутительных нападок на офицеров, иносказательно выражение им недоверия и обвинения в контрреволюционности. Последняя часть содержит вопрос «скоро ли будет демократизация офицерского состава?, и если — нет, то комитет снимает с себя ответственность за могущее произойти в полку. Ясно, что на это дерзкое постановление мы дали резкий ответ. Сначала ответив по существу, что офицеры всегда стоят на почве законного основания, мы всегда будем рассматривать всякого представляемого по совести, не считаясь с его происхождением. Затем, мы дали ответ на обвинение и в резкой форме указали на превышение власти комитета и на всю его несостоятельность. Кончили мы заявлением, что всякое требование, подкрепленное угрозой, может служить лишь предметом судебного разбирательства. Было чрезвычайно бурное заседание, Андроников так разобрал оба постановления, что на них никто не смог сразу ответить. Вообще, солдаты все время молчали, говорили лишь эти два помощника присяжных поверенных. Речи их были чисто митинговые и дешевыми остротами они пытались срывать апплодисменты. Закончили еще сравнительно хорошо, поговорили, поговорили и разошлись. Сейчас же эти оба постановления начали разбираться в эскадронах и командах. Интересно, какой будет ответ. Во всяком случае хорошо, что мы взяли твердый тон, а то они начали наглеть. Будем ждать дальнейшего развития отношений, но во всяком случае ясно одно, что это результат той коллоссальной агитации, которая ведется на немецкие деньги в коннице и артиллерии. Эти два рода войск еще не потеряли окончательно свой воинский дух и могут быть опасны немцам, вот и надо их разрушить. Этот взгляд я высказал в своей команде пулеметчиков. Я уверен, что в общей массе наши уланы не могут иметь зла на своих офицеров, не за что, а посему это лишь влияние кучки агитаторов. Сами мы виноваты, что своевременно не сплавили этих двух адвокатов. Надеемся, что все обойдется благополучно, а угроз не боимся, недаром три года воюем.

6 сентября. Совершенно случайно удалось проехать на три дня в Севастополь и Ялту. Сейчас хочу записать мои впечатления от этой поездки в тыл. По моему, начинает проглядывать порядок, хотя поезда переполнены до чрезвычайности, но в первый класс солдаты уже не лезут в купэ. Приглядывался к администрации, все то же возмутительное отношение. Спрашивают по много раз билеты и документы у офицеров и штатских, то-есть у тех, кто на 99% их имеют, молча обходят солдат, которые на 100% таковых не имеют. Мое пребывание в Ялте совпало с попыткой Корнилова установить диктатуру и вернуть армии ее дисциплину и мощь. В Ялте впечатление было — проблеск надежды, но в общем всякий сидел в своей скорлупке и

выжидал. Были бесконечные и самые невероятные слухи. Местный совдеп написал в газетах, что все меры приняты и... арестовал домашним арестом Великих Князей и их свиту в их имениях. Дорогой — много разговоров и среди офицеров полное сочувствие Корнилову в его стремлении восстановить армию и победить немцев. О контр-революции не было разговоров, но, в общем, среди интеллигентного класса мнение-рано начал, — еще не достаточно намучились! В Ялте жизнь кипит как ни в чем не бывало, в Черноморском флоте, по рассказам офицеров, положение как у нас, за полчаса никто не может поручиться. Отсутствие взаимного доверия.

10 сентября. У нас вновь прокатился бурный вал и поверхность еще не может успокоиться. Неудачные распоряжения нашего высшего начальства сделали то, что солдаты объявили всех офицеров заговорщиками и началось сильное брожение. В частности, наши, два агитатора воспользовались этим для выполнения своих задач и явились ко временно командующему полком князю Андроникову с целой депутацией и с такими дерзкими требованиями, что стыдно было за Уланский мундир. Один из членов этой депутации заявил, что «храбрые офицеры не нужны, от них лишь только больше потерь». Понятно, взрыв негодования Андроникова, заоравшего «Вы забыли Господа Бога, Штандарт и совесть. Ступайте вон!». Все же комитет просил, чтобы уехали два офицера, иначе они не могут поручиться за спокойствие. Надо сказать, что оба эти офицера вели себя не очень тактично и мешали нам в нашей работе, они как бы искали уехать и еще в Миклашах мы просили их это сделать, так что Андроников предложил двум взять отпуск, а третьему предложили таковой продолжить. Но одновременно Андроников отказался выполнить предложенную Лубенским программу демократизации, вызвали комиссара и настроение улеглось. Вернувшись в полк, нашел там веселое, бодрое настроение, как и при отъезде. Ввиду все же очень натянутого положения, вызвали командира полка и ждем его с минуты на минуту, Вообще начинает сбываться то, что мы предполагали последнее время: германские деньги пробили и нашу, казалось, такую крепкую, стену гвардейской конницы. Именно-старой, оставшейся в неизгладимых воспоминаниях ее славы и доблести, как на нашей Андреевской звезде было написано «За Веру и Верность». У старых Лейб-улан не могло быть в мыслях, что храбрые офицеры лишь увеличивают потери, старые Лейб-Уланы радостно умирали за Родину и для славы полка, никто этим не возмущался, а на руках их носили и гордились подвигами своих однополчан. Их слава была им драгоценна и любовь и уважение передавались, как святой завет, из поколения в поколение. Новые времена, новые понятия, все славное старое прошлое полка отходит в вечность, а на смену ему вместо любви к Родине, явился интернационал.

5 октября. Сегодня уезжаю в отпуск и хочу записать впечатления от новой деятельности-подавления беспорядков. 22-го числа вызывает меня мой заместитель, полковой адъютант поручик Каменский, и передает что немедленно 4 эскадрона и взвод моей пулеметной команды должны выступить для подавления погрома в город Острог. Я вызвал взводных, кинули жребий, выпал Первому. Объяснил задачу. Ввиду впервые полученного такого рода приказа, решаю идти самому, оставив с другим вновь назначенного помощника Шабельского. Команда быстро собралась и не было тени замешательства. В 14 часов выступили и около 20 часов пришли в Острог. Начальником карательного отряда был Илья Крапоткин. Уже было темно, переход был в 40 верст, очень трудный, песчаная дорога. Как только расположились, пришел к нам молодой мальчишка Вонский, газетный сотрудник из Одессы, помощник комиссара 11-ой армии и с места обратился с речью к нашим уланам. Погром уже кончился, все лавки были разбиты и надо было арестовать зачинщиков. Надо сказать, что орудовал стоящий здесь запасный батальон, в котором было две роты амнистированных каторжан. Не буду описывать всех подробностей, лишь скажу, что здесь окончатольно убедился, что старой русской армии не воскресить, она умерла... С 28-го вечера по 3 октября утро проводили время в том, что без конца уговаривали, конечно, кроме наших офицеров, все убеждали называя грабителей «товарищами» и собственно нам, офицерам, не ясна была наша роль, все делали комитеты. Впервые с эскадронным командиром ехал председатель эскадронного комитета, заседаний было без конца, съехалось со всех концов столько депутатов, сколько, кажется, было по громщиков. Эти разговоры дошли до того и так надоели, что даже мои пулеметчики говорили: «Господин Ротмистр, разрешите ленту испортить, мы их сразу уговорим!». Через два дня подошли остальные два эскадрона, и Миклашевский был самый несчастный человек: его засушили на всяких совещаниях. После одного из них мы ужинали и командир говорит мне: «Нет, мы с ними разных планет, и если я раньше колебался и просил всех оставаться, то теперь скажу, кто куда может, с Богом!». Значит, дошло до предела, если такой военный как наш командир так изменился. Здесь, в Остроге, определилось и настроение эскадронов: в 1-ом заявили Вите Каульбарсу, что вынимать шашек не будут и винтовок не снимут. Вызван 2-ой эскадрон, Трубецкой командует: «Шагом

марш!», а из рядов возгласы! — «стой, хотим знать, куда идем?». Вот современная военная служба! Но надо сказать, что намек на дициприну у нас еще есть, поступок 2-го эскадрона был осужден. Во всяком случае, острожская операция показала, что в «самой свободной армии мира», в «демократической русской армии», офицеры как будто совершенно не нужны. Командиру все время приходилось говорить с какими-то преседателями и депутатами, а мои пулеметчики держали себя замечательно и не раз предлагали мне «навести порядок», чего нельзя сказать про эскадроны 1-ый, 2-ой и 4-ый. У всех нас было чувство: нет армии, нет России, есть какое-то отживающее государство, дни которого сочтены. Плоды этого пожали Керенский и Ко, которые в момент переворота не сумели уберечь армию. Сохрани они дух и дисциплину, Россия могла бы быть в расцвете славы и скоро был бы мир с разбитыми немцами, а вместо того-гибнет Родина.

Нас вывели из города и расположили по ближайшим деревням, из боязни общенья с пехотой, под влиянием которой уже началось броженье. В городе остался один лишь эскадрон. Я попросился поехать в отпуск, настроение мое может быть примером общего. Доложил командиру, что настроение команды отличное, а переменится, что смогу сделать? Здесь ли офицеры, или нет, разницы теперь нет. Он согласился. Слава Богу, могу уехать. Немцы произвели высадку на островах и Рижский залив в их руках. Держись Петроград и Балтийский порт! Посмотрим, сумеет ли революционная армия удержать это «Сердце революции», если только немцы захотят его взять. Одно видно, что им одинаково полезна деятельность Ленина и Лейбы Троцкого и вся оживившаяся деятельность большевиков, и это не входит в их планы. Ясна координация действий на фронте и в тылу. Сплошной ужас!

8 ноября. Сегодня вернулся в полк. Не могу не отметить того ужаса и грязи и извода, которые переживает сейчас всякий путешествующий по нашим железным дорогам. Не знаю, чем это объяснить. При старом строе армия была не меньше, публики было столько же и поездов тоже, и все было в порядке. Были плацкарты, всякий знал свое место и, чтобы выйти или войти в вагон, вовсе не требовалось лезть в окно или протискиваться в корридоре, набитом до отказа людьми. Не понимаю, а вчера в Бердичеве, где отцепили штабной вагон, в котором я доехал из Киева, я физически не только не мог влезть в какой-либо вагон, но даже прицепиться на подножке. Абсолютно все заполнено «товарищами». Если бы хотя они на фронт ехали, а то половина просто катается, четверть ездит со спекулятивными целями, одна восьмая-для грабежа и одна восьмая — на фронт. Как никак, но если бы не любезность машиниста, разрешившего влезть на паровоз, пришлось бы остаться в Бердичеве и искать оказию.

В Шепетовке узнал, что почти никого из офицеров не осталось, и, действительно, так и оказалось. Налицо: Малама, командует 1-ым эскадроном Эллисс-2-ым, с ним Кирилл Нарышкин, в 5-ом Длусский и Фавелин, в 6-ом Юрий Смагин, в моей команде-Шабельский, Буторов-связь, Илья Крапоткин, Осоргин и Каменский-штаб, вот и все, что есть. 3-им и 4-ым эскадронами командуют вахмистра. Первой моей мысльц было-не задерживаться и я даже не принял от Шабельского ни денег, ни отчета. Он лишь доложил мне, что команда вела себя выше всякой похвалы и что на голосовании лишь двое, Орлов и Кобзя, заявили себя большевиками. Ну, если бы все большевики были таковы, то Россия не пропала бы. Общий уход был вызван тем, что, когда в Словуте был убит князь Сангушко, был вызван 4-й эскадрон и он отказался исполнить приказания Клейста и Лишина. Оба немедленно сдали эскадрон и уехали, а полковой комитет по становил, что оба офицера действовали «политически бестактно»: по объяснению их Лишин отдавал слишком категорические приказания. Сразу после этого все господа разьехались, кто мог эвакуировался, кто куда устроился, а кто просто подал в резерв чинов. Все ясно и, конечно, о дальнейшей службе речи быть не может. Выступление большевиков и захват ими власти безусловно отразились и на наших уланах. 1-ый эскадрон высказался безусловно за них, 6-ой — уклончив. Раз такие части, как наш полк, не могут быть поддержкой правительству, то на кого оно может надеяться?

В собрании пусто и уныло. Господа только и говорят, кто куда и когда едет. За столом сидят шесть офицеров и десять чиновников. Больше всего жаль Илью Крапоткина Говорят так, что оставаться можно, но на долго ли? Полк разбросан по линии Шепетовка-Збараж, но никаких нарядов не несет, лишь теоретически ждет случая усмирять. Я уже уверен, что наши солдаты действовать оружием не будут и уже в Славуте были разговоры, что помещикам так и надо. Лучше всего было бы быть на фронте, меньше занимались бы политикой. Были у меня беседы с моим комитетом и комитетчиками, выражали радость по поводу моего возвращенья и спрашивали мое мнение по текущим вопросам. Сказал, что определенно вижу погибель России, влекомой шайкой немецких шпионов, захвативших власть, и что я не вижу дальнейшей возможности продолжать службу. Председатель, унтер-офицер Ананич зашел ко мне вечером и сказал, чтобы я, как и раньше, был неизменно уверен в команде и что всякое мое приказание будет беспрекословно исполне-

но. Мне это было очень радостно слышать, но решение определенно: уеду в ближайшие дни. Но вся команда в погонах, и эскадроны зовут нас «корниловцами».

11 ноября 1917 года. Председатель моего комитета передал мне предложение присутствовать на соединенном заседании всех полковых комитетов. Вместо 10, оно началось в 12 с половиной и эта говорильня продолжалась почти до 7 вечера. Активное участие принимали лишь Николаев (бывший мой старший писарь, ушедший одновременно со мной из жажды более широкой деятельности. Очень умный, очень способный, но с чрезвычайно большим самолюбием), 2-3 члена комитета и 6 человек из публики. Настроение остальных выразил мне мой пулеметчик Орлов, шепнув мне «господин штабс-ротмист, разрешите уехать, коня жалко». Мне осталось неясным, зачем пригласили офицеров? Повидимому для того, чтобы они услышали возмущенные слова по поводу их уходов. Но для нас была слышна совершенно определенная нотка в их речах, страх за будущее в связи с отъездом руководителей офицеров и бессильная ярость. Солдатня думала унизить своих офицеров, заставить их плясать по их дудке, а в результате вышло, что сами офицеры облили их своим презрением и, конечно, огромный процент сознательных солдат думает, — а как же будет дальше? Был в связи с этим поднят вопрос о скорейшем производстве офицеров, и было предложено временно командующему полком Крапоткину совместно с комитетом обсудить кандидатов, на что он ответил категорическим отказом. Тогда ограничились представлением ему списка кандидатов. Причем ведь они, идиоты, весь вопрос свели к баллотировке офицерским собранием. С трудом удалось им вбить в голову, что теперь нет речи о каких-либо баллотировках. Коснулись и вольноопределяюшихся. Один из унтер-офицеров заявил, что один плохо делает гимнастику, на это опять Крапоткин заявил, что в данное время лучше быть развитым офицером, чем хорошо прыгать через кобылу.

Затем перешли к вопросу о негласных суммах. Что с ними делать, прения были страстные. Илья заявил, что командный состав и интендантство требуют сдачи их в казну, но это было настолько против желания многих жуликов, что 6-го эскадрона улан Крапивин крикнул: «Если командный состав не исполнит нашего решения поделить все, то у нас есть штыки и винтовки», то-есть, просто призывал взломать денежный ящик. Ветеринарный врач Кочубеев заявил, что если всякая сторона моральная отпала, то не проще ли выйти на большую дорогу и заняться грабежом. На голосовании было постановлено большинством 27 голосов против 14 раздать деньги на руки. Конечно, Буторов и я были в числе 14. Когда стали разбирать, каким путем это сделать, мы уклонились от дальнейшего участия. Затем председатель сообщил результаты корпусного съезда: большевиков было 35, умеренных 47, принята была согласительная формула, просто большевицкая. Осуждения им нет, а есть требование открытия тайных договоров, немедленный мир без аннексий и тому подобная ерунда. Сегодня, надеюсь, мне пришлось последний раз присутствовать на заседании солдатской организации и вышел я глубоко огорченным. Все погибло, не на кого надеяться. Великая Россия рухнет, дни ее сочтены. Если среди наших солдат, сравнительно воспитанных, развитых, наступило такое разложение, то что же можно ждать от глубоких серых масс пехоты. Великую услугу оказали России Ленин, Бронштейн, Гольдман, Розенберг, Урицкий, Иоффе и прочие «русские люди», вся эта интернациональная шайка. Нам же пока что осталось сказать: спасайся, кто может!, может еще пригодимся. Есть еще слабая надежда на союзников.

18 ноября 1917 года. Сегодня уехал я из полка, в котором, верой и правдой, прослужил шесть с половиной лет и который не думал так скоро покинуть. Вчера созвал к себе комитет и часа три с ними беседовал. Заявил им, что уезжаю, как больной, вернусь ли скоро или нет, не знаю. Может, пробуду более двух месяцев и меня отчислят от команды. Всей команды прощаться не собираю, прешу передать людям сердечный привет и благодарность, что за время семимесячной службы совместной, особенно в такое трудное время, у нас не было даже намека на какое-либо трение в наших отношениях. Сохраняя о пулеметчиках самые лучшие воспоминания, желаю им в будущем оставаться такими же дружными, доблестными в полной уверенности, что никакие силы не разрушат чудного духа нашей команды и Лейб-Уланы пулеметчики будут всегда служить не за страх, а за совесть, примером всем другим. Они были поражены моим решением уехать, говорили, что так ждали моего возвращения; надеялись, что, как и раньше, буду ими руководить, советовать и вдруг я их оставляю!.. Что такого начальника у них не было и не будет, что вся команда разволунется; что не может быть речи о каких-либо претензиях, а лишь глубокая благодарность за неизменно доброе отношение. Вспомнили, как при приеме команды, мой родной 6-ой эскадрон принес меня на руках с хором трубачей и как тогда он обещал меня оберегать и во всем слушаться, так и впредь, несмотря ни на что, обещают мне полное доверие. Расстались мы самыми добрыми друзьями, что они и доказали, отправив моих обоих лошадей, Катавасию и Картинку, к моему верному рехмету Атаману в деревню. Лишь советовали не собирать команду,

иначе она меня не отпустит. Я и сам так думал, желая избежать всяких чествований и речей, что было бы неизбежно. Да, мне моих пулеметчиков искренно жаль. С первого дня мне с ними было очень хорошо, хотя Кушелев их здорово распустил и Миклашевский сказал, что мое назначение — чисто политическое, так как основа полка в данное время — пулемет, огонь. Господь помог мне сделать из этих петроградских рабочих действительно славных Лейб-Улан, которые до последних дней могли служить примером верности и доблести и исполнения долга. Гвоздев, мой денщик, заменивший заболевшего верного Адоньева, говорил, что команда плакать будет, когда узнает. Поздно вечером, на ночь глядя, покинул я полк. До свидания, старый полк, наверное — прощай! С тяжелым сердцем покинул я тебя, а с новым я не прощаюсь, я в нем — чужой, а всем сердцем грущу о полке Лейб-Улан Ее Величества до 1-го марта 1917 года. Под старым, седым штандартом прослужил я лучшие годы моей жизни, если слух о замене его революционным знаменем оправдается, то это будет и лучше. Не место свидетелю вековой славы полка в его теперешних рядах! Близко узнав новых наших солдат и комитеты, не сомневаюсь, что конец его, как боевой единицы, близок, если уже не наступил. Когда мы, коренные офицеры, прослужившие с этими солдатами со дня их призыва, спаянные на поле сражений вражеским огнем, потеряли авторитет, то каково будет значение офицера из солдат? Или нужна будет такая зверская дисциплина, о которой мы и думать не могли, да и не надо было, мы верили взаимно. В демократизации, в свободе армии не спасение, а неизбежная ее гибель, а с нею и Родины. Рогда раньше думалось, что настанет неизбежный день ухода из полка, при одной мысли становилось бесконечно грустно, а сейчас уезжаешь с легким сердцем и только мыслишь — как бы подальше! Полка уже нет, есть толпа, где интеллигентному и верному заветам предков офицеру нет места.

Зашел в канцелярию. Писарь Михайлов тоже поражен моим уходом. «Если вы уходите», говорит. «что же остается делать солдатам? Вас считали верным, своим офицером», но сам Михайлов говорит, что служить нельзя и трудно передать, что творится сейчас в солдатской среде. Уже идет разговор, что Николаев — буржуй и его столкнут. Я начинаю думать, что Николаев — порядочный прохвост, и я его не очень понимаю. Он очень неглупый человек и единственное объяснение его политики — жажда власти, и в этом он всегда был грешен. Когда я, будучи два года полковым адъютантом, отдавал ему категорическое приказание против его мнения, он целый день ходил обиженным.

Итак, могу лишь пожелать командному составу удачи в его начинаниях, но в успехе его позволю себе сильно сомневаться. С друзьями особенно не прощаюсь, так как, Бог даст, в другой обстановке, свободными людьми, встретимся.

Еду со старым Тизеном оба — как больные, я — с пороком сердца, он с острым ревматизмом. Вскоре уедут Юрий Смагин и Шабельский, в начале декабря — Эллисс и Каменский, а пока ничего не решили Длусский, Малама, Осоргин, Кирилл Нарышкин и так называемый командир «полка» Илья Крапоткин. Мне понятен лишь один Илья, но другие, особенно — Кирилл, нет. Жажда сильных ощущений или вера в чудо, но я изверился!

А. Поливанов

Унтер-офицеры Императорской Гвардии

(страничка из жизни лейб-гвардии Преображенского полка)

На этот раз, мне хочется рассказать о наших прямых начальниках, наших воспитателях, об унтер - офицерах полка. Командир Нестроевой роты тороевой роты нашего полка, ведший все сложное полковое хозяйство, полковник Михайлов, в турецкую войну, был старшим унтер-офицером и старшим Обозным полка. В момент когда полк оказался в тяжелом положении, из за полной невозможности доставить ему питание и солдаты и господа офицеры три дня почти, можно сказать, голодали, Михайлов самочинно произвел ночную разведку, из которой пришел к заключению что можно рискнуть и пробраться с обозом в полк, для доставки ему пропитания. Собрав все что у него имелось старых мешков, кусков шпагата и ненужных тряпок, он обмотал ими все колеса своего транспорта и ночью пробрался бесшумно в полк, накормил всех, оставил им некоторые запасы и благополучно вернулся в тыл, для пополнения своих запасов. За этот подвиг, унтер-офицер Михайлов получил первый офицерский чин, с оставлением при полку, на той-же должности.

Полковник Михайлов был из крестьян Воронежской губернии и, в мое время, всегда ходил по казармам с палкой, которой тут-же на месте и «учил» проштрафившихся. Никогда не применял он иного наказания, исходя из того что «посади его в карцер — лодырничать будет, а другие за него работать». Он был настолько ценный человек в Команде что никто никогда не был на него в обиде за его «отеческое наставление». На своем месте он был совершенно незаменим.

Другой был фельдфебель 9-й роты, крестьянин Полтавской губернии Никита Григорьевич Щеголев, кавалер двух Георгиевских крестов за Турецкую войну. При мне он уже служил в лейб-гвардии Сводном полку и имел большие шейные медали — серебряную и золотую. Говорили что Государь Император хотел произвести его в офицеры но, будто-бы, тот отказался сказав: «Ваше Императорское Величество разрешите мне служить до гроба нижним чином в мундире Преображенского полка». Тогда его назначили полковым фельдфебелем. На обязанности его было проверять все полковые караульные посты. Государь был крестным отцом его сыновей и когда он приезжал на полковой праздник, все господа офицеры очень радостно его встречали. Собственный Его Величества Сводный полк главным образом, охранял Государя Императора и Полковой Фельдфебель имел ответственность и проверял все полковые посты. При встрече, ему командовали «смирно!» и подходили с рапортом.

Ко дню 25-летия сверхсрочной службы третьего — фельдшера Кузьмина, служивший тогда в полку Великий Князь Михаил Александрович подарил ему золотые часы.

Не забыть мне и нельзя забыть фельдфебеля Васильева, георгиевского кавалера, бывшего ктитором Полкового Собора. Он скончался при мне, в 1904 году и на его место был назначен фельдфебель нашей роты, наш дорогой и всеми любимый, вернейший из верных, честнейший из честных, милейший из милейших — Иван Тихонович Тихонов, который был все время полковым знаменщиком. Это была такая исключительная доброта, которой не было равной не только в полку, а может и во всей Русской армии. Он не любил наказывать но служил всем своим личным примером. У него был обычай — когда господа офицеры угощали роту водкой, всегда, после чарки, что-то еще оставалось в бутыли. Этот остаток он забирал к себе в комнату и каждый день, перед обедом, зазывал к себе взводных и угощал рюмкой, пока бутыль не кончалась. Вся 10-я рота его прямо обожала. Своими выговорами, он часто доводил до слез солдата и никогда, почти, не наказывал. Его слова было достаточно. Вся рота называла его «наш отец Иван Тихонович». Во время красносельской зари, Государь, объезжая лагерь, проезжая перед строем 10-й роты, всегда с ним здоровался отдельно: «здравствуй Иван Тихонович!». Тихонов служил в Соборе до самой революции, и до сих пор, когда я его вспоминаю, мне становится грустно за него и за всех верных Государевых слуг.

При этих мыслях, мне невольно вспоминаются и такие люди, как был вахмистр эскадрона Его Величества лейб-гвардии Конного полка Мартын Иванович Хоменко и фельдфебель Гвардейского Экипажа Гаврилов и столько та-

ких верных слуг, так ужасно пострадавших и только за то что они верно и нелицемерно служили Государю Императору и своему великому и славному Отечеству.

Вспоминая свое прошлое, хочется мне вспомнить и некоторые интересные вещи из нашей полковой жизни.

Со времени командования полком Великого Князя Константина Константиновича, в полку было заведено и Высочайше утверждено что все солдаты становились во фронт всем господам офицерам полка. Отношение офицеров к нам, нижним чинам, было такое хорошее и доброе, что нас это правило нисколько не тяготило. Лучшего отношения со стороны офицеров к солдату, чем было у нас в полку, — нельзя было и желать. Здесь, в эмиграции, наши бывшие полковые командиры генералы Александр Павлович Кутепов и Арсений Анатольевич Гулевич, как и флигель-адъютант полковник Владимир Владимирович Свечин были для меня, как самые родные и близкие, к которым я шел как к себе домой и всегда был приглашен к их столу. Я даже не знаю и часто думаю — чем я смогу ответить всем нашим полковым офицерам за их трогательное чувство ко мне?

Старший унтер-офицер 8-й роты Гончаров организовал в роте такой великолепный балалаечный хор, что ротный командир капитан Гольтоер обратился по начальству к Государю Императору с просьбой чтобы его хор выступил в Мариинском театре и вот, под управлением этого Гончарова, в Высочайшем присутствии, хор так хорошо выступил что Гончаров получил за это — золотые часы. По окончании службы, Гончаров, по ходатайству капитана Гольтоера, был зачислен в Личную Охрану Государя, которой командовал генерал-майор Спиридович.

4-й роты унтер-офицер Коробка, на корпусных состязаниях стрельбы, взял корпусный приз — золотые часы, причем выбил квадрат 15. После службы, он был принят железнодорожным жандармом на Николаевский вокзал в Петербурге.

Фельдфебель 5-й роты Кононов, при стрельбе из револьвера, из семи пуль сделал квадрат —, то-есть попал 3 пули в № 1 а 4 — в ноль. При выдаче ему приза, Государь Император приказал заделать эту мишень в рамку и повесить в ротном помещении, для примера всем стрелкам.

Все эти труженики были основой нашей армии. Кроме того, что они служили няньками молодым солдатам, внушая им важность дисциплины и верности службе на словах, они на деле, на своем личном примере, служили всем настоящим образцом.

Всем Вам, мои сослуживцы подпрапорщики, фельдфебеля, вахмистра, унтер-офицеры всех родов оружія, оставшимся в живых и судьбой раскинутым по всему Земному Шару, оставшимся верным своей присяге Царю и Отечеству, через моря, высокие горы, дремучие леса и широкие поля, всем шлю мой душевный и сердечний привет и низкий поклон со словами:

«Мы верно служили при Русских Царях,
«Со славой и честью дралися в боях...»

Доживающий в изгнании свои старческие годы в Доме Русских военных инвалидов во Франции ваш старый сослуживец лейб-гвардии Преображенского полка старший унтер-офицер 10-й роты **Терентий Пархоменко.**

Всех отошедших в иной мир и устлавших своими костями весь земной шар, поминаю — Упокой Господи души всех воинов Российских, павших за Веру, Царя и Отечество — имена их — Ты, Господи веси. Вечная им память!

Т. В. Пархоменко

Ляонское сражение 1904 г.

Ляоян был выбран местом сосредоточения нашей Манджурской армии. Он был крупным населенным пунктом и важным узлом путей сообщения. С начала войны Ляоян усиленно укреплялся под руководством военного инженера генерала Величко. Его позиции состояли из двух оборонительных полос : передовой — Ляндянсянь-Айсяндзянской и главной — Ляоянской.

Ляндянсянь-Айсяндзянская позиция, протяжением в 70 километров, находилась к юго-западу от Ляояна и являлась его передовой линией обороны. Второй рубеж обороны, протяжением в 22 километра, пролегал по высотам, начиная от железнодорожной линии до реки Тайцзыхэ. Слабым местом этой позиции было то, что с появлением японских войск на северном берегу реки Тайцзыхэ ей угрожал обход.

Наконец, главная ляоянская позиция тянулась полукругом к югу от Ляояна и упиралась своим левым флангом в реку Тайцзыхэ. Ее укрепления состояли из фортов и редутов полевого типа. Недостатком этой позиции было отсутствие глубины и неукрепленные фланги ее.

Местность к югу от Ляояна в своей восточной части была гориста, но по мере ее протяжения на запад, она принимала все более и более равнинный характер. В начале августа 1904 года у Ляояна собрались значительные силы нашей Манджурской армии: 1-ый Сибирский корпус генерала барона Штакельберга, 3-ий Сибирский корпус генерала Иванова, 2-ой Сибирский Корпус (в составе одной дивизии) генерала Засулича, 10-ый армейский корпус генерала Случевского, 17-ый армейский корпус генерала Бильдерлинга и, к северу от Ляояна, 4-ый Сибирский корпус генерала Зарубаева и конница генерала Мищенко. Далее к северу, у Шахэпу, находилась бригада 54-ой пхотной дивизии (5-го Сибирского корпуса) генерала Орлова.

Против нашей армии действовали три японские армии под главным командованием маршала Ойяма: на юго-восток от Ляояна 1-ая армия Куроки и на юго-запад 4-ая армия Нодзу и 2-ая армия Оку.

19 июля наш Восточный отряд, после ряда арьергардных боев, отошел на Ляндянсянскую позицию. Ввиду периода дождей наступило затишие в боях.

Маршал Ойяма разработал план дальнейшего наступления на Ляоян: он решил обойти Ляоян с северо-востока армией Куроки, дабы таким образом отрезать нашей армии путь отхода на Мукден и, одновременно, сильными фронтальными атаками 2-ой и 4-ой армий сковать наши войска южнее реки Тайцзыхэ. Японские армии занимали охватывающее положение относительно наших позиций.

Генерал Куропаткин решил, в свою очередь, упорно оборонять Ляоянские укрепленые позиции и маневрировать по обоим берегам реки Тайцзыхэ.

Бои на подступах к Ляояну. К 10 августа наша армия состояла из двух групп: **Южной,** с 1-ым Сибирским и 2-ым Сибирским (одна дивизия) корпусами на Айсяндзянской позиции с 4-ым Сибирским корпусом в резерве, и **Восточной** — с 3-им Сибирским и 10-ым армейским корпусами у Ляндянсяна и 17-ым армейским корпусом в резерве. В промежуток между Южной и Восточной группой были выдвинуты небольшие отряды генералов Толмачева и Грекова. Правый фланг Южной группы прикрывался конницей генерала Мищенко, а левый фланг Восточной группы обеспечивался отрядом генерала Любавина.

Генерал Куропаткин приказал войскам не ограничиваться лишь арьергардными боями, но при благоприятной обстановке переходить в наступление, дабы отбросить японцев.

Напротив нашей Восточной группы под командой командира 17-го армейского корпуса генерала Бильдерлинга стояла 1-ая японская армия Куроки (2, 12 и гвардейская дивизии). Она занимала Ющулин-Тхавуанскую позицию. Ее правый фланг прикрывала резервная бригада Умесавы. Против нашей Южной группы действовали 4-ая армия Нодзу и 2-ая армия Оку.

11. августа японцы решительно атаковали 3-ий Сибирский корпус и он был вынужден очистить позиции у Тасинтуна. 13 августа японская гвардейская дивизия возобновила наступление на Тунсинпу, где у Павшагоу наткнулась на двигавшийся ей навстречу 140-й пехотный Зарайский полк под командой полковника Мартынова, который по личной инициативе атаковал японскую гвардию, опрокинул ее и гнал 3 километра. За этот подвиг полковник Мартынов был награжден орденом Св. Георгия 4 степени.

Генерал Куропаткин, несмотря на этот успех, опасаясь обхода правого фланга Восточной группы, приказал армии отходить на главные Ляоянские позиции.

За время боев на подступах к Ляояну русские войска потеряли 430 человек, а японцы — около 1.000 человек.

Японцы, повидимому, не ожидали нашего от

хода и не препятствовали ему, хотя могли бы нам причинить большие потери, ввиду большого скопления людей и обозов на перевалах, выдвинув артиллерию на горный хребет.

15 августа 1-ая гвардейская бригада энергично атаковала арьергарды 10-го и 3-го Сибирского корпусов, причем на фронте генерала Гершельмана (начальник 9-ой пехотной дивизии) в продолжение 6 часов шел ожесточенный бой и 35 пехотный Брянский полк понес серьезные потери, а командир 2-ой бригады 9-ой пехотной дивизии генерал Мартеон был смертельно ранен. Японские атаки были отбиты.

Генерал Куропаткин решил оборонять линию Сяпу, Миндяфан, Маэтунь. Корпуса Южной группы должны были отходить за реку Шахэ.

Боевые действия на Ляоянских позициях.

В течение 16-го августа наши войска устраивались на Ляоянских позициях. Маэтунскую позицию занял 1-ый Сибирский корпус на протяжении 8 километров между Гуцзяцзы и Синьлинтунь. На Цофантунской позиции на 6 километров расположился 3-ий Сибирский корпус. Еще левее, под углом к 3-му Сибирскому корпусу, Кавлицунскую позицию занял 10-ый армейский корпус. Общий резерв составили 2-ой Сибирский корпус (одна стрелковая дивизия) и 4ый Сибирский корпус севернее Ляояна. Правый фланг Ляоянского укрепленного района обеспечивался конным отрядом генерала Мищенко. На правом берегу реки Тайцзыхэ стоял 17-ый армейский корпус, причем к Бенсиху был выдвинут отряд полковника Грулева. Левый фланг нашего расположения прикрывался конницей генерала Любавина.

По плану японского командования 1-ая армия Куроки должна была большей частью своих сил переправиться на правый берег реки Тайцзыхэ для обхода левого фланга русской армии и угрозы ее сообщениям. В течение 16 августа японцы сосредоточивались для атаки Ляоянских позиций, а 12-ая пехотная дивизия и бригада 2-ой пехотной дивизии подготовляли переправу через реку Тайцзыхэ. Атака наших позиций была назначена на 17 августа. 4-ая японская армия Нодзу ($2^1/_2$ дивизии) наступала на Цофантунскую и Кавлицунскую позиции. 2-ая армия Оку (4 дивизии с конницей Акияма и тяжелой артиллерией) должна была атаковать наш правый фланг у Маэтунь, дабы его обойти с запада. Таким образом, на наш правый фланг наступало около 48 батальонов с тяжелой артиллерией. Цофантунскую и Кавлицунскую позичии атаковывали 40 батальонов японцев. У японцев был перевес в артиллерии.

17 августа японская артиллерия открыла сильный огонь по нашим позициям. На фронте Маэтунь-Мандяфань разгорелся жестокий бой. 2-ая японская армия атаковала 1-ый Сибирский корпус, а 4-ая армия повела наступление на 3-ий Сибирский корпус. Правый фланг нашего 10-го армейского корпуса подвергся также атаке. После упорного боя японцы были отброшены с большими потерями. Жестокий бой произошел на фронте 1-го Сибирского корпуса, где 3-я японская дивизия атаковала фронт Саоянсы, Дацзыин. 1-ый Сибирский корпус пришлось усилить частями 4-го Сибирского корпуса, которые удлинили его правый фланг. На фронте 10-го армейского корпуса особенно удачно действовал 1-ый дивизион 9-ой артиллерийской бригады полковника Слюсаренко, который, стреляя с закрытой позиции, привел к молчанию ряд японских батарей. За день боя дивизион выпустил 9.000 снарядов.

Левый фланг 10-го армейского корпуса за весь день японцами не был атакован.

Ввиду отбития японских атак и больших потерь у них, в наших войсках появилась уверенность в конечном успехе, настроение у всех было приподнятое. Ночь была довольно беспокойная. На правом фланге 6-ая японская дивизия атаковала с запада части 1-го Сибирского корпуса, но и эта атака была отбита.

18 августа на рассвете японцы пытались наступать в открытый промежуток между 1-ым Сибирским и 3-им Сибирским корпусами, но и это продвижение было остановлено нашим артиллерийским огнем и японцам пришлось оставить деревню Дава. Против левого крыла 3-го Сибирского корпуса и против 10-го армейского корпуса японцы ничего не предпринимали, причем оттуда можно было наблюдать движение японских колонн в восточном направлении.

Стало известно, что японцы значительными силами переправились на северный берег реки Тайцзыхэ у Сакань. Несмотря на наличие у нас довольно сильной кавалерии и присутствия на правом берегу Тайцзыхэ 17-го армейского корпуса, ничего не было предпринято, чтобы сбросить японцев в реку. Дело ограничилось лишь тем, что 35-ой пехотной дивизии было приказано занять высоты у деревни Сыквантунь. Таким образом, японцы смогли выполнить свой смелый маневр. Если бы Куропаткин проявил бы инициативу и атаковал бы японцев во время переправы, то он одержал бы победу над ними. Еще больший успех был бы у нас, если бы мы собрали все резервы на западном берегу реки Тайцзыхэ и нанесли бы удар во фланг и тыл японцев. Куропаткин на этот маневр также не решился. Был отдан новый приказ, в котором было сказано, что ввиду переправы значительных сил японцев на правый берег реки Тайцзыхэ, решено обороняться на западном берегу реки, причем для сокращения фронта наши войска отводятся на линию Ляоянских фортов. Для обороны их назначаются 4-ый Сибирский кор-

пус,, 5-ая Восточно-Сибирская стрелковая дивизия (2-го Сибирского корпуса) и бригада 10-го армейского корпуса. Остальные части должны были собраться на правом берегу реки Тайцзыхэ для решительного наступления против японцев. Этот приказ об отходе, после отбития японских атак, на линию фортов произвел на всех удручающее впечатление.

В это время, в течение 18 августа, охотники Брянского и Воронежского полков (10-го армейского корпуса) ходили в японские окопы и установили, что они были оставлены японцами. Это побудило временно командующего 31-ой пехотной дивизией генерала Васильева предложить перейти в решительное наступление против японцев. На запрос командира 10-го корпуса генерала Случевского, генерал Куропаткин выполнение инициативы генерала Васильева не разрешил, под предлогом, что это поведет к удлинению фронта.

Вечером был получен приказ об отходе на новые позиции. 1-ый Сибирский корпус отводился в район Иншуйсы, конница генерала Мищенко переходила к Янтайским копям, туда же направлялся отряд генерала Орлова (5-го Сибирского корпуса — 12 батальонов и 2 батареи). 3-ий Сибирский корпус сосредоточивался на северной окраине Ляояна, а 10-ый армейский корпус (без одной бригады) перебрасывался в Сичен.

Это отступление не вызывалось обстановкой. Наша пассивность позволила японцам переправиться через реку Тайцзыхэ, оставив свой тыл открытым. У Свянмаоцзы японцы оставили лишь четыре роты. Таким образом, инициатива генерала Васильева сулила бы успех.

В боях за передовые позиции наши войска потеряли 6.540 человек, а японцы 11.900 человек.

План Куропаткина был сложен и для выполнения требовал много времени. Всего в нашу правобережную группу было назначено 95 батальонов, 60 сотен и 340 орудий, то есть силы, превосходившие армию Куроки. Пока шла перегруппировка наших войск к левому флангу. Куроки продолжал свои движения вперед.

В ночь на 19 августа русские войска производили передвижения согласно приказу Куропаткина: на правом фланге, на линии фортов, фронтом на запад, расположился 4-ый Сибирский корпус. Его правый фланг упирался на форт № 8, на правом берегу реки Тайцзыхэ. Его левый фланг доходил до железнодорожной линии. Левее его стоял 2-ой Сибирский корпус в составе 5-ой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и бригады 10-го армейского корпуса. На северной окраине Ляояна находился в резерве 3-ий Сибирский корпус. 1-ый Сибирский корпус собрался в районе Иншуйсы, на северовосток от Ляояна. 10-ый армейский корпус сосредоточился у Сичэн. Отряд генерала Самсонова и бригада генерала Орлова двигались в район Янтайских копей.

В это время 2-ая и 4-ая японские армии достигли оставленных русских позиций и занялись установкой артиллерии. На левом берегу Тайцзыхэ у японцев осталось 71 батальон, 23 эскадрона и 364 орудия против 72 батальонов, 14 сотен и 184 орудий отряда Зарубаева. Таким образом у японцев там было почти двойное превосходство в артиллерии.

Японские войска левобережной группы в этот день себя активно не проявляли и только в 16 часов японская артиллерия начала интенсивный обстрел Ляояна и этим нарушила работу по его эвакуации русскими войсками.

Между тем, армия Куроки начала свое движение. Утром 12-ая японская дивизия перешла в наступление в западном направлении. Левее ее двигалась 15-ая бригада Окасаки с задачей овладеть Нежинской сопкой и деревней Сыквантунь. Куроки получил донесение, что резервная бригада Умесавы заняла Бенсиху. Были получены сведения, что русские войска двигаются в сторону Янтайских копей. Это была разведка генерала Самсонова. Отряд генерала Орлова, прибывший к Янтайским копям, начал там укрепляться, вместо того, чтобы ударить японцев во фланг. Уже одно появление наших войск у Янтайских копей заставило японцев быть осторожнее. Куроки приказал бригаде Умесавы наступать на Янтайские копи.

Между тем 15-ая бригада Окасаки начала наступление на Нежинскую сопку и охватила левый фланг Нежинского полка, который отошел на сопку. Окасаки решил взять сопку штурмом. В 17 часов японцы начали наступление в густом тумане. В 20 часов японская артиллерия открыла сильный огонь по русским позициям. Болховский полк, стоявший правее Нежинского полка, не выдержал артиллерийского обстрела и очистил деревню Сыквантунь. В свою очередь, Нежинцы, охваченные с флангов, оставили сопку. Потом ночью Нежинцы штыковой атакой, при поддержке соседей, выбили японцев с сопки. При лунном свете японцы вновь атаковали сопку и окончательно захватили ее. Таким образом, одна бригада японцев, ввиду чрезвычайной растяжки сил 17-го армейского корпуса, захватила важную сопку. так как с прорывом у Нежинской сопки открывалась дорога к железнодорожному пути на Мукден.

Куропаткин в своем плане наступления правобережной группы предполагал ее развернуть на фронте Сыквантунь-Янтайские копи. Причем, приняв Сыквантунь за ось, захождением левым плечом хотел ударить во фланг японцев переправившихся и прижать их к реке Тайцзыхэ. 17-му армейскому корпусу предписывалось

упорно оборонять Сыквантунские позиции. Наступление должно было начаться 20 августа под личным командованием Куропаткина.

Обстановка за ночь на 20 августа изменилась, так как мы потеряли Сыквантунь, то есть ось нашего захождения. К утру 20 августа 17-ый армейский корпус находился на Сухутунской позиции. Отряд генерала Орлова занимал Янтайские копи, а у Анцяпуза располагался конный отряд генерала Мищенко.

Вторую линию наших войск, собранных для наступления против Куроки, составляли 10-ый армейский корпус у Эрдагоу, 1-ый Сибирский корпус подходил к Лилиенгоу, а 3-ий Сибирский корпус был у Чжансунтунь. Наши войска, собранные на правом берегу реки Тайцзыхэ, имели подавляющее превосходство над силами Куроки. Несмотря на свою слабость, Куроки решил наступать на линию Лататай-Сандяпу: 12-ой пехотной дивизией на Сандяпу, а 2-ой пехотной дивизией на Лататай. Гвардии было приказано переправиться у Кавченцзы. Японцы наступали очень осторожно, так как их правому флангу угрожал отряд генерала Орлова. Генерал Бильдерлинг решил вновь взять позицию Сыквантунь-Нежинская сопка. После артиллерийского обстрела наша пехота перешла в наступление, но японцы (15-ая пехотная бригада Окасаки на Нежинской сопке и 23-тья бригада у Мадяпу) защищались упорно и выбить их оттуда не удалось. Между тем генерал Орлов, отряд которого был подчинен генералу Бильдерлингу, решил с утра атаковать японцев в Даяпу. Начало движения Орлова совпало с переходом в наступление японцев Шимамуры, что привело к встречному бою. Японцы наступали в высоком гаоляне и имели переносные вышки для наблюдения и вели удачный огонь по нашей пехоте. Наша же артиллерия была вынуждена бездействовать. Японцы начали охватывать отряд Орлова с обоих флангов. Наша пехота начала в беспорядке отходить. Попытки остановить людей были безуспешны. 54-ая пехотная дивизия генерала Орлова была резервной дивизией из Пензы с очень малочисленным кадровым составом. Она была пополнена в значительной степени запасными старых сроков. Дивизия в этом бою потеряла 1500 человек убитыми и ранеными. Ранен был и сам генерал Орлов. Отряду генерала Самсонова также пришлось очистить Янтайские копи. Таким образом, наступательный план генерала Куропаткина в самом начале потерпел неудачу.

В 17 часов началось наше фронтальное наступление тремя колонами частей 17-го и 10-го армейских корпусов под общим командованием начальника 35-ой пехотной дивизии генерала Добржинского на Сыквантунь и на Нежинскую сопку. Вначале наша атака была удачна и бригада генерала Экка заняла деревню Сыквантунь.. Наступление других колонн продолжалось в темноте, причем части, наступавшие по скрещвающимся направлениям, перемешались и бывали случаи, что вели огонь друг против друга. Все таки Нежинскому полку удалось вновь занять северную окраину сопки, которую он потом ночью очистил. У японцев в этом ночном бою также царил беспорядок.

На фронте генерала Зарубаева части 4-го Сибирского корпуса перешли в демонстративное наступление на фронте фортов 8 и 5, причем наша правая колонна столкнулась с частями 4-ой японской дивизии, которая собиралась нас атаковать. Эти японские фронтальные атаки были нами отбиты с большими потерями для японцев.

Несмотря на неудачу японских атак на Ляоянские укрепленные позиции и наличия сил для дальнейшего наступления против Куроки, наступательный порыв у Куропаткина погас и он решил отойти к Мукдену. К тому времени у японцев обстановка была также очень серьезной: войска Куроки понесли большие потери и были утомлены тяжелыми боями и у них ощущался недостаток в снарядах. Японской гвардейской дивизии не удалось переправиться через реку Тайцзыхэ, поэтому Куроки наметил отход за реку Тайцзыхэ 21 августа в 6 часов. К счастью для японцев, генерал Куропаткин к 4 часам 21 августа разослал приказ об отступлении. Генералу Зарубаеву было приказано удерживать позиции у Ляояна до 18 часов 21 августа, дабы дать время очистить Ляоян от скопившихся обозов. Отряд генерала Кондратовича перебрасывался к станции Янтай, дабы ее обеспечить от резервной бригады Умесавы. Наш отход облегчался пассивностью японцев, понесших большие потери в боях у Ляояна. Отступление прикрывал 1-ый Сибирский корпус. К 26-му августа наша Манджурская армия была за рекой Хуньхэ.

В боях за Ляоян японцы потеряли свыше 24.000 человек, русские потеряли около 17.000 человек. Лобовые атаки японцев на наши укрепленные позиции были нецелесообразны: им нужно было усилить обходящую армию Куроки.

Действия генерала Куропаткина были лишены инициативы и были нерешительны, в этом заключалось наше несчастие. Войска же дрались геройски и жертвенно.

Н. Н. Р.

Неприятельские знамена взятые Русской Армией в войну 1914-1917 гг.

Взятие знамени почиталось всегда и во всех армиях величайшим подвигом. Окончившаяся полным развалом армии и небывалой революцией первая мировая война не позволила подвести итоги того, что в этой области было совершено русскими войсками. А сделать это следует, хотя бы потому, что по количеству взятых знамен русская армия, как будто, занимает первое место. Но выявить тут правду не легко, во первых, потому что мы лишены доступа к архивным документам и все наши данные черпаем или из печати или же из показаний участников, а во вторых, потому что нет области, в которой противники не обнаруживали бы такую чувствительность и нервность, как в вопросе о потерянных и взятых знаменах. Тут все сообщения, даже самые официальные, все показания очевидцев, требуют всегда самой тщательной проверки. Конечно, когда есть возможность сличить оригинальные документы двух сторон, как это имело для нас место при разборе, в той же области, франко-немецкого спора, то можно приблизиться к правде, но все наши работы трактующие прошлое русской армии, страдают полной невозможностью ознакомиться с делами хранящимися в русских архивах. В помещенной ниже краткой сводке, мы подводим итог всего того, что нами собрано по сей день, обращаясь к читателям «Военной Были» с просьбой сообщить нам все, что им достоверно известно по этому вопросу.

I. ГЕРМАНСКИЕ ЗНАМЕНА [1]

I. 1-й батальон 34-го фузилерного королевы Виктории Шведской полка.

13/26 февраля 1915 г., 6-я германская пехотная бригада была совершенно разбита, под Праснышем, Сибирскими стрелками. 1-й батальон 34-го полка целиком был взят в плен 3-м сибирским стрелковым полком. Знамя, сорванное с древка, было брошено в колодец, в котором оно и было найдено (полотнище, навершие и ленты). Бывший командир полка, ген. Добржанский сообщил нам исчерпывающие сведения с русской стороны, которые вполне подтверждают и немцы. Это единственное германское знамя попавшее в русские руки.

Из немецких источников, сообщенных Б. П. Ашехмановым, следует, что в Гумбиненском сражении знамена 128-го и 141-го полков, были взяты русскими, первое, как будто 107-м пехотным Троицким полком, а второе, 108-м пех. Саратовским, но в рукопашном бою были отбиты обратно.

То же случилось и в бою 4/17 ноября 1914 г. в Польще, со знаменем 2-го батальона 2-го резервного гвардейского пехотного полка. 9 октября 1914 г. у Бакаларжева, 2-й батальон 18-го ландверного полка сжег свое знамя, а в феврале 1915 г. в Августовских лесах 1-й батальон 17-го пехотного полка потерял свое знамя, которое было обнаружено, много дней спустя, под трупами убитых, и возвращено в свой полк.

После потери на французском фронте 12 знамен, из которых одного гвардейского, летом 1915 г. германская армия отправила все свои знамена в Германию. Австро-Венгерская армия скоро последовала этому примеру и тоже убрала свои знамена с фронта.

II. АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ЗНАМЕНА

1. 11-й гонведный пехотный полк (Мункач)

Бывшее знамя 44-го гонведного батальона. Взято 13/26 августа 1914 г. под Тарнаваткой. Подробности приведены ген. Головиным, в его труде «Галицийская битва» (стр. 266). Ссылаясь на свидетельство полк. Черныша, ген. Головин приписывает этот трофей 67-му пех. Тарутинскому полку и приводит подробности взятия знамени. При сличении труда ген. Головина с венгерскими источниками, выходит как будто, что Тарутинцы не могли встретиться в бою с 11-м полком. Если они взяли знамя, то оно принадлежало другому полку, если же потеряно было действительно знамя 11 гонведного полка, то взято оно было не Тарутинцами. Нам не известны фамилии взявших его солдат. Однако потеря полкового знамени 11-го полка у Тарнаватки подтверждается Австро-Венграми.

2. 67-й пехотный венгерский графа Края полк.

О взятии именно этого знамени 13/26 августа под Тарнаваткой пишет ген. Белой. «11-й гонведный полк был совершенно уничтожен и знамя 67-го полка осталось в русских руках». В 1937 г. мы обратились в Будапештский военный музей, который сообщил: «Знамя 67-го полка

[1] — в Германской армии каждый батальон имел знамя.

было потеряно во время боев в лесах 27-й дивизии. Оно тоже находится в России». Других упоминаний об этом знамени мы не нашли. Известно только, что поручик 68-го лейб-Бородинского полка Б. В. Алмазов взял ленту от венгерского знамени, на которой было вышито имя Эрц-Герцогини Стефании. Надо отметить также, что в списке потерянных австро-венгерской армией знамен, любезно сообщенном нам в 1963 г., 67-го полка нет.

3. 5-й пехотный венгерский графа Клобучара полк.

Знамя взято 15-28 августа 1914 г. в бою у Лащова ефрейтором Минаковым и подпрапорщиком Герасименко, 39-го пех. Томского полка. Подробности известны по многим источникам. Потеря признается австро-венграми.

4. 65-й пех. венгерский Эрц-Герцога Людвига-Виктора полк.

Взято в том же бою рядовыми Тельновым и Зверевым, 40-го пехотного Колыванского полка. Подробности известны и потеря эта также признана австро-венграми. Отметим, что в статье «Колыванца» (Военная Быль № 51) знамя приписано ошибочно «54-му» полку Эрц-Герцога Людвига-«Иосифа».

5. Некоторые источники (Колыванец, А. А. Керсновский) указывают на то, что после боя у Лащова было найдено еще одно, третье знамя. По этому поводу А. . Керсновский нам сообщал: «офицеры Колыванскаго полка писали мне, что кроме знамен 5 и 65 полков, взятых с боя, было взято еще одно знамя, кажется 7-го пех. венгерского полка, найденное на раненом офицере, пытавшемся его спасти. Об этом офицере, упорно отказывавшемся от перевязки и разрыдавшемся когда знамя нашли, писалось в свое время во всех наших газетах».

Австро-Венгры ничего об этом трофее не пишут. 7-й пехотный полк не был венгерским. Отметим также, что тогда, когда знамена 5-го и 65-го полков были выставлены в Петрограде, об этом 3-м знамени мы ровно ничего не нашли.

6. 50-й пех. венгерский Вел. Герцога Фридриха Баденского полк.

Знамя взято 16-29 августа 1914 г. на Гнилой Липе, капитаном Руссеном, 33-го пех. Елецкого полка. Подробности известны по многим источникам. Ген. Дубенский приводит их в своей книге (выпуск 3, стр. 24). Потеря знамени признается австро-венграми.

7. 2-й стрелковый полк Тирольского ландвера.

Ген. Головин (стр. 475) свидетельствует о взятии одного знамени 17-30 августа 1914 г. у Фирлюева частями 34-й пехотной дивизии. Лаконически упоминает о нем и «Русский Инвалид» от 10 сентября 1914 г. Австро-венгры молчат. В июне 1915 г. в Петрограде была выставлена лента от знамени 3-го маршевого батальона 2-го ландверного стрелкового полка.

8. Неизвестное знамя.

Взятое 20 авг.-2 сентября 1914 г. под Суходолами 7-м гренадерским Самогитским полком. Упоминание о нем мы находим в двух советских трудах, генералов Белого и Циховича, а также в записках генерала Буковского, командира л. гв. Егерского полка и полковника того же полка Бурмана. Ни номера неприятельского полка и никаких подробностей. Австро-Венгры об этой потере не упоминают.

9. 2-й полк Императорских Тирольских Егерей.

Принимая во внимание боевую славу, связанную с Императорскими Тирольскими Егерями, за этим знаменем следует признать особенную ценность. Командир 2-го полка, полковник Брош-фон-Аренау, был убит со знаменем в руках. Знамя взято 25 авг.-7 сентября 1914 г. под Завадами, рядовым Черным-Ковальчуком, 41-го пехотного Селенгинского полка. Все подробности известны. Потеря признана Австро-Венграми.

10. 31 гонведный пехотный полк (Веспрем)

Знамя взято 13-26 ноября 1914 г. у д. Смеловице, рядовым Березан, 129-го пех. Бессарабского Е. И. В. Великого Князя Михаила Александровича полка. Подробности известны. Мы обладаем ценным показанием ген. м. Покровского, бывшаго командира Бессарабского полка, ныне благополучно здравствующего в Париже. Австро-Венгры потерю эту признают.

11. 71-й венгерский пехотный полк.

Знамя указано взятым 15-28 мая 1915 г. у Перехинско, 310-м пехотным Шацким полком. О нем сообщала Ставка 16 мая 1915 г. В действительности знамя не попало в русские руки. Знаменщик успел бросить его в болото, где оно и погибло. На знаменщике были найдены ленты от знамени и чехол, на котором был обозначен номер полка. Австро-Венгры об этом трофее не упоминают.

12. Неизвестное знамя.

Взято 24 июня-7 июля 1915 г. на Быстрице.

О нем 24 июня сообщает Ставка. Но генерал фон-Лампе писал: «хочу вас предупредить, чтобы осторожно отнестись к вопросу взятия знамени 24 июня 1915 г., так как возможно, что это эпизод с одним финляндским стрелковым полком, когда взятое «знамя» оказалось потом только полковым значком, никакой цены не имевшим». Никаких указаний от Австро-Венгров.

13. Неизвестное знамя.

Взято 31 авг.-13 сентября 1915 г. капитаном Зубатовым, 61-го пехотного Владимирского полка. Оно известно только из реляции о награждении кап. Зубатова орденом св. Георгия 4-й степени.

14. 8-й пехотный Моравский Эрц-Герцога Карла Стефана полк.

Знамя взято 2-15 сентября 1915 г. у д. Городище, унтер-офицером Коваленко, 282-го пехотного Александрийского полка. Подробности известны. Австрийцы признают потерю этого знамени.

15. Неизвестное знамя.

Найдено в 1916 г. на пленном офицере в Красноярске. О нем упоминает в своем труде «В плену» (ч. 1 стр. 124) полковник Успенский. Из австрийских источников известно, что при сдаче Перемышля исчезли знамена 2-го, 5-го, 7-го и 8-го пехотных гонведных полков. Три из них «вероятно сожжены», а о судьбе четвертого, «ничего не известно». Возможно, что найденное на венгерском полковнике, скончавшемся при этом от разрыва сердца, знамя, принадлежало этому полку. Но подтверждения рассказа полк. Успенского мы еще не нашли.

Итак, отысканы указания о 15 взятых у Австро-Венгров знамен, тогда когда последние признают потерю только 9. Очень возможно, что среди упомянутых нами 15-ти знамен были значки, по ошибке принятые за знамена. Два из них, а именно №№ 7 и 11 представлены были только лентами. Среди указанных Австрийцами потерь фигурирует знамя 24-го пехотного гонведного полка (38-й дивизии), которое будто-бы было взято русскими 12-25 августа 1914 г. у Монастержицы. В русских источниках совершенно нет упоминания об этом трофее. Не исключается и то, что будучи потеряно венграми, оно не попало в русские руки (зарыто, уничтожено). Считаем благоразумным, отбросив до розыскания новых данных, все недоказанные случаи, а также «чехлы» и «ленты», остановиться на безспорных трофеях, а таких было ровно 8, знамена полков: 2-го Имп. Тирольских егерей, обще-имперских 5-го, 8-го 60-го и 65-го и гонведных 11-го и 31-го.

В Злочевском сражении 13-26 августа, 87-й полк спас полотнище знамени, но зарыл древко, а в бою под Равой Русской, 30 авг.-12 сентября 1914 г. 12-й гонведный полк зарыл свое, которое было отрыто только 11 октября 1915 г. и возвращено своему полку.

III ТУРЕЦКИЕ ЗНАМЕНА

1. 28-й Пехотный полк

Знамя взято, будто-бы, 22 дек.-4 января 1915 г., под Саракамышем, 154-м пехотным Дербентским полком. Единственное указание на это знамя — свидетельство полковника Константинова, переданное нам А. А. Керсновским. Оно требует проверки. Под Саракамышем была 28-я дивизия, но полка с таким номером как будто не было. Вообще, поскольку известно, турецких знамен под Саракамышем, не брали. По приказу Энвер-паши они заблаговременно были отправлены в Эрзерум.

2. 8-й пехотный полк

Взято 22 дек.-4 января 1915 г. под Ардаганом, есаулом Волковым, Iго Сибирского казачьего полка. Подробности известны. Знамя было выставлено в Тифлисе и много раз снято.

3. Неизвестное знамя

Взято 12-25 января 1915 г. у Софиан, в Алашкерской долине. О нем сообщала Ставка в своей сводке от 17 января 1915 г. Чье знамя, кем и как взято — не известно.

4. Неизвестное знамя

Взято 3-16 апреля 1915 г. на Архаве, 19-м Туркестанским стрелковым полком. Отыскавший этот трофей А. А. Керсновский, писал нам: «полк препроводил знамя за № 49, в штаб Михайловской крепости, в Батум».

5. — 16. 12 неизвестных знамен

Взяты 3-16 февраля 1916 г. на штурме Эрзерума. 9 из них принадлежали пехотным полкам, а 3 полкам иррегулярной курдской конницы. Последние Ставка не посчитала за трофеи и объявила о взятии только 9-и знамен. Об этих знаменах, фотографии которых широко известны, нет никаких данных, ни обстоятельства их взятия, ни их принадлежности полкам. Факт, что для конвоирования их в Петроград были назначены не взявшие их чины, а особенно отличившиеся на штурме, указывает на то,

что они не были взяты с боя, а вероятно найдены в крепости. 8 из них были трофеями 1-го кавказского корпуса, а 4 — 2-го туркестанского.

17. Неизвестное знамя

Взято 27 фев.-12 марта 1916 г. у Ризе 19-м Туркестанским стрелковым полком. А. А. Керсновский писал, что оно было препровождено полком в Михайловскую крепость, под № 232, где записано под № 75.

18. Неизвестное знамя

Взято 19 июня-2 июля 1916 г. у Байбурта. 5 июля Ставка сообщала, что знамя было взято «ординарцем одного из кавказских стрелковых полков, Николаем Бруненек». Эпизод этот касается 13-го, 14-го или 16-го кавказских стрелковых полков.

19. Неизвестное знамя

Взято 8-21 июля 1916 г. у Дачанос, прапорщиком Егиным, 490-го пех. Ржевского полка. Егин лично представил Государю Императору отбитое им знамя и награжден Им орденом св. Георгия 4-й ст. Командир турецкого полка, полковник З-иа-бей, был убит в бою.

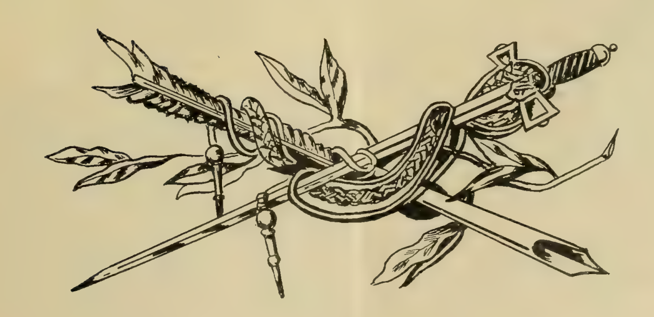
20. 14-й пехотный полк.

Знамя взято 22 июля-4августа 1916 г. под Эрзинджаном, унтер-офицером Аракеловым, 154-го пех. Дербентского полка. Единственное свидетельство исходит от полковника Константинова, который приводит интересные подробности.

Ко всем этим неизвестным знаменам следует относиться осторожно, генерал Масловский писал нам: «причина, по которой в течение всей войны, мы, многократно разбивая турок, не брали знамен, а лишь значки, которым не придавали цены и не брали на учет, было то обстоятельство, что с самого начала войны, все турецкие знамена были сданы на хранение в Эрзерумскую крепость.»

Из всего этого следует, что о германском знамени известно все, о австро-венгерских — почти все, турецкие же требуют еще тщательного изследования.

С. Андоленко

Воинская жизнь за рубежом

81-ый пехотный АПШЕРОНСКИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ полк.

Люблю Тебя, родное Знамя,
Среди живой стены полков,
Когда сквозь ядра, гром и пламя,
С стальной оградою штыков,
Отважно, гордо и упрямо
Ты наступаешь на врагов.

Вдали от родной стоянки полка, Владикавказа, за много лет у Апшеронцев не угасли чувства любви, преданности к родному полку и память о его славном прошлом.

Ко времени сего повествования, в русском храме в г. Белграде было размещено 157 полковых знамен и штандартов разных времен и царствований. Среди них, в группе неопознанных полотнищ, в разобранном виде стояло и знамя Апшеронского полка. Оно было без чехла а его исключительная ветхость объяснялась тем, что в течение трех месяцев, было оно обвито вокруг тела капитана Апшеронского полка Бориса Валериановича Мейштовича, пронесшего его через красные цепи и представившего в Крыму генералу Врангелю. Благодаря тому, что другие составные его части: копие с Георгиевским крестом, юбилейные и георгиевские ленты, находились тут-же в храме, особо назначенной к тому комиссией в составе нескольких офицеров Апшеронского полка, знамя было собрано и помещено в числе знамен 21 пехотной дивизии, под № 52-ым.

Эта полковая святыня и славное боевое прошлое Апшеронцев послужило причиной к созданию, в июне 1930 г., полкового Объединения и одновременно явилась мысль организовать музей — Храм Славы, для хранения наших реликвий и экспонатов, относящихся к истории полка. Основателями Объединения были: бывший командир полка генерал-майор Викентий Аполлонович Иванов, генерал-майор Иван Сергеевич Осипов (оба Георгиевские кавалеры), штабс-капитан Иван Дмитриевич Мирошников (представлен к Орд. Св. Георгия, но не получил из за революции), и поручики Сергей Павлович Самцов (Георгиевский кавалер) и Александр Иванович Драгичевич. Целью полкового Объединения кроме хранения памяти о славном прошлом полка, были моральная, нравственная и, по возможности, материальная поддержка однополчан, в рассеянии сущих.

До начала второй мировой войны жизнь Объединения развивалась успешно и к 50-годам в нем состояло 27 человек Апшеронцев. В день полкового праздника — Святой Троицы, Апшеронцы и ныне собираются и молитвенно отмечают память усопших, на войне и в смуте погибших однополчан.

В скромном Храме Славы полка в настоящее время, бережно хранятся: копия Полкового Образа, Складень в память Св. Тройцы, Великомученицы Екатерины и Св. Георгия Победоносца, Полковая Хоругвь, Александровские юбилейные ленты 1-й батареи 21-й артил. бригады,Александровские юбилейные ленты 79 пехот. Куринского полка, часть полотнища знамени 19-го Туркестанского стрелкового полка, золотая сабля с Георгиевским темляком и надписью «за храбрость» капитана Димитрия Ильича Романовского (бывшего рядового Апшеронского полка), шашка бывшего командира роты Его Высочества подполковника С. К. Левашева, поднесенная ему солдатами его роты, с соответствующей надписью на ножнах, шашка с Анненским темляком и надписью «за храбрость» штабс-капитана Мирошникова, Панталер (перевязь для знаменщика), Георгивский крест поручика Самцова, полученный им за Суходолы в 1914 году, полный солдатский Георгиевский бант (кресты и медали), медали «За взятие Парижа», взятие Берлина в 1760 году, за штурм Измаила, Геок-тепе и много других.

Создана портретная галлерея, в которой представлены: фотографии Основателя, Шефов и командиров полка. Имеется форма полка: китель с эполетами, шарф, портупея, фуражка с красным окольшем, верх зеленого «царского» сукна и кокарда. Все это тщательно и аккуратно пригнано на манекен. На стенах висят гравюры баталий: спуск Апшеронцев во главе с генералом Милорадовичем с Сен-Готарда на французскую заставу у Чертова моста, в италианском походе, взрыв главного форта крепости Карс — Карадага, падение которого пре-

дрешило судьбу Карса. Этот подвиг был совершен под командою рядового Апшеронца Димитрия Ильича Романовского, бывшего капитана Генерального Штаба, разжалованного за дуэль, лишенного чинов и орденов и сосланного на Кавказ, с зачислением в Апшеронский полк.

Все вышепоименованное размещено в витринах. Фотографии — в рамках и под стеклом. Имеется трехтомная история Апшеронского полка и Памятка для солдат, дар Шефа полка Великого Князя Георгия Михайловича. Есть полковой альбом с фотографиями из жизни и быта полка.

Заканчивая свое краткое повествование, я обращаюсь к Вам, родные однополчане, в ком еще бьется апшеронское сердце, откликнитесь, примкните к нам, примите участие в собирании материалов по истории родного полка а равно и в хранении уже собранного. Призываю вас тесно сомкнуть вокруг полковой святыни наши, уже редкие, ряды.

К сегодняшнему дню, на страже родного Знамени бессменно стоят часовыми: полковник Аполинарий Алексеевич Рябинский, ныне объединяющий остатки полка, его заместителем в Нью-Иорке — штабс-капитан Иван Димитриевич Мирошников, который является создателем и хранителем «Храма Славы». При нем два помощника: Михаил Иванович Петрашевский и Евгений Алексеевич Крыжановский. Остальные бывшие члены Объединения — ныне им Царствие Небесное и да упокоит их Господь.

И. Д. Мирошников

Шт. кап. И. Д. Мирошников в «Храме Славы».

ГРЕНАДЕРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Идя навстречу пожеланию редакции «**ВОЕННОЙ БЫЛИ», «Общество Русских Гренадер за рубежом»** сообщает свою краткую историю.

Объединение гренадер, трех гренадерских и Кавказской гренадерской дивизий, было основано в 1925 году, в Париже и официально зарегистрировано в 1928 году. Впоследствии, Кавказская гренадерская дивизия выделилась в самостоятельную организацию.

Почетным Председателем Объединения был Шеф 11 гренадерского Фанагорийского полка Великий Князь Дмитрий Павлович. Почетными членами: генер. от инф. В. Э. Экк, ген. лейтен. Н. М. Кисилевский, А. И. Постовский, А. И. Березовский и П. Н. Симанский. Первым Председателем Объединения был ген. лейтен. И. А. Хольмсен, за ним последовательно: ген. майор В. Ф. Созонович, Е. П. Доливо-Долинский, полков. П. Б. Сушильников и, в настоящее время, полк. А. Ф. Смирнов.

В сороковых годах, Объединение приняло название «Общества Русских Гренадер за рубежом». Со дня основания в списках числилось — 135 человек.

В 1936 году была издана Памятка Гренадерского Объединения и был утвержден Вел. Князем Дмитрием Павловичем Общегренадерский нагрудный знак: желтый крест с рвущейся гранатой и вензелем Почетного Председателя. В 1950 году исполнилось 250 лет со дня основания старейших гренадерских полков: 2-го Ростовского, 5-го Киевского, 9-го Сибирского и 12-го Астраханского. По этому случаю, был сооружен и освящен Стяг, хранящийся в Церкви Успения Божией Матери на кладбище в Сент-Женевьев де Буа, около Парижа.

Председатель Правления **подполковник**

А. Волков

Обзор военной печати

«СУВОРОВЦЫ» — журнал Объединений кадет-Суворовцев. Издатель **Н. В. Главацкий Редактор Г. М. Гринев**. 1965 год.

В одном из первых номеров «ВОЕННОЙ БЫЛИ», мы уже писали о том огромном и, по истине беспримерном, труде, который делает Объединение кадет-Суворовцев, издавая свой собственный журнал, посвященный исключительно внутренней жизни родного корпуса.

Двенадцать номеров этого журнала, переплетенных в один красивый том, лежат сейчас передо мною. Чего в них только нет! Богатейшее описание истории и быта родного гнезда, масса фотографий, схем, списки кадет по выпускам и отделениям. Когда вы перелистываете этот толстый том, пред вами встает вся жизнь этого молодого, но такого блестящего корпуса. Само содержание этого журнала, издание его в течение многих лет тяжелой эмигрантской жизни, показывают вам, дают почувствовать дружбу и товарищескую спайку кадет-суворовцев и, с глубоким сожалением, мы все прочли на последней странице Пасхального номера в 1959 году «Заключение» и «Осведомление» создателя и бессменного редактора журнала А. В. Потапова, в котором он сообщал о невозможности для него продолжать дело издания и просил, буде не найдется ему продолжателя посылать суворовские очерки и рассказы в «ВОЕННУЮ БЫЛЬ».

Но вот, прошло четыре года и в марте 1963 года, к общей радости всех любящих нашу родную военную историю, журнал «СУВОРОВЦЫ» возобновил свое издание, трудами нового Председателя Суворовских Объединений Н. В. Главацкого и под редакцией Г. М. Гринева.

В передовой статье №13, проводится совершенно правильная мысль о том, что, кончая корпус, наш брат кадет нес с собой в училище и далее в полк или на корабль, дух и воспитание, полученные им в родном корпусе и потому — чрезвычайно интересно проследить жизнь кадет-суворовцев и по окончании ими корпуса. Как учились они в училище? Как служили в своих, ставших им родными, полках?

Однокашники дружно отозвались на призыв Редактора. Вышедшие по сей день, пять номеров журнала содержат богатейший материал по быту Российской Императорской Армии. Начиная с производства в офицеры, жизнь в полку в мирное время, начало первой мировой войны, появление в полках первых 17 и 18-летних прапорщиков и, наконец, мрачные и страшные картины гражданской войны, где доблестно участвовали многие отдельные суворовцы.

Мне не хочется упоминать отдельных авторов. Все статьи, в равной мере, интересны и хорошо написаны. Содержание каждого номера делает честь его редактору. Нужно надеяться что этот превосходный журнал — памятник родному корпусу - продолжится еще на многие годы и, таким образом, изучит и опишет всю жизнь суворовского кадета — от поступления в корпус до окончания его жизненного пути.

А. Г.

Генерал фон-ДРЕЙЕР — На закате Империи. Мадрид 1965 г. 224 стр.

В нашей военной зарубежной литературе появилась новая, интересная, а для нас военных, и весьма ценная книга. К своему 90-летнему юбилею, Генерального Штаба ген. майор Владимир Николаевич фон- Дрейер выпустил свои воспоминания в виде книги, под вышеприведенным заглавием.

Несмотря на свой почтенный возраст, Владимир Николаевич сохранил поразительную свежесть и гибкость ума а также и отличную память. Автор уже хорошо известен читателям «ВОЕННОЙ БЫЛИ», по целому ряду статей и отрывков из воспоминаний его, богатой и интересно сложившейся, жизни, появлявшихся за последние три года на страницах этого нашего. такого богатого своим содержанием журнала. Кто из читателей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» не обратил внимание на его статью об Августовских лесах, — этого трагического финала, так позорно и преступно проигранной бездарнейшим Главнокомандующим Северо-Западного фронта генералом Рузским, операции начала 1915 г., окончившейся гибелью нашего XX арм. корпуса в Августовских лесах?

Генерал фон-Дрейер, уроженец Туркестанского края, происходит из, давным давно обрусевшей, военной семьи. Военное образование свое он начал во 2-м Оренбургском корпусе, будучи кадетом его первого выпуска. Затем, окончив в числе первых Павловское военное училище, он взял вакансию в артиллерию и возвратился в родной Туркестан. Для бывших кадет и юнкеров, несомненно будут интересны главы, посвященные пребыванию этого, представителя наистарейшего, среди нас, поколения в стенах этих военно-учебных заведений, с их своеобразным бытом тех времен.

Прослужив четыре года в строю, автор поступил в Академию Генерального Штаба, которую окончил по первому разряду. Не менее интересны и годы проведенные В. Н. фон-Дрейером в стенах Академии. В них он не только при-

водит свои личные воспоминания об этой нашей ALMA MATER, но одновременно, приподнимает, занавес над жизнью, веселящегося на рубеже двух веков, Петербурга.

Далее, В. Н. описывает свою службу офицера Генерального Штаба, в штабах III арм. корпуса в Вильно и XIV в Люблине, причем, он дает нам совершенно новые, чрезвычайно интересные и ценные для истории, характеристики обоих командиров этих корпусов, в то время, генералов Ренненкампфа и Брусилова. Одновременно с описанием своей службы в этих штабах, В. Н. приводит целый ряд различных, мало известных, эпизодов из жизни нашей Старой Императорской Армии, что в высокой степени еще больше увеличивает интерес этих мемуаров и вносит разнообразие в само повествование. Интересны также и описания его поездок «служебных» в соседнюю Германию а также частных путешествий по Западной Европе.

В сентябре 1911 г., нормальное прохождение службы автора в штабе XIV арм. корп. временно прерывается. С разрешения Военного министра, он едет военным кореспондентом «Петербургского Телеграфного Агенства» и газеты «Новое Время» на, недавно вспыхнувшую, итало-турецкую войну. Его сообщения с театра военных действий оказались настолько интересными и создали ему такую завидную репутацию, что в 1912 и 1913 гг. его снова посылают в том-же качестве на 1-ю и 2-ю балканские войны. Главы воспоминаний, посвященные этим трем войнам, давно нами позабытым и заглушенным трагическими событиями последующих мировых столкновений интересны и поучительны. Для самого же автора косвенное участие в этих трех войнах, непосредственно предшествовавшее первой мировой войне, несомненно дало возможность приобрести основательный опыт, в результате чего, еще будучи подполковником, он выступил на войну 14-го года уже начальником штаба 14-й кавалерийской дивизии, а, вскоре затем, занял должность начальника штаба Конного корпуса генерала Новикова.

Главы воспоминаний, посвященные началу 1-й мировой войны, особенно интересны для нас, бывших кавалеристов, так как действия этого Конного корпуса, сыгравшего немалую роль в задержании крупных сил противника, наступавшего из Горной Силезии в пределы, юго-западной части, так называемого, «Передового театра военных действий», были еще мало освещены в нашей военной печати. Единственный общий обзор этих действий можно найти у генерала Головина, в его статьях, на страницах Белградского «Военного Сборника». Теперь мы узнаем об этих операциях из первоисточника, которым является сам бывший Начальник штаба Конного корпуса ген. Новикова — В. Н. фон-Дрейер. Между прочим, одним из его помощников по работе генерального штаба этого периода является будущий советский маршал Шапошников, в то время, капитан Генерального штаба и старший адъютант штаба 14-й кавалерийской дивизии. В. Н. дает ему самую благоприятную оценку.

Назначенный, после Лодзинской операции, Начальником штаба 27-й пехот. дивизии, находившейся, в то время, в Восточной Пруссии, автор проделал с ней весь трагический путь отступления XX корпуса через Августовские леса. При попытках вырваться из германского окружения, в страшные минуты этого тяжелого боя, автор показал, в полной мере, свою личную отвагу, ясное понимание обстановки и недюжинную находчивость, что, в конце концов, и дало ему возможность избежать горечи немецкого плена.

После гибели 27-й дивизии, В. Н. фон-Дрейер остался без должности но, в скором времени, был назначен командиром пехотного полка, которым и прокомандовал до первого периода революции 1917 г. Со своим полком, проделал он всю тягость позиционной войны, с германскими газовыми атаками, включительно.

Летом 1917 г. он назначается Начальником штаба 7-й кавалер. дивизии у Начальника дивизии ген. барона Врангеля (будущего Главнокомандующего вооруженными силами в Крыму, по уходе последнего вступает в командование дивизией, покинув свой пост только после октябрьского переворота. Он отверг предложение Троцкого вступить в командование одной из армий, боровшихся на юге против белых и уехал с семьей в Крым.

На этом, собственно говоря, оканчиваются воспоминания генерала В. Н. фон-Дрейера. Книга эта не только содержательна и интересна но, к тому еще, и читается легко, так как написана живо и богата самыми разнообразными повествованиями. Эти 224 страницы можно проглотить буквально одним махом. Издана она вполне хорошо и снабжена тремя портретами генералов Ренненкампфа и Врангеля и самого автора, в форме капитана генерального штаба.

От души рекомендуем каждому бывшему военному прочесть эту книгу — наверняка не пожалеет.

В. Кочубей

Хроника «Военной Были»

ОБ АЛЬПИЙСКОМ ПОХОДЕ СУВОРОВА.

«Сообшение в английской газете»

Лек, ноября 24.

Вся армия Суворова в движении; завтра Главная Квартира перейдет из Аугсбурга в Эйпатсбург, приблизительно на разстоянии 18 миль по дороге на Баварию. Ежедневно 4.000 русских проходят через Аугсбург, из которых в Баварии формируются две колонны: одна из них пойдет походом через Богемию на Краков, другая через Моравию пойдет на Галицию. 26 сего месяца ожидается прибытие Великого Князя Константина в Аугсбург, откуда он, на следующий день, проследует в Баварию. Говорят что Принц Фердинанд будет командовать 30.000 находящимися под командой Наследного Принца Карла но это только ни что иное как слухи. Русская Главная Квартира опубликовала следующее официальное извещение:

Аугсбург 21 ноября 1799 г.

(перевод с английского)

Некоторые печатные издания упоминают реляцию генерала Массена в которой он извещает об успехах достигнутых им над русской армией, в ее походе на Чур — необходимость принуждает описать события так как они были.

Французский генерал старается выставить храбрость его войска в благосклонном свете но не обращает внимания на то, что потери Русской Армии, согласно его реляции, на много превосходят численность русских частей, с которыми ему пришлось сражаться.

В такой же мере, его воображение обмануло его по отношению обоза и артиллерии, которые будто бы его войска захватили. Всем известно что 3.000 русских атаковали 10.000 отборных войск с Массеной во главе в долине Муттен, при чем республиканцы потеряли их пушку а русские — ни одной. Генерал Молитор не имел большей удачи около Гларусса. Короче говоря, генерал Массена должен был бы изобрести более правдоподобную историю для поддержания энтузиазма в его войске.

Сообщил **А. Долгополов**

ШАНХАЙСКИЙ РУССКИЙ ПОЛК

В 1922 г., когда в Шанхае появились в большом числе русские эмигранты, в составе Шанхайского Волонтерского корпуса была сформирована Русская Волонтерская рота. Волонтерский корпус насчитывал в своем составе людей разных национальностей: три британские роты, американская, португальская, японская и др.

В 1926 г., муниципальные власти Международного Сеттлемента решили усилить международные войска созданием Русского постоянного отряда. Организацию этого Отряда провели генерал Ф. Л. Глебов и капитан 1 ранга Н. Ю. Фомин. Этот отряд, численностью около 200 человек, имел две роты.

Вскоре после событий 1927 г., вместо выбывшего кап. 1. р. Фомина вступил в командование гвардии полковник Г. Г. Тиме. Во время японско-китайского конфликта 1932 г., Отряд был развернут в полк четырех ротного состава. В него вошли две роты Особого Отряда, Русская Волонтерская рота и вновь созданная 4-ая рота, под командованием генерала М. М. Соколова. В марте 1932 г. полк получил, от Муниципального Совета знамя. Оно представляло из себя Русский трехцветный флаг из тяжелого китайского шелка, с вышитым на нем золотым гербом Шанхая.

сообщил **Н. И. Скрябин**

ПАМЯТЬ О РУССКИХ В ТЯНЬ-ЦЗИНЕ

В 1900 г., во время осады боксеров, здание Муниципального Совета Британской концессии в Тянь-Цзине (Китай) служило убежищем для многих европейцев, искавших здесь спасения. Зал здания украшен большими медными досками, на которых выгравированы имена офицеров и солдат, погибших во время этой осады, защищая город.

Из 12-ти медных досок, три посвящены памяти русских, павших при защите города в 1900 г. Тут перечислены офицеры и солдаты 2, 9, 12 и 16 Восточно-Сибирских стрелковых полков, казаки 1-го Верхнеудинского и 1-го Читинского полков Забайкальского казачьего войска, моряки эскадр. бронен. «НАВАРИН», крейсеров «РОССИЯ» и «ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ» и канонерских лодок «КОРЕЕЦ», «МАНДЖУР», «СИВУЧ» и «ГИЛЯК».

Имена русских воинов, павших при исполнении своего долга в 1900 г., находятся еще на четырех больших каменных плитах, по бокам часовни-памятника, построенного в Русском парке на Русской концессии г. Тянь-Цзин.

извлек **Н. И. Скрябин**

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

После опубликования в № 76 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» писем Суворова к принцу Нассау-Зиген и их перевода, автор последнего получил немало ценных поправок к переводу, которые он, с интересом, принял к сведению. Большей частью, поправки эти касаются формы фраз и точного значения отдельных терминов. То, что мы считаем существенным, то-есть смысл мыслей полководца, поправки не затрагивают. Перевод же наш должен считаться пробным, его следует еще уточнить и отшлифовать. Дело это может быть исполнено только компетентной комиссией научных работников — специалистов. Вот почему и были напечатаны фотокопии подлинных писем на французском языке.

Пролежавшие почти двести лет под спудом письма эти были опубликованы и представлены на всеобщее сведение, этот факт мы и считаем главной, в этом деле, заслугой Н. И. Катенева и А. А. Геринга.

С. Андоленко

В последнем номере издаваемого Вами журнала были помещены фото-копии чрезвычайно интересных писем Александра Васильевича Суворова. Желая внести небольшой вклад в историю Великого Русского полководца, посылаю на Ваше усмотрение небольшую статью — перевод с английского извещения Главной Квартиры Суворова. Легкий юмор этого документа безусловно выдает автора — самого Суворова. Не знаю существует ли текст оригинала этого документа по русски — я не мог обнаружить его в книгах и сборниках документов о Суворове.

Уважающий Вас **А. Долгополов,** Представитель в Америке Общества Ревнителей Русской Военной Старины.

В дополнение к статье С. Андоленко «О судьбе знамен армии генерала Самсонова» в № 72 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», могу сообщить следующее: во время боя под Нейенбургом, штандарт нашего 6-го драгунского Глуховского полка был отправлен со взводом 4-го эскадрона под командою поручика Языкова, в тыл, в лесок, находившийся в расстоянии $1^1/_2$-2 верст от места боя.

Поручик Языков, видя полное отступление, решил быстро пройти через еще незанятый противником город Нейенбург и, по дороге, подобрал много наших безлошадных драгун, в том числе и меня.

Пройдя удачно город, в котором мы видели огромное количество наших раненых, лежавших рядами прямо на соломе, на улице, взвод ушел в направлении границы. На второй день, им были подобраны отдельные разрозненные части и солдаты, в том числе и полурота 5-го пехотного Калужского плка, под командой капитана Лукьянова. Эта часть, совместно со взводом Глуховского полка, перешла границу в районе Сольдау-Млава, после чего, мы разошлись по своим частям. Поручик Языков, в скором времени, умер в лазарете Государыни Императрицы Марии Федоровны.

Штандарт нашего полка, благодаря дисциплине и стойкости наших драгун, сохранился в полной сохранности до самого расформирования полка, древко было разрезано на части и роздано офицерам, штандарт-же, командир полка полковник Юматов зашил в свой китель. Полковник Юматов, впоследствии, уже в польской армии, застрелился, предварительно закопав штандарт в змелю. Место было им указано, но обстоятельства и полная разруха не позволили разыскать штандарт и выкопать его.

Старый Глуховец

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящим Редакция извещает что, помещенный в номере 72 журнала рассказ Н. Турбина «Господа офицеры» был уже напечатан в сборнике 1 журнала «СУВОРОВЦЫ» за 1956 год, что редакции «ВОЕННОЙ БЫЛИ» не было известно.

Алексей ГЕРИНГ

Письмо в Редакцию

В № 74-м «Военной Были» есаул Кубанского казачьего войска Толбатовский «во имя исторической правды» опровергает указания автора статьи «Генерал Лечицкий» (В. Б. № 73) о том, что в бою 27-го апреля 1915 года в Буковине, сильно укрепленная неприятельская позиция, главными опорными пунктами которой являлись деревни Баламутовка и Ржавенцы, была прорвана и деревни эти взяты спешенными частями 1-ой Донской казачьей дивизии 3-го конного корпуса, и заявляет «как участник этого боя», что сделано это было не Донцами, а 1-ой Кубанской пластунской бригадой и что дивизии 3-го конного корпуса (10-ая кавалерийская и 1-ая Донская казачья) в этом бою участия не принимали, а лишь впоследствии преследовали разбитого Кубанцами противника.

Я не являюсь участником этого боя, но я-Донской казак и мне боевая слава Донцов не менее дорога, чем есаулу Толбатовскому слава войска Кубанского.

Поэтому, основываясь на Высочайших приказах о награждениях орденом Св. Георгия, полагаю доказанным, что дело было **именно так, как указывает автор статьи о генерале Лечицком:** деревни Баламутовка и Ржавенцы были взяты спешенными частями Донцов, ценой очень больших усилий и потерь, героическими атаками.

Каждый военный знает, что спешенному кавалеристу вести боевые операции в пешем строю несравненно трудней, чем настоящему пехотинцу и значит-тем более велика заслуга Донцов.

27-го апреля 1915 года деревню Баламутовка атаковал и взял спешенный 9-ый Донской казачий полк. Вот текст награждения орденом Св. Георгия 4-ой степени их командира:

«Командир 9-го Донского казачьего генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова полка, полковник Иван Попов. При атаке 1-ой Донской казачьей дивизией 27-го апреля 1915 года сильно укрепленной неприятельской позиции у деревни Баламутовка, обороняемой вдвое сильнейшим противником, во главе своего полка под губительным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем с двухсот шагов бросился на проволочные заграждения неприятельской позиции и хотя был ранен и не мог сам довести атаку до конца, но своим примером увлек полк на подвиг, от результатов которого произошел блестящий успех всего 3-го конного корпуса». (Статья 8, п. 2 Статуса).

Деревню Ржавенцы атаковал и взял спешенный 15-ый Донской казачий полк. Вот текст награждения командовавшего штурмом есаула Ляхова:

«15-го Донского казачьего генерала Краснова 1-го полка есаул Дмитрий Ляхов-за храбрость и мужество, проявленные им в бою 27-го апреля 1915 года у деревни Ржавенцы, где командуя тремя сотнями, атаковал сильное укрепление австрийцев, прорвал проволочные заграждения и взял три действующих пулемета, 4 офицера и 471 австрийского пехотинца. Перейдя затем в энергичное преследование, он при дальнейшем движении атаковал действующую 4-х орудийную батарею австрийцев и прикрывавшую ее пехоту, причем взял два действующих орудия» (Статья 8, п. 11 Статута).

10-ый и 13-ый Донские казачьи полки, развивая успех прорыва, атаковали в конном строю, забирая действующие орудия, пулеметы и многочисленных пленных.

Я не буду приводить других награждений орденом Св. Георгия, их было больше десяти, в том числе есаула Семилетова, командира сотни, первой ворвавшейся в деревню Ржавенцы, впоследствии-известного командира Донских партизанских отрядов во время гражданской войны. Есть несколько и посмертных «...и смертью своей запечатлел содеянный им подвиг».

У меня нет данных о награждениях Георгиевским оружием, но, конечно, и их было не мало.

Из этого видно, что все полки 1-ой Донской казачьей дивизии (9-ый, 10-ый, 13-ый и 15-ый) дрались блестяще при самом тесном и действительном сотрудничестве своей артиллерии, где оба командира батарей 6-ой Донской казачьей войсковой старшина Александр Поляков и 7-ой Донской казачьей-войсковой старшина Матвей Иванов, также награждены за этот бой орденом Св. Георгия 4-ой степени.

Хотелось бы верить, что при свете таких данных есаул Толбатовский признает обоснованной горечь Донцов, получивших такую незаслуженную отрицательную оценку их боевой деятельности от казака братского Кубанского войска.

Но в чем же, собственно, дело? Единственно, что можно предположить это то, что ту же деревню Баламутовку приходилось брать несколько раз, такие случаи бывали. И если есаул Толбатовский проверит по каким-нибудь официальным данным дату взятия его бригадой деревни Баламутовки, то я думаю что он найдет указания на то, что пластуны брали эту позицию не 27 апреля а в другой день, несколько раньше или позже донцов. А может быть что даже в тот-же день но в разные часы — и это бывало.

Донской казачьей артиллерии **полковник**
М. Т. Чернявский

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6°

Вышла из печати и поступила в продажу

ГЕНЕРАЛ В. Н. фон-ДРЕЙЕР

На закате империи

воспоминания офицера Генерального Штаба

издание автора. Мадрид 1965 г. Склад изда ния «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16. Продается во всех русск их книжных магазинах и в конторе Издательства.

Цена без пересылки — 15 фр. зона франка, 3 дол.. 50 ц. — зона доллара.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Н. БЕЛОГОРСКИЙ — Вчера. Роман в 2-х тт. — 50 фр.

Князь ПАВ. ДОЛГОРУКОВ — Великая разруха — 18 фр.

М. СВЕЧИН—Записки старого генерала — 12 фр.

А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.

Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзях — 15 фр.

Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.

А. П. БОГАЕВСКИЙ—Воспоминаия 12 фр.

Кн. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.

Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска — 15 фр.

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.

Вл. МАЕВСКИЙ — Дореволюционная Россия и СССР — 18 фр.

ГОШТОВТ — Кирасиры Его Величества тт 2 и 3 — 20 фр.

ЗАЙЦОВ — Служба Генерального Штаба — 15 фр.

Н. З. КАДЕСНИКОВ — Очерк Белой борьбы под Андреевским флагом — 10 фр.

ТУРОВЕРОВ Н. Н. — Стихи. Книга пятая — 15 фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — Год в Дагестане — 7 фр. 50 сант.

В. И. ШАЙДИЦКИЙ — Виленцы на службе Отечеству — 35 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза — 20 фр.

М. КАРАТЕЕВ — Богатыри проснулись. ч. 1 — 15 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

БРЮССЕЛЬ — у И. Н. Звездкина — 8, Av. Albert Tervueren, Belgique.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 115, Cromvell Road, London S. W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 189, Trafalgar St. Stanmore. N. S. W. б) у В. П. Тихомирова, Northcote Terrasse. Gilberton. S. Australia.

Венецуэла — Liberia Eslava, Calle Guayalquil № 16. Caracas, Venezuela.

АРГЕНТИНА — у Г. Г. Бородкова — Dr P. I. Rivera, 3968 1º Piso Buenos - Aires, Argentina.

ИЛ

№ 78

Март 1966 год

ГОД ИЗДАНИЯ XV-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Начиная с 1 января сего года, все почтовые переводы на имя Издательства и подписная плата на журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» и газету «ВЕСТНИК» должны направляться исключительно на C.C.P 3910-12. PARIS. «Le Passé Militaire».

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 76 по 81 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции: 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

15-год издания | № 78 МАРТ 1966 г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50

Генерал Я. Г. Гандзюк

Сколько выдающихся, героических подвигов, совершенных в 1-ую Мировую Войну отважными, готовыми на каждое самопожертвование, скромными героями, в большинстве случаев искупившими своею жизнью эти свои подвиги, часто останутся навеки неизвестными для потомства и истории из за того только, что не было свидетелей, которые могли бы описать эти подвиги или хотя бы только рассказать о них. Не раз также уйдут эти подвиги совершенно неизвестными в вечность только потому, что свидетели таковых не нашли нужным или не дали себе труда увековечить их на бумаге. Поэтому так важно, и это является даже нравственным долгом каждого из нас, старых могикан этой «нашей» войны, уцелевших в последней и оставшихся до сих пор живыми, припомнить известные нам подвиги бывших наших товарищей и сослуживцев и в меру возможности оставить для потомства и истории тот или иной след таковых.

Для всякого рода описаний или хотя бы только разных заметок о всевозможных подвигах, совершенных в рядах нашей старой армии или в связи с ней, страницы «Военной Были являются в настоящеее время самым подходящим местом.

Ниже хотел бы я внести и свою скромную лепту, попытавшись дать краткий обзор героической жизни одного скромного русского пехотного офицера, который в двух войнах (в русско-японской и 1-ой Мировой) так наглядно показал, на что были способны эти рядовые русские офицеры-герои.

К сожалению, я лично являюсь свидетелем только небольшой части этой героической жизни, которую опишу ниже. Об остальной части таковой имею только отрывочные и не связанные между собой сведения. Поэтому, буду весьма признателен каждому, кто лично знал моего героя или слышал о нем, за каждую поправку или дополнение изложенного мною ниже.

Мой герой не окончил никакой военной академии. Его военно-научная подготовка к избранной им карьере офицера была получена им в военном училище, которое он окончил с отличием. Несмотря на это, выйдя на русско-японскую войну только поручиком, окончил он ее, на 30-м году жизни, капитаном. А начав войну 1914-17 гг. подполковником и батальонным командиром, в 1917 году был он уже генералом на 42-ом году жизни и командовал на законном основании армейским корпусом. Эти факты в достаточной мере говорят за себя!

Получив назначение на должность старшего адъютанта Генерального Штаба в штаб 34-го армейского корпуса, прибыл я в январе 1917 года в Углы, на реке Стоходе. В вековом сосновом лесу поблизости этой реки, в целом ряде новеньких, выкрашенных зеленой краской и крытых смолёным толем, светлых бараках, удобно расположился штаб корпуса.

Здесь впервые услышал я: «полковник Гандзюк!». Эта фамилия повторялась у нас в штабе корпуса ежедневно бесконечное число раз, что не удивительно, так как полковник Гандзюк не только считался наилучшим из 12 командиров пехотных полков, входивших в состав 34-го армейского корпуса, но был он действительно выдающимся во всех отношениях боевым командиром, с мнением которого считался даже командующий армией, никто иной, как генерал от кавалерии Гурко.

Вскоре пришлось мне лично познакомиться с командиром 416-го пехот. Верхнеднепровского полка, георгиевским кавалером, полковником Яковом Григорьевичем Гандзюком. Огромного роста, широкоплечий, с холеной бородой а ля Скобелев, с правильными чертами лица, на котором, с одной стороны, рисовалась железная воля и огромная энергия, с другой — глубокая душевная доброта, таким увидел я впервые этого великана, настоящего богатыря из старинных былин. Когда я с ним познакомился, шел ему 42-й год. Однако трудно было дать ему более 35-36 лет. Невольно глаза мои с удивлением остановились на восьми золотых полосках, нашитых на рукаве. Полковник заметил это, улыбнулся и низким басом проговорил: «Как видите, до сих пор уже восемь раз задели мня. Однако, по-видимому, Господь Бог нашел нужным оставить меня пока что еше на этой земле». Мог ли полковник Гандзюк предвидеть, говоря это, какой ужасный конец ожидал его всего только через какой нибудь год?

Яков Григорьевич Гандзюк родился в городе Виннице в 1875 году. С ранних лет мечтал он о военной службе. Поэтому, по окончании реального училища, поступил он в ближайшее военное училище, в пехотное Одесское. По отличном окончании таковсго в 1896 году, выбрал подпоручик Гандзюк вакансию в 16-ую «Скобелевскую» дивизию, в 61-ый пехотный Владимирский полк. В этом полку прослужил он до 1904 года. Его служба в полку не ограничивалась обычными занятиями со старослужащими или с новобранцами, гимнастикой, стрельбищем, в летнюю пору — маневрами и т. д. Все свое свободное время посвящал он поднятию научного и культурного уровня своих сослуживцев в полку, как офицеров, так и солдат, причем вкладывал он в это не только все свои знания и уменье, но и всю душу. По его инициативе были организованы кружки, в которых читались лекции и доклады, как на военные, так и на исторические и научные темы. А в длинные зимние вечера под его руководством нижние чины полка обучались разным отраслям ремесла и рукоделия. Не забывал он также расширять и углублять свое личное образование, как чисто военное, так и общее. Также организовывал он всевозможные вечера с любительскими спектаклями, концертами, танцами, а также благотворительные лотереи, которые давали возможность культурным кругам местной интеллигенции встречаться и сближаться с офицерской средой полка.

Но, вот, на Дальнем Востоке разразилась война с Японией. Поручик Гандзюк рвался на театр военных действий — ведь надел он военный мундир не для того только, чтобы обучать своих подчиненных военному строю в условиях мирного времени, или же заниматься культурно-просветительной работой в своем гарнизонном городе, когда его родина оказалась втянутой в войну! Однако, скоро выяснилось, что пехота пограничного с Германией 6-го армейского корпуса, в состав которого входил Владимирский полк, на войну послана не будет. (Только 16-ая артиллерийская бригада, уже перевооруженная новыми пушками, была позже послана в Манчжурию в составе 40-ой пехотной дивизии 4-го армейского корпуса). Как ни было грустно поручику Гандзюку при мысли о необходимости расстаться со своим любимым полком, в котором прослужил он почти 8 лет, все же подал он рапорт о переводе его в действующую армию. Как раз в то время подготовлялся к посылке на Дальний Восток 17-ый армейский корпус Московского военного округа. Просьба поручика Гандзюка была удовлетворена и он был переведен в 12-ый пехот. Великолуцкий полк этого корпуса, в Тулу, откуда вскоре с этим полком и отправился на Дальний Восток.

17-ый армейский корпус был одним из первых европейских корпусов, попавших в Манчжурскую армию, а поэтому принимал он участие во всех главных сражениях той войны. Ляоян, Шахэ, Сандепу, Мукден, наконец — отход на Сыпингайские позиции, проделал штабс-капитан Гандзюк в рядах Великолуцкого полка. К сожалению, за неимением под рукой необходимых подробных данных, автор этой статьи лишен возможности ближе остановиться на участии Я. Г. Гандзюка во всех этих сражениях. Однако, о том, что это его участие было очень активным и полным самопожертвования, ясно свидетельствуют два факта. Во первых, выступив в поход поручиком, к концу 1904 года он был произведен в штабс-капитаны, а уже весной 1905 года — в капитаны за боевые отличия. Во вторых, как свидетельствует один сохранившийся с тех времен документ: «Постановлением Георгиевской Думы Манчжурской армии награждается капитан Яков Гандзюк орденом Св. Георгия 4-ой степени за выдающуюся отвагу и распорядительность при прорыве сквозь ряды неприятеля, со знаменем полка».

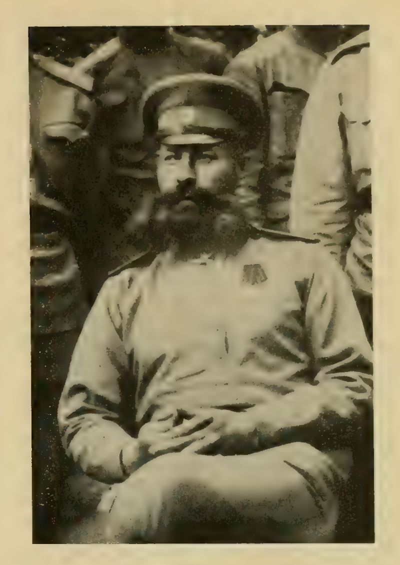
В 1912 году, на 37-ом году жизни, Я. Г. Гандзюк произведен был в подполковники и назначен на вакансию батальонного командира в 147-ой пехотный Самарский полк 37-ой пехотной дивизии 18-го армейского корпуса, Санкт-Петербургского военного округа, расположенный в Ораниенбауме. Так же, как в свое время во Владимирском полку, подполковник Гандзюк принял самое живое участие во внутренней жизни офицерской среды этого полка. Прежде всего, старается он передать молодым офи-

церам полка свой богатый опыт, приобретенный им на полях и сопках Манчжурии. Это ему вполне удается, благодаря той, свойственной ему деликатности и щепетильности, с которыми он подходил к этому вопросу. И здесь его скоро оценили и полюбили. Нельзя тут обойти молчанием некоторые свойства характера Я. Г. Гандзюка, которые делали его популярным среди сослуживцев. Прежде всего, он был чрезвычайно строг и требователен к самому себе, обладал огромнейшей скромностью, полным отсутствием карьеризма, а к тому же был еще во всех отношениях кристально честным человеком и вполне чуждым всякому интриганству. С другой стороны, обладал он твердым, решительным характером, железной волей и исключительным свойством влиять на людей, умея подчинять их своей воле. Все эти его личные его качества в их совокупности делали его отличным начальником, любимым, как сослуживцами, так и подчиненными, и его роль в жизни полка сделалась постепенно доминирующей. И так, последние годы перед войной 1914 года Самарский полк жил, обучался и готовился к будущей войне под положительным сильным влиянием подполковника Гандзюка, который сумел привить ему весь свой боевой опыт, приобретенный на русско-японской войне.

Этой будущей войны не пришлось долго ждать. В июле 1914 года объявлена была в России всеобщая мобилизация. В казармы Самарского полка начали прибывать толпы запасных. С одной стороны это были крестьяне Петербургской губернии, среди них — много чухонцев, с другой — петербургские фабричные рабочие. Высшее начальство корпуса с недоверием относилось к последним, опасаясь, что они снизят боевой коэфициент отлично обученного и хорошо подготовленного к войне корпуса. Однако, эти опасения оказались напрасными — корпус оказался отличным в боевом отношении с первых же боев.

Сначала 18-ый корпус был включен в состав 6-ой армии, задача которой была оборонять столицу от возможных германских десантов на балтийском побережье. Вскоре, однако, обстановка выяснилась и стало возможным начать переброску действующих войск 6-ой армии на фронт. В районе Варшавы формировалась в это время 9-ая армия бывшего командира 18-го корпуса генерала Лечицкого. В состав этой армии переводились теперь из состава 6-ой армии Гвардейский и 18-ый корпуса.

Военные действия на фронте были уже более двух недель в полном разгаре, когда началась переброска к Висле частей 37-ой пехотной дивизии. 13-го августа покинули эшелоны Самарского полка районы сосредоточения 6-ой армии в направлении крепости Ивангорода.

Полковник Яков Григорьевич Гандзюк

В это время в южной части Польши, против сосредоточенных там наших 4-ой и 5-ой армий, австро-венгерцы своими главными силами вели энергичное наступление восточнее Вислы, в направлении Люблина и Холма. Их план заключался в том, чтобы продвинуться в Польше как можно далее в северном направлении, в расчете на то что, как было условлено между германским и австро-венгерским Генеральными Штабами, германская 8-ая армия будет продвигаться из Восточной Пруссии в направлении города Седлец. Совокупность этих австро-германских операций заставила бы нас очистить Польшу и отойти на восток, за линию рек Буга и Нарева.

Наши 4-ая и 5-ая армии, оказывая энергичное сопротивление австро-венгерским 1-ой и 4-ой армиям, только медленно отходили в направлении Люблина и Холма. В это время, с востока, от стороны Волыни и Подолии, наступали в западном направлении, через Галицию, наши 3-я и 8-ая армии. Против них сначала находились всего лишь слабые силы противника. Первоначально, наша 3-я армия должна была наступать своими главными силами на Львов,

который нашим командование почему то считался крепостью. Однако, ввиду чрезвычайно тяжелого положения, сложившегося для наших 4-ой и 5-ой армий, Ставка и командование нашего Юго-Западного фронта приказали командующему 3-ей армией генералу Рузскому изменить первоначальное направление своей армии и, минуя Львов, спешить на помощь нашим 4-ой и 5-ой армиям, нанося удар во фланг австро-венгерской 4-ой армии. Несмотря на многократные повторения этого приказания, генерал Рузский его не исполнил и продолжал главными силами своей армии идти именно на Львов, преследуя этим свои личные, честолюбивые цели — желание не допустить, чтобы вместо него генерал Брусилов, во главе своей 8-ой армии, занял бы эту «крепость». Таким образом Рузский взял Львов, но так ожидаемая помощь нашей 5-ой армии своевременно оказана не была.

Нельзя обойти тут молчанием тот печальный факт, что своим непослушанием генерал Рузский не только добился своей личной, честолюбивой цели — стать известным, популярным полководцем, взявшим «крепость» Львов, но кроме того, ему еще особо подвезло, так как падение Львова совпало с гибелью нашей 2-ой армии в Восточной Пруссии. Известие об этой последней произвело огромное удручающее впечатление на всю страну. Поэтому Ставке было очень на руку донесение о захвате Рузским древнего Львова, так как это известие несколько ослабляло то тяжелое, гнетущее впечатление, которое оставила по себе Восточно-Прусская катастрофа. Таким образом, Рузский не только не был привлечен к ответственности и не был наказан за ослушание, но, наоборот, щедро награжден и, на несчастье нашей армии, назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом.

Однако, теперь надо было выручать наши 4-ую и 5-ую армии, которые, благодаря преступному неповиновению Рузского, оказались в исключительно тяжелом положении. Для этого наша Ставка была вынуждена изменить свое первоначальное намерение направить вновь сформированную в районе Варшава-Ивангород 9-ую армию вдоль западного берега Вислы, на Краков, с целью прервать тыловые пути на запад австро-венгерских армий. Теперь свежеприбывшие на театр военных действий Гвардейский и 18-ый корпуса были направлены ею, — первый в промежуток между 4-ой и 5-ой армиями, а второй двинут походным порядком из Ивангорода, вдоль восточного берега Вислы, на правый фланг 4-ой армии. Этот последний нанес сильный удар только что подошедшей на усиление левого фланга австро-венгерских армий группе генерала Куммера, отбросив ее за реку Ходель в южном направлении и одновременно окончательно стабилизируя наше положение на правом фланге нашей 4-ой армии. В этих боях особенно отличился подполковник Гандзюк. Начальник 37-ой пехотной дивизии генерал Зайончковский наглядно убедился в исключительной способности Я. Г. Гандзюка разбираться в обстановке, в его знаниях, храбрости, решительности и хладнокровии и представил его к внеочередному производству в полковники за выдающееся и чрезвычайно успешное управление подчиненными ему частями Самарского полка. Но в этих боях Я. Г. Гандзюк был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Возвратился он, по излечении ран, в полк только в ноябре, когда Самарский полк, войдя со своим 18-ым корпусом в состав 9-ой армии, находился под Краковом. От позиций полка до передовых укреплений этой крепости было только 20 верст. Тут был получен Высочайший приказ о производстве Я. Г. Гандзюка в полковники.

В то время наша Ставка ожидала со дня на день взятия нашей 3-ей армией крепости Кракова. В этом должен был ей содействовать находившийся на левом фланге 9-ой армии 18-ый корпус. Однако Краков нами взят не был, так как австрийцы воспользовались необеспеченным левым флангом нашей 3-ей армии и при содействии подвезенной туда германской 47-ой резервной дивизии заставили нашу 3-ю армию отойти на линию реки Дунайца и реки Белой. В связи с отходом этой последней, а также с тем, что в это же время армии нашего Северо-Западного фронта после Лодзинского сражения отошли на линию рек Пилицы и Равки, также и наша 9-я армия начала отходить назад. К концу 1914 года 18-ый корпус занимал оборонительную позицию вдоль реки Ниды в районе города Пинчова. В это время, ввиду того, что командир Самарского полка выбыл из строя, в командование полком вступил полковник Гандзюк.

К началу февраля 1915 года положение осажденной нами крепости Перемышль очень ухудшилось. Обеспокоенное этим австро-венгерское командование пыталось, при содействии германской «Южной» армии и их отдельных дивизий, целым рядом частичных наступлений из-за Карпат, придти этой крепости на помощь. Это последнее обстоятельство заставило, в свою очередь, русское командование усилить карпатский участок нашего фронта, который до сих пор занимала одна только 8-ая армия генерала Брусилова, растянутая к этому времени более чем на 300 верст. Для этого на самый левый фланг бесконечно длинного фронта было направлено управление 9-ой армии. Туда же, в начале февраля, началась переброска 18-го корпуса с реки Ниды. В это время, австро-венгерская армейская группа генерала Пфланцер-Балтина, стремясь освободить кре-

пость Перемышль со стороны востока, не встречая на своем пути серьезного сопротивления находившихся там наших, очень малочисленных и слабых войск, далеко продвинулась к северу, дойдя почти до Днестра, создавая этим серьезную угрозу на левом фланге нашего карпатского фронта.

Первой задачей прибывшего к этому времени сюда управления 9-ой Армии, явилась ликвидация дуги, образовавшейся сильно продвинувшимся тут в северном направлении австро-венгерским фронтом. Для проведения в жизнь этой задачи, прибывающий сюда 18-ый корпус перевозился через Львов - Подгайцы в район города Станиславова. В то время, как наши 11-ый и 17-ый корпуса атаковали эту дугу с запада и севера, 18-ый корпус сильно теснил ее с востока. В этих боях опять выделился своей распорядительностью и превосходной ориентировкой в обстановке полковник Гандзюк, во главе своего Самарского полка. Австро-венгерцы не выдержали этого напора русских и отошли в предгорья Карпат, приблизительно на линию городов Делятын-Коломея-Снятынь.

По окончании этой операции 18-ый корпус переброшен был в район местечка Долина на усиление левого фланга нашей 8-ой армии.

9-го марта пала, наконец, крепость Перемышль. Осаждавшая ее 11-я армия теперь освободилась и получила участок в Карпатах, между 8-ой и 9-ой армиями. Таким образом участок 18-го корпуса оказался теперь в составе этой 11-ой армии.

19-го апреля германская армия фельдмаршала Макензена прорвала под Горлицами фронт нашей 3-й армии, что вызвало отход этой армии в восточном направлении. Это был период, когда наши армии терпели большой недостаток в снарядах. Наше верховное командование, несмотря на все свои попытки остановить продолжающийся отход нашей 3-ей армии, успеха в этом не имело. В связи с большим отходом этой армии, начали последовательно отходить также 8-ая, 11-ая и, наконец, 9-ая армии, выравнивая линию этого отходящего фронта. 6-го мая начал отходить за реку Днестр и 18-ый корпус. Здесь занял он участок вдоль левого берега этой реки, между деревнями Молодынце и Букочовце. В связи с дальнейшим выравниванием линии нашего отходящего в северо-восточном направлении фронта, должен был он оставить 9-го июня эту свою позицию на Днестре и отойти за Золотую Липу, находясь тут на правом фланге 11-й армии. К 16-му августа отошел он за реку Стрыпу. Австро-германские войска следовали непосредственно за нами. Когда же они начали 17-го августа переправляться через Стрыпу, 37-ая пехотная дивизия энергично контр-атаковала их и отбросила обратно за реку. Из-за отсутствия снарядов и ружейных патронов артиллерия помочь ей в этом не могла и эта контр-атака нашей 37-ой дивизии вылилась, главным образом, в штыковой удар пехоты, которого неприятель не выдержал.

В этом бою особенно отличился полковник Гандзюк, который своим личным примером увлек за собой свой полк. Здесь захватили самарцы много пленных и разных трофеев, но полковник Гандзюк был опять ранен и выбыл на несколько месяцев из строя. За этот бой был он награжден Георгиевским оружием.

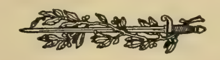
Несмотря на этот значительный наш успех, уже 23-го августа 18-ый армейский корпус должен был все же отойти назад и занять заранее подготовленную и укрепленную позицию несколько восточнее реки Стрыпы, упираясь своим правым флангом к северо-западу от Тарнополя, у деревни Зарудье, в реку Серет. На этой позици простоял 18-ый армейский корпус до мая 1916 года, глубоко и солидно врывшись в землю и в этих же окопах нашел полковник Гандзюк свой Самарский полк, вернувшись по выздоровлении на фронт поздней осенью 1915 года.

Как мы это видели выше, до 21 мая 1916 года 18-ый армейский корпус продолжал занимать свои позиции к востоку от реки Стрыпы в обычных условиях позиционной войны.

Центр тяжести намеченного Ставкой большого наступления наших армий в этом году предполагалось перенести на участок, занимаемый армиями нашего Западного фронта. Туда перевозились все резервы, свозились огромные запасы снарядов, продовольствия и т. д. Роль же нашего Юго-Западного фронат в этом предстоящем наступлении должна была быть только второстепенной и сводилась, главным образом, к связыванию находящихся против этого фронта неприятельских войск.

(окончание следует)

В. Кочубей

Генерал барон Жомини

Среди наших военных есть немало лиц, которым имя генерала Жомини известно лишь по бессмертным стихам Дениса Давыдова «Песня старого гусара», и, в лучшем случае, по кое каким сведениям об его военно-научной деятельности.

Однако, личность генерала Жомини и его служебная карьера настолько интересны и оригинальны, что они заслуживают нашего внимания тем более, что вторую половину своей жизни Жомини провел главным образом на службе Русским Императорам. Он же по своей инициативе оказался основоположником нашей Академии Генерального Штаба.

Я думаю, генерала барона Жомини можно охарактеризовать так: талантливый офицер генерального штаба — прекрасный советник на поле сражения — широкообразованный военный ученый и... неудавшийся полководец.

Биографы описывают его (уже в зрелом возрасте), как мужчину выше-среднего роста, скорее — худощавого, с небольшими темного цвета усами. Характер его был живой и порывистый, но сдержанный, немного обидчивый, щепетильный, порою — резкий, независимый.

Военное искусство (тактика, стратегия и пр.), как и военная история обязаны ему целым рядом капитальных трудов (полный перечень их дан в очерке Леконта, лучшего биографа Жомини. (См. Библ. 3). Многие до сих пор считают его самым серьезным критиком Фридриха 2-го.

Сент-Бев (Библ. 7) говорит о Жомини еще больше, а именно, что в военном искусстве он обладал бо́льшими способностями, чем Наполеон: обширностью познаний и мыслей; даром развития темы, методичностью, ясностью ее изложения, блестящими и убедительными приемами доказательства.

Сам французский Император, после заката своей славы, открыто объявил, что Жомини был единственным человеком, который с самого начала понял, как именно воюет и побеждает Наполеон.

1.

Проследим теперь вкратце личную жизнь и военную карьеру генерала:

Генрих Жомини родился 6 марта 1779 года (все даты указаны по новому стилю) в семье итальянского происхождения, осевшей в Швейцарии. Еще мальчиком лет двенадцати он стал проявлять особый интерес и любовь ко всему военному, но расформирование швейцарских полков, состоявших до этого на службе у Франции, принудили родителей Жомини определить своего сына на службу совсем по иной части, то есть — по коммерческим делам.

В 1796 году Генрих Жомини очутился в Париже. Там он работал сперва в одном из торговых предприятий, затем начал работать самостоятельно. Как раз в это время открылись первые боевые операции Бонапарта в Италии. Жомини с увлечением набросился на военные сводки и принялся по ним методично следить на карте за разворачивающимися событиями.

Благодаря своим настойчивым хлопотам, некоторое время спустя, Генрих Жомини был принят в чине лейтенанта на службу в Швейцарское военное министерство. 17. июня 1799 года его произвели в капитаны и он продолжал работать там же по организации Швейцарской Армии. 26 апреля 1800 года Жомини был уже в чине командира батальона.

Но род его деятельности в секретариате и бюро Министерства пришлись ему не по душе: в 1801 году Генрих Жомини подал в отставку, возвратился в Париж и снова взялся за коммерцию. В то же время он стал нащупывать возможности поступления на службу во Французскую или Русскую Армию. Одновременно он принялся за первый свой капитальный труд «Курс Высшей Тактики».

Прошения Жомини о принятии его на службу встретили отказ у Мюрата и у д'Убриль, уполномоченного по делам России во Франции. Один лишь маршал Ней ответил Жомини согласием и взял его с собой в Булонский лагерь. Когда же Булонская армия стала Дунайской армией, Ней оставил Жомини при себе для кабинетной работы, в качестве вольнонаемного.

В сражении под Ульмом, Жомини своими советами, рассуждениями оказал маршалу Нею значительную помощь. Здесь же, своим храбрым поведением во время боя, он впервые обратил на себя всеобщее внимание.

На следующий день после Аустерлицкой битвы, Жомини был послан Неем в Ставку Наполеона с пакетом различных отчетностей и рапортов. Жомини, давно искавший случая привлечь на себя внимание великого французского полководца, перед которым он преклонялся, как перед гением своей эпохи, умудрился незаметно от всех вложить в отправляемый пакет два первых, уже отпечатанных тома своего «Курса Высшей Тактики». Уловка Жомини увенчалась полным успехом: Наполеон, перелистывая найденные книги, сразу заинтересовался их содержанием, велел прочитать себе одну из глав и очень похваилл выз-

ванного к нему автора, то есть — самого Жомини.

27 декабря 1805 года, по ходатайству маршала Нея, Генрих Жомини был произведен в чин «Adjudant-Commandant» с прикомандированием к штабу 6-го корпуса.

Во время войны с Пруссией в 1806 году Жомини оказался прикомандированным уже к штабу Французского Императора. Вместе с ним генерал Жомини принял деятельнейшее участие в боевых операциях у Иены, под Берлином и т. д.

В тяжелом и нерешенном сражении при Прейсиш-Эйлау, генерал Жомини находился в свите Наполеона, оставаясь рядом с последним в самом опасном пункте боя, на кладбище.

В битве под Фридландом, 14 июня 1807 года, Жомини участия не принимал, так как был болен. Тем не менее, Французский Император, уже полностью его оценивший, назначил Жомини начальником штаба 6-го корпуса армии Нея.

В начале войны с Испанией (1808-1809 гг.), Жомини уходит на нее с тем же маршалом Неем. Но неудачи маршала, часто не слушавшего советов своего начальника штаба, отразились на положении последнего: 17 ноября 1809 года Наполеон, по просьбе своего военного министра Кларка, отзывает Жомини в Главный Штаб, под начальство маршала Бертье.

29 июня 1810 года, по болезни, барон Жомини получает шестимесячный отпуск и возвращается к себе в Швейцарию. Но, приехав туда, Жомини вспомнил, что еще в 1807 году Русское Правительство негласно, через своего представителя заграницей, согласилось принять его на службу. Тогда, глубоко возмущенный многими несправедливостями к себе и препятствиями к дальнейшему продвижению по службе, он подает рапорт о выходе в отставку. Почти одновременно с этим он посылает, куда надо, окончательное свое прошение о принятии его на русскую службу.

В ответ на свой рапорт об отставке генерал Жомини был вызван к военному министру Кларку в Париж. Тот ему пригрозил, в случае сопротивления, Венсенским замком...

Но, чтобы задобрить барона, Жомини задним числом, то есть — за неделю до разговора с Кларком, произвели в бригадные генералы, опять таки, как и в предыдущие производства, с оставлением при штабе. По иронии судьбы, почти одновременно с этим, Жомини получил бумагу, подписанную Императором Александром 1-ым, о зачислении барона в Русскую Армию в чине генерал-маиора и с прикомандированием к Свите Его Величества.

Перед угрозой Венсенского замка, в январе следующего же года (1811-го), генерал Жомини был вынужден вернуться в ряды Французов. В этот период он не переставал работать над своим очередным трудом «Критический обзор боевых операций Французов, начиная с 1792 года».

В 1812 году, из уважения и признательности к Русскому Монарху, заочно принявшему его к Себе на службу, Жомини представил рапорт Наполеону о невозможности сопровождать Французского Императора в его движении на Москву. Наполеон отнесся к записке Жомини вполне благосклонно: сначала назначил его губернатором в Вильно, а позже-на один из командных постов в Смоленске.

Во время отступления Великой Армии, генерал Жомини оказал ей ряд важнейших услуг: он указал Французскому Командованию верную и безопасную возможность выйти на дорогу, ведущую в Вильно; наметил с точностью место переправы через Березину и т. д. Заведуя, в качестве помощника генерала Эллезона-младшего, наводкой мостов на этой же реке, Жомини серьезно простудился и заболел воспалением легких. Для поправления здоровья он получил три месяца отпуска и уехал в Париж.

При возобновлении военных действий, на сей раз уже на территории Германии, Французское Командование отправило его снова к маршалу Нею, как начальника штаба его 3-го корпуса.

4 мая 1813 года, то есть через день после сражения при Лютцене и за несколько дней до боя под Бауценом, Жомини был на своем обычном боевом посту.

Но сейчас же после Бауцена барон Жомини, глубоко оскорбленный очередною к себе несправедливостью маршала Бертье (об этом будет сказано подробнее ниже), разочарованный в Наполеоне, как в человеке и политике, не выдержал: 14 августа, без бумаг и без вещей, он прошел через аванпосты сражающихся и отдал себя службе Русской Армии.

16 августа он прибыл в Прагу. Дня четыре спустя, за столом в Императорской Ставке, Прусский Король громко спросил Жомини о силах Нея. Жомини принес Королю извинения в том, что не может ответить на его вопрос и Император Александр 1-ый одобрил за это Жомини.

Дрезденское сражение было проиграно союзниками отчасти из за неожиданного возвращения в Армию Наполеона, но, главное, потому, что Союзное Командование пренебрегло советом Жомини быстро перестроить свой фронт и атаковать всеми силами левое крыло французов: оно было неосторожно выдвинуто ими между Эльбой и огромными силами Коалиции.

После разгрома Наполеона у Лейпцига, Жомини подал рапорт Императору Александру 1-му, ходатайствуя о своем откомандировании

от Ставки: генерал считал невозможным для своей совести участвовать в покорении Франции, которой он служил еще несколько месяцев тому назад.

Жомини появился снова в Ставке во Франкфурте; вместе с нею он вступил во Францию, но в Труа опять уехал из нее незадолго до взятия Парижа. Несмотря на подобные нерегулярности, он оставался все время на русской службе, а в 1817 году наше Правительство разрешило ему совсем обосноваться в Париже, чтобы посвятить себя исключительно военно-научной писательской деятельности.

В 1826 году генерал Жомини приехал в Россию на похороны Императора Александра 1-го и празднование восшествия на престол Императора Николая 1-го. В 1829 он проделал с Государем войну против Турции. Вернувшись в Санкт-Петербург, Жомини снова принялся за свою писательскую работу. Немного позже, по его же инициативе была открыта наша Академия Генерального Штаба.

В 1837 году Император Николай 1-ый поручил Жомини преподавание стратегии Наследнику, то есть будущему Государю Александру 2-му.

После революции 1848 года, Жомини переехал в Брюссель. Накануне Крымской кампании, он неожиданно появился в Петербурге, а после заключения мира, удалился навсегда в Париж. Там он и умер в возрасте 90 лет 22 марта 1869 года. Генерал барон Жомини был похоронен на кладбище Пасси.

От него осталась дочь, вышедшая замуж за французского офицера, и сын, занимавший уже в то время высокий пост в нашем Министерстве Иностранных Дел, в Санкт-Петербурге.

2.

Из приведенной краткой биографии генерала Жомини видно ясно, что его военная карьера прошла, главным образом, в штабной и научной обстановке. Несмотря на его одаренность и энергию, восхождение его на ответственные должности не было молниеносным и ошеломляющим, как продвижение многих соратников Наполеона, но генерал Жомини, обласканный тремя Русскими Императорами, все таки кончил свою карьеру в обстановке всеобщего к себе уважения и почета.

Тем не менее, в течение всей своей службы и Франции, а потом и России, он всегда чувствовал в душе глубокую неудовлетворенность: самая его заветная мечта не сбывалась и так никогда и не смогла осуществиться. А мечта Генриха Жомини состояла в том, чтобы лично, без посторонних влияний и ограничений, применить на поле сражения, командуя крупной воинской единицей (корпусом или несколькими корпусами или армией) свои собственные принципы и приемы ведения боя или обширной боевой операции.

Почему Жомини никогда не смог командовать крупными соединениями войск, никто из его современников этого не объясняет. Бесспорно, что в этом ему мешала очень швейцарская его национальность (в бытность на службе и у Французов и у Русских). Были, конечно, и нескончаемые интриги штабных офицеров (опять таки и на французской стороне и на стороне Верховного Командования Коалиции). Но в течение всей его службы в Наполеоновской армии главным препятствием к назначению Жомини на высокий командный пост была постоянная к нему неприязнь маршала Бертье. Маршал Бертье, будучи еще военным министром Наполеона, сразу почувствовал в молодом Жомини крупный военный талант. Это вызвало в душе Бертье, уже пожилого и человека рутины, зависть и ревность которые, позже перешли постепенно в настоящую, плохо-скрываемую ненависть к Жомини. Такое враждебное отношение неоднократно толкало Бертье на целый ряд несправедливых и недостойных поступков в отношении подчиненного ему Жомини.

Свое некрасивое чувство к Жомини Бертье проявил в первый раз сейчас же после Аустерлицкого сражения: приказом из Шенбруна от 27 декабря 1805 года Жомини по представлению Нея был приравнен к чину полковника, с зачислением в штаб 6-го корпуса. Бертье, не снесшись ни с кем, собственноручно заменил в приказе о производстве Жомини слово «полковник» термином «Adjudant Commandant», что имело совершено иной смысл и значение.

Два года спустя, несмотря на свои новые значительные заслуги, Жомини все еще оставался «Adjudant Commandant», когда Наполеон назначил его начальником штаба 6-го корпуса армии Нея. Но Бертье, оказалось, «ошибся» и объявил Жомини помощником начальника штаба. Обиженный и разгневанный Генрих Жомини подал в отставку, но в последний момент дело уладилось в пользу Жомини.

В 1809 году, по настоянию нового военного министра Кларка, Наполеон отозвал Жомини из Испании из штаба Нея, который потерпел серию неудач из за игнорирования советов Жомини. Кларк отправил Жомини к Бертье, ставшему к тому времени главным начальником генерального штаба Наполеоновской армии. По предписанию Бертье, Жомини занимается у него совершенно незаметной административной работой. А она так не подходила к его дарованиям и темпераменту!

В 1810 году Жомини все в том же чине, хотя вокруг него в Армии сыпятся со всех сторон награждения. Чувствуя себя незаслуженно обойденным и устав от полупрезрительного к

себе отношения Бертье, Жомини опять подает в отставку и военному министру посылает копию рапорта. Но тут барона ожидал неприятный сюрприз : его вызывают в Париж. Там Кларк, в ответ прошению Жомини об увольнении в отставку, просто угрожает ему Венсенским замком... Но еще один лишний раз дело Жомини устраивается : задним числом, то есть 7 декабря 1810 года, он был произведен в бригадные генералы. Но Бертье задержал его в своем штабе, в общем для того, чтобы отвести Жомини от активной деятельности.

Только 4 мая 1813 года Бертье уведомил военного министра Кларка, что Жомини выслан в распоряжение маршала Нея на должность начальника штаба его 3-го корпуса. Это, следовательно, произошло на второй день после сражения у Лютцена и за несколько дней до боя при Бауцене.

По окончании Бауценского сражения, завершившегося, по мнению французов-современников, «полу-успехом» Наполеона, Ней представил ходатайство о производстве Жомини в чин дивизионного генерала. Но, вместо производства, Жомини был официально обвинен в небрежности послужбе, так как якобы не представил к назначенному сроку столь важные для Французского Императора отчетности. По настоянию Бертье, Жомини даже был арестован за плохое отправление обязанностей начальника штаба на несколько суток, с объявлением этого в приказе по Армии...

13 августа, по получении бумаги с производствами на 15-ое того же месяца, Жомини не нашел в списке своего имени: оно было исключено оттуда. Все, вместе взятое, произвело на барона очень тяжелое впечатление. И тогда, принятый давно заочно на русскую службу Жомини, больше не задумываясь, перешел к Союзникам.

Поступок Жомини вызвал бурю негодования среди Французов. Резкие нападки и грубые обвинения Жомини в предательстве, а также в передаче Союзному Командованию секретных бумаг и планов Наполеона, появились позже в печати (напр. библ. 5, стр. 138-140).

Но генерал Жомини был оправдан во всем. Одним из главных его защитников оказался сам Наполеон : Французский Император признал (Библ. 8), что переход Жомини на сторону Русских никак не может считаться актом дезертирства, предательства или измены, так как генерал Жомини был на службе Франции вольнонаемным и иностранцем, иными словами — не имел абсолютно никаких обязательств в отношении Французского Государства. Кроме этого, Наполеон сознался, что помешал сам Жомини уйти от него в 1810 году : Жомини был ему слишком необходим. как самый талантливый из его сотрудников. О случившемся же после Бауцена (отставке от производства и аресте Жомини), равно как и о деталях длительного недостойного к нему отношения Бертье, Наполеону ничего не было известно.

Помимо оправдания Жомини таким блестящим авторитетом, как Французский Император, блестящая отповедь врагам генерала, в частности-генералу барону де Марбо, была дана на страницах печати рядом лиц и в их числе потомками генерала Жомини.

К сожалению, и в Русской Армии, по неизвестным причинам и не смотря на благосклонное и даже ласковое к нему внимание со стороны Русских Императоров, Жомини командовать тоже не пришлось, как он мечтал. В этом заключалась большая драма всей его жизни. Возможно, что если бы не зависть к нему маршала Бертье, дорога Жомини сложилась бы иначе...

К концу жизни, Жомини постепенно успокоился и отошел от своих неприятных воспоминаний о маршале Бертье. Но до последних дней он жил мыслями и душой в военном искусстве.

Многие офицеры различных армий Европы, бывая в Париже, считали своим долгом заехать с визитом к этому почтенному и глубокому уже старику.

Страдавший глухотой генерал всегда оживлялся в их присутствии, узнавал среди них знакомых и незаметно для самого себя увлекался, забывая все и уходя разговорами и спорами в свое святое-святых — в науку воевать и побеждать.

Иван Сагацкий

Библиография.

1. — Dictées de Sainte - Hélène.
2. *Hubert Saladin.* — Notice sur le général Jomini. Paris. 1869.
3. *Lecomte F.*, colonel fédéral. — Jomini, sa vie et ses écrits. Esquisse biographique et stratégique. 3me édit. Lausanne 1882.
4. Le Général Jomini et les Mémoires du baron de Marbot. Imprim. et librair. L. Baudoin. Paris. 1893.
5. Mémoires du général baron de Marbot. Librair. Plon. Paris.
6. *Pascal.* — Observations historiques sur la vie et les ouvrages de Jomini. Paris 1840.
7. *Sainte Beuve.* — Le général Jomini. Etude. Michel Lévy — frères. Paris. 1869.
8. Vie politique et militaire de Napoléon racontée par lui-même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. Chez Anselin. Paris. 1827.

Прорыв фронта 9-ой Армией 22-28 мая 1916 года

(Личные воспоминания)

Зимой и весной 1916 года фронт 9-ой русской армии южнее Днестра тянулся почти совершенно точно вдоль государственной границы между Бессарабией и Буковиной. 32-ая пехотная дивизия занимала участок западнее села Ракитно. 27-го апреля она была двинута на север, за лесной массив между Калинковцами и Ржавенцами. 28-го апреля, после какого то неудобного ночлега по пути, 2/32 артиллерийский дивизион пришел утром в село Ржавенцы.

Там уже перед этим работали «Три волхва», подготовлявшие операцию прорыва фронта. От них мы получили номера позиций и наблюдательных пунктов (вся разведка и распределение батарей были сделаны ими). Само место для прорыва, выбранное ими, было именно таким, каким должно быть для этой цели. «Командующие высоты» — пресловутые «ключи позиций», в данном случае высоты : 458 на левом фланге и 270 на правом, оставались за границами участка (хоть и при границе). Направление удара было между ними, в самой низкой части фронта противника.

Наши наблюдательные пункты были не выше 270 (кроме той их части, которая была на склонах высоты 458), но все же на 60-70 метров выше первой линии противника. Мы могли поэтому видеть весь его тыл, поднимавшийся пологим амфитеатром к железнодорожной станции Юркоуц (с движением поездов), которая была далеко за пределами досягаемости нашей артиллерии. Местом наблюдательных пунктов была 2-ая линия пехоты и единственным недостатком их было лишь то, что они обстреливались противником всеми видами пехотного и артиллерийского огня, включая 12-ти дюймовые мортиры. Для телефонных проводов были поэтому выкопаны специальные ходы ссобщений. В общем, мы видели все, кроме дна лощин, параллельных фронту, в тылу у противника.

Село Ржавенцы, где постепенно сосредоточивалась наша артиллерия, было в предшествующих боях совершенно уничтожено. Из хат уцелела, пожалуй, только одна, в которой жили «Три волхва», остальные были лишь обозначены четырехугольными фундаментами и кучами мусора, иногда и остатками стен. Но сады уцелели и очень нам пригодились для маскировки.

5/32 батарея стояла в селе за сгоревшей церковью, колокольня которой мешала при стрельбе на передний окоп противника (церковь была каменная и колокольня тоже), примерно 10% снарядов цеплялось за нее. Переменить позицию было невозможно : село было переполнено батареями. Поэтому мы высчитали, на основании % преждевременных разрывов, насколько нам надо поднять орудия вверх? Оказалось-пустяки : подсыпали под орудия пол-аршина земли и все оказалось в порядке.

А сзади нам грозила опасность от преждевременных разрывов батарей, стоявших за нами. Поэтому, за каждым орудием была построена стенка из двух рядов бревен с землей, насыпанной между ними.

За неимением хат, офицеры 5/32 батареи поселились в очень уютном овражке за границей села, назад и влево от батареи : командир батареи — в палатке «домиком», прочие — в блиндаже, выкопанном в передней стене оврага. В версте за оврагом, под обрывом в долину ручья Онут, стояли передки, резерв и обоз.

Некоторым минусом всего участка было то, что в тыл вела только одна дорога (по которой мы и пришли в Ржавенцы). Это была широкая, но немощеная полевая дорога, которая на восточной стороне долины Онута поднималась вверх метров на 200 по переднему склону на лесистое плато и на всем протяжении подъема была подставлена противнику. Ее замаскировали срубленными деревьями, так что австрийцы наблюдать движение не могли. Однако, в случае нажима со стороны противника и необходимости отступать, это был бы конец для всех 211-ти орудий! Вероятность такого случая была, однако, так ничтожна, что ею можно было пренебречь.

Итак, мы стояли 3 недели, пока вся артиллерия не собралась. В позициях были построены специальные блиндажи для тысяч навезенных снарядов, часть которых (не у всех батарей) была впервые химическая. Так же впервые на наблюдательных пунктах были заведены «журналы наблюдений». Хотя особой популярностью, как всякое писание на войне, они и не пользовались, но наблюдательных пунктов было так много, а позиция противника так подставлена наблюдению, вплоть до его глубокого тыла, что удалось обнаружить очень многое : вероятно-все наблюдательные пункты артиллерии (иногда-прямо, в иных случаях-по выводам из ряда записанных наблюдений : высохшая маскировка, направление телефонных проводов, смена персонала и пр.). Удалось обнаружить и позиции батарей. Хотя неприятельская артиллерия стояла в закрытых позициях, все

же на этом, голом амфитеатре можно было наблюдать многое (напр. снабжение и пр.). Остальное было дополнено снимками авиации. План артиллерийской подготовки мог быть поэтому разработан подробно, совсем иначе, чем в декабре 1915 года, у Ракитна!

Тогда направление удара было на высоту « Утюг » (насколько помню-высота 298), как на «ключ» позиции противника. Этот «ключ», (как всякий другой) закрывал нам горизонт, а кроме того был виден австрийской артиллерии с обратной стороны совершенно так же хорошо, как нам — с восточной. Наша артиллерийская стрельба, конечно, смела неприятельскую пехоту с этого « Утюга » и наша пехота его заняла, но затем австрийская артиллерия повторила то же самое с обратной стороны. Так повторилось пять раз, каждый с новой нашей дивизией и совершенно безрезультатно : « ключ » остался у австрийцев! Операция эта стоила нам 22.000 убитых и раненых (А. А. Керсновский «История русской армии »).

Командующий 9-ой армией, генерал от инфантерии Лечицкий принял к сведению этот печальный опыт и теперь главное слово принадлежало не «ключам», а артиллеристам, которые должны были поставить дело так, чтобы история с «Утюгом» не повторилась.

Предстояла колоссальная работа импровизационного характера, так как никаких норм для этого, кроме предыдущего печального опыта, в русской армии не было. В 1924 году в Праге, В. Ф. Кирей, тогда — командир 1-го артиллерийского полка чехословацкой армии. рассказывал мне о первом совещании в штабе 9-ой армии, на котором присутствовали командиры корпусов со своими инспекторами артиллерии и он, тогда — командир 4-ой батареи 32-ой артиллерийской бригады, подполковник. Все присутствовавшие были за многодневную артиллерийскую подготовку по французскому образцу и только Кирей был против, считая, что в наших условиях будет достаточно ограничиться несколькими часами. Генерал Лечицкий в заключение сказал: «Согласен с мнением подполковника Кирея!»

Итак, Кирей стал первым «волхвом». Двумя другими были полковник Рудольф и еще один, фамилию которого не помню. Не знаю, назначил ли их Лечицкий или привлек к делу Кирей? В 1917 году частям была разослана книга Кирея «Артиллерия атаки и обороны». В ней нам всем особенно нравилась язвительная фраза: «Начальником артиллерии должен быть человек, могущий ходить в передовые окопы». Повидимому, Лечицкий «знал своих Паппенгеймских», почему и остановился на подполковнике!

Приказ для артиллерийской подготовки был очень обширный, подробный и централизованный: цели были указаны каждой батарее и отдельному взводу по местным предметам (ориентирам), названия которых были известны каждому офицеру. Точно так же была указана по часам интенсивность огня и паузы, для обмана противника о времени начала атаки. Хуже был решен вопрос о взаимодействии пехоты и артиллерии после прохождения укрепленной полосы. Но это была тогда вообще неисследованная область. К маю 1916 года никакого сдвига в этом отношении у нас не последовало и наши «Три волхва» ограничились в приказе тем, что называется «взгляд и нечто» :

1) было упомянуто об «инициативных стрельбах (после прохождения взятой укрепленной полосы),

2) было указано, какие дивизионы должны выслать передовых наблюдателей к определенным пехотным полкам и батальонам,

3) легкие батареи (о других не помню) получили не полосы (участки) пехотных частей, но секторы, которые уже своей формой не могли совпадать с участками пехоты (если таковые были, пехоте давались обыкновенно лишь «направления»),

4) перемещения артиллерии вперед по достижении пехотой определенного рубежа («промежуточной цели») приказ не предвидел. Поэтому очень быстро должен был настать момент, когда артиллерия оторвется от пехоты и оставит ее без прямой поддержки. Паллиативом к этому была лишь такая фраза: «В каж-

дом легком и горном артиллерийском дивизионе иметь по два взвода готовыми к перемещению вперед».

Такие взводы в некоторых случаях, конечно, хороши (например, при паническом бегстве противника), но вопроса о перемещении артиллерии вперед они не решают!

22-го мая 1916 года (старый стиль) началась битва, которая у нас получила название «Под Ржавенцами», а у противника — «Ди Шлахт бай Окна» (по имени крупнейшего населенного пункта в районе битвы).

В 02.00 часов мы были на местах. Батареи, подошедшие перед самой битвой, начали пристрелку по своим целям, прочие — поверку пристрелки. На это было дано два часа. Потом началась артиллерийская подготовка. Число выстрелов в минуту (каденция) было установлено приказом для каждой батареи. Кирей был сторонником «изводящего» огня, а потому каденция была главным образом медленная: для нас — два выстрела в минуту на батарею. В приказе было указано также время, когда стрельба ускорялась или вовсе прекращалась на 10-15 (не помню точно) минут для того, чтобы противник мог считать каждый такой перерыв началом пехотной атаки и появился бы из нор на стрелковой ступени — только для того, чтобы подставить себя снова огню артиллерии.

Но и при такой медленной стрельбе орудия так накалялись, что приходилось для их охлаждения лить на них воду (хотя и не так, чтобы «загоралась маскировка», о чем мы читали потом в гражданской печати). Я был старшим офицером на батарее 5/32. Гул множества батарей был такой, что подавать команды голосом было невозможно. Я или бегал по батарее или показывал цыфры пальцами.

Наши батареи стреляли в условиях мирного времени, так как неприятельская артиллерия была приведена к молчанию: наблюдательные пункты ослеплены, телефонные линии перебиты, позиции батарей засыпаны нормальными и химическими снарядами. По последнему поводу мне вспоминается такой случай после войны я приобрел в Праге все карты 1:75.000 Галиции и Буковины, районов действий 32-ой пехотной дивизии и возвращался с ними домой. Моим соседом в поезде оказался фабрикант из города Оломоуц, в прошлом-австро-венгерский артиллерийский обер-лейтенант, участник битвы у Окны. Я развернул карты и он показал мне, где стояла его батарея, а в числе подробностей сообщил, что ее северный взвод был отравлен химическими снарядами.

Из артиллерии противника осталась неподавленной, пожалуй, лишь одна 12-ти дюймовая батарея, которая стреляла по окопам пехоты, где были и наши наблюдательные пункты (в том числе и 5/32 батареи). При этом она попала в командный пост командира 128-го пехотного Старооскольского полка. Командир полка, полковник Лурье с боевой частью штаба погиб. В командование полком вступил подполковник Каракуца.

Свою молчащую артиллерию австрийцы заменили авиацией. Через несколько часов после начала боя над нами появился отряд из 4-х самолетов, сбросил на артиллерию порцию бомб и улетел за новой. Это продолжалось целый день, но хотя в Ржавенцах почти под каждым кустом стояло орудие или был блиндаж, попаданий не было. Передавали, что была убита собака одной из батарей 19-ой артиллерийской бригады. Все же эта бомбардировка напоминала, что мы все таки не на полигоне мирного времени! К вечеру появились и наши «Вуазены», тоже 4, и мы ожидали, что произойдет воздушный бой, но этого не случилось.

Не помню точно, когда началась атака пехоты: не то в 12, не то в 14 часов. Как будто было небольшое запоздание, которое Кирей предвидел фразой в приказе: «Если пехота в назначенный час не пойдет, продолжать огонь по своим целям, не меняя его силы».

Укрепленная полоса противника была взята без всяких затруднений, как будто бы ее вовсе не было, и пехота вышла в открытое поле. Но тут не пошло все так гладко, как нами ожидалось! «Использование успеха» не принадлежало к числу добродетелей наших общевойсковых начальников. Пехота 32-ой дивизии шла перпендикулярно бывшему фронту в направлении на станцию Юркоуц и, по позднейшим рассказам пехотных офицеров, почти достигла этой станции. Никакого расширения прорыва в стороны не последовало, хотя за нашей дивизией были еще две, 19-ая и 12-ая. Кавалерия отсутствовала!

Само по себе направление удара было, можно сказать, идеальным! Оно выводило в тыл левому флангу австрийской армии, загнутому на север вдоль Днестра и можно себе представить, какое впечатление произвела бы там атака с тыла! Но наша пехота шла только по перпендикуляру и вышла из сферы досягаемости артиллерийского огня, а между тем, австрийцы успели подвезти резервы, контр-атака которых отбросила нашу пехоту назад, под защиту своей артиллерии.

В этом деле артиллерия тоже была не без греха! В приказе Кирея не было такой фразы (например): «По достижении пехотой линии..., артиллерия переместится (такие-то части в такие-то районы)...» Тут надобно, однако, заметить, что систематическое наступление с промежуточными целями (с остановкой или без оной) в русской армии известно не было. Это очень точно выразил предшественник Кирея в должности командира 4/32 батареи подполков-

ник Рено: «Лезем вперед, пока нас пускают, а потом получаем по шее!» Так было и в этом случае. Начальство реагировало на это введением резервов (все в том же направлении). Но так как прохождение 2-го эшелона над лежащим 1-ым известно не было, то резервы просто вливались в общую линию, части (даже дивизии) перемешивались и управление ими было затруднено до крайности (по рассказам пехотных офицеров).

Тем не менее, атаки возобновлялись, а австрийские контр-атаки тоже. Происходило то, что мы сейчас же назвали «танц-классом».

Во время этого «танц-класса» я был послан на разведку позиции для переезда 5/32 батареи за линию бывшего австрийского фронта против развалин кордона пограничной стражи мирного времени (высота 206, если не ошибаюсь). Русские батареи (ни дивизионы, ни бригады) не имели офицеров-разведчиков, ни наблюдателей, а потому для разведки нужно было брать офицера с позиции, совершенно неориентированного в обстановке момента. Это, конечно, всегда задерживало исполнение на вызов коня и разведчиков, удлиненный путь и необходимость ориентирования.

Первой моей непосредственной задачей было так проплестись между скрыто стоящими многочисленными орудиями чужих батарей, чтобы они меня не подстрелили. Несколько раз я был, что называется, на волоске, но в конце концов добрался невредимо до нашей бывшей первой линии. Здесь я окинул взором поле битвы и будущий район позиции, оставил коней и пошел пешком через бывшую русско-австрийскую государственную границу, она же — бывшая нейтральная полоса между противниками, и поднялся на бывшую австрийскую позицию. По пути я отметил следующее:

1) Австрийские окопы были втрое шире наших. Это, конечно, было удобно для их «населения», но одновременно увеличивало, тоже втрое, вероятность попадания артиллерийских снарядов противника. Возможно, что эта ширина была обоснована почти 2-х летней слабостью нашей артиллерии, которая давала право австрийцам дать предпочтение удобству.

2) Хотя в приказе и было упоминание о перемещении окопов для артиллерии, но поскольку я мог видеть, исполнено это не было. Мы бы не могли просто ехать вперед, но были бы задержаны постройкой переездов.

Перейдя через австрийские окопы, я пошел далее вдоль ручья, впадающего с запада в ручей пограничный. Вдоль него лежало десятка два трупов австрийских солдат. Они раздулись от жары так, что одежда на них, казалось, вот-вот лопнет. Лица мертвых были черными, как у негров. Воздух был ужасный!

Я дошел до колена долины, имевшего направление параллельное бывшему фронту, в расстоянии 3-3½ верст от батареи. Замечу, что я впоследствии с удовольствием прочитал в чехословацких уставах, что артиллерия перемещается на пол-прицела; итак-я угадал! Здесь могла бы быть наша новая позиция, а наблюдательный пункт — на западном краю долины. И то и другое не было первоклассным, но что вообще можно ожидать на голом поле?

До сих пор все шло гладко, никто меня не беспокоил. Но вдруг обстановка изменилась: я увидел цепь нашей пехоты почти на своем уровне и в следующий момент был засыпан австрийскими пулями. К счастью, задача моя была окончена. На месте не было никакого укрытия и потому я решил уходить сейчас же обратно и, к моему сожалению-шагом, так как к ближайшему укрытию, австрийскому окопу, было слишко далеко для бега! Благополучно вернувшись в батарею, я доложил о результатах разведки, но австрийцы так потеснили наших, что вопрос о переезде заглох.

Достижением дня было только то, что на фронте 32-ой пехотной дивизии произошел прорыв укрепленной полосы противника, **но не прорыв фронта** и весь австрийский фронт, южнее высоты 458 и севернее высоты 270, остался непоколебленным. И это — несмотря на почти идеальную местность, прекрасное направление для атаки, нагромождение войск и блестящую артиллерийскую подготовку!...

Наше разочарование в способностях своих начальников к управлению боем было усугублено еще одним обстоятельством: артиллерия расстреляла все патроны! В нашем дивизионе, 2/32, 4-ая батарея выпустила 4.500, 5-ая — 2.700, 6-ая была посередине (точно не помню) и в батареях осталось лишь по несколько десятков патронов. Подобно было, как мы слышали, и у других частей. Пополнить убыль было невозможно. Говорили, что пополнение было послано пароходом по Днестру, но что он опаздывает. Таким образом, продолжение боя оказывалось невозможным и даже можно было опасаться, что с нашей единственной дорогой в тыл, мы можем оказаться в « бамбуковом положении », если бы австрийцы попытались быть активными. Но они были пассивны и на фронте воцарилась тишина на несколько дней.

В течение этих дней обе пехоты окапывались на новых местах, кое что, не могу сказать точно, ушло из нашего района. 5/32 батарея переехала на новую позицию и стояла теперь между церковью и наблюдательным пунктом, оставшимся на старом месте.

В один из дней молчания я дежурил на наблюдательном пункте. Без патронов, я мог только любоваться местом, выбранным для прорыва. Не только низшие начальники, но и командующий армией могли бы быть на своих на-

блюдательных пунктах и охватить взглядом фронт целой армии (за исключением южного, пассивного, участка, от высоты 458 до румынской границы).

Пребывание на наблюдательном пункте 27-го мая вселило в меня уверенность, что из прорыва австрийского фронта и на этот раз ничего не вышло, а потому 28-го мая я поехал в корпусное казначейство за деньгами на очередную треть года и жестоко ошибся. На возвратном пути (казначейство было где то за Днестром), навстречу мне шли тысячные колоны пленных и, естественно, я горел желанием узнать, что случилось в мое отсутствие? Оказалось, что наш северный сосед у Днестра прорвал фронт по настоящему! Наша кавалерия отсутствовала, но на поле битвы оказался Текинский полк. Число пленных было внушительным. Но все это выходит из рамок личных воспоминаний, а потому возвращаюсь к нашим Ржавенцам.

Только 29-го мая утром был получен приказ к «преследованию». Батарея была прикомандирована к 128-му пехотному полку. Командир батареи остался в Ржавенцах. За указаниями к командиру полка поехал капитан Курзеньев со мной. Когда официальная часть была закончена, Курзеньев спросил командира полка: «какие потери понес полк 22-го мая при взятии неприятельской позиции?» «Два убитых и четыре раненых», ответил командир полка. Недаром Кирей поставил эпиграфом к своей книге: «**Артиллерийский пот спасает пехотную кровь!»**

Артиллерийская подготовка атаки 22-го мая произвела на пехоту такое впечатление, что год спустя, во время «великой, бескровной», 32-ая пехотная дивизия всегда голосовала за наступление, с одним только условием: артиллерийская подготовка должна быть такой, как под Ржавенцами! Но такой ей уже не пришлось быть, так как революция добила армию.

В. Милоданович

14-й Гусарский Митавский Полк

(Картинки полковой жизни)

15 июня 1908 года, из юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища, я был произведен в офицеры и вышел корнетом в 14 гусарский Митавский полк, стоявший в г. Ченстохове Петроковской губернии.

День прозводства в офицеры, один из самых счастливых дней моей жизни, был для меня омрачен тем, что новые сапоги сильно давили на подъем ноги. Другие сапоги достать было невозможно, так как они были упакованы и уже отправлены багажем в Ченстохов.

После соответственного «вспрыскивания» производства, перед отъездом в полк, я отправился в недельный отпуск домой в Двинск. Я слегка прихрамывал и на вокзале ко мне привязался какой-то господин, поместившийся со мною в одном купе. Я уже хотел что-то предпринять потому что он начал казаться мне подозрительным но оказалось, что он, всего на всего, мозольный оператор, который, видя что я прихрамываю, собрался меня оперировать тут же в вагоне.

Горд я был в Двинске ужасно. Ведь, здесь все меня знали мальчиком а тут вдруг — гусар (гусарская форма дана была нам только несколько месяцев тому назад).

Около нашего дома, я увидел старого почтенного городового, с большой седой бородой, отдавшего мне честь. Тут я сильно сконфузился. Дело в том, что городовой этот стоял на томже посту, когда я был еще маленьким мальчиком. Однажды, еще до поступления в кадетский корпус, играя в мяч, я разбил на улице фонарь. Как я потом узнал, отец мой велел городовому меня припугнуть. Городовой действительно напугал меня, накричал, топая ногами, как будто желая поймать и пригрозил «отвести меня в часть», как тогда называли полицейский участок. После этого, я всегда его ужасно боялся и со страхом проходил мимо, а он на меня строго смотрел и покрякивал. Теперь, мы стали друзьями.

Перед отъездом из Двинска, когда я стоял на перроне, в дверях вагона, моя мама, прощаясь со мной, давала последние наставления, особенно остерегая меня от знакомств с женщинами в дороге, говоря что среди них много авантюристок. Войдя в вагон, я увидел в одном из купе, молодую даму, сидевшую в одиночестве. Я щелкнул шпорами и попросил разрешения войти. Получив, кивком головы, согласие, я вошел и уселся напротив. Дама была элегантная и хо-

рошенькая. Понемногу, я с ней разговорился и стал говорить, подобающие случаю, любезности. Вдруг она разсмеялась и сказала: «а что вам мама говорила?» Оказалось, что она стояла у окна и слышала наставления моей матери. Сконфужен я был ужасно. Потом, мы очень хорошо, по дружески, беседовали. Она оказалась женой какого-то важного чиновника.

КОМАНДИР КОРПУСА.

Проведя день в Варшаве, я отправился по Варшаво-Венской дороге в Ченстохов, поезд уходил около часа ночи и приходил в Ченстохов около шести утра. Войдя в вагон 2-го класса, я прошелся по всему вагону. Половина вагона была второго а половина первого класса. Заглянув в одно купе 1-го класса, я увидел, сидящего в одиночестве, генерала. Откозырнув, я хотел поскорее смыться но не тут-то было. Генерал подозвал меня и сказал «садитесь корнет, вы только что произведены? Едете в полк»? Получив мой ответ, он сказал мне, что он наш корпусный командир и едет в Ченстохов производить инспекторский смотр. Повидимому, ему было скучно одному, он задержал меня и стал расказывать неприличные анекдоты, чем ввел меня в большое смущение.

Это был генерал-лейтенант Шутлеворт, командир XIV арм. корпуса. Он часто ездил к нам производить инспекторский смотр. Приезжая в Ченстохов около шести утра, он ехал в полк и, когда его встречал дежурный по полку офицер, приказывал играть тревогу. Спешно выстраивался полк, он объезжал фронт, выводил полк в поле и пропускал мимо себя в развернутом строю полевым галопом, а иногда и «марш.-маршем». Два стрелковых полка, стоящие в Ченстохове он, обычно, не смотрел. Затем, приходил в собрание беседовал, с офицерами и уезжал.

У нас в полку, командовал третьим эскадроном его младший брат ротмистр Шутлеворт. Ротмистр терпеть не мог брата и говорил, что если бы не он то давно был-бы подполковником. Брат мешал его производству, дабы его не заподозрили в оказании покровительства брату.

Иногда, генерал Шутлеворт, приехав в полк, шел прямо в Собрание, выпить чая. Он любил чай с молоком и чтобы на столе, непременно, был самовар. Так как он приезжал неожиданно то это представляло значительные затруднения. В Собрании был громадный ведерный самовар, который никогда из кухни не выносился, а молока... где его найдешь в гусарском полку? ...Полк стоял за городом, часть офицеров жила во флигелях, около казарм, часть в городе, семейных было мало а детей — только маленький сын у ротмистра Шутлеворта. Естественно что за молоком посылали к нему. Ротмистр мрачно отвечал «не дам, пусть пьет чай без молока». Молока не находили а самовар доставали у кого-нибудь другого.

Когда командир корпуса здоровался с офицерами, он говорил брату — «здравствуй Вася» — Вася громко отвечал: «здравия желаю Ваше Превосходительство». Генерал очень любил жену брата и приходил к ней заниматься, модным тогда, «спиритизмом».

Шутлеворт — фамилия шотландская и оба брата были скуповаты. Генерал подолгу носил старое пальто, сапоги обычно были «немолодые», иногда он входил в Собрание в калошах и, когда спросили у брата — почему он это делает, тот сказал что «сапоги у него рваные». Может это и не совсем правда но похоже. В то же время, он все свои деньги отдавал своему сыну корнету лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Однажды, я приехал из города утром в полк и увидел что эскадроны построены в пешем строю, около конюшен. Вдали стояла группа офицеров. К счастью, я не опоздал. Подъехав к эскадрону, я поздоровался, эскадрон ответил мне как-то приглушенно, ко мне подбежал вахмистр и доложил «Ваше Высокоблагородие, командир корпуса приехали». Я спешно направился к группе офицеров и, сконфуженный, подошел к генералу Шутлеворту. Повернувшись ко мне, он сказал: «а это вы, корнет, а я думал Командующий Войсками приехал». Как известно, в присутствии старшего, младший не имел права здороваться с частью. В общем, он был добрый, справедливый начальник и хорошо относился к подчиненным а, в частности, любил наш полк.

КОМАНДИР ПОЛКА

В это время, командиром полка был полковник Мошнин. Как только я явился ему по прибытии в полк, он строго осмотрел меня с ног до головы и спросил — есть-ли у меня лошадь и бинокль Цейсса в желтом футляре? (Он писал в училище, чтобы офицеры, выходящие в Митавский полк покупали себе серых лошадей и бинокли в желтых футлярах). Я был смущен и ответил что лошадь я еще не купил а бинокль Цейсса получил в училище но в черном футляре. Он приказал озаботиться покупкой серой лошади и достать желтый футляр для бинокля. Он был большой формалист и строго следил чтобы офицеры были одеты по форме. Наш полк сидел на серых лошадях, офицеры имели право иметь лошадей любых мастей но Мошнин требовал, непременно, серых.

Мои лучшие воспоминания о нем строгом, суровом и, в то же время добром командире. После революции, он умер в Париже.

Небольшого роста, полный, почему то в пол-

ку его называли «Пуп». Он говорил что он родственник Серафима Саровского, фамилия которого была Мошнин. В детстве у него была кормилица — негритянка. Человек состоятельный, бывший офицер лейб-гвардии Конногренадерского полка он нам рассказывал что особняк Кшессинской, тогда еще совсем неизвестный и так прославившийся позже, раньше принадлежал ему. Он был женат но не жил с женой а хозяйством у него управляла сестра его жены. Она держала себя так что, несмотря на то что жила она у него в доме, никуда не показывалась и я лично — ее никогда не видел.

В год моего выхода в полк, состав офицеров был очень молодой: 21 корнет, женатых: 3 штаб-офицера, 2 ротмистра и 4 младших офицера. Офицеры были, в общем, небогатые. Мошнин был довольно дорогой командир полка, так как он не пил водки и, вообще, не любил никакого вина. Пил он коньяк «Мартелль» и шампанское «Поммери деми-сек». Но, всегда он старался чтобы его « вкусы » неложились бременем на офицерский карман. Когда я купил серого жеребца и комиссия его приняла, я пришел в Собрание и Мошнин сказал «а у корнета Высоцкого жеребец будет спотыкаться», я не понял и сконфузился, но мне шепнули — «омой копыта», это означало, что я должен потребовать шампанского на всю компанию. По моей неопытности, я не знал этого обычая.

В полку у нас не было бокалов для шампанского, а было принято пить из больших стаканов, суженных книзу, так называемых «пивных», причем шампанское всегда называлось «вино».

Приехав в полк, я должен был заказать себе именное серебро. Когда устраивались большие обеды или ужины, это серебро подавалось на стол и многие, особенно дамы, любили читать чье серебро им попало.

Когда, при Императоре Александре III, гусарские и уланские полки были переименованы в драгунские, тогдашний наш командир полка полковник Скалон (брат Варшавского Генерал-Губернатора), сломал, перед полком, свою гусарскую саблю. Эта сабля хранилась всегда у нас в Собрании на красном сукне, под стеклом и когда в 1907 году нам было возвращено наше старое историческое название и мы снова стали гусарами, полковник Мошнин приказал спаять эту саблю.

Мошнин не любил когда офицеры просили у него разрешения жениться. Бывали такие случаи: является к нему жених и просит разрешения жениться. По опросе, невеста оказывается из хорошей семьи и не было причин для отказа. Мошнин говорил «Вы хорошенько подумайте об этом» и получив в ответ что тот все обдумал и просит разрешения жениться, говорил «я завтра еду в Варшаву. Поедем со мной». Корнет не мог отказать, тем более что поездка обещала быть приятной. Приехав в Варшаву, они весело проводили день, вечером отправлялись в знаменитую варшавскую оперетку «Новости», потом ужинать в «Ампир» и, наконец, в кабаре «Аквариум», где пели и плясали лучшие варшавские шансонетки (платить корнету Мошнин, конечно, не позволял). Рано утром, Мошнин стучал в номер Европейской гостинницы или Бристоля и спрашивал «можно-ли войти?» В ответ, обычно слышалось «простите господин полковник я не один». Зачастую, желание жениться этим и кончалось.

Заметив что кто- нибудь из офицеров затосковал, он подзывал его к себе и советовал поехать в отпуск, домой. Увидев смущенный лик офицера, он спрашивал: «может у вас нет денег на поездку, тогда возьмите из Заемного капитала», получив ответ что и там и в ремонтном и в страховом все уже взято, он просто говорил: «тогда возьмите у меня».

Мошнин следил чтобы офицеры были одеты строго по форме, как и он сам одевался. Нам полагались невысокие гусарские ботики но все офицеры носили высокие сапоги до колен. Однажды, я являлся к нему отпроситься в 28-дневный отпуск домой. Осмотрев меня, он сказал «раньше обрежьте ваши сапоги по форме». На другой день, я явился к нему в других низких ботиках но он сказал: «нет, обрежьте те сапоги. Впрочем, можете ехать только обещайте мне обрезать те сапоги». Я, конечно, дал обещание и исполнил его, испортив, по моему мнению, сапоги.

На одном из вечеров в Собрании, я вижу он вынимает из кармана платок и, через всю залу, направляется ко мне. Подойдя, он платком измерил у меня шнур на доломане и сказал: «скажите Соколову чтобы он исправил этот шнур». Соколов был известный всей Варшаве портной, специалист по гусарским доломанам, весь полк шил у него. Один из моих шнурков оказался короче на 1 сантиметр. Глаз у командира полка был верный.

Он любил посидеть и выпить с офицерами но, как я говорил, пил главным образом коньяк и шампанское, стараясь при этом делать так чтобы это не ложилось бременем на офицеров.

Когда однажды, один из офицеров, подвыпив, сказал ему «Владимир Александрович», он ответил: «мое имя «господин» а отчество - «полковник». Никаких фамильярностей он не допускал. Полк он любил страстно. Когда он был произведен в генерал-майоры, с назначением командиром бригады в Кавказской кавалерийской дивизии и уже не был нашим командиром, мы смогли ему спеть:

«Владимир Александрович, не узнаем мы вас —

«Вы променяли доломан, на шпагу и лампас...»

Но он не променял «доломан на лампас». Он не заказал себе генеральской формы а из Кавказской дивизии нам писали: «какой странный ваш генерал Мошнин, он не заказывает генеральской формы а донашивает полковничий доломан...» Был закон, по которому, в виду дороговизны формы, офицеры при переводах, имели право донашивать старую форму не то год, не то полгода. Не знаю, долго-ли донашивал старую форму наш милый Мошнин.

При уходе, он подарил полку большие каминные часы, прекрасно исполнявшие полковой марш.

Л. И. Высоцкий

Знамена Армии генерала Ренненкампфа

На статью о судьбе знамен армии генерала Самсонова получены очень ценные отклики, позволившие уточнить обстоятельства спасения трех знамен. Видно, что не поздно еще, благодаря «Были» делать ценные вклады в историю. Желательно было-бы также уточнить судьбу знамен армии генерала Ренненкампфа.

Для 1-й Армии обстоятельства не сложились так драматично как для 2-й. Она вышла из под удара, окружена не была и отошла в пределы России, сохранив свою боеспособность. Но при отступлении пришлось, кое где, пожертвовать арьергардами. Из нескольких десятков полков армии, по нашим сведениям только три имели несчастие понести потери, один — знамени, а два — древок от знамен. Первый случай относится к Гумбиненскому сражению, второй к отступлению и третий к ноябрьским боям 1914 г. Вот эти полки:

110-й пех. КАМСКИЙ, Ген. Адъютанта графа ТОЛЯ 1-го полк.

Знамя Георгиевское (1913 г.) «За оборону Правод против Турецкой Армии в 1829 году».

Полк принадлежал к 28-й пехотной дивизии, в Гумбиненском сражении оказавшей геройское сопротивление трем немецким и понесшей при том огромные потери. При отходе с поля сражения, в виду критического положения, полотнище было снято с древка, а из навершия выломан Георгиевский крест. Эти главнейшие реликвии были вынесены из боя и спасены. Кем, не известно. Древко же было помещено в одну из повозок обоза, который у д. Тарпупонен попал в руки 3-го прусского кирасирского полка. Древко со скобой и с Георгиевскими и юбилейными лентами было найдено немцами в повозке.

119 пехотный КОЛОМЕНСКИЙ полк.

Знамя Георгиевское (1897 г.) «За Севастополь в 1854 и 1855 годах».

Знамя полностью попало в руки немцев 11 сентября 1914 г. у д. Адамсхейде, при следующих обстоятельствах.

Коломенский полк входил в 30-ю пехотную дивизию IV-го корпуса генерала Алиева, который подвергся атакам превосходного в силах врага. Русские контр-атаки следовали за атаками немцев. В результате упорства IV-го корпуса, он оказался охваченным. Пришлось отходить в тесном соприкосновении с противником. Коломенцы прикрывали отход. Знамя оказалось на линии огня.

Немцы пишут, что когда русские цепи поднялись и начали отходить, один унтер-офицер 32-го пехотного полка, увидел в бинокль, грузную фигуру русского знаменщика, отходившего со знаменем в руках с последними русскими бойцами. Тщательно приложившись, унтерофицер выстрелил. Знаменщик упал и знамя осталось около его тела. Когда немцы поднялись в свою очередь и пошли в атаку, унтерофицер подобрал знамя. Отвечает-ли немецкая версия действительности, нам неизвество. Знамя Коломенского полка находилось потом, вплоть до 1945 г. в Берлинском Цейхгаузе.

223-й пехотный ОДОЕВСКИЙ полк.

Второочередной полк 56-й пехотной дивизии, которому при мобилизации было выдано старое знамя 2-го батальона 3-го пехотного Нарвского полка. Знамя Георгиевское (1878 г.) «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 г.»

56-я дивизия дралась на самом правом фланге армии. Из некоторых русских источников следовало, что полк попал в критическое положение при отходе и что знамя было снято с древка, с которого снято было также навершие. Знамя было спасено, а древко, со скобой, зарыто в землю. Но тут что-то не вяжется. Немцы нашли древко в ноябре, под Геритеном. Гери-

тен находится к югу от Сталупонена. В сентябре 1914 г. здесь Одоевский полк не дрался, тогда когда известно, что в ноябре он понес сильные потери именно под Геритеном. Отметим, однако, что покойный генерал Епанчич утверждал, что Одоевский полк в ноябрьских боях «знамени не терял».

Надеемся, что и на эту статью будут ценные отклики.

С. Андоленко

Взятие Ростова 7-го - 8-го февраля 1920 года

Приобрел прекрасно изданную книгу подполковника В. Е. Павлова «Марковцы в боях за Россию», том 2-ой, и мне, естественно, захотелось узнать, как наши боевые товарищи оценили одно из красивейших действий Сводно-Гвардейского кавалерийского полка, который 7-го февраля своей конной атакой обеспечил взятие Ростова, захватив 800 пленных, 2 бронепоезда, уже не говоря о брошенных противником орудиях. Открыл страницу 211-ую и с удивлением прочел, что нашему полку уделено ровно четыре слова, в то время, как вся тяжесть боя легла именно на кавалерию, вернее на один Сводно-Гвардейский кавалерийский полк.

Во имя восстановления исторической правды, я пришел к заключению, что надо описать этот бой, исключительный по своей картинности, но, добавлю, совершенно абсурдный с точки зрения правоверной военной науки.

В то время я командовал 1-ым эскадроном Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. В строю у меня было 3 офицера и 46 кирасир, плюс 2 пулемета Максима на тачанках. Всего в Сводно-Кавалерийском полку, под командой генерал-маиора М. Ф. Данилова, было 240 шашек.

Стояли мы на восточной окраине Батайска и 6-го февраля в 10 часов вечера полк, поднятый по тревоге, собрался на сборный пункт у церкви. Вызванные к командиру полка командиры эскадронов были поставлены в курс задачи. Задача-взять Ростов. Впереди идут Корниловцы, которым приказано с налету занять станицу Гниловскую. Как только тет-де-пон будет обеспечен, наш полк должен обойти Ростов с западной стороны и войти в город со стороны Темерника.

Погода стояла исключительно тяжелая для операции, но может быть благоприятная для того, чтобы захватить врага врасплох. Мороз в 25 градусов, снежная пурга и сильный северный ветер. Одел я на себя все, что мог и в ту минуту не подозревал, что все, что я навьючил на себя, спасет мне жизнь.

Движение через замерзшие плавни и камыши было тяжелым. Лошади были кованы только на передние ноги и скользили на льду. Мы больше вели их в поводу, борясь с неистовым ветром и налеплявшимся снегом. Шли мы много дальше, чем предполагалось и рассвет застал нас на льду в виду Ростова. Полк стал в резервную колонну перед широким рукавом Дона и было странно, что красные молчат и не стреляют.

Мертвая тишина была нарушена короткой очередью пулемета впереди нас, и по сигналу мы сели по коням и рысью, поскольку позволял грунт, двинулись к Гниловской. Корниловцы сделали великолепную работу — они застигли большевиков спящими и перекололи командный состав в вагонах, захватив пути товарной станции и небольшой плацдарм в первых домах Гниловской.

Тут произошло то, что можно было уже давно ожидать, — большевики поняли, что белые пришли, и открыли жестокий огонь по Гниловской и по льду за нами, по которому перебегали Марковцы. Они понесли потери от артиллерийского огня по льду, а наш конный полк сбился в кучу за домами, по которым большевики били из пулеметов. Положение казалось очень серьезным и я не представлял себе, каким чудом мы сможем выбраться из этой западни, так как нельзя было показать носа из-за пуль, роем свиставших над нами и между домами.

Генерал Данилов, с совершенно исключи-

тельным спокойствием, отдал приказание кирасирам Ее Величества и моему эскадрону, ближайшим к нему, следовать за ним и, в колонне по три, мы двинулись по откосу вверх, пройдя мертвое пространство, пока мы не вышли на равнину. Полк вытянулся в колонну и вышел в открытое поле под Темерником. За полком следовали мои две пулеметные тачанки и два горных орудия Лейб-Гвардии Конной артиллерии под командой Фитингофа - Шелль. Картина представилась величественной, но далеко не успокоительной. Из Темерника, нам во фланг, двигались цепи большевиков на расстоянии полутора верст. Черные точки на снежной равнине ясно указывали на перевес сил не в нашу пользу. Заметив нашу колонну, идущую рысью фланговым маршем, большевики открыли ружейный огонь на предельном расстоянии. Пули сбивали снег и, воя на излете, свистели справа. Начались потери. Ехавший за мной мой вестовой Омельченко был убит пулей в голову, люди и лошади стали падать, а полк, как на параде, продолжал идти фланговым маршем, пока не поравнялся с правым флангом цепей.

Генерал Данилов завернул левое плечо вперед и раздалась команда «Полк, строй фронт!» и мой эскадрон вышел вправо, тогда как все остальные пенеслись влево, и развернутый строй начал заходить левым плечом, чтобы охватить правый фланг врага. В эту минуту я получил такой удар в грудь, что не схватись я за гриву лошади, я вылетел бы из седла. Ко мне подъехали два наших унтер-офицера и поддержали за локти. «Шашки вон, пики-на бедро!» и прижимая мою рану, я повел эскадрон на советские цепи.

Генерал Данилов скакал впереди полка и делал мне знаки уменьшить аллюр, чтобы дать левофланговым эскадронам заскакать во фланг. Было нелегко сдерживать лошадей и людей, так как оставаться мишенью, когда в лицо несется рой пуль, частью рикошетировавших на мерзлой пашне, казалось невыносимым. Мое личное состояние было необычным, я примирился с мыслью, что я смертельно ранен и истекаю кровью, но хотелось знать, чем все кончится. Наконец раздалось громкогласное «ура!» и настал последний акт, когда мы налетели на сбегающуюся в кучу пехоту. Моральный перелом произошел, когда мы дошли на 200 шагов — большевики воткнули штыки в снег и подняли руки.

Сейчас же повели 800 пленных под конвоем Лейб-Драгун в Гниловскую, чтобы сдать их Корниловцам. Но из за разницы уровня наша атака не была видна Корниловцам и, увидя надвигающуюся густую колонну пехоты, они ее приняли за врагов и покрыли пулеметной очередью. Пленные разбежались по полю и послан был еще один эскадрон, чтобы их собрать снова.

Как только боевая задача кончилась, меня сняли с лошади, так как боль заставила меня согнуться к луке. Начали меня раздевать, а часть моих кирасир вернулась назад подбирать раненых. Убитых, к сожалению, мы должны были оставить на поле за неимением средств перевозки. Пока на 25-тиградусном морозе с меня снимали, одну за одной, две шинели, кожаную куртку, козью душегрейку, все оказалось пробитым пулей, но она разбила эмаль на моем георгиевском кресте и на груди был большой кровоподтек, а раны никакой.

Пока я одевался с помощью моих кирасир, обстановка снова изменилась. Нужно сказать, что Ростовский железнодорожный узел имеет круговую ветвь, соединяющую главный путь через Дон и железнодорожную линию вдоль Дона. На этой круговой ветви вдруг показался идущий задним ходом бронепоезд с морскими орудиями и салон-вагонами. Поезд дымил и на малом ходу приближался к пункту сосредоточения полка на окраине Темерника. В этот момент подоспел взвод Лейб-Гвардии Конной Артиллерии и барон Фитингоф-Шелль снял свои две горные пушки с передков и приготовился встретить бронепоезд (а их оказалось фактически два — «Вся власть советам» и «Советская Россия)», которые медленно подходили и расстояние до пути было 300 шагов. Наши две пушки открыли огонь прямой наводкой гранатой по паровозу, откуда поднялось облако пара и «Вся власть советам» продефилировал перед нами, не открыв огня.

Поезд остановился, но тут мы поняли, что под его прикрытием, матросы в черных бушлатах бросили свой поезд и спасались в сторону скакового круга. Тут произошло нечто совершенно неожиданное, повиновение было забыто и наши солдаты взяли инициативу в свои руки. Как только первый бронепоезд остановился, наши молодцы кинулись через железнодорожное полотно вдогонку убегавшим матросам. Их примеру последовала команда второго бронепоезда «Советская Россия» и равнина сделалась свидетелем единочных поединков между нашими кавалеристами и матросами. Когда генерал Данилов приказал трубить сбор, на снежной равнине были лишь неподвижные черные точки зарубленных или заколотых матросов.

Наш командир был очень недоволен этим самоуправством, но когда эскадроны вернулись в строй, нахмуренный генерал только сказал «Без приказания из строя не отлучаться, помнить дисциплину!»

Наш командир передал по эскадронам приказание стать на квартиры в крайних домах Темерника, не расседлывать и половина состава в усиленном сторожевом охранении.

Мы, офицеры, собравшись вокруг командира, выражали наше удивление тем, что мы не

входим в Ростов, который мы могли взять голыми руками. Я забыл сказать, что пока мы захватывали в плен бригаду, вышедшую из Темерника, Корниловцы и Марковцы отбили огнем атаку другой советской бригады, атаковавшей Гниловскую по берегу и частично по льду. У красных деморализация была полная и ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Однако приказ был приказом и надо было подчиниться. Дело в том, что казаки, наступавшие от Аксая, задержались в продвижении, и высшее командование хотело замкнуть кольцо, так как путь к отступлению лежал больше к востоку, то есть — из Нахичевани.

Ночь была тревожная, а для меня — мучительная из-за боли в груди, и мы с облегчением вздохнули, когда на рассвете полк снова собрался в резервные колонны и двинулся к скаковому кругу. В виде особой чести генерал Данилов приказал эскадрону Его Величества кирасир итти в голове полка.

Полк двинулся в колонне по Нахичеванскому проспекту к центру. Тут произошло последнее приключение, окончившееся по счастью благополучно. Я вел мой эскадрон за командиром полка, по ветру развевались наши значки на пиках, на значке нашего эскадрона был двуглавый орел. Я не представлял собой никакого декоративного элемента, грудь ныла от боли и я был согнут в дугу. Вдруг, прямо на нас несется советский броневик с красными звездами, двумя пулеметами и ясно видна красная надпись «Мефистофель». Что делать? Почему он не стреляет? Броневик несется прямо на нашу колонну и может смести нас! Генерал Данилов командует «стой!», но тут происходит нечто невероятное: броневик направляется влево и въезжает в огромный сугроб, где его колеса беспомощно буксуют. Открывается задняя дверь и из машины вылезла тройка: какой то комиссар в шубе с хорошим воротником, девица в косынке сестры милосердия и шофер. Тут мы поняли, почему броневик не стрелял. Внутри был ящик табака и мешки с сахаром, не позволявшие добраться до пулеметов. Эта тройка была арестована, у броневика поставлен караул, а позже добыча была роздана по эскадронам.

После этого последнего инцидента все прошло гладко. Полк в полном порядке, под овации населения, прошел по Нахичеванскому проспекту и стал на квартиры в центре города. Население не знало как нас ублажить. Приносили еду, папиросы, вино, словом полное торжество победителей. Пешие части вошли в Ростов с юга, а кавалерия с севера.

Заключение.

Во всяком бою элемент неожиданности является часто решающим и заменяет собой соотношение сил. Так было 7-го февраля 1920 года, когда численно малая единица, — Сводно-Гвардейский кавалерийский полк, сильная духом, дисциплиной и главное, под командой исключитесько одареннного, беззаветно храброго и хладнокровного командира, генерал-майора М. Ф. Данилова, Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, кадета Орловского Бахтина кадетского корпуса и юнкера Николаевского кавалерийского училища, совершила одно из самых блестящих, по своим результатам, кавалерийских дел.

Выход под сильным обстрелом превосходных сил наступающей пехоты из тет-де-пона Гниловской, фланговый марш во фланг и тыл противника, не помышляя о собственном тыле, конная атака на нерасстроенную пехоту на ровной местности, начатая за полторы версты, с уверенностью в победе, это дело рук незаурядного командира, которому верили и за которым шли, Выход полка в тыл Темерника и инцидент с двумя бронепоездами свидетельствует о том, что противник был застигнут врасплох.

В этом деле не было свидетелей, а через 10 дней был новый кровавый бой под Егорлыкской, в котором погибло 10 офицеров, так что живыми свидетелями боев 7-го и 8-го февраля остались только кавалергард Г. Г. Раух и автор этой статьи.

Цель ее — не восхваление своих заслуг, а желание отдать должное нашим офицерам и сроднившимся с ними солдатам, которые, не щадя жизни, честно выполняли свой долг.

Книга, написанная Марковцами, показывает, что пешим частям Добровольческой Армии действия конницы, то есть — Сводно-Гвардейского полка, остались неизвестными, а они были решающими, так как полк прошел по тылам противника, окончательно его деморализовав и уничтожив его боеспособность.

Не могу не вспомнить наших кирасир, унтер-офицеров и взводных, бывших кадет, создавших спайку, благодаря которой все чудеса оказались выполнимыми. Борис Николаевич Кейгерист, 2-го кадетского корпуса, Лев Николаевич Вентцель, Первого кадетского корпуса, Сергей Богданович Богдасаров, Сумского кадетского корпуса, Матусевич, Марсалий Марсальевич, 2-го кадетского корпуса, Иванов, Кирилл Владимирович, Первого кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. Не могу не вспомнить и правоведа Сташевского, Михаила Арсеньевича, произведенного в корнеты и убитого под Карповой Балкой в Крыму, на Сиваше, 27-го октября 1920 года. Все они честно легли за честь полка и за Россию...

Ротмистр **Е. Оношкович-Яцына**

РУССКИЕ ОФИЦЕРСКЕ ЗНАКИ

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Последнее царствование, в отличие от предыдущего, отмечено возрождением военной романтики. Восстанавливались блестящие формы обмундирования прошлых времен; учреждались медали в память былых побед; были введены полковые знаки, долженствовавшие напоминать о славном прошлом полка. Что было тому причиной? Делалось ли это «по мановению руки Царя», соответственно вкусу последнего Самодержца? Или, как утверждают скептики, этим надеялись поднять дух Армии, якобы павший после неудачной Русско японской войны? Возможно, что и то и другое сыграли в этом не которую роль. Но основная причина лежит глубже. В дни тяжелых испытаний, созерцание «былой воинской славы» стало потребностью народного духа. Императорская Россия, пред самой, разверзшейся у ее ног, бездной, прощалась со своим славным прошлым.

Приказом по Военному Ведомству от 1 августа 1909 за № 347, объявлялось:

«Государь Император, в 30-й день мая и 28-й день июля 1909 года, Высочайше повелеть соизволил: установить нагрудные знаки, вместо знаков отличия на головные уборы, генералам, штаб и обер-офицерам тех частей армейской пехоты, пешей артиллерии и инженерных войск, поименованных в прилагаемых при сем шести ведомостях, коим не присвоены новые парадные головные уборы».

Этим приказом одновременно устанавливалось около двухсот новых образцов Офицерских Знаков (ибо, таково было количество различных знаков отличия на головные уборы), причем, вновь учреждаемые знаки были, подобно Знакам «Петровской бригады», не просто Офицерскими Знаками, но и Знаками Отличия воинских частей, ибо на них имелись отличительные надписи, да и полагались они не всем офицерам, а только офицерам отличившихся в сражениях частей войск.

рис. 28

28. АРМЕЙСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1909 ГОДА. Подобен предыдущему, но с надписью, подобной надписи бывшей ранее у данной части войск на знаках отличия на головных уборах. Знаки у всех чинов одинаковые, сплошь вызолоченные или сплошь высеребренные, по цвету металлического прибора. Подбой по цвету погон — в 1-м и 2-м полках дивизии алый а в 3-м и 4-м — синий. Носился подобно предыдущему. Размер 13 х 8 сантим. (рис. 28)

Все размеры в знаках даны таким образом, как будто знак вписан в прямоугольник.

29. АРМЕЙСКИЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1909 ГОДА. Совершенно подобен предыдущему, но имеет под Государственным Гербом арматуру из двух накрест положенных пушек. (рис. 29).

30. АРМЕЙСКИЙ ИНЖЕНЕРНЫЙ ЗНАК ОБРАЗЦА 1909 ГОДА. Подобен предыдущему, но имеет под Государственным Гербом арматури из двух накрест положенных топоров (рис. 30).

рис. 29

рис. 30

С 1910 года, начинается период восстановления Офицерских Знаков прошедших образцов. Прежде всего, частям «Петровской бригады» были даны Знаки образца 1701 года, а затем, в последующие три года, один за другим, были восстановлены все образцы Гвардейских Знаков прошлых времен.

Приказом по Военному Ведомству от 22 марта 1910 года за № 137 объявлялось:

«Государь Император, в 16-й день марта 1910 года, Высочайше повелеть соизволил: 1) для генералов, штаб и обер-офицеров полков Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского, взамен нагрудных знаков, присвоенных в 1883 году, установить нагрудные знаки, согласно прилагаемых при сем двух рисунков с описаниями и 2) знаки эти носить при парадной и обыкновенной формах, на мундире и поверх надетого в рукава пальто, как в строю, так и вне строя».

31.**ОБЕР-ОФИЦЕРСКИЙ ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО И СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКОВ ОБРАЗЦА 1910 ГОДА.** Подобен гвардейскому обер-офицерскому знаку образца 1701 года, но с императорскою, взамен царской, короною цветной финифти и с накладными юбилейными датами, подобными датам на обер-офицерских Знаках образца 1883 года. На Знакх офицеров роты Его Величества полагалась еще надпись, подобная надписи на Лейб-Компанских Знаках образца 1741 года, расположенная по сторонам Андреевского креста: с одной стороны — «1741», а с другой — «NO 25». Знак пристегивался на эполетные или погонные пуговицы на двух петлях голубого снура, продетых в ушки двух гладких, вызолоченных пуговиц на концах Знака и был подбит алым сукном. Размер: 18 х 14 сатим. (рис. 31).

Знаки сии были:

у подпоручиков-серебряные, с серебряными литерами и цифрами, и с золотым ободком;

у поручиков-серебряные, с золотыми цифрами «1683», «1850» и «1883», и с золотым ободком;

у штабс-капитанов-золотые, с золотыми цифрами «1683», «1850» «1883», и с серебряным ободком;

у капитанов-золотые, с серебряной надписью: «1700 NO. 19».

На некоторых Знаках, взамен латинской литеры «N», стоит руская литера «Н». Автор считает уместным объяснить, почему на пожалованной царем Петром Алексеевичем обер-офицерам лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков надписи имелась латинская литера «N», а не русская «Н». Дело в том, что в церковно-славянском алфавите, а также и в введенном Петром Великим первом русском гражданском алфавите литера «Н» изображалась подобно латинской литере «N».

рис. 31

32.**ГЕНЕРАЛЬСКИЙ И ШТАБ-ОФИЦЕРСКИЙ ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО И СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКОВ ОБРАЗЦА 1910 ГОДА**: Подобен Знаку образца 1698 года с закругленными концами, но с Андреевским крестом, увенчанным императорскою короною и с литерами: «S», «А». «Р», «R» на концах. У верхнего края Знака наложены цифры: «1683», «1850» и «1883», равно расположенные по обеим сторонам короны. Подбой алый. Носился на двух петлях из голубою снура, продетых в крючки на оборотной стороне Знака, которыми Знак пристегивался на пуговицы эполет или погон. Размер 18 см. х 14 см. (рис. 32).

Знаки сии были

у генералов-сплошь вызолоченные;

у штаб-офицеров-вызолоченные, с серебряными цифрами.

Приказом по Военному Ведомству 2-го февраля 1911 года № 66 объявлялось:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 27-ой день января 1911 года, Высочайше соизволил на утверждение описания и рисунков Высочайше дарованных в 11-ый день декабря минувшего 1910 года знаков отличия:

а) нагрудного для офицеров, и

б) на головные уборы для нижних чинов 11-го гренадерского Фанагорийского Генералиссимуса Князя Суворова, ныне Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Павловича полка».

рис. 32

33. ОФИЦЕРСКИЙ ЗНАК 11-го ГРЕНАДЕРСКОГО ФАНАГОРИЙСКОГО ГЕНЕРАЛИССИМУСА КНЯЗЯ СУВОРОВА, НЫНЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ПАВЛОВИЧА ПОЛКА: Имеет вид полумесяца с закругленными концами и с витым ободком. Посередине наложен серебряный, оксидированный двуглавый орел времени Императрицы Екатерины II-й, с Измаилским на груди крестом с надписью: «ЗА ОТМЕННУЮ ХРАБРОСТЬ, и с двумя под орлом фигурными щитами: с вензелем «Е II» на одном и с литерой «С» на другом. Надпись на Знаке соответствует надписи на знаках отличия на головных уборах нижних чинов: «ЗА ВЗЯТИЕ ШТУРМОМ ИЗМАИЛА В 1790 Г. И ПРАГИ В 1794 Г.» Носился на двух петлях из Георгиевского снура, продетых в ушки двух гренад на концах Знака, которыми Знак пристегивался на пуговицы эполет или погон. Подбой белого сукна. Знаки без различия чинов были сплошь вызолоченные.

Размер: 13 см. х 9 см. (рис. 33).

Приказом по Военному Ведомству от 31-го августа 1912 года № 460 объявлялось:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 23-й день августа 1912 года, Высочайше повелеть соизволил, в форме обмундирования генералов, штаб- и обер-офицеров Л. -Гв. Измайловского и Московского полков восстановить офицерские (нагрудные, шейные) знаки, носившиеся сими полками при их сформировании в 1732 и 1811 годах, согласно прилагаемых при сем описаний и рисунков».

рис. 33

34. **ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКОГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1912 ГОДА:** Подобен гвардейскому Знаку образца 1731 года, но несколько иной расцветки: обер-офицерскому Знаки были серебряные с золотым ободком; генеральские-сплошь вызолоченные. Подбой алый. Носился на Андреевской ленте, продетой в скобы на оборотной стороне Знака. Правила ношения были те же, что и для Знаков лейб-гвардии Преображенского полка и лейб-гвардии Семеновского полка образца 1910 года.

Размер: 13 см. х 13 см. (рис. 34).

35. **ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ МОСКОВСКОГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1912 ГОДА:** Подобен гвардейскому Знаку образца 1808 года и подобной же расцветки по чинам (генеральские Знаки были той же расцветки, что и штаб-офицерские). Подбой, способ ношения и правила ношения подобны предыдущему.

Размер: 15 см. х 13 см. (рис. 35).

Приказом по Военному Ведомству 5-го ноября 1912 года № 603 объявлялось:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 28-ой день октября 1912 года, Высочайше повелеть соизволил, в форме одмундирования генералов, штаб и обер-офицеров лейб-гвардии Финляндского полка восстановить офицерские (нагрудные-шейные) знаки, по образцу таковых же знаков, Высочайше восстановленных в 23-й день августа сего же года для лейб-гвардии Московского полка».

36. **ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКОГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1912 ГОДА:** Во всем совершенно подобен предыдущему.

Приказом по Военному Ведомству 6-го января 1913 года № 6 объявлялось:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 24-й день декабря 1912 года, Высочайше повелеть соизволил, в форме обмундирования генералов, штаб- и обер-офицеров лейб-гвардии Литовского полка восстановить офицерские (нагрудные-шейные) знаки по образцу таковых же Знаков, Высочайше восстановленных в 23-й день августа сего года для лейб-гвардии Московского полка».

37. **ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКОГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1912 ГОДА:** Во всем совершенно подобен предыдущему.

рис. 34

рис. 35

Приказом по Военному Ведомству 14-го июня 1913 года № 309 объявлялось:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 12-й день мая 1913 года, Высочайше повелеть соизволил, в форме обмундирования генералов, штаб-и обер-офицеров лейб-гвардии Кексгольмского Императора Австрийского, лейб-гвардии Санкт-Петербургского Короля Фридриха Вильгельма III-го и лейб-гвардии Волынского полков и лейб-гвардии 3-й Артиллерийской бригады восстановить офицерские (нагрудные-шейные) знаки нижеследующих образцов:

1) Для лейб-гвардии Кексгольмского полка согласно прилагаемому при сем краткому описанию № 1-й и рисунку № 1-й;

2) Для лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка согласно прилагаемому при сем краткому описанию № 2-й и рисунку № 2-й;

3) Для лейб-гвардии Волынского полка согласно краткому описанию и рисунку таковых знаков для лейб-гвардии Московского полка (приказ по Военному Ведомству 1912 года № 460);

4) Для лейб-гвардии 3-й Артиллерийской бригады согласно прилагаемому при сем краткому описанию № 3-й и рисунку № 3-й».

38. ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КЕКСГОЛЬМСКОГО ИМПЕРАТОРА АВСТРИЙСКОГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1913 ГОДА: Подобен Знаку образца 1698 года с усеченными концами, но с императорскою, взамен царской, короною синей финифти. Обер-офицерские знаки были сплошь серебряные, а штаб-офицерские и генеральские-сплошь золотые. Носился на двух петлях из кимпельного крученого снура, которыми Знак пристегивался на пуговицы эполет и погон. Подбой алый. Правила ношения были те же, что и для Знаков лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков образца 1901 года.

Размер: 19 см. х 15 см. (рис. 36).

39. ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КОРОЛЯ ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА III-ГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1913 ГОДА: Подобен гвардейскому Знаку образца 1727 года, но без литер и цифр, и несколько иной расцветки. Обер-офицерские Знаки были серебряные с золотыми венком и гирляндой, а штаб-офицерские и генеральские-золотые с серебряными венком и гирляндой. Андреевский крест и императорская корона были покрыты цветной финифтью, как и на Знаках образца 1727 года. Носился на двух петлях из кимпельного крученого снура, которыми Знак пристегивался на пуговицы эполет и погон. Подбой и правила ношения подобны предыдущему.

Размер: 18 см. х 15 см. (рис. 37).

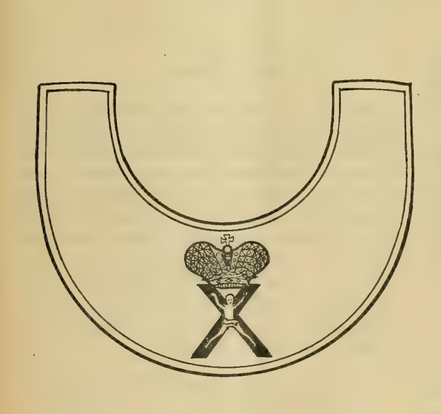

рис. 36

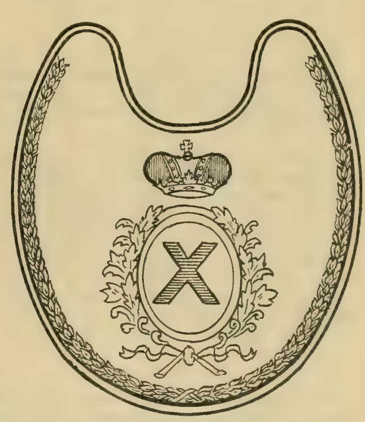

рис. 37

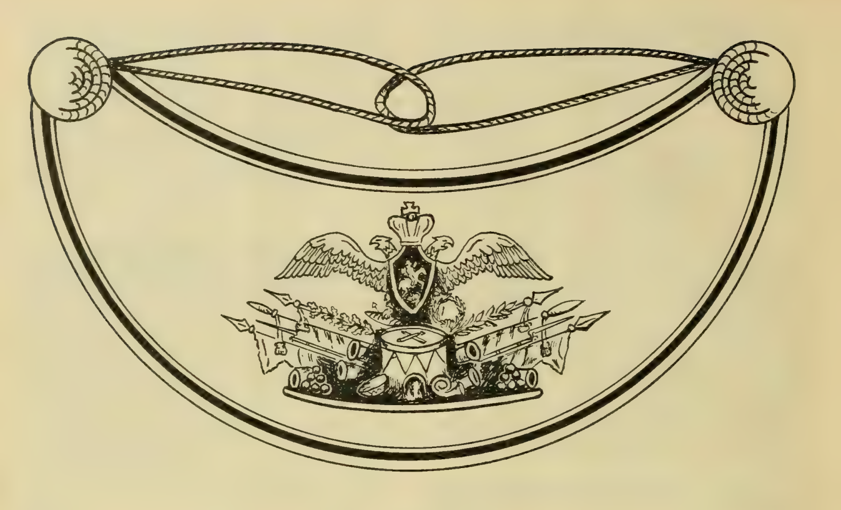

рис. 38

40. **ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ВОЛЫНСКОГО ПОЛКА ОБРАЗЦА 1913 ГОДА:** Во всем совершенно подобен Знаку лейб-гвардии Московского полка образца 1912 года.

41.**ЗНАК ЛЕЙБ-ГВАРДИИ 3-Й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ ОБРАЗЦА 1913 ГОДА:** Подобен гвардейскому Знаку образца 1820 года и с тем же различием по чинам-генеральские знаки были подобны штаб-офицерским. Носился на двух петлях из золотого или серебряного (по цвету Знака) с розетками из подобного же аснура, которыми Знак пристегивался на пуговицы эполет или погон. Подбой алый. Правила ношения подобны предыдущему.

Размер: 17 см. х 12 см. (рис. 38.)

ЗАМЕЧЕННАЯ ОШИБКА — на знаках лейб-гвардии Литовского полка, образца 1818 года (рис. 18) не имелось надписи, которая полагалась только на обер-офицерских знаках полков Петровской бригады лейб-гвардии Преображенского и Семеновского.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Сие было последним Высочайшим соизволением об Офицерских Знаках. Затем наступила война, затем революция. Санкт-Петербургский период Российской Истории прошел... «но не пройдут содеянные в нем подвиги». О них твердят нам и эти Знаки, 219 лет пробывшие на груди российских офицеров. Огневое крещение под Нарвой, Полтава, Кунерсдорф, «Вечной памяти 1812-й Год», Севастополь, Плевна... Сияют царские и императорские короны; двуглавые орлы простирают крылья над боевыми трофеями и славными надписями...

«Минувшее проходит предо мною.
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуяся, как море-океан?
Теперь оно безмолвно и спокойно».

Евгений Молло.

Первый Кадетский Корпус

Воспоминания вице-фельдфебеля роты Его Величества 166-го выпуска 1914 года.

За, сравнительно короткий, срок учебного года, мне, как вице-фельдфебелю роты Его Величества, пришлось принять участие либо в составе корпуса, либо во главе взвода, либо в индивидуальном порядке, в различного рода событиях военного, исторического или светского характера, имевших место, в тот год в нашем, незабываемом старом Санкт-Петербурге. Я ограничусь перечнем самых ярких, моих, воспоминаний.

— 17 февраля 1914 года, почему-то, вопреки давно установившемуся обычаю, наш корпус не ходил праздновать свой праздник к Царю, в Царское Село. **Государь Император приехал, в этот день к нам в корпус.** Встречен был Государь корпусом, в составе всех четырех рот, при кадетском духовом оркестре, в нашем огромном, втором по величине в Петербурге, двухсветном Сборном зале. При входе Государя, директор корпуса, никогда нами незабываемый генерал-лейтенант Федор Алексеевич Григорьев, полный, коренастый, туго подтянутый офицерским шарфом («Дядя Пуп», для обожавших его кадет), с белоснежными волосами и красиво расчесанной квадратной бородой, скомандовал своим громким баритональным басом: «Батальон смирно, слушай на-краул!..» Государь, как всегда, поздоровался с нашим корпусом — «Здорово, мои кадеты». После дружного ответа, покатилось громкое бесконечное «ураааа!!!» под торжественные звуки Народного Гимна. Государь медленно обходит фронт вытянувшихся кадет, останавливая свой взгляд, как нам казалось, на каждом из нас.

После обхода, построенного во взводной колонне, батальона, Государь принял рапорты офицера-ординарца, мой, как вице-фельфебеля Государевой роты, двух кадет — ординарца, и «на посылках». Я, до сих пор, помню слова моего рапорта: «Ваше Императорское Величество, в роте имени Вашего Императорского Величеста никаких происшествий не случилось.»

Затем, торжественный молебен, с выносом к аналою, нашего старого знамени знаменщиком вице-унтер-офицером Шуваевым, при двух ассистентах, корпусных обер-офицерах. После молебна, возвращение знамени перед фронт роты Его Величества и певчих на свои места. Директор корпуса вновь подает команду: «К церемониальному маршу... на один взвод дистанции... справа по взводно... батальон... направо... на плечо...» Первый взвод Царевой роты выходит на линию линейных. Ротный командир подает команду, подхваченную командиром первого взвода, колыхнулось знамя, горно-флейтисты й барабанщики грянули поход и взвод за взводом, поплыл батальон Первого кадетского корпуса церемониальным маршем перед своим Государем и Шефом.

При выходе первого взвода на линию, горно-флейтисты и барабанщики умолкли и кадетский оркестр, стоявший прямо перед Государем грянул наш марш «Августейший Кадет», написанный четырьмя кадетами: Климовым, Поговским, Шванком и Карлстедом в честь нашего кадета первого отделения 168 выпуска Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

Шестнадцать взводов стройно проходят перед своим Шефом но, это еще не все. За последним взводом 4-ой роты, идет 17-й взвод — Пансион-приют имени Государыни Императрицы Александры Федоровны. Маленькие ребята возраста от 6 до 10 лет. Все сироты офицеров, готовящиеся поступить в корпус и заменить отцов в рядах славной Императорской армии. Форма у них — серо-синие курточки, с поперечными погонами, с шитым вензелем «А. Ф.» и короной.

Государь остался с кадетами, во время завтрака, в нашей огромной столовой. Мне помнится, что за моим первым столом сидел наш кадет Князь Иоанн Константинович, в Конногвардейской форме.

Затем, Государь обошел лазарет и отбыл из корпуса.

— Со взводом кадет, я присутствовал, снаружи храма, **при осящении Храма-Памятника 300-летия Дома Романовых.** Во время торжественной службы, пел хор военно-учебных заведений,, в котором, от нашего корпуса, участвовали мой младший брат Александр (13 лет) и его два товарища Дохтуров и Алпенников. Им всем были пожалованы юбилейные медали на черно-бело-желтой ленте, взвод же, находившийся вне храма, медалей не получил.

Вся постройка этого красивого белого храма прошла на моих глазах, так как каждую суббо-

ту, идя в отпуск в Казачьи казармы на Обводном канале, к моему дяде, в то время, командиру 3-ей сотни лейб-гвардии Атаманского Наследника Цесаревича полка, я проходил мимо строящегося храма.

—Со взводом кадет, я был **на открытии памятника Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему.** Наш взвод стоял рядом со взводом сотни Николаевского кавалерийского училища, с черноглазым красавцем вахмистром сотни Ив. Иван. Поповым, бывшим, впоследствии, моим однополчанином лейб-гв. в Атаманском полку.

— 6 января 1914 года, со взводом кадет, **в Зимнем Дворце, на Крещенском параде.** Прежде чем занять отведенное нам место в одном из зал Дворца, кадеты воспользовались любезным приглашением Преображенцев привести себя в порядок и почиститься в помещении их Роты Его Величества, соединенном, как известно, с Зимним дворцом. Незадолго до прибытия Государя, помню быстрый обход представлявшихся частей Великим Князем Николаем Николаевичем и его резкие короткие замечания, касающиеся аммуниции, выправки и равнения. Среди группы офицеров гвардии, вне строя, мне, казаку, особенно приятно было видеть двух знакомых мне лейб-атаманцев, в их скромной и вместе с тем элегантной парадной (бальной) форме, при клычах и в чакчирах, с двойным лампасом, длинную представительную фигуру хорунжего Алексея Ивановича Иловайского и красавца брюнета хорунжего Николая Николаевича Шамшева, позже, 8 сентября 1915 г. сложившего свою голову в лесу у деревни Лопоць, во время атаки трех спешенных сотен Атаманского полка против немецкой пехоты. За эту атаку Шамшев получил посмертный орден Св. Георгия а мне она памятна, так как в ее момент, я временно командовал 3-й сотней и моя сотня первая поднялась в эту памятную атаку.

— В персональном порядке, как вице-фельдфебель Роты Его Величества Первого кадетского корпуса, я был назначен для присутствия на благотворительном балу, устроенном под покровительством Великой Княгини Марии Павловны Старшей. Совершенно не помню — какие я получил тогда инструкции, но знаю, что от корпуса, я получил на «представительство» по пять золотых рублей в сутки. После представления Великой Княгине, меня определили в киоск, для помощи двум, очень милым, дамам.

— **На крестинах сына нашего кадета** Князя Иоанна Константиновича, Князя Всеволода, я присутствовал также как вице-фельдфебель Царевой роты его родного корпуса. Крестины происходили в домовой церкви Мраморного дворца, причем хором управлял сам отец новорожденного — Князь Иоанн Константинович. Кроме многочисленной семьи деда Великого Князя Константина Константиновича, было очень много приглашенных и церковь была переполнена. Присутствовали представители Гвардии и всех Шефских частей.

— Снова, **в Мраморном дворце, на первый день Святой Пасхи,** чтобы поздравить и похристосоваться с Великим Князем Константином Константиновичем и членами Его семьи. Обычно, в этот день, присутствующие получали жетоны-яйца. Я, до сих пор, как-то сохранил два таких жетона. Первый я получил, значительно раньше, вероятно в 1908 или 1909 году.

— **В Эрмитажном театре состоялось первое представление** оперы Вагнера «Парсифаль». Насколько я помню, это было первое ее представление в России, после 50-летнего запрета, наложенного на нее автором. В наш корпус, от Двора, был прислан один билет на это знаменательное представление.

— **Во все институты на балы** к нам в корпус присылалось некоторое количество приглашений и, как вице-фельдфебель, я должен был бывать постоянно. Помню, на балу в Ксениинском институте мне пришлось танцовать кадриль в паре с нашим кадетом Князем Иоанном Константиновичем. Во время одной из фигур, когда мы оказались вдвоем с ним, он мне сказал «почему ты мне не говоришь «ты», ведь мы с тобой одного корпуса».

**
*

Много позже всего описанного, уже будучи офицером лейб-гвардии Атаманского полка, после моего первого ранения в феврале 1915 года, я попал в Петроград и навестил родной корпус и моего воспитателя полковника Николая Владимировича князя Химшиева, совершенно исключительного воспитателя и благороднейшего человека. В этот день, он вручил мне, как подарок от корпуса, специально для меня заказанный серебряный нагрудный знак нашего корпуса с надписью, на обратной стороне,

«Вице-фельдфебелю Алексею Михайлову 1-му 1913 — 1914 г.»

Этот знак я сохранил до сих пор.

Алексей Михайлов

Собственный Его Императорского Величества Сводный Пехотный Полк

Зная по личному опыту, что подавляющему большинству даже военных, в том числе и кадровых офицеров пехоты, очень мало известно, что это за полк, в котором я имел честь и счастье служить, хочу дать историческую справку о возникновении полка, его назначении и его составе.

После цареубийства 1 марта 1881 года (все даты по старому стилю) было решено создать специальную часть для охраны Особы Государя Императора. 18 марта 1881 года было приказано сформировать Сводно-Гвардейскую роту из расчета: 1 офицер, 1 унтер-офицер и 25 рядовых от каждого полка 1-ой и 2-ой Гвардейских пехотных дивизий. Но уже в 1883 году в составе роты были представлены 3-я Гвардейская пехотная дивизия, Гвардейская Стрелковая и Гвардейский Экипаж. Первым командиром роты был Лейб-Гвардии Егерского полка Флигель-адъютант капитан Богаевский. Рота была размещена в доме против Аничкова Дворца, местопребывания Императора Александра 3-го. В этом же доме были и квартиры офицеров.

Так началась служба охраны Государя и Его Августейшей Семьи Сводно-Гвардейской ротой, развернутой в 1884 году в Сводно-Гвардейский батальон, а последний в 1907 году — в Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк.

При всех переездах Царя и Его Семьи, как например, в Гатчину, Петергоф, Царское Село, Ливадию, Беловежскую Пущу, Москву и другие места России, Их сопровождала та или другая часть роты, батальона или полка. Когда, например, Государь Император принял на Себя Верховное командование, а Вдовствующая Императрица поселилась в Киеве, то часть полка была в Ставке, другая в Царском Селе, где пребывала Семья, а одна рота в Киеве.

Служба охраны неслась: 1) внутренними постами во Дворце, где стояли унтер-офицеры. Они были только при тесаках гвардейского образца, который носили вообще все солдаты полка, и 2) внешними постами, расположенными вне ограды дворцового парка и у всех входов в него. Часовые, ефрейторы и рядовые, были при винтовках с патронами. На всех постах, внутренних и внешних, были всегда одни и те же чины, что позволяло им лучше усвоить свои обязанности и легче запомнить лиц, имевших право прохода через их пост.

Внутренние посты были соединены звонком с караульным помещением полка во дворце, а внешние — телефоном с дежурной комнатой во дворце, где всегда находился дежурный по дворцу офицер полка и офицер, дежурный по внешним постам и полку. Последний временами отлучался для проверки внешних постов и полка. Система звонков и телефонов была для немедленного доклада дежурным офицерам о всяком лице, прошедшем через пост. Лица эти были двух категорий: 1) известные часовым, как имевшие право постоянного прохода через их пост, и 2) такого права не имевшие, но часовому уже было дано распоряжение об их пропуске. Всех других часовой задерживал, немедленно докладывая дежурному офицеру. Добавлю, что в полку все часовые должны были исполнять приказание всякого офицера полка. Дежурная комната была соединена с тревожным звонком на ночном столике в Царской опочивальне и сама комната находилась под опочивальней, соединенная с ней внутренней лестницей.

Хотя мы, офицеры полка, всегда имели счастье быть вблизи Царской Семьи, но правилом было не искать и даже избегать встреч с Ней, дабы не стеснять. Так, дежурный по дворцу делал обход только ночью и, конечно, не имел права входа в Собственные покои. А дежурный по внешним постам появлялся в парке только в 6 часов утра, когда проходил с цепью солдат весь парк.

Теперь несколько слов о составе полка. В Собственный полк командировались, а не переводились, под личной ответственностью командира части, как офицеры, так и нижние чины. Первые в чине поручика или, чаще, старого подпоручика, вторые-отбывшие год после призыва, из крестьян и более развитые и молодцеватые. Первое, так как иначе им было бы трудно справиться со службой. Солдаты оставались в полку до конца своей призывной службы, но были и сверхсрочные, — унтер-офицеры, фельдфебели, подпрапорщики. Срок службы офицеров в полку был совершенно неопределен-

ным. Мы, ведь, все продолжали числиться в списках своих коренных полков, форму которых сохраняли, как и солдаты. Поэтому младший офицер мог получить роту или в Собственном полку или у себя в коренном, в зависимости от того, где таковая раньше окажется вакантной. То же было и со штаб-офицерскими должностями, которых было три: два командира батальона и заведующий хозяйством, и все они занимались офицерами Гвардии. Благодаря такому порядку продвижения по службе случалось, что офицер оставался в полку 3-5 лет, но знаю случай, когда, прибыв подпоручиком в Собственный полк, офицер его покинул командиром армейского полка. Командировались в полк: офицеры Гвардии, по одному от каждой бригады, и Армии, сначала от Шефских полков, а потом по порядку, установленному Дворцовым Комендантом.

До 1916 года штат полка был:

Командир полка-генерал-майор Свиты Его Величества.

Штаб-офицеров от гвардейских пехотных и стрелковых полков	3
Обер-офицеров, по одному от гвардейской бригады	8
От армейский пехотных и стрелковых частей	9
От Лейб-Гвардии Саперного батальона	1
От Гвардейского Экипажа	1
От экипажей Балтийских и Черноморских, по очереди	1
Всего	23

Нижних чинов:

От 16 гвардейских полков по 17 человек	272
От Лейб-Гвардии Саперного батальона	13
От Гвардейского Экипажа	12
От Гренадерский полков по 3 человека,	
От Армейских пехотных и стрелковых полков по 1-2 человека,	
От Балтийских и Черноморских экипажей по 4 человека	553
Всего	челов=883

С 1916 года стало назначаться по одному офицеру от каждого гвардейского полка, то есть состав увеличился на 8 офицеров Гвардии, а контингент нижних чинов от каждого гвардейского полка был доведен до 30 человек.

Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк подчинялся :

Государю Императору,

Министру Императорского Двора и

Дворцовому Коменданту.

В отсутствие последнего его обязанности нес Командир полка, но в середине 1916 года была создана должность помощника дворцового коменданта.

Служба в полку заключалась почти что исключительно в дежурствах, случавшихся 2-3 раза в неделю. Было это утомительно не столько физически, сколько требовало нервного напряжения и большого внимания. Но каждый, как офицер, так и солдат, был горд и счастлив оказанным ему доверием и своей почетной задачей-охранять Государя Императора и Его Семью.

Служба в Собственном полку давала нам возможность и счастье видеть Их часто, близко и, иногда, в неофициальной обстановке. Так, на пример, каждый год на Рождество устраивалась елка в Придворном манеже Царского Села для чинов полка и Собственного Его Императорского Величества Конвоя. На этой елке неизменно присутствовала Августейшая Семья. В манеже возвышалась громадная и богато украшеная елка, на особой эстраде были столы с коробками сладостей и полки с занумерованными подарками для нижних чинов. Каждый из них по очереди брал из урны билетик, передавал его младшему офицеру полка, последний находил подарок и, сопровождаемый солдатом, подносил подарок одному из Царских детей для вручения его солдату. Все происходило быстро, весело и очень просто. Казалось, мы в гостях у Царской Семьи. Все это время играл наш хор балалаечников или пели, по очереди, хоры, наш и Конвоя, а также плясали конвойцы. В более молодые годы Его Величества, офицеры полка приглашались играть в теннис или на бильярде. В этих отраслях спорта Государь был игроком незаурядным.

Когда Государь принял на Себя Верховное командование и часть полка (2-3 роты) находилась в Ставке, то наши офицеры приглашались по очереди в воскресенье к Царскому столу. За время моего пребывания в Ставке, я удостоился этого приглашения три раза. На Пасху 1916 года я имел радость христосоваться с Его Величеством и даже, конечно-случайно, был снят в этот момент. Эта фотография, увы!, у меня не сохранилась.

Прежде чем закончить свои воспоминания, хочу заранее ответить на вопрос, могущий явиться у читателя, вопрос уже задававшийся и мне и другим офицерам нашего полка, — как же полк, имевший задачей охранять Царя и Его Семью, не справился с этой задачей? Почему он не боролся с оружием в руках, как швейцарская гвардия Людовика 16-го, и без сопротивления допустил Их заключение и мученическую смерть? Отвечу изложением хода событий.

До вечера 27 февраля 1917 года в Александровском дворе, где пребывала Императрица и все Дети, жизнь шла нормальным порядком. Конечно, были тревожные, вернее-катастрофические новости из Петрограда и Ставки, но в

Царском Селе было, будто бы, тихо. Наша служба охраны отправлялась, как всегда, но всем чинам полка было приказано не отлучаться из района казарм. Вечером того же дня, около 10 часов, полк был срочно вызван во дворец. Туда же был вызван Конвой и еще некоторые части, например — броневики противо — авиационного отряда. Между прочим, их офицером оказался наш Суворовец Жигадло, кажется 1-го выпуска. Все выстроились в парке перед дворцом. Очень скоро вышла Государыня с Великой Княжной Марией Николаевной, все другие Дети лежали в кори. Ее Величество, с поразительным самообладанием, обошла фронт, останавливаясь и спокойно разговаривая, ничем не выражая своей тревоги. А тревожиться было чему, — власть в Петрограде была уже в руках воставших, вести из Ставки плохими. В самом Царском Селе уже виднелись зарева пожаров, Слышны были отдаленные выстрелы и крики. Обойдя наш фронт, Императрица высказала пожелание-приказ-избегать всякого кровопролития, а также, так как сильно морозило, ввести людей в подвальный этаж дворца и дать им горячего питья. После этого Она удалилась во внутренние покои. Ночь прошла спокойно, а утром приехал новый Начальник гарнизона (в Царском в это время было около 40 тысяч солдат, главным образом — в запасных батальонах). Новый комендант, полковник (фамилии не помню), заверил нас, что дворцу ничего не угрожает. Действительно, никаких враждебных выступлений перед дворцом не было. Войска, вызванные по тревоге 27-го, ушли в течение ночи. Так прошло несколько дней, мы продолжали нести свою обычную службу. Стало известно об отречении Государя и ожидалось Его возвращение. 8 марта, около 11 часов утра, явился караул от запасного батальона Гвардейских стрелков и нам было приказано сдать посты и покинуть дворец, все-по распоряжению Временного правительства, — высшей и законной, в тот момент, власти. Все прошло так быстро и неожиданно, что Командир полка успел только попросить Государыню его принять. Ее Величество, при приеме, поручила ему передать благодарность за службу и Ее благословение офицерам-нательные серебряные иконки. Эта иконка и сейчас при мне и хранится как ценнейшее воспоминание.

Дальнейшая судьба полка? Когда предполагалось, что Великий Князь Николай Николаевич будет Верховным Главнокомандующим, то нам было приказано отправиться в Ставку для охранной службы. Но сборы и переезд полка — дело не скорое, и когда полк прибыл в Ставку, то Великий Князь уже отказался от командования и наше присутствие теряло свой смысл. Нам было приказано отправиться в Рогачев, уездный город Могилевской губернии и ждать распоряжения, а оно было : полк расформировать и всем вернуться в свои коренные части.

Добавлю, что после нашего ухода 8 марта из дворца, туда, часа через полтора-два, прибыл Государь. А первым проявлением «революционной бдительности» нового караула была пальба по сернам, диким козам и зайцам, жившим на свободе в парке. Мы даже еще не успели смениться и уйти, и встревоженная Императрица прислала узнать у нашего дежурного в чем дело. К счастью, эта « охота » скоро прекратилась.

Вся служба охраны Царя и Его Семьи неслась параллельно с Собственным Его Императорского Величества Конвоем. Последний высылал конные дозоры вокруг парка, а на ночь приходил во дворец офицерский караул от Конвоя, но, конечно, все наши внутренние посты оставались на своих местах. Дружба между нашими двумя частями была тесной, мы были кунаками. Когда то было даже общее офицерское собрание. И в память этих незабвенных лет совместной службы были заказаны, офицерами Конвоя и нашими, кольца вороненого серебра с двумя параллельными золотыми обручами. Внутри кольца была выгравирована надпись : фамилия владельца и « 8-3-1917 », дата конца нашей почетной службы.

Г. Акимов

«Суворовцы» — Сборник 14-й — 1963 г.

К 60-ти летию войны с Японией 1904-05 гг.

I

ПОСЛЕ БОЕВ У ЛЯОЯНА И ДО МУКДЕНА

После боев у Ляояна, Куропаткин отвел Армию к Мукдену, а через месяц, в Октябре, перешел своими корпусами в общее наступление, которое приводит к многодневному с 9 по 17 Октября 1904 г. (Даты по нов. стилю) сражению на р. Шахэ. Бои здесь вылились в ряд кровопролитных столкновений — до 35 тыс. потерь, для каждого противника — и безрезультатных для обеих сторон. Раскинувшись на 50 верст по фронту бои уже представляют тип будущих больших сражений и операция на р. Шахэ дала нам ряд крайне поучительных примеров, пригодившихся к подготовке к мировой войне. Обе стороны применили ночные бои со штыковым ударом. Особенно удачным оказалась наша ночная атака со взятием т. н. Путиловской сопки с артиллерией противника.

С окончанием этой операции, обе истощенные Армии закопались близко друг от друга и перешли к позиционной войне.

После капитуляции Порт-Артура (2 Января 1905 г.) нужно было ожидать усиления японских армий, находящихся на р. Шахэ,осадной армией Ноги. Чтобы задержать переброску последней на помощь своим на Шахэ, был выслан в набег конный отряд ген. Мищенко (71 эск. и сотни с 22 орудиями), действия которого не дали особых результатов, вследствие не правильной задачи, поставленной, главным образом, не на капитальное разрушение железной дороги в тылу вражеских армий, для препятствования подвозу армии Ноги и неудачной по времени, т. к. бездействие армии дало возможность быстро починить сделанные незначительные разрушения. Лишь через три недели (24-28 Января) Куропаткин, чтобы предупредить соединение японских армий, перешел правым флангом своих Армий в наступление, которое привело к боям в районе Сандепу. Однако, нерешительность главнокомандующего, который бросил в бой не более одной десятой своих сил (1-й Сибирский и 8-й арм. корпуса и конницу Мищенки) и ждал результатов их действий, для постепенного дальнейшего вступления в бой их соседей, привела к тому, что японцы подтянули свои резервы, не дали развиться нашим первоначальным успехам, а Куропаткин не разрешил нашим соседним корпусам вступать в бой; сражение пришлось остановить к полному негодованию Командующего нашей 2-й Армией ген. Грипенберга. Последний, при таких условиях, счел для себя невозможным продолжать командование и уехал...

Между тем, маршал Ояма, к середине февраля, подтянул армию Ноги и направил: одну дивизию (11-ую) на свой крайний правый фланг, во вновь сформированную 5-ю армию ген. Ковамуры, а остальные три дивизии и две рез. бригады — на левый, для глубокого обхода нашего правого фланга.

Все это привело к боям, развившимся на фронте в 150 верст, в период между 18 Февр. - 11 Марта, к Мукденской операции.

II

МУКДЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Наши силы, поделенные на три армии, доходили до 300 тыс. бойцов, при 1000 лег. и 240 тяж. орудий; японцев — пять армий 290 тыс. бойцов при 900 лег. и 160 тяж. орудий. Мы располагали 56 пул. Максима против 200 японских пулеметов французской фирмы Гочкисса, более слабых. Наши тяжелые орудия представляли собой старые осадные, стрелявшие с платформ и почти не могли принять участие в боях. Числом баталионов мы превосходили японцев, число же штыков в противных армиях было почти равное: японские роты были укомплектованы до 300 человек, в наших же было 150-170.

За невозможностью дать хотя-бы кратко топографическое описание, я лишь укажу, что наша железнодорожная магистраль, идущая с севера на юг, делила театр войны: на Западную равнинную, плодородную и густо населенную долину и Восточную горную, пересеченную, с хаотически разбросанными хребтами круто ниспадающими в узкие долинки.

Слабое место у нас было — базирование на одну железнодорожную магистраль, что делало наши сообщения крайне чувствительными. Надо было строить железнодорожные ветки из тыла, хотя бы от ст. Телин к фланговым армиям 1-й и 2-й, а мы строили и усовершенствовали жел.дор. ветки от магистрали непосредственно за фронтом армий в 10-15 верстах за ней и параллельно фронту. При таком положении, когда веер путей, снабжавший 150 верстный фронт, расходился меньше, чем в полупе-

реходе от фронта, небольшое осаживание центра прерывало сообщения двух наших фланговых армий; а угроза обхода на Мукден совершенно отрезала снабжение всех армий. Это сковывало наш фронт, не давало места маневрированию и делало наш тыл оперативно чувствительным.

Японский тыл был более приспособленным. Правофланговая новая 5-я армия имела (см. схему) самостоятельный грунтовый путь (правда, тяжелый, гористый) от среднего течения р. Ялу на Циньхечень; 1-я армия имела построенную жел.-дор. лииню (узкой колеи) от устья Ялу до Сиамантуня; 4-я армия питалась с Янтайской ветки, а 2-я с магистрали. Обходная 3-я (Ноги) из Артура, первоначально базировалась также на магистраль, а в дальнейшем японцы подготовили ее снабжение по Китайской нейтральной жел.-дор. линии Инкоу-Синминтин (западнее р. Ляохэ), по которой китайцы уговорились доставить снабжение для армии — как частный груз. Все это давало японцам охватывающее базирование.

Японский план заключался в том, чтобы вести энергичную демонстрацию 5-й и половиной 1-й армии, в гористом районе, в направлении на Цыньхечень-Мадзюндян (Японцы, дабы ввести в обман о месте главного удара, включили в 5-ю армию одну Порт-Артурскую дивизию и этим создали впечатление, что вся осадная армия Ноги включена сюда) и, сковывая атаками наш центр, бросить в глубокий обход нашего правого фланга 3-ю армию Ноги.

10-ть дней продолжались японские ожесточенные атаки, в сильно гористой местности на левый фланг нашей 1-й армии. Японцам удалось оттеснить наш Цинхеченский отряд и левый фланг армии отошел за Гаутулинский перевал, в окрестности Мандзюндяна.

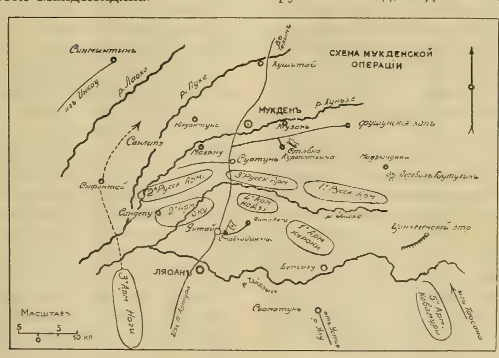
Генералу Куропаткину представлялся прекрасный выход — перейти в наступление на западе, где пролегали важнейшие сообщения, а на востоке еще долго ничего серьезного нам не могло угрожать и только удлиняло по горам работу транспорта, который при дальнейшем продвижении — не мог удовлетворять снабжения 5-й армии.

Но нашему командованию представлялось, что здесь наносится главный удар, как бывало и раньше, когда японцы предпочитали наносить нам удар со стороны гор, чем мы и вдались в обман.

Кроме дивизии резерва 1-й армии ген. Линевича, Куропаткин бросил на восток весь свой резерв и из состава правофланговой 2-й армии — две с половиной дивизии с 128 ор. Т. е. с направления на который направлялся главный удар японцев.

К 27 Февраля, на 10-й день наступления, когда японская демонстрация была в состоянии издыхания, потери были громадны, истощение японцев полное, слабый тыл не в силах был питать слабеющий фронт, а наш окрепший фронт не пускал японцев продвинуться дальше, ген. Куропаткин собирался уже отправить оставшуюся в его распоряжении одну дивизию XVI-го кор., когда выяснилась истинная картина японского наступления! Но японская деемонстрация уже сделала свое дело — разжижила наши силы на противоположном крыле, где предстояли решительные действия.

Наш правый фланг охранял конный корпус ген. Мищенко между реками Пухэ и Ляохэ; к сожалению, в бою под Сандепу, Мищенко был ранен и лежал в госпитале, а из его корпуса здесь была оставлена лишь одна конная дивизия и она поздно, лишь в районе Сифонтая, обнаружила обходное движение колонн Ноги.

Действительно, 26 Февраля начался маневр 3-й армии Ноги, которая, подвезенная по железной дороге к Ляояну и походом в три дня, разворачивалась у Сыфонтая, в 10 верстах за внешнем флангом нашей 2-й армии.

Последней было приказано загибать назад фланг, а Куропаткин спешил собрать силы в районе д. Санлипу (на р. Пухэ), что было не легко, т. к. все резервы переданы были в 1-ю армию и приходилось спешно выхватывать части с фронта нашей 3-й армии, что, конечно, ее ослабляло. 1-й Сиб. кор. был возвращен с похода марша на восток. Спешно формировался новый резерв из дивизии XVI корп. и 3-х сводных дивизий, взятых от четырех разных корпусов 3-й армии. Объединение собравшихся на правом берегу р. Хунхэ частей было возложено на Командующего 2-й армией ген. Каульбарса. К утру 6 Марта, в указанный район, должны были собраться 112 батал. и 366 ор., большею частью в импровизированных сводных соединениях.

К тому же времени, на эту линию выходила и армия Ноги. Предстоял встречный бой, на который генерал Каульбарс не решился, опасаясь все перепутать со своими сборными частями и приказал отойти на линию Юхуантуня. Сбор войск здесь являлся обеспеченным, но он не преграждал путей, при развитии охвата 3-й японской армии. Загиб этой позиции ставил его внутри дуги, описываемой японским охватом, что представляло большую опасность.

Охватывающее движение 3-й армии энергично поддерживалось фронтальными атаками 4-й и 2-й армий японцев на наши центральные корпуса, ослабленные выделением частей для парирования обхода.

Отвод наших войск к Юхуантуню понудил загнуть фронт от станции Суятунь на Мадяпу. Сокращение линии нашего фронта позволило Куропаткину выделить Каульбарсу еще силы; но оно же позволило и японцам перевести две дивизии армии Оку на правый берег Хунхэ, а это, в свою очередь, давало возможность армии Ноги продлить свой охват далее на север. Сюда же Ойяма направил и свой резерв — 3-ю дивизию.

Пользуясь пассивностью Каульбарса, Ноги постепенно передвигал свои дивизии на север, оставляя заботу о заполнении оставленного фронта на подходившие дивизии Оку. Каждый день приносил нам удлинение японского фронта.

Куропаткин понимал, что самый небольшой переход наш в наступление сковал бы японцев и лишил бы их возможности совершать боковые движения перед нашим фронтом, и настойчиво требовал от Каульбарса перехода в наступление. На 6 Марта Каульбарс решил перейти в наступление, но не всем фронтом, а начиная со своего правого фланга, но т. к. против этого фланга японцы имели превосходные силы, то продвижение здесь не имело успеха и Каульбарс, отчаявшись в успехе, приказал перейти к обороне.

Ноги, продвигаясь на север, оторвался от армии Оку; для заполнения этого промежутка, против Юхуантуня, назначена была прибывшая из резерва 3-я дивизия. Командир бригады ген. Намбу, решил свою задачу активно и на рассвете, 7-го Марта, атаковал нашу дивизию XVI корпуса, занимавшую деревню Юхуантунь, и овладел частью этого крупного селения. Этот эпизод приковал наше внимание во вред общему руководству и опасности продвижения Ноги на сев.-восток. Против бригады Намбу мы сосредоточили крупные силы. После ожесточенного рукопашного боя, мы к вечеру обладели селением. Уцелевшие лишь 437 японцев из бригады, насчитывавшей утром свыше 5-ти тыс., отступили. Наши потери здесь тоже достигли не менее пяти тыс. убитых и раненых.

Подобное напряжение в бою, в общем грохоте, целый день, в разных кварталах огромной деревни, слышались чередующиеся кличи «Ура» и «Банзай», выявляло исключительную доблесть бойцов обеих сторон, на которую вряд ли способны другие армии. А потому, правы ли те, которые не хотят проникнуть в изучение войны с японцами, считая, как они говорят, что надо забыть этот позор в русской военной истории. Конечно, были ошибки в высшем командовании, кои нужно не скрывать, а изучать, а на ряду с ним и героизм. Как близкий свидетель этого боевого столкновения, я счел нужным в своем научном описании, особо подчеркнуть этот боевой, тактический эпизод, показывающий высокую жертвенность с таким же незаурядным по доблести противником.

Между тем линия японского окружения подвигалась и если не было сил двинуть Каульбарса вперед (правда, с его импровизированными и перемешанными частями), то оставалось лишь ускользать из японского кольца. Куропаткин приказал — основной центральный фронт, бывший на р. Шахэ, отвести за р. Хунхэ и выделить из этих сил еще сборные отряды: ген. Лауница — 46 батл. и ген. Мылова — 22 батл., для продолжения фронта на север от Каульбарса, а в район ст. Хушитай направил отряд ген. Зарубаева. Всего Куропаткин собрал против японского охвата вполне достаточные, но в конец перепутанные, силы.

Выделение этих огромных резервов из нашего центра, т. к. 1-я армия поглотившая в начале операции наши резервы, за удаленностью, подкреплений не давала, привело остатки нашей 2-й армии и 3-й армии в полное разстройство. 7-го Марта японцы прорвали наш фронт у Киузаня на р. Хунхэ. На следующий день от-

ступление русских продолжалось и было осложнено новым прорывом восточнее Мукдена. Эти два прорыва сильно затрудняли наше отступление, т. к. мы охватывались на походе с запада и востока. В особо тяжелом положении оказывались наши части в юго-западном углу отряда ген. Каульбарса. С прорывом у Киузаня наша связь с 1-й армией Линевича прервалась.

Состояние русских войск (2-й и 3-й армий), при отходе к Телину оказалось окончательно перемешано постоянными выделениями в сборные отряды, для парирования обхода, поэтому решено было продолжить отход еще на четыре перехода, на Сыпингайские позиции.

Наши потери достигают 65 тыс. убитых и раненых и до 20 тыс. пленных. Японские потери оцениваются свыше 70 тыс.

Мукденская операция, растянувшаяся на три недели с боями происходившими на 150 верстном фронте, являет собою уже определенный тип сражений XX века. И дала нам возможность во многом учесть свой опыт, для подготовки к 1-й мировой войне.

СМЕНА КОМАНДОВАНИЯ. СЫПИНГАЙСКИЕ ПОЗИЦИИ. ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ.

На походе во время продолжавшегося нашего отхода, после Телина, было получено из Петербурга распоряжение от отозвании Куропаткина и назначении Линевича Главнокомандующим.

Куропаткин, отъезжая, просил по телеграфу Государя, как милость, оставить его в армии на любой должности. Государь уважил просьбу Куропаткина и последний получил в командование 1-ю Армию. Произошло перемещение: Линевич назначен Главнокомандующим вместо Куропаткина, который снизился заместив Линевича на должность Командующего 1-й Армией. Получилось ли лучше? Ответить не легко, но нельзя не отметить, как увидим ниже, что «воли» к активности у Линевича оказалось еще меньше чем у Куропаткина. Хитрый «Папаша», как называли его Сибирские войска, среди коих он служил и которыми командовал, которого молва незаслуженно наградила ореолом победителя во главе 1-й Армии в Мукденской операции, не захотел на своем высоком посту идти ни на какой риск. Он сознавал, что его удача в Мукденских боях сложилась из того, что Куропаткин бросил по его же настойчивым просьбам, все резервы, чем обессилил свой правый фланг, на котором решалась судьба боев операции!

На путях нашего отхода, перерезая железно-дорожную магистраль и большак «Мандаринской дороги», пролегала гряда, представлявшая большие удобства для обороны. На эту линию, получившую название Сыпингайских позиций, пал выбор, для отпора врагу, который, видимо не менее нас обессиленный, остался далеко за нами.

На этих позициях быстро был восстановлен порядок, наши армии пополнились. Из России начали прибывать свежие корпуса.

1-я и 2-я Армии, раскинувшись на 200 верст, заняли позиции выставив на переход вперед сильные авангарды, имея на обоих флангах сильные конные отряды ген. Мищенко и Ренненкампфа. Вся 3-я Армия, которую получил ген. Ботьянов, стала в резерве за правым флангом 2-й Армии. И за центром, в распоряжении Главнокомандующего, находились еще два корпуса только что прибывших из России. Широко заняв позиции по фронту, наши войска получили улучшение для своего снабжения: 1-я Армия, занявшая горный район восточнее жел.-дорожной линии, получила узкоколейную жел.-дорогу построенную из глубокого тыла, что давало ей возможность широкого маневрирования, для охвата противника.

3-я Армия получила жел-дорогу соединявшую ее с магистральной также с тыла,

В общем, к Маю месяцу, наши части представляли грозную мощь в своем окрепшем моральном и хорошо оборудованном техническими средствами положении, для перехода в наступление. В войсковых частях царил подъем духа и все ожидали движения вперед!

Все три наши Командующие армиями настойчиво убеждали Главнокомандующего Линевича к переходу к активности. К сожалению, последний не решался. А между тем, все данные были за успешное наступление, которое могло, даже при небольшом успехе, снять с русской армии горечь всех ее неудач. В шифрованных телеграммах Государя Линевичу чувствовалась надежда на наступление, после широкой помощи, как войсками, так и техникой.

К этому нужно добавить, что внутреннее положение в России, в описываемое время — Май 1905 г., еще не было угрожающим, а небольшой успех на фронте подымал престиж Правительственной власти и волнения, последовавшие на нашей Родине, не могли проявиться в столь угрожающем виде, как они начали проявляться потом.

Грустно, что наш моральный порыв и успешная подготовка не были использованы, несмотря на всю огромную поддержку данную армии Родиной.

С лета положение внутри России сильно осложнилось повсеместными аграрными беспорядками и волнениями рабочих на заводах, что тяжело ложилось на наше Правительство. С другой стороны, у японцев военное командование отдавало себе отчет, что в дальнейшем

вряд ли оно могло расчитывать на какой либо успех за недостаточностью сил.

Эти разные причины привели к тому, что обе воюющие стороны, должны были принять предложение Президента Северо-Американских Штатов о начале мирных переговоров. Последние затягивались: японцы, увлеченные своими успехами, требовали многого и нашему представителю С. Ю. Витте было не легко. Государь вновь намекал в телеграмме Линевичу о производстве давления на армию японцев. Но, увы! Линевич не решался.

В конце концов, после долгой торговли, эти переговоры привели к заключению так называемого Портсмутского мира. Последний далеко не удовлетворил японцев. По этому миру, японцы получили: южную половину острова Сахалин, отрезок южной ветки Китайской-Восточной жел. дороги от станции Куанчензы до Порт-Артура и Витте же построенный город Дальний с оборудованным при нем коммерческим портом. Желание японцев в получении контрибуции было категорически отказано. Были лишь оплачены Россией расходы по содержанию пленных.

На нас, участников этой войны, русских воинов, как и в былых войнах проявлявших свою жертвенность, легло тяжелое сознание столь не свойственного русскому оружию поражения.

Мих. Свечин

От дубины до водородной бомбы

Войны спокон веков были присущи человечеству и мечта пацифистов о том, что настанет такое время, когда их больше не будет, является, повидимому, утопией.

С тех пор как десятки тысяч лет тому назад два ничтожных племени первобытных людей, не поделив между собой хорошего места для охоты, впервые пустили в ход дубины, и вплоть до наших дней войны, не прекращаются и остаются одним из самых действительных средств разрешения спорных вопросов между народами, меняются только способы их ведения, масштабы и применяемое оружие. Путь от дубины до водородной бомбы был очень долгим, это, пожалуй, самая длинная «родословная» в истории человечества, ибо дубина или палка вообше была первой вещью, которой научился пользоваться человек. Последние этапы этого пути, начиная с появления регулярных армий и нарезного огнестрельного оружия, хорошо известны каждому военному. Но более отдаленные, порядок их развития и хронологию,, стоит немного освежить в памяти.

Следующим, после дубины, оружием человека было копье с каменным наконечником, его возраст скоро исчисляется десятками тысяч лет; вероятно вслед за ним очень скоро появился и дротик, то есть-то же копье, приспособленное для метания. Несколько позже, но тоже в незапамятные времена, вошел в обиход каменный топор, — остро отбитый кусок кремня, прикрепленный к палке; за ним последовал каменный молот, применявшийся, повидимому, не только в мирных целях, но и как боевое оружие.

Первым метательным орудием была рука, швырявшая во врага камень. Но приблизительно 20.000 лет тому назад появилась уже праща. Изобретение лука и стрелы с каменным наконечником относится к девятому тысячелетию до Р. Х. За две тысячи лет до начала христианской эры египтянам был известен бумеранг, но широкого применения он не получил.

Выплавлять первые металлы (медь и бронзу) люди научились за три с половиной тысячи лет до Р. Х. и это дало могучий толчек к дальнейшему развитию и усовершенствованью оружия. Одними из первых изделий, которые начали делать из бронзы, были нож, наконечники для стрел и копий и боевой топор (топор «хозяйственный», для рубки дерева, оставался кремневым еще более двух тысяч лет, вплоть до появления в обиходе человека железа, так как бронза была для этого слишком мягким металлом). Приблизительно за три тысячи лет до Р. Х. появляется бронзовый меч, а в одинадцатом веке до Р. Х. — железный.

На этом крупные новинки в области изобретения индивидуального боевого оружия прекращаются почти на две тысячи лет, продолжается лишь усовершенствованье уже известного и появление новых его вариаций. Так копье породило трезубец, рогатину, совню, протазан и пику, топор — секиру и бердыш, нож — всевозможные типы кинжала, дубина-палицу, булаву и пернач, а по боковой линии — кистень и боевой бич. Каменный молот эволюционировал в бронзовый, а потом в железный, позже у него начали оттягивать и заострять один конец, для нанесения колющих ударов сверху, это-че-

кан. Меч дал множество вариантов, первым из которых был палаш, применявшийся египтянами еще во втором тысячелетии до Р. Х.; за ним последовали кривой меч и сабля, появившиеся у арабов в 6-7 веках нашей эры; судя по сохранившимся рисункам, в 8-м столетии персы применяли шпагу, позже получившую широкое признание у франков; в Средней Азии двумя-тремя веками позже появился кончар-длинный и прямой четырехгранный меч для пробивания брони или кольчуги; эпоха крестовых походов породила огромный двуручный меч, затем появились ятаган, клыч, тесак, рапира и т. д. В 14-м столетии вошли в употребление комбинация секиры и копья-алебарда, и комбинация этой последней с крюком для стаскиванья всадника с седла, так называемая гвизара.

В средние века самым совершенным и лучшим по качеству оружием располагали арабы, обладавшие наиболее высоким уровнем культуры и уже в начале 9-го века научившиеся производить высокосортную (дамасскую) сталь. Способ свой они хранили в строгом секрете и держали в этой области абсолютное первенство до конца 14-го столетия, когда Тимур овладел Дамаском и вывез оттуда в Самарканд всех лучших мастеров. Славилась хорошею сталью также и Япония.

За тот же период времени был значительно усовершенствован лук: дальность эфективного полета стрелы была доведена до двухсот метров, в несколько раз увеличилась и ее пробойная сила, ставшая у хороших луков достаточной для того, чтобы пробить кольчугу. В 11-ом столетии арабами был изобретен арбалет (лук-ружье), который позже получил широкое применение на Западе. Он обладал еще более мощной пробойной силой и посылал стрелу на дистанцию до трехсот метров.

**
*

Разумеется, параллельно с оружием нападения развивалось и совершенствовалось защитное вооружение. С этой целью начали прежде всего применять щит. Считается, что он впервые появился примерно за 3.000 лет до Р. Х. у народов Греции. Но несомненно деревянный щит существовал и раньше, хотя вещественные доказательства этого отсутствуют, ибо ни один деревянный предмет не мог сохраниться в течение стольких тысячелетий.

Деревянные щиты а также плетенные из прутьев и обтянутые кожей, ввиду их легкости и дешевизны, не исчезли из обихода и в эпоху металлов. Бронзовыми, а позже железными и стальными щитами вооружались лишь отборные воинские части и, конечно, лица привиллегированных сословий. Размеры и формы щитов у различных народов и в различные эпохи были самые разнообразные: круглые — большие и малые, овальные, квадратные, прямоугольные со срезанными углами, трехугольные, в виде виноградного листа и т. д. Прямоугольные выгнутые щиты в рост человека в бою ставились на землю, чтобы целиком закрыть пешего бойца. Они делались из легкого дерева с железными скрепами и оковками.

В эпоху рыцарства на щитах стали изображать всевозможные эмблемы, девизы, а потом гербы. Щит становится как бы символом чести воина, потерять его считалось величайшим позором, за это еще в древнем Риме воина побивали камнями.

Очень давно появились и шлемы. До нас дошли изображения шумерийских воинов в металлических шлемах, относящиеся к 25-му столетию до Р. Х., но кожаные шапки-шлемы с наушниками применялись в Египте и раньше. На протяжении тысячелетий шлем, по форме и устройству, также прошел через множество видоизменений. Первоначальная остроконечная форма у древних греков и римлян сменилась круглой, с продольным металлическим гребнем наверху, для более надежной защиты от ударов. В тех же целях, но одновременно и для устрашения противника, древние скандинавы и японцы приделывали к своим шлемам металлические рога. С 9-го века к шлемам стали часто прикреплять кольчужную сеть-бармицу, для защиты шеи и плеч; несколько позже, для защиты ударов, к шлему спереди приспособили опускающуюся железную стрелу. Потом, в эпоху крестовых походов, появилось решетчатое, а позже и сплошное забрало, имеющее лишь прорези для глаз.

К середине второго тысячелетия до Р. Х. появилась и броня, защищающая туловище и руки. Судя по находкам археологов и по сохранившимся резным изображениям, в 15-ом веке до Р. Х. ассирийские и вавилонские воины имели на вооружении остроконечные бронзовые шлемы, круглые бронзовые щиты и чешуйчатые панцыри. В то же время египтяне применяли шлемы, латы и широкие бронзовые обручи для защиты руки, от кисти до локтя. Стоит отметить, что в египетском войске уже тогда существовали стяги, трубы и барабаны и даже своего рода ордена: золотые и серебряные изображения львиной головы, жука и мухи, дававшиеся за боевые отличия.

В 7-м веке до Р. Х. греческие воины, кроме шлема и щита, имели металлическую кирасу и поножи, защищающие ногу от ступни до колена, а конница, сверх того, металлические наколенники и набедренники. Римляне употребляли бронзовые или железные нагрудники, наручи и широкие металлические пояса с такими же подвешенными к ним пластинками, кото-

рые свисали на подобие короткой юбки, защищая живот и бедра.

В 7-8 веках христианской эры у германских племен появилась броня, состоявшая из кожаной рубахи, обшитой железными кольцами, а у восточных народов — кольчуга. Немного позже на Западе входит в употребление панцырь, сначала сетчатый или решетчатый, а позже сплошной, кованый. Потом появляются наплечники, налокотники, металлические перчатки и, наконец, в эпоху крестовых походов, сплошной доспех, целиком облекающий воина в железо. Последним словом этой «техники» был появившийся в 15-м веке так называемый максимилианский доспех (его изобретенье принисывают германскому императору Максимилиану I), состоявший из двухсот отдельных частей, не считая множества винтов, болтов, гаек и пряжек.

Вооружение древних русов состояло из прямого меча, островерхого шлема и кольчуги, которая позже дала целый ряд вариантов, в зависимости от покроя, формы колец и их сочетания с железными пластинками. Каждый из этих вариантов имел особое название: собственно кольчуга, байдана, кольчатый панцырь, куяк, юшман, бахтерец, колонтарь и др. В 13-м веке появляется дополнительный доспех — зерцало. Это большой металлический диск, закрывавший поверх кольчуги грудь; позже к нему присоединили боковые пластины, защищающие бока и спину.

С тринадцатого столетия на русском вооружении сильно сказывается татарское влияние: меч вытесняется саблей, вместо овальных щитов, вводятся круглые, старый образец шлема уступает место новым: «ерихонке», шишаку и мисюрке (последняя представляет собой полушлем, — это войлочная шапка с железным ободом и наковкой для защиты темени; иногда к ней подвешивалась кольчужная сетка, защищающая шею).

Конечно, настоящий добротный доспех стоил очень дорого и был доступен только состоятельным людям. Рядовых бойцов одевать в него было немыслимо и для них его заменяли всякими «суррогатами»: кожаными латами, кожаными рубахами, с нашитыми на них железными бляхами , а то и просто гвоздями и обрезками железа. На Руси имел широкое распространение так называемый тягиляй, — стеганая крутка со вшитыми в нее кусками толстой проволоки и такая же шапка.

* * *

Кроме индивидуальных средств защиты и даже значительно раньше их, появились общие, массовые. Еще в глубочайшей древности человек огораживал свои поселения земляным валом и рвом, а в Египте, за четыре тысячи лет до Р. Х., уже существовали настоящие крепостные сооружения, сделанные из необожженного кирпича. Сохранились развалины нескольких таких крепостей, стены их доходили высотой до десяти метров, при толщине около восьми метров и были окружены рвом значительной ширины. В третьем тысячелетии до Р. Х. все главные города крупных народов Востока уже представляли собой мощные крепости, достигавшие высокого совершенства по продуманности расположения стен, башен и казематов. Система укрепления кремальерами, фланкирующими друг друга, «изобретенная» французами в 18-м столетии, была хорошо известна шумерийцам за 25 веков до Р. Х.

Вавилон Навуходоносора Великого (6-й век до Р. Х.) представлял собой едва ли не самую грандиозную крепость в мировой истории: он был окружен тремя рядами каменных стен, внешняя из которых, замыкая правильный квадрат, при общем протяжении в 90 километров имела 60 метров в высоту и 17 метров в толщину. В 3-м веке до Р. Х. была построена великая китайская стена. Она тянулась почти на 4.300 клм. в длину, имея 4 сажени высоты и 2 сажени толщины; через каждые 100 шагов в нее были включены мощные квадратные башни. На постройке этой стены работало свыше двух миллионов человек и в основном она была закончена в десять лет.

Поелику существовали крепости, появились и орудия, облегчающие овладение ими. Древнейшим из них является прототип тарана — обыкновенное бревно. Несколько человек, держа его на весу, били им в ворота или в стену укрепления. Несколько позже к нему приспособили простейший, неподвижный станок, где бревно двигалось по скользящим валикам; потом такой же станок сделали передвижным, на колесах.

У Ассирийцев, в середине второго тысячелетия до Р. Х., таран уже представлял собой мощное и довольно сложное стенобитное орудие. Это было толстое бревно, до 12 метров длиной, с наконечником в виде бронзовой бараньей головы, подвешенное на канатах к особому станку, покрытому мощным навесом. Все это сооружение передвигалось на колесах и обслуживалось сотней, а иногда и двумя сотнями воинов. У римлян подобные машини бывали двух и даже трех-ярусными: два или три тарана били одновременно в ворота или в стену крепости, в одной вертикальной плоскости.

Почти одновременно с тараном начали применять и передвижную осадную башню. Впервые появилась она в Вавилоне, но наибольшего совершенства достигла у римлян. Тут ее делали в несколько этажей, по возможности из легкого дерева, а в предохранение от поджога, на-

крывали свежими шкурами или обмазывали мокрой глиной. В нижнем этаже действовал мощный таран, а в верхних помещались воины, стрелявшие по бойницам и по находившимся на стенах защитникам крепости; потом они перебрасывали на стену особые мостики и шли на приступ. Такие башни передвигались на колесах, а наиболее тяжелые — на валиках.

Древнейшим артиллерийским орудием была балиста, метавшая огромные камни, до сорока пудов весом, на расстояние до 200-300 метров. Изобретенье балисты приписывают финикийцам, она там появилась почти за 2.000 лет до Р. Х. и совершенствовалась постепенно. У греков в 4-м веке до Р. Х. балиста уже была поставлена на колеса и перевозилась лошадьми.

Несколько позже, примерно за 1.000 лет до начала христианской эры, сирийцами была изобретена катапульта. Она была основана на принципе лука и имела вид огромного арбалета, приспособленного к передвижному станку на колесах. Служила она, главным образом, для метания на дистанцию до пятисот метров громадных как колья деревянных стрел, окованных на конце железом (эти стрелы достигали сажени длиной, при толщине до 15 см.(, а также горящих смоляных стрел. Но можно было при ее помощи метать и не очень тяжелые камни. Обслуживалось такое орудие двумя-тремя людьми. Катапульта на протяжении своей истории претерпела много изменений и различные ее виды носили разные названия: палинтон, скорпион, эвфитон, онагр, карабомид и др.

Наивысшего совершенства катапульта и балиста достигли у арабов в 8-10 веках нашей эры. Дальность действия балисты у них была доведена до 500 метров, а катапульты до тысячи.

В 12-м веке на Западе была изобретена новая метательная машина, получившая у французов название «требюше». Она была основана на комбинированном принципе пращи и силы тяжести и метала средней величины камни на дистанцию в несколько сот метров. Временами появлялись и другие метательные орудия, не получившие большого распространения.

**
*

Что касается организации войска, то у первобытных народов его вовсе не было и в случае войны в ней принимало участие все племя. Затем в наиболее крупных племенных объединениях появляются вооруженные силы, первоначально представлявшие собой небольшие дружины, группировавшиеся вокруг монарха. В дальнейшем эти дружины или продолжали пополняться более или менее случайным элементом, или превращались в своего рода наследственное привиллегированное сословие, иногда даже в особую военную касту, на обязанности которой лежала защита государства.

Когда обстоятельства требовали, ряды такого небольшого, но отборного войска пополнялись путем призыва добровольцев, сбора народного ополчения или найма. Особых затруднений с этим, вероятно, нигде не бывало, так как военная служба с покон веков у всех народов считалась почетной и выгодной, ибо она давала возможность быстрой наживы путем грабежа и открывала путь к более высоким иерархическим ступеням, то есть к власти над другими.

Небольшое постоянное войско существовало в Египте уже при первой династии фараонов, то есть за 5.000 лет до Р. Х. Оно состояло исключительно из пехоты, которая подразделялась на лучников и копейщиков.

Кавалерия появилась лишь много времени спустя, ибо лошадь была приручена человеком гораздо позже других одомашненных животных, всего за 2.500 лет до Р. Х. Колесо и повозка были изобретены на тысячу лет раньше и первыми упряжными животными были бык и осел. Лошадь поначалу тоже служила только в упряжке, а для верховой езды ее начали применять в Египте лишь 500-600 лет спустя.

Только в 16-м столетии до Р. Х. лошадь получила применение в военном деле, но еще не в качестве верхового животного: в Индии ее запрягли в боевую колесницу. Несколько десятков лет спустя, боевые колесницы появились и в Египте, а в 14-м столетии до Р. Х. этот род оружия был уже широко распространен у финикийцев, вавилонян, асирийцев и китайцев, а вслед за тем и у всех других народов. Все это были колесницы легкого типа, расчитанные на двух воинов: возницу и бойца. Но к 13-му веку до Р. Х. у хеттов появились тяжелые колесницы, на которых помещались еще и оруженосец, в сражении прикрывавший бойца щитом. С этого времени колесницы становятся основной ударной силой войска и получают массовое применение. Нам, например, известно, что в сражении с египтянами у города Кадеша (1312 г. до Р. Х.) хетты ввели в дело более 3.500 боевых колесниц. Этот род оружия становится абсолютно привиллегированным (ибо лошади и колесница по цене были доступны лишь богатым людям) и наиболее выгодным, так как он решает исход сражения, ему и достается львиная доля добычи.

Первые чисто кавалерийские части появились на рубеже 10-го и 9-го столетий до Р. Х. в Китае. Но они были еще весьма малочисленные, вероятно по причине высокой стоимости лошади: цена одной лошади в то время равнялась цене 6 рабов. Сто лет спустя, конница уже играла видную роль в войсках ассирийцев, вавилонян и финикийцев, а в начале 8-го века до Р. Х. у лидийцев она уже количественно пре-

обладала над пехотой. Наконец, в середине того же века, на историческую арену выходят киммерийцы, с войском сплошь конным и отлично организованным. Несколько десятков лет спустя, такими же поголовно конными были и полчища скифов. С тех пор конница повсеместно начинает вытеснять пехоту, которая становится как бы вспомогательным родом оружия, хотя у греков и римлян роль ее все же была весьма велика. Апогея своего расцвета и максимального использования конница достигает в 13-м столетии, в войске у Чингис-хана. Но уже с конца 14-го века, когда Тимур блестяще возродил значение пехоты, процент кавалерии в армиях начинает идти на убыль.

Боевой порядок войска тоже постепенно эволюционировал от простой вооруженной толпы к построениям более выгодным и сложным, имея у каждого народа свои характерные особенности. Так в древнем Египте он состоял из шеренги лучников, за которой следовала шеренга копейщиков. В 14-ом веке до Р. Х. спереди и сзади к этому были добавлены линии боевых колесниц. В 10-м веке до Р. Х. у ассирийцев, при таком же построении пехоты, колесницы, а позже конные отряды шли на флангах.

В 8-м веке до Р. Х. китайцы уже применяли более сложное построение, подразделяя свое войско на пять частей: авангард, главные силы, правое и левое крыло и арьергард; на флангах и впереди действовали боевые колесницы и кавалерия. Знаменитая греческая фаланга 7-4 вв. до нашей эры состояла из нескольких шеренг (от 8 до 24) тесно сомкнутой тяжелой и легкой пехоты и конных частей на флангах.

У римлян мы видим уже более совершенную организацию войска и боевой порядок, эшелонированный в глубину. Он обычно состоял из трех линий легкой и тяжелой пехоты, каждая по несколько шеренг, с конницей на флангах. Для удобства управления войско было разделено на легионы, включавшие первоначально по 4.200 бойцов, а в более позднюю эпоху по 5.100. Легион подразделялся на десять когорт, а когорта на три манипулы; Манипула делилась на две центурии.

***

Новую эру в истории вооружений открыло появление огнестрельного оружия, но переход к нему произошел далеко не сразу.

Порох был изобретен китайцами в десятом столетии. Его попробовали применять в военном деле, вставляя в железную трубу другую, более короткую трубку, начиненную порохом, а спереди помещая снаряд (куски камня или железа). Оружие это было настолько несовершенно и опасно в обращении, что китайцы в нем, очевидно, разочаровались и никаких сведений о применении пороха мы больше не встречаем на протяжении почти четырехсот лет, пока секретом его изготовления не овладели арабы. В начале 13-го века они уже располагали примитивным огнестрельным оружием, — первый зарегистрированный европейскими хронистами случай применения его в бою относится к 1241 году. В начале 14-го столетия им уже начали пользоваться европейцы, а к концу того же столетия, оно повсеместно вошло в употребление, хотя еще в масштабах очень скромных, что объясняется его несовершенством.

Так, например, первые пушки, стрелявшие каменными ядрами на дистанцию в 200-300 метров, требовали на перезаряжение несколько часов, значительно уступая балисте и катапульте в скорости и в дальности стрельбы. Первые фитильные ружья имели дальность в 150-180 метров, то есть вдвое меньше, чем арбалет, который, к тому же, был во много раз скорострельнее. Таким образом, единственным преимуществом первого огнестрельного оружия был психологический, устрашающий эффект самого выстрела. И только к концу 16-го века оно было настолько усовершенствовано, что смогло вытеснить метательное оружие холодного действия.

Первые артиллерийские орудия, бомбарды (у нас они назывались «тюфяками», термин, заимствованный от татар, ибо так называлась на тюркских языках пушка), представляли собой открытую с двух сторон трубу, сваренную из длинных полос железа и скрепленную толстыми железными обручами. Размеры и калибры их были самыми разнообразными, длина ствола от 2 до 5 метров, внутренний диаметр до 25 дюймов. Стреляла такая пушка каменными ядрами и заряжалась с казны, после чего казенная часть ствола закрывалась металлической заслонкой, которую самыми примитивными способами по возможности крепче припирали к орудию. Устанавливалось оно на неподвижных деревянных козлах, поэтому менять угол возвышения можно было лишь в самых незначительных пределах и с большим трудом. Несколько десятков лет спустя для навесной стрельбы начали применять мортиры такого же устройства.

В начале 15-го века бомбарды небольшого размера вошли в употребление в качестве полевых орудий, причем тело орудия и деревянный станок к нему возили отдельно, на телегах, и монтировали на поле битвы. Первые двухколесные лафеты появились лишь сто лет спустя.

Еще более легкое орудие, по типу иногда приближающееся к ружью, так называемая пищаль, вошло в обиход в конце 14-го столетия. Ствол такого орудия прикреплялся наглухо к

тяжелому деревянному ложу и заднее его отверстие перед выстрелом закрывалось железной заслонкой, довольно плотно входившей в прорезь этого ложа.

В конце 15-го века пушки начали отливать из чугуна и из бронзы, а каменные ядра заменили чугунными; за невозможностью устранить прорыв газов при выстреле, заряжание стали производить с дула, оставляя в казенной части лишь маленькое отверстие для запального фитиля.

В дальнейшем, артиллерийские орудия прошли через огромное количество всевозможных форм, систем, размеров и названий, постепенно продолжая совершенствоваться. В начале 17-го века дальность боя некоторых типов орудий достигала уже километра, а в начале 18-го почти двух километров.

Прообразом ружья, первым ручным огнестрельным оружием, относящимся к концу 14-го века, можно считать пищаль или маленькую бомбарду, стрелявшую свинцовыми пулями калибром немного более дюйма. Ближе к ружью, чем к артиллерийскому орудию стояла и так называемая кулеврина, появившаяся немного позже. Она имела в длину около сажени, при калибре в полтора дюйма и весила два пуда.

В 15-ом веке появился аркебуз, первое настоящее ружье, имеющее изогнутый приклад для упора в плечо. Стрелял он на дистанцию в 200 метров, весил около пуда, так что при стрельбе его надо было опирать на специальную сошку и обслуживался он двумя людьми. В начале 16-го века вошел в употребление мушкет, ружье уже несколько усовершенствованное. Он весил почти вдвое меньше, чем аркебуз (но все же стрелять из него приходилось с упора), заряжался с дула и дальность его боя достигала почти трехсот метров. Его пуля, при калибре в 22 милиметра, весила около 60 граммов и пробивала любые рыцарские доспехи, которые с появлением мушкета и начали выходить из употребления.

В начале 17-го столетия в Испании был изобретен ружейный замок с кремневым запалом, который очень скоро совершенно вытеснил в ручном огнестрельном оружии старый, фитильный запал (кроме мушкета в это время существовал уже и пистолет, изобретенный во второй половине 16-го века в Германии).

Продолжая совершенствоваться, мушкет к концу 17-го века обратился в сравнительно легкое (5 килограммов) ружье, калибром в 17,5 миллиметров, которое было уже настолько удобно, что им вскоре вооружили всю пехоту европейских армий. К этому ружью был придан и штык, изобретенный к тому времени во Франции. Стрелало это ружье на 400 метром.

Нарезное ружье, винтовка или карабин, тоже впервые появилось в 17-ом столетии. Оно значительно превосходило гладкоствольные ружья меткостью и дальностью боя (до 800 метров), но в то же время имело огромное неудобство: ружья тогда заряжались с дула, пулю вколачивали в ствол и нарезы чрезвычайно затрудняли эту операцию, перезарядка требовала не меньше часа, не говоря о том, что пуля часто застревала посреди ствола и ее приходилось высверливать. В силу этого, винтовки практически не получили применения до середины 19-го столетия, когда этот недостаток был устранен введением особой пули, а в скором времени и унитарного патрона. В семидесятых годах прошлого столетия все крупные европейские армии уже полностью перешли на винтовки, заряжающиеся с казны, а к началу девяностых годов — на магазинные.

С середины 19-го века началось также повсеместное введение нарезной артиллерии с клиновыми затворами, а к началу нынешнего века — артиллерии скорострельной.

Дальнейшая эволюция вооружений происходила уже на нашей памяти и потому нет надобности продолжать этот обзор.

М. Каратеев

Хроника «Военной Были»

Полковая печать Кавалергаровд

Среди бесчисленного множества различных печатей Военного и Гражданского Ведомств, существовавших в России до 1917 года, Печать Кавалергардов является единственным исключением от обще принятого образца.

На всех печатях имелось изображение Государственного герба и надпись, обозначающая принадлежность печати определенному учреждению. На печати же Кавалергардов, вместо названия полка — надпись «Державный Орден Св. Иоанна Иерусалимского», а на груди орла, вместо Московского герба, Мальтийский стяг, наложенный на Мальтийский крест.

Когда Император Павел принял звание Гроссмейстера Мальтийского Ордена, то в Императорский титул было добавлено это звание и на груди орла, в Государственной печати, вместо Московского герба, были наложены атрибуты Ордена. Одновременно была сформирована Кавалергардия, как личная охрана Гроссмейстера Ордена, названного Павлом 1-м — Державным, и ей была присвоена соответствующая печать.

Вступив на престол Император Александр I не принял на себя знавие Гроссмейстера и, вследствии этого, все атрибуты Ордена были сняты с Государственной и всех других печатей. Со всех, кроме Кавалергардской. О ней забыли, а полк, дорожа этой особенностью, никогда не исправил эту зазбывчивость и, в течении 121 года, пользовался Павловской печатью «Державного Ордена Св. Иоанна Иерусалимского».

сообщил **В. Н. Звегинцов**

Полковой марш Кавалергардов

Без малого, сто лет полковым маршем Кавалергардов служил марш из оперы «Белая Дама», французского композитора Боальдье.

Когда и по какому случаю положено было этому начало, описано в воспоминаниях второй дочери Императора Николая I, Великой Княжны, впоследствии королевы Вюртембергской, Ольги Николаевны. На стр. 12 этой книги, напечатанной в Париже, в русском переводе, в 1963 году, Издательством «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», она говорит:

«В сентябре (1826 г.) в день Святой Елисаветы, день праздника Кавалергардов, Мама, впервые как Шеф этого полка, принимала его парад. Она была и польщена и сконфужена, когда Папа скомандовал «на караул» и полк перед нею продефилировл... Музыка играла марш из «Белой Дамы», в то время, модной оперы и, в память этого события, этот марш стал полковым маршем Кавалергардов».

Последний раз, полковой марш прозвучал в Крыму, в колонии Окречь 5/18 сентября 1920 года.

сообщил **В. Н. Звегинцов**

Из полковой хроники Конногренадер

Во Франции в г. Meaux, похоронен подпоручик лейб-гвардии Драгунского (впоследствии Конногренадерского) полка Богданов, участник сражения при Фер-Шампенуаз.

В атаке, была убита его лошадь, он свалил француза и вскочил на его лошадь, на которой и продолджал сражение.

По окончании сражения, французская лошадь, услышав издали знакомые ей сигналы, занесла Богданова к своим и его зарубили французы.

В 1914 г., в столетие сражения при Фершампенуазе, конногренадеры молились в полковом храме о Богданове.

(из письма **К. Н. Скуратова**)

Дополнение к статье в Б. В. Б.-К. «Генерал Платон Алексеевич Лечицкий»

Пластуны — это кубанские казаки, «маломочные», то-есть бедные, не могшие справить себе коня, седло и прочее необходимое снаряжение, кроме обмундирования, которое они делали за собственный счет, наравне с конными казаками. Служили пластуны, большею частью в таких местностях, «куда Макар телят не загонял», в отдельных батальонах, состоявших из пяти сотен (рот) по 250 штыков, каждая, Пулеметной команды в 5-6 пулеметов, команды связи, врача с фельдшером и санитарами и батальонного причта. У каждого батальона был свой обоз 1-го и 2-го разряда.

В мирное время, кубанцы выставляли 6 пластунских батальонов, а в войну 1914-17 гг. — 24 батальона. Во главе каждого батальона стоял штаб-офицер, на сотнях были есаулы или подъесаулы, зачастую, «барабанившие» по 20 — 25 лет, в этом чине, ожидая очереди на производство, и на взводах младшие офицеры. Все шесть батальонов объединены были в Пластунскую бригаду, во главе которой стоял генерал и при нем Начальник Штаба — офицер Генерального Штаба и несколько адъютантов, из коих два обязательно Генерального Штаба.

На турецкий фронт бригаду вывел знаменитый генерал Пржевальский («дид Савка» по прозвищу пластунов). Перед войной, он, с шарманкой на спине, обошел почти всю Турцию и он же разгромил турок под Сарыкамышем, за что все пластунские батальоны получили шефства Государя, Наследника Цесаревича, Великой Княжны Ольги Николаевны и Великих Князей а, командовавшие пластунами, господа офицеры получили Георгиевские Кресты из рук специального Государева курьера. Казаки — пластуны были также украшены наградами.

Эти пластуны, стянутые в Севастополь, после описанного представления Государю, предназначались для высадки в Босфоре но десант был отставлен и пластуны, в составе 5-го Кавказского арм. корпуса, были весной 1915 г. переброшены, сперва в Галицию а затем в Буковину. На обывательских подводах сделали мы путь от Каменец-Подольска к Хотину и тотчас же были представлены генералу графу Келлеру, в корпус коего мы вошли и, на этих же подводах были направлены на позицию. Далее, с небольшими боями, мы подошли к «родным» местам, упоминаемым в указанной статье: Баламутовка, Ржавенцы и высота 393 (не упоминаемая вовсе в статье В. Б. -К.). Немало нашего брата пластуна легло под этой высотой и это-то меня и побуждает постараться осветить то чему я был свидетель, как участник этих боев.

Ни патронов, ни снарядов, ни ножниц для резки проволочных заграждений. Даже стреляные гильзы приказано было собирать. Противник сидел в чудных окопах, в рост человека, в блиндажах, с ходами сообщения и за проволочными заграждениями в 4-6 рядов. Но... приказ есть приказ — взять... Первый раз я, во главе своей сотни 5-го батальона, ночной атакой взял Баламутовку, прошел ее, захватив несколько пленных и обрезанных от зарядных ящиков лошадей и офицерских гунтеров с вьюками. Приказ — отступить. В награду я получил коня с двумя пистолетами Стайер. Через три — четыре дня, вторично были брошены 2, 5 и 6 батальоны, чтобы снова взять Баламутовку. Опять, разведчики наши забросали ручными гранатами окопы противника, накинув бурки на колючую проволоку, прошли ее и закрепились не только в Баламутовке но и в Ржавенцах... И снова, нас передвинули левее, нацелили на высоту 393, где у противника был редут и стоял штаб корпуса. Сотник 2-го или 4-го батальона, не помню его фамилии, чудно разведал местность и позицию противника, нашел ворота и ходы сообщения и в одну из ночей провел там целую бригаду пластунов, Взяли мы и эту высоту. Потеряли много офицеров и пластунов уже утром, когда спешенная конница противника атаковала нас шестью стройными цепями, потеряли и от огня тяжелой артиллерии, стрелявшей со станции Окно, видной с высоты 393 простым глазом. Взяли мы пленных, пулеметы, бомбометы, казну — денежный ящик корпуса мадьяр но потери были велики. Нас обошли — мы отошли. Эвакуирован был и я в Каменец-Подольск.

По возвращении в бригаду, я не нашел почти никого из старых соратников — офицеров. Начинались холода и, отступая из Галиции, наша хозяйственная часть так распорядилась что все обозы бросила и все мои теплые вещи погибли.

Я не был адъютантом, не вел журнала, надлежащих материалов под рукой у меня нет, но сохранился мой Послужной Список, в котором сказано: «Приказом по 9-й армии от 31 июля 1915 г., за отличия, оказанные в делах против неприятеля, награжден Орденом Святого Геор-

гия 4-й ст.» И я был не один а все мои сподвижники и начальники награждены приказом по 9-ой армии. Такие, как генерал Гулыга, полковник Ходкевич, подъесаулы Венков, Вакуленко, сотники Романцов, Серафимович и др., фамилии коих я уже не помню, не говоря уже о казаках, хорошая половина которых была Георгиевскими кавалерами. Наш командир корпуса генерал граф Келлер, по телефону, лично каждого поздравлял, когда еще мы находились на позиции, сообщая нам какую стадию уже прошли наши представления. Дело Баламутовка-Ржавенцы вел Генерального Штаба капитан Невзоров, один из офицеров Штаба нашей Бригады, впоследствии, в гражданскую войну, зарубленный, под Царицыном.

Как и статья В. Б. -К., моя статья написана во имя истории, а раз мы описываем давно прошедшие бои Русской Армии то не след нам в этой истории обходить и славных кубанских пластунов, а наоборот, нужно подчеркнуть их участие в общем русском деле, так как это есть чистая правда.

Н. И. З.

Письма в Редакцию

В № 72 журнала помещена статья С. Андоленко «О знаменах армии генерала Самсонова». По выходе в офицеры, я был назначен в XV армейский корпус, на формирование, разбитого под Сольдау, 24 пехот. Симбирского полка. Вот что я знаю о судьбе знамени моего полка : оно было зарыто адъютантом полка поручиком Скрипкиным, которому удалось избежать плена. При формировании полка, он остался полковым адъютантом, но у него был заместитель. Поручик Скрипкин в новых боях не участвовал — был в обозе, так как только он один знал место, где было зарыто знамя и был хранителем точной схемы, с указанием места, им там на месте, сделанной. В 1915 году мы не дошли до этого места верст 20. Дальнейшая судьба нашего знамени описана в прилагаемом письме поручика 23 пехот. Низовского полка Ефимова.

В. Е. Павлов

«...каким батальоном командовал поручик Румша? Если 1-м, то возможно, что Вы знали прапорщика Герасименко? В мирное время, у меня в 4-й роте, он был сверхсрочным унтер-офицером знаменщиком. Ему удалось спасти знамя нашего полка — с небольшой группой солдат, он вышел из окружения, пробился на восток, за что и получил Георгиевский крест 2-й ст. и был произведен в прапорщики. В дальнейшем, он получил Орден Св Георгия 4-й ст. и был произведен в подпоручики.

Знамя вашего полка было зарыто в Восточной Пруссии, но мой однополчанин подпоручик Колаковский его выдал немцам и ваше знамя было в Берлинском музее. Этот офицер, перед немцами, изобразил из себя «щирого украинца» и вошел к ним в доверие, выдачей знамени. Ему был устроен «ложный побег», то-есть его попросту отправили в Россию, в качестве немецкого шпиона, снабдив его деньгами и всякими адресами. Но он надул немцев, явившись в Главный Штаб, где все и расказал. В Петербурге он находился под надзором жандармерии, где и выполнял их задания по привезенным адресам. Благодаря ему вскрылась целая сеть шпионов (дело Мясоедова). За это дело он получил Орден С. Владимира 4-й ст. но без мечей. Затем, он был отправлен сначала в Сибирь комендантом лагеря военнопленных, а затем служил на Кавказе...»

В. Ефимов

О ЗНАМЕНИ 24 ПЕХОТ. СИМБИРСКОГО ПОЛКА.

Подробности, которые сообщает В. Е. Павлов, очень ценны. Они позволяют сохранить для истории имена прапорщика 23 пехот. Низовского полка ГЕРАСИМЕНКО, спасшего полковое знамя а также и поручика 24 пехот. Симбирского полка СКРИПКИНА, зарывшего свою полковую святыню и тем спасшего ее от плена. Что же касается предательства небезызвестного подпоручика Колаковского, то тут что то не вяжется.

Дело в том, что знамя Симбирского полка в руки немцев не попало и в Берлинском музее никогда не находилось. Первым, исследовавшим русские знамена в Цейхгаузе был генерал фон-Лампе, поместивший, по этому вопросу,

очень обстоятельную статью в № 131 и 132 «ЧАСОВОГО» за 1934 год. Из нее следовало что в Цейхгаузе, под № 704/6 стояло только древко от полкового знамени, с навершием и скобой и Александровскими юбилейными лентами. После генерала Лампе, русские знамена подробно изучал Б. П. Ашехманов, приславший мне в 1937 году, их описание и фотографии. Среди них знамени Симбирского полка не было. Запрошенная мною, в свое время, дирекция музея, также подтвердила отсутствие в Германии полотнища знамени Симбирцев.

Бывший командир Симбирского полка (1915-1916 гг). генерал Чернавин писал : «Знамя Симбирского полка не было спасено, то-есть вынесено из боя. Его зарыли в лесу. Смертельно раненый знаменщик передал его двум унтер-офицерам. Те долго блуждали, не находя выхода из немецкого кольца и, опасаясь что не выйдут и знамя будет взято, зарыли его в лесу (полотнище), заметив место. Когда я принял полк, то один из них, уже в чине прапорщика, был в полку и, так как он один лишь знал место где зарыто знамя, то его держали на должности в обозе 11-го разряда, чтобы не погиб бы как-нибудь».

Возможно что поручик Скрипкин и упомянутый генералом Чернавиным прапорщик — одно и тоже лицо. Но, поскольку знамя потеряно не было, обвинение Колаковского в его потере, отпадает. Но, может быть, поручик Ефимов спутал знамя с его древком? Если верить немецким документам, то древко было «отбито» 1-м батальоном 43 пехот. полка 17/30 августа 1914 г. у деревни Пушаловен. В истории германского полка довольно туманно говорится о «знамени с лентами и древке штандарта», найденных при пленных. Как видно, знамя было отделено от древка и с тех пор судьбы их расходятся, полотнище зарыто и тем спасено от плена, древко же попало в руки немцев. Было ли оно предварительно зарыто и выдано потом немцам Колаковским, как то может следовать из письма поручика В. Ефимова или оно было найдено при пленных, как утверждают немцы, установить трудно.

С. Андоленко

Позволю себе сделать несколько заметок к статьям, помещенным в морском номере (75) журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ». В статье «Война с Японией надвигается»: стр. 7 — адмирал Старк мог грозить обстрелом Сеула, хотя никакой огонь из 12 дм. орудий не мог грозить столице Кореи, так как расстояние от Чемульпо до Сеула по карте равно сорока километр, стр. 7 — в то время как «предшествующий (1903 г.) Джен был далеко не полон в отношении японского флота», у нас в России был издан на русском языке Справочник Вел. Князя Александра Михайловича на 1901 год и уже в нем были чертежи **всех** японских броненосцев и броненосных крейсеров от «Чин-Иена (1882 г.) до «Миказа» (самый новейший броненосец), так же как и крейсеров «Ниссина» и «Касуга», помещенных в отделе Италия. При этом, чертежи эск. брон. «Асахи» были исполнены на трех листах, из которых каждый был примерно в шесть раз больше страницы нашего журнала. В моей, погибшей, библиотеке был этот Справочник, включавший более тысячи страниц и второй том — фотографий. К стр. 7-8, по моему, несправедливо называть наши крейсера «мелочной товар». «Богатырь», «Варяг» и «Аскольд» были и сильнее и быстроходнее **любого** японского легкого крейсера. «Новик», в 1904 году, был самым быстроходным в мире и самым совершенннным разведчиком. Только «Палладу», «Диану» и «Боярина» можно сравнивать с лучшими японскими крейсерами. Половина японских легких крейсеров значительно устарела: 3 типа «Хашидате» — 1889-92 гг., 3 типа «Нанива» — 1885, «Идзуми» — 1883, «Сума» — 1895, ««Акицушима» — 1892 гг.. Все русские легкие крейсера были построены после 1898 г., у японцев же таковых было только 6 штук, то-есть менее половины. К стр. 12 — «Роль береговых батарей свелась к нулю...» Снаряды Золотой Горы были вдвое тяжелее, чем снаряды двух орудий «Баяна», остальные снаряды русских крейсеров были в 6 или 12 раз легче. «Авроры» не было в Порт-Артуре. Она, в это время, находилась в отряде контр-адм. Вирениуса в Красном море.

Статья «На Владивостокском Отряде крейсеров» — очень ценное свидетельство участника. Небольшие неточности не уменьшают ее ценного вклада в морскую историю. К неточностям принадлежит: «Рюрик» спущен был не в 1886 г. а в 1892. «Россия» — в 1896 и «Громобой» в 1899. Ошибки эти не играют особой роли. Важно то что «Рюрик» был значительно старше.

Неточно что «Богатырь» не имел броневой защиты. Он не имел брони по ватер-линии, но имел броневую палубу и броневую защиту артиллерии и боевой рубки. Кроме того, он был крейсер 1 ранга а не 2-го.

Михаил Губанов

В № 77 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» в конце перечня Конных атак 1915 г., в пункте 6 указана конная атака поручика Курдюкова с 8 гусарами на батальон баварцев но не указана часть. Разъезд поручика Курдюкова был от 11 гусарского Изюмского полка и атака была произведена в апреле 1915 г. Точную дату не помню.

К. Розеншильд-Паулин

В номере 73 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» помещена заметка Н. Скрябина о знаменах, вывезенных из России армией, отступавшей в 1922 году из Приморья. Автор сделал ошибочное предположение что судьба этих знамен незвестна.

После начала японо-китайской войны в 1937 году, полковник Казаков забеспокоился о судьбе знамен, находившихся в храме в Шанхае, в случае новой бомбардировки Шанхая. Поэтому, не предавая дела огласке, во время Владимирских торжеств, он изъял из Шанхайского собора знамена и положил их в сейф Шанхай-Гонконгского банка, наиболее надежное убежище в Китае того времени. Сам же переехал в Хайлар, в Манчжурии, где и жил до самой своей трагической кончины.

Между тем, Шанхай был занят японцами. В 1944 году, представитель Атамана Семенова есаул Портнягин приехал в Шанхай и, при помощи японских жандармов, изъял знамена из сейфа вышеуказанного банка. Знамена были перевезены в Манчжурию, в центр русских там поселений в Трехречьи, город Драгоценку и помещены в местном соборе.

В августе 1945 года, при оккупации Советами Манчжурии, все находившиеся в соборе знамена были отправлены в Москву.

О судьбе полковника Казакова расказывает один из старожилов Хайлара следующее: по приходе Советов в Хайлар, они не тронули полковника Казакова, даже дали ему какую то службу но, после их ухода, полковник Казаков был найден убитым на 2-й улице, в самом ее конце, возле рощи. У него был вспорот и потом почему-то зашит живот. Так закончил свою жизнь доблестный казак, заработавший на Кавказском фронте полный Георгиевский бант и офицерские погоны до чина сотника, включительно. Полковник Казаков был по психологии настоящим рядовым казаком, беспредельно преданным присяге и своим знаменам, о которых он заботился всю свою жизнь.

А. Еленевский

В апреле 1920 года, после трагического зимнего похода из пределов Войска, остатки Уральской казачьей армии сосредоточились в форте Александровск, на восточном берегу Каспийского моря.

Корабли Каспийской флотилии «Опыт» и «Милютин» начали постепенную эвакуацию этой армии и беженцев на Кавказ. Были эвакуированы все раненые, поморoженные, беженцы и иногородние, когда же очередь дошла до атамана генерала В. С. Толстова и остатков казачьей армии то, из под Астрахани, подошли два советских корабля и помешали этой эвакуации. «Опыт» и «Милютин» не приняли боя и куда-то исчезли, увезя войсковую казну и бросив атамана на произвол судьбы. Позже, уральцы узнали, что корабли ушли в Персию, в Энзели.

Нам, уральцам, было-бы чрезвычайно интересно знать, почему эти корабли не приняли мер, чтобы помочь оставшимся уральцам, если не в форте Александровск, то, на пути их похода на Персию, вдоль Каспийского моря. Интересна нам и судьба казачьей войсковой казны, состоявшей из нескольких ящиков серебряных рублей.

Если бы кто-нибудь мог осветить этот вопрос, уральцы были бы чрезвычайно благодарны.

Уралец **Масянов**

ДОСАДНЫЕ ОПЕЧАТКИ.

В № 77 «Военной Были» в моей статье «БОЙ С КОННОЙ АРМИЕЙ БУДЕННОГО У БАТАЙСКА И ОЛЬГИНСКОЙ» допущены досадные опечатки, мешающие читателю нормально следить за развитием изложенных событий :

1) На странице 19-й первые три строчки в левом столбце надо вычеркнуть.
   Ими начинается, вместо первой строчки, левый столбец страницы 21-й с добавлением еще нескольких пропущенных слов, а именно :
   «5-го января противник, доселе не предпринимавший крупных аткивных операций, значительными силами конницы и пехоты переправился по Аксайской и Нахичеванской переправам».
2) На той же странице 19-й, левый столбец, первую строчку после вступления надо заменить словами : «Общая обстановка на фронте к концу 1919 г. была следующая».

Е. Ковалев.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ.

13) Было бы весьма желательным чтобы кто-нибудь из читателей разъяснил вопрос написания чина в кавалерии «штабс-ротмистра». Некоторые пишут и говорят «штабротмистр», подобно «штаблекарю», «штабдоктору». В словаре Даля читаем : «Штабскапитан (без тире В. П.), в пехоте и в драгунах; штабротмистр, в легкой коннице».

В. П.

14) Откуда взялся порядок цветов в Русской армии, в дивизиях, полках, батальонах и ротах : красный, синий, белый, зеленый или черный?

Внимательный Читатель

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

Вышла из печати и поступила в продажу

ГЕНЕРАЛ В. Н. фон-ДРЕЙЕР

На закате империи

воспоминания офицера Генерального Штаба

издание автора. Мадрид 1965 г. Склад изда ния «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16. Продается во всех русск их книжных магазинах и в конторе Издательства.

Цена без пересылки — 15 фр. зона франка, 3 дол.. 50 ц. — зона доллара.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Н. БЕЛОГОРСКИЙ — Вчера. Роман в 2-х тт. — 50 фр.
Князь ПАВ. ДОЛГОРУКОВ — Великая разруха — 18 фр.
М. СВЕЧИН—Записки старого генерала — 12 фр.
А. А. ЛАМПЕ — Пути верных — 16 фр.
Н. И. КАТЕНЕВ — Повесть о двух друзях — 15 фр.
Кирасиры Его Величества — Последние дни мирной жизни — 10 фр.
А. П. БОГАЕВСКИЙ—Воспоминаия 12 фр.
Кн. ИШЕЕВ — Осколки прошлого — 7 фр. 50
А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера. — 20 фр.
Л. МАСЯНОВ — Гибель Уральского казачьего войска — 15 фр.
СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 2-е издание — 15 фр.
Вл. МАЕВСКИЙ — Дореволюционная Россия и СССР — 18 фр.
ГОШТОВТ— Кирасиры Его Величества тт 2 и 3— 20 фр.
ЗАЙЦОВ — Служба Генерального Штаба —15 фр.
Н. З. КАДЕСНИКОВ — Очерк Белой борьбы под Андреевским флагом — 10 фр.
ТУРОВЕРОВ Н. Н. — Стихи. Книга пятая — 15 фр.
Б. М. КУЗНЕЦОВ — Год в Дагестане — 7 фр. 50 сант.
В. И. ШАЙДИЦКИЙ — Виленцы на службе Отечеству — 35 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза — 20 фр.
М. КАРАТЕЕВ — Богатыри проснулись. ч. 1 — 15 фр.
ВЛАДИМИР НОВИКОВ — Русский Государственный Орел — 12 фр.

ЖУРНАЛ «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

БРЮССЕЛЬ — у И. Н. Звездкина — 8, Av. Albert Tervueren, Belgique.

Лондон — а) у Е. А. Барачевской — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 115, Cromvell Road, London S. W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O.Box 68, Bellerose 11426, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave, Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 189, Trafalgar St. Stanmore. N. S. W. б) у В. П. Тихомирова, Northcote Terrasse. Gilberton. S. Australia.

Венецуэла — Liberia Eslava, Calle Guayalquil № 16. Caracas, Venezuela.

АРГЕНТИНА — у Г. Г. Бородкова — Dr P. I. Rivera, 3968 1º Piso Buenos - Aires, Argentina.

№ 79
Май 1966 год

ГОД ИЗДАНИЯ XV-Й

М

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ РЕДАКЦИИ

К совершеннеймему удивлению Редакции и вящщему ее удовольствию, на закате нашей эмигрантской жизни, можно сказать что, «вопреки стихиям...», подписка на журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с каждым годом увеличивается. Несмотря на почти полное отсутствие рекламы, каждый месяц дает от трех до пяти новых подписчиков.

В связи с этим увеличением подписки, увеличивается и потребность в старых номерах журнала. Постоянно поступают заказы на полные комплекты и, при всем ее желании Редакция не может их выполнить за отсутствием многих номеров.

Мы обращаемся с покорной просьбой ко всем нашим читателям, не собирающим комплектов и у которых имеются наши старые номера (начиная с № 49 они у нас имеются в достаточном количестве) — прислать их в Редакцию. При желании за них будет уплочено по цене номера сегоднешнего дня.

Мы заранее благодарим всех читателей, откликнущихся на наш призыв.

Алексей ГЕРИНГ

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 76 по 81 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:

61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

15-год издания **№ 79 МАЙ 1966 г.** **BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50**

Чаусанлинский перевал

Уже два дня мы идем горами. Корпус генерала Штакельберга направляется на Янтайские копи, составляя левый фланг наступающей армии. Переходим вброд реченки, поднимаемся по вьющейся между гор дороге, спускаемся в долины и становимся биваками, расставляя палатки. Вечером уже холодно, а ночами и просто невтерпеж. Пока все тихо, стрельбы не слышно, роты, пополненные после Ляоянских потерь до 175-200 человек, идут легко и свободно, поют песни, на привалах обедают, варят неизбежный чай, после которого половина фанз остается без крыш и дверей. Сопки покрыты кустарником и лесом. Сухой лист шуршит под ногами, либо, не свалившись еще с дерева, шумит при малейшем ветерке.

С вечера 26-го сентября послышалась отдаленная канонада: передовые части вошли в соприкосновение с противником. Вечером, проходя мимо какой то деревушки, видим, что у ее околицы что то роют. Спросили на ходу, в чем дело? Оказывается, что роют могилу: сапер, шедший по гребню горы, убит случайным снарядом, попавшим в него. Вот уже именно — не знаешь где найдешь, а где потеряешь. Здесь же стояли 4 японца, взятые в плен. Прошло еще немного времени и впереди послышалась ружейная перестрелка.

Мне было приказано принять 6-ую роту, так как ротный командир, капитан Брусницын, еще не возвратился после ранения. До этого времени роту вел только что назначенный из офицерского резерва прапорщик запаса и на него, как еще необстрелянного, не очень надеялись. Рота назначалась в сторожевое охранение и в ней было около 200 стрелков. Поставив посты, послал для связи стрелков к командиру батальона, капитану Хаскину. Расположился сам за серединой участка, на берегу сухого русла небольшой реченки. Соорудили шалаш из снопов гаоляна. Он был уже снят, но еще не увезен и стоял огромными снопами, а все поле было покрыто острыми его пеньками. Начало пробирать холодом. На мне была шинель и теплая китайская, на меху, куртка, зябли очень ноги в легких шагреневых сапогах.

Холодно, совершенно темно, ни звездочки на небе, нигде никаких огней и полнейшая тишина. Дозоры обходят посты, вернувшись — докладывают, что все благополучно; прошел и я два раза по постам, но ровнехонько ничего не видно и не слышно. Так темно, что ничего не видно и то и дело, что натыкались либо на кусты, либо на ствол дерева; шелестят только сухие листья и больше никаких звуков, точно мы одни на белом свете.

Вернувшись, лег на твердые гаоляновые стебли, поджал ноги и незаметно уснул. Просыпаюсь, — уже светло, около шалаша горит и потрескивает костерок с неизбежным котелком над ним. Мне почему то тепло, осмотрелся, а на меня положены солдатские шинели. Пока я спал, стрелки меня прикрыли. Выпил пахнущий дымом и щами чай. Из штаба полка пришел стрелок с приказанием вернуться к полку, он же должен был и дорогу показать. Пока стягивались к роте посты, прошло не менее получаса, в это время тишина была нарушена начавшейся стрельбой, заговорили и батареи.

Стрелок сказал, что конно-охотничья команда ушла вперед и заняла перевал.

Вышли в долину и, пройдя ее поперек, подошли к подошве большой сопки, тут же стоял и наш полк. Группа начальства смотрит, как

впереди влево наступают цепи 9-ой стрелковой дивизии а над головами высоко свистят наши и японские снаряды. Цепи упорно лезут в гору. оставляя убитых и раненых, некоторые идут, ковыляя или поддерживая руку, у всех — винтовки за плечами.

Прискакал конно-охотник и передал командиру полка, полковнику Землянцыну, записку от командира конно-охотников, штабс-капитана Дмитрия Федоровича Горностаева: просит прислать в помощь батальон, так как с одной конно-охотничьей командой в 100 человек удержать перевал трудно.

Приказано идти 2-му батальону. Вытянулись на дорогу и пошли вдоль по долине. Влево отходит другая и вот, на скрещении долин и пролегающих по ним дорог, стоит большое дерево, а дальше поляна, слева стоит облако дыма, и в дыму все время сверкают огни и грохот разрывов. Японцы обстреливают видимый им участок дороги беглым огнем, а за деревом прятались, спасаясь от пуль, танцуя то влево, то вправо, застигнутые врасплох стрелки. Повидимому, пройти без больших потерь нельзя. Командир батальона, капитан Хаскин, приказал бежать цепочкой. Люди побежали, пригнувшись, а сам он, верхом, двинулся рысью. Быстро мелькали солдатские сапоги, впереди меня повалился стрелок, из запасных, уже в летах и с бородой. Я подбежал к нему, он лежит ничком, а кровь расплывается из под него лужей. Вот еще и еше падают, кое-кто повернул назад и, ковыляя, подошел к обочине дороги, где привалились раненые.

Но вот мы перебежали поражаемое пространство, попали в закрытое от выстрелов место. Передохнули, разобрались по ротам. Подсчитали и выяснили, что во время перебежки под шрапнелью потеряли человек до 10-15 убитыми и ранеными. Потери сравнительно небольшие, можно было думать, что они будут гораздо больше.

Пошли по ущелью, свернули направо и по дороге начали подниматься к перевалу, за нами тарахтели патронные двуколки, они проскочили благополучно, ездовые гнали лошадей в карьер.

Подъем горы густо зарос кустарником. Дальше ни идти, ни ехать нельзя, дорога обстреливается ружейным огнем с близко лежащей противоположной высокой, массивной сопки, от которой вправо отходило 3-4 гребня, а левая сторона круто опускалась вниз. Между массивом этой горы и гребнем, через который шла дорога, был еще другой небольшой гребень, на вершине которого стояла древняя кумирня серого камня, обнесенная такой же стеной. От кумирни гребень влево круто обрывался, а вправо шел, снижаясь. Все поросло кустарником и деревьями. Дорога шла совершенно открыто, по сторонам дороги был густой кустарник, шумящий сухой листвой.

Батальон подошел и стрелки, по-одиночке, пользуясь кустарником, начали перебегать гребень. 5-ая рота перебежала, подошла и наша счередь.

Наше движение было японцами замечено, и они начали обстреливать видимую им часть дороги. Застучали выстрелы, и пули, тонко свистя, пролетали над головами, а некоторые, ударив в дорогу, поднимали столбики пыли.

Сняв фуражку и перекрестясь, капитан Хаскин спокойно вышел на дорогу и пошел, спускаясь в лощину. У меня не хватило духу так спокойно идти, а поэтому, путаясь между кустарниками, я просто сбежал вниз, а за мной целью сбежала и вся рота. По мере подхода рот, они занимали участки, 5-ая слева у кумирни, 6-ая по гребню, 7-ая еще правее, а 8-ая в резерве. Кони охотничьей команды, кухня и патронные двуколки остались за гребнем перевала.

Редкая стрельба продолжалась. Весь массив горы и ее отроги были заняты японцами, которые и обстреливали и кумирню, и дорогу, и наш участок. Стрелки, скрываясь за камнями, стволами деревьев, стенками кумирни, старательно выцеливая вели редкий огонь.

Было жарко, хотелось и пить, и есть, но с этим делом надо было подождать, когда с наступлением темноты можно было если и не подвести кухню, то принести в котелках и ведрах ужин или обед. Что же касается воды, то чистый ключ бежал рядом с нами. Солнце начало садиться за сопку, потянуло свежестью. Цепь роты расположилась по гребню. Стрелки, укрываясь частью за камнями, частью аз стволами деревьев, расположились довольно удобно, внизу на костерке кипятили чай, кое кто прикурнул и, накрывшись шинелью, похрапывал, тянулся дымок крученок, то тут то там щелкал выстрел, да и к нам, время от времени, залетали пули.

Сзади роты прошло несколько конно-охотников; проходя мимо меня они остановились. «Ваше благородие, не хотите ли винограда?» «А где же вы его достали, ребята?» «А здесь, Ваше благородие, сколько угодно растет». Действительно, я и не заметил, что по стволам деревьев вились лозы с небольшими гроздьями винограда. «Куда же вы идете, ребята?» спросил я унтер-офицера. «С наступлением темноты приказано атаковать эту сопку, Ваше благородие, а идем мы на правый фланг, чтобы не охватили нас». И вся команда из 15-20 человек, неся цинки с патронами, цепочкой, теряясь в кустах, двинулась дальше.

Пошел в кумирню, там был сбор всего начальства. Действительно, приказано взять эту сопку. На самую сопку пойдет команда конно-охотников, правее ее, по 3-4 гребням, пойдет 6-я рота, 7-ая и 8-ая остануться в резерве. Куда назначена была 5-я рота, не знаю.

До наступления темноты успели поесть, пополнить патроны, всякий взял, сколько мог. Уже совершенно стемнело, когда слева от моей роты конно-охотники двинулись вперед.

Выслав заблаговременно для обеспечения своего правого фланга один взвод, я с остальными цепью пошел на первый гребень, темневший передо мной. Было совершенно тихо, никаких выстрелов, только шелестели сухие листья кустарника, временами трещала под сапогом сухая ветка, или стучал камень, сдвинутый ногой. Так прошли, то спускаясь вниз, то карабкаясь вверх, один за другим два гребня и никого там не встретили.

Неужели японцы ушли?

Добрались и до третьего гребня и начали подниматься. Здесь сразу затрещала ружейная стрельба, заблистали огоньками выстрелы японских винтовок, но все пули шли поверху. На верхушке главной сопки тоже открылся сильный огонь, потом закричали «ура!», в ответ крик «банзай!». То вспыхивая, то затихая, раздавались, перемешиваясь, и «ура»,и «банзай». Наконец «ура» все покрыло, наша взяла. Наверху загорелся большой огонь: костер или вещи жгли. Сверху вниз к нам свалилось 2-3 тела убитых. В темноте не было видно, наши это или японцы. Мы все ползли, добираясь до гребня. Вот и он темнеет на фоне более светлого неба, видны фигуры японцев, стреляющих в нас. Еще несколько усилий, и я с несколькими стрелками вскочил на гребень и сразу столкнулся с японцами.

При слабом свете, идущем от горевшего наверху огня, я увидел стоящего против меня японца: он дергал затвор винтовки. Я развернулся и ударил его шашкой наотмашь. Удар был мягкий, японец присел; ожидая, что он в меня выстрелит или ударит штыком, я отскочил и еще раз рубанул его по голове; на этот раз удар был по твердому. Японец упал, а в это время рядом стрелки без выстрела закололи еще двух.

Были сльшны выстрелы, крики. Я пошел по гребню, стрелки уже лежали и вели огонь вниз, в темноту, откуда тоже стреляли по нас, но пули безвредно проносились над головами; Дальше гребней не было, была долина, где были слышны крики. Кое-где лежали тела японцев, заколотых штыками. Прошел до конца цепи, послал во взвод, охранявший наш правый фланг, там все было спокойно, японцев не было, но наверху все еще трещала перестрелка.

Что делать дальше? я дошел до указанной мне грани и занял ее. Впереди долина, местность совершенно неизвестная, кто там? и сколько их? У меня же не более трех взводов, так как в темноте, пользуясь ею, не все стрелки дошли, часть их, из недавно прибывшего пополнения, конечно, застряла по дороге. Послал донесение, но ответа никакого. Со стороны японцев огонь усилился, послышались выстрелы справа, прибежал стрелок и доложил, что японцы наступают и обходят фланг. Послал еще одного стрелка на гору, к Горностаеву, с вопросом, что делать дальше?.

Пули начали бить в склон горы, около которого я стоял; ясно, что обошли правый фланг, там все трещало от огня пачками, это отстреливался мой взвод и небольшая команда конно-охотников. Не дождавшись ответа, я полез, карабкаясь и цепляясь за камни и неровности крутого ската; сколько пролез, не знаю, а рядом и выше щелкали пули обходивших японцев. Удар по сгибу правой кисти. Рука не сдержала и я повалился вниз. Упал, ударившись спиной о камни, и потерял сознание.

Очнулся. На голову лили из баклаги воду. «Вы ранены, Ваше благородие?» «Не знаю, сейчас посмотрю». Хотел встать и не мог, ноги не действовали.

В это время сверху закричали: «начинайте отходить». Послал по цепи приказание отходить, а правофланговому взводу — прикрывать отход. Меня взяли подмышки и потащили, где — волоком, где — на руках, по всем этим буграм, гребням и впадинам. С трудом перебираясь по крутизне, хватаясь за ветви кустарника, оскальзываясь на катящихся из под ног камнях, дотащили до кумирни. Боли не было никакой, только саднила рука в сгибе кисти. В кумирне положили на солому. Раненых было не так уже много, человек35-40. Фельдшера перевязывали и отправляли к двуколкам, стоящим за перевалом.

Посмотрели фельфшера и на меня: на сгибе кисти, с внутренней стороны, рваная рана, задето сухожилие, повидимому — осколок камня, а может быть и оболочка пули, отброшенная ударом, попала так не во время; на спине — страшнейший синяк.

Дотащили меня до двуколки и положили вместе с прапорщиком Гвоздевым, раненым в грудь навылет. Японцы ограничились тем, что прогнали нас и дальше не пошли, а ведь могли бы просто смести нас или, окружив, взять в плен.

Спять полнейшая тишина, только стучат колеса, да застонет раненый. Проехали долину с деревом, где так рвались шрапнели. Убитые убраны, никого по дороге не встретили. Куда девались полки, шедшие в гору цепями? К рас-

свету довезли до дивизионного пункта. Дивизионный врач, доктор Подольский, осмотрев спину, покачал головой и приказал забинтовать меня от подмышек до конца спины гипсовыми бинтами. «Боюсь, что у вас позвоночник поврежден, лечиться придется долго».

Меня и Гвоздева опять положили в двуколку. Дорога шла старая, по которой мы шли раньше. Тогда мы шли, а теперь — нас везут. Мне это беспокойства не причиняло, я боли не чувствовал, как не чувствовал и ног, а бедняга Гвоздев мучился. Всякая тряска была для него мучением. Как на зло, встречаясь с идущими навстречу полками, батареями, транспортами, возница сворачивал на гаоляновые поля, представлявшие из себя несчетное количество валиков и канавок. Трясло на них ужасно.

Два раза ночевали в расставленных лазаретных шатрах на этапных пунктах. Раненых там перебинтовывали, поили, кормили, снабжали чистым бельем. Меня не трогали.

На одном из таких ночлегов я оказался лежащим рядом с офицером, который был ранен в плечо. Что было там в плече перебито, я не знаю. Но он мучился ужасно от нестерпимой боли. Рядом с ним сидел его денщик и все время гладил своего офицера по здоровому плечу.

Наконец добрались и до железной дороги, не помню, какая это была ветка и куда она шла. Положили на циновку в товарном вагоне, всех вперемежку, и офицеров, и солдат. На шестой день путешествия привезли нас в Харбин, и на приемном пункте я был назначен в 318 полевой госпиталь Красного Креста, где старшим врачем был милейший доктор Вознесенский.

В Ноябре, как длительного больного, меня отправили в Россию... Отвоевал...

Убитого мною японца успели все таки осмотреть. Первым ударом шашки я перерубил ему почти шею: удар пришелся по обрезу воротника. Ударь я ниже, вряд ли шашка перерубила бы толстый суконный воротник. Этот первый удар и был для него смертельным. Второй удар пришелся по скуле, которая была разрублена от виска и до подбородка. Его винтовку успели захватить и до 1917 года она висела у меня в кабинете на Миллионной улице, в казармах Лейб-Гвардии Павловского полка.

А. П. Редькин

Начало Первой Великой Войны 1914 года

Эти мои воспоминания не являются каким нибудь исследовательским трудом. Это просто воспоминания ротного командира о первых днях войны и о боевых действиях одного из полков 25-ой пехотной дивизии, входившей в состав 3-го армейского корпуса, командиром которого был генерал Епанчин. Кто читал в военной литературе описание вторжения наших войск в Восточную Пруссию, тот наверно обратил внимание, что там часто упоминается 3-ий армейский корпус, который сыграл большую роль в боевых действиях в Восточной Пруссии. Как пишет Керсновский в своей книге «История Русской Армии», 3-ий армейский корпус послужил как-бы осью в событиях в в августе 1914 года.

Наш полк перешел границу в Вержболово. Граница между Россией и Германией обозначалась полосатыми столбами с изображением, на нашей стороне, двуглавого орла, а с немецкой — тоже орла, но уже одноглавого. Вдоль границы протекал не то ручей, не то искусственная канава с проточной водой. Через канаву был перекинут мост, на котором стоял жандармский караул, контролировавший посторонних лиц.

По плану мобилизации полк наш выходил на фронт на четвертый день. О том, как прошла у нас мобилизация, уже много писалось. Пополнение в наш полк начало прибывать на второй день после объявления мобилизации. Тут я должен отметить некоторую несообразность в смысле пополнения полка. Пополнение мы получили для нас отличное. Больше чем на 50% все **это были латыши, и большая часть из них были** старшими унтер-офицерами из полков гвардии, которые пробыли в запасе один-два года и службу помнили. Моя 1-ая рота получила 150 человек пополнения и из них 50 человек были унтер-офицеры. Всех этих унтер-офицеров пришлось поставить в строй рядовыми, так как в роте были свои, кадровые, унтер-офицеры и ефрейтора. Как составлялось расписание пополнения, не понимаю. Почти все эти унтер-офицеры и ефрейтора погибли на полях Восточной Пруссии. А ведь это был драгоценный материал, который можно было бы использовать на командных должностях. Службу они еще не забыли. И народ это был в высшей степени аккуратный, дисциплинированный и хозяйственный.

Легко сбив передовые немецкие части, полк вошел на территорию Германии. До Гумбинена

шли с небольшими боями. Немцы долго не задерживались и быстро отходили под нашим нажимом. Немецкое население не ожидало, что русские войска войдут так легко и быстро на их территорию. Жители уходили так поспешно, что бросали свои дома и хозяйство нетронутыми. При занятии какого либо городка или фермы, можно было видеть, войдя в дом, топящуюся плиту, на ней кипящий суп, кофейник с выкипевшим кофе, а в духовке — обязательно картофель. В одном доме я нашел оставленные на столе карты и лист бумаги, разлинованный для преферанса: мы помешали им докончить пульку. Скот, птица, все оставлялось жителями. В дымовых трубах на чердаках домов были устроены коптильни для мяса и колбас. Об этом быстро узнали наши солдаты и не пропускали эти коптильни без внимания. В кладовках были запасы муки, сахара, банки с вареньем, связки лука и т. д. В домах находили сигары, табак. Что можно было есть, пить, курить, солдаты могли брать свободно. Переменить белье — также, так что скоро все переоделись в немецкое. Портянки у большинства были шелковые, но они оказались неудобными и их скоро опять заменили полотняными. Но брать какие либо вещи строго запрещалось. При осмотре вещевых мешков, если у солдата находили что либо взятое не из белья и еды, а какую либо вещь, то он строго наказывался, а вещь выбрасывалась. Немцы очень любили своего «Кайзера», портреты его были всюду. Они были вышиты на полотенцах, были на фарфоровых трубках для курения, на кружках, из которых пьют кофе. Я уже не говорю о портретах, висевших на стенах во всех помещениях.

Вся рота курила вонючие немецкие сигары. И вот однажды, во время ночного перехода, когда к роте подъехал командир полка, полковник Гунцадзе, он невольно выругался: «Ну же и вонь развели, черти, не продохнешь!»

На дневках все солдаты учились кататься на велосипедах, которые немцы оставили в своих домах. На полях ходили стада прекрасных молочных коров. Их также наши молодцы использовали и пили молока до отказа. Ротную кухню не было смысла топить, так как приготовленный обед никто не брал, за исключением лентяев. Каждый варил себе куриный суп. жарил гусей и т. д. Когда же в ротной кухне сварили борщ из свинины и мясная порция была более фунта, то мало кто хотел есть этот обед. Полковник Богданович, в своей книге «Вторжение в Восточную Пруссию», пишет, что 2-ая армия генерала Самсонова очень голодала. У нас же было наоборот: объедались.

Восточная Пруссия очень благоустроена. Вся она изрезана шоссейными и железнодорожными путями, причем на шоссированных дорогах одна лишь половина каменная другая же половина дорги — земля, для сбережения ног лошадей. На каждом перекрестке стоят «указатели», куда идет дорога и сколько километров до ближайшего города, фермы и, вообще, населенного пункта, и как этот пункт называется. Поля обработаны и везде осушительные каналы. Все огорожено колючей проволокой, которая сильно мешала при наступлении.

Бой у Сталупенена не был особенно сильным. После этого боя немцы оторвались от нас. Мы продолжали наступление на Гумбинен. До Гумбинена шли как на маневрах. Но под Гумбиненом разыгрался сильный бой. Немцы ввели в бой тяжелую артиллерию. Впечатление неприятное: выстрела не слышно, а вдруг перед вами что то взрывается с сильным грохотом, поднимается фонтан земли с черным дымом, и осколки пролетают над головой. Но мы скоро привыкли и к этому. Достаточно лечь на землю, как над вами с звуком подобным гудку автомобиля летят осколки. Поражаемость от этой артиллерии была небольшая.

На участке нашей 1-ой роты был двухэтажный каменный дом. Немцы, как они это умеют, быстро приспособили его к обороне. Поставили в верхнем этаже пулеметы, внизу — стрелки. Потери мы несли от них. Но скоро дом был подожжен огнем нашей артиллерии и все, находившиеся там, погибли. Бой под Гумбиненом был упорный, но все же немцы отступили, оставив своих убитых и раненых. Наш полк также понес чувствительные потери. Убитыми и ранеными выбыло из строя 14 (кадровых) офицеров и около 360 нижних чинов.

На следующий день, полк продолжал свое наступление в направлении Кенигсберга. Следующий большой город, Инстербург, был взят без боя. Вступали в Инстербург в колонне, даже без мер охранения. Полковая команда разведчиков осветила местность впереди: немцев нигде не было. В Инстербурге осталось много жителей, которые высыпали на улицу при нашем входе. Когда мы вошли на главную улицу, я, как командир 1-ой роты (с 24 августа 1914 года я командую ротой за ранением ротного командира, капитана Фролова), шел в голове колонны. И, вот, когда мы шли по главной улице, то какие то жители немцы разбили большое окно магазина и оттуда стали приносить нам пиво, шоколад, печенье и еще что то, не забывая, при этом и себя. К себе тащили все. Впоследствие, ограбление этого магазина было приписано «русским дикарям», хотя у нас ни один солдат не вышел из строя при прохождении города.

После занятия Инстербурга продолжали наступление на Кенигсберг. Наступление шло спокойно. Маленькие перестрелки с кавалерий-

скими разъездами, и противник быстро уходил. Так подошли мы к Кенигсбергу.

Полк расположился против крепости, вне досягаемости огня крепостной артиллерии. Было выставлено сторожевое охранение. Правее нас было выставлено сторожевое охранение другого полка. Охранение было необходимо, так как из крепости иногда выходили кавалерийские части и обстреливали нас. Пришло приказание разведать подступы к крепости. С командой разведчиков в количестве 5 человек, я пошел сам на разведку, младшего офицера у меня не было. Подобрался по вырубленому лесу очень близко к первому форту. В бинокль можно было ясно рассмотреть передовую позицию немцев. Перед фортом протекала река, довольно широкая (кажется — Алле), дальше поднимался берег, без единого кустика, до окопов перед фортом. Окопы были заняты пехотой, видны были немецкие каски, а офицер ходил поверху, что то показывая в нашу сторону. Без артиллерийской подготовки нечего было и думать взять эту крепость. Сняв кроки, написал донесение и стали возвращаться домой; по дороге попался один баготый помещичий дом, Дом был брошен, и даже дверь не была заперта. Мы вошли в дом. Ничего не тронуто, в столовой — стол с неубранной посудой. Завтракали недавно. Под столом лежит громадный породистый бульдог. На конюшне много лошадей и седла. Взял себе одну кобылу с седлом. Эта лошадь долго мне служила в походах.

Возвращаясь назад к роте, я, к моему великому удивлению, встретил колонну одного из полков 56-ой пехотной дивизии. Дивизия эта была второочередной, пополненной запасными. Каждый из солдат этой колонны, кроме своего обычного имущества, то есть — вешевого мешка, шинели, винтовки, палатки, 250 патронов, нес по большой охапке соломы. Заинтересовавшись, что это такое, спрашиваю: «Куда это вы, земляки идете?» «Так что крепость идем брать», «а солома то вам зачем?» «А на ней поплывем через реку».

Мне показалось, что я ослышался, так абсурдно это звучало. Еще в купальных трусиках можно было бы переплыть реку, а тут — шинель и грузу каждого около полутора пудов. Какая дикость! Конечно, из этого предприятия ничего не вышло, солому бросили, а сами побежали назад, так как немцы встретили их пулеметным, ружейным и артиллерийским огнем. Кому такая дикая мысль могла придти в голову? Первоклассную крепость такими средствами взять нельзя.

Стоять в сторожевом охранении было спокойно. Немцы показывались редко и их сейчас же отгоняли огнем. В один прекрасный осенний день, я решил осветить немного местность перед нашим участком. Тем более, что на соседнем участке было нападение кавалерии и был убит один солдат, вышедший за линию сторожевого охранения. Взяв опять пять человек солдат, пошли вперед. Зашли довольно далеко. Уже недалеко первый форт. Никого не встретили. Возвращаясь назад, увидел, что в километре от нас вслед нам идет около эскадрона кавалерии. От кавалерии не уйдешь! Решаю дать бой. На счастье, недалеко от нас оказалось кладбище с каменным забором в рост человека. Эскадрон еще далеко. Спрятались за забор и ждем, когда немцы подойдут ближе, чтобы открыть огонь. Подошли к нам шагов на 250, но огня мы еще не открывали, надо подпустить ближе. Но тут, на нашу беду, показался какой то «Гаврилыч» (так называли донских казаков). У него была целая связка гусей, перекинутых через плечо, он вез их из ближайшего хутора. Как немцы увидели его, сейчас же повернули кругом и галопом — уходить! Тут скомандовал я огонь. Немцы еще прибавили ходу, но мы все же успели убить одного унтер-офицера и одного солдата и лошадь. Солдат, у которого была убита лошадь, быстро соскочил с нее и, хотя эскадрон шел галопом, все же схватился за луку седла одного солдата и так, влекомый лошадью, ускакал. Взяли двух лошадей. По документам это был 3-ий Кенигсбергский Кирасирский Регимент (полк). Очень хороши были конские попоны. Одна служила мне одеялом долгое время, широкая и теплая. Вооружены были немецкие кирасиры карабинами, пиками и длинными палашами в заржавленных железных ножнах. На головах у них были железные каски, формой похожие на те, какие у нас носили пожарные.

Никто нас не преследовал и мы благополучно вернулись на заставу. А ведь там был целый эскадрон, а нас всего пять человек! А наш «Гаврилыч», который так напугал немцев, тихонько, рысцой, проехал за наше охранение и гусей не бросил, хотя и видел немецкий эскадрон.

Наконец, наша спокойная жизнь кончилась. 2-ая армия генерала Самсонова была разбита. Наша 1-ая армия генерала Ренненкампфа могла быть обойдена с тыла. Пришел приказ отходить на линию Немана. Если на переход от границы до Кенигсберга мы употребили 16 суток, то от Кенигсберга тот же путь проделали в три дня, причем шли только с наступлением темноты, до рассвета. Ночью немцы нас не трогали, но с наступлением дня немецкая спешенная кавалерия атаковывала нас, а конные батареи открывали огонь. Полк разворачивался в боевой порядок и происходил бой до вечера. Вечером продолжали движение. Обозы 1-го и 2-го разряда ушли вперед, кухни пищи не подвозили. Чем питались мы эти трое суток? Чем Бсг послал, ели зеленые яблоки, репу, мор-

ковь, сырую картошку, все, что находили в огородах. Воды в колодцах не было, все они были вычерпаны. На дне была лишь жидкая грязь. Идти трое суток с боями, не пивши, не евши и не спавши, было весьма тяжело. И, когда на ночном переходе, пройдя 50 минут, делался привал на 10 минут, то моментально весь полк ложился на землю и засыпал. При моей роте было знамя. У знамени стоит часовой. Не спят командиры рот, батальонов, полка. Не спят фельдфебеля. По прошествии 10 минут команда: «Шагом марш!» Сколько трудов стоило офицерам и фелдфебелям поднять всех и продолжать движение. Но люди шли. Лошади же отказывались. Моя лошадь не желала идти и когда я садился на нее, она просто ложилась. Пришлось бросить ее. Но не бросил ее мой вестовой, остался с ней, напоил ее водой, покормил, дал немного отдохнуть и на другой день догнал нас. Вообще каша была большая и не только у нас, но и у немцев.

30 августа, чудный осенний день, но какой то туман в воздухе. Уже два часа, как мы идем утром по шоссе. Так в одном километре параллельно нам идет какая то колонна. Все ее видят, но что это за колонна, никто не знает. Мой ротный фельдшер — большой любитель велосипедной езды, вел сзади роты велосипед. Говорю ему, «поезжай, узнай, кто это идет!» Не успел фельдшер доехать до колонны, как там раздался выстрел. Летит мой фельдшер, что есть духу назад, «немцы, Ваше Благородие!» «Ну, а ты как?» «Ранили меня в зад». Немцы узнали, что рядом с ними русские, сейчас же вылетел эскадрон, а за сараем встала конная батарея. Немцы стали близко от нас, коней оставили за домом, а сами рассыпались в цепь, встали с колена на удивительно ровных интервалах и открыли по нас огонь. Это для нас неопасный противник. «Часто начинай, 1-ый взвод!» и немецких кавалеристов смело. Но тут открыла огонь батарея по шоссе, где шли части нашего полка и Мортирный дивизион. Наш полк прошел быстро, занял опушку леса, так около полукилометра от нас, мортирная батарея прошла на рысях быстро, но одно орудие, благодаря ротозейству ездовых, попало в канаву и не могло сдвинуться с места. Немцы, видя это, открыли ураганный огонь по этому орудию. Прислуга попряталась под мост, а бедные кони стояли в облаках разрывов и пыли. Но удивительно удачно, не было ни одного попадания в орудие и не была ранена ни одна лошадь. Когда огонь немного стих, я послал одно отделение, чтобы вывезти это орудие. Все это было сделано, вытащили мортиру на шоссе, появилась артиллерийская прислуга и благополучно пошла к своей батарее. Немцы очень осторожно держали себя и в наступление не переходили. Там была спешенная кавалерия, «Гусары смерти». Когда они рассыпались в цепь, то ясно были видны их высокие гусарские шапки с черепом и костями накрест. Когда орудие было вывезено, и мне можно было отходить к лолку. Оставив один взвод как прикрытие, вся рота по канавам спокойно отошла к полку, а затем — и взвод прикрытия. Потери от огня все же были, но не в моей роте. У меня был ранен только фельдшер, да и то — легко.

Продолжали дальше отход к Неману. Наша кавалерия нас не прикрывала. К нашей большой досаде, кавалерия генерала Хана-Нахичеванского, пока днем мы вели бой, уходила далеко в тыл и там становилась биваком. Отбив немецкие атаки, мы шли дальше и через некоторое время подходили к биваку Хана-Нахичеванского. Горели у них костры, что то варилось, они отдыхали. И как только показывалась голова нашей колоны, костры тушились, раздавалась команда «седлай!», «поконям!», «справа по три, рысью марш!». Кавалерия уходила вперед нас, а мы, утомленные, голодные, еле тащившие ноги, должны были освобождать шоссе для прохода кавалерии и идти по обочинам и канавам. На рысях уходила в тыл наша кавалерия, вместо того, чтобы прикрывать наш отход и дать нам маленькую передышку. Нервы были напряжены, три ночи без сна давали себя чувствовать. Люди стали нервничать. Когда мне пришлось идти с тыльной заставой, был момент — раздались какие то выстрелы и затем крик «кавалерия!» и вся застава моя открыла огонь по направлению выстрелов. Но какая это была стрельба, куда то вверх! Больше всего меня удивил один пожилой солдат из запасных, который стоял против кирпичной стенки и выпускал обойму за обоймой в стенку. Осколки кирпича так и летели во все стороны. Когда я крикнул ему чтобы он прекратил стрельбу, он только посмотрел на меня безумными глазами и продолжал стрелять. И только отеческое внушение привело его в нормальное состояние. В таких случаях очень помогают сильные выражения, неупотребляемые в печати. Психология простого человека такова: «ротный ругается, значит — ничего опасного нет» и человек успокаивается.

При отходе пришлось проходить через какой то небольшой город. Ночью. Кажется — Велау. Около одного дома я увидел большую толпу солдат. Все двигалось вперед, а они стояли и громко разговаривали. Заинтересовавшись, в чем дело, взяв с собой двух человек, я пошел туда. Оказывается, в подвале дома винный погреб. Спустившись в погреб, я увидел жуткую картину: весь пол был залит вином и коньяком, в лужах вина лежало 3-4 мертвецки пьяных наших солдата, но были там и трезвые, цедящие в

свои котелки и баклажки вино. Всех из погреба выгнали. Все бутылки были перебиты и из бочек вино выпустили на пол. Лежащих пьяных оставил лежать. Не было ни времени, ни средств вытащить их оттуда. Правда, не все бутылки перебили, три бутылки красного вина я взял с собой. Дал на патронную двуколку под ответственность ездового.

Вино это очень пригодилось в дальнейшем. В одну душную, пыльную ночь, когда мы продолжали отход, подъезжает командир полка и спрашивает, нет ли глотка воды? Говорю, что воды не, а вот, если хотите, то стакан красного вина могу предложить. «Что, смеешься надо мной?», говорит командир полка. «Никак нет, вот — извольте!». Вестовой принес бутылку вина, налил ему в железную кружку. Выпил он и говорит «Ну, спасибо, прямо таки воскресило меня!». Воды нет, а наш солдат всегда пил много воды. И в дальнейшем, когда я видел, что кто либо из солдат выбился из сил, я давал ему немного вина и это очень поддерживало силы. Прослышали другие офицеры, что у меня есть вино и началось паломничество: «Дай хоть глоток!». «Нет, друзья, могли сами о себе побеспокоиться, в одинаковых условиях мы находились!».

Таким путем дошли мы до Немана. Там остановились. К нам приезжал генерал Ренненкампф, объезжал позицию полка и благодарил за боевую работу. На позиции около Немана простояли недолго и скоро полк опять перешел в наступление в Восточную Пруссию, но уже в другом направлении, на гор. Гольдап-Роминтен. Знаменитый Роминтенский лес, место охоты кайзера Вильгельма. Около 10-12 квадратных километров окружено колючей проволокой. Устроены всюду дорожки, кормушки для сена, чтобы в зимнее время кормить зверей. Вырублены искусственные полянки, а вокруг них стоят вышки, закрытые со всех сторон. Устроены бойницы. И вот, когда загонщики выгоняли зверей на эту поляну, то с этих вышек звери убивались. Это, конечно, мало похоже на охоту. Больше на убийство. В лесу стоял красивый охотничий дом, вернее — замок. Прекрасно отделан внутри. В главном зале все стены были украшены рогами убитых зверей. Под каждой парой рогов была надпись, кто и когда застрелил зверя. По большей части были надписи с именем кайзера Вильгельма. В этом лесу нам с братом удалось убить двух оленей. Мясо пошло на офицерскую кухню. Гуси и куры уже кончились, всех поели. Так что были рады и олeньему мясу. Замок был в полном порядке, ничего не разрушено. Хотя наши части и побывали там. Так что в особом варварстве солдата того времени обвинять нельзя.

На Рождество 1914 года полк экстренно был переброшен под Варшаву. Там в то время шли упорные бои на реках Бзуре и Равке, у деревень Болимов, Боржимов, Воля Шидловская. Бои там были жестокие. Теперь кавалерийские части работали с нами другие, при нас была отдельная бригада, входившая в наш 3-ий армейский корпус, полки 16-ый гусарский Иркутский и 19-ый драгунский Архангелогородский. Об их боевой работе много писать нечего, так как в то время шла позиционная война. Но все же пришлось быть свидетелем двух атак в дальнейшем, когда были атакованы немецкие эскадроны. Атаки были блестящи, но и потери порядочные.

О том, в каких условиях происходили бои в Восточной Пруссии и под Варшавой, может служить показателем то, что за первый год войны через мою 1-ую роту прошло около 3.000 солдат и 2 офицера. Не могу не отметить и работу нашей артиллерии. Настолько она хорошо стреляла, что вообще по меткости и скорости она была на первом месте среди всех союзных армий. Сколько случаев выдающейся храбрости наших артиллеристов можно вспомнить. Опишу один: наш батальон ведет наступление. Немцы заняли железнодорожную насыпь. Поле ровное. Несем потери от их огня. Вдруг на полном карьере вылетает 2-ая батарея 25-ой артиллерийской бригады. Впереди на коне командир батареи, капитан Гашкевич. Команд не подается, немое учение пригодилось. Командир батареи обнаженной шашкой подает команды. Строят веер. Полным карьером передки уходят. Команда «беглый огонь по насыпи!». Немцы были так этим поражены, что даже не стреляли. После пятиминутного беглого огня, пехота в атаку. Немцы не выдерживают и бегут. Заняв насыпь, расстреливаем бегущего противника. Задача исполнена. Железная дорога занята. Противник уходит.

Много писалось о том, как генерал Ренненкампф подготовлял свой Виленский округ в мирное время и труды его не пропали даром.

А. Невзоров

Еще о Петербурге

По Невскому шла гвардейская рота со знаменем. Мерно ударяли тяжелые солдатские сапоги по сбитому, желтому февральскому снегу. Кивера чуть блестели в тусклом утреннем свете и штыки ровными рядами колыхались над головами рослых молодцов. Дружно взлетали и падали полы серых шинелей, на которых ярко выделялись белые пояса.

«Ать, два, три, четыре!» вполголоса подсчитывал бравый унтер.

В однообразие мерной поступи неожиданно ворвался глухой взрыв барабана. Долго сдерживаемый поток медных звков обрушился на улицу, затопил ее и, разбиваясь о стены домов, понесся кверху, стараясь пробиться сквозь низко нависшее желтое небо.

По сторонам роты, подпрыгивая, стараясь попасть в ногу, бежали мальчишки.

Под приземистыми арками Гостинного Двора лавочные сидельцы стояли кучками и, увлеченные воинственными звуками, одобрительно провожали глазами проходящую роту.

Красно-желтые трамваи вереницей следовали за шествием, а у каланчи над Городской Думой дежурный пожарный, вытянувшись, отдавал честь проходящему знамени.

Пройдя мимо Казанского Собора, рота, повернув направо, на Морскую, скрылась в сумраке широкой арки Генерального Штаба; огласив победными звуками пустынную Дворцовую площадь, обогнула гранитную колонну Благословенного и исчезла за большими чугунными воротами дворца.

День был пасмурный, морозный. «Пост номер шесть, на углу, что против биржи» находился на набережной, у ворот дворцового сада, обнесенного оградой розового гранита. Часовой стоял у полосатой будки. Перед ним расстилалось белое поле замерзшей Невы. Вдали, над низкими, тяжелыми стенами крепости, чуть блестел протестантский шпиль Петропавловского Собора, увенчанный золотым ангелом, а на противоположном берегу «адмиралтейская игла» упиралась своим золотым фрегатом в низкое небо.

Когда-то Петр строил новый Амстердам, строил каналы ,горбатые мосты, набережные. Но, несмотря на все старания, от «Амстердама» только и остались, что приземистая крепость со шпилем, маленький голландский дворец в Летнем Саду и тихие каналы.

После Петра город спешно выростал из низких болот, но новые строители о Голландии уже не думали. Бедная, прямолинейная протестантская простота уступила место вдохновениям Средиземного моря, — Греции, Риму, Венеции.

Налево от крепости — храм Паллады с двумя ростральными колоннами замерзал, занесенный снегом. Два льва, опустив тяжелые лапы на каменные шары, охраняли широкую гранитную лестницу на набережную против Сенатской площади где могучий и грозный всадник, вздыбив коня на гребне гранитной волны, одним движением распростертой длани вел Россию на новые пути.

Татары в коричневых халатах и тюбетейках скалывают лед с тротуаров перед дворцом.

У гранитной лестницы, расчищенная на льду и обсаженная елками дорога ведет на другую сторону Невы. Бородатый мужик с обледенелой бородой, на коньках, толкая перед собой кресло на полозьях, за гривенник перевозит желающих на другой берег.

Самоеды, зашитые в оленьи шкуры, катают на оленях любопытных прохожих. Вдали, поблескивая синими искрами, бегает по рельсам, проложенным по льду, маленький трамвай. Посреди реки, мужики в овчинных тулупах и рукавицах выпиливают толстые пласты прозрачно-зеленого льда и на дровнях везут их в город.

Ровно в полдень белое облачко вырастает на верках крепости. Глухой пушечный гром потрясает стены дворцов. Оглушенные прохожие спешно вынимают часы. Куранты на колокольне начинают бить двенадцать ударов, и хитрая заморская механика играет «Коль Славен».

Из-за угла дворцового сада появляется разводящий с новой сменой. Набережная постепенно оживляется. Кареты, сани, извозчики, обгоняя друг друга, торопятся по крепко прибитому снегу. Пара быстрых коней, крытых широко развевающейся синей сетью, разбрасывая комья снега, проносит посольские сани. Сзади, на запятках, стоит держась за ремни, ливрейный выездной с темно-зеленым плюмажем на шляпе и экзотической саблей на широкой разукрашенной портупее.

Дети, закутанные в башлыки, с гамашами на ногах, чинно идут перед гувернанткой. Блестящая пролетка мелькает красной гусарской фуражкой.

Громадный кавалергард, щелкая шпорами, держа в левой руке длинный палаш, вытягивается перед маленьким, сгорбленным генералом в отставке, с трудом передвигающим ноги в толстых, окованных медными задниками калошах. Генерал, чуть подымая руку, еле слышно хрипит привычное: «Проходи»!

У чугунных ворот дворцового сада появляются два околодочных в белых перчатках. Десяток городовых уже стоят в разных местах вокруг ограды и вдоль дворца.

Тяжелые ворота тихо отворяются. Околодочные и городовые замирают в ожидании. В воротах появляется большой закрытый автомобиль, и представители порядка превращаются в статуи. Часовой, резко повернув голову налево, лихо, в два счета, берет на караул.

В автомобиле Государь. Две Великие Княжны с любопытством следят за усердным часовым. Государь чуть трогает козырек фуражки, и автомобиль, управляемый свиты генерал-майором, поворачивает направо, вдоль набережной. Ворота закрылись, а околодочные и городовые, так же, как появились, незаметно исчезли.

Зимой в Петербурге темнеет рано, и уже к четырем часам дня вдоль набережной зажглись высокие двойные фонари.

Ветер переменился и теперь ледяным холодом веяло справа, из-за реки. Небо еще ниже нависло над городом. Легкие снежинки, гонимые ветром, все чаще метались по воздуху. Быстро стало темно и серая мгла окутала набережную, Неву, высокие окна и колонны дворца.

Крепость напротив растворилась во мраке. Далекие огни Васильевского острова потухли. Часовой стоял один у своей будки, и весь его видимый мир ограничивался кругом света от ближайшего фонаря.

Ветер порывами бросал с вышины обезумелые снежинки, которые у самой земли, подхваченные обратным течением, плотной толпой неслись наверх и исчезали в темном хаосе неба.

Теперь снег шел сплошной белой стеной, покрывая набережную, парапеты Невы, будку часового и его самого. Стало тихо, той особенной тишиной, которая всегда сопутствует снегопаду. Несмотря на черные суконные рукавицы, пальцы немели, и часовому порой казалось, что кровь застывала в жилах.

А впереди, там, где еще так недавно была видна крепость, вьюга заливалась и стонала над скованной рекой. Ничто не защищало теперь набережную с ее дворцами от напора полярных ветров. С трудом двигаясь против ветра, показалась смена. Пришел приказ надеть овчинную шубу и толстые кожаные «кеньги», хранившиеся в будке.

Ни неистовые холода, ни снег, ни темнота не могли помешать постоянным петербургским приемам и выездам, которые для петербуржца были необходимым бегством от длинной, темной зимы, бегством в яркий свет, в шумное блестящее собрание, где горы цветов «из Ниццы» своим видом и запахом переносили воображение в края мимоз и глициний. На время забывалась тяжелая зима и можно было окунуться в обман утешительных иллюзий.

Вот почему в Петербурге театры и, особенно, балеты, даже с их коленкоровыми рощами и фальшивым солнцем, были всегда переполнены.

Приемы во дворцах, частных особняках и домах, отличались красотой и великолепием. Начинались они в начале декабря и беспрерывно длились до Великого Поста, в самые холодные и темные месяцы года, иногда по два, три за один вечер.

Балы начинались поздно и приглашенные собирались уже после 11-ти часов вечера. Проведя ночь «средь шумного бала», окутанные запахом мимоз, гвоздик и роз, усталые от вальсов, мазурок, контрадансов, петербуржцы возвращались домой под утро, которое ничем не отличалось от только что ушедшей темной ночи.

Зимой, кроме балов, Петербург с увлечением катался на коньках. Этим спортом увлекались все, кто мог и был достаточно привычен к русской морозной зиме. То было именно катанье, а не бег, так как кроме редких профессионалов, для большинства это было веселое развлечение на открытом воздухе.

Катков было два : один — в Таврическом саду, другой на Фонтанке, у Семеновского моста. В Таврическом катались только обладатели особых билетов. На Семеновском — же всякий, заплативший двугривенный.

Таврический сад, у дворца того-же имени, слегка холмистый, с небольшим озером, окруженным высокими берегами, на которых дремали старые липы, березы и ели, находился в тихой части города, в конце Сергиевской, по обеим сторонам которой чередовались красивые особняки. На высоком берегу озера стоял небольшой деревянный домик. Короткий, но очень крутой ледяной спуск вел на чистый, гладкий лед.

Катающихся обыкновенно было немного. О фигурном катании мало кто заботился. Катались кто как мог. Посреди озера, иногда, смелый конькобежец, на удивление публике, ловко выделывал восьмерки на льду, даже делая то же задним ходом.

Но главное веселье было в конце озера, там, где две высокие деревянные горы стояли одна против другой. Горы были очень крутые, покрытые большими прямоугольниками невского льда.

Низкие, тяжелые сани, крытые цветным бархатом, чуть трогая лед, почти по воздуху, неслись вниз между двух деревянных стенок. Ветер обжигает лицо, свистит в ушах, слезы туманят зрение и тут же замерзают на ресницах. Сани несутся, чуть подбрасываемые неровностями льда. Со скоростью стрелы они вылетают на озеро и, пронесшись по льду шагов триста, останавливаются на маленьком подъеме у второй горы.

Мужики подымают колесом санки на верх горы; отсюда начинается обратное путешествие, и до темноты можно было увлекаться это захватывающей душу ездой.

Способы спускания с гор были разные. Без саней, стоя на коньках, стоя на санках. Несколько санок, сцепленных вместе, и человек десять, кто сидя, кто-лежа, а кто сидя верхом на лежащем, бросались под гору со скоростью поезда.

В предыдущее царствование Императрица Мария Феодоровна любила спускаться с этих гор и часто посещала Таврический сад, и тогда на катке играл хор трубачей Кавалергардского полка, шефом которого была Императрица.

Семеновский каток, на Фонтанке, у моста того-же названия, был каток платный, где всякий мог кататься весь день, даже до полуночи, так как с темнотой каток освещался электрическими фонарями. Все здесь было проще и не было красоты Тавриды. Каток был зажат между гранитными берегами набережных и обнесен кругом высокой стеной из полотна.

Толпы людей всякого чина и звания сновали по белому от бесчисленных следов льду. В крытой будке военный духовой оркестр без устали тянул «На сопках Манчжурии» или «Тоску по Родине». Кругом, по особой дорожке, носились по три, по два, обгоняя друг друга, заложив руки за спину, равномерно вытягивая длинные, затянутые в узкие трико ноги, профессиональные бегуны в вязаных колпаках и на длинных, тонких, прямых коньках, пригодных только для беговой езды. Так они носились без устали, часами, и прохожие на Семеновском мосту, как зачарованные, тоже стояли часами у парапета и, не взирая ни на холод, ни на снег, смотрели на неутомимых бегунов.

Уже девятого марта, в день, когда над полями и в окнах булочных появлялись жаворонки, оттепель шла полным ходом. Природа торопилась нагнать потерянное за долгую зиму время. С крыш капало; зеленые ушаты у сточных труб были полны воды. Иногда отмерзший лед с грохотом вываливался из труб, обдавая прохожих ледяной водой. Текли ручьи, снег потемнел, съежился. Нева, покрывшись темными пятнами, застыла в ожидании. Ночью теплый ветер с Финского залива вздул воду. Лед начал трещать, ломаться, громоздить глыбы одна на другую.

На рассвете лед тронулся. Весь день, грозно шумя, шел он, кружась и сталкиваясь в черных омутах бурлящей реки.

«Лед тронулся!», «лед тронулся!» — с радостью говорили петербужцы друг другу.

Конец бесконечной зимней ночи, конец холодам. Еще в феврале весна казалась невозможностью; о ней даже не думали. И вот теперь, в одну ночь, совершилось чудо: «лед тронулся!».

Лед шел два дня и очищенная, веселая Нева радостно блистала под прохладными вешними лучами солнца. Стало заметно теплее. Но

радоваться было еще рано. Опять стало холодно и площади чистого, белого льда плыли по течению Невы. То шел ладожский лед. На короткий срок вернулась зима, но теперь никто в нее не верил. Дня через три Ладога прошла, и больше ничто не могло помешать бурной, прозрачной, единственной в своем роде петербургской весне.

Теплый, легкий ветер дул с моря. Первый гребной баркас коменданта крепости переплыл Неву, как это делалось каждую весну со времен Петра Великого. Навигация по реке была открыта.

Грязный снег быстро стаял и тысячи дворников скребли и чистили улицы. Сани уступили место экипажам на колесах и даже извозчики выглядели теперь веселее и чище. Таксометров в те времена не было и вот как нанимали извозчиков : идет по улице старушка с тяжелым узчом. Нагоняет ее порожняк. «Садитесь, барыня», зазывает извозчик, «мигом довезу!». Старушка подозрительно смотрит на извозчика «А сколько, батюшка, до Апраксина»? — «Шесть гривен, пожалуйте!», говорит извозчик, придерживая лошадь. «Что ты, Господь с тобой», пугается старушка, «видано ли дело, шесть гривен! четвертак, больше не дам!».

Извозчик клянется, машет руками: «Барыня, помилуйте, накиньте двугривенный!». Старушка молчит, извозчик шагом едет рядом. Оба деляют вид полного равнодушия. После долгих колебаний старушка решается: «Алтынный накину, а больше и не проси». Извозчик с досады хватает себя по коленям. В это время приближается другой порожняк. Извозчик быстро оборачиваытся, спешно отстегивает кожаный фартук и кричит: «Пожалуйте, барыня!». Старушка с видом победителя садится в пролетку.

Легкий ветер дует с моря; белые чайки кружатся над водой. Зеленый ялик качается на небольшой волне. Буксиры с трудом тащат вереницы груженых барок. У мостов трубы падают назад, и буксиры, окутанные дымом, исчезают под низкими пролетами. Снуют по разным направлениям небольшие пароходики Финляндского общества.

Мальчик у пристани непрестанно выкрикивает: «Калинкин мост, пьять копеек! Калинкин мост, пьять копеек!»

Гудки пароходов гулко звучат в прохладном воздухе, повторяясь эхом на другой стороне.

Сколько бодрости в весенеем воздухе Петербурга! Как хорош прохладный солнечный день, и как четко падают тени на торцовые мостовые! После бесконечно длинной зимы это весеннее возрождение Петербурга кажется настоящим чудом. «Медный Всадник» озаренный солнечными лучами, больше не страшит замерзающих прохожих. В такую весну забыты бури, наводнения и Его дерзкий вызов судьбе.

Первого мая, на Марсовом поле бывали великолепные военные парады. Гвардейская кавалерия в блеске золотых доспехов тяжелым топотом сотрясала ряды дворцов. С грохотом проносились батареи. Под дробь барабанов и звуки военной музыки проходили гвардейские полки за полками: Петровские, -Преображенцы и Семеновцы, Измайловцы Императрицы Анны Иоанновны, курносые Павловцы, Егеря, стрелки.... Шла история Российской Империи.

Государь, верхом на коне, принимал парад, который кончился общей атакой кавалерии.

А рядом, за Лебяжьей канавкой, Летний Сад уже свеже-зеленый, был местом тишины и спокойствия. Крылов со своего кресла добродушно поглядывал на детей, игравших у его подножия. Вдоль аллей, под сводами старых лип, стояли белые мраморные статуи, с таким трудом вывезенные из-за границы Петром Великим. Статуи эти были посредственными копиями оригиналов, но без них и особенно без Сатурна, пожирающего своего ребенка, трудно себе представить Летний Сад.

Монументальная решетка отделяла сад от Французской набережной. Ряд высоких, розового гранита колонн, увенчанных такими же урнами, был соединен удивительной по простоте и красоте рисунка чугунной решеткой. С одной стороны Летний Сад были ограничен Лебяжьей канавкой, а с другой — Фонтанкой.

Как хорошо, как по-петербургски звучат оба эти названия! Фонтанка, канал, обрамленный гранитными берегами, был для Петра той частью Голландии, которую он во что бы то ни стало хотел воспроизвести в своем «Парадизе».

Действительно, петербургские каналы были почти точными копиями каналов Гааги, Дельф, Амстердама. Но на русской почве, созданные другими руками, русскими, они потеряли голландскую скромную провинциальность. Здесь, в Петербурге, каналы с их чудесными решетками, горбатыми висящими мостами, свидетельствовали о размахе строителей и Императорском умении создавать красоту.

Тут нельзя не вспомнить «Зимнюю Канавку», отделявшую Зимний Дворец от Эрмитажа Тихая, темно-зеленая вода Канавки зажата высокими стенами дворцов с нишами и статуями, а наверху над каналом повис «Мост вздохов». Здесь Венеция, так неожиданно выросшая почти у полярного круга.

На Фонтанке всегда было движение. Сновали финляндские пароходики, тихо плыли баржи с дровами. Стояли у берегов живорыбные садки. Летом набережные каналов покрыва-

лись штабелями березовых дров и лохматые грузчики на тачках свозили их на берег.

С наступлением весны по улицам раздаются выкрики бродячих продавцов: «Пельсины, лимоны ха-а-рооши!», нараспев тянет малый в белом переднике с лотком на голове. Татарин с бритой головой и мешком за плечом ходит по дворам и, подражая муэдзину, гнусаво кричит: «Халат, халат, хорош халат!».

Если случится пожар, дежурный на каланче подымает тревогу. На мачте взлетает шар, два или три, в зависимости от размеров пожара. Пожарные команды с шумом и грохотом скачут по булыжникам на пожар. Впереди, на белом коне, трубач в медной каске неустанно трубит сигналы: «Прочь с дороги! прочь с дороги! берегись, прохожий!». За ним, если пожар большой, стоя на подножке пролетки, опершись на плечо кучера, сам бранд-майор. Следом — три, четыре одномастные четверки. Белая, как снег, везет сверкающий, дымящийся паровой насос. Вторая — с лестницами, шлангами и баграми. Гнедая — с пожарными в касках и топорами на боку. Шествие заключалось двумя-тремя зелеными бочками с водой.

На полном скаку, с трубным гласом и бранд-майором, ведущим свою команду в атаку, пожарная команда была любимым зрелищем петербужцев.

Кажется, нет другого города в мире, где весна была бы таким символом радостного пробуждения после длинного сна и поневоле в эти дни все стремилось на открытый воздух, под лучи возродившегося солнца.

С конца апреля, по воскресеньям после полудня, набережная, от Троицкого моста и до Зимнего дворца, покрывалась толпами гуляющих, и по торцовым мостовым шагом двигались бесконечные вереницы экипажей.

Тут были парные венские коляски, легкие блестящие одиночки. Извозчики — «лихачи», которые возили, большей частью, сыновей купеческих или биржевых маклеров. У некоторых на концах оглобель были вделаны электрические фонари, что многим казалось пределом цивилизации, а на поясах на спине кучеров висели часы для пущего удобства седоков.

Толпа, двигавшаяся по обеим сторонам набережной, по выражению городовых, состояла из «чистой публики», пришедшей сюда, чтобы «себя показать, да и на других посмотреть».

В полукруглых углублениях гранитного парапета, спиной к реке, стояли лицеисты или правоведы в дореформенных треуголках. Мимо шли полные достоинства камер-пажи в касках, белых перчатках и со шпагами. Иногда попадались белоподкладочники- студенты. Юнкер Николаевского Кавалерийского Училиюа в алой бескозырке, лихо надетой на-бекрень, в шинели такой длинной, что она почти мела мостовую, позванивая шпорами, победоносно шествовал на удивление скромным девицам, гуляющим под строгим надзором гувернанток.

Мелькают белые фуражки кавалергардов, конногвардейцев, кирасир. В открытых колясках, с ливрейными выездными, проезжают дамы, элегантные, а иногда, более чем элегантные.

Посольские коляски с кучерами, украшенными на спине большими трехугольниками из серебряного позумента. Кое где редкие автомобили, высокие, на тощих колесах.

Все это двигается, пешком или на колесах, беспрестанно кланяясь, отдавая честь, снимая шляпы. На всех — печать веселого оживления. Даже старые генералы, оставив дома калоши и ватные фуражки, на несколько часов чувствуют себя почти корнетами.

В день Благовещения, на Конногвардейском бульваре шло народное гулянье, и о «чистой публике» здесь говорить уже не приходилось. Гуляли мастеровые, рабочие, портнихи, горничные, швейцары, лакеи, мелкие чиновники и просто размалеванные бабы.

Со смехом, говором, треньканьем балалаек, частыми переливами лихой гармошки, посвистыванием глиняных дудок, выкриками продавцов, лузгая семечки, разряженная толпа двигалась тесным потоком между двумя рядами балаганов, палаток, прилавков. Снуют продавцы с лотками, выкрикивая свои товары.

Парень навеселе, на радость зевакам, пускает по ветру цветные воздушные шары. Плутоватый разносчик кричит, показывая стеклянную трубку, в которой дутый из стекла чертик подымается и опускаетося в жидкости: «Американский житель, большой воды любитель! Всего десять копеек!». Мальчишка с пачкой пожелтевших романов Поль-де Кока и Понсондю Терайля охрипшим голосом, скороговоркой сыплет: «Полудевы, книга роман, вместо рубля пять копеек!» или же «Роман девицы Лавальер, а также Тайны Мадридского Двора» — гривенник пара!».

Так проходит день, и наступает светлая, прозрачная «белая ночь», и когда в полночь идешь по пустынному светлому городу, странное ощущение охватывает душу. Вечер, тьма, как-то связаны с концом, со смертью; здесь же, в белую ночь, веет бессмертием.

День продолжается и, хотя куранты в полночь бьют свои двенадцать ударов, ночь не проходит. Неугасимо светится безмолвный ночной день, слегка затуманенный синеватым освещением, в котором тяжелая крепость, горба-

тые мосты, гранитные здания, парапеты, памятники, немного расплывчато как-бы висят в воздухе.

В такую ночь хорошо ехать на Острова, на Стрелку, и там встретить восход солнца, которое за ночь никуда не уходило, а лишь на мгновение окунулось в недвижные воды Финского залива.

Первого мая войска одевали летние, защитные формы и выступали в лагеря.

Уже издали слышна неровная дробь конских копыт. Ближе, ближе заливается хор песенников «Полянка, полянка, поляночка моя...» Эскадроны идут в лагеря в Красное Село.

Уходят пехотные полки, артиллерия. Город постепенно разгружается от военных.

Кто может, уезжает к себе в далекие деревни; кто победнее, переезжает на дачи в окрестностях Петербурга. Город пустеет, и к началу июля у пустых домов торчат одни дворники в цветных ситцевых рубашках, в жилетах и белых передниках, с медными бляхами на груди.

Наступает жаркое, пыльное, короткое лето. Вместо березовых дров, баржи привозят кирпичи, песок, камни. Вырастают леса и каменщики выводят стены новых домов.

Жарко, пыльно... Но... «вянет лист, проходит лето...», и наступает как-то сразу холодная, мокрая осень.

В окна вставляются двойные рамы, и уже к декабрю мороз свирепо сковывает Неву. И опять часовой у «поста номер шесть, на углу, что напротив биржи», стоит недвижно у своей будки и мерзнет под порывами пронизывающего ледяного ветра, дующего прямо с Северного полюса.

С. А. Безобразов.

Симбирский Кадетский Корпус

(Первые 4 года его существования)

Первая мысль об основании в Симбирске нашего заведения принадлежит Симбирскому дворянству и земству, которые уже давно сознавали необходимость учреждения в Симбирской губернии общеобразовательного заведения с реальным курсом. Между тем, в конце 1872 года в военно-учебном ведомстве был поднят вопрос об увеличении комплекта военных гимназий на началах возможно меньшей затраты денег на этот предмет.

Симбирское дворянство и земство, признавая курс военных гимназий вполне соответствующим курсу общеобразовательных реальных учебных заведений, решило воспользоваться удобным моментом и ходатайствовало через местного губернатора Еремеева и своего губернского предводителя дворянства Теренина об открытии в Симбирске военной гимназии. Военно-учебное ведомство предложило Симбирскому земству оказать с своей стороны, для открытия в Симбирске военной гимназии, содействие в виде назначения ежегодной субсидии в 12.000 рублей. Для обсуждения этого предложения Земское Собрание созыва 1872 года, в заседании 8 декабря, избрало особую комиссию, в состав которой вошли местные дворяне-землевладельцы.

11 декабря комиссия представила Собранию доклад: Военно-учебное ведомство предлагает содействие в размере 2.500 рублей единовременно и 12.000 рублей ежегодно, что составляет одну треть штатной суммы, отпускаемой Правительством; Земству не надо забывать, что, жертвуя 12.000 рублей ежегодно, оно приобретает возможность иметь школу, которая стоит Правительству 35.000 рублей. По этим соображениям комиссия имеет честь предложить Собранию ходатайствовать об открытии в Симбирске военной гимназии.

Ходатайство Симбирского Земского Собрания было уважено: «Государь Император», говорится в приказе по военному ведомству от 10 июня 1873 года, «Высочайше повелел открыть в г. Симбирске Военную Гимназию — на 300 человек». .

Под помещение военной гимназии городское общество предложило безвозмездно весь верхний этаж бывшей Мариинской женской гимназии. Почти все классы отделялись друг от друга деревянными шкафами. Преподаватель и воспитанники во время урока могли свободно слышать, что говорится в соседнем классе.

Директором Симбирской военной гимназии Высочайшим приказом от 8 августа 1873 года назначен был полковник Ф. К. Альбедиль, быв-

ший инспектор классов 2-го военного Константиновского училища.

С 1-го сентября 1873 года начались приемные экзамены для поступления в военную гимназию и по приказанию Главного Начальника Военно-учебных заведений продолжались в течение всего первого полугодия. К 7 сентября принято было в 1-ый класс только 14 человек, затем открыты были еще два класса и к концу сентября было всего 36 воспитанников.

Чтобы обратить внимание местного населения на новооткрытую гимназию и, притом, военную, директор Альбедиль устроил для ее воспитанников несколько военных прогулок по городу при участии оркестра полковой музыки. В то время подобные прогулки были невиданной новинкой и после каждой из таких прогулок поступало несколько прошений поместить малолетних в нашу гимназию. Всего в течение 1873-74 учебного года было принято 86 человек. Военная гимназия в Симбирске, начавши свое существовани с небольшим числом участников, вскоре, под руководством опытного и деятельного своего директора, приобрела симпатии местного общества.

Губернское Земское Собрание, в заседании 4 декабря 1873 года обсудив вопрос о необходимости устройства при Симбирской военной гимназии пансиона, разрешило на устройство пансиона отпуск 5.000 рублей. Пансион открыт с 1 августа 1874 года. Под помещение пансиона отведен был верхний этаж каменного дома по Спасской улице, принадлежавшего тогда землевладелице А. И. Языковой; нижний этаж был отведен под квартиру директора.

Приказом по военному ведомству от 3 марта 1874 года за № 183 объявлено было, что Государь Император Всемилостивейше соизволил пожаловать приходящим воспитанникам военных гимназий плечевые погоны. Для Симбирской военной гимназии установлены были синие погоны с черной выпушкою и поперечною нашивкой из желтой гарусной тесьмы.

Симпатии местного общества к новому учебному заведению выразились, между прочим: 1 — в учреждении стипендии, 2 — в денежном пособии со стороны Земства для военной гимназии для основания при ней пансиона, 3 — в учреждении Братства Святителя Николая для помощи нуждающимся воспитанникам. 4 сентября Симбирская городская Дума известила директора военной гимназии, что по случаю совершившегося бракосочетания Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Александровны решено учредить десять стипендий.

В 1875 году, 28 июня, Высочайше утверждено постановление Военного Совета о постройке в городе Симбирске здания для военной гимназии. Под постройку здания город отвел место, где раньше помещалось здание почтовой конторы.

К концу сентября 1877 года новое здание военной гимназии, прекрасно отделанное внутри, с новейшими приспособлениями для водяного отопления, искусственной вентиляции и увлажнения воздуха, с паркетными полами, было настолько готово, что в него можно было перейти на жительство. 9 октября, после молебна в «гимназическом зале», совершено было епископом Феоктистом освящение здания. К торжеству освящения прибыл помощник Главного Начальника военно-учебных заведений генерал Н. В. Корсаков. На память об этом дне фотограф Шуази снял всех в «гимназическом зале» в одной общей группе. К сожалению, фотографический снимок оказался неудачным.

В 1877 году было 188 воспитанников. В этом же году был первый выпуск окончивших курс в нашей гимназии.

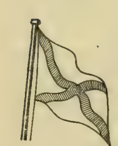
В силу Высочайшего повеления Симбирская военная гимназия 22 июля 1882 года переименована в Симбирский кадетский корпус.

Полковник Горбач

Действия Черноморского Флота (Лиманской Флотилии) на Дунае при осаде турецкой крепости Измаил

(с середины октября по 11 декабря 1790 года)

29-го августа 1965 года исполнилось 175 лет, как молодой Севастопольский флот одержал победу над турецким флотом у Тендры. В составе десяти линейных кораблей, шести фрегатов, двух бомбардирских судов и семнадцати легких крейсерских, русская эскадра всего семилетнего возраста разбивает и обращает в бегство противника, флот которого состоял из 14 линейных, 8-ми фрегатов и 23-х мелких судов. Соотношение сил противников было: 35 судов русских против 45 турецких, более быстроходных и с более дальнобойной артиллерией.

Турецкий адмиральский 80-ти пушечный корабль «Капитония» был потоплен и с него взяты в плен адмирал Сеит-бей, командир Махмет-Дерсей и 17 других офицеров и чиновников турецкого штаба эскадры; линейный корабль «Мелеки-Багари» спустил флаг и сдался; были взяты еще 12-ти пушечная бригантина и 16-ти пушечный бомбардирский корабль. В плен захвачено более 700 человек.

Главнокомандующий флотом Гуссейн-паша с остатками кораблей бежал в Босфор и во время этого перехода от полученных в бою повреждений затонул турецкий линейный корабль капитана Арнаут-Асана и другие боевые вспомогательные суда. Главнокомандующий армией и флотом на Юге России князь Потемкин так отметил в своем приказе:

«Знаменитая победа черноморскими силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29-й день минувшего августа над флотом турецким... служит к особливой чести и славе флота Черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского Адмиралтейского Правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов...»

Императрица Екатерина Великая контр-адмирала Федора Федоровича Ушакова наградила георгиевской звездой, то есть орденом Св. Георгия 2-ой степени.

Победа у Тендры дала возможность Черноморскому флоту перенести базу Лиманской флотилии на Дунай. Летом 1790 года русские войска вплотную подошли к району нижнего течения Дуная. Для нанесения окончательного поражения туркам необходимо было овладеть крепостями Килия, Браилов, Галац, Измаил, расположенными на левом его берегу. Взаимодействие сухопутных войск с морскими силами стало неотложно необходимым.

В середине октября 1790 года Лиманская флотилия вышла из Хаджибей (впоследствии — Одесса) к устью Днестра, к ней присоединилась флотилия запорожских казаков в составе 50 вооруженных лодок (чаек), затем подошла к дельте Дуная и стала прорываться вверх по реке. Севастопольская эскадра контр-адмирала Ушакова прикрывала ее с моря.

В Сулинском гирле Лиманская флотилия была обстреляна и береговыми батареями и судами турецкой Дунайской флотилии. Чтобы открыть путь вверх по реке, с русской флотилии был высажен десант. Когда десантные суда под командой капитан-лейтенанта Кузнецова приблизились к берегу, где находились турецкие батареи, поднявшийся ветер разбил о буруны 12 баркасов и чрезвычайно затруднил высадку. Но все же дружной атакой десантный отряд занял батареи. Турецкая Дунайская флотилия, бросив на произвол судьбы 7 транспортных судов, обратилась в бегство и открыла путь русской вверх по реке. Под командой капитана 1-го ранга Ф. А. Ахматова авангард Лиманской флотилии настиг турецкие суда у Тульчи. 8 русских судов вступили в бой с 17-тью неприятельскими гребными судами. Турки отступили, потеряв 6 канонерских лодок.

Высаженный на следующий день Ахматовым десант гренадер занял Тульчинский замок и в руки русских попало около 40 турецких судов.

Лиманская флотилия, преследуя турецкую, быстро поднималась по Дунаю. Отряд судов капитан-лейтенанта К. Литке, подойдя к крепости Исакча, после ожесточенного боя с 30 турецкими судами, артиллерийским огнем сжигает 22 из них, захватывает остальные в плен и, высадив на берег десант, берет крепость.

Турецкая Дунайская флотилия скрывается под защиту сильнейшей крепости Измаил.

В середине ноября, то есть уже через месяц

после своего входа в Дунай, русская флотилия подошла вплотную к Измаилу.

По приказу Потемкина черноморские моряки во главе с капитаном 1-го ранга Ахматовым занимают остров против Измаила и устанавливают на нем несколько батарей в 26 орудий, снятых с судов. 20-го ноября 1790 года начался обстрел Измаила и турецкой флотилии, укрывшейся под его стенами. В то же время с казачьих лодок под командой полковника Головатого со стороны реки, у крепостных стен, был высажен десант. Храбрые запорожцы «поразили множество варваров... Сей поступок сделал великий страх в городе». Гарнизон Измаила отвечал сильным артиллерийским огнем по отряду русских судов. В течение недели продолжалась непрерывная бомбардировка Измаила русскими судами. Результатом их меткого артиллерийского огня было много повреждений в крепости и под стенами Измаила. Турки потеряли около 100 боевых и вспомагательных гребных судов.

Ввиду того, что по мнению Потемкина, осада Измаила с суши велась медленно и нерешительно, он передает командование над всеми, как на воде, так и на суше, осаждающими войсками Суворову в следующем предписании: «Флотилия под Измаилом истребила уже почти все их суда и сторона города к воде открыта. Остается предпринять с помощью Божией на овладение города. Для сего, Ваше Сиятельство, извольте поспешить туда для приятия всех частей в Вашу команду, взяв на судах своих сколько можете поместить пехоты... Прибыв на место, осмотрите через инженеров положение и слабые места. Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшей».

Суворов прибыл в Измаил 2-го декабря и, убедившись, что Измаил очень сильно укреплен, он доносил Потемкину, что «крепость — без слабых мест!». Сразу же начинает подготовку к штурму крепости.

Рано на рассвете 10-го декабря из всех орудий, как осадных батарей, так и кораблей флотилии, был открыт огонь по Измаилу... В ночь с 10-го на 11-ое декабря «Все войска», писал Суворов, «вступили устроенными колоннами к назначенным им пунктам, а флотилия по Дунаю плыла к назначенным местам. А в пять часов с половиною все колонны, как с сухого пути, так и водою, двинулись на приступ...»

Вскоре после полудня Измаил пал.

11-го декабря 1965 года исполнилось 175 лет, как Российская Императорская Армия проявила невиданный героизм, взяв наприступную крепость. Вместе с нею сражались и черноморские моряки и «отличными своими трудами и храбростью» заслужили благодарность Суворова: капитан-лейтенанты Семен Мякинин, Иван Шостак, Андрей Башуцкий, шкипера Анастасий Пайсинов и Димитрий Кулаков, боцман Баринга и другие. Их корабли непрерывно в течение 20 часов стояли в 150 метрах от Измаильской крепости и находились под сильным картечным огнем турок.

В своем докладе Потемкину Суворов писал: «Канонада продолжалась до самых пор, как войска на приступ прияли путь свой».

Г. М. фон Гельмерсен

Генерал Я. Г. Гандзюк

(ОКОНЧАНИЕ)

Первоначально, наступление этого Юго-Западного фронта было назначено на 2-ое июня. Однако, ввиду того, что итальянский фронт оказался прорванным в середине мая австро-венгерскими войсками, наша Ставка уступила настойчивым просьбам союзников и передвинула этот срок на 21-ое мая. Этому наступлению предшествовала мощная артиллерийская подготовка на участке всех четырех армий Юго-Западного фронта. По окончании таковой начались атаки неприятельских позиций, причем главный удар наносился правофланговой 8-ой армией в направлении города Луцка. К вечеру 24-го мая 8-ая армия достигла Луцка, продвигаясь на фронте в 70-80 верст вглубь австро-венгерского расположения верст на 25-30.

На участке 11-ой армии, в состав которой входил тогда еще 18-ый армейский корпус, это продвижение вперед было гораздо скромнее и, по сравнению с крупным достижением нашей 8-ой армии, ставшим известным в истории 1-ой Мировой войны как «Брусиловское наступление» или «Брусиловский прорыв», результаты его были незначительны и, в общем, ограничивались пока что только захватом трех линий неприятельских окопов.

В своих воспоминаниях, изданных в 1963 году в Москве, генерал Брусилов говорит, между прочим,:«что касается 7-ой и 11-ой армий, то я им придавал значение второстепенное, вероятно, главным образом, потому, что против них находились не австро-венгерская, а именно германская «Южная армия»...»

Однако, в общем итоге, успех всех четырех армий Юго-Западного фронта был значителен и только в три первых дня этого наступления захвачено было более 100 тысяч пленных, кроме того взято много орудий, пулеметов и громадное количество разного технического материала. В этих боях 18-ый армейский корпус не имел возможности особенно отличиться, так как именно против его участка находились исключительно германские войска, силы которых отнюдь не уступали численно таковым этого нашего корпуса (в том числе была там уже известная 48-ая резервная дивизия).

Ввиду того, что наш Западный фронт успеха в своих операциях не имел и все его попытки наступать не дали ожидаемых результатов, центр тяжести нашего наступления летом 1916 года перешел теперь на Юго-Западный фронт.

В целях большего развития операций нашей 8-ой армии и расширения сделанного ею прорыва австро-венгерского фронта, в ее район стали прибывать крупные подкрепления с Северного и Западного фронтов. Ее размеры и силы настолько увеличились, что командование фронтом решило обрезать ее участок. Для этого два ее левофланговые корпуса были переданы в состав ее соседней слева 11-ой армии, которая, в свою очередь, оба свои южные корпуса отдала своей соседке, 7-ой армии. Таким образом, наш 18-ый армейский корпус перешел теперь в состав этой последней.

К этому времени полковник Гандзюк вступил в командование 91-ым Двинским полком 23-ей пехотной дивизии все того же 18-го армейского корпуса.

В последних днях июня было начато энергичное наступление на фронте нашей 7-ой армии, которая к 1-му июля продвинулась к западу от линии Езержаны-Порхов. В этих боях полковник Гандзюк был тяжело ранен. Он, не щадя себя, несмотря на сильный неприятельский артиллерийский и пулеметный огонь, в самых опасных условиях боя лично руководил наступлением своего полка. За свою распорядительность и самоотверженное командование полком в этих боях, полковник Гандзюк был награжден внеочередным Владимиром 3-й степени, получил Высочайшее благоволение и французскую военную медаль.

Только осенью, по излечении своих ран, вернулся полковник Гандзюк на фронт и вскоре был назначен командиром 416-го Верхнеднепровского пехотного полка 104-ой пехотной дивизии, входившей в состав 34-го армейского корпуса.

Зима 1916-17 гг. была очень снежная. Сильных морозов на Волыни не было, зато огромнейшие массы снега засыпали сугробами все дороги, заполнили окружавшие нас со всех сторон громадные лесные пространства, делая их непроходимыми. Мало известная раньше река Стоход, один из многочисленных притоков Припяти, в истории 1-ой Мировой войны стала известной целым рядом тяжелых и кровопролитнейших боев 1915 и 1916 годов, которыми наша старая армия вписала немало славных страниц. Вот именно на этом Стоходе, там где он делает характерную петлю в форме острого угла, обращенного своим острием на восток, 34-ый армейский корпус занимал позицию с осени 1916 года. Позиция эта не шла, как это бывает обыкновенно, вдоль русла реки. Она резала вышеупомянутую петлю Стохода в ее самом широком месте, опирая свои фланги о реку, правый — восточней деревни Ситовица, а левый около Малого Порска, образуя, таким образом, здесь как-бы тет-де-пон. Длина этого корпусного участка была около 17 верст и его правую часть занимала 104-ая пехотная дивизия. Начиная с января 1917 года на участке корпуса царила тишина, нарушаемая от времени до времени предприятиями наших охотников с целью добычи «языка» (захвата пленных). В этих предприятиях особенно отличались охотники 416-го Верхнеднепровского полка полковника Гандзюка, постоянно доставлявшие штабу корпуса захваченных ими германских пленных, опрашивать которых приходилось автору этих строк.

Здесь же застала наш корпус февральская революция, которая мало отразилась на настроении последнего. Вероятно, удаленность от железных дорог отбила у агитаторов охоту разлагать 34-ый корпус.

Весной корпус был переброшен в Галицию, в состав 7-ой армии, где занял позицию к северо-западу от города Бучача. Эта переброска корпуса была связана с предполагавшимся в течение лета наступлением «свободнойшей в мире армии», задуманным Временным Правительством. А выбор, павший для этого на 34-ый корпус, был вызван его моральным состоянием, нетронутым еще ядом приказа № 1-ый, а также революционной агитацией и пропагандой. Несколько недель спустя, 34-ый армейский корпус был переведен немного севернее, в район восточней города Бжежан, где предполагался главный удар 7-ой армии. Здесь полковник Гандзюк попал во главе своего нового полка в район, хорошо ему известный из боев 1915 и 1916 годов.

Как известно, это так называемое «наступление Керенского» окончилось полнейшей неудачей и развалом наших армий. Однако отдельные светлые эпизоды этого, самого по себе предрешенного (принимая во внимание тогдашнее моральное состояние наших войск) наступления, наглядно напомнили нам все бывшее величие и, главное, традиции старой Российской Императорской армии. Одним из таких

эпизодов была атака нашей 104-ой пехотной дивизии и захват ею высот «Дике Ланы» тут же, к востоку, при самом городе Бжежаны, — важном для противника узле путей сообщения. Сам Керенский уговаривал дивизии и полки 7-ой армии, призывая их произвести атаку неприятельских позиций. Некоторые из них с места заявили, что принимать какое либо участие в этом наступлении даже и не думают, другие обещали атаковать, однако в последнюю минуту раздумали и с места не сдвинулись. Из четырех дивизий, входивших во время этого наступления в состав 34-го армейского корпуса, только 104-я произвела своим полным составом эту атаку и то только — благодаря полковнику Гандзюку.

С тех пор, как эта дивизия из лесов над Стоходом попала на поля Галиции, ее моральное состояние очень поколебалось, надрываемое постоянной разлагающей работой многочисленных большевистских агентов, а также примером соседей. Только 416-ый Верхнеднепровский полк, который твердо держал под своим постоянным влиянием его новый командир, полковник Гандзюк, еще не потерял своего воинского духа. Когда же, после длительной и основательной артиллерийской подготовки, наступил для 104-ой пехотной дивизии срок атаки, она заколебалась и не двигалась с места. Тогда полковник Гандзюк своим громким, зычным басом обратился к полку, напомнив ему в нескольких теплых словах его долг перед родиной. Потом выхватив из ножен шашку и скомандовав «Полк, за мной!», первым бросился на германские окопы. Весь Верхнеднепровский полк, как один, пошел за своим командиром, заражая примером всю 104-ую дивизию и некоторые соседние части других дивизий. Захвачены были, одна за другой, три линии окопов, занимаемых германскими 15-ой и 24-ой резервными дивизиями. Три дня держали части 34-го армейского корпуса захваченные окопы, не имея возможности дальше развить свой успех, так как ни один из соседних корпусов не двинулся с места. А когда на третий день немцы подвезли свою совершенно свежую 241-ую дивизию и всеми своими тремя дивизиями контратаковали 34-ый корпус, глубоко охватывая оба его фланга, последний, истекая кровью, вынужден был отойти на свою исходную позицию.

За эту героическую атаку полковник Гандзюк был представлен к Георгию 3-ей степени и вскоре был произведен в генералы.

Ввиду понесенных корпусом тяжелых потерь, он был отведен в резерв армии, в район Бурканов на реке Серет.

Тут начался новый, последний период судьбы доблестного полковника Гандзюка.

В поисках путей к восстановлению боеспособности нашей армии, Главнокомандующий, генерал Брусилов направил к командиру 34-го армейского корпуса, генералу Скоропадскому, офицерскую делегацию — представителей украинской Центральной Рады в Киеве, с предложением украинизировать его корпус. Скоропадский хотел прежде всего убедиться в том, что из себя представляет Центральная Рада, это самочинно создавшееся украинское правительство, и познакомиться с возглавлявшими последнее людьми. Для этого в сопровождении автора этой статьи выехал он в автомобиле в Киев. Впечатление, произведенное на генерала Скоропадского правительством Центральной Рады было самое отрицательное, поэтому хотел он отказаться от украинизации своего корпуса и для этого решил съездить в штаб Юго-Западного фронта, чтобы сообщить лично Главнокомандующему свои впечатления. Однако эта его поездка в Каменец-Подольск, местонахождение штаба Юго-Западного фронта, совпала с переходом немцев в наступление на всем фронте. Скоропадский, вместо доклада у Главнокомандующего, поспешил вернуться в свой корпус, местонахождение которого было в штабе фронта неизвестно. Наши армии этого наступления не выдержали и в полном расстройстве отходили на всем фронте на восток. В штабе 7-ой армии только приблизительно могли указать на район, где должен был находиться 34-ый армейскій корпус. В поисках последнего только с громадным трудом пробирались мы автомобилем по дорогам, запруженным отходящими обозами и толпами солдат, потерявшими всякий воинский вид. Ехали мы шагом, с постоянными невольными остановками, в северозападном направлении, в поисках штаба корпуса.

Понадобилось много часов, пока мы его нашли. Там узнали мы, что из всего корпуса еще только 416-ый Верхнеднепровский полк полковника Гандзюка удерживает где то, с кое какими примкнувшими к нему остатками других частей корпуса, наступающего противника. Какой либо надежды на то, чтобы 34-ый армейский корпус удержит наступающего противника, не было, так как этот корпус, так же как и его соседи, был уже в полном расстройстве и только и думал о том, чтобы как можно дальше уйти от наступающих немцев.

Скоропадский приказал мне немедленно же ехать в автомобиле на розыски полковника Гандзюка, ориентироваться у него в обстановке и дать ему указания, куда следует ему отходить с полком. Пришлось ехать наугад, так как никто точно не знал, где находится 416-ый полк. Проехав немало верст и постоянно спрашивая офицеров встречных, отходящих частей, я наконец, услышал где то впереди шум боя, в направлении которого я теперь направился. На

какой то узкой тропинке мой автомобиль застрял. Дальше ехать было невозможно. Но шум боя казался совсем уже недалеким. Впереди трещали пулеметы, разрывались снаряды, но еще ничего не было видно. Я продолжал путь пешком, держа направление на все яснее и громче доносившийся шум боя. Пройдя версты три, поднялся я на находящуюся передо мной возвышенность и тут вдруг увидел незабываемое зрелище: впереди, 416-ый полк и еще какие то части, как на маневрах, занимали длинную канаву, пересекающую поле, и вели огневой бой с противником, который тоже где то укрылся. Не смотря на сильный неприятельский огонь, ясно видна была богатырская фигура полковника Гандзюка, который лично руководил боем, стоя во весь рост. Приходилось только удивляться, что еще ни одна пуля не задела полковника в этот день. На мой вопрос, почему он не укроется за возвышенность, почему так легкомысленно рискует своей жизнью, полковник мне ответил: «На войне бывают моменты, когда необходимо ставить ва-банк свою жизнь, иначе победителем будет противник». И был он несомненно прав, так как вероятно только личный пример любимого командира удерживал всех этих людей, уже затронутых большевистской пропагандой, от того, чтобы покинуть цепь и, также как тысячи других, бежать от противника. Больше всего волновало полковника Гандзюка то, что патроны были на исходе и, не зная, где находился полковой обоз с патронными двуколками, он был лишен возможности их пополнить. Положение его полка было опасное, так как не было артиллерии, которую немцы имели. Кроме того, свободно можно было установить, что последние накапливались против флангов полка.

Ориентировавшись в обстановке, указав ему на карте рубеж, на который должен был он отходить и обещав ему раздобыть и прислать патроны, направился я в обратный путь. Приходилось удивляться, что несмотря на царивший уже в то время полнейший развал армии, полковник Гандзюк все еще непоколебимо верил в свой полк и в то, что последний исполнит свой долг. Это верно он его еще крепко держал в руках и я с удивлением спрашивал себя, как он это делает? Ведь его полк был сформирован всего лишь летом 1915 года из ополченских дружин! Кроме того, всего лишь десять дней перед тем он понес огромные потери в боях за Дике Ланы. Однако было ясно, что пока его возглавляет полковник Гандзюк, ничто не может превратить его в такую дезорганизованную толпу, потерявшую всякий воинский вид, в какую тогда уже обратились старые кадровые полки с богатыми, более чем трехсотлетними традициями и славным боевым прошлом.

В течение того же дня мне пришлось еще раз съездить по приказанию корпусного в 416-ый полк. Получив патроны, переходил он на новую позицию. Невольно залюбовался я его выравненными рядами и порядком, в котором он шел после тяжелого боя, со своим командиром во главе.

Пока полковник Гандзюк сдерживал превосходные силы германцев, наседавшие на него, энергичный генерал Скоропадский привел свой корпус, дезорганизованный и расстроенный примером других, более или менее в порядок, так что последний мог занять своими двумя дивизиями уже готовые позиции вдоль реки Збруч, по обе стороны пограничного местечка Сатанов. Однако, долго не пришлось нам тут стоять. Уже на другой день пришел приказ Главнокомандующего Юго-Западным фронтом, теперь — генерала Корнилова, начать украинизацию 34-го армейского корпуса. Таким образом генералу Скоропадскому не приходилось больше задумываться над этим вопросом, предложенным ему еще генералом Брусиловым. Теперь оставалось только исполнить приказание Главнокомандующего.

Для проведения в жизнь этой украинизации корпус отводился на 100 верст в тыл, в район Межибужья. Начдив 104-ой генерального штаба генерал Люпов, бывший злополучный наш военный агент в Японии перед самой русско-японской войной, был отозван и на его место назначен полковник Гандзюк, приказ о производстве которого в генералы как раз был получен.

О самой украинизации 34-го армейского корпуса я тут писать не буду. Интересующихся же этим вопросом отсылаю к статье В. Згуровского «Украинизация 34-го армейского корпуса» в № 414-м «Часового», от ноября 1960 года. Скажу тут только, что из всей этой «украинизации», цель которой была поднять дух и возвратить боеспособность войсковым частям, ничего не вышло. После попытки русского наступления (Керенского) летом 1917 года, развал армии достиг слишком больших размеров, чтобы еще можно было что либо сделать, чтобы оздоровить армию и вернуть ей боеспособность. Кроме того, Центральная Рада, так называвшееся тогдашнее правительство Украины, слишком боялась диктатуры дисциплинированного войска, вооруженного и хорошо обученного и поэтому, вместо того, чтобы содействовать этой «украинизации», она всеми способами ее затрудняла и тормозила. Предполагая, что его историческая, гетманская фамилия вызывает эти опасения социалистической Центральной Рады, в конце 1917 года генерал Скоропадский отказался от дальнейшего командования корпусом и на его место был назначен генерал Гандзюк.

Между тем наступила зима 1918 года. В России уже в минувшем октябре власть перешла к большевикам. Однако, Украину возглавляла

пока что еще Центральная Рада, хотя ее дни были уже сочтены, так как она не имела, по своей собственной вине, никаких войск для обороны страны. А большевицкий «главковерх» Муравьев уже приближался со своими бандами к Киеву. Получив об этом сведения, генерал Гандзюк решил сделать последнюю попытку уговорить Центральную Раду опомниться и при помощи того, что еще осталось боеспособным из 34-го армейского корпуса, противостоять Муравьеву. Для этого отправился он 25-го января в сопровождении начальника штаба корпуса генерального штаба генерала Сафонова и полковника Гаевского в Киев.

Поездка эта оказалась для него роковой. Не доезжая до Киева, автомобиль их был остановлен бандой матросов, человек в 20-25. Оказалось, что еще накануне Киев был захвачен бандами Муравьева, о чем в штабе корпуса, находившемся в Белой Церкви, еще ничего не было известно.

Опознав генералов, матросы хотели тут же их расстрелять. Однако, генерал Гандзюк потребовал от матросов отвести их к своему высшему начальству. Их привезли в Киев и представили так называемому военному трибуналу, который возглавлял сам Муравьев.

Обоим генералам и полковнику Гаевскому было предложено вступить в Красную армию, от чего они отказались. Тогда последовал приговор Трибунала: «Отправить их в штаб Духонина».

Арестованных отвезли поездом к зданию Военно-Инженерного училища, где было место большевицких расстрелов. В вагон ворвалась толпа матросов и, угрожая штыками, скомандовала «Выходи на расстрел!» Тогда генерал Гандзюк обратился к своим спутникам со следующими словами: «Просить и унижаться перед этими мерзавцами не будем! Единственное, что могу пожелать нам, — это умереть героями!». Сказав это, обнял генерала Сафонова и полковника Гаевского и расцеловался с ними. После чего он заявил: «Как командир корпуса, я выхожу на расстрел первым!» Это происходило уже после 17 часов 25-го января 1918 года.

У стены здания Военно-Инженерного училища находилась коновязь. К этой коновязи подвели матросы арестованных генералов. Раздался залп и оба генерала упали. Тогда полковник Гаевский, видя, что теперь будет его очередь, пока матросы еще возились при расстрелянных генералах, воспользовался наступившей темнотой и бросился бежать. Сначала матросы оторопели, потом стали беспорядочно стрелять вслед убегающему, но только легко ранили его.

Таким образом полковник Гаевский спасся от расстрела и, благодаря этому, стали известны все подробности о последнем дне героической жизни Якова Григорьевича Гандзюка, этого выдающегося представителя нашей бывшей Императорской армии.

Летом 1918 года, когда власть на Украине перешла к гетману Скоропадскому, после долгих и тщательных поисков, наконец удалось найти тела обоих, зверски убитых большевиками генералов в массовой могиле на одном из Киевских кладбищ. Теперь они были похоронены с отданием воинских почестей на маленьком кладбище около развалин монастыря на Подоле. Ввиду того, что на теле генерала Гандзюка были обнаружены 12 штыковых ран, надо полагать, что он не был сразу убит при расстреле и только позже прикончен штыками.

На могиле генерала Гандзюка был поставлен простой дубовый крест с надписью: «Здесь покоится прах генерал-маиора Я. Г. Гандзюка, зверски убитого большевиками 25-го января 1918 года».

Так трагически закончилась героическая жизнь этого скромного, но выдающегося представителя нашей старой Императорской армии, всю свою жизнь, все силы и здоровье посвятившего своей родине, которой он остался верен до конца.

В. Кочубей

Пеший бой 10-го Драгунского Новгородского Полка у местечка Балигрод на высоте 810, в Карпатах

Обстановка, предшествовавшая бою

В середине февраля 1915 года 13-ая пехотная дивизия занимала позицию к югу от местечка Балигрод на высотах, из которых высота 810 имела особо важное тактическое значение, так как запирала шоссе от деревни Воля Михова на местечко Балигрод и, далее, на станцию железной дороги Лиско.

Оценивая важность этого направления, австрийцы сосредоточили значительные силы и, после нескольких дней настойчивых атак, утром 15-го февраля овладели высотой 759. Сбив с этой позиции пять рот 52-го пехотного Виленского полка и три роты 49-го пехотного Брестского полка, они заняли деревню Лубне и утвердились на высоте 810 и на ее юго-восточных склонах.

На поддержку 13-ой пехотной дивизии была спешно выдвинута 1-ая бригада 10-ой кавалерийской дивизии, которой было приказано занять спешенными частями северо-западные склоны высоты 810.

12-го февраля в 6 часов вечера 10-й драгунский Новгородский полк, занимавший позиции по реке Сан, был сменен 1-м Оренбургским казачьим полком и отведен в деревню Михновец, где к утру 13-го февраля были собраны все эскадроны.

13-го февраля полк в составе 1-ой бригады 10-й кавалерийской дивизии под командой генерал-майора Маркова совместно с 10-м уланским Одесским полком выступил в 6 часов вечера из деревни Михновец для следования в деревню Загорж в составе войск 8-го корпуса. В 2 часа ночи полк прибыл в деревню Ваньково, где и стал на ночлег.

14-го февраля полк в составе 1-ой бригады выступил в 10 часов утра из деревни Ваньково и в 2 часа дня прибыл в деревню Загорж, а в 4 часа дня стал н ночлег в деревне Пораз.

15-го февраля в деревне Пораз предполагалась дневка, но было получено экстренное приказание выступать в 12 часов дня и идти в составе бригады в деревню Хочев, но по дороге к командиру бригады подъехал ординарец и привез новое приказание от начальника 13-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Лихачева —идти как можно скорее по направлению к местечку Балигрод, с целью оказать помощь его дивизии, позиции которой сильно теснимы австрийцами. Бригада пошла ускоренным переменным аллюром и к вечеру того же дня пришла в местечко Балигрод, а к 10 часам вечера подошла к позиции 13-ой пехотной дивизии к югу от местечка Балигрод, к высоте 810, у «Раббе». Здесь бригада спешилась, эскадроны заняли позиции, а коноводы были отправлены в местечко Балигрод.

Предполагалось ночью атаковать австрийцев, но наши слабые силы, занимавшие подступы к высоте 810, заставили начальника отряда полковника Шевцова, командира 52-го пехотного Виленского полка, отложить атаку до прихода своего резерва, 137-го пехотного Нежинского полка, который ожидался в ночь с 15-го на 16-ое февраля и от которого прибыл к 4 часам утра 16-го февраля только 3-ий батальон, а остальные части полка прибыли к 9 часам утра, то есть после боя.

Расположение частей перед боем.

В центре, у подножия высоты 810, в рассыпном строю заняли позицию 6 спешенных эскадронов 10-го драгунского Новгородского полка, влево — 4 эскадрона 10-го уланского Одесского полка, а вправо — 14-ая рота 52-го пехотного Виленского полка, 1-ый эскадрон уланского полка, одна рота 137-го пехотного Нежинского полка и 2-ой эскадрон улан. Во второй линии заняли позицию резервы, состоявшие из 3-го батальона 137-го пехотного Нежинского полка, и одной сборной роты из 1-й, 3-й и 15-й рот 52-го пехотного Виленского полка. Эти резервы были расположены позади двух эскадронов улан, 14-ой роты Виленцев и 6-го эскадрона драгун. По занятии позиции были высланы от эскадронов разведчики; производство разведки затруднялось темнотой, глубоким снегом и огнем противника. Разведчикам приходилось приближаться близко к окопам, чтобы их обнаружить, выяснить направление и силы противника, и в этом им помогали до некоторой степени сами австрийцы своим огнем по разведчикам. К 4 часам ночи разведчики вернулись и ориентировали начальствующих лиц о месте расположения окопов противника и подходов к ним.

Бой

16-го февраля, ровно в 5 часов утра, был отдан приказ по цепи: «Цепь вперед!». Без шума поднялись драгуны и без выстрелов двинулись вперед, в направлении высоты 810. Поднявшись на гору, они были обнаружены и встречены с расстояния около 200 шагов сильным ружейным и пулеметным огнем,но цепи не остановились, а бросились неудержимо вперед, горя желанием скорее добраться до окопов противника, до штыковой схватки. Передовые окопы, занятые австрийцами, были взяты, часть австрийцев переколота, многие взяты в плен, и только отдельные люди успели укрыться во вторую линию окопов. Тут пали смертью храбрых, ведя свои взводы в атаку, корнет Зарудной и прапорщик барон Мегден-фон Альтенвога. Поручику Колмакову с шестью драгунами удалось добраться до вражеского пулемета и захватить его, но австрийцы бросили несколько ручных гранат, коими убили поручика Колмакова и драгун, бывших с ним, пулемет же оттянули назад.

Началась борьба за вторую линию окопов. Местность была крайне неблагоприятная, ровная, легко обстреливаемая ружейным и пулеметным огнем. Открытое наступление становилось невозможным. Командующий 4-м эскадроном, поручик Апостолов, все таки кинулся вперед, увлекая за собою драгун, но все они пали смертью храбрых перед австрийскими окопами.

Начинался рассвет. Австрийцы били на выбор. Повторять атаку не было уже свободных сил (по приходе полка в Балигрод никто из полкового начальства не предполагал, что так неожидано и быстро полк ввяжется в бой, а потому командирами эскадронов были высланы фуражиры, что и стало причиной малочисленности спешенных драгун). Тем не менее, высота 810 оставалась в наших руках и, таким образом, задача, поставленная частям 10-й кавалерийской дивизии, была выполнена. Пришлось закрепиться в окопах первой линии и ждать подхода пехоты.

После взятия первой линии окопов, цепи драгун поредели настолько, что противник мог бы легко вернуть оставленные им окопы. Между тем, резерв наш, около 4 рот пехоты, находился во все время нашей атаки на своих местах и, несмотря на посылаемые полковником Яненко приказания двинуться вперед, чтобы занять захваченные нами окопы, оставался на месте, не желая следовать примеру единственного прапорщика, командовавшего этим резервом, который доложил полковнику Яненко, что ничего со своими людьми сделать не может. Тогда названный штаб-офицер сам пошел к резерву и при помощи офицеров-драгун заставил эти роты двинуться вперед и расположиться в занятых уже драгунами окопах, чем и закрепил захваченную позицию.

Потери убитыми и ранеными, как в офицерском составе, так и в драгунах, достигали 50%.

Убиты были: поручики Апостолов и Колмаков, корнет Зарудный и прапорщик барон Мегден-фон Альтенвога. Драгун убито 32, пропало без вести 2. Ранены были: ротмистр Гелитовский, штабс-ротмистр Герценвиц, поручики Беляев и Крыжановский, корнет Аплечеев, прапорщик Сигида. Драгун ранено 85. Контужены были: ротмистр Дудоркин и поручик Лангаммер.

Целый день 16-го февраля драгуны провели в окопах и лишь к вечеру их сменили подошедшие части 137-го пехотного Нежинского полка. Ночью к позициям коноводы подвели лошадей и в 2 часа ночи полк прибыл в Балигрод.

17-го февраля согласно полученному приказанию полк в составе 1-ой бригады 10-й кавалерийской дивизии выступил из Балигрода в 10 часов утра и в тот же день вечером прибыл в деревню Ваньково на ночлег. 18-го февраля — дневка в деревне Ваньково.

19-го февраля, вследствие полученного приказа идти на присоединение к своей дивизии, полки 1-ой бригады выступили в 8 часов из Ваньково. В 9 часов утра Новгородский полк прибыл к станции железной дороги Ольшанцы, где в то время стоял вагон с телами четырех убитых под Балигродом офицеров. Полк в спешенном строю был подведен к этому вагону и полковой священник отслужил панихиду. По окончании ее, командир полка, взяв штандарт, благословил им тела павших офицеров, а затем полк был посажен на коней и пошел в село Михновец, куда и прибыл в 10 часов веч.

20-го и 21-го февраля — дневка.

Интересно отметить особенности этого боя, а именно: В бою за высоту 810 с обеих сторон не участвовала артиллерия. С нашей стороны не принимали участия в бою пулеметы и не было ручных гранат. Ружейный огонь был также незначительным.

Успех боя был расчитан на внезапность, по-суворовски: глазомер, быстрота и натиск; коли штыком, бей прикладом! Так победоносно был закончен пеший бой Новгородских драгун в холодную лунную ночь 16-го февраля 1915 года в Карпатах, у высоты 810.

Большие потери, понесенные полком, объясняются тем, что драгунам пришлось брать окопы, принадлежавшие нашей же пехоте и позволявшие противнику, занимая ходы сообщения в нашу сторону, обстреливать наступавших драгун фланговым и перекрестным огнем.

Шт. Ротм. А. А. Трингам

Из отдельных эпизодов боя заслуживают внимания следующие подвиги (выписки из дневников командиров эскадронов):

1-ый эскадрон: Командир 1-го эскадрона, ротмистр Герценвиц, наступая со своим эскадроном на левом фланге полка, находился во все время атаки высоты 810 впереди своего эскадрона. Будучи тяжело ранен в ногу, ротмистр Герценвиц был вынужден оставить строй, тем не менее вверенный ему эскадрон исполнил свою задачу до конца и взял неприятельский окоп, несмотря на фланговый пулеметный огонь с левого, соседнего участка неприятельской позиции.

Корнет Коламейцев, командуя взводом 1-го эскадрона, после ранения командира эскадрона ротмистра Герценвица, вступил в командование эскадроном и, подавая пример мужества, несмотря на сосредоточенный по эскадрону ружейный и пулеметный фланговый огонь, причинявший значительные потери, довел атаку до конца и взял неприятельский окоп.

Взводный унтер-офицер 1-го эскадрона Михаил Мисливец и драгун того же эскадрона Алексей Начкепия, во время атаки высоты 810, пробрались в тыл австрийцам, занимавшим окоп, и бросились на австрийский пулемет, привязанный к дереву. Брошенной австрийцами ручной гранатой драгун Начкепия был убит, а взводный унтер-офицер Мисливец, чудом спасшийся, присоединился к эскадрону.

Драгун того же эскадрона Артем Яшин, желая во что бы то ни стало вынести тело убитого товарища, оставшееся впереди второй линии окопов противника, с наступлением темноты пробрался вперед и здесь, подобрав труп своего друга, отдал свою жизнь, сраженный неприятельской пулей почти в упор.

3-ий эскадрон. Поручик Колмаков, командир взвода, вызвав охотников для взятия пулемета противника, опередив цепь эскадрона, приблизился без выстрела к окопу неприятеля и с криком «Ура! драгуны, за мной!» бросился вперед на действующий пулемет, увлекая своим доблестным примером охотников. Вскочив в неприятельский окоп с шестью драгунами, поручик Колмаков собственноручно захватил пулемет, но в это время был сражен ручной гранатой, брошенной австрийским офицером и тут же пал мертвым вместе с унтер-офицером Рассохой, ефрейтором Морозовым и драгуном Марковым. Драгуны Кучеренко, Андрющенко и вольноопределяющийся Трингам были тяжело ранены. Пулемет австрийцы успели вынести из окопа и таким образом трофей этот выскользнул из рук драгун 3-го эскадрона, но подвиг их облегчил взятие окопов подошедшей цепью.

4-ый эскадрон. Временно командующий эскадроном поручик Апостолов, служа примером беззаветного мужества и храбрости, повел эскадрон в атаку на неприятельский окоп на высоте 810, который и был взят, а затем, с оставшимися людьми эскадрона он, по собственной инициативе, решил атаковать и вторую линию окопов. Во время этой второй атаки был убит он и командир взвода, прапорщик барон Мегден-фон Альтенвога (младший). Неизвестный драгун 4-го эскадрона, не взирая на сильнейший огонь противника, вынес тело своего командира эскадрона, поручика Апостолова.

6-ой эскадрон. Командир этого эскадрона, ротмистр Дудоркин находился с эскадроном на правом фланге полка, имея правее роту 52-го пехотного Виленского полка, а левее — 4-ый эскадрон 10-го драгунского Новгородского полка. С началом общего наступления, ротмистр Дудоркин повел свой эскадрон без выстрела. Австрийцы, обнаружив наступление, открыли сильный ружейный огонь, к которому присоединились и пулеметы, расстреливая наступающих с дистанции прямого выстрела. Вскоре командир 14-ой роты Виленцев, наступавшей правее, выбыл из строя убитым или раненым, и рота стала задерживаться. Драгуны же продолжали наступление, однако и они, неся большие потери, начали колебаться. Тогда ротмистр Дудоркин стал перед своим эскадроном и с возгласом: «Братцы, не отставать! За мной, ура!», с обнаженной шашкой бросился на окопы противника, увлекая своим доблестным примером вверенный ему эскадрон. Видя своего любимого командира первым ворвавшимся в окоп противника, драгуны эскадрона бросились в рукопашную и завязался штыковой бой. Имея правее себя неатакованный участок неприятельской позиции, защитники которого открыли огонь во фланг 6-му эскадрону Новгородцев, ротмистр Дудоркин, правильно оценивая обстановку, побежал к 14-ой роте Виленцев.

Рота эта, потеряв командира, остановилась раньше, залегла между деревьев и, крича «ура», не решалась продолжать наступление. Ротмистр Дудоркин обратился к Виленцам со словами: «Братцы, выручай драгун, сейчас возьмем еще один окоп, и конец бою!» и став перед ротой, с криком «ура» бегом направился к окопам противника. Призыв этот не имел отклика и 14-ая рота оставалась неподвижной. Тогда ротмистр Дудоркин выхватил револьвер из кобуры и, вновь возвратясь к Виленцам, громко произнес: «Если вы не пойдете за мной, я буду стрелять в вас!» и добавил «за мной, ребята!». Рота поднялась и с криком «ура!» бросилась в атаку, овладела окопом, чем и закрепила успех, достигнутый горстью Новгородцев 6-го эскадрона. В плен было захвачено 44 австрийца, взятых драгунами. В этой атаке был убит младший офицер эскадрона корнет За-

рудный, ранен ротмистр Гелитовский и контужен ротмистр Дудоркин. Из 41 драгуна спешенного эскадрона осталось 20 человек.

Корнет Романчук-Федорович, командуя взводом 6-го эскадрона, под сильнейшим фронтальным и фланговым огнем противника довел атаку своего взвода до конца и взял неприятельский окоп, после чего, исполняя приказание своего командира эскадрона, с горстью людей своего взвода зашел в тыл противнику, занимавшему соседний окоп и с криком «ура» ворвался в окоп, чем в значительной степени способствовал успеху атаки с фронта подведенной ротмистром Дудоркиным 14-ой роты Виленского полка.

В этой схватке младший унтер-офицер 6-го эскадрона Василий Берников, видя своего командира эскадрона упавшим с обнаженной шашкой и над ним — замахнувшегося прикладом австрийца, ударом штыка опрокинул австрийца и тем спас жизнь своего командира, ротмистра Дудоркина.

Во время рукопашного боя в неприятельских окопах, драгун 6-го эскадрона, имя которого осталось неизвестным, видя австрийца, направившего винтовку в упор на корнета Романчука-Федоровича, ударом приклада размозжил австрийцу голову и тем спас жизнь корнету.

В числе первых ворвавшихся в неприятельские окопы, был младший унтер-офицер 6-го эскадрона Василий Марченко, вслед за этим убитый. Марченко был кавалером двух степеней Георгиевского креста.

6-го эскадрона младшие унтер-офицеры Тимофей Лавриков и Евдоким Дудка под сильным огнем противника вынесли тело убитого в этом бою корнета Зарудного.

ИЗ ПРИКАЗА ПО ПОЛКУ В ГОДОВЩИНУ БОЯ 16-го ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА

В день 16 февраля 1915 года 10-й драгунский Новгородский полк вписал в свою историю новую славную страницу. Бой под Балигродом красноречиво показал, что конница, воспитанная в том духе, которым полны Новгородцы, способна решать активные задачи и в пешем строю. Новгородцы, имея в рядах своих эскадронов менее 50-ти спешенных бойцов, боз резервов и поддержки, не задумались ни на секунду перед тем, чтобы сломить сопротивление наших врагов, австрийской пехоты, занимавшей командующие высоты и укрытой в окопах. Ни тяжелые условия местности, ни высокие сугробы снега, ни обледеневшие скаты, ни жестокий огонь неприятельских винтовок и пулеметов, ни ночная темнота, ни неудача, постигшая нашу пехоту в предшествовавшие дни, на поддержку которой пришли драгуны и уланы, ничто не поколебало решимости Новгородцев довести порученное им дело до конца.

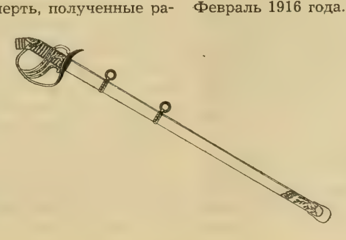
Сильные духом, верные присяге Новгородцы выполнили поставленную им задачу до конца и вернули нам то, что накануне пришлось уступить врагу нашей пехоте.

Пусть же геройская смерть, полученные раны и славные подвиги доблестных Новгородцев, участников исключительного в истории конницы наступательного боя в пешем строю, бывшего под Балигродом в великую вторую Отечественную войну, останутся в незабвенной, вечной памяти славного Новгородского полка. Будем же гордиться этим славным, великим днем 16-го февраля 1915 года и пусть пример ротмистра Дудоркина, поручика Колмакова, поручика Апостолова, корнетов Зарудного, Романчука-Федоровича, штабс-ротмистра Герценвица, корнета Коламейцева и братьев-драгун: Мисливца, Нечкепия, Яшина, Рассоха, Макарова, Кучеренко, Андрющенко, Танцуры, Лаврикова, Дудки, Марченко и других героев, послужит нам путеводной звездой в будущей нашей боевой деятельности во славу обожаемого Государя, дорогой нашей родины и доблестного, родного нашего Новгородского полка.

Приказ этот прочесть во всех эскадронах и командах.

Подписал: Командир полка
Полковник Прохоров

Февраль 1916 года.

ВИЛЬНА - ЛЮБЛИН

Зимой 1911-1912 гг возникла мысль о желательности увековечения памяти предков 108-го пехотного Саратовского полка — егерей 12-го и 13-го батальонов, участвовавших в боях на реке Березине 26-29 ноября 1812 года у деревни Брили, Борисовского уезда Минской губернии, постановкой скромного памятника на месте боя. Составить проект памятника, по предложению офицеров я поручил командиру 10-й роты капитану Демякову, строителю нескольких офицерских бараков и собственного небольшого дома в городе. Он справился с этой задачей вполне.

Проект памятника: колонна, украшенная двуглавым орлом, с надписью: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Евангелие от Иоанна, гл. 15, ст. 13), был мною одобрен и утвержден. Этой же зимой капитан Демяков с начальником хозяйственной части полка подполковником Сацукевичем и несколькими солдатами-мастеровыми отправился на рекогносцировку местности у переправы и выбора места для памятника. Об этом я предварительно сообщил Минскому Губернатору и Борисовскому Исправнику. Работы начались, но не могли быть закончены ко дню празднования Бородинского сражения, а потому постановка памятника и его торжественное освящение были отложены на весну 1913 года.

Осенью 1912 года, во время подвижного сбора, штабом округа была получена телеграмма Главного Штаба: согласен ли я и нет ли препятствий к назначению меня генералом-квартирмейстером штаба Московского военного округа? Не спрашивая меня за моим отсутствием из Вильны, командир корпуса генерал-адъютант Ренненкампф сообщил штабу округа, что я согласен и препятствий к назначению нет. Однако, на эту должность был назначен полковник Серебряков.

Примечание сына: В своих воспоминаниях, писавшихся в положении Ди-Пи в Германии после 2-ой мировой войны, отец пропустил несколько эпизодов, которые с его слов я помню совершенно точно. В данном случае он опустил подробности, приведшие его к поездке в Петербург.

Генерал-Маиоры Генерального Штаба на должностях Генерального Штаба были, вообще говоря, равны по положению, но генерал-квартирмейстер штаба округа был как-бы «первым между равными», руководителем прочих в своем округе. Поэтому то, для зачисления в кандидаты на эту должность нужна была особая аттестация, которую в 1912 году имели Серебряков, Милоданович и Ломновский.

Назначение Серебрякова в Москву было вполне естественным: он был старшим. Но затем освободилась такая же должность в Киеве, и туда был назначен Ломновский. Это было тоже в порядке вещей, так как запрашивался и командующий войсками округа, кого он желает иметь у себя? В данном случае генерал-адъютант Иванов знал Ломновского по прежней службе, но с моим отцом никогда и нигде не встречался.

Тут было, однако, для моего отца неприятное обстоятельство: производство в генералы было всегда «за отличие по службе», то есть со старшинством со дня производства! Таким образом Ломновский его обгонял! Так или иначе, отец оказывался теперь старшим кандидатом и был почти уверен, что следующая вакансия будет его.

Однако, в течение зимы освободилось еще несколько мест. На телеграммы Главного Штаба отец отвечал «согласен» (если должность была западнее Волги) или «не согласен» (если она была восточнее), но назначение получал кто-нибудь другой, даже не кандидат! Поэтому то, весной 1913 года он и поехал в Главное Управление Генерального Штаба (как он говорил — «ругаться!»)

Продолжаю по воспоминаниям отца:

В апреле 1913 года я взял двухнедельный отпуск и, прежде всего, поехал в Петербург, так как открылась вакансия генерал-квартирмейстера Варшавского военного округа. Мне хотелось выяснить, могу ли я получить это назначение, раз я теперь старший кандидат на эту должность. В Главном Управлении Генерального Штаба я прошел в кабинет генерал-квартирмейстера Юрия Данилова («Черного», был еще другой Данилов, «Рыжий»).

На мой вопрос он ответил, что на должность генерал-квартирмейстера в Варшаву будет назначен начальник штба 14-го армейского корпуса генерал-маиор Леонтьев, о котором посту-

пило ходатайство командующего войсками округа.

Тогда я спросил, могу ли я рассчитывать на назначение начальником штаба 14-го армейского корпуса. Услыхав от него, что туда будет перемещен начальник штаба одного из Сибирских корпусов, генерал-маиор Козлов, я возмутился и сказал генералу Данилову: «Видно моя служба не ценится, если меня не хотят назначить ни на одну из открывающихся вакансий!»

«Помилуйте», — возразил Данилов. — «Начальник Генерального Штаба знает и ценит Вашу службу. Доказательством этого то, что Вы состоите в кандидатских списках на все должности по Генеральному Штабу и на начальника военного училища».

«Какая же от этого польза для меня, если я только **числюсь** кандидатом?» сказал я, и разговор на этом закончился.

Из Петербурга я отправился в свой хутор, остановившись по пути на один день в Киеве, где гостила у родственников моя жена. Я рассказал ей о своем посещении Главного Штаба и поехал дальше. На хуторе я пробыл два дня. Это было мое последнее посещение его. Мой арендатор и некоторые другие жители села Ржавец атаковали меня просьбами продать им землю, так как я, состоя на службе, жить на хуторе не могу, и предлагали мне хорошую цену: 500 рублей за десятину. Но в то время я считал, что лучше иметь в своих руках землю, чем деньги, которые могут легко уйти, а земля — нечто более верное, тем более, что цены на нее растут. Так далек я был тогда от предвидения недалекого будущего!

На возвратном пути я опять заехал в Киев и от жены узнал, что в мое отсутствие была получена срочная телеграмма на мое имя с запросом: согласен ли я на назначение начальником штаба 14-го армейского корпуса? Требовался срочный ответ (совесть у генерала Данилова, очевидно, заговорила!). Жена, будучи в курсе моих желаний, ответила моим именем «согласен», но это обстоятельство ее все же несколько смущало.

В Вильну мы вернулись 1-го мая. Дома мы застали карточку генерала Ренненкампфа с приглашением к нему в этот же день вечером. Придя туда, я несколько замешкался в передней, жена уже вошла в зал, и Ренненкампф встретил ее словами: «А где же генерал?» «Какой генерал?» — ответила ему вопросом жена. «Да Ваш муж». «Но, ведь он — полковник!» — «А я уверен, что — генерал!» — ответил Ренненкампф. Он был прав: на следующий же день я получил поздравительную телеграмму генерала Кондзеровского (дежурного генерала Главного Штаба). Высочайший приказ о моем производстве в генерал-маиоры с назначением начальником штаба 14-го армейского корпуса состоялся 1-го мая.

Саратовский полк находился в это время в районе станции Новосвенцяны Петербурго-Варшавской железной дороги на охране Императорского поезда. Переночевав в Вильне, я приехал в Алексеевский лагерь (летний лагерь 27-ой пехотной дивизии) близ Новосвенцян. Там уже знали о моем производстве, так как телеграмма генерала Кондзеровского была получена в лагере. Начальник охраны встретил меня рапортом, титулуя «превосходительством», что удивило бывшую на станции публику, так как я был еще в форме полковника, командира полка.

Работы по постановке нашего памятника у деревни Брили закончились. Я был очень рад этому, так как хотел, чтобы открытие памятника состоялось в моем присутствии, до отъезда к новому месту служения. Для торжества открытия пришлось выполнить много подготовительных операций. Так, для переезда по железной дороге почетной роты с хором музыки и чинов полка, я выхлопотал отдельный беспересадочный вагон до Борисова, а оттуда, до деревни Брили, зафрахтовал пароход. Были разосланы приглашения начальствующим лицам и командирам полков Виленского военного округа, командиру 4-го армейского корпуса, Виленскому и Минскому губернаторам и т. д. Хозяйственной части полка нужно было закупить в Вильне продукты, закуски, вина, взять с собой посуду для обеда, а столы, стулья, дрова и прочее раздобыть на месте.

По приезде рано утром в Борисов, мы все отправились на пристань. Там уже стоял под парами наш пароход. Утро было чудное, день — ясный, безоблачный, точно по заказу! Поездка по реке была большим удовольствием. На берегах реки обыватели работали в полях и, как только раздавались звуки полкового хора музыки, бежали к реке, чтобы не упустить такого небывалого случая.

Наконец мы прибыли к пристани и высадились. Неподалеку от пристани мы увидели и наш памятник, покрытый белым покрывалом. К нему потянулись все прибывшие, духовенство и депутации. Покрывало с памятника было снято и приступлено к его освящению и окроплению святой водой присутствующих и частей войск (от Саратовского полка была 1-ая рота с полковым знаменем). Затем войска прошли мимо памятника церемониальным маршем. После этого я пригласил присутствовавших к обеду в разбитой недалеко от памятника полковой столовой палатке.

В конце обеда генерал Ренненкампф провозгласил тост за здоровье Государя Императора, покрытый громким «ура» и звуками Народного Гимна. И здесь также была пропета «Вечная память» нашим предкам-егерям, погибшим при переправе в бою с отступавшими французами.

Говорились приличествующие случаю речи (я вкратце описал ход боя на Березине). Перед вечером все присутствовавшие возвратились на пароход и к утру были дома.

Эта поездка на открытие памятника произвела на всех участников неизгладимое впечатление, в особенности, понятно, на Саратовцев. Я подробно описал это событие в «Русском Инвалиде».

В мае-же, в Вильне, состоялось освящение храма Воскресения, в память 300-летия царствования Дома Романовых, построенного на Большой Погулянке. На освящение прибыла Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. От всех частей гарнизона было назначено на парад по одной роте. Я тогда еще не сдал полка своему преемнику и в последний раз стоял на фланге роты полка, которым имел честь командовать пять с небольшим лет. Но был я уже не в форме полка, а в мундире Генерального Штаба.

По окончании богослужения, командующий войсками округа генерал-адъютант Ренненкампф обошел фронт частей и провозгласил здравицу Государю Императору. Провозгласил таковую же присутствовавшей на параде Великой Княгине Елисавете Феодоровне ему не пришло в голову. Это был, конечно, промах с его стороны.

В конце мая возвратился из поездки в Люблин отбывавший ценз командования батальоном подполковник Генерального Штаба В. Н. фон-Дрейер, состоявший в должности штаб-офицера для особых поручений при штабе 14-го армейского корпуса, и сообщил, что командир этого корпуса, генерал-от инфантерии Войшин-Мурдас-Жилинский высказал пожелание, чтобы я приехал в Люблин хоть на один день, чтобы познакомиться со мной. Пришлось съездить туда налегке.

Я выехал из Алексеевского лагеря вечером и прибыл в Люблин довольно рано утром на следующий день. С вокзала проехал в приличную гостинницу на главной улице, Краковском Предместье, привел себя в порядок, напился кофе, переоделся в парадную форму и отправился на квартиру командира корпуса. Город показался мне симпатичным, чистеньким; освещение в городе — газовое, извощики парные, очень хорошие.

Квартира командира корпуса была уже за городскими воротами, в казенном доме, вблизи казарм 69-го пехотного Рязанского полка. При выезде из города, с правой стороны, прекрасный Саксонский сад с множеством красивых деревьев.

Командир корпуса произвел на меня очень приятное впечатление. Он был среднего роста, плотного сложения, с редкими волосами на голове, с длинными усами с подусниками. Он меня довольно скоро отпустил переодеться, посоветовал мне посмотреть квартиру моего предшественника и пригласил на обед, на котором должен был быть и Генерального Штаба генерал-маиор Кондратович, моего выпуска из Академии Генерального Штаба, командовавший полком во 2-ой стрелковой бригаде, а теперь назначенный начальником штаба корпуса в город Верный (эта должность предлагалась и мне, но я отказался от нее, не желая уезжать из Европейской России). Таким образом этот обед был встречным для меня и прощальным для Кондратовича.

Осмотрев рекомендованную мне квартиру (на новой Шопеновской улице), я признал ее вполне подходящей и внес плату за первый месяц. Квартира была на 2-ом этаже и состояла из семи комнат, со всеми удобствами и двумя балконами. Только освешение было непривычное, газовое. Она была близко к квартире командира корпуса и еще ближе к Саксонскому саду, прекрасному месту для прогулок. Квартирная плата была 900 рублей в год. Я был счастлив, что так легко был решен квартирный вопрос и после обеда у командира корпуса выехал из Люблина (причем для поездки на вокзал мне был подан уже штабной автомобиль).

В конце мая должен был состояться выпускной акт на французских курсах Смольного Института, на котором мы с женой хотели присутствовать (наши обе дочери учились там). Поэтому, перед отъездом в Петербург, я сдал командование полком вновь назначенному командиру, полковнику Струсевичу, 107-го пехотного Троицкого полка (Впоследствии полковник Струсевич был ранен в бою в Восточной Пруссии и скончался от столбняка. Следующим командиром полка был полковник Белолипецкий, раньше, при мне и Струсевиче, помошник командира полка. Впоследствии он остался у большевиков и издал книгу «Гибель XX-го корпуса в Августовских лесах». Самому Белолипецкому с адъютантом и несколькими чинами штаба удалось выйти из окружения.

Для прощания полк построился со знаменем и хором музыки впереди своего лагеря. Полковник Струсевич подал команду «Смирно!» и «Слушай на караул!» и подошел ко мне с рапортом. Я обошел полк, здороваясь с его частями. Затем полковой священник отслужил напутственный молебен, после окончания которого я подошел ко кресту, а затем к знамени, с которым простился коленопреклоненно, облобызав имевшийся на нем образ.

Затем я обратился к полку с последним своим словом, благодаря офицеров и нижних чинов за их примерную, доблестную службу и желая полку дальнейшего преуспевания, как в мирное, так и в военное время, если Державный Вождь будет вынужден обстоятельствами вступить в войну. При этом я высказал уверен-

ность, что полк не посрамит Земли Русской. После этого полк с новым командиром во главе прошел передо мной церемониальным маршем. Не могу скрыть, что я был очень взволнован всей обстановкой прощания с полком!

После возвращения из Петербурга, я был приглашен полковником Струсевичем на прощальный ужин в офицерском собрании полка. Произнесено было очень много речей, высказано много хороших слов, сожалений о моем уходе и добрых пожеланий в дальнейшей моей жизни и службе. Я чувствовал, что хотя я и был самым требовательным в дивизии командиром полка и строгим на службе, но это не мешало офицерам питать ко мне должное уважение, зная, что я и к себе предъявлял очень большие требования, был заботлив о подчиненных, справедлив и всегда щадил их самолюбие. Ни один офицер за мое пятилетнее командование полком не был мною арестован (исключением был случай, когда один отличный офицер, заведывавший охотничьей командой, штабс-капитан З., будучи в оцеплении стрельбища, ударил, не помню — за что, солдата оцепления 106-го пехотного Уфимского полка и попросил меня арестовать его, чтобы, понеся дисциплинарное взыскание, не был бы предан суду).

Я знал, что серьезные, добросовестные офицеры не ставили мне в вину мою требовательность на службе и знали, что я отделял службу от дружбы. Но «в семье не без урода», и есть люди, не отдающиеся службе, а служащие только «постольку-поскольку», по их мнению, служба оплачивается. Мещанская точка зрения!

С другой стороны, я был всегда того мнения, что если все офицеры довольны своим командиром, то это плохая для него аттестация, подобно тому, как, если все его ругают. В первом случае он — тряпка, во втором — самодур и, вообще, недалекого ума. И та и другая категория вредны для службы. Угодить всем нельзя, а потому самое лучшее, если добросовестные офицеры его, если и не очень любят, то уважают, а лентяи — ругают.

Через два дня мы уехали в Люблин. На полустанке «Алксеевский лагерь» собрались все офицеры полка с дамами. Командир полка поднес моей жене от имени чинов полка роскошный букет. Дамы, большинство которых приехало из Вильны, поднесли второй букет. Тут же находился хор музыки, исполнивший несколько номеров. Подали шампанское, начались пожелания счистливого пути, а затем мы начали прощаться со всеми. Многие дамы прощались со слезами на глазах, а другие плакали настоящим образом. Впечатление было такое, как будто бы это были наши похороны. Поезд тронулся под звуки полкового марша (Старо-Егерского. В. Е. М.). Таким образом закончился пятилетний период моей жизни. Как тогда, так и теперь, я считаю, что это был самый счастливый период моей деятельности.

В Люблине мы остановились в той же гостиннице, где я останавливался в первый мой приезд. На другой день я явился командиру корпуса и попросил у него два дня на устройство, в ожидании получения из Вильны обстановки, из Алексеевского лагеря — лошади и багажа. Все это прибыло во время и квартира всем нам очень понравилась.

На третий день по приезде я отправился к 10 часам утра в штаб корпуса и познакомился со своими сослуживцами. В числе их оказался мой хороший знакомый, инспектор артиллерии корпуса, генерал-лейтенант Артемий Соломонович Вартанов, бывший ранее в Вильне командиром 27-ой артиллерийской бригады.

Из подчиненных отсутствовал Генерального Штаба подполковник фон-Дрейер, отбывавший ценз командования батальоном в Саратовском полку. Налицо были: старший адъютант Генерального Штаба капитан Воскобойников, старший адъютант по инспекторской части штабс-капитан Соколов и по артиллерийской части штабс-капитан Лобанов. Вакансия обер-офицера для особых поручений (Генерального Штаба) не была замещена.

Я вскрыл почту, обошел помещения, опросил претензии у личного состава штаба, проверил наличие денежных сумм штаба, осмотрел хранящиеся в секретном шкафу мобилизационные планы штаба и формируемых при нем с объявлением мобилизации учреждений, и мне уже нечего было делать! Доклады командир корпуса принимал 2-3 раза в неделю (не считая экстренных). Я невольно сравнивал то живое дело с людским материалом в полку, когда на все едва хватало времени, с этим однообразным бумажным канцелярским делом!

В ближайшие праздничные дни мы сделали визиты губернатору Келеповскому (сперва я один представился ему, как представителю высшей гражданской власти) и его семье, состоявшей из супруги и красавицы-дочери, вице-губернатору Селецкому (только я один, так как он был холостым).

Селецкий имел очень приличную верховую лошадь и ездил с дочерью губернатора, которой мой предместник предоставил штабную верховую лошадь (штаб-трубача). Я не имел мужества отказать ей в этом.

Визиты по военной части включали: начальника 18-ой пехотной дивизии, генерал-лейтенанта Баланина, командира 18-ой ортиллерийской бригады, генерал-маиора Кучина, командира пехотной бригады, командира 69-го пехотного Рязанского полка и др. Затем, по гражданской части: всем начальникам управлений губернии, начальнику губернского жандармского

управления, управляющему отделением государственного банка.

Семья командира корпуса состояла из жены (сестры генерала Олохова) и ее старушки-матери; детей у них не было. Семья отличалась широким гостеприимством, и мы бывали там почти каждое воскресенье: или на обед, или вечером.

Спокойная, размеренная жизнь была вскоре прервана двумя полевыми поездками. Первая — офицеров Генерального Штаба Московского и Казанского военных округов с двумя представителями от Варшавского округа: я — от 14-го армейского корпуса и полковник Батранец — от 19-го. Эти два корпуса, вместе с некоторыми корпусами Московского и Казанского округов, предназначались для действий против Австро-Венгрии. Руководителем поездки был начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Миллер.

Вскоре последовала и другая, Главного Управления Генерального Штаба, под руководством Начальника Генерального Штаба, генерала-от кавалерии Жилинского и его помощника, генерала-квартирмейстера Юрия Данилова.

Обе поездки производились к югу от линии Брест Литовск — Луков — Любартов, в районе, примыкавшем к Австро-Венгрии, и вызывались они тревожным политическим положением, которое могло привести к войне еще в 1913 году. Обе поездки продолжались по 3 недели. Во время второй шли бесконечные дожди, мелкие реченки превратились в реки, а черноземная почва Волынской губернии — в жидкую грязь, чуть ли не по брюхо лошадям.

В конце августа в Варшавском военном округе состоялись большие маневры. Северной стороной командовал генерал-от инфантерии Войшин-Мурдас-Жилинский, а я при нем был начальником штаба. Поэтому мне пришлось предварительно составить «доклад» командиру корпуса, который представлял собой нечто вроде 3-ей темы дополнительного курса Академии, то есть заключал в себе военно-географический очерк театра предстоящих операций, средства края в отношении продовольствия войск и меры по снабжению их всем необходимым и, наконец, план предстоящих маневренных военных действий. Этот доклад, по одобрении его командиром корпуса, был представлен на утверждение командующему войсками округа.

По болезни командующего его замещал помощник его, генерал-от кавалерии Рауш-фон Траубенберг, который был и руководителем маневров. Главным посредником при нашей стороне был командир 15-го армейского корпуса генерал-от инфантерии Мартос. На этих маневрах нашему штабу был впервые придан отряд аэропланов. После отбоя мы с командиром корпуса проехали к самой границе и, остановившись у шлагбаума, некоторое время смотрели в сторону будущего врага.

После маневров тревожное политическое положение продолжалось, и из Главного Штаба последовало распоряжение, чтобы командир корпуса в течение зимнего периода произвел поверку мобилизационной готовности всех частей корпуса. Это распоряжение относилось, очевидно, ко всем корпусам Австро-Венгерского фронта.

14-ый армейский корпус состоял из 18-ой пехотной дивизии, 1-ой и 2-ой стрелковых бригад, 13-ой и 14-ой кавалерийских дивизий и 14-го саперного батальона. (Примечание сына: Территория корпуса была исключительно обширной: от Калиша до Владимира Волынского и от Галицийской границы до линии Лодзь-Варшава, включительно. В. Е. М.). Для производства поверочных мобилизаций приходилось выезжать из Люблина каждую неделю, а иногда и два раза в неделю.

Сперва генерал Жилинский приказал мне сообщать в части войск о времени его прибытия. Когда в первый раз мы приехали в один из полков, то на станции железной дороги нас встретил командир полка и все его прямые начальники, у станции стоял приготовленный экипаж, а в гостиннице была отведена квартира.

Я был не так воспитан в 3-ем армейском корпусе у Ренненкампфа, а потому и предложил генералу Жилинскому впредь не предупреждать о приезде, а появляться неожиданно, чтобы командир корпуса мог видеть, какой порядок установлен в части, на месте ли дежурный офицер, когда и как будет сообщено командиру части о прибытии командира корпуса, когда командир части прибудет в казармы и пр. Командир корпуса с этим согласился.

Дислокация частей корпуса была такова, что почти во все части нужно было ехать через Варшаву, а потому, если и было бы известно, что командир корпуса выехал из Люблина, то невозможно было определить, куда именно он едет.

Мы выезжали обыкновенно в 7-8 часов вечера и приезжали в Варшаву около 11 часов. В Варшаве мы ужинали, а затем садились в следующий поезд и к 6-8 часам утра были на месте, и на извощике, а то и пешком, шли прямо в казармы. В обратный путь выезжали тоже вечером, ужинали в Варшаве и на другой день были дома.

Близость Варшавы была очень удобна и, в случае устройства приема гостей, проще всего было проехать в Варшаву и купить там все, что было нужно.

За поездки в части войск мы получали прогонные деньги и суточные. Этот добавок к жалованию был таков, что я перестал чувствовать

недостаток в деньгах.

Осенью 1913 года в Люблине было два события: во первых, торжественное освящение здания государственного банка, после чего в этом здании был большой обед, а во вторых, приезд архиепископа Евлогия из своей резиденции в городе Холме. Архиепископ служил всенощную, а на другой день — литургию в переполненном молящимися местном соборе. После обедни начальники губернских правлений, председатель суда, прокурор, генералитет и много других лиц обедали у губернатора, который только за обедом вспомнил, что это был Рождественский пост, а между тем обед был приготовлен из скоромных блюд! Он был этим очень сконфужен и все извинялся перед владыкой. Но тот успокоил его, сказав, что по причине недостатка рыбы(?) в Привислинском крае, духовенству разрешается в пост и скоромная пища!

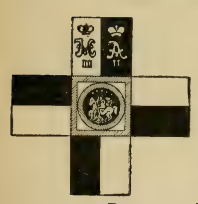
На Рождественских праздниках было несколько приемов у знакомых и танцовальных вечеров в местном клубе и в офицерском собрании Рязанского полка. Был прием и у нас. В некоторых домах мы с женой играли в винт, причем постоянным нашим партнером был генерал Вартанов.

Накануне Нового Года в местном театре шла опера «Фауст» на польском языке, поставленная варшавскими артистами. Представление затянулось и, когда мы вышли из театра и шли компанией пешком домой, на городских башенных часах пробило 12! Таким образом мы встретили Новый, 1914-й, Год не в доме где либо, а на улице. Кто то из наших спутников заметил, что это — дурной знак, который грозит нам потерей оседлости- И, действительно, с августа 1914 года наша семья лишилась навсегда оседлого образа жизни и начала бродить по свету.

Генерал **Е. А. Милоданович**

Сообщил:**В. Е. Милоданович**

Виленское Военное Училище

«Виленец и один в поле воин», так гласит девиз Виленского военного училища. Он не гармонирует с изречением народной мудрости: «один в поле не воин». Но в данном случае народ перемудрил. Военная история вполне подтверждает девиз Виленцев. В многочисленных боях 19-го и 20-го столетий они выполнили свой долг. В полках Виленцы показали себя как отличные строевики и гимнасты, исполнительные на службе, скромные в частной жизни и товарищи в духе своих старейших.

Родоначальником Виленского военного училища является Виленское пехотное юнкерское училище, основанное 29-го октября 1864 года, в эпоху «Великих Реформ». Освобождение крестьян от крепостной зависимости Императором Александром 2-ым коренным образом отразилось и на структуре нашей армии: из кастовой и профессиональной она превратилась в народную...Это повлекло за собою уменьшение срока службы и увеличение численности армии. Последнее, в свою очередь, потребовало увеличения офицерского кадра, что было проведено в жизнь талантливым военным министром Милютиным. Для подготовки офицеров в 1864 году были открыты 5 юнкерских училищ, в том числе и Виленское. С разными изменениями по учебной и строевой части оно функционировало до 1910 года, когда было переименовано в военное училище.

Отличительною чертою Виленцев является равенство. Сын москвича, граф М., сын крупного миллионера, известного Волжского рыбопромышленника К., сын простого железнодорожного служащего, все пользовались одинаковыми правами, были равны между собою. Всех объединяла идея служения Царю и Родине, объединяла железная дисциплина, муштра и товарищество. Офицеры училища поощряли это чувство. На должности портупей-юнкеров выдвигались способные, знающие и стойкие в моральном отношении юкера, без различия национальности, веры, голубой или другой крови. Юнкерам было запрещено иметь собственное обмундирование, белье и т. п., дабы и по внешности не было неравенства между имущими и неимущи-

ми юнкерами.

С благоговением вспоминаю родное свое училище. Никогда в жизни я не испытывал так глубоко благодать магического слова «равенство», как в стенах училища. В течение времени, на наших глазах, идею равенства и братства заменили концентрационные лагеря для военнопленных, колючая проволока, голодный паек и, зачастую, смерть. И на этом мрачном фоне зла и ненависти в памяти воскресает светлый образ: Виленец!

Вспоминаю своего командира 3-й роты, полковника Мастыко, Ивана Афиногеновича. Военный юрист, кончил первым военно-юридическую академию и был занесен на золотую доску. Опытный командир и педагог, он преподавал законоведение: гражданский, уголовный и военный кодекс. Человек кристальной честности, гуманный, добрейшей души, родной отец для юнкеров, искренний патриот. Когда случилась Цусима, он плакал, как ребенок, и вся рота плакала.

Юнкеров держали в порядке. Утром, даже в трескучий 30-ти градусный мороз, выходили на учебный плац в одних мундирах, без шинелей, и возвращались обратно мокрые, как мыши. От 8 утра до 3 часов дня были классные занятия, с перерывом для завтрака. Затем производились строевые занятия, вечером — опять классы. Спали на матрацах «тверже стали», дабы не приходили в голову дурные мысли, как утверждал наш старший врач, доктор Бабанчиков. Перед сном шли на гимнастику.

Кормили отлично: четыре раза в день. Утром — чай с французскою булкой и маслом, на завтрак, обед и ужин — горячие блюда. По воскресеньям и праздникам вместо чая давали какао. Юнкера сами ведали своим продовольствием. Чистота и порядок были образцовые.
Летом училище переходило в лагерь, тут-же на нагорном берегу реки Вилии. На стрельбу отправлялись в Казаклары, в 17 верстах от города Вильно. Выходили в 3 часа утра, целый день стреляли, вечером возвращались обратно. Приходили в лагерь ночью и отправлялись купаться в реке Вилии.

В августе месяце уходили на маневры. В течение месяца отмеривали своими ногами 600-700 верст. Снаряжали нас основательно: винтовка, скатанная шинель, котелок, кружка, палатка, учебные патроны, вещевой мешок с бельем и всяким иным скарбом; шанцевый инструмент: топор или лопатка. Полное снаряжение весило 70 фунтов. Мы были нагружены, как мулы.

Первый год, по неопытности, я набил свой вещевой мешок книгами, дабы не было скучно. Юнкера старшего курса молча смотрели на меня и ехидно улыбались. На первом же переходе у меня пропала всякая охота к чтению, и я выбросил из вещевого мешка все книги. Я, также, понял, почему они так ехидно улыбались. Маршировать по глубокому песку было не легко. Юнкера с завистью смотрели на встречных, кои шли налегке, без всякой нагрузки.

Один день выдался особенно жаркий; солнце палило так, что песок горел под ногами. Наши с трудом взяли длинный песчаный подъем и начали подниматься на следующий, более крутой. Когда юнкера достигли половины подъема, они стали, дабы перевести дух.

Нас обогнал начальник училища. Он посмотрел на юнкеров и сказал полковнику Мастыко: «вид юнкеров мне не нравится: головы опустили. Вперед!»

Как мы без передышки взяли гору, сам не знаю. Помогла песня. Когда наши почувствовали, что валятся с ног, кто то затянул бравурную песню; все подхватили ее и с маху взяли гору. На горе юнкера сомкнулись, дабы не сдать, и задрали головы к небу.

Начальник училища посмотрел на нас с высоты своего коня и флегматично заметил: «Ну, теперь как будто бы лучше. Вперед!».

Юнкера отмахали еще верст двадцать и поздно вечером пришли на место ночлега. Виленцы немножко устали. Когда им предложили ужин, они деликатно от него отказались. Училищные офицеры нисколько не удивились: они тоже когда то отказывались. Вообще, все было в порядке. Вот только с песнями у юнкеров были нелады. Юнкера любили так называемые «сердцещипательные» песни, вроде: «разбойнички идут», «Стеньки Разина челны» и т. п. Мастыко волновался: что за вкус у юнкеров, говорил он. Почему бы им не спеть «Как ныне сбирается вещий Олег» или «Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана». А то, извольте видеть, «разбойнички». Не понимаю! Мы тоже не понимали, но оставались при своих «разбойничках».

Снова стояла жара... Юнкера наступали перебежками по высокой, густой траве. Совершенно неожиданно для них, перед ними, как из под земли, выросла небольшая речка, скрытая в траве. Берега этой луговой речки были отвесные; перепрыгнуть ее нельзя было, а глубина — больше роста человеческого. Стрелковая цепь остановилась. Вот так фунт, подумали наши.

Полковник Мастыко перебегал позади стрелковой цепи. Не зная, в чем дело, он гаркнул: вперед! и 140 юнкеров, как один, бухнулись в воду и исчезли под водою. Мастыко окаменел!

Барахтаясь в воде, опираясь на штыки, подсаживая друг друга, юнкера с большими усилиями, но быстро выбрались на другой берег. Мастыко с другими офицерами подбежали к речке, увидели в чем дело и, для примера, тоже вскочили в воду. Потом мы их вытаскивали из

воды, как, по обыкновению, рыбаки вытаскивают щук.

Наступление продолжалось по песчаному картофельному полю. Земля прилипла к мокрой одежде и снаряжению. Через час они превратились в прочную броню, а юнкера стали похожими на средневековых рыцарей.

Однако, не всегда пригревало солнышко. На последних маневрах начались дожди. Небеса открылись, и дождь лил, как из ведра, днем и ночью,две недели подряд. Юнкера были — одна вода.

Особенно по ночам дождь донимал нас. Деревушки были малые, 7-8 дворов. Их занимали офицеры и штаб училища. Юнкера спали под открытым небом, в походных палатках или без них.

Оособенно приятно было отдыхать в тенистых садах. Высокая, сочная трава, полная мягкой дождевой воды. Одновременно спишь и купаешься; можно сказать, приятное с полезным.

Но однажды нашему взводу повезло: он попал в коровий сарай. Юнкера расположились на свежей соломе; это совсем не так плохо, как кажется на первый взгляд: лежишь себе, как на пуховике. И так тепло; даже — жарко. Приятно вспомнить. Нам завидовали: на нас не капало. Наконец, дождь перестал. Выглянуло благодатное солнышко. Одежда и снаряжение высохли, а вместе с ними, высохли и юнкера.

В конце августа месяца маневры заканчивались, юнкера возвращались в лагерь. По пути местное население шарахалось в стороны: наши были похожи на выходцев с того света. К тому же они слегка исхудали и напоминали гончих собак. Юнкера не унывали. Настроение у всех было прекрасное. Все были здоровы, а здоровье дороже всего. А впереди, — производство в первый офицерский чин, месяц отпуска и отъезд в полк.

— О —

Училищу дали знамя. Юнкера этим очень гордились. Знаменщиком был назначен старший портупей-юнкер Лисовский, «Коломенская каланча», как его звали за высокий рост.

Дух потерян, — все потеряно; так нас учили наши офицеры. А кто захочет потерять все? В течение всей своей жизни я строго держался этого правила и никогда не терял все, до последней крошки. И теперь, от моего прежнего достояния, остались офицерская кокарда и академический знак. Кто скажет, что я потерял все? Правда, время сделало свое: кокарда и знак потемнели. Опять не беда: дело не в цвете, а в духе. Так нас учили; так было, так есть и так будет во веки веков!

— О —

В 1905 году в училище прибыли группа студентов университета и несколько семинаристов выпускного курса духовной семинарии. Их прислали в училище, дабы железная училищная дисциплина вышибла у них из головы вольнодумство и революционный пыл. Другими словами, перевоспитать их в монархическом духе. Насколько это удалось, не берусь сказать. Они оказались великолепными товарищами и быстро ужились с нами. Они внесли известную долю либерализма в нашу замкнутую среду. Больше даже, некоторые юнкера начали посещать тайные собрания левых организаций. Однако, юнкеров привлекали на эти собрания не столько идеи Маркса и Энгельса, как курсистки и гимназистки: Ниночки, Верочки и Лелечки. Среди юнкеров появилась подпольная литература. Последняя едва не вышла мне боком.

Разгар лета. Училище стояло лагерем в солидных деревянных бараках: просторных, светлых и уютных.

Строевые занятия только что закончились и юнкера приводили себя в порядок. Запела сигнальная труба: стройся к обеду! Юнкера бросились замыкать свои шкафики, стоявшие у изголовья кроватей. Юнкер П., один из моих ближайших соседей, бросил мне книгу и впопыхах крикнул: «мой шкаф закрыт; положи книгу в свой». Я схватил книгу на-лету, ткнул ее в свой шкаф и замкнул.

Когда юнкера построились, раздалась новая команда: «открыть шкафы и оставить их открытыми». Команда была выполнена налету, и затем наши снова построились и ушли на обед в лагерную столовую.

После обеда юнкера вернулись в свои бараки. Ко мне подошел дежурный по бараку юнкер и доложил: «во время обеда здесь были жандармы; перерыли и осмотрели все шкафчики. Когда подошли к вашему, командир роты обратился к жандармскому ротмистру со словами: «нет надобности смотреть, портупей-юнкер»; ваш шкаф не тронули». Я не обратил внимания на последние слова дежурного юнкера. Не до того было. Все были заняты необыкновенным происшествием: жандармы — в училище!

Юнкера были ошеломлены! Они собирались группами и обсуждали неслыханное до сих пор событие. Во время разговора, юнкер П., бывший студент, сказал мне: верни мне книгу, кою я дал тебе на сохранение перед уходом на обед». Я вынул из шкафа книгу, передал ее юнкеру П. и случайно прочитал заголовок книги: «Подпольная Россия», Степняка. На мгновение я онемел! Если бы эта книга попала в руки жандармов, прощай училище; поминай, как звали!

Сам того не зная, командир роты выручил меня из беды.

— О —

В военной среде большою популярностью пользуются анекдоты. Они вызывают здоровый смех, создают бодрое настроение, оживляют душу и тело и облегчают тяжесть несения службы. В армии было много ходячих анекдотов, кои пересказывались на разные лады, и каждая войсковая часть приписывала себе авторское право. Так велось и в училище, где будучи еще козерогом, то есть на младшем курсе, я слышал следующий анекдот:

Юнкер только что был произведен в портупей-юнкера. Когда у него на погонах появились белые полоски, он почувствовал, что вырос на несколько вершков и начал смотреть на всех сверху вниз. Послеобеденное время. Солнце сияло, как огненный шар и залило своими палящими лучами все стрельбище. Было нестерпимо жарко. Стрельбы не было. Наш портупей-юнкер вывел свой взвод на строевые занятия. Ровное поле, хоть шаром покати. Никаких местных предметов, ни деревца. Вдали мирно паслась корова. Не долго думая, наш новоиспеченный портупей скомандовал:

— Смирно! На плечо! Равнение направо! Направление на корову! Шагом марш! — Взвод дал ногу и зашагал полным ходом, земля трещала под его ногами.

Но тут произошло что то необыкновенное. Корова ни с того не с сего, а может быть ее укусила муха, задрала хвост трубой и начала, как угорелая, метаться по всему полю. Вслед за ней и наш взвод начал танцевать кадриль по тому же полю, к величайшему удивлению взводного командира.

Когда занятия закончились, правофланговый юнкер, державший направление на корову, злой и красный от волнения, подошел к своему взводному командиру и при всей частной компании отчитал его:

— Слушай, что я тебе скажу. Хотя ты и портупей-юнкер, но ты дурак! Никогда не надо давать направление на подвижный объект, а только на неподвижный.

—Теперь я это сам знаю, ответил сконфуженный портупей.

— O —

Остается еще добавить, что 15-го июля 1915 года училище было эвакуировано в Полтаву, где устроилось в местной семинарии.

5-го января 1918 года красные заняли Полтаву, окружили здание училища и Виленского военного училища не стало. Начальник училища был захвачен красными, юнкера частью пробились, частью погибли.

Со дня основания, училище дало армии около 7.000 офицеров.

Основателем и первым начальником училища был полковник Малахов. Последним начальником училища был генерального штаба генерал-маиор Анисимов.

Училищный праздник 1-го ноября по старому стилю. В 1964 году, 11-го ноября по новому стилю, исполнилось 100 лет со дня основания училища. В этот день последние Виленцы, на родине и рассеянии находящиеся, отпраздновали столетний юбилей родного училища и вспомнили его славное прошлое.

А. Битенбиндер

Охрана границ Российских

В Императорской России мало кто знал о службе войск, назначенных для непосредственной охраны границ их Великой Родины. Не знали не только люди гражданского состояния, но и г.г. военные, служившие в пелках, расположенных во внутренних гарнизонах их страны. Видели изредка появляющихся (в отпусках) офицеров с палево-зелеными верхами фуражек, солдат в бескозырках такого же цвета, уходящих в запас после четырехлетней службы где-нибудь под Калишем, в Польше, под Архангельском или на Кольском полуострове, на берегах Белого моря или Ледовитого океана, почти девять месяцев в год покрытых снегами, или из-под горы Арарата, что на границах турецко-персидского Курдистана, или с пустынных, сожженных солнцем песков афганской границы, из под Асхабада, Мерва, Кушки, из-под мрачных Гималаев с горными вершинами, покрытыми вечными снегами. Попадались заамурцы, с сопок Манджурии...

Этим ограничивалось знакомство населения России с охранителями ее границ, день и ночь, буквально, стоящими на постах, зорко всматривающимися в темноту ли дождливых, холодных полярных ночей, в даль ли песчаной пустыни, в Туркестане, под палящими ли лучами солнца — на границах Империи Российской — «от хлад-

ных финских скал до пламенной Колхиды»...

Я цитирую Пушкина. И он же сказал: «мы, русские, ленивы и нелюбопытны». Нельзя совсем согласиться с этим. Не все русские «ленивы и нелюбопытны», но те, от кого зависело описание героической, тяжелой службы пограничника, т. е. от писателей и, я бы сказал даже, от правительства Империи — действительно были ленивы и нелюбопытны. Только один П. Н. Краснов слегка затронул в одном своем романе жизнь пограничного поста на китайской границе, — да и то казачьего, а не специально пограничного, из солдат пограничного корпуса.

Впрочем, пенять не на кого: штатские писатели занимались, в большинстве, подготовкой революции, перемены того, что сложилось веками, а военные — не знали, а потому и не видели ничего достойного их пера в быте каких-то «пограничников». То ли дело: гусар, драгун, гренадер... Звучит не по-русски — («стражник») — значит — красивее... Да и что там заманчивого для писателя в описании того, как подстрелит пограничника какой-нибудь курд, афганец или хунгуз?.. То ли дело: балы, звон шпор, запах тонких духов, мраморные плечи дам, манящие взоры из-под дорогого шелка, парады исторических формах: приятней читать.

**
*

Краткий исторический обзор охраны границ государств

С древнейших времен государства старались охранить свои границы не только от явных, вооруженных, нападений соседей, но и от проникновения малых групп или отдельных людей, не принадлежащих к основному населению страны.

Китайцы построили стену в несколько тысяч километров длиною для защиты от своих западных соседей еще до начала нашей эры.

Охраняла свои границы и Римская Империя. Остатки стены императора Траяна существуют и сейчас на границах Румынии и России. Она защищала Империю от вторжения скифов, даков и других многочисленных племен, живших в пределах южной России.

Юлий Цезарь, продвигаясь по Галлии, нынешней Франции, строил крепости на конечных точках своего продвижения. А когда Рим достиг Рейна, он построил крепости по всему протяжению его долины. Кроме гарнизонов военных, состоявших из профессиональных солдат, поставленных для охраны границ, он заселил окрестности этих крепостей мирным населением для развития сельского хозяйства и торговли, для прокормления легионов и для освоения территорий. Так как незадолго до этого (начало 1-го века, эпоха императора Веспасиана) была покорена Римом бунтующая против него Иудея, то большинство поселенцев в новых городах-крепостях были евреи, переселенные туда из Иудеи. Так возникли города Кёльн, Франкфурт, Страсбург. Необходимо заметить, что евреи той эпохи отличались воинственностью. Много их было в легионах, продвигавшихся в тевтонские пространства (нынешняя Германия).

На этом можно закончить исторический обзор охраны границ в древнейшие времена. Перейдем к более поздним временам — к Московской Руси.

**
*

Последняя охраняла только свои южные и восточные границы от набегов татар: казанской, астраханской и крымской орд и племен ногайских, кочевавших между Азовским и Каспийским морями в нынешних пределах ставропольских степей и низовьях Дона. Но охрана была организована не Москвой, а местным населением, которое заметно увеличивалось путем переселения из Московии, после поражения татарской главной орды Мамая на Куликовом поле в 1381 году.

Образовалось казачество Донское, которое и охраняло юго-восточные пределы Руси Московской.

Но от верховьев Донца и до Чернигова, приблизительно по линии нынешних городов Изюм, Путивль, Курск, до польской границы около Чернигова и вверх, к Смоленску, — границы ни кем не охранялись. На юг простиралось Дикое Поле, номинально находившиеся под владычеством Польши, до города Лубны Полтавской губернии (владения князей Вишневецких в XV веке), а на запад — Польско-Литовское Королевство. Вход в пределы Руси был открыт.

Только в царствование Ивана Грозного строятся кое-какие заставы на больших путях к Москве. Строятся деревянные остроги, в них поселяются «ратные» люди, получившие с эпохи Грозного название «стрельцов».

Во время короткого царствования Бориса Годунова (1596-1604) отношения с Польшей портятся еще более, чем при Грозном (со времени Ливонской войны, закончившейся в 1574 г.). Для охраны западной границы учреждается «Корчемная Стража» — приграничная полиция, проверяющая право на переход границы в обе стороны. На границе Дикого Поля чаще строятся заставы, увеличиваются гарнизоны городов Путивля, Кромы. Изредка посылаются конные отряды вдоль границы. Устанавливаются сигнальные посты с вышками, на которых зажигается солома в случае появления татар или ногайцев около границы.

В царствование Алексея Михайловича, с 1640-х годов, т. е. с восстания левобережной Ук-

раины под водительством Хмельницкого, православное население Малороссии стало в большом количестве перебегать в пределы Московского Царства. Оно селилось, главным образом, у границы. Таким образом основались и развились города Изюм, Сумы, Ахтырка. Южная же часть Курской области вся была отведена для их поселения. Селились и на восток от р. Донца, в нынешней Воронежской губернии. Из них образовались полки слободские, при Петре I превращенные в драгунские, а впоследствии, в царствование Екатерины, — в гусарские. Они несли службу охраны не границ, а южных областей России, вместе с присоединенной Малороссией, отодвинувшихся к югу, к побережью Черного моря, тогда еще находившегося во владении турок. Границы определялись не линиями, обозначенными столбами, а естественными рубежами: реками, горами, населенными пунктами. Переход границы был почти свободен для отдельных людей и небольших групп, и только крупные отряды войск неприятеля могли быть замечены и остановлены пограничными гарнизонами, расположенными в городках и крепостях. При малочисленности населения и отсутствии дорог и других путей сообщения — как в Московии, так и в соседних государствах — это было достаточно.

Война Петра I-го со Шведами в начале 18-го века, войны с Турцией и Швецией в последующие царствования того же века (в особенности войны Екатерины Великой) раздвигают пределы уже России, а не Московской Руси. Она доходит на западе до Балтийского, на юге до Черного морей, а на востоке до р. Амура и степей Туркестана. Все больше и больше увеличивается население, улучшаются пути сообщения с соседями, увеличивается потребность в более частых переходных пунктах границ и, следовательно, в большем количестве людей, контролирующих переход границы.

Собираются инвалидные команды из солдат, прослуживших до 40-летнего возраста, раненых в боях, больных, слабосильных. Они-то, главным образом, и размещаются в пограничных гарнизонах для службы охраны границ.

Так охранялись границы до 1819 года.

Таможенная стража

В 1819 году, после Венского Конгресса (в 1815 году) и всевозможных свиданий императора Александра I-го с правителями тогдашней Европы, Россия начала усиленно развивать коммерческие сношения с Западом. Появилась необходимость их регулировать. Поэтому был издан Таможенный Устав, который прежде всего был применен на границах Царства Польского, Пруссии и Балтийского моря. Был учрежден «Таможенный Присмотр», возложенный на Таможенную Стражу, состоящую из военных команд.

В 1827 г. Император Николай I-й, после восстания декабристов (14 декабря 1825 г.) и заметно увеличившегося революционного настроения в Польше — реорганизовал Таможенную Стражу и усилил ее полевыми войсками.

Граница, от Балтики до Бессарабии включительно, была разделена на таможенные округа, состоящие из бригад и полубригад, разделенных на роты, в которых половина была на конях, другая — пешая. Чины офицерам были дарованы кавалерийские: корнет, поручик, шт-ротмистр, ротмистр.

Неизвестно, как охранялись в это время границы финляндская, черноморская, кавказская, средне-азиатская и сибирская. Надо полагать, что войсковыми частями: казаками и инвалидными командами (например, в Оренбургском крае, в Киргизской орде).

В 1878 г. Таможенная Стража была переименована в Пограничную, и тогда же были образованы бригады Пограничной Стражи и на кавказской границе — от Батума до Каспийского моря. А с покорения Геок-Тепе (1881 г.) установлена охрана границы от Каспия до гор Гиндукуша. Собственно-таможенный надзор перешел в руки гражданских чинов и вольнонаемной стражи, а охрана линии границы осталась в военных руках. В эту же эпоху истории пограничной охраны начали проводиться точные линии границ, обозначенных столбами и прочими знаками точных разграничений.

В 1892-95 гг. части Пограничной Стражи были выделены в Отдельный Корпус Пограничной Стражи. Тогда же была образована Балтийская Флотилия Отдельного Корпуса Пограничной Стражи. Введены катерные флотилии при бригадах Пограничной Стражи на Черном и Белом морях. Установлен особый флаг Морской Охраны Пограничного Корпуса.

С 1897 года началась постройка Восточно-Китайской железной дороги для соединения вновь присоединенного к России Квантунского полуострова с крепостью Порт-Артур. Установлена в Манджурии полоса отчуждения, по которой проходила железная дорога.

Для охраны ее учреждена «Охрана Восточно-Китайской железной дороги», состоящая в ведомстве Министерства Финансов. Она носила особую форму (желтое приборное сукно). Разделялась на сотни. Формировалась из солдат и казаков, отслуживших срок действительной службы. Офицеры — по переводу из строевых кавалерийских и пехотных частей Российской Армии. Во время Японской войны (1904-5 гг.) эти сотни принимали деятельное участие в боях: в Порт-Артуре (полковник Бутусов) и в Манджурской Армии.

По Портсмутскому договору с Японией (1906

г.) Россия уступила последней Ляодунский полуостров вместе с крепостью Порт-Артур и железной дорогой до станции Куанчендзы и потеряла право держать полевые войска в полосе отчуждения. Чтобы обойти этот пункт договора, был образован Заамурский Пограничный Округ со штабом в г. Харбине. Из чинов охраны железной дороги были сформированы: из конных сотен — 6 Конно-Пограничных Заамурских полков и 6 пеше-пограничных, расположенных по линии жел. дороги от границ Сибири до ст. Куанчендзы. К ним придали все полагающиеся вспомогательные части: полевые артиллерийские бригады, конно-горный арт. дивизион, саперов и 1-й Заамурский железнодорожный батальон.

Форма одежды — обще-пограничная — уланский мундир темно-бутылочного цвета, без кантов на спине, палево-зеленые обшлага. Фуражка — палево-зеленый верх с темно-синим околышем. Парадная форма — высокие папахи с зеленым верхом (в 1912 г. в Заамурском Округе введены шапки «нансеновки», с отложными наушниками).

Пополнение пограничных войск — как Заамурских, так и на других границах — солдатами по набору, как и во все армейские полки. Выбирались люди почти исключительно из крестьян и грамотные. Ловкость, физическая выносливость, умственное развитие новобранца — играли главную роль при наборе. Неграмотных почти не было.

Офицерским составом Корпус Пограничной Стражи пополнялся: бригады — начиная с Беломорского Особого Отдела и до границ Афганистана (кажется, 32-я Закаспийская бригада) — переводом из всех частей Армии и Гвардии. При переводе в Отдельный Корпус Пограничной Стражи требовалась отличная аттестация. Плохо аттестованные не принимались. Выбор был достаточно большой, число желающих перевестись было больше числа вакансий.

Заамурские части пополнялись выпусками из военных, пехотных и кавалерийских, училищ. Г.г. офицеров привлекала независимость служебного положения. Корнет почти сразу же получал в командование отряд — должность, равная командиру эскадрона в полку, значительно увеличенное по сравнению с армией жалованье. Но самое главное — привлекала романтика и своеобразность этого рода военной службы. Она действительно была «военная», — с ее постоянными тревогами на линии границ, частыми перестрелками с контрабандистами. В особенности были неспокойны границы Кавказа и Средней Азии. Были случаи перехода границы целыми отрядами хорошо вооруженных курдов, афганцев. Убитые и раненые солдаты-пограничники были почти ежегодно в этих местах.

Происходили почти бои на линии Китайской жел. дороги, у Заамурцев. Давались даже награды, как за бои: офицерам — ордена с мечами, солдатам — георгиевские отличия.

Западная граница, финская, берег Балтики, германская, австрийская и румынская были более спокойны, но... лошадь командира отряда должна была быть постоянно полуоседлана, так же, как и чинов дежурной части отряда, обязанных, по первой же тревоге, нестись к угрожаемому месту.

Кроме того, командир отряда был обязан не менее одного раза в день и раз ночью объехать свои унтер-офицерские посты и расписаться. В холод, буран, дождь офицер ехал по границе от поста к посту; между ними стояли пешие часовые и патрулировали конные дозоры.

Императоры Александр III-й и Николай II-й высоко ценили службу своих пограничников. Император Александр III-й был шефом 3-й Либавской, а Николай II-й — Крымской бригады Пограничной Стражи. В царствование последнего Императора был образован отдельный пограничный дивизион, со стоянкой в Петербурге.

***

Строевое обучение пограничника — кавалерийское, как во всех кавалерийских частях. Подготовка младшего командного состава производилась в учебных командах при штабах бригад. Туда же прикомандировывались и вновь переведенные в Корпус офицеры, для прохождения курса специально-пограничной службы и для усовершенствования в езде и умении командовать кавалерийскими частями. Только после экзамена, очень строгого, офицер назначался для командования отрядом на границе.

Лагерных сборов пограничники не отбывали, но от каждой бригады назначались две, три сотни для участия в подвижных сборах военных округов, для прохождения маневренной кавалерийской службы.

Война 1914-го года показала высокую подготовку их и к строевой кавалерийской службе. С первых дней мобилизации пограничные отдельные сотни сначала действовали отдельно: несли службу разведки и подрывания железнодорожных станций в тылу неприятеля, иногда — вместе с конными частями армии. А знание прилегающей к границам неприятельской территории помогало ориентировке крупных войсковых начальников.

В феврале 1915 года отдельные пограничные сотни были сведены в Конно-Пограничные полки, носящие названия тех пограничных бригад, из которых они были составлены: напр., 5-й Горжинский конно-погр. полк, 8-й Граевский конно-погр. полк, 9-й Ломжинский, 12-й Калишский и т. д. Их было 20, из бригад от Балтийско-

го моря до Черного. Кроме того, 3 Прибалтийских конных полка, из трех бригад, расположенных по Балтийскому морю, носивших особую форму, уланскую.

Пешая часть стражи, снятая с границы из тех же бригад, образовала одну пехотную дивизию с полками: 1-м Рыпинским, 2-м Калишским, 3-м Неманским пешими пограничными полками, действовавшими на Западном Фронте (названия 4-го полка автор не помнит). Был отдельный пограничный Проскуровский полк — на Юго-Западном Фронте. 6 Заамурских пеших полков вошли в состав 33-го корпуса и покрыли себя славой «непобедимых» в 1915--16 гг. в Галиции.

Заамурские конные полки, прибыв на фронт в марте 1915 г., были распределены по кавалерийским дивизиям. 1-й и 2-й полки — при 1-й гвардейской кав. дивизии. В мае 1916 г. они совершили беспримерную в военной истории кавалерийскую атаку на укрепленную проволочными заграждениями австрийскую позицию под г. Луцком, прорвали ее и тем положили начало Брусиловскому наступлению 16-го года.*)

Павел Шапошников

---

*) Командиры этих полков: 1-го — полковник Н. Карницкий, 2-го — полковник Мосцицкий — получили и безпримерные в истории награды. Оба, в чине полковника были награждены орденом Св. Георгия 3-й степени.

Полковник Н. Карницкий — коренной офицер 13-го гус. Нарвского полка, переведенный еще до Японской войны в Охрану Вост.-Китайской жел. дороги, а полковник Мосцицкий, из юнкеров Чугуевского юнкерского Училища и офицер пехотного полка, тоже перешедший из Охраны жел. дороги в 4-й Заамурский конно-пограничный полк. Первым окончил Офицерскую Кавалерийскую Школу в 1911 году.

Н. Карницкий после революции был инспектором кавалерии в Польской Республике. Приезжал к генералу Деникину представителем от Пилсудского.

Мосцицкий, будучи начальником польской уланской дивизии, сформированной из русских поляков в Бобруйске, в корпусе генерала Довбор-Мусницкого, был послан в феврале 1918 года для переговоров с немцами о пропуске Польского корпуса в Польшу. Он был убит вместе с сопровождавшим его конвоем при переходе тогда уже большевистского фронта у местечка Крево Виленской губ. Ему был поставлен памятник в его родном городе Ломже, как национальному герою Польши.

П. Ш.

Пятидесятилетие атаки Белорусских гусар

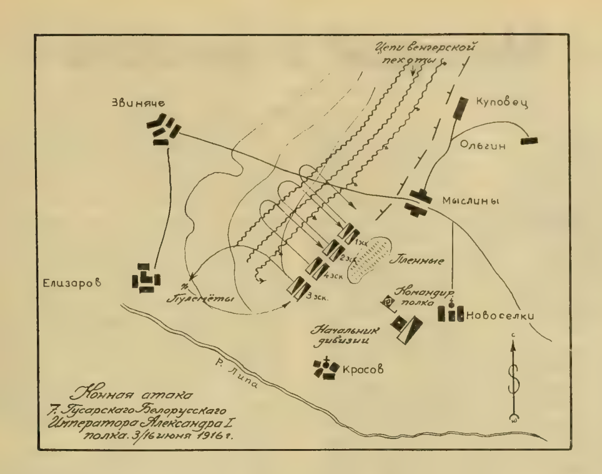

3 июня 1916 года 7-ая кавалерийская дивизия под командой ген. лейт. Ф. С. Рерберга с раннего утра шла усиленными аллюрами позади нашей наступавшей пехоты, с правого ее фланга на левый. К 15-16 часам, пройдя между Мыслинами и Новоселками от колонии Ольгин, Белорусские гусары и Донцы 11 полка вышли в пространную долину и поля юго-восточнее дер. Звиняче. Драгуны и уланы дивизии уже исполняли отдельные боевые задания. Вот как описывает эту атаку один из участников этого славного дела.

«Генерал Рерберг кратко объяснил обстановку. Наступление нашей пехоты остановилось, части растянулись и противник, подведя свежую венгерскую дивизию, двумя пехотными полками огибал наш левый фланг южнее дер. Мыслины с намерением воспользоваться естественным разрывом между нашими частями. За пологими буграми пересеченной местности шел тяжелый пехотный бой в сторону д. Мыслина — кол. Куповец, и наш левый фланг все больше и больше увеличивал разрыв со своими соседями.

«Белорусским гусарам в конном строю атаковать наступающую пехоту противника и выправить положение. Уверен в успехе. 11-му Донскому полку быть в боевом резерве» — так закончил ген. Рерберг освещение обстановки и боевом задание.

Командир Белоруссцев полк. Серебренников, оставив при себе штандарт и взвод 1 эскадрона прикрытием, отъехал за бугор, приказав старшему штаб-офицеру, коренному Белоруссцу, полковнику Г. Н. Зубову вести полк в атаку. Выхватив шашку из ножен, полк. Зубов вынесся перед полком. Построившись разверну-

тым фронтом «полуэскадронами на пехоту», Белоруссцы за следующим-же бугром врубились в наступавшие густые цепи венгров, смяли их и, пройдя ураганом три линии цепей, начали поворачивать назад, так как от Начальника дивизии уже скакали трубачи, трубя «отбой». 1-й, 2-й и часть 4-го эскадронов поворачивали направо-назад, собирая пленных. Туда-же повернул и командующий эскадроном шт. ротм. Родзевич (Макс). Под пор. В. Н. Ваксмутом была убита лошадь. Пор. И. И. Значковский, собрав остатки левофлангового 3-го эскадрона, понесшего сравнительно большие потери от пулеметного огня, и часть гусар соседнего 4-го эскадрона, повернул налево-назад и повел гусар на все еще стрелявшие со стороны Елизарова неприятельские пулеметы. Здесь потери эскадрона были велики, поручик Значковский был ранен, лошадь его тяжело ранена, но пулеметы умолкли, вся их прислуга и прикрытие были порублены и поколоты. Это дало возможность всему полку избежать дальнейших потерь и собрать пленных. Поле боя осталось за Белоруссцами, венгерская пехота, вернее ее остатки, бежали в северном направлении. Они вначале стойко сопротивлялись, но не выдержали стремительной атаки. Стала отступать и часть венгерской пехоты, наседавшая на левый фланг наших пехотных частей. Прорыв и обход были ликвидированы 500 гусарами русской конницы, взявшими больше 2.500 пленных Дальнейшие потери противника исчислялись в 1 600 человек убитыми и ранеными.

В Сводке Ставки Верховного Главнокомандующего Государя Императора впервые было упомянуто название части: «Белорусские гусары лихой конной атакой врубились в наступавшую пехоту противника и уничтожили 1-й и 11-й полки венгерского гонведа, ликвидировав прорыв и захватив значительное количество пленных», — таков был примерный текст.

После сообщения Ставки полк. Серебренникова нужно было отчислить от командования полком или наградить. Он получил орден св. Георгия 4 ст. немедленно. 3-й эскадрон был сведен в полтора взвода и срочно был затребован полуэскадрон пополнения, но зато его вторая атака на пулеметы дала возможность составить соответствующую реляцию для фактически командовавшего полком и водившего полк в эту атаку полк. Зубова. который тоже получил орден св. Георгия 4 ст. несколько позже».

Остальные офицеры были награждены чинами и орденами св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, нижние-же чины получили Георгиевские кресты.

Это была вторая блестящая и богатая потерями атака 3-го эскадрона; первая произошла на тех-же полях Волыни, у Василькова, против австрийской батареи 15 августа 1914 года, когда весь наличный строевой состав эскадрона был награжден Георгиевскими медалями, а командир эскадрона ротм. А. А. Вязьмитинов лично Государем Императором был награжден орденом св. Георгия 4 степени.

Г. Гринев

« Молодой с вокзала »

Сколько прекрасных воспоминаний о жизни в стенах Славной Гвардейской Школы уже написано, но думаю, что этих воспоминаний у каждого имевшего счастье ее окончить, еще бесконечное множество и каждый при встрече всегда припоминает что-то еще новое.

Если не ошибаюсь, все до сих пор напечатанное принадлежит перу бывших воспитанников кадетских корпусов. Проведшие свои юные годы в военной обстановке, они, хотя и с подобающим трепетом, но уже подготовленными входили в стены военных школ. Конечно, поступающие со стороны находились в совершенно ином положении. Но никакие препятствия не страшили их. Лично мне пришлось даже пуститься в обман и на проверке зрения мне, от рождения почти не видящему левым глазом, подсказывал фельдшер, заранее к тому поощренный. Все же этот мой физический недочет не помешал мне на старшем курсе удостоиться звания отличного стрелка из винтовки. Должен сказать, что мы были удивлены, когда через несколько дней после поступления, всех, без исключения, засадили в классы и сделали письменную проверку наших знаний по некоторым предметам. Оказалось, что это было сделано военно-учебным ведомством для каких то специальных целей и для нас никаких последствий не имело.

Итак мы трое — барон Пиляр фон Пилхау, Ветчинкин и я — явились в студенческих фуражках. «А вы, молодой, с какого изволили прибыть вокзала?», внезапно задал летучий вопрос, позванивая шпорами, лихо подскочивший ко мне корнет школы. «С Николаевского», не растерявшись ответил я. — «А, великолепно, а в таком случае, что такое прогресс? — Странно, странно, что вы этого не знаете, потрудитесь завтра доложить мне, что это за штука».

На разбивке по взводам каждый молодой поручается попечению дядьки — юнкера старшего курса, обычно окончившего тот же кадетский корпус. С нами дело обстояло сложнее, так как мне был назначен дядькой болгарин Казаров, попечение которого состояло в том, что он выискивал способы оставить меня без отпуска и мне не раз приходилось прибегать к заступничеству симпатичного корнета Бектабекова. Увы, я еще не имел понятия о том, что «звери» лишены права быть знакомыми с «благородным корнетом», а потому, когда я наивно подошел к знакомому мне раньше таковому, то немедленно получил соответствующее количество приседаний. Корнетская черта, чему уподобляется жизнь сутубого, имена любимых женщин, знание форм кавалерийских полков со всеми их деталями, стоянок, командиров, мастей лошадей и прочие премудрости были столь несхожи со всем оставленным за стенами школы, что своею новизной вносили какой-то новый смысл существования. К счастью, изданная Главным Штабом иллюстрированная книга форм всех полков кавалерии с цветными изображениями и подробным описанием послужила нам прекрасным пособием.

Я имел счастье попасть в смену шт. ротмистра Л. Панаева, которому остался навсегда благодарен за те два года, в течение которых он сделал из нас настоящих офицеров нашей неподражаемой кавалерии. До присяги в отпуск мы шли в нашем штатском и, естественно, еще пользовались услугами трамвая, что уже после было невозможно, мы тогда ездили только на приличных извозчиках, платя им, независисмо от расстояния, целковый. Появляться же в пешем виде по традиции юнкера эскадрона могли только на Дворцовой набережной и, пройдя от дворца через площадь под арку Главного Штаба, пройтись по Морской.

Вставание зверей по первой трубе, частая проверка корнетством правильно, квадратом, сложенного белья, для чего у них имелся специальный квадрат с ручкою. Насвистывание ими марша школы, при первых звуках которого все звери должны были вскакивать и становиться смирно. Все это быстро усваивалось нами. Пользуясь отпусками, мы заказывали выходную форму, сапоги и фуражки обязательно у Пляцкого, поставщика фуражементов всей гвардейской кавалерии. Вошли мы в Школу в год, когда ее принял любимый нами ген-маиор Е. К. Миллер. Сам бывший воспитанник Н. К. У., он отлично учитывал нормальность традиций, которыми издавна жила Школа, традиций чисто товарищеских, не затрагивавших ничьего самолюбия. Как сейчас помню красавца «корнета» Рубца, загримированного во время корнетского обхода под начальника училища, одетого в шинель самого ген. Миллера. Единственное приказание начальника училища было, что-

бы шума во время обхода не производили в третьем взводе, расположенном над его квартирой.

Наконец наступил день так долго жданной присяги. Осенью 1910 года еще не была дана казачьей сотне общая донская форма, а потому в день присяги особенно выигрышно выделялись стоящие в манеже на левом фланге кубанцы и терцы в своих кавказских формах.

День присяги — нет больше сугубцев, мы смело переступаем корнетскую черту, никакого цука в этот день, все — только юнкера Славной Школы.

Вечером каждый «дядюшка» везет своего «племянника» в цирк Чинизелли, где уже заблаговременно заказаны корнетству несколько рядов мест и дирекция к этому дню приготовила особое гала с отличными номерами и лихими наездницами. Остальные места в цирке также заблаговременно заняты родственниками, знакомыми и симпатиями, пользующимися редким случаем увидеть весь эскадрон Гвардейской Школы, живописным кольцом своих красных фуражек опоясавший несколько рядов.

Но самое интересное впереди. Мы все сидим в ожидании прихода «земного бога» — нашего вахмистра Вольского и вдруг, как бы по мановению волшебной палочки, наши ряды подымаются и опускаются вновь лишь тогда, когда «земной бог» сел на свое место. На постороннюю публику эта немая сцена произвела несомненно надлежащее впечатление.

Но вот через некоторое время появляется и командир эскадрона, полковник А. Ф. Ярмчинский, и скромно усаживается в ложе.

«Бог знает, что такое», шутя говорит на следующий день командир эскадрона — «вошел я и никакого шевеления; вижу, что вахмистром почетнее быть, чем командиром эскадрона».

По окончании представления все разъезжаются по домам, не имеющие же родственников в Питере приветствуются дядюшками в местах условно доступным нашим юнкерам. Отданные за ненадобностью лакеям наши пелендрики уступают место красивой форме Школы, ибо и «молодые с вокзала» стали отныне, наравне со всеми сугубцами, юнкерами младшего курса эскадрона.

Вспомнив своего дядьку болгарина Казарова, упомяну и «молодого» болгарина Гаджева: он был сынком богатых родителей и постоянно хвастался, что по окончании Школы отец в Болгарии подарит ему «Auto Bentz». В 1921 году, очутившись в Болгарии, я узнал в военном министерстве, что Гаджев числится в списке «изменников родины», так как во время войны перешел к русским.

Из оригинальных иностранцев при мне проходил курс китайский офицер Цзун-хао-сюйвень, трагически погибший в Териоках от руки стрелявшей в него китаянки.

Несмотря на все усилия нашей так называемой либеральной интеллигенции и ее печати, всячески старавшейся отстранить молодежь от избрания ею военной карьеры, таковая все же не полностью поддавалась антипатриотической пропаганде. Так, из окончивших со мною гимназию, двое поступили в Константиновское артиллерийское училище, двое в Тверское, я в Николаевское, а один в Военно-Медицинскую академию.

В. Хороманский

Схематич. планъ С.-ПЕТЕРБУРГА съ указаніемъ казармъ и офицерскихъ карауловъ.

Офицерскіе караулы.

А. - Главн. Кар. I-го Отд. Зим. Дв.
Б. - Собств. Е. В. Дворецъ.
В. - Таврическій Дворецъ.
Г. - С.П.Б. Комендантск. Упр.
Д. - Государств. Банкъ.
Е. - Экспед. Заг. Госуд. Бумагъ
Ж. - Главн. Кар. II-го Отд. Л. П.-П. Кр.
З. - Гребной портъ.
И. - Складъ Огнеср. Припасовъ.

1. Л.-Гв. Преображенскій п.
2. " " Семеновскій п.
3. " " Измайловскій п.
4. " " Егерскій п.
5. " " Московскій п.
6. " " Гренадерскій п.
7. " " Павловскій п.
8. " " Финляндскій п.
9. " " 3-й Стр. Е. В. п.
10. " " Саперный п.
11. Гвард. Экипажъ.
12. Л.-Гв. 1-я Арт. бриг.
13. " " 2-я " "
14. Соб. Е. В. Конвой
15. Гвард. Пол. Жанд. эск.
16. Кавалергардскій п.
17. Л.-Гв. Конный п.
18. " " Казачій Е. В. п.
19. " " Атаманск. Н. Ц. п.
20. " " Уральск. Каз. Е. В. с.
21. " " Конная Артил.
22. 145-й п. Новочеркасск. п.
23. 148-й п. Алекс.-Невск. п.
24. Пажескій Е. В. корпусъ.
25. Павловское Военн. Учил.
26. Владимірск. Военн. Уч.
27. Военно-Топограф. Уч.
28. Николаевское Инж. Уч.
29. Михайловское Арт. Уч.
30. Константиновское Арт. Уч.
31. Николаевское Кавал. Уч.
32. Морской Корпусъ
33. 1-й Кадетскій Корп.
34. 2-й " "
35. Александровскій К. К.
36. Николаевскій Кад. К.
37. Эск. Офиц. Кав. Школы.
38. 2-й Флотскій Экипажъ
39. 8-й " "

Хроника « Военной Были »

ЗАБОТЫ ПОТЕМКИНА О СОЛДАТЕ

Представляя Императрице Екатерине, в 1783 году, свое мнение об обмундировании русских войск, князь Потемкин писал:

«В России, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранцы с педантством тогдашнего времени, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах и проч. Занимая же себя такой дрянью, и до сего времени не зна ют хорошо самых важных вещей, как-то: маршировки, разных построений и оборотов. А что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте, стрелять же почти не умеют, словом — одежда войск наших и аммуниция такова, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в тридцать почти лет возраста узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих. Красота одежды военной состоит в равенстве и соответствии вещей с их употреблением. Платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может...

Завивать, пудриться, плести косы, солдатское ли сие дело? На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягошать пудрою, салом, мукой, шпильками, косами. **Туалет солдатский должен быть таков, что встал то и готов.** Если б можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок, и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет! Простительно ли, чтобы страж Отечества удручен был прихотями, происходящими от ветропрахов, а часто и от безразсудных».

В результате трудов Светлейшего Князя Тавриды, русский солдат получил обмундирование, о котором, впоследствии, французский эмигрант на русской службе, генерал Андро-де-Ланжерон писал:

«Я не знаю формы более удобной, легкой и красивой, чем та, которую носит русский солдат. Он не носит ни косы, ни пуклей, его волосы коротко обстрижены и могут быть мыты каждый день. Не понимаю, почему все европейские армии не ввели у себя русского обмундирования».

После смерти Императрицы, Русская армия вновь была облачена в прусские мундиры. С большой горечью реагировал на эту «реформу» Суворов:

«Нет вшивее пруссаков — писал он — лаузер или вшивень назывался их плащ; в шильтгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их вонью вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты, и первая докука ныне солдат — штиблеты, гной ногам».

сообщил **С. Андоленко**

О ВЕЛИЧИНЕ УГЛА

В 1918 году ехали мы с кадетом Андриевичем в Добровольческую армию. На противоположной скамейке вагона оказался лихой, с подусниками, штабс-ротмистр Никотин. Курить он не курил, уверяя, что ему это не нужно, ибо он сам «Никотин», но сыпал анекдотами и случаями из своей жизни. Как например:

«По окончании Елисаветградского училища, был я выпущен эстандарт-юнкером в Ингерманландский драгунский полк. Нам, эстандарт-юнкерам, полагался угол-шеврон, нашитый на левой руке, от обшлага, примерно, до локтя. Я приказал портному сделать его подлиннее и он закатил наверное раза в полтора больше положенного. На одной из узчовых станций, вышли мы с приятелем промочить горло и только я скомандовал буфетчику — «пол-аршина водки» — как на нас надвигается грозный генерал. Может быть, будь я один, генерал и не обратил бы внимания на мой угол, но рядом с углом моего приятеля — мой казался просто гигантом. Мы вытянулись. «Юнкер! заревела гроза, — у вас большой угол!» «Никак нет, Ваше Превосходительство! Величина угла не зависит от длины его сторон!» Генерал невольно улыбнулся — «а ведь и правда...», сказал он и гроза миновала».

сообщил **А. Макарович**

О ЧЕСМЕНСКОМ БОЕ

Иностранные историки, в своих описаниях Чесменского боя, сплошь да рядом придают слишком большое значение участию в русском флоте английских офицеров. Рассмотрим этот вопрос.

Капитан Грейг, действительно, был прекрасным и храбрым исполнителем. Лейтенанты Дугдаль и Мекензи, вызвавшись добровольцами на брандеры, шли на смертельный риск, но Дугдалю не удалось дойти до противника, так как уже на половине расстояния, наперерез ему устремились две галеры. Поняв что ему с ними не справиться, Дугдаль, приказав матросам спасаться на шлюпке, сам поджег брандер, причем был сильно обожжен и ранен в ноги. Мекензи не довел своего брандера до первой линии, из за своего неудачного маневра. Единственному **русскому** лейтенанту Димитрию Сергеевичу Ильину, неустрашимому и хладнокровному, удалось подвести свой брандер вплотную к 84-пушечному кораблю и подже́чь его. От этого взрыва запылал весь турецкий флот.

Что-же касается до адмирала Эльфингстона то это был заносчивый и высокомерный человек, с презрением относившийся ко всему русскому. Он только мешал адмиралу Спиридову. В своем письме к Императрице Екатерине, А. Г. Орлов писал: «Ежели контр-адмирал Ельфинстон не переменит своего поведения, я принужденным найдусь, для пользы службы Вашего Величества, отнять у него команду». Эльфингстон не захотел участвовать в блокаде Дарданелл, увел лин. кор. «Святослав» (84-пушечный и самый мощный) и погубил его, посадив на камни у Лемноса. Был уволен из Российского Императорского флота.

сообщил **Г. фон Гельмерсен**

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДЖИГИТОВКИ

Джигитовка, извечный казачий спорт, эквилибристика на скачущем во весь опор коне, скачущем не в манеже, а несущемся по широкому простору степи. Когда она появилась? От кого переняли ее казаки?

Если слово «казак» — тюрко-татарского происхождения и, как стараются доказать некоторые историки, сами казаки суть выходцы из Азии или смесь южных славян с остатками разных народов, живших на южных и юго-восточных окраинах Европейской России, которые переняли от монголо-татар некоторые способы ведения конного боя, вооружение и другие приемы, в том числе и джигитовку... то это не так. Мы все хорошо знаем, что все азиатские племена России, как и наши Кавказские горцы, отличные наездники, но ни одно из этих племен и народов не имело вида конского спорта — джигитовки, которая была присуща казакам всех войск былой России.

Надо полагать что у казаков джигитовка выработалась и установилась только с появлением казачьих полков в Императорской России, но — как, и почему, и когда?.. — Неизвестно. Возможно, что произошло это в порядке соревнования с регулярной русской конницей в разных и особых видах наездничества.

Мы, казаки, с ранних лет видим джигитовку в своих станицах, восхищаемся выдающимися джигитами, но в описаниях этого рода спорта мы остаемся спокойны и скромны. Для него у нас нет ни особых восторгов, ни красок. Иные же картины получаются при описании ее людьми посторонними казачеству или же просто впервые эту джигитовку видящими. Тут они полны и восторга, и красок и удивления перед ее исполнителями...

полковник **Ф. Елисеев**

ДИСЦИПЛИНА

Кавалергардского полка полковник Пашков, вследствие болезни, мешавшей ему ездить на широких аллюрах, ожидая производства в генералы и будучи лично хорошо известен Государю, обратился к Нему с просьбой — назначить его в пехоту, на что последовало Высочайшее соизволение и он получил лейб-гв. Литовский полк.

Вскоре после его назначения был полковой праздник. Полк был выведен на Мокотовское поле и, в ожидании командующего войсками, была подана команда «стоять вольно». Наконец, махальные дали знак, что командующий выехал. Прослуживший всю жизнь в кавалерии генерал Пашков забыл, что за ним стоит пехотный полк и могучим голосом подал команду: «полк са-дись!» и, когда он обернулся, чтобы посмотреть в каком состоянии полк, он увидел, что все шестнадцать рот, во главе с штаб-офицерами, сидят в пыли Мокотовского поля...

Это произошло в 1903 году. Слышал это от лейб-гв. Уланского Его Величества полка полковника Иордана.

А. Макарович

ИНОСТРАНЦЫ О РУССКОМ СОЛДАТЕ

«...что по натуре русские являются превосходными солдатами — исторически неопровержимый факт. Два крупных военных авторитета — Фридрих Великий и Наполеон — признали храбрость и мужество этого великого народа. Крепкое телосложение, выносливость, неприхотливость, редкая ловкость и быстрая сообразительность, в соединении с отвагой и мужеством, делают русского великолепным солдатом. К этому следует добавить еще способность быстрой ориентации и любовь к своему императору...

Даже трехмесячное отступление и проигранные битвы не смогли сломить дух и деморализовать русскую армию в 1812 году. Столь высокие боевые качества русские проявили не только у себя в России, но и при заграничных походах, как против европейцев, так и против азиатов».

генерал-лейтенант **Отто дон-Бисмарк**
(книга его о поездке в СПБ в 1835 г.)

Обзор военной печати

Ген. Штаба ген. П. П. ПЕТРОВ — Роковые годы (1914-1920) Франкфурт 1965 г.

Вышла из печати книга Ген. Штаба генерала П. П. Петрова — Роковые годы». Автор давно задумал написать, как он говорит в предисловии, «военно-исторический обзор, имея в основе свои воспоминания и прочитанное». Он не претендует на название своего труда историей или даже историческим очерком. Однако, просмотр книги убеждает, что автору пришлось, кроме собственных наблюдений и воспоминаний, познакомиться с большим количеством разных материалов, в том числе иностранных, и тщательно переработать их в систематический труд. Назовем, по желанию автора, его книгу «обзором» но, этот «обзор» является очень ценным и для читателя, желающего познакомиться с событиями указанных годов и для участников событий и дает много материала для лиц, заинтересованных историей этих «роковых годов».

В начальных страницах книги, генерал Петров знакомит с политическим положением в Европе и внутренним состоянием России перед началом 1-й мировой войны. Он заканчивает введение к книге рассмотрением того подъема, который наступившая война вызвала в России: «правительство Царя, Дума, Государственный Совет, общественные группы и партии, даже социалисты были единодушны в необходимости дать отпор немцам. Только Император, обещавший поддержку Сербии, колебался объявить общую мобилизацию...» «От Царя требовалось сказать последнее слово — Война. Война, когда он считал войну гибельной вообще для России, даже при благополучном окончании». Из подробного анализа автором действий Государя, можно заключить что его колебания происходили не от нерешительности, а, наоборот, от твердого решения избежать войны всеми возможными средствами и предотвратить гибель России.

«Но решение начать или не начинать войну не зависело от русского Императора. Война была неотвратима и никакими переговорами нельзя было ее предупредить. Германия давно готовилась к войне и пришел подходящий момент для немцев выполнить эти планы».

Роковые годы начались.. Далее автор приступает к изложению хода мировой войны по годам. Немногословно, но с достаточной полнотой описываются главнейшие действия русских армий и их результаты. Нет возможности останавливаться на подробностях. Это читатель увидит из книги, написанной простым и ясным языком.

Углубившись в годы Мировой войны и революции, ген. Петров дал полное представление о том, как Россия, находившаяся вместе с союзниками накануне общей победы, лишилась всех плодов своих усилий, принеся зря огромнейшие жертвы, и переходит к событиям гражданской войны, которым отводит почти 200 страниц из 270-ти. Удачное совмещение этих двух, казалось бы разных, тем, дает возможность ясно проследить, как внешняя война оказала влияние на ход гражданской. Первая из них еще не кончилась, как началась вторая.

В конце книги сделано заключение — подводится итог «роковым годам». В тексте имеются схемы, относящиеся к событиям на Восточном фронте и помещены портреты адмирала Колчака и некоторых старших начальников. По своему содержанию, книга представляет большую ценность и заслуживает широкого распространения.

А. Ефимов

Письма в Редакцию

К ВОПРОСУ ОБ ЭВАКУАЦИИ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ ИЗ ФОРТА АЛЕКСАНДРОВСК

После оставления Гурьева 5 января н/с 1920 г., совершив тяжелый поход, уцелевшие части уральских казаков, видимо в конце пути, заняли Форт Александровск, на северо-восточном берегу Каспийского моря. В этом районе море было свободно ото льдов.

Как только командующему базировашейся на Петровск белой флотилии контр-адмиралу Сергееву стало известно о появлении там уральцев, на Форт Александровск были направлены канонерские лодки **«ОПЫТ»** и **«МИЛЮТИН»**, которые, видимо благополучно, совершили один рейс, вывезя раненых и беженцев (**«Военная Быль»** № 78 стр. 48). Но, в Терской области, к концу марта 1920 года, у добровольцев, прижатых к морю, создалось катастрофическое положение. Командующий войсками, генерал Драценко отдал приказ о демобилизации, которым воспользовались астраханские рыбаки, составлявшие большой процент команд флотилии. На скорую руку они были заменены нежелавшими оставаться на красной стороне солдатами, но боеспособность флотилии от этого сильно понизилась.

29 марта 1920 г. н/с, красные заняли Петровск, единственный порт, находившийся под контролем Добровольческой армии. Флотилии, в составе около сорока вооруженных и коммерческих судов, погрузивших войска и беженцев, не было иного выхода, как идти в принадлежавший Азербейджанской республике порт Баку или, даже, в Персию.

В дозоре у устья Волги еше оставался отряд кораблей в составе крейсера (вооруженный танкер) **«ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»**, канонерских лодок **«КНЯЗЬ ГОРЧАКОВ»** и **«КНЯЗЬ ПОЖАРСКИЙ»** и матки гидросамолетов. 1 апреля, на виду у вышедшей из Волги краной флотилии, **«КНЯЗЬ ПОЖАРСКИЙ»** коснулся колесом мины и, оставшись без движения, по снятии команды, был потоплен несколькими снарядами **«ДИМИТРИЯ ДОНСКОГО»**. **«КНЯЗЬ ГОРЧАКОВ»** пропал без вести. В виду неравенства сил, **«ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»** принужден был отойти на юг. Путь красной флотилии в открытое море оказался свободным и, на следующий день, эскадренные миноносцы **«КАРЛ ЛИБКНЕХТ»** (бывший **«Финн»**) и **«ДЕЯТЕЛЬНЫЙ»** и сторожевые катера прошли в Петровск.

3 апреля, канонерские лодки **«ОПЫТ»** и **«МИЛЮТИН»** отделились от находившейся у Баку, флотилии и были посланы для эвакуации Форта Александровска. Около 17 часов следующего дня, уже в виду Форта, они встретили **«КАРЛА ЛИБКНЕХТА»,** шедшего в сопровождении сторожевого катера, под флагом командующего красной флотилией Раскольникова, по тому же назначению. Силы были неравны. Два 100мм орудия эскадренного миноносца были значительно более дальнобойными, чем три 75мм, которые могли ему противопоставить старенькие пароходы белых. Двойная-же скорость хода позволяла миноносцу маневрировать на выгодных для него дистанциях. Но, как свидетельствует запись в вахтенном журнале **«ЛИБКНЕХТА»,** белые корабли приняли бой, который продолжался около двух часов. В конечном результате, **«МИЛЮТИН»** получил попадание в корму, белые корабли стали отходить и скрылись в темноте. **«ЛИБКНЕХТ»** их не преследовал.

5 апреля, то-есть на следующий день после описанного боя, утром, **«ЛИБКНЕХТ»,** которому на подмогу шли другие корабли красных, зашел в Форт Александровск и предъявил уральцам ультиматум о немедленной сдаче. Предложение это вначале не имело успеха, но высаженный на берег матрос парламентер указал уральцам на их безвыходное положение, после чего казаки согласились сложить оружие. Высаженный десант взял в плен генералов Юденича и Тетруева, 77 офицеров и более тысячи казаков. Среди сданного оружия и трофеев, было обнаружено **90 пудов серебра.** (**«Каспийская Краснознаменная»**. А. Маковский, Воениздат 1961 г.).

«ОПЫТ» и **«МИЛЮТИН»** вернулись в Баку, где застали следующую картину: Азербейджанское правительство отказалось дать приют белой флотилии и потребовало передачи ему кораблей. Ввиду безвыходного положения, адмирал Сергеев приказал спустить флаги и желаюшим офицерам и команде пробираться, через Грузию, в Крым. Однако, большинство офицеров не подчинилось этому приказу, считая что флотилия должна попытаться укрыться в, занятом англичанами, персидском порту Энзели. Среди команды начались волнения и уже 4 апреля вспомогательный крейсер **«АВСТРАЛИЯ»** и посыльное судно **«ЧАСОВОЙ»** самовольно ушли в, занятый красными, Красноводск. Командир **«ЧАСОВОГО»** мичман В. Селезнев был убит за отказ служить в красном флоте.

Этот порт и железная дорога на Ташкент уже 6 февраля были захвачены красными частями, что исключало возможность похода уральцев на юг, вдоль восточного берега Каспийского моря.

Все эти обстоятельства и положение белой флотилии не дало возможности выделить достаточно сил для принесения помощи уральцам.

10 апреля, почти все вооруженные корабли, под командой капитана 2 ранга Бушена, ушли в Энзели, где они были интернированы англичанами. Но это не спасло флотилию, и 18 мая 1920 года сильная красная флотилия высадила в Энзели дессант, которому англичане почти не оказали сопротивления. В результате этой операции, красные захватили 10 вооруженных кораблей и 7 коммерческих, не считая малых катеров. Безоружному личному составу удалось бежать внутрь страны, где они были посажены англичанами в лагерь и, впоследствии, часть его была перевезена во Владивосток, где еще продолжалось белое движение.

П. А. ВАРНЕК

В дополнение к статье С. Андоленко о неприятельских знаменах, взятых Русской армией в войну 1914-17 гг., могу добавить следующее: Будучи в бою под Суходолами, младшим офицером 4-й роты лейб-гвардии Егерского полка, которая была левофланговой, на стыке с 7-й ротой Самогитских гренадер, я совершенно точно вспоминаю, что в числе трофеев,попавших в руки этого полка, было знамя, принадлежавшее одному из полков 24-й Австро-венгерской дивизии. Об этом-же упоминает в своих воспоминаниях и генерал Головин. («Русский Инвалид» 1937 г. №№ 107 и 108).

Командир 1-го батальона лейб-гвардии Егерского полка, полковник Бурман, в своих воспоминаниях, пишет: «соседняя с нами рота 7-го гренадерского Самогитского полка заватила знамя. Ее командир, буквально со слезами на глазах, в восторге обнимал командира левофланговой нашей 4-ой роты капитана князя Кугушева, своего боевого соседа, и все повторял: спасибо родные! Спасибо дорогие гвардейцы за помощь!»

капитан **В. Каменский**

В связи с опубликованием в № 76 **«ВОЕННОЙ БЫЛИ»** писем Суворова с указанием Редакции, что печатаются они впервые и сообщением С. П. Андоленко о том, что в майском номере 1900 г. «Варшавского Военного Журнала» помещены были переводы №№1 и 30, считаю своим долгом сообщить нижеследующее.

В № 3252 **«ВОЗРОЖДЕНИЯ»** от 29 апреля 1934 г. помещена была статья Ив. Лукаша озаглавленная: «Кинбурнские письма Суворова, публикуемые впервые». В статье этой Лукаш пишет что упомянутые письма переданы были **«ВОЗРОЖДЕНИЮ»** генералом Ознобишиным для опубликования. Факсимиле двух из них №№ 22 и 28 он печатает, другие-же кратко анализирует, приводя из них лишь выдержки.

Все это дело, конечно, совершенно несравнимо с той огромной исторической ценностью, которую представляет № 76 **«ВОЕННОЙ БЫЛИ»**. Вместе с тем, в статье есть строки посвященные истории находки этих писем — «незадолго до войны, в бытность молодым офицером, на французских маневрах, Д. И. Ознобишин познакомился с офицером французского Генерального Штаба, капитаном Магоном. Кап. Магон указал ему, что в семейном архиве графов Гунельштейнов, в Париже, хранятся подлинные собственноручные письма Генералиссимуса А. В. Суворова, писанные предку их, Принцу Нассау-Зиген. Д. И. Ознобишину удалось тогда-же убедить графа Гунельштейна уступить ему Суворовские письма, особо ценные для русских».

Полагая что сведения эти могут интересочитателей **«ВОЕННОЙ БЫЛИ»**, сообщаю их Вам.

В. Хитрово

ЕЩЕ О ПИСЬМАХ СУВОРОВА К ПРИНЦУ НАССАУ

К сообщенным нами данных о происхождении писем, следует добавить следующее: В 1898 г., до покупки их генералом Ознобишиным, письма эти принадлежали графу А. Гунельштейну, жившему в Париже. Часть их, с его разрешения была опубликована во французском военно-историческом журнале «La Sabretache» стр. 339-349, издания 1898 г.

На страницах журнала помещено было только 14 писем из 39, а именно письма №№ 1, 2, 3, 6, 8, 9, 11, 13, 19, 23, 27, 28, 30 и 36, разумеется только на французском языке. Тексту писем была предпослана статья, дающая характеристику упоминаемых в них лиц, извлеченную из записок графа Ланжерона, хранящихся по сей день в архивах французского министерства иностранных дел в Париже. Текст снабжен комментариями принадлеажщими перу неизвестного лица, видно совершенно незнакомого с личностью русского полководца. Так например, враждебность Суворова к «богадельням» и «госпиталям» его времени, наивно объясняется «бесчеловечностью» фельдмаршала, будто бы слепо преследовавшего всех больных солдат.

С. Андоленко

Систематический указатель журнала «Военная Быль»

№№ 51 — 75 (см. № 55)

(Продолжение)

(Продолжение следует)

Редактор **Алексей Геринг** Пом. Редактора **К. М. Перепеловский**

Le Directeur: M. A. Guering. P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

№ 80

Июль 1966 год

ГОД ИЗДАНИЯ XV-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого сотрудника капитана 2 ранга

Николая Викторовича Иениш

последовавшей в г. Ницце 15 июня 1966 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ РЕДАКЦИИ

К совершеннеймему удивлению Редакции и вящщему ее удоволсьствию, на закате нашей эмигрантской жизни, можно сказать что, «вопреки стихиям...», подписка на журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с каждым годом увеличивается. Несмотря на почти полное отсутствие рекламы, каждый месяц дает от трех до пяти новых подписчиков.

В связи с этим увеличением подписки, увеличивается и потребность в старых номерах журнала. Постоянно поступают заказы на полные комплекты и, при всем ее желании Редакция не может их выполнить за отсутствием многих номеров.

Мы обращаемся с покорной просьбой ко всем нашим читателям, не собирающим комплектов и у которых имеются наши старые номера (начиная с № 49 они у нас имеются в достаточном количестве) — прислать их в Редакцию. При желании за них будет уплочено по цене номера сегоднешнего дня.

Мы заранее благодарим всех читателей, откликнущихся на наш призыв.

Алексей ГЕРИНГ

Подписка принимается на ШЕСТЬ номеров, начиная с № 76 по 81 включ. Подписная цена: зона франка — 20 фр., зона фунта — 30 шилл., зона доллара — 5 ам. долларов на ШЕСТЬ номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — *61, rue Chardon-Lagache Paris (16) 647 72-55*

15-год издания | № 80 ИЮЛЬ 1966 Г. | BIMESTRIEL. Prix — 3 Frs 50

Жизнь и служба в отдаленных гарнизонах Российской Империи

За годы существования «Военной Были» на ее страницах было напечатано много интересных трудов и воспоминаний, посвященных истории и боевым подвигам русских войск и кораблей Российского Флота; многократно были описаны и военно-учебная деятельность и быт почти всех наших военных училищ и кадетских корпусов. Но все-же недостаточно еще была описана повседневная жизнь и служба, на первый взгляд — серая и монотонная, на самом же деле интересная и значительная, славных наших полков и батарей, стоявших гарнизонами в глухих пограничных городках и местечках на отдаленных окраинах Российского государства.

Правда, что воспоминания об этом могут показаться сейчас не имеющими большого значения, но если правильно сказано, что «несчастны те, кому нечего воспомнить», то к нам, старым русским офицерам, это выражение не может быть применено: с глубоким душевным волнением вспоминаем мы эту нашу жизнь и службу, воспитавшие нас и научившие нас жертвовать всем во имя долга и Родины.

Происходя из военной семьи и следуя семейной традиции, я окончил кадетский корпус и артиллерийское училище. В вопросе о выборе вакансии после окончания училища я тоже не колебался: службу на окраине я всегда считал гораздо более заманчивой, интересной и поучительной, чем в холодном Петербурге, в гостеприимной, но безалаберной Москве или же в «не русской» Варшаве. Будучи же уроженцем Кавказа и потомком кавказских офицеров, я и не искал для себя никакого другого места службы, как на Кавказе.

По своим выпускным баллам я имел полную возможность взять вакансию в 23-ю артиллерийскую бригаду, в Гатчине, городе, который мне нравился и где я, будучи на старшем курсе, «оставил свое сердце». Но мое семейное положение, даже если бы я и хотел это сделать, лишало меня такой возможности: на моем попечении была моя мать, вдова с небольшой пенсией, вместе с которой я предполагал жить после производства в офицеры, две сестры, учившиеся в Институте и брат, кадет; всем им я должен был помогать.

Оставалось лишь выбрать, куда именно выходить мне на Кавказ?
Единственную вакансию в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду, в Тифлисе, взять мне не удалось: ее перехватил у меня окончивший училище вторым Тифлисец Завадский. В 21-ую бригаду, во Владикавказе, вакансий не было вообще. Оставалась лишь 20-я артиллерийская бригада, стоявшая в Ахалцыхе и Ахалкалаках. Бригада была старая, славная кавказская, места же ее стоянок, поскольку это не были ни Тифлис, ни Владикавказ, меня уже не интересовали. В нее я и вышел.

Впоследствии я никогда не раскаивался и не жалел об этом своем выборе. Два года, проведенные мною в бригаде, научили меня многому; я прочно стал на ноги и хорошо узнал солдата. Должен сказать при этом, что дельные, практические советы подпрапорщика, фельдфебеля батареи, очень помогли в этот период мне, как и всем, я думаю, молодым офицерам, только что выпущенным из училища и поэтому знакомым лишь с «теорией» службы.

Одно из преимуществ полков и артиллерийских бригад, стоявших на далеких окраинах, заключалось в том, что в них всегда был большой некомплект офицеров и, не говоря уже о том, что только что прибывший молодой офицер мог сейчас же получить должность со «столовыми» деньгами, он имел, кроме того, возможность сразу же начать проявлять большую, разумную инициативу в строевом деле, опираясь, разуме-

ется, на авторитет командира батареи и фельдфебеля.

20-я артиллерийская бригада входила в дивизию славных кавказских полков: 77-ой Тенгинский, 78-ой Навагинский, 79-ый Куринский и 80-ый Кабардинский. 1-й дивизион бригады, легкий, стоял в г. Ахалцыхе, Тифлисской губернии, рядом с Аббас-Туманом, где жил и умер Наследник Цесаревич Георгий Александрович; 2-й дивизион, горный, квартировал в городке Ахалкалаки, который и на город-то не был, вообще, похож. Жителей в нем было 2-3 тысячи, преимущественно армян, а располагался он на плоскогорье, на высоте в 5.600 футов над уровнем моря, у подножья старого вулкана, горы Абула. Все это плато называется Армяно-Духоборским плоскогорьем и на нем лежат Ардаган, Джелаус, Александрополь и Карс. Почва этого плато — серый камень вулканического происхождения, на котором нет никакой растительности, кроме небольших искусственных садиков в оврагах, где протекает какая-нибудь маленькая речушка вроде Ахалкалак-чая. Удивительно, что даже при такой неблагодарной почве духоборы, выселившиеся из России, основали несколько сел, обработали землю так, что она стала давать прекрасную пшеницу, развели молочный скот и имели прекрасный конский завод.

Недалеко от Ахалкалак берет свое начало река Кура. По берегам ее начинаются сады с чудесными яблоками «шехолма», которые местные детишки, в надежде выклянчить копеечку, бросают в вашу коляску, проезжающую мимо. То тут то там возвышаются развалины старых, когда то грозных крепостей эпохи армянского царства Урарту и Александра Македонского. Дорога вьется по горам змейкой и такой узкой, что встречные арбы и коляски едва-едва могут разъехаться, причем внешние колеса все таки висят над пропастью.

Весь район подвержен частым землетрясениям. Лет за двадцать до моего приезда, в районе Ахалкалак, во время сильного и длительного (до 9 подземных толчков) землетрясения провалилось, как говорили старожилы, несколько армяно-курдских селений и на их месте образовалось озеро, наполненное чистой водой, в котором позже завелись форели. Помню я и название этого озера — Чалдыр.

На пути к месту моей службы приехав с с матерью в Тифлис, я оставил ее в гостиннице, а сам пошел явиться в Комендантское управление, так как расчитывал пробыть в городе неделю, чтобы навестить в Институте сестру и, вообще, повидать знакомых. По дороге в Комендантское управление я встретил офицера моей бригады, представился ему, и он дал мне несколько практических советов, один из которых был очень оригинален: для представления командиру бригады, генералу Фролову, участнику Турецкой войны, лучше было сперва заказать себе лакированные сапоги, так как именно по ним он и судил о молодом офицере. Офицер в лакированных сапогах приобретал его симпатию на все время службы в бригаде. На мою беду, в бытность в училище эти сапоги вышли у нас из моды, и все мы заказывали себе хромовые, полутвердые; теперь же мне приходилось доставать из сундука мои старые лакированные сапоги и отдавать сапожнику расширить их. Представившись командиру бригады я эти сапоги, конечно, выбросил.

Во время этого нашего разговора с моим будущим сослуживцем, мы неожиданно повстречались с Инспектором артиллерии нашего I-го Кавказского корпуса, генерал-лейтенантом Махмет-Бек Садык-Бек Мехмандаровым, героем Порт-Артура и Георгиевским кавалером. Узнав, что я только что произведен в офицеры, генерал захотел лучше со мной познакомиться и пригласил меня, вернее — приказал, придти к нему на квартиру, что я на другой день, скрепя сердце, и сделал. Во время моего посещения произошел характерный случай, рисующий кавказскую среду и ее обычаи: уходя, я хотел принять пальто от деньщика, как вдруг Мехмандаров вырвал у него это мое пальто и, несмотря на мои протесты, сам подал его мне со словами: «Молодой человек, Вы еще не знаете кавказских адатов (обычаев)! Вы — мой гость!». Вообще надо сказать, что Кавказская армия имела свои, особенные традиции: все, например, считались кунаками (приятелями), но при обязательном полном уважении к старшему в чине и в летах; таким же обязательным было и рыцарское отношение к женщине: никогда уважающий себя Кавказец не вступит в разговор с женщиной, не снявши фуражку.

Уже потом, будучи по молодости лет несколько раз вне очереди ординарцем у генерала Мехмандарова во время стрельб на полигоне, я неизменно пользовался его расположением и мягким обращением, чем не могли похвастаться даже многие командиры батарей, которых он нещадно цукал и гонял с полигона. Это отдавало, конечно, некоторым самодурством, но не вредило все же его популярности, которою он продолжал пользоваться и во время 1-ой Мировой войны, уже командуя 2-ым Кавказским корпусом. Потом, уже после великой бескровной революции, будучи не то военным министром, не то командующим армией Азербейджана (генерал был по происхождению татарин), Мехмандаров будто бы стал проявлять почему то руссофобские тенденции. Так, по крайней мере, говорили офицеры, попавшие туда на службу.

По прибытии в бригаду я был назначен во 2-ой ее дивизион, горный, стоявший в городе Ахалкалаки, как говорили — очень подходящем

месте для самоубийц и для желающих готовиться в Академию. С первых же моих дней в бригаде я получил назначение на должность делопроизводителя батареи, а уже через три месяца 2-ым старшим офицером. Все это потому, что у нас был большой некомплект офицеров: кроме командира батареи, подполковника Языкова, коренного офицера 34-ой артиллерийской бригады, ожидавшего перевода обратно в свою бригаду, был еще один штабс-капитан, как мы его называли — «пехотного образца», заведующий хозяйством. Старший офицер, капитан, находился в Офицерской артиллерийской школе в Царском Селе и таким образом мы, двое фендриков, я и подпоручик Арванитаки, выпущенный из Михайловского артиллерийского училища, стали полными хозяевами батареи. Я очень подружился с Мишей Арванитаки, обаятельным человеком, хорошим гимнастом и прекрасным офицером.

Командир батареи сказал нам прямо: «Вот вам расписание занятий, разворачивайтесь вовсю, науки вы знаете лучше меня! А относительно внутренней службы и хозяйства, обращайтесь к Якову Ивановичу, фельдфебелю батареи. Он вам будет все говорить. Меня оставьте в покое. Я, вот, посижу у окна, посмотрю на занятия, а если что надо будет, говорите прямо; раз в неделю пожалуйте ко мне на занятия по стрельбе, а потом жена даст нам закусить...»

И настало для нас прекрасное время, что то вроде медового месяца. Оба мы были влюблены в службу, знания училище дало нам солидные, и мы сразу стали для всего дивизиона инструкторами по новому горному орудию Шнейдера-Крезо, образца 1909 года, с очень сложной системой компрессора и накатника. Скажу, как курьез: в нашей батарее был еще взвод старых горных клиновых орудий образца 1881 года, стрелявших на дистанцию в полторы версты. Впрочем, мы скоро сдали их в Тифлисский арсенал.

Самым большим нашим удовольствием было, с разрешения, конечно, командира батареи, выводить батарею на пол-дня в поле, испортив этим, к великому неудовольствию фельдфебеля, расписание дня. Как окончивший училище портупей-юнкером я считался старше Арванитаки и поэтому разыгрывал роль командира батареи. Солдатам такие выезды были более по вкусу, чем монотонные занятия в казармах. Миша Арванитаки, как я уже сказал, был хорошим гимнастом и особенно любил вольтижировку, я-же гонял смену ездовых, людей сырых и неуклюжих.

С начальством мы имели мало дела, так как от командира бригады нас отделяло расстояние в 66 верст, командир же нашего дивизиона, полковник князь Левон Таймуразович Вачнадзе, был оригинал «образца Турецкой войны 1877 года», по старинке признававший для артиллерии лишь открытые позиции и никак не могущий постичь секрета только что введенного угломера Турова-Михайловского.

Дежурному по дивизиону офицеру, который приходил к командиру с вечерним рапортом и часто заставал его бесмысленно вертящим несчастный угломер, приходилось давать Вачнадзе настоящие «уроки». Приняв рапорт, князь вдруг огорашивал дежурного офицера фразой вроде: «Держу пари, что и Вы этого не знаете! Да это и невозможно понять!»

Приходилось объяснять, начиная с азов, идею угломера, которую воспринимали даже наши фейерверкера, но которая не вмещалась в старой голове князя. Однажды нам с Арванитаки пришлось вычертить для князя чертеж, в разрезе, сложного компрессора и накатника орудия, но здесь бедный князь уже совершенно зашел в тупик и вернул чертеж нам обратно.

У князя Вачнадзе была привычка очень громко здороваться с батареями, выпалив «Здорово!», а потом добавляя «такая-то!». От таких его выкриков вздрагивали даже кони, а батарейный песик начинал бешено лаять и носиться вдоль строя.

Несмотря на нашу отдаленность от такого соблазнительного центра как Тифлис (116 верст на лошадях, по шоссе, а затем 2-3 часа по железной дороге), мы, молодежь, пользовались каждым случаем съездить туда, иногда под предлогом командировки в арсенал, но часто и на свой собственный счет, «проветриться», на два-три дня.

Содержание наше позволяло такую роскошь: основной оклад младшего офицера, подпоручика, был 82 рубля в месяц, плюс — столовые, по должности, 8-15 рублей в месяц, но самой главной нашей поддержкой были так называемые «дровяные» деньги, ибо зимний период в нашем районе, когда мы должны были отапливать казармы, Инженерным Ведомством считался в 5 месяцев. Климат был довольно суровый и морозы доходили до 10-15 градусов. В 1913 году, по слухам, исходившим от Интендантства, по случаю исполняющегося 300-летия царствования Дома Романовых, должны были быть прощены все «переборы», вот мы и рассчитывали получить за год круглую сумму в 200-300 рублей и, в этом ожидании, жили, понятно, «в счет будущих благ». Кроме того, тем, кто жил на квартире в городе, полагались и квартирные деньги, что то около 14 рублей, но многие жили в специально приспособленной под квартиры казарме, если, конечно, там было место.

В общем, жили мы безбедно и одевались не хуже, а, пожалуй, лучше, чем в столицах; молодежь — всегда в серо-синих бриджах, специально заказываемых в Тифлисе, и в безупречных полутвердых сапогах. Потом стали носить

кавказские чулки (кожаные) до колен, которые просто натягивались на ногу, а головки были твердые; шпоры — небольшие, незвенящие, изделия наших собственных батарейных мастеров.

У некоторых офицеров нашего дивизиона имелись еще красные рейтузы (чакчиры) и они иногда их надевали. Происхождение их было таково: наш горный дивизион был сформирован в 1910 году из горного Туркестанского дивизиона, в котором, из-за скорпионов, ездовые носили шаровары из бараньей кожи (сафьяновые),*), так как скорпионы не переносят будто бы запаха баранины. Офицеры же носили погусарски, чакчиры. Мне, слава Богу, не пришлось их заказывать, так как вышел приказ запрещавший носить такие рейтузы.

Шашки у нас были довольно дорогие, кавказские.

В городке нашем, скорее-деревне, унылой и безотрадной, было казначейство, почта, небольшая тюрьма и очень похожая на инвалидов из «Капитанской Дочки» местная воинская команда, выставлявшая посты для охраны тюрьмы и казначейства. В самом городке, в старой крепости, стояла 1-ая Терская казачья батарея с учебной командой казачьего артиллерийского дивизиона. В этой же крепости находился в скрытом виде и парк нашей бригады под командой полковника Садокова, маленького роста человека, отчаянного картежника, но страшно боявшегося своей огромной жены. На большом, ровном месте, отделенном от города оврагом, по дну которого протекала речушка Ахалкалак-чай, были раскинуты казармы 78-го пехотного Навагинского полка и нашего 3-х батарейного дивизиона. Здесь было все: казармы для солдат, офицерское собрание, церковь, бани, хлебопекарни, площадки для учений и далеко на конце — склады и пороховые погреба.

Как я уже говорил выше, местность была безотрадная, голая, кругом серо-черный камень, часто дули сильные ветры и, ко всему этому, еще и бич этого района — частые землетрясения.

По приезде моем с матерью, только что устроились мы на городской квартире, как в первую же ночь не смогли уснуть: в какий то момент дом наш тряхнуло и потом толчки продолжались еще раз пять за ночь с небольшими промежутками. Мы стояли все время в дверях под притолокой, боясь обвала стен. Интересно, что первыми начинают чувствовать приближение землетрясения животные: лошади перестают жевать сено, собаки начинают выть, куры беспокоются и кудахчут. Людиже, особенно вновь прибывшие, выбегают на улицу и боятся возвращаться в дома. Примитивные селения курдов и армян просто проваливаются и засыпаются землей, тем более, что они и так наполовину врыты в землю, с дырой для дыма на крыше.

Казенные постройки, казармы и пр. по причине частых землетрясений строились на «прыгающем» фундаменте, то есть — в фундамент клали мешки с песком «тычком» и «логом», а окна и двери в них были очень больших размеров, с широкой притолокой, чтобы при первых же толчках можно было бы сразу становиться под ними. Иногда, во время таких землетрясений были видны фигуры полураздетых людей, стоящих на окнах с детьми под мышками.

Почему же в этих гиблых местах располагали такое большое количество войск? Объяснялось это, конечно, стратегическими соображениями и, в первую очередь, близостью границы. С проведением железных дорог необходимость держать войска так близко от границы может быть и утратила свое прежнее первостепенное значение, но... раз казармы построены, то должен же кто то в них жить, неправда-ли?

Раз, будучи дежурным по дивизиону, я обходил ночью конюшни и заметил, что кони почему то перестали жевать сено и захрапели. Потом меня качнуло так сильно, что я чуть не упал. В это же самое время до меня донесся храп дневального, безмятежно спавшего на охапке сена. Поскольку он никак не реагировал на катаклизм, пришлось разбудить его не совсем деликатным способом.

Наиболее частыми бывают землетрясения в декабре и апреле месяцах и, особенно, в полнолуние. Я вспоминаю Пасху 1913 года, когда я жил уже на «зеленом острове», казарме для холостых офицеров. На первый день праздника мы, молодежь, решили пригласить к себе на ужин всех наших семейных офицеров с женами, чтобы отплатить им за их постоянное гостеприимство. Был накрыт обильный пасхальный стол, в зале стоял рояль, столики для картежников (тогда в Закавказье была в моде игра «фрапп»), лото для неиграющих в карты и прочее. Пир наш был в разгаре, как вдруг нас сразу тряхнуло баллов так на 9. Очевидно мы, празднуя, пропустили начальные, более легкие толчки. Наш тапер, поручик «трамплинной» академии, он же «роялист», сразу очутился под роялем. Картежники смешались, а дамы инстинктивно прижались к кавалерам. Минута молчания..., а потом веселье пошло дальше и следующих толчков мы уже не замечали.

Бывали случаи, что некоторые солдаты не переносили этих местных «особенностей» и их переводили тогда в другие гарнизоны.

Хотя и у нас, в Дагестане, откуда я родом, нередко бывали землетрясения, мать моя тоже не выдержала и уехала жить к старшей дочери в Темир-Хан-Шуру. Я-же, оставшись один, пе-

*) Чембары

реехал на жительство в казарму для холостых офицеров, которую почему то называли «зеленым островом», вероятно, по причине нашего возраста и в отличие от другой казармы, прозванной «сумсшедшим островом». Там жили только семейные, вечно между собой ссорившиеся, но, конечно, по пустякам.

Я попал «на перевоспитание» к нашему «ментору», штабс-капитану Кванчехадзе, прослужившему свои молодые годы в Сибири и многому там научившемуся. Он демонстрировал, например, способность выпить сразу 5-6 рюмок ликеру, держа их между пальцами и не пролив при этом ни капли. Впрочем, в мое время он уже совершенно не мог пить.

Для собственного удобства мы, жильцы «зеленого острова», с помощью батарейных мастеров переделали на свой лад нашу казарму, предназначенную первоначально под лазарет, разбив ее на отдельные комнаты, пробили необходимые двери и все покрыли коврами. Но за недостатком технических средств электрические звонки проведены не были, а так как наша «денщичья сила» жила в другом конце корридора, в одной общей комнате, то мы вызывали их выстрелами из револьвера в потолок, причем каждый имел свое определенное число выстрелов. Как то раз, не дождавшись своего денщика, несмотря на стрельбу, разъяренный Кванчехадзе пошел посмотреть, в чем дело и застал там милую, уютную картину: все денщики сидели кружком и пили «кохвей» с печеньем, за что Кванчехадзе полил их всех этим самым «кохвеем». Жилось денщикам, впрочем, совсем не плохо, и каждый из них был очень предан своему офицеру, доказав это впоследствии, на войне. Самым несчастным из них все считали скромного Никиту, потому что он никак не мог разбудить утром своего поручика Струкова, который в ответ на уговоры денщика вставать, только мычал или же собирался стрелять в Никиту; проснувшись же ругал его за то, что тот не разбудил его во время.

Питались солдаты в батареях очень хорошо. По Царским дням им давалась на второе, как они ее называли, «сладкая рисовая каша», то есть кавказский пилав и, иногда, котлеты, которые лепили назначенные для этого люди. В канцелярию всегда приносилась «проба», и нам с Арванитаки ее не хватало; мы посылали за добавкой, а потом шли обедать в собрание. Если же мы бывали приглашены обедать к кому нибудь из семейных, то обед из собрания брали и съедали денщики, почему «ряшки» у них прямо лопались, а фельдфебель не мог пройти мимо кого-либо из них без того, чтобы не пообещать поспустить, при случае, с них жиру».

Один взвод 5-ой батареи нашего дивизиона, пробывший некоторое время в Персии в отряде генерала Ляхова, привез с собой большую сумму экономических денег, что то около 20 тысяч рублей. Получилась эта экономия от разницы между справочными ценами и покупными: например, интендантская цена, положим, на сено 4-5 копеек пуд, а покупалось оно в Персии по 2-3 копейки или же доставалось совсем даром в брошенных жителями курдских селениях, нам враждебных, Интендантское Ведомство должно было эти деньги отобрать, и заведующий хозяйством 5-ой батареи, вместе с опытным писарем, всячески старался упрятать эти деньги в разных других статьях отчетности. Пришлось все же поделиться и с другими батареями.

Поэтому жили мы богато. В нашей батарее было три экипажа: один на резиновых шинах, запряженный парой духоборских коней, для командира батареи; второй, похуже, для заведующего хозяйством и для нас, молодых; третий, драндулет, запрягавшийся парой батарейных коней, — для семейств подпрапорщиков.

По очереди мы отпрашивались проехать в Тифлис, боясь только одного, как бы не попасть в попутчики командиру дивизиона, который, чтобы подешевле проехать, привязывался ехать вместе. Для меня, молодого, ехать с ним было просто несчастьем, так как приходилось на всем протяжении 116 верст слушать его поучения и разговоры на служебные темы. Вспоминаю теперь об этих поездках, как прямо со службы, из седла, захватив лишь небольшой чемодан, переодевшись во все новое, зимой — натянув валенки и постевой тулуп, усаживаешься в коляску, и маленькие, быстрые армянские кони мчатся, как ветер, до первой остановки, станции Абазбек, где наскоро съедаешь шашлык, запивая его кахетинским вином, которое принято пить не стаканами, а бутылками; садишься опять в коляску и летишь дальше, стараясь незаметно проскочить Ахалцых, стоянку нашего 1-го дивизиона, чтобы не застрять там в «гостях» надолго.

Потом на следующей остановке «Страшный окоп», названной так в память большого боя с персами во времена Цицианова, опять — шашлык и вот уже подкатываешь к станции Боржом, прямо к подходящему поезду Кутаис-Тифлис. Возница-армянин точно знал расписание поездов и так рассчитывал свой аллюр, что мы никогда не опаздывали. Через 2-3 часа — уже в Тифлисе, и прямо из номера гостиницы заказываешь билет в оперу... И все это — за один день!

Устраивались у нас в гарнизонном собрании (Навагинского полка) иногда и танцевальные вечера, на которых мы, артиллеристы, всегда бывали желанными танцорами... Вот уже сидят в зале все те же гарнизонные дамы: дама — «броненосец», дама — «дредноут», просто «Любочка» и другие... Музыка уже не в первый раз играет «для слуха», а молодежи все нет и нет. Мо-

лодежь-же, проходя, исчезает в буфете, «набираясь настроения», до тех пор, пока хозяин собрания не вытолкнет всех в зал... и пошла писать гарниза...

Если нет вечера и нет повода для научного спора на артиллерийские темы у себя дома, то вызывается батарейный экипаж, и компания, иногда — с дамами, катит в город, в единственное синема, которое находилось при школе, в ведении учителя. Очередной мальчишка сидел в будке и крутил ручку аппарата; иногда он засыпал, и картина шла вверх ногами или же останавливалась совсем. Тогда мы стучали в будку стэком, призывая его к порядку. Если кино останавливалось надолго, мы заваливались в духан, вызывали сазандарей» (музыкантов) и, под звуки армянских мотивов, сидели там до утра. Надо сказать, что благодаря способности купцов-армян доставать все самое наилучшее, вплоть до контрабандных товаров, мы ели и пили не хуже, чем в столицах, а шампанское бывало у нас самых лучших марок.

Было еще одно развлечение, правда - редкое: если выпадал большой снег, брали розвальни, сделанные в батарее, запрягали их двумя батарейными уносами и катали наших дам по дорогам и без дорог, иногда выворачивая их в снег на поворотах. Я, по училищной привычке, садился в первый унос, а Арванитаки — в корень. Командир батареи не очень любил давать для этого лошадей, но иногда их необходимо было промять и, если все было в порядке, фельдфебель был даже доволен, а тем более ездовые, приводившие и уводившие коней, потому что хорошо получали на водку. Такие поездки я видел в 23-ей бригаде, в Гатчине, куда портупей-юнкером ездил в отпуск.

Некоторые офицеры имели собак фокс-терьеров, которых мы приспособили для травли лисиц.. Фоксы умели отыскивать лисьи норы и рылись в земле до тей пор, пока из норы не выскакивала лисица, а мы бешено гнались за нею верхами. Но это была скорее забава, а не охота.

В ненастные зимние вечера мы навещали всей компанией одну очень милую, жившую в городе семью начальника местной команды, капитана Белецкого, которого мы называли просто «Стасей». Женат он был на дочери командира Дербентского полка, очень милой даме, и к ней часто приезжала сестра, Сонечка, как говорили «для ловли женихов». Брат-же ее был адъютантом нашего дивизиона и как раз перед моим приездом уехал в авиационную школу на Каче, в Крыму. Была еще и третья сестра, курсистка, за которой безуспешно ухаживал наш «ссыльный» штабс-капитан Вацлав Гилевич. В годы «пробной» революции 1905-06 гг. он, будучи бригадным адъютантом 19-ой артиллерийской бригады, предупредил одного из офицеров бригады, замешанного в революционном движении, о предстоявшем его аресте. Офицер этот скрылся заграницу, а Гилевич был за этот серьезный проступок переведен на Кавказ, без права службы в России. Был он очень милым человеком и интересным собеседником. Дальнейшую его судьбу во время войны и революции я не знаю, капитан же Белецкий перед самой войной получил долгожданное назначение командиром роты в 206-м пехотном Сальянском полку 52-ой дивизии 3-го Кавказского корпуса и был убит в первом же бою, под Тарнавкой.

За год до моего прибытия в дивизионе произошла драма: поручик Сиротинский влюбился в приехавшую к родственникам погостить барышню, но встретил серьезного соперника в лице другого претендента на ее руку и сердце — нашего командира дивизиона, князя Вачнадзе, старого холостяка. Опекуны девицы предпочли последнего. Бедный же Сиротинский застрелился и чуть не увлек с собою на тот свет другого, спавшего за стеной человека: пуля пробила стену как раз над его головой.

В самом начале войны застрелился, тоже как говорили из-за несчастной любви, один из бывших обитателей нашего «зеленого острова», поручик Каргаретели, на год старше меня по выпуску из моего же училища.

Бывали ли у нас «купринские» истории? Надо сказать, что если и случалось что нибудь особенное, грозившее перейти в скандал, то такие истории быстро ликвидировались без огласки и никаких дуэлей ни у нас, ни в Навагинском полку не было.

Дамы, за которыми стайкой ходила молодежь, иногда ссорились между собой, но ссоры эти никогда не переходили границ приличия. Командир Навагинского полка, полковник Кольбе, умел крепко держать в руках своих офицеров: как то, еще до моего приезда в дивизион, когда группа подвыпивших офицеров полка перестреляла ночью только что поставленные в городе электрические фонари на улицах, полковник Кольбе заставил их заплатить за причиненные убытки. Со мной лично был случай, который мог иметь серьезные последствия, но он закончился благополучно: в городе нашем, как я уже упоминал, стояла 1-ая Терская казачья батарея и учебная команда казачьего артиллерийского дивизиона и в то время, как у нас был всегдашний некомплект офицеров, у Терцев был избыток таковых, и казачья офицерская молодежь томилась от вынужденного безделья, развлекаясь по всякому случаю попойками с лезгинкой и со стрельбой. Особеннно выделялся среди них своей необузданностью хорунжий Т., впоследствии доблестно павший в бою с красными. Как-то раз я и еще один офицер Навагинского полка сидели в собрании после танцев в обществе своей дамы, молодой, лет 18-ти, девушки, надо сказать, весьма недалекой. Вдруг

перед нами появляется пьяный Т. и ни с того ни с сего выпаливает какую то грубость. Мы вскочили, как два петуха, и сейчас-же к нашему «ментору», старшему среди нас штабс-капитану Кванчехадзе. Решено было дела так не оставлять и послать хорунжему Т. вызов. Мне все это очень льстило, и я уже воображал себя каким-то Печориным, но на следующий же день все мы были поражены прибытием к нашему «зеленому острову» большой кавалькады казачьих офицеров в парадной форме. Приехавший с ними командир их батареи сказал нам, что все они сопровождают хорунжего Т., который должен извиниться перед нами за свое поведение в собрании. Затем та же церемония была повторена перед хозяином собрания и, конечно, перед оскорбленной девицей. После чего все кончилось примирением и общим с казаками «надиром» с вызовом зурны.

Так проводили мы, конечно, только наше свободное время: ведь, кроме забав и развлечений, кроме ежедневных строевых занятий в батарее, на нас, молодых офицерах, лежало еще много других обязанностей, как, например, обучение новобранцев грамоте. Два или три раза в год, зимой, приезжали к нам в гарнизон специально командируемые из штаба Кавказского военного округа офицеры Генерального штаба для чтения докладов и проведения военных игр совместно с пехотой. Хорошо я помню, например, приезжавшего к нам капитана, тогда, Шатилова, ныне покойного генерала, доблестного помощника генерала Врангеля. Военная игра велась в собрании Навагинского полка на картах, и, раз, помню, на местности.

Кроме того, по распоряжению Инспектора артиллерии корпуса, каждый офицер дивизиона должен был сделать не менее одного доклада в год, на избранную им же самим тему. Для своего доклада я выбрал «начало авиации и планерное дело».

У командира батареи, как я уже говорил, раз в неделю бывали обязательные для офицеров занятия по теории стрельбы. Иногда эти занятия происходили у командира дивизиона, и я вспоминаю по этому поводу, что он имел привычку, обращаясь на этих занятиях к молодому офицеру, называть его не по чину или имени и отчеству, а просто «молодой человек!». Нас это возмущало и мы решили, между собой, проучить его: никто на это обращение не отзывался и не подымался с места. Наконец, командир дивизиона понял.

Мы, живущие вместе, выписывали много военных журналов: «Артиллерийский журнал», «Армия и Флот», «Разведчик» и другие и часто вели между собой споры по поводу прочитанного. Особенно горячо обсуждался модный в то время вопрос об арестах офицеров. Много и часто писал тогда на эту тему в «Разведчике» известный военный писатель Егор Егоров (Ельчанинов. Почти все мы были согласны с его точкой зрения: подвергать офицера аресту, да еще с содержанием на гауптвахте, совершенно несовместимо с его достоинством. По нашему общему мнению взысканием для офицера могли служить только замечания, выговоры в приказе, ограничения по службе и по пенсии и, наконец, увольнение от службы в отставку, с мундиром или без оного и без пенсии. Старики, конечно, этого не признавали, говоря: «как это так, не арестовывать? Вот посидит с месяц на гауптвахте и поймет, как надо служить!». Мы даже послали однажды статью в «Разведчик» с изложением наших взглядов, но, так и не дождавшись ответа, разъехались в разные концы Империи. О себе же, лично, могу сказать, что, будучи кадетом и юнкером, я никогда не сидел под арестом, хотя и был очень живого характера и только в корпусе иногда стоял на штрафу».

Была у нас и дивизионная верховая езда, обязательная для всех офицеров, и в голове всегда шел командир дивизиона, князь Вачнадзе, сидя на коне молодцеватой посадкой николаевской эпохи, вытянув ноги вперед и играя стременем на носке. На этой езде бывало заметно, что некоторым офицерам нелегко, а командир 5-ой батареи, например, и на коня то садился с трудом, хотя и не был еще стар, лет 45-46-ти. На барьеры шла только молодежь.

Иногда устраивались и зимние пробеги, в которых участвовали любители и команда разведчиков, — в Ардаган, где стоял 1-й Кавказский мортирный дивизион, за 90 верст и, чаще, в Ахалцых, в гости к нашему 1-му дивизиону, за 66 верст. Пробеги эти были большим удовольствием и хорошей тренировкой. Несмотря на зиму и ледяной ветер, мы сидели в седлах в одних бобриковых (верблюжьих) тужурках, без наушников, и никогда не болели, были черны, как негры, и здоровы, как бычки.

Интересными бывали и ежегодные маневры, хотя и происходившие всегда в одном и том же районе: Саганлугские позиции, гора Милле Дюзе, Каракурт, Караурган (на турецкой границе). В дни дневок наши офицеры часто пользовались приглашениями турецких офицеров навестить их по ту сторону границы. Прием бывал всегда очень дружественный, но нам всегда рекомендовали не злоупотреблять доверием таможни и не провозить обратно никаких товаров и покупок, вообще.

За год до моего приезда в бригаду, в 1-м дивизионе произошел трагический случай: проходя через город Карс для участия в корпусных маневрах, дивизион имел дневку в расположении Куринского полка, и солдаты-пехотинцы были присланы для ознакомления с действиями при орудиях. Объяснения им давал командир взвода, подпоручик Пестов, бывший портупей-

юнкер моего училища, на год старше меня по выпуску. Солдаты, как мухи, облепили орудие со всех сторон. По какой то невыясненной причине орудие оказалось заряженным не учебным, а боевым патроном, и когда Пестов дернул за шнур, грянул выстрел, и всех стоящих впереди буквально разметало; были десятки жертв, убитых и раненых солдат. Несчастный Пестов чуть не сошел с ума и его охраняли от самоубийства. Его посадили в крепость, судили и разжаловали. Потом он был востановлен в чине, но тяжелое воспоминание не смогла изгладить даже начавшаяся война.

После маневров, возвращаясь по штаб-квартирам, все части участвовали в ночном штурме крепости Карс. Зрелище бывало фееричное, но малоправдоподобное: два отдела крепости, Чорохский и Карабахский (если мне не изменяет память) разделялись большим ущельем и, чтобы перебрасывать войска гарнизона с одного отдела крепости на другой, по обоим скатам ущелья были устроены широкие лестницы с колоссальным количеством высоких ступеней. Никакому солдату не было под силу спуститься и, затем, подняться по такой лестнице, да еще с полной выкладкой. Устройство этих лестниц так и осталось для нас непонятным.

В 1913 году нашему дивизиону было разрешено следовать домой по другому маршруту, по железной дороге до ст. Боржом, а оттуда — через перевал Бакуриани, походом. В Боржоме находятся известные источники минеральной воды, которая пахнет иодоформом и имеет свойство прекрасно опохмелять после попойки. Имение это принадлежало Великому Князю Александру Михайловичу.

Чтобы дойти до перевала, нужно было пройти по зигзагообразной дороге три растительных пояса, с чудной альпийской травой на самом верху, от которой наши кони не могли оторваться. Там, наверху, мы заночевали, а под утро проснулись от страшного холода: все кругом было покрыто инеем.

Почти у самой вершины горы находится санатория имени Государя Императора для туберкулезных больных и к ней идет от Боржома маленькая железная дорога — «кукушка», еле-еле подымаясь через станции, расположенные одна над другой: Демби, Цеми, Цагвери и Николаево.

Спустившись с перевала в сторону Ахалкалак, мы были поражены контрастом: с одной стороны, сзади нас, цветущая субтропическая растительность, с другой, нашей, стороны, голый, серый камень, без травы и без единого дерева!

Всегда с нетерпением ждали мы выхода в лагерь на полигон под Александрополем. Серая жизнь среди все одних и тех же лиц в конце концов надоедала и всем хотелось увидеть других, свежих людей. Дивизион уходил, оставляя какого-нибудь пожилого семейного офицера «караулить» казармы. Переход наш через известный перевал Гурджиель, на половине пути, всегда сопровождался сильной грозой с дождем и снегом. Там и я получил на ночлеге «крещение». Ночью ветер сорвал нашу с Арванитаки палатку, и она, мокрая, накрыла нас. Долго мы под ней барахтались, пока денщики не освободили нас. Натягивая потом сапог, я никак не мог всунуть в него ногу, как я ни старался. Когда же денщик полез в сапог рукой, то вытащил оттуда полураздавленную жабу...

Александрополь, город, где был артиллерийский полигон 1-го Кавказского корпуса, летом превращался в обширный лагерь, в котором собиралось до 36 батарей. Там же находился и саперный лагерь, а в самом городе стояли два полка 39-ой пехотной дивизии, 153-й Бакинский и 154-й Дербентский, и 18-й драгунский Северский полк. а с 1910 года еще и только что сформированный 1-й Кавказский конно-горный артиллерийский дивизион.

Придя в Александрополь и отдохнув, начинали готовиться к стрельбам по расписанию. Как и на всех полигонах, все было уже измерено и пристреляно, и был известен каждый ориентир. Но для нас, горняков, существовали так называемые «случайные» полигоны в горах, на склонах большого потухшего вулкана Абул. Эти стрельбы были интересны с баллистической точки зрения, так как сильно разреженный воздух и разница в уровнях давали иногда несоответствие между прицелом и трубкой в 20 делений.

Приезд на полигон Инспектора артиллерии корпуса генерал-лейтенанта Мехмандарова бывал для командиров батарей настоящим испытанием. Генерал требовал абсолютно скрытного подхода батарей к позиции и особенно пристально следил за продвижением командира батареи с наблюдателями и разведчиками к наблюдательному пункту. Ну, куда спрячешься на голой, лишенной растительности местности? Даже ползая на животе, несчастный командир батареи неизменно попадал в поле зрения Мехмандарова, и сразу же посылался ординарец с приказанием: «Назад, начинать снова!».

Бывая у генерала ординарцем, я следил за этими драмами, и сам нередко скакал до одурения, передавая такие приказания.

Производились состязания между горными батареями на скорость перехода на вьюки и обратно, и однажды, помню, наш дивизион побил 1-й Кавказский конно-горный. Должен сказать, и, вероятно, все горные артиллеристы согласятся со мной, что наше орудие Шнейдера-Крезо, образца 1909 года, как вьючное было не совсем удачным: слишком тяжелы были вьюки, несмотря на специальный подбор и людей и коней. Са-

мой тяжелой частью орудия была люлька с компрессором и накатником, весом в 7 пудов 20 фунтов. Четыре человека ее поднимали и клали на лошадь осторожно, чтобы не сломать ей спину. Когда из Зугдид, Тифлисской губернии, были присланы для испытания вьючные «катера», или, по-русски, лошаки (отец — лошадь, мать — ослица), то и эти опыты оказались тоже неудачными. На узкой спине лошака, с двумя потниками, вьюк не держался, и центр тяжести был настолько высок, что один лошак с вьюком даже скатился в пропасть.

Большой контраст представлял и я сам рядом с нашими высокими, сильными солдатами, уроженцами, главным образом, Воронежской или Ставропольской губернии. За мой малый рост солдаты называли меня, за глаза, конечно, поручиком Кузнечиковым и это до тех пор, пока я им не разъяснил, что фамилия моя происходит не от насекомого, а от кузнеца. (Дамы называли меня просто «маленький» или «карманный офицерик»).

Один раз посетил нас Великий Князь Сергей Михайлович, известный, кстати сказать, своей грубостью в обращении с офицерами, хотя, надо отдать ему справедливость, очень много сделавший для боевой подготовки артиллерии. Задолго до его прибытия у многих, особенно у командиров батарей, начиналась «медвежья болезнь» и сыпались рапорта о заболевании. Я попал к Великому Князю ординарцем на все время его пребывания на полигоне. Нас, ординарцев, было несколько человек (от всех частей) и мы представлялись ему на вокзале. Великий Князь, не посмотрев на нас и не приняв рапортов, сел в коляску, и мы помчались за ним в виде конвоя. На полигоне, стоя за ним, получали различные приказания — скакать то туда, то сюда, но все так невнятно, так отрывисто, что не поняв и не осмеливаясь переспросить, скакали наугад, чтобы только скрыться с глаз Великого Князя. Слава Богу, со мной все обошлось благополучно, но командиры батарей испили чашу до конца, в особенности при стрельбе по способу Великого Князя.

После стрельб и занятий целые кавалькады офицеров, верхами и в колясках, спешили в город: в цирк, в синема, на скетинг-ринг, в рестораны или «в гости». После представления в цирке весь кордебалет обыкновенно приглашался в ресторан на ужин, и дым шел коромыслом до утра, когда на улицах становилось слышным ржание лошадей, приведенных ординарцами для выезда на стрельбу.

Столовались офицеры в общем полигонном собрании и неплохо, но разные обеды-встречи сильно «облегчали» карманы дороговизной шампанского французских марок. При мне стало появляться, по желанию Государя, наше, русское, Абрау-Дюрсо, которое было не хуже заграничного и гораздо дешевле.

Возвращаясь к нашей службе в Ахалкалаках, помню, как нравились нам командировки, особенно отдаленные. Приятное воспоминание оставила поездка на 28 дней в Батум для обучения запасных. Красивый город с тропической растительностью, купанье в море до декабря месяца, масса цветов, много хорошеньких гимназисток и, что нас особенно поразило, это их обычай присылать цветы с цветочницей нам на пляж. В долгу, мы, конечно, не оставались. Нас, поручиков и подпоручиков, было шестеро, от разных артиллерийских частей, и обучать нам пришлось элемент довольно забавный: пожилых людей, армян или грузин, призванных из ближайших мест Закавказья, прошедших в свое время военную службу в России или в Сибири, теперь — лавочников, духанщиков и пр. Все они смотрели на эти повторительные сборы как на отдых от их обычных занятий, были добродушны, всем говорили «ты» и, как дети, веселились и прыгали при каждом удачном попадании в цель. Занятия же велись при допотопных орудиях, самым новым из которых была клиновая пушка образца 1877 года и одна поршневая, образца 1895 года.

Другой интересной командировкой была поездка в Ленкорань, крепость южнее города Баку, 100-летие взятия которой праздновалось 31 декабря 1912 года. От нашей бригады на празднование были командированы три офицера и была какая то часть от 78-го пехотного Навагинского полка, участвовавшего в штурме крепости. Полку было по этому случаю Высочайше пожаловано шефство генерала Котляревского, а наш дивизион поднес Навагинцам большой портрет их нового Шефа, заказанный нами в Тифлисе. После парада, в собрании полка был торжественный обед и, как у нас говорили, «большой надир» с общей лезгинкой, которую танцевал со мной сам командир полка, милейший полковник Кольбе, вскоре произведенный в генералы и уехавший на службу в Сибирь.

Постепенно некоторые из близких моих сослуживцев покидали бригаду, переводясь на службу в другие города. Первым ушел в 47-ую артиллерийскую бригаду, в Самару, поручик Журули, выпуска из Михайловского артиллерийского училища, гуриец по происхождению, лучший наш танцор лезгинки. Мы поднесли ему на прощанье только что введенную в армии саблю на колесике, в которой он тотчас же и запутался. За ним уехал в Академию поручик Климантов, а потом и мой друг, Миша Арванитаки, представившись в Михайловскую гренадерскую артиллерийскую бригаду и получив согласие общества офицеров, перевелся в Тифлис. Настал, наконец, и мой черед: мать ждала меня в Темир-Хан-Шуре, где собрались остатки нашей семьи, да и жить на два дома было труд-

но. С грустью расставался я с дивизионом, особенно с фейерверкерами нашей батареи, которые меня провожали далеко за город и на прощанье «качали». Жалко было оставлять и мою кобылицу. Правда, что прибыв к новому месту службы, в 1-й дивизион 52-ой артиллерийской бригады, я нашел там и старых кавказцев моей 20-ой артиллерийской бригады, так как на формирование в 1910 году 52-ой бригады был взят 1-й дивизион 20-ой бригады из тех же моих Ахалкалак.

В новом дивизионе нашел я и друга по училищу, поручика Славянова, выдающегося офицера, получившего в 1911 году первый приз за верховую езду. Про него и другого нашего училищного офицера, штабс-капитана Чайковского, юнкера говорили, что он «сидит в седле, как Бог». Несчастному Славянову не повезло: в первые же дни войны, в 1914 году, сидя на крыше дома и корректируя стрельбу, он был тяжело ранен, — осколок гранаты оторвал ему нижнюю челюсть.

Вооружение моего нового дивизиона меня поразило: это были орудия образца 1900 года, без щитов, угломер был не панорамный, и в своем формуляре каждое орудие имело более 10 тысяч выстрелов, сделанных в Японскую войну. Нарезы были основательно стерты, и это, конечно, отражалось на точности стрельбы.

Летом 1914 года, с Владикавказского полигона, где батарей собиралось значительно меньше, чем на Александропольском, я по собственному желанию был командирован в школу летчиков-наблюдателей в Карсский крепостной авиационный отряд. Авиация делала тогда свои первые, робкие шаги и не считалась даже отдельным родом войск. Полеты были редки, летали на примитивных аппаратах Ньюпор-а, где не было специального места для наблюдателя, и для него ставилось на бак с бензином, позади пилота, особое легкое сиденье. Через два месяца, при первых тревожных признаках надвигающейся войны, все мы были откомандированы обратно в свои части.

Не получив при мобилизации новых орудий, наш дивизион вышел на войну с теми же старыми, расстрелянными пушками, но и из них наши батареи, по признанию самих немцев, стреляли не плохо. В прежнем моем, горном, дивизионе лучшим стрелком считался капитан Желтухин, служивший в дивизионе с 1899 года и ни к чему, кроме бутылки и стрельбы, не проявлявший интереса. В новом же дивизионе таким выдающимся, даже отличным стрелком был капитан Закутовский. Во время войны, командуя нашим же дивизионом, он за искусное руководство огнем целой группы батарей получил орден Св. Георгия. Но, будучи в то время адъютантом и ни на шаг не отходя от него, я был немало удивлен впоследствии реляцией подвига: «...под губительным огнем неприятельской артиллерии и под действительным пулеметным и ружейным огнем...» и т. д. В действительности же наш наблюдательный пункт не обстреливался решительно никем и ничем. Передовой же наблюдатель, поручик Смогаржевский, всю войну проведший в пехотных окопах, не мог получить и Георгиевского оружия...

Я, лично, считаю, что эта высшая награда за доблесть, орден Св. Георгия, наиболее справедливо давалась в пехоте. Подвиг пехотного офицера не может быть даже сравниваем с боевыми заслугами офицеров других родов войск: кавалерист воодушевляется общим порывом, даже, можно сказать, самим аллюром коня; авиатор увлечен в воздушном поединке чисто спортивным чувством. Когда же пехотный офицер, неделями сидящий в окопах, полных воды, грязи, под губительным огнем противника, часто без пищи и без воды, находит в себе мужество поднять своих людей в атаку, он действительно являет этим пример сознания долга, воинского духа и самопожертвования.

Сам я — артиллерист и всегда поражался той легкости, с которой командиры батарей получали орден Св. Георгия. Статут требовал «...искусной стрельбой, под сильным и губительным огнем противника... заставить замолчать артиллерию противника...», но я знаю случай, когда во время позиционной войны в 1915 году, на реке Шаре, при поиске разведчиков наша артиллерия открыла ночью «мощный» огонь по воображаемому противнику, а потом ряд командиров батарей и командир бригады, который, как утверждали, спал в это время в штабе дивизии, получили Георгиевские кресты.

Думаю, что все же это бывало редко.

Оговорюсь: к боевой доблести пехоты я отношу и доблесть сапер, часто работающих самоотверженно под огнем противника. Заслуги же офицеров Генерального штаб должны, по моему, награждаться совершенно особым орденом, ибо не всегда их работа протекает под огнем, а в тылу, за планами и картами.

В заключение хочу сказать еще несколько слов о судьбе моего друга, Миши Арванитаки. При мобилизации он попал на формирование второочередной артиллерийской брагады и пробыл с ней первый год войны на Кавказском фронте. Когда же часть, в которой он служил, была переброшена на Германский фронт и, идя под Ригу, проходила по нашим тылам, Арванитаки прислал мне записку, желая со мной встретиться. Но записка пришла слишком поздно, уже после его смерти: в первом же бою он был разорван на куски снарядом. Мир его праху!

Б. М. Кузнецов

«Диана»

Так вперед же в атаку лихую!
Пусть не дрогнет рука у бойцов!
За отчизну, за веру святую
Улыбнутся нам тени отцов!

(Из полковой песни Одесских улан)

Кто из молодых кавалерийских офицеров не мечтал принять участие в лихой конной атаке и поддержать славу наших доблестных дедов и отцов? В голове еще были свежи юнкерские изречения: «Конница — это оружие богов!», «Главное оружие кавалериста — его конь!», «Конная атака — это пир избранных!». Но наше начальство думало иначе. Нас превратили в «ездящую пехоту» или, как говорят немцы, в «пожарную команду», то есть мы должны были заполнять все прорехи и просчеты наших штабов. Пехотная служба для нас была очень тяжелая. Эскадрон на бумаге считался равным роте, а в действительности спешенный эскадрон по числу штыков был в 4-5 раз меньше роты. К тому же мы не имели ручных гранат, шанцевого инструмента, и наши подсумки были рассчитана на 40 патронов, что для пехотного боя было недостаточно. Приходилось набивать патроны в карманы и тащить патронные ящики, что сильно затрудняло движение, особенно при наступлении.

1915 год — год тяжелых испытаний нашей армии. 25-го сентября наша пехота вела наступление на город Бучач. Три эскадрона 9-го драгунского Казанского полка, под командой самого молодого из штаб-офицеров — подполковника Неаполимовского, получили задачу обеспечить левый фланг наступающей пехоты. Во исполнение полученной задачи, первый, третий и шестой эскадроны скрытно сосредоточились в овраге левее Заамурцев, ведя наблюдение дозорами и разъездами. Противник, видя перед собою только дозорных, перешел в наступление и окружил 2-ую роту 12-го Заамурского пехотного полка. Подполковник Неаполимовский приказал атаковать противника в конном строю и восстановить положение. Раздалась команда «К коням, садись!» и в миг эскадроны выстроились, как для парада. На установленных дистанциях впереди 6-го эскадрона ротмистр Козинец на темно-рыжем «Дунае»; перед первым взводом корнет Гурвич на крупном рыжем англо-дончаке; перед вторым взводом — прапорщик Торский на «Бритве», неизменно бравшей призы на барьерах; перед третьим взводом — прапорщик фон Мейер на тяжеловатом «Зуаве» и перед четвертым — пишуший эти строки на грациозной, как балерина, «Диане».

На рысях мы выходим из оврага и размыкаемся на полевом галопе. Загрохотала многочисленная артиллерия, но пристреляться не успела, и мы от артиллерийского огня потерь почти не имели. Ружейный огонь слабый. Вдруг командирский «Дунай» дал «козла» и повалился, увлекая с собой всадника. «Прибавь моя Диана! Теперь на «пиру избранных» ты будешь «тамада!», и гордая внучка «Галтимора» легко вынеслась на двадцать шагов вперед. Австрийцы, увидев атакующую конницу, бросились бежать назад, в свои окопы, под защиту проволочных заграждений. Некоторые старались увести с собой пленных заамурцев. С быстротой курьерского поезда приближается проволочное заграждение, правда, не широкое, всего в два кола, но как дать понять «Диане», что это самое страшное препятствие, что его надо перепрыгнуть? Наши кони степного-табунного воспитания или конюшенного, проволочной ограды не знали. Но счастье нам сопутствовало: пленный заамурец, ко-

тоторого австрийцы бросили у самой проволоки, стал раскачивать и валить колья. Его примеру последовало еще несколько солдат, но к сожалению, не все драгуны смогли воспользоваться неожиданной взаимной выручкой.

Мы были опьянены хмелем победы, тем хмелем, который превращает всех в героев. Драгунские кони грудью рвали колючую проволоку! Птицами взвивались над рвами окопов! Впереди были те, у которых были лучшие лошади!

Вторая линия окопов, но уже без проволоки. Захлебываются пулеметы, но пулеметчики, боясь стрелять по своим, взяли слишком высокий прицел. Противник бежит дальше.

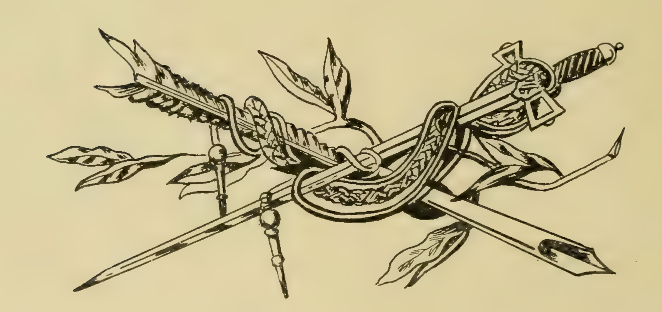
Вот небольшая группа! Что то тащат! Остановились! Копошатся! Молнией сверкнула мысль: пулемет! Как борзая на угонке, по земле стелется Диана. Мы должны прискакать раньше, чем пулеметчик откроет огонь. Едва два скачка и мы у цели. Вдруг Диана сбилась с темпа; она сделала два последних скачка, но уже на трех ногах. Пулеметчик успел дать несколько выстрелов и умолк на веки. Две пули в скакательный сустав принесли смертный приговор Диане.

Задача выполнена! «Трубач! Сбор!» Драгуны, потерявшие своих коней, вместе с освобожденными заамурцами подбирают убитых и раненых, собирают пленных и уводят в тыл. Эскадронами взято три действующих пулемета, более трехсот пленных и отбита 2-ая рота 12-го Заамурского пехотного полка.

Прошло полвека! Как сейчас вижу перед собой корнета Гурвича с папиросой в зубах, с Филлисовской палочкой в руке, что должно было означать полное презрение к опасности. Радостно-возбужденные лица драгун. Мы шли на «пир избранных». Мы ощущали веяние крыльев Славы. А тем, — лучшим из нас, — кому богиня Славы, поднося кубок вина, влила каплю яду, чтобы уже навек не расставаться, отравленное вино казалось еще лучше.

И теперь, во время бессонных ночей, мне чудится тихое, ласково-призывное ржание моей «Дианы». «Ты мной доволен, мой добрый хозяин?» «Я горжусь тобой, моя дорогая и память о тебе у меня сотрется только тогда, когда я перейду последнюю черту! Спи, друг одинокий! Твой старый хозяин тебя пережил!»

С. Э.

Его Величество случай

В Ноябре 1917 года Лейб-Гвардии Кирасирский Ее Величества полк был расположен по-эскадронно по всей Черниговской губернии для предотвращения возможных бес порядков. Эскадрон № 3-й был расположен в районе города Кролевец, со штабом на хут. Жадкевич. Эскадроном временно командовал штабс-ротмистр Швабе при двух младших офицерах.

В описываемое время в Ставке Верховного Главнокомандующего произошло важное событие: начальник штаба Верховного, генерал-лейтенант Духонин, после захвата власти в Петрограде большевиками, приказал освободить всех узников Быхова во главе с генералом Корниловым.

Поставив себе целью начать вооруженную борьбу с большевиками, генерал Корнилов решил пробиваться из Быхова на Дон в сопровождении Текинского конного полка, среди офицеров и всадников которого он пользовался непререкаемым авторитетом и большим уважением. Но в то же время для того, чтобы воспрепятствовать прибытию на контр-революционный Дон такого опасного противника, каким был для них генерал Корнилов, крупные вооруженные отряды большевиков были направлены наперерез предполагаемому пути генерала Корнилова с Текинцами.

В целях большей скрытности движения, Текинский конный полк двигался несколькими колоннами по параллельным дорогам. Чтобы не привлекать ничьего внимания, полковой штандарт был снят с древка и полотнище его везли спрятанным на груди под одеждой все офицеры полка по-очереди. Судьбе было все же угодно, чтобы очередной офицер, везший штандарт, погиб со всеми, кто был с ним.

Один из эскадронов Текинского полка под командой ротмистра Бек-Узарова, пересекая Черниговскую губернию, остановился поздно вечером на ночлег в дер. Почары, недалеко от штаба Кирасирского эскадрона, и командир Текинского эскадрона был приглашен штабс-ротмистром Швабе на ужин. Так произошло случайное объединение командиров двух одноименных эскадронов. На этом ужине присутствовал и полковник Вячеслав Павлоич Семенюк, командир литерной батареи «А» 4-го артиллерийского дивизиона, стоявшего неподалеку. За разговорами время прошло незаметно, и наступил час, когда текинцы должны были двинуться дальше. У ворот хаты, ожидая, когда эскадрон построится, стояли, разговаривая, Швабе и Бек-Узаров. В то время к ним подошел унтер-офицер третьего эскадрона нашего полка и обратился к своему командиру со словами:

— Господин штабс-ротмистр, разрешите обратиться с вопросом к господину ротмистру? — и, получив на то разрешение, обратился к Бек-Узарову:

— Господин ротмистр, Вы будете командиром текинского эскадрона?

— Да, а что Вас интересует? — ответил вопросом на вопрос Бек-Узаров.

Унтер-офицер, оглянувшись по сторонам и убедившись, что вблизи никого нет, продолжал пониженным голосом:

— Господин ротмистр, а где Ваш штандарт? — и на недоумевающий взгляд Бек-Узарова продолжал: — Несколько дней тому назад я с рзъездом был послан в глухой район, в окрестностях, и вот, в лесу, набрели мы на хуторок. Решил я напоить коней и немного отдохнуть. Люди стали поить лошадей у колодца, а я вошел в хату. Кроме старухи-хозяйки никого там не было. Комната была чистая и опрятная. В правом углу висело много икон, украшенных чистыми полотенцами с вышивками, теплилась лампадка... Мое внимание привлекло висящее рядом с иконами что-то желтое, расшитое. На первый взгляд я не мог разобрать, что это было, так как в углу было сравнительно темно. Решил попросить у хозяйки молока; когда она вышла, я подошел к иконам поближе и меня поразило это желтое. На желтом шелку с бахромой вышит двуглавый орел, а на другой стороне вензель Государя. Никак, чей-то штандарт!, подумал я. Но отчего нет на полотнище образа, как у нас?, снова подумал я. Мои размышления

прервала вошедшая хозайка с крынкой молока. Я быстро сел за стол и как бы невзначай, при разговоре, спросил старуху: «А что это у тебя висит у икон, хозяюшка?» — «Да я сама не знаю; охдила я в лес по дрова и наткнулась на побитых солдатиков. Прости меня, Господи, такие же они были страшные, большущие такие и все с черными бородами, а недалече от них лежит побитый молоденький офицерик и держит руки на груди, пальцы сжимают что-то желтое. Любопытство взяло, подошла я к нему, перекрестилась и расстегнула пазуху. Гляжу, что-то желтое, шитое золотом. Вытянула, гляжу на нем буква Н под короной, а с другой стороны — большущий орел. Перекрестилась еще раз, прочитала про себя молитву и решила, что нехорошо, что оно будет валяться в лесу, взяла его и принесла домой да и повесила около икон. Объяснить-то и некому, что это! я ведь одна тут, да и поблизости никого нет». Подошел я снова к иконам, разглядываю, а сам все думаю: штандарт да и только, но почему нет на нем иконы, а вместе нее — орел? Уговорил старуху отдать ненужное ей полотнище. Согласилась, дала мне чистый кусок холста, завернул я его и вчера только возвратился в эскадрон. Не говорил и не показывал еще никому своей находки. Хотел сперва показать своему командиру, а тут вы вчера вечером пришли сюда. Увидел я ваших всадников, как они себя величают, и что они тоже с черными бородами, как у тех в лесу, о которых мне рассказывала старуха, а когда узнал, что они — нехристи, то и решил обратиться к вам.

С этими словами, еще раз оглянувшись, вынул из-под шинели сверток и передал Бек-Узарову. Развернув потихоньку поданный пакет, Бек-Узаров сразу же узнал полковой штандарт, о пропаже которого он не знал.

Дав направление своему эскадрону, Бек-Узаров с несколькими всадниками и нашим унтер-офицером, который лично хотел передать священную находку командиру полка, помчались в штаб полка. Появление Бек-Узарова с нашим унтер-офицером, который лично передал командиру полка найденный им штандарт, произвело в штабе ошеломляющее впечатление. О гибели офицера и о пропаже штандарта там тоже не знали. Нашего унтер-офицера заставили несколько раз рассказать со всеми подробностями все, как было, когда же командир полка предложил ему в награду деньги, то унтер-офицер стал смирно и с достоинством ответил:

— Господин полковник, я имею честь служить в Лейб-Гвардии Кирасирском Ее Величества полку. Нас учили — всегда свято и честно носить это Имя. Я исполнил только свой долг и никакой награды за свое дело не возьму. Господу Богу угодно было, чтобы ваш штандарт попал мне в руки, и я счастлив, что могу его возвратить вам.

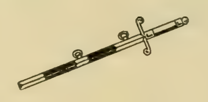
Такой достойный ответ заставил многих присутствующих прослезиться, а командир полка, с полным слез глазами, обнял нашего унтер-офицера, троекратно поцеловал и прерывающимся от волнения голосом сказал:

— Вашу находку и бескорыстный поступок Текинцы никогда не забудут. Вам и полку, воспитавшему такого кирасира, как вы, крикнем громкое «ура»!

Это истинное происшествие мною записано в лагере Келлерберг в Австрии, в 1947 году, со слов самого Бек-Узарова, ныне покойного. К сожалению, полковник Бек-Узаров никак не мог припомнить фамилию этого доблестного унтер-офицера. Он только помнил, что унтер-офицер был высокого роста, типичный Кирасир Ее Величества, призыва не то 1912, не то 1913 года, и был переведен из эскадрона Ее Величества при разворачивании полка в шесть эскадронов — во вновь сформированный эскадрон и получил «лычки» уже в новом. К сожалению, ни одного офицера этого эскадрона не осталось в живых, и фамилия этого доблестного сына полка осталась неизвестной.

Полковник **Рубец**

Примечание: этот штандарт хранился в Белградской церкви. При приближении Красной армии, все знамена и штандарты были упакованы и отправлены в Дрезденский банк, не предполагая, что он будет в руках СССР. Там они были найдены, увезены в Москву и помещены в музей Красной Армии.

Лейтенант Вернер

Это было во время Лодзинских боев. 8 ноября Гвардейская казачья бригада участвовала в экспедиции на местечко Брезины.

После ночлега в окрестностях Скерневиц, мы выступили в направлении на Колюшки; левее нас шла Кавказская кавалерийская дивизия. Сейчас-же, в нескольких верстах к западу, бригада проходила поле, где дня два тому назад, немецкий кавалерийский дивизион разгромил обоз и артиллерийский парк Сибиряков. Опрокинутые двуколки, развеянные ветром по полю карты, погоны и разные вещи попадались на каждом шагу. Я поднял на память погон прапорщика, который и пробыл у меня в чемодане до конца войны. В стороне от дороги, в разных направлениях, стояло несколько зарядных ящиков, полных снарядами крупного калибра. Картина была печальная, но утешением могло служить что «недолго братья пировали».

После своей легкой победы, кавалерийский дивизион с двумя орудиями решил сделать налет на Скерневицы, по их сведениям, наших войск там не было. Поэтому, без тщательной разведки, немцы двинулись по гатям, через охотничьи парки, к Скерневицам. Расчет их был бы верен, если бы в это время, по железной дороге не прибыл туда случайный эшелон пехоты, направляющийся в Колюшки. Начальник эшелона занял позицию на западной окраине местечка и встретил неприятеля метким огнем с короткой дистанции. Застигнутые врасплох в походной колонне, немцы в беспорядке хлынули назад, потеряв одно орудие и устилая путь своими людьми и лошадьми. Потери их были около полуэскадрона убитыми, утонувшими, завязшими в болотистом ручье, а всю эту историю мы слышали в одной из деревень под Скерневицами, где немцы останавливались перед набегом. Там же появились и их остатки после приема в Скерневицах.

Бригада продолжала движение в направлении Колюшек. Не доходя верст семь до Брезин, обнаружили движение через Брезины на Колюшки немецкого обоза с прикрытием. Представлялся лакомый кусочек для такого значительного отряда как наш (почти две дивизии с батареями). Вспомнив, что это 8 ноября — Фельдцейхмейстерский праздник и праздник моего Воронежского корпуса я радовался, что Господь послал нам случай отплатить немцам за Сибиряков. Не успел я этого подумать, как наша батарея лихо выехала на позицию и открыла, как казалось, губительный огонь. К сожалению, снаряды не могли покрыть семиверстную дистанцию и Начальник Кавказской кавалерийской дивизии генерал Шарпантье, находившийся левее нас и впереди, прислал ординарца с советом прекратить бесплодный обстрел с такой дистанции. Оказалось, что командир батареи принял 3-хверстную карту за 2хверстную.

Начало боя было не так чтобы удачное...

Бригада продолжала двигаться вперед и, подойдя к Брезинам, сотни спешились и повели наступление. Началось с перестрелки с прикрытием обоза а, подойдя к местечку, некоторые взводы имели рукопашные схватки. Так, незабвенный наш вахмистр Нехаев врывался в дома и вытаскивал запрятавшихся там немцев на свет Божий, что называется, голыми руками. Вскочив в один дом, распалившись, он совершенно забыл что вооружен, кинулся на немца, укрывшегося за тюфяком и за шиворот выволок его на свежий воздух. Хорошо работал спешенный взвод 3-й сотни, под командой сотника Карелова.

Конная часть 4-й сотни, с хорунжим Фроловым во главе, атаковала часть обоза, соединившись с Тверскими драгунами, и поздно вечером этот храбрый офицер явился в штаб в простреленной папахе и шинели и доложил, что привел отбитую у немцев, повозку полную снарядов.

Итак, начало нашего боя казалось сулило нам успех но... «не так склалось, як ждалось».

После вялого боя без решительных результатов, наступил час, когда началось обсуждение «вечного вопроса» — где будем ночевать? Начальник дивизии ничего не говорил. Начальник штаба молчал, так как находился в ссоре со своим прямым начальством. Командир бригады мечтал об ужине, командир нашего полка Великий Князь Борис Владимирович нервничал, а мы все были чрезвычайно раздосадованы бесплодным боем и так безнадежно потерянным случаем.

Ночевали, кажется, в Ежове, а на другой день решено было хлопотать об отдельной командировке для полка, «отдельном плавании», как говорил Великий Князь. Разрешение Начальника дивизии было получено и командир полка — Великий Князь остался доволен.

Мы получили задачу произвести усиленную

разведку полком в юго-западном направлении, на Спалу, и войти в связь с 5-й кавалерийской дивизией. Поспешили выступить пораньше, из боязни чтобы у нас не отняли нашу прогулку.

Был крепкий осенний день. Настроение у полка было бодрое, сказал-бы, приподнятое. Выслали несколько разъездов. Из них, помню, один от 5-й сотни, под командою вахмистра Григорьева, в юго-восточном направлении, на железную дорогу. По заведенному порядку, на место предполагавшегося большого привала, был выслан доктор Уминский. У него везде были знакомые, часто приятели, и сам он кое-что смыслил в кулинарии; все это вместе взятое обещало любезный прием и хороший завтрак.

На этот раз выбор Уминского остановился на домике ксендза, в местечке. Дом был просторный и столовая большая. Как и всегда, у ксендза заведывала хозяйством племянница, сравнительно молодая и миловидная особа. За завтраком разговор вертелся на недавнем пребывании в этом доме немцев, во время их поспешного отступления от Варшавы. Ночевало здесь тогда много немецких офицеров. Настроение было настолько тревожное, что когда среди ночи разнесся слух о приближении казаков, все поднялись, и через час уже никого из немцев в местечке не было. Впопыхах, немецкая офицерская прислуга забыла возвратить хозяевам столовое серебро любезно одолженное для ужина.

По словам хозяйки, среди постояльцев находился некий генерал Бредов. Когда она подала ему умываться, генерал обратил внимание на фотографию ее детей. Справился, кто они и живы-ли и со слезами сказал, что его два сына погибли на фронте, и ничто не вознаградит за их потерю.

Полк оставался в местечке до получения донесений от разъездов. В общем, ничего серьезного выяснить не удалось, только разъезд вахмистра Григорьева донес, что он вошел в связь с частями 5-й кавалерийской дивизии и имел столкновение с немецким разъездом, застав последний на отдыхе. В результате схватки, неприятельский разъезд был уничтожен, пять немцев убито, офицер и пять конно-егерей взяты в плен. Только двоим удалось уйти. С нашей стороны убитых и раненых не было. Ушел конь урядника Алаева, и он сам с разъездом не вернулся. Великий Князь был очень доволен такими донесением и приказал доставить пленных в штаб полка, и мы двинулись к Спале.

В сумерки прибыли в дом лесничего. Просторный барский дом, хорошо вытопленный; предупредительный хозяин, распоряжавшийся помещением полка как можно удобнее, все это в связи с известием об удачном поиске разъездa поддерживало повышенное настроение полка. Все с нетерпением ожидали привоза пленных.

Наконец, около семи часов вечера, в зал ввалилась высокая фигура немецкого офицера с головой, закутанной шарфом и в рейтузах, сильно порванных на колене. Освободивши голову от шарфа, пленный отрекомендовался лейтенантом Вернером, Гессенского Конно-егерского полка. Сопровождавший его подхорунжий Григорьев доложил приблизительно следующее:

«Исполняя задачу, невдалеке от железной дороги я встретил разъезд 5-го уланского Литовского полка. От них узнал, что близко, в отдельной усадьбе, отдыхает немецкий разъезд. Высмотрели. С северной стороны усадьбы на стенке стоял часовой. С южной — запертые ворота. Решил, вместе с уланами выбить немцев из усадьбы и уничтожить. Для этого отправил большую часть разъезда наблюдать южную сторону фольварка а сам, с уланским унтер-офицером и несколькими людьми решил обстрелять усадьбу с севера. Подошли пешком, открыли огонь, и первым же выстрелом свалили часового. У немцев поднялась тревога. После нескольких выстрелов, они посадились на коней и кинулись через ворота на юг. Тут их обстрелял и атаковал мой разъезд. Уланы в атаку не пошли. Только постреляли. Пять немцев было убито, пятерых взяли в плен. Под офицером ранили коня, он упал. Офицер отстреливался из револьвера, но ребята захватили его живьем. Два немца все таки успели ускакать. Из наших все живы и сейчас при мне. Только урядник Алаев упал с конем во время атаки, и конь убег за немцами. Он остался искать коня». Все это было рассказано скромно, просто, словно о будничном случае из казарменной жизни.

Великий Князь поблагодарил Григорьева и обещал представить его к награде.

Наш пленник, молодой, высокого роста, представительный лейтенант, с открытым симпатичным лицом, произвел на всех нас хорошее впечатление. Он появился к нам, точно мирный проезжий, с которым случилась неприятность — в пути сломался экипаж, лошади понесли или просто потерял дорогу, прибился на огонек.

Он откровенно рассказал, что был выслан с разъездом от Конно-Егерского полка для порчи железной дороги, был на станции, выполнил свою задачу и, после утомительной работы, должен был остановиться на отдых в усадьбе, где был захвачен «уланами» (он по ашибке принял наш разъезд за уланский, из за отсутствия лампасов). Обстрелянный с севера, он расчитывал уйти на юг, но был встречен там и огнем и конной атакой. Под ним была ранена лошадь, упала. Выпустив все патроны из револьвера, ему ничего не оставалось, по его выражению, как сдаться. «Тут я потерял свою каску и разорвал рейтузы. Казаки обошлись со мною вежливо и были любезны исполнить мою единственную просьбу — пристрелить мою раненую лошадь. У нее была перебита задняя нога, и я не мог ви-

деть ее мучений. Лошадь была прекрасная, и я очень был к ней привязан».

Обед уже ждал нас. Великий Князь посадил Вернера, как гостя, рядом с собой и весь обед с ним беседовал. Пленник, по его словам, учился в Гейдельбергском университете, где его приятелем, между прочим, был Нарышкин, ныне офицер л. гв. Уланского Ее Величества полка. Вернер признался в своем руссофильстве. До войны он служил в Гессенском драгунском полку, Шефом которого был Император Николай II. Вернер был в почетном карауле при встрече Государя и имел орден Св. Станислава III ст.. Перед войной были сформированы конно-егерские полки, и Вернер был переведен на комплектование одного из них. Совсем накануне войны, полк его был перевооружен, — не то сабли, не то винтовки заменили пиками. «Результат этой замены, улыбаясь добавил Вернер, что ни один солдат не умеет владеть пикой».

В это время меня вызвали из за стола. В передней, урядник 5-й сотни Алаев, отставший от разъезда Григорьева, вручил мне полевую записку. В ней значилось буквально следующее:

«Свидетельствую, что лейб-гвардии Атаманского полка урядник Алаев преследовал двух немцев и, на моих глазах, заколол обоих пикой. 5-го уланского Литовского полка корнет Владимиров».

Прежде чем передать записку Великому Князю, я, естественно, не утерпел, чтобы не узнать у Алаева подробности этого исключительного подвига. «Как-же ты обработал их так, Алаев?» спросил я.

Урядник Алаев, бывший лейб-казак, 2-го Донского Округа, станицы, кажется, Потемкинской, небольшого роста, скорее маленький и представительностью не блещет. Впоследствии, он вторично отличился в 1915 году, в атаке есаула Каргальскова под Сухавою. В рукопашном бою был ранен и, за ранениями, уволен домой.

«Так что, Ваше Высокоблагородие, значит, как пошли мы в атаку. А конь мой горячий, как рванулся, споткнулся и упал. И я, значит, с ним. Вскочил я — глядь — два немца, что живые остались — на входы. А конь мой за ними. Я было пешком побёг. Куды тут? Разве пешим догонишь их. Главное, коня уж больно жалко. Дорогой он для меня, доморощенный. Трое часов взял на скачках в лейб-Казачьем полку. Вижу — немецкий конь без седока. Я на него — а он, проклятый, не идет — не иначе как загнатый, или раненый. Просто — хоть пропадай. А уланы не хочут гнаться. Я к одному «землячок дай коня поскакать». «Возьми» грит. Я сейчас это сел, «давай уж и пику», говорю. Дал он пику, — я и пошел. А место открытое — далеко видать. Скачут они, мой конь, вижу, за ними. Да должно быть кони мореные, пристали, а тут, значит, болото им и деваться некуда. Вижу, что не уйдут. Испужались — страсть. Ну я враз нагнал. Одного ширнул пикой, другого. И готово! Взял коня. А корнет Владимиров все это видел. Похвалил. «Давай» говорят «я тебе свидетельство напишу, не иначе как крест получишь». «Покорно благодарю», гсворю, пишите». «Только коней и аммуницию ты нам отдашь, потому мы помогали». Берите, думаю, сни мне не нужны. Слава Богу, что своего выручил».

Можете себе представить картину как этот молодчина, на первом попавшемся коне, на непривычном седле, чужою пикой разил немцев.

Сообщение о прибытии Алаева, записка и подрсбности его подвига произвели сенсацию и нарушили порядок обеда. Великий Князь заранее поздравил Алаева Георгиевским кавалером. Когда все это разсказали Вернеру, он заметил: значит никто из моих егерей не вернулся к полку. Там ничего не будут знать о моей судьбе. Грустно, что моя бедная мать, не получив весточки, конечно, будет считать меня погибшим». Великий Князь тотчас же предложил пленнику написать письмо его матери, которое он брался переслать через Комитет Великой Княгини Марии Павловны, в Норвегию.

После сытного и веселого обеда, Великий Князь спросил Вернера, есть ли у него деньги и, узнав, что всего 5-10 марок, предложил ему ссуду, сказав, что лейтенант вернет ему, когда разбогатеет На утро лейтенанта отправили в Скерневицы с его людьми.

В декабре месяце 1914 года, после Высочайшего смотра в Седлеце, Великий Князь доложил Государю подробности пленения лейтенанта Вернера. На это Государь заметил: «Как же, помню хорошо Вернера в Гессене. Отлично помню его тетушек, очень почтенные старушки».

В январе 1915 года я ехал в вагоне Великого Князя из Варшавы в Радом, где был расположен наш полк. Вместе с нами ехал и Нарышкин, о котором упоминал Вернер. В разговоре о нем Нарышкин подтвердил что хорошо помнит Вернера по университету, дружил с ним, как с руссофилом и отозвался о нем, как о человеке в высокой степени порядочном.

Во всем этом эпизоде нет ничего громкого, но я глубоко верю, что описанные подвиги подхорунжего Григорьева и урядника Алаева, скромных сотрудников неувядаемой славы нашего полуторастолетнего полка, по справедливости найдут себе должное место на страницах полковой истории.

Тимофей МИХАЙЛОВ
старый атаманец и командир

Первый бой Ермаковцев у станции Чишма

(на Урале)

(Терского казачьего войска Сотник А. Орлов, служивший в нашем 1-ом полку в 1918 году).

Станция Чишма находится в 50 верстах к западу от Уфы. Туда и спешила 1-ая Сибирская казачья бригада походным порядком, высадившись накануне из вагонов в г. Уфе.

1-ый Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк под командой полковника В. Водопьянова, при помощнике командира полка Есауле Глебове, подошел к станции Чишма 31-го мая 1918 г. (новый стиль) и, пройдя станцию, при усиленном охранении ,примерно верстах в пяти к западу от нея, встретил отступавшую нашу пехоту (если не ошибаюсь, — то была Уфимская стрелковая бригада), непосредственно за которой шли дозоры красных, обстрелявшие первым боевым огнем наши казачьи дозоры.

Полк принял боевой порядок, выслав 1-ю, 2-ю и 3-ю сотни вперед под командой Есаула В. Вологодского. Сотни перестраивались на крупном намете, рассыпаясь в лаву и неудержимо двигались вперед.

Состоя младшим офицером во 2-й сотне, я на ходу получил приказание своего командира сотни, Есаула К. Киселева,: «Выводи в лаву первую полусотню, со второй полусотней я пойду в резерве сзади!» Справа была 1-я сотня, слева — 3-я. Впереди нас виднлся лесок или, вернее, роща (примерно на расстоянии одной версты), и я взял направление на ее середину. Вскоре наши разъезды влились в лаву и сообщили, что заставы красных с пулеметами занимают лесок, а главные их силы (каковы они никто не знал) дальше за лесом, на высотах.

Приблизительно с восьмисот шагов противник открыл ружейный огонь, но пули свистели высоко над головой. Не знаю, по чьей команде, вернее — по инициативе рвущихся вперед коней, мы перешли в широкий намет.

На мгновение я оглянулся назад, и сердце мое переполнилось радостью: полусотня не шла, а летела, держа равнение, как на ученье, а оружие готовым к бою. В это время из леска начали строчить два пулемета, но лава неудержимо неслась на огонь противника, огонь начал слабеть и вдруг прекратился... «Красные бегут!» услышал я над самым ухом возглас. Повернувшись, я увидел рядом со мной с шашкой в руке, взводного урядника 2-го взвода Антонова «Лобановец», как он с гордостью себя величал по имени своей станицы — Лобановской). Высокий, стройный, с торчащим в поларшина чубом, всегда щегольски одетый, он напоминал нам всем Ермаковца-рубаку славных времен Саракамыша и Ардагана.

«Нажми, Антоныч!», крикнул я и мы, повернувшись в седлах к лаве, издали казачий «гик», который подхватила лава, смыкаясь. Через несколько минут мы проскакали лесок, в котором, кроме стреляных гильз, никого и ничего не осталось.

Перед нами открылась проселочная дорога, уходящая в холмы, а по ней уносящиеся во весь опор несколько тачанок, очевидно — с пулеметами и защитниками рощи. Разомкнувшись, лавою продолжали движение, а урядник Антонов, взяв с собою лучших 5-6 наездников, понесся за тачанками.

Но картина боя вскоре изменилась: красные открыли огонь по всему фронту лавы, а их артиллерия стала бить по резервным колоннам. Наше продвижение не остановилось, но замедлилось.

Вскоре перед фронтом 2-ой сотни попался глубокий овраг, уходивший далеко за фланги лавы. Урядник Антонов ждал нас здесь. Тачанки ушли. Найдя овраг хорошим убежищем для коней, полусотня здесь спешилась и, выйдя на другую сторону оврага, залегла, растянувшись в стрелковую цепь.

Вскоре к нам прискакала вьючная пулеметная команда Есаула Рассохина, который славился молниеносным развьючиванием и открытием огня при всякой обстановке. Действительно, через каких нибудь 5-6 минут его пулеметы застрочили по красным. Это была первая стрельба по противнику с нашей стороны. Цепь тоже открыла редкий огонь. Чувствуя огневую поддержку, мы без особого усилия поднялись и двинулись вперед. Нам было видно, что соседние полусотни спешились и тоже шли цепями.

Огонь противника становился все более и более действительным. Пули ложились то перед цепью, то свистели мимо ушей. До позиции красных оставалось 1000-1200 шагов и дабы избежать потерь, я решил продвигаться перебежками, к чему казаки были мало тренированы, но зато имели хорошую сообразительность, как

применяться к местности. Цепь залегла и первые звенья обоих взводов, со взводными заместителями, перебежали на новую позицию, на 100-120 шагов вперед. Не успели подняться вторые звенья, как прискакал Помощник Командира полка, Есаул Глебов. Соскочив с своего кровного скакуна, при сверкающих погонах и в серебре шашки, он открыто подошел к цепи, не обращая внимания на свистящие пули. «Ну, что тут у вас?», спросил он, обращаясь ко всей цепи. Я, стоя на одном колене за серединой рассыпного строя, объяснил ему обстановку и начатые перебежки. Противник, заметив «группу начальников» (с Есаулом были один офицер и ординарцы), усилил пулеметную стрельбу.

«Ну, продолжай! Вторая ваша полусотня войдет в цепь тоже», сказал он и пошел медленно вдоль фронта на правый фланг.

Это было первое высокое начальство в передней линии с начала боя. Казаки улыбались на его шутки, поворачивая головы.

Я собирался с предпоследней сменой на новую позицию, когда появился Есаул Киселев: «Как, жарко здесь у тебя?», спросил он. Я объяснил ему то же, что и помощнику командира полка. Подошедшая вторая полусотня залегла рядом и в интервалах остатков первой. Забрав остатки своей цепи, я начал двигаться на новую позицию, обещав дать место слева для 2-ой полусотни.

Нашей артиллерии до сих пор не было слышно. Говорили, что она заблудилась или застряла. Мы открыли огонь с новой позиции, что называется «по закрытым целям», с прицелом 100 шагов.

Идти в наступление по открытой местности на занятые противником возвышенности без поддержки артиллерии — значило обречь себя заранее на неудачу и напрасные потери. Маневра со стороны высшего начальства, как будто бы, не предвиделось. С другой стороны и красные, видя такое решительное наступление казаков в первый раз после боев на Волге, собрали все свои заставы на укрепленную, как нам казалось, позицию и не показывались, а вели усиленную стрельбу.

Было уже около 11 часов утра, когда все наши взводы собрались на новой позиции и готовились перейти опять в наступление, как из тыла появились настоящие пехотные цепи, бодро шедшие к нам. Повидимому, это была все та же Уфимская стрелковая бригада, ободренная нашим решительным наступлением. Теперь она спешила к нам на поддержку. Но нам уже передали, чтобы казаки готовились к «посадке», так как подадут коней.

Напряженное состояние людей сразу разрядилось шутками, смехом и бравированием под огнем. Действительно, как только пехота, пройдя в наши интервалы, залегла впереди, к нам отдельными группами стали подскакивать коноводы. Казаки быстро очутились в седлах. Здесь, во время посадки, у командира сотни был ранен в голову конь и он взял строевого казачьего коня. Говорили, что были раненые казаки в других сотнях, но во 2-ой, насколько я помню, не было.

Выравняв лаву, мы стали маневрировать, наблюдая за противником. Вскоре меня со 2-ым взводом отправили для наблюдения за тылом, на случай обхода красных. Расположив по холмам отдельные группы всадников, я с главным ядром наблюдал за стыком флангов 1-го и 2-го полков.

Станция Чишма была позади и влево от меня, верстах в 2-3, и нам видно было, как там дымился паровоз. Посланный мною для ознакомления с обстановкой казак доложил, что там стоит броневик для прикрытия наших войск.

В дальнейшем нам пришлось наблюдать конную атаку 2-го Сибирского казачьего полка на лаву красных казаков оренбуржцев, ушедших, как нам известно, к большевикам за Есаулом Кашириным.

Они наметили атаковать правый фланг Ермаковцев, на стыке со 2-ым полком, но резервные сотни 2-го полка выскочили из-за холма и, в сомкнутом строю, ударили по красной кавалерии, которая, не приняв удара, пошла наутек, Сибирцам досталась, как трофей, походная кухня с горячим обедом, которая шла, видимо, питать красных казаков.

Атакующие сотни, увлекшись преследованием, подскакали близко к позициям пехоты, которая встретила их огнем.

Мы видели еще два раза красную кавалерию, маячившую на горизонте, но близко она не подходила. Между тем, нашу лаву начали усиленно обстреливать шрапнелью и гранатами. Мы встретили наших раненых, отправляемых на Чишму.

Около 2-х часов дня показались отступающие цепи нашей пехоты. Разговорившись с одним из офицеров, я узнал, что красные безнаказанно выкатили артиллерию на передовую позицию и ведут меткий огонь, а с нашей стороны нет ни одного снаряда.

Казачья лава тоже начала медленно отходить назад. Часам к 5-ти вечера, полк подошел к станции Чишма, где я присоединился к своей сотне.

Так закончился первый бой Ермаковцев, после чего началось остступление на город Уфу.

Сотник **А. Орлов**

(Из книги Е. М. Красноусова «2-я батарея»)

ИНЖЕНЕР ЗОРИЧ

(Из воспоминаний о Первой Мировой войне)

I.

Стремительным наступлением в пределы Австрии русские войска начали быстро занимать Галицию, далеко углубляясь вглубь страны; занятые своими боевыми задачами они, при быстром продвижении не могли устраивать свой тыл и особенно пути сообщения и в этом случае большую помощь смогли оказать Дорожные Корпусные отряды, специально сформированные из инженеров, техников и других специалистов.

Штаб этих отрядов помещался в городе Львове и оттуда в разные армии Юго-Западного фронта, как-то в 3-ю, 4-ю, 8-ю, 9-ю и 11-ю, направлялись отряды для исправления путей сообщения, мостов. Особые отряды, так называемые «мостовые» обязаны были исправлять и восстанавливать взорванные и поврежденные мосты и строить новые, там где этого требовала обстановка. И вот, одним из таких отрядов заведывал инженер Зорич, высокий, худощавый, с пронзительным взглядом, весьма энергичный, дисциплинированный, находчивый и настойчивый инженер.

Ввиду наступающей весны, имея задание от штаба армии осмотреть и выяснить безопасность мостов на реке Стрыпе, могущих быть поврежденными ледоходом, поздно вечером я выехал на осмотр и подъехал к одному из мостов.

Какие-то фигуры в черкесках и бурках сновали на берегу и на мой вопрос, где инженер Зорич, меня провели в одну из халуп. Встреченный инженером Зоричем, после взаимных приветствий, я спросил его о состоянии мостов, находящихся под его наблюдением. Он попросил меня пройти с полкилометра, где был расположен мост, им построенный. Подойдя к мосту, я обратил внимание, что ледорезы вынесены далеко вперед моста и соединены бонами (плавучими толстыми бревнами, соединенными цепями). На мой вопрос Зорич ответил:

— Большого ледохода ожидать нельзя, но Австрийцы пускают по течению всякую гадость и могут прилить мины и повредят мост, если не будет бонов, которые их перехватят.

— Конечно если мины будут небольшие. А почему вы поставили ледорезы в шахматном порядке впереди моста?

Грунт — скала и я, не имея копра, должен крепить их тросами, цепями и якорями и я хочу знать, может ли штаб армии прислать мне хоть один копер?

— Армия занята своими оперативными задачами и не может снабжать тылы необходимыми материалами, а наше путейское начальство не может прислать, скажем — с Днепра, копры и если их сейчас затребовать, то пройдет немало времени, чтобы их доставить в район военных действий и в каком они придут виде?

— Значит, г. старший инженер, я должен расчитывать на свои собственные силы?

— Примерно так.

Инженер Зорич пристально посмотрел на меня и сказал:

— Вы даете мне «карт бланш» в моих действиях, если обстановка потребует особых мер?

— Хороший инженер в критический момент должен надеяться только на свои силы.

— Прошу вас пройти ко мне в халупу отужинать и я прошу вас остаться на ночь на этом мосту, сказал Зорич.

Войдя в комнату, я увидел в глубине часового кавказца в черкеске, при полном вооружении, стоящего близ большого сундука.

— Что это за часовой?

— Это дежурный при денежном ящике.

— Разве у вас так много денег?

— Нет, но если мой джигит провинится, то стоит 24 часа до смены его другим провинившимся.

— Да, кстати, я имею обширную переписку о ваших джигитах со своим тыловым начальством и запросы контроля, и я отвечаю, не спрашивая вас, зная, что вы очень заняты ответственными работами, что они числятся как столяры, слесаря и, самое главное, что они не получают ни содержания, ни довольствия от казны, а числятся как волнонаемные, но я бы хотел знать, как они существуют?

— Сердечное спасибо за вашу поддержку, и я полагаю, что они вполне оправдывают ваше доверие, и пока они у меня (я их вывез с кавказского фронта), они довольствуются за мой счет.

— Я посоветую вам с настоящего времени проводить их по табелям, как робочую силу, ибо вам пришлось бы нанимать местную рабочую силу, чтобы вести работы.

Маленький, носатый, юркий кавказец в черкеске серого цвета с большим кинжалом на поясе и маленьким, засунутым за бешмет, принес нам ужин: похлебку чохохбилли, рыбу на вертеле и бутылку кахетинского.

— Откуда у вас вино?

— Абрашка, который вроде как повар, привез из Кахетии вино и никому не дает, я же сам не пью, сказал Зорич.

— Если вы ничего не имеете, то ложитесь спать на походной кровати и я вас рано утром разбужу, так как хочу показать вам работу моих джигитов.

Было еще темно, когда Зорич меня разбудил, и мы вышли на берег реки. Через нее был переброшен деревянный мост, и сзади нас были наши позиции и артиллерийская батарея. Зорич показал на противоположный берег и сказал:

— Видите очертание виселицы?

— Примерно нечто похожее...

— Это — австрийский копер и я хочу сегодня переправить его на наш берег.

— Но это рискованное предприятие — под носом неприятеля вытащить копер!

— Я вполне уверен в моих кавказцах и пока вы спали я отдал распоряжение, и они уже на том берегу подготовляют спуск копра.

Ночь была темная, и только редкие ракеты австрийцев освещали местность. Медлено двигался копер, и видно было в бинокль, что он спускался к мосту и также тихо пополз по его настилу. Вдруг свет прожектора упал на мост, и немедленно начался артиллерийский обстрел моста, но в это время наша батарея открыла ураганный огонь, сбила прожектор и заставила замолчать батарею австрийцев. Только оружейные и пулеметные выстрелы сыпали на мост пули, как горох. Так же медленно прополз копер последнюю половину моста, и прибежавшие из окопов солдаты помогли доставить копер в ближайшую лощину, укрытую от пуль.

Под копром живой силой были джигиты в числе 10 человек, и они на своих спинах, при помощи катков и бревен, вытащили копер. На настиле копра сидел маленький барашек, и выскочивший из под копра Абрашка быстро его схватил и понес в овраг.

Старший джигит Ахмет доложил Зоричу, что все в порядке и никто не ранен. Зорич поблагодарил и сказал, что есть еще новое поручение.

В это время на косогоре вдруг вспыхнул костер, и немедленно начался обстрел нашего берега и руготня солдат из окопов, и только окрик Зорича заставил потушить костер, который развел Абрашка на самом виду неприятеля для приготовления шашлыка. Когда начало рассветать, мы пошли осмотреть трофей виселицу-копер и увидели около батареи кучку солдат и рядом Абрашку.

Один из команды батареи, наводчик, весельчак, балагур и зубоскал фейерверкер Ефремов, начал спрашивать Абрашку:

— Абрашка, где твой барашек?

Тот погладил себя по животу, который значительно округлился и сказал:

— Сиел...

— Как, барашка, которого ты привез и тебе не жалко?

— Залко, но мене не кушал его, все скушал, показал он на своих товарищей.

— А как ты его достал? Просто украл?

— Моя украл нет, его моя купил.

— Почему ты его не украл, мог это сделать через реку?

— Укради нет, купи можно, сказал Абрашка.

— Кто это тебе сказал?

Зорич-бей сказал, купи мозно ,укради - нет.

— Значит, ты его купил?

— Купил, спокойно ответил Абрашка.

— Моя из куста видел его ходи с толстым в белой шапке.

— Это австрийский повар, сказали солдаты.

— Барашка купался, когда его приходи и пил воду.

— Расскажи, как это ты сделал? — сказали артиллеристы, подмигивая.

— Его толстый ходи на реку и барашка вместе и попил немного пошел назада мы переплыла реку пошел тихо сзади его халупу. Много большая, много кушать, много посуда, много печка, а барашка тихо сиди. Мне говорит толстому купи барашка, а толстой говори «нет». Мене говори моя барашка, а толстый бери сабля и пистолет и немножко мене резать. Мене его тоже немножко кинжал резать и бери барашка в мешок и неси на мост, где Ахметка шибко мене ругать, где мы были. Мене сказал — купили барашка, а Ахмет кричи «бросай барашка, иди работать под мост». Мене положил барашка на мост, а барашка начал плакать и мене киричи ему «пижалуйста, не киричи, а то мене тоже будет плакать». Как пушка стреляй, барашка испугался, спрятался мешок.

— Значит, ты барашка украл? — сказал Ефремов.

— Купи, а не украл...

— Ты толстому деньги давал?

— Деньга нет, кинжал давай.

— А что он тебе сказал? — приставал наводчик.

— Его больше ничего не говори —, флегматично ответил Абрашка.

Тогда солдаты, смеясь, начали дразнить Абрашку:

— Вот ночью придет к тебе толстый и скажет «давай назад барашка» и что ты скажешь?

— Ничего не скажешь.

— Почему?

— Его больше не ходи, — спокойно сказал Абрашка.

— Откуда ты это знаешь?

— Мене его немножко больше ризать, — пояснил Абрашка.

— Значит, ты просто толстого зарезал из за барашка?

— Пижалийста не приставай, мы очень занят, а ты делай свое дело, стрелай пушка, —

нимать ферму. За ночь только около метра подняли, а рано утром приехал рассерженный инженер Козловский и начал ругаться с Зоричем, говоря что он срывает ему работу.

— Да вы ночью не работаете, возражал Зорич.

— Когда не успеваем сделать всего за день, то работаем и ночью.

— А мы должны ничего не делать днем? А у нас — срочное задание штаба армии.

— А у нас — срочное задание Ставки, сказал Козловский.

На следующую ночь повторилась та же история, и джигиты быстро доставили домкрат, так как мосты были близко друг от друга, не больше километра.

Снова приезд Козловского и руготня.

Так продолжалось пять дней и мост был поднят лишь на 7 метров. Подведена опора, забиты сваи, забросан откосом камень.

Осталось два дня до срока и Зорич очень нервничал, а я постоянно был или на мосту или в штабе, где милейший полковник встречал меня и подсмеивался:

— Что, Козловский здорово ругается? Он даже дал телеграмму Командующему армией о «краже» домкрата, но Командующий только посмеялся и просил скорее закончить работы.

На счастье Зорича, Козловский кончил подъемку и начал приводить в порядок свой мост, а Зорич, получив на два дня домкрат, совместно с паровозными подымал по полтора метра в сутки и на седьмой день, закончив подъемку, соединил временную опору с быком прогоночным деревянным мостом, нашил настил и привел в порядок все 9 панелей поднятой фермы, и мост был готов для пропуска уже подошедших новых корпусов, готовых к переправе на Станиславов, где начались бои в связи с намеченными прорывом 7-ой армии.

III.

Получив задание штаба армии срочно построить мост для прохода 8-го Драгомировского корпуса через реку Стрыпу, я вызвал опять Зорича и мы совместно обследовали место переправы, находящейся на корпусном колонном пути.

Река не широкая, но очень быстроходная, с пустынными берегами, и только на противоположном берегу виднелись редкие халупы и два деревянных дома. Наметив направление моста, Зорич спросил меня:

— Из какого материала прикажете строить мост?

— Ближе 25 километров леса нет и надо пользоваться всем, что есть под рукой.

— А где бревна, доски?

— Из штаба армии вы получите тросы, канаты, цепи, якоря, а строительный материал надо поискать на месте, и я указал на другую сторону берега; — мост должен быть готов через 5 дней к моменту подхода корпуса.

— Слушаюсь, — ответил Зорич.

Прошло 4 дня, и я поехал на мост, зная, что Зоричу трудно справиться с заданием, хотя все необходимое было ему выслано из штаба.

Подъехав к реке, я увидел почти готовый мост, лишь настил был не везде нашит, но сообщение с противоположным берегом было уже налажено.

Встреченный Зоричем, на мой удивленный вопрос, где он достал строительный материал, Зорич указал на другой берег.

Халупы были на своих местах, но двух деревянных домов не было видно. Когда мы перешли на другой берег, то были встречены толпой русинов и старый поселянин обратился ко мне и сказал, что инженер разобрал школу и хотя по случаю войны занятий нет, но когда кончится война, где будут дети заниматься? Успокоив старого учителя, сказал, что стоимость разобранной постройки будет ему возмещена немедленно, я, обратившись к Зоричу, сказал, чтобы он составил смету, конечно — не по урочному положению, а по ценам военного времени и выплатил бы учителю всю стоимость разобранного дома. «У вас есть подотчетные деньги?»

— Слушаюсь, я ему сегодня же заплачу, — ответил Зорич.

В это время подошла молодуха и с задорным видом, подбоченившись, сказала:

— А мне, господин начальник, кто заплатит за убыток, который мне сделал этот тихоубиенный анжинер? — она показала рукой на Зорича и добавила — ен без моего спроса разобрал дочиста мой кабак.

— Какой кабак, ведь сейчас — война и все такие заведения закрыты?

— Когда я вышла замуж за русина, приехав с Дона, то мужа забрали в солдаты, и я сама торговала, пока было питье, а потом пришлось заняться хозяйством: курами, утками, а ведь кабак, когда построили, обошелся больше 800 крон, а теперь даже чурки не оставил анжинер, да еще одну стену халупы тоже разобрал.

Обратившись к Зоричу, я сказал:

— Вы возместите ей полную стоимость, округлив стоимость до 900 крон, то есть — до 300 рублей.

— Да кабак не стоит и половины этих денег, возразил Зорич.

— Ну, а что бы вы делали без этого кабака и школы? Конечно, не выстроили моста, отлично зная, что ни кусочка дерева вблизи нет, а срок не был бы увеличен. А платить за убытки мы обязаны, а не обижать местное население.

Зорич сразу ничего не сказал, а подумав, ответил:

— Эта Фекла все время лазила на мост и ругала наших рабочих и джигитов и натравливала мужиков, чтобы они не давали леса.

Услышав это, молодуха вскипела:

— Вот и врешь, тихоубиенный, и я не Фекла, а Авдотья и ругала твоих черных чертей и особенно вот этого ишака, — и она показала на Абрашку, — он у меня курицу украл, наседку.

— Не украл, а купил, спокойно ответил Абрашка.

— Купил, а какими деньгами? — спросила ехидно Авдотия.

— Пасматри сама на свою шею, — показал Абрашка на бусы на Авдотьиной шее.

— Эти побрякушки я нашла в халупе.

— Это — кавказское серебро, — пояснил Абрашка.

— Моя курица дороже твоих поганых бус. Она несла яйца и я их продавала...

— Нет, яйца у нее нет, — ответил Абрашка.

— Как нет, откуда это ты взял?

— Тебе — курица, а наш — петух, ходи сама гляди, сказал Абрашка.

— Сам ты — поганый петух, — плюнула Авдотья.

Зорич был очень доволен Абрашкиным диалогом, а когда Авдотья узнала о возможности получить хорошую цену за свой кабак, то сказала, обращаясь к Зоричу, что он может взять и оставшиеся целыми три стены халупы, на что Зорич сказал, что она может жить в своих трех стенах.

Переправившись на другую сторону, мы увидели, что передовые части корпуса подходят к мосту и Зорич был очень доволен, что выстроил мост в срок. Он напомнил мои слова «хороший инженер в критический момент должен надеяться только на свои силы».

За этот мост Зорич получил награду вне очереди, которую он вполне заслужил, благодаря находчивости, энергии и смелости.

IV.

Уже после революции, по заданию штаба армии, Зорич, выполняя задания, строил новый мост через небольшую реку. Как всегда, работа была спешная и Зорич пользовался рабочей силой от местного населения. На берегу было небольшое местечко и в центре, на площади, костел. Зорич работал без всяких праздников и воскресных дней и, конечно, не всегда местное население шло на работы, даже за повышенную плату, в праздники, как ревностные католики аккуратно посещая котел.

Приказав Ахмету доставить нужное количество рабочей силы, Зорич занялся подсчетами материалов.

Вдруг со стороны костела раздался крик, потом ругань и началась свалка на паперти и подбежавший Зорич увидел, что джигиты выгоняют из храма молящихся, а Абрашка даже попытался въехать на своей «пегашке» на ступени храма, но встреченный молящимися, особенно — женщинами, он бы стащен с лошади, награжден хорошими тумаками и скатился с лестницы. Остановив ревностных кавказцев, Зорич извинился перед посетителями костела, но было уже поздно. Революционное начальство очень ревностно следило за действиями администрации и, конечно, понеслись доносы в Киев, где были разные революционные комитеты и делу был дан ход.

Получилось предписание от какого то комитета после разбора «кощунственных» действий объявить замечание старшему инженеру, строжайший выговор Зоричу, а джигитов откомандировать в действующую армию.

Я никогда не видел Зорича столь подавленным как после получения приказа. Зная его почти три года, я не видел никогда в нем ни уныния, ни страха или растерянности во время ответственных, опасных работ и, видя его настроение, я ему сказал:

— Так как революционный приказ написан, как всегда, неясно и неточно, куда командировать ваших джигитов, то ли на северный, западный или юго- западный фронты, то я, пока еще не сдал своей должности, дам вам предписание направить их походным порядком на Кавказский фронт, и вы их немедленно отправляйте, так как в приказе сказано, что они не джигиты, а башибузуки.

Зорич просиял и уже весело сказал мне:

— Я всегда в вас, Константин Михайлович, находил поддержку, а сейчас я глубоко тронут вашими действиями и, конечно, немедленно исполню приказ.

— Ну, а вы что думаете делать? — спросил я Зорича.

— Почти три года я не имел ни отдыха, ни отпуска, не покидая своих работ, и только сейчас я вижу, что устал и нервы не в порядке.

— Пока я начальник работ 7-ой армии, я даю вам отпуск на месяц в Киев, где вы явитесь во врачебную комиссию и потом, по обстоятельствам, сможете устроиться.

— Сердечное спасибо вам, Константин Михайлович, за все, что вы сделали и за вашу постоянную моральную поддержку. Вот приходится расставаться и трудно сказать, встретимся ли мы когда либо? — сказал Зорич.

И он был прав. Больше мы с ним не встречались...

Трогательна была картина расставания джигитов с Зоричем, которого они боготворили и за него были всегда готовы идти и в огонь и воду, что они не раз доказали. Джигиты были до отказа нагружены разным добром и вещами и лихо сидели на своих трофейных конях, а Аб-

рашка ухитрился соорудить нечто вроде тележки с клеткой, в которой были куры, утки, гуси.

Когда он прощался со мной, то я его спросил:

— Абрашка, а Авдотьин петух тоже едет на Кавказ?

— Нет- Его ни идит, ми его сиел...

К. М. Гейштор

Река Стоход и Рудка-Червищенский плацдарм

Прочитав в № 45 журнала «Военная Быль» статью г-на В. Кочубея «Червищенское предмостное укрепление», у меня, как участника взятия у немцев этого плацдарма, встали тяжелые воспоминания, как о взятии его, так и о той роковой роли, которую сыграла для русской армии в 1916 году река Стоход, на которой находился этот плацдарм.

После блестящего прорыва армиями генерала Брусилова австро-венгерского фронта и успешного их продвижения, германские войска, прищедшие на выручку австрийцев, заняли, в частности, весь западный берег реки Стохода и упорно и искусно его защищали. Характер жестоких боев, происходивших за овладение этой рекой, был мало известен не только русскому обществу, но и рядовому офицерству, не участвовавшему в боях за эту реку.

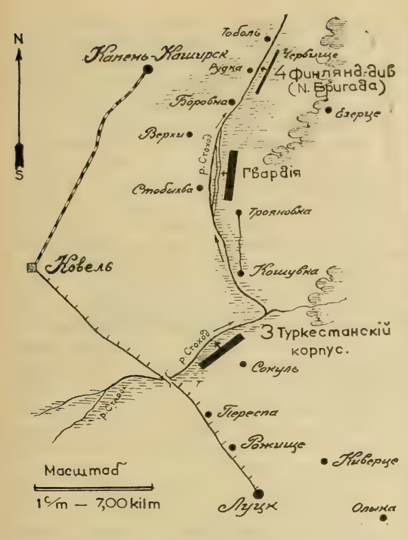
Сама по себе река Стоход небольшая, длиной около 150-170 верст, но глубока (за исключением отдельных участков). Она протекает по широкой болотистой местности, разветвляясь в рукава, число которых доходит до 12, отчего эта река и называется Стоход. Эти рукава то сливались в 1-3 русла, то вновь расходясь, делали реку обманчивой, как по ее глубине, так и в проходимости. И, несмотря на свою по первому взгляду малозначимость, эта река в 1916 году сыграла для русских буквально роковую роль. До сих пор приходится удивляться, почему так настойчиво и упорно, чтобы взять Ковель, командование посылало войска через Стоход с востока на запад, а не с юга на север вдоль реки, где и артиллерия действовала бы с большим успехом и пехота, применяя то-же упорство, имела бы много меньше потерь и определенный успех.

22 или 23 мая 1916 года началось на Юго-Западном фронте наступление армий генерала Брусилова, в начале своем очень успешное. Блестящий прорыв австрийского фронта у местечка Олык открыл дорогу на Луцк и на Ковель, но в то время, как Луцк был успешно взят, дорогу на Ковель успели преградить подошедшие германские войска и здесь произошла застопорка. 4-я стрелковая «Железная» дивизия, двинутая из Луцка на Ковель, начала свое продвижение успешно, но по неизвестным нам причинам была в пути сменена и передана в 9-ю армию, а войска, ее заменившие, после столкновения с немцами, стали отходить.

Началась Ковельская операция, только не с юга на север, что было бы естественно, а с востока на запад, через болота и реку Стоход. Первой жертвой этой операции был 3-й Туркестанский корпус, если память мне не изменяет, генерала Шейдемана. Туркестанцы, прибывшие сюда не знаю с какого фронта, оказались здесь на совершенно назнакомой местности, перед покрытой зарослями болотистой рекой, которую под сильным огнем противника брать труднее, чем крепостную стену; разумеется, они потерпели неудачу, понесли тяжелые потери и отошли в исходное положение, откуда высшее командование немедленно их сняло и отвело в тыл, а 4-я Финляндская стрелковая дивизия генерала Селивачева, в которой я имел честь служить, после боев у д. Рожище, перешла реку Стырь и временно заняла оборонительную позицию на линии ушедших туркестанцев. Здесь наши разведчики, а потом и санитары, еженощно в течение долгого времени подбирали и вытаскивали из болота раненых и брошенных на произвол судьбы туркестанских стрелков. Многие были в жутком состоянии: голодные, с загнившими, загрязненными ранами, в которых ползали черви, они бесконечно благодарили своих спасителей. Это ли не ужасы войны?

К 15 июля на среднем течении Стохода была собрана вся гвардия, вплоть до Гвардейского Морского Экипажа, с той-же целью — прорвать немецкие позиции на западном берегу Стохода и овладеть Ковелем.

После слабой артиллерийской подготовки, в час дня 15 июля гвардейские полки цепь за цепью, почти колоннами, двинулись вперед. Но о

движении людей нормальными перебежками под огнем противника здесь приходилось только мечтать. Движение цепей шло очень медленно, ноги так засасывались болотом, что люди падали или вытягивали ноги из тины с помощью рук, дабы не оставить в болоте сапоги. Рукава реки оказались настолько глубокими, что офицеры и солдаты в них тонули ,не хватало санитаров для оказания помощи раненым и выноса их из боя, а здоровые расстреливались немцами как куропатки. Это было, по выражению одного из офицеров лейб-гвардии Павловского полка, «настоящее избиение младенцев», от полка осталось приблизительно около роты. Здесь впервые этому офицеру пришлось слышать, как рядовые солдаты посылали проклятия высшему начальству. Такие же, приблизительно, потери понесли и другие полки гвардии. Некоторые части Московского полка достигли противоположного берега, успели ворваться в окопы противника и даже захватить несколько орудий, но, ввиду своей малочисленности, были под натиском немцев вынуждены уйти назад, но, конечно, обратно дошли не все. В общем — умышленно или по неспособности, здесь для русской гвардии наше командование вырыло могилу, ибо то пополнение, которое укомплектовало вновь состав полков, было далеко не гвардией.

В первых числах августа 4-я Финляндская стрелковая дивизия, стоявшая до этого у села Трояновки в резерве, была передана с Юго-Западного фронта в армию генерала Леша, в его распоряжение. При ее движении в район 3-й армии, у дивизии взяли 1-ую бригаду и не помню, кому и где ее оставили, так что ген. Селивачев прибыл в указанный ему район только с двумя полками и с частью полного состава.

При входе финляндцев в зону 3-й армии, генерала Селивачева, ехавшего верхом рядом с командиром 16-го полка во главе колонны, встретил ген. штаба полковник 3-й армии, который после приветствия сказал генералу Селивачеву: «Очередная жертва пришла».

Селивачев спросил: — Что вы хотите этим сказать? —

Полковник, смутившись немного, ответил: «Придется вам штурмовать Стоход». Селивачев, повернувшись к командиру полка, заметил, шутя: — Видали как нами жонглируют и сразу обрекают в жертву. Плохой признак. — А полковнику штаба сказал: — Мы не любим, чтобы из нас делали агнцев заклания.

Прибыв к месту назначения и, действительно, получив задачу атаковать противника на участке западного берега Стохода между деревнями Тоболы и Боровно, с деревней Рудка-Червище посередине, бригада начала готовиться к переходу реки и атаке противника. Двое суток саперные полковые роты (эти роты были сформированы в полках дивизии как сверхштатные, исходя из опыта войны) при помощи других людей делали в лесу козлы и готовили доски для устройства через болото и реку пешеходных переходов на другую сторону реки, Были приняты и другие предосторожности, чтобы не встревожить противника.

В ночь на 6-е августа роты и батальоны двух полков понесли при полной тишине приготовленный материал, поставили кладки и по ним, незаметно для противника, перешли на другой берег без единого выстрела и без потерь заняли исходное положение для атаки. Противник спал и, очевидно, совершенно не ожидал со стороны русских никаких диверсий. Только с рассветом, когда финляндцы, пустив сигнальные ракеты, кинулись в атаку, венгры (там оказались венгры) открыли сильный пулеметный, а потом и ружейный огонь, но было уже поздно: русские ворвались в окопы, где начался рукопашный бой, а наша полевая артиллерия открыла огонь по тылу противника. В общем, захваченная позиция оказалась занятой венгерским гусарским полком (по крайней мере на участке 16-го полка) и весь его штаб, во главе с командиром полка, не желая попасть в руки русских, застрелился. В ходах сообщения были найдены убитыми две женщины, по показаниям пленных — жены офицеров, приехавшие к мужьям в гости.

Продвигаясь с боем дальше вперед и пройдя около полутора верст, финляндцы наткнулись на вторую линию немецких укрепленных позиций, защищаемую солидным проволочным заграждением и довольно сильной артиллерией. Было около 12 часов дня. Финляндцы остановились. Так как главной целью русской атаки было овладение Камень-Каширском, то генерал Селивачев получил приказ атаковать немедленно вторую немецкую позицию. Здесь произошел довольно интересный разговор генерала со штабом 3-й армии, который слышал адъютант 16-го полка: генерал Селивачев говорит: «Вторая немецкая позиция сильно укреплена, брать ее моими двумя полками я не могу, не имея резервов. Возвратите мне мою первую бригаду или дайте в резерв другие надежные части. Нужна также хорошая работа артиллерии, чтобы сделать проходы в проволочных заграждениях. Элемент неожиданности пропал».

Генерала спрашивают: «Так, что же, вы отказываетесь исполнить приказ?»

— «При таком положении, конечно».

— «Но вы можете быть отрешены от командования дивизией».

— «Отрешайте, но приносить бесполезно в жертву дивизию я не могу и не хочу».

На этом разговор оборвался. Потом генералу Селивачеву сообщили, что в резерв направляется сводная казачья дивизия генерала Краснова, а на позицию становится тяжелая артиллерийская батарея, которая откроет огонь по заграждениям и позиции противника.

Но злой рок для русских продолжал висеть над Стоходом. Конница генерала Краснова переправилась через реку и расположилась укрыто за разрушенными постройками взятой деревни Рудка-Червище, выслав к пехоте для связи с ней своих сигнальщиков с флажками. Тяжелая 4-х орудийная батарея открыла огонь по противнику, но скоро ее две пушки заклинились и не могли стрелять, а остальные стали крыть по своим, и стрелки подняли крик: «артиллерия, огонь вперед!» «Артиллерия — вперед!»

Помнится, прошел небольшой промежуток времени после этого, как вдруг немцы открыли сильный пулеметный и артиллерийский огонь, сзади послышался конский топот и казачий боевой крик — гик. Оглянулись назад: Боже мой! казаки с блестящими на солнце обнаженными шашками и с пиками на перевес мчатся в атаку на проволоку; всадники падают с лошадей, кони валятся, в чем дело? Почему казаки пошли в атаку, когда ни артиллерия, ни пехота не сделали своего дела?

Выяснилось потом: казаки, присланные в пехоту для связи, услышав солдатский крик «артиллерия вперед», и не разобравшись толком, приняли его за крик «кавалерия вперед», дали своим сигнал, и казаки, как потом объснили их офицеры, чтобы не вызвать на себя нареканий, что кавалерийские части опаздывают прибыть к нужному моменту боя, лихо бросились вперед. Встретив сильный огонь, причинявший огромные потери, и увидев, что ни артиллерия, ни пехота ничего не сделали для разрушения проволочных заграждений, конница отхлынула назад и атака вся вообще, что называется, провалилась. Отсутствие пехотных резервов и надлежащей артиллерии вынудило генерала Леша прекратить наступление, перейти к обороне и закрепить за собой захваченный у неприятеля участок западного берега р. Стохода. Так образовался Рудка-Червищенский плацдарм.

4-ая Финландская стр. дивизия была скоро отозвана обратно на Юго-Западный фронт и ее сменили сибирские стрелки. Финляндцы здесь сделали во всяком случае все, для них возможное, и В. Кочубей ошибается, говоря в своей статье, что возникновение Р.-Червищенского плацдарма было результатом боев частей 34-го армейского корпуса.

Из беседы с командиром полка сводно-казачьей дивизии мы узнали, что она в вышеупомянутой атаке потеряла одних только лошадей 648. А сколько людей?

Уходя из района 3-й армии, генерал Селивачев, помнится, сказал: «то, что мы сделали здесь, будет жуткой могилой кому-то, если не сумеют развить наш успех и выйти на линию Ковель-Камень-Каширск». Его пророчество удивительно сбылось весной 1917 года.

Ах, Стоход, Стоход! Сколько ему было принесено в жертву русских воинов бесплодно и бездарно. Целая хорошая армия усеяла своими костями его болота и берега, ибо попытки русских его перейти делались почти по всему его течению на протяжении от июня до сентября, включительно, 1916 года. Я указал здесь только три места этих попыток, но их было больше, и все с одинаковым результатом и одинаковыми причинами: неумелое командование, отсутствие достаточного количества артиллерии и плохая рекогносцировка и подготовка атаки, особенно в действиях гвардии. Действительными виновниками ее катастрофы были, говорят, два офицера Генерального Штаба, рекогносцировавшие реку и нашедшие ее безусловно проходимой вброд. По утверждению же генерала Брусилова, командовавшего в то время войсками Юго-Западного фронта, генералы Безобразов — начальник всего гвардейского отряда, граф Игнатьев — его начальник штаба, Вел. Князь Павел Александрович — командир I-го гв. корпуса и генерал Раух — командир 2-го гв. корпуса не соответствовали своему назначению и были после совещания Государя с генералом Алексеевым смещены со своих постов. Даже Императрица в письме к своему супругу

писала: «Боже, как обидно, что унас так мало способных генералов».

Да, все технические недостатки и генеральские неспособности уравновешивались живой силой, почему к 1917-му году людские резервы уже иссякали. К этому уж за одно надо прибавить и те ненужные, преждевременные бои, которые русское командование вынуждено было вести ради военной помощи, просимой у русской армии и французами, и англичанами, и итальянцами, и румынами.

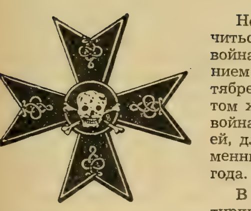
Как много было способных генералов в 1-ую Отечественную войну 1812 года и как их недоставало в войну 1914-1917 г.г.!

Я. Демьяненко

Александрийские Гусары

(Из боевой хроники 5-го Гусарского Александрийского Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка)

**«Вновь настанет пора, штаб-трубач полковой
Затрубит боевые сигналы...
Я из гроба приду, стану мертвым в ваш строй,
Где бессмертным стоял я бывало».**

Не успела окончиться Персидская война (1826-1828) падением Эривани в октябре 1828 г., как в том же году началась война России с Турцией, длившаяся с переменным успехом два года.

В эту кампанию турки имели уже обновленные, устроенные по европейскому образцу части, которые состояли из отличных природных бойцов, так как турки, как и все воинственные мусульмане того времени, росли и воспитывались с оружием в руках, но доблесть наших, закаленных постоянными войнами войск, отличавшихся в описываемое время устройством, дисциплиной и необыкновенным мужеством, сломила упорство турок.

Одним из наиболее славных дел нашей конницы в кампанию 1828-1829 гг. было сражение под крепостью Шумлой 31-го мая 1829 г. После боя 30 мая у деревни Кулевчи, завершившегося победой наших войск, разбитая неприятельская армия отдельными отрядами отходила к Балканам. Один из этих отрядов спешил укрыться в крепости Шумла. Для воспрепятствования его маневру был послан к Марашу отряд генерала Рота, двинувшийся по трем дорогам. В правофланговой и ближайшей к Шумле колонне пошла 3-я Гусарская дивизия в составе трех полков: 1-й бригады — Ахтырского и Александрийского и 2-ой бригады полка «Принца Оранского» (Белорусского) и 4 орудия Конно-артиллерийского полка № 6. Дивизия шла под командой своего начальника, знаменитого генерала князя Валериана Григорьевича Мадатова, который еще в чине полковника получил орден Св. Георгия 3-й степени в рядах своего же «бессмертного» Александрийского полка.

Комендант крепости Шумлы, намереваясь остановить движение наших гусар и тем дать возможность спасшимся от Кулевченского поражения туркам соединиться с гарнизоном, выслал к местечку Эски-Стамбул свою кавалерию в числе 3.000 коней, которая, выйдя из крепости и развернувшись на высотах, построилась, угрожая своим численным превосходством правому флангу гусар и прикрывая два редута и два пехотных лагеря, из которых один был в долине, а другой на возвышениях.

Князь Мадатов, подойдя с своей колонной к местечку Эски-Стамбул и, мгновенно учтя обстановку, верный Суворовским заветам: «вперед» и «нападай первым», вынесся вперед на

своей любимой, известной вороной кобыле «Ханьша», развернул дивизию в две линии — в первой «Александрийцы» и «Принца Оранского», имея в интервале 4 орудия, и во второй (в резерве) «Ахтырцы», и немедленно же атаковал турецкую кавалерию.

Имея, как всегда, впереди своего любимого начальника, дружно и грозно ринулась первая линия. Турецкая кавалерия, не выдержав стремительного удара, была опрокинута, смешалась и обратилась в бегство.

В быстрой погоне за нею, первая линия гусар, бешено пронесясь между редутами, на хвосту бегущих ворвалась в ближайший пехотный лагерь, в котором турецкие кавалеристы тщетно искали спасения. Такое безумно-смелое и неожиданное появление гусар в самом лагере произвело ошеломляющее действие на захваченную врасплох пехоту; турецкая пехота, не успев построиться и оказать сопротивление, была изрублена между палатками и во рвах своего лагеря. Уцелевшие бросились в паническом бегстве, ища спасения в другом своем укрепленном лагере, из которого, видя разгром своей конницы и пехоты, навстречу гусарам спешила свежая пехотная колонна.

Но порыв конницы еще не остановился, и князь Мадатов, зорко следивший за обстановкой, быстрым поворотом направо, на карьере переменив фронт, врубился и в эту колонну. Колонна была смята, повернула обратно и тщетно пыталась найти спасение в крепости, но достичь ее гусары не допустили, и колонна эта была изрублена. Поле сражения было очищено от неприятеля, перед гусарами высились неприступные стены крепости, в тылу их грозно стояли два редута; редуты по тому времени значительные, постройки старательной, долговременной профили, с глубокими рвами, с дерновою одеждою, защищаемые один тремя, а другой двумя орудиями.

Вдруг совершенно неожиданно из-за одного из редутов в тылу гусар появился какой то уцелевший турецкий кавалерийский отряд и спешно пробирался, надеясь укрыться в крепости. Князь Мадатов тотчас же бросил на него первый дивизион Александрийцев под командой доблестного командира № 2-го эскадрона ротмистра Дарагана, который во мгновение ока атаковал его и опрокинул с первого удара.

Бешено преследуя и рубя мчавшихся в беспорядке турок, среди лязга сабель, криков «ура!», конского топота, сплошной пыли, поднявшейся от скачки многих коней, дивизион неожиданно подлетел к редуту, который встретил его картечным залпом.

Атаковать редут конницею было дело неслыханное, успех казался невозможным, но князь Мадатов воспитал своих «бессмертных» к предприятиям смелыми. Грозные стены редута, посылающего картечные залпы, мешали движеную вперед; ни секунды не задумавшись, лихой командир дивизиона принял безумное, казалось бы, решение: с карьера спешил своих гусар и атаковал редут. Уже поредевший в предыдущих схватках, ослабленный коноводами, дивизион Александрийцев бросил пики коноводам и с одними саблями в руках, имея впереди своего храброго командира и всех офицеров, бросился на редут, не взирая на ружейный огонь и картечь трех орудий. Малая числом, но великая духом горсть Александрийцев с беспримерными мужеством и неустрашимостью взлетела на валы и лавиной обрушилась во внутренность редута.

Гарнизон редута бросился навстречу гусарам и произошла упорная кровавая сеча. Первый вскочивший на валы редута молодецкий командир дивизиона ротмистр Дараган пал, сраженный ятаганом в голову и пулей в сердце, но и умирая, не преминул указать рукой на турецкие орудия подбежавшему к нему с несколькими гусарами поручику Муратову. Следуя приказу умирающего командира, поручик Муратов принял команду над своим эскадроном и с криком «за мной!» повел своих гусар на орудия, но пораженный пулею в грудь пал замертво.

Александрийцы, потеряв сразу двух своих любимых доблестных офицеров, горя местью, неустрашимо бросились на турок, которые стойко встретили удар и дрались, как львы.

В это время князь Мадатов прискакал ко рву редута и предложил почетную сдачу храброму гарнизону. Вместо ответа турки осыпали его градом пуль, но еще не судил Бог пасть храбрецу от руки неприятеля.

В самом редуте продолжалась кровавая схватка, в которой при захвате трех орудий, у самых их жерл пали смертью храбрых изрубленные ятаганами поручик фон-Шемель, штабс-ротмистр фон-дер Бриген 1-ый и его младший брат корнет фон-дер Бриген 3-ий и с ними немало гусар.

Несмотря на громадные потери гусар, успех был полный: три орудия взяты, остатки гарнизона, оттесненные к казематам, быстро таяли от гусарских сабель, но Александрийцы, потерявшие почти всех своих офицеров и более половины состава, рубились из последних сил.

В это время посланный генералом Ротом батальон егерей 22-го полка беглым шагом подоспел к редуту. Гусары, видя поддержку, с новыми силами обрушились на турок и последние остатки гарнизона были прикончены. Храбрый гарнизон редута лег до последнего человека, не прося и не принимая пощады.

Другой редут был лихо атакован и взят Ахтырцами, овладевшими при этом двумя орудиями. Отменно поработал в конных атаках на

турецкую кавалерию и пехоту и полк «Принца Оранского».

Оба славные полка были награждены за эту атаку в лице своих командиров полков, Ахтырского — полковника Нечволодова и «Принца Оранского» — полковника Плаутина орденами Св. Георгия 4-ой степени.

В то время, когда 1-ый дивизион Александрийского полка овладевал редутом, остальные его четыре эскадрона, имея впереди своего командира полка Алексея Захаровича Муравьева, лихими конными атаками опрокидывали и сметали все ,что еще уцелело во втором укрепленном лагере, догоняли, рубили и брали в плен все, что рассеялось в поле и не успело укрыться в стенах самой крепости Шумлы.

Данная князю Мадатову задача была блестяще выполнена: не только Кулевченские турецкие отряды не добрались до Шумлы, но сама крепость лишилась двух редутов, двух укрепленных пехотных лагерей с их гарнизонами и всей своей кавалерии. Еще раз нанесен был туркам удар жестокий и решительный.

Трофеями этого блистательного дела были 5 орудий, из которых 3 были взяты Александрийцами, и 14 знамен. Потери турок убитыми и взятыми в плен были велики, но тяжелы были и потери Александрийцев: кроме двух офицеров, убитых на валах редута, и троих, павших в рукопашном бою в самом редуте, полк потерял смертельно раненым при атаке на пехотный лагерь и последнего из доблестных братьев Бригенов, штабс-ротмистра фон-дер Бригена 2-го; итого убитыми офицеров — 6 и гусар — 86, ранеными гусар — 139, то есть из полка в этом деле выбыла почти треть его состава.

Известный историк, генерал-маиор Марков, описывая сражение 31-го мая 1829 года у Эски-Стамбула, пишет: «Это кавалерийское дело — одно из блистательнейших, какие только встречаются в военных летописях. Его одного достаточно для славы князя Мадатова: оно показало не только его рабрость и умение руководить конницей, но и необычайное его влияние на дух подчиненных. В военной истории мало найдется примеров, где бы гусары, с саблями в руках, взяли укрепленный лагерь, защищаемый пехотой, и редуты с артиллерией.

Князь Мадатов по окончании этого славного дела обратился к своему родному Александрийскому полку с следующими словами: «Я знал, что Александрийцы покажут себя героями. Горжусь, друзья, вами. Горжусь, что ношу ваш мундир и радуюсь, что вы порадовали Царя небывалой победой, а туркам показали, что может сделать храбрый русский солдат».

Высочайший рескрипт 1829 рода 8-го июля месяца гласит: «И небывалое бывает, примера же другого подобного дела военная история не знает; геройское дело удостаивается и особых наград».

Князь Мадатов «за примерное мужество, храбрость и неустрашимость» (слова рескрипта) был пожалован орденом Св. Александра Невского (вне правил и примеров). Командир полка полковник Муравьев получил орден Св. Георгия 3-ей степени и вскоре был произведен в генералы.

Полк получил Георгиевские штандарты, а гусары по пять знаков отличия Военного ордена на эскадрон и по 5 рублей на человека. Так 150 лет тому назад, наши предки, не щадя своей жизни, силой своего духа крепили славу и мощь Своего Царя и Великой Державы Российской.

Александриец

Орден Святого Иоанна Иерусалимского в России

«Его Величество Император Всероссийский-с одной стороны, соизволяя изъявить знаменитому Ордену Мальтийскому Свое благоволение, внимание и уважение и тем обеспечить, утвердить и распространить в областях Своих заведение сего Ордена существовавшее уже в Польше, а особливо в присоединенных ныне к Российской Державе областях Польских, и желая также доставить собственным Своим подданным,, кои могут быть приняты в знаменитый Мальтийский Орден, все выгоды, почести и преимущества от того проистекающие; а с другой стороны Державный Мальтийский Орден и Его Преимущество Гросс-Мейстер, зная всю цену благоволения Его Императорского Величества к ним, важность и пользу таковового заведения в Империи Российской, и желая с своей стороны соответствовать мудрым и благотворительным распоряжениям Его Императорского Величества всеми средствами и податливостью, совместными с утановлениями и законами Ордена, с общего согласия условились постановить Конвенцию для достижения предметов, обеими Высокодоговаривающимися сторонами предположенных».

Так начиналась заключенная Павлом Петровичем с Державным Орденом Св. Иоанна Иерусалимского конвенція об установлении Великого Приорства Российского.

Для подписания конвенции в Петербург прибыл Полномочный Министр Ордена, Бальи[1]), кавалер большого креста, кавалер по праву дворянства почетного языка Итальянского, Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия третьей степени, Польских: Белого Орла и Св. Станислава кавалер и Российского флота контр-адмирал граф Юлий Рене (он же Юлий Помпеевич) Литта.

Литта привез в Петербург дары Ордена: позлащенную кольчугу и орденские знаки для Павла Петровича и его семейства. Автор не знает, какое значение придавал этим дарам Орден, но Павел Петрович, воздев позлащенную кольчугу и возложив на себя орденские знаки, почел себя посвященным в рыцари-иоанниты и «сняв с себя корону и спустив с плеч мантию, надел поднесенную ему трехугольную шляпу и, обнажив меч, нанес им плашмя три удара по левому плечу Великого Князя. После чего Павел вручил Наследнику Престола шпагу и, возложив на него знаки большого креста, трижды облобызал, как нового по Ордену брата[2]).

Автор, однако, считает действительность посвящения Павла Петровича в рыцари-иоанниты, по меньшей мере, сомнительной: во-первых, в Орден могли вступать только католики; во вторых, Павел Петрович не дал и, как женатый человек, не мог дать духовно-рыщарских обетов; в третьих, Павел Петрович, сам не получивший «риттершлага», не мог преподать его иным[3]).

Конвенция была подписана 15-го января 1797 года, а 12-го июня 1798 года Мальта была захвачена генералом Бонапартом и Орден рассеялся по всему свету.

15-го августа того же 1798 года в Петербурге состоялось собрание Великого Приорства Российского, на котором присутствовали граф Литта и случившиеся тут кавалеры иных Приорств. Собрание признало Великого Магистра «виновным в глупейшей беспечности», «низложило» его и единогласно постановило просить Павла Петровича принять на себя звание Великого Магистра Ордена. Павел Петрович звание принял.

Автор однако, считает, что что-то тут получилось не так, как полагается. Обратимся к Орденскому Статуту, «поелику все члены Мальтийского Ордена равно повинны исполнять точно обязанности свои по Статуту»[4]). По Статуту, Великие Магистры избираются Капитулом и утверждаются в сем сане Папой Римским. Мало того, Великие Магистры избираются пожизненно и не могут ни быть низложены, ни сами сложить с себя сей сан. Ну, да, куда ни шло... лишь бы Папа утвердил избрание, но в том то и дело, что Папа избрание не утвердил[5]).

Автор того мнения, что аппробации Папы и испрошенно не было, ибо вместно ли было Благоверному Государю и Самодержцу Всероссийскому искать аппробации, ставившей его в положение вассала «Святого Престола»? Среди «Манифестов, Указов и Конвенций, касающихся установления Ордена Св. Иоанна Иерусалимского в России и вошедших в Полное Собрание Законов Российской Империи[6]), нет ни апробации Папы, ни запроса о ней. Видно, что католики правы, и что Павел Петрович учинился Великим Магистром самочинно; — характерно, что и поднесенная ему рыцарями «Мальтийская корона» была не подлинная; подлинную похитили французы.

29-го ноября того же 1798 года был обнародован нижеследующий Манифест:

«БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ, ПАВЕЛ 1-Й, ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙ-

СКИЙ, ВЕЛИКИЙ МАГИСТР ОРДЕНА СВ. ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Орден Св. Иоанна Иерусалимского от самого своего начала благоразумными и достохвальными учреждениями своими споспешествовал как общей всего Христианства пользе, так и частой таковой же каждого Государства. МЫ всегда отдавали справедливость заслугам сего знаменитого Ордена, доказав особливое НАШЕ к нему благоволение по восшествии НАШЕМ на Императорский Всероссийский Престол, установив Великое Приорство Российское с доходами ему присвоенными. В новом качестве Великого Магистра того Ордена, которое восприяли МЫ на СЕБЯ по желанию добронравных членов его, обращая внимание НАШЕ на те средства, кои возстановление блестящего состояния сего Ордена и возвращение собственности его, неправедно отторгнутой, совершить и вящше обеспечить могут, желая с одной стороны явить перед светом новый довод НАШИХ уважения и привязанности к столь древнему и почтительному установлению, с другой же — чтоб и НАШИ верноподданные, благородное дворянство Российское, коих предков и их самих верность Престолу Монаршему, храбрость и заслуги доказывают целость Державы НАШЕЙ, расширение пределов Империи и низложение многих сильных супостатов Отечества, не в одном веке в действо произведенные, участвовали в почестях, преимуществах и отличиях, сему Ордену принадлежащих, а тем и открыт был для них новый способ к поощрению честолюбия на распространение подвигов их, Отечеству полезных и НАМ угодных, признали МЫ за благо установить и через сие Императорскою НАШЕЮ властию установляем новое заведение Ордена св. Иоанна Иерусалимского в пользу благородного дворянства Империи Всероссийской на правилах ниже изъясненных, которые долженствуют служить на предбудущие времена первоначальным тому основанием».

Итак, в России устанавливалось «новое заведение Ордена Св. Иоанна Иерусалимского», но было ли то «новое заведение» уже существовавшего в Росссии Ордена, или то был новый Орден?

Рассмотрим, прежде всего, чем был тот Орден, Приорство которого было установлено в России конвенцией от 15-го янвадя 1797 года.

«Державный Военный Орден Госпиталитов Св. Иоанна Иерусалимского, именуемый также Родосским и Мальтийским был католическим духовно-рыцарским Орденом. Древним и почтительным он несомненно был, ибо в описываемое нами время ему стукнуло за 700 лет. Подобно прочим католическим духовно-рыцарским Орденам, Орден сей был устроен по образцу Орденов монашеских и вступающие в него обязывались монашескими обетами бедности, целомудрия и послушания[7]). Подобно же прочим католическим духовно-рыцарским Орденам, Орден образовывал особое рыцарское войско, в котором орденские звания соответствовали занимаемым должностям, а орденские знаки служили для обозначения званий и должностей. «Державным» Орден именовался, потому что был независимым государством, признававшим над собой лишь духовный авторитет Римских Пап. Прибавим еще, что Орден доживал последние дни своего «державства», ибо после потери Мальты и нескольких лет скитания Орден обосновался в Риме и занялся благотворительностью.

Орден Св. Иоанна Иерусалимского был последним истинным духовно-рыцарским Орденом. Другие еще ранее сошли с исторической сцены и, либо вовсе исчезли, либо были секуляризованы и обращены в светские Ордена.

Установим теперь сущность светских Орденов. Светские Ордена явились в свет позднее духовно-рыцарских и позаимствовали от них ритуалы, геральдику и номенклатуру. Прерогатива учреждения светских Орденов принадлежала монархам, которые обычно и становились их «великими магистрами». Пожалование «кавалером» светского Ордена было знаком монаршей милости. Над пожалованным совершалось подобие «посвящения в рыцари», но с него не требовалось монашеских обетов. Пожалование сопровождалось возложением «орденских знаков»: «большого креста» на пожалованных «командором», и «малого креста» на пожалованных «кавалером». На этом и заканчивалось сходство светских Орденов с духовно-рыцарскими. Светские Ордена не владели государствами и не составляли особого рыцарского войска. Вопросов религии они не касались, и их «кавалерами» могли быть и нехристиане. Орденские звания не обозначали занимаемых в светском Ордене должностей, а «орденские знаки» утратили свое первоначальное назначение и превратились в «знаки отличия». Награждение заслуг пожалованием «орденских знаков отличия» и было единственной функцией светских Орденов.

Как уже указывалось выше, некоторые светские Ордена произошли непосредственно от духовно-рыцарских. Другие учреждались заново, и для них измышлялись «орденские знаки» на подобие духовно-рыцарских. Случалось также, что новоучреждаемым светским Орденам придавалась видимость «обновленных» духовно-рыцарских. Так и Петр Великий желал придать своему новоучрежденому Ордену Св. Апостола Андрея Первозванного видимость «обновленного» одноименного шотландского Ордена.

К какой же из двух категорий принадлежал установленный в России Манифестом от 29-го ноября 1798 года Орден?

Автор почитает его светским Орденом ибо: Орден сей не был устроен по образцу Орденов монашеских и с вступающих в него не требовалось монашеских обетов; Орден не составил в России особого рыцарского войска; орденские звания не обозначали занимаемых в сем Ордене должностей, а «орденские знаки сего Ордена являлись «знаками отличия» и жаловал их Павел Петрович без различия вероисповеданий. Мало того: новоучрежденный Орден был «Императорским», ибо учредил его Павел Петрович не своею, весьма сомнительною, «магистральною» властью, но, как сказано в Манифесте, властью «Императорскою». Также явствует из Манифеста, что Павел Петрович желал придать своему новоучрежденному светскому Ордену видимость «обновленного» одноименного духовно-рыцарского Ордена. Прибавим еще, что Павел Петрович не был одинок в принятых им по отношению Ордена мерах — подобные же меры принимались и другими монархами, на территории которых Орден имел свои заведения[8]).

Если автор прав, то Манифестом от 29-го ноября 1798 года в России был учрежден второй по счету Императорский Военный Орден, ибо сим Орденом Павел Петрович заместил не жаловавшийся при нем Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Мнение автора сугубо подтверждается установлением в 1800 году Донатских Знаков Ордена Св. Иоанна Иерусалимского,, ибо в них, поистине, не было ничего католического и духовно-рыцарского, а были они солдатскими крестами, жаловавшимися нижним воинским чинам за 20-летнюю беспорочную службу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) Орденское звание.

[2]) Анаташевский. «ДЕРЖАВНЫЙ ОРДЕН СВ. ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО В РОССИИ». СПб, 1914 г.

[3]) «Риттершлаг» — рыцарский удар, соответствует рукоположению.

[4]) Статья 17-я конвенции от 15-го января 1797 года

[5]) В капитальном труде «L'ORDRE SOUVERAIN MILITAIRE ET HOSPITALIER DE SAINT-JEAN DE JERUSALEM DE RHODES ET DE MALTE». éditions Guy Victor, 1963. стр. 118 говорится: «Car, Paul 1-er a réussi à se faire élire Grand Maître par les chevaliers appartenant au Grand Prieuré de Russie auxquels se sont ralliés les chevaliers réfugiés; ils lui doivent bien cela. Or, comme le pape n'a pas donné son approbation à cette éléction, sa legitimité pourrait donc être considérée comsujette à caution».

[6]) Анаташевский дает перечень сих документов.

[7]) Когда Юлий Помпеевич Литта, обжившись в России, возымел намерение жениться, он испросил разрешение Папы Римского оставить Орден, и женился лишь по получении таковового.

[8]) «Захват Мальты Наполеоном положил начало катастрофическому развалу Ордена как идеологической организации и как экономического целого. Европейские государства, на территории которых находилось имущество Ордена, одно за другим спешили расхватать его, либо вовсе не заботясь о формальностях, либо прикрыв это сохранением от всего былого только названия да знаков — для пополнения своего набора орденов. Одной из первых так сделала Бавария, наложив секвестр на имущество Ордена в 1799 году: за нею последовали государи, объединившиеся в Рейнском союзе. Пруссия в 1810 году секвестровала имущество Бранденбургского приората и объявила Орден прекратившим существование, но, спохватившись, в 1812 году провозгласила учреждение королевского светского Ордена Иоаннитов». И. Г. Спасский. «ИНОСТРАННЫЕ И РУССКИЕ ОРДЕНА». стр. 29. издательство Государственного Эрмитажа. 1963 г. — Павел Петрович не был одинок в принятых им по отношению к Ордену мерах.

ДОНАТСКИЕ ЗНАКИ ОРДЕНА СВЯТОГО ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО

Именным Указом от 10-го октября 1800 года повелевалось «нижних воинских чинов, удостоиваемых впредь к Знаку Отличия Ордена Св. Анны, жаловать донатами Ордена Св. Иоанна Иерусалимского».

Слово «донат» позаимствовано было Павлом Петровичем из духовно-рыцарского лексикона. «Донатами» назывались не связанные обетом братья («бельцы»). «Донат» следовательно есть лицо, а не вещь, а выражение «жаловать донатами» следует понимать в том смысле, как «жаловать кавалерами». Взамен орденских знаков, донаты носили «донатские знаки» или «полукресты», с. е. трехконечные кресты, без верхнего конца. Для пожалованных донатами Павел Петрович установил донатские знаки в виде медного малого (25x25 мм) одренского креста, три конца которого были покрыты белой финифтью, а верхний конец оставлен непокрытым, что долженствовало изобразить «полукрест». На оборотной стороне знака выбивался порядковый номер. Носились донатские знаки в петлице, на черной ленте.

Донатские знаки были первыми в России сопричисленными к Ордену солдатскими крестами и жаловались старослужилым нижним воинским чинам за 20-летнюю беспорочную службу.

Первое Высочайшее повеление о пожаловании нижних воинских чинов донатскими знаками последовало 20-го июня 1800 года. Первым пожалованным был унтер-офицер гусарского генерал-маиора Бобыря (11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова) полка Осип Вишневский. Сим повелением были пожалованы знаки от № 1 до № 64 включительно. Вторым Высочайшим повелением от 17-го сентября того же года были пожалованы знаки от № 65 до № 357 включительно. Третьим Высочайшим повелением от 5-го декабря того же года были пожалованы знаки от № 358 до № 396

включительно. Четвертым и последним Высочайшим повелением от 3-го февраля 1801 года были пожалованы знаки от № 397 до № 1129 включительно. Последний знак № 1129 был дан рядовому драгунского генерал-маиора Хомякова (10-го гусарского Ингерманландского) полка Ивану Герасимову взамен утерянного знака № 894.

Из сих знаков: снято за преступления — 17; возвращено в Капитул Российского Кавалерского Ордена за ненахождением награжденного — 9; оказалось вдвойне — 42.

Ныне известны только три подлинных донатских знака: знак № 483, пожалованный Высочайшим повелением от 3-го февраля 1801 года рядовому гренадерского генерал-маиора Мамаева (11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса Суворова, ныне Его Имп. Выс. Вел. Кн. Димитрия Павловича) полка, ныне хранится в Эрмитаже;

знак № 503, пожалованный тем же повелением того же полка рядовому Ивану Иконникову, ныне хранится в Московском Историческом Музее;

знак № 913, пожалованный тем же повелением фейерверкеру 2-го Артиллерийского полка Мартыну Хлебникову, ныне хранится в Русском музее в Петербурге.

Волею судеб, сии три «полукреста», некогда украшавшие грудь трех российских старослужилых донатов Ордена Св. Иоанна Иерусалимского стали редчайшими из всех знаков отличия.

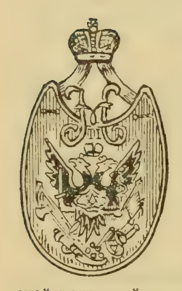
Евгений Молло

ОТ РЕДАКЦИИ

На призыв Редакции прислать, для юбилейного номера, свои фотографии, отозвалось, к сожалению, только крайне незначительное количество наших сотрудников. Номер 85, посвященный пятнадцатилетнему юбилею журнала выйдет 1 марта 1967 года. Всех сотрудников пожелающих дать о себе сведения для помещения в этом номере просят прислать их не позже 1 ноября 1966 года. Необходимо сообщить: чин, имя, отчество, фамилию и краткое прохождение службы (корпус, гимназия, военное училище, год производства в офицеры). Кроме наиболее полного списка сотрудников, в этом номере будет помещен, составленный полковником Е. Л. Янковским, полный указатель статей, помещенных в журнале, частично уже печатавшийся в различных номерах журнала и краткий очерк создания и работы журнала за первые пятнадцать лет его существования. К сожалению, по вышеуказанной причине приходится отказаться от помещени фотографий сотрудников.

Алексей Геринг

Историки Ключевский и Соловьев о шляхетском Сухопутном Кадетском Корпусе

Ключевский в своем курсе Русской истории пишет:

«Общественное образование свило себе гнездо там, где всего менее можно было ожидать его, — в специальных военно-учебных заведениях. В начале царствования Елизаветы их было два, — шляхетский сухопутный кадетский корпус, учрежденный в царствовании Анны по плану Миниха в 1731 г., и морской кадетский корпус, возникший позднее по докладу коллегии в 1750 г. Первый не был специально военным. Военными экзерцициями занимали воспитанников только один день в неделю, дабы в обучении другим наукам препятствия не было».

В начале царствования Екатерины издан был новый устав сухопутного шляхетского кадетского корпуса, помеченный 11 сентября 1766 г. Это необычайно стройный и нарядный устав, нарядный даже в буквальном смысле, т е. изящно изданный и украшенный многими превосходными виньетками. В этом уставе любопытна программа обучения. Науки разделялись на «руководствующие к познанию предметов, предпочтительно нужных гражданскому званию, и на полезные или художественные». Затем были «руководствующие к познанию прочих искусств»: логика, начальная математика, красноречие, физика, история священная и светская (русской нет), география, хронология, языки — латинский и французский, механика; науки, предпочтительно нужные гражданскому званию, в которое выходили некоторые ученики: нравоучение, естественное, всенародное (международное, и государственное, право, экономия государственная: науки полезные: генеральная и экспериментальная физика, астрономия, география вообще, навтика (навигацкая наука), натуральная история, воинское искусство, фортификация и артиллерия. Затем — «художества, необходимые каждому»: рисование, гравирование, архитектура, музыка, танцы, фехтование, делание статуй.

До нас дошли данные, как исполнялась эта широкая программа. В кадетский корпус принимались дети от 5 и не старше 6 лет. Они должны были оставаться в корпусе 15 лет, разделяясь на 5 возрастов: на каждый возраст полагалось по три года. В классе младшего возраста, от 5 до 9 лет, назначено было в неделю на русский язык 6 часов, на танцы — столько же, на французский язык — 14 часов, на Закон Божий — ни одного. В третьем возрасте, от 12 до 15 лет, между прочим, положено было преподавать хронологию и историю, но хронология не изучалась потому что не знали географии, которая приходилась в предшествующем возрасте, а в предшествующем возрасте ее не проходили ради слабого понятия учеников и употребления большого времени на языки. Таким образом, перемена в программе дворянского образования изменила программу и казенных школ, которые принуждены были приноровляться к вкусам и потребностям дворянского общества».

Соловьев в «Истории России» приводит некоторые подробности:

«Первоначально корпус был устроен на 200 воспитанников, 150 русских и 50 остзейцев, но в 1732 году Миних докладывал, что желающих записалось в корпус 237 человек русских, 32 лифляндца и 39 эстляндцев, почему просил составить корпус из трех рот, по 120 кадет в каждой и к прежде назначенной сумме 33896 рублей прибавить еще 26508 рублей в год да вместо деревни от 30 до 50 дворов назначить деревню от 80 до 100 дворов. Императрица согласилась. В 1737 году «для содержания лучшего порядка и побуждения кадетского к наукам, чтоб сия от нас учрежденная Академия надлежащий государству плод принесла, заблагорассудили определить, чтоб быть в каждом году двум публичным смотрам в присутствии одного из сенаторов, профессоров Академии Наук, учителей Адмиралтейской академии и Инженерной школы». Смотры эти и экзамены производились всем кадетам и для побуждения к прилежнейшему учению; во-вторых, чтоб усмотреть, которые к наукам способны и которые нет и не напрасно деньги на них тратить. Узнав, что кадеты больше всего и почти каждый день обучаются воинской экзерциции, правительство в 1737 году дало корпусу указ, что так как от этих частых экзерциций происходит препятствие в обучении прочим наукам, то вперед обучать кадет воинской экзерциции только по одному дню в неделю. По рапорту, поданному Минихом в 1733 году, видно, что обязательными для всех кадет были только

три предмета: Закон Божий, военные экзерциции и арифметика; остальным же наукам и языкам учился, кто хотел; так, из 245 русских кадет только 18 училось русскому языку, французскому — 51, латинскому — 15, зато немецкому — 237. Из наук: геометрии училось 36 человек, несмотря на то, что Петр Великий ввел эту науку в необходимый курс для дворянина; географии училось 17, гистории — 28, юриспруденции — 11; из искусств преобладали танцы: им училось 110 человек, тогда как музыке 39 и рисованию — 34, но любопытно, что верховой езде училось только 20 и фехтованию — 47 человек. Если из русских такая большая часть считала для себя нужным немецкий язык, то немцы платили тем же относительно русского: лифляндцы (27 человек) занимались все русским языком; из 42 эстляндцев занимались 24, из детей иностранных офицеров — все 14 человек.

До нас дошли от 1739 года аттестаты кадет, поступивших в корпус с начала его основания, в 1732 году, и достигших 19, 20 и 21 года. Здесь замечательно различие в объеме предметов, которые усвоили себе молодые люди, ровесники, вступившие в одно время в корпус и в одно время из него выходившие. Так, у одного из французского отмечено: переводит с немецкого на французский екстемпоре исправно; у другого: учит вокабулы и разговор; у одного в истории отмечено: знает русскую и польскую историю; у другого: в универсальной дошел до новой истории, или дошел до короля Магнуса; из географии у одного: в математической географии начало доброе имеет; у другого: окончил пять карт европейских специальных: португальскую, гишпанскую, французскую, британскую и итальянскую. Были и такие, которые, имея в виду поступить в гражданскую службу, занимались латинским языком, философией и юриспруденцией. В аттестате одного из таких отмечено: с немецкого на латинский компанует екстемпоре; в графе философия: юс натуры, институционес юстинианес, паднектум и юс феудале; отмечено: в философии Гейнеции элемента, юс секундум ординем пандекторум до 41 книги дошел.

Несмотря на то, что как видно, кадет не очень обременяли занятиями, через год, в 1733, бежало из корпуса пять человек, все русские; по представлению Миниха, положены были наказания: за первый побег отсылать для учения с солдатскими детьми в гарнизонную школу на полгода, а за второй — в ту же школу на три года. В 1739 и 1740 годах кадеты начали попадаться в воровстве: виновных били кошками публично в зале корпуса и писали в барабанщики, с тем чтоб выше рядового солдата никогда не производить.

Первою причиною, почему Кадетский корпус учреждался в Петербурге, было выставлено то, что в этом городе находилась Академия Наук».

К двадцатому тому у Соловьева даны приложения. Из одного из них видно, что директором корпуса в 1739 году был Теттау, что по докладу Миниха два кадета предназначались к выпуску в кирасирский полк, что ими были Карл Шульц двадцати лет и Федосей Байков двадцати лет, а кадет Магнус Фок предназначался к выпуску к гражданским делам. Про первого кадета было сказано, что он «фехтует в контру», «ездит шпорами и стременами, может обучать и дрезировать лошадей». Про второго, что он по фехтованию «лекционы принимает и начинает волтожировать»; «обучается в позитурах изрядно ездит рысью и скачет»; «танцует миновет».

Нет никаких сомнений, что занятия для большинства кадет велись на русском языке. Поэтому утверждение Радищева в его книге «Путешествие (!) из Петербурга в Москву»: «Как тут не пожалеешь, что у нас нет школ, где бы науки преподавались на родном языке» — звучит неправдоподобно (книга печаталась в 1790 году).

Сообщил **Вяч. Павлович**

Заметки о коннице в период между Русско-Турецкой и первой мировой войной

Только на Балканском фронте, в начале войны 1877-78 гг. было создано крупное кавалерийское соединение — передовой Отряд генерала Гурко. Он захватил кавалерийским налетом Тырново, а затем, в боях под Ески-Загра, Ени-Заграда и Джуранлы, тяжесть сражений была перенесена на «железных стрелков», конница же, в конном строю, работала отдельными эскадронами и, как здесь, так и во всю войну на обоих фронтах, не дала примеров конных атак большими конными массами. Разумеется, нужно принять во внимание неблагоприятные для кавалерийских атак театры военных действий, как на Балканах, так и на Кавказе. Не взирая на это обстоятельство, стали раздаваться голоса о том, что конницу нужно употреблять, главным образом, как «ездящую пехоту».

До того времени для этой цели предназначались драгунские полки. Они носили мундиры пехотного образца, имели пехотное наименование

чинов, только кавалерийские кивера, серо-синие рейтузы и лядунки отличали их форму от пехотной, и сабли их были без гарды.

Упадочный взгляд на употребление конницы в связи с режимом экономии, проводимым тогдашним Военным Министром генералом Ванновским, повлек за собой упразднение уланских и гусарских полков, все стали драгунами и получили одинаковую ненарядную форму. Полки различались только по цвету приборного сукна и серебрянным или золотым галуном. Эти драгунские полки вооружили шашками и винтовками. Всадники сидели в седлах, которые стесняли их движения. Это были глубокие деревянные ленчики, покрытые сложенной попоной и, только в 1885 году их заменили значительно облегченными седлами, кои, после некоторого усовершенствования в 1888 г., оставались в регулярной коннице до последнего времени. Вместо прежних офицерских седел «венгерского образца», в том же году офицеры получили седла нового образца.

Со смертью Великого Князя Николая Николаевича Старшего была упразднена Инспекция Конницы и, таким образом, исчез руководящий орган кавалерии. Но конница не примирялась с умалением ее значения. По-прежнему, после линейного учения кавалерийских дивизий, производилось тактическое учение с обозначенным противником, карьером вылетали на позицию конные батареи, на широких аллюрах развертывались эскадроны и шли в атаку. Правда, все это проделывалось на-коротке — поберегали лошадок. Начальник дивизии, объезжая перед учением полки, мог удостовериться, что выведены требуемые 12 рядов во взводах, но, как только дивизия трогалась с места, так по тылам начиналось соскакивание драгун с лошадей, спешно уводили худоконных. Хозяйственные соображения в армейской коннице играли преимущественную роль, не без «фуражных» комбинаций. Популярной стала песенка:

«Прошу вас, птички, об одном —
Не объедайтесь вы овсом...»

К этому периоду, относится диалог между генералом Дрентельн, Командующим войсками Киевского Округа и командиром С... драгунского полка: «Я Ваше Высокопревосходительство, пробовал давать и отруби и соломенную резку... не помогает...» оправдывался командир полка. «Попробуйте, полковник, покормить их овсом...» Хорошие тела достигались не кормом а покоем, редко, редко было иначе. В 1884 году издано было новое положение о хозяйстве, но навыки остались прежние, лишь переписка увеличилась до колоссальных размеров.

Появились глашатаи новых тактических действий конницы, которых возглавил генерал Сухотин (будущий Начальник Военной Академии). Он как профессор досконально изучил рейды конницы Стюарта во время американской междоусобной войны, приемы которых он хотел пересадить на русскую почву. Предлагал особые боевые построения, стрельбу с коня, вывод обучения верховой езде из манежа в поле, для чего рекомендовал замену мундштуков пелямом, упрощающим управление конем .

Он встретил ярого оппонента в лице «Остапа Бондаренко», таким псевдонимом подписывал свои статьи генерал Сухомлинов — будущий военный министр. Брошюры его производили впечатление своим несомненным остроумием.

Генералу Сухотину, для ценза, было дано командование 1-й бригадой 12-й кавалерийской дивизии с 19-й Конной батареей. С ними он «совершал рейды Стюарта» и совершенно загубил конский состав этих частей. После этого опыта, он издал труд, под названием: «800 верст с 1-й бригадой 12-й кавалерийской дивизии». Генерал Сухомлинов осмеивал не только содержание этой брошюры, но даже и заглавие, назвав его «витиеватым» и даже «жюльверноватым».

Все, о чем я до этих строк писал, относится к 80-м годам прошлого столетия, когда существовало 14 номерных кавалерийских дивизий и одна Кавказская. Десять из этих дивизий, квартировали на австро-германской границе. Обычно штаб стоял в маленьком городке, а эскадроны были разбросаны по деревням, иногда в 15-20 верстах от штаба полка. Особенно захолустными стоянками славилась 14-я дивизия, так называемая «шпинатная». Полки ее носили фуражки с зелеными околышами. Все написанное мною относится , конечно, только к армейской кавалерии.

Слабым местом армейской регулярной конницы считалось ремонтирование ее молодыми лошадьми. Ремонтная цена в 175 руб. не могла считаться достаточной даже при существовавшей тогда дешевизне. Труд ремонтеров оплачивался из этой суммы и, хотя ремонтеры имели репутацию знатоков лошади (Багговут, Сенявин, Рутковский и др.), но могли покупать лошадей лишь простых пород, мало пригодных для кавалерийской службы. Это сразу сказалось когда наступила новая эра в жизни конницы, с назначением Генерал-Инспектором кавалерии Великого Князя Николая Николаевича (1893 г.).

Генерал от кавалерии Петровский был командирован для оценки конского состава в несколько кавалерийских дивизий. Результат его командировки оказался катастрофическим — Около 20% лошадей были признаны негодными для строевой службы. Инспекция конницы получила кредиты для организации особых районных ремонтных комиссий. Состав комиссии был: председатель — генерал-майор, постоянный член — штаб-офицер и при них канцелярия. Ремонтная цена, первоначально, была повышена до 300 руб. и, сверх этой цены могли

выдаваться «премиальные» деньги. Комиссия в своем районе входила в непосредственную связь с коннозаводчиками и коневодами, заключались контракты, выдавались денежные авансы. Осенью, во время приемки лошадей, к каждой комиссии прикомандировывался временный член из офицеров конницы. Когда на эти комиссии возложили и покупку лошадей для артиллерии, в их состав был введен постоянный член и от артиллерии. Лошади купленные для конницы, отправлялись в запасные полки, каковых было один гвардейский и 8 армейских. Последние были сведены в три бригады и один дивизион. Лошадей, предназначенных в артиллерию, направляли в Нежинский сборный пункт, где их распределяли по частям артиллерии.

После частичной перемены формы драгунских полков в 1895 году, в январе 1907 года армейским уланским и гусарским полкам были возвращены их старые наименования и формы одежды, а в феврале 1908 года новая форма была дана драгунским полкам и полевой Конной артиллерии.

Ко времени первой мировой войны регулярная армейская кавалерия насчитывала: 16 кавалерийских дивизий, 3 отдельные кавалерийские бригады и два отдельных кавалерийских полка.

А. Левицкий

Хроника «Военной Были»

ЕЩЕ И ЕЩЕ О ГЕНЕРАЛЕ ЛЕЧИЦКОМ

В 1904 году, когда 3-я и 6-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии были сведены в Восточный Отряд, впоследствии составивший 3-й Восточно-Сибирский корпус, Начальником которого был ген. лейт. граф Келлер (смертельно ранен в бою 4/17 июля 1904 г.), 24-м Восточно-Сибирским полком командовал полковник Лечицкий. Вот к этому-то полку я был прикомандирован со взводом 2-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска, в качестве полковой конницы.

Никогда ни раньше, ни позже, не приходилось мне получать от начальника таких ясных и вполне исполнимых заданий, какие мне давал полковник Лечицкий. Невольно, я поддался влиянию такого умного и доблестного начальника и мне всегда хотелось исполнить все его распоряжения наилучшим образом. За две-три недели моего прикомандирования к 24-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, я мог воочию убедиться что точно такое же влияние оказывал полковник Лечицкий и на офицеров и солдат полка.

Прошло несколько лет. Летом 1907 или 1908 года, Переменный состав Офицерской кавалерийской школы, к которому я тогда принадлежал, занимался тренировкой лошадей, подготовляя их к парфорсным охотам. Как-то, ехали мы вдвоем Нарвский гусар ротмистр Чембер и я, заговорились и вдруг услышали свист пуль. Мы заехали на стрельбище. Не успели мы повернуть коней, как увидали что в нашем направлении скачет всадник. Генерал Лечицкий, присутствовавший на стрельбе л. гв. Егерского полка, требовал нас к себе. Явились. Вид у него был суровый но, увидев меня, он улыбнулся и сказал: «ну на боевого товарища рука не подымается» и с миром отпустил нас. Уже в эмиграции я встретил старого офицера Егерского полка, помнившего этот случай и, по его словам, в полку тогда шутили что мы остались целы, только потому, что стреляла Нестроевая рота.

А. Левицкий

О ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
(из далекого прошлого)

В моей семье всегда было много военных. Мой отец, дед, братья моего отца и матери, двоюродные братья, кончали военные школы и с честью служили Царю и родине. Весьма понятно поэтому, что в нашем доме я часто слыхал военные рассказы и многие из них сохранил в памяти. Приведу кое-что, наиболее заслуживающее внимания.

Железная дисциплина внушалась с отроческих лет. Следующий случай ярко рисует эпоху Императора Николая I. Как известно, Николай Павлович был очень строг к ношению форменной одежды. Малейшее нарушение установленных правил, неправильно нашитый погон, или не так, как нужно, продетая портупея карались беспощадно. Дело происходило летом, во время лагерного сбора кадет в Петергофе. Однажды Государь, прогуливаясь по Английскому парку, заметил издали кадета, не по форме одетого. Он уже собирался распечь его как следует, как вдруг кадет растаял, словно дым. Как будто в землю провалился. Раздосадованный Император, вернувшись во Дворец, приказал немедленно пригласить к себе командующего лагерным сбором. Разговор с ним был у него короткий:

— Я недоволен твоими кадетами, — сказал он, — они прогуливаются по парку, не по форме одетыми. Кроме того, боясь, очевидно, взыскания, убегают. Чтобы этого в другой раз не слу-

чилось, а провинившегося кадета, я приказываю доставить ко мне сюда сегодня вечером...

Тяжелая задача досталась бедному генералу. Ослушаться Царя невозможно, а с другой стороны, откуда ему взять злополучного кадета.

Через полчаса он уже стоял перед фронтом пажей и кадет, собранных в лагере. Рассказав им, что сообщил ему Император, он закончил свою речь следующими словами:

— Я знаю, что имею перед собой честных молодых людей. Кто перед Богом не грешен и перед Царем не виноват? Пускай же кто совершил поступок, имеет мужество в нем сознаться!

Дрогнули сердца юношей, но если кто и знал виновника, не посмел его выдать.

— Даю вам полчаса на размышление, — сказал, нахмурив брови, генерал, — через полчаса мы будем разговаривать по другому.

Прошли томительные полчаса. Никакого результата. Молчат кадеты.

— Ах, вот вы как! Рота на право! Левое плечо вперед! — И повел роту из лагеря, по направлению к Ораниенбауму. А в ту пору, недалеко от Петергофа, начиналась топь, непросушенное болото.

— Всех потоплю, сам погибну, а правду узнаю!

Но этого не случилось. Едва первые ряды кадет завязли в болоте, как в задних ряадх раздался отчаянный крик:

— Я встретил Государя! Я убежал от него!

Вечером начальник лагеря доставил кадета во Дворец. Гнев Николая, конечно, давно прошел и к виновнику всей кутерьмы он отнесся милостиво. Кажется, приказал посадить его на одни сутки под арест. Но, в заключение, он поинтересовался узнать, каким образом нашли провинившегося кадета. Бесхитростный рассказ генерала произвел на него, повидимому, впечатление.

— А если бы не крикнул мальчишка, неужели бы ты всех потопил?

— Всех, — отвечал убежденно начальник лагеря, — разве можно ослушаться своего Государя?

Барон **Н. В. Дризен**

КРЫМСКИЕ АМАЗОНКИ
(см. «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» №№ 14 и 24)

До настоящего времени, среди жителей Крыма и, преимущественно, среди греческой части его населения, сохранилось воспоминание о существовавшей некогда в Крыму роте и ее знаменитом командире, Елене Ивановне Шидлянской, про которую ходило много, часто легендарных, рассказов. Теперь, Таврическая Архивная комиссия, на основании сохранившихся документов, выставляет эту личность в действительном свете.

Шидлянская, в первом браке Саранцева, была женой старшего офицера Балаклавского полка. Вскоре по присоединении Крыма, в марте-апреле 1779 года, среди балаклавских женщин возникла мысль о сформировании роты Амазонок. Эта рота и была составлена из благородных гречанок, а начальницей ее избрана Шидлянская.

Амазонки носили общую однообразную форму, состоявшую из бархатной, малинового цвета юбки и зеленой курточки или спенсера. Как тот, так и другая обшивались золотым галуном. Главное-же украшение составлял белый тюрбан, украшенный перьями и блестками. Каждая амазонка была вооружена ружьем при трех боевых патронах.

Во время посещения Императрицей завоеванного края, рота была выстроена шпалерами, вдоль лимонной аллеи при въезде в Балаклаву. Первым подъехал к роте Император Иосиф и, увидев новое войско, поцеловал начальницу. Это вызвало ропот неудовольствия у подчиненных, и рота пришла в волнение. Но находчивый командир прекрасного пола скомандовал: «Смирно! Чего испугались? Разве не видите, что Император не откусил моих губ и не дал мне своих?» Слово «император» подействовало на амазонок умиротворительно. После этого подъехала сама Императрица, подошла к Шидлянской, поцеловала ее и сказала: «Поздравляю вас, амазон ский капитан. Ваша рота в полной исправности, я ею очень довольна». Затем, Императрица,осмотрев Крым, уехала в Петербург, прислала Шидляской перстень и предоставила ей право, в случае надобности, обращаться прямо к Двору, чем Шидлянская и пользовалась несколько раз.

Похоронена Шидлянская на Симферопольском кладбище и могила ее была в полном запустении. (Выписка эта взята мною из журнала «Нива» за 1888 или 89 год,где была напечатана мелким шрифтон в первой трети этих годов.)

сообщил **И. Ф. Рубец**

КОЕ-ЧТО О НОВГОРОДСКИХ КИРАСИРАХ

1) 21 июля 1821 г. повелено иметь одношерстный состав лошадей во всех кирасирских полках (отменено в 1857 г.)

2) С 1833 г. принято было иметь в кирасирских дивизиях: 1-й полк — гнедой масти, 2-й — вороной или караковый, 3-й — рыжий и 4-й (Новгородский) — вороной. Трубачи на серых лошадях. Стоимость лошади установлена в 210

рублей.

3) 8 декабря 1831 г. передней шеренге даны пики с древками, окрашенными масляной краской по цвету прикладного сукна на колете, с флюгерами, разделенными на три части, из коих две наружные — по цвету воротника, а средняя — светло-синяя с желтым (вероятно синий — цвет дивизии).

4) 8 апреля 1843 г., для взаимного отличия нижних чинов, установлены нашивки на плечевых погонах колетов и шинелей.

5) Офицерские кокарды установлены 2 января 1844 г.

6) В приказе по Новгородскому драгунскому полку за № 273 1871 г. сказано: «Вследствие словесного распоряжения Е. И. В. Генерал-Инспектора кавалерии, вверенному мне полку, в состав коего вошел бывший Кирасирский Е. И. В. Великой Княгини Елены Павловны полк (Новгородский кирасирский) иметь впредь лошадей: в 1 эскадроне — вороной, во 2-м — караковой, в 3-м — рыжей и в 4-м гнедой мастей. Объявляя об этом по полку, предписываю гнедых лошадей из 1-го эскадрона передать в 4-й и из 4-го вороных в 1-й. Гг. офицерам 1-го и 4-го эскадронов проверить всех по описям и доставить таковые в полковую канцелярию. 2-й эскадрон переименовывается в 3-й а 3-й — во 2-й.»

сообщил полковник **Ю. Валуев**

О ПОСТНОЙ ПИЩЕ

Во время польского восстания, 2-я гвардейская пехотная дивизия прибыла в Литву в феврале месяце. Наступал Великий пост, но Высокопреосвященный Митрополит Виленский Иосиф разрешил войскам употреблять скоромную пищу, объявляя что **«исполнение долга и верность присяге суть самые лучшие пути для спасения души.**

извлек **С. Двигубский**

Письма в Редакцию

В № 71 нашего журнала, я обратил внимание на вопрос В. Пигулевского, относительно инцидента, имевшего будто бы место на немецкой границе, возле города Сувалки. По этому поводу могу сказать следующее.

24 января 1914 г. мой отец прибыл в Сувалки, куда был переведен из 3 гусар. Елисаветградского полка во 2 лейб-драгун. Псковский полк помощником командира полка по строевой части. Вся наша семья жила в офицерском флигеле полка, и я всегда был в курсе всех полковых событий, проводя время, соответственно моему возрасту близ казарм или конюшен. Если бы что либо подобное случилось, я не мог бы об этом не знать. Несмотря на то, что мне тогда не было там и, в частности, день объявления войны. О ней я узнал где-то на казарменном дворе и, со всей возможной скоростью, побежал домой об этом радостно сообщить. Мог ли тогда я, в своей мальчишеской башке, думать о тех событиях, к которым она приведет? На другой день утром, после молебна, полк, походным порядком, выступил в направлении на Вильковишки и перешел границу Восточной Пруссии.

Могу с уверенностью сказать что если и было какое либо столкновение (что совершенно невероятно), то, во всяком случае, не с нашими драгунами.

Ю. О-вский

Автор статьи «14-й гусарский Митавский полк», в № 78 журнала **«ВОЕННАЯ БЫЛЬ»**, ошибся Генегал Мошнин не получал бригады на Кавказе, а 2-ю бригаду 9-й кавалерийской дивизии. Затем: «донашивание» формы касалось только войсковых частей, коим была изменена форма одежды, генералы же, штаб и обер-офицеры, при новом назначении на должность или переводе из одной части в другую, обязаны были одевать новую форму, сразу-же при назначении.

А. Левицкий.

Я прочел в журнале «Военная Быль» относительно знамени 24-го Симбирского полка. Я сам служил в Симбирском полку недолгое время. Когда я в чине прапорщика прибыл в полк, то я слышал о знамени то, что писал генерал Чернавин, но того прапорщика, о котором пишет генерал, в полку не было.

Позже, в 1917 году, я встретил в полку подпоручика, которого никогда раньше не видел и, когда я спросил «стариков», кто этот подпоручик, мне рассказали, что он — бывший знаменщик в бытность 24-го Симбирского полка в армии генерала Самсонова.

Когда полк попал в окружение, то он, старший унтер-офицер и знаменщик, боясь, чтобы знамя не попало в руки врага, сорвал полотнище и зарыл его в землю, хорошо заметив место, где знамя было зарыто, а древко долго еще нес и потом сунул его где-то в кусты. Затем, вместе со 120 человеками, знаменщик вышел все же из окружения и на основании его показаний полк был сформирован вновь. Знаменщик был награжден крестом Св. Георгия, произведен в прапорщики и отправлен в Петроград «на хранение», откуда его никуда не выпускали. Теперь

же, после революции, удерживать его в Петрограде было некому и он возвратился в полк.

Подпоручик имел два Георгиевских креста. Лет ему было от 27 до 30, был он высокого роста, довольно стройный, худощавый. По говору это был парень из Малороссии.

О поручике Скрипкине я никогда ничего не слышал и узнал о нем только из Вашего журнала.

Между поручиком Скрипкиным и подпоручиком Г. (мне кажется, что фамилия его была Гаращенко?) ничего не могло быть общего. Если поручик Скрипкин участвовал в боях 1914 года в Восточной Пруссии, значит он был кадровым офицером и, следовательно, интеллигентным человеком, а Г-ко был простым деревенским парнем с юга России.

уважающий Вас **Мелентьев**

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

15) Какова была судьба генерала Плеве, после сдачи им командования 5-й армией?

на 13) Во всех Высочайших приказах о назначениях и производствах всегда писалось «штабс-капитан» и «штабс-ротмистр», посему мы полагаем правильным именно такое написание.

16) В 1779 г. августа 3 был сформирован Греческий полк из Албанского Войска (учр. в 1775 г.) Происхождение и учреждение этого Войска мне совершенно неизвестно и в труде В. В. Звегинцова упоминается о нем только на стр. 146 и 147 что в турецкую войну 1828-29 гг. участвовали конницы: Албанская, Армянская, Гайты, Дели, Кентерлины, Татарская, Эриванская. Нельзя ли выяснить что это за части?

И. Рубец

ОТ РЕДАКЦИИ

На № 16. 28 марта 1775 года из греков и албанцев, поселившихся в России по окончании турецкой войны 1769-1774 гг. было образовано Албанское войско. Когда в порту Витуло высадился десант Спиридова (600 человек), к нему немедленно присоединилось около 2.500 греков, которые через три дня уже выступили в составе двух Спартанских Легионов, в каждом из которых был один русский капитан и двенадцать русских солдат. Примеру греков последовали албанцы и под Триполицей в русских отрядах было уже 7-8.000 греков и албанцев. С 1770 по 1774 г. они почти непрерывно принимали участие в морских и сухопутных экспедициях и в 1773 г. отряды формировались исключительно из этих добровольцев.

В России войско было поселено близ крепости Керчьи Еникале.

3 августа 1779 г. обязательная лишь в военное время служба войска была заменена службой и в мирное время и сформирован Греческий пехотный полк (1.762 человека), разделенный на 12 рот, или «эскатонархий», которым предполагалось дать названия: Афинская, Спартанская, Фивская, Коринфская, Фессалийская, Македонская, Микенская, Сикионская, Ахайская, Ионическая, Эпирская и Кефалонийская. Но имена эти даны никогда не были, к тому же при Императрице Екатерине в полку не было никогда более 850 человек и 8-ми рот.

В 1784 году полк поселен близ Балаклавы. С 1785 года полк нес кордонную службу, охраняя побережье Крымского полуострова. В 1777-1778 гг. Войско участвовало в усмирении Крымских татар. В 1787-91 гг. Войско служило в Черноморском Флоте в турецкую войну.

9 ноября 1787 года в армии князя Потемкина из греческих и армянских выходцев были сформированы греческие и армянские вольные дивизионы. В апреле того же года для приезда Императрицы Екатерины 2-ой была сформирована из «благородных жен и дочерей Балаклавских греков Амазонская рота, в числе 100 особ». Рота была распущена в мае.

19 апреля 1795 года греки вольных дивизионов были присоединены к Греческому пехотному полку, а албанцы греческих дивизионов составили особый Албанский, впоследствии — Греческий, дивизион.

30 декабря 1796 года Греческий пехотный полк переформирован в Греческий пехотный батальон.

20 мая 1797 г. Греческий дивизион, поселенный близ Одессы, расформирован.

29 октября 1797 г. Греческий батальон переведен в окрестности Балаклавы.

22 октября 1803 г. из греков и албанцев упраздненного Греческого дивизиона сформирован Одесский греческий батальон, а существовавший уже Греческий пехотный батальон переименован в Балаклавский греческий батальон.

9 ноября 1810 г. Оба батальона обращены в военные поселения.

24 ноября 1819 г. Одесский греческий батальон присоединен к Балаклавскому греческому батальону.

1854 г. В Севастополе из греков, албанцев, сербов, черногорцев, молдаван и валахов учрежден Легион Императора Николая 1-го, по окончании войны распущенный.

21 октября 1859 г. Балаклавский греческий батальон упразднен и с ним прекратило существование Войско.

Систематичекний указатель журнала « Военная Быль »

№№ 51 — 75 (см. № 79)

Отдел IV — **Пехота.**

(Продолжение следует)

Редактор **Алексей Геринг**

Пом. Редактора **К. М. Перепеловский**

Le Directeur: M. A. Guering.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e